

Фрэнк Герберт

Все хроники Дюны (авторский сборник)

Глава 1

Начало есть время, когда следует позаботиться о том, чтобы все было отмерено и уравновешено. Это знает каждая сестра Бене Гессерит. Итак, приступая к изучению жизни Муад'Диба, прежде всего правильно представьте время его: рожден в пятьдесят седьмой год правления Падишах-Императора Шаддама IV. И с особым вниманием отнеситесь к его месту в пространстве: планете Арракис. Пусть не смутит вас то, что родился он на Каладане и первые пятнадцать лет своей жизни провел на этой планете: Арракис, часто называемой также Дюной, – вот место Муад'Диба, вовеки.

(Из учебника «Жизнь Муад'Диба» принцессы Ирулан)

За неделю до отлета на Арракис, когда суэта приготовлений и сборов достигла апогея, превратившись в настоящее безумие, какая-то сморщенная старуха пришла к матери Пауля.

Над замком Каладан стояла теплая ночь, но из древних каменных стен, двадцать шесть поколений служивших роду Атрейдесов, как всегда перед сменой погоды, выступил тонкий, прохладный налет влаги.

Старуху пустили через боковую дверь, провели сводчатым коридором мимо комнаты Пауля, и она, заглянув в нее, увидела лежащего в постели юного наследника.

В тусклом свете плавающей лампы, притущенной и висящей в силовом поле у самого пола, проснувшийся мальчик увидел в дверях грузную женщину – та стояла на шаг впереди его матери. Старуха походила на ведьму: свалившаяся паутина волос, подобно капюшону, затеняла лицо, на котором ярко сверкали глаза.

– Не маловат ли он для своих лет, Джессика? – спросила старуха. У нее была одышка, а резкий, дребезжащий голос звучал как расстроенный балисет.

Мать Пауля ответила своим мягким контральто:

– Все Атрейдесы взрослеют поздно, Преподобная,
– Слыхала, – проскрипела старуха. – Но ему уже пятнадцать.
– Да, Преподобная.

– Ага, он проснулся и слушает! – Старуха всмотрелась в лицо мальчика. – Притворяется, маленький хитрец! Ну, да для правителя хитрость не порок... А если он и .впрямь Квисатц Хадерах – тогда... впрочем, посмотрим.

Пауль, укрывшись в тени своего ложа, смотрел на нее сквозь прикрытые веки. Ему казалось, что два сверкающих овала – глаза старухи – увеличились и засияли внутренним светом, встретившись с его взглядом.

– Спи, спи пока спокойно, притворщик, – проговорила старуха. – Выспись как следует: завтра тебе понадобятся все силы, какие у тебя есть... чтобы встретить мой гом джаббар...

С этим она и удалилась, вытеснив мать Пауля в коридор, и захлопнула дверь.

Пауль лежал и думал. Что такое гом джаббар?

Старуха была самым странным из всего, что он видел за эти дни перемен и суэты сборов.

Преподобная...

Эта «Преподобная» называла его мать просто «Джессика», словно простую служанку. А ведь его мать – Бене Гессерит, леди, наложница герцога Лето Атрейдса, родившая ему наследника!

Но гом джаббар... что это? Нечто связанное с Арракисом? Что-то, что он должен узнать до того, как отправиться туда?

Он беззвучно повторил эти странные слова: «гом джаббар», «Квисатц Хадёрах»...

Предстояло узнать столько нового! Арракис так отличался от Каладана, что голова Пауля шла кругом от обилия новых сведений.

Арракис – Дюна – Планета Пустыни.

Суфир Хават, старший мастер-асассин при дворе его отца, объяснял ему, что Харконнены, смертельные враги дома Атрейдес, восемьдесят лет властвовали над Арракисом – он был их квазиленным владением по контракту на добычу легендарного гериатрического снадобья,

Пряности, меланжи – контракту, заключенному с, Харконненами компанией КООАМ. Теперь Харконнены уходили, а на их место, но уже с полным леном, приходили Атрейдесы – и бесспорность победы герцога Лето Атрейдеса была очевидна. Хотя... Хават еще говорил, что в такой очевидности таится смертельная угроза, ибо герцог Лето слишком популярен» в Ландсрааде Великих Правящих Домов. «А чужая слава – основа зависти владык», – сказал тогда Хават.

Арракис – Дюна – Планета Пустыни...

Пауль спал. Ему снилась какая-то пещера на Арракис, молчаливые люди, скользящие в неясном свете плавающих в воздухе ламп. И тишина – торжественная тишина храма, нарушаемая только отчетливо отдающимися под сводами звуками часто падающих капель: кап-кап-кап... Пауль даже в забытьи чувствовал, что не забудет это видение – пробуждаясь, он всегда помнил сны, содержащие предсказание...

Видение становилось все более зыбким и наконец растаяло.

Пауль лежал в полуудреме и думал. Замок Каладан, в котором он не знал игр со сверстниками, пожалуй, вовсе не заслуживал грусти при расставании. Доктор Юйэ, его учитель, намекнул, что на Арракисе классовые рамки кодекса Фафрелах не соблюдаются так строго, как здесь. Люди там живут в пустыне, где нет каидов и башаров Императора, чтобы командовать ими. Люди, подчиняющиеся лишь Воле Пустыни, фримены, «Свободные» – не внесенные в имперские переписи...

Арракис – Дюна – Планета Пустыни...

Пауль почувствовал охватившее его напряжение и применил один из приемов подчинения духа и тела, которым научила его мать. Три быстрых коротких вдоха – и привычная реакция: он словно поплыл, концентрируя при этом свое внутреннее «я»: ...аорта расширяется... сознание сфокусировано... сознание контролируется полностью: я могу управлять сознанием, включать и выключать по собственному желанию... моя кровь насыщается кислородом и омывает им перегруженные участки... невозможно получить пищу, безопасность и свободу, пользуясь одним лишь инстинктом... разуму животного не дано выйти за пределы момента или осознать, что оно само может уничтожить свою добычу... животное разрушает, а не создает... удовольствия животного остаются на уровне чувственного восприятия, не возвышаясь до осознания... человек нуждается в системе координат для восприятия мира... концентрируя сознание, я создаю такую систему... единство тела следует заработать нервной и кровеносной систем – согласно нуждам самих клеток... все сущее, все предметы, все живое – все непостоянно... необходимо стремиться к постоянству изменчивости внутри себя...

Снова и снова повторялся этот урок в плавающем сознании Пауля.

Когда же сквозь шторы проник желтый свет утра, Пауль почувствовал его сквозь сомкнутые веки, открыл глаза и услышал, что в замке возобновилась суeta. Увидел над собой знакомую резьбу потолочных балок...

Отворилась дверь, и в спальню заглянула мать: волосы цвета темной бронзы перевиты черной лентой, черты лица неподвижны и зеленые глаза торжественно-строги.

– Проснулся? – спросила, она. – Хорошо выспался?

– Да.

Пауль пристально смотрел на нее, пока мать выбирала одежду, примечая непривычную суровость, напряженные плечи... Никто другой не разглядел бы этого, но Джессика сама обучала его тайнам Бене Гессерит, заставляла обращать внимание на мельчайшие детали.

Она повернулась, держа в руках полуофициальную куртку с красным соколом – гербом дома Атрейдес – на нагрудном кармане.

– Одевайся быстрее. Преподобная Мать ждет тебя.

– Когда-то, давно, она приснилась мне... Кто она такая?

– Моя бывшая наставница в школе Бене Гессерит. Сейчас она – личная Правдовица Императора. И, Пауль... – мать на мгновение умолкла, – Пауль, ты должен рассказать ей о своих снах.

– Хорошо. Мы получили Арракис благодаря ей?

– Мы еще не получили его. Он не наш... – Джессика стряхнула пылинки с одежды и повесила брюки вместе с курткой на стойку у постели. – Не заставляй Преподобную дожидаться тебя...

Пауль сел, обхватил колени.

- А что такое гом джаббар?

И снова материнская наука позволила Паулю заметить ту неуловимую, чуть заметную дрожь, «которую он мог истолковать только как страх».

Джессика подошла к окну, раздвинула штору и посмотрела туда, где за приречными садами возвышалась гора Сиуби.

- Ты узнаешь, что такое... гом джаббар... очень скоро. В ее голосе он отчетливо услышал нотки страха и изумился вновь.

Не оборачиваясь, Джессика произнесла:

- Преподобная Мать ждет тебя в моей утренней приемной. Поторопись.

Преподобная Мать Гайя-Елена Мохийам сидела в обитом гобеленовой тканью кресле, разглядывая подходивших к ней женщину и ее сына. Из окон по обе стороны кресла открывался великолепный вид на южную излучину реки и зеленые поля владений Атрейдесов, но Преподобная не обращала на эту красоту никакого внимания. Утром она особенно сильно чувствовала свой возраст и оттого была раздражительна. В дурном самочувствии она винила космический перелет и общение с проклятой Гильдией Космогации. Ох уж эта Гильдия с ее тайными интригами!.. Но здесь ее ждало дело, требующее личного внимания Бене Гессерит с Проникающим взором. Даже личная Правдовидица Падишах-Императора не может отказаться исполнить свой долг.

«Проклятие этой Джессике! – думала Преподобная Мать. – Если бы только она родила нам не сына, а дочь, как мы приказывали ей!..»

Джессика остановилась в трех шагах от кресла и присела в легком реверансе – левая рука изящно скользнула вдоль юбки. Пауль коротко поклонился: по этикету – «приветствие того, в чьем статусе не уверен».

Преподобная Мать не преминула отметить это.

- А он осторожен, Джессика, – промолвила она. Ладонь Джессики, лежавшая на плече сына, сжалась.

На мгновение, за которое сердце сделало один удар, он почувствовал, как тонкие пальцы ее дрогнули – от страха. Затем она вновь овладела собой.

- Так его учили, Преподобная.

«Чего она боится?» – в который раз подумал Пауль.

Короткое мгновение глаза старухи изучали его: овал лица – как у Джессики, но мальчик пошире в кости... волосы отцовские, черные как вороново крыло, но их линия надо лбом напоминает о деде по матери, имя которого нельзя называть... а этот тонкий надменный нос, разрез прямо смотрящих зеленых глаз – наследство Старого Герцога, деда по отцовской линии. Этот дед уже умер.

«Да, вот был человек, который даже в смерти знал цену и силу храбрости!» – подумала Преподобная.

- Одно дело учение, – сказала она, – совсем иное – основа... Посмотрим.

Старуха метнула на Джессику короткий взгляд.

- Оставь нас. Налагаю на тебя урок. Ступай, совершенствуясь в умиротворяющей медитации, укрепляй спокойствие духа.

Джессика сняла руку с плеча Пауля.

- Преподобная, я...

- Ты знаешь, Джессика, что это необходимо. Пауль озадаченно посмотрел на мать.

Та выпрямилась.

- Да... конечно... Мальчик снова обернулся к Преподобной. Покорность

и очевидный страх, которые его мать испытывала перед старухой, призывали к осторожности. Но он чувствовал также исходящие от матери гнев и опасение.

- Пауль, - Джессика глубоко вздохнула, - испытание, которое тебе предстоит... Оно очень много значит для меня.

- Испытание?

- Помни, что ты - сын герцога, - сказала Джессика, резко повернулась и вышла из залы, прошелестев тканью юбок. Дверь плотно затворилась.

Пауль, сдерживая гнев, спросил:

- Можно ли отсылать леди Джессику как простую служанку?

Улыбка тронула уголки сморщеных губ.

- А леди .Джессика и была моей служанкой, мальчик, все четырнадцать лет в нашей школе. - Старуха покивала. - И кстати, неплохой служанкой. Теперь подойди ко мне!

Приказ прозвучал как удар бича, и Пауль повиновался прежде, чем понял, что делает.

«Она использует Голос», - подумал он и остановился по жесту старухи у самых ее ног.

- Ты видишь это? - сказала она, извлекая откуда-то из складок облачения куб из зеленоватого металла, .со стороной сантиметров в пятнадцать. Она повернула куб, и Пауль увидел, что одна из граней открыта - внутри была странно пугающая темнота, казалось; полностью поглощавшая свет.

- Вложи сюда руку, - приказала старуха. Почувствовав внезапный укол страха, Пауль отшатнулся, но старуха остановила его:

- Так-то ты слушаешься свою мать?

Он взглянул в ее блестящие, как у птицы, глаза. Медленно, ощущая давление чужой воли, но не в силах противостоять ей, вложил руку в ящичек. Темнота поглотила ее, и Пауль почувствовал холодок, затем гладкий металл под пальцами и какое-то покалывание, будто ладонь затекла и теперь отходила.

На лице старухи появилось хищное выражение. Она подняла правую руку с коробки и положила на его плечо, рядом с шеей. Пауль заметил уголком глаза блеск металла и начал было поворачивать голову...

- Стой! - каркнула она.

Снова она использует Голос!.., Взгляд Пауля вернулся к лицу старухи.

- У твоей шеи я держу гом джаббар, - отчетливо произнесла она. - Гом джаббар, враг высокомерия. Это игла с каплей яда на острие. А! Не отдергивай руку, не то испытаешь его на себе.

Пауль попытался сглотнуть, но горло пересохло, и он не мог оторвать взгляд от изборожденного морщинами лица - сверкающие глаза, бледные десны и серебристые металлические зубы, поблескивающие, когда она говорила...

- Сын герцога должен кое-что знать о ядах, - сказала старуха. - В такие уж времена мы живем, верно? Муски в кубке, аумас на блюде... Быстрые, медленные, и те, что посередине. Этот яд - новый для тебя, гом джаббар: он убивает только животных.

Гордость оказалась сильнее страха.

- Ты смеешь предполагать, что сын герцога - животное?! - гневно спросил Пауль.

- Скажем так: я допускаю, что ты можешь оказаться человеком, - усмехнулась она.- Спокойно! Не пытайся уклониться. Я, конечно, стара, но моя рука всадит эту иглу в твою шею раньше, чем ты успеешь отпрянуть...

- Кто ты? - прошептал Пауль. - Какой хитростью сумела вынудить мать оставить меня наедине, с тобой? Ты служишь Харконненам?

- Харконненам?! Еще чего не хватало! Ну довольно, молчи. - Сухой палец прикоснулся к его шее, но мальчик сумел сдержать невольное желание отпрянуть.

- Недурно, - сказала она. - Первое испытание ты, будем считать, выдержал. А вот что будет теперь: если только ты выдернешь руку из ящика, ты умрешь. Это единственное правило. Держи руку внутри - живешь. Выдергиваешь - умираешь.

Пауль глубоко вдохнул, усмиряя дрожь.

- Если я закричу, через несколько секунд тут будут слуги. И тогда умрешь ты.
- Слугам не войти сюда: твоя мать стоит на страже у дверей. Поверь мне. Когда-то твоя мать выдержала это испытание; теперь твоя очередь. Ты можешь гордиться: нечасто мы допускаем к этому испытанию мальчиков...

Любопытство было слишком сильно, оно помогло преодолеть страх, довести его до терпимого уровня. Старуха говорила правду, сомневаться не приходилось: Пауль судил по ее интонации. Если мать действительно сторожит дверь... если это действительно лишь испытание... Как бы то ни было, он попался, и старческая рука крепко держит его. Гом джаббар. Он мысленно произнес формулу-заклинание против страха из ритуала Бене Гессерит, которому научила его мать.

Я не боюсь, я не должен бояться. Ибо страх убивает разум. Страх есть малая смерть, влекущая за собой полное уничтожение. Я встречу свой страх и приму его. Я позволю ему пройти надо мной и сквозь меня. И когда он пройдет через меня, я обращаю свой внутренний взор на его путь; и там, где был страх, не останется ничего. Останусь лишь я, я сам.

Пауль почувствовал, как вместе со знакомыми словами спокойствие вернулось к нему,

- Начинай, старуха, - надменно сказал он.
- Старуха! - каркнула она. - А ты храбрец, в этом тебе не откажешь. Ну что ж, посмотрим... - Она наклонилась ближе и понизила голос до шепота: - Сейчас твоей руке станет больно. Очень больно. Но помни! Чуть только ты отдернешь ее - я коснусь твоей шеи гом джаббаром. Смерть будет быстрой, как топор палача. Вынешь, руку - и тотчас гом джаббар убьёт тебя. Ты хорошо понял?
- Что в этом ящике?
- Боль.

Он почувствовал, что покалывание в ладони усилилось, и сжал губы. Что можно испытать таким образом? Покалывание переросло в сильный зуд.

Старуха заговорила:

- Ты слыхал, как животные отгрызают себе лапу, зажатую капканом? Это типичная реакция животного. Человек же на их месте остался бы в капкане, преодолев боль, и, прикинувшись мертвым, дождался бы того, кто поставил капкан, чтобы убить его и этим отвести угрозу от своих собратьев!

Зуд превратился в слабое жжение.

- Зачем ты делаешь это? - спросил Пауль.
- Чтобы определить, человек ли ты. Молчи.

Пауль сжал левую руку в кулак: жжение в правой усиливалось все больше, все росло... жар внутри куба нарастал... нарастал... Он попробовал сжать пальцы правой руки, но не мог пошевелить ими.

- Жжет, - прошептал он.
- Молчи.

Боль пульсировала в его ладони. На лбу выступил пот. Все тело кричало, приказывая немедленно выдернуть руку из этой жаровни... но... гом джаббар. Не поворачивая головы, Пауль скосил глаза, пытаясь увидеть страшную иглу возле своей шеи. Он вдруг обнаружил, что дышит, судорожно хватая ртом воздух, попытался успокоить дыхание - и не смог.

Какая боль!

Из его вселенной исчезло все, осталась лишь погруженная в боль рука и древнее лицо совсем рядом... изучающий взгляд...

Губы так высохли, что он едва смог разлепить их.

Какая боль!

Казалось, он видел, как кожа на его истязуемой руке чернеет и трескается, плоть обугливается и отпадает с обгоревших костей...

И тут все кончилось.

Боль исчезла, словно повернули выключатель (так оно и было).

Пауль ощущал, что его правая рука дрожит, а все тело мокро от пота.

- Довольно, - пробормотала старуха. - Кул вахад! Ни одна из девочек никогда не выдерживала такого. Я, наверно, хотела, чтобы не выдержал и ты... - Она откинулась в кресле, убрала иглу с ядом от шеи мальчика. - Ну что же, вынь руку, человек... и посмотри на нее.

Борясь с болезненной дрожью, Пауль гляделся в черный провал, где его рука, казалось, оставалась по собственной воле, независимо от него. Рассудок упрямо твердил, что, вытащив ладонь, он увидит обугленную кулью...

- Ну же! - прикрикнула старуха.

Пауль рывком выдернул руку и изумленно посмотрел на нее. Никаких следов! Он пошевелил пальцами.

- Боль вызывается невроиндукцией, - объяснила старуха. - Нельзя же в самом деле калечить тех, кто может оказаться Человеком. Да, некоторые дорого заплатили бы за секрет этой штучки... - Она убрала коробочку обратно в складки мантии.

- Но боль... - начал Пауль.

- Боль! - фыркнула Преподобная. - Человек способен управлять любым нервом своего тела!

Пауль почувствовал боль в левой руке, с трудом разжал сведенный кулак, посмотрел на четыре кровавые отметины там, где в ладонь вонзились ногти. Уронил руку и перевел взгляд на старуху.

- Ты и с моей матерью это проделывала?

- Видел, как просеивают песок сквозь сито? - спросила она в ответ.

Тон вопроса подхлестнул его внимание. Песок сквозь сито... Он кивнул.

- А мы, Бене Гессерит, просеиваем людей, отделяя их от животных.

Он снова поднял руку, воскрешая воспоминание о боли.

- И всё, что вам для этого надо, - боль? Это единственный критерий?

- Нет. Я наблюдала не за болью - за тобой в боли. Боль, мальчик, - это лишь ось всего испытания. Твоя мать рассказывала тебе о наших методах наблюдения, не так ли? Я вижу в тебе признаки учения. А наше испытание - это кризис и наблюдение.

Ее голос подтвердил, что она не лжет. Пауль кивнул:

- Ты говоришь правду.

Она уставилась на мальчика. Он чувствует правду! Неужели это... Неужели... Она подавила волнение, напомнив себе: «Надежда мешает вниманию».

- Ты видишь, когда люди верят в то, что говорят!

- Вижу.

В его голосе она слышала способности, неоднократно проверенные на практике. И, слыша их, произнесла:

- Возможно... возможно, ты и в самом деле Квисатц Хадерах... Сядь возле моих ног, маленький брат.

- Предпочитаю стоять.

- А твоя мать сидела когда-то у моих ног...

- Я - не она.

- Хм, похоже, особой любви я тебе не внушила, а? - Старуха посмотрела на закрытую дверь, позвала: - Джессика!

Дверь распахнулась. На пороге стояла Джессика; в ее глазах было неимоверное напряжение. Увидев Пауля, она чуть-чуть успокоилась. Ей даже удалось слабо улыбнуться.

- Джессика, ответь, ты по-прежнему ненавидишь меня? – спросила старуха.

- Я люблю и ненавижу одновременно, – откликнулась Джессика. – Ненависть – это причиненные тобой страдания. А любовь...

- А любовь – суть, только и всего, – сказала старуха, но голос ее смягчился, став почти ласковым. – Ты можешь войти, но молчи, не говори ничего. Закрой дверь и следи, чтобы нам не помешали...

Джессика закрыла дверь и устало прислонилась к ней. «Мой сын жив, – думала она. –, Мой сын жив – и он... человек. Я знала, что он человек, но он... жив. Значит, и я могу жить...» Дверь за спиной была такой твердой и – реальной... Все в комнате просто-таки давило на нее.

Мой сын жив.

Пауль посмотрел на мать. «Старуха не соврала», – решил он. Хотелось уйти и побывать одному, обдумать случившееся, но он знал, что не сможет уйти без позволения. У старухи была над ним власть... Они обе говорили правду. Мать тоже прошла через это испытание, у которого должна быть очень важная цель... такая сильная боль и... страх... Пауль чувствовал за всем этим какую-то огромную и пугающую цель. Они действовали вопреки вероятности. И сами устанавливали свою цель, сами решали, что необходимо... Мальчик чувствовал, что и он заразился той же пугающей необходимостью и отныне движется к той же огромной и страшной цели. Но что это за цель, он еще не знал.

- Может быть, настанет день, – произнесла старуха, – и тебе, мальчик, точно так же придется стоять за дверью и ждать, как сегодня твоей матери. Это нелегко...

Пауль снова всмотрелся в свою правую руку, а затем поднял взгляд на Преподобную. Ее голос отличался от любого слышанного им ранее. Слова, казалось, были очерчены яркими, сияющими линиями, каждое из них имело острое лезвие... Пауль чувствовал, что любой заданный им вопрос может повлечь за собой ответ, который поднимет его над этим здимосущающим и увлечет куда-то выше...

- Но зачем вы испытываете людей?

- Чтобы освободить их.

- Освободить?

- Когда-то человечество изобретало машины – в надежде, что они сделают людей свободными. Но это лишь позволило одним людям закабалить других, с помощью этих самых машин.

- «Да не построишь машины, наделенной подобием разума людского», – процитировал Пауль.

- Верно, так заповедовано со временем Великого Джихада. Так записана эта заповедь в Экumenической Библии. Но только не так бы надо записать ее, а по-иному: «Да не построишь машины, наделенной подобием разума человеческого». Ты изучал ментата, который служит вашему Дому?

- Я учился вместе с Суфиром Хаватом.

- Великий Джихад лишил человечество костылей, – промолвила она. – Это заставило людей развивать свой мозг. И тогда появились школы, развивающие способности человека – именно человеческие способности.

- Ты говоришь о школах Бене Гёссерит? Она кивнула.

- От школ того времени сохранились две: Бене Гёссерит и Гильдия Космогации. Гильдия, по нашим сведениям, занимается в основном чистой математикой. Бене Гёссерит интересует нечто другое...

- Политика, – утвердительно сказал Пауль.

- Кул вахад! – воскликнула изумленная старуха, бросив жесткий взгляд на Джессику.

- Я не говорила ему этого, Преподобная! Преподобная Мать снова повернулась к Паулю

- Ты сумел понять это по очень немногим косвенным данным... – проворчала она. – Действительно, можно сказать и так. Изначально учение Бене Гессерит было заложено теми, кто видел необходимость преемственности в жизни человечества. Они понимали также, что такая преемственность невозможна без разделения людей и животных – для наших евгенических программ.

Внезапно слова старухи потеряли для Пауля свою сверкающую остроту. Он почувствовал: здесь

нарушено то, что мать называла его «инстинктивным ощущением правды». Нет, Преподобная Мать не лгала ему. Совершенно очевидно, что она верит в сказанное. Тут было что-то, спрятанное гораздо глубже... нечто, связанное с той пугающей целью...

Он негромко заметил:

- Но моя мать говорила, что многие из Бене Гессерит не знают, от кого они происходят...
- Однако их генетические линии занесены в наши, книги, - ответила старуха. - Твоей матери известно, что она либо происходит от Бене Гессерит, либо ее генетический код нас удовлетворил.
- Почему же тогда ей нельзя знать, кто ее родители?
- Некоторые из нас знают своих родителей, другие - многие! - нет. Допустим, мы можем планировать рождение ею ребенка от кого-то из близких родственников, чтобы закрепить доминанту в генетической линии. Могут быть и другие причины, множество причин...

И снова Пауль почувствовал нарушение истинности, снова сработало его «чувство правды».

- Много же вы на себя берете, - проговорил он. Преподобная Мать пристально посмотрела на подростка.

В его голосе прозвучала критика - она не ослышалась?

- У нас тяжелая ноша, - ответила она.

Пауль чувствовал, что совсем оправился от шока испытания гом джаббаром. Он испытывающее взглянул на Преподобную:

- Ты говоришь, что я, возможно Квисатц Хадерах. Что это такое? Человек - гом джаббар?
- Пауль, - остерегла его Джессика, - ты не должен разговаривать таким тоном с
- Я сама разберусь, Джессика, - оборвала ее старуха. - Теперь следующее, молодой человек: что ты знаешь о Снадобье Правдовидца?
- Его принимают для усиления способности распознавать обман, - отвечал Пауль. - Мать рассказывала мне о нем.
- А Транс Правды ты видел? Он потряс головой:
- Никогда.
- Снадобье - опасный наркотик, но он дает проницательность, и когда Правдовидца принимает его, она может заглянуть одновременно во множество разных мест, скрытых в памяти ее тела. Мы видим множество путей прошлого, но лишь прошлого женщин. - В ее голосе прозвучала печаль. - И есть одно место, в которое не способна заглянуть ни одна из Бене Гессерит. Оно пугает и отталкивает нас. Было предсказание, что однажды появится мужчина, который, приняв дар Снадобья, сумеет открыть свое внутреннее око. И увидит то, что нам недоступно, сумеет заглянуть в прошлое и по мужской, и по женской линии своей генетической памяти...
- Это и будет тот, кого вы называете Квисатц Хадерах?
- Да - тот, кто может быть одновременно во множестве мест, Сокращающий путь, - Квисатц Хадерах. Немало мужчин рискнули попробовать Снадобье... да, немало. Но ни одна попытка не увенчалась успехом.
- Неужели все мужчины, принимавшие Снадобье, оказались не способны к правдовидению?
- Нет. Все мужчины, принявшие его, умерли.

Глава 2

Пытаться понять Муад'Диба без того, чтобы понять его смертельных врагов – Харконненов, – это тоже самое, что пытаться понять Истину, не поняв, что такое Ложь. Это – попытка познать Свет, не познав Тьмы. Это – невозможно.

(Принцесса Ирулан, «Жизнь Муад'Диба»)

Наполовину-скрытый тенью рельефный глобус, раскрученный пухлой уизанной перстнями рукой, вращался на причудливой формы подставке у стены кабинета.

Окон в помещении не было, и три другие стены походили на пестрое лоскутное одеяло – они были сплошь заставлены разноцветными свитками, книго фильмами, лентами и роликами. По комнате разливали свет плавающие в подвижном силовом поле золотистые шары.

Центр кабинета занимал овальный стол с узорчатой – розовое с зеленым – крышкой из окаменевшего элаккового дерева. Его окружали кресла на силовой подвеске, приспособливающиеся к форме тела сидящего, два кресла были занять!: в одном сидел круглоголовый темноволосый юноша лет шестнадцати с угрюмыми глазами, а второе занимал изящный, хрупкий невысокий мужчина с женоподобным лицом.

Оба они внимательно смотрели на глобус и того, кто вращал его, стоя в тени.

Оттуда, из сумрака, донесся смешок, и густой бас прогудел:

– Полюбуйся, Питер: вот самая большая ловушка из всех, какие ставились на человека за всю историю. И наш герцог направляется прямо в нее. Поистине я, барон Владимир Харконнен, творю вещи изумительные!

– Вне всякого сомнения, мой барон, – ответил старший из двоих. У него оказался приятный, музикально звучащий тенор; может быть, чуть слишком сладкий.

Жирная ладонь опустилась на глобус и остановила его. Теперь было хорошо видно, что это очень дорогая вещица: из тех, что изготавливались для богатых коллекционеров и назначенных Империей правителей планет. На нем лежала неповторимая печать ручной работы мастеров метрополии: параллели и меридианы были обозначены тончайшей платиновой проволокой, полярные шапки инкрустированы отборными молочно-белыми бриллиантами.

Жирная рука поползла по шару, отмечая детали рельефа.

– Прошу сосредоточиться, – пророкотал бас. – И ты, Питер, и ты, мой милый Фейд-Раута, смотрите! От шестидесятой параллели на севере и до семидесятой на юге – все заполняет эта изысканная волнистая рябь, этот чудесный узор. Не правда ли, цвет напоминает о лакомой

карамели?.. И нигде его нежность не нарушается голубизной рек, озер или морей. А эти сверкающие полярные шапочки, такие крохотные и изящные!.. Можно ли спутать с чем-либо подобный мир? Это – Арракис, и ничто иное... Он воистину уникален. Прекрасная декорация для не менее прекрасной победы.

По губам Питера скользнула улыбка.

– И подумать только, мой барон: Падишах-Император полагает, что он отдал герцогу вашу планету, планету Пряности. Забавно, не правда ли?

– Не говори ерунду, – пробурчал барон. – Ты же напоминаешь об этом нарочно, чтобы смутить и запутать Фейд-Рауту, но смущать моего племянника сейчас вовсе не обязательно.

Угрюмый юноша зашевелился в кресле, разглаживая невидимые складки своих черных, в обтяжку, брюк, и лениво выпрямился, услышав осторожный стук в находившуюся за его спиной дверь.

Питер выскользнул из кресла, прошел к двери и приоткрыл ровно настолько, чтобы можно было просунуть почтовую капсулу. Взял ее, защелкнул замок и развернул послание. Хмыкнул. Вчитавшись, хмыкнул опять.

– Ну, что .там? – нетерпеливо окликнул барон.

– Глупец ответил нам, мой барон!

– А когда это Атрейдесы упускали возможность сделать красивый жест?.. – сказал барон. – Ну и.что же он пишет?

- Он в высшей степени нелюбезен, мой барон. Обращается к вам просто «Харконнен» – ни «Сир и дражайший кузэн», ни титула – ничего!

- Харконнен – достаточно хорошее имя, – проворчал барон. В его голосе слышалось нетерпение. – Что же изволит сообщить дорогой Лето?

- Он пишет: «Ваше предложение 6 встрече отклоняется. Я уже много раз сталкивался с вашим известным всем вероломством».

- Это все?

- «Старинное искусство канли имеет еще поклонников в Империи». Подписано: «Лето, герцог Арракиса». –

Питер засмеялся. – Подумать только: герцог Арракиса! Это уже, пожалуй, чересчур!

- Замолчи, Питер, – спокойно сказал барон, и смех оборвался, словно от поворота выключателя. – Так, значит, канли? Вендетта? И ведь использовал старое доброе слово, напоминающее о древних традициях, – специально, чтобы я понял, насколько он серьезен. Хм...

- Вы сделали попытку к примирению, – заметил Питер, – таким образом, приличия соблюдены.

- Ты излишне болтлив для ментата, Питер, – одернул барон, подумав: «Скоро придется избавиться от него. Пожалуй, он почти пережил свою полезность».

Взгляд барона пересек комнату, задержавшись на той черте своего ментата-асассина, которую сразу же замечали все, впервые встречающиеся с Питером: глаза – темные щели синего на синем, без единого мазка белого цвета.

Ухмылка, прорезала лицо Питера – под этими похожими на пустые отверстия глазами она напоминала театральную маску.

- Простите, мой барон, я не мог сдержаться. Свет не видел еще столь великолепной мести. Какое изящнейшее предательство, какая изысканнейшая интрига – заставить Лето сменить Каладан на Дюну, не оставив ему никакого выбора; ведь это – приказ самого Императора! Какая великолепная шутка!

- У тебя словесное недержание, Питер, – холодно сказал барон.

- Я просто доволен сделанным, мой барон, очень доволен. А вот вы – вы ревнуете.

- Питер! – рявкнул барон.

- Ахх-ах, барон! Какая жалость, что это не вы разработали столь изящную схему, не правда ли?

- В один прекрасный день я велю тебя удавить.

- Разумеется, мой барон, разумеется. Enfin (в конце концов(фр.))! Так сказать, ни одно доброе дело без награды не останется!

- Чего ты наглотался, Питер, верите или семуты?

- Барон удивлен, когда правду говорят без страха. – Лицо Питера изобразило карикатурно-хмурую маску. – Ах-ха... Но видите ли, мой барон, я – ментат и заранее почувствую, когда вы наконец сберетесь прислать ко мне палача. И пока я вам нужен, вы будете сдерживаться.

Преждевременная расправа была бы расточительностью, ибо я вам все еще весьма полезен. Я-то хорошо знаю тот главный урок, который вы усвоили на благословенной Дюне: не расточай!

Барон молча смотрел на Питера.

Фейд-Раута поудобней устроился в кресле. Спорщики и глупцы! Дядюшка не может общаться со своим ментатом без споров. Они что, считают – мне больше нечего делать, кроме как выслушивать их пререкания?

- Фейд, – внезапно окликнул барон, – я велел тебе слушать и мотать на ус. Извлек ты какую-нибудь пользу из нашей беседы?

- Конечно, дядя.. – Фейд-Раута постарался изобразить в голосе подобострастие.

- Питер иногда поражает меня, – заметил барон. – Временами мне приходится причинять страдания – по необходимости, но он... могу поклясться, что он наслаждается чужой болью. Сам я, признаться, даже жалею бедного герцога Лето. Доктор Юйэ нанесет свой удар, и это будет концом Дома

Атрейдес. Но Лето обязательно узнает, чья рука направляла послушного доктора... и это знание будет для него ужасным.

- Но почему бы вам тогда не приказать доктору попросту всадить герцогу кинжал под ребро? - поинтересовался Питер.- Тихо, просто и эффективно. Вы рассуждаете о жалости,,а...

- Ну нет! Герцог должен увидеть, как я стану воплощением его судьбы! воскликнул барон. - И остальные Великие Дома должны получить урок. Это приведет их в замешательство, и у меня будет большая свобода маневра. Необходимость моих действий очевидна - но это вовсе не значит, что я получаю от"них удовольствие...

- Свободу маневра? - насмешливо переспросил Питер, т- Император и так излишне пристально следит за вами, мой барон. Вы действуете чересчур смело. В один прекрасный день Император пришлет сюда, на Джеди Прим, парочку легионов своих сардауков - и это будет концом барона Владимира Харконнена.

- Тебе бы это понравилось, а, Питер? - усмехнулся барон. - Ты был бы счастлив видеть, как Корпус сардауков разоряет мои города и грабит мой замок. Да, ты бы радовался...

- Стоит ли об этом спрашивать, мой барон?.. - прошептал Питер.

- Тебе бы быть башаром в Корпусе, - процедил барон. - Тебе слишком нравятся кровь и боль. Пожалуй, я поторопился с обещаниями насчет трофеев с Арракиса...

Питер сделал пять, странно семенящих шагов и остановился за спиной Фейд-Рауты. В воздухе повисло напряжение... Юноша, настороженно нахмурившись, обернулся на ментата.

- Не надо шутить с Питером, барон, - негромко сказал Питер. - Вы обещали мне леди Джессику. Вы мне ее обещали!

- А зачем она тебе, Питер? - пробасил барон. - Упиться ее страданиями?

Питер пристально глядел на него. Молчание затягивалось.

Фейд-Раута развернул качнувшееся на силовой подвеске кресло.

- Дядя, наверное, мне можно уйти? Ты говорил, что...

- Мой дорогой Фейд-Раута начинает терять терпение, - отметил барон, и его фигура пошевелилась в окутывающих ее тенях. - Потерпи еще немного, Фейд.

Барон вновь обратился к ментату:

- А как насчет герцогова отпрysка, дружок? Юного Пауля?

- Наша ловушка добудет для вас и мальчишку, мой барон, - пробормотал Питер.

- Я о другом, - нахмурился барон. - Или ты забыл, что предсказал когда-то: эта ведьма из Бене Гессерит родит герцогу дочь? Итак, мой"ментат ошибся?

- Я ошибаюсь нечасто, мой барон, - ответил Питер, и впервые в его голосе проскользнул страх. - Этого но крайней мере вы отрицать не можете - я ошибаюсь очень нечасто. Да вы и сами знаете, что Бене Гессерит рожают чаще всего именно девочек. Даже супруга Императора не принесла ему ни единого мальчика.

- Дядя, - вмешался Фейд-Раута, - ты говорил, что здесь будет сказано нечто важное для меня...

- А, вы только поглядите на моего драгоценного племянничка, - поднял брови барон. - Мечтает править моим баронством, а сам до сих пор не научился управлять даже собой.

Барон повернулся - темная тень среди теней,

- Н-ну что же, Фейд-Раута Харконнен. Я пригласил тебя в надежде, что ты почерпнешь сегодня немного мудрости. Наблюдал ли ты сейчас за нашим добрым ментатом? Ты мог бы кое-что усвоить из моей беседы с ним.

- Но, дядя...

- Ага! Вот именно: «но»! Но он потребляет слишком много Пряности. Ест ее точно конфеты. Ты посмотри только на его глаза! Его можно принять за рабочего из арракинских котловин. Он эффективен, да, - но слишком эмоционален и подвержен порывам страстей. Эффективен, но - все же способен ошибаться.

Питер тихо, угрюмо спросил:

- Мой барон, вы пригласили меня сюда, чтобы критикой подорвать мою эффективность?
 - Подорвать твою эффективность? Ну что ты, Питер, ты же знаешь меня... Я всего лишь хочу показать своему племяннику, что ментаты тоже не вполне -совершены и у них есть свои ограничения.
 - Вы уже подыскали мне замену? - поинтересовался Питер.
 - Замену - тебе? Право, Питер, где же я найду другого ментата, обладающего твоими хитростью, коварством и злобностью?
 - Там же, где вы нашли меня, мой барон!
 - Хм, возможно, мне стоит подумать об этом, - спокойно сказал барон. - В последнее время ты стал терять равновесие. А то количество Пряности, которое ты потребляешь!..
 - Надо ли понимать это так, что мои маленькие удовольствия обходятся вам слишком дорого? Вы возражаете против них?
 - Напротив, Питер! Именно эти твои удовольствия так тесно привязывают тебя ко мне. Зачем же я буду возражать? Я только хочу, чтобы мой племянник обратил внимание и на это обстоятельство...
 - Что же, вот он я, выставлен на ваше обозрение, любуйтесь! - воскликнул Питер. - Может, мне станцевать? Или продемонстрировать прочие мои способности уважаемому Фейд-Рау...
 - Вот именно, - кивнул барон. - Именно на наше обозрение. А теперь помолчи.
- Он перевел взгляд на Фейд-Рауту, скользнув глазами по пухлым губам - родовой черте Харконненов; сейчас эти губы кривились в легкой усмешке. Юноша наконец счел представление забавным.
- Итак, Фейд, перед нами ментат. Он... вернее даже сказать, «оно» - устройство, подготовленное и обученное для исполнения определенных функций. Но нельзя забывать тот факт, что данное устройство заключено в человеческое тело. А это - весьма существенный недостаток. Право, я иногда думаю, что Древние набрали на недурную мысль с этими их думающими машинами...
 - Их машины по сравнению со мной были не более чем простыми игрушками! - огрызнулся Питер. - Даже вы, барон, могли бы обставить те машины...
 - Возможно, - махнул рукой барон. - Ну хорошо. А теперь.. - Он сделал глубокий вдох и рыгнул. - А теперь, Питер, обрисуй в общих чертах моему племяннику план нашей кампании против Дома Атрейдес. Вот, кстати, тебе возможность продемонстрировать функции и способности ментата.
 - Но, мой барон, я уже предупреждал вас: не следует доверять эту информацию столь молодому человеку. По моим наблюдениям...
 - Предоставь решать это мне. - оборвал барон. - Я приказываю, ментат, - а ты подчиняйся и доказывай нам свое умение.
 - Как будет угодно, - пожал плечами Питер. Он выпрямился, приняв странно-напыщенную позу, словно это была еще одна маска, но на этот раз надетая на все тело. - Итак: через несколько стандартных дней герцог Дето со всей семьей и двором взойдет на борт лайнера Гильдии Космогации, направляющегося на Арракис. Гильдия высадит их, вероятнее, всего, в Арракине, а не в нашей столице Карфаг. Ментат герцога, Суфири Хават, вне всякого сомнения, заключил, и совершенно справедливо, что обороны Арракина несравненно проще.
 - Слушай внимательно, Фейд, - поднял палец барон. - Отметь себе, как внутри одних планов помещаются другие, а в тех - третьи.
- Фейд-Раута кивнул, думая при этом: «Вот это мне больше нравится. Старое чудовище наконец-то допускает меня к одному из своих секретов. Кажется, он все-таки всерьез намерен сделать меня наследником».
- Имеются, однако, и иные возможности, - продолжал Питер. - Я сказал, Дом Атрейдес отправится на Арракис. Но было бы неразумно не учитывать и вероятность того, что герцог мог договориться с Гильдией, чтобы она переправила его в безопасное место за пределами Системы. Известно: некоторые Дома в подобных обстоятельствах нередко забирали фамильные ядерные арсеналы, силовые щиты и скрывались за пределы Империи, становясь Отступническими Домами...
 - Герцог слишком горд для этого, - возразил барон.

- Но тем не менее такая вероятность существует, – ответил Питер. – Впрочем, в конечном счете результат для вас был бы тот же: Дом Атрейдес исчезнет.

- Нет! – проревел барон. – Я должен быть уверен в том, что герцог мертв и род Атрейдесов погиб!

- Вероятность этого весьма высока, – кивнул Питер. – Если Правящий Дом намеревается изменить, об этом можно догадаться по некоторым признакам. Герцог же не совершил ничего из того, что можно счесть этими признаками.

- Ну хорошо, – вздохнул барон. – Продолжай, Питер, да не тяни.

- В Арракине, – отчеканил Питер, – герцог и его двор займут Резиденцию – прежде там проживали граф и леди Фенринг.

- Посол Е.И.В. к контрабандистам, – хохотнул барон.

- К кому? – удивился Фейд-Раута.

- Ваш дядя шутит, – объяснил Питер. – Он называет графа Фенринга послом к контрабандистам, намекая

на заинтересованность Падишах-Императора в контрабандных операциях на Арракисе.

Фейд-Раута озадаченно уставился на барона:

- Но почему?

- Не будь глупее, чем ты есть, Фейд, – нетерпеливо сказал барон. – Пока Гильдия вне контроля Императора, по-другому быть и не может. Как иначе можно перевозить шпионов, асасинов и прочих?

Рот Фейд-Рауты округлился в беззвучное «о-о-б-..».

- В Резиденции, – продолжал Питер, – нами запланирован отвлекающий маневр. В частности, будет совершено покушение на жизнь наследника герцога Атрейдеса – кстати, оно может оказаться и успешным.

- Питер! – взорвался барон. – Ты утверждал...

- Я всегда утверждал, что в любом деле возможны случайности – ответил Питер. – Покушение должно выглядеть правдоподобным» и хорошо подготовленным..

- Ах-ха... но у этого мальчика такое прекрасное юное тело... – пробормотал барон. – Разумеется, потенциально он даже опаснее отца... с этой своей матерью- ведьмой, которая его учит. Проклятая баба! Ах-ха... Впрочем, продолжай, Питер.

- Разумеется, Хават поймет, что при дворе действует наш агент, – сказал Питер. – Очевидно, что прежде всего подозрение пало бы на доктора Юйэ – и он действительно наш агент. Пало бы – но Хават уже провел расследование и достоверно установил, что наш доктор – выпускник Сукской Школы, прошедший имперское кондиционирование, то есть ему по определению без опаски можно доверить жизнь самого Императора... Все слишком верят в имперское кондиционирование, так как предполагается, что предельное кондиционирование нельзя снять, не убив человека. Тем не менее еще в древности некто заметил, что, имея точку опоры, можно сдвинуть планету. И мы нашли такую точку и у доктора!

- Как? – жадно спросил Фейд-Раута. Это и впрямь было удивительно, ибо каждый знал, что обойти имперское кондиционирование невозможно.

- Об этом как-нибудь в другой раз, – оборвал барон. – Продолжай, Питер.

- Итак, Юйэ отпадает, а вместо него мы подставим Хавату другой, весьма интересный объект. Самая дерзость этого объекта – и дерзость такого предположения, – несомненно, обратит на нее внимание Хавата.

- На нее? – переспросил Фейд-Раута.

- Речь идет о самой леди Джессике, – усмехнулся барон.

- Ну разве не ловко, не изысканно? – спросил Питер. – Хават будет разбираться с этой возможностью, и это повлияет на его деятельность в качестве придворного ментата. Возможно, он даже попытается убить ее. – Питер нахмурился и добавил: – Но не думаю, что ему это удастся.

- Тебе бы очень не хотелось, чтобы он ее убил, а? - осведомился барон.

- Не сбивайте меня, - сказал Питер. - Пока Хават будет заниматься своей госпожой, мы еще более отвлечем его внимание: организуем, например, беспорядки в нескольких гарнизонах и прочее в том же духе. Их, разумеется, подавят: герцог должен верить, что держит ситуацию под контролем. И, наконец, когда настанет время, мы подадим сигнал Юйэ и высадимся на Арракисе с нашими основными силами... э-э...

- Ничего, ты можешь рассказать ему все, - кивнул барон.

- И мы будем усилены двумя легионами сардауков в мундирах Дома Харконнен!

- Сардаукары?! - выдохнул Фейд-Раута. Он вспомнил все, что знал о наводящих ужас императорских солдатах, беспощадных убийцах, воинах-фанатиках Падишах-Императора...

- Вот видишь, Фейд, как я тебе Доверяю, - сказал барон, - Разумеется, другие Великие Дома не должны даже краем уа прослыщать об этом. В противном случае Ландсраад может объединиться против Императорского Дома - и начнется хаос.

- Главное тут вот что, - пояснил Питер, - поскольку Император использует Дом Харконнен для грязной работы, мы получаем кое-какие преимущества. Преимущества небезопасные, бесспорно. Но если мы будем использовать их осторожно, Дом Харконнен станет богаче любого другого Дома Империи.

- Ты просто не представляешь, Фейд, о каком богатстве идет речь, - проговорил барон. - Самой твоей безудержной фантазии не хватит, чтобы вообразить такое. Только для начала - постоянные права на директорство в КООАМ.

Фейд-Раута кивнул. Богатство! КООАМ действительно была ключом к богатству. Правящие Дома наживали фантастические состояния, пока их представители входили в Директорат КООАМ. Директорское кресло было очевидным свидетельством политического могущества, и оно переходило от Дома к Дому по мере изменения сил в Ландсрааде. Сам же Ландсраад постоянно находился в борьбе с влиянием Императора и его сторонников.

- Герцог Лето, - сказал Питер, - может попытаться скрыться в окраинных районах Пустыни, среди фрименского отродья. Или попытаться спрятать там свою семью, надеясь, что у фрименов она будет в безопасности. Но этот путь заблокирован одним из агентов Его Величества, Экологом Планеты. Возможно, вы его помните. Его имя Кинес.

- Фейд его помнит, - нетерпеливо сказал барон. - Дальше.

- Вы не очень-то любезны, мой барон, - заметил Питер.

- Я сказал - дальше! - проревел барон.. Питер пожал плечами.

- Если все пойдет так, как мы запланировали, - сказал он, - через один стандартный год или даже раньше Дом Харконнен получит сублен на Арракис. Распоряжаться им будет ваш дядя. А на Арракисе будет править его личный представитель.

- И прибыли возрастут, - кивнул Фейд-Раута.

- Разумеется, - сказал барон и подумал: «Это будет только справедливо. Это мы укротили Арракис. Мы были первыми... не считая фрименских ублюдков, копошащихся на окраинах Пустыни... и приученных контрабандистов, привязанных к планете почти так жеочно, как и местные рабочие из поселков...»

, - И все Великие Дома узнают, что это барон уничтожил Дом Атрейдес, - сказал Питер. - Они узнают.

- Они узнают, - тихо повторил барон.

- И восхитительнее всего, что это узнает и герцог, - сказал Питер. - Он уже знает. Он чувствует западню.

- Это так, он знает, - проговорил барон, и в его голосе прозвучала печальная нотка. - Он не может не знать... и мне жаль его.

Барон вышел из-за глобуса Арракиса. Теперь, когда он покинул тень, было видно, как он огромен и чудовищно жилен. Небольшие выпуклости под складками темных одежд выдавали, что тучное тело барона поддерживали портативные генераторы силового поля на специальной портупее, так что, хотя барон должен был весить не меньше двухсот килограммов, его мышцам приходилось нести всего пятьдесят.

- Я проголодался, - пророкотал барон, отер пухлые губы унизанной перстнями рукой и повернул к Фейд-Рауте заплывшие жиром глаза. - Распорядись, чтобы подавали, Фейд. Поедим на сон грядущий.

Глава 3

Так сказано святой Алией, Девой Ножа: «Преподобная Мать должна сочетать в себе соблазнительность куртизанки с величественностью девственной богини, поддерживая обе стороны в напряжении, пока она сохраняет силы своей молодости. Ибо когда молодость и красота уйдут, она увидит, что место между названными дарами, которое ранее было занято напряжением, стало ныне источником хитрости и находчивости».

Принцесса Ирулан, «Муад'Диб. Семейные комментарии»)

- Ну, Джессика, что ты можешь сказать в свое оправдание? – спросила Преподобная Мать.

Солнце клонилось к горизонту. Прошло уже несколько часов после испытания Пауля. Женщины остались вдвоем в утренней приемной Джессики, а Пауль ожидал в соседней комнате – звуконепроницаемом Зале Медитаций.

Джессика стояла лицом к выходившим на юг окнам, смотрела на приглушенные вечерние краски реки и Луга, но не замечала их. Она слышала вопрос Преподобной Матери – и не слышала его.

Джессика вспомнила другое испытание – так много лет назад. Худая девочка с бронзовыми волосами и телом, терзаемым взрослением, пришла тогда к Преподобной Матери Гайе-Елене Мохийам, Старшему Проктору школы Бене Гессерит на Валлахе ГХ. Джессика взглянула на свою правую руку, согнула пальцы, вспоминая боль, страх и гнев...

- Бедный Пауль, – прошептала она.

- Я задала тебе вопрос, Джессика! – Голос старухи звучал требовательно-раздраженно.

- Что?.. О... – Джессика оторвалась от своих воспоминаний и вернулась к Преподобной Матери, сидевшей в простенке меж двух западных окон. – О чём ты спрашиваешь?

- О чём я тебя спрашиваю?! О чём я спрашиваю! – Раздраженно передразнила старуха.

- Да, я родила сына. Так что же? – вспыхнула Джессика и тут только поняла, что старуха нарочно хочет вызвать ее гнев.

- Разве не приказали тебе рожать герцогу Атрейдесу дочерей – и только дочерей?

- Но для него так важно было иметь сына. – Джессика опять пыталась оправдаться.

- И ты в своей гордыне решила, будто можешь произвести на свет Квисатц Хадераха! Джессика вскинула голову.

- Я чувствовала, что это возможно!

- Ты думала только о том, что твой герцог хочет сына! – резко возразила старуха. – А его желания здесь ни при чем! Дочь герцога Атрейдеса можно было бы выдать за наследника барона Харконнена и тем завершить нашу работу. А ты все безнадежно запутала! Теперь мы можем потерять обе генетические линии.

- Вы все тоже не так уж непогрешимы и можете ошибаться, – сказала Джессика и смело встретила жесткий взгляд Преподобной Матери.

Через несколько мгновений та проворчала:

- А... Что сделано, то сделано.

- Я поклялась никогда не сожалеть о своем решении, – твердо сказала Джессика.

- Ах, как это благородно! – глумливо проскрипела Преподобная. – Она не сожалеет! Что ж, посмотрим, что

ты запоешь, когда будешь убегать и скрываться, когда за твою голову назначат награду и всякий готов будет убить и тебя, и твоего сына! Джессика побледнела.

- Неужели другого пути нет?

- И об этом спрашивает сестра Бене Гессерит?

- Я спрашиваю лишь о том, что ты видишь в будущем – ведь твои способности больше моих.

- В будущем я вижу то же, что видела в прошлом. Тебе известно, что, зачем и почему мы делаем.

Род людской знает, что смертен, и боится вырождения. Поэтому инстинктивное стремление смешивать -безо всякого плана - свои гены у человечества в крови. Империя, КООАМ, все Великие Дома - все они лишь щепки в потоке.

- КООАМ, - пробормотала Джессика. - Полагаю, они уже переделили доходы и трофеи с Арракиса...

- КООАМ! Что такое КООАМ? Флюгер! - ответила старуха. - Император и его приспешники сейчас контролируют пятьдесят девять целых и шестьдесят пять сотых, процента голосов в Директорате КООАМ. Разумеется, они видят, какое задумано прибыльное дельце, а когда и другие увидят это, у Императора прибавится голосов. Вот как делается история, девочка.

- Лекции о механизмах истории мне только и не хватало, - горько усмехнулась Джессика.

- Напрасно шутишь! Ты не хуже меня понимаешь, какие силы вовлечены в события. Наша цивилизация поконится на трех китах, трех силах: императорская семья противостоит Объединенным Великим Домам Ландсраада, а между ними стоит Гильдия с ее проклятой монополией на межзвездные перевозки. В политике, в отличие от механики, треножник - самая неустойчивая конструкция. Она достаточно плоха даже сама по себе, без феодально-торговой структуры, отвергающей почти всю науку...

Джессика с тоской произнесла:

- Щепки в потоке! Вот одна из них - герцог Лето, и вот другая - его сын, и вот...

- Ах, замолчи, девочка! Ты вступила в игру, прекрасно зная, по какой опасной дороге Придется идти.

- «Я - Бене Гессерит. Я живу лишь для служения», - процитировала Джессика.

- Именно, - сказала старуха. - И все, на что мы теперь можем надеяться, - это попытка избежать большой войны... и спасти, что удастся, из выпестованных нами ключевых генетических линий. Джессика опустила веки, чувствуя, как в глазах закипают слезы. Она справилась с внутренней и внешней дрожью, успокоила дыхание, пульс, заставила ладони не потеть. Наконец, проговорила:

- Я заплачу за свою ошибку.

- Но вместе с тобой заплатит твой сын.

- Я буду защищать его всеми силами.

- Защищать! - воскликнула старуха.

- Ты сама знаешь опасность защиты: если ты станешь защищать его слишком усердно, он не вырастет достаточно сильным. У него не хватит сил для исполнения своего предназначения - каким бы оно ни было.

Джессика отвернулась, посмотрела в сгущающиеся за окном сумерки.

- Эта планета - Арракис - в самом деле так ужасна?

- Там достаточно скверно, но нельзя сказать, что уж совсем безнадежно. Миссионария Протектива неплохо на ней поработала и смягчила нравы ее обитателей... в какой-то степени. - Преподобная Мать тяжело поднялась, расправила складку облачения. - Позови сюда мальчика. Я скоро должна уходить.

- Должна? Уже?

Голос старой женщины стал мягче:

- Джессика, девочка... как бы я хотела поменяться с тобой и принять все твои испытания на себя! Но у каждой из нас - свой путь.

- Я знаю.

- Ты дорога мне, как любая из моих дочерей... но долг есть долг.

- Я понимаю... долг. Необходимость...

- Мы обе знаем, что и почему ты сделала. Но я хочу тебе сказать - я желаю тебе добра, Джессика! - что у твоего сына мало шансов стать Тем, кого ждет Бене Гессерит. Не обольщай себя чрезмерной надеждой...

Джессика сердито смахнула слезинку.

- Снова ты делаешь из меня маленькую девочку.- заставляешь повторять мой первый урок: «Человек не должен покоряться животному», - выдавила Джессика и вздрогнула от рыдания без слез... - Я была так одинока.

- Надо бы сделать это одним из наших тестов, - сказала старуха. - Настоящие люди почти всегда одиноки. А теперь позови сына. Ему сегодня выпал тяжелый и страшный день. Но у него было время подумать и вспомнить, а я должна спросить его про эти сны...

Джессика кивнула, подошла к дверям Зала Медитаций:

- Пауль, зайди.

Пауль не спеша вошел в комнату с упрямым выражением на лице, взглянул на мать как на совершенно незнакомого человека. На Преподобную он посмотрел с некоторой опаской, но на этот раз кивнул ей уже как равной. Мать закрыла за ним дверь.

- Ну, молодой человек, - проговорила старуха,- вернемся к твоим снам.

- Что ты хочешь знать?

- Ты видишь сны каждую ночь?

- Не каждую - если говорить о снах, которые стоят того, чтобы их запомнить. Я могу запомнить любой сон, но некоторые стоят этого, а другие - нет.

- А откуда ты знаешь, какой сон ты видел - пустой иди достойный запоминания?

- Просто - знаю.

Старуха быстро взглянула на Джессику, потом опять обратилась к Паулю:

- А какой сон ты видел этой ночью? Его стоило запомнить?

- Да. - Пауль прикрыл глаза. - Мне снились пещера... и вода... и девочка, очень худая, с огромными глазами.

Глаза - такие... сплошь синие, совсем без белизны. Я говорю с ней о тебе... рассказываю ей, как встречался с Преподобной Матерью на Каладане... - Пауль открыл глаза.

- То, что ты рассказывал этой девушке обо мне... сегодня это сбылось?

Пауль подумал.

- Да. Я сказал ей, что ты отметила меня печатью необычности.

- Печатью необычности, - беззвучно прошептала старуха и вновь бросила короткий взгляд на Джессику. - Ответь мне правду, Пауль: часто ли сбываются твои сны в точности так, как ты их видел?

- Да. И эта девочка мне уже снилась раньше.

- Вот как? Ты ее знаешь?

- Узнаю. Когда-нибудь мы встретимся.

- Расскажи мне о ней. Пауль снова закрыл глаза.

- Мы в каком-то маленьком укрытии в скалах. Уже почти ночь, но очень жарко, и через просветы в скалах виден песок. Мы... чего-то ждем... я должен куда-то пойти, с кем-то встретиться... Она боится, но пытается не показывать мне свой страх, а я волнуюсь. Она говорит: «Расскажи мне о водах твоей родной планеты, Усул». - Пауль открыл глаза. - Правда, странно? Моя родная планета - Каладан, про планету Усул я даже не слыхал никогда.

- Это все? Или ты видел еще что-нибудь?

- Видел. Но... может быть, это она меня называла - Усул? - проговорил Пауль. - Мне это только сейчас пришло в голову.

Он снова опустил веки.

- Девочка просит меня рассказать ей о водах - о морях... Я беру ее за руку и говорю, что прочитаю

ей стихи. И я читаю ей стихи, только мне приходится объяснять ей некоторые слова – «берег», «прибой», «морская трава», «чайки»...

- Что это за стихи? – спросила Преподобная Мать. Пауль открыл глаза.

- Просто одно из сочинений Гурни Халлека. Тональный стих, «Песня настроения для грустного времени».

Джессика, стоя за спиной Пауля, начала негромко декламировать:

Я помню дым соленый костра на берегу, И тени – под соснами тени – Недвижные, чистые, ясные. И чайки сели на краю воды – Белые на зеленом. И ветер прилетел сквозь, сосны к нам, Чтоб тени раскачать под ними; И чайки крылья распахнули, Взлетают и наполняют криком воздух, И слышу ветер я, Летающий над пляжем, И шум прибоя, И вижу я, что наш костер спалил траву морскую.

- Это самое, – подтвердил Пауль.

Старуха некоторое время молча смотрела на Пауля, потом сказала:

- Я, как Проктор Бене Гессерит, ищу Квисатц Хадераха – мужчину, который мог бы стать одним из нас. Твоя мать полагает, что ты можешь оказаться им; но она смотрит глазами матери. Такую возможность, впрочем, вижу и я; возможность – но не более.

Она замолчала. Пауль понял, что она ждет, чтобы он что-то сказал, но тоже молчал – хотел, чтобы она продолжила. Наконец старуха произнесла:

- Как хочешь... Что же, что-то в тебе есть наверняка.

- Можно мне теперь уйти? – спросил он.

- Разве ты не хочешь послушать/что Преподобная Мать может рассказать тебе о Квисатц Хадерахе? – спросила Джессика.

- Она уже сказала, что все, кто пытался стать им, погибли.

- Но я могла бы помочь тебе кое-какими намеками относительно того, почему их постигла неудача, – сказала Преподобная Мать.

«Она говорит – намеки, – подумал Пауль. – На самом деле она ничего толком не знает об этом».

- Я слушаю, – сказал он. – Намекни.

- И быть проклятой? – Она криво усмехнулась – маска из морщин... – Хорошо же... Итак: «Кто умеет подчиниться – тот правит».

«Пауль изумился: она говорила о таких элементарных вещах, как „напряжение внутри значения“... Она что, думает, что мать его вообще ничему не учила?

- Это и есть твой намек? – спросил он.

- Мы здесь не затем, чтобы играть словами и их значениями, – сказала старуха. – Ива покоряется ветру и растет, растет до тех пор, пока не вырастает вокруг нее целая роща ив – стена на пути ветра. Это – предназначение ивы и ее цель.

Пауль взглянул в лицо Преподобной. Она сказала «предназначение» – и это слово словно ударило его, напомнив о таинственном и пугающем предназначении... Неожиданно он рассердился: глупая старая ведьма, важно изрекающая банальности!..

- Ты думаешь, что я могу быть этим вашим Квисатц Хадерахом, – проговорил он. – Ты говоришь обо мне, но ни слова не сказала о том, как помочь моему отцу. Я слышал, как ты говорила с матерью – словно он уже мертв. Но он жив!

- Если бы можно было что-то для него сделать, мы бы это сделали, – огрызнулась старуха. – Может, нам удастся спасти тебя. Сомнительно, но – возможно. Но твоего отца не спасет ничто. Когда ты сможешь принять это как факт – ты усвоишь подлинный урок Бене Гессерит.

Пауль увидел, как эти слова потрясли его мать. Он гневно посмотрел на старуху. Как смела она сказать такое о его отце?! Почему так в этом уверена? Он кипел от негодования.

Преподобная Мать взглянула на Джессику.

- Ты учила его Пути – это видно. На твоем месте я сделала бы то же самое – и пусть бы черт побрал

этот Устав!

Джессика кивнула.

- Но я должна предупредить тебя: следует изменить обычный порядок обучения. Для своей безопасности он должен уметь пользоваться Голосом. Кое-что у него уже есть, и он неплохо начал. Но мы-то знаем, сколько он еще должен узнать и изучить - и следует поторопиться! - Она приблизилась к Паулю и пристально вгляделась в него: - Прощай, юный человек. Надеюсь, ты сумеешь... Но если и нет - мы еще добьемся своего.

Снова она посмотрела на Джессику. Между ними мелькнуло понимание. Потом старуха развернулась и, не оглядываясь, вышла из зала, шурша одеяниями. Зал и те, кто в нем оставался, словно бы уже покинули ее мысли.

Но Джессика успела увидеть слезы на лице Преподобной Матери, когда та отворачивалась. И эти слезы встревожили ее больше, чем любые слова и знаки, прошедшие между ними в тот день.

Глава 4

Вы прочли уже, что на Каладане у Муад'Диба не было товарищей-сверстников. Слишком много опасностей окружало его. Но друзья у Муад'Диба были – замечательные друзья-наставники. Например, трубадур и воин Турни Халлек. В этой книге вы найдете несколько песен Гурни и сможете спеть их. Был среди его друзей и старый ментат Суфир Хават, мастер-асассин, внушавший страх самому Падишах-Императору. Был Дункан Айдахо, учитель фехтования из Дома Гинац; доктор Веллингтон Юйэ – это имя человека больших знаний и мудрости, но и имя, запятнанное изменой; леди Джессика, которая вела своего сына по Пути Бене Гессерит, и – разумеется – сам герцог Лето; к сожалению, раньше мало кто задумывался над тем, что герцог был и прекрасным отцом. (Принцесса Ирулан, «История Муад'Диба для детей»)

Суфир Хават скользнул в зал для занятий замка Каладан, мягко прикрыв дверь. Достоял неподвижно, ощущив вдруг себя старым, усталым и потрепанным бесчисленными бурями. Болела левая нога, некогда рассеченная еще на службе Старому Герцогу, отцу нынешнего.

«Я служу уже третьему их поколению», – подумал он.

Он взглянул через зал, ярко освещенный полуденным солнечным светом, льющимся через стеклянные панели в потолке, и увидел, что мальчик сидит спиной к дверям, углубившись в разложенные на Г-образном столе карты и бумаги.

«Сколько раз мне ему повторять, чтобы он никогда не садился спиной к дверям!» – Хават кашлянул.

Пауль не пошевелился.

Облако прошло над световыми люками – комнату, пересекла тень. Хават кашлянул еще раз.

Пауль выпрямился и, не оборачиваясь, сказал:

– Я знаю. Я сел спиной к двери.

Хават подавил улыбку, подошел к воспитаннику.

Пауль поднял глаза на немолодого седого человека, остановившегося у стола, взглянул в умные внимательные глаза на изрезанном морщинами лице.

– Я слышал твои шаги в коридоре, – сказал Пауль. – И слышал, как ты открыл дверь. Я тебя узнал.

– Эти звуки можно и скопировать.

– Я бы заметил разницу.

«Очень даже может быть, – подумал Хават. – Эта его колдунья-мать кое-чему научила мальчика. Интересно, что думает ее драгоценная Школа Бене Гессерит по этому поводу. Может, они затем и засылали сюда старуху прокторшу – призвать леди Джессику к порядку...»

Хават подвинул кресло, сел напротив Пауля – подчеркнуто лицом к двери, – откинулся на спинку. Внезапно зал показался ему чужим и незнакомым – почти все оборудование уже было отправлено на Арракис. Тренировочный стенд остался, осталось фехтовальное зеркало с неподвижно замершими призмами, рядом с ним – латаный-перелатанный спарринг-манекен, похожий на израненного и покалеченного в боях древнего пехотинца.

«Совсем как я», – подумал Хават.

– Суфир, о чем ты думаешь? – спросил Пауль. Хават посмотрел на подростка.

– Я думал о том, что скоро мы все уедем отсюда и вряд ли снова увидим это место.

– Это тебя печалит?

– Печалит? Чепуха! Грустно расставаться с друзьями, а место – это всего лишь место. – Он тронул разложенные на столе карты. – И Арракис – это просто другое место, и только.

– Отец прислал тебя проэкзаменовать меня?

Хават покосился на мальчика – даже чересчур наблюдателен! Он кивнул:

– Конечно, ты предпочел бы, чтобы он пришел сам, но ты же знаешь, как он занят. Он придет позже.

– Я сейчас читал о бурях на Арракисе.

- Бури. Да...
- Похоже, эти бури - довольно-таки скверная штука.
- Скверная - не то слово. Мягко сказано! Фронт этих ураганов не менее шести-семи тысяч километров, они питаются всем, что может добавить им мощи: кориолисовыми силами, другими бурями - всем, в чем есть хоть капля энергии. Они набирают скорость до семисот километров в час, прихватывая с собой все, что подвернется, - пыль, песок и прочее. Они срывают мясо с костей и расщепляют сами кости...
- Почему «гам нет службы погодного контроля?
- Тут, у Арракиса свои специфические проблемы: стоимость контроля выше, а к ней добавляются высокие эксплуатационные расходы и прочее. Гильдия заломила безумную цену за систему контрольных спутников, ну а Дом твоего отца - не из самых богатых, ты и сам знаешь.
- Суфир, а тебе приходилось видеть фрименов? «Мальчику есть о чем подумать сегодня», - решил Хават.
- Очень может быть, что я их и видел, но дело в том, что на вид их трудно отличить от населения впадин и грабенов. Они все носят эти их длинные хламиды, и все невыносимо воняют, особенно если находятся в закрытом помещении. Это из-за дистикомбов, которые они носят не снимая. Дистикомб - «дистилляторный комбинезон», костюм - перегонный куб, который собирает и утилизирует выделяемую телом влагу.

Пауль сглотнул, внезапно ощутил влагу во рту и вспомнил сон о жажде. Мысль, что люди могут так страдать от нехватки воды, что им приходится собирать влагу собственных выделений, поразила его.- Пауль вдруг ощутил горькое чувство одиночества и пустоты.

- Вода там - драгоценность, - вслух подумал он.

Хават кивнул: «Возможно, мне понемногу удается внушить ему, что Арракис - его враг. Там необходимо все время быть настороже, и нельзя отправляться туда, не будучи к этому готовым».

Пауль взглянул вверх, на световые люки, и увидел, что начался дождь. По сероватому метастеклу струилась вода.

- Вода... - сказал он.

- Ты еще научишься ценить воду, - пообещал Хават. - Конечно, у тебя недостатка в ней не будет, ты - сын герцога, но повсюду тебя будет окружать жажда...

Пауль провел языком по пересохшим вдруг губам, вспомнив, как неделю назад, в день испытания, Преподобная Мать тоже говорила что-то о водяном голоде...

- Ты узнаешь о Мертвых равнинах, - сказала тогда она, - дикой пустыне, где нет ничего живого - лишь Пряность и песчаные черви. Тебе придется окрасить глаза, чтобы смягчить беспощадный свет солнца. Слово «убежище» будет означать для тебя просто любое место, укрытое от ветра и чужого взгляда. Ты научишься ходить на своих двоих - без орнитоптера, без мобиля и даже не в седле.

И ее тон - она говорила нараспев особым выбириющим голосом - сказал ему больше, чем слова.

- На Арракисе, - говорила она, - кхала! - земля пустынна, луны - твои друзья, а солнце - враг.

В тот момент Пауль почувствовал за спиной мать - она подошла, оставив свой пост у дверей.

- Так ты не видишь никакой надежды, Преподобная?, - спросила она.

- Для его отца - нет. - Старая женщина жестом приказала Джессике молчать. Взглянула на Пауля. - Запомни, мальчик: мир держится на четырех столпах... - Она подняла четыре узловатых пальца. - Это - познания мудрых, справедливость сильных, молитвы праведных и доблесть храбрых. Но все четыре - ничто... - она сжала пальцы в кулак, - ...без правителя, владеющего искусством управления. И пусть это будет навечно высечено в твоей памяти!..

С того дня прошла уже неделя. И только сейчас он начал полностью сознавать значение ее слов. Сейчас, сидя в тренировочном зале рядом с Суфирам Хаватом, Пауль ощущал внезапный и едкий укол страха. Он взглянул на озадаченно-хмурое лицо ментата.

- Где ты сейчас витал? - спросил Хават.

- Ты видел Преподобную Мать?

- Императорскую ведьму-Правдовидицу? - В глазах Хавата зажегся интерес. - Видел.
- Она... - Пауль запнулся, обнаружив, что не может рассказать Хавату об испытании. Запрет проник глубоко.
- Что она?

Пауль сделал два глубоких вдоха.

- Она сказала одну вещь... - Он закрыл глаза, вызывая в памяти точные ее слова, и когда заговорил, его голос невольно приобрел что-то от голоса Преподобной Матери. - «Ты, Пауль Атрейдес, - потомок королей, сын герцога, ты должен научиться править. Это то, чему, увы, не научился ни один из твоих предков». - Пауль открыл глаза. - Это меня возмутило. Я сказал, что мой отец правит целой планетой; А она сказала: «Он ее теряет». А я сказал, что отец получает гораздо более богатую планету. А она сказала: «Он потеряет и ее». И я хотел бежать, предупредить отца, но она сказала, что его уже предупреждали, и не раз - ты, мать и многие другие...

- В общем, все верно, - пробормотал Хават.
- Тогда зачем мы летим туда? - сердито спросил Пауль.
- Потому что так приказал Император. И потому, что надежда все-таки есть, что бы ни говорила эта ведьма-шпионка. Ну а что еще изверг сей фонтан мудрости?

Пауль опустил взгляд на свою руку, сжатую в кулак под столом. С трудом, но все же он заставил мускулы расслабиться» Она наложила на меня некий запрет. Но как ?

- Она спросила меня, что, по-моему, значит править, - ответил он. - И я сказал, что это значит командовать. А она на это сказала, что мне надо кое-чему разучиться.
- «А старуха-то, в общем, дело сказала», - подумал Хават и кивком сделал Паулю знак продолжать.
- Она сказала, что правитель должен научиться убеждать, а не принуждать. И что тот, кто хочет собрать лучших людей, должен сложить лучший очаг и готовить лучший кофе.
- Интересно, а как, она думала, сумел твой отец привлечь к себе таких людей, как Дункан и Гурни? - спросил Хават.

Пауль пожал плечами.

- Еще она говорила, что хороший правитель должен овладеть языком своего мира, ведь на каждой планете - свой язык. Я решил, что она имеет в виду то, что на Арракисе не говорят на галакте, но она сказала, что речь совсем не об этом. Она сказала, что говорит о языке скал, растений и животных, языке, который невозможно услышать одними только ушами. И я сказал: это, наверное, то, что доктор Юйэ называет Таинством Жизни.

Хават засмеялся:

- И как ей это понравилось?
- Мне показалось, Она просто взъярилась. Сказала, что таинство жизни - это не проблема, подлежащая решению, а только испытываемая реальность. Тогда я процитировал ей Первый Закон ментата: «Процесс нельзя понять посредством его прекращения. Понимание должно двигаться вместе с процессом, сливаться с его потоком и течь вместе с ним». Это, похоже, ее удовлетворило - более или менее.

«Кажется, он с этим справится, - думал Хават, - но старая ведьма его напугала. Зачем она это сделала?»

- Суфир, - спросил Пауль, - на Арракисе в самом деле будет так плохо, как она сказала?
- Так плохо не будет, пожалуй, - ответил Хават, вымучивая улыбку. - Взять, к примеру, этих фрименов, непокорный народ Пустыни; поверь, их куда больше, чем могут предположить в Империи, это я тебе могу сказать на основе даже самого грубого, в первом приближении, анализа. Там живут люди, мальчик, великое множество людей! И... - Хават приложил жилистый палец к уголку глаза, - и они ненавидят Харконненов лютой ненавистью. Но учти, ни слова об этом, мой мальчик. Я рассказал тебе это лишь потому, что, считаю тебя помощником и опорой твоего отца...
- Отец мне рассказывал о Салусе Секундус, - проговорил Пауль. - Знаешь, Суфир... она, по-моему, похожа на Арракис... может, Салуса не так ужасна, но в целом - в целом звучит похоже.
- Положим, о Салусе Секундус в наши дни никто и ничего толком не знает, - возразил Хават. -

Только то, что было давным-давно... больше почти ничего. Но в отношении того, что все-таки известно, ты попал прямо в точку.

- Как ты думаешь, фримены нам помогут.?

- Возможно. - Хават поднялся. - Сегодня я отбываю на Арракис. А ты, пожалуйста, будь осторожнее... ради старика, который тебя любит, а? Для начала будь умницей - сядь по другую сторону стола, лицом к двери. Не то чтобы я подозревал, что в замке небезопасно: я просто хочу, чтобы у тебя формировались правильные привычки.

Пауль тоже встал, обошел стол.

- Ты летишь сегодня?

- Я - сегодня, ты - завтра. В следующий раз мы встретимся уже на земле твоего нового мира. - Он сжал правую руку Пауля выше локтя. - Держи правую руку свободной - чтобы успеть выхватить нож, и не забывай подзаряжать щит. - Он отпустил руку, потрепал Пауля по плечу, повернулся и быстрыми шагами пошел к двери.

- Суфир! - окликнул его Пауль. Хават оглянулся.

- Не садись спиной к дверям, - сказал Пауль. Изрезанное морщинами лицо расплылось в улыбке.

- Не сяду, мальчик. Можешь на меня положиться. И он вышел, мягко закрыв за собой дверь.

Пауль сел туда, где только что сидел его наставник, и поправил свои бумаги.

«Еще только один день здесь, - подумал он, обводя взглядом зал. - Уезжаем. Мы уезжаем». Мысль об отъезде вдруг встала перед ним так реально, как никогда раньше.

Он вспомнил еще одну вещь, которую сказала старуха: мир - это сумма многих вещей: людей, почвы, растений и животных, лун, приливов, солнц; и эта неизвестная сумма называлась природой - неопределенная, лишенная чувства «теперь», чувства настоящего момента совокупность. А что такое - «теперь»? - спросил он себя.

Дверь напротив Пауля с шумом распахнулась, и в комнату ввалился уродливый, глыбоподобный человек с целой охапкой оружия в руках.

- А, Гурни Халлек! Ты что, новый учитель фехтования? - спросил Пауль.

Халлек пинком захлопнул дверь.

- Ты бы, конечно, предпочел, чтобы я пришел с тобой в игры играть, ясное дело, - сказал он, окидывая зал взглядом и убеждаясь, что люди Хавата уже осмотрели его и убедились, что тут нет ничего представляющего опасность для наследника герцога: всюду остались едва заметные кодовые знаки «прроверено».

Пауль смотрел, как уродливый человек прокатился к тренировочному столу со своей грудой оружия, увидел на плече Гурни девятиструнный балисет с мультиплектром, вставленным между струн у головки грифа.

Халлек сбросил оружие на стол и разложил его по порядку - рапиры, стилеты, кинжалы, станнеры с низкой начальной скоростью выстрела, поясные щиты. Шрам от чернильной лозы, пересекавший подбородок Халлека, знакомо искривился, когда, обернувшись, тот улыбнулся мальчику.

- Итак, чертенок, у тебя не нашлось для меня даже «доброго утра»! - воскликнул он. - Кстати, а каким шилом ты Хавата ткнул? Он промчался мимо меня так, словно спешил на похороны любимого врага!

Пауль ухмыльнулся. Из всех людей своего отца он больше всех любил Гурни Халлека, ему нравились его выходки, причуды и остроты, и он считал воина- трубадура скорее другом, чем слугой-наемником.

Халлек сдернул с плеча балисет и принялся настраивать его.

- Не хочешь говорить со мной - и не надо, - заявил он.

Пауль встал, пересек зал и, подходя к Халлеку, указал на его инструмент:

- Что, Гурни, решил вместо боевых искусств побренчать немного?

- Это, кажется, теперь называется уважением к старшим, - скрбно отозвался тот. Потом взял для

пробы аккорд на своем инструменте и удовлетворенно кивнул.

- А где Дункан Айдахо? - спросил Пауль. - Он разве больше не будет учить меня боевым искусствам?

- Дункан повел вторую волну наших переселенцев на Арракис, - объяснил Халлек. - Так что все, что у тебя осталось, - это бедняга Гурни, никудышный вояка и портак в музыке... - Он снова ударил по струнам, прислушался к звуку и улыбнулся. - Короче, на совете решили: раз уж тебе не дается искусство боя, лучше поучить тебя музыке. Чтобы ты не потратил свою жизнь совсем уж напрасно.

- Тогда, может, споешь мне балладу? - предложил Пауль. - Я хочу иметь хороший образец того, как этого не надо делать.

- Ах-ха-ха! - рассмеялся Гурни и тут же затянул «Девочек Галактики», с такой быстротой перебирая струны мультиплектром, что за ним было трудно уследить:

Ах, девочки Галактики
Дадут за жемчуга тебе, А арракинку за воду возьмешь!
Но если хочешь жаркую,
Как пламя, страстно-яркую,
То лучше каладанки не найдешь!

- Не так уж плохо для такого жалкого бренчалы, - сказал Пауль, - но если бы мать услышала, что за похабщину ты тут, в замке, распеваешь, она бы велела прибить твои уши на внешней стене в качестве украшения.

Гурни дернул себя за левое ухо.

- Украшение из них вышло бы тоже довольно убогое - они слишком повреждены подслушиванием у замочной скважины за довольно-таки странными песенками, которые частенько наигрывает на своем балисете один мой знакомый мальчик.

- Забыл, значит, как приятно спать в постели, хорошенько посыпанной песком, - сказал Пауль, сдергивая со стола щит-пояс и защелкивая его на талии. - Тогда сразимся!

Глаза Халлека широко раскрылись в притворном удивлении:

- Так, стало быть, вот чья преступная рука это учинила? Ну ладно же! Защищайся, юный корифей, защищайся как следует!

Он схватил рапиру и рассек ею воздух:

- Месть моя будет страшна!

Пауль выбрал парную рапиру, согнул ее в руках и встал в позицию, вынеся одну ногу вперед. Он придал своим движениям комическую напыщенность, утрируя манеры доктора Юйэ.

- Какого болвана отец прислал мне для занятий фехтованием, - нараспив произнес Пауль. - Недотепа Гурни Халлек позабыл первую заповедь боя с силовыми щитами. - Пауль щелкнул кнопкой на поясе и ощутил легкое покалывание на коже и характерное изменение внешних звуков, приглушенных силовым полем. - «В бою с использованием силовых щитов надо быть быстрым в обороне, Но медленным в нападении, - продекламировал Пауль. - Атака имеет единственную цель - заставить противника сделать неверное движение, заставить от-крыться. Щит отвращает быстрый удар клинка, но пропустит неспешный взмах кинжала!» - Пауль перехватил рапиру, сделал быстрый выпад и мгновенно вернул клинок для способного пройти сквозь бездумную завесу силового щита замедленного удара.

Халлек спокойно проследил за его приемом и увернулся в последний момент, пропустив притупленный клинок мимо своей груди.

- Со скоростью удара все в порядке, - отметил он. - Но ты полностью открылся для удара слитипом снизу.

Пауль с досадой отступил.

- Мне бы надо высечь тебя за такую небрежность, - продолжал Халлек. Он поднял со стола обнаженный кинжал. - Вот эта штука в руках врага уже убила бы тебя! Ты способный ученик, лучше некуда, но я тебе говорил, и

не раз, что, даже забавляясь, ты не должен никого пропускать сквозь защиту, ибо небрежность здесь может стоить жизни.

- Просто я сегодня не в настроении, - буркнул Пауль.

- Не в настроении?! - Даже сквозь силовое поле щитов голос Халлека выдал его возмущение. - А

при чем тут твое настроение? Сражаются тогда, когда это необходимо, невзирая на настроение! Настроение – это для животных сойдет, или в любви, или в игре на балисете. Но не в сражении!

- Извини, Гурни. Я не прав.

- Что-то я не вижу должного раскаяния!

Халлек активировал свой щит, полуприсел с выставленным в левой руке кинжалом и рапирой в правой. Рапиру он держал чуть приподнятой вверх.

- А теперь – защищайся по-настоящему!

Он высоко подпрыгнул вбок, потом вперед, яростно атакуя.

Пауль парировал и отступил. Он услышал, как затрещали, соприкоснувшись, силовые поля, ощутил легкие электрические уколы на своей коже. «Что это нашло на Гурни? – удивился он. – Он всерьез атакует!» Пауль тряхнул левой рукой – из наручных ножен в его ладонь скользнул небольшой кинжал.

- Что, одной рапирой не управиться? – хмыкнул Гурни. – То-то!

«Неужели предательство?! – спросил себя Пауль. – Нет, только не Гурни – он на это не способен!»

Они кружили по залу – выпад и парирование, выпад и контрвыпад. Воздух внутри окружавших их силовых полей стал спертым – воздухообмен на границе поля был слишком замедлен. Однако с каждым новым столкновением щитов и с каждым отраженным полем ударом клинка усиливался запах озона.

Пауль продолжал отступать, но, отступая, он постепенно вел Гурни к тренировочному столу.

«Если я сумею заманить его к столу, я покажу ему один фокус, – подумал Пауль. – Ну, Гурни, еще один шаг...»

Халлек сделал этот шаг.

Пауль отбил удар Гурни книзу, резко повернулся и увидел, что рапира соперника, как и было задумано, задела край стола. Пауль прыгнул вбок, сделал рапирой выпад вверх и одновременно ввел в защитное поле кинжал, целя в шею. Острие замерло в дюйме от яремной вены Халлека.

- Ты этого хотел? – прошептал он.

- Посмотри вниз, мальчик, – проговорил сквозь одышку Халлек.

Пауль опустил глаза и увидел, что кинжал Халлека прошел под углом стола – он почти касался паха Пауля.

- Мы, так сказать, слились бы в смерти, – сказал Халлек. – Но надо признать, ты можешь драться немного лучше, если тебя прижать. Полагаю, мне удалось привести тебя в настроение. – И он осклабился по-волчьи, отчего свекольный шрам на его лице искривился.

- Ты так набросился на меня... – Пауль взглянул Халлеку в глаза.

- Ты в самом деле хотел пустить мне кровь? Халлек убрал кинжал и выпрямился.

- Дерись ты хоть немного хуже того, на что способен, я бы оставил на тебе хар-рошую отметину – шрам, который ты бы долго помнил. Потому что мне бы не хотелось, чтобы моего любимого ученика заколол первый встречный харконненский, бродяга.

Пауль отключил щит и оперся на стол, восстанавливая дыхание.

- Я это заслужил, Гурни. Вот только боюсь, отцу бы не очень понравилось, если бы ты меня ранил. А я бы не хотел, чтобы тебя наказывали за мои неудачи.

- Ну, что до этого, – возразил Халлек, – то это была бы и моя неудача. А потом, нечего волноваться из-за одного-двух шрамов, полученных на тренировке. Тебе еще повезло, что у тебя их так мало... А что касается твоего отца – герцог накажет меня только в том случае, если я не сумею сделать из тебя первоклассного бойца. И я бы не сумел, если бы не разъяснил тебе вовремя твои заблуждения относительно «настроения». Ишь чего придумал!

Пауль выпрямился и вернул кинжал в ножны на запястье.

- То, чем мы здесь занимаемся, это совсем не игра, – добавил Халлек.

Пауль кивнул. Он был удивлен необычной для Халлека серьезностью и какой-то особой собранностью. Взглянув на лиловый шрам на лице своего взрослого друга, Пауль вспомнил, что его нанес Зверь Раббан в рабских копях на Джеди Прим. И внезапно ощутил стыд оттого, что хотя бы на мгновение усомнился в Халлеке. И тут же ему пришло в голову, что Халлеку, наверно, было больно тогда, – может, так же больно, как самому Паулю во время испытания, которому подвергла его Преподобная Мать. Но он прогнал эту мысль: она делала мир слишком неуютным...

– Наверно, я и в самом деле настроился на игру, – признал Пауль.

– А то в последнее время все слишком серьезны.

Халлек отвернулся, чтобы скрыть свои чувства. Он ощущал жжение в глазах. Внутри него жила боль, словно какой-то нарыв, – все, что осталось в нем от некоего утраченного Вчера, которое Время безжалостно отсекло от него.

Как скоро этому ребенку придется стать мужчиной, подумал Халлек. Как скоро придется ему составить мысленно этот контракт, призывающий к жесточайшей осторожности, и внести в этот лист строку: «Кто ваш ближайший родственник?»

Не оборачиваясь, Халлек сказал:

– Я чувствовал, что тебе хочется поиграть, и ничего мне так не хотелось, как поиграть с тобой. Но игры кончались. Завтра мы летим на Арракис. Арракис – это не игра, это реальность. Харконнены – тоже реальность. Пауль, подняв вверх рапиру, коснулся клинком лба.

Халлек обернулся, увидел салют и ответил кивком. Показал на спарринг-манекен.

– А теперь займемся твоей координацией. Покажи, как ты справляешься с этой зловредной штукой. Я буду управлять ею отсюда – здесь мне будет лучше видно. И предупреждаю, сегодня я применю новые контрудары. Враг тебя об этом предупреждать не станет.

Пауль приподнялся на носках, чтобы расслабить мускулы. Он вдруг со всей серьезностью понял, что его жизнь начала резко меняться. Он подошел к тренажеру, ткнул острием рапиры выключатель на груди куклы и почувствовал, как силовое поле оттолкнуло клинок.

– АН гард! – скомандовал Халлек, и манекен начал атаку.

Пауль включил щит, парировал и контратаковал.

Халлек, управляя куклой, внимательно следил за ним. Его сознание словно разделилось: одна часть напряженно контролировала ход поединка, а другая блуждала где-то вдалеке.

«Я – словно хорошо сформированное садовником плодовое дерево. Дерево, полное хорошо развитых способностей и чувств, и все они привиты на меня – все они вызревали для кого-то другого...»

Почему-то он вспомнил свою младшую сестру – ее миниатюрное, напоминающее о сказочных эльфах лицо ясно встало перед его глазами. Но сестра давно была мертва – умерла в солдатском борделе у Харконненов. Она любила анютины глазки... или маргаритки? Он уже не помнил. И то, что он не мог вспомнить этого, огорчило его.

Пауль отбил медленный рубящий удар куклы и с левой руки провел антре-тиссе.

«Вот ловкий чертенок! – подумал Халлек, теперь полностью поглощенный ловкими движениями Пауля. – Он тренировался самостоятельно. Это не похоже на стиль Дунканна, и уж определенно не то, чему учил его я!»

Эта мысль только усилила печаль Халлека. . Это его «настроение» заразило и меня, подумал он и спросил себя, приходилось ли этому мальчику по ночам в страхе вжиматься в подушку, слушая отдающийся в ней собственный пульс?..

– «Если бы желания были рыбами, мы бы все забрасывали сети...» – пробормотал он.

Эту пословицу часто повторяла его мать, и он вспоминал ее всякий раз, когда мрак будущего окутывал его мысли.

Потом он подумал, как странно с такой поговоркой отправляться на планету, которая никогда не знала ни морей, ни рыб.

Глава 5

ЮЙЭ (произносится как «ю-э»), Веллингтон (Станд. 10082 – 10191). Доктор медицины, выпускник Сукской школы (оконч. в Станд. 10112). Жена: Уанна Маркус, Б.Г. (Станд. 10092 – 10186?). В осн. изв. как предатель герцога Лето Атрейдеса (см.: Библиография, Приложение VII [Кондиционирование Имперское]: Предательство, Великое (Предательство Юйэ).

(Энциклопедический словарь по Муад'Дибу, сост. принцесса Ирулан)

Хотя Пауль услышал, как в зал вошел доктор Юйэ, и обратил внимание на то, что его шаги как-то напряженно-медлительны и осторожны, он продолжал лежать лицом вниз на столе, куда его уложил ушедший уже массажист. Приятно было расслабиться после выматывающей тренировки с Турни Халлеком.

- Вы удобно устроились, – сказал Юйэ своим спокойным высоким голосом.

Пауль поднял голову и окинул взглядом длинную худую фигуру в нескольких шагах от стола: помятая черная одежда, массивная голова с квадратным лицом, украшенным длинными свисающими усами, пурпурными губами и вытатуированным на лбу черным ромбом Имперского кондиционирования; длинные черные волосы схвачены над левым плечом серебряным кольцом Школы Сукк.

- Я вас порадую: сегодня у нас нет времени для обычного урока, – сказал Юйэ. – Скоро должен прийти ваш отец.

Пауль сел.

- Однако я распорядился приготовить для вас книгофильмы с записью нескольких уроков и книгоскоп –

во время перелета на Арракис у вас будет время для занятий.

Пауль начал одеваться. Мысль о скорой встрече с отцом взволновала его: они очень мало виделись с тех пор, как пришел приказ Императора принять власть на Арракисе.

Юйэ прошел к Г-образному столу, размышляя: как были наполнены эти его последние месяцы. Какая потеря! Какая ужасная потеря!..

И он напомнил себе: «Я не должен колебаться. То, что я делаю, – я делаю для того, чтобы эти звери – Харконнены – не мучили больше мою Уанну».

Пауль, застегивая куртку, тоже сел за стол.

- Что я буду изучать по пути на Арракис?

- Ах-х-хх..; наземные формы жизни Арракиса. Планета, так сказать, раскрыла свои объятия некоторым земным животным. Непонятно, каким образом. По прибытии мне непременно надо будет разыскать Эколога планеты – некоего доктора Кинеса – и предложить ему свою помощь в исследованиях.

И Юйэ подумал: «Что я говорю? Я лицемерю даже перед самим собой».

- Там будет что-нибудь о фрименах? – спросил Пауль. О фрименах? Юйэ побарабанил, пальцами по столу,

заметил, что Пауль удивленно смотрит на этот нервозный жест, убрал руку.

- Тогда, может, у вас есть что-нибудь о населении Арракиса в целом? – спросил Пауль.

- А? Да, разумеется, – ответил Юйэ. – Оно делится на две основные группы – на фрименов и население грабенов, впадин и котловин – там они называются чашами. Мне рассказывали, однако, что бывают смешанные браки. Женщины низинных деревень и поселков предпочитают фрименских мужей, а их мужчины охотнее женятся на фрименках. У них есть поговорка: «Из города – лоск, из Пустыни – мудрость».

- У вас есть снимки фрименов?

- Я посмотрю, что удастся найти. Но, безусловно, самая интересная их черта – глаза. Совершенно синие, без капли белизны.

- Мутация?

- Нет. Это связано с перенасыщением крови меланжей.
- Чтобы жить на краю Пустыни, фримены должны быть храбрыми людьми.
- Да, это общепризнано, - согласился Юйэ. - Они слагают баллады о своих ножах. Их женщины также свирепы, как и мужчины. Даже дети фрименов суровы, жестоки и опасны. Вам, как я полагаю, не позволяют общаться с ними... ,

Пауль смотрел на Юйэ; за несколькими скучными словами о фрименах скрывалась огромная сила этих людей, и мысль о ней захватила его: «Вот бы суметь сделать таких людей союзниками!»

- А черви? - спросил Пауль. -Что?..
- Я хочу больше узнать о песчаных червях.
- Ах-х-хх, разумеется. У меня есть книгофильм, где заснят один из них - небольшой экземпляр; всего сто десять метров в длину и двадцать два в диаметре. Съемки производились в северных широтах. По сведениям, полученным от заслуживающих доверия очевидцев, наблюдались черви, достигавшие в длину более четырехсот метров, и есть все основания предполагать, что существуют и более крупные.

Пауль взглянул на разложенную на столе карту северных широт Арракиса, сделанную в конической проекции:

- Пустынный пояс и южные приполярные районы обозначены тут как необитаемые и непригодные для жизни, Это из-за червей?
- И из-за ураганов.

- Но любое место можно сделать пригодным для жизни.
- Если это осуществимо экономически, - поправил Юйэ. - На Арракисе много опасностей, устранение которых обошлось бы чересчур дорого... - Юйэ пригладил свои вислые усы.
- Н-ну, ваш отец скоро должен быть» здесь. Однако прежде чем уйти, хочу кое-что подарить вам. Я нашел это, когда паковал свои вещи. - Он положил на стол небольшой предмет - черный, продолговатый, не больше фаланги большого пальца Пауля.

Пауль посмотрел на предмет. Юйэ отметил, что мальчик не взял его в руки, и подумал: «Как он осторожен!»

- Это очень старая, по-настоящему древняя Экуменическая Библия, специально для космических путешествий. Это не книгофильм, а настоящая книга, напечатанная на волоконной ткани. Она снабжена лупой и электростатическим замком-листателем; - Он поднял книгу, продемонстрировав их. - Заряд удерживает книгу в закрытом положении, противодействуя пружинке в обложке. Если нажать на корешок - вот так, - выбранные страницы отталкивают друг друга одноименным зарядом, и книга открывается.

- Она такая маленькая...
- Но в ней тысяча восемьсот страниц. Снова нажимаем корешок - вот так, - и... заряд переворачивает страницы одну за другой, по мере того как вы читаете. Только никогда не прикасайтесь к самим страницам пальцами. Ткань слишком тонкая. - Он закрыл книжечку, протянул ее Паулю: - Попробуйте.

Глядя, как Пауль изучает книгу, Юйэ подумал: «Я пытаюсь успокоить свою совесть: дарю ему прибежище в религии перед тем, как предать. Так я могу сказать себе, что он ушел туда, куда мне путь закрыт».

- Ее, наверное, сделали еще до появления книгофильмов, - сказал Пауль.
 - Да, она очень старая. Пусть она будет нашим секретом, хорошо? Ваши родители могут счастье, что вам еще рано получать такие ценные вещи.
- И Юйэ подумал: «И вне всякого сомнения, его мать заинтересовалась бы моими мотивами».
- Но... - Пауль закрыл книгу, подержал ее в руке/- Если она такая ценная...
 - Доставьте удовольствие старику, -.сказал Юйэ. - Мне ее подарили, когда я был совсем юным. - И он подумал: «Я должен завладеть его воображением - и пробудить в нем страсти». - Откройте книгу

на четыреста шестьдесят седьмой Калиме, где говорится: «Из вод положено начало всякой жизни». На обложке есть небольшая бороздка от ногтя – она отмечает это место.

Пауль ощупал корешок, нашел две отметки, одна из которых была меньше. Он нажал меньшую, книга развернулась в его ладони, и лупа скользнула на свое место.

- Прочтите вслух, – попросил Юйэ. Пауль облизнул губы и начал:

- «Глухой не может слышать – задумайтесь над этим. Не так ли и все мы, возможно, в чем-то глухи? Каких чувств недостает нам, чтобы увидеть и услышать окружающий нас иной мир? Что из того, что окружает нас, мы не можем...»

- Прекратите! – крикнул вдруг Юйэ.

Пауль оборвал чтение, удивленно взглянув на него.

Юйэ закрыл глаза, пытаясь сдержать внутреннюю дрожь. «Какой каприз провидения заставил книгу открыться на любимом отрывке моей Уанны?» – Он поднял веки и встретил пристальный взгляд Пауля.

- Извините, – сказал Юйэ. – Это было... любимое место... моей... покойной жены. Я хотел, чтобы вы прочли другой отрывок, а этот... Он приносит мучительные воспоминания.

- Тут две бороздки, – сказал Пауль.

Ну конечно же, Уанна отметила свой отрывок. Его пальцы чувствительнее моих, вот он и нашел ее метку. Случайность, не более.

- Вас, полагаю, должна заинтересовать эта книга, – сказал Юйэ. – В ней содержится много достоверных исторических сведений и вместе с тем – хорошая этическая философия.

Пауль взглянул на крохотную книгу в своей ладони. Такая маленькая! Но в ней есть какая-то тайна... что-то произошло, когда он читал. Он почувствовал, как нечто затронуло его... ужасное предназначение.

- Ваш отец будет здесь с минуты на минуту, – сказал Юйэ. – Спрячьте книгу и почитайте на досуге.

Пауль тронул корешок, как показывал Юйэ. Книга захлопнулась, и он опустил ее в карман. В то мгновение, когда Юйэ крикнул на него, Пауль испугался, что тот может потребовать вернуть книгу.

- Я благодарю вас за подарок, доктор Юйэ, – проговорил Пауль официальным тоном. – Это будет наш секрет. Если же вы хотели бы получить какой-нибудь подарок от меня – прошу вас, не стесняйтесь, скажите.

- Мне... ничего не нужно, – сказал Юйэ.

«Зачем я стою здесь, терзая себя? И терзаю этого бедного мальчика... хотя он этого еще не знает. О-о-о! Проклятие этим харконненским чудовищам! Почему, ну почему они избрали для своих мерзостей именно меня?!»

Глава 6

Как подойти нам к изучению отца Муад'Диба? Человеком исключительной теплоты и поразительной холдности был герцог Лето Атрейдес. Но все же многое открывает пути к пониманию его – верная любовь к леди Джессике; надежды, которые возлагал он на своего сына; преданность, с какой служили ему его люди. Представив себе все это, вы увидите его – человека, пойманного Судьбой в ловушку, одинокую фигуру, человека, чей свет померк в лучах славы его сына. Однако должно спросить: что есть сын, как не продолжение отца?

(Принцесса Ирулан, «Муад'Диб. Семейные комментарии»)

Пауль смотрел, как отец входит в тренировочный зал, как охранники занимают посты снаружи; один из них закрыл дверь. Как всегда при встречах с отцом, Пауль ощущал исходящее от него чувство присутствия – это был человек, который весь здесь и сейчас.

Герцог был высок и смугл. Суровые черты его лица смягчались только теплой глубиной серых глаз. На нем был черный повседневный мундир с красным геральдическим ястребом на груди. Посеребренный поясной щит со следами долгого и частого пользования перехватывал его тонкую талию.

– Усердно занимаешься, сын? – спросил герцог.

Он подошел к столу, бросил взгляд на разложенные бумаги, скользнул глазами по залу. Он чувствовал себя очень усталым и ощущал настоящую боль от необходимости скрывать свою слабость. «Надо будет использовать всякую возможность для отдыха во время полета к Арракису, – подумал он. – На Арракисе отдохнуть уже не придется».

– Не слишком усердно, – признался Пауль. – Все это верно... – Он пожал плечами.

– Да, понимаю. Но так или иначе, а завтра мы улетаем. Я полагаю, приятно будет наконец устроиться на новом месте, в новом доме, оставить всю эту суэту позади...

Пауль кивнул. Внезапно он вспомнил слова Преподобной Матери; «...твоего отца не спасет ничто».

– Отец, – спросил Пауль, – Арракис в самом деле так опасен, как все говорят?

Герцог заставил себя небрежно махнуть рукой, присел на угол стола, улыбнулся. В его сознании выстроился весь разговор – так случалось ему говорить со своими людьми перед боем, когда он желал рассеять их сомнения и подбодрить. Но разговор этот умер, не успев воплотиться в слова, изгнанный одной-единственной мыслью: «Это – мой сын».

– Да, там будет опасно, – признал он.

– Хават сказал, что у нас есть определенные виды на фрименов, – сказал Пауль и спросил себя: «Почему я не рассказываю ему о том, что говорила старуха? Какую печать наложила она на мой язык?» .

Герцог заметил угнетенное состояние сына и сказал:

– Хават, как обычно, выделяет главную возможность. Но она далеко не единственная. Я, скажем, думаю о КОО-АМ – «Комбайн Оннет Обер Адвансер Меркантайлс» – Картеле негоциантов. Отдав нам Арракис, Его Величество вынужден тем самым отдать нам и голос в Директорате КООАМ... а это уже кое-что. Хотя и не так много...

, – КООАМ контролирует Пряность, – сказал Пауль. – И Арракис – источник Пряности – это наша дорога в КООАМ, – кивнул герцог. – Однако КООАМ – это не только меланжа.

– Предупреждала ли тебя Преподобная Мать? – выпалил вдруг Пауль. Он стиснул кулаки, почувствовав, как сильно вспотели у него ладони. Слишком большого усилия потребовал у него этот вопрос.

– Хават мне уже сказал, что она пыталась запугать тебя подживающими на Арракисе опасностями, – сказал герцог. – Не позволяй женским страхам затуманивать твой разум. Никакая женщина не хочет, чтобы ее близкие подвергались опасности. За всеми этими предостережениями видна рука твоей матери. Так что принимай их как знак ее любви к нам.

–~А она знает о фрименах?

– Да. И о многом другом.

– О чем?

И герцог подумал: «Правда может оказаться куда хуже, чем он опасается. Конечно, и опасная, суровая правда полезна для того, кто умеет ею воспользоваться. И вот этому – умению обращаться с опасными фактами – мой сын не обучен. Этот пробел необходимо как можно скорее заполнить – хотя мальчик еще так юн...»

- А вот о чём. Мало что из товаров не связано так или иначе с КООАМ, – сказал герцог. – Дерево и лесоматериалы, ослы, лошади, коровы, навоз, акулы, китовые шкуры – самые прозаические и самые экзотические предметы... даже наш бедный рис пунди с Каладана. Все, что может перевезти Гильдия: произведения искусства с Эказа, машины с Ричезы и Икса. Но все это – ничто рядом с меланжем. За щепоть Пряности можно купить дом на Тупайле. Пряность нельзя синтезировать – ее можно только добыть на Арракисе. Она поистине уникальна и обладает мощнейшими гериатрическими свойствами.

- Теперь мы ее контролируем?

- Ну, в какой-то степени... Но важно помнить о всех тех Домах, которые зависят от прибылей КООАМ. И о том, что огромная часть этих прибылей зависит от одного-единственного товара – от Пряности. Представь, что случится, если по какой-то причине добыча Пряности уменьшится?

- В такой ситуации тот, кому удалось создать запасы меланжи, получит сверхприбыль, – отозвался Пауль, – а все прочие останутся в дураках.

Герцог позволил себе секунду мрачного удовлетворения: глядя на сына, он думал, каким проницательным было это замечание, какой великолепный интеллект подсказал его... Он кивнул:

- Да. А Харконнены накапливали запасы многие годы.

- Значит, они хотят подорвать добычу Пряности и обвинить в этом тебя.

- Они хотят подорвать влияние Дома Атрейдес, – сказал герцог. – Вспомни о Домах Ландсраада, которые смотрят на меня в какой-то степени как на лидера и неофициального выразителя их интересов. А теперь представь, что будет, если их доходы вдруг резко упадут и виноват в этом окажусь я? В конце концов, своя рубашка ближе к телу! Как говорится, к черту Великую Конвенцию – нельзя же позволять разорять себя! – Жесткая улыбка искривила губы герцога. – Что бы со мной ни сделали тогда, они предпочтут этого не заметить...

- Даже если бы пробив нас применили атомное оружие?

- Что ты, к чему такие ужасы? Никакого открытого нарушения Конвенции не будет. Но почти все остальное, кроме этого, возможно... даже распыление радиоактивных веществ или, скажем, отравление почвы.

- Тогда зачем мы идем на это?

- Пауль! – Герцог неодобрительно посмотрел на сына. – Знать, где ловушка, – это первый шаг к тому, чтобы избежать ее. Это похоже на поединок, на дуэль, только масштабы другие. Выпад внутри выпада, а тот – внутри третьего, один флинт в другом... и так, кажется, до бесконечности. Нам надо распутать этот проклятый клубок. Итак, зная, что Харконнены запасают меланжу, зададим следующий вопрос: кто еще это делает? Ответив на него, получим список наших врагов.

- И кто же это?

- Некоторые Великие Дома, известные своим недружественным к нам отношением, а также некоторые из тех, кого мы считали друзьями или по крайней мере союзниками. Впрочем, сейчас это не важно, потому что у нас есть еще один, и гораздо более могущественный, враг: наш любимый Падишах-Император!

Пауль попытался сглотнуть вмиг пересохшим горлом:

- А ты не мог бы созвать сессию Ландсраада и разоблачить...

- Показать врагу, что мы знаем, чья рука занесла нож? Нет, Пауль. Сейчас мы по крайней мере видим нож. Кто

знает, откуда нам ждать удара тогда? Если мы выложим все перед Ландсраадом сейчас, это лишь внесет смятение. Император будет все отрицать, и кто посмеет ему противоречить? Все, что мы могли бы выиграть, – это небольшая отсрочка, а в случае неудачи нас ждет всеобщий хаос. И откуда пришел бы следующий удар?

- Все Дома могли бы запасать Пряность.

- У врагов слишком большая фора.

- Император... - протянул Пауль. - Это значит - сардаукары.
- И, без всякого сомнения, переодетые в форму Харконненов, - кивнул герцог. - Но все равно это будут те же солдаты-фанатики.
- Но как смогут фримены помочь нам против сардаукаров?
- Хават рассказывал тебе о Салусе Секундус?
- Императорской планете-каторге? Нет.
- Что, если это нечто большее, нежели просто тюремная планета? Есть один вопрос о корпусах сардаукаров, который при тебе ни разу не задавали. А именно: откуда они вообще берутся?
- С планеты-каторги?
- Почему бы и нет?
- Но Император регулярно, в виде особой подати, проводит рекрутские наборы...
- Вот в это-то нас и заставляют поверить: что сардаукары - просто набранные Императором рекруты, которых великолепно готовят с юного возраста. Иногда поговаривают о неких инструкторах, доводящих новобранцев до нужного уровня, но баланс сил в нашей цивилизации остается тем же: с одной стороны - войска Великих Домов Ландсраада, с другой - сардаукары и рекрутчики-новобранцы. Новобранцы, Пауль. А сардаукары остаются сардаукарами.
- Но, по слухам, Салуса Секундус не планета, а настоящий ад!
- Несомненно. Но скажи: если бы ты хотел воспитать стойких, сильных, свирепых солдат, в какую среду ты бы их поместил?
- Но как добиться верности от таких людей?
- Для этого есть проверенные способы: игра на их чувство собственного превосходства, мистика тайного братства, дух разделенного страдания... Все это не так уж трудно сделать. И так делалось на многих мирах, в разные эпохи.
- Пауль кивнул, не сводя глаз с отца. Он чувствовал, что сейчас услышит нечто очень важное.
- Взгляни на Арракис, - негромко сказал герцог. - За пределами городов и гарнизонных поселков он не менее ужасен, чем Салуса Секундус.
- Глаза Пауля широко раскрылись. .. - Фримены!
- Великолепный потенциал для создания столь же сильного и смертоносного войска, как и Корпус Сардаукаров. Понадобится немыслимое терпение, чтобы втайне привлечь и подготовить их, и немыслимые средства, чтобы должным образом вооружить. Но фримены - там... и там - Пряность. Понимаешь теперь, почему мы идем на Арракис - даже зная, что там - ловушка?
- А Харконнены разве не знают о фрименах?
- Харконнены издавались над ними, охотились на них для развлечения, ни разу не пробовали хотя бы сосчитать их. Политика Харконненов - тратить на население лишь столько, сколько нужно, чтобы оно не вымерло.
- ; Вышитый металлом герб на груди герцога сверкнул от резкого движения.
- Теперь ты понимаешь?
- Мы уже ведем переговоры с фрименами, - утвердительно сказал Пауль.
- Да. Я направил к ним миссию во главе с Дунканом Айдахо, - ответил герцог. - Дункан - человек гордый и, пожалуй, жестокий, зато он любит правду. Я надеюсь, фримены будут от него в восторге. Если нам повезет, они будут судить и о нас по нему. По Дункану Достойному. А порядочности ему не занимать...
- Дункан Достойный, - проговорил Пауль, - и Гурни Доблестный.
- Ты их хорошо назвал, - кивнул герцог.

И Пауль подумал: Гурни - один из тех, кого имела в виду Преподобная, когда говорила о столпах, поддерживающих мир: «...и доблесть храбрых».

- Гурни сказал, что сегодня ты хорошо сражался, - сказал герцог.
- Да? А мне он говорил совсем другое. Герцог громко рассмеялся:
- Могу себе представить, как... скруто хвалил тебя Гурни в лицо. Но он говорит, что ты уже по-настоящему чувствуешь разницу между лезвием клинка и его острием.
- Гурни говорит: чтобы убить острием, особого мастерства не нужно, а вот убить лезвием – подлинное искусство.
- Гурни – романтик, – проворчал герцог. Слова об убийствах из уст сына расстроили его. – Что до меня, то мне хотелось бы, чтобы тебе вообще не пришлось убивать... но уж если возникнет необходимость, делай это, как сумеешь, не важно, острием клинка или его лезвием. – Он скользнул глазами по потолочному окну, по которому барабанил дождь.

Проследив за взглядом отца, Пауль подумал, что, наверное, на Арракисе ему уже никогда не увидеть воды с неба, – и эта мысль о небе заставила его вспомнить и о пространстве за его пределами.

- Правда ли, что корабли- Гильдии – самое большое из всего, построенного людьми? – поинтересовался Пауль.

Герцог перевел взгляд на сына.

- В самом деле, это же твой первый межпланетный перелет. Да, больше этих кораблей нет ничего. Мы пойдем на хайлайнера, потому что путешествие предстоит долгое. Хайлайнер – самый огромный из кораблей. Все наши фрегаты и транспортники свободно уместятся в одном уголке его трюма – мы будем лишь небольшой частью груза..

- А нам нельзя будет покидать наши корабли на хайлайнере?

- Это – часть той цены, которую мы платим за гарантированную Гильдией безопасность. Рядом с нашими там могли бы стоять корабли Харконненов, и нам нечего было бы опасаться. Харконнены не станут рисковать своими транспортно-грузовыми привилегиями.

- Тогда я попробую увидеть какого-нибудь гильдиера хотя бы через наши видеоэкраны.

- Не увидаишь. Даже агенты Гильдии никогда не видели ни одного настоящего гильдиера. Гильдия бережет свою таинственность так же строго, как и свою монополию. Пауль, не стоит делать ничего, что могло бы хоть в малой степени повредить нашим транспортным привилегиям.

- А ты не думаешь, что они, возможно, прячутся потому, что мутировали и теперь не похожи... на человека?

- Кто знает? – пожал плечами герцог. – Нам, во всяком случае, вряд ли удастся разгадать эту тайну. Да и у нас есть более неотложные проблемы. В частности – ты.

- Я?

- Твоя мать хотела, чтобы именно я сказал тебе... Видишь ли, сын, возможно, у тебя имеются способности ментата.

Пауль смотрел на отца, какое-то время не в состоянии открыть рот. Наконец он выговорил:

- Способности ментата?.. У меня?.. Но я же...

- Хават тоже так считает. Это правда.

- Н-но... я думал, что подготовка ментата должна начинаться с раннего детства, причем ему самому нельзя говорить об этом, так как это могло бы помешать раннему... – Он замолчал на полуслове; внезапно многие обстоятельства его жизни сложились в единую картину. – Понятно, – сказал он.

- Приходит день, – вздохнул герцог, – когда потенциальный ментат должен узнать, что с ним делают. И с этого момента «с ним» делать больше ничего нельзя. Он должен сам решить, продолжать ли обучение или отказаться от него. Некоторые могут продолжать, другие же – нет, поскольку не способны. И только сам потенциальный ментат может точно знать о себе это.

Пауль потер подбородок. Все его специальные занятия с Хаватом и матерью – мнемоника, концентрирование сознания, мышечный контроль и развитие остроты чувств, изучение языков и оттенков голоса – все это он увидел по-новому.

- Когда-нибудь ты станешь герцогом, сын, – сказал отец. – А герцог-ментат действительно был бы

грозой врагов. Итак, можешь ли ты решить сейчас... или тебе нужно подумать?

Пауль не колебался:

- Я буду продолжать занятия.

- Настоящей грозой... - пробормотал герцог, и Пауль увидел на лице отца улыбку гордости. Эта улыбка поразила Пауля: узкое лицо герцога вдруг показалось ему черепом. Пауль опустил веки, чувствуя, как ужасное предназначение вновь пробуждается в глубине его сознания: может быть, ужасное предназначение и состоит в том, чтобы стать ментатом...

Но когда он сосредоточился на этой мысли, его новое зрение отвергло ее.

Глава 7

Именно применительно к леди Джессике и планете Арракис система насаждения легенд, распространяемых Бене Гессерит с помощью Миссионарии Протектива, раскрыла все свои возможности и достигла наибольшего успеха. Разумность политики внедрения в обитаемой вселенной системы пророчеств, служащих к охране Бене Гессерит, признавалась давно. Однако же никогда ранее не сочетались столь *ut extremis* (до предела, полностью (лат.)) личность и предшествующая миссионерская подготовка. Пророческие легенды укоренились на Арракисе, став неотъемлемой частью местных верований и ритуалов (включая представление о Преподобной Матери, ритуалы Кonto и Респонду и большую часть Паноплия Профетикус, относящихся к Шари-а). И теперь общепризнано, что скрытые способности леди Джессики долгое время очень сильно недооценивались.

(Принцесса Ирулан, «Арракинский кризис; анализ». Только для внутреннего пользования – средняя степень секретности. Номер досье по каталогам Б.Г.: АР-81088587)

Леди Джессика стояла посреди заполнивших почти весь парадный зал Арракинского дворца ящиков, коробок, чемоданов и контейнеров, частью уже распакованных. Они были сложены в углах, высились громадными грудами в центре зала, и Джессика слышала, как карго-офицеры и грузчики Гильдии складывают у парадного входа очередную партию багажа Атрейдесов.

Джессика стояла в центре зала. Медленно подняв взгляд к потолку и снова обратив внимание на стены, она разглядывала полускрытые тенями резные потрескавшиеся панели, глубокие оконные ниши. Анахронизм стиля живо напомнил ей Залу Сестер в школе Бене Гессерит. Но в школе этот анахронизм создавал ощущение теплоты и уюта. Здесь же все было словно холодный камень...

Архитектор, подумала она, извлек все это из далекого прошлого: стены с мощными контрфорсами, тяжелые темные драпировки... Высокий сводчатый потолок двусветного зала поддерживали огромные балки - Джессика была уверена, что их доставили на Арракис издалека и наверняка за чудовищную цену. Ни на одной планете системы Канопуса не было деревьев, из которых можно было бы сделать такие балки, разве только это была имитация дерева.

Впрочем, дерево определенно казалось настоящим.

Это был типичный правительственный дворец времен Старой Империи. Тогда стоимость строительства роли не играла. Его построили задолго до прихода Харконненов и задолго до возведения их столицы, мегаполиса Карфаг, безвкусного и бесстыдного города километрах в двухстах к северо-востоку, по ту сторону Холмов. Лето, безусловно, поступил мудро, избрав своей столицей Арракин. Само название города производило благоприятное впечатление, от него веяло богатыми традициями. Кроме того, Арракин меньше, его легче очистить от харконненских агентов и легче защищать...

Снова послышался грохот разгружаемых ящиков, и Джессика вздохнула.

Справа, совсем рядом с ней, стоял прислоненный к коробке портрет старого герцога - отца Лето. Свисающая с рамы бечевка казалась оборванным аксельбантом. Возле портрета лежала голова черного быка, укрепленная на полированной доске. Голова казалась темным островом в море мяты бумаги. Доску не поставили, а положили на пол, и блестящий бычий нос тянулся к потолку, словно под гулкими сводами зала вот-вот прозвучит рев могучего зверя,зывающий противника на бой.

Интересно, подумалось Джессике, что заставило ее распаковать в первую очередь именно эти две вещи - голову и картину. В какой-то степени в этом был некий символ. С того самого дня, как люди герцога взяли ее из школы, она не чувствовала себя такой испуганной и неуверенной в себе.

Голова и картина.

Они усилили ее смятение - по спине пробежала внезапная дрожь... Джессика взглянула на узкие окна-амбразуры под потолком. Солнце только недавно перевалило за полдень, но нёбо в этих широтахказалось темным и холодным - намного темнее теплого голубого неба Каладана. На Джессику вдруг нахлынула тоска по дому. Ты так далеко отсюда, Каладан!..

- Вот и приехали! - Это был голос герцога Лето. Джессика увидела, как он входит в зал из сводчатого

коридора, ведущего в Обеденный зал. Его черный повседневный мундир с красным гербовым ястребом на груди запылился.

- Я боялся, что ты заблудишься в этом кошмарном месте, - улыбнулся он.

- Да, это очень неприветливый дом, - ответила Джессика. Его высокая фигура, его смуглое лицо

вызывали в ней мысли об оливковых рощах и о золотом солнце, играющем в голубой воде. Серые глаза были мягкого оттенка древесного дыма, но острые, ломаные черты придавали лицу нечто хищное.

Она внезапно испугалась его, и страх этот сдавил ей грудь. С тех пор, как он решился исполнить приказ Императора, он стал таким резким, неистовыем, диким?..

- И весь город такой неприветливый, - сказала она.

- Да, грязный, пыльный гарнизонный городишко, - согласился герцог, - Но мы тут все изменим.

Он оглядел зал.

- Впрочем, это все - официальные помещения. Я только что осмотрел семейные апартаменты в южном крыле - они куда приятнее. - Он шагнул к ней, коснулся ее руки, любуясь ее величавым видом.

И в который раз спросил себя: кем были ее неизвестные предки? Может быть, они принадлежали к одному

из Отступнических Домов? К опальной ветви императорского рода? Она выглядела более царственно, чем женщины императорской крови.

Под его взглядом она полуотвернулась, и теперь ее лицо было в профиль к нему. И он понял, что в Джессике не было какой-то определенной черты, делавшей ее прекрасной. Лицо - овал под шлемом бронзовых волос; широко поставленные глаза - зеленые и ясные, как утреннее небо Каладана. Нос маленький, а рот - крупный и благородный. Фигура ее была хорошей, но не яркой: высокая, со слаженными худобой формами.

« Он припомнил, что воспитанницы Школы называли ее „кожа да кости“ - во всяком случае, так сообщили его агенты, посланные купить женщину своему герцогу. Но это определение оказалось слишком примитивным. Джессика вернула роду Атрейдесов королевскую красоту. Он был рад, что Пауль похож на нее.

- А где Пауль? - спросил он.

- Где-то здесь, в доме. У него урок с Юйэ.

- Ну, Тогда это в южном крыле, - кивнул герцог. - Я, кажется, слышал голос Юйэ, но мне было недосуг. - Он взглянул на нее и, поколебавшись, добавил: - Собственно, я зашел сюда, только чтобы повесить в Обеденном зале ключ от замка Каладан.

Она затаила дыхание и едва сумела подавить желание взять его за руку. Повесить ключ - значило придать их вселению сюда окончательный характер. Было не время и не место расслабляться...

- Когда мы входили, я видела над домом наш флаг. Герцог взглянул на портрет:

- Где ты собираешься его повесить?

- Здесь, наверное.

- Нет. - Это слово прозвучало категорично и окончательно, и Джессика поняла, что если она и добьется своего, то лишь хитростью. Споры же были бесполезны. Но попытаться следовало - даже если такая попытка лишь напомнила ей, что его она обманывать не может.

- Милорд, - сказала она, - если только...

- Все равно - нет. Я позорно потакаю тебе почти во всем - но не в этом. Я только что был в Обеденном зале, где...

- Милорд, я прошу...

- Приходится выбирать между твоим пищеварением и моим родовым достоинством, дорогая. Портрет будет висеть в Обеденном зале.

Она вздохнула:

- Да, милорд.

- Впрочем, ты можешь обедать в своих комнатах, как когда-то. Но на официальных приемах, пожалуйста, занимай свое место в Обеденном зале.

- Благодарю, милорд.

- И будь любезна, не держись так холодно и официально со мной! Скажи спасибо» что я на тебе не женился. Тогда сидеть со мной за одним столом было бы твоей обязанностью. Несколько раз в день.

Они кивнула, стараясь, чтобы по ее лицу нельзя было ничего прочесть.

- Хават уже смонтировал и наладил большой ядоискатель над обеденным столом, - заметил он. - Переносной установили в твоих покоях.

- Вы предвидели эти... разногласия, - утвердительно сказала она.

- Я думал и о том, чтобы тебе было удобно, дорогая. Да, еще я нанял слуг. Они местные, но Хават их проверил - все как один фримены. До тех пор, пока не освободятся наши люди, сойдет.

- Может ли хоть кто-нибудь на этой планете считаться действительно надежным и неопасным?

- Всякий, кто ненавидит Харконненов. Возможно, ты даже захочешь впоследствии оставить на службе главную домоправительницу, Шэдаут Мэйпс.

- Шэдаут, - повторила Джессика. - Это фрименский титул?

- Мне сказали, это значит «Черпающий из кладезя» - этот термин имеет здесь какие-то важные нюансы. Она может показаться тебе непохожей на прислугу, но Хават высоко ее оценил, основываясь на рапорте Дункана. Они убеждены, что она хочет служить - причем служить тебе.

- Мне?

- Фримены признали, что ты из Бене Гессерит, - объяснил он. - Здесь о вас, о Б.Г., ходят кое-какие легенды.

«Миссионария Протектива, - подумала Джессика. - Поистине нет планеты, ускользнувшей от них».

- Означает ли это, что миссия Дункана увенчалась успехом? - спросила она. - Фримены будут нашими союзниками?

- Пока ничего определенного. Дункан считает, что они хотят сперва понаблюдать за нами. Правда, они обещали прекратить набеги на наши окраинные поселения на время перемирия. Это гораздо больший успех, чем может показаться на первый взгляд. По словам Хавата, фримены всегда были головной болью Харконненов, а размеры наносимого ими ущерба тщательнейшим образом скрывались. Харконнену меньше всего хотелось сообщать Императору, что вся его армия не в состоянии справиться с местными бродягами.

- Фрименка-домоправительница, - задумчиво проговорила Джессика. - У нее, конечно, совершенно синие глаза.

- Пусть тебя не обманывает их внешность, - сказал герцог. - В них много внутренней силы и здоровой жизненности. Я думаю, они именно то, что нам нужно.

- Это опасная игра.

- Давай не будем к этому возвращаться. Джессика заставила себя улыбнуться.

- В любом случае мы уже вовлечены в эту игру - в этом-то по крайней мере сомнений нет.

Она быстро проделала приемы восстановления спокойствия - два глубоких вдоха, произнесенная формула - и сказала:

- Я буду распределять комнаты. У вас есть какие-нибудь особые пожелания?

- Ты должна научить меня когда-нибудь, как это делается, - заметил он. - Как ты отbrasываешь тревоги и возвращаешься к повседневным делам. Надо полагать, Бене-Гессеритские хитрости?

- Женские, - ответила она.

Он улыбнулся.

- Так вот, что касается комнат: во-первых, мне нужен большой кабинет рядом со спальней. Бумажной работы здесь будет гораздо больше, чем на Каладане. Разумеется, помещение для охраны рядом. И это, пожалуй, все. О безопасности дома не беспокойся. Суфировы парни проверили каждую щель.

- В этом я не сомневаюсь.

Он глянул на наручный хронометр.

- И проследи, чтобы все наши часы установили по аракинскому времени. Я уже велел технику заняться этим...

Он отвел прядь волос у нее со лба.

- А теперь мне надо вернуться на посадочное поле. Второй членок, с отрядами резерва, сядет с минуты на минуту.

- Разве Хават не может их встретить, милорд? У вас такой усталый вид...

- Бедняга Суфир занят еще больше меня. Ты же знаешь, планета просто кишит харконненскими интригами. Кроме того, я должен попытаться уговорить нескольких опытных искателей Пряности не покидать Арракис. Ты знаешь - при смене правителя планеты у них есть право выбора, а этого планетолога, которого Император и Ландсраад назначили Арбитром Смены, невозможно подкупить. И он разрешил им выбирать. Около восьмисот квалифицированных меланж-машинистов и рабочих собираются вылететь на членке с грузом Пряности, а на орбите висит корабль Гильдии.

- Милорд... - Она запнулась, не решаясь продолжать.

- Да?

«Его не отговорить от попытки сделать эту планету безопасной для нас, - думала Джессика. - И я не могу применить к нему приемы Бене Гессерит!»

- В какое время вы желаете обедать? - спросила она.

«Она не это хотела сказать, - понял он. - Ах, Джессика моя! Если б можно было оказаться подальше, от этого ужасного места - вдвоем, без необходимости думать о безопасности, без всех этих забот и тревог!..»

- Поем в офицерской столовой на космодроме. - Он махнул рукой. - Вернусь поздно. И... да, я пришлю за Паулем машину с охраной. Я хочу, чтобы он присутствовал на совещании по вопросам нашей стратегии.

Он кашлянул словно собираясь сказать что-то еще, потом, не произнеся ни слова, круто развернулся и уверенными шагами вышел в вестибюль, откуда все еще доносились звуки разгрузки. Слышино было, как он говорит в обычной надменно-командной манере (он всегда так обращался к слугам, когда спешил):

- Леди Джессика в Большом зале. Иди к ней, немедленно.

Хлопнула наружная дверь.

Джессика повернулась к портрету отца Лето. Тот был написан знаменитым Альбе в зрелые годы Старого Герцога и изображал его в костюме матадора с ярко-красным плащом на левой руке. Его лицо казалось довольно молодым - едва ли старшие, чем Лето сейчас, и те же были у него ястребиные черты, те же серые пристальные глаза. Глядя на картину, она сжала кулаки.

- Будь ты проклят! Проклят! Проклят! - прошептала она.

- Что прикажете, высокородная госпожа? - Голос был женский, высокий и тягучий.

Джессика резко повернулась. Перед ней стояла угловатая седая женщина в свободном бесформенном платье уныло-бурого цвета. Она была такой же морщинистой и высохшей, как и все в толпе, встречавшей их утром на космодроме. Все жители планеты, кого я видела, подумала Джессика, были на вид какие-то иссохшие и истощенные. Лето, правда, сказал, что они очень сильные и жизнестойкие. И, конечно, у всех были эти необычные глаза - темно-синие глубокие провалы без капли белизны. Загадочные, таинственные глаза. Джессика заставила себя отвести взгляд.

Женщина неуклюже поклонилась - такой кивок могло бы отвесить боевое копье:

- Меня зовут Шэдаут Мэйпс, высокородная. Я жду ваших распоряжений.

- Можете называть меня «миледи», - сказала Джессика. - Я не высокородная. Я состою в конкубинате с герцогом Лето - я его официальная наложница.

Снова последовал тот же странный кивок, и женщина с какой-то двусмысленностью спросила:

- Значит, есть еще и ,жена?

- Нет и никогда не было. Я - единственная... спутница герцога и мать его наследника.

Говоря это, Джессика внутренне усмехнулась над гордыней, прозвучавшей в ее словах. Как там у блаженного Августина?.. «Разум приказывает телу, и тело подчиняется. Разум приказывает себе - и встречает сопротивление...» Да - и в последнее время это сопротивление растет. Придется мне потихоньку отступать...

С улицы донесся странный протяжный крик. И снова: «Су-су-суук! Су-су-суук! Икккут-эй!..» - и вновь: «Су-су-суук!..»

- Что это такое? - спросила Джессика. - Я уже слышала такой крик несколько раз, когда мы ехали по городу...

- Это всего лишь водонос, миледи. Торговец водой. Но вам не придется самой иметь дело с ними. Дворцовый резервуар рассчитан на пятьдесят тысяч литров и всегда полон... - Женщина взглянула на свое платье. - Видите, миледи, я даже могу не носить здесь дистикомб! - Она хихикнула. - И все еще жива! Живой человек без дистикомба!..

Джессика промолчала. Она колебалась, не зная, о чем можно спросить эту фрименку. Ей нужна какая-то информация, чтобы управлять женщиной... но еще важнее было навести порядок в новом доме. И ей было не по себе от мысли, что главным мерилом богатства здесь была вода.

- Мой муж говорил мне о вашем титуле - Шэдаут, - сказала Джессика. - Я знаю это слово. Оно очень древнее.

- Значит, вы знаете древние языки? - спросила Мэйпс и странно напряглась в ожидании ответа.

- Языки - первое, чему учат в школах Бене Гессерит, - ответила Джессика. - Я знаю бхотани джиб, чакобса, все охотничьи языки...

Мэйпс кивнула:

- Точно так, как сказано в легенде.

«Почему яучаствую в этом мошенничестве? - спросила себя Джессика. - Но пути Бене Гессерит извилисты и запутаны, и кто восстанет против их силы?..»

- Мне ведомы Темные Знания и стезя Великой Матери, - промолвила Джессика. В поведении и внешности Мэйпс она прочла многое сказавшие ей знаки уже более очевидные. - Мисецес прейя, - провозгласила Джессика на чакобса. - Андрал т're перал Трада цик бускари мисецес перакри...

Мэйпс на шаг отступила от нее, словно готовая бежать.

- Мне многое ведомо, - Продолжала Джессика. - Так, я знаю, что у тебя были дети, что ты потеряла тех, кого любила, что ты вынуждена была скрываться и бежать в страхе, что, наконец, ты совершила насилие - и готова совершать его вновь, и совершишь еще; я многое знаю!

- Я не хотела обидеть вас, миледи, - тихо сказала Мэйпс.

- Ты говоришь о легендах - и жаждешь ответов, - сказала Джессика, - но берегись этих ответов! Так, знаю я, что ты пришла сюда, приготовясь к насилию, с оружием на груди. Так?

- Госпожа моя, я...

- Возможно, тебе и удалось бы забрать кровь жизни моей, - тем же тоном сказала Джессика, - хотя шансы на это и невелики. Но, сотворив сие, ты разрушила бы больше, чем способна представить в самых страшных своих кошмарах. Есть нечто худшее, чем смерть,» - ты знаешь это, - даже и для целого народа.

- Госпожа! - взмолилась Мэйпс. Казалось, она упадет сейчас перед Джессикой на колени. - Госпожа, это оружие было послано вам в дар - если будет свидетельство, что вы - это Она, Та, - кого мы ждем...

- Или же как орудие убийства - если окажется, что это не так, - утвердительно сказала Джессика. Она сидела в той обманчивой внешней расслабленности, которая делала обученных Бене Гессерит столь опасными противниками в бою.

Сейчас станет ясно, что она решила.

Мэйпс медленно сунула руку за ворот своего платья и извлекла оттуда темные ножны, Из которых торчала черная рукоять с глубокими вырезами для пальцев. Она взяла ножны одной рукой, рукоять - другой, обнажила молочно-белый клинок и повернула его острием вверх. Казалось, клинок

светится внутренним светом. Он был слегка изогнутым, обоюдоострым, как кинжал, сантиметров двадцати длиной.

- Знаете ли вы, что это такое, миледи? - спросила Мэйпс.

Джессика поняла, что это может быть лишь одна вещь – легендарный арракийский крис, который никогда не покидал планету и был известен лишь по самым фантастическим слухам и рассказням.

- Это крис, - сказала она.

- Не говорите об этом так просто, - сказала Мэйпс. - Известно ли вам его значение?

Похоже, вопрос с двойным дном, пронеслось в голове Джессики. Вот зачем гордая фрименка пошла ко мне в услужение: чтобы задать его. Мой ответ вызовет нападение или... что? Она хочет, чтобы я сказала о значении ножа. Она называлась Шэдаут – на чакобса; Нож на чакобса будет «податель смерти»... Она теряет терпение, я должна отвечать. Задержка так же опасна, как и неправильный ответ...

- Это – Податель...

- Эйи-и-ии! - воскликнула Мэйпс. Крик одновременно горя, восторга и преклонения. Она так дрожала, что лезвие ножа бросало по комнате белые блики.

Джессика ждала, призывав на помощь все своё самообладание. Она хотела сказать, что нож – это «податель смерти», и добавить затем древнее слово на чакобса, но теперь все чувства, все ее сверхразвитое внимание к мельчайшим движениям тела – все останавливало ее.

Ключевым было слово... Податель.

Податель? Податель.

Но Мэйпс все еще держала нож так, словно готова была пустить его в ход.

- Ты полагала, - промолвила Джессика, - что я, посвященная в тайны Великой Матери, не узнаю Подателя?

Мэйпс опустила нож.

- Миледи... госпожа моя, когда так долго живешь с пророчеством, момент его исполнения становится потрясением.

Джессика подумала об этом пророчестве. Даже кости сестер Бене Гессерит, принадлежавших к Миссионарии Протектива, которые занесли сюда семена Шари-а и Паноплиа Профетикус, давно истлели, но цель их достигнута: необходимые легенды пустили корни в сознании этих людей в предвидении дня, когда они смогут послужить Бене Гессерит.

И вот этот день настал.

Мэйпс вернула крис в ножны и тихо сказала:

- Госпожа, это нефиксированный клинок. Храни его всегда возле себя. .Неделя вдали от тела – и он начнет разлагаться. Он твой, этот зуб Шай-Хулуда, твой... до твоей смерти.

Джессика протянула руку и рискнула пойти ва-банк:

- Мэйпс, ты убрала в ножны клинок, не вкушивший крови! -

Вздрогнув, Мэйпс уронила клинок в руку Джессики и, рывком распахнув на груди свое бурое одеяние, воскликнула:

- Возьми воду моей жизни!

Джессика вытянула клинок из ножен. Как он сверкает! Она повернула его острием к Мэйпс и увидела, что той овладел страх больший, чем страх смерти.

«Острие отравлено?» - подумала Джессика. Она подняла нож, провела им над левой грудью Мэйпс небольшую царапинку. Порез сразу и обильно набух кровью, но красная струйка остановилась почти сразу.

«Сверхбыстрая коагуляция, - отметила Джессика. - Видимо, влагосберегающая мутация...»

Она вложила клинок в ножны, приказала:

- Застегнись, Мэйпс,

Мэйпс подчинилась, дрожа. Ее лишенные белого цвета – сплошь синева – глаза не мигая смотрели на Джессику.

- Ты – наша, – бормотала она, – ты – Она...

Со стороны вестибюля снова донесся грохот разгружаемых ящиков. Мэйпс быстро подхватила вложенный в ножны крис и спрятала его в одеянии Джессики.

- Кто увидит этот нож, тот должен быть очищен или убит! – прошептала она. – Ты знаешь это, госпожа!

Теперь знаю, г- подумала Джессика. Грузчики и их начальники ушли, не заглянув в большой зал.

Мэйпс овладела наконец собой и сказала:

- Тот, кто увидел крис и не был очищен, не должен живым покинуть Арракис. Никогда не забывай этого, госпожа. – Мэйпс глубоко вздохнула. – Теперь же дело должно идти своим путем. Ускорить события невозможно... – Она взглянула на штабеля ящиков и груды вещей вокруг. – Пока у нас найдется довольно работы и здесь.

Джессика колебалась. Дело должно идти своим путем? Но это же специфическое выражение из ритуальных формул Миссионерии Протектива, и означает оно «Приход Преподобной Матери, которая освободит вас».

«Но я же не Преподобная Мать! – Но тут Джессику поразило то, что вытекало из фразы Мэйпс. – Преподобная Мать! Они привили здесь эту легенду! Значит, Арракис – в самом деле страшное место!..»

А Мэйпс как ни в чем не бывало спросила:

- С чего прикажете начать, миледи?

Джессика инстинктивно поняла, что должна ответить так же спокойно, словно между ними не произошло ничего:

- Вот этот портрет Старого Герцога надо повесить в Обеденном зале. А голова быка должна быть повешена на противоположной от него стене. Мэйпс подошла к бычьей голове.

- Какой же, должно быть, это был большой зверь – при такой-то голове, – сказала она и наклонилась по

- Какой же, должно быть, это был большой зверь – при такой-то голове, – сказала она и наклонилась по ближе. – Только, наверное, сначала мне придется почистить ее, миледи.

- Не надо.

- Но тут на рогах грязь, прямо комками.

- Это не грязь, Мэйпс. Это кровь отца нашего герцога. Рога покрыты прозрачным фиксатором через несколько часов после того, как этот зверь убил Старого Герцога.

Мэйпс выпрямилась.

- Ах, вот как.

- Это просто кровь, – пояснила Джессика. – Да еще и старая кровь-Возьми кого-нибудь себе в помощь: эти ужасные вещи довольно тяжелы.

- Вы полагаете, кровь может меня обесспокоить? – еле заметно усмехнулась Мэйпс. – Я из Пустыни, и крови видела предостаточно.

- Да... могу поверить, – пробормотала Джессика.

'– Притом' часть этой крови была моей собственной, – продолжила Мэйпс. – И ее было куда больше, чем выпустили вы из этой маленькой царапинки!

- Ты бы хотела, чтобы я резанула поглубже?

- Ах, нет! К чему расточать зря воду тела? Всё вы сделали правильно.

И Джессика, уловив ее интонацию, отметила глубокое значение слов «вода тела». Снова огромное

значение воды на Арракисе вызвало в ней чувство подавленности.

- На какие именно стены повесить каждое из этих украшений, миледи? – спросила Мэйпс.

Какая она педантичная, эта .Мэйпс, подумала Джессика и махнула рукой:

- На твое усмотрение, Мэйпс. Особого значение это не имеет.

- Как скажете, миледи. – Мэйпс нагнулась и принялась снимать с бычьей головы остатки обертки и бечевку. – Убил, значит, старого-то герцога, малыш? – почти пропела она, обращаясь к голове.

- Позвать тебе на помощь грузчика? – спросила Джессика.

- Я справлюсь сама, миледи.

Да, она справится. Этого у нее не отнимешь: стремление справиться с чем угодно.

Крис в ножнах холодил кожу на груди, и Джессика представила себе длинную цепь планов Бене Гессерит, выковавшей здесь еще одно звено. Благодаря этим планам ей удалось пережить сейчас смертельный кризис. «Ускорить события нельзя», – сказала Мэйпс. Но уже сама поспешность, с какой они устремились в это место, наполняла Джессику дурными предчувствиями. И ни подготовка Миссионарии Протектива, ни, дотошная проверка, которой Хават подверг это логово, не могли рассеять эти предчувствия.

- Когда повесишь их, начинай распаковывать ящики, – сказала Джессика. – У одного из грузчиков в вестибюле есть все ключи, и он знает, куда что нести. Возьми у него ключи и опиши вещей. Если будут какие-нибудь вопросы – я в южном крыле.

- Слушаюсь, миледи.

Джессика повернулась к выходу, но тревога не покидала ее: хотя Хават считал дом безопасным, что-то здесь было не так, она чувствовала это.

Вдруг она поняла; что ей необходимо увидеть сына – прямо сейчас. Она направилась к арочному проему коридора, соединявшего Большой зал с Обеденным и с жилыми покоями. Она шла все быстрее и быстрее и наконец – почти побежала.

За ее спиной Мэйпс, оторвавшись от очистки бычьей головы от клочков упаковки, взглянула хозяйке вслед и пробормотала:

- Она действительно Та. Бедняжка.

Глава 8

«Юйэ! Юйэ! Юйэ! – звучит рефрен. – Миллиона смертей мало для Юйэ!»

(Принцесса Ирулан, «История Муад'Диба для детей»)

Дверь была приоткрыта, и Джессика вошла в комнату с желтыми стенами. Слева стоял небольшой диван черной кожи – и два пустых книжных шкафа, висела пыльная фляга с водой. Справа, по обе стороны второй двери, – еще два пустых шкафа и привезенный с Каладана стол с тремя креслами. А напротив, у окна, спиной к ней стоял доктор Юйэ и не отрываясь смотрел на что-то снаружи.

Джессика тихо сделала еще один шаг.

Она заметила, что одежда Юйэ измята, на локте – меловое пятно, словно он где-то прислонился к штукатурке. Со спины он выглядел бестелесной тонкой фигуркой в карикатурно больших черных одеждах. Казалось, это – составленная из палочек марионетка, которую в

любой момент может потянуть за ниточки невидимый кукловод. Живой выглядела лишь массивная квадратная голова с длинными черными волосами, схваченными над самым плечом серебряным кольцом Сукской Школы, – голова еле заметно поворачивалась, следя за каким-то движением на улице.

Она снова оглядела комнату. Никаких следов присутствия сына, но дверь справа вела в маленькую спальню, облюбованную Паулем.

– Добрый день, доктор Юйэ, – кивнула ему Джессика. – А где Пауль?

Он качнул головой так, словно обращался к кому-то за окном, и, не оборачиваясь, отсутствующе произнес:

– Ваш сын устал, Джессика. Я отоспал его в ту комнату, чтобы он отдохнул...

Вдруг он замер и резко обернулся – длинные усы при этом шлепнули его по губам.

– Простите, миледи! Мысли мои были далеко... я... как я мог позволить себе фамильярность!

Она улыбнулась, успокаивающе протянув к нему правую руку, причем на мгновение испугалась, что доктор упадет перед ней на колени.

– Веллингтон, прошу вас...

– Но обращаться к вам подобным образом... я...

– Мы знаем друг друга уже больше шести лет, – сказала Джессика. – Достаточно долгий срок, чтобы отбросить чрезмерные формальности между нами – по крайней мере в неофициальной обстановке.

Юйэ отважился на слабую улыбку.

«Кажется, это сработало, – подумал он. – Теперь она отнесет все замеченные ею странности в моем поведении на счет смущения. „И, зная ответ, не станет доискиваться иных причин“.

– Боюсь, я слишком рассеян, – сказал он. – Всякий раз, когда я ощущаю сочувствие к вам, я думаю о вас, простите... как просто о... Джессике*

– Сочувствие ко мне? Почему?

Юйэ пожал плечами. Он уже давно понял, что Джессика не наделена даром Правдовидения в той же мере, как его Уанна. Тем не менее он всегда, когда это было возможно, старался говорить ей правду. Так было безопаснее всего.

– Вы уже видели это место, ми... Джессика. – Он споткнулся на имени, но затем продолжил: – Такое пустынное, голое после Каладана. А люди здесь! Эти горожанки, мимо которых мы проезжали, – как они 'кричали под своими покрывалами! Как смотрели на нас!..

Она сложила руки на груди, обхватила себя за плечи и ощутила крис – клинок, выточенный, если верить рассказам, из зуба песчаного червя.

– Просто мы кажемся им странными – иные люди, иные обычаи. Они же знали только Харконненов. – Джессика взглянула поверх его плеча в окно. – На что вы смотрели?

Он повернулся к окну:

- На людей.

Джессика встала рядом, посмотрела туда, куда глядел Юйэ, на участок перед домом. Там росли в ряд два десятка пальм. Земля между ними была голая, чисто выметенная. Силовое поле отгораживало их от улицы, по которой двигались люди в широких одеждах, Джессика заметила в воздухе между ней и этими людьми слабое мерцание поля, окружавшего дом, и все вглядывалась в толпу, пытаясь понять, что же в ней могло так захватить внимание Юйэ.

Наконец она заметила – и прижала ладонь к щеке. Как эти люди смотрели на пальмы! Она увидела зависть, какую-то ненависть... и даже надежду. Все они смотрели на пальмы с одним и тем же выражением лица.

- Знаете, о чем они думают? – спросил Юйэ.

- А вы умеете читать мысли?

- Эти мысли... Их не надо читать. Они глядят на пальмы и думают: «Это сто человек*. Вот что они думают.

Джессика недоуменно подняла брови:

- Почему?

- Это финиковые пальмы, – объяснил он. – Одной финиковой пальме требуется сорок литров, воды в день. Человеку – здесь – достаточно восьми. Таким образом, каждая пальма соответствует жизням пяти людей. Здесь двадцать пальм – то есть сотня людей.

- Но кое-кто из них смотрит на пальмы с надеждой.

- Они надеются всего лишь на то, что упадет несколько фиников. Только теперь не сезон.

- Мы слишком несправедливы к этой планете, – сказала Джессика. – Здесь, конечно, есть опасность, но есть и надежда. Пряность в самом деле может обогатить нас. А имея достаточно богатую казну, мы сможем превратить этот мир во что пожелаем...

И она мысленно засмеялась над собой: «Кого я пытаюсь убедить?» Смех вырвался наружу и прозвучал ломко, безрадостно.

- Но безопасность не купишь, – добавила она. Юйэ отвернулся, чтобы она не видела его лицо. «Если бы я только смог ненавидеть, а не любить этих людей!» – подумал он. Джессика во многом напоминала его Уанну. Но сама эта мысль несла с собой суровое напоминание, укрепляя его на тяжком пути к цели. Кто может знать все пути харконненской жестокости? Уанна могла быть еще жива. Он должен удостовериться сам.

- Не тревожьтесь за нас, Веллингтон, – мягко сказала Джессика. – Это наша проблема, не ваша.

«Она думает, что я тревожусь о ней! – Он смигнул слезу. – И она, конечно, права. Но я должен предстать перед этим черным бароном, исполнив порученное мне дело, и использовать единственный мой шанс, чтобы нанести удар тогда, когда он будет менее всего готов к этому, когда он будет слабее всего, – в момент его торжества!»

Юйэ вздохнул.

- Я не побеспокою Пауля, если взгляну на него? – спросила Джессика.

- Нисколько. Я дал ему успокаивающее.

- Хорошо ли он переносит перемены?

- Да, если не считать небольшого переутомления. Он возбужден, но кто в его возрасте не был бы возбужден в подобных обстоятельствах?.. – Юйэ подошел к двери, открыл ее. – Он здесь.

Джессика последовала за ним, вгляделась в полутьму.

Пауль лежал на узкой кровати, держа одну руку под легким покрывалом, а другую закинув за голову. Жалюзи на окне рядом с кроватью сплели узор теней на лице и покрывали.

Джессика всматривалась в лицо сына, овал которого так походил на ее собственный. Но волосы были отцовские – жесткие, черные, взъерошенные. Длинные ресницы скрывали светло-серые глаза. Джессика улыбнулась, чувствуя, как отступают страхи. Ее почему-то не отпускала мысль о наследственных признаках в чертах сына – ее глаза и абрис, но сквозь них, словно вырастающая из

детства зрелость, пропастили резкие черты отца.

Она подумала, что облик мальчика - изысканный дистиллят множества случайных сочетаний, бесконечной череды наугад тасуемых образов, соединенных в единую цепь. Ей захотелось встать на колени возле кровати и обнять сына, но сдерживало присутствие Юйэ. Она отступила назад и» тихо закрыла дверь.

Юйэ отошел к окну, не в силах смотреть, как Джессика любуется сыном. «Почему Уанна не подарила мне детей? - в который раз с тоской спросил он себя. - Я как врач знаю, что физических препятствий к тому не было. Связано ли это с Бене Гессерит? Возможно, ей велели хранить себя для какой-то иной цели? Но какой? Она, несомненно, любила меня...»

Впервые ему пришло в голову, что он сам мог быть частью замысла, куда более сложного и запутанного, чем он мог бы представить.

Джессика встала подле него, задумчиво сказала:

- Какая восхитительная безмятежность у сна ребенка... ' Он механически ответил:
- Если бы только взрослые умели так расслабляться. -Да.
- Где потеряли мы это?.. - пробормотал он.

Она взглянула на него, уловив что-то странное в его интонации, но мысли ее по-прежнему были прикованы к Паулю: она думала о новой суровости, которая должна прибавиться здесь к его обучению, о том, как изменится теперь его жизнь - и как сильно будет отличаться от той жизни, которую они планировали для него...

- Да, мы действительно потеряли что-то, - проговорила она.

Она взглянула направо, на склон, поросший дрожащими на ветру серо-зелеными кустами с пыльными листьями и ветвями, похожими на когтистые лапы. Мрачно-темное небо нависало над самым склоном, как огромная клякса. Молочно-белый свет арракийского солнца придавал пейзажу серебристый оттенок - свет этот напоминал блеск криса, спрятанного сейчас у нее на груди.

- Какое темное небо, - сказала она. . Отчасти это объясняется очень низкой влажностью, - пояснил Юйэ.'

- Вода! - раздраженно сказала Джессика. - Куда ни посмотри, все здесь напоминает о недостатке воды!

- Это и есть тайна Арракиса, - отозвался он.

- То, почему тут так мало воды?.. Почвы сложены из вулканических пород, Можно назвать дюжину различных причин. Есть лед в полярных шапках. В Пустыне, насколько мне известно, бурить нельзя - бури и песчаные приливы уничтожают оборудование прежде, чем оно будет установлено и запущено, если, конечно, черви не доберутся до него еще раньше. И ни разу им не попадались признаки воды... Но тайна - настоящая тайна, Веллингтон! - это колодцы, пробуренные во впадинах и чашах. Вы читали о них?

-Да. Сначала - тоненькая струйка, потом - ничего, - ответил он.

- Но, Веллингтон, в этом-то и есть тайна! Вода была там! Потом она иссякала, и больше ее никогда не было. Но затем рядом бурят новую скважину, и происходит то же самое: сначала - струйка, потом - ничего. Неужели никто не заинтересовался этим?

- В самом деле, странно, - согласился Юйэ. - Вы подозреваете участие биологического фактора? Но разве он не проявился бы в пробах грунта?

~ Проявился бы? Как? Инеродное растительное... или животное вещество? Кто распознал бы его? - Она снова повернулась к обрыву. - Вода не останавливается - что-то останавливает ее. Так мне кажется...

- Возможно, - кивнул Юйэ. - Харконнены закрыли множество источников информации об Арракисе. Быть может, у них были на то причины.

- Какие? - -спросила она. - И вот еще что: атмосферная влага. Да, ее немного, но она есть. Она дает большую часть добываемой воды, которую собирают ветровыми ловушками и осадителями. Откуда эта влага в атмосфере?

- Полярные шапки, возможно?..

- Холодный воздух не примет много влаги. За харконненской завесой здесь скрыто многое, требующее тщательного расследования, и не Все из этого напрямую связано с Пряностью.

- Мы действительно опутаны харконненской завесой, - проговорил Юйэ. - Возможно, мы даже... - Он оборвал себя, заметив напряжение, возникшее в ее взгляде, обращенном на него. - Что-нибудь не так?

- То, как вы сказали «харконненской»... - ответила она. - Даже герцог не произносит это имя с такой ненавистью. Я не знала, что у вас есть личные причины так ненавидеть их, Веллингтон.

«Великая Мать! - пронеслось у него в сознании. - Я таки вызвал ее подозрения! Теперь мне пригодятся все уловки, каким меня учила моя Уанна. Остается единственный путь - сказать ей правду, насколько это возможно...»

- Вы не знаете, что моя жена, моя Уанна... - Он свел плечи, не в силах продолжать из-за комка в горле. Наконец сумел выдавить: - Они... - Нет, он не мог говорить. Его охватила паника, он зажмурил глаза, испытывая боль в груди и почти ничего больше не чувствуя и не видя, пока его плеча не коснулась рука.

- Простите меня, - сказала Джессика. - Я не хотела тревожить старую рану.

«Эти скоты! - подумала она. - Его жена была Бене Гессерит, по нему это отчетливо видно. И очевидно, что Харконнены убили ее. Вот еще одна несчастная жертва, привязанная к Атрейдесам в шереме ненависти...»

- Простите, - сказал Юйэ, - я не могу говорить об этом. - Он открыл глаза, разрешая печали охватить себя. Печаль, по крайней мере, была подлинной.

- Веллингтон, мне; право, жаль - простите, что мы привезли вас в это ужасное место, - сказала она.

- Я приехал сюда по добной воле, - отозвался он. И это тоже была правда.

- Но вся эта планета - харконненская ловушка. Вы же должны это понимать.

- Нужно нечто большее, чем простая ловушка, чтобы поймать герцога Лето- И это тоже было правдой...

- Наверное, мне следовала бы быть более уверенной в нем, - вздохнула Джессика. - Он прекрасный тактик.

- Мы вырваны с корнем из нашей почвы, - проговорил он. - Вот почему нам так тяжело.

- А как легко убить вырванное с корнем растение, - сказала Джессика,- - Особенно когда оно пересажено на враждебную почву.

- Вы уверены, что почва враждебна нам?

- Когда здесь узнали, сколько людей добавляет герцог к местному населению, вспыхнули водяные бунты, - сказала она. - И они прекратились, только когда люди узнали, что мы устанавливаем новые ветровые ловушки и конденсаторы, чтобы покрыть расход воды на содержание наших людей.

- Но здесь воды достаточно для поддержания жизни лишь определенного количества людей, - возразил он. - И люди знают, что, когда на планете с ее ограниченными запасами воды появляются лишние рты, цены на воду растут и самые бедные вымирают. Но герцог решил эту проблему. Поэтому из водяных бунтов отнюдь не следует, что люди все время будут настроены к нему враждебно.

- А охрана, - сказала она, - повсюду охрана. И силовые поля. Куда ни взглянешь, повсюду мерцают силовые щиты. На Каладане мы жили не так...

- Погодите немного - дайте этой планете шанс, - сказал он.

Джессика продолжала смотреть в окно.

- Я чувствую здесь запах смерти - наконец проговорила она. - Хават прислал сюда батальон своих агентов задолго до квартирьеров. Стражники снаружи - его люди. Грузчики - его люди. Из казны безо всяких объяснений изымаются громадные суммы. Их размеры могут означать только одно: взятки на самом высшем уровне, -г Она пока-

чала головой. - Куда бы ни пришел Суфир Хават, следом появляются обман и смерть...

- Вы возводите напраслину на беднягу,

- Напраслину? Я же его хвалю. Смерть и обман – это все, на что мы еще можем надеяться. Просто я не заблуждаюсь относительно методов Суфира.

- Вам стоило бы... отвлечься каким-нибудь делом, – покачал головой Юйэ. – Не оставляйте себе времени для таких тягостных...

- Дело! А я что делаю почти все время, Веллингтон? Я – секретарь герцога, и это такое дело, что каждый день я узнаю о все новых опасностях... даже он сам не подозревает, что я знаю о них. – Она сжала губы и, помолчав, добавила; – Иногда я спрашиваю себя, какую роль в том, что он выбрал меня, сыграла моя подготовка как Бене Гессерит.

- Что вы имеете в виду? – Он поразился ее циничному тону, горечи, которую она никогда не выражала раньше.

- Не думаете ли вы, Веллингтон, – промолвила Джессика, – что куда безопаснее иметь секретаршу, привязанную любовью к своему патрону?..

- Вряд ли это достойная мысль, Джессика.

Упрек вырвался у него сам собой и потому прозвучал очень естественно. Невозможно было усомниться в том, как относится герцог к своей наложнице. Достаточно увидеть, как он взглядом следует задней...

Она вздохнула:

- Вы правы. Это в самом деле недостойно.

Она стояла, обхватив себя за плечи и прижав к телу крис в ножнах, думая о том незавершенном деле, символом которого он был.

- Скоро здесь прольется кровь. Много крови, – сказала она. – Харконнены не успокоятся, пока не погибнут сами или не уничтожат герцога. Барон не может забыть, что Лето – кузэн Императора, пусть и отдаленный, – а титул Харконненов куплен на миллиарды КООАМ. Но главное – это яд, отравляющий глубины его сознания: память о том, что когда-то, после Корринской битвы, Атрейдес изгнал Харконнена за трусость.

- Старинная вражда, – пробормотал Юйэ. На мгновение он ощущил разъедающее прикосновение ненависти. Старинная вражда поймала его в свои сети, убила его Уанну или – что еще хуже – оставила ее в руках харконненских мучителей, и пытки будут продолжаться, пока ее муж не заплатит запрошенную палачами цену. Старинная вражда поймала его, и эти люди – часть этого отвратительного дела. Какая злая ирония в том, что такая смертоносная мерзость расцвела именно здесь, на Арракисе, единственном во Вселенной источнике меланжи, продlevающей жизнь и дарующей здоровье!.. «

- О чем вы думаете? – спросила она.

- Я думаю о том, что сейчас декаграмм Пряности стоит шестьсот двадцать тысяч соляриев – и это не на черном рынке, а вполне официально. На такие деньги можно купить многое.

- Жадность коснулась даже вас, Веллингтон?

- Это не жадность.

- А что?

Он пожал плечами:

- Тщетность.

Взглянув на Джессику, он после небольшой паузы спросил:

- Вы помните, какой был вкус у Пряности, когда вы попробовали ее в первый раз?

- Она напоминала корицу.

- Но вкус ни разу не повторялся, – заметил Юйэ. – Она как жизнь – каждый раз предстает в новом обличье. Некоторые полагают, что меланжа вызывает так называемую реакцию ассоциированного вкуса. Иначе говоря, организм воспринимает ее как полезное вещество и, соответственно, интерпретирует ее вкус как приятный, – это эйфорическое восприятие. И, подобно жизни, Пряность никогда не удастся синтезировать, создать ее точный искусственный аналог...

- Я думаю, что нам, возможно, было бы мудрее стать отступниками, уйти за пределы досягаемости

Империи, – сказала Джессика.

Он понял, что она его не слушала, и подумал: в самом деле, почему она не склонила герцога к этому? Она могла бы заставить его сделать практически все, что угодно...

Он быстро проговорил – быстро, потому что меняя предмет разговора и проблем с правдой не должно было возникнуть:

– Не считите за дерзость... Джессика. Можно задать вам личный вопрос?

Она оперлась о подоконник, почувствовав необъяснимый укол беспокойства.

– Ну разумеется. Вы же... мой друг.

– Почему вы не заставили герцога жениться на вас? Она резко обернулась, вскинула голову, пристально взглянула ему в глаза.

– Не заставила его жениться на мне? Но...

– Мне не следовало задавать этот вопрос, – сказал он.

– Нет, почему же? – Она пожала плечами. – На то есть достаточно веская политическая причина – до тех пор, пока мой герцог остается неженатым, у некоторых Великих Домов сохраняется надежда на породнение с ним. И... – она вздохнула, – и, кроме того, принуждение людей, подчинение их своей воле приводит к циничному отношению к человечеству в целом. А такое отношение разлагает все, чего касается. Если бы я склонила его к этому... это было бы не его поступком.

– Эти слова могла бы сказать и моя Уанна, – пробормотал он/И это тоже было правдой. Он приложил руку ко рту, судорожно сглотнул. Никогда он не был так близок к признанию, к разоблачению своей тайной роли.

Джессика заговорила снова, разрушив мгновение, когда признание готово было сорваться;

– И кроме того, Веллингтон, в герцоге словно бы два человека. Одного из них я очень люблю. Он обаятельный, остроумный, заботливый; нежный – словом, в нем есть все, чего только может пожелать женщина. Но другой человек... холодный, черствый, требовательный и эгоистичный – суровый и жесткий, даже жестокий, как зимний ветер. Это – человек, сформированный его отцом. – Ее лицо искалилось. – Если бы только этот старик умер, когда родился Лето!..

В наступившем молчании слышно было, как шевелит занавески струя воздуха от вентилятора. Наконец она глубоко вздохнула и сказала:

– Лето прав – здесь комнаты уютнее, чем в других частях дома. – Она повернулась, окидывая комнату взглядом. – А теперь извините меня, Веллингтон. Я хотела бы еще раз обойти это крыло перед тем, как распределять помещения.

Он кивнул:

– Разумеется.

И подумал: «Если бы был хоть какой-нибудь способ избежать того, что я должен сделать!»

Джессика Опустила руки, пересекла комнату и на мгновение остановилась в нерешительности на пороге, – а потом все-таки вышла, ничего не спросив.

«В течение всего разговора он что-то скрывал, что-то утаивал, – думала она. – Несомненно, он боится расстроить меня. Он славный человек. – И снова заколебалась, почти уже повернула обратно, чтобы выяснить, что же скрывает Юйэ. – Но это только пристыдило и испугало бы его – да, он испугался бы, что я так легко читаю в „его душе. Мне следует больше доверять своим друзьям“.

Глава 9

Многие отмечали быстроту, с которой Муад'Диб усвоил уроки Арракиса и познал его неизбежности. Мы, Бене Гессерит, разумеется, знаем, в чем основы этой быстроты. Другим же можем сказать, что Муад'Диб быстро учился потому, что прежде всего его научили тому, как надо учиться. Но самым первым уроком стало усвоение веры в то, что он может учиться, и это – основа всего. Просто поразительно, как много людей не верят в то, что могут учиться и научиться, и насколько больше людей считают, что учиться очень трудно. Муад'Диб же знал, что каждый опыт несет свой урок.

(Принцесса Ирулан, «Человечность Муад'Диба»)

Пауль лежал в постели и притворялся спящим. Спрятать в руке таблетку доктора Юйэ, сделав вид, что глотаешь ее, было проще простого. Пауль подавил смешок: даже мать поверила, что он спит! Он хотел было вскочить и попросить у нее разрешения осмотреть дом, но понял,

что она этого не одобрила бы. Слишком все сумбурно, слишком еще неуложено. Нет. Лучше притвориться...

«Если я тихонько уйду без спроса, то о непослушании речи нет: ведь и запрета не было. Кроме того, я же никуда не выйду из дома, а в доме безопасно».

Он слышал, как мать в соседней комнате беседует с Юйэ. Слова доносились невнятно – что-то о Пряности... о Харконненах... Голоса раздавались то громче, то тише и наконец смолкли.

Пауль принялся разглядывать резное изголовье– кровати – на самом деле это был замаскированный пульт управления оборудованием комнаты. Резьба изображала рыбку, застывшую в прыжке над крутыми завитками волн. Он уже знал, что если нажать на ее глаз – единственный видимый глаз рыбы, – то загорятся плавающие лампы. Одну из волн можно было поворачивать, регулируя вентиляцию. Другая управляла температурой.

Пауль беззвучно сел в постели. Слева от кровати у стены стоял высокий книжный шкаф. Его можно было отодвинуть от стены, открыт потайной кабинетец с боковыми ящиками. Ручка двери в холл была выполнена в виде штурвала орнитоптера.

Комната выглядела так, словно была специально предназначена соблазнить и завлечь его.

Комната и вся планета.

Он подумал о книгофильме, который показал ему Юйэ: «Арракис. Его Императорского Величества Ботаническая Испытательная станция». Старый книгофильм, сделанный еще до открытия Пряности. Названия проносились в сознании Пауля, каждое – с изображением, запечатленным в памяти мнемонической пульсацией: сагуаро (саговый драконий корень (исп., вымысл.)); ослиный куст, финиковая пальма, песчаная вербена, вечерняя примула, бочоночный кактус, фимиамовый куст, дымное дерево, креозотовый кустарник, лисица-фенек, пустынный ястреб, кенгуровая мышь или аракийский тушканчик.

Названия и изображения, многие из которых пришли из далекого земного прошлого человечества, но и множество таких, каких не найти во всей Вселенной, только здесь, на планете Арракис..

Так много нового, о чем надо узнать поподробнее! Например, Пряность.

И песчаные черви.

В соседней комнате закрылась дверь. Это ушла мать – Пауль слышал ее легкие шаги через холл. Доктор Юйэ, конечно, найдет себе что-нибудь почитать и останется в комнате.

Самое время отправляться на разведку.

Пауль соскользнул с кровати и направился к хитроумному книжному шкафу с тайником. Услышав за спиной какой-то звук, он обернулся. Резное изголовье отошло вниз точно у того места⁴ где он только что лежал. Пауль замер, и неподвижность спасла ему жизнь.

Из-за отошедшей панели высокользнул крохотный охотник-искатель, машинка не более пяти сантиметров длиной. Пауль сразу узнал ее – распространенное оружие асассинов, с раннего детства хорошо знакомое любому ребенку из Правящих Домов. Металлическая игла управлялась скрывавшимся где-то поблизости убийцей. Она отыскивала живое движущееся тело, вонзаясь в него и, прорезая себе путь вдоль нервных путей, добиралась до ближайшего жизненно важного органа...

Искатель приподнялся и, зависнув в воздухе, хищно поворачивался вправо-влево, словно вынюхивая добычу.

В памяти Пауля всплыли характеристики охотника-искателя, в том числе и недостатки этого устройства: сжатое силовое поле подвески сильно искажало изображение в миниатюрном телеглазе искателя. Значит, в полуслучае спальни оператор не сможет разглядеть свою жертву и будет вынужден ориентироваться на движение – на любое движение, надеясь, что цель выдаст себя. Щит-пояс лежит на кровати... Луч лазера мог бы сбить такую машинку, но лучеметы были слишком дороги. И чудовищно капризны; кроме того, лазерный луч, соприкоснувшись с силовым полем, мог вызвать взрыв. Поэтому Атрейдесы предпочитали полагаться на личные щиты и свои ум и ловкость.

Сейчас Пауль заставил себя замереть в почти мертвый неподвижности – он понимал, что может полагаться только на себя. На ум и ловкость.

Охотник-искатель поднялся еще на полметра и, словно струя в полосках слабого света, пробивавшегося сквозь жалюзи, поисковым зигзагом пошел от стены к стене через комнату, деля ее на уменьшающиеся квадраты.

«Надо попытаться схватить эту штуку, – решил Пауль. – Из-за поля подвески она снизу как будто скользкая – так что надо хватать ее покрепче».

Машинка опустилась полуметром ниже, повернула влево, покружила над кроватью. Слышно было ее слабое гудение.

Интересно, кто им управляет? Он ведь должен быть совсем рядом. Можно было бы позвать доктора Юйэ, но эта штука убьет его, едва он откроет дверь...

; Дверь в холл за спиной Пауля скрипнула, кто-то постучал и открыл ее.

Охотник-искатель метнулся мимо Пауля – на движение.

. Правая рука юноши взметнулась и схватила смертоносную игрушку. Та гудела, дергалась и изгибалась, но он изо всех сил сжимал кулак. Затем Пауль с размаху ударил штуковину клювом о металлическую дверную панель. Носовой телеглаз с хрустом разбился, и искатель бессильно замер в его руке.

Но Пауль не выпускал его – на всякий случай.

Пауль поднял взгляд и встретился с широко открытыми, сплошь синими глазами Шэдаут Мэйпс.

– Ваш отец послал за вами, – сказала она. – В холле вас ждет охрана.

Пауль кивнул, удивленно разглядывая незнакомую женщину в мешковатом буром платье. Та же смотрела теперь на предмет в его руке.

– Я слышала о таких штуках, – сказала она. – Она бы меня убила, да?

Ему пришлось глотнуть, прежде чем он смог говорить:

– Ее... целью был я.

– Но она летела в меня.

– Потому что вы двигались. (Любопытно, кто она такая?)

– Значит, вы спасли мне жизнь.

– Я спас нас обоих.

– Вы могли бы спастись и если бы позволили ей убить меня.

– Кто вы? – спросил он.

– Шэдаут Мэйпс, домоправительница.

– Как вы узнали, где меня искать?

– Ваша мать мне сказала. Я встретила ее на лестнице, ведущей в колдовскую комнату, – это тут рядом по коридору. – Она махнула рукой куда-то направо. – Там ждут люди вашего отца.

«Люди Хавата, – подумал Пауль. – Надо найти оператора этой штуки».

– Пойдите к ним, – распорядился он. – Скажите им, что я поймал в доме охотник-искатель и что они должны обыскать дом и найти оператора/Пусть немедленно блокируют все выходы из дома и ближайшие подходы.. Они знают, что делать. Оператор наверняка не из наших людей.

И тут же подумал: «Может быть, это она?» Но он знал, что нет. Когда женщина вошла, искателем кто-то еще управлял.

- Прежде чем выполнить вашу просьбу... человечек, - проговорила она, - я хочу, чтобы между мною и... тобой все было ясно. Вы возложили на меня Долг воды, хотя я и не уверена, что хотела бы нести такое бремя. Но мы, фри-мены, платим свои долги - и белые, и черные долги. И нам известно, что среди ваших людей есть предатель. Кто он, мы не знаем, но в том, что предатель есть, - уверены. Может быть, это его рука направляла этот летающий нож...

Пауль воспринял все это в молчании. Предатель. И прежде чем он успел сказать что-нибудь, странная женщина повернулась и почти выбежала из комнаты.

Он хотел было вернуть ее, но понял, что она оскорбилась бы - было в ее манерах что-то такое... Она сказала ему все, что знала, и пошла выполнять его просьбу. Сейчас дом наводнят люди Хавата.

Мысль его переключилась на другие странности этой странной беседы. Колдовская комната. Он посмотрел туда,

куда показывала Мэйпс. Мы, фримены... Значит, это была фрименка. Он на мгновение отвлекся от размышлений, чтобы с помощью мнемонического приема запомнить лицо: сморщенное, как чернослив, темно-коричневое обветренное лицо; глаза - синее на синем. К этому образу он прикрепил бирку: Шэдаут Мэйпс.

Все еще сжимая в руке разбитый охотник-искатель, Пауль вернулся в свою комнату, левой рукой поднял с кровати щит, надел его и выбежал в коридор, налево, на бегу застегивая пряжку.

Она сказала, что мать где-то здесь... тут должна быть лестница в колдовскую комнату.

Глава 10

Что поддерживало леди Джессику во времена испытаний? Задумайтесь над притчей Бене Гессерит, и тогда вы, возможно, поймете: «Любая дорога, пройденная до конца, приводит в никуда. Чтобы убедиться, что гора – это гора, незачем взбираться высоко. Хватит и небольшого подъема, ибо с вершины гора не видна».

(Принцесса Ирулан, «Муад'Диб. Семейные комментарии»)

В конце южного крыла Джессика обнаружила металлическую винтовую лестницу, поднимающуюся к овальной двери. Оглянувшись на коридор, она опять повернулась к двери. Странно: овал – необычная форма для двери в доме.

В окнах под лестницей Джессика видела огромное белое солнце Арракиса, катящееся к вечеру. Длинные тени пронзили коридор. Она внимательно оглядела лестницу: в ярком боковом свете были отчетливо видны комочки высохшей земли, приставшие к металлическим ступеням.

Джессика положила руку на перила и двинулась вверх. Перила холдили ладонь. Поднявшись, она увидела, что у двери нет ручки – на ее месте было только небольшое углубление.

Вряд ли это дакти-замок, подумала она, ведь дакти-замок делается под форму ладони и папиллярные линии одного только владельца. Тем не менее углубление походило на дакти-замок. А как ее учили в школе Б.Г., любой дакти-замок можно открыть.

Джессика оглянулась, удостоверилась, что за ней никто не следит, приложила ладонь к углублению в двери, обернулась и увидела скользящую к лестнице Мэйпс.

– В большой зал пришли какие-то люди и говорят, что герцог прислал их за молодым господином, Паулем, – сообщила Мэйпс. – Они показали герцогскую печать, и охрана их узнала.

Она взглянула на дверь и снова на Джессику. А она осторожна, эта Мэйпс. Хороший знак.

– Пауль в пятой комнате отсюда по коридору, в маленькой спальне, – показала Джессика. – Если тебе не удастся разбудить его сразу, позвони доктора Юйэ – он в соседней комнате. Возможно, придется сделать стимулирующую инъекцию.

Мэйпс снова бросила странный взгляд на овальную дверь, и Джессике показалось, что на лице домоправительницы промелькнуло отвращение. Однако прежде чем Джессика успела спросить, что скрывается за этой дверью, Мэйпс уже удалялась по коридору.

Хават проверил это место. Так что здесь не может быть чего-либо особенно опасного.

Она толкнула дверь. Та подалась внутрь, открыв ее взору крохотное помещение с такой же овальной дверью в противоположной стене – только со штурвальной кремальерой вместо ручки.

Воздушный шлюз! – удивилась Джессика. Она заметила валяющуюся на полу шлюзовой камеры подпорку для двери. На подпорке красовался личный значок Хавата.

Дверь оставили открытой. Подперли, а потом кто-то, скорее всего случайно, выбил подпорку, не сообразив, что дверь закроется на дакти-замок.

Джессика шагнула через высокий порог.

Зачем бы в доме шлюз? – спросила она себя. Ей внезапно пришла в голову мысль о каких-то экзотических существах, нуждающихся в особом микроклимате. /

Особый микроклимат! На Арракисе, где в орошении нуждались даже самые засухоустойчивые инопланетные растения, это могло иметь особый смысл.

Дверь за ее спиной начала закрываться, но Джессика удержала ее и надежно подперла/Затем вернулась к внутренней двери и увидела над штурвалом вытравленную на металле почти незаметную надпись. Надпись была сделана на галакте:

«О Человек! Здесь находится прекрасная часть Творения Божия; так смотри и учись, любить совершенство Твоего Всевышнего Друга».

Джессика нажала на колесо – штурвал повернулся

влево, и дверь открылась. Легкий ветерок коснулся ее щеки, пошевелил волосы. Воздух был явно другой – какой-то более густой, ароматный. Она распахнула дверь и увидела густую зелень, пронзенную золотым солнечным светом.

«Желтое солнце? – удивилась она. Потом поняла: – Ну да, конечно, цветное стекло-фильтр!»

Когда она перешагнула порог, дверь за ее спиной затворилась.

– Оранжерея влаголюбивых растений, уголок влажной планеты, – прошептала она.

Повсюду стояли растения в кадках и коротко подстриженные деревья. Она узнала мимозу, цветущую айву, сондаги, зеленоцветную пленисценцию, бело-зеленые полосатые акарсо... розы...

Даже розы!

Она склонилась над огромным розовым цветком, вдохнула его аромат. И только тут осознала, что с того момента, как дверь открылась, она слышит какой-то ритмический шум.

Джессика раздвинула густую листву и увидела центральную часть оранжереи. Там из металлической чаши был небольшой фонтан, образуя как бы прозрачный купол. Привлекший ее звук был дробным стуком воды о чашу.

Джессика быстро проделала короткий ритуал очищения чувств и начала методично обследовать комнату, обходя ее по периметру. Комната была размером метров десять на десять. По расположению ее над концом коридора и по некоторым небольшим отличиям в ее конструкции Джессика догадалась, что комнату пристроили над крышей этого крыла здания спустя очень много времени после завершения самого дворца.

Она остановилась на южном конце комнаты перед широким окном желтого стекла и оглянулась. Практически все пространство комнаты занимали экзотические влаголюбивые растения. Среди растений что-то зашелестело; Джессика настороженно застыла, но это был всего лишь примитивный сервок с часовым механизмом, оснащенный поливочным шлангом. Рука-рычаг со шлангом поднялась, из раструба вырвалась россыпь мелких брызг – она ощутила влагу на лице. Шланг убрался, и Джессика увидела, что поливала машинку: папоротниковое дерево.

В этой комнате всюду была вода – и это на планете, где вода была драгоценнейшим соком жизни. Воду в этой оранжерее расходовали так демонстративно, что это уязвило Джессику до глубины души.

Она взглянула на солнце – желтое через окно-фильтр. Солнце низко висело над иззубренным горизонтом, над скалами, образовывавшими длинную горную цепь, которую здесь называли Барьерной Стеной.

Светофильтры. Чтобы превратить белое солнце в более мягкое, знакомое. Кто мог устроить здесь такое место? Лето? Вполне в его духе преподнести мне такой сюрприз, но у него не было времени. И он слишком занят своими делами...

Она припомнила один доклад, в котором, помимо прочего, упоминалось, что многие аракинские дома имели герметически закрывающиеся окна и двери – чтобы сохранить, собрать и использовать вторично влагу внутреннего воздуха. Лето говорил, что во дворце такие меры не принимались умышленно – чтобы продемонстрировать богатство и могущество, окна и двери предохраняли лишь от проникновения внутрь пыли.

Но эта комната выражала то же самое куда сильнее, чем простое отсутствие герметичных внешних дверей. Она прикинула, что эта комната отдыха расходовала столько воды, сколько хватило бы для поддержания жизни тысячи жителей Арракиса, – а может, и больше.

Джессика кивнула, вспомнив, что Лето называл бывшего полномочного представителя Императора на Арракисе, графом Фенрингом. Однако скрытое в записке сообщение требовало немедленного внимания, особенно учитывая, что писавшая записку явно тоже принадлежала к Бене Гессерит.

Мимоходом кольнула горькая мысль: «Граф женился на своей леди – она ему жена, не наложница...»

Эта мысль промелькнула у Джессики, когда она уже склонилась над столом, пытаясь найти спрятанное послание. Оно наверняка где-то здесь: в записке была кодовая фраза, с которой всякая сестра Бене Гессерит, не связанная особым приказом своей Школы, должна была обратиться к другой, чтобы предупредить о какой-то угрозе: «На этом пути лежит опасность».

Джессика ощупала блокнот сзади, пытаясь найти выдавленные точки кода. Ничего. Ее ищащие пальцы пробежали по краю блокнота. Ничего. Она положила блокнот на прежнее место. Ее не покидало чувство, что послание необходимо отыскать безотлагательно.

Возможно, что-нибудь в том, как положен блокнот?

Но Хават, осматривавший комнату, несомненно, передвигал блокнот. Джессика взглянула на нависающий над блокнотом лист. Лист! Она провела пальцем по нижней поверхности листа. Так и есть! Пальцы нашупали еле заметные кодовые точки. Джессика без труда, всего раз проведя по точкам, прочла и расшифровала послание:

«Ваш сын и герцог Лето находятся в опасности. Одна из спален рассчитана на то, чтобы завлечь вашего сына. X. спрятали в ней смертоносные ловушки, но так, чтобы все они могли быть сравнительно легко обнаружены – кроме одной, которая может ускользнуть от вашего внимания».

Джессика подавила побуждение немедленно броситься в спальню сына: сначала следовало дочитать послание. Ее пальцы заспешили по точкам.

«Точная природа угрозы мне неизвестна, но это что-то связанное с кроватью. Угроза же вашему герцогу исходит от изменника из доверенных лиц или приближенных. X. обещал отдать Вас своему фавориту в качестве награды. Насколько мне известно, эта оранжерея безопасна. Простите, что не могу сообщить больше. Мои источники информации скромны, потому что мой граф не служит X. Писала в спешке. МФ.»

Джессика оттолкнула лист и уже собиралась помчаться к Паулью, но тут дверь шлюза распахнулась. В оранжерею ворвался Пауль, сжимающий что-то в правой руке. Он захлопнул за собой дверь, огляделся, увидел мать, подошел, отбрасывая с пути листву, увидел фонтан и сунул кулак с зажатым в нем предметом под падающую воду.

- Пауль! – Она схватила его за плечи, тревожно глядя на его руку. – Что это такое?

Он ответил – небрежно, но она уловила в его голосе напряжение:

- Охотник-искатель. Поймал его в комнате и разбил ему нос, но хочу быть уверенным. От воды его наверняка закоротит.

- Окуни его! – скомандовала она. Вскоре она сказала:

- Руку можешь вынуть, а эту штуку оставь в воде, Пауль вытащил руку, стряхнул капли воды, не отрывая взгляда от металлической штуковины в чаше фонтана.

Джессика прошлась вдоль всего панорамного окна, по-прежнему рассматривая комнату, и только тогда заметила металлическую пластину, укрепленную рядом с фонтаном примерно на высоте обычного стола. На ней лежали белый блокнот и стило, полускрытые нависающим веерообразным листом. Она подошла, отметив, что на металле, стоит сегодняшняя печать Хавата, и прочла записку на верхнем листе:

Джессика отломила черенок пальмового листа, ткнула им в смертоносное жало.

Охотник был мертв.

Она уронила черенок в воду, посмотрела на сына. Его глаза обегали комнату с тем особым вниманием, которое было так хорошо знакомо Джессике- Путь Бене Гессерит.

- Это место, по-моему, что-то скрывает, – сказал он.

- У меня есть основания считать его безопасным, – возразила Джессика..

- Мою комнату тоже считали безопасной. Хават говорил...

- Это же был охотник-искатель, – напомнила она. – Значит, кто-то управлял им – кто-то в доме. У дистанционного управления этим оружием ограниченный радиус действия. И его могли спрятать здесь уже после осмотра Хавата.

Но, сказав это, она подумала о послании на листе: «...от изменника из доверенных лиц или приближенных». Но это не Хават. О, конечно, не Хават.

- Люди Хавата сейчас прочесывают дом, – сообщил Пауль. – Этот искатель чуть не убил старуху, которая пришла меня разбудить.

- Ее зовут Шэдаут Мэйпс, – сказала Джессика. – Твой отец вызвал тебя, чтобы... V

- Это подождет, – отмахнулся Пауль. – Так почему ты считаешь эту комнату безопасной?

Джессика указала на записку и пересказала ее содержание. Пауль немного расслабился.

Но сама Джессика осталась внутренне напряженной. Милостивая Мать! Охотник-искатель!.. Ей пришлось привлечь всю свою подготовку, чтобы не поддаться приступу истерической дрожи.

Пауль сказал как бы между прочим, констатируя факт:

- Конечно, это Харконнены. Нам придется их уничтожить.

' В этот момент в дверь постучали - условный стук кого-то из людей Хавата.

- Войдите,, - разрешил Пауль.

Дверь распахнулась, и в помещение, склонившись, вошел высокий офицер в мундире Атрейдесов и с эмблемой службы Хавата на фуражке.

- Вы здесь, господин, - с облегчением сказал он. - Домоправительница так и сказала, что вы, наверное, здесь...

Он огляделся и продолжил:

- В подвале мы нашли глухой закуток и поймали прятавшегося там человека. У него был пульт управления искателем.

- Я желаю принять участие в его допросе, - заявила Джессика.

- Простите, миледи. Взять его не удалось, он мертв. Наша ошибка...

- И ничего, по чему его можно было бы опознать? - спросила она.

- Пока мы не нашли ничего, миледи.

- Он аракиец? - спросил Пауль.

Джессика одобрительно кивнула: правильный вопрос.

- Похож на аракийца, во всяком случае, - ответил охранник. - Судя по всему, его запрятали там больше месяца назад и оставили дожидаться нашего прибытия. Вчера мы проверяли подвал, но камень и раствор там, где он проник в подвал, были не тронуты. Готов ручаться своей репутацией.

- Никто не сомневается, что вы проверяли дом тщательно, - успокоила его Джессика.

- Я сомневаюсь, миледи. Надо было проверить все там акустическим зондом.

- Надо полагать, сейчас вы именно это и делаете, - сказал Пауль.

- Да, господин.

- Сообщите отцу, что мы задерживаемся.

- Будет исполнено немедленно, господин. - Он взглянул на Джессику. - Согласно приказу Хавата в подобных ситуациях молодого господина следует препроводить в безопасное место и надежно охранять. - Его глаза снова обежали оранжерею. - Тут достаточно безопасно?

- У меня есть основания считать это место безопасным, - ответила Джессика. - И Хават, и я ее проверили.

- Тогда я выставлю охрану рядом с этим помещением - пока мы не проверим еще раз весь дом.

Он поклонился Джессике, отдал честь Паулю, вышел и закрыл за собой дверь.

Пауль прервал внезапно нависшее молчание:

- Может, стоит позже нам самим проверить дом? Ты можешь заметить то, что другим никогда не увидеть.

- Я не проверила еще только это крыло, - отозвалась она. - Оставила его напоследок, потому что...

- Потому что Хават лично его осматривал, - докончил Пауль.

Джессика метнула в него вопросительный взгляд:

- Ты подозреваешь Хавата?

- Нет, но он уже немолод... и он переутомился. Можно было бы снять с него часть нагрузки.

- Это только обидело бы его и повредило его работе, - возразила Джессика. - К тому же теперь, когда Хават узнал о случившемся, в это крыло и муха не пролетит. Он будет чувствовать себя

виноватым, и...

- Но мы должны принять и свои собственные меры, - сказал Пауль.
- Хават верой и правдой служил трем поколениям Атрейдесов, - ответила Джессика. - Он достоин всего уважения и доверия, которыми мы можем заплатить ему... и еще много большего.
- Когда отец недоволен каким-нибудь твоим поступком, - хмыкнул Пауль, - он говорит «Бене Гессерит!» таким тоном, словно это ругательство.
- И что же во мне не нравится твоему отцу?
- Ну, в частности, ему не нравится, когда ты с ним споришь.
- Ты - не твой отец, Пауль.

И Пауль подумал: «Это сильно обеспокоит ее, но я должен рассказать ей, что говорила эта Мэйпс относительно предателя среди нас».

- Что ты скрываешь, Пауль? - спросила Джессика. - Это совсем на тебя не похоже.

Он пожал плечами и подробно пересказал свой разговор с Мэйпс.

А Джессика подумала о послании на листе и, неожиданно решившись, показала лист Паулю и прочитала зашифрованное сообщение.

- Надо немедленно сообщить отцу, - сказал Пауль. - Я пошлю ему шифrogramму.
- Нет, - возразила Джессика. - Придется подождать, пока ты не останешься с ним наедине. Чем меньше людей будет об этом знать, тем лучше.
- Ты хочешь сказать, что мы никому не можем доверять?
- Дело не совсем в этом, - объяснила она. - Возможно, так и было задумано, чтобы послание попало к нам. Те, кто оставил его для нас, могли верить, что все это правда; но что, если единственной целью всего этого было получение нами этого сообщения?..

Лицо Пауля оставалось таким же мрачным.

- Чтобы ослабить нас, посеяв в наших рядах недоверие и подозрение...
- Поэтому ты должен наедине и с величайшей осторожностью рассказать отцу об этой возможности, - кивнула Джессика.

- Понимаю.

Она повернулась к высокому окну-светофильтру и смотрела теперь туда, где на юго-западе садилось солнце Арракиса - желтый из-за стекла шар над изломанной линией скал.

Пауль повернулся вместе с матерью.

- Я тоже не думаю, что это Хават. Может, Юйэ?
- Он не из особо приближенных или особо доверенных лиц, - возразила Джессика. - Кроме того, я могу поручиться, что он ненавидит Харконненов не меньше, чем мы. Если не больше.

Пауль глядел на скалы, думая: «И это никак не может быть Гурни... или Дункан. Кто-то рангом ниже?.. Нет, невозможно. Они все происходят из семей, которые были нам верны в течение поколений - и по веским основаниям».

Джессика потерла лоб, ощущив навалившуюся усталость. Сколько же тут опасностей!.. Она рассматривала ландшафт, желтый от цветного стекла. За герцогской землей раскинулись складские территории - позади высокой ограды виднелись бункеры, где хранилась меланжа, вокруг - сторожевые вышки-треножники, похожие на испуганных

пауков. Отсюда можно было увидеть по меньшей мере двадцать таких складских дворов, протянувшихся до самых скал Барьерной Стены.

Окрашенное светофильтром солнце медленно утонуло за горизонтом. Сразу же высыпали звезды. Одна яркая звезда висела так низко над горизонтом, что ее свет как бы дрожал - она мерцала в четком, размеренном ритме: тик-тик-тик - тик-тик-тик - тик...

Она почувствовала, как Пауль пошевелился в темноте рядом с ней.

Но Джессика сосредоточилась на этой яркой одинокой звезде, осознав вдруг, что та висит слишком низко – что свет ее исходит из точки, расположенной ниже кромки скал.

Кто-то подавал сигналы!

Она попыталась прочесть сообщение, но код был совершенно незнакомым.

На равнине под скалами зажигались новые огни – желтые точки на темно-синем, почти черном фоне. И один огонек – левее и чуть в стороне от скопления – вдруг стал ярче и замигал в ответ первому: тик-тик – тик – тик-тик-тик-тик... очень быстро.

И погас.

Тотчас погасла и фальшивая звезда в скалах..

Это были сигналы... и они наполнили ее дурными предчувствиями.

Зачем потребовались огни? – спросила она себя. Почему они не могли воспользоваться обычными коммуникаторами?

Ответ был очевиден: коммуникационная сеть наверняка прослушивалась сейчас агентами герцога Лето. Следовательно, использование световых сигналов могло означать только то, что сигнализали его враги – харконненские агенты.

Раздался стук в дверь, и они услышали голос человека Хавата:

- Все в порядке господин... миледи. Мы готовы немедленно проводить молодого господина к его отцу.

Глава 11

Говорят, что герцог Лето, закрыв глаза на опасности Арракиса, безрассудно вошел прямо в западню. Не будет ли более основательным предположение, что, долго живя в условиях крайней опасности, он недооценил изменение ее интенсивности? Или, быть может, он намеренно пожертвовал собой, чтобы сын его мог найти лучшую жизнь? Все данные ясно свидетельствуют, что герцог был человеком, которого нелегко обмануть.

(Принцесса Ирулан, «Муад'Диб. Семейные комментарии»)

Герцог Лето стоял, опираясь о парапет диспетчерско-контрольной башни космодрома, расположенного на окраине Арракина. Над южным горизонтом сплюснутой в овал серебряной монетой висела Первая луна. Под ней, сияя словно глазурь, сквозь пыльную дымку проступали зубчатые скалы Барьера Стены. Слева от герцога во мгле светились огни Арракина – желтые... белые... синие.

Он думал об уведомлениях, разосланных за его подпись : во все населенные пункты планеты: «Наш великий Падишах-Император поручил мне вступить во владение этой планетой и положить конец всем спорам».

Ритуалистическая формальность этой процедуры вызвала у него прилив чувства одиночества. Кого обманула эта глупая видимость законности? Уж конечно, не фрименов. И не Младшие Дома, контролирующие внутреннюю торговлю Арракиса... почти все до одного остающиеся харконненскими тварями.

Они пытались убить моего сына!

Он с трудом справился с нахлынувшей яростью.

Герцог увидел огни машины, ползущей из Арракина к посадочному полю. Он надеялся, что это – транспортер охраны, везущий Пауля. Задержка раздражала, хоть он и понимал, что она объяснялась мерами предосторожности, принятыми службой Хавата.

Они пытались убить моего сына!

Он потряс головой, отгоняя гнев, и оглянулся на посадочное поле, где по периметру монолитными часовыми стояли пять его фрегатов. Словно древний кромлех.

Лучше задержка из осторожности, чем...

Лейтенант, которого Хават послал за Паулом, был хорошим офицером, напомнил он себе. Полностью предан, заслуживает повышения.

Наш Великий Падишах-Император...

Если бы только жители этого прогнившего гарнизонного городка могли прочесть, что написал Император в приватной записке своему «благородному герцогу» – например, вот это презрительное упоминание мужчин и женщин в дистикомбах: «...но чего еще можно ждать от варваров, мечтающих лишь о том, чтобы жить вне упорядоченной надежности системы Фафрелах?»

В этот момент герцог чувствовал, что его собственная заветная мечта заключается в том, чтобы покончить со всеми сословными различиями и никогда больше не вспоминать об отвратительном порядке. Он взглянул вверх – сквозь пыль – на немигающие звезды и подумал: Вокруг одной из них кружит Каладан... но я никогда больше не увижу свой дом. Тоска по Каладану внезапно сдавила грудь. Ему показалось, что она пришла не из глубин его души, а протянула к нему руку с Каладаном. Пока он не мог заставить себя называть эту выжженную пустыню, Арракис, своим домом – и думал, что вряд ли когда-нибудь сможет.

Я должен скрывать свои чувства. Ради мальчика. Если ему суждено иметь дом, то им может стать только Арракис. Я могут думать о нем как об аде, в который попал уже при жизни, но он должен найти здесь то, что будет его воодушевлять. Что-то же здесь должно быть!

Волна жалости к себе – сразу же с презрением отброшенная – нахлынула на него, и почему-то вспомнились две строки из стихотворения, которое любил и часто читал Гурни Халлек:

Легкие мои вдыхают ветер Времени, Пролетевший сквозь падающий песок...

Да, уж чего-чего, а песка здесь Гурни найдет даже больше, чем надо... Земли за теми блестящими под луной скалами были сплошной пустыней – бесплодный камень, дюны, вихрящаяся пыль – не нанесенная по-настоящему на карты Дикая Пустыня, сухая и мертвая, с разбросанными вдоль ее края (а может быть, встречающимися и внутри) поселениями фрименов. И если у рода Атрейдесов и

есть сейчас хоть какая-то надежда – то она во фрименах...

Если только Харконнены не сумели опутать даже фрименов своими ядовитыми интригами.

Они пытались убить моего сына!

Металлический скрежет сотряс башню, завибрировал парапет, на который опирался герцог. Загородив обзор, упала броневая заслонка.

Садится членок, подумал герцог. Пора идти вниз и приниматься за работу.

Он повернулся к лестнице у себя за спиной и направился в зал ожидания, стараясь сохранить спокойствие и подготовить нужное выражение лица к встрече прибывающих.

Они пытались убить моего сына!

Когда перед ним оказался зал с желтым куполообразным потолком, люди уже входили, вливаясь довольно энергичным потоком. На плечах они несли свои сумки и перебрасывались громкими шутками, словно студенты, возвращающиеся с каникул.

- Эй! Чуешь, что у тебя под копытами? Гравитация, парень!

- Сколько здесь «же»? Что-то вроде тяжеловато.

- По справочнику – девять десятых «же». Большую комнату наполнил шум веселой перебранки.

- Ты вниз-то посмотрел, когда мы приземлялись? Вот ведь дыра! И где же обещанные сокровища?

- Харконнены все с собой забрали!

- А мне бы сейчас только горячий душ и (мягкую постель)!

- Ну, выдал! Душ! А не хочешь поскрести задницу песочком?

- Эй! Заткнитесь! Герцог!

Герцог шагнул с лестницы в разом затихшую комнату.

Чуть в стороне от толпы прохаживался Гурни Халлек. Через плечо у него была перекинута сумка, а другой рукой он сжимал шейку девятиструнного 'балисета. У него были очень длинные пальцы, способные к тончайшим движениям, и эти пальцы частенько извлекали из балисета такую изящную музыку...

Герцог смотрел на Халлека, любуясь этой уродливой человеческой глыбой с глазами, похожими на осколки

стекла, в которых светилось инстинктивное, почти первобытное понимание. Вот человек, который жил вне системы Фафрелах, но выполнял все ее предписания; Как там Пауль назвал его?.. «Гурни Доблестный».

Тонкие светлые волосы Халлека были уложены так, чтобы прикрыть растущую лысину. Лиловый шрам на его подбородке, нанесенный ударом хлыста из чернильной лозы, шевелился слегка, словно сам по себе. Весь вид Халлека говорил о больших, непринужденно проявляемых возможностях. Он подошел к герцогу, поклонился.

- Добро пожаловать, Гурни, – сказал Лето.

- Приветствую вас, милорд. – Гурни махнул балисетом в сторону собравшихся офицеров. – Это последние. Я предпочел бы прибыть сюда с первой волной, но...

- Не волнуйся, на твою долю еще осталось некоторое количество Харконненов, – усмехнулся герцог. – Отойдем, Гурни, – нам надо побеседовать.

- К вашим услугам, милорд.

Они прошли к нише, где стоял автомат, отпускающий за монету порцию воды, а люди в большой комнате беспокойно зашевелились, но больше не шумели. Халлек бросил сумку в угол, но балисет из рук не выпускал. –

- Сколько людей ты можешь выделить Хавату? – спросил герцог.

- У Суфира затруднения, сир? –

- Он потерял только двоих, но его передовые агенты отлично провели разведку харконненских сил. на планете. Если мы будем действовать быстро, достигнем некоторого уровня безопасности, получим необходимую нам передышку и свободу маневра. Ему нужно столько солдат, сколько ты можешь выделить без ущерба для дела - тех, кто не прочь немного поработать ножом.

- Я могу дать ему три сотни отборных людей, - сказал Халлек. - Куда их направить?

- К главным воротам. Агент Хавата ждет их там.

- Я должен заняться этим немедленно, сир?

- Подожди. Есть еще одно дело. Комендант космодрома под каким-нибудь предлогом задержит здесь челнок до рассвета. Хайлайнер Гильдии, доставивший нас, скоро отывает, и этот челнок прицепят к грузовому кораблю, который доставит на лайнер груз Пряности.

- Нашей Пряности, милорд?

- Нашей. Но челнок должен забрать с собой и часть дюномастеров - искателей Пряности, работавших при прежнем режиме. У них есть право уволиться при смене лена, и Арбитр Смены им это разрешил. Это ценные люди, Гурни, их около восьмисот. До того как челнок уйдет, ты должен убедить хотя бы некоторых поступить на службу к нам.

- Сколько сильным должно быть убеждение, сир?

- Мне нужно их добровольное сотрудничество, Гурни. У этих людей есть столь необходимые нам опыт и мастерство. То, что они хотят уехать, свидетельствует лишь, что они - не часть харконненской машины. Хават считает, что среди них могут быть внедренные агенты, но он в каждой тени видит асассинов.

- В свое время Суфир обнаружил некоторые весьма деятельные тени, милорд.

- А некоторые - не обнаружил. Но мне кажется, что для заблаговременного внедрения «ждущих агентов» в эту уезжающую толпу Харконненам потребовалось бы проявить слишком большое для них воображение.

- Возможно, сир. Где эти люди?

- В зале ожидания нижнего яруса. Полагаю, тебе стоит сыграть им мелодию-другую - чтобы размягчить их, а потом можешь включать давление. Можешь предложить квалифицированным высокие посты. Предложи двадцатипроцентное повышение зарплаты.

- И не больше, сир? Я знаю, что Харконнены платят в соответствии с общепринятыми тарифами. И людям с набитыми карманами и с желанием прокатиться... как хотите, сир, но двадцать процентов едва ли покажутся достаточно заманчивыми, чтобы остаться.

Лето нетерпеливо отмахнулся:

- Значит, в особых случаях действуй по собственному усмотрению. Только помни, что казна не бездонна. Держись за двадцать процентов, пока сможешь. Нам особенно нужны меланж-механисты, меланжеры, предсказатели погоды и все, у кого есть опыт работы в открытой пустыне, - люди дюн.

- Понятно, сир. «С насилием придут они: лицом своим будут они пить, как восточный ветер; и возьмут пленников в песках...»

- Очень трогательная цитата, - сказал герцог. - Передай пока командование над своей шайкой кому-нибудь лейтенанту. Скажи ему, чтобы он дал им краткое наставление по водной дисциплине, а потом уложил спать в казармах, примыкающих к посадочному полю. Персонал космодрома покажет им, куда идти. И не забудь отправить людей к Хавату.

- Три сотни, сир. - Халлек поднял свою сумку. - Куда вам доложить, когда я со всем закончу?

- Найдешь меня в зале совещаний на заседании штаба. Я хочу согласовать новый порядок рассредоточения по планете: первыми выходят части, оснащенные бронетехникой.

Халлек, уже поворачиваясь уходить, остановился и взглянул в глаза Лето:

- Вы ждете настолько серьезных неприятностей, сир? Я думал, здесь есть Арбитр Смены.

- Будут и открытые сражения, и тайные интриги, - сказал герцог. - Крови прольется достаточно, прежде чем мы разберемся со всем этим.

- «И вода, которую возьмешь ты из реки, превратится в кровь на сухой земле», - процитировал Халлек.

Герцог вздохнул:

- Поторопись, Гурни.

- Слушаюсь, милорд. - Шрам искривился от усмешки. - «Вот, как дикий осел в пустыне, иду я к своей работе».

Гурни развернулся, вышел на середину зала, отдал распоряжения и заторопился сквозь толпу.

Лето негромко хмыкнул ему вслед. Халлек не уставал изумлять его - голова, набитая песнями, цитатами, цветистыми фразами... и сердце асассина, когда дело касалось Харконненов.

Потом Лето неторопливо направился к лифту, возвращая салюты небрежным взмахом руки. Среди толпы он

узнал человека из Корпуса Пропаганды, остановился, чтобы распорядиться довести до людей, которые привезли на планету своих женщин, что женщины благополучно прибыли и находятся в безопасности и их можно найти там-то и там-то. Остальным же будет интересно узнать, что среди местного населения женщин, кажется, больше, чем мужчин.

Герцог похлопал пропагандиста по руке выше локтя - это служило сигналом, что это сообщение срочное, первоочередное и должно быть передано немедленно. Потом он двинулся дальше, кивая людям, улыбаясь; обменялся шутками с младшим офицером.

Командующий всегда должен выглядеть уверенно, подумал он. Вера всех подчиненных возложена на твои плечи, и даже если ты в критическом положении, все равно никогда нельзя показывать этого.

Он облегченно вздохнул, когда лифт проглотил его и он смог повернуться, и перед ним были лишь безразличные ко всему двери.

Они пытались убить моего сына!

Глава 12

На камне, венчающем арку над выходом с арракинского космодрома, имеется грубо высеченная надпись, словно сделанная каким-то допотопным инструментом, – Муад'Диб, должно быть, повторял ее много раз. Он увидел ее в ту первую ночь на Арракисе, когда его доставили на герцогский командный пункт – на первое совещание штаба в полном составе, созванное его отцом. Эта надпись была мольбой к тем, кто покидает Арракис, но смысл ее с мрачной силой запал в душу мальчика только что избежавшего близких объятий смерти. Надпись гласила: «О вы, те, кто знает, как страдаем мы здесь, не забудьте нас в ваших молитвах».

(Из учебника «Жизнь Муад'Диба» принцессы Ирулан)

– Вся теория ведения войны – это рассчитанный риск, – сказал герцог, – но когда приходится рисковать своей собственной семьей, элемент расчета растворяется в... других вещах.

Он понимал, что недостаточно сдерживает свой гнев, и, чтобы успокоиться, повернулся, широкими шагами прошелся вдоль всего длинного Стола, туда и обратно.

Герцог и Пауль остались одни в комнате совещаний космопорта. В этой большой гулкой комнате не было ничего, кроме длинного стола, старомодных трехногих стульев, стенда для карт и проектора. Пауль сидел за столом рядом со стендом. Он рассказал отцу о происшествии с охотником-искателем и о том, что возможно предательство.

Герцог остановился напротив Пауля, ударил кулаком по столу:

– Хават утверждал, что дом безопасен!!! Пауль нерешительно сказал:

– Я тоже сначала рассердился. И считал Хавата виновным. Но нападение было совершено из-за пределов дома. Оно было простым, ловким и прямым. И достигло бы успеха, если бы не тренинг, полученный мной от тебя и от многих других – и от Хавата в том числе.

– Ты его оправдываешь? – требовательно спросил герцог.

– Да.

– Он постарел. Вот в чем дело. Ему пора...

– У него огромный опыт, – возразил Пауль. – Скажи, сколько ошибок Хавата ты можешь припомнить?

– Это я должен был бы защищать его, – сказал герцог. – А не ты.

Пауль улыбнулся.

Лето сел во главе стола и накрыл своей рукой руку сына:

– За последнее время ты стал... взрослым, сын. – Герцог убрал руку. – И это меня радует. – Герцог скопировал улыбку сына. – Хават будет казниться. Он будет гневаться на себя намного сильнее, чем могли бы мы с тобой вместе!

Пауль смотрел на потемневшие окна, частично загороженные стендом, вглядываясь в ночную тьму. Огни комнаты отражались в ограждении балкона. Он заметил движение и разглядел фигуру охранника в мундире Атрейдесов. Потом Пауль посмотрел на белую стену за спиной отца, по-

том вниз – на блестящую поверхность стола – и заметил, что его собственные руки сжаты в кулаки.

Дверь в дальнем конце комнаты, лицом к которой сидел герцог, с шумом распахнулась. Вошел Хават, выглядевший старше и суровее, чем когда-либо прежде; Он прошел мимо всего стола и встал «смирно» напротив Лето.

– Милорд, – произнес он, глядя в какую-то точку поверх головы герцога, – я только что узнал о своем провале. Поэтому я прошу вас об отст...

– Садись и прекрати эти глупости, – отмахнулся герцог и указал на стул напротив Пауля. – *Твоя ошибка была в том, что ты переоценил Харконненов. Их простые головы додумались до простого трюка. А мы на простые трюки не рассчитывали. И мой сын приложил большие старания, доказывая мне, что справился с этой опасностью лишь благодаря твоей подготовке. И тут о твоем провале речи быть не может! – Герцог хлопнул рукой по спинке пустого стула. – Садись, говорю тебе!

Хават опустился на сиденье:

- Но...

1 - Об этом я больше ничего не желаю слышать, - опять прервал его герцог. - Этот инцидент - уже прошлое. У нас имеются более насущные дела. Где все остальные?

- Я попросил их подождать снаружи, пока я...

- Позови их.

Хават взглянул Лето в глаза:

- Сир, я...

- Я знаю, кто мои настоящие друзья, Суфир, - сказал герцог. - Позови людей.

Хават проглотил комок в горле:

- Сейчас, милорд. - Он повернулся на стуле и крикнул в открытую дверь: - Гурни, пригласи их!

Первыми вошли мрачно-серые офицеры штаба, за ними следовали более молодые адъютанты и специалисты, у которых на лицах прямо-таки светилась готовность к действию.

По комнате пронесся шум отодвигаемых стульев. Все расселись, над столом повеяло слабым запахом рашага.

- Для желающих имеется кофе, - сказал герцог.

Он оглядел своих людей; это хорошая команда. В такой войне, учитывая обстоятельства, дела могли бы идти куда хуже.'

Лето подождал, пока из соседней комнаты принесут кофе, отметил усталость на некоторых лицах.

Наконец он надел на себя маску спокойной деловитости, встал и призвал людей к вниманию, несильно стукнув костяшками пальцев по столу.

- Видите, господа, - сказал он, - наша цивилизация столь глубоко усвоила привычку постоянных посягательств, захватов и нападений, что даже простой приказ Императора мы не можем выполнить без того, чтобы вдруг не обнаружились старые штучки.

Вокруг стола прошелестели сухие смешки, и Пауль понял, что отец сказал именно ТО, что нужно, и именно таким тоном, как нужно было, чтобы поднять настроение за столом. Даже оттенок усталости в его голосе был единственным верным.

- Для начала, полагаю, неплохо было бы послушать, что Суфир может добавить к своему докладу о фрименах, - сказал герцог. - Итак, Суфир?..

Хават поднял голову:

- Я мог бы добавить к общему докладу кое-какие экономические данные, сир, но сейчас хочу сказать, что фримены все больше и больше представляются мне нашими потенциальными союзниками. Именно такими союзниками, в каких мы нуждаемся. Сейчас они выживают - хотят посмотреть, можно ли нам доверять, но ведут себя при этом, по-моему, честно. Они прислали нам дары - дистикомбы их собственного производства... карты нескольких областей пустыни, окружающих бывшие опорные пункты Харконненов... - Хават опустил голову. - Доклады их разведки оказались абсолютно достоверными и значительно помогли нам в переговорах с Арбитром Смены. Они также прислали различные мелкие подарки: украшения для леди Джессики, Пряность, питье, так называемый пряный ликер, сладости, лекарства. Мои люди сейчас проверяют их. Подвохов там, кажется, нет.

- Вам нравятся эти люди, Суфир? - спросил один из офицеров.

Хават чуть помедлил:

- Дункан Айдахо говорит, что ими можно восхищаться. Пауль взглянул на отца, потом на Хавата и отважился на вопрос:

- Есть ли у нас новые данные об общем количестве фрименов?

Хават посмотрел на Пауля:

- По потреблению пищи и другим признакам Айдахо оценивает численность населения того пещерного комплекса, который он посетил, примерно в десять тысяч человек. Их вождь сказал, что

правит сиетчем в две тысячи очагов, или семей. У нас есть основания считать, что таких общин на планете великое множество. Причем, судя по всему, все они преданы какому-то Лиету.

- Это что-то новенькое, - сказал герцог.

- Возможно, я ошибаюсь, сир. Кое-что наводит на мысль, что Лиет - это местное божество.

Еще один из присутствующих откашлялся и спросил:

- Действительно ли они имеют дело с контрабандистами?

- Когда Айдахо был в этом сиетче, оттуда как раз вышел караван контрабандистов с большим грузом Пряности. Они использовали выочных животных и говорили, что им предстоит восемнадцатидневное путешествие.

- Операции контрабандистов вообще, похоже, интенсифицировались в этот беспокойный период, - сказал герцог. - Это заслуживает тщательного осмысления. Нам не стоит особо беспокоиться относительно фрегатов, промышляющих на нашей планете без лицензии, - такое всегда существовало. Но нельзя оставлять их без нашего наблюдения.

- У/вас есть план, сир? - спросил Хават. Герцог взглянул на Халлека:

- Гурни, я хочу направить тебя главой делегации - если хочешь, посольства - к этим романтическим бизнесменам. Скажи им, что я буду закрывать глаза на их операции до тех пор, пока они будут платить мне герцогскую десятину. Хават подсчитал, что это в четыре раза меньше, чем требовалось им до сих пор на взятки и на содержание вооруженной охраны.

- А что, если это дойдет до Императора? - спросил Халлек. - Он очень ревниво относится к своей доле доходов КООАМ, милорд.

Лето улыбнулся.

- Всю десятину мы будем честно перечислять в банк на имя Шаддама IV - так, чтобы об этом было известно, - и в соответствии с законом не будем включать ее в облагаемый налогом доход. Пусть-ка Харконнены попробуют это оспорить! Этим мы малость порастянем жирок с тех, кто разбогател при харконненской системе. Взяток больше не будет!

Усмешка искривила лицо Халлека.

- Ах, милорд, прекрасный удар ниже пояса. Хотел бы я видеть барона в тот момент, когда он об этом узнает.

Герцог повернулся к Хавату:

- Суфир, удалось купить те бухгалтерские книги, о которых ты говорил?

- Да, милорд. Как раз сейчас они тщательно изучаются. Правда, я их бегло просмотрел, и могу сделать резюме - в первом приближении.

- Прошу.

- Харконнены выкачивали отсюда по десять миллиардов соляриев за каждые триста тридцать стандартных дней!

Вздох изумления пронесся над столом. Даже слегка заскучавшие было молодые адъютанты сели прямее и обменялись удивленными взглядами.

Халлек пробормотал:

- «И поглотят они обилие морей и сокровища, спрятанные в песке».

- Вот видите, друзья, - усмехнулся Лето. - Есть ли тут кто-нибудь настолько наивный, чтобы верить, будто Харконнены тихо упаковались и убрались отсюда - бросив такие богатства! - только из-за того, что так приказал Император?

По тому, как собравшиеся покачивали головами и негромко переговаривались или просто бормотали себе под нос, герцог увидел, что его поняли и согласились с ним.

- Нам следует быть готовыми к их поискам, - сказал Лето и обратился к Хавату: - Сейчас самое время

послушать об оборудовании. Сколько они оставили нам комбайнов-подборщиков и вспомогательного

оборудования?

- Полный комплект - в соответствии с имперской описью, проверенной Арбитром Смены, милорд, - сказал Хават и сделал знак адъютанту. Тот подал ему папку. Хават раскрыл ее перед собой на столе. - Они только не сочли нужным упомянуть, что работоспособны менее половины краулеров, что только для трети машин есть грузолеты, переносящие их к пескам Пряности, что все, оставленное нам Харконненами, того и гляди развалится. Нам повезет, если будет работать половина оборудования, и еще больше повезет, если половина этой половины не выйдет из строя через полгода.

- Чего-то в этом роде мы и ожидали, - сказал Лето. - Каковы оценочные цифры по основным видам техники?

Хават заглянул в папку:

- Около девятисот тридцати комбайнов можно отправить в пески в ближайшие несколько дней. Примерно шесть тысяч двести пятьдесят орнитоптеров для аэросъемки, разведки и наблюдения за погодой... чуть менее тысячи грузолетов.

- А не дешевле возобновить переговоры с Гильдией о разрешении вывести на орбиту фрегат в качестве метеоспутника? - спросил Халлек.

Герцог взглянул на Хавата:

- Как, Суфир, нет ничего нового по этому поводу?

- Придется искать другие средства, - сказал Хават. - Агент Гильдии не стал вести никаких официальных переговоров. Он просто дал мне понять - как ментат ментату, - что цена находится за пределами наших возможностей и такой и останется, сколь бы эти возможности ни выросли. Прежде чем снова встретиться с ним, нам необходимо выявить причину такой позиции.

Один из адъютантов Халлека повернулся на стуле и воскликнул:

- Это несправедливо!

- Несправедливо? - Герцог взглянул на покрасневшего юношу. - О какой справедливости может идти речь? Мы творим нашу собственную справедливость. Мы будем

устанавливать ее здесь, на Арракисе, пока не победим или пока не умрем. Вы жалеете, что связали свою судьбу с нашей?

Офицер посмотрел на герцога, нерешительно сказал:

- Нет, сир. Вы не могли отказаться от величайшего во Вселенной источника доходов... а я не мог не последовать за вами. Простите за сорвавшиеся слова, но... - Он пожал плечами. - Но временами нам всем бывает горько.

- Горечь я понимаю, - сказал герцог. - Но давайте не будем рассуждать о справедливости, пока у нас есть руки и свобода, чтобы их использовать. Может быть, кто-то еще из вас испытывает какую-то горечь? Если так, выговоритесь. Здесь совещание друзей, и каждый может высказать все, что думает.

Халлек пошевелился и сказал:

- Я вот думаю, сир, как обидно, что у нас нет волонтеров из других Великих Домов. Они называют вас «Лето Справедливым» и обещают вечную дружбу - но только до тех пор, пока это ничего им не стоит.

- Просто пока они не знают, кто победит в этом столкновении, - сказал герцог. - Большинство Домов разжирело от слишком спокойной жизни. Они отвыкли рисковать! Их даже нельзя за это ругать, их можно лишь презирать. - Он взглянул на Хавата. - Однако вернемся к оборудованию. Нельзя ли показать сейчас несколько образцов, чтобы ближе познакомить присутствующих с этими машинами?

Хават кивнул и дал знак адъютанту включить проектор.

Над столом, ближе к тому месту, где сидел герцог, возникла трехмерная солидопроекция. Некоторым у дальнего конца стола пришлось встать, чтобы получше ее рассмотреть.

Пауль, взглянувшись в машину, наклонился вперед.

Сравнив с крошечными человеческими фигурками, окружавшими машину, можно было оценить ее

размеры: не меньше ста двадцати метров в длину и примерно сорок метров в ширину. Она напоминала продолговатого жука и передвигалась на независимых друг от друга парах широких гусениц.

* * *

- Это комбайн-подборщик, - сказал Хават. - Для этой съемки мы подобрали машину в хорошем состоянии, только что из ремонта. А вот есть один драглайновый агрегат, доставленный сюда первой командой имперских экологов, который все еще работает... хотя я и не понимаю, как это возможно. -

- Если это тот, который они называют «Старой Мэри», то это просто музейный экспонат, - сказал один из адъютантов. - Я думаю, Харконнены использовали его для наказания рабочих. Веди себя хорошо, не то отправят на «Старую Мэри».

Вдоль стола прокатились смешки. Пауль удержался от веселья - ему все больше не давал покоя один вопрос. Указав на проекцию, он спросил:

- Суфир, а бывают ли песчаные черви, способные поглотить его целиком?

Над столом повисла тишина. Герцог про себя чертыхнулся, но потом подумал: нет, они должны смотреть в лицо реалиям здешней жизни.

- В глубине Пустыни есть черви, способные одним глотком справиться со всем этим комбайном, - помедлив, подтвердил Хават. - А ближе к Барьерной Стене, где добывается большая часть Пряности, встречается изрядное количество таких, которые могут сломать его, а потом на досуге сожрать по частям.

- Почему комбайны не оборудованы силовыми щитами? - спросил Пауль.

- Согласно информации Айдахо, - сказал Хават, - силовые щиты в пустыне опасны. Щит на одного человека привлекает всех червей за сотни метров вокруг. По каким-то причинам силовые поля приводят их в дикое бешенство. Нам об этом сообщили фримены, и нет оснований в этом сомневаться. Айдахо не заметил в сиетче даже намеков на необходимое для силовых щитов оборудование.

- Вообще никаких?

- Довольно трудно утаить такие вещи среди нескольких тысяч человек, - отозвался Хават. - У Айдахо был свободный доступ к любому уголку сиетча. Он не видел ни силовых экранов, ни каких-либо признаков их использования.

- Странно, - сказал герцог.

- Харконнены, разумеется, использовали здесь много экранов, - заметил Хават. - У них были ремонтные мастерские во всех гарнизонных городках, и счета их показывают огромные расходы на запчасти для экранного оборудования.

- Могут ли фримены обладать способом нейтрализации экранов? - спросил Пауль.

- Маловероятно, - сказал Хават. - Теоретически это, конечно, возможно - статический заряд с противоположным знаком и размером с добрый округ Способен это сделать, но никто здесь не проводил подобных испытаний. Мы бы услышали об этом раньше: контрабандисты имеют тесные контакты с фрименами и достали бы такое устройство, если бы оно у фрименов было. И уж ничто не удержало бы их от того⁴ чтобы вывезти его с планеты.

- Мне не нравится оставлять непроясненным такой важный момент, - сказал Лето. - Суфир, я хочу, чтобы ты уделил первоочередное внимание решению этой проблемы.

- Мы уже работаем над ней, милорд. - Хават откашлялся. - Да, Айдахо заметил одну вещь: он сказал, что не может быть сомнений в отношении фрименов к силовым щитам. Он сказал, что они их главным образом попросту забавляют.

Герцог нахмурился:

- Вернемся к вопросу об оборудовании.

Хават сделал знак адъютанту, занятому с проектором, и солидо-изображение комбайна сменилось проекцией крылатого устройства, окруженного карликовыми фигурками людей.

- Это грузолет, - продолжал объяснять Хават. - По существу, просто большой орнитоптер, чья единственная функция в том, чтобы доставлять машины к богатым Пряностью пескам, а потом

спасать их при появлении червей. Появляются-то они всегда. Сбор Пряности состоит в том, чтобы сгребать и хватать столько, сколько сможешь, и уносить ноги.

- Что превосходно согласуется с харконненскими принципами, - сказал герцог.

И реплика его отозвалась за столом резким и слишком громким смехом.

Грузолет сменило изображение орнитоптера.

- Это более обычные орнитоптеры, - сообщил Хават. - Правда, они серьезно модифицированы, что позволило значительно увеличить дальность полета. Особо внимание уделено защите от песка и пыли наиболее важных узлов. При этом только один из тридцати орнитоптеров имеет генераторы силовых экранов – возможно, они сняты для уменьшения веса и увеличения дальности полета.

- Не нравится мне это наплевательское отношение к щитам, - пробормотал герцог и подумал: «Но, может, в этом и состоит секрет Харконненов? Не означает ли это, что мы даже не сможем ускользнуть на экранированных фрегатах, если все обернется против нас?»

« Он резко тряхнул головой, отгоняя эти мысли, и сказал:

- Давайте сделаем рабочую' оценку. На какой доход мы можем рассчитывать?

Хават перелистнул две страницы в записной книжке.

- Оценив стоимость ремонта и количество действующего оборудования, мы произвели первичную оценку эксплуатационных расходов. Она основана, разумеется, на заниженном значении, с поправкой на износ, принятом для того, чтобы иметь определенный запас. - Он закрыл глаза, входя в ментат-полутранс, - При Харконненах расходы на ремонт и оплату рабочей силы составляли четырнадцать процентов. Нам повезет, если мы сумеем удержать их на первых порах в пределах тридцати процентов. С учетом реинвестиций и затрат на развитие,, включая отчисления КООАМ и военные расходы, наша доля сведется к шести-семи процентам, пока мы не заменим изношенное оборудование. Когда же заменим, то, пожалуй, сумеем поднять ее до двенадцати-пятнадцати процентов... - Хават открыл глаза. - Если только милорд не желает перенять харконненские методы. .

- Наша цель – устойчивое положение на планете и превращение ее в нашу надежную базу, - сказал герцог. -

И мы должны делать значительные отчисления на улучшение жизни населения – особенно фрименов.

- В первую очередь фрименов, - согласился Хават.

- Наша власть на Каладане, - продолжил герцог, - зависела от мощи морских и воздушных сил. Здесь же мы должны заняться тем, что я могу назвать мощью Пустыни, и сделать ставку на нее. Сюда может быть включен и контроль воздушного пространства – но это не обязательно так; позволю себе обратить ваше внимание на отсутствие силовых экранов у орнитоптеров. - Он покачал головой. - Харконнены полагались на постоянный приток квалифицированного персонала извне. Мы же никак не можем положиться на такие кадры, ибо в каждой группе могут быть их агенты.

- Значит, нам придется смириться с намного меньшей прибылью и снижением сбора Пряности, - сказал Хават. - Наш валовой сбор за первые два сезона составит никак не более двух третей от среднего при Харконненах.

- Как раз этого мы и ожидали, - кивнул герцог. - Нам нужно быстро развивать отношения с фрименами. Хотелось бы еще до первой ревизии КООАМ иметь пять полностью укомплектованных фрименских батальонов.

- До ревизии осталось мало времени, сир, - сказал Хават.

- А. у нас вообще мало времени, как вам всем хорошо известно. При первой же возможности они появятся здесь с сардаукарами, переодетыми в харконненскую форму. Как ты считаешь, Суфир, сколько они сумеют привезти?

- Судя по всему, четыре-пять батальонов, не более – цены Гильдии на перевозку войск вам известны.

- Значит, пяти батальонов фрименов вместе с нашими собственными силами может оказаться достаточно. Если удастся захватить хотя бы нескольких сардаукаров и выставить их перед Советом Ландсраада – тогда все сильно переменится и вопрос будет стоять уже не о прибылях от Арракиса...

- Мы сделаем все от нас зависящее, сир.

Пауль взглянул на отца, потом на Хавата и внезапно остро почувствовал возраст Хавата, вспомнив, что старик служит уже третьему поколению Атрейдесов. Да, он - уже

старик... Это проявлялось в болезненном блеске карих глаз, в потрескавшейся и обожженной коже лица, опаленного ветрами многих миров, в сутуности плеч и в тонких губах с пятнами клюквенного цвета, вызванными потреблением сока сафо.

«Так много зависит от одного-единственного постаревшего человека...» - подумал Пауль.

- Сейчас мы втянуты в войну асассинов, - сказал герцог, - но полного размаха она еще не достигла. Суфири, в каком состоянии здесь харконненская сеть?

- Мы ликвидировали двести пятьдесят девять их ключевых агентов, милорд. Осталось не более трех харконненских гнезд - вероятно, в совокупности около сотни человек.

- А эти уничтоженные нами харконненские твари были богаты? - спросил герцог.

- Большинство из них были неплохо обеспечены - в основном это местные предприниматели.

- Изготовьте - подделайте! - убедительные сертификаты вассальной преданности за подписью каждого из них, - сказал герцог. - Копии отправьте Арбитру Смены. Мы будем стоять на том, что они фактически были изменниками - нарушителями присяги вассалов. Конфискуйте их собственность, заберите все, выселите их семьи, раздев донага. И проследите, чтобы Император получил свои десять процентов. Все должно быть абсолютно законным.

Суфири улыбнулся, обнажив испятнанные красным зубы:

- Ход, достойный вашего деда, милорд. Позор моим сединам, что я сам до него не додумался.

Халлек удивленно сдвинул брови: на лице Пауля читалась неприязнь к происходящему. Остальные улыбались и кивали.

«Так нельзя, - думал Пауль. - Это только заставит всех остальных сражаться упорнее. Потому что от капитуляции не будет никакого толку».

Он знал, что в канли запрещенных приемов практически нет, но этот прием был из тех, что могут уничтожить применившего, даже дав ему победу.

- «И стал я чужаком в чужой земле», - процитировал Халлек.

Пауль пристально посмотрел на него, узнав цитату из Экуменической Библии, и спросил себя: возможно ли, что и Гурни хотел бы покончить со всякими, коварными интригами?..

Герцог бросил взгляд в темноту за окнами, потом посмотрел на Халлека:

- Гурни, скольких меланжеров удалось убедить остаться с нами?

- Всего двести восемьдесят шесть человек, сир. Думаю, мы должны взять всех, и, по-моему, нам еще повезло. У всех полезные профессии.

- Так мало? - Герцог поджал губы. - Ну ладно, перейдем к...

Шум у двери прервал его. Дункан Айдахо миновал стоявшую там охрану, быстро прошел через весь зал к герцогу и склонился к его уху.

Лето знаком отстранил его и сказал:

- Говори вслух, Дункан. Ты же видишь - это заседание штаба.

Пауль рассматривал Айдахо, отмечая его кошачьи движения и быструю реакцию, благодаря которым так трудно было соперничать с ним в фехтовании.

Темное лицо Айдахо повернулось к Паулю; выражение глубоко посаженных глаз не выдавало эмоций, но Пауль узнал эту маску, безмятежности, скрывающую возбуждение.

Айдахо оглядел сидящих за столом, потом сказал:

- Мы разбили отряд харконненских наемников, переодетых фрименами. Сами фримены прислали к нам гонца, чтобы предупредить об этой банде. Напав на нее, мы, однако, обнаружили, что Харконнены подстерегли фрименского курьера на обратном пути и тяжело его ранили. Мы хотели доставить его сюда, к нашим врачам, но в дороге он умер. Я видел, как он был плох, и остановился, чтобы хоть немного помочь. А он вдруг попытался что-то выбросить. - Айдахо взглянул на Лето. -

Это был нож, милорд, нож, подобного которому вы никогда не видели.

- Крис? - спросил один из офицеров.

- Несомненно, - сказал Айдахо. - Молочно-белый и словно светящийся внутренним светом.

Он потянулся и извлек из-под мундира ножны с торчащей из них черной ребристой рукояткой.

- Не вынимайте клинок, из ножен!

Этот почти крик раздался от открытой двери в дальнем конце комнаты – и голос был таким звучным, пронзительным и взволнованным, что заставил всех обратить взоры на его обладателя.

В дверях стоял высокий человек в просторных одеждах. Путь ему преградили скрещенные мечи охранников. Светло-коричневый балахон полностью скрывал его фигуру, если не считать отверстия для лица в капюшоне. В прорезях черного лицевого покрывала-маски светилась пара абсолютно синих глаз, глаз без единого белого пятнышка.

- Пусть он войдет, – прошептал Айдахо.

- Пропустите его, – велел герцог.

После некоторого колебания охранники опустили мечи. Человек стремительно вошел в комнату, остановившись напротив герцога.

- Это Стилгар, глава сиетча, в котором я гостил, вождь тех людей, которые предупредили нас о харконненской банде, – сказал Айдахо.

- Добро пожаловать, – сказал Лето. – И почему же нам нельзя вынимать из ножен этот клинок?

Стилгар взглянул на Айдахо и сказал:

- Ты соблюдал среди нас обычай чистоты и чести. Тебе я мог бы разрешить взглянуть на клинок человека, которому вы помогали... – Стилгар обежал взглядом остальных присутствующих в помещении. – Но их я не знаю. Не осквернят ли они благородное оружие?

-* Я – герцог Лето, – сказал герцог. – Можете ли вы позволить мне увидеть этот клинок?

- Я позволю вам заслужить право извлечь его из ножен, – отчеканил Стилгар и, когда над столом пронесся ропот недовольства, поднял худую, в темных прожилках руку. – Напоминаю, это клинок того, кто помог вам.

В наступившей тишине Пауль изучал этого человека, ощущая исходящую от него ауру власти. Он был вождем – фрименским вождем.

Офицер, сидевший на противоположной от Пауля стороне стола, пробормотал:

- Кто он такой, чтобы учить нас, какими правами мы обладаем на Арракисе?

- Говорят, что герцог Лето Атрейдес правит с общего согласия подданных, – сказал Стилгар. – Так что я должен рассказать вам, в чем тут дело: на тех, кто видел крис, ложится определенная ответственность. – Он бросил мрачный взгляд на Айдахо. – Они становятся нашими. И не смогут покинуть Арракис без нашего согласия.

Халлек и еще несколько человек с гневом на лицах вскочили.

- Один лишь герцог Лето определяет... – начал Халлек.

- Одну минуту, – сказал Лето, и мягкость, прозвучавшая в его голосе, остановила их. Этот момент нельзя упустить, подумал он и обратился к вождю фрименов: – Сэр, я чую и уважаю личное достоинство каждого, кто уважает мое достоинство. Я действительно у вас в долгу. И я всегда плачу свои долги. Если по вашему обычаю этот нож должен остаться здесь в ножнах, значит, так и будет – по моему приказу. И если существует еще какой-нибудь способ почтить человека, погибшего, помогая нам, вам остается только указать его.

Фримен пристально посмотрел на герцога, потом медленно отвел в сторону лицевое покрывало, открыв тонкий нос и полногубый рот, обрамленный черной блестящей бородой, медленно склонился над столом и плонул на его полированную поверхность.

Сидевшие за столом вскочили было на ноги, но тут прогремел голос Айдахо:

- Стойте!

В наступившей напряженной тишине Айдахо сказал:

- Мы благодарим тебя, Стилгар, за дар влаги твоего тела. Мы принимаем его с тем же чувством, с каким он был принесен. - И Айдахо тоже плюнул на стол.

Специально для герцога он прошептал:

- Вспомните, сколь драгоценна здесь вода, сир. Это был знак уважения.

Лето откинулся на спинку стула, поймал взгляд Пауля, заметил печальную улыбку на лице сына и почувствовал, как медленно спадает напряжение за столом, по мере того как к людям приходит понимание.

Стилгар посмотрел на Айдахо:

- Ты неплохо вписался в мой ситетч, Дункан Айдахо. Есть ли у тебя долг преданности твоему герцогу?

- Он хочет меня завербовать, сир, - пояснил Айдахо.

- Согласится ли он, если ты будешь служить и ему, и мне? - спросил Лето.

- Вы хотите, чтобы я пошел с ним, сир?

- Я хочу, чтобы ты сам принял решение, - сказал Лето и не сумел спрятать волнение в голосе.

Айдахо посмотрел прямо в глаза Стилгара:

- Берешь меня на этих условиях, Стилгар? Учи, тогда мне в случае необходимости придется возвращаться на службу к моему герцогу.

- Ты хорошо сражаясь и сделал все, что сумел, для нашего друга, - проговорил Стилгари *перевел взгляд на Лето*. - Пусть будет так человек Айдахо оставляет у себя этот крис как знак его верности нам. Он, разумеется, должен быть очищен и пройти ритуалы* но это можно сделать. Он будет фрименом и солдатом Атрейдесов. Тому уже есть прецедент: так и Лиет служит двум господам.

- Дункан? - спросил Лето.

- Я понимаю, сир, - кивнул Айдахо.

- Значит, решено, - заключил Лето.

- Твоя вода - наша, Дункан Айдахо, - сказал Стилгар. - Тело нашего друга остается у вашего герцога. Его вода - вода Атрейдесов. Теперь между нами - связь, связь воды.

Лето вздохнул, встретившись взглядом с Хаватом. Старый ментат с довольным выражением лица кивнул.

- Я буду ждать внизу, - сказал Стилгар, - пока Айдахо простится со своими друзьями. Имя нашего погибшего друга было Турок. Помните об этом, когда придет время освободить его дух. Вы - друзья Турока.

Стилгар повернулся уходить.

- Может быть, вы задержитесь, хотя бы ненадолго? - спросил Лето.

Фримен снова повернулся к нему, небрежным жестом возвращая покрывало на место и что-то под ним поправляя. Перед тем как покрывало опустилось, Пауль успел заметить что-то вроде тонкой трубки.

- А разве есть причина для задержки? - спросил Стилгар.

- Хотя бы почета ради, - пожал плечами герцог. - Честь...

- Честь велит мне как можно быстрее оказаться в другом месте, - сказал Стилгар, метнув еще один взгляд на Айдахо, круто развернулся и, широко шагая, вышел.

- Если другие фримены похожи на него, мы с ними неплохо сработаемся, - сказал Лето. - Мы можем быть очень полезны друг другу.

Айдахо проговорил сухим тоном:

- Он прекрасный образчик, сир.

- Ты понимаешь, что должен делать, Дункан?
- Я - ваш посол к фрименам, сир.
- От тебя зависит очень многое, Дункан. Мы должны набрать по меньшей мере пять батальонов этих людей - до того как на нас обрушатся сардаукары.
- Эта цель потребует некоторых усилий, сир. Фримены - весьма независимый народ. - Айдахо поколебался, потом сказал: - И еще одно, сир. Один из наемников, которых мы побили, пытался завладеть этим клинком нашего погибшего фрименского друга. Этот наемник говорит, что Харконнены обещают миллион соляриев вся кому, кто доставит им хотя бы один-единственный крис.

Подбородок Лето вздернулся: герцог был удивлен.

- Почему же им так сильно хочется заполучить эти клинки?»
- Нож изготавливают из зуба песчаного червя; это знак фримена, сир, и никто другой не может иметь его. С ним синеглазый человек может войти в любой сиэтч в этой земле. Они потребовали бы у меня предъявить его, если бы меня не знали. Я на фримена не похож. Но...

- Питер де Брийе, - сказал герцог.

- Человек дьявольского коварства, милорд, - кивнул Хават.

Айдахо спрятал крис под мундир.

- Береги этот нож, - сказал герцог.
- Я понимаю, милорд. - Он похлопал по рации на своей портупее. - Я доложу обо всем при первой возможности. У Суфира есть код моего вызова. Используйте боевой язык.

Дункан отсалютовал, четко повернулся кругом. Они слышали, как его шаги удаляются по коридору. Лето и Хават обменялись понимающими взглядами.

- Нам многое предстоит сделать, сир, - сказал Халлек.
- А я не даю тебе приняться за работу, - усмехнулся Лето.
- У меня подготовлено сообщение о передовых базах, - сказал Хават. - Может, в другой раз, сир?
- Оно длинное?

- Я подготовил краткое изложение, так что не очень. Среди фрименов говорят, что в период действия Имперской Пустынной ботанической станции здесь, на Арракисе, было построено свыше двухсот таких баз. Предполагается, что все они, были покинуты, но есть показания, что перед тем, как бросить, их законсервировали.

- Там сохранилось действующее оборудование? - спросил герцог.
- Согласно сообщениям, полученным от Дункана, да.
- Где расположены станции? - вмешался Халлек.
- Ответ на этот вопрос, - сказал Хават, - неизменно один и тот же: «Лиет знает».
- Бог знает, - пробормотал Лето.
- Возможно, все не так безнадежно, сир, - сказал Хават. - Вы ведь слышали, как этот Стилгар употребил его имя. Не может ли оно относиться к реальному лицу?
- «Служит двум господам», - вспомнил Халлек. - Звучит как религиозная цитата, пожалуй...
- Тебе виднее. Странно, что ты не знаешь наверняка, - буркнул герцог.

Халлек улыбнулся.

- Ну а Арбитр Смены, - сказал Лето, - Имперский Эколог - Кинес... Не может ли он знать, где находятся эти базы?
- Сир, - предостерег Хават, - Кинес служит Императору.
- И очень далеко от Императора, - сказал Лето. - Мне нужны эти базы. Они, наверное, битком набиты материалами, которые вполне можно было бы использовать для ремонта нашего

оборудования.

- Сир! - воскликнул Хават. - Эти базы по закону все еще относятся к феоду Его Величества.

- Климат здесь достаточно свирепый, чтобы уничтожить все, что угодно, - задумчиво сказал герцог. - Мы всегда сможем свалить все на бури... Разыщите этого Кинеса и хотя бы узнайте, существуют ли базы на самом деле.

- Реквизировать их все-таки опасно, - покачал головой Хават. - Дункан уверен, что эти базы или некая связанная с ними идея имеют для фрименов некое глубокое значение. Мы можем оттолкнуть их от себя, если разорим эти базы.

Пауль видел, с каким напряжением офицеры следят за каждым произнесенным словом. Казалось, намерения отца их глубоко расстраивают.

- Послушайся его, отец, - тихо сказал Пауль. - Он прав.

- Сир, - сказал Хават, - на этих базах действительно может содержаться столько материалов, что хватило бы на ремонт всего оставленного нам оборудования, и все-таки они могут оказаться за пределами досягаемости по стратегическим причинам. Опрометчиво было бы предпринимать какие-либо шаги без дополнительных сведений. Империя наделила Кинеса полномочиями Арбитра. Мы не должны этого забывать. И фримены считаются с его мнением.

- Значит, проделайте все мягко, - сказал герцог. - Я всего лишь хочу знать, существуют ли базы, и только.

- Как прикажете, сир. - Хават сел, опустив глаза.

- Тогда все в порядке, - сказал герцог. - Мы знаем, что нам предстоит - работа. Мы к ней готовились. И у нас есть в ней кое-какой опыт. Мы знаем, каким будет вознаграждение. Альтернативы тоже достаточно ясны, У каждого есть свое задание... - Герцог посмотрел на Халлека. - Гурни, в первую очередь займись контрабандистами.

- «Вот, иду к бунтарям, обитающим в безводной земле», - нараспев произнес Халлек.

- Когда-нибудь я поймаю этого парня на отсутствии подходящей цитаты, и он будет похож на голого, - бросил герцог.

Фраза его отзывалась за столом смешками, но Пауль услышал в них нотки неестественности. Герцог обратился к Хавату:

- Суфир, разверни на этом этаже еще один командный пункт - для разведки и связи. Когда сделаешь, приходи: ты мне понадобишься.

Хават встал и окинул комнату взглядом, словно ища поддержки. Потом направился к выходу, следом потянулись остальные. Офицеры двигались торопливо, скребя пол отодвигаемыми стульями, сталкиваясь, обнаруживая явные признаки смущения.

Дело закончилось всеобщим замешательством, подумал Пауль, глядя в спины. Раньше Совет всегда заканчивался в приподнятой атмосфере. А это собрание словно вытекало медленной струйкой, утомленное собственной неэффективностью, да и завершилось оно спором...

Впервые Пауль позволил себе подумать о реальной возможности неудачи - и вовсе не из страха перед ней и не из-за предостережений, подобных тем, что исходили от старой Преподобной Матери, - его собственная оценка ситуации заставила взглянуть этой возможности в лицо.

«Отец в отчаянии, - подумал он. - Дела складываются для нас очень неудачно».

И Хават... Пауль припомнил, как вел себя на совещании старый ментат - едва уловимые колебания, признаки беспокойства...

Да, Хават чем-то глубоко встревожен.

- Тебе, наверное, лучше всего остаться на ночь здесь, сын, - сказал герцог. - Все равно скоро рассветет. Я сообщу твоей матери. - Он тяжело поднялся. - Почему бы тебе не сдвинуть вместе несколько кресел и не прилечь отдохнуть?

- Я не устал, отец.

- Ну, как хочешь.

Герцог заложил руки за спину и принялся вышагивать взад-вперед вдоль стола. Как зверь в клетке.

- Ты собираешься обсудить с Хаватом возможность того, что среди наших людей есть предатель? - спросил Пауль.

Герцог остановился напротив сына и сказал, глядя в темноту за окнами:

- Эту возможность мы обсуждали много раз.

- Старуха казалась такой уверенной в этом, - сказал Пауль. - И то послание для матери...

- Меры предосторожности приняты, - сказал герцог. Он оглядел комнату, и в его глазах сверкнула ярость загнанного зверя. - Оставайся здесь. Мне надо обсудить с Суфиrom кое-что насчет командных пунктов. - Герцог повернулся и быстро вышел, коротко кивнув у двери охранникам.

Пауль смотрел на то место, где стоял отец. Оно опустело даже раньше, чем герцог вышел из комнаты. И Пауль вспомнил слова старухи: «...твоего отца не спасет ничто».

Глава 13

В тот первый день, когда Муад'Диб с близкими его ехал по улицам Арракина, некоторые из людей, стоявших у дороги, вспомнили легенды и пророчества и отважились прокричать: «Махди!» Но этот их крик был более вопросом, нежели утверждением, ибо тогда существовала лишь надежда, что был он Лисан аль-Гайбом, Гласом из Внешнего Мира, предсказанным много веков назад. Взгляды их были прикованы также и к его матери, ибо все слышали, что была она Бене Гессерит, и потому сочли ее чем-то вроде второго Лисан аль-Гайба.

(Из учебника «Жизнь Муад'Диба» принцессы Ирулан)

Герцог нашел Суфира Хавата - тот сидел один в угловой комнате. За стеной работали - устанавливали и налаживали аппаратуру связи, но здесь было довольно тихо. Герцог успел окинуть взглядом все помещение, пока Хават поднимался из-за стола, заваленного бумагами. В этом закутке с зелеными стенами, помимо стола, было еще три кресла на силовой подвеске, со спинкой которых спешно стерли букву «Х», - там виднелись пятна, немного отличные по цвету от всей обивки.

- Эти кресла достались нам в наследство от прежних хозяев, но они вполне безопасны, - сказал Хават. - А где Пауль, сир?

- Я оставил его в комнате совещаний. Я решил, что ему стоит отдохнуть, и избавил от своего присутствия.

Хават кивнул, прошел к двери в соседнюю комнату и прикрыл ее. Шум помех и треск разрядов, доносившиеся оттуда, стихли.

- Суфир, - вздохнул Лето, - я вот думаю об имперских и харконненских запасах Пряности.

- Что вы имеете в виду, милорд? Герцог поджал губы:

- Склады могут быть разрушены...

Увидев, что Хават собирается возразить, герцог поднял руку:

- Я говорю сейчас не о запасах Императора. Но неприятностям Харконненов он бы втайне порадовался. И как барону протестовать против уничтожения того, что он не может открыто признать своим?

Хават покачал головой:

- У нас мало людей, сир.

- Возьми часть людей Айдахо. И, может быть, кто-то из фрименов захочет отлучиться с планеты. Рейд на Джеди Прим мог бы дать нам тактическое преимущество, Суфир.

- Как прикажете, милорд. - Хават повернулся уходить, и герцог заметил, что старик нервничает. Возможно, он боится, что я ему не доверяю. Наверняка он знает, что я получил частные сообщения о предательстве. Ну и - лучше всего немедленно успокоить его страхи.

- Суфир, - сказал он, - ты один из немногих, кому я полностью могу доверять: поэтому я хочу обсудить с тобой еще один вопрос. Оба мы знаем, какого неусыпного внимания требует опасность проникновения предателей в наши ряды... но у меня есть два новых сообщения.

Хават обернулся, и герцог пересказал ему все, что узнал от Пауля.

Но вместо сосредоточения, возникающего у ментатов во время работы, эти сообщения лишь усилили беспокойство Хавата.

Лето всмотрелся в лицо старика, потом сказал:

- Ты что-то скрываешь, дружище. Мне следовало догадаться еще на совещании штаба, ведь ты там так нервничал. Что это за опасность, о которой нельзя говорить перед всеми?

Испятнанные сафо губы Хавата вытянулись в прямую линию с разбежавшимися от уголков мелкими морщинами. И так, с почти неподвижными губами, он наконец сказал:

- Милорд, я даже не знаю, как к этому подступиться.

- Мы же приняли друг за друга немало шрамов, Суфир, - напомнил герцог. - И уж кто-то, а ты можешь сказать мне все, что угодно, - и ты это знаешь.

Хават, по-прежнему глядя на герцога, подумал: «Таким я люблю его больше всего. Человеком чести,

заслуживающим всей моей преданности и службы. Почему мне приходится - причинять ему боль?»

- Итак? - потребовал Лето. Хават пожал плечами:

- Дело в обрывке сообщения, который мы отобрали у харконненского тайного курьера. Сообщение предназначалось для агента по имени Парди. У нас есть основание полагать, что этот Парди был главой всей здешней харконненской подпольной сети. Это сообщение... это такая вещь, которая может повлечь огромные последствия - или никаких. Дело в том, что его можно истолковать по-разному.

- И что же это за сообщение?

- Обрывок сообщения, милорд. Обрывок микрофильма, снабженного, как обычно, капсулой самоуничтожения. Мы сумели нейтрализовать воздействие кислоты незадолго до полного уничтожения информации - остался лишь фрагмент. Но фрагмент очень существенный.

-Да?

Хават потер губу:

- Он гласит: «...его никогда не заподозрит, и когда удар обрушится на него, довольно будет и того, что нанесет его рука любимого человека». Кассета была опечатана личной печатью барона, и я удостоверился в ее подлинности.

- Твое подозрение очевидно, - сказал герцог, и Голос его стал ледяным.

- Я бы лучше отрубил себе руки, чем так расстраивать вас, - сказал Хават. - Милорд, а что, если...

- Леди Джессика, - сказал Лето и почувствовал, как быстро разгорается гнев. - А вы что, не сумели выбить факты из этого Парди?

- К сожалению, когда мы перехватили курьера, Парди уже не было в живых. А курьер, я уверен, просто не знал, что несет.

- Понятно.

Лето покачал головой: «Какая гнусность. Конечно, тут все подстроено - я-то знаю свою женщины».

- Милорд, если...

- Нет! - рявкнул герцог. - Здесь ошибка.

- Мы не можем этого игнорировать, милорд.

- Она со мной шестнадцать лет! Бессчетные возможности были для... Ты сам проверял и школу, и ее самое!

Хават горько проговорил:

- Кое-что ведь от меня уже ускользнуло...

- Это невозможно, я тебе говорю! Харконнены хотят уничтожить род Атрейдесов - имея в виду и Пауля. Один раз они уже попытались. Может ли женщина строить заговоры против собственного сына?

- Возможно, против сына она заговоров не строит. И вчерашняя попытка могла быть ловким обманом.

- Нет, не могла!

- Сир, предполагается, что она не знает, кто ее родители, но что, если знает? Что, если, допустим, она сирота и виновны в этом Атрейдесы?

- Она бы ударила давним-давно. Яд, подсыпанный в мой бокал... удар стилета ночью. У кого было больше возможностей?

- Харконнены хотят уничтожить вас, милорд. Им недостаточно просто убить. В канли имеется ряд тонких различий. Представьте, что это не просто вендетта, а вендетта-шедевр, своего рода произведение искусства?..

Плечи герцога тяжело опустились. Он закрыл глаза, разом почувствовав себя постаревшим и безмерно усталым. «Этого просто не может быть. Она открыла мне свое сердце».

- Есть ли лучший способ уничтожить меня, чем посеять во мне подозрения к женщине, которую я люблю?

- Такую вероятность я рассматривал, – сказал Хават. – Но...

Герцог открыл глаза и посмотрел на Хавата.

«Пусть подозревает. Подозрение – его профессия. Может быть, притворившись, что верю в это, я сделаю врага менее осторожным...»

- Что ты предлагаешь? – прошептал герцог.

- Сейчас – непрерывное наблюдение, милорд. За ней нужно следить постоянно. Я постараюсь, чтобы это было сделано ненавязчиво. Для такой работы лучше всего подошел бы Айдахо. Мы могли бы, наверное, в течение недели вернуть его. Мы готовили одного молодого человека из отряда Айдахо – он идеально подходит, чтобы направить его к фрименам на замену Айдахо. Прирожденный дипломат.

- Только чтобы это не вредило нашим отношениям с фрименами.

- Разумеется, сир.

- А что насчет Пауля?

- Можно предупредить доктора Юйэ – пусть присмотрит...

Лето уже повернулся к Хавату спиной.

- Оставляю это на твое усмотрение.

- Я буду осторожен, милорд.

«Хоть на это можно рассчитывать», – подумал Лето и сказал:

- Пойду прогуляюсь. Если я тебе понадоблюсь – я не собираюсь выходить за территорию дворца. Охрану можешь...

- Милорд, прежде чем вы уйдете, – у меня есть ролик, который мог бы вас заинтересовать. Это анализ фрименской религии в первом приближении. Помните, вы просили меня доложить об этом.

Герцог остановился и, не оборачиваясь, досадливо спросил:

- А подождать это не может?

- Разумеется, милорд. Вы спрашивали, что они выкрикивали. Это было слово «Махди!» И обращено оно было к молодому господину. Когда они...

- К Паулю?

- Да, милорд. У них тут есть легенда, пророчество, что к ним придет вождь, сын женщины из Бене Гессерит, который поведет их к подлинной свободе. Легенда следует обычному мессианскому образцу.

- Они думают, что Пауль и есть этот... этот...

- Они только надеются, милорд. – Хават протянул ему капсулу.

Герцог взял ее и засунул в карман:

- Я просмотрю это позже.

- Разумеется, милорд.

- А сейчас мне нужно... подумать.

- Да, милорд.

Герцог глубоко вздохнул и быстро вышел. Ой повернулся направо по коридору, замедлив шаг и, заложив руки за спину, двинулся вперед, почти не обращая внимания на окружающее. Сменялись коридоры, лестницы, балконы, залы... Встречные салютовали ему и уступали дорогу.

Он вернулся в комнату совещаний: там было темно, и Пауль спал на столе, укрывшись плащом охранника и положив под голову ранец. Герцог тихо пересек комнату и вышел на балкон, с которого

открывался вид на посадочное поле. Охранник, дежуривший на балконе, узнал герцога в тусклом отсвете посадочных огней и встал «смирино».

- Все в порядке, - сказал ему герцог и оперся о холодный металл балюстрады.

На пустыню сошла предрассветная тишина. Он взглянул вверх. Прямо над головой звезды сверкали, точно золотые монеты на иссиня-черном бархате. С юга, зависнув над горизонтом, сквозь легкую пыльную дымку на него глядела Вторая луна - глядела недоверчиво и цинично.

Пока герцог смотрел, луна медленно опустилась за край Барьера Стены, облив гребни скал стеклистым блеском, и во внезапно спустившейся темноте герцогу стало немного зябко. Он вздрогнул.

И почти в то же мгновение его пронзила вспышка гнева.

«Все последнее время Харконнены вредят мне, травят, охотятся за мной. Эти кучи дерьяма с палаческими мозгами! Но я отсюда не уйду! - И заключил с оттенком печали: - Я должен править, пуская в ход глаза и когти - как ястреб среди малых птиц».

Он бессознательно провел рукой по эмблеме ястреба на своем мундире.

На востоке в ночном небе прступил призрачный жемчужно-серый веер, расцвел опаловой морской раковиной, затмившей звезды. Началось долгое, звонкое движение зари, поджегшей небо над изломанным горизонтом.

Это была картина такой красоты, которая поглотила его целиком.

Поистине есть вещи, ни с чем не сравнимые.

Он никогда не мог представить себе, что здесь может существовать нечто столь прекрасное, как этот алый горизонт, пурпурные и охряные скалы. За посадочным полем, там, где слабая ночная роса коснулась жизни в торопливых семенах Арракиса, загорелись огромные пятна красных цветов. Через них бежала цепочка фиолетового... точно следы неведомого великаны.

- Прекрасное утро, сир, - тихо произнес охранник.

Герцог кивнул.

«Возможно, эту планету можно полюбить/Может быть, она даже станет хорошим домом моему сыну...»

Затем он увидел людей, движущихся среди цветов и словно обметающих их странными инструментами, напоминающими серпы. Это были сборщики росы. Вода здесь столь драгоценна, что необходимо собирать даже росу.

«...Но она может оказаться и ужасным местом», - подумал герцог.

* * *

Глава 14

Нет, наверное, более ужасного мгновения в познании мира – ужаснее, нежели миг, когда открываешь, что отец твой – живой человек из плоти и крови.

(Принцесса Ирулан. «Избранные изречения Муад'Диба»)

- Пауль, то, что я делаю сейчас, – тяжело и отвратительно, но я должен сделать это...

Он стоял рядом с портативным ядоискателем, который доставили в комнату совещаний, чтобы они могли позавтракать там. Сенсорные щупы искателя безвольно повисли над столом, напомнив Паулю какое-то только что издохшее огромное насекомое.

Герцог смотрел в окно на посадочное поле и клубы пыли на фоне утреннего неба.

Перед Паулем был фильмоскоп с роликом о религии фрименов. Ролик составлял один из экспертов Хавата, и Пауль почувствовать что смущен ссылками на себя.

«Махди!»

«Лисан аль-Гаиб!»

Он закрыл глаза и снова услышал эти крики взволнованных толп. «Так вот на что они надеются, – подумал он. И, вспомнил, что говорила Преподобная Мать, – „Квисатц Хадерах“. Воспоминания вновь разбудили в нем чувство ужасного предназначения, вызвали Ощущение, что ему знаком этот странный мир, ощущение, которого он не мог объяснить.

- Да, отвратительно, – повторил герцог. ,

- Что ты имеешь в виду?

Лето повернулся, взглянул на сына:

- Дело в том, что Харконнены решили обмануть меня – чтобы я заподозрил твою мать. Они не знают, что я скорее усомнился бы в самом себе.

- Я тебя не понимаю, отец.

Лето опять посмотрел в окно. Белое солнце вошло в свой утренний квадрант. Молочный свет пронизал бурление пыльных облаков, расплескавшихся в слепых ущельях Барьера Стены.

Медленно, понизив голос, стараясь сдерживать гнев, герцог рассказал Паулю о таинственной записке.

- С тем же основанием ты мог бы заподозрить и меня, – сказал Пауль.

- Надо, чтобы они думали, будто добились своего, – сказал герцог. – Чтобы считали меня таким дураком. Все должно выглядеть достоверно. Даже твоя мать должна быть уверена, что все это – всерьез и по-настоящему.

- Но почему?

- Нельзя, чтобы реакция твоей матери была игрой, притворством. О, она способна на великолепную игру... но слишком многое поставлено на карту. Я надеюсь разоблачить предателя. Должно казаться, что я полностью обманут. Придется причинить ей эту боль, чтобы она не испытала худших страданий.

- Тогда почему ты рассказываешь это мне, отец? А вдруг я что-то нечаянно выдам?

- Они не станут следить в этом деле за тобой, – сказал герцог. – Ты сохранишь секрет. Ты должен. – Герцог отошел к окну и продолжал не оборачиваясь: – Я рассказываю это тебе для того, чтобы – если со мной что-нибудь случится – ты мог рассказать ей правду¹ что я никогда, ни на одно мгновение не сомневался в ней. Мне хотелось бы, чтобы она это узнала.

В словах отца он почувствовал мысли о смерти и быстро проговорил: – С тобой ничего не случится, отец. Ты...

- Не надо, сын.

Пауль всматривался в отца, замечая утомление, сквозившее в наклоне головы, в линии плеч, в медлительности движений.

- Ты просто устал, отец.

- Я устал, - согласился герцог. - Я устал душой. Наверное, вырождение Великих Домов в конце концов пот разило и меня. А ведь когда-то мы были такими сильными людьми!

Пауль, внезапно испугавшись, горячо возразил:

- Наш Дом не вырождается.

- Не вырождается?

Герцог повернулся лицом к сыну, показав темные круги под жесткими глазами, циничный изгиб губ.

- Мне следовало жениться на твоей матери, сделать ее герцогиней. Но... то, что официально я не женат, дает надежду на союз со мной некоторым Домам, у которых есть незамужние дочери. - Он пожал плечами. - И я...

- Мать мне это объясняла.

- Ничто не дает вождю большей преданности, чем атмосфера бравады, смелости, куражка, - сказал герцог. - Вот я ее и культивирую.

- Ты руководишь хорошо, - запротестовал Пауль. - Ты хорошо правишь. Люди следуют за тобой добровольно и с любовью.

- Мой корпус пропаганды - один из лучших, - горько усмехнулся герцог, отворачиваясь к пустыне. - Здесь, на Арракисе, у нас больше возможностей, чем Империя могла бы себе представить. Но иногда я думаю, что стоило бы предпочесть бегство, стать отступниками. Иногда я хочу, чтобы мы безымянно и бесследно растворились среди людей, став менее уязвимыми перед...

- Отец!

- Да, я устал, - повторил герцог. - Ты знаешь, что мы используем осадок, получающийся при очистке Пряности, в качестве сырья и уже запустили собственную фабрику по производству фильмолент?

- ?..

- Мы не можем допустить дефицита пленки, - объяснил герцог. - Как иначе мы можем наводнить своей информацией деревню и город? Люди должны знать, сколь хорошо я ими правлю. А как они смогут узнать это, если мы им не расскажем?

- Тебе надо все-таки немного отдохнуть, - сказал Пауль.

Герцог стоял совершенно неподвижно - четкий силуэт на фоне солнца.

- У Арракиса есть еще одно преимущество, о котором я чуть не забыл упомянуть. Пряность тут во всем. Мы вдыхаем ее и съедаем вместе с любой пищей. И я полагаю, это дает определенный иммунитет к некоторым из самых распространенных ядов из «Справочника асассина». И необходимость следить за каждой каплей воды ставит все производство пищи - выращивание дрожжей, гидропонику, производство химовита, - короче, все - под самый строгий надзор. Мы не можем, к примеру, избавиться от большой части нашего населения с помощью яда - поэтому и на нас не могут напасть таким способом. Арракис делает нас моральными и нравственными.

Пауль хотел ответить, но герцог жестом прервал его:

- Мне нужен кто-то, кому я мог бы говорить подобные вещи, сын.

Он вздохнул и опять взглянул на иссущенный ландшафт, откуда «теперь исчезли даже цветы - растоптаные сборщиками росы, увядшие под утренним солнцем.

- На Каладане мы правили, используя силу моря и воздуха, - сказал герцог. - Здесь мы должны ухватиться за силу Пустыни. Это твое будущее владение, Пауль. Что с тобой станет, если со мной что-то случится? Наш Дом станет не отступническим, а, так сказать, партизанским Домом - преследуемым, бегущим...

Пауль пытался что-то ответить, но так и не нашел что. Никогда еще он не видел отца таким.

- Чтобы сохранить Арракис, - продолжал герцог, - встаешь перед неизбежностью решений, которые могут стоить тебе самоуважения. - Он указал взглядом на зелено-черное знамя Атрейдесов, безвольно повисшее на флагштоке на краю посадочного поля. - Это благородное знамя может стать

символом зла.

Пауль сглотнул пересохшим горлом. Слова отца несли печать обреченности. Мальчик почувствовал пустоту в груди.

Герцог извлек из кармана таблетку стимулятора и проглотил, не запивая.

– Сила и страх, – сказал он. – Вот инструменты государственной власти... Я вынужден еще раз подчеркнуть, как важно, чтобы ты полностью овладел методами партизанской войны. Этот ролик... они называют тебя «Махди», «Лисан аль-Гайбом» – в крайнем случае попробуй поставить на это. Это – твой последний шанс.

Пауль смотрел на отца и видел, как распрымляются его плечи – подействовала таблетка, – но слова страха и сомнения не забывались.

– Почему нет эколога? – пробормотал герцог. – Я же сказал Хавату, чтобы он доставил его сюда пораньше.

Глава 15

Однажды мой отец, Падишах-Император, взял меня за руку, и с помощью методов, которым научила меня моя мать, я почувствовала, что он расстроен. Он привел меня в Зал Портретов и подвел к эгообразу герцога Атрейдеса. Я заметила сильное сходство между ними – моим отцом и этим человеком на портрете, – у обоих худощавые, тонкие лица с резкими чертами и холодные яркие глаза. «Принцесса-дочь, – сказал тогда мой отец, – хотел бы я, чтобы ты была постарше, когда этот человек выбирал себе жену...» В то время отцу был семьдесят один год, хотя выглядел он не старше, чем человек на портрете, а мне было всего четырнадцать; однако я помню, как решила тогда, что отец мой втайне желает породниться с герцогом и проклинал политическую неизбежность, сделавшую их врагами.

(Принцесса Ирулан, «В доме моего отца»)

Первая встреча с людьми, которых ему приказали предать, потрясла Кинеса. Он гордился собой, считая себя ученым, для которого легенды – не более чем занятные ключи к истокам культуры. Но мальчик так точно соответствовал древнему пророчеству! У него были «вопрошающий взор» и аура «сдержанной искренности».

Конечно, пророчество оставляло некоторый простор толкованиям – должна ли Богиня-Мать привезти Мессию с собой или же дать Ему жизнь уже здесь? Но все-таки тут было, было это странное соответствие между предсказанием и реальными людьми.

Они встретились утром возле административной башни аракинского космодрома. Неподалеку стоял наготове и тихо журжал, словно большое сонное насекомое, орнитоптер без опознавательных знаков. Рядом дежурил охранник Атрейдесов с обнаженным мечом и включенным щитом – это было заметно по слабому дрожанию воздуха.

Увидев это дрожание, Кинес позволил себеsarкастически улыбнуться: тут Арракис преподнесет им сюрприз!

Планетолог поднял руку, отсылая свою фрименскую¹ охрану. Потом направился ко входу в здание – темной дыре в облицованном пластиком камне. Это громоздкое сооружение показалось ему таким незащищенным, таким ненадежным в сравнении с пещерой...

Внутри проема возникло какое-то движение. Тогда он остановился, поправляя плащ и дистикомб.

Двери широко распахнулись, открыв путь тяжеловооруженным охранникам – у всех были станнеры с «медленными» стрелками, мечи и силовые щиты. Вслед за ними появился высокий смуглый черноволосый человек, чьи черты напоминали хищную птицу. На нем был плащ – джубба с гербом Атрейдесов на груди, и то, как он носил плащ, выдавало его незнакомство с этой одеждой – джубба обивалась вокруг его ног, словно липла к дистикомбу, а не развевалась свободно в ритме шагов, как должно.

Рядом с человеком в плаще шел мальчик – такой же темноволосый, но с более круглым овалом лица. Он выглядел моложе своих лет: как вспомнил Кинес, ему было пятнадцать. Однако, несмотря на юный вид, от него веяло повелительной, спокойной уверенностью, словно он видел и знал в окружающем мире нечто такое, чего не могли увидеть другие. И одет он был в плащ того же фасона, что и его отец, но носил его с небрежной легкостью, заставлявшей думать, будто этот мальчик всегда носил такую одежду.

«Махди будет замечать вещи, которые не могут увидеть другие», – гласило пророчество.

Кинес потряс головой, сказав себе: «Эти двое – лишь люди».

Вместе с герцогом и его сыном появился одетый, подобно им, для пустыни, человек, которого Кинес узнал, – Гурни Халлек. Кинес глубоко вздохнул, стараясь унять свое раздражение против Халлека, осмелившегося поучать его, как надо вести себя с герцогом и герцогским наследником.

«Можете обращаться к герцогу „милорд“ или „сир“. Слово „высокородный“ тоже допустимо, хотя это – обращение для более официальных случаев. Сына его можете называть „молодым господином“ или „милордом“.

Герцог – очень снисходительный человек, но не выносит фамильярности».

И, глядя на приближающуюся группу, Кинес подумал: «Они достаточно скоро узнают, кто на Арракисе господин и хозяин. Надо же, приказали этому ментату расспрашивать меня среди ночи! Ждут, чтобы я помог им в проверке разработок Пряности!»

Смысл вопросов Хавата не ускользнул от Кинеса. Им нужны имперские базы. И ясно, что о базах

они узнали от Айдахо. Я велю Стилгару послать этому герцогу голову Айдахо,

Отряд герцога был теперь всего лишь в нескольких шагах от него, и песок скрипел под их пустынными сапогами.

Кинес поклонился:

- Милорд герцог, приветствую вас. ,

Пока Лето шел к орнитоптеру, он хорошо рассмотрел стоявшего рядом с машиной человека: Кинес был высок, худощав, одет для пустыни – в свободную накидку, дистикомб и низкие сапоги. Капюшон был небрежно отброшен, лицевой клапан отстегнут и висел сбоку, открывая взору песочного цвета волосы и редкую бороду. Глаза под густыми бровями были бездонно синими, их обвели круги въевшейся пыли.

- Вы эколог, – утвердительно сказал герцог.

- Мы здесь предпочитаем старый титул, милорд, – уточнил Кинес. – Планетолог.

- Что же, как вам угодно, – пожал плечами герцог и повернулся к Паулю: – Сын, это Арбитр Смены, судья в спорах, человек, назначенный проследить, чтобы в нашем вступлении во владение этим леном были соблюдены необходимые формальности... – Герцог взглянул на Кинеса. – А это мой сын.

- Приветствую вас, – поклонился Кинес Паулю.

- Вы фримен? – спросил Пауль. Кинес улыбнулся:

- Меня принимают и в сиете, и в деревне, молодой господин, но я состою на службе Его Величества, я – Имперский Планетолог.

Пауль кивнул, удивленный аурой силы, исходящей от этого человека. Халлек показал Кинеса Паулю из верхнего окна административной башни: «Вон тот человек, окруженный фрименским эскортом, – тот, что сейчас направляется к орнитоптеру».

Пауль быстро осмотрел Кинеса в бинокль, отметив горделиво сжатые тонкие губы, высокий лоб. Халлек шепнул Паулю:

- Странный тип. Разговаривает очень четко – никаких неопределенностей, каждая фраза словно бритвой отрезана.

И герцог, стоя позади, добавил:

- Типичный ученый.

Теперь же, находясь в нескольких футах от этого человека, Пауль ощутил силу его личности, такую, словно Кинес был рожден повелевать.

- Как я понимаю, за дистикомбы и эти плащи мы должны благодарить вас, – проговорил герцог.

- Надеюсь, они вам впору, милорд, – сказал Кинес. – Они фрименского производства и подобраны максимально близко к размерам, которые сообщил мне вот этот ваш человек – Халлек.

- Меня обеспокоили ваши слова о том, что без этих одежд вы не ручаетесь за нашу безопасность в пустыне, – сказал герцог. – Мы ведь можем взять с собой сколько угодно воды. К тому же мы не собираемся далеко отходить от орнитоптера, и у нас есть прикрытие с воздуха – вот эти машины, которые сейчас прямо над нами. Не может быть, чтобы нам что-то угрожало!,

Кинес внимательно посмотрел на него, отметив насыщенную влагой кожу, и холодно заметил:

- Никогда не говорите, что может быть на Арракисе и чего не может. Здесь говорят только о вероятности.

Халлек подобрался:

- К герцогу следует обращаться «милорд» или «сир»! Лето условным жестом приказал Халлеку умолкнуть и сказал:

-Наши порядки вновь здесь, Гурни. Будь снисходительнее.

- Как прикажете, сир.

- Мы перед вами в долгу, доктор Кинес, – промолвил Лето. – И запомним эти костюмы и вашу заботу о нас.

По какому-то внезапному побуждению Пауль вспомнил цитату из Экуменической Библии и тихо произнес:

- «Дар есть благословение дающего».

И слова его неожиданно звучно разнеслись в тишине неподвижного воздуха. Фрименские охранники Кинеса, сидевшие на корточках в тени административной башни, повскакивали, что-то бормоча в явном возбуждении. Один из них воскликнул: «Лисан аль-Гаиб!»

Кинес быстро повернулся и раздраженно махнул охранникам рукой. Те, негромко, но возбужденно переговариваясь, неохотно отошли за угол здания.

- Любопытно, - пробормотал Лето. Кинес твердо взглянул на герцога и Пауля:

- Большинство жителей Пустыни крайне суеверны. Не стоит обращать на них внимания. Они не имели в виду ничего дурного.

Но он не мог не вспомнить слова из легенды: «Они будут приветствовать вас Святыми Словами, и дары ваши будут благословенны».

Впечатление о Кинесе - частично основанное на кратком устном сообщении Хавата (осторожном и полном подозрений) - внезапно выкисталлизовалось для Лето: Кинес был фрименом. Кинес прибыл с фрименским эскортом, что могло, конечно, означать всего лишь, что фримены проверяют свое новообретенное право свободно перемещаться в черте города, - но эсорт этот выглядел скорее как почетная охрана. И по манерам Кинес был гордым человеком, привычным к свободе, и речь его и поведение сдерживались лишь его собственными подозрениями. Вопрос Пауля был прямо по существу.

Лето стал воспринимать Кинеса как местного жителя.

- Не пора ли нам отправляться? - спросил Халлек. Герцог кивнул:

- Я полечу на своем топтере. Кинес может сесть в него рядом со мной - чтобы показывать дорогу. Вы с Паулем сядете сзади.

- Одну минуту, - сказал Кинес. - С вашего позволения, сир, я должен проверить ваши дистикомбы.

Герцог хотел было возразить, но Кинес опередил его!

- Я здесь не меньше забочусь о себе, чем о вас... милорд. Я слишком хорошо знаю, чье горло будет перерезано, случись что-нибудь с вами и вашим сыном, пока вы на моем попечении.

Герцог нахмурился, взвешивая возможности. Вот так ситуация! Отказавшись, я могу его оскорбить. А ценность этого человека для меня, возможно, неизмерима. Но... позволить ему пройти внутрь моей защиты, коснуться меня, когда я так мало о нем знаю?

Эти мысли пронеслись, перейдя в твердое решение.

- Мы в ваших руках, - спокойно сказал он и шагнул вперед, раскрывая свой плащ и заметив, что Халлек приподнимается на носках, напрягшись как натянутая струна.

- И если вы окажете любезность, - добавил герцог, - я был бы весьма благодарен за разъяснения об этом костюме - вы так хорошо знакомы с ним.

- Разумеется, - отозвался Кинес, нащупывая на плече под плащом герцога герметичные застежки. Проверяя их, он начал: - Костюм многослойный - высокоэффективный фильтр и теплообменная система. - Он поправил застежки. - Слой, примыкающий к коже, пористый. Пот проходит сквозь него, охлаждая тело... идет почти нормальный процесс испарения. Следующие два слоя... - Кинес подтянул подгоночный ремешок на груди, - ...содержат волоконные теплообменники и осадители солей. Соли также используются вновь.

Герцог развел руками:

- В самом деле, очень интересно.

- Вдохните поглубже, - сказал Кинес. Планетолог рассмотрел застежки возле подмышек, подтянул одну из них.

- Движения тела, в особенности дыхание, - сказал он, - а также осмотические процессы обеспечивают нагнетающую силу... - Он слегка ослабил ремешок на груди. - Утилизируемая вода переходит в накопительные карманы, из которых ее и извлекают через эту вот трубку, закрепленную в зажиме под шеей.

Герцог опустил голову, чтобы увидеть конец трубы.

- Эффективно и удобно, - хмыкнул он. - Хорошее изобретение.

Кинес опустился на колени, проверяя, как подогнан комбинезон на ногах.

- Моча и экскременты обрабатываются в буртиках на бедрах, - сказал он и поднялся на ноги, проверил воротник и поднял прикрепленный к нему клапан. - В открытой пустыне этим фильтром закрывают лицо, а трубку с этими пробками, обеспечивающими плотную подгонку, вставляют в ноздри. Выхаляют через ротовой фильтр, выдыхают через носовую трубку. С таким фрименским костюмом, конечно, если он в хорошем рабочем состоянии, вы потеряете не более глотка влаги в сутки - даже если окажетесь в Великом Эрге.

- Глоток в сутки! - повторил герцог.

Кинес надавил пальцем на лобную подушечку костюма и добавил:

-Она может немного натирать лоб. Если она вызовет раздражение кожи, пожалуйста, скажите мне. Я мог бы подогнать ее чуть плотнее.

- Благодарю, - сказал герцог. Когда Кинес на шаг отступил, герцог повел плечами в костюме, ощущив, что теперь костюм сидит лучше - плотнее и меньше раздражает.

Кинес повернулся к Паулю:

- Теперь займемся мальчиком...

«Он хороший человек, но ему следует научиться обращаться к нам должным образом», - подумал герцог.

Пока Кинес проверял его костюм, Пауль стоял неподвижно. Он вспомнил ощущения-при примерке дистикомба: странно-гладкая, скользящая ткань в мелких морщинах... Разумеется, он прекрасно знал, что никогда раньше не надевал дистикомб. Но каждое движение собственных пальцев, подгоняющих застежки-липучки под неумелым руководством Гурни, казалось естественным, инстинктивным. Когда он затягивал костюм на груди, чтобы добиться максимальной нагнетающей силы от дыхания, он знал, что делает и почему. Когда стягивал ткань на шее и плотнее прилаживал лобную подушку, он знал, что, если этого не сделать, кожу сотрет до волдырей.

Кинес выпрямился и озадаченно отступил.

- Вы уже носили раньше дистикомб? - спросил он.

- Сегодня я надел его в первый раз.

- Значит, кто-то помог вам его подогнать? - Нет.

- Голенища ваших пустынных сапог приспущены и закреплены у щиколотки. Кто вас этому научил?

- Мне казалось, что так будет правильно.

- И будьте уверены - это действительно правильно. Кинес потер щеку, вспоминая слова легенды: «И будет он знать ваши пути, словно он рожден для них».

- Мы теряем время, - сказал герцог и, указав рукой на ожидающий топтер, двинулся к нему. Охранник отдал честь, герцог кивнул в ответ. Поднявшись в топтер, он закрепил свои ремни безопасности, пробежал пальцами по панели управления. Амортизаторы машины поскрипывали, когда его спутники садились.

Кинес тоже закрепил ремни и огляделся. Салон орнитоптера был непривычно комфортабельным, даже слишком роскошным - мягкая серо-зеленая обивка, мерцающие приборы, чистый увлажненный воздух, наполнивший его грудь, как только дверцы захлопнулись и мягко загудел кондиционер.

«Как удобно», - подумал он.

- Все в порядке, сир, - доложил Халлек.

Лето включил питание крыльев, ощутил их взмахи - раз, другой. Машина оторвалась от земли на десять метров, крылья напряглись, застыли, и кормовые реактивные двигатели, засвистев, толкнули топтер круто вверх.

- Держите к юго-востоку над Барьерной Стеной, - посоветовал Кинес. - Я сказал вашему

дюнмастеру, чтобы он направил оборудование туда.

- Хорошо.

Герцог заложил вираж, машины сопровождения повторили маневр, заняли свои места, и группа повернула на юго-восток.

- Конструкция и налаженное производство этих дистикомбов говорят о высоком уровне технологии, - заметил герцог.

- Когда-нибудь, если пожелаете, я покажу вам фабрику в одном из сиетчей, - отозвался Кинес.

- Было бы интересно посмотреть, - кивнул герцог. - Я заметил, что дистикомбы производятся и в некоторых гарнизонных городках.

- Скверная имитация, - ответил Кинес. - Если обитатель Дюны заботится о своей шкуре, он носит фрименский комбинезон.

- И такой костюм позволяет свести расход воды до глотка в день?

- Когда правильно надет - с плотно пригнанной лобной подушкой и хорошей герметизацией, - тогда главный расход воды идет через ладони, - объяснил Кинес. - Если не требуется выполнять руками тонкую работу, можно надеть перчатки костюма, но большинство фрименов в открытой Пустыне предпочитают натирать руки соком листьев креозотового кустарника. Он подавляет потение.

Герцог бросил взгляд вниз, на изломанный ландшафт Барьера Стены - истерзанные скалы, желто-бурые пятна, прорезанные черными линиями разломов. Будто какой-то исполин сбросил все это с орбиты и оставил так, как упало...

Они пролетели над мелким бассейном, на котором четко выделялись полосы серого песка, пересекавшие бассейн от горловины до противоположной стороны, где пальцы песчаной дельты тянулись вверх по темной скале. . Кинес откинулся в кресле, думая о пропитанных водой телах, одетых в дистикомбы. Поверх плаща у каждого был щит-пояс, а на поясе - кобура станнера с медленными стрелками; маленькие, с монетку, аварийные передатчики-медальоны на шее. И у герцога, и .у его сына были ножи на запястьях, и ножны их выглядели изрядно потертыми. Люди эти поразили Кинеса странным сочетанием мягкости и силы. В них чувствовалась какая-то уравновешенность - как были они в этом отличны от Харконненов!

- Когда вы будете докладывать Императору о смене правления, сообщите ли вы, что мы соблюдаем правила? - спросил Лето, на миг переведя взгляд с приборной панели на Кинеса.

- Харконнены ушли, вы пришли, - ответил Кинес.

- И всё как полагается? - спросил Лето.

У Кинеса напряглось лицо.

* - Как планетолог и Арбитр Смены, я непосредственно подчиняюсь Империи... милорд. Герцог жестко улыбнулся:

- Но нам обоим известно реальное положение дел.

- Позволю себе напомнить, что Его Величество покровительствует моей работе.

- Да? И в чем же она состоит?

В наступившей тишине Пауль подумал: «Отец слишком жестко давит на этого Кинеса».

Пауль покосился на Халлека, но воин-менестрель старательно вглядывался в унылый ландшафт за колпаком кабины.

Кинес натянуто проговорил:

- Вы, разумеется, имеете в виду мои обязанности как планетолога.

- Разумеется.

- Главным образом это биология и ботаника пустыни... кроме того, немного геологии - бурение и взятие образцов. Возможности целой планеты никогда нельзя исчерпать.

- Пряность вы тоже исследуете?

Кинес чуть вздрогнул, и Пауль отметил каменную линию его скулы.

- Странный вопрос, милорд.

- Не забывайте, Кинес, что теперь это мой лен, а мои методы отличаются от харконненских. Меня не будут заботить ваши исследования Пряности до тех пор, пока вы будете посвящать меня в свои открытия. - Герцог в упор взглянул на планетолога. - Харконнены не поощряли исследований Пряности, не так ли?

Кинес не ответил.

- Здесь вы можете говорить откровенно, не опасаясь за свою жизнь, - сказал герцог.

- Императорский двор действительно далеко, - пробормотал Кинес и подумал: «Чего ждет от меня этот налитый водой пришелец? Неужели он считает меня настолько глупым, что надеется привлечь на свою сторону?»

Герцог рассмеялся, глядя на приборы:

- Как-то вы кисло отвечаете. Я вас понимаю: мы заявились сюда с целой армией дрессированных убийц и

ждем, что вы немедленно поймете, насколько мы отличаемся от Харконненов, так?

- Я читал ваши пропагандистские материалы, которыми вы наводнили и сиетчи, и деревни, - сказал Кинес. - «Любите доброго герцога». Ваш пропагандистский корпус...

- Хватит! - рявкнул Халлек. Он подался вперед - его больше не интересовали пейзажи внизу.

Пауль положил ладонь на плечо Халлека. - - Гурни! - укоризненно сказал герцог и оглянулся. - Этот человек долго жил при Харконненах. Халлек, помедлив мгновение, расслабился:

- Извините, сир.

- Ваш Хават - тонкий человек, - сказал Кинес. - Но цель его достаточно ясна.

- Значит, вы расскажете нам об этих базах? - спросил герцог.

Кинес резко ответил:

- Они принадлежат Его Величеству.

- Но они не используются.

- Их можно использовать.

- И Его Величество тоже так считает? Кинес твердо взглянул на герцога:

- Арракис мог бы стать подлинным раем, если бы его правители поменьше думали о выкачивании Пряности.

«Он не ответил на мой вопрос», - подумал герцог и сказал:

- Как планета может стать раем без денег?

- Что такое деньги, если на них нельзя купить того, что вам нужно? - вопросом на вопрос ответил Кинес.

«Ах вот как!» - подумал герцог, а вслух сказал:

- Мы обсудим это в другой раз. А сейчас, кажется, мы приближаемся к внешнему краю Барьерной Стены. Мне держать тот же курс?

- Тот же, - пробормотал Кинес.

Пауль посмотрел в свое окно. Внизу под ними гористый ландшафт постепенно перешел в унылое плоскогорье, потом в кинжаловые, выступы шельфа. За шельфом к горизонту тянулись серповидные холмики дюн, изредка перемежаемые более темными пятнами песка. Может быть,

скальные обнажения. Яснее увидеть мешал раскаленный, дрожащий воздух у поверхности.

- Есть ли здесь какие-нибудь растения? - спросил Пауль.

- Есть, - ответил Кинес. - В этих широтах в основном водятся мелкие водокрады, как мы их зовем, - буквально охотятся друг на друга ради воды, собирают даже слабые следы росы. Некоторые участки

Пустыни прямо-таки кишат жизнью. И вся она приспособилась к этим условиям. Если вы окажетесь в песках, вам придется подражать этой жизни – иначе погибнете.

– Вы имеете в виду – придется красть воду друг у друга? У людей? – спросил Пауль. Идея возмутила его, и голос это выдал.

– Бывает и так, – признал Кинес. – Но я имел в виду другое. Видите ли, климат моей планеты волей-неволей приучает к особому отношению к воде – требует такого отношения. Вы все время помните о воде – и не можете позволить себе потерять ничего, в чем есть хоть капля влаги.

И герцог повторил про себя: «...климат моей планеты!..»

– Возьмите на два градуса южнее, милорд, – обратился к нему планетолог. – С запада идет ветер.

Герцог кивнул. Он уже увидел, как с запада накатывается кипящая волна рыжей пыли. Он развернулся орнитоптер – сопровождающие машины повторили вираж, их крылья сверкнули оранжевым, отраженным от дюн блеском.

– Думаю, мы обойдем фронт бури, – спокойно сказал Кинес.

– Опасно, должно быть, попасть в такую бурю, – заметил Пауль. – Это правда, что песок, который она несет, режет даже самые прочные металлы?

– На этих высотах речь идет скорее о пыли, а не о песке, – ответил Кинес. – Поэтому по-настоящему опасны потеря видимости, турбулентные потоки, забитые воздухозаборники.

– А мы сегодня увидим, как добывают Пряность? – спросил Пауль.

– Возможно, – отозвался Кинес.

Пауль откинулся на спинку кресла. Вопросы были нужны ему, чтобы, используя способности к сверхвосприятию, «отметить» нового знакомого, как учила мать. Теперь он запомнил его – голос, мельчайшие детали лица и жестов. Неестественная складка на рукаве, почти незаметная, выдавала нож в пристегнутых к предплечью ножнах. Кроме того, он заметил странные выпуклости на поясе Кинеса. Пауль слышал, что люди Пустыни подпоясывались кушаком, в котором носили всякие мелкие предметы. Видимо, Кинес тоже носил такой кушак – силовым шитом это быть никак не могло. Ворот одеяния скрепляла бронзовая фибула с выгравированным на ней зверьком – кажется, зайцем. Вторая брошка, поменьше, с тем же изображением, была прикреплена к откинутому на спину капюшону.

Халлек изогнулся в своем кресле (он сидел бок о бок с Паулем) и извлек из заднего отсека балисет. Когда он начал настраивать его, Кинес бросил взгляд назад.

– Что мне сыграть, молодой господин?

– Что хочешь, Гурни. Выбери сам, – ответил Пауль. Халлек склонился к деке, взял аккорд и негромко запел:

Отцы наши ели манну, манну в пустыне – В пылающих землях, на землях жестоких смерчей.

О Боже, спаси нас, спаси, пусть гибель нас минет, Спаси, о, спаси нас Из этой земли раскаленной, палящей, О, выведи, Боже, своих из этой пустыни детей!..

Кинес искоса посмотрел на герцога:

– Вы действительно берете с собой весьма небольшую охрану, милорд. Но неужели каждый из них столь разносторонне одарен?

– Гурни? – усмехнулся герцог. – Гурни в своем роде уникален. Я предпочитаю, чтобы он всегда был подле меня – у Гурни удивительно зоркий глаз. Мало что ускользает от его внимания.

Планетолог слегка нахмурился. Халлек, не прерывая мелодию, вставил:

Ибо я подобен сове, пустынной сове – о!

Айя! да, подобен пустынной сове!

Герцог протянул руку, поднял из гнезда на панели микрофон и щелкнул кнопкой:

– Ведущий – Гемме. Летящий объект на девять часов (то есть на 90° влево), сектор Б. Опознать объект.

- Это всего лишь птица, - произнес Кинес и добавил: - У вас прекрасное зрение.

Динамик на пульте затрещал, затем послышался ответ:

- Гемма - Ведущему. Объект рассмотрен при максимальном увеличении и опознан как птица. Это большая птица.

Пауль взглянул в названный отцом участок неба. Действительно, там мелькала крохотная точка. Отец возбужден, подумал он. Все его чувства настороже.

- Вот не думал, что так глубоко в Пустыне встречаются такие большие птицы, - заметил герцог.

- Орел, наверное, - сказал Кинес. - Живые существа могут адаптироваться к любым условиям.

Орнитоптер прошел над голой каменистой равниной. Пауль, глядя вниз с двухкилометровой высоты, ясно разглядел на камне смятую неровностями почвы тень их машины и рядом - тени орнитоптеров сопровождения. Земля казалась совершенно плоской, но скользящие тени разрушали эту иллюзию.

- Удавалось кому-либо выйти из Пустыни? - поинтересовался герцог.

Музыка Халлека смолкла - Гурни прервался в ожидании ответа.

- Не из глубокой, - ответил Кинес. - Было Несколько случаев, когда люди выходили из второй зоны Пустыни. Они выжили, потому что шли по районам, где есть скальные отложения - туда черви заходят редко.

Что-то в тембре голоса Кинеса насторожило Пауля. Его внимание и чувства сразу же обострились - годы тренировок не прошли зря.

- А-а, черви... - задумчиво сказал герцог. - Надо будет» когда-нибудь обязательно посмотреть на червя.

- Возможно, уже сегодня вам представится такая возможность, - отозвался Кинес. - Где Пряность, там и черви.

- Всегда?-переспросил Халлек.

- Всегда.

- Надо ли это понимать так, что между червями и Пряностью существует какая-то связь? - небрежно спросил герцог.

Кинес повернулся, и Пауль заметил, как сжаты его губы.

- Черви охраняют пески, где есть Пряность, - разъяснил планетолог. - У каждого червя есть своя... территория. Что касается Пряности... кто знает? Те образцы песчаных червей, которые мы исследовали, указывают на возможность весьма сложных химических процессов, протекающих в их организме. Так, в некоторых капиллярах и протоках желез отмечены следы соляной кислоты, а в других частях их тела - и гораздо более сложные кислоты. Я вам дам мою монографию об этом предмете. '

- Щиты не спасают? - спросил герцог.

- Щиты! - презрительно бросил Кинес. - Только включите силовой щит там, где водятся черви, и ваша судьба решена. В таких случаях черви не обращают внимания даже на границы своих угодий и стекаются со всех концов, чтобы наброситься на источник силового поля. Никто из пользовавшихся щитом в Пустыне не пережил такую атаку.

- Тогда как же их ловят?

- Приходится бить их током высокого напряжения - причем каждый сегмент их тела в отдельности, - объяснил Кинес. - Это единственный способ. Их можно усыпить станнером, можно слегка оглушить взрывом, даже порвать - но каждый сегмент тела будет жить отдельно. Причем я не знаю, какое взрывчатое вещество - исключая лишь ядерное оружие - может уничтожить червя целиком. Они необычайно живучи.

- Почему вы не попытались истребить всех червей? - поинтересовался Пауль.

- Слишком дорого, - ответил Кинес. - И слишком большая территория...

Пауль снова откинулся на спинку сиденья. Его «чувство правды», восприимчивость к оттенкам

голоса говорили, что Кинес в чем-то лжет, что его слова – полуправда. И он сказал себе: «Если связь между червями и Пряностью все же есть, уничтожить червей – значит уничтожить Пряность \»

- Скоро отпадет всякая вероятность того, что кому-то придется выбираться из Пустыни самому, – заявил герцог. – Стоит включить вот такой радиомаячок (он тронул медальон у себя на шее), и спасательная группа вылетит немедленно. В ближайшее время все наши работники получат такие же аварийные передатчики. Мы создаем специальную спасательную службу.

- Похвальное намерение, – отметил Кинес.

- Судя по вашему тону, вы не согласны с идеей спасательной службы, – нахмурился герцог.

- Не согласен? Отчего же, я согласен. Вот только пользы от вашей службы будет немного. Создаваемые бурями помехи глушат почти все сигналы. Передатчики просто коротят. Здесь уже пробовали внедрить нечто подобное, знаете ли. Но Арракис круто обращается с техникой. Кроме того, если на вас охотится червь, то вы просто не дождитесь спасателей: чаще всего у вас есть пятнадцать, самое большее двадцать минут.

- Тогда что бы вы посоветовали? – спросил герцог.

- Вы спрашиваете у меня совета?

- Да – как у планетолога.

- И вы ему последуете?

- Коль скоро сочту его разумным.

- Прекрасно, милорд. В таком случае вот мой совет: никогда не путешествуйте в одиночку.

Герцог даже оторвался от панели управления.

- И это все?»

- Это все. Никогда не путешествуйте в одиночку, на одной машине.

- А если, допустим, машины разбросало бурей и приходится – в одиночку – идти на вынужденную посадку? – спросил Халлек. – Можно что-то предпринять в этом случае?

- «Что-то» – очень широкое понятие, – пожал плечами Кинес.

- А что бы сделали вы? – спросил Пауль.

Кинес бросил жесткий взгляд на подростка, снова повернулся к герцогу.

- Я, прежде всего, заботился бы о целости своего дистикомба. Если бы я оказался вне ареала обитания песчаных червей или на скалах, я остался бы вблизи орнитоптера. В противном же случае постарался бы возможно быстрее уйти от него на максимальное расстояние. Тысячи метров обычно достаточно. Затем я бы укрылся под плащом. Червь уничтожит топтер, но, возможно, не заметит меня.

- И что потом? – спросил Халлек. Кинес пожал плечами:

- Потом? Остаётся ждать, когда червь уйдет.

- Это все? – спросил Пауль.

- Когда червь уйдет, можно попытаться выбраться из пустыни, – ответил Кинес. – И если идти тихо, обходить барабанные пески и приливные провалы – пыльные ямы, можно выйти на ближайший скальный участок. Таких участков довольно много, так что какие-то шансы будут.

- Что такое барабанные пески? – вставил Халлек.

- Участки уплотненного песка, – ответил Кинес. – Самый легкий шаг заставляет их греметь, как барабан. А черви всегда приходят на этот звук, – добавил он.

- А приливный провал? – спросил герцог.

- Углубления в почве пустыни, за столетия заполнившиеся пылью. Иногда они так велики, что в них есть течения и приливы. И любой из этих провалов поглотит всякого, кто неосторожно ступит на его поверхность...

Халлек устроился в кресле поудобнее и снова взялся за балисет. Проиграв вступление, он запел:

Здесь в пустыне охотятся дикие звери, Поджиная беспечных в смертельных песках.

6* О, не надо гневить, искушать здесь богов, властелинов пустыни, Коль не ищешь ты гибели в этих страшных краях. О, опасности...

Внезапно он оборвал песню, подался вперед:

- Сир, пыльное облако прямо по курсу.

- Вижу, Гурни.

- Вот туда нам и надо, - кивнул Кинес.

1 Пауль приподнялся, вглядываясь. Впереди, километрах в тридцати, по поверхности пустыни катилось пыльное облако.

-= Это один из ваших меланжевых комбайнов-подборщиков, - пояснил Кинес. - Он спущен на поверхность - а это значит, что он находится на меланжевой россыпи. Облако - это выбрасываемый комбайном отработанный песок, из которого на гридеце и центрифуге выбрана Пряность. Это облако ни с чем не спутаешь.

- Вижу летательный аппарат над облаком, - объявил герцог.

- Я вижу два... три... четыре топтера-наводчика, - ответил Кинес. - Наблюдают за пустыней - высматривают знак червя.

- Знак червя? - переспросил герцог.

- Он выглядит как песчаная волна, движущаяся к краулеру. Конечно, приходится расставлять и сейсмодатчики на поверхности: червь зачастую идет так глубоко, что волна не образуется. - Кинес обвел взглядом небо. - Странно, что не видно грузолета: он должен был быть где-то поблизости.

- Так черви, по-вашему, появляются всегда? - спросил Халлек.

- Всегда.

Пауль тронул Кинеса за плечо:

- Какую территорию занимает каждый червь? Кинес свел брови. Этот ребенок продолжал задавать взрослые вопросы.

- Это зависит от размеров червя.

- Ну а все-таки? - спросил герцог.

- Большие контролируют триста-четыреста квадратных километров. Маленькие... - Он замолк: герцог резко включил реактивные тормоза.

Машина дернулась, словно взбрывнувший скакун. Кормовые двигатели со свистом отключились: короткие крылья раскрылись, вытянулись во всю длину, захватили воздух широким взмахом. Аппарат стал теперь полностью орнитоптером и летел, плавно взмахивая крыльями. Правая рука герцога лежала на рычаге, левой он показывал на восток, за комбайн.

- Это - знак червя?

Кинес перегнулся через его плечо, в смотрелся вдаль.

Пауль и Халлек оказались прижаты друг к другу. Пауль заметил, что сопровождающие орнитоптеры, не сумев повторить неожиданный маневр герцога, залетели вперед и теперь разворачивались. Комбайн был все еще впереди, километрах в трех.

Там, куда показывал герцог, среди тянущейся к горизонту теневой ряби дюнных полумесяцев по прямой линии двигалась песчаная волна - продолговатый песчаный холм. Пауль вспомнил, как тревожит водную гладь плывущая под поверхностью рыба.

- Да, червь, - сказал Кинес, - и большой.

Он повернулся, взял с панели микрофон, переключил частоту. Бросив взгляд на карту, закрепленную над головой на роликах для перемотки, планетолог произнес в микрофон: .

- Вызываю краулер на Дельта Аякс Девять. След червя. Внимание, краулер на Дельта Аякс Девять -

след червя. Подтвердите прием.

Динамик затрещал помехами, затем послышался ответ:

- Кто вызывает Дельта Аякс Девять? Прием.

- Они что-то слишком спокойны, - заметил Гурни. Кинес сказал в микрофон:

- Вызывает орнитоптер, совершающий неплановый, полет, находимся в трех километрах к северо-востоку от вас. Червь идет пересекающим курсом, предположительно перехватит вас через двадцать пять минут.

Теперь из динамика раздался новый голос:

- Говорит командир звена наводчиков-наблюдателей. Подтверждаю сообщение: след червя. Рассчитываю время сближения.

Короткая пауза, затем:

, - Максимальное время - двадцать шесть минут. Неплановый, прекрасная оценка времени. Кто у вас на борту? Прием.

Халлек отстегнул привязные ремни и вклинился между Кинесом и герцогом.

- Кинес, это обычная рабочая частота?

- Да. А что?

- Кто нас услышит?

- Только рабочие команды в этом районе. Так рассчитано, чтобы они не мешали друг другу и не устраивали кашу в эфире.

Динамик снова затрещал:

- Здесь Дельта Аякс Девять. Кто получит премию за предупреждение? Прием.

Халлек взглянул на герцога.

Кинес объяснил:

- Тот, кто первый заметит знак червя и оповестит о нем, получает премию - процент от добычи. Поэтому они хотят знать...

- Ну так передайте им, кто первым обнаружил червя, - сказал Халлек.

Кинес поколебался, поднял микрофон:

- Премию получает герцог Лето Атрейдес. Герцог Лето Атрейдес. Прием.

Голос в динамике был спокоен, но искажен особенно сильным треском помех:

- Вас поняли. Благодарим.

- А теперь, - распорядился Халлек, - скажите им, пусть .разделят премию между собой. Скажите, что так желает герцог.

Кинес сделал глубокий вздох и заговорил:

- Герцог желает, чтобы вы поделили его премию между собой. Как поняли? Прием.

- Поняли хорошо и благодарим, - ответил динамик. Герцог сказал, обращаясь к планетологу:

- Да, я забыл упомянуть, что Гурни также талантливый специалист по связям с общественностью.

Кинес бросил на Халлека озадаченный взгляд.

- Таким образом люди увидят, что их герцог заботится об их безопасности, - пояснил Халлек. - И об этом случае будут говорить. А поскольку обмен шел на зональной рабочей частоте, не думаю, что харконненские агенты слышали нас. - Он мельком глянул на сопровождающий топтер. - К тому же мы неплохо защищены. Так что риск был оправдан.

Герцог направил машину к песчаному облаку, извергаемому комбайном.

- Что они предпримут?

- Где-нибудь неподалеку должен находиться грузолет, - ответил Кинес. - Он прилетит и заберет краулера.

- Что, если грузолет попадет в аварию? - спросил Халлек.

- Вы же знаете - часть оборудования гибнет, - ответил Кинес. - Милорд, советую подлететь поближе и посмотреть сверху. Вам это должно показаться любопытным.

Герцог свел брови и, быстро работая управлением, удерживал орнитоптер в равновесии в завихрениях воздуха над комбайном.

Пауль посмотрел вниз. Песок все еще летел из пластико-металлического монстра под ними. Комбайн походил на огромного, желто-бурого с голубым жука, раскорячившегося на длинных лапах со множеством широких гусениц. Впереди у жука был хоботок в виде огромной перевернутой воронки, засунутой в песок.

- Богатая россыпь, судя по цвету, - отметил Кинес. - Они будут работать до последней минуты.

Герцог добавил мощности на крылья, увеличил их жесткость, опустился ниже и вошел в планирующий полет по кругу над краулером. Оглядевшись, он увидел, что сопровождающие топтеры заняли позицию выше и также кружат над ними.

Пауль разглядывал вырывающееся из отводных труб облако песка, перевел взгляд на пустыню, откуда неумолимо приближался червь.

- Почему мы не слышали, чтобы они вызвали грузолет? - спросил Халлек.

- Обычно связь с грузолетом идет на другой частоте, - ответил Кинес.

- Следовало бы держать наготове по два грузолета на каждый комбайн, - заметил герцог. - Там, внизу, на этой машине, двадцать шесть человек, не говоря уже о стоимости оборудования.

- У вас для этого недостаточно... - начал Кинес, но тут его прервал голос по радио:

- Эй/на наводчиках! Кто-нибудь из вас видит крыло? Оно не отвечает.

Раздался разноголосый хор - все наблюдатели заговорили вперебой. Их голоса перекрыл гудок. Наблюдатели смолкли, снова заговорил первый голос:

- Отвечайте по порядку номеров! Прием.

- Говорит командир звена наводчиков. В последний раз я видел, как крыло кружит довольно высоко на северо-востоке. Сейчас его не вижу. Прием.

- Наводчик Первый: крыло не вижу. Конец.

- Наводчик Второй: крыло не вижу. Конец.

- Наводчик Третий: крыло не вижу. Конец. Молчание.

Герцог взглянул вниз:

- У них только четыре топтера-наводчика, да?

- Правильно, - ответил Кинес.

- У нас пять, - продолжил герцог. - И наши машины больше. Каждый, из наших топтеров может взять дополнительно по три человека. Их наводчики - по два, полагаю.

Пауль быстро подсчитал:

- Остаются еще трое.

- Так почему у них нет второго грузолета?! - разъяренно спросил герцог. Ч

- У вас для этого недостаточно машин, - ответил Кинес.

- Тем более надо беречь то, что есть!

- Куда мог подеваться грузолет? - сердито спросил Халлек.

- Возможно, они совершили вынужденную посадку за пределами видимости, - ответил Кинес.

Герцог выхватил микрофон, задержал палец над кнопкой:

- Но как они могли выпустить грузолет из виду?

- Они наблюдают прежде всего за землей - высматривают знак червя, - объяснил Кинес.

Герцог щелкнул кнопкой:

- Здесь ваш герцог. Спускаемся, чтобы эвакуировать команду с Дельта Аякс Девять. Наводчикам следовать моим приказам. Наводчики садятся к востоку от краулера, мы - на западной стороне. Конец.

Он переключил передатчик на частоту своей группы, повторил приказ охране и передал микрофон обратно Кинесу. Тот вернулся на рабочую частоту, и динамик закричал:

- ...бункер почти полон! Повторяю, у нас почти полный бункер меланжи! Мы не можем бросить все это вонючему червю! Прием.

- К дьяволу меланжу! - рявкнул герцог. Он снова схватил микрофон и тоном приказа заговорил: - Пряность мы всегда можем собрать заново! Слушайте: места на топтерах хватит всем, кроме троих. Бросайте жребий или решайте как знаете - но мы вас забираем, и это приказ!

Он сунул микрофон Кинесу и пробормотал: «Прошу прощения», - Кинес потряс рукой герцог, ушиб ему палец.

- Сколько осталось времени? - спросил Пауль.

- Девять минут, - ответил Кинес.

- Этот орнитоптер, - сказал герцог, - мощнее остальных. Если взлетать на турбине с крыльями, выпущенными на три четверти, сможем взять еще одного человека.

- Песок тут мягкий, - заметил Кинес.

- Сир, с четырьмя лишними людьми на борту да при старте на реактивной тяге мы рискуем сломать крылья, - сказал Халлек.

- Только не на этой машине, - возразил герцог. Топтер спланировал и сел возле краулера. Крылья изогнулись, и машина, скользнув по песку, встала в двадцати метрах от борта комбайна.

Сейчас комбайн молчал, и отработанный песок больше не летел из отвальных труб. От краулера доносилось лишь негромкое гудение - когда герцог распахнул дверцу, оно стало слышнее. Тотчас на них обрушился тяжелый, острый, густой запах корицы.

Рядом, по другую сторону краулера, с громким хлопаньем крыльев сел один из наводчиков. Герцогский эскорт - машина за машиной - опускался и выстраивался в линию вслед за орнитоптером сеньора.

Пауль, глядя из кабины на комбайн, поразился, какими маленькими кажутся рядом с ним орнитоптеры - комары рядом с огромным жуком-носорогом.

- Турни, Пауль, выбросьте заднее сиденье, - скомандовал герцог. Он сложил крылья, оставил их выпущенными на три четверти, установил их на правильный угол, проверил управление реактивными двигателями.

- Какого черта они не выходят?

- Надеются, что грузолет все же прилетит, - ответил Кинес. - Несколько минут у них еще есть.

Он смотрел на восток.

Все повернулись туда же. След червя им не был виден, но тем не менее в воздухе висело тяжелое напряжение.

Герцог взял микрофон, включил командную частоту своей группы, распорядился:

- Двоим выкинуть из машин экранные генераторы. Все, сколько есть! Тогда в каждую машину можно взять еще одного... Чтобы никого этой твари не оставить!

Он снова перешел на рабочую частоту, гаркнул:

- Эй, на Дельта Аякс Девять! Все наружу, немедленно! Это приказывает ваш герцог! Быстро – или я сейчас разнесу краулер лучеметом.

В передней части краулера откинулся люк, еще один у кормы, третий – наверху. Оттуда посыпались люди – они соскальзывали по обшивке, карабкались... Последним спустился высокий человек в залатанном рабочем комбинезоне. Он сперва спрыгнул на гусеницу, затем на песок.

Герцог вернул микрофон на пульт, соскочил на ступеньку над крылом, закричал:

- По два человека – в ваши наводчики!

Человек в комбинезоне с заплатами выдернул из толпы своих людей несколько пар, подтолкнул их к орнитоптерам, севшим по противоположную сторону комбайна.

- Еще четверо – сюда! – кричал герцог. – Четверо – в тот топтер! – Он ткнул пальцем в ближайший орнитоптер сопровождения. Солдаты как раз натужно выволакивали из него громоздкий силовой генератор. – И четверо – туда! – Герцог показал на другую машину, которая только что освободилась от своего генератора. – По три человека в каждую из оставшихся машин! Бегом, волки Пустыни!

.Высокий человек закончил пересчитывать своих людей и с тремя оставшимися тяжело побежал по песку.

- Я слышу червя. Но не вижу, – сообщил Кинес.

Теперь услышали и остальные – шелестящий, шуршащий, наждачный звук, звук трения песка, далекий – но постепенно усиливающийся, приближающийся.

- Р-работнички... – пробормотал герцог. – Что за разгильдяйство!..

Вокруг послышалось хлопанье крыльев взлетающих орнитоптеров. Оно напомнило герцогу джунгли родной планеты – выходишь на поляну, раздвигая ветви,, и огромные птицы-трупоеды поднимаются с мертвого быка.

Меланжеры добежали до их орнитоптера, полезли в кабину за спиной герцога. Халлек помогал – заталкивал их назад.

- Живей, ребята, полезайте! – погонял он. – Живее!

Пауль, затиснутый в угол потными и пыльными рабочими, чувствовал запах испарины страха, запах испуга. Он заметил, что у двоих меланжеров плохо подогнаны шейные уплотнители дистикомбов – и запомнил эту деталь на будущее. Надо, чтобы отец приказал усилить дисциплину в части внимания к дистикомбам. Стоит ослабить внимание к подобным вещам, и люди начинают разбалтываться.

Последний меланжер, задыхаясь, влез в кабину и выговорил:

- Червь! Он уже почти здесь! Взлетайте! Герцог уселся в свое кресло-, нахмурился:

- У нас еще почти три минуты, если исходить из первоначальной оценки времени. Разве не так, Кинес? – Он захлопнул дверцу и проверил, как та закрыта.

.– Так, милорд, – почти три минуты, – отозвался Кинес и подумал: «А он хладнокровный, этот герцог!»

- Все в порядке, сир, – доложил Халлек.

Герцог кивнул, проследил, как стартовал последний из орнитоптеров охраны, включил зажигание, еще раз пробежался взглядом по крыльям, приборам. Включил реактивную тягу.

Стартовое ускорение вжало герцога и Кинеса в спинки кресла, навалилось на тех, кто сбежал в задней части кабинки. Кинес наблюдал, как герцог управляет орнитоптером. А тот вел машину мягко и уверенно. Вот аппарат оторвался от земли, и герцог снова проверил приборную панель, оглянулся налево-направо – на крылья.

- Машина перегружена, сир, – заметил Халлек.

- Но в пределах допустимого, – возразил герцог. – Или ты думаешь, что я стану рисковать ее грузом, Гурни?

Халлек ухмыльнулся:

- Что вы, сир.

Герцог широким поворотом повел машину вверх.

Пауль был притиснут возле окна и видел огромную брошенную машину внизу. Метрах в четырехстах от комбайна след червя исчез, и теперь песок вокруг машины словно бы слегка шевелился.

- Червь сейчас под краулером, - проговорил Кинес. - Сейчас вы увидите то, что видели очень и очень немногие.

Вокруг краулера над песком поднялись легкие облачки пыли. Огромный механизм накренился на правый борт, осел... Чуть правее краулера начала образовываться чудовищная воронка, словно водоворот в песчаном море. Песок в воронке двигался все быстрее. Теперь пыль и песок клубились над участком в несколько сот метров диаметром.

И они увидели это!

В песке открылась,- нет', из него вынырнула! - огромная дыра. На усеивавших ее изнутри молочно-белых остриях сверкало солнце. Диаметр этого провала, прикинул Пауль, по меньшей мере вдвое превосходил длину комбайна. Машина на его глазах скользнула в глубину страшной дыры посреди целой лавины песка и пыли. Дыра закрылась - и исчезла.

- Боги, что за чудовище!.. - пробормотал кто-то над ухом Пауля.

- Слопал всю нашу Пряность! - добавил другой меланжер.

- Кому-то придется за это дорого заплатить, - пообещал герцог. - Можете быть уверены.

По ровному звучанию его голоса Пауль почувствовал, как сильно разгневан отец. И он разделял этот гнев. Это было настоящее преступление - столько выброшено на ветер! В наступившей тишине послышался голос Кинеса.

- Благословен будь Податель и вода Его, - негромко говорил он. - Благословенно явление и прохождение Его. Да будет очищен мир Его деянием. Да хранит он мир сей для людей своих...

- Что это? - спросил герцог. Но Кинес внезапно замолчал.

Пауль взглянул на сбившихся вокруг меланжеров. Все они испуганно глядели в затылок Кинеса. Кто-то прошептал: «Лиет».

Кинес хмуро обернулся и бросил грозный взгляд на произнесшего это слово. Тот в замешательстве отпрянул.

Другой меланжер вдруг сухо, резко закашлялся. Наконец он сумел выговорить:

- Будь проклято это чертова пекло!..

Высокий аракиец, который последним покинул краулер, сказал успокаивающее:

- Тише, Косе,тише. Ты только сильнее будешь кашлять. - Он притиснулся немного вперед так, что оказался позади герцога. - Вы, конечно, и есть герцог Лето? - спросил он. - Мы вам обязаны жизнью. Признаться, мы уже думали, что нам крышка, - если бы не вы...

- Тихо, приятель, не мешай: герцог ведёт машину, - сказал Халлек. -

Пауль взглянул на Халлека. Гурни тоже заметил напряженные складки в углах губ отца.. Когда герцог бывал в гневе, все старались не привлекать его внимания и ходили на цыпочках.

Лето вывел было топтер из широкого круга, который он описывал над местом гибели комбайна, как вдруг его привлекло новое движение внизу. Червь скрылся в глубине, и теперь неподалеку от исчезнувшего краулера показались две человеческие фигуры. Они словно скользили над поверхностью, и их шаги совершенно не поднимали пыль.

- Это еще кто - там, внизу? - грозно спросил герцог.

- Это?.. Да так... два парня, которые попросили нас подвезти их, - пробормотал высокий меланжер.

- Почему про них не сообщили?

- Н-ну, они решили рискнуть, - объяснил высокий.

- Милорд, - заметил Кинес, - всем этим людям хорошо известно, что пытаться помочь оказавшимся во владениях червей практических бесполезно.

- Тем не менее с базы мы вышлем за ними топтер, - решил герцог.
- Они были прямо там, где вышел червь, - задумчиво проговорил Пауль. - Как же они уцелели?
- Края отверстия проседают, - объяснил Кинес, - и поэтому трудно точно определить расстояния рядом с ним.
- Сир, мы напрасно расходуем топливо, - осмелился заметить Халлек.
- Что?.. Ах да, ты прав, Гурни.

Герцог развернул орнитоптер в сторону Барьерной Стены. Остальные машины тоже переставали кружить над сценой катастрофы, пристраиваясь к их орнитоптеру сверху и по сторонам.

Пауль думал о сказанном Кинесом и высоким меланжером. Он чувствовал, что тут была и полуправда, и прямая ложь. Люди там, внизу, шли по песку слишком уверенно - и их шаг явно был рассчитан на то, чтобы он не приманил вновь червя из его песчаных глубин.

«Фримены! - подумал Пауль. - Кто еще может так уверенно чувствовать себя на песке? Кого еще могли оставить вот так-и не беспокоиться за их жизнь, поскольку их жизни ничто не угрожает? Они знают, как выжить и жить здесь! Они могут перехитрить червя!..»

- Что делали фримены на краулере? - напрямик спросил он.

Кинес вздрогнул и обернулся.

Высокий аракиец посмотрел на Пауля широко открытыми глазами - сплошная глубокая синева.

- Кто этот парень? - резко Опросил он.

Халлек передвинулся так, чтобы оказаться между Паулем и меланжером, и ответил:

- Это - Пауль Атрейдес, наследник герцога.
- С чего он взял, что на нашей тарахтелке были фримены? - настороженно спросил высокий.
- Они подходят под описание, - объяснил Пауль. Кинес фыркнул.
- Да разве можно отличить фримена только на вид! - Он посмотрел на меланжера. - Эй, ты! Кто эти двое?
- Да так, дружки одного из наших, - неохотно ответил тот. - Из деревни. Попросились - покажи им да покажи меланжевые пески!
- Как же, фримены... - проворчал Кинес, отворачиваясь. - Какие тут фримены!

Но он слишком хорошо помнил легенду: «...и Лисан аль-Гаиб' будет видеть сквозь всякие покровы, и уловки не обманут его».

- Все равно они, наверное, уже покойники, молодой сэр, - сказал аракиец. - Не нужно говорить о них худо.

Но Пауль слышал фальшь в их голосах и уловил угрозу, заставившую Халлека инстинктивно занять позицию для охраны своего юного хозяина. Он сухо бросил:

- Ужасно умереть в таком месте.

Не поворачиваясь, Кинес ответил, словно цитируя:

- Когда Бог желает, чтобы тварь его встретила свою смерть в некоем месте, то так направляет он желания сей твари, что они ведут ее в назначенное место.

Лето тяжело посмотрел на Кинеса.

И Кинес, встретив этот взгляд и так же твердо глядя герцогу в глаза, подумал: «Этот герцог больше беспокоился о людях, нежели о Пряности. Он рисковал своей жизнью - и жизнью своего сына! - чтобы спасти людей. Он спокойно принял гибель краулера, а угроза жизни людей привела его в бешенство. Такому вождю можно быть преданным до фанатизма. Победить его нелегко...»

И против собственной воли, против своих первоначальных выводов, Кинес признался себе: «Мне нравится этот герцог».

Глава 16

Чувство величия преходяще. Оно непостоянно и непоследовательно. Отчасти оно зависит от мифотворческого воображения человечества. Человек, испытывающий величие, должен чувствовать миф, в который вплетена его жизнь. Он должен отражать то, что этот миф проецирует на него. И он должен быть прежде всего ироничным – ибо именно ирония удержит его от веры в собственное величие, она – единственное, что даст ему подвижность внутри себя. Без этого качества даже и случайное величие уничтожит человека.

(Принцесса Ирулан, «Избранные изречения Муад'Диба»)

Плавающие светильники изгнали ранние сумерки¹ из обеденного зала Арракинского дворца.. Их желтый свет озарял снизу огромную голову черного быка с окровавленными рогами и темно поблескивающей, писанной маслом портрет Старого Герцога.

Под этими реликвиями на белоснежных скатертях сияло начищенное до неправдоподобного блеска фамильное серебро Атрейдесов. Безукоризненно расставленное, оно образовывало геометрически совершенные островки напротив каждого из тяжелых деревянных кресел; сверкал хрусталь кубков и бокалов. Центральная люстра в классическом стиле пока не горела. Ее цепь тянулась вверх – туда, где скрывался в тенях ядоискатель.

Остановившись в дверях, чтобы оглядеть зал и проверить, как все приготовлено к приему, герцог подумал о том, что значил ядоискатель в их жизни.

«В этом все мы, – думал он. – О нас можно судить по нашему языку – точные и изысканные названия для разных видов предательского убийства. Сегодня, например, кто-то может попытаться применить чаумурки – яд в питье. Или, скажем, чаумас – яд в пище...»

Он покачал головой.

На длинном столе подле каждого прибора стояла плоская хрустальная фляга с водой. Тут столько воды, что бедной арракинской семье хватило бы на год, подумал герцог.

По обе стороны от дверей на уровне пояса были поставлены огромные рукомойники – лотки из желтого фаянса с зеленым узором. Возле каждого рукомойника стоял стол со стопками полотенец. Обычай требовал, объяснил мажордом, чтобы каждый гость при входе церемонно погружал руки в рукомойник, плескал на пол воду – несколько горстей, а затем, вытерев руки полотенцем, бросал бы это полотенце в растущую у входа лужу. А после приема йоду выжимали и подавали собравшимся у входа нищим.

«Как это по-харконненски, – подумал герцог, – поистине они не упустили ничего, в чем можно проявить низость деградировавшей души!» Он сделал тяжелый, медленный вдох, чувствуя, как его душит гнев.

– С .этой¹ традицией покончено, – пробормотал он. Тут герцог увидел служанку – одну из тех узловатых,

сварливых на вид старух, которых рекомендовал мажордом. Та явно болталась без дела возле дверей, ведущих на кухню. Герцог жестом подозвал ее, она вышла из тени, суетливо побежала к нему вокруг стола. Герцог обратил внимание на темное, словно продубленное, лицо, на ярко-синие глаза без белков.

– Что прикажет господин? – она стояла, потупив глаза, и опустив голову.

– Пусть уберут эти рукомойники и полотенца. – Герцог махнул рукой.

– Но...: Высокородный... – Теперь старуха подняла голову и изумленно приоткрыла рот.

– Я знаю обычай! – отрезал он. – Пусть рукомойники поставят у входа снаружи. И покуда мы за столом – до конца приема! – всякий нищий может получить стакан воды. Все ясно?

На темном лице отразились досада и даже злость.

Лето вдруг сообразил, что она конечно же собирается продать воду, выжатую из истоптанных полотенец, заработать несколько медяков на несчастных, которые приходят выпрашивать воду. Может, и это было в обычай?...

Лето нахмурился.

– Я выставлю там охранника, который проследит, чтобы мои приказы исполнялись в точности, – пригрозил он.

Резко повернувшись, герцог быстрыми шагами пошел к Большому залу. Воспоминания гудели в его голове подобно беззубому бормотанию старух. Он вспомнил открытую воду, волны траву вместо песка под ногами – чудесные годы, промелькнувшие мимо, точно уносимые бурей листья.

Все прошло.

«Старею, – подумал он. – Я ощутил ледяное прикосновение собственной смертности. И в чем?! В жадности какой-то старухи?..»

В Большом зале пестрая толпа собралась у камина, возле леди Джессики. Трещал настоящий открытый огонь, бросая оранжевые отблески на драгоценности, кружева и дорогие ткани. Герцог узнал среди собравшихся фабриканта дистикомбов из Карфага, импортера электронного оборудования, водоторговца, выстроившего свое летнее имение близ полярной шапки, представителя Гильд-Банка (он был чрезмерно худ и держался замкнуто), поставщика запасных частей для меланжедобывающей техники, тонкую, с жестким лицом женщину (говаривали, ее фирма по сопровождению и обслуживанию инопланетных гостей была лишь прикрытием для контрабандных операций, шпионажа и вымогательства). Большинство женщин здесь принадлежали к тому особенному типу, который странно сочетает недоступность и чувственность.

«Джессика царила бы над толпой, далее если бы не была хозяйкой дома», – подумалось герцогу. На ней не было драгоценных украшений, она подобрала себе одежду теплых цветов – длинное платье почти того же цвета, что и янтарное пламя в камине, коричневая, охряного оттенка лента, подхватившая бронзовые волосы.

Герцог понял, что она оделась так, чтобы подразнить его, упрекнуть за недавнюю холодность. Ей было прекрасно известно, что она больше всего нравилась ему именно в этих цветах – он воспринимал ее как игру теплых красок.

Чуть в стороне от гостей стоял Дункан Айдахо. Его парадная форма сияла, плоское лицо непроницаемо, черные вьющиеся кудри тщательно причесаны. Его отзывали от фрименов, и Хават дал ему секретное поручение: под видом охраны леди Джессики тщательно за нею следить.

Герцог оглядел зал.

В углу, окруженный группой молодых листецов, пытающихся подладиться к нему – аракинской золотой молодежью, – стоял Пауль. Неподалеку от них – три офицера

войск Дома Атрейдес. Герцога беспокоили девушки – наследник был бы для них желанной добычей. Однако Пауль со всеми держался одинаково – замкнуто и подчеркнуто-аристократически.

«Он будет достойно носить титул», – подумал герцог, и неприятный холодок коснулся его, когда он внезапно понял, что это – еще одна мысль о смерти.

Пауль заметил в дверях отца и отвел глаза. Взглянул на группки гостей, руки в перстнях, держащие бокалы (и по возможности незаметные проверки этих бокалов крохотными карманными ядоискателями дистанционного действия). Внезапно Пауль почувствовал неприязнь к этим пустым разговорам, к этим лицам – дешевым маскам, прикрывающим нарывы, сочащиеся гноем мысли, к голосам, пытающимся спрятать за болтовней оглушительное молчание пустых душ.

«Просто я* захандрил отчего-то, – подумал он. – Интересно, что сказал бы об этом Гурни?»

Он знал причину этой хандры. Ему не хотелось присутствовать на этом приеме, но отец был непреклонен: «У тебя есть долг. В частности, ты должен соответствовать своему положению. Ты для этого достаточно взрослый. Ты уже почти мужчина».

Пауль смотрел, как отец вышел из дверей, оглядел зал и направился к окружавшей Джессику группе.

Подойдя, он услышал, как водоторговец спрашивает:

– А правда, что герцог намерен установить контроль за погодой?

Герцог ответил из-за его спины:

– Пока мы не заходили так далеко в своих планах. Торговец; живо обернулся. У него было почти дочерна загоревшее лицо с вкрадчивым выражением.

– О, герцог! – воскликнул он. – Мы вас заждались! Лето взглянул на Джессику:

– Пришлось кое-что сделать.

Он вновь перевел взгляд на торговца и рассказал, что было сделано по его приказу с

умывальниками.

- Насколько это зависит от меня, с этим старым обычаем будет покончено.
- Следует ли понимать это как ваш приказ, милорд? – осведомился водоторговец.
- Оставляю .это на ваше... э-э... на вашу совесть, – ответил герцог и повернулся к подходящему к ним Кинесу.
- Как это благородно, как щедро с вашей стороны – отдать воду этим... – защебетала какая-то дама, но на нее шикнули.

Герцог смотрел на Кинеса. Планетолог, отметил он, одет в темно-коричневый мундир старого образца с эполетами Гражданской Службы и золотой капелькой – эмблемой его ранга в петлице.

- Герцог критикует наши обычаи? – раздраженно спросил водоторговец.
- Обычай уже изменился, – бросил герцог. Он кивнул Кинесу, заметил морщинку между бровей Джессики, подумал; «Ей не идет нахмуренное лицо. Но это увеличит слухи о наших трениях...»
- С позволения герцога, – снова обратился к нему торговец, – нельзя ли подробнее узнать об изменениях в обычаях?

Лето уловил внезапно появившиеся в его голосе масление нотки, заметил напряженное молчание, установившееся вокруг, то, как по всему залу лица стали поворачиваться к ним.

- 1- Не пора ли к столу? – попыталась сменить тему Джессика.
- Но у нашего гостя остались вопросы, – любезно сказал Лето. Он внимательно смотрел на торговца: круглолицый, толстогубый человек с большими глазами/Припомнил доклад Хавата: «...а за этим водоторговцем надо следить. Запомните это имя – Лингар Беут. Харконнены пользовались его услугами, но не могли контролировать его».
- В связанных с водой обычаях так много любопытного, – улыбаясь, сказал Беут. – К примеру, хотелось бы знать, каковы ваши планы относительно устроенной при этом доме влажной оранжереи. Собираетесь ли вы впредь похваляться ею перед людьми... милорд?

Лето взглянул торговцу в глаза, сдерживая гнев. Но тут было о чем подумать. Бросать ему вызов – в его собственном дворце! – особенно учитывая, что этот Беут подписал контракт о вассалитете, – это требовало смелости. И – чувства своей власти. Да, вода в этом мире – это власть. Предположим, системы водоснабжения здесь заминированы и могут быть в любой момент уничтожены... Вполне возможно, что именно с помощью такого дамоклова меча Беут сдерживал в узде Харконненов.

- У моего господина герцога и у меня особые планы относительно оранжереи, – вмешалась Джессика, улыбаясь Лето. -* Мы, разумеется, сохраним ее – но сохраним для народа Арракиса, как опекуны. Ибо мы мечтаем о том, что когда-нибудь климат Арракиса изменится .так, что станет возможным повсеместно выращивать такие растения просто под открытым небом.

«Умница! – подумал Лето. – Пусть-ка наш водоторговец поразмыслит над этим!»

- Я хорошо понимаю, насколько вы заинтересованы во всем, что связано с водой и погодным контролем, – сказал он, – но я бы порекомендовал вам более разнообразно размещать свои капиталы. Рано или поздно вода здесь перестанет быть самым дорогим товаром...

И он подумал: «Хавату следует удвоить усилия по внедрению в организацию этого Беута. И мы должны немедля заняться системами водоснабжения. Меня никто в узде держать не посмеет!..»

Беут кивнул, все еще улыбаясь.

- Достойная мечта, милорд. – Он отступил на несколько шагов.

Лето вдруг увидел глаза Кинеса. Тот не отрываясь глядел в лицо Джессике. Словно преображеный – словно влюбленный... словно верующий в священном трансе...

...А мысли Кинеса были заняты словами пророчества – наконец оно полностью овладело им. Пророчество гласило также: «..И они разделят сокровеннейшую вашу мечту». Кинес, не отводя глаз, прямо спросил Джессику:

- Вы несете нам сокращение пути?
- А, доктор Кинес! – воскликнул водоторговец. – Вы оставили ради нас бродяжничество с шайками ваших фрименов? Как мило с вашей стороны, что вы присоединились к нам!

Кинес окинул Беута странным взглядом, проговорил:

- В Пустыне говорят, что обладание слишком большим количеством воды делает человека опасно неосторожным.
- Мало ли о чем говорят в Пустыне – у них много странных поговорок, – ответил Беут. Но его голос выдал беспокойство.

Джессика подошла к Лето, взяла его под руку – просто чтобы протянуть несколько секунд и успокоиться. Кинес сказал «сокращение пути». На старом языке это выражение прозвучало бы как «Квисатц Хадерах». Окружающие как будто не обратили внимание на странный, вопрос планетолога, а сам он уже склонился над чьей-то женой и выслушивал ее кокетливую болтовню.

Квисатц Хадерах, подумала Джессика. Неужели Миссионария Протектива принесла сюда и эту легенду? В этой мысли скрывалась надежда для Пауля. Он мог бы... мог бы быть этим Квисатц Хадерахом...

Представитель Гильд-Банка меж тем заговорил о чем-то с водоторговцем. Голос Беута перекрыл гудение возобновившихся разговоров:

- Немало людей хотело изменить Арракис!.. Герцог заметил, как Кинес, услышав это, вздрогнул, распрямился и даже отшатнулся от флиртующей дамы.

В неожиданно наступившей тишине охранник, переодетый в ливрею лакея, кашлянул за спиной Лето и объявил:

- Обед подан, милорд.

Герцог вопросительно взглянул на Джессику.

- Согласно здешнему обычай, хозяева идут к столу позади гостей, – сказала она. – Или мы изменяем и этот обычай, милорд? .

- Это, по-моему, неплохой Обычай, – холодно ответил герцог! – Пока мы его оставим.

«Необходимо поддерживать иллюзию того, что я ей не доверяю и подозреваю в предательстве, – подумал герцог. Он посмотрел на чинно шествовавших мимо гостей. – Кто из вас поверил в эту ложь, дорогие гости?..»

Джессика чувствовала холодность и отстраненность герцога и думала о ней – не в первый раз за неделю. «Он выглядит как человек, борющийся с самим собой, – думала она – В чем дело? Может, я просто поспешила с этим приемом? Но он же знает, как нам важно, чтобы наши офицеры, служащие и рядовые влились в местное общество. Мы для них – как родители, а ни что так не подчеркивает это, как подобного рода социальное единение...»

Лето, глядя на проходящих гостей, вспомнил, как отреагировал Суфир Хават, узнав о предстоящем приеме: «Сир! Я запрещаю вам это!..»

Герцог криво усмехнулся. На эту сцену стоило посмотреть. А когда герцог все же непреклонно решил присутствовать на обеде, Хават печально покачал головой. «Не нравится мне это, милорд, – заявил он. – У меня дурные предчувствия. Слишком уж быстро развиваются тут события. И это не похоже на Харконненов. Нет, совсем не похоже....»

Мимо прошел Пауль. Он вел под руку девушку на полголовы выше его самого. Проходя мимо, он бросил короткий взгляд на отца, затем кивнул в ответ на какое-то замечание спутницы.

- Ее отец выпускает дистикомбы, – сказала Джессика. – Мне говорили, что только безнадежный глупец позволит себе оказаться в Пустыне в одном из этих дистикомбов...
- А кто этот человек впереди Пауля? – спросил герцог. – Со шрамом на лице? Я его не узнаю.
- Его включили в список гостей в последний момент, – шепотом объяснила она. – Гурни послал ему приглашение. Это контрабандист.
- Гурни? Зачем он его позвал?
- По моей просьбе. Все согласовано с Хаватом, хотя сначала Хават и упирался. Контрабандиста зовут Туек, Эсмар Туек. Среди своих он обладает большим влиянием. Здесь его все знают, он часто бывает на приемах в разных домах.
- Зачем он здесь?

- Именно затем, чтобы каждый из присутствующих задал себе этот вопрос. Само присутствие Туека вызовет сомнения, подозрения и колебания. Кроме того, его приглашение будет для многих свидетельством нашей готовности выполнить указы о борьбе с коррупцией и взяточничеством, в том числе и подключая к этому контрабандистов. Кстати, именно этот момент Халлек одобрил.

- Не уверен, что я одобряю все это. - Он поклонился проходившей мимо паре и увидел, что почти все гости уже прошли в Обеденный зал. - Но почему ты не пригласила кого-то из фрименов?

- Кинес же здесь.

- Да, Кинес здесь, - согласился герцог. - Между прочим, у тебя есть для меня еще какие-нибудь сюрпризы? - Он повел Джессику вслед за последней парой гостей.

- Все прочее абсолютно обыкновенно, - заверила Джессика.

И подумала: «Дорогой, разве ты не понимаешь - у контрабандиста под контролем скоростные корабли и его можно купить? У нас должна быть возможность бежать с Арракиса, если все обернется против нас!..»

Они вошли в зал. Джессика убрала свою руку с руки герцога, он усадил ее и пошел на свой конец' стола, к отодвинутому лакеем креслу. Все уселись в свистящем шуршании дорогих тканей и поскрипывании кресел - но герцог продолжал стоять. Он подал знак рукой, и окружавшие стол охранники в лакейских ливреях отступили к стенам и застыли, как статуи.

Повисла напряженная тишина.

Джессика взглянула через стол, заметила, как чуть подрагивают уголки губ Лето, как потемнели от гнева его скулы. «Что так рассердило его? - спросила она себя. - Не может быть, чтобы это из-за того, что я пригласила контрабандиста...»

- Кое-кто из присутствующих не одобрил то, как я изменил обычай относительно рукомойников, - произнес герцог. - Но этим я хотел дать вам понять, что здесь многое переменится!

Стояло неловкое молчание.

Они, похоже, решили, что герцог пьян, подумала Джессика.

Герцог поднял свою флягу с водой, держа ее высоко - так/что та засверкала в лучах плавающих светильников.

- Как Рыцарь Империи, г- объявил он, - я поднимаю тост!

Гости поспешили поднять свои фляги, не сводя глаз с герцога. На какой-то миг все замерли, лишь один из светильников медленно плыл в воздухе, подхваченный слабым сквозняком из кухонных дверей. Тени играли на ястребином лице герцога.

- Я здесь, и я, не отступлю! - выкрикнул герцог свой девиз.

Гости поднесли было фляги к губам, но остановились: герцог продолжал держать свою флягу поднятой.

- Тост же мой - это одна из тех сентенций, которая так близка всем нам: «Бизнес делает прогресс! Удача ведет повсюду!»

Он пригубил воды. Гости последовали его примеру, но при этом обменивались вопросительными взглядами.

- Гурни! - позвал герцог.

Халлек отозвался из алькова неподалеку от герцогского края стола:

- Слушаю, милорд.

- Сыграй нам, Гурни.

Из алькова выплыл глубокий минорный аккорд балисета. Слуги по знаку герцога принялись разносить блюда - жареного песчаного зайца под соусом кепеда, апломаж по-сириански, чукку в глазури, кофе с меланжей (над столом потек густой коричный запах), настоящий гусиный паштет в горшочке - пот-а-оэ, поданный с игристым каладанским.

Однако сам герцог продолжал стоять.

Гости ждали: их внимание разрывалось между стоящим герцогом и появившимися перед ними аппетитными блюдами. Наконец Лето произнес:

- В старые времена хозяин сам был обязан развлекать гостей своими талантами. – Костяшки его пальцев побелели – он стиснул свою флягу. – Петь я не умею, но прочитаю вам слова песни Гурни. И пусть они будут еще одним тостом- тостом за всех тех, кто отдал жизнь, дабы мы достигли нынешнего своего положения.

Неловкий шумок пронесся над столом.

Джессика опустила глаза, взглянула на соседей. Ближе всего сидели круглолицый водоторговец с супругой, бледный, с аскетическим лицом представитель Гильд-Банка (все время казалось, будто он собирается свистнуть; вообще же он походил на пугало и не отводил глаз от Лето);

сильный, хмурый, в морщинах и шрамах Туек, опустивший свои синие от меланжи глаза.

- Примите, друзья, парад давно ушедших солдат, – речитативом начал герцог. – Равно готовых принять тяжесть ран и наград. На духах этих солдат нашего Дома цвети. Примите, друзья, парад давно ушедших солдат: ведь вероломство в них не поднялось ни на миг. С ними уходит прочь военное счастье в ночь. Примите, друзья, парад давно ушедших солдат. Когда наше время с тобой уйдет с улыбкой скупой, соблазн военных побед покинет мир ему вслед...

На последней фразе голос герцога постепенно затих. Он отпил большой глоток и резко поставил флягу. Вода от толчка плеснула на скатерть.

В смущенном молчании гости тоже выпили воды и опустили фляги.

И снова герцог поднял свою уже полупустую флягу и в этот раз вылил остатки воды на пол/зная, что все должны последовать его примеру.

Первой вылила на пол свою флягу Джессика. Но все остальные застыли на миг и не сразу проделали то же самое. Джессика заметила, как сидящий рядом с отцом Пауль изучает реакции окружающих. Ей и самой любопытно было наблюдать за ними – особенно за женщинами. Ведь это была превосходная, чистая питьевая вода, а не выжимки из мокрых полотенец. Было видно, насколько неохотно они выливают воду – видно по дрожащим рукам и замедленным движениям, первому смеху... и явно вынужденному подчинению необходимости. Какая-то дама уронила флягу и отвернулась, когда муж поднял ее.

Но больше всего ее заинтересовал Кинес. Планетолог после небольшого колебания опустился на флягу в контейнер, спрятанный под полой его длинного одеяния. Заметив, что Джессика смотрит на него, Кинес улыбнулся, поднял свою флягу в молчаливом тосте в ее честь. Похоже, он совершенно не смущался тем, что сделал.

Музыка Халлека все еще звучала в зале, только теперь не так минорно. Теперь это была ритмичная, веселая мелодия-словно Гурни пытался поднять настроение собравшихся.

- Обед начинается, – объявил герцог и сел.

Он разгневан и неуверен, поняла Джессика. Потеря комбайна ударила по нему сильнее, чем Должна была бы. Тут что-то большее, чем просто погибшая машина и груз Пряности. Он выглядит как отчаявшийся человек. Она подняла вилку, пытаясь в движении скрыть переполнявшую ее горечь. Но что тут удивительного? Он действительно отчаялся.

Сначала вяло, а затем со все большим оживлением обед постепенно входил в свое русло. Фабрикант дистикомбов сделал Джессике комплимент относительно качества вина и мастерства шеф-повара.

- И вино, и повара мы привезли с собой с Каладана, – ответила Джессика.

- Превосходно! – кивнул собеседник, отведывая чукку. – Просто превосходно! И ни малейшего привкуса меланжи. Право, когда Пряность добавлена во всякое блюдо/это приедается.

Представитель Гильд-Банка обратился через стол к Кинесу:

- Как я слышал, доктор Кинес, еще один комбайн уничтожен песчаным червем.

- Новости, я вижу, разносятся быстро, – заметил герцог.

- Следовательно, это правда? – спросил водоторговец, переключая внимание на Лето.

- Разумеется, правда! – отрезал герцог. – Проклятый грузолет исчез куда-то, как не был. Но куда И как может исчезнуть такая огромная машина?!

- Когда появился червь, оказалось, что вывезти оборудование не на чем, – подтвердил Кинес.
- Такое не должно было стать возможным! – повторил герцог.
- Неужели никто не видел, как улетел грузолет? – Удивился банкир.
- Наводчики-наблюдатели смотрят большей частью за песком, – объяснил Кинес. – Их интересует прежде всего знак черви. Экипаж грузолета состоит из четырех человек – двух пилотов и двух приданых рядовых-специалистов. Если один из членов экипажа – а возможно, и двое – были наемниками врагов герцога...
- Мм-м, понимаю, – кивнул банкир, – Ну а вы – как Арбитр Смены – примете какие-то меры?
- Я, должен серьезно обдумать свою позицию, – ответил Кинес. – И во всяком случае я бы не хотел обсуждать это за столом.

Говоря это, Кинес подумал: «А ведь этот ходячий скелет знает, что происшествия подобного рода мне приказано оставлять без внимания!..»

Банкир улыбнулся и вернулся к еде.

Джессика, глядя на все это, вспомнила одну из лекций в школе Бене Гессерит из курса «Шпионаж и контршипионаж». Лекцию читает полная, с добродушным и смешливым лицом Преподобная Мать, и ее веселый голос странно контрастирует с темой:

«Следует отметить, что учеников любой школы шпионажа и/или контршипионажа объединяет общий тип основных реакций. Всякое закрытое учение оставляет свою печать, свой структурный рисунок – и этот отпечаток можно как уловить, так и использовать для предсказания реакций противника.

Далее, мотивационные поведенческие схемы у всех агентов-шпионов схожи. Иначе говоря, есть некоторые типы мотивации, общие для всех, несмотря на разные школы и противоположные цели.

Вы будете изучать прежде всего, как вычленить для анализа этот общий элемент. Вначале вы увидите, как по общей схеме допроса вычислить внутреннюю ориентацию допрашивающего; далее мы займемся мысленно-речевой ориентацией объекта анализа. Вы увидите, что определить базовый язык объекта достаточно просто, пользуясь оттенками голоса и структурой речи...»

И сейчас, сидя за столом вместе со своим сыном и герцогом, со всеми гостями и слушая представителя Гильд-Банка, Джессика вдруг почувствовала холодок: она ясно поняла, что перед нею – харконненский агент. Построение речи было характерно для Джеди Прим. Оно было слегка замаскировано, но для ее тренированного восприятия звучало так ясно, как если бы он открыто заявил о своей роли.

Значит ли это, что сама Гильдия выступает, против Дома Атрейдес? – спросила она себя. Эта мысль потрясла ее, и она постаралась скрыть эмоции, приказав переменить блюдо... а сама продолжала слышать, как выдает себя банкир. Теперь он переведет разговор на что-нибудь внешне безобидное, но со зловещим подтекстом, решила она. Это Закладывается в характерную для него схему.

Банкир прожевал кусок, проглотил, запил вином, улыбнулся в ответ на какие-то слова своей соседки справа. Затем он как будто прислушался к одному из гостей, рассказывавшему герцогу, что у собственно аракийских растений не бывает шипов.

– Я люблю наблюдать за полетом птиц на Арракисе, – заметил банкир, обращаясь к Джессике. – Разумеется, все наши птицы – трупоеды, и многие из них могут обходиться без воды – они научились пить кровь...

Дочь фабриканта дистикомбов, сидевшая напротив между Паулем и его отцом, нахмурила свое прелестное лицо;

– Ой, Су-Су, вечно вы говорите всякие гадости! Банкир улыбнулся.

– Меня прозвали Су-Су, потому что я – советник по финансам Союза Водоносов.

Поскольку Джессика все так же молча глядела на него, он добавил:

– Это потому, что разносчики веды так кричат – «Су-Су Суук!» – Он сымитировал крик водоноса с такой точностью, что многие из сидевших за столом засмеялись.

Джессика отметила хвастилые нотки в голосе, но главное, на что она обратила внимание, – это что девушка говорит по заранее заданной роли и именно в определенный момент. Она сказала это, чтобы дать банкиру возможность сказать то, что он сказал: Джессика покосилась на Лингара Беута. Водяной-магнат, насыпившись, поглощал пищу, целиком отдавшись этому занятию.

Джессика прекрасно поняла сказанное банкиром: «Я тоже контролирую воду – основу и источник всякой власти на Арракисе».

Пауль заметил и фальшь в голосе банкира., и то, что мать внимательно следит за разговором, явно пользуясь приемами Бене Гессерит. Повинуясь импульсу, Пауль решил принять вызов и обратился к банкиру:

- Вы хотите сказать, что эти птицы – каннибалы?

- Странный вопрос, молодой господин, – поднял брови банкир. – Я сказал лишь, что птицы пьют кровь. Это совсем не значит, что это должна быть кровь их сородичей, не так ли?

- Это был отнюдь не странный вопрос, – возразил Пауль, и Джессика услышала всего голосе тонкий звон ответного выпада рапиры – она сама обучала его. – Большинство образованных людей знает, что наиболее жестокая конкуренция – это конкуренция внутри вида. – Пауль демонстративно наколол на вилку кусочек с тарелки собеседника и съел его. – Ибо они, figurально выражаясь, едят с одной тарелки. У них одинаковые потребности.

Банкир замер и, нахмурившись, взглянул на герцога.

- Было бы ошибкой считать моего сына ребенком, – улыбнулся ему герцог.

Джессика оглядела стол, заметила, как прояснилось лицо Беута, как ухмыляются Кинес и контрабандист Туек.

- Да, таков закон экологии, – подтвердил Кинес, – и молодой господин, судя по всему, прекрасно его понимает. Борьба за существование внутри Системы – это борьба за овладение свободной энергией системы. Кровь же – весьма эффективный* источник энергии.

Банкир положил вилку и раздраженно сказал:

- Я слышал, что фрименский сброд пьет кровь своих мертвцевов...

Кинес покачал головой, наставительно сказал – будто читал лекцию:

- Не кровь, сэр. Отнюдь. Но вся вода человека – вся – принадлежит его народу,, его племени. Когда живешь возле Великой Равнины, это становится необходимостью. Вода здесь бесценна, а ведь человеческое тело на семьдесят процентов состоит из воды. И, разумеется, покойник в своей воде уже не нуждается.

Банкир положил руки да край стола возле тарелки – Джессике показалось, что сейчас он в ярости встанет и уйдет.

Кинес взглянул на Джессику.

- Простите, миледи, что я позволил себе обсуждать за столом столь неаппетитный предмет, но вам согали, и я обязан был внести ясность.

- Вы так долго якшались с фрименским отребьем, что позабыли всяческие приличия, – буркнул банкир.

Кинес изучающе обвел спокойным взглядом побелевшее, подергивающееся лицо.

- Следует ли понимать это как вызов? – осведомился он.

Банкир замер. Он слотнул, помедлил и наконец выговорил:

- Конечно, нет... Я не нанес бы такого оскорблении нашим любезным хозяевам!

Джессика услышала в его голосе страх. Этот страх был и в лице, дыхании, биении жилки на виске/ Банкир боялся, панически боялся Кинеса!..

- Наши любезные хозяева сами вполне способны решать, оскорблены они или нет, – сказал Кинес. – Они храбрые и достойные люди, понимающие, что такое защита своей чести. Все мы можем убедиться в их мужестве хотя бы по тому, что они здесь... сейчас... на Арракисе.

Джессика видела, что Лето в восторге от этого разговора. Однако остальные гости – почти все – похоже, не разделяли этот восторг. Гости сидели так, словно были готовы сорваться с места – они опустили руки со стола, напряглись... Исключение составляли Беут, явно наслаждавшийся замешательством банкира, и Туек, который, казалось, ждал, как поведет себя Кинес. Пауль взирал на Кинеса в восхищении. .

- Итак?.. - спросил Кинес.

- Я-а... не хотел никого оскорбить. Если вы, однако, чувствуете себя оскорблённым, я прошу принять мои извинения...

- Искренне и свободно принесенное извинение .так же искренне принимается, - кивнул Кинес. Улыбнувшись Джессике, он вернулся к еде, словно ничего не произошло.

Контрабандист, отметила Джессика, тоже расслабился. Он выглядел как верный соратник, готовый броситься на помощь Кинесу. Между Кинесом и Туеком явно была некая связь.

Лето поиграл вилкой, с любопытством посмотрел на Кинеса. Поведение эколога говорило об изменении его отношения к Дому Атрейдес. Во время полета в Пустыню он был гораздо холоднее.

Джессика подала знак переменить блюда и напитки. Слуги появились с langues de lapins de garenne под грибным и дрожжевым соусом.

Мало-помалу разговор за столом возобновился. Но теперь Джессика слышала в голосах возбужденные нотки. Банкир же ел в угрюмом молчании. Кинес убил бы его не моргнув глазом, решила она. И поняла, что поведение Кинеса выдавало весьма легкое отношение к убийству. Он был способен убивать – запросто. Это, догадалась она, видимо, общее для всех фрименов качество.

Джессика повернулась налево, к производителю дистикомбов:

- Я не перестаю изумляться значению воды на Арракисе.

- Да, большое значение, - согласился он. - Между прочим, что это за блюдо? На вкус бесподобно.

- Языки диких кроликов в особом соусе, - ответила она. - Это старинный рецепт.

- Я обязательно должен получить его.

- Я прослежу, чтобы его для вас записали, - кивнула Джессика.

Кинес, взглянув на Джессику, произнес:

- Новички на Арракисе часто недооценивают значение воды здесь. Видите ли, нам приходится иметь дело с так называемым Законом Минимума.

В его голосе она услышала особые нотки – словно он как-то испытывал ее. Она ответила:

- Рост ограничивается тем из необходимых условий, которое находится в минимуме. Проще говоря, наименее благоприятное условие определяет скорость роста.

- Нечасто доводится встречать среди представителей Великих Домов людей, сведущих в планетологии, - улыбнулся Кинес. - Так вот, нехватка воды на Арракисе и является этим наименее благоприятным условием для жизни.

Кстати, не следует забывать, что и рост сам по себе тоже может создавать неблагоприятные условия – если к нему не относятся с максимальной осторожностью.

Джессика почувствовала в словах Кинеса какое-то замаскированное сообщение, но какое – не поняла.

- Рост... - задумчиво сказала она. - Вы хотите сказать, что Арракис может иметь такой регулярный водообменный цикл, который был бы способен обеспечить и лучшие условия для существования здесь?

.- Невозможно! - воскликнул водоторговец. Джессика повернулась к нему: -Невозможно?

- Невозможно на Арракисе, - поправился Беут. - Не слушайте этого мечтателя. В конце концов, все лабораторные исследования свидетельствуют против него!

Кинес посмотрел на Беута, и Джессика увидела, как разговоры за столом затихают и внимание гостей обращается к новому разгорающемуся спору.

- Лабораторные исследования закрывают нам глаза на одни очень простой факт, - произнес Кинес. - И факт этот следующий: мы сталкиваемся здесь с веществами и явлениями, возникшими и существующими под открытым небом планеты – где растения и животные ведут нормальный образ жизни.

- Нормальный! - фыркнул Беут. - На Арракисе ничто не может быть нормальным!

- Отнюдь, - возразил Кинес. - Вполне возможно установить определенные гармонические экосистемы на основе самоподдерживающегося баланса. Следует лишь правильно оценить пределы возможностей планеты и пределы нагрузки на нее.

- Никто и никогда не сделает всего этого, - отмахнулся Беут.

Внезапно герцог понял, когда именно изменилось отношение Кинеса: в тот самый момент, когда Джессика сказала, что они собираются в качестве опекунов сохранить влаголюбивые растения для Арракиса.

- А что необходимо для установления такой самоподдерживающейся системы, доктор Кинес? - спросил Лето.

- Если удастся заставить три процента зеленых растений на Арракисе вырабатывать углеводы, могущие служить пищей, - циклическая система установлена, - ответил Кинес.

- Следовательно, единственная проблема - это вода? - спросил герцог. Он чувствовал возбуждение Кинеса и сам был захвачен им.

- Вода - это основная проблема, затеняющая все остальные. Вот, например: атмосфера планеты богата кислородом - при том, что отсутствуют обычные сопутствующие явления, как-то: широко распространенная растительность и такие крупные источники углекислого газа, как, например, вулканы. Наконец, на весьма обширных участках территории планеты наблюдаются необычные химические реакции.

- Проводятся ли какие-либо экспериментальные работы? - спросил герцог.

- У нас было достаточно времени чтобы исследовать эффект Тансли, Небольшие эксперименты на любительской основе, которые дают теперь рабочие данные для моей науки, - сказал Кинес.

- Но воды здесь недостаточно, - настаивал Беут. - Здесь просто недостаточно воды.

- О да, ведь господин Беут - специалист по всему, что связано с водой, - тонко улыбнулся Кинес и вернулся к еде.

Герцог резко махнул рукой:

- Нет! Мне нужен ответ. Доктор Кинес, здесь достаточно воды?

Кинес глядел в свою тарелку.

Джессика следила за эмоциями на его лица. Он хорошо скрывает свои чувства, подумала она- Но теперь, когда она определила Кинеса, ей было ясно, что он жалеет о сказанном.

- Так достаточно ли здесь воды? - настаивал герцог.

- М-мм... возможно, - неуверенно сказал Кинес.

«Он изображает неуверенность!» - подумала Джессика.

У Пауля чувство правды было более развито. Ему пришлось прибегнуть к помощи всей своей подготовки, чтобы скрыть возбуждение. Здесь действительно достаточно воды, но Кинес не хочет, чтобы это стало известным!

- У нашего любезного планетолога есть немало любопытных идей. О чем он только не мечтает; и по большей части мечтает вместе с фрименами - о пророчествах и мессиях, - уронил Беут.

В разных концах стола раздались смешки. Джессика автоматически отметила, что засмеялись контрабандист, дочка фабриканта дистикомбов, Дункан Айдахо, владелица странной службы сопровождения туристов...

«Странно распределяются сегодня напряжения, - подумала она. - Я слишком многое не знаю! Вокруг что-то происходит ;- много чего! - а что, я не знаю. Мне необходимо найти для себя источники информации».

Герцог перевел взгляд с Кинеса на Беута, затем - на Джессику. Он чувствовал себя странно подавленным - словно упустил что-то жизненно важное.

- Возможно... - пробормотал он. - Возможно, это и так...

Кинес быстро сказал:

- Может быть, лучше обсудить все это в другой раз, милорд? Слишком многое...

Планетолог замолчал: в дверь для прислуги вбежал человек в униформе войск Дома Атрейдес, миновал стражника и, быстро подойдя к герцогу, склонился и прошептал что-то ему на ухо.

Джессика узнала кокарду Хаватова корпуса безопасности и с большим трудом сумела подавить беспокойство. Обернувшись к спутнице производителя дистикомбов – миниатюрной темноволосой женщине с кукольным лицом и слегка раскосыми глазами, она любезно осведомилась:

- Вы почти ничего не ели, дорогая. Хотите, я велю принести для вас что-нибудь?

Прежде чем ответить, женщина взглянула на фабриканта:

- Благодарю, я не голодна. ; В этот момент герцог резко поднялся и тоном команды объявил:

- Прошу всех оставаться на местах, господа. Надеюсь, вы извините меня – дела требуют моего личного

внимания. – Он вышел из-за стола. – Пауль, останься, пожалуйста, за хозяина..

Пауль тоже встал. Он хотел спросить, чем вызван уход отца, но приходилось играть свою роль. Он пересел в отцовское кресло.

Герцог обернулся к алькову, в котором сидел Халлек:

- Гурни, займи место Пауля, пожалуйста; Нехорошо, если за столом останется нечетное число людей. После обеда, возможно, вам с Паулем придется подъехать на полевой командный пункт. Я свяжусь с вами.

Халлек был в парадной форме. Грузный, уродливый, словно слепленный из неровных глыб, он выглядел как-то неуместно среди этой сверкающей изысканной роскоши. Он поставил свой балисет к стене, подошел к креслу, которое раньше занимал Пауль, уселся.

- Господа, тревожиться не о чем, – сказал герцог. – Однако прошу никого не уходить, пока охрана не объявит, что это безопасно. Здесь вы все в абсолютной безопасности, а мы очень скоро разберемся со случившимся досадным происшествием.

Пауль распознал ключевые слова во фразе отца: «охрана», «безопасно», «безопасность», «скоро». Случившееся было связано с вопросами безопасности – не с нападением. Он увидел, что и мать поняла это скрытое сообщение. Оба расслабились.

Герцог коротко поклонился и покинул зал через служебные двери, сопровождаемый охранником.

Пауль обратился к гостям:

- Господа, прошу вас, продолжим ужин. Если я не ошибаюсь, доктор Кинес, вы говорили о воде?

- Я бы хотел обсудить этот вопрос как-нибудь в другое время, если позволите, – покачал головой Кинес.

- Как вам угодно, – согласился Пауль.

И Джессика с гордостью отметила, с каким-достоинством и зрелой уверенностью держится ее сын.

Банкир поднял свою флягу с водой, показал ею в сторону Беута:

- Право, никто из присутствующих здесь не сможет превзойти господина Лингара Беута в цветистости фраз. Можно подумать, что он стремится войти в число Великих Домов!.. Господин Беут, прошу вас – скажите тост! Возможно, у вас найдется крупица мудрости для мальчика, к которому надо относиться как к мужчине.

-Джессика стиснула под столом руку в кулак. Она видела, как Халлек подал знак Дункану Айдахо, и стража вдоль стен пошевелилась, приняв стойку повышенной готовности.

Беут злобно покосился на банкира,

Пауль взглянул на Халлека, на изготовленных стражников, перевел глаза на банкира – и смотрел, пока тот не опустил глаза. Наконец он заговорил:

- Однажды на Каладане мне пришлось увидеть вытащенное на берег тело утонувшего рыбака. Он...

- Утонувшего? – удивленно перебила его Дочь фабриканта дистикомбов.

- Да. Человек погружается в воду, пока, захлебнувшись, не умирает. Это называется - «утонуть»

- Какая удивительная смерть! - пробормотала она. Улыбка Пауля стала колючей. Он снова посмотрел банкиру в лицо.

- Но вот что интересно. На теле этого утонувшего человека были необычные раны на плечах - раны, нанесенные шипастыми сапогами другого рыбака. Дело в том, что утонувший был не один в лодке - это такое средство для передвижения по воде, которая затонула... ушла под воду. Так вот, один из тех рыбаков, которые помогали достать тело из воды, сказал, что уже не в первый раз видит подобные раны - и они означают, что тонущий человек карабкался на плечи своего несчастного товарища, пытаясь дотянуться до поверхности. До воздуха.

- И что же в этом интересного? - буркнул банкир.

- Главным образом интересно замечание, которое сделал по этому поводу мой отец герцог. Он сказал, что можно понять, когда тонущий человек карабкается на твои плечи - кроме тех только случаев, когда это происходит в обществе, на приеме. - Пауль помедлил, чтобы дать банкиру сообразить, что последует дальше, и закончил: - В

«особенности же, хотел бы я добавить, тогда, когда это происходит за столом на званом обеде.

В зале наступила внезапная тишина.

«Это было опрометчиво, - подумала Джессика. - Пожалуй, положение этого банкира позволяет ему даже бросить вызов моему сыну!» Она видела, что Айдахо напрягся, готовый ринуться в бой. Охранники Дома тоже встали на изготовку. Гурни Халлек не сводил глаз со своего визави.

- Хо-хо-хoooo!..

Это расхохотался контрабандист Туек, откинув назад голову, расхохотался от всей души.

На лицах некоторых гостей появились неуверенные, нервные улыбки. Беут открыто ухмылялся.

Банкир отодвинулся со столом от стола и яростно смотрел на Пауля.

- Кто задевает Атрейдеса - тот делает это на свой страх и риск, - заметил Кинес.

Прежде чем Пауль смог ответить, Джессика наклонилась вперед, к банкиру:

- Сэр!

«Надо разгадать игру этого харконненского ставленника. Он что, должен был испытать Пауля? Проверить, насколько далеко можно зайти?.. И кто здесь поддерживает его?..»

- Сэр, сын мой показал нам, так сказать, одеяние вообще, а вам кажется, что оно сшито по вашей мерке. Поистине сие удивительно; - Она опустила руку и как бы невзначай скользнула ею вдоль ноги т- туда, где в пристегнутых под коленом ножнах был спрятан крис.

Банкир перевел злой взгляд на Джессику. Многие из гостей тоже переместили внимание с сына на мать, а Джессика увидела, что Пауль слегка отодвинулся от стола, освобождая себе пространство для действия. Он принял скрытый в реплике матери сигнал: Джессика сказала «одеяние» - то есть, на кодовом языке, «приготовься к бою».

Кинес, прикидывая что-то, посмотрел на Джессику, и подал Туеку едва заметный знак рукой.

Контрабандист не спеша поднялся, встал, слегка покачиваясь, поднял свою флягу.

- Я хочу поднять тост, - объявил он, - за юного Пауля Атрейдеса - еще мальчика на вид, но уже зрелого мужа по поступкам. .

«Почему они вмешиваются?» - удивилась Джессика.

Банкир смотрел теперь на Кинеса, и Джессика опять увидела страх в его глазах.

За столом уже поднимали фляги.

«Да, Кинес ведет - и за ним идут, - думала Джессика. - А он показал, что принимает сторону Пауля. Но в чем секрет его влияния? Не в том же, что он - Арбитр Смены. Ведь это - должность временная. И уж конечно, не в том, что он - имперский чиновник!..»

Она сняла пальцы с рукояти криса, подняла свою флягу в сторону Кинеса, тот ответил тем же.

Лишь Пауль и банкир (Су-Су! Надо же было придумать такое дурацкое прозвище!) сидели

неподвижно и не поднимали тост. Банкир не отводил глаз от Кинеса; Пауль глядел в тарелку.

«Я неплохо справлялся с ситуацией, - думал он. - Так почему же они вмешались?» Исподтишка он бросил взгляд через стол. Сказал:

- В таком обществе, как наше, человек не должен слишком поспешно оскорбляться. Это часто бывает равносильно самоубийству. - Он посмотрел на дочку фабриканта дистикомбов. - Вы согласны?

- О да. Да. Разумеется, я согласна, - ответила та. - Вокруг столько насилия и жестокости! И так часто желания оскорбить нет, а люди погибают. Так бессмысленно!..

- В самом деле бессмысленно, - согласился Халлек. Джессика, оценив совершенную игру девушки, поняла: эта пустоголовенькая девочка - вовсе не пустоголовенькая девочка. Джессика заметила угрозу и поняла, что и Халлек ее заметил. Они решили окрутить Пауля, соблазнить его при помощи обыкновенного секса! Джессика немного расслабилась. Пауль скорее всего заметил все первым - в его подготовку, конечно, входило изучение и подобных простенъких трюков.

- Вам не кажется, что следует извиниться? - спросил Кинес банкира.

Тот кисло улыбнулся Джессике:

- Простите, миледи. Боюсь, я чересчур увлекся вашими винами. У вас подают довольно крепкие напитки, и я к таким не привык.

Джессика услышала скрытый в его голосе яд и чрезвычайно любезным голосом ответила:

- Когда встречаются незнакомцы, следует делать скидки на разницу в обычаях и воспитании.

- Благодарю 'vas, миледи, - выдавил банкир. Темноволосая спутница фабриканта дистикомбов склонилась к Джессике:

- Герцог сказал, что мы здесь в безопасности. Надеюсь, речь не идет о войне?..

Ей велели перевести разговор в это русло, поняла Джессика.

- Скорее всего это окажется какими-нибудь пустяками, - улыбнулась она. - Сейчас столько дел, которые требуют личного присутствия герцога! Покуда между Харконненами и Атрейдесами существует вражда, быть излишне осторожным нельзя. Герцог объявил канли и в том поклялся. И, разумеется, он не оставит в живых ни одного харконненского агента на планете. - Она взглянула на агента Гильд-Банка: - Как вы понимаете, Конвенция на его стороне. - Она повернулась к Кинесу: ~ Я права, доктор Кинес?

- Без всякого сомнения, - кивнул планетолог. Фабрикант дистикомбов слегка потянулся назад спутнице. Та взглянула на своего патрона, сказала:

- Я, пожалуй, съела бы чего-нибудь сейчас. Мне очень понравилось то блюдо из птицы...

Джессика махнула слуге, повернулась к банкиру:

- Помнится, вы говорили тут о птицах и их повадках. Здесь, на Арракисе, столько нового и интересного для меня. К примеру, не расскажете ли вы мне, где добывается Пряность? Меланжеры-разведчики далеко заходят в Пустыню?

- О нет, миледи, - ответил тот. - Глубокая Пустыня неважно изучена, мы знаем о ней очень мало. Что же касается южной части Пустыни, то о ней у нас практически никаких сведений.

- Есть легенды, - сказал Кинес, - что где-то на дальнем Юге находится великая Материнская Жила, мать всех месторождений Пряности. Впрочем, я склонен полагать, что это - выдумка, рожденная исключительно

как поэтический образ. Некоторые особенно дерзкие меланжеры-разведчики доходили даже до окраинных районов Центрального пояса, но это чрезвычайно опасно - ориентирование затруднено, а бури часты. Чем дальше от Барьера Стены, тем выше уровень смертности. Считается, что заходить далеко на юг невыгодно, такие экспедиции не оправдаются. Может быть, если бы у нас были метеоспутники, - хотя бы один...

Беут поднял глаза, заметив с полным ртом:

- Говорят, что фримены заходят туда. Они путешествуют где хотят и сумели найти там влажники и соломенцы.

- Влажники и соломенцы? Кинес поспешил ответил:

- Пустые слухи, миледи. На этой планете такие объекты не встречаются. Вообще же влажник – это место, где грунтовые воды поднимаются на поверхность или достаточно близко к поверхности, так что воду можно обнаружить по определенным признакам и, затем добыть, выкопав углубление. Соломенец – это тот же влажник, но такой, где воду можно добывать, просто потянув через соломинку... во всяком случае, так было сказано.

«Он нас обманывает», – чувствовала Джессика. «Почему он лжет?» – задумался Пауль.

- Очень, очень интересно, – улыбнулась Джессика, думая: «Так было сказано... Как тут витиевато говорят, однако! Знали бы они, как много можно узнать по такой речи о том, как они зависят от предрассудков!»

- Я слышал, у вас есть поговорка, – сказал Пауль, – «Из города – лоск, из Пустыни – мудрость»...

, – На Арракисе есть множество поговорок, – отозвался Кинес.

Раньше чем Джессика успела задать еще один вопрос, возле нее склонился слуга и подал записку. Она развернула листок, узнала почерк и кодовые значки герцога, прочла.

- Господа, – произнесла она, – вам будет приятно узнать, что герцог посыпает нам утешительные известия. Дело, которое оторвало его от нас, благополучно разрешено. Найден пропавший грузолет. Харконненский агент,

пробравшийся в экипаж, перебил его и повел грузолет на базу контрабандистов, предполагая продать машину им. Однако сейчас и преступник, и грузолет возвращены нам. Джессика слегка поклонилась Туеку. Контрабандист в ответ тоже склонил голову., Джессика спрятала записку в рукав.

- Я весьма рад, что дело не дошло до открытого столкновения, – заметил банкир. – Ведь народ надеется, что с Атрейдесами сюда пришли мир и процветание.

- В особенности процветание, – согласился Беут.

- Может быть, перейдем к десерту? – предложила Джессика. – Я велела повару приготовить наши каладанские сладости: рис пунди под соусом дольса.

- Звучит заманчиво, – хмыкнул фабрикант дистикомбов. – Я смогу получить рецепт?

- Любой рецепт, какой вам понравится, – ответила Джессика, отмечая фабриканта. Надо сказать про него Хавату. Фабрикант, судя по всему, был трусливым мелким карьеристом, а таких всегда легко купить.

Вокруг возобновились разговоры: «...а какая прекрасная ткань!..», «...и он решил заказать оправу, достойную этого камня...», «...в следующем квартале мы можем попытаться поднять производительность...».

Джессика смотрела в свою тарелку, напряженно думая о закодированной части послания герцога: «Харконнены попытались тайно переправить сюда большую партию лучеметов. Мы перехватили ее. Но это может означать, что другие партии оружия мы пропустили. И это безусловно означает, что они не думают о силовых щитах. Необходимо срочно принять соответствующие меры 'предосторожности'.

Джессика подумала о лучеметах. Белые огненные лучи прожигали любые известные материалы, если те не были защищены силовым полем. Однако Харконненов явно не беспокоило, что реакция с обратной связью между лазерным лучом и силовым полем вызывает взрыв, способный уничтожить как щит, так и сам лазер. Почему? Почему их это не тревожит? Ведь сила такого взрыва сильно и опасно варьируется в зависимости от различных условий и может даже сравняться с мощью ядерного взрыва – даже превзойти ее, а может уничтожить лишь самого стрелка и его экранированную цель.,

Неизвестность наполняла ее неуверенностью., Пауль сказал:

- Я не сомневался, что мы найдем грузолет. Если отец берется за проблему – он ее решает. Похоже, сейчас это начинают понимать и Харконнены.

Он хвастает, подумала Джессика. Напрасно. Тот, кому предстоит сегодня ночевать глубоко под землей, чтобы обезопасить себя от лучеметов, не имеет права на подобную похвальбу.

Глава 17

Выхода нет: мы платим за грехи отцов, за совершенное ими насилие. Избежать этого невозможно.

(Принцесса Ирулан, «Избранные изречения Муад'Диба»)

Джессика услышала какой-то шум в Большом зале, включила светильник у изголовья. Часы еще не перевели на местное время, и ей пришлось вычесть двадцать одну минуту. Получилось что-то около двух часов утра.

Шум был довольно громкий, совершенно неуместный и какой-то бессвязный.

Что это? Нападение Харконненов?

Выскользнув из постели,-она включила мониторы – проверила, где сын и герцог. Пауль спокойно спал в подвалной комнате, наспех переоборудованной под спальню. Очевидно, туда шум не проникал. Комната герцога была пуста, постель не смята. Он что| все еще на полевом командном пункте?

В передней части дома, однако, мониторов не было.

Джессика стояла посреди комнаты и прислушивалась.

Один голос кричал что-то непонятное. Кто-то еще крикнул, чтобы привели доктора Юйэ. Джессика нашла халат, накинула на плечи, сунула ноги в домашние туфли, пристегнула к ноге крис в ножнах.

Снова кто-то позвал Юйэ.

Джессика перехватила халат поясом, выскользнула из комнаты в коридор. Внезапно ее поразила мысль: что, если что-то случилось с Лето?

Коридор, казалось, никогда не кончится. Она пробежала сквозь арку, пролетела мимо Обеденного зала, по другому коридору к Большому залу. Зал был ярко освещен, стенные светильники включены на полную мощность.

Справа от входа двое охранников держали Дункана Айдахо. Голова у того бессильно склонялась вперед; висела неприятная, резкая тишина, слышалось лишь прерывистое дыхание.

Один из охранников осуждающе сказал Дункану:

- Вот видишь, что ты наделал! Разбудил леди Джессику.

За спиной у них ветер раздувал портьеры – дверь не закрыли. Не было ни герцога, ни Юйэ. Мэйпс стояла в стороне, холодно глядя на Айдахо. На ней было длинное свободное платье с узором из змей по краю, незашнурованные пустынные сапоги.

- А, значит, й-я разбудил леди Джессику, – пробормотал Айдахо. Он поднял лицо к потолку, выкрикнул: - Меч мой вп'рвые был к... кровью обагрен на Груммане!..

«Великая Мать! – поняла Джессика. – Он же пьян!» Темное круглое лицо Айдахо исказила хмурая гримаса. Брови сведены, волосы, выющиеся как шерсть черной овцы, залеплены грязью. Большая рваная прореха на френче открывала парадную рубашку, в которой вчера он был на обеде.

Когда Джессика подошла, один из охранников коротко поклонился ей, не отпуская Айдахо.

- Мы не знаем, что с ним делать, миледи. Он шумел перед парадным входом и не хотел идти внутрь. Мы опасались, что местные могут увидеть его в таком виде. Это было бы плохо: повредило бы нашей репутации.

'- Где он был? – спросила Джессика.

- Провожал домой одну молодую даму, миледи. Приказ Хавата.

- Какую даму?

- Да, так... собственно, девку из чьей-то свиты. Понимаете, миледи? – Охранник взглянул в сторону Мэйпс и понизил голос: – Когда надо вызнать что-нибудь у дамы или приглядеть за ней, всегда посыпают Айдахо.

«Это так, – подумала Джессика. – Но с чего он вдруг напился?»

Она свела брови, повернулась к Мэйпс:

- Мэйпс, принеси стимулятор. Кофеин, пожалуй. Может быть, осталось немного кофе с Пряностью?

Мэйпс пожала плечами, пошла на кухню. Незашнурованные пустынные сапоги громко шлепали по каменному полу.

Айдахо постарался повернуть голову так, чтобы через плечо увидеть Джессику, но голова только вяло покачнулась.

- Прикончил за тр-ри... ссотни л'дей - для герцыга! - пробормотал он. - А что мм-не тут дел'ть? Не м'гу я жить под землей! И не м'гу жить тут на з'мле! Что эт' за... м-и'сто такое, а? Джессика услышала какой-то звук из соседней залы, повернулась. Это оказался Юйэ; в левой руке он держал свой медицинский чемоданчик. Юйэ был полностью одет и выглядел бледным и намученным. Вытатуированный ромб ярко выделялся на побледневшем лбу.

- А, добрый наш докт'р! - взревел Айдахо. - Наш мастер п-пластырей и пил-люль! - Он повернулся к Джессике. - Дураком м'ня выс-ставить х'тие, да?..

Джессика молча стояла, нахмурясь. Почему же Айдахо напился? Или его опоили какой-нибудь дрянью?

- Слишк'м мно-а пива с Пряностью, - сообщил Айдахо, пытаясь встать прямо.

Мэйпс вернулась, неся дымящуюся чашку, остановилась в нерешительности позади Юйэ, взглянула на Джессику. Та отрицательно покачала головой.

Юйэ опустил чемоданчик на пол, поклонился Джессике.

- Так, значит, пряное пиво, э-э? - спросил он.

- Лучшее пойла ник'да не пил, - заверил Айдахо. Он хотел встать «смирно», но из этого ничего не вышло. - М-меч мой впервые был кровью об'грен на Груммане! - заявил он. - Заколол Хра... Харкен... для герцыга его убил.

Юйэ повернулся, увидел чашку в руках у Мэйпс:

- Это что?

- Кофеин, - ответила Джессика.

Юйэ принял чашку, протянул ее Дункану.

- Ну-ка выпей это, приятель, - велел он.

- Н-не х'чу больше пить, - мотнул головой Айдахо.

- Я сказал, пей!

Голова Айдахо качнулась в сторону Юйэ, он, волоча охранников; сделал неверный шаг в сторону доктора.

- М-мне... мне надоело угождать Империи, док. Пускай в эт'т раз бу't по-моему.

- Хорошо, только сначала выпей это, - ответил Юйэ. - Пей, это всего лишь кофеин.

- Дрянь, как у... как все здесь. Чертово с'нце слишк'м яркое. Цвет у всего тут н-неправильный. Все тут не так. Или...

- Ну, будет, ведь ночь на дворе. - Юйэ старался говорить убедительно. - Будь паинькой, выпей это. Тебе сразу станет лучше.

- А я-я не хочу, чтобы мне стало л-лучше! - упрямко возразил Айдахо.

- Мы не можем препираться здесь всю ночь, - сказала Джессика и подумала: «Тут нужен небольшой шок!»

- Вам незачем здесь оставаться, миледи, - заметил Юйэ. - Я все сделаю.

Джессика покачала головой, шагнула к Айдахо, наотмашь ударила его по щеке.

Айдахо отшатнулся, увлекая за собой охранников. Он бешеными глазами смотрел на нее.

- Никто не смеет так вести себя в доме своего герцога, - холодно сказала она, вырвала у Юйэ чашку, расплескав почти треть, и сунула ее Дункану. - А теперь пей! Это приказ.

Айдахо резко вскинулся и, мрачно и зло глядя на Джессику с высоты своего роста, медленно произнес, тщательно выговаривая слова:

- Я не подчиняюсь приказам проклятых харконненских шпионов.

Юйэ застыл на мгновение и резко обернулся к Джессике.

' Она побледнела, но кивнула. Теперь ей, во всяком случае, все было ясно – отдельные детали сложились, все те странные слова и поступки, которые она замечала в последние дни, – теперь она могла все это как бы истолковать. Ее охватил гнев – такой сильный, что она едва могла сдержать его. Потребовалась вся ее Бене-Гессеритская подготовка, чтобы успокоить пульс и дыхание. Но даже тогда она чувствовала, как обжигает ее этот гнев.

Когда надо вызнать что-нибудь у дамы или приглядеть за ней, всегда посыпают Айдахо!..

Она метнула в Юйэ пылающий взгляд. Тот потупился.

- Вы это знали?! – требовательно спросила она.

- Я... слышал разговоры, миледи. Сплетни. Но я не хотел отягощать вашу ношу лишним грузом...

- Хават! – резко сказала она. – Я желаю немедленно видеть Суфира Хавата!

- Но, миледи...

- Немедленно.

«Конечно это Хават, – думала она. – Если бы такое подозрение высказал кто-то другой, оно было бы отвергнуто тотчас».

Айдахо потряс головой, пробормотал: «К ч-черту всю ёту мерзось...» взглянула на чашку у себя в руках и внезапно выплеснула ее содержимое в лицо Айдахо,

- Заприте его в одной из гостевых комнат восточного крыла, – скомандовала Джессика. – Пусть проспится.

Стражники были явно расстроены.

- Может быть, отвести его в какое-нибудь другое место, миледи? – уныло, спросил один. – Например...

- Ему надо быть здесь! – отрезала Джессика. – У него тут задание. – В ее голосе звучала горечь. – Он у нас мастер по слежке за женщинами.

Стражник сглотнул.

-ч Тебе известно, где сейчас герцог? – спросила она.

- Он на командном пункте, миледи.

- Хават с ним?

- Хават в городе, миледи.

,, – Немедленно найди его и приведи ко мне, – велела Джессика. – Я буду в своем кабинете.

- Но, миледи... «

- Если понадобится, я вызову герцога, – холодно проговорила она, – но я надеюсь, мне не придется этого делать. Не хотелось бы беспокоить его этим.

- Слушаюсь, миледи.

Джессика сунула Мэйпс опустевшую чашку, встретилась взглядом с ее вопрошающими – синее на синем – глазами.

- Можешь идти спать, Мэйпс.

- Вы уверены, что я вам не понадоблюсь? Джессика мрачно усмехнулась:

- Уверена.

- Не может ли все это подождать до утра? – спросил Юйэ. – Я сейчас дал бы вам транквилизатор,

и...

- Идите к себе. Я сама разберусь, - сказала Джессика и, чтобы смягчить резкость приказа, потрепала Юйэ по руке. - Это все, что вы можете сделать.

Высоко подняв голову, она резко повернулась и пошла в свои апартаменты. Холодные стены... коридоры... знакомая дверь... Джессика распахнула ее, вбежала и захлопнула дверь за собой. Долго стояла, невидящими глазами уставясь на подернутые дымкой силового поля окна. Хават! Неужели это его удалось купить Харконненам? Ну что ж, посмотрим...

Джессика подошла к глубокому старомодному креслу, покрытому вышитым чехлом из выделанной кожи шлага, подвинула кресло, чтобы видеть дверь. Внезапно она очень отчетливо ощутила крис, пристегнутый к ноге. Отстегнула и надела на руку, попробовала, легко ли выскользывает клинок в ладонь. Снова оглядела комнату, запоминая расположение всех вещей в ней - на случай всяких неожиданностей: в углу полукресло, стулья с прямыми спинками вдоль стены, два низких стола, у двери в спальню - цитра на подставке.

Плавающие светильники лили бледный розовый свет. Она притушила их, села в кресло, погладила шитый чехол. Царственная массивность кресла - это именно то, что ей сейчас нужно.

«Теперь пусть приходит, - думала она. - Посмотрим...» . Она приготовилась к ожиданию, как учит этому Бене Гессерит: набираться терпения и копить силы.

Стук в дверь раздался раньше, чем она рассчитывала. Она сказала «Входите», и вошел Хават.

Джессика следила за ним, до вставая с кресла, видя переполняющую его энергию, - явно вызванную наркотиками. А сквозь эту энергию проглядывала огромная усталость. Слезящиеся глаза блестели. Обветренное лицо казалось желтоватым в розовых лучах светильников. На правом рукаве темнело большое мокрое пятно.

Джессика поняла, что сегодня у него не обошлось без крови.

Указав на один из стульев с прямой спинкой, Джессика велела:

- Возьми тот стул и садись напротив меня.

Хават поклонился и сделал так, как было сказано. «Вот пьяный идиот, Айдахо чертов!..» - думал он. Он изучал лицо Джессики, пытаясь придумать, как поправить дело.

- Нам давно пора выяснить отношения, - начала Джессика.

- Что взволновало вас, миледи? - Хават сел, упер ладони в колени.

- Хватит изображать невинность! - резко сказала она. - Если Юйэ еще не объяснил тебе, почему тебя вызвали, то кто-нибудь из твоих шпионов в моем окружении донес наверняка. Настолько-то мы можем быть откровенны друг с другом!

- Как вам угодно, миледи.

- Прежде всего ответь мне на один вопрос, - сказала Джессика. - Итак: ты сейчас - харконненский агент?

Хават подскочил, его лицо потемнело от гнева.

- Вы смеете так оскорблять меня?!

- Сядь, - спокойно сказала она. - Ты оскорбил меня так, Хават медленно опустился в кресло.

Джессика, читая знаки на так хорошо знакомом ей лице, слегка расслабилась и глубоко вздохнула. Нет, это не Хават.

- Теперь я знаю, что ты верен моему герцогу, - произнесла она. - И я готова простить нанесенное тобой оскорбление.

- А разве есть что прощать?

Джессика нахмурилась: «Следует ли мне сейчас использовать мой козырь?.. Рассказать ли ему о том, что эти несколько недель я носила в моем лоне дочь герцога? Нет... даже сам Лето не знает об этом. Это только осложнило бы его жизнь и отвлекло бы - как раз тог-„да, когда он должен сосредоточить все силы на спасении собственной жизни. А это - это я. еще успею использовать».

- Правдовидица, конечно, узнала бы истину, - сказала она. - Но у нас нет Правдовидицы,

признанной Верховной Коллегией.

- Точно так. Правдовидцы у нас нет.

- - Есть ли среди нас предатель? - спросила она. - Я тщательно изучала всех наших людей. Кто это может быть? Не Гурни. Уж конечно, не Дункан. Их заместителей не следует даже принимать во внимание - они занимают недостаточно стратегически важные посты. И это не ты, Суфир. Это не может быть Пауль. Я знаю, что это не я.. Итак, кто остается? Доктор Юйэ. Так что, вызвать его сюда и допросить?

- Вы же знаете, что это ерунда, - отмахнулся Хават. - Он прошел кондиционирование в высшем колледже. Это я знаю наверняка.

- Не говоря уже о том, что его жена, из Бене Гессерит, была убита Харконненами, - добавила Джессика.

- Так вот что с ней стало, - пробормотал Хават.

- Или ты не слышал, какая ненависть звучит в его голосе всякий раз, когда он поминает Харконненов?

- Вы же знаете, что у меня нет слуха на эти штуки.

- Ну а на меня почему пало подозрение? - спросила Джессика.

Хават нахмурился:

- Миледи угодно ставить своего слугу в весьма сложное положение... Ведь прежде всего моя верность принадлежит герцогу.

- И я многое готова простить за эту верность, - отозвалась Джессика.

- И вновь мне приходится спрашивать: а есть ли что прощать?

- Итак, пат? - спросила она. - Тупик? Он пожал плечами.

- Тогда изменим тему на некоторое время, - предложила она. - Вот Дункан Айдахо, удивительный боец, превосходный телохранитель и разведчик. Сегодня он напился пьян каким-то пряным пивом. Мне доложили, что и другие наши люди одурманены этим напитком. Это так?

- Вам же доложили, миледи.

- Так. Скажи, Суфир, тебе не кажется, что их пьянство - это симптом?

- Миледи изволит говорить загадками.

- Ты же ментат, так пользуйся своими способностями! - резко сказала она. - Ты не понимаешь, что случилось с Дунканом и прочими? Так я объясню тебе это в четырех словах! У них нет дома.

Хават ткнул пальцем в пол:

- Их дом - Арракис.

- Арракис для них - это. Неведомое и Незнакомое. Их домом был Каладан, но мы вырвали их оттуда. Теперь у них нет дома. И они боятся, что их герцог потерпит поражение. Подведет их.

Он закаменел.

- Любого из наших людей за такие слова...

- Перестань, Хават. Когда врач ставит диагноз опасной болезни - разве это пораженчество или измена? Все, чего я хочу, - это вылечить болезнь.

- Такого рода дела входят в мои обязанности.

- Но, надо полагать, ты понимаешь, что и мне небезразлично течение этой болезни. И я надеюсь, ты не откажешь мне в том, что я тоже кое-что могу в этой области.

«Может, встряхнуть его хорошенько? - подумала она. - Он явно нуждается во .встрясле, которая вырвала бы его из шаблонных представлений».

- Ваш интерес к этим делам можно объяснить по-разному, - пожал плечами Хават.

- Так ты уже приговорил меня?
- Конечно, нет, миледи. Но в данной ситуации я не имею права рисковать. Упускать нельзя ничего.
- Прошлой ночью – прямо здесь, в доме! ты проглядел покушение на моего сына, – указала она. – Чье это упущение?

Он помрачнел

- Я подал герцогу прошение об отставке, но он его отклонил.
- А почему ты не подал его мне? Или Паулю?

Теперь он был разозлен по-настоящему. Это ясно читалось в участившемся дыхании, раздувшихся ноздрях, тяжелом взгляде. На виске билась жилка.

- Я служу герцогу, – отрезал Хават.

- Предателя нет, – сказала она. – Угроза исходит откуда-то еще. Возможно, она связана с лучеметами. Например, замаскированные лучеметы с часовым механизмом, нацеленным на домашние силовые поля. Возможно, они...

- Да, но как после взрыва доказать, что тут не применялось ядерное оружие? – возразил он. – Нет, миледи, на такое нарушение законов они не пойдут. Радиация – это свидетельство, которое практически невозможно скрыть. Нет. Они соблюдут почти все правила. Так что мы наверняка имеем дело с предателем.

- Ты служишь герцогу, – усмехнулась она. – И, пытаясь спасти его, ты его уничтожишь. Ты этого хочешь?

Он глубоко вздохнул. Помедлил.

- Если вы невиновны, я приношу глубочайшие извинения.

- Рассуди сам, Суфир, – сказала она. – Люди лучше всего чувствуют себя тогда, когда у каждого есть свое место и каждый знает о своем положении в мире, в событиях, происходящих вокруг него. Уничтожь место человека в мире, и ты уничтожишь самого человека. Ты и я – вот два человека в окружении герцога, обладающие, почти идеальной возможностью уничтожить место другого. Разве не могла я ночью нашептать герцогу про тебя что-то, что вызвало бы его подозрение к тебе? Когда он легче всего поддался бы таким наговорам, Суфир? Надо ли мне объяснять это подробнее?..

- Вы угрожаете мне? – почти прорычал он.

- Ну разумеется, нет! Я лишь хочу показать тебе, как кто-то атакует нас через самое устройство нашей жизни, воздействуя на ее обстоятельства. Это умно – дьявольски умно! И отразить такое нападение мы можем лишь одним-единственным способом: мы должны так изменить нашу жизнь, чтобы не осталось ни малейшей щели для их стрел.

- Так вы и обвиняете меня в нашептывании беспочвенных подозрений?

- Да. Беспочвенных. :

- И вы бы противодействовали им собственными нашептываниями?

- Нашептывания, тайны и прочее – это твоя сфера, Хават. Не моя.

- Значит, вы сомневаетесь в моих способностях? Она вздохнула.

- Суфир, я хочу, чтобы Ты сам оценил, насколько и как ты эмоционально вовлечен во все это. Естественный человек – это животное, лишенное логики. Поэтому твое восприятие всех событий и человеческих отношений с точки зрения логики – неестественно. Но тут ничего не поделаешь; ты обречен проецировать логику на них, поскольку это оказывается полезным в большинстве случаев. Сам ты суть воплощение логики – ментат. Но твои подходы к проблемам и попытки их решения – это в самом буквальном смысле внешние проекции твоего сознания. Их надо изучать всесторонне.

- Вы учите меня моей работе? – спросил он, даже не пытаясь скрыть возмущение... и нотки презрения.

- Ты видишь все вокруг себя и применяешь к замеченному свою логику, – объяснила она. – Но особенность человеческого сознания такова, что логикой всего труднее исследовать проблемы, связанные с глубоко личными мотивами. И тогда мы бродим, вокруг в темноте и возлагаем вину за свои проблемы на все, кроме той единственной причины, которая в действительности мучает нас.

- Вы намеренно хотите подорвать мою веру в свои возможности как ментата, - отрывисто сказал он. - Если бы я узнал, что любой из наших людей пытается подобным образом саботировать любое другое оружие из нашего арсенала, я без колебаний обвинил его и уничтожил бы.

- Хорошие ментаты не пренебрегают фактором возможной ошибки в своих расчетах. Уважение к этому фактору - это здоровая черта.

- Я с этим никогда и не спорил!

- Тогда попробуй приложить свои способности к симптомам, которые мы оба видим* случаи пьянства, ссоры... Среди наших людей ходят самые нелепые слухи об Арракисе. Они запустили даже свои простейшие...

- Это все от праздности, и ничего больше, - возразил Хават..- И не пытайтесь запутать меня, напуская таинственность на самые простые вещи.

Джессика пристально разглядывала его - и представляла себе, как солдаты и охрана в казармах говорят между собой о своих бедах, о тоске и тревоге - и как от этого повисает в воздухе тяжкое напряжение, почти физически ощущимое - как запах горелой изоляции. «Они становятся похожи на героев древней, еще догильдийской легенды, - думала она. - Как команда потерянного звездолета „Амполирос“. Терзаемые болезнью, сидели они у корабельных орудий - всегда ищащие, всегда наготове и всегда не готовые...»

- Почему ты никогда не использовал до конца мои возможности в своей службе герцогу? - спросила она. - Или ты боялся соперника в моем лице?

Он сверкнул на нее глазами.

- Я кое-что знаю о том, чему учат Бене Гессерит... - Он угрюмо оглядел ее и замолк.

- Что же ты? Продолжай, - усмехнулась она. - Ты хотел сказать «Бене-Гессеритских ведьм».

- Я действительно кое-что знаю о той настоящей подготовке, которую дают в Бене Гессерит, - хмуро сказал он. - Я же видел, как все это проявляется у Пауля. И меня не обманет этот ваш лозунг на публику - мол, «мы существуем лишь для служения».

«Да, шок должен быть по-настоящему сильным, - решила Джессика: - И он почти готов к нему».

- Ты почтительно выслушиваешь меня на Совете, - сказала она, - но почти никогда не принимаешь мои советы. Почему?

- Я не верю советам, рожденным Бене-Гессеритскими мотивами, - отрезал он. - Вы можете думать, что видите человека насквозь, что можете заставить его поступать так, как вам...

- Суфир! - взорвалась она. - Глупец, несчастный глупец - вот ты кто!

Хават нахмурился, заставил себя снова сесть.

- Какие бы слухи о наших школах ни доходили до тебя, - промолвила она, - правда куда больше этих слухов. Если бы я хотела уничтожить герцога... или тебя, или кого угодно из тех, кто находится в пределах моей досягаемости, - ты бы не смог помешать мне.

Сказав это, она подумала: «Почему я позволяю гордыне заставлять меня говорить так? Разве этому меня учили? И не так должна я шокировать его...»

Хават сунул руку за пазуху, где у него всегда лежал миниатюрный пистолет с ядовитыми иглами. «Она без щита, - подумал он. - Это всё что, блеф? Ведь я могу убить ее сейчас... но, но! - если я ошибаюсь, последствия будут ужасны!»

Джессика увидела, как его рука скользнула к внутреннему карману.

- Я надеюсь, между нами нужды в насилии не возникнет, - сказала она.

- Достойная надежда,. - согласился он.

- Но тем временем болезнь распространяется в наших рядах и разъедает их, - продолжала Джессика. - И я должна вновь спросить тебя: не разумнее ли предположить, что это Харконнены посеяли в нас подозрение друг к другу, чтобы разъединить и столкнуть нас?

- Кажется, мы все же вернулись в тупик, - угрюмо буркнул Хават.

Она вздохнула и подумала: «Он почти готов».

- Герцог и я заменяем этим людям отца и мать, - сказала она. - Это положение... .
- Герцог не женился на вас, - перебил Хават. Джессика сдержалась, усилием воли сохранив спокойствие. Он хорошо парировал.
- Но он не женится и ни на ком другом, - уточнила она? - Во всяком случае, пока я жива. И, как я сказала, мы для наших людей вместо родителей. Разбить сложившиеся отношения, рассорить и запутать нас - какая цель для Харконненов будет более соблазнительной?
- Он понял, куда она клонит, и его брови сдвинулись.
- Герцог?. - продолжала она. - Да, это заманчивая цель; но никто не охраняется лучше, чем герцог. Разве что Пауль. Я? Разумеется, они бы не отказались от такой добычи; но уж кто-то, а они знают, что Бене Гессерит - добыча не из легких. Но есть и другая мишень. Человек, чьи обязанности по определению создают огромное слепое пятно. Человек, для которого подозрительность так же естественна, как дыхание. Человек,, вся жизнь которого построена на тайнах, интригах, намеках и хитростях. -« Она протянула к нему руку. - И этот человек - ты! Хават вскочил со стула.
- Я не отпускала тебя, Суфир! - резко бросила она. Старый ментат почти упал на стул - мышцы вдруг отказались ему служить. Она невесело улыбнулась:
- Теперь ты кое-что узнал о том, почему нас учат по-настоящему, - проговорила она.
- Хават попытался сглотнуть - горло пересохло. Ее приказ был таким властным, не допускающим даже малейшего неповиновения, - и он не смог противиться. Тело послушалось раньше, чем он успел что-либо подумать. И ничто не могло бы удержать его от выполнения этого приказа - ни логика, ни гнев... ничто. Чтобы сделать то, что удалось сделать ей, необходимо глубоко, до самых сокровенных подробностей, знать того, кому приказываешь. Он не представлял себе, что возможен такой контроль над человеком...
- Я говорила тебе, что мы должны понять друг друга, - сказала Джессика. - Я имела в виду, что ты должен понять меня. Я тебя понимаю давно. И я могу сказать тебе, что твоя преданность герцогу - это все, что гарантирует твою безопасность сейчас, когда ты рядом со мной...
- Он не мог отвести от нее глаз. Облизнул губы.
- Если бы мне нужна была марионетка, я бы заставила герцога жениться на мне, - спокойно продолжала Джессика. - Причем он был бы уверен, что женился по собственной доброй воле.
- Хават .наконец опустил голову и исподлобья взглянул на нее сквозь редкие ресницы. Лишь великолепное владение собой помогло ему удержаться и не позвать стражу. Владение собой... и мысль о том, что эта женщина может попросту не позволить ему кликнуть охрану. Он вспомнил, как она заставила его подчиниться, и по его спине пробежали мурашки. Ведь пока он был ошарашен приказом, ей ничего не стоило достать оружие и убить его!
- «Неужели у каждого человека есть такое „слепое пятно“? - думал он. - И каждого можно заставить подчиняться раньше даже, чем он сможет осознать все и воспротивиться?»
- Эта мысль поразила его. Кто может противостоять наделенному подобной властью?!
- Сейчас ты увидел железный кулак внутри мягкой перчатки Бене Гессерит, - сказала она. - Немногие, увидев его, оставались жить.. И то, что я сделала, - довольно простая вещь для нас. Ты не видел всего, на что я способна. Подумай об этом!
- Так почему вы не уничтожаете врагов герцога? - спросил он.
- Что я должна уничтожить? - переспросила она. - Или ты хочешь, чтобы герцог сделался слабым и всегда зависел от меня?
- Но с такой властью...
- Власть - это палка о двух концах, Суфир, - произнесла Джессика. - Ты думаешь сейчас: «Ей ничего не стоит создать оружие из человека и нацелить его в самое сердце врага». Да, Суфир. Даже и в твое сердце. Но чего бы я достигла? Если бы многие из нас поступали так, разве не пало бы недоверие и ненависть на всех Бене Гессерит?
- Мне нечего ответить вам, - выговорил Хават. - Вы знаете, что нечего.
- Ты никому не расскажешь о случившемся здесь, никому и ничего, - сказала она. - Я знаю тебя, Суфир.

- Миледи... - Снова старик попытался сглотнуть сухим горлом. И подумал: «Да, у нее действительно есть великая сила. Но разве не делает ее это еще более опасным орудием в руках Харконненов?»

- Друзья могут уничтожить герцога так же легко, как и его враги, - сказала Джессика. - Но теперь я верю - ты найдешь корни своих подозрений и вырвешь их.

- Если они все же окажутся беспочвенными, - добавил, он.

- Если? - насмешливо прищурилась Джессика.

- Да, если, - подтвердил он.

- Ты действительно очень упорен, - сказала она.

- Просто осторожен, - ответил он, - и помню о факторе возможной ошибки.

- Тогда я задам еще один вопрос. Ты стоишь лицом к лицу с другим человеком, беспомощный и беззащитный,

связанный по рукам и ногам, и этот другой держит нож у твоего горла. Но не причиняет тебе вреда, освобождает тебя, отдает тебе оружие и позволяет воспользоваться им по своему усмотрению... - Она поднялась, повернулась спиной к Хавату. - Теперь ты можешь идти, Суфир.

Старый ментат встал, постоял немного в нерешительности - его рука потянулась было к оружию в кармане. Он вспомнил арену и отца герцога (он был храбрым человеком, каковы бы ни были его недостатки), вспомнил давнюю корриду. Разъяренный черный бык замер, пригнув голову, - неподвижный и потерявший уверенность. Старый Герцог отвернулся от быка - спиной к рогам зверя, красный плащ картино наброшен на руку, а трибуны гремели рукоплесканиями и приветственными криками.

«Сейчас я - бык, а она - матадор», - подумал Хават. Он отдернул руку от кармана, увидел, что пустая ладонь блестит от пота.

И он знал, что, какой бы ни оказалась правда в конце концов, он никогда не забудет этот момент и никогда не перестанет восхищаться леди Джессикой.

Молча повернувшись, Хават вышел.

Джессика отвела глаза от отражения комнаты в оконном стекле, повернулась к закрывшейся двери.

- А теперь, - прошептала она, - начнется настоящая схватка.

Глава 18

Сражаться ли станешь с тенями?

С грезами вступишь ли в схватку?

Ты движешься словно во сне?

Время ушло, ускользнуло.

Украдена жизнь твоя.

Ты так медлил с пустяками, Ты – жертва своего безрассудства.

(Плач по Джамису на Погребальных Равнинах. Из сборника «Песни Муад'Диба», сост. принцесса Ирулан)

Лето стоял в атриуме дворца, изучая записку под светом единственного горящего светильника, плавающего в воздухе. До рассвета оставалось несколько часов, и Лето

ощущал неимоверную усталость. Записку только что принес гонец от фрименов – вручил ее охраннику на внешнем посту, как только герцог вернулся с полевого командного пункта.

В записке было сказано только: «Столб дыма днем, столб огня ночью».

Подписи не было.

Что бы это значило?

Посланный ушел, не дожидаясь ответа, и его не успели ни о чем спросить. Он просто растворился в темноте, как туманная тень.

Лею сунул записку в карман мундира. Позже надо будет показать ее Хавату, Он отбросил со лба прядь волос, глубоко вздохнул. Действие стимулирующих таблеток почти прошло. Со дня большого приема минуло уже двое суток – и гораздо больше с тех пор, как ему удалось поспать.

Как будто мало было дел с обороной, пришлось провести еще нелегкую, беспокойную беседу с Хаватом: тот докладывал о своей встрече с Джессикой. « „Может быть, разбудить Джессику? – думал он. – Больше не стоит играть с ней в тайны. Или стрит?.. Этот мне чертов Дункан Айдах!“ – Герцог покачал головой. – Нет, впрочем, – не Дункан. Я сам виноват: надо было с самого начала посвятить ее в мои замыслы. Теперь наконец я должен сделать это, прежде чем причинен больший вред».

Это решение несколько улучшило его настроение. Герцог поспешил зашагал из атриума, через Большой зал и по коридорам в семейное крыло.

Вдруг герцог остановился у ответвлявшегося к службам коридора – оттуда, из этого служебного коридора, доносились странные, похожие на мяуканье звуки. Лето опустил левую руку на выключатель поясного щита, правой вытянул из ножен кинжал. Клинок в руке придал ему уверенность: от странного звука по его спине пробежал холодок.

Герцог бесшумно крался по служебному проходу, проклиная про себя тусклое освещение. Здесь, с промежутками в восемь метров, висели самые маленькие плавающие светильники, притом прикрученные до минимума. Темные каменные стены поглощали почти весь свет.

В полутигле он увидел впереди какую-то темную тень на полу, протянувшуюся через весь коридор.

Лето помедлил, хотел было включить щит, но передумал: силовое поле ограничило бы его движения и слух... и кроме того, он помнил о захваченной партии лучеметов.

Он тихо подошел к тени и увидел человека, лежащего лицом вниз на каменном полу. Лето, держа нож наготове, ногой перевернул тело и нагнулся рассмотреть в тусклом свете лицо. Это был контрабандист Туек, и на груди у него .темнело большое мокре пятно. Из мертвых глаз смотрела пустая темнота. Лето дотронулся до пятна – оно было еще теплым.

Почему этот человек здесь – и почему он мертв? Кто мог убить его?

¹ Мяукающий звук здесь слышался громче. Он доносился из бокового прохода впереди – этот проход вел в центральную комнату, где установили главный силовой генератор дома.

Все еще держа руку на выключателе щита, сжимая кинжал, герцог обошел тело, проскользнул по коридору и осторожно выглянул из-за угла, пытаясь рассмотреть генераторную.

Там, в нескольких шагах, на полу темнела еще одна тень, и он сразу понял, что это и есть источник мясукающего звука. Тень мучительно медленно ползла в его сторону, бормоча что-то и судорожно, со стоном, хватая ртом воздух.

Лето подавил неожиданный удущливый приступ страха, бросился к ползущей фигуре, наклонился к ней. Это была Мэйпс, фрименка-домоправительница. Ее лицо было закрыто рассыпавшимися волосами, одежда в беспорядке. По спине и по боку тянулась темная, тускло отсвечивающая полоса. Лето прикоснулся к ее плечу. Мэйпс приподнялась на локтях, вскинула голову. Ее глаза, скрытые тенями, казались пустыми .черными провалами.

- Вы... - выдохнула она. - Охрана... убили... послала... за... Туеком... спасти... миледи... вас... вы... здесь... нельзя... - Она упала, ударившись лицом о камень пола.

Лето попробовал нашупать пульс в височной артерии - пульса не было. Он взглянул на темное пятно. Ее ударили

ножом в спину. Но кто? Мозг герцога лихорадочно работал. Что это значит? Кто-то убил охранников? И Туек - кто послал за ним? Джессика? Но зачем?..

Он начал подниматься на ноги, и тут какое-то шестое чувство предупредило его. Его рука дернулась к кнопке поясного щита, но было уже поздно. Руку ударило, Лето почувствовал боль, увидел вонзившуюся иглу-дротик, почувствовал, как вверх по руке от иглы растекается волна онемения. Лишь огромным усилием преодолевая парализующее действие яда, ему удалось повернуть голову, чтобы увидеть врага.

В открытой двери генераторной стоял Юйэ. В свете более яркого светильника -над дверью его лицо отливало желтизной. Из генераторной не слышался характерный гул генераторов - они были отключены.

«Юйэ! - пронеслось в голове Лето. - Он отключил поле! Снял экран с дома! Мы беззащитны!»

Юйэ направился к герцогу, на ходу убирай в карман игломет.

Оказывается, Лето мог еще говорить. Он выдохнул:

- Юйэ!.. Как?..

В этот момент яд парализовал мышцы ног, и он осел на пол, скользнув спиной по стене.

Когда Юйэ наклонился к герцогу и прикоснулся к его лбу, лицо доктора было грустным. Лето еще чувствовал прикосновение, но как бы издали, глухо.

-*Яд избирательного действия, - сообщил Юйэ. - Вы можете говорить, хотя я бы вам этого не советовал.

Юйэ бросил взгляд в сторону главного коридора, снова склонился к Лето, выдернул стрелку и отбросил ее. Герцогу звук упавшей на пол стрелки показался далеким и почти неслышным.

«Невозможно! - подумал герцог;. - Он же кондиционирован!..»

- Как?.. - прошептал Лето.

- Мой герцог, мне очень жаль, но есть вещи посильнее, чем это. - Юйэ дотронулся до вытатуированного на лбу ромба. - Я, право, и сам удивляюсь, как можно обойти блок, наложенный на фебрильное сознание. Но я хочу убить человека. Да, я действительно хочу этого. И не остановлюсь ради этого ни перед чем.

Юйэ взглянул сверху вниз на герцога.

- О нет, я говорю не о вас, дорогой герцог. Речь идет о бароне Харконнене. Я хочу убить барона.

- Бар...он Хар...

- Не разговаривайте, бедный мой герцог. У вас мало времени. Я должен заменить зуб, который вставил вам после вашего падения в Нареале. Сейчас я приведу вас в бессознательное состояние и поменяю зуб.

Он раскрыл ладонь, посмотрел на какой-то предмет в ней.

- Точная копия. И сердечник идеально сформирован в виде нерва, так что обычные детекторы и даже быстрое сканирование его не обнаружат. Но когда вы с силой нажмете на этот зуб другим, оболочка треснет; после этого сразу делайте резкий, выдох - и сформируется облачко чрезвычайно

ядовитого газа...

Лето смотрел Юйэ в глаза, снизу вверх, и видел в этих глазах безумие, видел пот на лбу, подбородке.

- Вы в любом случае обречены, мой бедный герцог, - сказал Юйэ. - Но до того, как вы умрете, вы окажетесь рядом с бароном. Он будет уверен, что вы достаточно одурманены наркотиками, чтобы не попытаться напасть на негра перед смертью. И вы действительно будете одурманены - и связаны. Но нападение может иногда принимать довольно необычные формы. А вы будете помнить про зуб. Зуб, герцог Лето Атрейдес. Вы будете помнить про зуб...

Старый доктор наклонялся все ближе и ближе, пока наконец его лицо и свисающие усы не заняли целиком сужающееся поле зрения герцога.

- Зуб... - пробормотал Юйэ.

- Зачем... - шепнул Лето.

Юйэ опустился перед герцогом на колено.

- Я заключил сделку с дьяволом. Шайтаном. С бароном! И я должен удостовериться, что он выполнил свою часть договора. Когда я увижу его, я буду знать. Да, лишь только я взгляну на него - я узнаю это. Но никогда не смогу оказаться рядом с бароном, не уплатив его цену. И эта цена - вы, мой бедный герцог. И я буду, буду знать... когда увижу его. Моя бедная Уанна многому научила меня, и в том числе она научила, как распознать истину в моменты больших напряжений. Я не способен к этому всегда, правда, - но когда я увижу его, тогда я пойму.

Лето попытался опустить взгляд к искусственному зубу в руке Юйэ. Ему казалось, что он видит кошмарный сон - все это было невозможно!

Лиловые губы Юйэ дернулись в подобии усмешки.

- Мне не дадут подойти близко к барону, не то, конечно, я сам сделал бы это. Нет, меня он будет держать на безопасном расстоянии. Но вы... да! Вы - мое чудесное орудие и оружие! Вы окажетесь с ним лицом к лицу - он не упустит случая поглумиться над вами и немного похвастать!..

Мускул на левой скуле доктора подергивался, когда он говорил. Этот мускул гипнотизировал герцога. Юйэ склонился еще ближе.

- Вы, мой добрый герцог, мой бесценный герцог - вы должны все время помнить о зубе. - Он показал зуб, зажав его указательным и большим пальцами. - Потому что этот зуб - единственное, что у вас остается.

Губы Лето беззвучно шевельнулись. Потом он все-таки сумел прошептать «нет».

- Ах, нет! Вы не должны отказываться. Потому что в обмен за эту маленьющую услугу я кое-что сделаю для вас. Я спасу вашего сына и вашу женщину. Никто другой не сумеет спасти их. А я могу. Их доставят туда, где никакие Харконнены до них не доберутся.

- Как спасешь?.. - выдохнул Лето.

- Я сделаю так, что их сочтут мертвыми, и переправлю их к людям, которые хватаются за нож при одном имени Харконненов, которые так ненавидят Харконненов, что сожгли бы стул, на который садился Харконнен, и засыпали бы солью землю, по которой ступала нога Харконнена... - Юйэ потрогал подбородок и скулы герцога. - Ваша челюсть уже потеряла чувствительность?

Герцог обнаружил, что не может ответить.. Он ощущал слабый, далекий рывок и увидел руку Юйэ, держащую перстень с герцогской печаткой.

- Это для Пауля, - объяснил доктор. - А вы сейчас потеряете сознание. Прощайте, мой бедный герцог. При нашей следующей встрече у нас не будет времени для беседы.

Прохладное онемение расходилось от челюсти, по щекам... Полутемный коридор сжался в точку - последними исчезли лиловые губы Юйэ.

- Помните о зубе! - прошипел Юйэ. - О зубе!

Глава 19

Должна была бы существовать наука о недовольстве. Ибо людям нужны трудные времена, тяготы и угнетение, чтобы развивались их душевные силы.

(Из сборника «Избранные изречения Муад'Диба», сост. принцессы Ирулан)

Джессика проснулась в темноте, ощущая, как тяжелое предчувствие наполняет мертвую тишину вокруг. Она не могла понять, отчего ее мозг и тело так вялы и тяжелы. По нервам пробежала слабая дрожь страха. Джессика хотела сесть и включить свет, но что-то ее остановило. У нее во рту был... странный привкус.

Умп-умп-умп...

Глухой звук, направление которого в темноте понять было невозможно.

Минута ожидания была переполнена тянущимся временем, острыми шуршащими движениями.

Теперь она начала ощущать свое тело. Почувствовала путы на запястьях и лодыжках. Кляп во рту. Она лежала на боку, с руками, связанными за спиной. Она слегка пошевелила руками, пробуя пуги, поняла, что это – кримскелловое волокно, которое будет только сильнее врезаться в тело от рывков.

И тогда она вспомнила.

Какое-то движение в темной спальне; Что-то мокрое, едко пахнущее прижалось к лицу, забило рот. Руки, схватившие ее. Она непроизвольно вдохнула – лишь один вдох, но она ощутила наркотик в мягкой влажности. Сознание стало покидать ее, и Джессика соскользнула в черную пустоту страха...

«Вот и случилось, – подумала она. – Как оказалось просто» одолеть сестру Бене Гессерит. Все, что было нужно для этого, – предательство, Хават был прав!.. – Она

заставила себя не дергать пуги. – Это не моя спальня, – поняла она. – Меня перенесли куда-то».

Постепенно ей удалось вернуть себе внутреннее спокойствие.

Она почувствовала застоявшийся запах своего пота, в котором слышались химические нотки страха.

«Где же Пауль? – думала она. – Что они сделали с моим сыном?»

Надо сохранять спокойствие.

Она все же смогла сдержаться, прочитав про себя древние формулы.

Но страх продолжал висеть рядом с ней.

«Лето, где ты, Лето?»

Мрак словно шевельнулся, отступая. В нем появились тени. Она напрягла внимание. Белая линия. Под дверью.

«Значит, я на полу».

Джессика оттолкнула от себя воспоминание о пережитом ужасе. «Я должна оставаться спокойной, внимательной и быть наготове. Другого шанса может не представиться». Она снова проделала ритуал внутреннего успокоения.

Неровное биение сердца успокоилось, теперь Джессика могла отсчитывать время. Она прикинула – получалось, она пролежала в беспамятстве около часа. Закрыв глаза, Джессика сфокусировала внимание на приближающихся шагах.

Шли четверо. Джессика отмечала различия в походке.

«Надо притвориться, что я все еще без сознания», – подумала она, расслабила мышцы, ощущая холод каменного пола. Проверила готовность тела, затем услышала, как открывается дверь, увидела сквозь закрытые веки свет.

Шаги приблизились. Кто-то стоял над ней.

– Вы уже пришли в себя, – прогудел густой бас. – Не надо притворяться.

Она открыла глаза.

Над ней возвышался барон Владимир Харконнен. Теперь она смогла разглядеть и комнату, Это была та подвальная комната, где оборудовали спальню для Пауля. Она увидела и его походную койку – пустую. Свет исходил от плавающих ламп, принесенных охранниками барона, вставшими у дверей. Коридор был освещен так ярко, что Джессика не могла смотреть в сторону двери.

Она подняла взгляд на барона. Выпуклости под желтым плащом выдавали портативные силовые генераторы, поддерживавшие могучую тушу; ангельски розовели жирные щеки под черными паучими глазками.

- Доза наркотика точно рассчитана, – пророкотал он. – Мы с точностью до минуты знали, когда вы очнетесь.

«Но как это было возможно? – подумала Джессика. – Для этого они должны были знать мой точный вес, мой метаболизм, мою... Юйэ!»

- Как жаль, что нельзя освободить вас от кляпа, – заметил барон. – У нас могла бы состояться очень интересная беседа.

«Кроме Юйэ – некому, – думала она. – Но как это может быть?!»

Барон, полуобернувшись, бросил в коридор:

- Питер, войди.

Раньше Джессика никогда не видела человека, вошедшего и вставшего рядом с бароном. Но она узнала его лицо, узнала и самого человека. Это был Питер де Брие, ментат-асассин. Теперь она изучала его: ястребиные черты, сплошь синие глаза, судя по которым он мог бы быть уроженцем Арракиса, однако движения, поза – в мельчайших деталях, заметных внимательному взгляду, сказали Джессике, что это не так. К тому же его тело было слишком уж хорошо напитано водой. Высокий, худой, несколько женоподобный.

- Да, жаль, жаль, дорогая леди Джессика, что мы не можем побеседовать, – продолжал меж тем барон. – Но я знаю, на что вы способны. – Он глянул на своего ментата. – Верно, Питер?

- Да, мой барон, – отозвался тот.

У него оказался тенор. Тенор, от звука которого по спине пробегал холодок. Раньше Джессике не приходилось слышать такой морозящий голос. Для всякого, обученного приемам Бене Гессерит, этот голос звучал точно крик: убийца!

- А знаете, у меня для Питера есть небольшой сюрприз, – сообщил барон. – Он-то полагает, что явился сюда, чтобы забрать свою награду, свой трофей. То есть вас, леди. Однако я собираюсь продемонстрировать, что на самом деле вы ему не нужны.

- Вам угодно играть со мной, барон? – спросил Питер. И улыбнулся.

Джессика изумилась, что при виде этой улыбки барон не схватился за оружие и не отрыгнулся от этого Питера. Хотя, поправила она себя, барон не мог прочесть эту улыбку; у него не было нужных для этого навыков.

- Питер во многом наивен, – сказал барон. – Вот, к примеру, он не желает понять, насколько вы опасны, леди Джессика. Я бы продемонстрировал ему это – но к чему бессмысленный риск? – Барон улыбнулся Питеру, чье лицо превратилось в неподвижную маску ожидания. – Я же знаю, чего хочет мой Питер на самом деле! А Питер хочет власти.

- Вы обещали мне ее, – проговорил Питер. – Женщину. – Его голос утратил какую-то часть своего ледяного спокойствия.

Джессика, слыша заметные здесь только ей угрожающие нотки в голосе Питера, внутренне содрогнулась. Как сумел барон превратить ментата в животное, в такое чудовище?

- Но я предлагаю тебе выбор, Питер, – сказал барон.

- Что за выбор?

Барон прищёлкнул толстыми пальцами.

- Либо эта женщина и изгнание из пределов Империи – либо принадлежавшее Атрейдесам герцогство Арракийское, которым ты будешь править от моего имени по своему усмотрению.

Джессика видела, как паучьи глазки изучают Питера.

- Ты можешь быть герцогом здесь, Питер, - сказал барон. - Во всем, кроме только титула.

. "Значит, Лето - мой Лето - мертв?" - спросила себя Джессика, чувствуя, как откуда-то из глубины поднимается безмолвный крик.

Барон не сводил взгляда с ментата.

- Ты должен понять, чего хочешь, Питер. Ты хочешь ее потому лишь, что она была женщиной герцога. Символом его власти - прекрасной, полезной, великолепно тренированной для своей роли. Но - герцогство, Питер! Целое герцогство! Это куда больше, чем символ. Это уже реальность. Реальность, которая может дать тебе много женщина... и куда больше того.

- Вы не смеетесь над Питером?

Барон развернулся к нему с той легкостью, которую давала ему силовая портупея.

- Смеюсь? Я? Не забудь, что я отказался от мальчишки. Или ты забыл, что рассказал изменник о подготовке этого парня? Они оба, и мать и сын, смертельно опасны. - Барон улыбнулся. - А сейчас я должен идти. Я пришлю стражника, которого оставил пока в коридоре: Он глух, как камень. Ему приказано сопровождать вас двоих на/первом этапе твоего изгнания. Если он увидит, что эта женщина начинает подчинять тебя, берет над тобой контроль, - он приведет ее к покорности. Он не позволит тебе вынуть ее кляп до тех пор, пока вы не покинете Арракис. Если же ты сделаешь другой выбор... тогда и его приказ меняется.

- Не нужно его звать, - сказал Питер. - Я уже выбрал.

- Ах-хах!.. - фыркнул барон. - Такой скорый выбор может означать лишь одно.

- Я беру герцогство, - объявил Питер.

Джессика подумала: неужели он не понимает, что барон обманывает его?! Хотя - как ему понять? Ведь он - порченый ментат! Разум его извращен...

Барон взглянул вниз, на Джессику.

- Разве не чудесно, что я так хорошо знаю Питера? Я побился об заклад со своим начальником вооружений, что Питер сделает именно такой выбор. Ха! Ну что ж. Я ухожу. Так будет лучше. Да, гораздо лучше. Надеюсь, вы меня понимаете, леди Джессика. Ненависти к вам у меня нет. То, что я делаю, - я делаю по необходимости. Так будет лучше. Да. Потом, собственно, я ведь не приказывал уничтожить вас. Когда меня спросят о том, что случилось с вами, я смогу вполне искренне пожать плечами».

- Значит, вы оставляете эту работу мне? - спросил Питер.

- Стражник, которого я пришлю, выполнит твои приказы... - ответил барон. - Что бы ни случилось, это будет на тебе. - Он уставился в глаза Питеру. - Да. На моих руках крови не будет. Да. Я ничего не знаю. Ты подождешь, пока я уйду, и только потом сделаешь то, что должен. Да. Ну... а, да. Да. Так лучше.

«Он боится допроса Правдовидицей, - догадалась Джессика. - Но - кого именно? Ах да, разумеется! Преподобная Мать Гайя-Елена! А раз он знает, что ему придется предстать перед ней, значит... значит, Император наверняка замешан в это дело. Бедный Лето!..»

Последний раз взглянув на Джессику, барон повернулся и вышел. Она проводила его взглядом, думая: «Да, Преподобная была права. Враг оказался слишком силен, как она и предупреждала».

Вошли двое стражников в харконненских мундирах. За ними следовал третий, лицо -, маска из сплошных шрамов. Он остановился в дверях, держа наготове лучемет.

«Это и есть глухой,, - поняла Джессика, разглядывая изрезанное лицо. - Барон понимает, что против всякого другого я могу использовать Голос».

«Резаный», как назвала его про себя Джессика, посмотрел на Питера.

- Мальчишка снаружи, на носилках, - сообщил он. - Какие будут приказания?

Питер обратился к Джессике:

- Я хотел связать вас угрозой для жизни вашего сына... но теперь вижу, что это не сработало бы. Я дал было чувствам затмить разум - для ментата это скверная политика! - Он посмотрел на первую

пару солдат, повернулся лицом к глухому, чтобы тот мог читать по губам: - Отвезите их в Пустыню, как советовал поступить с мальчишкой изменник. Он недурно придумал. Их тела никто не должен найти.

- Вы сами не хотите убить их? - переспросил Резаный. («Он читает по губам», - подумала Джессика.)

- Я следую примеру барона, - ответил Питер. - Итак, доставьте их туда, куда предложил изменник.

В голосе Питера Джессика услышала нотки ментат-контроля. «И он тоже боится встречи с Правдовидицей», - подумала она.

Питер пожал плечами, повернулся и вышел. На пороге он мгновение помедлил, и Джессика подумала было, сейчас он обернется - бросить на нее последний взгляд. Но он вышел не оглядываясь.

- Что до меня, то и я не хотел бы встретиться с Правдовидицей после нынешней работы, - пробурчал Резаный.

- Да ты-то вряд ли когда столкнешься с этой старой ведьмой, - успокоил один из стражников. Он подошел к голове Джессики, склонился над ней. - Ну что; если трепаться тут, так мы никогда дело и не сделаем. Берись за ноги, и...

- Так, может, кончить их прямо тут? - предложил Резаный.

- Пачкаться... - возразил первый стражник. - Разве что ты хочешь придушить их. Я-то предпочитаю делать дело как велено, по-простому. Свезем их в Пустыню, как изменник говорит, там резанем, подманим червя... И следов не останется.

- Ну, пожалуй... да, пожалуй, ты прав, - согласился Резаный.

Джессика наблюдала за ними, отмечая необходимое. Но кляп не позволял ей использовать Голос - к тому же не следовало забывать о глухом.

Резаный сунул бластер в кобуру, взял ее за ноги. Они подняли ее, как мешок с зерном, вынесли из комнаты и бросили на висящие в силовом поле носилки рядом с еще одним связанным человеком. Укладывая Джессику, они повернули ее набок, и в десяти сантиметрах от своего лица она увидала лицо сына. Пауль был связан, но кляпа у него во рту не было. Его глаза были закрыты, он ровно дышал. Усыплен?

Стражники подхватили носилки, и веки Пауля слегка приподнялись - темные щелки внимательно смотрели в ее лицо.

«Он не должен пытаться использовать Голос! - испугалась она. - Глухой!»

Пауль закрыл глаза.

Он незаметно для окружающих выполнял дыхательные упражнения сосредоточения, успокаивая свое сознание и внимательно прислушиваясь к пленителям. Да, глухой стражник представлял собой проблему, но Пауль ничем не выдавал охватившее его отчаяние. Успокаивающий Бене-Гессеритский ритуал, которому мать его научила, помогал Паулю сохранять готовность, чтобы использовать любой шанс.

Пауль рискнул еще раз слегка приоткрыть глаза и посмотреть на мать. Кажется, вреда ей пока не причинили - если не считать кляпа во рту.

Кто, интересно, сумел схватить ее? С ним самим все ясно - он лег, приняв данную доктором Юйэ капсулу, и

проснулся уже связанный, на носилках. Возможно, с ней случилось нечто подобное. Если следовать логике, предателем должен был быть Юйэ, но пока он решил не спешить с окончательным суждением: в голове просто не укладывалось, что сукксий доктор может оказаться предателем.

Носилки слегка накренились - харконненские стражники выводили их сквозь двери дома в освещенную, звездами ночь; один из силовых генераторов зацепился за косяк. Вот они пошли по песку - слышно было, как он шуршит под ногами. Над головой, заслоняя звезды, нависла тень - . крыло орнитоптера. Носилки опустились на землю.

Глаза Пауля привыкли наконец к темноте, и он увидел, как глухой стражник открывает дверцу кабины и заглядывает внутрь. На его лицо падал зеленоватый от свет от приборной панели.

- Так что, нам этот топтер брат? - спросил он и обернулся, чтобы видеть губы второго.

- Изменник говорил, что именно он оборудован специально для работы в пустыне, - последовал ответ.

Резаный кивнул:

- Ладно, только ж это - штабная машина связи. Там, как этих, двоих сунем, места будет только разве еще для двоих. .

- Двоих хватит, - отозвался «го собеседник, подставляя лицо слабому свету приборов, чтобы хорошо читались движения губ. - Мы теперь и сами о них позаботимся, Кайнэт.

- Барон мне велел удостовериться во всем лично, - возразил Резаный.

- А чего ты беспокоишься? - спросил стражник, стоявший по другую сторону носилок. - Все будет нормально.

- Она - Бене-Гессеритская ведьма, - объяснил глухой. - Она опасна.

- А-а... - Стражник суеверно поднес кулак к уху. - Из этих, значит?.. Ясно.

Второй стражник фыркнул:

- Так что с того? Мы ж ее скормим червям. А я не думаю, чтоб даже Бене-Гессеритская ведьма имела власть над песчаными червями! А, Циго? - Он подтолкнул приятеля локтем.

- Угу, - буркнул тот. Он вернулся к носилкам, взялся за плечи Джессики. - Давай, Кайнэт. Хочешь посмотреть, чего с ними будет, - можешь лететь с нами.

- Как мило, Циго, что ты меня пригласил, - съязвил Резаный.

Джессика почувствовала, что ее поднимают. Тень от крыла над ней повернулась, открывая звезды. Ее засунули на заднее сиденье, проверили кримскелловые путы и привязали к сидению. Пауля бросили рядом, его тоже прикутили к спинке - и Джессика заметила, что сына связали обыкновенной веревкой.

Глухой Резаный, которого называли Кайнэт, уселся впереди. Стражник по имени Циго обошел орнитоптер и вскарабкался на другое переднее сиденье.

Кайнэт захлопнул дверцу, склонился к приборам. Орнитоптер упруго взмахнул крыльями, взлетел и направился к югу, за Барьерную Стену.

Циго похлопал напарника по плечу:

- Слушай, ты бы обернулся', приглядев за .этими...

- А ты знаешь, куда лететь? - спросил Кайнэт, читая слова по губам.

- Мы же вместе слушали, что советовал изменник.

Кайнэт развернул свое кресло. Джессика увидела слабый отблеск звезд на лучемете в его руке. Постепенно ее глаза привыкли -казалось, светлая внутренняя обшивка салона слабо флуоресцирует, - но покрытое шрамами лицо оставалось в тени. Джессика пошевелилась, чтобы попробовать ремни кресла, - оказалось, они затянуты не слишком туго. У правой руки она ощутила какую-то шероховатость - и поняла, что ремень разрезан почти до конца и лопнет от резкого рывка.

«Значит, кто-то подготовил орнитоптер для нас? - подумала она. - Но кто?»

Она медленно отодвинула свои связанные ноги от ног Пауля.

- А ведь жаль так вот просто взять и прикончить такую красотку, - заметил Резаный, - У тебя, скажем, были когда-нибудь бабенки из высокородных? - Он повернулся к пилоту.

- Бене Гессерит вовсе не все из высокородных, - ответил тот.

- Но выглядят все сплошь как аристократки.

«Ему меня достаточно хорошо видно», - подумала Джессика. Она подтянула связанные ноги на сиденье и свернулась в клубочек изящно изломанных линий, посмотрела Резаному в глаза.

- Ну разве не хороша, а? - причмокнул. Кайнэт и облизнул губы. -.Нет, как хочешь, а это прямое транжиество. - Он посмотрел на Циго.

- Ты думаешь о том, о чем, как я думаю, ты думаешь? - усмехнулся пилот.

- Так а кто узнает? - сказал глухой. - Потом, после этого, конечно... - Он пожал плечами. - У меня аристократок еще не было. И вряд ли такой шансец еще когда выскочит. А?

- Только посмей коснуться моей матери, ты... - процедил Пауль сквозь зубы, яростно глядя на Резаного.

-Ха! - загоготал пилот. - А щенок, оказывается, может гавкать! Ну, зато кусаться ему сейчас несподручно.

Джессика же подумала: Пауль использовал слишком высокий тон. Но, может быть, это все же сработает.

Дальше они летели в молчании.

«Несчастные глупцы, - думала Джессика, изучающе разглядывая стражников и припоминая слова барона. - Их убьют, едва только они доложат, что задание выполнено. Барону не нужны свидетели».

Орнитоптер накренился, выполняя поворот над южным гребнем Барьерной Стены, и Джессика увидела внизу бескрайние пески, освещенные луной.

- Хватит, пожалуй, - сказал пилот. - Изменник советовал оставить их где-нибудь на песке поблизости от Барьерной Стены, в любом месте. - Он направил машину по пологой дуге вниз, к дюнам, остановил в воздухе над самой поверхностью песка.

- Джессика увидела, что Пауль начал ритмически дышать - опять успокаивающее упражнение. Он закрыл глаза и снова открыл. Джессика глядела на него - помочь ему она не могла. Он еще не полностью овладел искусством Голоса, и если ему не удастся...

Орнитоптер, мягко качнувшись, опустился на песок.

Джессика оглянулась назад, на север, где возвышалась Барьерная Стена, и увидела, как над ней мелькнули крылья.

«Кто-то летит следом за нами! - поняла она. - Но кто?.. - Мгновение спустя она поняла: - Конечно, это люди барона, которых он послал следить за этими двоими. И уж конечно, кто-нибудь следит и за шпионами!..»

Циго выключил роторы крыльев. Сразу же обрушилась тишина.

Джессика повернула голову. В окне за плечом Резаного она увидела тусклый свет встающей луны, стеклистые скалы, поднимающиеся из песка. Их испещрили проеденные песком борозды.

Пауль откашлялся.

- Ну что, Каинет, давай? - спросил пилот.

- Даже не знаю, Циго. Циго повернулся:

- Да ты только взгляни!

Он потянулся к юбке Джессики.

- Вынь у нее кляп!

Джессика услышала, как прокатились в воздухе эти слова. Тон, тембр абсолютно правильны - резкие, повелительные. Может быть, тон мог быть чуточку ниже - но все равно должен был совпасть с психоспектром стражника.

Рука Циго дернулась к повязке на рту Джессики и потянула узел.

- Прекрати! - крикнул Каинет.

- А, да заткнись ты, - отмахнулся Циго. - Руки-то у нее связаны. - Он развязал наконец узел, и повязка упала. Блестя глазами, он разглядывал Джессику.

Каинет положил руку на плечо пилота:

- Слушай, Циго, незачем;..

Джессика повернула голову, вытолкнула языком кляп. Она заговорила низким, глубоким голосом, в котором проскальзывали многообещающие нотки:

- Господа, вовсе незачем драться из-за меня! Одновременно она плавно подвинулась в сторону

Кайнета.

Стражники напряглись – Джессика увидела, что оба чувствовали необходимость именно драться за нее. Иных резонов для драки, собственно, и не требовалось. Они уже дрались, мысленно.

Она старалась держать лицо как можно выше, в слабом свете приборной доски – чтобы Каинет мог читать по губам:

- Не нужно спорить.

Они еще дальше отодвинулись друг от друга, бросая осторожные взгляды.

- Стоит ли драки хоть одна женщина?

То, как она произнесла эти слова, – само ее присутствие! – окончательно убеждали в том, что уж кто-кто, а она-то безусловно стоит драки*.

Пауль сжал губы, заставил себя лежать молча. У него был только один шанс воспользоваться Голосом. Теперь все зависело от матери, чей опыт был настолько больше...

- Ну да, – пробормотал Резаный. – Вовсе незачем драться...

Его руки дернулись к горлу пилота. Но его удар наткнулся на сверкнувшую сталь, остановившую руку Кайнета и вонзившуюся в его грудь, завершая движение.

Резаный застонал и, пошатнувшись, упал, ударившись о дверцу кабины.

- За кого он меня держал, раз думал, что я не знаю такого трюка? – Циго выдернул из тела нож, сверкнувший в лунном свете.

- А теперь разберемся со щенком, – сказал он, склоняясь над Паулем.

- Это лишнее, – пробормотала Джессика. Циго остановился.

- Разве не лучше, чтобы я делала все добровольно? – спросила она, улыбаясь. – Дай мальчику шанс. Совсем маленький, какой может у него быть в Пустыне, там... Дай ему этот шанс, и... – она улыбнулась, – ты будешь очень хорошо вознагражден.

Циго посмотрел по сторонам, снова повернулся к Джессике.

- Я слышал, что бывает с человеком в этой пустыне, – буркнул он. – Нож для мальчика – это почти что милость.

- Разве я прошу о многом? – умоляюще сказала Джессика.

- Ты меня хочешь обмануть, – пробормотал Циго.

- Я не хочу видеть смерть своего сына, – сказала Джессика. – Где же тут обман?

Циго просунулся назад, оперся локтем о ручку дверцы, схватил Пауля и, протащив по сиденью, наполовину вытянул его из салона. Поднял нож.

- Ну, волчонок, что ты сделаешь, если я разрежу твои веревки?

- Он немедленно уйдет отсюда вон в те скалы, – ответила за сына Джессика.

- Ты это сделаешь, парень? – переспросил Циго. Голос Пауля был в должной мере мрачным:

- Да.

Нож опустился, рассек пути на ногах. Пауль почувствовал, как рука Циго легла ему на спину – вытолкнуть на песок, – притворился, будто его шатает, упал плечом на раму дверцы, развернулся – как будто для того, чтобы удержаться от падения, – и изо всех сил ударил правой ногой.

Движение носка ноги было нацелено с точностью, достойной всех лет его долгих тренировок. Словно все эти тренировки сосредоточились в единственном миге. В момент удара сработали почти все мышцы тела. Носок врезался в мягкое подреберье Циго, с ужасающей силой пробил печень, диафрагму и закончил движение, ударив и порвав правый желудочек сердца...

Издав захлебывающийся вскрик, стражник опрокинулса на сиденье. Пауль не мог использовать руки – он упал на песок, перекатился через голову и вскочил на ноги, использовав импульс падения. Снова нырнул в кабину, схватил зубами нож и держал, пока мать перепиливала свои пути на руках. Затем она взяла у него нож и освободила его руки.

- Я могла бы справиться и сама, - сказала она. - Ему бы пришлось освободить меня. А это был неразумный риск.

- Я увидел шанс и воспользовался им, - ответил он. Она услышала оставшиеся в его голосе нотки контроля, сказала:

- На потолке кабине нарисован родовой знак Юйэ. Он поднял голову и тоже разглядел завитушку.

- Выйди из орнитоптера и осмотри его, - велела она. - Под сиденьем пилота что-то лежит, я почувствовала, когда нас вносили в машину.

- Бомба?

- Вряд ли. Тут что-то странное.

Пауль выпрыгнул на песок, Джессика - за ним. Она повернулась, вытащила из-под сиденья сверток. При этом ноги Циго оказались у самого ее лица, а на свертке они ощутила влагу и поняла, что это - кровь пилота.

Напрасная потеря влаги, подосадовала она, поняв затем, что думает как аракийка.

Пауль огляделся вокруг, увидел скалу, поднимающуюся из песка, как берег из воды, изрезанные ветром каменные барьеры за этим «берегом». Оглянулся -' мать достала из орнитоптера сверток и застыла, вглядываясь в сторону Барьера Стены.

Проследив ее взгляд, он увидел еще один орнитоптер, спускающийся к ним по крутой дуге. Понял, что они просто не успеют выкинуть тела из машины и взлететь. - Пауль, беги! - крикнула Джессика». - Это Харконнены!

Глава 20

Арракис учит "пониманию ножа", учит относиться к жизни так: отрезать все несовершенное и незавершенное, говоря: «Бот теперь это совершенно и завершено - ибо кончается здесь».

(Принцесса Ирулан, «Избранные изречения Муад'Диба»)

Человек в харконненском мундире, бежавший по коридору, резко остановился и уставился на Юйэ. Он сразу увидел и мертвое тело Мэйпса, и бесчувственное тело герцога, и неподвижно стоящего Юйэ. В правой руке человека был лучемет. Его окружала аура какой-то будничной жестокости, силы и странной спокойной уравновешенности, от которой по телу Юйэ прошла дрожь.

Да это же сардаукар, понял Юйэ. И, судя по виду, не менее чем башар. Скорее всего из личных гвардейцев

Императора, присланных им для наблюдения за ходом событий. Он может надеть любую форму, но сардаукар есть сардаукар, этого не скроешь.

- Ты - Юйэ, - утвердительно сказал переодетый сардаукар. Он с любопытством рассматривал кольцо Сукской Школы, перехватившее волосы доктора, вытатуированный ромб на его лбу. Затем он посмотрел Юйэ в глаза.

- Да, я Юйэ, - признал доктор.

- Ты можешь быть теперь спокоен. Как только ты выключил силовые экраны, мы вошли внутрь. Мы полностью контролируем ситуацию. Это герцог?

- Да, это герцог.

- Он мертв?

- Только без сознания. Лучше вам его связать.

- Ты лечил и этих, прочих? - Он взглянул на тело Мэйпса.

- Увы, да... - пробормотал Юйэ.

- Увы?! - ухмыльнулся сардаукар. Он подошел, взглянул на Лето. - Так, стало быть, это и есть знаменитый Красный герцог?..

«Если бы я еще сомневался, кто он, - мелькнуло в голове у Юйэ, - эти слова рассеяли бы все сомнения. Только Император зовет Атрейдесов Красными герцогами».

Сардаукар нагнулся, срезал с мундира герцога эмблему с красным ястребом.

- Небольшой сувенир, - заявил он.

- А где перстень с герцогской печатью?

- У него ее нет, - ответил Юйэ.

- Сам вижу! - рявкнул сардаукар. Юйэ напрягся, сглотнул.

«Если они нажмут на меня - допросят с помощью Правдовидицы, - они узнают все про кольцо... про подготовленный мною топтер... все пойдет прахом!»

- Герцог давал иногда свой перстень доверенному курьеру, в знак того, что приказ исходит от него самого, - осторожно соврал Юйэ.

- Видно, это были действительно очень доверенные курьеры, - пробормотал сардаукар себе под нос.

- Так вы его свяжете? - отважился напомнить Юйэ.

- А сколько он еще провалится?

- Около двух часов. Я не мог так точно рассчитать его дозу, как сделал это для женщины и мальчика.

Сардаукар ткнул герцога ногой:

- Этого не стоило бояться, даже когда он был в сознании. А когда очнется женщина и парень?

- Минут через десять.
 - Так скоро?
 - Мне сказали, что барон прибудет сразу вслед за своими людьми,
 - Правильно сказали. А ты, Юйэ, подождешь снаружи. - Он холодно взглянул на Юйэ. - Ступай!
- Юйэ взглянул на Лето:
- А как быть с...
 - Его перевяжут хорошенъко, как цыпленка для жаренъя, и доставят к барону, - Сардаукар снова посмотрел на черный ромб на лбу доктора. - Тебя тут все узнают: ты будешь в безопасности здесь. Ну все, предатель. Довольно болтать, у нас нет времени. Вон сюда уже идут наши.

«Предатель», - подумал Юйэ. Он опустил взгляд, прошел мимо сардаукара. Вот так история и запомнит его: Юйэ, предатель.

По дороге к выходу из дома он еще несколько раз натыкался на трупы и всякий раз останавливался, взглядываясь и боясь узнать Пауля или Джессику. Но это все были солдаты в форме Дома Атрейдес или Харконнен.

Он вышел из парадных дверей в полыхающую пожаром ночь.

Харконненские охранники взяли оружие на изготовку, разглядывая Юйэ. Они зажгли пальмы вдоль дороги, чтобы осветить дом. Из оранжевых языков пламени поднимались черные клубы дыма от горючей жидкости, которой облили стволы пальм.

- А, да это предатель! - сказал кто-то.
- Барон скоро наверняка захочет полюбоваться на тебя, - бросил кто-то еще.

«Мне надо пойти к орнитоптеру, - думал Юйэ. - Я должен спрятать перстень с печатью там, где Пауль найдет его».

Тут он испугался: Если Айдахо подозревает меня или если потеряет терпение - если он не дождется, если его

не будет в нужном месте, Джессика и Пауль погибнут. И не будет у меня даже малейшего утешения!»

Харконненский охранник отпустил его руку, велел:

- Поди встань вот там, подожди. Не путайся под ногами.

Юйэ вдруг увидел себя со стороны: вышвырнут, отброшен, стоит он посреди разрушения - ему не оставили ничего, и даже капли жалости нет для него.

Айдахо обязательно должен сделать все как надо, ему нельзя потерпеть неудачу!..

Еще один охранник налетел на него, рявкнул:

- С дороги, ты!..

«Даже выиграв с моей помощью, они презирают меня!» - подумал Юйэ. Его оттолкнули, он выпрямился, пытаясь сохранить хоть часть достоинства.

- Жди барона! - прорычал командир стражников.

Юйэ кивнул, побрел вдоль фасада с тщательно сыгранной ненарочитостью. Свернул за угол, куда не падал свет полыхающих пальм. Затем быстро - каждый шаг выдавал его волнение - он бросился на задний двор, где под блоком «влажной оранжереи» ждал орнитоптер. Его поставили туда, чтобы вывезти пленных Пауля и его мать.

У распахнутых задних дверей дома дежурил охранник. Но он смотрел внутрь, в освещенный зал, где солдаты с грохотом переворачивали все вверх дном.

Как они уверены в себе!

Скрываясь в тенях, Юйэ обошел орнитоптер осторожно открыл дверцу на противоположной от стражника стороне машины. Под передними сиденьями он нашупал спрятанный им там ранее фримпакет. Приоткрыл клапан упаковки, сунул внутрь герцогский перстень. Под его рукой

прошуршал лист меланжевой бумаги – его записка; втиснул перстень в сложенный лист. Убрал руку, застегнул пакет.

Юйэ беззвучно прикрыл дверцу, подкрался обратно, к углу дома, и опять к главному входу, где пылали пальмы.

«Дело сделано», – подумал он.

Выходя в свет горящих деревьев, запахнул плотнее плащ и уставился в огонь.

«Скоро я все узнаю. Скоро я увижу барона и все узнаю. А барон... на барона у меня есть зуб. Маленький зуб против барона...»

Глава 21

Существует легенда: в миг смерти герцога Лето Атрейдеса небеса над родовым его замкам на Каладане прочертил метеор...

(Принцесса Ирулан, «Введение в историю Муад'Диба для детей»)

Барон Владимир Харконнен стоял у большого обзорного иллюминатора в рубке лихтера, где он устроил командный пост. За стеклом полыхала пожаром ночь над Арракином. Барон внимательно смотрел в даль, где возвышалась Барьерная Стена. Там делало свое дело его секретное оружие. – Ствольная артиллерия.

Пушки били по пещерам, куда отошли люди герцога, чтобы принять последний бой. Размеренно вспыхивало рыжее пламя, и в этих коротких вспышках – столбы камня и песка. Верных герцогу солдат заживо хоронили там – им предстояло умереть от голода, словно пойманным в своей норе животным.

Барон явственно ощущал, как вздрагивает там, вдали, земля. Ритмическая дрожь передавалась ему сквозь металл корабля: брумм... брумм.. Потом: БРУММ – брумм!

«Ну кто еще додумался бы вспомнить об артиллерию в наши дни силовых щитов? – мысленно усмехнулся он. – Но можно было догадаться, что они побегут в эти пещеры. Право, Император оценит сообразительность, с которой я сохранил жизни его и моих бойцов...»

Он подрегулировал один из небольших генераторов, поддерживавших его жирное тело. Его губы растянулись в улыбке, отчего многочисленные подбородки вздернулись.

«Жаль терять таких бойцов, как люди герцога, – подумал барон и улыбнулся еще шире, посмеиваясь над собой. – Но жаль должна быть жестокой!»

Он кивнул сам себе. Поражение по определению означает безвозвратные потери. Перед человеком, способным принимать правильные решения, лежала вся вселенная.

А неуверенных в себе кроликов надо было найти и загнать в норы – как иначе контролировать и разводить их? Барон представил себе своих солдат как пчел, атакующих кроликов.

«Медовым звоном гудит день, когда на тебя трудится довольно работающих пчел», – подумал он.

Позади открылась дверь. Барон рассмотрел отражение в темном стекле иллюминатора, прежде чем обернуться.

Вошел Питер де Врийе, за ним следовал Умман Куду. Начальник личной гвардии барона. За дверью сутились люди, виднелись барабаны лица стражников. В его присутствии они старательно напускали на себя такой тупой вид.

Барон обернулся.

Питер тронул указательным пальцем спадавшую на лоб прядь в обычном своем насмешливом салюте.

– Славные новости, милорд! Сардаукары доставили к нам герцога!

– Само собой, – отозвался барон своим гулким басом. Он разглядывал мрачное, злодейское выражение на

женоподобном лице своего ментата. И глаза – затененные щелочки сплошной синевы.

«Скоро мне придется отделаться от него, – подумал барон. – Он почти уже пережил свою полезность. Почти уже достиг момента, когда он станет опасен для меня. Однако прежде необходимо сделать так, чтобы народ Арракиса возненавидел его. Ну а потом – потом они будут приветствовать моего Фейд-Рауту как своего спасителя».

Барон перевел взгляд на начальника своей гвардии – Уммана Куду. Острые скулы, подбородок словно туфля. Человек, которому барон мог доверять, ибо хорошо знал все его пороки.

– Прежде всего где изменник, выдавший мне герцога? – спросил барон. – Надо бы его наградить.

Питер изящно повернулся на носке, махнул стражнику снаружи.

Там задвигались темные силуэты. Вошел Юйэ. Его движения были скованы и вялы. Усы уныло свисали с красно-лиловых губ. Лишь старые глаза выглядели живыми.

Пройдя три шага, Юйэ по знаку Питера остановился, глядя через помещение на барона.

- А-ахх, вот и наш доктор Юйэ. Приветствую!

- Мое почтение, милорд барон...

- Мне сказали, вы все-таки подарили нам герцога.

- Я выполнил свою часть соглашения, милорд. Барон взглянул на Питера. Тот кивнул.

Барон вновь посмотрел на Юйэ.

- Стало быть, придерживаемся буквы договора, э? А я... - Он словно выплюнул: - Что я должен был сделать в ответ?

- Вы сами помните что, милорд Харконнен.

Теперь Юйэ позволил себе думать. В его голове оглушительно отдавалось беззвучное тиканье часов. Он уже видел еле заметные знаки, выдававшие барона. Да, Уанна была мертва - и эти негодяи ничего не могли уже ей сделать. И это хорошо - иначе у них по-прежнему была бы узда для него. Поведение же барона указывало на то, что эта узда исчезла...

- Вы полагаете, я должен это помнить?

- Вы обещали освободить от страданий мою Уанну. Барон покивал:

- Ах да. В самом деле. Теперь я вспомнил. Действительно, я обещал это. Собственно, именно так и удалось нам обойти имперское кондиционирование. Помнится, вы не могли вынести вида этой вашей Бене-Гессеритской ведьмы, корчащейся в болеусилителях Питера. Н-ну что же - барон Владимир Харконнен всегда держит свое слово. Я обещал, что избавлю ее от мучений и позволю тебе соединиться с ней. Да будет так! - Он махнул Питеру.

Синие глаза Питера остекленели. Его движение было совсем кошачьим - внезапным и плавным. Когтем сверкнул нож, вонзаясь в спину Юйэ.

Старик замер, вытянулся, не отрывая взгляда от лица барона.

- Вот ты и присоединишься к ней! - крикнул барон. Юйэ стоял пошатываясь. Губы его шевельнулись; он говорил очень четко и словно бы нараспев:

- Ты... думал... ты... по... бе... дил.., меня... Ты... ду... мал, я... не... знал, что... я... купил... для...
своей... Уанны.

Он упал. Не склонился, не обмяк, не осел. Упал, как падает срубленное дерево.

- Так присоединись к ней! - повторил барон. Но эти слова прозвучали как слабое эхо.

Слова и поведение Юйэ наполнили его дурными предчувствиями. Он резко переключил свое внимание на Питера, который как раз вытирал лезвие ножа куском ткани. Синие глаза светились удовлетворением.

«Вот, значит, как он убивает, когда делает это своими руками, - подумал барон. - Полезно знать такие вещи».

- Итак, он все-таки выдал нам герцога? - спросил барон.

- Да, милорд, разумеется, - ответил Питер.

- Ну так приведите его сюда!

Питер бросил взгляд на капитана гвардейцев - тот бросился выполнять приказ.

Барон опустил взгляд на тело Юйэ. Тело упало так, чтоказалось, оно не из костей и плоти, а из дуба.

- Никогда не верил предателям, - проговорил барон. - Даже и таким, которые превращены в предателей мной самим.

Он посмотрел в ночь за иллюминатором. Вся эта черная тишина снаружи принадлежала теперь ему, и он это знал. Артиллерия у Барьерной Стены уже замолчала: ставшие, ловушками норы были завалены, пойманные звери обречены. Неожиданно барона поразила мысль, что он не может представить ничего прекраснее этой абсолютной черной пустоты. Если только не считать белого на черном. Серебристо-белого на черном. Молочно-белого, как изысканный фарфор.

Но неуверенность не оставляла его.

Что хотел сказать этот старый дурак доктор? Он скорее всего понимал, что его ждет. Но что он имел в виду, говоря о поражении? «Ты думал, что победил меня...»

Что он имел в виду?

Ввали герцога Лето Атрейдеса. Его руки были скованы цепью, орлиное лицо в грязи. На груди мундира зияла, дыра – кто-то вырвал нашитый герб. С пояса тоже свисали оторванные лоскуты – поясной щит срывали, не расстегнув ремешки на мундире. С мясом. Безумные, остекленевшие глаза.

– Н-н-нуу... – протянул барон. Он глубоко вдохнул и остановился в неуверенности. Понял, что заговорил слишком громко. Он так долго ждал этого мгновения – и вот оно. утратил о часть своей прелести!

Будь проклят чертов доктор – во веки веков!

– Я вижу, доброго нашего герцога накачали наркотиками, – заметил Питер. – Собственно, Юйэ так и поймал его – одурманил. – Питер повернулся к герцогу. – Это так, любезный герцог? Вы одурманены?

Голос шел откуда-то издалека. Лето чувствовал цепь на руках, ноющую боль в мышцах; чувствовал свои потрескавшиеся губы, горящие щеки, сухой вкус жажды во рту. Но звуки он слышал плохо – они доходили до него глухо, словно сквозь ватное одеяло. И он почти ничего не видел, только смутные тени.

– А что с мальчишкой? – спросил барон. – Есть новости?

Питер быстро облизнул губы.

– Ты что-то знаешь! – резко сказал барон. – Ну? Питер посмотрел на начальника гвардейцев, снова на барона.

– Люди, которым дали это поручение, милорд, они... э-э... их... э... нашли.

– И они доложили, что все в порядке?

– Они мертвые, мой барон.

– Естественно! Но я спрашиваю...

– Их нашли мертвыми, милорд. – Лицо барона потемнело.

– А женщина и мальчишка?

– Никаких следов, милорд. Но там успел побывать песчаный червь – как раз когда происходил осмотр места происшествия... Быть может, все произошло именно так, как мы и хотели, – несчастный случай... вполне вероятно...

– Вероятности меня не устраивают, Питер. Ну а что насчет пропавшего топтера? Может ли это обстоятельство навести моего ментата на какие-нибудь мысли?

– В нем, несомненно, бежал «кто-то из людей герцога. Убил нашего пилота и бежал.

– И кто же именно из людей герцога?

– Пилота убили очень чисто и тихо, милорд. Возможно, Хават. Или Халлек. Может быть, Айдахо. Или любой из других главных приближенных...

– Возможно, вероятно, может быть... – пробормотал барон и перевел взгляд на пошатывающегося, одурманенного герцога.

– Но мы владеем положением, милорд, – сказал Питер.

– Владеем?! А где тогда этот планетолог? Кинес?

– По крайней мере нам известно, где его искать. За ним уже послали наших людей, милорд.

– Не нравится мне что-то, как помогает нам этот слуга Императора, – пробормотал барон.

Ватное одеяло все еще окруживало герцога, глушило слова разговора. Но некоторые из этих слов прорывались в мозг герцога и словно вспыхивали там «Женщина и мальчишка... никаких следов».

Значит, Пауль и Джессика спаслись! А участь Хавата, Халлека и Айдахо оставалась пока неизвестной. Значит, надежда еще есть...

- А где перстень с герцогской печатью? - требовательно спросил барон. - У него на пальце его нет!

- Сардаукар сказал, что герцог был без кольца, когда его взяли, милорд, - доложил капитан - стражи.

- Поторопился ты убить доктора, - пробурчал барон. - Это была ошибка. Ты должен был доложить мне об этом, Питер, А ты действовал слишком спешно, и это может повредить нашему делу. «Вероятности!..» - передразнил он.

В мозгу герцога билась одна мысль: Пауль и Джессика спаслись!.. И что-то еще. Да.

Сделка. Он почти... почти вспомнил...

Зуб!

Теперь он точно вспомнил часть этой сделки: капсула ядовитого газа, скрытая в искусственном зубе.

Кто-то велел ему помнить про зуб. Зуб... зуб был у него во рту. Он ощупал его языком. Все, что он должен сделать, - сильно надавить на него другим зубом...

Но еще рано!

Этот «кто-то» велел ждать, пока он не окажется со всем рядом с бароном. Но - кто?.. Он не мог вспомнить.

- Долго он еще будет в таком состоянии? - осведомился барон.

- Возможно, еще час, милорд.

- «Возможно», - передразнил барон и вновь отвернулся к темноте за стеклом. - Ладно. Я проголодался.

, «Это барон, - думал Лето, - вот эта расплывчатая серая тень». Тень двигалась вперед и назад, качалась вместе с комнатой, которая сжималась и расширялась, становилась то светлее, то темнее, окутывалась мраком, и вновь свет заливал ее.

Время стало для герцога каким-то слоистым. Он всплывал через эти слои...

«Я должен подождать».

Стол. Тут стоял стол - его Лето видел отчетливо. «И огромный, жирный человек на дальнем конце стола. И остатки трапезы перед ним. А сам Лето, оказывается, сидел напротив. Он ощутил кресло, цепи, ремни, привязывавшие к креслу его гудящее, онемевшее тело. Он понял, что прошло сколько-то времени - но сколько?

- Похоже, он приходит в себя, мой барон. Шелковый голос. Это Питер.

- Вижу, Питер. Гулкий бас. А это барон.

Окружающее постепенно приобретало четкие формы. Кресло под ним стало более жестким. Туже стали ремни.

Теперь он и барона видел достаточно четко. Лето следил за движениями его рук: барон все время что-то трогал, ощупывал - край тарелки, ручку ложки, жирный палец скользил по складкам подбородка...

Лето следил за движущейся рукой как зачарованный.

- Сейчас вы можете слышать меня, герцог Лето, - обратился к нему барон. - Я знаю, что можете. Так вот. Мы хотим узнать у вас - где ваша наложница и прижитый с нею ребенок?

Лето не пропускал ничего в его словах; но слова барона были для него огромным облегчением. Значит, это правда - им не удалось схватить Пауля и Джессику.

- Мы не в игрушки играем! - пророкотал барон. - Вам лучше понять это.

Он склонился к Лето, изучая его лицо. Ах, как жаль, что нельзя решить дело с глазу на глаз, между ними двоими. То, что кто-то еще видел человека королевской крови в таком положении, создавало дурной precedent.

Лето чувствовал, как к нему постепенно возвращаются силы. И, словно башня на равнине, стояла перед его внутренним взором вернувшаяся память о зубе. Внутри – капсула с ядовитым газом, выполненная в форме нерва... Он вспомнил, кто поместил это смертоносное оружие в его рот.

Юйэ.

Он смутно вспомнил виденное в наркотическом дурмане – мимо него тогда проволокли тело... Теперь он знал, что это был Юйэ.

– Слышите этот звук, герцог Лето? – спросил барон.

Лето только теперь осознал, что слышит странный захлебывающийся звук – кто-то кричал от невыносимой боли.

– Мы, видите ли, поймали одного из ваших людей, одетого под фримена, – объяснил барон. – Разгадать его было совсем просто: глаза, вы же сами знаете. Он утверждает, что якобы был послан к фрименам, чтобы шпионить, за ними... но я достаточно долго прожил на этой планете, любезный кузэн. За этими пустынными оборванцами не шпионят это чушь. Скажите мне – вам удалось купить их помочь? Вы отослали свою женщины и сына к ним?

Лето почувствовал, как страх сжимает его грудь. Если Юйэ послал их к людям Пустыни... их будут искать, пока не найдут.

– Ну-ну, – добродушно прогудел барон. – У нас мало времени – и до боли дойдет скоро. Прошу, любезный мой герцог, не доводите нас до этого. – Барон многозначительно посмотрел на стоявшего возле Лето Питера. – У Питера; конечно, здесь нет с собой всех необходимых инструментов – его арсенал остался дома... но я уверен, он сумеет что-нибудь сымпровизировать.

– Иногда импровизация работает всего лучше, мой барон.

Вкрадчивый, шелковый голос. Он звучал над самым ухом герцога.

– У – вас, как я понимаю, был аварийный план, – сказал барон. – Так куда вы отослали женщину с мальчиком? – Он взглянул на руку Лето. – На вас нет кольца. Оно у мальчика?

Барон поднял взгляд от руки герцога к его глазам.

– Не хотите отвечать... – проговорил барон. – Зачем заставлять меня делать то, что мне делать не хотелось бы? Ведь Питер применит простые и прямые методы. Не могу не признать, что порой они действительно являются наиболее эффективными – но мне не нравится, что подобные методы придется применить к вам.

– Например, кипящее масло на спину. Или на веки, – предложил Питер. – Или на другие части тела. И особенно хорошо действует, когда объект не знает, куда попадет масло в следующий миг. Хороший метод, и есть некая своеобразная красота в узоре белых пузырей на обнаженной коже... не правда ли, барон?

– Это изысканное зрелище, – согласился барон, но голос его звучал очень кисло.

Эти щупающие пальцы!.. Лето глядел на жирные пальцы, на кольца и перстни, унизывающие пухлые, как у младенца, руки, ни на миг не прекращающие двигаться.

Крик боли, доносящийся сквозь дверь за спиной герцога, терзал его нервы. Кого они схватили? – думал герцог. Неужели Айдахо?

– Поверьте, любезный кузэн; – повторил барон, – я бы не хотел доводить дело до этого.

– Представьте только, как нервные сигналы спешат-торопятся за помощью, которая не может прийти! – сказал Питер. – В этом есть своя прелест, это просто художественно!

– Да, Питер, ты у нас настоящий художник, – прорычал барон. – А теперь, сделай милость, помолчи!

Лето вспомнил вдруг, как Гурни Халлек как-то при виде изображения барона процитировал: «И стал я на песке морском и увидел выходящего из моря зверя... а на головах его имена богохульные».

– Мы напрасно теряем время, мой барон, – вмешался Питер.

– Возможно. – Барон кивнул. – Вы же сами понимаете, дорогой Лето, в конце концов вы скажете нам, где они. Какой-то уровень боли сломит вас. Я, куплю вас болью.

«Скорее всего он прав, – подумал Лето. – Если бы не зуб... и то, что я просто не знаю, где они».

Барон подцепил ломтик мяса, сунул в рот, медленно прожевал и проглотил. Надо попробовать по-другому, подумал он.

- Полюбуйся-ка на этого святого, Питер. Он думает, что его нельзя купить.»

При этом барон подумал: «Да! Смотри на него - считающего себя неподкупным. Смотри, как Держат его миллионы акций - миллионы долей себя самого, продававшихся каждую секунду его жизни! Возьми его сейчас и потряси - он загремит, как пустая жестянка. Пуст? Распродан подчистую! Так какая разница - как он умрет теперь?..»

Крик за стеной смолк.

Барон увидел Уммана Куду. Капитан стражи появился в дверях и покачал головой. Пленник так и не дал нужной информации. Еще одна неудача!.. Всё. Хватит тянуть с этим дураком герцогом - с этим глупцом, не понимающим, какой ад может обрушиться на него - ад, находящийся на бесконечно малом от него расстоянии. Малом, как толщина нерва.

Эта мысль успокоила барона, поборола его нежелание подвергать пыткам особу королевской крови. Сейчас он представлял себя хирургом, делающим бесчисленные разрезы ножницами - он срезал маски с дураков, открывая спрятанный ад.

Все, все они кролики! И все пытаются спрятаться, завидев хищника.

Лето смотрел через стол и сам не понимал, чего ждет. Зуб быстро покончил бы со всем этим. Но... в общем, почти вся эта жизнь была хороша. Он обнаружил, что вспоминает змея, реющего в перламутрово-голубом каладанском небе, Пауля, радостно смеющегося при виде этого змея. И восход здесь, на Арракисе, - ярко окрашенные гряды Барьера Стены за пыльным маревом...

- Скверно - пробормотал барон. Он оттолкнулся от стола, легко поднялся - помогали поддерживавшие его тушу силовые генераторы - и заколебался на миг, заметив странную перемену в герцоге. Тот глубоко вдохнул, его челюсть напряглась, на ней вздулся бугорок мускула - так сильно. Лето стиснул зубы.

«Как он боится меня!» - подумал барон.

А Лето, испугавшись, что барон может уйти от него, изо всех сил надавил на зуб-капсулу. Почувствовав, как он лопнул, открыл рот и резко выдохнул остроющиплющий парок, вкус которого уже наполнил его рот. Барон вдруг уменьшился, стал удаляться - словно сужающийся тоннель раздел его и герцога. Над ухом Лето кто-то охнул. Тот самый «шелковый» голос. Питер. Значит, и ему досталось!

- Питер! В чем дело?

Рокочущий бас был где-то очень далеко.

В мозгу Лето опять шевельнулись воспоминания. Словно беззубый шепот старых ведьм. Комната, стол, барон, пара полных ужаса сплошь синих глаз - все смешалось вокруг, сжалось...

Там был еще человек с туфлеобразным подбородком - падающий игрушечный человечек. У него был сломанный, свернутый влево нос - словно маятник, отклонившись в сторону, застыл навсегда.

Лето услышал далекий грохот бьющегося фарфора. Далекий раскатистый бас. Сейчас его сознание было подобно бездонному сосуду, вовравшему все, что было когда-то: каждый крик... каждый шепот... каждое... молчание...

Последняя мысль... Лето увидел ее как бесформенное светлое пятно в лучах тьмы: «День, когда плоть обретает форму, и плоть, когда день обретает форму». Эта мысль поразила его ощущением необыкновенной полноты - чувство, которое, он знал, невозможно объяснить.

И наступила тишина.

Барон стоял, прижавшись спиной к потайной двери - двери своего личного тайного выхода, устроенного позади стола. Он захлопнул ее, выскочив из полной трупов каюты. Кажется, вокруг сутилась охрана... «Неужели я и вдохнул это? - спросил он себя. - Что бы это ни было - неужели Лето достал и меня?!»

Постепенно он снова стал слышать звуки... и смог соображать. Кто-то кричал, приказывал... противогазы... дверь не открывать... включить вентиляцию на максимум...

«Все остальные упали почти сразу. А я еще на ногах! Я еще дышу! Ад побери... еще немного - и...»

Теперь он мог трезво оценить происшедшее. Его щит был включен - на малую мощность, но вполне

достаточно, чтобы замедлить молекулярный обмен на границе силового поля. Кроме того, он уже вставал и оттолкнулся от стола... и еще - вскрик Питера, на который вбежал капитан стражи, прямо навстречу собственной гибели.

Случай да предупреждение, прозвучавшее во вскрике умирающего человека, - вот что его спасло.

Барон, разумеется, не чувствовал никакой благодарности к Питеру. Глупец сам виноват в своей гибели. И этот дурак капитан!.. Утверждал, что сканировал каждого, кого приводили к барону. Как же сумел этот герцог?.. Никакого предупреждения! Даже ядоискатель над столом не сработал, пока не стало поздно... Как?

«Впрочем, теперь уже это не важно, - подумал барон. Он уже вновь обрел уверенность в себе. - Просто следующий капитан стражи начнет с ответа на этот вопрос».

Он заметил, что суета усилилась, особенно за углом коридора, у второй двери в эту комнату смерти. Барон оторвался от своей двери, оглядел слуг вокруг. Они молча смотрели - ждали, что будет делать хозяин. Гневается ли? И как?

Тут барон понял, что лишь несколько секунд прошло с того момента, как он выбежал из страшной комнаты.

Несколько стражников стояли, наведя оружие на дверь. Другие повернулись в сторону пустого зала, на звуки из-за угла справа от них.

Оттуда, из-за угла, быстро вышел, почти выбежал человек с противогазом, болтающимся на шее на завязках. Он внимательно смотрел на каждый ядоискатель - они висели под потолком вдоль коридора. Желтоволосый, плосколицый, с зелеными глазами, жесткими, резко очерченными линиями по сторонам толстогубого рта. Он походил на какое-то водное животное, по ошибке помещенное на сушу.

Барон, разглядев его, вспомнил и имя подошедшего: Нефуд. Йакин Нефуд, Капрал стражи. У него было пристрастие к семуте, комбинации наркотика и музыки, звучавшей в самых глубинах сознания. Такие вещи о людях всегда полезно знать.

Стражник остановился перед бароном, отдал честь.

- В коридоре все чисто, милорд. Я видел все снаружи и понял, что это какой-то ядовитый газ. Вентиляторы подавали воздух в вашу комнату из этих коридоров... - Он бросил взгляд на ядоискатель над головой барона. - Люди все на месте, никто не пытался скрыться. Мы сейчас дегазируем комнату. Какие будут приказания?

Барон узнал и голос - это он выкрикивал приказания. А этот капрал молодец, дело свое знает!

- Там, внутри, все мертвые? - спросил он.

- Да, милорд.

«Придется приспособливаться», - подумал барон.

- Прежде всего - мои поздравления, Нефуд. С этого момента ты - капитан моей гвардии. И, надеюсь, ты извлечешь хороший урок из судьбы своего предшественника!

Барон наблюдал за изменяющимся выражением лиц стражника, получившего неожиданное повышение. Нефуд знал, что теперь у него не будет недостатка в его семуте. Он кивнул:

- Милорд знает, что я всецело предан заботе о его безопасности.

- Знаю. Ну, к делу. Я думаю, у герцога что-то было во рту. Так вот ты узнаешь, что это было, как сработало, кто помог ему вооружиться подобным образом. И примешь все меры к тому, чтобы...

Он замолчал. Его мысль прервало какое-то смятение в коридоре, за спиной. Стража у дверей лифта на нижних ярусах фрегата пыталась задержать высокого полковника-башара, только что вышедшего из лифта.

Барон не мог вспомнить лицо башара. Узкое лицо, рот - точно разрез бритвой, глаза - два черных, как тушь, пятна.

- Руки прочь, стервятники, трупоеды! - прорычал башар, отбрасывая с дороги охрану.

«А, сардаукар...» - подумал барон. Полковник-башар уверенно подошел к барону, выжидающе прищурившему глаза. Офицеры Корпуса Сардаукаров стесняли его - все они казались ему родственниками герцога... покойного герцога. И как они позволяли себе говорить с бароном!..

Полковник-башар встал в полу шаге от барона, упер руки в бедра. Охранники неуверенно крутились позади.

Барон заметил и то, что офицер не салютовал ему, и презрительное выражение на лице – и его неуверенность возросла. На планете был лишь один легион сардаукаров – десять бригад; но барон не обманывал себя. Этот легион вполне мог, повернув оружие против сил Харконненов, разгромить их.

– Скажите своим мальчикам, чтобы они не пытались мешать мне видеться с вами, барон, – прорычал он. – Мои парни привели к вам герцога Атрейдеса – прежде, чем мы с вами могли решить его судьбу. Мы обсудим ее сейчас!

«Я не могу потерять лицо перед своими людьми», – подумал барон.

– Так что же? – Барону удалось произнести эти слова холодно и спокойно, и он почувствовал гордость.

– Мой Император повелел мне проследить, чтобы его царственный родич умер без мучений, чисто и быстро, – объявил полковник-башар.

– Таков же был и приказ Его Величества мне, – солгал барон. – Вы же не думаете, что я могу ослушаться своего Императора?

– Я должен доложить моему Императору лишь то, что видел собственными глазами, – ответил сардаукар.

– Герцог уже мертв, – отрезал барон и махнул рукой, давая офицеру понять, что тот может идти.

Но полковник-башар не сдвинулся с места – стоял, глядя барону в лицо. Ни малейшее движение мускула или глаза не показывало, что он понял, что его отсылают.

– Как он умер? – резко спросил он. «Это уже чересчур!» – подумал барон.

– От собственной руки, если вам так уж необходимо это знать, – огрызнулся барон. – Он принял яд.

– Я должен увидеть тело, – заявил полковник-башар. – И немедленно.

В притворном негодовании барон поднял глаза к потолку. Тем временем он лихорадочно обдумывал создавшееся положение!'

Проклятие! Этот глазастый сардаукар увидит комнату прежде, чем удастся убрать следы происшедшего!..

Помешать этому было нельзя, понял барон. Сардаукар увидит все. Поймет, что герцогу удалось убить людей барона... что сам барон уцелел, судя по всему, чисто случайно. Остатки ужина на столе, мертвый герцог напротив, смерть и разрушение вокруг говорили слишком о многом.

И помешать этому нельзя!

– И задержать меня не удастся! – рявкнул полковник-башар.

– Никто вас и не задерживает, – ответил барон, глядя в обсидиановые глаза сардаукара. – Я ничего не скрываю от своего Императора. – Он кивнул Нефуду. – Покажи полковнику-башару все, сейчас же. Проведи его в дверь, у которой ты стоял, Нефуд.

– Прошу вас сюда, сэр, – показал Нефуд. Медленно, высокомерно сардаукар обошел барона, плечом вперед прошел сквозь толпу охранников.

«Невыносимо, – думал барон. – Теперь Император узнает о моем промахе! И поймет его как признак моей слабости!..»

Ужасно было понимать, что Император и его сардаукары одинаково презирали слабость. Барон прикусил губу, пытаясь утешить себя воспоминанием о том, что по крайней мере Император ничего не узнал о налете Атрейдесов на Джеди Прим и уничтожении харконненских складов с Пряностью.

Будь проклят этот скользкий герцог!

Барон глядел в спину уходящим – заносчивому надменному сардаукару и коренастому Нефуду, оказавшемуся таким полезным человеком.

«Надо приспособливаться к обстоятельствам, – думал барон. – Придется опять поставить над этой чертовой планетой Раббана. И ничем его не ограничивать. Арракис должен быть готов принять

моего Фейд-Рауту. Дьявол побери мерзавца Питера – дал себя убить прежде, чем я использовал его до конца!»

Барон вздохнул.

И надо будет, не откладывая, послать на Тлейлакс за новым ментатом. Уж конечно, они уже подготовили его для меня!

Стражник рядом с ним кашлянул. Барон повернулся к нему:

– Я проголодался.

– Слушаю, милорд.

– И я хочу отвлечься, пока вы чистите комнату и выясняете все детали случившегося, – прогудел барон. Стражник опустил глаза:

– Чем желал бы отвлечься милорд?

– Я буду в опочивальне, – сказал барон. – Так вот, пришли туда этого мальчишку, которого мы купили на Гамонте – ну того, с очаровательными глазами. И вот что, дайте ему наркотик. У меня нет настроения бороться...

– Слушаю, милорд...

Барон развернулся и пошел своей подпрыгивающей походкой, вызванной поддерживавшим его туши полем подвески, в сторону своих апартаментов. «Да, – думал он, – того парнишку с очаровательными глазами. Парнишку, так похожего на юного Пауля Атрейдеса».

Глава 22

О моря Каладана! О люди герцога Лето!

Пала его твердыня, Пала навеки...

(Из сборника «Песни Муад'Диба», сост. принцесса Ирулан)

Пауль казалось, что все его прошлое, все, что он испытал в жизни, обратилось в песок, клубящийся в песочных часах. Он сидел, обняв колени, подле матери, внутри крохотной палатки из ткани и пластика – диститента, который нашелся вместе с фрименскими одеяниями (Пауль и Джессика уже облачились в них) в спрятанной в топтере сумке.

Пауль нисколько не сомневался в том, кто положил ранец под сиденье, кто направил машину с ними именно сюда.

Юйэ.

Доктор-предатель отправил их прямо в руки Дунканна Айдахо.

Пауль сидел, глядя сквозь прозрачную стенку в торце диститента на освещенные луной скалы, окружавшие убежище, где их спрятал Айдахо.

«Прячусь, как ребенок – а ведь я теперь герцог!» – подумал Пауль. Эта мысль раздражала – но от того, что они поступают лишь разумно, деться было некуда.

С его восприятием за ночь случилось нечто странное. Теперь он обостренно-ясно видел все происходящее вокруг него, все случившееся с ним. И чувствовал, что не в силах остановить поток вливающейся в него информации, не в силах избавиться от той ледяной точности, с которой добавлялась каждая новая деталь к его знанию. Вся способность к расчету сосредоточилась в его обостренном восприятии. Это были способности ментата – и гораздо больше.

Пауль вспомнил мгновения бессильной ярости, охватившей его, когда неизвестный орнитоптер вынырнул из тьмы и пошел на них, падая стремительно, как гигантский коршун, и ветер выл в его крыльях. В этот миг что-то случилось с разумом Пауля. Орнитоптер скользнул на крыло, развернулся, пролетел над песчаным гребнем к бегущим фигурам – к матери и к нему самому, сел. Пауль вспомнил запах горелой серы от скользнувших по песку обожженных тренировщиков, донесенный до них ветерком.

Мать повернулась, готовая принять разряд лучемета от харконненского наемника, – и увидела Дунканна Айдахо. Тот распахнул дверцу машины, высунулся наружу и закричал:

– Скорее! След червя к югу!..

Но Пауль, поворачиваясь, уже знал, кто пилотирует топтер. Мельчайшие детали – стиль полета, резкое приземление – детали столь неприметные, что даже мать их не разглядела, – эти детали точно сказали Паулю, кто сидел в пилотском кресле.

В противоположном конце палатки шевельнулась Джессика, задумчиво проговорила:

– Я вижу лишь одно возможное объяснение. Харконнены держали заложницей жену Юйэ. Он ненавидел Харконненов! Я не могла ошибиться в этом. Да ты и сам прочел записку. Но почему он спас нас?

«Она поняла это только сейчас... и как плохо, как мало поняла!» – подумал Пауль. Эта мысль была для него потрясением. Сам-то он понял это как нечто очевидное, уже читая записку, приложенную к герцогскому перстню с печатью.

«Не пытайтесь простить меня, – писал Юйэ. – Я не хочу вашего прощения. И без него тяжело мое бремя. Сделанное мною – сделано без злобы, но и без надежды быть понятым. Это – мой тахаддиль-бурхан, величайшее мое испытание. Посылаю вам герцогскую печать Атрейдесов в знак того, что написанное мною истинно. Когда вы будете читать эти строки, герцога Лето уже не будет в живых. Утешьтесь тем, что он, обещаю, умрет не один: тот, кого и вы и я ненавидим более всех на свете, умрет вместе с ним».

Ни обращения к адресату, ни подписи. «Но они хорошо знали этот почерк – почерк Юйэ.

Вспомнив письмо, Пауль вновь ощущил и горечь того момента. Нечто болезненно-чужое, происходящее вне его нового, пробужденного сознания. Он прочел о гибели отца, понял, что это правда, – но воспринял это лишь как новую информацию, которую следовало внести в память, а затем использовать.

«Я любил отца, – подумал Пауль и понял, что это действительно так. – Я должен чувствовать скорбь. Я должен хоть что-то чувствовать?..»

Но все, что он чувствовал, было лишь понимание: это – важная информация.

Да, всего лишь факт, важный, – но такой же, как и многие другие.

Все время его разум продолжал отстранение накапливать впечатления, ощущения, рассчитывать и экстраполировать данные.

Паулю вспомнились слова Халлека: «Настроение – это для животных или в любви... А сражаясь ты, когда возникает необходимость, а не по настроению».

«Вот, наверное, в чем дело, – подумал Пауль, – Отца оплакивать я буду позже... когда будет для этого время».

Но он не чувствовал, чтобы холодная отчетливость его разума прервалась хоть на миг. Эта новая отчетливость была лишь началом, ощущал он, – и она росла. Его охватило чувство ужасного предназначения, впервые испытанное во время встречи с Преподобной Матерью Гайей-Еленой Мохийам. Во время испытания гом джаббаром. Правая рука – рука, все еще помнившая ту боль, – заныла, он ощутил, как ее покалывает и дергает...

«Интересно, каково быть этим их Квисатц Хадерахом?» – подумал он.

– Я подумала было, что Хават опять проглядел и Юэ вовсе не был Сукским доктором, – задумчиво проговорила Джессика.

– Он был тем, кем мы его считали, – ответил Пауль, подумал: «Почему она так медленно осознает такие простые вещи?» Вслух же он сказал: – Если Айдахо не доберется до Кинеса, мы...

– Он – не единственная наша надежда, – перебила Джессика.

– Я хотел сказать не о том.

Она услышала в его голосе стальные, повелительные нотки и удивленно взглянула сквозь сумрак палатки на сына. Темный силуэт на фоне посеребренных луною скал, видневшихся сквозь прозрачную торцевую стенку диститента.

– Наверняка спасся еще кто-то из людей твоего отца, – сказала она. – Мы должны их собрать, найти...

– Нам придется рассчитывать только на себя, – жестко сказал Пауль. – И наша первая забота – это фамильный ядерный арсенал. Мы должны получить его прежде, чем до него доберутся Харконнены.

– Вряд ли им удастся найти наше ядерное оружие, – возразила Джессика. – Вспомни, как оно спрятано!

– Мы не можем рисковать.

Она подумала: «Он рассчитывал угрожать планете и запасам Пряности фамильным атомным оружием. Шантаж – вот что у него на уме! Но если он решится... все, на что он сможет рассчитывать, – это бегство, отступничество, жизнь без имени...»

Слова матери вызвали у Пауля мысль о людях, погибших в эту ночь. Это была уже мысль герцога. «Люди – вот истинная сила Великих Домов», – подумал Пауль и вспомнил слова Хавата: «Грустно расставаться с людьми, а место – это всего лишь место»..

– За них сардаукары, – сказала Джессика. – Придется ждать, пока сардаукары не уйдут. .

– Они думают, что поймали нас между Пустыней и сардаукарами, – ответил Пауль. – Они хотят, чтобы не осталось никого из Дома Атрейдес. Тотальное уничтожение – вот их цель. Так что не стоит рассчитывать на то, что кто-то из наших спасется.

– Не могут же они бесконечно рисковать раскрыть роль Императора в случившемся!

– Разве?

– Но ведь хоть кто-то из наших людей спасется, и...

– Ты веришь, что кто-то может спастись?

Джессика отвернулась, испуганная горькой силой в голосе сына. В нем звучала точнейшая оценка

шансов. Она почувствовала, что разум сына неожиданно сделал скачок и был теперь гораздо мрачнее ее разума; теперь Пауль в некоторых отношениях видел много больше, чем она. Джессика сама участвовала в формировании этого разума – но теперь вдруг ощутила страх перед ним. Она подумала о герцоге, о своем потерянном прибежище – и слезы обожгли ее глаза.

«Такова судьба, Лето, – подумала она. – Сказано: „Время любить и время скорбеть...“ – Она положила руку на свой живот, сконцентрировала внимание на эмбрионе. – Вот во мне дочь Атрейдеса – та, которую мне было велено произвести на свет. Но Преподобная ошибалась: дочь не спасла бы моего Лето. Это дитя – всего лишь жизнь, которая среди смерти и разрушения тянется к будущему. И я зачала его, послушная инстинкту, а не приказу!...»

– Попробуй еще раз приемник на частотах коммуникационной сети, – предложил Пауль.

«Разум работает, как бы ни хотели мы сдержать его», – подумала она.

Джессика достала маленький приемник, который оставил им Айдахо, щелкнула выключателем. Загорелся зеленый огонек, из динамика раздался жестяной скрежет помех. Джессика уменьшила громкость, принялась шарить по частотам. Послышался голос – кто-то говорил на боевом языке Дома Атрейдес:

– ...назад и перегруппировались у обрыва. Федор сообщил, что в Карфаге не спасся никто, а Гильд-Банк разграблен.

«Карфаг!», – подумала Джессика. – Харконненское гнездо...»

– Это сардаукары, – продолжал голос. – Осторожно – остерегайся сардаукаров в форме Атрейдесов. Они...

Рев перекрыл его слова. Затем наступила тишина.

– Попробуй другие частоты, – сказал Пауль.

– Ты понимаешь, что это значит? – спросила Джессика.

– Я ожидал этого, – спокойно сказал Пауль. – Они хотят, чтобы Гильдия обвинила в разрушении банка именно нас. А если против нас Гильдия – мы пойманы на Арракисе и не сможем покинуть его. Попробуй другие частоты.

Она взвесила его слова: «Я ожидал этого». Что с ним случилось?.. Помедлив, Джессика вновь занялась приемником. Она вращала ручку настройки, время от времени выхватывая из эфира обрывки, говорящие о происходящей битве. Голоса выкрикивали на боевом языке Дома Атрейдес: «Отступаем!...», «Попробуй перегруппироваться на...», «Заперты в пещере у...». И нельзя было ошибиться, слыша возбуждение победы в харконненской тарабарщине, звучавшей на других частотах. Резкие команды, боевые рапорты. Этого было недостаточно для Джессики, чтобы опознать и понять язык – но тон был ясен.

Харконнены победили.

Пауль потряс сумку, прислушиваясь к плеску воды в двух литраках. Он глубоко вздохнул и сквозь прозрачную стенку палатки посмотрел на очертания скал, выделявшиеся на фоне усыпанного звездами неба. Левой рукой пощупал сфинктерный клапан, служивший входом в палатку.

– Скоро рассвет, – произнес он. – Мы можем ждать Айдахо еще день. Но не ночь. Вторую ночь мы тратить не можем. В Пустыне ходят ночью, а днем укрываются в тени.

Человеку без дистикомба, сидящему в тени, в Пустыне необходимо в день пять литров воды для сохранения веса тела, вспомнила Джессика. Она вдруг –по-новому ощутила прильнувшую к коже гладкую мягкую ткань дистикомба. Теперь их жизни зависели от этой одежды.

– Если мы уйдем отсюда, Айдахо нас не найдет, – сказала она.

– Есть способы заставить говорить любого человека, – ответил Пауль. – Если Айдахо не вернется к рассвету, придется учесть возможность того, что его схватили. Сколько, по-твоему, сможет он продержаться на допросе?..

Вопрос был, конечно, риторический, и она не ответила.

Пауль поднял крышку сумки, достал руководство – микрокнигу, снабженную самосветящейся полоской для чтения в темноте и лупой.. Зеленые и оранжевые буквы: литраки, диститент, энергокапсулы, запасные катетеры, шноркель, бинокль, ремпакет к дистикомбу, краскомет, карта укрытий, носовые фильтры, паракомпас, крюки Подателя, манки, «столб огня»...

Сколько всего нужно, чтобы выжить в Пустыне!..

Наконец он отложил руководство в сторону, на пол палатки.

- Но куда нам идти? - спросила Джессика.

- Отец говорил как-то о мощи Пустыни, - задумчиво сказал Пауль. - Без нее Харконненам не править этой планетой. Они и не правили ею никогда, и никогда не будут. Не будут - даже если в их распоряжении окажется десять тысяч легионов сардаукаров.

- Пауль, не думаешь же ты, что...

- У нас достаточно тому доказательств, - покачал головой Пауль. - Прямо здесь, в палатке. Сама она, затем эта укладка и ее содержимое, наконец, дистикомбы. Нам известно, что Гильдия требует немыслимую цену за вывод на орбиту метеоспутников - цену, практически исключающую их покупку. Нам известно, что...

- При чем здесь метеоспутники? - перебила Джессика. - Они же не могут... - Она вдруг замолчала.

Пауль своим новым сверхчутким восприятием считывал ее реакции, подмечал мельчайшие детали, просчитывал...

- Теперь ты и сама видишь, - утвердительно сказал он. - Спутники снимают все, что есть внизу. Им видно все. А в глубине Пустыни есть вещи, которые чужой видеть не должен...

- Ты хочешь сказать, что эту планету контролирует Гильдия?

Как медленен был ее разум!..

- Да нет же! - нетерпеливо воскликнул он. - Сами фримены! Это они платят Гильдии за свое спокойствие, а та не суется в их владения и других не пускает. И платят они той монетой, которая всегда в достатке у владеющих мощью Пустыни. Пряностью. Это - больше, чем прикидки во втором приближении по косвенным данным, это - точно вычисленный ответ. Будь в этом уверен.

- Пауль, - проговорила Джессика, - ты же еще не ментат, как же ты можешь быть так уверен, что...

- Я никогда и не буду ментатом, - медленно ответил он. - Я - нечто другое... урод...

- Пауль! Как ты можешь...

- Оставь меня!

Он отвернулся от нее к темноте за прозрачной стенкой. Почему я не могу почувствовать скорбь?.. Каждая частица его тела жаждала облегчения в слезах - но отныне ему не суждено было больше испытывать такое облегчение.

Никогда ранее Джессика не слышала такой тоски в голосе сына. Ей хотелось прикоснуться к нему, обнять, утешить, помочь - но она чувствовала, что ничего не может сделать. Он должен сам во всем разобраться, пережить все.

Светящаяся полоска на руководстве к фримпакету, лежащему на полу между ними, привлекла ее внимание. Джессика подняла его, открыла титульный лист, прочла: Наставление о Благодатной Пустыне, месте, исполненном жизни. Здесь - аят и бурхан Жизни. Верь, и Ал-Лат не сожжет тебя».

«Звучит как Книга Азхар, - подумала Джессика, вспоминая, как изучала Великие Тайны. - Работа Манипулятора Вeroучений?.. Значит, и их присыпали сюда.; « Пауль достал из сумки паракомпас, положил обратно, сказал:

- Только подумай обо всех этих фрименских устройствах - имеющих, заметь, весьма специальное назначение. Удивительная сложность и продуманность. Согласись, цивилизация, создавшая подобное, скрывает глубины, о которых никто не подозревал.

Неуверенно, все еще встревоженная резкостью его голоса, Джессика вновь вернулась к книге. .Рассмотрела рисунок - созвездие арракийского неба, «Муад'Диб, или Мышь», - сообщала подпись. Оттуда же Джессика узнала .и запомнила, что «хвост» Мыши указывает на север.

Пауль посмотрел в темноту, царившую в палатке. Движения матери едва можно было различить в слабом свете люминесцирующей полоски на руководстве. «Теперь, - подумал он, - пора выполнить просьбу отца. Именно сейчас, пока есть время для скорби. Позже скорбь будет помехой для нас». Эта холодная логика вдруг неприятно поразила его самого.

- Мама, - позвал он. - Что?

Она услышала, как изменился его голос, - у нее вдруг похолодело внутри. Прежде она не слыхала в голосе сына такой стальной силы.

- Отец мой мертв, - сказал он.

Она обратилась внутрь себя, сопоставляя известные ей факты, и факты, и факты... как учит принимать информацию Путь Бене Гессерит. И чувство страшной потери охватило ее.

Джессика кивнула, не в силах произнести ни слова.

- Однажды отец сказал мне, - проговорил Пауль, - чтобы я передал тебе, в случае, если что-то случится с ним, его слова. Он боялся - ты поверишь, что он в самом деле не верил тебе.

«Напрасное опасение!..» - подумала она.

- Он хотел, чтобы ты знала: он никогда не подозревал тебя, - продолжал Пауль. Он объяснил ей, как все было, и добавил: - Отец хотел, чтобы ты знала, что он всегда тебе верил, во всем. Всегда любил. Он скорее усомнился бы в себе самом. И об одном лишь жалел - что так и не сделал тебя герцогиней, своей супругой.

Когда она смахнула слезы, в ее голове мелькнула мысль: «Напрасная трата воды»... Однако эта мысль была лишь

попыткой заглушить горе гневом. Лето, мой Лето! Какие страдания причиняем мы любимым!

Резким движением она погасила светящуюся полоску руководства. Рыдания сотрясали ее.

Пауль слышал, как горюет мать. Но внутри себя чувствовал лишь пустоту.

«Во мне нет скорби, - подумал он. - Почему? Почему?..»

Неспособность чувствовать горе казалась ему грехом или уродством.

Время искать и время терять, - пронеслись в голове у Джессики слова Экуменической Библии, - время сберегать и время бросать; время любить и время ненавидеть; время войне и время миру. .

Между тем разум Пауля продолжал работать с этой но->вой леденящей точностью. Он видел пути, легшие перед ним на этой враждебной планете. Не имея даже того предохранительного клапана, который дает нам сон, он фокусировал свое восприятие будущего - и видел его, как просчитанные наиболее вероятные варианты, -но он видел его., и чем-то другим, особыенным, таинственным чувством - словно бы разум его погрузился в некую среду, лишенную времени, и ощущил там ветры грядущего...

Резко, словно найдя наконец необходимый ключ, разум Пауля поднялся на новый уровень восприятия. Он почувствовал, будто изо всех сил цепляется за этот уровень и, обретя неуверенную опору, оглядывается кругом. Он оказался словно бы внутри гигантского шара, от которого во все стороны разбегались тысячи путей... но это было бы лишь отдаленное подобие по-настоящему испытанных им чувств.

Однажды он видел, как бьется на ветру тонкий газовый платок. Теперь он воспринимал будущее так, словно оно само обвивалось вокруг чего-то столь же колеблющегося и непостоянного, как тот платок.

Он видел людей.

Ощущал жар и холод бесчисленных вероятностей.

Узнавал имена, названия, места, переживал бессчетные эмоции, впитывал информацию, проникавшую из миллионов неведомых источников.

У него было время исследовать, испытать и попробовать все, - но не придать испытанному какую-то форму..;

Это был целый спектр вероятностей, от отдаленного прошлого до далекого будущего и от весьма вероятного до почти невероятного. Он видел и бесчисленные варианты собственной смерти. Он видел новые планеты, новые культуры.

И людей.

Людей.

Такие сонмы их, что нельзя счастье; однако его разум изучал их, сортировал...

Даже гильдиеров.

И он подумал: «Гильдия – вот кто примет нас. Моя странность не будет для нее чем-то чересчур необычным, напротив, они высоко оценят... и даже будут с гарантией снабжать меня Пряностью».

Но мысль о том, что всю свою жизнь он будет вести мчащиеся во Вселенной корабли, используя свой мозг для просчета возможных вариантов будущего, была ему отвратительна. Тем не менее это тоже был шанс, на крайний случай. И к тому же, именно увидев свое вероятное будущее в варианте, связанном с Гильд-навигаторами, он осознал свою странность, а главное – понял ее.

«Нет, я обладаю иным типом предвидения, и я воспринимаю не то, что они. Я вожу возможные пути».

Это новое восприятие несло в себе и успокоение, и тревогу – многое в этом новом мире, открывшемся перед ним, уходило в глубину, тонуло, исчезало из поля зрения...

Чувство ушло так же быстро, как и пришло. Он осознал, что все пережитое прошло сквозь него за одно биение сердца!

Но за этот миг его сознание и восприятие были перевернуты и освещены каким-то новым, пугающим светом. Он повернулся, озираясь.

Ночь все еще заполняла палатку и укрытие в скалах. Мать все еще всхлипывала.

А он по-прежнему не чувствовал горя... эта пустота отделилась от его разума, который продолжал размеренно работать – перебирал информацию, взвешивал, оценивал, вычислял, выдавал ответы, подобно тому, как происходит это у ментатов.

Теперь, знал он, у него был доступ к такому объему информации, как ни у кого до сих пор, но от этого не стало меньшим бремя этой пустоты внутри него. Что-то должно было вот-вот рухнуть. Словно затикал внутри часовой механизм бомбы. И хотел того Пауль или нет, этот механизм продолжал непреклонно тикать. При этом он регистрировал малейшие изменения вокруг: едва заметные колебания влажности, ничтожное падение температуры, шорох насекомого, ползущего по стенке палатки, торжественное приближение зари, уже высветлившей клочок неба, видимый сквозь прозрачный торец диститента.

Пустота внутри была невыносима. То, что он знал, как был запущен механизм, ничего не меняло. Посмотрев назад, в свое собственное прошлое, он мог увидеть, как все начиналось: тренировки, оттачивание природных способностей, утонченно подобранные нагрузки сложнейших дисциплин, даже полученная в критический момент Экуменическая Библия... и наконец, в последнее время, – Пряность в больших дозах. И теперь он мог смотреть вперед, в будущее: самое пугающее направление! Но туда вело все, что случилось с ним.

«Я – монстр! – подумал он. – Урод!..»

– Нет.... – сказал он. – Нет. Нет! НЕТ!!!

Он вдруг понял, что бьет кулаками по полу палатки. (А та странная новая его часть неумолимо считала: отметила эту вспышку как интересную информацию о его эмоциях и включила эту информацию в свои расчеты.)

– Пауль!

Мать оказалась рядом – удерживала его руки. Лицо Джессики сероватым пятном вырисовывалось во мраке, он чувствовал ее взгляд.

– Что случилось, Пауль? Что тебя мучает?

– Это ты!..

– Я, я, – успокаивающе сказала она. – Все хорошо, все в порядке...

– Что ты со мной сделала?! – горько спросил он. Во внезапном озарении она поняла часть того, что он имел в виду, и ответила:

– Я родила тебя.

Инстинкт, проницательность и утонченное знание подсказали, что именно такой ответ нужен был, чтобы успокоить его. Он почувствовал ее руки, ласково сдерживающие его, увидел неясно очерченное в темноте ее лицо. (Некоторые наследственные черты ее лица были замечены его новым сознанием, включены в общую сумму данных, просчитаны, получившийся результат выдан и принят к сведению...)

- Отпусти меня, - резко сказал он. Она услышала сталь в его голосе и повиновалась.

- Может быть, скажешь все-таки, что случилось, Пауль?

- Ты знала, что делаешь, когда тренировала меня? В его голосе не осталось ничего детского, подумала она и ответила:

- Я надеялась - как все родители, - что ты вырастешь и станешь иным... лучше, чем я...

- Иным?

Она услышала горечь в его голосе.

- Пауль, я...

- Тебе не сын был нужен! - закричал он. - А этот - Квисатц Хадерах! Бене Гессерит мужского пола!..

Ее словно оттолкнуло - так сильна была его горечь.

- Но, Пауль...

- Ты спрашивала отца, хотел ли он этого?!

Она ответила ему мягко (и горе вновь ожило в ней):

- Кем бы ты ни был, Пауль, но ты настолько же сын своего отца, насколько и мой.

- Да, но твое воспитание! Твои тренировки! Все то, что... разбудило... спящего...

- Спящего?

- Вот здесь. - Он дотронулся до своей головы, потом положил руку на грудь. - Здесь, во мне. И это все продолжается... продолжается... продол...

- Пауль! - крикнула она, слыша, что он вот-вот сорвется в истерику.

- Послушай, - сказал он. - Ведь ты хотела, чтобы Преподобная Мать узнала о моих снах? Так вот послушай теперь сама, вместо нее. Только что я видел сон - наяву. Спал и бодрствовал: А знаешь почему?

- Успокойся, - сказала она. - Если что-то и...

- Это Пряность, - произнес он. - Она здесь всюду. В воздухе, в почве, в еде. Гериатрическая Пряность. Она подобна снадобью Правдовидец - это яд!

Она замерла.

Он тихо повторил:

- Это яд. Тонкий. Коварный. Незаметный. И - необратимый. Причем он не убивает - разве только если прекратишь принимать его. Теперь мы не можем покинуть Арракис, не взяв с собой часть его.

Спокойствие в голосе пугало и не оставляло места для возражений.

- Ты - и Пряность, - произнес Пауль. - Пряность меняет всякого, кто принял достаточное ее количество. Однако благодаря тебе я смог воспринять эту перемену своим сознанием, и сознание мое изменилось. Для большинства она остается на подсознательном уровне, где ее можно заглушить. Я же ее вижу.

- Пауль, ты...

- Я вижу ее! - повторил он.

Она услышала нотки безумия в его голосе и не знала, что ей делать.

Однако он снова заговорил, и сталь вновь появилась в его голосе.

- Мы здесь в ловушке.

«Да, мы здесь в ловушке», - мысленно согласилась она.

Она не могла не признать его правоту. Вся сила Бене Гессерит, любые хитрости, любая изобретательность - ничто не могло теперь освободить их от Арракиса. Пряность давала сильное

привыкание. Тело ее узнало это гораздо раньше, чем сумел осознать разум.

«Значит, здесь суждено нам прожить всю свою жизнь, – подумала она, – на этой адской планете. Это место нам уготовано – если, конечно, мы сумеем ускользнуть от Харконненов. И все, что мне остается, – это быть племенной кобылой, сохраняющей важную генетическую линию для Плана Бене Гессерит».

– Я должен рассказать тебе о моем сне наяву, – промолвил Пауль. Теперь в его голосе звучала ярость. – А чтобы ты не просто выслушала, но услышала и поняла, что я знаю, о чем говорю, – скажу прежде, что мне известно. Ты родишь дочь, мою сестру, здесь, на Арракисе...

Чтобы подавить нахлынувший страх, Джессика уперлась руками в пол палатки, вжалась спиной в ее стенку. Она знала, что ее беременность еще нельзя было заметить со стороны, и лишь Бене-Гессеритская подготовка позволила ей уловить первые, слабые знаки жизни, зарождающейся в ее теле, угадать пробуждение эмбриона, которому было всего несколько недель.

– Лишь для служения... – прошептала Джессика, пытаясь найти опору в девизе Бене Гессерит: «Мы живем лишь для служения».

– Так вот, – сказал Пауль, – мы найдем свой дом среди фрименов. Там, где ваша Миссионария Протектива подготовила для нас убежище.

«Да, они подготовили для нас путь в Пустыню, – мелькнуло в голове Джессики. – Но откуда ему знать про Миссионарию Протектива?!» Ей становилось все труднее преодолеть страх перед подавляющей отчужденностью сына.

Он внимательно всматривался в темный силуэт матери и своим новым зрением видел ее страх и все ее реакции – словно Джессику озарял яркий свет. Он вдруг почувствовал сострадание к ней.

– Я не сумею даже начать рассказывать тебе все то, что случится здесь, – проговорил он. – Я даже самому себе не сумею пересказать это, хоть и видел все. Это чувство будущего... контролировать его я не могу. Оно просто происходит со мной, случается – и все. Ближайшее будущее – где-то на год вперед – я как-то различаю... оно Похоже на.., дорогу. Путь. Как Центральный проспект у нас, на Каладане. Кое-чего я не вижу... мест, скрытых – в тени... словно дорога уходит за холм (тут он вновь подумал о вьющейся на ветру палатке)... и у нее есть развилки...

Он замолчал – вновь на него нахлынуло ощущение Видения. Не прореческий сон, не ощущение жизни, расширяющейся во все стороны подобно сброшенной звездной оболочке, раздвигающей ткань времени...

Джессика нашупала регулятор флуоресцентной полоски.

Тусклый зеленоватый свет отодвинул тени, уменьшил ее страх. Она увидела лицо Пауля, его глаза, обращенные внутрь. Джессика вспомнила, где видела похожие лица: на записях, сделанных в районах бедствий, на лицах детей, страдающих от голода или от страшных ран. Глаза словно ямы, узкая прорезь сжатых губ, запавшие щеки.

«Так выглядят люди, узнавшие о чем-то страшном... например, те, кого заставили осознать свою смертность», – подумала она Да, он действительно больше не ребенок.

Но тут она начала понимать, что означают его слова, и это вытеснило из ее головы все прочее. Пауль видел будущее – он видел путь к спасению!..

– Значит, мы можем скрыться от Харконненов! – выдохнула она.

– Харконнены, – хмуро усмехнулся он. – Выбрось из головы этих... душа каждого человека в их Доме искажена, весь их Дом – нарушение заповеди «не искази душу...».

Он внимательно рассматривал лицо матери, освещенное флуоресцентной полоской книги. Ее черты говорили многое.

– Почему ты сказал «каждого человека», или ты забыл чему научила тебя Пре...

– А ты уверена, что знаешь, где проводить границу, и можешь определить, кто – человек, а кто нет? – прервал он ее. – Мы несем с собой свое прошлое. И, мать моя, есть нечто, чего ты не знала и должна узнать – и мы тоже Харконнены, ты и я.

С ее разумом случилось что-то пугающее: он будто отключился, как будто пытался отгородиться от внешнего мира. Но голос Пауля неумолимо звучал, увлекая ее за собой:

– Когда тебе приведется снова увидеть зеркало, рассмотри внимательно свое лицо: а пока посмотря на меня. Родовые черты видны достаточно ясно, если только ты не будешь закрывать на них глаза.

Посмотри на мои руки, на мое сложение. Ну а если это тебя не убеждает – поверь мне на слово. Я был в будущем, я видел там записи, некое место... у меня есть все данные. Мы – Харконнены.

– Побочная ветвь, наверно? – с надеждой спросила она. – Отошедшая от их Дома? Так ведь, правда?.. Какой-нибудь двоюродный...

– Ты – дочь самого барона, – сказал он. Джессика зажала руками рот, а он продолжил: – Барон в молодости был весьма падок на удовольствия; и как-то раз он дал себя соблазнить. Но соблазнила его не кто-нибудь, а одна из сестер Бене Гессерит, одна из вас – для вашей генетической программы.

Его слова «одна из вас» прозвучали как пощечина. Но они подхлестнули ее разум – и, оценив полученную информацию, она не могла опровергнуть сына. Теперь многое стало ясно в ее собственном прошлом, разорванные концы сошлись, многое стало на свои места. Ее дочь, которую требовал от нее орден Бене Гессерит, была нужна вовсе не для «прекращения старой вражды Атрейдесов и Харконненов. Ее рождение должно было закрепить некий генетический фактор, полученный в Двух этих линиях... Да, но какой фактор? Она пыталась найти ответ – но не могла.

Словно читая ее мысли, Пауль сказал:

– Они думали, что так получат меня поколение спустя. Но я – не то, чего они ожидали. И я пришел прежде времени. И они не знают этого.

И снова Джессика зажала руками рот.

Великая Мать! Да он же... Квисатц Хадерах!

Ей казалось, что она стоит перед ним нагая – а он пронизывает ее взглядом, от которого почти ничего не скроется. В этом, поняла она, и была причина ее страха.

– Ты думаешь, что я – Квисатц Хадерах, – произнес он, – Выбрось это из головы. Я – нечто иное. Нежданное и непредусмотренное.

«Я обязана сообщить об этом в одну из школ, – пронеслось у нее в голове. – Надо изучить Брачный Индекс, может быть, тогда станет ясно, что произошло...»

– Но они не узнают обо мне, пока не станет слишком поздно, – спокойно сказал он.

Она попыталась отвлечь его. Опустила руки, спросила:

– Мы найдем убежище среди фрименов?

– У фрименов есть поговорка, которую они приписывают Шаи-Хулуду, Старому Отцу-Вечности, – ответил

он. – Так вот, они говорят: «Будь готов принять то, что дано тебе испытать».

И подумал: «Да, матерь моя. Среди фрименов. И станут глаза твои – синими, и будет подле твоего прекрасного носа мозоль от трубки носового фильтра дистикомба... и ты родишь мою сестру – святую Алию, Деву Ножа».

– Но... если ты – не Квисатц Хадерах... – проговорила Джессика, – то...

– Ты этого не знаешь, – кивнул он. – И не поверишь, пока не увидишь сама...

И мысленно ответил: «Я – семя».

Внезапно он понял, как плодородна земля, в которую упало это семя. И когда он понял это, то чувство ужасного предназначения вновь охватило его, просочившись сквозь пустоту в его душе. И он едва не задохнулся от горя.

Во время прозрения он увидел перед собой в будущем два главных пути. На одном ему предстояло сойтись лицом к лицу с черным бароном; они сталкивались, и Пауль приветствовал его: «Привет, дед». Но от мысли об этом пути и том, что лежало перед ним на этом пути, ему стало дурно.

Второй же путь... Безвестность и существование во мраке – мраке, над которым вставали огненные пики насилия, – вот что лежало на том пути. Он увидел новую религию, религию воинов, увидел огонь, охватывающий Вселенную, видел черно-зеленое знамя Атрейдесов, реющее над легионами фанатиков, опьяненных меланжевым ликером. Среди них были Гурни Халлек и горстка людей его отца – увы, ничтожная горстка! – и каждый идущий под этими знаменами отмечен знаком ястреба из храма-усыпальницы его отца, Усыпальницы Головы Лето.

- Этим путем я идти не могу, – пробормотал он. – А старые ведьмы из этих твоих школ этого именно и хотят...

- Я не понимаю тебя, Пауль, – жалобно сказала Джессика.

Он не ответил, думал о семени – о себе, – думал, как это семя, думал и чувствовал новым сознанием – сознанием расы, которое впервые ощутил как ужасное предназначение. Оказывается, он более не мог ненавидеть ни Бене

Гессерит, ни Императора, ни даже Харконненов. Все они служили потребности расы обновить застоявшуюся кровь, освежить наследственность, смешать и переплести генетические линии в одном великом море... А для этого раса знала лишь один путь, древний, испытанный, надежный и сметающий все на своем пути. Джихад.

«Но я не могу идти этим путем!..» – в отчаянии подумал он.

И тут вновь он увидел внутренним взором усыпальницу головы своего отца и безумие насилия, осененное черно-зеленым знаменем.

Джессика кашлянула, обеспокоенная его долгим молчанием.

- Так... дадут нам фримены убежище?

Он поднял взгляд, посмотрел сквозь зеленоватый полумрак палатки, освещенный люминофором книги, на ее лицо – патрицианские черты, отмеченные знаками вырождения, вызванного эндогамными браками.

- Да, – сказал он. – Есть и такая возможность. – Он кивнул; – Да. И они назовут меня... Муад'Диб и «Сокращающий путь». Да... они будут звать меня так.

И он закрыл глаза и подумал: «Теперь, о мой отец, я могу наконец оплакать тебя». И почувствовал слезы на своих щеках.

Глава 1

Когда Падишах-Император, мой отец, узнал о гибели герцога Лето и о том, как именно он погиб, он пришел в такой гнев, в каком мы никогда его не видели ранее. Он обвинял мою мать и навязанное ему соглашение, обязавшее его возвести на трон сестру Бене Гессерит; обвинял Гильдию и старого негодяя барона – обвинял всех, кто ему попадался на глаза, не исключая и меня. Он кричал, что я такая же ведьма, как и все прочие. Когда же я попыталась успокоить его, упирая на то, что это было сделано согласно древним правилам самосохранения, которым правители следовали с древнейших времен, он лишь фыркнул и спросил, уж не считаю ли я его слабым правителем, нуждающимся в такой защите. И тогда мне стало ясно, что не сожаление о гибели герцога так взъярило его, а мысль о том, чем могла обернуться для него эта гибель... Вспоминая сейчас об этом, я думаю, что и мой отец мог обладать некоторым даром предвидения – ибо очевидно, что и его род, и род Муад'Диба имеют близкую наследственность, восходя к единому корню.

(Принцесса Ирулан, «В доме моего отца»)

– И вот время Харконнену убить Харконнена, – прошептал Пауль.

Он проснулся на закате, в темном, герметически закрытом диститенте.

Он услышал, как от его шепота пошевелилась мать у противоположной стенки палатки.

Пауль посмотрел на детектор близости на полу, чьи циферблаты подсвечивались в темноте зеленоватым светом люминофорных трубок.

– Скоро ночь, – проговорила мать. – Может быть, поднимешь противосолнечные экраны?

Только теперь Пауль понял, что уже некоторое время она дышит по-иному, не так, как во сне, – значит, молча лежала во тьме, пока не убедилась, что он проснулся.

– Экраны здесь ни при чем, – отозвался он. – Была буря. Палатку занесло песком. Скоро я ее раскопаю.

– Значит, Дункан не прилетел. – Нет.

Пауль рассеянно потер герцогский перстень (он носил отцовский знак на большом пальце – великоват), и вдруг его охватила дрожь яростной ненависти к этой планете, к самой ее сущности. Эта планета помогла убить его отца.

– Я слышала, как началась буря, – сказала Джессика. Бессодержательность ее слов помогла Паулю немного

успокоиться. Он вспомнил начало бури – он наблюдал его сквозь прозрачную стенку палатки. Сначала, будто холодный дождь, застучали песчинки по поверхности котловины, зазмеились песчаные вихри по земле, потом от них замутилось небо, стеной упал песчаный ливень. Он увидел, как меняется форма каменного шпиля напротив – стремительный порыв бури в одно» мгновение засыпал его, превратив в низкий желтоватый курган. Ворвавшись в котловину, песок затянул небо тусклобурым пологом – а затем палатку засыпало, и наступила темнота.

Опорные дуги палатки скрипнули, приняв на себя вес песка, затем наступила тишина, нарушаемая лишь глухими свистящими вздохами помпы шноркеля, подававшего воздух с поверхности в диститент.

– Попробуй опять приемник, – предложила Джессика.

– Бесполезно, – ответил Пауль.

Он нашупал водянную трубку, удерживаемую зажимом у воротника, глотнул теплой воды и подумал, что теперь начинается по-настоящему аракийская жизнь. Жизнь, зависящая от восстановленной воды, собранной из выделений тела... вода была совершенно безвкусной, но смягчила пересохшее горло.

Джессика услышала, как он пьет, почувствовала, как липнет к коже скользкая ткань дистикомба, но не поддалась своей жажде. Признать ее – значило окончательно проснуться к суровой реальности Аракиса, где приходится беречь каждую каплю влаги, собирать ничтожное количество /конденсата в водяные карманы диститента и жалеть о каждом выдохе в открытый воздух...

Насколько легче было бы вновь ускользнуть от реальности в сон!..

Но –сегодня днем она видела иной сон... до сих пор, вспоминая его, она вздрагивала. Ей снилось, что она подставляет руки струящемуся песку, а песок сыплется, сыплется и заносит начерченное

на песке имя: Герцог Лето Атрейдес. Она хочет поправить имя, но не успевает – первую букву засыпает прежде, чем она прочерчивает последнюю.

И песок все течет, все сыплется...

Сон завершился плачем-причитанием, который становился все громче и громче. Станный плач: какая-то часть разума осознавала, что это ее собственный голос – но детский, почти младенческий. От нее уходила какая-то женщина, чьи, черты ускользали из памяти.

«Моя неизвестная мать, – поняла Джессика. – Та сестра Бене Гессерит, которая выносила меня и отдала меня Ордену – потому что так ей приказали. Интересно, радовалась ли она, что отделалась от харконненского ребенка?..»

– Их слабое место – Пряность, – проговорил Пауль. – По ней и надо бить.

«Как он может сейчас думать об атаке?» – поразилась она.

– Здесь вся планета – сплошной склад Пряности, – возразила она. – Как здесь бить, куда?

, Было слышно, как он завозился, потянул к себе по полу рюкзак.

– На Каладане это была власть на море и в воздухе – сила воздуха и сила моря. Здесь это должна быть власть в Пустыне и сила Пустыни. И ключ к ней – фримены.

Последние слова донеслись уже от сфинктерного клапана входа. Тренированное ухо Бене Гессерит услышало в его голосе горечь, направленную против матери.

«Всю жизнь его учили ненавидеть Харконненов, – подумала она. – И вот он узнает, что сам он – тоже Харконнен... из-за меня. Как же мало он меня знает! Я была единственной женщиной герцога и приняла и его жизнь, и его ценности настолько, что ради них пошла против воли Бене Гессерит...»

Пауль протянул руку, включил ленточный светильник диститента, и его зеленоватый свет наполнил тесное пространство под сводом палатки. Пауль сел на корточки возле входного клапана, изготовив дистикомб к выходу в открытую пустыню: капюшон надвинут на лоб, ротовой и носовой фильтры на месте. Только узкая полоска лица и темные глаза остались открытыми – сверкнули, когда он на секунду обернулся к ней.

– Приготовься – открываю. – Из-под фильтра его голос прозвучал глухо.

Джессика тоже натянула фильтр, занялась капюшоном. Пауль разгерметизировал входной клапан.

Как только клапан открылся, шуршащий песок потек в палатку – прежде чем Пауль успел остановить его статическим уплотнителем.

Орудуя уплотнителем, Пауль принял расчищать проход – в стене песка образовалось и стало увеличиваться углубление. Он скользнул наружу – Джессика слышала, как он ползет по лазу к поверхности.

«Кто или что ждет нас наверху? – подумала она. – Харконненские солдаты и сардаукары? Хотя это – опасность, которую можно ожидать. Но есть еще и иные, неведомые...»

Она вновь подумала о статическом уплотнителе и прочих диковинных инструментах во фримпакете. И каждый из них показался ей вдруг олицетворением этих неведомых опасностей.

Затем она почувствовала дуновение ворвавшегося в палатку раскаленного воздуха с поверхности, тронувшего кожу между капюшоном и лицевым клапаном.

– Подай мне укладку, – негромко, осторожно попросил Пауль.

Джессика повиновалась; слышно было, как булькнула вода в литраках, когда она потянула по полу рюкзак. На фоне звезд чернел силуэт сына.

– Давай, – сказал он и, нагнувшись, принял рюкзак и вытянул его наверх.

Теперь был виден только усеянный звездами круг. Казалось, оттуда на нее нацелились сверкающие острия какого-то оружия. Внезапно этот круг ночного неба прочертли яркие штрихи метеоритного дождя. Метеориты показались ей дурным предзнаменованием – тигровые полосы на шкуре неба, леденящая кровь, сверкающая могильная решетка. И она вдруг остро ощутила, как лезвием меча нависла над ними награда, обещанная за их головы.

– Поторопись, – позвал Пауль. – Я хочу убрать палатку.

Струйка песка с шелестом просыпалась на ее левую руку. «Сколько песчинок удержит рука?» – спросила она себя,

– Помочь? – спросил Пауль.

– Не надо.

Она переглотнула сухим горлом и скользнула в лаз. Песок, уплотненный электрическим полем, сухо поскрипывал под руками. Пауль нагнулся в лаз, подал руку. Теперь она стояла рядом с сыном на гладком пятаке озаренной звездным светом Пустыни. Оглядевшись, Джессика увидела, что песок почти до краев наполнил впадину – лишь верхушки скал выступали над его ровной поверхностью. Напрягая свое тренированное восприятие, она вслушивалась в окружающую тьму.

Топоток и писк каких-то мелких зверушек.

Хлопанье крыльев, крик.

Шорох сыплющегося песка, движение...

...это Пауль сложил диститент и вытянул его из песка.

Звезды давали ровно столько света, чтобы наполнить угрозой каждую тень. Джессика нервно покосилась на окружавшие их сгустки мрака.

«Темнота – это слепое напоминание о давно ушедших временах, – подумалось Джессике. – Вслушиваясь в нее, мы инстинктивно страшимся услышать вой стаи, охотившейся некогда за нашими предками – так давно, что лишь в самых примитивных наших клетках сохранилась память об этом вое. Во тьме видят уши, видят ноздри...»

Пауль приблизился, проговорил:

– Дункан сказал, что, если его схватят, он сумеет продержаться... примерно до этого времени. Не дольше. Надо уходить.

Он вскинул на плечи укладку, поднялся на низкую теперь скалистую кромку укрывшей их каменной чаши, перешел на склон, обращенный в открытую Пустыню.

Джессика механически следовала за ним – про себя она отметила, что теперь уже она следует за сыном... – «Вот, тяжелее горе мое всего песка морского, – звучало в ее голове. – Этот мир опустошил меня, отняв все, кроме одной, древнейшей цели – заботы о будущей жизни. Теперь я живу лишь для моего юного герцога и для еще не рожденной дочери...»

Она поднялась к Паулю, чувствуя, как осыпается под ногами песок – словно хватает за ноги.

Пауль глядел на север, туда, где за скалистыми грядами вставала далекая каменная стена.

Она напоминала древний линкор в звездном ореоле. Невидимая волна возносила длинный стремительный корпус, увенчанный буферангами антенн, отогнутыми назад трубами, П-образной кормовой надстройки.

Над силуэтом взметнулось оранжевое пламя. С неба вниз в это пламя ударила ослепительная пурпурная черта.

И еще одна!

И вновь оранжевый сполох бьет вверх!

Это было – словно там, вдали, шло морское сражение древних времен, словно артиллерийская канонада – и эта ужасающая картина заставила их замереть.

– Огненные столбы, – прошептал Пауль.

Над далекими скалами поднялась гирлянда красных огней. Пурпурные штрихи рассекли небо.

– Это выхлопы реактивных турбин и лучеметы, – сказала Джессика.

Первая луна, красноватая из-за висящей в воздухе пыли, встала над горизонтом слева от них. Там еще виднелся хвост бури – пустыня словно кипела тучами песка.

– Похоже, это харконненские топтеры выселяют нас с воздуха, – озабоченно проговорил Пауль. – Видишь, как они прочесывают пустыню – хотят быть уверенными, что выжгли все, что там есть. Так вытаптывают гнезда каких-нибудь ядовитых насекомых...

- Гнездо Атрейдесов, - пробормотала Джессика.

- Надо найти укрытие, - сказал Пауль. - Пойдем на север, придерживаясь скал. Если они поймают нас на открытом месте... - Он отвернулся, подгоняя лямки рюкзака. - Они бьют по всему, что движется.

Он сделал шаг по склону - и услышал шелест скользящего в воздухе орнитоптера, увидел темные силуэты машин над ними.

Глава 2

Отец сказал мне однажды, что уважение к истине лежит в основе всех почти систем морали. «Ничто не возникает из ничего», – сказал он. Глубокая мысль – если только понимать, сколь изменчивой может быть «истина».

(Принцесса Ирулан, «Беседы с Муад'Дибом»)

– Я всегда гордился тем, что вижу вещи такими, каковы они есть, – сказал Суфир Хават. – Это – проклятие всякого ментата. Невозможно не просчитывать поступающую информацию, невозможно остановиться.

В предрассветном сумраке можно было видеть, как сосредоточенно старое обветренное лицо. Губы в пятнах от сафо сжаты в узкую прямую линию, от них пролегли тяжелые складки.

На песке, напротив Хавата, безмолвно сидел на kortochkaх человек в свободном длинном одеянии. Слова старого ментата его явно не тронули.

Оба они сидели под скалой, козырьком нависавшей над широкой и неглубокой впадиной. Рассвет уже окрасил иззубренные верхушки скал в розовый цвет. Под козырьком было холодно – здесь задержался отставший от уходящей ночи сухой, пронизывающий холодок. Перед самым рассветом дул теплый ветерок, но сейчас вновь похолодало. Хават слышал, как стучат зубами немногочисленные уцелевшие солдаты.

Человек напротив Хавата был фримен. Он – пришел к Хавату чуть только забрезжил «ложный рассвет». Он скользил, словно едва касаясь песка, сливаясь с дюнами. За его движениями, скрытыми полумраком и развеивающимся одеянием, невозможно было уследить.

Фримен протянул руку, пальцем начертил на песке подобие чаши с выходящей из нее стрелкой.

– Там без счета харконненских дозоров, – сказал он. Поднял палец от рисунка, ткнул в сторону скал, откуда спустился Хават со своими бойцами.

Хават кивнул.

Да, их там много.

Но он все еще не понимал, что было нужно этому фримену – и это его беспокоило. Он привык, что ментат способен определить движущие мотивы поступков.

Только что он пережил худшую ночь в своей жизни. Он был в гарнизонном городке Тсимпо, одном из буферных форпостов Карфага, бывшей столицы планеты, когда начали поступать сообщения о нападении. Сначала он подумал, что это – просто рейд, что Харконнены пробуют силы противника.

Но сообщение приходило за сообщением, и они приходили все чаще.

Два легиона высадились в Карфаге.

Пять легионов – пятьдесят бригад! – атакуют главную базу герцога в Арракине.

Один легион – в Арсунте.

Две боевые группы – в Расколотых Скалах.

Затем сообщения стали более подробными: среди атакующих – имперские сардаукары, вероятно, два легиона. И стало ясно, что врагу точно известно, сколько и куда посыпать войск. Совершенно точно! У них была превосходная разведка.

Потрясение и ярость Хавата возросли настолько, что еще немного – и он, как ментат, вышел бы из строя. Масштабы атаки сами по себе были – как удар.

И вот он сидит здесь под скалой в пустыне, кивает сам себе, словно дряхлый старик, кутается в драный и изрубленный мундир, словно пытаясь спрятаться от холодных теней.

Но сколько, сколько же их!..

Он всегда допускал, что враги найдут для налета или разведки боем лихтер Гильдии. Это было бы вполне в духе подобных междуусобиц Великих Домов, Лихтеры с грузом принадлежащей Дому Атрейдес Пряности взлетали и

садились на Арракисе регулярно. И разумеется, Хават принял необходимые меры на случай атаки с фальшивого лихтера. Они не предполагали, что даже в большом, массированном нападении будет

участвовать больше десяти бригад.

Но, судя по последним данным, десант на Арракис был высажен более чем с двух тысяч кораблей – и не только лихтеров; на планету опускались фрегаты, разведчики, мониторы, крашеры, десантные транспорты, грузобомбы...

Больше сотни бригад – десять легионов!

Стоимость подобного предприятия едва могла бы покрыть доход Арракиса от продажи Пряности за полвека!

И то не наверняка.

«Я недооценил сумму, которую барон был готов истратить на эту войну, – горько подумал Хават. – Я обманул доверие моего герцога – и погубил его!»

И оставалось еще это предательство.

«Я сумею прожить еще достаточно, – думал он, стискивая кулаки, – чтобы увидеть, как ее удавят. Надо было убить ее, когда была еще возможность. Мог – и не убил!..» – Хават не сомневался, что их предала именно леди Джессика. Слишком хорошо вписывалась она в общую картину всех известных фактов.

– Ваш Гурни Халлек и часть его людей сейчас в безопасности – у наших друзей контрабандистов, – объявил вдруг фримен.

– Это хорошо.

Значит, Халлек сумеет унести ноги с этой адской планеты. Хоть кто-то спасется...

Хават оглянулся на свой маленький отряд. Горстка! Еще ночью у него было три сотни отборных бойцов. Теперь их осталось ровно двадцать – и половина из них ранены. Некоторые спали – стоя, опершись на скалу или раскинувшись на песке у ее подножия. Их последний орнитоптер – они использовали его как экраноплан для перевозки раненых – отказал уже перед самым рассветом. Они разрезали его лучеметами на куски и зарыли их, а затем сумели все же добрести до этого укрытия на краю котловины.

Лишь приблизительно мог Хават представить, где они находятся – километров двести к юго-востоку от Арракина, а основные пути между сиетчами Барьерной Стены лежали где-то южнее.

Фримен, сидевший напротив Хавата, откинул капюшон и шапочку дистикомба, открыв песчаного цвета шевелюру и бороду. Волосы были гладко зачесаны назад с высокого лба. Непроницаемо синие глаза – как и все фримены, он потреблял много меланжи. У левого угла рта усы и борода были словно запятнаны – здесь волосы свалялись, прижатые изогнутой трубкой, идущей от носовых фильтров.

Фримен вынул фильтры из ноздрей, поправил их, вставил на место и почесал шрам возле носа.

– Если собираетесь этой ночью пересечь впадину, – проговорил он, г- не, вздумайте включать щиты. Там, – он развернулся на пятках и махнул рукой на юг, – в Стене есть проход, а до самого эрга тянутся открытые пески. А щиты могут привлечь... – он заколебался, словно подыскивая слово, – червя. Они нечасто заходят сюда, но к работающему щиту червь придет наверняка.

«Он сказал „червь“, – отметил Хават. – А хотел сказать нечто другое. Но что? И что ему от нас нужно?»

Хават вздохнул.

Он даже и не помнил, когда ему приходилось так уставать. Мышцы были так измотаны, что никакие энергетические таблетки уже не помогали.

Проклятые сардаукары!

С горьким осознанием собственной вины, Халлек думал о воинах-фанатиках и интриге – да нет, настоящем предательстве Императора, воплотившемся в их вторжении. Впрочем, как ментат, он понимал, что у него практически нет шансов предстать с доказательствами этого предательства перед Высшим Советом Ландсраада – а больше никто и не мог бы восстановить закон и справедливость...

– Вы хотите попасть к контрабандистам? – спросил фримен.

– А это возможно?

- Путь долог...
- «Фримены не любят говорить „нет“, – так сказал ему как-то Айдахо...
- Ты мне так и не сказал, – мрачно проговорил Хават, – помогут твои люди моим раненым или нет?
- Они – ранены...

Тот оке проклятый ответ! Опять и опять!

- Да знаем мы, что они ранены! – вспылил Хават. -= Это не...
- Успокойся, друг, – остерег фримен. – Что говорят сами раненые? Разве нету меж ними таких, кто понимает водную нужду племени?
- О воде мы не говорили, – сказал Хават. – Мы...
- Понимаю тебя, – кивнул фримен. – Понимаю, отчего ты не хочешь говорить об этом... Они твои друзья и соплеменники. Но есть ли у вас вода?
- Недостаточно...

Фримен показал на мундир Хавата – сквозь прорехи виднелась опаленная кожа, – сказал:

- Вижу я, вас захватили врасплох в вашем сиетче – без дистикомбов. Значит, тебе, друг, теперь принимать Водяное решение...
- Можем мы заплатить за вашу помощь?
- У вас нет воды, – пожал плечами фримен. Он оглядел небольшую группу за спиной Хавата. – Сколькими ранеными вы можете пожертвовать?

Хават замолчал. Будучи ментатом, он чувствовал, что они, Похоже, просто не понимают друг друга. Слова соединялись во фразы – но смысл ускользал. Что-то тут было не так.

– Я – Суфир Хават, – проговорил он, – и имею право говорить от имени моего герцога. Я могу дать тебе обязательство об, уплате за твою помощь. И мне нужна небольшая помощь – всего-то чтобы мои люди уцелели достаточно долго, чтобы убить изменницу, полагающую ныне, что она за пределами правосудия...

- Так ты хочешь, чтобы мы приняли твою сторону в вендетте?
- С вендеттой, -= я справлюсь и сам. Все, что мне надо, – это избавиться от ответственности за раненых, чтобы заняться этой вендеттой...

Фримен нахмурился:

- Как ты можешь отвечать за своих раненых? Они сами за себя отвечают. Ведь речь – о воде, Суфир Хават. Или хочешь ты, чтоб я сам, без тебя, принял то Водяное решение?

И фримен положил руку на скрытое под его плащом оружие.

Хават напрягся. Измена?..

- Чего ты боишься? – спросил фримен.
- «Эта мне фрименская прямота!» – подумал Хават и осторожно сказал:
- Моя голова ведь оценена...
- А-а, – отнял руку от оружия фримен. – Ты думаешь, мы продажны, как византийцы? Ты не знаешь нас. У Харконненов недостанет воды, даже чтобы купить и самого малого ребенка из фрименов.
- «Но у них хватило богатств, чтобы заплатить Гильдии за перевозку более чем двух тысяч боевых кораблей», – подумал Хават. Сама мысль о таких расходах ошеломляла!
- Мы оба сражаемся против Харконненов, – сказал Хават. – Разве не должны мы разделять, все проблемы и тяготы войны?
- А мы их и разделяем, – сказал фримен. – Я видел, как вы бились с Харконненами. Хорошо бились. В иные времена хотел бы я, чтобы ты бился плечом к плечу со мною!..
- Так скажи, где моя рука может пригодиться тебе? – горячо сказал Хават.

- Кто знает? – промолвил фримен. – Сейчас повсюду – харконненские войска... Однако ты до сих пор так и не принял Водяного решения – и не передал его своим раненым.

«Я должен быть осторожен, – напомнил себе Хават. – Я явно не понимаю чего-то важного».

- Может, – сказал он, – ты покажешь мне путь? Путь, годный для Арракиса?

- Вот мысли чужака, – с легкой насмешкой сказал фримен и показал куда-то на северо-запад, за скальные вершины. – Мы же видели, как пришли вы ночью через пески. – Он опустил руку. – Вот ты расположил своих

людей на сыпучем склоне дюны. А это – плохо. У вас нет ни дистикомбов, ни воды. Вам долго не продержаться.

- Да, нелегко дается жизнь на Арракисе, – признал Халлек.

- То правда. Но мы все же убивали Харконненов!

- А что вы делаете со своими ранеными? – напрямую спросил Хават.

- Разве не знает настоящий человек, когда его стоит спасать и когда нет? – поднял брови фримен. – Ведь твои раненые знают, что у вас нет воды. – Он повернул голову, искоса взглянув на Хавата. – Пришло время Водяного решения... И раненые, и здоровые должны теперь подумать о судьбе всего племени, о его будущем.

«Будущее племени, – подумал Хават. – Будущее племени Атрейдесов! А ведь в этом есть смысл...»

Он наконец заставил себя задать вопрос, которого избегал до сих пор. Боялся задать.

- Ты знаешь что-нибудь о моем герцоге – или о его сыне?

Непроницаемые синие глаза снизу вверх посмотрели в глаза Хавата.

- Что-нибудь?

- Какова их судьба?! – почти крикнул Хават.

- Судьба у всех одна, – неторопливо ответил фримен. – Герцог твой, говорят, уже принял ее. А что до Лисан аль-Гаива, его сына... его судьба – в руках Лиета. А Лиет не сказал еще.

«Я мог и не спрашивать – я знал это и так».

Он вновь взглянул на своих людей. Они уже все проснулись. И все слышали. Они смотрели вдаль, на пески, и по их лицам видно было, что они поняли: на Каладан возврата нет, а теперь потерян и Арракис.

Хават повернулся к фримену:

- А о Дункане Айдахо ты знаешь что-нибудь?

- Он был в Большом доме, когда отключился ваш щит, – ответил тот. – Это я знаю... но и только.

«Да, она отключила щит – и впустила Харконненов, – билось в голове у Хавата. – Я – я! – сидел спиной к двери! Но как могла она совершить это – когда это должно было повернуться и против ее сына?.. Но... кто поймет мысли гессеритской ведьмы... если их можно назвать человеческими мыслями...»

Хават попытался сглотнуть – горло пересохло.

- А о мальчике... когда ты узнаешь хоть что-нибудь о мальчике?

- Мы слишком мало знаем о том, что делается сейчас в Арракине, – не спеша ответил фримен. – Кто знает?..

- Но вы сможете узнать?..

- Возможно. – Фримен почесал рубец возле носа, – Скажи мне теперь, Суфир Хават: знаешь ли ты что-либо о большом оружии, которым пользовались Харконнены?

«Артиллерия, – горько подумал Хават. – Ну кто мог подумать, что они вспомнят о пушках в наш век лиловых щитов?!»

- Ты говоришь об артиллерию, с помощью которой они засыпали в пещерах наших бойцов, –

проговорил он. Я знал о подобном оружии со взрывчатыми снарядами... теоретически.

- Кто укрылся в пещере, имеющей лишь один выход, заслуживает смерти, - отрезал фримен.

- Но зачем ты спрашиваешь об этом оружии?

- Так угодно Лиету.

«Это - то, что ему от нас нужно?» - подумал Хават. И вслух:

- Так ты пришел к нам за информацией о больших пушках?

- Лист пожелал сам увидеть такое оружие.

- Чего же проще, - хмыкнул Хават. - Захватите одну пушку.

- Да, - кивнул фримен. - Мы и захватили. Спрятали ее там, где Стилгар сможет изучить ее для Листа - и где Лист сможет сам осмотреть ее, коль скоро будет на то его воля. Впрочем, не думаю я, что Лиету это будет интересно: неважное оружие. Не самая лучшая конструкция для Арракиса.

- Вы... захватили пушку?! - не веря своим ушам, переспросил Хават.

- Ну да, - ответил фримен спокойно. - Добрая была сеча. Мы потеряли лишь двоих, зато пустили воду, пожалуй, сотне их бойцов.

«Да ведь при каждой пушке были сардаукары! - мысленно закричал Хават. - А этот безумец из пустыни запросто говорит, что они потеряли лишь двоих - и это против сардаукаров!..»

- Мы бы и тех двоих нет потеряли, - заметил фримен, словно читая его мысли, - если б не те; другие, что дрались за Харконненов. Среди них были отменные бойцы!

Один из людей Хавата подошел, припадая на раненную ногу, взглянул сверху вниз на сидящего на корточках . фримена:

- Ты говоришь о сардаукарах.?

- Он говорит именно о сардаукарах, - устало кивнул Хават.

- Сардаукары, вот как! - сказал фримен, и в голосе его, кажется, зазвучало недоброе веселье. - Да! Вот, значит, каковы они. Да, добрая выдалась почка. Сардаукары, скажи-ка! А какой легион? Вы знаете?

- Нет, не знаем, - ответил Хават.

- Сардаукары, - задумчиво пробормотал фримен. - А в харконненской форме! Вот странно, а?

- Значит, Император не хочет, чтобы знали, что он выступил против Великого Дома.

- Но вы-то знаете, что это - сардаукары.

- Да кто я такой? - горько спросил Хават.

- Ты - Суфир Хават, - спокойно напомнил фримен. - Ну что ж, мы бы это и так узнали в свое время: мы уже послали троих пленных к Лиету, чтобы его люди допросили их.

Адъютант Хавата медленно переспросил, не веря своим ушам:

Вы...взяли в плен сардаукара?!

- Только троих, - отмахнулся фримен. - Очень уж хорошо дерутся.

«Ах, если б у нас было время привлечь на свою сторону фрименов! - горько подумал Хават. - Если б мы успели обучить и вооружить их!.. Великая Мать, какое войско б у нас было!..»

- Может, ты откладываешь -решение, беспокоясь из-за Лисан аль-Гаиба? - спросил фримен. - Если так, то знай, что не будет ему вреда ни от кого и ни от чего, коль скоро он и впрямь Лисан аль-Гаиб. Итак, не думай пока о том, чему нет свидетельства.

- Я служил... Лисан аль-Гаибу, - проговорил Хават. - Его безопасность, конечно, заботит меня: ведь я присягал ему!

- Присягал на его воде?

Хават бросил взгляд на своего адъютанта, все еще недоверчиво разглядывающего фримена, и вновь повернулся к сидящему перед ним.

- Да, на его воде.

- Ты хочешь вернуться в Арракин - в место его воды?

- В... да. В место его воды.

- Так что ж ты не сказал сразу, что это - дело воды?.. - Фримен поднялся, плотнее вставил фильтры в нос.

Хават кивком велел адъютанту вернуться к остальным. Тот, устало пожав плечами, подчинился. Хават услышал, что бойцы принялись негромко обсуждать происходящее.

- К воде, - заявил фримен, - путь есть всегда. Кто-то выругался за спиной Хавата.

- Суфир! - крикнул адъютант. - Арки умер. Фримен прижал к уху кулак:

- Это знак! Союз воды!..

Он прямо взглянул на Хавата:

- Поблизости у нас есть место для приятия воды. Так я зову моих людей?..

Адъютант подошел к Хавату.

- Суфир, у пары наших остались жены в Арракине. Они... Ну да ты понимаешь, каково им теперь...

Фримен все еще держал сжатый кулак у уха.

- Так что же, Суфир Хават, - Союз воды? - требовательно переспросил он.

Мозг Хавата лихорадочно работал. Сам он уже понял, что скорее всего имел в виду фримен, но боялся того, как прореагируют скучившиеся под скальным козырьком люди, когда и они поймут смысл происходящего...

- Союз воды, - наконец сказал он решительно.

- Да соединятся наши племена, - отозвался фримен, опуская кулак.

Словно по сигналу, к ним скользнули со скалы еще четверо фрименов, метнувшись под козырек, завернули тело во что-то вроде савана, подняли его и бегом понесли вдоль скальной стены, направо. Их ноги вздымали клубы пыли. Все было кончено раньше, чем кто-либо из измученного отряда Хавата сумел сообразить, что происходит. Четверка, несущая, будто мешок, завернутый в ткань труп, скрылась за поворотом скальной стены.

Один из бойцов Хавата наконец опомнился:

- Эй, что это они делают с Арки?! - крикнул он. - Он же был...

- Они унесли его... чтобы похоронить, - сказал Хават.

- Фримены не хоронят своих мертвцевов! - рявкнул боец. - С нами твои шутки не пройдут, Суфир! Мы-то знаем, что они делают! А Арки был один из...

- Рай обещан погившему за дело Лисан аль-Гаиба, - произнес фримен. - Коли вы служить Лисан аль-Гаибу, как сами то сказали, к чему здесь крики скорби? Память об умершем такой смертью сохранится, доколе жива вообще людская память!»

Но люди Хавата подступили к фримену, и их лица не сулили ничего доброго. Один, из них даже схватился за лучемет, отнятый в бою с врагом.

- Стоять! - рявкнул Хават. Впрочем, он и сам с трудом подавлял слабость в мышцах, поднявшуюся при мысли о... - Эти люди с почтением относятся к нашим убитым. Обычаи у всех разные, а смысл один!

- Да они же хотят выжить из Арки всю воду! - возмущенно крикнул человек с лучеметом.

- Твои люди хотят присутствовать при церемонии? - осведомился фримен.

«Он даже не понимает, в чем дело!» - подумал Хават почти с отчаянием. Наивность фримена была просто пугающей.

- Они беспокоятся о своём мертвом товарище – он пользовался большим уважением, – объяснил Хават.

- Разумеется, мы отнесемся к вашему товарищу с тем же уважением, как если бы он был одним из нас, – кивнул фримен. – Меж нами – Союз воды. Мы знаем и блюдем обычай. Плоть человека принадлежит ему самому вода – племени.

Поспешно – потому что боец с лучеметом подошел еще на шаг – Хават спросил:

- Теперь вы поможете нашим раненым?

- О чем спрашивать – или не заключен Союз воды? – удивился фримен. – Мы сделаем для вас все, что делает племя для своих. Прежде всего дадим вам дистикомбы и все самое необходимое.

Человек с лучеметом заколебался. Адъютант Хавата спросил:

- Мы что, покупаем помочь за… воду Арки?

- Мы ничего не покупаем, – отрезал Хават. – Мы присоединяемся к их племени.

- У всех – свои обычай… – пробормотал кто-то. Хават позволил себе слегка расслабиться.

- А они помогут нам добраться до Арракина?

- Мы будем бить Харконненов, – ответил фримен. Ухмыльнулся и добавил: – И сардаукarov.

Он отступил на шаг, приставил согнутые ладони к ушам и откинулся голову, прислушиваясь. Опустил руки, сказал:

- Орнитоптер. Спрятчтесь под скалу и не шевелитесь. Хават махнул рукой, и его люди поспешили выполнить приказ.

Фримен взял Хавата за руку, подтолкнул его к остальным:

- Сражаться будем, когда придет время войне, время битве.

Он пошарил под плащом, достал небольшую клетку и вынул из нее маленькое крылатое создание. Хават узнал в нем крошечного нетопыря. Тот повернул голову – на Хавата глянули сплошь синие глаза. Как у фримена. Фримен погладил зверька, успокаивая и, кажется, напевая что-то. Наклонил над ним голову и уронил с языка каплю слюны в открытый рот нетопыря. Нетопырь расправил крылья, но не взлетел с раскрытой ладони хозяина. Тогда фримен вынул маленькую трубочку, поднес ее к голове нетопыря и проговорил что-то в эту трубочку. Потом поднял создание на ладони, подкинул & воздух.

Нетопырь бесшумным зигзагом метнулся вдоль скальной стены и пропал из глаз.

. Фримен сложил клеточку и снова запрятал под плащ. Вновь склонил вбок голову, прислушиваясь.

- Прочесывают плоскогорье по квадратам, – сообщил он. – Интересно, кого они ищут?..

- Они знают, в каком направлении мы отходили, – ответил Хават.

- Никогда не нужно думать, будто охотятся только за тобой одним, – покачал головой фримен. – Взгляни-ка на тот край котловины. Увидишь кое-что любопытное.

Время шло.

Кое-кто из людей Хавата начал шевелиться и перешептываться.

- Замрите и молчите, как испуганные животные! – прошипел фримен.

В этот момент Хават уловил на дальнем конце котловины движение – мелькающие облачка, рыже-бурые на рыже-буровом.

- Мой маленький дружок доставил свое сообщение, – сказал фримен. – Он прекрасный гонец, что днем, что ночью. Жаль было бы потерять его.

Движение вдали замерло. На всем четырех-пятикилометровом пространстве раскаленного песка теперь не двигалось ничего – лишь колеблющиеся столбы горячего воздуха поднимались над этой огромной сковородкой.

- Ни звука теперь! – шепотом предупредил фримен. Из пролома в противоположной стене вышла тяжелой

поступью вереница темных фигур. Они шли прямо через котловину. Хавату они показались фрименами... только больно уж неуклюже шел их отряд по песку. Он насчитал шестерых, бредущих по дюнам.

Сверху-справа-сзади послышалось мерное хлопанье крыльев орнитоптера. Машина показалась над ними из-за скального гребня, это был орнитоптер из воздушного флота Атрейдесов, наспех перекрашенный в боевые цвета Харконненов, с намалеванными баронскими эмблемами. Топтер по плавной дуге снизился к идущим по дюнам.

Фигурки на гребне дюны остановились, замахали руками.

Топтер сделал круг над ними и по крутой спирали сел, подняв клубы пыли, прямо перед фрименами. Из него выскочили пятеро - Хават увидел мерцание отталкивающих пыль щитов, узнал в движениях этих людей жесткую ловкость сардаукаров.

- Айе! На них эти идиотские щиты! - прошипел фримен над ухом Хавата. Он смотрел в сторону открытой южной стены впадины.

- Это сардаукары, - шепнул Хават.

- Хорошо!..

Сардаукары приближались, беря неподвижную группку фрименов в полукольцо. Солнце сверкало на клинках. Фримены же стояли рядом, словно бы не замечая приближающегося противника.

И вдруг из песка вокруг обеих групп взметнулись, словно выброшенные взрывом, фримены. Вот они у орнитоптера - вот в нем... Фигурки сошли на гребне дюны, и пыльное облако скрыло их.

Наконец пыль осела. На песке остались стоять лишь фримены.

- Они оставили в топтере лишь троих, - сказал фримен. - Нам повезло. Думаю, нам удалось захватить машину неповрежденной.

Позади кто-то прошептал, пораженный:

- Но это ведь были сардаукары!..

- Ты тоже заметил, как они хорошо бились? - спросил фримен.

Хават сделал наконец глубокий вдох, ощутил опаленную пыль, жару, сушь. Голосом под стать этой суши он выговорил:

- Да, они хорошо дрались. Очень.

Захваченный топтер взлетел, резко взмахнув крыльями, и пошел на юг, поднимаясь по крутой дуге.

Значит, этим фрименам и топтер не в диковинку, отметил для себя Хават.

С далекой дюны фримен махнул квадратным зеленым флагжком: раз и два.

- Еще летят! - крикнул фримен. - Ну, приготовьтесь. Я надеюсь, мы уйдем без новых неудобств.

«Неудобств!» -sarcastically хмыкнул Хават, но ничего не сказал вслух.

Он увидел еще два топтера - они шли высоко, но теперь резко снизились, хотя на песке, как вдруг оказалось, больше, не было ни одного фримена. Лишь восемь синих мазков - тела сардаукаров в харконненской форме - остались на месте недавней схватки.

Еще один орнитоптер прошел над скалой прямо над головой Хавата. Тот даже дыхание задержал при виде его - это был большой транспортно-десантный корабль. Он летел медленно, широко распахнув огромные крылья. Идет с полной нагрузкой - точно гигантская птица, возвращающаяся в свое гнездо.

С одного из снижающихся орнитоптеров ударили пурпурный лазерный луч, чиркнул по песку.

- Трусы!.. - проскрежетал фримен.

Транспортный орнитоптер опустился возле неподвижных синих фигурок. Его крылья полностью раскрылись, забили - аппарат старался мгновенно сбросить скорость и сесть.

Вдруг внимание Хавата привлекла вспышка света на юге - там блеснул в солнечных лучах металл. Это пикировал на турбинах, полностью сложив крылья, еще один аппарат. На фоне темного серебристо-серого неба расплавленным золотом светились реактивные струи. Словно серебряная

стрела, мчался он тс транспортнику, щит на котором был снят из-за вовсю плюющихя огнем лучеметов.

Топтер врезался в транспортную машину.

Котловина вздрогнула от взрыва. Со скальных стен покатились камни. Огненный гейзер ударили в небо оттуда, где только что были две машины, а сейчас бушевало пламя.

«Это был фримен, взлетевший в захваченном топтере, – пронеслось у Хавата. – Он пожертвовал собой, чтобы уничтожить вражеский транспортник. Великая Мать, что за люди эти фримены».

– Разумный обмен, – прокомментировал фримен. – В транспорте было, наверно, человек триста. Ну, теперь надобно распорядиться насчет их воды == и подумать, как захватить другой орнитоптер.

Он уже вышел было из укрытия под .скалой, как вдруг прямо перёд ним со скал посыпались в замедленном падении, поддерживаемые Силовыми поясами люди в си-

ней форме Харконненов. Спустя мгновение Хават понял, что это – сардаукары, успел разглядеть выражение боевой ярости, застывшее на жестких лицах, успел заметить, что на них нет щитов и у каждого в одной руке – нож, в другой – стеннер.

Брошенный нож вонзился прямо в горло фримену – недавнему собеседнику Хавата, и тот упал лицом вниз. Хават успел только выхватить свой нож, но в этот миг в него вонзилась игла стеннера – и мир вокруг исчез.

Глава 3

Да, Муад'Диб действительно мог видеть будущее, однако вы должны понять, что у этого его дара были границы. Сравните это со зрением: у вас есть глаза, но без света вы ничего не увидите. Находясь на дне ущелья, вы не увидите ничего за его пределами. Точно так же и Муад'Диб не всегда мог по собственной воле заглядывать в таинственную страну будущего. . Муад'Диб учит нас: единое лишь неверное решение в пророчестве или неверный выбор единственного лишь слова могут полностью изменить и самое будущее. Он говорит: «Широко в видении время, будто врата; но когда проходишь сквозь это видение – оно становится лишь узкой дверью». И он всегда отвергал искушение избрать ясный и спокойный путь, предупреждая: «...ибо такой путь ведет вниз, к застою».

(Принцесса Ирулан, «Аракис Пробуждающийся»)

Когда из тьмы над ними выплыли, планируя, орнитоптеры, Пауль схватил мать за руку:

– Не шевелись! – почти крикнул он.

Но тут он увидел в лунном свете ведущую машину – то, как она сложила, приземляясь, крылья, ловкое, пожалуй, даже лихое движение рук пилота под колпаком.

– Это Айдахо, – выдохнул он.

Орнитоптеры спустились в котловину, словно птицы в гнездо. Еще не улеглась поднятая ими пыль, а Айдахо уже выскочил из кабины и мчался к ним. За ним скользили две фигуры в свободных фрименских одеждах. Одного Пауль узнал – высокий, с бородой цвета песка, – Кинес.

– Сюда! – крикнул Кинес, поворачивая налево.

За его спиной другие фримены набросили на орнитоптеры маскировочные полотнища. В одну минуту машины превратились в гряду невысоких барханов.

Айдахо с разлету замер перед Паулем, отдал честь:

– Милорд, поблизости отсюда у фрименов есть временное убежище, где мы можем...

– А там что такое? – перебил Пауль, показывая за дальние холмы, где все еще сверкали огни дюн и секущие пустыню пурпурные лазерные лучи.

На круглом, спокойном лице Айдахо мелькнула нечастая На нем улыбка.

– Милорд... сир, я подготовил для них небольшой сюрприз...

Слепящее белое пламя озарило Пустыню. Яркое, как солнце, отбросившее на камень окружающего котловину гребня резкие тени. В один миг Айдахо, схватив Пауля за руку, а Джессику – за плечо, столкнул их со скалы вниз, на песок котловины. Они распростерлись на песке, а над ними прокатилась рокочущая волна, сотрясшая скалу, откуда они только что так стремительно спустились. Посыпались каменные обломки. Айдахо сел, стряхивая с себя песок.

– Слава Богу, это не наше фамильное ядерное... – проговорила Джессика. – Я-то было уже подумала...

– Так ты подсунул им включенный щит! – догадался Пауль.

– И пребольшой, притом включенный на максимум! – радостно сообщил Айдахо. – Как только луч его задел... – Он развел руками.

– Субатомный синтез, – кивнула Джессика. – Опасное оружие!

– Какое оружие, миледи, – просто защита. Эти поганцы впредь дважды подумают, прежде чем опять нажмут спуск лучемета!..

К ним подошли фримены, прилетевшие вместе с Айдахо. Один из них негромко сказал:

– Друзья, нам надо укрыться.

Пауль вскочил на ноги, а Айдахо помог встать Джессике.

– Этот взрыв, уж можно не сомневаться, привлечет к себе внимание, сир! – сказал Айдахо.

«Сир», – повторил про себя Пауль.

Это слово так странно звучало, когда относилось к нему... «Сиром» всегда называли отца!

И опять он ощущал, как коснулось его чувство грядущего. Увидел себя, зараженного сознанием дикого народа, толкающего населенную людьми Вселенную к хаосу. Это видение столь потрясло Пауля, что Айдахо пришлось вести его вдоль края котловины к скальному выступу, где фримены уже вкалывались в песок с помощью своих статических уплотнителей.

- Позвольте ваш рюкзак, сир, - сказал Айдахо.

- Мне не тяжело, Дункан.

- У вас нет щита, - настаивал тот. - Возьмите мой. - Он оглядел далекие скалы. - Не думаю, чтобы кто-нибудь опять принялся палить из лучеметов поблизости.

- Оставь щит себе, Дункан. Твоя правая рука - куда лучшая защита для меня.

Джессика, видя, как действовала похвала, как Айдахо придвигнулся ближе к Паулю, подумала: «Как, однако, уверенно обращается с людьми мой сын!»

Фримен отодвинул камень, закрывавший лаз вниз, в скальное основание пустыни. Сверху вход прикрыли маскировочным полотнищем.

- Сюда, - сказал один из фрименов и повел их вниз, во тьму, по крутым каменным ступеням.

Полотнище за спиной закрыло от них солнечный свет. Впереди загорелся другой - тусклый зеленоватый, озарив ступени, каменные стены, поворот налево. Теперь со всех сторон беглецов окружали фримены, которые слегка подталкивали их, словно торопясь укрыться. Они повернули, и перед ними открылся еще один маршрут лестницы, который привел в пещеру с грубо обтесанными стенами.

Кинес подошел, откинув капюшон джуббы. В зеленом свете маслянисто поблескивал высокий ворот дистикомба. Его длинные волосы и борода были в беспорядке. Синие, без капли белизны, глаза казались черными под густыми бровями.

В это мгновение Кинес думал: «Зачем помогаю я этим людям? За всю жизнь я не делал ничего опаснее - и это может обречь меня на смерть вместе с ними...»

Он в упор посмотрел на Пауля. Перед ним стоял мальчик, только что вступивший в мужество, мальчик, прячущий скорбь и отбросивший все, кроме того, что он должен был принять на свои плечи, - герцогский титул и все, что с ним связано. И Кинес вдруг понял, что герцогство Атрейдесов все еще существует - и лишь благодаря этому подростку. И от этого нельзя было просто отмахнуться...

Джессика обежала взглядом пещеру, отмечая, как учит Бене Гессерит, все, что можно отметить. Лаборатория, и явно невоенная. Все какое-то квадратное, сплошные углы и плоскости - на старинный манер.

- Вот, значит, одна из Имперских Экологических Испытательных Станций, которые отец хотел получить в качестве своих передовых баз, - сказал Пауль.

«Отец хотел получить, - повторил про себя Кинес и снова поразился тому, что делает. - Не сглушили я, помогая им? Зачем я это делаю? Сейчас было бы так просто схватить его и купить за него союз с Харконненами...»

Следуя примеру матери, Пауль обвел взглядом помещение, отметив длинный рабочий стол, унылые каменные стены. На столе расставлены приборы - шкалы светятся, тускло отсвечивают экраны из металлической сетки, от которых отходят стеклянные трубки. Запах озона наполнял пещеру.

Несколько фрименов ушли куда-то за угол, и оттуда раздались новые звуки - закашлял двигатель, загудели, -раскручиваясь, приводные ремни и редукторы.

В дальнем конце пещеры Пауль разглядел ряды клеток с какими-то маленькими зверушками в них.

- Ты верно угадал, что это за место, - обратился к нему Кинес. - Но скажи, а как бы ты распорядился станцией, Пауль Атрейдес?

- Использовал бы ее, чтобы сделать этот мир по-настоящему пригодным и достойным местом для людей, - не колеблясь, ответил Пауль.

«Потому, наверно, я и помогаю им», - подумал Кинес.

Гудение машин постепенно утихло. В тишине резко прозвучал тонкий крик от одной из клеток. Он

тут же умолк, как будто зверек смущился.

Пауль вновь посмотрел на клетки. Теперь он разглядел, что в них сидят бурокрылые нетопыри. Из боковой стены выходила и тянулась вдоль клеток автоматическая кормушка.

Из скрытой части пещеры вернулся фримен, негромко сказал Кинесу:

- Лиет, силовые генераторы не действуют. Я не могу замаскировать нас от детекторов дальности.
- Сможешь починить?
- Быстро - нет. Детали, увы... - Фримен пожал плечами.
- Ясно, - сказал Кинес. - Что ж, придется обойтись без машин. Выдвиньте на поверхность заборники ручной помпы.
- .- Исполняем немедленно, - ответил фримен уже на ходу.

Кинес повернулся к Паулю:

- Ты дал хороший ответ.

Джессика отметила, как свободно и сильно прозвучал его голос. Это был - королевский голос, голос, привыкший повелевать. И, конечно, она заметила это обращение - «Лиет». Значит, вот каков другой лик скромного планетолога, его фрименское «альтер эго». Лиет.

- Мы бесконечно признательны за вашу помощь, - сказала она.
- М-мм... посмотрим, - отозвался Кинес и кивнул одному из своих людей. - Шамир, кофе с Пряностью в мои апартаменты.
- Сию минуту, Лиет, - ответил тот. Кинес кивнул на арку в стене:
- Прошу вас...

Принимая приглашение, Джессика позволила себе царственный кивок. Она заметила, как Пауль сделал Айдахо знак, приказывая ему оставаться на страже.

Короткий, в пару шагов проход привел их к массивной двери, открывшейся в освещенную золотистыми плавающими лампами кубическую комнату. Проходя,

Джессика провела рукой по двери и с изумлением ощутила под пальцами пласталь!

Пауль вошел, сделал три шага и остановился, бросив на пол рюкзак. Услышал, как закрылась за спиной дверь, осмотрел комнату: куб с ребром метров в восемь, рыжевато-бурые каменные стены, справа к стене пристроены металлические шкафы с каталожными ящиками. В центре кабинета стоял низкий стол с крышкой молочного стекла, в толще которого блестели желтые пузыри. Вокруг стола - четыре кресла на силовой подвеске.

Кинес обошел Пауля, отодвинул для Джессики кресло.

Та села, отметив, как сын изучает комнату.

Пауль какие-то мгновения помедлил - не садился. Легкая неправильность в движении воздуха сказала ему, что где-то справа, позади шкафов, был потайной выход из комнаты.

- Может быть, присядешь, Пауль Атрейдес? - при- гласил Кинес.

«Как старательно он избегает произносить мой титул», - подумал Пауль. Однако он сел и молчал, пока усядется Кинес.

- Ты понял, что Арракис может быть раем, - начал эколог. - Но, как сам видишь, Империя присыпает сюда лишь своих головорезов да охотников за Пряностью!

Пауль показал ему большой палец, на который он надел герцогский перстень.

- Ты видишь это кольцо? - Да.

- Знаешь, что это означает?

Джессика обернулась и в упор посмотрела на сына.

- Твой отец лежит, мертвый, в руинах Арракина, - сказал Кинес. - Значит, ты, теоретически, -

герцог.

- Я - солдат Империи, - резко ответил Пауль, - так что теоретически я - головорез... Лицо Кинеса омрачилось.

- Даже когда над телом твоего отца стоят сардаукары?

- Сардаукары - одно, а законный источник моей власти - совсем иное, - ответил Пауль.

- Арракис сам решает, кому носить мантию вождя, - отрезал Кинес.

И Джессика, вновь повернувшаяся к нему, сказала себе: «В этом человеке - сталь, никем не укрощенная... а нам нужна сталь. Но Пауль играет с огнем...» .

Пауль же произнес:

- Сардаукары лишь показывают, как боялся Император моего отца. А теперь я дам Императору причины бояться...

- Мальчик, - сказал Кинес, - есть вещи, которые ты не...

- Впредь, - оборвал его Пауль, - называй меня «сир» или «милорд».

«Мягче надо, мягче!» - воскликнула про себя Джессика.

Кинес уставился на Пауля, и Джессика заметила в его лице одновременно восхищение и усмешку.

- Сир, - едва уловимо помедлив, произнес Кинес.

- Я стесняю Императора, - сказал Пауль. - Я стесняю всех, кто хотел бы поделить Арракис как свою добычу. И пока я жив, я намереваюсь и впредь так их стеснять, чтобы застрять в их горле, словно кость, - чтобы они подавились и задохнулись!..

- Это все слова, - отмахнулся Кинес.

Пауль в упор посмотрел на него. Наконец он заговорил:

- У вас есть легенда о Лисан аль-Гаибе, о Гласе из Внешнего Мира, о том, кто поведет фрименов в рай. У вас есть...

- Предрассудки! - буркнул Кинес.

- Возможно, - согласился Пауль, - а может быть - и нет... Порой у предрассудков бывают странные корни и еще более странные плоды.

- У тебя есть план... Это-то мне по крайней мере ясно... сир.

- Могли бы твои фримены предоставить мне бесспорные доказательства того, что во всех этих делах замешаны сардаукары, переодетые в харконненскую форму?

- Пожалуй, да,

- Император, разумеется, вернет здесь власть Харконненам, - пояснил Пауль. - Может быть, даже назначит правителем Зверя Раббана. Пусть. Но раз Император

позволил себе увязнуть здесь так, что ему уже не скрыть свою вину - пусть считается с возможностью представления Ландсрааду официального протеста. Пусть он ответит там, где...

- Пауль! - воскликнула Джессика.

- Предположим, что Высший Совет Ландсраада примет твое дело к рассмотрению, - возразил Кинес. - Тогда возможен лишь один исход: тотальная война Империи и Великих Домов.

- Хаос, - кивнула Джессика.

- Но я, - сказал Пауль, - представляю свое дело не им, а самому Императору. И предложу ему альтернативу хаосу.

- Шантаж? - сухо спросила Джессика,

- Ну, шантаж - это лишь один из инструментов политики, как ты сама объясняла, - ответил Пауль, и Джессика услышала горечь в его голосе. - Дело в том, что у Императора нет сыновей. Только дочери.

- На трон метишь? - усмехнулась Джессика.

- Император не посмеет рисковать - тотальная война может взорвать Империю, - сказал Пауль. -. Сожженные планеты, всеобщий хаос - нет, на такой риск он не пойдет.

- Ты затеваешь отчаянную игру, - задумчиво сказал Кинес.

- Чего более всего боятся Великие Дома Ландсраада? - спросил Пауль. - Больше всего они боятся именно того, что происходит на Арракисе - здесь и сейчас. Того, что сардаукары перебьют их поодиночке, одного за другим. Вот, собственно, почему и существует Ландсраад. Это - то, что скрепило Великую Конвенцию. Лишь объединившись, Великие Дома могут противостоять силам Империи.

- Но они...

- Они боятся именно этого, - повторил Пауль. - Арракис станет для них тревожным сигналом. Каждый из них увидит себя в моем отце - увидит, как волки отбивают овцу от стада и режут ее...

Кинес обратился к Джессике:

- Может сработать этот план?

- Я не ментат, - ответила Джессика.

- Но ты - из Бене Гессерит.

Она испытывающе взглянула на него, затем произнесла:

- В его плане есть и сильные, и слабые стороны... как у любого плана на этом этапе. И всякий план зависит от исполнения не меньше, чем от замысла...

- «Закон есть высшая наука», - процитировал Пауль. - Так начертано над воротами императорского дворца. Вот я и хочу показать ему, что такое закон.

- Главное же, я не уверен, что могу доверять тому, кто задумал подобное, - проговорил Кинес. - У Арракиса есть собственный план, который мы...

- Взойдя на трон, - спокойно сказал Пауль, - я смогу мановением руки превратить Арракис в рай. Этой монетой я и собираюсь заплатить за вашу поддержку.

Кинес застыл.

- Моя преданность не продается, сир.

Пауль в упор взглянул на него через стол, встретив холодный блеск синих - синих-на-синем - глаз. Он изучилластное выражение обрамленного бородой лица, и жесткая улыбка коснулась его губ.

- Хорошо сказано, - промолвил он. - Я приношу свои извинения.

Кинес посмотрел Паулю в глаза и наконец произнес: - Ни один из Харконненов никогда не признавал своих ошибок. Возможно, ты и не такой, как они, Атрейдес.

- Может быть,, таковы уж недостатки их воспитания, - усмехнулся Пауль. - Ты сказал, что твоя преданность не продается, но, думаю, есть у меня такая монета, которую ты согласишься принять. За твою преданность я предлагаю свою преданность. Целиком и полностью.

«Мой сын в полной мере обладает знаменитой искренностью Атрейдесов. У него есть это поразительное, граничащее с наивностью, чувство чести» - и какое же эта великое оружие!..»

Она видела, как потрясли Кинеса слова сына.

- Чепуха, - сказал Кинес. - Ты всего лишь мальчик, и...

- Я - герцог, - поправил Пауль. - И я - Атрейдес. Атрейдесы никогда не нарушали такой клятвы.

Кинес сглотнул.

- Когда я говорю «целиком и полностью», - продолжал Пауль, - я не делаю никаких оговорок. Я готов, если нужно, отдать за тебя жизнь.

- Сир! - вырвалось у Кинеса. Но теперь Джессика видела, что он обращается не к пятнадцатилетнему мальчику, а к мужчине - и к высшему. Теперь Кинес не иронизировал - королевское обращение значило именно то, что должно значить.

«Сейчас он отдал бы жизнь за Пауля, – мелькнуло в голове у Джессики. – Как у Атрейдесов получается это – так легко, так быстро?...»

– Я вижу, что ты говоришь то, что думаешь, – сказал Кинес. – Однако Харкон...

Дверь за спиной Пауля распахнулась от удара. Он резко обернулся – и увидел, что там идет бой. Слышались крики, звон стали, мелькали в проходе искаженные восковые лица.

Пауль и Джессика метнулись к двери. Айдахо защищал проход; сквозь мерцание щита сверкали налитые кровью глаза. К Айдахо тянулись руки врагов, сверкающие дуги стали тщетно обрушивались на его щит. Оранжево сверкнуло пламя стеннера, но щит отразил его стрелку. Иказалось, что клинки Айдахо находятся одновременно всюду. С них срывались тяжелые красные капли.

Потом рядом с Паулем вдруг оказался Кинес. Вдвоем они изо всех сил навалились на дверь. Пауль в последний раз увидел Айдахо, отражавшего натиск целой толпы солдат в харконненских мундирах, запомнил его таким – резкие, рассчитанные движения, черные космы, в которых расцвел алый цветок смерти... затем дверь закрылась. Кинес с лязгом задвинул засовы.

– Похоже, я сделал выбор, – проговорил он.

– Кто-то успел засечь ваши машины, прежде чем они отключились, – сказал Пауль. Он взял мать за руку, отвел ее от двери и увидел отчаяние в ее глазах.

– Я должен был заподозрить неладное с самого начала – когда нам не принесли кофе, – сказал Кинес.

– У тебя здесь есть потайной выход, – сказал Пауль. – Воспользуемся им?

Кинес глубоко вздохнул:

– Эта дверь продержится минут двадцать – если они не применят лучемет.

– Они побоятся стрелять из лучемета – на случай если с нашей стороны двери есть действующий щит, – уверенно сказал Пауль.

– Это были сардаукары в харконненских мундирах, – прошептала Джессика.

Раздались мощные, ритмичные удары в дверь.. Кинес показал на металлические шкафы вдоль правой стены:

– Сюда.

Он подошел к первому шкафу, выдвинул ящик, покрутил в нем что-то. Все шкафы отошли в сторону наподобие двери, открыв черный зев тоннеля.

– Эта дверь тоже из пластили, – заметил Кинес.

– Вы хорошо подготовились к неожиданностям, – сказала Джессика.

– Мы восемьдесят лет жили под Харконненами, – ответил Кинес. Он провел их в темноту ,хода и закрыл вход.

Во мраке Джессика разглядела на полу перед собой светящуюся стрелу.

Сзади раздался голос Кинеса:

– Здесь мы расстанемся. Эта стена прочнее – она продержится не меньше часа. Идите вот по таким светящимся стрелкам – они будут гаснуть за вами. Стрелки проведут вас через лабиринт к другому выходу – там у меня спрятан топтер. Этой ночью в пустыне буря. Ваша единственная надежда – догнать ее, оседлать и лететь вместе с ней, на гребне. Мои люди проделывали такое, когда угнали топтеры. Если вы продержитесь высоко на гребне – вы уцелеете...

– А что будет с тобой? – спросил Пауль.

– Попробую уйти другой дорогой. Если меня –и схватят... что же, я пока еще остаюсь Имперским Планетологом. Скажу, что был вашим пленником.

«Бежим, словно трусы, – подумал Пауль. – Но что остается делать – мне надо выжить, чтобы отомстить за отца!..» Он обернулся к двери.

Джессика услышала это его движение.

- Дункан уже Мертв, Пауль. Ты же видел его рану. Ему уже не поможешь.
- Когда-нибудь они мне дорого заплатят за всех, - тяжело сказал Пауль.
- Только если поспешишь сейчас, - отозвался из темноты Кинес, и Пауль почувствовал его руку на плече.
- Где мы встретимся, Кинес? - спросил мальчик.
- Я прикажу фрименам разыскать вас. Путь бури известен... А теперь поторопитесь - и пусть Великая Мать дарует вам быстроту и удачу...

Они услышали стремительные шаги по неровному каменному полу во тьме - Кинес уходил. Джессика нашупала руку Пауля.

- Нам нельзя разойтись, - сказала она. - Да.

Они прошли первую стрелку - та погасла, едва лишь они коснулись ее. Впереди зажглась другая.

Они прошли и ее и, как только она погасла, увидели вдали следующую.

Теперь они бежали.

«Планы внутри планов, и в них опять планы, и в них - новые планы, - подумала Джессика. - Не стали ли мы теперь сами частью чьих-то планов?»

Стрелки вели их, указывая повороты, мимо боковых ответвлений, еле различимых в слабом люминесцирующем свете. Некоторое время путь вел вниз, но затем начал неуклонно подниматься. Наконец они взбежали по ступеням, повернули и вскоре уперлись в стену с черной ручкой посередине. Пауль повернул ее, и дверь стремительно распахнулась. Вспыхнули лампы, осветив высеченную в скале пещеру, посреди которой стоял на своих пружинистых амортизаторах орнитоптер. Дальше была гладкая серая стена с идеограммой «Выход» на ней.

- Интересно, куда пошел Кинес? - тихо спросила Джессика.

- Он поступил в точности так, как должен был поступить всякий хороший партизанский вожак, - ответил Пауль. - Разбил нас на две группы и сделал так, что,

даже если его схватят, он не сможет сказать, где мы. Он просто не будет этого знать.

Пауль ввел ее в зал с орнитоптером, отметил, что каждый их шаг поднимает облачка пыли.

- Никто не входил сюда уже очень давно, - сказал он.

- Он был так уверен, что фримены найдут нас, - заметила Джессика.

- Я тоже в этом уверен.

Пауль отпустил ее руку, подошел к машине слева, открыл дверцу и уложил рюкзак на заднем сиденье, пристегнув его.

- Топтер экранирован от масс-детекторов, - деловито сообщил он. - На приборную панель вынесено дистанционное управление механизмом дверей и светом. Да, восемьдесят лет под Харконненами научили их ничего не упускать из виду.

Джессика прислонилась к другому борту, восстанавливая дыхание.

- Харконнены наверняка установили наблюдение за всем этим районом, - сказала она. - Они кто угодно, только не дураки.

Она обратилась к своему чувству направления и добавила, показывая направо:

- Буря, которую мы видели, в той стороне.

Пауль кивнул. Ему не хотелось ничего делать. Он знал почему - но пользы от этого знания было мало. В какой-то момент этой ночью он направил линию своего решения в глубокую неизвестность. Он представлял себе окружавшую их область времени - но «здесь-и-сейчас» оставалось для него тайной. Словно он видел самого себя со стороны - спускающимся в долину и исчезающим из виду. Он знал, что из множества лежащих там путей лишь некоторые выведут Пауля Атрейдеса наверх, к свету, но большинство путей уводило во мрак.

- Чем дольше мы будем ждать, тем лучше они успеют приготовиться, - напомнила Джессика.

- Забирайся внутрь и пристегнись, - ответил Пауль. Затем сел в машину сам, все еще борясь с пугающей

мыслью о том, что это – «слепая» земля, недоступная пророческому видению. Внезапно он осознал, что все

больше полагается на свои пророческие видения, и именно это ослабило его теперь, в момент действия. Не зря учили Бене Гессерит – «Если доверяешься только зрению, все остальные чувства слабеют». Теперь он понял это по-настоящему и обещал себе, что больше в эту ловушку не попадется, если останется жив.

Пауль застегнул пристежные ремни, убедился, что и мать пристегнулась, проверил аппаратуру топтера. Поблескивал тонкий металлический каркас расправленных крыльев. Он тронул клавишу ретрактора – крылья сложились для старта на реактивной тяге, как учил его Гурни Халлек. Легко повернулась рукоятка стартера, двигатели ожили, и вспыхнули циферблаты на приборной панели. Затем негромко засвистели турбины.

- Готова? – спросил он.

- Да.

Он нажал дистанционный выключатель – и в пещере погас свет.

Их охватила тьма.

Он видел свою руку как темную тень над светящимися циферблатами. Затем включил механизмы дверей, и впереди раздался скрежет. Прошуршал осыпавшийся песок, его щек коснулся порыв пыльного горячего ветра. Он захлопнул дверь кабины, ощущив повышение давления.

В темноте открывшегося прямоугольного проема мерцали за пыльной завесой звезды. В их свете обозначился скальный карниз, а за ним – море песчаных волн.

Пауль вжал в панель светящуюся клавишу. Хлопнули крылья, резким взмахом подняв орнитоптер из его гнезда. Огненные струи ударили из турбин, крылья приняли угол для набора высоты.

Джессика, не касаясь клавиш, прошлась рукой по дублирующему пульту и почувствовала, как уверенно сын ведет машину. Она была одновременно испугана и возбуждена. Сейчас вся наша надежда – на выучку Пауля. На его юность и быстроту...

Пауль прибавил тягу. Топтер резко пошел вверх, вжав их в сиденья. Закрывая звезды, впереди вставала темная стена. Он увеличил площадь крыла и добавил энергии двигателям.

Еще несколько раз с силой ударили крылья, и они поднялись над посеребренными звездным светом вершинами скал. Красная от пыли Вторая луна встала над горизонтом справа, четко обрисовав силуэт бури.

Руки Пауля замелькали над приборами. Крылья почти полностью ушли в корпус. Тяжесть навалилась на них, когда топтер вошел в крутой- вираж.

- Позади реактивные выхлопы!

- Видел.

Он до отказа отжал сектор газа.

Словно вспугнутый зверь, топтер рванулся вперед, на юго-запад, к буре и обширному заливу песчаного океана. Под ними мелькнули ломаные тени – здесь скальное основание уходило под пески, а дальше тянулись лишь полукруглые гребни дюн.

А над горизонтом, словно чудовищная, исполинская стена, вставала буря.

Что-то тряхнуло орнитоптер.

- Это взрыв! – выдохнула Джессика. – Они стреляют из чего-то вроде пушек или ракетных...

Неожиданно для неё Пауль как-то по-звериному ухмыльнулся.

- Похоже, они не рискуют больше палить из лучеметов, – заметил он

- Но у нас нет щитов!

- А откуда им это знать?.. Машину вновь тряхнуло.

Пауль, изогнувшись, глянул назад.

- Только один из них может угнаться за нами, у остальных не хватит скорости, - сказал он.

Он вновь повернулся вперед - там росла стена бури, казавшаяся плотной, ощутимой, она угрожающе нависла над ними.

- Пусковые установки... ракеты... прочее древнее оружие - вот что мы непременно дадим фрименам, - прошептал Пауль.

- Буря, - проговорила Джессика. - Может, лучше повернуть?

- А что та машина позади нас?

- Догоняет.

- Держись!..

Пауль втянул крылья почти до отказа, и в крутом левом вираже вошел в обманчиво медленно кипящую стену, почувствовал, как ускорение оттягивает щеки.

Казалось, они просто вошли в пыльное облако, но оно становилось все плотнее и плотнее и наконец закрыло пустыню и луну.» Кабина топтера погрузилась во мрак, озаряемый лишь зеленоватым светом приборов, за стенками шуршало и свистело.

Джессика вспомнила все ужасы, какие рассказывали про здешние бури, которые режут металл, точно масло, срывают с костей мясо, а затем истачивают самые кости! Почувствовала, как вздрогивает топтер под напором напитанного пылью ветра, игравшего машиной, пока Пауль сражался с управлением. Вдруг он отключил энергию - и аппарат сразу вздыбился, его металл задребезжал, зашипел.

- Песок!.. - закричала Джессика.

В свете приборов она увидела, как Пауль помотал головой:

- На такой высоте песка почти нет!..

Но она чувствовала, как их затягивает в этот песчаный Мальстрем.

Пауль расправил крылья на полный размах, услышал, как они заскрипели от напряжения. Он не сводил глаз с приборов и по наитию парил, набирая высоту, сражаясь за каждый метр.

Свист и вой за бортом сталитише.

Топтер начал крениться на левое крыло. Пауль отдал все внимание светящемуся глобусу авиагоризонта и сумел-таки выровнять машину.

У Джессики было странное ощущение, будто они неподвижны, а движется все вокруг. Лишь стремительно текущие по остеклению буроватые струи да громкий шелест за обшивкой напоминали ей о бушующих вокруг силах.

«Скорость ветра - километров шестьсот -ч семьсот, - подумала она. В крови пылал адреналин. - Я не должна боятьсяся, - начала она про себя литанию против страха Бене Гессерит, беззвучно выговаривая слова. - Ибо страх убивает разум...»

Постепенно ее долгая подготовка взяла верх.

Спокойствие и самообладание вернулись к ней.

- Мы ухватили тигра за хвост, - прошептал Пауль. - Мы не можем спуститься, не можем сесть... и поднять машину выше я тоже вряд ли сумею. Придется нестись вместе с бурей, пока она не выдохнется.

Мгновенно ее спокойствие испарилось. Джессика почувствовала, как стучат ее зубы, стиснула их. Затем раздался тихий, спокойный голос Пауля:

- «Страх убивает разум. Страх - есть малая смерть, влекущая за собой уничтожение. Но я встречу свой страх и приму его. Я позволю ему пройти надо мной и сквозь меня. А когда он пройдет через меня; я обращу свой внутренний взор на его путь; и там, где был страх, не останется ничего - лишь я, я сам».

Глава 4

Что ты презираешь? Скажи, и я узнаю, кто ты: именно это определяет твою истинную суть.

(Принцесса Ирулан, «Муад'Диб»)

- Они мертвы, мой барон, - доложил капитан Йакин Нефуд, начальник баронской охраны. - И мальчишка, и женщина, без сомнения, мертвы.

Барон Владимир Харконнен сел в своей кровати с силовой подвеской. Его опочивальня размещалась в самом сердце севшего в Арракине фрегата, словно в яйце с многослойной скорлупой. Впрочем, в баронских апартаментах металл обшивки был скрыт тяжелыми драпировками, мягкой матерчатой обивкой, подушками и редкостными произведениями искусства.

- Это точно, - повторил капитан. - Они мертвы. Жирное тело барона шевельнулось в силовой паутине постели, он уставился на эболиновую статую прыгающего мальчика в нише напротив. Сон исчез. Он поправил под толстой, в складках, шеей подушку со спрятанным внутри генератором подвески, и в свете единственного в опочивальне плавающего светильника .перевел взгляд на стоящего в дверях капитана Нефуда - тот не мог переступить порог перекрытой пенташитом двери.

- Они, несомненно, мертвы, - вновь повторил охранник.

Барон заметил, что глаза Нефуда все еще мутны от семуты. Было очевидно, что бравый капитан был в глубоком наркотическом трансе, когда получил сообщение, и, успев только принять антидот, бросился сюда, к хозяину.

- У меня есть подробный рапорт, - пробормотал Нефуд.

«Пусть попотеет немного, - подумал барон. - Инструменты власти всегда надлежит держать отточенными и наготове. Сила и страх - вот что оттаскивает и готовит их..»

- Ты сам видел тела? - прогудел барон. Нефуд замялся.

- Ну?

- Милорд... видели, как они нырнули в песчаную бурю... сила ветра - больше восьмисот километров в час... Никто не выйдет живым из такой бури, милорд!» Никто и ничто! Погибла одна из преследовавших их наших машин...

Барон внимательно смотрел на Нефуда и отмечал, как у того нервно подергивается мускул на скуле, как двигается подбородок, когда Нефуд, волнуясь, сглатывает слюну.

- Так ты видел тела? - повторил барон.

- Милорд...

- Так что же ты явился сюда распускать перья и греметь доспехами?! - прорычал барон. - Чтобы сказать «несомненно» про то, чего точно не знаешь?! Может, надеешься, что я похвалю тебя за глупость, да еще и повышение дам?!

Лицо Нефуда побелело как мел.

«Смотрите на этого труса! Цыпленок! - думал барон. - И меня окружают сплошь такие вот никчемные болваны! Рассыпь я перед ним песок и скажи, что это зерно, - ведь примется клевать!..»

- Значит, вы пришли туда, следуя за этим Айдахо? - спросил, барон.

- Да, милорд.

«Ишь как бодро отвечает!» - мысленно скривился барон и вслух спросил:

- Пытались, значит, бежать к фрименам?

- Да, милорд.

- Что еще ценного было в этом твоем... рапорте?

- Имперский планетолог Кинес замешан в этом деле, милорд. Айдахо встретился с Кинесом при весьма таинственных... я бы сказал - подозрительных обстоятельствах.

- И что дальше?

- Они... э-э... вместе поспешили в некое место в Пустыне, где, очевидно, скрывались мальчишка и его мать. Увлекшись погоней, несколько групп преследования угодили под взрыв - они попали из лучемета в силовой щит...

- Сколько мы потеряли?

- Я... э-э... не знаю пока точной цифры, милорд. «Лжет, - подумал барон. - Потери явно слишком велики».

- Значит, этот имперский лакей Кинес затеял двойную игру, а?

- Отвечаю моей репутацией, барон. «Скажите-ка .- его репутацией!..»

- Так распорядись, пусть его убьют, - велел барон.

- Милорд! Позволю себе напомнить: Кинес - Имперский планетолог, слуга Его Вели...

- Ну так сделай так, чтобы это сошло за несчастный случай!

- Милорд, вместе с нашими бойцами в захвате этого фрименского гнезда участвовали и сардаукары, и Кинес в плenу у них...

- Забери его. Скажи, что я желаю лично его допросить.

- А если они откажут?

- Не откажут, если ты будешь делать все как надо. Нефуд сглотнул:

- Слушаю, мой барон.

- Он должен умереть, - прорычал барон. - Он посмел помочь моим врагам!..

Нефуд переступил с ноги на ногу.

- Что еще?

- Милорд, сардаукары захватили... двоих людей, которые могут представлять интерес для вас. И второй - это старший асассин покойного герцога.

- Хават? Суфир Хават?!

- Я сам видел пленного, милорд. Это Хават.

- Вот не думал, что такое возможно!

- Сообщают, что в него выстрелили из станнера, милорд. В Пустыне, где он не решался пользоваться щитом.

Так что его взяли практически невредимым. Если мы сумеем заполучить Хавата - нам удастся неплохо позабавиться.

- Ты говоришь 6 ментате, - проворчал барон. - Ментатами не бросаются. Он говорил, что он думает о поражении? Знает ли он, насколько... нет, не может быть.

- Он сказал немного, милорд, но достаточно, чтобы понять, что предателем он считает леди Джессику.

- Ax-xxx...

Барон снова откинулся на подушки, размышляя.

- Ты уверен? - спросил он наконец. - Ты уверен, что его ненависть направлена прежде всего на леди Джессику?

- Он сказал так в моем присутствии, милорд.

- Так пусть он думает, что она жива.

- Но, милорд...

- Не перебивай. Пусть с Хаватом хорошо обращаются. Я запрещаю говорить ему о докторе Юйэ, истинном предателе. Упомяните как-нибудь, что доктор Юйэ пал, защищая герцога. В каком-то смысле это даже правда... А мы укрепим его подозрения в отношении леди Джессики.

- Конечно, – милорд, но...
- Хават голоден? Хочет пить?
- Милорд, но Хават все еще в руках сардаукаров!..
- Ах да. Конечно. Но сардаукары не меньше моего хотят выкачать информацию из Хавата. Я заметил кое-что и наших союзниках, Нефуд. Они не слишком ревностны... по политическим мотивам. Я уверен, что это не случайно: очевидно, так хочет Император. Да. Я в этом уверен. Вот ты и напомнишь командиру сардаукаров, что я известен своим умением выжимать информацию из самых молчаливых субъектов...

Нефуд выглядел глубоко несчастным.

- Да, милорд.
- Скажешь командиру сардаукаров, что я намерен допросить Хавата и Кинеса вместе, устроив им очную ставку и используя одного против другого. Это он, я полагаю, поймет.
- Да, милорд.
- А когда мы заполучим обоих... – Барон покивал,
- Милорд, сардаукары наверняка потребуют, чтобы их наблюдатель присутствовал на всех... допросах.
- Я уверен, что мы сумеем изобрести способ отвадить всех нежеланных наблюдателей, Нефуд.
- Понимаю, милорд. Тогда с Кинесом и произойдет несчастный случай?
- И с Кинесом) и с Хаватом, Нефуд. Но по-настоящему погибнет лишь Кинес. А Хават мне нужен. Да. Ах-х, да.

Нефуд моргнул, сглотнул. Казалось, он хотел спросить о чем-то, но удержался.

- Хавату будут давать и еду, и питье, – распорядился барон, – с ним будут обращаться хорошо, проявлять симпатию. Но в его воду ты добавишь остаточный яд, разработанный покойным Питером де Врие. И ты же проследишь, чтобы с этого момента он регулярно получал в пище противоядие... пока я не отменю это распоряжение.
- Противоядие, да... – Нефуд потряс головой. – Но...
- Не будь так глуп, Нефуд. Герцогу почти удалось убить меня с помощью этой капсулы с ядом в зубе. Газ, который он выдохнул, метясь в меня, лишил меня лучшего моего ментата – Питера. Так что мне нужна замена.
- Хават?
- Хават. – Но...
- Ты хочешь сказать, что Хават полностью предан Атрейдесам? Это так, но все Атрейдесы мертвые. Мы же, так сказать, совратим Хавата. Следует убедить его, что он никак не виновен в поражении герцога, что оно – дело рук Бене-Гессеритской ведьмы. У него был слабый хозяин, чей, разум был замутнен эмоциями. Ментаты знаешь ли, высоко ценят умение вычислять, не отвлекаясь эмоциями, Нефуд. Вот мы и совратим нашего славного, грозного, неподкупного Суфира Хавата.
- Совратим его... Да, милорд.
- Прежний хозяин Хавата, к несчастью, был не слишком состоятелен и не мог поднять своего ментата к вершинам разума – что есть право ментата. Хават, несомненно, поймет, что в этом есть некая доля правды. Так, герцог не мог позволить себе нанять максимально эффективных шпионов, чтобы обеспечить своего ментата необходимой информацией. – Барон поглядел на Нефуда. – Не будем себя обманывать, Нефуд: правда – это мощное оружие.

Мы знаем, чем мы победили Атрейдесов; знает и Хават. Мы победили их своим богатством.

- Богатством. Да, милорд.
- Итак, мы совратим Хавата, – повторил барон. – Мы укроем его от сардаукаров. И мы будем держать в резерве... возможность в любой момент прекратить введение противоядия. Остаточный яд невозможно вывести из организма. И, Нефуд, Хавату незачем знать про этот яд. Противоядие не обнаруживается ядоискателем. Пусть себе Хават исследует свою пищу сколько хочет – даже следа

яда он не обнаружит.

Глаза Нефуда расширились – он наконец понял.

– Отсутствие некоторых веществ бывает так же смертоносно, как и присутствие других, – усмехнулся барон. – Вот, скажем, отсутствие воздуха, а? Или воды. Отсутствие чего угодно, к чему мы привыкли и от чего зависим. – Барон многозначительно кивнул. – Ты понял, о чём я говорю, Нефуд?

Нефуд сглотнул:

- Да, милорд.
- А раз понял – займись делом. Разыщи командира сардаукаров и приступай.
- Сию минуту, милорд. – Нефуд поклонился, повернулся и поспешно удалился.

«Только представить – Хават на моей стороне! – подумал барон. – Сардаукары отдадут мне его. Если они что и заподозрят – так только что я хочу его – ментата! – уничтожить. Что ж, я помогу им впасть в такое заблуждение. Дурачье! Один из самых грозных ментатов во всей истории – ментат, которого научили убивать! – и они отдадут его мне, словно никчемную игрушку, которую не жаль и сломать. А я – я покажу им, на что годится такая игрушка!..»

Барон протянул руку под драпировку подле постели и нажал кнопку, вызывая своего старшего племянника, Раббана. Улыбаясь, откинулся назад.

И все Атрейдесы мертвы!

Дурак капитан прав, конечно. Ничто, попавшее в песчаную бурю Арракиса, не спасется. Во всяком случае, орнитоптер обречен:,, как и его пассажиры. Женщина и мальчишка мертвы. Взятки нужным людям, немыслимые

расходы на доставку на планету достаточной для обеспечения подавляющего превосходства армии... хитроумные доносы, предназначенные лишь для ушей самого Императора, все тщательно продуманные интриги наконец принесли плоды.

Сила и страх- страх и сила!..

Барон уже ясно представлял, что будет дальше. Однажды Харконнен станет Императором. Не он сам, конечно, и вряд ли прямой его отприск. Но – Харконнен! Только, конечно, не Раббан, которого он сейчас вызвал. А – младший брат Раббана. Юный Фейд-Раута. Его ум и хитрость были по душе барону. Особенно же его... злобность.

Чудесный мальчуган. Через год-два – когда ему будет семнадцать – станет окончательно ясно, выйдет ли из него орудие, с помощью которого Дом Харконнен добудет трон...

– Приветствую вас, милорд барон...

За полем дверного щита баронской опочивальни стоял невысокий, полный, с широким лицом человек, в котором ясно проглядывали родовые черты Харконненов по мужской линии – близко посаженные глаза, массивные плечи. Он был жирноват, но еще достаточно гибок. Впрочем, было очевидно,, что рано или поздно и ему придется поддерживать лишний вес генераторами силовой подвески... ,

«Мышцы вместо мозга – танк, да и только, – подумал барон. – Да уж, не ментат мой племянничек, далеко не... Не Питер де Брие, хотя, возможно, для непосредственно стоящей перед нами задачи Раббан как инструмент даже ценнее... Если дать ему свободу действий... он сотрет в пыль все на своем пути. О, как же будут его ненавидеть на Арракисе!..»

– А, мой дорогой Раббан, – приветливо сказал барон, снимая пенташит со входа, впрочем, индивидуальный щит он одновременно и демонстративно перевел на полную мощность. Он знал, что в свете плавающей лампы его мерцание будет хорошо заметно.

– Вы вызвали меня... – сказал Раббан, переступая порог. Он бросил взгляд на колеблющийся воздух вокруг барона, поискав плавающее кресло, не нашел.

– Встань поближе, чтобы я тебя лучше видел, – велел барон.

Раббан подошел еще на шаг. Ясно, что чертов старик специально велел убрать все кресла – чтобы посетители стояли.

– Атрейдесы мертвы, – объявил барон. – Все до единого. Вот почему я вызвал тебя сюда, на Арракис.

Эта планета снова твоя.

Раббан моргнул:

- Н-но... я думал, что вы хотите сделать Питера де Врийе...
- Питер тоже мертв.
- Питер?!
- Питер.

Барон вновь включил пенташит и перевел его в режим полного отражения любой -энергии.

- Все-таки он вам надоел окончательно, а? - развязно спросил Раббан, но его голос в энергоизолированной комнате прозвучал тускло и безжизненно.

- Вот что я скажу тебе - и не собираюсь повторять, - прорычал барон. - Ты, похоже, позволил себе намекнуть, что я разделался с Питером так запросто, словно бы это был - так, пустячок? - Он прищелкнул жирными пальца-ми. - Вот такая мелочь, а?.. Так вот, племянничек:- я не настолько глуп. И поверь, впредь я буду очень недоволен, если ты еще раз словом или действием намекнешь, что я так глуп.

Казалось, Раббан начал косить сильнее обычного: он был испуган. Он-то знал; насколько далеко может зайти барон в гневе на членов собственной семьи. Правда, смертью дело кончалось редко - если такая смерть не сулила выгоды или виновный не чересчур напрашивался. Но семейные наказания могли быть весьма неприятны...

- Простите, милорд барон. - Раббан потупился, одновременно Изображая покорность и скрывая гнев.

- Ты меня не обманешь, Раббан, - буркнул барон. Раббан, не поднимая глаз, сглотнул.

- Заруби на носу, - сказал барон, - никогда не уничтожай человека, не подумав, просто, так сказать, по законам войны. Если убиваешь - убивай для дела и знай, зачем именно!

Раббан вспыхнул:

- Но вы же убили изменника Юйэ! Я видел, как отсюда вынесли его тело - вчера, когда я прибыл.

Испугавшись звука собственных слов, Раббан уставился на дядю.

Но тот неожиданно улыбнулся.

- Я просто остался с опасным оружием. Доктор Юйэ был предателем, он выдал мне герцога. - Голос барона зазвучал с новой силой: - Я подчинил себе доктора Сукской Школы! Внутренней Сукской Школы! Ты слышишь, мальчик? Ты понимаешь, что это значит? Но это было чересчур опасное оружие, чтобы просто бросить его. Так что его я уничтожил не бесцельно и хорошо продумав это действие...

- А Император знает, что вы сумели подчинить себе Сукского доктора?

«Вопрос прямо в точку, - мысленно скривился барон. - Неужели я недооценил племянничка?..»

- Император пока ничего не знает, - нехотя ответил он. - Но сардаукары ему обо всем доложат. Однако до того я, по каналам КООАМ, отправлю ему свой рапорт. И объясню, что мне посчастливилось найти доктора, который лишь изображал прошедшего Имперское кондиционирование. То есть фальшивого доктора, ясно? Поскольку каждый знает, что Имперское кондиционирование необратимо, - объяснение примут.

- Ах-х-х, понимаю, - пробормотал Раббан.

«Да уж, надеюсь, понимаешь, - проворчал про себя барон. - Надеюсь, ты понимаешь, что для нас жизненно важно, чтобы эта история осталась в тайне».

Внезапно барон изумился: «Зачем я сделал это? Зачем расхвастался перед этим дураком племянником, которого мне предстоит использовать и избавиться от него?..» Барон разозлился на себя. Было такое чувство, словно его предали.

- Это должно остаться в тайне, - проговорил Раббан. - Я понимаю.

Барон вздохнул.

- На этот раз ты получишь совсем иные инструкции относительно Арракиса, племянник. Когда ты правил тут раньше – я строго контролировал тебя. Теперь я требую лишь одного.

- Слушаю, милорд.

- Доходов.

- Доходов?

- Ты представляешь, Раббан, сколько нам пришлось затратить, чтобы доставить сюда такую армию? Ты хоть краем уха слыхал, сколько берет Гильдия за военные перевозки?..

- Дорого, да?

- Дорого?! – Барон ткнул в Раббана жирной рукой. – Если ты шестьдесят лет будешь сдирать с Арракиса каждый грош, который он может дать, ты едва-едва возместишь наши расходы!

Раббан открыл было рот, но снова закрыл, не в силах сказать хоть что-нибудь.

- «Дорого!» – передразнил барон с презрительной гримасой. – Проклятая монополия Гильдии на космические перевозки пустила бы меня по миру, не запланируй я эти расходы уже очень давно. Ты должен знать, что это именно мы, и Только мы, оплатили всю операцию. Включая даже перевозку сардаукаров.

И – уже далеко не в первый раз – барон подумал о том, придет ли когда-нибудь время, когда можно будет как-нибудь обойти Гильдию, а то и вовсе обойтись без нее. Гильдия хитра. сперва берет ровно столько, сколько можно взять без особых возражений клиента... ну а потом клиент оказывается у нее в руках, и уж тут – плати, плати и плати...

Причем всегда самые немыслимые запросы Гильдии связаны именно с военными операциями. «Наценка за риск», как называют это приторно-услужливые и скользкие агенты! Гильдии. А стоит умудриться внедрить своего агента в Гильд-Банк – они подсовывают в ответ двух своих... – Невыносимо!

- Значит, доход, – повторил Раббан:

Барон сжал руку в кулак:

- Дави, души, выжимай!

- И, пока мне удается выжимать из них доход, я волен в остальном делать все, что хочу?

- Абсолютно все.

- Пушки, которые вы привезли сюда, – с надеждой спросил Раббан, – нельзя ли их...

- Пушки я увозжу, – отрезал барон.

- Но вы же...

- Эти игрушки тебе не понадобятся. Они были хороши как сюрприз – а теперь толку от них будет мало. Как металл они нужнее. Они бесполезны против щитов, Раббан. Все дело в неожиданности. Было нетрудно предсказать, что люди герцога укроются в пещерах. И наши пушки просто закупорили их там...

- Но фримены как раз не пользуются щитами.

- Можешь, если хочешь, оставить себе часть лучеметов.

- Да, милорд. И – я получаю свободу действий?

- До тех пор, пока можешь выжимать доход... Раббан растянул губы в зловещей и самодовольной улыбке.

- Это я совершенно ясно понял, милорд.

- «Совершенно ясно» ты не понимаешь ничего, – пробурчал барон. – Так что давай договоримся с самого начала. Все, что ты понимаешь, все, что тебе нужно понимать, – это как исполнять мои приказы. Ты когда-нибудь думал, что на этой планете живут пять миллионов человек?

- Разве милорд забыл, что я уже был здесь его регентом-сиридаром? И если милорд простит поправку – эта цифра скорее всего занижена. Очень трудно сосчитать все так вот разбросанное по впадинам и котловинам население. А если считать еще и фрименов...

. - Фрименов учитывать не стоит!

- Простите, милорд, но сардаукары придерживаются противоположного мнения...

Барон помедлил, в упор глядя на племянника.

- Что ты об этом знаешь?

- Прошлой ночью, когда я прибыл, милорд уже изволил отдохнуть. Я... э-э... взял на себя смелость связаться кое с кем из моих... э-э... прежних помощников. Они служили проводниками сардаукарам и сообщают, что к северо-востоку отсюда фрименская банда подстерегла в засаде отряд сардаукаров и полностью его уничтожила.

- Уничтожила отряд сардаукаров?!

- Да, милорд.

- Невероятно!

Раббан пожал плечами.

- Фримены уничтожили сардаукаров! - скривившись, повторил барон.

- Я лишь довожу до вас то, что мне доложили, - ответил Раббан. - Мне также сообщили, что все та же банда фрименов до того захватила знаменитого Суфира Хавата, любимца герцога...

- Ах-х-ххх...

Барон, улыбаясь, покивал.

- Я верю докладу, - сказал Раббан. - Вы просто не представляете, сколько хлопот доставляли эти фримены...

- Может быть. Только твои люди видели не фрименов. Это наверняка были обученные Хаватом бойцы Атрейдесов, переодетые фрименами. Это - единственное разумное объяснение.

Раббан снова пожал плечами:

- Ну, сардаукары, во всяком случае, сочли их фрименами. И уже начали погром с целью истребить всех фрименов поголовно.

- Вот и прекрасно! - Но...

- Сардаукарам будет чем заняться. А мы скоро заполучим Хавата. Я знаю это! Я это чувствую! Ах, какой день! Какой день! Сардаукары гоняются по пустыне за никому не нужными шайками этого отребья - а мы получаем самый ценный трофей!

- Милорд... - Раббан нерешительно нахмурился. - Милорд, я всегда чувствовал, что мы недооцениваем фрименов, как их число, так и...

- Забудь о них, мальчик. Они не в счет. Нас должны заботить города, поселки... Ведь там живет много людей, а?

;г- Очень много, милорд.

г- Вот они-то меня и беспокоят, Раббан.

- Беспокоят вас?..

- О... положим, о девяти десятых и говорить не стоит. Но во всяком стаде, знаешь ли... Например, Малые Дома и все такие прочие... люди с излишним самомнением, которые могли бы затеять что-нибудь опасное. К примеру, если кто-нибудь из них вырвется отсюда с историей о том, что здесь произошло, я буду в высшей степени не-

доволен. Ты имеешь представление о том, насколько я могу быть недоволен?.. Раббан только слготнул.

- Прежде всего возьми заложника от каждого Малого Дома, - велел .барон. - Все, что должны знать за пределами Арракиса, - это что произошла обычная междоусобная война двух Домов. И никаких сардаукаров, ясно? Герцогу, как положено, предложили четверть имущества и высылку - но бедняга погиб от несчастного случая прежде, чем успел принять мои условия. А ведь уже собирался их принять! Вот и всё. А любой слух о каких-то сардаукарах на Арракисе достоин лишь осмения.

- Как угодно Императору, - кивнул Раббан.

- Да, именно. Как угодно Императору.

- А что насчет контрабандистов?

- А кто поверит контрабандистам? Их терпят – но им не верят. Впрочем, на всякий случай попробуй кое-кого из них подмазать... ну и принять другие необходимые меры. Не мне тебя учить – какие...

- Да, милорд.

- Итак, вот все мои инструкции относительно Арракиса, Раббан: доход – и твердая рука. Никакого снисхождения! Считай этих недоумков теми, кто они есть – рабами, которые завидуют своим хозяевам и только и ждут, чтобы представилась возможность для мятежа. И – ни намека на жалость или милосердие!..

- В одиночку – истребить население целой планеты? – спросил Раббан.

- Истребить? – Удивление барона выразилось в резком повороте его головы. – Кто сказал – истребить?!

- Н-ну... я понял так, что вы хотите заселить Арракис заново, и...

- Я, племянничек, приказал «выжимай», а не «уничтожай». Не расходуй людышек понапрасну – лишь приведи их к полной покорности. Ты должен стать хищником, мой мальчик.

Барон улыбнулся совсем по-детски – на пухлых щеках появились младенческие ямочки.

- Хищник никогда не останавливается. И ты не давай пощады, не останавливайся. Милосердие – это химера. Желудок отбросит его голодным урчанием; горло – хрюпом

жажды. Вот и будь всегда алчен, голоден и жаждущ, – барон погладил свое нежащееся в силовой подвеске тело, словно составленное из жировых шаров, – как я.

- Понимаю, милорд...

Раббан повел глазами по сторонам.

- Что-то еще неясно, племянник?

,– Только одно, дядя: что сделать с планетологом, Кинесом?

- Ах да, Кинес.

- Ведь он – человек Императора, милорд, И имеет право поступать как сочтет необходимым и полную свободу перемещения. И к тому же он очень близок с фрименами... даже женат на фрименке.

- Кинес умрет до наступления завтрашней ночи.

- Опасное дело, милорд, – убивать слугу Императора.

- А как, по-твоему, удалось мне так быстро добиться всего, чего я добился? – Барон говорил тихо, но в его голосе ясно слышались не произнесенные вслух ругательства. – Кстати, нечего бояться, что Кинес покинет Арракис. Ты забыл – он же привык к Пряности.

- Да, правда...

- Кто знает – будет молчать, чтобы не лишиться Пряности, – сказал, барон. – Кинес – умный человек и многое знает...

- Я забыл, – кивнул Раббан.

Некоторое время они молча смотрели друг на друга. Наконец барон снова заговорил:

- Кстати. В первую очередь займешься возобновлением моих собственных запасов Пряности. Личный запас у меня неплох, но тот рейд герцогских сорвиголов – самоубийственный, надо сказать, рейд – лишил меня почти всей Пряности, пред назначенной на продажу.

- Слушаюсь, милорд, – кивнул Раббан. Барон улыбнулся.

- Завтра прямо утром соберешь всех, кто там еще остался от администрации, и объявишь им: «Наш Великий Падишах-Император повелел мне вступить во владение этой планетой и тем прекратить

раздоры».

- Понял, милорд.

- Вот теперь я вижу, что ты действительно понял все, что требовалось. А сейчас оставь меня – я не выспался.

Барон отключил пенташит двери и проводил племянника взглядом. «Да, мозги как у танка, – думал барон, – мышцы вместо мозгов. Когда он закончит разбираться с Арракисом, планета превратится в кровавую кашу. И вот тогда-то я и пошлю моего Фейд-Рауту, чтобы он освободил народ от бремени, – и народ будет ликованием встречать своего избавителя. Фейд-Раута любимый, Фейд-Раута благословленный, в сострадании народу избавивший его от Зверя. Фейд-Раута, за которым пойдут – даже на смерть. А мальчик к этому времени научится искусству подавлять без вредных для себя последствий... Да, я уверен – нам нужен именно он. Он научится. И... какое прелестное тело. Да. Прелестный мальчик».

Глава 5

В пятнадцать лет он уже научился молчанию.

(Принцесса Ирулан, «История Муад'Диба для детей»)

...Борясь с рычагами орнитоптера, Пауль осознал вдруг, что его разум перебирает сплетенные вокруг машины силы урагана и, много эффективнее разума ментата, просчитывает необходимые действия на основе раздробленной на мельчайшие частицы информации. Он чувствовал пылевые фронты, движения воздушных масс, турбулентности, смерчевые потоки...

Коробка кабины была освещена изнутри лишь зеленой люминесценцией циферблотов. Поток бурой пыли снаружи казался бесформенным – но его внутренняя сущность начала уже проглядывать сквозь струящуюся завесу.

Надо найти подходящий вихрь.

Пауль уже давно заметил, что буря начала понемногу стихать – но она все еще бросала и вертела легкую машину. Пауль дожидался нужного вихря.

И он пришел. Сначала это был вихревой вал, накативший и сотрясший топтер. Все в машине задребезжало.

Подавив страх, Пауль круто развернул ее влево, положив на крыло.

Джессика заметила этот маневр только по глобусу авиаизоризонта.

- Пауль! – закричала она.

Вихрь мотал машину, пытался скрутить ее, поворачивал и тащил. Вдруг он подбросил топтер, точно гейзер,

ударивший в дно, подбросил и поднял высоко вверх.» Топтер завертелся – крылатая мошка в винтящемся пыльном столбе под лучами Второй луны.

Пауль взглянул вниз и увидел этот столб пыльного горячего воздуха, извергнувший их. Увидел затухающую бурю – пыльная река, серебрящаяся в лунном свете, текла умирать в глубь Пустыни. Она уменьшалась – топтер продолжал подниматься с восходящим потоком.

- Вырвались, – выдохнула Джессика.

Пауль вывел машину из потока и начал снижение, оглядывая ночное небо.

- От них мы ушли, – прокомментировал он. Джессика чувствовала, как бешено стучит ее сердце, и заставила себя успокоиться, глядя вслед уходящей буре. Ее чувство времени говорило, что они мчались в сердце сплетения элементарных сил, почти четыре часа – но часть ее сознания уверяла, что они провели в объятиях бури целую жизнь. Джессика чувствовала себя рожденной заново.

«Как в литании, – подумала она. – Мы встретили бурю лицом к лицу и не сопротивлялись ей. Буря прошла сквозь нас и вокруг нас. Она ушла – а мы остались».

- Не нравится мне, как крылья шумят, – сказал Пауль. – У нас явно повреждения.

Через рукоятки управления он ощущал, как скрежещут истерзанные крылья. Да, от бури они вырвались – но способность предвидения еще не вернулась к нему. Перед ним по-прежнему была тьма. И все же они спаслись, и Пауль чувствовал, как дрожит в преддверии откровения...

Да, он действительно дрожал.

Ощущение было магнитическим. Пугающим. Вдруг он обнаружил, что все время думает о том, что вызвало к жизни это необычное предназначение, эту дрожь сверхвосприятия... Отчасти причиной было большое количество Пряности в аракийской пище. Но ему казалось, что не менее важна и литания – словно ее слова обладали собственной силой.

...Я не боюсь, я не буду бояться...

Причина и следствие: он выжил вопреки обрушившимся на них враждебным силам – и он чувствовал теперь,

что стоит на грани того необычного восприятия... которого не было бы без магии литании.

В его голове зазвучали строки Экуменической Библии: Каких чувств не хватает нам, чтобы воспринимать окружающий нас иной мир?..

- Со всех сторон скалы, - сказала Джессика. Пауль не отвечал - посадка требовала внимания. Он потряс головой, чтобы прийти в себя. Он взглянул, куда указывала мать: впереди и справа из песка поднимались черные камни. Ветерок щекотал его лодыжки и крутил по кабине пыль - значит, где-то дырка, на память от бури...

- Лучше садись на песок, - посоветовала Джессика. - Крылья могут отказать при торможении...

Он кивком показал вперед, где лунный свет омывал побитые песком скалы:

- Сажусь вон у тех скал. Проверь пристежные ремни... Она автоматически повиновалась. «У нас есть вода и

дистикомбы, - думала она, - если сумеем найти в Пустыне пищу, продержимся довольно долго. Живут же тут фримены - что могут они, как-нибудь сможем и мы...»

- Как только остановимся, - отрывисто сказал Пауль, - беги к скалам. Вещи я захвачу.

- Бежать?.. - Она замолчала и, поняв, кивнула. - Черви.

- Не просто черви, а наши друзья черви, - поправил он. - Они позаботятся о топтере: никаких следов посадки не останется.

«Как он все обдумал...» - мелькнуло у Джессики.

Они планировали, спускаясь все ниже... ниже... Внезапно плавное скольжение в небе превратилось в стремительный полет - ощущение скорости создали близкие теперь тени дюн и скалы, встающие из них подобно островам. Топтер с мягким толчком чиркнул фюзеляжем о гребень дюны, перелетел низинку и коснулся верхушки следующей дюны.

Он сбивает скорость, поняла Джессика и не могла не восхититься его умением и собранностью.

- Держись! - предупредил Пауль.

Он потянул рычаг, тормозя крыльями - сначала мягко, плавно, потом все увеличивая угол. Почувствовал, как изогнулись крылья, как падает подъемная сила с изменением угла атаки. Ветер запел в отогнутых кроющущих и маховых перьях.

Внезапно расшатанное бурей левое крыло вывернулось вверх и внутрь, хлопнув по борту орнитоптера. Машина шлепнулась на песчаный гребень и, кренясь влево и разворачиваясь, заскользила вниз/Ударившись о следующую дюну, она глубоко зарылась в нее носом, обрушив каскады песка. Левое, сломанное крыло оказалось внизу - топтер упал набок, - а правое задралось к звездному небу.

Пауль рывком отстегнул ремни, потянулся наверх, через мать, открыл правую дверцу. В кабину ворвался песок, а с ним - сухой запах обожженного кремня. Пауль схватил рюкзак с заднего сиденья, убедился, что мать уже освободилась от своих ремней. Затем она выбралась наружу, на металлическую обшивку топтера. Пауль, волоча рюкзак за лямки, последовал за ней.

- Бегом! - приказал он, указывая на склон дюны, над которым высилась источенная песком каменная башня.

Джессика спрыгнула с топтера и, спотыкаясь и поскользываясь на осыпающемся песке, побежала. Пауль, тяжело дыша, следовал за ней. Наконец они выбрались на вершину песчаного гребня, плавным изгибом уходившего к скалам. .

- По гребню! - скомандовал Пауль. - Так быстрее... Они побежали по осыпающемуся песку.

И тут заметили новый, постепенно нарастающий звук: шорох, шелест, сухое наждачное поскрипывание.

- Червь, - сказал Пауль. Звук нарастал.

- Быстрее! - задыхаясь, крикнул Пауль.

Первый скальный выступ - словно пологий берег песчаного моря - был не больше чем в десятке метров, когда позади раздался хруст и скрежет металла. « Пауль перебросил рюкзак в правую руку - при каждом шаге он хлопал его по ноге, - а левую руку дал матери. Она уже карабкалась по камню, усыпанному щебнем и окатанной песком и ветром мелкой галькой -по изогнутому каналу,

прогрызенному ветром – захлебываясь сухим, колючим воздухом..

. – Я не могу больше бежать, – задыхаясь, проговорила Джессика.

Пауль остановился. Втолкнул ее в расщелину и обернулся к пустыне. Вдоль их скального острова быстро ползла продолговатая песчаная гора. В лунном свете были отчетливо видны рябь на песке, волны – и гребень движущейся горы, почти на уровне глаз Пауля. До нее было около километра.

След червя – гряда низких пологих дюн – изгибался, делая петлю там, где они бросили разбитый орнитоптер.

Но червь прошел там, и не осталось даже следа орнитоптера.

Движущийся холм повернулся в пустыню и пересек свой след, словно ища что-то.

– Да он больше гильдийского корабля, – потрясение прошептал Пауль. – Мне говорили, что в глубокой Пустыне встречаются большие черви, но я не представлял... насколько большие...

– Я тоже, – выдохнула Джессика.

Чудовищная тварь вновь отвернула от скал и, набирая скорость, по плавной дуге устремилась к горизонту. Они вслушивались в звук его движения, пока зловещий шорох не растаял в тихом шелесте вечно подвижного, песка.

Пауль глубоко вздохнул, взглянул на посеребренные луной скалы. Процитировал по памяти «Китаб аль-Ибар»:

– «Путешествуй ночью, днем же укрывайся в густой тени».

Перевел взгляд на мать.

– До рассвета еще несколько часов. Идти сможешь?

– Погоди немногого...

Пауль сошел на усыпанный галькой и щебнем каменный «берег», вскинул на плечи рюкзак и подтянул лямки. Вынул паракомпас и принял определять нужное направление.

– Хорошо, как только ты будешь в норме...

Она наконец оторвалась от скалы, чувствуя, как к ней возвращаются силы.

– Куда пойдем?

– Вдоль хребта. – Он махнул рукой.

– В глубокую Пустыню...

– В Пустыню фрименов... – прошептал он. И замер, пораженный отчетливо вставшим перед ним образом давнего видения – видения, явившегося ему еще на Каладане. Да, он уже видел эту пустыню! Но не совсем так. Образ был чуточку иным, как будто образ, хранившийся в памяти, при наложении на реальность несколько отличался от нее. Словно это изображение сдвинулось и он, оставаясь неподвижным, видел его под другим углом.

«Вот оно что – в том видении с нами был Айдахо, – вспомнил он. – Но теперь Айдахо мертв...»

– Ты знаешь, куда нам идти? – Джессика неверно поняла его, колебания.

– Нет, – ответил он. – Но это не важно. Пойдем.

Он расправил плечи под лямками и пошел расщелиной, проточенной песком в камне. Расщелина вывела их на ровную каменную поверхность, к югу переходившую в лестницу из скальных террас.

Дойдя до первой из этих ступеней, Пауль вскарабкался наверх. Джессика следовала за ним.

Она видела, как путь превратился в череду препятствий, каждое из которых требовало внимания, – то это были занесенные песком углубления в камне, где их шаги замедлялись, то резавший руки отточенный ветрами карниз, то еще какое-нибудь препятствие, – и всякий раз приходилось решать: обходить или пытаться преодолеть?.. Рельеф задавал свой собственный ритм. Говорили они теперь только по необходимости, и голоса звучали хрипло от страшной усталости.

– Осторожно, тут песок осыпается...

- Не стукнись – карниз низкий...

- Не выходи из тени гребня – луна в спину, мы будем слишком заметны...

Наконец Пауль остановился у изгиба каменной стены, взвалил, не снимая, рюкзак на узкий выступ.

Джессика прислонилась к стене подле него, радуясь передышке. Она услышала, как Пауль сосет воду из трубки дистикомба, и тоже глотнула. Оборотная вода имела неприятный привкус – солоноватой была, что ли, – и Джессика вспомнила воду на Каладане. Взметнувшаяся ввысь струя огромного фонтана дугой обрамляет синеву неба... а она никогда не задумывалась о том, какое это богатство – столько воды... тогда она думала не о самой воде, а только о форме струи, ее блеске, звуке...

Остановиться... отдохнуть... отдохнуть по-настоящему...

Милосердие, подумала она, это возможность остановиться. Нет такой возможности – нет и милосердия.

Пауль заставил себя оторваться от стены, повернулся и зашагал вверх по склону. Джессика со вздохом последовала за ним.

Потом они спустились на широкий карниз, огибавший гладкую скалу. Вновь их вел за собой рваный ритм неровного рельефа.

Всю сегодняшнюю ночь, казалось Джессике, все разнообразие заключалось лишь в размерах того, на что они наступали и за что хватались – скалы, камни, гравий и галька, песок – покрупнее и помельче, тончайшая пыльная пудра...

Эта пудра забивала носовые фильтры – то и дело приходилось их продувать. Мелкая галька и крупный песок на гладком камне катались под ногами – сделав неосторожный шаг, тут легко было упасть. Каменные осколки резали. А вездесущий песок, занесший каждую ямку, буквально хватал за ноги.

Внезапно Пауль остановился на скальном карнизе и придержал мать, которая по инерции ткнулась в него и чуть не упала. . .

Он повел рукой налево. Проследив за его жестом, Джессика увидела, что в двух сотнях метров под обрывом, на который они вышли, начиналась Пустыня – застывший океан песчаных волн, посеребренных луной. Их гребни – углы и плавные изгибы, начертанные тенями по светлому песку, – убегали вдали, к теряющимся в ночи очертаниям следующей скальной гряды,

- Открытая Пустыня, – прошептала она.

- Придется переходить тут, – отозвался он. – Далековато... – Его голос глухо звучал из-под фильтра-респиратора.

Джессика посмотрела налево, направо – но повсюду под ними был лишь песок.

Пауль же глядел вперед – туда, где тени дюн неспешно следовали за быстрой аракийской луной.

- Километра три-четыре, .-г сказал он. – Черви... – проговорила она. .

- Наверняка.

Она вдруг особенно сильно почувствовала свою усталость, боль в мышцах, заглушающую все остальные чувства.

- Может быть, отдохнем и поедим?..

Пауль скинул рюкзак, сел, прислонившись к нему. Джессике, чтобы сесть, пришлось опереться на его плечо. Потом она услышала, как он повернулся и роется в рюкзаке.

- Вот, возьми.

Он положил ей в руку две капсулы энергетика. Его ладони были очень сухими.

Джессика проглотила капсулы, запив их скучным глотком конденсата из трубки дистикомба.

- Выпей всю воду, – посоветовал Пауль. – Это аксиома: хранить воду лучше всего в собственном теле... Это поддерживает и придает силы. Доверься своему дистикомбу...

Она послушно осушила водяные карманы, чувствуя, как ее силы и в самом деле прибывают. Как

мирно, как покойно было сидеть здесь, понемногу сбрасывая усталость... Ей вспомнились слова, сказанные как-то воином-менестрелем Гурни Халлеком: «Лучше сухой песок в тишине и покое, – чем дом, полный жертв и борьбы».

Джессика повторила эти слова вслух, для Пауля.

– Так говорил Гурни, – отозвался он.

Таким тоном, подумала Джессика, говорят о мертвых. И скорее всего, сказала она себе, бедный Гурни действительно погиб. Те, кто служил Дому Атрейдес, или погибли, или были взяты в плен, или, как они, служдали в безводной пустыне.

– У Гурни всегда была наготове подходящая цитата, – проговорил Пауль. – Как сейчас слышу: «Я реки сделаю сущью, и предам землю в руки злым, и рукою иноземцев опустошу землю и все, наполняющее ее...» .

Джессика зажмурилась – от того, как Пауль процитировал древнюю книгу, к ее глазам подступили слезы. Немного погодя Пауль спросил;

– Как ты... себя чувствуешь?

Она поняла, что вопрос относится к ее беременности.

– До рождения твоей сестры еще много месяцев. Я все еще... в форме.

Сказав это, она подумала, что говорит с сыном чересчур сухо, почти официальным тоном. Как сестра Бене Гессерит, приученная искать причины подобных странностей, она, поразмыслив, признала: «Я, оказывается, боюсь своего сына; я боюсь его... странности; я боюсь того, что он может видеть в нашем будущем, и особенно того, что он может рассказать мне об увиденном...»

Пауль, опустив капюшон/на глаза, вслушивался в звуки ночных насекомых. Собственное молчание звенело в его легких. А в носу свербило... Пауль потер нос, вынул фильтры и почувствовал густой запах корицы.

– Где-то поблизости выход меланжи, – сообщил он.

Ветерок точно гагачьим пухом гладил его щеки, шевелил складки бурнуса. Это был спокойный ветер, он не грозил бурей – Пауль уже мог это чувствовать.

– Скоро рассвет, – сказал он. Джессика кивнула.

– Перейти участок открытого песка можно, – проговорил Пауль. – Есть сравнительно безопасный способ. Фримены так делают...

– Но... а черви?

– Во фримпакете есть манок-колотушка. Если установить его здесь, он на некоторое время отвлечет червя.

Она смерила взглядом освещенную луной пустыню между ними и следующим скальным гребнем.

– «Некоторое время» – это достаточно, чтобы пройти четыре километра?

– Может быть. Если звуки нашей ходьбы не будут отличны от естественных звуков пустыни – иначе мы привлечем внимание червя..

Пауль разглядывал открытую Пустыню, обращаясь к странной своей памяти о будущем и думая о загадочных намеках в руководстве фримпакета, связанных с манками и «крюками Подателя». И ему казалось странным, что мысли о червях вызывали у него лишь панический ужас. Он ощущал – это было где-то на краю его особого восприятия, – что червей следует уважать, а. не бояться... если... если...

Он потряс головой.

– То есть нельзя допускать ритмичный шум, – сказала Джессика.

– Что? Ага. Да. Если порвать ритм шагов... ведь песок должен и сам по себе оседать время от времени. Двигаться. Не может же червь бросаться на каждый звук. Но перед этим нам надо как следует отдохнуть.

Он посмотрел на гребень за песчаной полосой – вертикальные тени от луны на нем отмечали ход времени.

- Через час рассветет.
- Где мы проведем день? - спросила она. Пауль, повернувшись, показал налево:
- Видишь, к северу обрыв поворачивает... Смотри, как он источен ветром; значит, это наветренная сторона. А раз так, там наверняка есть трещины, и достаточно глубокие.
- Так, может, пойдем? - спросила она. Пауль встал и помог подняться матери.
- Ты достаточно отдохнула, чтобы осилить спуск? Я хотел бы подойти как можно ближе к краю песков, прежде чем поставить палатку.
- Ну ладно, довольно.- Она кивнула, предлагая ему снова идти впереди.

Он поколебался, потом поднял рюкзак, взвалил его на плечи и зашагал по гребню.

«Если бы у нас были генераторы подвески, - подумала Джессика, - все было бы совсем просто: мы бы спрыгнули с обрыва, и всё. Но, возможно, генераторы в открытой Пустыне тоже опасны и привлекают червей, как и щиты...»

Они подошли к великанской лестнице из уходящих вниз уступов, а дальше, за уступами, открывалась расщелина. Лунный свет и тени четко очерчивали ее края.

Пауль шел первым, двигаясь осторожно, но быстро, почти торопливо - было очевидно, что лунный свет скоро исчезнет. Они спускались в мир стучащейся тени. Вокруг едва угадывались уходящие в звездное небо скалы. Когда стены расщелины сошлились метров до десяти, перед ними оказался песчаный склон, уходящий вниз, во тьму.

- Будем спускаться? - шепотом спросила Джессика.
- Пожалуй...

Он ногой пощупал поверхность склона.

- Мы можем просто съехать вниз, - предложил он. - Я иду первым - а ты подожди, пока не услышишь, что я остановился.

- Только будь осторожнее, - попросила Джессика.

Он шагнул на откос, заскользил вниз - и съехал на почти ровный пол из плотного, слежавшегося песка. Вокруг возвышались скальные стены.

Сзади с громким шорохом вдруг обрушился песок. Пауль попытался разглядеть в темноте склон, но поток песка едва не сбил его с ног. Затем песок успокоился,-все стихло.

- Мама! - позвал он. Ответа не было.
- Мама!

Он бросил рюкзак, метнулся вверх по склону, оступаясь и скользя; он, словно обезумев, рыл и отбрасывал песок.

- Мама! - задыхался он. - Где ты, мама?!

Сверху обрушился новый поток песка, завалив его до бедер. Развернувшись, Пауль сумел высвободиться.

«Она попала в обвал, - метались его мысли. - Ее завалило. Я должен успокоиться и подумать... Она не задохнется сразу - войдет в состояние бинду-остановки, чтобы снизить потребление кислорода. Ведь она понимает, что я буду ее откапывать...»

Пользуясь техникой Бене Гессерит, которой научила его мать, Пауль сумел успокоить бешеное биение сердца и очистить разум, подобно тому как вытирают грифельную доску - необходимо было зарегистрировать и осмыслить все случившееся в эти минуты. Каждое движение песка в оползне вновь прошло перед его глазами - как медленно тек песчаный поток по сравнению с долей мгновения, потребовавшейся ему, чтобы все вспомнить...

Наконец Пауль пошел наискосок вверх по склону, осматривая и трогая песок. Отыскав стену расщелины и то место, где она поворачивала, он принял копать, стараясь не потревожить склон и не вызвать новый обвал. Вот он почувствовал ткань - пошарил по ней, нашупал руку. Осторожно он провел по руке, очистил лицо.

- Ты меня слышишь? - спросил он. Она не отвечала,

Он принял ся копать с удвоенной силой, освободил её плечи. Она была безвольно-податливой, но он уловил медленное биение сердца: бинду-остановка.

Раскопав ее до пояса, он завел ее руки себе на плечи, потянул – сперва медленно, а потом изо всех сил. Наконец песок подался. Он тянул все сильнее и быстрее, задыхаясь, из последних сил удерживая равновесие. Он уже выбежал на плотно утрамбованный пол внизу, неся мать на плечах, спотыкаясь – и тут весь песчаный склон поехал вниз с оглушительным шипением и шорохом, отраженным и усиленным скальными стенами.

Остановился он в самом конце расщелины – внизу, всего в метрах, в тридцати, начинались ряды марширующих к горизонту дюн. Осторожно Пауль уложил мать на песок и негромко произнес кодовое слово, которое должно было вывести ее из каталептического состояния.

Она медленно приходила в себя, делая все более глубокие вдохи.

- Я знала, что ты меня найдешь, – проговорила Джессика.

Он взглянул в сторону расщелины. –

- Может, было бы лучше, гуманнее, если бы я тебя не откопал...

- Пауль!

- Я... потерял рюкзак, – угрюмо сообщил он. – Он там, под тоннами песка. Тонны – это как минимум.

- У нас ничего не осталось?

- Там – запасы воды, диститент... все самое необходимое. – Он похлопал по карману. – Паракомпас, правда, остался. – Ощупав сумку на поясе, добавил: – Вот еще нож, бинокль... Можно как следует рассмотреть место, где мы умрем.

В это мгновение солнце показалось над горизонтом – слева, за краем расщелины. На песке заиграли яркие краски. Птицы проснулись в спрятанных в скалах гнездах, над пустыней зазвучал их хор.

Но Джессика видела лишь отчаяние в глазах Пауля.; С презрительной ноткой в голосе она сказала:

- Так-то тебя учили?

- Ты что, не поняла?! – крикнул он. – Все, что могло помочь нам выжить в Пустыне, – там, под песком!..

- Меня же ты нашел, – сказала Джессика, уже мягко, убеждающе.

Пауль сел на корточки.

Он медленно оглядывал новую осыпь в расщелине, изучая неровности песка.

- Если бы мы могли как-то обездвижить участок склона и свод лаза, который пришлось бы прокопать в песке – может, и удалось бы добраться до рюкзака. Если бы пропитать песок водой... но воды для этого у нас не... – Оборвав фразу на полуслове, он вдруг воскликнул: – Пена!

Джессика боялась пошевелиться, чтобы не нарушить ход его мыслей – видно было, что разум Пауля работает в гиперрежиме.

Пауль повернул голову к дюнам, не только всматриваясь, но и внюхиваясь. Определив направление, он уставился на темное пятно на песке внизу.

- Пряность, – сказал он. – У нее же сильная щелочная реакция! А у меня остался паракомпас, и в нем – кислотная батарея!..

Джессика села, привалившись к скале.

Пауль, не обращая на мать внимания, вскочил на ноги и стал спускаться по утрамбованному ветром песку, скопившемуся под устьем расщелины.

Она смотрела, как он, ломая ритм шага, идет по песку: шаг... пауза... два шага... скользящий шаг... пауза... Ритма, который мог бы выдать Пауля– охотящемуся в песках червю, не было.

Добравшись до выхода Пряности, Пауль нагреб ее горкой на полу плаща и таким же образом вернулся к расщелине. Он высыпал Пряность перед Джессикой, опустился на корточки и, орудуя острием ножа, принял ся разбирать паракомпас. Крышка отскочила.

Он снял кушак, разложил на нем части паракомпаса, вынул батарею. За нею последовал лимб – в корпусе прибора открылось отделение, напоминавшее чашку.

– Тебе понадобится еще и вода, – заметила Джессика. Пауль набрал в рот воды из трубки дистикомба и выплюнул ее в опустевшее отделение паракомпаса.

«Если ничего не получится – пропала вода даром, – подумала Джессика. – Впрочем, тогда это уже не будет иметь никакого значения...»

Пауль ножом взрезал корпус батареи, высипал кристаллическую кислоту в воду. Пошел дымок, кристаллы растворились.

Джессика уловила движение наверху. Подняв голову, она увидела на краю расщелины несколько коршунов – усевшись в ряд, они смотрели вниз, на воду.

«Великая Мать! – подумала она. – Они чуют воду даже на таком расстоянии!..»

Пауль снова закрыл паракомпас крышкой, оставив только отверстие на месте кнопки переключателя. Затем, взявшись за одну руку переделанный прибор, в другую – горсть Пряности, Пауль направился по склону вверх. Без кушака его бурнус слегка раздувался на ходу. Каждый шаг вызывал к жизни ручейки песка и пыли.

Наконец он остановился, бросил в паракомпас щепотку Пряности и потряс прибор.

Из отверстия на месте кнопки бурно поползла зеленая пена. Пауль принялся поливать ею склон, водя паракомпасом по пологой дуге, ногами отбрасывая песок под ней и снова закрепляя пеной открывающийся песок...

Джессика подошла сзади:

– Помочь?

– Поднимись сюда и копай, – бросил он. – Придется прорыть метра три. Будем надеяться – получится...

В это время пена перестала течь.

– Быстро! – скомандовал Пауль. – Неизвестно, сколько времени пена сможет удерживать песок!

Джессика встала рядом с сыном, а тот кинул в выпотрошенный паракомпас новую щепоть меланжи, встряхнулся. Пена с новой силой начала извергаться из отверстия.

Пауль поливал песок, создавая барьер против осьпи, Джессика руками рыла песок, отбрасывая его вниз по склону. Сколько еще? – задыхаясь, спросила она.

– Метра три, – ответил он. – Причем я определил место только приблизительно. Может, придется еще расширять эту яму...

Он шагнул в сторону, оскальзываясь на сыпучем песке.

– Ты давай рой наклонно, не отвесно.

Джессика повиновалась.

Яма постепенно углублялась. Ее дно уже достигло уровня дна расщелины – а рюкзака не было.

«Неужели я просчитался? – спросил себя Пауль. – Все –из-за меня: это я запаниковал, и все случилось от этого. Неужели это подорвало мои способности?»

Он заглянул в паракомпас. Оставалось меньше двух унций кислоты.

Джессика расправила спину, оттерла щеку вымазанной в пены рукой. Снизу вверх глянула на сына, их глаза встретились.

– Чуть выше, – сказал Пауль. – Только осторожно... Он засыпал в корпус прибора еще щепоть Пряности и

стал поливать бурлящей пеной песок вокруг рук Джессики, которая принялась прокапываться вверх по склону. Со второго раза ей под руки попало что-то твердое. Медленно, осторожно она вытянула из песка лямку с пластиковой пряжкой.

– Стой, не тяни больше, – почти шепотом сказал Пауль. – Пена кончилась.

- Джессика посмотрела на него, не выпуская из рук лямку. Пауль швырнул опустевший паракомпас на дно ямы.

- Давай руку. Теперь слушай внимательно. Я выдерну тебя в сторону и вниз по склону. Только не выпускай лямку! Вряд ли новый оползень будет сильным, осыпь, кажется, стабилизировалась. Все, что нам нужно, - это чтобы твоя голова осталась на поверхности. Когда яму засыплет, я откопаю и тебя, и рюкзак.

- Поняла, - ответила она.

- Готова?

- Готова. - Она изо всех сил стиснула лямку. Одним рывком Пауль наполовину выдернул ее из ямы, стараясь держать ее голову как можно выше. Пенный барьер прорвался, и песок хлынул вниз. Когда его поток остановился, Джессика оказалась засыпанной по пояс, хотя левая рука и плечо остались в песке. Лицо защищала пола плаща Пауля под подбородком. Плечо Джессики ломило от напряжения.

- Я держу рюкзак, - сказала она.

Пауль медленно ввел пальцы в песок возле ее руки, нашупал лямку.

- Ну-ка, вместе, - сказал он. - Только постепенно, чтобы не порвать...

Пока они вытягивали рюкзак, ссыпалось еще немного песка. Наконец лямка показалась на поверхности, и Пауль остановился, чтобы освободить из песка мать. Вдвоем они извлекли рюкзак из песчаной ловушки. ч

Через несколько минут они уже были на дне устья расщелины, так и держа рюкзак вдвоем. Пауль посмотрел на мать. Ее лицо и одежда были покрыты пятнами зеленой пены. Кое-где на засохшую пену прилип песок. Было похоже, что ее забросали комьями мокрого, липкого зеленого песка.

- Ну и вид у тебя, - усмехнулся он.

- Думаешь, ты чище? - отозвалась она.

Они засмеялись было, но смех тут же оборвался.

- Это моя вина, - проговорил Пауль. - Я был неосторожен.

Она пожала плечами -(присохший песок посыпался с ее одежды).

- Я ставлю палатку, - решил Пауль. - Стоит раздеться и вытряхнуть песок. - Он отвернулся и открыл рюкзак. Джессика кивнула - внезапно ощущив, что у нее не осталось сил, чтобы говорить вслух. - Смотри-ка, здесь в скале крепежные отверстия! - сказал Пауль. - Кто-то ужеставил тут палатку...

«Почему бы и нет?» - подумала Джессика, отряхивая одежду. Место было подходящим для лагеря: между высоких скальных стен, а впереди, километрах в четырех, - еще стена; до песка достаточно далеко, чтобы укрыться от червей, - но не так далеко, чтобы к нему было тяжело спускаться...

Повернувшись, Джессика увидела, что Пауль уже поставил дистанционный. Его ребристый купол сливался с камнем ущелья. Пауль подошел к ней, поднял бинокль, быстро подкрутил его, регулируя внутреннее давление, сфокусировал масляные линзы на противоположной стене - золотисто-бурые в лучах утреннего солнца скалы поднимались над песками.

Джессика смотрела, как Пауль разглядывает этот апокалиптический ландшафт с его каньонами и песчаными реками.

- Там что-то растет, - сказал он.

Джессика достала из рюкзака второй бинокль, встала рядом с сыном.

- Вон там, - показал он, не отводя бинокль от глаз.

- Сагуаро, - сказала она. - Эта сухая штука...

- Поблизости могут быть люди.

- Может, тут просто была ботаническая станция? - предположила, она.

- Вряд ли, мы слишком углубились на юг в Пустыню, - ответил он, опустил бинокль и почесал под

носом, возле фильтров, – он почувствовал, как высохли и потрескались его губы, и особенно сильно ощутил во рту сухой вкус жажды. – Такое ощущение, что тут живут фримены, – добавил он.

– Ты уверен в их дружелюбии?

– Кинес, во всяком случае, обещал их помочь.

«Но эти люди Пустыни – народ отчаянный, – подумала она. – Потому что они каждый день сталкиваются с отчаянными ситуациями; я сегодня ощутила на себе отчаянность и отчаяние... Они могут убить нас ради нашей воды».

Она закрыла глаза и, усилием воли вытеснив образ Пустыни, вызывала видение Каладана. Это было еще до рождения Пауля. Они – она и герцог Лето – были на отдыхе, путешествовали. Они летели над джунглями Юга, яркой листвой дикого леса, над рисовыми чеками в устьях рек. Среди зелени виднелись муравьиные тропы, по которым тянулись караваны, – носильщики несли грузы на шестах, поддерживаемых силовыми генераторами. А вдоль побережья качались на волнах белые лепестки тримаранов-дхоу...

Все ушло!

Джессика открыла глаза. Неподвижная пустыня в нарастающей жаре нового дня. Беспокойные демоны жары уже начали баламутить воздух над раскаленным песком. Каменная гряда за песчаным заливом, казалось, была видна через дешевое волнистое стекло.

Устье ущелья на миг занавесила песчаная дымка – маленький обвал сорвался с кручи, то ли от порыва утреннего ветра, то ли сбитый коршунами, которые один за другим начали сниматься с вершины. Когда пескопад прекратился, Джессика все еще слышала его шелест – и этот шелест становился все громче! Кто раз слышал этот звук, уже не мог забыть его.

– Червь, – прошептал Пауль.

Он появился справа с тем непринужденным величием, которое нельзя было бы оставить без внимания. Огромная продолговатая гора, изгибающаяся при движении, разрезая песчаные волны, появилась в поле их зрения. Передняя часть горы слегка приподнялась, отвернула, пыля – точно дугообразная волна в воде, – и исчезла, уйдя куда-то влево.

Звук постепенно стих.

– Видел я космические фрегаты, что были поменьше... – прошептал Пауль.

Она кивнула, не отрывая взгляда от пустыни. Там, где прошел червь, остался завораживающее ровный след. Уныло-бесконечный, тянулся он перед ними, словно маня за собой, под далекую линию горизонта.

– Когда отдохнем, – сказала Джессика, – продолжим твои занятия.

Он подавил внезапное раздражение.

– Мама, а тебе не кажется, что можно было бы обойтись и без...

– Вот ты сегодня ударился в панику, – строго сказала она. – Возможно, ты и знаешь свой разум и бинду-иннервацию лучше меня. Но вот свою прана-мускулатуру тебе еще изучать и изучать. Видишь ли, тело порой начинает действовать само по себе, независимо от своего хозяина. Я могу тут еще многому научить тебя. Ты должен научиться контролировать каждую мышцу, каждый нерв своего тела, научиться управлять ими. Тебе нужно повторить работу с руками. Начнем с мускулатуры пальцев, сухожилий кисти и чувствительности подушечек. – Она повернулась. – А теперь – ступай в палатку.

Он согнул и разогнул пальцы, наблюдая, как мать забирается в диститент, проползая через отверстие сфинктерного клапана. Кажется, он все равно не сумеет отговорить ее – она упорна в своем намерении. Придется подчиниться...

«Не знаю, что они со мной сделали, но и я сам кое-что сделал для этого», – подумал он.

Это надо же – повторить работу с руками!

Он посмотрел на свою руку. Какой беспомощной кажется она по сравнению с таким чудовищем, как этот червь...

Глава 6

Мы пришли с Каладана – райского мира для нашей, человеческой формы жизни. Там, на Каладане, не было нужды строить рай для тела или духа – перед нашими глазами была уже райская действительность. Но за нее мы заплатили ту цену, какой люди всегда расплачивались за райскую жизнь: мы стали слабыми, изнеженными, потеряли закалку.

(Принцесса Ирулан, «Беседы с Муад'Дибом»)

– Ты, значит, и есть тот самый знаменитый Гурни Халлек, – повторил его собеседник.

Халлек стоял в круглом, вырубленном в скале зале, оборудованном подо что-то вроде конторы, напротив сидящего за металлическим столом контрабандиста. На хозяине кабинета были фрименские одежды, но глаза не были такими беспространно-синими, как у фрименов, выдавая, что ему нередко приходится есть инопланетную пищу. Помещение имитировало центральный командный пункт космического фрегата – на одной шестой стены размещались экраны интеркомов и внешнего обзора; с обеих сторон дугу экранов замыкали пульты управления вооружением; а стол выступал из противоположной стены.

– Я – Стабан Туек, сын Эсмара Туека, – представился контрабандист.

– Тогда я именно тебя должен благодарить за оказанную помощь, – поклонился Халлек.

– А-а, благодарность... – неопределенно сказал Туек. – Что ж, присаживайся.

Из стены, возле экранов, выдвинулось корабельного типа глубокое кресло, и Халлек со вздохом опустился в него. Он почувствовал, как устал. Теперь он видел свое отражение в темной поверхности экрана возле контрабандиста и скривил губы, заметив тяжелые линии на своем бугристом лице – следы усталости. Багровый шрам от чернильника на скуле тоже искривился от его гримасы.

Оторвавшись от отражения, Халлек взглянул на Туека. Да, он походил на отца – те же густые тяжелые брови, такие же рубленые черты...

– Твои люди сказали мне, что твой отец убит Харконненами, – проговорил Халлек.

– Может, Харконненами, а может – и предателями из ваших, – бросил Туек.

Гнев почти заставил Халлека забыть об усталости.

– Ты можешь назвать имя?

– У нас нет полной уверенности...

– Суфир Хават подозревал леди Джессику...

– М-мм... Бене-Гессеритская ведьма... возможно. Но Хават сейчас в руках Харконненов.

– Слышал. – Халлек глубоко вздохнул. – Похоже, без новых убийств не обойдется.

– Мы не предпримем ничего, что могло бы привлечь к нам внимание, – отрезал Туек.

Халлек замер:

– Как, а...

– Ты и все твои люди найдете среди нас убежище, – сказал Туек. – Ты говорил о благодарности? Прекрасно; можешь отработать свой долг. Нам нужны настоящие храбрецы. Хотя попытайся ты выступить против Харконненов – и мы не задумываясь уничтожим тебя.

– Но они же убили твоего отца!

– Возможно. Но даже если и так... Я отвечу тебе, как отвечал мой отец тем, кто сперва действует, а потом думает: «Камень тяжел, и песок весит немало; но гнев глупца еще тяжелее».

– Ты хочешь сказать, что спустишь им это с рук? – презрительно прищурившись, спросил Халлек.

– Такого я не говорил. Я лишь сообщаю, что не хочу ставить под удар наш договор с Гильдией. А Гильдия хочет, чтобы мы играли осторожно. Для того чтобы уничтожить врага; есть и другие методы...

– А-а...

- Вот именно – «а-аа» Хочешь искать свою ведьму – ищи. Но я должен предупредить тебя, что скорее всего ты опоздал... к тому же мы сомневаемся, что предала именно она.

- Хават редко ошибался.

- Но все же ошибался. Например, дал себя заполучить Харконненам.

- Так, по-твоему, это он предатель? Туек пожал плечами:

- Этот вопрос представляет скорее чисто академический интерес. Ведьма, как мы имеем основания полагать, мертва. Харконнены по крайней мере в этом убеждены.

- Ты, похоже, многое знаешь о Харконненах.

- Намеки, предположения, слухи и просто догадки.

- Нас семьдесят четыре человека, – проговорил Халлек.

– Раз ты действительно хочешь взять нас к себе, то, значит, уверен, что герцог мертв.

- Видели его труп.

- А... мальчик? Молодой господин, Пауль? – Халлек попытался сглотнуть, но горло перехватило.

- Согласно последним сведениям, он и его мать попали в пустынную бурю. Так что мало надежды даже на то, что найдутся хотя бы их кости...

- Значит, и ведьма мертва... все мертвы... Туек кивнул.

- А вдобавок ко всему Зверь Раббан, как говорят, снова возьмет власть на Дюне в свои руки.

- Граф Раббан Ланкивейльский?

- Он самый.

Халлеку пришлось приложить немалое усилие, чтобы подавить вспышку ярости. Задыхаясь, он медленно сказал:

- К Зверю Раббану у меня есть свой счет. Я задолжал ему за смерть всей моей семьи... – Он провел пальцами по скуле, – И за это...

- Можно ли рисковать всем ради поспешного сведения счетов? – укоризненно сказал Туек. Он хмурился, глядя, как ходят желваки на скулах Халлека, как обратился куда-то внутрь взгляд его полуоткрытых глаз.

- Да-да... я знаю, – выдохнул наконец Халлек.

- Итак, ты и твои люди можете оплатить вывоз вас с Арракиса, работая на нас. Есть много мест, куда...

- Я снимаю со своих людей все обязательства передо мной. Пусть решают сами. Но раз Раббан здесь – я остаюсь.

- Не уверен, что мы сможем тебя оставить – с такими-то настроениями...

Халлек в упор взглянул на контрабандиста:

- Ты сомневаешься в моем слове?

- Не-ет...

- Ты спас меня от Харконненов. Я был верен герцогу Лето за то же... Поэтому я остаюсь на Арракисе. С тобой... или с фрименами.

- Высказана мысль или нет – но она реальна и имеет силу, – сказал Туек. – А ты знаешь, что, оказавшись среди фрименов, можешь найти грань между жизнью и смертью слишком острой... и подвижной?

Халлек прикрыл на миг глаза – на него внезапно навалилась чудовищная усталость.

- «Где Господь, который... вел нас по пустыне, по земле сухой и необитаемой, по земле сухой, по земле тени смертной?...» – пробормотал он.

- Не торопись – и день твоей мести придет, – сказал Туек. – Поспешность – орудие шайтана. Умерь свое горе, у нас есть все необходимое для того. Есть три вещи, способные успокоить сердце – вода, зеленая трава и красота женщин.

Халлек открыл глаза.

- Я предпочел бы, чтобы возле моих ног текла кровь Раббана Харконнена. – Он в упор посмотрел на Туека. – Ты думаешь, придет такой день?

- Я почти никак не связан с твоим будущим, Гурни Халлек. Все, что я могу, – это помочь тебе сегодня.

- Тогда я принимаю помочь – и остаюсь с тобой, пока ты не решишь, что пришло время мстить за твоего отца «и всех, кто...

- Слушай, воин... – Туек перегнулся через стол, вытянув шею и жестко глядя на Халлека. Лицо контрабандиста закаменело. – Вода моего отца... За его воду я расплачусь сам. Собственным клинком.

Халлек ответил Туеку таким же взглядом в упор. В этот миг контрабандист напомнил ему герцога Лето: вождь, смелый, уверенный в себе, непоколебимый в своих поступках. Да, точно как герцог Лето... до Арракиса.

- Ты хочешь, чтобы мой клинок был рядом с твоим? – спросил Халлек.

Туек откинулся на спинку кресла, расслабился, молча разглядывая Халлека.

- Ты считаешь меня воином? – настаивал Халлек.

- Во всяком случае, ты – единственный из приближенных герцога, кому удалось спастись, – ответил Туек. – Враг был гораздо сильнее, но ты боролся и отходил... Ты боролся с ним, как мы – с Арракисом.

-А?..

- Мы живем пока что в покорстве, Гурни Халлек, – объяснил Туек. – Наш враг – Арракис.

- Значит, «бей врага поодиночке» – так?

- Так.

- Это и фрименский принцип?

- Возможно.

- Ты сказал, что жизнь с фрименами может показаться мне слишком суровой. Ты имел в виду, что они живут в открытой Пустыне?..

- Кто знает, где живут фримены? Для нас Центральное плато – земля ничейная, пустая... Но я хочу поговорить с тобой еще вот о...

- Мне говорили, что Гильдия старается не водить свои меланжевые лихтеры над Пустыней, – сказал Халлек. – Но ходят слухи, что если все-таки лететь над Пустыней и знать, где искать, – можно увидеть в некоторых местах островки зелени...

- Слухи! – скривился Туек. – Ну ладно. Так что ты выберешь – жизнь с нами или с фрименами? Мы живем в относительной безопасности; наш сиетч высечен в скале, у нас есть собственные хорошо укрытые котловины. Мы живем, в конце концов, как цивилизованные люди. А фримены... шайки бродяг и оборванцев, которых мы нанимаем как охотников за Пряностью...

- Но они могут убивать Харконненов.

- А результат? Уже сейчас за фрименами идет охота, как за дикими зверями. С лучеметами – они ведь не используют Щиты. Их просто уничтожают. А почему? Потому, что они убивали Харконненов.

- Именно Харконненов? – спросил Халлек.

- Что ты имеешь в виду?

- Разве ты не слышал, что на стороне Харконненов, возможно, были сардаукары?

- Опять слухи...

- Но погром – это совсем не в стиле Харконненов. Слишком расточительно.

- Я верю только тому, что вижу своими глазами, – отрезал Туек. – Выбирай же, воин! Я – или фримены. Я могу обещать тебе убежище и возможность когда-нибудь пролить кровь нашего общего врага. Можешь в этом на меня положиться. Ну а фримены смогут предложить тебе лишь жизнь – жизнь преследуемого, жизнь дичи.

Халлек задумался – слова Туека звучали мудро и сочувственно. Но все же что-то его настораживало, а что – он и сам не понимал.

- Ты должен больше верить себе, – настойчиво сказал Туек. – Чьи решения помогли тебе в бою, если не твои собственные? Решай.

- Да, решать надо, – проговорил Халлек. – Так герцог и его сын мертвы?

- Харконнены считают, что мертвы. В подобных делах я склонен верить Харконненам... – Мрачная улыбка коснулась губ Туека. – Но в чем-либо ином – вряд ли.

- Тогда я принимаю решение, – сказал Халлек, Он в традиционном жесте поднял правую руку ладонью вверх, прижав большой палец. – Мой меч – твой меч.

- Я принимаю его.

- Хочешь ли ты, чтобы я постарался привлечь на твою сторону также и моих людей?

- Ты что, предоставишь им решать это самим?

- Они шли за мной – до сих пор. Но почти все они уроженцы Каладана. Арракис обманул их: они потеряли здесь все, кроме своей жизни. Поэтому я бы хотел, чтобы они могли решать сами...

- Разве теперь время миндальничать? Ведь они же шли за тобой.

- Иначе говоря, они тебе нужны.

- Мы всегда найдем дело для опытных бойцов. Особенно в такие времена.

- Ты принял мой меч. Хочешь ли ты, чтобы я убедил и своих людей?

- Я думаю, Гурни Халлек, что они пойдут за тобой.

- Надеюсь, что да.

- Уверен.

- И так, я могу решать это сам?

- Решай.

Халлек не без труда встал из глубокого кресла – даже это небольшое усилие, оказывается, было слишком тяжело для него.

- Сейчас я бы хотел посмотреть, как они устроены и не нуждаются ли в чем-нибудь.

- Обратись к моему квартирмейстеру, – сказал Туек. – Его звать Дриск. Передай, что я велел проявить к вам максимум внимания. Чуть позже я подойду сам, а сейчас я прежде всего должен проследить за отправкой груза Пряности.

- С кем удача, тот всюду пройдет, – пробормотал Халлек.

- Всюду, – подтвердил Туек. – Надо сказать, в смутное время в нашем деле открываются просто редкостные возможности...

Халлек кивнул. Послышался тихий шелест. Гурни ощущал движение воздуха – рядом с ним открылся люк. Он повернулся и, пригнувшись, вышел.

Он оказался в зале, через которую незадолго до этого его с товарищами провели люди Туека. Длинное, узкое помещение было высечено в скале – гладкие стены показывали, что тут применялись лучерезы. Потолок, следуя природному строению скалы и образуя надежный свод, уходил вверх достаточно высоко, чтобы обеспечить естественную циркуляцию воздуха в помещении. Вдоль стен тянулись закрытые шкафчики и стойки с оружием.

Не без гордости Халлек отметил, что те из его людей, кто был способен держаться на ногах, все еще стояли. Даже усталые, потерпевшие поражение они не позволяли себе расслабиться. Среди них

Халлек заметил также медиков контрабандистов, которые оказывали помощь раненым. По левую руку составили контейнеры-носилки, и возле каждого из тяжелораненых сидел кто-нибудь из людей Атрейдесов.

Это было в правилах Дома Атрейдес, с этого начиналось обучение воинов: «Мы заботимся о своих». И это правило, выдержав все, оказалось незыблемо.

Один из офицеров подошел к Халлеку, доставая из футляра его девятиструнный балисет. Резко отсалютовав, офицер сообщил:

- Командир, врачи сказали, что Маттаи безнадежен. Банка костей и органов здесь у них нет, только то, что необходимо для первой помощи. Так что Маттаи скоро умрет - и у него есть к вам просьба.

- Какая?

Офицер протянул ему балисет.

- Маттаи хотел бы услышать песню - чтобы она облегчила его уход. Он говорит, вы знаете, - он часто просил вас ее спеть. - Лейтенант переглотнул. - Она называется «Моя женщина», сэр. Может быть, вы...

- Я знаю ее. - Халлек взял балисет, достал из паза на деке мультиплектр. Взял мягкий аккорд - оказывается, кто-то уже настроил инструмент. У него зашипало в глазах, но он выбросил это ощущение из головы и повел мелодию, заставляя себя непринужденно улыбаться.

Несколько его людей и один из врачей контрабандистов склонились над носилками умирающего. Один из бойцов Атрейдесов негромко запел, легко ведя песню в контратон. Было видно, что песня хорошо знакома ему:

Женщина моя - у окна, Нежных линий плавный изгиб. Рук прекрасных живая волна На квадрате светлом стоит, За окном полыхает закат, И струится изгиб нежных рук... Жду вас, руки любимой моей, Руки милой.

Обнимите нежней и теплей, Руки милой...

Певец смолк и забинтованной рукой прикрыл веки человека на носилках.

Халлек завершил мелодию тихим, мягким аккордом. «Теперь нас осталось семьдесят три», - подумал он.

Глава 7

Семейную жизнь в Ройял-Креш – «Королевских Яслях» – многие могут найти достаточно трудной для понимания, но все же я попытаюсь дать хотя бы общее представление об этом.

Я думаю, что у отца был лишь один настоящий друг – граф Хасимир Фенринг, генетический евнух и один из лучших бойцов Империи. Граф – это был вертлявый и довольно уродливый коротышка, но большой щеголь – привел как-то к отцу новую рабыню-наложницу. Мать попросила меня поглядеть за происходящим: нам всем приходилось шпионить за отцом, просто ради собственной безопасности. Разумеется, ни одна из наложниц, которых, согласно договору между Бене Гессерит и Гильдией Космогации, подарили моему отцу, не могла бы принести ему наследника – но интриги в этом направлении не прекращались никогда и даже угнетали своим однообразием. Нам же – матери, сестрам и мне – пришлось в совершенстве научиться избегать изощреннейших орудий убийства.

Возможно, ужасно говорить так о своем отце – но я отнюдь не уверена, что он был непричастен ко всем этим покушениям. Императорская семья, увы, не походит на обычные семьи.

Итак, новая рабыня оказалась рыжеволосой, как отец, гибкой и изящной. У нее были сильные мышцы настоящей танцовщицы, а ее подготовка, это было видно с первого взгляда, включала знание системы нейрообольщивания. Отец долго рассматривал ее, обнаженную, и наконец сказал: «Нет, она чересчур красива. Пожалуй, лучше сохранить ее для подарка кому-нибудь...» Вы не сможете вообразить, какое смятение вызвало такое самоограничение в Ройял-Креш. Дело в том, что проницательность, коварство и способность к самоконтролю всегда были для нас главной угрозой.

(Принцесса Ирулан, «В доме моего отца»)

Уже наступал вечер. Пауль стоял возле диститента. Рас щелина, где он разбил палатку, уже была затоплена тенью. Пауль смотрел через песчаный пролив на скальную стену и прикидывал, не пора ли будить мать – она еще спала в палатке.

От устья расщелины вдаль бежали бесконечные складки дюн. По катящимся к горизонту солнцем дюны отбрасывали жирные тени – словно под ними прятались клочья ночи.

Монотонность плоской равнины угнетала. Он попытался уцепиться глазами хоть за что-нибудь, но все было

плоско и неподвижно – кроме дрожащего марева раскаленного воздуха. Нигде ни былинки, которая могла бы дрогнуть от ветерка... лишь дюны и далекая стена под сверкающим серебристо-голубым небом.

«А что мы будем делать, если окажется, что это – вовсе не одна из заброшенных испытательных станций? – думал он. – Что, если там нет фрименов и замеченные нами растения – лишь случайность?»

В это время Джессика проснулась, повернулась на спину и сквозь прозрачную секцию посмотрела на сына. Он стоял к ней спиной – и что-то в его позе, фигуре напомнило ей его отца. Она ощутила, как волна горя вновь поднимается в ней – и отвернулась.

Наконец она смогла заняться собой – застегнула дистикомб, попила воды из кармана диститента, вышла и потянулась, прогоняя сон.

Не поворачиваясь, Пауль проговорил:

– Какая тишина... Я поймал себя на том, что уже наслаждаюсь ею.

«Как его разум приспособливается к окружающему», – подумала Джессика и припомнила одно из основополагающих утверждений учения Бене Гессерит: «Под воздействием стресса разум может отклониться в любую сторону, как в положительную, так и отрицательную, как верньер – от позиции „Включено“ и до „Выключено“... Представьте себе это как спектр или шкалу, где на одном конце – полное отключение сознания, а на другом – гиперсознание. То, куда отклонится разум – во многом зависит от подготовки».

– А тут можно было бы неплохо жить, – сказал Пауль.

Она попыталась увидеть Пустыню его глазами, попыталась представить все те лишения, которые Арракис принимал как должное, и гадала, какие варианты будущего видит ее сын.

«Здесь, – думала она, – человек может быть один, не боясь врага за спиной, не опасаясь охотников...»

Она подошла к сыну, подняла бинокль, подстроила масляные линзы и вновь оглядела противоположную стену. Да, действительно – сагуаро, еще какие-то колючки... а в их тени – низкая и редкая желто-зеленая трава.

- Я сворачиваю лагерь, - решил Пауль.

Джессика кивнула, прошла к самому концу расщелины, откуда открывался более широкий вид, повела биноклем налево. Там сверкала белоснежная солончаковая котловинка. Белое поле – а в этом мире белый был цветом смерти. Но котловина говорила о другом: о воде. Когда-то эта искрящаяся белизна была скрыта водой... Джессика опустила бинокль, поправила бурнус и некоторое время стояла неподвижно, прислушиваясь к тому, как позади Пауль убирает палатку.

Солнце опускалось. Через соляную котловинку протянулись длинные тени. Над закатным горизонтом загорелись яркие полотнища цвета. Постепенно начала сгущаться темнота; угольно-черные тени казались пальцами ночи – она будто осторожно трогала Пустыню, прежде чем ступить на нее. Словно купальщица на краю холодной воды...

И вот занавес ночи опустился над песками. Вспыхнули звезды.

Джессика подняла к ним глаза. Подошел Пауль – она почувствовала его движения. Ночь в Пустыне устремлялась ввысь – казалось, будто ты сам поднимаешься к звездам. Давящая тяжесть дня уходила. Лиц коснулся ночной ветерок.

- Скоро встанет Первая луна, – сказал Пауль. – Я уже уложил рюкзак и поставил манок...

«Мы можем навсегда сгинуть в этом проклятом месте, – подумала Джессика. – Никто даже не узнает...»

Ветерок поднимал облачка песка, и песчинки били по лицу. Он нес запах корицы, который источала ночь.

- Чувствуешь запах? – спросил Пауль.

- Даже через фильтры. Тут просто несметные сокровища – но воды здесь за них не купишь... – Она повела рукой. – Смотри: ни одного огонька.

- Фрименский сиетч, если он здесь есть, должен бытькрыт за теми скалами, – возразил он.

Над горизонтом по правую руку блеснула серебряная полоска: всходила Первая луна. Она поднялась; на ее диске отчетливо вырисовывался силуэт руки. Джессика внимательно оглядывала посеребренные лунным светом пески.

- Я поставил манок в самом глубоком месте нашей расщелины, – сообщил Пауль. – Когда я зажгу свечу, у нас будет около тридцати минут.

- Тридцати минут?

- Ну да, прежде чем он начнет звать... ну... червя.

- О. Понятно. Я готова – идем?

Пауль отошел – слышно было, как он поднимается к месту их дневки.

«Ночь – как тоннель, – думала Джессика, – дыра в завтра... если завтра наступит для нас. – Она потрясла головой, отгоняя тяжелые предчувствия. – Да что это я? Нельзя поддаваться мрачным мыслям – меня не тому учили!..»

Вернулся Пауль, поднял рюкзак и зашагал вниз. Дойдя до первой дюны, он остановился, поджидая мать – и не оборачиваясь, слышал её мягкие шаги. Мерные тихие звуки на языке Пустыни были опасными звуками...

- Надо идти без ритма, – озабоченно сказал Пауль, припоминая, как ходят в Пустыне... это была память и реальная, и провидческая... – Смотри, – сказал он. – Вот как фримены ходят по пескам...

Он ступил на наветренный склон дюны и пошел вдоль ее изгиба, подволакивая ноги.

Джессика следила за ним шагов десять, потом пошла следом, подражая походке сына. Она уловила принцип: надо стараться имитировать естественные звуки Пустыни, возникающие от подвижек песка... от ветра. Но мышцы не желали следовать ненормальной системе: шаг... шарканье... шарканье... шаг... пауза... шарканье... шаг...

Вокруг них расстипалось само Время. Скальная стена впереди, кажется, вовсе не приближалась, а

та, что осталась за спиной, все так же возвышалась над ними.

Тумп! Тумп! Тумп! – застучало сзади.

– Манок, – сквозь зубы пробормотал Пауль. Машина стучала... и вдруг оказалось, что очень трудно не поддаться ее ритму, не шагать в такт ударам.

Тумп... тумп... тумп... тумп...

Они шли по залитой луной котловине, и мерный стук пронизывал все вокруг вниз и вверх, вверх и вниз по осыпающимся склонам дюн: шаг... шарканье... пауза... шаг...

По крупному песку, почти гальке, на котором оскальзываются ноги: шарканье... пауза... пауза... шаг...

Напряженно вслушиваясь, они ждали, что вот-вот послышится знакомый шорох.

Когда же этот звук наконец пришел, он был вначале так тих, что шаги его заглушили. Но звук, приближаясь с запада, нарастал... становился все громче... громче...

Тумп... тумп... тумп... тумп... – усердно долбил манок.

Оглушительный шорох затопил ночь. Обернувшись на ходу, они увидели огромный движущийся вал песка.

– Иди, – прошептал Пауль. – Не оглядывайся!.. Сзади, от скал, раздался яростный шум, схожий со звуком обвала.

– Иди! – повторил Пауль.

Он отметил, что теперь обе стены, и впереди и сзади, были на одинаковом удалении.

А позади разъяренный червь крушил скалы, бился о них, и грохот сотрясал тьму.

Они все шли и шли. Мышцы ныли той же привычной болью, которая, казалось, растянулась в бесконечность. Но манящая стена впереди приближалась.

Джессика шла словно в пустоте, сконцентрировавшись только на том, чтобы идти: лишь сила воли заставляла ее передвигать ноги. Рот горел от жажды, но раздавшиеся за спиной звуки не позволяли и думать остановиться – пусть даже на миг, чтобы попить воды из водяных карманов...

Тумп... Тумп...

Взрыв бешеной ярости позади с новой силой сотряс скалы, заглушив манок.

И все смолкло.

– Быстрее! – прошептал Пауль.

Она кивнула, хотя и знала, что он не видит ее жеста, который был нужен ей самой – как бы дать понять мышцам; и без того измотанным до предела работой в противоестественном ритме, что от них потребуются еще большие усилия...

Стена впереди, несущая безопасность, уже закрывала звезды. У ее подножия тянулась полоса совершенно ровного песка. Пауль ступил на песок, споткнулся – он очень устал – и, пытаясь удержать равновесие, почти впрыгнул на гладкую поверхность.

Гулкий удар сотряс песок.

Пауль резко отпрыгнул в сторону, на два шага.

Бум! Бум!

– Барабанные пески! – придушенно воскликнула Джессика.

Пауль ухитрился восстановить равновесие. Мельком оглянулся, успев охватить взглядом пески и скалы, – до них оставалось всего метров двести. А позади раздался шорох. Как ветер, как гул потока... в мире без воды.

– Беги! – закричала Джессика. – Пауль, беги! И они побежали.

Барабанный песок оглушительно рокотал под ногами. Миновав его предательскую полосу, они вылетели на мелкий гравий. Какое-то время бег казался отдыхом: по крайней мере в нем был

нормальный ритм, это было естественное, понятное действие. Но песок и гравий словно хватали их за ноги. А страшный шорох приближался – казалось, на них надвигается буря.

Джессика споткнулась, упала на колени. Для нее не осталось ничего – лишь усталость, лишь звук позади, лишь ужас.

Пауль рывком поднял ее.

Впереди появился тонкий шест, торчащий из песка. Они миновали его, увидели следующий. Но Джессика поняла, что видит нечто необычное, лишь когда шесты остались позади.

А вот и еще один шест, изъеденный ветром и песком, торчит из щели в камне.

И еще один.

Скала!

Она почувствовала ее под ногами – твердая поверхность, а не вязкий песок. Стало легче бежать, у нее будто прибавилось сил. В каменной стене впереди темнела вертикальная тень – щель в скале. Они из последних сил рванулись к ней, забились внутрь.

А позади стих зловещий шорох.

Джессика и Пауль обернулись.

Там, где кончались песчаные волны, метрах в пятидесяти от каменного «берега», над пустыней вставал серебристо-серый холм, и каскады песка срывались с него. Холм вздыпался все выше... и вот в нем разверзлась чудовищная жаждущая пасть – черный круглый провал, и его края искристо блестели под луной.

Пасть искала их, тянулась к узкой расщелине, куда забились Джессика и Пауль. На них обрушился густой запах корицы. Лунный свет сверкал на кристальных остриях зубов. '

Огромный рот рыскал из стороны в сторону, то приближаясь к трещине, то откатываясь назад. Пауль затаил дыхание. Джессика сжалась у стены, не в силах оторвать взгляд от ужасающего зрелища.

Ей пришлось собрать воедино все, чему учили ее в Бене Гессерит, чтобы совладать с древним ужасом, с наследственными страхами расовой памяти, готовыми затопить ее разум.

Пауль чувствовал почти экстатический подъем. Только что он, переступив барьер времени, вступил на новую, тоже неизвестную ему территорию. Он чувствовал тьму впереди, непроницаемую для его внутреннего взора. Как будто какой-то его шаг был шагом в колодец... в провал меж волн, откуда будущее было невидимо для него. Все окружавшее его резко изменилось.

Но это ощущение слепоты, видение тьмы времени отчего-то не испугало его, но невероятно обострило все остальные чувства. Оказывается, он воспринимал и вбирал в себя до мельчайших подробностей вставшую из песков тварь, которая искала их. Пасть червя была огромна – метров восемьдесят в диаметре, не меньше... по краю ее сверкали изогнутые, как крисы, кристаллические зубы... могучее дыхание несло плотный запах корицы... менее различимые летучие запахи альдегидов... кислот...

Червь ткнулся в скалу над ними, закрыв лунный свет. В щель посыпался дождь из песка и щебня.

Пауль толкнул мать глубже назад...

Корица!!!

Запах корицы окутывал его.

«Что общего у червя с Пряностью – с меланжей?» – спросил он себя. И припомнил, как Лиет-Кинес проговорился, намекнув на какую-то связь между червем и Пряностью...

Брумм!..

Откуда-то справа, издали, послышался сухой громовой раскат.

И снова:

Брумм!..

Червь ушел обратно в песок. Какой-то миг он лежал неподвижно. Кристаллы зубов разбрасывали

вокруг лунные блики.

Тумп! Тумп! Тумп! Тумп!

«Еще манок!» - понял Пауль.

Тоже справа.

По огромному телу чудовища прокатилась дрожь. Оно погрузилось глубже в песок; теперь над поверхностью оставалась лишь арка пасти, точно разверстый зев уходящего в песок тоннеля.

Песок зашуршал, зашелестел.

Червь еще глубже ушел в песок, начал разворачиваться. Теперь это снова был продолговатый песчаный холм, ползущий через дюны.

Пауль вышел из укрытия, глядя, как катится грозная песчаная волна через пустыню на новый зов.

Вслед за ним из щели осторожно выбралась Джессика. Прислушалась.

Тумп... Тумп... Тумп... Тумп...

Наконец звук смолк.

Пауль нашарил трубку своего дистикомба, глотнул водяной конденсат.

Джессика смотрела, как он пьет, но словно не видела - она еще не отошла от усталости и пережитого ужаса.

- Он точно ушел? - шепотом спросила она.

- Его кто-то позвал, - ответил Пауль. - То есть не «кто-то». Фримены.

Понемногу она приходила в себя.

- Он огромен, чудовищен...

- Ну, не так огромен, как тот, что слопал наш топтер...

- А это действительно были фримены?

- Они пользовались манком.

- Почему они помогли нам?

- Может, они вовсе не помогали. Просто позвали червя.

- Но зачем?

Ответ был где-то рядом, на грани понимания... но так и не пришел. Было что-то... видение... что-то связанное с

телескопическими, снабженными крюками небольшими штангами - «крюками Подателя».

- Зачем им звать червя? - повторила Джессика.. Ледяное дыхание страха коснулось разума Пауля, и лишь

с большим трудом удалось ему заставить себя отвернуться от матери и посмотреть вверх, на гребень стены.

- Надо бы найти дорогу наверх еще до света. - Поднял руку, показал: - Помнишь, мы пробежали мимо шестов? Смотри, вон еще такие же.

Она проследила за его рукой. Действительно, шесты, изъеденные ветром, стояли вдоль почти незаметного узкого карниза, который высоко вверху изгибался и переходил в трещину.

- Шесты отмечают путь наверх, - сказал Пауль. Он вскинул на плечи рюкзак, подошел к основанию стены. Полез вверх.

Джессика постояла, собираясь с силами, и последовала за ним.

Они карабкались по склону, следя указательным шестам. Наконец карниз сузился до совсем уже крохотного выступа перед уходом в темную расщельину.

Пауль нагнулся голову, заглянул в тень. Опора под ногами на узком карнизе была ненадежна, но он из осторожности медлил. В расщелине было темно, хоть глаза выколи. Правда, вверху, куда она уходила, горели звезды. Он прислушался, но не услышал ничего подозрительного: сыпется песок, негромко трещат насекомые, суетливо топочет какая-то мелкота. Осторожно пошарив ногой, Пауль ощутил припорошенную песком скалу. Он медленно, дюйм за дюймом, обогнулся нависший над карнизом выступ и махнул матери - «за мной». Ухватил ее за полу и придерживал, пока она обходила выступ.

Звезды смотрели в щель меж каменных стен. Пауль почти не различал фигуру матери - так, смутный серый призрак, почти невидимое движение во мраке.

- Фонарик бы зажечь... - шепнул он. - Жаль, нельзя.

- У нас есть не только зрение, - напомнила Джессика. Пауль передвинул ногу дальше вперед, перенес на нее

вес, пошарил второй ногой - и наткнулся на что-то. Подняв ногу, обнаружил, что это ступенька, и поднялся на нее. Протянул руку назад, поймал руку Джессики и потянул за собой.

Еще ступенька.

«Удобная и ровная, - добавила про себя Джессика. - Без сомнения, дело рук человека...»

Она поднималась вслед за почти невидимым сыном, ногой нащупывая ступени.

Стены постепенно сблизились - теперь лестница была узкой, еле пройти; плечи почти касались стен. Наконец она вывела их в узкое ущелье с ровным полом, которое, в свою очередь, открывалось в неглубокую, залитую лунным светом котловинку.

Пауль вышел на край котловинки, огляделся и прошептал:

- Как красиво!..

Джессика, стоявшая за его плечом, могла лишь молча с ним согласиться.

Как бы она ни устала, как бы ни раздражали катетеры, носовые фильтры и наглоухо застегнутый дистикомб, как бы она ни боялась и ни мечтала об отдыхе, - красота котловинки захватали ее.

- Как в сказке, - прошептал Пауль. Джессика кивнула.

Перед ними расстилалась целая рощица пустынной растительности - кусты, кактусы, крохотные розетки зеленых листиков. Дул ветерок, и листья трепетали в лунном свете. Стены котловинки по левую руку были зачернены тенью, справа - озарены луной.

- В- Наверняка тут живут фримены, - проговорил Пауль.

- Да, такое количество растений без человеческого ухода не выживет, - согласилась Она и, сняв колпачок с питьевой трубы, глотнула воды. Теплая, с еле заметным горьковатым привкусом влага смочила горло, сразу освежив ее. Когда она закрывала трубку, под колпачком захрустели попавшие в него песчинки.

Внимание Пауля привлекло движение - справа от них, на расстилающемся внизу дне котловинки. Сквозь кусты дымника и поросль травы виднелся освещенный луной клин песка, а на нем - хоп, хоп, прыг-скок, хоп-скок, хоп - резвились какие-то крошечные зверушки.

- Мыши! - прошептал он.

Хоп-хоп-хоп - они то скрывались в тенях, то снова выпрыгивали на свет.

Беззвучная тень упала с неба на зверьков. Пронзительный птичий крик, хлопанье крыльев - и серая птица призраком поднялась над котловинкой с темным комочком в когтях.

Весьма своевременное напоминание, подумала Джессика.

Пауль все смотрел в котловинку. Глубоко вздохнув, он почувствовал чуть резковатый запах шалфея, струящийся из ночной тьмы. Хищная птица... Он принял ее как реальность Пустыни, естественный порядок вещей в ней. После атаки хищника в котловинке наступила такая несказанная тишина, что казалось, слышно было, как льется на стоящие на страже кусты сагуаро и ощетинившегося зелеными копьями красочника молочно-голубой свет луны. И тихое пение этого света было, наверно, древнейшей, первозданной гармонией Вселенной.

- Пора, пожалуй, найти место для палатки, - нарушил наконец молчание Пауль. - А завтра с утра

попробуем найти фрименов, которые...

- Чаще всего незваные гости не слишком радуются, найдя фрименов! - прервал его слова тяжелый мужской голос, раздавшийся откуда-то сверху и справа. - Только, пожалуйста, не надо бежать, пришельцы, - добавил голос, когда Пауль дернулся было обратно к проходу. - Если вы побежите, только растратите зря влагу своих тел.

«Им нужна вода нашей плоти!» - с ужасом подумала Джессика. Ее мышцы пришли в полную готовность, мгновенно преодолев усталость. Внешне, впрочем, это было невозможно заметить. Определив направление на голос, она невольно поразилась: вот это мастера! Даже она не слышала, как фримены подобрались так близко. Тут же она сообразила, что владелец голоса был неслышим потому, что звуки его движения были неотличимы от обычных звуков пустыни.

Второй голос откликнулся со стены котловины, слева: «

- Кончай с этим, Стал. Берем их воду - и идем дальше. Времени до рассвета осталось немного.

Пауль, не так хорошо, как мать, подготовленный к неожиданным опасностям, был раздосадован: он замер, он пытался даже бежать, он позволил панике, пусть даже на миг, захватить себя!.. Теперь он усилием воли заставил себя действовать так, как его учили: расслабиться, затем от настоящей расслабленности перейти к кажущейся и быть готовым в любой миг нанести удар в любом направлении.

Но он все еще чувствовал страх. И знал его причину: он по-прежнему не видел будущего... и того, что происходило сейчас, он раньше не видел... а их окружали фримены, которым нужна лишь вода двух беззащитных тел.

Глава 8

...Эта религиозная традиция фрименов является, таким образом, источником и основой учения, известного сегодня как «Столпы Вселенной»: и его Квизара Тафвид ныне – среди нас, неся все свои знамения, пророчества и свидетельства. Они несут нам мистический сплав веры, вышедший из горнила Арракиса; глубинную красоту этой веры лучше всего выражает волнующая музыка, основанная на старинных формах, но отмеченная знаком нового пробуждения. Кто не слыхал «Песнь Старца», кого не тронула она до глубины души ?

Я влачил стопы свои в пустыне, Где сонмы миражей дрожали и текли. Я жаждал славы, я к опасности стремился, Достичь пытался горизонтов Аль-Куляба – И видел я, как сравнивает горы Седое Время тщась настичь меня. И видел: воробы примчались Быстрой, чем волк в прыжке убийственном, И сели на ветви древа юности моей. Я слышал – в кроне стая их порскала, Но растерзали меня Их злые маленькие коготки и клювы...

(Принцесса Ирулан, «Арракис Пробуждающийся»)

Человек полз через гребень дюны – пылинка под полуденным солнцем. На нем были лишь рваные лохмотья – все, что осталось от плаща-джуббы. Голое тело под прорехами было беззащитно перед жарой. Капюшон джуббы был

оторван, но человек из полосы ткани от подола плаща сумел сделать себе тюрбан. Между витков тюрбана торчали ключья песочного цвета волос. Редкая бородка и густые брови были того же цвета. Под сплошь синими глазами оставалось еще темное пятно. Полоска свалившихся волос на усах и бороде – тут проходила трубка дистикомба, от носовых фильтров к водяным карманам.

Человек замер на гребне, перебросив руки на осыпающийся склон. На его спине, на руках и ногах запеклась кровь; к ранам присохла корка серовато-желтого песка. Человек медленно подтянул руки под себя, поднялся рывком и встал, пошатываясь. Даже это слабое, неловкое усилие сохраняло следы былой четкости и отточенности движений.

– Я – Лиет-Кинес, – хрюплю произнес он, обращаясь к пустынному горизонту. Его голос был лишь слабой карикатурой на самое себя. – Я – планетолог Его Императорского величества, – продолжил он уже шепотом, – Планетный Эколог на Арракисе. Я – хранитель этой земли.

Он оступился, неловко упал на хрупкую спекшуюся корку, стянувшую склон дюны. Руки, пробив ее, бессильно погрузились в песок.

«Я – хранитель этого песка», – подумал он с горечью.

Он понимал, что почти бредит, что надо зарыться в песок – найти в нем относительно более прохладный слой и как-нибудь укрыться в нем; но он чувствовал также сладковато-ухлый запах эфиров: где-то под ним созревал, как нарыв, карман премеланжевой массы. Кто-то, а он лучше любого фримена знал, чем это чревато. Раз слышен запах премеланжевых масс, значит, давление газов в глубине стало критическим – близким к взрыву. Надо убираться отсюда...

Его руки слабо скребли песок. Внезапно пришла четкая, ясная мысль: «Подлинное сердце планеты – ее ландшафт... то, насколько мы заняты в этой основе цивилизации – агрикультуре.

Как странно, думал он, что мозг никак не может сойти с привычной колеи...

Харконненские солдаты бросили его здесь без воды, без дистикомба в расчете на то, что если не Пустыня, то червь покончит с ним. Кого-то забавляла мысль о том, Агрикультура – сельское хозяйство.

что он будет медленно, в одиночку умирать – что его убьет собственная его планета.

«У Харконненов всегда были сложности с убийством фрименов, – усмехнулся он про себя. – Нас не так-то легко убить. Я сейчас должен был бы уже быть мертв... я действительно скоро умру... но экологом быть не перестану, не смогу».

– Первая, основная и наивысшая функция экологии – умение видеть последствия.

Звук этого голоса потряс его: ведь владелец голоса был давно мертв! Это был голос его отца, который занимал здесь должность планетного эколога до него и погиб в провальной воронке у Гипсовой Котловины.

– Да, ты, сынок, крепко вlip, – сказал отец. – Но ты должен был заранее оценить возможные последствия, когда решился помочь сыну герцога.

«Я брежу», – подумал Кинес.

Голос, кажется, звучал откуда-то справа. Кинес, оцарапав лицо песком, повернул туда голову. Ничего, только воздух дрожит .над изгибом песчаного склона, раскаленного полуденным солнцем.

- Чем больше жизни содержит система - тем больше в ней и ниш для жизни, - назидательно произнес отец. Сейчас голос звучал сзади и слева.

«Чего он кружит .вокруг меня, - раздраженно подумал Кинес. - Он что, не хочет, чтобы я его увидел?..»

- Жизнь, таким образом, повышает способность окружающей среды поддерживать жизнь, - продолжал отец. - Поскольку жизнь делает питательные вещества более пригодными к употреблению. Она связывает в системе энергию через многочисленные химические связи между организмами...

«Да что же он все твердит одно и то же? - подумал Кинес. - Я знал все это, когда мне еще десяти не было!»

Пустынные коршуны - трупоеды, как большинство диких животных здесь, - уже кружили над ним. Кинес увидел тень, черкнувшую по песку подле его руки, и с усилием повернул голову так, чтобы видеть небо. Птицы виделись ему размытыми пятнами на серебристо-голубом небе. Как плавающие в вышине хлопья сажи.

- Обобщение - наша специальность, - сказал отец. - Проблему планетарных масштабов не очертить тонкой линией. Планетология - это искусство кроить и подгонять...

«Что он мне хочет сказать? Может быть, я не учел какие-то последствия?»

Его голова снова упала на песок, и сквозь вонь премеланжевых газов он ощутил запах опаленного камня. Где-то в уголке разума, где еще жила логика, возникла мысль: «Это стервятники; может быть] кто-нибудь из моих фрименов заметит это и придет узнать, в чем дело...» -

- Для каждого действующего планетолога важнейшим орудием являются люди, - поучал отец. - Ты должен насаждать в народе экологическую грамотность. Именно поэтому я разработал эту, совершенно новую, систему экологической нотации, экостенографии...

«Вот что! Он повторяет то, что уже говорил мне, когда я был ребенком!..»

Он почувствовал прохладу, но тот, все еще действующий уголок сознания деловито разъяснил: «Солнце в зените. На тебе нет дистикомба, ты перегрелся, и солнце высушивает твое тело».

Пальцы бессильно прочертили канавки в песке.

Даже дистикомба не оставили!..

- Наличие в воздухе влаги, - сообщил отец, - предотвращает слишком быстрое испарение таковой живыми организмами.

«Ну что он все говорит такие очевидные вещи?» - дивился Кинес.

Он попробовал думать о воздухе, насыщенном влагой, - дюны, поросшие травой... а там, внизу - открытая вода, широкий, полноводный арык, протянувшийся через пустыню, и деревья вдоль него... Он никогда не видел открытой воды, разве что на иллюстрациях. Открытая вода... вода для полива... он вдруг вспомнил: для орошения одного гектара земли в период вегетации необходимо пять тысяч кубометров воды.

- На Арракисе первой нашей целью будет создание травяного покрова на больших территориях. Мы начнем эту работу, используя мутированные засухоустойчивые травы. Связав влагу в дерне, мы перейдем к посадке лесов на холмах - а затем дело дойдет до создания открытых водоемов.

Сначала небольших, вытянутых вдоль линий преобладающих ветров, с ветровыми ловушками и осадителями, которые отберут у ветра украденную им влагу. Мы, наверно, создадим настоящие сирокко - влажные ветры... но нам никогда не уйти от необходимости ставить ветровые ловушки.

«Вечно он читает мне лекции. Что бы ему наконец заткнуться? Он что, не видит, что я умираю?»

- И ты тоже, безусловно, погибнешь, как и я, - заверил отец, - если не уберешься немедленно с образующегося под тобой пузыря. Да-да, там, внизу - премеланжевый карман, и ты это и сам понимаешь. Ты ведь чувствуешь запах газов? И понимаешь, что Маленькие Податели уже начинают выпускать воду в премеланжевую массу.

Мысль об этой воде в глубине сводила с ума. Он представлял ее, эту воду. Там, в пористых породах, запечатанная кожистыми телами полурастений-полуживотных, Маленьких Подателей, была вода.

Чистейшая, прозрачная, свежая, – и она выливается сквозь тонкий пока разрыв в...

В премеланжевую массу!

Ой вдохнул гнилостно-сладкий запах. Да, он заметно усилился.

Кинес заставил себя подняться на колени. Раздался резкий птичий крик, захлопали крылья.

«Это – Пустыня Пряности, – думал он. – Даже днем здесь должны быть фримены. Они обязательно увидят птиц и придут выяснить, в чем дело».

– Движение в среде – обязательное условие для животной жизни, – объявил отец. – Кочевые народы следуют этому принципу. Линия же движения зависит от потребности в воде, пище, минералах и другом сырье. Теперь мы должны контролировать это движение, приспосабливая его для наших целей.

– Заткнись, а? – пробормотал пересохшим ртом Кинес.

– Мы должны сделать на Арракисе то, что никогда еще не применялось к целой планете, – ответил отец. – Мы должны использовать человека в качестве созидающей экологической компоненты. Внедрять приспособленные к местным условиям земные формы. Тут – растение, там – животное и, наконец – человек, который преобразует водяной цикл и самый ландшафт.

– Заткнись!!!

– Именно линии движения дали нам ключ к пониманию связи между червями и Пряностью, – сообщил отец.

«Да, червь, – со внезапной надеждой подумал Кинес. – Податель всегда приходит при взрыве премеланжевого кармана. Но у меня же нет крюков! Как я взберусь без них на большого Подателя?..»

Он чувствовал, как отчаяние выпивает последние его силы. Вода так близко, всего в сотне метров под ним; и червь придет наверняка, но удержать его на поверхности и воспользоваться им не удастся!..

Кинес вновь упал лицом на песок, в продавленную им выемку. Песок обжег его левую щеку – правда; это ощущение словно пришло откуда-то издалека...

– Экосистема Арракиса организовалась на основе эволюции эндемических форм жизни, – вещал отец. – Не странно ли, что практически никто не поднял глаз от Пряности, не удивился тому, что при отсутствии крупных участков, занятых растительностью, в атмосфере поддерживается практически идеальное соотношение азота, кислорода и углекислого газа. Вот она перед вами, вся планета. Только смотрите и изучайте! Перед вами процесс – процесс жестокий, но это процесс. В нем есть разрыв? Значит, должно быть что-то, занимающее этот разрыв. Наука, собственно, и состоит из ряда фактов, которые, будучи объяснены, стали считаться очевидными. Я знал о Маленьких Подателях, населяющих глубины под песками, задолго до того, как увидел их.

– Пожалуйста, папа, хватит лекций! – прошептал Кинес.

Коршун сел на песок возле самой его руки. Кинес смотрел, как птица сложила крылья и, наклонив голову, одним глазом взглянула на него. Собрав последние силы, он слабо, хрипло крикнул. Коршун отпрыгнул шага на два, но продолжал рассматривать добычу.

– До сих пор, – сказал отец, – человек и все созданное им были кожной болезнью планет. Природа же всегда старается бороться с недугом, она уничтожает или инкапсулирует ее, – или включает ее в собственную систему так, как нужно ей самой.

Коршун пригнулся голову, расправил крылья, хлопнул ими. И опять уставился на неподвижно вытянутую руку. Сил крикнуть у Кинеса уже не было.

– Однако исторически сложившаяся система взаимного ограбления кончается здесь, на Арракисе, – сказал отец. – Нельзя бесконечно красть у природы, не заботясь о тех, кто придет следом. Физические свойства планеты – основа ее экономики и политики; мы увидим их – и наш путь очевиден.

Он никогда не мог остановиться, заведя лекцию. Лекции, лекции – вечные лекции...

Коршун подпрыгнул на шаг ближе к безвольной руке Кинеса. Наклонил голову, взглянул оценивающе на тело, сперва одним глазом, потом другим.

– Арракис – планета монокультуры, – сказал отец. – Монокультура. Всего одна. Она обеспечивает

правящему классу такую жизнь, какую во все времена вели правящие классы, в то время как внизу подбирала их объедки безликая масса недочеловеков-полурабов. Так вот, нас занимают именно эти массы и эти, так сказать, объедки. Они куда ценнее, чем кто-либо мог предположить.

- Я тебя не слушаю, так и знай, - прошептал хрипло Кинес. - Уходи...

И он опять подумал с надеждой: «Наверняка поблизости должны, должны быть мои фримены. Они придут хотя бы для того, чтобы проверить - не удастся ли поживиться здесь водой...»

- Итак, массы Арракиса узнают, что мы трудимся, чтобы земля здешняя изобиловала водами, - продолжал отец. - Разумеется, у большинства будут лишь полумистические представления о том, как мы собираемся сделать это. Многие, не осознающие проблемы ограничения веса, могут вообразить, что мы собираемся ввозить воду с какой-нибудь планеты, где она имеется в избытке. Что ж, пусть думают что угодно, пока они в целом верят нам.

«Вот сейчас... сейчас я встану и выскажу ему все, что о нем думаю, - подумал Кинес. - Вместо того чтобы помочь - стоит, поучает!...»

Птица подобралась еще на шаг ближе к руке. Чуть поодаль опустились на песок еще два коршуна.

- Религия и закон должны быть едины для всей этой нашей массы, - сказал отец. - Всякий акт неповиновения должен рассматриваться как грех и караться именно как таковой - наложением религиозной же кары. Это принесет двойную выгоду % укрепляя как повиновение, так и храбрость. Мы, заметь, должны опираться не столько на храбрость отдельных личностей, сколько на храбрость всего населения.

«И где же оно, это мое население?.. Как раз сейчас оно мне особенно нужно!» - сердито подумал Кинес. Он собрал остаток сил и двинул руку к ближайшему коршуну. Ему удалось сдвинуть ее сантиметра на полтора. Тот отпрыгнул к своим сородичам, готовый в случае чего тут же взлететь.

- Составленный нами график перейдет в природный феномен, - объявил отец. - Жизнь на планете подобна ткани, в которой переплетены многие тысячи нитей. Изменения флоры и фауны на первом этапе будут определяться исключительно сторонним физическим воздействием - нашим воздействием. Но по мере укрепления внесенные нами изменения начнут сами воздействовать на эти воздействия, нам придется еще разбираться с этим. Учти, что, контролируя лишь три процента энергии на поверхности планеты - только три! - мы сумеем превратить систему в самодостаточную и самообеспечивающую.

«Что же ты мне не поможешь? - устало спросил про себя Кинес. - Так всегда: ты подводишь меня именно тогда, когда ты мне нужнее всего...» Он хотел повернуться туда, откуда слышался голос отца, и хотя бы взглядом заставить его замолчать... упрекнуть его... но мышцы отказались повиноваться.

Коршун вновь пришёл & движение. Осторожно, шажок за шажком, птица подобралась к Кинесу. Другие две делали вид, что не обращают внимания ни на будущего сотрапезника, ни на будущий обед.

Коршун остановился в шаге от руки Кинеса.

И в этот миг на Кинеса сошло озарение. Неожиданно он увидел такое будущее, такую возможность для Арракиса, которого отец не представлял. Вероятности, связанные с этим путем, переполняли его.

- Нет худшей беды для твоего народа, чем оказаться в руках Героя, - отрезал отец.

«Он читает мои мысли! - рассердился Кинес. - А... впрочем, пусть его».

Потом мысли его перешли на другое.

«Сообщения уже отправлены во все мои сиетчи, - подумал он с удовлетворением. - И ничто их не остановит. Если сын герцога жив, они найдут его и будут оберегать, как я велел. Они, правда, могут убить его мать. Но мальчика... мальчика спасут».

Коршун сделал еще шажок - теперь он мог клюнуть руку. Он наклонил голову набок, рассматривая безвольно простертное тело, вдруг он замер, вздернул голову и, резко вскрикнув, взлетел в воздух вместе с другими птицами.

«Пришли! - закричал беззвучно Кинес. - Пришли мои фримены!»

И тут он услышал, как рокочут пески.

Этот звук знал любой фримен и без труда отличал от звука идущего червя или любого другого звука

Пустыни. Где-то под ним премеланжевые массы вобрали достаточно воды и органики, выделенных Маленькими, и достигли критической стадии роста. Там, в глубине, возник и начал подниматься огромный пузырь двуокиси углерода. Это было как направленный вверх взрыв – и в эпицентре его возникла песчаная воронка; точно водоворот. В результате произойдет обмен – Пустыня выбросит наверх то, что образовалось в ее недрах, поглотит все, что было на поверхности в месте выброса.

Коршуны кружили над ним, разочарованно крича. Они-то знали, что происходит. Это знали все жители Пустыни.

«Я тоже житель Пустыни, пустынная тварь, – подумал Кинес. – Видишь, отец? Я житель Пустыни».

Он почувствовал, как пузырь приподнял его, лопнул и пескопад охватил его, унося в прохладную тьму. На какой-то миг ощущение прохлады и влаги принесли благодатное облегчение. А потом, когда его планета убивала своего эколога, ему пришло в голову, что отец и другие учёные ошибались и основными принципами Вселенной были случайность и ошибка.

Даже коршуны согласились бы с ним.

Пророчество, предвидение... Как испытать их перед лицом вопросов, ждущих ответа? Сколько подлинного пророчества содержит «волна» предвидения (как называл свои видения сам Муад'Диб) – и насколько сам прорицатель воздействует на будущее, подгоняя его под собственные предвидения? А гармонические связи, улавливаемые в акте пророчества?..

Глава 9

Видит ли пророк само будущее – или же слабое место, щель, на которое можно воздействовать, используя слово или решение, подобно тому как гравильщик бриллиантов раскалывает алмаз ударом резца, попав в верную точку?..

(Принцесса Ирулан, «Мои размышления о Муад'Дибе»)

«Берем их воду», – сказал человек, прячущийся во тьме.

Пауль поборол страх, взглянул на мать. Опытным взглядом он увидел, что она незаметно изготовилась к бою, что ее мышцы напряжены для молниеносного удара.

– Жаль было бы просто убить вас, – сказал голос сверху.

«Это тот, который заговорил первым, – подумала Джессика. – Их по крайней мере двое – один справа, один слева».

– Цигноро хробоса сукарес хин манге ла пчагавас дои ме камавас на беслас леле пал хробас!

Это крикнул тот, что справа, обращаясь к товарищам на другой стороне котловины.

Паулю его выкрик показался сплошной тарабарщиной, но Бене Гессерит обучали языкам, и Джессика узнала этот: чакобса, один из древних охотничих языков. Человек, прячущийся над ними, предположил, что, возможно, это и есть те самые чужаки, которых они ищут.

Наступила неожиданная пауза. В это время над скалами встал и заглянул в котловину голубой, отливающий немного слоновой костью, ободок Второй луны.

Сверху, справа послышался шорох, и в котловину скользнули темные тени.

«Да их целый отряд!» – подумал Пауль, и по его спине пробежал внезапный холодок.

К Джессике подошел высокий человек в пятнистом бурнусе. Лицевой клапан капюшона был откинут в сторону – чтобы не мешал говорить. Луна освещала густую бороду, но само лицо и глаза скрывались в тени капюшона.

– Посмотрим, кто нам попался – джинны или люди? Джессика услышала в его голосе спокойную усмешку

и позволила себе каплю надежды. У него был голос человека, обладающего властью; именно он испугал их, раздавшихся внезапно в ночи.

– Вроде бы люди все-таки, – проговорил фримен, отвечая сам себе.

Джессика заметила – не столько увидела, сколько почувствовала нож, спрятанный в складках его одежды. Вот тут она пожалела, что у них нет щитов.

– А говорить-то вы умеете? – с усмешкой спросил фримен.

Джессика постаралась ответить с королевской надменностью в голосе и манерах. Медлить было нельзя, хотя она не успела еще оценить незнакомца, его культуру и слабости.

– Кто подкрался к нам, подобно разбойникам в夜里? – требовательно спросила она.

Голова под капюшоном бурнуса дернулась; затем фримен медленно расслабился – и это говорило о многом. Он прекрасно владел собой.

Пауль отодвинулся от матери, чтобы они не представляли собой одну цель и чтобы у каждого было пространство для боя.

Капюшон повернулся, следя за движением Пауля, и свет луны выхватил из тени часть лица: острый нос, блестящий глаз («Какой- темный, – подумала Джессика, – да, совсем без белка!») под тяжелой бровью, закрученный вверх ус.

– Парнишка вроде похож... – пробормотал фримен. – Вот что, если вы бежите от Харконненов, то, может статься, мы примем вас. Ну так как, мальчик?

Варианты мелькали в голове Пауля: что это, ловушка? Или все-таки он говорит искренне? Тянуть было нельзя. .-Ас чего бы это вам привечать тех, кто бежит от Харконненов?

– Ребенок, который думает и говорит как мужчина, – задумчиво проговорил высокий фримен. – Н-ну,

что до твоего вопроса, мой юный вали, то я не из тех, кто платит фай – водяную дань – Харконненам. Вот почему я могу и принять вас.

«Он знает, кто мы! – понял Пауль. – И, судя по голосу, он что-то скрывает».

– Я Стилгар, фримен, – сказал собеседник. – Может, это сделает тебя поразговорчивее, мальчик?

«Тот самый голос», – подумал Пауль, вспомнив тот Совет, на котором этот самый человек требовал тело своего товарища, убитого Харконненами.

– Да, Стилгар, я тебя знаю, – ответил он. – Я был с отцом на Совете, куда ты пришел за водой своего друга. Ты тогда еще взял с собой человека моего отца – Дункана Айдахо, вместо своего друга.

– Айдахо бросил нас, вернулся к своему герцогу, – сказал Стилгар.

Уловив нотку неприязни, Джессика изготавлилась к бою. Голос со стены напомнил:

– Стил, мы теряем время!

– Это – сын герцога, – отрезал Стилгар. – И он – тот, кого велел найти Лиет.

– Но… он же ребенок, Стил!

– Герцог был настоящим мужчиной. А этот паренек воспользовался манком, – возразил Стилгар. – Разве ты не видел, как смело пересек он путь Шай-Хулуда?

Джессика поняла, что о ней даже не говорят. Приговор уже вынесен?

– У нас нету времени испытать его, – пытался протестовать человек наверху.

– А что, если он действительно Лисан аль-Гаиб? – спросил Стилгар.

«Он ждет знака! – поняла Джессика. – Знамения!»

– Ну а женщина? – настаивал голос сверху. Джессика вновь подобралась: в этом голосе она слышала смерть.

– Да, женщина… – проговорил Стилгар. – Женщина – и ее вода.

– Ты ведь знаешь закон, – сказал фримен на стене котловины. – Кто не может жить в Пустыне.»

– Довольно, – оборвал его Стилгар. – Времена меняются.

– Разве Лиет приказал нам это? – спросил его собеседник.

– Ты что, не слышал голос сейлага, Джамис? – рассердился Стилгар. – Что ты ко мне прицепился?

«Сейлаго!» – подумала Джессика. Это уже было кое-что: язык Илма и Фикха; «сейлаго» – это нетопырь, небольшое летающее млекопитающее. «Голос сейлага» – тоже ясно: они получили дистранс-сообщение с приказом найти Пауля и ее.

– Я только хотел напомнить тебе о твоем долге, друг Стилгар, – сказали сверху.

– Мой долг – думать о силе племени, – отрезал Стилгар. – И это – единственный мой долг. Я не нуждаюсь в напоминаниях о нем. Меня заинтересовал этот мальчик-мужчина. У него крепкое, плотное тело. Он не испытывал недостатка в воде. И он жил, не опаляемый Отцом-Солнцем. У него нет глаз ибада. Но при всем том он говорит и действует вовсе не как слабаки из чаш. И то же самое можно было сказать о его отце. Так как это возможно?

– Но не можем же мы препираться тут всю ночь! – пробурчал невидимый собеседник. – Если патруль…

– Я велел тебе замолчать, Джамис. Дважды я не приказываю.

Человек наверху замолчал, но было слышно, как он, перепрыгнув через расщелину, начал спускаться на дно котловины по левой руке от них.

– Голос сейлага сообщил, что мы не прогадаем, если спасем вас, что вы стоите многого, – проговорил Стилгар. – Ну, что до этого крепкого мальчика-мужчины – допустим: он еще молод и может учиться. Но что касается тебя, женщина… – Он вопросительно посмотрел на Джессику.

«Так, я разобралась с его голосом и образом мышления, – подумала Джессика. – Теперь я могла бы управлять им – да одного слова хватило бы! – но он сильный человек… он куда ценнее для нас, не

затронутый контролем, свободный в своих поступках... Посмотрим».

- Я мать этого мальчика, - напомнила она. - Своей силой, которой ты так восхищаешься, он отчасти обязан моему обучению.

- Сила женщины может оказаться беспредельной, - задумчиво сказал Стилгар. - Без сомнения, Преподобная Мать обладает такой беспредельной силой. Ты - Преподобная Мать?

Джессика решилась отбросить мысли о возможных последствиях этого вопроса и ответила правду: - Нет.

- Ты обучена жить в Пустыне?

- Н-нет... но многие высоко оценивают мои знания.

- Мы сами судим, что ценно, а что нет.

- Всякий имеет право на собственные суждения, - сказала она.

- Хорошо, что ты понимаешь это, - сказал Стилгар. - Задерживаться здесь, чтобы испытать тебя, мы не можем. Понимаешь, женщина? Но мы не хотим, чтобы твоя тень преследовала нас. Я приму мальчика-мужчину, своего сына. Он получит мое покровительство и убежище в моем племени. Но что касается тебя, женщина, - ты ведь понимаешь, что против тебя лично я ничего не имею? Но закон есть закон. Истисла, ради общего блага. Разве эта причина не достаточна сама по себе?

Пауль сделал полшага к нему:

- О чем это ты?

Стилгар мельком взглянул на него, но обращался по-прежнему к Джессике:

- Кто не был с детства обучен жизни здесь, может погубить все племя. Таков закон. Мы не можем позволить себе таскать с собой бесполезных...

Джессика, словно бы в обмороке, начала оседать на песок. Чего еще ждать от слабака инопланетянина... очевидная штука. Но очевидное замедляет реакцию. Требуется какое-то время, чтобы распознать незнакомое в знакомом. Вот его плечо опустилось, рука потянулась в складки одежд - за оружием, он повернулся, чтобы не упускать ее из виду, - и в этот миг она скользнула в сторону. Резкий поворот, взмах рук, взметнувшись и перепутавшиеся одежды - его и ее... и вот она уже стоит у скалы, а могучий фримен повержен, беспомощный, перед ней.

Еще когда Джессика начала свое движение, Пауль отступил на пару шагов. Когда же она атаковала Стилгара, Пауль нырнул в густую тень. На его пути вырос бородатый фримен - пригнувшись, он бросился на Пауля, выставив перед собой оружие. Пауль нанес ему прямой удар в солнечное сплетение и тут же, отступив в сторону, свалил согнувшегося человека рубящим ударом сверху в основание черепа. Пока фримен падал, Пауль успел освободить его от оружия.

В следующий миг Пауль уже был в тени и полез по скале вверх, заткнув оружие за кушак. Хотя оно было незнакомой формы, Пауль опознал его как метательное - что-то вроде механического пистолета. Еще одно напоминание о том, что здесь не используют щиты.

«Сейчас они будут заняты матерью и этим Стилгаром. Ничего, она с ним справится. А я должен занять выгодную позицию, с которой мог бы угрожать им, и так дать ей возможность уйти».

Внизу защелкали пружины; иглы засвистели вокруг, застучали по камням. Одна пробила полу бурнуса. Пауль, прижимаясь к скале, обогнул уступ и оказался в узкой вертикальной щели. Уперся ногами в одну стенку, спиной - в другую и медленно, стараясь не шуметь, полез вверх.

Донесся рык Стилгара:

- Назад, вы, вши червеголовые! Она мне шею свернет, если вы подойдете ближе!

Кто-то сказал:

- Мальчишка сбежал, Стил! Что нам...

- Еще бы ему не сбежать! У, пескомозглые... Ух-х, да легче ты, женщина!..

- А ты скажи им, чтобы прекратили палить по моему сыну.

- Они уже прекратили, женщина. Парень смылся - как ты и хотела. Великие боги в глубинах! Что же ты сразу не сказала, что ты колдунья и воительница?

- Теперь вели им отойти - скомандовала Джессика. - Вон туда, в котловину, чтобы я их видела... и лучше тебе сразу поверить, что я знаю, сколько их. - А сама подумала: «Опасный момент. Но если он так умен, как мне кажется - у нас есть шанс».

Пауль, медленно карабкающийся вверх, обнаружил узкую каменную полку - теперь можно было отдохнуть и осмотреться. Снизу снова послышался голос Стилгара:

- А что, если я откажусь?.. Как ты можешь быть... у-хх! Да хватит же, оставь меня, женщина! Мы тебе сейчас худого не сделаем. Великие боги! Если ты можешь этак скрутить сильнейшего из нас, ты стоишь вдесятеро дороже своего веса в воде!

«А теперь, - подумала Джессика, - испытание разума».

- Ты упомянул Лисан аль-Гаиба? - спросила она.

- Может, вы и правда люди из легенды, - проворчал Стилгар, - но я в это поверю не раньше, чем проверю! А пока все, что я знаю, - это что вы заявились сюда с эти-м глупцом герцогом, кого... ой! Слушай, женщина! Ты меня хоть убей т- он, конечно, был достойным и храбрым человеком и все такое, но соваться под харконненский кулак было глупостью!

После паузы Джессика наконец сказала:

- У него не было выбора. Но в любом случае обсуждать мы это не будем. А теперь вели своему человеку за теми кустами прекратить целиться в меня, не то я сперва избавлю мир от тебя, а после займусь им!

- Эй, ты! - взревел Стилгар. - Делай как она велит!

- Но, Стал...

- Делай как она велит, ты, червемордый, ползучий, пескоголовый кусок ящерицына деръма! Или я сам помогу ей разнести тебя в клочки! Вы что, не видите - этой женщине цены нет!

Фримен, прятавшийся в кустах, встал и опустил оружие.

- Ну вот, он послушался, - сказал Стилгар.

- А теперь, - сказала Джессика, - четко объясни всем своим людям, что ты собираешься со мной делать. Я не хочу, чтобы какой-нибудь горячий мальчишка наделал глупостей.

- Когда мы идем в поселки и города, нам приходится скрывать, кто мы, смешиваться с народом чаш и грабенов, - сказал Стилгар. - И мы не берем с собой оружия, ибо наши крисы священны. Но ты, женщина, владеешь каким-то колдовским искусством боя. Мы о таком только слышали, да и то многие сомневались, что это возможно. Однако теперь мы увидели это искусство своими глазами. Ты победила вооруженного фримена; и это - оружие, которое не обнаружит никакой обыск!

По людям в котловине прошло движение - слова Стилгара попали в цель.

- А что, если я соглашусь обучать вас... колдовским приемам?

- Мое покровительство тебе - так же, как и твоему сыну.

- Как я могу быть уверена, что это твое обещание не ложь?

Голос Стилгара потерял часть своей убедительности. Взамен в нем зазвучала резкая нотка:

- Здесь, в Пустыне, у нас нет бумаги для контрактов, женщина. И не бывает так, чтобы вечером мы дали обещание, которое собираемся нарушить на рассвете. Мужчина обещал - и это уже контракт. И, как вождь, я связываю своим словом и моих людей. Учи нас колдовским приемам боя - и, пока желаешь, будешь иметь убежище среди нас. И вода твоя смешается с нашей.

- Ты можешь говорить за всех фрименов?

- Со временем, может, и смогу. А сейчас за всех фрименов может говорить только мой брат, Лист. Но я обещаю, что сохранию вашу тайну. Мои люди не упомянут про вас людям других сиетчей. Харконнены вернулись на Дюну во всеоружии, а герцог ваш мертв. Вас считают погибшими в буре Матери. Охотник не станет искать мертвую дичь.

«Да, это, кажется, гарантирует нам безопасность, - подумала Джессика. - Но у фрименов неплохо налажена связь - что, если они пошлют сообщение...»

- Я полагаю, за наши головы назначена награда, - сказала она.

Стилгар промолчал, и она почти увидела его мысли, ощущая движения его мышц под руками. Наконец он ответил:

- Повторю еще раз: я дал слово от имени всего племени. Теперь мои люди знают тебе цену. Что могли бы дать нам Харконнены? Нашу свободу? Ха! Нет, ты - таква, ты можешь дать нам больше, чем могла бы купить вся Пряность в харконненских сундуках!..

- Тогда я стану учить вас моему искусству боя, - объявила Джессика и сама почувствовала, что бессознательно произнесла эти слова с какой-то ритуальной напряженностью.

- Может, отпустишь меня наконец?

- Хорошо. - Джессика разжала захват и шагнула в сторону, не теряя из виду людей в котловине. «Это машад, предельное испытание. Но Пауль должен знать о них правду, даже если мне придется заплатить за это знание жизнью».

В выжидательной тишине Пауль перебрался чуть повыше, чтобы лучше видеть мать. Подтягиваясь, он вдруг услышал над собой тяжелое дыхание. Неизвестный затаился; в расщелине на фоне звездного неба обрисовалась смутная тень.

Стилгар закричал снизу:

- Эй, там! Хватит гоняться за парнем. Он сейчас сам спустится.

Из темноты сверху ответил не то мальчишеский, не то девчоночный голос: , - Но, Стил, он не может быть далеко от...

- Я сказал, Чани, оставь его! Слышишь, ящерицына дочь?

Наверху тихо ругнулись и шепотом добавили: «Он назвал меня дочерью ящерицы!..» Но все-таки тень убралась.

Пауль снова повернулся к котловине, нашел глазами Стилгара - серую тень рядом с матерью.

- Ну, все сюда! - скомандовал Стилгар и обернулся к Джессике: - А теперь спрошу я - а где гарантии, что ты выполнишь свою часть нашего уговора? Это ведь ты всю жизнь жила с бумажками, всякими там никчемными контрактами вроде...

- Мы, Бене Гессерит, умеем держать слово не хуже вас, - ответила Джессика.

Настала и долго тянулась тишина. Затем много голосов зашептались в темноте: «Бене-Гессеритская ведьма!..»

Пауль вытянул из-за кушака трофеинное оружие, навел на темную фигуру Стилгара, но ни он, ни его люди не двигались с места. Не отрываясь все смотрели на Джессику.

- Всё точно - как в легенде... - прошептал кто-то.

- Нам передавали, что сообщила Шэдаут Мэйпс о тебе, - проговорил Стилгар. - Но это слишком важно, чтобы принять просто на веру, без испытания. Если ты и вправду та самая Бене Гессерит из легенды, чей сын поведет нас в рай... - Он пожал плечами.

Джессика вздохнула: «Значит, наша Миссионария Протектива даже устроила в этом аду своего рода религиозные предохранительные клапаны. Что ж... пригодятся. Они для того и придуманы». И произнесла:

- Провидица, которая принесла вам эту легенду, принесла вместе с ней прорицание карамы и иджаза - прорицание чуда и неизбежности пророчества - и я знаю это. Тебе нужен знак?- В свете луны было видно, как расширились его ноздри.

- У нас нет времени на обряды... - пробормотал он. Джессика припомнила карту, которую Кинес показал

ей, когда намечал пути для бегства. Как, казалось, давно это было!.. Да, так на той карте рядом с местом, обозначенным «Сиетч Табр», стояла пометка: «Стилгар».

- Хорошо, - согласилась она, - может, позже, когда мы придем с Сиетч Табр.

Это его проняло, а Джессика подумала: «Знал бы он, какими фокусами мы пользуемся! А она была молодец, та сестра из Миссионарии Протектива. Фримены превосходно подготовлены к тому, чтобы уверовать в нас».

Стилгар беспокойно шевельнулся:

- Пора идти.

Джессика кивнула – чтобы он понял, что это она позволяет идти.

Он поднял глаза вверх – почти точно туда, где на карнизе прятался Пауль.

- Эй, парень, можешь слезать. – Потом вновь повернулся к Джессике и сказал извиняющимся тоном: – Твой сын очень уж нашумел, пока лез туда. Ему придется еще многому научиться, чтобы не навести на нас беду. Впрочем, он еще молод...

- Я не сомневаюсь, что нам есть чему поучиться друг у друга, – ответила Джессика. – Кстати, взгляни, что там с твоим товарищем. Мой сын обошелся с ним грубо, когда разоружал.

Стилгар резко обернулся, так что капюшон взметнулся за плечами. – Где?

- А вон, за кустами, – показала она. Стилгар тронул двух своих людей за плечо:

- Посмотрите, что там.

Затем он осмотрел своих.

- Нет Джамиса. – Он опять повернулся к Джессике. – Даже твой парень владеет приемами колдовского боя!

- Между прочим, мой сын не послушался твоего приказа спуститься, – заметила Джессика.

Двое посланных Стилгаром вернулись, поддерживая третьего, – тот, спотыкаясь и глотая ртом воздух, брел между ними. Стилгар усмехнулся:

- Значит, твой сын будет слушаться только тебя, а? Ну-ну. Порядок знает. '

- Пауль, можешь спуститься, – сказала Джессика.

Пауль поднялся из своего укрытия в лунный свет, засунул фрименское оружие за кушак. Когда он поворачивался, от скалы перед ним отделился второй силуэт.

В лунном свете, лившемся с неба и слабо отраженном серым камнем, Пауль увидел невысокую тонкую фигурку в свободных фрименских одеждах. На лицо падала тень., от капюшона. Из складок бурнуса на Пауля глядел ствол пружинного пистолета.

- Я – Чани, дочь Лиета. – Голос веселый, звонкий. Она, кажется, сдерживала смех. – Я бы не позволила тебе палить по нашим.

Пауль сглотнул. А Чани повернулась к свету, и он увидел лицо эльфа с темными провалами глаз. Знакомые черты этого лица, которое являлось ему бесчисленное множество раз в его первых видениях, так поразили Пауля, что он застыл неподвижно. Он вспомнил, как когда-то, бравируя в своей гневной запальчивости, описывал это лицо из сна Преподобной Матери Гайе-Елене Мохийям. «Я когда-нибудь встречу ее!» – сказал он тогда.

И вот она въяви перед ним – но такая встреча ни разу не виделась ему.

- Ты шумел, как Шаи-Хулуд в ярости, – сообщила она. – И вдобавок ухитрился выбрать самый сложный подъем. Пошли, я покажу тебе, где спуститься полегче.

Он выбрался из расщелины и пошел за ней. Ее бурнус взметался, когда девчонка скользила через изломанные скалы. Она была как серна, легко скачущая по камням. Пауль почувствовал, как к лицу прилила кровь... хорошо еще, что темно!

Что за девушка! Словно прикосновение судьбы. Пауля захватила радостная волна.

Вскоре они уже стояли среди фрименов на дне котловинки. Джессика криво улыбнулась сыну, но обратилась к Стилгару:

- Да, нам полезно будет поучиться друг у друга. Надеюсь, ты и твои люди не в обиде на нас за случившееся. Мне показалось, что другого выхода нет. Ты был готов... совершив ошибку.

- Удержать человека от ошибки – это воистину небесный дар, – отозвался Стилгар. Он поднес левую руку к губам, а правой вытянул из-за пояса Пауля оружие и бросил одному из своих спутников. – Когда заслужишь, парень, у тебя будет свой маулет.

Пауль хотел было ответить, но сдержался, вовремя припомнив наставление матери: «Начало – пора

деликатная, с ним нужно быть осторожным».

- У моего сына есть все необходимое оружие, - ответила за него Джессика и посмотрела Стилгару в глаза. Тот сразу вспомнил, как в руки мальчика попал пистолет... И оглянулся на фримена, побежденного Паулем. Это был Джамис. Он стоял в стороне, опустив голову и затрудненно дыша.

- С тобой нелегко иметь дело, женщина, - сказал Стилгар. Потом протянул руку в сторону одного из своих людей и, щелкнув пальцами, велел:

- Кушти бакка те.

(«Опять чакобса», - отметила Джессика.) Тот немедленно подал вожаку два квадратных газовых платка. Стилгар пропустил их сквозь пальцы и повязал один на шее Джессики, под капюшоном, а второй таким же образом - на шее Пауля.

- Ну вот, - сказал он, - теперь у вас есть платки-бакка. Если нам случится разойтись, вас всякий опознает как принадлежащих к сиетчу Стилгара. А об оружии поговорим в другой раз.

Он обошел своих людей, проверяя, готовы ли они, затем взвалил фримпакет Пауля на одного из них.

«Бакка», - вспомнила Джессика, - это религиозный символ. «Бакка» - значит «плакальщик»... Ясно, что тут

какая-то символика, объединяющая племя. Но какая? Почему скорбь, оплакивание объединяют их?..

Стилгар подошел к девочке, так смутившей Пауля.

- Чани, возьми этого мужчину-ребенка под свое крыльишко и оберегай его.

Чани тронула Пауля за руку:

- Ну, пошли, «мужчина-ребенок». Пауль сдержал раздражение и ответил:

- Мое имя - Пауль, и лучше бы тебе...

- Мы дадим тебе имя, будущий мужчина, - ответил вместо нее Стилгар, - во время михны, на испытании акль.

«Испытания разума», - перевела про себя Джессика.

Она вдруг ощутила, что надо немедленно доказать превосходство Пауля и его зрелость, - это ощущение перевесило всякие мысли об осторожности, и она резко воскликнула:

- Мой сын прошел испытание гом джаббаром!

По наступившей вдруг мертвой тишине стало ясно, что она поразила-таки их. Прямо в сердце.

- Да, многое нам предстоит узнать друг о друге, - проговорил Стилгар. - Но мы зря теряем время. Нельзя, чтобы лучи дневного солнца застигли нас в открытом месте.

Затем он подошел к поверженному Паулем фримену:

- Идти можешь, Джамис? Тот мрачно фыркнул в ответ:

- Просто он ударил неожиданно, и всё. Кто мог ждать от него такой прыти? Это случайность. А идти - чего, могу.

- Случайность тут ни при чем, - возразил Стилгар. - И слушай, Джамис, ты будешь отвечать за их безопасность вместе с Чани. Они - под моим покровительством.

Джессика посмотрела на Джамиса. Это его голос возражал Стилгару со стены. Он хотел их смерти. И Стилгар явно считал нужным подчеркнуть свой приказ специально для Джамиса.

Стилгар вновь внимательно оглядел свой отряд и жестом подозвал двоих.

- Ларус, Фаррух, - пойдете позади и проследите, чтобы следов не оставалось. Будьте особо внимательны - ведь с нами двое необученных новичков. - Он повернулся, указал рукой направление: через котловину. - Походной цепочкой с фланговым охранением - пошли! Нам надо поспеть в Пещеру Кряжей до рассвета!

Джессика шла ногу в ногу со Стилгаром, пересчитывая людей. Сорок фрименов, с ней и Паулем - сорок два. Идут, как заправские солдаты, - даже эта девочка Чани.

Пауль шагал позади Чани. Он уже позабыл, как разозлился на то, что девочка захватила его врасплох. Сейчас в его голове крутились слова матери: «Мой сын прошел испытание гом джаббаром». Руку кололо воспоминание о давней боли.

- Смотри, где идешь! – прошипела Чани. – Не зацепись за куст: оставишь нитку на ветке – выдашь нас!

Пауль сглотнул, кивнул.

Джессика слушала, как движется отряд. Шаги свои и сына она различала... а фримены, сорок человек, шли, и не было слышно звуков, отличных от естественных звуков Пустыни. Их одеяния плыли во мраке, словно паруса призрачных лодок. И путь их лежал в Сиетч Табр – сиетч Стилгара.

Она думала о самом слове – «сиетч». Старое слово, опять-таки из чакобса, и бесчисленные прошедшие века не изменили его. «Сиетч» – это «место сбора во время опасности». Только теперь, спустя какое-то время после стычки, она задумалась о том, что вытекало из значения слова и самого употребления древнего охотниччьего языка.

- Хорошо идем, – заметил Стилгар. – С милостью Шай-Хулуда мы таки дойдем до Пещеры Кряжей к рассвету.

Джессика молча кивнула – берегла силы. Оказывается, она была вымотана до предела, и только сила воли как-то подавляла усталость... сила воли и гордость, призналась она себе. И воодушевление... Она думала о том, как же ценные эти люди. Да, сегодня ей открылось немало нового о фрименах.

Все они, весь народ, воспитаны как воины. Поистине бесценная находка для герцога-изгнанника!

Глава 10

Фримены всегда отличались чрезвычайно развитым свойством, которое древние называли «spannungsbogen» – то есть умение сдерживать себя и, ощущив желание, не спешить удовлетворить его.

(Принцесса Ирулан, «Мудрость Муад'Диба»)

Они подошли к Пещере Кряжей перед рассветом. Из котловины туда вела расщелина, такая узкая, что пришлось протискиваться боком. Стилгар назначил несколько человек в караул. Джессика проводила их взглядом, когда они полезли на скалы в слабом предутреннем свете.

Пауль на ходу посмотрел вверх. Узкая расщелина, открывавшаяся в серовато-голубое небо, показывала пеструю шкуру планеты в поперечном разрезе. Но Чани не дала ему налюбоваться на эту картину – она, потянув его за рукав, поторопила:

- Давай побыстрее, а то уже совсем светло.
- А куда полезли те люди? – поинтересовался он.
- Первая дневная стража, – коротко ответила она. – Ну, шевелись!

Значит, снаружи выставляется караул, подумал Пауль. Разумно. Но все-таки лучше бы подходить сюда, разбившись на мелкие группы: так меньше риск потерять весь отряд.

Вдруг он поймал себя на том, что думает уже как партизан, и вспомнил, как отец опасался, что Дом Атрейдес может стать партизанским – скрывающимся, гонимым, сражающимся в подполье...

- Да побыстрее же! – шепотом подгоняла его Чани. Пауль ускорил шаги. Позади посвистывала ткань фрименских одежд. Пауль вдруг вспомнил сират из крохотной Экуменической Библии доктора Юйэ: «Се, рай одесную меня, и ад ошуюю меня, и Ангел Смерти следует за мною». Он несколько раз повторил цитату про себя.

Расщелина повернула и расширилась. Тут стоял Стилгар, пропуская своих людей в низкое отверстие в правой стене.

- Быстро! – прошипел он. – Если патруль нас заметит – мы тут окажемся как кролики в клетке!

Пауль пригнулся и следом за Чани вошел в пещеру, освещенную сочившимся откуда-то сверху сероватым светом.

- Можешь выпрямиться, – усмехнулась Чани.

Он разогнулся и огляделся вокруг: обширная пещера, свод низкий – там, где они стояли, его можно было бы коснуться, подпрыгнув. Отряд Стилгара, теряясь в тенях, разошелся по пещере. Пауль заметил, что мать встала у стены, изучающе рассматривая фрименов. Он не мог не

отметить, что она резко выделяется среди них, хотя и одета так же. В каждом движении – сила, изящество и благородство...

- Найди себе местечко для отдыха и постарайся не путаться под ногами... дитя-мужчина, – сказала Чани. – А вот твоя еда. – Она сунула ему в руку два маленьких свертка из листьев, густо пахнущих Пряностью.

Стилгар подошел к Джессике, встал позади нее и приказал стоявшим слева от них:

- Установите дверной клапан и не забывайте о водной дисциплине! – Он повернулся к другому фримену: – А ты, Лемиль, принеси плавающие лампы.

Затем Стилгар взял Джессику за руку:

- Я хочу кое-что показать тебе, колдуны...

И он повел ее куда-то за угол, откуда пробивался свет.

Джессика оказалась на широком карнизе. Сюда открывался еще один выход из пещеры, и это отверстие находилось высоко в скальной стене, возвышающейся над новой котловиной, километров десяти или пятнадцати в ширину. Со всех сторон котловину окружали высокие скалы. Там и тут виднелись островки скудной растительности.

И в это время над серой в предрассветном свете котловиной, над дальней ее стеной, поднялось солнце, вернув камням и песку их светло-бурый цвет. Арракийское солнце, казалось, выпрыгивает

из-за горизонта...

«Это оттого, – подумалось ей, – что мы хотели бы удержать его за горизонтом: ночь безопаснее дня...»

Внезапно она ощутила укол тоски: ей захотелось увидеть радугу – здесь, над этим местом, не знающим дождей. И не узнающим никогда. «Я не должна давать волю подобным мечтаниям, – одернула она себя. – Это слабость, а я не могу больше позволять себе слабости».

Стилгар схватил ее за руку, показал на что-то в котловине:

– Смотри! Вот они – истинные друзья!

Она всмотрелась, заметила в котловине движение. Там, на дне, какие-то люди спешили укрыться в тени скальной стены. Несмотря на расстояние, движения их были отчетливо видны благодаря чистоте воздуха. Она достала из-под бурнуса бинокль, навела его на людей, сфокусировала масляные линзы. Как пестрые бабочки, мелькали платки на шее...

– Там – наш дом, – сказал Стилгар, – мы будем там следующей ночью. – Он, подергивая себя за ус, смотрел на котловину. – Мои люди задержались снаружи дольше положенного – работали. Значит, патрулей поблизости нет. Позже я дам им сигнал, чтобы готовились к встрече.

– У твоих людей отличная дисциплина, – заметила Джессика, опуская бинокль. Стилгар проводил бинокль взглядом.

– Они подчиняются закону безопасности племени, – ответил ей Стилгар. – Ему же подчинен и выбор вожака: предводитель должен быть самым сильным из всех. Тем, кто способен обеспечить племени воду и безопасность. – Он перевел взгляд на ее лицо.

Она ответила таким же внимательным, прямым взглядом, увидев обведенные темным глаза без белков, пыльную бороду и усы, изогнутую трубку носовых фильтров, сбегающую в дистикомб...

– Значит, победив тебя, я скомпрометировала тебя как предводителя?

– Ты не вызывала меня на поединок, – отмахнулся он.

– Но ведь важно, чтобы предводитель сохранял уважение своих людей.

– Ну, среди этих песчаных вшей нет никого, с кем бы я не справился, – ответил Стилгар. – Так что, победив меня, ты победила и каждого из них. Всех нас. Теперь они надеются выучиться у тебя... искусству твоего колдовского боя... а некоторые хотели бы знать, не собираешься ли ты бросить мне формальный вызов.

Она взвесила его слова.

– То есть не одержу ли я победу в формальном поединке?

Он кивнул:

– Я бы тебе этого не посоветовал – они не пойдут за тобой. Ты не из людей Пустыни, ты чужая нашим пескам. Они видели это во время ночного марша.

– Люди практического склада, – пробормотала она.

– Верно. – Он посмотрел в котловину. – Мы знаем, что нам нужно. Но здесь, так близко от дома, не многие сохраняют трезвость и глубину мысли. Слишком долго мы

были в Пустыне. Надо было доставить вольным торговцам груз Пряности для проклятой Гильдии... да почернеют их лица навеки!

Джессика, которая было отвернулась от него, резко развернулась, снова посмотрела Стилгару в глаза.

– Гильдия?! При чем тут она? С чего это Гильдия получает вашу Пряность?

– Так велит Лиет, – мрачно сказал Стилгар. – Мы знаем, зачем это делается, но всё одно, горек вкус этой дани. Мы откупаемся от Гильдии поистине чудовищной платой, чтобы только в нашем небе не крутились эти поганые спутники – чтобы никто не мог видеть, что делаем мы с Арракисом.

Она тщательно взвешивала свои слова, потому что вспомнила: именно эту причину называл ей Пауль, говоря о том, почему над Арракисом нет спутников.

- А что вы делаете с Арракисом такого, чего нельзя видеть?

- Мы изменяем его. Медленно, но верно мы изменяем его... Мы хотим, чтобы он стал по-настоящему пригодным для жизни людей. Наше поколение не увидит исполнения этой мечты, и дети наши не доживут до этого, и дети наших детей... и даже внуки их детей... но время это настанет. - Он обвел котловину затуманившимся взглядом. - Здесь будут открытая вода, и высокие зеленые растения, и люди будут спокойно ходить без дистикомбов.

Вот она, мечта Лиет-Кинеса, подумала она и сказала:

- Взятки - .вещь небезопасная. Они имеют свойство расти...

- Они и растут, - подтвердил Стилгар. - Но медленный путь надежнее.

Джессика медленно оглядела котловину, пытаясь увидеть ее глазами Стилгара. Но видела только горчичного цвета пятно - далекие скалы. Над ними, кажется, что-то двигалось.

- Ax-x-x... - проговорил Стилгар.

Джессика решила было, что это - патрульный орнитоптер, но тут же поняла, что это мираж. Над песками дрожал второй пустынный ландшафт: пески, где-то вдали - какая-то колышущаяся зелень. А ближе... ближе шел

прямо по поверхности огромный червь... и, кажется, на его спине она увидела фрименские плащи!.. Мираж исчез.

- Верхом оно, конечно, скорее было бы, - заметил Стилгар, - но мы не можем, разумеется,пустить Подателя в эту котловину. Так что ночью опять придется пешком...

Значит, Подателем они называют червя!

Она поняла, что следовало из слов Стилгара. Он сказал, что фримены не могутпустить червя в котловину. Значит, она в самом деле видела это в миражном мареве. Фримены на спине гигантского червя!.. Ей понадобилось все ее самообладание, чтобы не выдать потрясения.

- Пора возвращаться к остальным, - сказал Стилгар. - А то еще решат, что я тут подъезжаю к тебе с шашнями. И так кое-кто уже завидует, что мои руки касались твоего чудесного тела в котловине Туно, во время борьбы...

- Довольно! - оборвала его Джессика.

- Я ничего дурного в виду не имел, - кротко ответил Стилгар. - У нас в любом случае не принято брать женщину против ее воли... а уж с тобой... - Он пожал плечами. - С тобой и этот обычай просто, можно сказать, излишен.

- Тебе не следует забывать, что я была все же женщиной герцога, его официальной наложницей, - проговорила Джессика уже спокойнее.

- Как хочешь. Ну всё, пора закрыть и это отверстие, чтобы можно было отдохнуть от дистикомбов. Моим людям сегодня необходим хороший отдых, ведь завтра семьи не дадут им отдохнуть!

Они замолчали.

Джессика смотрела на солнце. Да, в голосе Стилгара звучало предложение больше чем просто помочь и покровительства. Ему нужна жена? Она вдруг подумала, что действительно могла бы занять место рядом со Стилгаром. И это раз и навсегда положило бы конец любым спорам о лидерстве - удачный союз подходящих друг к другу мужчины и женщины, и всё.

Но - что тогда будет с Паулем? Кто их знает, фрименов, какие тут у них правила усыновления и как строятся отношения детей и родителей. А не родившаяся еще дочь, которую она носит под сердцем последние несколько

недель? Дочь покойного герцога?.. Она подумала о том, что может значить для нее это дитя, растущее внутри. Подумала о том, что побудило ее решиться на зачатие. Она знала - что. Она подчинилась тогда глубочайшему Инстинкту, общему для всех живых существ, заглянувших в лицо смерти, - стремлению обрести бессмертие в потомстве. Да, ими - ею и Лето - овладел инстинкт продолжения рода.

Джессика взглянула на Стилгара, увидела, что он внимательно ее рассматривает. «Какова будет судьба дочери, родившейся здесь у жены такого человека? - спросила она себя. - Не станет ли он препятствовать ей в том, что является необходимым для Бене Гессерит?»

Стилгар кашлянул. Он, казалось, понимал кое-что из того, что мучило ее.

- Для вождя главное - то, что его делает вождем: нужды его народа. Если ты научишь меня своим приемам, может прийти день, когда одному из нас придется бросить вызов другому. Я бы предпочел решить вопрос как-нибудь иначе.

- Как-нибудь? Разве есть разные пути? .

- Сайядина, - ответил он. - Наша Преподобная Мать уже стара.

Их Преподобная Мать?!

Прежде чем она успела осознать его слова, он добавил:

- Я вовсе не навязываю себя в качестве мужа. Не прими это в обиду; ты в самом деле прекрасна и желанна. Но если ты станешь одной из моих женщин, кое-кто из молодежи решит, что я слишком озабочен плотскими удовольствиями и недостаточно - нуждами племени. Вот и сейчас, будь уверена, они и подслушивают, и подглядывают Он умеет взвешивать свои решения и думать об их последствиях, подумала она.

- Среди моих молодых кое-кто вступил в тот возраст, когда дух буен, - сказал Стилгар. - Сейчас лучше отпустить вожжи и не давать им серьезных поводов бросить мне вызов. Иначе мне придется кого-то покалечить, а то и убить. А вождю следует избегать этого - конечно, если можно отказаться от боя, не теряя чести. Ведь именно вождь делает толпу - народом. Вернее, в том числе и вождь. Он поддерживает уровень индивидуальности: если личностей мало, народ становится толпой.

Глубина его слов и то, что он говорил как ей, так и тем, кто подслушивал их разговор, заставили Джессику посмотреть на него новыми глазами. Он весьма умен, подумала она. Но где научился он искусству внутреннего равновесия?

- Закон, устанавливающий наши правила выбора вожака, разумен и справедлив, - сказал Стилгар. - Но из этого не следует, что люди всегда нуждаются именно в справедливости. По-настоящему нам сейчас необходимо время для роста и укрепления наших позиций, для распространения нашего влияния на новые земли.

Каково его происхождение? Кто так воспитал его?..

- Стилгар, я недооценила тебя, - проговорила она.

- Я так и понял.

- Похоже, мы оба недооценили друг друга.

- Так покончим с этим, - предложил он. - Я хотел бы, чтобы мы были друзьями... и доверяли друг другу. Я хотел бы взаимного уважения, какое возникает в душе безо всякого там секса.

- Понимаю.

- Ты мне веришь?

- Я слышу искренность в твоих словах.

- У нас, - сказал он, - сайядина, если даже она и не является формальным лидером, окружена особым почетом. Она учит. Она поддерживает вот здесь силу Господа... - Он коснулся своей груди.

А сейчас надо попробовать разобраться с их таинственной Преподобной Матерью, -подумала она и сказала:

- Ты упомянул о вашей Преподобной Матери... а я вспомнила слова легенды и пророчества.

- Сказано, что дочь Бене Гессерит и дитя ее держат в руке своей ключи к нашему будущему, - сказал он.

- И ты считаешь, что это я и есть? - Она следила за выражением его лица, думая: «Как легко погубить молодой росток! Ибо начало - время больших опасностей».

- Мы пока не знаем, - ответил он.

Она кивнула, подумав: «Он - благородный человек. Хочет, чтобы я дала знак; но искушать судьбу, назвав мне этот знак, он не хочет».

Джессика повернула голову, посмотрела вниз, в котловину – в золотые и пурпурные тени, в дрожащее пыльное марево перед входом в их пещеру. Ее вдруг охватила кошачья осторожность. Она, безусловно, знала язык, которым пользовалась Миссионария Протектива, знала, как применить к своим конкретным нуждам легенды, страхи и надежды... но она чуяла здесь какие-то серьезные изменения. Словно кто-то принес их к фрименам, наложив свой отпечаток на схемы, внедренные Миссионарией.

Стилгар снова кашлянул.

Она чувствовала его нетерпение и помнила, что день разгорается и фримены ждут – пора закрывать отверстие. Ей приходилось рискнуть. Она понимала, что ей необходимо: одна из дар-аль-хикман, школ перевода, которая дала бы ей...

- Адаб, - прошептала она.

Ей казалось, что разум ее перевернулся внутри. Она распознала это чувство, у нее даже часто забилось сердце. Это ощущение не имело ничего общего с учением Бене Гессерит; это могло быть лишь одно – адаб, важное и требующее действия воспоминание, приходящее как бы само по себе, помимо воли. Тогда она отдалась этому чувству, предоставив словам литься самим по себе.

– Ибн-Киртаiba! – начала она. – Там, где кончается песок... – Она выпростала руку из-под бурнуса, простерла ее величественным жестом, увидела, как расширились глаза Стилгара. Услышала близкий шелест одежд многих людей. – ...Вижу я фримена, фримена с Книгой Притчей, – нараспев говорила она. – И он читает к Ал-Лату, Солнцу, которому не покорился, которому бросил вызов и которое победил. Читает к Великим Саду Испытания – и вот что он читает:

Враги мои как стебли сломленные, Заступившие путь буре. Или не видел ты руку Господню? Вот, он послал на них мор, Ибо злоумышляли на нас. И вот, они – как птицы, рассеянные охотником. А козни их – точно зерна отравы, Отвергаемые всякими устами...

Ее пронизала дрожь, и рука ее упала.

Из темноты пещеры отзывались шепотом многие голоса:

– «И сотворенное ими разрушено».

- «Огнь Господень – в сердце твоем». (Слава Богу, теперь все пойдет своим чередом.)

- «Огнь Господень пылающий», - прозвучал ответ. Она кивнула:

– «Падут враги твои».

- «Би-ла кайфа», - завершили они.

В наступившем молчании Стилгар склонился перед ней.

– Сайядина, – почтительно сказал он, – если дозволит Шаи-Хулуд, ты, может быть, сумеешь пройти в себе на стезю Преподобной Матери...

Пауль стоял подле Чани, в полуутьме внутренней части пещеры. Он все еще ощущал вкус полученной от нее порции пищи – небольшой, обернутый в листья комок мешанины из птичьего мяса и крупы, приготовленной на меде с Пряностью. Положив его в рот, он понял, что никогда прежде ему не приходилось есть пищу с такой концентрацией Пряности, и даже испугался. Он-то знал, что может сделать с ним Пряность, – помнил еще, какая перемена постигла его под ее влиянием, отправив его разум в бурю пророческих видений...

- Би-ла кайфа, - прошептала Чани.

Он посмотрел на нее – и увидел тот благоговейный страх, с которым фримены внимали словам его матери. Только тот, которого звали Джамис, держался в стороне, скрестив руки на груди. .

- Дуй йакха хин мангэ, - шепотом проговорила Чани, - дуй пунра хин мангэ. Два глаза есть у меня. Две ноги есть у меня.

И она потрясенно посмотрела на Пауля.

Тот глубоко вздохнул, пытаясь успокоить бурю в груди. Слова матери наложились на действие Пряности, и ему показалось, что ее голос взлетает и падает, словно тени от костра. А кроме того, он чувствовал налет цинизма в ее голосе – кто-кто, а он хорошо ее знал! – но сейчас ничто не могло уже остановить перемену, начавшуюся с этого кусочка пищи.

Ужасное предназначение!

Он уже чувствовал его – то сознание расы, от которого он никуда не мог уйти. Пришла знакомая обостренная, кристальная отчетливость. Нахлынул поток данных, сознание заработало с ледяной четкостью. Он осел на пол, прижался спиной к камню стены и позволил себе отаться этой волне. А она несла его в то пространство, лишенное времени, откуда он мог видеть это время, лежащие перед ним возможные пути; туда, где веяли ветры грядущего... и ветры минувшего. Казалось, один его глаз устремлен в прошлое, другой – в настоящее... и еще один – в будущее; и так, тремя глазами, смотрел он на время, обращенное в пространство.

Он почувствовал, что есть опасность перегрузки, что можно «перегореть», – и постарался держаться за настоящее, за миг «сейчас», тот неуловимый миг, в который «то, что есть», окаменевало, превращаясь в вечное «было».

Стремясь охватить настоящее, он ощущил вдруг – впервые, – как в тяжелое постоянство временного потока вмешиваются его меняющиеся течения, волны, водовороты, валы, приливы и отливы – точно кипение прибоя, бьющегося о скалы. Этот образ подтолкнул его к новому пониманию своего пророческого дара, и он увидел причину и «слепых зон», и ошибок в своих предвидениях. И это напугало его.

Предвидение, понял он, было озарением, но таким, которое воздействовало на то, что оно же и озаряло. Источник сразу и точной информации, и ошибок в ней. Вмешивалось что-то вроде принципа неопределенности Гейзенберга: для восприятия картины грядущего требовалась какая-то проникающая туда энергия, а эта энергия воздействовала на само грядущее и – изменяла его.

А видел он сопряжения событий в этой пещере, бурление бесчисленного числа вероятностей, сходящихся здесь, – и самое, казалось бы, пустяковое действие вроде движения века, или неосторожно вырвавшегося слова, или даже одной-единственной песчинки, отброшенной с ее места, – воздействовало на гигантские рычаги, протянувшиеся через всю Вселенную и способные изменять ее. И он видел насилие... и исход его зависел от такого количества переменных, что малейшее движение резко меняло его.

Это видение ужаснуло его – хотелось застыть в неподвижности... но и это тоже было бы действием, действием со своими последствиями.

Бесчисленные варианты будущего изливались из этой пещеры. И, прослеживая эти ветвящиеся тропы, на большей части их видел он свой собственный труп и кровь, вытекающую из глубокой ножевой раны.

Глава 11

В тот год, когда мой отец, Падишах-Император, использовав гибель герцога Лето, вновь отдал Арракис Харконненам, ему исполнилось семьдесят два года, хотя выглядел он не более чем на тридцать пять. На людях он появлялся обычно в мундире сардаукара и черном шлеме бурсега, гребень которого украшал золотой императорский лев. Такое одеяние служило открытым напоминанием об источнике его могущества. Впрочем, он не был очень уж прям, и не всегда его намеки были столь явными. Когда он хотел, он просто лучился обаянием и искренностью; теперь я, однако, часто думаю, было ли в нем хоть что-то, что было бы в действительности тем же, чем казалось? Я думаю порой, что он постоянно сражался – чтобы вырваться из невидимой клетки. Не забывайте – он был Император, глава династии, истоки которой уходят во тьму веков. Но мы, Бене Гессерит, отказали ему в праве иметь законного сына-наследника. Не есть ли это величайшее поражение для любого правителя и во все времена?.. Мать моя покорилась решению Старших Сестер; леди же Джессика ослушалась их. Кто из них двоих был прав? На этот вопрос уже дала ответ сама история...

(Принцесса Ирулан, «В доме моего отца»)

Джессика проснулась во мраке пещеры. Она слышала, как вокруг шевелятся фримены, обоняла едкий запах дистикомбов. Внутреннее чувство времени говорило ей, что снаружи скоро наступит ночь, хотя в пещере было по-прежнему темно – ее затеняли пластиковые пологи, сохранявшие внутри влагу их тел.

Она поняла, что позволила себе впасть в полное расслабление, в тяжкий сон глубокой усталости. А это само по себе говорило о том, что ее подсознание доверилось Стилгару, решило, что среди его людей она в безопасности. Она повернулась в гамаке, который соорудили для нее из ее же бурнуса. Спустила ноги на каменный пол, натянула песчаные сапоги.

«Надо не забыть, что сапоги следует застегивать посвободнее в голенище – чтобы не затруднять прокачку дистикомба, – напомнила она себе. – Сколько же всего нужно запомнить?..»

Она все еще чувствовала во рту вкус утренней еды – кусочка птичьего мяса, смешанного с зерном и пряным медом, и все это завернуто в листья. Ей пришло в голову, что время тут перевернуто с ног на голову: ночь отдана дневным заботам, а днем отдыхают.

Ночь – укрывает, ночь – безопасна...

Она сняла бурнус со вбитых в стену каменного алькова гамачных крючьев; повертела его в темноте, нашла верх и надела.

Теперь ее мучила проблема – как дать знать в Бене Гессерит о двоих заблудившихся в песках беглецах, скрывающихся в арракийском убежище.

В глубине пещеры зажглись плавающие лампы. Она увидела деловитую суetu фрименов и среди них – Пауля, уже одетого. Его капюшон был откинут, открывая орлиный – типично атрейдесовский – профиль.

Как странно он вел себя перед сном, – подумала она. – Словно совершенно ушел в себя. Словно человек, вернувшийся из царства смерти и не вполне еще осознавший свое возвращение. Глаза полуоткрыты и будто остекленели – взгляд обращен внутрь себя. Она невольно вспомнила, как он предупреждал ее о том, что Пряность формирует привычку и зависимость. А может быть, есть и побочные эффекты? Вот он говорит, что Пряность как-

то связана с его пророческими видениями, – а что именно видит, не говорит...

Стилгар вышел из теней справа, приблизился к группке, собравшейся под плавающими лампами. Джессика сразу обратила внимание на то, как он пощипывает бороду, как по-кошачьи сторожко держится.

Короткий страх пронзил Джессику – все ее чувства обострились, едва она ощутила напряжение, сгустившееся вокруг Пауля. Скованные движения, явно ритуальные позы...

– Она – под моим покровительством! – загремел Стилгар.

Джессика узнала стоящего перед ним фримена – Джамис! А затем по напряженно застывшим плечам поняла, что Джамис в ярости.

Джамис, которого побил Пауль!

– Ты знаешь закон, Стилгар, – говорил Джамис.

- Кому и знать, как не мне? – отвечал Стилгар примиряющим тоном – он, похоже, пытался загладить какую-то размолвку.

- И Я требую поединка! – прорычал Джамис. Джессика перебежала пещеру, схватила Стилгара за руку.

- Что это значит? – спросила она.

- Правило амталь, – пожал тот плечами. – Джамис настаивает на своем праве проверить вас – те ли вы, о которых говорит легенда...

- Она должна выставить за себя поединщика, – хмуро сказал Джамис. – Если он победит, стало быть, все правда. Но только сказано, – он обвел взглядом столпившихся соплеменников, – сказано, что «не будет ей нужды в поединщике из фрименов», – а это может значить только одно: своего поединщика она приведет с собой.

«Да он хочет драться с Паулем!» – ужаснулась Джессика. Она отпустила руку Стилгара, шагнула вперед.

- Я всегда бьюсь за себя сама и потому не нуждаюсь в поединщике, – отрезала она. – Кажется, это должно быть ясно...

- Ты нам не указывай, что ты там делаешь и как! – заявил Джамис. – Во всяком случае, покуда мы не увидим более убедительных доказательств. Стилгар мог утром научить тебя что говорить. Он там, может, потискал тебя, сказал, что надо, – а ты задолбила и повторила нам без понятия, только чтоб обманом втереться к нам!..

«Я, конечно,, могла бы убить его, – напряженно думала Джессика, – только не будет ли это противоречить их толкованию легенды?..» И она вновь поразилась тому, как были здесь искажены учения Миссионарии Протектива.

Стилгар посмотрел на Джессику и сказал – негромко, но так, чтобы те, кто стоял ближе к ним, услышали:

- У Джамиса на вас зуб, сайядина. Твой сын победил его, и...

- Это была случайность! – взорвался Джамис. – В котловине Туоно они напустили на меня чары – «и сейчас я это докажу!

- ...и я сам его побеждал, – спокойно продолжил Стилгар. – Вот он и вызывает его на тахадди, чтобы отыграться заодно и на мне. Джамис слишком буен и слишком любит насилие для того, чтобы стать хорошим вождем. Слишком часто его обуревает гафла, смятение. На устах его – закон, а в сердце царит сарфа, отвергающая оный. Не-ет, вождя из него не выйдет. Я, правда, щадил его до сих пор, потому что он по буйности своей хорош в бою. Но когда его снедает такое вот кровожадное бешенство, он становится опасен и для своих!

- Стилгар-р-р! – прорычал Джамис.

Джессика поняла, Стилгар хочет взбесить Джамиса, чтобы тот вызвал его, а не Пауля.

Стилгар повернулся к Джамису и попытался сказать мягко, успокаивающее (хотя ему было нелегко смирить свой рык):

- Подумай, Джамис, – он ведь еще мальчик. Он...

- Не ты ли называл его мужчиной? – возразил Джамис. – А если верить его матери-, он прошел через испытание гом джаббаром. Смотри, его плоть крепка и полна, а воды у него!.. Ребята, которые несли его рюкзак, говорят, что в нем вода – литраками. Литраками! А мы высасываем насухо водяные карманы своих дистикомбов, едва в них проступят хоть капли!

Стилгар посмотрел на Джессику:

- Это правда? У вас есть вода? – Да.

- Несколько литраков? – Два.

- Как вы хотели распорядиться этим богатством? Богатством? – подумала она и покачала головой, услышав холодок в его голосе.

- Там, где я родилась, вода падала с неба и широкими реками текла по земле, – сказала она. – Там были океаны, столь широкие, что нельзя увидеть другой берег. Меня не учили водной дисциплине – не было нужды. Так что мне просто не приходилось так думать о воде...

По толпе пронесся изумленный вздох.

- Вода с неба... Вода текла по земле... - повторяли все.

- А ты знала, что некоторые из нас, по несчастной случайности, потеряли всю воду из своих водяных карманов и им придется плохо до того еще, как мы дойдем до Табра нынче ночью?

- Откуда? - возразила Джессика, покачав головой, - Но раз они нуждаются в воде, пусть возьмут нашу.

- Ты именно так хотела поступить со своим богатством?

- Я хотела, чтобы вода сохраняла жизнь, - просто ответила Джессика.

- Тогда мы принимаем твое благословение, сайдина.

- Только ты нас своей водой не купишь, - прорычал Джамис. - И ты меня не заставишь вызвать тебя. Я-то вижу, что ты хочешь заставить меня драться с тобой прежде, чем я докажу, что прав!

Стилгар посмотрел Джамису в лицо.

- Ты все-таки собираешься вызвать на поединок ребенка? - негромко спросил он, но все услышали в его голосе смерть.

- Ее надо испытать, - упрямо сказал Джамис. - Через ее поединника.

-т- Несмотря на то что она - под моим покровительством?

- Язываю к правилу амталь, - заявил Джамис. - Это мое право!

Стилгар кивнул:

- Тогда знай: если тебя не зарежет парень, ты будешь отвечать уже моему ножу. И на этот раз я не стану сдерживать его, как прежде.

- Вы не можете так поступать, - возмутилась Джессика. - Ведь Пауль всего лишь...

- Тебе не следует вмешиваться, сайдина, - сказал Стилгар. - О, уж я-то знаю, что ты можешь одолеть меня, а стало быть, и любого среди нас; но против всех разом тебе не выстоять. Поединок - будет: это амталь.

Джессика замолчала. В зеленоватом свете плавающих ламп она видела, как лицо Стилгара закаменело в демонической жестокости. Она перевела взгляд на Джамиса - тот что-то обдумывал. Надо было понять это раньше. Он - из думающих. Из тех, кто молчит и думает про себя... Надо было мне быть готовой к этому!

- Если ты сделаешь что-то с моим сыном, - проговорила она, - тебе придется иметь дело со мной. Я вызываю тебя. Сейчас. Я изрублю тебя в...

- Мама. - Пауль шагнул к ней, тронул ее за рукав. - Может, если я объясню Джамису, как...

- «Объясню»! - фыркнул Джамис.

Пауль замолчал, глядя на противника. Он не боялся Джамиса. Тот выглядел неуклюжим; и Пауль так легко свалил его там, на песке... Но Пауль все еще чувствовал в этой пещере бурление будущего, все еще помнил видение, в котором погибал от ножа. И было так мало путей, на которых он мог уцелеть!..

Стилгар сказал:

- Сайдина, ты должна теперь отойти...

- Прекрати звать ее сайдиной! - крикнул Джамис. - Это еще доказать надо! Ну знает она молитву. Так что? У нас ее каждый ребенок знает!

«Он говорил достаточно, и теперь у меня есть к нему ключ, - думала Джессика. - Я могла бы одним словом связать его. - Она поколебалась. - Но я не смогу остановить их всех!..»

- Да, ты мне ответишь! - сказала Джессика особым выбиравшим голосом с небольшим под四五vанием и перехватом в конце.

Джамис посмотрел на нее с видимым страхом.

- Я покажу тебе, что такое - муки смерти, - продолжала она вешать тем же голосом. - Помни об этом, когда будешь драться! Ты испытываешь такие муки, что даже

гом джаббар покажется тебе просто удовольствием. Ты будешь корчиться и извиваться в...

- Она хочет меня заколдовать! - задыхаясь, воскликнул Джамис. Он поднес к уху руку, сжатую в кулак, заслоняясь от порчи. - Я требую, чтобы она замолчала!

- Пусть будет так, - отозвался Стилгар. Он бросил на Джессику предупреждающий взгляд. - Если ты снова заговоришь, сайдина, мы будем знать, что ты колдуешь. И ты поплатишься за это жизнью. - Кивком он велел ей отойти.

Чьи-то руки взяли ее за локти, за плечи, потянули назад. В этих прикосновениях не было враждебности. Фри-мены отошли от Пауля, лишь Чани что-то шептала ему, кивая время от времени в сторону Джамиса.

Фримены расступились, образовав кольцо. Принесли еще несколько плавающих ламп и включили их в режиме желтого света.

Джамис вступил в круг, сбросил бурнус и кинул его кому-то в толпе. Он стоял обтянутый дымчато-серым дистикомбом, местами залатанном, местами - в сборках и складках; дистикомб был хорошо подогнан. Наклонив голову, он потянул воду из трубки кармана; потом выпрямился, стянул дистикомб и бережно передал его кому-то. Теперь он ожидал поединка, одетый лишь в набедренную повязку. Кроме того, его ступни обтягивала на манер носков плотная ткань. В правой руке он сжимал крис.

Джессика смотрела, как Чани помогает Паулю: вот она вложила ему в руку крис; Пауль примерился к нему, прикидывая вес и балансировку. Джессика вспомнила - ведь Пауль обучен управлению праной и бинду, нервами и мускулами. У него великолепная, смертоносная школа фехтования, его учителями были такие люди, как Дункан Айдахо и Гурни Халлек, люди, о которых уже при жизни слагали легенды. Мальчик знал и хитрые, коварные приемы Бене Гессерит. Он был ловок и гибок. И, кажется, сейчас он спокоен и собран.

«Но ему же всего пятнадцать, и он без щита. Нет, я должна остановить это! Должен же быть какой-то способ...»

Она подняла глаза и встретила пристальный взгляд Стилгара.

- Ты не можешь тут ничего сделать, - тихо сказал он. - Ты должна молчать.

Она прикрыла рот рукой, а в голове ее бежали мысли: «Я поселяла страх в разуме Джамиса. Он замедлит его реакцию... как я надеюсь. О, если бы я могла молиться - молиться по-настоящему!..»

Пауль тоже вошел в круг. На нем были только фехтовальные шорты-трико, которые он носил под дистикомбом. Он тоже сжимал в правой руке крис, но стоял на камне, присыпанном песком, босиком. Айдахо не раз предупреждал его: «Если не уверен в поверхности под ногами - лучше бейся босым». Кроме того, он продолжал обдумывать наставления Чани: «Джамис, парировав удар, слегка разворачивается направо вместе с ножом. Такая у него привычка, мы все это видели. И он будет метить в глаза, чтобы ударить в ту секунду, когда ты моргнешь. И еще: он умеет биться обеими руками, так что будь настороже - он в любой момент может поменять руку».

Но сильнее всего ощущал он свою подготовку и развитую до почти инстинктивного уровня реакцию, которые вбивали в него день за днем и час за часом в фехтовальном зале.

Вспомнил он и слова Халлека: «Хороший мастер ножа думает об острие, лезвии и гарде одновременно. Острием можно также и резать, лезвием - колоть; а гардой можно захватить клинок противника».

Пауль посмотрел на крис. Гарды нет; только тонкое кольцо, охватывающее рукоять перед лезвием и защищающее руку своими приподнятыми краями. А кроме того, он сообразил, что не знает прочности клинка на излом и можно ли вообще его сломать...

Джамис медленно, боком пошел вправо по своему краю круга.

Пауль пригнулся, подумал, что щита нет, а он привык биться окруженный его полем, поэтому приучен защищаться с максимальной быстротой, а вот атаковать - с рассчитанным замедлением, позволяющим проникнуть сквозь щит противника. Сколько ни учили его, что нельзя зависеть от щита, бездумно задерживающего скорость атаки, - а все-таки эта зависимость стала частью его.

Джамис выкрикнул ритуальный вызов:

- Да треснет твой нож и расколется!

Ага, значит, нож можно сломать, подумал Пауль.

Он напомнил себе, что хотя Джамис и без щита, но, поскольку его и не учили бою со щитом, не было и соответствующих ограничений...

Пауль посмотрел на противника. Тело Джамиса походило на иссохший скелет, обтянутый узловатыми веревками. В свете плавающих ламп его крис сверкал желтовато-молочными бликами.

Страх неожиданно пронзил Пауля, он увидел себя: одинокий и голый, в тусклом желтом свете, в круге людей... Дар предвидения открывал ему бесчисленные пути, указывал самые вероятные из них и решения, ведущие к ним. Но это было реальное сейчас - и бесконечное количество ничтожных как будто бы неудач могло привести к его гибели.

Здесь все что угодно могло повлиять на будущее. Например, кто-нибудь из зрителей кашлянет и отвлечет внимание. Мигнет светильник - и обманет метнувшаяся тень.

«Я боюсь», - признался себе Пауль.

И он осторожно шел по кругу, оставаясь напротив Джамиса, безмолвно твердя литанию Бене Гессерит против страха: «...страх убивает разум...» Литания была как холодный душ. Мышцы расслабились и пришли в настоящую готовность.

- Я омою мой нож в твоей крови! - яростно прорычал Джамис. Произнося последнее слово, он сделал выпад.

Увидев его рывок, Джессика едва подавила вскрик.

Но клинок Джамиса встретил лишь воздух, а Пауль оказался у него за спиной, открытой для удара.

«Бей, Пауль! Ну же!» - мысленно закричала Джессика.

Пауль ударили. Его движение было превосходным: плавным, точным, текучим - но таким медленным, что у Джамиса было время ускользнуть, отступить и развернуться левым плечом чуть вперед.

Пауль отступил, пригнулся, полууприсев.

- Ты сперва доберись до моей крови, - спокойно сказал он.

Джессика видела, что на реакциях сына сказывается привычка к бою со щитом. Да, его подготовка была палкой о двух концах. У мальчика - великолепная реакция, какую

можно развить лишь в его возрасте; к тому же он натренирован так, как этим людям и не снилось. Но и в нападении сказывались тренировки и навык преодоления силового поля. Щит отражает слишком быстрые удары, его можно преодолеть лишь сравнительно медленным движением. Лишь хорошо владея собой, контролируя мышцы и обладая достаточной ловкостью, можно пройти поле...

А Пауль-то это понимает? Он должен сообразить!..

И снова Джамис напал, сверкнув чернильно-синими глазами. Его тело, желто-восковое в свете плавающих ламп, метнулось вперед. Оноказалось смазанным, как на снимке.

И снова Пауль ускользнул - и снова его контратака была слишком медленной.

И снова.

И снова.

Каждый раз удар Пауля запаздывал на какой-то миг.

Тут Джессика увидела кое-что - и тут же взмолилась про себя, чтобы Джамис этого не заметил. Отражая удар, Пауль двигался так быстро, что невозможно было уследить... но всякий раз так, словно у него был щит, частично отражавший удары Джамиса.

- Да что он, играет с этим несчастным дураком, этот твой сын? - пробормотал Стилгар. Впрочем, он тут же замахал на нее: - Нет, нет, извини: ты должна молчать.

Двое на каменном полу пещеры кружили теперь один вокруг другого. Джамис выставил нож вперед, острием чуть вверх: Пауль крался пригнувшись и опустив клинок.

Джамис вновь прыгнул - и на этот раз вправо, куда Пауль все время уклонялся от удара. Но вместо того чтобы уйти от удара назад и в сторону, Пауль встретил руку противника своим клинком. В

следующее мгновение юноша отскочил влево, от души благодарный Чани за предупреждение.

Джамис отступил к краю круга, потирая руку с ножом. Выступила и почти тотчас же остановилась кровь. Он смотрел на Пауля удивленно расширившимися темно-синими глазами, с новой опаской.

- Ага, ранен, - пробормотал Стилгар.

Пауль снова пригнулся, изголовившись к новой схватке, и спросил, как положено после первой крови (так его учили):

- Сдаешься?

- Ха! - только и ответил Джамис. По толпе фрименов прокатился ропот.

- Тихо! - перекрыл его голос Стилгара. - Парень просто не знает наших обычаев.

Паулю же он объяснил:

- В тахадди так не бывает, парень. Он кончается только смертью одного из соперников.

Джессика увидела, как Пауль судорожно сглотнул. Ему же никогда не приходилось убивать вот так, ножом в кровавом поединке! Сумеет ли он, сможет ли?

Пауль медленно пошел по краю круга, следя за движениями Джамиса. Его одолевали воспоминания о видениях будущего; его новое знание говорило, что слишком много случайностей может повлиять на будущее, а потому ясно разглядеть это будущее он не мог.

В уравнениях было слишком много неизвестных – вот почему эта пещера была темным, расплывчатым пятном на его пути. Словно огромная скала посреди реки, и воды реки завихряются вокруг этой скалы в бурные водовороты.

- Кончай это, парень, - пробормотал Стилгар. - Не тяни.

Пауль, положившись на свое преимущество в скорости реакции, осторожно пошел к центру круга.

Джамис же отступил. Только сейчас до него дошло, что он сошелся в круге тахадди не с обычным мягкотелым инопланетником, который стал бы легкой добычей фрименского криса.

Джессика видела тень отчаяния на его лице. Вот теперь он стал по-настоящему опасен. Он отчаялся и способен на что угодно. Он увидел, что столкнулся не с ребенком, пусть даже таким, как дети его народа, а с боевой машиной, рожденной для боя и с младенчества для боя тренированной. И теперь страх, посеянный мной, достиг пика...

Оказывается, ей было даже как-то жаль Джамиса. Впрочем, эта жалость была не так сильна, чтобы перевесить угрозу жизни сына.

«Джамис может сделать что угодно... даже предсказать нельзя что», – думала она. Воспринял ли Пауль все это своим пророческим зрением?. Но она увидела, как движется ее сын, увидела крупные горошины пота на его

лбу и плечах, осторожность, сквозящую в текучем перекатывании его мускулов. И впервые она почувствовала – если не поняла – фактор неопределенности в пророческом даре Пауля.

Теперь инициативу перехватил Пауль. Он кружил вокруг противника, но не нападал. Он тоже заметил страх в глазах Джамиса. В его голове зазвучал голос Дункана Айдахо: «Когда видишь, что противник тебя боится, – дай страху взять над ним власть; дай ему время истомить твоего противника. Пусть страх станет ужасом: напуганный до ужаса человек становится врагом себе. Раньше или позже он, отчаявшись, бросается в безоглядную атаку. Это опасный момент, но обычно можно положиться на то, что напуганный человек совершил роковую для себя ошибку. Мы же учим тебя вовремя замечать и использовать подобные ошибки».

В окружавшей бойцов толпе поднялся ропот.

«Они тоже думают, что Пауль играет с Джамисом как кошка с мышью, – подумала Джессика, – что он бессмысленно жесток».

Но в то же время она чувствовала, что толпа возбуждена и каждый в ней втайне наслаждается зрелищем. Ощущала она и стремительно растущее напряжение Джамиса.

Миг, когда это напряжение возросло настолько, что он не мог больше сдержать его, она увидела так же ясно, как и Джамис... и как Пауль.

Джамис взвился в высоком прыжке и в стремительном финте ударили правой рукой. Пустой рукой. Крис в мгновение ока оказался у него в левой.

Джессика охнула.

Но Пауль помнил- предупреждение Чани: «Джамис умеет биться обеими руками». Это предупреждение и великолепная подготовка позволили ему отразить удар Джамиса, можно сказать, мимоходом, en passant. «Следи за ножом, а не за рукой, которая его держит, – наставлял его не раз Гурни Халлек. – Нож опаснее руки, и он может оказаться и в правой, и в левой».

И еще: он заметил ошибку Джамиса. У того не слишком хорошо были разработаны ноги – почти на целую секунду дольше, чем надо, восстановливая равновесие после прыжка, которым пытался обмануть Пауля, скрыв переброс ножа из руки в руку.

Если бы не мутно-желтый свет плавающих ламп и не чернильно-синие глаза зрителей, столпившихся вокруг, это вполне могло бы походить на урок в фехтовальном зале. Когда удавалось использовать собственное движение противника, его щит- уже не препятствие... Пауль молниеносным движением перебросил нож в другую руку, скользнул в сторону и ударил снизу вверх, подставив нож под грудь сгибающегося Джамиса. И отпрыгнул, глядя, как падает тело противника.

Джамис упал ничком, как тряпичная кукла, громко глотнув воздух и остался лежать неподвижно. Мертвые глаза казались бусинами темного стекла.

«Конечно, убивать острием – недостаточно артистично, – сказал как-то Паулю Айдахо, – но когда в бою представится такая возможность, пусть это соображение тебя не останавливает».

Фримены бросились внутрь круга, заполнили его, оттеснили Пауля, сгрудились вокруг тела Джамиса. Во мгновение ока труп завернули в плащ, несколько фрименов подхватили его и бегом унесли куда-то в глубь пещеры.

Джессика начала пробиваться через толпу к сыну. Ей казалось, что она плывет в море закутанных в бурнусы и, прямо скажем, вонючих тел. Толпа была странно молчаливой.

Вот он, самый трудный момент. Он только что убил человека, убил, пользуясь абсолютным преимуществом в силе тела и силе духа. Нельзя, чтобы он учился наслаждаться такими победами...

Она протолкалась наконец в центр круга. Тут было свободно. Двоих бородатых фрименов помогали Паулю натянуть дистикомб.

Джессика окинула сына взглядом. Его глаза сияли; он тяжело дышал и позволял фрименам одевать себя, не особенно пытаясь помочь им.

– Выйти из поединка с Джамисом – и без единой царапины, – это... – пробормотал кто-то. – И кто!..

Чани стояла рядом, не отрывая глаз от Пауля. Джессика не могла не заметить возбуждения и восхищения на миниатюрном, точно у эльфа, лице девушки.

«Надо сделать это сейчас же, и быстро», – подумала Джессика.

Вложив в голос и выражение лица максимум презрения, она произнесла:

– Н-нну – и как тебе нравится быть убийцей? Пауль застыл, точно от пощечины. Он столкнулся с ледяным взглядом Джессики, и его лицо потемнело от прилива крови. Он невольно посмотрел туда, где только что лежал Джамис.

Стилгар, вернувшийся из глубины пещеры, куда унесли труп, протолкался к Джессике и, пытаясь скрыть горечь в голосе, сказал Паулю:

– Когда решишь, что пришло время вызвать на поединок меня, чтобы оспорить мое право на бурку вождя... не думаю, что тогда ты сможешь играть со мной так же, как только что с Джамисом.

Джессика видела, что ее слова и то, что сказал Стилгар, сильно подействовали на Пауля. Впрочем, ошибка этих людей должна была пойти во благо. Она читала на лицах окружавших их фрименов... Восхищение, да. У некоторых – страх... а у некоторых – отвращение. Джессика взглянула на Стилгара, увидела в его лице покорность судьбе и поняла, какими глазами видел он поединок.

Пауль посмотрел на мать.

– Ты же понимаешь, в чем дело... – тихо сказал он. Она услышала в его голосе упрек, поняла, что он уже пришел в себя. Обведя фрименов взглядом, она сказала:

- Паулю не приходилось еще вот так, ножом, убивать человека.

Стилгар резко повернулся к ней, не скрывая недоверия.

- Я вовсе не играл с ним, - тихо сказал Пауль. Он встал перед матерью, оправил одежду, вновь посмотрел на пятно крови Джамиса на каменном полу. - Я не хотел убивать его...

Джессика видела, как на лице Стилгара появляется и постепенно исчезает недоверие, сменяясь облегчением. Стилгар дернул себя за бороду перевитой венами рукой, вздохнул. В толпе негромко заговорили.

- Так вот почему ты предложил ему сдаться, - проговорил Стилгар. - Теперь-то я понял. Наши обычай отличны от твоих; впрочем, ты скоро поймешь, что. они

разумны. А я уж думал, что мы пригрели скорпиона... - Он поколебался и добавил: - И я больше не буду звать тебя «мальчиком» или «парнем». В толпе кто-то крикнул:

- Надо дать ему имя, Стал! Стилгар кивнул, огладил бороду.

- Вижу в тебе силу и крепость великую... подобно крепости, столп подпирающей. - Вновь пауза. - Итак, будешь среди нас зваться - Усул, сиречь Основание Столпа. И это будет твое тайное имя, имя для нас. Лишь люди из Сиетча Табр будут пользоваться им, никто же иной знать его не должен... Усул.

- Доброе имя... имя силы!, оно принесет нам удачу... - послышалось в толпе. Джессика почувствовала, что их приняли как своих - в том числе и ее, ведь ее поединщик победил. Ее признали как сайдину!

- Ну а теперь скажи нам, какое мужское имя ты желаешь носить открыто? - спросил Стилгар.

Пауль взглянул на мать. Опять на Стилгара. Кое-что из происходящего - отрывки, фрагменты - он видел уже в своих пророческих видениях. Но были и кое-какие различия. И эти различия ощущались как нечто физическое - словно некое давление- проталкивало его сквозь узкую дверь настоящего...

- А как у вас зовется такая маленькая мышка, она еще прыгает?-?, - спросил Пауль, вспомнив забавных скачущих зверьков - хоп, хоп! - в котловине ТуONO. Рукой он изобразил шустрые скачки мышей.

В толпе хихикнули.

- Мы называем этого зверька Муад'Диб, - ответил Стилгар.

Джессика ахнула. Это же было то самое имя, которое называл Пауль, когда говорил, что фримены примут его!.. Внезапно она ощутила страх. Она боялась своего сына - и боялась за него.

Пауль сглотнул. Ему казалось, что он играет роль, уже бесконечное число раз сыгранную в голове... но... и тут были отличия. Ему казалось, что он сидит на головокружительной высоте - многое испытавший, обремененный гигантским знанием... но вокруг, со всех сторон, зияла пропасть.

И вновь вспомнились ему видения легионов, фанатично следующих за черно-зеленым знаменем Атрейдесов, огнем и мечом несущих через Вселенную имя своего пророка - Муад'Диба.

Этого не должно случиться, сказал он себе.

- Так ты хочешь взять себе это имя - Муад'Диб? - спросил Стилгар.

- Я - Атрейдес, - прошептал Пауль и затем, уже громко, сказал: - Негоже мне совсем отрекаться от имени, данного мне отцом. Могу ли я взять себе имя Пауль Муад'Диб?

- Да будет так: имя тебе - Пауль Муад'Диб, - заключил Стилгар.

А Пауль подумал: «Этого в моих видениях не было. Сейчас я поступил по-другому...»

Но он по-прежнему ощущал, что вокруг лежала бездна.

В толпе переглядывались и повторяли:

- Мудрость и сила... О большем и не попросишь... Да, все точно, легенда верна... Лисан аль-Гаиб... Лисан аль-Гаиб...

- Я должен кое-что сказать тебе о твоем новом имени, - обратился Стилгар к Паулю. - Нас

порадовал твой выбор. Муад'Диб мудр – он знает мудрость Пустыни. Муад'Диб сам создает для себя воду. Муад'Диб прячется от дневного солнца и выходит прохладной ночью. Муад'Диб плодовит, и племя его умножается на земле. Муад'Диба мы зовем «Наставник юношней». Да, это добная основа, на которой можно строить свою жизнь, о Пауль Муад'Диб, который среди нас зовется Усул. Мы приветствуем тебя!

Стилгар коснулся лба юноши ладонью, затем обнял его и прошептал: «Усул».

После Стилгара подошел еще один фримен, также обнял Пауля и тихо назвал его новое имя. Один за другим фримены обнимали его и повторяли:

- Усул... Усул... Усул...

Он уже запомнил кое-кого по имени. Наконец подошла Чани – обнимая Пауля, она прижалась к нему щекой и тоже назвала его новое имя.

Последним к Паулю вновь подошел Стилгар.

- Вот, теперь и ты – бедуин Ихвана и наш брат, – произнес он. Затем в его лицо вернулась обычна жесткость, и он велел: – А сейчас, Пауль Муад'Диб, подгони как следует свой дистикомб! – Бросив на Чани строгий взгляд, Стилгар добавил: – Чани! Мне не случалось еще видеть, чтобы носовые фильтры были у кого-нибудь подогнаны так же скверно, как у Пауля Муад'Диба; кажется, я тебе велел присматривать за ним!

- У меня нет заготовок, Стил, – виновато сказала она. – Разве вот те, что были у Джамиса, но...

- Хватит!

- Тогда пусть возьмет один мой, – предложила она. – Я вполне обойдусь одним фильтром, пока...

- Ничего подобного, – отрезал Стилгар. – Я же знаю, что у кого-нибудь наверняка есть запасные. Эй, у кого-нибудь есть запасные фильтры? В конце концов, кто мы – отряд или шайка дикарей?

Со всех сторон протянулись руки. Стилгар выбрал четыре твердые волокнистые пробки и передал их Чани.

- Подгони их для Усула и сайядины. Откуда-то сзади раздался голос:

- Как насчет воды, Стил? Вот у них там литраки в рюкзаке-то...

- Да, Фрок, я помню твою нужду, – кивнул Стилгар и взглянул на Джессику. Та кивнула. – Вскройте один литрак и распределите между нуждающимися, – распорядился Стилгар. – Хранитель Воды... где Хранитель Воды? А, вот ты где. Шимум, отмерь сколько надо. Не больше, смотри. Вода – дар сайядины, в сиетче мы расплатимся с ней по полевым расценкам, за вычетом платы за переноску.

- А что такое «полевые расценки»? – спросила Джессика.

- Десять к одному, – ответил Стилгар. – Но...

- Ты поймешь еще, что это мудрое правило.

В глубине толпы фримены, шурша одеждами, обернулись: раздавали воду.

Стилгар поднял руку – наступила тишина..-

- Что касается Джамиса, – сказал он. – Приказываю провести полный обряд. Джамис был нашим товарищем

и братом по Ихван-Бедуину. Нельзя отвернуться от того, кто доказал нашу удачу в поединке тахадди. Я сам поведу обряд... на закате, когда тьма покроет его.

Пауль, услышав эти слова, ощутил вдруг, что вновь проваливается в бездну... в «слепую зону». Тут не было прошлого, не было будущего... кроме... кроме... да. Где-то впереди по-прежнему вились черно-зеленое знамя Атрейдесов... сверкали окровавленные клиники джихада над легионами фанатиков.

«Этому не бывать, – сказал он себе. – Я не могу допустить этого».

Глава 12

«Господь сотворил Арракис для укрепления верных».

(Принцесса Ирулан, «Мудрость Муад'Диба»)

В царящем в пещере молчании Джессика слышала, как скрипит песок на каменном полу под ногами фрименов. Издали доносились птичьи крики – Стилгар уже объяснил, что это перекликается его часовые.

Со входов в пещеру уже сняли пластиковые клапаны-герметизаторы. Джессике было видно, как ползут по карнизу у входа и по котловине внизу вечерние тени. Чувствовалось, как уходит день, унося сухую жару. Она знала, что скоро ее тренированное восприятие даст ей чувство, которое, несомненно, есть у фрименов, – умение ощущать малейшие колебания влажности воздуха.

Как поспешили они застегнули дистикомбы, едва открыли вход!

В глубине пещеры кто-то затянул ритуальный распев: Йдхар ракх хэ, Аур йдхар хи джарэн хэ!..

(Джессика перевела про себя: «Вот пепел; и вот корни!») Начался погребальный обряд.

Она смотрела на арракийский закат, разложивший в небе свой многокрасочный пасьянс. А ночь меж тем уже принялась потихоньку выпускать из-под дальних скал и дюн темные щупальца теней.

Жара, впрочем, все еще обволакивала пустыню.

Эта жара заставила ее вновь подумать о воде – и о том, что, как она увидела, эти люди научились чувствовать жажду лишь тогда, когда они могли себе это позволить.

Жажда.

Она вспомнила озаренные луной волны каладанского прибоя, сбрасывающие на скалы свои пенные одежды... вспомнила о напоенном влагой ветре. А сейчас ветерок, теребивший складки ее одежд, опалял открытую кожу лба и щек. Новые носовые фильтры мешали – она еще не привыкла к ним; а трубка, сбегающая по щеке в дистикомб, унося собранную фильтрами влагу дыхания, не давала забыть себя – раздражала.

А сам дистикомб! Просто парилка, ванна из пота...

«Ты будешь чувствовать себя в дистикомбе лучше, когда организм приспособится к меньшему уровню влаги в нем», – обещал Стилгар.

Он, конечно, был прав – только сейчас костюм не становился удобнее от его правоты. Неосознанно она могла думать только о воде... о влаге, о влаге вообще – поправила она себя.

Влага – понятие более тонкое и вместе с тем более общее.

Она услышала шаги, обернулась. Из глубины пещеры подошел Пауль, за которым по пятам следовала Чани, девочка с лицом эльфа.

«Вот еще что, – сказала себе Джессика. – Надо будет предупредить Пауля относительно их женщин. Ни одна из этих женщин Пустыни не может стать женой герцога. Наложницей – возможно. Но не женой».

Потом она обратила мысли на себя. Насколько же въелось в нее воспитание! «Я могу думать о брачных нуждах правителя, забывая о том, что сама была наложницей, не женой! И все же я была гораздо больше, чем наложницей».

– Мама...

Пауль остановился перед ней, Чани – пообок с ним.

– Мама, ты знаешь, что они там делают? Джессика посмотрела ему в глаза – темные пуговицы под капюшоном.

– Думаю, что знаю.

– Чани мне показала... потому что я, говорят, должен все видеть и дать согласие... чтобы взвесили воду.

Джессика посмотрели на Чани.

- Они взяли воду из тела Джамиса, - объяснила Чани. Ее тонкий голос звучал слегка в нос - из-за носовых

фильтров. - Таков закон. Плоть принадлежит человеку. Но вода его тела - собственность всего племени... кроме тех случаев, когда человек погиб в поединке.

- Они говорят, что эта вода - моя, - мрачно сказал Пауль.

Отчего-то это вдруг насторожило Джессику.

- Вода поединка принадлежит победителю, - объяснила Чани. - Это потому, что приходится биться без дистикомов и полагается возместить победителю потерю воды.

- Не нужна мне его вода, - пробормотал Пауль. Ему казалось, что он - часть множества картин, одновременно мерцающих перед его внутренним взором... даже голова кружилась от их мелькания. Он не знал еще точно, что будет делать, но в одном был уверен: не хочет воды, выпаренной из тела Джамиса!

- Но это же... вода, - растерянно проговорила Чани. Джессика поразилась тому, как она произнесла это

слово - вода. Как много смысла вкладывала она в него! Вспомнилась одна из аксиом Бене Гессерит: «Способность к выживанию есть умение выплыть в незнакомой воде». И она подумала: «Пауль и я - мы обязаны научиться находить в этих незнакомых водах глубины и течения... если мы, конечно, намерены выжить».

- Ты примешь эту воду, - сказала Джессика.

Она уже говорила как-то таким тоном: был случай, она вот так же велела Лето» принять крупную сумму, которую ему предложили за помощь в довольно сомнительном предприятии. Потому что деньги должны были послужить укреплению власти Атрейдесов.

На Аракисе деньгами была вода; она была здесь дороже любых сокровищ. Это-то она поняла!

Пауль промолчал. Он понял, что сделает так, как велит мать. И не потому, что она приказала; нет, сам ее тон заставил его передумать. Отказаться от этой воды значило бы нарушить обычай фрименов.

Паулю вспомнились слова из Четыреста семьдесят шестой Калимы Экуменической Библии, подаренной Юйэ.

- «Из вод положено начало всякой жизни», - процитировал он.

Джессика изумленно взглянула на сына. «Откуда ему известна эта цитата? - спросила она себя. - Он же не изучал таинства...»

- Да, так сказано, - кивнула Чани. - Джудихар ман-тene: написано в Шах-нама, что вода была первым из сотворенного.

Отчего-то (она не могла понять, отчего именно, и это беспокоило ее сильнее, чем само ощущение) Джессика вздрогнула.

Она отвернулась, чтобы скрыть смятение - как раз вовремя, чтобы увидеть момент заката. Уходящее за горизонт солнце расплескало по небу буйные краски.

- Время настало!

Это раскатился по пещере могучий голос Стилгара.

- Сражено оружие Джамиса; и Джамиса призвал Он, Шаи-Хулуд, Который установил фазы для лун, что день ото дня худеют и становятся наконец подобны поникшим и иссохшим побегам. - Голос Стилгара стал тише. - Так было и с Джамисом.

В пещере воцарилось молчание.

В темной глубине ее Джессика видела Стилгара, двигавшегося там серой призрачной тенью. Она снова посмотрела наружу - на котловину опускалась ночная прохлада.

- Пусть подойдут друзья Джамиса.

За спиной Джессики прошло движение - фримены закрыли вход занавесью. В глубине пещеры загорелся под сводом одинокий плавающий светильник. Его тускло-желтое сияние высушило

движущиеся фигуры; слышался шелест длинных одежд.

Чани шагнула к свету, словно он притягивал ее.

Джессика склонилась к уху Пауля и прошептала, пользуясь семейным кодовым языком:

- Следи за ними и делай всё, как они. Похоже, это будет простая церемония умиротворения тени Джамиса.

Это будет нечто гораздо большее, подумал Пауль. В глубине сознания он ощутил какое-то тягостное, щемящее чувство... – словно он пытался ухватить, остановить что-то ускользающее от него.

Чани скользящим движением вернулась к Джессике, взяла ее за руку:

- Пойдем, сайдина: нам должно сидеть отдельно. Пауль проводил их взглядом и остался один. Он чувствовал себя брошенным.

Тут к нему подошел фримен, вешавший занавесь.

- Идем, Усул.

Пауль безропотно пошел за ним. Сейчас же его втолкнули в собравшийся вокруг Стилгара круг. Стилгар стоял под светильником подле покрытой плащом угловатой груды, лежащей на каменном полу.

По знаку Стилгара фримены опустились на пол, – шурша одеяниями. Пауль тоже присел, разглядывая Стилгара: плавающая лампа над головой превращала глаза вождя в пару черных провалов и ярко высвечивала зеленый платок на его шее. Затем внимание Пауля переключилось на груду покрытых плащом предметов у ног Стилгара. Среди прочего там угадывался гриф балисета.

- Дух покидает воды тела, когда встает Первая луна, – нараспев начал Стилгар. – Ибо так сказано. Когда этой ночью увидим мы Первую луну – кого призовет она?

- Джамиса, – ответил хор голосов.

Стилгар повернулся кругом, оглядел лица собравшихся.

- Я был другом Джамису, – объявил он. – Когда у Дыры-в-Скале на нас коршуном падал топтер, Джамис успел втянуть меня в укрытие.

Он склонился над грудой вещей и поднял плащ:

- Беру этот плащ как друг Джамиса и по праву вождя. Он набросил плащ на плечи и выпрямился. Теперь Пауль видел, что было сложено под плащом:

лоснящийся серый дистикомб, помятая фляга-литрак, платок, на котором лежала небольшая книжечка, рукоять криса без клинка, пустые ножны, сложенный рюкзак, паракомпас, дистранс, манок, груда металлических крючьев с кулак величиной, кучка чего-то, напоминавшего камешки, завернутые в кусок ткани, пучок перьев... и балисет, пристроенный возле рюкзака.

Значит, Джамис играл на балисете, мелькнуло в голове у Пауля. Инструмент напомнил ему о Гурни Халлеке... и обо всем, что ушло, погибло, исчезло навсегда. Пауль вспомнил свои видения и понял, что на некоторых вероятностных линиях он мог еще встретиться с Халлеком, но таких было мало, и они лежали как бы в тени. Это

смутило его и озадачило; фактор неопределенности делал сам факт пророчества чрезвычайно странным. Как это следует понимать? Может быть, нечто, что я сделаю... нечто, что, возможно, сделаю, погубит Халлека?.. Или, наоборот, вернет его к жизни?.. Или...

У Пауля перехватило дыхание, он потряс головой, приходя в себя.

Стилгар вновь склонился над грудой.

- Это – женшине Джамиса и часовым, – объявил он. Камешки и книга исчезли в складках его бурнуса.

- Право вождя, – нараспев откликнулись фримены.

- Знак, представляющий кофейный прибор Джамиса, – сказал Стилгар, демонстрируя тонкий диск зеленого металла. – В ознаменование того, что по возвращении в сиетч этот прибор с соблюдением должных церемоний перейдет к Усулу.

- Право вождя, - отозвался хор.

Наконец, Стилгар взял рукоять криса и, выпрямившись, поднял ее над головой.

- Для Погребальной равнины, - произнес он.

- Для Погребальной равнины, - повторил хор. Джессика, сидевшая напротив Пауля, кивнула: она узнала древний источник, из которого брал начало обряд, и подумала: «Граница между невежеством и знанием, дикостью и культурой – воистину она начинается с того, насколько достойно мы обращаемся со своими мертвыми... – Она взглянула на Пауля. – Поймет ли он это? Сообразит ли, что делать?..»

- Мы все здесь друзья Джамиса, – сказал Стилгар. – И мы не воем над нашими мертвыми, как стая гарвардов (вервольфов).

Встал седобородый фримен, сидевший по левую руку от Пауля.

- Я был другом Джамиса, – сказал он. Затем подошел к груде вещей и взял дистранс. – Когда в осаде при Двух Птицах у нас вышла почти вся вода, Джамис разделил со мной свою воду. – Сказав это, седобородый вернулся на свое место в круге.

«Неужели и я должен буду объявить себя другом Джамиса и взять что-то из его вещей? – подумал Пауль. Он увидел,

как лица окружающих повернулись на миг к нему – и снова обратились к центру круга. – Да, они именно этого и ждут!..» Встал другой фримен – этот сидел напротив Пауля, – подошел к груде вещей, взял паракомпас.

- Я был другом Джамису, – сказал он. – Когда у Излучины Обрыва нас настиг патруль и меня ранили, Джамис сумел отвлечь врага, и раненым удалось спастись. – Он вернулся на свое место.

И вновь лица повернулись к Паулю. Он увидел в них ожидание – и опустил глаза. В этот момент кто-то толкнул его локтем и прошипел:

- Ты что, хочешь навлечь на всех нас гибель?! Да как же мне назвать его своим другом?!

И еще одна фигура поднялась по ту сторону круга; и когда свет упал на лицо, затененное капюшоном, он узнал мать. Она взяла себе платок Джамиса.

- Я была другом Джамису, – сказала она. – Когда дух его увидел, чего требует Истина, он покинул тело, дабы сохранить моего сына. – Она села.

В этот момент Пауль вспомнил презрение, каким обдала его мать после поединка: «И как тебе нравится быть убийцей!..» Он увидел, что все вновь смотрят на него – с гневом и страхом. Ему вспомнился отрывок из фильмокниги «Культы мертвых», показанный матерью на одном из занятий. Теперь он знал, что делать.

Он медленно поднялся.

По кольцу фрименов прокатился вздох.

Выйдя в центр круга, Пауль почувствовал, что его «я» словно уменьшилось. Словно он потерял часть себя самого... и искал теперь ее здесь. Он склонился к груде вещей и взял балисет. Тихо загудела струна, задев за что-то.

- Я был другом Джамису, – прошептал Пауль.

Он ощущал, как слезы жгут его глаза. Усилием воли повысил голос:

- Джамис... научил меня, что... когда... убиваешь... за это .приходится платить. Я жалею, что не успел лучше узнать Джамиса.

Как слепой, он добрался до своего места в круге, подавленно опустился на каменный пол. Кто-то прошептал потрясенно:

- Он пролил слезы!..

И по кругу прокатилось:

- Усул отдает свою влагу мертвому!..

Чьи-то пальцы недоверчиво коснулись его щеки. И вновь – потрясенный, благоговейный шепот.

Слыша этот шепот, Джессика осознала, насколько невероятными должны были быть для фрименов слезы. Она прочувствовала эти слова: «Он отдает влагу мертвому». Да, слезы воистину были даром миру теней. И, без сомнения, они были священны.

Ничто еще на этой планете не утверждало для нее с такой очевидностью, какой невероятной ценностью была здесь вода. Ни продавцы-воды, ни иссущенная кожа аборигенов, ни дистикомбы, ни правила водной дисциплины. Вода была веществом куда более ценным, чем любое другое; вода была самой жизнью, и потому ее окружала масса обрядов, ритуалов и символов.

Вода.

- Я касался его щеки! - прошептал кто-то. - Я ощутил Дар!;

В первый миг Пауля напугали пальцы, касавшиеся его лица. Он стиснул холодный гриф балисета – струны врезались, в ладонь. Но затем он увидел лица – широко раскрытые, потрясенные глаза.

Но вот руки оставили его; погребальный обряд возобновился. Только теперь Пауля окружало небольшое пространство: фримены почтительно расступились, вокруг него.

Обряд завершился негромким распевом:

Полной луны лик зовет с высоты – Шай-Хулуда пред собой узришь ты. Ночь красна, и в небе мрак, застит мгла – Лег в крови ты, смерть в бою тебя взяла. Мы взываем ко луне; она кругла – Счастье и удачу нам луна дала.

Что мы ищем, то найдем при луне На сухой, на каменистой земле.

У ног Стилгара оставался раздутый мешок. Стилгар присел, опустил ладони на этот мешок, кто-то подошел и присел подле него. Пауль разглядел лицо в тени капюшона – это была Чани.

- У Джамиса было тридцать три литра, семь драхм и три тридцать вторых драхмы воды племени, – произнесла Чани. – Вот, я благословляю эту воду в присутствии сайядины. Эккери-акаири, – се вода, филлисин-фоласи – вода Паулю Муад'Дибу! Киви акари, и не более, накалас! На-келас! да будет измерено и сочтено, укаир-ан! биением сердца, джан-джан:джан, нашего друга... Джамиса.

Во внезапно наступившей гробовой тишине Чани обернулась, глядя на Пауля. Выдержав паузу, она prodекламировала:

- Где буду я пламенем, да будешь ты углем; где буду я росой, да будешь ты водою.

- Би-ла кайфа, – нараспев откликнулся хор.

- Отходит эта вода Паулю Муад'Дибу, – сказала Чани. – Да хранит он ее для племени, да бережет от небрежения и утраты. Да будет он щедр в час нужды. Да оставит он ее племени ради его блага, когда придет срок!

- Би-ла кайфа, – отозвался хор.

«Я должен принять эту воду», – подумал .Пауль. Он медленно поднялся, подошел и встал возле. Чани. Стилгар отступил на шаг, уступая ему место, осторожно принял у него балисет.

- На колени, – сказала Чани. Пауль опустился на колени.

Чани подвела «го руки к бурдюку, приложила их к его гладкой упругой поверхности.

- Племя доверяет тебе эту воду, – сказала она. – Джамис покинул ее. Прими же ее с миром!

Она встала, помогла подняться Паулю. Стилгар вернул балисет и протянул на раскрытой ладони горсточку металлических колец. Пауль рассмотрел –

их: все разного размера, насколько можно судить в тусклом свете плавающей лампы. Чани поддела самое большое на палец, объявила:

- Тридцать литров.

Затем она так же одно за другим показала Паулю все кольца, называя их значение:

- Два литра, литр; семь мерок по одной драхме каждая; одна мерка в три тридцать вторых драхмы. Всего тридцать три литра, семь и три тридцать вторых драхмы.

Нанизав на палец, она показала их все Паулю.

- Принимаешь ли ты их? – спросил Стилгар. Пауль сглотнул, кивнул:

- Да.

- Позже, – сказала Чани, – я покажу тебе, как завязывать их в платок так, чтобы они не звенели и не выдали тебя, когда необходима тишина. – Она протянула руку.

- Может быть, ты... подержишь их пока у себя? – спросил Пауль.

Чани изумленно взглянула на Стилгара. Тот улыбнулся:

- Пауль Муад'Диб, чье имя Усул, не знает пока наших обычаяев, Чани. Возьми их – без всякого обязательства, кроме лишь обязательства хранить мерки, пока не научишь его, как следует носить их.

Она кивнула, вытянула из-под бурнуса полоску ткани и навязала на нее кольца, хитро оплетая их узлами, и наконец спрятала в кошель под бурнусом.

«Что-то я ляпнул не то», – подумал Пауль. Он почувствовал, что фримены втихую развеселились; его поступок явно их позабавил. Внезапно память о виденном в пророчествах подсказала: предложение женщине водяных колец-мерок входит в ритуал ухаживания, это почти что брачное предложение.

- Хранители воды, – позвал Стилгар.

Шурша одеяниями, фримены поднялись с пола. Вперед выступили двое, приняли бурдюк. Стилгар подхватил плавающую лампу и, освещая ею путь, повел всех куда-то в темную глубину пещеры.

Пауль, шедший следом за Чани, смотрел на маслянисто-желтые блики на каменных стенах, на мечущиеся тени и ощущал подъем вокруг себя – подъем и молчаливо- торжественное ожидание, предвкушение чего-то необыкновенного.

Джессика, которую кто-то возбужденно потянул за собой, шла в конце процессии, стиснутая со всех сторон фрименами. Усилием воли она подавила минутную панику. Она-то узнала кое-что в этом ритуале, узнала искаженные слова чакобса и бхотани-джиб – и она знала, какая безудержная ярость может вспыхнуть в такие вот безобидные как будто моменты...

«Джан-джан-джан, – повторила она про себя. – Иди-иди-иди...»

Словно детская игра, в которую взялись играть взрослые... позабывшие правила.

Стилгар остановился возле желтой каменной стены. Нажал на какой-то выступ – и стена бессовочно повернулась, как дверь, уйдя вглубь; открылся неправильной формы проем. Стилгар шагнул в него, за ним последовали остальные. Проходя мимо сотовидной решетки, он ощутил дуновение прохладного воздуха, струившегося от нее.

Пауль вопросительно посмотрел на Чани, потянул ее за рукав.

- Там был влажный воздух! – сказал он.

- Ш-ш-ш, – одернула она его.

Но фримен, шедший следом, негромко объяснил:

- Сегодня ночью ветровая ловушка собрала много влаги. Это Джамис посыпает нам знак, что удовлетворен!

Джессика миновала потайную дверь, услышала, как та захлопнулась за ней. Она видела, что фримены замедляли шаг около решетки, – а приблизившись к ней сама, ощутила влажное дуновение.

Ветровая ловушка, подумала она. Где-то на поверхности укрыта ловушка, направляющая воздух сюда, в прохладу пещер. И влага, которая в нем содержится, выпадает росой...

Они прошли сквозь еще одну дверь – над ней тоже была решетка-соты. Пауль и Джессика отчетливо почувствовали влагу в ветерке, подувшем в спину.

Лампа, которую нес шедший во главе процессии Стилгар, вдруг опустилась ниже уровня голов, маячивших перед Паулем. Через несколько шагов он почувствовал под ногами ступени, уходившие налево и вниз. Свет отражался от стен, пробивался между голов, скрытых капюшонами. Процессия уходила вниз по спиральной лестнице.

Джессика ощущала, как нарастает в окружающих напряжение, как все более полной становится тишина, охватывающая фрименов в присутствии воды. Это было как вход в храм...

«Я видел это место во сне», – вспомнил Пауль.

Мысль эта и ободряла, и несла в себе отчаяние. Где-то вдали на этом пути прорубали себе, кровавую дорогу по Вселенной орды фанатиков – во имя его. Черно-зеленый стяг Атрейдесов станет символом кровавого ужаса. А дикие, воюющие легионы будут кидаться в бой с боевым кличем: «Муад'Диб!»

«Это не должно случиться, – думал он, – я не могу допустить этого».

Но он по-прежнему чувствовал свое ужасное предназначение – и знал, как непросто остановить колесницу Джаггернаута, набирающую скорость. И если даже он умрет вот сейчас – все совершиется точно так же, но уже через мать и не рожденную пока сестру. Разве что смерть всего отряда, включая его самого и его мать, могла бы остановить движение к кровавому безумию.

Пауль огляделся. Отряд растянулся в шеренгу. Его прижали к невысокому барьерау, высеченному из самой скалы. А за ним в свете лампы в руках Стилгара блестела совершенно гладкая, темная поверхность воды. Она простиралась куда-то вдаль, в густые черные тени. Метрах в ста с трудом можно было различить дальнюю стену пещеры.

Джессика ощущала, как стянувшаяся от высыхания кожа на лбу и щеках вновь становится упругой во влажном воздухе. Бассейн, лежавший перед ней, был глубок – она чувствовала его глубину и лишь с большим трудом удерживалась от того, чтобы окунуть туда руки.

Слева от нее раздался плеск. Она посмотрела вдоль полускрытой тенями цепочки фрименов, увидела стоящих рядом Стилгара и Пауля, хранителей воды, опустошающих свою ношу в бассейн через водомер, походивший на круглый серый глаз, выглядывающий над кромкой бассейна. Она видела, как движется светящаяся стрелка, отсчитывая литры, драхмы и доли драхм, выпитые в водоем; даже отсюда было ясно видно, что, когда стрелка замерла, она показывала тридцать три литра, семь и три тридцать вторых драхмы.

«Какая точность!» – восхитилась Джессика. Кроме того, она заметила, что вода не смачивает соприкасающиеся с ней части счетчика. И в этом она увидела ключ к основному принципу фрименской технологии: стремление во всем добиться совершенства.

Джессика протиснулась вдоль парапета к Стилгару. Ей уступали дорогу с какой-то непринужденной учтивостью. Она заметила, что взгляд Пауля обращен внутрь себя, однако тайна этого гигантского подземного водоема занимала все ее мысли.

Стилгар посмотрел на нее.

– Некоторые из нас остро нуждались в воде, – сказал он. – Но, войдя сюда, они бы и не подумали коснуться этой воды. Ты это знаешь?

– Охотно верю, – ответила она. Он перевел взгляд на бассейн.

– Тут у нас больше тридцати восьми миллионов декалитров, – сообщил он. – Вода надежно укрыта от Маленьких Подателей; мы прячем и храним ее.

– Сокровищница, – пробормотала Джессика. Стилгар поднял лампу, заглянул Джессике в глаза.

– Больше, чем сокровищница. У нас есть тысячи таких тайников. И лишь очень немногие из нас знают их все. – Он склонил голову набок, лампа высыпала желтым пол-лица и бороду. – Слышишь?

Они затихли, прислушиваясь.

Зал был наполнен гулкими щелчками падающих капель водяного конденсата из ветровой ловушки. Весь отряд, заметила Джессика, зачарованно слушал этот звук. И только Пауль думал о чем-то своем и казался отстраненным от всех остальных.

Паулю звук падающих капель казался тиканьем убегающих мгновений. Он ощущал, как проходит сквозь него время, мгновения, безвозвратно исчезающие в прошлом. Настал миг для какого-то решения, он знал это – но не мог даже шевельнуться.

– Исчислено, сколько воды нам необходимо. Когда мы ее накопим – мы изменим облик Арракиса.

И по отряду прокатился приглушенный отклик:

– Би-ла кайфа.

– Мы свяжем дюны зеленою травой, – говорил Стилгар, и его голос постепенно усиливался. – Деревьями и подлеском привяжем воду к земле.

- Би-ла кайфа, - отозвались фримены.
- Год за годом будут уменьшаться шапки полярных льдов, - продолжал Стилгар.
- Би-ла кайфа, - повторили фримены нараспев.
- И мы сотворим из Арракиса мир, который по-настоящему будет нашим домом; растают полярные льды, в умеренном поясе разольются озера, и лишь глубокая Пустыня останется для Подателя и его Пряности.
- Би-ла кайфа.
- И ни один человек не будет более нуждаться в воде; и всякий сможет свободно черпать из колодца или пруда, из озера или канала. Вода побежит по арыкам и напоит поля; и всякий будет брать ее невозбранно, достаточно будет лишь протянуть руку.
- Би-ла кайфа.

Джессика почувствовала, что это не просто слова, а какой-то религиозный обряд, и не могла не отметить собственное инстинктивное благоговение. «Они заключили союз со своим будущим, - думала она. - У них есть вершина, на которую надовзойти. Это - мечта ученого... и эти простые люди, крестьяне, так вдохновились ею!..»

Она вспомнила Лиета-Кинеса, имперского планетарного эколога, человека, слившегося с аборигенами, - и вновь подивилась на него. Да, это была мечта, способная увлечь за собой, захватить души; и за этой мечтой она чуяла руку эколога. Мечта, за которую люди с готовностью пойдут на смерть. И это давало ее сыну еще один необходимый компонент успеха - народ, у которого есть цель. Такой народ легко можно воодушевить, зажечь единым порывом... и фанатизмом. Из него можно отковать меч, которым Пауль отвоюет свое законное место.

- Теперь мы покинем это место, - сказал Стилгар, - и дождемся восхода Первой луны. Когда Джамис выйдет на эту свою последнюю дорогу, и мы пойдем к дому.

Тихо перешептываясь,, люди неохотно последовали за своим вождем - вдоль каменного парапета водоема и вверх по лестнице.

А Пауль, следовавший за Чани, почувствовал, что миг жизненно важного решения миновал - он упустил возможность сделать решительный шаг, и теперь собственный миф поглотит его. Он знал, что уже видел это место - в пророческом сне на далеком Каладане; но теперь он заметил и некоторые новые детали, не увиденные во сне. Он вновь задумался о пределах своего дара. Словно бы он мчался с волной времени, то у подножия ее, то на гребне, а вокруг вздымались и падали другие волны, открывая и вновь пряча все то, что несли на своей поверхности,

И через все эти картины он по-прежнему видел пылающий вдали джихад - точно утес, возвышающийся над прибоем.

Отряд вышел в первую пещеру; миновали последнюю дверь и наглухо ее задраили. Затем погасили свет, сняли пластиковые герметизаторы с выходов из пещеры. Открылись сияющие надочной пустыней звезды.

Джессика вышла на сухой, горячий карниз у входа в пещеру, взглянула на звезды. Они, казалось, сияли над самой головой - огромные, яркие. Затем вокруг нее зашевелились. Позади кто-то настраивал балисет. Послышался голос Пауля - он тихонько напевал без слов, задавая тон и подкручивая колки. В голосе сына звучала насторожившая ее грусть.

Из темной глубины пещеры послышался негромкий голос Чани:

- Расскажи мне о водах своего родного мира, Пауль Муад'Диб.

И ответ Пауля:

- В другой раз, Чани. Я обещаю тебе. Какая грусть!

- Это хороший балисет, - заметила Чани.

- Очень хороший, - вздохнул Пауль. - Как ты думаешь, Джамис не будет против, если я им попользуюсь?

«Он говорит о мертвом в настоящем времени», - изумленно, подумала Джессика - и ее встревожило скрытое значение этого.

Вмешался мужской голос:

- Он сам любил порой сыграть, Джамис-то.

- Тогда сыграй нам какую-нибудь из ваших песен, - попросила Чани.

«Сколько женского очарования в этом детском голосе, - подумала Джессика. - Я должна предостеречь Пауля относительно их женщин... и не откладывая».

- Вот песня, сложенная моим другом, - сказал Пауль. - Я думаю, его уже нет в живых... его звали Гурни. Он называл ее своей вечерней песней.

Фримены притихли, слушая звучный мальчишеский тенор Пауля, поднявшийся над звоном струн балисета.

Это ясное время мерцающих углей - Золотое сияние солнца, тонущего в сумерках. Смятенные чувства, отчаянья мрак - Вот спутники воспоминаний...

Джессика почувствовала, как Музыка отдается в ее душе - языческая, гудящая звуками, пробуждающая желание в ее теле. Она слушала песню, напряженно замерев.

Ночь - покой, жемчугами усеянный...Ночь - для нас!И радость сверкает, ею навеяна, В глуби твоих глаз.Любовь, цветами увенчана, В наших сердцах...Любовь, цветами увенчана, Переполнила нас.

Отзвучал последний аккорд, и несколько мгновений в воздухе воспоминанием о нем звенела тишина. «Почему он спел песню любви этой девочке? Ребенку?» - спросила она себя, чувствуя вдруг безотчетный страх: она ощущала, как жизнь течет вокруг нее и она потеряла контроль за ее течением. «Но почему, почему он выбрал именно эту песню? - думала она. - Порой интуиция подсказывает верное решение. Так почему он это сделал?»

Пауль молча сидел во мраке. Единственная холодная мысль владела им: «Моя мать - враг мне. Это она влечет меня к джихаду. Она родила и воспитала меня. И она - враг мне».

* * *

Глава 13

«Понятие прогресса служит нам защитным механизмом, укрывающим нас от ужасов грядущего».

(Принцесса Ирулан, «Избранные речения Муад'Диба»)

В свой семнадцатый день рождения Фейд-Раута Харконнен убил на семейных играх своего сотового гладиатора. По случаю праздника на родовую планету Дома Харконнен, Джеди Прим, пребывали наблюдатели от императорского двора – граф Фенлинг и леди Фенлинг, его официальная наложница, которые и были приглашены вечером в золотую ложу над треугольной ареной, дабы наблюдать бой вместе с ближайшими родственниками виновника торжества.

В ознаменование дня рождения на-барона и в напоминание всем прочим Харконненам, а также подданным, что именно Фейд-Раута является официально объявленным наследником баронства, на Джеди Прим был объявлен праздник. Старый барон особым указом повелел отдохнуть от забот сутки напролет, и с превеликими трудами в Харко, престольном городе Дома Харконнен, изобразили веселую, праздничную атмосферу: на домах развевались флаги, а фасады домов вдоль Дворцового Проспекта сияли свежей краской.

Правда, в стороне от парадного проспекта граф Фенлинг и его спутница ненастоком увидели кучи мусора, обшарпанные бурные стены домов, отражающиеся в лужах, опасливо суетящихся жителей.

Сам баронский дворец с его голубыми стенами выглядел безукоризненно – до ужаса безукоризненно; но граф и его леди видели, чего это стоило. На каждом шагу маячили стражники, и их оружие поблескивало тем особенным блеском, который говорил опытному глазу, что без дела оно не скучает. Даже во дворце нельзя было пройти из одной зоны в другую, миновав пропускные пункты стражи. Походка и осанка слуг выдавали их военную подготовку... и еще то, как внимательно-внимательно смотрели их глаза.

– Чувствуешь напряженность? – промычал граф своей спутнице на их тайном языке. – Наш барон, похоже, начинает ощущать, какую цену ему пришлось в действительности заплатить, чтобы уничтожить герцога Лето!

– Напомнить тебе легенду о фениксе? – ответила та. (Тет-а-тет они были на «ты».)

Они стояли в приемном зале дворца, ожидая сигнала к началу семейных игр. Зал был невелик, метров сорок на двадцать, но наклонные пилястры по стенам и слегка изогнутый потолок создавали иллюзию гораздо более просторного помещения.

– А-а, вот и сам барон, – заметил граф.

Барон шествовал по залу как бы скользя и переваливаясь – той особенной походкой, какой требовало управление гигантской тушей, поддерживаемой силовой подвеской. Жирные щеки тряслись, силовые поплавки перекатывались под оранжевой мантией. Сияли перстни, унизывавшие толстые пальцы, и драгоценные опафиры, которыми было расшито баронское одеяние.

Пообок барона шел Фейд-Раута. Черные кудри были завиты мелкими колечками – над угрюмыми глазами эти лихие завитки казались неуместно веселыми. На нем была черная куртка в обтяжку, такие же брюки, лишь слегка расклешенные внизу, и мягкие низкие башмаки, охватывающие маленькие ступни.

Леди Фенлинг отметила осанку юноши и крепкие мышцы, "играющие под тканью; и подумала: «Этот не позволит себе разжиреть...»

Барон остановился перед ними, хозяйствским жестом взял» Фейд-Рауту за руку и представил:

– Мой племянник, на-барон Фейд-Раута Харконнен. – И, повернув младенчески-розовое жирное лицо к племяннику: – Граф и графиня Фенлинг, о которых я говорил.

Фейд-Раута с приличествующей любезностью склонил голову, а затем уставился на леди Фенлинг – золотоволосую, гибкую, изящную. Прекрасную фигуру обливало серо-бежевое платье – без украшений, но превосходно сшитое. Затем Фейд-Раута встретил взгляд ее зеленовато-серых глаз. Она просто лучилась тем типично Бене-Гессёритским безмятежным спокойствием, которое всегда несколько раздражало молодого наследника дома Харконнен.

– У-м-м-м-м-ах-м-м-м, – протянул граф, изучающе разглядывая Фейд-Рауту. – Приятный и аккуратный молодой человек, э, не так ли, моя – хм-м-м... моя дорогая?.. – Граф взглянул на барона. – Любезный барон, вы изволили упомянуть, что говорили о нас этому приятному молодому человеку. Любопытно знать, что же именно вы ему сказали?

– Я говорил своему племяннику о том, с каким уважением относится, к вам Император, граф

Фенринг, – поклонился барон, подумав: «Обрати на него особое внимание, Фейд! Убийца, который ведет себя точно кролик, – самая опасная разновидность!»

– Ну, разумеется! – покивал граф, улыбаясь своей спутнице.

Фейд-Рауте поведение и слова графа показались почти вызывающими. Еще немного – и он, казалось, сказал бы нечто открыто оскорбительное. Юноша перевёл взгляд на графа: коротышка и на вид слабак. Лицом похож на куницу: явный проныра и вообще скользкий тип. Огромные темные глаза; на висках – седина. А повадки!.. Движение рукой или поворот головы говорили одно, и тут же – реплика, означающая прямо противоположное! Совершенно невозможно понять, о чем граф думает на самом деле.

– Ум-м-м-ах-х-х-х-м-м, право же, редко доводится встречать такую, мм-м-м, прямо скажем, аккуратность, – любезно сказал граф, обращаясь к жирному баронскому плечу. – Разрешите, э-э, поздравить вас с таким, хм-м-м, удачным выбором и прекрасной подготовкой вашего, э-э-э, наследника. Вполне, хм-м-м, в духе господина барона, если мне будет позволено так выразиться.

– Вы чересчур любезны, – поклонился барон. Однако Фейд-Раута по глазам дяди понял, что тот не вполне принял любезность графа и хотел бы сказать нечто противоположное.

– Ваша ирония, мм-м-м, заставляет предположить, что вас посетили некие, хм-м-мм, глубокие мысли, – сказал граф.

«Вот опять! – подумал Фейд-Раута. – Прозвучало как оскорбление – а придраться не к чему; а значит, и требовать от него удовлетворения никак нельзя...»

Манера графа говорить была- невыносима – Фейд-Рауте все время казалось, что его уши забиты не то кашей, не то радиопомехами: ум-м-ммэх-х-х-х-м-м-м-мм! Фейд-Раута заставил себя вновь переключиться на леди Фенринг.

– Мы, э-э, отнимаем слишком много времени у этого молодого человека, – светски улыбнулась она. – Насколько я знаю, сегодня ему предстоит выступить на арене.

«Гуриями императорского гарема клянусь, она просто прелесть!» – подумал Фейд-Раута и пообещал:

– Сегодня я убью противника в вашу честь, миледи. С вашего позволения я объявлю об этом, выйдя на арену.

Она посмотрела на него все так же невозмутимо. Но ее слова прозвучали как удар кнута:

– Я не даю вам такого позволения.

– Фейд! – одернул барон племянника. Вот чертенок сумасшедший! Он что, хочет напроситься на поединок с этим сановным убийцей?!

Граф, впрочем, только улыбнулся и изрек:

– Хм-м-м-ум-м-м.

– Да, Фейд, тебе действительно, пора готовиться к выходу на арену, – с нажимом сказал барон. – Тебе надо отдохнуть – и постараитесь не рисковать сегодня по-глупому, ладно?

Фейд-Раута склонился в поклоне, но его лицо потемнело от негодования.

– Да, дядя. Я уверен, что все будет так, как вам угодно. – Затем он поклонился графу Фенрингу: – Мое почтение, мой граф. – К леди: – Мое почтение, миледи.

Затем повернулся и спешно покинул зал, лишь мимоходом бросив взгляд на столпившихся у двойных дверей гостей из Младших Домов.

– Он еще так молод, – вздохнул барон.

– Ум-м-м-ах, и в самом деле – хммм, – согласился граф.

Леди же Фенринг подумала: «И это тот молодой человек, о котором говорила Преподобная Мать?! Это его генетическую линию мы должны сберечь?»

– У нас еще час до начала, – сказал барон. – Может быть, мы сможем поговорить еще кое о чем, граф? – Он склонил свою огромную голову вправо. – Нам есть что обсудить. – А сам подумал: «Что ж, посмотрим, каким образом сумеет этот мальчик на побегушках у Императора передать порученное ему и при этом ничего не сказать напрямую. Что было бы, конечно, глупостью».

Граф обратился к своей спутнице:

- Ум-м-м-м-а-х-х-х-хм-м-м, дорогая, вы, мм-м, извините нас, ах-х-х, надеюсь?

- Каждый день, а порой и каждый час приносит изменения, – ответила она. – Мм-м-м-м. – И она мило улыбнулась барону, прежде чем повернуться. Шурша длинными юбками, она быстро, но с поистине королевским достоинством направилась к двойным дверям в дальнем конце зала.

При ее появлении, заметил барон, представители Младших Домов замолчали, провожая ее глазами. «Бене Гессерит! – подумал барон. – Право, Вселенная стала бы куда более приятным местом без них!»

- Тут, слева, между двух колонн, устроен шатер, тишины, – показал барон. – Мы могли бы побеседовать там, на опасаясь, что нас подслушивают. – Ступая своей скользяще-раскачивающейся походкой он провел графа под конус звукогасителя. В тот же миг звуки просторного зала стихли и словно бы отдалились.

Граф подошел вплотную к барону, и оба повернулись лицом к стене, чтобы разговор нельзя было прочитать по губам.

- Нам решительно не нравится то, как вы выставили сардаукаров с Арракиса, – начал граф.

«Так он все-таки говорит напрямую!» – изумился барон.

- Сардаукаров нельзя было оставлять там дольше, не рискуя, что прочие узнают, как Император помогал мне, – возразил он вслух.

- Однако ваш племянник Раббан, кажется, не слишком усерден в решении фрименского вопроса.

- И чего же еще хочет Император? – спросил барон. – На Арракисе вряд ли осталось больше горстки фрименов. Южная Пустыня вовсе не пригодна для жизни, а северную регулярно вычищают наши патрули.

- А кто сказал, что южная Пустыня непригодна для жизни и необитаема?

- Как это кто? Да ваш же собственный планетолог, дорогой мой граф!

- Но доктор Кинес мертв.

- Увы, да... какая жалость, право...

- У нас есть доклад об облете некоторых южных районов, – сказал граф. – Так вот, кое-где замечена растительность.

- Гильдия наконец согласилась на наблюдение за Арракисом с орбиты?

- Вы же и сами прекрасно знаете, барон: Император не может легально установить надзор за Арракисом.

- Ну а я не могу пойти на такие расходы. И кто же в таком случае совершил этот ваш облет?

- Один... контрабандист.

, ~Вам кто-то солгал, граф, – покачал головой барон. – Контрабандисты не более способны летать в южных районах, чем люди Раббана. Бури, статические заряды в песке и все такое прочее. Сами знаете. А навигационные маяки выходит из строя быстрее, чем их успевают ставить.

- О статике поговорим в другой раз, – холодно сказал граф.

«Ах-х-х», – протянул барон про себя. И вслух, требовательно:

- Значит, вы обнаружили какую-то ошибку?

- Если речь идет об ошибках, то для самооправдания места уже не остается, – изрек граф.

«Нарочно ведь пытается меня разозлить!» – подумал барон. Чтобы успокоиться, ему пришлось сделать два глубоких вдоха. Он чуял запах собственного пота; кожа под сбруей силовой подвески вдруг зачесалась.

- Не может быть, чтобы Император выражал недовольство по поводу гибели наложницы герцога и мальчишки, – пробормотал барон. – Они бежали в Пустыню... была буря...

- О да. Удивительно много произошло несчастных случаев в последнее время, – согласился граф. –

И таких удобных для вас...

- Мне не нравится ваш тон, граф, - свел брови барон.

- Одно дело - гнев, совсем иное - насилие, - сказал граф. - Кстати, хотелось бы вас предупредить: если несчастный случай произойдет со мной, то все Великие Дома немедленно узнают обо всем, что вы натворили на Арракисе. Они давненько косо на вас посматривают - подозревают, что вы нечисто играете. Ваши дела...

- А какие, собственно, дела? - пожал плечами барон. - Все, что я могу припомнить за последнее время, - это доставка на Арракис нескольких легионов сардаукаров...

- И вы полагаете, что могли бы шантажировать этим Императора?

- Ну что вы. И подумать не посмел бы. Граф улыбнулся:

- В любом случае найдутся командиры сардаукаров, которые признаются, что действовали без всяких приказов - так, захотелось подраться с этой вашей фрименской сволочью.

- У многих подобное признание вызвало бы кое-какие сомнения, - возразил барон. Но угроза была нешуточной. Неужели сардаукары действительно настолько вымуштрованы?

- И еще: Император желает произвести ревизию ваших счетов, - сказал граф.

- Когда угодно.

- Вы... э-э... не возражаете?

- Отнюдь. Я готов на любую самую тщательную проверку моей деятельности как члена Совета директоров КООАМ...

«Пусть облыжно обвинят меня, - думал барон, - обвинение не подтвердится; я предстану перед ними наподобие Прометея и объявию во всеуслышание: внемлите, дескать, - вот я оклеветан! Засим, пусть его обвиняет меня в чем хочет, даже и по делу. Великие Дома не поверят обвинителю, единожды соглавшему...»

- Н-да, не сомневаюсь, «что все ваши отчетности выдержат любую проверку», - пробормотал граф.

- Позвольте спросить, а почему это Император так заинтересован в уничтожении фрименов?

- Желаете сменить тему? - Граф пожал плечами. - Истребить фрименов хотят сардаукары, а не Император. Скажем так: им нужна практика в искусстве убивать... и они терпеть не могут оставлять дело несделанным.

«Он что, хочет запугать меня - напомнить, что опирается на этих кровожадных убийц?» - подумал барон и ответил:

- Некоторое количество убийств всегда идет на пользу делу, но надо же было когда-то и остановиться. Кто-то же должен добывать Пряность.

Граф издал короткий лающий смешок.

- Вы что, всерьез верите, будто сумеете взнуздать фрименов?

- Для использования их слишком много, - пожал плечами барон, - главное же в том, что ваша резня взволновала остальное население Арракиса. Но тут мы подходим к следующему пункту: я обдумываю другой вариант решения аракийской проблемы, дорогой Фенринг. Не могу не отметить, что наш Император достоин благодарности: ведь это его идеи вдохновили меня.

- Э-э-э?

- Видите ли, граф, я действительно вдохновлялся примером императорской каторжной планеты - Салусы Секундус.

Глаза графа сверкнули, он вперился в барона.

- И какая же может быть связь между Арракисом и Салусой Секундус?

Барон отметил настороженное внимание в глазах графа и ответил:

- Пока - никакой...

- Пока?

- Согласитесь, что в самом деле есть возможность обеспечить Арракис адекватным количеством рабочих рук - а именно путем превращения его в каторжную планету.

- А вы ожидаете увеличения числа заключенных?

- Да была тут некоторая заварушка, - признался барон. - Мне пришлось довольно круто обойтись с подданными, Фенринг. В конце концов вам прекрасно известно, чего стоила мне перевозка наших соединенных войск на Арракис кораблями проклятой Гильдии. Вы же понимаете, что эти деньги должны были откуда-то взяться.

- Я бы не советовал вам использовать Арракис как каторжную планету без дозволения Императора, барон.

- Само собой разумеется, - ответил барон, удивляясь, с чего бы вдруг в голосе Фенринга появился такой неприятный ледок.

- И вот еще что, - сказал граф. - Нам стало известно, что ментат герцога Лето, Суфир Хават, жив и находится у вас на службе.

- Не мог же я позволить себе выбросить на ветер такого ценного человека.

- Итак, вы солгали командующему экспедиционным Корпусом Сардаукаров, когда сообщили о смерти Хавата.

- Это невинная ложь, любезный граф. Просто не хотелось препирательств с этим служакой.

- А Хават в самом деле был предателем?

- Бог мой, нет, разумеется! Это все фальшивый доктор... - Барон вдруг почувствовал, что у него взмокла шея. - Поймите, Фенринг: я остался без ментата, как вам известно. А я никогда не оставался без ментата... Это в высшей степени неудобно.

- И как же вы сумели склонить Хавата к сотрудничеству?

- Его герцог погиб. - Барон выдавил улыбку. - А опасаться Хавата нечего. Ему введен латентный яд. С пищей он регулярно получает противоядие. Без противоядия яд подействует - и через несколько дней Хават умрет.

- Отмените противоядие, - спокойно распорядился граф.

- Но Хават полезен!

- И знает слишком много такого, чего не должна знать ни одна живая душа.

- Не вы ли говорили, что Император не боится разоблачений?

- Не советую шутить со мной, барон!

- Когда я увижу такой приказ, скрепленный императорской печатью, я выполню его, - отрезал барон. - Приказ, но никак не вашу прихоть.

- По-вашему, это прихоть?

- А что же еще? Император, между прочим, тоже кое-чем мне обязан, Фенринг. Я избавил его от беспокойного герцога.

- Не без помощи некоторого количества сардаукаров...

- А где бы еще нашел Император такой Великий Дом, который одел бы этих сардаукаров в свою форму, чтобы скрыть роль Его Величества в этом деле?

- Он и сам задавался этим вопросом, дорогой барон... правда, несколько иначе расставляя акценты.

Барон внимательно посмотрел в лицо Фенрингу, обратил внимание на закаменевшие мышцы на скулах - граф явно с трудом сдерживал себя.

- Ну-ну, право... - проговорил барон; - Надеюсь, Император не думает, что сможет действовать и против меня в полной секретности?..

- Во всяком случае, он надеется, что в этом не возникнет необходимости.

- Неужели Император мог Подумать, что я ему угрожаю?! - Барон добавил в голос подобающую меру гнева и горечи. «Ну-ка, пусть попробует обвинить меня в этом! Да я тогда сам сяду на трон -

все еще бия себя в грудь и вопия о том, как меня очернили и оклеветали!...»

Очень сухо и отчужденно граф произнес:

- Император верит тому, что видит.

- И Император посмеет обвинить меня в измене перед всем Советом Ландсраада? – спросил барон затаив дыхание. Он с надеждой ждал ответа «да».

- Слово «посмеет» к Императору неприменимо. Барон резко повернулся в своей силовой подвеске, чтобы скрыть охватившие его чувства. «Это может случиться еще при моей жизни! Ну, Император!.. Да пусть он только выдвинет такое обвинение! Потом... где надо – подмазать, где надо – надавить; потом – Великие Дома объединятся под моим знаменем, как крестьяне, что в поисках защиты сбегаются к сеньору... Ведь больше всего на свете Великие Дома боятся именно того, что Император начнет натравливать на них своих сардаукarov, уничтожая один Дом за другим поодиночке...»

- Император искренне надеется, что вы не дадите ему повод обвинить вас в измене, – сказал граф.

Очень трудно было не дать иронии прозвучать в ответе, оставив лишь обиду. Но барону это удалось.

..

- Я всегда был абсолютно лояльным подданным. И ваши слова ранят меня сильнее, чем я мог бы выразить.

- Ум-м-м-ах-хм-м-м, – протянул граф.

Барон кивнул, не оборачиваясь. Чуть погодя он сказал:

- Пора на арену.

- Действительно, – согласился граф.

Выйдя из-под шатра тишины, они бок о бок пошли к представителям Младших Домов, по-прежнему толпившимся у дверей. Где-то медленно раскатился удар колокола: двадцать минут до начала.

- Младшие Дома ждут, что вы поведете их, – кивнул граф на толпу.

Двусмысленности... двусмысленности... – подумал барон.

Он поднял голову, в очередной раз любуясь новыми талисманами, повешенными по Сторонам входа в зал, – бычьей головой и писанным маслом портретом Старого Герцога Атрейдеса – отца покойного Лето. Непонятно почему эти трофеи наполнили его какими-то недобрыми предчувствиями. Интересно, а какие мысли будили эти талисманы в герцоге Лето – когда висели в его замке, сперва на Каладане, а потом на Арракисе? Портрет забияки отца – и голова убившего его быка...

- Человечество знает одну только,, м-м-м... науку, – проговорил граф, когда они с бароном возглавили шествие и вышли из зала в приемную – узкую комнату с высокими окнами и узорным полом, выложенным белой и пурпурной плиткой.

- И что же это за наука? – спросил барон.

, – Это, ум-м-м-а-ах, наука недовольства, – объяснил граф.

Представители Младших Домов позади, с бараньим выражением на лицах прислушивавшиеся к беседе принципала с сановником, подобострастно засмеялись. Впрочем, их смех тут же был заглушен гулом моторов: пажи распахнули двери на улицу – там выстроились в ряд наземные машины, над которыми трепетали на ветру флагшки.

Барон возвысил голос, перекрывая возникший шум:

- Надеюсь, мой племянник не разочарует вас сегодня, граф Фенлинг.

- Я, ах-х-х, с нетерпением, у-м-м, предвкушаю это,, хм-м-м, зрелище, – ответил граф. – Ведь, ах-х, в «процесс вербаль» всегда необходимо, ум-м-м-ах, принимать во внимание вопросы, ах-х, родства.

Барон от неожиданности застыл – и ему пришлось скрыть это, якобы оступившись на первой ступеньке лестницы. «Proces verbal» – донесение о преступлении против Империи!

Но граф хохотнул, превращая скрытую угрозу в шутку, и похлопал барона по руке.

Всю дорогу до арены барон, откинувшись на подушки своей машины (подушки тоже были

пуленепробиваемы:-

ми), искося рассматривал графа, сидевшего рядом с ним, и размышлял, почему императорский «мальчик на посылках» счел необходимым отпустить такую именно шутку в присутствии представителей Младших Домов. Ясно было, что Фенринг редко позволяет себе делать то, что не считает необходимым, или произносит два слова там, где можно обойтись одним, или бросается фразами, лишенными скрытого смысла.

Он получил ответ на свой вопрос, когда они уже расселись в золотой ложе над треугольником арены. Трубили трубы, вились вымпелы, зрительские ряды были забиты до отказа.

- Дорогой барон, - прошептал граф, склоняясь к самому уху барона, - вы ведь знаете, что Его Величество не дал пока официального одобрения вашему выбору наследника, не правда ли?..

Потрясенному барону показалось, будто он опять очутился в шатре тишины. Он уставился на Фенринга и как будто даже не видел леди Фенринг, которая прошла сквозь ряды стражи в их ложу.

- Именно поэтому я и здесь, - тихо продолжал граф. - Император велел мне выяснить, насколько достойного преемника вы себе выбрали. А вряд ли найдется место лучше, чем арена; выявляющая истинное лицо человека, обычно скрываемое под маской, а?

- Император обещал, что я смогу свободно выбрать себе наследника! - проскружетал барон.

- Посмотрим, - ответил Фенринг, поворачиваясь, чтобы приветствовать леди Фенринг. Та опустилась в кресло, улыбаясь барону; затем она перевела взгляд на посыпанную песком арену, куда как раз вышел затянутый в трико и жилет Фейд-Раута. Правая рука в черной перчатке сжимала длинный кинжал, в левой юноша держал короткий нож. Левая перчатка была белой.

- Белый цвет означает яд, черный - чистоту, - пояснила леди Фенринг графу. - Любопытный обычай, дорогой, не правда ли?

- Ум-м-м-м, - согласился граф.

С семейных галерей послышались восторженные выкрики, и Фейд-Раута остановился, приветствуя зрителей

и оглядывая их ряды, - кузэны, кузины, полубратья, наложницы и нисвои. Орущие розовые рты, яркое колыхание одежды и знамен.

Фейд-Раута подумал вдруг, что все эти лица одинаково оживятся при виде крови раба-гладиатора, при виде его собственной крови. Впрочем, он, разумеется, никак не Сомневался в исходе сегодняшнего боя. Тут была одна только видимость опасности, и все-таки...

Фейд-Раута поднял клинки, подставив их солнечным лучам, салютовал на три стороны арены - на старинный манер. Короткий нож, который сжимала обтянутая белой перчаткой рука (белый - цвет яда), первым скользнул в ножны. За ним последовал большой кинжал из «черной» руки - только сегодня «чистый» клинок чистым не был. Его секретное оружие, которое должно было принести сегодня полную и абсолютную победу: яд на черном клинке.

Он включил щит, а потом замер на несколько мгновений, прислушиваясь к знакомому ощущению: кожа на лбу будто стянулась, подтверждая, что защита задействована.

Это был по-своему волнующий момент, и Фейд-Раута тянул его, как старый актер, кивая своим бандерильерам и в последний раз опытным взглядом проверяя их снаряжение - шипастые сверкающие браслеты, крюки и дротики с развевающимися голубыми лентами.

Затем он дал знак музыкантам.

Грянул медленный, гремящий древней пышностью марш, и Фейд-Раута повел подручных на комплимент (Комплимент: в цирке и театре - поклон зрителям, рассчитанный на аплодисменты) к баронской ложе. На лету поймал брошенный ему церемониальный ключ.

Музыка смолкла.

В резко упавшей тишине он отступил на два шага, высоко поднял ключ и объявил:

- Я посвящаю этот бой... - и он нарочно помедлил, с удовольствием представляя себе, что думает в этот миг барон (юный болван хочет все-таки, несмотря ни на что, посвятить бой леди Фенринг - и вызвать скандал!). - ...своему дяде и патрону, барону Владимиру Харконнену! - закончил Фейд-Раута. И с наслаждением увидел, как вздохнул облегченно любимый дядюшка.

Снова зазвучала музыка - теперь это был быстрый марш; Фейд-Раута с командой подручных трусцой

побежали к преддвери, сквозь которую мог пройти только тот, у кого был идентификатор. Фейд-Раута гордился тем, что он никогда еще не пользовался «выходом предусмотрительности» и почти никогда не прибегал к помощи подручных, отвлекающих гладиатора. Тем не менее было неплохо знать, что и запасной выход, и подручные наготове на случай непредвиденной ситуации. Особые планы порой бывали связаны с особыми опасностями...

И снова на арену опустилась тишина.

Фейд-Раута повернулся к красной двери, из которой должен был появиться гладиатор.

И не простой гладиатор.

Изобретенный Суфиром Хаватом план был восхитительно прост и едва ли не бесхитростен, как думал Фейд-Раута. Раб не будет, одурманен, и в этом и есть опасность. Но вместо наркотика в подсознание гладиатора было введено кодовое слово, которое в нужный момент иммобилизует его мышцы, Фейд-Раута мысленно повторил это слово, произнеся его без звука, одними губами: «Подонок!» Зрители-то подумают, что кто-то провел на арену не одурманенного раба, чтобы тот убил на-барона. Причем все тщательно сфабрикованные улики укажут на главного надсмотрщика...

Загудели сервомоторы, поднимающие красную дверь.

Фейд-Раута сконцентрировал все свое внимание на двери. Первый момент был во многом решающим. То, как гладиатор выходил на арену, о многом говорило опытному глазу. Все гладиаторы перед выходом должны были получать элакку, появляясь на арене подготовленными для убийства... но все равно приходилось следить, как гладиатор держит нож, как готовится к защите, обращает ли внимание на зрителей. Скажем, посадка головы могла дать намек и на его манеру защиты и нападения.

Красная дверь резко распахнулась.

Из нее выбежал высокий мускулистый человек с гладковыбритой головой и темными, глубоко запавшими глазами. Морковный цвет кожи говорил, казалось бы, о том, что раб получил наркотик – но Фейд-Раута знал, что это краска. На рабе были зеленые шорты-трико и красный пояс полущита; стрелка на нем указывала влево, показывая, что с этой стороны гладиатор укрыт силовым полем. Кинжал он держал как меч, острием от себя; было видно, что это – опытный боец. Теперь он медленно шел к центру арены, держась к Фейд-Рауте и его помощникам, стоявшим у преддвери, защищенным левым боком.

– Что-то не нравится мне вид этого парня, – заметил один из бандерильеров. – Вы уверены, что он получил наркотик, милорд?

– Ты же видишь цвет, – коротко ответил Фейд-Раута.

– Да, но держится он как боец, – возразил другой ассистент.

Фейд-Раута сделал два шага вперед, рассматривая раба.

– Что у него с рукой? – спросил кто-то.

Фейд-Раута посмотрел на кровавую царапину на левом предплечье раба. Потом на его руку: раб указывал ею на рисунок, который он сделал кровью на левом бедре своего зеленого трико. Еще влажный рисунок изображал стилизованный силуэт ястреба.

Ястреба!

Фейд-Раута поднял взгляд и встретил запавшие, обведенные темными кругами глаза, горящие ненавистью.

«Это же один из бойцов герцога Лето, захваченных нами на Арракисе! – мелькнуло в голове Фейд-Рауты. – Вовсе не простой гладиатор!..» По спине на-барона пробежал неприятный холодок. А что, если у Хавата свои виды на сегодняшний бой?Хитрость внутри хитрости, а в ней – еще хитрость и еще?.. а вина падет только на главного надсмотрщика!

Старший бандерильер сказал ему на ухо:

– Милорд, он мне решительно не нравится. Может, воткнуть ему в правую руку бандерилью-другую?

– Я сам. – Фейд-Раута взял у помощника два длинных тонких дротика с заершенными наконечниками, взвесил их в руке, проверяя балансировку. Обычно бандерильи тоже смазывали элаккой, но сегодня наркотика на них не было. Скорее всего старший бандерильер поплатится за это жизнью..., впрочем, все это входило в план.

«Вы выйдете из этого испытания героем, – убеждал его Хават. – Вы убьете своего гладиатора в честном поединке и, несмотря на измену. Главного надсмотрщика казнят, а его место займет ваш человек!»

Фейд-Раута сделал еще пять шагов к центру арены, театрально растягивая сцену и одновременно пристально изучая противника. К этому времени, по его расчетам, знатоки на трибунах должны были уже сообразить, что что-то не так. Цвет кожи гладиатора был таким, каким ему и следовало быть у одурманенного элаккой человека, но стоял он твердо и не дрожал. Наверняка зрители уже перешептываются: «Смотрите, как он стоит! Он должен быть возбужден, должен нападать или отступать – а он ждет и бережет силы! А он ведь не должен ждать!»

Фейд-Раута чувствовал, как растет его собственное волнение. «Пусть даже Хават замыслил измену, с этим рабом я справлюсь. К тому же в этот раз отправлен длинный клинок, а не короткий. Об этом не знает даже Хават».

– Хэй, Харконнен! – крикнул раб. – Ты приготовился к смерти?

Мертвая тишина упала на арену. Рабы никогда не бросали вызов!

Теперь Фейд-Раута хорошо видел глаза гладиатора, сверкающие холодной яростью отчаяния. Он видел и то, как тот стоял – свободно, но наготове. И мышцы наготове... для победы. Рабский «телеграф» донес до гладиатора послание Хавата: у тебя будет реальный шанс убить на-барона. Тут тоже все было по плану.

Узкая улыбка раздвинула губы Фейд-Рауты. Он поднял бандерильи. То, как держался гладиатор, обещало успех их плану.

– Хэй! Хэй! – снова выкрикнул раб, подступая еще на два шага.

Теперь-то уж никто на трибунах не заблуждается на его счет! – мелькнуло в голове Фейд-Рауты.

Ведь к этому времени вызванный наркотиком страх должен был уже почти сковать гладиатора. Каждое движение должно было говорить одно – раб знает, что надежды для него нет, победить он не может. Он должен быть напуган рассказами о ядах, которые молодой на-барон выбирал для клинка в «белой» руке. На-барон ни-

когда не убивал быстро; он любил демонстрировать редкостные яды и мог, например, стоя над корчащейся жертвой, показывать зрителям любопытные побочные эффекты. А в этом рабе страх был, да – но не ужас.

Фейд-Раута высоко поднял бандерильи и кивнул, почти приветствуя противника.

Гладиатор атаковал.

Его выпад и защита были безукоризненны, едва ли не лучше всего, с чем приходилось сталкиваться Фейд-Рауте. Удар был точно рассчитан – еще на волос в сторону, и клинок рассек бы сухожилия на ноге на-барона.

Фейд-Раута танцующим движением отскочил в сторону, а в предплечье раба осталась торчать бандерилья. Крючковатые зубья наконечника глубоко засели в теле – теперь гладиатор мог быть выдернут бандерилью только вместе с сухожилиями.

По галерям прокатилось дружное «ах!..».

Этот звук воодушевил Фейд-Рауту.

Он прекрасно представлял себе, что испытывает сейчас дядюшка, восседающий в ложе с Фенрингами. Вмешаться в поединок он не мог: при свидетелях приходилось считаться с приличиями. События же на арене барон мог истолковать только совершенно однозначно – как угрозу себе.

Раб отступил назад, зажал нож в зубах и примотал бандерилью к руке ее же лентой.

– Я и не чувствую этой иголки! – крикнул он и снова пошел левым боком вперед, подняв кинжал. Он изогнулся тело назад, чтобы максимально прикрыться щитом. Это тоже не ускользнуло от внимания зрителей. Из семейных лож послышались восклицания. Ассистенты Фейд-Рауты тоже кричали – спрашивали, не нужна ли их помощь. Но Фейд-Раута жестом велел им оставаться у преддверия.

«Я им устрою такое представление, какого они еще не видели! – думал Фейд-Раута. – Не просто убийство практически беззащитного раба, во время которого можно спокойно сидеть и обсуждать достоинства стиля. Это их проймет до самых кишок... А когда я стану бароном, они будут помнить этот день – и бояться меня».

Фейд-Раута медленно отходил перед наступающим по-крабы противником. Под ногами поскрипывал песок. Он

слышал, как тяжело хватает воздух раб, чувствовал запах собственного пота и более слабый запах крови раба.

На-барон отступил еще немного, развернулся вправо, изготовил вторую бандерилью. Раб отскочил в сторону. Фейд-Раута сделал вид, будто отступил. На галереях вскрикнули.

Раб опять бросился вперед.

«Боги, что за боец!» - мелькнуло в голове Фейд-Рауты, когда он ушел от удара. Его спасла только юношеская ловкость – но второй дротик вонзился в дельтовидную мышцу правой руки раба. Галереи разразились восторженными криками.

«А, теперь они мной восхищаются!» – подумал Фейд-Раута. Как и предсказывал Хават, в голосах зрителей звучал буйный восторг. На-барон мрачно усмехнулся про себя, вспомнив слова ментата: «Враг, которым восхищаешься, страшит больше».

Фейд-Раута быстро отошел к центру арену – здесь его было лучше видно всем зрителям. Он изготовил длинный кинжал и, пригнувшись, ждал атаки раба.

Тот не заставил себя ждать. Помедлив лишь столько, сколько было необходимо, чтобы прикрутить к руке вторую бандерилью, он устремился за своим врагом.

«Пусть, пусть семейка полюбуется, – думал Фейд-Раута. – Я их враг, и пусть они запомнят меня вот таким...» – Он вытащил и. короткий нож.

– Я не боюсь тебя, харконненская свинья! – крикнул гладиатор. – Все ваши пытки – ничто для мертвого. А я могу умереть от собственного клинка прежде, чем надсмотрщик прикоснется ко мне! И я захвачу тебя с собой!

Фейд-Раута криво ухмыльнулся и выставил длинный клинок – отравленный.

– Попробуй-ка вот это! – сказал он, делая выпад коротким ножом.

Гладиатор развернул свои клинки «ножницами», приняв на них в захват нож на-барона. Нож, который сжимала рука в белой перчатке и, значит, тот, который, по традиции, должен был быть отравлен.

– Ты издохнешь, Харконнен! – воскликнул, задыхаясь, гладиатор.

Они, напряженно борясь, боком двигались по арене. Щит Фейд-Рауты коснулся гладиаторского полузащита, и в месте соприкосновения вспыхнуло голубоватое свечение. Запахло озоном от работы силовых генераторов.

– Издохнешь от собственного яда! – прорычал раб. Он понемногу начал поворачивать затянутую в белое руку, приближая к врагу острие отравленного, как он думал, клинка.

Ну, пусть посмотрят, подумал Фейд-Раута и ударил длинным кинжалом. И ощущил, как тот попал на примотанную к руке противника бандерилью, не причинив тому никакого вреда.

На мгновение Фейд-Раута почувствовал отчаяние. Кто бы мог подумать, что заершенные дротики помогут рабу – а они послужили ему дополнительной защитой. И как он силен! Короткий клинок – собственный клинок! – неумолимо приближался, и Фейд-Рауте невольно пришло в голову, что умереть ведь можно и на чистом, не отравленном клинке...

– Подонок!.. – выдохнул он.

Кодовое слово. Заложенная в подсознание программа сработала, мышцы раба расслабились. Лишь на миг, но Фейд-Рауте этого было достаточно. Он оттолкнулся от противника, открыв между ним и собой достаточно места для длинного клинка, который метнулся вперед и прочертит алую линию на груди раба. Этот яд начинал действовать мгновенно, вызывая – сначала – сильную боль. Раб отшатнулся назад, спотыкаясь, попятился.

«Пусть любуются родственнички! – думал ликующе Фейд-Раута. – Пусть-ка обдумают увиденное: этот раб пытался повернуть против меня клинок, который он считал отравленным. Заодно пусть поразмыслят, как попал на арену этот раб и кто подготовил его к попытке так вот убить меня. И пусть навсегда запомнят, что им никогда не удастся угадать, в какой руке у меня отравленный клинок!..»

Фейд-Раута стоял молча и неподвижно, наблюдая за замедленными движениями раба, в которых

проступали нерешительность и колебание. На лице у него ясно для всех было написано: смерть. Раб знал, что с ним сделали, и знал как: яд был не на том клинке.

- Ты!.. - простонал гладиатор.

Фейд-Раута отступил, чтобы не мешать смерти. Парализующий наркотик в составе яда еще не полностью подействовал, но замедленные движения гладиатора говорили, что он уже делает свое дело.

Раб, пошатываясь, двинулся вперед, как будто его тянула невидимая нить. Один медленный, неуверенный шаг, другой, третий... Каждый шаг был единственным во Вселенной для умирающего раба. Он все еще сжимал нож, но его острие дрожало.

- Од... наж... ды... кто-то... из нас... убьет... тебя... - выдохнул он.

Его рот печально скривился. Он осел, затем тело его напряглось, и он рухнул на песок лицом вниз, откатившись от Фейд-Рауты. В грбовой тишине Фейд-Раута подошел к телу и носком своего мягкого башмака перевернул его на спину, чтобы зрители могли насладиться видом судорожных гримас, вызванных ядом. Но гладиатор был мертв - в его груди торчал его же собственный нож.

Несмотря на разочарование, Фейд-Раута испытал даже какое-то восхищение. Каких же усилий стоило рабу преодолеть паралич, чтобы убить себя! Но вместе с восхищением пришло и понимание: вот чего действительно стоит бояться.

То, что делает человека сверхчеловеком, - ужасно.

Фейд-Раута не успел додумать эту мысль, как услышал взрыв ликования на галереях. Зрители самозабвенно кричали и хлопали.

Он повернулся и поднял взгляд.

Да, все ликовали. Кроме барона, который сидел, напряженно обдумывая что-то, взявшиясь за подбородок. - И кроме Фенрингов. Граф и его леди пристально смотрели на Фейд-Рауту, пряча свои мысли и чувства под улыбками.

Граф Фенринг повернулся к своей наложнице:

- Ах-х-х-ум-м-м... находчивый, ум-м-м,- молодой человек. Э-э, м-м-м-ах, не правда-ли, дорогая?
- Да, и его, ах-х-х, синаптические реакции весьма быстры, - согласилась та.

Барон посмотрел на нее, на графа, опять на арену. В его голове стучало: «Если можно так близко подобраться к кому-то из моих родичей... - Ярость начала вытеснять

гнев. - Нынче же ночью главный надсмотрщик будет зажарен на медленном огне... ну а если окажется, что граф и его наложница как-то в этом замешаны...»

Фейд-Раута видел, что в баронской ложе произошел обмен репликами, но, конечно, ничего не слышал. Все звуки утонули в доносившемся со всех сторон ритмичном топоте и крике: у

- Го-ло-ву! Го-ло-ву! Го-ло-ву!

Барон нахмурился, видя, с каким выражением повернулся к нему Фейд-Раута. С трудом скрывая свое бешенство, барон вяло махнул в сторону стоящего над поверженным рабом племянника. «Пусть отдадут мальчику голову. Он заслужил ее, вскрыв предательство главного надсмотрщика».

Фейд-Раута видел этот жест. «Они считают, что эта голова - подходящая награда для меня! Что ж, я покажу им, что думаю об этом!»

Он увидел помощников, приближающихся с анатомической пилой, чтобы отделить почетный трофей, и жестом велел им удалиться. Фейд-Раута сердито повторил свой жест, склонился над телом и сложил руки гладиатора под рукоятью торчащего у него в груди ножа. Затем выдернул нож и вложил его в бессильные ладони.

Это заняло всего несколько секунд. Затем Фейд-Раута выпрямился и подозвал помощников.

- Похороните этого раба, как он есть, с ножом в руках, - велел он, - Он заслужил это.

В золоченой ложе граф наклонился к уху барона.

- Великолепный жест, - сказал он. - Подлинное рыцарство. У вашего племянника есть не только храбрость, но и умение держать себя.

- Но он оскорбляет публику, отказываясь от головы, - проворчал барон.

- Вовсе нет, - возразила графиня Фенринг, поднимаясь и оглядывая галереи.

Барон залюбовался линией шеи. Как великолепно лежат на ней мышцы! Совсем как у мальчика.

- Им понравился поступок вашего племянника, - улыбнулась леди Фенринг.

Наконец и в самых верхних рядах поняли, что сделал Фейд-Раута, увидели, что слуги уносят тело невредимым.

Барон следил за зрителями. Да, она сказала верно. Люди, словно обезумев, восторженно кричали, топали и хлопали друг друга по спине, по плечам. Барон устало произнес:

- Я должен объявить большой праздник. Нельзя отпускать их вот так - возбужденных, с нерастраченной энергией. Они должны видеть, что я разделяю их. восторг...

Он махнул страже, и слуга над ложей приспустил и вновь поднял оранжевый харконненский вымпел. Раз, и другой, и третий. Сигнал к празднику.

Фейд-Раута пересек арену, вернул кинжалы в ножны и, опустив руки, встал перед золотой ложей. Перекрывая неутихающий рев толпы, он крикнул:

- Празднуем, дядя?

Шум начал понемногу стихать: зрители увидели, что правитель говорит с племянником-победителем.

- Да, Фейд! Праздник в твою честь! - крикнул в ответ барон. И в подтверждение велел повторить сигнал.

Напротив ложи были отключены барьеры предусмотрительности. Какие-то молодые люди спрыгивали на аре-, ну и бежали к Фейд-Рауте.

- Вы распорядились снять пред-барьеры, барон? - спросил граф.

- Ничего, никто не причинит парню веда, - отмахнулся барон. - Он сегодня герой!

Первый из бегущих достиг Фейд-Рауты, поднял его на плечи и понес вокруг арены.

- Нынче ночью он мог бы бродить по самым бедным трущобам Харко без оружия и без щита, - сказал барон. - Они разделят с ним последний кусок и последний глоток, лишь бы оказаться рядом с благородным победителем.

Барон с усилием поднял себя из кресла, перенес вес на силовую подвеску.

- Прошу простить меня. Совершенно безотлагательные дела требуют моего присутствия. Стража проводит вас во дворец.

Граф тоже поднялся, поклонился:

- Разумеется, барон. Мы с нетерпением предвкушаем праздник. Я, ах-х-х-мм-м-м, никогда еще не видел праздника у Харконненов.

- Да, - сказал барон, - праздник... - Он повернулся. Стража окружила его плотным кольцом, и он вышел из ложи через свой личный выход.

Капитан стражи поклонился графу:

- Какие будут приказания, милорд?

- Мы, пожалуй, ах-х, подождем, пока разойдется, . мм-м-м, толпа.

- Слушаю, милорд. - Прежде чем повернуться, охранник отступил в поклоне на три шага.

Граф Фенринг склонился к своей леди и на их тайном мычащем языке спросил:

- Ты видела, разумеется?

Она ответила, пользуясь тем же кодом:

- Мальчишка знал, что гладиатор будет одурманен. В какой-то момент он действительно испугался. Но не удивился.

- Все было подстроено, - сказал он. - Весь этот спектакль.
- Несомненно.
- И тут пахнет Хаватом.
- И еще как.
- Сегодня я требовал, чтобы барон уничтожил Хавата...
- Это была твоя ошибка, дорогой.
- Теперь я и «сам это вижу».
- Похоже, довольно скоро у Харконненов может оказаться «новый барон».
- Если Хават задумал именно это...
- Да, это стоит проверить, - кивнула леди Фенлинг.
- Молодым легче будет управлять.
- Нам - да... после сегодняшней ночи.
- Думаю, ты не ожидаешь особых проблем и соблазнишь его без труда... моя маленькая племенная кобылка?
- Конечно, любимый. Ты же видел, какими глазами он смотрел на меня.
- Да. И теперь я понимаю, почему нам надо сохранить его гены.
- Разумеется. И нам придется установить над ним контроль. Я заложу на глубинных уровнях его подсознания необходимые кодовые фразы, с помощью которых мы сможем в нужный момент согнуть его, воздействуя на его прана и бинду-систему.
- И мы покинем планету как можно скорее. Как только, ты будешь уверена в успехе.
- Ее передернуло.
- Ни минуты лишней! Я никак не хотела бы вынашивать ребенка в этом ужасном месте.
- Чего только не приходится делать во имя человечества, - вздохнул граф.
- Тебе легко говорить...
- Тем не менее и мне пришлось перебороть кое-какие старые предрассудки, заметил граф. - Даже не старые - вечные.
- Бедненький. - Она потрепала его по щеке. - Но ты же знаешь, это - единственный надежный способ сохранить генетическую линию.
- Я прекрасно понимаю, что мы делаем и для чего, - сухо ответил он.
- Не думаю, что мы потерпим неудачу, - сказала она.
- «Вина начинается с ощущения неудачи», - напомнил граф.
- При чем здесь вина? - возразила она. - Гипнолигация (От «ligare» - «связывать» (лат.)) психики Фейд-Рауты, его ребенок в моем чреве - и домой.
- Этот его дядя, - пробормотал граф. - Тебе приходилось когда-либо видеть настолько искаженную душу?
- Свирип, свирип, - ответила она. - Но племянничек вполне может перешеголять дядюшку.
- Спасибо за это всему же дядюшке. Подумать только, кем мог бы стать этот парнишка при другом воспитании - например, если бы его воспитывали в духе Кодекса Атрейдесов...
- Да, грустно, - согласилась она.
- Если бы можно было сохранить и юного Атрейдеса, и этого парня! Судя по всему, что я слышал о Пауле Атрейдесе, - чудесный был парнишка, великолепный результат хорошей наследственности и правильного воспитания. - Он покачал головой. - Впрочем, не стоит тратить скорбь на неудачников.

Как говорится, пусть неудачник плачет.

- У Бене Гессерит есть поговорка... - начала леди Фенлинг.

- У вас по любому поводу есть поговорка! - отмахнулся граф.

- Но эта тебе понравится, - пообещала она. - Вот послушай: «Не записывай человека в покойники, пока сам не увидел труп. И помни, что даже тогда можно ошибиться».

Глава 14

Во «Времени размышлений» Муад'Диб говорит нам, что по-настоящему образование его началось лишь тогда, когда он впервые столкнулся с тяготами арракийской жизни. Он учился шествовать песок, читая по шестам надвигающиеся изменения погоды, он учился понимать колючий язык ветра, иглами впивающегося в кожу; узнавал, как зудит нос от песчаной чесотки и как собирать и сохранять бесценную влагу, которую теряет тело. Когда же глаза его вобрали в себя синеву ибада, он познал суть чакобсы.

(Предисловие Стилгара к книге принцессы Ирулан «Муад'Диб, Человек»)

Отряд Стилгара, возвращавшийся в сиетч с двумя подобранными в пустыне беглецами, поднялся из котловины под ущербным светом Первой луны. Развевались полы бурнусов – фримены почуяли запах дома и заторопились. Серая предрассветная полоска была ярче всего над теми зубцами изломанного горизонта, которые во фрименском «календаре горизонтов» отмечали середину осени, капрок – месяц Козерога.

Подножие скального барьера было усеяно сухими листьями, принесёнными ветром (тут их и собирали дети сиетча), но шаги фрименов Стилгара были неотличимы от естественных звуков ночной пустыни. Разве только изредка оступавшиеся Пауль и Джессика выдавали себя.

Пауль стер со лба запекшуюся с потом пыль. В этот миг кто-то подергал его за рукав, и он услышал шепот Чани:

– Ты что, забыл, что я тебе говорила? Капюшон надо натянуть на лоб до самых глаз! Ты теряешь влагу!

Кто-то позади шепотом призвал к молчанию:

– Пустыня слышит вас!

Где-то высоко над ними в скалах чирикнула птица.

Отряд остановился, и Пауль почувствовал повисшее в воздухе напряжение. Через камень передалось тихое постукивание – не громче, чем могли бы прозвучать прыжки мыши. И снова – короткий, тихий птичий крик.

По отряду прошло движение. Снова протопала по песку мышь, и снова чирикнула птица.

Отряд продолжал подниматься по скальной расщелине, но теперь фримены шли затаив дыхание. Это насторожило Пауля. Кроме того, он заметил, что фримены как-то странно посматривают на Чани, а та словно ушла в себя.

Теперь они ступали по скале. Шелестели полы одежд. Фримены, казалось, позволили себе слегка расслабиться, но между ними и Чани по-прежнему лежала какая-то дистанция.

Пауль шагал за казавшейся тенью фигурой, стараясь не отставать, – вверх по ступенькам, поворот, опять ступеньки, в открывшийся перед ними туннель, мимо двух дверей с влагоизоляцией и, наконец, по узкому, высеченному в желтом камне коридору, освещенному шарами плавающих ламп.

Фримены вокруг откидывали капюшоны, вынимали носовые фильтры и глубоко, облегченно дышали. Кто-то даже вздохнул. Пауль поиском взглядом Чани, но та куда-то исчезла. Со всех сторон его плотно, окружала толпа закутанных в бурнусы людей, кто-то толкнул его и сказал:

– Извини, Усул. Ну, толпа! Вот так всегда.

С левой стороны к Паулю повернулось узкое бородатое лицо – Фарок, вспомнил Пауль, Темные круги вокруг глубоко посаженных темно-синих глаз и сами глаза казались в желтом свете еще темнее.

– Сбрось капюшон, Усул, – сказал Фарок. – Ты дома.

Он помог Паулю расстегнуть застежки капюшона, освободил вокруг него немного места, работая локтями.

Пауль выдернул из носа фильтры, откинул маску со рта. На него обрушился царивший здесь тяжелый запах немытых тел, побочных продуктов переработки отходов, кислая вонь затхлого жилья, а надо всем этим царил крепкий аромат Пряности.

– Чего мы ждем, Фарок? – спросил Пауль.

- Я думаю, мы ждем Преподобную Мать. Ты же слышал сообщение. Бедная Чани...

«Бедная Чани», - повторил про себя Пауль. Он опять огляделся, пытаясь найти ее, а заодно и мать, которая тоже запропастилась куда-то в этой толчее.

Фарок глубоко вдохнул воздух сиетча.

- Запахи дома... - проговорил он.

Пауль видел, что Фарок и в самом деле наслаждается этой кошмарной вонью. Фримен говорил о «запахах дома» без малейшей иронии. Где-то неподалеку кашлянула мать.

- Да, богат запах твоего сиетча, Стилгар. Судя по нему, вы много работаете с Пряностью... делаете бумагу... пластик... и, кажется, химическую взрывчатку, верно?

- И ты узнала все это только по запаху? - изумился кто-то.

А Пауль понял, что мать говорит это специально для него - чтобы он скорее смирился с ударом по его обонянию.

Где-то впереди поднялось движение, по отряду прокатился глубокий вздох - люди втягивали воздух и задерживали дыхание. Приглушенные голоса повторяли: «Так это правда - Лиет мертв!..»

Лиет, подумал Пауль и вспомнил: Чани - дочь Лиета. Детали, мозаики складывались в картину. Лиетом фримены звали планетолога.

Пауль взглянул на Фарока:

- Это тот самый Лиет, которого звали еще Кинес?

- Лиет один! - сухо ответил Фарок.

Пауль повернулся, невидяще посмотрел в чью-то спину под бурнусом. Итак? Лиет-Кинес мертв...

- Очередная харконненская подлость, - с ненавистью прошептал кто-то. - Они представили это несчастным случаем... якобы после аварии топтера он сгинул в Пустыне...

Пауля жег гнев. Человек, который стал им другом, который спас их от харконненских убийц, который разослав своих фрименов искать в Пустыне двоих беглецов... этот человек стал еще одной жертвой Харконненов!..

- Усул жаждет мести? - спросил Фарок.

Но раньше чем Пауль успел ответить ему, кто-то негромко позвал, и отряд, унося его с собой, двинулся

вперед, в более просторный зал. Пауль оказался лицом к лицу со Стилгаром и незнакомой женщиной, одетой в свободное ниспадающее одеяние - ярко-оранжевое с зеленым. Руки женщины до плеч были открыты - дистикомба на ней не было, а кожа была светло-оливковая. Черные волосы над высоким лбом, зачесанные назад, подчеркивали острые скулы, орлиный нос и глубину темносиних глаз. Женщина, повернувшись к нему, и Пауль увидел в ее ушах золотые кольца, на которых были нанизаны «водяные мерки».

- Что, и вот этот одолел моего Джамиса? - яростно спросила она.

- Тихо, Хара, - одернул ее Стилгар. - Джамис виноват сам - это он объявил тахадди-аль-бурхан.

- Да он же мальчишка! - возмущенно сказала она и, звеня кольцами, резко потрясла головой. - Подумать только - моих детей сделал сиротами другой ребенок! Нет, это была случайность!

- Усул, сколько тебе лет? - спросил Стилгар.

- Пятнадцать стандартных, - ответил Пауль. Стилгар обвел глазами своих людей:

- Кто-нибудь из вас рискнет бросить мне вызов? Никто не ответил. Тогда Стилгар снова посмотрел на женщину:

- А я сам не вызвал бы его, по крайней мере пока не овладею его искусством боя.

Она тоже посмотрела вождю в глаза: - Но...

- Ты выдала новую женщину, которую Чани повела к Преподобной Матери? - медленно сказал Стилгар. - Так вот, она - сайдина-нисвой и мать этого парня. И мать, и сын в совершенстве владеют

искусством колдовского боя.

- Лисан аль-Гаиб! - прошептала потрясенная женщина и с благоговением посмотрела на Пауля.

Опять эта легенда, подумал тот.

- Возможно, - сдержанно сказал Стилгар. - Впрочем, это пока не-проверено... - Он обратился к юноше: - Усул, по нашим законам теперь ты в ответе за женщину Джамиса - вот за нее - И за двоих ее сыновей. Его йали... то есть его жилище, - теперь твое. К тебе переходит его кофейный прибор... и вот она. Его женщина.

Пауль разглядывал женщину. «Почему она не горюет о муже? - думал он. - Почему в ней нет ненависти ко мне?» Тут он увидел вдруг, что все фримены внимательно на него смотрят, ожидая чего-то.

Кто-то прошептал:

- У нас есть еще дела. Скажи скорее, как ты принимаешь ее!

Стилгар пояснил:

- Как ты возьмешь ее - как женщину или как служанку?

Хара подняла руки, повернулась вокруг себя:

- Я еще молода, Усул. Говорят, что я выгляжу не старше, чем когда я жила с Джоффом... Это до того, как Джамис его убил.

Джамис убил соперника, чтобы получить ее, решил Пауль. А вслух спросил:

- Если я возьму ее как служанку - могу я потом, когда-нибудь, изменить это решение?

- У тебя на это есть год, - ответил Стилгар. - А после того она свободна и вольна сама решать для себя... впрочем, и ты можешь освободить ее, когда пожелаешь. Но как бы то ни было, весь этот год ты отвечаешь за нее... и всегда на тебе останется также и часть ответственности за ее сыновей.

- Принимаю ее как служанку, - объявил Пауль. Хара топнула ногой, возмущенно передернула плечами:

- Но я же молода!

А Стилгар, одобрительно посмотрев на Пауля, сказал:

- Осмотрительность - большое достоинство для того, кому суждено быть вождем.

- Но я же молода! - повторила возмущенная Хара.

- Замолчи, женщина, - оборвал ее Стилгар. - Что должно быть, то будет. Проводи Усула в его жилище и следи, чтобы у него всегда была смена свежей одежды и место отдыха.

- О-о-охх, - только и ответила Хара.

Пауль уже достаточно изучил ее, пользуясь приемами Бене Гессерит чтобы составить о ней кое-какое представление. Он также чувствовал нетерпение фрименов, понимал, что они с Харой всех задерживают. Он не знал, можно ли спросить, где сейчас мать и Чани; впрочем, Стилгар явно нервничал, и Пауль решил, что такой вопрос был бы ошибкой.

Поэтому он просто повернулся к Харе и, тоном и вибрациями в голосе усиливая ее страх и почтительное волнение, приказал:

- Веди меня в жилище, Хара! А о твоей молодости поговорим в другой раз.

Она отступила на два шага, бросив на Стилгара испуганный взгляд.

- У него колдовской голос, - сипло пробормотала она.

- Стилгар, - сказал Пауль, - я в неоплатном долгу перед отцом Чани. Если я могу что-то...

- Это решит Совет, - ответил Стилгар. - Ты сможешь сказать ему об этом. - Он кивнул, давая понять, что все свободны, и вышел сам. За ним последовали остальные.

Пауль взял Хару за руку - рука у нее была холодная и дрожала.

- Я не обижу тебя, Хара, - мягко сказал он. - Ну, покажи мне свой дом. - Он говорил теперь с успокаивающими нотками в голосе,

- Ты ведь не выгонишь меня через год? - спросила она. - Я ведь и сама знаю, что уже не так молода, как когда-то...

- Пока я жив, у тебя всегда будет место рядом со мной, - ответил он, выпуская ее руку. - Так где наше жилище?

Она повернулась и повела его по коридору. Дойдя до перекрестка с широким, освещенным подвешенными через равные промежутки желтыми шарами ламп, они свернули направо. Пол был гладким, чисто выметенным.

Пауль поравнялся с ней, взглянул на орлиный профиль.

- Так ты не испытываешь ко мне ненависти, Хара? - спросил он.

- Почему я должна ненавидеть тебя?

Она кивнула каким-то детям, глазевшим на них из бокового прохода (пол там был выше, чем в том коридоре, по которому шли они с Харой). За спинами детей маячили сквозь полупрозрачные занавески фигуры взрослых.

- Но я... победил Джамиса.

- Стилгар сказал, что обряд соблюден и ты - друг Джамиса. - Она искоса посмотрела на Пауля. - Стилгар сказал еще, что ты отдал влагу мертвому. Это правда?

-Да.

- Это больше, чем сделаю... чем могу сделать я.

- Разве ты не оплачешь его?

- Оплачу, когда придет время плача.

Они миновали арку. За ней Пауль увидел ярко освещенное помещение, мужчин и женщин, работающих у каких-то машин, установленных на станинах-амортайзаторах. Казалось, они очень торопятся.

- Что они делают? - спросил Пауль. Она глянула через плечо на арку.

- Это пластиковое производство. Они спешат закончить норму перед тем, как мы уйдем. Для посадок нам нужно много влагосборников...

- Уйдем?..

- Ну да. Пока эти убийцы не перестанут преследовать нас или пока наша земля не будет очищена от них.

Пауль споткнулся: этот миг... он вспомнил вдруг какой-то фрагмент... картинка из его пророческих видений... но она была какой-то не такой, смещенной, как предмонтажная склейка фильма. Кусочки «пророческой памяти» не вполне совпадали с реальностью.

- Сардаукары охотятся за нами, - сказал он.

- Они немногое найдут, разве что один-два покинутых сиетча, - ответила она. - И еще - еще они найдут в песках свою смерть. Многие из них.

- А это место они найдут?

- Найдут, наверно.

- И мы тратим время на... - он мотнул головой в сторону оставшегося уже далеко позади цеха, - на производство... влагосборников?

- Посадки ведь не прекращаются.

- Кстати, что такое влагосборники? Она потрясение посмотрела на него:

- Вас что, ничему не учат... там, откуда ты пришел?

- О влагосборниках, во всяком случае, - не учат.

- Хай! – изумленно воскликнула она, сумев вложить в короткое междометие целую фразу.

- Ладно, все-таки что это такое?

- А как, по-твоему, могут существовать все кусты и травы в этом эрге, когда мы уходим отсюда? Каждое растение с особым бережением высажено в лунку, заполненную гладкими кусочками хромопласта яйцевидной формы. На свету они белеют. Если взглянуть с высоты, можно увидеть, как они блестят. Белый цвет отражает. Но когда Праотец-Солнце покидает небосклон, влагосборники в темноте вновь становятся прозрачными. И очень быстро остывают. Тогда на поверхности конденсируется влага из воздуха. Эта влага стекает на дно лунки, поддерживая жизнь растения.

- Влагосборники... – пробормотал он, пораженный красивой простотой решения.

- В подобающее время я оплачу Джамиса, – сказала она, как будто этот вопрос не давал ей покоя. – Он был хорошим человеком, хоть и скрым на гнев. Хорошим добытчиком. А с детьми – просто чудо! И не делал различия между сыном Джоффа, моим первенцем, и своим собственным. Они для него были равны. – Она искательно посмотрела на Пауля. – А ты... а для тебя, Усул?

- Перед нами такая проблема не стоит.

- Но если...

- Хара!

Он сказал это так резко, что она отпрянула.

Они миновали еще один ярко освещенный зал.

- А тут что делают?

- Чинят ткацкое оборудование. Но сегодня ночью оно должно быть уже демонтировано. – Хара махнула рукой на уходящий влево тоннель. – А там, подальше, – производство пищи и ремонт дистикомбов. – Взглянув на Пауля, она добавила: – Твой-то комб на вид еще новый. Но если надо что-то починить, так я сумею неплохо справиться. Я время от времени работаю в цеху...

Теперь навстречу им попадались люди, а дверные проемы слева и справа встречались все чаще. Прошла целая вереница мужчин и женщин, нагруженных тяжело булькающими тюками, от которых исходил сильный запах Пряности.

- Нашей воды они не получат, – сказала Хара. – И Пряность им не достанется, уж будь уверен!

Пауль смотрел на проемы в стенах тоннеля, замечая ковры на высоких порогах, комнаты, драпированные яркими тканями, горы подушек на полу. При их приближении сидевшие там замолкали и провожали их откровенно любопытными взглядами.

- Все удивляются, как ты победил Джамиса, – пояснила Хара. – Думаю, когда мы переселимся в новый сиетч, тебе придется еще доказывать свою силу.

- Я не люблю убивать, – ответил он.

- Стилгар так и сказал, – пробормотала она, однако в ее голосе звучало недоверие.

Впереди Послышился новый звук: хор пронзительных тонких голосов нараспев повторял что-то. Они подошли к новому проходу, гораздо более широкому, чем все предыдущие. Пауль замедлил шаг, заглянул внутрь. Там на устилавших пол бордовых коврах сидели, скрестив ноги,, дети – комната была полна ими.

У доски, висевшей на дальней стене, стояла женщина, закутанная в желтую тогу, с указкой-проектором в руке. Доска была испещрена рисунками – кругами, углами, треугольниками и кривыми, волнистыми линиями и квадратами, дугами, рассеченными параллельными линиями. Женщина указывала то на один, то на другой рисунок – так быстро, как только могла переводить луч указки, – а дети хором называли условные знаки, стараясь поспеть за движением руки.

Пауль прислушивался на ходу.

- Дерево, – звучали детские голоса, – дерево, трава, дюна, ветер, гора, холм,, огонь, молния, скала, скалы, пыль, песок, жара, укрытие, жара, полный, зима, холод, пустой, эрозия, лето, пещера, день, напряжения, луна, ночь, капрок, песчаный прилив, склон, посадки, связующее вещество!..

- И в такое время у вас учатся? – удивился Пауль. Лицо ее омрачилось, в голосе послышалась горечь:

- Лиет говорил, что в обучении нельзя терять ни минуты. Лиет умер, но мы не можем забывать его и его наставлений; ибо таков путь чакобсы...

Она подошла к проему в левой стене коридора, раздвинула полупрозрачные оранжевые шторы и отошла в сторону, пропуская Пауля.

- Твой йали идет тебя, Усул.

Пауль стоял, не решаясь переступить порог. Он вдруг ощутил, что не хочет оставаться один на один с этой женщиной. Он чувствовал, что теперь его окружает чужая жизнь и войти в нее можно, лишь приняв ее идеи и ценности как данность. Это фрименский мир хотел поймать его, уловить в сети своих путей. И в этих сетях, на этих путях, его ждал, он знал это, безумный джихад, война за веру. Война, которой надо избежать любой ценой.

- Это твой йали, - повторила Хара. - Чего же ты ждешь?

Пауль кивнул и шагнул вперед. Отвел в сторону (с противоположного от Хары края) штору, почувствовав, что в ткань вплетены металлические волокна. Они вошли в короткий коридор, а затем оказались в большой, метров шесть на шесть, квадратной комнате. Полы устелены толстыми синими коврами, синие с зеленым драпировкой закрывают камень стен, а под затянутым желтой тканью потолком покачиваются отрегулированные на мягкий желтый свет плавающие лампы.

Все вместе создавало подобие древнего шатра.

Хара встала перед ним, подбоченясь левой рукой, и изучала его лицо.

- Дети сейчас у подруги, - сказала она. - Они придут позже.

Пауль чувствовал себя неловко и, чтобы скрыть смущение, огляделся вокруг. Гонкие занавеси справа прикрывали вход в другую комнату, побольше, со сложенными вдоль стен горами подушек. Из воздуховода тянуло легким ветерком - сама вентиляционная решетка была хитроумно замаскирована узором драпировок.

- Хочешь, чтобы я помогла тебе снять дистикомб? - спросила Хара.

- Нет... спасибо.

- Может, принести поесть? - Да.

- В соседней комнате - дверь в туалет-регенератор, - показала она. - Удобно пользоваться им, когда не носишь дистикомб.

- Ты говорила, что мы должны будем покинуть сиетч, - вспомнил Пауль. - Разве не надо собирать вещи и всякое такое?

- Успеем, когда придет время, - спокойно ответила она. - Пока что эти мясники еще не добрались до нашей зоны...

Она опять нерешительно посмотрела ему в лицо.

- В чем дело? - строго спросил он.

- Твои глаза - не глаза ибада, - проговорила Хара. - Это так странно и необычно... и притом их и непривлекательными не назовешь.

- Принеси поесть, - буркнул он. - Я проголодался. Она улыбнулась ему понимающей женской улыбкой, от которой Паулю стало немного не по себе.

- Я - твоя служанка, - сказала она, грациозно повернувшись и поднырнула под плотные занавеси, за которыми открылся на миг еще один узкий проход. Потом занавеси опять упали.

Пауль, сердясь на себя, откинул тонкую занавеску и прошел направо, в большую комнату. Мгновение он стоял в нерешительности. Он думал, где Чани... Чани, потерявшая отца.

«Это у нас общее», - подумал он.

Со стороны «улицы» - внешнего коридора - раздался протяжный крик, приглушенный занавесями. Потом крик повторился - теперь кричавший отошел дальше. И опять... Наконец, Пауль понял, что это просто выкликают время. Действительно, он же не видел здесь часов...

Тут он почувствовал слабый запах горящих веток креозотового кустарника, пробивавшийся сквозь вездесущую вонь сиетча. Пауль осознал, что уже немного привык к этому насилию над своим

обонянием.

Он вновь подумал о матери. О том, как войдет она в изменяющуюся, путающуюся картину будущего и какое место отведено там для его не рожденной еще сестры. Изменчивые струи времени плясали вокруг. Пауль резко потряс головой и постарался сосредоточиться на признаках, говоривших о глубине и силе принимающей его фрименской культуры.

Культуры, не лишенной некоторых... странностей.

Но в пещерах, в этой комнате... было нечто, расходившееся с его пророческими видениями куда сильнее, чем все, с чем он сталкивался уже на этой планете.

Здесь, например, не было ядоискателя. И в пещерном укрытии он тоже не заметил никаких признаков его применения. И тем не менее он чуял запахи ядов в сложном коктейле здешней вони. Сильных ядов и широко распространенных.

Прошуршили занавеси. Пауль подумал, что это вернулась с едой Хара, и обернулся. Но в дверном проеме с откинутой драпировкой стояла не Хара, а двое мальчишек, наверное, девяти и десяти лет, жадно разглядывавшие его. У каждого висел на поясе маленький крис в форме кинжала - мальчики держали руки на рукоятях своих ножей.

И Пауль вспомнил, что о фрименах рассказывают, что их дети сражаются так же яростно, как и взрослые.

Глава 15

Руки машут, торопятся губы – Мысли кипят в потоке слов, А глаза пожирают, жадностью пышут; Вот оно – «я» воплощенное, Остров самовлюбленности. (Описание из учебника принцессы Ирулан «Муад'Диб»)

Фосфоресцентные трубки под сводами бросали тусклый свет на толпу, собравшуюся в пещере, позволяя оценить истинные ее размеры... да, она была больше Залы собраний в школе Бене Гессерит, прикинула Джессика. Здесь собралось не меньше пяти тысяч человек; Джессика и Стилгар стояли над всеми – на каменном уступе.

Подходили все новые и новые люди. В воздухе стоял гул множества голосов.

– Пришлось оторвать твоего сына от отдыха, сайдина, – сказал Стилгар. – Хочешь ли ты, чтобы он разделил с тобой решение?

– Может ли он изменить его?

– Конечно, воздух, рождающий твои слова, исходит из твоих легких, но...

– Я уже решила.

Но на самом деле она все еще сомневалась. Не лучше ли все-таки воспользоваться случаем и, прикрывшись Паулем, выйти из опасной игры? К тому же нельзя забывать и о нерожденной дочери. Как известно, что опасно матери? угрожает и дочери...

Вышли, покряхтывая и сгибаясь под тяжестью скатанных ковров, несколько мужчин. Сбросили свою ношу на каменный пол уступа, подняв клубы пыли.

Стилгар взял ее за руку и провел в акустическую раковину, замыкавшую сзади их каменный балкончик. Он показал Джессике на каменную скамью в фокусе каменной воронки.

– т Здесь сидет Преподобная Мать, но пока ее нет, ты можешь присесть и отдохнуть.

– Я лучше постою, – ответила Джессика. Наблюдая, как фримены раскатывают ковры, застилая балкон; она время от времени бросала взгляды на толпу внизу. Теперь там было не меньше десяти тысяч человек.

И люди все подходили и подходили!

Она знала, что пустыня наверху уже залита красным закатным светом, но тут, в огромном пещерном зале, царил вечный полумрак. Это подземное пространство было переполнено людьми, пришедшими посмотреть, как она будет рисковать своей жизнью.

Справа от нее толпа расступилась, пропуская Пауля; по обе стороны от него шли два мальчика – у обоих был невероятно важный вид. Они держали руки на рукоятях своих ножей и грозно хмурили брови, бросая внимательные взгляды на людей, стеной стоявших по сторонам прохода.

– Сыновья Джамиса. Они стали теперь сыновьями Усула, – объявил Стилгар. – Мальчики весьма серьезно . отнеслись к роли телохранителей... – Он улыбнулся Джессике. Она поняла, что вождь фрименов пытается ободрить ее, и почувствовала благодарность к нему. Но не думать о предстоящем ей- не могла.

«У меня нет выбора – я должна, сделать это. Если мы хотим завоевать себе место среди фрименов, мы должны сделать это не откладывая...»

Пауль поднялся к ней на уступ, дети остались внизу. Остановившись перед Джессикой и Стилгаром, он взглянул сперва на вождя, потом на мать.

– Что здесь происходит? Я думал, меня позвали на Совет!

Стилгар поднял руку, призывая к молчанию. Указал налево – там толпа тоже расступилась, освобождая проход. По нему к возвышению шла Чани. На маленьком лице застыла скорбь. Вместо дистикомба она надела оставлявший открытыми руки синий хитон, который был ей очень к лицу, под левым локтем был повязан зеленый платок.

Зеленый – цвет траура, вспомнил Пауль. Он понял это, когда сыновья Джамиса сказали ему, что не носят зеленого, поскольку признали его, Пауля, как отца-опекуна.

– Ты правда Лисан аль-Гаиб? – спросили они его напрямик. И Пауль, услышав за их вопросом

далекий рев воинов джихада, не Ответил, задав вместо этого встречный вопрос и выяснив, что старшего зовут Калеф и ему десять лет; он – сын Джоффа. А младшего зовут Орлоп, ему восемь, и он – сын Джамиса.

Странный был день... Он попросил мальчиков охранять его – отгонять любопытствующих. Ему нужно было время – подумать, вспомнить свои пророческие видения и попытаться измыслить путь – избежать джихада...

Сейчас, стоя подле матери, он вглядывался в толпу. Да может ли какой бы то ни было план предотвратить дикое буйство фанатичных легионов?..

За Чани следовали еще четыре женщины, которые несли на носилках какую-то старуху.

Джессика пристально разглядывала ее, не обращая внимания на Чани. Древняя, высохшая, морщинистая... На старухе было длинное черное одеяние; откинутый назад капюшон открывал тугой узел седых волос и тощую шею.

Носильщицы бережно подняли свою ношу на уступ. Чани помогла старухе встать.

«Вот, значит, их Преподобная Мать», – подумала Джессика.

Старуха подошла к ней, ковыляя и тяжело опираясь на плечо Чани. Казалось, под ее черным одеянием было не тело, а какие-то палки. Несколько долгих мгновений старуха смотрела на Джессику снизу вверх. Наконец она хрипло прошуршала:

– Значит, ты – действительно Она... – Старуха кивнула головой на тонкой шее; Джессике показалось, что она вот-вот отвалится. – Шэдаут Мэйпс была права, когда жалела тебя...

– Мне ничья жалость не нужна, – быстро, даже резко ответила Джессика.

– Посмотрим, посмотрим, – прошелестела старуха. Она обернулась к толпе с удивившим Джессику проворством; – Ну, Стилгар, скажи им!

– Надо ли сейчас? – отозвался тот.

– Мы – люди Мисра, – проскрипела старуха. – С тех пор как предки наши бежали с аль-Урубы на Нилоте, мы познали и бегство, и смерть. И молодые идут вперед, чтобы народ наш не умер.

Стилгар глубоко вздохнул, сделал два шага вперед.

Джессика физически ощутила тишину, опустившуюся на толпу. Сейчас в пещере было уже тысяч двадцать человек – и все они стояли молча, почти не шевелясь. От этого она вдруг почувствовала себя маленькой... и это настораживало ее.

– Сегодня же ночью нам придется покинуть этот сиетч, так долго укрывавший нас, и уйти дальше, на юг Пустыни, – начал Стилгар, и его могучий голос разнесся над обращенными вверх лицами; акустическая раковина позади усилила его голос.

Но толпа молчала.

– Преподобная Мать сказала мне, что не переживет еще одного хаджра, – проговорил Стилгар. – Уже было время, когда мы жили без Преподобной Матери. Но негоже людям искать новый дом, когда нет с ними наставницы...

Теперь толпа зашевелилась. По ней прокатился шепот, волнение.

– И вот, дабы такого не случилось, – продолжал Стилгар, – наша новая сайдина, Джессика, владеющая колдовским, искусством, согласилась сейчас пройти через обряд. Она попытается проникнуть в глубь себя, чтобы мы не остались без силы нашей Преподобной Матери.

«Джессика, Владеющая Колдовским Искусством», – повторила Джессика беззвучно. Она увидела, как широко раскрылись глаза Пауля, увидела, что вопросы переполняют его – но он сдержался и промолчал. Слишком уж странным, чужим было –все вокруг.

«Если я умру в этом испытании – что будет с ним?» – спросила себя Джессика, чувствуя, как опасения вновь охватывают ее.

Чани подвела Преподобную Мать к каменной скамье в глубине акустической раковины и вернулась к Стилгару.

– А чтобы мы не потеряли все, если Джессику, Владеющую Колдовством, постигнет неудача, – объявил Стилгар, – Чани, дочь Лиета, будет теперь посвящена как сайдина! – Он отступил в

сторону.

Из глубины акустической раковины, усиленный ею, послышался голос старухи - резкий, высокий шепот:

- Чани вернулась из своего хаджра - Чани видела воды!
- Она видела воды, - прошептала в ответ толпа.
- И я посвящаю дочь Лиета и объявляю ее сайядиной! - все таким же хриплым и резким шепотом продолжила старуха.
- Мы принимаем ее, - отозвалась толпа.

Пауль почти не слышал ритуальных слов. Все его мысли были сосредоточены на словах Стилгара о его матери, Если ее постигнет неудача?..

Он обернулся, глядя на ту, которую называли тут Преподобной Матерью: высохшее морщинистое лицо, неподвижный взгляд бездонно-синих глаз. Казалось, любой, даже самый слабый ветерок может повалить или унести ее - но было в ней что-то такое, отчего верилось: даже если она встанет на пути кориолисовой бури, бешеный ветер не посмеет тронуть ее. Старуху окружала такая же аура власти, какую заметил он у Преподобной Матери Гайи-Елены Мохийям, подвергшей его мучительному испытанию гом джаббаром.

- Я, Преподобная Мать Рамалло, чьим голосом говорят многие, говорю вам, - провозгласила старуха. - Найдено, что Чани достойна стать сайядиной.

- Достойна, - подтвердил хор голосов. Старуха кивнула:

- Даю ей серебряное небо, золотую Пустыню с ее сияющими скалами и зеленые поля, которые раскинутся здесь в будущем. Все это я даю сайядине Чани. А дабы помнила она, что отныне она - служанка всем нам, поручается ей прислуживать в Обряде Семени. Да свершится

все по воле Шаи-Хулуда... - Поднялась и упала худая рука, похожая на бурью палку.

Джессика ощущала, как затягивается вокруг нее петля обряда, как течение ритуала уносит ее туда, откуда назад повернуть невозможно. Она посмотрела на вопрошающее лицо Пауля - и приготовилась встретить испытание.

- Пусть выйдут вперед хранители воды, - сказала Чани, и лишь очень внимательные заметили бы в ее еще детском голосе нотку неуверенности.

В этот миг Джессика ощущала, что опасность уже пришла. Опасность чувствовалась в напряженном молчании толпы.

Среди людей внизу открылся новый проход - на этот раз извилистый. Группа фрименов пошла по нему из глубины пещеры к возвышению. Они шли парами, и каждая пара несла небольшой кожаный бурдюк раза в два больше человеческой головы, колышущийся с тяжелым бульканьем.

Двою идущих впереди подняли свою ношу на покрытый коврами уступ, сложили у ног Чани и отступили назад.

Джессика посмотрела на бурдюк, потом на принесших его фрименов. Их капюшоны, отброшенные на спину, открывали длинные волосы, скрученные в тугой валик под затылком. Черные провалы глаз смотрели прямо и бесстрастно.

От бурдюка исходил густой запах корицы облаком окутывая Джессику. «Пряность?» - подумала Джессика.

- Принесли ли вы воду? - спросила Чани.

Ей ответил тот Хранитель воды, что стоял слева, - человек с багровым шрамом, пересекавшим переносицу. Он кивнул и произнес:

- Мы принесли воду, сайядина, но мы не можем пить ее.
- Есть ли в ней семя? - продолжала ритуал Чани.
- В ней есть семя, - отвечал фримен.

Чани встала на колени, склонилась над колышущимся бурдюком, сложила на нем руки.

- Благословенны вода и семя ее, - провозгласила она.

Обряд, оказывается, был знаком Джессике. Она бросила взгляд назад, на Преподобную Мать Рамалло. Глаза старухи были закрыты, она сгорбилась на своей скамье, словно ее одолел сон.

- Сайядина Джессика, - позвала Чани. Джессика обернулась к девушке.

- Вкушала ли ты ранее благословенную воду? - спросила Чани. И прежде чем Джессика успела что-либо сказать, сама же ответила: - Но нет, ты не могла вкушать от благословенной воды, ибо ты - иномирянка и как таковая была лишена этого блага.

, По толпе пронесся вздох, зашелестели одежды. От этого звука, показалось Джессике, зашевелились волоски на ее шее.

- Сбор был велик, и Податель нашел свою гибель, - возгласила Чани, развязывая свитую улиткой трубку, прикрепленную к горловине колышущегося бурдюка.

Теперь опасность просто бурлила вокруг - Джессика кожей ощущала ее. Взглянув на Пауля, она увидела, что тот захвачен таинственным обрядом, но глаза его прикованы к Чани.

«Видел ли он этот миг в грядущем? - мелькнуло в голове Джессики. Она положила руку на живот, где жила сейчас нерожденная дочь. - Имею ли я право рисковать и ее жизнью?..»

Чани протянула трубку Джессике:

- Вот - Вода Жизни, та, что дороже обычной воды; вот - Кан, вода, освобождающая душу. И если ты способна быть Преподобной Матерью, то она откроет тебе всю Вселенную. Да свершится теперь воля Шаи-Хулуда!

Джессика разрывалась между обязанностями перед Паулом и перед нерожденной дочерью. Ради Пауля она, конечно, должна была принять трубку и выпить содержимое бурдюка - но когда она склонилась к предложенной ей трубке, чувства предупредили ее об опасности.

От бурдюка исходил горьковатый запах, схожий с запахом некоторых знакомых ей ядов. Не совсем такой, но похожий.

- Теперь ты должна испить отсюда, - сказала Чани. Отступать уже нельзя, напомнила себе Джессика. Но

ей не вспоминалось ничего из уроков Бене Гессерит, что могло бы помочь ей в эту минуту.

«Что же это? - недоумевала Джессика. - Спиртное? Наркотик?..»

Она приняла трубку, вдохнула коричный аромат, вспомнила опьянение Дунканна Айдахо. Это и есть пряный ликер! - спросила она себя. Взяла в рот трубку и осторожно потянула, сделав совсем крохотный глоток. Горьковатый напиток отдавал Пряностью и слегка пощипывал язык.

Чани сжала бурдюк. Струя жидкости ударила в нёбо, и Джессика невольно проглотила ее. Она сдерживалась изо всех сил, пытаясь сохранить спокойствие и достоинство.

- Принять «малую смерть» тяжелее,-чем самую смерть, - проговорила Чани, глядя на Джессику. Она, казалось, чего-то ждала.

Джессика также смотрела на Чани, не выпуская трубки изо рта. Вкус Пряности переполнял ее, окутывая ноздри, нёбо, щеки, даже глаза. Теперь он казался остро-сладким.

И прохладным..

Чани вновь влила в Джессику душистую жидкость.

Какой нежный вкус...

Джессика разглядывала лицо Чани - в нем проступали черты Лиет-Кинеса; со временем они должны проявиться отчетливее.

«Они мне дают наркотик!» - подумала Джессика. Но наркотик, не похожий ни на один известный ей, - а ведь обучение Бене Гессерит включало умение распознавать наркотики по вкусу...

Черты лица Чани внезапно ярко высыпались - так отчетливо увидела теперь ее Джессика.

Наркотик!

Молчание вихрилось вокруг Джессики. Каждой клеточкой тела она чувствовала, что с ней

происходит нечто огромное. Она ощутила себя наделенной сознанием крохотной пылинкой, меньше любой элементарной частицы, но частицы; наделенной способностью самостоятельно двигаться и воспринимать окружающее. В какой-то миг перед нею словно распахнулся занавес – она в неожиданном озарении осознала что-то, вроде психокинетического продолжения самой себя. Она была пылинкой – и не только. Пещера по-прежнему оставалась тут, вокруг нее. Пещера – и люди. Она чувствовала их: Пауль, Чани, Стилгар, Преподобная Мать Рамалло.

Преподобная Мать!

Ведь еще в школе шептались, что не все переживают посвящение в Преподобные Матери... что наркотик убивает некоторых претенденток.

Джессика сконцентрировала внимание на Преподобной Матери Рамалло. Только теперь она осознала, что время словно остановилось, замерло вокруг нее.

«Почему застыло время?» – спросила она себя. Застыли вокруг напряженные лица, замерла повисшая неподвижно пылинка над головой Чани.

Ожидание...

И, как откровение, как взрыв, пришел ответ. Ее собственное время остановилось, чтобы спасти ее жизнь!

Сосредоточившись на психокинетическом продолжении своего «я», Джессика заглянула в себя – и сразу натолкнулась на загадочное ядро... на бездонный черный провал, от которого она инстинктивно отпрянула.

«Это и есть то место, куда мы не можем – не смеем! – заглянуть. То самое место, о котором с такой неохотой говорят Преподобные Матери. То самое место, куда может смотреть один лишь Квисатц Хадерах...»

Поняв это, Джессика почувствовала себя немного увереннее и вновь решилась сконцентрироваться на новом психокинетическом продолжении себя. Она стала крохотной пылинкой и принялась искать источник опасности, вторгшейся в нее.

И обнаружила его в проглоченном наркотике.

Молекулы наркотика вели в ее теле свой стремительный броуновский танец – такой быстрый, что даже «застывшее время» не могло остановить его. Пляшущие частицы... Она начала распознавать знакомые структуры, атомарные связи: атом углерода, дрожащая спиральная структура... молекула глюкозы. Затем она натолкнулась на целую цепь молекул – и узнала белковую группу... да, метил-протеинового типа.

А-аах!

Она беззвучно вздохнула про себя, поняв природу яда.

Используя свои психокинетические силы, она вошла внутрь молекулы... подвинула атом кислорода и помогла присоединиться к цепочке еще одному углеродному атому; переместила одну кислородную связь... водородную...

Преобразование распространялось по молекулам яда: происходила каталитическая реакция с быстро расширяющейся реакционной поверхностью.

Застившее время вновь начало приходить в движение. Джессика ощущала, что ее губ мягко коснулась трубка бурдюка, приняв каплю влаги.

Чани берет ее как катализатор, чтобы преобразовать яд в бурдюке; подумала Джессика. Зачем?..

Кто-то помог ей сесть. Она увидела, как к ней подвели Преподобную; Мать Рамалло и бережно усадили на устланный коврами уступ рядом с Джессикой. Сухая ладонь опустилась на ее шею.

Вдруг еще одна психокинетическая точка вспыхнула в ее сознании. Джессика попыталась вытолкнуть ее, но та все приближалась... приближалась...

И они соприкоснулись!

Это было полное единство. Она была двумя людьми одновременно. Не телепатия – но единое сознание. .

Общее со старой Преподобной!

Теперь, правда, Джессика видела, что Преподобная вовсе не считает себя Старой. Общему внутреннему взору предстал образ: юная девушка, веселая и нежная.

Девушка внутри общего сознания улыбнулась:

«Да, я такова!»

Джессика могла только принять ее слова, но не ответить.

«Скоро и ты обретешь все это, Джессика», — сказал образ Рамалло-девушки внутри нее.

Это галлюцинация, подумала Джессика.

«Кто-кто, а ты должна понимать, что это не галлюцинация, — возразило видение. — Ну, все, не сопротивляйся мне — давай скорее! У нас не так много времени. Мы... — Долгая пауза, а затем: — Отчего ты не сказала, что беременна?!»

Джессике удалось найти тот голос, которым можно было говорить внутри сознания:

«Почему?»

«Да ведь ЭТО изменило вас обеих! Великая Мать, что мы наделали!»

Джессика ощутила, как ее внутренний взор заставили «поворнуться» — и увидела еще одну точку, кого-то третье-

го. Эта точка металась, обезумев, вперед, назад... кружила... Она излучала чистый ужас.

«Тебе придется быть сильной, — проговорил в ее сознании голос Преподобной Матери. — Благодари судьбу, что носишь дочь! Мужской зародыш погиб бы от этого. Ну.., осторожно, мягко... коснись сознания своей дочери. Стань ею. Слейся с ее сознанием. Прими ее страх... утешь ее... используй свое мужество и свою силу... мягче... мягче...»

Та, другая, мечущаяся и барахтающаяся точка была теперь совсем рядом. Джессика заставила себя прикоснуться к ней...

Излившийся оттуда ужас почти захлестнул ее.

Тогда она применила единственное известное ей средство: Я не должна бояться, ибо страх — убийца разума...

Литания принесла облегчение, почти покой. Вторая точка притихла, словно прижалась к Джессике.

«Слова не помогают», — подумала Джессика и заставила себя ограничиться простыми эмоциями, сосредоточиться на них и — излучать на точку любовь, покой, ощущение теплых, защищающих объятий.

Страх уменьшился.

Вновь возникло чувство присутствия Преподобной Матери Рамалло; теперь Джессика ощутила тройное общее сознание — два активных, третье — лишь впитывающее, лежащее неподвижно.

«Время торопит, — произнесла внутри общего сознания Преподобная. — А мне надо многое передать тебе! И хотя я не знаю, сможет ли твоя дочь воспринять все это и не потерять разум, я должна это сделать, ибо нужды племени — превыше».

«Что...»

«Молчи и воспринимай!»

Перед Джессикой стремительно стали разворачиваться воспоминания... то напомнило ей работу сублиминального проектора, работающего на самом пороге восприятия, на лекциях в школе Бене Гессерит... только еще быстрее, с ослепляющей скоростью.

Но... все было необычайно отчетливым.

Она узнавала каждое воспоминание, приходящее к ней. Вот любовник-«сильный, бородатый, с темными фриденскими глазами; и Джессика знала, как он силен и как ласков, и все это промелькнуло в мгновение ока, всплыв из памяти Преподобной Матери Рамалло.

Уже некогда было думать о том, что все это может сделать с ее нерожденной дочерью. Она успевала лишь воспринимать и запоминать. — Воспоминания обрушились на Джессику — рождения,

жизни, смерти, важные события и пустяки – время, охваченное одним взглядом.

«Почему запомнилось, как сыплется песок с обрыва?» – спросила она себя.

Слишком поздно поняла Джессика, что происходит, – старуха умирала и, умирая, переливала в нее свою память, как можно было бы перелить воду из одной чашки в другую. И умирая, Преподобная оставила свою жизнь от мига своего зачатия в памяти Джессики и покинула ее сознание.

«Я так долго ждала тебя, – еле слышно прошептала умирающая, покидая сознание Джессики. – Вот моя жизнь...»

Да, вся ее жизнь была тут. Даже миг смерти...

«Теперь я – Преподобная Мать», – поняла Джессика.

И измененное сознание сказали ей, что она в самом деле стала тем, чем должна быть Преподобная Мать. Яд-наркотик изменил ее.

В Бене Гессерит, она знала, это происходит не совсем так. Правда, в таинства ее не посвящали, но она знала.

Впрочем, конечный результат был тот же.

Джессика почувствовала, что третья точка – ее дочь – все еще касается ее внутреннего сознания, потянулась к ней – но та не откликнулась.

Чувство страшного, чудовищного одиночества овладело Джессикой, когда он осознал, что с ней произошло. Она увидела свою жизнь замедленной, а все, что ее окружает, ускорилось, и стала видна подвижная игра связей вокруг...

Ощущение сознания, стянутого в подвижную точку, таяло, уходило по мере того, как тело освобождалось от угрозы яда. Но она все еще чувствовала ту, другую точку, касалась ее с чувством вины за то, что случилось по ее вине с дочерью.

Я, я сделала это – бедная моя, маленькая, даже не сформировавшаяся еще доченька! Это я толкнула тебя в этот мир, и без всякой защиты!..

И тогда от второй точки отражением ее собственных чувств, которыми она утешала дочь, к ней пришел тонкий ручеек любви и утешения.

Но прежде чем Джессика успела ответить, ее охватил адаб – сильное воспоминание, требующее какого-то действия... да, надо что-то делать... Она попыталась понять – что именно, но измененный ею наркотик одурманивал ее, сковывая чувства.

«Я могла бы изменить и это, – подумала она, – могла бы убрать наркотическое воздействие и обезвредить это вещество...»

Но она поняла, что такой поступок был бы ошибкой. «Я прохожу обряд единения с ними».

И теперь она знала, что положено сделать.

– Вода получила благословение, – сказала Джессика. – Смешайте воды, и пусть все они пройдут превращение; да вкусит от них каждый и да воспримет это благословение!

Пусть катализатор делает свое дело, подумала она. Пусть люди пьют – и пусть их сознания станут ближе друг к другу на время. Теперь наркотик не опасен... теперь, когда Преподобная Мать преобразовала его.

Но адаб не отступал – продолжал требовать от нее чего-то. Да, ей надо было сделать еще что-то... Вот только из-за наркотика было очень трудно сосредоточиться.

А-аа... старая Преподобная Мать!...

– Я встретилась с Преподобной Матерью Рамалло, – произнесла Джессика. – Она ушла, но не оставила нас. И пусть память ее будет почтена обрядом.

«Интересно, откуда я знаю эти слова?» – спросила она себя. И поняла, что они пришли из иной памяти – той, которую дала ей Мать Рамалло и которая стала отныне частью самой Джессики. Правда, чего-то еще не хватало...

«Пусть веселятся пусть устроят свою оргию, – сказал меж тем голос этой чужой памяти. – Жизнь дает им так мало радостей... Да и к тому же нам с тобой нужно время для знакомства – прежде чем

я опущусь в глубины твоей памяти и буду появляться уже в твоих воспоминаниях... Я уже чувствую, как меня тянет к ним. Аххх... да твоя собственная память просто полным-полна интереснейших вещей! Многое я и вообразить не могла...»

И эта вошедшая в нее память раскрылась, показывая Джессике колодец, который вел к новым Преподобным Матерям - и внутри каждой скрывалась ее предшественница! Казалось, им нет и не будет конца.

Джессика невольно отшатнулась, испугавшись, что она потерянется в этом океане единой памяти. Но колодец не закрылся; судя по нему, фрименская культура была куда старше, чем она могла предположить...

Перед ней представили фримены с Поритрина - изнежившиеся, размякшие на этом мягкому мире, ставшие легкой и желанной добычей для имперских набегов. Налетчики могли тут жать, не сея, хватать людей и затем основывать колонии на Бела Тейгейзе и Салусе Секундус...

О, как они кричали и стенали тогда!..

Где-то в глубине колодца раздался отчаянный призрачный вопль: «Они запретили нам хадж!..»

И Джессика увидела там, в глубине, тесные клетушки и бараки для рабов; и как отбирали рабов и разделяли их и разлучали и заселяли Россак и Хармонтеп. Лепестками чудовищного цветка раскрываются перед ней сцены жестокости и ярости.

И она увидела нить, тянувшуюся из прошлого от сайдины к сайдине - сперва из уст в уста, вплетенная в распевы песен Пустыни; затем - после открытия на Рое-саке ядовитого зелья - пропущенная через сознание их собственных, фрименских Преподобных Матерей... и вот наконец обратившаяся в орудие утонченной силы здесь, на Арракисе, когда была открыта Вода Жизни.

А в глубине колодца кричал, задыхаясь, чей-то голос: «Никогда не простим! Никогда не забудем!»

Но внимание Джессики захватила Вода Жизни. Она увидела ее источник: то были жидкие выделения умирающего песчаного червя - Подателя. Увидела она в своей новой памяти и то, как его убивают... и едва не задохнулась от изумления.

Гигантскую тварь утопили!..

- Мама... с тобой все в порядке?

Голос Пауля пробился в ее сознание, и ей пришлось с трудом вырываться из своего внутреннего мира, чтобы посмотреть на сына. Она не забыла своего долга перед ним... но он так мешал ей сейчас!..

«Я похожа на человека, лишенного дара осязания, не чувствовавшего своих рук с рождения, - и вот осязание не просто дано, а навязано ему!»

Эта мысль зацепилась за ее сознание.

И вот я говорю: «Смотрите! У менять есть руки!» Но люди вокруг спрашивают только: «Что такое „руки“?»

- С тобой все в порядке? - повторил Пауль. - Да...

- Мне можно пить это? - Он показал на бурдюк в руках Чани. - Они хотят, чтобы я выпил.

Она поняла скрытый смысл его слов: он обнаружил яд в первоначальном содержимом бурдюка и боялся за нее. И Джессика вновь подумала о границах дара предвидения у ее сына. Его вопрос говорил о многом...

- Да, пей спокойно, - ответила она, - яд преобразован.

И она взглянула на Стилгара за спиной сына. Стилгар, склонившись, внимательно смотрел на нее.

- Теперь мы знаем, что ты - настоящая, - сказал Стилгар, не отводя от нее внимательных темных глаз.

Она уловила скрытое значение и здесь... но ее чувства были одурманены. Как тепло... как покойно... Какое благое дело сотворили фримены, опустив ее в это всеобъемлющее братство...

Пауль видел, как наркотик овладевает матерью.

Он мысленно оглядел свою память – неизменное уже прошлое, текущие линии вероятностей будущего. Он словно пробегал внутренним взором по застывшим мгновениям; но понять смысл мгновений, выхваченных из потока времени, было очень сложно.

Наркотик... он уже понял о нем кое-что и понимал, что тот делает с матерью. Но в этом знании не было естественного, ритмичного взаимного отражения.

Он вдруг понял, что одно дело – видеть прошлое в настоящем; но подлинное испытание провидца – умение распознать прошлое в грядущем.

Вещи изо всех сил старались быть не тем, чем они кажутся.

- Ну, выпей, – скомандовала Чани и помахала трубкой бурдюка перед его носом.

Пауль выпрямился, взглянул на Чани. В воздухе пахло карнавальным весельем. И он понимал, что случится, если , он выпьет пряное зелье, ведь основой и квинтэссенцией его было то самое вещество, которое так изменило его. Он вновь увидит время – время, обратившееся в пространство; дар бросит его на головокружительную вершину – но не даст понимания...

Стилгар из-за спины Чани поторопил:

- Пей, парень. Ты задерживаешь обряд.

Пауль прислушался к голосам фрименов. Теперь раздавались дикие выкрики: «Лисан аль-Гаиб!», «Муад'Диб!» Он опустил взгляд на мать. Она, похоже, мирно спала сидя – ее дыхание было ровным и глубоким. Вдруг пришли слова – из будущего, которое было его одиноким прошлым: «Она спит, покоясь в Водах Жизни».

Чани дернула его за рукав.

Пауль взял трубку в рот, услышал, как закричали вокруг люди. Жидкость хлынула в его горло – Чани сжала бурдюк. Крепкий аромат кружил голову.

Чани взяла у него трубку, передала бурдюк в руки, протянувшись снизу, из толпы. Пауль не мог оторвать глаз от ее руки – от зеленой траурной повязки...

Когда он выпрямился, Чани, проследив его взгляд, сказала:

- Я могу оплакивать его даже в радости Вод. И это – то, что принес нам он... – Она вложила свою руку в его, повела вдоль уступа. – У нас с тобой есть общее, Усул. Мы оба потеряли отцов – из-за Харконненов. Харконнены убили их...

Пауль послушно шел за ней. Ему казалось, что его голова отделилась от тела и затем встала на место... но как-то не так. Ноги сделались будто резиновыми и остались –где-то далеко внизу.

Они вошли в узкий боковой проход, тускло освещенный настенными светильниками. Наркотик уже начал действовать, разворачивая время как раскрывающийся цветок.

Когда они повернули в следующий полутемный тоннель, ему пришлось .схватиться за Чани, чтобы не упасть. Через ткань он ощущил ее тело, одновременно крепкое, упругое и мягкое, – и почувствовал, как вскипает его кровь. Это чувство, соединившись с действием наркотика, сливающего прошлое и будущее с настоящим, давало необычное ощущение тройного, триокулярного зрения...

- Я... я знаю тебя, Чани, – прошептал он. – Мы сидели на обрыве над песками, ты плакала, и я тебя успокаивал. И мы обнимались в сумраке сиетча. И мы... – Он начал терять только что обретенный фокус своего зрения-во-времени, попытался потрясти головой, но споткнулся.

Чани помогла ему удержаться на ногах и, отведя тяжелые плотные занавеси, ввела Пауля в желтый, теплый уют семейного жилья. Низкие столики, подушки, мягкое ложе – расстеленные на полу одеяла, покрытые оранжевой тканью.

Пауль как-то осознал, что они наконец остановились, что Чани смотрит ему в лицо и глаза ее полны безмолвного страха.

- Ты должен объяснить мне... – прошептала она.

- Ты – Сихайя, – сказал он. – Весна Пустыни...

- Когда племя разделяет Воду, приобщается к ней, – проговорила она, – мы вместе. Все мы. Мы... разделяем. Я чувствую... других внутри себя... но я боюсь разделять это с тобой.

- Почему?

Он попытался сконцентрировать внимание на ней, но прошлое и будущее врывались в настоящее и застили его взор. Он видел ее в бесчисленных окружениях, обличьях, во множестве мест...

- В тебе есть что-то пугающее... - проговорила она. - Когда я увела тебя оттуда... я сделала это потому, что поняла, что этого хотят все. Ты... подавляешь. Ты... заставляешь нас видеть разное... такое...

Он заставил себя говорить отчетливо:

- Что ты видишь?

Чани опустила взгляд на свои руки.

- Я вижу дитя... у себя на руках. Это наш ребенок... мой и твой. - Она прикрыла рукой рот. - Откуда, откуда я знаю каждую черточку твоего тела?

И у них есть толика твоего дара, сказала его сознание, только они его подавляют, потому что он их страшит.

В миг прояснения он увидел, как дрожит Чани.

- Что ты хочешь сказать? - спросил он.

- Усул... - прошептала она, вздрагивая.

- В будущее спрятаться нельзя, - мягко сказал он. Его охватила жалость. Он притянул ее к себе, погладил по голове. - Чани... Чани... не бойся...'

- Усул, помоги мне! - не то вскрикнула, не то всхлипнула она.

И в миг он ощущал, как наркотик заканчивает в нем свою, работу - срывает завесы, скрывающие далекое облачное кипение будущего.

- Ты так спокоен... - изумленно сказала Чани.

Он ощущал себя в центре своего восприятия; во все стороны рассстелилась диковинная страна времени, уравновешенная - и кипящая, узкая - и раскинувшаяся необъятной сетью,, охватившей бесчисленные миры и силы. Натянутый канат, по которому надо пройти. И раскаивающие качели или провисшая проволока, на которой надо удержаться...

С одной стороны он видел Империю, Харконнена по имени Фейд-Раута, рвавшегося навстречу ему подобно смертоносному клинку; сардаукаров, исходящих со своей планеты, несущих погром на Арракис; Гильдия смотрит на это сквозь пальцы и плетет свои заговоры и интриги; а Бене Гессерит продолжает селекцию, согласно своей генетической программе... Все они нависали над горизонтом подобно грозовой туче - и их сдерживали всего лишь фримены и их Муад'Диб... спящий гигант, которого фримены выбрали своим вождем в безумном джихаде, катящемся через Вселенную...

Пауль ощущал себя в самом центре. В точке опоры, на которой вращалась вся эта невероятная машина. Он шел по тончайшей нити мира, и у него была его толика счастья/ибо была рядом Чани.

Он видел все это впереди - время относительного покоя в тайном сиетче, мгновения мира меж бурь насилия.

- И нет иного места для мира... - прошептал он.

- Усул, ты плачешь!.. - проговорила потрясенная Чани. - Усул, опора моя, сила моя - ты отдаешь влагу мертвым? Но чьим?..

- Мертвым, которые не умерли еще, - ответил он.

- Тогда пусть живут, пока есть у них время! Сквозь наркотический туман он ощутил ее правоту, притянул ее к себе по варварски крепко.

- Сихая! - прошептал он. Она коснулась его щеки.

- Я больше не боюсь, Усул, посмотри. Когда ты держишь меня так, я вижу то же, что и ты...

- Что ты видишь? - спросил он и взглядом потребовал ответа.

- Я вижу, как в момент затишья меж бурь мы дарим друг другу любовь; ибо это то, для чего мы созданы.

Наркотик вновь овладел им. Сколько раз ты дарила мне покой, утешение и забвенье! Он заново ощутил этот ярчайший свет, озаривший воображаемый пейзаж времени; ощущал, как становится воспоминаниями его будущее; ощущал нежность плотской любви, объединение и слияние душ, мягкость – и неистовство.

– Ты сильная, Чани, – проговорил он еле слышно. – Будь со мной.

– Я всегда буду с тобой, – ответила она и поцеловала его в щеку.

Глава 1

Никто и никогда не был близок с моим отцом – ни мужчина, ни женщина, ни ребенок. Единственным человеком, чьи отношения с Падишах-Императором можно было бы назвать дружескими, был граф Хасимир Фенринг, спутник Императора с детства. Оценить его дружбу можно прежде всего по позитивным моментам; так, ему удалось погасить подозрения, возникшие было в Ландсрааде после арракийских событий. Как говорила мне моя мать, это обошлось графу больше чем в миллиард соляриев, потраченных на взятки – Пряностью; а кроме того, ему пришлось сделать и множество других подарков: рабыни, должности, титулы, почести... А другим крупным свидетельством его дружеских чувств к отцу, на этот раз, так сказать, негативным, был отказ убить человека – хотя он мог бы сделать это и хотя мой отец дал ему приказ – убить...

Сейчас я расскажу о том, как это было....

(Принцесса Ирулан, «Граф Фенринг: биографический очерк»)

Барон Владимир Харконнен в ярости вырвался из своих апартаментов. Он мчался по коридору, пересекая столбы предвечернего света, падавшие из высоких окон, и на бегу его жирное тело тряслось и колыхалось в сбруе силовой подвески. Он миновал свою личную кухню, библиотеку, малую приемную и влетел в лакайскую переднюю, где слуги уже предавались вечернему отдыходу.

Капитан стражи Йакин Нефуд сидел, поджав ноги, на диване в дальнем углу комнаты. Плоское лицо его ничего не выражало – результат действия семуты, звучало жутковатое завывание семутной музыки. Собственная свита Нефуда окружала его, готовая исполнять приказы своего начальника.

– Нефуд! – взревел барон.

Слуги подскочили.

Нефуд поднялся. Его лицо, хотя и все еще оцепеневшее от семуты, побледнело от страха.

– Милорд барон... – произнес Нефуд, и если его голос не дрожал, то только благодаря семуте.

Барон огляделся: такие же безумно-спокойные и неподвижные лица. Он вновь повернулся к Нефуду и шелковым голосом спросил:

– Как долго ты возглавляешь мою охрану, Нефуд? Нефуд дернулся кадыком:

– С самого Арракиса, милорд... уже почти два года.

– И всегда распознавал грозящие мне опасности, оберегая меня?

– То, было единственным моим желанием, милорд...

– Раз так – где Фейд-Раута? – прорычал барон. Нефуд дернулся.

– М-милорд?..

– Может быть, ты считаешь, что Фейд-Раута не представляет для меня опасности? – Голос барона снова сделался шелковым.

Нефуд облизнул губы. Замутненные семутой глаза немного прояснились.

– Фейд-Раута сейчас в казармах рабов, милорд.

– С девками, конечно, а? – Голос барона дрожал от еле сдерживаемой ярости.

– Но, сир, может, он только...

– Молчать!

Барон сделал еще шаг вперед, отметив, как отшатнулись от Нефуда слуги, пытаясь как-то отгородиться от объекта хозяйствского гнева.

– Разве я не приказывал тебе, чтобы в любой момент ты точно знал, где находится на-барон? – спросил барон, подступая еще ближе. – Разве ты забыл, что в твои обязанности входит знать всё, что говорит на-барон – и кому он это говорит? – И он сделал еще шаг.

– Разве не велел я тебе докладывать мне всякий раз, когда он идет в казармы, в блоки рабынь?

Нефуд сглотнул. Его лоб покрылся испариной. Барон сказал – теперь очень ровным, почти совсем лишенным выражения голосом:

- Разве я не говорил всего этого? Нефуд только кивнул.

- И разве я не велел тебе проверять всех мальчиков-рабов, посылаемых ко мне... и что ты обязан делать это лично... и только лично?

Нефуд снова кивнул.

- Ты, случайно, не заметил на бедре у сегодняшнего мальчишки такого, знаешь, шрамика? - спросил барон. - Или, может, ты...

- Дядя!

Барон резко развернулся и вперил взгляд в остановившегося в дверях Фейд-Рауту. Поспешность, с которой племянничек появился здесь и которую он не сумел скрыть, говорила о многом. У Фейд-Рауты была собственная система слежки - он следил за ним, за бароном!..

- В моих апартаментах валяется труп, - проговорил барон, касаясь рукоятки скрытого под одеждой стакана и в который раз радуясь, что во всем баронстве ни у кого не было более мощного щита.

Фейд-Раута покосился на двоих стражников, застывших справа, и кивнул им. Стражники оторвались от стены и затрусили по коридору к баронским апартаментам.

«Значит, эти двое, а? - подумал барон. - Да, этому юному злодею еще учиться и учиться: с конспирацией у него слабовато. Заговоры - это искусство...»

- Надо полагать, когда ты покинул казармы, там все было в порядке, Фейд? - поинтересовался барон.

- Я там играл в хеопс с главным надсмотрщиком, - объяснил Фейд-Раута. А сам подумал: «Что же пошло не так? Ясно, что мальчишка, которого мы подсунули дядюшке, убит. Но ведь он идеально подходил для этого дела! Сам Хават не мог бы сделать лучший выбор. Мальчишка был великолепен!..»

- Значит, играл в пирамидальные шахматы, - повторил барон. - Как мило. И выиграл?

- Я... э... да, дядя. - Фейд-Раута боролся со все усиливающимся беспокойством.

Барон щелкнул пальцами.

- Нефуд, хочешь вернуть мое благорасположение?

- Но что я сделал, сир? - дрожащим голосом спросил Нефуд.

- А, это уже не важно, - махнул рукой барон. - Но ты слышал: Фейд обыграл в хеопс главного надсмотрщика. Слышал?

- Д-да... сир.

- Так вот: возьми троих людей и ступай к главному надсмотрщику. - распорядился барон. - И не забудь гарроту: придушишь его. Когда сделаешь, принеси сюда труп: я хочу посмотреть, как ты исполнил приказ. Нельзя же держать на службе таких скверных шахматистов!..

Фейд-Раута побледнел и шагнул к дяде:

- Но, дядя, я...

- Потом, Фейд, - отмахнулся барон. - Потом.

Двоих стражников, посланных в баронские апартаменты, прошли мимо входа в переднюю, таща за собой тело мальчика. Его руки волочились по полу. Барон проводил их взглядом.

Нефуд подошел к хозяину.

- Вы желаете, чтобы я убил главного надсмотрщика теперь же, милорд?

- Да, - кивнул барон. - Теперь же. И кстати, когда освободишься, добавь-ка к своему перечню и этих двоих, которые только что прошли. Мне не понравилось, как они несли тело. Надо все-таки такие вещи делать аккуратно!.. Их трупы тоже покажешь, - деловито закончил барон.

- Милорд, что я не так... - пробормотал Нефуд, но Фейд-Раута оборвал его:

- Делай, как велит твой господин, Нефуд!

Все, на что я могу теперь надеяться, – это самому выйти сухим из воды, решил он.

Отлично, подумал барон. По крайней мере парень умеет проигрывать, и притом с минимальными потерями. – Тут барон улыбнулся про себя. – И кроме того, он знает, как доставить мне удовольствие, и преловко отводит от себя мой гнев. Понимает, что мне придется его сохранить. Кому

другому мог бы я оставить бразды... когда придет срок? У меня нет больше никого и в половину столь же способного. Но он должен еще многому научиться! А пока он учится, я должен себя обезопасить.

Нефуд знаком позвал за собой стражников и вышел.

- Проводи меня в мои покои, Фейд, – ласково попросил барон. .
- Как прикажете, – поклонился Фейд-Раута. Я попался, – подумал он.
- Иди вперед, – махнул рукой на дверь барон. Лишь короткое колебание выдало страх Фейд-Рауты.

Неужели я проиграл совершенно? – спросил он себя. Вот как сунет мне отравленный нож в спину... медленно так, чтобы пройти щит! Неужели он уже обзавелся другим наследником?..

Вот-вот, пусть подрожит немножко, с удовольствием думал барон, идя за спиной племянника. Он, конечно, сменит меня на троне – но тогда, когда этого захочу я. Я не позволю ему разрушать сделанное мной!

Фейд-Раута пытался идти не спеша. Кожа у него на спине съежилась – дело ожидало удара. Мышицы то собирались в тугой комок, то немного расслаблялись...

- Слыхал новости с Арракиса? – спросил барон!
- Нет, дядя.. – Фейд-Раута заставил себя не оборачиваться. Они повернули в коридор, ведущий из крыла для слуг в главную часть дворца.
- У фрименов объявился новый пророк или какой-то там религиозный лидер, – проговорил барон. – Они зовут его Муад'Диб. Довольно забавное имя: на их языке оно означает «мышь». Впрочем, я велел Раббану оставить их религиозные дела в покое: чем бы дитя ни тешилось...
- Весьма интересно, дядя, – вежливо сказал Фейд-Раута, сворачивая в коридор, ведущий в апартаменты барона; сюда мало кого пускали.

Что это он завел речь о религии? – думал он. Или это какой-то тонкий намек?..

- Разумеется, весьма интересно, – подтвердил барон. Они вошли в баронские покои и через приемную – в спальню. Тут были видны некоторые следы борьбы: плавающая лампа висит не на своем месте, подушка – на полу, на столике у кровати лежит кольцами лента, вылетевшая из катушки суггестофильма –«колыбельная».
- План был придуман не глупо, – начал –барон. Он, не уменьшив мощность поля своего щита, остановился, глядя на племянника. – Но и недостаточно умно. Ну вот скажи мне, Фейд, отчего ты не попробовал убить меня сам? Возможностей у тебя было предостаточно.

Фейд-Раута нашупал за спиной кресло на силовой подвеске, сел, –мысленно пожав плечами: садиться барон не предлагал... Надо вести себя смелее, подумал он.

- Вы же сами учили меня, что я никогда не должен пачкать собственные руки.
- А, конечно, – покивал барон. – Иначе как сказать перед Императором, что не делал этого? Ведьма у трона будет слушать твои слова и определять, правдивы они или нет... Да, в самом деле. Я тебя предупреждал об этом.
- А почему бы вам самому не купить себе гессеритку? – спросил Фейд-Раута. – Вы никогда не покупали их. А ведь с Правдовидицей подле вас...
- Ты знаешь мои вкусы! – отрезал барон. Фейд-Раута некоторое время смотрел на дядю, потом отважился продолжить:
- И тем не менее гессеритка была бы весьма полезна для...
- Я им не доверяю! – прорычал барон. – И не пытайся перевести разговор!
- Как вам будет угодно, дядя, – мягко сказал Фейд-Раута.

- Помнится, несколько лет назад на арене... - проговорил барон, - против тебя выпустили раба, который должен был тебя убить. Во всяком случае, такое сложилось впечатление. А на самом деле?

- Это было так давно, дядя. В конце концов я...

- Не уходи от ответа, пожалуйста, - сказал барон, и по напряжению в его голосе Фейд-Раута понял, что он едва сдерживается. Он все знает, промелькнула мысль, иначе не спрашивал бы.

- Да, дядя. Это был трюк. Я хотел скомпрометировать вашего главного надсмотрщика.

- Весьма умно, - одобрил барон. - И смело. Кажется, тот гладиатор едва не убил тебя, так?

- Да.

- Ах, тебе бы тонкости под стать храбрости - был бы ты грозен и непобедим... - Барон покачал головой. В который уже раз после того страшного дня на Арракисе жалел он об утрате Питера. Да, ментат был действительно хитер и дьявольски тонок. Правда, это его не спасло... Барон опять покачал, головой. Да, порой рок был действительно загадочен и непредсказуем в своих поворотах...

Фейд-Раута оглядел спальню, изучая следы борьбы. Как же справился дядюшка с рабом, которого они так тщательно подготовили?..

- А, думаешь, как я его одолел? - усмехнулся барон. - Извини, Фейд, но я хотел бы сохранить втайне кое-что из моего секретного арсенала. Так, знаешь, просто чтобы пожить спокойно на старости лет. Хорошо? И, пожалуй, лучше нам воспользоваться случаем и заключить сделку.

Фейд-Раута уставился на дядю. Сделка! Значит, он все-таки собирается оставить меня наследником! Иначе - какие там были бы сделки... Сделки - это для равных. Или почти равных...

- Какую сделку, дядя?

Фейд-Раута невольно почувствовал гордость, что ему удалось сохранить голос спокойным и рассудительным и не выдать переполнявшего его восторга.

Заметил та, как Фейд-Раута сдерживает себя, и барон. Он кивнул.

- Да, Фейд, ты - хороший материал. А хорошим материалом я не разбрасываюсь. А вот ты упорно не хочешь понять, насколько ценен для тебя Я. Вот это... - он обвел рукой спальню со следами борьбы, - это было глупостью. А за глупость я никого не награждаю...

Да к делу же, дурак ты старый! - сердито подумал Фейд-Раута.

- Ты, похоже, считаешь меня сейчас старым дураком, - сказал барон. - Придется переубедить тебя.

- Вы говорили о сделке.

- Ах, нетерпеливая молодость! - вздохнул барон. - Ну хорошо. Вот суть сделки: ты прекратишь эти дурацкие

покушения на мою жизнь. А в свою очередь я, когда ты будешь готов, уступлю тебе трон. Я отрекусь от него и займу место твоего советника. А власть отдам тебе.

- Вы... отречетесь, дядя?

- Все еще считаешь меня дураком, да? - сказал барон. - И, разумеется, в твоих глазах мое предложение только подтверждает это твое мнение, а? Ты что же думаешь - я клянчу? Прошу? Осторожнее, Фейд! Этот старый дурак заметил иглу, которую ты вживил в бедро мальчишки. Как раз в том месте, на которое я бы положил руку, а? Легкий нажим и - щелк! Отравленная игла в руке у старого дурака. Ах-х, Фейд, Фейд!..

Барон укоризненно покачал головой, думая: Причем этот фокус сработал бы, не предупреди меня Хават. Ну да пусть парень думает, что это я сам разгадал заговор; впрочем, в каком-то смысле так и было. Ведь это я спас Хавата на, Арракисе. А парню не помешает немного больше уважения к моим способностям.

Фейд-Раута молчал, напряженно думая. Он не обманывает? Правда собирается отречься? А почему бы и нет? Я, конечно, унаследую ему, если только буду осторожен. Он же не будет жить вечно... Может> и правда глупо было пытаться ускорить... это.

- Так вы говорите, что это сделка, - сказал он. - Ну а гарантии?

- Как мы сможем верить друг другу, а? - переспросил барон. - Н-ну, что касается тебя, Фейд, за

тобой будет следить Суфир Хават. В этом я доверяю его способностям ментата» Ты, надеюсь, понимаешь меня?.. Что же до меня самого - тут тебе придется просто поверить мне на слово. Но, с другой стороны, я ведь не могу жить вечно - не так ли, Фейд? Кроме того, не пора ли тебе наконец начать догадываться, что я знаю кое-что, что и тебе знать не помешало бы... что ты должен знать.

- Хорошо, я пообещаю вам... а вы? - спросил Фейд-Раута.

- Для начала - оставлю тебя в живых, - хмыкнул барон.

Фейд-Раута вновь внимательно оглядел дядю.

Хавата он ко мне приставит! Интересно, что бы он сказал, узнав, что это Хават устроил ту штуку с гладиатором, которая стоила ему главного надсмотрщика? Пожалуй, заявил бы, что я пытаюсь оболгать Хавата. Не-ет, добрый Суфир как хороший ментат, уж конечно, предусмотрел и такую возможность...

- Ну и что ты скажешь на это? - спросил барон.

- А что я могу сказать? Конечно, я согласен, - ответил Фейд-Раута. Хават! Значит, он ведет двойную игру... играет на себя, да? Или он переметнулся к дядюшке из-за того, что я не посоветовался с ним в деле с этим мальчишкой-рабом?..

- Ты ничего не сказал о моем решении приставить к тебе Хавата, - заметил барон.

Слегка раздувшиеся ноздри выдали гнев молодого человека. Сколько лет само имя Хавата было сигналом опасности для Харконненов... а теперь у него новое значение: по-прежнему опасен.'

- Хават -г- опасная игрушка, - ответил он наконец.

- Игрушка? Не будь глупее, чем ты есть. Я знаю, что такое Хават и как им управлять. У Хавата, Фейд, слишком сильные эмоции. Человек без эмоций - вот кого следует опасаться по-настоящему. А сильные эмоции... ах, право, на них так удобно играть!

- Дядя, я вас не понимаю. .

- Заметно.

На этот раз вздрогнувшие веки выдали негодование Фейд-Рауты.

- Ты не понимаешь и Хавата, - добавил барон. Ты-то будто его понимаешь! - сердито подумал Фейд-Раута.

- Кого винит Хават за сложившиеся обстоятельства? - спросил барон. - Меня? Разумеется. Но, служа Атрейдесам, он многие годы, раз за разом, одерживал надо мной верх - пока не вмешался Император. Вот как он все это видит. Теперь его ненависть ко мне г- это так, между прочим. Привычка. И он верит, что в любой момент может опять обыграть меня. Только пока он в это верит - он проигрывает сам. Ибо я направляю его, куда нужно мне - против Императора.

По мере того как Фейд-Раута осознавал это, его лоб прорезали напряженные морщины, плотно сжимались губы.

- Против... Императора?! - выдохнул он. Ну-ка пусть племянничек расprobует вкус этих слов: «Его Императорское Величество Фейд-Раута Харконнен»! Пусть прикинет, чего это стоит. Уж конечно, куда больше, чем жизнь старого дядюшки, который как раз и может помочь этой мечте осуществиться!

Фейд-Раута медленно провел языком по пересохшим губам. Может ли быть, что старый дурак говорит правду? Наверняка же здесь скрывается больше, чем кажется!

- А... а при чем тут вообще Хават? - спросил он.

- А Хават думает, что использует нас для мести Императору.

- И что будет, когда он осуществит эту месть?

- Дальше этого он и не думал. Хават - человек, созданный для служения, причем сам он этого о себе не знает.

- Я многому научился у Хавата, - признал Фейд-Раута и сам понял вдруг, насколько это соответствует истине. - Но чем больше я от него узнаю, тем больше понимаю, что мы должны от него избавиться... и очень скоро.

- Тебе не нравится, что он будет следить за тобой?

- Он и так следит за всеми.

- И он может посадить тебя на трон. Хават - тонкая штучка. Он опасен. Хитер. Но все же я пока не стану отменять антидот, который он получает с пищей. Видишь ли, Фейд, меч ведь тоже опасен. Но для этого меча у нас есть ножны: яд в его теле. Стоит только не дать противоядия - и смерть сделает его безопасным...

- Это похоже на арену, - заметил Фейд-Раута. - Финт внутри финта и в нем еще финт. Надо следить, куда поворачивается гладиатор, куда смотрит, как держит нож...

Он кивнул сам себе: его слова явно понравились дяде. Впрочем, про себя на-барон подумал: Как арена - это точно. И острием клинка тут служит ум!

- Видишь теперь, как я тебе нужен, - сказал барон. - Нет, племянничек, я тебе еще пригожусь.

«Да, мечом работают, пока он не затупится», - подумал Фейд-Раута.

- Да, дядя, - кивнул он.

- Ну а теперь, мы пойдем в казармы рабов, - сказал барон. - Оба. В крыло удовольствий. И я буду смотреть, как ты сам, своими руками, убьешь там всех женщин.

Лицо Фейд-Рауты потемнело.

- Дядя, вы...

- Ты примешь это наказание и усвоишь кое-что, - отрезал барон.

Фейд-Раута встретил насмешливый, почти издевательский взгляд барона. «Да, я запомню эту ночь, - сказал он себе. - А с ней я буду помнить и те... другие ночи».

- Ты не можешь отказаться, - проговорил барон. «А если бы отказался - что бы ты сделал, старик?» - подумал Фейд-Раута. Но он знал, что за отказом последовало бы другое наказание, может быть, более изощренное. Более жестокий способ согнуть его.

- Нет, Фейд, я тебя знаю, - покачал головой барон. - Ты не откажешься.

«Ладно, - подумал Фейд-Раута. - Ты мне пока еще нужен, я это понял. Сделка заключена. Но придет время, и я уже не буду в тебе нуждаться. И тогда... когда-нибудь...»

Глава 2

Глубоко в подсознании людей укоренилась поистине извращенная потребность в разумно устроенной, логичной и упорядоченной Вселенной. Но дело в том, что реальная Вселенная всегда, пусть на один шаг, опережает логику.

(Принцесса Ирулан, «Избранные речения Муад'Диба»)

Да, случалось мне сидеть перед многими правителями Великих Домов... но борова толще и опаснее, чем этот, мне видеть не приходилось! – сказал себе Суфир Хават.

– Можешь говорить со мной прямо, Хават, – прогудел барон. Он откинулся на спинку своего плавающего кресла, но глазки, утопавшие в складках жира, буравили Хавата. ^

Старый ментат опустил взгляд на стол между собой и бароном Владимиром Харконненом, отметив богатство узора. Даже и это следовало учитывать, общаясь с бароном, – как и красную обивку его личной комнаты для совещаний и висящий в воздухе слабый аромат трав, скрывавший тяжелый мускусный запах.

– Ты же не забавы ради посоветовал мне предупредить Раббана? – сказал барон.

Обветренное лицо Хавата оставалось бесстрастным, не отразив отвращения, которое он испытывал в этот момент.

– Я о многом догадываюсь, милорд, – ответил он.

– Вижу. Н-ну хорошо... тогда скажи мне, каким образом Арракис вписывается в твои догадки относительно Салусы Секундус? Мне недостаточно просто твоего утверждения о том, что Императора раздражает всякая попытка провести какую-то параллель между Арракисом и его – таинственной планетой-тюрьмой. Так вот, я отправил Раббану это предупреждение сразу же только потому, что курьеру надо было

. отбыть именно на этом хайлайнере. Допустим. Но теперь я должен получить объяснения!

Он чересчур много болтает, подумал Хават. То ли дело был герцог Лето, который движением брови или руки мог передать мне все необходимое. Или взять Старого Герцога – тот мог целое предложение вложить в интонацию, с которой произносил одно только слово... А этот – тупая туша! Уничтожить его – это значит облагодетельствовать человечество...

– Ты не выйдешь отсюда, пока я не получу самое полное, обстоятельное и исчерпывающее объяснение; – заявил барон.

– Вы чересчур просто говорите о Салусе Секундус, – заметил Хават.

– Подумаешь! Исправительно-каторжная колония, только и всего, – отмахнулся барон. – На Салусу Секундус вся Галактика отсылает самую последнюю сволочь. Отребье. Ну и что еще надо знать об этой дыре?

– Хотя бы то, что условия существования на каторжной планете тяжелее, чем где-либо, – ответил Хават. – Вы, надо полагать, знаете, что уровень смертности у новичков превышает шестьдесят процентов. Что Император как только может угнетает их. Вы знаете все это – и не задаете никаких вопросов?..

– Император не позволяет Великим Домам инспектировать его каторгу, – проворчал барон.

– Так зато и он не заглядывает в мои темницы.

– И всякое любопытство относительно Салусы Секундус, как бы это сказать... э-э... – Хават приложил узловатый палец к губам, – не поощряется.

– Надо полагать, ему нечем гордиться на этой планете! Хават позволил легкой улыбке коснуться его темных губ. Он посмотрел на барона, и его глаза сверкнули в свете плавающих ламп.

– И, значит, вы ни разу не задумывались, где Император берет своих сардаукаров?

Барон выпятил пухлые губы, что придало ему вид надувшегося ребенка. С раздражением в голосе он сказал:

– Н-ну... он набирает рекрутов... то есть все знают про наборы... вот и берет из новобранцев, наверное...

- Ф-фа! - фыркнул Хават. - То, что рассказывают о военных успехах сардаукаров, не относится к простым слухам... верно? Это - рассказы немногих уцелевших в схватках с ними. Так?

- Сардаукары - великолепные бойцы. Кто сомневается? - возразил барон. - Однако я полагаю, что и мои легионы...

- Туристы-отпускники по сравнению с Императорскими сардаукарами, - скривился Хават. - Или, может, вы думаете, я не понимаю, почему Император обрушился на Дом Атрейдес?

- В эту тему тебе лучше не углубляться, - предупредил барон.

Возможно ли, что он сам не знает истинных причин, побудивших Императора к этой операции? - удивился Хават.

- Мне/следует углубляться в любую тему, коль скоро она относится к моим обязанностям, - возразил Хават. - Не для того ли вы меня и взяли на службу? Я ведь ментат, а от ментата нельзя скрывать информацию и нельзя ограничивать его в направлении расчетов.

Целую минуту барон пристально смотрел на Хавата и наконец пробурчал:

- Ну давай, ментат. Выкладывай.

- Падишах-Император ударил по Дому Атрейдес потому, что военачальники герцога, Гурни Халлек и Дункан Айдахо, сумели сформировать и обучить войска, вернее, совсем небольшое для начала войско из бойцов, практически ни в чем не уступающих сардаукарам. А некоторые бойцы были даже лучше их! Более того, герцог имел полную возможность увеличить это войско и добиться, чтобы оно стало столь же Сильным, как Императорский Корпус Сардаукаров.

Барон долго обдумывал эту новость. И наконец поинтересовался:

- А при чем здесь Арракис?

- Арракис здесь при том, что он является потенциальным источником рекрутов, прошедших самую суровую школу выживания.

Барон потряс головой:

- Уж не фрименов ли ты имеешь в виду?

- Именно фрименов.

- Ха! Стоило же посыпать Раббану предупреждение! После сардаукарских погромов и притеснений Раббана - сколько их могло уцелеть? Какая-то горстка!

Хават молча смотрел на него.

- Не больше горстки, - повторил барон. - Да только за истекший год Раббан уничтожил тысяч шесть!

Хават продолжал молча его разглядывать.

- А за год, до того - девять тысяч, - добавил барон. - И сардаукары постарались: До их вывода с планеты они, я думаю, истребили тысяч двадцать!

- А каковы потери войск Раббана за те же два последних года? - осведомился Хават.

Барон потер свои многоярусные подбородки.

- Хм... ну да, действительно, он все время требует пополнений и рекрутов набирает в довольно широких масштабах. Его вербовщики суют такие немыслимые блага...

- Для круглого счета - тысяч тридцать, не правда ли?

- Не многовато ли? - усомнился барон.

- Отнюдь, - возразил Хават. - Я умею читать между строк отчетов Раббана не хуже вашего. И вы, несомненно, разобрались в моих отчетах по информации от наших агентов...

- Арракис - планета суровая, - свел брови барон. - Одни только бури могут причинить...

- Мы оба знаем цифры, в которых выражаются потери от бурь, - ответил Хават.

- Ну а если он действительно потерял тридцать тысяч? Что из того? - побагровев от гнева, спросил

барон.

- По вашим подсчетам, - продолжал Хават, - за два года он уничтожил пятнадцать тысяч фрименов, потеряв вдвое больше. Вы утверждаете, что сардаукары истребили еще двадцать тысяч или, может быть, немного больше. А я видел их транспортные декларации на вылет с Арракиса. Если они действительно убили двадцать тысяч, то их потери составили пять к одному. Может быть, стоит все-таки заметить эти цифры и понять, о чем они говорят, мой барон?

Нарочито холодно барон уронил:

- Это - твоя работа, ментат. Так что они значат, эти цифры?

- Я уже сообщал вам данные отчета Дункана Айдахо по сиетчу, который он посещал, - напомнил Хават. - Все сходится. Если у них хотя бы двести пятьдесят таких общин-сиетчей, то фрименское население планеты составит не менее пяти миллионов человек. А согласно моим оценкам, таких сиетчей по крайней мере вдвое больше! На такой планете население вынуждено рассредотачиваться.

- Десять миллионов?!

От изумления щеки и подбородки барона дернулись.

- По меньшей мере десять.

Барон поджал пухлые губы. Маленькие глазки в упор разглядывали Хавата.. Интересно, подумал он, неужели это действительно результаты расчетов, а не блеф? Как же это никто и не заподозрил?

- Мы даже не повлияли сколько-нибудь заметно на прирост населения, - добавил Хават. - Мы только, так сказать, отбраковали слабейших, дав сильным возможность стать еще сильнее. Все как на Салусе Секундус!

- Салуса Секундус! - рявкнул барон. - Да при чём тут императорская каторжная планета?!

- Кто пережил Салусу Секундус, тот становится куда крепче и выносливее большинства остальных, - пояснил Хават. - Добавьте сюда хорошую военную подготовку - самую лучшую - и...

- Чушь! Если следовать твоим аргументам, я могу набирать в свою армию фрименов - после того как они претерпели притеснения от моего племянника!

Хават спокойно спросил:

- А ваши войска никогда не испытывают от вас притеснений?

- Ну... в общем, я... но...

- Притеснение притеснению рознь, - развил мысль Хават. - Ваши солдаты живут куда лучше прочих ваших подданных, а? И они видят, какая неприятная альтернатива есть у них службе в армии барона,- а?

Барон замолчал, глядя в одну точку. Какие открывались возможности! Неужели Раббан помимо воли создал для Дома Харконнен такое могучее оружие?

Наконец он сказал:

- Но как можно полагаться на верность подобных солдат? Вот ты бы ^ как ее обеспечил?

- Я брал бы их небольшими группами, не больше взвода, - начал Хават, - вытащил бы их из прежних условий, то есть освободил бы от угнетения. Изолировал бы с инструкторами, причем инструкторы должны понимать своих подопечных; лучше всего, если инструкторы в прошлом сами претерпели все то же самое. Затем я бы напичкал их таинственными, почти мистическими историями о том, что мир, где им пришлось столько испытать, на самом деле был тайной базой подготовки сверхлюдей. Сверхбойцов. Таких, как они. И наконец, все это время я показывал бы им., что могут заслужить эти сверхвойны: роскошь, красавиц, жизнь во дворцах... все, что они пожелают.

Барон кивнул:

, - Так сардаукары и живут.

- Спустя какое-то время рекрутчики начинают верить, что существование Салусы Секундус оправданно, поскольку она произвела их - элиту, соль расы. Последний

рядовой Корпуса Сардаукаров живет во многих отношениях не хуже членов Великих Домов.

- Какая идея!.. - прошептал возбужденно барон.
- Вот вы уже и разделили мои подозрения, - кивнул Хават.
- Но с чего все началось? - спросил барон.
- Ах да. Действительно, как возник Дом Коррино? Было ли какое-то население на Салусе Секундус до того, как Император послал туда первые тюремные транспорты? Даже герцог Лето, кузэн Императора по женской линии, не знал ответов на эти вопросы. Такие вопросы не приветствуются...

Глаза барона сверкали.

- Да, они превосходно охраняют эту тайну! Они сделают все что угодно, чтобы...
- И кроме того, что еще стоит так охранять? Какую тайну? Что у Падишах-Императора есть каторжная планета? Это всем известно, что...
- Граф Фенлинг! - перебил вдруг барон.

Хават замолчал и, удивленно нахмурясь, посмотрел на барона;

- Что - граф Фенлинг?

- На дне рождения моего племянника несколько лет назад, - объяснил барон, - был этот расфранченный попугай Императора - граф Фенлинг; он присутствовал -там в качестве официального наблюдателя и для того, чтобы... э-э... заключить некую деловую договоренность между мною и Императором...

- И что?

- Я... э-э... в разговоре упомянул что-то о своих планах превратить Арракис в планету-тюрьму. И Фенлинг...

- Что именно вы сказали ему?-перебил Хават.
- Что именно? Ну... это было достаточно давно, и...
- Милорд барон, если вы хотите использовать меня с максимальной эффективностью, вы должны снабжать меня соответствующей информацией. Разговор записывался?

Лицо барона потемнело от гнева.

- Ты ничем не лучше Питера! Я не люблю, когда...
- Питера у вас больше нет, милорд, - напомнил Хават, - Между прочим, что именно с ним случилось все-таки?
- Он стал чересчур фамильярным и слишком много от меня хотел, - объяснил барон.
- И вы меня уверяли, что не бросаетесь полезными людьми, - заметил Хават. - Вы хотите тратить мои силы на угрозы и увертки?.. Итак, мы остановились на том, что вы сказали графу Фенлингу.

Барон медленно взял себя в руки. Ну, придет еще время, думал он, припомню я тебе твои манеры. Да. Ох и припомню!..

- Минуточку... - проговорил он, вспоминая беседу в приемном зале. Он мысленно представил себе шатер тишины - это помогло.

- Значит я сказал что-то вроде: «Уж Император-то знает, что немного насилия и убийств всегда шло на пользу делу. Я имел в виду потери в рабочей силе. А потом я сказал что-то насчет возможных вариантов решения арракийской проблемы - и что каторжная планета Императора вдохновила меня на попытку состязаться с ним в организации подобного учреждения...

- Ведьмина кровь! - выругался Хават. - А что Фенлинг?
- Тут-то он и начал спрашивать меня о тебе. Хават откинулся на спинку кресла, прикрыл глаза.
- Вот, значит, почему они начали так следить за Арракисом, - проговорил он. - Что ж, сделанного не воротишь. - Он открыл глаза. - Сейчас Арракис наверняка набит шпионами. Два года!..
- Но не могло же мое вполне, кажется, невинное замечание...
- В глазах Императора ничего «невинного» не бывает! Какие распоряжения вы отдали Раббану?

- Я всего лишь велел ему научить Арракис бояться нас...

Хават покачал головой.

- Теперь у вас осталось только два выхода, - сказал он. - Или перебить местных жителей - истребить всех поголовно! - или...

- Уничтожить всю рабочую силу?!

- Если, конечно, вы не предпочтете, чтобы Император и те Великие Дома, которые он сможет привести за собой, пришли сюда и выскоили Джеди Прим, как пустой черепок!

Барон некоторое время смотрел на своего ментата.

- Он не посмеет! - сказал он наконец.

- Вы так думаете? Губы барона дрогнули.

- А... второй выход?

- Отрекитесь от своего любезного племянника, барон. От Раббана. . . ;

- Отре... - Барон осёкся и уставился на Хавата.

- Не посылайте ему больше пополнений. Вообще никакой помощи. Не отвечайте на его запросы - только в том смысле, что-де вы признали, как жестоко он управляет Арракисом, и намерены исправить дело - так скоро, как будет возможно. А я обеспечу перехват нескольких посланий императорскими шпионами.

- Но как же Пряность, доходы, как...

- Требуйте с него положенные поступления в казну, но будьте осторожнее в формулировках. Требуйте фиксированные суммы. Мы можем...

Барон поднял руки ладонями вверх.

- Да как же я могу быть уверен, что этот хорек, мой племянник, не...

.Разве у нас нет больше шпионов на Арракисе?.. Вот и скажите Раббану - или он будет выполнять ваши требования по поставке Пряности, или вы его смените.

- Я знаю своего племянника, - хмуро возразил барон. - Он после этого только усилит давление на население.

- Разумеется! - перебил его Хават. - А нам и нельзя резко прекращать это давление! Все, чего вы хотите, - умыть руки. И пусть Раббан устраивает вам вашу Салусу Секундус. Не нужно даже посылать туда заключенных: к его услугам все местное население. Если Раббан тираничит народ, чтобы добыть столько Пряности, сколько вы требуете,. Император вряд ли станет подозревать, что у вас есть иные причины. Пряность, вполне достаточный повод, чтобы поджаривать на медленном огне всю планету. Разумеется, барон, вы -ни словом, ни действием не покажете, что есть и другая причина.

Барон не сдержал восхищенной нотки в голосе.

- Ах, Хават, и хитер же ты! А как нам потом воспользоваться плодами усилий Раббана?

- Это как раз самое простое^ барон. Ежегодно повышайте - ненамного - план по Пряности. Вскоре ситуация станет критической, производство упадет. Тогда вы сможете снять Раббана и лично отправиться на Арракис... чтобы исправить положение.

- Всё так, - сказал барон. - Но должен признать, все это начало меня утомлять. Я готовлю другого... кандидата, который управлял бы Арракисом.

Хават разглядывал жирное круглое лицо. Затем старый воин-шпион медленно покивал:

- Фейд-Раута. Вот, значит, в чем причина всех этих притеснений. Вам тоже не занимать хитрости, мой барон... Пожалуй, мы можем объединить оба плана. Да. Ваш Фейд-Раута придет на Арракис как их спаситель и сможет завоевать популярность.

Барон улыбнулся, а про себя подумал: Любопытно, а как все это вписывается в собственные планы Хавата?

Хават, видя, что разговор окончен, поднялся и вышел из кабинета, задрапированного красной

тканью. Он думал. Слишком много неизвестных: в каждом расчете по Арракису – неизвестные. В частности, этот новый религиозный вождь, о котором сообщал скрывавшийся среди контрабандистов Гурни Халлек – этот Муад'Диб или как его там...

Может, не стоило советовать барону оставить их религию в покое, дать ей распространяться как ей угодно – даже среди населения впадин и грабенов... – сказал он себе. Но, с другой стороны, угнетение ведет к подъему религиозных чувств, это общеизвестно...

Он/припомнил, доклады Халлека по фрименской боевой тактике. А ведь тут за версту пахнет самим Халлеком... и Айдахо... и даже им, Хаватом...

Может быть, Айдахо спасся? – подумал он.

Но это был пустой вопрос. Он не задумывался, а не мог ли выжить сам Пауль: он знал, что барон убежден в смерти всех Атрейдесов. Бене-Гессеритская ведьма была орудием "барона" – тот сам признал это. А это значило конец для всех – даже и для ее сына.

Какую же ядовитую ненависть питала она к Атрейдесам! – подумал он, Почти точно такую, какую питаю я к барону. Но сумею ли я нанести столь же смертельный и окончательный удар?

Глава 3

Во всякой вещи скрыт узор, который есть часть Вселенной. В нем есть симметрия, элегантность и красота – качества, которые прежде всего схватывает всякий истинный художник, запечатлеваящий мир. Этот узор можно уловить в смене сезонов, в том, как струится по склону песок, в перепутанных ветвях креозотового кустарника, в узоре его листа. Мы пытаемся скопировать этот узор в нашей жизни и нашем обществе и потому любим ритм, песню, танец, различные радующие и утешающие нас формы. Однако можно разглядеть и опасность, таящуюся в поиске абсолютного совершенства, ибо очевидно, что совершенный узор – неизменен. И, приближаясь к совершенству, все сущее идет к смерти.

(Принцесса Ирулан, «Избранные речения Муад'Диба»)

Пауль Муад'Диб вспомнил, как ел пищу, обильно сдобренную Пряностью. Он ухватился за воспоминание – это была зацепка; держась за него, он понимал, что сейчас видит сон.

Я – театр, где развиваются события... – думал он. Я – жертва неполного видения, жертва сознания расы и ее ужасной цели...

Но он не мог "отделаться" боя страха, что как-то превысил свои силы и затерялся во времени, так что смешались будущее и настоящее... нельзя было отличить их друг от друга... Это походило на расстройство зрения и происходило – он понимал это – от постоянной необходимости сохранять пророческие видения в памяти; а память сама по себе неотъемлемо принадлежала прошлому.

«Чани приготовила мне поесть», – сказал он себе.

Но Чани была далеко на юге, в холодной стране с горячим солнцем, ее тайно переправили в один из новых укрепленных сиетчей вместе с их сыном, Лето Вторым.

...Или этому лишь предстояло случиться в будущем?

– Нет, напомнил он себе: ведь Алия-Странная, его сестра, отправилась туда же вместе с матерью и Чани. Это в двадцати манках к югу отсюда, и они поехали в паланкине Преподобной Матери, на спине дикого Подателя.

При одной мысли о поездке на гигантском черве его передернуло. И тут же он спросил себя: Но Алия – родилась ли уже Алия?

Он стал вспоминать: Я пошел с раззиией; мы устроили налет на Арракин, чтобы вернуть воду наших убитых; и в пепле погребального костра я нашел останки отца; и взял его череп, и положил его в основание каменного кургана, сложенного, по фрименскому обычанию, над перевалом Харг... « ... Или и этому лишь предстояло совершиться?

Мои раны – реальность, сказал себе Пауль. Мои шрамы – реальность... Гробница отца – тоже реальность.

Все еще в полуслне он вспомнил, как Хара, вдова Джамиса, однажды вбежала к нему и сообщила, что в коридоре только что был поединок. Это случилось еще во временном сиетче – до отправки на юг, в глубокую Пустыню, детей и женщин. Хара стояла в дверях, ведущих во внутреннюю комнату, и черные крылья ее волос были подхвачены сзади цепочкой с нанизанными на нее водяными кольцами. Он стояла, отведя в сторону дверные занавеси; и она сказала, что Чани только что убила кого-то.

Да? это было, сказал себе Пауль, это было в действительности, а не пришло видением из будущего. Это было – и не изменится вовек.

Он вспомнил, как вылетел в коридор. Чани стояла там под желтыми светильниками, в ярко-синем халате с откинутым капюшоном; на лице эльфа – напряженное выражение. Она убирала крис в ножны, а несколько фрименов торопливо удалялись с ношей.

Пауль припомнил еще, как сказал себе тогда: Сразу видно, когда они несут труп.

Водяные кольца Чани – в сиетче их носили открыто, нанизанными на шнурок на манер ожерелья – зазвенели, когда она обернулась к нему.

– Чани, что случилось?

– Просто разделась тут с одним^ Он пришел вызвать тебя на поединок, Усул.

– И ты убила его?

- Ага. А что, надо было оставить его для ножа Хары? С этим и она бы сладила.

(Судя по лицам зрителей, окружавших место стычки, слова Чани им понравились, вспомнил он. Даже Хара расхохоталась.)

- Да, но он хотел вызвать меня!

- Ты же научил меня приемам колдовского боя...

- Да, конечно, но тебе не следовало...

- Я родилась в Пустыне, Усул, и знаю, с какой стороны берутся за крис.

Он сдержал гнев и постарался говорить как можно убедительнее:

- Может, все это и так, Чани. Однако...

- Я уже не ребенок, что ловит скорпионов на свет ручного шарика, Усул! Я давно не занимаюсь детскими играми!

Пауль сердито смотрел на нее, пораженный странной яростью за ее внешним спокойствием.

- Он не стоил того, чтобы ты с ним дрался, Усул, - сказала Чани. - Много чести - прерывать ради подобной дряни твои размышления!

Она подошла совсем близко, искоса посмотрела ему в лицо и прошептала так, чтобы слышал только он:

- И потом, любимый: когда станет известно, что желающий вызвать тебя может нарваться на поединок со мной и принять позорную смерть от женщины Муад'Диба, охотников испытать тебя станет куда меньше!

Да, сказал себе Пауль, это действительно случилось. Это - истинное прошлое... И она была права - число желающих испытать в поединке новый клинок племени сошло тогда почти на нет.

Откуда-то извне мира его снов пришло ощущение движения и крик ночной птицы.

Я сплю... Это все Пряность в еде...

Но чувство покинутости не оставляло его. Может быть, подумал он, моя Рух действительно каким-то образом ускользнула в тот мир, где, согласно фрименским верованиям, она и вела свое истинное существование, - в алам аль-митхаль, мир фрименских притчей, метафизический мир подобий, где не действуют никакие физические ограничения?.. И при мысли о таком мире его охватил страх: ведь там, где нет ограничений, нет и ничего, на что мог бы опереться его мятущийся разум. В мире мифов он не мог сориентироваться, не мог/ сказать себе: «Я есть я», потому что я здесь».

Мать говорила как-то: «Люди делятся - во всяком-случае, часть их - по тому, как они о тебе думают».

Я просыпаюсь, сказал себе Пауль. Ибо это действительно было; мать в самом деле говорила это. Леди Джессика, которая была теперь Преподобной Матерью фрименов, сказала эти слова, и они навсегда вошли в реальность...

Джессика, Пауль знал это, опасалась религиозной связи между ним и фрименами. Ей, например, очень не нравилось, что и фримены, и жители грабенов, упоминая Муад'Диба, говорили просто - Он. И Джессика неустанно изучала, что происходит в племенах: посыпала шпионить своих сайядин, собирала воедино их доклады и обдумывала их.

Однажды она привела ему очередное изречение Бене Гессерит: «Когда религия и политика едут в одной колеснице, ездоки начинают считать, что теперь ничто не сможет преградить им путь. Тогда они убыстряют скачку и гонят все быстрее и быстрее. Они отбрасывают самую мысль о препятствиях - и забывают, что мчащийся сломя голову обычно замечает пропасть, лишь когда становится слишком поздно».

Пауль вспомнил, как сидел в покоях матери - во внутренней комнате с темными драпировками, затканными сюжетами фрименской мифологии. Он сидел и слушал ее, а она, как всегда, ни на миг не прекращала следить за окружающим - даже когда не поднимала глаз от пола. В уголках губ появились морщинки, но волосы по-прежнему блестели полированной бронзой. Широко поставленные глаза, правда, потеряли свой зеленый цвет - их уже залила синева ибада.

- Религия фрименов простая и вполне практическая, - заметил он.

- В вопросах религии ничего простого не бывает, - осторегла Джессика.

Но Пауль все еще ощущал угрожающее им обоим темное будущее впереди, и внезапный гнев снова обжег его. Он, впрочем, ответил только:

- Религия объединяет наши силы. В этом ее смысл.

- Да ведь ты нарочно культивируешь здесь этот дух, - обвиняюще произнесла Джессика. - Ты просто не прекращаешь внушать им это!

- Ты меня этому и научила, - парировал Пауль. Они в тот день много спорили. То был еще день обряда

обрезания маленького Лето. Пауль понимал некоторые причины недовольства матери. Она, например, так и не смогла принять его раннюю женитьбу на Чани. Но, с другой стороны, Чани родила сына Атрейдеса - и Джессика не сумела оттолкнуть вместе с матерью и ребенком.

Под его взглядом Джессика наконец неловко пошевелилась и Проговорила:

- Ты меня, наверно, считаешь плохой матерью.

- Что ты!

- Я же вижу, как ты смотришь на меня, когда я с твоей сестрой. Но ты не понимаешь. Она...

- Да нет же. Я знаю, почему Алия так отличается от всех, - пожал он плечами. - Она была еще частью тебя, она жила в тебе, когда ты изменила Воду Жизни. И она...

- Что ты можешь об этом знать!

Пауль внезапно почувствовал, что не может выразить словами видения, пришедшие к нему извне времени, и сказал только:

- В общем, я не считаю тебя плохой матерью.

Она, заметив, как он расстроен, наклонилась к нему:

- Послушай, сын...

- Да?

- Я все-таки люблю твою Чани. И принимаю ее. ...Да, все это было на самом деле. Это была реальность, а не видение - незавершенное, готовое измениться в родовых корчах при появлении на свет из древа времени...

Эта уверенность помогла ему крепче ухватиться за мир. Кусочки реальности начали проникать сквозь сон в его разум. Внезапно он осознал, что находится в хайрете - пустынном лагере. Чани поставила палатку на самом мелком песке - чтобы было помягче. Значит, Чани рядом. Чани, его душа, его Сихая, Чани, нежная и прекрасная, как весна Пустыни. Чани, только что вернувшаяся из пальмовых рощ юга.

Теперь он вспомнил и одну из песен Пустыни, которую она спела ему перед сном.

О душа моя!

Не стремись этой ночью в рай - И, клянусь тебе Шаи-Хулудом, Ты придешь туда, Покорившись моей любви.

А потом она пела ту песню, которую поют влюбленные, когда идут, взявшись за руки, по пескам; и ритм ее был точно песок дюн, осыпающийся под ногами.

Расскажи мне об очах твоих, И я расскажу тебе о сердце твоем.

Расскажи мне о стопах твоих, И я расскажу тебе о руках твоих.

Расскажи мне о снах твоих, И я расскажу тебе о пробужденье твоем.

Расскажи мне о желаньях твоих, И я расскажу тебе о том, В чем нуждаешься ты.

В соседней палатке кто-то перебирал струны балисета. И он вспомнил Гурни Халлека; он как-то заметил лицо Халлека, мелькнувшее в отряде контрабандистов. Но Гурни его не видел - не мог видеть и даже слышать о нем, чтобы даже случайно не навести Харконненов на след убитого ими герцога.

Впрочем, манера игравшего быстро подсказала ему, кто это на самом деле: Чатт-Прыгун, командир федайкинов – бойцов-смертников, охранявших Муад'Диба.

Мы – в Пустыне, вспомнил наконец Пауль. В Центральном эрге, куда не заходят харконненские патрули. Я здесь, чтобы пройти пески, подманить Подателя и самому взобраться на него – чтобы стать наконец настоящим фрименом.

Теперь он почувствовал маulet и крис на поясе; физически ощутил окружавшую его тишину.

То была та особая предрассветная тишина, когда ночные птицы уже смолкли, а дневные создания не возвестили еще о своей готовности встретить своего врага – солнце.

«Ты должен будешь ехать при свете дня, дабы Шай-Хулуд увидел тебя и знал, что в тебе нет страха, – объяснял Стилгар. – А потому сегодня мы изменим распорядок и выспимся ночью».

Пауль тихо сел в полумраке диститента. Расстегнутый дистикомб не облегал тело, а висел достаточно свободно. Но, хотя он и старался не шуметь, Чани его услышала.

Из темноты в; дальнем углу палатки донесся ее голос:

- Любимый, еще не рассвело.

- Сихая, – сказал он, и в его голосе зазвенел счастливый смех.

- Ты называешь меня весной Пустыни, – проговорила Чани, – но сегодня я – как стрекало погонщика. Ведь я – сайдина, назначенная наблюдать за точным исполнением обряда. Пауль принял затягивать застежки дистикомба.

- Ты мне как-то прочла слова из Китаб аль-Ибара, – вспомнил он. – Ты сказала: «Вот женщина – она поле твое; итак, иди и возделывай его»,

- Я – мать твоего первенца, – кивнула Чани.

В сером свете Пауль увидел, что она, в точности повторяя его движения, застегивает дистикомб, готовясь к выходу в открытую пустыню.

- Тебе следует отдохнуть как можно лучше, – сказала она.

Пауль услышал любовь в ее голосе и слегка поддразнил:

- Сайдина-наблюдательница не должна предупреждать или предостерегать готовящегося к испытанию.

Она скользнула к нему, коснулась рукой его щеки:

- Я сегодня – не только наблюдательница, но и женщина!

- Надо было тебе передать эту работу кому-нибудь другому.

-Ну нет, ждать куда хуже. Так я хоть рядом с тобой. . Пауль поцеловал ее ладонь, потом ;приладил лицевой фильтр, повернулся и с треском открыл входной клапан. Ворвавшийся в палатку прохладный ночной воздух Пустыни был не совсем сухим – в нем чувствовалась влага, которая с рассветом превратится в редкие, крохотные капли росы. Ветерок принес с собой запах премеланжевой массы, которую вчера обнаружили к северо-востоку отсюда; а где премеланжевая масса, там, как он теперь знал, и червь неподалеку.

Пауль выполз через сфинктерный клапан, встал на песок и потянулся. Небо на востоке уже отсвечивало зеленоватым перламутром. Вокруг поднимались палатки, замаскированные под небольшие дюны. Слева от себя Пауль заметил движение. Это был часовой, и он тоже увидел Пауля.

Они все понимали, с какой опасностью ему предстоит столкнуться сегодня. Каждый из них в свое время прошел через это. Каждый фримен. Поэтому сейчас они оберегали его право на несколько минут одиночества – чтобы он успел подготовиться к испытанию.

Сегодня я должен сделать это.

Пауль подумал о власти, которую получил, когда фри-мены начали бороться с погромами. О стариках, которые посыпали молодежь к нему, чтобы перенять приемы «колдовского боя»; о стариках, которые теперь внимательно выслушивали его на Совете и следовали его планам, а затем вознаграждали его наивысшей у фрименов похвалой: «Твой план удался, Муад'Диб».

И при этом даже худшие из фрименских бойцов могли сделать то, на что он пока не решался. Пауль прекрасно понимал, что его авторитет вождя не может не страдать от этого.

Он еще ни разу не ездил на черве.

Вернее, он, разумеется, ездил с остальными – в учебные походы и в налеты. Но сам – никогда. И до тех пор, пока он не оседлает червя сам, пределы его мира будут зависеть от других. Ни один настоящий фримен не может допустить такого. Пока он не овладеет этим искусством сам, даже бескрайние земли Юга, начинавшиеся манках в двадцати от эргов, были для него недоступны – разве что он велит подать паланкин и поедет так, как пристало лишь Преподобной Матери, да еще больным и раненым.

Он вспомнил внутреннюю борьбу, пережитую ночью. Какая странная параллель: если он одолеет Подателя, его власть укрепится; если сумеет овладеть своим внутренним взором – тоже... Но пока все, что лежало впереди, было закрыто как бы тучами, и только Великая Смута, охватившая всю Вселенную, кипела там,

Различие путей, которыми он постигал Вселенную, не давало ему покоя. Как сочетались точность и поразительная приблизительность! Он видел Вселенную как она есть, *in situ*, живущей и меняющейся. Но «теперь», входя в реальность, начинало жить своей собственной жизнью, развиваться, обретая собственные черты. Ужасное же его предназначение оставалось. Сознание расы оставалось. И джихад грозно полыхал впереди, кровавый и беспощадный...

Чани вышла к нему, встала, обхватив себя за локти, взглянула искоса – как всегда, когда она старалась определить его настроение.

– Расскажи мне еще раз о водах твоего родного мира, Усул, – попросила она.

Он понял, что Чани пытается отвлечь его, ослабить напряжение перед смертельно опасным испытанием. Светало, и некоторые федайкины уже сворачивали палатки.

– Лучше ты расскажи мне о сиетче и о моем сыне, – улыбнулся Пауль. – Как он, наш Лето, – уже взял в свои руки власть в доме? Матерью моей уже командует?

– И Алией тоже; – улыбнулась она в ответ. – А как растет! Великаном будет!

– Как там, на Юге? – спросил он.

– Научишься ездить – сам увидишь.

– Но я хотел бы сперва увидеть все твоими глазами. –

– Там очень одиноко, – ответила она, Он коснулся платка-нежони, повязанного на ее лбу под капюшоном дистикомба.-

– Почему ты не хочешь говорить про сиетч?

– Я уже все рассказала. Нам одиноко там без наших мужчин. Это – место для работы. Мы работаем в цехах и гончарной мастерской. Делаем оружие, шестуем пески, чтобы предсказывать погоду, собираем Пряность – многое кого приходится подкупать... Кроме того, вокруг – дюны, которые надо засадить и закрепить. «Еще мы делаем ткани, ковры, заряжаем аккумуляторы. Разумеется, воспитываем детей – племя не должно терять свою силу...

– Неужели там нет ничего хорошего?

– Как – нет? А дети?.. Мы выполняем все обряды. Еды у нас вдоволь. Время от времени женщины ездят на Север, чтобы разделить ложе с мужчиной. Жизнь должна продолжаться...

– А моя сестра, Алия... приняло ли ее племя?

Чани повернулась лицом к нему и в свете разгорающегося утра посмотрела ему в глаза.

– Об этом лучше поговорим в другой раз, любимый.

– Сейчас.

– Тебе надо беречь силы для испытания... Кажется, он коснулся больного места: ее голос прозвучал отстранение.

– Неизвестность и недосказанность тоже заставляют волноваться, – возразил он ей.

Помедлив, она кивнула.

- Пока... случаются еще недоразумения, - неохотно начала она. - Алия слишком... необычна. Женщины боятся ее, потому что ребенок, едва не младенец, говорит о... вещах, которые должны были знать только взрослые. Они не понимают то... изменение, произшедшее с ней во чреве матери... изменение, сделавшее Алию такой... отличной от всех.

- Значит, недоразумения? г- переспросил он и подумал: Не зря у меня были видения о проблемах вокруг Алии и...

Чани взглянула на разгорающийся горизонт.

-Некоторые женщины пошли даже к Преподобной Матери. Они требовали, чтобы она изгнала демона из своей дочери, и цитировали Писание - «да не потерпите вы, чтобы ведьма жила между вами».

- И что же ответила им .мать?

- Напомнила им закон и выпроводила их, весьма сконфуженных. Она сказала: «Если Алия и вызывает у вас беспокойство, то причиной тому - неспособность предвидеть и предупредить случившееся с ней». И попыталась объяснить им, как случилось, что преображенная Вода Жизни подействовала на Алию в ее чреве. Но женщины сердились, потому что она пристыдила их, и ушли, сердито ворча.

С Алией всегда будут сложности... - подумал он. Колючий песок, пахнущий премеланжевой массой, коснулся открытых участков кожи.

- Эль-саяль - песчаный дождик, приносящий утро... - пробормотал он.

В сероватом свете утра он оглядел пески: земля, не знающая жалости, песок - мир в себе, песок, сливающийся с песком...

На юге, где еще не разошлась ночная тьма, сверкнула сухая молния - последняя буря наэлектризовала пески, в них накопился сильный статический заряд. Гром послышался с сильным запозданием.

- Голос, украшающий землю, - сказала Чани. Люди один за другим вылезали из палаток. Подошли часовые, дежурившие за скалой. Приказывать не требовалось - все шло по заданному издревле распорядку.

«Как можно меньше приказывай, - учил его отец... когда-то, очень давно... - Раз прикажешь - „делайте то-то и то-то“, и потом всегда придется приказывать о том же».

Фримены инстинктивно следовали этому правилу.

Хранитель воды начал утренний молитвенный распев, добавив к нему слова, открывающие ритуал посвящения в наездники Пустыни.

- Мир - лишь пустая оболочка, и все в мире смертно, - читал он нараспев, и голос его плыл над дюнами. - Кто отвратит десницу Ангела Смерти? И свершится установленное Шай-Хулудом...

Пауль слушал. Он, конечно, заметил, что этими же словами начиналась смертная песнь федайкинов; воины-смертники распевали ее, кидаясь в бой.

Может быть, и сегодня здесь сложат каменный курган, чтобы отметить еще одну смерть, - подумал он. - И проходящие мимо фримены будут останавливаться, и каждый добавит по камню к этому кургану, и вспомнит Муад'Диба, погибшего здесь...

Такая возможность тоже была на одной из вероятностных линий будущего, расходящихся из той точки пространства-времени, где он находился сейчас. Неопределенность видений мучила его. Чем больше боролся он со своим ужасным предназначением, чем больше старался не допустить джихад, тем большее смятение охватывало его пророческое видение. Будущее казалось ему бурной рекой, несущейся в пропасть, - а за нею все было закрыто туманом...

- Стилгар идет, - сказала Чани. - Любимый, я должна теперь отойти, С этой минуты я только сайдина, наблюдающая за обрядом, чтобы потом все было верно занесено в Хроники. - Она взглянула на него снизу вверх, и на миг самообладание изменило ей. Впрочем, она тут же взяла себя в руки. - Когда испытание закончится, я сама приготовлю тебе завтрак, - пообещала она и отвернулась.

Стилгар подошел к ним. При каждом его шаге мелкий, как тонкая мука, песок взлетал легкими облачками из пыльных луж. Он не сводил с Пауля неукротимого взгляда обведенных тенью глаз. Его лицо с угловатыми обветренными скулами, с черной бородой, выбивавшейся из-под лицевого

клапана дистикомба, казалось высеченным из камня.

Стилгар нес знамя Пауля – черно-зеленое полотнище с водяной трубкой дистикомба на древке. Это знамя уже стало легендой среди фрименов. Не без гордости Пауль подумал: «Я теперь не могу сделать ни одного пустяка без того, чтобы он тут же не превратился в легенду. Они все заметят: как я простился с Чани, как приветствовал Стилгара..: каждый мой сегодняшний шаг. Буду я жить или погибну – в любом случае это войдет в легенду. Но я не могу умереть – „ибо тогда останется только легенда, и ничто не сможет остановить джихад“.

Стилгар воткнул древко знамени в песок рядом с Паулем, встал, опустив руки. Синие-в-синем глаза смотрели спокойно и сосредоточенно. Это напомнило Паулю, что и его собственные глаза тоже начала затягивать синяя дымка ибада. Пряность...

- Они запретили нам хадж! – провозгласил с ритуальной торжественностью Стилгар.

Пауль, как учила Чани, ответил:

- Кто смеет отказать свободному фримену в праве идти или ехать, куда он пожелает?

- Я – наиб, – продолжил Стилгар, – и враг никогда не возьмет меня живым. Я – опора треножника смерти, несущего гибель всем нашим врагам.

Наступила пауза.

Пауль оглядел фрименов, неподвижно стоявших за спиной Стилгара. Каждый в этот миг повторял про себя слова молитвы. И он подумал: вот народ, чья жизнь состоит из непрерывных сражений и убийств, каждый день которого исполнен лишь ярости и скорби – и Никто из

них даже представить себе не мог, что явится нечто и заменит эти чувства... Единственно-мечта, которой поделился с ними незадолго до гибели Лиет-Кинес. Поделился т- и смог заразить ею и самого Пауля, и его мать.

- Где Господь, Который вел нас по пустыне, по земле пустой и необитаемой, по земле сухой, по земле тени смертной? – вопросил Стилгар.

- Он вечно пребудет с нами, – хором, нараспев произнесли фримены.

Стилгар расправил плечи, подошел вплотную к Паулю и понизил голос:

- Не забудь, чему я тебя учили. Действуй прямо и просто, не вздумай фокусничать. У нас дети впервые вскакивают на червя в двенадцать. Ты больше чем на шесть лет старше, и ты не был рожден для нашей жизни. Тебе не нужно сейчас поражать нас своей смелостью; мы знаем, что ты храбр. Все, что ты должен сделать, – это подманить Подателя, вскочить на него и проехать некоторое расстояние..

- Не забуду, – ответил Пауль.

- Ну, смотри. Я учил тебя и не хотел бы, чтобы ты осрамил меня.

Он вытащил из-под плаща пластиковый шест около метра длиной. С одного конца шест был заострен, на другом была закреплена заводная пружинная трещотка.

- Я сам подготовил для тебя манок. Он в полном порядке. Бери.

Пауль принял манок, ощущая теплый, гладкий пластик.

- Твои крючья у Шишакли, – продолжал Стилгар. – Он вручит их тебе, когда ты поднимешься вон на ту дюну.- Он показал рукой. – Вызови большого Подателя, Усул. Веди нас!

В его голосе звучала не только ритуальная торжественность, но и тревога за друга.

В этот миг солнце словно выпрыгнуло из-за горизонта. Небо сразу же приняло серебристый серо-голубой цвет – это обещало день необычайно сухой и жаркий даже для Арракиса.

- Приходит палящий день, – провозгласил Стилгар уже совершенно торжественным тоном. – Ступай, Усул, и оседлай Подателя, и отныне странствуй в песках, как подобает вождю людей.

Пауль отсалютовал своему знамени – ветер стих, и черно-зеленое полотнище неподвижно обвисло – и повернулся к дюне, на которую указал Стилгар: грязно-бурые склоны, 8-образный гребень. Остальные уже уходили в противоположную сторону и поднимались на дюну, под склоном которой укрывался их лагерь.

Перед Паулем оставался только один человек – Шишакли, взводный командир федайкинов. Его лицо было закрыто, между капюшоном и лицевым клапаном виднелись только раскосые глаза.

Шишакли протянул ему два тонких, похожих на хлысты прута, каждый был метра полтора длиной, со сверкающим крюком из пластили на конце. Второй конец был утолщенным и шероховатым для надежного захвата.

- Это мои собственные крючья, – хрипло пробасил Шишакли. – Они меня ни разу не подводили.

Пауль кивнул, сохраняя молчание, как велел обычай. Взял крючья, обошел Шишакли и продолжил подъем к гребню дюны. На самом верху он остановился, оглянулся: его отряд рассыпался по пескам, точно вспугнутая мошкара. Впечатление усиливали развевающиеся на ходу полы одежд. Теперь Пауль остался один. Он стоял на песчаном гребне, и перед ним раскинулась Пустыня. До самого горизонта, плоского и неподвижного. Стилгар выбрал хорошую дюну: она была выше остальных, и с нее было дальше видно.

Наклонившись, Пауль глубоко воткнул шест манка в наветренный склон, где песок был плотнее, и, значит, стук манка передавался по нему лучше. Несколько секунд он медлил, в последний раз вспоминая полученные уроки и думая о предстоящем деле – поистине деле жизни или смерти.

Как только он отпустит стопор, манок застучит, Где-то в песках гигантский червь, Податель, услышит этот стук и придет на него; пользуясь похожими на хлысты крючьями, учили Пауля, можно вскарабкаться вверх по крутым бокам червя. Червь сам поможет ему: пока крюк оттягивает назад передний край одного из кольцевых сегментов его тела, открывая более нежную плоть колючему песку, животное не уйдет под поверхность и, более того, извернется так, чтобы открытый участок оказался насколько возможно дальше от песчаной поверхности.

Я – наездник Пустыни, сказал себе Пауль.

Он глянул на крючья в левой руке и подумал, что, для того чтобы заставить Подателя поворачивать и двигаться в нужную сторону, надо только передвигать эти крючья по краю сегмента гигантского тела. Он видел, как это делается. Ему помогали вскарабкаться на червя для коротких тренировочных поездок. Раз захваченного червя можно было гонять, пока тот не обессилеет и не встанет неподвижно в песках. Тогда приходилось подманивать свежего.

Как только он пройдет испытание, он получит право совершить поездку за двадцать манков к югу, чтобы отдохнуть и восстановить силы в краю женщин и детей, укрытых от погромов среди новых пальмовых рощ, в тайных сиетах под землей. Он поднял голову и взглянул на юг, напомнив себе, что в испытании есть два неизвестных: неукрощенный червь, вызванный из просторов эрга, и сам новичок испытуемый...

«Тщательно оцени подходящего к тебе Подателя, – наставлял Стилгар. – Стой достаточно близко, чтобы вскочить на него, но не настолько, чтобы он тебя проглотил».

Он решительно отщелкнул стопор. Трещотка завертелась, и по пескам разнесся размеренный стук: тумп... тумп... тумп...

Он, выпрямился, оглядел горизонт, помня слова Стилгара: «Тщательно следи за направлением его движения, просчитай его путь. Помни: червь редко подходит к манку незаметно. Но все равно будь настороже и слушай: часто ты услышишь приближение червя прежде, чем увидишь его».

Вспомнил он и предупреждение Чани – ночью в палатке ее одолел страх за него, и она, шепотом повторила: «Когда выберешь позицию близ пути Подателя – стой абсолютно неподвижно! Даже думай, как маленькая дюна. Укройся плащом – и стань ею, стань песчаным холмиком снаружи и внутри».

Пауль медленно оглядывал горизонт, слушал и ждал появления знака червя – все как учили. И он пришел с юго-востока: далекое шипение, песчаный шорох. Затем он увидел вдали в утреннем свете, бросавшем длинные тени, след быстро идущего червя – никогда еще он не видел Подателя таких гигантских размеров и даже не слыхал о таком. В нем было не меньше полулиги в длину, а песчаная волна перед головой чудовищной твари казалась настоящей движущейся горой.

Я не видел ничего подобного ни в реальности, ни в своих видениях, подумал Пауль. И побежал наперерез – занять позицию для перехвата червя, полностью поглощенный предстоящим испытанием.

Глава 4

«Контролируйте выпуск денег и суды; все же прочее оставьте толпе». Так советует вам Падишах-Император. И он же учит: «Если хотите иметь прибыли – вы должны править». Да, в его словах есть правда. Но, спрашиваю я себя, кто есть толпа – и кем правят ?»

(Принцесса Ирулан, «Аракис Пробуждающийся». Приводится текст тайного послания Муад'Диба Ландсрааду)

Джессике пришла нежданная мысль: Пауль, может быть, именно сейчас проходит испытание. Они хотели скрыть это от меня – но это же ясно...

И Чани вот уехала по какому-то загадочному делу...¹

Джессика сидела в покоях для отдыха: выдалась Тихая минутка между ночных уроками. Комната была уютная, хотя и не такая большая, как та, которую ей предоставили в Скетче Табр незадолго до того, как они бежали, спасаясь от погрома. Но и тут на полу лежали толстые ковры, мягкие подушки, под рукой – низкий кофейный столик, многоцветные драпировки на стенах и плавающие лампы под потолком, льющие мягкий желтоватый свет. Разумеется, комната насквозь пропиталась едким, кисловатым запахом фрименского сиетча. Только теперь этот запах ассоциировался у нее с безопасностью.

И все-таки она знала, что эти стены никогда не станут родными для нее, что она никогда не сумеет преодолеть чувство отчужденности. Напрасно пытались ковры и драпировки скрыть суровость этих каменных стен...

Из коридора доносились слабые, приглушенные стенами и расстоянием звуки барабанов, металлическое бряцание, хлопки в ладости. Это, знала Джессика, праздновали рождение ребенка. Скорее всего родила Субийя – по времени срок ее. И, конечно, скоро этого синеглазого ангелочка принесут к Преподобной Матери – к ней – для благословения. Кроме того, она знала, что ее дочь, Алия, конечно, будет на празднике и ей подробно все расскажет.

А для ночной поминальной молитвы время еще не пришло. Да никто бы и не начал праздник рождения ребенка обрядом оплакивания тех, кто был захвачен в рабство на Поритрине, на Бела Тейгейзе, на Россаке, на Хармонтепе.

Джессика вздохнула. Конечно, она понимала, что на самом деле старается сейчас отвлечься от мыслей о сыне и об угрожающих ему смертельных опасностях – ямах-ловушках с отправленными шипами, харконненских рейдах (впрочем, в последнее время харконненские войска все реже отваживались на набеги – фримены поубавили им прыти с помощью данного Паулем оружия, навсегда оставив в Пустыне довольно много и топтеров, и самих харконненских вояк). А еще были и естественные опасности Пустыни – Податели, жажда, пыльные провалы...

Она хотела было велеть подать кофе, но остановилась, задумавшись над давно занимавшим ее парадоксом: насколько фримены в своих сиетчах жили лучше, чем пеоны грабенов; а с другой стороны, во время хаджров в Пустыне фрименам приходится выносить куда больше, чем любому из рабов Харконненов...

Занавеси подле нее раздвинулись, в образовавшуюся щель просунулась темная рука, поставила на столик чашку и исчезла. От чашки поднимался аромат кофе, щедро сдобренного Пряностью.

С праздничного стола – подумала Джессика.

Она взяла чашку и принялась прихлебывать из нее, улыбаясь. В каком другом обществе во всей известной Вселенной, спросила она себя, мог бы некто, занимающий столь же заметное положение, без опаски пить неизвестно кем приготовленный и неизвестно кем поданный напиток? Теперь-то я, конечно, могла бы изменить внутри себя любой яд. Но подавший мне кофе об этом не знает!

Она допила кофе. Горячий, вкусный напиток придав ей сил и бодрости.

И еще, подумала она. – Ну в каком еще обществе так непринужденно и естественно оберегали бы ее покой и уединение – даритель лишь подал подарок, а сам и не показался! И сам подарок был послан ей с любовью и уважением – и лишь с крошечной толикой страха.

Да, и еще одна сторона случившегося. Стоило ей подумать о кофе, и он тут как тут. Но телепатия здесь ни при чем. Это все – «тай», единство общины сиетча, компенсация за то, что Пряность – пусть слабый, но все-таки яд. Большинству было недоступно просветление, сошедшее на нее благодаря Пряности; их этому не учили и к этому не готовили. Их разум отвергал то, что не мог понять. Но все же зачастую община вела себя как единый организм и ощущала себя таковым.

Мысль о «совпадениях» им даже в голову не приходила.

Прошел ли Пауль испытание в песках? – снова спросила себя Джессика. Удалось ли ему? Он должен суметь, но даже с лучшим может произойти несчастный случай. На то он и случай...

Как же трудно – ждать!

Главное – это скука. Ждешь, ждешь... и постепенно тебя одолевает скука ожидания!

А ожидание занимало в их жизни немало места.

Мы здесь уже больше двух лет, думала она, и придется ждать по крайней мере еще вдвое дольше, прежде чем мы сможем попытаться отбить Арракис у харконненского управителя. У Мудир-Нахъя. У Зверя Раббана.

- Преподобная?..

Голос за занавесью принадлежал Харе,-второй женщине дома Пауля.

- Да, Хара, войди.

Занавеси раздвинулись, Хара скользнула внутрь. На ней были сандалий для ношения в сиетче и красно-желтый халат с короткими, открывавшими руки почти до плеч рукавами. Черные волосы разделены посередине пробором, гладко зачесаны назад и смазаны маслом – точно надкрылья какого-то жука. Хищное, словно вытянутое вперед лицо напряжено нахмурено.

За ней вошла Алия – девочка чуть старше двух лет. :% Увидев дочь, Джессика, как часто бывало, поразилась сходству Алии с Паулем в том же возрасте: тот же серьезный, вопросительный взгляд, те же темные волосы, тот же упрямый рот. Но были и отличия – из-за них большинству взрослых становилось не по себе в присутствии

Алии. Девчушка-малышка, не так давно начавшая даже ходить, вела себя со взрослым спокойствием и уверенностью. Взрослых шокировало, когда она смеялась над тонкой игрой слов, двусмысленными каламбурами, которыми перебрасывались мужчины и женщины. А иногда Алия своим шепелявым голоском, не всегда приятным из-за неокрепшего еще мягкого нёба, вставляла такие лукавые замечания, которые подразумевали жизненный опыт отнюдь не двухлетнего младенца...

Хара, не без раздражения вздохнув, тяжело опустилась на подушки, исподлобья взглянула на девочку.

- Алия, подойди, – поманила Джессика дочь.

Та подошла к матери, тоже села на подушку, ухватила ее руку. Телесный контакт, как всегда, восстановил и контакт сознаний, существовавший между ними еще до рождения Алии. То были не общие мысли у обеих, не ТП – хотя и такое случалось, если Алия прикасалась к матери в момент, когда Джессика преобразовывала меланжевый яд для церемоний. Но это – это было нечто большее, непосредственное восприятие другой живой искры, острое чувство единства на уровне нервной системы, делавшее их и эмоционально единым целым.

Джессика в формальной манере, подобающей в обращении с домашними ее сына, обратилась к Харе:

- Субах-уль-кахар, Хара, – как чувствуешь ты себя этой ночью?

В том же традиционно формальном ключе та ответила:

- Субах-ун-нар – у меня все в порядке в эту ночь. Она произнесла приветственную формулу почти без выражения и снова вздохнула.

Джессика почувствовала, что Алия смеется про себя.

- Гханима моего брата мною недовольна, – объяснили она, слегка Шепелявя.

Джессика, разумеется, не могла не отметить, что Алия назвала Хару «гханима». Так у фрименов назывался добытый в бою трофей, причем обычно такой предмет, который более не использовался по первоначальному, прямому назначению, – так, безделушка и на память о победе, к примеру, наконечник копья, подвешенный к занавеске в качестве грузика.

Хара метнула на девочку сердитый взгляд:

- Не нужно меня оскорблять, дитя. Я свое место помню.

- И что ты на этот раз натворила, Алия? – спросила Джессика.

За нее ответила Хара:

- Сегодня она не только отказалась играть с другими детьми, но и влезла, куда..

- Я спряталась за занавеской и смотрела нахождение ребенка Субийи, – объясняла Алия. – Это-мальчик. Он все кричал, кричал... Ну у него и легкие! Ну и когда я увидела, что он покричал достаточно.

- Она подошла и коснулась его! – возмущенно сказала Хара. – И он замолчал, а ведь всякий знает, что фрименский ребенок должен как следует выкричаться, если он в сиетче, – потому что он больше не должен будет кричать или плакать, чтобы не выдать нас во время хаджра.

- А он и выкричался, – сообщила Алия. – Я только хотела прикоснуться к его искорке... ну, к жизни. Только и всего. А когда он ощущил меня, он больше не хотел плакать.

- Разговоров прибавится, – пробурчала Хара.

- Но ребенок Субийи здоров? – спросила Джессика. Она видела, что Хара чем-то сильно встревожена.

- Здоровее не бывает, – ответила Хара. – И все знают, что Алия ему не повредила. И, в общем, не рассердились, что она его трогала. Тут другое... – Хара пожала плечами.

- Всё дело в странности моей дочери? – спросила Джессика. – В том, что она говорит не как ребенок ее лет и знает вещи, по возрасту ей не положенные, например, образы из прошлого...

- Ну откуда ей знать, например, как выглядел какой-то там ребенок на Бела Тейгейзе?!

- Так он же похож! – возмущенно сказала Алия. – Мальчик Субийи в точности как сын Митхи, что родился перед самым уходом!

- Алия! – строго сказала Джессика. – Я же тебя предупреждала!

- Но, мама, я же сама видела и...

Джессика покачала головой – на лице Хары было написано сильное беспокойство. Кого же я родила? – спросила себя Джессика. Она уже в миг рождения знала столько же, сколько я... даже больше – все, что открылось с помощью Преподобной Матери в коридорах прошлого...

- Дело не только в том, что она сказала, – мрачно проговорила Хара. – Тут и другое: ее упражнения, например: сядет и уставится в скалу, и только один какой-нибудь мускул дергается, возле носа или на пальце, или...

- Бене-Гессеритские упражнения, – кивнула Джессика. – Ты же знаешь про них, Хара. Надеюсь, ты не собираешься отказывать моей дочери в наследственности?

- Тебе известно, Преподобная, что для меня такие вещи ничего особенного не значат, – ответила Хара. – Но люди-то шепчутся... Я чувствую опасность. Они говорят, что твоя дочь – демон, что другие дети отказываются с ней играть, что она...

- У нее слишком мало общего с другими детьми, – сказала Джессика. – Какой она демон! Просто она...

- Конечно, она не демон!

Джессика поразилась, с какой горячностью Хара сказала это. Она перевела взгляд на Алию. Девочка как будто совершенно ушла в свои мысли – как будто... ждала чего-то. Джессика вновь обернулась к Харе.

- Я уважаю домашних моего сына, – сказала Джессика (а Алия пошевелилась у нее под рукой). – Ты можешь открыто говорить со мной обо всем, что тебя тревожит.

- Недолго мне быть в его доме! – ответила Хара. – Я ждала до сих пор ради своих сыновей, ради всего, чему они научились, как сыновья Усула. Это немного, но это все, что я могла им дать, – ведь все знают, что я не делю ложе с твоим сыном.

Алия, теплая в полудреме, опять шевельнулась под рукой матери.

- Но тем не менее ты могла бы стать хорошей подругой и помощницей моему сыну... – сказала Джессика. И добавила про себя, потому что не переставала думать об этом: только не женой. А от

этой мысли было, конечно, недалеко и до другой, более важной, что как заноза постоянно мучила ее: в сиетче уверенно говорили, что союз ее сына с Чани стал уже настоящим супружеством.

«Я-то люблю Чани...» – подумала Джессика. И тут же напомнила себе, что любви, может быть, придется уступить дорогу политическим соображениям... вопросам короны. Монархи, как известно, редко женятся по любви.

- Думаешь, я не знаю, что ты готовишь для сына? – продолжала Хара.

- Ты о чем? – строго спросила Джессика.

- Ты хочешь объединить все племена под Его рукой.

- Разве это плохо?

- Я вижу опасность для него... и Алия – часть этой опасности.

Алия теснее прижалась к матери. Теперь она открыла глаза и внимательно смотрела на Хару.

- Я же смотрела на вас, – сказала та. – Как вы касаетесь друг друга. И Алия для меня – родная плоть, ведь она сестра тому, кто как брат мне. Я присматривала за ней и берегла ее с тех пор, когда она была совсем крошкой. С той самой раззии, после которой мы укрылись здесь. И я многое видела...

Джессика кивнула. Она чувствовала, как в Алие нарастает тревога.

- Ты понимаешь, о чем я говорю, – продолжала Хара. 1– Как с первого дня она понимала все, что мы говорим ей. А разве знал свет другого ребенка, который бы в столь раннем детстве так знал и соблюдал водную дисциплину? И разве был когда ребенок, чьими первыми словами к няньке «было бы: „Я люблю тебя, Хара“?..

Хара прямо посмотрела на Алию.

- Почему, как ты думаешь, я терплю все ее подковырки и оскорблении? Потому что знаю, что на самом деле она на меня худа не держит!

Алия подняла глаза на мать.

- Да, Преподобная,-я тоже умею думать, – сказала Хара. – Я сама могла бы стать сайядиной. И что я видела – то видела.

- Хара... – Джессика пожала плечами. – Я не знаю, что сказать... – И она поразилась собственным словам, потому что это буквально была чистая правда: она не знала, что сказать.

Алия выпрямилась, развернула плечики. Джессика поняла – время ожидания прошло. Алией владело сложное чувство, смесь решимости и грусти.

- Мы совершили ошибку, – сказала Алия. – Теперь нам нужна Хара.

- Это случилось во время Обряда Семени, – проговорила Хара. – Когда ты, Преподобная, преобразовывала Воду Жизни: когда Алия еще жила, нерожденная, в твоем чреве.

Нам нужна Хара? – удивленно повторила про себя Джессика.

- А кто еще может поговорить с людьми, помочь им хотя бы начать понимать меня? – ответила девочка.

- И что ты хочешь, чтобы она сделала? – спросила Джессика.

- Она уже знает, что ей делать.

- Я расскажу им правду, – сказала Хара, и ее лицо показалось вдруг им старым и грустным. Оливковая кожа собралась в хмурые морщинки на лбу, а в острых чертам проглянуло настоящее колдовство. Хара стала похожа на ведьму. – Я скажу им, что Алия только притворяется маленькой девочкой, а на самом деле и не была ею никогда.

Алия покачала головой. По ее щекам потекли слезы, и Джессика ощущала волну ее печали, как свою собственную печаль.

- Я знаю что я урод... – прошептала Алия. Взрослые слова и интонация из детских уст прозвучали подтверждением горькой истины.

- Никакой ты не урод! – оборвала ее Хара. – Кто посмел сказать тебе такое?!

Джессика вновь поразилась яростной силе голоса Хары и готовности, с какой она бросилась на защиту Алии. И Джессика поняла – Алия рассудила верно: Хара им нужна. Племя поймет ее слова и чувства, ибо было очевидно, что она любит Алию, как свое собственное дитя.

- Так кто это сказал?! – повторила Хара.

- Никто.

Уголком материнской абы Алия вытерла слезы. Разгладила смятый и промокший край ткани.

- Ну так и ты не говори такого! – велела Хара. – Да, Хара.

- Ну а сейчас, – сказала Хара, – можешь все рассказать мне. Чтобы я рассказала другим. Итак, что с тобой случилось?

Алия сглотнула, подняла взгляд на мать. Джессика кивнула.

- Однажды я проснулась, – проговорила Алия. – Это было как пробуждение ото сна, вот только я не помнила, чтобы засыпала перед этим. Я была в каком-то теплом, темном месте. И я – испугалась.

Слушая шепелявящий голосок дочери, Джессика вспомнила тот день, огромную пещеру...

- Когда я испугалась, – продолжала девочка, – я попыталась выбраться из этого места; но выхода не было. Потом я увидела искорку... то есть не совсем увидела. Эта искорка была прямо там, со мной, мы были вместе; и я ощутила эмоции, исходившие от нее... она меня утешала, успокаивала, обещала, что все будет хорошо. Это была моя мать.

Хара вытерла глаза и ободряюще улыбнулась Алие. Но все-таки глаза фрименки диковато поблескивали – хотя казалось, будто Хара хочет и глазами слушать рассказ Алии.

Что можем мы знать о том, что думает она – с ее уникальным опытом, воспитанием и наследственностью?.. – по-«думала» Джессика.

- Но как только я успокоилась и почувствовала себя в безопасности, – рассказывала Алия, – появилась еще одна искра... тут-то все и случилось. Этой третьей искрой была Преподобная Мать. Она... передавала маме многие жизни... все, что у нее было... и я была с ними и все видела... все-все. И потом все кончилось, и я была уже всеми ими, и еще другими, и самой собой.:; только мне пришлось очень долго искать себя. Там было слишком много других.

- Это было жестоко, – проговорила Джессика, – никто не должен так пробуждаться к жизни. Но всего поразительнее то, что ты сумела принять все, что с тобою случилось!..

- А что мне оставалось? – пожала плечиками Алия. – Я не знала, как оттолкнуть все это или спрятать свое сознание... или закрыть его, отгородиться... всё просто случилось... всё это...

- Но мы же не знали... – пробормотала Хара. – Когда мы давали твоей матери Воду, чтобы она изменила ее, мы не знали, что она уже носит под сердцем тебя...

, – Не печалься об этом, Хара, – сказала Алия. – Да и мне себя жалеть не стоит. В конце концов, тут и порадоваться можно: я ведь Преподобная Мать. У племени, значит, две Препо...

Она замолчала и, склонив голову, прислушалась.

Хара, сидевшая на пятках рядом с ней, откинулась назад, пораженно уставилась на Алию, затем подняла взгляд на Джессику.

- Неужели ты даже не подозревала? – спросила Джессика.

- Ш-ш-ш, – поднесла палец к губам Алия,

Из-за занавеси, отделявшей комнату от коридора сиетча, доносился далекий ритмичный напев. Он стал громче. Теперь были слышны слова: «Йа! Йа! Йаум! Йа! Йа! Йаум! Му зейн валлах! Йа! Йа! Йаум! Му зейн валлах!»

Хор приблизился, прошествовал мимо входа в йали, голоса наполнили все комнаты. Постепенно звук удалился. Когда он почти затих, Джессика начала обряд, скорбно возвестив:

- То было в рамадан, и апрель стоял на Бела Тейгейзе.

- Семья моя сидела в нашем бедном дворике, – подхватила Хара, – и воздух был умыт влажной пылью фонтанной струи. И простираво ветви дерево, и портиполи висели на них, круглые и яркие, только руку протяни. Стояла корзина, полная мишиша и баклавы, и рядом – кувшины с либаном –,

все добрая пища и питье. Мир был над нашими радами и пастбищами, и мир в домах наших, и был мир по всей земле.

- Итак, полна счастья была жизнь, покуда не явились враги, – продолжила Алия.

- Кровь стыла в жилах от криков друзей моих, – сказала Джессика – и почувствовала, как сквозь все жизни, влившиеся в ее память, приходят кровавые воспоминания.

- «Ла, ла, ла», – стенали женщины, – опять вступила Хара.

- И вот ворвались в мой муштамаль налетчики и бросились на нас; кровь капала с их клинов, и то была кровь наших мужчин, – снова была очередь Джессики.

Они замолчали, как замолчали люди по всему сиетчу, во всех его помещениях, вспоминая и не давая угаснуть давнему горю.

Наконец Хара произнесла слова, завершившие ритуал, и эти слова прозвучали так жестко, как Джессике не приходилось еще их слышать:

- Никогда не простим и никогда не забудем.

В задумчивой тишине, наставшей после этих слов, они услышали неясные голоса людей, шелест множества одежд. Джессика почувствовала, что за занавесью кто-то стоит.

- Преподобная?

Женский голос. Джессика узнала его – Тартар, одна из жен Стилгара.

- В чем дело, Тартар? – спросила Джессика.

- Дурные вести, Преподобная...

У Джессики сжалось сердце от страха за сына.

- Пауль, – выдохнула она.

Тартар развела занавеси и вошла. Прежде чем занавеси упали, Джессика успела заметить, что в передней толпится народ. Она посмотрела на Тартар: невысокая смуглая женщина в черном с красными узорами платье; ноздри раздуваются, открывая натертые носовыми фильтрами мозоли; сплошь синие глаза в упор смотрят на нее.

- Так что случилось? – требовательно спросила Джессика.

- Весть из песков, – ответила Тартар, – Усул сегодня встречается с Подателем – сегодня испытание... да, сегодня. Молодежь уверена, что он» не может не справиться, и говорит, что еще до заката он станет наездником Пустыни. И парни собираются на раззию. Они поедут на север и встретят там Усула. Затем они собираются заставить Усула бросить вызов Стилгару и взять власть над всеми племенами.

Копить воду, засаживать дюны зеленью, медленно, но верно заменять свой мир – всего этого им уже недостаточно, подумала Джессика. Маленькие набеги, маленькие – но наверняка, этого им больше недостаточно. Теперь, когда Пауль и я обучили их стольким вещам... Они почувствовали свою силу – и рвутся в бой.

Тартар переступила с ноги на ногу, кашлянула.

Нам известно, как важно осторожное ожидание, думала Джессика, но мы знаем и опасность, скрытую # слишком долгом ожиданием: можно потерять чувство цели...

- Парни говорят – если Усул не вызовет Стилгара, он трус, – добавила Тартар и опустила глаза.

- Вот, значит, как... – пробормотала Джессика и подумала: Хорошо, что я видела, как это назревает. И Стилгар тоже.

Тартар опять прочистила горло.

- Даже мой брат, Шоаб, говорит то же самое, – сказала она. – Они не оставят Усулу выбора.

Значит, пришел этот час. И Паулю придется самому разбираться с этим: Преподобная Мать не смеет вмешиваться в вопросы преемственности власти.

Алия высвободила руку из пальцев матери и сказала:

- Пойду с Тартар, послушаю парней. Может, можно Сделать что-нибудь.

Джессика посмотрела на Тартар, но ответила дочери:

- Ну, иди. Расскажешь все мне, как только сможешь.

- Мы не хотим, чтобы так случилось, Преподобная, – сказала Тартар.

- Мы не хотим, – согласилась Джессика. – Племени нужны все его силы. – Она взглянула на Хару: – А ты с ними пойдешь?

Хара ответила на непроизнесенную вслух часть вопроса:

- Тартар не допустит, чтобы с Алией что-то случилось. Она же знает, что скоро мы с нею обе будем женами одного человека.. Мы уже поговорили, Тартар и я. – Хара бросила взгляд на Тартар, опять посмотрела на Джессику. – Мы друг друга поняли.

Тартар протянула Алие руку: м- Поторопимся. Парни уже выходят.

Они вышли. Невысокая женщина вела ребенка за руку – но казалось, что это ребенок ведет ее.

- Если Пауль Муад'Диб убьет Стилгара – это не пойдет племени на пользу, – сказала Хара. – Конечно, раньше власть передавалась именно так; но теперь времена изменились.

- Они и для тебя изменились, – заметила Джессика.

- Не думаешь же ты, что я сомневаюсь в исходе такого поединка, случись он? – спросила Хара. – Разумеется, Усул победил бы.

- И я о том же, – кивнула Джессика.

- А ты думаешь, мои личные чувства вмешиваются в мои суждения. – Хара покачала головой, и водяные кольца у нее на шее звякнули. – Как ты ошибаешься! Может быть, ты думаешь, что я ревную к Чани из-за того, что не я – избранница Усула?

- Ты выбираешь сама – как можешь, – ответила Джессика.

- Я жалею Чани; – сказала Хара. Джессика напряглась:

- Что ты имеешь в виду?

- Я же Знаю, что ты думаешь о Чани. А думаешь ты, что она не может быть женой твоему сыну.

Джессика откинулась назад, на подушки, расслабилась. Пожала плечами:

- Может быть.

- Возможно, ты и права, – продолжала Хара, – и если ты права, то удивительного найдешь ты союзника: саму Чани. Она хочет лишь того, что лучше всего для Него.

Джессика сглотнула – у нее неожиданно перехватило горло.

- Чани очень дорога мне? – проговорила она. – Она не могла бы...

- Грязные какие ковры тут у тебя, – перебила Хара и опустила глаза к полу, избегая взгляда Джессики. – Оно и понятно: вон сколько народу топчется тут все время. Почаще бы надо их чистить...

Глава 5

В рамках ортодоксальной религии избежать влияния политики невозможно. Борьба за власть пронизывает все: обучение, воспитание и правила жизни в ортодоксальной общине. И из-за этого давления руководители такой общиной или общества рано или поздно неизбежно встают перед не имеющим альтернатив выбором: или скатиться к окончательному оппортунизму ради сохранения своей власти, или же быть готовыми пожертвовать даже и собственной жизнью во имя ортодоксальной этики.

(Принцесса Ирулан, «Муад'Диб: вопросы религии»)

Пауль стоял на гребне песчаного моря чуть в стороне от линии движения гиганта Подателя. Яне должен ждать его, как контрабандист, – с нетерпением, дрожа от возбуждения и страха, напомнил он себе, я должен быть частью самой Пустыни.

Теперь червь был всего в нескольких минутах от него, наполняя утренний воздух шипением и скрежещущим шелестом расступающегося перед ним песка. Чудовищные зубы в подобном пещере провале пасти походили на лепестки невероятного цветка. Запах Пряности затопил все вокруг.

Дистикомб он теперь ощущал как, свою, вторую кожу, да и о носовых фильтрах и лицевом клапане-респираторе почти не думал. Сказывалась школа Стилгара – утомительные тренировки в песках.

– На сколько надо отступать от линии хода Подателя, считая по его радиусу, на гравийном песке? – спрашивал Стилгар.

Пауль ответил правильно:

– Полметра на каждый метр диаметра. То есть на расстояние радиуса.

– Зачем?

– Чтобы не затянуло в песковорот при его прохождении и в то же время – чтобы успеть добежать до червя и вскочить на него. –

– Ты уже ездил на меньших – тех, которых выращивают для получения Семени и Воды Жизни. Но во время испытания ты будешь иметь дело с настоящим диким червем, со Стариком Пустыни. Такой требует к себе уважения!

Теперь стук манка почти заглушался шелестом и скрежетом приближающегося червя. Пауль глубоко дышал – горьковатый запах песка пробивался даже через фильтры. Дикий червь – Податель, Старик Пустыни, Шаи-Хулуд – уже возвышался над ним, надвигался, казалось, прямо на него. Вздымающиеся передние сегменты отбрасывали песчаную волну – вот-вот она захлестнет Пауля по колено...

Иди, иди сюда, дивное чудовище, думал он. Иди. Ты услышал мой зов. Иди. Иди ко мне.

Волна песка мягко приподняла его, поднявая с поверхности пыль обдала с ног до головы. Пауль устоял; весь мир был теперь сосредоточен для него в этой движущейся мимо изогнутой стене, окутанной пылью, в составленной из сегментов ползущей скале... Разделявшие сегменты линии отчетливо виднелись на боках гигантской твари.

Пауль поднял крючья, примерился, изогнувшись, сделал бросок; почувствовал, что крючья «взяли» червя и держат. Тогда он прыгнул вперед, уперся ногами в эту нависшую над ним стену, перенеся вес на крючья. Это был самый ответственный момент, пик испытания: если он вонзил крючья правильно, в передний край кольцевого сегмента, – так, чтобы оттянуть его, червь не может перекатиться и раздавить его.

Червь замедлил ход. Он прошел там, где только что стоял манок, стук прекратился. Затем медленно червь развернулся так, чтобы раздражавшие его колючки оказались наверху, как можно дальше от песка, оберегая открывшуюся нежную оболочку.

Теперь Пауль оказался на самой «спине» червя, на самой высокой точке. Он ощутил возбуждение, почувствовал себя владыкой, оглядывающим свою империю. Он подавил – не без труда – желание подпрыгнуть, а лучше – развернуть, например, червя, чтобы показать, что он, Пауль, повелитель гиганта.

Он понял в этот момент, почему Стилгар как-то предупреждал его не уподобляться тем зарвавшимся, черезсур лихим парням, которые затевали игры с этими чудовищами, делали на спине червя стойку на руках, выдергивали оба крючка и снова вонзали их, прежде чем червь успевал сбросить дерзкого наездника.

Оставил один крюк воткнутым, Пауль отцепил второй и перенес его ниже; когда он надежно закрепил его и проверил, он перенес первый еще ниже второго. Червь снова извернулся, и одновременно повернулся, и, вздыхая облако тонкой песчаной пыли, направился туда, где ждали все остальные.

Пауль увидел их, бегущих к червию, карабкающихся вверх с помощью крючьев, они теперь не захватывали края сегментов, пока не поднимались на самый верх. Наконец весь отряд выстроился позади Пауля в три ряда, держась крючьями за кольца панциря.

Стилгар, лавируя между ними, подошел к Паулю, проверил, как держат крючья, взглянул на улыбающееся лицо своего ученика.

- Что – сделал, а? – крикнул Стилгар, перекрывая скрип и шелест песка. – Так ты думаешь? Все в порядке, да? – Он выпрямился. – Только вот что я тебе скажу: так себе сделал! Мальчишка двенадцати лет – и тот лучше справился бы! Ты что, не видел – слева от того места, где ты встал, были барабанные пески? Поверни червь – и тебе было бы некуда отойти!

Улыбка исчезла с лица Пауля.

- Я видел барабанные пески.

- Так что же ты не дал нам сигнала, чтобы кто-нибудь встал на подхвате? Это и на испытании допускается.

Пауль сглотнул, повернулся лицом к ветру.

- Обиделся, что я сказал об этом? – спросил Стилгар. – Это мой долг. Я обязан думать о том, как ценна твоя жизнь для всего племени. Если бы ты ступил на барабанные пески – червь повернулся бы на звук!

Как ни был сердит Пауль, он понимал, что Стилгар прав. Все же ему понадобились не меньше минуты и вся подготовка, полученная от матери, чтобы вернуть себе спокойствие.

- Извини, – сказал он наконец. – Этого не повторится.

- Если место не очень удобное, всегда бери помощника, чтобы он взял Подателя, если тебе самому это не удается, – наставительно сказал Стилгар. – Помни: мы всегда работаем вместе. В этом – наша сила; когда мы вместе, мы можем быть уверены в успехе. Так вместе, а? – Он хлопнул Пауля по плечу.

- Вместе, – согласился Пауль.

- Ну а теперь, – голос Стилгара сразу стал жестче, – покажи, как управляешься с Подателем. На какой мы стороне?

Пауль взглянул на чешуйчатую поверхность кольца под ногами; оценил форму и размер чешуи, заметил то, как справа они увеличивались, а слева уменьшались. Он, разумеется, знал, что червь, как правило, передвигается одной и той же стороной вверх. А с возрастом эта сторона становилась практически постоянной «спиной» червя.

Нижние пластины чешуи укрупнялись, становились толще, темнее, тяжелее. На крупном черве « спинные » пластины можно было отличить по одному только размеру.

Перебросив крючья, Пауль передвинулся левее. Он дал знак стоявшим с краю открывать сегменты червя, чтобы тот, поворачиваясь « спиной » кверху, не свернулся с курса. Когда же червь извернулся, Пауль махнул рулевым – те вышли из ряда и заняли свои места впереди.

- Аш! Хайй-йо! – издал он традиционный клич. Левый рулевой приоткрыл сегмент со своей стороны.

Податель, поискав величественную дугу, развернулся, стараясь уберечь обнажившуюся нежную плоть. Завершив круг, червь оказался головой к югу; тогда Пауль скомандовал:

- Гейрат!

Рулевой отпустил крюк, и червь продолжил движение по прямой.

- Очень хорошо, Пауль Муад'Диб, – похвалил Стилгар. – Из тебя выйдет еще наездник, если потренируешься как следует!

Пауль нахмурился: разве не он первым вскочил на червя? Позади кто-то рассмеялся, и весь отряд принял скандировать, несколько раз подбросив к небу имя Пауля:

- Муад'Диб! Муад'Диб! Муад'Диб! Муад'Диб!

От хвостовых сегментов донесся стук - заработали стрекалами погонщики. Червь начал набивать скорость,-и одежды ездоков захлопали на ветру. Скрежет, сопровождавший движение червя, усилился.

Пауль обернулся, оглядел «свой отряд, нашел Чани и, не отрывая от нее взгляда, спросил Стилгара:

- Так что - я теперь наездник Пустыни или нет, Стил?

- Хал йаум1 Воистину ты наездник отныне!

- И я могу сам выбирать курс?

- Таков обычай!

- И отныне я также фримен, родившийся сегодня здесь, в эрге Хаббанья. До этого дня - я не жил! Я был ребенком - до этого дня!

- Ну, не то чтобы совсем ребенком, - возразил Стилгар, подтягивая уголок капюшона, который дергал и оттопыривал встречный ветер.

- Но словно какая-то пробка отгораживала от меня мир; и вот она выдернута!

- Да, этой пробки больше нет.

- И я пойду на Юг, Стилгар. За двадцать манков. Я хочу видеть землю, которую мы создаем; землю, которую доселе я видел лишь чужими глазами.

И я увижу своего сына и всю свою семью, подумал он. Мне нужно время, чтобы обдумать будущее, что подобно прошлому для моей памяти. Подходит буря, и если я не буду в той точке, из которой сумею управлять ею и успокоить ее, - придет хаос.

Стилгар окинул его спокойным, оценивающим взглядом. Пауль продолжал смотреть на Чани, видя, как растет интерес в ее глазах и как возбуждение от его слов охватывает весь отряд.

- Но люди хотели бы сходить с тобой в набег на один из харконненских поселков во впадине - это всего в одном манке отсюда, - возразил Стилгар.,

- Федайкины не раз уже ходили со мной в набеги, -ответил Пауль. - И будут ходить со мной в бой, пока хоть один из Харконненов дышит аракийским воздухом!

Стилгар внимательно смотрел на него, и Пауль понял, что вождь видит происходящее через призму воспоминаний о том, как возглавил сперва свой сиетч, Табр, а потом, после гибели Лиет-Кинеса, - и Совет Вождей.

Ему уже доложили о волнениях среди молодых фрименов, подумал Пауль.

- Хочешь собрать всех вождей? - спросил Стилгар.

У молодых парней, стоявших позади, засверкали глаза.

Покачиваясь на ходу, они внимательно следили за беседой. Пауль заметил и беспокойство в глазах Чани, то, как она переводит взгляд со Стилгара, приходившегося ей дядей, на Пауля - своего мужчину.

- Ты и не догадываешься, чего я хочу, - проговорил он, подумав: «Я не могу отступать. Я должен взять их всех в свои руки».

- Сегодня ты - мудир отряда наездников, - сказал Стилгар, и в его голосе прорезалась ледяная официальность. - Как ты собираешься распорядиться этой властью?

Нам нужно время - расслабиться и спокойно все обдумать, подумал Пауль.

- Идем на юг, - ответил он.

- Даже если я прикажу повернуть на север, когда закончится день?

- Идем на юг, - повторил Пауль.

Стилгара охватило чувство неизбежности. Он с достоинством запахнул плотнее свой плащ.

- Сход будет, - объявил он. - Я разошлю гонцов. Он решил, что я хочу бросить ему вызов, - решил

Пауль. – И он знает, что против меня ему не выстоять.

Пауль опять повернулся к югу и, подставляя неприкрытие лицевым клапаном скулы встречному ветру, думал о том, как необходимость воплощается в принятые решения...

Им не понять, каково это.

Но он знал, что никакие соображения не заставят его свернуть с пути. Он обязан оставаться там, куда придется центр бури, которую он видел в будущем. Придет момент, когда эту бурю можно будет усмирить – если он будет находиться вблизи центрального узла, чтобы разрубить его в нужный миг.

Если только это возможно – я не стану вызывать его, думал Пауль. Если есть другой способ избежать дороги к джихаду...

– Сделаем вечером привал для ужина и молитвы в Птичьей пещере, что в хребте Хаббанья, – сказал Стилгар. Он одним крюком вцепился в шкуру червя, чтобы удержаться на колышущемся теле гиганта, а свободной рукой указал на встающий на горизонте невысокий скальный барьер.

Пауль посмотрел в ту сторону[^] Каменные складки барьера напоминали застывшие волны. Ни клочок зелени, ни цветок не смягчали суровый пейзаж. А дальше начинался путь в южную Пустыню =– эта дорога занимала не меньше десяти дней и ночей, Подателя быстрее двигаться не заставишь.

Двадцать манков!

Этот путь уводил далеко за пределы мест, где можно было встретить харконненские патрули. Пауль знал, как они доберутся до цели, – он не раз видел это во сне. Однажды наездники заметят, что горизонт окрашен как будто не-

много другим цветом – изменение настолько небольшое, что можно подумать, что желаемое выдаешь за действительное, – а потом перед ними появится и новый счетчик.

– Устраивает ли мое решение Муад'Диба? – перебил Стилгар мысли Пауля. Нотка сарказма в его голосе была едва заметна, но уши фрименов, привыкшие различать малейшие оттенки птичьих голосов или сообщений, звучавших в писке сейлага, отметили этот сарказм – и теперь все ждали реакции Пауля.

– Стилгар слышал, как я поклялся в верности ему, когда федайкины проходили посвящение, – проговорил тот. – Мои воины-смертники знают – то была честная клятва. Или Стилгар сомневается в ней?

В голосе Пауля звучала настоящая боль, и, слыша ее, Стилгар опустил глаза.

– Усул – мой товарищ по счетчу, и в нем я не усомнюсь никогда, – ответил наконец он. – Но ты также – Пауль Муад'Диб, герцог Атрейдес, и ты – Лисан аль-Гаиб, Глас из Внешнего Мира. А этих людей я даже не знаю...

Пауль отвернулся от него к встающему из-за пустынного горизонта хребту Хаббанья. Червь под ними был все еще силен и бодр. Он мог пройти вот так вдвое большее расстояние, чем любой другой, когда-либо оседланный фрименами. Пауль знал это. Ни одна история из тех, что рассказывают детям, не могла быть достойным описанием этого Старика Пустыни. Это начало новой легенды, подумал Пауль.

Сильная рука сжала его плечо.

Пауль взглянул на руку, потом на ее обладателя. На него глянули темные глаза Стилгара, обрамленные капюшоном и маской.

– Тот, кто стоял во главе Сиетча Табр до меня, – сказал Стилгар, – был мне Другом. Мы делили с ним многие опасности. Много раз спасал я его жизнь... а он – мою.

– И я друг тебе, Стилгар, – ответил Пауль.

– Никто в этом не сомневается. – Стилгар убрал руку, пожал плечами. – Но так уж повелось...

Стилгар, понял Пауль, был фрименом до мозга костей – настолько, что иного пути он не видел. У фрименов новый вождь либо принимал бразды правления из мертвых рук своего предшественника, либо убивал сильнейшего противника из людей своего племени, если старый вождь погибал в Пустыне. Так стал наибом и сам Стилгар.

– Сойдем с Подателя на глубоком песке, – сказал Пауль.

- Да, - кивнул Стилгар. - Отсюда мы дойдем до пещеры и пешком.
- Мы достаточно долго ехали на нем - так что он зароется в песок и будет день-два отдыхать и дуться на нас.
- Ты - мудир этой поездки, - ответил Стилгар. - Скомандуешь, когда мы... - Он замолчал, глядя на небо на востоке.
- Пауль резко обернулся, проследил за взглядом Стилгара. Пряность окрасила его глаза синевой, и небо казалось темным сквозь нее - и на фоне глубокой лазури отчетливо мерцала ритмически вспыхивающая точка.
- Орнитоптер!
- Небольшой топтер, один, - отметил Стилгар.
- Разведчик, возможно? - предположил Пауль. - Как ты думаешь, они нас увидели?
- На таком расстоянии мы для них - просто идущий по поверхности червь. - Стилгар махнул рукой. - Прыгаем и рассыпаемся по песку!
- Наездники начали спускаться со спины гиганта - спрыгивали и тут же укрывались с головой плащами, исчезали, сливаясь с песком. Пауль приметил, где спрыгнула Чани.
- Наконец на спине червя остались только двое - Пауль и Стилгар.
- Кто первым вскочил на червя, прыгает последним, - сказал Пауль.
- Стилгар кивнул, соскользнул вниз, подстраховываясь крючьями, спрыгнул в песок. Пауль подождал, пока червь отойдет на достаточное расстояние от места, где сошли остальные наездники, и освободил крючья. С червем, который сохранял еще достаточно сил, это был особенно опасный момент.
- Гигант, почувствовав, что крючья и стрекала больше не беспокоят его, начал уходить в песок. Пауль легко побежал по его широкой «спине» к хвосту и, тщательно выбрав момент, прыгнул, приземлился в беге, побежал,
- как учили, по склону дюны, вызвав песчаный оползень, и, укрывшись плащом, дал песку засыпать себя.
- Теперь оставалось только ждать...
- Осторожно повернувшись, Пауль через щелочку в складках плаща взглянул на небо. То же самое, знал он, сделали сейчас все его спутники.
- Сначала он услышал мерное биение крыльев и только потом увидел топтер. Негромко свистя турбинами, машина промчалась над ним и по пологой дуге ушла в сторону хребта.
- «Никаких опознавательных знаков», - отметил Пауль,
- Топтер скрылся за хребтом Хаббанья. Над песками раздался птичий крик, затем еще один.
- Стряхнув песок, Пауль встал, поднялся на гребень дюны. Его отряд растянулся в цепочку - Пауль сразу увидел Стилгара и Чани.
- Стилгар махнул в сторону хребта. Отряд собрался и, ломая ритм, двинулся скользящими шагами, которые не привлекут внимания червя. Стилгар подошел к Паулю, быстро скользя по уплотненному ветром песчаному склону.
- Это контрабандисты, - сказал он.
- Похоже, - подтвердил Пауль. - Только вот для контрабандистов они слишком уж глубоко забрались в Пустыню.
- Патрули и контрабандистам мешают, - пожал плечами Стилгар.
- Но если они забрались сюда - они могут залететь и еще глубже.
- Пожалуй...
- Нехорошо, если они увидят то, что можно увидеть, залетев слишком глубоко в Пустыню. Контрабандисты приторговывают и информацией.

- Ц Они, наверно, ищут Пряность, - предположил Стилгар.

- А значит, где-то неподалеку их ждут краулер и крыло, - сказал Пауль. - Пряность у нас есть. Она и будет наживкой: распыляем ее по песку и ловим контрабандистов - сколько попадется. Они должны усвоить, что здесь - наша земля; кстати же, нашим бойцам надо осваивать новое оружие.

- Вот это - слова Усула! - ухмыльнулся Стилгар. - Усул - он думает как настоящий фримен!

Но Усулу придется уступить дорогу - не ему принимать решения, соизмеримые с ужасным предназначением... - подумал Пауль. Буря приближалась.

Глава 6

Когда закон и долг сливаются в единое целое, соединенные религией, – тогда человеку не дано действовать с полным осознанием себя. Он становится чем-то чуть меньшим, чем личность.

(Принцесса Ирулан, «Муад'Диб: Девяносто девять чудес Вселенной»)

Грузолет-матка с меланжевым комбайном контрабандистов на подвеске в окружении нескольких топтеров вынырнул из-за дюнной гряды, словно пчелиная царица со своим роем. Они шли к одному из скальных хребтов, встававших из песков миниатюрными копиями Барьерной Стены. Недавняя буря начисто смела песок с каменных склонов.

В прозрачном пузыре рубки краулера Гурни Халлек склонился вперед, подстроил масляные линзы бинокля и оглядел местность внизу. За грядой он заметил темное пятно; оно вполне могло оказаться меланжевым выбросом, поэтому он послал орнитоптер на разведку.

Топтер покачал крыльями, подтверждая получение приказа, оторвался от роя, подлетел к пятну и закружил над ним, опустив детекторы к самому грунту. Почти сразу, хлопнув крыльями, он сделал «бочку» и описал круг: сигнал экипажу комбайна, что Пряность обнаружена.

Гурни Халлек убрал бинокль в футляр – он знал, что сигнал разведчика замечен/Хорошее местечко. Хребет – это все-таки защита. Конечно, здесь – глубокая Пустыня и засада маловероятна... И все-таки... Халлек приказал пролететь над хребтом и осмотреть его – сверху. Распорядился, чтобы топтеры сопровождения барражировали вокруг выброса – не слишком высоко, чтобы сделать их менее заметными для харконненских детекторов.

Впрочем, он сомневался, что патрули забираются так далеко на юг. Здесь все еще были владения фрименов.

Гурни проверил вооружение (и в очередной раз ругнул судьбу, которая исключала здесь использование щитов: следовало всеми силами избегать того, что может привлечь червя). Потирая лиловый шрам от чернильника на скуле, он осматривал местность... пожалуй, безопаснее повести разведывательную партию через скалы. Проверка с высадкой – самый надежный вариант. Когда харконненские войска и фримены рады всякому случаю вцепиться друг другу в глотку, лишних предосторожностей не бывает...

Здесь-то его больше беспокоили фримены. Они были не прочь продать вам столько Пряности, сколько вы могли купить, но если вас угораздит попасть туда, где, по их мнению; вам было не место, – они становились настоящими дьяволами. А в последнее время проявляли и поистине дьявольскую хитрость.

Хитрость, коварство и ловкость этих туземцев в ведений войны в последнее время сильно беспокоили Халлека.. Они проявляли такое искусство, с каким ему редко приходилось сталкиваться, а ведь его учили лучшие бойцы во Вселенной – и потом еще закаляли битвы, в которых выживали лишь лучшие из лучших.

Гурни окинул взглядом пустынный ландшафт. Откуда же это беспокойство? Может, его причина – виденный ими червь?.. Но то было по другую сторону хребта. «В рубку просунулась голова: капитан фабрики, одноглазый старый пират с густой бородой, синими глазами и молочно-белыми зубами. Такая необычная белизна зубов тоже была характерна для употреблявших Пряность.

– Кажется, месторождение богатое, – сообщил капитан. – Я сажаю грузолет?

– Да, у самого подножия хребта, – распорядился Халлек. – Я высажусь со своими людьми, а вы пойдете на гусеницах к выбросу. Мы должны осмотреть скалы...

– Ясно.

– В случае чего, – добавил Халлек, – спасайте фабрику. Мы всегда сможем воспользоваться топтерами.

– Слушаюсь, сэр, – козырнул капитан комбайна и скрылся в люке.

– Гурни вновь оглядел горизонт. Приходилось считаться с возможностью того, что фримены поблизости и заметят нарушителей своих владений. Фримены с их суровостью и непредсказуемостью действительно, серьезно беспокоили его. Но уж слишком хорошо вознаграждался риск. Отсутствие наблюдателей в воздухе и вынужденное радиомолчание тоже спокойствия не прибавляли.

Грузолет с краулером повернулся, делая заход на посадку; гусеницы мягко коснулись песка у подножия хребта.

Гурни откинул прозрачный колпак, отстегнул привязные ремни. В тот миг, когда огромная машина остановилась, он уже выскочил наружу – захлопнул за собой Крышку, перелез через гусеничный блок и сетчатое ограждение. За ним из носового люка спустились пять человек из его личной гвардии. Остальные кинулись отсоединять транспортные крепления. Оставив фабрику на песке, грузолет взмыл вверх и принял кружить над ней на малой высоте.

В ту же минуту краулер рванулся вперед, к темному пятну меланжевого выброса на песке.

Ло крутой дуге спустился и сел рядом топтер, за ним другой, третий. Из них высыпал взвод бойцов Гурни, а машины тут же поднялись и зависли невысоко над песком.

Гурни потянулся – проверил, как слушаются мышцы затянутого в дистикомб тела. Фильтр-маску он не надел – она так и болтала сбоку; конечно, так приыхании терялась влага, зато ничто не заглушало голос. Вдруг понадобится отдать приказ, крикнуть... Он начал подниматься на скалы, осматривая местность и примечая все: скатанную ветром гальку, и гравийный песок под ногами, и запах Пряности в воздухе.

Вот где базу бы устроить на крайний случай, подумал он. Может, прямо сейчас спрятать тут кое-какие припасы?

Он глянул назад: его люди, следуя за ним, рассыпались в цепь. Хорошие бойцы и славные парни – даже те, новые, которых он не успел еще проверить в бою. Хорошие, да. Во всяком случае, им не надо все время объяснять, что делать. И конечно, ни над кем не дрогнет воздух, преломленный силовым полем. Среди них нет трусов, готовых навесить на себя щит даже в Пустыне и приманить червя, который отнял бы у них Пряность.

С высоты Гурни увидел в полукилометре от скал пятно выброса и краулер, подходящий к его границе. Он посмотрел на прикрывающие его топтеры и грузолет: все правильно, высота не слишком большая. Он кивнул сам себе и продолжил подъем. И в этот миг хребет словно превратился в действующий вулкан.

Двенадцать огненных стрел, двенадцать ревущих огненных струй ударили снизу в топтеры и грузолет. Со стороны краулера донесся скрежет раздираемого металла. А на скалах вокруг неведомо откуда возникло множество воинов в капюшонах, и они уже вступили в бой.

Гурни успел подумать только: «Рогами Великой Матери клянусь! Ракеты! Они осмелились применить ракеты!»

А в следующий миг перед ним уже оказался пригнувшийся для броска человек в капюшоне и с крисом в руке. Еще двое стояли на скалах слева и справа. Гурни мог видеть только глаза противника – лицо закрыто капюшоном и лицевым клапаном бурнуса песочного цвета; но поза, то, как он изготовился к бою, выдавали опытного и хорошо обученного бойца. А глаза – сплошная синева. Глаза фримена из глубокой Пустыни.

Гурни, не отрывая взгляда от криса противника, потянулся к собственному ножу. Раз они отважились на ракеты – у них наверняка есть и другое оружие дальнего боя, стрелковое, например. Надо было быть осторожнее. Судя по звуку, по крайней мере часть его воздушного прикрытия сбита. А сзади слышалось тяжелое дыхание людей, звуки боя.

Глаза противника Гурни проследили движение руки бывшего приближенного герцога к ножу и вновь столкнулись с его взглядом.

– Оставь клинок в ножнах, Гурни Халлек, – велел фримен.

Гурни замер. Даже приглушенный маской, голос казался странно знакомым.

– Ты знаешь мое имя?!

– Со мной тебе нож не нужен, Гурни, – продолжал фримен. Он выпрямился и вернул свой крис в, спрятанные под бурнусом ножны. – Прикажи своим людям прекратить бессмысленное сопротивление.

С этими словами фримен отбросил назад капюшон и отстегнул лицевой клапан.

Гурни взглянул на лицо противника – и окаменел. В первый момент ему показалось, что перед ним стоит призрак герцога Лето. Чтобы понять наконец, кто же это, ему потребовалось некоторое время.

– Пауль... – прошептал он, потом повторил уже громче: – Это в самом деле Пауль?

– Не веришь своим глазам? – усмехнулся Пауль.

- Но ведь говорили, что вы... что ты погиб! - выдохнул Гурни, делая шаг вперед.

- Прикажи своим сдаться, - велел Пауль, махнув в сторону скал, где кипел бой.

Гурни повернулся; ему было трудно отвести взгляд от лица Пауля. Он увидел, что лишь кое-где продолжалось сопротивление: укрытые капюшонами пустынники, казалось, были всюду. Краулер неподвижно застыл на песке, и на нем тоже стояли фримены. Ни одного орнитоптера над ними не было.

- Прекратить сопротивление! - закричал Халлек. Он вдохнул поглубже, сложил ладони рупором. - Эй! Это Гурни Халлек! Всем прекратить сопротивление!

Сражавшиеся медленно, неохотно остановились, удивленно поворачиваясь к нему.

- Это - друзья! - крикнул Гурни.

- Ничего себе друзья! - отозвался кто-то, - Да они половину наших перебили!

- Это ошибка! - крикнул в ответ Гурни. - Хватит, не усугубляйте ее!

Он вновь повернулся к Паулю, взглянул в синие-на-синем глаза юноши.

Губы Пауля тронула улыбка, но в ней была жесткость, сразу напомнившая Гурни самого Старого Герцога, деда Пауля. Затем Гурни заметил и кое-что новое, чего не было раньше ни в одном из Атрейдесов: сухая жилистость, задубевшая кожа, настороженность и расчетливость во взгляде -казалось, Пауль взвешивает все, на что падает его взгляд.

- Говорили, ты погиб... - повторил Гурни.

- Можно ли было придумать лучшее прикрытие?..

Эта фраза, понял Гурни, заключала в себе все извинения за то, что его, верного Гурни, бросили одного, заставили поверить, что его юный герцог... его друг... погиб; других извинений от этого молодого фримена не дождешься. Осталось ли в нем хоть что-то от мальчика, которого он когда-то учил искусству боя?..

Но Пауль шагнул к Гурни... у него вдруг защипало в глазах.

- Гурни...

Все произошло словно само собой - они обнимались, хлопали друг друга по спине. Действительно, живое тело, не призрак!..

- Ах, мальчик! Мальчик! - повторял Гурни, и Пауль вторил ему:

- Гурни, старина! Мой Гурни!

Наконец они разжали объятия, опять принялись жадно разглядывать друг друга. Гурни глубоко вздохнул:

- То-то я смотрю, фримены развоевались! Я мог бы и догадаться, отчего так возросло их военное искусство. Они все время действуют так, словно я сам помогал им планировать операции... Если бы я только знал! - Он потряс головой. - Если бы ты как-нибудь дал мне о себе знать, мальчик! Меня бы ничто не остановил» - я бы бегом прибежал и...

Взгляд Пауля - жесткий, взвешивающий взгляд - остановил его. Гурни снова вздохнул:

- Ну да, я понимаю. Кое-кто, конечно, заинтересовался бы, с чего это Гурни Халлек вдруг сорвался и побежал куда-то, а кое-кто не ограничился бы вопросами и захотел бы доискаться ответов.

Пауль кивнул, оглядел замерших в ожидании фрименов. Его федайкины смотрели на происходящее с любопытством и одобрением. Затем он вновь повернулся к Халлеку. В этой встрече со своим учителем фехтования он видел доброе предзнаменование, знак, что он на верном пути и все будет хорошо...

Да, теперь с Гурни рядом со мной, я смогу!..

Пауль перевел взгляд вниз, на контрабандистов:

- За кого твои люди, Гурни?

- Они - контрабандисты, - пожал плечами Халлек. - Где выгода, там и они.

- С нами-то особо не разживешься... - задумчиво протянул Пауль. В это мгновение он увидел, что Гурни подает ему едва заметный знак пальцами правой руки, знакомый с детства кодовый сигнал: среди контрабандистов были люди, которых следовало опасаться и которым не стоило доверять.

Пауль потянулся за губу, словно в задумчивости, - «понял», - посмотрел наверх, на скалы, где стояли на страже фримёны. Там был и Стилгар - Пауль сразу же вспомнил, что эту проблему еще предстоит решать, и радость его несколько поубавилась.

- Стилгар, - сказал он, - это Гурни Халлек, о котором я тебе не раз рассказывал. Он заведовал вооружениями в доме моего отца; он один из моих наставников в фехтовании и старый мой друг. И на него можно положиться во всем.

- Я слышал, - коротко ответил Стилгар. - Ты - его герцог.

Пауль взгляделся в темный силуэт Стилгара, стоявшего на скале над ним. Что заставило его произнести эти слова - «ты - его герцог»? И - вот эта почти незаметная интонация, словно на самом деле Стилгар хотел сказать что-то иное. Это совсем не похоже на Стилгара - вождя фрименов, который привык говорить то, что думал.

Мой герцог! ^ - повторил про себя Гурни и по-новому взглянул на юношу. Да, раз Лето мертв, титул переходит к Паулю.

Вся картина фрименской войны на Арракисе выглядела теперь совершенно по-другому для него. Мой герцог! Гурни почувствовал, как в нем оживает нечто давно умершее и похороненное... Поэтому он лишь частью сознания воспринял приказ Пауля разоружить контрабандистов до допроса.

Однако, услышав, что те начали протестовать, Гурни вспомнил о своих обязанностях командира. Он резко повернулся.

- Вы что, оглохли? - рявкнул он; - Это - законный герцог Арракийский, правитель планеты! Повинуйтесь ему!

Ворча, контрабандисты подчинились. Пауль наклонился к Халлеку и шепнул:

- Вот бы никогда не подумал, что ты можешь попасться на эту удочку, Гурни!

- Поделом мне, - отозвался Гурни. - Могу спорить, что слой Пряности здесь - не больше песчинки толщиной. Просто наживка...

- Ты выиграл... - ответил Пауль, наблюдая за разоружением контрабандистов. - Среди них есть еще люди моего отца?

- Нет. Нас далеко разбросало... Притом только немногие присоединились к свободным торговцам - большинство предпочло заработать, сколько нужно для оплаты дороги, и убраться с Арракиса.

- Но ты остался.

- Я остался.

- Потому что здесь Раббан, - утвердительно сказал Пауль.

- Я решил, что у меня не осталось ничего, кроме мести, - проговорил Гурни.

Необычно звучавший отрывистый крик раздался с вершины скалы. Гурни взглянул наверх и увидел фримена, размахивающего шейным платком.

- Податель идет, - сказал Пауль. Он поднялся на одну из скал - Гурни шел за ним; - повернулся к юго-востоку. На полпути к горизонту двигался продолговатый холм - червь. За ним над песком поднимались облака пыли. Гигант шел через дюны прямо к скалам.

- Довольно большой, - заметил Пауль. Фабрика-краулер внизу, лязгая, развернулась на гусеницах, словно огромный жук, поползла в скалы.

; - Жаль, грузолет сохранить не удалось, - вздохнул Пауль.

Гурни посмотрел на него, перевел взгляд назад», где дымились обломки сбитых фрименскими ракетами топтеров и грузолета. Он вдруг с болью подумал о погибших людях - своих людях - и сказал:

- Отец твой сильнее сожалел бы о том-, что не смог спасти людей.

Пауль жестко взглянул на него - и опустил глаза. Спустя несколько секундной произнес;

- Да, Гурни. Они были твоими товарищами. Я понимаю. Но пойми и ты - для нас это были нарушители границ наших владений и чужаки, которые могли бы увидеть лишнее.

- Я это понимаю достаточно хорошо, - вздохнул Гурни. - Но теперь мне интересно посмотреть, что же такого лишнего мы могли бы тут увидеть

Пауль поднял глаза и увидел хорошо памятную ему усмешку, напоминавшую волчий оскал, натянувшую кривой лиловый шрам на челюсти...

Гурни кивком указал на пустыню под ними. Повсюду видны были фримены, занятые какими-то своими делами. Как ни странно, никто не казался обеспокоенным приближением червя.

С дюн за полосой присыпанного меланжей песка, послужившего приманкой для контрабандистов, раздался ритмичный стук. Казалось, он отдается в ногах, передаваясь по земле. Гурни увидел, что фримены мгновенно рассыпались по песку вдоль пути, которым шло к скалам чудовище.

Червь скользил словно гигантская песчаная рыба. Он поднимался над песками и вновь уходил под сыпучие волны; кольца его перекатывались, огромное тело струилось. А в следующий миг Гурни, стоя на своей скале, увидел и то, как фримены ловят червя: крюковой ловко прыгнул вперед, гигант повернулся, а затем весь отряд забрался наверх по его крутым, поблескивающим чешуей бокам.

- Вот, например, одна из тех вещей, которые вы не должны были видеть, - заметил Пауль.

- Ходили, конечно, слухи, легенды, - пробормотал Гурни. - Но эта штука - не из тех, в которые легко поверить с чьих-то слов, не увидев своими глазами. - Он покачал головой. - Все живущие на Арракисе страшатся этих Чудовищ, а для вас черви - верховые животные!..

- Помнишь, как отец говорил о силе Пустыни? - спросил Пауль. - Так вот она! Вся планета - наша: и ни буря, ни зверь и ничто другое - не преграда для нас.

Доя нас! - подумал Гурни. Для него «мы» - это фримены. И он говорит о себе как об одном из фрименов...

И Гурни вновь посмотрел в глаза Пауля, залитые глубокой фрименской синевой. Собственные глаза Халлека тоже тронула синева; но контрабандистам были доступны инопланетные продукты, и по глубине синей окраски можно было судить о положении контрабандиста среди вольных торговцев: чем она бледнее, тем богаче человек.

По отношению же к слишком отуземившимся контрабандистам употреблялось выражение «помечен Пряностью» - с несколько неодобрительным оттенком...

- Было время, мы не рисковали ездить на Подателе при свете дня в этих широтах, - продолжал Пауль. - Но теперь у Раббана не так много авиации, чтобы отслеживать каждое пятнышко в песках... - Он взглянул на Гурни. - И твои топтеры были для нас большой неожиданностью. Можно сказать, потрясением.

Мы... для нас...

Гурни потряс головой, отгоняя непрошеные мысли.

- Ну, не столько мы для вас, сколько вы для нас, - ответил он.

- А что говорят о действиях Раббана в деревнях и впадинах? - поинтересовался Пауль.

- Ну, например, что Раббан так укрепил поселения в грабенах, что вам не удастся нанести им серьезный урон. Что им надо лишь сидеть внутри своих укреплений, пока вы не растратите все силы на бесплодные попытки атак.

- Иначе говоря, они связаны. Загнаны за свои стены?

- В то время как вы свободны в своих передвижениях.

- Разве не этому ты меня учил? - усмехнулся Пауль. - Они потеряли инициативу - а кто потеряет инициативу, тот проиграл войну Гурни понимающие улыбнулся.

- Наши враги там, где я и хочу их видеть. - Пауль посмотрел на Халлека. - Ну» Гурни, присоединишься ты ко мне, чтобы нам вместе завершить эту войну?

- Присоединюсь? - изумился Халлек. - Милорд, я никогда и не покидал свою службу! Это вы... ты покинул меня... покинул одного, заставив поверить в свою смерть, И я, оказавшись один, позволил

себе некоторую передышку – ждал, когда смогу продать свою жизнь за подходящую цену. За жизнЬ Раббана.

Пауль молчал, смущенный порывом старого друга.

К ним по камням взбежала женщина. Ее глаза, которые только и виднелись в щели между капюшоном и лицевым клапаном, метнулись от Пауля к его спутнику и обратно. Она остановилась перед юным Атрейдесом – и Гурни не мог не заметить, что стоит она чересчур близко к Паулю и держит себя так, будто имеет на него особые права.

– Чани, – представил Пауль, – это Гурни Халлек, Помнишь, я рассказывал?

Она бросила еще один взгляд на Халлека:

– Помню.

– Куда поехали наши на Подателе? – спросил Пауль.

– Никуда, просто отвели его в сторону на время, чтобы мы успели спасти оборудование.

– Ладно, тогда... – Пауль замолчал, принююхиваясь к воздуху.

– Поднимается ветер. – кивнула Чани. Со скал окликнули:

– Эй, внизу! Ветер идет!

Гурни заметил, что фримены заторопились. Чего не сумел червь, сделал ветер – спугнул их. Краулер въехал на пологий каменный склон. Перед ним вдруг открылся проход в скалах – а когда машина скрылась внутри, камни вновь сошлись так плотно, что никто и не угадал бы здесь замаскированные ворота.

– И много у вас таких тайников? – полюбопытствовал Гурни.

– Много, и еще столько, да полстолько, да четверть столько... – ответил Пауль рассеянно и обернулся к Чани. – Отыщи Корбу, скажи – Гурни предупреждает, что некоторым в команде контрабандистов верить нельзя.

Она снова посмотрела на Гурни, потом на Пауля, кивнула – и побежала вниз, прыгая с камня на камень с ловкостью газели.

– Это – твоя женщина. – Гурни не спрашивал.

– И мать моего первенца, – улыбнулся Пауль. – В Доме Атрейдес появился новый Лето.

Гурни только глаза раскрыл.

Пауль критически озирал суету вокруг. Южное небо затянуло бурой пеленой; время от времени налетали порывы ветра, закручивая пыльные карусели вокруг людей.

– Застегнись, – бросил Пауль, надевая маску и затягивая капюшон.

Гурни подчинился. Отличная все-таки вещь – эти фильтры... Через маску голос Пауля звучал глухо:

– Так кому из своих людей ты не доверяешь, Гурни?

– Да есть у меня там новички, – ответил Халлек. – Инопланетники... – Он на минуту замолчал, осознав вдруг, как легко назвал он их этим словом – «инопланетники».

– Ну-ну? – подбодрил Пауль.

– ...Так вот, это не обычные искатели удачи, какие приходят к нам, – сказал Халлек. – Какие-то слишком... жесткие. Крепкие. Злые.

– Харконненские шпионы? – предположил Пауль.

– Нет, милорд. Я думаю, не на Харконненов они работают. По-моему, это люди Императора. Салусой Секундус от них несет, вот что...

Пауль метнул, на него острый взгляд:

– Сардаукары?

Гурни пожал плечами:

- Возможно. Впрочем, они хорошо замаскированы. Пауль кивнул. Как, однако, легко Гурни стал прежним

верным вассалом Дома Атрейдес!.. Хотя нет... не совсем прежним. Арракис и его обломал.

Два фримена в затянутых капюшонах появились из-за разбитой скалы, стали подниматься по склону. Один из них нес на плече большой сверток.

- Где сейчас мои люди? - спросил Халлек.

- В безопасности, прямо под нами, - ответил Пауль. - Тут у нас пещера, называется Птичья. После бури решим, что с ними делать.

Сверху позвали:

- Муад'Диб!

Пауль повернулся на голос и увидел, что фримен-караульный машет рукой, подзывая его.

Гурни, изменившись в лице, уставился на Пауля:

- Так это ты - Муад'Диб?! Это ты - «неуловимый ветер песков»?!

- Ну да, так меня называют фримены, - подтвердил Пауль.

Гурни отвернулся. Его охватили недобрые предчувствия. Половина его людей легла в песках, остальные взяты в плен. До подозрительных новичков ему дела нет - но там есть и неплохие люди, даже друзья. Он чувствовал ответственность за них. «После бури решим, что с ними делать...» Пауль так и сказал. То есть Муад'Диб. Гурни вспомнил,

что рассказывали про Муад'Диба, про этого их Лисан аль-Гаиба... велел заживо содрать кожу с захваченного харконненского офицера и натянуть ее на барабан... его окружают бойцы-смертники, федайкины, бросающиеся в бой с Песней Смерти на устах...

...которого зовут просто «Он»...

Два фримена поднялись наконец к ним и легко вскочили на уступ рядом с Паулем. Один из них, с совсем темным лицом, доложил:

- Все в порядке, Муад'Диб. Нам теперь тоже лучше спуститься в пещеру.

- Хорошо.

Гурни обратил внимание на тон темнолицего. Это был полуприказ-полупросьба. Видимо, это - Стилгар, еще один герой новых фрименских легенд.

Пауль взглянул на сверток в руках второго фримена:

- Что здесь, Корба?

Вместо него ответил Стилгар:

- Мы нашли это в краулере. На нем инициалы твоего друга, а внутри него - балисет. А ты не раз рассказывал, какой искусный музыкант твой Гурни Халлек.

Гурни изучал лицо Стилгара, примечая бороду, немного выбившуюся из-под маски, ястребиный взгляд, тонкий нос.

- Твой товарищ умеет думать, мой господин... Спасибо, Стилгар.

Стилгар кивнул Корбе - тот передал сверток Халлеку - и сказал:

- Благодари своего господина герцога. Мы принимаем тебя только потому, что он за тебя.

Гурни принял сверток. Жесткие нотки в словах Стилгара озадачили его. Фримен вел себя почти вызывающе. Ревность? В самом деле, вот явился некий Гурни Халлек, знавший Пауля еще до Арракиса. В круг тех, старых друзей Стилгарту уже не войти никогда.

- Я хотел бы, чтобы вы двое стали друзьями, - произнес Пауль.

- Имя фримена Стилгара славится широко, - поклонился Гурни. - Почту за честь иметь среди друзей всякого, кто несет гибель Харконненам.

- Пожмешь ли ты руку моему другу Гурни Халлеку, Стилгар? - спросил Пауль.

Стилгар медленно протянул руку, стиснул мозолистую от рукояти меча ладонь Гурни.

- Немногие не знают имени Гурни Халлека, - улыбнулся он и отпустил руку. Затем обернулся к Паулю: - Сейчас ударит буря.

- Идем, - ответил Пауль.

Вслед за Стилгаром они двинулись через скалы по прихотливо изогнутой тропке, прорезанной в камне. Наконец они вышли в затененную нависающими скалами расщелину, откуда через низкий проход попали в пещеру. Фримены поспешили затянули за ними входной клапан. В свете плавающих ламп открывался широкий подземный зал с куполообразным потолком, приподнятой над полом платформой у одной из стен и ведущим с неё куда-то вглубь проходом.

Пауль вскочил на нее и повел Гурни прямо в этот проход. Остальные покинули первый зал через другой проход, прямо напротив. А Пауль и Гурни миновали комнату, которую можно было назвать прихожей, и из нее попали в следующую, со стенами, задрапированными темно-бордовой тканью.

- Тут мы сможем немного поговорить наедине, - сказал Пауль. - Фримены не будут нам...

В этот миг снаружи донеслись тревожные удары гонга, затем - крики и лязг оружия. Пауль метнулся наружу - через прихожую, к подиуму большого зала. Гурни, выхватив нож, кинулся за ним.

В пещере кипела схватка. На миг Пауль замер, оглядывая дерущихся ^ отличая бурнусы и бурки фрименов от одежд их противников. Выглядели они вполне обычно для контрабандистов - но оборонялись, разбившись на тройки, спина к спине.

Такая манера боя - это просто-таки клеймо Императорских сардаукаров.

Один из федайкинов заметил Пауля, и боевой клич прогремел под сводами пещеры:

- Муад'Диб! Муад'Диб! Муад'Диб!

Но не только этот федайкин заметил Пауля. В юношу метнули тяжелый черный нож. Пауль уклонился - нож лязгнул о камень за его спиной. Кинув взгляд, через плечо, Пауль увидел, что Гурни подобрал нож.

К этому времени фримены уже заметно потеснили тройки сардаукаров.

Гурни показал Паулю на извив тончайшей желтой линии - имперский цвет, - на золотого увенчанного льва и фасетчатый глаз на яблоке рукояти.

Да, сомнений нет. Сардаукары.

Пауль выступил вперед, на край площадки. К этому моменту внизу осталось лишь трое сардаукаров, тела остальных и тела нескольких фрименов лежали на полу трудами окровавленного тряпья.

- Стойте! - крикнул Пауль. - Герцог Пауль Атрейдес приказывает вам остановиться!

Сражающиеся замерли в нерешительности.

- Вы, сардаукары! - обратился Пауль к уцелевшим противникам. - По чьему приказу угрожаете вы законному правителю планеты, правящему герцогу Арракийскому? - И тут же, видя, как стягивается кольцо фрименов вокруг сардаукаров: - Стоять, я сказал!

Один из окруженней тройки выпрямился.

- Кто сказал, что мы сардаукары? - спросил он.

- Вот этот нож! - Пауль взял у Гурни нож и высоко поднял его.

- Тогда кто подтвердит, что ты и есть правящий герцог? - настаивал боец.

Пауль обвел рукой своих федайкинов:

- Они. А кроме того, твой же Император даровал управление Арракисом Дому Атрейдес. Я - это Дом Атрейдес.

Сардаукар замолчал, беспокойно озираясь.

Пауль рассматривал его. Высокий, плосколицый, с белым шрамом на левой щеке. В его поведении

сквозили ярость- и смущение; но в нем видна была и та самая гордость, без которой любой сардаукар показался бы голым, - с нею же он выглядел бы одетым даже и без единой нитки на теле.

Пауль посмотрел на одного из командиров федайкинов.

- Корба, как случилось, что они сохранили оружие?

- У них были спрятаны ножи в потайных карманах за спиной, -виновато объяснил тот.

Пауль обвел глазами убитых и раненых на полу пещеры и вновь посмотрел на Корбу. Говорить было нечего и незачем. Корба потупился.

- Где Чани? - спросил Пауль. Затаив дыхание, он ждал ответа.

- Стилгар увел. - Корба кивнул на второй выход и тоже посмотрел на тела на полу. - Я виноват, Муад'Диб.

- Сколько было сардаукаров, Гурни? - обратился к нему Пауль.

- Десять.

Пауль легко спрыгнул с подиума на пол, прошел к отвечавшему ему сардаукару и остановился на расстоянии удара.

Федайкины подобрались: они очень не любили, когда он вот так подвергал себя опасности; ибо фримены желали сохранить мудрость Муад'Диба.

Не оборачиваясь, Пауль спросил:

- А наших сколько пострадало?

- Четверо ранены, двое убиты, Муад'Диб, - ответил Корба.

Позади сардаукаров появились Чани и Стилгар. Пауль вновь повернулся к старшему из противников и посмотрел ему в глаза - глаза чужака-инопланетника, глаза с неприятно белесыми белками.

- Как твое имя? - резко произнес он. Сардаукар напрягся, посмотрел вправо-влево.

- И не пытайся, - покачал головой Пауль. - Мне ясно, что тебе приказали найти и уничтожить Муад'Диба. Уверен, что именно вы предложили поискать Пряность в глубокой Пустыне.

Сзади раздался изумленный вздох Халлека. Пауль улыбнулся краешком губ.

Кровь бросилась в лицо сардаукару.

- Но ты нашел больше чем просто Муад'Диба, - продолжал Пауль. - Семеро твоих людей убиты; у нас - лишь двое. Три к одному - недурно, .во всяком случае, против сардаукаров, а?

Сардаукар приподнялся на носках, но фримены качнулись вперед, и он снова замер.

- Я спросил, как твое имя, - повторил Пауль и приказал, пользуясь Голосом: - Назови свое имя!

- Капитан Арамшам, императорский сардаукар! - отрапортовал тот, челюсть его изумленно отвалилась. Он в смятении смотрел на Пауля. Теперь пещера уже не казалась ему укрытием варваров, и всю спесь с него как рукой сняло.

- Ну-ну, капитан Арамшам, - проговорил Пауль. - Дорого дали бы Харконнены, чтобы узнать то, что теперь знаешь ты. А Император! Чего бы он только не дал за сведения об Атрейдесе, уцелевшем вопреки его предательству!..

Капитан вновь огляделся по сторонам - на двух оставшихся бойцов. Пауль почти видел, как ворочаются мысли в его голове. Да, «сардаукары не сдаются» - но Император должен знать об этой угрозе!

Все еще используя Голос, Пауль велел:

- Капитан, сдавайтесь!

Сардаукар, стоявший по левую руку от капитана, без предупреждения ринулся на Пауля, но его остановил сверкнувший в руке его же собственного командира нож. С ножом в груди нападавший рухнул на пол.

Капитан повернулся ко второму бойцу.

- Только мне здесь решать, что лучше отвечает интересам Его Величества, - объявил он. - Ясно?

Плечи его подчиненного поникли.

- Бросай оружие, - приказал капитан. Сардаукар подчинился.

Капитан вновь повернулся к Паулю.

- Я убил ради тебя своего друга, - произнес он. - Не забудь это.

- Вы - мои пленники, - ответил Пауль. - Вы сдались. Живые или мертвые - не важно.

Он жестом приказал взять сардаукаров и поманил к себе Корбу, обыскивавшего пленных.

Когда фримены увили пленных сардаукаров, Пауль склонился к Корбе.

- Муад'Диб, - проговорил тот, - я подвел тебя. Я...

- Вина тут моя, Корба, - не дал ему закончить Пауль. - Надо было предупредить тебя, что и где искать. Запомни этот случай на будущее - тебе еще придется, я думаю, обыскивать сардаукаров. И вот еще что: следует помнить, что у каждого из них есть один-два фальшивых

ногтя на ноге; в сочетании с другими деталями, замаскированными на теле, они составляют достаточно эффективный передатчик. Фальшивые зубы у них тоже есть. В волосах у них наверняка спрятан кусок шигакорда, такого тонкого, что его почти невозможно нашупать, не зная о нем; но он достаточно прочен для того, чтобы не только удушить человека, но и отрезать ему голову этой удавкой. Когда обыскиваешь сардаукара, осмотри его, просвети его, изучи все тело в отраженных и проникающих лучах, сбей каждый волосок на голове и на теле... и все-таки, можешь не сомневаться, всего ты не обнаружишь. Он посмотрел на Гурни, который подошел поближе.

- Тогда, наверное, лучше их просто прикончить, - предложил Корба.

Пауль, не отводя взгляда от Гурни, покачал головой:

- Нет. Я хочу, чтобы они бежали. Гурни непонимающе уставился на него:

- Но, сир... Пауль...

- Да?

- Твой человек-прав. Убейте их немедленно. Уничтожьте все следы. Вы же опозорили Императорских сардаукаров! Если Император узнает об этом - он не успокоится, пока не разорвет вас на мелкие кусочки и не развеет пепел по ветру!

- Положим, это Императору навряд ли удастся, - неторопливо и холодно ответил Пауль. Во время разговора с капитаном что-то изменилось внутри него, оформились некоторые мысли.

- Гурни, - обратился он к другу, - много ли гильдиеров вокруг Раббана?

Тот выпрямился, прищурил глаза:

- Это вопрос не...

- Так много ли их? - резко повторил Пауль свой вопрос.

- Да Арракис просто кишит агентами Гильдии. Скупают Пряность так, словно во всей Вселенной нет ничего дороже. А иначе почему бы мы сунулись так далеко в....

- Это и есть самая большая ценность Вселенной, - отрезал Пауль. - Для них по крайней мере. - Он посмотрел на подходящих Стилгара и Чани. - И мы - ее хозяева, Гурни.

- Ее хозяева - Харконнены! - возразил Гурни.

- Настоящий хозяин ценности тот, кто может ее уничтожить, - изрек Пауль и, жестом остановив Халлека, который хотел сказать что-то еще, кивнул Стилгару и Чани.

Левой рукой Пауль подал Стилгару сардаукарский нож.

- Ты живешь ради блага племени, - начал он. - Смог бы ты выпустить вот этим ножом кровь моей жизни?

- Ради блага племени - да, - проворчал Стилгар.

- Ну так возьми этот нож и сделай это.
- Ты что – вызываешь меня? – резко спросил Стилгар.
- Когда бы я бросил тебе вызов, – ответил Пауль, – я бы встал перед тобой без оружия и дал бы тебе убить меня.

Стилгар резко, коротко втянул в себя воздух.

- Усул! – воскликнула Чани. Она взглянула на Халлека, потом опять на Пауля.

Пока Стилгар думал, что ответить, Пауль снова обратился к нему:

- Ты – Стилгар, ты – воин. Но вот когда сардаукары устроили «тут драку, ты не был в первом ряду сражавшихся. Ты прежде всего подумал о том, чтобы защитить Чани.
- Она моя племянница! – огрызнулся Стилгар. – Но если бы я хоть на миг усомнился в том, что твои федайкины способны справиться с этими подонками...
- Так почему ты в первую очередь подумал о Чани? – настаивал Пауль.

- Не о ней!

- Вот как?

- О тебе, – признался Стилгар.

- И ты думаешь, что мог бы поднять на меня руку? – мягко спросил Пауль.

Стилгар задрожал.

- Таков обычай... – пробормотал он.

- Но есть и другой обычай, – напомнил Пауль. – Принято убивать пойманных в Пустыне чужаков-инопланетников и забирать их воду – как дар Шаи-Хулуда. А ты вот как-то нарушил его – сохранил жизнь двум таким чужакам. Моей матери и мне.

Стилгар молча глядел на Пауля. Его сотрясала дрожь. Подождав ответа, Пауль сказал:

- Обычай меняются, Стал. Ты, как видишь, и сам их менял.

Стилгар опустил взгляд на желтую эмблему на ноже в своей руке.

- Когда я зайду на престол в Арракине, когда я буду там герцогом и Чани будет со мной – неужели, ты думаешь, у меня найдется время вникать в дела сиетча Табр? Ты вот, к примеру, разве забиваешь себе голову семейными делами каждого йали своего сиетча?

Стилгар упорно продолжал рассматривать нож.

- Или ты думаешь, что я хочу отсечь свою правую руку?

Стилгар медленно поднял взгляд.

- Так что же, – почти крикнул Пауль, – ты думаешь, что я хочу лишить племя твоей силы и твоей мудрости?!

Стилгар тихо сказал:

- Юношу моего племени, которого я знаю по имени, я мог бы, будь на то воля Шаи-Хулуда, сразить в поединке. Но как я могу поднять руку на Лисан аль-Гаиба?! И ты знал это, когда вручал мне нож.

- Знал, – согласился Пауль.

Стилгар разжал пальцы. Нож лязгнул о каменный пол.

- Обычай меняются, – повторил он.

- Чани, – распорядился теперь Пауль, – отправляйся за моей матерью и привези ее сюда: нам понадобится ее совет...

- Но ты же говорил, что мы все едем на Юг! – возразила Чани.

- Я был не прав, – ответил Пауль. – Харконненов на Юге нет. И война ждет нас в ином месте.

Чани только глубоко вздохнула, принимая новость как подобает дочери Пустыни, принимающей все, что приходится принимать в этой жизни, неразрывно сплетен-ной со смертью.

- Передашь ей - и только ей - известие: Стилгар признает меня герцогом Арракийским, но надо сделать так, чтобы и молодежь приняла это и не полезла в драку, Чани взглянула на Стилгара.

- Делай как он велит, - буркнул Стилгар. - Мы-то с тобой знаем, что в поединке он бы меня одолел... да я и не смог бы поднять на него руку... даже для блага племени.

- Я вернусь вместе с твоей матерью, - сказала Чани.

- Нет, пришли ее одну, - возразил Пауль. - Инстинкт Стилгара не подвел: я сильнее, когда знаю, что ты вне опасности. Так что ты останешься в сиетче.

Чани начала было протестовать, но умолкла.

- Сихайя моя, - нежно произнес Пауль. А повернувшись направо, встретился с горящим взглядом. Гурни.

С того момента, как Пауль упомянул о своей матери, Гурни перестал воспринимать разговор юноши со старшим фрименом.

- Тогда, в ночь набега, Айдахо спас нас....- задумчиво проговорил Пауль; его мысли были о предстоящей разлуке с Чани. - Теперь мы...

- А что случилось с самим Дунканом, милорд? - перебил Гурни. Но он сейчас думал не о Дункане Айдахо.

-, Погиб: он ценой своей жизни выиграл для нас время.

Так, значит, ведьма жива! - думал он. Одна из тех, кого я поклялся уничтожить даже ценой своей жизни. Она жива! И герцог Пауль явно не подозревает, какое чудовище дало ему жизнь. Что за дьявольская злоба! Выдать Харконненам его отца!..

Пауль прошел мимо него, вспрыгнул на подиум. Оглянувшись, он увидел, что убитых и раненых уже унесли. Вот и еще одна глава в легендах о Муад'Дибе, с горечью подумал он. Я даже не обнажил свой крис - но по всей Пустыне пойдут рассказы о том, как я один одолел двадцать сардаукаров...

Гурни, не чувствуя пола под ногами, вышел вслед за ним и Стилгаром. Пещера, залитая желтоватым светом плавающих ламп, не существовала более для него. Только - ярость.

«Проклятая ведьма еще жива - а кости тех, кого она предала, засыпаны в тесных могилах. Не-ет, прежде чем я убью ее, Пауль должен узнать всю правду о ней».

Глава 7

Как часто гнев заставляет людей отринуть то, что говорит им внутренний голос!

(Принцесса Ирулан. «Избранные речения Муад'Диба»)

Фримены, собравшиеся в общем зале пещеры, чувствовала Джессика, были охвачены тем самым чувством, которое было памятно ей со дня поединка Пауля с Джамисом. Слышались негромкие, но возбужденные голоса; тут и там возникали небольшие группы, обсуждая что-то.

Джессика вышла из апартаментов Пауля на подиум, спрятав в складки одежды цилиндриск с сообщением. Она уже успела отдохнуть после долгого путешествия с Юга, хотя по-прежнему досадовала, что Пауль не разрешает пользоваться захваченными топтерами.

- Мы пока еще не в состоянии контролировать воздушное пространство, - объяснял Пауль, - и не можем позволить себе зависеть от привозного топлива. К тому же мы должны беречь и машины, и горючее для того дня, когда нам понадобятся все ресурсы.

Сам Пауль стоял у подиума в окружении молодых воинов. Тускловатый свет плавающих ламп придавал происходящему ощущение нереальности. Все это напоминало бы большой прием – если бы не вездесущий запах, не шорох ног по камню и не шепот.

Джессика смотрела на сына, удивляясь, что тот еще не показал ей свой сюрприз – Гурни Халлека. Это имя напомнило ей о прошлом, о днях любви... об отце Пауля.

Стилгар, окруженный личными бойцами, стоял у противоположной стены, сохраняя молчаливое достоинство.

Нам никак нельзя потерять этого человека, подумала Джессика. План Пауля должен удастся. Иначе... иначе нас ждет огромная трагедия.

Она молча спустилась с подиума, прошла мимо Стилгара, не глядя на него, и приблизилась к Паулю. Фримены один за другим замолкали, расступаясь перед ней.

Она понимала, что это молчание – знак почтительного страха перед Преподобной Матерью. Но в этом молчании был и невысказанный вопрос.

Молодежь при ее приближении отошла в стороны, образовав свободное пространство вокруг Пауля, и это новое к нему отношение опять обесокоило ее. «Все, кто ниже тебя, неизбежно завидуют твоему положению» – это была аксиома Бене Гессерит. Но ни на одном лице не было и тени зависти. Ореол религиозного почитания удерживал людей в некотором отдалении. И она вспомнила другую аксиому: «Пророки редко умирают своей смертью...»

Пауль посмотрел на нее.

- Время настало, – произнесла Джессика, подавая ему цилиндриск с сообщением.

Один из тех отошедших было парней набрался духу и, взглянув на Стилгара, обратился к Паулю:

- Это точно, время настало. Наконец-то. Ты думаешь вызвать его? Люди могут подумать, что ты трус... если...

- Кто тут сказал слово «трус»?! – рявкнул Пауль, и рука его легла на рукоять криса.

Напряженное молчание опустилось на группу молодежи, затем разлилось по всей пещере.

- Надо кое-что сделать, – решительно сказал Пауль. Говоривший отшатнулся. Пауль, раздвигая толпу, подошел к подиуму, легко вскочил на него, повернулся к фрименам и, призывая к тишине, поднял руку.

- Так сделай, сделай! – крикнули из толпы. Этот выкрик вызвал ропот и перешептывание. Пауль дождался тишины – она наступила не сразу, в

толпе покашливали, шаркали ногами... Наконец все стихло. Пауль опустил руку и заговорил так, что звук отдавался по всей пещере:

- Вы устали ждать.

Ему вновь пришлось дожидаться, когда стихнут возбужденные возгласы.

Да, они действительно устали ждать, подумал Пауль. Он покачал на ладони цилиндриск, думая о том, что содержит в себе этот невинный с виду предмет. Джессика уже показала ему сообщение и

рассказала, как его перехватили у харконненского курьера. А сообщеньице-то было ясным, Раббана предоставляли самому себе. Он не мог отныне рассчитывать ни на помошь, ни на подкрепления!

Пауль возвысил голос:

- Вы думаете: вот пришло время, когда я должен вызвать Стилгара на бой и сменить его во главе наших войск!

Прежде чем кто-либо успел ответить ему, Пауль яростно закричал:

- По-вашему, Лисан аль-Гаиб настолько глуп?! Наступила ошеломленная тишина.

Он принимает роль религиозного вождя, подумала Джессика. Да, ему придется сделать это.

- Но таков обычай! - выкрикнул кто-то.

Пауль сухо ответил, прощупывая эмоциональный настрой толпы:

- Обычаи меняются.

Из угла донесся сердитый крик:

- Мы сами решим, что нам менять! Посыпался одобрительный гул – многие в толпе соглашались с крикнувшим.

- Как хотите, – ответил Пауль.

И Джессика услышала, что он использует Голос, как она его учила.

- Вы скажете все, что хотите, – объявил Пауль. – Но сначала буду говорить я – а вы меня выслушаете.

Стилгар с бесстрастным лицом прошел к ним вдоль подиума.

- Это ведь тоже обычай, – сказал он. – На Совете может быть выслушан любой фримён. А Пауль Муад'Диб – фримен!

- Благо племени – прежде всего, так? – спросил Пауль.

Стилгар ответил все тем же ровным голосом и с тем же достоинством:

- Конечно. Им мы выверяем каждый свой шаг.

- Хорошо... – протянул Пауль. – Если так, ответьте: кто командует бойцами нашего племени? И кто правит всеми племенами, всеми бойцами – через инструкторов, которых мы обучили приемам колдовского боя?

Пауль помедлил немного, оглядывая толпу, но никто ему не ответил. Наконец он продолжил:

- Может быть, ими распоряжается Стилгар?.. Но он сам отрицает это. Тогда, может, это я? Сам Стилгар порой исполняет мои приказы, и старейшины, мудрейшие из мудрых, прислушиваются ко мне на Совете!

В толпе зашевелились – но опять никто не ответил.

- Так. Тогда, может быть, правит моя мать? – Пауль указал на Джессику, стоявшую в черном церемониальном одеянии у края подиума. – И Стилгар, и все; другие вожди спрашивают ее совета почти по всякому важному делу. И вам всем это известно. Но – странствует ли Преподобная Мать в песках? Водит ли она воинов в раззию на Харконненов?

Большинство фрименов, кого мог видеть Пауль, задумались, наморщив лбы; но многие еще роптали.

Ох, с огнем он играет – очень уж опасный способ выбрал! – с беспокойством подумала Джессика. Впрочем, она помнила о цилиндрке и значении заключенного в нем послания. И, конечно, она понимала, чего добивается Пауль: дойти до самых корней неуверенности, уничтожить их, и тогда всё прочее последует само собой.

- Итак, никто не желает признавать вождя без вызова и поединка? – продолжал между тем Пауль.

- Обычай такой! – снова крикнул кто-то.

- Хорошо, но какова наша цель? – спросил Пауль. – Сбросить Раббана[^] это харконненское чудовище, и превратить планету в место, где мы и наши семьи благоденствовали бы среди изобилия

воды? Это наша цель – да или нет?

- Так вот по цели же и средства – цель трудная, и средства суровые! – ответил голос из толпы.

- Неужели ты привык ломать свой нож перед боем? – осадил его Пауль. – То, что я сейчас скажу, – факт, а не хвастовство и не вызов: среди вас никто, и Стилгар в том числе, не выстоит против меня в поединке. Стилгар это сам признал. Он это знает – как и каждый из вас.

В толпе опять заворчали.

.Многие из вас встречались со мной в учебном бою, – указал Пауль. – Так что вы знаете, что я не хвастаю зря. Я говорю это потому, что все мы знаем – это правда, и я был бы глупцом, если бы не видел, что это так. Ведь я начал учиться этому колдовскому бою куда раньше, чем вы, а учителя мои были куда крепче любых бойцов, с которыми вы сталкивались. Как бы иначе, вы думаете, я одолел Джамиса? Ведь тогда я был в возрасте, в котором ваши мальчишки все еще сражаются лишь в играх!

Он умело пользуется Голосом, подумала Джессика, но с этим народом одним Голосом не обойдешься. К словам у них неплохой иммунитет, и одолеть их интонациями... Ему надо увлечь их логикой.

- А теперь, – объявил Пауль, – мы добрались до главного. Вот! – Он поднял цилиндр и размотал ленту с сообщением. – Это перехвачено у харконненского курьера, и в подлинности сообщения сомнений нет. Оно адресовано

Раббану. До его сведения доводится, что в пополнениях ему отказано, что добыча Пряности упала намного ниже установленной нормы, что он обязан выжимать из Арракиса Пряность, обходясь наличными силами. Стилгар приблизился к Паулю.

- Ну, кто уже понял, что это значит? – спросил Пауль. – Стилгар вот сразу сообразил!

- Они отрезаны! – громко закричал кто-то.

Пауль затолкал цилиндр и само сообщение в кушак. Затем снял с шеи витой шнурок из шигакорда и показал всем висевший на нем перстень.

- Вот этот перстень принадлежал моему отцу! – провозгласил он. – И я поклялся, что не надену его, пока не буду готов повести мои войска по Арракису и вернуть его себе по праву, как свой законный феод!

И он надел кольцо и сжал кулак. На пещеру опустилась тишина.

- Кто правит здесь? – спросил Пауль, вскинув сжатую в кулак руку. – Я правлю здесь! Я правлю каждым дюймом Арракиса! И здесь мой феод – не важно, подтвердит это Император или нет. Он дал его моему отцу, а я унаследовал его!

Оценивая реакцию толпы, он покачался с носка на пятку.

«Еще немного», – подумал он.

- Есть люди, которые займут на Арракисе высокие места: Империи придется принять мои условия! – продолжал Пауль. – И Стилгар – один из таких людей. И это не потому, что я хочу откупиться от него. И не из благодарности, хотя я, как и многие из вас, обязан ему жизнью. Нет! А потому лишь, что он мудр и силен; потому, что он умеет управлять своим сиетчем, опираясь на свой разум, а не на одни только обычай. Неужели же вы считаете меня глупцом, способным отсечь свою правую руку и бросить в луже крови тут, на полу пещеры, – и всё затем, чтобы развлечь вас зреющим?

Пауль обвел толпу взглядом.

- Кто здесь посмеет сказать, что я – не законный правитель Арракиса? Или мне придется, доказывая это, перерезать всех вождей фрименов в эрге?

Стилгар вопросительно посмотрел на Пауля.

- Стану ли я сам подрывать наши силы – в то самое время, когда они нам всего нужнее? – спросил Пауль. – Вот я – ваш правитель; и я говорю вам: настало время нам прекратить убивать друг друга, время обратиться против истинных наших врагов – Харконненов, обрушиться на них всей своей мощью!

Стилгар молниеносно выхватил крис и, воздев его, возгласил:

- Да здравствует герцог Пауль Муад'Диб! Множество голосов слились в единый рев, сотрясший

каменные своды пещеры и подхваченный эхом. Многоголосый хор гремел:

- Йа хъя чаухада! Муад'Диб! Муад'Диб! Йа хъя чаухада! Джессика повторила про себя: «Да здравствуют воины Муад'Диба!» Да, все прошло именно так, как задумали они втроем со Стилгаром.

Постепенно крики затихли. Когда вновь наступила тишина, Пауль повернулся к Стилгару и приказал:

- На колени!

Тот немедленно подчинился.

- Дай мне свой крис. Стилгар подал крис Паулю.

Этого в нашем плане не было! – подумала Джессика.

- Повторяй за мной, Стилгар, – велел Пауль и начал произносить слышанную от отца присягу введения в должность. – «Я, Стилгар, принимаю этот нож из рук моего герцога...»

- Я, Стилгар, принимаю этот нож из рук моего герцога...

- «И туда я направлю его, куда укажет мне мой герцог».

- И туда я направлю его, куда укажет мне мой герцог. Джессика, вспомнив Лето, едва сдержала слезы. Но потом тряхнула головой. Мне ясны причины. И я не должна так волноваться.

- «И будет этот клинок служить моему герцогу и гибели врагов его, доколе струится кровь в моих жилах», – закончил Пауль.

Стилгар медленно и торжественно повторил эти слова.

- Поцелуй крис, – велел Пауль.

Стилгар повиновался, а затем, следуя фрименскому обычаю, поцеловал и руку, держащую крис. Затем по знаку Пауля он убрал клинок в ножны и поднялся на ноги.

По толпе прокатился потрясенный вздох. Кто-то проговорил:

- Сказано в пророчестве: «Бене Гессерит укажет нам путь, и Преподобная Мать увидит его».

Из дальнего угла, кто-то отозвался:

- Она указывает нам путь через своего сына!

- Знайте, – заключил Пауль, – этим племенем водительствует Стилгар, и никто да не усомнится в его власти. Я говорю устами Стилгара; и что говорит он, то говорю я.

«Мудро, подумала Джессика. Вождь, конечно, не должен терять лица перед теми, кем правит».

- Этой же ночью отправь гонцов и разошли сейлаго, – тихо распорядился Пауль, повернувшись к Стилгару. – Я созываю Сбор. После этого приведешь Чатта, Корбу, Отхейма и еще пару командиров – сам смотри кого – ко мне в комнату. Надо обсудить план битвы, чтобы было с чем выступить перед вождями на Сборе.

Пауль кивком подозвал мать, они вместе сошли с подиума и сквозь толпу направились по центральному коридору к своим комнатам. Из толпы к Паулю тянулись руки, слышались выкрики:

- Муад'Диб, нож мой будет направлен туда, куда укажет Стилгар!

- Веди нас в бой, Пауль Муад'Диб!

- Зальем этот мир кровью Харконненов!, Джессика, наблюдая за настроением толпы, почувствовала: их оружие – фримены – отточено. Они готовы к сражению и рвутся в бой, они воодушевлены до предела.

Во внутреннем покое своих апартаментов Пауль усадил мать, сказал ей «Подожди» и, раздвинув занавеси, нырнул в боковой проход.

«Должно быть, он сейчас приведет Гурни Халлека», – подумала Джессика и сама удивилась тому, какие смешанные чувства ее обуревали. С Гурни и его музыкой были связаны воспоминания о многих приятных часах на Каладане... но это было до Арракиса. Там, на Каладане, жил кто-то другой, не она. За прошедшие с тех пор неполные три года она стала совсем другим человеком.

Увидеть теперь Гурни – значит как бы закрепить происшедшую перемену...

Кофейный сервис Пауля – изящные чашки-бокальчики из сплава серебра и ясмия, – унаследованный им от Джамиса, стоял справа от Джессики на низком столике. Она рассматривала сервис, думая о многих и многих руках, касавшихся его. Уже месяц Чани подавала Паулю кофе только в нем.

Что может эта дочь Пустыни, кроме как подавать ему кофе? – с горечью подумала Джессика. Она не дает ему ни могущества, ни родства с Великим Домом... А у Пауля есть лишь один действительно надежный шанс – породниться с влиятельным Великим Домом... а может быть, даже и с Императорским. Есть же в конце концов у Императора принцессы на выданье – и все как одна воспитанницы Бене Гессерит.

Джессика представила себе, как покидает суровый Арракис и меняет его на могущество и безопасность жизни матери принца-консорта. Она обвела взглядом тяжелые драпировки, прикрывавшие каменные стены высеченной в скале комнаты. Вспомнила, как попала сюда – целый караван гигантских червей, одни с паланкинами, другие с выночными платформами, груженные всем необходимым для войны.

Но пока Чани жива, Пауль не сумеет понять, чего требует от него долг. Она родила ему сына – и этого, ему довольно...

Ей вдруг захотелось увидеть внука, так похожего на своего деда. На ее Лето... Джессика прижала ладони к щекам, пытаясь ритуальными дыхательными упражнениями успокоить эмоции и очистить разум. Затем склонилась к полу – это тоже помогало подчинить тело разуму.

В качестве командного пункта Пауль выбрал Птичью пещеру – и вряд ли его выбор можно было оспорить. Место было идеальным. К северу отсюда лежал Ветровой Перевал, в котловине за которым находился хорошо защищенный поселок, окруженный высокими скалами. Этот поселок – ключевой элемент целого сектора харконненской обороны, центр технического обеспечения, ремонта и снабжения. Здесь жили техники, инженеры и ремесленники.

За занавесями кто-то кашлянул. Джессика выпрямилась, глубоко вздохнула и сделала медленный выдох.

– Войдите, – произнесла она.

Резко отбросив занавеси, Гурни Халлек ворвался в комнату. Она успела только бросить взгляд на его лицо и отметить какое-то странное выражение, – и в следующий миг Гурни оказался за ее спиной, мускулистой рукой зажал ее шею и вздернул на ноги.

– Гурни, что ты делаешь, сумасшедший?! – вскрикнула она.

В следующий миг она ощутила, как к спине прикоснулось острие ножа. Это прикосновение холодом обожгло ее – она осознала, что Гурни действительно готов ее убить. Но почему?! Она искала хоть какую-нибудь причину – такие, как Гурни, не предают. Но в намерениях его сомневаться не приходилось. Разум лихорадочно заработал, ей противостоял противник, одолеть которого было трудно. Опытный убийца, знающий о Голосе и умеющий ему сопротивляться, знающий все боевые приемы, хитрости и уловки. Мастер убийств. Орудие, которое она сама помогала оттачивать изощренными приемами Бене Гессерит.

– Что, ведьма, думала, что отделалась от нас, а? Ускользнула?.. – прорычал Гурни..

Она не успела еще понять, о чем он, как занавеси вновь разошлись, и появился Пауль.

– Вот и он, ма... – Увидев, что происходит, Пауль замолк.

– Стойте на месте, милорд! – велел Гурни. '

– Какого... – Пауль не смог даже договорить, только головой потряс.

Джессика попыталась сказать что-то, но рука лишь сильнее сжала ее горло.

– А ты, ведьма, будешь говорить, когда я тебе позволю! – рявкнул Гурни. – Причем ты только одно скажешь – чтобы твой сын слышал. И поверь, я вгоню этот нож в твое сердце, если замечу малейшее сопротивление... Итак, пусть твой голос остается ровным и монотонным. Не напрягай мышцы. Веди себя очень осторожно, если хочешь выиграть еще несколько мгновений жизни... а можешь мне поверить, у тебя остались именно секунды...

Пауль шагнул вперед:

– Гурни, старик, да что тебе...

- Стойте на месте! – оборвал его Халлек. – Еще шаг – и она мертва!

Рука Пауля скользнула к рукояти ножа. Тихим голосом, в котором звучала смерть, он проговорил:

- Лучше тебе объясниться, Гурни.

- Я поклялся убить того, кто предал твоего отца! – Гурни яростно выплевывал слова. – Как вы... как ты думаешь – мог я забыть о человеке, который спас меня из харконненских подземелий, – дал мне свободу, жизнь и честь?! Который дал мне свою дружбу – самое дорогое из всего?! И вот предательница . – под моим ножом, и никто не помешает мне...

- Гурни, сильнее ошибиться ты не мог, – покачал головой Пауль.

А Джессика подумала: Так вот в чем дело! Какая чудовищная ирония судьбы!

- Ошибаюсь?! – взвыл Гурни. – Ну так пусть она сама скажет! И не забывает при этом, что я давал взятки, шпионил, обманывал – и все ради того, чтобы подтвердить это обвинение! Я даже купил – за семуту – капитана баронской охраны, и значительную часть этой истории я знаю от него!

Все-таки его захват чуточку ослаб. Но раньше, чем Джессика сумела что-то сказать, Халлеку ответил Пауль:

- Предатель – Юйэ. Это точно, Гурни. Свидетельства тому исчерпывающи и неоспоримы. То был Юйэ. Не важно, почему ты заподозрил мою мать – а это, повторяю, не более чем пустое подозрение. Но если ты причинишь ей зло... – Пауль вытянул крис из ножен, выставил его перед собой, –... тогда я убью тебя.

- Юйэ был кондиционированным медиком, допущенным к работе в правящем Доме, – яростно возразил Гурни. – Как же он мог предать?!

- Я знаю способ преодолеть кондиционирование, – ответил Пауль.

- А доказательства?!

- Здесь у меня их нет. Они – в сиетче Табр, это далеко к югу отсюда, но если...

- Это трюк! – прорычал Гурни, и его рука с новой силой сжалась на горле Джессики.

- Не трюк и не обман, Гурни, – ответил Пауль, и такая печаль прозвучала в его голосе, что у Джессики сжалось сердце.

- Но я сам видел сообщение, перехваченное у харконненского агента! – воскликнул Гурни. – И там определенно говорилось о...

- И я его видел, – перебил Пауль. – Отец показал его мне и объяснил, почему он был уверен в том, что это не более чем харконненская уловка, цель которой – заставить герцога подозревать любимую женщину.

- А! – выдохнул Гурни. – Но ты не...

- Замолчи, – велел Пауль – и в спокойной монотонности его голоса прозвучала большая сила приказа, чем Джессике когда-либо приходилось слышать.

Он овладел Великим контролем; подумала Джессика. Рука Гурни на ее шее задрожала. Неуверенно шевельнулся нож за ее спиной...

- Да, ты подкупал, шпионил и обманывал; но вот чего ты не делал – так это не слышал, как рыдала ночами моя мать, потеряв своего герцога. Ты не видел, каким огнем горят ее глаза, когда она говорит о смерти для Харконненов.

Так он слушал тогда! – Глаза Джессики застилали слезы.

- Чего ты не сделал, – продолжал Пауль, – так это не вспомнил ни разу уроки, полученные тобой в харконненских темницах и казармах для рабов. И ты еще с такой гордостью говорил о дружбе с моим отцом! Да разве не понял ты разницу между Атрейдесами и Харконненами – не понял настолько, что до их пор не научился узнавать харконненские уловки по одному их зловонию? Или не усвоил ты, что Атрейдесы платят за верность любовью, а харконненская монета – ненависть? Как же ты не сумел понять, в чем самая суть этого предательства?!

- Н-но... а Юйэ?.. – пробормотал Гурни.

- Доказательство, о котором я упомянул, – это собственноручно написанное Юйэ письмо, где он

признается в совершенном предательстве, – ответил Пауль. – Клянусь тебе в том моей любовью к тебе – любовью, которую я буду питать, даже если придется убить тебя и ты ляжешь здесь, на полу, мертвым.

Слушая сына, Джессика чувствовала восхищение – какая собранность, какая проницательность разума!..

– У отца, было настоящее чутье на верных друзей, – продолжал Пауль. – Не всякому давал он свою любовь, но при этом не ошибся ни разу. А слабость его была в недопонимании природы ненависти: он считал, что тот, кто ненавидит Харконненов, не сможет его предать... – Пауль взглянул на мать. – Она знает это. Я передал ей слова отца, его завещание... он велел сказать, что всегда верил ей и ни на миг в ней не усомнился.

Джессика почувствовала, что теряет контроль над собой, и прикусила губу, стараясь справиться с эмоциями. По напряженно-формальному тону сына она поняла, чего стоили ему эти слова. Ей захотелось подбежать к нему, прижать его голову к груди... чего она никогда не делала. Но рука, обвившаяся вокруг ее шеи, перестала дрожать, а острие ножа вновь неподвижно уперлось ей в спину.

– Один из самых ужасных моментов в жизни ребенка, – сказал Пауль, – это миг потрясения – миг, когда он понимает, что между его отцом и матерью существуют отношения, внутрь которых ему доступа нет. Он никогда не сможет разделить с ними эту любовь. Это потеря. Это – первое осознание факта, что мир – это не ты, а то, что окружает тебя, и что ты одинок в нем. Ты сознаешь, что это правда, и не можешь уйти от нее. Я слышал, как отец говорил о матери. Она – не предатель, Гурни, и не может быть им.

Джессика почувствовала, что может говорить, и сказала:

– Отпусти меня, Гурни.

Она не использовала Голос, не играла на слабости Гурни – но рука его упала. Джессика подошла к Паулю и стала рядом, не прикасаясь к нему.

– Пауль, – сказала она, – жизнь знает и иные потрясения. Так, я сейчас вдруг поняла, как жестоко я использовала тебя, пытаясь управлять тобой, согнуть тебя, и все это ради того, чтобы направить тебя по тому пути, который я сама выбрала для тебя... пути, который я должна была выбрать, потому что так уж меня учили... если это хоть как-то меня оправдывает. – Она проглотила комок в горле, заглянула сыну в глаза. – Пауль... я хочу, чтобы ты кое-что сделал для меня. Нет, не так....Обещай

мне – ты сам должен выбрать путь своего счастья. Твоя женщина из Пустыни... женись на ней, если хочешь. И не дай никому и ничему помешать тебе. Но главное – сам выбирай свой путь. Я...

Она замолчала, услыхав за спиной невнятное бормотание.

Гурни!

Увидев, что Пауль смотрит через ее плечо, повернулась и Джессика.

Гурни стоял все там же, он только нож убрал в ножны, да еще распахнул на груди бурнус, открыв серую, лоснящуюся ткань дистикомба стандартного выпуска – контрабандисты покупали эту модель во фрименских сиетчах.

– Вонзи свой нож в мое сердце! – еле выговорил он. – Рази, прошу – и покончим с этим! Я покрыл позором свое имя! Я предал своего герцога! О, лучше...

– Да замолчи ты, – сказал Пауль. ~ Гурни уставился на него.

– А теперь застегнись и кончай валить дурака, – проворчал Пауль. – На сегодня я уже, кажется, сыт глупостями по горло.

– Убей меня, говорю я! – взвыл Гурни в неистовстве.

– Тьфу... – вздохнул Пауль. – Я-то думал, хоть ты меня лучше знаешь. Да что вы меня все – идиотом считаете?! И почему я должен повторять эту комедию с каждым человеком, который мне нужен?!

Гурни перевел взгляд на Джессику и жалким, безнадежным и умоляющим голосом – так не похоже на старину Гурни! – попросил:

– Ну тогда вы, миледи... пожалуйста... вы меня убейте. Джессика подошла к нему, положила руки ему на плечи.

- Гурни, отчего ты настаиваешь, чтобы Атрейдесы убивали тех, кого любят?

Она мягко вытянула из пальцев Халлека края бурнуса и застегнула их.

Гурни, совершенно сломленный, выдавил: -Но... я... я же...

- Ну да. Ты думал, что делаешь это ради Лето, - сказала Джессика - и за это я могу лишь восхвалить тебя...

- Госпожа моя!.. - простонал Гурни и, уронив голову, зажмурил глаза, пытаясь сдержать вскипающие слезы.

- Давай будем считать все случившееся небольшим непониманием между старыми друзьями, - сказала Джессика, и Пауль услышал в ее голосе успокаивающие, утешающие нотки. - Ну всё-всё, теперь всё уже позади, и мы можем только радоваться, что больше такое непонимание между нами не повторится, Гурни открыл блестящие, мокрые глаза и преданно посмотрел на нее.

- Гурни Халлек, которого я запомнила, был искуснейшим мастером клинка и струн, - продолжала Джессика. - Он был лучшим исполнителем на балисете, которого я знала и которым восхищалась. Может быть, этот Гурни Халлек помнит, как любила я слушать, когда он пел для меня?.. Ты сохранил свой балисет, Гурни?

- У-у меня теперь новый, - пробормотал Гурни. - Он с Чусука - чудесный инструмент, звучит, как подлинный Варота, правда, подписи на нем нет. Я склонен полагать, что это работа одного из учеников Вароты, который... - Он умолк. - Но что это я, миледи! Что я могу сказать?! Вот мы болтаем о...

- Вовсе не болтаем, Гурни, - возразил Пауль, подошел к матери и встал, глядя в лицо Гурни. - Это не болтовня, а то, что приносит радость друзьям. И я прошу тебя - сыграй нам. Планы битвы могут и подождать немного, Все равно до завтра мы не выступим.

- Я... я сейчас принесу балисет, - заторопился Гурни. - Он там, в коридоре. - Он выскочил в коридор, только занавески взметнулись.

Пауль коснулся руки матери, ощутил, как она дрожит.

- Уже всё, мама, - сказал он.

Она, не поворачивая головы, искоса взглянула на него: - Всё?..

- Ну да. Гурни...

- Гурни?.. Ах... да. - Она опустила глаза.

С шорохом разошлись занавеси - вернулся Гурни с балисетом. Не глядя в глаза Паулю и Джессике, он принял на себя инструмент. Драпировки глущили эхо, и балисет звучал негромко и задушевно, даже интимно

Пауль усадил мать на подушки, она откинулась на толстые драпировки. Его внезапно поразило, что она выглядит сильно состарившейся - Пустыня превратила ее кожу в пергамент, проложила морщины в уголках залитых синевой глаз.

Как она устала, подумал он. Мы должны как-то облегчить ее ношу.

Гурни взял аккорд. .., Пауль глянул на него:

- Извини, Гурни, мне надо кое-что срочно сделать. Подожди здесь...

Гурни кивнул. Он был уже где-то далеко, может быть, под ласковым небом Каладана, а на горизонте кучерявились тучки, обещая дождь...

Пауль заставил себя повернуться, вышел в боковой проход, отбросив тяжелые занавеси. За его спиной Гурни начал мелодию, и Пауль помедлил немного, слушая приглушенную песню.

Сады вокруг, виноградники, Гурии полногрудые, И до края чаша полна...

Почему же твержу я о битвах, О горах, истершихся в пыль? Предо мною распахнуто небо И богатства свои рассыпает: Собери лишь! - но что же Мысли мои - о засаде И о яде в чаше литой? Что же годы меня одолели? Манят руки любви И сулят красоту нагую, Мне сулят наслаждения рая - Что же я вспоминаю раны, Что грехи беспокоят былые, Отчего мой сон так тревожен?..

Из-за угла появился курьер-федайкин. Его капюшон был отброшен за плечи, а завязки дистикомба

свободно болтались на шее – значит, он только что из Пустыни..

Пауль жестом остановил его, отошел от входа в комнату и подошел к вестнику.

Тот поклонился, сложив перед собой руки – так обычно приветствовали Преподобную Мать или саяядину, исполняющую обряды.

– Муад'Диб, вожди уже начали прибывать на Сбор, – проговорил он.

– Так скоро?

– Это те, за которыми Стилгар послал раньше – когда думали, что...

– Ясно. – Пауль оглянулся туда, откуда раздавались звуки балисета. Старая песня, которую так любила мать, странное сочетание радостной мелодии и печальных слов. – Стилгар скоро подойдет сюда вместе со всеми остальным. Покажешь им, где их ожидает мать.

– Хорошо, Муад'Диб, я буду ждать здесь.

– Да... да, пожалуйста.

Пауль оставил федайкина у входа, а сам зашагал к месту, какое было в каждой подобной пещере, у подземного водохранилища. Там, в прочной камере, содержали небольшого – не длиннее девяти метров – Шаи-Хулуда. Окружавшие червя каналы с водой не давали ему ни расти, ни бежать. Податель, как только отделялся от «маленьких», всеми силами избегал воды – для него это был яд. А утопление Подателя – величайший секрет фрименов, так как при этом выделялось вещество, объединявшее их, – Вода Жизни, яд, преобразовать который могла только Преподобная Мать:

Решение пришло к Паулю, когда он столкнулся со смертельной опасностью, грозившей матери. Ни одна из временных линий, виденных им, не содержала угрозы от Гурни Халлека. Будущее – туманное, темное будущее, в котором Вселенная неслась в кипящий водоворот, – окружало его, словно пелена призрачного мира.

Я должен видеть, Повторял он.

К этому времени его организм уже выработал некоторый иммунитет к Пряности, и пророческие видения все реже посещали его... и были они все более смутными. Решение казалось очевидным.

, Я сам утоплю червя. И тогда мы увидим, действительно ли я – Квисатц Хадерах, способный пережить испытание, которому подвергаются Преподобные Матери.

Глава 8

И так случилось на третий год Пустынной войны, что лежал Пауль Муад'Диб один в Птичьей пещере, во внутренних покоях под коврами кисва. И так лежал, как мертвый, связанный откровениями Воды Жизни, и существо его было унесено за пределы времен ядом, дарующим жизнь. И так исполнено было пророчество о том, что Лисан аль-Гаиб может быть сразу и жив, и мертв.

(Принцесса Ирулан, «Собрание легенд Арракиса»)

Выходя из котловины Хаббанья в предрассветной мгле, Чани слышала, как посвистывают крылья орнитоптера, который, доставив ее сюда, улетел теперь в укрытие в Пустыне. Охранники, держась на почтительном расстоянии от нее, рассыпались веером, проверяя, нет ли какой опасности в скалах, и заодно предоставляя женщине Муад'Диба и матери его первенца возможность пройтись одной: как она и попросила их.

Зачем он вызвал меня? – думала она. Ведь раньше он говорил, что я должна оставаться на Юге с маленьким Лето и Алией.

Она подобрала бурнус и, легко перепрыгнув каменный порожек, начала подъем по крутой тропке – только тот, кто был привычен к жизни в Пустыне, мог бы отыскать эту тропу в темноте. Из-под ног покатились мелкие камешки, но Чани шла, словно танцуя, с привычной легкостью.

Быстрый подъем одновременно освежал и слегка пьянил, кружил голову, помогая очиститься от страхов, вызванных молчаливой отстраненностью эскорта и тем, что за ней послали один из бесценных топтеров. Но ее сердце радостно билось от близости встречи с Паулем Муад'Дибом, с ее Усулом. По всей Пустыне гремело боевым кличем – «Муад'Диб! Муад'Диб!» – но это не было имя отца ее сына и нежного любовника. Она и называла-то его иначе.

Впереди над скалами воздвигалась долговязая фигура – махала рукой, призывая поторапливаться. Чани заспешила. Действительно, утренние птицы уже перекликались и поднимались в небо, приветствуя приближающуюся зарю. Над восточным горизонтом занялась бледная полоска рассвета.

Человек впереди был не из тех, кто сопровождал ее. Отхейм, что ли? – подумала Чани, замечая знакомые жесты и манеру держаться. Подойдя ближе, она действительно узнала широкое, плоское лицо одного из командиров федайкинов. Капюшон Отхейма был откинут, а лицевой фильтр не затянут – подобная небрежность говорила о том, что он вышел в пустыню совсем ненадолго, на несколько минут.

– Скорее! – прошептал он, повернулся и повел Чани вниз, по неприметной расщелине, к замаскированному входу в пещеру. – Скоро совсем рассветет, – продолжал он так же шепотом, придерживая для нее входной клапан. – Харконнены, не иначе как доведенные до крайности, взялись патрулировать некоторые участки Пустыни. А мы сейчас никак не можем себе позволить быть обнаруженными.

Они оказались в узком боковом входе в Птичью пещеру. Зажглись плавающие лампы. Отхейм, обходя вперед Чани, сказал только:

– За мной. И спеши.

Они быстро прошли уводящий вглубь коридор, миновали еще одну герметическую дверь-клапан и, пройдя сквозь закрытый занавесями проем, оказались в помещении, которое в те дни, когда в этой пещере просто устраивали дневки во время хаджров через Пустыню, служило альковом Преподобной Матери. Сейчас пол был застелен коврами, горами лежали подушки. Каменные стены были прикрыты гобеленами с изображениями красного ястреба. Низкий походный стол у стены был завален бумагами – исходивший от них аромат Пряности говорил о происхождении материала: фримены делали бумагу из отходов переработки меланжи.

Преподобная Мать сидела напротив входа, и, кроме нее, в комнате никого не было. Она взглянула на вошедших тем самым, обращенным в себя, взором, от которого бросало в дрожь непосвященных.

Отхейм сложил ладони и почтительно доложил:

– Я привел Чани, Преподобная. Поклонившись, он вышел. А Джессика подумала: Как мне сказать Чани об этом?..

– Как мой внук? спросила она вслух.

Ритуальное приветствие... – подумала Чани, и ее страхи вновь вернулись к ней. Где же Муад'Диб?

Отчего он меня не встретил?

- Он здоров и весел, о мать моя, - ответила Чани. - Я оставила его и Алию на попечение Хары.

«Мать...» - повторяла про себя Джессика. Да, у нее, конечно, есть право так меня называть, обращаясь с формальным приветствием. Ведь она подарила мне внука.

- Я слышала, из сиетча Коануа прислали в подарок ткани? - сказала она.

- Очень красивые, - кивнула Чани.

- Алия передала для меня что-нибудь?

- Ничего. Но в нашем сиетче теперь все спокойно, и люди понемногу привыкают к ее новому статусу...

Да что она тянет? - напряженно думала Чани. Случилось что-то важное-раз у ж прислали за мной топтер, дело действительно срочное. А мы тут разводим церемонии...

- Надо распорядиться часть этой новой ткани пустить на одежду для маленького Лето, - сказала Джессика.

- Как скажешь, о мать моя. - Чани опустила глаза. - Есть ли вести о сражениях?

Она старалась, чтобы лицо оставалось бесстрастным и не выдало Джессике, что на самом-то деле она спрашивает о Муад'Дибе...

- Новые победы, - сообщила Джессика. - А Раббан послал к нам осторожные предложения перемирия. Его гонцы вернулись обратно к хозяину без своей воды... Раббан даже облегчил тяготы для жителей некоторых деревень во впадинах. Но с этим он опоздал - люди поняли, что Раббан пошел на это из страха перед нами.

- Все идет так, как и предсказывал Муад'Диб, - кивнула Чани. Она смотрела в лицо Джессике, пытаясь сдержать страх. Я назвала его имя, но она никак не отреагировала. Конечно, трудно прочесть эмоции на гладком камне, который она называет лицом... -но сейчас оно какое-то совсем уж застывшее. Да что с ней?! Что случилось с моим Усулом?!

. . - Ах, сейчас бы вновь оказаться на Юге, - задумчиво сказала Джессика. - Оазисы были так прекрасны, когда мы уезжали;., как не мечтать о времени, когда вся земля будет цвести так же!..

- Да, там прекрасно, - согласилась Чани. - Но сколько скорби в этой красоте...

- Скорбь - цена победы, - заметила Джессика. Она меня к скорби готовит?! - спросила себя Чани.

Вслух она сказала:

- Так много женщин сейчас живут без мужей. Когда они узнали, что меня вызвали на север, без ревности не обошлось...

- За тобой послала я, - сказал Джессика.

Чани почувствовала, как бешено колотится сердце. Ей хотелось зажать уши руками - так боялась она услышать то, что прозвучит дальше. Все же ей удалось заставить голос звучать ровно:

- Но письмо было подписано «Муад'Диб»...

- Эту подпись поставила я. В присутствии его ближайших сподвижников и помощников. Мера, вызванная необходимостью.

Она храбрая - женщина моего сына, подумала Джессика. Так держится, хотя ей страшно... Да. Похоже, она - именно тот, кто теперь нам нужен.

Действительно, покорность судьбе звучала в голосе Чани почти незаметно, когда она сказала:

- Теперь ты можешь сказать... то, что должна. ч

- Ну хорошо. Ты мне нужна, чтобы помочь вернуть Пауля к жизни! - сказала Джессика, мысленно похвалив себя: Да, я это сказала именно так, как надо: «вернуть к жизни», - Теперь она знает, что Пауль жив, но в большой опасности...

Лишь один миг понадобился Чани, чтобы прийти в себя.

- Что я могу сделать? - спросила она. И хотя на самом деле ей хотелось броситься к Джессике,

схватить ее, трясти – «Отведите меня к нему!» – она молча ждала ответа.

– Подозреваю, – проговорила Джессика, – что Харконненам удалось подослать сюда своего агента, чтобы отравить Пауля. Иного объяснения я просто не вижу. Причем яд какой-то странный, необычный. Я исследовала его кровь всеми возможными способами, самыми тонкими – и никаких следов отравы!

Чани все-таки не сдержалась и бросилась к Джессике, упала на колени:

– Яд?! Он страдает? Я могу что-то...

– Он без сознания, – ответила та. – Жизненные процессы замедлены настолько, что регистрируются лишь с помощью самой тонкой техники. Я содрогаюсь от одной мысли о том, что его мог бы обнаружить кто-то другой, не я. Не имеющий опыта в подобных делах принял бы его за мертвого...

– Но у тебя наверняка были иные причины помимо простой любезности, – сказала Чани. – Я ведь знаю тебя, Преподобная. Так что, по-твоему, я могу сделать такого, чего не сделать тебе?

Да, она храбрая, красивая и – ах-х, такая наблюдательная и умная, подумала Джессика. Какая бы из нее вышла сестра Бене Гессерит!

– Чани, – проговорила Джессика, – может быть, ты мне не поверишь, но я и сама не знаю толком, почему я послала за тобой. Интуиция, если хочешь. Просто вдруг пришло в голову: «Надо послать за Чани...»

В первый раз Чани увидела печаль на лице Джессики, страдание в ее обращенном вглубь взгляде.

– Я сделала всё, что могла, – сказала Джессика. – И это «всё» настолько выходит за пределы того, что обычно понимается под понятием «всё возможное», что тебе и представить трудно было бы. Но... у меня ничего не вышло.

– А этот его старый товарищ, Халлек, – задумчиво сказала Чани, – он не может оказаться предателем?

– Только не Гурни, – отрезала Джессика.

В этих трех словах была целая история. Чани словно сама увидела все размышления, все доводы «за» и «против», все испытания, тесты и проверки, все воспоминания о неудачах в прошлом, которые в конце концов и привели к этому выводу.

Чани рывком поднялась на ноги, выпрямилась, расправила пятнистый походный бурнус.

– Веди меня к нему, – сказала она.

Джессика тоже встала, повернулась и вышла в дверь за занавесями по левую руку. Чани пошла за ней; они оказались в помещении, некогда использовавшемся как склад. Теперь же каменные стены были скрыты тяжелыми драпировками. Пауль лежал у дальней стены на походном матрасе. Прямо над его головой висела в воздухе плавающая лампа, освещавшая лицо; тело было по грудь укрыто черной тканью, руки лежали поверх этого покрывала, вдоль туловища. Обнаженная кожа казалась восковой и какой-то затвердевшей. Он был совершенно неподвижен.

Чани с трудом подавила желание кинуться к нему, упасть на грудь... Вместо этого Она вспомнила о своем сыне, о Лето. И поняла, что некогда и Джессика пережила подобный миг – когда ее мужчине угрожала смерть, она должна была думать о спасении сына! Ощущив вдруг, насколько они близки, Чани схватила Преподобную Мать – мать ее Усула – за руку. Джессика в ответ тоже стиснула ее руку – больно...

– Он жив, – проговорила Джессика. – Можешь поверить мне – жив. Но нить его жизни столь тонка, что ее трудно даже заметить. Иные вожди поговаривают даже, что не Преподобная Мать, а просто матерей говорит во мне; что сын мой умер уже, а я не хочу отдать его воду племени.

– Как долго он уже... вот так? – выдавила Чани. Она осторожно, высвободила свое запястье из рук Джессики и сделала несколько шагов вперед.

– Три недели. – Голос Джессики звучал безжизненно. – Почти неделю я пыталась вернуть его к жизни. Встречи, обсуждения, совещания – наконец, я решилась вызвать тебя. К счастью, федайкины мне подчиняются, не то я не могла бы отсрочить... – Джессика провела языком по пересохшим губам, глядя, как Чани подходит к Паулю.

А Чани склонилась над ним, разглядывая мягкую бородку – почти что юношеских пух, – окаймлявшую лицо Пауля, гладила взглядом высокий лоб, линию бровей, крепкий нос, закрытые глаза – сейчас, в этом оцепенелом сне, его лицо выглядело очень спокойным, мирным.

- Как он получает питание? - спросила она, не отводя взгляда от Пауля.
- Телу его надо так мало, что до сих пор он обходился без пищи.
- Многим известно о случившемся?
- Только ближайшие его советники, некоторые вожди, федайкины да еще, разумеется, тот, кто его отравил.
- Кого вы подозреваете?
- Мы пока не хотим расследования, - ответила Джессика.
- А что говорят федайкины?
- Федайкины верят, что Пауль пребывает в священном трансе, накапливая силы перед решительными сражениями. Это я подбросила им эту мысль.

Чани опустилась на колени подле тела Пауля. И сразу же ощутила, что воздух возле самого его лица какой-то другой... но эта была всего лишь Пряность, вездесущая Пряность, запахом которой была пропитана вся жизнь фримена. И все же...

- Вы не были привычны к Пряности от рождения; как ты думаешь - не мог ли его организм восстать против ее избытка в пище? - предположила Чани.
- Аллергических реакций нет, - ответила Джессика.

Она закрыла глаза - ей хотелось отгородиться от происходящего; к тому же она вдруг поняла, насколько устала. Сколько же я не спала? - спросила она себя. Не помню. Слишком долго...

- Когда ты изменяешь в себе Воду Жизни, - спросила Чани, - ты ведь для этого пользуешься... внутренним восприятием. А им ты пользовалась, чтобы исследовать Его кровь?
- Да. Нормальная фрименская кровь. Совершенно приспособленная к пище с высоким содержанием меланжи и к жизни здесь.

Чани опустилась на пятки. Страхи вновь охватили ее, но она, глядя в лицо Паулю, подавила их, вытеснила. Этому приему она научилась, наблюдая за Преподобными Матерями. Время можно было заставить служить разуму. Надо было полностью сконцентрироваться...

Наконец Чани сказала:

- Здесь есть Податель?
- Конечно, и не один, - устало ответила Джессика. - Мы теперь обязательно держим несколько Подателей. Для победы нужно благословение, а каждый обряд перед походом...
- Но Пауль Муад'Диб обычно сам не принимал участия в этих обрядах, - заметила Чани. Джессика отрешенно кивнула, вспомнив противоречивые чувства, которые питал Пауль к Пряности и к порождаемому ею пророческому дару.
- Откуда ты об этом знаешь? - спросила она.
- Говорят...
- Слишком много говорят, - горько сказала Джессика.
- Скажи, чтобы мне принесли непревращенную Воду Подателя, - распорядилась Чани.,

Слышиа повелительный тон, Джессика замерла было, но, видя сосредоточенность молодой женщины, ответила только:

- Сейчас.

Она вышла - позвать хранителя воды.

Чани сидела, не сводя глаз с Пауля.

Если бы только он сделал именно это! - думала она. Он вполне мог решиться испытать это...

Джессика опустилась на колени возле Чани и протянула простой кувшин, из тех, которыми пользовались на полевых стоянках. Ноздри Чани защекотал острый запах яда. Она обмакнула палец в жидкость и поднесла его к носу Пауля.

Тот слегка сморщил переносье, ноздри его медленно расширились.

Джессика ахнула.

Чани прикоснулась теперь смоченным в Воде пальцем к верхней губе спящего.

Он глубоко, прерывисто вздохнул.

- Что это? - жестко спросила Джессика.

- Тихо, - сказала Чани. - Сейчас преобразуй немного святой Воды. Быстро!

Джессика не стала задавать вопросы - по голосу Чани она поняла, что та знает, что делает.

Поднеся к губам кувшин, Джессика отпила крошечный глоток.

Глаза Пауля распахнулись. Он посмотрел на Чани.

- Нет нужды превращать Воду, - выговорил он слабо, но твердо.

Джессика, держа глоток во рту, почувствовала, что ее тело почти автоматически преобразует яд. В легком душевном подъеме, который всегда сопровождал процесс, она ощутила исходящий от Пауля свет жизни.

И в этот миг она поняла.

- Ты выпил священной Воды! - выдохнула она.

- Всего каплю, - пробормотал Пауль. - Совсем немного... одну капельку.

- Как ты мог решиться на такую глупость?! - гневно спросила Джессика.

- Он твой сын, - напомнила Чани. Джессика метнула на нее яростный взгляд.

Губ Пауля коснулась слабая улыбка - теплая и понимающая.

- Слушай, ~что говорит моя возлюбленная, - сказал он. - Слушай, мама. Она знает!

- Что могут сделать другие - должен сделать и он, - объяснила Чани.

- Когда я принял эту каплю - ощущил её вкус, запах, плотность; когда я понял, что эта капля делает со мной, тогда я понял, что могу сделать то, что сделала ты, - сказал Пауль. - Эти ваши прокторы Бене Гессерит столько твердят о Квисатц Хадерахе - но они даже отдаленно представить себе не могут, в скольких местах я побывал. За эти несколько минут я... - Он замолчал, озадаченно нахмурился. - Чани?.. Как ты здесь оказалась? Ты же должна быть... Почему ты здесь?..

Он попытался приподняться на локтях, но Чани мягко уложила его обратно.

- Пожалуйста, лежи, мой Усул, - сказала она.

- Я чувствую себя таким слабым, - пожаловался он. Обвел взглядом комнату. - Как долго я... здесь?

- Ты три недели был в коме. Такой глубокой, что казалось, искра жизни тебя покинула, - объяснила Джессика.

- Н-но... я же выпил ее только минуту назад и....

- Для тебя минуту, - возразила Джессика. - Для меня - три недели страха.

- Только одна капля - но я преобразовал ее, - сказал Пауль. - Я преобразовал Воду Жизни!..

И прежде чем Чани или Джессика могли остановить его, он окунул руку в кувшин, который они поставили на пол у изголовья, поднес сложенную ковшиком ладонь к губам, роняя капли Воды, - и выпил.

- Пауль! - простонала Джессика.

Он схватил ее за руку, улыбнулся (это походило на ухмылку черепа) - и послал к ней свое сознание.

Это было не то мягкое, охватывающее чувство единения, которое она разделила когда-то с Алией и старой Преподобной... но это был контакт: они разделили все чувства, все ощущения... этот контакт потряс ее, и она почувствовала себя такой слабой, что внутренне сжалась, в страхе перед ним закрывая свое сознание.

Вслух он сказал:

- То место, в которое нельзя проникнуть... Место, в которое не смеют взглянуть Преподобные Матери... Покажи мне его!

Испугавшись даже самой мысли об этом, она замотала головой.

- Покажи мне его! - приказал он.

- Нет!

Но она не могла никуда деться от него. Буквально оглушенная его пугающей, невероятной силой, она закрыла глаза и сосредоточилась на темном, запретном месте в глубине сознания.

Сознание Пауля протекло вокруг и сквозь неё – и устремилось во тьму. На краткий миг Джессика успела заглянуть туда прежде, чем ее сознание в ужасе отпрянуло. Увиденное заставило ее трепетать, хотя она сама не знала – почему... Мир, где яростно и беспрерывно дул ветер, сверкали искры, пульсировали световые круги и кружили среди огней белые раздувшиеся фигуры – их увлекал клубящийся мрак и дувший ниоткуда ветер...

Наконец она открыла глаза. Пауль смотрел на нее. Он все еще держал ее за руку, но пугающая связь между ними исчезла. Она подавила дрожь... оказывается, она действительно дрожала. Пауль выпустил ее руку. Словно убрали опору, поддерживавшую ее, словно выбили костыль – она пошатнулась и упала бы, не поддержи Чани.

- Преподобная! ^– встревожилась Чани. – Что случилось?

- Устала... – прошептала Джессика. – Так устал а...

- Сюда, – приговаривала Чани. – Садись сюда. Она помогла Джессике сесть на подушки и опереться о стену.

Прикосновения сильных, молодых рук были удивительно приятны, успокаивали. Джессика прильнула к Чани.

- Он действительно видел... Воду Жизни? – спросила Чани, осторожно высвобождаясь.

- Да, видел... – прошептала Джессика. У нее все еще кружилась голова, разум не мог успокоиться после контакта. Так чувствуют себя люди, которые долгие недели провели в бурном море и наконец ступили на твердую землю: кажется, что она продолжает покачиваться под ногами. Джессика ощутила внутри себя старую Преподобную Мать... и всех остальных... они пробудились и спрашивали: «Что это было? Что случилось? Что это за место?..»

И на все это накладывалось осознание того, что ее сын.– Квисатц Хадерах, Тот, Который может быть сразу во многих местах. Сбывающаяся мечта Бене Гессерит. И понимание это ее не успокаивало...

- Так что произошло? – настаивала Чани. Джессика только покачала головой. Пауль проговорил:

- В каждом из нас есть древняя сила, которая берет, и другая древняя сила, которая дает. Мужчине не слишком сложно заглянуть туда, где обитает берущая сила, но почти невозможно встретиться лицом к лицу с силой дающей, не изменяя свою природу. С женщиной дело обстоит наоборот.

Джессика подняла взгляд. Оказывается, Чани слушает Пауля, а глядит на нее.

- Ты понимаешь меня,,мама? – спросил Пауль7 Она смогла только кивнуть.

- И эти силы внутри нас пришли из такой глубокой древности, что они вошли в каждую клеточку нашего тела. Эти силы и создают нас. Ты можешь сказать себе: «Да, я вижу, как это происходит». Но затем ты заглядываешь в глубь себя и предстаешь перед этими силами – силами своей жизни, предстаешь без всякой защиты и тогда только понимаешь, какая опасность тебе грозит. Ты видишь, что эта сила может захлестнуть и побороть тебя. Величайшая опасность для Дающего – это берущая сила; величайшая опасность для Берущего – сила дающая. И столь же легко потерпеть поражение от этих сил тому, кто дает, сколь и тому, кто берет.

- А ты, сын мой, – спросила Джессика, – сам ты из тех, кто дает, или из тех, кто берет?

- Я – центр равновесия, – ответил Пауль, – и я не могу давать, не забирая, и не могу брать, не...

Он замолчал, глядя на стену справа от себя. Чани ощущала, как ее щеки коснулся сквознячок. Она повернулась, успев заметить, как падает занавеска входа.

- Это был Отхейм, – сказал Пауль. – Подслушивал!

От этих слов на Чани словно повеяло пророческим даром Пауля... она увидела та, чему предстояло случиться, так, словно это уже случилось. Отхейм разнесет увиденное и услышанное. Каждый, кто услышит от него эту историю, передаст ее дальше, и покатится она по земле точно пожар. «Пауль Муад'Диб – не как прочие люди, – будут говорить тут и там. – Больше сомневаться не приходится. Он – мужчина, но может глядеть в глубины Воды Жизни, как Преподобная Мать; воистину Он – Лисан аль-Гаиб!»

«– Ты видел будущее, Пауль, – сказала Джессика. – Откроешь ли ты увиденное?

– Не будущее, – возразил он. – Я видел Настоящее. Он с усилием сел и отмахнулся от Чани, которая бросилась было ему помочь.

– Космос над Арракисом кишит кораблями Гильдии. Джессика вздрогнула – таким уверенным был его голос.

– Там – сам Падиах-Император, – добавил Пауль, глядя на каменный потолок комнаты. – А с ним – его любимая Правдовидица и пять легионов сардаукаров. И старый барон Владимир Харконнен тоже там, и с ним – Суфир Хават, а еще – семь кораблей, и в них – все, кого он сумел поставить под ружье. И там с ними – готовые подключиться к игре силы, представляющие каждый из Великих Домов, стервятники... все ждут.

Чани покачала головой, не в состоянии отвести взгляд от Пауля. Его отстраненность, ровный, невыразительный голос, взгляд, словно проникавший сквозь нее, – все ужасало ее и повергало в смятение.

Джессика попыталась сглотнуть пересохшим горлом, выговорила:

– Чего они ждут? Пауль посмотрел на нее:

– Ждут от Гильдии разрешения к высадке. Того, кто совершил посадку без разрешения, Гильдия оставит на планете навсегда.

– Гильдия защищает нас? – спросила Джессика.

– Защищает нас! Да Гильдия же сама всё устроила: распустила всяческие слухи о том, что мы делаем, а затем снизила тарифы на межзвездные перевозки настолько, что даже беднейшие Дома смогли добраться сюда – и теперь висят над нами и дождаться не могут, когда можно будет приступить к грабежу..

Джессика поразилась горьким ноткам в его голосе. Нет, она не сомневалась в его словах – они звучали так же убежденно, как и в ту ночь, когда он открыл перед ней путь в будущее, который привел их к фрименам.

Пауль глубоко вздохнул и проговорил:

– Мама, тебе придется преобразовать для нас некоторое количество Воды. Нам нужен катализатор. А ты, Чани, разошли разведчиков... пусть ищут премеланжевую массу. Затем, если мы поместим определенное количество Воды Жизни над карманом премеланжевой массы... Вы знаете, что тогда произойдет?

Джессика обдумывала его слова – и вдруг поняла, что он имеет в виду.

– Пауль!.. – выдохнула она.

– Вода Смерти, – медленно сказал он. – И это будет цепная реакция. – Он указал себе под ноги. – Она посеет смерть среди Маленьких и разрушит вектор жизненного цикла, связывающий Пряность и Подателей. А без них – без Пряности ли, без Подателей ли – Арракис превратится в настоящую пустыню.

Чани зажала рукой рот – кощунство, исходившее из уст Пауля, лишило ее дара речи.

– Кто может уничтожить некую вещь, тот ее и контролирует по-настоящему, – объяснил Пауль. – А мы можем уничтожить Пряность!

– Но что останавливает Гильдию? – прошептала Джессика.

– Они ищут меня, – ответил Пауль. – Вдумайся! Лучшие навигаторы Гильдии, которые способны, заглядывая в будущее, находить безопасный курс для стремительных хай-, лайнеров, – все ищут меня... и не могут найти. Как они дрожат! Как трепещут! Они знают, что я завладел их тайной! – Пауль протянул перед собой согнутую лодочкой руку с блестевшими в ней каплями. – Без Пряности они слепы!

Чани смогла наконец заговорить:

- Ты говоришь, что видишь Настоящее!

Пауль вновь откинулся на спинку, мысленно оглядывая раскинувшееся перед ним Настоящее, протянувшееся и в будущее, и в прошлое. Озарение, которое принесла Пряность, уже уходило, и он с трудом удерживал в сознании картину путей Времени.

- Итак, идите и делайте, как я велел, - сказал он. - Будущее теперь для Гильдии так же смутно, как и для меня. Линии видения сужаются. И все фокусируется здесь. Вокруг Пряности... они и раньше не осмеливались вмешиваться, потому что, вмешавшись, могли утратить и то, чем уже обладали. Но теперь они в отчаянии, ибо все пути ведут во тьму.

Глава 9

И вот настал день, когда Арракис стал как бы ступицей в колесе Вселенной, и колесо то было готово повернуться.

(Принцесса Ирулан, «Арракис Пробуждающийся»)

- Ты посмотри только на эту штуку! - прошептал Стилгар.

Пауль лежал рядом с ним в скальной щели высоко на гребне Барьерной Стены, приложив глаз к окуляру фрименского телескопа с масляными линзами. Телескоп был наведен на котловину, где, сверкая в лучах рассветного солнца, стоял межзвездный лихтер. Впрочем, на затемненной его стороне еще светились желтые иллюминаторы. Вдали холодно блестел под северным солнцем Арракин.

Но не лихтер так поразил Стилгара, видел Пауль, а сооружение, для которого гигантский корабль служил всего лишь опорным столбом. Огромное, напоминающее шатер, многоэтажное здание радиусом не менее тысячи метров состояло из положенных внахлест полос веерола. Здесь временно размещались пять легионов сардаукarov, и здесь же расположил свою ставку Его Императорское Величество, Падишах-Император Шаддам IV.

Гурни Халлек,. пригнувшись слева от Пауля, сообщил:

- Я насчитал девять уровней. Похоже, Его Величество решил не ограничивать себя горсткой сардаукarov...

- Пять легионов, - отозвался Пауль.

- Светает, - прошептал Стилгар. - Нравится тебе это или нет, но ты сейчас на виду, Муад'Диб. Пора уходить в скалы.

- Я здесь в безопасности, - отмахнулся Пауль.

- Корабль оснащен метательными орудиями, - напомнил Гурни.

- Они полагают что у нас есть щиты, - усмехнулся Пауль. - А тратить снаряды на трех неопознанных людей они не будут, даже если и заметят.

Повернув телескоп, Пауль оглядел стены котловины: изрытые осипами скалы, осыпи, отмечавшие пещеры, которые стали братскими могилами стольких бойцов его отца... Он вдруг подумал о том, какая глубокая справедливость в том, что тени погибших воинов Дома Атрейдес будут взирать с высоты своих гробниц на то, что произойдет в котловине... Форты и поселки за Барьерной Стеной, отбитые у Харконненов, находились теперь в руках фрименов или же были отрезаны от главных сил - подобно ветвям, отсеченным от ствола и теперь умирающим. Все владения Дома Харконнен ограничивались теперь этой котловиной!

- Они могут предпринять вылазку на топтерах,- возразил Стилгар. - Если заметят нас.

- Ну и пусть, - ответил Пауль. - Все равно нам сегодня не один их топтер придется сжечь... и потом, как мы знаем, надвигается буря.

Он перевел телескоп на дальний конец взлетного поля Арракинского космодрома, где стояли в ряд харконненские фрегаты. Слабый ветерок играл полотнищем флага КООАМ. Гильдия, видимо, вконец впала в отчаяние, раз позволила ^ сесть этим двум группам, а всех прочих оставила в резерве. Гильдия напоминала человека, который пальцем ноги пробует, насколько горяч песок, прежде чем ставить палатку.

- Да что ты еще нового рассчитываешь увидеть? - спросил Гурни. - Пора прятаться: буря действительно приближается.

Пауль вновь повернул телескоп на гигантский металлический шатер.

- Даже женщин захватили, - пробормотал он. - И слуг не забыли, лакеев-камердинеров... Ах, Император, Император.... как же вы самоуверенны!

- Кто-то идет сюда, - сказал Стилгар. - Наверно, Отхейм и Корба возвращаются.

- Ну ладно, Стал, - вздохнул Пауль, - Уходим. Но напоследок он еще раз взглянул в телескоп - на ровное дно котловины, сверкающий металлом шатер, молчаливый город, корабли с харконненскими наемниками. Потом он отполз назад, за скалу и его место у телескопа занял один из фрименских дозорных.

Пауль вышел в неглубокую нишу в скальной стене. Фри-мены укрыли ее прозрачной маскировочной тканью. Справа, возле прохода, стояла аппаратура связи. Федайкины, собравшиеся здесь, ждали приказа Муад'Диба к атаке.

Из потайного хода появились двое и обратились к часовым.

Пауль кивнул Стилгару на вновь прибывших:

- Стал, узнай, с чем они пришли.

Стилгар направился к вошедшим. Пауль присел на корточки возле стены, разминая мышцы, встал. За это время Стилгар уже успел переговорить с пришедшими и отоспал их обратно. Пауль подумал о том, как длинен этот высеченный в скале проход - отсюда и до самого дна котловины.

- Что случилось такого важного, что нельзя было послать сейлаго? - спросил Пауль.

- Птичек берегут до битвы, - ответил Стилгар. Он озабоченно посмотрел на аппаратуру связи, на Пауля. - Даже при работе направленным лучом это опасно, Муад'Диб. Они могут запеленговать эти штуки и по побочному излучению.

- У них скоро не останется на это времени, усмехнулся Пауль. - Так что нового?

- Мы выпустили наших сардаукарчиков возле Старого Пролома, на Западном Венце, пониже отсюда, и сейчас они направляются к своему хозяину. Ракетные установки и все прочие метательные орудия расставлены по позициям. Люди размещены согласно твоим приказаниям. Словом, все как обычно.

В едва проникающем сквозь маскировочную ткань свете Пауль оглядел своих бойцов. Ему казалось, что время тянется невыносимо медленно - словно насекомое, ползущее по голой скале.

- Придется нашим сардаукам прогуляться пешком, - сказал Пауль, - прежде чем они смогут вызвать транспорт. За ними следят?

- Следят, конечно, - ответил Стилгар. Гурни, стоявший за спиной Пауля, кашлянул.

- Может, пора уйти в более безопасное место?

- Безопасных мест тут нет, - отрезал Пауль. - Как прогноз - погода благоприятная?

- На нас идет праматерь всех бурь, - ответил Стилгар. - Ты что, разве сам не чувствуешь, Муад'Диб?

- Конечно, изменения в воздухе есть, - согласился Пауль, - но шествование все-таки надежнее.

- Буря будет здесь через час, - уверенно сказал Стилгар. Он кивком указал на проем, выходивший на шатер-великан Императора и харконненские фрегаты/ - Они это тоже знают. Видишь, ни одного топтера в небе. Все убрано и надежно принайтовано. Их друзья на орбите информируют об изменении погоды.

- Были еще пробные вылазки?

- Нет, пока они сидят тихо. Я думаю, выживают - хотят выбрать подходящее время.

- Теперь время будем выбирать мы, - жестко сказал Пауль.

Турни взглянул наверх и ворчливо уточнил:

- Если они позволят.

- ^Их флот останется на орбите, - возразил Пауль. Гурни покачал головой.

- У них не будет выбора, - напомнил Пауль. - Мы можем уничтожить Пряность. На такой риск Гильдия не пойдет.

- Отчаявшиеся люди бывают всего опаснее, - сказал Гурни.

- А мы что - разве не отчаялись? - спросил Стилгар. Турни мрачно поглядел на него.

- Просто ты не жил мечтой всех фрименов, - остерег его Пауль. - Стил сейчас думает о всей той воде, которую он потратил на взятки и подкуп, а значит - о лишних годах, отдаляющих день, когда Арракис расцветет. Он не... Гурни не то застонал, не то зарычал.

- Отчего он так мрачно настроен? - поинтересовался Стилгар.

- Он всегда такой перед битвой, - объяснил Пауль. Гурни медленно, по-волчьи, осклабился, над прикрывавшим подбородок воротником-чашкой сверкнули зубы.

- Мрачен я оттого, - сказал он, - что мне жалко все те харконненские душонки, которые мы сегодня отправим на тот свет нераскаянными.

Стилгар хмыкнул:

- Можно подумать, что я слышу федайкина.

- А Гурни у нас прирожденный боец-смертник, - отозвался Пауль, а сам подумал: Да, пусть они позабавятся шуточками и болтовней - перед тем как мы столкнемся с силой, собравшейся там, на равнине...

Он взглянул на проем в каменной стене, а когда его взгляд вернулся к Халлеку, трубадур-воин опять был угрюм и задумчив.

- «Беспокойство отнимает силы», - напомнил ему Пауль. - Это ты меня, так учил, Гурни.

- Мой герцог, - ответил Гурни, - меня беспокоит главным образом атомное оружие. Если вы примените его, чтобы пробить взрывом брешь в Барьерной Стене...

- Нет, Гурни, т- прервал его Пауль, - они там, наверху, не решатся в ответ применить атомное оружие против нас. Не посмеют... по той же самой причине, какая не дает им рисковать запасами Пряности, которую мы пригрозили уничтожить.

- Однако запрет на применение...

- Запрет! - фыркнул Пауль. - Страх, а не запрет не дает Домам закидать друг друга ядерными зарядами. Великая Конвенция говорит прямо и недвусмысленно: «Применение атомного оружия против людей карается уничтожением планеты». Что касается нас - мы намерены взорвать Барьерную Стену - не людей.

- Очень уж тонкий момент, - заметил Гурни. - Тут грань провести не так просто...

- Ну, крючкотворы там, наверху, радостно ухватятся за эту тонкую грань, - возразил Пауль. - Жечь эту планету они не могут. И давай больше не будем об этом.

Он отвернулся, желая на самом деле чувствовать такую уверенность. Помолчав немного, он снова обратился к Стилгару:

- А что горожане? Вышли на позиции?

- Да... - пробормотал Стилгар. Пауль взглянул на него:

- А тебе что покоя не дает?

- Всегда считал, что городским доверять по-настоящему нельзя, - буркнул Стилгар.

- Я, между прочим, сам был когда-то горожанином, - напомнил Пауль.

Стилгар застыл, его лицо потемнело от прилившей крови.

- Муад'Диб знает, что я не имел в виду...

- Я знаю, что ты имел в виду. Но в испытании человека не по тому судят, что он мог бы сделать, по твоему мнению, а по тому, что он делает в действительности. В этих горожанах - фрименская кровь. Просто они не научились еще свободе. Но мы их научим.

Стилгар кивнул и покаянно ответил:

- От привычки, укоренившейся за целую жизнь, нег легко избавиться, Муад'Диб. На Погребальных Равнинах мы научились презирать горожан...

Пауль взглянул на Гурни - тот изучающе рассматривал Стилгара.

- А объясни-ка нам, Гурни: зачем бы это сардаукарам надо было выгонять этих горожан из домов?

- Старый трюк, мой герцог. Они хотели, чтобы нас обременяли беженцы.

- Партизанская война так давно считается неэффективной, что наши правители успели забыть, как ей противодействовать, - усмехнулся Пауль. - Так что сардаукары в этот раз сыграли нам на руку. Хватали женщин в городе - развлечения ради; украсили свои штандарты головами тех, кто пытался

протестовать. И возбудили против себя яростную ненависть горожан, большинство из которых в противном случае смотрели бы на предстоящую битву просто как на досадную помеху, пусть даже и помеху серьезную... и как просто на возможную смену их хозяев. Так что сардаукары позабочились о рекрутах для нас, Стилгар.

- Горожане прямо рвутся в бой, - признал Стилгар.

- Их обиды свежи, и ненависть не затенена ничем, - ответил Пауль. - Вот почему мы используем их как силы первого удара.

- Страшно подумать, сколько из них тут ляжет, - пробормотал Гурни.

Стилгар кивнул, соглашаясь.

- Их предупредили, что шансов у них мало, - ответил Пауль. - Но они знают и то, что каждый убитый ими сардаукар - это еще один враг, который не причинит вреда нам. Понимаете, друзья, теперь им есть за что умирать. Они почувствовали себя народом. Они - пробуждаются!

От наблюдателей у телескопа донеслось невнятное восклицание. Пауль метнулся к амбразуре.

- Что там? - спросил он.

- Великое смятение, Муад'Диб, - почему-то шепотом ответил наблюдатель. - У этого огромного металлического шатра все так и забегали. От Западного Венца приехала наземная машина. Точь-в-точь ястреб влетел в гнездо скальных куропаток.

. - Так-так, - сказал Пауль, - прибыли наши пленные.

- Они включили щит по всему периметру посадочного поля, - доложил наблюдатель. - Я вижу, как воздух дрожит даже за складами, где хранилась Пряность.

- Теперь они знают, кто воюет против них, - сказал Гурни. - Пусть чсарконненские твари трепещут, пусть страх разъедает их, ибо Атрейдес жив и идет на них!

Обращаясь к федайкину у телескопа, Пауль распорядился:

- Следи за флагштоком на корабле Императора. Если там поднимут мое знамя...

- Этого не будет, - перебил Гурни.

Пауль, видя озадаченное выражение на лице Стилгара, пояснил:

- Если Император признает мои притязания - он даст знать об этом, вновь подняв над Арракисом знамя Дома Атрейдес. В этом случае мы реализуем второй план и выступим только против Харконненов. Сардаукары не станут вмешиваться и предоставят нам самим разобраться друг с другом.

- У меня, конечно, нет опыта во всех этих инопланетных штучках, - проговорил Стилгар. - Однако я сомневаюсь, что...

- Не нужен опыт, чтобы догадаться, что они сделают, - проворчал Гурни.

- На большом корабле поднимают новый флаг, - сообщил наблюдатель. - Желтый... с черно-красным кругом в центре.

- Ловко, - усмехнулся Пауль. - Флаг КООАМ!

- Тот же флаг, что и над остальными кораблями, - заметил наблюдатель;

- Не понимаю, - ^ сказал Стилгар.

- В самом деле ловко, - подтвердил Гурни. - Подними он флаг Атрейдесов, ему пришлось бы придерживаться обязательств, которые это на него налагает. Слишком много свидетелей! Он мог поднять флаг Харконненов, и это было бы ответом прямым и ясным. Однако же нет: он вывешивает эту КООАМовскую тряпку! Иначе говоря, он сообщает тем, наверху, - Гурни поднял палец туда, где над Дюной висел на орбите флот, - что он там, где прибыль. И что ему все равно, кто правит планетой - Атрейдесы или кто-нибудь еще.

- Сколько осталось времени до того, как буря дойдет до Барьерной Стены? - спросил Пауль.

Стилгар посовещался с одним из федайкинов и доложил:

- Это будет совсем скоро, Муад'Диб. Раньше, чем мы ожидали. Поистине идет прародитель всех бурь... может быть, она даже сильнее, чем ты хотел бы.

- Это - моя буря, - промолвил Пауль и, видя безмолвное, смешанное со страхом благовение на лицах слышавших его федайкинов, добавил: - Пусть от этой бури содрогнется весь мир - и тогда она не будет сильнее, чем мне надо. Она ударит фронтом прямо по Стене?

- - Почти. Можно сказать, да, - ответил Стилгар.

Из хода, ведущего вниз, в котловину, вынырнул гонец, подошел к Паулю, доложил:

- Патрули отходят, Муад'Диб. И харконненские, и сардаукары.

- Думают, что буря нанесет в котловину слишком много песка и ухудшит видимость, - заметил Стилгар. - И полагают, что то же самое и к нам относится!..

- Скажи канонирам - пусть наметят цели и установят наводку заранее, до того как видимость ухудшится, - распорядился Пауль. - Они должны разбить нос каждого из этих кораблей сразу, как только буря уничтожит щиты... - Он подошел к стене, отогнул край камуфляжной ткани и посмотрел в небо. На темном его фоне уже вились песчаные шлейфы. Пауль отпустил маскировку и добавил: - Стал, пора отсыпать людей вниз.

- А ты разве не спустишься? - спросил Стилгар.

- Я пока побуду тут с федайкинами.

Стилгар) глянув на Гурни, только многозначительно пожал плечами и направился к скале, скрывшись в тенях.

- Кнопку заряда, которым мы откроем Барьерную Стену, я оставляю на тебя, Гурни, - сказал Пауль. - Сделаешь?

- Конечно.

Пауль жестом подозвал одного из командиров федайкинов:

- Отхейм, отводи наши дозоры от зоны взрыва. К началу бури там никого не должно остаться.

Федайкин коротко поклонился и вышел вслед за Стилгаром.

Гурни, взглянув в амбразуру, велел наблюдателю у телескопа:

- Следи получше за Южной Стеной. До самого взрыва она останется без прикрытия.

- Разошли сейлаго с оповещением о времени, - распорядился Пауль.

- К Южной Стене движутся наземные машины, - доложил наблюдатель. - С некоторых из них ведется огонь из метательных орудий - прощупывают... Согласно твоему приказу все наши люди пользуются личными щитами. Вот, машины остановились.

В наступившей тишине Пауль услышал, как свистят маленькие смерчики над ними - предвестники приближающейся бури. Сквозь отверстия маскировочной ткани начал сеяться песок; затем резкий порыв ветра рванул маскировку и сдернул ее с укрытия.

Пауль махнул своим федайкинам, чтобы те укрылись, и подошел к фрименам у аппаратуры связи, стоявшей возле входа в тоннель. Гурни последовал за ним. Пауль склонился к связистам.

Один из них сказал:

- Идет не «прародитель» - прародитель всех бурь, Муад'Диб!

Пауль бросил взгляд на темнеющее небо и приказал:

- Гурни, убирай наблюдателей с Южной Стены! Ему пришлось повторить приказ - шум бури вырос настолько, что приходилось кричать во весь голос.

Пауль надел фильтр-маску, затянул капюшон дистикомба.

Гурни возвратился.

Пауль тронул его за плечи, показал на кнопку взрывателя на стене тоннеля позади связистов. Гурни подошел к ней и, держа на кнопке руку, повернулся к Паулю.

- Связи нет! - крикнул связист. - Слишком сильные помехи^ Буря!..

Пауль кивнул, не сводя взгляда с часового циферблата. Наконец он обернулся к Гурни, поднял руку и вновь перевел взгляд на циферблат. Стрелка завершала последний круг...

- Давай! - крикнул Пауль и резко взмахнул рукой. Гурни вдавил кнопку до отказа.

Казалось, не меньше секунды прошло, прежде чем дрогнул пол под ногами. Раскатистый гул взрыва слился с ревом бури на миг перекрыв его.

Федайкин-наблюдатель подбежал к Паулю, держа свой телескоп под мышкой.

- Стена взорвана, Муад'Диб! Буря ворвалась в пролом и ударила прямо по ним - и наша артиллерия уже ведет огонь!-прокричал он.

Пауль представил себе, как катится по зажатой горами долине песчаная стена, напитанная статическим электричеством, - и рокочущие заряды разрушают все7 силовые щиты врага.

- Буря!.. - прокричал кто-то. - Пора в укрытие, Муад'Диб!

Пауль пришел в себя, ощутил, как песчинки иглами колют открытые щеки. Мы начали... и это всё неизбежно, подумал он. Положив руку на плечи связисту, он крикнул ему:

- Бросай аппараты! В тоннеле стоит второй комплект!..

Он почувствовал, что его тащат: федайкины столпились вокруг, защищая своего вождя. Они втолкнули его в тоннель, где было несколько тише, повернули за угол, попали в тесную комнатку, освещенную плавающими под потолком лампами. Отсюда вел еще один тоннель.

В этой комнатке за дублирующим комплектом аппаратуры связи сидел еще один фримен.

- Сильные помехи! - сказал он, увидев вошедших. - Сплошная статика.

В комнатку ворвался вихрек, мгновенно заполнив воздух крутящейся песчаной пылью.

- Закройте тоннель! - скомандовал Пауль. Внезапно замерший в неподвижности воздух свидетельствовал о выполнении приказания. - Проход в котловину не обрушился? - спросил он.

Один из федайкинов выбежал и, вернувшись, доложил:

- После взрыва обрушилось немного камня, но инженеры говорят, что проход не перекрыт. Сейчас они расчищают завалы лазерами.

- Пусть руками поработают! - возмутился Пауль. - Там же включенные щиты!..

- Ничего, Муад'Диб, - возразил федайкин, - они осторожно...

Но все же повернулся и вышел передавать приказ. Связисты, дежурившие снаружи, протиснулись мимо, таща свою аппаратуру.

- Я им передал твой приказ оставить оборудование» Муад'Диб! - воскликнул один из федайкинов.

- Сейчас люди нам дороже оборудования, - с упреком сказал Пауль. - Очень скоро мы не будем испытывать нужды в оборудовании - либо потому, что получим его куда больше, чем сможем использовать, либо потому, что нам уже не понадобится никакое оборудование.

Гурни Халлек подошел к Паулю.

- Я слышал, что путь вниз открыт, - сказал он. - Мы здесь слишком близко к поверхности. Как бы Харконнены не контратаковали!

- Им сейчас не до этого, - усмехнулся Пауль. - Как раз сейчас они вдруг обнаружили, что лишились щитов, и возможности взлететь с планеты.

- Как бы то ни было, новый командный пункт готов, милорд, - сказал Гурни.

- Пока что он не нужен, - сказал Пауль. - На этом этапе операция будет разворачиваться и без моего участия. Нам же надо ждать...

- Принимаю сообщение, Муад'Диб! - крикнул связист. Он потряс головой, прижал наушник рукой. - Очень сильные помехи!..

Он начал писать в блокноте, время от времени останавливаясь и покачивая головой.

Федайкины отошли, уступая место, и Пауль заглянул через плечо в блокнот связиста:

«Налет... на Сиетч Табр... пленных... Алия (пропуск)... семьи (пропуск) убиты, и... они (пропуск)... сына Муад'Диба».

Связист опять потряс головой.

Пауль поднял голову, встретился со взглядом Гурни.

- Сообщение неразборчиво, - пробормотал Турни. - Помехи ведь... Мы не можем знать, что...

- Мой сын мертв, - глухо сказал Пауль - и сам понял, что это правда. - Мой сын мертв... а Алия схвачена... она - их заложник.

Он чувствовал себя опустошенным - лишь оболочка человека, лишенная эмоций. Все, чего он касался, приносило гибель и горе. Точно болезнь... которую он может разнести по всей Вселенной.

Он чувствовал в себе умудренность старца.- умудренность, порожденную объединенным опытом бесчисленных вероятных жизней. И казалось ему, что кто-то внутри него хихикает, потирая руки.

И Пауль подумал: Как же мало знает Вселенная, что такое настоящая жестокость!

Глава 10

И вот встал тогда Муад'Диб пред ними и сказал: «Погибшей мы считали ее, взятую в плен; но она жива. Ибо семя ее - мое семя, - и голос ее - мой голос. И она видит глубочайшие уровни вероятности, пронизывает взором сущность вещей. Истинно говорю вам: в долину незнаемого и непознаваемого проникает взор ее, и то - благодаря мне».

(Принцесса Ирулан, «Арракис Пробуждающийся»)

Барон Владимир Харконнен стоял потупив глаза в аудиенц-зале – овальном селамлике в самом сердце гигантского шатра Падишах-Императора. Исcosa посматривая по сторонам, барон изучал зал с металлическими стенами и тех, кто был в нем: нукеров, пажей, гвардейцев-стражников, отряд дворцовых сардаукаров, стоящих «вольно» вдоль стен под окровавленными и разодраными боевыми знаменами – трофеинными, единственным украшением зала.

Справа, отдаваясь в высоком коридоре, раздались выкрики:

- Дорогу! Дорогу Его Величеству!

Падишах-Император Шаддам IV вышел в сопровождении свиты и остановился, ожидая, когда внесут его трон/ Барона он игнорировал – как, впрочем, и остальных собравшихся в селамлике.

Барон же никак не мог игнорировать особу Его Величества и изучал его лицо, надеясь обнаружить хотя бы намек на причину этой аудиенции.

Император стоял неподвижно, выпрямившись – стройный, элегантный, в серой форме сардаукаров с золотым и серебряным шитьем.

Узкое лицо и ледяные глаза живо напомнили барону покойного герцога Лето: тот же самый взгляд хищной птицы. Правда, Император был не брюнет, а рыжий, и заметить это не мешал даже эбеново-черный шлем бурсега с золотой короной, венчающей его голову.

Пажи внесли трон и поставили на предназначеннное для него возвышение – массивное кресло, вырезанное из цельного куска хагальского кварца. Прозрачное, голубовато-зеленое, оно было словно пронизано языками золотого пламени. Император сел.

Старуха в черной абе с низко надвинутым капюшоном отделилась от свиты и заняла место за троном, положив костлявую руку на кварцевую спинку. Выглядывавшее из-под капюшона лицо было физиономией карикатурной

ведьмы, как их обычно рисуют: запавшие глаза и щеки, необычайно длинный нос, кожа в старческих пятнах, вены сеткой охватывают тощую шею и руки.

Барон при виде ее едва сумел сохранить внешнее спокойствие. Само присутствие Преподобной Матери Гайи-Елены Мохийям, Правдовидцы Императора, говорило о важности этой аудиенции. Тогда барон отвернулся от нее и попытался догадаться о цели аудиенции по составу свиты. Там были два агента Гильдии – один высокий и толстый, второй – низенький и тоже толстый, оба с непроницаемо-тусклыми серыми глазами. Среди придворных стояла также высокая белокурая женщина с точеными чертами лица; зеленые глаза смотрели словно сквозь барона. Дочь Императора, принцесса Ирулан – говорили, ее обучают Пути Бене Гессерит высшего уровня посвящения.

- Приветствую вас, любезный барон.

Император наконец соизволил заметить его. У повелителя обитаемой Вселенной был баритон, и он прекрасно владел своим голосом: приветствие прозвучало как отторжение.

Барон низко поклонился и прошел вперед, остановившись, как полагалось, в десяти шагах от подножия трона.

- Я прибыл по вашему повелению, Ваше Величество.

- «По повелению..»! – фыркнула старуха.

- Оставьте, Преподобная Мать, – с укором сказал ей Император; впрочем, он улыбнулся, явно забавляясь замешательством барона. Затем монарх спросил: – Прежде всего скажите мне – куда вы отправили своего любимца, этого Суфира Хавата?

Барон оглянулся по сторонам, мысленно выругал себя за то, что явился сюда без охраны. Не то чтобы от его бойцов было много пользы при схватке с сардаукарами. И все-таки...

- Итак? - снова спросил Император.

- Он улетел уже пять дней назад, и все это время его здесь не было, Ваше Величество. - Барон бросил взгляд на агентов Гильдии. - Он должен был приземлиться на базе контрабандистов и попытаться внедриться в лагерь этого фрименского фанатика Муад'Диба.

- Невероятно! - воскликнул Император.

Рука ведьмы, похожая на птичью лапу, коснулась плеча Императора. Старуха склонилась к нему и что-то шепнула. Император кивнул.

- Вы сказали - пять дней, барон? Скажите, отчего вы не обеспокоились его отсутствием?

- Но я обеспокоен, Ваше Величество! Обеспокоен! Император, выжидая, продолжал в упор смотреть на барона. Преподобная Мать рассмеялась кудахтающим смешком.

- Я имею в виду, Ваше Величество, - пояснил барон, - что Хават все равно умрет через несколько часов. - И он объяснил все о латентном - остаточном - яде и о необходимости постоянно давать противоядие.

- Весьма умно придумано, барон, - похвалил Император. - Ну, а где же ваши племянники - Раббан и юный Фейд-Раута?

- Приближается буря, Ваше Величество, и я отправил их проверить периметр нашей обороны. На случай, если фримены попытаются атаковать под прикрытием песка.

- Периметр. - Император протянул слово так, словно оно было кислым на вкус. - Здесь, в котловине, буря будет не слишком сильной; а этот фрименский сброд не отважится напасть, пока здесь я и пять легионов моих сардаукаров!

- Конечно, Ваше Величество, - согласился барон. - Но даже излишняя осторожность вряд ли является серьезным проступком! Можно ли порицать за нее?

- Ахх-х... - протянул Император. - Порицать... Значит, я не вправе даже говорить о том, сколько времени отняла у меня эта бессмысленная суэта вокруг Арракиса? О том, как сгинули в этой дыре почти все доходы КООАМ? О том, наконец, что мне пришлось отложить множество важных государственных и дворцовых дел, а часть из них - даже и отменить, и все из-за этой дурацкой истории?..

Барон, напуганный монаршим гневом, опустил глаза. Его раздражала мысль о переплете, в который он попал: один и связан по рукам и ногам Конвенцией и правилом «Диктум фамилии»!

Он что, намерен убить меня? - думал барон. Он не посмеет! Слишком много свидетелей - на орбите следят за событиями все прочие Великие Дома, и они только и ждут повода как-нибудь урвать свою долю, воспользовавшись заварушкой на Арракисе!..

- Заложников хоть взяли? - проворчал Император.

- Бесполезно, Ваше Величество, - ответил барон. - Эти сумасшедшие фримены служат по каждому пленному погребальный обряд и затем уже считают его мертвым.

- Вот как? - удивился Император.

Барон разглядывал металлические стены селамлика и думал об окружавшем их гигантском шатре из веерола. Эта великанская конструкция говорила о таком безмерном богатстве, что сама мысль о нем ошеломляла даже барона. Он таскает за собой пажей и бесчисленных лакеев, своих женщин и их прислугу - парикмахеров, декораторов, прочих... всех этих прихлебателей императорского двора. Все здесь - и, как всегда, льстят и прислуживаются, интригуют и «разделяют тяготы войны» с Императором... а ему они нужны как свидетели истории. Чтобы увидели, как Император решит аракийский вопрос, а затем - слагали стихи о битвах и превозносили подвиги тех, кто будет в них ранен...

- Возможно, вы просто брали не тех заложников? - прервал его размышления Император.

Он что-то узнал, понял барон. Страх ледяным камнем лежал в его желудке. Мысль о еде - о еде! - была невыносимой. Но ощущение холодной, давящей тяжести было так похоже на голод, что он даже заворочался в своей сбруе силовой подвески, борясь с желанием приказать подать есть... Только вот кто бы тут стал исполнять его приказы?

- У вас нет никаких предположений относительно личности Муад'Диба? - спросил Император.

- Да наверняка какой-нибудь сумасшедший умма, - осторожно пожал плечами барон. -

Фрименский. фанатик. Религиозный авантюрист... Вашему Величеству известно, что подобные плевелы часто вырастают на задворках цивилизованного мира...

Император быстро глянул на свою Правдовидицу и вновь повернулся к барону, буравя его недобрыйм угрюмым взглядом.

- И других сведений об этом Муад'Дибе у вас, значит, нет? - спросил он.

- Да просто какой-то сумасшедший, - буркнул барон. - Так фримены все ненормальные.

- Неужели?

- Его бойцы бросаются в бой с именем Муад'Диба. Женщины кидают в нас своих младенцев и затем сами бросаются на наши клинки, чтобы дать мужчинам шанс атаковать нас. У них нет... нет... они воюют не по правилам!

- Ах, даже так... - протянул Император, и барон ясно услышал насмешку в его голосе. - Н-ну, любезный барон, а удосужились ли вы обследовать южные полярные области Арракиса?

Барон, изумленный внезапной сменой темы, поднял глаза на Императора.

- Но... но, Ваше Величество, вам же известно - эти земли необитаемы, там хозяйничают бури и черви. В южных широтах даже Пряности нет!

- И, конечно, вам не приходилось слышать, что с меланж-лихтеров там замечали участки растительности?

- Такие сообщения время от времени поступают. По некоторым было предпринято расследование. Обнаружили несколько кустов и потеряли много орнитоптеров. Слишком дорогое удовольствие, Ваше Величество! Юг - не место для человека, там долго не выжить.

- Так-так. - Император щелкнул пальцами. За троном, слева, открылась дверь, и два сардаукара ввели девочку лет четырех. На ней была черная аба с откинутым капюшоном; из-за воротника выглядывали отстегнутые трубки и уплотнители дистикомба. Синие фрименские глаза сияли на круглом личике. Кажется, она совсем не боялась - зато барон, взглянув на ее лицо, отчего-то почувствовал себя очень неуютно.

Даже старая гессеритка, когда девочка шла мимо нее, отшатнулась и сделала охранительный знак. Вид ребенка явно потряс старуху.

Император откашлялся и хотел что-то сказать - но малышка заговорила первой. У девочки был тонкий, еще слегка шепелявый,» но очень ясный голосок.

- Так вот, значит, он, - проговорила она и подошла к краю возвышения, на котором стоял трон. - Правду

сказать, так и ничего особенного - просто перепуганный жирный стариk, у которого нет сил даже стоять самому. Без этих помочей!

Было так странно слышать подобные фразы из уст ребенка, что барон, несмотря на гнев, онемел и уставился на девочку. Может, это просто карлица?- промелькнуло у него в голове.

- Любезный барон, - промолвил Император, - позвольте представить вам сестру Муад'Диба.

- Сеет... - Барон поперхнулся и повернулся к своему сюзерену. - Я не понимаю.

- Я тоже проявляю иногда излишнюю, может быть, осторожность, - пояснил Император. - Мне доложили, что в вашей необитаемой южной полярной зоне наблюдаются явные признаки человеческой деятельности.,

- Но это невозможно! - воскликнул барон. - Черви... там же открытые пески до самого...

- Похоже, они научились как-то уживаться с червями, - пожал плечами Император.

Девочка уселась на край возвышения подле трона и заболтала ногами. Она осматривала селамлик с явным удовольствием - и с необыкновенно уверенным видом.

Барон тупо смотрел на болтающиеся ножки под черной тканью - оказывается, девочка была обута в сандалии.

- К несчастью, - сказал Император, - я послал туда только пять десантно-транспортных топтеров со сравнительно небольшой ударной группой, имеющей целью захватить пленных для допроса.

Должен признаться, что десанту едва удалось уйти оттуда, захватив всего трех пленных и оставив там четыре машины из пяти. Причем заметьте, барон: мой отряд был разгромлен противником, состоящим по большей части из женщин, детей и стариков. А это вот дитя командовало одним из контратаковавших отрядов.

- Вот видите, Ваше Величество! - горячо подхватил барон: - Видите, какие они!

- Я поддалась, чтобы меня захватили, - объяснила девочка. - Потому что не хотела прийти к брату с вестью о гибели его сына.

- Лишь горстке моих людей удалось унести ноги, - сказал Император и вдруг закричал: - Унести ноги! Слышите, вы?!

- Да мы бы и их порешили, - заверила девочка, - если бы не огонь.

- Сардаукары применили двигатели вертикального хода топтеров как огнеметы, - пояснил Император. - Поистине решение отчаяния - но только это и дало им уйти, да еще и с тремя пленными. Заметьте это себе, дорогой барон, - мои сардаукары были вынуждены в беспорядке отступить, перед женщинами, детьми и стариками!

- Мы должны атаковать всеми силами, - хрюкнул барон. - Мы должны истребить всех...

- Хватит! - рявкнул Император, подавшись вперед. - Вы что, за дурака меня считаете?! Стоять тут с идиотски невинным видом и твердить...

- Ваше Величество, - перебила его старая Правдовидица.

Император только отмахнулся:

- И вы говорите, что не имели представления ни о населении юга, обнаруженнном нами, ни о боевых качествах этих людей? - Император поднялся с трона. - За кого вы меня принимаете, барон?

Барон отступил на два шага. Это все Раббан! Это он меня подставил! Раббан...

- А это фальшивое столкновение с герцогом Лето, - промурлыкал Император, снова садясь. - Как превосходно вы играли, барон!

- Ва... Ваше Величество! - взмолился барон. - О чем вы...

- Молчать!!!

Старуха снова дотронулась до плеча Императора и шепнула ему что-то.

Девочка перестала болтать ногами и попросила:

- Пугни его еще, Шаддам. Нехорошо, конечно, радоваться, но уж больно приятно смотреть, ничего с собой поделать не могу!

- Тихо, дитя. - Император наклонился вперед, положил руку на головку ребенка и вперил тяжелый взгляд в барона. - Итак, возможно ли это? Неужели вы и впрямь такой простак, как считает моя Правдовидица? Вы что, не узнаете эту девочку - дочь вашего союзника герцога Лето?

- Не был отец его союзником, - сердито сказала девочка. - Мой отец мертв, а эта харконненская скотина видит меня впервые.

Барон мог только яростно смотреть на нее. Наконец он сумел выдавить:

- Кто...

- Я - Алия, дочь герцога Лето и леди Джессики, сестра герцога Муад'Диба, - объяснила девочка. Она соскользнула на пол селамлика. - А мой брат обещал, что нацепит твою голову на древко своего боевого штандарта; я думаю, он так и сделает!

- Помолчи, дитя, - оборвал ее Император. Он откинулся на спинку трона и, поглаживая подбородок, изучал барона.

- Я приказам Императора не подчиняюсь, - возразила Алия. Она повернулась, посмотрела снизу вверх на Преподобную Мать. - Вот она знает.

Император оглянулся на Преподобную:

- О чём это она?

- Этот ребенок – воплощенный грех и мерзость! – прошипела старуха. – Ее мать заслужила такую кару, какой не видел мир! Смерть! Да никакая смерть не будет слишком быстрой ни для этого «ребенка», ни для той, что ее выродила! – Старуха ткнула в Алию костлявым пальцем. – Вон! Пошла вон из моего разума!

- Тэ-Пэ? – прошептал Император, глядя на Алию. – Великая Мать...

- Вы не понимаете, Ваше Величество! – воскликнула старуха. – Телепатия тут ни при чем! Она внутри моего сознания! Она – как те, другие, что были до меня, те, что дали мне свою память! Она там – в моем сознании! Этого быть не может – но это есть!

- Какие «те, другие»? – сердито спросил Император. – Что это за бред?

Старуха выпрямилась, опустила руку.

- Я и так сказала слишком много; но главное – «ребенок», который на самом деле не ребенок, должен быть уничтожен. Еще с давних времен существует предостережение, говорящее нам о том, как опасна подобная ей, и о том, что рождения ее допустить нельзя! Но мы преданы одной из нас, отступницей!

- Что ты болтаешь, старуха, – пренебрежительно сказала Алия. – Ты не знаешь, как это случилось, а бормочешь чепуху подобно глупцу, который не видит ничего дальше своего носа. – Алия закрыла глаза, глубоко вздохнула и задержала дыхание.

Старая Преподобная Мать застонала и пошатнулась. Алия открыла глаза.

- Вот как это было, – сказала она. – Космическая случайность... к которой и ты приложила руку.

Преподобная Мать подняла руки, как бы отталкивая Алию.

- Да что, наконец, происходит? – не выдержал Император. – Дитя, ты что, правда, можешь проецировать мысли в чужое сознание?

- Ничего похожего, – помотала головой Алия. – Коль скоро я рождена не так, как ты, то и думаю не так, как ты.

- Убейте ее, – пробормотала старуха, вперив запавшие старческие глаза в Алию, и схватилась за спинку трона, чтобы не упасть. – Убейте...

- Помолчи, – велел Император, разглядывая Алию. – Дитя, а можешь ты общаться таким образом со своим братом?

- Мой брат знает, что я здесь, – ответила Алия.

- Ты можешь передать ему, что бы он сдался – в обмен на твою жизнь? – спросил Император.

Алия невинными глазами посмотрела на него:

- Нет, этого я не сделаю.

Барон, пошатываясь, шагнул вперед и встал рядом с Алией.

- Ваше Величество! == взмолился он. – Поверьте, я ничего не знал о...

- Перебейте меня еще раз, – сказал Император, – и больше вы уже никого и никогда перебить не сможете...

На барона при этом он даже не посмотрел, продолжая разглядывать Алию из-под полуприкрытых век.

- Значит, не сделаешь... Тогда попробуй прочесть в моих мыслях, что я сделаю с тобой, если услышаешься меня.

- Я тебе сказала уже, что я мыслей не читаю, – ответила Алия. – Вот их спроси! – показала она на двоих гильдиеров.

- Не слишком умно идти против меня, – нахмурился Император. – Даже и в мелочах ты не должна мне противоречить.

- Мой брат идет, – возразила Алия, – а перед Муад'Дибом и Император будет трепетать, ибо с Муад'Дибом – сила его правоты и небеса улыбаются ему!

Император вскочил на ноги:

- Шутка зашла слишком далеко. Я сотру в пыль и твоего брата, и всю эту планету...

Селамлик сотрясся, и тяжелый рокот ударил по нему. Позади трона, где селамлик примыкал к императорскому кораблю, с потолка внезапно обрушился каскад песка. Короткое ощущение стягивающейся кожи подсказало присутствующим, что включился очень мощный и крупный щит.

- Я же говорила - мой брат идет, - заметила Алия.

Император стоял перед троном, прижимая к уху радиофон, захлебывавшейся скороговоркой докладывавший о происходящем. Барон отступил на два шага назад; сардаукары занимали посты у дверей.

- Поднимемся на орбиту и перегруппируемся, - объявил Император. - Барон, примите мои извинения. Эти сумасшедшие в самом деле напали на нас под прикрытием шторма. Что же, мы покажем им гнев Императора!.. - Он показал на Алию. - А эту отдайте буре.

При этих словах Алия, изображая испуг, побежала от Императора.

- Пусть буря возьмет что сумеет! - закричала она, обернувшись.

И попала прямо в руки барона!

- Я ее поймал, Ваше Величество! - заревел барон радостно. - Убить ее сразу - и-ииииии!..

Взвизгнув, барон уронил ее на пол. Правой рукой он стискивал левую кисть.

- Извини, дед, - спокойно сказала Алия, - но это был гом джаббар Атрейдесов.

Девочка встала и бросила на пол длинную черную иглу.

Барон упал. Выпученными от ужаса глазами он уставился на красную царапину на левой ладони.

- Ты... ты...

Он перевалился на бок и замер - безвольная туша, повисшая в нескольких дюймах от пола на бесполезном теперь силовом поле. Голова откинулась, рот был широко открыт.

- Они действительно сумасшедшие, - зло сказал Император. - Ну, быстро! Все на корабль! Мы очистим эту планету от...

Слева что-то сверкнуло, и от стены мячиком отскочила шаровая молния. Послышался треск, когда огненный шар коснулся металлического пола. Запахло сгоревшей изоляцией.

- Щит! - закричал один из сардаукаров. - Внешний щит не выдержал! Они...

Его слова утонули в металлическом грохоте. Стена позади Императора - обшивка его корабля - сотряслась и заходила ходуном.

- Они отстрелили нос корабля! - крикнул кто-то. Селамлик заполнился клубящейся пылью. Скрытая ее завесой, Алия побежала к ведущей наружу двери.

Император круто повернулся, жестом указал своим людям на люк, открывшийся в броне корабля, и махнул офицеру сардаукаров, спешившему через пыльную мглу к своему повелителю.

- Мы будем защищаться здесь! - приказал он. Гигантский шатер вновь содрогнулся. В дальнем конце приемного зала с грохотом распахнулись двойные двери. Внутрь ворвались песок, ветер и громкие крики. На секунду в проеме мелькнула фигурка в черном одеянии - это Алия выскочила наружу, намереваясь подобрать где-нибудь нож и, как предписывало ее фрименское воспитание, прирезать сколько получится харконненских солдат или раненых сардаукаров. Дворцовые сардаукары в зеленовато-желтой мгле бросились к выбитым Дверям и выстроились в дугу, выставив оружие: они прикрывали отход Императора.

- Спасайте себя, сир! - закричал их командир. - Быстрее в корабль!

Но Император стоял в одиночестве возле своего трона и показывал рукой на двери. Взрыв выбил сорокаметровый участок внешней стены шатра, и теперь через двери селамлика было видно штурмующее песчаное море, над которым низко висела клубящаяся туча песка. Сквозь пастельную мглу сверкали разряды статического электричества, накопленные этой тучей, и вспыхивали фонтаны искр - это разряжалась силовые щиты бойцов. Вся равнина кишила сражающимися; сардаукары отбивались от прыгающих и крутящихся волчком противников в длинных одеждах -казалось, неизвестные враги были принесены сюда бурей и теперь спрыгивали с ее лохматящейся песчаными вихрями спинами.

Но не на них указывала рука Императора.

Из пыльной пелены показались странные и жуткие движущиеся формы. Они выгибались огромными дугами, сверкали венцами кристаллических зубцов, окружающих чудовищные провалы пастей... Сплошной стеной на императорскую ставку шли песчаные черви. И каждый из них нес на спине отряд фрименов. Сила Пустыни шла в бой. С шорохом, почти заглушающим шум бури, шли они, выстроившись в клин, разрезавший сечу, и бились на ветру свободные одежды наездников.

Они надвигались на уменьшившийся вдруг металлический шатер, и дворцовые сардаукары потрясению взирали на них. Впервые за всю историю Корпуса Сардаукаров эти неустрешимые бойцы были охвачены ужасом, ибо их разум отказывался вместить эту невероятную атаку титанов.

Но те, кто спрыгивал с чудовищных тварей, были всё же людьми, и их клинки, взблескивающие в зловещем желтоватом свете, тоже были понятны и привычны. Теперь перед сардаукарами был противник, укладывающийся в то, чему их учили, и солдаты Императора бросились в бой. И люди сходились в схватке, и сшибались клинки - а отборные сардаукары, телохранители Императора, втолкнули своего повелителя в корабельный люк, захлопнули и заперли его массивную дверь и приготовились умереть перед нею, ибо они были щитом Императора.

В корабле было сравнительно тихо, и эта тишина оглушала. Перед Императором возникли придворные с широко раскрытыми от страха глазами; его старшая дочь раскраснелась от возбуждения; старая Правдовида стояла черной тенью, низко опустив капюшон. Наконец он нашел лица, которые искал. Лица агентов Гильдии.

Гильдиеры были, разумеется, в своих серых, без украшений, мундирах - серый цвет очень подходил к их спокойствию, такому странному среди кипящих вокруг эмоций.

Высокий прикрывал рукой лицо. Как раз в тот момент, когда Император повернулся к нему, кто-то случайно толкнул гильдиера под локоть, и Император увидел его глаз. Агент потерял одну контактную линзу, и теперь был виден ре прикрытый сероватой маскировкой темно-синий глаз, и синева была такой густой, что глаз казался почти черным.

Низенький гильдиер протолкался ближе к Императору и озабоченно проговорил:

- Мы не знаем, как все повернется... Высокий, вновь прикрыв глаз, холодно заметил:
- Но и Муад'Диб не может этого знать.

Эти слова вывели Императора из оцепенения. Он с видимым усилием сдержался, чтобы не сказать что-нибудь презрительное - ибо не надо было обладать способностью гильд-навигатора видеть основные вероятности близкого будущего, чтобы догадаться о том, что скоро произойдет на равнине... Неужели эти двое стали настолько зависимы от своей «семьи», что разучились пользоваться глазами и разумом?..

- Преподобная, - сказал Император, - мы должны что-то придумать. Нужен план...

Старуха откинула капюшон и устремила на Императора немигающий взгляд. Они прекрасно понимали друг друга и без слов; им оставалось одно, последнее оружие, и они оба знали это - предательство.

- Вызовите графа Фенринга, - сказала Преподобная Мать.

Падишах-Император кивнул и жестом приказал одному из придворных выполнять это распоряжение.

Глава 11

Был он воин и мистик, чудовище и святой, лис и сама воплощенная невинность, меньше, чем бог, но больше, чем человек. Нельзя мерить Муад'Диба обычной меркой. В миг своей славы он увидел уготованную ему смерть, однако принял опасность и лицом встретил измену. Вы скажете, он сделал это из чувства справедливости. Хорошо. Но – чьей справедливости? Не забывайте: мы говорим сейчас о Муад'Дибе, о том самом Муад'Дибе, который приказывал обтягивать боевые барабаны кожей врага. О Муад'Дибе, который простым мановением руки отмахнулся от всего, что было связано с его герцогским прошлым, от всех обычаев, законов и условностей, говоря лишь: «Я – Квисатц Хадерах, и этой причины довольно».

(Принцесса Ирулан, «Арракис Пробуждающийся»)

В вечер победы они с триумфом ввели Пауля Муад'Диба во дворец губернатора Арракина – тот самый дворец, который заняли Атрейдесы, прия на Дюну. Раббан недавно отремонтировал здание, и сражение его почти не затронуло, хотя горожане успели уже кое-что разграбить. Мебель в главном зале была перевернута и частично разбита.

Пауль быстрыми шагами вошел в зал через парадные двери, Гурни Халлек и Стилгар шли на шаг позади него. Их эскорт рассыпался по Большому залу и принял приводить его в порядок, приготавливая место для Муад'Диба. Один взвод проверял дворец на предмет ловушек.

– Я помню, как мы с твоим отцом впервые вошли в этот зал, – проговорил Турни. Он обвел взглядом потолочные балки и высокие узкие окна. – И тогда мне тут не понравилось, а уж теперь и подавно. Во всяком случае, в одной из наших пещер было бы намного безопаснее.

– Вот слова настоящего фримена, – заметил Стилгар, и холодная улыбка Муад'Диба не ускользнула от его внимания. – Может, все же передумаешь?

– Это место – символ, – строго сказал Пауль. – Тут жил Раббан. Заняв дворец, я всем показываю, что победил окончательно... Отправь людей осмотреть всё здание, но пусть они ни к чему не прикасаются. Пусть только убедятся, что Харконнены не оставили тут своих людей или свои игрушки.

– Как прикажешь, – ответил Стилгар, но в его голосе прозвучало отчетливое недовольство; однако он, разумеется, подчинился.

Появившиеся связисты тут же принялись разворачивать свое оборудование у гигантского камина. Фримены, пополнившие поредевшие в битве ряды федайкинов, встали на часах вдоль стен зала. Слышалось бормотание, часовые подозрительно оглядывали диковинное для них помещение. Вдобавок это место слишком долго было логовом врага, чтобы можно было вот так просто прийти сюда и чувствовать его своим.

– Гурни, отправь эскорт за Чани и моей матерью, – распорядился Пауль. – Чани уже знает... о нашем сыне?

– Мы послали сообщение... милорд.

– Подателей из котловины уже вывели?

– Да. Буря уже почти прошла.

– Какой она нанесла ущерб? –

– По оси – на посадочном поле и в складах на равнине – ущерб причинен весьма значительный, – ответил Гурни. – Как бурей, так и сражением.

– Надо полагать, все же не настолько значительный, чтобы нельзя было поправить за деньги.

– Если не считать жизни погибших... милорд, – поклонился Гурни, и в его голосе прозвучал упрек, словно Гурни спрашивал: Когда это было, чтобы Атрейдес думал прежде об имуществе, чем о людях?

Но Пауль был целиком сосредоточен на своем внутреннем зрении и разрывах в стене времени, которая все еще лежала на его пути. И сквозь каждый разрыв катился в его будущее ревущий джихад...

Он вздохнул, пересек зал, приметив кресло у противоположной стены. Это было кресло из столовой – может быть, когда-то в нем сидел отец. Впрочем, сейчас это было всего лишь кресло, предмет, на который можно было сесть, чтобы справиться с усталостью и скрыть её от людей. Он уселся, оправил полы бурки, укрыв ноги, распустил дистикомб у горла.

- Император всё еще сидит в своем разбитом корабле, – сказал Гурни.
- Ну и пусть пока сидит – подержите его там немного, – отмахнулся Пауль. – А Харконненов нашли?
- Еще не всех убитых осмотрели, милорд.
- Что ответили с кораблей? – Пауль дернул головой, указывая вверх.
- Пока ничего, милорд.

Пауль вздохнул, устало откинулся на спинку кресла и наконец сказал:

- Приведите мне какого-нибудь сардаукара из пленник. Надо отправить Императору послание – пора обсудить условия.

- Да, милорд.

Гурни повернулся, жестом подал сигнал одному из федайкинов, который тут же занял пост возле Пауля.

- Гурни, – прошептал Пауль, – с тех самых пор, как мы с тобой опять вместе, я не слышал еще от тебя ни одной цитаты, подходящей к случаю... – Он увидел, что Гурни напряженно сглотнул и его лицо закаменело.

- Если угодно, милорд... – проговорил Гурни, прочистил горло и произнес: – «И победа в день тот стала скорбью для всего народа; ибо услышали люди, как скорбит царь о сыне своем».

Пауль прикрыл глаза, вытесняя скорбь из сознания: ей придется подождать своего часа, как некогда ждала скорбь об отце. Сейчас же он был поглощен открытиями этого дня. О вероятностях будущего, о том, что в них теперь соединятся и его будущее, и будущее Алии. О скрытом в глубинах его сознания – присутствии Алии...

И это было самое странное из всех проявлений его видения во времени. «Я встала на пути твоего будущего, – говорила Алия внутри, – чтобы лишь ты один мог слышать мои слова. Даже ты так не можешь, брат мой. Это хорошая игра, по-моему! И... да, знаешь, я убила нашего деда – выжившего из ума старого барона. Он почти и не почувствовал боли».

Затем – молчание. Внутренним зрением он ощущил ее уход из своего сознания.

- Муад'Диб!

Пауль открыл глаза, увидел черную бороду Стилгара, темные глаза, еще горевшие огнем битвы.

- Вы нашли тело старого барона, – сказал Пауль. Стилгар опешил.

- Откуда ты знаешь? – прошептал он. – Мы только что нашли его труп в той огромной металлической штуке, которую соорудил Император!

Пауль оставил вопрос без ответа – он увидел, как возвращается Гурни, а с ним – два фримена, поддерживающих пленного сардаукара.

- Вот один из них, милорд, – сказал Гурий, знаком останавливая конвойных и сардаукара шагах в пяти от Пауля.

Пауль заметил, что глаза пленника словно остекленели – в них застыло пережитое потрясение. Через все лицо, от переносицы до угла рта, тянулся синий кровоподтек. Это был блондин с классическими, точно высеченными из мрамора чертами лица, из тех, которые обычно занимали офицерские должности в Корпусе сардаукаров. Впрочем, на его рваном мундире не было никаких знаков отличия, если не считать золотых мундирных пуговиц с императорской короной да полуоторванного галуна на лампасах.

- Это, по-моему, офицер, милорд, – сказал Халлек. Пауль кивнул:

- Я – герцог Пауль Атрейдес. Ты понимаешь это? Сардаукар молча и неподвижно смотрел на него.

- Отвечай, – велел Пауль, – не то твой Император может умереть.

Сардаукар мигнул, судорожно сглотнул,

- Так кто я? – спросил Пауль.

- Вы – герцог Пауль Атрейдес, – хрипло ответил сардаукар.

Паулю он показался слишком уж покорным - но, с другой стороны, сардаукаров никогда не готовили к таким передрягам. Они не знали поражений - а привычка к одним лишь победам сама по себе может стать слабостью. Эту мысль он отложил - ее следовало обдумать как следует и внести соответствующие изменения в программу подготовки своих войск.

- Я хочу, чтобы ты передал Императору мое послание, - сказал Пауль. И заговорил, согласно древним формулам: - Я, Герцог из Великого Дома, правитель императорской крови, даю слово и клянусь, согласно Великой Конвенции: коль скоро Император и его люди сложат оружие и явятся ко мне сюда, то я стану сохранять их жизни, хотя бы ценой собственной жизни. - Пауль поднял левую руку с герцогским перстнем на пальце. - Клянусь этим знаком.

Сардаукар облизнул губы, взглянул на Гурни.

- Да, - сказал Пауль. - Кто, кроме Атрейдеса, мог бы требовать верности от Гурни Халлека и приказывать ему?

- Я доставлю ваше сообщение, - сказал сардаукар.

- Отведите его на наш передовой командный пункт и отправьте на корабль, - распорядился Пауль.

- Да, милорд. - Гурни сделал знак конвоирам, и все четверо вышли.

Пауль повернулся к Стилгару.

- Прибыли Чани и твоя мать, - сообщил тот. - Чани попросила некоторое время не беспокоить ее - она хочет побывать наедине со своим горем. Преподобная же Мать уединилась в «колдовской комнате»; причины тому я не знаю.

- Моя мать тоскует о планете, которую скорее всего больше не увидит, - сказал Пауль. - О мире, где вода падает с неба, а растения столь густы, что меж ними трудно пройти.

- Вода с неба... - шепотом повторил Стилгар.

В этот миг Пауль увидел, как Стилгар из гордого фрименского наиба на глазах превращается в создание Лисан аль-Гаиба, воплощающее преклонение и покорность. Этот могучий человек уменьшился в один миг - и на Пауля снова повеяло призрачным ветром джихада.

Я увидел, как друг становится почитателем...

Пауль вдруг ощущил резкий приступ одиночества.. Он оглядел зал и впервые заметил, как замирают и тянутся к нему часовые, едва только он появляется среди них. Он почувствовал невидимое соперничество - каждый федайкин втайне надеялся, что Муад'Диб заметит и отличит его.

Муад'Диб, от которого исходит благословение, сказал он про себя, и это была самая горькая мысль в его жизни. Они чувствуют, что я должен взять трон, - подумал он. - Но они не могут понять, что я делаю это, единственно чтобы предотвратить джихад...

Стилгар кашлянул:

- Раббан тоже мертв... Пауль только кивнул.

Часовые-федайкины справа от него расступились и стали «смирно», открыв проход для Джессики.

Она была в своей черной абе и шла той особой фрименской походкой, которая вызывала в памяти скольжение фримена по песку; но Пауль заметил, что сам дворец вернул ей что-то из ее прошлого, из времени, когда юна была официальной наложницей правящего герцога. В ней вновь видна была прежняя властность, во всяком случае часта, ее.

Джессика встала перед сидящим в кресле Паулем, взглянула на него сверху вниз. Она видела, как он устал и как старается скрыть свою усталость, - но не чувствовала сострадания. Она, казалось, была сейчас вообще не способна на какие-либо эмоции по отношению к сыну.

Войдя в Большой зал, Джессика удивленно подумала, почему он кажется ей каким-то не таким, каким она его запомнила. Он был чужим, словно она никогда не была -здесь, никогда не проходила по нему со своим возлюбленным Лето, никогда не встречала здесь пьяного Дункана Айдахо - никогда, никогда, никогда...

Должно было бы существовать слово, антонимичное слову «адаб» - «воспоминание, приходящее само и требующее действий, самодостаточное и сильное» нужно слово, означающее воспоминания, отрицающие сами себя...

- Где Алия? - спросила она.

- На улице, конечно, - ответил Пауль. - Делает то же, что и все порядочные фрименские дети: добивает раненых врагов и отмечает их трупы для команд водосборщиков.

- Пауль!!!

- Но ты должна понять, что она это делает по доброте души, - объяснил он. - Не правда ли, странно, как мы порой не можем осознать скрытое единство доброты и жестокости?

Джессика свела брови, пораженная переменой в сыне. Неужели это сделала с ним смерть его ребенка? - подумала она, а вслух сказала:

~Люди рассказывают о тебе странные вещи, Пауль. Они говорят, что ты обладаешь всеми теми особыми способностями, о которых говорит легенда: от тебя-де ничего не скроишь, ты можешь видеть то, что не дано видеть другим...

- И гессеритка еще говорит о легендах? - усмехнулся он.

- Да, я порядком приложила к тебе руку, - признала Джессика. - Но ты не должен ожидать от меня, что...

- Как бы тебе понравилось прожить миллиарды миллиардов жизней? - спросил Пауль. - Вот тебе и материал для легенд! Подумай только обо всем этом опыте, о мудрости, которую опыт дает. Но мудрость закаляет любовь - и умеряет ее; и она придает новую форму ненависти. Как можно говорить с жестокости, не изведав всей глубины жестокости и доброты?.. Ты должна бы меня бояться, мама. Я - Квисатц Хадерах,

Джессика попыталась сглотнуть, но у нее пересохло в горле. Наконец она выговорила:

- Ты как-то отрицал, что ты Квисатц Хадерах... Пауль покачал головой.

- Я больше ничего не могу отрицать. - Он посмотрел ей в глаза. - Сейчас придут Император и его люди, Я жду объявления с минуты на минуту. Будь возле меня. Я хочу, чтобы мы с тобой хорошенько их разглядели: с ними - моя будущая невеста.

- Пауль! - воскликнула Джессика. - Не совершай ошибку, которую сделал когда-то твой отец!

- Она принцесса, - объяснил Пауль. - И она - мой ключ к трону, и не более того. И никогда она не станет ничем большим. Ты говоришь - ошибка? Ты думаешь, из-за того, что я есть то, чем ты меня сделала, я не могу желать мести?

- Ты желаешь отомстить даже невинным? - спросила Джессика и подумала: «Он по крайней мере не должен повторить мои ошибки».

- Невинных нет больше, - отрезал Пауль.

- Скажи это Чани, - посоветовала Джессика и повела рукой в сторону прохода, ведущего 10 внутренние покой дворца.

Чани вошла в зал; по бокам от нее выступали два фрименских телохранителя, но она, казалось, не замечала их. Капюшон и шапочка дистикомба были отброшены назад, фильтр-маска отстегнут. Она неуверенной походкой подошла к Джессике и встала рядом.

Пауль увидел слезы на ее щеках: она отдает воду мертвому. Он почувствовал острый укол скорби - но это было так, словно он мог ощущать эту скорбь лишь через присутствие Чани.

- Он мертв, любимый, - проговорила Чани. - Наш сын мертв...

Пауль поднялся, стараясь ничем не показать свое отчаяние, коснулся щеки Чани, ощутив влагу на ней;/;/

- Его не заменить, - сказал он, - но у нас еще будут сыновья. Это обещает тебе Усул!

Он мягко отстранил ее и жестом подозвал Стилгара.

- Слушаю, Муад'Диб, - сказал Стилгар.

- Они идут сюда с корабля - Император и его люди, - сказал Пауль. - Собери пленных в центре зала. Держать их в десяти метрах от меня, если я не прикажу иначе.

- Слушаю, Муад'Диб.

Стилгар повернулся. Пауль услыхал возбужденный шепот фрименов: «Видите? Он знал! Никто не

говорил ему – а он знал!»

Теперь в самом деле можно было услышать шаги императорской свиты и один из маршей Корпуса Сардаукаров, который сопровождавшая своего повелителя дворцовая гвардия тихонько напевала себе под нос для поддержания духа. Гурни Халлек, сказав что-то Стилгару, подошел к Паулю со странным выражением в глазах.

Неужели я потеряю и его? – подумал Пауль. Потеряю, как потерял Стилгара, и друг станет поклонником, верующим?

– У них нет метательного оружия, – доложил Гурни. – Я лично проверил.

Он оглядел зал, заметил сделанные приготовления.

– Фейд-Раута Харконнен тоже с ними, – добавил он. – Не впускать?

– Пусть входит.

– Там еще люди Гильдии. Они требуют каких-то особых привилегий. Угрожают введением эмбарго против Арракиса. Я им сказал, что передам Муад'Дибу их требования.

– Пусть угрожают...

– Пауль! – прошептала сзади Джессика. – Это же Гильдия!

– Вот я сейчас у нее клыки и выдерну, – пообещал Пауль.

И он подумал о Гильдии. О силе, которая так долго специализировалась в одном деле, что стала в конце концов паразитом, не способным существовать самостоительно. Они никогда не осмеливались поднять меч... а теперь были уже и не в состоянии сделать это. Они могли бы захватить Арракис, когда осознали опасность использования «просветляющего» меланжевого наркотика Гильд-навигаторами. Да, они могли пойти на это, пережить день своей славы – и погибнуть. Вместо этого они предпочли жить моментом – плавать в своих безбрежных межзвездных морях в надежде, что по смерти старого хозяина появится новый и они по-прежнему будут жить его соками... Гильд-навигаторы с их ограниченным даром предвидения совершили фатальную ошибку: они решили всегда держаться спокойного и безопасного курса. А такой курс неизменно ведет в болото застоя.

Что ж, пусть посмотрят на своего нового хозяина и прикинут, смогут ли паразитировать на нем.

– И еще там с ними старая Преподобная» Мать Бене Гессерит которая утверждает, что она – старый друг твоей... вашей матери.

– У моей матери нет друзей в Бене Гессерит. Гурни вновь оглядел Зал и склонился к самому уху Пауля:

– С ними Суфир Хават, милорд. Я не сумел переговорить с ним наедине, но он с помощью наших старых знаков передал мне, что работал на Харконнёнов, думая, что вы погибли. И он дал знать, что должен остаться пока с ними.

– И ты оставил Хавата с этими...

– Он сам так хотел... И я решил, что так будет лучше всего. Если... что-то не так, он все равно в пределах нашей досягаемости. Если же он по-прежнему верен нам – у нас есть пара ушей во вражеском лагере.

, Пауль вспомнил о вероятностных линиях будущего, увиденных им в пророческих видениях. Среди них была и такая, где Суфир Хават нес на встречу с ним отправленную иглу – Император велел ему пустить это оружие в ход против «этого самозваного герцога»...

Стражи у входа разошлись, образовав короткий живой коридор, сверкающий копьями и клинками. В наступившей

тишине был хорошо слышен посвист широких одежд и шорох песка, нанесенного с улицы в залы дворца.

Падишах-Император Шаддам IV шел первым. Его шлем бурсега где-то потерялся, и рыжие волосы торчали во все стороны точно перья – монарх не успел привести себя в порядок. Левый рукав мундира лопнул по внутреннему шву; на Императоре не было ни пояса, ни оружия – но величие по-прежнему окружало его, словно невидимый кокон силового поля, заставлявший всякого держаться на почтительном расстоянии.

Но копья фрименов опустились крест-накрест перед ним, остановив повелителя Галактики там, где приказал Пауль. Свита и спутники Императора столпились позади - мозаика ярких цветов и лиц с застывшим на них потрясением, озвученная лишь неуверенным шарканьем ног.

Пауль обежал взглядом эту группу - заметил женщин, пытавшихся скрыть следы слез; холуев и прихлебателей, явившихся на Арракис насладиться победой сардаукаров и празднествами - и онемевших теперь от поражения. Увидел птички глаза Преподобной Матери Гайи-Елены Мохийям, яростно сверкающие из-под черного капюшона, а подле старухи - худого, угрюмого Фейд-Рауту Харконнена.

Время выдало мне его лицо, подумал Пауль.

Затем он перевел взгляд дальше - там, позади Фейд-Рауты, его внимание привлекло подвижное лицо, напоминающее о ловкой, изящной, но хищной ласке. Лицо, которое он раньше ни разу не видел ни в пророческих снах, ни наяву; Но лицо, которое, казалось ему, он должен бы знать; лицо, в котором было что-то пугающее. - Почему я чувствую страх перед этим человеком? Пауль склонился к матери и шепотом спросил:

- Кто это там, левее Преподобной Матери, - вон тот, опасный с виду?..

Джессика взглянула и вспомнила лицо, украшившее досье из тех, что в архивах Дома Атрейдес относились почти к настольным книгам.

- Граф Фенринг, - тихо ответила она. - Тот самый, который занимал этот дворец перед нами. Генетический евнух... и убийца.

«Мальчик на побегушках у Императора», - вспомнил Пауль. И эта мысль была почти потрясением: самого Императора он не раз видел на бесчисленных ветвящихся путях, ведущих в будущее, но граф Фенринг ни разу не промелькнул в его пророческих видениях.

Тут же Паулю пришло в голову, что он множество раз видел в паутине вероятностных линий свое мертвое тело, но сам момент своей смерти - ни единого раза. Может быть, я не мог увидеть этого человека как раз потому, что это он убьет меня? - пришло ему в голову. И эта мысль пробудила самые дурные предчувствия.

Он заставил себя оторваться от Фенринга и перевел взгляд на оставшихся в живых сардаукаров, офицеров и рядовых; на лицах прославленных воинов Дома Гинац застыли горечь и отчаяние. Некоторые на миг задерживали его внимание: кое-кто из офицеров тайком озирался, пытаясь разобраться в том, какие меры безопасности приняты хозяином и нельзя ли, как-нибудь исхитрившись, превратить поражение в победу.

Наконец взгляд Пауля остановился на зеленоглазой блондинке с чеканными чертами высокородной патрицианки, излучающими поистине классическую надменность. Никаких признаков слез, никаких следов перенесенного поражения. Тут и спрашивать было нечего, Пауль сразу опознал ее - принцесса самых высоких королевских кровей, дочь Правящего Дома, Бене Гессерит, все всякого сомнения, получившая великолепную подготовку. Лицо, которое многое множество раз глядело на него из будущего: Ирулан.

Вот он - мой ключ.

По сбившейся толпе гостей-пленников прошло движение. Показалась знакомая фигура: Суфир Хават - знакомый шрам на пол-лица, испятнанные губы, морщины, сутулые плечи - знаки подошедшей старости, ослабившей тело бойца...

- Ага, вот и Хават, - негромко сказал Пауль. - Не держите его, Гурни.

- Милорд?.. - переспросил Гурни,

- Не держите его, - повторил Пауль. Гурни кивнул.

Копье фримена поднялось и опустилось за спиной неловко шагнувшего вперед Хавата. Покрытые сеткой склеротических жилок слезящиеся глаза изучали Пауля, оценивали его.

Пауль тоже сделал шаг навстречу - и сразу почувствовал напряженное ожидание среди людей Императора.^ Хават посмотрел на Джессику.

- Леди Джессика, - проговорил он, - лишь сегодня узнал я, как был неправ и несправедлив к вам. Вам не нужно прощать меня...

Пауль ждал - но его мать молчала.

- Суфир, дружище, - сказал он, - сам видишь, я не поворачиваюсь спиной к двери!

- Во Вселенной слишком много дверей, - серьезно ответил Хават. ,
- Разве я не сын своего отца? - спросил Пауль.
- Скорее уж ты похож на отпрыска своего деда, - хриплым, старицким голосом ответил Хават. - Что вся манера, что взгляд...
- Но я - сын своего отца, - возразил Пауль. - И вот я говорю тебе: ты можешь потребовать в уплату за долгие годы верной службы нашему Дому всё, что ты только можешь пожелать. Всё. Абсолютно всё, Суфир. Тебе нужна моя жизнь, Суфир?.. Она твоя, бери. - Пауль шагнул вперед, не поднимая рук. Он видел, как понимание загорается в глазах Хавата.

Он понял, что я знаю об измене, подумал Пауль. И он понизил голос так, чтобы его слышал один лишь Хават:

- Суфир, я говорю правду. Если ты хочешь убить меня - рази...
- Все, чего я желал, мой герцог, - это лишь хоть раз вновь встать подле тебя, - промолвил Хават. И лишь в этот миг Пауль почувствовал, какое усилие требовалось старику, чтобы не упасть. Пауль подхватил Суфира под плечи, поддержал его, чувствуя, как дрожат мышцы под его ладонями.
- Тебе очень больно, друг мой? - спросил Пауль.
- Больно, мой герцог, - признался Хават. - Но мне теперь хорошо... - Он «полуобернулся в объятиях Пауля, протянул руку в сторону Императора - ладонью вверх, показывая крохотную иглу, зажатую меж пальцев. - Видите, Ваше Величество? - воскликнул он. - Видите эту предательскую иглу? Да неужто вы хоть на миг подумали, что я, который отдал всю свою жизнь служению Дому Атрейдес, теперь дал бы ему меньше?!

Пауль пошатнулся - старик обмяк в его руках. Пауль узнал тяжесть смерти; в том нельзя было ошибиться, чувствуя, как обвисает безвольное, быстро тяжелеющее тело. Пауль бережно опустил Хавата на пол, выпрямился и жестом велел своей охране унести тело.

Пока его приказ выполнялся, мертвая тишина навалилась на зал.

Теперь на лице Императора появилось выражение страха. Он ждал смерти; ужас наполнил его глаза, никогда прежде не знавшие этой эмоции.

- Ваше Величество... - проговорил Пауль и заметил, как напряглось в изумленном внимании лицо принцессы. Его слова были произнесены так, как умели лишь знающие Путь Бене Гессерит, со сложными атоналями, наполнившие титулование бесконечным презрением. Действительно - настоящее гессеритское воспитание, Император откашлялся и произнес:
- Быть может, мой уважаемый родич полагает, что держит теперь все в своих руках?.. Но большего заблуждения, право, быть «не может. Вы же нарушили Конвенцию, применив ядерное оружие против...
- Против естественных деталей рельефа, - любезно объяснил Пауль. - Скалы преграждали мне путь - а я спешил на встречу с вами, Ваше Величество, - дабы получить от вас объяснения относительно некоторых ваших действий.
- В эту минуту, - холодно сказал Император, - на орбите Арракиса находится мощная армада - объединенная армада Великих Домов. И стоит мне сказать одно лишь слово, как...
- Ах да, - вспомнил Пауль, - чуть было не забыл о них... - Он поискал глазами в императорской свите, нашел двоих гильдиеров и негромко сказал в сторону, обращаясь к Гурни: - Это вот и есть агенты Гильдии - два жирных типа в сером?
- Да, милорд.
- Ага. Ну вы, оба, - палец Пауля уперся в гильдиеров, - быстро убирайтесь отсюда и передайте, чтобы этот ваш флот летел восвояси. Засим будете ждать моего разрешения, прежде чем...
- Гильдия не подчиняется твоим приказам! - рявкнул более высокий гильдиер. Он и его товарищ протолкались к барьеру из копий - по кивку Пауля эти копья поднялись. Двое в сером выступили за кольцо охраны, высокий поднял руку и объявил: - Я полагаю, вы заработали эмбарго своим...
- Если я услышу от любого из вас еще хоть одну глупость, - ледяным голосом сказал Пауль, - я отдам приказ, который остановит добычу Пряности на Арракисе... навсегда.
- Вы с ума сошли?! - проговорил, отступая, потрясенный гильдиер.

- Стало быть, вы понимаете, что я в состоянии осуществить эту угрозу? - спросил Пауль.

Гильдиер несколько мгновений смотрел в пространство, наконец он встряхнулся и ответил:

- Да, вы в состоянии это сделать... но вы не должны.

- А-а-ахх... - протянул Пауль и кивнул: - Вы ведь оба - Гильд-навигаторы, не так ли?

- Да!

Низенький гильдиер проговорил:

- Вы тогда ослепите и себя самого - а нас всех обречете на медленную смерть. Да вы представляете себе, что это такое - лишиться Пряности, когда привычка приобретена?

- Око, взирающее в будущее и выбирающее верный курс, закроется навеки, - задумчиво произнес Пауль. - Гильдия погибнет. Человечество превратится в крохотные изолированные общины - островки в океане пустоты... Знаете, а ведь я мог бы сделать это реальностью из простой прихоти... или, скажем, от скучи.

- Может быть, обсудим этот вопрос наедине, - поспешил предложил высокий гильдиер. - Я уверен, что мы в состоянии найти компромисс, который...

- Передайте своим людям на орбите, - перебил Пауль, - пусть убираются. Мне надоели эти бессмысленные препирательства. Так вот: если флот немедленно не покинет орбиту Арракиса, нам просто не о чем будет говорить... - Он кивнул на своих связистов у стены. - Можете воспользоваться нашей аппаратурой.

- Но сначала мы должны обсудить это! - запротестовал высокий. - Не можем же мы просто...

- Выполняйте! - рявкнул Пауль. - Власть уничтожить нечто есть подлинный и абсолютный контроль над ним... Ты же признал, что я обладаю такой властью. Поэтому мы не станем ничего обсуждать, и я не собираюсь идти на какие-либо компромиссы. Вы будете исполнять то, что я велю, - или испытаете немедленные последствия неповиновения.

- Он сделает это!.. - пробормотал низенький гильдиер. И Пауль увидел, как ужас объял обоих.

Агенты Гильдии медленно пошли к аппаратуре связи.

- Они подчинятся? - негромко спросил Гурни.

- Они способны видеть будущее, хотя и очень ограниченно - только прямо перед собой, - ответил Пауль. - И глядя вперед, видят лишь глухую стену, которая встанет перед ними в случае-неповиновения. И каждый Гильд-навигатор в каждом из кораблей над нами видит ту же стену... Они подчинятся.

Пауль обернулся к Императору:

- Когда вам позволили занять трон вашего отца, единственным условием было, чтобы поток Пряности не иссякал. Вы обманули их ожидания, Ваше Величество. Вы догадываетесь о последствиях?..

- Мне никто не позволял занять...

- Хватит валять дурака! - рявкнул Пауль. - Гильдия - та же деревня на реке: им нужна вода, но они могут лишь взять из реки столько, сколько в состоянии потребить, и не больше; перегородить реку и полностью контролировать ее они не могут-тогда все заметят, что они берут у реки, и рано или поздно это приведет к катастрофе. Поток Пряности-вот река Гильдии, а плотину на ней возвел я. Но - такую плотину, какую нельзя разрушить, не уничтожив реку.

Император растерянно провел рукой по рыжим волосам, посмотрел на спины гильдиеров.

- Даже ваша Правдовидица, ваша гессеритка - и та трепещет, - добил Пауль. - Есть множество других ядов, пригодных для дел Преподобных Матерей, но - после того, как в игру включаются Пряность и меланжевый ликер, - все они теряют силу.

Старуха плотнее запахнула свои бесформенные черные одежды и выбралась из толпы к самому частоколу федайкинских копий.

- Приветствую Преподобную Мать Гайю-Елену Мохийям, - проговорил Пауль. - Давно же мы не встречались - помните Каладан?

Та посмотрела мимо него на его мать:

- Да, Джессика, я вижу, что твой сын - это и вправду ОН. За это тебе простится даже твоя мерзостная дочь.

Пауль подавил приступ холодной ярости и внешне спокойно одернул старуху:

- У тебя нет и никогда не было права прощать что-либо моей матери!

Старуха вперила в него глаза, встретив жесткий взгляд.

- Что ж, попробуй на мне свои трюки, старая ведьма! - сказал Пауль.- Ну, где твой гом джаббар? Попытайся взглянуть туда, куда ты не осмеливаешься смотреть, - и ты увидишь там меня! Я буду смотреть на тебя оттуда.

Старуха опустила глаза.

- Или тебе нечего мне сказать? - сурово спросил Пауль.

- Я ведь первой засвидетельствовала, что ты человек, - пробормотала она. - Не забудь этого... не запачкай память об этом...

Пауль возвысил голос:

- Посмотрите на нее, друзья! Вот перед вами Преподобная Мать Бене Гессерит, терпеливая в долгом деле. Она и ее сестры ждали - ждали девяносто поколений, чтобы гены сложились в должную комбинацию, которая в сочетании с определенными условиями породила бы того единственного человека, вокруг которого строились их планы... Смотрите, смотрите! Теперь она знает - девяносто соитий породили этого человека. И вот он - я... однако... я... никогда... не стану... делать... того, что нужно ей!

- Джессика! - завопила старуха. - Вели ему замолчать!

- Сама вели, попробуй, - ответила Джессика. Пауль бросил на старую Преподобную Мать яростный взгляд.

- За ту роль, которую ты сыграла во всем этом, - сказал он, - я бы охотно велел тебя удавить... И ты никак мне не помешала бы! - добавил он резко, видя, как она закаменела от ярости. - Но, по-моему, куда лучшим наказанием будет, если я оставлю тебя доживать твои годы без, возможности коснуться меня или хоть в чем-то склонить на выполнение ваших планов!..

- Джессика, что ты наделала?! - простонала старая Правдовидица.

- В одном вам не откажешь, - продолжал Пауль. - Вы увидели часть того, что необходимо расе... но как плохо увидели вы это! Вы думаете контролировать генетику расы скрещиванием и отбором немногих «лучших», согласно вашему «основному плану»! Как же мало вы понимаете...

- Ты не смеешь говорить о подобных вещах! - прошипела старуха.

- Молчать! - рявкнул Пауль, и это короткое слово, казалось, материализовалось в нечто плотное, метнувшееся в воздухе от него к Преподобной Матери, и это «нечто» было послушно воле Пауля.

Старуха отшатнулась, почти упав на руки стоявших позади. Ее лицо потеряло всякое выражение и побелело от силы полученного психического удара.

- Джессика, - прошипела она. - Джессика...

- Я запомнил твой гом джаббар, - сказал Пауль. - Помни и ты: одним лишь словом я могу убить тебя!

Фримены в зале понимающие переглянулись. Разве не говорила легенда: «И слово его будет нести смерть и гибель вечную всякому, кто пойдет против дела праведных»?

Теперь Пауль повернулся к высокой принцессе, стоящей подле своего венценосного отца. Не сводя с нее взгляда, он обратился к Императору:

- Ваше Величество, мы с вами оба знаем выход из создавшейся ситуации...

Император метнул взгляд на дочь и воззрился на Пауля.

- И ты смеешь?.. Ты! Авантурист без рода и племени,, никто, высокочка из дикой...

- Вы уже признали меня своим «уважаемым родичем»... Так что довольно вздора.

- Я твой государь, - напомнил Император.

Пауль взглянул на гильдиеров - те стояли теперь у передатчика лицом к нему. Один из них кивнул Паулю.

- Я ведь могу и заставить, - заметил Пауль.

- Но ты... вы... не осмелитесь! - как-то скрежещуще сказал Император.

Пауль только молча смотрел на него.

Принцесса коснулась руки отца.

- Отец, - проговорила она шелковисто-мягким, успокаивающим голосом.

- Не пробуй на мне свои штучки, - буркнул Император и посмотрел на нее. - Тебе не нужно делать это, дочь. У нас есть еще ресурсы, которые...

- Но этот человек достоин быть твоим сыном, - сказала принцесса.

Старая Преподобная Мать, к которой вернулось самообладание, низко склонилась к Императору и зашептала на ухо.

- Она просит за тебя, - заметила Джессика. Пауль все смотрел на золотоволосую принцессу. Тихо он спросил у матери:

- Это ведь Ирулан, старшая, да?

- Да.

Чани приблизилась к Паулю с другой стороны, спросила:

- Ты хочешь, чтобы я ушла, Муад'Диб? Он взглянул на нее:

- Ушла? Я больше никогда не отпущу тебя от себя.

- Но... нас ничто не связывает... больше. Несколько долгих мгновений он смотрел на нее... наконец сказал:

- Всегда говори мне только правду, моя Сихайя. - Она хотела ответить, но он приложил палец к ее губам. - То, что нас связывает, никогда и никому не порвать, - прошептал он. - А теперь, прошу, смотри внимательно - я хочу после увидеть все твоими глазами.

Все это время Император и его Правдовидица тихо, но горячо спорили о чем-то. Пауль обратился к матери:

- Она напоминает ему, что в их соглашение входило посадить на трон дочь Бене Гессерит и они готовили к этому именно Ирулан.

- Они так^планировали? - удивилась Джессика.

- А разве это не очевидно? - пожал плечами Пауль.

- Я-то вижу это, - фыркнула Джессика. - И мой вопрос должен был только напомнить тебе, что не тебе учить меня тому что ты узнал от меня же!

Пауль искоса глянул на нее, заметил холодную улыбку на ее губах и отвернулся.

Гурни Халлек склонился между ними:

- Позвольте напомнить, милорд... в этой компании есть один из Харконненов. - Он кивнул на темноволосого Фейд-Рауту, прижатого к барьера из копий. - Вон, видите, тот косоглазый, слева. В жизни не видел более злодейской рожи! А ведь вы обещали мне как-то...

. - Спасибо, Гурни, - кивнул Пауль.

- Это на-барон... то есть теперь, когда старый Харконнен умер, уже барон, - добавил Гурни. - И он вполне сойдет для меня...

- А ты с ним справишься, Гурни?

- Милорд шутить изволит!..

- Пожалуй, Император уже достаточно долго спорит со старой ведьмой – как думаешь, мать?

- Вполне, – кивнула та.

Пауль громко обратился к Императору:

- Ваше Величество, мне кажется, среди ваших людей есть Харконнен?

Император повернулся к нему с поистине королевским высокомерием.

- Я полагал, что мое окружение находится под защитой вашего слова, герцог, – произнес он.

- Я хотел лишь уточнить, – ответил Пауль. – Мне интересно, входит ли Харконнен официально в вашу свиту или же из трусости прячется за ее спины?

Император улыбнулся, словно прикидывая что-то.

- Всякий, допущенный к моей особе, становится членом моей свиты.

- Итак, у вас есть герцогское слово, – подтвердил Пауль, – но Муад'Диб – это дело совсем другое. Он может и не согласиться с вашим определением свиты... Дело в том, что мой друг Гурни Халлек хотел бы убить одного из Харконненов. И если он...

- Канли! – крикнул Фейд-Раута, наваливаясь на охрану; – Это твой отец объявил эту вендетту, Атрейдес! Ты называешь меня трусом, а сам прячешься за своих женщин и хочешь выставить против меня своего слугу!

Старая Правдовидица начала было шептать что-то на ухо Императору, но тот оттолкнул ее:

- Канли, вот как? У канли есть свои, и весьма строгие, правила!

- Пауль, прекрати это! – сказала Джессика.

- Милорд, – взмолился Гурни, – вы же обещали мне, что придет день и я отомщу Харконненам!

- Ты уже отомстил им сегодня, – возразил Пауль, чувствуя охватывающую его отрешенность. Он откинул капюшон, сбросил бурнус и передал его матери вместе с поясом и крисом; принял расстегивать дистикомб. Вся Вселенная сошлась в фокусе на этой точке и этой минуте.

- Это излишне, Пауль, – сказал Джессика. – Есть и более простые способы...

Пауль стянул дистикомб, вытянул крис из ножен в руках матери.

- Знаю, – спокойно ответил он. – Яд, асассин... любое из добрых старых средств.

- Но вы обещали мне Харконнена! – прошипел Гурни, и Пауль увидел бешенство в глазах старика и то, как набух и натянулся шрам от чернильника. – Вы должны мне его, милорд.

- Разве ты пострадал от них больше, чем я? – спросил Пауль.

- Моя сестра, – прохрипел Гурни. – Годы, которые я провел в рабстве...

- Мой отец, – ответил Пауль. – Мои добрые друзья и соратники. Суфир Хават и Дункан Айдахо, годы в изгнании – без титула, без помощи... и еще: теперь это уже канли, и ты не хуже меня знаешь законы вендетты.

Плечи Халлека поникли.

- Милорд, если эта свинья... он же не более чем скотина, которую вы бы просто пнули ногой, прогоняя с дороги, и затем сменили бы оскверненную обувь... Считайте меня палачом, если иначе нельзя, позвольте мне сделать это – но только сами не...

- Муад'Дибу не нужно делать этого, – согласилась Чани.

Он взглянул на нее и увидел страх в ее глазах.

- Но герцог Пауль Атрейдес должен сделать это, – сказал он.

- Это же харконненская скотина! – прохрипел Гурни. Пауль мгновение колебался – не открыть ли ему, что

и он тоже имеет Харконненов среди своих предков. Но наткнулся на жесткий взгляд матери и сказал только:

- Однако это существо, кем бы оно ни было, имеет внешность человека и, следовательно, достойно какого-то человеческого отношения.

Гурни скрипнул зубами:

- Если он хотя бы пальцем...

- Прошу тебя, держись в стороне, - сказал Пауль, взвесил крис на ладони и осторожно отодвинул Гурни с дороги.

- Гурни! - Джессика коснулась руки Халлека. - В таком настроении он похож на своего деда. Не мешай ему - это единственное, чем ты можешь ему помочь. (И подумала: Великая Мать! Какая ирония судьбы!)

Император изучал Фейд-Рауту: массивные плечи, крепкие мышцы... Повернулся к Паулю - полуношески стройный, худощавый, гибкий; тело не такое- иссушеннное, как у жителей Арракиса, но ребра хоть пересчитывай, бедра узкие, под кожей - ни капли жира, так что видно каждое движение мышц.

Джессика склонилась к Паулю и сказала - так, чтобы слышал он один:

- Одно слово, сын... Иногда Бене Гессерит особым образом обрабатывают опасных людей, внедряя в их подсознание кодовое слово при помощи обычных методов стимулирования-наказания. Чаще всего это слово - «урошнор». Если и этого готовили так же - а я почти уверена в этом, - то, стоит ему услышать это слово и его мускулатура расслабится, тогда...

- Не желаю никаких особых преимуществ над этим, - отрезал Пауль. - Дай мне пройти.

Гурни обратился к Джессике:

- Не пойму, зачем ему это? Уж не хочет ли, чтобы его убили и так сделаться мучеником и жертвой? Может, эти фрименские предрассудки вконец затуманили его разум?..

Джессика спрягала лицо в ладонях: она и сама не могла понять, почему Пауль так повел себя. Она чуяла витающую в воздухе смерть и догадывалась, что преображеный Пауль вполне способен и на такое... Все в ней поднялось на защиту сына, но сделать она ничего не могла.

- Так что, предрассудки все-таки? - настаивал Гурни.

- Молчи, - одернула его Джессика. - Молчи и молись. Лица Императора коснулась мимолетная улыбка.

- Если Фейд-Раута... член моей свиты... согласен, - промолвил он, - я освобождаю его от всех и всяких ограничений и предоставляю ему самому решать, как поступать. - Он повел рукой в сторону федайкинов. - У кого-то из вашего сброда сейчас мой пояс и короткий меч. Если Фейд-Раута желает/он может сразиться с вами моим клинком...

- Желаю, - отозвался Фейд-Раута, и Пауль увидел на его лице нескрываемую злобную радость.

Он чересчур самоуверен. Это преимущество я могу принять...

- Подать меч Императора! - скомандовал Пауль. - Положите его на пол вон там... - Он показал ногой. - Отодвиньте весь этот императоров сброд к стене - дайте место Харконнену...

Замелькали одежды, зашуршили шаги, зазвучали негромкие команды и протестующие возгласы-федайкины бросились исполнять приказ. Гильдиеры остались стоять у аппаратуры связи - они хмурились в явной нерешительности.

Они привыкли смотреть в будущее, подумал Пауль. А в этом месте и в этом времени они слепы... как и я.

И он взглянул туда, где дули ветры времени, взглянул и увидел вихрь; и око этой бури, центр ее, было именно здесь и теперь. Все, даже самые крошечные возможности обхода были закрыты; здесь лежал, готовый родиться, джихад; здесь таилось сознание расы, которое некогда он ощущал как собственное ужасное предназначение. Здесь было довольно причин, чтобы призвать Квисатц Хадераха или Лисан аль-Гаиба или даже обратиться к половинчатым, колченогим планам Бене Гессерит... Человеческая раса осознала, что впала в спячку, увидела, что застой затянул ее, и стремилась теперь навстречу буре, зная, что она перетрясет и перемешает застоявшиеся гены и позволит выжить лишь сильным, родившимся от удачных комбинаций... В этот миг все человечество было словно единым организмом, охваченным почти сексуальным жаром - жаром, перед которым не могли бы устоять никакие преграды.

И Пауль увидел, как жалки и беспомощны были любые его потуги изменить хоть что-то. Он-то надеялся побороть джихад внутри себя - но джихад неминуем. Даже и без него ринутся с Арракиса его легионы. Все, что им требуется, - легенда, а он уже стал легендой. Он указал им путь, он дал им оружие, которое сделало их сильнее даже самой Гильдии - Гильдия не могла существовать без Пряности...

Его охватила горечь поражения. И сквозь отчаяние он увидел, что Фейд-Раута уже освобождается от рваного мундира, оставшись в фехтовальных шортах с широким кольчужным поясом.

Вот он, кульминационный пункт. Здесь, сейчас, после этой битвы разойдутся тучи, закрывающие будущее. Разойдутся, озаренные лучами славы... Если я погибну здесь - они скажут, что я принес себя в жертву, чтобы мой дух повел их. Если же я уцелею - скажут, что никто и ничто, не может противостоять Муад'Дибу.

- Готов ли Атрейдес? - вопросил Фейд-Раута, согласно древнему ритуалу канли.

Но Пауль предпочел ответить ему по-фрименски:

- Да треснет и расщепится твой клинок! - и ткнул в меч Императора на полу, жестом предлагая противнику подойти и взять его.

Не отводя глаз от Пауля, Фейд-Раута подобрал меч - вернее, большой нож, - взвесил его в руке, чтобы примериться к весу и балансировке. В нем бурлило волнение. Вот схватка, о которой он мечтал: мужчина против мужчины, умение против умения, и никаких щитов! Он уже видел перед собой дорогу к власти. Император наверняка вознаградит того, кто прикончит беспокойного смутьяна герцога! Может быть, наградой станет эта его гордячка дочь и какая-то доля власти. А герцог, деревенщина, авантюрист с задворков Галактики, уж конечно, не соперник Харконнену, обученному тысячам уловок и приемов. в тысячах же боев на гладиаторской арене. А этот мужлан, разумеется, и не догадывается, что в бою его встретит не только нож.

Ну-ка, посмотрим, спасешься ли ты от яда! - весело подумал Фейд-Раута. Он отсалютовал Паулю императорским клинком и произнес:

- Готовься к смерти, глупец!

- Начнем, кузен? - спросил Пауль и мягко, по-кошачьи, двинулся вперед, не отводя взгляда от клинка противника. Он шел, пригнувшись в низкой стойке, и молочно-белый крис казался продолжением его руки.

Они кружили подле друг друга, и под босыми ногами шуршал песок на каменном полу.

- Ах, как ты чудно танцуешь, - издевательски произнес Фейд-Раута.

Он болтлив, подумал Пауль. Еще одна слабость. Перед молчащим противником он начинает нервничать.

- Надеюсь, ты получил отпущение грехов? - усмехнулся Фейд-Раута.

Но Пауль по-прежнему кружил в полном молчании.

А старая Преподобная Мать, наблюдавшая, за поединком от стены, куда согнали императорскую свиту, чувствовала, как ее трясет. Юный Атрейдес назвал Харконнена «кузен» - это могло значить лишь одно: он знал об их родстве. Это как раз понять несложно, он же Квисатц Хадерах... Но эти слова привели ее внимание к тому единственному обстоятельству, которое имело сейчас для нее значение.

Могла погибнуть вся генетическая программа Бене Гессерит!

Она увидела часть того, что видел Пауль: Фейд-Раута может убить, но не победить. Но была и вторая мысль, которая едва не свалила ее с ног. В смертельном поединке - возможно, в поединке, который закончится гибелью обоих, - сошлись двое, бывшие конечными звеньями в долгой и дорогой программе. И если погибнут оба - останется лишь бастард, незаконнорожденная дочь Фейд-Рауты, еще совсем младенец, и эта мерзостная Алия, ребенок-монстр...

- А то, может, у вас тут есть только дикие языческие обряды? - язвительно спросил Фейд-Раута. - Хочешь, Правдовидица Императора приготовит твой дух к дальнему пути?

Пауль только улыбнулся. Он был полностью наготове, вытеснив все посторонние мысли, и крауничись шел вправо.

Фейд-Раута прыгнул, сделав выпад правой рукой, - но в момент прыжка клинок, сверкнув в воздухе, мгновенно перелетел в левую руку.

Пауль легко ушел от удара, заметив небольшое замедление, характерное для привычки сражаться с силовым щитом. Правда, привычка к щитуказывалась не так сильно, как со многими другими бойцами; видимо, Фейд-Рауте уже приходилось иметь дело с лишенными щита противниками.

- Атрейдес так и будет бегать или наконец начнет драться? - спросил Фейд-Раута.

Пауль, не отвечая, возобновил кружение по залу. Он вспомнил слова, сказанные когда-то Дунканом Айдахо в фехтовальном зале на Каладане: Первые моменты боя изучай противника. Так ты, конечно, можешь потерять возможность быстрой победы - но изучение противника есть залог успеха. Поэтому не жалей времени .на изучение противника - будешь увереннее.

- Думаешь, эти танцы продлят тебе жизнь? - ухмыльнулся Фейд-Раута. - Ну-ну!

Он остановился и выпрямился.

Пауль увидел уже достаточно для предварительной оценки противника. Фейд-Раута шагнул влево, открыв правое бедро, словно обшищие кольчугой короткие фехтовальные брюки могли закрыть его бок целиком. Это было движение человека, привыкшего к щиту и к клинку в каждой руке.

Или же... - Пауль на мгновение заколебался, эти брюки-были не тем, чем казались.

Слишком уж уверенным выглядел Харконнен - а ведь его противник еще сегодня возглавлял войска, наголову разгромившие легионы сардаукаров...

Фейд-Раута заметил это колебание и осклабился:

- К чему оттягивать неизбежное? Ты только немного задержишь меня, но не помешаешь вступить в законное владение этим комком грязи, Арракисом!

Если это действительно пружинная игла, думал Пауль, хитро запрятана. Брюки кажутся совершенно целыми...

- Почему ты молчишь? - спросил Фейд-Раута. Пауль продолжил движение по кругу. Он позволил себе холодно улыбнуться, услышав нотки неуверенности в голосе противника, - молчание начинало действовать Фейд-Рауте на нервы.

- Улыбаешься, да? - проговорил Фейд-Раута и, не договорив, снова прыгнул.

Пауль, ожидавший небольшой задержки удара, едва не пропустил его. Клинок обрушился на него сверху вниз и оцарапал его левую руку. Усилием воли он подавил боль - значит, понял он, предыдущая задержка была лишь трюком. Да, соперник оказался сильнее, чем он ожидал.

Предстоит столкнуться с хитростями внутри хитостей, скрытых хитростями...

- Это твой же Суфир Хават меня кое-чему научил, - похвастался Фейд-Раута! - Ему я обязан тем, что первым пустил тебе кровь... Жаль, что старый дурак не дожил до этого мига, верно?

А Пауль вспомнил слова Айдахо: «Ожидай лишь того, что можно встретить в бою. Тогда ничто не захватит тебя врасплох».

И оба вновь закружили в низкой стойке, настороженно следя друг за другом.> .

Пауль заметил, что его противник вновь оживился. С чего бы это? Неужели эта царапина так много значит для Фейд-Рауты? Разве что на ней яд, но откуда? Ведь его люди тщательно осмотрели и проверили ядоискателем клинок. Они слишком хорошо знали свое дело, чтобы упустить настолько очевидную вещь...

- Слушай-ка, - вновь заговорил Фейд-Раута. - Кто тебе та женщина, с которой ты говорил? Ну, та малышка? Твоя цыпочка, а? Как ты думаешь, а моего внимания она заслуживает?

Пауль молчал - внутренним зрением он исследовал рану и кровь, коснувшуюся лезвия. Он сразу обнаружил следы снотворного - наркотик был, конечно, занесен клинком Императора. Приказал телу изменить метаболизм и перестроить молекулы наркотика, но... Они подготовили клинок со снотворным... Снотворное! Ядоискатель на него не реагирует, но такой штуки достаточно, чтобы замедлить мышечную реакцию. Да, поистине у его врагов были наготове планы внутри планов и внутри других планов - сплошь коварство!

Фейд-Раута опять прыгнул, ударил с лета.

Пауль с застывшей улыбкой сделал чуть замедленный выпад, словно наркотик начал действовать, ,но в последний миг он сделал резкий нырок и встретил руку Фейд-Рауты острием криса.

Фейд-Раута ушел в сторону, перебросил оружие в левую руку. Но побледневшая на скулах кожа выдала его боль.

Пусть теперь и он поволнуется, подумал Пауль. Пусть подумает о яде..

- Предательство! - крикнул Фейд-Раута. - Он отравил меня! Я чувствую яд в руке!

Пауль впервые за время поединка ответил ему:

- Всего лишь капелька кислоты. Плата за наркотик на императорском клинке.

Фейд-Раута овладел собой и ответил такой же холодной улыбкой, левой рукой взмахнул клинком в штурмовом салюте. Но его глаза сверкали яростью.

Пауль перебросил крис в левую руку, чтобы правильно повернуться к противнику. И они вновь закружили по залу.

Фейд-Раута начал понемногу приближаться к Паулю. Он высоко держал свой нож; в раскосых глазах ив том, как он стиснул челюсти, читалось озлобление. Он ударил вправо-вниз, и оба соперника сошлись в ближнем бою, клинок к клинку.

Пауль, остерегаясь правого бедра Фейд-Рауты, где, как он подозревал, была скрыта отравленная пружинная игла, заставил Фейд-Рауту развернуться левым боком. И почти пропустил иглу, которая выскоцила из-под пояса. Только движение корпуса Фейд-Рауты предупредило его, и острие не достало до тела всего какой-нибудь миллиметр.

На левом бедре!

Да, коварство в коварстве внутри коварства, напомнил себе Пауль. Используя навыки, развитые подготовкой Бене Гессерит, он прогнулся пытаясь обмануть Фейд-Рауту, но из-за необходимости все время уклоняться от иглы на бедре противника потерял равновесие, оступился и в следующий миг оказался на полу, а Фейд-Раута навалился на него.

- Видел, что на моем бедре? - шепнул ему Фейд-Раута. - Это твоя смерть... глупец!

И он стал поворачиваться, подводя иглу.

- Эта штука парализует твои мышцы, а мой нож докончит дело! - объяснил он. - И никто ничего не обнаружит!

Пауль напрягся. Он слышал, как в глубинах его мозга бесчисленные предки кричат, приказывая ему произнести кодовое слово - остановить Фейд-Рауту и спасти себя.

- Я не сделаю этого! - выдохнул он.

Фейд-Раута удивленно замер - на какую-то долю секунды. Но ее было довольно, чтобы Пауль заметил плохо уравновешенное напряжение в мышцах ног противника, - и в следующий миг они поменялись местами. Теперь Фейд-Раута оказался под ним, задрав только правую ногу, и не мог повернуться, потому что игла на левом бедре засела в полу.

Пауль высвободил левую руку - собственная кровь помогла ему, сделав руку скользкой. Нанес удар крисом снизу под челюсть Фейд-Рауте. Клинок вошел в мозг - Фейд-Раута дернулся и обмяк, но лег не навзничь, а вполоборота - игла, застрявшая в полу, все ещедерживала его.

Глубоко дыша, чтобы успокоиться, Пауль оттолкнулся от трупа и поднялся на ноги. Он встал над мертвым телом с крисом в руке и нарочито медленно перевел взгляд на Императора, стоявшего у противоположной стены.

- Ну вот, Ваше Величество, - произнес Пауль. - Еще одним человеком меньше в вашем войске. Хотите еще поиграть словами, притворяться и высокомерничать? Или обсудим то, чему должно случиться? Короче говоря: ваша дочь выходит за меня и Дому Атрейдес тем самым открывается дорога к трону.

Император повернулся, посмотрел на графа Фенринга. Серые глаза встретились с зелеными. Эти двое так давно и хорошо знали друг друга, что одного взгляда им было достаточно.

Убей этого высокочку, хотел сказать Император. Да, этот Атрейдес молод и находчив, но он также устал и в любом случае не соперник тебе. Вызови его... ты знаешь, как это делается. Убей его.

Фенринг медленно перевел взгляд на Пауля.

- Сделай это. - прошипел Император.

Граф смотрел на Пауля и видел его так, как учила его пользоваться зрением его леди Марго, – по-гессеритски. Он видел тайну и скрытое пока величие юного Атрейдеса.

«Да, я мог бы убить его», – сказал себе граф. И он знал, что это было правдой.

Но что-то остановило графа, и он только мельком подумал о своих преимуществах – скрытности, хитрости – и о том, что его побуждения были не ведомы никому.

Пауль воспринял часть всего этого через бурлящие вихри времени и понял наконец, почему никогда не видел Фенринга на вероятностных линиях будущего. Фен-ринг был одним из тех, кто мог бы стать, но так и не стал Квисатц Хадерахом. Почти Квисатц Хадерах, искалеченный ошибкой в генетической структуре. Евнух, чей талант целиком ушел на скрытность и хитрость... Пауль ощутил глубокое сострадание к графу. Это было первое братское чувство за всю его жизнь...

Фенринг, уловивший чувства Пауля, произнес:

– Я вынужден отказаться, Ваше Величество. Шаддама IV охватила ярость. Он, раздвинув свиту, подошел к Фенрингу и с размаху ударил его в челюсть. Лицо графа потемнело от прилившей крови. Он посмотрел прямо в глаза Императору и нарочито невыразительным голосом проговорил:

– Мы были друзьями, Ваше Величество. И только ради этой дружбы я забуду о том, что вы ударили меня.

Пауль кашлянул.

– Так мы говорили о троне, Ваше Величество, – напомнил он.

Император обернулся.

– Трон мой! – рявкнул он.

– Я предоставлю вам трон на Салусе Секундус, – сказал Пауль.

– Я сложил оружие и пришел сюда, доверившись вашему слову! – закричал Император – А вы осмеливаетесь угрожать.

– Вы в безопасности рядом со мной, – сказал Пауль. – Атрейдес обещал это вам. Но Муад'Диб приговаривает вас к изгнанию на вашу тюремную планету... впрочем, не страшитесь, Ваше Величество: я приложу все имеющиеся в моем распоряжении силы, чтобы сделать Салусу Секундус удобнее. Поверьте, она станет планетой-садом, мягкой и уютной.

Поняв скрытое значение слов Пауля, Император вперил в Пауля яростный взор.

– Ну вот, теперь мы видим истинные мотивы...

– Видим, – согласился Пауль.

– А что Арракис? – поинтересовался, раздувая ноздри, Император. – Еще одна планета-сад, мягкая и уютная?

– Муад'Диб дал слово фрименам, – ответил Пауль. – Здесь потекут под открытым небом воды и зазеленеют оазисы, обильно дарящие плодами. Но, конечно, мы не забудем и о Пряности... Поэтому на Арракисе всегда будет существовать Пустыня... и яростные бури, и тяготы, закаляющие человека, мужа и воина. У нас, фрименов, есть пословица: «Бог создал Арракис для укрепления верных». Нельзя же идти против воли Божьей!

Старая Правдовидица, Преподобная Мать Гайя-Елена Мохийям, По-своему прочла скрытый смысл слов Пауля. Она увидела джихад и восхликала:

– Ты не можешь напустить этих людей на Галактику!..

– Вспомни-ка лучше сардаукarov, – ответил Пауль. – Те, конечно, были просто миротворцы...

– Но ты не можешь... – прошептала она.

– Ты же Правдовидица, – усмехнулся Пауль. – Так обрати взор на собственные слова...

Он посмотрел на принцессу и снова на Императора.

– Так что лучше вам не тянуть, Ваше Величество. Император потрясение взглянул на дочь. Та коснулась руки отца и мягко сказала:

– К этому ведь меня и готовили, отец. Тот только глубоко вздохнул,

- Делать нечего... - пробормотала старая Правдовидица.

Император, вспомнив про свое достоинство, выпрямился.

- Кто будет вести переговоры за тебя, родич? - спросил он.

Пауль обернулся. Увидел мать - та, опустив глаза, стояла подле Чани, окруженная фрименской охраной. Он подошел к ним, ласково взглянул на Чани.

- Я... понимаю, - прошептала она. - Если так надо... Усул...

Пауль, слыша в ее голосе скрываемые слезы, погладил ее по щеке.

- Ничего не бойся, моя Сихайя, - прошептал он. Потом опустил руку и повернулся к матери: - Ты будешь говорить от моего имени, мама, и Чани с тобой. У нее есть мудрость и зоркие глаза... Кроме того, истинно сказано, что никто не торгуется лучше фримена. Она будет смотреть на меня глазами своей любви, она будет думать о своих будущих сыновьях и о том, что им будет нужно. Ты уж прислушивайся к ней...

Джессика услышала в голосе сына трезвый, жесткий расчет и подавила дрожь.

- Какие твои инструкции? - деловито спросила она.

- Все акции Императора в компании КООАМ в качестве Приданого, - просто ответил он.

- Все?! - Джессика была так потрясена, что едва могла говорить.

- Его надо раздеть до нитки, - объяснил Пауль. - Затем я требую титул графа и директорское кресло в КООАМ для Гурни Халлека плюс в качестве ленного владения Каладан. Вообще все уцелевшие люди Дома Атрейдес получат титулы и соответствующую власть. Все до последнего солдата.

- А фримены? - спросила Джессика.

- Фримены - мои, - ответили Пауль. - И все, что они получат, - они получат из рук Муад'Диба. Начну со Стилгара - пусть будет губернатором Арракиса... но это может подождать.

- А я? - снова спросила Джессика.

- А ты чего хочешь?

- Каладан, наверно... - Она помедлила, глядя на Гурни. - Не знаю. Нет, я стала почти совсем фрименкой... и Преподобной Матерью. Мне нужна возможность подумать в покое...

- Ну, что-что, а это-то я тебе могу обещать, - усмехнулся Пауль. - И вообще все, что ты можешь получить от меня или от Гурни...

Джессика кивком поблагодарила его, почувствовав вдруг себя старой и утомленной. Она посмотрела на Чани.

- А что ты дашь наложнице государя?

- Мне титулов не нужно, - быстро ответила Чани. - Умоляю тебя - ничего мне не давай.

Пауль посмотрел ей в глаза и вдруг вспомнил, как она стояла с маленьким Лето на руках - с их сыном, погибшим в этой бойне.

- Клянусь, - прошептал он, - что тебе и не понадобится никакой титул. Та женщина будет моей женой, а ты только наложницей - это все политика, и мы должны сейчас подумать об установлении мира и о том, чтобы войти в число Великих Домов Ландсраада. Придется соблюдать их правила. Но эта принцесса никогда не получит от меня ничего, кроме моего имени. Ни ребенка, ни прикосновения, ни единого мига желания.

- Это ты сейчас так говоришь, - прошептала в ответ Чани. Она посмотрела на высокую принцессу.

- Ты что, до сих пор так плохо знаешь моего сына? - шепнула Джессика. - Посмотри на эту гордую, высокомерную принцессу. Говорят, у нее писательские амбиции. Будем надеяться, она найдет утешение в литературе, потому что ей не придется рассчитывать на большее. - Джессика горько усмехнулась. - Подумай об этом, Чани: у принцессы будет имя и титул, но на деле она будет менее чем наложницей - ни единого мига нежности не будет она знать от того, с кем свяжут ее брачные узы. Но мы, Чани, - мы, которые называемся наложницами, - войдем в историю как истинные жены!

Приложение I.

ЭКОЛОГИЯ ДЮНЫ

Когда при ограниченном пространстве численность объектов возрастает, переходя за определенную критическую точку, свобода внутри системы уменьшается. Это положение так же справедливо по отношению к человеческой популяции в ограниченном пространстве планетарной экосистемы, как и по отношению к молекулам газа в герметическом сосуде. Причем вопрос для человека с точки зрения гуманности заключается не в числе человеческих особей, способных выжить в данной системе, но в том, какое существование смогут вести выжившие.

(Пардот Кинес, первый планетолог на Арракисе)

Обычно в первое время Арракис кажется новоприбывшему лишь колоссальной, бескрайней и безжизненной пустыней. Он, новичок, решит, конечно, что здесь под открытым небом не могут существовать ни животные, ни растения, что перед ним – вечная пустошь, которая никогда не была и никогда не будет плодородной – или хотя бы просто способной поддерживать жизнь.

Пардоту Кинесу же планета представилась воплощением чистой энергии, машиной, движимой солнцем. Но необходимо было преобразовать ее, приспособить к нуждам человека. И его мысли сразу обратились к кочевому населению планеты – к фрименам. Вот где был вызов этому миру, вот где была настоящая задача! Каким инструментом могли стать фримены: мощным экологическим и геологическим фактором с почти неограниченными возможностями.

Пардот Кинес был человеком во многих отношениях простым и прямым. Мешают ограничения, введенные Харконненами?. Прекрасно. Все, что нужно, – это жениться на фрименке. Она рождает сына – Лиет-Кинеса, – и скоро можно начинать с ним и его фрименскими сверстниками изучение азов экологии, создавая новый язык, вооружающий разум символами, позволяющими ему управлять ландшафтом, климатом, сезонными изменениями... и наконец, можно суметь сломать старые представления о силах природы и прорваться к потрясающей воображение идее порядка.

«На каждой планете, чей облик не искажен человеком, существует естественная красота движения и равновесия, – говорил Кинес. – В этой красоте легко можно увидеть общий для всякой жизни динамический стабилизирующий фактор. Цель его проста: производить и поддерживать взаимодействующие системы все большей и большей сложности. Жизнь увеличивает способность данной замкнутой системы поддерживать жизнь; жизнь – всякая жизнь – служит жизни же. Необходимые питательные вещества поставляются одним формам жизни другими, и по мере развития и усложнения жизни в системе количество питательных веществ увеличивается. Наконец, жизнь со всеми ее сложными связями и взаимоотношениями заполняет среду».

Так говорил Пардот Кинес своим ученикам в сиетчах.

Правда, перед тем как он начал свои занятия, ему пришлось убедить фрименов. Чтобы понять, как ему это удалось, нужно сначала осознать ту невероятную сосредоточенность на единственной цели и то простодушие, с которым он подходил к любой проблеме. Нет, наивным он не был – просто не позволял ничему отвлечь себя от главного.

Однажды раскаленным арракийским днем он ехал по пустыне в одноместном вездеходе, изучая местность. Внезапно – это случилось за Барьерной Стеной, неподалеку от деревни Ветряной Мешок – он наткнулся на прискорбно обычную тогда для Арракиса сцену. Шестеро харконненских головорезов – при щитах и в полном вооружении – захватили врасплох трех фрименских юношей.

В первый момент стычка показалась Кинесу грубоватой забавой – но потом он понял, что харконненские солдаты явно намерены убить фрименов. К этому времени один уже лежал на песке с рассеченной артерией, правда, и двое из наемников вышли из игры, но все те двоим юношам, почти подросткам, противостояли четверо хорошо вооруженных профессионалов.

Кинес не был смельчаком; но у него была цель, и он не мог позволить себе терять инструменты, при помощи которых собирался преобразить планету. Поэтому он немедленно включил собственный щит, вмешался в свалку и заколол сплиттиром двух харконненцев прежде, чем они успели осознать, что сзади появился новый противник. Затем Кинес отбил меч развернувшегося к нему солдата и в ловком выпаде аккуратно перерубил ему горло. Последнего наемника он оставил двум молодым фрименам и наклонился к упавшему юноше, чтобы посмотреть, нельзя ли его спасти. И он спас парня – а меж тем его товарищи прикончили шестого харконненца.

Но ситуация сложилась непростая – как говорят фримены, вот так уха из песчаной форели! Фримены были в растерянности. Они, конечно, знали, кто такой Кинес. Не было еще такого, чтобы кто-то прибыл на Арракис, а его самое что ни на есть полное досье не попало во фрименские твердыни, скрытые в песках. Так что они его знали: то был слуга Империи.

Но он убил солдат Харконненов!

Будь на месте этих ребят взрослые фримены, они, конечно, пожали бы плечами и (не без некоторого сожаления) присоединили бы его тень к теням шестерых харконненских разбойников. Но неопытные юнцы знали только одно: этому слуге Империи они обязаны жизнью.

Дня через два Кинес объявился в сиетче, выходившем на Ветровой Перевал. Ему все казалось совершенно естественным. Он говорил фрименам о воде, о дюнах, закрепленных травами о рощах финиковых пальм, о широких открытых арыках, несущих воду через Пустыню. Он говорил и говорил без остановки.

А вокруг его особы в это время кипел спор, которого Кинес не заметил и о котором даже не подозревал. Что делать с этим ненормальным? Он узнал местоположение главного сиетча. Ну и что делать? И что значат его слова – этот безумный разговор о рае на Арракисе? Это просто болтовня. И он слишком много знает. Но он же убил тех харконненцев! Ну и что, всякий может убить харконненцев. Вот я, например, не раз это делал...

Да, но что значит его слова о цветущем Арракисе?..

Все очень просто; но где взять воду для этого?

Но он же говорит, что здесь есть вода! И он действительно спас троих наших!

Спас трех дурней, сунувшихся прямо под харконненский кулак! И он видел наши крисы!

Впрочем, решение было принято за несколько часов до того, как оно было объявлено. Тау сиетча извещает фрименов о том, что необходимо сделать. Исполнить положенное отрядили опытного бойца с освященным крисом; при нем состояли Хранители воды – добыть влагу из тела. Что поделаешь: жестокая необходимость.

Крайне сомнительно, чтобы Кинес вообще заметил своего будущего палача. Он в этот момент проповедовал перед группой фрименов, обступивших его – хотя и державшихся на почтительном расстоянии. Он ходил по кругу и, увлекшись, размахивал руками. «Открытая вода! – говорил он. – Вы будетеходить вне сиетча без дистикомба! Вы будете черпать воду ведрами прямо из открытых прудов! Апельсины!..»

И в этот миг перед ним возник человек с ножом.

– Отойди, – велел Кинес. – Ты мне мешаешь. – И, не обращая более внимания на убийцу, продолжал говорить о потайных ветровых ловушках. Отодвинув плечом фримена с ножом, Кинес прошел мимо. Теперь его спина была открыта для ритуального удара.

Сейчас, конечно, нельзя узнать, о чем думал человек, назначенный выполнять обязанности палача. Может быть, он наконец вслушался в слова Кинеса и уверовал? Кто знает... Но зато хорошо известно и занесено в анналы то, что он сделал. Его звали Улиет, что можно перевести как «Старший Лиет». И вот Улиет сделал три шага и преднамеренно упал на свой собственный нож и так перестал мешать Кинесу – самым радикальным образом. Самоубийство? Многие полагают, что сам Шай-Хулуд двигал его рукой.

Вот и говори после этого о знамениях свыше...

С этого момента Кинесу было достаточно указать рукой направление и велеть: «Ступайте туда». И все племена фрименов шли, куда он велел. Умирали мужчины, умирали женщины, умирали дети. Но они шли.

Кинес вернулся к своей службе – он вплотную занялся Биологическими Испытательными Станциями. Среди персонала стали появляться фримены. Они начали постепенную инфильтрацию в «систему» – возможность, о которой раньше даже не задумывались. А в сиетчи начала перекочевывать техника со станций – и в первую очередь лучерезы, незаменимые при сооружении подземных водоемов и скрытых ветровых ловушек.

В водоемах начала скапливаться вода.

Фримены понимали теперь, что Кинес был по крайней мере не совсем сумасшедшим. Просто безумным ровно настолько, чтобы быть святым. Он был одним из УММА – пророков. А Улиета признали саду – его тень причислили к лицу небесных судий.

Кинес же – прямой, полный поистине варварской решительности – понимал, что формальные исследования не могут принести ничего по-настоящему нового. Поэтому он начал серию небольших экспериментов с регулярным обменом данными для реализации эффекта Тэнсли и позволил каждой исследовательской группе идти своим путем. Нужно было накопить миллионы внешне

незначительных фактов. Сам Кинес проводил время от времени изолированные и достаточно грубые «сквозные», тесты, позволяющие оценить перспективы.

По всей Пустыне отбирались пробы почвы, бурились скважины, изучались долговременные изменения погоды, составлялись климатические карты. Кинес выяснил, что существует достаточно широкий пояс между северной и южной семидесятыми параллелями, где в течение тысячелетий температура держалась в диапазоне 254 – 332 градуса по абсолютной шкале, иначе говоря, от 19 до 59° С. В этом поясе наблюдались длительные периоды сравнительно активной (для Пустыни) вегетации – в это время значения температур колебались от 284 до 302° К, или 11 – 29° С. Поистине благодатные условия для земных форм жизни... если только решить проблему воды.

– Коша мы решим эту проблему? – спрашивали Кинеса фримены. – Когда увидим мы Арракис, ставший раем?

Кинес отвечал им тоном учителя, объясняющего малышу, сколько будет два плюс два: «Через двести-триста лет». Какой-нибудь другой народ при таком ответе, наверное, взывал бы от разочарования. Но это были фримены, которых плели угнетателей приучили к терпению. Да, это был больший срок, чем тот, на который они рассчитывали, – но каждый из них своими глазами видел, что благословенный день приближается. Так что фримены затянули кушаки и вернулись к работе. Странным образом разочарование сделало перспективу грядущего рая более реальной.

На Арракисе проблемой была не вода, а – влага. Домашних животных тут практически не знали, хозяйственных – держали редко. Некоторые контрабандисты использовали одомашненных пустынных ослов-кулонов, но расход воды на них все-таки был слишком велик, даже несмотря на специальные дистикомбы для животных.

Кинес подумывал о создании заводов-регенераторов, извлекающих кислород и водород из расщепляемых скальных пород. Но эта идея не оправдала бы себя энергетически. В полярных шапках {хотя пейоны возлагали на них большие надежды} не хватило бы воды на осуществление проекта... но Кинес уже подозревал, где вода должна быть. При определенных ветрах на средних высотах отмечалось существенное повышение влажности. Важен был и состав атмосферы: 23% кислорода, 75,4% азота и 0,23% углекислоты, остальное – редкие газы.

В северной умеренной зоне на высоте от двух с половиной тысяч метров встречалось, правда редко, растение с мощным корнем – в его двухметровых корнеклубнях содержалось по полулитру воды. Встречались также и пустынные растения земного происхождения: самые засухостойкие прекрасно чувствовали себя в низинах и впадинах, выложенных влагосборниками.

Наконец Кинес наткнулся на солончак.

Как-то в глубокой Пустыне, на пути от одной станции к другой, его топтер попал в бурю и сбился с курса. А когда буря прошла, Кинес увидел солончак – огромную овальную впадину более трехсот километров по большой оси. Сверкающий белый сюрприз Пустыни. Кинес спустился, вышел из топтера и лизнул чисто выметенную бурей поверхность.

Соль.

Теперь его предчувствия превратились в уверенность. Когда-то на Арракисе была открыта вода – очень давно. Он начал проверять все свидетельства о сухих колодцах, где появлялись, а затем исчезали навсегда капли и тоненькие струйки воды.

Он приставил к делу только что обученных фрименов-лимнологов (Лимнология – дисциплина, изучающая водоемы); главной ниточкой для них стали ошметки кожистой ткани, которые часто встречались в меланжевой массе после выброса. Их приписывали «песчаной форели» – существам из фрименских сказок. Постепенно факты складывались в гипотезу о том существе, которому должны были принадлежать эти ткани, – некое «плавающее» в песке животное, которое, блокируя воду, образовывало плодородные «карманы» в нижнем пористом слое почвы при температуре ниже 280 градусов по абсолютной шкале (то есть 7°С). И она подтвердилась.

В каждом выбросе эти «водокрады» умирали миллионами. Их убивали изменения температуры всего в пять градусов. Немногие выжившие впадали в своеобразную полуспячку, закукуливаясь в чисте и через шесть лет выходили из нее в виде небольших (около трех метров длиной) песчаных червей. Из этих последних лишь единицы избегали своих старших собратьев и гибели в полных воды карманах премеланжевой массы – и вырастали в гигантских Шаи-Хулудов. (То, что вода ядовита для Шаи-Хулуда, фрименам было известно давно, и они пользовались этим: топили редко встречающихся малорослых «чахлых червей» – подвид, обитающий в Малом Эрге, – и получали действующий на психику и восприятие наркотик, называемый ими Водой Жизни. «Чахлый червь» – примитивный подвид Шаи-Хулуда, достигающий не более девяти метров в длину.)

Так им удалось восстановить весь цикл, всю систему взаимосвязей: «маленький податель», он же «песчаная форель» – премеланжевые массы: «маленький» – Шаи-Хулуд; Шаи-Хулуд, рассеивающий

Пряность, которой питаются микроскопические существа, известные как песчаный планктон; тот, в свою очередь, служит пищей Шай-Хулуда, его организмы растут и уходят все глубже в почву, превращаясь в «маленьких подателей».

Выяснив это, Кинес и его ученики переключили свое внимание с отношений столь гигантского масштаба на микроэкологию. Прежде всего – на проблему микроклимата. На поверхности песка температура зачастую достигала 35° К (71 – 77° С). Футом глубже – и температура падала на 55°, и на 25° на уровне одного фута над поверхностью. Листья или густая тень снижали ее еще на 18°.

Затем они занялись питательными веществами. Как выяснилось, аракийский песок – это в основном продукты пищеварения песчаных червей, а пыль (воистину вечная и вездесущая) – результат непрекращающегося движения песка. Для подветренной стороны дюн оказались характерны более крупные зерна, наветренная же более гладкая и плотно утрамбована ветром. Старые дюны – вследствие окисления, – как правило, желтые, молодые – того же цвета, что и базовая скальная порода, чаще всего серого.

Подветренные склоны дюн стали первыми опытными плантациями. Для начала фримены высаживали низкорослую редкую траву с ресничатым краем листа и крепкими нитевидными корнями, которые, переплетаясь, образовывали бы дерновое покрытие, связывающее дюны и уничтожающее главное оружие ветра – подвижные песчинки.

На дальнем юге, подальше от харконненских глаз, были созданы акклиматизационные зоны. Мутированную траву высевали сначала по подветренным склонам дюн, стоявших на пути преобладавших – западных – ветров. При закрепленной подветренной стороне наветренная стала быстро нарастать – и с той же скоростью подсаживали траву. Так поднимались высокие – до полутора километров! – длинные дюны с волнистым гребнем, называемые обычно «сифы». И когда наконец барьерные дюны поднялись на нужную высоту, наветренную сторону засеяли еще более упрямой и крепкой травой с гладкими острыми листьями, известной как «меч-трава». Так были закреплены все сифы – дюны, чье основание превышало шесть высот.

Пришел черед более глубоких посадок. Сначала они высаживали эфемеры (камнеломки, маревые и амарант),

затем шотландский ракитник, низкорослый люпин, стелющийся эвкалипт (этот вид первоначально был выведен для северных районов Каладана), карликовый тамариск и цепкую, или береговую, сосну; наконец, чисто пустынные растения – канделлилу, или «пустынную свечку», сагуаро и биснага, или бутылочный кактус. Там, где было возможно, посадили еще и солончаковую верблюжью полынь, дикий лук, гобийский ковыль, дикую люцерну, пырей, песчаную вербену, вечерний первоцвет, ладанник, дымное дерево, креозотовый куст.

После этого можно было обратиться и к животному миру, прежде всего к норным – их задачей было насытить почву азотом и разрыхлить ее: лисица-фенек, кенгуровая мышь или песчаный тушканчик, пустынный заяц, песчаная черепаха... и, разумеется, для контроля численности популяции требовались хищники: пустынный ястреб, карликовая сова, филин и пустынная сова; свободные экологические ниши заняли насекомые: скорпионы, сороконожки, тарантул, кусачая оса и наездники. Численность насекомых регулировала летучая мышь – пустынный нетопырь.

И вот подошло время решающих испытаний. Финиковые пальмы и хлопок, дыни и кофе, различные лекарственные растения – более двухсот видов съедобных растений было отобрано, испытано и адаптировано к условиям Аракиса.

– Главное, чего не понимают экологически неграмотные люди, – говорил Кинес, – это то, что экосистема есть прежде всего система. Система! Она находится в состоянии подвижного равновесия, которое легко разрушить ошибкой всего лишь в одной нише. Для системы характерен определенный порядок, который можно представить как поток, движение от точки к точке. И если что-то блокирует этот поток – порядок в системе нарушается. Неподготовленные экологически могут не заметить этот момент, пока не станет слишком поздно... Вот почему главная задача экологии – оценка возможных последствий.

А они – сумели ли они создать систему?

Кинес и его люди ждали и наблюдали. Теперь фримены понимали, что он имел в виду, говоря о «неопределенных сроках, примерно лет в пятьсот».

В это время поступило известие из пальмовых рощ: на границе посадок и Пустыни песчаный планктон погибает, отравленный взаимодействием с новыми формами жизни. Причина – белковая несовместимость. В этих местах возникает отравленная вода, которой не может коснуться жизнь Аракиса. Вокруг посадок возникают пустоши – и даже сам щай-хулуд не смеет пересекать эти отравленные пояса.

Кинес отправился в пальмовые рощи лично – за два десятка манков (в паланкине, точно раненый

или Преподобная Мать, потому что так и не стал наездником). Он исследовал пустоши (а они, надо сказать, воняли неописуемо) и понял, что Арракис преподнес нежданный дар.

Связанный азот и сера, поступившие в грунт, превращали пустоши в почти идеальную почву для земных форм растительной жизни. А это означало, что посадки можно расширить в любой момент!

- Может, это позволит сократить сроки? - спросили его фримены.

Кинес вернулся к своим формулам. К этому времени статистика по ветровым ловушкам накопилась вполне достаточная, и цифры были надежны. Разумеется, Кинес делал щедрые допуски, всюду накидывая дополнительное время, - экология не слишком точная наука. Столько-то растений потребуется для закрепления дюн; столько-то. - в пищу людям и животным; столько-то - чтобы запасали влагу в корневой системе, оживляя выжженные солнцем земли. Нанесли на карты подвижные холодные точки в открытой Пустыне. Даже Шаи-Хулудам нашлось место в таблицах, картах, диаграммах и схемах! Ведь Шаи-Хулуда нельзя уничтожать, иначе исчезнет главное богатство Арракиса - Пряность. А биохимическая «фабрика» червя, его пищеварительная система, в свою очередь, - основной источник кислорода на планете. Средний червь, метров двухсот в длину, выделяет в атмосферу столько же кислорода, сколько десять квадратных километров среднестатистической растительности, создающей его путем фотосинтеза!

Нельзя было исключать из расчетов и Гильдию. Ведь на подкуп ее - чтобы не допустить в арракийское небо по-

годные спутники и прочих наблюдателей - уже требовалось весьма существенное количество Пряности.

Наконец, сами фримены - фримены с их ветровыми ловушками и нерегулярным земледелием вблизи источников воды; фримены, обретшие экологическую грамотность и мечту о превращении значительной части планеты сперва в прерию, а затем и в леса!..

И вот из расчетов и диаграмм встала цифра: три процента. Всего три процента растительности необходимо было вовлечь в образование соединений углерода, чтобы они создали самоподдерживающийся цикл. Систему.

- Так как долго все-таки? - настаивали фримены.

- А, сроки?.. Пустяк: всего лет триста пятьдесят или около того.

Итак, дело обстояло именно так, как этот умма говорил с самого начала: никто из живущих ныне не застанет исполнения их мечты и никто из их внуков - и из потомков до восьмого колена... но время придет.

И работа продолжалась: они строили, сажали, копали, учили детей.

Но вот Кинес-Умма погиб при обвале пещеры в Тип совой. Котловине.

К этому времени его сыну, Лиет-Кинесу, было уже девятнадцать лет, и он уже был наездником, и число убитых им людей Харконненов перевалило за сотню. Назначение Лиета на имперскую государственную службу, о котором Кинес-старший уже ходатайствовал, не заставило себя долго ждать: жесткая классовая система, Фафrelах, сослужила свою службу, ибо ее основная идея и заключалась в том, чтобы готовить сына как преемника дела и места отца.

Курс к этому времени был уже задан, фримены, воспринявшие свет экологического учения, готовы следовать ему. Лиет-Кинесу оставалось лишь наблюдать, иногда слегка подталкивать, да еще вести разведку в стане Харконненов... пока на планету не обрушился удел стать местом действий Героя.

Приложение II.

РЕЛИГИЯ ДЮНЫ

До прихода Муад'Диба арракийские фримены исповедовали религию, которая, как очевидно для любого исследователя, напрямую происходит от Маомет-Саари. Многие, впрочем, указывают на значительные заимствования и из других религий. Наиболее часто в качестве примера приводят Гимн Воде, полностью взятый из Экуменического Служебника и обращенный к дождевым облакам, которых никогда не знал Арракис. Но еще более глубокая (а не чисто внешняя) связь прослеживается при сравнении фрименской книги Китаб аль-Ибар и учений Экуменической Библии - Илм и Фикх.

Всякий сравнительный анализ верований, игравших доминирующую роль в Империи до прихода Муад'Диба, должен начинаться с рассмотрения основных источников и сил, сформировавших таковые верования. Это:

1. Последователи Четырнадцати Мудрых, чьим Писанием стала Экуменическая Библия и чьи взгляды нашли выражение в Комментариях и другой литературе, ставшей плодом деятельности Комиссии Переводчиков-Экуменистов (сокращенно КПЭ).
2. Разумеется, Бене Гессерит. Обычно они отрицали, что являлись религиозным орденом, однако действовали за почти непроницаемой завесой ритуального мистицизма, а их система обучения по своей символике, организации и методам была исключительно религиозна.
3. Агностически ориентированный правящий класс (включая сюда и Гильдию Космогации), для которого религия всегда была чем-то вроде кукольного театра – чтобы развлекать публику и держать ее в узде, – и который полагал, что все и всякие явления, не исключая и явления религиозные, можно, в сущности, свести к объяснениям механистического плана.
4. Так называемые Древние Учения – включая все, сохраненные Странниками Дзенсунни Первого, Второго и Третьего исламских движений; а также новохристианство Чусука, буддислам в тех разновидностях, которые доминировали на Ланкивейле и Сийкуне, «Книги Сочетаний» Махаяны Ланкаватары, Дзен-хекиганьшу с Дельты Павлина III, Тавра и Талмуд-Забур, уцелевшие на Салусе Секундус, широко распространившаяся церковь обряда Обейах, Муаддийский Коран с его неискаженными Илмом и Фикхом, сохранившийся среди рисоводов Каладана, возделывающих знаменитый пунди; островки индуизма, рассеянные по всей Вселенной (в основном среди изолированных групп пейонов); – и, наконец, Джихад Слуг.

Есть и пятая сила, сформировавшая религиозные течения рассматриваемого периода, но воздействие ее так значительно и так универсально, что силу эту следует выделить особо.

Разумеется, речь идет о таком явлении, как космические путешествия, – а когда мы говорим о религии, эти слова заслуживают того, чтобы их написать так:

КОСМИЧЕСКИЕ ПУТЕШЕСТВИЯ!

Продвижение человечества в Глубокий Космос за одиннадцать тысячелетий, предшествовавших Джихаду Слуг, оставило совершенно особый отпечаток на религии. Во-первых, ранние космические путешествия, будучи уже повсеместными, тем не менее оставались весьма нерегулярными, медленными и ненадежными, а до появления монополии Гильдии и средства их были многообразны и Пестры. Первые сведения и впечатления, чрезвычайно искаженные в передаче и пересказе, послужили богатейшим источником мистических спекуляций.

Космические путешествия придали совершенно новый аспект представлениям о сотворении мира и всем креационным мифам, которые внезапно приобрели несколько иной смысл. Даже наивысшие достижения религиозной мысли той эпохи отразили эту смену угла зрения: ощущение сакральности оказалось затронуто анархией, порожденной хаосом внешней, кромешной тьмы.

Казалось, Юпитер и все его потомки отступили в породившую их тьму, уступив имманентной женской сущности – неясной, двусмысленной, с ужасающим лицом.

Древние формулы сплетались, сливались, пытаясь приспособиться к требованиям эпохи новых завоеваний – эпохи новой конкисты и новых геральдических символов. То было время борьбы между звероподобными демонами – и старинными молитвами и заклятиями.

Но ясность, которая разрешила бы эти сомнения, все не приходила.

В этот период, говорят, и переписали заново Книгу Бытия, притом позволив себе так изложить слова Господа: «Плодитесь и размножайтесь, и наполняйте Вселенную, и обладайте ею, и владычествуйте над всякими странными созданиями и над тварями живыми во всех бесчисленных

землях и за пределами их».

То было время колдуний, и сила их была реальной. Меру этой силы доказывало уже то, что они никогда не хвастались, как сумели подхватить факел...

А затем пришел Джихад Слуг, Великий Джихад. Два поколения хаоса. Божество машинной логики было ниспровержено, и массами завладела новая догма:

«Человек да не будет ничем подменен».

Эти два поколения борьбы и насилия стали для человечества временем прозрения. Люди обратились к своим богам и обрядам и увидели, что как первые, так и вторые преисполнены духом самой ужасной формулы, соединившей страх – и гордыню.

Не без труда преодолев колебания, религиозные вожди (чье последователи успели пролить кровь миллиардов) начали встречаться, обмениваться мнениями. Гильдия Космогации, уже начавшая создавать свою гигантскую монополию космических перевозок, поощряла эти встречи – как и Бене Гессерит, таинственный орден, объединивший колдуний.

Уже эти первые межконфессиональные встречи принесли два важных результата:

1) было признано, что все религии имеют по меньшей мере одну общую заповедь, а именно: «Не искажай душу»; 2) была сформирована Комиссия Переводчиков-Экуменистов.

КПЭ собиралась на каком-то нейтральном острове на Старой Земле, родине всех старых религий. Их объединяла «общая вера в присутствие во Вселенной Божественной Сущности». Здесь встретились представители всех религий, насчитывающие более миллиона последователей. С поразительной быстротой они выработали заявление об общей цели:

«Мы собрались здесь, чтобы вырвать из рук соперничающих религий их главное оружие – претензию на монопольное обладание единственным Откровением».

Правда, радость по поводу этого «знака всеобщего согласия» оказалась несколько преждевременной. За целый стандартный год – и даже дольше – заявление было единственным проявлением деятельности КПЭ. Люди с горечью говорили об их медлительности. Трубадуры сочиняли едкие насмешливые песенки о ста двадцати одном «старом придурке», как прозвали делегатов КПЭ. (Прозвище образовалось из грубо-шутливой расшифровки аббревиатуры «команда придурков-эпикурейцев».) Одна из таких песенок, время от времени вновь входящая в моду, популярна и по сей день. Это «Бесплодные раздумья, безмятежность»:

Представьте тихий сон – Бесплодные раздумья, безмятежность – И- Трагедия, трагедия придурков:

Придурки спят уже который день – Им лень. Так лень – так лень... Но пробил час, И слышен новый глас: Проспали вы – грядет Господь наш – Бутерброд, Сандвич!

Время от времени из КПЭ просачивались слухи. Говорили, что Комиссия занимается сравнительным изучением священных текстов, а безответственные болтуны даже называли изучаемые писания. Эти слухи неизбежно провоцировали антиэкуменистские выступления (даже бунты!) и, разумеется, порождали новые остроты в адрес КПЗ.

Прошло два года. Три.

Члены Комиссии (к тому времени девять членов из ее первоначального состава умерли и были заменены новыми) сделали перерыв – формально, чтобы утвердить новых членов; тогда же они наконец объявили, что работают над созданием единого писания, очищая его от «всех патологических симптомов религий прошлого».

«Мы создаем инструмент любви, на котором смогут играть все – и который будет играть для всех».

Многим кажется странным, что именно это заявление спровоцировало самые яростные вспышки насилия. Двадцать делегатов были отозваны пославшими их конгрегациями. Один даже совершил самоубийство – угнал космический фрегат и бросился на нем в Солнце.

Религиозные бунты, по оценкам историков, унесли восемьдесят миллионов жизней. Иначе говоря, в среднем по шесть тысяч на каждый из миров, входивших тогда в Ландсраад-Лигу. Учитывая, какими беспокойными были те времена, такая оценка вряд ли завышена; однако любые претензии на какую-либо точность остаются не более чем претензиями. Связь между мирами в то время переживала спад, один из сильнейших за все время ее истории.

Само собой, трубадуры не упускали момент. В популярной оперетке тех дней был выведен делегат КПЗ. Сидя под пальмой на белом песочке пляжа, «придурок» пел:

Для Бога, для женщин, для чуда любви Мы здесь отдыхаем, оставив заботы и страхи! Так спой, трубадур, нам новую песню – Для Бога, для женщин, для чуда любви.

И бунты, и комедия эта были знаками времени, симптомами, и весьма красноречивыми. Они выдают психологический настрой, глубокую неуверенность... и стремление к чему-то лучшему, и страх, что ничего не выйдет.

Заслонами на пути анархии тогда стояли прежде всего зарождающаяся Гильдия, Бене Гессерит и Ландсраад – последний продолжал собираться, не прерывая, несмотря на столь серьезные препятствия, двухтысячелетнюю традицию. Роль Гильдии ясна: она обеспечивала транспортом как Ландсраад, так и КПЭ. С Бене Гессерит ясности меньше. Достоверно известно, что в этот период они объединялись, забирали под свою руку колдуний, изучали свойства наркотических веществ, развивали технику прана-бинду и создавали Миссионарию Протектива – свою «черную руку», вооруженную предрассудками. Но в этот же период была написана знаменитая Литания Против Страха, составлена Книга Азхар – библиографическое чудо, сохранившее великие таинства древнейших религий.

Комментарий Ингсли, – пожалуй, единственно верные слова, которыми можно охарактеризовать ту эпоху: «То было время глубочайших парадоксов».

Около семи лет КПЭ усердно работала. Незадолго до седьмой годовщины своего основания они начали готовить человечество к важнейшему известию, можно сказать, откровению; и в день годовщины народам была явлена Экуменическая Библия.

«Вот, – сказали делегаты КПЭ, – писание, выполненное достоинства и значительности. Вот путь, следуя которым человечество осознает себя единым творением Божием».

КПЭистов называли «археологами идей», вдохновленных Богом на величественное повторное открытие. Говорили, что они «вновь открыли свету полные жизненной силы великие идеи, долго погребенные под прахом веков», что они «оживили моральные императивы религиозного сознания».

Кроме Экуменической Библии, КПЭ создала «Литургический Служебник» и «Комментарии» – во многих отношениях произведение даже более замечательное, и не только в силу краткости («Комментарии» вдвое короче Экуменической Библии), но также в силу своей искренности, чистоты, замечательного сочетания самоуничижения и чувства своей правоты.

Начало «Комментариев», как ясно видно, обращено к агностически настроенным правителям:

«Люди, не находя ответов на сунны (десять тысяч священных вопросов в Шари-а), теперь обратились к своему разуму. Всякий ищет просветления. Религия – лишь древнейший и наиболее достойный путь из всех, на которых человек искал объяснения сотворенной Богом Вселенной. Ученые ищут законы, движущие события, строят упорядоченную и закономерную картину мира; задача религии – найти место Человека в этой картине».

В заключительной части, впрочем, «Комментарии» приобретают куда более резкий тон – вполне возможно, предопределивший их судьбу: .

«Многое из того, что прежде называлось религией, несло бессознательно враждебное отношение к жизни. Истинная же религия должна проповедовать, что жизнь полна радостей, услаждающих взор Господа, и что знание без действия – пусто. Все люди должны увидеть, что механическое заучивание канонов и правил есть по сути своей обман. Истинное учение узнать легко; вы узнаете его безошибочно, ибо истинное учение пробуждает в вас нечто, которое скажет: „Ведь я знал это всю свою жизнь...“

Работали печатные машины, и импринтеры безостановочно наматывали ролики шигакорда; Экуменическая Библия распространялась по обитаемым мирам; и странное спокойствие воцарилось в то время повсюду. Многие называли это спокойствие знамением свыше, знаком единения.

Однако судьба самих делегатов КПЭ показала, каким обманчивым оно было. По возвращении в свои конгрегации восемнадцать делегатов подверглись линчеванию в первые два месяца, а пятьдесят три, не прошло и года, публично отреклись от экуменизма.

Экуменическую Библию назвали «порождением гордыни разума». Утверждалось, что тексты ее преисполнены соблазна логики. Стали появляться ревизованные версии, стремящиеся угодить фанатикам. Эти версии опирались на привычную символику (Крест, Полумесяц, погремушка с перьями, Двенадцать Святых, Худой Будда и прочее) – и вскоре стало ясно, что новый экуменизм не сумел вобрать в себя древние верования и предрассудки.

Хэллоуэй назвал идеологию, выработанную за семь лет Комиссией Переводчиков-Экуменистов, «галактофазический полидетерминизм»; массы охотно подхватили термин, причем

расшифровывали аббревиатуру ГП как «Господом проклятые».

Председатель КПЭ Тоуре Бомоко, Улем всех дзен-суннитов, один из четырнадцати делегатов, так и не отрекшихся от экуменизма (они вошли в историю как «Четырнадцать Мудрых»), признал наконец, что КЛЭ совершила ошибку.

«Нам не следовало пытаться создать новые символы, – сказал Бомоко. – Нам надо было понять, что нельзя вносить неопределенность в общепринятые верования и возбуждать любопытство относительно Бога. В повседневной жизни нас окружает нестабильность всего человеческого – но мы позволяем нашим религиям становиться все более жесткими, подавляющими, все сильнее служим конформизму. Но что за тень легла на пути божественных заповедей? Это – предостережение, напоминание о том, что старые институты религии сохраняются, как сохраняются и владеют душами старые символы, хотя смысл и содержание их давно потеряны, и что нельзя просто механически сложить вместе все известные знания и верования».

Горечь этого «признания» не ускользнула от противников Бомоко, и вскоре он был вынужден бежать, доверив свою жизнь Гильдии, поклявшейся держать в тайне место его изгнания. Говорят, что Бомоко скончался на Тупайле, где пользовался уважением и любовью. Перед смертью он сказал: «Религия должна оставаться прибежищем для людей, говорящих себе: „Я не таков, каким хотел бы быть“.

Приятно сознавать, что Бомоко чувствовал пророческий смысл своих слов – «институты религии сохраняются». Девяносто поколений спустя Экуменическая Библия и «Комментарии» распространились по всей верующей Вселенной.

...Когда Пауль Муад'Диб стоял, положив правую руку на усыпальницу Головы Лето – высеченную в камне раку, где хранился череп его отца (правую, благословенную и благословляющую руку, а не левую, насылающую проклятия), – он слово в слово процитировал слова из «Наследия Бомоко»:

«Вы, победившие нас, говорите себе, что пал- Вавилон и разрушено сотворенное им; но говорю я вам, что каждого человека ждет суд и каждый ответит за себя. Ибо каждый человек есть малая война, в каждом идет сражение добра и зла».

Фримены говорят о Муад'Дибе, что он был подобен Абу-Зайду, чей фрегат посрамил саму Гильдию, в один день совершив путешествие туда и обратно. Причем «туда», в данном контексте переводится как термин фрименской мифологии, обозначающий мир духа «рух», как Алам аль-Митхаль, мир, где не действуют физические ограничения и все возможно.

И тут мы ясно видим параллель между только что сказанным и идеей Квисатц Хадераха. Сам термин «Квисатц Хадерах» (создать которого при помощи генетической программы стремился орден Бене Гессерит) означает «Сокращающий Путь» – или «Тот, Который может быть во многих местах сразу».

Но можно показать, что как та, так и другая интерпретации термина восходят к словам «Комментариев»: «Когда закон и религиозный долг сливаются воедино, твое „я“ объемлет всю Вселенную».

Сам Муад'Диб говорил о себе: «Я – сеть в море времени, ловящая и в прошлом, и в будущем. Я – движущийся тенет, от которого не уйдет никакая вероятность».

Эти мысли суть одно, июни же звучат в Двадцать второй Калиме Экуменической- Библии: «Произнесена мысль или нет – она реальна, и обладает силой реальности».

Когда же мы обращаемся к собственным комментариям Муад'Диба в «Столпах Вселенной» (в интерпретации его святых последователей, Квизара Тафвид), мы видим, сколь многим обязан Муад'Диб Комиссии Переводчиков-Экуменистов и Фрименскому Дзенсуннизму.

Муад'Диб: «Закон и долг суть одно; да будет так. Помните, однако, об ограничениях, налагаемых этим правилом: пока вы следуете ему, вы не вполне обладаете самосознанием; вы остаетесь погруженными в тау общину; вы – меньше, чем личность».

Экуменическая Библия: идентичный текст («Шестьдесят Одно Откровение»).

Муад'Диб: «Вера, религия часто черпает из мифа о прогрессе, защищающем нас от неуверенности, от неопределенности грядущего».

«Комментарии» КПЗ: идентичный текст (а Книга Азхар говорит, что этот текст принадлежит религиозному автору первого века, некоему Нишоу, или Ницшоу, вернее, является парадигмой его высказывания).

Муад'Диб: «Если дитя, или человек неподготовленный, или невежда, или безумец причиняет вред,

то вина ложится на тех, кто имеет власть над ними, ибо они не предвидели и не предотвратили этот вред».

Экуменическая Библия: «Вина за всякий грех, хотя бы частично, может быть возложена на природное зло, на оправдывающие грешника внешние обстоятельства, приемлемые Богом» (Книга Азхар возводит эту мысль к Торе древних евреев).

Муад'Диб: «Простри руку свою, и прими и яди данное тебе Господом; и когда насытишься, то славь Господа».

Экуменическая Библия: та же мысль, но в других выражениях (в этом случае Книга Азхар относит это высказывание, правда, в несколько иной форме, к писаниям Первого Ислама).

Муад'Диб: «Доброта – начало жестокости».

Фрименская Китаб аль-Ибар: «Ужасен в доброте своей Господь, и тяжка десница Его. Не Он ли дал нам Солнце палящее (Ал-Лат)? Не Он ли поставил Матерей Власти (Преподобных Матерей)? Не Он ли дал силу Шайтану (Сатане, Иблису)? И разве не получили мы от Шайтана Вредоносную торопливость?»

(Именно отсюда происходит фрименское присловье: «Поспешность – дочь Шайтана». В самом деле, на каждую сотню калорий тепла, выработанных физической нагрузкой («торопливостью»), тело испаряет до шести унций влаги. Фрименское слово, обозначающее пот или слезы, – «бакка» – в одном из вариантов может быть переведено как «жизненная сущность, которую Шайтан выжимает из твоей души».)

Конивелл называет приход Муад'Диба «религиозно своеевременным» – но время здесь, в сущности, ни при чем. Как сказал сам Муад'Диб: «Я – здесь, поэтому...»

Однако для понимания религиозного влияния Муад'Диба крайне важно не упускать из виду следующее обстоятельство: фримены были тогда жителями Пустыни, и вся их наследственность была приспособлена к враждебным человеку условиям. Нетрудно стать мистиком, если каждую секунду приходится бороться за выживание, преодолевая открытую враждебность окружения. «Вы – здесь; поэтому...»

При такой традиции страдание принимается человеком – быть может, – как неосознаваемое наказание, но принимается. Надо отметить при этом, что фрименские обряды дают почти полное освобождение от чувства вины. Это необходимость – для фрименов закон и религия неразрывны, так что неповинование закону – грех. Таким образом, вернее будет сказать, что фримены легко очищались от чувства вины, потому что их повседневная жизнь требовала жестоких (часто – смертельных) решений; решений, которые в другом, более мягком мире отяготили бы человека невыносимо тяжкой виной.

В этом, вероятно, одна из причин тяготения фрименов к суеверию (не считая деятельности Миссионарии Протектива). Почему свистящие пески – дурное предзнаменование? Почему, увидев Первую Луну, надо поднять кулак?.. Плоть принадлежит человеку, но его вода – собственность всего племени; и тайна жизни, тайна бытия – это не загадка, требующая решения, а реальность» которую надо пережить. Знаки и знамения позволяют не забывать об этом. И потому, что ты – здесь, потому, что ты исповедуешь эту религию, победа в конце концов не ускользнет от тебя.

Как веками учили сестры Бене Гессерит (до того как орден с позором отступил перед фрименами):

Когда религия и политика едут в одной колеснице, которой правит живой святой (барака), ничто не устоит на их пути.

Приложение III.

ДОКЛАД О МОТИВАХ И ЦЕЛЯХ БЕНЕ ГЕССЕРИТ

(Ниже приводится выборка по сводному докладу, подготовленному агентами леди Джессики немедленно после арракийских событий. Беспристрастное изложение намного увеличивает ценность доклада.)

Поскольку Бене Гессерит в течение многих веков действовали под маской полумистической школы, занимаясь селективно-генетической программой, мы привыкли придавать ордену куда большее значение, чем он того заслуживает. Анализ собственного «расследования факта» по арракийским событиям выдает глубокое неведение и непонимание орденом его собственной роли.

Можно возразить, что Бене Гессерит могли изучать лишь доступные им факты и не имели возможности исследовать личность Пророка Муад'Диба. Однако ордену приходилось преодолевать за свою историю и худа большие препятствия, и тем серьезнее их ошибка.

Генетическая программа Бене Гессерит имела целью выведение человека, называемого ими «Квисатц Хадерах», – термин, означающий «Тот, Кто может быть одновременно во многих местах». Говоря проще, им нужен был человек, чей разум позволил бы понимать и использовать измерения высшего порядка. Они хотели создать суперментата, живой компьютер, наделенный пророческими способностями подобно Гильд-навигаторам. Теперь заметьте следующее:

Муад'Диб, урожденный Пауль Атрейдес, был сыном герцога Лето – за этой генетической линией тщательно следили больше тысячи лет. Мать Пророка, леди Джессика, побочная дочь барона Владимира Харконнена, несла в себе гены, первостепенная ценность которых для названной программы была известна более двух тысяч лет. Гессеритка по рождению и воспитанию, Джессика должна была стать заинтересованным инструментом проекта.

Ей приказали родить Атрейдесу дочь. План предусматривал инбридинг, соединяющий гены этой будущей дочери с генами племянника барона Владимира – Фейд-Раутой. Вероятность получения Квисатц Хадераха от этого брака была весьма высока. Однако наложница герцога нарушила приказ (по причинам, которых, как она утверждает, до конца не поняла и сама) и понесла сына.

Уже это должно было насторожить Бене Гессерит, предупредить орден о вероятности появления в схеме непредусмотренной случайной переменной. Но Бене Гессерит проигнорировал это предупреждение, как и другие, куда более значительные признаки: – 1. Уже в юности Пауль Атрейдес демонстрировал способность предвидеть будущее. Его пророческие видения отличались точностью и глубиной и никак не могли быть объяснены привлечением четвертого измерения. .

2. Преподобная Мать Гайя-Елена Мохийам, Проктор Бене Гессерит, испытывавшая человеческую, сущность Пауля, когда ему было пятнадцать лет, засвидетельствовала, что он преодолел боль намного более сильную, чем любой другой из всех тех, отчеты об испытании которых хранились в ордене. И тем не менее она почему-то не выделила этот факт в своем докладе!

3. Когда Дом Атрейдес прибыл на Арракис, фрименское население приветствовало юного Пауля как Пророка, «Глас из иного мира». Бене Гессерит было прекрасно известно о том, насколько суров Арракис с его бесконечной Пустыней, полным отсутствием открытой воды, с подчеркнуть урезанными, примитивными потребностями – только чтобы выжить; и о том, что такие условия неизбежно приводят к появлению большого числа сенситивов – людей с обостренным восприятием. Но как реакция фрименов на Пауля, так и такой совершенно, казалось бы, очевидный элемент, как насыщенная Пряностью арракийская пища, тоже были упущены наблюдателями Бене Гессерит.

4. Когда Харконнены и солдаты-фанатики Падишах-Императора вновь заняли Арракис, убили отца Пауля и истребили почти все силы Дома Атрейдес, а Пауль и его мать исчезли, – почти сразу начали поступать донесения о появлении среди фрименов нового религиозного лидера, человека по имени Муад'Диб, причем и его тоже называли «гласом из иного (или внешнего) мира». В тех же докладах ясно указывалось, что ему сопутствует некая новая Преподобная Мать-Сайдина, и она – «женщина, давшая ему жизнь». Имевшиеся в распоряжении Бене Гессерит тексты ясно указывали, что во фрименских легендах о пришествии Пророка говорится: «И рожден он будет ведьмой Бене Гессерит».

(Конечно, еще за несколько столетий до того Бене Гессерит направили агентов Миссионарии Протектива на Арракис – внедрить в тамошние верования нечто именно в этом роде, на тот случай, если кто-то из Бене Гессерит будет нуждаться здесь в защите и убежище, и потому те, кто игнорировал легенду о «гласе из иного мира», поступили правильно: это был типичный, стандартный образчик «паноплии профетикус». Однако это возражение справедливо лишь в том случае, если Бене Гессерит были правы, отвергая и все прочие свидетельства, относящиеся к личности Пауля Муад'Диба.)

5. Когда разгорелись арракийские события, Гильдия Космогации несколько раз обращалась к Бене Гессерит. Гильдия давала понять, что ее навигаторы, использующие «арракийское зелье» – меланжу – для развития ограниченных способностей к предсказанию; необходимых тем, кто ведет корабли в океане пустоты... так вот, Гильд-навигаторы были обеспокоены перспективой и видели «проблемы на горизонте». Сие могло означать только, что Гильдия видела впереди некий узел, где переплетались бесчисленные варианты решений – и за этим временным сплетением от взора провидцев Гильдии были сокрыты пути. Уж. это-то было абсолютно недвусмысленным свидетельством чьего-то вмешательства на уровне измерений высшего порядка!

(Некоторые из Бене Гессерит давно догадывались, что Гильдия не может прямо вмешиваться в дела, связанные с жизненно необходимым для нее источником Пряности, поскольку Гильд-навигаторы уже в меру своих скромных способностей пытались работать с измерениями высшего порядка... и продвинулись в этом достаточно далеко, по крайней мере чтобы понять: малейший неверный шаг на Арракисе обернется для них катастрофой. Гильд-навигаторы не в состоянии были предсказать какой-либо путь, который бы позволил Гильдии взять контроль над Пряностью и не привел бы при этом к образованию такого же вероятностного узла. Очевиднее всего было бы заключить, что некие силы высшего уровня как раз и берут контроль над источником Пряности... но и теперь Бене Гессерит умудрились ничего не заметить и не понять!)

Перед лицом этих фактов мы неизбежно приходим к выводу о том, что удивительно неэффективные действия Бене Гессерит стали результатом действий на более высоком уровне, о котором Бене Гессерит и не подозревали!

Приложение IV.

ПЕРСОНАЛИЯ

Альманах Эн-Ашраф (Избранные отрывки о Великих Домах)

Шаддам IV (10134-10202) – Падишах-Император, восемьдесят первый в роду (Дом Коррино), занимавший Золотой Львиный Престол, правил с 10156 (год, в который его отец, Элруд IX, пал жертвой чаумурки) до 10196 г., когда было установлено регентство с номинальным переходом власти к дочери Шаддама IV, Ирулан. Правление Шаддама IV вошло в историю главным образом благодаря Арракийскому Восстанию, вину за которое многие историки возлагают на безответственное отношение Шаддама IV к своим обязанностям чрезмерную пышность его двора... Так, ряды бурсегов за первые шестнадцать лет его правления удвоились. В то же время ассигнования на подготовку сардаукarov неуклонно сокращались в течение трех десятилетий, предшествовавших Арракийскому Восстанию. У Шаддама IV было пять дочерей (Ирулан, Чалиса, Венсия, Джосифа и Руги), но ни одного законного сына. Четыре дочери сопровождали его в изгнании. Его жена, Анирул, дочь Бене Гессерит Сокрытого Чина, скончалась в 10176 г.

Лето Атрейдес (10140-10191)-кузэн Дома Коррино по женской линии; часто упоминается как «Красный Герцог». Дом Атрейдес правил Каладаном по сиридарскому лену, пока не был вынужден перейти на Арракис. Лето Атрейдес более известен как отец герцога Пауля Муад'Диба, Уммы-регента. Останки герцога Лето покоятся в «Усыпальнице Головы Лето» на Арракисе. Его убийство обычно приписывается предательству врача Суккской Школы, вина за которое возлагается на сиридар-барона Владимира Харконнёна.

Леди Джессика (10154-10256), член Дома Атрейдес на правах официальной наложницы герцога Лето – побочная дочь сиридар-барона Владимира Харконнена (как результат генетической программы Бене Гессерит). Мать герцога Пауля Муад'Диба. Закончила Школу Бене Гессерит на Валлахе IX.

Леди Алия Атрейдес (род. 10194) – законная дочь герцога Лето Атрейдеса и его официальной наложницы леди Джессики. Леди Алия была рождена на Арракисе примерно через восемь месяцев после гибели герцога Лето. Из-за пренатального (то есть произошедшего до рождения) воздействия наркотика группы ментафорсеров – «ядя откровения», или Воды Жизни, – в Бене Гессерит известна как «Проклятая». В историю леди Алии вошла как Святая Алия (или Святая Алия, Дева Ножа). Подробно историю леди Алии см. в книге Пандера Оулсона «Святая Алия, Охотница Миллиарда Миров».

Владимир Харконнен (10110-10193) – обычно упоминается просто как барон Харконнен. Официальный титул – сиридар-барон (то есть барон-правитель планеты). Владимир Харконнен – прямой потомок по мужской линии башара Абулурда Харконнена, изгнанного за трусость после Битвы за Коррин. Возвращение Дома Харконнен к власти обычно связывается с ловкими действиями на рынке китовой шерсти и позднее с использованием меланжевых богатств Арракиса. Сиридар-барон умер на Арракисе во время Арракийского Восстания. На весьма непродолжительное время титул перешел к на-барону Фейд-Рауте Харконнену.

Граф Хасимир Фенринг (10133-10225) – кузэн Дома Коррино по женской линии, друг детства Шаддама IV. (Часто критикуемая «История Коррино – история пиратов» сообщает, что именно граф Фенринг помог с помощью чаумурки избавиться от Элрудда IX.) Все источники соглашаются с тем, что Фенринг был самым близким другом Шаддама IV. Деятельность графа Фенринга на имперской службе включала в себя функции Имперского Агента на Арракисе во время правления там Харконненов; позже – сиридар-абсентия (то есть правителя, не живущего на планете) Каладана. Присоединился к Шаддаму IV в его изгнании на Салусе Секундус.

Граф Глоссу Раббан (10132-10193) – граф Ланкивейльский, старший племянник Владимира Харконнена. Как и Фейд-Раута, Раббан (принявший фамилию Харконнен, будучи призван ко двору сиридар-барона), законный сын младшего из полубратьев сиридар-барона Абулурда. Абулурд отказался от фамилии Харконнен и всех соответствующих прав, приняв титул графа, когда ему было передано губернаторство субдистrikта Раббан-Ланкивейль. Раббан – имя по женской линии.

КАРТОГРАФИЯ АРРАКИСА (ДЮНЫ)

Выдержки Отсчет широты - от меридиана Наблюдательной Горы.

Отсчет высоты - от среднего уровня Великого Бледа (Пустыни).

Полярная Впадина - 500 м ниже уровня Бледа.

Карфаг - город ок. 200 км к северо-востоку от Арракина.

Великий Блед (от арабск. «бияд» - «страна») - открытая плоскорельефная пустыня (в отличие от эргов - дюнных районов). Раскинулась от 60° с.ш. до 70° ю.ш. Состоит в основном из песчаных и скальных районов. Встречаются участки поднятого и обнаженного скального основания.

Великая Равнина - обширная впадина (скальные породы), постепенно сливающаяся с районами эргов. Около 100 м выше уровня Бледа. Именно на Великой Равнине находится Соляная Котловина, открытая Пардотом Кинесом (отцом Лиет-Кинеса). Встречаются скальные участки, поднятые на высоту до 200 м (южнее сиетча Табра - между ним и обозначенными на карте сиетчами).

Перевал Харг - известен стоящей над ним Усыпальницей Головы Лето (под курганом в высеченной в скале раке сохраняется череп отца Муад'Диба, герцога Лето).

Старое Ущелье, или Старый Разлом - ущелье в Арракийской Барьерной Стене (до 2240 м, взорвано Паулем Муад'Дибом при штурме Арракина).

Южные. Пальмовые Рощи - на этой карте не указаны (ок. 40° ю.ш.).

Красный Провал - 1582 м ниже уровня Бледа.

Ветровой Перевал - проход в скалах, открывающийся в район впадинных деревень.

Венцовая Стена - гребень Барьерной Стены, ее второй ярус.

Граница Червя - условная линия, ограничивающая с севера ареал обитания песчаного червя (соединяет самые северные точки, где наблюдался песчаный червь). Сдерживающим фактором является не температура, а влажность.

ТЕРМИНЫ ВРЕМЕН ИМПЕРИИ

Изучая Империю, Арракис и всю культуру, породившую Муад'Диба, часто приходится сталкиваться с незнакомыми словами. Приведенные в настоящем глоссарии слова и их значения должны служить лучшему пониманию соответствующих текстов.

(Показана также вероятная этимология некоторых слов. Так, многие фрименские слова происходят из юеменского и сирийского диалектов арабского языка, некоторые термины, относящиеся к императорскому двору и Корпусу Сардаукаров, имеют персидское происхождение, и т. д. – Примеч. пер.)

АБА – свободное одеяние, носившееся фрименскими женщинами; чаще всего, черного цвета.

АДАБ (арабск. «обычай») – важное, требующее действия воспоминание, которое приходит к человеку само собой, независимо от его воли.

АКАРСО – растение с планеты Сикан (70 Змееносца А) с почти прямоугольными листьями, зеленые и белые полосы на которых состоят из активных и дормантных («отдыхающих») хлорофилловых клеток.

АКЛЬ (арабск. «разум») – испытание разума. В первоначальном значении – «Семь мистических вопросов», из которых первый: «Кто есть сей думающий?»

АЛАМ АЛЬ-МИТХАЛЬ – мистический мир притч, где не действуют никакие физические ограничения.

АЛ-ЛАТ – Первое Солнце, Солнце родины человечества; часто – светило вообще, солнце любой планеты («высокий» термин).

«**АМПОЛИРОС**» – «Летучий Голландец» космических легенд, странствующий звездолет без экипажа или с мертвым экипажем.

АМТАЛЬ, ПРАВИЛО АМТАЛЬ – обычное правило примитивных миров, согласно которому что-либо испытывается для выяснения пределов возможности, прочности или для выяснения скрытых дефектов. В обычном употреблении: испытание на разрушение.

АРБИТР СМЕНЫ – чиновник, назначаемый Высшим Советом Ландсраада и Императором для наблюдения за переходом феода из рук в руки, переговорами в вендетте канли или ходом войны убийц (особенно формальных сражений), в каковых случаях А.С. выступает и в роли, аналогичной роли арбитра в спорте или посредника в военных учениях, причем его решения могут быть оспорены лишь перед Высшим Советом и в присутствии Императора.

АРРАКИН – первое поселение на Арракисе, длительное время – административная столица планеты, местонахождение правительства. Во время правления Дома Атрейдес – место официальной резиденции правителя.

АРРАКИС (этимология неясна, вероятные значения, в зависимости от написания и произношения первоначального слова: «опрокидывающий», «разрисованный, расписанной, покрытый разводами», «остановка на пути, место стоянки», «пот(ный)», «ревущий, гремящий, шумный», «обгладывающий кости» и др. (арабск.). Как может видеть читатель, каждое из значений так или иначе может быть объяснено историей или физическими свойствами и климатом планеты) – планета, иначе известная как Дюна; третья планета системы Канопуса (а (Альфа) Киля).

АРЫК (туркск.) – открытый канал для ирригации в пустыне.

АСАССИНЫ – букв., «убийцы». Слово происходит от названия бойцов средневековой (909 – 1171, Сев. Иран, династия Фатимидов) мусульманской секты исмаилитов: эти бойцы, фидаи (фидайины), были прозваны европейцами «хашшины» (от «хашиш» – «гашиш»). Они потребляли большое количество опиума и подвергались специальной психологической обработке, благодаря чему становились абсолютно послушны и беспощадны и были готовы на все ради веры и наставника. Фидаев обучали фехтованию, джигитовке, стрельбе, маскировке, шпионажу, скрытному проникновению во вражеский лагерь, составлению ядов и т.п. Услугами фидаев часто пользовались крестоносцы в войне против немусульман:

Слово «асассин» в английском, французском и др. языках означает прежде всего наемного или действующего по политическим мотивам убийцу. В период Империи – специалисты-убийцы, обычно на службе правящих Домов.

АУЛИЯ (арабск. «первая») – в религии Странников Дзенсунни женщина ошую Господа; служанка Всеышнего.

АУМАС, в ряде диалектов ЧАУМАС – яд, добавленный в твердую пищу, в отличие от яда, примененного любым иным способом.

АШ! – «Налево», команда рулевого на песчаном черве.

АЯТ (арабск. «аят» – стих Корана) – знаки жизни. См. также БУРХАН.

БАККА (арабск. «плачуущая») – во фрименской легенде, плакальщица о всем роде людском.

БАКЛАВА (арабск.) – тяжелое, сътное лакомство с финиковым сиропом.

БАЛИСЕТ – девянострунnyй щипковый музыкальный инструмент, потомок цитры, настраивается по нотной гамме Чусук. Излюбленный инструмент трубадуров Империи. Наиболее известны балисеты чусукского мастера Вороты.

БАРАБАННЫЕ ПЕСКИ – участки уплотненного песка, где наблюдается своеобразный эффект: удар по поверхности такого песка (в т.ч. шаги, даже осторожные) отзываются звуком, напоминающим барабанный звук.

БАРАДАЙ-ПИСТОЛЕТ, КРАСКОМЕТ (от англ. «bar» –«полоса» и «dye» – «краска») – распылитель сухого красящего порошка, заряженного статическим электричеством, разработанный на Арракисе для напыления больших цветных меток на песке.

БАРАКА (арабск. «благодать») – живой святой человек, обладающий магическими способностями.

БАРЬЕРНАЯ СТЕНА – горная цепь в северных районах Арракиса, защищающая сравнительно небольшой регион планеты от самых сильных воздействий кориолисовых бурь.

БАШАР, ПОЛКОВНИК-БАШАР – офицерский чин у сардаукаров несколько выше полковника в стандартной воинской классификации. Этот чин введен для должности управителя планетного субдистрикта. КОРПУСНОЙ БАШАР – звание, употребляемое исключительно в войсках сардаукаров.

БЕДУИНЫ – см. ИХВАН БЕДУИН.

БЕЛА ТЕЙГЁЙЗЕ – пятая планета системы Квентсинга, место третьей остановки принудительной миграции дзен-суннитов.

БЕНЕ ГЕССЕРИТ – древняя школа тренировки тела и разума, созданная изначально женщинами, поле того как Великий Джихад, или Джихад Слуг, уничтожил т. н. «мыслящие машины» и роботов.

БИ-ЛА КАЙФА – «Аминь», (букв. «Более сего объяснять не нужно»).

БИНДУ – относящийся к нервной системе человека, прежде всего к ее тренировке (см. также ПРАНА).

БИНДУ-ОСТАНОВКА – особая форма вызванной усилием воли каталепсии.

БЛЕД (арабск. «биляд» – «страна») – равнина, открытая пустыня. Средний уровень Великого Б. (см. примечание к карте) является точкой отсчета высот и глубин на Арракисе.

БОЕВОЙ ЯЗЫК – любой специальный язык с ограниченным словарным составом, разработанный для простого, отчетливого общения в бою. Обычно каждый правящий Дом имел свой Б.Я. Наиболее известный Б.Я. – чакобса.

БРАЧНЫЙ ИНДЕКС (зд. «индекс» в значении «список», ср. «Индекс запрещенных книг») – записи программы спаривания людей – евгенической программы Бене Гессерит, нацеленной- на создание Квисатц Хадераха:

БУРКА (арабск.) – род плаща, изолирующая накидка, которую фримены носят поверх дистикомба в открытой пустыне.

БУРСЕГ – боевой генерал у сардаукаров.

БУРХАН (арабск. «объяснение», «доказательство») – «Доказательства жизни». Обычное выражение: «Аят и бур-хан жизни». См. также АВТ.

БХОТАВИ ДЖИБ – см. ЧАКОБСА.

ВАЛИ (арабск. – «подросток», «юноша», «парень») – необученный фрименский подросток.

ВАЛЛАХ IX – девятая планета системы Лаожень, центр Материнской Школы Бене Гессерит.

ВАРОТА – знаменитый изготовитель балисетов, живший на планете Чусук.

ВЕЕРОЛ – металлический композит, получаемый выращиванием кристаллов ясмия в дуралюмине. Отличается огромной прочностью на растяжение относительно его веса. Название происходит от обычного употребления В. в складных, открывающихся по принципу веера конструкциях.

ВЕЛИКАЯ КОНВЕНЦИЯ, ВЕЛИКИЙ ДОГОВОР – вселенский договор, принятый в результате установления баланса сил между Гильдией Космогации, Великими Домами и Империей. Главный закон В.К. – неприменение ядерного оружия против людей. Каждый из законов, составляющих В.К., открывается формулой «Сие да будет соблюдаться».

ВЕЛИКАЯ МАТЬ – увенчанная рогами богиня, женская первооснова мироздания (обычно «Мать-Космос»), женская составляющая великой троицы – мужского, женского и нейтрального начал, воспринимаемой как Высшее Существо многими религиями Империи. Возможно, образ В.М. восходит к Иштар (Астарте) земных мифологий.

ВЕЛИКИЙ ДЖИХАД, ВЕЛИКОЕ ВОССТАНИЕ – см. ДЖИХАД СЛУГ.

ВЕНЦОВАЯ СТЕНА – вторая (верхняя) «ступень» Барьера Стены.

ВЕРИТЕ (от лат. «veritas» – «истина») – один из наркотиков экзасского происхождения. Лишает воли и способности лгать.

ВЕТРОВАЯ ЛОВУШКА – устройство, ориентируемое по преобладающим ветрам и способное собирать влагу из проходящего через нее воздуха, обычно путем резкого понижения температуры в В.Л.

ВЛАГОСБОРНИКИ (не путать со влагосборщиками) – яйцевидной формы предметы около 4 см по большой оси; изготовленные из хромопластика, молочно-белого цвета на свету и прозрачные в темноте; в результате они нагреваются на свету слабее и быстрее остывают в темноте, не задерживая тепловые лучи, и постоянно холоднее окружающей среды, благодаря чему на них скапливается утренняя роса. Влагосборниками заполняют углубления в почве, что дает

небольшой, но надежный источник воды. Ими также обкладывают высаживаемые в пустыне растения.

ВЛАГОСБОРЩИКИ (не путать со влагосборниками) – на Арракисе рабочие, собирающие утреннюю росу с растений при помощи росника – напоминающего серп инструмента.

«ВЛАЖНИК – на Арракисе источник, где влага просачивается сквозь почву на поверхность или достаточно близко к поверхности.

ВОЕННЫЙ ТРАНСПОРТ – любое судно Гильдии Космогации, приспособленное для межпланетной перевозки Войск.

ВОДА ЖИЗНИ – «яд откровения» (см. ПРЕПОДОБНАЯ МАТЬ). Представляет собой жидкое выделение песчаного червя (см. ШАИ-ХУЛУД) во время гибели последнего в воде, каковое вещество проходит превращение в организме Преподобной Матери (превращенная ею порция вещества служит катализатором для всей его массы), после чего В.Ж. используется в тау-оргии (см. ТАУ) сиетча. Наркотик группы ментафорсеров. Фримены также называют В.Ж. «кан».

ВОДНАЯ ДИСЦИПЛИНА – суровое воспитание, приучающее жителей Арракиса тратить как можно меньше влаги.

ВОДЯНОЙ КАРМАН – емкость в виде кармана в дистикомбе для сбора очищенной влаги.

ВОДЯНЫЕ КОЛЬЦА, ВОДЯНЫЕ МЕРКИ – металлические кольца различного размера, каждое из которых обозначает определенное количество воды, которое фримен может получить из водяных запасов сиетча. Такие кольца имеют огромное значение во фрименской культуре (далеко выходящее за рамки только своеобразных денег), в частности, в ритуалах, сопровождающих рождение, смерть, ухаживание, свадьбу и пр.

ВОЙНА УБИЙЦ, ВОЙНА АСАССИНОВ – форма ограниченных военных и диверсионных действий, разрешенная законами Великой Конвенции и Гильдийского Мира. Цель установления правил В.У. – уменьшение вероятности того, что пострадают не замешанные в конфликт. Закон требует формального извещения о своих намерениях и ограничивает средства и способы борьбы.

ВОЛЬНЫЕ ТОРГОВЦЫ – идиоматическое название контрабандистов.

ВПАДИНА – населенная низина на Арракисе, окруженная повышением грунта, что защищает население от песчаных бурь.

ВТОРАЯ ЛУНА – меньший из двух спутников Арракиса, пятна на поверхности которого напоминают

изображение муад'иба.

ВХОДНОЙ КЛАПАН – герметический полог, используемый фрименами для сохранения влаги во временных (дневных) стоянках. Часто устроен по принципу сфинктера (кольцевой мышцы).

ВЫСШИЙ СОВЕТ – внутренняя палата Ландсраада, облеченный полномочиями арбитража в спорах Великих Домов.

ВЫХОД ПРЕДУСМОТРИТЕЛЬНОСТИ, БАРЬЕР ПРЕДУСМОТРИТЕЛЬНОСТИ – также употребляются (в разговорной речи) термины «ПРЕД-ДВЕРЬ», «ПРЕД-БАРЬЕР» – пенташит, установленный на входе в помещение и отрегулированный так, чтобы в случае преследования пропускать лишь «своих».

ГАЛАКТ – официальный язык Империи англо-славянского происхождения с большим количеством терминов, связанных со специализацией различных культур и усвоенных за время длительных миграций человечества.

ГАМОНТ – третья планета системы Нюше, знаменитая своей гедонистической, культурой и экзотическими сексуальными обычаями.

ГАР (амер. «небольшая столовая гора») – крутой холм на равнине.

ГАФЛА (арабск. «беспечность, глупость», «невнимательность», «безразличие») – подверженность навязчивому смятению; изменчивый человек, которому нельзя доверять.

ГЕЙРАТ! – «Вперед!», команда рулевого на песчаном черве.

ГИЛЬДИЯ КОСМОГАЦИИ – одна из опор политического «треножника», поддерживающего Великий Договор. Гильдия была второй школой ментально-физического тренинга (см. БЕНЕ ГЕССЕРИТ) после Джихада Слуг. Установление монополии Гильдии на космические перевозки и межпланетное банковское дело стало точкой отсчета календаря Империи: даты до этого момента обозначаются как «Б.Г.» – «Без Гильдии» (аналогично нашему «до Р.Х.» или «до н.э.»). Летоисчисление после этой даты ведется без пометки, либо иногда с пометкой «Г.М.» (такой-то год Гильдийского Мира).

ГИНАЦ, ДОМ ГИНАЦ – когда-то союзники Дома Атрейдес, впоследствии потерпевшие поражение в Войне Убийц с Грумманом.

ГЛАЗА ИБАДА (арабск. «ибад» – «культ», «поклонение») – характерный признак употребления большого количества меланжи. Белки, радужные оболочки и даже зрачки глаз приобретают интенсивный темно-синий цвет.

ГОЛОС – выработанное особыми тренировками владение интонациями и прочими характеристиками речи, позволяющее овладевшему этим искусством управлять другими людьми род суггестивной техники.

ГОМ ДЖАББАР (возм., арабск. «сом» – «яд» + «джаббар» – «могучий», «сильный», «тиран», «жестокий») – «враг высокомерных», специальная игла с каплей яда на острие, применяемая обычно в испытании на осознание себя человеком /альтернативой в испытании является смерть),

ГРАБЕН – продолговатая, часто весьма длинная впадина геологического происхождения, образуется в результате подвижки пластов. На Арракисе Г., укрывающие от бурь, – места расположения поселений.

ГРИДЕКС (англ. grid» – «решетка», «грохот») – электросепаратор для отделения песка от меланжевой массы, устройство второй стадии очистки в добыче Пряности.

ГРУЗОБОМБА – общий термин для любого грузового контейнера неправильной (неаэродинамической) формы, снабженного теплозащитными экранами и силовой амортизационно-посадочной системой, предназначенного для сброса грузов на поверхность планеты из космоса.

ГРУЗОЛЕТ – большой орнитоптер типа «летающее крыло» (в разговорной речи часто просто «крыло»), предназначенный (в добыче Пряности) для транспортировки тяжелого охотничье, добывающего и обогатительного оборудования.

ГРУММАН – вторая планета системы Нюше, известная в основном войной ее правящего Дома (Дом Моритани) с Домом Гинац.

ГХАНИМА (арабск. «трофей») – трофей битвы или поединка; обычно – нечто, хранимое на память о бое (причем чаще всего не используемое по первоначальному назначению).

ГХОЛА (от англ. «вампир», «нежить-людоед», «живой мертвец») – искусственно созданное тело, наделенное чертами характера, памятью и проч. определенного человека. Обычно воссоздается

(клонируется) по клеткам тела этого человека, часто покойного. Производство Г. сконцентрировано в руках тлейлаксу (см. ТЛЕЙЛАКС).

ДАКТИ-ЗАМОК (от греч. «дактиль» – палец) – дактилоскопический замок, открывающийся и закрывающийся от прикосновения ладони, на которую настроено запоминающее устройство.

ДАР АЛЬ-ХИКМАН (арабск. «дом мудрости») – школа религиозного перевода или толкований и комментариев.

ДЕРШ! – «Направо!», команда рулевого на песчаном черве.

ДЖЁДИ ПРИМ (Джеди I) – планета Змееносца Б (36), родовая планета Дома Харконнен. Мир средней плодородности и комфорtnости с низким уровнем фотосинтеза у растений.

ДЖИХАД (арабск. «священная война») – религиозная война, война за веру.

ДЖИХАД СЛУГ, ВЕЛИКИЙ ДЖИХАД, ВЕЛИКОЕ ВОССТАНИЕ – «крестовый поход» против компьютеров, мыслящих машин и наделенных разумом роботов, начавшийся в 201 г. Б.Г. и закончившийся в 108 г. Б.Г. Главное требование и девиз Д.С. сохранились в Экуменической Библии в виде заповеди: «Да не построишь машины, наделенной подобием разума людского».

ДЖУББА (арабск., вид длинной стеганой верхней одежды с широкими рукавами) – универсальный плащ-накидка, способный отражать или поглощать тепловое излучение (в зависимости от того, какой стороной наружу носится). Его можно также использовать как палатку-укрытие или гамак. На Арракисе повсеместно носится поверх дистикомба.

ДЖУДИХАР, иногда «Гюдичар» – «Святая (священная) правда». Обычно встречается в выражении «Джудихар мантене» – «изначальная правда, на которую опирается вера», «святая истина в основе веры».

ДЗЕНСУННИТЫ – последователи схизматической {раскольнической} секты, отколовшейся от учения Мао-мета (т. н. «Третьего Мохаммада (Магомета)». Раскол относят приблизительно к 1381 г. Б.Г. Дзенсуннизм известен тем, что уделяет особое внимание мистической практике и «возвращению на путь отцов». Вождем раскола принято считать Али бен Ошади, но, по некоторым данным, бен Ошади, возможно, лишь высказывал идеи своей второй жены, Нисай, служа ей как бы рупором.

ДИКТУМ ФАМИЛИА (лат. «установление о родах») – один из законов Великой Конвенции, запрещающий убийство особ императорского рода и членов Великих Домов, используя неофициальную измену и диверсии без соблюдения формальностей канли. Иначе говоря, Д.Ф. устанавливает основные правила и ограничения на средства убийства.

ДИСТИКОМБ («дистиллирующий комбинезон») – практически полностью закрывающий тело костюм, разработанный на Арракисе. Его ткань представляет собой многослойный «микросандвич», выполняющий функции рассеивания тепла и фильтрования выделений тела. Влага собирается в «водяных карманах», откуда ее можно пить через специальные трубки. ..

ДИСТИТЕНТ – небольшая плотно закрывающаяся палатка из ткани со множеством микрослоев, собирающая испаряющуюся и-выдыхаемую влагу и конденсирующая ее в питьевую воду.

ДИСТРАНС (вероятно, от англ. «distance transmission» или «translation») – устройство для наложения временного нейроимпринта на нервную систему ручных птиц или рукокрылых («сейлаго»). Крик сейлага модулируется импринтом так, что несет заданное сообщение, которое может быть затем расшифровано адресатом при помощи другого дистранса. Служит для связи в Пустыне (и зачастую более эффективен, чем радиосвязь, вследствие высокого уровня статических помех на Арракисе).

ДОЛГ ВОДЫ – «долг жизни и смерти» (фрименск.). Сказать «Между нами – долг воды» означает «я – твой должник до смерти».

ДОМ, ВЕЛИКИЙ ДОМ – название правящего клана планеты или планетной системы:

а) Младшие Дома – кланы правителей или предпринимателей внутрипланетного масштаба.

б) Старшие Дома – держатели планетных феодов (лен планетного размера и более); межпланетные предприниматели.

ДРУЗЫ – так называли себя иногда фримены. Исторически – приверженцы одной из шиитских общин, в XX веке проживающие главным образом в горных областях Ливана, Сирии и Израиля. Верят в Единого Бога, много раз являвшегося в человеческом облике. Каждое воплощение Бога, по верованиям Д., сопровождалось появлением – также в человеческом облике – и совершеннейшего

его творения, Мирового Разума. В человеческий облик могут воплощаться и другие божественные эманации (душа, слово). Д. верят в переселение душ. Название общины происходит от имени исмаилитского миссионера (дай) Дарзи, находившегося на службе аль-Хакима, исмаилитского халифа в Египте, и выдвинувшего тезис о божественности последнего. Доктрина Д. разработана в XI веке Хамзой – «последним воплощением Мирового Разума». Учение – эзотерическое и известно лишь части общины, «уккаль» («Разумным»), прочие же – «джуккаль» («Непосвященные»). Высшие религиозные авторитеты – «аджавид» (Совершенные). В храм («хальва») допускаются только аджавид и уккаль.

Стилгар называет фрименов «Д», намекая тем самым и на то, чем стали впоследствии для них Пауль (и Джессика): воплощением Мирового Разума и в то же время – обожествляемыми правителями.

ДЮНА – 1) см. АРРАКИС; 2) Бархан, подвижный песчаный холм.

ДЮНМАСТЕР – управляющий работами на добыче меланжи.

ИБАД – см. ГЛАЗА ИБАДА.

ИБН КИРТАИБА (видимо, происходит от имени собственного; возможно также происхождение от искаженного арабск. «китаб» – «инга») – «Так сказано...». Формальное начало фрименских молитв, происходит от обрядов Паноплиа Профетикус.

ИДЖАЗ (арабск. «краткость», «лаконичность») – пророчество, которое по определению не может быть отвергнуто или опровергнуто; непреложное предсказание.

ЙККУТ-ЭЙ! – крик продавца воды на Арракисе (этимология не установлена). См. также СУ-СУ

СУУК.

ИКС – см. РИЧЕЗА.

ИЛМ (арабск. «наука», «знание») – теология, наука в религиозной традиции; один из полулегендарных источников дзенсуннизма (см. ДЗЕНСУННИТЬГ).

ИМПЕРСКОЕ КОНДИЦИОНИРОВАНИЕ – разработанная медицинскими школами Сукк система рефлексов, абсолютно воспрещающая любое посягательство на жизнь человека. Подвергшиеся И. К. выпускники Школы Сукк отмечены черной ромбовидной татуировкой на лбу и носят длинные волосы, подхваченные серебряным кольцом Школы Сукк

ИСТИСЛА (арабск. «стремление к улучшению, усовершенствованию»; «реформа, улучшение») – «стремление ко всеобщему благоденству»; обычно слово употребляется перед упоминанием о «суроей необходимости».

ИХВАН БЕДУИН (арабск. «эхван» – «братьство» + «бедуин») – братство всех фрименов Арракиса.

ЙА! ЙАУМ! – фрименское восклицание (или хоровой распев) во время важных ритуалов, событий особого ритуального значения. «Йа» можно перевести как «Ныне внимайте!», «йаум» – то же самое, но с усиленным оттенком, придающим дополнительное значение срочности и важности. В целом выражение обычно переводится как «Ныне внимайте, внимайте все!».

ЙАЛИЙ – личное жилище фримена в сиетче.

ЙА ХЬЯ ЧАУХАДА! (искаж. арабск. «яхъя шухада» – «слава павшим за правое дело») – «Слава воинам!», «Слава героям!». Боевой клич федайкинов. «Йа!» – «сейчас, ныне» – усиливается «хъя» («всегда»); вместе получается выражение, соответствующее формуле «ныне, и присно, и во веки веков». «Чаухада» – «бойцы, борцы, воины, герои» – имеет дополнительное значение «бойцы за правое дело», точнее – «бойцы против несправедливости, зла», именно не «за» что-то, а против чего-то дурного, неправедного.

КАЙД (арабск. «вождь», «военачальник», «лидер») – чин у сардаукаров для старшего офицера по связям с гражданским населением; также для военного управителя целого планетного дистрикта. Выше ранга башара, но ниже бурсега.

КАЛАДАН (перс. «кала» – искусство, красота + «дан» – место, вместилище, сосуд) – третья планета Д. Павлина; родная планета Пауля Атрейдеса (Муад'Диба).

КАН – см. ВОДА ЖИЗНИ,

КАНЛИ – официально объявленная война родов или вендетта в соответствии с законами Великой Конвенции и ведущаяся согласно их строгим ограничениям методов и средств. Первоначально правила К. были введены для защиты не замешанных в такие- распри и войны.

КАНТО и РЕСПОНДУ (лат. «пою» и «отвечало») – обряд взывания к Богу, часть суеверной обрядности, так называемой Паноплии Профетикус, внедряемой Миссионарией Протектива.

КАПРОК (от лат. «caprus» – «козел») – пустынный козел(.

КАРАМА (арабск. «чудо») – чудо, событие или действие, вызванные вмешательством потусторонних сил.

КАРТА УКРЫТИЙ – карта поверхности Арракиса, размеченная в соответствии с наиболее надежными маршрутами между укрытиями для паракомпасов.

КАРФАГ – город на Арракисе, при Харконненах – административный центр планеты.

КАТЕТЕРЫ – здесь: трубы, соединяющие выделительную систему человека с очистными системами дистикомба.

КВИЗАРА ТАФВИД (арабск. «тафвид» – «полномочия», «представительство») – фрименские священнослужители, (после Муад'Диба).

КВИСАТЦ ХАДЕРАХ – (иврит: «китцур хадерекх», «сокращение пути») – так Бене Гессерит называли Неведомого, которого они хотели получить при помощи генетики и евгеники – Бене Гессерит мужского пола, чьи природные ментальные способности позволили бы ему объять пространство и время (иначе говоря, иметь доступ к генетической памяти всех предков по мужской и женской линиям и обладать даром предвидения и др. экстрасенсорными способностями).

КИНЖАЛ (русск., в свою очередь происходит от арабск. «ханджар») – боевой нож со слегка изогнутым клинком ок. 20 см длиной.

КИРТАИБА – см. ИБН КИРТАИБА.

КЙСВА (арабск. «одеяние»; «священное покрывало, одеваемое на Каабу (главную святыню ислама) – изображение, фигура, узор, связанные со фрименской мифологией.

КИТАБ АЛЬ-ИБАР (арабск. «книга объяснений») – созданная фрименами Арракиса книга, сочетающая в себе религиозный катехизис и пособие по выживанию.

КНИГОФИЛЬМ – запись на шигакорде, используемая в обучении и хранении информации (мнемоимпульсная запись).

КОМБАЙН-ПОДБОРЩИК – большая (около 120 x 40 м) машина для сбора меланжи, обычно применяемая на больших и незагрязненных выбросах меланжевой массы. Также часто называется просто «краулер». Имеет корпус, напоминающий по форме жука, на независимых гусеничных шасси.

КООАМ – акроним для «Комбайн бннет обер Адван-сер Меркантайлс» – «Картель негоциантов и перевозчиков товаров», галактической корпорации под контролем Императора и Великих Домов. Гильдия Космогации Бене Гессерит состоят в КООАМ как партнеры без права голоса.

КОРИОЛИСОВА БУРЯ – любая крупная песчаная буря на Арракисе, когда скорость ветра на открытых пустынных равнинах увеличивается за счет вращения планеты, причем результирующая скорость может достигать 700 км/ч.

КОРРИН, БИТВА ЗА – крупное космическое сражение, от которого происходит имя Дома Коррино. Произошло у 8 (Сигмы) Дракона в 88 г. Б.Г. Результатом битвы стало установление правящей династии (Дом Коррино), происходящей с планеты Салуса Секундус.

КОТЛОВИНА – см. ЧАША.

КРАСКОМЕТ – см. БАРАДАЙ-ПИСТОЛЕТ.

КРАУЛЕР (от англ. «гусеница» (механ.) «гусеничная машина») – общее название машин, предназначенных для передвижения в арракийских пустынях. См. также КОМБАЙН-ПОДБОРЩИК.

КРАШЁР (от англ. «to crush» – «давить», «подавлять») – боевой космодесантный корабль, состоящий из множества меньших, состыкованных вместе и предназначенный в том числе для того, чтобы буквально давить неприятеля, быстро опускаясь на него.

КРИМСКЕЛЛ, КРИМСКЕЛЛОВОЕ ВОЛОКНО – волокно лианы хуфуф с Эказа. Узлы на веревке из К. затягиваются все туже и туже при попытке растянуть их (подробнее см.: Хдльянс Вонбрук, «Лианы-душители на Эказе»).

КРИС – священный нож арракийских фрименов. Изготавливается из зуба мертвого песчаного червя, в

двух видах – фиксированном и нефиксированном. «Нефиксированный» К. должен храниться в непосредственной близости от человеческого тела, в его биоэлектрическом поле, чтобы предотвратить распад клинка. «Фиксированные» ножи подвергаются особой обработке для их хранения. Длина клинка – около 20 см.

КРЮКИ, КРЮКИ ПОДАТЕЛЯ – большие крюки на длинной (раскладной) рукояти, используемые для того, чтобы взбираться на песчаного червя и управлять им.

КРЮКОВОЙ – фримен с крюками Подателя, готовящийся первым вскочить на песчаного червя, обычно он же – рулевой.

КРЫЛО – см. ГРУЗОЛЕТ.

КУЗЭН (не путать с «кузен») – родственник дальне двоюродного.

КУЛОН (искаж. «кулан») – дикий осел с Терры, приспособленный для условий Арракиса.

КУЛ ВАХАД! (арабск. «единое целое») – «Я поражен!», восклицание глубокого, искреннего изумления, обычное в империи. Точный перевод зависит от контекста. (Так, говорят, что Муад'Диб однажды, наблюдая, как птенец пустынного ястреба вылупляется из яйца, прошептал: «Кул вахад!...»)

ХАЛА! (арабск. «пустой, порожний») – традиционное восклицание-заклинание, долженствующее успокоить злых духов упомянутого «дурного» места или вызванных неосторожным словом или действием.

ЛАНДСРААД (голландск. «совет земель») – верховный орган законодательной власти Империи, представляющий Великие Дома. Возглавляется Высшим Советом Ландсраада.

ЛА, ЛА, ЛА! (арабск. «Нет, нет, нет (уж никогда)!») – фрименское. причитание, горестное восклицание, где «ла» переводится как окончательное отрицание.

ЛЕГИОН, ИМПЕРСКИЙ – 10 бригад (около 30 000 человек).

ЛИВАН (арабск. «лябан» – кисломолочный напиток) – болтушка из юкковой муки в «пряной» (меланжевой) воде. Первоначально, до переселения фрименов на Арракис, – кисломолочный напиток.

ЛИСАН АЛЬ-ГАИБ (арабск. «нездешний язык (как орган, а не как наречие)») – «Глас из Внешнего Мира». В легендах фрименской мессианской традиции – грядущий пророк из другого мира, с другой планеты. Иногда переводится также как «Податель Воды» (ср. МАХДИ).

ЛИТРАК – однолитровый контейнер для транспортировки воды на Арракисе, изготавляемый из прочного плотного пластика.

ЛИЦЕДЕЛ – человек, тренированный так владеть мускулатурой, особенно лицевой, что это позволяет ему сознательным усилием изменять свою внешность, даже имитировать чужое лицо.

ЛУЧЕМЕТ, БОЕВОЙ ЛАЗЕР – непрерывный (неймпульсный) лазер. Применение Л. в качестве оружия ограничивается в условиях широкого использования силовых полей, так как при соприкосновении луча лазера с силовым полем происходит сабатомный взрыв.

ЛУЧЕРЕЗ – варианты лучемета ближнего действия, применяемые в основном как режущий инструмент и хирургический лучевой скальпель.

ЛЮДИ ДЮН, МЕЛАНЖЕРЫ – идиома для обозначения работающих в. открытой Пустыне, на песках: искатели Пряности, добытчики ее и др.

МАЛЕНЬКИЕ ПОДАТЕЛИ, МАЛЕНЬКИЕ, также **ПЕСЧАНАЯ ФОРЕЛЬ** – полурастения-полуживотные, населяющие глубинные песчаные слои, зародыши песчаного червя. Экскременты М.П. образуют премеланжевую массу.

МАНОК – 1) короткий (около 1 м) кол с закрепленной на верхнем конце заводной пружинной трещоткой, издающей ритмический стук. Нижний конец М. заострен. М. устанавливается в песках для призыва песчаного червя. 2) мера расстояния, равная средней дальности поездки на песчаном черве до необходимости его замены (а следовательно, и необходимости подманить свежего червя).

МАНТЕНЁ – лежащая в основе мудрость, опорный аргумент, первооснова (см. также ДЖУДИХАР МАНТЕНЁ).

МАСЛЯНЫЕ ЛИНЗЫ – масло из хуфуфа (см. КРИМ-СКЕЛЛ), удерживаемое инкапсулирующим («окукливающим») силовым полем внутри оптических приборов как их часть. Поскольку каждая

М.Л. может подстраиваться индивидуально, с точностью до микрона, М.Л. считаются самыми совершенными из приспособлений, регулирующих световые лучи.

МАСС-ДЕТЕКТОР, иногда также ДЕТЕКТОР ДАЛЬНОСТИ – устройство для обнаружения компактных масс и аномалий массы (например, техники или скрытых пустот).

МАУЛА (арабск. «мауля» – «господин», «государь» и... «вольноотпущенник») – раб.

МАУЛЁТ, МАУЛА-ПИСТОЛЕТ – пружинный пистолет, стреляющий отравленными иглами. Дальнобойность до 40 м.

МАХДИ (арабск. «пророк», «мессия» (в еретических учениях в исламе) – в легендах фрименской мессианской традиции «Тот, Кто поведет нас в рай».

МАШАД, ТЕСТ-МАШАД (искаж. арабск. «мушадда» – борьба, стычка,ссора) – любое испытание, в котором на карту ставится честь (определенная как духовная репутация)

МЕЛАНЖА (от франц. «тэ1апёе» – смесь) – ПРЯНОСТЬ, Пряность Пряностей, вещество, добываемое исключительно на Арракисе и невоспроизводимое искусственно. М. знаменита своими гериатрическими (предохраняющими от старения) свойствами, вследствие чего называется также гериатрической пряностью.

М. вызывает привыкание, степень которого зависит от дозировки: при приеме более 2 граммов в день на 70 кг массы тела вызывает сильное привыкание. Муад'Диб утверждал, что именно М. он обязан своим пророческим даром. Аналогичные высказывания делали и Гильд-навигаторы (т.е. навигаторы Гильдии Космогации). Цена М. на рынке Империи поднималась до 620 000 соляриев за декаграмм (см, также: ИБАД, ВОДА ЖИЗНИ, ПРЕМЕЛАН-ЖЕВАЯ МАССА, МАЛЕНЬКИЕ ПОДАТЕЛИ).

МЕЛАНЖЕРЫ – см. ЛЮДИ ДЮН.

МЕЛАНЖ-МАШИНИСТ – любой работник меланджедобычи, управляющий подвижной добывающей техникой.

МЕНТАТАТ – человек, тренированный для совершенного владения логикой и вычислительными способностями, «человек-компьютер». Также система подготовки таких людей.

МЕТАСТЕКЛО – стекло, получаемое при высокотемпературной инфузии газов в листы ясмиевого кварца. Обладает чрезвычайной (до 450 000 кг/см² при толщине в 2 см) прочностью на разрыв и свойствами селективного фильтра излучений.

МИНИМИКРОФИЛЬМ – шигакорд диаметром 1 микрон, часто используемый в шпионаже и контршпионаже для записи и передачи сообщений.

МИСР (арабск. «Египет») – историческое самоназвание дзенсуннитов (затем фрименов) – «народ».

МИССИОНАРИЯ ПРОТЕКТИВА (лат, «Охранительная миссия») – часть ордена Бене Гессерит, в задачу которой входит насаждение на примитивных мирах «заразительных суеверий», открывающих эти миры воздействию Бене Гессерит (см. также ПАНОПЛИА ПРОФЕТИКУС).

МИХНА (арабск. «профессия», «избрание профессии») – время испытаний, инициации фрименских юношей, вступающих в число мужчин.

МИШМИШ (арабск. «дикие абрикосы») – абрикосы.

МОНИТОР – десятисекционный космический корабль с мощной броневой и силовой защитой. Конструкция рассчитана на раздельный взлет секций с планеты после посадки.

МУАД'ДИБ (арабск. «воспитанный, образованный, ученый») – адаптировавшаяся к условиям Арракиса кенгуровая мышь (животное, напоминающее тушканчика), во фрименской мифологии связанная с формой пятен на Второй луне Арракиса. Фримены восхищаются М; из-за умения зверька выживать в Пустыне.

МУДИР (арабск.) – начальник, управитель, командир.

МУДИР-НАХЪЯ (арабск. «правитель округа», «губернатор») – фрименское прозвание нескольких лет бывшего сиридаром Арракиса Зверя Раббана (графа Ланкивейльского), кузэна барона Владимира Харконнена. Имя часто переводят как «Правитель-Дьявол».

МУ ЗЕЙН БАЛЛАХ! (арабск., сирийск. диал.: «му зейн» – «плохо», «валла(х)» – «видит Бог!») – «му зейн» означает «плохо», «валлах» – усиленное восклицание. Это традиционное начало фрименского проклятия врага; общее значения выражения – «никчемный, вечно дурной, ни на что

не годный». (Возможно произнесение как «му зейн валла».)

МУСКИЙ, в ряде диалектов МУРКИ или ЧАУМУСКИ – яд в напитке, в отличие от яда, примененного каким-либо иным способом.

МУШТАМАЛЬ (арабск. «завернутый», «укрытый») – садовый дворик или открытая пристройка в саду.

НА -префикс, означающий «названный» или «следующий в ряду». Таким образом, «на-барон» означает «наследник баронства», нечто вроде кронпринца.

НАВОДЧИК – легкий орнитоптер в меланжедобывающей группе, в чьи функции входят разведка, наблюдение и охрана.

НАЕЗДНИК, НАЕЗДНИК ПУСТЫНИ – фрименское название человека, умеющего вскочить на песчаного червя и управлять им (см. ШАИ-ХУЛУД).

НАИБ (арабск. «наместник», «заместитель») – поклявшийся никогда не сдаваться врагу живым: т.е. принесший традиционную клятву фрименского вождя.

НАЛОЖНИЦА – статус женщины, фактически являющейся супругой, но не связанной с мужем официальным браком. В описываемый период это слово не несло уничижительного оттенка и означало вполне обычный вариант супружеских отношений. Допускалось иметь только одну жену; но несколько Н.

НИСВОЙ – искаж. «не свой», в языке галакс – «чужак», «не принадлежащий к группе», «не принадлежащий к избранным».

НОСОВЫЕ ФИЛЬТРЫ – влагоуловители дистикомба для сбора влаги из выдыхаемого воздуха.

НУКЕР (арабск. «стражник») – офицер императорских телохранителей, состоящий в кровном родстве с Императором. Нукерами обычно становились сыновья наложниц Императора.

ОГНЕННЫЙ- СТОЛБ – простая сигнальная ракета, применяемая в пустыне Арракиса (вероятно, название происходит от библейской аллюзии – в книге Исход Бог вел евреев по пустыне, принимая днем облик столпа огня, а ночью – столпа дыма).

ОПАФИР – один из редких драгоценных камней опалиновой группы, добываемой на Хагале.

ОРНИТОПТЕР, в просторечии ТОПТЕР (от греческ. «птичье крыло») – летательный аппарат, создающий подъемную силу за счет работы машущих крыльев.

ОСАДИТЕЛЬ – устройство для сбора атмосферной влаги.

ОСТАТОЧНЫЙ (ЛАТЕНТНЫЙ) ЯД – его изобретение приписывается ментату барона Владимира Харконнена Питеру де Брие. После введения О.Я. необходимо регулярно давать жертве противоядие. Прекращение введения противоядия вызывает смерть.

ОХОТНИК-ИСКАТЕЛЬ – похожее на сегментированную металлическую иглу оружие .на силовой подвеске, управляемое дистанционно со специального пульта. Обычное, разрешенное Великой Конвенцией оружие асассинов в войне убийц.

ПАНОПЛИА .ПРОФЕТИКУС (лат. «Доспехи пророков») – общее название насаждаемых Миссионарией Протектива «заразных предрассудков», имеющих целью использование местных религий в целях Бене Гессерит.

ПАРАКОМГТАС – любой компас, указывающий направление по местным магнитным аномалиям. Используется при наличии соответствующих карт, когда собственное магнитное поле планеты нестабильно или маскируется сильными магнитными бурями.

ПЕЙОНЫ (мексикано-испанск. «пеон») – крестьяне или рабочие, один из основных классов в системе Фафрелах, считаются «находящимися под опекой Империи».

ПЕНТАЩИТ – пятислойное силовое поле, приспособленное для прикрытия небольших участков (напр., двери, прохода и т.п.). Небольших – т.к. с увеличением числа слоев силовые поля большого размера становятся нестабильными. П. непроходим для того, у кого нет диссемблера, настроенного на коды данного щита.

ПЕСКОХОД – см. КРАУЛЕР.

ПЕСЧАНАЯ ФОРЕЛЬ – см. МАЛЕНЬКИЕ ПОДАТЕЛИ.

ПЕСЧАНЫЙ ЧЕРВЬ - см. ШАИ-ХУЛУД.

ПИРАТЫ ПУСТЫНИ - см. ФРИМЕНЫ.

ПЛАСТАЛЬ - сталь, стабилизированная волокнами стравидия, вращенными в ее кристаллическую структуру.

ПЛАТО на Арракисе - большая «столовая гора», приподнятый скальный участок с отвесными стенами.

ПЛАТОК НЕЖОНИ (вероятно, .от русск. «жена») - шарф, который замужние или состоящие в наложницах фрименки надевают на лоб под капюшон дистикомба после рождения сына.

Ш1ЕНИЦЁНТА (искаж. лат. «совершенный аромат») - экзотический зеленый цветок с Эказа, знаменитый сильным сладким запахом.

ПОДАТЕЛЬ - см. ШАИ-ХУЛУД.

ПОДВЕСКА СИЛОВАЯ, ПОДВЕСКА - вторая фаза работы генератора Хольцмана, вызывающая эффект уничтожения гравитационных сил в той степени, какая задана массой удерживаемого объекта и поданной энергией. Также генератор или система генераторов, обеспечивающих данный эффект.

ПОДГОТОВКА - в контексте, относящемся к Бене Гессерит, этот в противном случае обычный термин означает специальную тренировку нервной системы и мускулатуры (см. ПРАНА и БИНДУ), доводящую их до пределов возможного совершенства.

ПОРИТРИН - третья планета системы ? Аланги, которую многие дзенсунниты считают своей прародиной, хотя анализ языка и мифологии показывает, что Странники Дзенсунни появились значительно раньше заселения П.

ПОРТИГЮЛЬ - разновидность апельсина. ПРАВДОВИДИЦА - Преподобная Мать, умеющая, входить в «транс правды» и способная распознавать неискренность и ложь.

ПРАНА, ПРАНА-МУСКУЛАТУРА - мышцы тела, когда их рассматривают как группы в обучении высшему самоконтролю (см. также БИНДУ).

ПРЕДСКАЗАТЕЛИ ПОГОДЫ - люди, умеющие предсказывать погоду, пользуясь «чтением по шестам» или «шествованием песка» и изучением следов ветра в песках и др. примет (на Арракисе).

ПРЕМЕЛАНЖЕВАЯ МАССА - грибковая масса, бурно разрастающаяся при попадании воды в выделения Маленьких Подателей. На этой стадии происходит «взрыв», при котором имеет место обмен вещества поверхности с подпочвенными слоями, в результате чего П.М. выходит на поверхность и под воздействием солнечных лучей и воздуха превращается в меланжу.

ПРЕПОДОБНАЯ МАТЬ - первоначально проктор Бене Гессерит, сумевшая преобразовать в своем организме «яд откровений» (см. также ВОДА ЖИЗНИ), поднявшись таким образом на более высокую ступень сознания. Этот же титул принят фрименами для своих религиозных наставниц, прошедших подобное просветление.

ПРИЛИВНЫЕ ПРОВАЛЫ - крупные впадины на поверхности Арракиса, в течение столетий заполнявшиеся пылью, в которых наблюдаются пыльные приливы,, и где такие приливы были впервые обнаружены и замерены.

ПРОЦЕСС ВЕРБАЛЬ (лат. «устное действие») - полуформальное донесение, обвиняющее в государственной измене. Юридически лежит между неподкрепленным и некатегорическим заявлением и формальным обвинением.

ПРЯНОСТЬ - см. МЕЛАНЖА.

ПУНДИЙ, РИС ПУНДИ (возможно, хидни «пунджи» - капитал, богатство») - мутированный рис с богатыми сахаром зернами, достигающими в длину 4 см. Основной предмет экспорта планеты Каладан..

ПУТЬ БЕНЕ ГЕССЕРИТ - искусство наблюдать мельчайшие детали.

ПЫЛЬНАЯ ЯМА, ПЫЛЬНЫЙ ПРОВАЛ - любая глубокая расщелина или впадина в арракийских пустынях, заполненная мелкой пылью и на вид неотличимая от окружающей поверхности. Смертельно опасны, т.к. человек или животное, попавшие в достаточно глубокую П.Я., провалятся в пыль и задохнутся. Крупные П.Я. называются также ПРИЛИВНЫМИ ПРОВАЛАМИ.

ПЫЛЬНЫЙ (ПЕСЧАНЫЙ) ПРИЛИВ - изменение уровня пыли в крупных пыльных ямах, вызванное

воздействием гравитационных сил солнца и лун.

РАЗЗИЯ (арабск. «бедствие», «беда», «вред») – полуpirатский рейд, налет.

РАМАДАН (арабск.) – с древнейших времен период, отмечаемый постом и молитвой. В, традиции»– девятый месяц лунно-солнечного календаря. Фримены отмечают Р. во время девятого цикла Первой луны (счет ведется по проходу луны через меридиан).

РАШАТ – стимулятор кофеиновой группы, получаемый из желтых ягод акарсо.

РЕМПАКЕТ (не путать с фримпакетом) – набор запасных и сменных частей для ремонта дистикомба.

РИЧЕЗА – четвертая планета Эридана-А., известная наряду с планетой Икс совершенством машинной культуры. Особо славится высокоразвитой миниатюризацией. (О том, как и почему Р. и Икс избежали наиболее тяжелых последствий Джихада Слуг, см.: Сьюмер и Каутман «Последний Джихад».)

РУХ – в верованиях фрименов часть личности, постоянно связанная с метафизическим миром Алом аль-Митхаль и способная воспринимать его.

САДУ (санскрит «садху» – «святой», «подвижник», «отшельник») – судья. Так фримены называют «святых судей». С. приравниваются к святым.

САЙЯДИНА (арабск. «сайяддина» – «охотница») – женщина-священнослужительница (близко к чину дьякона) во фрименской религиозной иерархии.

САЛУСА СЕКУНДУС – третья планета у Вайпинь. Официально считалась каторжной планетой Империи, планетой-тюрьмой (со времен переноса императорского двора на Кайтаин). Именно с С.С. происходит Дом Коррино; С.С. также – вторая остановка на пути странствий дзенсуннитов. Фрименские легенды говорят, что на С.С. Странники Дзенсунни в течение девяти поколений находились в рабстве. Впоследствии выяснилось, что на С.С. проходили подготовку сардаукары.

САРДАУКАРЫ (фарси «воины») – солдаты-фанатики Падишах-Императора. С. воспитывались в настолько тяжелых условиях, что к одиннадцатилетнему возрасту из тринадцати человек умирали шесть. В подготовке С. особое внимание уделялось воспитанию в них беспощадности, жестокости и почти самоубийственного презрения к собственной безопасности. С. с детских лет приучались использовать свою жестокость как оружие, ослабляющее противника страхом. В период их наибольшего усиления в Галактике С. в искусстве фехтования были равны мастерам фехтования Дома Гинац десятой ступени, а в бое на ближней дистанции по ловкости и коварству не уступали адептам Бене Гессерит. Любой из С. стоил как минимум десятка солдат войск Ландсраада. Ко времени Шаддама IV С. были

все еще очень сильны и внушали всеобщий страх, но их мощь была подорвана чрезмерной самоуверенностью, а мистическая основа их боевой религии – цинизмом.

САРФА (арабск. «отклонять», «не обращать внимания») – акт отхода, отвращения от Бога.

САФО – высококалорийный и стимулирующий напиток, получаемый из корней барьера дерева с Эказа. Повсеместно употребляется ментатами, утверждающими, что С. повышает их ментальные силы. Употребляющие С. отмечены темно-красными пятнами на губах и слизистой оболочке рта.

СБОР (не путать со СХОДОМ) у фрименов – собрание для принятия решений, затрагивающих все племена.

СВЕТИЛЬНИКИ – большая часть осветительных приборов описываемого периода представляла собой «световые шары», шаровидные осветители на силовой подвеске со внутренним питанием (чаще всего – органическими батареями).

СЕЙЛАГО – любой вид рукокрылых, модифицированный на Арракисе и приспособленный для передачи дистранс-сообщений.

СЕЛАМЛИК (турецк. «мужская часть дома, где принимают гостей») – Зал аудиенций Императорского дворца.

СЕМУТА – вторая производная (получается кристаллизационной экстракцией) пережженного осадка настоя элаккового дерева, наркотик. Эффект воздействия С. (описывается как длительное экстатическое состояние) инициируется комбинацией атональных звуков, называемых обычно «семутной музыкой».

СЕРВОК (вероятно, от лат. «8егал8» – «слуга») – простой программируемый механизм для несложных работ, часто без какой-либо электроники (типа часовых механизмов). Одно из немногих

«автоматических» устройств, дозволенных после Джихада Слуг.

СИЁТЧ (вероятно, от русско-укр. «сечь», «сичь») – «Место сбора во время опасности» (фрименск.). Вследствии того, что фримены долго жили в постоянном состоянии опасности термин «С.» стал обозначать вообще любое пещерное поселение, населенное одной из племенных общин.

СИРАТ (арабск. «путь» (обычно в религ. знач.) – отрывок Экуменической Библии, описывающий жизнь человека как переход по узкому мосту («С.»), когда «Одесную меня рай, ошую меня ад, и Ангел Смерти идет по стопам моим».

СИРИДАР (фарси «правитель») – правитель планеты по ленному праву.

СИХАЙЯ (от арабск. «сахайя» – «щедрость» или «сахия» – «чистая, ясная») – весна в Пустыне (фрименск.)/ В религиозной традиции фрименов это слово обозначает «время плодородия», а также «грядущий рай».

СЛИПТИП (англ. букв. «скользящее, плавно движущееся острие») – любое оружие с относительно коротким тонким клинком (часто отравленным) для левой руки в двуручном фехтовании с силовым щитом.

СОЛИДО (вероятно, от англ. «solid» – «твёрдый, плотный») – трехмерное изображение, получаемое с помощью солидопроектора, действие которого основано на воспроизведении сигналов, отраженных от объекта на все 360° и записанных на ролик шигакорда. Лучшими солидопроекторами считаются произведенные на Иксе.

СОЛОМЕНЕЦ – на Арракисе, источник в пустыне, достаточно мощный, чтобы воду можно было извлечь, высасывая через трубочку-соломинку.

СОЛЯРИЙ (от лат. «solar» – «солнечный») – основная денежная единица Империи, чья покупательная способность определяется на совещаниях между Гильдией, Ландсраадом и Императором, проводимых раз в 400 лет (кватрисентенниалиях)..

СОНДАГИ – папоротниковый тюльпан с Тупайле.

СПРАВОЧНИК АСАССИНА – составленный в третьем веке Гильдии справочник по ядам, обычно использовавшийся в войне асассинов (войне убийц). Позже был расширен за счет включения описания смертоносных орудий и устройств, разрешенных Гильдийским Миром и Великой Конвенцией.

СТАННЕР (от англ. «to BOOSH» – «оглушать, лишать сознания») – оружие, выбрасывающее (с небольшой начальной скоростью – чтобы преодолеть силовой щит) отравленную или «впрыскивающую» наркотическое вещество стрелку или иглу. Эффективность зависит от настойки силового щита и подвижности цели.

СТАРШИЙ ПРОКТОР – Преподобная Мать Бене Гессерит, являющаяся также начальником региональной Школы Бене Гессерит.

СУБАХ УЛЬ-КАХАР (исках, арабск. «сабах-уль-хэйр» – «утро добра») – фрименское приветствие.

СУБАХ УН-НАР (арабск. «утро света») – ответное приветствие.

СУККСКАЯ ШКОЛА, ШКОЛА СУКК – см. ИМПЕРСКОЕ КОНДИЦИОНИРОВАНИЕ.

СУ-СУ СУУК! – крик продавца воды на Арракисе. «Суук» – «рынок, рыночная площадь» (см. также: ИК-КУТ-ЭЙ.).

СХОД (не путать со СБОРОМ) – традиционное собрание фрименских вождей для наблюдения за поединком, решающим вопрос о лидерстве.

ТАХАДДИ АЛЬ-БУРХАН (арабск. «таждади» – «вызов», «бурхан» – «доказательство», «тест, испытание») – окончательное, не подлежащее обжалованию или перепроверке испытание, т.к. обычно такое испытание влечет за собой смерть или разрушение испытуемого человека, объекта.

ТАХХАДИЙ, ВЫЗОЦ ТАХАДДИ (арабск. «вызов») – у фрименов вызов на смертельный поединок, обычно по очень важному поводу.

ТАКВА (арабск. «благочестие, набожность») – букв. «цена свободы». Нечто, обладающее огромной ценностью. Нечто, что Бог требует от смертного, а также страх, рожденный таким требованием. (В другой транскрипции «Т.» может означать «пример для подражания».) «ХАУ – у фрименов особое ментальное единство сиетча, усиленное большим количеством меланжи в пище и питье и особенно тау-оргиями, во время которых единство достигается испитием Воды Жизни,

ТЕМНЫЕ ЗНАНИЯ – общее идиоматическое название различных предрассудков, внедряемых Миссионарией Протектива в какую-либо культуру. Частично пересекаются с Паноплией Профетикус.

ТЛЕЙЛАКС – единственная планета системы Талим, знаменитая как центр подготовки «искривленных» или «порченых» ментатов. Иногда употреблялось выражение «Бене Тлейлаксу», намекавшее на существование «ордена Т.». Также см. ГХОЛА.

ТОПТЕР – см. ОРНИТОПТЕР.

ТП – сокращенное название телепатии (греческ. «восприятие на расстоянии»), чтения мыслей.

ТРАНС ПРАВДЫ – полугипнотический транс, индуцированный одним из наркотических веществ группы ментафорсеров или «наркотиков сознания», в каком состоянии погруженный в Т.П. способен замечать малейшие признаки лжи и неискренности. (Следует отметить, что ментафорсеры смертельно ядовиты, если принимающий их не десенсибилизирован к этим наркотикам, т.е. не умеет преобразовывать молекулярную структуру яда в своем организме.)

ТРЕНОЖНИК СМЕРТИ – в первонач. значении треножник, на котором жители Пустыни вешали казненных. В переносном значении (ставшим основным в описываемый период) – трое членов терема, давших общую клятву мести. г

ТУПАИЛЕ – так называемое «убежище», планета или группа планет, где находят убежище потерпевшие поражение Дома Империи. Место (места) расположения Т. известно лишь Гильдии Космогации и охраняется Великой Конвенцией и условиями Гильдийского Мира.

УЛЕМ (арабск.) – богослов, доктор теологии у дзен-суннитов.

УММА (арабск. «нация», «община») ,– член братства пророков, пророк. В Империй – презрительное название, для предсказателей-фанатиков, имевшее смысл «сумасшедший предсказатель».

УРОШНОР – одно из бессмысленных звукосочетаний, вводимых Бене Гессерит в подсознание подвергшегося специальной обработке человека для контроля за ним. При звуке такого кодового слова жертва на какое-то время замирает.

УСУЛ (арабск. «основа», «доктрина», часто в религ. знач.) – «опора столпа», «основание колонны»..

ФАБРИКА ПРЯНОСТИ – см. КОМБАЙН-ПОДБОРЩИК. **ФАЙ** (арабск. «дань», «налог», «контрибуция») – водяной налог, основная форма налогообложения на Арракисе.

ФАФРЕЛАХ – жесткие правила классовых различий, поддерживавшиеся в Империи: «Место для каждого, и каждый – на своем месте».

ФЕБРИЛЬНОЕ (или **ЛИХОРАДОЧНОЕ**) СОЗНАНИЕ – тормозящий уровень, на который воздействуют при имперском кондиционировании.

ФЕДАЙКИНЫ (арабск. «фидайин») – фрименские бойцы-смертники, коммандос; исторически: группа людей, поклявшихся отдать жизнь за правое дело, в борьбе за справедливость. Так первоначально назывались созданные главой исмаилитов Хасаном ибн Саббахом из династии Фатимидов, «Старцем Пустыни», войска фанатиков. (см. АСАССИНЫ).

ФИКХ (арабск. «толкование Шариата») – (религиозное) знание, религиозный закон; один из полулегендарных источников веры Странников Дзенсунни.

ФРЕГАТ – крупнейший космический корабль из способных на посадку на планету и взлет с нее в виде единого целого (не отдельными модулями).

ФРИМЕНЫ (от англ. «free man» – «свободные») – Свободный Народ Арракиса, жители Пустыни, потомки Странников Дзенсунни. В Империи их часто называли «пиратами Пустыни».

ФРИМПАКЕТ – набор для выживания в пустыне Арракиса (фрименского производства). Включает: диститент, паракомпас, крюки Подателя, манок, небольшой запас воды, Китаб аль-Ибар, краскомет, ремпакет, сменные .фильтры и пр.

ХАГАЛЬ – «Планета Драгоценностей» (II ? ?аовея), чьи ресурсы были полностью выбраны при Шаддаме I.

ХАДЖ (арабск.) – паломничество, священное путешествие (у мусульман Земли в древности – путешествие в Мекку).

ХАДЖР (от арабск. «хиджра» – переселение», в мусульманской традиции так называлось переселение Мохаммеда из Мекки в Медину) – путешествие в пустыне, миграция, переселение

фрименов.

ХАЙЙ-ИО! – «Пошел!», команда рулевого на песчаном черве.

ХАЙЛАЙНЕР – крупнейший корабль в классификации Гильдии Космогации.

ХАЙРЁГ – временный лагерь фрименов в открытой пустыне.

ХАЛ ЙАУМ! (арабск. «халь» – «состояние, положение» или вопросит, частица «ли», «йаум» – «день») – «Наконец-то!». «И вот!» – фрименское восклицание, значение зависит от контекста (удивление, удовлетворение и пр.).

ХАРМОНТЕП – Ингсли дает это название как имя планеты, служившей шестой остановкой на пути дзен-суннитов (Странников Дзенсунни). Большинство исследователей полагают, что Х. – более не существующая планета системы ? Павлина.

ХЕОПС – пирамидальные шахматы с игровым полем, имеющим десять уровней. Игра имеет двойную цель: поставить своего ферзя в вершину пирамиды и дать шах королю противника.

ХОЛМЫ – обширная пересеченная местность к востоку от Арракина.

ХРАНИТЕЛЬ ВОДЫ – фримен, выбранный для исполнения ритуальных обязанностей, связанных с водой и Водой Жизни, и отвечающий за их сохранность.

ЧАКОБСА так называемый «магнетический язык», происходящий отчасти от древнего языка бхотани (или бхотани джип (арабск. «джиб» – «диалект, наречие»)). Представляет собой смесь нескольких старинных наречий, искаженных ради секретности. Служил главным образом боевым языком Бхотани – наемных убийц-асассинов в Первой войне убийц.

ЧАУМАС – см. АУМАС.

ЧАУМУРКЙ – см. МУСКИЙ.

ЧАША – на Арракисе котловина, впадина, образовавшаяся вследствие оседания почвы. На планетах, где вода имеется в достаточном количестве, такие образования обычно свидетельствуют о просевших подземных пустотах, оставшихся после ухода подпочвенных вод, или остаются на месте высохших водоемов. Считается (хотя и не доказано), что на Арракисе есть по крайней мере одна крупная Ч., где когда-то была вода, причем открытая вода. Также Ч. называют котловинами.

ЧЕРНИЛЬНИК, ЧЕРНИЛЬНАЯ ЛОЗА – ползучее растение, лиана, растущая на Джеди Прим и часто употреблявшаяся для наказания рабов. На коже подвергавшихся порке Ч. оставались свекольного цвета шрамы, вызывавшие остаточные боли в течение многих лет.

ЧУСУК – четвертая планета системы т Шалиша; так называемая «Планета Музыки», знаменитая высоким качеством производимых на ней музыкальных инструментов (см. также: ВАРОТА).

ШАИ-ХУЛУД (искаж. арабск. или персидск. «шах-е-хулуд» – «владыка вечности») – арракийский песчаный червь. «Старик Пустыни», «Старый Отец-Вечность» и «Прадед Пустыни». Характерно, что это имя, будучи произнесено особым тоном или написанное с заглавных букв, означает божество земли в верованиях фрименов. Песчаные черви вырастают до огромных размеров (в глубокой Пустыне наблюдались экземпляры более 400 м в длину) и доживают до весьма почтенного возраста, если их не убивает один из собратьев или если червь не гибнет, натолкнувшись на воду, которая для него ядовита. Песчаные черви населяют практически все песчаные области Арракиса и играют важнейшую роль в его экологии. Они выделяют кислород, непосредственно включены в цикл воспроизводства меланжи, вследствие чего также именуются Подателями Пряности или просто Подателями; из зубов песчаного червя фримены изготавливают свои знаменитые крисы, а утопив небольшого червя, они получают Воду Жизни. Кроме того, фримены используют песчаных червей для передвижения.

ШАЙТАН (арабск.) – сатана, дьявол.

ШАРИ-А (арабск. «шариат» – «закон веры») – часть Паноплиа Профетикус, устанавливающая религиозный ритуал.

ШАТЕР ТИШИНЫ – искажающее поле, ограничивающее распространение голоса, или любой звуковой генератор, создающий колебания, противофазные подавляемым (при интерференции исходный звук гасится).

ТНАХ-НАМА (фарси «Книга царей» или «Царская книга») – полулегендарная Первая Книга Странников Дзенсунни.

ШЕЛЬФ – на Арракисе каменистые окраины эргов, особ, в предгорьях Барьерной Стены.

ШЕРЕМ – «братство ненависти» (обычно создаваемое для мести).

ШЕСТОВАНИЕ ПЕСКА, или ЧТЕНИЕ ПО ШЕСТАМ – искусство устанавливать пластиковые и волоконные шесты в песках Арракиса и затем по следам, оставленным на них песчаными бурями, и другим приметам предсказывать изменения погоды.

ШИГАКОРД – металлосодержащее волокно ползучего растения (*Narvi Narvium*), растущего только на Салусе Секундус и III ?айсинь. Отличается чрезвычайной прочностью на разрыв.

ШЛАГ (нём. «Schlag» – «удар») – животное с Тупайле (аборигенный вид, эндемик), почти истребленное ради его тонкой, но очень прочной шкуры.

ШНОРКЕЛЬ – здесь трубка для подачи воздуха с поверхности песка в диститент.

ШЭДАУТ – «Черпающий из кладезя», уважительный титул у фрименов.

ЩИТ СИЛОВОЙ – защитное силовое поле, создаваемое генератором Хольцмана. Этот тип силового поля представляет собой дальнейшее развитие эффекта Хольцмана, основанное на измененной первой фазе поля силовой подвески (антигравитационного). Щит пропускает только медленно движущиеся объекты (в зависимости от заданных характеристик скорость пропускаемых объектов может быть ограничена шестью-девятью метрами в секунду); щит может быть нейтрализован лишь электрическим полем огромной, практически недостижимой мощности (см. также: ЛУЧЕМЕТ).

ЭГО-ОБРАЗ – портрет, воспроизведенный с помощью солидопроектора, что позволяет воспроизвести мельчайшие, почти незаметные движения, несущие, как считается, суть человеческого «я».

ЭКАЗ – четвертая планета а Центавра Б.; «скульпторский рай» – прозвана так потому, что здесь произрастает «туманное дерево», которому можно придавать требуемую форму во время роста, *in suti*, силой одной только мысли.

ЭКУМЕНИЧЕСКАЯ БИБЛИЯ (греч. «Вселенская Книга») – «Единая Книга», священные тексты, созданные в результате работы Комиссии Переводчиков-Экуменистов. Содержит элементы большинства древних религий, таких, как Маомет-Саари, Христианство Махаяны, Дзен-суннитский Католицизм и Буддизм. Основная заповедь Э.Б. – «Не искази душу».

ЭЛАККА – наркотик, получаемый при пережигании измельченного элаккового дерева с Эказа. Человек, подвергшийся воздействию Э., теряет почти полностью инстинкт самосохранения, при этом кожа получившего дозу Э. приобретает характерный морковный цвет. Э. обычно используется при подготовке гладиаторов к бою.

ЭЛЬ-САЯЛЬ (арабск. «текущий», иногда «дождь») – «песчаный дождь», пыль, падающая с высоты в среднем 2000 м, куда ее поднимают кориолисовы бури. Э.-С. часто приносят в нижние слои атмосферы, к поверхности, влагу из более высоких слоев.

ЭРГ – «песчаное море», обширный барханный район.

ЭФФЕКТ ХОЛЫДМАНА – отталкивающее действие силового генератора (генератора Хольцмана). См. также: ПОДВЕСКА СИЛОВАЯ, ЩИТ СИЛОВОЙ.

ЯДОИСКАТЕЛЬ, иногда ЯДОСКОП – анализатор ольфакторных (ароматических, запаховых) излучений, служащий для обнаружения ядовитых веществ. Непременная принадлежность обеденных столов правящих Домов.

ЕГО ЗВАЛИ ПАУЛЬ

(Заметки переводчика)

Да, именно Пауль! Некоторые читатели, привыкшие к «Полу Атридесу», возможно, возмутятся. Но чего возмущаться-то? Действие романа происходит в далеком будущем. Язык, на котором объясняются персонажи – явно не английский, он называется «галакт» и имеет «англо-славянское происхождение», при этом половина и даже больше терминов взяты из арабского, фарси и других языков. Имена в ходу – самого разного происхождения: тут и «славянин» Владимир Харконнен (имеется в виду только происхождение имени), и «турок» (или «араб»?) Император Шаддам, и «англичанка» Джессика... Имя сына герцога Лето пишется «Paul» и по-английски должно бы читаться, конечно, «Пол». Но, как сказано выше, дело происходит в далеком будущем и язык у них НЕ английский; а то же имя французы произнесут как «Поль», немцы – как «Пауль», и т.д. «Пол» – слишком отчетливая «1/2», в то время как холодноватое «Пауль» – имя куда как подходящее для этого персонажа! И всё, возражения не принимаются.

«Лито Атридес» – не согласен! По-английски он Leto, явно не от Lito (приносить в жертву – лат.) и не от Lithos – камень, тогда бы и писался через «i», а от Letum (смерть) и Leto (умерщвлять). Значит – Лето. Даже несмотря на созвучие. Пишут «Атридес» и говорят, что он – потомок Атрейя. Да уже сейчас у Менелая и Агамемнона (чьим папой был Атрей) наследников не сыскать, а уж в таком будущем... [Потом меня ткнули носом в место в одной из следующих книг, где родство с Атреем указано прямо. Гм. Ну и всё равно не нравится мне «Атридес», вдобавок, действительно, столько времени прошло... :)]

Да, еще кому-то может быть трудно расстаться с Оранжево-Католической Библией. Тут вот какая вышла история: «католический» – это, в буквальном переводе, «вселенский, всеобъемлющий». Оранжисты из Ирландии вряд ли имеют отношение к книге, над которой работали представители таких учений, как «буддизм» или «дзэнсуннизм». Возможно, конечно, имелся в виду просто цвет обложки первого издания (типа «Белой» или «Красной» книг). Но я склонен предположить, что даже если так, речь шла не просто об оранжевом, а о шафранном цвете – цвете буддийских одеяний. Короче, я использовал прекрасное слово «экуменический», которое значит «вселенский» (например, о «соборе»). И экуменический перевод Библии уже когда-то был – это когда решено было сверить имевшиеся священные книги и привести их к единому знаменателю, результатом чего стала так называемая Септуагinta.

Еще один момент, к которому читатели, знакомые с предыдущими переводами «Дюны», могли привыкнуть – нелепые строки «древнего похоронного ритуала», которые произносит на оплакивании Джамиса Стилгар: «Има трава около, и кореня около». Сие в переводе должно означать: «Вот пепел, и вот корни». Читатель недоумевает, а дело в том, что автор, желая изобразить «древний язык», пользуется словарем русского языка (который он явно не знает). Нелепое «около» – перевод английского «here is/are...» – что значит, действительно, «вот». С другой стороны, то же «here» можно перевести и как «около», и надо полагать, что это округлое, распевное слово чисто фонетически пришлось Герберту по душе. Вероятно, аналогичная история произошла и с «корнями» – увидев в словаре, что «roots» можно перевести как «корни» и «коренья», автор выбрал второй вариант как более подходящий по размеру и звучанию, оставшись при этом в неведении относительно разницы между корнями и тем, что кладут в суп – коренья, всякой петрушкой и сельдереем. «Трава» же – результат явной ошибки, ну, а «има» вставлено просто для благозвучия... Чтобы стих не звучал так нелепо, мне и пришлоось перевести его на хиндустани – у Герberта, естественно, этого нет.

Вообще вашему покорному слуге пришлось-таки повозиться с терминами и названиями. Спасибо коллегам, выпускникам Института стран Азии и Африки, которые помогли отследить «этимологию» придуманных Гербертом терминов (кстати говоря, я настаиваю на том, что он Герберт, а не Хер? берт какой-нибудь). Слава Богу, есть традиция транскрибирования – Герберт Уэллс, мальчик Герберт из «Таинственного острова»...).

Особая благодарность – Фариду Юнусову, который – почти везде! – сумел догадаться, какие арабские слова использовал автор (а арабизмов там большинство).

Кстати, о терминах. Должен признаться, что мне пришлось чуточку расширить составленный Гербертом глоссарий. Например, слово «ассасин» для англоязычного читателя особых пояснений не требует... да и то, историческая справка, как мне кажется, не помешала бы и ему. А «друзы»! Конечно, Герберт мог предполагать, что читатель, встретив незнакомое слово, кинется к словарю. Но куда там, если даже переводчики не всегда считают это необходимым! Так, в одном из переводов «Дюны» Стилгар, указывая Паулю на показавшихся вдали фременов [На «фрИменах» настояло издательство. Логика в этом есть... но опять же, мне «фремены» почему-то больше нравятся. Пусть тут так останутся, ладно?], сообщает «Вот подлинные друзья!» – тогда как в тексте написано «druses». Да, «друзы» и «друзья» (если по-русски) звучат похоже – а разница таки есть, причем существенная. Назвав фременов «друзами», Стилгар не только указывает на

происхождение их религии, но и как бы предсказывает роль Пауля в обществе жителей Пустыни. Но чтобы понять это скрытое указание, следует сперва отыскать «друзов» в приличной энциклопедии... Еще одна проблема состоит в том, что язык Герберта не слишком прост, и порой собственные его объяснения требуют расшифровки. Попытка перевести «наскоком» (как я подозреваю, даже не используя словарь – в гордыне ли, в спешке ли) приводит к совершенно дивным перлам. Первой была знаменитая в кругах любителей фантастики «малиновая Дюна» (фэны прозвали разные переводы «малиновой», «голубой», «синей», «бурой» «Дюнами» – по цвету обложки). Тут явно был взят так называемый «системный перевод» – это когда фантастика была в загоне, переводчики-любители в меру способностей и знания языка оригинала и родного перетолмачивали зарубежную фантастику, причем чаще всего используя как оригинал польские переводы; потом получившийся текст загонялся на носитель (магнитную ленту для древних БЭСМ) и жаждущие припасть ко кладезю западной НФ распечатывали его на слепых матричных принтерах и передавали из рук в трепещущие руки...

Так вот, этот «системный» перевод так и загнали в печать безо всякой редактуры. А несколько последующих изданий использовали тот же текст, редактируя его опять-таки в меру способностей. И тут-то уместно произнести «увы»: поскольку способности эти были такими, какими были, отечественный читатель увидел прекрасного писателя Герберта в виде достаточно нелепом, чуть ли не Юрием Петуховым американского розлива. Чтобы не быть голословным, позволю себе процитировать несколько изячных «ляпов» – для начала из той самой «малиновой Дюны».

«Малиновая Дюна» вообще была гордостью моей коллекции, но ее взял для написания ругательной заметки в популярном среди фэнов издании «Фэн Гиль Дон» широко (в этих самых фэнских кругах) известный (и ныне, увы, покойный) А.Свиридов, да так и не отдал: еще бы, не книга, а сплошной анекдот [*Мне позже подарили эту книжечку. Теперь она у меня опять есть. :)*]. Так что мне придется сейчас ссылаться на него, свиридовские, выписки из этого дивного изданья (Ереван, 1990). Итак: «Ночь была жаркой, но груда камней, служивших домом уже двадцати шести поколениям семьи Атридесов, дышала прохладой». Вот она, жизнь герцогская! Им даже не «груда камней» жилищем служит, а отдельные составляющие ее камни. Ну как тут не переехать на Арракис – в песке оно хоть помягче будет... Или: «В глазах морщинистого рта старухи мелькнула усмешка». «Это был выпуклый шар» (а я, грешным делом, не знал, что бывают еще шары плоские или вовсе «впуклые»). «Посмотрю, как ты будешь предлагать цену, когда рука каждого человека поднимется на тебя, чтобы вымолить свою жизнь и жизнь своего сына» (рука поднимается, чтобы вымолить свою жизнь...).

«Дрожь пробежала по его багровому шраму». «Повесить ключи здесь была завершающая определенность». «Прыгающая рыба была вырезана из дерева с толстыми коричневыми плавниками» (дерево с плавниками – такая же новость в зоологии, как выпуклый шар – в стереометрии, и даже большая: в конце концов, шары действительно все выпуклые, а вот деревья как-то по большей части обходятся без плавников, ног и прочих конечностей). «Отцы наши ели манку в пустыне», поёт Халлек. Правильно: а еще гречку, перловку и овсянку. Это ведь тоже беда – переводчики настолько фатально не знают Библии, что не узнают даже самые расхожие к ней отсылки; что уж говорить о точных цитатах, которых у Герберта пруд пруди (да и вообще англоязычные авторы любят библейские аллюзии). «Интересно, сколько здесь „же“? Как-то тяжеловато! – Девятнадцать по справочнику». (Уж что тяжеловато, так тяжеловато. 19 г – значит, 19 нормальных (земных) сил тяжести, то есть при весе в 60 кг бедняга-рабочий, прибывший на Арракис, вынужден тащить на себе дополнительный груз в 1080 кг!). Или наконец описание дистикомба-стильюта: «Два следующих слоя включают в себя волокна охлаждения солей. Соль регенерируется. Движения тела, особенно дыхания, и некоторые астматические действия обеспечиваются работой насоса. Вода проходит через тормозное устройство и подводится к зажиму у шеи. Моча и кал подвергаются процессу в бедренных корзинах». (Так и видишь несчастного герцога, – замечает «Фэн Гиль Дон», – с зажимом у шеи, астматически дышащего при помощи насоса иuvwешанного корзинами с мочой и калом...). Ну и так далее, от страницы к странице – ОТ 3 (не менее!) фактических ошибок и ОТ 8 опечаток на страницу. Но это бы полбеды – оставайся все это безобразие в одной книжонке в бумажной анилиново-малиновой обложке на скрепках. Радость коллекционерам нелепиц, и все. Беда в том, что едва ли не все последующие «Дюны» использовали этот же самый перевод, более или менее отредактированный. Причем, увы, скорее менее чем более. Обыкновенно, увидав на лотках очередную «Дюну», я открывал сразу первую страницу, и если встречал знакомую фразу про камни, в которых ютились Атрейдесы, далее уже не смотрел.

Тот же самый перевод, к примеру, только чуточку подредактированный, был использован в «голубой Дюне» издательства «Осирис». Правда, «выпуклый шар» стал «круглым шаром», что в общем-то ненамного лучше. (Или подчеркивается, что в отличие от большинства планет, которые по форме есть не шары, но геоиды, Арракис был-таки совсем-совсем круглым?). Тяготение на Арракисе у них не «19 же», а «19 единичек». Ну и по мелочи: возник, например, пистолет со «статистическими зарядами». (Это значит – статическими).

Ляпы переходили из издания в издание как эстафета. Вот «Дюна» в пересказе ИИФ ДИАС ЛТД, 1991 (издано в «Бесконечной фантастической серии» в 1992 году). Опять – с первой страницы:

«Нагромождение каменных глыб, именуемое родовым Замком...» Ну почему герцог, правитель целой планеты, вынужден прозябать в каких-то глыбах? О главном герое говорится: «Почему-то его сны всегда исполнялись» – тогда как в оригинале «Он всегда помнил свои пророческие сны»; снова путаница с глобусом барона Харконнена: в оригинале четко написано – «Это был рельефный глобус планеты...» Бог знает почему «рельефный» переводится как «голографический», и далее в одной фразе – еще три фактических ошибки. И опять лень заглянуть в нормальный словарь, чтобы уточнить, что «world» – это еще и «планета», да в конце концов простой здравый смысл должен бы подсказать, что «глобус Мира» – это что-то не то. Засим барон сообщает: «Здесь (на Арракисе) есть и моря, и озера, и даже реки». В то время как мы с вами знаем, что ничего подобного на Арракисе не было. Может быть, у барона глобус неправильный, хоть и сообщается, что делали его лучшие мастера метрополии? Да нет. В оригинальном тексте сказано – «И тебе не найти нигде (на Арракисе) ни морей, ни озер, ни рек.» А чуть позже барону приносят письмо герцога Лето, и Питер читает: «Жаль, что искусству канли (вендетты) всё еще поклоняются в Империи». А ведь герцог отнюдь не жалеет об этом, он, собственно, и пишет-то барону именно с целью объявления вендетты! И сказано в его письме, что «искусство канли все еще имеет своих почитателей». Чуть позже говорится о том, что удалось «заставить Лето обменять Каладан на Дюну – и без всяких условий». А в оригинале – «...и без всякой альтернативы». То есть герцогу выбирать не приходилось – какие там условия!

Ну, потом опять дистикомбы-стилсьюты и «астматические действия». Не стоит повторяться – вам ясно уже, что астма здесь ни при чем. А зачем грузчики, затаскивая пожитки герцогской семьи в новое жилище в Арракине, крашут хозяйское добро? ИИФ ДИАС ЛТД описывает процесс так: «звук бьющегося металла сотряс башню... груз прибыл». Металл расколотить сумели, мазурики!..

Художник, оформлявший то издание, нарисовал фременский крис чем-то вроде двузубой вилки. Он, по всей видимости, ориентировался на утверждение переводчика о том, что «он был как бы с двумя остриями». Я, признаться, не понимаю, как это нож может быть как бы с двумя остриями: это вроде палки как бы о двух концах. Полтора острия было, что ли? В оригинале-то сказано: «он был обоюдоострым, как кинжал». А домоправительница Мэйпс о крисе говорит – «Кто увидит его, должен быть очищен или убит». Наши толмачи почему-то заменяют «убит» на «заклеймён»... И вновь торчат уши «малиновой Дюны»: Великая Мать обзываются «женским олицетворением спайса» (который в свою очередь ниже называется спайсом спайсов – очень понятно, если не знать, что «спайс» – это «пряность»!). Так вот, не «спайса» («spice»), а «спайса» («space») – космоса, значит. Приводят в недоумение «санdsnork» («sandsnorkel») – если заглянуть в словарь, там и «шноркель» есть. Это трубка такая, через нее, например, субмарины воздух забирают. Фрекен Снорк из «Мумитроля» тут ни при чем, так же как Скуперфильд из «Незнайки» не имеет ничего общего со «скупером» («scooper»), который в свою очередь на самом деле «снупер» («snooper» – от «to snoop» – «совать нос (в чужие дела), вынюхивать»). И вовсе он не «радиоактивный разрушитель» – он ничего не разрушает. Он вынюхивает, обнаруживает яды. А зачем «dump boxes» перевели «свинцовыми ящиками»? Буквально это «роняй-ящик», про свинец там ничего не было. Мне пришлось переводить по смыслу («грузобомба»). Впрочем, «свинцовый ящик» – это еще не так страшно (свинец для названной цели непрактичен, но да бог с ним); в «голубой Дюне» изобретено и вовсе жуткое слово – «думпящик». Его хочется разделить на «дум-пящик» – не знаю, что такое, но больно уж слово забавное... В разных изданиях редакторы словно старались перешеголять друг друга. В одном из них (прошу прощения, забыл в каком – не могу же я покупать всю... продукцию, появляющуюся на лотках) мне попалось такое (цитирую по памяти) определение «дистранса» : «устройство, благодаря которому птицы издают звук, похожий на звук реактивного самолета ». Что такое дистранс у Герberта на самом деле, вы узнаете из глоссария в этой книге... Мало было книг, которым «повезло» с переводами так же, как «Дюне». Мало было переводов, столь же достойных изобретенной фэнами издательской премии «Одномуд» (присваивается за опечатки и ошибки и называется в честь прославленной опечатки «одномуд-вум», в девичестве «одному-двум»).

Самым приличным был перевод, изданный «Феей» (Москва, 1992) – «синяя Дюна». Нет, без ляпов не обошлось и тут (и по-прежнему основная причина – это лень, либо гордыня, не дающие лишний раз заглянуть в словарь). Но все-таки это лучший из многих перевод – хотя «лучший из плохих» – это еще не обязательно «хороший». Именно потому, что в этом переводе фактических ошибок гораздо меньше (есть страницы, где фактических ошибок нет вообще!), я хотел бы именно в этом случае провести несколько более обширный «разбор полетов». Начнем со старого знакомого – герцогского замка. На сей раз Атрейдесы живут «в древнем каменном пилоне замка Каладана». Конечно, спасибо, что не в камнях. Но неплохо бы представить себе жизнь в пилоне. Посмотреть в энциклопедии, что такое пилон, и не лучше ли жить вообще в замке (или весь замок, за исключением пилона, был в забросе?). И не выглядит ли странным проживание в пилоне вообще. Или, скажем, в контрфорсе. В той же фразе сообщается, что «стало душно», в то время как у автора изменение погоды произошло с точностью до наоборот. Через несколько фраз следует такой пример отсутствия чувства языка (из многих и многих): «в крови властелина должно быть лукавство». А чуть ниже – еще того лучше: «Спи спокойно, лукавый негодник», – так прощается Преподобная Мать с юным Атрейдесом. Так и хочется дописать к этому – «утю-тюсеньки!». На той же странице слово «quasyfief» переводится как «квазифайф». Может, кому-то этот файф и «в кайф», но только не читателю, который в результате и не поймет, что Арракис находился у Дома

Харконнен в ленном владении (квази-ленном, чтобы быть точным). А чуть ниже следует пример фонетической глухоты: довольно неуклюжее слово «fafreluches» переведена совсем уж ни в какие ворота не лезущим «система кастовых фоффрлюхов». Это так повлияло на одного моего знакомого, что он (не будучи большим любителем фантастики) по прочтении эдакой прелести и всю книгу иначе как «фоффрлюхой» не называл. Красоты стиля сверкают во фразах типа: «...Джессика вихрем повернулась и, посвистывая юбкой, широким шагом вылетела из комнаты, надёжно затворив за собой дверь», «[его] аорта наполнилась кровью» (а до этого была пуста?), «бледно-розовые дёсны, хищно поблескивающие серебряными зубами при разговоре», и т.п. Кстати, о стилистике я говорю в основном применительно именно к «синей Дюне», ибо в прочих вариантах стилистику, за полной безнадежностью перевода в целом, обсуждать вообще бессмысленно. Там погрешности стиля – и есть стиль, и оттого это даже не смешно. В «синей Дюне» стилистические погрешности всё-таки выделяются. Вот еще примеры: «Кривой шрам на его лице искривила улыбка» или «Кого Харконненам наиболее целесообразно наметить своей целью?»

А вот ляп просто прелестный: комната Атрейдеса-младшего, а в ней... «Слева у стены высился книжный шкаф. Его можно сдвинуть вбок, при этом открывался клозет с полками по левую сторону». Но «closet» – это на самом деле «шкаф» или «гардероб»! Аналогичная ошибка, кстати, встретилась мне в переводе одной из повестей Сильверберга: там сообщалось, что «из всех клозетов в городе стали вылезать скелеты». Зрелище почище Апокалипсиса – а речь-то шла о «скелетах в шкафу», то есть все неприятные тайны вдруг стали всплывать на поверхность!

Фактическая ошибка: вдова и сын герцога наблюдают бурю в пустыне. «Глянув на остроконечную скалу, он внезапно увидел, как внезапный порыв ветра буквально сточил её бурую вершину». И от этой-то бури герои прячутся в палатке! На самом-то деле ветер мгновенно засыпал скалу песком, превратив ее в пологий холм.

«Дороги на Арракисе нелегки» – английское «ways» переводится как «образ жизни», «обычаи», и фраза переводится как «Нелегка жизнь на Арракисе». «Голытьба», живущая в «деревнях», вызывает мираж затерявшихся в арракийских песках бревенчатых изб и поля, где сиротливо несжата полоска одна. К барону Харконнену – заплывшему жиром гиганту – никак не подходит слово «стариашка» (стариашка должен быть маленький, дохленький, скрюченный).

Про Гильдию сказано, что она «insidious», и это переведено как «внутренний паразит: сперва сосёт кровь понемногу, пока хозяин не возражает, а потом – ты у нее в кулаке: плати, плати и плати». Между тем это слово значит просто «хитрый», хотя и имеет общий корень с «inside» – «внутри». «Паразит» там не упоминался, вдобавок – как это возможно оказаться в кулаке у внутреннего паразита?! А в другом месте спутаны «pheasants» – «фазаны» и «peasants» – «крестьяне».

«Человек выполз на гребень дюны – ночной мотылек, оцепеневший под утренним солнцем». Оцепеневший мотылек никуда не уползет, да и не цепенел никто у автора – там было «mote», а не «moth», то есть человек выглядел точкой, крошечным пятнышком. Про оцепенение переводчик добавил от себя, чтобы объяснить «мотылька». «Из-под повязки (выше сказано, что это был тюрбан) свисали соломенного цвета пряди волос, торчала редкая бородёнка и густые брови». Мысленно нарисуйте торчащую из-под тюрбана бородёнку... «Кому-то приятно было думать, что он умрёт именно так, от рук собственной планеты». От рук планеты – это сильно. Далее следует «хрупкая коробочка наветренной стороны дюны» – это просто опечатка, имелась в виду «корочка». Ну и нелепая «котловина Пластиря» (а то ещё была – Пластиковая!). То есть Гипсовая (plaster). А ниже – «зелёные формы жизни. Тут – растение, там – животное, а здесь – человек». Это опять опечатка, имелись в виду земные формы. И вот опечатка – «Культы мертвых» назывался фильм, показанный как-то Паулю матерью. Ошибка корректора – и появляются «кулы». Но это что, в одном из переводов, кажется, Лавкрафта возникли и вовсе «культи»...

Пола (Пауля) одолевают «думы партизана». Скульптурную группу на станции метро «Белорусская» в Москве видели? Вот такие думы. А Джамис дерётся с ним «в исподнем». Такой бедуин в кальсонах с тесёмочками... Или как вам понравится следующее: «Когда дед наш солнышко садится, в темноте хромопласт становится прозрачным». Стиль очарователен, не правда ли?.. «В нас одинаковые потери», думает Пауль о Чани (в этом переводе Чени). Это согласование – действительно потеря во всех, для кого дорога красота и правильность из русского языка. А вот чудесное изменение смысла: «Я родила тебе сына», говорит Чани и добавляет: «И получишь всё остальное, как только сможешь». Тут путаница со словом «rest» – переводчик понял его как «остальное», тогда как здесь это «отдых»: «Ты должен отдохнуть теперь, насколько сумеешь» (Паулю предстоит серьезное испытание). О сухом, тощем человеке: «Он был похож на сушёную мумию». Чтобы никто не подумал, что он мог быть похож на мочёную мумию...

Приводится название книги – «Граф Фенринг – в профиль». Почему же только в профиль, неужто анфас хуже? А потому, что «profile» – это «краткий биографический очерк». Опять лень в словарь посмотреть! А «crest» – не крест, а венец, корона. «Глубокие морщины прорезали лоб Фейд-Рауты. Он нахмурился» – тот есть он сначала нахмурился, а потом его лоб прорезали морщины? А вот Фейд-Раута на арене одет в черную блузу. Как она стала «яркой» – ведомо лишь «Фее». Зато ей неведомо, что «белая ложь» – это ложь невинная, восклицание «O goodness!» переводится как «О

Боже!», а не «О добродетель!»; появляются довольно нелепые в свете реалий романа «автомобили» и «аэропланы»... Пауль называет Чани «сихайя» – это тут же переводится как «ручеёк». Да, «spring» – это не только «весна», но и «ручеек», но на Арракисе ручьёв нет. Слово «сихайя» – это по-фременски «весна в пустыне»...

Бывают и такие прелести, как вопросительные междометие «эх?», «хах?» и «хе?» или непонятно какое «учз-х-х?», произнесённое Стилгаром, когда Джессика взяла его на болевой прием. Тут искажено и звучание, и смысл.

«Этой ночью, – думает Джессика, – лишь тот, кто устроился на ночлег под землей, имеет право хвастать». А у автора все наоборот: «Имеет ли право хвастать тот, кто сегодня забился на ночь под землю?»

Масса путаницы по мелочам: в оригинале «сидел, поджав ноги» – в переводе «развалившись». В оригинале «поджал губы» – в переводе «надул губы». И так далее. Приводить все ляпсы, ошибки, опечатки и нелепости – проще опубликовать для сравнения весь текст книги.

Но все-таки «синяя Дюна» была ближе прочих к оригиналу. Хотя Герберта и засушили – все эмоции, весь накал испарился, и получилось, по-моему, довольно скучно. А в иных местах, пытаясь «оживить» речь, переводчик (редактор?) сделали ее довольно нелепой, просто вследствие слабоватого владения языком родным, доходящего порой едва ли не до алексии. А может быть, я просто слишком ревниво отношусь к собственному переводу.

А вообще каждое очередное переложение «Дюны» все более укрепляло меня в мысли о необходимости издания человеческого перевода. Я закончил свой перевод еще в 1991 году, но у издательства все время были разные трудности. А книга сложная, работы редакторам и корректорам много... да и наборщикам тоже. Сознаюсь, я сдал в редакцию рукопись в самом полном и изначальном смысле этого слова, то есть текст, написанный от руки. Посему пользуясь случаем извиниться перед сотрудниками редакции за связанные с этим проблемы и поблагодарить их за титанический труд. Зато теперь наконец те, кто не может прочесть Герберта по-английски, прочтёт – как мне кажется – примерно ту «Дюну», какую писал автор. А не ту, какую переводил... не знаю кто. Программа-переводчик, наверное? Это мне попалась как-то инструкция к популярной компьютерной игрушке, переведённая такой программой. Так вот там рекомендовалось, в частности: «Когда вы приклеились в а мёртвый конец давите космическую преграду», что в оригинале означало: «Когда вы попали в тупик, нажмите клавишу пробела». Словом, старая история про то, как «голый кондуктор бежит под вагоном» (сиречь «неизолированный проводник проходит под вагонеткой (крана)»). Только в старые времена такие ляпсы умели ещё делать без помощи компьютеров.

Коль скоро мне досталась возможность высказать наболевшее, скажу вообще о переводах: не верьте! Если вы видите какую-нибудь нелепость в русском тексте, это еще не значит, что она была и у автора. Сколько я встречал дичайших ошибок, причем порой даже в довольно хороших переводах! То в викторианской Англии джентльменов приглашают в публичный дом – а ошибка эта так стара, что её приводят примером все, кто пишет об Англии. Речь идет о пабе, то есть пивной (по-английски буквально действительно «public house»). То описывается военный: сидит это офицер в ресторане, а «грудь его туники заляпана фруктовым салатом». И этот неряха преспокойно беседует с сенатором и его супругой. А всё потому, что «фруктовым салатом» военные прозвали орденские планки – такие, знаете, пёстренькие полосочки, которые носят вместо медалей, чтоб не слишком звенело. А «туника» – это «мундир» или «китель», и прошу вас, читая переводную литературу, помните об этом. Гражданские, особенно в будущем – Бог с ними, может, они и впрямь носят туники, тоги и столы. Но военные, полагаю, и в будущем не станут обряжаться в античные хламиды! С военными вообще у переводчиков много хлопот. То они требуют срочно подвезти на позиции амуницию – хотя зачем в разгар боя нужны ремни и портупеи, неясно: ведь по-английски «ammunition» – «боеприпасы», а русское слово «амуниция» обозначает все то, что носят военные, кроме непосредственно формы и оружия, а также конскую сбрую, когда речь идет о кавалерии. Или вот: «там лежали стволы, набитые порохом». Если бы переводчик смущился нелепостью фразы и посмотрел бы в словарь, то бочонки с порохом не превратились бы в стволы. А безоткатные пушки (recoilless guns) не стали бы загадочными безоткатными (и даже в какой-то повести «несжимаемыми») ружьями. Офицер, услышав приказ старшего по званию, не заорал бы «ай-яй-яй, сэр!», а ответил бы «Слушаюсь!» или «Есть!», потому что «Aye, aye, sir!» – это именно «Есть!» и есть. И средневековый негодяй не целился бы в положительного героя из непонятного жавелина, и не носил бы вельветовый костюм, – он, разряженный в бархатный камзол, наставил бы в грудь смельчака копьё. Всадник не стал бы натягивать вожжи (впрочем, тут уже не ошибка перевода, а незнание реалий: у всадника – поводья, а вожжи – у кучера. Как и в случае, когда получившему удар в пах герою кажется, что «его яйца раздулись до масонского кувшина». Не было у масонов никаких особенных кувшинов – речь идет о широкогорлых бутылках популярного калифорнийского вина «Paul Masson», сейчас оно продается и у нас.). При взгляде на симпатяшку-официантку космопроходец не чувствовал бы себя рогоносцем – он ощущил бы себя готовым к атаке на невинность красотки (horny). «Навстречу мне по дороге ехал перамбулятор с женщиной-

водителем». Кто знает, как выглядит эта жуткая машина? Никто? Так я скажу: четыре колеса, люлька с ребенком, ручка. «Perambulator» – это детская коляска (обычно сокращается в «грам», но в словаре есть! И женщина, ясно, не за рулем – просто катит колясочку... А как вы думаете, кто такой «гопстерь»? Гопник-гангстер? Почти. Это – член республиканской партии... Бесперечь путаются слова «кремнёвый» и «кремниевый»: то покажут нам средневековый кремниевый пистолет – еще бы германиевую шпагу и селеновую аркебузу, все утеряны пришельцами; – то, напротив, продемонстрируют кремнёвые транзисторы. Не иначе как вытесанные вручную лучшим мастером племени Серого Медведя, Уыхом. Подводят переводчиков и словообразование, вызывая к жизни жуткую птицу рыбо-ястреба. Это ведь был ястреб-рыболов, а переводчик как-то забыл, что примененный им тип словосложения обозначает гибридов или «нечто среднее между». Например: «звероящер», «козлотур», «овцебык» (если вам пришли в голову «короед» и «птицеяд» – это не то, второй корень в этих видовых названиях происходит от глагола «есть»).

Еще одна распространённейшая ошибка: вот диалог, речь идет о пропавшем ребенке. «Теперь нам его, думаю, уже не найти, – говорит один. – Живым...» – «Какойстыд!» – реагирует собеседник (между прочим, злодей). Вот именно – какойстыд для переводчика (и ведь сделавшего вполне удачный перевод, даже абсолютно правильно справившегося с неоднозначным заглавием книги – это был «Salem's Lot», «Салимов Удел», где «удел» – это и название городка («владения, территория, поместье), и «участь». А усеченное «Салим» (от «Иерусалим») напоминает о городке Салем, знаменитом самым крупным в истории Америки процессом над ведьмами). Так вот, перевод очень недурен, и тем досаднее ошибка: «What a shame!» означает вовсе не «позор» и не «стыд», а «какая жалость!». А «cheese!» или «Say 'cheese'!», часто встречающиеся в англоязычных книгах – это вовсе не «сыр», а «улыбочка!» или «спокойно – снимаю!», в зависимости от контекста. Сыр тут ни при чем – просто при произнесении этого слова губы растягиваются в улыбку, потому фотографы и просят произнести его. Общее место, как и случай с «публичным домом» или «стыдом». А вот поди ж ты, раз за разом переводчики наступают всё на те же грабли...

Или, скажем, керосиновая проблема. То персонажи маются при свете масляной лампы на манер какого-нибудь Аладдина, потому что переводчик поленился слазить в словарь и узнать, что «oil lamp» – это и керосиновая лампа, а не только масляная плошка. То, выйдя из залетевшего в прошлое самолета на летное поле, герой замечает: странно, мол, что нет запаха газа (помните? «Если вы почувствовали запах газа, звоните 04). Только человек, в жизни не бывавший на аэродроме, может не знать, что на летном поле пахнет не газом, а керосином, потому что керосин как раз и есть топливо для современных самолетов. Аналогичная история – с „песком“, которым что-нибудь начищают или шлифуют: в большинстве случаев это вовсе не песок, а „шкурка“, наждачная бумага. Или вот еще: человек звонит в гостиницу и бронирует номер, а затем сообщает – „Я приезжаю завтра. Номер моего американского экспресса такой-то“. Мол, встречайте! Вагон бы еще указал. Это в каком же Урюпинске (не настоящем, а из анекдота) жить надо, чтобы не знать, что такая кредитная карточка „American Express“?! Герой просто сообщал, как будет платить за номер. А вот некий гангстер говорит о провинившемся чем-то перед ним бедняге: „Отправьте его в Детройт“ – и никаких пояснений при этом не дается, словно речь идет о высылке революционера в глухую Сибирь. А между тем Детройт, столица автомобильной промышленности Америки, отнюдь не Шушенское и не Тымутаракань. Это народная гангстерская забава – вроде более известных „цементных ботинок“. Ненужный человек связывается и помещается в багажник автомобиля, который отправляется под пресс и на переплавку (не обязательно именно в Детройте) – и никаких следов!

А уж если зайдет речь о религии... я говорил чуть выше о незнании переводчиками (я имею в виду горе-толмачей, решивших, что детективы, фантастику и прочую «несерьезную» литературу может переводить любой-всякий) Библии и прочей религиозной литературы. Вот и выплывает на страницы переводов Желязны некто с «лампами рта его». А это Левиафан был – «пламенники пасти его»... Кстати, в одном из переводов переводчик «пламенники» нашел. А наборщик и корректор превратили их – прости, Господи! – в «племянников». Или возникает святой Джон-баптист. Конечно, фантастика – она на то и фантастика, там и св.Айзек (Азимов) бывает, и Св.Альберт (Эйнштейн). Но когда герой клянется головой святого Джона-баптиста, то должен же если не переводчик, так редактор, а не редактор, так старенькая вахтёрша баба Клава – кто-нибудь! – вспомнить на худой конец картину с усекновением главы Иоанна Крестителя !!! А вот герой – робот – по имени Ноах. И его товарищ Уззия. А также Джонас, Джоб и Джереми. Если вам когда встретится этот перевод – знайте: роботов называли именами ветхозаветных пророков, и в русском переводе Писания их имена звучат: Ноай, Осия, Иона, Иов и Иеремия. Или такой пустячок: сидят это герои в монастырской келье: в разговоре – пауза, и стоит тишина, «только из розария доносилось щёлканье соловья». Я видел оригинал: соловьев там не было. Только сухо щёлкали в тишине чётки. Чётки по-английски – «rosary», а поскольку переводчик, как обычно, поленился посмотреть слово в словаре (выглядит-то знакомо!), он приплёл к случаю соловья, здраво рассудив, что розарий сам по себе обычно не щёлкает. И аналогичная история в другой книге – герои, собираясь на битву с нежитью, спрашивают священника, есть ли у него освященный розарий. Есть, ребятушки, есть, у него все освященное – и розарий, и малинник, и грядки со свеклой... А отгадайте-ка загадку: некто совершил убийство. «Что с ним сделали?» – осведомляется герой об убийце. И получает ответ: «С ним поступили по закону Мозаики». Три попытки! «Мозаика – это планета», – предположил один из

моих знакомых. Нет, не так. «Убийцу разрезали на кусочки», – кровожадно сказал другой. Опять нет! «Это какое-нибудь особенное устройство общества, типа коллективного разума?» – подумав, осторожно спросил знаток фантастики. Увы! Mosaic law – это ни что иное как «моисеев закон». Следовательно, «око за око»... Эх, переводчики...

Ну да Бог с ними, впрочем. Я, пожалуй, немного увлекся со своими обличениями. Хватит уж. Позвольте просто предложить Вашему вниманию прилагаемый к сему перевод замечательной книги хорошего писателя и выразить надежду, что Вы получите от этой книги удовольствие не меньшее, чем то, которое испытывают Ваши англоязычные коллеги.

К сему с уважением – Ваш верный переводчик.

Постскриптум: Что же до других книг, входящих в сериал про Дюну – прошу покорно меня простить, но мне все продолжения «Дюны» нравятся настолько меньше первого романа, что я их и не перевел – и пока не собираюсь. Уж извините...

ПРОЛОГ

СУДЬБА ДЮНЫ

Планета Дюна — иначе Арракис — засушилый мир огромных пустынь, где жизнь сохраняется в труднейших условиях. Коренные жители Дюны, Свободные, весь уклад своей жизни основывают на экономии воды и противостоят пустыням в стилсьютах — специальных костюмах, сохраняющих почти всю расходуемую организмом влагу. Огромные песчаные черви и свирепые ураганы постоянно угрожают им. Дюна является единственным источником специфического продукта под названием меланж, наркотика, вырабатываемого червями. Меланж, или спайс, продлевает жизнь и помогает посвященным заглядывать в будущее.

Пол Атридес был сыном правителя Дюны, Герцога Лито. Когда его отец погиб в борьбе с соперничающим Великим Домом, родом Харконненов, Пол вместе со своей беременной матерью, леди Джессикой, бежал в пустыню. Леди Джессика была членом Бене Джессерит — древнего женского ордена, ставившего своей задачей контроль над генетическими линиями человека. В соответствии с положениями Бене Джессерит, Пол принадлежал к родословной, которая должна была породить Квизац Хадераха —messию будущего.

Спасая их, погиб Данкан Айдахо. Пол был принят Свободными в свою среду и даже научился ездить на песчаных червях. В одном из местных обрядов он принял большую дозу наркотика, в результате в его организме произошли изменения, позволившие ему видеть будущее, вернее, различные варианты будущего. Мать Пола тоже приняла наркотик, пытаясь преобразовать его методом Бене Джессерит. В результате сестра Пола, Алия, будучи еще во чреве матери, овладела всеми ее знаниями и при рождении обладала полным сознанием.

Со временем Пол стал признанным вождем Свободных — фрименов. Подругой его стала девушка Свободных Чани, и он принял большинство обычаем ее племени. Но его мозг Атридеса обладал неизвестными Свободным способностями, и он придал пустынным племенам организацию и цель, которых у них не было раньше. Он решил изменить климат Дюны, чтобы обеспечить планету водой.

Прежде чем его планы осуществились, Харконнены снова ударили по Дюне и ее столице Арракину. Несмотря на поддержку считавшихся непобедимыми сардукаров, предводительствуемые Полом силы Свободных одолели врагов в большой битве.

По заключенному после битвы договору Пол обрел власть, которая помогла ему создать звездную Империю. Он взял в жены наследницу Императора Шаддама IV принцессу Ирулэн, но брак этот был фиктивным, Пол оставался верен Чани.

В последующие двенадцать лет он создал свою Империю. Но теперь все древние группировки начали объединяться против него и против легенды о Муад Дибе, которую он создал.

Глава 1

«Пола Муад Диба, Императора-ментата, и его сестру Алию окружает такое количество мифов, что под их покровом трудно разглядеть подлинные личности. Но все же действительно существовали мужчина по имени Пол Атридес и женщина по имени Алия. Их плоть существовала в пространстве и времени. И хотя пророческие способности выдвинули их за обычные границы пространства и времени, все же они были людьми. С ними происходили реальные события, оставившие реальные следы в реальной вселенной. Чтобы разглядеть эти следы, нужно понять, что их катастрофа была катастрофой всего человечества. Эта книга, следовательно, посвящена не только Муад Дибу и его сестре, а и всем их потомкам — всем нам».

Предисловие к алфавитному указателю «Изречений Муад Диба».

Из собрания памятников культа духа Махди.

Период правления Императора Муад Диба породил больше историков, чем любая другая эпоха. Большинство из них отстаивало свои собственные, узко сектантские взгляды, но все же сам факт их количества свидетельствует об огромном влиянии, которое оказал этот человек на бесчисленное количество миров. Конечно же, этот период содержит идеальные и идеализированные ингредиенты истории. Человек, урожденный Пол Атридес, потомок Великого Дома, был обучен приемам пранабинду стараниями своей матери, принадлежавшей к ордену Боне Джесссерит, и благодаря этому великолепно контролировал свои мышцы и нервы. Более того, он был ментатом, так как обладал интеллектом, превосходившим по своим возможностям те, что приписывались механическим компьютерам древних.

Но прежде всего Муад Диб был Квизац Хадерахом, тем самым, которого орден готовил в течение столетий.

И вот Квизац Хадерах, «тот, кто может быть одновременно во многих местах», пророк, человек, при помощи которого Бене Джесссерит пытались контролировать судьбу человечества, стал Императором Муад Дибом и вступил в династический брак с дочерью поверженного им Падишаха Императора. Подумайте о заключающемся в этом парадоксе. Вы, несомненно, читали других историков и знаете лежащие на поверхности факты. Дикие племена, Свободные Муад Диба, действительно победили Падишаха Шаддама IV. Они сразили сардукарские легионы, объединенные силы Великих Домов, армии Харконненов и наемников, нанятых на деньги Ландсраада. Муад Диб поставил Космический Союз на колени и посадил свою сестру Алию на религиозный трон, который орден Бене Джесссерит считал своим.

Он проделал все это и еще многое другое. Миссионеры его Квизарата принесли в космос джихад — религиозного войну. Основные ее события заняли двенадцать лет, и за это время вся человеческая Вселенная оказалась под властью одного человека.

Муад Диб смог осуществить это потому, что владел Арракисом планетой, более известной как Дюна, монопольным поставщиком спайса — яда, дающего жизнь.

Вот еще один ингредиент идеальной истории — вещество, чьи физические и химические свойства превзошли время. Без меланжа Преподобные Матери ордена не смогли бы осуществлять генетическую селекцию человечества. Без меланжа рулевые Союза по смогли бы вести свои корабли в космос. Без меланжа миллиарды подданных Империи погибли бы от наркотического голода.

Без меланжа Муад Диб потерял бы дар предвидения.

Мы знаем, что верховная власть содержит в себе момент собственной гибели. Абсолютная точность предвидения смертельна.

Некоторые историки утверждают, что Муад Диба победили заговорщики -Союз, орден Бене Джесссерит и аморальные ученыe Тлейлакса

с их техникой «лицевого танца» — способностью изменять свою внешность. Другие называют имена предателей в собственном окружении Муад Диба. Они упоминают о тароте Дюны, который ослабил силу пророчества Муад Диба, указывают на ошибку Муад Диба, воспользовавшегося услугами гхолы — тела, воскрешенного к жизни и запрограммированного на убийство. Но им следовало бы помнить, что этот гхола — Данкан Айдахо, офицер Атридесов, погибший, спасая жизнь Пола.

Они описывают заговор Квизарата, возглавляемый панегиристом Корбой, шаг за шагом исследуют план Корбы превратить Муад Диба в мученика, возложив всю вину на его возлюбленную Чани.

Как сообразуется все это с фактами истории? Никак! Только понимая губительную сущность способности к предвидению, можно объяснить природу этой колоссальной неудачи.

Надеемся, что другие историки сумеют это сделать.

Из «Истории Муад Диба» Вронсо Иксианского

Глава 2

"Нет четкой грани между богами и людьми: одни переходят в других.

Изречение Муад Диба

Скайтейл, лицевой танцор с Тлейлакса, старался не думать о том, какой зловещий характер носит их заговор. Однако он снова и снова возвращался к печальной мысли: «Я сожалею о том, что должен принести смерть Муад Дибу». Свою жалость он тщательно скрывал от соучастников. Сам же он находил, что ему легче понять жертву, чем преследователей — очень характерное для лицевого танцора свойство.

Скайтейл держался в стороне от остальных. Сначала они обсуждали вопрос о возможности применения яда. Энергичное и яростное по сути, это обсуждение внешне выглядело бесстрастно и чопорно и проходило в манере, свойственной представителям Великих Школ, когда затрагиваются их догмы.

— Тебе кажется, что он сражен, а он вновь невредим!

Это сказала старая Преподобная Мать Бене Джессерит Гаиус Хэлен облако, насыщенное запахом меланжа.

— Если так будет продолжаться, мы умрем от собственной глупости!

Это произнес четвертый из присутствующих, потенциальный участник заговора, принцесса Ирулэн, жена (но не настоящая, напомнил себе Скайтейл) их общего врага. Она стояла у контейнера Адрика, высокая, светловолосая красавица, в великолепном платье из голубой китовой шерсти и в такого же цвета плаще и шляпе. Золотые серьги блестели у нее в ушах. Она вела себя с аристократическим высокомерием, но что-то в выражении ее лица говорило, что усвоенный у Бене Джессерит самоконтроль дается ей с большим трудом. Мысли Скайтейла от тонкостей языка и лиц обратились к деталям окружающей их местности. Со всех сторон расстилались холмы, почерневшие от тающего снега, отражавшего грязноватую голубизну маленького бело-голубого солнца, повисшего над горизонтом.

«Почему выбрано именно это место? — подумал Скайтейл. — Бене Джессерит редко поступают беспричинно. Возьмем этот павильон: более просторное, но закрытое помещение могло вызвать у представителя Союза клаустрофобию. Адрик привык к просторам своей родной планеты. Но построить такой купол специально для него — значило прямо указать на его слабость». «А для меня лично что здесь приготовлено?» — вновь подумал Скайтейл. — А вам разве нечего сказать, Скайтейл? — в упор спросила его Преподобная Мать.

— Вы хотите втянуть меня в эту дурацкую борьбу? Мы имеем дело с потенциальным мессией. На него нельзя нападать открыто. Если мы превратим его в мученика, это будет нашим поражением.

Взоры всех присутствующих обратились на него.

— Вы думаете, в этом единственная опасность? — снова спросила Преподобная Мать своим пронзительным голосом.

Скайтейл пожал плечами. Для этой встречи он выбрал круглое открытое лицо, веселые глаза, полные губы — внешность обрюзгшего коротышки. Сейчас, глядя на соучастников заговора, он подумал, что сделал идеальный выбор, возможно, инстинктивный. Он единственный из них мог выбирать из большого набора внешностей. Он — человек-хамелеон, лицевой танцор, и внешность, которую он сейчас надел, заставляла остальных воспринимать его слишком легкомысленно.

— Ну, так как же? — настаивала Преподобная Мать.

— Я наслаждался тишиной, — сказал Скайтейл. — Лучше не выражать вслух нашу враждебность.

Преподобная Мать отпрянула от него, и Скайтейл увидел, как она меняет свою оценку. Все они прошли жесткую школу прана-бинду, все владели своими мышцами и нервами так, как мало кто из людей. Но Скайтейл, лицевой танцор, мог делать со своими мышцами и нервами то, что было недоступно другим, и вдобавок обладал особым даром проникновения — он мог надевать на себя не только внешность другого человека, но и вживаться в его душу.

Скайтейл дал ей возможность завершить переоценку, потом коротко сказал:

— Яд!

Он произнес это слово с такой интонацией, как будто только он один понимал его истинное значение.

Представитель Союза шевельнулся, и его голос полился из блестящего шара, укрепленного в углу контейнера:

— Мы говорим не о физической отраве, а о психологической.

Скайтейл рассмеялся. Смех на языке мирабхаза срывал маску с собеседника, и тому нечего было больше прятать.

Ирулэн одобрительно улыбнулась, но в глазах Преподобной Матери блеснул гнев. — Прекратите! — выдохнула Моахим.

Скайтейл замолчал, но теперь общее внимание было приковано к нему. Адрик разгневан, Моахим взбешена, Ирулэн удивлена, но забавляется.

— Наш друг Адрик предполагает, — сказал Скайтейл, — что две опытные Бене Джессерит не знают всех возможностей обмана.

Моахим отвернулась и посмотрела на холодные холмы родной планеты Бене Джессерит. Скайтейл понял, что она готова пойти на уступку. Это хорошо. Другое дело — Ирулэн.

— Вы с нами или нет? — спросил Адрик, глядя на Скайтейла своими круглыми глазами грызуна.

— Дело не во мне, — ответил Скайтейл. Он продолжал привлекать внимание Ирулэн. — Вы удивлены, принцесса, зачем мы с таким риском добирались сюда за много парсеков?

Она кивнула в знак согласия.

— Для того разве, чтобы обменяться банальностями с человеком-рыбой или спорить с толстым лицевым танцором с Тлейлакса? — спросил Скайтейл. Она отступила от бака Адрика, раздраженно отмахиваясь от густого запаха меланжа.

Адрик воспользовался этим моментом, чтобы бросить себе в рот таблетку меланжа. Он ел спайс и дышал им, он даже пил его, как заметил Скайтейл. Вполне понятно — спайс обостряет проницательность рулевого, дает ему возможность вести лайнеры Союза со сверхсветовой скоростью. Спайс помогает ему угадывать курс, на котором корабль не подстерегает опасность. Сейчас Адрик ощущал присутствие другой опасности, но на этот раз ему не мог помочь даже его меланжевый костыль.

— Я думаю, с моей стороны было ошибкой явиться сюда, — сказала Ирулэн.

Повернувшись к ней, Преподобная Мать раскрыла глаза, точно рептилия, затем снова закрыла их.

Скайтейл перевел взгляд с Ирулэн на контейнер, будто приглашая принцессу разделить его точку зрения. Он знал, что Адрик ей отвратителен: самоуверенный взгляд, безобразные руки и ноги, медленно двигающиеся в газе, клубы меланжевого запаха вокруг. Она задумывается над его сексуальными обычаями, подумывает, как странно было бы видеть себя парой такого существа. Даже генератор поля, который создавал для Адрика невесомость космоса, отдаляет его от нее.

— Принцесса, — сказал Скайтейл, — благодаря присутствию Адрика, пророческие способности вашего супруга не смогут проникнуть в некоторые события, включая и нашу встречу... предположительно.

— Предположительно, — механически повторила Ирулэн.

Преподобная Мать кивнула с закрытыми глазами.

— Сущность проникновения в будущее непонятна даже тем, кто обладает этим даром, — сказала она.

— Я полноправный представитель Союза и обладало этой способностью, заявил Адрик.

Преподобная Мать снова открыла глаза. На этот раз с проницательностью, свойственный Бене Джессерит, она смотрела на лицевого танцора. Она взвешивала его слова.

— Нет, Преподобная Мать, — пробормотал про себя Скайтейл, — я не так прост, каким кажусь.

— Мы не понимаем сущности проникновения, — сказала Ирулэн. — Вот, например, Адрик говорит, что мой муж не может знать, видеть или предвидеть то, что происходит в присутствии рулевого Союза, — этому мешает его воздействие. Но каковы границы этого воздействия?

— Существуют люди и явления в нашей Вселенной, о которых я знаю лишь по их последствиям. — Рыбий рот Адрика сжался в тонкую линию. — Я знаю, что они существуют... где то. Как морское

животное колеблет поверхность моря, так и проникновение в будущее лишь колеблет ткань времени. Я видел места, где был ваш супруг. Но ни его самого, ни тех, кто разделяет его цели и стремления, я не видел. Точно так же я сам укрыт от него и могу укрыть всех наших.

— Ирулэн не ваша, — возразил Скайтейл, исcosa взглянув на принцессу. — Мы все знаем, что заговор должен осуществляться только в моем присутствии, — сказал Адрик.

Голосом, каким говорят об использовании машины, Ирулэн произнесла:

— Конечно, у вас есть свои достоинства...

?Теперь она поняла, кто он такой", — удовлетворенно подумал Скайтейл. — Будущее надо создавать, — сказал он, — подумайте об этом, принцесса.

Ирулэн взглянула на лицевого танцора и подумала о людях, разделяющих цели и стремления Пола, о легионерах из числа Свободных. Она видела, как он пророчествовал от них, выдала знаки слепого преклонения перед их Махди, их Муад Дибом.

«Ей кажется, — подумал Скайтейл, — что она перед судом, который ее оправдает или уничтожит. Она видит ловушку, которого мы все подготовили для нее».

На мгновение он встретился взглядом с Преподобной Матерью и испытал странное ощущение, будто их мысли о Ирулэн совпали. Конечно, орден Бене Джесссерит подготовил принцессу, обучил ее, теперь настало время воспользоваться результатами этой подготовки.

— Принцесса, я знаю, чего вы больше всего хотите от Императора, произнес Адрик.

— Кто же этого не знает? — ответила Ирулэн.

— Вы хотите стать основательницей династии, — продолжал Адрик, как будто не слыша ее реплики. — Я хочу заставить вас поверить моему дару предвидения: Император женился на вас из политических соображений и вы никогда не делили с ним ложе.

— Значит, ваш оракул еще и сводня, — усмехнулась Ирулэн.

— Настоящая жена Императора — его возлюбленная из Свободных, а не вы! — выпалил Адрик.

— Но она не может дать ему наследника, — вспыхнула Ирулэн.

— Разум — первая жертва сильных эмоций, — пробормотал Скайтейл. Он видел гнев Ирулэн, видел, что его предостережение на нее подействовало.

— Она не может дать ему наследника, — повторила Ирулэн уже спокойнее, беря себя в руки, — потому что я тайно даю ей противозачаточные средства. Вам было нужно это признание?

— Но Императору этого знать не следует, — с улыбкой заметил Адрик.

— У меня готово объяснение для него, — возразила Ирулэн. — Может, он и обладает чувством правды, но иногда в ложь легче поверить, чем в правду. — Вы должны сделать выбор, принцесса, — сказал Скайтейл.

— Пол добр со мной, — проговорила она. — И я заседаю в его Совете.

— За двенадцать лет брака с ним проявил он к вам хоть немного нежности? — спросил Адрик.

Ирулэн покачала головой.

— Он сверг вашего отца с помощью своих злобных орд и женился на вас, чтобы законно претендовать на трон, но его настоящей женой вы так и не стали, — продолжал Адрик.

— Адрик старается воздействовать на ваши чувства, — заметил Скайтейл. — Разве это не забавно?

Она взглянула на лицевого танцора, увидела его дерзкую улыбку, и брови ее поползли вверх. Скайтейл видел: теперь она совершению уверена, что если она покинет встречу соучастницей заговора, Пол этого определить не сможет, если же она не согласится, тогда...

— Не кажется ли вам, принцесса, — спросил Скайтейл, — что Адрик обладает в нашем заговоре слишком большой властью?

— Я заранее согласен подчиниться наиболее разумному предложению, сказал Адрик.

— А кто его определит, это наиболее разумное предложение?

— Вы не хотите, чтобы принцесса присоединилась к нам? — спросил Адрик.

— Он хочет, чтобы присоединение было искренним, — проворчала Преподобная Мать. — Между нами не должно быть обмана.

Скайтейл видел, что Ирулэн задумалась, спрятав руки в рукава. Теперь она думает о подброшенной Адриком наживке — об основании династии. Она думает и о том, как заговорщики собираются защититься от нее. Ей многое нужно взвесить.

— Скайтейл, — наконец сказала она, — говорят, у вас, на Тлейлаксе, странные представления о чести — ваши жертвы всегда имеют возможность спастись.

— Если найдут эту возможность, — согласился Скайтейл.

— А я — жертва?

Скайтейл рассмеялся. Преподобная Мать фырнула.

— Принцесса, — как можно убедительнее сказал Скайтейл, — не бойтесь, вы уже давно одна из нас. Разве не вы посыпали регулярные сообщения Бене Джессерит?

— Пол знает, что я пишу своим учителям.

— Но разве не вы снабжаете их материалом для пропаганды против вашего мужа и Императора? — спросил Адрик.

«Не „нашего“ Императора, — отметил про себя Скайтейл, — а „вашего“ Императора. Ирулэн слишком хорошо обучена Бене Джессерит, чтобы не заметить этой детали».

— Вопрос в том, чем и как воспользоватьсяся, — сказал Скайтейл, подходя ближе к баку представителя Союза. — Мы, на Тлейлаксе, считаем, что самое прочное во Вселенной — это энергия. И что энергия способна обучаться. Слышите, принцесса, — энергия обучается. Ее мы и зовем властью.

— Вы не убедили меня в том, что мы сможем победить Императора, сказала Ирулэн.

— Мы не убедили в этом даже самих себя, — заметил Скайтейл.

— Куда мы ни посмотрим, — продолжала Ирулэн, — всюду его власть противостоит нам. Он — Квизац Хадерах, он может быть одновременно во множестве мест. Он — Махди, и любой его каприз — непрекаемый приказ для миссионеров Квизарата. Он — ментат, чей интеллект превосходит знаменитые компьютеры древних. Он — Муад Диб, чьи повеления легионам Свободных опустошают целые планеты. Он обладает пророческим видением, он проникает в будущее. Именно его генный рисунок Бене Джессерит искал...

— Мы все знаем его свойства, — прервала ее Преподобная Мать. — И мы знаем, что эта мерзость, его сестра Алия, обладает тем же генетическим рисунком. Но оба они люди, и, значит, у них есть слабости.

— И где же эти человеческие слабости? — спросил лицевой танцор. — Следует ли искать их в религии джихада? Можно ли обратить против него императорский Квизарат? А власть Великих Домов? Может ли Ландсраад сделать больше, чем просто выразить протест?

— Я советую опереться на КХОАМ, — сказал Адрик, поворачиваясь в своем баке. — КХОАМ — это бизнес, а бизнес всегда ищет прибыль.

— А может, на мать Императора? — предложил Скайтейл. — Леди Джессика, насколько я знаю, остается на Келадане, но поддерживает постоянную связь с сыном.

— Шлюха, предательница, — ровным голосом произнесла Моахим. — Я отрубила бы собственные руки, которые учили ее.

— Нашему заговору необходим руководитель, — сказал Скайтейл.

— Мы не просто заговорщики, — возразила Преподобная Мать.

— Да, — согласился лицевой танцор. — Мы энергичны и быстро набираем опыт. Это делает нас единственной надеждой человечества. — Он произнес это тоном величайшей убежденности, который звучал насмешкой в устах тлейлаксу

— лицевого танцора.

По-видимому, только одна Преподобная Мать поняла это.

— В чем дело? — спросила она у Скайтейла.

Прежде чем лицевой танцор успел ответить, Адрик, прочистив горло, сказал:

— Оставим этот философский вздор! Любой вопрос может быть сведен к одной фразе: почему, вообще, все? Любые религиозные, деловые и политические проблемы сводятся тоже к одной фразе: кому принадлежит власть? Союзы, объединения, блоки — все это лишь иллюзия, если за ними нет настоящей власти. А все остальное — вообще чепуха, и это понимает любое мыслящее существо.

Скайтейл пожал плачами. Жест его предназначался Преподобной Матери:

Адрик ответил за него на ее вопрос. Чтобы окончательно убедиться, что она это поняла, Скайтейл сказал:

— Внимательно слушая учителя, приобретаешь знания.

Преподобная Мать медленно кивнула.

— Принцесса, — снова заговорил Адрик, — делайте выбор! Вы избраны как орудие судьбы, прекраснейшая...

— Поберегите свои комплименты для тех, на кого они могут подействовать, — оборвала его Ирулэн. — Вы упомянули о призраке, мстителе, который может покончить с Императором. Объясните, что вы имели в виду.

— Атридес победит сам себя! — воскликнул Адрик.

— Перестаньте говорить загадками! — рассердилась Ирулэн. — Что это за призрак?

— Весьма необычный, — сказал Адрик. — У него есть тело и имя. Тело плоть знаменитого фехтовальщика Данканы Айдахо. Имя...

— Но Айдахо мертв, — быстро вставила Ирулэн. — И Пол часто оплакивал его в моем присутствии. Он сам видел, как Айдахо был убит сардукаром моего отца.

— Даже в поражении сардукару вашего отца не изменила мудрость, сказал Адрик. — Предположим, что мудрый командир сардукаров узнал в убитом великого бойца. Что же тогда? Можно использовать такое тело и его умение... если действовать быстро.

— Гхола тлейлаксу... — прошептала Ирулэн, искоса взглянув на Скайтейла.

Скайтейл, уловив этот взгляд, продемонстрировал свое искусство лицевого танцора — овал лица у него изменился, черты расплылись... И вот уже перед пей стоит стройный мужчина: лицо более смуглое, с чуть плоскими чертами, выступающие скулы, морщины у глаз, черные взлохмаченные волосы... — Гхола с такой внешностью, — сказал Адрик, указывая на Скайтейла.

— Или еще один лицевой танцор? — спросила Ирулэн.

— Не лицевой танцор, — возразил Адрик. — При длительном наблюдении лицевой танцор может быть раскрыт. Но, предположим, что наш мудрый командир сардукаров сохранил тело Айдахо для аксолотлевых резервуаров. Почему бы и нет? Оно принадлежало одному из лучших фехтовальщиком в истории, советнику Атридесов, военному гению. Зачем терять такие способности, когда можно получить великолепного инструктора для сардукаров?

— Но я ни разу не слышала об этом, а я ведь была очень близка к отцу, — возразила Ирулэн.

— Ваш отец потерпел поражение, и спустя несколько часов вы были проданы новому Императору, — сказал Адрик.

— Это все действительно имело место? — спросила Ирулэн повелительным тоном.

С благодушием, способным свести с ума, Адрик ответил:

— Предположим, наш мудрый командир сардукаров, понимая необходимость быстрых действий, немедленно отправил сохраненное тело Айдахо на планету Тлейлакс. Предположим далее, что этот командир и все его люди, которые знали об этом, погибли раньше, чем успели сообщить эту информацию вашему отцу, который, впрочем, все равно не успел бы ею воспользоваться. Тогда остается лишь голый факт — тело, отправленное на Тлейлакс. Существовал лишь один способ переправить его — в скоростном лайнере, конечно. А Союз, естественно, знает, какие грузы перевозят его корабли. Разве при этих обстоятельствах не мудро заключить, что такой подарок

подходит Императору Муад Дибу?

— И вы это сделали? — спросила Ирулэн.

Скайтейл, вернувший себе свой первоначальный облик пухлого коротышки, сказал:

— Как уже справедливо отметил наш друг с длинными плавниками, мы сделали это.

— И к чему же готовили Айдахо? — спросила Ирулэн.

— Айдахо... — повторил Адрик и посмотрел на лицевого танцора. — Вы знаете, кто такой Айдахо, Скайтейл?

— Мы продали вам создание по имени Хейт, — ответил тот.

— Верно, Хейт, — согласился Адриан. — Почему же вы нам его продали?

— Потому что однажды мы вырастили собственного Квизац Хадераха, ответил Скайтейл.

Быстро повернув голову, старая Преподобная Мать посмотрела на него.

— Вы нам этого не говорили! — обвиняюще произнесла она. — А вы нас об этом и по спрашивали, — возразил Скайтейл. — Так же вы распорядились своим Квизац Хадерахом? — спросила Ирулэн. — Существо, всю жизнь создававшее нечто определенное, как проявление своей сущности, скорее умрет, чем станет противоположностью этой сущности, — ответил Скайтейл.

— Не понимаю, — вмешался Адрик.

— Он убил себя, — проворчала Преподобная Мать.

— Внимательно слушайте меня, Преподобная Мать, — предупредил Скайтейл, в то же время телепатически передавая ей: "Ты не обладаешь Полом, не обладала им и никогда не будешь обладать!"

Тлейлаксу подождал, пока она все поймет. Она не должна заблуждаться относительно его намерений. Гнев пройдет, и она осознает, что лицевой танцор не мог предъявить такое обвинение, зная тактическую программу Бене Джессерит. В тоне Скайтейла звучало оскорбление, совершенно не характерное для тлейлаксу.

Используя умиротворяющую интонацию мирабхаза, Адрик поспешил смягчить напряжение:

— Скайтейл, вы ведь говорили нам, что продали Хейта, потому что разделяете наши планы по его использованию?

— Вы, Адрик, будете молчать, пока я не разрешу вам говорить, — сказал Скайтейл.

И так как представитель Союза собрался запротестовать, Преподобная Мать крикнула:

— Помолчите, Адрик!

Тот отступил в глубину своего бака.

— Мимолетные эмоции неуместны при решении общей программы, — сказал Скайтейл. — Они неуместны потому, что единственная обидная эмоция, которая собрала нас здесь, — страх.

— Да, — согласилась Ирулэн, оглянувшись на Преподобную Мать.

— Мы должны видеть слабое звено в нашей защите, — продолжал Скайтейл. — И оракул может натолкнуться на нечто непонятное.

— А вы изобретательны, Скайтейл, — сказала Ирулэн.

«Она и не догадывается, насколько справедливо это ее замечание, подумал Скайтейл. — Когда дело будет сделано, в наших руках окажется Квизац Хадерах, которого сможем контролировать только мы. А все остальные не получат ничего».

— Каково происхождение вашего Квизац Хадераха? — спросила Преподобная Мать.

— Мы имеем дело с чистыми сущностями, — ответил Скайтейл. — Добро и зло в чистом виде. Злодей, испытывающий наслаждение, лишь причиняя боль и ужас, легко поддается обучению.

— Старый Барон Харконнен, дед нашего Императора, был ли он созданием Тлейлакса? — спросила Ирулэн.

— Нет, — ответил Скайтейл. — Но природа часто создает существа, не менее смертоносные, чем наши. Мы лишь ставим их в условия, в которых можем их изучать.

— Я не потерплю такого обращения с собой! — не выдержав, заявил Адрик. — Кто скрывает нашу встречу от...

— Именно поэтому вы и должны быть благоразумнее, — напомнил ему Скайтейл.

— Давайте обсудим, как мы подарим Хейта Императору, — настаивал Адрик. — По моему мнению, Хейт представляет старую верность, испытанную Атридесом с самого рождения. С помощью Хейта Император смягчит свои действия, установит равновесие позитивных и негативных элементов в жизни и религии.

Скайтейл улыбнулся, снисходительно разглядывая сообщников. Они вели себя так, как он и ожидал. Старая Преподобная Мать орудовала эмоциями, точно косой. Ирулэн хорошо подготовлена к возложенной на нее задаче, но все же потерпела поражение — это ошибка Бене Джессерит. Адрик не больше (но и не меньше), чем орудие — он может скрывать и отвлекать. Сейчас Адрик погрузился в угрюмое молчание, остальные не обращали на него внимания.

— Правильно ли я поняла, что Хейт должен отравить душу Императора? спросила Ирулэн.

— Более или менее, — ответил Скайтейл.

— А как же Квизарат? — спросила она снова.

— Нужен лишь легкий толчок, небольшое акцентирование определенных эмоций, чтобы превратить зависть во вражду, — ответил Скайтейл.

— А КХОАМ?

— Ее интересует только прибыль.

— А другие группировки?

— Придется действовать от имени правительства, — сказал Скайтейл. -Менее могущественные мы проглотим — во имя морали и прогресса. Наши противники задохнутся в петле собственных трудностей.

— Алия?

— Хейт — гхола многоцелевого назначения, — ответил Скайтейл. — Сестра Императора в том возрасте, когда ее сможет привлечь мужчина, специально для этого созданный. Его могущество и способности ментата не останутся без ее внимания.

Моахим позволила своим старым глазам удивленно раскрыться.

— Гхола — ментат? Рискованный ход.

— Мне кажется, что ментат должен иметь точные данные, — произнесла Ирулэн с ноткой сомнения. — Что, если Пол спросит его об истинной цели подарка?

— Хейт скажет правду, но это не будет иметь никакого значения, заверил ее Скайтейл.

— Значит, двери спасения открыты для Пола? — Ирулэн задала свой вопрос утвердительным тоном.

— Ментат! — фыркнула Моахим.

Скайтейл смотрел на Преподобную Мать и видел дремучую наивность, скрашивающую ее реакцию. Еще со времен Бутлерианского Джихада, когда «думающие машины» были стерты с лица Вселенной, компьютеры внушали недоверие, и человеческие компьютеры — тоже.

— Мне не нравится ваша улыбка, — сказала Моахим с внезапной откровенностью.

В тон ей Скайтейл ответил:

— А я и не собираюсь вам нравиться, но мы должны работать вместе и все это понимаем. — Он оглянулся на представителя Союза. — Как, Адрик?

— Вы преподали нам болезненный урок, — сказал тот. — Мне кажется, я не должен возражать против мнения всех других участников. — Видите, его можно научить, — улыбнулся Скайтейл.

— Я вижу и другое, — проворчал Адрик. — Атридесу принадлежит монополия на спайс. Без него я не могу проникать в будущее, а Бене Джессерит утратит свое чувство правды. У нас, конечно, есть

запасы, но они не беспредельны. Меланж — могучая сила.

— У нашей цивилизации не одна эта сила, — многозначительно сказал Скайтейл.

— Вы думаете выкрасть секрет меланжа! — взвизгнула Моахим. — С планеты, охраняемой этими безумными Свободными?!

— Свободные тоже бывают разные, — спокойно возразил ей Скайтейл. — И они не безумны. Просто их приучили не думать, а верить, а верой вполне можно манипулировать. Опасно только знание.

— Но я буду родоначальницей династии? — спросила Ирулэн.

Все уловили жалобную интонацию в ее голосе, но улыбнулся только Адрик.

— Конечно, — успокоил ее Скайтейл.

— Это будет означать конец Атридесов как правящей партии, констатировал Адрик.

— Другие, менее одаренные оракулы, уже сделали это пророчество, заметил Скайтейл. — Для них это «мектуб ал меллах», как говорят Свободные. — «Написано солью», — перевела Ирулэн.

И когда она сказала это, Скайтейл понял, кого выставил против него орден Бене Джессерит — прекрасную умную женщину, которая никогда не будет принадлежать ему. «Что ж, — подумал он, — у меня будет ее копия».

Глава 3

«Любая цивилизация должна бороться с бессознательной силой, которая может противостоять любому сознательному намерению коллектива, предать или блокировать его».

Теорема Тлейлакса (не доказана).

Пол сел на край кровати и начал снимать пустынные сапоги. Они резко пахли смазкой, которая предохраняла насосы его стилсьюта. Было поздно. Он задержался на своей вечерней прогулке, чем вызвал беспокойство тех, кто его любил. Он и сам сознавал, что такие прогулки опасны, но эту опасность он мог распознать и немедленно на все отреагировать. Что-то привлекательное было в ночных прогулках по темным улицам Арракина.

Швырнув сапоги в угол комнаты, под единственный светящийся глоуглоб, он принялся за застежки стилсьюта. Великий Боже, как же он устал! Но усталость притаилась лишь в мышцах, мозг продолжал свою активную деятельность. Зрелище обеденной городской жизни вызывало в нем острую зависть. Император не мог влиться в этот безымянный поток жизни, по пройти по улицам, не привлекая ничьего внимания, — какое это преимущество! Миновать криклию толпу нищенствующих пилигримов, слышать, как Свободный бранит лавочника: «У тебя влажные руки!?

Улыбаясь своим воспоминаниям, Пол освободился от стилсьюта.

Он стоял, обнаженный, странно не настроенный на свой привычный мир. Дюна теперь парадокс: планета в осаде, но в то же время — центр власти. Глядя себе под ноги, на зеленый ковер, ощущая подошвами его грубый ворс, он решил, что оказаться в осаде — неизбежная прерогатива власти.

Улицы по щиколотку были полны песка, надутого ветрами из-за Защитной стены. Пешеходы поднимали удущливую пыль, забивавшую фильтры стилсьюта. Даже здесь, несмотря на мощную вентиляцию крепости, он ощущал запах пыли. Этот запах напоминал ему о пустыне.

Другое время — другие опасности.

Сравнительно с теми, прежними днями опасность, сопровождавшая его одинокие прогулки, ничтожна. Но, надев стилсьют, он надевает и пустыню. Костюм, со всеми его приспособлениями, предназначенными для сбережения влаги тела, организовывал мысли по-другому. Пол снова становился диким Свободным. В костюме он забывал об опасности, снова, как прежде, полагаясь на навыки Свободного. Пилигримы и жители города скользили мимо него, опустив глаза. Они благоразумно не задевали дикаря. У горожан было свое представление о лице пустыни — это было лицо Свободного, скрытое носовыми фильтрами стилсьюта.

По правде говоря, существовала лишь мизерная вероятность, что кто-то из прежней жизни — жизни съетча — узнает его по походке, запаху или глазам. Но даже и в этом случае вероятность встречи с врагом была ничтожно мала.

Шум дверных занавесей и полоса света прервали его размышления. Вошла Чани с кофейным сервисом на платиновом подносе. За ней следовали два светящихся шара: один повис над изголовьем кровати, другой светил ей на руки.

Движения Чани оставляли впечатление хрупкости и уязвимости, по в то же время и уверенности. Что-то в ее позе, конца она склонилась над кофе, напомнило ему их первые дни. Черты ее лица оставались тонкими, годы их не тронули — разве что внимательно присмотревшись, можно было разглядеть морщинки в уголках лишенных белков глаз — «песчаные следы», как называют их Свободные.

Чани подняла крышку кофейника, откуда повалил пар. Она опустила крышку, и Пол понял, что кофе еще не готов. Серебряный кофейник в форме беременной женщины — это ганима, военная добыча, доставшаяся ему после того, как он убил прежнего владельца в личном поединке. Кажется, его звали Джемиз... верно, Джемиз. Что за странное бессмертие выпало на его долю! Зная, что смерть неизбежна, неужели он именно такую прочил сам себе?

Чани расставила чашки, голубые, приземистые, словно повитухи, рядом с кофейником. Три чашки: по одной на каждого пьющего и одну — для всех прежних владельцев. — Через минуту кофе будет готов, — сказала она, взглянув на Пола, и он постарался представить себе, каким она его видит. Все еще чужеземец, сухощавый, жилистый, но все же полный воды в сравнении со Свободными. Напоминает ли он ей Узула, того, чье имя он принял, когда они с матерью были беглецами в пустыне?

Пол оглядел себя — стройное тело, тугие мышцы, немного прибавилось шрамов, по в целом все то же, и ведь он уже двенадцать лет как Император. Подняв голову, он увидел свое лицо в зеркале: синие глаза Свободного след приверженности к спайсу, нос Атридесов. Ведь он родной внук

Атридеса, который погиб на арене в схватке с быком, на глазах у своего народа, жаждущего зреши.

Пол вспомнил слова старика: «Тот, кто правит, берет на себя ответственность за тех, кем он правит. Ты хозяин, но это значит, что иногда от тебя требуется самопожертвование, бескорыстный акт любви, который может лишь позабавить тех, кем ты правишь». Поданные до сих пор вспоминают старика с любовью.

«А что сделал я во славу Атридесов? — спросил себя Пол. — Выпустил волка среди овец».

На минуту он задумался над всеми убийствами, над всем насилием, что творятся его именем. — Немедленно в постель! — приказала Чани, и Пол с усмешкой подумал, в какое замешательство пришли бы его поданные, если бы они могли услышать ее повелительный тон.

Он послушно лег навзничь, закинув руки за голову и отдаваясь привычным успокаивающим движениям рук Чани.

Неожиданно окружающая обстановка поразила его своей необычностью. Совсем не так представляли себе спальню Императора его поданные. Свет беспокойно плавающих шаров перемещал тени множества кувшинов на полке, за спиной Чани. Пол про себя перечислил их содержимое — сухие ингредиенты пустынной фармакопеи, мази, ладан, горсть песка из съетча Табр, прядь волос их сына, невинного младенца, убитого двенадцать лет назад в битве, которая сделала его, Пола, Императором.

Густой запах спайсового кофе заполнил комнату. Пол вдохнул этот запах, и взгляд его упал на желтую чашку рядом с подносом, на котором Чани готовила кофе. В чашке лежали земляные орехи. Неизбежный распознаватель яда, смонтированный под столом, размахивал над чашкой своими паучими лапками. Это рассердило Пола: в дни пустыни не было нужды искать в пище яд.

— Кофе готов, — сказала Чани. — Есть будешь?

Его сердитый ответ потонул в грохоте спайсового лайнера, поднимающегося в небо с взлетного поля Арракина.

Чани видела, что Пол не в духе, однако налила кофе и подвинула ему чашку. Потом она села в изножье кровати, обнажила его ноги и начала растирать мышцы, затекшие от долгой ходьбы и стилсьюте. Самым обыденным тоном, который, однако же, не обманул Пола, она сказала:

— Давай поговорим о желании Ирулэн иметь ребенка. Пол раскрыл глаза и внимательно посмотрел на Чани: — Прошло всего два дня, как Ирулэн вернулась с Валлаха-9. Она что, уже была у тебя?

— Мы не говорили с ней об этом, — сказала Чани.

Пол напряг свои способности ментата и стал рассматривать Чани, подмечая каждую деталь, как учила его мать, Бене Джессерит. Ему не хотелось продевать это с Чани. Секрет ее притягательности отчасти заключался для него в том, что ему не надо было рядом с ней напрягать свои способности ментата. Чани обычно избегала непрямых вопросов. Ее вопросы, как правило, касались практической стороны. Чани интересовали факты, от которых зависело положение ее мужчины, его влияние в Совете, верность его легионов, сила и слабость его союзников. В памяти у нее хранилось множество имен и подробностей. Она легко могла перечислить все слабые стороны любого из известных ей врагов, представить возможное расположение вражеских сил, предугадать возможные планы предводителей вражеской армии, определить производственные мощности главных отраслей промышленности противника.

?Почему же теперь она заговорила об Ирулэн?" — силился понять Пол.

— Я тебя встревожила, — извинилась Чани. — Я не хотела этого.

— Чего же ты хотела?

Она стыдливо улыбнулась, встретив его взгляд.

— Если ты сердишься, любимый, не скрывай этого.

Пол снова опустил голову на подушки.

— Может быть, отослать ее? — спросил он. — Польза от Ирулэн теперь сомнительная, к тому же мне очень не нравится ее последнее путешествие.

— Ты не отошлешь ее, — сказала Чани, продолжая массировать ему ноги. — Ты много раз говорил, что она твоя связь с врагами, что по ее действиям ты угадываешь их планы.

— Почему же тогда ты заговорила о ее желании иметь ребенка?

— Я думаю, это обескуражит наших врагов и поставит Ирулэн в зависимое положение... если ты сделаешь ее матерью.

По движениям ее рук он понял, чего стоили ей эти слова. В горле у него застрял ком. Он негромко сказал:

— Чани, любимая, я поклялся, что она никогда не будет лежать в моей кровати. А ребенок дал бы ей слишком большую власть. Ты что, хочешь, чтобы она заняла твоё место?

— У меня нет места.

— Неправда, Сихайя, моя пустынная весна. Почему ты вдруг решила позаботиться об Ирулэн?

— Я забочусь о тебе, а не о ней. Если у нее будет ребенок Атридесов, ее друзья усомнятся в ее верности им. Чем меньше они будут верить ей, тем меньше она принесет им пользы.

— Ее ребенок может повлечь за собой твою смерть, — сказал Пол. — Ты знаешь, какие здесь возможны заговоры. — Он повел рукой, повторяя очертания крепости.

— Ты должен иметь наследника! — выдохнула она чуть слышно.

— Ах, вот оно что!

Теперь все ясно: Чани не родила ему наследника, значит, это должен сделать кто-то другой. Почему бы и не Ирулэн? Так рассуждала Чани. И это должно быть сделано при помощи секса, так как по всей Империи действовало строжайшее табу на любые искусственные способы оплодотворения. Чани пришла к этому заключению, руководствуясь естественной логикой Свободных.

Пол в новом свете рассматривал ее лицо. Его он знал лучше, чем свое собственное. Он видел его в экстазе страсти, видел смягченным сном, видел на нем выражение страха, гнева, печали...

Он закрыл глаза и снова мысленно увидел Чани еще юной девушкой поющей, просыпающейся рядом с ним. В его воспоминаниях она улыбалась, сначала стыдливо, потом напряженно — как будто хотела бежать из его видений.

У Пола пересохло во рту. На мгновение он ощущил дым опустошенного будущего. Голос из другого видения приказывал ему: освобождайся, освобождайся, освобождайся! Его пророческие видения уже очень давно приносили ему картины будущего, обрывки чужих языков. С того самого мгновения, как первое видение посетило его, он вглядывался в будущее, надеясь увидеть там мир.

Конечно, путь существует, он знает это. Не зря видение кричит ему: освобождайся... освобождайся... освобождайся!

Пол открыл глаза и посмотрел на Чани. Она перестала массировать ему ноги и сидела теперь неподвижно, как изваяние, настоящая Свободная! Черты ее лица оставались знакомыми под голубым незхопи — шарфом, который она обычно носила в помещении. Но на лице ее застыла непреклонность, древний и чуждый ему образ мыслей. В течение тысячелетий женщины Свободных жили рядом со своими мужьями обязательно в мире и согласии. Сейчас в Чани было что-то от тех женщин.

— Единственного наследника, который мне нужен, дашь мне ты, — сказал Пол.

— Ты видел это? — спросила она, имея в виду его пророческое видение. Как и много раз до этого, Пол подумал, как трудно объяснить ей сложность видений, бесконечное число временных линий, которые одновременно проходят перед ним. Он вздохнул, представляя себе воду, поднятую из реки в ладонях, струйки, вытекающие сквозь дрожащие пальцы. Как может он рассказать о будущем, утекающем, как эта вода? Слишком много оракулов скрывают от него это будущее.

— Значит, ты не видел, — утвердительно сказала Чани.

Видение будущего, доступное для него путем крайнего напряжения сил, что оно может показать им, кроме горя? Пол чувствовал, что находится в негостеприимной промежуточной зоне, где его чувства качаются и плывут бесконечно, безостановочно...

Чани укрыла ему ноги и сказала:

— Наследник Дома Атридесов — это не шутка. Не следует полагаться на волю случая, ставить это в зависимость от одной женщины.

«Так могла бы сказать моя мать», — подумал Пол. Неужели леди Джессика тайно общается с Чани?

Его мать, разумеется, встала бы на защиту интересов Дома Атридесов. Такой воспитала ее школа Бене Джессерит. И это остается в ней даже теперь, когда она противостоит воспитавшему ее ордену.

— Ты подслушивала, когда ко мне сегодня приходила Ирулэн, — в его голосе прозвучала суворость.

— Да, — ответила она, не поднимая на него глаз.

Пол вспомнил посещение Ирулэн. Он сидел в семейной комнате. На ткацком станке Чани он заметил незаконченное платье. Комната пропахла едким запахом пустынного червя, злым запахом, почти забивающим запах меланжа. Кто-то пролил жидкий спайс на ковер. Не самое удачное сочетание. Спайс растворил материю ковра. На том месте, где лежал ковер, на пластиковом полу остались масляные следы. Пол уже хотел позвать кого-нибудь, чтобы вытерли пол, но вошла Хара, жена Стилгара и лучшая подруга Чани, и доложила о приходе Ирулэн.

Пол вынужден был принять Ирулэн среди этих острых запахов, будучи не в состоянии преодолеть суеверие Свободных, что злые запахи предотвращают покушение на убийство.

Впустив Ирулэн, Хара вышла.

— Добро пожаловать, — сказал Пол.

На Ирулэн было платье из серой китовой шерсти. Она запахнула его плотнее и поправила волосы. Его мирный топ удивил ее, и заготовленные гневные слова замерли на ее губах.

— Ты пришла сообщить мне, что орден растерял последние остатки морали? — спросил Пол.

— Разве не опасно быть таким злым? — возразила она.

«Злой» и «опасный» — сомнительное сочетание, — подумал Пол. Его опыт ученика Бене Джессерит подсказывал ему, что она едва преодолевает желание уйти. За этим скрывается страх, и он понял, что ей предстоит дело, которое она не вполне одобряет.

— Они слишком много ожидали от принцессы королевской крови, сказал он.

Ирулэн застыла на месте, и Пол понял, что она изо всех сил сдерживает себя. «Тяжелая ноша», — подумал он.

Ирулэн мало-помалу расслабилась. Она, видно, решила, что теперь уже нет смысла поддаваться страху и отступать.

— Ты позволил погоде быть очень примитивной, — сказала она, растирая руки. — Сухо, и сегодня, к тому же, был песчаный шторм. Неужели так никогда и не будет дождя?

— Ты пришла сюда не для разговоров о погоде, — заметил Пол. Он чувствовал, что Ирулэн хочет сказать ему что то, чего ей по позволяет сделать открыто ее воспитание. Его с самого начала вдруг понесло по течению, и теперь нужно было стараться прибиться к берегу.

— Я должна иметь ребенка! — выпалила она.

Он покачал головой.

— Должна! — упрямо повторила Ирулэн. — И если тебе понадобится, я найду отца для своего ребенка — просто наставлю тебе рога. Посмей тогда обвинить меня!

— Изменяй мне сколько тебе угодно, — возразил он, — но никакого ребенка!

— Как ты сможешь мне помешать?

С бесконечно нежной улыбкой он произнес:

— Если понадобится, я тебя задущу.

На мгновение повисло молчание, и Пол почувствовал, что Чани подслушивает за тяжелыми занавесями их личных покоев. — Я — твоя жена, — прошептала Ирулэн.

— Не будем играть в глупые игры, — ответил он. — Мы оба знаем, кто на самом деле мне жена.

— А я всего лишь средство? — горько усмехнулась она.

— Мне не хотелось бы быть с тобой грубым.

— Отчего же? Ты выбрал меня как раз для этого.

— Не я, — возразил он. — Тебя выбрала судьба. Твой отец, орден Бене Джессерит, Союз — вот кто сделал этот выбор. А теперь они избрали тебя еще раз. Для чего, Ирулэн?

— Почему я не могу иметь от тебя ребенка?

— Потому что тебя выбрали по для этой роли.

— Мое право дать тебе наследника!.. Мой отец был...

— Твой отец был и остается зверем. Мы оба знаем, что он утратил почти все связи с людьми, которыми должен был править и которых должен был защищать.

— Разве его ненавидели больше, чем тебя? — вспылила она.

— Хороший вопрос, — согласился он. Сардоническая улыбка застыла в уголках его рта.

— Ты говоришь, что не хочешь быть несправедливым со мной, однако...

— Потому я и допускаю возможность твоей измены. Но пойми и ты меня: заводи себе любовников, но не приноси в мой дом плодов своей любви. Я откажусь от такого ребенка. Я буду на все закрывать глаза, пока ты будешь благоразумна. В подобных обстоятельствах было бы глупо вести себя по другому. Но не злоупотребляй позволением, которое я тебе даю. Поскольку дело касается трона, вопрос о наследнике буду решать только я. Не Бене Джессерит и не Союз. Это одна из тех привилегий, которые я завоевал, разбив легионы сардукаров твоего отца здесь, на равнинах Арракиса.

— Так пусть это падет на твою голову! — сказала Ирулэн и, повернувшись, вышла...

Пол, оторвавшись от воспоминаний, взглянул на Чани, сидевшего в изножье кровати. Он понимал, почему Чани приняла такое решение. В других обстоятельствах Чани и Ирулэн могли бы быть друзьями.

— Что же ты решил? — спросила она.

— Никакого ребенка.

Сложив указательный и большой пальцы правой руки, Чани сделала знак, означающий у Свободных криснож.

— Может дойти и до этого, — согласился Пол.

— Разве ребенок не решил бы проблемы Ирулэн?

— Только глупец может так думать.

— Я не так глупа, любимый.

Его охватил гнев. — Я никогда этого не говорил. Но мы обсуждаем не какой-нибудь вульгарный ее роман. Там, во дворце, подлинная принцесса, выросшая среди отвратительных интриг императорского двора. Устраивать заговоры для нее так же естественно, как и писать глупые истории.

— Они не глупые, любимый.

— Вероятно, нет, — он взял себя в руки и коснулся ее плеча. — Прости меня, но эта женщина вся сплетена из интриг. Удовлетвори одно ее требование, и она тут же предъявит другое.

Чани спокойно возразила:

— Разве я не утверждала это много раз?

— Да, конечно. Но что тогда, в сущности, ты хочешь мне сказать?

Она легла рядом с ним, прижавшись головой к его шее.

— Они сговорились, как бороться с тобой, — сказала она. — От Ирулэн так и несет заговором.

Пол погладил ее волосы: наконец-то она сбросила покровы со своей души! В его же душе бушевали неистовые бури. Они свистели сквозь его бытие. Тело его знало то, чего никогда не знал сознание.

— Чани, любимая, — прошептал он, — ты знаешь, что я хочу положить конец джихаду, отделиться от божества, роль которого навязал мне Квизарат? Она вздрогнула всем телом.

— Тебе стоит только приказать...

— О, нет! Даже если бы я сейчас умер, мое имя все равно повело бы их. Когда я думаю об имени Атридесов, связанном с этой религиозной бойней...

— Но ты Император! Ты...

— Я лишь номинальный вождь. Однажды появившись, так называемое божество лишается власти. — Горький смех сотрясал его тело. Он чувствовал, как смотрит на него будущее — смотрит глазами не народившейся еще династии. Он чувствовал, как в страхе гибнет его существо, отвязавшееся от цепи судьбы — остается только его имя. — Я был избран, — сказал он. -Может быть, при рождении... и, во всяком случае, раньте, чем я начал говорить. Я был избран.

— Тогда откажись от выбора.

Он еще крепче обнял ее за плечи.

— Со временем, любимая. Дай мне немного времени.

Невыплаканные слезы жгли ему глаза.

— Мы должны вернуться в съетч Табр, — сказала Чани. — В этом каменном шатре становится слишком опасно.

Он кивнул, проводя подбородком по гладкой поверхности шарфа, укрывающего ее голову. Успокаивающий запах спайса наполнил его ноздри.

Съетч... Древний смысл пропал в этом слове: место отступления и безопасности... во времена опасности. Предложение Чани вызвало у него острый приступ тоски по открытым песчаным просторам, по далеким горизонтам, где любого врага видно издалека.

— Племена ждут возвращения Муад Диба, — сказала она, затем подняла голову и посмотрела на него. — Ты принадлежишь нам.

— Я принадлежу провидению, — прошептал он.

Он подумал о джихаде, о генах, смешивающихся во многих парсеках, и о предвидении, которое показало ему, как покончить со всем этим. Должен ли он уплатить цену? Тогда вся ненависть умрет, погаснет, как костер — уголек за угольком. Но... ах! Что за ужасная цена!

«Я никогда не хотел быть Богом, — подумал он. — Я хотел лишь исчезнуть, как исчезает жемчужная роса по утрам. Не хотел быть ни среди ангелов, ни среди дьяволов... один, брошенный, словно по недосмотру».

— Мы вернемся в съетч? — настаивала Чани.

— Да, — прошептал он, а про себя подумал: «Я должен заплатить цену». Чани тяжко вздохнула, устраиваясь поудобней.

Я медлю, подумал он. И увидел, как связывают его требования любви и джихада. Что значит одна жизнь, как бы ты ни любил этого человека, по сравнению со множеством жизней, которые заберет джихад? Можно ли страдания одного противопоставить мучениям миллионов?

— Любимый? — вопросительно произнесла Чани.

Он закрыл ей рот рукой.

Я сдамся сам, подумал он. Я попытаюсь, пока у меня еще есть силы, найти щель, через которую не пролететь и птице. Бесполезная мысль, и он это знал. Джихад последует за его тенью.

Что он может ответить? Как объяснить тем, кто обвиняет его в несусветной глупости? Кто поймет?

Он хотел только оглянуться и сказать: "Вот! Вот мир, в котором я существую... Смотрите — я исчезаю! Никакая сеть человеческих желаний больше не поймет меня! Я отрекаюсь от своей религии! Этот великолепный миг — мой! Я свободен!"

Пустые слова.

— Вчера у Защитной стены видели большого червя, — сказала Чани. -Длиннее ста метров. В том районе теперь редко появляются такие большие черви. Я думаю, их прогоняет вода. Говорят, этот червь пришел звать Муад Диба домой, в пустыню. — Она ушипнула его. — Не смейся надо мной!

— Я не смеюсь.

Пол, удивленный живучестью мифов Свободных, чувствовал, как сжимается его сердце. Происходит нечто, влияющее на его линию жизни, — адаб, требовательное воспоминание. Он вспомнил свою детскую комнату на Келадане... темную ночь в каменном помещении... видение! Один из самых первых случаев его предвидения. Он чувствовал, как разум его окунается в это видение, видел сквозь затуманенную память (видение в видении) линию Свободных в запыленных одеждах. Они двигались мимо щели в высоких скалах и несли что-то продолговатое, завернутое в ткань.

Пол слышал свой собственный голос и видение: "Много было хорошего... но ты была лучше всех...?"

Адаб освободил его.

— Ты лежал так тихо, — прошептала Чани. — Что это было?

Пол вздрогнул, сел и отвернулся лицом.

— Ты сердишься, потому что я была на краю пустыни, — сказала Чани.

Он молча покачал головой.

— Я пошла туда, потому что хочу ребенка.

Пол не мог говорить. Он чувствовал, как его захватило это раннее видение. Ужасная цель! Вся жизнь его в этот момент представилась ему веткой, дрожащей после взлета птицы, а эта птица была — возможность. Свободная воля.

«Я уступаю оракулу», — подумал Пол.

И почувствовал, что, уступая, он закрепляется на единственно возможной линии жизни. «Неужели, — подумал он, — оракул не просто предсказывает будущее? Неужели оракул создает его?» Он давным-давно попал в сеть, и теперь ужасное будущее надвигалось на него со своими зияющими челюстями.

В мозгу его вспыхнула аксиома Бене Джессерит: использовать грубую силу — значит, оказаться во власти гораздо более могущественных сил.

— Я знаю, что сердит тебя, — сказала Чаны, дотрагиваясь до его руки. — Да, племена возобновили старые обряды и кровавые жертвоприношения, по я в этом не участвовала.

Пол, весь дрожа, сделал глубокий вдох. Поток его видений расширился и превратился в тихую глубокую заводь. Течение же ушло далеко, за пределы его досягаемости.

— Я хочу ребенка, — просила Чани, — нашего ребенка. Разве это так много?

Пол погладил ее руку и отодвинулся, потом встал с постели, погасил шары, подошел к балконному окну и откинул занавеси. Прямо перед ним в ночное небо поднималась стена без окон. Пустыня могла вторгаться сюда только своими запахами. Лунный свет падал в сад, освещал деревья, влажную листву. Пол видел пруд, в котором отражались звезды. На мгновение он увидел этот сад глазами Свободного: чуждый, угрожающий, опасный изобилием воды.

Он думал о продавцах воды, исчезнувших после того, как он стал щедро раздавать воду. Они его ненавидят, он убил прошлое. Были и другие, даже те, что сражались за драгоценную воду. Они ненавидели его за то, что он изменил их жизнь. По мере того как, повинуясь приказам Муад Диба, изменялась биология планеты, усиливалось и сопротивление людей. Разве не самонадеянно, думал он, пытаться взять верх над целой планетой? А если ему это удастся, то его ждет вся Вселенная. А с ней он сможет справиться?

Он резко задернул занавеси и повернулся в темноте к Чани. Ее водные кольца звенели, как колокольчики пилигримов. На ощупь он пробрался к ней и встретил протянутые руки.

— Любимый, — прошептала она, — я растревожила тебя?

Руки ее, обнимая его, скрыли видения будущего.

— Не ты... — ответил он. — О... не ты.

Глава 4

«Появление защитного поля и ласгана с их взрывным взаимодействием, смертельным и для нападающего, и для обороняющегося, наложили определенные ограничения на технологию вооружения. Мы не будем вдаваться в особую роль атомного оружия. Тот факт, что любая Семья в моей Империи может так развернуть свое атомное оружие, чтобы уничтожить планетарную базу пятидесяти и более Семейств, действительно вызывает некоторую нервозность. Но все мы располагаем планами развернутых предохранительных мер против опустошения. Союз и Ландсраад удерживают контроль над атомным оружием в своих руках. Нет, меня больше заботит развитие человека как особого типа оружия. Здесь буквально неограниченное поле для изучения, которым пока мало кто занимался».

?Муад Диб: лекция в военном колледже".

Из хроники Стилгара.

Старик стоял в дверях, глядя на пришельца своими синими без белков глазами. В его взгляде застыла подозрительность, которого все жители пустыни проявляют по отношению к чужакам. Глубокие морщины прорезали кожу его лица у рта, там, где начиналась белая борода. На нем не было стилсьюта, и он беспокоился о влаге, уходящей через дверь его жилища. Скайтейл поклонился и сделал условный знак заговорщиков. Откуда-то изнутри, из-за старика, донеслись стонущие звуки семуты. В старике не чувствовалось пристрастия к наркотику, значит, семута — слабость кого-то другого. Скайтейл не ожидал встретить в таком месте столь утонченный порок.

— Привет издалека, — сказал Скайтейл, — улыбаясь плоским лицом, которое он выбрал для этой встречи. Потом ему пришло в голову, что старик может узнать это лицо: некоторые Свободные на Дюне знали Данканна Айдахо. Скайтейл испугался, что выбор внешности, которая вначале показалась ему забавной, может в конце концов оказаться ошибкой. Он не рискнул тут же сменить лицо. Он нервно оглядел улицу. Неужели старик так никогда и не пригласит его внутрь.

— Вы знали моего сына? — спросил старик.

Вот, по крайней мере, одна из условленных фраз. Скайтейл назвал отзыв, все время озираясь вокруг. Ему не нравилась эта позиция. Улица оказалась тупиком, заканчивающимся на этом доме. Все дома вокруг были выстроены для ветеранов джихада. Они образовывали пригород Арракина, тянувшийся до имперского бассейна мимо Таймега. На улицу выходили сплошные стены серовато коричневого цвета, кое-где прерывающиеся герметическими дверями. На стенах были нацарапаны непристойности. Рядом с дверью, у которой стоял Скайтейл, кто-то нацарапал, что некий Берис вернулся на Арракис с постыдной болезнью, лишившей его мужества.

— С вами пришел еще кто-то? — спросил старик.

— Нет, я один.

Старик откашлялся, все еще пребывая в нерешительности.

Скайтейл напомнил себе: необходимо быть осторожным и терпеливым. Контакты такого рода таили в себе особую опасность. Возможно, у старика были причины вести себя так. Впрочем, час соответствует. Бледное солнце стоит прямо над головой. В это время люди сидят в закрытых домах, самые жаркие часы они проводят в дремоте.

Может, старик опасается нового соседа? Скайтейл знал, что соседний дом предназначался для Отейна, некогда бывшего членом ужасного отряда федайкинов Муад Диба. А с Отейном жил карлик Биджаз.

Скайтейл снова взглянул на старика, отметив пустой левый рукав и отсутствие стилсьюта. В старике чувствовалась власть. Он явно не был простым пехотинцем джихада.

— Могу я узнать имя гостя? — спросил он.

Скайтейл еле сдержал вздох облегчения: его в конце концов примут.

— Я — Заал, — ответил он, называя имя, принятое им для этого дела.

— Я — Фарок, — ответил старик. — Я был башаром девятого легиона в джихаде. Это вам о чем-нибудь говорит?

Скайтейл почувствовал вызов в этих словах и сказал:

— Вы родились в съетче Табр, которым руководил Стилгар.

Фарок сделал шаг в сторону.

— Добро пожаловать в мой дом.

Скайтейл прошел мимо него в затененную прихожую. Голубой кирпичный пол, сверкающие панно на стенах. За прихожей находился крытый двор. Через прозрачные фильтры проходил свет, сверкающий, как серебра белых ночей Первой луны. Сзади плотно притворилась уличная дверь.

— Мы были благородными людьми, — говорил Фарок, показывая путь во двор. — Не какие-нибудь оборванцы. Мы не жили тогда в таких домах, как вот этот! У нас был свой съетч в Защитной стене над хребтом Хаббания. Один червь мог отнести нас в Кедом, во внутреннюю пустыню.

— Я с вами согласен! — подхватил Скайтейл, сообразив, что именно привело Фарока к участию в заговоре. Свободный тосковал по прежней жизни и обычаям.

Они вошли во двор.

Скайтейл понял, что Фарок борется с неприязнью к посетителю. Свободные не доверяют тем, у кого нет синих глаз ибада. Недаром Свободные говорят, что глаза чужеземцев видят не то, что нужно.

При их приближении музыка семуты смолкла. Потом послышались звуки девятиструнного бализета — вначале аккорды, потом чистые ноты песни, популярной на миражах Нараджа.

Когда глаза Скайтейла привыкли к свету, он увидел юношу, сидевшего со скрещенными ногами на низком диване, под аркой справа. У юноши были пустые глазницы. С необыкновенной проницательностью слепых он начал петь в тот самый момент, когда Скайтейл взглянул на него. Голос у него был высокий и приятный:

Ветер сдул землю,

И небо,

И всех людей!

Что это за ветер?

Древья не склоняются;

Они пьют там,

Где пили люди.

Я знаю слишком много миров,

Слишком много людей,

Слишком много деревьев,

Слишком много ветров!

Это не были подлинные слова песни, как отметил Скайтейл. Фарок подвел его к арке на противоположной стороне, указал на подушки, разбросанные на черепичном полу, украшенном изображениями морских животных.

— Вот на этой подушке когда-то в съетче сидел Муад Диб, — старик указал на круглую черную подушку. — Теперь она ваша.

— Я у вас в долг, — ответил Скайтейл, опускаясь на черную подушку. Он улыбнулся: Фарок проявляет мудрость. Он говорит, как верноподданный, даже слушая слова песни со скрытым значением. Кто не знает деспотизма Императора тирана?

Перемежая свои слова с песней, так, чтобы не нарушить ее ритма, Фарок спросил:

— Музыка моего сына не мешает вам?

Скайтейл прижался спиной к прохладному столбу и указал старику на подушку рядом с собой.

— Я наслаждаюсь музыкой, — сказал он.

— Мой сын потерял глаза при завоевании Нараджа, — сказал Фарок. — Теперь ни одна из наших женщин не пожелает его. Но мне приятно знать, что где-то на Нарадже у меня есть внуки, которых я никогда не увижу. Вы знаете миры Нараджа, Заал?

- В юности я посетил их с труппой лицевых танцоров, — ответил Скайтейл.
- Значит, вы — лицевой танцор? Я удивился вашему лицу. Оно напомнило мне лицо человека, которого я когда-то знал.
- Данкан Айдахо?
- Да, его. Известного мастера меча из приближенных Императора.
- Говорят, он был убит.
- Да, говорят, — согласился старик. — А вы в самом деле мужчина? Я слышал рассказы о лицевых танцорах... — он вздрогнул.
- Мы гермафродиты Джадачи, — ответил Скайтейл. — Принимаем пол по желанию. И в настоящее время я мужчина.
- Фарок поджал губы, храня молчание, потом сказал:
- Хотите освежиться? Воды? Охлажденных фруктов?
- С меня довольно беседы, — вежливо отказался Скайтейл.
- Желание гостя — закон, — ответил Фарок, садясь на подушку лицом к Скайтейлу.
- Благословен будь Абу д'Дур, Отец бесконечных дорог времени, сказал Скайтейл. И подумал: «Вот! Я сказал ему, что пришел от рулевого Союза».
- Трижды благословен! — отозвался старик, складывая руки в ритуальном жесте. Старые руки с набухшими венами, отметил гость.
- Предмет, рассматриваемый с удаления, открывает лишь главные принципы своего устройства, — сказал Скайтейл, показывая, что желает говорить об императорской крепости.
- Зло видно с любого расстояния, — сказал Фарок, советуя тем самым отложить обсуждение.
- «Почему?» — не понял Скайтейл, но вслух сказал:
- Как ваш сын потерял глаза?
- Защитники Нараджа применили прожигатель камня. Мой сын оказался слишком близко... Проклятая атомная энергия! Даже прожигатель камня должен быть объявлен вне закона.
- Его применение на самой грани закона, — согласился Скайтейл. И подумал: "Нааджский прожигатель камня! Об этом ничего не сообщали. Почему старик заговорил о прожигателе камня??
- Я предложил ему купить у ваших хозяев с Тлейлакса глаза, — сказал Фарок. — Но в летописях сказано, что глаза, купленные на Тлейлаксе, порабощают своих владельцев. Сын сказал, что эти глаза металлические, а он — из плоти и крови, и что такой союз будет греховен.
- Принципы использования предмета должны соответствовать первоначальным намерениям, — сказал Скайтейл, пытаясь вернуть разговор в нужное ему русло.
- Фарок сжал губы.
- Говорите открыто, — сказал он. — Мы должны верить нашему рулевому.
- Вы бывали в императорской крепости? — спросил Скайтейл.
- Я там был в первую годовщину победы над Молитором. В этом каменном здании было холодно, несмотря на лучшие иксианские обогреватели. Предыдущую ночь мы спали на террасе храма Алии. Там растут необыкновенные деревья, знаете, деревья, привезенные со множества миров. Мы, башары, были одеты в лучшие зеленые костюмы, и наши столы стояли отдельно. Мы слишком много ели и пили. Многое из того, что я видел, вызвало у меня отвращение. Пришли калеки на костылях. Не думаю, что наш Муад Диб знает, сколько людей он искалечил.
- Вы не любите пирушек? — спросил Скайтейл, знавший об оргиях Свободных, которые вызывались спайсовым пивом.
- Это совсем не то, что тау, слияние наших душ в съетчах, — возразил Фарок. — Для развлечения нам дали рабынь, а ветераны рассказывали о своих битвах и ранах.
- Значит, вы были в каменной башне?

— Муад Диб вышел к нам на террасу, — продолжал Фарок, — и провозгласил: «Удачи вам всем!» Разве это не кощунство — использовать приветствие пустыни в таком месте!

— Вы знаете, где размещены его личные апартаменты?

— Глубоко внутри. Где-то в глубине своей крепости. Я слышал, что он и Чани живут, как кочевники в пещере. В Большой зал он выходит лишь для публичных аудиенций. У него есть приемные залы и помещения для официальных встреч, целое крыло отведено для его личной охраны, есть помещения для торжественных церемоний и внутренняя секция связи. Говорят, глубоко под его крепостью держат песчаного червя, окруженного водой. Вода для червя яд. Там он питает будущее.

«Мифы, перемешанные с фактами», — подумал Скайтейл.

— Правительственный аппарат всюду сопровождает его, — продолжал бормотать Фарок. — Чиновники, адъютанты, адъютанты адъютантов... Он верит только таким, как Стилгар, тем, кто был близок к нему в былые дни.

— Не вам, — констатировал Скайтейл.

— Я думаю, он забыл о моем существовании.

— Как он входит и выходит из крепости?

— Сразу же за внутренней стеной есть небольшая посадочная площадка для топтеров. Я слышал, что Муад Диб никому не позволяет прикасаться там к приборам. Говорят, там нужна предельная точность, любая, даже малейшая ошибка приведет к столкновению со стеной одного из его проклятых садов. Скайтейл кивнул. Вероятно, это правда. Воздушный путь в крепость должен хорошо охраняться. А все Атридесы — превосходные пилоты.

— Для передачи сообщений он использует дистранс, — продолжал Фарок. -Волновой транзистор вживляется в мозг человека. И вызывает его действие только голос определенного человека.

Скайтейл пожал плечами. В этом веке все правительства используют дистранс. Никогда нельзя знать, какие препятствия возникнут между посылающим сообщение и адресатом.

— Даже его налоговые чиновники пользуются этим методом, — жаловался Фарок. — А в мое время дистранс помещали только в низших животных. Информация о годовом доходе должна содержаться и строжайшей тайне, подумал Скайтейл. Не одно правительство пало из-за того, что народ обнаруживал подлинные источники его доходов. — Что теперь думают когорты Свободных о джихаде Муад Диба? — спросил Скайтейл. — Возражают ли они против превращения их Императора в Бога?

— Большая их часть вообще не думает об этом, — ответил Фарок. -Другие же думают о джихаде так же, как и я сам. Это — источник приключений и необычайного богатства. Хижина, в которой я живу, — Фарок обвел рукой двор, — обошлась в шестьдесят лидасов спайса. Девяносто контаров! Были времена, когда я и представить себе не мог такого богатства. — Он покачал головой.

В противоположном углу двора слепой юноша наигрывал на бализете сентиментальную балладу.

«Девяносто контаров, — подумал Скайтейл. Действительно, большая сумма. Хижина Фарока на многих других мирах сошла бы за дворец. Но все относительно, даже контары. Знает ли, например, Фарок происхождение этой меры спайса? Знает ли он, что когда то полтора контара означали груз одного верблюда? Вряд ли. Фарок, должно быть, никогда и не слышал о верблюдах или о Золотом веке на Земле».

В странном соответствии с мелодией бализета Фарок сказал:

— У меня был криснож, водные кольца на десять литров, копье, которое раньше принадлежало моему отцу, кофейный сервис, бутылка из красного стекла, такая старая, что никто в съетче и не помнил ее происхождения. У меня была доля в нашем спайсе, но не было денег. Я был богат и не знал этого. Две жены было у меня: одна умная и любимая мной, другая глупая и упрямая, но с фигурой и лицом ангела. Я был свободным наивом, всадником на червях, хозяином левиафана и песков пустыни.

Юноша продолжал наигрывать мелодию.

— Я знал многое, но думая об этом, — продолжил старик. — Я знал, что глубоко под нашими песками есть вода, удерживаемая там маленькими Создателями. Я знал, что мои предки приносили в жертву Шаи-Хулуду девственницу, пока Льет-Кайнз не прекратил это. Мы неправильно сделали, что прекратили. Я видел жемчуга в пасти червя. У моей души было четверо ворот, и я знал их все.

Он замолчал, думая о чем-то своем.

— Потом пришел Атридес со своей колдуньей-матерью, — напомнил Скайтейл.

— Потом пришел Атридес, — подхватил Фарок. — Тот, кого мы назвали Узулом в нашем съетче. И он остался среди нас. Наш Муад Диб, наш Махди! И когда он провозгласил джихад, я был среди тех, кто спрашивал: «Зачем мне идти туда сражаться? У меня там нет родичей». Но другие — молодежь, друзья, товарищи моего детства — пошли за ним. Они говорили о колдовской силе спасителя Атридеса. Он сразил нашего врага Харконнена, и Льет-Кайнз, обещавший нам рай на нашей планете, благословил его. Говорили, что Атридес пришел изменить нашу планету и нашу Вселенную, что он подобен цветку, золотому цветку в ночи.

Фарок поднял руки и посмотрел на свои ладони.

— Люди указывали на Первую луну и говорили: «Его душа там». И он был назван Муад Дибом. Я не понимал всего этого.

Темп музыки убыстрился.

— Знаете, почему я записался в джихад? — стариk пристально посмотрел на Скайтейла. — Я слышал, что существует нечто, называемое морем. Трудно поверить в море, проведя всю жизнь среди дюн. У нас нет морей. Народ Дюны никогда не знал моря. Мы собирали воду для Великого изменения, которое Муад Диб принес одним мановением руки. Я мог представить себе канал, воду, текущую среди песков, хоть и с трудом. Я мог вообразить даже реку. Но море?!

Фарок взглянул на прозрачный купол своего узора, как бы пытаясь проникнуть во Вселенную за ним.

— Море... — негромко повторил он. — Это было за пределами моего воображения. Однако люди, которых я знал, говорили, что видели это чудо. Я думал, что они лгут, по хотел проверить это сам. Вот почему я записался в Джихад.

Послышался громкий заключительный аккорд бализета, и юноша начал новую песню со странным, волнообразным ритмом.

— Вы нашли ваше море? — спросил Скайтейл.

Стариk молчал, и Скайтейл подумал, что Фарок не расслышал вопроса. Музыка бализета поднималась и опускалась, как морской прибой. Фарок дышал в унисон.

— Был закат, — внезапно заговорил Фарок, — такой закат мог бы быть написан одним из древних художников: красный, цвета моей бутылки, палевый, как жидкое золото... Это было на планете Энфейл, где я вел свой легион к победе. Мы спустились с гор по узкой тропе. Воздух был напоен влагой, и я с трудом мог дышать. И вот подо мной оказалось то, о чем говорили мои друзья: вода без конца и без края. Мы спустились к ней. Я вошел в воду и начал ее пить. Вода была горько-соленая. Чувство удивления перед этим чудом не покидает меня с тех пор...

Скайтейл почувствовал, что разделяет благоговейный страх старого Свободного.

— Я погрузился в море, — продолжал Фарок, глядя на изображенных на полу морских зверей. — В воду погрузился один человек, а вышел из нее совсем другой. И я почувствовал, что могу вспомнить прошлое, которого никогда не было. Я смотрел вокруг себя глазами, которые могли вобрать в себя абсолютно все: плавающий в воде труп убитого нами защитника планеты, торчащий из воды обломок дерева с обгоревшим концом... И сейчас, закрыв глаза, я вижу это почерневшее бревно, обрывок веревки, плавающий в воде, желтую тряпку, рваную и грязную... Я смотрел на все это и понимал, зачем оно оказалось здесь: чтобы я мог это увидеть.

Фарок медленно повернулся и посмотрел в глаза Скайтейлу.

— Вселенная не кончается, — сказал он.

?Хоть болтлив, по глубокомыслен", — подумал Скайтейл и сказал:

— Я вижу, это произвело на вас большое впечатление.

— Вы — тлейлаксу, — отозвался Фарок. — Вы видели много морей. Я видел лишь одно, но я знаю о море то, чего вы не знаете.

Скайтейл почувствовал, что его охватывает странное беспокойство.

— Мать Хаоса родилась в море, — сказал Фарок. — Квизара Тафвид стоял поблизости, когда я вышел из воды. Он не входил в море. Он стоял на песке, на влажном песке, с несколькими моими

людьми, которые разделяли его страх. Он смотрел на меня и видел, что я познал недоступное для него. Я стал морским созданием, пугающим его. Море излечило меня от джихада, и, я думаю, он понял это.

Внезапно Скайтейл отметил, что во время этого рассказа музыка прекратилась. Его беспокоило, что он не мог точно определить момент, когда это произошло.

Будто продолжая свою невысказанную мысль, Фарок вдруг проговорил:

— Каждый вход строго охраняется. В крепость Императора нет доступа. — В этом ее слабость, — сказал Скайтейл.

Фарок вытянул шею, глядываясь в него.

— Доступ есть, — пояснил Скайтейл. — Если большинство людей — я надеюсь, Император входит в их число, — думают иначе, в этом и заключается наше преимущество. — Он потер лицо, ощущая несоответствие избранной им внешности. Молчание музыканта его тревожило. Означало ли это, что сын Фарока закончил передачу? Разумеется, это был естественный способ сообщения, сжатого и переданного с музыкой. Оно теперь запечатлено в нервной системе Скайтейла и в нужный момент будет выдано благодаря дистрансу, вживленному в кору его головного мозга. Если сообщение передано, он стал вместилищем новых сведений, сосудом, заполненным данными: все звуки заговора на Арракисе, имена, условные фразы — словом, вся жизненно важная информация.

— У нас здесь женщина, — сказал Фарок. — Хотите увидеть ее?

— Я ее видел, — ответил Скайтейл. — Я ее очень внимательно изучил. Где она?

Фарок щелкнул пальцами.

Юноша взял инструмент, наложил на него смычок. Зазвучала воющая музыка семуты. И как будто привлеченная этими звуками, из двери позади музыканта появилась молодая женщина в голубом платье. Наркотическая тупость заполняла ее абсолютно синие глаза. Свободная, привыкшая к спайсу, а теперь захваченная чужеземным пороком. Слушая музыку семуты, она ни в чем не отдавала себе отчета.

— Дочь Отейна, — сказал Фарок. — Мой сын дает ей наркотик, надеясь, несмотря на свою слепоту, получить женщину своего племени. Как видите, это напрасная победа: семута захватила все, что он мог приобрести.

— Знает ли об этом ее отец? — спросил Скайтейл.

— Она и сама не знает. Мой сын снабжает ее ложными воспоминаниями, которыми она объясняет свои посещения. Она считает, что любит его. Так думает и ее семья. Ее родные сердятся, так как он калека, но не хотят вмешиваться.

Музыка снова прекратилась.

По сигналу музыканта девушка села рядом с ним, наклонилась и слушала, что он ей шепчет.

— Что вы с ней сделаете? — спросил Фарок.

Скайтейл еще раз осмотрелся.

— Кто еще есть в доме? — спросил он.

— Больше никого, — ответил Фарок. — Вы не ответили, что собираетесь сделать с этой женщиной. Мой сын хочет знать.

Как бы собираясь ответить, Скайтейл протянул правую руку. Из рукава высунулась сверкающая игла и погрузилась в шею Фарока. Не было ни вскрика, ни даже изменения позы. Через минуту старику предстояло умереть, а сейчас он сидел неподвижно, парализованный ядом.

Скайтейл неторопливо встал и подошел к слепому музыканту. Тот продолжал что-то нашептывать девушки, когда и его коснулась игла.

Скайтейл изменил свою внешность и взял девушку за руку.

— Что, Фарок? — спросила она.

— Мой сын устал и хочет отдохнуть, — ответил Скайтейл. — Идем. Ты должна вернуться домой.

— Мы так хорошо говорили, — сказала девушка. — Мне кажется, я убедила взять его глаза

тлейлаксу. Тогда он снова станет мужчиной.

— Разве я не говорил это уже неоднократно? — спросил Скайтейл, подталкивая ее во внутреннее помещение.

Он с гордостью отметил, что голос точно соответствовал новым чертам лица: это был голос старого Свободного, который уже был мертв. Скайтейл вздохнул. «Я сделал это не без сожаления, — подумал он, — и жертвы, бесспорно, знали об опасности».

Теперь ему предстояло заняться девушкой.

Глава 5

«Империя не испытывает отсутствия цели во время своего создания. Лишь когда она утверждается, цель утрачивается и заменяется ритуалом».

?Изречения Муад Диба" принцессы Ирулэн.

Алия понимала, что предстоящее собрание Имперского Совета будет напряженным. Она чувствовала растущее противостояние во всем: в том, что Ирулэн не смотрит на Чани, как нервно Стилгар перебирает бумаги, как хмурился идол, глядя на Корбу.

Она сидела в самом конце золотого стола Совета и видела в балконное окно пыльный свет полудня.

Корба, замолчавший, когда она вошла, продолжал разговор с Полом:

— Я хочу сказать, милорд, что сейчас не так много богов, как было раньше.

Алия рассмеялась, откинув назад голову. От резкого движения черный капюшон ее абы упал, открывая синие, без белков, «спайсовые» глаза, овальное, как у матери, лицо под шапкой бронзовых волос, маленький нос, широкий, благородного рисунка, рот.

Щеки Корбы приобрели цвет его оранжевого одеяния. Он посмотрел на Алию — разгневанный лысый гном, кипящий негодованием.

— Вы знаете, что говорят о вашем брате? — спросил он.

— Я знаю, что говорят о вашем Квизарите, — парировала Алия. — Вы не боги, вы шпионы богов. Посрамленный Корба взглянул на Императора, ища поддержки. Так как тот промолчал, Корба обиженно произнес:

— Мы действуем по предписанию Муад Диба, чтобы он знал правду о своем народе и чтобы народ знал правду о Нем. — Шпионы, — повторила Алия.

Корба оскорбленно поджал губы.

Пол взглянул на сестру, удивляясь, почему она провоцирует Корбу. И вдруг увидел, что Алия превратилась в женщину, прекрасную в своей юной невинности. Он удивился, что до сих пор не замечал этого. Ей скоро будет шестнадцать, этой Преподобной Матери — без материнства, девственной жрице, объекту безмолвного поклонения суеверных масс — Алии Нож.

— Сейчас не время для легкомысленных замечаний твой сестры, — сказала Ирулэн.

Не обращая на нее внимания, Пол кивнул Корбе:

— Площадь полна пилигримов. Иди и возглавь их моления.

— Но они ожидают вас, милорд, — возразил Корба.

— Ну, в таком случае, надень свой тюрбан, — ответил Пол. — На таком расстоянии они не разглядят.

Ирулэн, раздраженная тем, что на нее не обращают внимания, следила, как Корба встает, чтобы выполнить приказ. У нее внезапно появилась тревожная мысль, что Адрик не сумел скрыть ее действия от Алии. «Что мы, в сущности, знаем о его сестре?» — подумала она.

Чани, плотно сцепив руки на коленях, взглянула через стол на Стилгара, своего дядю и государственного секретаря Пола. «Не тоскует ли старый Свободный наиб о простой жизни в пустынном съетче?» — подумала она.

Чани отметила, что черные волосы Стилгара уже посеребрила седина, но глаза под густыми бровями оставались по-прежнему зоркими. У него был орлиный взгляд дикаря, а в бороде до сих пор еще виднелся след от трубки стилсьюта.

Нервничая под пристальным взглядом Чани, Стилгар осмотрел зал заседания Совета. Его взгляд упал на балконное окно и на Корбу, стоявшего на балконе. Тот поднял вытянутые для благословения руки, и лучи полуденного солнца образовали красное гало в окне за ним. На мгновение Стилгару показалось, что Квизара двора распят на огненном колесе. Корба опустил руки, уничтожая иллюзию, но Стилгар был потрясен ею. Мысли его в гневном раздражении обратились к льстивым просителям, ожидавшим в зале аудиенций, и к неистовой помпе, окружающей трон Муад Диба.

Гул отдаленной толпы ворвался в комнату с возвращением Корбы. Балконная дверь за ним плотно закрылась, отрезая внешний шум. взгляд Пола следовал за Квизарой. Корба с непроницаемым лицом и глазами, остекленевшими от фанатизма, занял свое место слева от него. Он наслаждался мгновением, религиозной власти.

— Дух проснулся... — проговорил он.

— И слава Богу, — насмешливо вставила Алия.

Губы Корбы побелели от гнева.

И снова Пол с удивлением посмотрел на сестру, не понимая мотивов ее поведения. И сказал себе, что за внешне невинным видом скрывается какая-то хитрость. У нее та же генетическая программа Бене Джессерит, что и у него. Что произвела в ней генетика Квизац Хадераха? Всегда существовала нераскрыта разница между ними: она была еще зародышем в чреве матери, когда та приняла большую дозу сырого ядовитого меланжа. Мать и еще нерожденная дочь одновременно стали Преподобными Матерями. Но одновременность не означает идентичность.

Алия говорила, что в одно ужасное мгновение в ней проснулось осознание того, что ее память поглотила бесчисленные жизни других.

— Я стала своей матерью и всеми остальными, — говорила она. — Я была еще несформировавшейся, нерожденной, когда уже стала старухой.

Чувствуя, что Пол думает о ней, Алия улыбнулась ему. Выражение его лица смягчилось. "Как можно реагировать на все иначе, как не с циничным юмором?" — спросил себя Пол. — Что может быть отвратительнее, чем беспощадный коммандос, преобразившийся в ханжеского жреца??

Стилгар зашелестел бумагами.

— Если будет позволено, — начал он, — есть несколько срочных и неприятных дел.

— Тупайлский договор? — спросил Пол.

— Союз настаивает, чтобы мы подписали договор, не зная точного состава Тупайлской Антанты. Он пользуется поддержкой делегатов Ландсраада. — Какие меры вы приняли? — спросила Ирулэн.

— Меры, предложенные Императором, — в сжатом, формальном ответе Стилгара звучало явно выраженное неодобрительное отношение к принцессе-супруге.

— Мой господин и супруг! — Ирулэн обратилась к Полу, привлекал к себе его внимание.

«Подчеркивать в присутствии Чани разницу в титулах — признак слабости», — подумал Пол. В такие мгновения он разделял открытую неприязнь Стилгара к Ирулэн, но осторожность сдерживала его чувства. Что такое Ирулэн? Всего лишь пешка Бене Джессерит.

— Да? — сказал Пол вслух.

Ирулэн посмотрела на него.

— Если ты задержишь их меланж...

Чани покачала головой, не соглашаясь заранее.

— Мы действуем осторожно, — сказал Пол. — Тупайл остается священным местом для побежденных Великих Домов. Он символизирует для них последний рубеж, последнее прибежище для наших вассалов. Если они откроют эту святыню, она станет легко уязвимой.

— Если они прячут людей, то вполне могут прятать и кое-что другое, проворчал Стилгар. — Армит, например, или начало собственного производства меланжа.

— Не следует загонять людей в угол, — сказала Алия, — если хотите, чтобы они оставались покорными и мирными. — Она с грустью заметила, что позволила вовлечь себя в спор, как и предвидела.

— Значит, десять лет торговли ни к чему не привели, — сказала Ирулэн. — Ни одно из действий моего брата не проходит зря, — возразила Алия. Ирулэн сжала перо так, что у нее побелели пальцы. Пол видел, как она гасит свои эмоции по методу Бене Джессерит: устремленный внутрь взгляд, глубокое дыхание. Он почти слышал, как она повторяет молитву. Вскоре она заметила почти спокойно:

— Что же мы выиграли?

— Мы вывели Союз из равновесия, — ответила Чани.

— Мы хотим избежать открытой конфронтации с нашими врагами, — сказала Алия. — И у нас нет особого желания убивать их. И так уж достаточно крови льется под знаменами Атридесов. «Она даже чувствует это, — подумал Пол. — Не странно ли, что обе они испытывают одинаково непреодолимое чувство ответственности за эту раздираемую ссорами, поклоняющуюся идолам Вселенную с ее дикими порывами, сменяющимися стремлением к спокойствию. Должны ли мы защищать их от самих себя? — думал он. — Они играют с ничем — играют пустыми жизнями, пустыми словами». Горло у него пересохло. Сколько он за это время утратил? Каких сыновей? Какие сны? Стоят ли такой цены его видения? Кто спросит об этом будущие поколения, кто обратится к ним со словами: "Если бы не Муад Диб, вас бы здесь не было??

— Задержка их меланжа ничего не решит, — сказала Чани. — Рулевые Союза потеряют способность видеть пространственно-временные линии. Твои Сестры из Бене Джессерит утратят свое чувство правды. Многие люди умрут преждевременной смертью. Разорвутся связи. Кто будет виноват во всем этом? — Они не доведут до этого, — сказала Ирулэн.

— Отчего же? — спросила Чани. — Кто обвинит Союз? Он беспомощен и продемонстрирует это.

— Мы подпишем договор в его теперешнем виде, — сказал Пол.

— Милорд, — вмешался Стилгар, разглядывая свои руки, — все мы думаем об одном и том же.

— О чем же?

— Вы обладаете определенными... способностями. Не могли бы вы определить местонахождение Антанты вопреки Союзу?

"Способности! — подумал Пол. — Стилгар не может просто сказать: «Вы обладаете даром предвидения. Так уловите линию будущего, которая ведет к Тупайлу».

Пол посмотрел на золотую поверхность стола. Всегда одна и та же проблема: как объяснить пределы необъяснимого? Должен ли он говорить о дроблении, о делении на осколки — естественной судьбе любого государства? Как объяснить тем, кто никогда этого не испытывал, что видение не показывает единственного возможного будущего?

Он взглянул на Алию и увидел, что та смотрит на Ирулэн. Алия уловила его взгляд, посмотрела на него и многозначительно кивнула в сторону невестки. Конечно, любое принятное сегодня решение будет отражено в одном из сообщений Ирулэн для Бене Джессерит. Орден никогда не прекратит поиски своего Квизац Хадераха.

Впрочем, Стилгар ждет ответа. Да и Ирулэн тоже.

— Предвидение повинуется естественным законам, — сказал Пол. — Однако справедливо будет утверждать, что небо говорит с нами и что человек действует в соответствии, может быть, со своей природой. Другими словами, предвидения включаются в естественную последовательность событий настоящего. Они выступают в обличье естественных законов. Знает ли щепка, брошенная в поток, куда ее несет течение? В оракуле нет ни причины, ни следствия. Причины становятся случаями, они переплетаются друг с другом в местах, где встречаются течения. Принимая предвидение, вы вступаете в противоречие с разумом. Поэтому ваше интеллектуальное сознание отрицает предвидение. Тем самым, в своем отрицании, интеллект становится застывшим процессом и подчиняется ему.

— Вы не можете этого сделать? — спросил Стилгар.

— Когда я ищу Тупайл с помощью предвидения, — Пол обращался непосредственно к Ирулэн, — я тем самым прячу его.

— Хаос! — возразила Ирулэн. — В этом нет последовательности.

— Я сказал, что предвидение подчиняется законам природы.

— Значит, существует предел твоего предвидения и твоей власти? — не унималась Ирулэн.

Прежде чем Пол успел ответить, вмешалась Алия:

— Дорогая Ирулэн, предвидение не имеет пределов. Ты говоришь, нет последовательности? Последовательность — обязательное условие существования Вселенной.

— Но он сказал...

— Как может мой брат дать исчерпывающую информацию о пределах того, что не имеет пределов?

Разум просто не в состоянии это постичь..

«Зря Алия так сказала, — подумал Пол. — Теперь Ирулэн встревожится». Взгляд Пол перешел на Корбу, который сидел в позе религиозного поклонения — слушал душой. Какие выводы сделает Квизара из этого разговора? Больше религиозных чудес? Что-нибудь, стимулирующее благоговейный страх?

Несомненно.

— Значит, вы подпишете договор в его теперешнем виде? — переспросил Стилгар.

Пол улыбнулся. Вопрос о предвидении, по мнению Стилгара, исчерпан. Стилгар нацелен только на победу, а не на достижение истины. Мир, справедливость и разумный подход — вот на чем основана вселенная Стилгара. Ему нужно нечто осязаемое и реальное, в данном случае — подпись на договоре.

— Я подпишу его, — сказал Пол.

Стилгар взял новую папку.

— Последние донесения наших полевых командиров из Иксианского сектора говорят об агитации за конституцию. — Старый Свободный взглянул на Чани, которая пожала плечами.

Ирулэн, сидевшая с закрытыми глазами, прижав руки ко лбу, сосредоточившаяся на запоминании, открыла глаза и внимательно посмотрела на Пола.

— Иксианская конференция начинает кампанию неповиновения, — говорил Стилгар. — Их торговцы протестуют против ставок имперского налога, который они...

— Они хотят ограничить мою власть, власть Императора, — сказал Пол. -Кто будет править мною: Ландсраад или КХОАМ?

Стилгар достал из папки лист самоуничтожающейся бумаги.

— Один из наших агентов прислал этот меморандум о встречах меньшинства КХОАМ. — Он ровным голосом начал читать расшифрованный текст: — «Попытка трона захватить монопольную власть должна быть пресечена. Мы должны рассказать правду об Атридес. О его манипуляциях, прикрытых тройным обманом: законотворчество Ландсраада, религиозная война и деятельность бюрократических учреждений». — Он положил лист обратно в папку.

— Конституция... — пробормотала про себя Чани.

Пол посмотрел на нее, потом снова на Стилгара. «Итак, джихад агонизирует, — подумал он, — но недостаточно быстро, чтобы спасти меня». Эта мысль вызвала в нем эмоциональное напряжение. Пол вспомнил свои ранние видения будущего джихада, ужас и отвращение, вызванные им. Теперь, конечно, он видел гораздо более страшные ужасы. Он постоянно жил в обстановке ужасов. Он видел, как Свободные, наделенные мистической силой, сметали перед собой все в религиозной войне. Джихад приобретал новую перспективу. Конечно, он ограничен в сравнении с вечностью, но в нем заключены ужасы, превосходящие все прежние.

«И все это — моим именем», — подумал он.

— Возможно, им следует дать что-то вроде конституции, — предложила Чани. — Она совсем не обязательно должна быть действенной.

— Обман — орудие власти, — согласилась Ирулэн.

— У государственной власти есть пределы, и те, кто полагается на конституцию, рано или поздно это обнаруживают, — сказал Пол.

Корба вышел из своей почтительной позы.

— Милорд!

— Да? — Пол повернулся к нему, успев подумать: «Вот кто скрывает тайные симпатии к мифической власти закона».

— Можно начать с религиозной конституции, — заговорил Корба, предназначеннной для верующих, для тех, кто...

— Нет! — отрезал Пол. — Мы обязаны оформить это как приказы Совета. Ты записываешь, Ирулэн?

— Да, милорд, — ответила Ирулэн враждебным тоном: ей не нравилась отведенная ей второстепенная роль.

— Конституции превращаются в тиранию, — начал диктовать Пол. — Они организуют власть в таких масштабах, которые должны быть превзойдены. В конституции нет предвидения. Она сокрушает и сильных, и слабых — она отрицает индивидуальность. У нее нет ограничений, и, значит, есть внутренняя нестабильность. У меня, однако, такие ограничения есть. И в своем стремлении защитить свой народ я запрещаю конституцию. Приказ Совета, сегодняшнее число, и так далее, и тому подобное.

— А как насчет беспокойства иксианцев о налогах, милорд? — спросил Стилгар.

Пол заставил себя оторваться от сердитого лица Корбы и спросил:

— Что ты предлагаешь, Стил?

— Мы должны контролировать налоги.

— Наша цена Союзу за мою подпись под Тупайлским договором, — сказал Пол, — принятие иксианской конфедерацией наших налоговых ставок.

Конфедерация не может торговать без транспорта Союза. Она заплатит.

— Хорошо, милорд, — Стилгар взял еще одну папку и откашлялся. -Сообщение Квизарата с Салузы Второй. Отец Ирулэн начал маневры десанта своих легионеров. — Ирулэн, — сказал Пол. — Ты продолжаешь утверждать, что легион твоего отца — всего лишь забава?

— Что он может сделать с одним легионом? — спросила она, глядя на него бегающими глазами.

— Он может добиться, что его убьют, — сказала Чани.

— А обвинят меня, — подхватил Пол.

— Я знаю немало командиров джихада, — сказала Алия, — которые, узнав о его маневрах, тут же нападут на него.

— Но это лишь полицейские силы, — возразила Ирулэн.

— В таком случае им совершенно не нужны посадочные учения, — заметил Пол. — Я хочу, чтобы в следующем письме отцу ты четко и откровенно изложила ему мои взгляды по этому деликатному вопросу.

Она опустила глаза.

— Да, милорд. Я надеюсь, этим все кончится. Мой отец не должен стать жертвой.

— А моя сестра, — сказал Пол, — не будет ничего сообщать упомянутым ею командирам, если только я не попрошу ее об этом.

— Нападение на моего отца возможно не только из соображений безопасности, — сказала Ирулэн. — Люди начинают оглядываться на его правление с явной ностальгией.

— Однажды ты зайдешь слишком далеко, — бесстрастным голосом, выдававшим холодное бешенство Свободной, сказала Чани.

— Хватит! — приказал Пол.

Он знал, что в словах Ирулэн содержится доля истины. Ирулэн еще раз доказала ему свою полезность.

— Орден Бене Джессерит прислал официальный запрос, — сказал Стилгар, доставая очередную бумагу. — Они хотят проконсультировать вас относительно сохранения вашей генетической линии.

Чани взглянула на папку так, будто в ней содержалось смертоносное оружие.

— Пошлите ордену обычные извинения, — сказал Пол.

— Правильно ли это будет? — вмешалась Ирулэн.

— Возможно... пришло время обсудить этот вопрос, — сказала Чани.

Пол резко тряхнул головой. Они не знают, что это часть цены, которую он еще не решился заплатить.

Но Чани было не так просто остановить.

— Я посетила Стену молитв в съетче Табр, где родилась, — проговорила она. — Меня осматривали доктора. Я сошла в пустыне и послала свои мольбы в ее глубину, где живет Шай-Хулуд. И все же... — она пожала плечами. -Ничего не выходит.

«Наука и суеверие — все против нее, — подумал Пол. — Может, и я с ними заодно — ведь я сказал ей, что означает для нее рождение наследника Атридесов?» Он увидел выражение жалости в глазах Алии. Сама мысль о жалости со стороны сестры возмутила его. Неужели она тоже видела ужасное будущее?

— Милорд должен сознавать опасности, которым подвергается его трон, пока нет наследника, — сказала Ирулэн, используя убежденность тона, вкрадчивость интонации, усвоенную у Бене Джесссерит. — Такие проблемы, естественно, трудно обсуждать, но тем не менее их необходимо вынести на открытое обсуждение. Император больше, чем человек. Он возглавляет государство. Если он умрет без наследника, начнется гражданская война. Из любви к своему народу он не должен допустить этого.

Пол оттолкнулся от стола и прошел к балконному окну. Ветер разгонял дымы города. Небо темного серебристо-голубого цвета затуманилось вечерней пылью с Защитной стены. Пол смотрел на юг, на стену, прикрывающую его город от кориолисовых ветров, и думал, где ему найти такую защиту для собственного мозга.

Совет молча ждал, все чувствовали, как близок он к вспышке гнева.

Пол ощущал, как на него обрушивается время. Он пытался успокоиться, найти равновесие, чтобы сформировать новое будущее.

«Освобождайся... Освобождайся... Освобождайся!» подумал он. Что, если взять Чани и уйти, поискать убежища на Тупайле? Останется его имя. Джихад примет новые, еще более ужасные формы. И в этом тоже обвинят его. Он понял с внезапным испугом, что любой новый ход может уничтожить самое дорогое для него, что изданный им самый слабый звук вызовет крушение Вселенной. Внизу, под ним, площадь превратилась в лагерь пилигримов в бело-зеленых одеждах хаджжа. Они двигались за проводником, как огромная змея. Пол подумал, что уже сейчас его приемный зал забит просителями. Пилигримы! Их поклонение стало источником богатства Империи. Хаджж заполняет космические пути ордами пилигримов, а они все идут, идут и идут. «Неужели это я привел их в движение?» — подумал он.

Конечно, все сдвинулось само собой. Столетиями складывался генный рисунок, который привел к такому результату.

Влекомые глубочайшими религиозными инстинктами, люди приходят в поисках воскресения. Паломничество заканчивается здесь... на Арракисе, в месте воскресения, в месте смерти.

Свободные говорили, что пилигримы ищут воду. А что на самом деле они ищут? Они говорят, что пришли в Святое место. Но они должны знать, что во Вселенной нет рая и нет Тупайла для души. Они говорят, что Арракис место, где разгадываются все загадки. Здесь связь между этой Вселенной и следующей. И самое пугающее, что они уходят удовлетворенные.

«Что они находят здесь?» — подумал Пол.

Часто в своем религиозном экстазе они наполняют улицы криками, будто птицы в птичнике. Свободные так и зовут их — «перелетные птицы». А те немногие, которые умирают здесь, называются «крылатые души».

Пол со вздохом подумал, что каждая новая планета, завоеванная его легионами, поставляет новые массы пилигримов. Они приходят в знак благодарности за «мир Муад Диба».

Он чувствовал, как некая его часть лежит неподвижно, погруженная в бесконечную морозную тьму. Его способность к предвидению изменила Вселенную человечества. Он потряс космос и заменил безопасность джихадом. Он одержал победу над Вселенной людей, по что-то ему подсказывало, что эта Вселенная по-прежнему избегает его.

Эта планета под ним, планета, превратившаяся по его воле из пустыни в богатый водой край, она живая. У нее пульс, как у человека. Она борется с ним, сопротивляется, ускользает от него.

Кто-то взял его за руку. Обернувшись, он увидел Чани. В ее глазах была тревога. Она тихонько произнесла:

— Любимый, не надо бороться с собой.

Волна ее чувства поддержала его.

— Сихайя, — прошептал он.

— Нам нужно вернуться в пустыню, — негромко сказала она.

Он сжал ее руку и вернулся к столу, но не сел.

Чаны заняла свое место.

Ирулэн, поджав губы, смотрела на бумаги, лежащие перед Стилгаром.

— Ирулэн предлагает себя в качестве матери наследника Императора, сказал Пол. Он взглянул на Чани, потом снова на Ирулэн, которая избегала встречаться с ним взглядом. — Все мы знаем, что она не любит меня.

Ирулэн застыла, будто изваяние.

— Мне известны политические аргументы, — продолжал Пол. — Но меня интересуют человеческие доводы. Если бы принцесса-супруга поступала так не по приказу Бене Джессерит, если бы она не искала личной власти, мой ответ мог бы быть иным. А в нынешних обстоятельствах я отвергаю это предложение. Ирулэн вздохнула, глубоко потрясенная его словами.

Сядь на место, Пол подумал, что никогда не видел Ирулэн в таком состоянии, как сейчас. Наклонившись к ней, он сказал:

— Прости, Ирулэн.

Она вздернула подбородок, в глазах ее сверкнула ярость.

— Мне не нужна твоя жалость! — прошипела она. И, повернувшись к Стилгару, спросила:

— Есть еще срочные дела?

Глядя прямо на Пола, Стилгар ответил:

— Еще одно дело, милорд. Союз предлагает прислать сюда, на Арракис, своего посла.

— Одно из существ глубокого космоса? — спросил Корба тоном крайнего омерзения.

— Вероятно, — кивнул Стилгар.

— Это нуждается в тщательном обсуждении, — предостерег Корба. -Совету наибов это не понравится. Представитель Союза здесь, на Арракисе! Он осквернит землю, которой коснется его нога.

— Они живут в баках и не касаются земли, — возразил Пол чуть раздраженно.

— Наибы могут взять это дело в свои руки, милорд, — предложил Корба. Пол взглянул на него.

— В конце концов они — Свободные, милорд, — настаивал Корба. — Мы помним, как Союз привел сюда угнетателей. Мы помним, как Союз похищал наш меланж...

— Хватит! — вскричал Пол. — Ты думаешь, я забыл об этом?

Корба что-то пробормотал, неразборчиво, будто спросонья. Потом сказал:

— Простите, милорд. Я не хотел сказать, что вы не Свободный. Я не... Пусть присылают своего рулевого, — решил Пол. — Вряд ли он сунется сюда, если предвидит опасность.

Сискаженным от ужаса лицом Ирулэн внезапно спросила:

— Ты видел... приезд сюда рулевого?

— Конечно, я не «видел приезд рулевого», — передразнил ее Пол. -Пусть едет, если ему это угодно. Возможно, он нам пригодится.

— Да будет так, — сказал Стилгар.

А Ирулэн, прикрывая рукой торжествующую улыбку, думала: «Император не видел рулевого. Наш заговор не раскрыт».

Глава 6

«Снова начинается драма».

Слова, произнесенные Императором Полом Муад Дибом при восхождении на Львиный трон.

Сквозь тайное окошко Алия всматривалась в большой приемный зал, ожидая появления посла Союза со свитой.

Яркий серебристый свет полудня врывался в окна, освещая голубой с зеленым пол, имитировавший заболоченный залив с водяными растениями. Тут и там вспышка экзотического цвета символизировала птицу или животное.

Свита посла двигалась по расписанным плитам пола, точно охотники, преследующие дичь в неких экзотических джунглях.

Сопровождающие образовали подвижную картину из серых, черных и оранжевых одеяний, расположенных в произвольном, на посторонний взгляд, порядке. Свита окружала прозрачный бак, внутри которого плавал в облаках оранжевого газа посол-рулевой. Бак скользил, поддерживаемый супензорным полем; два помощника в сером вели его на буксире, точно корабль, заводимый в док.

Прямо под тем местом, где находилась Алия, на Львином троне, установленном на возвышении, сидел Пол. На нем была корона с изображением рыбы и кулака и унизанная драгоценными камнями мантия; мерцание защитного силового поля окружало его. На возвышении и на ведущих к нему ступенях расположились в два ряда охранники. Стилгар стоял в двух шагах от трона. Он был в белой одежде, перепоясанный желтым шнуром.

Чувство родственного единения говорило Алии, что Пол испытывает сейчас то же потрясение, что и она сама, хотя вряд ли это было заметно кому-нибудь другому. Взгляд Поля был устремлен на одетого в оранжевое члена свиты, чьи металлические глаза не мигая смотрели прямо. Этот помощник шел у правого угла бака посла, как верховой стражник, сопровождающий экипаж. Шапка черных курчавых волос, плоское лицо, сложение, которое позволяло разглядеть оранжевое одеяние, — все и нем, даже мельчайший жест, говорило и кричало о сходстве.

Это был Данкан Айдахо. Этого не могло быть, и все же это был он.

Алия мгновенно узнала его, узнала памятью матери. Она знала, что Пол смотрит на него из глубины своего личного опыта, благодарности и юношеского восхищения.

Это был Данкан.

Алия вздрогнула. Вывод мог быть только один — это гхола, существо, воссозданное на Тлейлаксе из мертвей плоти оригинала.

Оригинал погиб, спасая Пола. А этот его двойник вышел из аксолотлевых баков Тлейлакса.

Гхола шел походкой искусного фехтовальщика. Он остановился, когда бак посла замер в десяти шагах от ступеней.

Благодаря методу Бене Джесссерит, от которого не могла избавиться, Алия прочла беспокойство Пола. Он больше не смотрел на фигуру из своего прошлого. Но все его существо смотрело, не глядя. Преодолевая судорожный спазм, Пол обратился к послу Союза:

— Мне сообщили, что вас зовут Адрик. Мы приветствуем вас, Адрик, при нашем дворе и надеемся, что ваш приезд послужит взаимопониманию между нами.

Рулевой принял позу сибарита, изогнувшись в своем оранжевом газе, и, прежде чем встретиться взглядом с Полом, бросил себе в рот таблетку меланжа. Миниатюрный передатчик, встроенный в бак, воспроизвел его кашель, затем только послышался скрипучий голос:

— Нижайше склоняюсь перед очами Императора и прошу разрешения вручить верительные грамоты и преподнести скромный подарок.

Один из его помощников передал Стилгару сверток. Тот просмотрел его и кивнул Полу. Стилгар и Пол тут же повернулись к гхоле, который терпеливо стоял у помоста.

— Милорд разглядел подарок? — спросил посол.

— Мы принимаем ваши верительные грамоты, — сказал Пол. — Объясните подарок.

Адрик перевернулся в баке.

— Его зовут Хейт, — сказал он, объясняя. — Насколько позволяют судить произведенные нами расследования, у него очень любопытное прошлое. Он был убит здесь, на Арракисе, ужасная рана на голове потребовала многих месяцев восстановления. Тело было передано тлейлаксу, как тело опытнейшего фехтовальщика, последователя школы Гайнеза. Мы считаем, что это был Данкан Айдахо, ваш приверженец, друг вашей юности. Мы сочли, что такой подарок достоин Императора. — Адрик посмотрел на Пола в упор. — Разве это не Айдахо, сир?

У Пола перехватило дыхание.

— Он похож на Айдахо.

"Неужели Пол видит что-то такое, чего не вижу я? — подумала Алия. -Нет! Это Данкан!?

Человек, представленный как Хейт, стоял неподвижно, чуть расслабившись, устремив взгляд прямо перед собой. Ничто в нем не говорило о том, что он понимает, что является предметом обсуждения.

— В соответствии с нашими сведениями, это Айдахо, — повторил Адрик.

— Но теперь его зовут Хейт, — сказал Пол. — Любопытное имя.

— Сир, нельзя определить, по какому принципу тлейлаксу дают имена. Но его имя вполне можно изменить. То, как его называли тлейлаксу, не имеет значения.

"Это существо создали на Тлейлаксе, — подумал Пол. — Добро и зло приобретают странное значение в философии жителей этой планеты. Что же вложили они в тело Айдахо — по своему желанию или капризу??

Пол взглянул на Стилгара и заметил суеверный страх в глазах Свободного. Все охранники испытывали такое же чувство. Стилгар, должно быть, думал об отвратительных обычаях членов Союза, о тлейлаксу и о гхоле. Повернувшись к гхоле, Пол спросил:

— Хейт — это твое единственное имя?

Спокойная улыбка появилась на плоском лице. Металлические глаза остановились на Поле, их взгляд оставался механическим.

— Так меня называли, милорд.

Алия вздрогнула в своем укрытии, когда прозвучал голос Айдахо — она помнила его каждой кисточкой своего тела.

— Пусть милорду будет приятно, — добавил гхола, — если я скажу, что ваш голос доставляет мне удовольствие. Тлейлаксу говорил, что это признак того, что я слышал этот голос раньше.

— Но ты не знаешь этого точно? — спросил Пол.

— Я вообще не знаю ничего о своем прошлом, милорд. Мне объяснили, что я не могу сохранить память о своей прошлой жизни, сохраняется только запись в генах. Но иногда прошлое и настоящее могут совпадать, и тогда... я помню голоса, места, лица, звуки и поступки, чувствую меч в моей руке, знаю, как управлять топтером...

Заметив, как внимательно посол Союза следит за этим разговором, Пол спросил:

— Ты понимаешь, что тебя подарили?

— Мне объяснили это, милорд.

Пол откинулся на спинку трона, сжав руками подлокотники.

«У меня долг перед памятью Данкана, — подумал он. — Человек погиб, спасая мне жизнь. Но ведь это не Айдахо, это — гхола. С другой стороны, это то самое тело и тот самый мозг, которые научили его, Пола, управлять топтером так, как если бы у него за спиной были свои собственные крылья. Пол знал, что беря в руки меч, он опирается на знания, преподанные ему Данканом. Гхола — не что иное, как тело, вызывающее ложные впечатления и недоразумения. Но ведь старые ассоциации прочны, а этот гхола не просто носит маску Данкана Айдахо, он носит отпечаток его личности».

— Как ты можешь служить нам? — спросил Пол.

— Как пожелает милорд и позволят мои возможности.

Алию поразила робость, прозвучавшая в голосе гхолы. Она не чувствовала ничего фальшивого. Что-то необыкновенно наивное просвечивало в новом Данкане Айдахо. Оригинал был земным и

беззаботным человеком. Но это тело от всего очищено. Чистая поверхность, на которой тлейлаксу написали... но что именно они написали?

Она ощутила скрытую опасность в этом даре. Это существо создали тлейлаксу, а они проявляли в своих творениях безудержную фантазию. Ими могло руководить безграничное любопытство. Они хвастались, что могут сотворить все, если получат соответствующий материал, — хоть дьялов, хоть святых. Они продавали убийц-ментатов. Они произвели убийцу-врача, который преступил запрет Школы Сак на лишение человека жизни. Среди их изделий были вышколенные слуги, сексуальные игрушки на любой вкус, солдаты, генералы, философы и даже моралисты...

Пол очнулся от своих мыслей и взглянул на Адрика:

— Чему обучен этот гхола?

— Милорд будет доволен, — ответил Адрик. — Тлейлаксу позабавила возможность сделать из этого гхолы ментата и философа школы Дзэнсунни. Они также усилили его способности фехтовальщика.

— У них это получилось?

— Не знаю, милорд.

Пол взвесил ответ. Чувство правды говорило ему: Адрик искренне считает, что гхола — Айдахо. Но было еще кое-что. Воды времени, через которые двигался этот рулевой-оракул, говорили об опасности, но не открывали ее природы. Тлейлакское имя Хейт тоже говорило об опасности. Пол почувствовал искушение отказаться от дара. Но он знал, что не должен даже думать об этом. Эта плоть имела свои нрава на дом Атридесов, и враг слишком хорошо это знал.

— Философ! — пробормотал Пол, снова взглянув на гхолу. — Ты исследовал собственную роль и побудительные мотивы?

— Я отношусь к своей службе с покорностью, сир. Я — очищенный мозг, меня освободили от желаний моего человеческого прошлого.

— Ты предпочитаешь, чтобы тебя звали Хейт или Данкан Айдахо?

— Милорд может звать меня как пожелает, это несущественно.

— Но тебе нравится имя Данкан Айдахо?

— Я думаю, это мое прежнее имя. Оно вызывает во мне отклик, но и... различные реакции. В имени может скрываться и приятное, и неприятное.

— Что доставляет тебе наибольшее удовольствие? — спросил Пол. Гхола неожиданно рассмеялся:

— Поиски в других следов моего прошлого.

— Ты видишь здесь такие следы?

— О, да, милорд. Ваш человек Стилгар колеблется между суевериями и восхищением. Он был мне другом в моем прошлом существовании, но тело гхолы внушиает ему отвращение. Вы же, милорд, восхищаетесь человеком, которым я был... и которому вы верили.

— Очищенный мозг, — сказал Пол. — Как может очищенный мозг быть зависимым от нас?

— Очищенный мозг принимает решения в присутствии неизвестного, без причины и эффекта. Разве это не зависимость?

Пол нахмурился. Высказывание Дзэнсунни, загадочное, двусмысленное, исходящее из веры, которая отрицает объективные функции умственной активности. Без причины и эффекта? Такая мысль шокирует разуму. Неизвестное? Неизвестное есть в каждом решении и даже в видении оракула.

— Ну так как, ты хочешь, чтобы мы звали тебя Данкан Айдахо? — снова спросил Пол.

— Мне все равно, милорд. Выберите для меня имя сами.

— Что ж, тогда пусть у тебя остается имя Хейт, оно взыгрывает к осторожности.

Хейт поклонился и сделал шаг назад.

А Алия удивилась: "Откуда он узнал, что разговор окончен? Это могла понять я, потому что знаю своего брата. Но чужак не мог уловить никакого знака. Неужели это откликнулась тень живущего в

нем Данкана?!?

Пол повернулся к послу:

— Для вашего посольства подготовлено помещение. Мы желаем при первой же возможности иметь с вами частную беседу. Мы пошлем за вами. Я хочу проинформировать вас, прежде чем вы узнаете это из других источников, что Преподобная Мать Гаиус Хэлен Моахим удалена из привезшего вас лайнера. Это сделано по нашему приказу. Ее присутствие на вашем корабле будет обсуждено во время наших переговоров. И взмахом руки Пол отпустил посла.

— А ты, Хейт, останься, — сказал он.

Свита посла попятилась и потащила за собой бак. Адрик превратился в оранжевый вихрь в оранжевом газе — глаза, рот, беспорядочно двигающиеся конечности.

Пол смотрел вслед процессии, пока за нею не захлопнулась парадная дверь.

«Итак, дело сделано, — подумал Пол. — Я принял гхолу. Хейт — наживка, это несомненно. Вероятно, эта старая карга — Преподобная Мать — играет ту же роль. Но близится время тарота, которое я уже предсказал в одном из своих ранних видений».

«Проклятый тарот! Он затуманил виды времени, и предвидение не может уловить точного момента. Рыба часто клюет, но не всегда попадается, напомнил он себе. — И тарот действует как против меня, так и за меня. То, чего не вижу я, не смогут определить и другие».

Гхола стоял, наклонив голову и наблюдая.

Стилгар поднялся по ступенькам помоста, на мгновение скрыв гхолу от взгляда Пола. На Чакобс, охотничьем языке дней съетча, он сказал:

— Это отвратительное существо в баке вызывает во мне дрожь омерзения. А тут еще этот непонятный дар. Отошлите его назад, сир.

На том же языке Пол ответил:

— Не могу, Стил.

— Но Айдахо мертв, — настаивал Стилгар. — Это не Айдахо. Позвольте мне взять его воду для племени.

— Гхола — мол проблема, Стил. Твоя проблема — наша пленица. Я хочу, чтобы Преподобную Мать тщательно охраняли люди, специально обученные сопротивлению Голосу.

— Мне все это не нравится, сир.

— Я буду осторожен, Стил, но и ты будь.

— Хорошо, сир. — Стилгар спустился с помоста и направился к выходу. Проходя мимо Хейта, ом с шумом втянул в себя воздух.

«Зло нельзя определить по запаху, — подумал Пол. — Стилгар водрузил зелено-черные знамена Атридесов на десятках миров, но в душе так и остался суеверным Свободным».

Пол изучал дар.

— Данкан, Данкан, — прошептал он. — Что они с тобой сделали?

— Они дали мне жизнь, милорд, — ответил Хейт.

— Но с какой целью они тебя обучили и отдали мне?

Хейт поджал губы и произнес:

— Я предназначен для вашего уничтожения, сир.

Фантастическая искренность этого ответа потрясла Пола. Но как иначе мог бы ответить ментат-Дзэнсунни? Даже будучи гхолой, ментат мог говорить только правду, особенно ментат, обладающий внутренним спокойствием Дзэнсунни. Это человеческий компьютер, тело и мозг, которым переданы функции ненавистных машин. Обучить его системе Дзэнсунни значило удвоить его честность... если, конечно, тлейлаксу не встроили чего-нибудь еще более необычного в эту плоть.

Почему, например, у него механические глаза? Тлейлаксу хваствают, что их металлические глаза улучшают оригинал. Странно, однако, что сами тлейлаксу ими не пользуются.

Поп взглянул в сторону смотровой щели Алии — ему не хватало ее присутствия и совета.

Потом снова перевел взгляд на гхолу: этот отнюдь не простой подарок дает честные ответы на опасные вопросы.

«То, что я знаю, что это орудие предназначено для моего уничтожения, неважно», — подумал Пол.

— Что я должен сделать, чтобы защититься от тебя? — спросил Пол. Это была прямая речь, без императорского «мы» — просто вопрос, который мог быть задан прежнему Данкану Айдахо.

— Отошлите меня обратно, милорд.

Пол покачал головой.

— Как ты собираешься уничтожить меня?

Хейт взглянул на охранников, которые после ухода Стилгара приблизились к трону. Хейт обвел взглядом громадный помпезный зал и снова остановил немигающие металлические глаза на Императора:

— В таком месте вы изолированы от народа. Здесь все говорит о том, что все кончено, милорд. Только памятая об этом, можно выносить такую власть. Обязан ли милорд своим теперешним положением способности предвидения?

Пол забарабанил пальцами по подлокотнику трона. Вопрос встревожил его.

— Я занял это положение... не только в силу своих способностей оракула. Иногда были нужны решительные действия.

— Решительные действия... — повторил Хейт в раздумье. — Они регулируют жизнь человека. Характер человека может быть получен из металла путем нагревания и охлаждения.

— Ты хочешь отвлечь меня фразами Дзэнсунни?

— У Дзэнсунни есть что исследовать, сир, и их не нужно отвлекать.

Пол провел языком по губам и сделал глубокий вдох. Неразрешенные вопросы накапливались в его голове. Не следует заниматься гхолой в ущерб основным обязанностям. Почему этого гхолу сделали ментатом-Дзэнсунни? Философия... слова... рассуждения... внутренний поиск. Пол чувствовал, что ему не хватает исходных данных.

— Нужно больше данных, — пробормотал он.

— Факты, необходимые ментату, собрать не просто. Это не пыльца, остающаяся на одежде, когда проходишь цветущим лугом. Пыльцу нужно заботливо собирать и внимательно изучать, под большим увеличением.

— Ты собираешься обучать меня риторике Дзэнсунни? Металлические глаза сверкнули пониманием:

— Возможно, так и было задумано, милорд.

«Притупить мою волю словами, внушить свои идеи...» — подумал Пол. Он сказал:

— Больше всего следует опасаться идей, которые переходят в дела.

— Отошлите меня назад, сир! — повторил Хейт голосом Айдахо, тревожащегося о своем «молодом хозяине».

И Пол понял, что этот голос заманивает его в ловушку: он не сможет отослать голос Айдахо, даже если тот принадлежит гхоле.

— Ты останешься, — решил Пол, — и мы оба будем соблюдать осторожность.

Хейт склонил голову в знак покорности.

Пол поднял глаза и посмотрел на смотровую щель. Он мысленно просил Алию взять у него этот подарок и выпытать его тайны. Гхолами пугали детей. Раньше ему не приходилось с ними сталкиваться, а с этим к тому же требовалось преодолеть столько разных чувств. Сможет ли он? Данкан, Данкан... Где в этой плоти Айдахо? Это не тело, это обман в теле Айдахо! Данкан давно лежит в Пещере мертвых.

Закрыв глаза, Пол позволил предвидению овладеть собой. Духи любви и ненависти летали над

хаосом волнующегося моря. И ни одного надежного места, на котором можно утвердиться и рассмотреть будущее.

«Почему ни одно видение не показало мне этого нового Данканна Айдахо? — спросил он сам себя. — Кто скрывает от меня Время? Вероятно, другие оракулы».

Открыв глаза, Пол спросил:

— Хейт, ты обладаешь способностью к предвидению?

— Нет, милорд.

Искренность звучала в его голосе. Конечно, гхола может и сам не подозревать об этой своей способности. Но это помешало бы его работе в качестве ментата. В чем же дело?

Старые видения окружали Поля. Должен ли он избрать страшный путь? Разорванное Время намекало на присутствие гхолы в ужасном будущем. И это будущее все приближалось, как он ни старался отдалить его. "Освобождайся... Освобождайся... Освобождайся...?"

Мысль эта колоколом билась в его мозгу.

Наверху сидела Алия, обхватив подбородок левой рукой, и смотрела на гхолу. Этот Хейт магически притягивал ее. Тлейлаксу вернули ему юность, влекущую ее. Она поняла невысказанную просьбу Поля. Когда оракул беспомощен, приходится обращаться к реальным шпионам и физической силе. Алия сама удивилась собственной готовности выполнить его просьбу. Алия чувствовала острое желание быть ближе к тому существу, возможно, касаться его.

«Он представляет опасность для нас обоих», — подумала она.

Глава 7

?Правда страдает от слишком пристального рассмотрения".

Старинная поговорка Свободных.

— Меня бросает в дрожь при виде вашего бедственного положения, Преподобная Мать, — сказала Ирулэн.

Она стояла у входа в камеру, изучая ее способом Бене Джессерит. Камера представляла собой трехметровый куб, высеченный в скале под плитами пола крепости. Там был лишь шаткий плетеный стул, на котором сидела Гаиус Хэлен Моахим, матрац с коричневым одеялом, на котором была разбросана колода карт, тарот Дюны, стоял сосуд с водой, туалет Свободных со всеми приспособлениями для сохранения влаги. Все бедное, примитивное. Забранные решетками шары давали скучный желтый свет.

— Ты сообщила леди Джессике? — спросила Преподобная Мать.

— Да, но не думаю, чтобы она сказала против своего сына хоть слово, ответила Ирулэн и взглянула на карты. Карта Большого Червя лежит над Пустынным Песком. Преподобная Мать советует сохранять терпение.

Охранник снаружи следил за ними через металлическое окошко в двери. Ирулэн знала, что их разговор прослушивается. Она много передумала, прежде чем решилась прийти сюда. Впрочем, не приходить тоже было опасно. Преподобная Мать погрузилась в размышления праджна, время от времени осматривая карты. Несмотря на предчувствие, что ей не выбраться с Арракиса живой, она сохраняла спокойствие. Способность к предвидению может быть малой, но взбаламученная вода — взбаламученная вода. К тому же молитва против страха всегда под рукой.

Она обдумывала события, приведшие ее в эту камеру. Темные подозрения роились в ее мозгу, и тарот подтверждал их. Неужели ее арест входил в планы Союза?

На мостике лайнера ее поджидал Квизара в желтом костюме, с бритой головой, с глазами-бусинками, абсолютно синими на круглом лице, с кожей, потемневшей от солнца и ветров Арракиса. Он поднял голову от чашки спайсового кофе, поданного ему подобострастным стюардом, пристально посмотрел на нее и отставил чашку.

— Вы Преподобная Мать Гаиус Хэлен Моахим? — спросил Квизара. Теперь, вспоминая эти мгновения, она пережила все заново. Горло у нее сжало спазмом страха. Как чиновник Императора узнал о ее присутствии на лайнере? — Нам стало известно, что вы находитесь на борту. Вы забыли, что вам запрещено посещать нашу святую планету?

— Я нахожусь не на Арракисе, а в свободном космосе, — возразила она. — Я пассажирка лайнера Союза.

— Свободного космоса больше нет, мадам! — В его тоне она прочла смесь ненависти и подозрительности. — Муад Диб правит повсюду.

— Моя цель — не Арракис, — возразила она.

— Арракис — цель всех! — возразил он, и она испугалась, что сейчас он начнет цитировать путеводитель для пилигримов — на этом корабле их прилетели тысячи.

Но Квизара извлек из-под одежды амулет, поцеловал его и коснулся им лба, потом прижал к правому уху и стал слушать.

— Вам приказано собрать багаж и следовать за мной, — сказал он, пряча амулет-передатчик.

— Но у меня дела в другом месте!

В этот момент она и заподозрила вероломство Союза. Возможно, рулевой не смог скрыть их заговор. Эта мерзавка Алия, несомненно, обладает способностью Преподобной Матери Бене Джессерит. Кто может сказать, что происходит, когда ее способности объединяются с пророческим даром ее брата?

— Не возражать! — прикрикнул на нее Квизара. Все в ней восставало против того, чтобы снова вступить на проклятую планету пустынь. Здесь они потеряли Пола Атридеса, Квица Хадераха, которого готовили долгие столетия. Но у нее не было выхода.

— У нас мало времени, — уже спокойно сказал Квизара. — Когда Император приказывает, его подданные повинуются.

«Значит, это приказ Поля». Она было подумала заявить протест командиру лайнера, но ее остановился мысль о бессмысленности этого поступка. Что может сделать Союз?

— Император сказал, что я умру, если ступлю на Дюну, сказала она, делая последнюю отчаянную попытку. — Вы знаете об этом. Если вы выведете меня отсюда, то тем самым приговорите к смерти.

— Не разговаривать! — вспылил Квизара. — Это предопределено.

Она знала, что они всегда говорят так о приказах Императора. Предопределено! Священный правитель, чьи взгляды проникают в будущее, сказал! Чему быть, того не миновать. Ведь он уже видел это!

С мучительной мыслью, что попалась в собственные сети, она повиновалась.

В камере ее навестила Ирулэн. Она заметно постарела с момента их последней встречи на Валлахе-9. Беспокойные морщинки появились у уголков глаз. Что ж... пришла пора проверить, будет ли эта Сестра верна своей клятве.

— Я жила и в худших условиях, — сказала Преподобная Мать, в то время как пальцы ее энергично задвигались. — Тебя прислал Император?

Ирулэн прочла движения пальцев, и ее пальцы задвигались в ответ. А вслух она проговорила:

— Нет... я пришла, как только услышала, что вы здесь.

— Император не рассердится? — спросила Преподобная Мать, а пальцы ее двигались, требовали, наставляли.

— Ну и путь! Вы были моим учителем в ордене так же, как когда-то учили и его мать. Неужели он думает, что я отвернусь от вас, как это сделала леди Джессика? — Разговор пальцев продолжался.

Преподобная Мать тяжело вздохнула. Это был вздох пленницы, покорившейся своей участии. На самом же деле она в это время отвечала Ирулэн. Тщетно надеяться, что драгоценные гены Императора Атридеса будут сохранены при помощи этого инструмента. Принцесса, несмотря на свою красоту, бесполезна. Под покровом сексуальности и привлекательности скрывается сварливая женщина, более заинтересованная в словах, нежели в делах. Впрочем, Ирулэн как-никак Бене Джессерит, а орден располагает возможностью использовать и слабые свои орудия. Они вели разговор о более мягкому матрасе, о лучшей пище, а между тем Преподобная Мать пустила в ход свой арсенал убеждения, торопливо отдавая приказы: следует проверить возможность скрещивания брата с сестрой (Ирулэн чуть не вышла из себя, получив этот приказ).

— У меня тоже должна быть возможность! — упрашивали ее пальцы.

— У тебя она была! — возразила Преподобная Мать. Она продолжала давать инструкции. Сердится ли когда-нибудь Император на свою наложницу? Уникальные способности Оракула должны вызывать в нем чувство одиночества. С кем он может разговаривать, надеясь на понимание? Очевидно, с сестрой. Она разделяет его чувство одиночества. Необходимо узнать содержание их бесед. Создавать условия для встреч наедине. Организовывать интимные встречи. Проверить возможность устранения наложницы: горе снимает привычные барьеры.

Ирулэн протестовала. Если Чани погибнет, подозрение падет на принцессу-супругу. К тому же существуют другие проблемы. Чани перешла на древнюю диету Свободных, которая, якобы, повышает способность к деторождению. Теперь исключена всякая возможность подмешивать ей в пищу противозачаточные средства, и, следовательно, наложница станет еще более плодовитой.

Преподобная Мать с трудом скрыла свой гнев. Пальцы се продолжали требовать. Почему информация об этом не была передана ей в самом начале разговора? И как Ирулэн могла быть так глупа, что допустила это? Если Чани родит сына, Император объявит его своим наследником!

Ирулэн возразила, что она понимает опасность, но надеется, что гены не будут окончательно утрачены.

— Будь проклята твоя глупость! — рассердилась Преподобная Мать. — Кто знает, какие генетические осложнения привнесет Чани от своей дикой линии Свободных? Орден заинтересован только в чистой линии! А наследник оживит честолюбие Поля, подтолкнет к новым усилиям по укреплению Империи. Заговорщики не должны допустить этого.

Ирулэн оскорбленно спросила, как же она могла помешать Чани перейти на диету?

Но Преподобная Мать была не расположена объясняться. Ирулэн получила точные инструкции, следует подмешать ей в пищу или в питье средство, прерывающее беременность. Либо придется ее

просто убрать. Любой ценой нужно помешать появлению наследника из этого источника.

Ирулэн возразила, что такой способ не менее опасен, чем открытое нападение на наложницу. Она дрожит от одной мысли о покушении на Чани. Ирулэн испугалась опасности? Пальцы Матери выразили презрение. Рассерженная Ирулэн просигналила, что она знает себе цену как агента в императорском доме. Заговорщики хотят исключить ее из игры? Как же тогда они будут следить за Императором? Или они уже ввели другого агента в его окружение и теперь пользуются ее услугами в последний раз?

Преподобная Мать возразила, что на войне взаимоотношения все время меняются. И теперь наибольшая опасность заключается в том, чтобы обезопасить Дом Атридесов со стороны наследования. Орден не может пойти на риск. Это очень опасно и для генетического рисунка Атридеса. Если Пол утвердит свою династию на троне, генетическая программа ордена на многие столетия будет сорвана.

Ирулэн поняла эти доводы, но не могла отделаться от мысли о том, что принцессой-супругой жертвуют ради чего то более ценного. Имеет ли это какое-то отношение к гхоле?

Неужели Ирулэн считает, что орден состоит из дураков, ответила Преподобная Мать. Ирулэн всегда знала все, что ей было положено знать. Ирулэн увидела в этом ответе доказательство того, что от нее что-то скрывают. Ей прямо сказали, что она будет знать ровно столько, сколько нужно, но не больше.

Она спросила, уверены ли они, что гхола сумеет уничтожить Императора. С таким же успехом она может спросить, уничтожит ли его меланж, возразила Преподобная Мать.

Ирулэн поняла, что эта резкая отповедь содержит скрытый смысл. Бене Джессеритский «хлыст, который дает знания» сообщил ей, что существует связь между меланжем и гхолой. Меланж ценен, но требует платы — пагубной привычки. Он добавляет годы жизни, некоторым десятилетия, но все же это лишь иной способ умереть.

Гхола так же смертоносен, как и меланж.

Возвращаясь к прежней теме, Преподобная Мать просигналила, что лучший способ предотвратить рождение нежелательного наследника — это убить возможную мать.

«Конечно, — подумала Ирулэн. — Решив истратить определенную сумму, вы хотите получить взамен как можно больше».

Проницательные глаза Преподобной Матери, темно-синие от потребления меланжа, смотрели на Ирулэн выжидательно и изучающие.

«Она ясно читает во мне, — с отчаянием подумала Ирулэн. — Она учила меня и наблюдала за моим обучением. Она знает, что я понимаю, какое решение надо принять. Что ж, я приму его и как Бене Джессерит, и как принцесса».

Ирулэн вымученно улыбнулась, выпрямилась и произнесла про себя начальные фразы молитвы против страха:

«Я не должна бояться. Страх убивает разум. Страх — малая смерть, которая приносит полное уничтожение. Я смотрю в лицо моему страху...» Когда спокойствие вернулось к ней, она подумала: «Пусть они используют меня. Я покажу им, чего стоит принцесса. Возможно, я дам им даже больше, чем они ожидают».

После нескольких прощальных фраз Ирулэн ушла.

Преподобная Мать вернулась к картам. И немедленно Квизац Хадера выпал рядом с Восемью Кораблями. Дурной признак: у врага имеются скрытые резервы.

Она отвернулась, размышляя, поможет ли им Ирулэн в борьбе с врагом.

Глава 8

«Свободные видят в ней земную женщину, обладающую особой властью защищать племена. Она Преподобная Мать их Преподобных Матерей. Для пилигримов, которые упрашивают ее вернуть им способность к деторождению или сделать бесплодное плодородным, она — антиментат. Она порождена стремлением человека к мистическому. Она живое доказательство того, что „аналитика“ имеет свои пределы. Она — девственница-проститутка, умная, вульгарная, грубая, столь же разрушительная в своих капризах, как кориолисова буря».

?Святая Алия Нож».

Из сообщения принцессы Ирулэн.

Точно часовой, одетый в черное, Алия стояла на южной платформе своего храма, храма Оракула, который Свободные Пола выстроили для нее рядом с его крепостью.

Она ненавидела эту часть своей жизни, но не знала, как отказаться от нее, не навлекая на них всех уничтожение. Пилигримы — будь они прокляты! с каждым днем становятся все многочисленнее. Нижний придел храма плотно забит ими всегда. Среди пилигримов расхаживают торговцы, колдуны, предсказатели — жалкие подражатели Муад Диба и его сестры.

Алия видела среди товаров красивые и зеленые пакеты с новым «некоториком» тарот Дюны. Кто поставляет это изобретение на рынок Арракиса? Почему тарот стал популярным именно сейчас, в данное время и в данном месте? Не для того ли, чтобы замутить Время? Пристрастие к спайсу всегда обостряет способности предсказания. Случайно ли Свободные так верят в предзнаменования? Она решила проверить это при первой же возможности.

С юго-востока дул слабый ветер — остатки ветра, разбитого Защитной стеной, высоко вздымающейся над горизонтом. Ее край, освещенный солнцем, ярко сверкал сквозь полуденную пыль, горячий ветер коснулся щек Алии и она затосковала по безопасности открытых просторов. Был конец дня, последние толпы пилигримов спускались по широким каменным ступеням, в одиночку и группами; некоторые из них задерживались у лотков уличных торговцев, разглядывая сувениры и священные амулеты, советуясь с предсказателями. Пилигримы, нищие горожане, Свободные, торговцы — вся эта пестрая толпа сплошной лавиной двигалась по улице, ведущей к центру города.

Алия различила Свободных, отмечала застывшее выражение суеверного страха на их лицах, видела, как они двигались, стараясь держаться подальше от остальных. В них ее сила — и ее опасность. Они по-прежнему ловили гигантских червей для передвижения, для спорта и жертвоприношений. Они презирали чужеземцев-пилигримов, едва выносили горожан, ненавидели цинизм уличных торговцев. Не стоило задевать дикого Свободного даже в такой толпе, что кишила в храме Алии. В самом храме ножи не обнажались, но мертвые тела, случалось, обнаруживали... позже.

Уходящая толпа подняла целое облако пыли. До Алии донеслись ее запахи и пробудили новый приступ тоски по открытым песчаным просторам. Она понимала, что тоска по прошлому обострилась в ней с появлением гхолы. Сколько было радости в те дни, до того, как ее брат сел на трон. Время для шуток и время для наслаждения прохладным утром или с заходом солнца, время... время... время... Даже опасность была другая в те дни — ясная опасность из известного источника. Не нужно было преодолевать границы предвидения, напрягаясь, всматриваясь в туманные черты будущего.

Хорошо говорят дикие Свободные: «Четыре вещи нельзя спрятать: любовь, дым, огненный столб и человека, идущего по открытому пространству».

С внезапным отвращением Алия отступила от края платформы в глубине храма, прошла вдоль балкона, что смотрел в сверкающую прозрачность ее зала предсказаний. Песок на плитах скрипел под ее ногами. Просители всегда приносят песок в священные помещения! Не обращая внимания на служителей, охранников, учеников, вездесущих жрецов-чиновников Квизарата, она поднялась по спиральной лестнице, ведущей в ее личные покой. Здесь, среди диванов, толстых ковров, занавесей и пустынных сувениров она отпустила амазонок-Свободных, приставленных к ней Стилгаром. Сторожевые псы! Когда они ушли, выражая неудовольствие, но опасаясь ее больше, чем самого Стилгара, она разделась, оставив только криснож в ножнах, свисающий на шнурке с шеи на обнаженную грудь, и пошла нагая в ванную.

Она знала, что он близко — теневая фигура мужчины, которого она предчувствовала в своем будущем, но не могла разглядеть. Ее сердило, что предвидение не может одеть эту тень в плоть. Он предчувствовался только как неожиданное изменение, когда она вглядывалась в чужие жизни, либо когда она сталкивалась с туманными очертаниями в полной тьме, где невинность сочеталась с желанием. Он стоял сразу за горизонтом видимости, и она напрягала свои способности, чтобы разглядеть его. Он был здесь постоянный укор ее предвидению — яростный, опасный,

безнравственный.

В ванной ее окутан влажный теплый воздух. Об этом обычае она узнала от бесчисленного количества Преподобных Матерей, нанизанных на ее сознание, как жемчужные бусы на нить. Теплая вода ласково прильнула к ней, когда она скользнула в ванну.

Зеленый кафель, разрисованный красными морскими рыбами, окружал воду. Какой-нибудь Свободный из старых времен страшно рассердился бы, узнав, что такое количество воды используют только для умывания.

Он близко!

Она подумала, что это кричит ее девственность. Ее плоть жаждет пары. Секс не составляет тайны для Преподобной Матери, возглавляющей ритуальные оргии в съетче. Сознание тау — память о населявших ее других существах могло бы снабдить ее любопытство любыми подробностями. Желание близости это не что иное, как стремление плоти к плоти.

Жажда действия боролась в ней с летаргическим состоянием, вызываемым теплой водой.

Неожиданно Алия выбралась из воды. Мокрая и нагая, она прошла в тренировочную комнату, примыкавшую к ванной. В этой продолговатой и светлой комнате были собраны многочисленные приспособления, при помощи которых агенты Бене Джессерит поддерживали себя в постоянной физической и духовной форме. Тут были мнемонические усилители, пальцевые мельницы с планеты Икс, повышающие чувствительность пальцев рук и ног, синтезаторы запахов, температурные поля, устройства для выработки нужных альфа-ритмов, синхронизаторы, настраивающиеся на анализ света и тьмы... санти.

Вдоль одной из стен громадными буквами мнемонической краской она сама написала ключевую формулу Бене Джессерит:

«До нас все методы обученияискажались инстинктом. Мы научились учиться. До нас исследователи, побуждаемые инстинктом, обладали ограниченным полем деятельности — не больше одной жизни. Проект, охватывающий пятьдесят и более поколений, им даже и в голову не приходил. Концепция полной мышечной и нервной подготовки в то время не могла быть выработана».

Войдя в это помещение, Алия увидела свое отражение в кристаллических призмах фехтовального зеркала в глубина тренировочного комплекса. Увидев длинную шпагу, она подумала: «Да! Я наработалась до изнеможения. Утомлю же окончательно тело и очищу мозг».

Эфес шпаги привычно лег в ее правую руку. Концом клинка Алия коснулась кнопки, включающей манекен. Манекен ожила и медленно отвел острие шпаги в сторону.

Зеркальные призмы сверкнули, манекен шагнул влево от нападавшей.

Алия следовала за ним концом своей длинной шпаги, как — всегда, думая о своем противнике почти как о живом существе. Но это было лишь собрание сервомоторных и сложных отражательных цепей, предназначенных для выработки реакции и обучения. Этот инструмент реагировал так же, как реагировала она, анти-я, двигавшийся, как и она сама; балансирующий свет призм предлагал ей цель.

Ей казалось, что на нее нацелено множество шпаг, но лишь одна из них была реальной. Она отвела эту реалию шпагу, скользнула своей шпагой вглубь сопротивляющегося поля и коснулась цели. Среди призм вспыхнул сверкающий красный огонек... еще одно отвлечение.

Манекен снова атаковал, двигаясь со скоростью в один сигнал, чуть-чуть быстрее, чем вначале. Она отразила нападение, двинулась в зеленую зону и нанесла второй удар.

Теперь уже две лампы горели среди призм.

Манекен увеличил скорость, двигаясь на своих роликах, привлекаемый, как магнитом, движениями ее тела и концом ее шпаги.

Атака — отражение — контратака...

Атака — отражение — контратака...

Теперь ожили уже четыре огня, и манекен стал более агрессивным, двигаясь все быстрее, нападая все резче и разнообразнее.

Пять огней...

Пот блестел на ее обнаженной коже. Она жила теперь во вселенной, ограниченной угрожающей шпагой, целью, голыми ступнями на шероховатом полу, чувствами, нервами, мышцами — движением против движения.

Атака — отражение — контратака...

Шесть огней... семь...

Восемь!

Раньше она никогда не рисковала на восьми.

Каким-то уголком сознания она сопротивлялась своему дикому намерению: ведь фехтовальное оборудование, состоящее из призм и манекена, не умеет думать и не испытывает чувства жалости. И у него самое настоящее оружие. Оно может искалечить и даже убить. Лучшие фехтовальщики Империи никогда не тренировались больше, чем с семью огнями...

Девять!

Алия испытывала ощущение крайней экзальтации. Нападающая шпага превратилась в размытое пятно среди других пятен. Шпага в ее руке ожила: не она уже управляла шпагой, а наоборот, шпага управляла ее рукой.

Десять!

Одиннадцать!

Что-то промелькнуло мимо нее и проникло в защитную зону манекена. Блеснувший нож ударили в выключатель. Огни погасли, и манекен замер в неподвижности.

Алия резко повернулась, разгневанная этим вмешательством. Но в то же время ее поразило необыкновенное искусство того, кто это проделал. Нужно было точно рассчитать мгновение и проникнуть в защитную зону так, чтобы не быть отраженным, и коснуться кнопки размером в несколько миллиметров. И все это при одиннадцати огнях!

Алия почувствовала, как напряжение покидает ее, будто ее тоже выключили, как манекен. И она не удивилась, увидев, кто бросил нож.

На пороге ее тренировочной комнаты стоял Пол, а в трех шагах за ним -Стилгар. Ее глаза встретились с гневным взглядом брата.

Только сейчас, осознав свою наготу, она хотела прикрыться, но нашла эту мысль забавной: то, что уже видели глаза,стереть невозможно. Она не спеша вложила свой криснож в ножны.

— Я должна была бы догадаться, — сказала она.

— Ты, разумеется, знаешь, как это опасно, — сказал Пол, отмечая выражение ее лица, покрасневшего от напряжения, влажную полноту губ. Была в ней какая-то мятущаяся женственность, которую он не замечал раньше.

— Безумие, — тяжело выдохнул Стилгар, становясь рядом с Полом. В голосе его Алия слышала не только гнев, но и благоговейный страх.

— Одиннадцать огней, — сказал Пол, качая головой.

— Если бы ты не вмешался, было бы двенадцать, — сказала она. И добавила: — Если у этого проклятого манекена столько огней, почему бы их все не испробовать?

— Бене Джессерит должна руководствоваться разумными побуждениями, сурово возразил Пол.

— Ты, наверное, никогда не испытывал больше семи? — гневно воскликнула она. Его пристальный взгляд начинал раздражать ее.

— Только один раз, — сказал Пол. — Гурни Хэллек поймал меня на десяти. Наказание привело меня в такое замешательство, что я не буду рассказывать тебе о нем. Кстати, о замешательстве...

— В следующий раз надо предупреждать о своем приходе! — Она проскользнула мимо Пола в спальню, отыскала свободное серое платье, надела его и причесалась перед зеркалом. Уставшая до предела, она испытывала только одно желание: снова искупаться и уснуть.

— Как вы здесь оказались? — спросила она.

— Милорд! — сказал Стилгар. В голосе его прозвучала странная, предостерегающая интонация, и Алия посмотрела на него с удивлением.

— Как ни странно может показаться, но мы здесь по предложению Ирулэн, — ответил Пол. — Она считает, и сведения Стилгара подтверждают это, что наши враги попытаются...

— Милорд! — уже настойчиво повторил Стилгар.

Ее брат повернулся к Стилгару, а Алия продолжала всматриваться в старого наиба. Что-то в нем заставило ее вспомнить, что Стилгар во многом первобытен. Он верил, что сверхъестественный мир расположен совсем рядом. Этот мир говорил с ним безыскусным языческим языком, снимая все сомнения. Естественная вселенная, в которой он жил, была простой и вечной, ее нельзя было остановить, в ней не было общепринятой морали Империи.

— Да, Стил? — отозвался Пол. — Ты не хочешь сказать ей, почему мы пришли?

— Сейчас не время говорить ей это, — ответил Стилгар.

— А что изменилось, Стил?

Тот продолжал смотреть на Алию.

— Сир, вы, наверное, ослепли.

Пол повернулся к сестре, чувствуя, как им завладевает беспокойство. Из всех приближенных только Стилгар осмеливался говорить с ним таким тоном, что даже Стилгар крайне редко прибегал к нему.

— Ей нужна пара! — воскликнул Стилгар. — Будут большие неприятности, если она не выйдет замуж, и притом скоро!

Алия отвернулась, чувствуя, как кровь бросилась ей в лицо. «Почему это задело меня? — удивилась она. — Контроль Бене Джесссерит оказался бессилен предотвратить мою реакцию. Как Стилгар сделал это? Он ведь не обладает властью Голоса». Она чувствовала раздражение и гнев. — Послушайте великого Стилгара! — съязвила Алия, осознавая сварливую нотку в своем голосе, но не в силах справиться с ним. — Свободный наиб Стилгар дает советы девушки.

— Я люблю вас обоих и потому должен говорить, — сказал Стилгар с присущим ему достоинством. — Я не мог бы стать вождем Свободных в пустыне, если бы не знал мотивов, сближающих мужчину и женщину. Для этого не нужно быть оракулом.

Пол взвешивал слова Стилгара, вдумываясь в то, что они видели, вспомнил свою мужскую реакцию на наготу собственной сестры. Да, что-то призывающе распутное было в Алии. Почему она тренировалась обнаженной? И так безрассудно рисковала жизнью? Одиннадцать огней! Безмозглый автомат был наделен, в его представлении, ужасными свойствами древних машин, в нем заключалась вся их безнравственность. Когда-то ими руководили компьютеры, искусственный разум. Бутлерианский Джихад покончил с этим, но не покончил с аристократическим покровом порочности, покрывавшим подобные предметы. Стилгар, конечно, прав. Для Алии нужно подыскивать пару.

— Я позабочусь об этом, — сказал Пол. — Мы с Алией обсудим это позже... и наедине.

Алия обернулась и посмотрела на Пола. Зная, как оперирует его мозг, она поняла, что стала объектом решения ментата — в этом человеческом компьютере совместились бесчисленные данные. В его решении была неумолимость, как в движении планет. В нем было нечто неизбежное и ужасающее, как в непреложном порядке всей Вселенной.

— Сир, — сказал Стилгар, — может быть, мы...

— Не сейчас! — оборвал его Пол. — В данный момент у нас другие проблемы.

Сознавая, что она не может соперничать в логике с братом, Алия отбросила все второстепенное и спросила в манере Бене Джесссерит:

— Вас прислала Ирулэн?

В самой этой мысли содержалась угроза.

— Не прямо, — ответил Пол. — Информация, которую она передала нам, подтверждает, что Союз пытается заполучить песчаного червя.

— Они постараются поймать небольшого червя и начать спайсовый цикл на другой планете, — сказал Стилгар. — Это означает, что они нашли планету, которую считают пригодной для этого.

— Значит, у них есть пособники среди Свободных, — подумала вслух Алия. — Ни один чужеземец не сможет поймать песчаного червя.

— Это ясно без слов, — согласился Стилгар.

— Вовсе нет! — возразила Алия. Ее рассердила такая тупость. — Пол, ты, конечно...

— Что-то прогнило в Империи, — сказал Пол. — С некоторых пор я знаю это, но ту, другую, планету я никогда не видел, вот что меня беспокоит. Если они...

— Почему это должно тебя беспокоить? Просто они закрыли ее местоположение при помощи рулевого. Точно так же они прячут свои святыни. Стилгар открыл было рот, но снова закрыл его. У него было такое чувство, будто его идолы допустили святотатственную слабость. Ощущив его тревогу, Пол сказал:

— Проблема требует немедленного решения. Я хочу знать твое мнение, Алия. Стилгар предлагает расширить зону действия патрулей и охранять все песчаное пространство. Возможно, мы засечем высадку десанта и сможем предотвратить...

— А если ими будет руководить рулевой? — спросила Алия.

— С их стороны это был бы отчаянный ход. Вот почему я здесь.

— Может, они видели то, чего не видели мы? — предположила Алия.

— Может быть...

Алия кивнула, вспомнив свои мысли о новом тароте Дюны. Она быстро сопоставила все факты.

— На нас набрасывают одеяло, — заключил за нее Пол.

— С достаточным количеством патрулей, — вмешался Стилгар, — мы сможем помешать...

— Мы ничему не помешаем, — возразила ему Алия. Ей не нравилось, как действует мозг Стилгара. Он сузил свой кругозор, ограничившись самым очевидным. Эго был уже не тот Стилгар, каким она его помнила.

— Мы должны считаться с той возможность, что они раздобудут червя, сказал Пол, — но еще вопрос, смогут ли они начать меланжевый цикл на другой планете. Для этого мало иметь червя.

Стилгар переводил взгляд с брата на сестру. Жизнь в съетче обучила его экологии, и он понял, о чем они говорят. Плененный червь сможет жить только в аракисских условиях — песчаный plankton, маленькие Создатели и так далее. Затруднения перед Союзом огромные, но разрешимые. Стилгара больше беспокоило другое. Он спросил:

— Значит, ваша способность к предвидению не помогла обнаружить Союз за работой?

— Проклятье! — взорвался Пол.

Алия изучала Стилгара, понимая, какие мысли возникают в его мозгу. Мысли о магии. Подсмотреть будущее — значит украсть мистический огонь от священного костра. В этом была притягательная опасность, опасность найденных и потерянных душ. Но Стилгар начал ощущать присутствие и других, может быть, более могущественных сил за невидимым горизонтом. Его королева-колдуны и его друг волшебник проявили опасную слабость.

— Стилгар, — сказала Алия, пытаясь ему помочь, — ты стоишь в овраге, между двумя берегами. Я стою на вершине. Я вижу то, чего не видишь ты. И среди прочего я вижу горы, скрывающие дали.

— Есть вещи, скрытые и для вас, — сказал Стилгар. — Вы это сами не раз говорили.

— Любая способность имеет свои границы.

— Но опасность может прийти из-за гор? — спросил Стилгар.

— Что-то в этом роде, — подтвердила Алия.

Стилгар кивнул, задержав взгляд на лице Пола.

— То, что приходит из-за гор, должно пересечь дюны...

Глава 9

«Самая опасная игра во Вселенной — править на основе предсказаний оракула. Мы не считаем себя достаточно мудрыми, чтобы играть в эту игру. Меры, которые мы применяем, только приближаются к правлению. Для наших целей мы заимствуем определение Бене Джессерит, согласно которому различные планеты есть генные бассейны, источники обучающихся и обучаемых, источники возможного... Наша цель — не править, но закрыть эти генные бассейны, учиться освобождаться от всех ограничений, наложенных на нас дисциплиной и правительством».

?Оргия как орудие правления".

Руководство для рулевых, глава третья.

— Здесь погиб ваш отец? — спросил Адрик, указывая на жемчужный замок на рельефной карте, украшающей стену приемной Пола.

— Здесь его рака, — ответил Пол. — Мой отец умер в плену, на фрегате Харконнена.

— О, да, теперь я припоминаю, — сказал Адрик. — Я слышал об убийстве старого Барона Харконнена, его смертельного врага. — Адрик перевернулся в оранжевом газе, взглянул на Пола, одиноко сидевшего на длинном диване. Он надеялся, что сумел скрыть тот ужас, который вызывают у него такие маленькие помешания.

— Моя сестра убила Барона, — сухо отозвался Пол, — как раз перед битвой на Арракисе.

"Зачем, — подумал он, — рыба-человек тревожит старые раны в такое время и в таком месте??

Рулевой, казалось, с трудом сдерживает беспокойство; взгляд его крошечных глазок метался по комнате, спрашивая, измеряя. Единственный помощник, который сопровождал его, сидел в стороне, вблизи от линии стражников, слева от Пола. Помощник беспокоил Пола — массивный, с толстой шеей и тупым невыразительным лицом. Он только что вошел в комнату, подтащил бак с Адриком и теперь сидел, опустив руки и расслабившись. Скайтейл, звал его Адрик. Скайтейл, помощник.

Внешность помощника кричала о глупости, но глаза выдавали его. Они смеялись над всем, что видели.

— Вашей возлюбленной как будто понравилось представление лицевых танцоров, — говорил Адрик. — Я рад, что смог доставить ей это маленькое удовольствие. Особенно я радовался ее реакции, когда ее внешность повторили одновременно все члены труппы.

— Разве это не предостережение представителей Союза, приносящих дары? — спросил Пол.

Ему припомнилось представление, которое они давали здесь, в большом зале. Танцоры появились в костюмах и гримеtarota Дюны. Последовал парад правителей — Короли и Императоры, будто лица на монетах, официальные и резко очерченные, но забавно подвижные... А чего стоили такие шутки, как имитация собственного лица и тела Пола: Чани вздрогнула, Стилгар что-то проворчал, в то время как остальные смеялись.

— Но у наших даров самые добрые намерения, — возразил Адрик.

— Как можете вы быть добры? — спросил Пол. — Гхола, которого вы дали нам, считает, что он предназначен для нашего уничтожения.

— Вашего уничтожения, сир? — недоверчиво переспросил Адрик. — Разве можно уничтожить Бога?

Стилгар, вошедший одновременно с его последними словами, остановился и посмотрел на охранников. Они находились гораздо дальше от Пола, чем это можно было допустить. Он гневно приказал им приблизиться.

— Все в порядке, Стил, — сказал Пол, подняв руку. — Просто дружеское обсуждение. Передвинь бак с послом к краю дивана.

Стилгар, взвесив приказ, решил, что в этом случае бак с послом Союза окажется между Полом и помощником Адрика. Пожалуй, слишком близко к Полу, но...

— Все в порядке, Стил, — повторил Пол и сделал знак рукой, обязывающий немедленно исполнить приказ.

Стилгар с очевидной неохотой подтолкнул бак ближе к Полу. Ему не нравился ни сам бак, ни исходящий от него густой запах меланжа. Он занял позицию у угла бака, под приспособлением, с

помощью которого рулевой говорил.

— Нельзя убить Бога? — повторил Пол. — Это чрезвычайно интересно... Но кто говорит, что я Бог?

— Те, кто поклоняется вам, — ответил Адрик, указывая глазами на Стилгара.

— А вы в это верите? — спросил Пол.

— То, во что я верю, не имеет значения, сир. Большинство наблюдателей согласны в том, что вы позволяете делать из себя Бога. А может ли смертный проделать это... безнаказанно для себя?

Пол изучал Посла. Отвратительное создание, но умное. Этот же вопрос сам Пол задавал себе неоднократно. Но он видел достаточно временных линий, чтобы знать о существовании гораздо более худших возможностей, чем собственное обожествление. Для рулевого же такое направление размышлений неведомо. Интересно, почему Адрик задал этот вопрос? Чего он рассчитывал добиться такой дерзостью? Мысли Поля неслись все быстрее... щелк (за этим ходом должен стоять союз с Тлейлаксом)... щелк (последняя победа джихада на Сембу должна была ускорить действия Адрика)... щелк (здесь чувствуется и рука Бене Джессерит)... щелк. Процесс, включающий обработку тысяч обрывков информации, прервался в его компьютерном мозгу. На все потребовалось не больше трех секунд.

— Рулевой сомневается в руководящей роли предвидения? — спросил Пол, переводя Адрика на уязвимую почву.

Это встrevожило рулевого, но он умело скрыл беспокойство, произнеся нечто, похожее на длинное извинение:

— Ни один разумный человек не станет оспаривать возможности предвидения, сир. С самых древних времен люди знали о видениях оракулов. Эти видения запутывают нас, когда мы меньше всего об этом подозреваем. К счастью, в нашей Вселенной есть иные силы.

— Более могущественные, чем предвидение? — продолжал наступление Пол. — Если бы существовало только предвидение, сир, оно бы самоуничтожилось. Ничего, кроме предвидения? К чему оно тогда прилагалось бы, кроме собственных движений?

— Всегда существует еще конкретная ситуация и человеческая интуиция, — примирительно сказал Пол.

— В лучшем случае предвидение слишком ненадежно, — сказал Адрик, даже если оно не смешивается с галлюцинациями.

— Неужели мое предвидение только галлюцинация? — спросил Пол с притворной грустью в голосе. — Или вы считаете, что галлюцинируют мои приверженцы?

Стилгар, чувствуя нарастающее напряжение, подошел ближе к Полу, внимательно вглядываясь в изывающегося в баке посла Совхоза.

— Вы искажаете мои слова, сир, — возразил Адриан Странная, приглашенная ярость звучала в его голосе.

«Они не посмеют, — сказал себе Пол и оглянулся на охрану. — Если только они не подкупили моих стражей».

— Но вы обвинили меня в том, что я сознательно организовал заговор, чтобы превратить себя в Бога, — сказал Пол так тихо, что его могли слышать только Стилгар и Адрик.

— Я неудачно выразился, милорд, — сказал Адрик извиняющимся тоном.

— Это было не случайно, — возразил Пол. — Вами слова означают, что вы ожидаете от меня худшего.

Адрик изогнул шею и покосился с опаской на Стилгара.

— Люди всегда ожидают худшего от сильных мира сего, сир. Давно уже сказано, что они открывают лишь те свои пороки, которые способствуют увеличению их популярности.

По лицу Стилгара пробежала тень. Пол, не оборачиваясь, ощутил его гнев: как смеет этот рулевой разговаривать с Муад Дибом в таком непочтительном тоне!

— Вы, конечно, шутите? — сказал Пол.

— Это не шутки, сир.

У Пола пересохло во рту. Ему вдруг показалось, что в комнате слишком много людей, что воздух, которым он дышит, прошел уже через множество легких. Запах меланжа, исходивший от бака Адрика, сделался невыносимым, в нем появилось что-то угрожающее.

— И кто же, по-вашему, участвует со мной в этом заговоре? — внезапно спросил Пол. — Вы имеете в виду Квизарат?

Адрик вздрогнул, всколыхнув облако оранжевого газа. Казалось, он больше не замечает Стилгара, хотя тот продолжал пристально наблюдать за ним.

— Вы полагаете, что миссионеры Святых орденов, все без исключения, во время молитв лицемерят? — допытывался Пол.

— Это определяется мерой их личной откровенности и зависит от их искренности, — ответил Адрик.

Стилгар потянулся рукой к крисножу.

Пол покачал головой и сказал:

— Значит, вы обвиняете меня в неискренности?

— "Обвинять" — неподходящее слово, сир.

«Какое, однако, храбрец существо!» — подумал Пол. И сказал:

— Во всяком случае, вы утверждаете, что я и мои епископы разбойники, жаждущие власти.

— Власти, сир? — Адрик снова взглянул на Стилгара. — Но власть стремится изолировать тех, у кого ее слишком много. Постепенно они утрачивают связи с реальностью... и гибнут.

— Милорд, — проворчал Стилгар, — бывало, что вы раньше приказывали казнить и за меньшую вину!

— Да, — согласился Пол. — Но ведь он — посол Союза.

— Он обвинил вас в обмане!

— Ход его мыслей интересует меня, Стил, — сказал Пол. — Сдержи свой гнев, но будь наготове.

— Как прикажет Муад Диб, — Скажите мне, рулевой, — продолжал Пол, — как можем мы поддерживать этот гипотетический обман в таких гигантских пределах пространства и времени, не имея возможности следить за каждым миссионером, проверять каждую оценку проповедей Квизарата в храмах?

— Что значит для вас время? — возразил Адрик.

Стилгар нахмурился в очевидном замешательстве. «Муад Диб часто говорил, что видит сквозь вуаль времени. Что имеет в виду этот рулевой», подумал старый Свободный.

— Разве в структуре такого обмана не обнаружились бы дыры? — спросил Пол. — Разногласия, споры, сомнения, признания вины — обман не смог бы удержать все это.

— То, чего не может скрыть религия, скроет правительство, — ответил Адрик.

— Вы проверяете границы моего терпения?

— Неужели в споре я перешел границы?

"Он хочет, чтобы мы его убили? — недоумевал Пол. — Неужели Адрик предлагает себя в качестве жертвы??

— Мне импонирует ваш циничный подход, — сказал Пол, чтобы испытать его. — Вы, очевидно, обучены всем лицевым трюкам, вы владеете двойными значениями слов. Язык для вас — оружие, и вы теперь проверяете мое вооружение.

— Циничный подход? — улыбнулся Адрик. — Известно, что правители циничны всегда, когда дело касается религии. Религия — тоже оружие. И какое! Особенно если религия становится во главе государства.

Пол почувствовал, как внутри у него все замерло. Осторожнее! Помнит ли Адрик, с кем он говорит? Глубокомысленный, понимающий тон, слова, полные скрытых значений, саркастические намеки на общие тайны... Он всячески дает понять, что они с Императором два мудреца, существа с широким кругозором, которые понимают то, чего не дано понять другим. Шокированный его манерой, Пол

вдруг понял, что не он сам является главным его адресатом. Чудовище, посетившее его дворец, обращалось главным образом к остальным — к Стилгару, к охранникам. Может быть, даже к помощнику Скайтейлу.

— Божья благодать сама снизошла да меня, — заметил Пол. — Я не искал ее. — И он подумал: «Ну и пусть этот человек-рыба считает себя победителем в нашем словесном поединке».

— Почему же вы не отреклись от нее, сир? — спросил Адрик.

— Из-за моей сестры Алии, — ответил Пол, внимательно наблюдая за Адриком. — Она богиня. Позвольте посоветовать вам быть осторожным во всем, что касается Алии, иначе она убьет вас своим взглядом.

Насмешливое выражение, начавшее вырисовываться на лице Адрика, сменилось выражением шока.

— Я говорю абсолютно серьезно, — добавил Пол, видя, что замешательство посла усиливается. Стилгар кивнул.

Упавшим голосом Адрик сказал:

— Вы ставите под сомнение мою уверенность в вас, сир. Несомненно, таково и было ваше намерение.

— Оставьте в покое мои намерения, — отрезал Пол и дал знак Стилгару, что аудиенция закончена.

В ответ на вопросительный взгляд Стилгара, нужно ли убить Адрика, Пол рукой просигналил: «Не нужно», и повторил повелительный жест, чтобы Стилгар беспрекословно подчинился.

Скайтейл, помощник Адрика, взялся за задний край бака и потащил его к двери. Оказавшись напротив Пола, он остановился, обратил к Полу смеющийся взгляд и спросил:

— Если позволите, милорд...

— В чем дело? — спросил Пол, видя, что Стилгар придвигнулся ближе, готовясь отразить новую угрозу.

— Некоторые считают, — сказал Скайтейл, — что люди жаждут императорской власти потому, что пространство бесконечно. Для них, разобщенных, одиноких людей, Император — символ определенности. Они могут повернуться к нему и сказать: «Смотри, вот Он! Он связывает нас воедино». Возможно, религия служит той же цели, милорд?

Скайтейл не без приятности кивнул Полу и подтянул бак. Они выбрались из зала, причем Адрик безвольно висел в своем газе, закрыв глаза. Казалось, вся нервная энергия рулевого истощилась в споре.

Пол смотрел вслед волочившему ноги Скайтейлу, раздумывая над его словами. Станный тип, этот Скайтейл, подумал он. Говорят, он излучал флюиды многих людей, как будто вся его генная наследственность лежала на поверхности кожи.

— Странно, — проговорил Стилгар, не обращаясь ни к кому в отдельности.

Как только стражник закрыл дверь за Адриком и его экспертом, Пол встал с дивана.

— Странно, — повторил Стилгар. На его левом виске билась жилка.

Пол потушил свет в зале и подошел к окну, выходившему в угол крепостного двора. Далеко внизу сияли огни; там двигались группы рабочих, подтаскивая гигантские блоки из пластили для обновления фасада храма Алии. Недавно фасад был поврежден порывом пустынного ветра.

— Глупо было приглашать сюда это существо, Узул, — сказал Стилгар. «Узул... — подумал Пол. — Мое имя из съетча. Стилгар напоминает, что когда-то он руководил мной и спас меня от пустыни».

— Зачем ты это сделал? — спросил Стилгар, стоя рядом с Полом.

— Данные, — ответил Пол. — Мне необходимо больше данных.

— Ты встретил эту угрозу только как ментат. Разве это благоразумно с твоей стороны?

«Очень проницательно», — подумал Пол.

Расчеты ментата всегда конечны — ни на одном языке нельзя выразить нечто бесконечное. Но способности ментата тоже можно использовать.

— Всегда что-то остается снаружи, — продолжал Стилгар. — Некоторые вещи лучше держать снаружи.

— Или внутри, — возразил Пол. И на мгновение задумался над единственным собственным методом ментата. Снаружи, да. Но и внутри — вот где подлинный ужас. Кто может защитить себя от самого себя? Они, несомненно, хотят, чтобы он уничтожил себя, но в его положении есть гораздо более ужасные пути.

Его размышления были прерваны звуком быстрых шагов. В дверях показался Квизара Корба. Его как будто гнала невидимая сила. Оказавшись в полумраке зала, он почти мгновенно остановился. В руках у него было множество катушек с записями. В пробивавшемся из двери свете они блестели, будто сделанные из драгоценного камня. Но вот рука охранника прикрыла дверь, и драгоценности померкли.

— Это вы, милорд? — спросил Корба, всматриваясь в тени людей.

— В чем дело? — спросил Стилгар.

— Стилгар?

— Мы оба здесь. Что случилось?

— Я обеспокоен приемом представителя Союза.

— Обеспокоен? — переспросил Пол.

— Люди говорят, милорд, что вы чувствуете наших врагов. — Это все? — спросил Пол. — Я просил тебя принести именно эти катушки?

— Катушки... ох! Да, милорд. Это же те самые. Хотите просмотреть их здесь?

— Я их видел. Хочу, чтобы их просмотрел Стилгар.

— Я?! — удивился Стилгар. Он чувствовал, как в нем растет негодование, вызванное этим нелепым распоряжением Пола. Катушки! Они обсуждали с Полом завоевание Забулона. Посол Союза своим визитом прервал их. А теперь вот Корба со своими катушками!

— Хорошо ли ты знаешь историю? — спросил Пол у смуглолицей фигуры рядом с собой.

— Милорд, я могу назвать каждую планету, захваченную нашими людьми. Я знаю пределы Империи...

— А золотой век Земли? Ты когда-нибудь читал о нем?

— Земля? Золотой век? — Стилгар чувствовал раздражение и изумление. Зачем Полу понадобилось обсуждать с ним древние миры? Голова Стилгара была полна данными о Забулоне — расчетами государственных ментатов: двести пять нападающих фрегатов с тридцатью легионами, батальонами поддержки, миссионеры Квизарата... потребности в пище и в меланже... оружие, обмундирование, медикаменты... урны для праха погибших... количество специалистов для пропагандистского аппарата, чиновники, шпионы... и шпионы за шпионами. Все это Стилгар держал в голове.

— Я захватил с собой пульсовой синхронизатор, милорд, — вмешался Корба. Он, очевидно, почувствовал нарастающее напряжение между Полом и Стилгаром и был обеспокоен этим.

Стилгар с сомнением покачал головой: зачем нужен пульсовой синхронизатор? Зачем Пол хочет, чтобы он использовал мнемонический усилитель к проектору? Зачем вообще рассматривать события далекой истории? Это работа ментата! Как всегда, Стилгар не мог преодолеть настороженное отношение к проектору и другим техническим приспособлениям — они вызывали у него ощущение беспокойства. Но позднее мозг отсортировал данные, поставляя ему необходимую информацию, о существовании которой он и не подозревал.

— Сир, нужно обсудить расчеты по Забулону, — сказал Стилгар.

— Засушить расчеты по Забулону! — вскинул Пол, используя самое неприличное для Свободных выражение.

— Милорд!

— Стилгар, — сказал Пол, — тебе необходима внутренняя уравновешенность, а она приходит только при понимании необходимости долговременных усилий. Корба принес с собой ту немногую информацию, которая дошла до нас, те немногие факты, которые сохранились после Бутлерианского Джихада. Начнем с Чингис-хана.

— Чингис... хан? Он что, из сардукarov, милорд?

— Он жил намного раньше и убил что-то около четырех миллионов. — У него, должно быть, было очень хорошее оружие для этого. Ласган или...

— Он не сам убивал, Стил. Он убивал так же, как убиваю я, посылая свои легионы. Был и другой правитель — Гитлер, я хочу, чтобы ты знал и о нем. Он убил свыше шестидесяти миллионов. Совсем неплохо для тех времен.

— Убил... своими легионами? — переспросил Стилгар.

— Да.

— Не очень впечатляющая статистика, милорд.

— Ну, хорошо, Стил. — Пол взглянул на катушки в руках Корбы. Тот держал их так, как будто они жгли ему руки. — А вот другая статистика: по предварительным подсчетам, я убил шестьдесят один миллиард людей, опустошил девяносто планет, полностью деморализовал еще пятьсот. Я уничтожил представителей сорока религий, которые существовали с...

— Неверные! — вскричал Корба. — Все они неверные, сир! — Нет, — возразил Пол. — Верующие!

— Милорд шутит, — дрожащим голосом проговорил Корба. — Джихад принес свет на десять тысяч миров...

— Тьму! — оборвал его Пол. — Сотни поколений будут оправляться от джихада Муад Диба. Мне трудно представить, что кто-либо сумеет превзойти это. — Лающий смех вырвался из его горла.

— Что забавляет Муад Диба? — спросил Стилгар.

— Я не забавляюсь. Просто меня посетило видение Императора Гитлера, говорящего примерно то же самое. Несомненно, он так говорил.

— Ни у одного правителя не было вашей власти, — возразил Корба. — Кто осмелится бросить вам вызов? Ваши легионы контролируют всю известную Вселенную и все...

— Легионы контролируют? — возразил Пол. — Я сомневаюсь, знают ли они об этом.

— Вы контролируете ваши легионы, сир, — прервал его Стилгар. По его тону было ясно, что он подумал о собственной позиции в цепи подчинения и о своей руке, обладающей властью.

Направив мысли Стилгара в нужное русло. Пол перенес все внимание на Корбу.

— Положи катушки на диван!

Когда Корба повиновался, Пол спросил:

— Как идет прием посла у сестры?

— Все в порядке, милорд, — ответил Корба довольно сухо. — Чани следит из смотрового отверстия. Она подозревает, что в свите посла есть сардукары.

— Она, несомненно, права, — сказал Пол. — Шакалы собираются.

— Баннерджи, — Стилгар назвал имя руководителя службы безопасности, беспокоился, что некоторые из них сумеют проникнуть в частные покои крепости.

— Сумели?

— Пока нет.

— Но в саду заметно некоторое смятение, — сказал Корба.

— Что именно? — спросил Стилгар.

Пол кивнул.

— Незнакомцы приходят и уходят, топчут цветы, шепчутся, — сказал Корба. — Мне докладывали об опасных высказываниях.

— Каких именно? — спросил Стилгар.

Пол кивнул.

- "Так вот на что идут наши деньги". И мне говорили, что так высказывался и сам посол!
- Не нахожу в этом ничего удивительного, — заметил Пол. — Много было неизвестных в саду?
- Десятки, милорд.
- Баннерджи поставил патрули у всех выходов, милорд, — сказал Стилгар. Он повернулся, и единственный горевший в зале шар осветил половину его лица. Это освещенное наполовину лицо вызывало у Пола какое-то давнее воспоминание, связанное с пустыней. Но он не старался припомнить яснее, больше интересуясь Стилгаром. На лице Свободного отражались почти все его мысли. Теперь вот на нем было написано недоверие, вызванное странным поведением Императора.
- Мне не нравится вторжение в сад, — сказал Пол. — Вежливость по отношению к гостям — одно дело, нужно было принять посла в соответствии с правилами, но это...
- Я прослежу, чтобы их удалили, — сказал Корба. — Немедленно.
- Подожди, — остановил его Пол, когда тот уже собирался выйти.
- В наступившем молчании Стилгар занял такую позицию, чтобы можно было изучать лицо Пола. Это было искусно сделано, и Пол восхитился этим ходом. Рассчитанное движение Свободного, необходимое, но в то же время полное уважения к другим.
- Который час? — спросил Пол.
- Скоро полночь, сир, — ответил Корба.
- Корба, я думаю, что ты — мое лучшее создание, — сказал Пол.
- Сир! — в голосе Корбы звучала обида.
- Ты благоговеешь передо мной?
- Вы Муад Диб и были Узулом в нашем съетче, — сказал Корба. — Вы знаете мою преданность...
- Ты ощущаешь себя апостолом?
- Корба, очевидно, не понял этого слова, но правильно истолковал интонацию.
- Император знает, что совесть моя чиста!
- Шай-Хулуд, спаси нас! — пробормотал Пол.
- Наступившая тишина была нарушена свистом. Кто-то шел по внешнему залу. Свист прекратился после лающего окрика охранника.
- Корба, я думаю, ты переживешь нас всех, — сказал Пол. И увидел свет понимания, озаривший лицо Стилгара.
- Незнакомцы в саду, сир? — спросил Стилгар.
- А, да. Пусть ими займется Баннерджи, Стил. А Корба ему поможет.
- Я, сир? — в голосе Корбы послышалось глубокое беспокойство.
- Некоторые из моих людей забыли, что некогда были Свободными, сказал Пол, обращаясь к Корбе, но адресуя свои слова Стилгару. — Ты проследишь, чтобы те, кого Чани признала сардукарами, были убиты. И сделай это сам. Я хочу, чтобы это было сделано тихо, без лишнего шума. Мы должны постоянно помнить, что религия и государство — это не только молитвы и подписание договоров. — Повинуюсь приказам Муад Диба, — прошептал Корба.
- Расчеты по Забулону? — напомнил Стилгар.
- Завтра, — ответил Пол. — А когда незнакомцев уберут из сада, объявите, что прием окончен.
- Понятно, милорд.
- Я уверен, что ты понял, Стил, — сказал Пол.

Глава 10

«Вот лежит поверженный Бог. Падение его было грандиозно. А мы лишь создали его пьедестал. Узкий и высокий».

Эпиграмма Тлейлакса.

Согнувшись в три погибели, Алия смотрела на обезображеный труп, лежащий на песке, — несколько костей и остатки плоти на них. Когда-то это была молодая женщина. Руки, голова, большая часть верхней половины тела были съедены кориолисовыми ветрами. На песке всюду виднелись следы медиков и полицейских. Сейчас ушли все, кроме гробовщиков, которые стояли в стороне вместе с Хейтом, гхолой, ожидая, пока Алия кончит разгадывать эту страшную загадку.

Небо цвета спелой пшеницы накрывало ландшафт, окрашенный в серовато-зеленый цвет, обычный для полудня в этих широтах.

Тело обнаружил несколько часов назад низко летящий курьер, чьи приборы засекли слабые следы воды там, где ее не могло быть. Он вызвал экспертов, и те установили, что это была женщина примерно двадцати лет, Свободная, пристрастившаяся к семуте, и что она умерла здесь, в пустыне, от яда тлейлакского происхождения.

Смерть в пустыне — достаточно обычное дело. Но Свободная, пристрастившаяся к семуте, — это такая редкость, что Пол послал сестру осмотреть место с помощью приемов, которым научила ее мать.

Алия чувствовала, что ничего не узнала. Ее присутствие лишь набросило дополнительный ореол загадочности на это и без того загадочное происшествие. Она услышала шаги гхолы по песку и взглянула на него. Его внимание немедленно переместилось на парящие над их головами топтеры. «Бойся Союза, приносящего дары», — подумала она.

Погребальный топтер и ее собственная машина стояли на песке у скалистого уступа за гхолой. Алии захотелось побыстрее улететь отсюда.

Но Пол считал, что она заметит нечто такое, что пропустили остальные. Она изнемогала в своем стилсьюте, который казался удивительно непривычным после многих месяцев городской жизни. Она рассматривала гхолу в надежде, что тот знает что-нибудь важное об этой смерти. Из-под капюшона его стилсьюта выбился клок черных волос. Ей захотелось поправить эти волосы.

И как будто привлеченные этим ее побуждением, его серые металлические глаза обратились на нее. Она вздрогнула и с трудом отвела свой взгляд. Женщина-Свободная умерла здесь от яда, называемого «врата ада». Свободная, употреблявшая семуту.

Теперь и Алия разделяла беспокойство Попа.

Погребальные служители терпеливо ждали. В теле оставалось совсем мало воды, и им не было нужды торопиться. Всем казалось, что Алия таинственным способом читает правду, заключенную в этих останках.

Но никакой правды она не видела.

Лишь слабый гнев шевельнулся в ней при этих очевидных мыслях служителей. Эти мысли — продукт проклятой религиозной мистики. Она и ее брат не имели права быть просто людьми. Они должны были быть чем-то большим. Бене Джесссерит позаботились об этом, манипулируя наследственностью Атридесов. Ее мать тоже внесла свой вклад, направив их на путь колдовства.

А Пол увековечил это различие.

Преподобные Матери, заключенные в памяти Алии, беспокойно шевелились, внушая ей: «Спокойно, малышка! Ты то, что ты есть. У тебя есть компенсация».

«Компенсация?»

Жестом она подозвала гхолу.

Тот подошел и остановился около нее, внимательный и терпеливый.

— Что ты видишь в этом? — спросила она.

— Мы, возможно, никогда не узнаем, кем была умершая, — сказал он. -Голова, зубы исчезли. Руки... Маловероятно, чтобы сохранилась ее генетическая запись, с которой можно было бы сравнить клетки.

— Яд тлейлаксу, — сказала она. — Что ты об этом думаешь?

— Многие пользуются таким ядом.

— Верно. И это тело слишком разложилось, чтобы его можно было восстановить, как твое.

— Даже если доверить это дело тлейлаксу, — добавил он.

Она кивнула и встала.

— Отвезешь меня в город.

Когда они были в воздухе и направились на север, она сказала:

— Ты управляешь точно так же, как это делал Данкан Айдахо.

Он задумчиво посмотрел на нее.

— Мне уже говорили об этом.

— О чем ты думаешь сейчас?

— О многом.

— Не уклоняйся от вопроса, черт возьми!

— От какого вопроса?

Она посмотрела на него в удивлении.

Он встретил ее взгляд и пожал плечами. «Жест Данканы Айдахо», подумала она. Хрипло и напористо Алия сказала:

— Я только хотела проверить твою реакцию на свой голос. Меня беспокоит смерть этой молодой женщины.

— Я думал не об этом.

— О чём же?

— О странном чувстве, которое я испытываю, когда люди говорят о том, кем я мог быть.

— Мог быть?

— Тлейлаксу чертовски умны.

— Не слишком. Ты был Данканом Айдахо.

— Вероятно. Таков их прямой расчет.

— Значит, у тебя есть эмоции?

— В известной мере. Я чувствую нетерпение, беспокойство. Иногда мне приходится сдерживать себя, чтобы не задрожать. У меня бывают... вспышки воображения.

— Что именно?

— Слишком быстро, чтобы распознать. Вспышки... спазмы... почти воспоминания.

— Тебе интересны такие воспоминания?

— Конечно. Любопытство подталкивает меня вперед, к людям, но я движусь с большой неохотой. Я думаю: «А что, если я не тот, кем они меня считают?» Эта мысль мне не нравится.

— И это все, о чём ты думаешь?

— Вам лучше известно, Алия.

Как он смеет звать ее по имени! Она чувствовала, как в ней вспыхивает гнев и тут же угасает от звуков его голоса: негромкие полутона, мужская уверенность. Уголок ее рта дернулся. Она стиснула зубы.

— Это не Эль Куде — там, внизу? — спросил он, наклоняя крылья, чем вызвал легкую панику в их эскорте.

Она взглянула вниз, на тень их топтера, передвигающуюся по мысу над тропой Харг. Здесь, под утесом и скальной пирамидой покоится череп ее отца.

— Эль Куде — это святое место, — сказала она.

— Мне нужно как-нибудь посетить его, — сказал он. — Поклонение останкам вашего отца может вызвать во мне воспоминания, которые я смогу удержать.

Она неожиданно поняла, как сильна в нем потребность узнать, кто он такой. Это было его главным стремлением. Она оглянулась на скалы, на утес, уходящий своим наклонным основанием в море песка. Гвоздичного цвета скалы поднимались из дюн, как корабли, борющиеся с волнами.

— Поверни назад, — сказала она.

— Но эскорт...

— Они последуют за нами, когда мы пролетим под ними.

Он повиновался.

— Ты верно служишь моему брату? — спросила она, когда они легли на новый курс, а эскорт повернул за ними.

— Я служу Атридесам, — ответил он официальным тоном.

Она увидела, как поднялась и опустилась его правая рука — почти как в давнишнем салюте, принятом на Келадане. Лицо его стало задумчивым. Она следила, как он вглядывается вниз, в скальную пирамиду.

— Что тебя беспокоит? — спросила она.

Губы его шевельнулись, голос был хриплый, резкий:

— Он был... он был... — по его щекам катились слезы.

Алию охватил благоговейный страх, страх Свободных. Он отдает воду мертвым! Ритуальным жестом она коснулась пальцем его щеки, ощутила слезы...

— Данкан... — прошептала она.

Он не отрывал взгляда от могилы внизу.

Она повторила громче:

— Данкан!

Он покачал головой и посмотрел на нее. Его металлические глаза засверкали.

— Я... почувствовал... руку на своем плече, — прошептал он. — Я чувствовал ее. — В горле у него хрипело. — Это был друг... мой друг...

— Кто?

— Не знаю. Я думаю... Я думаю, это был... Нет, не знаю.

Сигнал вызова вспыхнул перед Алией. Капитан эскорта хотел знать причину возвращения в пустыню. Она взяла микрофон и объяснила, что они вспомнили место захоронения ее отца. Капитан напомнил, что час уже поздний.

— Мы возвращаемся в Арракин, — ответила она и повесила микрофон.

Хейт перевел дыхание и повернулся к топтеру.

— Ты чувствовал руку моего отца на своем плече? — спросила она.

— Может быть..

Теперь это был голос ментата, подсчитывающего процент вероятности. Она видела, что к нему вернулось самообладание.

— Ты знаешь, откуда у меня воспоминания об отце?

— Представляю.

— Попробую объяснить. — Она вкратце рассказала, как проснулась в сознании еще во чреве матери — ужаснувшийся зародыш, наделенный знаниями бесчисленных жизней, впечатанных в его первые клетки, — и все это уже после смерти отца.

— Я знаю отца, как знала его моя мать. Все, до мельчайших подробностей. В некотором смысле я и есть моя мать. У меня все ее воспоминания до того, как она выпила Воду Жизни и впала в транс переселения.

— Ваш брат объяснил мне это.

— Почему?

— Я спросил.

— Но зачем?

— Ментату необходимы данные.

— Ага... — Она посмотрела вниз, на плоскогорье у Задитной стены изломанные скалы, пропасти, ущелья.

Он заметил направление ее взгляда и сказал:

— Очень открытое место там, внизу.

— Нет, там легко спрятаться. — Она посмотрела на него. — Оно напоминает мне человеческий мозг с его извилинами.

— Ax-x! — воскликнул он.

— Ax-x? Что значит ax-x? — Она неожиданно рассердилась на него, хотя причина этого не была ясна и ей самой.

— Вы бы хотели знать, что скрывает мой мозг, — сказал он с интонацией не вопроса, а утверждения.

— Откуда ты знаешь, что я не видела тебя силой своего предвидения?

— А вы видели? — он казался искренне заинтересованным.

— Нет!

— Сибиллы тоже имеют свои пределы, — сказал он.

Казалось, что он забавляется гневом Али, и это уменьшило ее гнев. — Забавляешься? Ты не уважаешь мой дар? — спросила она. Но даже ей самой вопрос показался неубедительным.

— Я уважаю ваши предзнаменования и знаки, возможно, больше, чем вы думаете, — сказал он. — Я был на приеме во время вашего утреннего ритуала. — И что же?

— У вас большие способности к символике, — ответил он, сосредоточив все внимание на приборах топтера. — Это область Бене Джессерит. Но, подобно многим другим колдуньям, вы относитесь к своей власти беспечно. Она почувствовала приступ страха.

— Как ты смеешь!

— Я смею гораздо больше, чем думают мои создатели, — сказал он. -Из-за этого редкого факта я и остаюсь с вашим братом.

Алия изучала стальные шары, которые служили ей глазами. В них не было человеческого выражения. Капюшон стилсьюта скрывал линии его челюстей. Рот оставался крепко снятым. Большая сила была в нем... и определенность. В словах его звучала уверенность: «...смею гораздо больше...» Так мог сказать Данкан Айдахо. Неужели тлейлаксу создали своего гхолу лучше, чем сами рассчитывали? Или же это просто притворство?

— Объяснись, гхола, — приказала она.

— Познай себя — таков приказ? — спросил он.

И снова она почувствовала, что он забавляется.

— Не играй со мной словами, ты... ты... существо! — Она поднесла руку к рукоятке крисножа. — Зачем тебя подарили моему брату?

— Ваш брат сказал мне, что вы следили за представлением посла. Вы уже слышали мой ответ на этот вопрос.

— Отвечай снова — теперь мне.

— Я создан, чтобы уничтожить его.

— Это говорит ментат?

— Вы знали ответ заранее, — поддел ее гхола. — И вы знали также, что такой дар не был необходим. Ваш брат и так уничтожает себя.

Она взвешивала его слова, продолжая держаться за рукоять крисножа. Хитрый ответ, но в голосе звучит искренность.

— Зачем же тогда дар?

— Возможно, это позабавило тлейлаксу. Но правда и то, что Союз предназначил меня в качестве подарка.

— Зачем?

— Ответ тот же.

— По-твоему, я беззаботно отношусь к своей власти?

— А как вы ее проявляете?

Его вопрос совпал с ее собственными мыслями. Она убрала руку с ножа и спросила:

— Почему ты сказал, что мой брат уничтожает себя?

— О, полно, дитя! Где же ваша хваленая власть? Где ваша способность рассуждать?

Сдерживая свой гнев, она сказала:

— Рассуждай за меня, ментат.

— Хорошо. — Он оглянулся на эскорта, потом снова занялся приборами. За северным краем Защитной стены показалась равнина Арракина. Пригородные деревни не были видны за завесой пыли, однако отдаленное сияние Арракина можно было рассмотреть.

— Симптомы, — сказал он. — Ваш брат содержит официального панегириста, который...

— Который был даром Свободных наибов. — Странный подарок от друзей, — сказал он. — Зачем им окружать его лестью и подхалимством? Вы когда-нибудь вслушивались в слова этого панегириста? «Мир освещен Муад Дибом. Наш Император явился из тьмы, чтобы сиять всем людям. Он наш отец. Он драгоценная влага вечного фонтана. Он источает веселье, которое пьет вся Вселенная!» Тьфу!

Алия негромко заметила:

— Стоит мне передать твои слова эскорту, и тебя рассекут на мелкие кусочки.

— Так скажите им!

— Мой брат правит по естественному закону Неба!

— Вы сами в это не верите.

— Откуда ты знаешь, во что я верю?

Никакие приемы не могли сдержать ее дрожь. Такое воздействие гхолы она не предвидела.

— Вы приказали мне рассуждать как ментату, — напомнил он.

— Ни один ментат не знает, во что я верю! — Она сделала два глубоких, прерывистых вдоха. — Как ты смеешь судить нас?

— Судить вас? Даже и не думал.

— Ты не представляешь себе, как нас учили!

— Вас обоих учили управлять, — сказал он. — В вас вырабатывали всепоглощающую жажду власти.

Вы постигли науку политических интриг и ведения войн. Вас научили соблюдать ритуалы. Естественный закон? Что такое естественный закон? Этот миф населяет всю человеческого историю. Это призрак. Он не является субстанцией. Разве ваш джихад — естественный закон?

— Ментатская болтовня, — усмехнулась она.

— Я слуга Атридесов и говорю искренне.

— У нас нет слуг, только приверженцы.

— Я приверженец сознания, — сказал он. — Поймите, дитя, и вы...

— Не смейте называть меня ребенком! — выпалила она и наполовину вытащила клинок из ножен.

— Поправка принятая. — Он взглянул на нее, улыбнулся и снова занялся приборами топтера. Теперь важно было различить крепость Атридесов, возвышавшуюся, подобно утесу, в северной части Арракина. — Вы — нечто древнее в теле ребенка, — сказал он. — И тело это превращается в тело женщины.

— Сама не знаю, почему я тебя слушаю, — проворчала она, но выпустила рукоятку крисножа и вытерла ладонь о платье. Влажная, потная ладонь возмутила ее чувство Свободной — чувство бережливости. Какая потеря влаги тела!

— Вы слушаете, потому что знаете: я предан вашему брату, — сказал он. — Мои действия ясны, их легко понять.

— Ничто в тебе не ясно и не понятно. Ты самое загадочное создание из всех виденных мною. Откуда мне знать, что вложили в тебя тлейлаксу?

— По ошибке, а может, и намеренно, — ответил он, — они наделили меня способностью формировать себя.

— Ты возвращаешься на параболы Дзэнсунни, — обвинила она. — Мудрый человек формирует себя, глупый живет лишь для смерти, — сказала она, подражая его интонации. — Поклонник сознания!

— Люди не могут отделить средства обучения от его результата.

— Ты говоришь загадками!

— Я говорю с открытым разумом.

— Я передам все это Полу.

— Большую часть этого он уже слышал.

Она почувствовала, как ее переполняет любопытство.

— Почему же тогда ты до сих пор жив и... даже на свободе? Что он тебе сказал?

— Он рассмеялся и сказал: «Людям не нужен Император-бухгалтер, им нужен хозяин, кто-нибудь, кто мог бы защитить их от перемен». Но он согласился с тем, что разрушение его Империи исходит от него самого.

— Почему он так сказал?

— Потому что убедился, что я понимаю его проблемы и хочу ему помочь. — А что ты сказал, чтобы он это понял?

Он молчал, разворачивая топтер для посадки на хорошо охраняемую площадку башни.

— Я требую ответа на мой вопрос!

— Я не уверен, что вы примете это.

— Об этом буду судить я! Приказываю тебе говорить!

— Позвольте мне сначала приземлиться, — сказал он. И не дожидаясь ее разрешения, мягко посадил топтер на оранжевую полосу на крыше башни.

— Теперь говори! — потребовала Алия.

— Я сказал ему, что выносить самого себя, возможно, самая трудная задача во Вселенной.

Она покачала головой:

— Это... это...

— Горькая пилюля, — подсказал он нужное слово, наблюдая, как бегут к ним по крыше охранники, принимая на себя задачи эскорта.

— Горькая чепуха!

— Самый знатный и самый ничтожный мучаются одними и теми же проблемами. И нельзя нанять ментата, чтобы он решил эти проблемы за тебя. Тут нельзя получить предписание, нельзя позвать свидетелей, чтобы получить ответ. Ни слуги, ни приверженцы не перевяжут эту рану. Пока ты не перевяжешь ее сам, она будет кровоточить.

Алия отвернулась от него и тут же поняла, что выдала этим свои чувства. Без власти Голоса, без колдовства он еще раз добрался до самых глубин ее души. Как ему это удалось?

— И что же ты посоветовал ему? — прошептала она.

— Рассуждать и устанавливать порядок.

Алия посмотрела на ожидающих в стороне охранников. — И насаждать справедливость, — присовокупила она.

— Вовсе нет! — возразил он. — Я предложил, чтобы он рассуждал, руководствуясь одним-единственным принципом.

— И этот принцип?

— Беречь друзей и уничтожать врагов. — Значит, судить не по справедливости?

— Что такое правосудие? Сталкиваются две силы. У каждой есть право в своей собственной сфере. Он не может предотвратить эти столкновения, он может лишь разрешить их.

— Как?

— Очень просто.

— Сохраняя друзей и уничтожая врагов?

— Разве это не служит стабильности? Людям нужен порядок, какой угодно. Они голодают и видят, что война стала спортом богатых. Это опасная форма рассуждений. Она нарушает порядок.

— Что ж, я скажу брату, что ты рассуждаешь слишком опасно и что тебя надо уничтожить, — сказала она, оборачиваясь к нему.

— Я уже предлагал ему это.

— Потому ты и опасен, что овладел своими страстями, — сказала она, справившись с собой.

— Я опасен вовсе не потому, — и прежде, чем она смогла пошевелиться, он наклонился, взял рукой ее подбородок и припал губами к ее губам.

Это был короткий и нежный поцелуй. Он отодвинулся, а она продолжала сидеть будто в шоке, замечая сдержаные улыбки на лицах охранников, которые неподвижно стояли снаружи.

Алия поднесла палец к губам. Какое знакомое ощущение в этом поцелуе! Его губы — плоть будущего, которое она видела кратчайшим путем предвидения. Грудь ее вздымалась. Она сказала:

— Мне следовало бы приказать, чтобы с тебя содрали кожу.

— Потому что я опасен?

— Потому что ты слишком много себе позволяешь!

— Я не беру ничего, что ранее не было бы мне предложено. Радуйтесь, что я не взял все предложенное. — Он открыл дверцу и выбрался наружу. -Выходите, мы и так слишком долго занимались пустяками. — Он пошел к выходу.

Алия выпрыгнула следом и побежала рядом с ним.

— Я расскажу ему все, что ты говорил и делал, — сказала она.

— Хорошо, — гхола открыл перед ней дверь купола.

— Он прикажет тебя казнить, — сказала она, проскальзывая в дверь.

— Почему? Из-за поцелуя? — Он вошел за ней. Дверь закрылась. -Поцелуя, которого я хотел?

— Поцелуя, которого ты хотел? — Ее переполнял гнев. — Ладно, Алия. Поцелуя, которого мы хотели. — И он пошел впереди.

Его движение будто пробудило в ней предельно ясное сознание, и она поняла его искренность, его предельную правдивость. «Поцелуй, которого я хотела, — сказала она себе. — Это правда».

— Твоя правдивость, вот что опасно, — сказала она, идя следом за ним. — Вы возвращаетесь на путь мудрости, — заметил он, не замедляя шага.

— Ментат не мог бы дать более прямого ответа. А теперь: что вы видели в пустыне?

Она схватила его за руку и заставила остановиться. Он снова сделал это — привел ее мозг в состояние обостренного сознания.

— Я не могу этого объяснить, — ответила она, — но почему-то я все время думаю о лицевых танцорах. Почему?

— Именно за этим ваш брат и послал вас в пустыню, — сказал он. -Расскажите ему об этом.

— Но почему? — она посмотрела на него в упор. — Почему лицевые танцоры?

— Там мертвая женщина, — ответил он. — Но у Свободных не пропадала ни одна молодая женщина.

Глава 11

"Я думаю о том, какое счастье быть живым. Смогу ли я когда-нибудь ощутить себя таким, каким я некогда был? Основа та же. Но вот смогу ли я отыскать собственное "Я"? Это скрыто во мраке будущего... Но мне принадлежит все, доступное человеку, и любое мое действие может достичь цели".

?Высказывания гхолы".

Комментарии Алии.

Пол принял большую дозу спайса и полностью погрузился в его кричащий запах, глядя внутрь себя в оракульском трансе. Он видел, как луна превратилась в продолговатую сферу и начала раскачиваться с ужасным воем и свистом. Внезапно она покатилась вниз, точно мяч, брошенный рукой ребенка... Вниз... Вниз... С яростным шипением, с каким раскаленная звезда погружается в бескрайнее море.

Луна исчезла.

Не зашла, а именно исчезла, ее больше не было. Земля тряслась, как змея, сбрасывающая с себя старую кожу. Ужас прокатился по ней.

Он рывком сел, глядя перед собой широко раскрытыми глазами. Часть его сознания была обращена внутрь, часть — наружу. Снаружи он видел пластальную решетку вентилятора своей спальни и знал, что находится в своей крепости. Внутренним зрением он продолжал видеть, как падает луна. Наружу! Скорее наружу!

Решетка выходила в сверкающий свет полудня над Арракином. Внутри же была черная ночь. Сладкие запахи, поднимающиеся из сада, доносились до его ноздрей, но ни один запах не мог вернуть ему эту падающую луну.

Пол опустил ноги на холодную поверхность пола и посмотрел наружу через решетку. Прямо перед собой он видел арку пешеходного мостика, сделанного из кристаллически стабилизированного золота и платины. Огненные жемчужины с далекого Седона украшали мостик. Он вел к галереям внутреннего города через бассейн и фонтаны, полные водяных цветов. С мостика, Пол это знал, можно заглянуть в их лепестки, чистые и алые, как свежая кровь. Глаза его приспособились к этой картине, не выходя из спайсового рабства.

Ужасная картина падающей луны.

Эта картина предвещала чудовищную боль в его личной безопасности. Возможно, он видел падение цивилизации, рухнувшей под напором его собственных амбиций.

Луна... луна... падающая луна.

Пришлось принять большую дозу спайса, чтобы преодолеть туман, напущенный таротом. А увидел он лишь падающую луну и ненавистный путь, который знал заранее. Чтобы положить конец джихаду, покончить с этим вулканом крови, он должен признать свою несостоятельность.

Освобождайся... освобождайся... освобождайся...

Запах цветов из сада напомнил ему о Чани. Он тосковал по ее объятиям, объятиям любви, забытья. Но даже Чани не может прогнать это видение. Что скажет Чани, если он заявит ей, что видит смерть? Зная, что это неизбежно, почему бы не избрать аристократическую смерть? Закончить жизнь пышной церемонией, растратить впустую оставшееся время? Умереть прежде, чем иссякнет воля к власти, разве это не аристократический выбор?

Он встал, подошел к отверстию в решетке и вышел на балкон, окутанный цветами и лианами сада. Но во рту у него была сухость пустыни.

Луна... луна... что это за луна?

Он вспомнил о словах Алии, о теле молодой женщины, найденном в пустыне. Свободная, пристрастившаяся к семуте. Все укладывалось в ненавистный рисунок.

«Никто ничего не может взять от этой Вселенной, — подумал он. — Она сама дает, что захочет».

На низком столике у балконных перил лежала морская раковина с матери-Земли. Он взял ее в руки и постарался перенестись назад во времени. Перламутровая поверхность отражала сверкающие лунки солнечного света. Он оторвал взгляд от раковины и посмотрел на небо, где полыхал гигантский пожар. На серебре небесной полусфера повисла неяркая радуга.

«Мои Свободные называют себя детьми луны», — подумал он.

Положив раковину на место, Пол принял расхаживать по балкону. Есть ли в этой леденящей кровь картине падающей луны надежда на спасение? Ответ он искал в мистическом общении. Спайс; однако, изнурил его, отняв последние силы.

Взглянув вниз, он увидел приземистые правительственные здания, пешеходные дорожки на крышах. По ним двигались люди, похожие на фигурки настенного фриза, повторявшие рисунок, выложенный керамической плиткой. Сами люди были плиткой! Поморгав, он смог удержать их застывшими в своем разуме. Фриз не упал!

Луна упала и исчезла...

У него появилось такое чувство, что город, лежащий там, внизу, переведен в некий странный символ для его Вселенной. Здания, которые он видел, воздвигнуты на равнине, где его Свободные одержали победу над легионами сардукаров. Земля, на которой некогда гремела битва, теперь была отдана бизнесу.

Держась наружного края балкона, Пол завернул за угол. Теперь перед ним находился пригород, дома которого терялись в скалах и подвижных песках пустыни. На заднем плане доминировал храм Алии: на зеленых и черных полотнищах, покрывавших его двухкилометровые стены, виднелся символ луны символ Муад Диба.

Падающая луна...

Пол провел рукой по лбу и глазам. Это символ угнетал его. Он презирал себя за свои мысли. Такие колебания в любом другом вызвали бы его гнев. Он ненавидел свой город!

Ненависть, проис текающая из скуки, гнездилась глубоко внутри него, питаемая решением, которого нельзя было избежать. Он знал, какой тропой идти. Он много раз видел ее. Видел ее! Когда-то давно он возомнил себя создателем нового государства. Но все осталось но-старому, точно огромное сооружение с эластичной памятью: можно придать ему любую форму, но стоит лишь на мгновение ослабить давление, и оно принимает первоначальную форму. Силы, которые были вне пределов его досягаемости, силы, действовавшие в людях, нанесли ему поражение.

Пол смотрел на крыши домов. Какие сокровища новой жизни таятся под ними? Среди красных и золотых крыш виднелись участки зеленой растительности. Зелень — дар Муад Диба и его воды. Он видел сады и рощи открытые участки растительности, соперничающие с легендарным Ливаном. «Муад Диб тратит воду, как безумный», — говорили Свободные.

Пол закрыл лицо руками.

Луна упала...

Он опустил руки, прояснившись зрением посмотрел на свою столицу. Она носила отпечаток чудовищного имперского варварства. Здания стояли под солнцем невероятно большие и яркие. Колоссы! Самые экстравагантные стили, какие только могла произвести необузданная фантазия, лежали перед ним: террасы в пропорциях горного плато, площади размером с город, шпили, вздымающиеся, точно скалистые пики, окультуренные под парки участки дикой пустыни, необозримые в своей бесконечности.

Образцы искусства соседствовал с невообразимой безвкусицей. Отдельные детали вновь поразили его: столб из древнего Багдада, купола, придуманные в мифологическом Дамаске, арка из Атара, мира с низкой гравитацией, гармонические подъемы и хаотические спуски. И все это должно было создавать впечатление необыкновенного величия.

Луна! Луна! Луна!

Его охватило раздражение. Он чувствовал давление массового сознания, огромной человеческой вселенной. Человечество устремилось на него с силой гигантской приливной волны. Он видел человеческие потоки и течения, вихри, движения тел. Никакие дамбы воздержания, никакие захваты власти, никакие проклятия не могли удержать эти течения.

В этом гигантском движении джихада Муад Диб был не больше, чем миг. Орден Бене Джессерит с его поиском генных образцов так же терялся в этом потоке, как и он сам. Видение падающей луны нужно сравнивать с другими легендами, другими видениями Вселенной, в которой кажущиеся вечными звезды слабеют, мигают, умирают.

Что значит одна-единственная луна для такой Вселенной?

Глубоко внутри крепости, так глубоко, что звук временами терялся в потоке городских звуков и

шумов, послышалась песня джихада, сохранившаяся на Арракисе:

Ее бедра — дюны, нанесенные ветром,
Глаза ее сияют, как летний полдень.
Две пряди волос ниспадают на грудь,
Две пряди с вплетенными водными кольцами.

Мои руки помнят ее кожу,
Ароматную, как амбра, пахнувшую цветами.

Глаза дрожат от воспоминаний...
Я охвачен белым пламенем любви!

Песня неприятно поразила его. Мелодия для глупцов, погрязших в сентиментальности! Песня-наркотик для трупа, который видела Алия.

В тени у решетки показалась фигура. Пол повернулся.

На солнечный свет вышел гхола. Его металлические глаза сверкали.

— Это Данкан Айдахо или существо по имени Хейт? — спросил Пол.

Гхола остановился в двух шагах от него.

— Что предпочитает милорд? — Голос негромко предупреждал об осторожности.

— Игры Дзэнсунни! — с горечью произнес Пол. — Значение внутри значения. Что может сказать философ Дзэнсунни? Может ли он хоть на йоту изменить предстоящую реальность?

— Милорд обеспокоен?

Пол отвернулся, посмотрел на отдаленную Защитную стену, увидел вырезанные ветром арки и бастионы — то ли это причудливая имитация города, то ли город мимикрирует под окружающую местность. Но скорее природа забавляется над человеком: смотри, что я могу соорудить! Он узнал щель в отдаленном массиве, место, где песок сочился из расселины, и подумал: "Здесь! Именно тут мы разбили сардукаров!"?

— Что беспокоит милорда? — снова спросил гхола.

— Видение, — прошептал Пол.

— А-а! Когда тлейлаксу впервые разбудили меня, у меня тоже были видения. Я был обеспокоен, одинок... не знал, что я одинок... Мои видения ничего не открыли мне. Тлейлаксу объяснили, что это — влияние плоти, которым страдают и люди, и гхолы; болезнь, не больше.

Пол повернулся и всмотрелся в глаза гхолы — стальные шары, лишенные всякого выражения. Какие видения могли видеть эти глаза?

— Данкан... Данкан... — прошептал Пол.

— Меня зовут Хейт.

— Я видел, как упала луна, — сказал Пол. — Она исчезла, пропала. Я слышал громкий свист... Земля дрожала...

— Вы слишком много выпили времени, — ответил гхола.

— Я спрашивал Дзэнсунни, а получил ответ ментата, — сказал Пол. -Хорошо, пропусти мое видение через твою логику, ментат. Проанализируй его и облеки в простые слова, пригодные для погребения.

— Действительно, для погребения, — согласился гхола. — Вы убегаете от смерти. Вы торопите следующее мгновение, отказываясь жить в настоящем.

Предсказания! Что за костьль для Императора!

Пол, как зачарованный, смотрел на хорошо ему знакомую ямочку на подбородке гхолы.

— Пытаясь жить в будущем, — продолжал гхола, — даете ли вы материю этому будущему? Делаете ли вы его реальным?

— Если я пойду путем моего видения, я буду жив, — пробормотал Пол. — Почему вы думаете, что я хочу жить здесь?

Гхола пожал плечами:

— Вы просили ответ.

— Каков же окончательный ответ? Ведь каждый неокончательный влечет за собой новый вопрос?

— Вы проглотили слишком много времени, у вас появилась иллюзия бессмертия, — сказал гхола. — Даже ваша Империя, милорд, живет во времени и во времени умрет.

— Не возжигай передо мной дымящиеся курильницы, — проворчал Пол. — Я слышал достаточно рассказов о богах и мессиях. Зачем мне какие-то особые способности, чтобы предвидеть разрушение собственной Империи, подобно всем остальным? Это может сделать самый ничтожный слуга у меня на кухне. — Он покачал головой. — Луна упала!

— Ваш мозг все еще нуждается в отдыхе, — сказал гхола.

— Так ты уничтожишь меня? — спросил Пол. — Помешаешь мне собрать мысли?

— Кто может собрать хаос? Мы, Дзэнсунни, говорим: «Не нужно собирать то, что собрано». Что вы можете собрать, не собрав первоначально самого себя?

— Меня разрывает на части мое видение, а ты несешь чепуху! рассердился Пол. — Что ты знаешь о предвидении?

— Я видел оракулов, — просто ответил гхола. — Видел тех, кто ищет зеваки и предзнаменования собственной судьбы. Они боятся того, что ищут.

— Моя падающая луна реальна, — прошептал Пол. Он сделал прерывистый вдох. — И она движется, движется.

— Люди часто боятся того, что движется само по себе, — сказал гхола. — Вы боитесь собственной силы. Картины приходят вам в голову ниоткуда. Вы хоть раз задумывались над тем, откуда они приходят?

— Ты утешаешь меня шипами, — проворчал Пол.

Лицо гхолов осветилось изнутри. На мгновение он стал прежним Данканом Айдахо.

— Я дал вам то утешение, какое мог дать, — сказал он.

Пол задумался над этим мгновенным превращением. Неужели гхола испытал чувство грусти, которое его, Пола, мозг отверг? Неужели он отбросил собственное видение?

— У моей луны есть имя, — прошептал Пол.

И снова перед ним потекли видения. Все его существо кричало, но сам он не издал ни звука. Он боялся говорить, боялся, что голос выдаст его. Ужасное будущее без Чани! Тело, кричавшее в экстазе, глаза, обжигавшие его желанием, голос, никогда не говоривший ему лжи, — все исчезло, ушло в воду и песок.

Пол медленно повернулся и взглянул на площадь перед храмом Алии. Три бритых пилигрима входили в него. На них были угрюмые желтые одежды, они шли торопливо, наклонив головы. Один хромал на левую ногу. Завернув за угол, они исчезли из виду.

Исчезло, как исчезает луна. Видение по-прежнему лежало перед ним. Его ужасная цель не позволяла ему сделать выбор.

«Плоть сдается, — подумал он. — Вечность берет свое. Наши тела робко колеблют воды вечности, дрожат от любви, мыслят, затем подчиняются вечности. Что можно сказать об этом? Я пойман, да, я пойман.»

Глава 12

?Солнце не просит о милосердии".

«Тяжкий труд Муад Диба».

Комментарии Стилгара.

«Одно неверно принятное решение может повлечь за собой смерть», напомнила себе Преподобная Мать Гаиус Хэлен Моахим.

Она ковыляла, внешне беспечно, в кольце охранников-Свободных. Она знала, что один из них глухонемой, не поддающийся Голосу. Несомненно, ему велено убить ее при малейшей провокации.

Зачем Пол вызвал ее? Чтобы вынести, приговор? Она вспомнила, как когда-то, давным-давно, испытывала его... ребенка, Квизац Хадераха.

Будь проклята его мать во веки веков! Ее вина, что Бене Джессерит утратили эту генную линию.

Мычание окружало Преподобную Мать и ее стражу. Она чувствовала, как бегут перед нею слова-приказы. Пол услышит молчание еще до ее прихода. Он узнает о ее приближении до того, как о ней объявит. Она не обманывалась насчет сил, окружающих ее.

Будь он проклят!

Она сожалела о годах, тяжестью лежащих на плечах, — больные суставы, замедленная реакция, мускулы не такие эластичные, как в молодости. Долгий путь лежит за ее спиной, и долгая жизнь. Она провела этот день с таротом Дюны в бесплодных поисках ключа к собственной судьбе. Но карты давали уклончивый ответ.

Охранники провели ее еще в один из казавшихся бесконечными коридоров. Треугольные окна из метастекла снова давали возможность взглянуть на шпалеры лоз и цветы в тени полуденного солнца. Под ногами на керамических плитах — изображения водных животных с экзотических планет. Напоминание о воде повсюду. Богатство... роскошь...

Фигуры в капюшонах проходили мимо, искоса бросая взгляды на Преподобную Мать. И их напряжение свидетельствовало, что они узнавали ее. Она внимательно приглядывалась к идущему впереди охраннику — юное тело, розовые складки над воротником мундира.

Гигантские размеры цитадели начинали угнетать ее. Коридоры... коридоры... Они миновали открытую дверь, откуда доносились негромкие звуки тамбурина и флейты, наигрывающих старинного мелодию. Мелькнули синие-в-синем глаза Свободного. В них ей почудилось движение легендарных древних генов. Она сразу почувствовала груз, который взвалила на себя. Ни на минуту Бене Джессерит не может забыть о генах и их возможностях. Она ощущала чувство утраты — этот упрямый глупец Атридес! Потерять такую драгоценность, как Квизац Хадерах! Рожденный прежде временно, правда, но все равно реальный — реальный, как и эта его отвратительная сестра... в ней кроется неизвестная опасность. Дикая Преподобная Мать, родившаяся без вмешательства Бене Джессерит, не заботящаяся о нужной ордену генной линии. Она, несомненно, обладает способностями брата, а может, и большими. Размеры крепости действовали на нее все более угнетающе. Неужели эти переходы никогда не кончатся? Все дышало ужасающей физической мощью. Ни одна планета, ни одна цивилизация во всей человеческой Вселенной не видела такого созданного человеком могущества. Дюжина древних городов могла укрыться в этих стенах.

Они миновали овальную дверь с мигающими огнями. Она узнала иксианскую работу — вход в транспортную пневматическую систему. Почему же тогда ей пришлось пройти пешком такое расстояние? В голове у нее уже созрел ответ: чтобы поразить ее воображение перед аудиенцией у Императора.

Ничтожная ниточка, но она увязывалась в ее сознании с другими, еще более ничтожными: выбор слов ее стражниками, намек на почтительность в их глазах, когда они называли ее Преподобной Матерью, холодные, пустынные, лишенные запахов залы на пути их следования — все сливалось в нечто единое, что могла истолковать Бене Джессерит совершенно однозначно.

Полу что-то нужно от нее!

Она подавила вздох облегчения. Все же существует возможность поторговаться! Нужно только определить природу этой силы, испытать ее. Иногда при этом получаются результаты более грандиозные, чем эта цитадель. Бывало, что одно лишь прикосновение пальца опрокидывало целые цивилизации. Преподобная Мать вспомнила, как оценил ее Скайтейл: «Когда такое существо развивается до определенной стадии, оно скорее умрет, чем разовьется в свою

противоположность».

Коридоры, по которым она шла в сопровождении охраны, становились все шире. Использование арок, постепенное утолщение опор, поддерживающих своды, глубокие выемки вокруг треугольных окон — все должно было создать впечатление грандиозности. И вот перед ней двойные двери, возвышающиеся в конце высокой приемной. Она поняла, что двери действительно огромны, и усилием воли сдержала удивленный возглас, оценив их истинную величину. Высота их достигала восьмидесяти метров, ширина — вдвое меньше, чем высота.

Когда она в сопровождении охраны приблизилась, двери распахнулись внутрь будто бы сами собой, молчаливое грандиозное действие скрытого механизма. Она вновь узнала иксианскую работу. Сквозь гигантскую дверь Преподобная Мать прошла в большой приемный зал Императора Поля Атридеса -Муад Диба, «перед которым все люди карлики». Теперь она воочию видела воплощение этого популярного изречения.

Приближаясь к сидевшему на троне Полу, Преподобная Мать чувствовала, как подавляет ее грандиозность помещения, его архитектурные детали. Зал был огромен: в нем могла бы поместиться целая крепость какого-нибудь правителя древности. Было видно, что это помещение построено с тщательным расчетом. Фермы и поддерживающие балки за этими стенами, далекий, уходящий ввысь купол превосходили любые постройки, возведенные когда-либо ранее. Все говорило об инженерном гении.

К концу зал незаметно уменьшался, с тем чтобы Император не выглядел на своем троне карликом. Скорее, эффект был противоположным.

Нетренированное сознание новичка, пораженное пропорциями окружающего, воспринимает Императора намного большим, чем он был на самом деле. Цвета обрушивались на незащищенную душу: зеленый трон Поля был высечен из единого куска хагартского изумруда, который символизировал развитие жизни. В то же время в мифах Свободных зеленый — цвет траура. Тот, кто сидит на этом троне, может заставить вас плакать, он сочетает жизнь и смерть в едином смысле. Такое искусное соединение противоположностей оказывало сильное психологическое воздействие на посетителей. За троном висели занавеси, горящие золотом и оранжевым — цветами, олицетворяющими пески Дюны, с коричневыми вкраплениями — цвет спайса. Для тренированного глаза символизм был очевиден, но на непосвященных он обрушивался, как удар молнии.

Время играло здесь свою роль.

Преподобная Мать рассчитала, сколько времени ей понадобится, чтобы доковылять до трона. Чтобы — подавить личность, нужно время. А попытка сопротивления будет подавлена необузданными силами и большими расстояниями. Начиная долгий путь к трону человеком, полным достоинства, вы заканчивали его мошкой.

Помощники и адъютанты располагались вокруг Императора в определенном порядке — внимательные телохранители у обтянутых черным стен. Эта мерзость, Алия, стояла на две ступени ниже Поля и слева от него. Стилгар, императорский лакей, находился на ступень ниже Алии, прямо под ней, а справа, на нижней ступени от пола, виднелась могучая фигура гхолы плотские остатки Данканы Айдахо. Среди охранников Преподобная Мать заметила ветеранов-Свободных, бородатых наивов с рубцами от стилсьютов на носу, с крисножами в ножнах, прикрепленных к поясам, некоторые даже с ласганами. Должно быть, это доверенные люди, подумала она, раз им позволили держать ласганы в присутствии Поля, конечно же, окруженного персональным силовым полем. Она издали видела его мерцание. Но достаточно одного луча ласгана, и вместо крепости появится гигантский кратер.

Ее стражники остановились в десяти шагах от помоста и расступились, открывая вид на Императора. Преподобную Мать удивило отсутствие Чани и Ирулэн. Говорят, без них не обходится ни одна важная аудиенция.

Пол, выжидавший, молчаливый, кивнул ей.

Она решила обороняться и сказала:

— Итак, великий Пол Атридес решил взглянуть на того, кого он изгнал? Пол сухо улыбнулся, думая: «Она знает, что я от нее что-то хочу. Это неизбежно, поскольку она та, кто она есть». Он знал, что она сильна. Бене Джессерит не может стать Преподобной Матерью по воле случая.

— Может, не будем обмениваться колкостями? спросил Пол.

?Неужели все так просто?» — подумала она, но вслух сказала: — Назовите, что вам от меня нужно.

Стилгар шевельнулся и бросил быстрый взгляд на Поля. Императорскому лакею не понравился ее тон.

— Стилгар хочет, чтобы я отоспал вас, — сказал Пол.

— А может, он просто хочет убить меня? — спросила она. — Я ожидала более прямого высказывания от Свободного-наиба.

Стилгар нахмурился и сказал:

— Мне часто приходится говорить не то, что я думаю. Это называется дипломатией.

— Тогда давайте откажемся от дипломатии, — предложила она. — Разве так уж необходимо мне было идти пешком? Я старая женщина.

— Нужно было показать вам, каким бессердечным я могу быть, — сказал Пол. — Так вы лучше оцените великодушие.

— Вы смеете использовать такие приемы с Бене Джессерит?

— В великих действиях заключен особый смысл, — ответил Пол.

Она колебалась, взвешивая его слова.

— Говорите, что вам нужно от меня, — пробормотала она.

Алия взглянула на брата и кивнула в сторону занавесей за троном. Она знала, чего добивается Пол, но ей это не нравилось. Можно назвать это диким пророчеством: она не желала принимать участие в этих торгах.

— Поосторожнее со мной, Императором, старуха, — сказал Пол.

«Он назвал меня старухой тогда, будучи ребенком, — вспомнила Преподобная Мать. — Он напоминает мне о моей роли в прошлом? Я тогда приняла решение. Должна ли я отступить от него сегодня?» Она чувствовала ответственность момента, ноги ее дрожали. Мышицы кричали об усталости.

— Путь был долг, — сказал Пол, — и я вижу, вы устали. Перейдем в мою комнату за троном. Там вы сможете сесть. — Он сделал знак Стилгару и встал.

Стилгар и гхола подошли к ней и помогли подняться по ступеням. Вслед за Полом все прошли в проход между занавесями. Она поняла, почему ее принимали в Большом зале — зрелище было рассчитано на стражей и наибов. Значит, он их опасается. А сейчас — сейчас он проявляет благорасположение к Бене Джессерит. Она почувствовала чье-то присутствие сзади и, оглянувшись, увидела Алию. Глаза молодой женщины блестели так зловеще, что Преподобная Мать содрогнулась.

Комната за троном в конце коридора оказалась двадцатиметровым кубом из пластиали, с желтыми глоуглобами и оранжевыми занавесями пустынных тентов по стенам. В ней находился диван с маленькими подушками. На низком столике стояли хрустальные сосуды с водой. Чувствовался слабый запах меланжа. После огромного зала комната казалась крохотной.

Пол усадил ее на диван и встал перед ней, изучая древнее лицо стальные зубы, глаза, прячущие больше, чем открывающие, кожа с глубокими морщинами. Он знаком указал на сосуд с водой. Она отрицательно покачала головой, причем у нее выбился клок седых волос.

Пол негромко сказал:

— Я буду торговаться с вами за жизнь моей любимой.

Стилгар прокашлялся.

Алия нашупала рукоять крисножа, висевшего у нее на поясе.

Гхола с непроницаемым лицом, с металлическими глазами, устремленными в пространство над головой Преподобной Матери, остался у двери.

— У вас было видение о моем участии в покушении на ее жизнь? спросила Преподобная Мать. Она по-прежнему следила за гхолой, странно встревоженная им. Почему она чувствует угрозу с его стороны? Ведь он орудие заговора.

— Я знаю, чего вы хотите от меня, — сказал Пол, оставив без ответа ее вопрос.

«Значит, он только подозревает», — подумала Преподобная Мать. Она взглянула вниз, на концы своих туфель, высывающихся из-под края черного платья. Туфли и платье несли на себе следы

заключения: грязные, мятые. Она оживилась, но скрыла свою заинтересованность за сжатыми губами и полузакрытыми глазами.

— Какую цену вы предлагаете? — спросила она.

— Вы можете получить мое семя, но не меня самого, — сказал Пол. -Ирулэн будет изгнана и оплодотворена искусственным путем.

Оцепенев, Преподобная Мать затем взорвалась:

— Вы не посмеете!

Стилгар сделал шаг вперед.

Гхола беззаботно улыбнулся.

Алия внимательно посмотрела на него.

— Не будем обсуждать запреты вашего ордена, — сказал Пол. — Я не желаю слушать разглагольствования о грехе, мерзости или верований, оставшихся со временем прошлого джихада. Для своих планов вы можете получить мое семя, но ребенок Ирулэн не будет сидеть на моем троне.

— Ваш трон, — усмехнулась она.

— Мой трон!

— Кто же даст Императору наследника?

— Чани.

— Она бесплодна.

— Она ждет ребенка.

Невольный прерывистый вздох показал, как она потрясена.

— Вы лжете! — выпалила она.

Пол предостерегающе поднял руку, когда Стилгар шагнул вперед.

— Мы уже два дня знаем, что она носит моего ребенка...

— Но Ирулэн...

— Только искусственным способом. Таково мое предложение.

Преподобная Мать закрыла глаза, чтобы не видеть его лица. Проклятие! Бросить ордену генетическую кость таким постыдным образом! Ее переполняло отвращение. Учение Бене Джессерит, уроки Бутлерианского Джихада — все запрещало такое действие. Никто не смеет унижать высочайшее деяние человека. Ни одна машина не может функционировать, как человеческий мозг. Ни словом, ни делом нельзя допустить, чтобы человек рождался на уровне животного.

— Ваше решение? — спросил Пол.

Она покачала головой. Гены, драгоценные гены Атридесов, только они важны. Потребность сильнее, чем запрет. Для ордена сей брак означает нечто большее, чем сперма и яйцеклетки. Он нацелен на душу.

До Преподобной Матери теперь дошел смысл предложения Пола. Он заставит Бене Джессерит действовать так, чтобы вызвать гнев населения... если это откроется. И если Император откажется от отцовства, они не смогут его доказать. Такой ценой будут спасены гены Атридесов, но никогда не будет приобретен его трон.

Она обвела комнату пытливым взглядом, изучая лица: Стилгар, теперь пассивный и выжидющий, гхола, застывший в каком-то внутреннем оцепенении, Алия, следящая за гхолой... и Пол — густок гнева под легким покровомдержанности.

— Это ваше единственное предложение? — спросила она.

— Да.

Она взглянула на гхолу, уловив мгновенное движение мышц его тела. Гхола может чувствовать?

— Ты, гхола, — сказала она. — Должно ли быть сделано такое предложение? И, будучи сделанным, должно ли оно быть принято? Выполнит для нас функции ментата.

Металлические глаза повернулись к Полу.

— Отвечай, если хочешь, — разрешил тот.

Гхола повернулся к Преподобной Матери лицо, светящееся вниманием, снова поразив ее осмысленной улыбкой.

— Любое предложение хорошо настолько, насколько реально то, что от него получают, — сказал он. — Здесь предлагают жизнь за жизнь. Высокий уровень сделки.

Алия отбросила со лба прядь медных волос и спросила:

— А что еще скрывается в этом договоре?

Преподобная Мать избегала смотреть на Алию, но ее слова горели у нее в мозгу. Да, в этом скрыто нечто более глубокое. Конечно, сестра Поля мерзость, но нельзя не признать, что звание Преподобной Матери она носит заслуженно. Гаиус Хэлен Моахим в это мгновение чувствовала себя не отдельной личностью, но всеми остальными, которые таились в ее памяти. Все они были настороже, все Преподобные Матери, которых она восприняла, становясь жрицей ордена. Алия сейчас находилась в той же позиции.

— Что еще? — спросил гхола. — Приходится удивляться, почему колдуны Бене Джессерит не использовали методы тлейлаксу.

Гаиус Хэлен Моахим и Преподобные Матери внутри нее содрогнулись. Да, тлейлаксу делают отвратительные вещи. Если опустить барьер перед искусственным осеменением, то следующий шаг, шаг тлейлаксу контролируемая мутация.

Пол, наблюдавший за игрой чувств вокруг себя, неожиданно почувствовал, что никого не узнает. Он видел только незнакомцев. И даже Алия была незнакомой.

Алия сказала:

— Если мы пустим гены Атридесов в реку Бене Джессерит, кто знает, каков будет результат?

Гаиус Хэлен Моахим резко повернула голову и встретилась взглядом с Алией. На мгновение они как бы слились в одно целое и подумали об одном и том же: "Что лежит за любыми действиями тлейлаксу? Гхола изготовлен тлейлаксу. Не он ли предложил Полу этот план? Будет ли Пол договариваться непосредственно с Бене Джессерит??

Она оторвала взгляд от Алии, чувствуя себя уязвимой и слабой. Ловушка для Бене Джессерит, напомнила она себе, заключена в заранее данной власти: такая власть предрасполагает к тщеславию и гордости. Но власть обманывает тех, кто ею пользуется. Начинаешь верить, что власть способна преодолеть любую преграду... включая собственное невежество.

Только один пункт здесь важен непосредственно для Бене Джессерит, сказала она себе. Целая пирамида поколений достигла своей вершины в Поле Атридесе и в этой его мерзкой сестре. Неверный выбор с ее стороны, — и всю пирамиду придется строить заново... начинать за много поколений с параллельных линий, скрещивая образцы с нужными характеристиками. «Контролируемая мутация, — подумала она. Практикуют ли ее тлейлаксу на самом деле? Какое искушение!» Она покачала головой. Лучше избавиться от таких мыслей.

— Вы отказываетесь от моего предложения? — спросил Пол.

— Я думаю.

И снова она посмотрела на его сестру. Оптимальное скрещивание с женской линией Атридесов утрачено: Фейд-Раус убит Полом. Впрочем, остается другая возможность — она позволяет сохранить нужные характеристики в потомстве. Пол осмелился предложить Бене Джессерит искусственное оплодотворение. Готов ли он на самом деле заплатить за жизнь Чани? Примет ли он скрещение с собственной сестрой?

Желая выиграть время, Преподобная Мать спросила:

— Скажите мне, о беспорочный образец святого, а что скажет Ирулэн на такое ваше предложение?

— Ирулэн сделает то, что я ей прикажу, — отрезал Пол.

«Да, это так», — поймала Моахим. Она сжала губы и начала новый гамбит.

— Но ведь существует двое потомков Атридесов...

Пол смутно догадался, к чему ома клонит, и кровь бросилась ему в лицо:

— Осторожнее, старуха!

— Вы хотите использовать Ирулэн в своих интересах? — спросила она.

— А разве Ирулэн не готовили к этому? — в свою очередь спросил Пол.

"Он говорит, что обучили ее мы, — подумала Моахим. — Что Ирулэн всего лишь разменная монета. Можно ли истратить ее по другому??

— Посадите ли вы ребенка Чани на трон? — спросила она.

— На мой трон, — ответил Пол. Он взглянул на Алию, спрашивая себя, понимает ли она все возможности этого обмена. Алия сидела неподвижно, закрыв глаза. С какой внутренней силой она общается? Увидев сестру такой, Пол почувствовал, что его несет по течению, а она стоит на берегу и удаляется от него.

Преподобная Мать приняла, наконец, решение и сказала:

— Этот вопрос не может решать один человек. Я должна связаться со своим Советом на Валлахе. Вы позволите послать туда сообщение?

«Как будто она нуждается в моем позволении!» — подумал Пол.

Вслух он сказал:

— Согласен. Но не откладывайте надолго. Я не буду сидеть сложа руки и ждать, когда вы закончите свое обсуждение.

— Вы будете договариваться с Бене планеты Тлейлакс? — спросил гхола. Алия открыла глаза и посмотрела на гхолу, как будто разбуженная опасным вторжением.

— Я еще не принял решения, — сказал Пол. — При первой возможности я отправлюсь в пустыню. Наш ребенок родится в съетче.

— Мудрое решение, — заметил Стилгар.

Алия избегала смотреть на Стилгара. Она знала, что это неверное решение. Чувствовала каждой своей клеточкой. И Пол наверняка это знал. Почему же он пошел по этой тропе?

— Предлагал ли Бене Тлейлакс свои услуги? — спросила она, отметив, с каким нетерпением ждет ответа Моахим.

Пол покачал головой.

— Нет, — он взглянул на Стилгара. — Стил, организуй отправку сообщения на Валлах-9.

— Слушаюсь, милорд.

Пол подождал, пока Стилгар вызовет охрану, и вышел вместе со старухой. Перед уходом она повернулась к гхоле.

— Ментат, — сказала она, — принесут ли тлейлаксу пользу?

Гхола пожал плечами.

Пол почувствовал, что его внимание рассеивается.

"Тлейлаксу? Нет... не это имела в виду Алия. Но ее вопрос показывает, что она не видит альтернативы... что ж... видения бывают разные... Почему они не могут быть разными у брата и сестры??

Он очнулся, уловив обрывки разговоров:

— ...должен знать, что тлейлаксу...

— ...полнота данных всегда...

— ...иногда необходимо усомниться...

Пол обернулся, взглянул на сестру и уловил ее взгляд; Он знал, что она увидит на его лице слезы и задумается. Пусть думает, думать — это единственное удовольствие, которое им осталось. Он посмотрел на гхолу и увидел только Данкане Айдахо, несмотря на его металлические глаза. Печаль и сострадание боролись в Поле. Что видят эти металлические глаза?

«Есть много степеней зрения и много степеней слепоты», — подумал Пол. Его мозг перефразировал строку из Оранжевой Католической Библии: "Каких чувств нам не хватает, чтобы увидеть окружающий нас другой мир??

Видят ли эти металлические глаза другой мир?

Алия подошла к брату, чувствуя его печаль. Благоговейным жестом Свободных она коснулась его щек, катящихся слез, и сказала:

— Не нужно печалиться о мертвых раньше, чем они умерли.

— Раньше, чем они умерли, — повторил он шепотом вслед за ней. — Скажи мне тогда, сестренка, а что такое это «раньше»?

Глава 13

"Хватит с меня богов и жрецов! Вы думаете, я не вижу, как создается мой собственный миф, миф обо мне? Проверьте еще раз свои данные, Хейт. Я ввел свои ритуальные обряды в самые элементарные человеческие действия. Люди едят во имя Муад Диба! Любят во имя Муад Диба, пересекают улицы с моим именем на устах! Балка крыши на далеком Ганджишри не может быть поставлена без благословения Муад Диба!"

?Книга обличительных речей Муад Диба".

Из хроники Хейта.

— Вы рискуете, оставив свой пост и придя ко мне в такое время, сказал Адрик, глядя сквозь стенку своего бака на лицевого танцора.

— Как слаба и ограничена ваша мысль, — ответил Скайтейл.

Адрик колебался, рассматривая громоздкую фигуру, тяжелые веки, тупое лицо. Было еще рано, и обмен веществ Адрика пока не перешел от ночного отдыха к активному дневному потреблению меланжа.

— В этом обличье вы шли по улицам? — спросил Адрик.

— Никто не захочет взглянуть во второй раз на мою сегодняшнюю внешность, — усмехнулся Скайтейл.

«Хамелеон думает, что смена формы спрячет его от всех», — в редком прозрении подумал Адрик. И задумался, действительно ли его участие в заговоре скрывает их от предвидения. Сестра Императора...

Он покачал головой, всколыхнув оранжевый газ в баке, и спросил:

— Зачем вы здесь?

— Необходимо подтолкнуть гхолу — наш дар — к более быстрым действиям. — Это невозможно.

— Нужно! — настаивал Скайтейл.

— Почему?

— Мне не нравится обстановка. Император пытается расколоть нас. Он уже начал переговоры с Бене Джесссерит.

— А, вот оно что!

— Да, и поэтому нужно подтолкнуть гхолу...

— Вы его создали, — сказал Адрик. — Вы, тлейлаксу. Должны знать лучше остальных. — Он помолчал и приблизился поближе к прозрачной стенке бака. -Или вы лгали нам о замечательных свойствах этого дара?

— Лгали?

— Вы говорили, что оружие нужно лишь нацелить и отпустить, больше ничего. После этого гхолу не нужно трогать.

— Любой гхолу можно сбить с пути, — заметил Скайтейл. — Вам нужно лишь напомнить ему о его происхождении.

— Что это даст?

— Это подтолкнет его к активным действиям в наших интересах.

— Он — ментат, с могучими логикой и разумом, — возразил Адрик. — Он может догадаться о моих целях, или же о них догадается сестра Императора. Если ее внимание сосредоточится на...

— Так вы спрятали нас от пророчицы или нет?

— Я боюсь оракулов, — ответил Адрик. — Я занимаюсь логикой, реальными шпионами, физическими силами, действующими в Империи, контролем за спайсом...

— Можно относиться к власти Императора спокойно, если помнить, что все рано или поздно

кончается, — прервал его Скайтейл.

Рулевой в возбуждении отскочил, члены его затряслись. Скайтейл, с трудом подавил отвращение при виде этого зрелища. На навигаторе Союза было обычное трико с утолщением на поясе, где он держал различные контейнеры. Однако... он производил впечатление обнаженного, когда двигался. Движения у него плавные, тягучие... Скайтейл еще раз подивился странному сочетанию заговорщиков. Что их объединило? Несовместимая группа. В этом их слабость. Возбуждение Адрика спало. Он смотрел на Скайтейла сквозь окружавший его оранжевый газ. Какой заговор держал в резерве лицевой танцор, чтобы спасти самому? Действия тлейлаксу невозможно предсказать. Дурной знак. Что-то в голосе и действиях посла Союза подсказывало Скайтейлу, что навигатор боится Алии больше, чем самого Императора. Эта неожиданная мысль вспыхнула на окраине сознания. Беспокойная мысль. Неужели они проглядели что-то важное, связанное с сестрой Пола? Будет ли хола достаточно надежным оружием, чтобы погубить их обоих?

— Вы знаете, что говорят об Алии? — спросил, испытывая Адрика, Скайтейл.

— Что вы имеете в виду? — человек-рыба снова пришел в возбужденное состояние.

— Никогда еще у философии и культуры не было такой покровительницы, сказал Скайтейл. — В ней соединяются обаяние молодости и красота...

— Что за болтовня насчет обаяния и красоты? — возразил Адрик. — Мы уничтожим обоих Атридесов. Культура! Они уничтожают культуру, чтобы править. Красота! Красота способствует порабощению. Они создают образованное невежество — это легче всего. Они ничего не оставляют на волю случая. Они знают только одно — ковать цепи, порабощать. Но рабы рано или поздно восстают.

— Сестра может выйти замуж и произвести потомство, — сказал Скайтейл. — Почему вы говорите о сестре? — спросил Адрик.

— Император может выбрать для нее мужа, — ответил Скайтейл.

— Пусть выбирает. Уже пора.

— Даже вы не можете предвидеть следующий ход, — предупредил Скайтейл. Вы не создатель... также, как и Атридесы. Не нужно переоценивать свои возможности.

— Мы не болтаем языком о созидании, — возразил Адриан. — Мы не чернь, пытающаяся сделать из Муад Диба мессию. Что за вздор? Почему вы поднимаете такие вопросы?

— Эта планета... — ответил Скайтейл. — Это она рождает вопросы.

— Планеты не разговаривают!

— Эта говорит.

— А?

— Она говорит о созидании. Ветер дует по ночам и наносит песок — это и есть созидание.

— Ветер наносит песок...

— Когда просыпаешься поутру, первые солнечные лучи показывают тебе новый мир — чистый, ждущий твоих следов. «Песок без следов? — задумался Адрик. — Созидание?» Он чувствовал, как его охватывает беспокойство: стенки бака, окружающая комната — все сжималось вокруг, душило его.

Следы на песке...

— Вы говорите, как Свободный, — сказал Адрик.

— Это мысль Свободных, и она поучительна, — согласился Скайтейл. — Они говорят, что джихад Муад Диба оставляет следы во Вселенной точно так же, как Свободный оставляет следы на гладком песке. Они прокладывают след будущим человеческим жизням.

— Так ли это?

— Приходит очередная ночь, — продолжал Скайтейл. — Ветер дует...

— Да, — согласился Адрик, — джихад подходит к концу. Муад Диб использовал свой джихад и...

— Он не использовал джихад, — возразил Скайтейл. — Это джихад использовал его. Я думаю, Пол

остановил бы его, если бы мог. — Если бы мог? — удивился навигатор. — Все, что ему надо было...

— Замолчите! — заорал Скайтейл. Нельзя остановить умственную эпидемию. Она переходит от человека к человеку через много парсеков. Она на редкость заразна и поражает самое незащищенное место — человеческий разум. Можно ли ее остановить? У Муад Диба нет противоядия. Корни эпидемии в хаосе. Можно ли там установить порядок?

— Значит, и вы заразились? — спросил Адрик. Он медленно повернулся в оранжевом газе, раздумывая, почему Скайтейл говорит с таким ужасом. Неужели лицевой танцор предал заговор? Невозможно сейчас заглянуть в будущее. Будущее превратилось в мутный поток, засоренный пророчествами.

— Мы все смешались, — сказал Скайтейл и напомнил себе, что разум Адрика имеет четко обозначенные границы. Как сделать это понятным для него?

— Но когда мы уничтожим его... начал было Адрик.

— Мне следовало бы оставить вас в неведении, — прервал его Скайтейл. — Но мой долг не позволяет этого. К тому же это опасно для всех нас.

Адрик резко оттолкнулся перепончатой ступней, отчего оранжевый газ завихрился вокруг его ног. — Вы говорите довольно необычно, — сказал он.

— Обстановка взрывоопасна, — уже спокойнее сказал Скайтейл. — Когда произойдет взрыв, обломки полетят через столетия. Разве вы не видите?

— Мы и раньше имели дело с религиями, — возразил Адрик. — Это не ново...

— Это не просто религия! — воскликнул Скайтейл, думая, что сказала бы Преподобная Мать по поводу их коллеги по заговору. — Религиозное правительство — это нечто иное. Муад Диб повсюду утвердил свой Квизарат, заменив им все прежние правительственные структуры. У него нет постоянной гражданской службы, нет посольства. Зато есть епископства — острова власти. В центре каждого острова — человек. Люди учатся приобретать и удерживать личную власть. Люди реальны.

— Когда они разделятся, мы поглотим их одного за другим, — с благодушной улыбкой заявил Адрик. — Срубим голову, а тело упадет само...

— У этого тела две головы.

— Сестра, которая может выйти замуж? — Которая обязательно выйдет замуж! — Мне не нравится ваш тон, Скайтейл. — А мне не нравится ваше невежество. — Ну и что, если она выйдет замуж? Разве это помешает нашим планам?

— Это потрясет Вселенную.

— Но они не уникальны. Я сам обладаю способностью, которая...

— Вы дитя, Адрик. Вы ковыляете там, где они идут большими шагами.

— Они не уникальны!

— Вы забыли, рулевой, что однажды мы произвели Квизац Хадераха. Это существо видит Время. Это форма существования, которой нельзя угрожать, не породив такую же угрозу против себя. Муад Диб знает, что мы собираемся напасть на Чани. Мы должны действовать быстрее, чем они. Нужно добраться до гхолы и подтолкнуть его, как я уже сказал.

— А если я этого не сделаю?

— Тогда вас поразит молния.

Глава 14

?О, червь со множеством зубов!

Отрицаешь ли ты то, что обречено на смерть?

Тело и душу, искушающие тебя.

На земле всех начал

Кормишь ты чудовищ в дверях огня!

У тебя нет никаких одежд,

Чтобы прикрыть отравленное божество

Или спрятать огонь желания..?

?Песня червя".

Из «книги Дюны».

Пол вспотел, тренируясь с крисножом и короткой шпагой под руководством гхолы. Теперь он стоял у окна, глядя вниз на храмовую площадь и стараясь представить себе Чани в больнице. Все утро она чувствовала себя плохо. Шла шестая неделя ее беременности. Была собраны лучшие врачи. Они сообщат, когда у них будут новости.

Темные полуденные песчаные облака закрыли небо над площадью. Свободные называли такую погоду «грязный воздух».

Неужели врачи никогда не сообщают? Каждая секунда медлила, не желая входить в его вселенную..

Ожидание... ожидание... Вот и Бене Джессерит молчат на своем Валлахе-9. Сознательно затягивают, конечно.

Предвидение предсказывало, разумеется, все эти моменты, но он закрыл от него свое сознание, предпочитая роль рыбы, которая плывет по времени не туда, куда хочет, а куда несет ее течение.

Было слышно, как гхола чистит оружие и осматривает снаряжение. Пол вздохнул, протянул руку к поясу и выключил личное защитное поле. Оно со щекоткой сбежало с его тела.

Пол сказал себе, что займется делами, когда вернется Чани. Тогда будет достаточно времени, чтобы принять тот факт, что скрытое им от нее обстоятельство продлило ее жизнь. Разве это такая уж вина — предпочтеть Чани наследнику? По какому все-таки праву он сделал выбор за нее? Глупые мысли! Кто бы стал колебаться, зная альтернативу — рабские подземелья, пытки, мучительная тоска... или еще худшее?

Он услышал скрип двери, шаги Чани и обернулся.

На лице Чани ясно читалась зловещая решимость. Широкий пояс Свободной, собирающий на талии ее золотое платье, водные кольца в ожерелье на шее и рука на бедре, острый взгляд, которым она, как всегда, окинула комнату, — все теперь отступило на второй план. На первом плане была ярость.

Когда она подошла ближе, он раскрыл объятия и привлек ее к себе.

— Кто-то, — выдохнула она, пряча лицо у него на груди, — кто-то уже давно давал мне противозачаточные средства... до того, как я перешла на новую диету. Из-за этого роды предстоят трудные.

— Но ведь есть лекарства? — спросил он.

— Опасные лекарства. Но я знаю виновницу, и я пущу ей кровь!

— Моя Сихайя, — прошептал он, сильнее прижимая ее к себе, чтобы унять дрожь. — Ты носишь наследника, которого мы оба хотим. Разве этого не довольно?

— Моя жизнь сгорает очень быстро, — сказала она, в свою очередь прижимаясь к нему. — Будущее рождение контролирует мою жизнь. Врачи говорят, что плод развивается с ужасающей скоростью. Я должна многое есть... и принимать больше спайса... есть его и пить его. Я убью ее!

Пол поцеловал ее в щеку.

— Нет, моя Сихайя, ты никого не убешь!

И подумал: «Ирулэн продлила твою жизнь, любимая. Для тебя время рождения — это время смерти».

Он почувствовал, как горе убивает его и погружает в черную пустоту.

Чани оттолкнула его:

— Ей нет прощения!

— Кто говорит о прощении?

— Тогда почему я не могу убить ее?

Это было настолько в духе Свободных, такой характерный для них вопрос, что Пол почувствовал истерическое желание расслабиться и все забыть. Но он сдержал себя, ответив:

— Это не поможет.

— Ты видел это?

Пол весь напрягся при воспоминании о видении.

— Что я видел... что я видел... — пробормотал он. Все детали настоящего совпадали с увиденным, и это его словно парализовало. Он чувствовал себя прикованным к будущему. В горле у него пересохло. Следовал ли он своему предвидению, пока не попал в безжалостное настоящее, спрашивал он себя.

— Скажи мне, что ты видел?

— Не могу.

— Почему я не должна убивать ее?

— Потому что так говорю я.

Он видел, что она приняла это. Приняла, как песок принимает воду поглощая и пряча. Таится ли настоящее повиновение под этой горячей, гневной поверхностью? И Пол понял, что жизнь в императорской крепости не изменила Чани: она просто задержалась здесь на время, будто остановилась на отдых в пути вместе с мужем. Все пустынное осталось с ней.

Чани отошла от него и взглянула на гхолу, который стоял в ожидании вблизи тренировочной площадки.

— Ты скрестил с ним свой клинок? — спросила она.

— И неплохо сразился.

Она взглянула на круг на полу, потом снова на металлические глаза гхолы.

— Мне это не нравится.

— Он не причинит мне вреда, — возразил Пол.

— Ты видел это?

— Нет.

— Тогда откуда ты это знаешь?

— Потому что он больше, чем гхола. Он — Данкан Айдахо.

— Его сделали тлейлаксу.

— Они сделали больше, чем сами намеревались.

Она покачала головой. Угол шарфа коснулся воротника ее платья.

— Как можно изменить тот факт, что он — гхола?

— Хейт, — спросил Пол, — ты — оружие моего уничтожения?

— Если настоящее изменяется, изменяется и прошлое, — сказал гхола.

— Это не ответ! — возразила Чани.

Пол повысил голос:

— От чего я умру, Хейт?

В искусственных глазах гхолы блеснул свет:

— Говорят, милорд, что вы умрете от денег и власти.

Чани застыла.

— Как он смеет так разговаривать с тобой?

— Ментат правдив, — ответил Пол.

— Был ли Данкан Айдахо твоим истинным другом? — спросила она.

— Он отдал за меня жизнь.

— Печально, — прошептала Чани, — что гхола не может вернуться к своему первоначальному бытию.

— Вы хотите переделать меня? — спросил гхола, глядя на Чани.

— Что он имеет в виду? — не поняла Чани.

— Переделать — значит, вывернуть наизнанку, ответил Пол. — Но возврата назад нет.

— Каждый человек носит с собой свое прошлое, — сказал Хейт.

— И каждый гхола? — уточнил Пол.

— В известной степени — да, сир.

— Тогда каково твое прошлое?

Чани видела, что вопрос обеспокоил гхолу. Движения его убыстрились, руки сжались в кулаки. Она взглянула на Пола, не понимая, чего он добивается. Можно ли вернуть это существо в прошлое, сделать его таким, каким он некогда был?

— Гхола может помнить свое истинное прошлое? спросила она.

— Делалось много попыток, — ответил гхола, глядя себе под ноги. — Но ни один гхола не был восстановлен до уровня своего прежнего бытия.

— Но ты хочешь, чтобы это произошло? — спросил Пол.

Черные глаза гхолы с напряженной интенсивностью сосредоточились на лице Пола.

— Да!

Пол негромко сказал:

— Если существует способ...

— Это тело, — прервал его Хейт, жестом салюта коснувшись лба, — не из прежнего бытия. Оно... родилось заново. Только форма старая. Такое может проделать и лицевой танцор.

— Не совсем, — сказал Пол. — И ты не лицевой танцор.

— Верно, милорд.

— Откуда они взяли твою внешность?

— Из генетического образца, запечатленного в клетках.

— Говорят древние ученые исследовали эту область еще до Бутлерянского Джихада. Каковы границы твоей памяти, Хейт? Что ты помнишь о своей прежней жизни?

Гхола пожал плечами.

— А что, если он не был Айдахо? — усомнилась Чани.

— Он был им!

— Ты уверен?

— Он — Данкан Айдахо во всех отношениях. Не могу представить себе силу, которая бы удерживала эту форму без всяких расслаблений и отклонений.

— Милорд! — возразил гхола. — То, что мы не можем себе вообразить те или иные явления, вовсе не исключает возможности их существования. Есть вещи, которые я должен делать как гхола и которые не стал бы делать как человек.

Глядя на Чани, Пол спросил:

— Видишь?

Она кивнула.

Пол отвернулся, борясь с охватившим его чувством глубокой печали. Он подошел к балконному окну, задернул занавес. В полутьме вспыхнул свет. Пол крепко затянул пояс, вслушиваясь во внутренние голоса.

Ничего...

Он обернулся. Чани стояла, как зачарованная, не отрывая взгляда от гхолы.

Пол увидел, что Хейт полностью, казалось, ушел в себя.

Услышав звук шагов Поля, Чани повернулась к нему. На какое-то время гхола стал для нее человеком. И в это мгновение она его не боялась. Наоборот, он ей нравился и вызывал восхищение. Теперь она поняла, с какой целью Пол его испытывал. Он хотел, чтобы она увидела в теле гхолы человека.

Она посмотрела на Поля.

— Этот человек, он был Данканом Айдахо?

— Да. И он по-прежнему здесь.

— Он бы позволил Ирулэн жить?

«Вода ушла не слишком глубоко», — подумал Пол и сказал:

— Если бы я ему приказал.

— Не понимаю, — сказала она. — Разве ты не рассердился?

— Я рассердился.

— Не похоже. Ты как будто опечален.

Он закрыл глаза.

— Да. И это тоже.

— Ты — мой муж, — сказала она. — Я это знаю. Но сейчас я не понимаю тебя.

Неожиданно Пол почувствовал, что он будто углубился в большую пещеру. Тело его двигалось — одна нога за другой, — но мысли были где-то в другом месте.

— Я и сам себя не понимаю, — прошептал он. Когда он открыл глаза, то обнаружил, что стоит в стороне от Чани.

Она заговорила откуда-то издалека:

— Любимый, я не буду спрашивать, что ты видел. Я знаю только, что дам тебе наследника, которого мы с тобой хотим.

Он кивнул.

— Я знал это с самого начала.

Он повернулся и посмотрел на нее. Чани казалась очень далекой.

Она встала и положила руку на живот.

— Я голодна. Врачи сказали, что я должна есть в три четыре раза больше, чем ела раньше. Я боюсь, любимый. Слишком уж быстро он развивается.

— Слишком быстро, — согласился он. — Зародыш знает, что надо спешить.

Глава 15

«Дерзкая природа действий Муад Диба видна хотя бы по тому факту, что он с самого начала знал, к чему принуждаем, но не однажды делал шаги в сторону от этой тропы. Он ясно выразил это, сказав: „Говорю вам, что пришло время моего испытания, когда будет показано, что я совершенный Слуга“. Так он свивал все в одно, чтобы и друг, и враг могли обожествлять его. По этой и только по этой причине его апостолы молятся: „Боже, спаси нас от других троп, которые Муад Диб покрыл водами своей жизни“. И эти „другие тропы“ можно представить себе только с крайним отвращением».

Из «Джам-аль-Дин»

(«Книги Правосудия»)

Посланец оказался молодой женщиной — Чани знала ее лицо, имя и семью. Поэтому она смогла пройти через рогатки имперской службы безопасности. Чани опознала ее в присутствии начальника службы безопасности Баннерджи, который организовал ей встречу с Муад Дибом. Баннерджи действовал инстинктивно, зная, что отец молодой женщины еще до джихада был членом императорских отрядов смерти, ужасных федайкинов. Иначе он оставил бы без внимания ее просьбу, хотя она и говорила, что ее сообщение предназначено только для ушей Муад Диба.

Разумеется, ее тщательно обыскали и проверили, прежде чем допустить к Полу. Даже сейчас Баннерджи сопровождал ее, одной рукой держа ее за руку, а другой сжимая нож.

Когда ее привели в постои Императора, был полдень. Комната представляла собой странное смешение жилища Свободного в пустыне и аристократической приемной. Три ее стены закрывали занавеси из дорогих тканей с вышитыми на них фигурами из мифологии Свободных. Четвертую стену занимал видеэкран — серебристо-серая поверхность в овальной раме. Песочные часы Свободных были встроены в планетарий — сложный механизм с планеты Икс, — показывающий движение солнца и обеих лун Арракиса.

Пол стоял у стола и смотрел на Баннерджи. Начальник службы безопасности стал теперь главой полицейской службы, несмотря на свое прошлое контрабандиста. У Баннерджи была мощная фигура. Клочья черных волос спадали на темный, влажный от пота лоб, будто хохолок некой экзотической птицы. Синие-в-синем глаза одинаково бесстрастно взирали и на счастье, и на горе. Чани и Стилгар доверяли ему. Пол знал, что если бы он приказал Баннерджи перерезать девушке горло, тот сделал бы это, не задумываясь ни на минуту.

— Сир, вот девушка-вестница, — сказал Баннерджи. — Миледи Чани передала, что у нее есть к вам дело.

— Да, — коротко кивнул Пол.

Странно, но девушка не глядела на него. Ее внимание привлек планетарий. Она была среднего роста, с темной кожей. Платье из тонкой материи и простого покрова говорило о богатстве. Иссиня-черные волосы перехвачены лентой из того же материала, что и платье, руки спрятаны в рукава. Пол подозревал, что руки ее крепко сжаты — это соответствовало бы ее характеру. Все соответствовало характеру, включая платье — последний остаток роскоши, сбереженный для такого случая.

Пол знаком велел Баннерджи отойти. Тот поколебался, прежде чем повиноваться. Девушка сделала шаг вперед. Двигалась она грациозно, по-прежнему избегая встречаться с ним взглядом.

Пол прочистил горло.

Но вот девушка подняла взгляд — глаза без белков, расширенные в благоговейном страхе. Странно маленькое лицо с тонким подбородком. Глаза казались слишком большими над раскосыми скулами, что-то невеселое в них говорило, что она улыбается редко. В уголках глаз притаилась легкая желтая дымка — след пылевого раздражения, а, возможно, и пристрастия к семуте.

Все соответствовало характерному облику.

— Ты хотела говорить со мной, — напомнил Пол.

Наступил момент решающего испытания способностей Скайтейла. Он изучил внешность, манеры, воспроизвел пол, голос — все, что смог. Но эту женщину Муад Диб знал во времена съетча. Конечно, тогда она была ребенком, но у них с Муад Дибом общий жизненный опыт. Некоторые области памяти можно сознательно отключить. Более волнующего момента Скайтейлу не приходилось испытывать никогда.

— Я Лачма, дочь Отейна Берк-ад-Диба. — Голос девушки звучал негромко, но уверенно, сообщая

свое имя, имя отца и всю родословную.

Пол кивнул. Он видел теперь, почему ошиблась Чани. Тембр голоса, все, абсолютно все воспроизведено с идеальной точностью. Если бы не его собственное обучение методам Бене Джессерит и не оракульское видение, маскировка лицевого танцора могла бы обмануть и его.

Но некоторые несоответствия он все же разглядел: слишком старательно контролировался голос, какой-то мельчайшей детали не хватало, чтобы точно воспроизвести форму плеч и посадку головы Свободной. Но тем не менее приходилось признать прекрасную работу. Даже роскошное платье слегка выпачкано, чтобы передать истинное состояние... Черты лица воспроизведены с удивительной точностью. Лицевому танцору удалось вжиться в эту роль.

— Отдыхай в моем доме, дочь Отейна, — произнес Пол ритуальное приветствие Свободных. — Ты желанна, как вода после долгого пути по пустыне.

Она слегка расслабилась — в ней появилась уверенность, что ее приняли за чист монету.

— Я принесла сообщение, — сказала она.

— Человек сам по себе сообщение, — отозвался Пол.

Скайтейл негромко вздохнул. Все идет хорошо, но наступает решающий момент: Атридес должен вступить на нужную тропу. Он должен потерять свою возлюбленную из Свободных при таких обстоятельствах, когда никого нельзя будет обвинить. Неудача должна исходить только от самого могущественного Муад Диба. Он должен полностью осознать собственно неудачу и принять предложенную тлейлакус альтернативу.

— Я — дым, исчезающий в ночи, — сказал Скайтейл, что в соответствии с кодом Свободных означало: «У меня дурные новости».

Пол старался сохранять спокойствие. Он почувствовал себя обнаженным. Мощный оракул скрывал этого лицевого танцора. Лишь отдельные детали этого мгновения были известны Полу. Он знал только, чего он не должен делать: он не должен убивать этого лицевого танцора. Это приведет к будущему, которого нужно избегать любой ценой. Он, возможно, как-нибудь сумеет проникнуть во тьму и изменить ужасающий рисунок будущего.

— Сообщи мне твою весть, — сказал Пол.

Баннерджи передвинулся так, чтобы иметь возможность следить за лицом девушки. Она, казалось, впервые заметила его; взгляд ее задержался на ноже, который держал в руке глава службы безопасности.

— Невинную не следует подозревать во зле, — сказала она, глядя прямо в глаза Баннерджи.

«Хорошо сказано, — подумал Пол, — так сказала бы подлинная Лачма». На мгновение он с болью вспомнил о настоящей дочери Отейна — труп в пустыне. Но времени на такие переживания не было. Он нахмурился.

Баннерджи продолжал следить за девушкой.

— Мне велено передать сообщение наедине, — сказала она.

— Почему? — резко спросил Баннерджи.

— Таково желание отца.

— Это мой друг, — сказал Пол. — Разве я не Свободный? Мой друг может слышать все, что слышу я.

Скайтейл задумался. Действительно ли существует такой обычай у Свободных, или это проверка?

— Император может устанавливать свои законы, — сказал Скайтейл. — Вот сообщение: мой отец хочет, чтобы вы пришли к нему, взяв с собой Чани.

— Зачем мне брать с собой Чани?

— Она ваша женщина и сайдина. Она должна подтвердить, что мой отец говорит в соответствии с обычаями Свободных. Это водное дело, а по правилам нашего племени нет ничего важнее.

«В заговоре участвуют Свободные, — подумал Пол. — События продолжают совпадать. Да, а у меня нет иного выхода, кроме как участвовать в них».

— О чем будет говорить твой отец?

— О заговоре против вас. О заговоре среди Свободных.

— Почему он не пришел сам? — спросил Баннерджи.

— Мой отец не может прийти сюда. Заговорщики подозревают его. Он не пережил бы пути.

— Почему он не мог сообщить подробности через вас, раз уж он доверил такое сообщение дочери? — спросил Баннерджи.

— Подробности заключены в дистрансе, который может открыть только Муад Диб, — сказала она. — Больше я ничего не знаю.

— Почему бы не прислать дистранс сюда? — поинтересовался Пол.

— Это человек-дистранс.

— Тогда я пойду, — сказал Пол. — Но пойду один.

— Чани должна идти вместе с вами.

— Чани ждет ребенка.

— Когда это женщина-Свободная отказывалась?

— Мои враги давали ей яд, — сказал Пол. — Роды будут трудными. Здоровье не позволяет ей сопровождать меня.

Прежде чем Скайтейл успел справиться с собой, странные чувства отразились на лице девушки: раздражение, гнев. Скайтейл напомнил себе, что у каждой жертвы должен быть путь к спасению, даже у Муад Диба. Но заговор еще не провалился, Атридес остается в сети. Он застыл в определенном образе и скорее убьет себя, чем примет другой. Так было некогда с Квизац Хадерахом тлейлаксу. Так будет с этим. И тогда наступит черед гхолы.

— Позвольте мне попросить саму Чани решить это, — сказала девушка.

— Я уже решил, — возразил Пол. — Вместо Чани меня будешь сопровождать ты.

— Нужна сайдина!

— Но разве ты не друг Чани?

«Попался! — подумал Скайтейл. — Может, он что-нибудь заподозрил? Нет! Это просто осторожность Свободного. И ведь противозачаточное средство факт. Что ж, существуют и другие пути».

— Отец велел мне не возвращаться, — сказал Скайтейл. — Он сказал, что вы не будете рисковать мной и предоставите мне надежное убежище.

Пол кивнул. Все соответствовало. Он не мог отказать в убежище, а она должна подчиниться приказу отца.

— Я возьму с собой жену Стилгара, Хару, — сказал Пол. — А ты расскажешь, как пройти к твоему отцу.

— Откуда вы знаете, что можно доверять жене Стилгара?

— Я знаю это.

— Но я не знаю.

Пол покусал губы и спросил:

— Жива ли твоя мать?

— Моя настоящая мать ушла к Шаи-Хулуду. Ее сестра, моя вторая мать, жива и заботится об отце.

— Она сейчас в съетче Табр?

— Да.

— Я помню ее, — сказал Пол. — Она заменит Чани. — Он подозвал Баннерджи. — Пусть адьютанты отведут дочь Отейна Лачму в ее помещение. Баннерджи кивнул. Адьютанты... Это ключевое слово означало, что вестницу надо держать под особой охраной. Он взял ее за руку. Она сопротивлялась.

— Как же вы пойдете к моему отцу?

— Ты опишешь путь Баннерджи, — пояснил Пол. — Он мой друг. — Нет! Отец приказал! Я не могу!

— Баннерджи? — спросил Пол.

Баннерджи помолчал. Пол видел, что он роется в своей энциклопедической памяти.

— Я знаю проводника, который отведет вас к Отейну, — сказал он.

— Я пойду один.

— Сир, вы...

— Отейн хочет, чтобы было именно так, — сказал Пол, почти не скрывая иронии.

— Сир, это слишком опасно, — запротестовал Баннерджи.

— Даже Император должен иногда идти на риск, — ответил Пол. — Решение принято. Выполняйте.

Баннерджи неохотно вывел лицевого танцора из комнаты.

Пол повернулся к черному экрану за своим столом. Он поймал себя на том, что ждет падения камня с высоты.

Должен ли он сказать Баннерджи о подлинной природе вестницы? Нет! Такой инцидент не записан на экране его видения. А каждое отклонение грозит целым водопадом насилия. Нужно найти точку приложения сил, то место, где он мог вырваться из ведения.

Если только такое место вообще существует!

Глава 16

«Какой бы экзотичной ни была человеческая цивилизация, какими бы путями ни развивались жизнь и общество, какой бы сложности ни достигло соотношение человека и машины, всегда случаются промежутки единоличной власти, когда развитие человечества, само его будущее зависит от относительно простых действий одного индивидуума».

Из Книги тлейлаксу.

Пересекая высоченный пешеходный мост, ведущий от башни к официальной резиденции Квазарата, Пол добавил в свою походку хромоту. Солнце садилось, и он шел сквозь длинные тени, которые помогали ему маскироваться, однако острый глаз все же мог бы разоблачить его. С ним было защитное поле, но он не активизировал его, решив, что мерцание поля может быть замечено и вызвать подозрение.

Пол взглянул налево. Будто раздвинутые ставни, солнце закрывали полоски песчаных облаков. Он, в сущности, был не один, но с тех пор, как он прекратил одинокие ночные прогулки, меры по его безопасности слегка ослабли. Над его головой пролетали орнитоптеры, на самом деле кружка в строго определенном порядке. В одежде у него был скрыт передатчик, благодаря которому орнитоптеры держали с ним связь. Ниже по улицам двигались люди в надвинутых на лица островерхих капюшонах. Другие рассыпались по всему городу, предварительно изучив маскировку Императора — костюм Свободного, вплоть до стилсьюта и пустынных сапог. Щеки его были изменены с помощью пластиковых добавок. Вдоль левой части лица шла трубка стилсьюта.

Дойдя до противоположного конца моста, Пол оглянулся и заметил движение у пластальной решетки, скрывающей балкон его частных покоя. Несомненно, это Чани. «Охота за песком в пустыне», — так называла она его прогулки.

Как мало понимает она его горький выбор. Необходимость выбора из множества страданий может даже незначительную боль сделать невыносимой.

Он вспомнил их расставание. В последнее мгновение Чани проникла в его чувства, но не поняла их. Она решила, что он испытывает чувства, которые вызываются расставанием с любимой перед опасной дорогой.

«Если бы это было так», — подумал он.

Теперь он пересек мост и вышел в верхний переход через правительственные здания. Повсюду были закреплены световые шары, глоуглобы, освещдающие людей, спешивших по своим делам. Квазарат никогда не спал. Пол читал надписи на дверях, как будто видел их впервые: «Скоростная торговля», «Пророчества», «Испытание веры», «Религиозное снабжение», «Оружие», «Пропаганда веры».

?Честнее было бы написать «Наступление бюрократии», — подумал он.

Тип чиновника религиозной службы заполонил всю Вселенную. Этот новый человек Квазарата обычно бывал новообращенным. Он редко сменял Свободных на ключевых постах, но зато заполнял все промежуточные. Он принимал меланж, как для того, чтобы показать, что он может его вынести, так и ради продления жизни. Он стоял особо от своих правителей — Императора. Его богами были Рутина и Документ. К его услугам были ментаты и огромные библиотеки справочного материала. Целесообразность — первое слово в его катехизисе, хотя он отдавал дань и бутлерианским заповедям. Машина не должна заменять человека, твердил он, но каждым своим действием доказывал, что предпочитает машину человеку, статистику — индивидууму, далекую общую картину — близкому соприкосновению, требующему воображения и инициативы.

Поднимаясь по лестнице в дальнем конце здания, Пол услышал звон колоколов перед вечерним богослужением в храме Алии.

Странное чувство незыблемости звучало в этих колоколах.

Храм на забитой людьми площади был новый, ритуалы его — недавнего происхождения, но было что-то древнее в этом здании, стоявшем на окраине Арракина. Все было сделано для того, чтобы создавать впечатление древности, полной традиций и тайн.

Теперь он был в толпе, внизу. Единственный проводник, которого сумела найти его служба безопасности, настоял, чтобы это было именно так. Агентам службы безопасности не понравилось, что Пол согласился. Еще меньше это понравилось Стилгару. А больше всех возражала Чани.

Несмотря на некоторую давку в толпе, люди как бы не замечали его и старались избежать соприкосновения, что давало ему некоторую свободу передвижения. Он знал, что все ведут так себя при приближении Свободных, так как они очень вспыльчивы и скоры на расправу. Поэтому Пол

действовал, как человек из пустыни.

По мере того как он приближался ко входу в храм, людской говор становился сильнее. Окружающие были вынуждены прижиматься к нему, но отовсюду он слышал ритуальные извинения: «Простите, сэр. Я не мог предотвратить этого нарушения вежливости», «Простите, благородный сэр, такого напора толпы я еще не видывал», «Прошу прощения, святой гражданин. Какой-то бездельник толкнул меня».

Пол не обращал внимания на эти слова. В них не было искренности, только страх перед ветераном-Свободным. Он думал о том, какой долгий путь отделяет его от дней детства, проведенных в замке Келадана. Где ступил он на тропу, при в дикую его на эту заполненную народом площадь на планете, такой далекой от Келадана? И действительно ли он шел по этой тропе? Он не мог сказать, что когда-нибудь в жизни действовал, повинуясь только одной причине: мотивы его поступков всегда были сложны, может быть, более сложны, чем когда-либо в человеческой истории. У него была надежда, что он все же может избежать судьбы, которую видит так ясно в конце тропы. Но толпа толкала его вперед, и он испытывал головокружительное ощущение, как будто он заблудился и утратил направление, которого держался всю жизнь. Вместе с толпой вплыл он в портик храма. Голоса здесь звучали приглушенно. Запах страха становился сильнее — резкий, потный...

Ученики уже начали службу в храме. Их чистое пение перекрывало остальные звуки — шепот, шелест одежды, шарканье ног, кашель, рассказывая о Далеких Местах, которые посетили жрица в своем святом трансе.

Она ездит на черве пространства,

Она ведет сквозь все бури

К земле мягких ветров.

И хотя мы спим у логова змей,

Она охраняет наши спящие души.

Закрывая пустынный глоуглоб,

Она прячет нас в прохладной тени.

Сверкание ее белых зубов

Ведет нас в ночи.

По прядям ее волос

Мы поднимаемся в небо!

Сладкий аромат, запах цветов

Окружает нас, когда она с нами.

?Балак! — подумал Пол, как Свободный. — Она может быть и гневной!?

Портик храма освещали высокие мерцающие трубы, имитирующие пламя свеч. Мерцание вызвало в Поле древнее воспоминание, хотя он и понимал, что это сделано намеренно. Это чувство было атавизмом. Он его ненавидел.

Толпа проплыла вместе с ним через высокие металлические двери в огромный зал — мрачное, угрюмое помещение с мерцающими высоко над головой огнями. В дальнем конце находился ярко освещенный алтарь. За алтарем был виден обманчиво простой экран из черного дерева, украшенный рисунками из мифологии Свободных. Скрытые огни создавали эффект радуги. Ученики в семь рядов стояли ниже этого спектрального занавеса: черные рясы, белые лица, открывающиеся в унисон рты...

Пол смотрел на окружающих его пилигримов. Неожиданно он почувствовал к ним зависть. Они верили в правду, которую получат здесь, а он — нет. Ему показалось, что они получат здесь нечто такое, в чем ему самому отказано, что-то чудесное и исцеляющее.

Он старался протиснуться поближе к алтарю, но кто-то остановил его, взяв за руку. Пол оглянулся и увидел лицо старика Свободного синие-в-синем глаза под нависшими бровями, а в них узнавание. В мозгу Пола вспыхнуло имя — Радир, его товарищ по дням съетча.

Пол знал, что окруженный толпой, он абсолютно беззащитен, если Радир действует вместе с заговорщиками и планирует насилие.

Старик протиснулся ближе, держа одну руку под плащем — несомненно, сжимая рукоять крисножа. Пол приготовился отразить нападение, но старик прошептал:

— Мы пойдем с остальными.

Это была условная фраза проводника. Пол кивнул.

Радир повернулся и посмотрел на алтарь.

— Она идет с востока, — пели ученики, — и солнце стоит у нее за спиной. Ей все открыто. В блеске света ее взгляд ничего не пропустит: ни тьму, ни свет.

Стонущий звук музыкального инструмента заглушил пение и сам растворился в тишине. Толпа продвинулась вперед еще на несколько метров. Все сплотились в одну монолитную массу, окутанную удущивым воздухом, тяжелым от дыхания множества людей и запаха спайса.

— Шай-Хулуд пишет на чистом песке! — вскричали ученики.

Пол почувствовал, что у него, как и у всех окружающих, перехватывает дыхание. Из-за сверкающей двери негромко вступил женский хор: «Алия... Алия... Алия...» Пение становилось все громче и громче и вдруг неожиданно оборвалось.

Снова послышались негромкие голоса:

Она снимет все бури,

Ее взгляд убивает наших врагов

И карает неверующих.

От вершин Туско,

Где начинается рассвет

И откуда бежит чистая вода,

Видна ее тень.

В сверкающем летнем зное

Она служит нам хлебом и молоком -

Холодным, ароматным от спайса.

Глаза ее расплавляют наших врагов,

Карают наших угнетателей

И проникают во все тайны.

Она — Алия... Алия... Алия...

Голоса смолкли, постепенно замирая.

Пол почувствовал отвращение. «Что мы делаем? спросил он себя. — Алия — ребенок-колдуныня, но она становится старше. Становится старше, значит, становится злее».

Атмосфера храма терзала его душу. Он стоял, объединенный с толпой своей личной виной, которую никогда не сможет искупить. Огромность Вселенной за пределами храма заполнила его сознание. Как гложет один человек, один ритуал связать эту огромность в единый узел?

Пол вздрогнул.

Вселенная противостояла ему на каждом шагу. Она избегала его хватки, принимала бесчисленные формы, чтобы обмануть его. И эта Вселенная никогда не согласится с формой, которую он придает ей.

Шелест пробежал по залу.

Из тьмы за сверкающей радугой появилась Алия. На ней было желтое платье с зеленой оторочкой — цвета Атридесов. Желтый — солнечный свет, зеленый — смерть, производящая жизнь. Пол неожиданно почувствовал, что Алия появилась только ради него. Она была его сестрой. Он знал ее ритуал и его происхождение, но он никогда раньше не стоял в толпе пилигримов, глядя на нее их

глазами. И теперь, в этом загадочном месте, он понял, что она часть противостоящей ему Вселенной.

Ученники принесли ей золотую чашку. Алия приняла ее.

Частью своего сознания Пол знал, что в чаше неизменный меланж, слабый яд, усилитель пророческих способностей.

Глядя на чашу, Алия заговорила. Голос ее ласкал слух, от него распускалась душа.

— Вначале мы были пусты, — произнесла она.

— В нас не было знания, — подхватил хор.

— Мы не знали о Власти, живущей в любом месте, — говорила Алия.

— И в любом Времени, — пел хор.

— Это — Власть, — возвестила Алия, слегка приподняв чашу.

— Она приносит нам Радость, — ликовал хор.

«И уничтожение», — подумал Пол.

— Она пробуждает душу, — говорила Алия.

— И рассеивает все сомнения, — пел хор.

— В миру мы гибнем, — жаловалась Алия.

— Во Власти мы живем вечно, — утешал хор.

Алия поднесла чашу к губам и отпила.

К своему удивлению, Пол почувствовал, что затаил дыхание, как самый последний пилигрим в толпе. Хотя он по собственному опыту знал, что испытывает Алия, тау захватило его в свои сети. Он вспомнил, как яд проникает в тело. Память оживила мгновение, когда сознание становится пылинкой, изменяющей яд. Он снова пережил пробуждение в мире, где нет Времени, где возможно все. Он знал, что испытывает Алия, но понял, что это совсем не то; он не понимал ее чувств сейчас и не знал, как это происходит с ней. Загадка слепила ему глаза.

Алия задрожала и опустилась на колени.

Пол перевел дух вместе с освободившимися пилигримами. Завеса частично начала подниматься. Поглощенный видением, он забыл, что видение принадлежит тем, кто в пути, кто еще придет. В видении проходишь от несуществующей случайности. Томишься по абсолютам, которых нет.

Но при этом теряешь настоящее.

Алия качалась под действием измененного спайса.

Пол чувствовал, как с ним говорит нечто трансцендентальное: «Смотри! Видишь, на что ты не обращал внимания?» В это мгновение ему показалось, что через глаза других он видит ритм этого места, который не смог бы воспроизвести ни один художник или поэт. Жизнь и красота, сверкающий свет поглощал стремление к власти.

Алия заговорила. Ее усиленный голос гремел в храме.

— Сверкающая ночь! — воскликнула она.

Стон пронесся по толпе пилигримов. — Ничто не может скрыться в такой ночи! Что за свет во тьме? На нем невозможно остановить взгляд. Никакие слова не опишут его. — Голос ее стихал. — Остается пропасть. Она чревата всем будущим. Ах, какая нежная ярость!

Пол почувствовал, что ждет от сестры какого-то особого сигнала, тайного знака. Это могло быть действие или слово, какое-нибудь колдовство, мистический процесс, что-то стремящееся наружу изнутри, что придется ему впору, подойдет, как стрела к космическому луку. Ожидание этого дрожало в его сознании, как шарик ртути.

— Будет печаль, — продолжала Алия. — Напоминаю вам, что все сущее есть лишь начало, великое начало. Ждут миры, которые предстоит завоевать. Вы смеетесь над прошлым, а я говорю вам сейчас: внутри всех различий лежит единство.

Алия опустила голову. Пол еле сдержал крик разочарования: она не сказала того, чего он ждал. Тело его превратилось в сухую оболочку, пустую шелуху, сброшенную пустынными насекомыми.

Остальные испытывают то же самое, подумал он. Неожиданно где-то в толпе, слева от Пола, закричала женщина.

Алия подняла голову, и Пол испытал странное ощущение, будто между ними исчезло расстояние, будто он смотрит прямо в остекленевшие глаза в нескольких дюймах от него.

— Кто призывает меня? — спросила Алия.

— Я! — воскликнула женщина. — О, Алия, помоги мне. Говорят, мой сын убит на Муритане. Он умер? И я больше никогда не увижу своего сына?

— Ты пытаешься идти назад по песку, — заговорила нараспев Алия. Ничто не уходит. Всему свое время, все возвращается, но ты можешь не узнать вернувшегося.

— Алия, я не понимаю! — завывала женщина.

— Ты живешь в воздухе, но не видишь его, — резко сказала Алия. — Ты что, ящерица? В твоем голосе акцент Свободной. Разве Свободные стараются вернуть мертвых? Что нам нужно от наших мертвых, кроме их воды?

В центре храма мужчина в богатом красивом плаще поднял обе руки; рукава плаща спали, обнажая руки.

— Алия! — закричал он. — Мне сделали деловое предложение. Должен ли я его принять?

— Начало и конец едины! — отрезала Алия. — Разве я этого не говорила? Ты пришел сюда не для того, чтобы задать этот вопрос.

— Она сегодня чем-то разгневана, — пробормотала женщина неподалеку от Пола. — Видели ли вы ее когда-нибудь такой сердитой?

"Она знает, что я здесь, — подумал Пол. — Увидела ли она видение, которое рассердило ее? Или она сердится на меня??

— Алия, — обратился мужчина, стоявший непосредственно перед Полом. — Скажи этим бизнесменам и слабым сердцам, сколько будет править твой брат? — Предоставляю тебе самому заглянуть за сей угол! — сказала Алия. Твои предрассудки в твоем рту! Именно потому, что мой брат постоянно угощает песчаного червя хаоса, у вас есть крыша над головой и вода! Яростным жестом Алия запахнула платье, прошла через сверкающие полосы света и исчезла во тьме за экраном.

Ученники немедленно затянули очередное песнопение, но получалось у них вразнобой — они с трудом сохраняли ритм. Очевидно, их застигло врасплох неожиданное окончание обряда. Толпа зароптала. Пол чувствовал движение вокруг себя, беспокойное и неудовлетворенное.

— А все этот дурак со своим глупым вопросом, — пробормотала женщина рядом с Полом. — Лицемер!

Что увидела Алия? Какой след в будущем?

Что-то случилось здесь этой ночью, и это что-то нарушило обычное течение обряда. Ведь всегда толпа осаждала Алию своими жалкими вопросами. Люди приходили сюда, как просители приходят к оракулу. И Пол много раз слышал это, когда следил за обрядом, скрывшись во тьме за алтарем. Что же изменилось этой ночью, что произошло?

Старик Свободный потянул Пола за рукав, указывая на выход. Толпа уже начала продвигаться в том же направлении. Пол позволил толпе увлечь себя, чувствуя руку проводника у себя на рукаве. У него было такое ощущение, будто его тело стало вместилищем силы, которую он больше не контролирует. Он превратился в несущество, в неподвижность, которая движется. И это несущество вело его по тем же самим дорогам и улицам, таким знакомым ему по видениям, что сердце его замирало от боли.

«Я знаю, что видела Алия, — подумал он. — Я сам видел это много раз. Но она не заплакала... она тоже видела альтернативу».

Глава 17

«Рост производства и доходов не должен выходить из-под контроля в моей Империи. Такова суть моего приказа. Тогда не будет недоразумений между различными сферами влияния. И не будет потому, что я так приказываю. Я подчеркиваю свою власть в этой области. Я верховный поглотитель энергии и останусь таковым, живой или мертвый. Отсюда моя власть, и мое правление — это экономия».

Приказ Императора Пола Муад Диба в Совете.

— Я оставил тебя здесь, — сказал старик, снимая руку с рукава Пола. -Направо, вторая дверь с дальнего края. Иди с Шаи-Хулудом, Муад Диб... и помни, что некогда ты был Узулом.

Проводник Пола скользнул во тьму.

Пол знал, что поблизости ожидают люди из службы безопасности. Они обязательно схватят старика и отведут на допрос. Но Пол надеялся, что старик сумеет ускользнуть.

Над головой светили звезды, где-то за Защитной стеной вставала Первая луна. Но это место — не открытая пустыня, где по звездам можно определить путь. Старик привел его в новый пригород, уж это Пол распознал.

Улица была покрыта толстым слоем песка, нанесенного от близких дюн.

Ниже по улице горел единственный глоуглоб. Он давал достаточно света, чтобы разглядеть, что улица вела в тупик.

В воздухе стоял сильный запах от работающего дистиллятора. «Механизм плохо отлажен, и в воздух уходит слишком много влаги. Как беззаботны стали мои люди, — подумал Пол. — Они теперь водные миллионеры. Они уже забыли про те дни, когда на Арракисе человека могли убить из-за воды, содержавшейся в его теле».

«Почему я колеблюсь? — удивился Пол. — Вторая дверь с дальнего конца. Я знал это и без его слов. Но я должен действовать так, как будто мне ничего неизвестно... Да, но все же я колеблюсь...?

Неожиданно из дома слева послышался шум ссоры. Женщина бранила кого-то: она жаловалась, что новое крыло их дома пропускает пыль. Неужели он думает, что вода падает с неба? Если пыль входит, то влага выходит. «Некоторые еще помнят», — продумал Пол.

Он двинулся вниз по улице, и голоса ссорящихся постепенно затихли.

«Вода с неба!» — подумал он.

Некоторые Свободные видели это чудо на других мирах. Он сам видел это, но сейчас это воспоминание как будто принадлежало другому. Дождь так это называется. Неожиданно он вспомнил самые настоящие ливни на своей родной планете: густыми серые облака в небе Келадана, специфический предгрозовой запах озона во влажном воздухе, крупные капли дождя, падающие с неба. Вода потоками сбегает с крыш, потоки ее устремляются к реке, которая разбухает... разбухает... и течет, мутная, мимо их сада... влажные ветви деревьев тускло блестят.

Нога Пола увязла в небольшом наносе песка. На мгновение он вспомнил о противной грязи, которая прилипла к его подошвам в детстве. И снова похожее отвращение, снова он уже в песке, во тьме, полной пыли и ветра, с нависшим над ним угрожающим будущим. Он воспринимал сухость окружающей жизни как обвинение. Ты это сделал! Они стали цивилизацией рассказчиков и наблюдателей с сухими глазами, людей, которые все проблемы решают силой... еще большей силой... и еще большей... и при этом ненавидят каждого ее частицу.

Под ногами крупные камни. Его видение их помнит Справа возник темный треугольник двери — черное на черном, дом судьбы, дом Отейна, место, отличающееся от окружающего только тем, что его время... для какой-то нужной роли. Странное место, попадающее теперь в историю.

На его стук дверь приоткрылась. В щель проник тускло-зеленый свет из дворика. Выглянул карлик, похожий на гнома, — древнее лицо на детском теле, привидение, которое никогда раньше видения Пола не показывали.

— Значит, вы пришли, — сказало привидение. Гном отступил в сторону. В его манерах и тоне не было благоговения, только насмешка. — Входите! Входите!

Пол колебался. В видении карлика не было, но все остальное совпадало. Видения могут содержать какие-то несоответствия последующей действительности и все же в целом ей соответствовать. Но это отличие не сулило ему надежды. Он оглянулся на улицу, на жемчужину луны. Как, интересно,

она упадет?

— Входите! — повторил гном.

Пол вошел и услышал, как за ним плотно закрылась дверь. Гном прошел вперед, указывая путь. Его большие ступни шлепали по полу. Он открыл решетчатую дверь, ведущую в крытый дворик, и сделал приглашающий жест.

— Они ждут вас, сир.

«Сир, — подумал Пол. — Он знает, кто я».

Прежде чем Пол сумел обдумать это открытие, карлик ускользнул в боковой коридор. Надежда, как легкий ветерок, веяла внутри Пола. Он вышел во двор. Это было темное и угрюмое место, с запахом болезни и поражения. Эта атмосфера тяготила его. А избрать меньшее зло — это было бы поражением или нет? Как далеко зашел он по этому пути?

Через узкую дверь в противоположной стене хлынул свет. Не обращая внимания на недобрые, злые запахи и на то, что за ним наблюдают, Пол вошел через эту дверь в маленькую комнату. Даже по стандартам Свободных она была бедной. Занавеси закрывали лишь две стены. Напротив двери, под более богатой занавесью, сидел на подушке человек; в тени слева виднелась женская фигура.

Пол чувствовал, что видение поймало его. Все совпадало. А как же карлик? Что делать с этим различием?

Он осмотрел всю комнату. Несмотря на бедную обстановку, видно было, что комнату прибрали. Крюки на голых стенах говорили о том, что и здесь когда-то были занавеси. Пол напомнил себе, что пилигримы платят большие деньги за подлинные вещи Свободных. У богатых пилигримов особенным сокровищем считаются занавеси — знак того, что ими был совершен хаджж.

Пол чувствовал, что эти голые стены как бы осуждают его своей пустотой. Жалкое состояние двух оставшихся занавесей усиливало чувство вины. Всю стену справа занимала узкая ниша. В ее глубине виднелся ряд портретов — большей частью бородатые Свободные, некоторые в стилсютах со свисающими трубками, некоторые в официальных мундирах Империи, армейских мундирах, на фоне экзотического окружения. Чаще всего на заднем фоне было море.

Свободный на подушке кашлянул, привлекая внимание Пола. Это был Отейн, точно такой же, как и в видении: большой нос, деливший его лицо надвое, тонкая шея, казавшаяся слишком слабой для такой большой головы. Правая щека под заплывшим, слезящимся глазом покрыта сетью шрамов, взгляд синих-в-синем глаз цепкий, пристальный. Взгляд Свободного.

Подушка Отейна лежала на старом, коричневом, с еще сохранившимися золотистыми нитями, ковре. По такой вытертой подушке можно было судить о многом, но каждый металлический предмет вокруг сидящей фигуры был отполирован до блеска. Рамы портретов, крюки, поручни полок, расположенных в нише, подножие какого-то низкого столика справа.

Пол кивнул здоровой половине лица Отейна и сказал:

— Доброй удачи тебе и твоему жилищу.

Так приветствовали друг друга старые друзья по съетчу.

— Итак, я снова вижу тебя, Узул.

Голос, произнесший его племенное имя, по-стариковски дрожал. Заплывший глаз на изуродованной половине лица чуть шевельнулся среди шрамов и пергаментной кожи. Подбородок зарос густой седой щетиной. Рот Отейна, когда он говорил, подергивался, обнажая металлические зубы.

— Муад Диб всегда отвечает на призыв федайкина, — сказал Пол.

Женщина, сидевшая в углу, шевельнулась и сказала:

— Так хвастает Стилгар.

Она вышла на свет — постаревшая копия Лачмы, которую изображал лицевой танцор. Пол вспомнил, что у Отейна были замужние сестры. Волосы у женщины были седые, нос острый, на пальцах мозоли от прядения. В дни съела женщина-Свободная с гордостью показала бы эти мозоли, а эта, увидев, что он смотрит на ее руки, спрятала их в складках своего выцветшего синего платья.

Пол вспомнил ее имя — Дхури. Его поразило, что он помнил ее ребенком, а не такой, как в видении этих моментов. Даже ребенком она говорила умным голосом.

— Вы видите меня здесь, — возразил Пол. — А разве я пришел бы сюда без согласия Стилгара? — Он повернулся к Отейну. — Я несу твою ношу воды, Отейн. Приказывай.

Так обращались Свободные к братьям по съетчу.

Отейн кивнул трясущейся головой, поднял левую руку и указал на свое обезображенное лицо.

— Эту заразу я подцепил на Тарахолле, Узул. Сразу после победы, когда мы... — он захлебнулся в судорожном кашле.

— Племя скоро заберет его воду, — сказала Дхури. Она подошла к Отейну, поправила подушку и придержала его за плечо, пока кашель не успокоился. Пол видел, что она еще не стара, но несбывшиеся надежды состарили ее лицо, а в глазах была горечь.

— Я вызову докторов, — сказал Пол.

Дхури обернулась.

— У нас были лучшие доктора, — и она бросила невольный взгляд на голые стены.

«И стоили они немало», — подумал Пол.

Он чувствовал раздражение, видение сковывало его, но все же были мелкие отличие. Как их использовать? Пряди Времени вышли из своего мотка пряжи со слабыми изменениями, но его ткань была удручающе одинакова. Он с ужасающей ясностью понял, что если бы попытался нарушить складывающийся узор, то открыл бы дорогу страшному насилию. Власть обманчиво мягкого потока времени угнетала его.

— Что я могу для тебя сделать? — спросил Вол.

— Разве не может быть, чтобы Отейн нуждался в такое время в друге? спросила Дхури. — Неужели федайкин должен доверить воду своего тела чужим? «Мы вместе жили в съетче Табр, — напомнил себе Пол. — Она имеет право так говорить».

— Я сделаю все, что смогу, — пообещал Пол.

Новый приступ кашля сотряс старика. Когда приступ кончился, Отейн, задыхаясь, проговорил:

— Предательство, Узул. Свободные организовали против тебя заговор. Губы его некоторое время двигались беззвучно, с уголка рта капнула слюна. Дхури вытерла ему губы краем платья, и Пол заметил, что она сердится из-за такой бесполезной тряты жидкости.

Гнев и скорбь охватили Пола. «Федайкин заслуживает лучшего!» Но выбора не было — ни у Императора, ни у его смертника. Они оба шли по лезвию клинка. Малейший неверный шаг многократно усиливал ужасы — не только для них, но и для всего человечества.

Пол заставил себя успокоиться и посмотрел на Дхури. Выражение страдания и сочувствия, с каким она смотрела на Отейна, придало Полу сил. «Чани никогда не должна смотреть на меня вот так», — сказал он себе.

— Лачма говорила о сообщении, — напомнил Пол.

— Мой карлик! — спохватился Отейн. — Я купил его на... на планете... забыл. Он человеческий дистранс, игрушка, созданная тлейлаксу. Он записал имена всех предателей.

Отейн замолчал, весь дрожа.

— Ты говоришь о Лачме, — сказала Дхури. — Когда ты пришел, мы поняли, что она благополучно добралась до тебя. Если ты не забудешь об ответственности, которую возложил на тебя Отейн, то Лачма — главное. Равный обмен, Узул: возьми гнома и жди.

Пол закрыл глаза, сдерживая дрожь. Лачма! Настоящая их дочь погибла в пустыне — тело, отданное песку и ветру.

Открыв глаза, Пол сказал:

— Вы могли бы в любое время обратиться ко мне за...

Дхури не дала Полу договорить:

— Отейн держался в стороне, чтобы те, кто ненавидит тебя, Узул, считали его своим. Дом к югу от нас, в конце улицы, — место встречи твоих врагов. Поэтому мы и живем здесь.

— Тогда позови карлика, и мы пойдем, — сказал Пол.

— Ты плохо слушал, — огорчилась Дхури.

— Карлика ты должен увести в безопасное место, — со странной силой в голосе сказал Отейн. — Только он знает заговорщиков. Никто не подозревает о его способности. Думают, что я держу его для забавы.

— Мы не можем уйти, — сказала Дхури. — Ты и карлик... только вы. Все знают, как мы бедны. Мы сказали, что продадим карлика. Тебя примут за покупателя. Это твой единственный шанс.

Пол справился со своим видением: в нем он уходил, зная имена предателей, но не зная, кто их сообщил. По-видимому, гном находится под защитой другого оракула. И Полу пришло в голову, что все несут свою судьбу в самих себе. С того момента, как джихад избрал его, он ощущал себя запутавшимся в огромной сети. Цели и судьбы миллионов удерживали его и вели. Представление о свободной воле — иллюзия. Каждый человек — пленник в клетке. Беда Пола была в том, что он видел эту клетку.

Он вслушался в пустоту дома. В нем лишь они четверо: Отейн, Дхури, карлик и он сам. Он ощутил страх и напряжение хозяев, почувствовал наблюдателей, свои собственные силы безопасности в топтерах вверху... и тех, других... за следующей дверью.

«Я напрасно надеялся», — подумал Пол. Но эта мысль почему-то снова вернула ему надежду, и он почувствовал, что еще может ухватить момент.

— Позови карлика, — сказал он.

— Биджаз! — позвала Дхури.

— Вы меня звали? — Карлик вошел в комнату с обеспокоенным выражением на лице.

— У тебя теперь новый хозяин, Биджаз, — сказал Дхури и посмотрел на Пола. — Ты можешь называть его... Узул.

— Узул — основание столба, — перевел Биджаз. — Как может Узул быть основанием, когда самое основательное живое существо — это я?

— Он всегда говорит в такой манере, — извинился Отейн.

— Я не говорю, — возразил Биджаз. — Я оперирую машиной, называемой языком. Она стонет и хрюпит, но у меня другой нет.

«Игрушка тлейлаксу», — подумал Пол. — Бене планеты Тлейлакс ничего не делает зря». Он обернулся, изучая карлика. Круглые меланжевые глаза встретили его взгляд.

— Какие у тебя еще таланты, Биджаз? — спросил Пол.

— Я знаю, когда нужно уходить, — ответил биджаз. — Мало кто из людей обладает таким талантом. Есть время для конца, а есть для начала. Сейчас хорошее начало. Пойдем же, Узул.

Пол еще раз вспомнил видение: никакого гнома, но слова маленького человечка соответствовали всему остальному.

— У двери ты назвал меня «сир». Значит, ты меня знаешь?

— Да, сир, — сказал Биджаз. — Вы гораздо больше, чем Узул. Вы -Император Атридес, Пол Муад Диб. И вы мой палец. — Он поднял указательный палец правой руки.

— Биджаз — воскликнула Дхури. — Ты испытываешь судьбу!

— Я искушаю мой палец, — возразил Биджаз писклявым голосом. Он указал на Пола. — Я указываю на Узула. Разве мой палец — не Узул? Или он отражение чего-то более основательного? — Он поднес палец к глазам и осмотрел его с насмешливой улыбкой, сначала с одной стороны, потом с другой. — Просто палец!

— Он часто так болтает, — обеспокоенно сказала Дхури. — Я думаю, поэтому-то тлейлаксу его и бросили.

— Вот у меня и новый хозяин, — проговорил Биджаз. — Как странно действует мой палец. — Необычно яркими глазами он посмотрел на Отейна и Дхури. — Нас мало что связывает, Отейн. Несколько слезинок, и мы расстанемся. — Большие ступни гнома зашлепали по полу, он повернулся кругом и стал лицом к Полу. — Ах, хозяин! Как долго я шел, чтобы отыскать вас!

Пол кивнул.

— Вы будете добры ко мне, Узул? — спросил Биджаз. — Вы знаете, я ведь личность. Личности бывают разных форм и размеров. Я слаб мышцами, но силен ртом. Меня дешево накормить, но дорого наполнить. Опустоши меня, но во мне все равно останется больше, чем в меня вложили люди.

— Сейчас не время для твоих глупых загадок, — проворчала Дхури. — Вам нужно идти.

— Я доверху набит догадками, — сказал Биджаз, — и не все они глупые. Идти — значит, становиться прошлым, так, Узул? Пусть прошлое будет прошлым. Дхури говорит правду, а у меня есть талант слушать.

— У тебя есть чувство правды? — спросил Пол, решив ждать полного совпадения с видением. Все, что угодно, только бы не разбить этот момент и не вызвать новые последствия. Отейн должен был еще кое-что сказать, иначе Время устремится по гораздо более ужасной тропе.

— У меня есть чувство «сейчас», — ответил Биджаз.

Пол заметил, что гном начал нервничать. Знает ли маленький человечек о том, что должно произойти? Возможно, он сам оракул.

— Ты спрашивала о Лачме? — спохватился Отейн и уставился на Дхури единственным здоровым глазом.

— Лачма в безопасности, — ответила Дхури.

Пол опустил голову, чтобы выражение лица не выдало его. «В безопасности! Лачма — прах в тайной могиле».

— Это хорошо, — сказал Отейн, приняв опущенную голову Пола за кивок согласия. — Одно хорошее дело среди сотен злых, Узул. Знаешь, мне не нравится мир, который мы создали. Когда мы были одни в пустыне и у нас был только один враг — Харконнены, то было лучше.

— Лишь тонкая линия отделяет многих врагов от многих друзей, — сказал Биджаз. — И там, где кончается эта линия, нет ни начала, ни конца. Закончим ее, друзья мои! — Он приблизился к Полу, подскакивая то на одной, то на другой ноге.

— Что такое чувство «сейчас»? — спросил Пол, затягивая мгновения, пугая этим гнома.

— Сейчас! — сказал Биджаз, дрожа. — Сейчас — это сейчас! — И он потянул Пола за собой. — Идем сейчас!

— Рот его полон загадок, но в них нет вреда, — сказал Отейн, глядя на гнома.

— Даже загадка может означать уход, — ответил гном. — И слезы тоже. Идем, пока еще есть время начать.

— Биджаз, чего ты боишься? — спросил Пол гнома.

— Я боюсь духа, который ищет меня сейчас, — пробормотал Биджаз. На лбу у него выступил пот, лицо задергалось. Я боюсь того, кто не думает и не имеет другого тела, кроме моего. Я боюсь того, что вижу, и того, что не вижу!

“Гном обладает способностью к предвидению, — подумал Пол: — Биджаз разделяет ужасающие видения, разделяет ли он и судьбу оракула? Как велика сила гнома? Может, у него небольшие возможности, как у тех, кто возится с таротом Дюны? Или значительно большие? Что он видел??

— Вам лучше идти, — сказала Дхури. — Биджаз прав. — Каждая минута нашей задержки, — сказал Биджаз, — продлевает... продлевает настоящее.

«Каждая минута задержки откладывает возмездие», — подумал Пол. Ядовитое дыхание червя, его зубы, покрытые песком, пронеслись над ним. Это произошло давно, но теперь он вдруг это вспомнил. Он чувствовал, как ищет его червь — «урна пустыни».

— Беспокойные сейчас времена, — сказал он, обращаясь к Отейну.

— Свободные знают, как поступать во времена беспокойств, — произнесла Дхури.

Отейн кивнул трясущейся головой в знак согласия.

Пол взглянул на Дхури. Он не ожидал благодарности, она тяготила бы его еще больше, но горечь

Отейна и страстное негодование в глазах Дхури пошатнули его решимость. Есть ли на свете что-нибудь, достойное такой цены?

— Задержка не принесет пользы, — сказала Дхури.

— Делай то, что дожило, Узул, — взвизгнул Отейн.

Пол вздохнул, слова видения произнесены.

— Расчет... будет, — сказал он, чтобы завершить видение. Повернувшись, он вышел из комнаты. За ним плелся гном.

Глава 18

?Запутанные формулировки законов предназначены для того, чтобы скрыть от нас насилие, которое мы применяем по отношению друг к другу. Между отнятием у человека одного часа жизни и отнятием всей жизни разница лишь в степени. Вы совершили над кем-то насилие, поглотили его энергию. Сложные эвфемизмы способны скрыть ваше намерение убить, но за всяким применением власти всегда стоит следующее положение: «Я питаюсь твоей энергией».

Приложение к приказу в Совете Императора Пола Муад Диба.

Первая луна стояла высоко над городом, когда Пол, активировав защитное поле, вышел из тупика. Ветер мел песок и пыль на узкой улице, заставив Биджаза заморгать и закрыть глаза рукой.

— Мы должны торопиться, — бормотал гном. — Торопиться! Торопиться!

— Ты чувствуешь опасность?

— Я знаю опасность!

Неожиданное ощущение очень близкой опасности почти немедленно сопроводилось появлением фигуры из ближайшей двери.

Биджаз скорчился и захныкал.

Но это был всего лишь Стилгар, двигавшийся как боевой таран — головой вперед, ноги его прочно ступали по земле.

Пол быстро объяснил ценность гнома и передал Биджаза Стилгару. Видение разворачивалось с ужасающей быстротой. Стилгар заторопился прочь, уводя с собой Биджаза. Пола окружили любимые охранники. Раздались слова команды, группа направилась к соседнему от Отейна дому. Люди повиновались торопливо, бесшумные тени среди ночных теней.

«Новые жертвы», — подумал Пол.

— Они нужны нам живыми, — прошипел один из офицеров. Звуки из видения эхом отразились в ушах Пола. Кругом были солдаты армии Императора, в небе летали орнитоптеры. Видение полностью совпадало с реальностью — один к одному...

Мягкий свист перекрыл другие звуки, постепенно перейдя в рев. Занялось сияние, которое скрыло звезды, поглотило луну.

Пол, зная этот звук и сияние по своим ранним видениям, испытал странное чувство свершения. Все шло, как и должно было идти.

— Прожигатель камня! — закричал кто-то.

— Прожигатель камня! — крики слышались теперь отовсюду. — Прожигатель камня... прожигатель камня...

Как и следовало, Пол закрыл лицо руками и упал в канаву, но было уже слишком поздно.

На месте дома Отейна стоял огненный столб, ослепительный фонтан пламени вздыпался к небу. Он ярко высветил силуэты борющихся и бегущих людей, уходящие с сильным креном орнитоптеры.

Для всех нападающих было уже поздно.

Земля под Полом стала горячей Он слышал, как звуки бега затихают. Люди вокруг него попадали на землю. Все они понимали, что бежать нет смысла. Первый вред уже причинен, а теперь они должны ждать, пока не кончится энергия камня. Радиация уже пронизала их тела, и ее действие начинало сказываться. Теперь оставалось только ждать, и тогда выяснятся намерения людей, использовавших прожигатель камня и тем самым нарушивших Великий Запрет.

— Боги... прожигатель камня... — простонал кто-то. — Я... не хочу... ослепнуть.

— А кто хочет?! — послышался резкий голос другого солдата чуть дальше по улице.

— Тлейлаксу пришлют нам глаза, — проворчал кто-то вблизи Пола. — А теперь замолчите и ждите!

Они ждали.

Пол молчал, думая о последствиях применения такого оружия. Если топлива много, оно прожжет всю планету. Расплавленное ядро Дюны расположено глубоко, но в этом кроется и особая

опасность. Прожигатель камня может высвободить такие силы, которые уничтожат всю планету, разбросав в пространстве ее безжизненные осколки.

— Мне кажется, он затихает, — проговорил кто-то.

— Просто ушел глубже, — предупредил Пол. — Оставайтесь на месте. Стилгар пришлет помошь.

— Стилгар уцелел?

— Да.

— Земля очень горячая, — пожаловался кто-то из солдат.

— Как они посмели использовать атомное оружие! — протестовал другой. — Звук стихает, — сказал кто-то дальше по улице.

Пол, не обращая внимания на эти слова, кончиками пальцев трогал землю. Глубоко внизу он чувствовал дрожь.

— Мои глаза! — закричал кто-то. — Я ничего не вижу!

«Он был ближе, чем я», — подумал Пол. Он еще слабо видел конец тупика, с трудом поднимая голову, хотя все затягивал туман. Красно-желтое сияние виднелось на месте дома Отейна и соседних домов. Обломки других зданий казались черными на фоне багрового свечения.

Пол поднялся на ноги. Он чувствовал, как умирает прожигатель камня. Наступила тишина. Тело было влажным от пота; даже стискнутые не смог поглотить обильное выделение влаги. В воздухе, попадавшем в легкие, чувствовался жар и запах серы.

Пол всматривался в начинаящих вставать солдат, и туман в его глазах неожиданно сменился чернотой. Он призвал на помощь оракульное видение этого момента, повернулся и пошел по тропе, проложенной для него Временем, вживаясь в видение, чтобы оно не ушло. Он чувствовал, как совпадает реальность с предвидением.

Вокруг слышались стоны: люди начали осознавать свою слепоту.

— Держитесь! — крикнул Пол. — Помощь близка! — И так как жалобы продолжались, он добавил:
— С вами Муад Диб! Я приказываю вам держаться! Помощь приближается!

Молчание...

Затем, как и в видении, ближайший к Полу солдат сказал:

— Это действительно наш Император? Кто из вас видит? Скажите мне.

— Никто из них не видит, — сказал Пол. — Они забрали мои глаза, но не мое видение. Я вижу вас вокруг себя, вижу обгорелую стену дома. Не бойтесь ничего и ждите. Стилгар с друзьями уже спешит к нам на помощь.

Все громче и громче слышались звуки топтеров, топот быстрых шагов. Пол видел, как приближаются друзья, видел в видении и слышал в реальности. — Стилгар! — закричал Пол, размахивая рукой. — Сюда!

— Слава Шаи-Хулуду! — воскликнул Стилгар, подбегая к Полу. — Вы не... — В наступившей тишине видение показало Полу, как Стилгар с выражением боли глядит на мертвые глаза своего друга и Императора. — О, милорд, простонал Стилгар. — Узул... Узул... Узул...

— Что с прожигателем камня? — закричал кто-то из вновь прибывших.

— Он выдохся, — ответил Пол, возвышая голос. — Сейчас займитесь теми, кто был ближе всех. Поставьте оцепление. Живее! — Он повернулся к Стилгару.

— Вы видите, милорд? — удивленно спросил Стилгар. — Как вы можете видеть?

Пол коснулся щеки Стилгара и почувствовал слезу.

— Не нужно отдавать мне влагу, старый друг. Я не мертв. — Но ваши глаза!

— Они ослепили мое тело, но не мое видение. Ах, Стил, я живу в апокалиптическом сне. Мои шаги совпадают с ним по-прежнему точно, и больше всего я боюсь, как бы мне не наскучило это совпадение реальности с видением.

— Узул, я не...

— И не пытайся понять, Стилгар, просто прими все как есть. Я в мире за этим миром. Для меня все миры одинаковы. Меня не нужно вести. Я вижу вокруг себя каждое движение. Вижу смену выражений на твоем лице. У меня нет глаз, но я вижу.

Стилгар покачал головой.

— Сир, мы должны скрыть ваше несчастье, пока...

— Мы ничего не скроем, — возразил Пол.

— Но закон...

— Мы сейчас живем по закону Атридесов, Стил. Закон Свободных о том, что слепых следует оставлять в пустыне, применим только к слепым. Я не слеп. Я вижу в цикле бытия, которое есть арена борьбы добра со злом. Мы сейчас на изломе веков, и у каждого из нас своя роль.

В наступившей тишине Пол слышал, как мимо него провели одного из раненых.

— Ужасно! — стонал раненый. — Какой адский огонь!

— Никого из этих людей не должны отправить в пустыню, — сказал Пол. -Ты слышал меня, Стил?

— Я слышал, милорд.

— Всем им предоставь новые глаза за мой счет.

— Будем сделано, милорд.

Уловив в голосе Стилгара благоговейный страх, Пол сказал:

— Я буду в командном топтере. Прими командование здесь.

— Да, милорд.

Обойдя Стилгара, Пол пошел вниз по улице. Видение подсказывало ему каждое движение, каждую неровность под ногами, каждое встречное лицо. Он на ходу отдавал распоряжения, указывая на людей из своей свиты, называя их по именам, подзывал к себе тех, кто составлял костяк управления. Он чувствовал, как окружающих охватывает ужас, слышал испуганный шепот:

— Его глаза!

— Но он посмотрел на тебя и назвал по имени!

У командного топтера он деактивировал свое защитное поле, забрался в машину и взял микрофон из рук изумленного офицера связи, после чего отдал ряд коротких команд и вернул микрофон офицеру. Обернувшись, Пол подозревал специалиста по вооружению, одного из представителей нового поколения специалистов по энергетике, которое лишь смутно помнило жизнь в съетче.

— Они использовали прожигатель камня, — сказал Пол.

После короткой паузы человек ответил:

— Мне так и говорили, сир.

— Вы, конечно, знаете, что это означает?

— Топливо могло быть только ядерным, сир.

Пол кивнул, думая о том, как быстро работает человеческий мозг. Великая Конвенция запретила применение такого оружия. Нарушителей обрушится объединенный удар Великих Домов. Старая вражда будет забыта перед лицом этой угрозы, и вновь оживут древние страхи.

— Должны остаться какие-то следы, — сказал Пол. — Соберите нужное оборудование и найдите место, где был изготовлен прожигатель камня.

— Слушаюсь, сир. — Бросив на него последний испуганный взгляд, человек отошел.

— Милорд, — вмешался связист, сидевший сзади. — Ваши глаза...

Пол молча снова отобрал у него микрофон и набрал личный код.

— Вызовите Чани, — приказал он. — Скажите ей... скажите, что я жив и скоро буду.

«Силы собираются», — подумал он. И почувствовал, как силен запах страха вокруг него.

Глава 19

?Он ушел от Алии,
Небесного чрева!
Святой, Святой, Святой...
Охваченный огнем песок
Противостоит нашему господину.

Он видит без глаз!
В нем живет демон!
Святое, святое, святое Уравнение!
Он решил его самопожертвованием".
«Луна падает». Песнопение о Муад Дибе.

После нескольких дней сумасшедшей деятельности крепость постепенно замерла в противоестественном спокойствии. Этим утром она вся была заполнена людьми, но они разговаривали шепотом, придинув друг к другу головы, и ходили неслышно. Некоторые явно торопились, но выглядело это неестественно и уклончиво. Отовсюду собирались стражники, вызывая хмурые недоуменные взгляды новообращенных. Видя, что стражники вооружены до зубов, вновь прибывающие быстро улавливали общее настроение и тоже начинали двигаться незаметно, будто украдкой.

Повсюду слышались разговоры о прожигателе камня:

- Он говорил, что пламя было сине-зеленым и пахло адом.
- Эльпа глупец. Говорит, что скорее покончит с собой, чем примет глаза от тлейлаксу.
- Мне не нравятся разговоры об этих глазах!
- Муад Диб проходил мимо и окликнул меня по имени.
- Как Он видит без глаз?
- Ты слышал, многие уходят? Все в страхе. Наибы говорят, что соберутся в съетче Макаб на Большой Совет.
- А что они сделали с панегиристом?
- Я видел, как его провели в комнату, где совещаются наибы. Ты только представь себе: Корба — пленник!

Чани проснулась рано, разбуженная тишиной в крепости. Проснувшись, она увидела, что рядом сидит Пол. Его глазницы были обращены куда-то в даль, за пределы их спальни. Ожоги вокруг пустых глазниц были залечены. Инъекции и мази заживили плоть, но Чани чувствовала, что радиация проникла глубже.

Она ощущала сильный голод. Рядом с постелью стояла еда — спайсовый хлеб, сыр.

Пол жестом указал на пищу.

- Любимая, ты должна много есть! Поверь мне!

Чани едва сдержала дрожь, когда он обратил на нее свои пустые глазницы. Она уже перестала спрашивать у него объяснения. Он отвечал так странно: "Я крещен в песке, и это стоило мне гибкости и веры. Кто теперь будет торговать верой? А кто — покупать??

Что он хотел сказать этими словами? Он отказался даже обсуждать глаза тлейлаксу, хотя, не считаясь с расходами, купил их для всех, кто разделил его несчастье.

Удовлетворив голод, Чани выскользнула из постели, оглянулась на Пола и заметила, как он устал. Угрюмые морщины окружают его рот. Темные волосы взлохматились после сна, который не принес облегчения. Он казался таким опустошенным и далеким. Она заставила себя отвернуться, прошептав:

— Любимый... любимый...

Он наклонился к ней, уложил на кровать и поцеловал в щеку.

— Скоро мы вернемся в нашу пустыню, — прошептал он. — Осталось сделать немногое.

Она вздрогнула от чувства бесповоротности в его голосе.

Он обнял ее еще крепче и пробормотал:

— Не бойся меня, моя Сихайя. Забудь загадку и прими любовь. В любви нет загадки. Любовь приходит от жизни. Ты чувствуешь это?

— Да.

Она прижала ладонь к его груди, считая удары сердца. Его любовь взывала к ее душе, душе Свободной. Его магнетическая власть окутала ее.

— Обещаю тебе, любимая, — сказал он, — наш сын будет править такой Империей, в сравнении с которой моя теперешняя — ничто. Такое величие, такие достижения искусства...

— Мы сейчас здесь! — возразила она, сдерживая сухие рыдания. — И... я чувствую, что у нас осталось так мало... времени.

— Перед нами вечность, любимая.

— У тебя, может быть, и вечность. У меня не только «сейчас».

— Но «сейчас» это и есть вечность. — Он провел рукой по ее волосам.

Она прижалась к нему, коснулась губами шеи. От легкого давления в ее чреве зашевелился ребенок, и она ощущала его движения.

Пол тоже почувствовал это. Он положил руку ей на живот и сказал:

— Маленький правитель Вселенной, подожди своего часа. Это мгновение принадлежит мне.

Она удивилась, почему он всегда говорит о жизни в ней в единственном числе. Сказали ли ему врачи? Она порылась в памяти, удивляясь тому, что это обстоятельство никогда не обсуждалось ими. Он, конечно, знает, что она носит двоих. Она поколебалась, надо ли говорить об этом. Он должен знать. Он знает все. Его руки, его рот — все в нем знает ее.

Она сказала:

— Да, любимый. Это вечность... она реальна.

И плотно закрыла глаза, чтобы при виде его пустых глазниц ее душа не переселилась из рая в ад.

Когда они начали одеваться, она сказала:

— Если бы только люди знали силу твоей любви...

Но его настроение уже изменилось.

— Нельзя строить политику на любви, — сказал он. — Людей не устраивает любовь, она слишком беспорядочна, они предпочитают деспотизм. Слишком большая свобода порождает хаос. Мы не можем допустить этого. А как сделать, чтобы деспотизм внушал любовь?

— Ты не деспот, — возразила она, завязывая шарф. — Твои законы справедливы.

— Ах, законы, — повторил он. Потом подошел к окну отдернул занавеси, будто бы собираясь выглянуть наружу. — Что такое законы? Контроль? Закон процеживает хаос, и что же после этого остается? Ясность? Закон — наш высший идеал и основа нашей природы. Не нужно слишком пристальноглядываться в закон. Сделай это, и увидишь рационализированные интерпретации, узаконенную софистику. Убеждения, основанные на precedente. Найдешь ясность, которая по сути всего лишь другое наименование смерти. Чани плотно сжала рот. Она не могла отрицать его мудрость и проницательность, но такие настроения пугали ее. Он погрузился в себя, и она чувствовала его внутреннюю борьбу. Как будто он взял изречение Свободных «Никогда не прощать, ничего не забывать» и погрузился в него целиком.

Она подошла к нему вплотную. Вечерний закат причудливо разукрасил небо золотом и багрянцем. Холодный верховой ветер, несущий с собой фонтаны пыли, разбивался о Защитную стену.

Пол почувствовал рядом с собой тепло Чани. Мгновенно он набросил покрывало забытья на свое видение. Просто стоял, ни о чем не думая, но время откладывалось остановиться. Он вдохнул тьму, беззвездную, бесследную. Слепота поглотила его, осталось лишь удивление перед звуками, составляющими Вселенную. Все вокруг него опиралось на единственное чувство — слух и оживало лишь тогда, когда он касался осязаемых предметов занавеси, руки Чани... Он поймал себя на том, что вслушивается в дыхание Чани.

«В чём же вина того, что только вероятно?» — спросил он себя. Его мозг нес в себе огромное количество воспоминаний о несбывшемся. Ведь каждое мгновение реальности имеет бесчисленные проекции, мгновения, которым не суждено осуществиться. Он помнил это несбывшееся прошлое, и тяжесть воспоминания угрожала поглотить его настоящее.

Чани опиралась на его руку.

Он чувствовал ее тело — мертвое тело, уносимое водоворотом Времени. Воспоминание о вечности захватило его целиком. Видеть Вечность — значит быть открытым для ее капризов, быть угнетенным ее бесконечными измерениями. Личное бессмертие оракула требовало расплаты: прошлое и будущее совмещались во времени.

Снова из темной ямы поднялось видение. Оно было его глазами. Оно двигало его мышцами. Оно вело его в следующий момент, в следующий час, в следующий день... пока он не почувствует, что он здесь!

— Пора идти, — сказала Чани. — Скоро Совет...

— Алия займет мое место.

— Она знает, что надо делать?

— Знает.

День Алии начинался со смены караула во дворце, под ее окнами. Сегодня она увидела там смятение, услышала многоголосый неразборчивый гул. Картина прояснилась, когда она разглядела узника, которого привела охрана. Это был панегирист Корба.

Она проделала утренний туалет, изредка подходя к окну и разглядывая Корбу. Она пыталась вспомнить его как грубого бородатого командира третьей волны в битве под Арракином. Это ей не удавалось. Корба стал теперь круглым толстяком, одетым в дорогой костюм из паратского шелка. Видны были тщательно отглаженные бриджи и нижнее платье, все в золоте и драгоценностях. Пурпурный пояс опоясывал талию. Рукава, просовывающиеся в специальные прорези верхнего платья, ниспадали вниз пышными складками темно-зеленого и черного бархата.

Несколько наибов вышли взглянуть на обращение со Свободным. Их появление вызвало шум, так как Корба начал кричать, что он невиновен. Алия всматривалась в лица Свободных, пытаясь вспомнить, какими они были раньше. Настоящее заслоняло прошлое. Все они стали гедонистами, позволявшими себе удовольствия, какие обычный человек даже не мог бы себе представить.

Она видела, что их беспокойные взгляды часто останавливаются на дверях зала, где должен был происходить Совет. Они думали о слепом, но видящем Муад Дибе, о новом проявлении его чудесной силы. По их закону слепой должен быть оставлен в пустыне, где свою воду он отдаст Шаи-Хулуду. Но безглазый Муад Диб видел. Им не нравилось, здание, они чувствовали себя в нем, как в ловушке. Дай им пещеру в скале, там они вздохнут свободно, но не здесь, где их ждет новый Муад Диб.

Собираясь идти на Совет, Алия заметила на столе письмо — последнее письмо от матери. Несмотря на особое уважение, которым пользовался Келадан как место рождения Пола, леди Джессика подчеркивала свое нежелание превращать планету в место паломничества.

“Несомненно, мой сын — эпохальная фигура в истории, — писала она, но это не повод для вторжения толпы...?

Алия коснулась письма, испытывая странное чувство взаимного контакта. Эту бумагу держала в руках ее мать. Такое архаическое изобретение, как переписка, содержит в себе нечто глубоко личное. Письмо не может заменить ни один другой текст. Написанное на боевом языке Атридесов, письмо Джессики представило собой почти непроницаемое средство сохранения тайны переписки.

Мысль о матери, как всегда, вызвала у Алии внутреннюю расплывчатость. Спайсовое изменение, смешавшее души матери и дочери, заставляло ее иногда думать о Поле, как о сыне, которому она дала жизнь. Это же единство представляло ей собственного отца, как возлюбленного. Призрачные тени, люди, вероятности беспорядочно метались в ее сознании.

По пути в комнату, где ее ждала охрана из амazonок, Алия перечитала письмо.

«Вы породили гибельный парадокс, — писала леди Джессика. Правительство не может быть религиозным и в то же время деспотичным. Религиозный опыт требует самопроизвольности, закон же исключает ее. Вы не умеете управлять, не опираясь на закон, и ваши законы постепенно вытесняют мораль, совесть и даже религию. Я предвижу день, когда место веры займут ее символы и на смену молитве придет ритуал. А между тем правительство есть интеллектуальный механизм, подверженный сомнениям, ищущий ответа на вечные вопросы бытия».

Аромат спайсового кофе встретил Алию в приемной. Четыре амазонки в зеленых мундирах вскочили при ее появлении и пошли за ней, чеканя шаг. У них были лица посвященных, не знающих страха. Они излучали особую, присущую только Свободным, ярость, они могли бы убить, не испытывая жалости или чувства вины.

«В этом я не похожа на них, — подумала Алия. — На имени Атридесов достаточно грязи и без этого».

Ее появлению предшествовали выкрики. Когда она вошла в нижний зал, ожидавший там паж бросился вызывать полную охрану. Угрюмый зал без окон тянулся вдаль, освещаемый лишь несколькими глубокими людьми. В дальнем конце зала неожиданно распахнулись парадные двери, пропустив столб дневного света. Оттуда показались охранники, окружающие Корбу.

— Где Стилгар? — спросила Алия.

— Он уже на месте, — ответила одна из амазонок.

Алия направилась в зал заседаний Совета. Это было одно из самых помпезных помещений в крепости. Высокий балкон с рядами высоких мягких кресел занимал одну сторону. Под балконом находились высокие окна, с которых отодвинули оранжевые занавеси. Яркий солнечный свет лился из сада с фонтаном. В дальнем конце помещения, справа от Алии, возвышался помост с единственным массивным столом.

Идя к помосту, Алия оглянулась и увидела, что галерея заполнилась наибами.

Открытое пространство под балконом заполняла охрана. Среди стражников ходил Стилгар, отдавая распоряжения. Он ничем не показал, что заметил появление Алии.

Привели Корбу и усадили на подушку перед помостом. Несмотря на яркую одежду, панегирист производил теперь впечатление сонного, будто бы спасающегося от холода человека. Два стражника встали за его спиной.

Когда Алия села, к помосту подошел Стилгар.

— Где Муад Диб? — спросил он.

— Мой брат поручил председательствовать в Совете мне как Преподобной Матери.

Услышав это, наибы на балконе запротестовали.

— Молчать! — прикрикнула на них Алия. В наступившей тишине она сказала: — Разве это не закон Свободных, что в вопросах, связанных с жизнью и смертью, должна председательствовать Преподобная Мать?

Наибы притихли, но Алия заметила гневные взгляды. Она запомнила имена, чтобы потом обсудить их на Совете Императора: Хобарс, Раджифири, Тастин, Сааджин, Умбу, Легг... В именах отражались названия мест: съетч Умбу, долина Тастин, пропасть Хобарс.

Алия перенесла свое внимание на Корбу.

Заметив это, тот поднял голову и сказал:

— Я заявляю о своей невиновности.

— Стилгар, читайте обвинение! — приказала Алия.

Стилгар выступил вперед, достал свиток и начал торжественно читать. Слова, произносимые им, ясные и неподкупные, звучали резко:

— ...и вошел в сговор с предателями с целью убить нашего господина и Императора; что тайно встречался с заклятыми врагами Империи; что...

Корба с видом оскорбленной невинности отрицательно качал головой.

Алия задумчиво слушала, склонив голову влево и опираясь подбородком на руку. Глубокое

внутреннее беспокойство постепенно закрывало от нее содержание формального процесса.

— ...славные традиции... поддержка легионов и всех Свободных повсеместно... в соответствии с законом, насилие отвечать насилием... величие персоны Императора... конфискация всех прав...

?Ерунда! — подумала она. — Ерунда" Все это — ерунда! Ерунда, ерунда!" Стилгар закончил:

— И вот этот случай представляется на рассмотрение правосудия.

В наступившей тишине Корба наклонился вперед, упираясь руками в колени и напрягая шею, как будто собирался прыгнуть.

— Ни словом, ни делом не нарушил я присягу! Я требую очной ставки с обвинителем! — Язык Корбы мелькал меж зубов, брызжа слюной.

Алия видела, что слова Корбы произвели впечатление на наибов. Они знают Корбу, подумала она. Он был одним из них. Прежде чем стать наибом, он доказал свою храбрость и осторожность Свободных. Не бойкий Корба, но надежный. Возглавить джихад не сможет, но как исполнитель вполне хорош. Не крестоносец, но один из тех, кто чтит старое правило Свободных: "Племя превыше всего!"?

Алии вспомнились горькие слова Отейна, которые пересказал ей Пол. Она осмотрела галерею. Любой из этих людей мог представить себя на месте Корбы — и некоторые имели на то причины. Но и невиновный наиб так же опасен, как и этот виновный.

Корба тоже чувствовал это.

— Кто обвиняет меня? — спросил он. — У меня есть право Свободного вызвать обвинителя на поединок.

— Возможно, ты сам выдвигаешь против себя тяжкие обвинения, — сказала Алия.

Прежде чем он смог совладать с собой, мистический ужас отразился на его лице. На лице Корбы можно было ясно прочесть: «С ее-то силой Алия обвинит его сама, просто скажет, что достанет свидетельства из мира теней, алам ал-митал».

— У наших врагов есть союзники среди Свободных, — продолжала Алия. -Водные ловушки разрушены, каналы взорваны, растения отравлены, склады разграблены...

— А теперь похищен и увезен на другую планету червь из пустыни!

Этот новый голос узнали все — голос Муад Диба. Пол прошел мимо стражников и подошел к Алии. Его сопровождала Чани, держась несколько сзади и сбоку.

— Милорд, — сказал Стилгар, не решаясь взглянуть Полу в лицо.

Пол направил пустые глазницы на галерею, потом перевел их на Корбу.

— Что, Корба, у тебя больше не осталось слов для дифирамбов?

На галерее послышался ропот. Он становился все громче, теперь различались отдельные слова и фразы:

— Закон о слепых... обычай Свободных... в пустыню... тот, кто нарушит...

— Кто говорит, что я слеп? — возвысил голос Пол. Он повернулся к галерее. — Ты, Раджифири? Я вижу, ты сегодня разряжен, а на голубой рубашке под золотым камзолом осела уличная пыль. Ты всегда был неаккуратен.

Раджифири сложил три пальца в жесте, отгоняющем зло.

— Направь эти пальцы на себя! — крикнул Пол. — Мы знаем, где находится зло! — Он снова обернулся к Корбе. — На твоем лице чувство вины, Корба.

— Нет моей вины! Меня оклеветали... — Он замолчал и беспомощно оглянулся на галерею, ища поддержки.

Алия встала, спустилась вниз с помоста и подошла к Корбе. С расстояния меньше метра она смотрела на него сверху вниз, молча и угрожающе.

Корба заерзал под ее обвиняющим взглядом, бросая беспокойные взгляды на галерею.

— Чьи глаза ты ищешь там, наверху? — спросил Пол.

— Вы не можете видеть! — закричал Корба.

Пол испытал мгновенное чувство жалости к Корбе. Видение захватило этого человека в свои сети, как и всех остальных присутствующих. Он лишь играл свою роль, не более.

— Мне не нужны глаза, чтобы видеть тебя, — сказал Пол. И начал описывать Корбу, каждое движение, каждый жест, каждый испуганный и тревожный взгляд.

Отчаяние росло в Корбе.

Алия следила за ним и видела, что он может сломаться в любую секунду. Она подумала, что кто-то на галерее тоже понимает это. Кто? Она изучала лица наибов, замечая, как выдают их... гнев, страх, неуверенность, вина... Пол умолк.

Корба, слегка овладев собой, напыщенно спросил:

— Кто обвиняет меня?

— Отейн, — сказала Алия.

— Но Отейн мертв! — воскликнул Корба.

— Откуда же ты это знаешь? — спросил Пол. — Через своих шпионов? О, да! Нам известно о твоих шпионах и курьерах. Мы знаем, кто привез прожигатель камня с Тараходла.

— Он предназначался для защиты Квизарата! выкрикнул Корба.

— А как он попал в руки предателей? — в упор спросил его Пол.

— Его украли, и мы... — Корба замолчал, судорожно хватая ртом воздух. Взгляд его метался вправо и влево. — Все знают, что я был гласом любви к Муад Дибу. — Он посмотрел на галерею. — Как может мертвец обвинить Свободного?

— Голос Отейна не умер, — сказала Алия. И замолчала, так как Пол предостерегающе дотронулся до ее руки.

— Отейн послал нам свой голос, — сказал Пол. — Он собирается сообщить имена, подробности предательства, места и время тайных встреч. Ты видишь, Корба, что кое-кого из наибов в Совете не хватает. Где Меркур и Фаш? Не с нами сегодня Каке и Лейма. А где Таким?

Корба покачал головой.

— Они бежали с Арракиса с украденным червем, — сказал Пол. — Даже если бы я освободил тебя сейчас, Корба, Шай-Хулуд забрал бы твою воду за участие в этом преступлении. Почему я не освобождаю тебя, Корба? Подумай о тех, кто потерял глаза, кто не может видеть, как я. У них есть семья и друзья. Корба. Куда ты скроешься от них?

— Это случайность, — взмолился Корба. — И ведь они получат с Тлейлакса... — он замолчал.

— А кто знает, что приобретаешь вместе с металлическими глазами? спросил Пол.

На галерее начали шепотом переговариваться наибы, прикрывая рты руками. Теперь они уже смотрели на Корбу достаточно холодно.

— Защита Квизарата, — повторил слова Корбы Пол. — Устройство, способное уничтожить всю планету и испускающее лучи, которые ослепляют всех, оказавшихся поблизости. Какой из этих эффектов, Корба, ты предназначал для защиты Квизарата? По-твоему, Квизарат может лишать всех зрения?

— Из простого любопытства, милорд, — молил Корба. — Мы знали, что старый закон гласит: «Только Семьи могут обладать атомной энергией», и Квизарат повиновался... повиновался...

— Ты, что ли, повиновался... — усмехнулся Пол. — Хорошенькое любопытство!

— Если есть голос, даже только голос моего обвинителя, я должен его выслушать, — сказал Корба. — У Свободного есть права.

— Он прав, сир, — сказал Стилгар.

Алия бросила в его сторону уничтожающий взгляд.

— Закон есть закон, — сказал Стилгар, чувствуя неудовольствие Алии. Он начал цитировать закон Свободных, сопровождая его своими комментариями. Алия испытывала странное ощущение, будто

она слышит слова Стилгара еще до того, как он их произносит. Как он может быть так легковерен? Никогда раньше Стилгар не был столь консервативен, не придерживался так неукоснительно кодекса Дюны. Его подбородок гордо выпятился, он говорил явно агрессивным тоном, произнося слова так, словно отрубал их. Неужели в нем нет ничего, кроме этой отвратительной помпезности?

— Корба — Свободный, и его следует судить по законам Свободных, заключил Стилгар.

Алия отвернулась и взглянула на тени, падающие из сада на стену. Расследование затянулось почти до полудня. А что теперь? Корба несколько успокоился. На лице панегириста было написано, как он страдает от несправедливости, ведь все, что он делал, совершалось только из любви к Муад Дибу. Она взглянула на Корбу и увидела, как по его лицу скользнуло довольное выражение.

Должно быть, он получил сообщение, подумала она. Сейчас он выглядел так, будто услышал крик друга: "Держись! Помощь близко!"

Какое-то мгновение в их руках были все нити заговора: информация карлика, пароли, имена заговорщиков. Но критический момент миновал. Стилгар? Да нет, конечно же нет! Она обернулась и посмотрела на старого Свободного.

Стилгар, не мигая, встретил его взгляд.

— Спасибо, Стил, что ты напомнил нам о законе, — сказал Пол.

Стилгар склонил голову. Он придвигнулся ближе и почти беззвучно, атак, чтобы слышали только Пол и Алия, произнес:

— Я выжму его досуха и позабочусь о деле.

Пол кивнул и сделал знак охраняющим Корбу.

— Отведите Корбу в наиболее охраняемое и полностью изолированное помещение. Никаких посетителей, кроме защитника. Защитником я назначаю Стилгара.

— Я сам выберу себе защитника! — закричал Корба.

Пол повернулся к нему.

— Ты сомневаешься в честности и справедливости Стилгара?

— О, нет, милорд, но...

— Уведите его! — приказал Пол.

Охранники подняли Корбу с подушки и увезли его.

Наибы на галерее снова начали перешептываться. Оконные занавеси были задернуты. Оранжевая получьма заполнила помещение. Наибы удалились.

— Пол, — произнесла Алия.

— Лишь повергнув насилие, — сказал Пол, — мы сможем полностью контролировать его. Спасибо, Стил, ты хорошо сыграл свою роль. Я уверен, что Алия опознала тех наибов, кто действует заодно с Корбой. Они не могли не выдать себя.

— Вы договорились об этом заранее? — спросила Алия.

— Если бы я приказал казнить Корбу, наибы поняли бы меня, — сказал Пол. — Но формальная процедура... без обращения к закону Свободных... они почувствовали бы угрозу своим правам. Кто из наибов на его стороне, Алия? — Раджифири, несомненно, — негромко сказала она. — И Сааджин, но...

— Дай Стилгару полный перечень, — распорядился Пол.

Алия глубоко вздохнула, разделяя в этот момент всеобщий страх перед Полом. Она знала, как он движется без глаз, но ее поражала точность его движений. Видеть стольких людей сквозь призму своего видения!

— Время вашей утренней аудиенции, сир, — сказал Стилгар. — Много любопытных... боящихся...

— Ты тоже боишься, Стил?

Едва различимый шепот:

— Да.

— Ты мой друг, тебе нечего меня бояться.

— Да, милорд.

— Алия, проведи утреннюю аудиенцию. Стилгар, давай сигнал!

Стилгар повиновался.

Дверь отворилась, и ожидавшая толпа подалась назад, чтобы дать проход чиновникам. Охранники сдерживали просителей, а пестрая, кричащая толпа пыталась прорваться с криками и проклятиями. Все происходило одновременно, крутилось, как в водовороте. В руках просители держали свои жалобы. Через проход, расчищенный стражами, прошел чиновник. Он держал список тех, кому дозволено было предстать перед троном. Чиновник, сухощавый Свободный по имени Текруб, имел холодный и неприметный вид, выставляя напоказ бритую голову и пушистые усы.

Алия двинулась ему навстречу, давая возможность Полу и Чани уйти в коридор за помостом. Она явно испытывала недоверие к Текрубу, замечая любопытные взгляды, которые тот бросал вслед уходящему Полу.

— Сегодня я говорю от имени брата, — сообщила она. — Пусть просители подходят по одному.

— Да, миледи. — Он повернулся, чтобы навести порядок в толпе.

— Я помню времена, когда вы не ошибались относительно намерений брата, — сказал Стилгар.

— Меня отвлекли наизы, — оправдывалась Алия. — Но вы тоже изменились, Стил? Что это за спектакль вы разыграли?

Стилгар был шокирован. Все на свете меняется, но чтобы как в спектакле? Драма — сомнительное мероприятие. В Империи появились сомнительные развлечения, и самое непристойное из них — театр. Враги Империи лицедействуют, чтобы завоевать дешевую популярность. Корба пытался всю Империю превратить в подмостки. За это он поплатится жизнью.

— Вы упрямые, — сказал Стилгар. — Вы мне не верите?

Уловив напряжение и горечь в его словах, Алия смягчила выражение лица, но не интонацию голоса.

— Я верю вам, Стил. Я всегда соглашалась с братом, когда он говорил, что если дело в руках Стилгара, то мы можем позволить себе забыть о Нем. — Тогда почему же вы говорите, что я... изменился?

— Вы были готовы оказать неповиновение моему брату, — сказала она. -Это написано у вас на лбу. Надеюсь только, что это не уничтожит вас обоих. Приближался первый посетитель. Алия отвернулась, прежде чем Стилгар успел что-то сказать. Но на лице его ясно впиталось то, о чем предупреждала в своем письме леди Джессика — подмена морали и совести законом.

«Вы породили гибельный парадокс...»

Глава 20

"Тибана, апологет сократического христианства, вероятно, уроженец Амбуза-4, жил за восемь или девять столетий до Коррино, скорее всего, при втором правлении Даламака. Из его произведений сохранились лишь фрагменты. Вот один из них: «Сердца всех людей пребывают в одинаковой дикости».

Из «Книги Дионы» принцессы Ирулэн.

— Ты Биджаз? — спросил гхола, входя в маленькую комнату, где содержался под охраной карлик. — Меня зовут Хейт.

С гхолой пришел отряд стражников, чтобы заступить на вечернюю вахту. Пока они пересекали внешний двор, песок, приносимый ветром, сек их щеки, заставляя моргать и ускорять шаги. Теперь же, в коридоре, слышались их добродушные шутки вперемежку со звуками, сопровождающими ритуал смены караула.

— Ты не Хейт, — возразил карлик, — ты Данкан Айдахо. Я видел, как твоё мертвое тело положили в бак, и я был там, когда его извлекли, живое и готовое для обучения.

Гхола проглотил комок в неожиданно пересохшем горле. Свет золотистых глоуглобов слегка приглушался зелеными занавесями. В их свете были видны капли пота на лбу карлика. Под маской трусливости и фривольности в карлике чувствовалась внутренняя сила.

— Муад Диб поручил мне допросить тебя, с какой целью тебя изготовили тлейлаксу, — сказал Хейт.

— Тлейлаксу, тлейлаксу, — дурашливо пропел карлик. — Знаешь ли ты, кукла, что я сам тлейлаксу? Кстати, и ты тоже!

Хейт смотрел на карлика. Биджаз излучал уверенность, которая заставляла вспомнить о древних идолах.

— Слышишь стражников снаружи? — спросил Хейт. — Стоит мне только приказать, и они задушат тебя.

— Ай! Ай! — укоризненно воскликнул карлик. — Каким ты стал жестоким! А ведь говорил, что пришел сюда искать правду.

Хейту не понравилось спокойствие на лице карлика.

— Возможно, я ищу лишь будущее, — сказал он.

— Хорошо сказано, — заметил Биджаз. — Теперь мы знаем друг друга. Когда встречаются два вора, им не нужно представляться друг другу.

— Мы не воры, — сказал Хейт. — Что, по-твоему, мы украл?

— Не воры, но игральные карты, — возразил Биджаз. — И ты пришел сюда, чтобы подсчитать мои очки. А я, в свою очередь, посчитаю твои. Так вот: у тебя две рубашки!

— Ты действительно видел меня в баке тлейлаксу? — с видимой неохотой спросил Хейт.

— Разве я уже не сказал? — удивился Биджаз. Карлик вскочил на ноги. — С тобой пришлось немало повозиться. Твое тело никак не хотело возвращаться к жизни.

Хейт неожиданно почувствовал, что живет как бы во сне, контролируемый чужим мозгом, и что он может мгновенно затеряться в этом чужом мозгу. Биджаз склонил голову набок и обошел гхолу, глядя на него снизу вверх.

— Возбуждение пробуждает в тебе старое, — сказал он. — Ты преследователь, который никогда не сможет догнать то, за чем гонится.

— Ты — оружие, нацеленное на Муад Диба, — сказал Хейт, поворачиваясь вслед за карликом. — Что ты должен сделать?

— Ничего! — отрезал Биджаз, останавливаясь. — Я даю тебе обычный ответ на обычный вопрос.

— Значит, ты нацелен на Алию. Она твоя цель?

— Во внешних мирах ее называют Хавт — Первое Чудовище, — сказал Биджаз. — Я слышу, как кипит твоя кровь, когда ты говоришь о ней.

— Итак, ее называют Хавт, — сказал гхола, изучая Биджаза, пытаясь найти ключ к своей цели. Этот карлик отвечает так странно.

— Она — девственница-шлюха, — сказал Биджаз. — Она вульгарна, умна, груба и добра; когда думает, получается наоборот; когда хочет созидать, то разрушает все вокруг, как кориолисова буря.

— Значит, ты здесь для того, чтобы говорить против Алии?

— Против нее? — Биджаз опустился на подушку у стены. — Я пришел сюда, чтобы меня захватил магнетизм ее физической красоты. — Он улыбнулся, и на лице у него появилось выражение ящерицы.

— Нападать на Алию — значит, нападать на ее брата, — сказал Хейт.

— Это настолько ясно, что трудно разглядеть, — ответил Биджаз. — По правде говоря, Император и его сестра — одна личность, спина к спине, одно существо, наполовину мужчина, наполовину женщина.

— Так говорили Свободные в глубокой пустыне, — сказал Хейт. — Они восстановили кровавые приношения Шаи-Хулуду. Почему ты повторяешь их вздор?

— Ты смеешь называть это вздором? — спросил Биджаз. — Ты, который одновременно и человек, и маска? Да, но игральная кость не может сама считать свои очки. Я совсем забыл об этом. И тебе трудно вдвойне, потому что ты служишь Атридесам как двойное существо. Твои чувства не так ясны, как мысли в твоем мозгу.

— Ты проповедуешь этот ложный миф о Муад Дибе твоим стражам? негромко спросил Хейт. Он чувствовал, как слова карлика опутывают его мозг. — Это они проповедуют мне! — возразил Биджаз. — И они молятся. Мы все должны молиться. Разве мы не живем в тени самого опасного существа во всей Вселенной?

— Опасное существо...

— Их собственная мать отказалась жить с ними на одной планете!

— Почему ты не отвечаешь мне прямо? Ты знаешь, мы можем расспросить тебя по-другому! И получим ответ... так или иначе...

— Но я ответил тебе! Разве я не сказал, что миф реален? Разве я ветер пустыни, несущий смерть в своем животе? Нет. Я — слова! Такие слова, которые молниями ударяют в песок с темного неба. Я сказал: «Задуй лампу! Наступил день!» А ты продолжаешь говорить: «Дай мне лампу, чтобы я мог отыскать день».

— Ты играешь со мной в опасную игру! — сказал Хейт. — Думаешь, я не понимаю эти идеи Дзэнсунни? Ты оставляешь следы такие же ясные, как птица на грязи.

Биджаз захихикал.

— Почему ты смеешься?

— Потому что у меня есть зубы и я не хотел бы, чтобы их не было, умудрился выговорить Биджаз, не переставая хихикать. — Не имея зубов, я бы не мог их скалить.

— Теперь я знаю твою мишень, — сказал Хейт. — Ты был нацелен на меня. — И попал! Ты такая большая цель, как бы я мог промахнуться? — Он кивнул, будто бы самому себе. — Теперь я спою для тебя. — Он замычал монотонную мелодию, повторяя ее снова и снова.

Хейт напрягся, чувствуя странную боль в позвоночнике. Он смотрел на лицо карлика, видел молодые глаза на старом лице. От глаз к вискам тянулась паутина тонких белых линий. Какая большая голова! Все черты замыкались на большом рте, из которого доносился монотонный напев. Этот звук навел Хейта на мысль о древних ритуалах, народные предания, старых словах и обычаях, полузамытых значениях. Что-то жизненно важное происходило здесь... смертельная игра мыслями наперекор Времени. Древние мысли звучали в песне карлика, как ослепительный свет на расстоянии, который все приближается и приближается, освещая жизнь через пропасть столетий.

— Что ты делаешь со мной? — выдохнул Хейт.

— Ты инструмент, на котором меня учили играть, — сказал Биджаз. — Я играю на тебе. Позволь мне назвать другие имена предателей среди наибов. Викурес и Кахиет... Джеддида, секретарь Корбы; Абумоджандис, помощник Баннерджи. Даже сейчас, в этот момент, кто-нибудь из них может вонзить нож в спину вашего Муад Диба.

Хейт лишь покачал головой, будучи не в состоянии говорить.

— Мы с тобой как братья, — сказал Биджаз, снова прерывая свое монотонное гудение. — Мы росли в одном и том же баке: сначала я, потом ты.

Металлические глаза Хейта внезапно обожгло непереносимой болью. Красный туман окутал все вокруг. Он чувствовал, как его отсекают от всего, кроме боли. Все стало случайным, случай пронизывал материю. Воля его ослабла, съежилась. Она жила без дыхания и была различима лишь как слабое внутреннее освещение.

С энергией отчаяния прорывался он сквозь завесу боли. Внимание его сосредоточилось на Биджазе. Хейт чувствовал, как его взгляд прорывается сквозь слои карлика — слой за слоем, пока не осталась лишь сущность, выраженная символом.

— Мы на поле боя, — сказал Биджаз. — Теперь ты можешь говорить.

Освобожденный этими словами, Хейт сказал:

— Ты не сможешь заставить меня убить Муад Диба.

— Я слышал, как Бене Джессерит говорят, — сказал Биджаз, — что нет ничего прочного, ничего уравновешенного во всей Вселенной, ничто не остается постоянным, каждый день и каждый час приносят изменения.

Хейт тупо покачал головой.

— Ты считал, что наша цель — этот глупый Император, — сказал Биджаз. — Плохо же ты знаешь наших хозяев, тлейлаксу. Союз и Бене Джессерит считают, что мы производим орудия и услуги. Все может быть орудием нищета, войны. Война полезна, так как она эффективна во многих сферах. Она стимулирует обмен веществ. Она вынуждает правительства к действиям. Она разделяет генетические линии. Она обладает жизненностью, как ничто другое во Вселенной. Только тот, кто понимает необходимость войны, достигает самоопределения.

Необычно спокойным голосом Хейт сказал:

— Странные мысли исходят от тебя. Я почти готов поверить в мистическое пророчество. Сколько прибыли принесло создание тебя? Из этого могла бы получиться восхитительная история с захватывающим эпилогом.

— Великолепно! — воскликнул Биджаз. — Ты нападаешь, следовательно, ты достигаешь самоопределения.

— Ты пытаешься пробудить во мне насилие, — безжизненным голосом сказал Хейт.

Биджаз отрицательно мотнул головой.

— Пробуждаю — да, насилие — нет. Ты носитель сознания, полученного при обучении. Я должен пробудить в тебе это сознание, Данкан Айдахо.

— Я Хейт!

— Ты — Данкан Айдахо! Уникальный убийца. Любовник многих женщин. Искусный фехтовальщик Правая рука Атридесов на поле битвы. Ты — Данкан Айдахо!

— Прошлое нельзя разбудить.

— Нельзя.

— Это еще никому не удавалось.

— Верно, но наши хозяева отрицают саму мысль, что чего-то сделать нельзя. Они всегда ищут подходящее орудие, правильную точку приложения силы, пользуются услугами подходящего...

— Ты скрываешь свою истинную цель! Ты создаешь экран из слов, а они ничего не значат!

— В тебе есть Данкан Айдахо, — сказал Биджаз. — Твое сознание подчинится эмоциям или бесстрастному рассмотрению, но оно подчинится. Твое сознание прорвет экран подавления и вырвется из темного прошлого. Оно и сейчас преследует тебя. Существо, живущее внутри тебя, проснется и будет повиноваться.

— Тлейлаксу считают, что я их раб, но я...

— Молчать, раб! — произнес Биджаз воющим голосом.

Хейт замолк.

— Вот мы и дошли до сути, — сказал Биджаз. — Я знаю, что ты и сам чувствуешь это. И вот условные слова, чтобы управлять тобой... Они сработают, как надо.

Хейт чувствовал, как пот выступает у него на лбу, как дрожат руки, но он был не в силах пошевелиться.

— Однажды, — продолжал Биджаз, — Император придет к тебе. Он скажет: «Она умерла». И лицо его превратится в маску горя. Он будет отдавать воду мертвым, как здесь называют слезы. И ты скажешь моим голосом: "Господи! Господи!"?

Челюсти и горло Хейта сводило от напряжения мышц. Он смог лишь слегка повернуть голову.

— Ты скажешь: «У меня сообщение от Биджаза». — Карлик скривил гримасу. — Бедный Биджаз, у которого не было мозгов... бедный Биджаз, барабан, набитый информацией... орудие для других... надави на Биджаза, и он издаст звук... — Он снова улыбнулся. — А я не лицемер, хоть ты и считаешь меня таковым, Данкан Айдахо. Я тоже могу печалиться. Но пришло время заменить мечи словами.

Хейта сотрясала икота.

Биджаз хихикнул.

— Спасибо тебе, Данкан Айдахо, спасибо. Потребности тела выручают нас. Так как у Императора в жилах течет кровь Харконненов, он будет делать то, что мы потребуем. Он превратится в говорящую машину, в произносителя слов, в колокольчик со звоном, приятным для ушей наших хозяев. Хейт мигнул и подумал, что Биджаз похож на маленького умного зверька. Как это понимать: "Кровь Харконненов в жилах Императора"?

— Ты думаешь о звере Харконнене, — сказал Биджаз. — В этом ты похож на Свободного. Когда слова не помогают, в руке появляется меч, да? Ты думаешь о том зле, которое причинили твоей семье Харконнены? Да, по материнской линии твой драгоценный Пол — Харконнен! Тебе ведь не трудно будет убить Харконнена, не так ли?

Судорога прошла по телу гхолы. Был ли это гнев? Откуда?

— Ох! — сказал Биджаз. — Ax! Ха-ха! Но есть еще кое-что. Тлейлаксу предложат сделку твоему драгоценному Полу Атридесу. Наши хозяева оживят его возлюбленную. У тебя может появиться сестра-гхола.

Хейт неожиданно почувствовал, что во Вселенной осталось только его дыхание.

— Гхола, — повторил Биджаз. — Тело его возлюбленной. Она сможет рожать ему детей. И будет любить только его. Мы даже можем усовершенствовать оригинал, если он захочу. Была ли когда-нибудь у человека лучшая возможность вернуть утраченное? Он за это ухватится.

Будто утомившись, Биджаз опустил глаза, а потом сказал:

— Он испытает искушение... он задумается, и в этот момент ты приблизишься к нему. И ударишь! И будет еще один гхола... Вот чего требуют наши хозяева! — Карлик прокашлялся и, кивнув, потребовал: — Говори!

— Я этого не сделаю! — сказал Хейт.

— Это сделает Данкан Айдахо. И сделает в момент наибольшей уязвимости этого отприска Харконненов. Не забудь! Ты предложишь усовершенствование его возлюбленной — возможно, бессмертное сердце, более нежные чувства. Ты предложишь ему убежище — планету, которую он выберет сам за пределами Империи. Подумай только! Его любимая оживет. Нет больше слез, а есть возможность прожить оставшиеся годы в идиллии.

— Дорогое предложение, — сказал Хейт. — Он спросит о цене.

— Скажи, что он должен отказаться от своей божественной сущности и упразднить Квизарат. И не только от своего имени, но и от имени своей сестры.

— И больше ничего? — насмешливо спросил Хейт.

— Разумеется, он должен будет отдать свой пай в КХОАМ.

— Разумеется.

— А если ты не будешь стоять достаточно близко, чтобы нанести удар, тогда начни говорить о том, как восхищены тлейлаксу тем, что он научил их использовать возможности религии. Скажи ему, что у тлейлаксу есть теперь отдел религиозной инженерии, который ставит своей целью использование религий для практических нужд.

— Очень разумно, — сказал Хейт.

— Ты волен иронизировать и не повиноваться мне, — сказал Биджаз, склонив голову набок. — Не отрицай...

— Они хорошо тебя сделали, маленькое животное.

— Тебя тоже, — отозвался карлик. — Ты ему скажешь, чтобы он поторопился. Плоть разлагается, и ее тело должно быть сохранено в криогенном танке.

Хейт чувствовал, как барахтается в сети, которую не может распознать. Карлик так уверен в себе, но все же должен быть некий просчет в логике тлейлаксу. Создавая гхолу, они настроили его на голос Биджаза, но... но что?.. Как легко ошибиться!

Биджаз улыбнулся, как бы прислушиваясь к голосу внутри себя.

— Теперь ты все забудешь, — сказал он. — Когда настанет момент, ты вспомнить. Он скажет: «Она умерла». И тогда проснется Данкан Айдахо. Карлик хлопнул в ладоши.

Хейт вздрогнул, чувствуя, что его прервали в середине мысли... или в середине фразы. Что это? Что-то насчет цели?

— Ты надеешься смутить меня и управлять мной, — сказал он.

— Как это? — спросил Биджаз.

— Я твоя цель, и ты не можешь отрицать этого.

— Я и не думаю отрицать.

— Тогда что же ты пытаешься со мной сделать?

— Пытаюсь оказать любезность, — пояснил Биджаз. — Простую любезность.

Глава 21

«Последовательная природа реальных событий не раскрывается с абсолютной точностью силами предвидения, за исключением самых необычных обстоятельств. Оракул схватывает эпизоды, вырванные из исторической цели. Вечность движется. Она влияет сама на себя как через посредство оракула, так и через вопрошающих. Подданные Муад Диба могут сомневаться в его величии и оракульном видении. Они могут отрицать его дар. Но пусть они никогда не усомнился в Вечности».

«Евангелие Дюны».

Хейт смотрел, как Алия вышла из храма и пересекла площадь. Ее охрана держалась близко к ней, свирепое выражение диких лиц охранников должно было маскировать следы хорошей жизни и самодовольства.

Над храмом сверкнули на солнце крылья топтера. Это был топтер императорской охраны с изображенными на фюзеляже кулаком — символом Муад Диба.

Хейт снова взглянул на Алию. Она кажется не на месте здесь, в городе, подумал он. Настоящее ее место — пустыня, открытое, бескрайнее пространство. Другая странная мысль пришла ему в голову, когда он следил за ее приближением: Алия казалась задумчивой, только когда улыбалась. Все дело в глазах, решил он, вспоминая, как она появилась в зале на приеме посла Союза: надменно и гордо, под звуки музыки, среди экстравагантных мундиров и костюмов. Алия была в ослепительно белом, ярком платье целомудрия. Он смотрел на нее из окна, пока она не прошла во внутренний двор, с его прудом, фонтанами, лужайками степных трав и белым бельведером. Все не так... совершено не так... Она принадлежит пустыне.

Хейт перевел дыхание. Алия вышла из поля его зрения. Он ждал, сжимая и разжимая кулаки. Встреча с Биджазом вызвала у него беспокойство.

Он слышал, как свита Алии прошла по коридору, может быть, чуть-чуть быстрее, чем следовало бы по ритуалу. Мимо комнаты, где он ждал, Алия прошла в свои покои.

Хейт попытался сосредоточиться и понять, что же в ней встревожило его. То, как она шла по площади? Да. Она двигалась, как животное, за которым охотится хищник. Он вышел на соединительный балкон, прошел по нему, скрываясь за солнцезащитными экранами, и остановился, оставаясь скрытым в тени. Алия стояла у балюстрады, глядя на свой храм.

Он посмотрел в том же направлении, что и она, — на город за храмом. И увидел прямоугольники, разноцветные кварталы, копошащуюся жизнь, звуки. Строения блестели, сверкали на солнце, воздух над крышами дрожал от жары. В тупике, образованном стеной и углом храма, мальчик играл в мяч. Мяч поднимался и опускался, ударяясь о землю.

Алия тоже смотрела на мяч. Она чувствовала странное единство с ним вверх и вниз, вверх и вниз. Она точно так же прыгала по коридорам Времени. Порция меланжа, выпитая перед уходом из храма, была самой большой какой ей приходилось пить, — огромная сверхдоза. Еще до того, как яд начал действовать, Алия пришла в ужас.

«Зачем я это сделала?» — спросила она себя.

Иногда приходится выбирать между опасностями. Тот ли это случай? Это дало бы возможность проникнуть через проклятый туман, которым окутал будущее коварный тарот Дюны. Существовала преграда, и ее следовало преодолеть. Алия действовала по необходимости. Ей нужно было видеть, куда идет походкой слепого ее безглазый брат.

Действие меланжа начало сказываться на ее сознании. Она глубоко вздохнула, испытывая особое удовольствие и спокойствие, ядовитое и самодовольное.

«Обладание вторым зрением опасно, оно ведет к фатализму», — подумала Алия. К несчастью, не существует абсолютно верного расчета, нельзя просчитать предвидение. Видения будущего нельзя представить в виде формул. Приходится входить в них, рискуя жизнью и рассудком.

Из густой тени соединительного балкона появилась фигура. Гхола! В своем обостренном восприятии Алия видела его с предельной четкостью смуглую лицо, сверкающие глаза. Единство ужасающих противоположностей, что-то связанное воедино шокирующим образом, тень и яркий свет, продукт процесса, оживившего его мертвого плоть... что-то необыкновенно чистое... невинное.

Невинность в осаде!

— Давно ты здесь, Данкан? — спросила она.

— Я не Данкан, — ответил он. — А что?

— Не спрашивай меня.

И она подумала, глядя на него, что тлейлаксу ничего не оставили в нем незавершенным.

— Только боги могут безнаказанно рисковать совершенством, — сказала Алия. — Для человека это опасно.

— Данкан умер. — Он не хотел, чтобы она его так звала. — Я Хейт.

Она изучала его искусственные глаза, гадая, что они видят. Приглядевшись, она увидела маленькие черные точки, крошечные колодцы черноты на сверкающем металле. Фасетки! Вселенная вокруг нее мерцала и искасалась. Алия ухватилась за нагретые солнцем перила балкона. Меланж действует быстро!

— Вы больны? — спросил Хейт. Он придинулся, внимательно глядя на нее стальными глазами.

«Кто это говорит? — подумала она. — Данкан Айдахо? Гхола-ментат? Или философ Дзэнсунни? А может, пешка с Тлейлакса, более опасная, чем любой рулевой Союза? Мой брат знает».

Она снова посмотрела на гхолу. Что-то скрытое было сейчас в нем. Он начинен ожиданием.

— Благодаря своей матери я — Бене Джессерит, — сказала она. — Ты знаешь это?

— Знаю.

— Я использую силу Бене Джессерит, думаю, как думают они. Часть меня сознает священную необходимость генетической программы... и ее продуктов. Она замигала, чувствуя, как ее сознание начинает свободно двигаться во Времени.

— Говорят, Бене Джессерит никого не отпускают, — заметил он. И, приглядевшись внимательнее, заметил, как побелели пальцы, сжимавшие балконные перила.

— Я споткнулась? — спросила она.

Он видел, как глубоко она дышит, как напряжено каждое ее движение, как блестят ее глаза.

— Споткнувшись, вы можете восстановить равновесие, перепрыгнув через то, обо что споткнулись.

— Бене Джессерит споткнулись, — сказала она. — Они хотят восстановить равновесие, перепрыгнув через моего брата. Они хотят ребенка Чани... или моего.

— Вы ждете ребенка?

Она с трудом удержала равновесие во Времени и Пространстве. Какого ребенка? И где? Когда?

— Я вижу... — прошептала она, — ...моего ребенка.

Она отодвинулась от края балкона, повернула голову, чтобы взглянуть на гхолу. У него лицо из соли, горькие глаза — два круга блестящего свинца.

— Что ты видишь такими глазами?

— То же, что и другие.

Его слова звенели у нее в ушах, обостряя сознание. Она чувствовала, что перешагнула через Вселенную... дальше, еще дальше... Ее окутывало Время.

— Вы приняли спайс, большую дозу, — сказал он.

— Почему я его не вижу? — пробормотала она. Чрево всего сущего держала ее в пленау. — Скажи мне, Данкан, почему я его не вижу?

— Кого?

— Отца моего ребенка. Я заблудилась в туманеtarota. Поскорее помоги мне.

Логика ментата дала точный расчет, и он сказал:

— Бене Джессерит хотят скрестить вас с вашим братом. С генетической точки зрения...

Она закричала.

— Яйцо во плоти... — с трудом прохрипела она. Ее охватил холод, потом нестерпимый жар. Невидимый муж ее темных снов! Плоть от плоти ее, то, чего не показывал ей оракул. Неужели дойдет до этого?

— Вы, наверно, решились на очень большую дозу спайса? — спросил Хейт. В нем нарастал ужас, что эта женщина из рода Атридесов умрет, что ему придется смотреть в лицо Полу и сообщать ему об этом.

— Ты не знаешь, каково охотиться за будущим, — сказала она. — Иногда я мельком вижу себя... но иду свои путем. Я не могу смотреть сквозь себя. — Она опустила голову и покачала ею из стороны в сторону.

— Сколько спайса вы приняли?

— Природа ненавидит предвидение, — сказала она, поднимая голову. — Ты это знаешь, Данкан?

Он заговорил мягко и рассудительно, как с ребенком.

— Скажите мне, сколько спайса вы приняли? — Левой рукой он придерживал ее за плечо.

— Слова так примитивны и двусмысленны. — Она отодвинулась от него.

— Скажите мне.

— Посмотри на Защитную стену, — приказала она, указывая пальцем. Она смотрела вдоль своей вытянутой руки и вся дрожала — местность разрушалась в ее всепоглощающем видении: песчаный замок размывался невидимыми волнами. Она отвела взгляд, ее внимание привлекло лицо гхолы. Его черты менялись, смешивались, становились старыми... и молодыми... старыми... молодыми... Он был самой жизнью — напористой, бесконечной... Она хотела бежать, но он схватил ее за руку.

— Я позову врача, — сказал он.

— Нет! Я должна иметь видение! Мне нужно знать!

— Идемте внутрь.

Она смотрела на его руку. Там, где его рука касалась ее тела, она чувствовала электрическое напряжение, которое и искушало, и пугало ее. Она рывком высвободилась и проговорила:

— Нельзя удерживать водоворот! — Вам нужна медицинская помощь! — Разве ты не понимаешь? Мое видение неполно, только фрагменты. Оно мигает и дергается. Я должна запомнить будущее. Разве это не ясно?

— Что толку в будущем, если вы сейчас умрете? — спросил он, осторожно ведя ее в помещение семьи.

— Слова... слова... — бормотала она. — Я не могу объяснить их. Одно должно вызывать другое, а здесь нет причин... и нет следствий. Нельзя оставлять Вселенную в таком виде!

— Ложитесь! — приказал он.

«Какой он прочный!» — подумала она.

Холодные тени окутали ее. Она чувствовала, как ее собственные мышцы ползут, словно черви. Только пространство постоянно, все остальное неустойчиво. Кровать покрылась множеством тел, и все это были ее тела. Время стало множеством перегруженных ощущений. Не было единой реакции Времени, не за что было ухватиться. Это Время. Оно движется. Вся скользит мимо, назад, вперед, в сторону.

— Оно лишено предметности, — пыталась объяснить она. — Его нельзя обойти или пройти под ним.

Вокруг нее копошились люди. Кто-то держал ее за руку. Она проследила за этой рукой и увидела лицо — Данкан Айдахо! Его глаза... неправильные, но это Данкан — мужчина-ребенок-старик... мужчина-ребенок-старик... Каждая черточка лица выдает его тревогу за нее.

— Данкан, не бойся, — прошептала она.

Он кивнул, продолжая держать ее за руку: — Лежите спокойно.

И подумал: «Она не должна умереть! Не должна!!!» Он покачал головой. Такие мысли противоречат логике момента. Смерть необходима, чтобы жизнь могла продолжаться.

«Гхола любит меня», — подумала Алия.

Эта мысль стала прочной скалой, за которую она смогла ухватиться. Знакомое лицо, знакомая комната за ним. Она узнала одну из спален в крыле Пола.

Какой-то человек что-то делал с трубкой в ее горле. Она боролась с тошнотой.

— Мы успели вовремя. — Алия узнала голос семейного врача. — Надо было позвать меня раньше. — В его голосе звучало подозрение. Она чувствовала, как трубка выскользывает из ее рта — змея, блестящая нить.

— После укола она заснет, — сказал врач. — Я пришлю ее адъютантов. — Я побуду с ней, — сказал гхола.

— Не нужно!

— Останься... Данкан, — прошептала Алия.

Он погладил ее руку, чтобы показать, что слышит ее просьбу.

— Миледи, — сказал врач, — будет лучше, если вы...

— Не говорите мне, что лучше, — выдохнула она. Горло ее болело от каждого произнесенного ею звука.

— Миледи, — в голосе врача звучал упрек, — вы ведь знаете, как опасно принимать слишком много меланжа. Могу только предположить, что кто-то дал вам его без...

— Вы дурак! — прохрипела она. — Хотите лишить меня видения? Я знала, на что шла. — Она приложила руку к горлу. — Уходите же отсюда! Немедленно! Врач выплыл из поля ее зрения со словами:

— Я сообщу вашему брату.

Она позволила ему уйти, перенеся все свое видение на гхолу. Теперь оно лежало ясно в ее сознании. Она чувствовала, как движется гхола во Времени. Он больше не был загадочной фигурой.

«Он — суровое испытание, посланное мне, — подумала Алия. — В нем опасность и спасение».

И она вздрогнула, зная, что имела видение, которое было и у ее брата. Нежелательные слезы жгли ей глаза. Она резко повернула голову. Никаких слез! На них тратится драгоценная влага, и, что гораздо хуже, ониискажают поток видения. Пола нужно остановить! Один раз, только один раз она пересекла Время там, где проходил он. Напряжение и изменчивость больше не позволят этого. Нить Времени проходит сквозь ее брата, как луч света через миг времени. Он стоит в фокусе и знает это. Он собрал все линии и не позволит им ускользнуть или измениться.

— Почему? — пробормотала она. — Из ненависти? Он ударил Время, потому что оно причинило ему боль? Или... что?..

Хейту показалось, что он слышит свое имя.

— Миледи?

— Если бы я могла вылечь это в себе! — воскликнула Алия. — Я не хочу отличаться от других.

— Пожалуйста, Алия, — бормотал он. — Вам нужно уснуть.

— Я хочу уметь смеяться, — прошептала она. — Слезу катились по ее щекам. — Но я сестра Императора, которому поклоняются, как Богу. Люди боятся меня. Я не хочу, чтобы меня боялись.

Он вытер слезы с ее лица.

— Я не хочу быть частью истории, — шептала она. — Я хочу быть любимой... и любить.

— Вы любимы.

— Ах, верный, верный Данкан.

— Пожалуйста, не зовите меня так.

— Но это так. А верность — ценный товар. Ее можно продать, но купить нельзя.

— Мне не нравится ваш цинизм.

— Будь проклята твоя логика! Это правда!

— Спите!

— Ты любишь меня, Данкан?

— Да.

— Может, это ложь, в которую легче поверить, чем в правду? — спросила она. — Почему я боюсь поверить тебе?

— Вы боитесь моих отличий, как и своих.

— Будь мужчиной, а не ментатом!

— Я ментат, и мужчина.

— Ты сделаешь меня своей женщиной?

— Я сделаю то, чего потребует любовь. — И верность?

— И верность.

— Вот этим ты и опасен, — сказала она.

Ее слова обеспокоили его. Ни следа этого беспокойства не отразились на его лице, ни одна мышца не дрогнула, но она знала: ведь это беспокойство было в видение. Она чувствовала, что утратила часть видения, но кое-как из будущего помнила.

— Данкан, не давай мне уходить, — прошептала она.

— Спите. Не боритесь со сном, миледи.

— Я должна... должна. Он — наживка в собственной ловушке. Он слуга силы и ужаса. Насилие... обожествление — это тюрьма, в которую он заключен. Он потеряет все. Его разорвут на части.

— Вы говорите о Поле?

— Его влечет к самоуничтожению, — хрипела она, изгиная шею. — Слишком велика тяжесть, слишком много горя. Его уводят от его любви. — Она опустилась на кровать. — Создают вселенную, где он не позволит себе жить. — Кто это делает?

— Он сам! О, в нем так много всего, хотя он всего лишь часть рисунка. И слишком поздно... слишком поздно...

Говоря это, она чувствовала, как сознание опускается слой за слоем. Тело и мозг разделились и слились в вихре прошлых видений... движущихся... сменяющихся... Она чувствовала биение сердца зародыша, ребенка будущего. Меланж все еще владел ею, заставляя плыть во Времени. Она знала, что видит жизнь еще не зачатого ребенка. Но одно было ей известно точно — этому ребенку уготовано такое же ужасное пробуждение, как и ей самой. Он будет сознательным и мыслящим существом еще до рождения.

Глава 22

«Существуют пределы силам, которые можно применить без риска самоуничтожения. Знание этих пределов — истинное искусство правления. Неправильное использование силы смертный грех. Закон не может быть орудием мести, не может быть обращен против мучеников, которых он сам же создает. Нельзя угрожать индивидууму и избежать последствий».

«Закон Муад Диба». Комментарии Стилгара.

Чани смотрела на утреннюю пустыню с утеса, расположенного невдалеке от съетча Табр. На ней не было стилсьюта, и от этого она чувствовала себя беззащитной перед пустыней. Вход в съетч находился чуть сзади и выше нее. Пустыня... пустыня... Она чувствовала, что пустыня всюду следует за ней. Возвращение к пустыне — это не возвращение домой. Просто она повернула, чтобы увидеть то, что всегда было с ней.

Болезненная судорога прошла по ее животу. Скоро роды. Она боролась с болью, ожидая родов наедине с пустыней.

Дремотная неподвижность рассвета охватила землю. Тени лежали на дюнах и на террасах Защитной стены. Солнечный свет бил ей в глаза. Бледный ландшафт протянулся под голубым небом. Сцена соответствовала ее скептическому мрачному настроению, которое мучило ее с тех пор, как она узнала о слепоте Пола.

«Почему мы здесь?» — удивлялась она. Это не хаджж, путешествие поиска. Пол ничего не искал здесь, разве что место для ее родов. Он собрал странную компанию для путешествия: гхола Хейт, некогда Данкан Айдахо; Биджаз, тлейлакский карлик; Адрик, рулевой Союза; Гаиус Хэлен Моахим, Преподобная мать Бене Джессерит; Лачма, странная дочь Отейна, которая всюду передвигается под неусыпной охраной; Стилгар, наиб, ее дядя; любимая жена Стилгара, Хара; Ирулэн и Алия.

Звуки ветра в крутых скалах сопровождали ее мысли. Пустынный день начал желтеть.

— Почему такой странный выбор сопровождающих? — спросила она.

— Мы забыли, ответить на ее вопрос Пол, — что слово «компания» означает путешественников. Мы и есть такая компания.

— Но какова их ценность?

— Вот! — сказал он, обратив к ней пугающие пустые глазницы. — Мы утратили простой смысл жизни. Если ее нельзя запечатлеть, побить, прогнать, мы ее не ценим.

Задетая, она сказала:

— Я не это имела в виду.

— Ну, дорогая, — сказал он шутливо, — мы не так богаты деньгами и бедны жизнью. Я злой, упрямый, глупый...

— Нет!

— Это правда. Но руки мои посинели от времени. Я думаю... Я думаю, что пытался изобрести жизнь, не сознавая, что она уже изобретена.

И он коснулся ее живота, чтобы ощутить таявшуюся там новую жизнь. Вспомнив это, она положила обе руки на живот и вздрогнула, пожалев, что попросила Пола привезти ее сюда.

Пустынный ветер принес тяжелый запах с зеленой полосы растительности у основания утеса. Суеверие Свободных вспомнилось Чани: злые запахи — злые времена. Она посмотрела туда и увидела появившегося за этой полосой червя. Он выполз из дюны, как из гигантского корабля, разбросывая песок, но вдруг ощутил смертоносный для него запах воды и бежал, оставив за собой глубокий длинный след.

Червь заразил ее своим страхом. Она возненавидела воду. Вода, некогда душа Арракиса, превратилась в яд. Вода приносит мор. Только пустыня чиста. Ниже ее возвращался отряд Свободных. Они поднялись ко входу в съетч, и она увидела их грязные ноги.

Свободные с грязными ногами!

Дети съетча начали петь, их голоса доносились изнутри, от входа. Эти голоса заставили ее почувствовать, как улетает время, словно ястреб от ветра. Она задрожала.

Какие бури видит Пол свои безглазым видением? Она ощущала в нем яростное безумие и страшно усталость — усталость от песен и споров. Она заметила, что небо стало серым и наполнилось алебастровыми лучами и странными рисунками, вытканными принесенным ветром песком. Ее внимание привлекла белая полоска на юге. Неожиданно насторожившись, она истолковала знак: белое небо на юге — рот Шаи Хулуда. Приближается буря, большой ветер. Она чувствовала предупреждающий ветерок, трение песчинок о ее щеки. Ветер приносил с собой ярость смерти: запахи воды с каналов, горячего песка, кремня. Вода! Вот из-за чего Шаи Хулуд насыщает кориолисовые ветры.

На утесе, где она стояла, появились ястребы. Они искали убежища от ветра. Коричневые, как скалы, с алыми перьями в крыльях. Ее дух устремился к ним: у них было укрытие, у нее — нет.

— Миледи, поднимается ветер...

Она обернулась и увидела гхолу у входа в съетч. Страх охватил ее. Очищающая смерть, вода, отданная телом назад племени, — это она понимала. Но... вернуться назад после смерти, как этот гхола...

Принесенный ветром песок хлестал ее лицо, от него покраснели щеки. Она через плечо оглянулась на пугающую песчаную полоску в небе. Пустыня стала коричнево-багровой, и дюны, точно волны, катились на берег. Чани вспомнила, как однажды Пол описывал ей море. Она заколебалась, охваченная чувством мимолетности. По сравнению с вечностью это лишь песчинка. Прибой дюн прошел у основания утеса.

Буря снаружи стала для нее чем-то всеобщим... Все звери прячутся от нее, ничего не остается в пустыне, кроме ее собственных звуков: песок скрипит, хлеща по скалам, ветер воет, гремят камни, сброшенные с вершины. Это было лишь одно мгновение в ее жизни, но в это мгновение она почувствовала, как космическим ветром уносит всю планету — песчинку в пространстве.

— Нужно торопиться, — сказал рядом с ней гхола.

Она ощутила его страх за нее, заботу о ее безопасности.

— Она срывает мясо с костей — сказал гхола, как будто ей нужно было объяснить, что это такое.

Ее страх перед ним ушел, ведь он так переживал за нее. Чани позволила гхоле помочь ей добраться до входа в съетч. Они добрались до извилистой перегородки, ограждавшей вход. Стражники открыли герметическую дверь и закрыли ее за ними.

Запахи съетча ударили ей в ноздри. Она помнила эти запахи — испарения многих тел, эфирный запах перегонных кубов, знакомые ароматы пищи... и поверх всего этого вездесущий спайс, повсюду меланж.

Она глубоко вздохнула: «Дома».

Гхола высвободил свою руку и стал в стороне в терпеливом ожидании, будто выключенный робот.

Чани задержалась у входа в комнату, удивленная тем, чему она не могла подобрать названия. Это ее настоящий дом. Ребенком она охотилась здесь за скорпионами при свете переносных глоуглобов. Но что-то здесь изменилось... — Не пройдете ли вы к себе, миледи? — спросил гхола.

И тут же сильная схватка пробежала по ее животу. Она попыталась скрыть это.

— Миледи? — сказал гхола.

— Почему Пол боится рождения нашего ребенка?

— Естественно, потому, что он опасается за ваше здоровье, — ответил гхола.

— А он не боится за ребенка?

— Миледи, он не может подумать о ребенке, не вспомнив вашего убитого сардукарами первенца.

Она изучала гхолу — плоское лицо, непроницаемые металлические глаза. Она поднесла руку к покрасневшей щеке. Действительно ли это существо является Данканом Айдахом? Друг ли он? Говорит ли он сейчас правду?

— С вами должен быть врач, — сказал гхола.

И снова она услышала в его голосе страх за нее. Неожиданно она почувствовала, что мозг ее не защищен, что он готов подвергнуться потрясающему вторжению.

— Хейт, я боюсь, — прошептала она. — Где мой Узул?

— Его удерживают государственные дела.

Она кивнула, вспомнив сопровождающий их правительственный аппарат целую стаю орнитоптеров. И вдруг она поняла, что поразило ее в съетче чужие запахи. Чиновники и адъютанты принесли с собой свои запахи, запахи своей пинки и одежды, запахи экзотической косметики.

Чани содрогнулась, едва сдерживая приступ истерического смеха. Даже запахи меняются в присутствии Муад Диба.

— Были срочные дела, которые он не мог отложить, — сказал гхола, неправильно истолковав ее реакцию.

— Да, да, я понимаю. Они летели с нами.

Вспомнив перелет из Арракина, она призналась себе, что не надеялась пережить его. Пол настоял на том, чтобы самому управлять своим топтером. Безглазый, он привел топтер сюда. После этого она поняла, что ее уже ничего не удивит в Нем. Новый приступ боли прошел по ее животу.

Гхола видел ее сдерживаемое дыхание, напряжение мышц.

— Ваше время... подошло?

— Я... да.

— Больше нельзя задерживаться. — Он схватил ее за руку и повел.

Она уловила его панический страх и сказала:

— Еще есть время.

Он, казалось, не слышал.

— Дзэнсунни так советует относиться к рождению, — сказал он, вынуждая ее идти еще быстрее. — Просто ждать в состоянии высшего напряжения. Не сопротивляйтесь тому, что должно случиться. Противиться — значит потерпеть неудачу.

Пока он говорил, они добрались до входа в ее покой. Он отбросил занавеси и крикнул:

— Хара! Хара! Время Чани пришло! Нужно позвать врачей!

Началась беготня. Среди всеобщей суматохи Чани чувствовала себя изолированным островом спокойствия... пока не началась следующая схватка. Вытесненный в коридор, Хейт проконтролировал свои действия. В их основе лежал страх. Страх вызывался не тем, что Чани могла умереть, а тем, что потом к нему придет Пол, обезумевший от горя... и скажет: "Она умерла...?"

"Ничто не может появиться из ничего, — сказал себе гхола. — Откуда же во мне этот страх???

Он чувствовал, что его способности ментата притупились, чья-то материальная тень прошла над ним. В своей эмоциональной тьме он ждал какого-то особенного звука, треска сломанной ветви...

Собственный вздох ошеломил его. Опасность прошла, не ударив. Постепенно овладев собой, он вернулся к сознанию ментата. Вместо людей перед ним двигались призраки. Он — передаточная станция для всех данных, когда-либо полученных им. Его существо населено созданиями возможности. Они проходят перед ним, чтобы он мог сравнивать их и рассуждать.

На лбу его выступил пот. Он вдруг вспомнил, как сидел перед ним Биджаз у огня.

Биджаз!

Карлик что-то сделал с ним.

Хейт почувствовал, что качается на краю пропасти. Он продлил рассуждения ментата вперед, стараясь определить, что может произойти из его собственных действий.

— Принуждение! — выдохнул он. — Меня к чалму-то принуждают!

Одетый в синюю форму курьер, проходивший в этот момент мимо него, спросил:

— Вы что-то сказали, сэр?

Не глядя на него, гхола ответил:

— Я сказал все.

Глава 23

?Жил человек, такой мудрый.

Он прыгнул в песчаную пустыню

И выжег оба свои глаза.

И когда он понял,

Что его глаза погибли,

Он не стал жаловаться.

Он призвал свое видение

И превратился в святого".

Детское стихотворение. Из «Истории Муад Диба».

Пол стоял во тьме снаружи съетча. Видение говорило ему, что сейчас ночь, что слева от него на фоне луны силуэтом возвышается скала Чин. Памятное место, его первый съетч, где он и Чани...

«Я не должен думать о Чани», — сказал он себе.

Видение говорило ему о переменах вокруг — группа пальм неподалеку слева, черно-серебристая линия канала, несущего выводы через дюны.

Вода, текущая через пустыню! Он вспомнил реки Келадана — планеты своего детства. Тогда он не сознавал, какое это сокровище — водный поток. Даже мутное течение канала — сокровище.

С деликатным покашливанием сзади подошел помощник.

Пол протянул руку к магнитной доске с единственным листком металlobумаги на ней. Он двигался медленно, как вода в канале. Видение упорно плыло вперед, но он все с большей неохотой плыл вместе с ним.

— Простите, сир, — сказал помощник. — Сембульский договор. Ваша подпись...

— Я сам могу прочесть! — оборвал Пол. Он нацарапал «Император Атридес» в нужном месте и вернул доску, сунув ее прямо в протянутые руки помощника и чувствуя внушаемый им страх.

Помощник поспешно удалился.

Пол отвернулся. Отвратительная, голая земля. Он представлял ее себе залитой солнцем и жарой, местом песчаных склонов и темных ям, заполненных пылью, длинных дюн, протянувшихся через скалы и полные охранных кристаллов. Но это была и богатая земля.

Она требовала только воды и... любви.

Он подумал о том, как жизнь изменила эти грозные просторы, придала им грацию и движение. В этом было послание пустыни. Контраст ошеломил его. Он хотел повернуться к свите, расположившейся в съетче, крикнуть ей: «Если вам нужно кому-то поклоняться, поклоняйтесь жизни — всей жизни, а не только каждой мелкой ползущей частице. Мы все в этой красоте жизни объединены вместе».

Они не поймут. В пустыне жизни они как затерявшиеся путники, не знающие обычной, песчаной пустыни: будут брести бесконечно.

Он сжал кулаки, стараясь остановить видение. Он хотел бы убежать от собственного мозга. Это зверь, который пожирает его.

Отчаянным усилием Пол направил мысли в пространство вовне.

Звезды!

Сознание переворачивалось при мысли обо всех этих звездах над ним поистине несчетное количество и звезд, и обитаемых миров. Человек безумен, если думает, что может управиться хотя бы лишь с ничтожной частью этого количества. Даже он, Пол, представить себе не может всего, что входит в его Империю, всех ее подданных.

Подданные? Скорее, поклоняющиеся и враги. Смотрит кто-нибудь из них за пределы своей

жестокой веры? Существует ли хоть один человек, избежавший предрассудков? Даже Император их не избежал. Он старался создать некую вселенную в соответствии с собственными представлениями. Но настоящая Вселенная разбивает его планы своими молчаливыми волнами.

"Я пллю на Дюну! — подумал он. — Я отдаю ей свою влагу!?

Миф, который он создал из сложных движений и воображения, из лунного света и любви, из молитв, более древних, чем Адам, из серых утесов и алых теней, из жалоб и рек мучеников. К чему он приведет, этот миф? Когда волны отступят, берега Времени предстанут чистыми, пустынными, сияющими бесконечными зернами воспоминаний. Для того ли создан человек?

Скрип песка подсказал Полу, что к нему подходит гхола.

— Ты избегал меня сегодня, Данкан, — сказал Пол.

— Для вас опасно называть меня так.

— Я знаю.

— Я... я пришел предупредить вас, милорд.

— Знаю.

Гхола рассказал о принуждении, наложенном на него Биджазом, а может быть, тлейлаксу.

— Ты знаешь, к чему приведет это принуждение? — спросил Пол.

— К насилию.

Пол чувствовал, что приближается к месту, которое с самого начала было ему уготовано. Он оцепенел. Джихад схватил его и повел по тропе, где его никогда не отпускала ужасающая власть будущего.

— Никакого насилия от Данкана не будет, — прошептал Пол.

— Но, сир...

— Расскажи мне, что ты видишь вокруг?

— Милорд?

— Пустыня, какая она сегодня?

— Вы не видите ее?

— У меня нет глаз, Данкан.

— Но...

— У меня только предвидение, — сказал Пол. — Как бы я хотел, чтобы у меня его не было. Я умираю от предвидения, разве ты не знаешь этого, Данкан?

— Может... то, чего вы боитесь, не случится? — предположил гхола.

— Что? Отрицать предвидение? Как можно, ведь оно сбывалось тысячи раз! Люди зовут его властью, даром, а это — бедствие! Оно не отпускает меня!

— Милорд, — пробормотал гхола. — Я... это не... молодой хозяин, вы не... я... — он замолчал.

Пол почувствовал смятение гхолы и спросил:

— Как ты назвал меня, Данкан?

— Что? Я...

— Ты назвал меня «молодой хозяин»?

— Да.

— Так всегда называл меня Полом, Данкан. — Пол протянул руку и коснулся лица гхолы. — Это часть твоего обучения у тлейлаксу?

— Нет.

Пол опустил руку.

— Что же тогда?

— Это пришло от меня...

— Ты служишь двум хозяевам?

— Может быть.

— Освободи себя от гхолы, Данкан.

— Как?

— Ты — человек. Поступай по-человечески.

— Я гхола!

— Но у тебя тело человека. И в нем Данкан.

— Что-то в нем есть.

— Не знаю, как, — сказал Пол, — но ты это сделаешь.

— Вы это предвидите?

— Будь проклято предвидение! — Пол отвернулся. Видение толкало его вперед, его нельзя было остановить.

— Милорд, если вы...

— Тише! — Пол предостерегающе поднял руку. — Ты слышишь?

— Что, милорд?

Пол покачал головой. Он чувствовал себя выслеженным. Что-то в夜里 знает о нем. Что-то? Нет, кто-то.

— Жизнь была хороша, — прошептал он, — и ты была в ней самым хорошим. — Что вы сказали, милорд?

— Это сказало будущее.

Аморфная Вселенная претерпевала изменения, танцуя в такт его видению. — Я не понимаю, милорд.

— Свободный умирает, если он надолго оторван от пустыни, — сказал Пол. — Это называется «водяной болезнью». Разве это не странно?

— Очень странно.

Пол напряг память, пытаясь вспомнить движение Чани рядом с ним ночью. Где же утешение? Он смог только вспомнить Чани за завтраком — в то утро, когда они улетели в пустыню. Она была беспокойна и раздражена.

— Почему на тебе старая куртка? — спросила она, оглядывая его черный костюм с красным ястребом на груди. — Ты — Император!

— Даже у Императора может быть любимая одежда, — ответил он. Он не мог объяснить, почему его ответ вызвал у Чани слезы — второй раз в жизни она нарушила запрет Свободных.

Теперь, во тьме, коснувшись своих щек, Пол почувствовал, что они у него мокрые. «Кто дает воду мертвым?» — подумал он. Это его собственное лицо и в то же время не его. Ветер холодил влажную кожу. Что разбухает в груди? Наверное, он что-нибудь съел. Как горько отдавать воду мертвым. Ветер шелестел песком. Кожа, сухая теперь, была его собственная. Но что же тогда дрожит?

Они услышали воющий крик далеко, в глубинах съетча. Он становился все громче и громче...

Гхола повернулся, когда кто-то зажег свет у входа в съетч. При этом свете он увидел человека с лицом, искаженным гримасой боли и горя. Это был лейтенант федайкинов по имени Тандис. За ним бежало много людей. Все они замолчали, увидев Муад Диба.

— Чани... — начал Тандис.

— Умерла, — прошептал Пол. — Я слышу ее зов. Он повернулся к съетчу. Он знал это место. Здесь ему не спрятаться. Обрушившееся на него видение показало всю толпу Свободных. Он видел Тандиса, чувствовал горе федайкина, его страх и гнев. — Она умерла, — сказал Пол.

Гхол услышал эти слова как бы в сверкающей короне. Они жгли ему грудь, позвоночник, глазницы его металлических глаз. Он чувствовал, как его правая рука дернулась к рукоятке ножа. Собственное его мышление стало странным, разъединенным. Он был куклой из сверкающей короны, которую дергали за нити. Он двигался по чужой команде, по чужому желанию. Нити дергали его руки, ноги, челюсти. Ужасный скрежещущий звук вырвался из его горла:

— Хррак! Хррак! Хррак!

Нож поднялся для удара. И в этот момент он обрел собственный голос и прокричал:

— Беги! Молодой хозяин, беги!

— Мы не побежим, — ответил Пол. — Мы двинемся с достоинством. И сделаем то, что должны сделать.

Мышцы гхолы напряглись. Он весь задрожал, раскачиваясь.

«...что должны сделать!» Слова перекатывались в его сознании. «...что должны сделать!» Так сказал бы старый Герцог, дед Поля. В молодом хозяине есть что-то от старика. "...что должны сделать!?

Слова в сознании гхолы начали выстраиваться в определенном порядке. Ощущение двух жизней одновременно прошло через него: Хейт-Айдахо, Хейт-Айдахо... Старые воспоминания наполнили мозг. Он отмечал их, приспособливал к новому пониманию, создавая новое сознание. Молодой хозяин нуждался в Нем. Свершилось! Он осознал себя Данканом Айдахо, который всегда скрывался в Хейте и неожиданно вышел наружу под действием какого-то огненного катализатора. Он отбросил принуждение тлейлаксу.

— Держись ближе ко мне, Данкан, — сказал Пол. — Ты мне понадобишься. — И, так как Данкан стоял, оцепенев, Пол познавал: — Данкан!

— Да, я Данкан.

— Конечно! Это момент твоего возвращения. Сейчас мы пойдем внутрь. Айдахо пошел за Полом. Как в старые времена, и все же не совсем так.

Теперь, освободившись от тлейлаксу, он мог оценить, что ему дали. Навыки Дзэнсунни помогли езду преодолеть шок от событий. А сознание ментата составило противовес эмоциям. Он отбросил все страхи, поднялся над ними. Все его существо изумленно повторяло: я был мертв, а теперь я жив. — Сир, — сказал федайкин Тандис, когда они подошли к нему, — женщина по имени Лачма говорит, что должна увидеться с вами. Я велел ей ждать.

— Спасибо, — ответил Пол. — Что роды?

— Я разговаривал с врачом, — сказал Тандис, идя в ногу с Полом. — Он сказал, что у вас двойня, оба ребенка живые и здоровые.

— Два ребенка? — Пол споткнулся и ухватился за рукав Айдахо.

— Девочка и мальчик Я их видел. Нормальные дети Свободных.

— Как... она умерла? — прошептал Пол.

— Милорд? — Тандис наклонился ближе.

— Чани...

— Роды, милорд. Говорят, ее тело было истощено скоростью роста детей. Я не понимаю, но так сказали.

— Отведите меня к ней, — прошептал Пол.

— Мы туда и идем, милорд, — Тандис снова наклонился к Полу.

— Почему ваш гхола держит нож обнаженным?

— Данкан, убери нож, — сказал Пол. — Время насилия миновало.

Два ребенка! Видение показывало лишь одного. Однако же все идет как в видении. Кто-то рядом с ним испытывает гнев и горе.

Два ребенка!

Он опять спотыкался. «Чани, Чани... — думал он. — Другого пути не было. Чани, любимая, поверь, что эта смерть быстрее... и легче. Твоих детей взяли бы заложниками, а тебя бросили бы в клетку, в подземелье, возложили бы на тебя вину за мою смерть. А так... так мы уничтожим их и спасем наших детей».

Детей?

Он снова споткнулся.

«Я допустил это, — думал он. — Я должен чувствовать вину».

Звуки смятения заполнили пещеру перед ним. Они становились громче. Он помнил, как они становятся громче. Да, таков рисунок, неизменный рисунок, хотя детей двое.

«Чани мертв», — сказал он себе.

В какое-то мгновение прошлого, которое он разделял с остальными, на него обрушилось будущее. Оно гнало за ним, толкало его в пропасть, стены которой сдвигались все быстрее и теснее. Он чувствовал, как они смыкаются вокруг него. Все как в видении.

«Чани мертв. Я должен предаться горю».

Но в видении было не так.

— Вызвали Алию? — спросил он.

— Она с друзьями Чани, — ответил Тандис.

Пол чувствовал, как расступается толпа, давая ему дорогу. Молчание двигалось перед ним, как волна. Шумное смятение начало стихать. Чувство переполненных эмоций захлестнуло съетч. Он хотел убрать этих людей из своего видения и обнаружил, что это невозможно. Каждое лицо, оборачивающееся ему вслед, несло на себе особый отпечаток. Они были безжалостны в своем любопытстве, эти люди. Они испытывали горе, да, но он понимал их грубость. Они следили, как говорящий становится немым, как мудрец превращается в глупца. Разве клоун не апеллирует всегда к жестокости людей?

Это больше, чем люди при умирающей, и меньше, чем на поминках.

Пол чувствовал, как его душа молит о передышке, но видение по-прежнему руководило им. «Еще немного», — сказал он себе. Черный, лишенный видения мрак ждет его впереди. Там, впереди, место без видений, место горя и вины, место, где упадет луна.

Он вошел в этот мрак и упал бы, если бы Айдахо не поддержал его.

— Мы пришли, — сказал Тандис.

— Осторожно, сир, — сказал Айдахо помогая ему переступить порог. Занавеси коснулись лица Пола. Айдахо остановил его. Пол чувствовал вокруг себя комнату, ее каменные стены были занавешены тканями.

— Где Чани? — прошептал Пол.

Голос Хары ответил:

— Она здесь, Узул.

Пол с дрожью перевел дух. Он боялся, что ее тело уже убрали туда, где Свободные возьмут ее воду для племени. Как было дальше в видении? Он чувствовал себя покинутым в своей слепоте.

— Дети? — спросил Пол.

— Они тоже здесь, милорд, — ответил Айдахо.

— У тебя чудесные близнецы, Узул, — сказала Хара, — мальчик и девочка. Видишь? Все они, в колыбели.

«Двое детей», — с удивлением подумал Пол. В видение была только дочь. Он освободился от руки Айдахо, добрался до места, откуда слышался голос Хары, спотыкался обо что то твердое. Руки его

ощупали преграду — колыбель из метастекла.

Кто-то взял его за руку.

— Узул?

Это Хара. Она направила его руку в колыбель. Он почувствовал мягкую нежную плоть. Такая теплая! Ощупал ребра, ощутил дыхание.

— Это твой сын, — прошептала Хара. Она передвинула его руку. — А это дочь. — Его рука нашупала ее. — Узул, ты теперь на самом деле слепой?

Он знал, о чем она думает. «Слепой должен быть покинут в пустыне». Племена Свободных не могли нести мертвый вес.

— Отведите меня к Чани, — сказал Пол, не отвечая на ее вопрос.

Хара повернула его и направила налево.

Теперь Пол принял смерть Чани. Он занял свое место во Вселенной, нежеланное место. Каждый вздох усиливал его горе. «Двоих детей?» Неужели он ступил на тропу, где видение никогда не вернутся к нему? Теперь это казалось совершенно незначительным.

— Где мой брат? — раздался за его спиной голос Алии. Он услышал ее шаги. — Я должна поговорить с тобой, Пол.

— Чуть погодя, — сказал Пол.

— Немедленно! Относительно Лачмы.

— Я знаю, — сказал Пол. — Подожди.

— У нас нет времени.

— У нас его сколько угодно.

— Но у Чани его нет!

— Помолчи! — приказал он. — Чани мертва. — Он закрыл ей рот рукой, когда она попыталась возразить. — Приказываю тебе замолчать! — Он понял, что она подчиняется, и убрал руку. — Опиши мне, что ты видишь.

— Пол! — Раздражение и слезы слышались в ее голосе.

— Ладно, все неважно, — сказал он, заставляя себя успокоиться. Да, она еще здесь. Тело Чани лежало на матраце в круге света. Кто-то расправил ее белое платье, постарался убрать кровь. Пол не мог уйти от видения ее лица, оно было перед ним — зеркало вечности в неподвижных чертах.

Он отвернулся, но видение двинулось вместе с ним. Она ушла... и больше не вернется. Воздух, Вселенная — все опустело. Так неужели в этом его епитимья? Он хотел заплакать, но не мог. Неужели он слишком долго прожил со Свободными? Мертвые требуют своей влаги!

Поблизости заплакал ребенок. Этот звук задернул занавес его видения. Пол был благодарен темноте. «Это другой мир, — подумал он. — Два ребенка...?»

Это была его последняя мысль, пришедшая из оракульного транса. Он пытался вспомнить, как расширяется вневременное сознание после приема меланжа, и не смог. Своим новым сознанием он не видел будущего. Он отвергал будущее — любое будущее.

— Прощай, моя Сихая, — прошептал он.

Голос Алии, резкий и требовательный, донесся откуда-то сзади него:

— Я привела Лачму!

Пол обернулся.

— Это не Лачма, — сказал он. — Это лицевой танцор. Лачма мертва.

— Но послушай, что она говорит, — сказала Алия.

Пол медленно двинулсь на голос сестры.

— Я не удивлен, застав тебя живым, Атридес. — Голос Лачмы, но чуть-чуть другой, как будто говорящий использовал голосовые связки Лачмы, но больше не старался их тщательно контролировать. Пол чувствовал, что его тронула странная искренняя нотка в этом голосе.

— Не удивлен? — переспросил он.

— Я — Скайтейл, лицевой танцор с Тлейлакса. Прежде чем мы будем договариваться, я бы хотел спросить кое о чем. Я вижу за тобой гхолу или Данкан Айдахо?

— Это Данкан Айдахо, — сказал Пол. — И я не буду договариваться с тобой.

— Думаю, будешь, — сказал Скайтейл.

— Данкан, — спросил через плечо Пол, — убьешь ли ты этого тлейлаксу, если я попрошу?

— Да, милорд, — в голосе Айдахо звучал еле сдерживаемый гнев. — Подожди! — остановила его Алия. — Ты не знаешь, от чего отказываешься.

— Знаю, — возразил Пол.

— Значит, ты действительно Данкан Айдахо, слуга Атридесов, — сказал Скайтейл. — Или нашли рычаг! Гхола может вернуть себе свое прошлое. — Пол слышал шаги. Кто то прошел мимо него. Голос Скайтейла теперь доносился сзади. — Что ты помнишь из своего прошлого, Данкан?

— Все. С самого детства. Я даже помню тебя возле бака, когда меня извлекали из него, — сказал Айдахо.

— Замечательно! — воскликнул Скайтейл. — Замечательно!

Пол слышал, как передвигается этот голос. «Мне нужно видение», подумал он. Тьма его раздражала. Тренировка Бене Джессерит предупреждала его об ужасной угрозе, таящейся в Скайтейле, но тот оставался лишь голосом, тенью движения.

— Это дети Атридеса? — спросил Скайтейл.

— Хара! — крикнул Пол. — Унеси их отсюда!

— Оставайтесь на месте! — загремел Скайтейл. — Все вы! Предупреждаю, лицевой танцор движется гораздо быстрее, чем вы подозреваете. Мой нож прервет обе эти жизни прежде, чем вы прикоснетесь ко мне.

Пол чувствовал, как кто-то коснулся его правой руки и отвел его в сторону.

— Достаточно, Алия! — сказал Скайтейл.

— Алия, — сказал Пол. — Не нужно.

— Это моя вина, — простонала Алия. — Моя вина!

— Атридес, — снова спросил Скайтейл, — будешь договариваться?

Пол услышал за собой хриплое проклятие. Горло его судорожно сжалось, когда он услышал сдерживающую ярость в голосе Айдахо. Айдахо не должен сломаться, иначе Скайтейл убьет детей!

— Чтобы заключить сделку, нужно иметь товар на продажу, — сказал Скайтейл. — Не так ли, Атридес? Хочешь вернуть себе свою Чани? Мы восстановим ее для тебя. Это будет гхола, Атридес, но гхола с полной памятью! Не нужно торопиться с ответом. Вели своим друзьям принести криогенный танк с раствором, чтобы сохранить тело.

“Снова слышать голос Чани, — подумал Пол, — чувствовать ее присутствие рядом. Так вот почему они дали мне Айдахо — гхолу. Чтобы я знал, насколько полно можно восстановить оригинал. Полное восстановление... на условиях тлейлаксу. Я навсегда стану их орудием. И Чани, прикованная к той же судьбе страхом за детей, новый заговор со стороны Квизарата...?”

— Что вы используете, чтобы возвратить Чани память? — спросил Пол, стараясь говорить спокойно. — Заставите ее убить одного из своих детей?

— Мы используем то, что сочтем нужным. Ну, так как Атридес?

— Алия, — сказал Пол, — договаривайся с этим... Я не могу договариваться с тем, кого не вижу.

— Мудрое решение, — усмехнулся Скайтейл. — Ну, Алия, что вы предложите мне как агент своего брата?

Пол опустил голову, заставив себя застыть. Он что-то увидел... видение, и в то же время не видение. Он увидел около себя нож! Вот оно!

— Дайте мне подумать, — сказала Алия.

— Мой нож может подождать, — сказал Скайтейл, — а тело Чани — нет. Думайте, только недолго.

Пол почувствовал, что он мигает. Везде может быть... и все же... Он чувствовал глаза! Они расположены в необычном месте и двигаются как-то странно. Вот! Нож появился в поле зрения. И тут Пол понял, откуда он видит. Это глаза одного из его детей! Он видел нож Скайтейла из колыбели. Нож сверкал в нескольких дюймах от него. Да... вот он видит самого себя в комнате... голова опущена, поза неподвижная, не таящая в себе угрозы. Никто в комнате на него не смотрит.

— Для начала вы должны отдать нам все свои вклады в КХОАМ, — заявил Скайтейл.

— Все? — переспросила Алия.

— Все.

Глядя на себя глазами из колыбели, Пол извлек из ножен криснож. Это движение породило в нем странное ощущение раздвоенности. Он прикинул расстояние, угол броска. Другой возможности не будет. Подготовив свое тело методами Бене Джессерит, Пол превратил себя в сжатую пружину, привел все мышцы в готовность.

Криснож, брошенный его рукой, вонзился в правый глаз Скайтейла, отбросив голову лицевого танцора назад. Скайтейл вскинулся и пошатнулся. Нож его ударился о потолок и с лязгом упал на пол. Скайтейл ударился о стену, отскочил от нее и упал лицом вниз, умерев раньше, чем коснулся пола.

Все еще через глаза в колыбели Пол видел, как все в комнате повернулись к безглазой фигуре, видел их общее изумление. Затем Алия бросилась к колыбели и наклонилась над ней, закрыв ему поле зрения.

— Живы, — сказала она, — живы!

— Милорд, — прошептал Айдахо, — это часть вашего видения?

— Нет. — Пол махнул рукой в направлении Айдахо.

— Прости меня, Пол, — сказала Алия. — Но это существо сказали, что они могут оживить...

— Есть цена, которую Атридес не может заплатить. Ты знаешь это?

— Знаю, — вздохнула она. — Но какое искушение...

— А кто его не испытал? — спросил Пол.

Он отвернулся от них, ощупью добрался до стены, прислонился к ней и постарался понять, что и как он сделал. Как? Как? Глаза в колыбели! Он чувствовал, что стоит на краю ужасающего открытия.

"Мои глаза, отец...?"

Слова-формы мерцали перед его безглазым видением.

— Мой сын! — прошептал Пол так тихо, чтобы его не услышали другие. -Ты... сознаешь?..

— Да, отец! Смотри!

Пол прижался к стене в приступе головокружения. Он чувствовал себя выжатым. Жизнь выходила из него. Он видел своего отца. Он был своим отцом. И дедом. И прадедом. Его сознание пробивалось сквозь коридор всей мужской линии.

— Как? — безмолвно спросил он.

Появились слабые слова-формы и исчезли, как будто напряжение было слишком велико. Пол вытер слону с угла рта. Он припомнил пробуждение Алии во чреве леди Джессики. Но здесь не было Воды Жизни... или была? Не ради ли этого голода Чани? Или это продукт генетической линии, предвиденный Преподобной Матерью Гаиус Хэлен Моахим?

Теперь Пол ощутил себя в колыбели. Над ним воркует Алия. Его успокаивают ее руки. Лицо ее наклоняется над ним, гигантское лицо прямо над ним. Она повернула его, и он увидел соседку по

колыбели — девочку с рыжевато-коричневыми волосами. Когда он посмотрел на нее, она открыла глаза. Эти глаза!.. Чани смотрела из ее глаз, и леди Джессика, и еще великое множество людей.

— Взгляните, — сказала Алия. — Они смотрят друг на друга.

— Дети в этом возрасте еще не могут сфокусировать взгляд, — возразила Хара.

— Я могла, — заметила Алия.

Пол почувствовал, как он освобождается от бесконечного потока сознания. Он снова у своей стены, опирается на нее... Айдахо осторожно потряс его за плечо.

— Милорд?

— Пусть моего сына назовут Лито, в честь его деда, — сказал Пол, выпрямляясь.

— Во время обряда называния — сказала Хара, — я буду стоять рядом с тобой, как подруга матери, и дам это имя.

— А дочь пусть назовут Ганимой.

— Узул! — возразила Хара. — Это имя с дурным предзнаменованием.

— Я спас твою жизнь, моя дочь Ганима, «пролитая вода», — сказал Пол и услышал шум — это выносили тело Чани. Началось пение Водного обряда.

— Сейчас я должна уйти, чтобы в последний раз постоять рядом с подругой, — сказала Хара. — Ее вода принадлежит племени.

— Ее вода принадлежит племени, — пробормотал Пол. Он слышал, как вышла Хара. Ощупью найдя рукав Айдахо, Пол произнес: — Отведи меня в мою комнату, Данкан.

В своей комнате он мягко высвободился. Время побить одному. Но прежде, чем Айдахо ушел, послышался шум у двери.

— Хозяин! — позвал от двери Биджаз.

— Данкан, — сказал Пол, — пусть он сделает два шага вперед. Убей его, если он подойдет ближе.

— Это Данкан? — спросил Биджаз. — Это действительно Данкан Айдахо?

— Да, — сказал Айдахо. — Я все помню.

— Значит, план Скайтейла удался!

— Скайтейл мертв, — сказал Пол.

— Но я нет, и план тоже нет. Клянусь баком, в котором я вырос! Значит, это возможно! Нужен только правильный спусковой крючок.

— Спусковой крючок? — переспросил Пол.

— Принуждение убить вас, — с гневом в голосе сказал Айдахо. — Вот мое заключение ментата: они обнаружили, что я думаю о вас, как о сыне, которого у меня никогда не было. Гхола не может убить вас, подлинный дух Данкана Айдахо возьмет в нем вверх. Но... план мог не удастся. Скажи мне, карлик, если бы я убил его, что тогда?

— ... тогда мы заключили бы сделку с сестрой, чтобы спасти брата. Но теперь договориться проще.

Пол с горечью вздохнул. Он слышал, как траурная процессия движется по коридору к последней комнате, где стоит перегонный клуб.

— Еще не поздно, милорд, — сказал Биджаз. — Хотите вернуть свою любовь? Мы восстановим ее для вас. Пусть гхола, да. Но теперь мы можем провести полное восстановление. Нужно только позвать слуг и подготовить криогенный бак, чтобы сохранить тело вашей возлюбленной...

“На этот раз еще труднее, — подумал Пол. — Я уже истратил силы в борьбе с искушением тлейлаксу. И вот все сначала. Снова ощутить присутствие Чани...?

— Пусть он замолчит! — Пол обратился к Айдахо на боевом языке Атридесов и сразу же услышал, как тот двинулся к карлику.

— Хозяин! — пискнул Биджаз.

— Если любишь меня, — сказал Пол на том же боевом языке, — помоги мне. Убей его прежде, чем я сдамся!

— Но... — закричал Биджаз.

Его вопль внезапно оборвался хрипом.

— Я оказал ему любезность, — проговорил Айдахо.

Пол наклонил голову, прислушиваясь. Плакальщиц больше не было слышно. Он подумал о древнем обряде Свободных, который сейчас совершается в глубинах съетча, там, где племя получает воду.

— Выбора не было, — сказал Пол. — Ты понимаешь это, Данкан?

— Понимаю.

— Есть вещи, перенести которые нельзя. Я вмешался во все возможные будущие, которые мог создать. Но в конце концов будущее создало меня.

— Милорд...

— Существуют во Вселенной вопросы, на которые нет ответов. Ничего... Ничего нельзя было сделать.

И, говоря это, Пол чувствовал, как разрывается его связь с видением. Мозг его закрылся, ошеломленный бесконечными возможностями. Последнее его видение было как ветер, который дует везде.

Глава 24

«Мы говорим о Муад Дибе, что он ушел в страну, где не оставляют следов».

Вступление к «Символу веры Квизарата».

Плотина, удерживающая песок, — внешняя граница растительности, окружающей съетч. От нее ведет к пустыне каменный мост, начинающийся у ног Айдахо. Выдающийся уступ съетча Табр вырисовывался за ним в ночном небе. Свет обеих лун заливал край этой скалы. Справа, ниже, у воды, виднелся сад.

Айдахо остановился у края пустыни и взглянул назад, на усыпанные цветами ветви, склонившиеся над тихой водой, на четыре луны — две настоящие, и отраженные. Стильсьют вызывал ощущение грязи на коже. Влажные резкие запахи, минуя фильтры, наполняли его ноздри. Зловеще смеялся ветер, пролетая через сад. Айдахо вслушивался вочные звуки. В траве, у самого края воды, пробежала кенгуровая мышь, ястребиная сова протяжно вскрикнула в тени скалы, донесся свист ветра, заблудившегося в дюнах.

Айдахо обернулся на звук. Никакого движения на залитых лунным светом дюнах.

Пола привел сюда Тандис. Потом он вернулся и сообщил о сделанном. А Пол ушел в пустыню — как Свободный.

— Он был слеп, действительно слеп, — говорил Тандис, будто оправдываясь. — У него были до этого видения, но...

Пожатие плечами. Слепой Свободный должен быть оставлен в пустыне. Муад Диб может быть Императором, по он также и Свободный. Разве он не распорядился, чтобы Свободные берегли и растили его детей? Он же Свободный!

Пустыня напомнила Айдахо скелет. Посеребренные луной ребра скал торчат в песке, а дальше начинались дюны.

«Я не должен был оставлять его одного ни на минуту, — думал Данкан. -Я знал, что было у него на уме».

— Он сказал мне, что будущее не нуждается в его физическом присутствии, — сказал Тандис. — Уходя, он обернулся и сказал: «Теперь я свободен». Это были его последние слова.

«Проклятье!» — подумал Айдахо.

Свободные отказались послать топтеры на поиски. Спасение было против их древних обычаяев. — О, там Муад Диба ждет червь, — сказали они и начали петь о тех, кто отдан пустыне, чья вода идет Шай-Хулуду: «Мать песка, Отец времени, начало Жизни, позволь же ему пройти». Айдахо сел на плоскую скалу и посмотрел в пустыню. Ночь покрыла ее маскировочными пятнами. Невозможно было сказать, куда ушел Пол.

— Теперь я свободен.

Айдахо произнес эти слова вслух и удивился звуку собственного голоса. Он вспомнил день, когда взял маленького Пола на морской рынок на Келадане, вспомнил ослепительные блики солнца на воде, дары моря, выставленные на продажу. Он припомнил Гурни Хэллека, играющего на бализете, вспомнил радость, удовольствие, веселье, смех...

Гурни Хэллек... Гурни обвинил бы его в этой трагедии.

Воспоминание о музыке поблекло.

Айдахо вспомнил слова Пола: «Существуют во Вселенной вопросы, на которые нет ответа».

Он подумал о том, как умрет Пол в пустыне. Быстро, убитый червем? Медленно, под лучами палящего солнца? Многие Свободные в съетче говорят, что Муад Диб никогда не умрет, что он ушел в мир, где возможны все будущие, что он будет жить всегда, бродя по пустыне даже после того, как перестанет существовать его тело.

?Он умирает, а я бессилен помешать ему умереть", — подумал Айдахо.

Он начал осознавать, что есть какая-то изысканная деликатность в такой смерти — без следа, без останков, а могилой служит вся планета. «Ментат, реши себя», — подумал он.

Слова заполнили его память — ритуальные слова лейтенанта федайкинов, вставшего на стражу

возле детей Муад Диба: "Это будет единственной обязанностью дежурного офицера...?"

Медленный, тяжелый, самодовольный правительственный язык рассердил его. Он заворожил и соблазнил Свободных. Он заворожил и соблазнил всех. Человек, великий человек умирает, а слова этого языка продолжают литься все дальше, и дальше, и дальше...

Айдахо встал, чувствуя себя очищенным пустыней. Песок начал тихо шептать на ветру, шелестеть на поверхности листьев в саду, что лежал за ним. В ночном воздухе стоял сухой, режущий запах пыли.

Где-то в пустыне зарождалась буря, в свистящей ярости поднимая вверх песчинки.

«Он теперь один на один с пустыней, — подумал Айдахо. — Пустыня завершит его».

Мысль Дзэнсунни прошла через сознание, как чистая вода. Айдахо знал, что Атридес не отдастся полностью на волю судьбы, даже сознавая неизбежное.

Предвидение коснулось Айдахо, и он увидел людей будущего, которые говорили о Поле: «Пусть жизнь его ушла в песок, а за нею последовала вода... Тело его погибло, но он выплыл».

За спиной Айдахо кто-то кашлянул.

Данкан резко обернулся и увидел Стилгара.

— Его не найдут, — сказал Стилгар, — но все человечество найдет его. — Пустыня приняла его, — ответил Айдахо. — Пусть он был здесь всего лишь временный жилец. Он принес нужный продукт на эту планету — воду.

— Пустыня накладывает свои собственные ритмы, — сказал Стилгар. — Мы приветствовали его, звали «Наш Махди», «наш Муад Диб», и дали ему тайное имя — Узул, «основание столба».

— Но он не родился Свободным.

— И все же это не меняет того факта, что он принадлежит нам... и навсегда. — Стилгар положил руку на плечо Айдахо. — Все люди — лишь временные жильцы, старый друг. — Ты глубоко смотришь, Стил?

— Глубоко. Я вижу, как мы загромождаем Вселенную нашими миграциями. Муад Диб дал нам нечто незагроможденное. Хотя бы за это люди будут помнить его джихад.

— Он не сдастся пустыне, — сказал Айдахо. — Он слеп, но не сдастся. Он человек чести и принципов. Он — Атридес.

— И вода его прольется в песок. Идем. — Он осторожно потянул Айдахо за рукав. — Алия вернулась и спрашивала о тебе.

— Она была с тобой в съетче Макаб?

— Да, оно помогала приводить в себя наибов. Они теперь слушаются ее приказов, да, собственно, как и я.

— Что за приказы?

— Она приказала казнить изменников. — Ох! — Айдахо сдержал головокружение. — Каких именно?

— Рулевого, Преподобную Мать Моахим и еще нескольких.

— Вы убили Преподобную Мать?

— Я сам сделал это. Муад Диб оставил наказ, чтобы этого не делали. -Стилгар пожал плечами. Но я его послушался, как и была уверена Алия.

Айдахо снова посмотрел в пустыню, чувствуя, что только теперь он может охватить все сделанное Полом. Люди подчиняются правительству, но управляемые влияют на правителей.

— Алия, — сказал Стилгар, откашливаясь. Он казался смущенным. — Она нуждается в твоем присутствии.

— Она правит, — пробормотал Айдахо.

— Как регент, не больше.

— Судьба ждет повсюду, как говаривал ее отец.

— Мы заключаем сделку с будущим, — сказал Стилгар. — Видишь? Ты нам нужен. — И снова в его голосе послышалось замешательство. — Алия расстроена. То плачет о брате, то причитает...

— Ладно, я сейчас, — сказал Айдахо. Он слушал шаги уходящего Стилгара, стоя лицом к поднимающемуся ветру, песчинки барабанили о его стилсьют.

Сознание ментата проникло в будущее. Пол привел все в движение, теперь этот процесс уже не остановить.

Бене Джессерит и Союз проиграли. Квизарат потрясен предательством Корбы и других. Но последний поступок Пола, его добровольное подчинение обычаям Свободных окончательно укрепит верность Свободных ему и его династии. Теперь он навсегда один из них...

— Пол умер! — Алия задыхалась. Она бесшумно подошла сзади к Айдаху. -Он поступил глупо, Данкан!

— Не говори так! — резко ответил тот.

— Вся Вселенная услышала это, прежде чем я подумала.

— Но почему, во имя любви неба?!

— Во имя любви моего брата, а не неба.

Прозрение Дзэнсунни расширило его сознание. Он чувствовал, что у нее не было видений — не было с момента смерти Чани.

— У тебя странная любовь, — сказал он.

— Любовь? Данкан, ему стоило лишь сойти с тропы. Какое ему дело до остальной Вселенной? Он был бы в безопасности... и Чани с ним.

— Тогда почему он этого не сделал?

— Ради любви неба, — прошептала она. Потом чуть громче добавила: -Вся жизнь Пола была направлена на то, чтобы избежать джихада и своего обожествления. И вот он свободен. Он сам выбрал это.

— Ах, да — оракул! — Айдахо удивленно посмотрел на Алию и покачал головой. — Даже смерть Чани — луна упала.

— Он был глупец, разве не так, Данкан?

Горло Айдаху сжалось от горя.

— Такой глупец! — выдохнула Алия, уже не владея собой. — Он будет жить вечно, а мы умрем...

— Алия...

— Это всего лишь горе, — тихо сказала она. — Всего лишь горе. Знаешь, что я должна сделать для него? Спасти жизнь принцессы Ирулэн. Этой! Если бы ты видел и слышал ее сейчас! Рыдает! Воет! Отдает воду мертвым, клянется, что любила его и ничего не знала о заговоре. Предает свой орден, обещает всю жизнь посвятить воспитанию детей Пола.

— Ты ей веришь?

— Похоже на искренность...

— Ах! — пробормотал Айдахо. Последние детали укладывались в рисунок, который разворачивался перед ним, как узор на ткани. Дезертирство принцессы Ирулэн — последний шаг. После этого у Бене Джессерит не осталось ни единого шанса против Атридесов. Алия заплакала, прижавшись лицом к его груди.

— О, Данкан, Данкан! Он погиб!

Айдахо поцеловал ее волосы.

— Не нужно, — прошептал он, чувствуя, что ее горе смешивается с его горем, как два ручья, сливающиеся в один бассейн.

— Ты мне нужен, Данкан, — всхлипнула она. — Люби меня.

— Люблю, — прошептал он.

Она подняла голову и всмотрелась в его освещенное луной лицо.

— Я знаю, Данкан. Любовь знает любовь.

Ее слова вызвали у него дрожь, чувство отчужденности от его старого бытия. Он пришел сюда в поисках одного, а нашел другое. Как будто вбежал в комнату, полную знакомых, а в самый последний момент понял, что никого из них не знает.

Она отстранилась от него и взяла его за руку.

— Ты пойдешь со мной, Данкан?

— Куда угодно, — ответил он.

Она повела его назад, к каналу, во тьму, к основанию массива, в Место Безопасности.

ЭПИЛОГ

Нет погребального запаха для Муад Диба, Нет коленопреклонения и обрядов, Освобождающих мозг
От жадных теней. От глупых святой, Золотой чужеземец, живущий вечно На краю разума.
Ослабьте свою охрану, и он придет! Его алый мир, его бедность Ударили по пророческой паутине Вселенной, До самого края! Из сверкающих звездных джунглей Смотрит загадочный, смертный, безглазый оракул, Орудие пророчества, чей голос никогда Не умрет! Шай-Хулуд, он ждет тебя на берегу, Чтобы встретить лоб в лоб, как хозяин, Где расцветает скука любви. Он шагает через Время, Разбрасывая свои сны.

Глава 1

«Учение Муад Диба стало площадкой для появления схоластических измышлений, предрассудков и извращений. Он же учил умеренному образу жизни, философии, которая могла бы помочь человечеству решить многие проблемы, возникающие в результате постоянных изменений во Вселенной. Он говорил, что человечество все еще развивается, оно все время пребывает в этом процессе развития, который никогда не кончится. Он говорил, что это развитие влияет на изменение принципов, которые известны только вечности. Как может извращенное толкование его учения развиваться рядом с истинной сущностью?»

Слова Данканы Айдахо, ментата.

На красном ковре с длинным ворсом, покрывающем пол сырой пещеры, появилось пятно света. Самого источника света не было видно, только это единственное пятно на красной ворсистой поверхности. Кружок диаметром два сантиметра как будто искал что-то: он хаотично двигался, то вытягиваясь, то приобретая овальную форму. Достигнув темно-зеленого покрывала, спадающего с кровати, он подскочил вверх, скользя по складкам.

Под зеленым покрывалом лежал ребенок с рыжеватыми волосами. Лицо его было все еще по-детски округлым, пухленьким и полногубым. Он не был худым — характерная черта Свободных, — но и не был рыхлым, как представители Внешнего мира. Когда свет коснулся закрытых век, маленькая фигурка под одеялом зашевелилась.

Теперь слышно было только ритмичное дыхание и едва уловимое «кап-кап-кап» воды, которая капала в тазик из огромного ветряного мешка, расположенного высоко над пещерой.

Снова в помещении возник свет. Его было немного больше, и он был ярче. На этот раз можно было определить его источник: фигура в капюшоне заполнила собой весь дверной проем в конце комнаты, сделанный в виде арки, и свет шел именно оттуда. Пятно света еще раз проследовало по всему помещению, как будто проверяя и выискивая что-то. Это вызывало ощущение угрозы, растущего недовольства. Оно миновало спящего ребенка, задержалось на закрытом решеткой отверстии для воздуха в верхнем углу, тщательно обследовало выпуклость на зеленовато-золотистых занавесях, развешанных по стенам, чтобы скрыть скалы и придать уют помещению.

Вскоре свет померк. Фигура в капюшоне сделала шаг вперед, выдавая свое присутствие шуршанием одежды, и заняла место на одной из сторон арки, которая служила дверным проемом. Тот, кто был знаком с заведенным здесь порядком, в съетче Табр, сразу бы догадался, что это был Стилгар, наиб съетча, хранитель осиротевших близнецов, которые однажды облачатся в мантию своего отца, Поля Муад Диба. Стилгар часто совершал ночной осмотр помещения, где почивали близнецы, и, как проявило, сначала он заходил в спальню Ганимы, а затем в примыкающую комнату, где он мог бы убедиться, что Лито ничего не угрожает.

«Я — старый дурак», — думал Стилгар.

Он дотронулся до холодной поверхности фонаря и затем повесил его на крючок, прикрепленный к его поясу. Фонарь раздражал его, несмотря на то, что он был полностью зависим от него. Эта вещь представляла собой хитроумный инструмент, изобретенный в Империи, — приспособление, способное обнаружить присутствие больших живых тел. С его помощью он увидел лишь спящих детей в королевской спальне.

Стилгар знал, что его мысли и чувства были подобны свету. Он не в состоянии был погасить всегда светящий внутренний прожектор. Какая-то более великая сила контролировала это движение. В данный момент он направлял этот свет туда, где ощущал реально опасность. Здесь находился магнит для мечтаний всего великолепия всей известной Вселенной. Здесь лежали богатства во времени — вечная власть и самый могущественный из всех мистических талисманов: божественная подлинность религиозного наследия Муад Диба. В этих близнецах — Лито и его сестре Ганиме — была сосредоточена власть — сила, внушающая страх и благоговение.

И пока они живут, в них будет жить Муад Диб: несмотря на то, что он умер.

Это были не просто девяностые дети, они были силой самой природы, предметом почитания и старого страха. Они были детьми Поля Атридеса, Махди всех Свободных-фрименов. Он вызвал взрыв гуманности. Свободные с этой планеты распространили джихад, неся свою страсть через всю человеческую Вселенную от лица религиозного правительства, чей размах и бездесущая власть оставили свой след на каждой планете.

«Однако, эти дети — кровь и плоть Муад Диба, — думал Стилгар. — Два пустяковых удара моего ножа остановили бы навсегда их сердца. Их род прекратил бы существование.?

Его разум пришел в смятение от такой мысли.

«Убить детей Муад Диба!?

Но годы сделали его мудрым в отношении самоанализа. Стилгар знал о происхождении этой жуткой мысли. Она шла от левой руки проклятого, а не от правой руки благословенного. Айт и Бурхан Жизни были загадками для него. Когда-то он гордился, что осознавал себя Свободным, что думал о пустыне, как о друге; что в мыслях назвал свою планету Дюной, а не Арракисом, как это значилось на всех картах Империи.

«Насколько просто все было, когда наш Мессия просто мечтал, — думал он. — Но найдя своего Махди, мы освободились от вселенских бесконечных мессианских грез. Каждый народ, порабощенный джихадом, теперь мечтает о том, чтобы пришел вождь».

Стилгар посмотрел в спальню, окутанную мраком.

«Если бы мой нож освободил всех этих людей, интересно, сделали бы меня мессией??

Можно было услышать, как в своей кровати ворочается Лито.

Стилгар вздохнул. Он никогда не знал деда Атридесов, имя которого дали ребенку. Но многие говорили, что моральная сила Муад Диба исходила именно из этого источника. Перейдет ли это жуткое качество «правильности» через поколение? Стилгар не нашел ответа на свой вопрос.

Он подумал: «Съетч Табр — мой. Я правлю здесь. Я — наиб Свободных. Если бы не я, не было бы Муад Диба. Эти близнецы теперь здесь благодаря Чани, их матери и моей родственницы, моя кровь течет в их жилах. Я там, с Муад Дибом, Чани и со всеми остальными. Что мы сделали для нашей Вселенной??

Стилгар не смог бы объяснить, почему такие мысли пришли ему в голову той ночью и почему из-за них он чувствовал себя виноватым. Он притих, укутанный в свою робу с капюшоном. Реальность и мечта были совершенно различными вещами. Пустыня — друг, которая когда-то простиралась от полюса до полюса, — была уменьшена вполовину своего прежнего размера. Мифический рай насаженной повсюду зелени привел его в уныние. Это было совсем не похоже на мечту. И когда его планета изменилась, он понял, что тоже изменился. Он стал гораздо более хитрым человеком по сравнению с тем, некогда бывшим вождем съетча. Теперь он знал о многом — об искусстве управлять государством и мудром подходе к решению самых незначительных вопросов. Однако, он чувствовал, что эти знания и хитрости как тонкая фанера, покрывающая железное ядро более простого, более твердого знания. И это более старое ядро вызвало к нему, умоляло вернуться его к истинным ценностям.

Утренние звуки съетча начали вторгаться в его мысли. Люди в пещере начинали пробуждаться. Он почувствовал, как летний ветерок коснулся его щек: люди выходили через дверные отверстия наружу в предрассветную тьму. Ветерок говорил о беспечности точно так же, как он говорил и о времени. Жители пустыни больше не сохраняли режима экономии воды прежних дней. Зачем они должны были это делать, если дождь былувекован? Если на этой планете были видны облака, если восемь Свободных были затоплены и убиты стремительным потоком воды в вади? До этого происшествия слово «утонул» не существовало в языке Дюны. Но это больше не было Дюной, это был Арракис... и это было утро памятного дня.

Джессика, мать Муад Диба и бабушка этих королевских близнецов, возвращается на нашу планету сегодня. Почему она прекращает навязанную самой себе ссылку именно теперь? Почему она оставляет безмятежность и безопасность Келадана ради опасностей Арракиса?

Были и другие тревожные мысли: догадается ли она о сомнениях Стилгара? Она была колдуньей — Бене Джессерит, прошедшей полный курс обучения Сестер, а теперь еще и Преподобной Матерью. Такие женщины были очень проницательными и в то же время очень опасными. Прикажет ли она ему упасть на свой собственный нож, как это сделали со старым Ульетом, несостоявшимся убийцей Пардота Кайнза?

«Должен ли я ей подчиняться?» — недоумевал он.

И не мог ответить на этот вопрос, хотя теперь он думал о Льете Кайнзе, планетологе, которому первому после отца, Пардота, пришла идея превратить дикую пустыню Дюны в зеленый оазис, каким она и стала. Льет Кайнз был отцом Чани. Если бы не он, не было бы ни идеи, ни Чани, ни королевских близнецов. Звеня этой цепи очень беспокоили Стилгара.

«Как получилось, что мы встретились в этом месте? — спрашивал он самого себя. — Как мы соединились? Зачем? Обязан ли я покончить со всем этим, чтобы поколебать это огромное соединение??

Стилгар все-таки допустил этот ужасный довод внутрь себя. Он мог бы сделать такой выбор, отрицая любовь и семью, чтобы сделать так, как должен сделать наиб в случае, когда принимают

беспощадное решение ради благополучия своего племени. Но, с другой стороны, такое убийство представляло собой предательство и жестокость. Убить детей! Однако, они были не просто дети. Они ели меланж, принимали участие в оргиях съетча, исследовали пустыню в поисках песчаного червя и играли в другие игры, в которые играют дети Свободных. И они заседали в Королевском Совете. Дети в таком юном возрасте, однако, были довольно мудры, чтобы заседать в Совете. Возможно, по своей плоти они дети, но у них был богатейший жизненный опыт: они полностью унаследовали генетическую память всех предков. Это было жуткое признание, которое противопоставляло их тетю Алию и их самих всем остальным живым существам.

Много раз по ночам Стилгар ловил себя на том, что в голове у него вертится это отличие. Много раз он пробуждался от кошмаров из-за этих дум, и сюда, в спальню, его привели эти же бесконечные думы. Теперь он всецело сосредоточился на своих сомнениях. Неспособность принять решение была уже сама по себе решением — он это знал. Эти близнецы и их тела пробудились в утробе, зная все воспоминания, которые перешли к ним от их прародителей. Склонность к употреблению меланжа сделала это. Матери — Джессика и Чани тоже употребляли меланж. Леди Джессика родила сына — Муад Диба — до того, как у нее появилась эта привычка. Алия же родилась уже после. В прошлом все было ясно. Бесчисленные поколения лучших селекций генофонда под надзором Бене Джессерит, наконец, воплотилась в Муад Дибе, но это было вне плана. Сестрам ордена не разрешалось употреблять меланж. О, они знали о такой возможности, но боялись этого и называли это Мерзостью. Этот факт вызывал наибольший страх. Мерзость... Должно быть, для такого суждения у них были свои причины. И если они говорили, что Алия была мерзостью — это в равной степени относилось и к близнецам, потому что Чани тоже приобщилась к меланжу: ее тело было пропитано меланжем, и ее гены так или иначе дополняли гены Муад Диба.

Мысли Стилгара находились в беспорядочном движении. Не могло быть сомнений в том, что эти близнецы превзойдут своего отца. Но в чем? Мальчик говорил о способности «быть» его отцом — и доказал это. Даже будучи младенцем, Лито обнаружил воспоминания, о которых должен был знать только Муад Диб. Были ли другие предки, ожидающие своей очереди в широком спектре воспоминаний, предки, чьи цели и привычки создали бессловесную опасность для живых существ?

Мерзость, говорили священные ведьмы Бене Джессерит. Однако, Сестры домогались генофазы этих детей. Ведьмам нужна была сперма и яйцо, но так, чтобы не повредить плоти, которая носила их. Неужели только из-за этого именно сейчас вернулась леди Джессика? Она порвала с Сестрами, чтобы поддерживать своего супруга Герцога, но согласно слухам, она вернулась на путь Бене Джессерит.

«Я мог бы покончить со всеми этими мыслями, — подумал Стилгар. — Как бы все просто тогда было.?»

И, однако, он снова поймал себя на мысли, что мог бы совершить свой выбор. Были ли близнецы Муад Диба ответственны за действительность, которая уничтожала мечты других? Нет. Они были лишь как оптические линзы, сквозь которые проходил свет, чтобы открыть новые формы во Вселенной.

Его измученный разум вернулся к изначальной вере Свободных, и он подумал:

«Приходит власть Бога: поэтому старайся не торопить это. Бог должен указать путь, и некоторые свернут с него.?

Это была религия Муад Диба, которая больше всего выводила Стилгара из душевного равновесия. Почему из Муад Диба сделали Бога? Зачем обожествлять человека, который имеет плоть? «Золотой эликсир Жизни» Муад Диба создал бюрократического монстра, который сидел верхом на человеческих деяниях. Правительство и религия объединились, и нарушение закона стало грехом. Запах богохульства распространялся, как дым, если подвергались сомнению какие-либо правительственные указы. Виновные в бунте вызывали адский огонь и фарисейство суда.

Однако, это были люди, создающие эти правительственные указы.

Стилгар угрюмо покачал головой, не обращая внимания на прислугу, прошедшую в Королевскую приемную, чтобы выполнить утренние обязанности.

Он пальцами нащупал нож, висевший у него на поясе, думая о прошлом, которое этот нож символизировал; думая о нем больше, чем тогда, когда он симпатизировал бунтовщикам, чьи неудавшиеся восстания были сокрушены его собственными приказами. В голове у него была полная неразбериха, и он хотел бы знать, как все это вычеркнуть из памяти. Но Вселенную нельзя повернуть назад. Это был огромный инструмент, направленный на серую безжизненную пустоту. Его нож, если бы он принес смерть близнецам, только отразился бы от этой пустоты, сплетая новые сложности, чтобы повториться в человеческой истории, поднимая новые волны хаоса, приглашая человечество испытать новые формы порядка и беспорядка.

Стилгар вздохнул, все больше осознавая, что рядом кто-то есть. Да, эти слуги выполняли какой-то приказ, который был связан с близнецами Муад Диба. Они ходили взад и вперед. «Лучше превзойти их, — сказал самому себе Стилгар. — Лучше встретить то, что придет».

«Я все-таки слуга, — сказал он себе. — И Бог Милосердный, Сострадательный — мой господин».

И он процитировал: — «Конечно, мы надели на их шеи оковы до самого подбородка, потому их головы всегда подняты; и мы поставили перед ними преграду, а потом еще одну преграду; и мы покрыли их покрывалом, поэтому они не видят».

Так было написано в старой священной книге Свободных.

Стилгар кивнул головой самому себе.

Видеть, чтобы предчувствовать следующий момент, как это делал Муад Диб со своими внушающими страх видениями будущего. Создавать новые места для решений. Чтоб не быть закованными в кандалы, что могло указать на прихоть Бога. Иная сложность за обычным пределом досягаемости человечества.

Стилгар убрал руку с ножа. Его пальцы еще сохраняли память о нем. Но лезвие, которое однажды сверкнуло в раскрытой пасти песчаного червя, оставалось в ножнах. Стилгар знал, что не убьет этим лезвием близнецов. Он пришел к решению. Лучше сохранить старую добродетель, лелеемую в его душе верность. Лучше принять действительность такой, как она есть, чем мечтать о несуществующем пока будущем. Горьковатый привкус во рту, подсказал Стилгару, насколько пустыми и отвратительными могут быть некоторые мечты. Нет! Больше никаких мечтаний!

Глава 2

Вопрос: «Ты видел Проповедника?»

Ответ: «Я видел песчаного червя».

Вопрос: «Что это за песчаный червь?»

Ответ: «Ой дает нам воздух, которым мы дышим».

Вопрос: «Тогда почему мы разрушаем его землю?»

Ответ: «Потому что Шай-Хулуд так велит».

Харк ал-Ада.

Экраны (щиты) Арракис.

Как было заведено у Свободных, близнецы Атридесов вставали за час до рассвета. Они в упоении зевали и потягивались, каждый в своей спальне, чувствуя по шуму вокруг, что день в пещере уже начался. Они слышали, как в передней прислуга готовит завтрак, обычновенную жидкую овсянную кашу с финиками и орехами, смешанного с жидкостью, снятой с чуть забродившего спайса.

В передней висели ярко светящиеся шары, глоуглобы, и мягкий желтый свет через открытый дверной проем проникал в спальные помещения. Близнецы, освещаемые мягким светом, быстро оделись, при этом каждый очень хорошо слышал другого. Они, будто договорившись, надели стилсьюты, чтобы уберечься от горячих ветров пустыни.

Вскоре королевская пара близнецовых встретилась в передней, заметив необычное спокойствие прислуги. На Лито поверх блестящего серого стилсьюта был надет рыжевато-коричневый капюшон, отороченный по краям черной материей. На его сестре — зеленый капюшон. У обоих капюшон крепился к стилсьюту специальной застежкой в виде ястреба — герба Атридесов золотого с красными драгоценными камнями вместо глаз.

Видя этот раскрашенный наряд, Хара, одна из жен Стилгара, сказала:

— Я вижу, вы оделись, чтобы поторжественнее встретить бабушку.

Лито сначала принял у Читы завтрак, а потом посмотрел на темное обветренное лицо Хары. Он покачал головой. Потом промолвил:

— Откуда ты знаешь, может, мы себя приветствуем?

Хара встретила его насмешливый взгляд, который он даже и не подумал отвести, и сказала:

— У меня такие же голубые глаза, как у тебя!

Ганима громко рассмеялась.

Хара всегда была большим знатоком шутливо-вызывающей манеры разговора Свободных, и она немедленно оборвала его:

— Не насмехайся надо мной, мальчик. Возможно, ты и королевской крови, но оба мы несем клеймо, которое оставило на нас употребление меланжа. Глаза без белков. Что еще нужно Свободным более роскошного и более почетного, чем это?

Лито улыбнулся, уныло покачал головой.

— Хара, любовь моя, если бы ты была помоложе и еще не была женой Стилгара, я бы сделал тебя своей.

Хара без малейшей обиды приняла эту маленькую победу, давая знать прислуге, чтобы они готовили помещение в честь этого знаменательного события, которого все ждали в тот день.

— Завтракайте, — сказала она. — Вам сегодня потребуется много сил.

— Значит, ты считаешь, что мы недостаточно хорошо выглядим, чтобы предстать перед своей бабушкой? — спросила Ганима, с трудом произнося слова из-за битком набитого рта.

— Не бойся ее, Гани, — сказала Хара.

Лито проглотил овсянную кашу, проницательно поглядывая на Хару. Женщина от природы была

дьявольски мудра, очень быстро улавливая смысл в этой игре слов. — Неужели она действительно поверит, что мы боимся ее? — спросил Лито.

— Она была нашей Преподобной Матерью, ты это знаешь. А я знаю ее методы.

— Как оделась Алия? — спросила Ганима.

— Я не видела ее, — коротко ответила Хара, отворачиваясь.

Лито и Ганима быстро переглянулись, зная о каком-то секрете, и быстро склонились к своим чашкам с завтраком. Вскоре они вышли в большой центральный зал.

Ганима заговорила на одном из древних языков, который сохранила их генетическая память:

— Итак, сегодня мы увидим нашу бабушку.

— Алию это очень беспокоит, — сказал Лито.

— Кто же захочет отказываться от такой власти? — спросила Ганима.

Лито тихо засмеялся, необычно взрослым смехом.

— Более того, глаза ее матери видят также, как и наши?

— Почему бы и нет? — спросил Лито.

— Да... Возможно, этого и боится Алия.

— Кто знает Мерзость лучше, чем сама Мерзость, — спросил Лито.

— Может быть, мы не правы, ты же понимаешь, — сказала Ганима.

— Но это не так. — И он процитировал из Книги Азхар Бене Джессерит: -Исходя из причины и жуткого опыта мы называем наперед рождение Мерзости. Потому что тот, кто знает о том, что утрачено и проклято, тот может воплотить в жизнь все самое ужасное из прошлого.

— Я знаю, как это было, — сказала Ганима. — Но если это правда, почему мы не страдаем от такого же внутреннего приступа.

— Наверно, наши родители охраняют нас от этого, — сказал Лито.

— Тогда почему никто не охраняет Алию?

— Я не знаю. Это, возможно, потому, что один из ее родителей остался среди смертных. Может быть, это все просто, потому что мы молодые и смелые. Возможно, когда мы станем старше и более циничными...

— Мы должны быть очень осторожны с нашей бабушкой, — сказала Ганима. — И не обсуждать этого Проповедника, который бродит на вашей планете и говорит ересь?

— Ты не думаешь, что он на самом деле наш отец?

— Я не делаю по этому поводу никаких заключений, но Алия боится его. Ганима покачала головой.

— Я не верю в то, что называют Мерзостью. Это — чушь!

— Ты хранишь в себе такое же огромное количество воспоминаний, как и я, — сказал Лито.

— Ты можешь верить во что тебе хочется.

— Ты думаешь, это из-за того, что мы не осмелились впасть в состояние экстаза от этого меланжа, а Алия это сделала? — спросила Ганима.

— Я думаю точно так же, как и ты.

Они замолчали, вливаясь в толпу людей в центральном зале.

В Съетче Табр было прохладно, но стилсьюты были теплыми, и близнецы скинули со своих рыжих волос капюшоны. Их лица выдавали породу: большой рот, широко посаженные глаза, от меланжа они были синими-в-синем. Лито первым заметил приближение их тети Алии.

— Вот, она идет, — сказал он, переходя на военный язык Атридесов, как бы предупреждая. Ганима кивнула своей тете, когда Алия остановилась перед ними, и сказала:

— Военный трофей приветствует свою знаменитую родственницу. -Используя тот же самый язык Чакобса, Ганима подчеркнула значение ее собственного имени — «Военный трофей».

— Видишь ли, любимая тетя, — сказал Лито, — мы приготовились к сегодняшней встрече с твоей матерью.

Алия, единственный человек из всей королевской свиты, которую совершенно не удивляло взрослое поведение этих детей, перевела взгляд с одного на другого. Потом сказала:

— Попридержите ваши языки, оба!

Бронзовые волосы Алии были зачесаны назад и образовали два золотистых кольца. Ее овальное лицо было угрюмым, губы плотно сжаты. В уголках синих глаз появились морщинки.

— Я предупреждала вас обоих, как надо вести себя сегодня, — сказала тетя Алия. — И вы, также как и я, все знаете, но какие-то соображения...

— Мы-то знаем, а вот ты, возможно, не знаешь о наших соображениях, перебила ее Ганима.

— Гани! — сердито произнесла тетя Алия.

Лито посмотрел на тетю и сказал:

— Сегодня — тот день, когда мы не будем притворяться глупыми младенцами!

— Никто не хочет, чтобы вы притворялись, — сказала Алия. — Но мы думаем, что неразумно с вашей стороны вызывать у моей матери опасные мысли. Ирулэн согласна со мной. Кто знает, какую роль должна сыграть леди Джессика.

Лито встремхнул головой и удивился. «Почему Алия не видит, что уже обо всем догадались? Или она слишком далеко зашла?» И он обратил внимание на особые родовые приметы на лице Алии, которые выдавали присутствие в ней генов деда по материнской линии. Изучая ее лицо, он почувствовал в себе смутное волнение и подумал: «Он и мой предок тоже».

Потом Лито сказал:

— Леди Джессика была обучена управлять.

Ганима кивнула головой:

— Почему она выбирает именно это время, чтобы вернуться?

Алия сердито взглянула на нее. Потом сказала:

— Возможно, она просто хочет увидеть своих внуков. Ганима подумала: «Вот на что ты надеешься, моя дорогая тетя. Но это далеко не так».

— Она не может править здесь, — сказала Алия, — у нее есть Келадан. Этого должно быть вполне достаточно.

И Ганима умиротворенно заговорила:

— Когда наш отец ушел в пустыню, чтобы умереть, он оставил тебя в качестве Регента. От...

— У тебя есть какие-нибудь жалобы? — спросила Алия.

— Это был мудрый выбор, — сказал Лито, стараясь быть единодушным с сестрой.

— Ты была единственным человеком, который знал, что такое родиться так, как мы.

— Ходят слухи, что моя мать вернулась к Сестрам, — сказала Алия, — и вы оба знаете, что думает Бене Джессерит о...

— Мерзости, — сказал Лито..

— Да! — Алия не произнесла этого слова.

— Ведьма — она всегда ведьма, так ведь говорят? — сказала Ганима.

— «Сестра, ты играешь в опасную игру», — подумал Лито, но он поддержал ее и добавил:

— Наша бабушка была женщиной очень простодушной, в отличие от других ее типа. Ты разделяешь ее память, Алия; несомненно, ты должна знать, чего ожидать.

— Простодушие! — сказала Алия, покачав головой. Она оглядела весь зал, потом снова обратилась к близнецам: — Если бы моя мать была менее доступной, ни одного из вас здесь бы сейчас не было, и меня тоже. Я должна была родиться у нее первой, и никто из этих... — Плечи ее слегка вздрогнули. — Я предупреждаю вас обоих, будьте очень осторожны во всем, что бы вы ни делали сегодня. — Алия посмотрела вперед: — Идет моя охрана. — И ты все еще думаешь, что нам небезопасно сопровождать тебя в звездный космопорт? — спросил Лито.

— Ждите здесь, — сказала Алия, — я доставлю ее.

Лито и его сестра обменялись взглядами, и он сказал:

— Ты говорила нам много раз, что память, которой мы обладаем, унаследована от того, кто испытал до нас некую бесполезность, пока мы нашей собственной плотью не воплотили эту память в жизнь. Моя сестра и я верим в это. Мы не хотим огромных перемен, которые несет с собой приезд нашей бабушки.

— И продолжайте верить в это, — сказала Алия. Она повернулась, окруженная со всех сторон охраной, и вся свита быстро двинулась через весь зал к Правительственному Входу, где их ждали орнитоптеры.

Ганима смахнула слезу с правого глаза.

— Даешь воду мертвым? — прошептал Лито, взяв сестру за руку.

Ганима глубоко, тяжело вздохнула и задумалась над тем, как она изучала свою тетю.

— Экстаз от спайса это сделал? — спросила она, зная что на это ответит Лито.

— У тебя есть другое предположение?

— Ради аргумента, почему наш отец... и даже наша бабушка не выдержали?

Минуту он изучал ее. Потом сказал:

— Ты знаешь ответ так же, как и я. У них были надежные люди к тому времени, когда они пришли на Арракис. Экстаз от спайса — ну... не знаю... — К моменту своего рождения они уже обладали памятью своих предков. Алия, хотя...

— Почему она не верит предупреждениям Бене Джесссерит?

Ганима покусала нижнюю губу.

— Алия имела ту же информацию, что и мы.

— Они уже вызывают к ее Мерзости, — сказал Лито. — Не находишь ли ты это попыткой выявить то, что ты сильнее, чем все эти...

— Нет, нет! — Ганима отвернулась от испытывающего взгляда брата, вздрогнула. Она должна была только консультироваться со своей генетической памятью, и предупреждения Сестер приобрели сейчас ясную форму. Тот, кому предстояло родиться, должен был стать взрослым с мерзкими привычками. И подобная причина... Она снова вздрогнула.

— Жаль, что у нас нет кого-нибудь предродженных среди наших предков, — сказал Лито.

— Может и есть.

— Но мы... Ах, да, старый безответный вопрос. На самом ли деле у нас есть доступ к каждой крупинке жизненного опыта наших предков?

Судя по своим внутренним ощущениям, Лито знал, как эта беседа должна была раз волновать сестру. Они много раз ломали головы над этим вопросом, и всегда он оставался без ответа. Он сказал:

— Мы должны препятствовать ей каждый раз, когда она хочет ввести нас в транс. Надо быть абсолютно осторожными с чрезмерной дозой спайса, это лучший выход для нас.

— Сверхдоза должна быть довольно большой, — сказала Ганима.

— Наше терпение, вероятно, достаточно сильное, — согласился он. -Посмотри, как всегда настаивает Алия.

— Мне жаль ее, — сказала Ганима. — Соблазн этого должен быть неуловимым и незамеченным,

медленно овладевающим ею, пока...

— Она — жертва, точно, — сказал Лито. — Мерзость.

— Возможно, мы не правы.

— Правы.

— Мне всегда было интересно, — размышляла Ганима вслух, — если следящая, унаследованная от прародителей память будет той, которая...

— Прошлое, как и твоя подушка, близко от тебя, — сказал Лито.

— Мы должны воспользоваться возможностью, чтобы обсудить это с нашей бабенкой.

— Хотя ее память внутри меня подгоняет меня, — сказал Лито.

Ганима встретила его взгляд. Потом добавила:

— Когда обладаешь огромными знаниями, трудно прийти к простому решению.

Глава 3

Съетч на краю пустыни принадлежал Ласту,
Принадлежал Кайнзу, принадлежал Стилгару,

Принадлежал Муад Дибу.

И снова принадлежит Стилгару.

Чтобы один за другим

Свободные засыпали в песке.

Но съетч продолжает существовать.

Из песни Свободных.

Алия чувствовала, как сильно билось ее сердце, когда она уходила от близнецов. В течение нескольких мгновений она чувствовала, что была на грани того, чтобы остаться с близнецами и просить их о помощи. Что за дурацкая слабость! Пасть об этом посыпало через Алию предупреждающее спокойствие. Вдруг эти близнецы осмелятся применить предвидение? Путь, который увлек их отца, соблазнит и их, — транс от спайса с его видениями будущего, будто бы раздуваляемыми ветром. «Почему я не могу видеть будущее? — спрашивала себя Алия. — Почему, как бы я ни старалась, у меня ничего не получается??

Надо заставить близнецов сделать это, сказала она самой себе. Они могли бы втянуться в это. Они обладают детским любопытством, и это было связано с памятью, которая включала в себя тысячелетие.

«Так же, как и я», — подумала Алия.

Ее охрана открыла отсыревшие затворы у Правительственного Входа в съетч, посторонилась, когда она вышла на посадочную площадку, где ее поджидали орнитоптеры. Со стороны пустыни дул ветер, поднимал к небу клубы пылки, но день был ясным. Когда она вышла на свет из пещеры со светящимися нарами, ее мысли приняли другое направление.

Почему леди Джессика возвращалась именно в этот момент? Неужели до Келадана доползли слухи, слухи о том, как Регентство...

— Нам надо торопиться, моя леди, — сказал один из охранников, повысив голос, чтобы перекричать ветер.

Алия позволила помочь ей забраться в орнитоптер и пристегнула ремни безопасности, хотя ее мысли продолжали нестись вперед.

— Почему сейчас?

Когда орнитоптер опустил крылья и воздушное судно начало снижать скорость, она почувствовала все великолепие и силу своего положения, как массу существующих вещей, но они были призрачными и мимолетными!

Почему именно теперь, когда ее планы еще не завершены?

Пыль уносило ветром, и она могла видеть яркий солнечный свет на меняющемся ландшафте планеты: широкие полосы зеленой растительности, где когда-то была выжженная солнцем земля.

Без видений будущего я могу потерпеть неудачу. О, какое волшебство я могла бы представить всем, если могла бы видеть, как Пол! Не для меня горечь, которая приносит видения.

Она содрогнулась от мучительного голода и пожалела, что не может снять с себя власть. О, быть такой, как все — слепой в этой самой безопасной из всех слепоте, живя только этой гипотетической полужизнью, в которую рождение низвергает большую часть человечества. Но нет! Она была рождена Атридесами, стала жертвой этого глубокого вселенского знания, навязанного ей ее матерью, которая употребляла спайс.

«Почему моя мать возвращается сегодня??

Гурни Хэллек скорее всего будет с ней, преданный навсегда слуга, наемный убийца всяческих мерзавцев, никогда не устающий и упрямый, музыкант, который мог сыграть любое убийство с помощью удавки или упражнялся с той же легкостью на своем девятиструнном бализете.

Поговаривали, что он стал любовником ее матери. Об этом надо было бы разузнать получше; возможно, это способствует ее матери в достижении цели. Желание быть такой, как все, покинуло ее.

?Лито нужно бы ввести в транс, вызываемый большой дозой спайса».

Она вспомнила, что однажды спросила мальчика, как он относится к Гурни Хэллеку. И Лито, чувствуя, что в ее вопросе присутствует скрытый смысл, сказал, что Хэллек прощал мелкие проступки Пола, добавив: «Он обожал... моего отца».

Она заметила некоторое замешательство. Лито чуть было не сказал «меня» вместо «моего отца». Да, иногда трудно было отличить генетическую память от той, которая принадлежала живому человеку. Гурни Хэллеку, как и Лито, тоже сложно было бы сделать такое различие.

Алия холодно улыбнулась.

После смерти Пола Гурни предпочел вернуться с леди Джессикой на Келадан. Его возвращение многое усложнит. Если он вернется на Арракис, он прибавит свои собственные трудности к уже существующим. Он служил отцу Пола. И, таким образом, наблюдалась четкая последовательность: Лито I - Пол — Лито II. А исходя из условий Бене Джессерит — селекционная программа: Джессика — Алия — Ганима — побочная ветвь. Гурни, присоединяясь к неразберихе идентичностей, мог бы оказаться очень ценным.

«Что он сделает, если узнает, что в нас течет кровь Харконненов, тех самых Харконненов, которых он так ненавидит??

Улыбка на губах Алии стала загадочной; она шла из каких-то невероятных глубин ее психики.

В конце концов, близнецы были просто детьми. Они были дети, но с бесконечным числом родителей, чьи памяти принадлежали одновременно всем их предкам и им самим. Они будут стоять на посадочной площадке у входа в съетч Табр и наблюдать прилет воздушного корабля бабушки, совершающего посадку в Имперскую впадину, близ Арракина.

Это ярко-сияющее пятно на небе, которое было кораблем, сделает ли оно прибытие Джессики более реальной помощью для ее внуков?

«Моя мать спросит меня об их обучении, — думала Алия. — Смешиваю ли я прана-бинду и рассудительность в обучении? И я скажу ей, что они занимаются самообучением, как и я сама. Я процитирую ей слова ее внука: „Среди обязательного выполнения команд есть необходимость наказывать... но только если жертва заслуживает наказания“.

Алию осенило потом, что она могла бы обратить все внимание леди Джессики только на близнецов, тогда все остальное могло бы исчезнуть из ее поля зрения. Это вполне могло бы быть осуществимо. Лито был очень сильно похож на Пола. А почему и нет? Он вполне мог бы быть Полом, если бы сделал выбор. Даже Ганима обладала этой способностью.

«Точно так же, как и я могу быть моей матерью или кем либо другой, от которой в нас сохранилась частичка жизни».

Она отвлеклась от этой мысли и посмотрела на ландшафты Защитной стены, которую они пролетали. Затем подумала «Как можно было покинуть теплый, безопасный, богатый водой Келадан и вернуться на Арракис, на эту пустынную планету, где ее великий Герцог был убит, а ее сын умер мучительной смертью??

— Почему леди Джессика вернулась именно в это время?

Алия не нашла ответа — ничего определенного. Она могла бы разделить чье-нибудь еще, свойственное только ему, знание, но когда жизненный опыт каждого взял свое направление, тогда и мотивы тоже разошлись. Источник решений лежал в действиях каждого, кто их совершал. Для предрожденных (рожденных до их физического рождения) множество поколений Атридесов оставили свою единственную реальность, то, чем они были, и это оказался другой вид рождения — абсолютное разделение живой, дышащей плоти: когда эта плоть покидала чрево матери, та наделяла ее многочисленными знаниями всех предков. Алия не видела ничего странного в том, что она одновременно любила и ненавидела свою мать. Это была необходимость, необходимое равновесие, где нет места упрекам и обвинениям, но тогда где может граница любви и ненависти? Винил ли кто Бене Джессерит в том, что они направили леди Джессику по этому пути? Вина и упрек постоянно рассеивались, когда память преодолевала очередное тысячелетие. Сестры только искали методы, чтобы породить Квизац Хадераха: мужчину-двойника — он и мужчина, и в то же время полностью повторяет вполне совершенную во всех отношениях Преподобную Мать... И более того — человеческое существо наивысшей чувствительности, обладающее знаниями высших порядков, Квизац Хадераха, «присутствующего одновременно во многих местах». А леди Джессика,

которая была просто одним из звеньев этой селекционной программы, имела неосторожность влюбиться в селекционного партнера, которому она была назначена. Потакая желаниям своего возлюбленного Герцога, она произвела на свет сына вместо дочери, которая, как объявили Сестры ордена Бене Джессерит, должна была появиться первой.

«Родила меня, когда уже сама попробовала спайс. А теперь они не хотят меня. Теперь они боятся меня! С веской причиной...?»

Они успешно довели до конца задуманное с Полом, их Квизац Хадерахом. Теперь перед ними стояла другая проблема: Мерзость, которая заключала в себе лучшие ценные гены, отбираемые ими в течение многих поколений.

Алия почувствовала, как какая-то тень пронеслась над ней, и посмотрела вверх. Ее эскорт осуществляет подготовку к посадке. Она встряхнула головой, чтобы отключиться от мучивших ее мыслей. Какой смысл был в том, чтобы вызывать в памяти чужие жизни и стирать из них ошибки? Это была уже новая жизнь.

Данкан Айдахо приложил свои умственные способности к вопросу о том, почему Джессика возвращается в это время, оценивая эту проблему по принципу человека-компьютера, ментата, что было его природным даром. Она возвращается, сказал он, чтобы отвезти близнецов к Сестрам. Близнецы тоже имели эти бесценные гены. Данкан, скорее всего, вполне прав. Этого могло бы быть достаточно для того, чтобы вытянуть Джессику из ее уединенного гнездышка на Келадане. Если Сестры велели... А что еще могло бы вернуть ее в эти места, которые вызывали в ней болезненные воспоминания?

— Посмотрим, — проворчала Алия.

Она почувствовала, как орнитоптер коснулся крыши Крепости, издавая неприятный звук, который наполнил ее зловещими предчувствиями.

Глава 4

Melange (меланж) — происхождение слова неизвестно (возможно, произошло от древнего Теруан Франж: концентрированная смесь спайса, снадобье Арракиса; впервые упоминается Яншуфом Ашкоко, бывшем Королевским химиком в период правления Шаккада Мудрого. Арракисский меланж, найденный только в самом сердце пустыни Арракиса, был связан с пророческими видениями Пола Муад Диба, первого Свободного Махди; также применяется Космическим Союзом Навигаторов и орденом Сестер Бене Джессерит.

«Королевский словарь», издание пятое.

Две большие кошки вышли на рассвете из-за скал, легко перепрыгивая валуны. Они не собирались охотиться, просто осматривали территорию. Их называли Лазанскими тиграми, выведенными специально, и привезенными сюда, на планету Салуза Вторая, почти восемь тысяч лет назад. Генетические манипуляции, произведенные с древней Терранской породой, стерли некоторые природные черты, характерные для тигров и усовершенствовали другие. Клыки остались длинными. Морды их были широкие, глаза настороженные и умные. Лапы были увеличены, чтобы они твердо стояли на неровной почве, и их спрятанные когти могли бы выпускаться не менее чем на 10 см, причем заостренные на концах не хуже стальных лезвий. Их шкура была рыжевато-коричневого цвета, по делу их почти невидимыми на фоне песка. Они отличались от своих предков еще по одному признаку: в их мозг был имплантирован вспомогательный стимулятор, причем тогда, когда они были детенышами. Стимуляторы делали их зависимыми от того, кто владел передатчиком.

Было холодно, и пока кошки изучали территорию, из ноздрей их шел пар. Перед ними расстилалась земля Салузы Второй, которую оставили нетронутой, в первозданном виде — сухой и голой, ведь здесь жило несколько песчаных червей, завезенных с Арракиса и бережно сохраняемых живыми, потому что монополия по производству меланжа могла в любой момент рухнуть. Там, где стояли кошки, ландшафт представлял достаточно скучно зрелище: кругом одни рыжевато-коричневые скалы и разбросанные тут и там тощие кусты серебристо-зеленого цвета, которые отбрасывали длинные тени в лучах утреннего солнца.

Неожиданно кошечка насторожило какое-то движение. Сначала, медленно, они скосили глаза влево, потом, не торопясь, повернули головы в том же направлении. Далеко внизу, на потрескавшейся земле, шли двое детей, держась за руки и с трудом передвигаясь по сухому песку. Дети, по всей видимости, не достигли еще девяти-десятилетнего возраста. Они были рыжеватые и одеты в стилсьюты, частично отороченные богатыми белыми буквами, которые прикреплялись по краям, а на лбу сиял ястребиный герб Дома Атридесов, выполненный из плиток, украшенных яркими, светящимися драгоценными камнями. Они шли и весело болтали, и их голоса очень ясно доносились до охотничих кошек. Тигры Лазана очень хорошо знали эту игру; они и раньше в нее играли, но сейчас продолжали стоять неподвижно, ожидая щелчка, который включит охотничий сигнал в их вспомогательных стимуляторах.

Теперь вслед за кошками появился человек. Его взору предстала сцена: кошки, дети. Человек был одет в рабочий мундир сардукара, выполненный в сером и черном цветах, со знаками отличия Левенбрега, помощника Башара. Под его рукой, огибая шею, проходил ремешок, который поддерживал на груди вспомогательный передатчик, упакованный в тонкий чехол. До кнопки управления он мог легко дотянуться любой рукой.

Кошки не обратили ни малейшего внимания на его приближение. Они узнали этого человека по звуку и запаху. Он остановился в двух шагах от кошек, вытирая лоб. Воздух был холодный, но от этой работы было жарко. Перед его блеклыми глазами предстало следующее зрелище: кошки и дети. Он убрал под свой рабочий шлем влажную прядь светлых волос, дотронулся до микрофона, имплантированного в горло.

— Кошки держат их в поле зрения.

Ответный голос послышался из приемников, помещенных за ушами.

— Мы видим их.

— Пора? — спросил Левенбрег. Голос, который отвечал, снова донесся до него через приемники, расположенные за ушами.

— Они смогли бы сделать это без команды? — продолжал голос.

— Они готовы, — сказал Левенбрег. — Очень хорошо. Давай посмотрим, может быть, достаточно четырех условных этапов?

— Передайте, когда вы будете готовы.

— В любое время.

— Ну, тогда сейчас, — сказал Левенбрег. Он дотронулся до пульта, находящегося с правой стороны вспомогательного передатчика, причем сначала он отодвинул крышку, которая закрывала пульт. Теперь кошки были свободны от его управления, их ничто больше не удерживало. Он держал руку над черным переключателем, расположенным под красным, готовый остановить животных, если они вдруг повернут в его сторону. Но они не обращали на него внимания, они припали к земле и начали спускаться по сопкам вниз, к детям. Их огромные лапы скользили мягко и плавно.

Левенбрег присел на корточки, чтобы понаблюдать за ними, зная, что где-то поблизости спрятана камера, которая передавала всю эту сцену на секретный монитор, внутрь крепости, где жил Принц.

Вскоре кошки начали делать скачки, а потом побежали.

Дети, которые продолжали пробираться по скалистой местности, все еще не замечали опасности. Один из них смеялся, его высокий и чистый голос буквально рассыпался в чистом воздухе. Другой ребенок споткнулся, и найдя равновесие, обернулся и увидел кошек. Ребенок указал на них: «Смотри!?

Оба ребенка остановились и с любопытством стали смотреть на удивительное вторжение в их жизни. Они все еще продолжали стоять, когда Лазанские тигры набросились на них — одна кошка на каждого ребенка — и сбили с ног. Дети умерли с привычной для тигров внезапностью, им быстро сломали шеи. Кошки начали есть.

— Мне отозвать их? — спросил Левенбрег. — Пусть закончат. Они хорошо с этим справились. Я знал, что они справятся, эта пара просто великолепна.

— Лучшая, которую я когда-либо видел, — согласился Левенбрег. — Ладно, хорошо. Транспорт за тобой отправили. Теперь мы заканчиваем связь.

Левенбрег стоял, вытянувшись. Он старался не смотреть на выступ в скале слева от него, где был скрыт яркий блеск оптики передающей секретной камеры, которая передавала его прекрасную работу Башару, находившемуся далеко в зеленых землях столицы. Левенбрег улыбался. За эту работу его ожидало повышение. Он уже чувствовал знак Батора на своей шее — а когда-нибудь, и Бурсега... И даже, однажды, Башара. Люди, которые хорошо служили в войсках Фарадина, внука последнего Императора Шаддама IV, получали приличное повышение по службе. Однажды, когда Принца усадят на законный трон, тогда будут одаривать еще большими поощрениями. Знак Башара, возможно, не завершает цепь этих званий. Во многих мирах этой Империи были еще Бароны и Графы... Но это возможно лишь тогда, когда, наконец, уберут близнецов Атридесов.

Глава 5

Свободный должен вернуться к своей изначальной вере и к своему гениальному предназначению по формированию человеческих общностей; он должен вернуться к прошлому, где этот урок на выживание был получен в борьбе с Арракисом. Единственным делом Свободного должно стать открытие его души внутренним древним учениям. Миры Империи, Ландсраада и КХОАМ не имеют ничего существенного, чтобы передать им. Они будут лишь отнимать у свободных их души.

Проповедник из Арракина.

Леди Джессика оказалась окруженной со всех сторон океаном людской массы, которая простиралась вглубь серо-коричневой плоскости посадочного поля, где совершил посадку ее корабль, который потрескивал и шипел после резкого перехода из одного пространства в другое. Она приблизительно прикинула, что там было полмиллиона людей, и примерно треть из них являлись паломниками. Они стояли в жутком молчании, их внимание было приковано к платформе выходного шлюза из транспортного корабля, где затемненный люк скрывал ее и ее свиту.

До полудня оставалось два часа, но воздух над толпой уже отражал едва заметное марево, обещающее очень жаркий день.

Джессика дотронулась до посеребренных сединой волос цвета меди, которые обрамляли ее овальное лицо под капюшоном из козьей шерсти, потому что она была Преподобной Матерью. Она знала, что после такого длительного путешествия выглядит не лучшим образом, а черный цвет ее капюшона из козьей шерсти был не ее цветом. Но она облекалась здесь в это одеяние и раньше. Значимость этой грубой одежды еще не была утрачена Свободными. Она вздохнула. Путешествие через пространство не прошло незаметно для нее, и было еще кое-что, отягощающее ее воспоминания, — еще одна поездка с Келадана на Арракис, когда ее Герцог был принужден жить в этом поместье несмотря на его собственное мнение.

Медленно исследуя обстановку, используя способности, которые дало ей учение Бене Джессерит, чтобы не упустить важные детали, она внимательно смотрела на море людей. Всюду были видны колпаки стилсьютов скучно-серого цвета, исконная одежда Свободных из далекой пустыни; были паломники в белой одежде со знаками раскаяния на плечах, тут и там были видны толпы богатых купцов, облаченных в легкую одежду без капюшонов, демонстрирующих свое презрение к знайому, иссушающему воздуху Аппаксены... а также в стороне стояла отдельной группой делегация из Общества Верующих (Квизарата) в зеленых робах и просторных глубоких капюшонах.

Только когда она оторвала взгляд от толпы, она поняла, что вся эта сцена напоминает чем-то то время, когда ее точно так же встречали, но с ней тогда был ее возлюбленный Герцог. Как давно это было? Более двадцати лет тому назад. Ей не нравилось думать о тех сердечных переживаниях. Время своим тяжелым бременем давило на нее изнутри, и, казалось, что она никогда не покидала эту планету.

«Еще раз в пасть дракона», — подумала она.

Здесь, на этой равнине, ее сын отвоевал Империю у последнего Императора Шаддама IV. Историческое потрясение оставило след в умах и верованиях людей.

Она слышала сзади себя постоянную возню своей свиты, не удержалась и снова вздохнула. Они должны ждать Алию, которая запаздывала. Группа во главе с Алией появилась, наконец, у дальнего края толпы, вызвав бурю рукоплесканий, когда Королевская охрана влилась в толпу, чтобы расчистить путь.

Джессика еще раз окинула взглядом весь ландшафт. Много отличий представилось ее испытывающему взгляду. На контрольной башне посадочного поля был сооружен балкон для молящихся. А далеко с левой стороны равнины стояло огромное внушающее страх сооружение из пластили, которое Пол воздвиг в качестве своей крепости — личного «съетча, возвышающегося над песками». Это было самое большое сооружение, которое когда-либо возводил человек. Целые города могли бы поместиться внутри его стен, и еще осталось бы свободное место. Теперь в ней размещалась самая могущественная правящая сила в империи, Квизарат Алии, который она создала над телом своего брата. «Это место должно рухнуть», — подумала Джессика.

Делегация во главе с Алией подошла к подножию трапа и остановилась там в ожидании. Джессика узнала грубые черты Стилгара. И, о Господи! Там стояла принцесса Ирулэн, пряча свою жестокость в прелестном теле с шапкой золотых волос, убранных лентами.

Казалось, что годы Ирулэн не наложили отпечаток на ее внешность. Это был вызов. И там, впереди клина, была Алия, черты ее лица были вызывающие юными, ее глаза были обращены вверх на отверстие люка. Губы Джессики вытянулись в тонкую линию, глаза внимательно рассматривали лицо дочери. Гнетущее чувство переполняло Джессику, она слышала, как гулким прибоем

отзывалась в ушах ее собственная жизнь! Слухи оправдались! Ужасно! Ужасно! Алия ступила на запретный путь. Доказательства этого посвященному было легко прочитать. Мерзость! Джессике понадобилось несколько мгновений, чтобы прийти в себя, она поняла, как ей хотелось, чтобы эти слухи были фальшивыми.

«А близнецы? — спросила она себя. — Они тоже потеряны??

Медленно, как подобает Преподобной Матери, Джессика через люк вышла на трап. Ее свита осталась в салоне согласно инструкции. Следующие несколько мгновений были решающими. Джессика стояла одна, обозреваемая всей толпой. Позади она слышала нервное покашливание Гурни Хэллека. Гурни возражал.

?Даже без защитного экрана! Боги внизу, женщина! Ты сумасшедшая!?

Но среди наиболее замечательных особенностей Гурни было повиновение. Он высказывается напрямик, а потом повинуется. Сейчас он повиновался. Людское море производило шум, похожий на шипение песчаного червя, когда появилась Джессика. Она вознесла руки в благословении, к которому духовенство приучило Империю. С некоторым запозданием, но как один гигантский организм, люди упали на колени. Даже официальная часть подчинилась общему настроению.

Джессика отметила место, где это было сделано с опозданием, и она знала, что другие глаза позади нее и среди ее агентов в толпе заполнили временную карту, с помощью которой она могла бы найти опоздавших.

Пока Джессика стояла с вознесенными кверху руками, появились Гурни и его люди. Они быстро прошли мимо нее, спустились по трапу, не обращая внимание на встревоженные взгляды официальной группы, присоединились к агентам, которых можно было опознать по знаку на руке. Они быстро растворились в море людей, с трудом прокладывая путь сквозь группы стоящих на коленях фигур. Некоторые из их жертв почувствовали опасность и попытались скрыться. Но они оказались проворнее: брошенный им вслед нож, петля, и беглецы падали. Других выхватывали из толпы, связывали руки и ноги.

Несмотря ни на что, Джессика стояла с поднятыми кверху руками, благословляя своим присутствием, держа толпу в повиновении. Она читала знаки распространяющихся слухов, и знала доминирующий среди них, потому что он просто укоренился: «Преподобная Мать возвращается, чтобы убрать неверующих. Сохрани Мать нашего Господа!?

Когда все было закончено, на песке осталось лежать несколько распростертых тел, а пленных повели в помещение для арестованных, Джессика впустила руки. Возможно, прошло минуты три. Она знала, как мала вероятность того, что Гурни и его люди взяли хоть кого-нибудь из главарей, из тех, кто представлял реальную опасность. Они наверняка более бдительны и чутки. Но пленные могли представлять собой некоторый интерес, хотя бы как отбракованный скот и обычные тупицы.

Джессика впустила руки, и издавая одобрительные возгласы, люди поднялись на ноги.

Как ни в чем не бывало, Джессика спустилась вниз, минуя дочь и внимательно взглядываясь в Стилгара. Черная борода с проседью веером ложилась на шею поверх его комбинезона, но его глаза оставались все такими же, как и в первую их встречу в пустыне. Стилгар знал, что только что произошло, и одобрял это. Рядом с ней стоял истинный Свободный наиб, вождь людей, способный принимать кровавые решения. Его первые слова полностью соответствовали ситуации.

— Добро пожаловать домой, моя госпожа. Всегда истинное наслаждение видеть решительные и эффективные действия.

Краешком рта Джессика позволила себе улыбнуться.

— Закрой порт, Стил. Никто не уйдет, пока мы не допросим тех, кого взяли.

— Все уже сделано, моя госпожа, — сказал Стилгар. — Мы придумали это вдвоем — я и человек Гурни.

— Значит, это были ваши люди, те, которые помогали?

— Некоторые — да, моя госпожа.

Она прочла его потаенные мысли, кивнула.

— В те далекие дни вы хорошо меня изучили, Стил.

— Когда-то однажды вы постарались сказать мне, моя госпожа, что оставшихся в живых находят и узнают от них многое.

Алия выступила вперед, а Стилгар отошел в сторону, пока Джессика встречалась с дочерью. Зная, что спрятаться не было возможности, Джессика и не пыталась это сделать. Алия могла прочитать все подробности, которые ей понадобятся, могла прочитать также и любые сведения, поступившие из ордена Сестер. Она уже должна была понять по поведению Джессики, что та увидела и интерпретировала. Они были врагами, для которых слово «смертный» имело какое-то поверхностное значение.

Алия избрала гнев, как самую доступную и верную реакцию.

— Как ты осмелилась предпринять такую акцию, не посоветовавшись со мной? — вопросила она, приблизив свое лицо к лицу Джессики.

Джессика тихо ответила:

— Как ты только что слышала, Гурни даже не посвятил меня в свой план. Было задумано так...

— А ты, Стилгар! — сказала Алия, поворачиваясь к нему. — Кому ты служишь?

— Я дал клятву детям Муад Диба, — сказал Стилгар холодно. — Мы устранили угрозу, нависшую над ними.

— А почему это не в радость тебе, дочь? — спросила Джессика.

Алия вспыхнула, посмотрела на мать, подавила в себе гнев, и даже ухитрилась слегка улыбнуться.

— Я переполнена радостью... мама, — сказала она. И к своему собственному удивлению, Алия обнаружила, что она была счастлива, испытывая жуткий восторг, что все это происходило на открытом воздухе между ней и матерью. Момент, которого она до смерти боялась, прошел и равновесие сил на самом деле не изменилось. — Мы поговорим об этом более подробно в более удобное время, — сказала Алия, обращаясь одновременно к матери и Стилгару.

— Ну конечно, — сказала Джессика, поворачиваясь лицом к принцессе Ирулэн, давая этим движением понять другим, что они могут быть свободны. Несколько мгновений Джессика и принцесса молча стояли, рассматривая друг друга — две женщины Бене Джессерит, которые порвали с орденом по одной и той же причине: любовь... они обе были влюблены в мужчин, которых уже не было в живых. Эта принцесса отчаянно любила Пола, став его женой, но не супругой. А теперь она жила только ради детей, подаренных Полу наложницей Чани.

Джессика заговорила первой:

— Где мои внуки?

— В съетче Табр.

— Для них там очень опасно; я так понимаю.

Ирулэн слегка кивнула. Она заметила взаимопонимание между Джессикой и Алией, но объяснила это таким образом, как ее подготовила к этому Алия. «Джессика вернулась к Бене Джессерит, а мы обе знаем, что у них есть планы насчет детей Пола». Ирулэн никогда не отличалась особым совершенством в знаниях Бене Джессерит — главное было то, что она являлась дочерью Шаддама IV; часто она была слишком горда, чтобы демонстрировать свои способности. Теперь она выбрала позицию, которая не имела никакого отношения к ее обучению.

— Действительно, Джессика, — сказала Ирулэн, — надо было проконсультироваться с Королевским Советом. Ты неправильно поступила, действуя таким образом.

— Надо ли мне верить, что из вас никто не доверяет Стилгару? спросила Джессика.

Ирулэн была достаточно смекалиста, чтобы догадаться, что на этот вопрос отвечать не нужно. Она была рада, что представители Квизарата не в состоянии были больше ждать и подались вперед... Она обменялась взглядами с Алией, думая: «Джессика, как всегда, слишком высокомерна и уверена в себе!?

Бене Джессеритская аксиома непременно отложилась в ее мозгу:

?Надменность возводит непреодолимые стены, за которыми стараются спрятать свои собственные сомнения и опасения».

Неужели такое могло быть и с Джессикой? Наверняка, нет. Тогда, должно быть, это просто поза. Но с какой целью? Этот вопрос беспокоил Ирулэн. Священосители шумной толпой окружили Джессику. Некоторые из них осмеливались дотрагиваться до ее рук, но большинство отвешивало низкие поклоны и произносило приветствия. Наконец, главы делегаций обратились к Преподобной

Матери, подчеркивая свой духовный сан:

— Первый должен быть последним, — с дежурными улыбками говоря ей, что официальная Церемония Очищения ждет ее в старой крепости Пола.

Джессика внимательно изучила эту пару, найдя ее вызывающей. Одного звали Джавид, молодой человек с угрюмым лицом и круглыми щеками, затененные глаза, которые не могли скрыть подозрения. Другой был Зебаталеф, второй сын Наиба, которого она знала еще в прежние годы, о чем он поспешил напомнить ей. Его легко можно было классифицировать: веселость в сочетании с жестокостью, худое лицо со светлой бородой, овеянное ореолом затаенного возбуждения и могущественного знания. Джавид, как ей показалось, представлял меньше опасности из них двоих, человек, который мог хранить тайну, одновременно притягательный и — она не могла найти другого слова — отталкивающий. Она нашла странным акцент, он был похож на древний фрименский, как будто он происходит родом из какой-то изолированной ветви людей.

— Скажи мне, Джавид, — спросила она, — откуда ты родом?

— Я из простых Свободных пустыни, — сказал он, каждым слогом подчеркивая, что это ложное утверждение.

Тут бесцеремонно вмешался Зебаталеф, и почти с насмешкой сказал:

— У нас есть многое, что мы должны обсудить о прежних временах, моя госпожа. Я был одним из первых, ты это знаешь, кто признал миссию твоего сына.

— Но ты не был одним из его федайкинов, — сказала она.

— Нет, моя госпожа. Я занимал более философского позицию: я учился у священника.

— И сохранил свою шкуру, — подшутила она.

Давид сказал:

— Они ждут нас в Крепости, моя госпожа.

И снова она нашла его акцент очень странным, этот вопрос, волновавший ее, оставался без ответа.

— Кто нас ждет? — спросила она.

— Совет Веры, все те, кто свято хранит в душе имя и дела твоего святого сына, — сказал Джавид.

Джессика посмотрела вокруг себя, увидела, что Алия улыбалась Джавиду, и спросила:

— Этот человек один из твоих наместников, дочка?

Алия кивнула.

— Человек характера — гордится своими поступками.

Но Джессика увидела, что Джавид не имел ни малейшего удовольствия слышать замечания, это он прошел потом специальную школу Гурни. А тут подошел Гурни с пятью преданными ему людьми, давая знак, что они допрашивают подозрительных бездельников. Он шел походкой властного человека, глядя то налево, то направо, то вокруг, каждый мускул был в напряжении под кажущейся расслабленностью бдительности, которой она обучала всех, руководствуясь прана-бинду Бене Джессерит. Он был неуклюжим человеком, у которого были развиты определенные рефлексы, он был убийцей и наводил на всех ужас, но Джессика любила его и хвалила его больше всех остальных. Шрам от бича пересекал его челюсть, придавая его лицу зловещее выражение. Он улыбнулся, когда увидел Стилгара.

— Все сделано, Стил, — сказал Гурни.

И они пожали друг другу руки, как это делалось у свободных.

— Очищение, — сказал Джавид, дотрагиваясь до руки Джессики.

Джессика отшатнулась, осторожно подобрала слова и старалась говорить властным тоном, это произвело эмоциональный эффект на Джавида и Зебаталефа:

— Я вернулась на Дюну, чтобы увидеть моих внуков. Стоит ли тратить время на эту ерунду?

Зебаталеф был в шоке, его тяжелая челюсть отвисла, глаза округлились от испуга. Он смотрел на тех, кто услышал это. По глазам можно было узнать каждого, кто услышал эти слова.

— Святое обозвать чушью! Какой эффект могли возыметь такие слова, произнесенные матерью самого мессии?

Джавид, как ни странно, согласился с Джессикой. Уголки его рта сначала опустились, потом он улыбнулся. Но глаза его не улыбались, хотя и не пытались отыскать слышавших эти слова. Джавид уже знал каждого члена группы. Он и без этого знал, за кем нужна специальная слежка. Только через несколько секунд Джавид резко перестал улыбаться, что говорило о том, что он знал, как он себя выдал. Джавиду всегда удавалось хорошо выполнять свою работу: он знал о наблюдательных возможностях Джессики. Краткий, резкий кивок головы признал эту возможность.

В яркой вспышке ментации Джессика взвесила все «за» и «против», едва заметным движением руки она могла бы подать сигнал Гурни и обречь этим Джавида на смерть. Это могло бы быть совершено прямо сейчас, для большего эффекта, или немного позже, или произойти как случайность.

Она подумала: «Когда мы пытаемся скрыть наши внутренние побуждения, все наше существо выдает себя».

Учение Бене Джессерит склонялось к этому откровению — возвышая над этим сведущих и обучая их читать живую память других. Она заметила, что Джавид очень умный, он мог быть связующим звеном с духовенством Арракиса. И он был человеком Алии.

Джессика сказала:

— Моя официальная сопровождающая группа должна уменьшиться. У нас есть место только для одного. Джавид, ты пойдешь с нами. Зебаталеф, мне очень жаль. И, Джавид... я посещу это — эту церемонию, если ты настаиваешь...

Джавид глубоко вздохнул и понизил голос:

— Как прикажет Мать Муад Диба.

Он посмотрел на Алию, на Зебаталефа, потом повернулся к Джессике.

— Мне жаль, что вам придется отложить встречу с вашими внуками, но для этого есть государственные причины...

Джессика подумала: «Хорошо. Прежде всего, он деловой человек. Когда мы определим новую систему ценностей, мы купим его». И она вдруг нашла, что радуется тому, что он настаивал на этой церемонии. Эта маленькая победа дала бы ему превосходство над его товарищами, и они бы знали об этом. Принятие Очищения могло бы стать платой за дальнейшие услуги.

— Я полагаю, с транспортом все в порядке, — сказала она.

Глава 6

Я даю тебе пустынного хамелеона, способность которого принимать окраску окружающей местности расскажет тебе все, что необходимо знать о корнях экологии и основах личной подлинности.

Книга Диатрибов.

Из Хроники Хайт.

Лито сидел и играл на маленьком бализете, подаренным ему в день его пятилетия самим изготовителем этого инструмента, Гурни Хэллеком. За прошедшие четыре года Лито достиг определенной плавности игры, хотя две толстые струны доставляли ему беспокойство. Он находил бализет успокаивающим, несмотря ни на что, особенно когда он был чем-то расстроен — это не ускользнуло от Ганимы. Теперь в сумрачном свете он сидел на выступе у стены пещеры на самом южном конце скалистого отрога, который прикрывал съетч Табр. Он тихо бренчал на бализете.

Ганима стояла позади него, вся ее мятежная фигурка излучала протест. Она не хотела выходить сюда, на открытый воздух, после того как узнала от Стилгара, что ее бабушка задержалась в Арракине. Она особенно возражала приходить сюда с наступлением ночи. Пытаясь растормошить своего брата, она спросила:

— Ну, что это?

Вместо ответа он заиграл другую мелодию.

Впервые с тех пор, как он получил подарок, Лито почувствовал очень ясно, что этот бализет был создан искусственным мастером на Келадане. Он обладал унаследованной памятью, которая могла вызывать в нем глубокого ностальгию по красивой планете, где правил Дом Атридесов. Лито слегка расслабил внутренние барьеры, слушая эту музыку, и он мог слышать голоса памяти из тех времен, когда Гурни приметил бализет, чтобы развлекать своего друга Пола Атридеса. С помощью бализета, звучавшего в его руках, Лито все сильнее чувствовал физическое присутствие своего отца. Он еще играл, все больше поддаваясь воздействию инструмента. Он ощущал абсолютно идеализированную совокупность внутри себя, которая знала, как играть на этом бализете, хотя мускулы девятилетнего мальчика еще не привыкли к этому внутреннему сознанию.

Ганима нетерпеливо топала ногой, не осознавая того, что делает это в такт игры брата. Скривив рот оттого, что лицо его было сосредоточено, Лито прервал знакомую мелодию и попытался исполнить песню более древнюю, чем любую из тех, которые когда-то играл Гурни. Она относилась к тому времени, когда Свободные Дзэнсунни переселились на пятую по счету планету. Слова отражали тему, и он слышал их в своей памяти, в то время как его пальцы извлекали робкую мелодию.

Прекрасная форма природы содержит в себе удивительную особенность. Некоторые называют ее — разрушение. Благодаря ее существованию новая жизнь пробивает себе дорогу. Тихо проливаются слезы, но это вода души: они несут новую жизнь к неудовольствию существующей, а смерть соединяет то и другое в одно целое.

Ганима заговорила позади него, когда он выводил последнюю ноту.

— Это мерзкая старая песня. Почему именно ее ты играл?

— Потому что она совпадает с данной ситуацией.

— Ты сыграешь ее для Гурни?

— Может быть.

— Он назовет ее скучной ерундой.

— Я знаю.

Лито посмотрел через плечо на Ганиму. Он не выразил удивления по поводу того, что она знала песню и мелодию, но он почувствовал внезапный трепет, потому что они, близнецы, были очень одинаки и одинаковы, как одно целое. Если бы один из них умер, то остался бы жить в сознании другого, каждый сохранял полностью память другого, это их сближало. Он вдруг почувствовал, что боится этого бесконечного смятения их близости, и отвел взгляд от нее. Но он знал, что в этом переплетении есть пробелы. Его страх усиливался от всех новых пробелов. Он чувствовал, что их жизни начинали разделяться, и задумался. «Как я скажу ей о том, что произошло только со мной???

Он посмотрел через пустыню на длинные тени от барханов за этими возвышенностями, все время растущими, кочующими дюнами, которые движутся, как волны, вокруг Арракиса. Это был Нодем,

внутренняя пустыня, и ее дюны в последнее время редко тревожили гигантские черви. Предзакатное солнце отбрасывало через всю пустыню кровавые лучи, придавая огненный оттенок зеленоющим краям. Ястреб, падающий с малинового неба, уловил, что за ним наблюдают с такой же магической скоростью, с какой он ловил скальную куропатку в полете. Сразу внизу, у подножия скалы, находился участок, где были посажены отличавшиеся яркой зеленью растения, которые поливали водой из канала, местами тянувшемуся по открытому пространству, местами — по закрытым туннелям. Вода подавалась из огромных коллекторов ветровых ловушек, которые находились в самом начале канала на самой высокой точке скалы. Там развевался зеленый флаг Атридесов. Вода и зелень.

Новые символы Арракиса: вода и зелень.

Оазис засаженных дюн в форме ромба расстился под высоким выступом скалы, притягивая внимание Лито, который смотрел на него с чисто фрименской проницательностью. Из за утеса, расположенного ниже выступа, раздался громкий шум ночной птицы, и это еще больше усилило ощущение того, что в этот момент он жил в далеком диком прошлом.

«Nous avons change tout cela», — подумал он, с легкостью переходя на один из древних языков, который они изучали с Ганимой наедине. «Мы почти все изменили». Он вздохнул. «Oublier je ne puis». «Я не могу забыть».

За оазисом он мог видеть в сгущающихся сумерках землю, которую Свободные называли «Пустота» землю, где ничего не растет, землю, которая никогда ничего не рождает. Вода и грандиозные планы по экологии постоянно меняли все это. Теперь на Арракисе появились места, где можно было увидеть бархатистые зеленые холмы, засаженные лесом. Леса на Арракисе! Некоторые из нового поколения не могут себе представить дюны без этих нежно-зеленых холмов. Роскошь влажной от дождя листвы деревьев не была шокирующей для взора этих юных глаз. Но Лито обнаружил, что сейчас он думал как старый Свободный, с недоверием относившийся к переменам, боящийся всего нового. Он сказал:

— Дети говорят мне, что теперь у поверхности они стали редко видеть песчаного червя.
— А что, на это указывали? — спросила Ганима. В ее тоне была раздражительность.
— Вещи начинают меняться очень быстро, — сказал он.

Сперва на утесе прокричала птица, и на пустыню опустилась ночь так же стремительно, как ястреб падает на куропатку. Ночь часто подвергала его натискам памяти — все эти жизни и полоса были внутри него, начинали громко о себе заявлять.

Ганима ничуть не возражала против этих явлений точно также, как и он. Она знала о его переживаниях, и он чувствовал, как ее руки коснулись его плеча в знак солидарности.

Он извлек грозный аккорд из бализета.

Как бы ему рассказать ей все, что происходит с ним?

У него в голове шли непрерывные войны; бесчисленное множество дробило на части их древнюю память: несчастные случаи с неестественной смертью, любовное томление, краски и цвета многих мест и многих лиц... захороненные страдания и радости, бьющиеся через край многих народов. На открытом воздухе почти невозможно было выдержать этот натиск.

— Может, нам лучше зайти внутрь? — спросила она.

Он отрицательно покачал головой, и она почувствовала движение, понимая, наконец, что его тревоги были намного глубже, совсем не такие, как она думала.

«Почему я так часто встречаю ночь здесь, на этом месте?» — спрашивал он себя. Он не заметил, как Ганима убрала руку.

— Ты знаешь, почему ты так мучаешься? — спросила она.

Он услышал едва уловимый упрек в ее голосе. Да, он знал. Ответ лежал в его осведомленности, очевидно: «Потому что нечто великое известно неизвестное внутри меня накатывается на меня, как волна». Он чувствовал, как его прошлое вздыпалось, как будущее его несло будто на волнах в час прибоя. Он обладал воспоминаниями отца, рассеянными во времени, воспоминаниями предвидения, которые распространялись почти на все, однако, его тянуло ко всему этому прошлому. Он хотел его. А оно было так опасно. Он знал теперь абсолютно все благодаря этому новому ощущению, о котором он должен был рассказать Ганиме.

Пустыня постепенно начинала приобретать красноватый отблеск от света восходящей Первой луны.

Он пристально смотрел на обманчивую неподвижность песчаных барашков, переходящих в бесконечность. Слева от него, очень близко, был расположен Аттендант, так называлась выступающая из песка скала, которую песчаные ветры сократили настолько, что ее синусоидная форма стала похожа на темного червя, пробивающегося сквозь дюны.

Когда-нибудь скала под ним до конца примет подобную форму из-за разрушающего ветра, и съетч Табр больше не будет существовать, кроме как в чьих-нибудь воспоминаниях, таких, как его. Он не сомневался, что где-то должен был быть человек, похожий на него.

— Почему ты уставился на Аттендант? — спросила Ганима.

Он пожал плечами. Вопреки запретам их охранников, они с Ганимой часто ходили к Аттенданту. Там они нашли укромное местечко, о котором, кроме них, никто не знал, и теперь Лито понял, почему это место так притягивало их.

Внизу, теперь в темноте это казалось ближе, в лунном свете сверкал канал, который в этом месте был открыт, его поверхность покрылась рябью из-за того, что в нем плавала хищная рыба, которую Свободные всегда разводили в собранной воде, чтобы не выпускать песчаного червя!

— Я стою между рыбой и червем, — пробормотал он.

— Что?

Он повторил громче.

Она прижала руку ко рту, начиная понимать, в чем тут дело. Таким образом действовал ее отец; ей стоило лишь заглянуть внутрь и сравнить. Лито содрогнулся. Воспоминания, которые возвращали его к местам, где он физически никогда не был, давали ему ответы на вопросы, которых он не задавал. Он видел взаимоотношения и развертывающиеся события на гигантском внутреннем экране. Песчаный червь Дюны не мог пересечь воду: вода отравит его. Однако вода здесь была известна еще в доисторические времена. Белые от гипса котловины свидетельствовали, что в прошлом здесь были озера и моря. В глубоких колодцах находили воду, от которой скрывались песчаные черви. Он увидел все так ясно, как будто сам был очевидцем этих событий, что произошло на этой планете.

И это наполнило его предчувствием катастрофических перемен, которые несло вмешательство человека.

Его голос снизился почти до шепота, он сказал:

— Я знаю, что произошло, Ганима.

Она наклонилась ближе к нему.

— Где?

— Песчаная форель...

Он умолк, и она удивилась, почему его продолжала интересовать гаплоидная фаза гигантского песчаного червя с этой планеты, но не осмелилась уколоть его.

— Песчаная форель, — повторил он, — была доставлена сюда из какого-то другого места. На этой планете тогда было сыро и влажно. Она размножалась независимо от состояния экосистемы, чтобы бороться с ней. Песчаная форель забирала в пузырь всю имевшуюся в наличии воду, превратила эту планету в пустыню... и она делала это, чтобы выжить. На этой довольно обезвоженной планете она могла перейти в фазу песчаного червя.

— Песчаная форель? — она встряхнула головой, нисколько не сомневаясь в его словах, но у нее не было желания так углубляться в себя, чтобы узнать, где он получил эту информацию. И она подумала: «Песчаная форель??

Много раз, будучи и в этом теле, и в другом, она играла в детскую игру, ловила песчаную форель, стараясь проткнуть ее водяной пузырь, и они умирали от недостатка воды. Трудно было подумать, что это безмозглое маленькое существо стало причиной ужасных событий.

Лито кивнул головой самому себе. Свободные всегда знали, что надо выращивать хищную рыбу в цистернах с водой. Гаплоидная песчаная форель интенсивно потребляла огромное количество воды с поверхности планеты; а хищные рыбы плавали по дну каналов под форелью. Песчаный червь, вид, развившийся от форели, обходился малым количеством воды — количеством, которое содержалось, например в клетках человеческого тела. Но столкнувшись с телами, содержащими большее количество воды, их химические реакции в организме замирают, вызывая разрушительное

действие, в процессе которого производится опасный концентрат, конечный продукт, который употребляли в разжиженном виде после химической обработки во время оргий в съетче.

Этот чистый концентрат Пол Муад Диб пронес сквозь стены времени, достигнутые глубины разрушения, на что не осмелился больше ни один представитель мужского пола.

Ганима почувствовала, что ее брат, который сидел перед ней, дрожит.

— Что же ты сделал? — спросила она требовательным тоном.

Но ему не хотелось терять цепь своих откровений.

— Несколько песчаных форелей — экологическая трансформация планеты... Они, конечно, противостоят этому, — сказала она, теперь начиная понимать, что в его голосе слышится страх, который против ее воли стал передаваться ей.

— Когда песчаная форель погибает, то же самое происходит с планетой, — сказал он. — В этом случае надо предупреждать.

— Это значит, что спайса больше нет, — сказала она.

Слова всего лишь касались верхних точек системы опасности, которую они оба видели: она нависла над вторжениями людей в древние взаимоотношения Дюны.

— Это то, о чем знает Алия, — сказал он. — Вот почему она злорадствует.

— Как ты можешь быть в этом уверен?

— Я уверен.

Теперь Ганима точно знала, что тревожило его, и она чувствовала, что это знание приводит ее в уныние.

— Племя не поверит нам, если она будет это отрицать, — сказал он.

Его утверждение затрагивало основную проблему их существования: неужели Свободные ждали какой-то мудрости от девятилетних детей? Алия играла на этом.

— Мы должны убедить Стилгара, — сказала Ганима.

Как по команде, они одновременно повернули головы и уставились на залитую лунным светом пустыню. Теперь это место было совершенно другим, оно изменилось, за каких-то несколько мгновений их осведомленности. Взаимодействие людей с окружающей средой никогда не представлялось им таким ясным. Они чувствовали себя неотъемлемой частью динамической системы, существующей в строго сбалансированном порядке. Новый взгляд на эти вещи постепенно менял их сознание, которое формировалось у них в результате наблюдений. Как говорил Льюэт-Кайнз, Вселенная была местом постоянной беседы между живыми существами, населяющими ее. Гаплоидная песчаная форель говорила с ними, как с человеческими существами.

— Племя должно понять, какая угроза нависла над водой, — сказал Лито. — Но эта угроза нависла не только над водой. Это... — она замолчала, понимая глубину смысла его слов. Вода была символом основной силы на Арракисе.

По своей сути Свободные оставались специально приспособленными животными, оставшимися в живых обитателями пустыни, главными исследователями в условиях стресса.

И когда воды стало в изобилии, в них произошли странные преобразования, хотя они понимали то, что необходимо в первую очередь.

— Ты имеешь в виду угрозу мощи, — поправила она его.

— Конечно.

— Но неужели они поверят нам?

— Когда они увидят, что происходит, когда они увидят, что нарушен баланс.

— Баланс, — сказала она, и повторила слова отца, которые он произнес очень давно: — Вот это отличает людей от толпы.

Ее слова пробудили в нем отца, и он сказал:

— Экономика против красоты — история, которая более древняя, чем Шеба. — Он вздохнул и через

плечо посмотрел на нее.

— Я чувствую, что у меня появляется дар предвидения, Гани.

Краткий стон вырвался из ее уст.

Он сказал:

— Когда Стилгар сказал нам, что наша бабушка прибудет позже, я уже знал об этом. Теперь другие видения вызывают подозрение.

— Лито... — она покачала головой, ее глаза увлажнились. — Это когда-то случилось и с нашим отцом. Не думаешь ли ты, что это может быть...

— Я видел себя облаченным в броню, пересекающим дюны, — сказал он. -Я был у Джакуруту.

— Джаку... — она прокашлялась. — Это допотопная легенда!

— Это реальное место, Гани! Я должен найти человека, которого называют Проповедником. Я должен найти и расспросить его.

— Ты думаешь, он... наш отец?

— Спроси об этом себя.

— Похоже, что это в самом деле он, — согласилась она, — но...

— Мне совсем не по душе то, что я знаю, что я сделаю, — сказал он. -Первый раз в жизни я понимаю своего отца.

Она почувствовала, что совершенно не занимает его мысли, и сказала:

— Проповедник, скорее всего, все-таки старый миф, мистика.

— Я молю, чтобы это так и было, — прошептал он. — О, как я хочу, чтобы это было так!

Он рванулся вперед, вскочил на ноги. Бализет загудел в его руке, когда он дернулся. «Было бы там, чтобы он был Габриэлем без рога!» Он молча уставился на залитую лунным светом пустыню.

Она повернулась, чтобы посмотреть в ту сторону, куда смотрел он, и увидела сначала фосфоресцирующий свет гниющих растений на краю насаждений съетча, затем незаметный переход этих красок в линии дюн. Там было оживленное место. Даже когда пустыня спала, что-то в ней оставалось бодрствующим. Она чувствовала это бодрствование, она слышала, как внизу животные пили воду из канала. Откровения, которые ступили на Лито, преобразовали ночь: это был момент жизни, время, когда раскрывается порядок внутри непрекращающегося изменения мгновений, когда ощущается это долгое движение из их земного прошлого, все это собралось в ее воспоминаниях.

— Почему Джакуруту? — спросила она, и спокойствие ее тона нарушило его задумчивость.

— Почему... Я не знаю. Когда Стилгар в первый раз рассказал нам, как они там убивали людей и ставили табу на это место, я подумал... о том, о чем ты подумала. Но опасность исходит теперь оттуда... Проповедник.

Она ничего не отвечала, ни требовала от него, чтобы он поделился с ней своими мыслями, и она знала, как много это говорило ему о ее страхе. Этот путь вел к Мерзости и они оба это знали. Невысказанные слова повисли в воздухе между ними, когда он повернулся и пошел через скалы ко входу в съетч.

Мерзость.

Глава 7

Вселенная принадлежит Богу. Это одна вещь, т.е. целостность, на фоне которой можно распознать все отдельные вещи. Скоротечная жизнь, даже та сознательная и рассудительная жизнь, которую мы называем чувствующей, содержит только приходящее попечительство на какую-либо часть этой целостности.

Комментарии из К.В.П

(Комиссия Вселенских Переводчиков).

Хэллек пользовался сигналами рукой, чтобы передать актуальное послание в то время, когда он вслух говорил о других вещах. Ему не нравилась маленькая приемная, которую священники выбрали для этого доклада, зная, что она могла быть напичкана шпионскими устройствами. Пусть бы даже они потребовали прервать самый едва заметный сигнал, сделанный рукой. Атридесы пользовались этими способами на протяжении столетий, если поблизости не было более мудрых.

Снаружи наступила ночь, но в комнате не было окон, освещение ее зависело от светящихся шаров, развешанных вверху по углам.

— Многие из тех, кого мы взяли, были людьми Алии, — подал сигнал Хэллек, наблюдая за лицом Джессики, когда говорил вслух, — сообщи ей, что допрос все еще продолжается.

— Все было так, как вы этого хотели, — ответила Джессика, сигнализируя пальцами. Она кивнула головой и дала открытый ответ:

— Я жду полного доклада, когда вы насладитесь, Гурни.

— Конечно, Моя Госпожа, — сказал он, и его пальцы продолжали:

«Есть еще и другое, что очень тревожит. После большой дозы наркотика, некоторые из наших пленных говорили о Джакуруту, и, когда они назвали это имя, они сразу умерли».

«Вынужденная остановка сердца?» — спрашивали пальцы Джессики. — «Ты освободил кого-нибудь из пленных??

«Нескольких, моя госпожа, тех, которые как отбракованный скот». Его пальцы быстро задвигались: «Мы подозревали, что это вынужденная остановка сердца, но сейчас в этом уверены. Вскрытие трупов еще не завершено. Я думаю, что ты знаешь об этом предмете под названием Джакуруту, и поэтому немедленно пришел».

«Мой Герцог и я всегда думали, что Джакуруту — это интересная легенда, основанная, возможно, на факте», — говорили пальцы Джессики, и она нисколько не выразила страдания, когда говорила о давно умершем возлюбленном.

— Будут ли какие-нибудь указания? — спросил Хэллек, говоря вслух.

Джессика точно так же ответила, сказав ему вернуться на посадочное поле и доложить, когда у него будет точная информация, но ее пальцы говорили совершенно о другом: «Возобнови контакты со своими друзьями среди контрабандистов. Если существует Джакуруту, они проявят себя продажей спайса. Кроме как у контрабандистов они не могут достать его».

Хэллек слегка наклонил голову, в то время как его пальцы говорили: «По ходу дела я все это уже решил, моя госпожа». И исходя из своего жизненного опыта, он добавил: «Будь внимательна и осторожна здесь. Алия твой враг, и большинство из духовенства на ее стороне».

«Но не Джавид», — ответили пальцы Джессики. «Он ненавидит Атридесов. Не каждый это распознает, но знаток сразу мог бы это раскрыть, я довольна им. Он замышляет заговор, а Алия не знает об этом».

— Я назначил дополнительную охрану к вашей персоне, — сказал Хэллек, говоря вслух, не обращая внимания на недовольство, которое выражали глаза Джессики. «Есть опасность, я уверен. Ты здесь проведешь ночь??

«Мы позже отправимся с съетч Табр», — сказала она и подумала, стоило ли ему говорить, чтобы он не присыпал дополнительной охраны, но она промолчала. Предчувствиям Гурни стоило доверять. Большинство Атридесов знало об этом, одинаково к его удовольствию и горечи. «У меня еще одна встреча — с Магистром Послушничества, на данный момент, — сказала она. -Это последнее, и я с удовольствием покидаю это место».

Глава 8

Я созерцал другого зверя, выходящего из песка; и у него было два рога, как у барана, но из его клыкастой пасти вырывалось пламя, как у дракона, и его тело содрогалось и было огненным от великой жары, и он шипел как змея.

Исправленная Оранжевая Католическая Библия.

Он называл себя Проповедником, и многих на Арракисе охватывал жуткий страх, что он, может быть, и есть Муад Диб, вернувшийся из пустыни, и что он вовсе не умирал. Муад Диб, возможно, жив; разве кто-нибудь видел его тело? Во всяком случае, вообще кто-нибудь видел, что пустыня поглотила какое-либо тело? Но все же — Муад Диб? Даже могло быть какое-то сходство, но никто, кто жил в то время, не пришел и не сказал: «Да, я видел, это был Муад Диб. Я знаю его».

Однако... Как и Муад Диб, Проповедник был слепой, его глазные впадины были черными, и по шрамам можно было определить, что он когда-то получил сильный ожог. Его голос был настолько сильным, что, казалось, проходил внутрь и требовал ответа из глубины души. Многие замечали это. Он был худой, этот Проповедник, его обтянутое кожей лицо было покрыто шрамами, волосы были седыми. Но пустыня делала такое со многими людьми. Вам стоит только посмотреть вокруг и увидеть доказательства этому. Был еще другой факт для споров: Проповедника всегда водил молодой Свободный, который, когда его спрашивали, отвечал, что он работает по найму. Спорным был вопрос, что Муад Диб, зная будущее, не нуждался до конца своих дней в сопровождающих, когда горе полностью овладело им. А потом ему понадобился поводырь, все это знали.

Проповедник появился на улицах Арракиса однажды зимним утром, держа смуглую, в набухших венах, руку на плече молодого поводыря. Парень, который представился как Ассан Тарик, двигался сквозь пахнущую камнем пыль утренней толчеи, ведя своего подопечного с отработанной ловкостью рожденного кроликом, ни на миг не теряя контакта с ним.

Все обратили внимание, что слепой носил традиционную бурку, надетую поверх стилсьюта, на котором была метка, означающая, что этот костюм был сделан в пещерах съетча в самой глуши пустыни. Его одежда вовсе не имела неопрятный вид. Трубка для носа, которая собирала влагу во время выдоха, чтобы потом переправить ее под нижние слои бурки, была замотана шнуром, и это был совершенно черный шнурок, который редко встречался. Защитная маска стилсьюта, закрывавшая нижнюю половину лица, имела зеленые пятна, вытравленные песчаным ветром. Одним словом, этот Проповедник был фигурой из прошлого Дюны.

Многие люди, толпившиеся тем зимним утром на улицах, видели, как он шел. В конце концов, этот слепой Свободный оставался просто реликвией. По Закону Свободных слепого отправляли к Шай-Хулуду. Слово Закона, хотя оно в это современное, смягченное водой время мало почиталось, оставалось неизменным с первых дней его существования. Слепые были подарком Шай-Хулуду.

Их оставляли в открытой пустыне для того, чтобы их сожрали огромные черви. Когда все было закончено, появлялись рассказы, которые распространялись по городам, — это всегда делали в тех местах, где все еще правили самые большие черви, их называли Стариками Пустыни. Вот почему слепой Свободный вызывал любопытство, и люди останавливались, чтобы поглязеть на эту страшную пару.

Мальчик выглядел лет на 14, один из новеньких, который носил современный костюм; его лицо было открыто иссушающему воздуху. У него были утонченные черты лица, голубые, включая белки, от спайса глаза, небольшой нос, и тот безобидный взгляд невинности, который так часто скрывает циничные знания в молодости. Как противоположность, слепой был напоминанием времен, почти позабытых, — он делал большие шаги, и его выносливость говорила о том, что многие годы он провел в песках, сквозь которые шел на своих ногах или верхом на плененном черве. Он гордо и неподвижно держал голову, что было характерно для многих слепых. Он слегка поворачивал голову только в тех случаях, когда настораживал ухо, услышав какой-нибудь необычный звук.

Эта страшная пара шла целый день, минуя толпы любопытных, и, наконец, добралась до ступеней, которые вели к эскарпу, где находился Дворец Алии, что-то типа пристройки к Крепости Пола.

Проповедник и его юный проводник поднялись по ступеням до третьей террасы, где пилигримы Хадджа ждали, когда утро откроет над ними гигантские двери. Это были двери довольно большие, в них спокойно мог поместиться целый собор, принадлежащий какой-либо древней религии. Надо сказать, что когда пилигримы проходили через них, их душа значительно уменьшалась — до такой степени, что свободно могла бы пройти сквозь игольное ушко и взойти на небеса.

На краю пятой террасы Проповедник повернулся, и, казалось, что он огляделся вокруг, видя своими пустыми глазами щегольских жителей города, некоторые из них были крестьянами, одетыми в нечто, напоминающее стилсьюты, но это было только декоративной бутафорией; видя жаждущих пилигримов, которые только что покинули воздушный транспорт и ждали этого первого шага к

посвящению, что будто бы гарантировало им место в раю. Терраса была шумным местом: там были вероисповедующие Духа Махди в зеленых одеяниях, они носили живых ястребов, которых научили выкрикивать «взвывание к небесам». Пишу продавали горластые продавцы. Для продажи предлагали много всяких вещей; голоса как будто хотели перекричать друг друга: там был Тарот Дюны со своими буклетами комментариев, отпечатанных на шигавире. У одного продавца были экзотические кусочки одежды «с гарантией того, что до них дотрагивался сам Муад Диб!» У другого были бутылочки с водой, «заверенные, что они из съетча Табр, где жил Муад Диб». Отовсюду слышались разговоры более чем на ста диалектах Галаха, чередующиеся родные гортанные звуки и писклявые звуки языков с дальних планет, которые были собраны под крышей священной Империи. Шуты и карлики в ярких одеждах с ремесленных планет Тлейлаксу сновали туда-сюда в толпе. Можно было увидеть худые и толстые лица; лица, одутловатые от воды. Неровный шум шагов исходил от покрытия из пластилини, которым были накрыты широкие ступеньки. И время от времени из этой какофонии звуков слышался причитающий голос, произносивший молитву:

— Муа-а-а-ад Диб! Муа-а-а-ад Диб! Прими мольбу моей души! Ты, помазанник Божий, прими мою душу! Муа-а-а-ад Диб!

Неподалеку от паломников два шута играли несколькими монетами, цитируя строки известных «Дебатов Армистида и Линдраха».

Проповедник насторожился, пыталась расслышать.

Игроки были среднего возраста, горожане, со скучными голосами. Молодой провожатый немедленно описал их Проповеднику. Они были одеты в просторную одежду, никак не напоминающую стилсьюты. Ассану Тарику показалось это смешным, но Проповедник сделал ему замечание.

?Актер», который играл роль Линдраха, уже заканчивал свою речь.

— Да! Вселенную можно охватить только чувствующей рукой. Рука — это то, что приводит в движение твои бесценные мозги, а они, в свою очередь, приводят в движение все, что зависит от мозгов. Вот видишь, что ты создал, ты стал чувствующим, итак, рука сделала свое дело!

Разрозненные аплодисменты приветствовали его выступление.

Проповедник вдохнул воздух, и его ноздри почуяли богатые запахи этого места: эфирные запахи, которые исходили от стилсьютов; разнообразные мускусные запахи; обычная каменная пыль; запахи экзотической пищи и ароматы редкого фимиама, который уже был зажжен в Храме Алии и теперь стелился вниз по ступенькам какими-то сознательно направленными потоками. Мысли Проповедника можно было прочитать на его лице, когда он поглощал все, что происходило вокруг. Вдруг внизу через толпу прошло волнение. Танцоры на песке появились у основания лестницы, примерно полсотни из них были привязаны друг к другу веревками из лиан элаккового дерева. Таким образом, они, видимо, танцевали целыми днями, пытаясь найти состояние экстаза. Когда они дергались и топали ногами под свою музыку, у них на губах появлялась пена. Треть из них бессознательно повисла на веревках, другие то тянули их назад, то толкали вперед, как марионеток на проволоке. Одна из таких кукол пришла в себя, и толпа уже знала, чего ожидать.

— Я ви-и-и-дел! — завизжал только что пришедший в себя. — Я ви-и-дел! — Он сопротивлялся толчкам других танцующих, направляя свой взгляд то вправо, то влево. — Здесь, где находится этот город, будет только песок! Я ви-и-дел!

Раскатистый смех поднимался со стороны зрителей. Даже новые паломники присоединились к ним.

Этого уже было слишком много для Проповедника. Он поднял вверх обе руки и взревел таким голосом, каким, несомненно, давал команды червям при верховой езде:

— Тишина!

Вся толпа, которая была здесь, на этом месте, мгновенно замерла, заслышив его воинственный крик.

Проповедник тощей рукой указал на танцов, и иллюзия того, что он в самом деле видел их, была просто жуткой.

— Вы разве не слышали этого человека? Богохульники и идолопоклонники! Все, вы! Религия Муад Диба — это не Муад Диб. Он отвергает это, отвергает так же, как и вас! Песок покроет это место! Песок покроет вас.

Говоря это, он уронил руки, положил одну из них на плечо молодого провожатого и скомандовал:

— Уведи меня из этого места.

Возможно, эти слова были выбраны Проповедником не случайно: «Он отвергает это, отвергает также, как и вас!?

Возможно, это был голос Муад Диба, ведь в нем было нечто большее, чем просто человеческое, его голос был натренирован, вероятно, Бене Джесссерит, когда малейшие нюансы интонации уже могли означать команду.

Возможно, сказался мистицизм самой местности, где Муад Диб жил, ходил и правил. Кто-то с террасы закричал вслед уходящему Проповеднику голосом, который дрожал от рефлекторного страха:

— Неужели сам Муад Диб вернулся к нам?

Проповедник остановился, запустил руку в мешок, который висел у него под плащом и достал оттуда предмет, который узнали те, кто стоял поближе. Это была засушенная мумифицированная рука, одна из общепринятых шуток над смертным человечеством, эти руки иногда торчали из песка и считались знаками, которые подавал Шаи-Хулуд. Рука так иссохла, что теперь представляла собой крепко сжатый кулак с белыми костяшками, которые хорошо отшлифовал пустынный ветер.

— Я принес руку Бога, и это все, что я принес! — крикнул Проповедник. — Я говорю от руки Бога. Я — Проповедник Некоторые подумали, будто он имеет в виду, что это рука Муад Диба, но другие остолбенели от его внушительного вида и ужасного голоса — вот таким образом Арракис узнал его имя. Но они не в последний раз слышали его голос.

Глава 9

Обычно говорят, дорогой Георад, что в меланже присутствует великая природная сила. Возможно, это правда. Хотя у меня, в глубине души, имеются сомнения, что каждый раз употребление меланжа имеет воздействие. Мне кажется, что некоторые люди неправильно используют меланж, вопреки наставлениям Бога. Говоря словами экуменистов, они испортили свою душу. Они снимают сливки с поверхности меланжа и верят, что таким образом добиваются божьей милости. Они осмеивают своих товарищ, наносят великую вред благочестию, и они умышленно искажают значение этого богатого дара. Несомненно это искажение выше их сил, они не могут себя реабилитировать. Чтобы искренне быть в согласии с силой спайса, неподкупный во всех отношениях, честный и благородный человек должен позволить согласиться с его делами и словами. Если твои действия выявляют систему ужасных результатов, то о тебе будут судить по этим результатам, а не по твоим объяснениям. Вот таким образом мы и должны судить о Муад Дибе.

Ересь Гоеданта.

Это была маленькая комната, наполненная запахом озона и погруженная в полумрак от тусклого светящегося шаров и металлически-голубого света, исходящего от единственного экрана монитора. Экран был примерно метр в ширину и где-то 2/3 метра в высоту. На нем просматривалась голая, покрытая скалами долина с двумя Лазанскими тиграми, которые доедали окровавленные останки только что убитых. На склоне холма над тиграми можно было увидеть худого мужчину в Сардукарской рабочей форме со знаком Левенбрега на вороте. На груди у него висела контрольная клавиатура управления.

Один стул был повернут к экрану, на нем сидела белокурая женщина неопределенного возраста. Лицо ее имело форму сердца, а тонкие руки крепко обхватили подлокотники, пока она смотрела на экран. Просторная белая одежда, отделанная золотом, скрывала ее фигуру. На расстоянии примерно одного шага справа от нее сидел крупный мужчина, одетый в бронзовую форму старого Имперского сардукара Башара Аиде. Его седеющие волосы, аккуратно подстриженные и причесанные, еще больше подчеркивали его грубые, неподвижные черты лица.

Женщина кашлянула и сказала:

— Все прошло, как ты предсказывал, Тайканик?

— Конечно, принцесса, — сказал Башар Аиде грубым голосом.

Она улыбнулась, потому что в его голосе было напряжение, и спросила: — Скажи мне, Тайканик, как мой сын отнесется к званию Император Фарад'н I?

— Титул подходит ему, принцесса.

— Я совсем не об этом хотела спросить.

— Он может не одобрить некоторые вещи, которые делаются для того, чтобы он завоевал этот, как его, титул.

— Тогда снова... — Она повернулась и сквозь мрак всмотрелась в него. — Ты хорошо служил моему отцу. Ты не виноват в том, что Атридесы отобрали у него трон. Но наверняка ты должен остро чувствовать боль этой потери, как и любой сардукар.

— У принцессы Вэнсики есть для меня какое-то специальное задание? спросил Тайканик. Голос его оставался грубый, но теперь в нем еще появилась резкость.

— У тебя плохая привычка перебивать меня, — сказала она.

Теперь он улыбнулся, обнажая крепкие зубы, которые сверкали от света, падающего с экрана.

— Временами вы напоминаете мне вашего отца, — сказал он. — Всегда эти иносказания перед тем, как дать какое-нибудь деликатное задание.

Она отвела от него взгляд, чтобы скрыть свой гнев, и спросила:

— Ты действительно думаешь, что Лазанские тигры помогут моему сыну взойти на трон?

— Это вполне возможно, принцесса. Вы должны допустить, что незаконнорожденные от Пола Атридеса не более чем лакомые кусочки для тех двоих. А эти близнецы... — Он пожал плечами.

— Внук Шаддама IV становится логически законным наследником, сказала она. — Это так, если мы сможем устраниТЬ возражения Свободных, Ландсраада и КХОАМ, а не указания некоторых Атридесов, которые могли...

— Джавид уверяет меня, что его люди очень легко смогут наблюдать за Алией. Я считаю леди Джессику представительницей Атридесов. Кто еще остается?

— Ландсраад и КХОАМ последуют туда, где их ждет выгода, — сказала она. — А как быть со Свободными?

— Мы погрузим их в религию их же Муад Диба!

— Легче сказать, чем сделать, мой дорогой Тайканик.

— Да, — сказал он. — Мы снова возвращаемся к этому старому аргументу. — Дом Коррино делал более худшие вещи, чтобы захватить власть, произнесла она.

— Но чтобы объять эту... эту религию Муад Диба!

— Мой сын уважает тебя, — сказала она.

— Принцесса, я с нетерпением жду, когда Дом Коррино вернется на свое законное место власти. Этого хочет каждый оставшийся сардукар. Но если вы...

— Тайканик! Эта планета называется Салуза вторая. Не надо идти по пути ленивых, что очень распространено в Империи. Полное имя, полный титул — внимание к каждой детали. Эти атрибуты пошлют кровь Атридесов в пески Арракиса. Любая мелочь, Тайканик!

Он знал, что она делала с помощью этого нападения. Это было частью хитрого обмана, которому она научилась у своей сестры, Ирулэн. Но он почувствовал, как постепенно теряет свои позиции.

— Ты слышишь меня, Тайканик?

— Я слышу, принцесса.

— Я хочу, чтобы ты постиг эту религию Муад Диба, — сказала она.

— Принцесса, ради вас я бы пошел в огонь, но это...

— Это приказ, Тайканик!

Он принял это и устался на экран. Лазанские тигры закончили есть и теперь лежали на песке, завершая свой туалет, их длинные языки двигались вдоль их передних лап.

— Приказ, Тайканик — ты понимаешь меня?

— Слушаю и повинуюсь, принцесса.

Тон его голоса нисколько не изменился.

Она вздохнула. «О-ох, если бы только был жив мой отец...?

— Да, принцесса.

— Не смейся надо мной, Тайканик. Я знаю, как это недостойно тебя. Но если ты подашь пример...

— Он не сможет последовать ему, принцесса.

— Он последует. — Она указала на экран. — Сдается мне, что Левенбрег там может представить собой проблему.

— Проблему? Как это?

— Сколько людей знает об этих тиграх?

— Левенбрег, он дрессирует их, один транспортный пилот, вы, и, конечно... — Он стукнул себя в грудь.

— А что покупатели?

— Они ничего не знают. Чего вы боитесь, принцесса?

— Мой сын, ну, он очень чувствительный!

— Сардукары не раскрывают своих секретов, — сказал он.

— А также и мертвые, — Она полилась вперед и нажала на красную кнопку под освещенным

экраном.

В тот же миг Лазанские тигры подняли головы. Они вскочили на ноги и посмотрели на вершину холма, на Левенбрега. Одновременно они повернулись и начали быстро карабкаться вверх по склону холма.

Поначалу выглядя совершенно спокойно, Левенбрег нажал кнопку на своем пульте управления. Его движения были уверены, но по мере того, как кошки продолжали подбираться к нему, он все сильнее и яростнее нажимал на кнопку. И вдруг осознание происходящего сковало черты его лица, и он рукой потянулся к ножу, который висел у него на поясе. Но он спохватился слишком поздно. Сильная лапа с растопыренными когтями ударила его в грудь и сбила с ног. Когда он упал, другой тигр зубами схватил его за шею и встряхнул. Его позвонки хрустели.

— Не упускай малейших деталей, — сказала принцесса. Она повернулась, резко выпрямилась, когда Тайканик достал свой нож. Но он показал ей лезвие ножа, держа его в руке перед собой.

— Наверное, ты предпочла бы воспользоваться моим ножом, чтобы обратить внимание на другую деталь, — сказал он.

— Верни его назад, в ножны, и хватит дурачиться! — воскликнула она в гневе. — Когда-нибудь ты, Тайканик, ухитришься меня...

— Это был хороший человек, принцесса. Один из моих лучших людей.

— Один из моих лучших людей, — поправила она его.

Он глубоко, взорванно вздохнул и убрал в ножны нож.

— А как быть с транспортным пилотом?

— Это можно представить как несчастный случай, — сказала она. — Ты предупредишь его, чтобы он был очень осторожен, когда этих тигров повезет к ним. И конечно, когда он доставит на транспорте наших любимцев людям Джавида... — Она взглянула на нож.

— Это приказ, принцесса?

— Да.

— Тогда, может быть, мне упасть на мой нож, или ты позаботишься об этой... э-э-э, подробности?

Она заговорила притворно спокойным, твердым голосом:

— Тайканик, если бы я не была абсолютно уверена, что ты не упадешь на свой нож по моей команде, ты не стоял бы сейчас здесь, рядом со мной, вооруженный.

Он молча выслушал ее и уставился на экран. Тигры все еще ели.

Она отказалась смотреть на экран, она не отвела глаз от Тайканика и сказала:

— Ты также скажешь нашим покупателям, чтобы они больше не привозили нам подобранные пары детей, такие, которые подходят необходимым требованиям.

— Как прикажешь, принцесса.

— Не говори со мной таким тоном, Тайканик.

— Да, принцесса.

Ее губы вытянулись в тонкую линию. Потом она добавила:

— Сколько пар костюмов у нас еще осталось?

— Шесть пар, а также стилсьюты и обувь для песка, все это помечено знаками Атридесов, которые вытканы на ткани.

— Ткань такая же богатая, как и на той паре? — она кивнула в сторону экрана.

— Вполне соответствующая королевской, принцесса.

— Внимание к детям, — сказала она. — Одежду следует отправить на Арракис в качестве подарков для королевских близнецов. Это будет подарком от моего сына, ты понимаешь меня, Тайканик?

— Вполне, принцесса.

— Пусть напишет что-то вроде сопроводительного письма. В нем должно говориться, что он посыпает эту пустяковую одежду в знак своей преданности Дому Атридесов. Что-то в этом духе.

— А по какому слушаю?

— Ну, хотя бы по поводу дня рождения, праздника или еще чего-нибудь, Тайканик. Это я предоставляю тебе. Я доверяю тебе, мой друг. Он молча посмотрел на нее.

Ее лицо ожесточилось.

— Ты наверняка должен знать это? Кому еще я могу довериться с тех пор, как умер мой муж?

Он пожал плечами и подумал, что с ней очень опасно быть в тесных отношениях, особенно после того, как он только что убедился на примере Левенбрега, что может произойти.

— И еще, Тайканик, — сказала она, — еще одна деталь.

— Да, принцесса.

— Моего сына учат управлять. Наступит время, когда он будет готов взять власть в свои руки. Ты узнаешь, когда наступит этот момент. Я хочу, чтобы меня немедленно об этом поставили в известность.

— Как прикажешь, принцесса.

Она откинулась назад и понимающе посмотрела на Тайканика.

— Ты не одобряешь меня, я знаю это. Но для меня не имеет значения, сколько времени ты будешь помнить этот урок с Левенбрегом.

— Он хорошо обращался с животными, но вполне заменимый слуга, да, принцесса.

— Я совсем не это имела в виду!

— Разве? Тогда... я не понимаю.

— Армия, — сказала она, — формируется, по возможности, из полностью заменимых частей. Вот это и есть урок Левенбрега.

— Заменимые части, — сказал он. — Включая высшее командование?

— Без высшего командования. В армии для этого редко возникает причина, Тайканик. Вот почему ты немедленно овладеешь религией Махди, и в то же время начнешь обращать в нее моего сына.

— Я готов, принцесса. Я полагаю вы не хотите, чтобы я ограничил его образование по другим военным искусствам ради этой, э-э-э... религии?

Она вскочила со стула, обошла его кругом, остановилась у двери сказала, не оборачиваясь:

— Когда-нибудь, Тайканик, ты выведешь меня из терпения. — С этими словами она вышла.

Глава 10

Или мы отказываемся от почитаемой долгое время теории относительности, или мы перестаем верить, что можем вовлечь себя в непрерывное точное предсказание будущего. В самом деле, зная, что будущее поднимает множество вопросов, на которые невозможно ответить, придерживаясь традиционного подхода, если, во-первых, не отделять Наблюдателя от Времени и, во-вторых, не сводить к нулю развитие. Если вы принимаете теорию относительности, то может быть видно, что Время и Наблюдатель должны находиться в тесной связи, иначе вкрадутся ошибки. Казалось бы, можно сказать, что невозможно вовлечься в точное предсказание будущего. Тогда как мы объясним продолжающиеся поиски этой призрачной цели уважаемыми учеными? Тогда как объясним Муад Диба?

Харк ал-Ада. Лекция по Предвидению.

— Я должна тебе кое-что рассказать, — сказала Джессика, — хотя даже я знаю, что этот мой рассказ напомнит тебе о многих случаях из нашего общего прошлого и что это подвергнет тебя опасности.

Она замолчала, чтобы посмотреть, как Ганима воспринимает это.

Они сидели одни, вдвоем, расположившись на низких диванных подушках в палате съетча Табр. Понадобилось значительное умение для проведения этой встречи, и Джессика была совсем не уверена, что не она одна прикладывала усилия для подобной встречи. Казалось, Ганима предвидела и продумывала каждый шаг. Было почти два часа пополудни, и волнения, связанные с узнаваниями, были уже позади. Джессика заставила себя сконцентрировать внимание на этой комнате со стенами из скал, с ее темными занавесями и желтыми подушками. Чтобы преодолеть накопившееся напряжение, она мысленно перенеслась, в первый раз за многие годы, во времена, напоминавшие ей о Литании. Против Страха из ритуала Бене Джессерит.

«Я должна бояться. Страх убивает разум. Страх — это маленькая смерть, которая несет полное забвение. Я буду смотреть в лицо моему страху. Я позволю ему овладеть мною и пронзить меня насеквоздь. И когда он уйдет, я внутренним зрением прослежу его путь. Там, куда уйдет страх, не будет ничего. Только я останусь».

Она проделала это молча и глубоко, спокойно вздохнула.

— Иногда это помогает, — сказала Ганима. — Я имею в виду Литанию.

Джессика закрыла глаза, чтобы скрыть потрясение от этой способности проникновения в чужие мысли. Прошло много времени с тех пор, как кто-нибудь был способен прочитать ее сокровенные мысли. Осознание этого всегда приводило в замешательство, особенно, когда эта способность подкреплялась интеллектом, который скрывался под маской детства.

Посмотрев в лицо своему страху, Джессика открыла глаза и уже знала источник беспорядка: «Я боюсь моих внуков». Ни один из этих детей не показал позор Мерзости, который Алия выставляла напоказ, хотя Лито выдавал каждый признак какого-то ужасающего уживаания. Вот по какой причине он очень искусно отстранен от этой встречи.

В порыве гнева Джессика отбросила в сторону свои привычные застарелые эмоциональные маски, зная, что здесь от них не будет никакой пользы, они всего лишь препятствие в общении. С тех пор, когда у нее была любовь с Герцогом, она не убирала препятствия, и она обнаружила, что это ей принесло одновременно облегчение и боль. Остались факты, которые ни проклятья, ни молитвы, ни Литания не могли бы убрать из этой жизни. От этих фактов нельзя было убежать. Их нельзя было проигнорировать. Элементы видений Пола были восстановлены и были подхвачены его детьми. Они были магнитом в пустоте: жестокость и все самые серьезные злоупотребления властью притягивались к ним.

Ганима, наблюдавшая за сменой эмоций на лице своей бабушки, была очень удивлена, что Джессика потеряла над собой контроль.

Абсолютно синхронно, как бы улавливая движения друг друга, обе повернулись, глаза их встретились, и они уставились друг на друга, проникая глубоко друг в друга. Они обменялись между собой мыслями, не произнося слов. Джессика: «Я хочу, чтобы ты видела мой страх».

Ганима: «Теперь я знаю, что ты любишь меня».

Это был быстро проходящий момент их внутреннего доверия.

Джессика сказала:

— Когда твой отец был еще мальчиком, я доставила на Келадан Преподобную Мать, чтобы протестировать его.

Ганима кивнула. Память об этом была слишком яркой: «Мы, последователи Бене Джессерит, были очень осторожны, чтобы увериться в том, что дети, которых мы воспитывали, были людьми, а не животными. Никто никогда не мог определить это по внешнему виду».

— Это тот метод, с помощью которого вас обучали, — сказала Ганима, и память устремилась в ее разум: это старая Бене Джессерит, Ганус Хэлен Моахим. Она прибыла в замок Келадана со своим ядовитым Гом Джаббаром. И ящичком жгучей боли. Рука Пола (собственная рука Ганимы в разделенной памяти) была в агонии от этого ящичка, в то время как старуха спокойно говорила о мгновенной смерти, если он вытащит руку из ящика с болью. И не было сомнений в том, что смерть подкрадывалась к горлу ребенка, а старческий голос монотонно бубнил свое разумное объяснение:

— Ты слышал о животных, которые перегрызают себе ногу, чтобы выбраться из капкана. Это свойственно животным. Человек же останется в капкане, будет терпеть боль, ощущая смерть, потому что он может убить того, ктоставил капкан, и подвергнуть его наказанию.

Ганима затряслась головой при воспоминании о боли. Жжение! Жжение! Полу казалось, что от его кожи, из подверженной боли руки идет черный дым внутри ящика, мясо скручивается и отваливается, и остаются только одни обгоревшие кости. Но это был обман — рука была невредима. Хотя на лбу Ганимы выступил пот при этом воспоминании.

— Разумеется, ты помнишь это так, как я не могу, — сказала Джессика. На мгновение воспоминания отступили, и Ганима увидела свою бабушку в другом свете: что могла бы сделать эта женщина при выполнении всех необходимых условностей, навязанных орденом Бене Джессерит. От этого у нее возникали новые вопросы относительно возвращения Джессики на Арракис.

— Было бы глупо проводить этот тест с тобой или с твоим братом, сказала Джессика. — Ты уже знаешь, как все это происходило. Я должна признать, что вы люди, что вы не будете злоупотреблять наследованной вами властью.

— Но ты не делай такого заключения, — сказала Ганима.

Джессика закрыла глаза, осознав, что препятствия снова возвращаются на свои места. Она еще раз решила их убрать, спросив:

— Ты веришь, что я люблю тебя?

— Да! — Ганима подняла руку, когда Джессика пыталась договорить. — Но эта любовь не остановит тебя от уничтожения нас. О, я знаю причину. Лучше пусть полуживотное-получеловек умрет, чем переделает себя.

И это правда, когда это полуживотное носит имя Атридесов. — Но вы — люди! — выпалила Джессика. — Я доверяю моей интуиции.

Ганима поняла, что это правда, она сказала:

— Но ты не уверена в Лито!

— Нет.

— Мерзость?

Джессика могла только кивнуть. Ганима сказала:

— Нет, пока. Мы оба знаем, какую опасность это представляет. Мы можем видеть, что произошло с Алией от этого.

Джессика прикрыла глаза руками, подумала: «Даже любовь не может защитить нас от нежелаемых фактов». И она знала, что еще любит свою дочь, молча крича от безвыходности: «Алия! О, Алия. Я виновата со своей стороны в твоей гибели».

Ганима молча проглотила горе.

Джессика впустила руки, подумала: «Я не могу бесконечно оплакивать свою бедную дочь, но есть сейчас и другие вещи, с которыми необходимо разобраться в первую очередь». Она сказала:

— Итак, вы поняли, что случилось с Алией.

— Лито и я наблюдали, как все происходило. Но мы были не в состоянии предотвратить это, хотя мы обсуждали много возможных способов. — Ты уверена, что твой брат свободен от этого проклятия?

— Да, уверена.

Спокойную самоуверенность этого утверждения нельзя было отрицать. Джессика поверила этому. Затем:

— Как вам этого удалось избежать?

Ганима объяснила ей теорию, с помощью которой они с Лито определили, как можно избежать транса от употребления спайса, в то время как Алия всегда входила в транс. Она продолжала угадывать его видения и планы, которые они обсуждали — и даже Джакуруту.

Джессика кивнула. Алия — из рода Атридесов, однако и это создает большие проблемы.

Ганима умолкла, так как вдруг поняла, что Джессика все еще горюет по своему Герцогу, как будто он умер только вчера, и память хранит в душе его имя и память о нем вопреки всем угрозам. Воспоминания о жизни Герцога пронеслись в сознании Ганимы, чтобы дать этому свою оценку, чтобы понять это.

— А теперь, — сказала Джессика, ее голос оживился, — что ты скажешь об этом Проповеднике? Я выслушала несколько тревожных сообщений вчера после этого ужасного Очищения.

Ганима пожала плечами:

— Может быть, он...

— Пол?

— Да но мы еще не видели его, чтобы хорошо изучить. — Джавид смеется над этими слухами, — сказала Джессика.

Ганима задумалась. Потом спросила:

— Ты доверяешь этому Джавиду?

Угрюмая улыбка коснулась губ Джессики.

— Не больше, чем ты.

— Лито говорит, что Джавид смеется над дурными вещами, — сказала Ганима.

— Так много всего для смеха Джавида, — сказала Джессика. — Но ты на самом деле допускаешь возможность, что мой сын все еще жив, что он вернулся в этом обличье?

— Мы думаем, что это возможно. И Лито... — Ганима вдруг почувствовала сухость во рту, вспомнила, как страх сковал ее грудь. Она заставила себя преодолеть его, пересчитав другие открытия Лито в его пророческих видениях.

Джессика поворачивала голову из стороны в сторону, как будто она болела.

Ганима сказала:

— Лито говорит, что он должен найти этого Проповедника, чтобы убедиться.

— Да... Конечно. Я никогда не должна была покидать это место. Я поступила ужасно.

— Почему ты обвиняешь себя? Ты достигла предела. Я знаю это. Лито знает это. Даже Алия может это знать.

Джессика прижала руку к горлу, слегка потерла его. Затем произнесла: — Да, проблема Алии.

— Она имеет на Лито какое-то странное воздействие, — сказала Ганима. — Вот почему я сделала все, чтобы ты встретилась только со мной. Он согласен, что она совершенно безнадежна, но однако он находит способы, чтобы быть с ней и изучает ее. И... это очень меня тревожит. Когда я пытаюсь говорить что-то против этого, он засыпает. Он...

— Она дает ему наркотики?

— Не-е-ет. — Ганима отрицательно покачала головой. — Но у него есть какое-то странное проникновение к ней. И... во сне он часто произносит: «Джакуруту».

— Опять это! — И Джессика воспроизвела в памяти сообщения Гурни о заговорщиках, обнаруженных на посадочном поле.

— Иногда я боюсь, что Алия хочет, чтобы Лито нашел Джакуруту, сказала Ганима. — И я всегда думала, это лишь легенда. Ты, конечно, знаешь ее.

Джессика вздрогнула. «Жуткая история. Жуткая».

— Что нам надо делать? — спросила Ганима. — Я боюсь искать это в моих воспоминаниях, во всех моих жизнях...

— Гани! Я не позволяю тебе этого делать. Ты не должна рисковать...

— Это может случиться когда угодно, даже если я не буду рисковать. Как мы узнаем, что на самом деле случилось с Алией?

— Нет! — выкрикнула она. — Итак... Джакуруту, не так ли? Я послала Гурни найти это место, если оно существуют.

— Но как он сможет... О! Конечно, контрабандисты.

Исходя из этого разговора, Джессика поняла, что мозг Ганимы работал в соответствии с тем, что творилось в сознании других. «В моем! Как все это было действительно странно», — думала Джессика, что эта юная плоть могла содержать в себе воспоминания Пола, по крайней мере до момента спермального отделения Пола от его собственного прошлого. Это было проникновение в глубину души, в самые сокровенные уголки сознания, против чего в Джессике протестовали какие-то первобытные инстинкты.

Мгновенно они начали погружаться в абсолютное и безоговорочное суждение Бене Джессерит: «Мерзость!» Но в этом ребенке было что-то милое, желание жертвовать ради своего брата, что нельзя отрицать.

«Мы — это одна жизнь, стремящаяся в неизведанное будущее, — подумала Джессика. — Мы — одной крови». И приготовилась принять события, которые она и Гурни Хэллек оценили на ходу. Лито надо было отделить от сестры, надо было обучить, как того требовал орден Сестер.

Глава 11

Я слышу, как в пустыне воет ветер, и я вижу, что зимняя луна поднимается, как большие корабли в пустоте. Им я даю свою клятву: «Я буду решительна и форму правления сделаю искусством; я приведу в равновесие мое унаследованное прошлое и стану современным сокровищницей своих воспоминаний, представляющих реликвию. И я буду известен своей добротой более, чем знанием. Мое лицо будет излучать свет, который заполнит лабиринт времени, пока будет существовать человечество».

Харк ал-Ада. Клятва Лито.

Будучи совсем юной, Алия-Атридес часами занималась прана-бинду, пытаясь защитить свою собственную личность от внезапных попаданий других. Она знала, в чем суть: меланж не мог затеряться где-то на пустыре съетча. Он проник во все: в пищу, в воду, в воздух, даже строения, и из-за этого она иногда кричала по ночам. Очень рано она поняла смысл оргий, устраиваемых в съетче, когда племя выливало омерзительную воду червям. Во время оргии свободные высвобождали из-под накопившегося гнета свою генетическую память и избавлялись от нее. Она часто видела, как ее друзья становились временно одержимыми на оргии.

Что касается ее, не было ни такого высвобождения, ни избавления. Она владела полностью своим сознанием еще задолго до ее появления на свет. С этим сознанием пришло роковое видение событий: желая того или нет она вступала в неизбежный контакт с думами ее предков и тех личностей, которые благодаря спайсу жили в Леди Джессике. До рождения Алия уже содержала в себе знания, которыми необходимо было обладать Преподобной Матери из Бене Джессерит — плюс еще больше знаний от других.

Это знание таило в себе признание жуткой действительности — это была Мерзость. Все эти знания лишали ее сил. То, что она была рождена до своего рождения, постоянно напоминало ей об этом. До сих пор она боролась против самых ужасающих ее предков, на время одерживая пиррову победу, которая продолжалась все ее детство. Она знала, кому принадлежит какое «я», но невозможно было избавиться от того, чтобы чья-нибудь жизнь не вторглась в нее. «Когда-нибудь я тоже буду внедряться в чью-нибудь жизнь», — говорила она. Эта мысль приводила ее в уныние. Идти и вторгаться в жизнь ребенка, порожденного ею самой, воздействуя на сознание, чтобы добавить какую-то часть жизненного опыта.

Страх крался за ней по пятам, преследовал все ее детство. Он перешел вместе с ней в отчество. Она боролась с ним, никогда не прося о помощи. Кто бы смог оказать ей помочь, в которой она нуждалась? Ни ее мать, которая никогда не могла избавиться от этого призрака суда Бене Джессерит: рожденные до рождения были Мерзостью.

И вот наступила та ночь, когда ее брат ушел один в пустыню, чтобы найти смерть, отдав самого себя Шаи-Хулуду, как думали Свободные. Через месяц Алия вышла замуж за мастера фехтования Поля Данканна Айдахо, ментата, возвращенного к жизни из мертвых с помощью искусства планеты Тлейлакс. Ее мать сбежала на Келадан. Близнецы Поля были по закону отданы Алии на попечение.

Также она управляла Регентством.

Ответственность за возложенные на нее обязанности отгоняла прочь прежний страх, и она настежь раскрывала душу всем внутренним жизням, требуя их совета, погружаясь в транс от спайса в поисках нужных решений. Кризис наступил в самый обычный, как и многие думают, день весенним месяцем Лааб, ясным утром в Крепости Муад Диба, где из отверстия сверху проникал холодный ветер. Алия все еще носила траур желтого цвета, цвета стерильного солнца. Все больше и больше в последние несколько недель она отрицала внутренний голос своей матери, который насмехался над приготовлением к предстоящему празднику Святых Дней, который должен был состояться в Храме.

Голос Джессики становился все тише, и под конец прозвучало какое-то безликое требование о том, что Алия лучше бы занялась работой над усовершенствование Закона Атридесов. Вместо этого новые голоса начали громко заявлять о себе, о том, что наступила их очередь. Алии казалось, что в ней открылся бездонный колодец, из глубин которого поднимались все новые лица, как нашествие саранчи, пока наконец она не сосредоточила внимание на одной из них, которая походила на зверя: это был старый Барон Харконнен. В охватившем ее ужасе она пронзительно закричала, чтобы как-то противостоять всему этому внутреннему настойчивому многоголосию, одерживая временную победу над ними.

В это утро Алия совершила свою обычную прогулку перед завтраком по саду, расположенному на крыше Крепости. В новой попытке одержать победу в борьбе с внутренними голосами, она все свое сознание направила на предостережение Чода Дэйнсунни: «Спускаясь с лестницы, можно упасть вверх!» Но утренний свет, отражавшийся на вершинах утесов Защитной стены отвлекал ее. Все дорожки сюда заросли мягкой густой травой. Когда она перевела взгляд на траву, то увидела капли

росы, трава за ночь собирала всю влагу. Она видела множество своих отражений в этих бесчисленных капельках воды. Это множество отражений вызывало у нее головокружение. Каждое отражение имело отпечаток лица, принадлежавшего одному из многочисленных голосов внутри нее. Она пыталась сосредоточить все свое внимание на том, что заключала в себе трава. Выпавшие капли росы говорили ей, как далеко продвинулись вперед экологические преобразования на Арракисе. Именно в этих северных широтах становится теплее; содержание двуокиси углерода в атмосфере возрастало. Она вспомнила, что в текущем году удалось озеленить многие гектары пустыни, а чтобы полить один гектар, необходимо 37.000 кубических футов воды. Несмотря на мирские мысли, она не могла подавить в себе постоянные голоса.

Она прижала ладони ко лбу. Ее охранники из Храма на закате прошедшего дня привели к ней на суд заключенного: Эссас Пэймон, маленький, смуглый человек, который занимался художественным ремеслом и делал предметы украшения. В действительности же Пэймон был известен как шпион КХОАМ, задачей которого было облагать налогом ежегодный сбор спайса. Алия готова была уже отправить его в подземную темницу, как вдруг он изо всех сил запротестовал: «несправедливость Атридесов». За это его можно было приговорить к немедленной смерти через повешение, но Алию задели его дерзость и самоуверенность. Она сурово заговорила со своего трона Справедливости, стараясь сильнее запугать его, надеясь на то, что он раскроет им еще больше, чем то, о чём он уже сказал ее следователям.

— Почему наши сборы спайса представляют такой интерес для Комбайн Хоннет? — требовала она. — Скажи нам, и мы освободим тебя.

— Я только собираю столько, сколько требует рынок, — сказал Пэймон. -Я ничего не знаю, что потом делается с моим урожаем.

— Из-за этой незначительной прибыли ты вмешиваешься в наши королевские планы? — настаивала Алия.

— Королевство почему-то всегда считает, что у нас не может быть таких же планов, — возразил он.

Алия, покоренная его отчаянной смелостью, сказала:

— Эссас Пэймон, будешь работать на меня?

При этом его смуглое лицо побледнело, и он сказал:

— Вы почти парализовали меня, даже не затянув на шее петли. Неужели во мне появилось нечто ценное, из-за чего вдруг начали торг?

— У тебя есть обыкновенная и практическая ценная вещь, — сказала она. — Ты смелый, и ты сдаешься внаем лицу, предложившему наивысшую цену. Я могу заплатить больше, чем кто-либо другой в Империи.

На что он назвал приличную сумму за свои услуги, но Алия засмеялась и назвала цифру, которую она считала более разумной и несомненно более высокой, чем он получал до этого. Она добавила:

— И конечно, я бросаю в подарок твою жизнь, которую, как я полагаю, ты ценишь гораздо выше.

— Выгодная сделка! — закричал Пэймон, и, по сигналу Алии, его увел ее Святейший Мастер, Джавид. Меньше, чем через час, когда Алия приготовилась покинуть Зал Суда, вошел Джавид, спеша доложить ей, что слышали, как Пэймон бормотал роковые сроки из Оранжевой Католической Библии: «Maleficos non patieris vivre».

«Ты не должен позволить жить ведьме», — перевела Алия. Вот какой была его благодарность! Он был одним из тех, кто составлял заговор против ее собственной жизни! В приступе гнева, которого до сих пор никогда не испытывала, она приказала немедленно казнить Пэймана и отправить его тело в Храм, в помещение для умерших, где вода из его тела, по крайней мере, будет применена с пользой для дела.

И всю ночь напролет ее преследовало смуглое лицо Пэймона.

Она испробовала все свои уловки и хитрости, чтобы избавиться от этого настойчивого, оскорбляющегося образа, цитируя Бу Джи из Книги Креоса Свободных «Ничего не происходит! Ничего не происходит!» Но наступил новый день, а образ Пэймона все преследовал ее, и его лицо присоединилось к тем лицам, которые отражались в капельках росы.

Женщина из охраны позвала ее к завтраку. Алия вздохнула. Ей предстоял выбор меньшего из двух зол: громкий крик внутри ее сознания или громкий крик ее помощников — все это были бессмысленные крики, но настойчивые в своих требованиях, шум, который она предпочла бы прекратить с помощью лезвия ножа.

Не обращая внимания на стражу, Алия взглянула через сад на крыше в сторону Защитной стены. Дельта песка открылась ее взору, резко очерченная лучами утреннего солнца. Ей вдруг пришло на ум, что с непривычки глаз мог бы увидеть, что этот широкий веер пополняет течение реки, но это было не более чем место, где ее брат разрушил Защитную стену, открыв дорогу песчаным червям из пустыни, которые привели его Свободных-воинов к потрясающей победе над Императором-предшественником, Шаддамом IV. Теперь широкий канал был заполнен водами на дальней стороне Защитной стены, чтобы блокировать вход песчаному червию. Песчаные черви не решаются бросаться в открытую воду, это убьет их. «А если бы такой барьер был в моем сознании!» — подумала она. Эти мысли заставили ее ощущение головокружения еще дальше уйти от действительности.

Песчаные черви! Песчаные черви!

В ее памяти возникла целая цепь образов песчаного червя: могущественный Шаи-Хулуд, Создатель Свободных, страшный зверь пустынь, чьи излияния включали бесценный спайс. Как все странно — песчаный червь, выросший из той плоской, как подошва, песчаной форели, подумала она. Они казались ей многочисленной толпой в ее сознании. Песчаная форель, распластавшаяся на каменистой почве памяти, создавала жизненные резервуары; они удерживали воду, чтобы могли жить их песчаные черви. Алия почувствовала аналогию: некоторые из «тех» в ее сознании накопили опасную силу, которая могла уничтожить ее.

Снова охрана позвала ее к завтраку, голос уже звучал с нетерпением.

Алия сердито повернулась, делая им знак рукой.

Охрана повиновалась, и дверь в крыше хлопнула.

От звука захлопнувшейся двери, Алия почувствовала, что поймана всем тем, от чего она пыталась избавиться. Другие жизни поднимались ней, как сильный прилив. Каждая претендующая жизнь прижимала свое лицо к центрам ее сознания, управляющим внутренним зрением, — облако лиц. Некоторые представлялись покрытыми пятнами от чесотки, другие были огрубелыми И закопченными, появлялись рты, похожие на мокрые лепешки. Толпа обрушилась на нее потоком, который стремился подхватить ее и закружить.

«Нет, — произнесла она. — Нет... нет... нет...?»

Она бы упала прямо на тропу, если бы не скамья, стоявшая рядом, на которую опустилось ее ослабевшее тело. Она попыталась сесть, но из этого ничего не получилось, она распростерлась на холодной пластали, продолжая шептать «нет».

Волна продолжала подниматься в ней.

Она чувствовала, как настроилась, чтобы выказать едва заметное внимание; сознавая весь риск, она была готова к каждому восклицанию, исходящему из этих назойливых ртов, которые кричали внутри ее. Они представляли собой сущую какофонию, требующую ее внимания: «Меня! Меня! Нет, меня!» И она знала, что если хоть раз она обратит внимание, полностью отдастся во власть какого-либо голоса, то потерянется как личность.

Чтобы заметить хоть одно из множества лиц и взять голосу этого лица, ей пришлось бы подчиниться его эгоцентризму, который полностью разделил бы ее существование.

«Предвидение сделает это тебе», — прошептал голос.

Она руками закрыла уши, думая: «Я не предвидящая! Транс не действует на меня!?

Но голос настаивал: «Он мог бы оказывать действие, если бы ты помогла».

«Нет... нет», — шептала она.

Другие голоса тут же вмешались в ее сознание: «Я, Агамемнон, твой предок, требую аудиенции!?

?Нет... нет». Она прижимала руки к ушам, пока не почувствовала боль. Безумная говорильня внутри ее головы вопрошала: «Что стало с Овидом.

Просто это ибад Джона Бартлетта!?

Имена в этом критическом состоянии не имели для нее смысла. Ей хотелось перекричать их, перекричать сразу все голоса, но она не могла найти своего голоса.

Ее охранник, отосланный назад на крышу старшими слугами, еще раз выглянул из дверного проема, находившегося за мимозами, увидел Алию на скамейке и сказал своему напарнику: «А-аа, она отдыхает. Ты заметил, что прошлой ночью она плохо спала! Для нее было бы хорошо принять

заху, утреннюю сиесту».

Алия не слышала своего охранника. Ее сознание было захвачено визгливым пением: «Мы — веселые старые птички, ура!». Голоса отдавались при этом внутри ее черепа, и она подумала: «Я схожу с ума. Я теряю рассудок».

Она пошевелила ногой, как будто хотела оттолкнуться от скамейки и побежать. Она почувствовала, что если сможет дать команду своему голосу бежать, то вырвется и освободиться. Она должна убежать, иначе волна внутри ее погрузит ее в молчание, навсегда осквернив ее душу. Но ее тело не подчинится. Самые могущественные силы в Имперской вселенной подчинились бы ее малейшему капризу, но только не ее тело.

Внутренний голос посмеивался: «С одной точки зрения, дитя, каждый случай созидания представляет катастрофу». Это было сказано басом, который своим грохотом отдавал ей в глаза, и снова это хихиканье, как будто говорящий высмеивал свою собственную профанацию. «Мое милое дитя, я помогу тебе, но взамен ты должна помочь мне».

На фоне этого жужжащего шума, который слышался в виде бала, Алия заговорила, стуча зубами: «Кто... кто...?»

В сознании она увидела сформировавшееся лицо. Это было улыбающееся лицо, но такое пухлое, что его можно было бы сравнить с лицом ребенка, если бы не этот страстный блеск глаз. Она попыталась стереть его из сознания, но вместо этого ее воображению предстало тело, которое принадлежало этому лицу. Тело было ужасно жирным, оно было укутано в одежду, которая внизу имела выпуклости, потому что это жирное тело требовало дополнительных супензоров, скрытых под одеждой.

«Видишь ли, — прогремел бас, — это всего-навсего твой дедушка по матери. Ты знаешь меня. Я Барон Владимир Харконнен».

«Ты... ты умер!» — выдавила она.

«Ну, конечно, моя милая. Многие из нас, что внутри тебя, мертвые. Но никто из них в действительности не хочет помочь тебе. Они не понимают тебя».

«Уходи прочь, — умоляла она. — Пожалуйста, уходи».

«Но тебе нужна помощь, внучка», — настаивал голос Барона.

«Как чудесно он выглядит», — подумала она, разглядывая, закрыв глаза, воспроизведенного в ее сознании Барона.

«Я хочу помочь тебе», — подлизывался Барон. — «Все остальные здесь только хотят полностью овладеть твоим сознанием. Любой из них хочет вытеснить тебя. А я хочу только иметь свой маленький укромный уголочек».

И снова другие жуткие образы всколыхнулись в ней, подняли крик. Волна снова стала угрожать, что вот-вот поглотит ее, и она услышала пронзительно кричащий голос своей матери. И Алия подумала: «Она ведь не умерла». «Замолчи», — скомандовал Барон.

Алия почувствовала, что ее собственные желания тоже поддерживают эту команду, это чувство проходило через ее сознание.

Мгновенно наступило внутреннее молчание, как будто ее окунули в ванну с холодной водой, и она почувствовала, что ее сердце, которое стучало как молоток, начало восстанавливать свой прежний нормальный ритм.

Тихо вмешался голос Барона: «Вот видишь? Вместе, мы непобедимы. Ты поможешь мне, а я — тебе».

«Чего... чего ты хочешь?» — прошептала она.

Его лицо, которое она видела сквозь плотно закрытые веки, приняло задумчивое выражение. «Алия, моя любимая внучка, — сказал он. — Я только хочу совсем немного самых простых удовольствий. Представляй мне иногда мгновения контакта с твоими чувствами. Дай мне почувствовать хотя бы маленькую часть твоей жизни, ту, например, когда ты будешь заключена в объятия своего возлюбленного. Разве это не маленькая просьба, за которую тебе придется заплатить совсем немного??

«Д-да».

«Хорошо, хорошо», — ликовал Барон. «Взамен, моя милая внучка, я могу служить тебе во многом. Я

могу давать тебе советы, помогать тебе. Ты будешь непобедима во всех отношениях: внутри и вне. Ты будешь уничтожать любую оппозицию. История забудет твоего брата и вознесет тебя. Будущее будет принадлежать тебе».

«Ты... не позволишь... кому-то другому превзойти меня??

«Они не смогут противостоять тебе! Поодиночке нас могут победить, но если мы будем вместе, то будем господствовать. Я продемонстрирую. Слушай». И Барон замолчал, унося свой образ, свое внутреннее присутствие.

Больше не вторгалось ни одной памяти, ни одного лица или голоса других жизней.

Алия позволила себе сделать слабый вздох.

Одновременно со вздохом пришла мысль. Она внедрилась в ее сознание, как будто она была ее собственной, но она ощущала присутствие таких голосов, которые стояли за ней.

«Старый Барон был дьяволом. Он убил твоего отца. Он убил бы и тебя с Полом. Он пытался это сделать, но безуспешно».

Она услышала голос Барона, но лицо на этот раз не предстало в ее сознании: «Конечно, я убил бы тебя. Ты разве не стояла на моем пути? Но теперь этот аргумент потерял силу. Ты побелила, дитя! Ты — это новая правда».

Она почувствовала, что кивает ему, и ее щека скользнула по жесткой, шершавой поверхности скамейки.

Его слова были разумны, подумала она. Наставление Бене Джессерит подкрепляло разумный характер этих слов: «Цель аргумента — изменить природу правды».

Да... вот так бы это было представлено Бене Джессерит.

«Точно! — произнес Барон. И продолжил: — И я мертв, в то время, как ты жива. Я не имею бренного существования. Я — просто сама память внутри тебя. И я в твоем распоряжении, ты можешь мной командовать. И как мало я прошу взамен за мудрый совет, который могу дать».

«Что ты советуешь делать мне сейчас?» — спросила она, решив проверить его.

«Тебя беспокоит судебное разбирательство, которым ты занималась прошлой ночью, — сказал он. — Ты сейчас думаешь, были ли слова Пэймона искренни. Может быть, Джавид увидел в этом Пэймоне угрозу его привилегированному положению. Не эти ли сомнения появились у тебя?» «Д-да».

«И твое сомнение основано на проницательном наблюдении, не так ли? Джавид ведет себя с возрастающим любовным интересом по отношению к твоей персоне. Даже Данкан это заметил, не так ли?»

«Да, это так».

?Тогда, очень хорошо. Возьми Джавида к себе в любовники и...?

«Нет!?

«Ты беспокоишься за Данкана? Но твой муж — ментат-мистик. Его не могут затронуть или причинить вред ощущения тела. Неужели ты никогда не чувствовала, как далек он от тебя??

«Н-но он...?

«Данкан, как ментат, должен бы понимать, что ему следует знать прием, который ты применяла для подчинения Джавида».

«Подчинения?..?

«Конечно! Можно было бы использовать опасные инструменты, но их нужно отбросить, если они становятся слишком опасными».

«Тогда... почему нужно... Я имею в виду...?»

«А-а-ах, ты маленькая тушица! Не понимаешь ценности, содержащейся в уроке».

«Я не понимаю».

«Ценности, моя дорогая внучка, зависят от их успеха, которая они приносят. Покорность Джавида должна быть безусловной, его принятие твоей власти — абсолютно, и его...?»

«Мораль этого урока ускользает...?

«Не будь глупой, внучка! Мораль всегда должна быть основана практически. Возьми, например, Цезаря и всю эту чушь. Победа — бесполезна, если она не отражает твоих глубочайших желаний. Разве это неправда, что ты восхищалась мужественностью Джавида??

Алия стерпела это, не желая признаваться, но ее незащищенность перед этим внутренним наблюдателем вынуждала ее сделать это. «Да-а».

«Хорошо!» Как звонко отдалось это слово в ее голове.

«Теперь мы начинаем понимать друг друга. Когда он будет в твоих руках совершенно беспомощным — в твоей постели, убежденный, что ты ЕГО раба, ты спроси его о Пэймоне. Сделай это шутя, при этом смейся от души. А когда он раскроет обман, воткни ему между ребер криснож.

А-ах, кровь может добавить так много к твоему удов...?

«Нет», — прошептала она, во рту у нее было сухо от ужаса. «Нет... нет... нет!».

«Тогда я это сделаю для тебя, — настаивал Барон. — Это должно быть сделано; ты допустишь это. Если ты только создаш условия, я возьму временно все на себя».

«Нет!?

«Твой страх слишком откровенен, внучка. Моя власть над твоим рассудком может быть только временной. Есть и другие, которые могли бы подражать тебе в совершенстве, что... Но это ты знаешь. Со мной, так, люди сразу же обнаружили бы мое присутствие. Ты же знаешь Закон Свободных об этих одержимых. Тебя сразу бы убили без суда и следствия. Да — даже тебя. А ты знаешь, я не хочу, чтобы это случилось. Ради тебя я буду наблюдать за Джавидом, и как только все будет сделано, я тут же уйду. Тебе надо только...?»

«Насколько этот совет хорош??

«Это избавляет тебя от опасного инструмента. И, дитя это устанавливает между нами рабочий контакт, который может только научить тебя правильно судить о будущем, которое...?»

«Научить меня??

«Естественно!?

Алия прикрыла глаза ладонями, пытаясь думать, хотя знала, что любая мысль могла быть известна тому, кто присутствовал в ней в данный момент, и что эта мысль могла исходить от этого присутствующего лица и быть воспринята ею как ее собственная.

«Напрасно беспокоишься», — льстиво говорил Барон. «Это Пэймон, он был...?»

«Все, что я сделала, было неправильно! Я тогда устала и действовала поспешно. Мне бы следовало поискать подтверждение того, — что...?»

«Ты все сделала правильно! Твои решения не могут быть основаны на любом глупом резюме точно также, как это понятие равенства у Атридесов. Вот что не давало тебе покоя, а вовсе не смерть Пэймона. Ты нашла правильное решение! Он представлял собой еще один опасный инструмент. Ты действовала так, чтобы поддержать порядок в своем обществе. Теперь есть повод для принятия решений, не то, что вся эта чушь о справедливости! Не существует такого понятия в мире, как справедливость, одинаковая для всех. Это вносит дисгармонию в общество, когда ты пытаешься достичь этого фальшивого равновесия».

Алия почувствовала удовольствие, потому что поддержали ее решение в отношении Пэймона, но она была шокирована аморальной идеей, которая скрывалась за этим аргументом.

«Справедливость, равная для всех, была создана Атридесами... была...» Она убрала руки от глаз, но ее глаза были все еще закрыты.

«Все твои духовные суды должны быть убеждены в этой ошибке, убеждал Барон. — Решения должны быть взвешены только в соответствии с укреплением упорядоченного общества. Прошлые цивилизации, которым нет числа, были основаны на вершинах справедливости, равной для всех. Эта глупость разрушает естественные иерархии, которые намного важнее. Любой индивидуум оценивается лишь по его отношению к нашему обществу в целом. Хотя это общество должно быть приведено в порядок с первых логических шагов, ни один не сможет найти в нем места — ни самый низший, ни самый высший. Да, да внучка! Ты должна быть строгой матерью своего народа. Поддерживать порядок — это твоя обязанность».

«Все, что делал Пол, было...?

«Твой брат-неудачник умер!?

«Так же, как и ты!?

«Да... но со мной это была просто случайность, которая не входила в мои планы. Ладно, давай зайдемся этим Джавидом, как я тебе все это обрисовал».

При этой мысли тепло разлилось по ее телу, она быстро сказала: «Я должна подумать». И тут же подумала: «Если это будет сделано, то это только поставит Джавида на свое место. Нет необходимости убивать его за это. И только глупец может расправиться с ним... в моей постели».

«Ты с кем говоришь, моя Госпожа?» — спросил голос.

Какое-то мгновение Алия думала, что вторгся другой голос из того множества голосов, что внутри нее, но узнав голос, она открыла глаза. Зиареник Валефор, глава амазонок из охраны Алии, стояла рядом со скамейкой, ее обветренное лицо Свободной было хмурым.

— Я разговаривала с моими внутренними голосами, — сказала Алия, садясь на скамейку. Она чувствовала себя бодрой, затишье этого сумасшедшего внутреннего многоголосья подбадривало ее.

— С вашими внутренними голосами, моя госпожа. Да, — Глаза Зиареник заблестели при этой информации. Все знали, что Святая Алия черпала сведения из внутренних источников, доступных не каждому.

— Приведи Джавида в мое помещение, — сказала Алия. — Мне надо обсудить с ним один серьезный вопрос.

— В ваше помещение, моя госпожа?

— Да! В мои собственные покои.

— Как прикажет моя госпожа.

Охранница повернулась, чтобы исполнить приказание.

— Один момент, — сказана Алия. — Мастер Айдахо уже вернулся из съетча Табр?

— Да, моя госпожа. Он вернулся еще до рассвета, как вы приказывали. Вы хотите, чтобы я послала за ним...

— Нет. Я сама это сделаю. И никто не должен знать, что Джавид доставлен ко мне. Сделай это сама. Это очень серьезное дело.

Охранница дотронулась до крисножа, который был прикреплен к поясу.

— Моя госпожа, разве существует угроза...

— Да, угроза, и Джавид, может быть, находится в самом ее центре.

— Ох, моя госпожа, может быть я не должна приводить...

— Зря! Неужели ты думаешь, что я не умею обращаться с такими?

Хищная улыбка коснулась губ охранницы.

— Простите меня, моя госпожа. Я немедленно приведу его в ваши покои, но... с разрешения моей госпожи, я перед вашей дверью выставлю стражу.

— Только ты, — сказала Алия.

— Да, моя госпожа. Я сейчас же уйду.

Алия кивнула самой себе, глядя вслед удаляющейся амazonке.

Джавид не пользовался любовью среди ее охраны. Еще один признак против него. Но он представлял ценность — очень большую ценность. Он был ключом к Джакуруту, а с этим местом связано...

— Может быть, ты прав, Барон, — прошептала она.

«Вот видишь! — раздался у нее внутри голос. — Ах, что будет приятная служба, которую я сослужу

тебе, и это только начало...»

Глава 12

Это иллюзии популярной истории, которая должна способствовать успешной религии. Злые люди никогда не преуспевают, только храбрые и мужественные заслуживают благотворительности; честность — лучший вид политики; действия говорят о человеке лучше, чем слова; добродетель всегда торжествует; хороший поступок является одновременно вознаграждением; любой плохой человек может быть переделан; религиозные талисманы защищают от власти дьявола; только женщины понимают древние таинства; богатые обречены на несчастье...

Из «Руководства для начинающих».

Зашитная Миссионария.

— Меня зовут Муриз, — сказал Свободный с необветренным лицом.

Он сидел на краю скалистого обрыва в тусклом свечении лампы, чей мерцающий свет открывал взору сырье стены и темные дыры, которые являлись коридорами, выходящими из этого места. В одном из коридоров можно было услышать звуки капающей воды, и несмотря на то, что звуки воды символизировали Рай Свободных, шесть собравшихся мужчин, которые смотрели на Муриза, не высказывали особого удовольствия от этого ритмичного капанья.

В помещении висел затхлый запах смерти. Из одного коридора вышел молодой человек лет, может быть, четырнадцати и встал по левую руку Муриза. От гладкой поверхности обнаженного крисножа отражался бледно-желтый свет лампы, когда он взял этот нож и указал им в сторону молодого человека, Муриз сказал:

— Это мой сын, Ассан Тарик, который готов пройти испытание на мужественность.

Муриз прочистил горло, посмотрел на каждого из шести пленников. Они сидели полукругом напротив него, крепко связанные веревками, их ноги тоже были связаны, а руки они держали связанными за спиной. Веревки заканчивались туго затянутой петлей на шее каждого мужчины. Их стилсыты на шее были разрезаны.

Связанные мужчины снова в упор посмотрели на Муриза. На двух из них была надета свободная одежда, которая указывала, что они были богатыми жителями города Арракина. У этих двоих кожа была более гладкая и светлая, чем у их компаньонов, чьи увядшие и костлявые лица говорили о том, что они родились в пустыне.

Муриз напоминал пустынных жителей, но его глаза были посажены еще глубже, так что в эти глазные впадины, в которых не было видно белков, не проникал даже свет лампы. Его сын представлял собой несформировавшуюся личность мужчины с решительным лицом, которое совсем не скрывало, что внутри него кипели страсти.

— Среди Отверженных у нас есть специальный тест на мужественность, сказал Муриз. — Однажды мой сын станет судьей в Шулехе. Мы должны знать, что он может действовать так, как он должен действовать. Наши судьи не могут забыть Джакуруту и наш день отчаяния. Кразилек, Борьба с Тайфуном, живет в наших сердцах. — Все это было сказано ровным тоном, характерным для ритуальных обрядов. Один из жителей города, с мягкими чертами лица, сидевший напротив Муриза, зашевелился и сказал:

— Ты поступаешь неправильно, угрожая нам и держа нас в качестве пленников. Мы пришли к тебе с миром от уммы.

Муриз кивнул.

— Вы пришли в поисках личного религиозного пробуждения? Хорошо. Вы будете иметь это пробуждение.

Человек с мягкими чертами лица сказал:

— Если мы...

Рядом с ним смуглый Свободный из пустыни огрызнулся:

— Замолчи, глупец! Это похитители воды. Это те, которых, как мы думали, уничтожили.

— Это старая история, — сказал пленник с мягкими чертами лица.

— Джакуруту — это больше, чем история, — сказал Муриз. Он еще раз жестом подал знак своему сыну.

— Я представил Ассана Тарика. Я — арифа в этом месте, твой единственный судья. Моего сына тоже научат обнаруживать демонов. Старые пути — самые лучшие.

— Вот почему нас привели в самую глубь пустыни, — запротестовал человек с мягкими чертами. — Мы выбрали старый путь, блуждая в...

— С оплаченным руководством по выживанию, — сказал Муриз, указывая в сторону более смуглых пленников. — Вы бы купили себе путь на небеса? -Муриз взглянул снизу вверх на своего сына.

— Ассан, ты готов?

— Я очень долго думал в ту ночь, когда пришли враги и убили наших людей, — сказал Ассан. Голос выдавал его внутреннее напряжение. — Они должны нам воду.

— Твой отец дает тебе шестерых из них, — сказал Муриз. — Их вода наша. Их тени — наши, твои телохранители навечно. Их тени будут предупреждать тебя о демонах. Они будут твоими рабами, когда ты перейдешь в мир алам ал-митал. Что ты на это скажешь, мой сын?

— Я благодарю своего отца, — сказал Ассан. Он шагнул к нему. — Я принимаю мужественность испытания среди Отверженных. Эта вода — наша вода.

Когда он закончил речь, то направился к пленникам. Начав слева, он схватил мужчину за волосы и вонзил криснож под подбородок прямо в мозги. Это было так искусно проделано, что пролилось минимум крови. Только человек из города Свободных с мягкими чертами лица отчаянно запротестовал, пронзительно крича, когда молодой человек схватил его за волосы. Остальные плюнули на Ассана Тарика, придерживаясь старых традиций, говоря при этом: «Видишь, как мало я ценю свою воду, когда ее отнимают звери!?

Когда с этим было покончено, Муриз тут же хлопнул в ладоши. Пришли помощники и начали убирать тела, вытаскивая в помещение для умерших, где из них должны были взять воду.

Муриз поднялся, посмотрел на сына, который стоял, тяжело дыша, наблюдая, как помощники вытаскивают тела.

— Теперь ты — мужчина, — сказал Муриз. — Вода наших врагов накормит рабов. И, мой сын...

Ассан Тарик быстро повернулся и взглянул на отца. Губы молодого человека были плотно сжаты, уголки рта оттянуты назад, потому что он пытался улыбнуться.

— Проповедник об этом ничего не должен знать, — сказал Муриз.

— Я понял, отец.

— Ты все хорошо сделал, — сказал Муриз. — Те, кто натыкается на Шулох, не должны жить.

— Как скажешь, отец.

— Теперь тебе можно доверять важные дела, — сказал Муриз. — Я горжусь тобой.

Глава 13

Искушенное в жизни человечество может стать примитивным. Что это обозначает на самом деле — то, что образ жизни человечества меняется. Меняются старые ценности, они все больше связываются с новыми, заслоненными растительностью и животными. Это новое существование требует знаний, которые постоянно совершаются, тех словесных и взаимосвязанных между собой событий, которые, как правило, имеют отношение к природе. Это требует меры по отношению к силе инерции внутри таких природных систем. Когда человечество добьется таких знаний и такого отношения, это будет называться «примитивным». Обратное положение, разумеется, равноценно: примитивные могут стать искушенными, но при этом не причиняя странного психологического вреда.

Харк ал-Ада.

Комментарий Лито.

— Но как мы можем быть уверены? — спросила Ганима. — Это очень опасно.

— Мы это раньше проверяли, — сказал Лито.

— Это не может быть тем же самым теперь. Что если...

— Это единственный путь, открытый нам, — сказал Лито. — Ты согласна со мной в том, что мы не можем воспользоваться спайсом?

Ганима вздохнула. Ей не нравилась резкость и настойчивость этих слов, но она знала о необходимости, которая давила на ее брата. Она также знала об опасной причине своего нежелания. Они вынуждены были обратиться к Алии, чтобы узнать опасность того внутреннего мира.

— Ну? — спросил Лито.

Она снова вздохнула.

Они сидели, скрестив ноги, в одном из уединенных мест, в пещере, где часто их отец и мать наблюдали, как солнце садилось в пустыню. Это было спустя два часа после вечерней трапезы, время, когда близнецы должны были упражняться свое тело и ум.

— Я попробую один, если ты отказываешься помочь, — сказал Лито. Ганима отвернулась и посмотрела на мокрые стены пещеры. Лито продолжал обозревать пустыню.

Они некоторое время говорили на языке таком древнем, что даже его название было неизвестно. Это язык дал им мыслям уединение, в связи с чем никто из разумных существ не мог проникнуть в них. Даже Алия, которая избегала сложностей своего внутреннего мира, испытывала недостаток умственных связующих звеньев, которые позволили бы ей извлечь больший смысл из обычного слова.

Лито глубоко вздохнул, вбирая в себя специфический запах съетчей Свободных, который накопился в этой нише, куда не доходил ветер. Шелестящий шум съетча и его влажный жаркий воздух не попадал сюда, и они оба от этого ощущали облечение.

— Я согласна, что мы нуждаемся в руководстве, — сказала Ганима. — Но если мы...

— Гани! Нам нужно нечто большее, чем руководство. Нам нужна защита.

— Возможно, защиты никакой нет. — Она посмотрела брату прямо в глаза, и сама же увидела в его глазах свой собственный взгляд, похожий на настороженную бдительность хищника. Его глаза противоречили безмятежности его лица.

— Мы должны избежать одержимости, — сказал Лито. Он использовал специальный речевой оборот из древнего языка.

Ганима более подробно пояснила его утверждение.

— Мохв'овиум д'ми хиш паш мох'м ка, — проинтонировала она. — Захват моей души — это захват тысячи душ.

— Даже гораздо больше, — добавил он.

— Зная угрозы, как ты настаиваешь. — Она произнесла это как подтверждение, а не как вопрос.

— Вабум'к вабунат! — сказал он. — Поднимаясь, ты поднимаешься!

Он почувствовал, что его выбор — очевидная необходимость. Это должно быть сделано лучшим образом. Они должны ввергнуть прошлое в настоящее и способствовать его раскручиванию в их будущем.

— Мурият, — продолжала она, ее голос был глухим. — Это должно быть сделано с душой.

— Конечно. — Он взмахнул рукой, показывая этим жестом, что он полностью согласен. — Тогда мы посоветуемся, как это делали наши родители. Ганима промолчала. Инстинктивно она посмотрела на юг, на огромный открытый эрг, в котором показался грязно-зеленый островок дюн в последних лучах уходящего солнца. В этом направлении ушел ее отец в пустыню, когда последний раз его видели.

Лито посмотрел вниз со скалы на зеленый оазис съетча. Все погрузилось в сумерки, но он знал все эти формы и краски: цветы медного, золотистого, красного, желто-рыжего и красно-коричневого оттенков были распространены до самых скал. За скалами тянулись мерзкая полоса умершей аракисской жизни, убитой чужими растениями и огромным количеством воды, теперь служащей препятствием для пустыни.

Немного времени спустя Ганима сказала:

— Я — готова. Давай начнем. — Да, будь все проклято! — Он протянул руку и дотронулся до ее руки, чтобы смягчить свое восклицание, сказав: — Пожалуйста, Гани... Спой ту песню. Она помогает мне более легко достигнуть этого.

Ганима приблизилась к нему, левой рукой обвила его вокруг талии. Два раза глубоко вздохнула, прокашлялась и начала петь песню, которую ее мать так часто пела их отцу:

Вот я возвращаю дары, которые ты даешь,

Я лью сладкую воду на тебя.

В этом безветренном месте должна преобладать жизнь.

Моя любовь, ты должен жить во дворце,

Твои враги проваляться в пустоту.

Мы идем вместе по дороге,

Которую моя любовь проложила для тебя.

Я укажу дорогу,

Потому что моя любовь — это твой дворец...

Ее голос растворился в молчании пустыни, и Лито чувствовал, как он постепенно погружается, куда-то падает, становясь отцом, чьи воспоминания распространялись, как покров в генах его немедленного прошлого.

— На это короткое время я должен стать Полом, — сказал он сам себе. -Рядом со мной не Гани, а моя возлюбленная Чани, чей мудрый совет спасал нас обоих много раз.

В свою очередь, Ганима на некоторое время поддалась воспоминаниям своей матери. Как совершенно легко это можно было сделать женщине, и в тоже время для нее это представляло большую опасность. Голосом, который сразу стал сильным, Ганима сказала:

— Посмотри туда, милый!

Поднялась Первая Луна, и на фоне ее холодного света они увидели дугу оранжевого огня, поднимающуюся в пространство. Транспорт, который доставил леди Джессику, возвращался к основному кораблю на орбите.

Воспоминания нахлынули на Лито, внутри него как будто ударили в колокола. Теперь он был другим Лито — Герцогом Джессики. Необходимость подвинула эти воспоминания в сторону, но перед этим он почувствовал пронизывающую любовь и боль.

— Я должен быть Полом, — напомнил он себе.

Трансформация в нем произошла мгновенно, как будто Лито был экраном, на котором отражался его отец. Он чувствовал одновременно свою собственную плоть и плоть своего отца, и эти различия

угрожали истощить его силы.

— Помоги мне, отец, — прошептал он. Короткое волнение прошло, и теперь в его сознании появился другой отпечаток, заставивший его собственное «я» стать посторонним наблюдателем.

— Мое последнее видение еще не пришло, чтобы уйти, — сказал он, и это был голос Пола. Он повернулся к Ганиме. — Ты знаешь, что я видел.

Она дотронулась до его щеки правой рукой.

— Ты шел в пустыню, чтобы умереть, любимый? Это то, что ты сделал?

— Так могло бы быть, но это видение... Неужели оно не может стать весомой причиной, чтобы остаться в живых?

— Но слепым? — спросила она.

— Даже так.

— Куда же ты мог пойти?

Он тяжело, нервожно вздохнул.

— Джакуруту.

— Любимый! — Слезы хлынули из ее глаз.

— Муад Диб, герой, должен быть полностью уничтожен, — сказал он. -Иначе этот ребенок не сможет вытащить нас из этого хаоса.

— Золотая Тропа, — сказала она. — Это дурное видение.

— Это единственное возможное видение.

— Алия потерпела провал, тогда...

— Совершенно верно. Ты видишь повторение этого.

— Хвоя мать вернулась слишком поздно. — Она кивнула, и на детском лице Ганимы появилось мудрое выражение Чани. — Может ли быть, что другого видения не будет? Возможно, если...

— Нет, любимая. Нет. Все-таки этот ребенок не может смотреть в будущее и возвращаться невредимым.

Снова его тело вздрогнуло от прерывистого дыхания, и Лито наблюдатель почувствовал глубокое желание своего отца прожить еще раз во плоти, принимать жизненные решения, и какой отчаянной была необходимость исправить ошибки прошлого!

— Отец! — крикнул Лито, и это было так, как будто эхо отдалось в его собственном черепе.

Это было глубочайшее желание, которое Лито потом почувствовал: медленное удаление внутреннего присутствия его отца, высвобождение его собственного сознания и разума.

— Любимый, — шептал рядом с ним голос Чани, и удаление было замедлено. — Что случилось?

— Не уходи, пока, — сказал Лито, и это был его собственный голос, неуверенный, но все-таки его. Затем: — Чани, ты должна сказать нам, как мы избежим... что случилось с Алией?

Это был Пол внутри, который отвечал ему, хотя слова его он слышал внутренним слухом. Голос говорил медленно, с длинными паузами:

— Нет никакой уверенности. Ты... видела. Что почти всегда... случалось... со мной.

— Но Алия...

— Проклятый Барон владеет ею! — Лито почувствовал жгучую сухость в горле. Есть ли он... имею ли я...

— Он — в тебе... но... я... мы не можем... иногда мы чувствуем... друг друга, но ты...

— Ты не можешь читать мои мысли? — спросил Лито. — Знала бы ты, если бы... он...

— Иногда я могу чувствовать твои мысли... но я... мы... живем только через... через... отражение...

в... в твоем сознании. Твоя память создает нас. Опасность... это определенная память. И... те из нас... те из нас, которые любят власть... и собираются ее... любой ценой... те могут быть более точными.

— Более сильными? — прошептал Лито.

— Более сильными.

— Я знаю твое видение, — сказал Лито.

— Прежде чем позволить ему овладеть мной, я стану тобой.

— Только не это!

Лито кивнул, чувствуя огромное желания своего отца уйти, признавая последовательность неудач. Одержанность в любой степени сводила одержимого к Мерзости. Признание же давало ему обновленное чувство силы и наполняла его собственное тело огромным, острым и глубоким осознанием прошлых ошибок, как собственных, так и своих предшественников. И только лишь неуверенность ослабляла — это он сейчас чувствовал. Например, искушение бороться со страхом внутри него. Плоть обладала способностью трансформировать меланж в видение будущего. С помощью спайса он мог вдыхать будущее, разрушать завесы времени. Он чувствовал, что перед соблазном трудно устоять, он в отчаянии сжал руки и погружался в знание прана-бинду. Его плоть отрицала соблазн. Его плоть впитала в себя глубокие знания, приобретенные кровью Пола. Те, кто искал будущее, надеялись получить крупный выигрыш в завтраших состязаниях. Вместо этого они попадали в ловушку отведенного для жизни времени, где был известен каждый стук сердца и каждый вопль физической и душевной боли. Последнее время Пола показало опасный выход из ловушки, и Лито знал теперь, что у него не было другого выбора, как последовать этим путем.

— Радость жизни, ее красота — все тесно связано фактически с тем, что жизнь может удивить тебя, — сказал он.

Нежный голос прошептал ему на ухо: «Я всегда знала эту красоту». Лито повернулся голову, посмотрел в глаза Ганимы, которые сияли в ярком лунном свете. Он увидел, что Чани смотрит на него.

— Мама, — сказал он, — ты должна уйти.

— Ах, искушение! — сказала она и поцеловала его.

Лито оттолкнул ее.

— Ты бы взяла жизнь своей дочери? — вопрошающе потребовал он.

— Это так легко... так до глупости легко, — сказала она.

Лито, чувствуя, что паника начинает охватывать его, вспомнил, какие усилия воли потребовались духу его отца, чтобы победить его плоть. Неужели Ганима потерялась в этом мире наблюдателя, где он наблюдал и слушал, изучая то, что требовалось знать от его отца?

— Я буду презирать тебя, мать, — сказал он.

— Другие не будут презирать меня, — сказала она. — Будь моим возлюбленным.

— Если я это сделаю... ты знаешь, чем вы оба станете, — сказал он. — Мой отец будет презирать тебя.

— Никогда!

— Я буду!

Звук вырвался из его горла против его желания, и он содержал все прежние повышенные тона Голоса, которым Пол научился у своей матери-колдуньи.

— Не говори так, — простонала она.

— Я буду презирать тебя!

— Пожалуйста... пожалуйста, не говори этого.

Лито потер горло, чувствуя, что мышцы стали снова его собственными.

— Он будет презирать тебя. Он отвернется от тебя. Он снова уйдет в пустыню.

— Нет... нет...

Она покачала головой из стороны в сторону.

— Ты должна уйти, мама, — сказал он.

— Нет... нет... — Но голос утратил свою первоначальную силу.

Лито наблюдал за лицом сестры. Дергались ее мышцы! Ее лицо менялось от эмоций, которые отражали беспорядок и суевье внутри ее самой.

— Уйди, — прошептал он. — Уйди.

— Не-е-е-ет...

Он схватил ее за руку, ощутил дрожь, которая пульсировала сквозь ее мышцы. Она извивалась, старалась высвободиться, но он крепко держал ее руку и шептал:

— Уходи... уходи...

И все это время Лито ругал себя за то, что втянул Гани в эту игру в родителей, в которой когда-то они очень часто играли, но раньше она успешнее сопротивлялась вселяющимся. Это правда, что женщина была намного слабее, чтобы противостоять этому внутреннему натиску, осознал он. В основе этого лежал страх Бене Джессерит. Шли часы, а тело Ганимы все еще дрожало и извивалось от внутренней борьбы, но теперь голос его сестры присоединился к его убеждениям. Он слышал, как она разговаривала с этим образом внутри ее, дополняя его.

— Мама... пожалуйста. А вдруг...

— Ты видела Алию! Ты хочешь стать такой же Алией?

Наконец Гания вытянулась, прижавшись к нему, и прошептала:

— Она повиновалась. Она ушла.

Он погладил ее по голосе:

— Гани, я виноват. Я виноват. Я никогда больше не попрошу тебя об этом. Я был эгоистом. Прости меня.

— Нечего прощать, — сказала она, и ее голос был трепетным, она говорила с трудом, как после огромной физической нагрузки. — Мы узнали очень много о том, что нам нужно было знать.

— Она говорила тебе о многом, — сказал он. — Мы позже с этим разберемся, когда...

— Нет! Мы сделаем это сейчас же. Ты был прав. — Моя Золотая Тропа?

— Твоя проклятая Золотая Тропа!

— Логика бессмысленна, если она не сопровождается существенными данными, — сказал он.

— Но Я...

— Бабушка прибыла сюда, чтобы контролировать наше обучение и увидеть, не попали ли мы под влияние...

— Это то, что говорил Данкан. В этом нет ничего нового... Главный расчет, — согласилась она, ее голос становился увереннее. Она отодвинулась от него, посмотрела в сторону пустыни, которая лежала в предрассветной тишине. Эта борьба... эти знания, стоили им целой ночи. Королевский Суд должен был много объяснить. Лито убедил, что ничего не потревожит их.

— Люди часто постигают тонкости мира по мере взросления, — сказал Лито. — Что если с нами тоже это происходит?

— Вселенная, как мы ее видим, никогда не бывает такой же физической величиной, — сказала она. — Мы не можем воспринимать эту бабушку как бабушку.

— Это было бы опасно, — согласился он. — Но я хочу задать вопрос.

— Это нечто сверх точного мира, — сказала она. — Мы должны иметь место в нашем сознании, чтобы воспринимать то, что мы не можем представить себе. Вот почему... моя мать часто говорила мне о Джессике. Наконец, когда мы оба намучились с внутренним изменением, она рассказала очень много. Гания вздохнула.

— Мы знали, что она наша бабушка, — сказал он. — Вчера ты провела с ней несколько часов. Так почему же...

— Если мы позволили себе это, наше «знание» будет определять, как мы реагируем на нее, — сказала Ганима. — Вот о чем все время предупреждала меня моя мама. Один раз она процитировала нашу бабушку; — Ганима дотронулась до его руки. — Я слышала эхо этого внутри себя, произнесенное голосом бабушки.

— Постоянно предупреждала тебя, — сказал Лито. Он нашел эту мысль причиняющей беспокойство. Было ли что-нибудь в этому мире надежным?

— Много ужасных ошибок происходит от устарелых предположений, сказала Ганима. — Вот то, что моя мать процитировала.

— Это чистейший вывод Бене Джессерит.

— Если... если Джессика вернулась полностью к Сестрам — Это было бы очень опасно для нас, — сказал он, завершая мысль.

— Мы несем кровь из Квица Хадераха — их мужчины из Бене Джессерит.

— Они не откажутся от поисков, — сказала она. — Но они могут отказаться от нас. Наша бабушка могла бы быть инструментом для этого.

— Есть другой способ, — сказал он.

— Да — двое из нас... связаны. Но они знают, что постороннее может усложнить это спаривание.

— Это рискованное дело они должны были бы обсудить.

— И с нашей бабушкой в придачу.

— Мне не нравится этот способ.

— Мне тоже.

— Все-таки, не впервые королевская линия пыталась...

— Это вызывает у меня отвращение, — сказал он, передергиваясь.

Она услышала шорох, замолчала.

— Сила, — сказал он.

И в этой странной алхимии их совпадений она знала, где были его мысли.

— Сила Квица Хадераха должна ослабнуть, — согласилась она.

— Использоваться по их усмотрению, — сказал он.

В это время на пустыню опустился день. Они почувствовали, что начинается жара. Тотчас растения, начиная от утеса, обрели окраску. Мягкий, утонченный свет серебряного солнца Дюны разлился по девственному оазису планеты, наполненному золотыми и пурпурными оттенками в колодце из возвышающихся кругом скал.

Лито стоял, вытянувшись во весь рост.

— Итак, Золотая Тропа, — сказал Ганима, и она заговорила больше сама с собой, нежели с ними, зная, как последнее видение их отца объявилось и растворилось в снах Лито.

Сзади них послышались голоса.

Лито перешел на древний язык, который они использовали между собой, чтобы все держать втайне:

— Л им ани хоур самис см иви оур самит сут.

Это было то, где находилось решение в их сознании.

Дословно: Мы будем сопровождать друг друга вплоть до смерти, хотя только один из нас может вернуться, чтобы доложить обо всем. Ганима затем встала, и они вместе вернулись в съетч, где тотчас же поднялась охрана и отступила назад, когда близнецы направились в свои покои. Толпа людей расступилась перед ними как-то особенно в то утро, обмениваясь взглядами с охранниками.

Провести в одиночестве ночь над пустыней было старой традицией Свободных для святых Мудрецов. Все Уммы практиковали эту форму бодрствования. Пол Муад Диб делал это... и Алия. Теперь продолжили королевские близнецы.

Лито заметив ту особенность, сказал об этом Ганиме.

— Они не знают, что мы решили для них, — ответила она.

— Они действительно не знают.

Все еще объясняясь на своем языке, он сказал:

— Это требует самого сильного начала.

Ганима некоторое время размышляла, чтобы оформить свои мысли. Потом произнесла:

— Сейчас это должно быть абсолютно реально — даже если копать могилу. Сердце должно следовать сну, иначе не будет пробуждения.

Она имела в виду, что они, согласно плану Лито, рисковали жизнью. Окончательный результат изменения был бы похож на смерть, буквально: «похоронное убийство». И это было дополнительное значение к тому, что указывало на того, кто выживет, чтобы обо всем рассказать, то есть «действуя как тот, кто останется в живых». Любой неправильный шаг полностью отрицал этот план, и тогда Золотая Тропа Лито приведет к смерти. — Чересчур утонченно, — согласился Лито. Он раздвинул занавеси, когда они входили в свое помещение.

Оживленность среди прислуги исчезла только на миг, когда близнецы вошли в сводчатый коридор, ведущий в покой Леди Джессики.

— Ты — Острие, — напомнила ему Ганима.

— Я и не пытаюсь им быть.

Ганима взяла его за руку, чтобы он остановился.

— Алия, дарсатай хаунус м'смоу, — предупредила она.

Лито посмотрел ей в глаза. Действительно, действия Алии подтверждали то, что должна была заметить их бабушка. Он улыбнулся Ганиме, оценивая ее проницательность. Она смешала древний язык с суевериями Свободных, чтобы назвать наиболее сильную примету племени М'Смоу, хакон летних ночей, был предвестником смерти в руках демонов. Иисус была богиней демонов, смерти для людей, на чьем языке они сейчас говорили.

— Мы, Атридесы, имеем репутацию смелых, — сказал он.

— Поэтому мы получили то, что хотели, — ответила она.

— Так мы станем истцами Регентства, — сказал он. — Алия не завершила фразу.

«Наш план, — думал он. — Она полностью теперь разделила его со мной». Потом сказал:

— Я думаю о нашем плане, это тяжелый труд шадуфа.

Ганима оглянулась, чувствуя теплый запах этого утра, осознавая вечное начало, тяжелый труд шадуфа. Это был зарок.

Она назвал их план сельскохозяйственной работой: удобрение, ирригация, прополка, пересаживание, подрезание — при этом вкладывая смысл Свободных в то, что этот труд одновременно происходил в Другом Мире, где он символизировал культтивацию богатства души.

Ганима изучала своего брата, пока они размышляли в этом скалистом коридоре. Здесь она увидела намного очевиднее, что он оставил два уровня: во-первых, Золотая Тропа и их обет, и, во-вторых, это то, что она сама разрешила ему свободную власть, чтобы воплотить в жизнь чрезвычайно опасный миф, который порождал план. Это пугало ее. Неужели в своем видении он увидел что-то еще, чем он не поделился с ней? Мог ли он видеть себя, как потенциально обожествленную фигуру, способную вести человечество к возрождению — как отец, как сын? Культ Муад Диба изменил неумелое управление Алии и лишил прав на власть воинствующее духовенство, которое правила Свободными.

Лито хотел духовного возрождения. «Он что-то скрывает от меня», — сказала она.

Она снова воспроизвела в памяти то, что она рассказывал ей о своем видении. Оно было настолько

радужным и реалистическим, что он мог после этого в задумчивости бродить часами. Это видение, по его словам, оставалось неизменным.

— Я вижу себя на песке в ярко-желтом свете дня, хотя солнца нет, затем я осознаю, что солнце — это я. От меня исходит свет, как от Золотой Тропы. Когда я начинаю понимать это, я выхожу из своего тела. Я поворачиваюсь, ожидая увидеть себя в качестве солнца. Но я — не солнце, я — неподвижная фигура, напоминающая рисунок ребенка, выполненный зигзагами, неподвижные ноги, и руки, как палки. В моей левой руке — скрипетр, и это настоящий скрипетр — более близкий к реальности, чем застывшая фигура, которая держит его. Скрипетр увеличивается, и это ужасает меня. По мере того, как он увеличивается, я постепенно пробуждаюсь, хотя я знаю, что я еще сплю. Я понимаю, что мое тело во что-то облачено, кожа закована в латы, которые тоже увеличиваются в размерах по мере того, как растет мое тело. Я не могу видеть латы, но я чувствую их. Тогда ужас покидает меня, потому что эти латы дают мне силу десяти тысяч мужчин.

Так как Ганима пристально смотрела на него, Лито старался отойти подальше, чтобы продолжить свой путь по направлению к покоям Джессики. Ганима стояла на своем.

— Эта Золотая Тропа может быть любой другой тропой, — сказала Ганима. Лито посмотрел на скальный пол, чувствуя, что Ганиму снова одолевают сомнения. «Я должен это сделать», — сказал он себе.

— Алия — одержима, — сказала она. — Это могло бы и с нами случиться. Может быть, это уже случилось, а мы, возможно, этого не знаем.

— Нет. — Он покачал головой, встретил ее взгляд. — Алия сопротивлялась. Это придало ей силу. Поэтому благодаря своим собственным силам она победила. Мы осмелились копаться в тайниках своей памяти, найти древние языки и древние знания. Мы — это смесь нас самих и тех жизней, которые внутри нас. Мы не сопротивляемся, мы безрассудно идем у них на поводу. Вот что я узнал от своего отца прошлой ночью. Это то, что я должен знать.

— Но он ничего не сказал о том же, что во мне.

— Ты слушала нашу мать. Вот что мы...

— Но я почти запуталась.

— Она все еще сильно проявляется в тебе?

Страх сковал лицо. — Да... но теперь я чувствую, что она оберегает меня своей любовью. Ты правильно поступил, когда убеждал ее. — И Ганима подумала об отраженном в ней образе матери и сказала: — Наша мать существует теперь для меня, не проявляя себя в алам ал-матил больше других, но она испробовала вкус ада. Теперь я могу слушать ее без страха.

Что касается других...

— Да, — сказал он. — И я слушал моего отца, но я думаю, что последнюю совету моего дедушки, в честь которого меня назвали. Возможно с этим именем будет значительно проще.

— Ты советовался о том, чтобы поговорить с нашей бабушкой о Золотой Тропе?

Лито подождал, пока мимо них не прошел слуга с подносом, на котором был завтрак для Леди Джессики. Резкий запах приправы остался в воздухе, когда он ушел.

— Она живет в нас и в своей собственной плоти, — сказал Лито. — Ее совет может быть обсужден вторично.

— Не мной, — протестовала Ганима. — Больше я не рискну.

— Тогда мной.

— Я думала мы согласились, чтобы она вернулась к Сестрам.

— Действительно, Бене Джессерит в ее начале, ее собственное создание в середине, и Бене Джессерит в конечном итоге. Но помни, что она тоже несет в себе кровь Харконнена и находится гораздо ближе к ней, чем мы, что она испытала форму этого внутреннего разделения, которое имели мы.

— Очень поверхностная форма, — сказала Ганима. — Но ты не ответил на вопрос.

— Мне кажется, я ничего не упоминал о Золотой Тропе.

— Но мне кажется...

— Гани!

— Нам не нужны больше Атридесские боги! Нам нужно пространство для небольшой части человечества!

— Разве я отрицал это?

— Нет. — Она глубоко вздохнула и посмотрела в сторону. Прислуга глядела на них из передней, слыша их речь, но не понимая древних слов. — Мы должны сделать это, — сказал он. — Если бы мы действовали достаточно, то могли бы сами упасть на свои же ножи. — Он использовал идиому Свободных, которая несла смысл наподобие «сливая нашу воду в цистерну племени».

Ганима еще раз посмотрела на него. Она вынуждена была согласиться. Но она чувствовала, что попала в ловушку, в конструкцию, состоящую из множества стен. Они оба знали день расплаты, которая лежала тенью поперек их пути, независимо от того, что они делали. Ганима знала это с уверенностью, которую ей придавали знания, полученные от других жизней, существующих в памяти, но теперь она опасалась силы, которую дала тем другим психическим образом, используя данные их опыта. Они прятались внутри ее как хищники, демон-тени, поджидающие в засаде.

За исключением ее матери, которая имела власть над плотью и отреклась от нее, Ганима все еще чувствовала потрясение от внутренней борьбы, она знала, что обязательно потеряла бы свое собственное «я», если бы не настойчивость Лито.

Лито сказал, что его Золотая Тропа уводила с этого пути. Кроме изводящего сознания того, что он скрывал что-то из своего видения, она могла лишь принимать его искренность.

Ему нужна была ее изобилующая созидательность, чтобы обогатить его план.

— Нам необходимо пройти Испытание, — сказал он, зная в чем она сомневается.

— Не со спайсом.

— Возможно, даже так. Наверняка, в пустыне и в Испытании Одержанностью.

— Ты никогда не упоминал Испытания Одержанностью! — обвинила она. — Это часть твоего видения?

Он пытался проглотить слону, чтобы смочить пересохшее горло.

— Да.

— Значит, мы будем... одержимы?

— Нет.

Она подумала об Испытании — этом древнем экзамене Свободных, который в конечном итоге мог привести к ужасной смерти. Кроме того, этот план имел другие сложности. Он привел бы их на острие лезвия, падение с которого на одну из сторон могло бы быть не поддержаным морально человеческим разумом и этот разум мог бы остьаться здравым.

Зная, где блуждали его мысли, Лито сказал:

— Власть привлекает медиумов. Всегда. Вот чего нам надо избежать внутри себя.

— Ты уверен, что мы не поддадимся одержимости?

— Нет, если мы создали Золотую Тропу.

Все еще сомневаясь, она сказала:

— Я не буду носить твоих детей, Лито.

Он покачал головой, подавляя в себе внутреннюю измену, и перешел снова на древний язык, известный только им: — Сестра моя, я люблю тебя больше, чем себя, но это вовсе не проявление нежности моих желаний.

— Очень хорошо, тогда давай вернемся к другому аргументу до того, как встретимся с нашей бабушкой. Нож, вонзенный в Алию, мог бы решить большинство наших проблем.

— Если ты веришь этому, то поверишь, что мы сможем идти по грязи, не оставляя после себя никаких следов, — сказал он. — Кроме того, когда было такое, чтобы Алия давала кому-нибудь возможность?

— Речь идет о Джавиде.

— Неужели у Джавида пробиваются рога?

Ганима пожала плечами.

— Один яд, два яда.

Это был общий язык, относящийся к королевской привычке каталогизировать компаньонов по их угрозе вашей персоне; знак правителей повсюду.

— Мы должны делать все по-моему, — сказал он.

— Если бы мы поступили иначе, было бы чище.

По ее ответу он знал, что она подавила в себе свои сомнения и, наконец, согласилась с его планом. Достигнув этого, он не почувствовал себя счастливым. Он вдруг обнаружил, что смотрит на свои собственные руки, размышляя, прилипнет ли к ним грязь.

Глава 14

То было достижение Муад Диба. Он видел подсознательный резервуар каждого индивидуума как неосознанный банк памяти, ведущих к начальной клетке нашего общего генезиса. Каждый из нас, говорил он, может отмерять свой путь от этого общего происхождения. Видя это и говоря об этом, он совершил дерзкий прыжок в сторону принятия решения. Муад Диб поставил себе задачу об интегрировании генетической памяти в оценке поведения. Таким образом, он прорвался сквозь завесы Времени, сделав будущее Муад Диба, воплощенное в его сыне и его дочери.

Харк ал-Ада.

Завет Арракиса.

Фарадин шел большими шагами через сад, который являлся частью королевского дворца его деда, наблюдая, как его тень становится все короче по мере того, как Солнце Салузы Второй катилось к полудню. Он должен был увеличить шаг, чтобы не отставать от высокого Башара, который сопровождал его.

— У меня есть сомнения, Тайканик, — сказал он. — О, я вовсе не отказываюсь от трона, но... — Он глубоко вздохнул. — У меня есть много других интересов. Тайканик, после ожесточенной дискуссии с матерью Фарадина, посмотрел косо на Принца, отметив, как окрепла его плоть, когда он достиг своего восемнадцатилетия. В нем все меньше и меньше с каждым прошедшим днем оставалось от Вэнсики, и проявлялось все больше и больше от Шаддама, который предпочел свои личные занятия королевским обязанностям. В конце концов, разумеется, это стоило ему трона. Он не был жесток.

— Ты должен сделать выбор, — сказал Тайканик. — О, несомненно, будет время для удовлетворения каких-то твоих интересов, но...

Фарадин покусывал нижнюю губу. Обязанность удерживала его здесь, но он чувствовал себя разбитым. Лучше бы он отправился на площадку среди скал, где уже проходили испытания с песчаной форелью. Теперь имелся проект с огромным потенциалом: отвоевать у Атридесов монополию по производству спайса и что-то должно было произойти.

— Ты уверен, что эти близнецы будут... устраниены?

— Нет ничего абсолютно точного, Мой Принц, но шансы хорошие.

Фарадин пожал плечами. Убийство оставалось фактом королевской жизни. Язык был полон едва заметных перестановок в способах, чтобы устранить важные персоны. С помощью одного слова можно было отличить отравленное питье от отравленной пищи. Он полагал, что Атридесские близнецы будут ликвидированы с помощью яда. Это была не совсем приятная мысль. По общим отзывам близнецы были довольно интересной парой.

— Нам обязательно надо отправиться на Арракис? — спросил Фарадин.

— Это лучший выбор, это значительно ускорит осуществление наших планов. У Фарадина оставался еще один вопрос, и Тайканик поинтересовался, для чего эти расспросы.

— Я встревожен, Тайканик, — сказал Фарадин, когда они поворачивали за угол ограды и направлялись к фонтану, окруженному огромными черными розами. Из-за ограды было слышно, как садовники щелкали ножницами.

— Да? — подгонял его Тайканик.

— Ну, это, религия, которую мы изучаем...

— В этом нет ничего страшного, Мой Принц, — сказал Тайканик; он надеялся, что его голос был твердым и уверенным. — Эта религия обращается к воину, который предстает в моем лице. Это очень подходящая религия для Сардукара. — По крайней мере, это была правда.

— Да-а-а... Но моей маме, видимо, это очень нравится. «Пропади она пропадом, эта Вэнсика! — подумал Башар. — Она вызывает у своего сына подозрения».

— Меня не волнует, о чем думает твоя мама, — сказал Тайканик. — Религия — это личное дело каждого человека. Возможно, она видит в этом нечто, что, может быть, поможет возвести тебя на трон.

— Именно об этом я и думал, — сказал Фарадин.

?Какой наблюдательный парень!» — подумал Тайканик. Потом сказал:

- Присмотрись к этой религии сам: ты сразу же поймешь, почему я выбрал ее.
- И, тем не менее... проповеди Муад Диба? В конце концов, он был Атридесом.
- Я могу лишь сказать, что пути Господни неисповедимы, — сказал Тайканик.
- Да. Скажи мне, Тайк, почему ты именно теперь попросил меня прогуляться с тобой? Сейчас почти полдень, и обычно в это время моя мать отправляет тебя куда-нибудь с разными поручениями.

Тайканик остановился у каменной скамьи, которая стояла напротив фонтана; позади нее росли гигантские розы. Плещущая вода действовала на него успокаивающе, и, не отрывая от нее глаз, он заговорил:

- Мой Принц, я делал кое-что, что не понравилось твоей маме. — И подумал: «Если он поверит этому, то ее дьявольская схема заработает». Тайканик почти надеялся, что схема Вэнсики потерпит крах. «Привезти сюда этого проклятого Проповедника. Она была ненормальной. И какой ценой!» Когда Тайканик в ожидании замолчал, Фарадин спросил:

— Ладно, Тайк, что же ты натворил?

— Я доставил сюда практикующего толкователя снов, — сказал Тайканик. Фарадин метнул проницательный взгляд в сторону своего компаньона.

Некоторые из более старших сардукаров играли в игру с толкованием снов, они так в этом преуспели после их поражения в «игре» с «главным толкователем снов» Муад Дибом. Где-то в их снах, как они полагали, может быть указано, как достичь власти и славы. Но Тайканик всегда воздерживался от этой игры.

— Это не похоже на тебя, Тайк, — сказал Фарадин.

— Тогда я могу только говорить о том, что подразумевает эта новая религия, — сказал он, обращаясь к фонтану. Упоминать о религии, подразумевалось, конечно, говорить о том, зачем они рискнули доставить сюда Проповедника.

— Тогда говори то, что подразумевает эта религия, — сказал Фарадин.

— Как велит Мой Принц, — Он повернулся, посмотрел на этого юного обладателя всех снов, которые теперь извлекались для того, чтобы направить Дом Коррино по правильному пути. — Церковь и Государство, Мой Принц, даже научное обоснование и вера; и даже больше: прогресс и традиция — все это согласовано в учении Муад Диба. Он учил, что не существует непримиримых противоположностей, за исключением вероисповеданий и снов. Будущее открывают в прошлом, и оба эти понятия являются частью одного целого. Несмотря на сомнения, которые он не мог рассеять, Фарадин был потрясен этими словами. Он услышал ноту вынужденной откровенности в голосе Тайканика, как будто человек говорил против своей воли. — И поэтому ты приведешь ко мне этого... этого толкователя снов?

— Да, Мой Принц. Потому что твой сон пронизывает Время. Ты сможешь понять свою внутреннюю сущность, когда осознаешь, что вселенная — это единое целое. Твои сны... ну как это сказать...

— Но я не придавал значения своим снам, — запротестовал Фарадин. — Они как диковинка, не больше. Я никогда не подозревал, что ты.

— Мой принц, имеет значение все, что бы ты ни сделал.

— Ты сильно преувеличиваешь, Тайк. Ты в самом деле веришь, что этот Проповедник может разгадывать самые великие тайны?

— Да, Мой Принц.

— Тогда придется огорчить мою мать.

— Ты хочешь увидеть его?

— Конечно, если ты доставил его сюда, чтобы вызвать неудовольствие у моей матери.

«Он насмеивается надо мной?» — подумал Тайканик. И сказал: — Я должен предупредить вас, что старик носит маску. Это изобретение с планеты Икс, которое позволяет слепому видеть своей собственной кожей.

— Он слепой?

— Да, Мой Принц.
— Он знает, кто я?
— Я сказал ему, Мой Принц.
— Очень хорошо. Пойдем к нему.
— Если Мой Принц соизволит подождать один момент здесь, я приведу старику к нему.

Фарадин оглядел окружавший фонтан, улыбнулся. Это место, как и любое другое, как нельзя лучше подходит для этой глупой затеи.

— Ты говорил ему, что мне снилось?
— Только в общих чертах, Мой Принц. Он спросит вас о ваших личных суждениях по этому поводу.
— Очень хорошо. Я буду ждать здесь. Веди его.

Фарадин повернулся к нему спиной, он слышал, как Тайканик поспешно ушел. Можно было видеть, как садовник работал за оградой, была видна макушка его головы в коричневой кепке, сверкающие ножницы, которыми он срезал зеленые верхушки кустов. Зрелище было завораживающим.

«Толкование снов — это чушь — думал Фарадин. — Со стороны Тайка было неправильно делать это, не посоветовавшись со мной. Странно, что Тайк в его возрасте ударился в религию. А теперь еще эти сны».

Немного погодя он услышал позади себя шаги. Хорошо знакомые шаги Тайканика и более медленная походка. Фарадин повернулся, он посмотрел на приближающуюся фигуру толкователя снов. Иксианская маска была черного цвета, просвечивающая, тонкая, закрывающая лицо от лба до подбородка. Разрезов для глаз на маске не было. Если верить иксианским рассказам, то вся маска, целиком, представляла собой глаз.

Тайканик остановился в двух шагах от Фарадина, но человек в маске приблизился к нему на расстояние меньше одного шага.

— Толкователь снов, — сказал Тайканик. Фарадин кивнул.

Старик в маске кашлянул так, как будто хотел вытолкнуть что-то наверх из своего желудка.

Фарадин почувствовал резкий запах спайса, исходивший от старика. Он исходил от длинной серой одежды, которая закрывала его тело.

— Эта маска действительно часть вашей плоти? — спросил Фарадин, желая оттянуть разговор о сне.
— Пока я ношу, — произнес старик, и его голос имел гнусавый оттенок и характерный акцент Свободных. — Твой сон, — сказал он. — Расскажи мне его. Фарадин пожал плечами.

— Почему бы и нет?

«Вот зачем Тайк привел сюда старику. А так ли это??

Сомнения охватили Фарадина и он спросил:

— Вы действительно толкователь снов?

— Я пришел, чтобы истолковать твой сон, Могущественный Господин. Снова Фарадин пожал плечами. Эта фигура в маске заставляла его нервничать, и он посмотрел на Тайканика, который остался на том месте, где и остановился, сложив руки на груди и ставившись на фонтан.

— Итак, ваш сон, — настаивал старик.

Фарадин глубоко вздохнул и начал излагать свой сон. Когда он совершенно увлекся рассказом, стало легче. Он рассказал про воду, которая текла вверх по стенам колодца, о мирах, которые в виде атомов кружились в его голове, о змее, которая превращалась в песчаного червя и взрывалась облаком пыли. Рассказывая о змее, он очень удивился, что здесь потребовалось приложить больше усилий. Ужасное нежелание, сидевшее в нем, мешало ему, и это сердило его, когда он рассказывал.

Старик оставался безучастным, когда Фарадин, наконец, умолк. Черная тонкая маска едва заметно двигалась в такт дыханию. Фарадин ждал. Молчание продолжалось.

Вскоре Фарадин спросил:

— Вы не собираетесь истолковать мой сон?

— Я уже истолковал его. — Казалось, что его голос слышался издалека. — Ну и? — Свой собственный голос Фарадину показался каким-то писклявым, это говорило о том, какое напряжение возымел на него рассказ про сон.

Но старик по-прежнему оставался безразлично молчаливым.

— Скажите мне, наконец! — В его голосе очень ясно слышалось раздражение.

— Я сказал, что уже истолковал, — повторил старик. — У меня нет желания рассказывать о моем истолковании тебе.

Даже Тайканика это задело, и он сжал руки в кулаки.

— Я сказал, что представил свое истолкование, — сказал старик.

— Ты хочешь, чтобы тебе больше заплатили? — спросил Фарадин.

— Я вообще не просил никакой платы, когда меня сюда привели.

Что-то наподобие холодной гордости в этом ответе смягчило гнев Фарадина. Это был очень храбрый старик. Он должен был знать, что непослушание каралось смертью.

— Позвольте мне, Мой Принц, — сказал Тайканик, когда Фарадин начал говорить.

Тогда он спросил:

— Почему ты не хочешь раскрыть твоё истолкование?

— Ладно, мой господин. Сон говорит мне о том, что нет смысла объяснять эти вещи.

Фарадин не мог сдержать себя.

— Ты хочешь сказать, что я уже знаю смысл своего сна?

— Может быть, да, Мой Господин, но это не главное. Тайканик придвигнулся ближе к Фарадину. Оба пристально смотрели на старика.

— Объясни, что ты хочешь сказать! — сказал Тайканик.

— В самом деле, — сказал Фарадин.

— Если бы мне пришлось говорить про этот сон, чтобы исследовать вопросы воды и пыли, змей и червей, чтобы проанализировать атомы, которые роятся в твоей голове, также как и в моей, — ах, Могущественный Господин, — то мои слова озадачили бы тебя и ты бы ничего не понял.

— Ты боишься, что твои слова могли бы разгневать меня, — требовал Фарадин.

— Мой Господин! Ты уже разгневан.

— Это потому, что ты не доверяешь нам? — спросил Тайканик.

— Очень близко к цели, мой Господин. Я также не доверяю тебе, и по простой причине — потому что ты сам себе не доверяешь.

— Ты очень рискуешь, — сказал Тайканик. — Здесь людей казнят за менее безобидное и оскорбительное поведение, чем твое.

Фарадин кивал в знак согласия и сказал:

— Не испытывай наше терпение.

— Фатальные последствия гнева Коррино хорошо известны, Мой Господин Салузы Второй, — сказал старик.

Тайканик положил свою руку на руку Фарадина, чтобы сдержать его гнев, и спросил:

— Ты пытаешься довести нас до того, чтобы мы убили тебя?

Фарадин не думал об этом, он чувствовал теперь холод внутри себя, как только представил, что могло означать такое поведение. Представлял ли этот старик, которого называли Проповедником... представлял ли он нечто большее, чем казался? Что могло бы повлечь за собой его смерть?

Мученики могли бы оказаться очень опасными существами.

— Я сомневаюсь, что ты убил бы меня, независимо от того, что бы я сказал, — проговорил Проповедник. — Я думаю, ты знаешь мне цену, Башар, и твой Принц об этом догадывается.

— Ты совсем отказываешься объяснять его сон? — спросил Тайканик.

— Я уже объяснил его.

— Но ты не сказал, что нашел в нем?

— Ты порицаешь меня, Мой Господин?

— Какую ценность ты можешь представлять для меня? — спросил Фарадин. Проповедник протянул вперед правую руку.

— Если я поманю этой рукой, то придет Данкан Айдахо и будет исполнять мои приказания.

— Что это за пустое хвастовство? — спросил Фарадин.

Но Тайканик покачал головой, припоминая свой спор с Вэнсикой. Он сказал:

— Мой Принц, это может быть правдой. У этого проповедника много последователей на Дюне.

— Почему ты не сказал мне, что он оттуда? — спросил Фарадин.

До того, как Тайканик смог ответить, Проповедник обратился к Фарадину:

— Мой Господин, ты не должен чувствовать своей вины за Арракис. Ты всего лишь продукт своего времени. Это особого рода мольба любого человека, который погряз в своей виновности.

— Виновности! — гневно выпалил Фарадин.

Проповедник только пожал плечами.

Странно, но неистовство Фарадина сменилось изумлением. Он засмеялся, откидывая назад голову, отводя от Тайканика настороженный взгляд. Потом сказал:

— Ты нравишься мне, Проповедник.

— Это как вознаграждение для меня, Принц, — ответил старик.

Подавляя смех, Фарадин сказал:

— Мы найдем для тебя апартаменты здесь, при дворе. Ты будешь моим официальным толкователем снов — даже если ты никогда не скажешь мне и слова о своем толковании. И ты можешь рассказывать мне о Дюне. Я испытываю огромное любопытство к этому месту.

— Этого я не могу сделать, Принц.

Гнев, достигший критической точки, снова вернулся к нему. Фарадин бросил молниеносный взгляд на черную маску.

— А почему бы и нет, умоляю, скажи?

— Мой принц, — прервал Тайканик, снова дотрагиваясь до руки Фарадина. — В чем дело, Тайк?

— Мы доставили его сюда, заключив соглашение с Космическим Союзом. Он должен быть возвращен на Дюну.

— Мне велели вернуться на Арракис, — сказал Проповедник.

— Кто велит тебе? — требовательно спросил Фарадин.

— Власть более великая, чем твоя, Принц.

Фарадин вопросительно посмотрел на Тайканика.

— Он шпион Атридесов?

— Не совсем так, мой Принц. Алия установила цену за его голову.

— Если это не Атридесы, тогда кто приказывает тебе? — спросил Фарадин, переключая свое внимание на Проповедника.

— Возможность более великая, чем Атридесы.

У Фарадина вырвался смешок. Это была какая-то мистическая чепуха. Как могли одурачить Проповедника? Проповеднику приказывали, и скорей всего это были сны. Какое важное значение имели эти сны?

— Это пустая трата времени, Тайк, — сказал Фарадин. — Почему ты подверг меня этой... этой Шутке?

— Это имеет двойную ценность, Мой Принц, — ответил Тайканик.

— Этот толкователь снов обещал мне доставить Данкану Айдахо как агента Дома Коррино. Все, о чем он просил, это встретиться с тобой и истолковать твой сон. — Про себя Тайканик добавил: «И так он сказал Вэнсике». Новые сомнения напали на Башара.

— Почему мой сон так важен для тебя, старик? — спросил Фарадин.

— Твой сон говорит мне, что великие события идут к логическому заключению, — сказал Проповедник. — Я должен поспешить с возвращением. Усмехаясь, Фарадин сказал:

— Ты хочешь остаться загадочным, так и не дав мне совета.

— Совет, Принц, очень опасное дело. Но я рискну сказать несколько слов, которые ты можешь воспринимать как совет или как-то иначе, вообще как ты этого захочешь.

— Конечно, — сказал Фарадин.

Закрытое маской лицо Проповедника было прямо против лица Фарадина.

— Правительства могут приходить к власти или распадаться по причинам абсолютно незначительным, Принц. Какие пустяковые события! Спор между двумя женщинами... куда дует ветер в какой-то определенный день... насморк, кашель, длина одежды или как соринка попала в глаз придворного. Это не всегда важные интересы министров Империи, которые диктуют ход истории, а также вовсе необязательные понтификации священников, которые движут руками Господа!

Эти слова глубоко взволновали Фарадина, и он не мог найти объяснения этим чувствам.

Тайканика, однако, заинтересовала одна фраза. Почему Проповедник говорил про одежду? Мысли Тайканика сосредоточились на Имперских костюмах, которые отправили Атридесам-близнецам, на тиграх, которых выдрессировали нападать. Неужели этот старик делал неуловимое предупреждение? Много ли он знал?

— Как можно воспользоваться этими словами, в качестве совета? спросил Фарадин.

— Если у тебя это получится, — сказал Проповедник. — Ты должен свести свою стратегию к точке ее применения. Где применяют стратегию? В особом месте и с особыми людьми. Но даже если учесть все мельчайшие детали, все равно одна ничего не значащая деталь останется не замеченной тобой. Может быть, Принц, твоя стратегия доведена до амбиций жен местного правителя? Холодным голосом Тайканик прервал его:

— Почему ты заладил про эту стратегию, Проповедник? Как ты думаешь, что ожидает Принца?

— Все идет к тому, что он пожелает занять трон, — сказал Проповедник. — Я желаю удачи, но ему, возможно, понадобится нечто гораздо большее, чем удача.

— Это опасные слова, — сказал Фарадин. — Как ты осмеливаешься произносить такие слова?

— Амбиции ведут к тому, что действительность перестает тебя волновать, — сказал Проповедник. — Я осмеливаюсь произносить такие слова, потому что ты стоишь на распутье. Ты мог бы стать замечательным. Но сейчас ты окружен теми, кто не ищет моральных оправданий, советниками, которые стратегически ориентированы. Ты молод, силен и вынослив, но тебе не достает определенного, хорошо продуманного обучения, с помощью которого мог бы формироваться твой характер. Это грустно, потому что у тебя есть слабости, о которых я уже рассказывал.

— Что ты имеешь в виду? — потребовал Тайканик.

— Будь осторожен, когда говоришь, — сказал Фарадин. — Про какую слабость ты говоришь?

— Ты не дал ни малейшего намека на то, каким может быть общество, которое ты мог бы предпочесть, — сказал Проповедник. — Ты не принимаешь во внимание надежды своих подданных.

Ты не имеешь даже малого представления о форме Империи, которой ты добиваешься. — Он повернул лицо, закрытое маской, к Тайканику.

— Тебя больше притягивает власть, а не то, как ею пользоваться и как избежать опасности, которые она уготовила. Таким образом, твое будущее заполнено явными таинствами: спорящими женщинами, кашлем и ветреными днями. Как ты можешь создать эпоху, если не можешь видеть каждой мелочи? Твой здравый ум не будет служить тебе. Вот в этом-то и есть твои слабости. Фарадин долго изучал старика, удивляясь глубоким выводам, которые были результатом его мысленной деятельности, постоянству таких подвергнутых сомнения понятий. Мораль! Цели общества! Это были мифы, которые должны были существовать параллельно с верой в восходящее движение эволюции.

Тайканик сказал:

— Достаточно произнесено слов. На какой цене вы остановились, Проповедник?

— Данкан Айдахо — вал, — сказал Проповедник. — Подумайте, как лучше использовать его. Ему цены нет.

— О, у нас для него есть подходящая миссия, — ответил Тайканик. Он взглянул на Фарадина. — С вашего разрешения, Мой Принц?

— Отшлите его до того, как я изменю свое решение, — сказал Фарадин. Потом, глядя на Тайканика: — Мне не нравится, как ты обошелся со мной, Тайк!

— Прости меня, Принц, — сказал Проповедник. — Твой верный Башар выполняет волю Бога, даже не подозревая об этом. Откланявшись, Проповедник удалился, и Тайканик поспешил проводить его. Фарадин смотрел им вслед и думал: «Я должен узнать, что это за религия, которой отдается Тайк». И он грустно улыбнулся.

Глава 15

?И он в своем видении увидел доспехи. Доспехи не были его собственной кожей: они были сильнее, чем пласталь. Ничто не могло проникнуть сквозь его доспехи: ни нож, ни яд, ни песок, ни пыль пустыни или ее изнуряющая жара. В своей правой руке он содержал силу, чтобы вызвать кориолисову бурю, чтобы вызвать землетрясение и превратить все в ничто. Его глаза были прикованы к Золотой Тропе, а в левой руке он держал скипетр абсолютной власти. А там, где обрывалась Золотая Тропа, его глаза устремлялись в вечность, которая, как он знал, должна быть пищей для его души и вечно существующей плоти.»

?Хейхия: Сон моего брата» из «Книги Ганимы».

— Лучше будет, если я никогда не стану Императором, — сказал Лито. -Я не намекаю на то, что совершил ошибку своего отца и заглянул в будущее, приняв стакан спайса. Я говорю, что это все из-за эгоизма. Моя сестра и я отчаянно нуждаемся в том времени, когда мы сможем узнать, как жить таким, как мы?

Он умолк, вопросительно посмотрев на Леди Джессику. Интересно, каков будет ответ их бабушки?

Джессика изучала своего внука в тусклом свете светильников, которые освещали ее апартаменты в съетче Табр. Все еще было раннее утро, это был ее второй день пребывания здесь, и ей уже успели доложить, что близнецы провели целую ночь вне съетча. Что они там делали? Она плохо спала в эту ночь. Это был съетч ееочных кошмаров — но за его стенами, не было пустыни, насколько она помнила. Откуда взялись все эти цветы?. И воздух, окружавший ее, казался слишком сырьим.

— Объясни, дитя, что это значит: вам нужно время, чтобы познать себя? — спросила она.

Он слегка покачал головой, зная, что это был жест взрослого человека в детском теле, напоминая себе, что он должен вывести эту женщину из равновесия.

— Во-первых, я не ребенок. О... — Он дотронулся до груди. — Это тело ребенка, и это не подлежит сомнению. Но я не ребенок.

Джессика покусывала верхнюю губу. Ее Герцог, который так давно умер на этой проклятой планете, смеялся над этой ее привычкой. «Это твой необузданый ответ». Так он называл это покусывание губы. «Это говорит мне о том, что ты встревожена, и я должен поцеловать эти губы, чтобы снять с них это волнение».

Теперь ее внук, который носил имя ее герцога, успокоил ее лишь одной улыбкой и фразой:

— Ты встревожена: я вижу это по твоим дрожащим губам.

Необходимо было глубокое знание одной из дисциплин Бене Джессерит, чтобы создать хотя бы видимость душевного равновесия. Она овладела собой и спросила:

— Ты насмехаешься надо мной?

— Насмехаться над тобой? Никогда. Но я должен объяснить тебе, что мы очень сильно отличаемся друг от друга. Позволь напомнить тебе о тех оргиях, происходивших много лет тому назад, когда старая Преподобная Мать передала тебе ее собственные жизни и воспоминания. Она передала тебе длинную цепь, каждое звено которой подразумевает отдельную личность. Ты до сих пор имеешь всех в своем распоряжении. Поэтому ты знаешь кое-что из того, что мы с Ганимой испытываем.

— А Алия? — спросила Джессика, дразня его.

— А разве ты не говорила об этом с Гани?

— Я хочу обсудить это с тобой.

— Очень хорошо. Алия отрицала то, что было с ней, и, наконец, стала тем, чего они больше всего боялись. Это опасно для любого человека, но для нас, предрожденных, это хуже, чем смерть. И это все, что я хочу сказать про Алию.

— Итак, ты не ребенок, — сказала Джессика.

— Мне миллионы лет.

Джессика кивнула, на этот раз спокойнее, но с ним она была более осторожной, чем с Ганимой. А где была Ганима? Почему Лито пришел один?

— Послушай, бабушка, — сказал он. — Мы — это последствие! Мерзость и мы — разве это надежда

Атридесов?

Джессика не обратила внимания на вопрос.

— Где твоя сестра?

— Она отвлекают Алию, чтобы оградить нас от беспокойства. Это необходимо. Но Ганима рассказала бы тебе больше, чем я. Разве ты не заметила этого вчера?

— То, что я заметила, это мое дело. Почему ты лепечешь про Мерзость? — Лепечу? Не обращайся ко мне на своем Бене Джессеритском жаргоне, бабушка. Тем же самым я тебе отвечу, слово за слово. Я хочу большего, чем дрожание твоих губ...

Джессика встряхнула головой, чувствуя холодность этого... лица, в жилах которого текла ее кровь. Она пыталась противостоять его тону и спросила:

— Что ты знаешь о моих намерениях?

Он усмехнулся.

— Ты не должна спрашивать, совершил ли я ошибку, как мой отец. Я не выглядывал за пределы нашего сада времени, по крайней мере, не пытался. Оставь абсолютные знания будущего для моментов *deja vu*, которые может испытать любой человек.

Я знаю, какую западню готовит предвидение. Жизнь моего отца говорит мне, что я должен знать об этом. Навсегда пойманым, как в ловушку, этим будущим. Это разрушает время. Настоящее становится будущим мне нужно гораздо больше свободы, чем эта.

Джессика не знала, что ответить. Это чудовищно! «Мой любимый Лито!» Эта мысль потрясла ее. На мгновение ей показалось, что детская маска сейчас упадет и обнаружатся те дорогие черты... Нет!

Лито опустил голову и смотрел исподлобья, изучая ее. Да, ею можно управлять. Он сказал:

— Когда ты думаешь о предвидении, ты ничем не отличаешься от других. Большинство людей представляет, как было бы хорошо, если бы можно было знать завтрашний курс цен на китовый мех. Или будет ли Харконнен когда-нибудь еще управлять своим Домом Гайди Прайм. Но, конечно, мы знаем о Харконненах без предвидения, не так ли, бабушка?

Она не захотела снизойти до его насмешек над кровью Харконненов, которая передалась ему от его далеких предков. — Кто такой Харконнен? — спросил он. — Кто такой Зверь Раббан? Это один из нас, а? Но я отклоняюсь от темы. Я говорю об общепринятом мифе предвидения: знать будущее абсолютно! Полнотью! Какие судьбы могли бы быть созданы, а какие потеряны благодаря таким абсолютным знаниям, а? Толни верит в это. Они верят, что если откусить маленький кусочек, то будет хорошо, а если большой, то будет намного лучше. Как замечательно! И если ты дашь любому из них полный сценарий его жизни, то какой это будет жуткий подарок. Что за скуча! Он будет иметь абсолютное знание о любом моменте его жизни, который он проживает. Никакого отклонения! Он мог бы предвосхищать каждый ответ, каждое высказывание — еще и еще, и еще, и еще, и еще и...

Лито покачал головой.

— Незнание имеют свои преимущества. Вселенная, которая таит в себе неожиданности, вот чего я хочу!

Это была длинная речь и, когда она слушала его, то была очень удивлена, что его манера говорить, его интонации напомнили ей его отца ее потерянного сына, даже сами Идеи: это были вещи, о которых мог бы говорить Пол.

— Ты напоминаешь мне своего отца, — сказала она.

— Тебе это причиняет боль?

— Некоторым образом, но и в то же время убеждает, что он продолжает жить в тебе.

— Как мало ты помнишь из того, как он продолжает жить во мне.

Джессика заметила, что он говорил ровным голосом, но в голосе этом слышалась горечь. Она приподняла подбородок чтобы смотреть ему прямо в лицо.

— Или как твой Герцог живет во мне, — это ты! Алия настолько повторяет тебя, что твоя жизнь не может утаить никаких секретов от нее. И я! Я — как Каталог записей памяти. Бывают моменты, когда становится просто невыносимо. Ты пришла сюда, чтобы судить нас. Ты пришла сюда, чтобы

судить Алию? Это лучше, чем если бы мы судили тебя!

Джессика не знала, что на это ответить. Что он делает? Неужели он достиг состояния Алии — Мерзости?

— Это беспокоит тебя, — сказал он.

— Это беспокоит меня. — Она пожала плечами. — «Да, это беспокоит меня, — и причины ты прекрасно знаешь. Я уверена, что ты пересмотрел мое обучение в Бене Джессерит. Ганима делает это. Я знаю, что Алия... делала. Ты знаешь, откуда вытекает твое отличие».

Он напряженно смотрел на нее.

— Мы знаем дрожание твоих губ, как это знал твой возлюбленный. В каждой спальне, если мы захотим, мы можем услышать шепот Герцога. Ты восприняла это интеллектуально, я в этом не сомневаюсь. Но я предупреждаю тебя, что интеллектуального восприятия недостаточно. Если кто-то из нас станет Мерзостью... возможно ей окажешься ты, создающая это. Или мой отец... или мать! Твой Герцог. Любой из вас мог овладеть нами — и условие будет тем же.

Джессика почувствовала жжение в груди, в глазах потемнело.

— Лито... — едва выговорила она, позволив себе, наконец, произнести его имя. Оказалось, это причиняло меньше боли, чем она думала. Собрав силы, она продолжала. — Чего ты хочешь от меня?

— Я хотел бы поучить свою бабушку.

— Учить меня? Чему?

— Прошлой ночью мы с Ганимой играли роли наших родителей, это почти довело нас до самоуничтожения, но зато мы многое узнали. Есть вещи, которые надо знать. Благодаря им можно предупредить любые действия. Теперь Алия это совершенно верно, замышляет похитить тебя.

Джессика метнула взгляд в его сторону, она была потрясена услышанным. Она знала хорошо этот прием, и сама несколько раз пользовалась им, когда человека убеждают, и затем шокируют; Она пришла в себя, сделав резкий вдох.

— Я знаю, что Алия делала... что она, но...

— Бабушка, пожалей ее. Положись на свое сердце, а равно и на свой интеллект. Раньше ты это делала. Ты несешь угрозу, и Алия хочет прибрать к рукам всю Империю, по крайней мере, это единственное, чего она хочет.

— Как мне распознать, кто это говорил: она сама, или это результат проявления Мерзости?

Он пожал плечами.

— Вот где тебе должно помочь сердце. Гани и я знаем, как она чувствует. Не очень-то легко противостоять требованиям этого великого множества лиц, которые внутри, подавить их собственное «я», а потом они снова будут атаковать всей толпой — каждый раз, когда вызываешь чью-нибудь память. Однажды... — он слегкнул слону, чтобы смочить пересохшее горло, — один из этих решит, что пора делить плоть.

— И ты ничего не можешь сделать? — Она задала этот вопрос, хотя боялась ответа.

— Мы верим, что есть что-то... да. Мы не можем быть подвержены спайсу. И мы не должны полностью подавлять прошлое. Мы должны воспользоваться им. В конечном итоге мы смешаемся с ними в нас самих. Мы перестанем быть самими собой — но также мы не будем одержимы.

— Ты говоришь о плане похищения меня.

— Это очевидно, Вэнсика очень честолюбива по отношению к сыну. Алия тоже честолюбива по отношению к себе...

— Алия и Фарадин?

— Это не точно, — сказал он. — Но Алия и Вэнсика идут параллельными курсами сейчас. Сестра Вэнсики находится в доме Алии. Что может быть проще послания к..

— Ты знаешь об этом послании?

— Я будто бы видел его и читал каждое слово.

- Но ведь ты не видел этого послания?
- В этом нет необходимости. Мне достаточно знать, что все Атридесы здесь, на Арракисе. Вся вода в одной цистерне. — Он жестом охватил всю планету.
- Дом Коррино не осмелился бы напасть на нас здесь!
- Алия немедленно воспользуется этим, если только попытаются... Усмешка в его голосе рассердила ее.
- Я не хочу, чтобы мне покровительствовал мой внук, — сказала она.
- Тогда, женщина, перестань думать обо мне, как о своем внуке! Думай обо мне, как о герцоге Лито! — Тон его голоса и выражение лица, даже жест руки, были настолько точны, что она в смущении замолчала. — Лито сухо добавил: — Я пытался подготовить тебя. Предоставь мне хотя бы эту возможность.
- Почему Алия хочет похитить меня?
- Для того, чтобы взвалить вину на Дом Коррино.
- Я не верю этому. Даже для нее это было бы чудовищно. Слишком опасно! Как она могла бы сделать это без... Я не могу поверить этому!
- Когда это случится, ты поверишь. Бабушка, ведь Гани и я погружались в самих себя, и мы знаем. Это своего рода самозащита. Как же еще мы можем реагировать на ошибки, которые совершаются вокруг нас?
- Я ни на минуту не приму это похищение как часть плана Алии...
- Всю Империю мучают сомнения, зачем ты здесь. Люди Вэнсики готовы дискредитировать тебя. Алия не может ждать, когда это случится. Если бы мы опустились, Дом Атридесов мог бы пострадать от смертельного удара.
- Какие же сомнения мучают Империю?
- Она холодно, насколько это было возможно, отчеканила каждое слово, зная, что на этого неребенка не сможет воздействовать никакая интонация. — «Леди Джессика планирует сочетать браком этих близнецов», — сказал он. — Вот чего хотят Сестры ордена Бене Джессерит. Кровосмешения!
- Она сверкнула глазами.
- Глупые слухи. — Она сделал паузу. — Бене Джессерит не допустит, чтобы такие слухи распространялись по всей Империи. Мы еще имеем некоторое влияние. Помни это.
- Слухи. Что за слухи? У тебя же были планы относительно того, чтобы скрестить нас? — Не отрицай этого. Позволь нам провести годы нашей половой зрелости в том же доме, в котором и ты живешь, и твое влияние будет не более чем размахивание тряпкой перед мордой песчаного червя.
- Ты думаешь, что мы так глупы? — спросила Джессика.
- Да. Твой Орден Сестер — это всего лишь букет проклятых глупых старых женщин, которые ни в коем случае не перешагнут рамки их бесценной своднической программы! Гани и я знаем их способы. Ты думаешь, мы дураки? — Способы?
- Они знают, что ты из Харконненов. У них есть запись: Джессика дочь Танидии Нерус, наследница Барона Владимира Харконнена. Случайно эта запись может быть обнародована...
- Ты думаешь, Сестры способны на шантаж?
- Да, я знаю, они могут. Они делают это очень тонко. Они приказали тебе разобраться со слухами, которые ходят о твоей дочери. Они дали пишу твоему любопытству и твоим страхам. Они пробудили твое чувство ответственности, заставили тебя почувствовать себя виновной, потому что ты вернулась на Келадан. И они предложили тебе план спасения твоих внуков. Джессика могла лишь молча смотреть на него. Было такое ощущение, будто он говорил правду о том, что Алия планирует похищение. Она была полностью подавлена его словами, и теперь допустила возможность, что он говорил правду, когда сказал, что Алия планировала.
- Вот видишь, бабушка, я должен решить очень трудный вопрос, — сказал он. — Следую ли я мистике Атридесов? Живу ли я ради моих идеалов и... умру ли за них? Или я выбираю другой путь — тот, который позволил бы мне прожить тысячи лет?

Джессика невольно отшатнулась.

Эти слова, сказанные так легко, затронули один из предметов, который в Бене Джессерит преподносят как аксиому. Много Преподобных Матерей могли бы выбрать этот путь или попытаться это сделать. Но если бы одна из них сделала это, то потом попытались бы сделать это все остальные. Они знали наверняка, что этот путь приведет их к самоуничтожению. Тогда все смертное человечество отвернулось бы от них. Нет — этого нельзя было допускать.

— Мне не нравится ход твоих мыслей, — сказала она.

— Ты не понимаешь моих мыслей, — сказал он. — Гани и я... — Он покачал головой. — Алия завладела всем — и отбросила это прочь.

— Ты уверен в этом? Я уже отправила весточку в орден о том, что Алия практикует не подлежащий обдумыванию второй путь. Посмотри на нее! Она нисколько не постарела с тех пор, как я в последний раз...

— О! Я говорю несколько о другом — «совершенство существования никогда не было достигнуто человечеством».

Джессика молчала, ошеломленная тем, как легко он сбросил с нее пелену таинственности. Он должен был знать, наверняка, что это послание было смертным приговором Алие. Разве он не знал опасности, которую представляли эти слова?

— Ты должен объяснить, — наконец сказал она.

— Как? — спросил он. — Если ты понимаешь, что Время совсем не то, как оно встает перед нами; то я не могу объяснить. Мой отец догадывался об этом. Он стоял на пороге реализации, но отступил. Теперь на очереди мы с Гани.

— Я настаиваю, чтобы ты объяснил, — сказала Джессика и потрогала отравленную иголку, запрятанную в складках ее платья. Это был Гом Джаббар, игла с настолько быстродействующим ядом, что малейшее прикосновение ее убивало свою жертву в течение нескольких мгновений. Она подумала: «Они предупреждали меня, что, возможно, мне придется воспользоваться ею». От этой мысли рука ее задрожала, и она была благодарна за то, что могла спрятать руки под складками одежды.

— Очень хорошо, — вздохнул он. — Во-первых, что касается Времени: нет различия между десятью тысячами лет и одним годом; нет разницы между сотней тысяч лет и ударом сердца. Никакой разницы. Это первое, что касается Времени. И второе: «вся Вселенная со всем его Временем находится внутри меня».

— Что за чепуха! — сказала она.

— Ты так думаешь? Ты не понимаешь. Я пытаюсь объяснить иначе. — Мы идем вперед, мы возвращаемся назад.

— Эти слова ничего не объясняют.

— Это верно, — сказал он. — Есть вещи, которые невозможно объяснить словами. Ты должна почувствовать их без слов. Но ты для этого не готова, это все равно, что ты смотришь на меня и не видишь меня.

— Но... я смотрю на тебя в упор. Разумеется, я вижу тебя! — Она посмотрела на него. Его слова отражали знание Кодекса Дзэнсунни, как ее учили в школе Бене Джессерит: играй словами, чтобы ввести в заблуждение собеседника.

— Некоторые вещи происходят вне твоего контроля, — сказал он.

— Так это объясняет, что... что совершенство недосягаемо для других людей?

Он кивнул.

— Если отложить срок старости или смерти с помощью применения меланжа и изучения регулирования баланса организма, чего так боится Бене Джессерит, то эта отсрочка только вызывает иллюзию контроля. Идешь ты через съетч быстро или медленно, все равно ты пересекаешь его. И это прохождение времени ощущается внутренне.

— Почему ты так играешь словами? От этой чепухи я отказалась задолго до рождения твоего отца.

— Слова! Слова!

— Ах, ты очень близка!

— Ха!

— Бабушка!

— Да!

Он долго молчал. Потом сказал:

— Ты понимаешь? Ты можешь ответить как самой себе. — Он улыбнулся ей. — Но ты не можешь видеть за тенями. Я здесь. — Он снова улыбнулся. — Мой отец подошел к этому очень близко. Когда он жил, то жил, но когда он умер, то имел неосторожность умереть.

— Что ты говоришь?

— Покажи мне его тело!

— Ты думаешь, этот Проповедник..

— Может быть, но даже если это так, то это не его тело.

— Ты ничего не объяснил, — обвинила она.

— Как я и предупреждал тебя.

— Тогда почему...

— Ты спрашивала. Тебе надо было показать. Теперь давай вернемся к Алии и ее планам похищения...

— Ты планируешь что-то невообразимое? — требовательно спросила она, держа наготове отравленную иглу под одеждой.

— Ты хочешь быть исполнителем ее приговора? — В ответ спросил он, и на этот раз его голос был необычно мягок. Он указал на руку, спрятанного под одеждой; — Ты думаешь, она допустит это? Или ты думаешь, я это допущу? У Джессики перехватило горло от волнения.

— Отвечаю на твой вопрос, — сказал он. — Я не настолько глуп. Но я потрясен тобой. Ты осмелилась осуждать Алию. Конечно, она нарушила запреты Бене Джессерит! А чего ты ожидала? Ты бросила ее здесь, в качестве королевы! Все, что ей досталось от этой власти! Поэтому ты вернулась на Келадан, чтобы залечить свои раны в руках Гурни. Достаточно хорошо. Но кто ты есть, чтобы судить Алию?

— Я говорю тебе, я не хочу...

— Ах, замолчи! — Он отвернулся от нее в негодовании. Но его слова были восприняты так, как это делалось Бене Джессерит, — контролирующей Голос.

Она молчала, как-будто чья-то рука сжала ей горло. Потому подумала: «Кто бы знал, что меня можно сразить Голосом лучшим, чем этот?» Это было смягчающим аргументом, который облегчил ее раненые чувства. В то время, как она много раз использовала Голос против других, она никогда не думала, даже в школьные дни, что сама поддастся ему...

Он повернулся к ней.

— Я сожалею. Я лишь узнал, как слепо ты можешь реагировать, когда... — Слепо?! Я?! — Это вывело ее больше из себя, чем Голос, который он использовал против нее.

— Ты, — сказал он. — Слепо. Если в тебе осталась хоть капля честности, ты признаешь свои собственные реакции. Я называю твоё имя, и ты говоришь: «Да». Я заставляю тебя молчать. Я пробуждаю в тебе мифы Бене Джессерит. Посмотри, каким образом тебя учили. Это, по крайней мере, что-то, что ты можешь сделать для своей...

— Как ты осмеливаешься? Что ты знаешь о... — Ее голос сорвался. Конечно, он знал.

— Посмотри внутрь, я говорю! — Его Голос повелевал.

И снова этот Голос подчинил ее. Она почувствовала учащенное дыхание, страсти ее улеглись. Широко раскрыв глаза, в каком-то шокирующем состоянии она поняла, что ее тело подчиняется командам. Медленно она восстановила в себе равновесие. Этот неребенок играл ею, как будто в его руках был прекрасный инструмент.

— Теперь ты знаешь, как глубоко — поглязла во всех условиях Бене Джессерит, — сказал он.

Она смогла только кивнуть. Лито вынудил ощутить ее физическую вселенную прямо на ее лице. «Покажи мне — тело!» Он показал ей ее собственное тело, как будто оно было новорожденным. Никогда в жизни она не ощущала такой неуверенности в себе.

— Ты позволишь себя похитить, — сказал Лито.

— Но...

— Я не собираюсь спорить по этому поводу, — сказал он. — Ты позволишь это. Думай, что эта команда идет от твоего Герцога. Ты увидишь цель тогда, когда все будет сделано. Ты встретишься с очень интересным учеником.

Лито стоял, покачивая головой. Потом сказал:

— Некоторые действия имеют конец, но не имеют начала; некоторые начинаются, но не кончаются. Все зависит от того, где стоит наблюдатель. -Он повернулся и вышел из ее апартаментов. Во второй комнате, Лито встретил Ганиму, спешащую в их собственные комнаты. Она остановилась, когда увидела его, и сказала:

— Алия занята Собранием Верующих. — Она вопросительно посмотрела в коридор, который вел в покой Джессики.

— Сработало, — ответил Лито на ее немой вопрос.

Глава 16

Злодейство равно распознается как пиковое, и жертвой, и преступником, всеми, кто его познает, неважно, с какой стороны. Злодейство не имеет ни извинений, ни смягчающих доводов. Злодейство никогда не уравновешивает и не выправляет прошлое. Злодейство лишь вооружает будущее на еще большее злодейство. Оно навечно замыкается на самое себя — чудовищная форма кровосмешения. Кто ни содеет злодейство — тот также вскармливает злодейство будущего.

Апокрифы Муад Диба.

Вскоре после полудня, когда большинство пилигримов разбрелось освежиться в елико доступной прохладной тени и еликодоступными источниками утоления жажды, Проповедник вошел на огромную площадь под храмом Алии. Ведом он был заменителем его глаз, юным Ассаном Тариком. В кармане под развеивающейся плащаницей Проповедника была маска из черного газа, которую он надевал на Салузе Второй. Его забавляла мысль, что и маска, и мальчик служили одной и той же цели — маскировке. Пока он нуждался в замещении собственного зрения, сомнения продолжали жить.

«Пусть миф растет, но вживе поддерживает сомнения», — думал он.

Никто не должен обнаружить, что маска — простая тряпка, вовсе не изделие Иксиана. Рука его не должна соскальзывать с костлявого плеча Ассана Тарика. Хоть раз пройдись Проповедник как зрячий, невзирая на безглазые впадины своих глазниц — и все сомнения развеются. Малая надежда, пестуемая им, умрет. Каждый день он молился о перемене, о чем-нибудь непохожем, где он мог бы споткнуться, но даже на Салузе Второй все обернулось простым и гладким, от и до известным. Ничто не меняется, ничто не может измениться... пока еще.

Многие обратили внимание на его проход мимо лавок и аркады, особенно отметив, как он из стороны в сторону поворачивал голову, устремляя невидящий взгляд точно на человека или на дверной проем. Движения его головы всегда были естественными для слепца, и это способствовало разрастанию мифа.

Алия наблюдала за ним из потайного смотрового отверстия в возвышающихся зубчатых стенах своего храма. Она тщательно присматривалась к изрубцованным шрамам Лицу далеко внизу в поисках какой-нибудь приметы — верной опознавательной приметы. Каждый слух для нее доходил. И в каждый новый — вкладывалась своя доля трепетного страха.

Алия полагала, что ее приказ схватить Проповедника оставался в тайне — но приказ вернулся к ней в виде слуха. Даже среди ее стражей некоторые не умели хранить молчание. Теперь она надеялась, что стражи не последуют ее новым приказам и не вздумают схватить эту ходячую загадку в плащанице на людном месте, у всех на виду это разнеслось бы по белу свету.

На площади стояла пыльная жара. Юный проводник Проповедника обмотал покрывало своего балахона вокруг носа, оставил обнаженными лишь темные глаза и тонкое пятнышко лба. Под покрывалом выпячивалась фильтротрубка стилсьюта. Отсюда Алия поняла, что они пришли из пустыни. Зачем они там прячутся?

Проповедник не защищался покрывалом от иссушающего воздуха. Он даже откинул клапан фильтра на своем стилсьюте. Его лицо распахнуто было солнечному свету и горячей дрожи, видимыми волнами поднимавшейся от плит, которыми была вымощена площадь.

Там, на ступенях храма, группка из девяти пилигримов творила прощальный намаз. На укрытом тенью краю площади находились еще человек пятьдесят, в основном — пилигримы, выполнявшие наложенные из них жрецами епитимьи. Среди глазевших на них можно было различить нескольких рассыльных и немногих купцов, еще недостаточно наторговавших, чтобы закрыть свои лавки на самый пик дневной жары.

Алия, наблюдавшая из отверстия бойницы, ощутила иссушающую жару. Тело и мысль тащили ее в разные стороны, она попала в такую же западню раздвоенности, в которой частенько видела прежде всего брата. Соблазн посоветоваться с самой собой зловещим гудением зазвенел у нее в голове. Барон был здесь: как должно покорный, но всегда готовый поиграть на ее ужасе, когда суждения рассудка переставали иметь силу, а в происходящем вокруг нее терялось ощущение прошлого, настоящего и будущего.

«Что, если это Пол там внизу? — спросила она себя. — Чушь!» проговорил голос внутри нее.

Но в донесениях о том, что говорит Проповедник, сомневаться не приходилось. ЕРЕСЬ! Ее ужасала мысль, что сам Пол может разрушать построение, возведенное на его имени.

А ПОЧЕМУ БЫ И НЕТ?

Она подумала о том, что сказала сегодня утром на Совете, желчно выступив против Ирулэн, настаивающей на том, чтобы принять дары одежд от Дома Коррино.

— Все дары для близнецов будут тщательно обследованы, как и всегда, доказывала Ирулэн.

— А если мы обнаружим, что дары безвредны? — вскричала Алия.

Каким-то образом, для всех эта мысль оказалась самой пугающей, какую можно вообразить — обнаружить, что дары не таят никакой угрозы.

Под конец, они приняли чудесные одежды и перешли к другому вопросу: следует ли предоставить леди Джессике место в Совете? Алии удалось добиться отсрочки голосования.

Она думала об этом, неотрывно глядываясь в Проповедника.

То, что происходило сейчас с ее Регентством, являлось изнанкой трансформации, которой они подвергали планету. Дюна некогда символизировала власть окончательной и бесповоротной пустыни. Сама эта власть уменьшилась материально, но миф о ее могуществе рос не по дням, а по часам. Только пустыня-океан остается, великая Мать Пустыня внутренней планеты, окаймленная колючим кустарником, до сих пор называемая Свободными Царицей Ночи. После колючек — плавные очертания зеленых холмов, пологими склонами ниспадающих к песку. Все холмы рукотворны. Все они созданы людьми, трудившимися наподобие ползучих насекомых. Зелень этих холмов представляется наделенной почти всесокрушающей мощью тех, кто, подобно Алии, развелся и вырос на прежних устоях, среди подернутого серыми тенями песка. Ей мнилось, как и всем Свободным, что пустыня-океан держит Дюну мертвой хваткой, которая никогда не ослабнет. Стоит ей только закрыть глаза — и она видела пустыню.

Открытые глаза видели теперь зеленеющие холмы на краю пустыни, болотистую жижу, устремляющую к песку зеленые псевдоподы — но во всем остальном пустыня оставалась такой же могучей, как всегда.

Алия тряхнула головой и пристально посмотрела на Проповедника.

Тот одолел первый пролет идущих террасами лестниц под храмом и повернулся лицом к почти пустой площади. Алия коснулась кнопки возле своего окошка — кнопки усилителя голосов внизу. В ней поднялась волна жалости к самой себе, такой одинокой предстала она в собственных глазах. Кому она могла доверять? Она-то считала, что до сих пор может положиться на Стилгара, но и Стилгар подпал под влияние слепца.

— Знаешь, как он считает? — спросил ее Стилгар. — Я слышал, как он отсчитывает монеты в уплату своему проводнику. Странным это было для моих ушей Свободного, и жутким. Он считает: «шак, ишкай, кимса, чаксу, пича, сукта» и так далее. Я не слышал подобного счета с давних дней в пустыне. Отсюда Алия поняла, что Стилгара нельзя посыпать с поручением, которому следует быть исполненным. И ей следует быть поошибательней со своими стражами, склонными любое чуть подчеркнутое словцо от Регентства воспринимать как беспрекословный приказ.

Что он там делает внизу, этот Проповедник?

Окружающая рыночная площадь под защитными балконами и изгибами аркад и так представляла яркое и пестрое зрелище: торговцы не убрали разложенные образцы товаров, оставив их под присмотром нескольких мальчиков. Кое-кто из торговцев остался — зарясь на пропахшие спайсовыми хлебцами монеты из глубинки и на то, что позывало в кошельках пalomников. Алия разглядывала спину Проповедника. Поза у него была такая, словно он собирался заговорить, но что-то сковывало его речь.

«Почему я стою здесь, наблюдая за этой развалиной, за этой обветшалой плотью? — спросила она себя. — Не могут эти смертные обломки быть „сосудом великолепия“, как некогда называли моего брата».

Ее наполнило разочарование, граничащее с гневом. Как может она выяснить что-либо о Проповеднике, вызнать наверняка, НЕ ЗАНИМАЯСЬ ВЫЯСНЕНИЕМ? Она в ловушке. Она не осмеливалась показывать, что проявляет к этому еретику хоть нечто большее преходящего любопытства.

Ирулэн это чувствовала. Лишь своей знаменитой выдержанки Бене Джессерит, она истощенно вскрикнула в Совете:

— Мы не в силах больше хорошо относиться к самим себе!

Даже Стилгар был шокирован.

В чувство их привел Джавид:

— У нас нет времени на такую чепуху!

Джавид прав. Что за дело, как они относятся к самим себе? Все, что их касается, зиждется на имперской власти.

Но Ирулэн, обретя самообладание, заговорила еще более уничтожающе:

— Говорю вам, мы утратили что-то жизненно важное. А утратив это, утратили с тех пор и способность принимать правильные решения. Сегодня мы их принимаем с налету, словно кидаемся на врага, — или ждем-пождем, а это форма капитуляции; и позволяем, чтобы нами двигали решения других. Разве забыли мы, что мы — те самые, кто сотворил истоки нынешних течений?

И — надо всем — вопрос о том, принимать ли дар от Дома Коррино.

От Ирулэн надо будет избавиться, решила Алия.

Чего ждет этот стариk там, внизу? Он называет себя проповедником. Почему он не проповедует?

Ирулэн не права насчет того, что мы разучились принимать решения, сказала себе Алия. Я ДО СИХ ПОР СПОСОБНА ПРИНИМАТЬ НАДЛЕЖАЩИЕ РЕШЕНИЯ! Тот, кто обязан принимать решения о жизни и смерти, должен или воистину их принимать или вечно попадать под маятник Пол всегда говорил, что застой наиопаснейшее среди всего неестественного. Единственno, что постоянно изменчивость. Значима только перемена.

«Будет им от меня перемена!» — подумала Алия.

Проповедник благословляюще воздел руки.

Немногие остававшиеся на площади потянулись поближе к нему, и Алия отметила медлительность этого движения. Да, разошедшиеся слухи, что Проповедник вызывает неприязнь Алии. Алия наклонилась поближе, к иксианскому громкоговорителю возле своего шпионского отверстия. Громкоговоритель донес до нее бормотание голосов на площади, шум ветра, шарканье ног по песку.

— Четыре послания я вам несу! — проговорил Проповедник.

Его Голос чуть не оглушил Алию, и она убавила мощность звука.

— Каждое послание — определенному человеку, — сказал Проповедник. -Первое послание — Алии, владычице этого места, — он указал себе за спину, точно в направлении отверстия, за которым она находилась. — Я принес ей предостережение. Ты, хранящая в своем лоне секрет долголетия, обменяла свое будущее на пустой кошелек!

?Как он смеет?» — подумала Алия. Холод пробежал по коже от этих слов. — Второе послание, — произнес Проповедник, — Стилгару, наибу Свободных, верящему, будто он сможет преобразовать власть племен во власть Империи. Мое предостережение тебе, Стилгар: самое опасное из всего сотворенного — это жесткий этический кодекс. Он обратится против тебя и отправит тебя в изгнание!

«Он заходит слишком далеко! — подумала Алия. — Я должна послать за ним стражу, невзирая на последствия!» — но руки ее остались неподвижны. Проповедник обратился лицом к храму, поднялся на вторую ступень и опять повернулся к площади, все это время он не отрывал левой руки от плеча проводника. Затем он провозгласил:

— Третье мое послание — принцессе Ирулэн. Принцесса! Унижение — это то, чего ни один человек не может забыть. Я предостерегаю тебя — беги! «Что он говорит? — вопросила Алия саму себя. — Мы унизили Ирулэн, но... Почему он подталкивает ее к бегству? Ведь мое решение только что принято!?

Трепет испуга пробежал по Алии. Откуда Проповедник знает?

— Четвертое мое послание — Данкану Айдахо! — вскричал тот. — Данкан! Ты приучен верить, что за верность платят верностью. Данкан, не верь в историю, потому что историю движет лишь уступаемое за деньги, Данкан! Прими свои рога и делай то, что ты лучше всего знаешь, как делать!

Алия закусила тыльную сторону правой руки. РОГА! Она хотела протянуть руку к кнопке и послать стражу, но рука отказалась ей повиноваться.

— Теперь я буду проповедовать дня вас, — сказал Проповедник. — Это проповедь пустыни. Обращаю ее к жрецам Муад Диба, исповедующим экуменизм меча. О, вы, верующие в очевидность предначертанного! Разве не знаете вы, что очевидность предначертанного имеет демоническую

сторону? Вы провозглашаете себя благородными просто потому, что обитаете в благословенных поколениях Муад Диба. Я говорю вам, что отвергли вы Муад Диба. Святость подменила в вашей религии любовь! Вы сами накликиваете на себя месть пустыни!

Проповедник опустил голову, словно молясь.

Алия узнала — и ее пробрало дрожью. Великие боги! Этот голос! Он подсел за годы, проведенные в жгучих песках, но он вполне мог быть голосом Пола.

Опять Проповедник поднял голову. Голос его громоподобно прокатился по площади, где собирались все больше людей, привлеченных этой диковинкой из прошлого.

— Истинно говорю вам! — вскричал Проповедник. — Молящиеся о росе на краю пустыни призовут потоп! Не избегнут они своей судьбы через силу разума! Разум — дитя гордости, которую может и не постичь в себе сотворивший зло! — Он понизил голос. — Говорили, будто Муад Диб умер от предвидения, что знание будущего убило его, и он ушел из мироздания реальности в алам ал-митал. Говорю вам — это заблуждение Майи. Такие мысли независимой реальности не имеют. Они не могут изойти из вас и сделать что-нибудь реальное. Говорил о себе Муад Диб, что не обладает он никакой магией Рихани для расшифровки мироздания: Не сомневайтесь в нем. Проповедник опять воздел руки, а голос вновь возвысил до громоподобного рева:

— Я предостерегаю жречество Муад Диба! Огонь над пропастью вас спалит! Слишком хорошо усвоившие урок самообмана от этого обмана и погибнут. Кровь брата счистить нельзя!

Он опустил руки, нашел своего юного проводника и покинул площадь прежде, чем Алия сумела справиться с одолевшей ее трепещущей неподвижностью. Какая бесстрашная ересь! Это наверняка Пол. Она должна была предостеречь стражей. Они не осмеливаются открыто схватить Проповедника. Происходившее на площади внизу служило этому лишним подтверждением.

Ведь, несмотря на ересь, никто не шевельнулся, чтобы остановиться уходившего Проповедника Ни один храмовый страж не кинулся его преследовать. Ни один пилигрим не попытался его задержать. Завораживающий слепец! Всякий, слышавший или видевший его, чувствовал его силу, отражение божественного дарования.

Несмотря на дневную жару, Алии внезапно стало холодно. Она физически ощутила, как тонка та кромка, за которую она держит Империю в своей хватке. Она вцепилась в край своего смотрового окошка, словно пытаясь удержать свою власть, думая о ее хрупкости. Сила власти была заключена в Ландсрааде, КХОАМ и вооруженных формированиях Свободных, в то время как Космический Союз и Бене Джесссерит вершили свои дела втихую, оставаясь в тени. Запрещенное просачивание развитых технологий, происшедшее от самых дальних рубежей расселения человечества, подтачивало центральную власть. Разрешенное к производству на фабриках Иксиона и Тлейлакса отнюдь не снижало давления. И вечно на кулисами — стоял Фарадин из Дома Коррино, наследник титулов и притязаний Шаддама IV.

Без Свободных, без монополии Дома Атридесов на гериатрический спайс, Алии власти не удержать. Вся власть развеется. Она ощущала, как власть выскальзывает у нее прямо сейчас. Народ проявлял внимание к Проповеднику. Опасным будет заставить его замолчать — не менее опасным, чем позволить ему и дальше произносить такие же проповеди, как сегодня на площади. Ей были видны первые знамения ее поражения, и ум ее со всей определенностью различил очертания стоящей перед ней проблемы. Проблема эта была систематизирована Бене Джесссерит:

«Большое население, сдерживаемое небольшой, но могущественной силой самое заурядное явление в нашем мире. И мы знаем главные условия, при которых это большое население может обратиться против своих сдерживателей: Первое — когда они находят вождя. Это самая неуловимая угроза дня властвующих; и они должны не ослаблять контроля над вождями.

Второе — когда население осознает свои цели. Держите население в слепоте и в незнании сомнений.

Третье — когда население обретает надежду избавиться от уз. Оно никогда даже и поверить не должно, будто избавление возможно!?

Алия тряхнула головой, почувствовав, как от этого движения дрогнули ее щеки. В ее населении все признаки были налицо. Каждый доклад, получаемый ей от шпионов со всей Империи, укреплял ее и без того достоверное знание. Непрекращающиеся боевые действия джихада Свободных повсюду оставляли свои отметины. Куда ни дотронься «экуменизмом меча», народ не преминет занять позу покоренного населения: оборонительную, скрытную, уклончивую. Всякая демонстрация авторитета — что означало прежде всего и по сути РЕЛИГИОЗНЫЙ авторитет — стала провоцировать негодование. О да, пилигримы до сих пор стекались миллионными толпами, и были среди них, вероятно, истинно набожные. Но, по большей части, ими руководила не набожность, а другие мотивы. Чаще всем, это была хитренькая забота об обеспечении будущего. И покорность

подчеркивалась, и приобреталась та форма власти, которая легко обращалась в богатство. По возвращении из Арракиса, хаджи обретали дома новый авторитет, новый социальный статус. Они могли выносить выгодные им экономические приговоры, которым их родной мир, привязанный к своей планете, не осмеливался перечить.

Алия знала народную загадку «Что ты видишь внутри пустого кошелька, принесенного домой из Дюны?» И ответ: «Глаза Муад Диба (огненные алмазы)». В сознании Алии прошествовали традиционные пути подавления возрастающего брожения: народ должен усвоить, что оппозиция всегда карается, а помочь правителю — награждается. Силы Империи должны быть перетасованы наугад. Главные придатки имперской власти должны быть скрыты. Всякое движение, при помощи которого Регентство нанесет встречный удар на возможное нападение, должно быть тщательно выверено во времени, чтобы выбить противостоящих из равновесия.

«Не потеряла ли я свое хронометрическое чутье?» — задалась она вопросом.

«Что это за бесцельные размышления?» — осведомился голос внутри нее. Она почувствовала себя спокойней. Да, план Барона был хорош. Мы уничтожим угрозу со стороны леди Джессики, и заодно опозорим Дом Коррино. Да.

С Проповедником можно будет разобраться попозже. Она понимала, что он из себя строит. Символика была ясной. Он был древним духом неутаиваемых мыслей, живым и действующим духом ереси в ее пустыне ортодоксии. В этом была его сила. И неважно, Пол ли это... до тех пор, пока в ней есть место сомнениям. Но знание Бене Джессерит говорило, что в его силе содержится и его слабость.

«У Проповедника есть изъян, который мы найдем. За ним будут следить по моему приказу, каждый миг он будет под наблюдением. И, если предоставится возможность, он будет дискредитирован».

Глава 17

Я не буду оспаривать утверждений Свободных, что они, по божественному вдохновлению, передают религиозное откровение. Нет, это их сопутствующая претензия на идеологическое откровение побуждает меня обличь их презрением. Конечно, они предъявляют эту двойную претензию в надежде, что она укрепит их владычество и поможет им долгосрочному утверждению в мире, находящим их гнет все возрастающим. И предостерегаю я фрименов от имени всех этих притесняемых народов: краткосрочная выгода всегда оборачивается убытком по прошествии времени.

Проповедник в Арракине.

Ночью Лито взошел вместе со Стилгаром на узкий уступ гребня низкой скалы в съетче Табр, называвшейся Спутником. В ущербном свете Второй луны со скалы им открывалась вся панорама — к северу защитная Стена и Гора Айдахо, Великая Равнина к югу и — к востоку, по направлению к скалам Хаббания — перекатывающиеся дюны. С юга горизонт прятался в клубящейся пыли, отголосках шторма. Абрис Защитной стены морозно серебрился в лунном свете.

Стилгар пошел против своей воли, присоединяясь к секретной вылазке лишь потому, что Лито растревожил в конце концов его любопытство. Что за нужда пересекать пески посреди ночи? Парнишка грозился ускользнуть и отправиться в этот поход в одиночку, если Стилгар откажется. И Стилгара безмерно беспокоило проделанное ими. Две такие важные мишени — одни, в夜里!

Лито присел на корточки на уступе, лицом к югу, к равнине. Время от времени он, словно бы разочарованно, хлопал себя по колену.

Стилгар ждал. Искушенный в умении молчаливо ждать, он стоял в двух шагах от своего подопечного, скрестив руки на груди, его роба мягко колыхалась под ночным ветерком.

Для Лито переход через пески представлялся откликом на его внутреннее смятение, необходимостью отыскать новую направляющую поддержку в жизни, объятой тем внутренним противоборством, на которое Ганима уже несмела отваживаться. Он выманил Стилгара в эту совместную вылазку, потому что есть вещи, которые Стилгару должно знать, ради того, чтобы быть готовому к дням грядущим.

Лито опять стукнул себя по колену. Как же обременительно знать начало! Он порой ощупал себя продолжением бесчисленных других жизней, таких же непосредственно реальных, как и его собственная. В потоке этих жизней не было конца, не было завершенности — только вечное начало. Представали они и шумно осаждающей его толпой, словно он был единственным окошком, в которое каждый жаждал заглянуть. И здесь таилась опасность, погубившая Алию.

Лито поглядел вперед, на лунный свет, серебривший перенесшие бурю равнины. По равнинам растекались набегавшие друг на друга складки дюн; волнистыми насыпями громоздилась кварцевая крупка, словно по мерке рассыпанная ветрами — тускло-желтый песок, кварцевый песок, гравий. Он почувствовал, что обрел один из приходящих перед самой зарей моментов уравновешенности. Время поджимало. Уже стоял месяц акгад, и позади — все, что оставалось от этого бесконечного времени ожидания: длинные горячие дни и горячие суховеи, ночи, подобно этой терзаемые шквалами ветра, нескончаемые порывы от раскаленных, как топки, стран Хаукбледа. Он глянул через плечо на Защитную стену, изломанную линию в свете звезд. Там, за стеной, в Северной впадине, и обитала его главная проблема.

Опять он посмотрел на пустыню. Пока он вглядывался в горячую тьму, забрезжил день, из-за пыльных склонов всходило солнце, лимонными оттенками трогая красные столбы бури. Он закрыл глаза, желая представить, как день взойдет над Арракином, увидеть в своем сознании город, разбросанными коробочками лежащий между светом и новыми тенями. Пустыня... коробочки.... пустыня... коробочки.

Когда он открыл глаза, пустыня оставалась — разлегшееся шафранно-коричневое пространство взбитого ветром песка. Маслянистые тени вдоль основания каждой дюны вытягивались словно лучи только что минувшей ночи. Они связывали одно время с Другим. Лито подумал о ночи, сидя на корточках, недремлющий Стилгар рядом с ним, старший по возрасту, тревожимый молчанием и необъяснимыми причинами их приходов в это место. Наверняка у Стилгара много воспоминаний о том, как он проходил этой дорогой со своим обожаемым Муад Дибом. Даже сейчас Стилгар двигался, обшаривал взглядом все вокруг, будучи начеку против любой опасности. Стилгар не любил оказываться на открытом месте при дневном свете. В этом он был чистой воды Свободным прежних времен.

Ум Лито неохотно расставался с ночью и с ясностью всего том, чем была она напряжена и чревата на песчаном распутье. Здесь, в скалах, ночь сразу обретала черную неподвижность. Лито сочувствовал страхам Стилгара, связанным с дневным светом. Тьма, даже переполненная ужасами,

была бесхитростна. Свет мог быть очень даже всяким. Ночные страхи имели запах, то, что приходило из ночи — приходило с катящимся звуком. В夜里 измерения оказывались разделенными, все усугублялось — шипы острее, лезвия более режущи. Но ужасы дня могли быть намного хуже.

Стилгар кашлянул. Лито заговорил, не оборачиваясь:

— У меня очень серьезная проблема, Стил.

— Так я и предполагал, — голос сбоку от Лито прозвучал тихо и настороженно. Сын говорил очень уж похоже на отца. Было в этом запретное колдовство, задевшее в Стилгаре струну неприязни. Свободные знали ужасы одержимости. Тот, в ком ее обнаруживали — убивался законным порядком, и воду его выплескивали в песок, чтобы она не осквернила водохранилище племени. Мертвым следует оставаться мертвыми. Нет ничего предосудительного в том, чтобы чье-то бессмертие обнаруживалось в его детях, но дети не имеют права слишком точно воспроизводить один из обликов своего прошлого. — Моя проблема в том, что мой отец слишком многое оставил несделанным, — сказал Лито. — Особенно, куда устремлены наши жизни. Империя не может и дальше следовать тем же путем, Стил, не предлагая надлежащей цели для человеческой жизни. Я говорю о жизни, понимаешь? О жизни, а не о смерти.

— Однажды, растревоженный видением, твой отец говорил со мной в том же духе, — сказал Стилгар.

Лито захотелось легкомысленной репликой разделаться с вопрошающим страхом Стилгара — может быть, предложением пойти позавтракать и покончить с постом. Он вдруг ощутил сильный голод. Последний раз они ели вчера в полдень, и Лито настоял на том, чтобы поститься целую ночь. Но иной голод влечет его сейчас.

«Беда моей жизни — это беда данного места, — думал Лито. — Нет изначального сотворения. Я просто иду назад и назад, пока не начинают исчезать расстояния. Мне не виден горизонт — мне не видны скалы Хаббания. Я не могу найти исходного места для проверки».

— Предвидению нет никакой замены, — сказал Лито. — Может, мне стоило бы попробовать спайс.

— И загубить себя, как твой отец?

— Дilemma, — сказал Лито.

— Однажды твой отец признался мне, что слишком хорошо знать будущее это быть так запертым в этом будущем, что исключаются всякая возможность из него сбежать.

— Парадокс, который и есть наша проблема, — сказал Лито. — Такая это тонкая и могущественная штука, предвидение. Будущее наступает сейчас. Возможность быть зрячим в стране слепых приносит свои собственные опасности. Стараясь растолковать слепому, что видишь, ты склонен забывать, что слепцы движутся по накатанным путям, обусловленным их слепотой. Они как чудовищная машина, следующая собственной дорогой. У них собственная инерция движения, собственное тяготение. Я боюсь слепцов, Стил, я боюсь их. Они так легко могут сокрушить все на своем пути.

Стилгар воззрелся на пустыню. Лимонная заря превратилась в стальной день.

— Почему мы сюда пришли? — спросил он.

— Потому что я хотел, чтобы ты увидел место, где я могу умереть.

Стилгар напрягся. Затем:

— Так у тебя БЫЛО видение!

— Возможно, это был только сон.

— Зачем мы пришли в такое опасное место? — Стилгар сверкнул глазами на своего подопечного. — Мы немедля вернемся.

— Я умру не сегодня, Стил.

— Нет? Что у тебя было за видение?

— Я видел три тропы, — голос Лито зазвучал в грезящей интонации вспоминающего. — Одно из будущих требовало от меня убийства нашей бабушки. Стилгар метнул короткий взгляд на съетч Табр, словно боясь, что леди Джессика может их услышать через пространство песка.

— Зачем?

- Чтобы не утратить монополию на спайс.
- Не понимаю.
- И я тоже. Но именно об этом я и думал в том сне, где воспользовался ножом.
- Ага, — Стилгар понял об использовании ножа. — Каков второй путь?
- Гани и я поженимся, чтобы закрыть род Атридесов для посторонних.
- Фу-у! — Стилгар резко выдохнул, яростно выражая свое отвращение.
- В древние времена такое было обычным для царственных особ, — сказал Лито. — Гани и я решили, что брачной близости между нами не будет.
- Предупреждаю вас — будьте тверды в этом решении! — в голосе Стилгара прозвучала смертельная опасность. По закону Свободных, кровосмешение каралось смертью на висельной треноге. Откашлявшись, Стилгар спросил: — А третья тропа?
- Я призван низвести моего отца до человеческого уровня.
- Он был моим другом, Муад Диб, — пробормотал Стилгар.
- Он был твоим богом! Я должен разбожествить его.

Стилгар повернулся спиной к пустыне и посмотрел на оазис своего возлюбленного съетча Табр. Такие разговоры всегда его коробили.

Лито уловил потный запах при движении Стилгара. Какое искушение уклониться от разговора о всех тех наполненных важностью и значением вещах, которые должны быть здесь сказаны. Они могут проговорить полдня, переходя от частного к общему, как бы уводя себя от тех настоящих решений, от тех непосредственных нужд, которые им предстоят. И нет сомнения, что Дом Коррино представляет реальную угрозу для реальных жизней — его и Гани. Но все, что он делает теперь, должно быть взвешено и проверено на оселке тайных необходимостей. Стилгар проголосовал однажды за убийство Фарадина, предложив изощренное применение чаумурки — яда в питье. Фарадин был известен своим пристрастием к некоторым сладким ликерам. Такое нельзя дозволить.

— Если я умру здесь, Стил, — сказал Лито, — ты должен остерегаться Алии. Она больше не твой друг. — К чему этот разговор о смерти и о твоей тете? — Стилгар неподдельно разъярился. УБИТЬ ЛЕДИ ДЖЕССИКУ! ОСТЕРЕГАТЬСЯ АЛИИ! УМЕРЕТЬ В ЭТОМ МЕСТЕ! — Маленькие люди изменяют свои лица по ее велению, — сказал Лито. Правителю нет нужды быть пророком. И даже богоподобным. Я привел тебя сюда, чтобы ясно определить, чего требует наша Империя. Она требует хорошего управления. И зависит это не от законов и прецедентов, а отличных качеств правящего, кто бы он ни был.

— Регентство очень хорошо справляется с обязанностями по управлению Империей, — сказал Стилгар. — Когда ты достигнешь нужного возраста..

— Я уже в возрасте! Я здесь самый старый из всех! Рядом со мной ты хнычущий младенец. Я могу припомнить времена более чем пятидесятивековой давности. Ха! Я даже помню то время, когда Свободные были на Тергроде.

— Зачем ты играешь с такими фантазиями? — властно вопросил Стилгар.

Лито кивнул. И в самом деле, зачем? Зачем повествовать о воспоминаниях иных столетий? Сегодня его непосредственная проблема — это Свободные, большинство из них — до сих пор полуприрученные дикари, склонные потешаться над несчастливой невинностью.

— Криснож испаряется со смертью его владельца, — сказал Лито. — Муад Диб испарился. Почему Свободные живы?

Это была одна из тех резких перемен мысли, что так ошарашивали Стилгара. На время он лишился дара речи. Такие слова полны смысла, но смысл их ускользал от него.

— Ожидается, что я стану Императором, но я должен быть слугой, — Лито оглянулся на Стилгара через плечо. — Мой дед, в честь которого я назван, добавил новые слова к девизу семейного герба, прияя сюда, на Дюну: «Я здесь, и здесь я буду пребывать».

— У него не было выбора, — сказал Стилгар.

— Очень хорошо, Стил. Выбора нет и у меня. Мне следует стать Императором по рождению, по складу моего сознания, по всему, что в меня вложено. Я даже знаю, чего требует Империя:

хорошего управления.

— Наиб имеет древнее значение — слуга съетча, — сказал Стилгар.

— Я помню твои уроки, Стил, — сказал Лито. — Для того, чтобы иметь надлежащее управление, племя должно иметь способ выбирать таких людей, сами жизни которых отражают то, как следует вести себя правительству.

От всей души Свободного, Стилгар ответил:

— Ты облачишься в императорскую мантию, если она тебе подойдет. Сперва ты должен доказать, что сможешь вести себя как правитель!

Лито неожиданно рассмеялся. Затем:

— Ты сомневаешься в моей искренности, Стил?

— Конечно, нет.

— В моем праве рождения?

— Ты тот, кто ты есть.

— И если я сделаю то, что от меня ожидается, то это станет меркой моей искренности, верно?

— Таков обычай Свободных.

— Значит, у меня не может быть внутренних чувств, определяющих мое поведение?

— Не понимаю, что...

— Если я буду все время вести себя как должно, неважно, сколько мне будет стоить подавление моих страстей, то это и будет моей меркой.

— Такова сущность самоконтроля, юноша.

— Юноша! — Лито покачал головой. — Ах, Стил, ты даешь мне ключ к рациональной этике управления. Я должен быть постоянен, каждое действие должно основываться на традициях прошлого.

— Так полагается.

— Но мое прошлое уходит глубже твоего!

— Какая разница...

— У меня нет особой и первозначающей личности, Стил. Я — составная личность, с памятью о традициях, более древней, чем ты можешь вообразить. Таково мое бремя, Стил. Я устремлен в прошлое. Я переполнен врожденным знанием, сопротивляющимся новизне и переменам. Хотя Муад Диб изменил все это, — он указал на пустыню и широко повел рукой, в направлении Защитной стены позади него.

Стилгар оглянулся на Защитную стену. Со временем Муад Диба под стеной возникло поселение, дома, дававшие приют экологическому отряду, помогавшему распространять по пустыне растительную жизнь. Перемена? Да. Поселение было выстроено как по линейке, эта правильность его коробила. Он стоял неподвижно, не обращая внимание на зуд от кварцевой хрупки под своим стилсьютом. Это поселение являлось оскорблением тому, чем прежде была эта планета. Внезапно Стилгару захотелось услышать завывание вихря, который накинулся бы из-за дюн и стер это место с лица земли. От этого чувства он затрепетал.

Лито заговорил:

— Ты обратил внимание, Стил, что наши новые стилсьюты делаются не из гигроскопичной материи? Наши потери воды слишком высоки.

Стилгар осекся; едва уже не спросив вслух: «Разве я об этом не говорил?». Вместо этого он сказал:

— Наш народ становится все больше зависим от таблеток.

Лито кивнул. Таблетки регулировали температуру тела, сокращали потери воды. Они были дешевле и удобнее стилсьютов. Но они навлекали на пользователей новые тяготы, среди них замедленность реакций и, временами, затуманенность зрения.

— Для этого мы сюда и пришли? — спросил Стилгар. — Обсуждать материалы для стилсьютов?

— Почему бы и нет? — вопросил Лито. — До тех пор, пока ты не повернешься лицом к тому, о чём я должен поговорить.

— Почему я должен остерегаться твоей тети? — в голосе Стилгара прорезался гнев. — Потому что она играет на старом желании Свободных сопротивляться переменам, и при всем том ведет к более жестокой перемене, чем ты можешь представить.

— Ты раздуваешь малое до великого! Она настоящая дочь Свободных.

— А, тогда настоящий Свободный придерживается обычая прошлого, а у меня древнее простое. Стил, доведись мне отпустить поводья у собственных склонностей — и я потребую закрытого общества, полностью подвластного священным обычаям прошлого. Я буду контролировать миграцию, объясняя, что она пестует новые идеи, а новые идеи — угроза всей структуре жизни. Каждый маленький планетополис пойдет своим путем, видоизменяясь в ту сторону, куда его тянет естественным образом. В итоге, Империя расколется на кусочки под натиском возникших различий.

Стилгар сглотнул — сухим горлом. Это были слова, которые мог бы произнести Муад Диб. Они были ему вполне созвучны. Они были парадоксальны и пугающи. Но если дозволить перемены... Стилгар покачал головой.

— Прошлое может подсказать, как правильно вести себя, если ты живешь в прошлом, Стил, но обстоятельства меняются.

Стилгар мог только согласиться, что обстоятельства действительно меняются. Но как же тогда нужно себя вести? Он взглянул поверх Лито посмотрев на пустыню и не видя ее. Здесь проходил Муад Диб. По мере того, как солнце поднималось, равнина представляла полняющейся золотыми тенями, лиловыми тенями, в пыльном мареве бежали гребешки песчаных ручейков. Пыльный туман, висевший обычно над скалами Хаббания, виднелся теперь совсем вдалеке, и вплоть до самых скал представляли перед глазами Стилгара уменьшающиеся дюны пустыни, один изгиб перетекает в другой. Сквозь дымное трепетание жары он видел растения, стелившиеся по краю пустыни. Муад Диб заставил жизнь дать свои всходы в этом необитаемом месте. Медь, золото, красные цветы, желтые цветы, ржавчина и желтовато-коричневые тона, серо-зеленые листья, колючки и резкие тени под кустами. Движение дневной жары заставляло тени трепетать, вибрировать в воздухе.

Вскоре Стилгар заговорил:

— Я только вождь Свободных, а ты — сын Герцога.

— Ты сказал это — не зная, что сказал, — ответил Лито.

Стилгар нахмурился. Когда-то, давным-давно. Муад Диб упрекнул его точно такими же словами.

— Ты помнишь это, верно, Стил? — спросил Лито. — Мы были у скал Хаббания, и этот сардукарский капитан, помнишь его — Арамшам? Он убил своего друга, чтобы спасти себя. Ты в тот день несколько раз предупреждал, что не стоит оставлять в живых сардукаров, видевших наши тайные пути. Наконец, ты заявил, что они наверняка выдадут то, что видели — они должны быть убиты. И мой отец сказал: «Ты сказал это — не зная, что сказал». И ты был уязвлен. Ты возразил ему, что ты только ПРОСТОЙ вождь Свободных. Герцоги должны ведать более важными вещами.

Стилгар уставился на Лито. «Мы были у скал Хаббания!» «МЫ!» Это... это дитя, еще и не зачатое в тот день, знает в точных подробностях все, что произошло, в таких подробностях, которые могут быть известны лишь тому, кто сам там был. Что ж, это было всего лишь еще одно доказательство, что этих отпрысков Атридесов нельзя судить по обычным меркам.

— Теперь послушай меня, — сказал Лито. — Если я умру или исчезну в пустыне, ты обязан будешь бежать из съетча Табр. Это мой приказ. Ты обязан будешь взять Гани и...

— Ты еще не мой Герцог! Ты... Ты ребенок!

— Я взрослый в обличье ребенка, — ответил Лито. — Он указал на узкую расселину в скалах под ними. — Если я умру здесь, это произойдет вон в том месте. Ты увидишь кровь. И поймешь тогда. Возьми мою сестру и...

— Я удвою твою охрану, — сказал Стилгар. — Ты не пройдешь сюда еще раз. Сейчас мы уйдем отсюда, и ты...

— Стил! Ты не сможешь меня удержать. Обратись мысленно еще раз к тому времени у скал Хаббания. Помнишь? Заводской краулер был во внешних песках, при приближении большого

Создателя. Не было способа спасти и краулер, и людей от червя. И отец мой приказал взять на борт сколько можно людей, пожертвовав добытым спайсом и оборудованием корабля. Стил, я возлагаю на тебя обязанность спасти людей. Люди важнее вещей. А Гани — самая драгоценная из всех, потому что без меня она — единственная надежда Атридесов. — Не желаю больше слушать, — сказал Стилгар. Он повернулся и двинулся вниз по скалам, через песок, к оазису. Он услышал, как Лито последовал за ним. Вскоре Лито обогнал его и, оглянувшись, спросил:

— Ты заметил, Стил, как красивы молодые женщины в этом году?

Глава 18

Жизнь единичного человека, как и жизнь семьи и целого народа, зиждется на памяти. Мой народ должен прийти к пониманию этого, что станет частью их процесса созревания. Как народ, они являются ОРГАНИЗМОМ и через сохраняемую память они откладывают все больший и больший опыт в подсознательное хранилище. Человечество надеется обратиться к этому материалу, если он потребуется для изменения мироздания. Но большинство отложенного может затеряться в шальной игре случайного, которую мы называем «судьбой». Многое может быть интегрировано в эволюционные взаимосвязи и, таким образом, не стать оцененным и задействованным в те безостановочные изменения окружающей среды, которые воздействуют на плоть. ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ РОД может забывать. В этом особая ценность Квизац Хадераха, о которой никогда не подозревали Бене Джессерит: Квизац Хадерах не может забывать.

Харк ал-Ада.

Книга Лито.

Стилгар сам не мог объяснить почему, но небрежное замечание Лито до глубины разбередило его душу. Оно больше всего занимало его мысли на обратном пути через пески, оттеснив все остальное, сказанное Лито на Спутнике, на второй план.

Да, разумеются, молодые женщины Арракиса были очень красивы в этом году. И молодые люди тоже. Их глаза были устремлены вперед, в даль: Их лица безмятежно светились от избытка воды. Они часто красовались безо всякого намека на маски и фильтротрубки стилсьютов. Зачастую они вообще не носили стилсьютов в обществе, предпочитая им новые одеяния, под которыми при каждом движении быстрым промельком угадывались их гибкие молодые тела.

Эта человеческая красота выгодно оттенялась на фоне новой красоты ландшафта. Сочетание этой красоты с крохотным пучком зеленых веточек среди красно-коричневых скал завораживало взгляд — полная противоположность прежнему Арракису. Прежняя культура пещеро-города, лабиринтов съетча, дополнявшихся хитроумными перемычками и влагоуловителями на каждом входе, уступала дорогу поселениям под открытым небом, часто построенным из глинобитных кирпичей. Глинобитных кирпичей!

«Почему мне захотелось, чтобы поселение погибло?» — подивился Стилгар, споткнувшись на ходу.

Стилгар знал, что он — из отмирающей породы. Старые Свободные с разинутыми от изумления ртами смотрели на расточительство планеты — вода разбазаривалась только ради того, что на ней можно было замесить глинобитные кирпичи. Вода, изводимая на сооружение жилья для одной семьи, могла бы год поддерживать жизнь целого съетча.

В таких домах даже делались прозрачные окна, чтобы пропускать внутрь солнечный жар и иссушать тела. Подобные окна открывались наружу.

Новые Свободные могли смотреть на пейзаж из своих глинобитных домов. Они не теснились больше в закрытом со всех сторон съетче. А где приходит новое видение мира, там и воображение меняется. Для Стилгара это было ощущимо. Новое видение объединило Свободных с остальным миром Империи, вывело их в неограниченное пространство. Некогда они были привязаны к бедному водой Арракису, рабы суровых необходимостей. Не для них был тот распахнутый кругозор, который являлся условием жизни для обитателей большинства планет Империи.

Перемены виделись Стилгару на фоне его собственных сомнений и страхов. В прежние дни редкий Свободный задумывался над возможностью покинуть Арракис и начать новую жизнь в одном из богатых водой миров. Даже МЕЧТА о бегстве им не дозволялась.

Лито шел впереди, и Стилгар смотрел в движущуюся спину юноши. Лито говорил о запретах на внепланетные перемещения. Что ж, такое во время оно постоянно оказывалось реальностью для большинства обитателей других миров, даже там, где мечта позволялась — в качестве предохранительного клапана. Но вершины своей планетарное рабство достигло здесь, на Арракисе. Свободные обратились вовнутрь, забаррикадировав свои умы точно так же, как забаррикадировались они в своих пещерных лабиринтах.

Самый смысл съетча — места священного убежища от времени и от тревог — был здесь искажен, став значить место чудовищного заключения для всего населения.

Лито говорит правду: Муад Диб все это изменил.

Стилгар чувствовал себя потерянным. Он ощущал, как рассыпаются его прежние верования. Новое видение мира — направленное вовне — произвело жизнь, которая жаждала выйти из заключения.

«Как красивы молодые женщины в этом году».

Прежний уклад жизни («Мой уклад!» — признался он себе) заставлял его народ игнорировать всю историю, кроме той, что была обращена вовнутрь, на их собственный тяжкий труд. Прежние Свободные учили историю по урокам ужасов своих собственных миграций, по бегствам от кары в кару. Прежнее планетарное правительство следовало установившейся политике прежней Империи. Оно подавляло творческую активность и всякие помыслы о прогрессе, об эволюции. Для прежней Империи и устоев ее власти процветание являлось опасностью.

Стилгар вдруг потрясенно осознал, что все это являлось опасным и для того курса, который прокладывала Алия.

Стилгар опять споткнулся — и упал, еще больше отстав от Лито.

В прежнем укладе и в прежних религиях не было будущего — было только бесконечное СЕЙЧАС. До Муад Диба — и Стилгар видел это — вера Свободных была ограничена верой в то, что ничего нельзя окончательно достичь, возможно лишь потерпеть крах... Да, они верили в Льета-Кайнза, но тот заложил отсчет времени по сорока поколениям. Завершения не было — была мечта, которая, как Стилгар видел теперь, тоже оказалась обращенной вовнутрь.

МУАД ДИБ ЭТО ИЗМЕНИЛ!

За время джихада Свободные многое уяснили о прежнем Императоре-Падишае, Шаддаме IV. Восемьдесят первый падишах Дома Коррино, занявший Трон Золотых Львов и правивший Империей из бесчисленных миров, использовал Арракис как испытательный полигон для той политики, которую он надеялся провести и в остальных частях империи. Его наместники на планете Арракис неуклонно холили и лелеяли пессимизм, чтобы упрочить основу своей власти. Они неустанно пеклись, чтобы всем на Арракисе, даже вольным скитальцам Свободным, сделались наверняка хорошо известны многочисленные случаи несправедливости и неразрешимых проблем; они приучали население воспринимать себя беспомощным, не имеющим поддержки и опоры.

«Как красивы молодые женщины в этом году!?

Разглядывая возвращающегося в съетч Лито, Стилгар подивился, как же этот юноша сумел отворить в нем поток подобных мыслей — всего лишь простеньким на вид замечанием. Благодаря этой оброненной фразе, Стилгар совершенно по-другому увидел Алию и свою собственную роль в Совете.

Алия обожала повторять, что старый уклад медленно уступает новому, и Стилгар признался себе, что всегда находил это заявление смутно успокаивающим. Перемены опасны. Изобретательность должна пресекаться. Личная сила воли должна быть отрицаема. Чему еще служит жречество, как не отрицанию личной воли?

Алия частенько повторяла, что возможности для открытого соревнования должны быть ограничены до управляемых пределов. Но это означало, что нынешнее пугало технологии могло использоваться лишь для того, чтобы держать в узде население. Всякая разрешенная технология должна корнями быть привязана к ритуалу. Иначе... Иначе...

Стилгар опять споткнулся. Теперь он был у канала, а Лито поджидал его у абрикосового сада, росшего вдоль проточной воды. Стилгар услышал, как его ноги зашелестели по нескошенной траве.

НЕСКОШЕННАЯ ТРАВА!

«Во что я могу верить?» — спросил себя Стилгар.

Для Свободного его поколения надлежащей была вера в то, что личности нужно полностью осознавать свои пределы. Традиции являлись, несомненно, элементом наибольшего контроля в незыблном обществе. Люди должны знать границы своего времени, своего общества, своей территории. Что плохого в съетче как в модели мышления? Всякому личному выбору следует быть замешанным на чувстве отгороженности — именно это чувство должно ограждать семью, сообщество, всякий предпринимаемыйенным правительством шаг. Стилгар остановился и пристально посмотрел через сад на Лито. Юноша с улыбкой глядел на Стилгара.

«Знает ли он о сумятице в моей голове?» — подумал Стилгар.

И старый наил попробовал обратиться к традиционному катехизису своего народа. Всякий аспект жизни требует циничности формы, присущая ей закругленность основывается на тайном внутреннем знании, что будет действовать и что действовать не будет. Моделью жизни, сообщества, всякой составляющей более крупного социального объединения, должен быть съетч и его двойник песков, Шаи-Хулуд. Гигантский червь был, несомненно, самым внушительным творением, но, когда возникала угроза, уходил на недосягаемую глубину.

«Перемены опасны!» — повторил себе Стилгар. Однообразие и стабильность — вот надлежащие цели правительства.

Но молодые люди и женщины красивы.

И они помнят слова Муад Диба, произнесенные при низвержении Шаддама IV: «Не долгой жизни для Императора я ишу, но долгой жизни для Империи». «Разве не то же самое я все время твержу себе?» — недоуменно вопросил себя Стилгар.

И он опять пошел — ко входу в съетч, находившийся чуть правее от Лито. Юноша двинулся ему наперерез.

Муад Диб сказал и другое, напомнил себе Стилгар: «Цивилизация и правительства рождаются, зреют, размножаются и умирают точно так же, как отдельные люди».

Опасная или нет, но перемена будет. Красивые молодые Свободные это знают. Им дано смотреть вперед и видеть ее, готовясь и будучи готовыми к ней.

Стилгар вынужден был остановиться, чтобы не наткнуться на Лито.

Юноша взглянул на него совиным взглядом и сказал:

— Вот видишь, Стил? Традиция — совсем не такой абсолютный проводник, как ты думал.

Глава 19

Свободный умирает, когда он слишком долго отлучен от пустыни; мы называем это «водяной тоской».

Стилгар.

Комментарии.

— Да, мне трудно просить тебя сделать это, — сказала Алия. — Но... Я должна быть уверена в том, что есть Империя в наследство детям Пола. В этом ведь — единственная причина Регентства.

Алия повернулась от зеркала, сидя перед которым она завершала свой утренний туалет. Поглядев на мужа, она прикинула, насколько он проникся ее словами. В такие моменты Данкан Айдахо заслуживал тщательного изучения он, несомненно, был сейчас намного хитрее и опаснее того мечевластителя Дома Атридесов, которым некогда являлся. Внешне, он оставался тем же козлины черные волосы над смуглым лицом — но за долгие годы после своего пробуждения из состояния гхолы он пережил внутреннюю метаморфозу.

И теперь она гадала, как гадала уже много раз: что возродившийся после смерти гхола может скрывать в потайных глубинах своего одиночества. До того, как Тлейлакс обработал его по своей хитроумной науке, Данкан был для Атридесов весь как на ладони — верность, фанатичная приверженность моральному кодексу своих предков-наемников, мгновенные вспышчивость и отходчивость. Он был непримирим в своей решимости отомстить Дому Харконненов. И умер, спасая Пола. Но Тлейлакс забрал его тело у сардукаров и, в своих регенераторных чанах, вырастил зомби-катрундо: плоть Данкана Айдахо, но ничего от его сознания и памяти. Из него сделали выученного ментата и — живой компьютер послали в дар Полу. Тонкий инструмент, под гипнотическим внушением он должен будет зарезать своего владельца. Плоть Данкана Айдахо воспротивилась этому внушению и, через невыносимое потрясение, его клеточное прошлое ожило в Нем. Алия давно уже решила, что даже в сокровенных мыслях опасно называть его человеческим именем Данкан, думая о нем. Лучше называть его тем именем, которое он получил как гхола — Хейт. Намного лучше. И было жизненно важно, чтобы он не уловил ни малейшего проблеска старого Барона Харконнена, живущего в ее мозгу.

Данкан, увидев, что Алия изучающе на него смотрит, отвернулся. Любовь не могла скрыть от него перемен в ней, не скрывала она и прозрачности ее мотивов. Сложносоставные металлические глаза, которые он получил на Тлейлаксе, были беспощадны в своей способности распознавать обман. В них она представилась теперь злорадно торжествующей, почти мужской, фигурой, и он не мог видеть ее такой.

— Почему ты отворачиваешься? — спросила Алия.

— Я должен подумать об этом, — ответил он. — Леди Джессика... она из Атридесов. — И верность твоя Дому Атридесов, а не мне, — Алия недовольно надула губы.

— Не надо приписывать мне такие ненадежные толкования, — ответил он. Алия поджала губы. Не действовала ли она слишком стремительно?

Данкан подошел к вырубленному в стене окну, смотревшему на Храмовую площадь. Там, внизу, видны были начинавшие собираться пилигримы, устраивались по ее краям аракинские торговцы, готовясь поживиться за счет пилигримов — как стая хищников за счет травоядного стада. Они уверенно и властно двигались сквозь собирающуюся толпу.

— Они торгуют точеным мрамором, — указал Данкан. — Раскладывают кусочки мрамора в пустыне, чтобы песчаные штормы их источили. Порой выходят очень интересные узоры. Они называют это видом искусства. Пользуется он большим спросом — подлинный мрамор с Дюны, обточенный штормами. Я купил камешек на прошлой неделе. Золотое дерево с пятью колосками. Очаровательно, но очень хрупко.

— Не уходи от темы, — сказала Алия.

— Я не ухожу от темы, — ответил он. — Это прекрасно, но это не искусство. Люди творят искусство через собственные волеизъявления и насилие над материалом, — он положил руку на подлокотник. — Близнецам отвратителен город — и, боюсь, я их понимаю.

— Не улавливаю связи, — сказала Алия. — Похищение моей матери — не настоящее похищение. Она будет в полной безопасности, будучи твоей пленницей.

— Этот город построен слепыми, — проговорил он. — Ты знаешь, что на прошлой неделе Лито и Стилгар одни уходили в пустыню? Они провели там всю ночь.

— Мне об этом докладывали, — сказала она. — Насчет этих выточенных песком безделушек — ты хочешь, чтобы я запретила их продажу?

— Это пойдет во вред торговле, — он обернулся. — Знаешь, что ответил мне Стилгар, когда я спросил его, зачем им понадобилось уходить в пески? Он ответил, что Лито хотел связаться с духом Муад Диба.

Алию внезапно пронизал холод паники, и она мгновение смотрела в зеркало, приходя в себя. Лито не осмелился бы покинуть ночью съетч ради такой чепухи. Не заговор ли это?

Айдахо поднес руку к глазам, чтобы не видеть Алию, и сказал:

— Стилгар сказал мне, что пошел вместе с Лито, потому что до сих пор верит в Муад Диба.

— Разумеется, верит!

Айдахо глухо хмыкнул.

— Он говорит, что до сих пор верит в Муад Диба, потому что тот был за маленьких людей.

— Что ты на это ответил? — голос Алии выдал ее страх.

Айдахо опустил руку с глаз.

— Я сказал: «Тогда и ты, выходит, маленький человек»?

— Данкан! Это опасная игра! Дразня ТАКОГО наиба Свободных, вполне можно разбудить зверя, который погубит нас всех.

— Он до сих пор верит в Муад Диба, — сказал Айдахо. — В этом наша защита.

— И что он тебе ответил?

— Сказал, что это его личное дело.

— Понимаю.

— Нет... По-моему, ты не понимаешь. У тех, кто кусается, зубы подлиннее, чем у Стилгара.

— Я не понимаю тебя сегодня, Данкан. Я прошу тебя выполнить очень важную вещь, вещь жизненно важно для... К чему все эти бессвязные отвлечения?

Какая же раздраженность прозвучала в ее голосе. Данкан отвернулся к окну.

— Когда я проходил свою ментатскую выручку... Алия, было очень трудно вникнуть в работу своего собственного мозга. Сперва усваиваешь, что мозгу должно быть дозволено работать самому по себе. Это очень странно. Можешь работать своими мускулами, упражнять их, укреплять их, но мозг действует сам по себе. Порой, когда ты уже научился этому, мозг показывает тебе такое, чего ты не желаешь видеть.

— Потому ты и пытался оскорбить Стилгара?

— Стилгар не знает своего собственного мозга — он не предоставляет ему свободы действий.

— Кроме как на оргиях спайса.

— И даже там. Благодаря этому он и стал наибом. Чтобы быть вождем, он контролирует и ограничивает свои реакции. Делает то, что от него ожидают. Как только понимаешь это — постигаешь Стилгара и можешь измерить длину его зубов. — Таковы вообще Свободные, — сказала она. — Ну, Данкан, ты сделаешь то, о чем я прошу, или нет? Надо ее похитить, а выглядеть это должно делом рук Дома Коррино.

Он промолчал, пропуская ее тон и доводы через свой ум ментата. План похищения показал такую степень черствости и жестокости, что это до глубины души потрясло Данканна. Рисковать жизнью собственной матери ради приведенных ему причин? Алия лжет. Может быть, перешептывания об Алии и Джавиде — правдивы. При этой мысли у него свело от ледяного холода живот. — Ты единственный, кому могу я в этом довериться, — сказала Алия.

— Знаю, — ответил он.

Восприняв это как согласие, она улыбнулась в зеркало самой себе. — Видишь ли, — проговорил Айдахо, — ментат выучен рассматривать каждого человека как последовательность взаимосвязей.

Алия не ответила. Она сидела, погрузившись в личные воспоминания, лицо ее стало при этом пустым и отрешенным. Айдахо поглядел на нее через плечо и содрогнулся. Вид у нее был такой, словно она общалась с голосами, слышными только ей.

— Взаимосвязи, — прошептал он.

И подумал: «Нужно отбросить прежние страдания, как змея отбрасывает прежнюю кожу — только для того, чтобы обрасти новыми и принять все их ограничения. То же самое с правительствами — даже с Регентством. К сошедшем правителям вполне можно относиться как к выкинутой при линьке ненужной коже. Я должен осуществить этот план, но иначе, чем требует Алия».

Вскоре Алия, пожав плечами, сказала:

— Лито не следует подобным образом выходить наружу в нынешние времена. Я сделаю ему выговор.

— Даже со Стилгаром?

— Даже с ним.

Встав от зеркала, она подошла к стоявшему возле окна Айдахо и положила руку ему на руку.

Он подавил дрожь, заставив себя заниматься лишь вычислениями в своем мозге-компьютере. Что-то в ней вызывало в нем бурное отвращение.

Что-то в ней.

Он не мог заставить себя посмотреть на нее. Он чувствовал запах меланжа от ее косметики. Он откашлялся.

— Сегодня вечером я займусь изучением даров Фарадина, — сказала она. — Одежд?

— Да. Ничто делаемое им не является тем, чем кажется. И мы должны помнить, что его башар, Тайканик, сторонник чаумурки, чаумас и всех других тонких способов убийства царственных лиц.

— Цена власти, — сказал он, отстраняясь от нее. — Но мы до сих пор мобильны, а Фарадин нет.

Она изучающе посмотрела на его точеный профиль. Порой трудно постичь ход его мыслей. Имел ли он в виду лишь то, что свобода действий развязывает руки для создания воинской мощи? Да, жизнь на Арракисе слишком долго была слишком безопасной. Чувства, некогда заостренные вездесущими опасностями, вырождаются, оказавшись вне употребления.

— Да, — сказала она. — У нас до сих пор есть Свободные.

— Мобильность, — повторил он. — Нам нельзя низводить себя до пехоты. Такое было бы глупо.

Тон Данканы вызвал раздражение Алии, и она сказала:

— Фарадин применит любые средства, чтобы нас уничтожить.

— В том-то и дело, — ответил он. — Вот и форма инициативы, мобильности, которую мы не имели в прежние дни. У нас был кодекс, кодекс Дома Атридесов. Мы всегда жили по средствам, а мародерствовать предоставляли нашим врагам. Это ограничение теперь, конечно, больше не соблюдается. Мы равно мобильны, Дом Атридесов и Дом Коррино.

— Мы похитим мою мать, чтобы уберечь ее от зла, точно так же, как и по другим причинам, — сказала Алия. — Мы так и живем по кодексу!

Он поглядел на нее. Ей известно, как опасно провоцировать ментата на уход в его выкладки. Разве она не понимает, что он вычислил? И все же... он до сих пор ее любит. Он провел рукой по глазам. Как же молодо она выглядит. Леди Джессика права: Алия как будто ни на один день не состарилась за годы их совместной жизни. У нее так и сохранились мягкие черты ее матери — Бене Джессерит, но глаза ее были глазами Атридесов: примеряющими, требовательными, ястребиными. А сейчас некая одержимость и жестокий расчет таились в этих глазах.

Айдахо слишком долго прослужил Дому Атридесов, чтобы не знать все сильные и слабые стороны этой семьи. Но то, с чем он столкнулся сейчас в Алии, было для него внове. Атридесы могли затевать коварные игры против врагов, но никогда против друзей и союзников, а тем более против члена семьи. Такова была твердая основа позиции Атридесов: поддерживай свое собственное население как только способен, показывай ему, насколько лучше ему живется под властью Атридесов; демонстрируй любовь к друзьям через свою искренность с ним. Хотя, не от Атридесов это исходит, то, о чем просит сейчас Алия. Он ощущал это всем своим телом и всеми своими

нервами. Все его чувства и восприятия сливались в неразделимое ощущение присутствия чужеродного в занятой Алией позиции.

И — словно с резким щелчком включились датчики его ментатского сознания — ум его погрузился в тот оцепенелый транс, в котором не существуют Времени, а существуют лишь вычисления. Алия догадается, что с ним произошло, но ничего не поделаешь. Он отдался своим выкладкам. Расклад: ОТРАЖАЯСЬ, леди Джессика живет псевдожизнью в сознании Алии.

Он видит это также, как видит отражение того Данкан Айдахо, который еще не был гхолой, постоянно пребывающее в его собственном сознании. Алия обладает этим видением, будучи одной из предрожденных. Он обрел подобный дар в регенерационных каналах Тлейлакса. При том, Алия, ставя под угрозу жизнь матери, отказывается от ее отражения в своем сознании. Следовательно, у Алии отсутствует контакт с псевдо-Джессикой внутри нее. Следовательно, Алия НАСТОЛЬКО ПОЛНО во владении некоей другой псевдожизни, что всем остальным в ее сознании места нет.

ОДЕРЖИМОСТЬ!

ЧУЖДОСТЬ!

БОГОМЕРЗОСТЬ!

Сделав некий вывод, ментат принимает его и обращаются к другим граням проблемы. Так поступил и Данкан. Все Атридесы здесь, на этой одной планете. Рискнет ли Дом Коррино напасть из космоса? Его ум быстрее молнии пробежался по тем изобретениям, что покончили с примитивными формами войн: Первое — все планеты уязвимы для нападения из космоса; отсюда, всеми Великими Домами средства возмездия вынесены во внепланетное пространство. Как Фарадину не знать, что Атридесы не пренебрегли этой элементарной предосторожностью.

Второе — силовые щиты являются полнейшей защитой от неядерных снарядов и взрывных устройств, основная причина почему в военных схватках вновь вышла на первое место живая сила. Но пехота ограничена в своих возможностях. Дом Коррино может вернуть своих сардукаров хоть на прежние позиции у самых аракинских пределов, но те неровня свободным с их отчаянной свирепостью.

Третье — сохраняется постоянная опасность планетарному феодализму со стороны большого технократического класса, но воздействие Бутлерианского Джихада продолжает предотвращать перегибы технологизма. Только Иксиан, Тлейлакс и несколько разрозненных внешних планет способны угрожать в этом отношении, но все они не устоят перед совместной яростью остальных частей Империи. С Бутлерианским Джихадом покончено не будет. Механизированная война требует большого технократического класса. Империя Атридесов направила эту силу по другому руслу. Ни один большой технический класс не выходит из-под надзора. И Империя благополучно остается феодальной естественно, ведь это лучший общественный строй для того, чтобы расширяться за широко разбросанные дикие рубежи — на новые планеты.

Данкан ощутил, как озарилось его сознание ментата, на огромной скорости промчавшись по заложенным в память данным, САМИМ ПО СЕБЕ, полностью непроницаемое для течения времени. С быстрой молнией его вычисления проделали главный и решающий путь, приведя его к убеждению, что Дом Коррино не осмелится на НЕЗАКОННОЕ ядерное нападение — но он отдавал себе полный отче, из каких составляющих сложилось это убеждение: у Империи столько же ядерных и союзных сил, сколько у всех других Домов вместе взятых; по меньшей мере половина Великих Домов отреагирует без раздумий, если Дом Коррино нарушит Конвенцию — к внепланетной системе возмездия самих Атридесов присоединится всесокрушающая мощь, и не будет даже надобности к предварительному призыву. Этим призывом станет страх. Салуза Вторая и ее союзники исчезнут горячими облаками. Дом Коррино не рискнет на такую катастрофу. Он несомненно был искренен, письменно присоединившись к мнению, что ядерное оружие — это резерв, существующий для одной единственной цели: защиты человечества в том случае, если оно когда-либо столкнется с враждебным «другим разумом».

У компьютерных мыслей ясные грани и четкие очертания. Они — не затуманенные межеумки. Алия выбрала похищение и ужас, потому что стала чуждой, не Атридесом. Дом Коррино представлял угрозу, но отнюдь не с тех направлений, наличие которых Алия отстаивала на Совете. Алия хотела удалить леди Джессику, потому что Бене Джессерит своим старческим разумом разглядела то, что лишь теперь стало ясно Данкану.

Айдахо стряхнул с себя транс ментата и увидел холодное оценивающее выражение на лице стоящей перед ним Алии.

— Не предпочла бы ты, чтоб леди Джессика была убита? — спросил он.

Вспышка чужеродной радости не прикрыто полыхнула на краткий миг перед его взором, прежде чем скрыться под притворным негодованием:

— Данкан!

Да, эта отчужденная Алия предпочитает матереубийство.

— Ты боишься своей матери, а не за нее, — сказал он.

Ее оценивающий взгляд не изменился, когда она ответила:

— Конечно, боюсь. Она докладывает обо мне Сестрам.

— Что ты имеешь в виду?

— Разве ты не знаешь величайшего искушения для Бене Джессерит? — она пододвинулась к нему поближе, соблазнительная, глядя на него из-под ресниц. — Лишь ради близнецов я заботилась о том, чтобы поддерживать в себе силу и бодрость.

— Ты говоришь об искушении, — бесстрастным голосом ментата сказал он. — Это то, что Сестры прячут глубже всего, то, чего они больше всего боятся. Вот почему они называют меня БОГОМЕРЗОСТЬЮ. Они знают, что их запреты меня не вернут. Искушение... они всегда говорят о нем с сильным ударением: ВЕЛИКОЕ ИСКУШЕНИЕ. Видишь ли, мы, опирающиеся на учение Бене Джессерит, способны воздействовать на такие вещи, как регулирование внутреннего баланса энзимы в наших тела. Это продлевает молодость — и намного дольше, чем меланж. Понимаешь, к каким приведет последствиям, начни этим пользоваться многие посвященные? Это будет замечено. Уверена, ты просчитываешь истинность того, о чем я говорю. Меланж — вот что делает нас мишенью столь многих заговоров. Мы владеем веществом, продлевающим жизнь. А если станет известно, что Бене Джессерит владеет даже еще более могущественным секретом? Понимаешь! Ни одна Преподобная Мать не будет в безопасности. Похищения и пытки Бене Джессерит станут самым обычным делом. — Ты достигла совершенства в отладке баланса энзимы, — это было утверждение, а не вопрос.

— Я бросила открытый вызов Сестрам! Доклады моей матери сделают Бене Джессерит неколебимым союзником Дома Коррино.

Насколько правдоподобно, подумал он.

И пустил пробный камешек:

— Но ведь наверняка твоя мать не пойдет против тебя!

— Она была Бене Джессерит задолго до того, как стала моей матерью. Данкан, она позволила, чтобы ее собственный сын, мой брат, подвергся испытанию Гом Джаббаром! Она это устроила! Зная, что он может и не выжить! У Бене Джессерит pragmatizma всегда было намного больше, чем веры. Она выступит против меня, если решит, что это в лучших интересах Сестер.

Он кивнул. До чего же она убедительна. Печально об этом думать.

— Мы должны владеть инициативой, — сказала она. — В этом — наше острейшее оружие.

— Остается проблема Гурни Хэллека, — заметил он. — Должен ли я убить своего старого друга?

— Гурни в пустыне, с каким-то шпионским поручением, — ответила она, зная, что Айдахо уже об этом осведомлен. — Он благополучно устранен с дороги.

— Очень странно, — сказал Данкан. — Губернатор-Регент Келадана работает на побегушках здесь, на Арракисе.

— Почему бы и нет? — спросила Алия. — Он ее любовник — в своих мечтах, если не на самом деле.

— Да, конечно, — и он засомневался, расслышала ли она неискренность в его голосе.

— Когда ты ее похитишь? — спросила Алия.

— Лучше, чтоб ты об этом не знала.

— Да... Да, понимаю. Куда ты ее увезешь?

— Туда, где ее не смогут найти. Там посмотрим. Она не останется здесь угрозой тебе.

Нельзя было не разглядеть ликования в глазах Алии.

— Но когда...

— Если ты не будешь знать, то сможешь при необходимости держать ответ перед Узнавателем Лжи, что ты не знаешь, где она.

— Да, умно, Данкан.

«Теперь она верит, что я убью леди Джессику», — подумал он. А вслух сказал:

— Спокойной ночи, любимая.

Она не расслышала бесповоротности в его голосе, и даже беспечно поцеловала его, когда он уходил.

И на всем своем пути через съетчебразный лабиринт коридоров храма Айдахо обмахивал глаза. Глаза производства Тлейлакса тоже подвержены слезам.

Глава 20

Ты любил Келадан -

Плачь по сгинувшей рати его,

Даже снова любя,

Не забудешь, скорбя,

Невозвратные тени его.

Рефрен из Хаббаньянского Плача.

Стилгар учтывал охрану в съетче вокруг близнецов, но понимал, что это бесполезно. Мальчуган был совсем как свой тезка, дедушка Лито. Все, знаяшие прежнего Герцога, это подмечали. Вид у Лито был расчетливый, и осторожность при нем была, но все это следовало брать с поправкой на скрытую неистовость, на падкость к опасным решениям.

Ганима больше похожа на мать. У нее рыжие волосы Чани, материнский разрез глаз, и взвешенность при разрешении трудностей. Она часто повторяла, что делает лишь то, что должна делать, но, куда ни поведет Лито, она последует за ним.

А Лито собирался повести их к опасности.

Ни разу Стилгару не пришло на ум поверить свою проблему Алии. А значит, исключалась и Ирулэн, бежавшая к Алии со всем и вся. Придя к такому решению, Стилгар осознал, что признает вероятность того факта, что Лито судит об Алии верно.

«Она использует людей походя и черство, — думал он. — Даже Данканна она так использует. Дело даже не в том, что она изменит ко мне свое отношение и убьет меня. Главное — что она меня УВОЛИТ».

Тем временем охрана была усиlena, и Стилгар блуждал по съетчу как призрак в просторных одеяниях, ничего не оставляя без пригляды. И все это время его обуревали сомнения, посеянные в нем Лито. Если нельзя положиться на традицию, то где же та скала, за которую можно зажечь свою жизнь?

В день Приветственного Собрания в честь прибытия леди Джессики Стилгар следил за Ганимой, стоявшей вместе с бабушкой на пороге у входа в главную палату собраний съетча. Было рано, и Алия еще не прибыла, но люди уже густой толпой скапливались в палату, исподтишка бросая взгляды на ребенка и взрослую, когда проходили мимо них.

Стилгар остановился в затененной нише, вне людского потока, и наблюдал за этой парой, не в состоянии расслышать их слов сквозь пульсирующий ропот скапливающихся толп. Люди многих племен были здесь сегодня, чтобы приветствовать возвращение своей старой Преподобной Матери. Но Стилгар глядел на Ганиму. Ее глаза, и как она пританцовывает, когда говорит! Ее движения его восхищали. А эти синие-в-синем, твердые, пытливые, оценивающие глаза. А как она, мотнув головой, отбрасывает с плеча золотисто-рыжие волосы. Все это — Чани. Воскресший призрак, сверхъестественное сходство.

Стилгар медленно переместился поближе и занял пост в другой нише.

Он не мог припомнить на своем веку ни одного другого ребенка, взиравшего бы так же, как Ганима — кроме ее брата. Где же Лито? Стилгар оглянулся в переполненный проход. Его стража подняла бы тревогу, будь что-то не так Стилгар покачал головой. Эти близнецы с ума его сведут. Постоянно они испытывали на износ его душевное спокойствие. Он мог бы почти возненавидеть их.

Царственные особы не защищены от ненависти, но кровь (и ее драгоценная вода) предъявляют такие требования к самообладанию, перед которыми меркнут все прочие заботы. Эти близнецы существовали, как его величайшая ответственность.

Пронизанный пылью коричневый свет возник в пещерообразной палате собраний за Ганимой и Джессикой, коснулся плеч девочки и ее нового белого одеяния, озарив сзади ее волосы, когда она обернулась и поглядела в проход, на густо идущих людей.

«Почему Лито заразил меня этими сомнениями? — задумался Стилгар. Без сомнения, он сделал это умышленно. — Может быть, Лито хотел, чтобы я хоть в малой степени разделил опыт его сознания». Стилгар ЗНАЛ, что близнецы отличаются от других, но его рассудок никогда не был в состоянии вместить это знание. Он никогда не ощущал чрево матери как темницу пробуждающегося сознания... сознания, живого со второго месяца беременности, как утверждалось.

Лито сказал однажды, что его память подобна «внутренней голограмии, расширяющейся в размерах и подробностях с первоначального шока пробуждения, но никогда не меняющаяся ни в форме, ни в очертаниях». Впервые, наблюдая за Ганимой и леди Джессикой, Стилгар начал понимать, что это, должно быть, такое — жить в цепляющейся паутине воспоминаний, не в силах ни покинуть се, ни найти изолированное прибежище для собственного ума. Столкнувшись с такой обусловленностью, человек должен интегрировать сумасшествие, отбирать и отвергать среди множества предложений, по системе, где ответы меняются так же быстро, как и вопросы. Не могло быть закрепленной традиции. Не могло быть абсолютных ответов на вопросы о двух сторонах. Что подходит? То, что не подходит. Что не подходит? То, что подходит. Ему пришел на ум образец этому, старая игра Свободных в загадки. Вопрос: «Что несет смерть и жизнь?» Ответ: «Ветер Кориолиса».

«Почему Лито хочет, чтобы я это понял?» — спросил себя Стилгар. Осторожно зондируя, Стилгар понял, что близнецы разделяют общий взгляд на свою несходность с другими: думают об этом как о несчастье. «Для таких проход по каналу рождения должен быть изматывающим», — подумал он. Неведение ослабляет потрясение от некоторых переживаний, но они-то ведь не будут пребывать в неведении насчет момента рождения. Столкнешься с непрестанной войной сомнениями. Будешь обижаться на свое несходство с остальными. Приятно дать почувствовать другим хотя бы вкус этого отличия. «Почему я?» — вот что будет твоим первым вопросом без ответа.

«А я о чём себя спрашиваю? — подумал Стилгар. Кислая улыбка тронула его губы. — Почему я??

По-новому видя теперь близнечов, он уяснил себе, почему они так бесшабашно рисуют своими незрелыми телами. Ганима однажды сказала ему как отрезала — когда он бранил ее за то, что она полезла по западной кручке к вершине над съетчом Табр: «Почему я должна бояться смерти? Я уже побывала в ней — много раз».

«Да как я осмеливаюсь учить таких детей? — подивился Стилгар. — Как кто-либо посмеет??

Как ни странно, мысли Джессики развивались в схожем русле, когда она беседовала со своей внучкой. Она думала о том, как должно быть трудно жить со зрелым умом в незрелом теле. Тело должно еще только научиться тому, что ум уже познал и умеет — идет подгонка реакций и рефлексов. Пусть доступен им древний комплекс Бене Джессерит прана-бинду, но даже и тут их ум обгонит тело. Гурни будет чрезвычайно трудно выполнить ее распоряжения.

— Вон Стилгар — наблюдает за нами из той ниши, — сказала Ганима.

Джессика не обернулась. Но ее поразило то, что расслышала она в голосе Ганимы. Ганима любит старого Свободного любовью детей к родителям. Даже когда она говорит о нем небрежно или поддразнивает его, она его любит. Осознание этого заставило Джессику увидеть старого наиба в новом свете — внезапно оформленное в ясную форму понимание открыло ей, что общего у Стилгара и близнечов. Новый Арракис не очень-то устраивает Стилгара, поняла Джессика. И не больше этот новый мир устраивает ее внуков. Незваная и непрошенная, всплыла в мозгу Джессики старая присказка Бене Джессерит: «Заподозрить, что ты смертен, есть начало ужаса; неопровергимо уяснить, что ты смертен — познать окончание ужаса».

Да, смерть не станет тяжелым ярмом для Стилгара и близнечов, но жизнь их — это медленное пламя. Все они находят свой мир плохо подходящим и жаждут иных путей, где познание изменений не сулит угрозы. Они — дети Абрахама, большему научившиеся от парящего над пустыней ястреба, чем из любой писаной книги.

Лито поразил Джессику не далее, как сегодня утром, когда они стояли у струящегося над съетчом канала.

— Вода — как капкан для нас, бабушка, — сказал он. — Лучше бы нам жить далекой отсюда пылью, потому что тогда ветер мог бы вознести нас выше высочайших круч Захитной стены.

Хоть Джессике и не впервые было встречаться со зрелостью, находившей себе окольный путь через уста этих детей, при этом замечании она смешалась, хоть и сумела проговорить:

— Такое мог бы сказать твой отец.

А Лито, подбросив в воздух горсть песка и, наблюдая за падением песчинок, ответил:

— Да, мог бы. Но мой отец не учитывал в то время, как быстро вода заставляет все возвращаться в ту землю, из которой она выходит.

И сейчас, стоя в съетче рядом с Ганимой, Джессика заново пережила шок, испытанный ею при этих словах. Она обернулась, взглянула на плавно текущую толпу, скользнула острым взглядом по затененным очертаниям Стилгара в нише. Стилгар — не из ручных Свободных, обученных лишь таскать веточки для гнезда. Он до сих пор ястреб. Думая о красном цвете, он думает не о цветах, а о крови.

— Ты внезапно так притихла, — сказала Ганима. — Что-нибудь не так?

Джессика покачала головой.

— Всего лишь то, что Лито сказал мне нынче утром.

— Когда вы ходили на посадки? Что он сказал?

Джессика подумала о занятном выражении взрослой мудрости, появившейся утром на лице Лито. Точно такое же выражение приобрело сейчас лицо Ганимы. — Он припоминал то время, когда Гурни от контрабандистов вернулся под знамена Арракиса, — ответила Джессика.

— Значит, вы говорили о Стилгаре, — сказала Ганима.

Джессика не спросила, откуда такое прозрение. Близнецы, казалось, способны были по собственному желанию воспроизводить ход мыслей друг друга.

— Да, говорили, — ответила Джессика. — Стилгару не нравится, как Гурни величает Лито, но присутствие Гурни принуждает и всех Свободных к уважению Гурни постоянно говорит: «Мой Герцог...»

— Понимаю, — заметила Ганима. — И, конечно, Лито указал, что ОН еще не Герцог Стилгара.

— Верно.

— Ты, конечно, знаешь, что Лито с тобой делал, — сказала Ганима.

— Не уверена, что знаю, — призналась Джессика, и это признание показалось ей особенно неловким, потому что ей и в голову не приходило, будто в поведении Лито с ней было что-то умышленное.

— Он старался вызвать тебя на воспоминания о нашем отце, — сказала Ганима. — Лито всегда жаждет узнать нашего отца с точек зрения других людей, его знавших.

— Но... Разве у Лито нет...

— О да, он может вслушиваться во ВНУТРЕННЮЮ ЖИЗНЬ. Разумеются. Но это не то же самое. Вы, конечно, говорили о нем. О нашем отце, я имею в виду. Вы говорили о нем как о своем сыне.

— Да, — Джессика как обрубила. Ей не нравилось ощущение, что эти близнецы верят ею, как хотят, открывают ее память для наблюдения, дотрагиваются до любого переживания, вызывающего их интерес. Может, Ганима занимается этим прямо сейчас!

— Лито сказал что-то, задевшее тебя, — сказала Ганима.

Необходимость подавить гнев словно сокрушила Джессику:

— Да... Сказал.

— Тебе не нравится то, что он знает нашего отца так, как знала его наша мать, а нашу мать — так, как знал ее наш отец, — сказала Ганима. — Тебе не нравится, что это означает то, что мы можем знать о тебе.

— Я прежде никогда на деле не задумывалась над этим с такой стороны, — натянутым голосом ответила Джессика.

— Да, обычно знание чувственных вещей как раз и смущает, — сказала Ганима. — Тебе трудно думать о нас иначе, как о детях. Но нет ничего, чем бы занимались вместе наши родители, на людях или в уединении, что не было бы нам ведомо.

На краткий миг Джессика пережила то же чувство, что и утром у канала, но теперь это чувство относилось к Ганиме.

— Он, вероятно, говорил о «мужской чувственности» твоего Герцога, сказала Ганима. — Порой не мешало бы надевать узду на язык Лито!

«Разве нет ничего святого для этих близнецов?» Джессика испытала сначала потрясение, затем ярость, затем отвращение. Как они осмеливаются говорить о чувственности ЕЕ Лито? Разумеется, любящие друг друга мужчина и женщина разделяют и свои телесные наслаждения! Это прекрасно и интимно, и не для того, чтобы выставлять напоказ в нечаянном разговоре между взрослым и ребенком.

ВЗРОСЛЫЙ РЕБЕНОК!

Джессика вдруг осознала, что ни у Лито, ни у Ганимы это не было нечаянным.

Поскольку Джессика сохраняла молчание, Ганима сказал:

— Мы оскорбили тебя. Извиняюсь за нас обоих. Зная Лито, я знаю, что он не подумает об извинениях. Порой, следуя по следу особенного запаха, он забывает, как мы отличаемся... От тебя например.

Джессика подумала: «И вот почему, конечно, вы оба это проделываете. Вы учите МЕНЯ!» А затем подивилась: «Кого еще они учат? Стилгара? Данканы??

— Лито старается увидеть вещи такими, как видишь их ты, — сказала Ганима. — Воспоминаний недостаточно. Именно тогда чаще всего и терпишь неудачу, когда пытаешь самое неподатливое.

Джессика вздохнула.

Ганима коснулась руки своей бабушки:

— Твой сын оставил несказанным многое, что все же должно быть сказанным, даже для тебя. Прости нас, но он любил тебя. Разве ты этого не знаешь?

Джессика отвернулась, чтобы скрыть блеснувшие на глазах слезы.

— Он знал о твоих слезах, — сказала Ганима. — Точно так же, как знал о страхах Стилгара. Дорогой Стил. Наш отец был его «Звериным Врачом», а сам Стил — не более, чем зеленой улиткой, прячущейся в своей скорлупе — и стала напевать песенку, из которой взяла эти слова. Напевная речь бескомпромиссно вонзилась в сознание Джессики.

«О, Врач наш Звериный,

К зеленой улитке,

К ее робкому чуду,

Втайне ждающему смерти,

Божеством ты подходишь!

И улиткам известно,

Что им смерть Бог приносит,

Что есть боль в исцеленьи,

Что из пламени двери

У высокого рая.

О, Врач наш звериный, Человеку-улитке

Виден глаз твой, смотрящий

Внутрь моей скорлупы!

Почему, Муад Диб?

Почему?

— К несчастью, отец оставил многих людей — улиток в нашем мироздании, — сказала Ганима.

Глава 21

Предположение, что люди существуют внутри по сути своей непостоянного мироздания, принимаемое как операционное исходное, требует от разума стать полностью осознающим себя инструментом равновесия. Но разум не может влиять подобным образом без задействования всего организма. Такой организм может быть распознан по его жгучему, направляющему поведению. Так и с обществом, рассматриваемым как организм. Но здесь мы сталкиваемся с инерцией прежнего. Общества склонны быть подстрекаемы древними, непроизвольными импульсами. Они требуют постоянства. Всякая попытка воочию показать им непостоянство мироздания пробуждает структуры отрицания, страха, гнева и отчаяния. Тогда как же мы объясним приемлемость предвидения? Очень просто: обнародующий свои пророческие видения будет радостно приветствоваться человечеством, даже предсказывая кошмарнейшие события, поскольку, поскольку он говорит об их абсолютном (постоянном) осуществлении.

Харк ал-Ада. Книга Лито.

— Это как схватка в темноте, — сказала Алия.

Она широкими сердитыми шагами мерила Палату Собраний, переходя от высоких серебряных занавесей, смягчавших свет утреннего солнца в восточных окнах, к диванам, расставленным под изукрашенными стенными панелями в другом конце помещения. Ее сандалии пересекали циновки из волокон спайса, паркетные полы, плитки из гигантских кусков граната — и опять по циновкам. Наконец, она остановилась перед Ирулэн и Айдахо, сидевшими напротив друг друга на диванах, обитых серым китовым мехом.

Айдахо сопротивлялся возвращению из Табра, но приказания Алии были вне прекословия. Похищение Джессики было сейчас даже еще важнее, чем когда-либо, но оно должно подождать. Требуется ментатское восприятие Айдахо.

— Эти вещи скроены по тому же образцу, — сказала Алия. — Попахивает далеко идущим заговором.

— Может и нет, — рискнула заметить Ирулэн, но вопросительно посмотрела на Айдахо.

На лице Алии простирали неприкрыта язвительная насмешка. Как может Ирулэн быть такой наивной? Если только не... Алия устремила на принцессу острый и вопрошающий взор. На Ирулэн была простая черная мантия из абы, хорошо подчеркивающая тени в ее глазах прянного и густого голубого цвета. Ее светлые волосы были заплетены в спадавшую по шее тугую косу, осеняя обретенные за годы в Арракисе худобу и жесткость черт лица. До сих пор в ней сохранялось высокомерие, усвоенное ею при дворе ее отца, Шаддама IV, и Алии часто чудилось, что эта горделивость вполне может быть маской для заговорщицких мыслей.

Айдахо, в зелено-серой форме стража Дома Атридесов без знаков отличия, сидел развались. Многими настоящими стражами Алии его неношение знаков отличия воспринималось как выкрутасы, и втайне презиралось, особенно амazonками, которые прямо упивались служебными знаками отличия. Они не любили непрятязательного присутствия гхолы-мечевластителя-ментата еще и потому и тем более, что он был мужем их госпожи.

— Итак, племена хотят, чтобы леди Джессика была восстановлена в Совете Регентства, — сказал Айдахо. — Как мы можем...

— Они предъявили единодушное требование, — Алия указала на тисненный листок спайсовой бумаги на диване рядом с Ирулэн. — Фарадин — это одно, но это... Здесь уже другой расклад сил!

— Что думает Стилгар? — спросила Ирулэн.

— Его подпись на этой бумаге! — ответила Алия.

— Но если он...

— Как может он отказаться от матери своего бога? — презрительно хмыкнула Алия.

Айдахо поглядел на нее, подумав: «Прямо на грани ссоры с Ирулэн!» Опять он подивился, зачем Алия вытащила его сюда, зная, что он нужен в съетче Табр, если уж действительно осуществлять план похищения. Возможно ли, чтобы она прослышила о послании, переданном ему Проповедником? При мысли о послании грудь его наполнилась смятением. Откуда этому нищенствующему мистику знать тот тайный сигнал, которым Пол Атридес всегда призывал своего мечевластителя? Айдахо жаждал покинуть их бесцельное собрание и вернуться к поискам ответа на этот вопрос.

— Нет сомнений, что Проповедник — из внепланетных, — сказала Алия. Насчет этого, Союз не

решился бы нас обманывать. Мы схватим его...

— Осторожно! — сказала Ирулэн.

— Разумеется, проявим осторожность, — сказал Айдахо. — Половина планеты верит, что он... — и Айдахо пожал плечами, — твой брат, — Айдахо понадеялся, что его слова прозвучали с должной небрежностью. — Откуда этому человеку известен тайный сигнал?

— Но если он посыльный или шпион...

— Он не входит в контакт ни с кем из КХОАМ или Дома Коррино, сказала Ирулэн. — Мы можем быть уверены в...

— Мы ни в чем не можем быть уверены! — Алия и не старалась скрывать язвительность. Она повернулась спиной к Ирулэн, лицом к Айдахо. Он знает, зачем он здесь! Почему он не выполняет того, что от него ожидается? Он в Совете, потому что Ирулэн здесь. Историю, приведшую принцессу Дома Коррино в лоно Атридесов, никогда нельзя будет забыть. Раз изменив, можно изменить вновь. Ментатские способности Данкана следуют использовать для выслеживания изъянов, слабых отклонений в поведении Ирулэн.

Айдахо пошевельнулся и поглядел на Ирулэн. Бывали случаи, когда он чурался прямолинейной необходимости, возлагаемой на ментата. Он знал, о чем думает Алия. Ирулэн поймет не хуже. Но эта принцесса — жена Поля Муад Диба — превозмогла душой решения, поставившие ее ниже королевской наложницы, Чани. Не могло быть сомнений в преданности Ирулэн близнецам. Ради Атридесов она отвергла семью и Бене Джессерит.

— Моя мать — часть этого заговора! — настаивала Алия. — По какой бы другой причине Сестрам присыпать ее сюда как раз в такое время?

— Истерика нам не поможет, — сказал Айдахо.

Алия резко отвернулась от него — как он и предполагал. Ему помогало, что он не должен глядеть на некогда любимое лицо, искаженное теперь чужеродной одержимостью.

— Что ж, — сказала Ирулэн, — Союзу нельзя полностью доверять в...

— Союзу! — усмехнулась Алия.

— Мы не можем исключать враждебности Союза или Бене Джессерит, сказал Айдахо. — Но мы должны отнести их к категории пассивных, по существу, противоборцев. Союз не изменит своему основному правилу:

?Никогда не правь.» Они — паразитический нарост, и они это знают. Они не сделают ничего, чтобы убить организм, за счет которого живут.

— Их понятие о том, за счет какого организма они живут, может отличаться от нашего, — протяжно проговорила Ирулэн. Такая ленца в голосе всегда была ее наибольшим приближением к насмешке. — Тут у тебя промашка, ментат.

Алия, похоже, была озадачена. Она не ожидала, что Ирулэн изберет такой курс. Заговорщик бы не захотел выставлять на обсуждение подобную точку зрения.

— Несомненно, — сказал Айдахо. — Но Союз не пойдет в открытую против Дома Атридесов. Сестры, с другой стороны, могли бы отважиться на тот или иной политический прорыв, который...

— Если и отважатся, то через подставную силу — через группировку, от которой они смогут отмежеваться, — сказала Ирулэн. — Бене Джессерит не просуществовала бы все эти века, не усвоив ценности самоустраниния в тень. Они предпочитают быть за троном, а не на Нем. ?Самоустраниние в тень!» Не это ли выбор Ирулэн, подумалось Алии?

— Именно то, что я вывожу по отношению к Союзу, — сказал Айдахо. До чего ж полезна необходимость спорить и объяснять! Она удерживает его ум от других мыслей.

Алия опять отошла к залитым солнцем окнам. Она знала слепое пятно Айдахо — у каждого ментата оно было. Они должны были выносить четкие суждения. Отсюда они становились зависимы от абсолютов, от конечных пределов. Они знали это о себе. Это было частью их обучения. И все же, они продолжали действовать вне самоограничительных параметров. «Мне следовало оставить его в съетче Табр, — подумала Алия. — Лучше было бы просто передать Ирулэн на допрос Джавиду».

И Алия услышала громкий голос внутри своего черепа: «Именно!..» «Заткнись! Заткнись! Заткнись!» — подумала она. В такие моменты появлялась приманка совершить нечто, являющееся опасной ошибкой — и она не могла распознать, в чем же эта ошибка будет заложена и как

проявится. Она лишь чувствовала опасность. Айдахо должен помочь ей выбраться из этого затруднения. Он ментат. Ментаты необходимы. Люди-компьютеры заместили механические устройства, уничтоженные во время Бутлерианского Джихада. «Да не сотворишь ты машину с подобием человеческого ума!» Но Алия томилась по сподручной машине. Они бы тогда не страдали от ограниченности Айдахо. Машине всегда можно доверять.

Алия услышала, как Ирулэн говорит с растяжечкой:

— Планы внутри планов внутри планов внутри планов. Мы все знаем сложившиеся трафареты нападения на власть. Я не осуждаю Алию за ее подозрения. Конечно, она подозревает всех — даже нас. Хотя, откинем это на момент. Что остается как место всей подоплеки, как наиболее плодовитый источник опасности Регентству?

— КХОАМ, — бесстрастным голосом ментата ответил Данкан.

Алия позволила себе мрачную улыбку. Комбайн Хоннет Обер Адвансер Меркантилес! Но Дом Атридесов доминирует в КХОАМЕ, владея пятьюдесятью одним процентом акций. Жречество Муад Диба, так называемому Квизарату принадлежит еще пять процентов, pragматическая уступка Великих Домов, благодаря тому, что Дюна владеет бесценным меланжем. Не без причины спайс часто называют «тайной монетной системой». Без меланжа не взлетят корабли Космического Союза. Меланж поворгает в «навигационный транс», благодаря которому еще до старта можно «разглядеть» траекторию полета. Без усиливающего воздействия меланжа на иммунную систему человека продолжительность жизни очень богатых сократится по меньшей мере вчетверо. Даже огромный средний класс Империи ест разбавленный меланж, добавляемый понемножку в пищу по крайней мере один раз в день.

Но Алия услышала искренность ментата в тональности Айдахо — он, наконец, заговорил в той тональности, которую она так отчаянно хотела услышать.

КХОАМ. Комбайн Хоннет — это намного больше, чем Дом Атридесов, чем Дюна, чем жречество или меланж. Это инквайны, китовый мех, иксианские поделки и забавники, перевозки с места на место, хаджж, продукты производства стоящей на грани закона тлейлакской технологии, наркотики, медикаменты, медицинское оборудование, транспортировки (Космический Союз) — словом, весь суперкомплекс коммерции Империи, охватывающий тысячи известных планет плюс некоторые втайне холимые за рамками известного, эксплуатация которых дозволена благодаря производимым там услугам. Говоря о КХОАМ, Айдахо говорил о неизбытном брожении, об интриге внутри интриги, об игре сил, при которой изменение процентных ставок на одну двенадцатую пункта могло передать новым владельцам целую планету.

Алия вернулась к сидящим на диванах и встала над ними.

— Тебя занозит что-нибудь определенное, связанное с КХОАМ? — спросила она.

— Определенные Дома постоянно занимаются накоплением спайса в крупных размерах — в спекулятивных целях, — сказала Ирулэн.

Алия хлопнула руками по бедрам, затем указала на листок тисненой бумаги рядом с Ирулэн.

— А это ТРЕБОВАНИЕ тебя не занимает, предъявляемое этаким...

— Ладно, ладно! — пробурчал Айдахо. — Оставим это. Что там у тебя за пазухой? Если ты придерживаешь информацию и все же рассчитываешь на мою нормальную работу...

— Недавно произошло значительное увеличение спроса на людей четырех определенных специальностей. — Интересно, а вправду ли эта информация нова для этих двоих, подумала Алия, произнося это.

— Каких специальностей? — спросила Ирулэн.

— Мечевластителей, ментатов-извращенцев с Тлейлакса, полных медиков Школы Сак и бухгалтеров-утайщиков, особенно последних. С чего бы этим сомнительным счетоводам именно сейчас быть в спросе? — этот вопрос адресовался Айдахо.

«Функционируй, как ментат», — подумал он. Что ж, это лучше, чем лицезреть ту Алию, которой она стала. Он сосредоточился на ее словах, уже ментатом снова и снова пропуская их через мозг. МЕЧЕВЛАСТИТЕЛИ? Некогда это было его собственным призванием. Мечевластители, конечно, это больше, чем просто опытные бойцы. Они могут приводить в порядок защитные поля, планировать военные кампании, создавать средства военного обеспечения, на скорую руку мастерить оружие. МЕНТАТЫ-ИЗВРАЩЕНЦЫ? Тлейлакс явно упорствует в своем самообмане. Сам будучи ментатом, Айдахо знал, до чего хрупко и ненадежно то, что тлейлаксу вкладывают в ментатов, когда стараются произвести наемных убийц. Великие Дома, приобретающие таких

ментатов, надеются, что те будут под абсолютным их контролем. Невозможно! Даже Питер де Бриэ, слуга Харконненов при их покушении на Дом Атридесов, сохранил свое глубинное достоинство, предпочтя в итоге смерть тому внутреннему рабству, которое было в него заложено. ВРАЧИ ШКОЛЫ САК? Сама их подготовка, якобы, предотвращает их неверность своим владельцам-пациентам. И врачи Школы Сак очень дороги. Увеличение спроса на них вызывает существенное перемещение денежных сумм.

Айдахо взвесил эти факты на одной чаше весов против возрастания бухгалтеров-утайщиков на другой.

— Исходное вычисление, — в голосе его были взвешенность и глубокая уверенность, что его умозаключение твердо основывается на фактах. -Недавно начался рост благосостояния среди Малых Домов. Некоторые из них наверняка движутся втихую к статусу Великих Домов. Такое благосостояние может проистекать только из некоторых особых перемещений в политическом обустройстве.

— Мы подходим наконец к Ландсрааду, — Алия высказала свое собственное убеждение.

— Следующая сессия Ландсраада состоится почти через два стандартных года, — напомнила ей Ирулэн.

— Но политический торг никогда не прерывается. И, берусь поручиться, некоторые из этих подписантов от племен, — она указала на бумагу рядом с Ирулэн, — из тех Малых Домов, что перешли на иной уровень.

— Может быть, — сказала Ирулэн.

— Ландсраад, — проговорила Алия. — Что лучше для Бене Джессерит? И кто будет лучшим агентом Сестер, чем моя собственная мать? — Алия остановилась прямо напротив Айдахо. — Ну, Данкан?

«Почему я не функционирую как ментат?» — спросил себя Айдахо. Он видел теперь, куда направлены подозрения Алии. В конце концов, Данкан Айдахо много лет был личным домашним охранником леди Джессики.

— Данкан? — с нажимом повторила Алия.

— Тебе следует досконально разузнать о всех законопроектах, которые могут готовиться к вынесению на следующую сессию Ландсраада, — сказал Айдахо. — Они могут попробовать лишить Регентство права вето на определенные виды постановлений — особенно, не связанные с политикой сбора налогов и регулирования картелей. Есть и другие, но...

— Не очень-то прагматично будет с их стороны делать ставку на такую позицию, — сказала Ирулэн.

— Согласна, — сказала Алия. — Сардукары беззубы, а у нас до сих пор наши легионы Свободных.

— Осторожней, Алия, — сказал Данкан. — Наши враги ничего так не хотят, как чтобы мы представили чудовищами. Неважно, сколькими легионами ты владеешь — в такой разбросанной Империи, как наша, власть неизбежно держится в седле прежде всего на народном мнении.

— Народное мнение? — переспросила Ирулэн.

— Ты имеешь в виду поддержку Великих Домов, — сказала Алия.

— И со сколькими Великими Домами, объединенными в этот новый союз, мы столкнемся? — — вопросил Айдахо. — Деньги накапливаются в странных местах.

— Запредельные планеты? — спросила Ирулэн.

Айдахо пожал плечами. Вопрос этот не имел ответа. Все они боялись, что однажды Тлейлакс или технологические кустари на окраинах Империи найдут способ свести на нет эффект Холцмана. В тот день защитные поля станут бесполезны. Все выверенное равновесие, поддерживающее вассальную систему планет, рухнет.

Алия отказалась рассматривать эту вероятность.

— Мы держимся в седле благодаря тому, что имеем, — сказала она. — А имеем мы осознание всем директоратом КХОАМ, что МЫ способны уничтожить весь спайс, если они нас к этому принудят. Они не пойдут на такой риск.

— Опять вернулись к КХОАМ, — заметила Ирулэн.

— Если только кто-нибудь не умудрится воспроизвести цикл песчаный червь — песчаная форель на

другой планете, — и Айдахо, возбужденный этим предположением, кинул на Ирулэн вопрошающий взгляд. — Салуза Вторая?

— Мои тамошние связи остаются надежными, — сказала Ирулэн. — Не Салуза.

— Тогда мой ответ остался в силе, — Алия пристально поглядела на Айдахо. — Мы держимся в седле благодаря тому, что имеем:

«Мой ход», — подумал Айдахо. И спросил:

— Почему ты оторвала меня от ВАЖНОЙ РАБОТЫ? Ты вполне могла бы разобраться со всем этим сама.

— Не говорим со мной таким тоном! — огрызнулась Алия.

Глаза Айдахо расширились. На секунду, он увидел чужака за чертами лица Алии, и ему стало не по себе. Он перевел внимательный взгляд на Ирулэн; нет, Ирулэн этого чужака не увидела — или сделала вид, что не видит.

Айдахо горестно улыбнулся, но в груди у него ныло.

— Имея дело с властью, мы неизбежно имеем дело и с богатством и всеми его личинами, — протянула Ирулэн. — Пол произвел социальную мутацию и, в итоге таковой, сместил старый баланс богатства — о чем мы должны помнить. — Такие мутации не обратимы, — произнося это, Алия отвернулась от них, словно желая скрыть жуткого чужака, изменившего ее лицо. — Все держатели богатств в Империи знают это.

— А еще они знают, что есть трое людей, способных увековечить эту мутацию — близнецы и... — и Ирулэн указала на Алию.

«Они что, ненормальны, эта парочка?» — подивился Данкан.

— Они постараются убить меня! — проскрежетала Алия.

И потрясенный Айдахо погрузился в молчание, его ментатный разум заработал вовсю. Убить Алию? Зачем? Ее так легко дискредитировать. Но близнецы, вот... Да, он недостаточно спокоен, чтобы быть сейчас истинным ментатом, и вывести надлежащую оценку, но он постарается. Он должен быть сколь возможно точен. В то же время, он знает, что точность мышления неотделима от плохо согласующихся абсолютов. Природа не точна. Мироздание, укладываемое на шкалу Данканы, лишено точности: оно расплывчато и неопределенно, полно неожиданных движений и случайностей. Человечество в целом должно быть введено в его вычисления как природный феномен. И весь процесс точного анализа представляет иссечение кусочка за кусочком, отстранение от сиюминутной текучести мироздания. Он должен вобрать эту текучесть, увидеть мир в движении.

— Мы были правы, сосредоточившись на КХОАМ и Ландсрааде, — протянула Ирулэн. — И предположение Данканы дает первый пункт расследования, для... — Деньги, как носители энергии, неотделимы от той энергии, выражением которой они являются, — сказала Алия. — Мы все это знаем. Но мы должны ответить на три особенных вопроса: Когда? С использованием какого оружия? Где?

«Близнецы... Близнецы», — думал Айдахо. — «Близнецы, вот кто в опасности, а не Алия».

— Тебя не интересует, кто и как? — спросила Ирулэн.

— Если Дом Коррино, КХОАМ или любая другая группировка опираются на нашей планете на людской фактор своих агентств, — сказала Алия, — то более шестидесяти процентов за то, что мы выявим их прежде, чем они начнут действовать. Знание, когда они придут в действие и где, снабдит нас еще большим преимуществом. Как? То есть, попросту, КАКИМ ОРУЖИЕМ?

?Почему они не могут увидеть это так, как вижу я?» — удивился Айдахо. — Ладно, — сказала Ирулэн. — Когда?

— Когда внимание сосредоточено на ком-то еще, — сказала Алия.

— Во время Собрания внимание было сосредоточено на твоей матери, проговорила Ирулэн. — И никто не попытался...

— Неподходящее место, — сказала Алия. «Куда она клонит?» — подивился Айдахо. — Где же тогда? — спросила Ирулэн.

— Прямо здесь, в Башне, — ответила Алия. — Это место, где я явствую себя в наибольшей

безопасности и меньше всего настороже.

— Каким оружием? — спросила Ирулэн.

— Общепринятым — тем, которое Свободный может всегда иметь при себе: криснож, пистолет маула или...

— Самонаводящимся снарядом давно уже не пользовались, — сказала Ирулэн.

— В толпе не сработает, — ответила Алия. — А им придется действовать в толпе.

— Биологическое оружие? — спросила Ирулэн.

— Носитель заразы? — не скрывая недоверия, вопросила Алия. Как только Ирулэн может думать, что носитель заразы совладает с охраняющими Атридесов иммуннологическими барьерами?

— Я больше имела в виду какое-нибудь животное, — сказала Ирулэн. Небольшое домашнее животное, выдрессированное на укус определенной жертвы, вносящее яд со своим укусом.

— Хорьки Дома этого не допустят, — сказала Алия.

— А если один из них самих?

— Неосуществимо. Хорьки Дома не признают посторонних, убивают их. Ты это знаешь.

— Я просто перебираю все возможности, в надежде, что...

— Я велю моей охране быть начеку, — сказала Алия.

Как только Алия произнесла «охрана», Айдахо поднес руку к своим тлейлакским глазам, в попытке воспротивиться тому, что властно на него нахлынуло — Ра-дух, движение Бесконечности, выражаемое Жизнью, тот удел полного погружения в ментатность, что всегда дремал в каждом ментате наготове и выжидая свой час. Сознание его сетью накрыло все мироздание, сделало ясно различимыми формы внутри него. Он увидел близнецов крадущимися сквозь тьму, в то время как гигантские когти загребают воздух возле них.

— Нет, — прошептал он.

— Что? — Алия взглянула на него словно в удивлении, что он все еще здесь.

Он убрал руку от глаз.

— Одежды, присланные Домом Коррино? — спросил он. — Они присланы для близнецов?

— Конечно, — ответила Ирулэн. — Они совершенно безопасны.

— Никто не покусится на близнецов в съетче Табр, — сказала Алия. — Он полон вымуштрованных Стилгаром стражей.

Айдахо воззрился на нее. У него не было конкретных данных, чтобы подтвердить свой вывод, но он знал. ОН ЗНАЛ. То, что он пережил в своем воображении, было очень сходно с провидческими видениями, переживавшими Полом. Но ни Ирулэн, ни Алия не поверят в такое предвидение, исходящее от него.

— Я бы основательно предостерег портовые власти против разрешения ввоза любых посторонних животных, — сказал он.

— Ты же не принимаешь предположение Ирулэн всерьез, — запротестовала Алия.

— Зачем давать шанс? — осведомился он.

— Расскажи это контрабандистам, — ответила Алия. — Нет, я буду полагаться на хорьков Дома.

Айдахо покачал головой. Что смогут хорьки против привидевшихся ему гигантских когтей? Но Алия права. Взятки там, где надо, один знакомый навигатор Космического Союза — и любое место Пустой Четверти становится посадочной площадкой. Союз не пожелает занять передовые позиции в любом нападении на Дом Атридесов... Что ж, Союз может быть рассматриваем лишь как геологический барьер, делающий нападение труднодоступным, но не невозможным. И потом, они всегда могут возразить, что они всего лишь «транспортное агентство». Откуда им, мол, знать, для чего предназначался тот или иной перевезенный ими конкретный груз?

Алия нарушила молчание, сделав жест Свободных, подняв руку и горизонтально изогнув кулак. Жест она сопроводила традиционным бранным выражением, означавшим «Иди ты в тайфун». Она

явно рассматривала себя как единственно логичную цель для убийц, и этим жестом высказывала возмущение полному хаотичных угроз миру. Она давала понять, что сметет ветром смерти любого, кто нападет на нее.

Айдахо почувствовал, что любые протесты беспомощны. Он видел, что она его больше не подозревает. Он должен вернуться в Табр — и она рассчитывает, что похищение леди Джессики будет осуществлено идеально. Он поднялся с дивана, обуянный адреналиновым приливом гнева. «Если б только целью и вправду была Алия! Если б убийцы могли добраться до нее!» На мгновение он положил руку на собственный нож, но не по нему было совершить такое. Намного ей лучше, думал он, умереть мученицей, чем жить опозоренной и затравленной в песчаную могилу.

— Да, — Алия неправильно истолковала проявление его чувств как беспокойство за нее. — Лучше тебе поспешить в Табр, — и подумала: «Как глупо с моей стороны подозревать Данкан! Он принадлежит мне, а не Джессике». Это — требование племен — выбило ее из колеи, подумалось Алии. Она беспечно помахала на прощание уходящему Данкану.

С чувством безнадежности Данкан вышел из Палаты Собраний. Алия не только ослеплена чужеродной одержимостью, но при каждом кризисе становится все более невменяемой. Она уже пересекла опасную точку — и обречена. Но что он может сделать для близнецов? Кому он может довериться? Стилгару? Но что Стилгар сумеет сделать кроме того, что и так им делается?

НЕ ЛЕДИ ЛИ ДЖЕССИКЕ?

Да, он рассмотрит такую возможность — но Джессика может быть слишком глубоко вовлечена в заговор Бене Джесссерит. Он не питал особых иллюзий насчет этой жены из рода Атридесов. По велению Бене Джесссерит она может оказаться способной на что угодно — даже на то, чтобы обратиться против собственных внуков.

Глава 22

Хорошее управление никогда не зависит от законов, но от личных качеств правящих. Механизм управления всегда в подчинении воли тех, кто управляет этим механизмом. Следовательно, самый важный элемент управления — это метод отбора лидеров.

Закон и Управление.

Руководство Космического Союза.

«Почему Алия хочет, чтобы я провела вместе с ней утреннюю аудиенцию? — гадала Джессика. — Они не проголосовали за мое возвращение в Совет». Джессика стояла в приемной перед Большой Башенной Залой. Где-нибудь не на Арракисе сама огромная приемная уже считалась бы быть достойной. Под руководством Атридесов, здания Арракина стали еще даже более гигантскими после концентрации богатства и власти, и это помещение казалось сгущенным воплощением дурных предчувствий Джессики. Не любила она эту комнату, с ее изразцовым полом, изображавшим победу ее сына над Шаддамом IV.

Она поймала отражение своего лица в отполированной пластальной двери, ведшей в Большую Залу. Возвращение на Дюну заставило ее проводить сравнения — и в своем лице Джессика видела лишь признаки старения: появились крохотные морщинки на овальном лице, взор густо-голубых глаз сделался слабее. Она еще помнила, как у ее синих глаз были белки. Только благодаря осторожным манипуляциям специалистов ее волосы продолжали оставаться блестящими бронзовыми. Нос ее оставался маленьким, губы цветущими, а тело стройным, но даже тренированные Бене Джессерит мускулы не могли не уступать потихоньку течению времени. Кто-то мог не заметить этого и сказать: «Ты нисколько не изменилась!» Но закалка Вене Джессерит была обоядоострым мечом — маленькие изменения редко ускользали от тех, кто ее прошел.

И отсутствие маленьких изменений в Алии не осталось незамеченным Джессикой.

Джавид, распорядитель Алии, стоял в огромной двери, выглядя нынче утром очень официально. Джинн в широких одеждах, циничная улыбка на круглом лице. Джавид был для Джессики парадоксом: хорошо откормленный Свободный. Заметив, что ее внимание обращено на него, Джавид понимающе улыбнулся и пожал плечами. Не сказать, что с подобающим почтением к Джессике — и намеренно непочтительно. Он ненавидел Атридесов, но, если верить слухам, Алии он служил не одним единственным образом.

«Вот поколение пожимающих плечами», — подумала Джессика, увидев его жест. — «Он знает, что я слышала рассказы о нем, и показывает, что ему на это наплевать. Наша цивилизация вполне может умереть от безразличия, прежде чем падет жертвой внешнего нападения».

Стражам, которых Гурни приставил к ней перед отправкой к контрабандистам в пустыню, не по душе было, что она отправляется сюда без их сопровождения. Но, как ни странно, Джессика чувствовала себя в безопасности. Пусть кто-нибудь превратит ее здесь в мученицу — Алии после этого тоже не выжить. И Алия не может не понимать этого.

Когда Джессика не откликнулась на его ухмылку и пожатие плеч, Джавид кашлянул — только практикой достигаемая гортанная отрыжка. Это прозвучало как тайный язык. Он говорил: «Мы-то понимаем чушь всей этой помпы, миледи. Разве не удивительно, во что можно заставить верить людей??

«Удивительно!» — согласилась Джессика, но на лице ее никак не отразилась эта мысль.

Приемная была уже полным полна, люди Джавида впустили всех, кому дозволено было обратиться со своим ходатайством на аудиенции сегодняшнего утра. Внешние двери уже закрылись. Просители и служители держались на вежливом расстоянии от Джессики, но отметили, что она в простой черной абе Преподобной Матери Свободных. Много это возбудит вопросов. Ни одного знака отличия жречества Муад Диба на ней нет. Слышались приглушенные разговоры. Народ делил свое внимание между Джессикой и небольшой боковой дверцей, из которой должна появиться Алия, чтобы провести всех в Большую Залу. Джессике было очевидно, что старые предписания, точно определявшие этикет Регентства, заколебались.

«Мое прибытие сюда само по себе способствовало этому», — подумала Джессика. — «Но я прибыла, потому что Алия меня пригласила».

Подмечая признаки беспокойства, она поняла, что Алия умышленно тянет время, чтобы определилось направление всех неуловимых течений среди собравшихся здесь. Алия, конечно, смотрит в потайной глазок. Немногие тонкости поведения Алии ускользали от Джессики, и с каждой минутой она все больше убеждалась, как же была права, приняв на себя миссию, которую навязывал ей Бене Джессерит.

— Нельзя позволить, чтобы дела и дальше шли по такому пути, доказывала ей глава делегации Бене Джессерит. — Наверняка признаки порчи от тебя не ускользнут — от тебя прежде всего! Мы знаем, почему ты нас покинула, но знаем также твою выучку. Тебе ни в чем не отказывали, давая тебе образование. Ты исповедуешь Паноплиа Профетикус, и ты обязана знать, когда озлобленность могучей религии угрожает нам всем.

Джессика, смотревшая в окно замка Келадан на нежное начало весны, задумчиво поджала губы. Ей не хотелось пускать свои мысли по подобному логическому пути. Один из первых уроков Бене Джессерит — соблюдать вопрошающее недоверие ко всему, что является под личиной логики. Но ведь и члены делегации это знали.

Как же влажен был воздух тем утром, подумала Джессика, оглядывая приемную Алии. Как свеж и влажен. А здесь влага в воздухе была потной, пробуждающей в Джессике неуютное чувство, и она подумала: «Я вернулась на пути Свободных». Воздух был слишком влажен в этом надземном съетче. Что стряслось со Смотрителем Влаги? Пол никогда бы не допустил подобной расхлябанности.

Она заметила, что Джавид, с его бодрым и спокойным лоснящимся лицом, как будто и не замечает неполадки с влажностью в воздухе приемной. Плохая выучка для рожденного на Арракисе.

Члены делегации Бене Джессерит пожелали знать, требует ли она доказательств их обвинений. Она сердито процитировала им в ответ одно из их собственных руководств: «Все доказательства неизбежно приводят к теоремам, у которых нет доказательств. Все, что мы знаем, известно нам потому, что мы хотим в это верить».

— Но мы препоручили эти вопросы ментатам, — возразила глава делегации.

Джессика изумленно на нее уставилась.

— Просто восхитительно, как это вы достигли своего нынешнего положения, так и не уяснив ограниченность ментатов, — вот что ответила Джессика.

И тут делегация расслабилась. Все это явно было лишь проверкой, и Джессика ее выдержала. Они боялись, конечно, что Джессика полностью утратила контакт с теми сбалансированными способностями, которые составляли суть выучки Бене Джессерит.

И тут Джессика слегка насторожилась, поскольку Джавид покинул свой пост у двери и направился к ней.

Он поклонился:

— Миледи. Мне пришло в голову, что вы, может быть, не слышали о последнем подвиге Проповедника.

— Я получаю ежедневные отчеты обо всем, что здесь происходит, ответила Джессика. «Вот тебе, передай это Алии!?

Джавид улыбнулся.

— Тогда вы знаете, что он поносит вашу семью. Не далее как вчера вечером он проповедовал в южном пригороде, и никто не осмелился его пальцем тронуть. Вы, конечно, знаете, почему.

— Потому что они считают, что это мой вернувшийся сын, — с оскоминой в голосе ответила Джессика.

— Этот вопрос еще не ставился перед ментатом Айдахо, — сказал Джавид. — Может быть, он сумеет с ним справиться и утрясти все сомнения.

Вот еще один, воистину не знающий ограниченности ментатов, подумала Джессика, хотя и отваживается наставлять рога одному из них — в мечтах, если не наяву.

— Ментаты разделяют приверженность своих пользователей к ошибкам, сказала она. — Человеческий мозг, как и мозг любого животного, это резонатор. Он резонирует на окружающую среду. Ментат выучен распространять свое сознание сразу на многие петляющие параллели казуальности и проходить по этим петлям, выявляя длинные цепочки последствий. «Пусть попробует это переварить!?

— Значит, этот Проповедник не вызывает ваших опасений? — голос Джавида внезапно стал казенным и напыщенным.

— Я считаю его здоровым симптомом, — ответила Джессика, — и не хочу, чтоб ему докучали.

Давид явно не ожидал столь резкого ответа. Он попробовал улыбнуться не получилось. Затем:

— Правящий Церковный Совет, боготворящий волю вашего сына, преклонится, конечно, перед вашими желаниями, если вы будете настаивать. Но, разумеется, какое-то объяснение...

— Может, это вам лучше объяснить, как Я вписываюсь в ваши планы, сказала Джессика.

Джавид с прищуром на нее поглядел.

— Мадам, я не вижу логических причин вашему отказу осудить этого Проповедника. Он не может быть вашим сыном. Я обращаюсь к вам с разумной просьбой: осудите его.

«Все это подстроено, — подумала Джессика. — Он действует по поручению Алии».

— Нет, — ответила она.

— Но он оскверняет имя вашего сына! Он проповедует отвратительные вещи, во весь голос выступает против вашей божественной дочери. Он подстрекает против нас население. Когда его спросили, он ответил, что даже вы по природе порочны, и вот почему...

— Хватит этой чепухи! — сказала Джессика. — Сообщи Алии, что я отказываюсь. Со времени прибытия я не слышу ничего, кроме разговоров о Проповеднике. Мне это наскучило.

— Скучно ли вам будет узнать, мадам, что в своем последнем злословии он заявил, что вы не выступите против него? И вот теперь вы здесь, ясно... — Как я ни порочна, а все равно его не осужу, — прервала она.

— Это непрочное дело, мадам!

Джессика сердито и отстраняюще взмахнула рукой.

— Убрайся! — это было сказано с такой повелительной властью, что услышали остальные, и он вынужден был подчиниться.

Глаза его полыхнули яростью, но он заставил себя сухо поклониться — и вернулся к своему посту у двери.

Этот спор аккуратненько лег на уже сделанные Джессикой наблюдения. В голосе Джавида, когда он говорил об Алии, звучали сиплые интонации любовника — не ошибешься. Слухи, несомненно, были правдивы. Алия позволила своей жизни покатиться по унизительной и жуткой дорожке. Наблюдая это, Джессика начала питать подозрения, что Алия по собственной охоте впала в Богомерзость. Не было ли это извращенной волей к самоуничтожению? Потому что деятельность Алии была безусловно направлена на то, чтобы уничтожить и ее, и основу власти, питавшейся от учения ее брата.

Слабая беспокойная суeta в приемной усилилась, сделавшись вполне явной. Афисионадос этого места не могли не видеть, что Алия чересчур задерживается, и все они уже слышали, как Джессика властно отогнала фаворита Алии.

Джессика вздохнула. У нее было ощущение, что душа ее вся сжалась и отстала от тела, когда она вступала в это место. Передвижения среди челяди и чelобитчиков были так прозрачны! Заискивание перед важными персонами как танец ветра по полю зерновых всходов. Искушенные обитатели замка хмурили лбы, и с каждым из своих сослуживцев вели себя соответственно их шкале оценок придворного веса. Джавиду явно повредила полученная от нее выволочка — немногие с ним теперь заговаривали. Но другие! Ее наметанный глаз живо определял, какую оценку значимости имеет каждый из сателлитов власти.

«Они не обращаются ко мне, потому что я опасна, — подумала Джессика. — Они чуют, что я вызываю страх Алии».

Джессика оглядела помещение — и увидела, как отведены от нее взгляды. До чего же всерьез принимают они собственную суету! Ее вдруг охватило желание во всеуслышание провозгласить, до чего беспочвенны все избитые оправдания бесцельности их жизней.

Слух ее привлек отрывок ведущегося рядом разговора. Высокий и стройный жрец обращался к своей котерии, явно к покровительствуемым им просителям:

— Я часто должен говорить иначе, чем думаю. Это называется дипломатией.

Напряженный смех прозвучал слишком громко — и затих слишком быстро. Группка заметила, что Джессика их слушает.

«Мой Герцог услал бы такого в самую отдаленную адскую дыру!» подумала Джессика. «Нет, я не слишком скоро вернулась!» Она поняла теперь, что жила на Келадане как в изолированной

капсуле, куда способны были просачиваться только вести о самых вопиющих крайностях Алии. «Я поддалась собственному дремотному существованию», — подумала она. Келадан был не меньше изолирован, чем первоклассный фрегат, благополучно ведомый надежным рулевым Космического Союза. Только самые резкие маневры ощутимы — да и те до нельзя смягчены.

«До чего же соблазнительно жить в мире!» — подумала она.

Чем дальше наблюдала Джессика двор Алии, тем больше испытывала симпатий к тому, что, по донесениям, говорил слепой Проповедник. Да, Пол мог бы произнести такое, видя, что творится в его царстве. Интересно, подумала Джессика, что выяснил Гурни среди контрабандистов. Да, поняла Джессика, ее первое чувство по отношению к Арракину было верным. Когда она впервые ехала в город в сопровождении Джавида, ее внимание было привлечено бронированными экранами перед домами, тщательно охраняемыми дорожками и аллеями, терпеливыми наблюдателями на каждом углу, высокими стенами и толстыми фундаментами, говорившими о глубоких подземных помещениях Арракин стал невеликодушным местом, ограниченным местом с безрассудно, самодовольно жесткими очертаниями.

Вдруг открылась маленькая боковая дверца приемной, изрыгнув в помещение авантгард из жриц-амазонок, под заслоном которых вышла Алия, высокомерно двигаясь со сдержаным осознанием подлинной и ужасной силы. Лицо Алии было спокойно — ни одна эмоция не простирая на нем, когда ее взгляд встретился со взглядом матери и выдержал его. Но обе знали, что битва началась.

По приказу Джавида распахнулись гигантские двери Большой Залы, подчиняясь бесшумной неизбежности скрытой энергии.

Алия подошла к матери, и стражка прикрыла их со всех сторон.

— Не пора ли нам пройти в Залу? — спросила Алия.

— Самое время, — ответила Джессика. И подумала, увидев злорадство в глазах Алии: «Она полагает, будто сможет уничтожить меня и остаться невредимой! Она сумасшедшая!?

И Джессика задумалась, не может ли это быть связано с тем, что хотел Айдахо. Он передал ей послание, но она не сумела ответить. Такое загадочное послание: «Опасность. Должен вас увидеть». Написано оно было на одной из старых разновидностей Чакобсы, где особое слово, напрямую означавшее «опасность», подразумевало «заговор».

?Я повидаюсь с ним сразу же по возвращении в Табр», — подумала она.

Глава 23

Таков изъян власти: в конечном счете, она действенна лишь в абсолютном, ограниченном мироздании. Но основной урок нашего относительного мироздания в том, что все меняется. Пол Муад Дib преподал этот урок сардукарам на равнинах Арракина. Его потомкам еще предстоит заучить этот урок для самих себя.

Проповедник в Арракине.

Первым ходатаем на утренней аудиенции был кадешанский трубадур, пилигрим хаджжа, кошелек которого опустошили арракинские наемники. Он стоял на зеленых, как вода плитах палаты, всем своим видом показывая, что может просить, но не попрошайничать.

Джессика, сидевшая рядом с Алией на семиступенчатой платформе, восхитилась его дерзким видом. Для матери и дочери были поставлены рядом два одинаковых трона, и Джессика особенно отметила, что Али села справа, на МУЖСКОЕ место.

Что до кадешанского трубадура, то было ясно, что люди Джавида пропустили его как раз за демонстрируемую им сейчас черту характера — за у达尔. Ожидалось, что трубадур развлечет придворных в Зале — этим и расплатится, взамен денег, которых у него больше не было.

По докладу Жреца-Ходатая, излагавшего сейчас дело трубадура, у кадешанца осталась только та одежда, что была на нем, да бализет на кожаном шнуре, закинутый за плечо.

— Он говорит, его попотчевали темным напитком, — губы Ходатая дрогнули в плохо сдерживаемой улыбке. — Если будет угодно вашему Святейшеству, питье погрузило его в беспомощное состояние, а когда он очнулся, его кошелек был срезан.

Джессика разглядывала трубадура, пока Ходатай нудил и нудил лживо лебезящим голосом, выдавая одну затхлую мораль за другой. Кадешанец высок, с лихвой за два метра. Его блуждающий взгляд говорит о бодром и остром уме. Его золотые волосы ниспадают до плеч, по моде его планеты, и серый балахон хаджжа не в состоянии скрыть ощущения зрелой силы, которым веет от его тела, аккуратно сужающегося к талии от широкой грудной клетки. Он сообщил, что зовут его Тагир Мохандис, что происходит он от владевших собственным делом механиков, гордится своей родословной и самим собой. Алия, наконец резким взмахом руки прервала изложение ходатайства и заговорила, не поворачиваясь:

— Пусть первое суждение вынесет леди Джессика, в честь ее возвращения к нам.

— Спасибо тебе, дочь, — отозвалась Джессика, подчеркивая для всех, кто слышит, семейное старшинство. «Дочь!» Значит, этот Тагир Мохандис часть ее плана. Или он просто невинный простак? Вынести суждение — открыть путь к нападению на себя, поняла Джессика. Вполне в духе Алии.

— Ты хорошо играешь на своем инструменте? — спросила Джессика, указывая на девятиструнный бализет на плече трубадура.

— Не хуже самого великого Гурни Хэллека! — Тагир Мохандис заговорил так громко, чтобы его услышали все в Зале, и его слова вызвали заинтересованное шевеление среди присутствующих.

— Ты ходатайствуешь о деньгах на проезд, — сказала Джессика. — Куда ты отправишься на эти деньги?

— На Салузу Вторую, ко двору Фарадина, — ответил Мохандис. — Я слышал, он выискивает трубадуров и менестрелей, поддерживает искусства, и вокруг него идет великое возрождение культурной жизни.

Джессика удержалась от взгляда на Алию. Здесь, конечно, было известно, о чем будет просить Мохандис. Она обнаружила, что этот эпизод спектакля ее развлекает. Они что, думают, она не в состоянии выдержать подобный укол?

— Не сыграешь ли ты, за свой проезд? — спросила Джессика. — Мои условия — условия Свободных. Если мне понравится твоя музыка, я могу оставить тебя у себя, развеять мои заботы — если твоя музыка оскорбит мой слух, я могу послать тебя на работы в пустыню, чтобы ты там отработал деньги на свой проезд. Если я сочту, что ты играешь как раз подходяще для Фарадина, о котором говорят, что он враг Атридесов, я тебя пошлю к нему, с моим благословлением. Будешь ты играть на этих условиях, Тагир Мохандис? Запрокинув голову, тот громово расхохотался. Его светлые волосы взметнулись, когда он сорвал бализет с плеча и проворно его настроил — в знак того, что принимает вызов. Толпа в Зале надавила, пытаясь подойти поближе, но была оттеснена придворными и стражей.

Вскоре Мохандис тронул струны, с тщательным вниманием прислушиваясь к привораживающей вибрации крайних, басовых струн, к их длящемуся бдению. Затем, возвысив голос до сочного тенора, он запел, явно импровизируя, но с такой ловкостью, что Джессика была околдована еще до того, как сосредоточилась на словах.

Неизбытной тоской по морям Келадана
Вы томитесь, Атридесы,
В оно время его властелины,
Но на долю изгнанников — чуждые страны!
Вы твердите, что горький вам выдался жребий,
Грезы по Шаи-Хулуду растаяли в небе,
И что горечь есть в вашем сегодняшнем хлебе -
Но на долю изгнанников — чуждые страны.
Вы взнудали Арракис рукою железной,
Червь смирился пред вами, уйдя в свои бездны,
Вы приняли судьбу без борьбы бесполезной -
Ведь на долю изгнанников — чуждые страны.
Коан-Тином зовут тебя, Алия, всюду,
Духом, скрытым от явного взора, покуда...

— ДОВОЛЬНО! — взвизгнула Алия. Она резко привстала на троне. — Я тебя...

— Алия! — Джессика возвзывала достаточно громко, голосом, повышенным ровно настолько, чтобы привлечь полное внимание, одновременно избежать конфронтации. Она мастерски воспользовалась Голосом, и все, ее слышавшие, ясно ощутили, какая развитая упражнениями мощь стоит за этим возгласом. Алия опустилась на трон, и Джессика заметила, что дочь ее нисколько не расстроена.

«И это тоже было предусмотрено заранее, — подумала Джессика. — До чего же интересно!?

— Этот первый проситель подлежит моему суду, — напомнила она дочери. — Очень хорошо, — едва слышно ответила Алия.

— Я нахожу его подходящим даром Фарадину, — сказала Джессика. — Его язык острее крисножа. Кровопусканье, на которое способен этот язык, было бы весьма оздоровительным и для нашего двора, но пусть лучше оно предназначается для Дома Коррино.

Легкая рябь смешков разбежалась по зале.

Алия фыркающе выдохнула воздух.

— Ты слыхала, как он менял назвал?

— Он тебя никак не назвал, дочка. Он просто повторил то, что и он, и кто угодно может услышать на улице. Они называют тебя Коан-Тин.

— Дух смерти женского рода, расхаживающий без ног, — проворчала Алия. — И ты будешь отбрасывать тех, кто докладывает правду, то с тобой останутся лишь знающие, что ты желаешь услышать, — сладким голосом сказала Джессика. — Нет ничего более ядовитого, чем киснуть в собственном соку. Все, стоявшие в непосредственной близости к трону, так и поперхнулись.

Джессика перевела взгляд на Мохандиса, хранившего молчание, и нисколько не запуганного. Он ожидал любого решения, которое может быть о нем вынесено, с таким видом, словно это его вовсе не касалось. Мохандис был как раз из породы тех, кого ее Герцог привлек бы на свою сторону в беспокойные времена: одним из действующих с уверенностью в своей правоте, но принижающим все, что выпадет на долю, даже смерть, не кляня судьбу. Зачем же он тогда выбрал такую линию?

— Почему ты пел именно такие слова? — спросила его Джессика.

Он поднял голову и четко проговорил:

— Я слышал, что Атридесы благородны и свободомыслящи. Мне вздумалось проверить это и, может быть, остаться у вас на службе, получив время найти тех, кто меня ограбил, и расквитаться с ними по-своему.

— Он осмелился проверять НАС! — пробормотала Алия.

— Почему бы и нет? — осведомилась Джессика.

И улыбнулась трубадуру в знак благорасположения. Он пришел в этот зал только потому, что это сулило ему еще одно приключение, еще одно новое переживание. У Джессики появилось искушение забрать его в свою свиту, но реакция Алии грозила бедами смелому Мохандису. Были и другие приметы, свидетельствовавшие, что как раз этого и ждут от леди Джессики — что она возьмет смелого и красивого трубадура себе на службу, как взяла храбреца Гурни Хэллека. Лучше всего отослать Мохандиса туда, куда ведет его путь, хотя и мучительно обидно отдавать Фарадину такой чудесный экземпляр.

— Он отправится к Фарадину, — сказала Джессика. — Проследите, чтобы он получил свои деньги на проезд. Пусть его язык пустит кровь Дому Коррино — посмотрим, выживет ли он после этого.

Алия устремила в пол вспыхнувший взгляд, затем выдавила запоздалую улыбку.

— Мудрость леди Джессики превыше всего, — сказала она, взмахом руки отсылая Мохандиса.

«Совсем не так пошло, как она хотела», — подумала Джессика, но по поведению Али было красноречиво видно, что матери уготовано и более зловещее испытание.

Следующего просителя препроводили вперед.

Джессику, видевшую реакцию дочери, начали грызть сомнения. Здесь пригодится урок, преподанный близнецами. Пусть Алия и БОГОМЕРЗОСТЬ, но она — одна из предрожденных. Она может знать свою мать так же, как знает саму себя. Не укладывается, что Алия могла неправильно предположить реакции матери в случае с трубадуром. «Зачем Алия разыграла это противостояние? Чтобы меня отвлечь??

Времени на размышления больше не было. Второй проситель занял место перед двойным троном, его Ходатай — сбоку.

На этот раз просителем был Свободный, стариk с песчаными отметинами на лице, рожденного в пустыне. Он не был высок, но тело имел жилистое, а длинная одежда, носимая обычно поверх стилсьюта, придавала ему величественный вид. Широкая одежда сочеталась с его узким лицом, крючковатым носом и сплошной полыхающей синевой его глаз. Стилсьюта на нем не было — и без него стариk чувствовал себя неуютно. Огромное пространство Приемной Залы наверняка казалось ему опасной открытой местностью, которая похитит из его тела драгоценную влагу. Под капюшоном, частично откинутым назад, видны были узлы нефайи — головного убора наiba.

— Я — Гадхеан ал-Фали, — сказал он, ставя ногу на ступени под тронами, чтобы показать, насколько он выше по статусу всех остальных в толпе. — Я был одним из федайкинов Муад Диба, и я здесь по делу, касающемуся пустыни.

Алия чуть заерзала — совсем чуточку выдала себя. Под требованием ввести Джессику в Совет стояла и подпись ал-Фали.

«Касающееся пустыни», — подумала Джессика.

Гадхеан ал-Фали произнес эти слова прежде, чем Ходатай успел начать изложение его дела. Этой формальной фразой Свободных он приковывал их внимание к тому, что его дело настоятельно касается всей Дюны — и что он будет говорить данной ему властью федайкина, жертвовавшего своей жизнью рядом с Муад Дибом. Джессика засомневалась, об этой ли цели Гадхеан ал-Фали сообщил Джавиду или Главному Ходатаю, добиваясь приема. Догадка ее подтвердилась, когда от дальней стены палаты рванулся вперед один из священнослужителей, размахивая черной повязкой Ходатая.

— Миледи! — взвывал священнослужитель. — Не слушайте этого человека! Он пришел под лживым...

Джессика, наблюдавшая за бегущим к ним жрецом, боковым зрением уловила какое-то движение — и увидела, что рука Алии подала сигнал на старом боевом языке Атридесов: «Сейчас!» Джессика не могла определить, куда адресован этот сигнал, но инстинктивно наклонилась влево, опрокидывая за собой трон. Она выкатилась кувырком из рухнувшего трона, вскочила на ноги и услышала резкое ХЛОП! пистолета маула... и еще одно. Но уже после первого выстрела она была в движении, почувствовав, как что-то дернуло ее правый рукав. Она нырнула в толпу просителей и придворных возле помоста. Алия, как она заметила, не шевелилась.

Окруженная людьми, Джессика остановилась.

Она увидела, что Гадхеан ал-Фали шмыгнул к другой стороне помоста, но Ходатай оставался стоять, как стоял.

Все это произошло со стремительностью засады, но всякий в зале знал, как именно должен реагировать тренированный человек, которого застали врасплох. То, что Алия и Ходатай остались стоять как вкопанные, весьма изобличало их.

Смятение, покатившееся к середине Залы, привлекло внимание Джессики, она пробилась сквозь толпу и увидела четырех челобитчиков, державших жреца-служителя. Его черная повязка Ходатая валялась у его ног, из складок ее выглядывал пистолет маула.

Ал-Фали протолкался вслед за Джессикой, поглядел на пистолет, затем на жреца, испустил крик ярости и, движением снизу вверх, жестко напряженными пальцами правой руки, нанес тому удар «ачаг». Удар пришелся в горло жреца и тот рухнул, задыхаясь. Не удостоив и взглядом сраженного им человека, старый наиб обратил гневное лицо к помосту.

— Делал-ил ан-наббава! — вскричал ал-Фали, поднося ладони ко лбу, а затем опустив их. — Квадис ас-Салаф не позволит заткнуть мне рот! Если мне не убить покушавшихся, то от других они не уйдут!

Он думает, что целью был он, сообразила Джессика. Посмотрев на свой рукав, она вдела палец в аккуратную дырочку, оставленную дробинкой маулы. Несомненно, отравленная.

Челобитчики бросили священнослужителя. Тот лежал на полу, с перебитой глоткой, умирая в корчах. Джессика знаком подозвала пару потрясенных придворных слева от себя.

— Я хочу, чтобы этого человека спасли, для допроса. — И, увидев их нерешительность, использовала Голос: — Живо!

Они шагнули к жрецу.

Джессика прорвалась к ал-Фали, ткнула его в бок:

— Ты дурак, наиб! Они охотились на меня, а не на тебя!

Несколько людей вокруг нее услышали. В следующий миг, в наступившей тишине, ал-Фали поглядел на помост, где один трон был опрокинут, а на другом продолжала сидеть Алия. То понимающее выражение, которое промелькнуло на его лице, неопытному человеку ни за что было бы не разглядеть.

— Федайкин, — сказала Джессика, напоминая Свободному о его прежней службе ее семье, — мы, опаленные, знаем, как стоять спиной к спине.

— Доверяйте мне, миледи, — сказал он, сразу же ухватив значение ее слов. Джессика обернулась на задыхающийся звук позади нее, и почувствовала, как ал-Фали сразу же сдвинулся, чтобы прикрыть ее спину. Женщина в цветастом наряде городской Свободной наклонялась над лежавшим на полу жрецом. Двух придворных нигде не было видно. Женщина даже не взглянула на Джессику, а издала древнее похоронное причитание своего народа — призывая их прийти и собрать воду тела в бассейн племени. Занятным было несоответствие между этим причитанием и одеянием этой женщины. Джессика ощутила, как цепки старые обычай, хоть и видела лживость этой горожанки. Это создание в цветастых одеждах явно убило жреца, чтобы он уж точно не проговорился.

«И зачем лишние хлопоты? — удивилась Джессика. — Надо было лишь подождать, пока этот человек умрет от удушья». Этот поступок был актом отчаяния, приметой глубокого страха.

Алия пододвинулась к краю трона, в глазах ее блеснула настороженность. Стройная женщина, в косу которой были вплетены банты людной охранницы Алии, широкими шагами прошла мимо Джессики, наклонилась над жрецом, выпрямилась и оглянулась в сторону помоста:

— Он мертв. — Уберите его, — приказал Алия и сделал знак охране возле помоста. -Поставьте на место трон леди Джессики.

«Так ты бесстыдством будешь брать!» — подумала леди Джессика. Неужели Алия думает, будто хоть кого-то одурачила! Ал-Фали говорил о Квадис ас-Салафе, вызывая к святым отцам мифологии Свободных и к их покровительству. Но не сверхъестественные силы пронесли пистолет маула в помещение, где не позволялось никакое оружие. Заговор, в который впутаны и люди Джавида, — вот единственный ответ, а беззаботность Алии по отношению к своей собственной персоне всем и каждому дает понять, что она участница этого заговора.

Старый наиб, оборотясь через плечо, заговорил с Джессикой:

— Примите мои извинения, миледи. Мы, люди пустыни, пришли к вам как к нашей последней отчаянной надежде, а теперь видим, что вы все так же нуждаетесь в нас.

— Матеребийство не очень-то идет моей дочери, — сказала Джессика.

— Племена услышат об этом, — пообещал ал-Фали.

— Если вы так отчаянно во мне нуждаетесь, то почему не подошли ко мне на Приветственном Собрании в съетче Табр? — спросила Джессика.

— Стилгар бы этого не позволил.

«А-а-а, эти правила наибов! — подумала Джессика. — В Табре слово Стилгара — закон».

Опрокинутый трон поставили на место. Алия знаком пригласила мать вернуться, сказав:

— Вы все, будьте добры как следует запомнить смерть этого предателя-жреца. Угрожающие мне умирают, — и она взглянула на ал-Фали. -Большое спасибо тебе, наиб.

— Спасибо за ошибку, — пробормотал ал-Фали, взглянув на Джессику. -Ты права. Моя ярость устранила того, кого следовало допросить.

— Возьми на заметку тех двух придворных и женщину в цветастом платье, федайкин, — прошептала Джессика. — Я хочу, чтобы их схватили и допросили. — Будет сделано, — ответил он.

— Если мы выберемся отсюда живыми, — добавила Джессика. — Ну, давай займем наши места и доиграем наши роли.

— Как скажете, миледи.

Они вместе вернулись к помосту, Джессика взошла по ступеням и уселась на свое место рядом с Алией, ал-Фали остался на месте для просителей внизу.

— Ну? — сказала Алия.

— Одну секунду, дочка, — проговорила Джессика. Она подняла свой рукав и, показав дырочку, продела в нее палец. — Нападающие целились в меня. Пуля чуть меня не задела, хоть я и увернулась. Вы все можете видеть, что пистолет маула теперь не лежит на прежнем месте. — Она спросила. — У кого он?

Ответа не последовало.

— Его, наверное, можно найти, — сказала Джессика.

— Что за чушь! — заявила Алия. — Это на МЕНЯ...

Джессика полуобернулась к дочери, сделав жест левой рукой:

— Пистолет у кого-то в зале. Разве ты не боишься...

— Он у одной из моих стражниц! — сказала Алия.

— Тогда пусть эта стражница принесет его мне, — ответила Джессика.

— Она его уже унесла.

— Как удобно, — заметила Джессика.

— О чем ты говоришь? — спросила Алия.

Джессика позволила себе мрачную улыбку.

— Я говорю, что двум твоим людям было поручено спасти жизнь ЖРЕЦА-ПРЕДАТЕЛЯ. Я предупредила их, что они умрут, если он умрет. И они умрут.

— Я это запрещаю.

Джессика только плечами пожала.

— Наш доблестный федайкин все ждет со своим делом, — Алия указала на ал-Фали. — Отложим наш спор.

— Он может быть отложен навсегда, — на Чакобса ответила Джессика, вдвойне усилив колкость своих слов, чтобы показать Алии, что никакой спор не отменит ее смертного приговора.

— Посмотрим! — и Алия повернулась к ал-Фали. — Зачем ты здесь, Гадхеан ал-Фали?

— Чтобы увидеть мать Муад Диба, — ответил наиб. — Те, кто остались от федайкинов, братства, служившего ее сыну, наскребли в складчину свои скромные средства, чтобы я мог добраться и проникнуть сюда, мимо алчных стражей, отграживающих Атридесов от реальностей Арракиса.

— Все, что требуется федайкинам, они должны только... — начала Алия. — Он пришел ко мне, — перебила Джессика. — В чем твоя отчаянная нужда, федайкин?

— Здесь я представляю Атридесов! — сказала Алия. — В чем...

— Замолчи, смертоносная Богомерзость! — огрызнулась Джессика. — Ты пыталась убить меня, ДОЧКА! Я говорю это для всех здесь — чтобы знали. Ты не сможешь перебить всех находящихся, чтобы вынудить их к молчанию — как этого жреца вынудили умолкнуть. Да, удар наиба был почти смертельным, но он еще мог быть спасен. Его можно было бы даже допросить! Тебя не заботит, что он умолк навсегда. Протестуй перед всеми, сколько хочешь — твоя вина ясно читается по твоим поступкам.

Алия сидела в окаменелом молчании, с бледным лицом. И Джессика, следившая за игрой чувств на лице своей дочери, подметила и до ужаса знакомое движение рук Алии, бессознательный жест, некогда присущий злому врагу Атридесов. Пальцы Алии отстукивали ритм — один раз мизинец, трижды указательный палец, дважды безымянный, один раз мизинец, дважды безымянный... — и опять снова в том же порядке.

Старый Барон!

Алия перехватила взгляд Джессики, посмотрела на свою руку, пальцы ее замерли, она опять взглянула на мать — и увидела, что ту осенила ужасная догадка. Злорадная загадка свела губы Алии.

— Так вот твоя месть нам, — прошептала Джессика.

— Ты сошла с ума, мама? — осведомилась Алия.

— Хотелось бы мне, чтобы было так, — ответила Джессика. И подумала: «Она понимает, что я засвидетельствую это в Бене Джессерит. Понимает. Может, она даже заподозрит, что я расскажу об этом Свободным и она вынуждена будет подвергнуться Испытанию на Одержанность. Ей нельзя позволить мне уйти отсюда живой».

— Наш доблестный федайкин ждет, пока мы спорим, — проговорила Алия. Джессика заставила себя опять сосредоточить внимание на наибе. Взяв свои чувства под контроль, она сказала:

— Ты прибыл увидеть меня, Гадхеан.

— Да, миледи. Мы, люди пустыни, видим, что происходят ужасные вещи. Малые Создатели выходят из песка, как было предсказано в древних пророчествах. Шай-Хулуда нельзя найти нигде, кроме глубокой пустыни. Мы покинули нашего друга, пустыню!

Джессика взглянула на Алию. Та просто сделала ей знак продолжать. Джессика обвела взглядом толпу в зале, увидела потрясенную настороженность на каждом лице. Значительность схватки между матерью и дочерью не осталась непонятой аудиторией, и они наверняка удивлены, почему продолжается аудиенция. Джессика опять обратилась к ал-Фали.

— Гадхеан, что это за разговоры о Малых Создателях и скудости песчаных червей?

— Мать Влаги, — он употребил ее старый титул среди Свободных. — Нас предостерегал об этом Китаб ал-Ибар. Мы вызываем к тебе. Да не будет забыто, что в тот день, когда умер Муад Диб, Арракис вернулся к самому себе. Мы не можем бросить пустыню.

— Ха! — презрительно хмыкнула Алия. — Суеверное отребье Внутренней Пустыни страшится экологического преображения. Они...

— Я понимаю тебя, Гадхеан, — сказала Джессика. — Если не будет червей, не будет спайса. Если не будет спайса, то откуда мы возьмем деньги на жизнь?

Ропот удивления: шумные вдохи и потрясенные шепотки разбежались по Палате, отдаваясь в ней эхом.

— Суеверная чушь! — пожала плечами Алия.

Ал-Фали, воздев правую руку, направил ее в сторону Алии:

— Я говорю с Матерью Влаги, а не с Коан-Тин!

Руки Али вцепились в подлокотники трона, но она осталась сидеть.

Ал-Фали поглядел на Джессику.

— Некогда это была страна, где ничего не росло. Теперь появились растения. Они расползаются, как вши по ране. Уже были облака и дожди вдоль пояса пустыни. Дожди, миледи! О, драгоценная мать Муад Диба, как сон брат смерти, так дождь для Пояса Дюны. Это смерть для нас всех.

— Мы делаем только то, что предначертано самими Льет-Кайнзом и Муад Дибом, — возразила Алия. — К чему весь этот лепет суеверий? Мы почтаем слова Льет-Кайнза, говорившего нам: «Я хочу увидеть всю планету окутанной сетью зеленых растений». Так и будет.

— А как насчет червей и спайса? — спросила Джессика.

— Сколько-то пустыни всегда останется, — ответила Алия. — Черви выживут.

«Она лжет, — подумала Джессика. — Почему??

— Помоги нам, Мать Влаги, — взмолился ал-Фали.

Словно двойное зрение вдруг открылось у Джессики, сознание ее покачнулось, задетое словами старого наиба. Нет ошибки — это АДАБ, вопрошающая память, приходящая сама по себе. Она безоговорочно овладела Джессикой, остановив все ее ощущения, глубоко укореняя в ее разуме урок прошлого. Она вся оказалась в пленах адаба — рыба, попавшая в сеть. И при всем том, его взыскательность Джессика ощущала как момент наивысшей человечности, любая частичка — напоминание о творении. Каждый элемент этой памяти-урока был подлинным, но иллюзорным в своей постоянной изменчивости, и она поняла, что приблизилась, как только вообще могла, к тем предвидениям, что однажды и навсегда закогтили ее вкусившего спайс сына.

«Алия лжет, потому что она одержима одним из тех, кто несет гибель Атридесам. Она сама — первый источник гибели. Значит, ал-Фали говорит правду: черви обречены, если только курс экологического преображения не будет видоизменен».

Подневольная откровению, Джессика увидела людей в зале словно в замедленной киносъемке, постигая роль каждого из присутствующих. Она отчетливо определила всех, кому поручено не допустить, чтобы она вышла отсюда живой. И ее путь сквозь них начертался в ее сознании словарю обрисованный ярким светом — смятение среди них, один при своем выпаде натыкается на другого, все группки людей перешиваются. А еще она видела, что может покинуть Великую Залу только для того, чтобы вверить свою жизнь кому-то другому. Алию не заботит, сотворит ли она мученицу. Нет — ТОМУ, КЕМ ОНА ОДЕРЖИМА, на это наплевать.

В своем застывшем времени Джессика выбрала способ спасти старого наиба и отправить его посланцем. Путь из Залы виделся с неизгладимой четкостью. До чего же все просто! Фигляры с забаррикадированными глазами, чьи плечи сохраняют положение неподвижной обороны, и каждый из них в огромной Зале виделся ей в столь необратимом разладе, что мертвая плоть могла бы соскользнуть с них, обнажая скелеты. Их тела, их одежды, их лица говорили о личном аде каждого: грудь, напоенная скрытыми кошмарами, блестящий серп драгоценного украшения, ставший заменой оружию; рты, безусловность приговоров которых — от испуга; кафедральные призмы бровей демонстрируют высокомерие и религиозность, отрицаемые чреслами.

Несомую гибель ощутила Джессика в той складывающейся силе, что выпущена была на волю на Арракисе. Голос ал-Фали дистрансом прозвучал в ее душе, пробуждая зверя в самых ее глубинах.

В мгновение ока Джессика вернулась из адаба в мир движения, но мир этот был уже другим по сравнению с тем, какой властвовал над ней лишь секунду назад.

Алия собирались заговорить, но Джессика сказала:

— Тихо! — И затем: — Есть страшющиеся, будто я безоговорочно обратилась к Бене Джессерит. Но с того дня, когда Свободные в пустыне подарили жизнь мне и моему сыну, я — Свободная! — И она перешла на древний язык, который в этой Зале мог понять только тот, для кого он был предназначен! — Он сар акхака зеливан ау маслумен!

?Поддержи своего брата во время его нужды, прав он или не прав!?

Слова ее произвели желаемый эффект: легкое перемещение внутри Палаты. Но Джессика разбушевалась:

— Вот Гадхеан ал-Фали, честный Свободный, приходит сюда сказать мне то, о чем мне должны были поведать уже другие. Пусть никто этого не отрицает! Экологическое преображение стало вырвавшейся из-под контроля бурей!

Бессловесная волна согласия пробежала по зале.

— И моя дочь восторгается этим! — продолжала Джессика. — Мектуб ал-меллах! Ты режешь мою плоть и солью пишешь по моим ранам! Почему Атридесы обрели здесь родной дом? Потому что Мохалата была естественной для нас. Для Атридесов править всегда означало защищать, сотрудничая: Мохалата, как всегда это знали Свободные. Поглядите теперь на нее! — и она указала на Алию. — Она хочет по ночам в одиночестве, созерцая свое собственное зло! Производство спайса совсем иссякнет, или, в лучшем случае, будет ничтожной долей от прежнего уровня! И когда весть об ЭТОМ разойдетя...

— Мы сохраним угол для самого ценного продукта во Вселенной! вскричала Алия.

— Углом ада мы станем! — рассвирепела Джессика.

И Алия заговорила на самом древнем Чакобсе, личном языке Атридесов, с его трудными гортанными остановками и прищелкиваниями:

— Теперь ты знаешь, МАТЬ! Ты думала, внучка Барона Харконнена не усвоит всех тех жизней, что ты впихала в мое сознание еще до моего рождения? Когда я разозлилась на то, что ты со мной сделала, мне понадобилось только спросить саму себя, как бы поступил на моем месте Барон Харконнен. И он мне ответил! Понимаешь меня, Атридесова сука? Он ответил МНЕ!

Ядовитую злобу услышала Джессика и подтверждение своей догадки. БОГОМЕРЗОСТЬ! Алия побеждена изнутри, одержима КАХУЭТом зла, Бароном Владимиром Харконненом. Сам Барон говорит сейчас ее устами, не заботясь о том, что выходит наружу. Он хочет, чтобы она увидела его месть, хочет, чтобы она поняла — его не удастся сбросить со счета.

Предполагается, что я с моим знанием останусь здесь, беспомощной, подумала Джессика. И с этой мыслью она кинулась по пути, показанному ей в адабе, восклицая:

— Федайкины, следуйте за мной!

Как выяснилось, в зале было шесть федайкинов, и пять из них пробились вслед за ней.

Глава 24

Когда я слабее тебя, я прошу тебя дать мне свободу, поскольку это в согласии с твоими принципами, когда я сильнее тебя, я отбираю у тебя свободу, поскольку это в согласии с моими принципами.

Слова древнего Философа.

(Харк ал-Ада приписывает их Луису Вьело).

Лито высунулся из тайного выхода из съетча, увидел дно кручи, уходившей вверх за пределы его ограниченной видимости. Шедшее к закату солнце отбрасывало по вертикальным полосам обрыва длинные тени. Бабочка-скелетик порхала, залетая то в свет, то в тень, ее паутинные крылышки казались против света прозрачным кружевом. До чего же нежна эта бабочка, чтобы здесь существовать, подумал Лито.

Прямо впереди простирался абрикосовый сад, где работали дети, собирая упавшие плоды. За садом был канал. Он и Ганима скользнули от своей охраны, затерявшись во внезапном встречном потоке рабочих. Для них оказалось сравнительно простым проползти вниз по вентиляционным шахтам туда, где они соединялись с лестницей, к потайному выходу. Теперь им оставалось только смеяться с детьми, пробраться к каналу и шмыгнуть в туннель. Там они смогут держаться рядом с хищной рыбой, не позволяющей песчаной форели втянуть в своей пузырь оросительную воду племени. Ни один Свободный никогда и не вообразит, что человек способен рискнуть погрузиться в воду.

Он вышел из защитных проходов. Круча простиралась вдаль по обе стороны от него, став горизонтальной просто благодаря его собственному движению.

Ганима двигалась вплотную за ним. У обоих были небольшие корзинки для сбора фруктов, сплетенные из волокон спайса, но в каждой корзинке находился запакованный сверток: фремкит, пистолет маула, криснож... и новые одежды, присланые Фарадином.

Ганима проследовала в сад за своим братом, смеялась с работающими детьми. Маски стилсьюотов скрывали все лица. Они стали всего лишь еще двумя работниками, но Ганима чувствовала, что их поступок уводит ее жизнь за защищающие рубежи и с известных путей. До чего же прост этот шаг, шаг из одной опасности в другую! Новые одеяния, присланые Фарадином и находившиеся теперь в их корзинках, преследовали цель, хорошо понятного им обоим. Ганима подчеркнула это понимание, вышив свой личный девиз: «Мы Соучастуем», на Чакобса, над двумя нагрудными ястребиными профилями.

Скоро наступят сумерки, и за каналом, проводившем границу между пустыней и возделанными землями съетча, воцарится такой особенный вечер, с которым немногие места во Вселенной могут потягаться. Будет мягко освещенная пустыня, мир настойчивого одиночества, пропитанный ощущением, будто каждое создание одиноко в этом новом мире.

— Нас видели, — прошептала Ганима, наклоняясь рядом со своим братом и приступая к работе.

— Охрана?

— Нет.

— Хорошо.

— Нам надо побыстрее уходить, — сказала она.

Лито, согласясь с этим, двинулся через сад прочь от кручи. Он подумал мыслью своего отца: «Все в пустыне или пребывает подвижным, или исчезает». Вдали, в песках, он видел возвышающийся Спутник, напоминание о необходимости подвижности. Скалы, в своем загадочном бдении, оставались неподвижными и жесткими, год за годом истаивая под атаками несомого ветром песка. Однажды Спутник станет песком.

Приблизясь к каналу, они услышали музыку из высокого входа в съетч. Старомодный набор инструментов Свободных — двудырчатая флейта, тимпаны, тамбурины, сделанные из спайсового цилиндра и кожи, туго натянутой на него с одной стороны. Никто не спрашивал, у какого животного планеты берут такую кожу.

«Стилгар припомнит, что я говорил ему о той расщелине Спутника, подумал Лито. — Он придет в темноте, когда будет слишком поздно — и тогда узнает».

Вскоре они были у канала. Они скользнули в открытую трубу, взобрались по инспекционной лестнице на выступ для обслуживания. В канале было сумрачно, сырое и холодно, слышался плеск

хищной рыбы. Любой несчастной форели, которая попробует украсть воду, рыба прокусит размягчившуюся от воды внутреннюю поверхность. Людям их тоже следует остерегаться.

— Осторожно, — сказал Лито, спускаясь со скользкого выступа. Он крепко пристегнулся памятью к местностям и временам, которых его тело никогда не знало. Ганима последовала за ним.

Преодолев канал, они разделились до стилсьюотов и надели новые одежды. Оставив прежнее одеяние Свободных позади, они взобрались по другой инспекционной трубе, переползли через дюну на ее другую сторону. Там они присели, заслоненные от съетча, извлекли свои маулы и крисножи, надели упакованные фремкиты на плечи. Музыки им больше слышно не было.

Лито встал и направился по ложбинке между дюнами.

Ганима шаг в шаг пошла за ним, тренированно, аритмично и тихо перемещаясь по открытому песку.

Под гребнем каждой дюны они пригибались и прокрадывались к укромному местечку, где делали паузу и оглядывались назад — нет ли погони. Никаких преследователей не возникло в пустыне к тому времени, когда они достигли первых скал.

В тенях скал они пробрались вокруг Спутника к выступу, смотревшему на пустыню. Далеко-далеко, где был БЛЕД, мерцали цвета. Темнеющий воздух казался хрупким, как тонкий хрусталь. Пейзаж, открывавшийся их взору, был превыше жалости, и растекался он беспрепятственно — ровная уверенность в себе. Шаря по безбрежным пространствам, взгляд не находил ни одной для себя зацепки.

Это горизонт вечности, подумал Лито.

Ганима присела на корточки рядом со своим братом, думая: «Скоро состоится нападение». Она прислушивалась к малейшему звуку, все ее тело превратилось в сгусток напряженно-пытливого ожидания.

Лито был не менее насторожен. Он владеет теперь в высшей степени тренированностью всех тех, чьи жизни живут внутри него. В пустыне приучаясь твердо полагаться на свои чувства, на ВСЕ чувства. Жизнь становится запасом накопленных восприятий, каждое из которых нацелено лишь на мгновенное спасение жизни.

Вскоре Ганима вскарабкалась наверх и поглядела через выемку в скале на путь, по которому они пришли. Казалось, целая жизнь отделяет их от безопасности съетча, грудой немых круч высившегося за коричнево-пурпурным пространством, с подернутыми пылью краями очертаний, где серебряными стрелками посверкивали остатки солнечного света. Погони так и не было видно на отделявшем их от съетча пространстве. Она вернулась и присела рядом с Лито.

— Это будет хищник, — сказал Лито. — Таково мое теоретическое вычисление.

— По-моему, ты слишком быстро остановился в своих вычислениях, сказала Ганима. — Это будет не один хищник. Дом Коррино знает, что не надо складывать свои надежды в один мешок.

Лито кивнул в знак согласия.

Его ум внезапно ощутил тяжесть всего того множества жизней, которые влила в него его НЕПОХОЖЕСТЬ — всех жизней, ставших его собственными еще до его рождения. Он был перенасыщен живыми и хотел сбежать от своего сознания. Внутренний мир был тяжким зверем, способным его сожрать.

Он обеспокоенно поднялся, вскарабкался к той выемке, через которую смотрела Ганима, поглядел на кручи съетча. Там, под кручами, ему был виден канал, проводивший линию между жизнью и смертью. Виднелись на краю оазиса верблюжий шалфей, луковая трава, трава «перья гоби», дикая алфалфа. В остатках света ему видны были черные движущиеся пятнышки — птицы, с полу лета клевавшие алфалфу. Далекие колосья зерновых были взъерошены ветром, гнавшим двигавшиеся прямо на сад тени. Движение теней вывело Лито из забытья — он увидел, что тени скрывают внутри своей текучей формы больно перемену, и эта большая перемена высвободит изгибы радуг по подернутому серебряной пылью небу.

«Что здесь произойдет?» — спросил он самого себя.

Он знает, что это будет либо смерть, либо игра со смертью, целью которой станет он сам. Ганима — вот кому суждено вернуться, веря в реальность его смерти, увиденной ею. И под допросом в глубоком гипнозе она со всей искренностью покажет, что брат ее, разумеется, задран зверем. Неизвестности этого места бередили его воображение. Он подумал, как легко поддаться призыву погрузиться в предвидение, рискнуть послать свое сознание в неизменяемое, абсолютное будущее.

Хотя и малое видение его сна было достаточно дурным. Он знал, что не отважится увидеть больше.

Вскоре он спустился и присел рядом с Ганимой.

— Погони все еще нет, — сказал он.

— Звери, которых они на нас нашлют, будут большими, — проговорила Ганима. — Может, у нас будет время разглядеть их приближение.

— Нет, если они появятся ночью.

— Стемнеет очень скоро, — заметила она.

— Да. К этому времени нам надо будет уже находиться в **НАШЕМ** месте, он указал туда, где слева от них, внизу, ветер песков выточил крохотную расщелинку в базальте. Она была достаточно велика, чтобы вместить их, и достаточно мала, чтобы в нее не пролезли большие твари.

То место, которое он указал Стилгару.

— Они и в самом деле могут нас убить, — сказал он.

— Мы должны пойти на это, — возразила она. — Ради нашего отца.

— Я и не спорю.

И поймал: «Это правильный путь. Мы правы, так поступая». Но он знал, как опасно в этом мире быть **ПРАВЫМ**. Выживут ли они — это теперь зависит от постоянной сосредоточенности и контроля над собой, в любой момент времени надо быть готовыми к испытанию. Их лучшие доспехи — навыки Свободных, а знание Бене Джессерит — та сила, что у них в резерве. Оба они мыслят теперь как закаленные в битвах ветераны-Атридесы, не имеющие другой защиты, кроме суровой стойкости Свободных, хотя ни намека на нее нет в их детских тела и их внешнем обличье.

Лито нашарил рукоять крисножа с отравленным лезвием у себя на поясе. Ганима повторила его жест.

— Не спуститься ли нам теперь? — спросила она. Произнося это, она заметила движение далеко внизу, легкое движение, на расстоянии казавшееся не таким угрожающим. Она замерла — и Лито все понял еще до того, как она предупредила его вслух.

— Тигры, — сказал он.

— Лазанские тигры, — поправила она.

— Они нас видят, — сказал он.

— Лучше нам поспешить, — сказала она. — Маула никогда не остановит таких созданий. Они наверняка хорошо на нее натасканы.

— Где-то поблизости — человек-наводчик, — и Лито первым начал спускаться, быстро и вприпрыжку, к скалам слева.

Ганима с ним согласилась, но вслух ничего не сказала экономя силы. Где-то поблизости должен быть человек. Этим тиграм не позволили бы разгуливать на свободе до нужного момента.

Тигры быстро передвигались в последних остатках света, перепрыгивая со скал на скалу. Их ум был — в их глазах, и скоро наступит ночь, время для таких, как они. Колокольчиковая трель ночной птицы донеслась со Спутника, подчеркивая перемену. Порождения тьмы уже ожили в тенях выщербленных расщелин.

Бегущие близнецы продолжали видеть тигров. От зверей веяло налитой силой, в каждом их движении было струящееся чувство золотой уверенности.

У Лито появилось ощущение, что он допустил ошибку, сунувшись сюда, и что здесь его жизнь окончится. Он бежал с твердым знанием, что и он, и Ганима вовремя достигнут узкой расщелины, но он не мог то и дело не оглядываться с восхищением на приближающихся зверей.

?Один раз споткнешься — и мы пропали», — подумал он.

Эта мысль поубавила в нем уверенности, и он побежал быстрее.

Глава 25

Вы, Бене Джессерит, называете вашу деятельность Паноплиа Профетикус «Наукой Религии». Очень хорошо. Я добивающийся УЧЕНИЯ другого рода, нахожу это подходящим определением. Вы, разумеется, творите собственные мифы, но так поступают все общества. Но должен я вас, однако, предостеречь. Вы ведете себя, как вели себя столь многие заблуждающиеся ученые. Ваши действия показывают, что вы хотите что-то изъять из жизни. Вот время напомнить вам о том, что вы сами столь часто исповедуете: нельзя иметь любую вещь отдельно от ее противоположности.

Проповедник в Арракине: Послание Сестрам.

В предрассветный час, Джессика неподвижно сидела на потрепанном коврике из спайсовой ткани. Вокруг нее были голые скалы старого и бедного съетча, одного из первоначальных поселений. Располагался он под Красным ущельем, заслоняемый от западных ветров пустыни. Ее доставили сюда ал-Фали и его собратья — и теперь они ждали слова Стилгара. На всякий случай федайкин проявил меры предосторожности, налаживая с ним связь. Стилгару не узнат, где они находятся.

Федайкин уже знал, что на них заведено Процесс-Вербал, официальное дело о преступлениях против Империи. Алия выдвинула обвинение, что ее мать подкупили, дабы склонить к лжесвидетельству, враги государства — хотя прямо Бене Джессерит не назывался. Самовластная, тираническая природа власти Алии была, однако, проявлена без обиняков, и теперь ее вера, что раз она контролирует Квизарат, ставший ее жречеством, то контролирует и Свободных, была на пороге настоящей проверки.

Послание Джессики Стилгару было прямым и простым: «Моя дочь одержима и должна быть подвергнута Испытанию».

Однако же, страх разрушает ценности, и уже стало известно, что некоторые Свободные предпочли не верить этому обвинению. Попытки предъявлять обвинение, чтобы заручиться поддержкой и укрытием, вызвали две баталии за ночь, но орнитоптеры, угнанные людьми ал-Фали, доставили беглецов в это ненадежное убежище — Красное ущелье. Отсюда был кинут клич ко всем федайкинам, но меньше двух сотен их оставалось на Арракисе. Остальные получили посты по всей Империи.

Размышая над этими фактами, Джессика призадумалась, не достигла ли она места своей смерти. Некоторые федайкины тоже так полагали, но для воинов-смертников смерть — не пугало. Ал-Фали просто усмехнулся ей, когда один из его молодых людей поделился своим страхом.

— Когда Господь предопределяет, что его творение должно умереть там-то и там-то, он пробуждает в этом творении желание направиться в предназначеннное место, — сказал старый наиб.

Зашелестели заплатанные занавеси на двери — вошел ал-Фали. Узкое, сожженное ветром лицо старика осунулось, взгляд был лихорадочным. Он явно не отдыхал.

— Кто-то идет, — сообщил он.

— От Стилгара?

— Возможно, — он опустил глаза и но глядел налево — так по старому обычаю Свободных поступал приносивший дурные новости.

— В чем дело? — вопросила Джессика.

— Мы получили весть из Табра, что твоих внуков там нет, — проговорил он, не глядя на нее.

— Алия...

— От нее поступил приказ передать близнецов под ее опеку, но съетч Табр докладывает ей в ответ, что детей нет на месте. Вот все, что мы знаем.

— Стилгар отоспал их в пустыню, — сказала Джессика.

— Возможно. Но известно, что он искал их всю ночь. Это могло быть уловкой с его стороны...

— Такое не в духе Стилгара, — сказала Джессика, и подумала: «Если только близнецы его не надоумили». Но и это тоже не очень смахивало на правду. Она подивилась самой себе: никакой паники или подавленности, ее страх за близнецов приглушен тем, что открыла ей Ганима. Поглядев на ал-Фали, она обнаружила, что тот смотрит на нее с жалостью. Она сказала:

— Они сами по себе ушли в пустыню.

— В одиночку? Двое детей?

Она не стала объяснять, что эти «двоюродные дети» знают, вероятно, о выживании в пустыне побольше всех живущих Свободных. Вместо этого, ее мысли сосредоточились на странном поведении Лито, когда тот приказал ей позволить себя похитить. Воспоминание об этом она задвинула в сторонку, но нынешний момент властно его вернул. Лито сказал, она распознает момент, когда повиноваться его приказу.

— Посланец уже, должно быть, в съетче, — сказал ал-Фали. — Я провожу его к тебе, — и он исчез за заплатанной занавесью.

Джессика взорвалась на занавесь. Соткана она была из красных волокон спайса, но заплаты были голубыми. Этот съетч отказывался принять благо религии Муад Диба, и в лице жречества Алии нажил себе врага. Люди съетча, как было известно, вложили свои средства в проект разведения огромных псов величиной с пони, псов, выводимых для охраны детей. Все псы умерли. Некоторые говорили, что они были отравлены, и обвиняли жрецов. Джессика тряхнула головой, отгоняя эти размышления, раскусив, чем они являлись: ГХАФЛОЙ, привязчивым слепнем, отвлекающим от сосредоточенности на нужных мыслях.

Куда же отправились дети? В Джакуруту? У них был план. Они старались просветить меня до той степени, до которой, по их мнению, я восприму, припомнила она. А когда они дошли до точки, видевшейся им пределом моего восприятия, Лито приказал мне повиноваться.

ОН приказал МНЕ!

Лито разгадал, что затевает Алия — уж это-то ясно. И брат, и сестра говорили о «злосчастье» своей тетки, даже когда защищали ее. Алия сейчас ставит на кон ПОЛНОМОЧНОСТЬ своего положения регентши. Это подтверждает и требование опеки над близнецами. Хриплый смех невольно сотряс грудь Джессики. Как же любила Преподобная Мать Ганус Хэлен Моахим втолковывать своей учащейся, Джессике, именно такую ошибку: «Если ты сосредоточиваешься сознанием только на собственной правомочности, то тем самым приглашаешь силы оппозиции тебя одолеть. Это общая ошибка. Даже я, твоя учительница, ее совершила».

— И даже я, твоя учащаяся, ее совершила, — про себя прошептала Джессика.

Она услышала тихий шорох материи в коридоре за занавесью. Вошли два молодых Свободных, из тех, кого они собрали за ночь в свой отряд, — явно испытывая благоговейный страх в присутствии матери Муад Диба. Джессике они были видны, как на ладони: из тех, кто не думает и потому привержен вверять себя любой воображаемой власти, способной определить для них их личное место в мире. Они пусты, пока не наполняются отраженным светом ее размышлений. А значит, они опасны.

— Ал-Фали послал нас вперед, чтобы мы тебя подготовили, — сказал один из них.

Джессика почувствовала, как ей словно тисками стискивает грудь, но голос ее остался спокойным:

— Подвозить меня к чему?

— Своим посланцем Стилгар прислал Данкан.

Джессика натянула на голову капюшон своей абы — бессознательный жест. ДАНКАН? Но он ведь орудие Алии.

Тот Свободный, что сообщил это, сделал полшага вперед:

— Айдахо говорит, он прибыл, чтобы увезти тебя в безопасное место, но ал-Фали не понимает, как такое может быть.

— Да, это кажется чрезвычайно странным, — проговорила Джессика. — Но в нашем мире случаются вещи и по страннее. Введите его.

Они посмотрели друг на друга но повиновались — выйдя одновременно и так стремительно, что изношенная занавесь порвалась еще в одном месте. Вскоре вошел Айдахо, сопровождаемый сзади двумя молодыми Свободными и ал-Фали, с рукой на крисноже. Вид у Айдаха был собранный и спокойный. Одет он был в стилсьют Стражей Дома Атридесов — униформу, почти не претерпевшую изменений за четырнадцать веков. Единственно — на Арракисе криснож заменил прежний пластальной меч с золотой рукоятью.

— Мне сообщили, ты хочешь мне помочь, — сказала Джессика.

— Сколь ни странным это может показаться.

— Но разве Алия не послала тебя меня похитить? — спросила она.

Лиши слегка поднявшиеся черные брови выдали его удивление. Сложносоставные тлейлакские глаза продолжали смотреть на нее, не дрогнув, с напряженным мерцанием.

— Таковы были ее приказы, — сказал Данкан.

Костяшки пальцев ал-Фали побелели, так сильно он стиснул свой криснож, но не извлек его.

— Большую часть ночи я провела, пересматривая ошибки, которые я допустила в отношениях со своей дочерью, — сказала Джессика.

— Их было немало, — согласился Айдахо, — и большинство из них было и моими собственными.

Она заметил теперь, что мускулы его челюсти подрагивают.

— Легко было прислушиваться к доводам, сбивавшим нас с пути, сказала Джессика. — Я хотела покинуть это место. А ты... ты хотел девушку, в которой видел помолодевшую меня.

Он молчаливо с этим согласился.

— Где мои внуки? — подсевшим голосом спросила она.

Он моргнул. Затем:

— Стилгар полагает, они ушли в пустыню — прячутся там. Возможно, они предвидели наступление этого кризиса.

Джессика взглянула на ал-Фали, подтвердившего кивком, что именно это она и предсказывала.

— Что делает Алия? — спросила она.

— Рискует гражданской войной, — ответил Данкан.

— Ты веришь, что до этого дойдет?

Айдахо пожал плечами:

— Вероятно, нет. Времена смягчились. Все больше людей склонно прислушиваться к приятным доводам.

— Согласна, — ответила она. — С этим ясно, а вот что с моими внуками? — Стилгар найдет их — если...

— Да, понимаю, — тогда это и впрямь будет работкой для Гурни Хэллека. Она повернулась и взглянула на каменную стену слева от нее. — Теперь Алия крепко захватила власть, — она опять поглядела на Айдахо. — Ты понимаешь? Власть в твоем распоряжении, пока ты держишь ее мягко. Схватить ее слишком сильно — значит стать заложником власти, а отсюда и ее жертвой.

— Как всегда говорил мне мой Герцог, — сказал Айдахо.

Джессика каким-то образом поняла, что он имеет в виду старшего Лито, а не Пола.

— Куда мне предстоит быть доставленной при... похищении? — спросила она.

Айдахо посмотрел на нее так, словно хотел разглядеть выражение ее лица под отбрасываемой капюшоном тенью.

Ал-Фали шагнул вперед:

— Миледи, вы ведь не думаете всерьез...

— Разве не вправе я сама решать свою судьбу? — спросила Джессика.

— Но он... — Ал-Фали кивнул на Айдахо.

— Он был моим верным охранником еще до того, как родилась Алия, проговорила Джессика. — И еще до того он погиб, спасая жизни сына и мою. Мы, Атридесы, всегда соблюдаляем определенные обязательства.

— Значит, вы поедете со мной? — спросил Айдахо.

— Куда ты ее повезешь? — в свою очередь спросил ал-Фали.

— Лучше, чтобы ты не знал, — ответила ему Джессика.

Ал-Фали поугрюмел, но промолчал. На лице его отразились нерешительность, понимание мудрости слов Джессики, но и неразвеянные сомнения в надежности Айдахо.

— А что с федайкинами, которые мне помогли? — спросила Джессика.

— Стилгар гарантирует им свое покровительство, если они смогут добраться до съетча Табр, — сообщил Айдахо.

Джессика повернулась к ал-Фали:

— Приказываю тебе отправляться туда, мой друг. Стилгар сможет использовать федайкинов для поисков моих внуков. Старый наиб потупил взгляд.

— Как прикажет мать Муад Диба.

«Он до сих пор повинуется Полу», — подумала Джессика.

— Нам следует побыстрей отправляться отсюда, — сказал Айдахо. Поиски наверняка охватят и это место — и одним из первым.

Джессика подалась вперед и встала — с той струящейся грацией, которая никогда окончательно не покидала Бене Джессерит, даже в лапах старости. А сейчас, после ночи перелетов, она чувствовала себя старой. Даже когда она двигалась, ее не покидало воспоминание о той странной беседе с внуком. Что он делает сейчас на самом деле? Она мотнула головой — сделав вид, будто поправляет капюшон. Так легко попасть в ловушку, недооценив Лито. Жизнь с обычными детьми обуславливает ложный взгляд на то наследие, которым обладают близнецы.

Внимание ее привлекла поза Айдахо. Он стоял в непринужденной готовности применить силу, одна нога впереди — стойка, которой она сама его научила. Она быстро глянула на двух молодых людей и ал-Фали. Сомнения все еще грызли старика наиба, и двое юношей это ощущали.

— Я доверю этому человеку жизнь, — обратилась она к ал-Фали. — И не в первый раз.

— Миледи, — запротестовал ал-Фали. — Ведь он же... — он метнул на Айдахо угрюмый взгляд. — Он муж Коан-Тин.

— Воспитанный мной и моим Герцогом, — сказала Джессика.

— Но он же — ГХОЛА! — ал-Фали как выплюнул эти слова.

— Гхола моего сына, — напомнила ему Джессика.

Это было уже слишком для старого федайкина, некогда присягнувшего до смерти служить Муад Дибу. Он вздохнул, отступил в сторону и сделал знак двум юношам раздвинуть занавесь.

Джессика выдана из помещения, Айдахо вслед за ней. Обернувшись у порога, она заговорила с ал-Фали:

— Ты отправишься к Стилгару. Ему следует доверять.

— Да... — но в голосе старика все еще слышалось сомнение.

Айдахо коснулся ее руки.

— Нам нужно немедленно двигаться. Что-нибудь хочешь взять с собой?

— Только мой здравый смысл, — ответила она.

— Почему? Ты боишься, что совершаешь ошибку?

Она взглянула на него.

— Ты всегда был лучшим водителем топтеров среди наших слуг, Данкан. Он нисколько не повеселел. Обойдя ее, он быстро зашагал, в обратном направлении повторяя свой путь. Ал-Фали шел шаг в шаг рядом с Джессикой.

— Откуда ты узнала, что он прибыл на топтере? — спросил он.

— На нем нет стилсьюта, — ответила Джессика.

Ал-Фали, похоже, ошарашило это очевидное наблюдение. Но он одолжал говорить:

— Наш посыльный доставил его сюда прямо от Стилгара. Заметить их не могли.

— Вас не заметили, Данкан? — спросила Джессика в спину Айдахо.

— Разве ты меня не знаешь? — отозвался тот. — Мы летели ниже верхушек дюн.

Они свернули в боковой коридор, спустились по винтовой лестнице, выведшей их в итоге в открытую палату из бурого камня, хорошо освещенную высокими глоуглобами. Напротив дальней стены стоял одинокий орнитоптер, подбравшийся, как готовое к прыжку насекомое. Значит, эта стена — не настоящая скала, а дверь, отворяющаяся в пустыню. Как ни беден был этот съетч, но были у него приспособления для маскировочного маневра.

Айдахо открыл ей дверь орнитоптера, помог ей залезть на сиденье справа. Пробираясь мимо него, она заметила испарину на его лбу с выбившимся вниз завитком его похожих на черный каракуль волос. В ней всплыло незваное воспоминание о голове, из пробитого черепа которой хлестала кровь. Стальной мрамор тлейлакских глаз прогнал это воспоминание. Ничто ей больше не мерещилось. Ока стала застегивать ремень безопасности. — Много времени прошло с тех пор, как ты возил меня по воздуху, Данкан, — сказала она.

— Давнее и далекое время, — ответил Данкан. Он уже проверял контрольные показания приборов. Ал-Фали и двое юношей Свободных вдали у системы управления поддельной скалы, готовые открыть ее.

— Ты думаешь, я лелею подозрения против тебя? — тихо спросила Джессика у Айдахо.

Айдахо, весь внимание к управлению летательным аппаратом, включил импеллеры и понаблюдал за движением иглы. Улыбка скользнула по его губам, быстрое и жесткое движение на рельефном лице — и пропала так же быстро, как появилась.

— Я до сих пор Атридес, — сказала Джессика. — А Алия нет.

— Не бойся ничего, — скрипуче ответил он. — Я и так служу Атридесам. — Алия не Атридес, — повторила Джессика.

— Нечего мне напоминать! — огрызнулся он. — А теперь помолчи и дай мне поднять в воздух эту штуковину.

Отчаяние в его голосе было совершенно неожиданным, никак не соответствующим тому Айдахо, которого он знала. Вновь охваченная страхом, Джессика спросила:

— Что мы делаем, Данкан? Теперь-то ты можешь мне сказать.

Но он кивнул ал-Фали, и лже-скала отворилась в яркий и серебряный солнечный свет. Орнитоптер прыгнул вперед и вверх, его крылья завибрировали от усилия, взревели реактивные двигатели, и они взвились в пустое небо. Айдахо взял юго-западный курс на хребет Саная, темной линией видневшийся над песком.

Вскоре он сказал:

— Не питай обо мне неприятных мыслей, миледи.

— У меня ни разу не было о тебе неприятных мыслей с той ночи, как ты ввалился в большую залу Арракина, шумный и буйный после пива из спайса, сказала она. Не его слова оживили ее сомнения, и она расслабилась, полностью готовая к защите прана и бинду.

— Я хорошо помню ту ночь, — сказал он. — Я был очень молод... неопытен.

— Но лучший фехтовальщик в свите моего Герцога.

— Не совсем, миледи. В шести состязаниях из десяти Гурни брал верх надо мной, — он взглянул на нее. — Где Гурни?

— Выполняет мою просьбу.

Данкан покачал головой.

— Ты знаешь, куда мы направляемся? — спросила она.

— Да, миледи.

— Тогда скажи мне.

— Очень хорошо. Я обещал, что организую правдоподобную видимость заговора против Дома Атридесов. И есть только один способ достичь этого, он нажал кнопку на руле, и со свистом выскочивший из сиденья Джессики сковывающий кокон обволок ее с неразрываемой мягкостью, только голову оставили свободной. — Я везу тебя на Салузу Вторую, — сообщил Данкан. — К Фарадину.

В редком для нее неподконтрольном порыве, Джессика рванулась из пут, по пути еще больше ее сдавили, посвободней стало только тогда, когда она расслабилась, и это стало ощутимо после того, как ужасный шигавир опять спрятался в пазы.

— Выброс шигавира отключен, — не глядя на нее, скандал Данкан. — Ах, да, и не пробуй на мне Голос. Я проделал долгий путь с тех пор, как ты могла им на меня влиять, — он поглядел на нее. — Тлейлакс вооружил меня против подобных уловок.

— Ты повинуешься Алии, — сказала Джессика, — а она...

— Не Алии, — возразил он. — Мы выполняем наказ Проповедника. Он хочет, чтобы ты обучила Фарадина так, как некогда обучала... Пола. Джессика оцепенело молчала, припоминая слова Лито, что она получит интересного ученика. Вскоре она спросила:

— Этот Проповедник... он мой сын?

Голос Айдахо прозвучал как будто с огромного расстояния:

— Хотелось бы мне знать.

Глава 26

Мироздание просто ЕСТЬ; это единственный способ для федайкина — обозревать его, оставаясь в то же время властелином своих чувств. Мироздание ни угрожает, ни обещает. Оно содержит вещи вне нашей власти: падающий метеор, выбросы спайса, старение и умирание. В этом мироздании есть реальности и их надо принимать вне зависимости от того, что ты к ним ИСПЫТЫВАЕШЬ. Эти реальности не отгонишь словами. Они придут к тебе своим собственным бессловесным путем, и тогда — тогда ты поймешь, что подразумевается под «жизнью и смертью». И с пониманием этого ты преисполнишься радости.

Муад Дib — своим федайкинам.

— Вот чему мы дали ход, — сказала Вэнсика. — Вот что было сделано для ТЕБЯ.

Фарадин, сидевший напротив матери в ее утренней комнате, остался недвижим. Из-за его спины падал золотой солнечный свет, отбрасывая его тень на застланный белыми коврами пол. Отражаясь от стены позади его матери, свет наподобие нимба вспыхивал в ее волосах. На ней, как обычно, было белое одеяние, отделанное золотом — напоминание о царственных днях. Ее лицо в форме сердечка казалось спокойным, но Фарадин знал, что она следит за каждым его движением. У него появилось ощущение пустоты в животе, хотя он только что позавтракал.

— Ты не одобряешь? — спросила Вэнсика.

— А что мне здесь не одобрять? — вопросом ответил он.

— Ну... что мы до сих пор это от тебя скрывали?

— А, это, — он вглядывался в мать, пытаясь полностью уяснить себе ее роль в этом деле. На ум шло лишь замеченное недавно — что Тайканик больше не зовет ее «Моя Принцесса». Как же он ее называет? Королева-Мать?

«Почему у меня чувство потери? — недоумевал он. — Что я теряю?» Ответ был очевиден: он теряет свои беззаботные дни, теряет время для столь привлекавших его игр и исканий ума. Если заговор, затеянный его матерью, удастся, такое будет утрачено навсегда. Его внимания потребуют новые обязанности. Он воспринимал это как глубокое оскорбление. Как они смеют так бесцеремонно поступать с его временем? И даже его не спросясь?

— Оставим это, — сказала его мать. — Что-то не так?

— А если этот план провалится? — спросил он — произнес первое, что пришло на ум.

— Как он может провалиться?

— Не знаю... Всякий план может провалиться. Как у тебя все это вписывается Айдахо?

— Айдахо? С чего этот интерес к... Ах, да — тот тип, мистик, которого Тайк привел сюда, не посоветовавшись со мной. Неправильно он поступил. Мистик говорил об Айдахо, верно?

Неуклюже она врала, и Фарадин обнаружил, что смотрит на свою мать с удивлением. Она с самого начала знала о Проповеднике!

— Просто я никогда не видел гхолу, — сказал он.

Она приняла это объяснение. И сказала:

— Мы приберегаем Айдахо для кой-чего важного.

Фарадин стал молча жевать верхнюю губу, напомнив Вэнсику своего умершего отца. Временами Далак бывал как раз таким, крепким орешком, замкнутым на себя и углубившимся в себя, пойди его раскуси. Далак, напоминала она себе, доводился родней Графу Казимиру Фенлингу и в обоих было одновременно что-то и от щеголя, и от фанатика. Пойдет ли Фарадин по этому пути? Она начала сожалеть, что Тайк познакомил сына с религией Арракиса. Кто знает, куда это может его завести?

— Как тебя теперь называет Тайк? — спросил Фарадин.

— То есть? — ее поразило столь резкое изменение темы.

— Я заметил, что он больше не называет тебя «Моя Принцесса».

«Как же он наблюдателен», — подумала она, недоумевая, почему это наполняет ее

беспокойством. — «Не думает ли он, что я взяла Тайка в любовники? Чепуха, это, как ни крути, не играло бы никакой роли. Тогда к чему этот вопрос??

— Он называет меня «Миледи», — ответила она.

— Почему?

— Потому что так принято во всех Великих Домах.

«Включая Атридесов», — подумал он.

— Не так провоцирующее звучит, для ненужных ушей, — объяснила она. -Посчитают, что мы отступились от наших законных притязаний.

— Найдутся такие дураки? — спросил он.

Она поджала губы, решив проигнорировать этот вопрос. Мелочь, но великие кампании складываются из множества мелочей.

— Не стоило леди Джессике покидать Келадан, — сказал он.

Она резко мотнула головой. Что это? Его ум мечется как сумасшедший из стороны в сторону!

— Что ты имеешь в виду? — спросила она.

— Ей не следовало возвращаться на Арракис, — ответил Фарадин. -Плохая стратегия. Нельзя не удивляться. Не лучше ли было организовать приезд ее внуков на Келадан?

«Он прав», — подумала Вэнсика, расстроясь, что ей это ни разу и в голову не пришло. Тайк должен будет немедленно с этим разобраться. И опять она покачала головой. «Нет!» О чём толкует Фарадин? Он должен знать, что Квизарат никогда бы не допустил, чтобы оба близнеца вместе оказались в космосе.

Она указала на это.

— Квизарат или Жречество Леди Алии? — спросил он, отметив, что мысли ее пошли в желанном ему направлении. Его стала веселить его новая значимость, с теми возможностями для игр ума, что предлагало политическое интриганство. Много времени прошло с тех пор, как его занимали мысли матери. Слишком легко ей было вертеть.

— По твоему, Алия хочет власти для самой себя? — спросила Вэнсика.

Он отвел взгляд от матери. Разумеется, Алия хочет власти для самой себя! Все донесения с проклятой планеты на этом сходятся. Мысли Фарадина избрали новое русло.

— Я читал об их Планетологе, — сказал он. — Где-то там и должен быть ключ к песчаным червям и гаплоидам, если только...

— Оставь это другим! — она начала терять терпение. — Это все, что ты способен сказать о сделанном нами для тебя?

— Не для меня это сделано.

— Что-о?

— Вы сделали это для Дома Коррино. — А ты — нынешний Дом Коррино. Я еще не вступил во власть.

— У тебя есть ответственность! — заявила она. — Как насчет всех зависящих от тебя людей?

Он ощущал груз всех тех надежд и чаяний, что питал Дом Коррино, и ношу которых возложили на него эти слова.

— Да, — ответил он. — Насчет зависящих людей понимаю, но нахожу кое-что, сделанное ВО ИМЯ меня, безобразным.

— Безо... Как ты можешь говорить такое? Мы делаем только то, что делал бы любой Великий Дом, заботясь о собственном процветании!

— Неужели? По-моему, ты немножко преувеличиваешь. Нет! Не перебивай меня. Если мне предстоит стать императором, то тебе лучше выучиться слушать меня как следует. Ты думаешь, я не умею читать Мысли между строк? Как были выдрессированы эти тигры?

Она лишилась языка, столкнувшись со столь резким проявлением его смышлености.

— Понимаю, — сказал он. — Ладно, я не поступлюсь Тайком, потому что знаю, что это ты втянула его в это дело. В большинстве обстоятельств он хороший слуга, вот только принципы свои отстаивает лишь в благоприятной обстановке.

— Его... ПРИНЦИПЫ?

— Разница между хорошим служакой и плохим — в силе характера и твердости духа. Он должен держаться своих принципов, где бы им ни был брошен вызов. — Тигры были необходимы, — сказала она.

— Поверю в это, если они преуспеют. Но не примирюсь с тем, что пришлось сделать при их дрессировке. Не протестуй. Это очевидно. Они были НАТАСКАНЫ. Ты сама это сказала.

— Что ты собираешься делать?

— Ждать, а там увидим. Может, я стану императором.

Она вздохнула, поднеся руку к груди. На несколько мгновений он до смерти ее напугал. Она уже почти поверила, что он ее осудит. Принципы! Но теперь он принял все как есть — ей это было видно.

Фарадин встал, подошел к двери и позвонил слугам матери.

— Мы все договорили, верно? — оглянулся он.

— Да, — она подняла руку, когда он выходил. — Куда ты?

— В библиотеку. В последнее время я увлекаюсь историей Коррино.

И он вышел, ощущая новые обязательства, несомые им в себе.

«Будь она проклята!?

Но он знал, что теперь повязан. И постиг он глубокую эмоциональную разницу между историей, записанной на шигавире и читаемой на досуге и историей, в которой живешь, — глубокую разницу. Это новая живая история, ощутимо вокруг него сгущавшаяся, навязывала ощущение броска в необратимое будущее. Фарадину стало ощутимо, как претят им устремления тех, чье преуспеяние зависело от него. Ему показалось странным, что в это движение он не может подсунуть свои собственные устремления.

Глава 27

Рассказывают о Муад Дибе, что однажды, увидя сорняк, пытающийся прорости между двух камней, он убрал один из них. Позже, когда растение расцвело, он придавил его остававшимся камнем. «Такова была его судьба», — объяснил он.

Комментарии.

— Ну! — вскричала Ганима.

Лито, на два шага впереди нее на пути к узкой расселине, не колебался. Он нырнул в трещину и пополз вперед, пока его не обволокла тьма. Он услышал, как позади него приземлилась Ганима, затем — внезапная тишина, и голос Ганимы, не напуганный и не торопливый:

— Меня задели.

Он встал, зная, что при этом подставляет голову в пределы досягаемости ищущих когтей, развернулся всем телом и попятился назад, пока не нашупал протянутую руку Ганимы.

— Моя одежда, — сказала она. — Ее зацепили.

Он услышал, как прямо под ними осыпаются камни, потянул к себе ее руку, но Ганима почти не сдвинулась ему навстречу.

Сопение и рык послышались ниже их щели.

Лито напрягся, уперся бедрами о скалу, потянул руку Ганимы сильнее. Лопнула ткань, он ощутил, как Ганима рывком сдвинулась с места. Она со свистом выдохнула, и он понял, что ей больно, но потянула еще раз, еще сильней. Она еще чуть-чуть подалась, затем окончательно сдвинулась с места, упала рядом с ним. Однако же, они были слишком близко к краю расщелины. Он повернулся, опустился на четвереньки и пополз вглубь. Ганима — за ним. По одышливой напряженности ее движений Лито понял, что она ранена. Он подкрался к краю отверстия над щелью, перевернулся на спину и посмотрел вверх, на узкий вход в их убежище. Отверстие было метрах в двух над ним, полное звезд. Потом что-то большое заслонило звезды.

Раскатистый рык пронизал воздух вокруг близнецов. Глубокий, угрожающий, первобытный звук — обращение охотника к жертве.

— Ты сильно ранена? — спросил Лито, заставляя себя говорить спокойно. Она взяла такой же спокойный тон:

— Один из них задел меня когтем. Распорол мой стилсьют вдоль левой ноги. У меня идет кровь.

— Сильно?

— Из вены. Я не могу ее остановить.

— Зажми рану. Не шевелись. Я позабочусь о наших друзьях.

— Осторожно, — сказала она. — Они крупнее, чем я ожидала.

Лито обнажил свой криснож и полез с ним наверх. Он понимал, что тигр все еще старается просунуться вниз, когти скребли по узкому проходу, куда не могло пролезть тело.

Он медленно-медленно вытянул свой криснож. Что-то резко ударило по острию лезвия. Он всем телом ощутил удар, чуть не выпустив при этом нож. По его руке хлынула кровь, брызнула ему на лицо, и сразу же раздался оглушивший его вой. Стало видно звезды. Что-то метнулось прочь и покатилось со скал на песок с яростным воплем большой кошки.

Опять звезды что-то заслонило, опять Лито услышал рык охотника. Место первого занял второй тигр, пренебрегая судьбой своего товарища.

— Они настойчивы, — сказал Лито.

— С одним наверняка покончено, — сказала Ганима. — Слышишь?

Визги и бьющиеся конвульсии снизу затихали. Второй тигр, однако, так и заслонял звезды.

— Как по-твоему, нет у них третьего в запасе? — спросила Ганима.

— Вряд ли. Лазанские тигры охотятсяарами.

— Совсем как мы, — сказала она.

— Как мы, — согласился он. Он почувствовал, как в ладонь ему скользнула рукоять ее крисножа — и крепко ее стиснул. И опять начал осторожно продвигаться к незваному гостю. Лезвие пронзало лишь воздух, даже тогда, когда он продвинулся до уровня, опасного для него самого. Он подался назад, чтобы это обдумать.

— Не можешь его найти?

— Он ведет себя не так, как первый.

— Он все еще здесь. Чуешь его запах?

Лито сглотнул сухой глоткой. В ноздри ему ударило зловонное дыхание, мускусный запах кошки. Звезды были закрыты от взгляда. Первого из кошачьих вообще не было слышно: яд доделал свою работу.

— По-моему, мне придется встать, — сказал он.

— Нет!

— Надо раздразнить его, чтобы он оказался досягаем для ножа.

— Но, но мы ведь договорились, что, если одному из нас удастся избежать ранения...

— А ранена ты, так что ты и пойдешь назад, — ответил он.

— Но если ты сильно пострадаешь, я не смогу тебя бросить.

— У тебя есть идея получше?

— Отдай мне мой нож!

— Но твоя нога...

— Я могу стоять на здоровой.

— Этот зверюга снесет тебе голову одним ударом. Может быть, маула.

— Если кто-нибудь нас услышит, то догадается, что мы пришли сюда заранее подготовленными.

— Мне не по душе, чтобы ты так рисковала, — заявил Лито.

— Кто бы ни был снаружи, он не должен знать, что у тебя и меня есть маула — пока еще не должен, — она коснулась его руки. — Я буду осторожной. Голову пригну.

Он безмолвствовал, и Ганима добавила:

— Ты знаешь, что именно я и должна это сделать. Отдай мне мой нож.

С неохотой, он пошарил свободной рукой, нашел ее руку и вернул ей нож. Это было лишь логично, но все его чувства возмущались против логики. Он почувствовал, как Ганима отодвинулась в сторону, услышал, как с резким наждачным звуком чиркнуло о камень ее одеяние. Она одышливо вдохнула, и она понял, то она встала на ноги. Будь очень осторожна, подумал он. Его так и подымало оттащить ее назад и настоять, чтобы они воспользовались маулой. Но это могло предупредить кого-то снаружи, что у них есть такое оружие. Хуже того, это отпугнуло бы тигра за пределы досягаемости, и они бы оказались тут как в ловушке — с раненым тигром, подстерегающим их в неизвестном месте среди скал.

Ганима глубоко вдохнула, оперлась спиной на одну из стен расщелины. Мне надо быть быстрой, подумала она. Она двинула вверх острие ножа. Нога, разодранная когтями, пульсировала. Она ощущала, как там то подсыхает кровавая корочка, то по ней бежит тепло новых потоков крови. Очень быстрых! Она погрузилась, по методу Бене Джессерит, в безмятежное спокойствие, подготавливающее к переломному моменту, вытеснила из сознания боль и все остальное, отвлекавшее. Кошка должна сунуться ниже! Она медленно провела ножом до самых краев отверстия. Где же это проклятое животное? Опять она рубанула воздух. Ничего. Тигра надо соблазнить на нападение.

Она осторожно принюхалась. Теплое дыхание доносилось слева от нее. Она собралась с духом, глубоко вдохнула и закричала «Таква!». Это был старый боевой клич Свободных, перевод которого давался в самых древних легендах: «Цена свободы!» С этим кличем, она вскинула острие и пронзила тьму над расщелиной. Когти хватанули ее по локтю до того, как нож достиг цели, и она

лишь успела сквозь боль сделать выпад в направлении источника боли, до того, как агонизирующее страдание охватило ее руку от локтя до запястья. Сквозь боль, она ощутила, как вошло в тигра отравленное острие. Нож выскочил из ее онемевших пальцев. Но опять очистилось небо над расщелиной, и ночь наполнилась воплями умирающей кошки. По этим воплям можно было различить, как животное в смертельной агонии заметалось, уходя вниз со скал. Вскоре наступила мертвая тишина.

— Он достал мою руку, — сказала Ганима, пытаясь перебинтовать рану болтающейся полой своей одежды.

— Сильно?

— По-моему, да. Не чувствую руки.

— Дай-ка я зажгу свет и...

— Нет, пока мы не отойдем в укрытие!

— Я поспешу.

Она услышала, как он извивается, чтобы стоять со спины свой фремкит, потом все погрузилось в лосняющуюся тьму — Лито перекинул палатку ей через голову и подоткнул под Ганиму полог палатки, не став закреплять палатку так, чтобы она стала влагонепроницаемой.

— Мой нож с этой стороны, — сказала она. — Я нащупываю его коленкой. — Плюнь на него пока. — Он зажег одинокий маленький глоуглоб. От яркого света она моргнула. Лито поставил глоуглоб сбоку на песок — и задохнулся, увидев ее руку. Коготь прорвал длинную зияющую рану, извивавшуюся по тыльной стороне ее руки от локтя почти до запястья. По ране видно было, как именно она крутила рукой, чтобы поразить отравленным острием лапу тигра.

Ганима разок взглянула на рану, закрыла глаза и принялась читать литанию против страха.

Лито подумал, что ему подобная литания нужна не меньше, но, подавив все бушующие в нем эмоции, занялся перебинтовкой раны Ганимы. Это следовало сделать осмотрительно, чтобы и течение крови остановить, и сохранялась видимость, будто этот неуклюжий узел Ганима накрутила сама. Он дал ей затянуть узел свободной рукой — второй конец узла она держала зубами.

— Давай-ка теперь посмотрим ногу, — сказал он.

Она крутанулась на месте, чтобы показать другую рану. Не такую тяжелую: два поверхностных разреза когтями по икре. Кровь из них, однако, обильно натекла в стилсьют. Прочистив рану, как только мог, Лито забинтовал ее под стилсьютом. Костюм он наглухо заклеил поверх повязки.

— В рану попал песок, — сказал он. — Пусть ее обработают, как только ты вернешься.

— Песок в наших ранах, — сказала она. — Сколь издавна это знакомо Свободным.

Он нашел в себе силы улыбнуться ей, сел посвободней.

Ганима глубоко вздохнула.

— Мы справились.

— Еще нет.

Она сглотнула, с усилием оправляясь от остаточного шока. В свете глоуглоба, лицо ее было бледным. И она подумала: «Да, теперь мы должны двигаться быстро. Кто бы ни управлял этими тиграми — он может быть сейчас совсем неподалеку».

У Лито, смотревшего на сестру, вдруг сердце скрутило внезапным чувством потери. Он и Ганима теперь должны разделиться. С самого рождения, все эти годы, они были как один человек. Но их план требовал от них теперь претерпеть метаморфозу, пойти каждый отдельным путем, каждый в свою неповторимость, и совместный опыт их ежедневных переживаний никогда больше не объединит их так, как они некогда были объединены.

Он вернулся к насущным необходимостям.

— Я вынул перевязочные материалы из своего фремкита. Кто-нибудь может заметить.

— Да, — она обменялась с ним фремкитами.

— У того, кто снаружи, есть радиопередатчик, настроенный на этих кошек, — сказал Лито. —

Вероятней всего, он будет ждать у кваната, убедиться, что с нами покончено.

Ганима коснулась пистолета маула, лежащего сверху во фремките, вытащила его и заткнула за кушак своего широкого одеяния.

— Моя одежда порвана.

— Да.... Ищущие скоро могут быть здесь. Может, предатель среди них. Путь Харах тебя укроет.

— Я.... Я начну поиски предателя, как только вернусь, — она поглядела в лицо брата, разделяя его болезненное понимание, что с этого мига в них начнет накапливаться все больше отличий друг от друга. Никогда более они не будут единым целым, с совместным знанием, которого никто больше не способен постичь.

— Я направлюсь в Джакуруту, — сказал он.

— Фондак, — произнесла она.

Он кивнул, соглашаясь. Джакуруту-Фондак — это должно быть одно и то же место. Только так легендарное место и можно было скрыть. Сделано, конечно, контрабандистами. Как легко для них переменить одно название на другое, действуя под прикрытием того безмолвного соглашения, благодаря которому им позволялось существовать. Правящее семейство планеты всегда должно иметь черный ход для бегства при крайних обстоятельствах. И небольшое участие в барышах от контрабанды сохраняло лазейку открытой. В Фондаке-Джакуруту контрабандисты владели полностью дееспособным съетчем, не тревожимым местным населением. Они спрятали Джакуруту на глазах у всех, под защитой табу, заставлявшей Свободных держаться от нее подальше.

— Ни одному Свободному не придет в голову искать меня в подобном месте, — сказал он. — Они, конечно, наведут справки среди контрабандистов, но...

— Мы сделаем, как договорились, — ответила она. — Это просто...

— Знаю, — услышав собственный голос, Лито понял, что они затягивают последние моменты полного сходства друг с другом. Горькая улыбка тронула его губы, сразу на годы его состарив. Ганима поняла, что смотрит сквозь завесу времени на повзрослевшего Лито. Глаза ее обожгли слезы.

— Незачем пока еще отдавать воду мертвым, — Лито обмахнул пальцем ее влажную щеку. — Я уйду достаточно далеко, где никто не услышит, и призову червя, — он указал на сложение хуки Создателя, пристегнутые к его фремкиту. — Я буду в Джакуруту еще до зари второго дня.

— Езжай быстро, мой старый друг, — прошептала Ганима.

— Я вернусь к тебе, мой единственный друг, — ответил он. — Помни об осторожности у канала.

— Выбери себе хорошего червя, — ответила она прощальным напутствием Свободных. Левой рукой она погасила глоуглоб, зашуршало их темное укрытие, когда она стягивала его, скатывала и запихивала в свой фремкит. Она ощущала, как он уходит — только очень тихие звуки быстро таяли и превращались в молчание, когда он со скал спускался в пустыню.

Ганима принялась жестко внушать себе то, что она должна была знать. Лито мертв для нее. В ее уме нет ни Джакуруту, ни брата, ищущего затерянное место мифологии Свободных. Начиная с этого мига она не должна думать о Лито как о живом. Она должна вести себя с полнейшей верой в то, что ее брат мертв, убит здесь Лазанскими тиграми. Немногие могли одурачить Вопрошателя Правды, но она знала, что у нее получится. Должно получиться. Многочисленные жизни, жившие в ней, и Лито, научили их, как это сделать: процесс гипноза, бывший древним еще во времена Шебы, хотя, может, она единственная из живущих способна помнить Шебу как реальность. Ока тщательно подавила память глубоким внушением, и долгое время после того, как Лито ушел, перерабатывала свое самосознание, конструируя одинокую сестру, выжившего близнеца — пока наконец полностью в это не поверила. Добившись этого, она обнаружила, что ее внутренний мир погружается в безмолвие, стирается любое его проникновение в ее сознание: побочный эффект, которого она не ожидала.

«Если б только Лито остался в живых, чтобы узнать это», — подумала она, и не сочла эту мысль парадоксальной. Встав, она посмотрела на пустыню, где тигры настигли Лито. Оттуда доносился нарастающий шум, шум, знакомый всем Свободным — проходящего червя. Как ни редки они были в этих местах, но все же червь пришел. Может, предсмертная агония первой кошки... Да, Лито убил одного зверя, прежде чем второй с ним разделался. Странная символика в том, что червь вздумал пожаловать. Так велико было полученное ею, что она видела три темных пятна на песке, двух тигров и Лито. Затем пришел червь, и только пробежавший волной след Шай-Хулуда остался на поверхности песка. Не очень большой червь... Но достаточно велик. И ее внушение не позволяло ей

видеть маленькую фигурку, едущую на окольцованный спине.

Борясь с печалью, Ганима запаковала свой фремкит и осторожно выскользнула из потайного места. Держа руку на пистолете маула, она изучающе обшарила глазами все вокруг. Ни следа человека с радиопередатчиком. Она взобралась вверх по скалам и — через них — к дальней стороне, держась в лунных тенях, выжидая и выжидая, чтобы удостовериться, что никакой убийца не таится на тропе.

За открытым пространством ей видны были светильники Табра, волнообразная активность поисков. Темное пятно двигалось по направлению к Спутнику. Она отбежала подальше к северу от приближающегося отряда, спустилась на песок и отошла в тень дюны. Осторожно, сбивая ритм своих шагов, чтобы не привлечь червя, она устремилась в пустое пространство, отделявшее съетч Табр от места, где умер Лито. Ничто не воспрепятствует ее рассказу о том, как ее брат погиб, спасая ее от тигров.

Глава 28

Правительства, если они сохраняются, всегда склонны устремляться к аристократическим формам. Не известно ни одного правительства в истории, которое бы избежало развития по подобному образцу. И, по мере развития аристократии, правительство все больше и больше склонно действовать исключительно в интересах правящего класса является ли этот класс наследственной знатью, олигархией финансовых империй или окопавшейся бюрократией.

Политика как Повторяющийся Феномен.

Учебное руководство Бене Джессерит.

— Почему он нам это предлагает? — спросил Фарадин. — Вот в чем суть. Они с Башаром Тайкаником стояли в зале для отдыха личных апартаментов Фарадина. Вэнсика сидела на краешке низкого голубого дивана, скорей как зрительница, чем как участница. Она понимала свое положение и возмущалась им, но с того утра, когда она открыла Фарадину их замыслы, в нем произошла устрашающая перемена.

День над замком Коррино близился к закату, и низкий свет подчеркивал тихий комфорт залы — заставленной воспроизведенными в пластинах настоящими книгами, с полками, представлявшими несметное множество бобин с записями, банков данных, свитков шигавира, мнемонических усилителей. Всюду были приметы, что этим помещением много пользуются — потрепанные места на книгах, стертый до яркости металл на мнемоусилителях, сносившиеся уголки на кубиках банков данных. В зале был только один диван, но много кресел все свободно изменяя формой, чтобы ничто не мешало комфорту.

Фарадин стоял спиной к окну. На нем был простой серо-черный мундир сардукара, украшали который лишь золотые львиные когти на отворотах воротника. Он выбрал эту залу для приема своей матери и Башара, надеясь создать атмосферу более непринужденного общения, чем была бы достижима в более формальной обстановке. Но постоянные «Милорд» и «Миледи» Тайканика сохраняли дистанцию.

— Милорд, по-моему, он был не сделал это предложение, будь он неспособен его выполнить, — сказал Тайканик.

— Разумеется, нет! — вмешалась Вэнсика.

Фарадин просто смерил мать взглядом, заставившим ее умолкнуть, и спросил:

— Мы ведь не оказывали никакого давления на Айдахо, не делали никаких попыток добиться выполнения обещания Проповедника?

— Никаких, — ответил Тайканик.

— Тогда почему Данкан Айдахо, особо известный всю жизнь своей фанатичной преданностью Атридесам, предлагает доставить леди Джессику в наши руки?

— Слухи о неурядицах на Арракисе... — рискнула вставить Вэнсика.

— Не подтверждено, — сказал Фарадин. — Возможно ли, чтобы это было подкинуто Проповедником?

— Возможно, — ответил Тайканик. — Но я не в силах постичь мотив. — Он говорит, что ищет для нее убежища, — сказал Фарадин. — Могло бы соответствовать, если слухи...

— Именно, — вставила его мать.

— Или это может быть какой-то уловкой, — сказал Тайканик.

— Мы можем выдвинуть несколько предположений и разобрать их, — сказал Фарадин. — Что, если Айдахо попал в немилость у леди Алии?

— Это бы все объяснило, — проговорила Вэнсика. — Но он...

— До сих пор нет весточки от контрабандистов? — перебил Фарадин. — Почему мы не можем...

— Линии связи всегда работают медленно в это время года, — ответил Тайканик. — И требования безопасности...

— Да, конечно, но, все равно... — Фарадин покачал головой. — Мне не нравится наше предположение.

— Не спеши его отвергать, — сказала Вэнсика. — Все эти сплетни про Алию и жреца, как его там...

— Джавид, — сказал Фарадин. — Но этот человек явно...

— Для нас он ценный источник информации, — сказала Вэнсика.

— Я как раз собирался сказать, что он явно двойной агент, проговорил Фарадин. — Как он мог навлечь на себя такие обвинения? Ему больше не следует доверять. Слишком много признаков...

— Никак их не вижу, — сказала она.

Ее тупость внезапно его разозлила.

— Поверь мне на слово, мама! Признаки есть — я объясню позже.

— Боюсь, я должен согласиться, — сказал Тайканик.

Уязвленная Вэнсика погрузилась в молчание. Как они смеют подобным образом вытихивать ее из Совета? Словно она какая-нибудь легкомысленная вертихвостка, которая...

— Мы не должны забывать, что Айдахо некогда был гхолой, — сказал Фарадин. — Тлейлакс... — он покосился на Тайканика.

— Это направление будет обследовано, — заявил Тайканик он восхищался тем, как работают ум Фарадина: живо, пытливо, остро. Да, Тлейлакс, вернувший жизнь Айдахо, мог вмонтировать в него мощную кнопку для собственного использования.

— Но я не в силах уяснить мотив Тлейлакса, — сказал Фарадин.

— Капиталовложение в наше преуспеяние, — предположил Тайканик. -Небольшая страховка ради будущих выгод?

— Я бы назвал это крутым капиталовложением, — сказал Фарадин.

— Опасным, — вставила Вэнсика.

Фарадин должен был с ней согласиться. Способности леди Джессики славились по всей Империи. В конце концов, это именно она обучала Муад Диба.

— Если станет известно, что она у нас, — сказал Фарадин.

— Да, меч обоюдоостр, — сказал Тайканик. — Но нет нужды делать это известным.

— Допустим, — предположил Фарадин, — мы принимаем предложение. В чем ее ценность? Можем мы обменять ее на что-нибудь очень важное?

— Не в открытую, — сказала Вэнсика.

— Разумеется, нет, — Фарадин выжидающе взглянул на Тайканика.

— Это еще надлежит рассмотреть, — сказал Тайканик.

— Да, — кивнул Фарадин. — По-моему, если мы согласимся, то нам следует рассматривать леди Джессику как деньги, отложенные на неопределенную цель. В конце концов, богатство вовсе не обязательно тратить на какую-то особую вещь. Оно просто потенциально полезна.

— Она будет очень опасной пленницей, — сказал Тайканик.

— Это, разумеется, тоже надо взвесить, — ответил Фарадин. — Мне рассказывали, что ее премудрость Бене Джессерит позволяет ей манипулировать человеком лишь благодаря искусному применению своего голоса.

— Или своего тела, — добавила Вэнсика. — Однажды Ирулэн раскрыла мне некоторые из секретов, которым была обучена. Но она много задавалась в то время, и настоящих доказательств я не увидела. И все равно, существуют весьма убедительные данные, что у учениц Бене Джессерит есть свои способы для достижения целей.

— Ты что, предполагаешь, она может меня соблазнить? — спросил Фарадин.

Вэнсика только плечами пожала.

— Я бы сказал, она для этого немножечко старовата, а? — осведомился Фарадин.

— О Бене Джессерит никогда нельзя сказать наверняка, — ответил Тайканик.

Фарадин ощущал дрожь возбуждения, слегка окрашенного страхом. Игра в игру восстановления высокого престола власти Дома Коррино и привлекала, и отталкивала его одновременно. Насколько же оно оставалось заманчивым, побуждение бросить эту игру ради излюбленных занятий — исторических исследований и изучения общепринятых обязанностей правления Салузой Второй. Восстановление сардукарского войска — само по себе изрядная задача... и для выполнения ее Тайканик так и оставался хорошим инструментом. Одна эта планета, в конце концов — огромная ответственность. Но — Империя — еще большая ответственность и, как орудие власти, намного привлекательней. И чем больше он читал про Муад Диба (Пола Атридеса), тем больше прельщали Фарадина возможности использования власти. Номинальный глава Дома Коррино, наследник Шаддама IV, каким великим достижением было бы вернуть свою династию на Львиный Трон. Он хочет этого! Хочет. Фарадин обнаружил, что, несколько раз повторив про себя это обворожительное заклинание, он может преодолеть минутные сомнения.

— ...и, конечно, — говорил Тайканик, — Бене Джессерит увидит, что мир поощряет агрессию, отсюда разжигая войну. Парадокс...

— Как мы перешли к этой теме? — спросил Фарадин, вновь обращая свое внимание к предмету дискуссии.

— Ну как же! — сказала Вэнсика. — Я просто спросила, знаком ли Тайк с направляющей философией Бене Джессерит.

— Не будем относиться к философии слишком почтительно, — произнося это, Фарадин повернулся лицом к Тайканику. — Что до предложения Айдахо, то, по-моему, нам надо навести дальнейшие справки. Когда мы воображаем, будто что-то знаем, то это именно тот момент, когда надо приглядеться поглубже.

— Будет сделано, — Тайканику нравилась жилка осторожности в Фарадине, но, он надеялся, она не повлияет на те военные решения, где требуются точность и быстрота.

С кажущейся неуместностью, Фарадин спросил:

— Вы знаете, что самое интересное в истории Арракиса? Обычай свободных дикарских времен — убивать каждого, попавшегося на глаза без стилсьюта с его легко различимым и характерным капюшоном.

— Что тебя восхищает в стилсьюте? — спросил Тайканик.

— Значит, ты уловил, да?

— Да что мы могли уловить — спросила Вэнсика.

Фарадин бросил на мать раздраженный взгляд — и что она вмешивается этаким образом? И сосредоточил свое внимание на Тайканике:

— Стилсьют — ключ к характеру планетянина, Тайк. Это — отличительная черта Дюны. Люди склонны сосредоточиваться на физических характеристиках: стилсьют сохраняет влагу тела, замыкает ее в цикле и делает возможным существование на этой планете. Ты ведь знаешь, у Свободных был обычай иметь по одному стилсьюту на каждого члена семьи, КРОМЕ собирателей пищи. Те еще имели запасной. Но, оба вы, заметьте, пожалуйста... — он сделал жест, охватывающий и его мать. — Насколько по всей Империи вошли в моду одеяния, имеющие видимость стилсьютов, но ими на самом деле не являющиеся. Одна из главенствующих людских черт — подражать завоевателю!

— Ты действительно считаешь, что эта информация полезна? озадаченным тоном спросил Тайканик.

— Тайк, Тайк, нельзя править, не имея такой информации. Я сказал, что стилсьют — ключ к характеру, и так оно и есть! Это вещь консервирующая. И те ошибки, что они совершают — будут ошибками консервативности.

Тайканик бросил взгляд на Вэнсику, встревоженно и хмуро смотревшую на своего сына. Предложенные Фарадином характеристики и привлекали, и беспокоили Башара. Совсем непохоже на старого Шаддама. Нет, тот был по сути своей сардукаром — воякой-убийцей почти без сдерживающих центров. Но Шаддам пал перед Атридесами, сокрушенный этим проклятым Полом. Да, то, что Тайканик читал о Поле, указывало на те же черты, какие были сейчас обрисованы Фарадином. Вполне вероятно, что Фарадин будет меньше колебаться, чем Атридесы, если жестокость будет необходима — но это его сардукарская выучка.

— Многие правила и не пользуясь информацией такого рода, — сказал Тайканик.

Фарадин только пристально поглядел на него одно мгновение. Затем сказал:

— Правили и терпели провал.

Рот Тайканика сузился до жесткой линии при этом явном намеке на крушение Шаддама. Это ведь было и крушение сардукаров — и ни один сардукар не способен был вспоминать о нем с легким сердцем.

Отпустив это замечание, Фарадин сказал:

— Видишь ли, Тайканик, влияние планеты на массовое бессознательное ее обитателей никогда полностью не осмыслилось. Чтобы нанести поражение Атридесам, мы должны понимать не только Келадан, но и Арракис: одна планета приветлива, другая — тренировочная площадка для крутых решений. Союз Атридесов и Свободных — это явление уникальное. Мы должны разобраться, как оно работает, или мы не сможем поравняться с ними, не говоря уже о том, чтобы их победить.

— Что это имеет общего с предложением Айдахо? — спросила Вэнсика.

Фарадин жалостливо глянул на мать.

— Их поражение начнется с того потрясения, которое мы подкинем в их общество. Это очень могучее оружие — потрясение. И отсутствие его тоже важно. Разве вы не замечали, что Атридесы способствуют легкому и беспрепятственному развитию здесь, у нас?

Тайканик позволил себе коротко кивнуть в знак согласия. Хорошее замечание. Нельзя было бы позволять сардукарам развиваться так беспрепятственно. Но предложение Айдахо продолжало его смущать. Он сказал: — Может быть, лучше всего было бы отвергнуть это предложение.

— Пока еще нет, — возразила Вэнсика. — Перед нами — широкое поле выбора. Наша задача — исследовать все вероятности, какие только возможно. Мой сын прав — нам нужно больше информации.

Фарадин пристально на нее поглядел, оценивая ее намерения, точно так же, как и внешнюю словесную оболочку ей сказанного.

— А мы сообразим, когда минуем ту точку, за которой больше нет свободы выбора? — спросил он.

— Если меня спросите, мы давно уже миновали эту точку, и возврата нет, — кисло хмыкнул Тайканик. Фарадин запрокинул голову и громко расхохотался.

— Возврата нет, но выбор есть, Тайканик! Когда мы дойдем до конца каната — трудно будет не понять, где мы находимся!

Глава 29

В наш век, когда средства транспортировки людей включают устройства, способные в мгновение ока преодолевать глубины космоса, и другие устройства, способные быстро переносить людей над поверхностями совершенно непроходимых планет, кажется странным помышлять о долгих пеших путешествиях. И все-таки это является основным способом передвижения на Арракисе — факт, частично обязаный отдаваемому предпочтению, а частично тому жестокому обращению, которое уготовано планетой для всяческих механических приспособлений. В суровых условиях Арракиса человеческое тело является самым устойчивым и надежным ресурсом для хадджа. Может быть, именно скрытое осознание этого факта и делает Арракис совершенным зеркалом души.

Карманная книга хадджа.

Ганима пробиралась назад, в Табр, очень медленно и осторожно, держась в глубочайших тенях дюн, неподвижно съеживаясь, когда к югу от нее проходил поисковый отряд. Сознание ее было охвачено ужасом — червь, пожравший тигров и тело Лито, опасности впереди. Он погиб — ее брат-близнец погиб. Она подавила слезы, нянча свою ярость. В этом она была чистейшей Свободной. И она знала это — этим упиваясь.

Она поняла то, что говорилось о Свободных. Они, якобы, не имели совести, утеряв ее в жгучей жажде мести тем, кто гонял их с планеты на планету в их долгих странствиях. Глупость, конечно. Только у самых диких первобытных нет совести. У Свободных — высокоразвитая совесть, сосредоточенная на их благополучии как народа. Только пришельцам они кажутся зверями — точно так же, как пришельцы кажутся зверями Свободным. Всякий Свободный очень хорошо знает, что способен совершить жестокость, не испытав чувства вины. Свободные не чувствуют вины за то, что пробуждает это чувство в других. Их ритуалы обеспечивают им избавление от чувства вины, иначе бы оно могло их погубить. Потаенными глубинами своего сознания они понимают, что всякий проступок может быть приписан, хотя бы частично, хорошо известным извинительным обстоятельствам: «несостоятельности власти» или «ЕСТЕСТВЕННОЙ дурной склонности» ли — разделляемой всеми людьми, или «невезению», которое любое ощущающее создание должно быть способно распознавать как столкновение между смертной плотью и внешним хаосом мироздания.

В этом отношении Ганима чувствовала себя чистой Свободной, побегом, тщательно усвоившим племенную жестокость. Ей нужна была только цель — и целью, явно, был Дом Коррино. Она жаждала увидеть, как брызнет на землю к ее ногам кровь Фарадина.

У канала ее не подстерегали никакие враги. Даже поисковые отряды ушли еще куда-то. Она пересекла канал по земляному мосту, прокрались сквозь высокую траву к тайному выходу из съетча. Внезапно впереди нее полыхнул свет, и Ганима ничком распростерлась на земле. Она пригляделась сквозь высокие стебли алфалфы. Снаружи в проход вошла женщина, и кто-то позаботился приготовить ей вход так, как следовало быть приготовленным любому входу в съетч. В тревожные времена всякого приходящего в съетч встречали яркой вспышкой света, чтобы на время ослепить пришельца и дать охране время на принятие решения. Но такой свет никогда не должен был светить далеко в пустыню. Видимый здесь свет означал, что отомкнуты внешние запоры.

Ганиме горько стиснуло сердце, это нарушение законов безопасности съетча — струящийся свет. Да, везде и всюду признаешь этих Свободных в кружевных рубашках!

Свет продолжал светить веером на землю перед основанием кручи. Из тьмы сада на свет выбежала девушка, что-то боязливое было в ее движениях. Ганиме виден был яркий круг глouглоба внутри прохода и ореол насекомых вокруг него. Свет освещал две темные фигуры в проходе — мужчину и девушку. Они стояли, взявшись за руки и глядя в глаза друг другу.

Ганима ощутила что-то не то. Не просто любовники это были, подстерегающие момент, чтобы б ускользнуть из съетча. Свет был рассеян в проходе над ними и позади них. Они разговаривали на фоне светящейся арки, отбрасывая наружу длинные тени — где каждый мог наблюдать за их движениями по этим теням. Мужчина то и дело освобождал руку, и делал жест — быстрый и резкий жест украдкой, который тоже воспроизводился отбрасываемыми тенями. Тьму вокруг наполнили одинокие звуки ночных созданий. Ганима отгородила сознание от этих отвлекающих звуков. Так что же с этими двумя неладного?

Движения мужчины так скованы, так осторожны.

Он повернулся. Отражение от одеяния женщины его осветило, показав мясистое красное лицо с большим пятнистым косом. Ганима испустила глубокий и бесшумный вздох узнавания.
ПАЛИШАМБА! Внук наиба, сыновья которого пали на службе Атридесов. Лицо — и еще одно, обнажившееся, когда пола его робы взметнулась при его повороте — обрисовали для Ганимы законченную картину. Под накидкой у него был пояс, а к поясу пристегнута коробочка, поблескивавшая рычажками и циферблатами. Наверняка, изделие Тлейлакса или Иксиана. И,

несомненно — передатчик, освободивший тигров. Палишамба. Это означало, что еще один находит перешел на сторону Дома Коррино.

Кто же тогда эта женщина? Неважно. Кто-то, кого Палишамба использует. Мысль Бене Джессерит вдруг вторглась в сознание Ганимы: «У каждой планеты свой собственный срок, равно как и у каждой жизни».

Она отлично припомнила Палишамбу, наблюдая за ним и этой женщиной, видя его передатчик, его жесты украдкой. Палишамба преподавал в школе съетча. Математику. Начетчик и невежда. Пытался объяснить учение Муад Диба через математику, пока Жречество этого не запретило. Поработитель умов, и процесс этого порабощения можно было понять предельно просто: он передавал технические знания, не передавая истинных ценностей.

«Мне бы следовало заподозрить его раньше, — подумала она. — Все признаки были налицо».

А затем, со жгучим спазмом в животе: «Он убил моего брата!?

Она принудила себя к спокойствию. Палишамба и ее убьет, если она попробует настичь его здесь, в тайном входе. Теперь она поняла, и почему совсем не в духе Свободных свет выставлен напоказ, выдавая секретный вход.

В этом свете они наблюдали, не ускользнул ли кто-нибудь из жертв. Наверняка испытание для них — ждать так в незнании. И теперь, когда Ганима разглядела передатчик, она могла с уверенностью объяснить движения руки. Палишамба часто и сердито нажимал на один из рычажков передатчика.

О многом говорило Ганиме присутствие этой пары. Весьма вероятно, подобный наблюдатель таится в глубине у каждого входа в съетч.

В носу ей защекотала пыль, и она почесала нос. Ее раненая нога продолжала пульсировать, а руку то ломило, то жгло. Пальцы оставались бесчувственными. Если дойдет до использования ножа, ей придется держать его в левой руке.

Ганима подумала о том, чтобы воспользоваться пистолетом маула, но его характерный звук наверняка привлечет нежелательное внимание. Следовало найти другой путь.

Палишамба опять отвернулся от входа — темная фигура на фоне света. Наружу стала смотреть разговаривавшая с ним женщина. В женщине была живость хорошей вышколенности — она знала как, краем глаз, следить за тенями. Значит, она не была просто полезным орудием. Она была частью более глубокого заговора.

Теперь Ганима припомнила, что Палишамба домогался места Каймакана, политического губернатора Регентства. Он — часть более широкого заговора, это ясно. У него много сторонников. Даже здесь, в Табре. Ганима рассматривала все грани возникавшей таким образом проблемы, исследуя ее. Если бы ей удалось хоть одного из этих стражей захватить живьем, то поплатились бы и многие другие.

Внимание Ганимы привлекло «ф-сс» небольшого животного, пьющего из кваната. Естественные звуки и естественные вещи. Память ее отправилась в поиск через странный барьер безмолвия в ее мозгу, нашла там жрицу Джоуфа, взятую в плен в Ассирии Сеннахерибом. Воспоминания этой жрицы подсказали Гамме, что следует делать. Палишамба и женщина были просто детьми, загораживающими путь и опасными. Они ничего не знали о Джоуфе, не знали даже о той планете, на которой Сеннахериб и жрица обратились в прах. То, что вот-вот должно было произойти с парой заговорщиков, могло бы быть объяснено им — будь им это объяснено — в понятиях, берущих свое начало здесь.

И кончающихся здесь.

Перекатившись набок, Ганима скинула фремкит, отстегнула трубку пескошноркеля, откупорила ее, удалила из нее длинный фильтр. Теперь у нее была сквозная трубочка. Выбрала иголку из запасного ремонтного комплекта, обнажила криснож и обмакнула иголку в полость с ядом на кончике ножа туда, где некогда находился нерв червя. Раненая рука затрудняла ей работу. Движения ее были медленны и осторожны, с опаской держа отправленную иглу, она извлекла из набора комок спайсовой ваты. Тупой конец иглы она туго закрепила в этом комке, и затем так же туго вогнала свой металлический снаряд в трубку пескошноркеля.

Прямо держа свое оружие, Ганима подползла чуть ближе к свету, двигаясь медленно, чтобы как можно меньше задевать стебли алфалфы. При этом она внимательно присматривалась к танцующему скоплению насекомых Да, среди них были мухи пьюм, известные своими болезненными укусами. Отравленное острие может остаться незамеченным — по нему хлопнут, как по укусившей мухе, и смахнут с тела. Оставалось решить кого из них поразить мужчину или женщину.

МУРИЦ. Имя само по себе выпрыгнуло в памяти Ганимы. Так звали женщину. Ей припомнилось то, что о ней говорилось. Одна из тех, кто вьется вокруг Палишамбы, как насекомые вокруг источника света. Она — слабее, на нее легче воздействовать.

Очень хорошо. Палишамба выбрал на сегодняшнюю ночь неподходящую напарницу.

Ганима поднесла трубку ко рту, осторожно вздохнула — и выдула воздух одним мощным толчком.

Палишамба хлопнул по щеке, отвел руку с пятнышком крови на ней. Иглы нигде не было видно, он своей собственной рукой смахнул ее прочь.

Женщина сказала что-то утешающее, и Палишамба рассмеялся. Он еще смеялся, но его ноги начали уже подкашиваться. Он осел на женщину, пытавшуюся его поддержать. Она зашаталась под его тяжестью. В это время к ней подошла Ганима и прижала к ее пояснице острие обнаженного крисножа. Словно болтая о пустяках, Ганима сказала:

— Без лишних движений, Муриц. Мой нож отравлен. Можешь отпустить Палишамбу. Он мертв.

Глава 30

Во всех главных общественных силах вы обнаружите подспудное движение к обретению и удержанию власти через использование слов. От захаря и жреца и до бюрократа это одно и то же. Управляемое население должно безусловно принимать слова власти как действительность, путать символизированную систему с осозаемым мирозданием. При поддержании такой системы власти, определенные символы сохраняются вне общего понимания — символы, имеющие дело с регулированием экономики или с определением местной интерпретации здравомысления. Такая форма символа-тайны ведет к развитию фрагментированных субязыков, каждый становится сигналом, что его пользователи вобрало определенную форму власти. С этой точки постижения процессов власти, наши Имперские Силы безопасности всегда должны настороженно следить за формированием субязыков.

— Наверно, незачем вам это говорить, — сказал Фарадин, — но, во избежание любых ошибок, я сообщу, что здесь спрятан тайный наблюдатель, которому приказано убить вас обоих, если только во мне проявятся признаки, что я поддаюсь колдовским чарам.

Он не ожидал, что его слова произведут какой-то эффект. И леди Джессика, и Айдахо полностью соответствовали его представлениям.

Фарадин со тщанием выбирал обстановку для первого допроса этой пары и остановился на прежней Палате Государственных Аудиенций Шаддама. То, что она проигрывала в величественности, наверстывалось в экзотике обстановки. Снаружи был зимний день, но светом в этом помещении без окон создавался бесконечный летний день, залитый золотым светом искусно размещенных глоуглобов из чистейшего иксцанского хрусталия.

Новости с Арракиса наполнили Фарадина тихой робостью. Лито, брат-близнец, мертв, убит тигром-убийцей. Ганима, выжившая сестра, под опекой своей тетки и, как предполагалось, заложница. Полный доклад во многом объяснил появление Айдахо и леди Джессики. Они искали убежища. Шпионы Коррино докладывали о натянутом перемирии на Арракисе. Алия согласилась подвергнуться проверке, называемой «Испытание на Одергимость», цель которой не полностью была объяснена. Однако, не было назначено даты этого испытания — и шпионы Коррино полагали, что она никогда не будет назначена. Хотя, вот что было несомненным: произошедшие сражения между Свободными пустыни и Свободными Вооруженных Сил Империи, зачатки гражданской войны, временно парализовавшие правительство. Владения Стилгара являлись теперь нейтральной зоной, предназначенной для обмена заложниками. Ганима явно рассматривалась как одна из заложниц, хотя оставалось неясно, что же именно происходит в ее отношении.

Джессика и Айдахо были доставлены на встречу надежно привязанными к супензорным креслам. Их опутывали угрожающие тонкие нити шигавира, которые бы впились в тело при малейшем порыве. Доставили их два сардукарских пехотинца, проверили путь и молча удалились.

Предупреждение было, разумеется, излишним. Джессика заметила вооруженного немого справа от нее, со старым но эффективным метательным оружием в руке. Взгляд ее стал блуждать по экзотической отделке комнаты. Широкие листья редких железных кустов были отделаны крупными жемчужинами и переплетались, образовывая центральный полумесец купольного потолка. Пол был выложен алмазным деревом и раковинами кабузу, оправленными в прямоугольные рамочки из кости пассаквета. Из них же были сделаны и плинтуса, обрезанные лазером и отполированные. Отобранные твердые материалы украшали стены тиснеными переплетающими узорами, окаймлявшими четыре львиных символа — герб, права на который почитали своими потомками покойного Шаддама IV. Львы были сделаны из самородного золота.

Фарадин решил принимать пленников стоя. На нем были короткие форменные брюки и светло-золотистая куртка сшелковым, как у эльфа, воротом. Единственным украшением на нем была величественная пылающая звезда — знак его королевской Семьи — слева на его груди. Сопровождавший его Башар Тайканик был облачен в сардукарский мундир дубленой кожи и тяжелые ботинки; в пристегнутой спереди, у пряжки ремня, кобуре был богато разукрашенный лазерный пистолет. Тайканик, суровое лицо которого было знакомо Джессике по докладам Бене Джессерит, стоял тремя шагами левее и чуть сзади Фарадина. Единственный трон темного дерева стоял у стены прямо позади Фарадина и Тайканика.

— Ну, — Фарадин обратился к Джессике, — что у вас имеются мне сказать?

— Я бы осведомилась, почему мы связаны таким образом? — Джессика жестом указала на шигавир.

— Мы только что получили донесения из Арракиса, объясняющие ваше присутствие здесь, — сказал Фарадин. — Возможно, мне вскоре придется вас освободить, — он улыбнулся. — Если вы... — он осекся, потому что через парадную дверь позади пленников вошла его мать.

Вэнсика торопливо прошла мимо Джессики и Айдахо, даже на них не взглянув, и, вручив Фарадину

кубик послания, включила его. Фарадин посмотрел на засветившуюся сторону, бросил мимоходом взгляд на Джессику, опять перевел глаза на кубик. Изображение померкло, и он вернул кубик матери, знаком показав ей, чтобы она передала послание Тайканику. Пока она передавала, он хмуро посмотрел на Джессику.

Вскоре Вэнсика уже стояла справа от Фарадина, погасший кубик в ее руке частично был скрыт в складке ее белого платья.

— Бене Джессерит недоволен мной, — сказал Фарадин. — Они считают меня ответственным за смерть вашего внука.

Лицо Джессики не выразило никаких эмоций. Она подумала: «Значит, рассказу Ганимы нужно доверять, если только не...» Она не любила подозревать неизвестное.

Айдахо закрыл глаза и, открыв их, взглянул на Джессику. Та продолжала смотреть на Фарадина неотрывным взором. Айдахо рассказал ей о своем видении Рхаджии, но она, вроде бы, не обеспокоилась. Он не знал, к чему отнести ее отсутствие переживаний. Хотя, она явно знает что-то, чего не открывает.

— Такова ситуация, — сказал Фарадин, и принялся рассказывать обо всем, что он знал о событиях на Арракисе, ничего не упуская. — Ваша внучка выжила, но она, судя по всему, под опекой леди Алии. Это должно вас радовать, — закончил он.

— Моего внука убил ты? — спросила Джессика.

Фарадин ответил правду:

— Нет. Недавно я узнал о заговоре, но затеян он был не мной.

Джессика взглянула на Вэнсику, увидела злорадство на ее лице сердечном и подумала: «Ее работа! Козы и львицы ради своего львенка. Из тех игр, о которых львица может еще сильно пожалеть».

Вновь перенеся внимание на Фарадина, Джессика сказала:

— Но Сестры убеждены, что убил его ты.

Фарадин повернулся к матери:

— Покажи ей послание.

Поскольку Вэнсика заколебалась, он заговорил, едва сдерживая гнев, что Джессика немедленно отметила, чтобы воспользоваться в будущем:

— Я сказал — покажи ей!

С бледным лицом, Вэнсика поднесла рабочую поверхность кубика к глазам Джессики, включила его. По экранчику поплыли слова, скорость их прохождения соразмерялась с движением глаз Джессики: «Совет Бене Джессерит на Валлах Девятой выдвинул официальный протест против Дома Коррино за убийство Лито Атридеса II. Доводы и наличествующие улики направляются во Внутренний Комитет Безопасности Ландсраада. Будет выбрана нейтральная территория, имена судей будут представлены на одобрение всем сторонам. Требуем вашего незамедлительного ответа. От Ландсраада, Сабит Рекуш». Вэнсика вернулась и встала рядом с сыном.

— Как вы собираетесь ответить? — спросила Джессика.

Ответила Вэнсика:

— Поскольку мой сын не введен еще официально в ранг главы дома Коррино, я буду... Куда ты уходишь? — последние адресовалось Фарадину, повернувшемуся и направившемуся к боковой двери возле бдительного немого. Фарадин сделал паузу, затем полуобернулся:

— Назад к моим книгам и другим занятиям, которые для меня намного интересней.

— Как ты смеешь? — вопросила Вэнсика, на лицо ее набежала мгновенная тень.

— Я очень немногое смею ради себя самого, — ответил Фарадин. — Ты от моего имени принимаешь решения — решения, которые я нахожу крайне противными. Либо с этого момента я сам буду принимать за себя решения либо поищи Дому Коррино другого наследника!

Джессика, быстро переводившая взгляд с одного на другого участников стычки, увидела на лице Фарадина неподдельный гнев. Башар стоял, застыв по стойке «смирно», всем своим видом стараясь показать, что он ничего не слышал. Вэнсика заколебалась — на грани необузданной вспышки

ярости. Фарадин, вроде бы, был совершенно не прочь против любого исхода своего хода ва-банк. Джессика даже восхитилась его позицией — улавливая в этой стычке многое, что могло оказаться для нее ценным. Похоже было, решение наслать на ее внуков тигров-убийц было принято без ведома Фарадина. Немного оставалось сомнений в правдивости его слов, что он узнал о заговоре только когда тот был уже запущен. Нельзя было ошибиться в истинности гнева в его глазах, пока он стоял, ожидая любого решения. Вэнсика сделала глубокий дрожащий вздох. Затем:

— Очень хорошо. Официальное введение в должность состоится завтра. Можешь заранее действовать сейчас как наделенный всей полнотой власти, она взглянула на Тайканика, спрятавшего от нее глаза.

«Между матерью и сыном будет яростная схватка, как только они выйдут отсюда, — подумала Джессика. — Но я верю, что победит он». Она вернулась мыслями к посланию Ландсраада. Бене Джессерит рассыпал свои весточки с тонкостью, делавшей честь их продуманной расчетливости. Под оболочкой официального протesta скрывалось послание для глаз Джессики. Сам факт послания говорил, что шпионы Сестер знают о положении Джессики — и что Бене Джессерит сверхточно оценивает Фарадина в своем предположении, что он покажет это послание своей пленнице.

— Я бы хотела получить ответ на свой вопрос, — обратилась Джессика к Фарадину, когда тот вернулся и вновь оказался лицом к лицу с ней.

— Я сообщу Ландсрааду, что не имею ничего общего с убийством, ответил Фарадин. — Я добавлю, что разделяю глубокое отвращение Сестер к тому, как это было сделано, хотя и не могу быть от всей души огорчен исходом. Приношу мои извинения за всю скорбь, которого это, может быть, вам причиняет. От судьбы не уйдешь.

«От судьбы не уйдешь!» — это было любимой присказкой ее Герцога, и что-то в интонации Фарадина показывало, что это было ему известно. Она заставила себя исключить вероятность того, что Лито действительно убит. Она должна считать страхи Ганимы за Лито полностью обнажившимся замыслом близнецов. А тогда, контрабандисты обеспечат встречу Гурни и Лито, и в ход будут пущены механизмы Бене Джессерит. Лито должен будет пройти испытание. Должен. Без испытания он обречен, как Алия. А Ганима... Что ж, это можно рассмотреть потом. Нет способа направить предрожденных к Преподобной Матери Ганус Хэлен Моахим.

Джессика глубоко вздохнула.

— Раньше ли, позже, — сказала она, — кому-нибудь придет в голову, что ты и моя внучка могли бы объединить два Дома и залечить старые раны.

— Это было мне уже упомянуто, в одной из вероятностей, — Фарадин быстро глянул на мать. — Я ответил, что предпочту подождать исхода последних событий на Арракисе. Нет надобности в поспешных решениях.

— И никуда не денется вероятность того, что ты уже сыграл на руку моей внучке, — сказала Джессика.

Фарадин напрягся.

— Объясните.

— Дела на Арракисе не таковы, какими могут тебе показаться, проговорила Джессика. — Алия играет свою собственную игру. Игру Богомерзости. Моя внучка в опасности — если только Алия не себе на уме, как ее можно использовать.

— Вы хотите, чтобы я поверил, будто вы и ваша дочь противостоите друг другу, будто Атридесы сражаются против Атридесов?

Джессика поглядела на Вэнсику, затем опять на Фарадина.

— Коррино ведь сражаются против Коррино.

Губы Фарадина тронула кислая улыбка.

— Хорошо поддели. И как же я сыграл бы на руку вашей внучке?

— Оказавшись замешанным в смерти моего сына и в похищении меня.

— В похищении...

— Не доверяй этой ведьме, — предостерегла Вэнсика.

— Я выберу, кому доверять, мама, — ответил Фарадин. — Простите меня, леди Джессика, но насчет похищения я не понимаю. Я так понял, что вы и ваш верный вассал...

— Являющийся мужем Алии, — проговорила Джессика.

Фарадин смерил Айдахо оценивающим взглядом и повернулся к Башару:

— Что думаешь, Тайк?

Мысли Башара явно были сходны с высказанными Джессикой.

— Мне нравятся ее доводы. Осторожность! — сказал он.

— Он — гхола-ментат, — проговорил Фарадин. — Даже подвергнув его смертельному испытанию, мы можем и не получить определенного ответа.

— Но предположение, что нас, вполне возможно, провели, вполне достоверно, — сказал Тайканик.

Джессика поняла, что настал момент сделать свой ход. Если только печаль Айдахо заставит его и дальше держаться в пределах раз выбранной им роли. Ей не хотелось использовать его таким образом, но были более важные соображения.

— Начать с того, — сказала Джессика, — что я могу открыто заявить: я прибыла сюда по собственному свободному выбору.

— Интересно, — сказал Фараон.

— Вам бы надлежало доверять мне и предоставить мне полную свободу на Салузе Второй, — сказала Джессика. — Никак нельзя по мне вообразить, будто я говорю по принуждению.

— Нет! — запротестовала Вэнсика.

Фарадин ее проигнорировал.

— Какие у вас есть доводы?

— То, что я полномочный представитель Бене Джессерит, посланный сюда, чтобы заняться твоим образованием.

— Но Сестры обвиняют...

— Это требует от тебя решительных действий, — сказала Джессика.

— Не доверяй ей! — провозгласила Вэнсика.

Фарадин, взглянув на нее, сказал с предельной учтивостью:

— Если ты еще раз меня перебьешь, мама, я велю Тайку тебя удалить. Он слышал, как ты согласилась на мое официальное введение в права. А это переподчиняет его МНЕ.

— Она ведьма, говорю тебе! — Вэнсика поглядела на немого у стены.

Фарадин заколебался и спросил:

— А ты что думаешь, Тайк? Я околдован?

— По моему разумению, нет. Она..

— Вы оба околдованы!

— Мама, — тон его голоса был бесстрастен и окончателен.

Вэнсика стиснула кулаки, попробовала заговорить, развернулась всем телом и вылетела из помещения.

Опять обращаясь к Джессике, Фарадин спросил:

— Согласится ли с этим Бене Джессерит?

— Да.

Фарадин продумал все из этого вытекающее, натянуто улыбнулся.

— Чего Сестры хотят всем этим достичь?

— Твоего брака с моей внучкой.

Айдахо бросил на Джессику вопрошающий взгляд, шевельнулся, будто собираясь заговорить, но промолчал.

— Ты собирался что-то сказать, Данкан? — спросила Джессика.

— Я собирался сказать, что Бене Джессерит хотят того же, чего всегда хотели — такого миропорядка, который бы им не докучал.

— Очевидное предположение, — сказал Фарадин. — Но не понимаю, почему ты с ним вклинился.

Пути шигавира не позволяли Айдахо пожать плечами, поэтому он только поднятием бровей обозначил этот жест. И улыбнулся смущенно.

Фарадин, увидевший улыбку, резко повернулся к Айдаху:

— Я тебе смешон?

— Мне вся ситуация смешна. Кто-то из твоей семьи договорился с Космическим Союзом, чтобы они доставили на Арракис орудия убийства, орудия, предназначение которых невозможно было скрыть. Ты оскорбил Бене Джессерит, убив того, кого они хотели для своей программы разви...

— Ты называешь меня лжецом, гхола?

— Нет. Я верю, что ты не знал о заговоре. Но я подумал, что ситуацию нужно навести на фокус.

— Не забывай, что он ментат, — предупредила Джессика.

— Именно об этом я и думаю, — Фарадин опять повернулся к Джессике. -Допустим, я освобожу вас, и вы выступите со своим заявлением. Все равно останется дело о смерти вашего внука. Ментат прав. — Это сделала твоя мать? — спросила Джессика.

— Милорд! — остерьег Тайканик.

— Все в порядке, Тайканик, — Фарадин непринужденно махнул рукой. — А если я скажу, что это моя мать?

Рискнув проверить, насколько глубока внутренняя трещина между Коррино, Джессика сказала:

— Ты должен осудить ее и изгнать.

— Милорд, — сказал Тайканик. — Здесь могут быть плутни внутри плутней.

— И если кто стал их жертвой, то это мы с леди Джессикой, — сказал Айдахо.

У Фарадина подобралась челюсть.

А Джессика подумала: «Не вмешивайся, Данкан! Не сейчас!» Но слова Данкана привели в действие ее собственные логические способности Бене Джессерит. Он ее потряс. Она начала сомневаться, возможно ли, что ее используют таким образом, которого она не понимает. Ганима и Лито... Предрожденные способны черпать из внутреннего опыта бесчисленных существований, их запасник, в котором можно найти совет, намного просторней, чем тот, от которого зависит любая из живущих Бене Джессерит. И есть еще один вопрос: совершенно ли были с ней откровенны ее же Сестры? Они могли до сих пор ей не доверять. В конце концов, она однажды их предала... ради своего Герцога.

Фарадин, недоуменно нахмурясь, посмотрел на Айдаху.

— Ментат, мне нужно знать, что значит для тебя этот Проповедник.

— Он устроил наше прибытие сюда. Я... Мы не перемолвились и десятью словами. Другие действовали от его имени. Он вполне может быть... Он вполне может быть Полом Атридесом, но у меня недостаточно данных для полной уверенности. Все, что я знаю наверняка — для меня наступило время удалиться, и у него были для этого средства.

— Ты говоришь, что тебя околпачили, — напомнил Фарадин.

— Алия рассчитывает, что ты нас тихо убьешь и скроешь все концы в воду, — сказал Айдахо. — Избавя ее от леди Джессики, я бы перестал быть ей полезен. А леди Джессика, отслужив целям Сестер, бесполезна для них. Алия призовет к ответу Бене Джессерит, но она проиграет.

Джессика, сосредоточиваясь, закрыла глаза. Он прав! Она слышала в его голосе твердость ментата, глубокую убежденность в каждом делаемом заявлении. Все сходилось тютелька в тютельку, без зазора. Она два раза глубоко вздохнула, вошла в мнемонический транс, прокрутила все данные в своем мозгу, вышла из транса, открыла глаза. Все это она проделала, пока Фарадин переходил от нее к Данкану и остановился в полу шаге перед ним расстояние не более трех шагов. — Не говори больше ничего, Данкан, — сказала Джессика, горестно припомнив, как Лито предостерегал ее против методики Бене Джессерит. Готовый заговорить Айдахо закрыл рот.

— Здесь распоряжаюсь я, — сказал Фарадин. — Продолжай, ментат.

Айдахо безмолвствовал.

Фарадин полуобернулся и изучающе посмотрел на Джессику.

Она смотрела застывшим взглядом на точку на дальней стене, обдумывая то, что сложилось в цельную конструкцию благодаря Айдахо и трансу. Бене Джессерит, конечно же, не отверг род Атридес. Но Бене Джессерит хотел контролировать Квизац Хадераха, и слишком много они вложили в длительную программу развития. Они хотели открытого столкновения между Атридесами и Коррино — ситуации, в которой они могли бы выступить арбитрами. Они бы взяли под свой контроль и Ганиму, и Фарадина. Это был единственный вероятный компромисс. Удивительно, что Алия этого не разглядела. Джессика сглотнула, снимая напряженность в горле. Алия... Богомерзость! Ганима права, ее жалея. Но кто пожалеет Ганиму?

— Бене Джессерит пообещал возвести тебя на трон, и Ганиму тебе в супруги, — сказала Джессика.

Фарадин сделал шаг назад. Эта ведьма что, мысли читает?

— Они действовали втайне и не через твою мать, — продолжила Джессика. — Они сообщили тебе, что я не посвящена в их план.

Лицо Фарадина выдало все без утайки. До чего же он открыт. Но, значит, вся конструкция — правда. Айдахо продемонстрировал великолепное владение своим ментатным сознанием, и с помощью доступных ему ограниченных данных насквозь видел всю подоплеку.

— Значит, они вели двойную игру и рассказали тебе, — сказал Фарадин. — Они мне ничего этого не рассказали, — ответила Джессика. — Данкан прав — они меня надули, — и кивнула самой себе. Классическая акция замедленного действия по традиционному образцу Сестер — правдоподобная история, легко проглатываемая, поскольку соответствует тому, во что можешь поверить относительно их мотивов. Но они хотели убрать Джессику с дороги подпорченную Сестру, которая однажды их подвела.

Тайканик подошел к Фарадину:

— Милорд, эти двое слишком опасны, чтобы...

— Погоди немного, Тайк, — ответил Фарадин. — Здесь есть планы внутри планов, — он повернулся лицом к Джессике. — У нас есть основания полагать, что Алия может предложить себя мне в невесты.

Айдахо непроизвольно дернулся, сдержал себя. Из его левого запястья, рассеченного шигавиром, закапала кровь.

Джессика позволила себе лишь широко открыть глаза в качестве короткого ответа. Она, знаяшая первого Лито как любовника, отца ее детей, наперсника и друга, видела теперь, как присущий ему холодный расчет просачивается сквозь метания Богомерзости.

— Ты примешь это предложение? — спросил Айдахо.

— Оно рассматривается.

— Данкан, я велела тебе молчать, — сказала Джессика. И обратилась к Фарадину. — Ценой ее будут две незначительные смерти — нас двоих.

— Мы подозревали предательство, — сказал Фарадин. — Разве не твой сын сказал, что «предательство возвращает предательство»??

— Бене Джессерит рвется взять под контроль и Атридесов и Коррино, сказала Джессика. — Разве это не ясно?

— Мы играем теперь с идеей принять ваше предложение, леди Джессика, но Данкана Айдахо следует отослать назад, к любящей жене.

«Боль — это функция нервов», — напомнил себе Айдахо. «Боль приходит, как в глаза входит свет. Усилие происходит из мускулов, а не из нервов». Это было то, что зазубривали ментаты при выучке, и Айдахо произнес это от начала до конца на одном дыхании, изогнув правое запястье и рассек его шигавиром.

Тайканик кинулся к креслу, разомкнул замок, убирая путы, призывая во весь голос врачебную помощь. И сразу же — из дверей, скрытых в панелях стен, — густой толпой сбежались помощники.

?Всегда Данкан был немножко с приурочью», — подумала Джессика.

Фарадин с секунду внимательно смотрел на Джессику, пока врачи занимались Данканом.

— Я не сказал, что собираюсь принять его Алию.

— Он не поэтому разрезал себе запястье, — сказала Джессика.

— Да? Я думал, он просто пошевельнулся.

— Ты не настолько глуп, — возразила Джессика. — Перестань со мной притворяться.

Фарадин улыбнулся.

— Я отлично понимаю, что Алия меня уничтожит. Никто, даже Бене Джессерит, не вправе рассчитывать, что я приму ее предложение.

Джессика смерила Фарадина пристальным взглядом. Каков он из себя, молодой отпрыск Дома Коррино? Дурака он изображает не слишком хорошо. И опять она припомнила слова Лито, что она получит интересного ученика. И, по словам Айдахо, этого же хотел и Проповедник. Хотелось бы ей встретиться с этим Проповедником.

— Ты вышлешь Вэнсику в изгнание? — спросила Джессика.

— Вроде бы разумная сделка, — ответил Фарадин.

Джессика взглянула на Айдахо. Врачи с ним закончили. Теперь в обтекаемом кресле его удерживали менее опасные путы.

— Ментатам следует остерегаться абсолютностей, — сказала она.

— Я устал, — ответил Айдахо. — Ты даже не представляешь, как я устал.

— Даже верность в конце концов изнашивается, если ее чересчур эксплуатируют, — сказал Фарадин.

И опять Джессика кинула на него взвешивающий взгляд.

Фарадин, заметив это, подумал: «Со временем она узнает меня наверняка, и это может быть ценным. Моя собственная отступница Бене Джессерит! Единственное, что имел ее сын из того, чего не имею я. Пусть только мельком увидит меня сейчас. Остальное она сможет увидеть потом».

— Честный обмен, — сказал Фарадин. — Я принимаю ваше предложение на ваших условиях, — он сделал знак немому у стены, щелкнув пальцами. Немой кивнул. Фарадин наклонился к системе управления креслом и освободил Джессику.

— Милорд, вы уверены? — спросил Тайканик.

— Разве это не то, что мы обсуждали? — вопросом на вопрос ответил Фарадин.

— Да, но...

Фарадин хмыкнул и обратился к Джессике:

— Тайканик не доверяет моим источникам. Но из книг и катушек учишься лишь тому, что то-то и то-то может быть сделано. Действительное обучение требует, чтобы ты сделал это на деле.

Джессика задумалась над этим, вставая из кресла. Мысли ее вернулись к сигналам руки Фарадина. Его боевой язык настолько был в стиле Атридесов! Это указывало на тщательный анализ. Кто-то здесь сознательно подражал Атридесам.

— Ты, конечно, захочешь, чтобы я обучила тебя так, как учат в Бене Джессерит? — спросила Джессика.

Фарадин ликующее ей улыбнулся.

— Именно то предложение, перед которым я не могу устоять, — сказал он.

Глава 31

Пароль был сообщен мне человеком, умершим в темницах Арракина. Видишь ли, это там я получил это кольцо в виде черепахи. За городом был САК, где меня спрятали мятежники. Пароль? О, с тех пор он менялся множество раз. Был он: «Настойчивость». А отзыв: «Черепаха». Они и вывели меня оттуда живым. Вот почему я ношу это кольцо: оно мне служит напоминанием.

Тагир Мохандис.

Беседы с другом.

Лито был далеко в песках, когда услышал, как сзади к нему приближаются червь, привлеченный тампером и запахом спайсовой пыли, которого Лито рассеял вокруг мертвых тигров. Хорошая примета в начале их плана — чаще всего черви бывали очень редкими в эти местах. Червь не то что был важен позарез, но очень в помощь. Ганиме не понадобится объяснять исчезновение тела.

К этому времени, он знал, Ганима уже внушила себе, веру, что он мертв. Лишь крохотная изолированная капсула осталась в ее сознании, нагло запечатанная память, которую отворят лишь слова, произнесенные на древнем языке, известном только им двоим во всем космосе. «Зехер Нбиу». Если она услышит эти слова: «Золотая Тропа»... лишь тогда она его вспомнит. До тех пор — он мертв. Теперь Лито и вправду был одинок.

Он припустил беспорядочным шагом, шум от которого воспроизводил естественные шумы пустыни. Ничто в его передвижении не поведает червю, что здесь движется человек. Так глубоко был заложен в Лито подобный способ ходьбы, что ему не надо было и следить за собой. Ноги шли сами по себе, не допуская никакой размеренности и ритмичности. Любой звук из-под его ноги мог быть приписан ветру, самоосыпанию песка. Нет, никакой человек здесь не идет.

Когда червь позади него закончил свою работу, Лито скрючился за дюной, вглядываясь в его сторону. В сторону Спутника. Да, он от него достаточно далеко. Лито установил тампер, — призывая свое средство передвижения. Червь подоспал так быстро, что Лито едва успел занять нужную позицию до того, как червь поглотил тампер. Когда червь шел мимо, Лито взобрался на него по крючьям Создателя, раздвинул чувствительную направлявшую кромку кольца и направил неразумное животное к юго-востоку. Червь был небольшой, но сильный. Лито ощущал мощь в его изгиба, пока тот со свистом скользил по песку.

Дул попутный ветер, Лито ощущал исходивший от червя жар от трения, благодаря которому внутри червя начинал образовываться спайс.

По мере продвижения червя, путешествовал и ум Лито. В первую поездку на черве его брал с собой Стилгар. Лито надо было только позволить своей памяти течь свободно, и ему становился слышен голос Стилгара: мягкий и точный, полный вежливости, из другого века. Не для Стилгара — угрожающе раскачиваться после спайсовой попойки, не тот это Свободный. Громкий голос и неистовства времен нынешних — тоже не для него. Нет — Стилгар блюдет свой долг. Он — наставник царственных отпрысков: «В древние времена птицам давались имена по их песням. У каждого ветра было свое имя. Ветер в шесть щелчков назывался Пастаза, в двадцать щелчков — Куэшма, в сто щелчков -Хейнали, толкателей людей. Затем был ветер демона открытой пустыни -Хулазикали Вала, ветер, сжирающий плоть».

И Лито, уже все это знавший, кивком выразил свою благодарность мудрости подобных наставлений.

Но еще многое чем моголниться голос Стилгара.

«Были племена в древнее время, известные как охотники за водой. Их называли Идуали, что означает „водные насекомые“, потому что эти люди не колебались отнимать воду у другого Свободного. Если они настигали тебя одного в пустыне, то не оставляли тебе даже воду твоего тела. И место, где они обитали, называлось съетч Джакурут. Затем другие племена объединились и уничтожили Идуали. Было это давным-давно, даже еще до Кайнза — в дни моего пра-прадедушки. И стегодня вплоть до наших дней ни один Свободный не вступает в Джакурут. Это табу».

Вот так Лито напоминали о знаниях, покончившихся в его памяти. Это был важный урок для понимания, как работает память. Одной памяти недостаточно, даже для того, чье прошлое так многолико, как у Лито, до тех пор пока не научишься ей пользоваться и не оценишь ее ценность беспристрастным судом. В Джакурут будут вода, ловушка для ветра — все, чему положено быть в любом съетче, плюс несравнимая ценность того, что ни один Свободный никогда не отважится туда заглянуть. Многие из молодых даже не знают, что когда-то вообще существовало такое место, Джакурут. Да, конечно, они знают о Фондаке, но ведь это — обиталище контрабандистов. Идеальное место, чтобы спрятаться мертвому — среди контрабандистов и мертвых других времен.

«Спасибо тебе, Стилгар».

Перед зарей червь устал. Лито соскользнул с него и пронаблюдал, как тот зарывается в дюны, со свойственной для этих животных медлительностью в таких случаях. Он уйдет вглубь, склонить там свое дурное настроение.

«Я должен переждать день», — подумал Лито.

Он взошел на дюну и тщательно осмотрелся. Пустота, пустота, пустота. Только колышущийся след исчезнувшего червя — вот и все.

Тихий крик ночной птицы призвал первую зеленую линию света вдоль восточного горизонта. Лито зарылся в песок, затаиваясь, завернулся в стилтент и выставил наружу трубку пескошноркеля, чтобы дышать через нее. Долгое время до того, как к нему пришел сон, он лежал в своей искусственной тьме, размышая над прикрытым им с Ганимой решением. Он не все ей рассказал о своем видении, и не обо всех выводах, из этого видения вытекающих. Как он понимал сейчас, это было именно видение, а не сон. Но изюминка его была в том, что Лито видел как бы видение видения. Если существовали какие-то доводы, способные убедить его, что его отец жив, то они заключались в этом двухслойном видении.

«Жизнь пророка запирает нас в его видении, — думал Лито. — И пророк может вырваться из этого видения, лишь устроив себе такую смерть, которая этому видению противоречит». Именно так и явилось это в двойном видении Лито, и, по его разумению — это было связано со сделанным им выбором. «Бедный Иоанн Креститель, — думал он. — Если б только у него достало мужества умереть как-то иначе... Но, может быть, его выбор и был самым мужественным. Откуда мне знать, перед какими альтернативами он предстал?

Хотя я знаю, перед какими альтернативами стоял мой отец».

Лито вздохнул. Повернуться к отцу спиной — все равно, что предать Бога. Но нужно встянуть Империю Атридесов. В видении Поля она пала до самого худшего. Как же небрежно она стирает людей. Делается это без долгих размышлений. Главный завод религиозного безумия заведен до упора и оставлен тикать.

«И мы заперты в видении моего отца».

Путь из этого безумия лежит по Золотой Тропе, понимал Лито. Его отец это видел. Но человечество может сойти с Золотой Тропы и оглянуться вспять на времена Муад Диба, решив, что тогда было лучше. Хотя человечество должно либо испытать на себе альтернативу Муад Дибу, либо никогда не разобраться в своих собственных мифах.

«Безопасность... Мир... Процветание...?

Предложи выбор — и мало сомнений, что именно выберут большинство подданных Империи.

?Хотя они ненавидят меня, — думал он. — Хотя Гани возненавидит меня». Его рука зачесалась, и он припомнил о той суровой рукавице что виделась ему в двойном видении.

«Это будет, — подумал он. — Да, это будет».

«Арракис, дай мне силу», — взмолился он. Под ним, и вокруг него, его планета пребывала живой и сильной. Дюна была великаном, считающим свои нагроможденные богатства. Обманчивое существо — и прекрасное, и ужасно уродливое. Единственная монета, которую на самом деле знали купцы Дюны это ощущение власти, пульсирующей в их жилках, неважно, как эта власть приобретена. Они обладали этой планетой так, как мужчина мог овладеть пленницей, или как Бене Джессерит владел своими Сестрами.

Неудивительно, что Стилгар ненавидит жрецов-торговцев. «Спасибо тебе, Стилгар».

Лито затем припомнил красоты прежних обычаев съетчей, ту жизнь, что была до прихода имперской технократии, и ум его унесся вдаль точно так же, как, он знал, уносились вдаль грэзы Стилгара. До глоуглобов и лазеров, до орнитоптеров и спайсовых краулеров была совсем другая жизнь: смуглокожие матери с младенцами на их бедрах, светильники, светившие на спайсовом масле, посреди тяжелого аромата корицы, наибы, убеждавшие свои племена, потому что никого нельзя было заставить делать что-то по принуждению. Темное кишление жизни внутри скалистых впадин...

«Суровая рукавица восстановит баланс», — подумал Лито.

И вскоре он спал.

Глава 32

Я видел его кровь и кусок одеяния, оторванный острыми когтями. Его сестра живо описывала тигров и уверенную направленность в их нападении. Мы допросили одного из заговорщиков, остальные мертвы или в заточении. Все указывает на заговор Коррино. Показание мое удостоверяет Видящая Правду.

Доклад Стилгара комиссии Ландсраада.

Фарадин наблюдал за Данканом через систему слежения, ища ключ к поведению этого странного человека. Едва перевалило за полдень, Айдахо ждал у апартаментов, отведенных леди Джессике, желая быть принятим ею. Примет ли она его?

Фарадин находился в помещении, где Тайканик руководил подготовкой Лазанских тигров — в незаконном помещении, по правде говоря, с запрещенными инструментами производства Тлейлакса и Иксиана. С помощью переключателей под своей правой рукой Фарадин мог видеть Айдахо с шести разных точек зрения, либо переключаться на апартаменты леди Джессики, где тоже были смонтированы следящие устройства.

Глаза Айдахо нервировали Фарадина. Эти утопленные в глазницах металлические орбиты, которые вставляли на Тлейлаксе гхолам, заново рожденными в чанах, становились отчетливым выражением полного отличия их обладателя от всего остального человечества. Фарадин коснулся своих собственных век, ощутил твердые контактные линзы, которые он носил постоянно, чтобы скрыть свидетельство своей наркотической приверженности спайсу — полностью голубые глаза. Глаза Айдахо наверняка видят мир совсем по-другому. Фарадина так и подмывало обратиться к хирургам Тлейлакса чтобы на собственном опыте получить ответ на этот вопрос.

Почему Айдахо пытался себя убить?

И действительно ли он пытался сделать именно это? Он ведь должен был понимать, что мы ему этого не позволим.

Айдахо остается опасным знаком вопроса.

Тайканик хотел оставить его на Салузе или убить его. Может быть, так будет лучше всего.

Фарадин переключился на вид прямо спереди. Айдахо сидел на жесткой скамье перед дверью в апартаменты леди Джессики, в фойе без окон и со стенами светлого дерева, украшенными пиками с вымпелами. Айдахо провел на этой скамье более часа и, похоже, готов ждать целую вечность. Фарадин наклонился вплотную к экрану. Верный мечевластитель Атридесов, наставник Пола Муад Диба, пользовался в свое время на Арракисе хорошей репутацией. Когда он прибыл сюда — в походке его была весенняя пружинистость юности. Наверняка, твердая спайсовая диета этому способствовала И чудесный обмен веществ, всегда закладывавшийся в чанах Тлейлакса.

Действительно ли Айдахо помнит свое прошлое до этих чанов?

В библиотеке были отчеты о его смерти. Зарубивший его сардукар засвидетельствовал его удаль: девятнадцать нападавших пали от руки Айдахо, прежде чем его удалось сразить. Девятнадцать сардукаров! Да, такое тело более чем заслуживало отправки в возрождающие чаны Тлейлакса. Но Тлейлакс сделал из него ментата. Что же за странное создание живет в этом регенерированном теле! Как это — ощущать себя человеком-компьютером, в добавление к прочим своим талантам?

Почему он пытался себя убить?

Фарадин знал свои собственные способности, и не питал насчет них особых иллюзий. Историк-археолог и знаток людей. Стать знатоком тех, кто будет ему таить, его заставила необходимость — необходимость и внимательное изучение Атридесов. Он рассматривал это как цену, всегда требуемую за высокородность. Править — это обязывает выносить точные и резкие суждения о тех, кто подчиняется твоей власти. Не один властитель пал из-за ошибок и крайностей своих подчиненных..

Внимательное изучение Атридесов выявило в них потрясающие способности в отборе слуг. Они знали, как поддерживать их верность, на какой тонкой кромке удерживать рвение своих воинов. Айдахо действовал не в своем характере.

Почему?

Фарадин прищурился, пытаясь увидеть этого человека насквозь. От Айдахо веяло устойчивостью, ощущением, что этот человек просто не может сдаться. Он производил впечатление выдержанности и самодостаточности организованной и твердой целостности. Чаны Тлейлакса запустили в ход нечто больше человеческого. Фарадин это ощущал. Было что-то самообновляющееся в этом человеке,

словно в нем действовали непреложные законы, что в каждом своем конце он находил свое новое начало. Он двигался по фиксированной орбите — с такой же устойчивостью, с какой планета вращается вокруг светила. Никакое давление его не сломит — просто чуть сместит его орбиту, но не изменит в нем ничего действительно основополагающего.

Зачем он разрезал себе запястье?

Каким бы ни был его мотив — он сделал это ради Атридесов. Ради своего правящего Дома. Атридесы были тем светилом, вокруг которого пролегала его орбита.

Почему-то он убежден, что Атридесов усиливает то, что я удерживаю здесь леди Джессику.

И в это убежден ментат, напомнил себе Фарадин.

Это придавало мыслям Данканна добавочную глубину. Ментаты тоже ошибаются, но не часто.

Придя к этому заключению, Фарадин уже готов был послать своих слуг, чтобы увезти леди Джессику подальше от Айдахо. Он замер на пороге отдачи такого приказа — и отказался от него.

Оба они — и ментат, и эта колдунья Бене Джессерит — остаются фишками неизвестной стоимости в игре за власть. Айдахо следует отослать назад, потому что это наверняка не послужит спокойствию на Арракисе. Джессику нужно оставить здесь, выжать из нее все ее странные знания на благо Дома Коррино.

Фарадин понимал, в какую тонкую и смертоносную игру он играет. Но он многие годы готовил себя к такой вероятности, с тех самых пор, как осознал, что он более сообразителен и восприимчив, чем окружающие его. Для ребенка это стало пугающим открытием, и библиотека стала его убежищем не меньше, чем его учителем.

Хотя теперь его грызли сомнения, и он задавался вопросом, вполне ли он на уровне ведущейся игры. Он отстранил мать, лишился ее советов — но ее решения всегда были для него опасны. Тигры! Их дрессировка была злодеянием, а их использование было глупостью. Как легко было проследить, откуда они! Она должна быть благодарна, что наказана лишь изгнанием. Тут совет леди Джессики точь-в-точь совпадал с его собственными нуждами. Она прямо создана для того, чтобы выдать на свет образ мышления Атридесов. Его сомнения стали таять. Он подумал опять о своих сардукарах, становящихся все закаленней и неуступчивей в руководимых им суровых тренировках и через лишение всякой роскоши, о котором он распорядился. Его легионы сардукаров пока невелики, но каждый из бойцов опять стал ровней Свободному. Они мало пригодны, пока действуют ограничения Арракинского Договора, наложенные на численность его войск Свободные возьмут числом если только не будут связаны и обессилены гражданской войной.

Слишком рано еще для прямой схватки сардукаров со Свободными. Ему нужно время. Ему нужны новые союзники среди недовольных Великих Домов и набравших силу Малых. Ему нужен доступ к финансированию КХОАМ. Ему нужно время, чтобы Сардукары усилились, а Свободные ослабли.

И опять Фарадин посмотрел на экран — все та же картина терпеливого гхолы. Почему Айдахо понадобилось именно сейчас видеть леди Джессику? Он ведь знает, что за ними следят, что каждое слово, каждый жест будут записаны и проанализированы.

Почему?

Фарадин отвел глаза от экрана, взглянул на бортик своей контрольной панели. В бледном электронном свете он мог различить катушки с последними донесениями с Арракиса. Его шпионы повсюду — надо отдать им должное. Многое в их той странно отредактированной форме, которую он сам выкраивал из донесений ради собственного пользования:

«Поскольку планета сделалась плодородной, Свободные избавились от земельных ограничений, и их новые сообщества утрачивают традиционный характер твердынь-съетчей. В прежней съетчевой культуре Свободные с малолетства усваивали назубок: „Являясь основой твоего собственного существования, съетч создает твердую базу, откуда ты выходишь в мир и в космос“.

Традиционные Свободные говорят: «Ищи Массиф», имея в виду, что основополагающая наука — Закон. Но новая социальная структура избавляется от этих прежних утвержденных ограничений, дисциплина разбалтывается. Новые вожди Свободных знают только Низкий Катехизис предков плюс историю, закамуфлированную в их песнях под структуру мифа. Старый народ съетчей более дисциплинирован, более склонен к совместным действиям и к более тяжелой работе — они более осторожны со своими запасами. Старый народ все еще верит, что упорядоченное общество есть завершение личности. Молодые все больше отходят от этого верования. Сохраняющиеся еще немногие представители старой культуры смотрят на молодых и говорят: «Ветер смерти источил их прошлое».

Фарадину нравилась отточенность его выжимки. Новые различия на Арракисе могли привести только к насилию. Главные концепции были твердо определены в катушках:

«Религия Муад Диба находит твердую основу в старой культурной традиции съетча у Свободных, в то время как новая культура отходит все дальше и дальше от этих порядков».

И не впервые Фарадин задался вопросом, почему Тайканик ударился в эту религию. Странно вел себя Тайканик, со своей новой моралью. Он казался совершенно искренним, но словно увлекаемым против своей воли. Тайканик был похож на того, кто ступил внутрь вихря, чтобы испытать его, и теперь пойман неподвластными ему силами. Обращение Тайканика раздражало Фарадина своей характерной полнотой. Это было возвращение к очень старым обычаям сардукаров. Ему хотелось, чтобы и молодые Свободные могли еще обратиться по сходному пути, чтобы возобладали врожденные, укоренившиеся традиции.

И опять Фарадин подумал об этих катушках с донесениями. В них говорилось о беспокоящей вещи: о настойчиво сохраняющемся с самых древних времен Свободных культурном пережитке — «Воде Зачатия». Сходившие при родах воды собирались и сохранялись, перегонялись в чистую воду, которой впервые поили новорожденного. Традиционная форма требовала, чтобы воду дала ребенку крестная мать, приговаривая: «Это вода твоего зачатия». Даже молодые Свободные соблюдали эту традицию, совершая этот обряд со своими новорожденными.

Фарадина мучило от одной мысли о том, чтобы пить воду, выгнанную из жидкости, в которой он был выношен. И он подумал об уцелевшей двойняшке, Ганиме — ее мать была уже мертва, когда она пила эту странную воду. Задумывалась ли она позднее над этим причудливым звеном, связанным с ее прошлым? Вероятно, нет. Она же воспитания Свободных. То, что для Свободных естественно и приемлемо — естественно и приемлемо и для нее.

На мгновение Фарадин пожалел о смерти Лито II. Было бы интересно обсудить с ним этот пункт. Может, предоставится возможность обсудить это с Ганимой.

«Почему Айдахо разрезал свои запястья??

Вопрос настойчиво возвращался всякий раз, когда Фарадин взглядал на следящий экран. Опять на него напали сомнения. Как же ему хотелось обладать способностью впадать в этот таинственный спайсовый транс подобно Муад Дибу — чтобы прозреть будущее и ЗНАТЬ ответы на свои вопросы. Но, сколько бы спайса он ни поглощал, его обыкновенное сознание упорствовало в прикованности к единичному СЕЙЧАС, отражая целый мир неясностей.

На следящем экране появилась служанка, открыла дверь леди Джессики. Она поманила Айдахо, тот встал со своей скамьи и прошел в дверь. Служанка позднее предоставит полный отчет, но у Фарадина опять крайне разгорелось любопытство, он коснулся другой кнопки на пульте, увидел, как Айдахо входит в гостиную апартаментов леди Джессики.

Каким же тихим и выдержаным кажется этот ментат. И до чего же бездонны его глаза гхолы.

Глава 33

И свыше всего остального, ментат должен не специализировать, а обобщать. Есть мудрость в том, чтобы решения великих моментов принимались обобщателями. Узкие знатоки и специалисты быстро направляют вас в хаос. Они источники бесполезного крохоборства, яростных пререканий из-за запятых. С другой стороны, ментат-обобщатель должен привносить в свой процесс принятия решений обычный здравый смысл. Он не должен отсекать себя от широкого размаха того, что происходит в мироздании. Он должен оставаться в состоянии сказать: «На данный момент в этом нет никакой настоящей загадки. Вот то, что мы сейчас хотим. Позже это может оказаться неверным, но мы это поправим, когда до того дойдет». Ментат-обобщатель должен понимать: все, что мы можем идентифицировать как наш мир, есть всего лишь часть большего явления. Но специалист смотрит вспять — он смотрит внутрь узких стандартов своей специальности.

Обобщающий смотрит вперед — он ищет живые принципы, полный знания о том, что такие принципы меняются, что они развиваются. Ментат должен взглядывать в характеристики самого изменения как такового. Не может быть постоянного каталога такого изменения, руководства по нему или справочника. Ты должен взирать на него как можно с меньшим количеством предубеждений, спрашивая себя: «И что же с этим делается сейчас?»

Карманная книга Ментата.

Был день Квизац Хадераха, первый из Святых Дней для последователей Муад Диба, день признания обожествленного Муад Диба, того, кто находится повсюду одновременно, Бене Джесссерит мужского рода, в котором мужское и женское на изделие слились в неразделимую силу, чтобы стать Одним-во-Всем. Верующие называли этот день «айил», «жертвоприношение», в почитание памяти о его смерти, сделавшей его присутствие «повсюду настоящим».

Проповедник выбрал раннее утро этого дня, чтобы опять появиться на площади перед храмом Алии, пренебрегая приказом о своем аресте, об отдаче которого было известно всем. Хрупкое перемирие сохранялось между Жречеством Алии и мятежными племенами из пустыни, но перемирие это ощущалось в Арракине как нечто до осязаемости явно наполняющее всех беспокойством. Присутствие Проповедника усугубляло это чувство.

Был двадцать восьмой день официального траура по сыну Муад Диба, шестой после поминального обряда в Старом проходе, из-за мятежа состоявшегося позже положенного. Хотя даже военные действия не остановили Хаджж Проповедник знал, что площадь в этот день будет битком набита народом. Большинство паломников старались спланировать свое путешествие на Арракис так, чтобы застать Айил, «ощутить святое присутствие Квизац Хадераха в Его день».

Проповедник вошел на площадь с первым рассветом, и площадь уже была заполнена верующими. Он небрежно держал руку на плече юного проводника, и ощущал в поступи того циничную гордость. Теперь при появлении Проповедника люди подмечали каждый нюанс его поведения. Такое внимание было не столь уж неприятно юному поводырю. Проповедник просто принимал его как неизбежное. Заняв позицию на третьей ступени храма, Проповедник подождал, пока уляжется шум. Когда по толпе волной разлилось безмолвие, и стали слышны торопливые шаги тех, кто тоже спешил на площадь послушать, он откашлялся. Вокруг него еще стоял утренний холод, свет из-за горных вершин еще не заполнил площадь. Он ощутил пасмурное молчание огромной площади и заговорил.

— Я пришел воздать дань почтения и проповедовать в память Лито Атридеса II, — провозгласил он голосом столь сильным, что напомнил голос песчаного червя в пустыне. — Я делаю это из сочувствия ко всем страдающим. Говорю вам то, что умерший Лито познал, что завтра еще не наступило и может никогда не наступить. Здесь и сейчас — вот единственные доступные нам для нашего обозрения время и место в нашем мироздании. Говорю вам впитывайте этот момент, понимайте, чему он учит. Говорю вам, усвойте, что мужание и смерть правительства так же явны, как мужание и смерть его подданных.

По площади прошел встревоженный ропот. Не смеется ли он над смертью Лито II? Интересно, не сейчас ли Храмовые Стражи накинутся и схватят Проповедника?

Алия знала, что такого не будет. Это был ее приказ на сегодня: оставить Проповедника в покое. Она укрылась под хорошим стилсьютом, маска влагоуловителя скрывала ее нос и рот, и под общепринятым плащом с капюшоном спрятались ее волосы. Она стояла во втором ряду от Проповедника, внимательно за ним наблюдал. Пол ли это? Годы могли изменить его именно так. И он всегда идеально владел Голосом — так что трудно опознать его по речи. Этот Проповедник делал с голосом все, что хотел. У Поля бы не получилось лучше. Она чувствовала, что должна установить его личность, прежде чем предпринимать действия против него. Как же его слова ее ошарашили!

В заявлении Проповедника она не ощущала никакой иронии. Он пользовался соблазняющей

привлекательностью четких формулировок, провозглашаемых с забирающей искренностью. Люди лишь на момент могли споткнуться, ухватывая смысл его слов — и осознать, что он и предполагал заставить их споткнуться, в такой манере их наставляя. Он, разумеется, уловил реакцию толпы и сказал:

— Ирония часто маскирует неспособность выйти за пределы собственных самонадеянных убеждений. Я не иронизирую. Ганима сказала вам, что кровь ее брата не может быть смыта. Я согласен.

— Да будет сказано, что Лито ушел туда же, куда и его отец, сделав то же самое, что его отец совершил. Церковь Муад Диба говорит, что ради собственной человечности он выбрал курс, который может показаться нелепым и сумасбродным, но который оценит история. Что история переписывается даже сейчас.

— Говорю вам, что есть и еще урок, который нужно усвоить из этих жизней и этих завершений.

Алия, зорко следившая за каждым нюансом, задалась вопросом, почему он сказал «завершений», а не «смертей». Имел ли он в виду, что один из них или оба — на самом деле не мертвые? Как такое может быть? Видящая Правду подтвердила рассказ Ганимы. Что же тогда делает этот Проповедник? Говорят он о мире или реальности?

— Хорошенько заучите этот урок! — прогремел Проповедник, воздевая руки. — Если хотите быть человечными, позвольте в мире идти все в нем как идет!

Он опустил руки и направил пустые глазницы прямо на Алию. Казалось, он разговаривает лично с ней, и настолько это было заметным, что некоторые вокруг обернулись и вопрошающе поглядели в ее направлении. Алия содрогнулась перед силой этого человека. Это вполне мог быть Пол. Вполне! — Но я понимаю, что люди не могут вынести слишком много реальности, сказал он. — Большинство жизней — это бегство от самого себя. Большинство предпочитает истину конюшен. Вы просовываете ваши головы между столбами и удовлетворенно чавкаете, пока не умрете. Другие используют вас для своих целей. Ни разу вам не жить вне конюшни, подняв голову и став хозяином самому себе. Муад Диб пришел сказать вам об этом. Без понимания его послания вам нельзя его читать!

Кто-то в толпе — возможно, переодетый жрец — больше не мог вынести. Криком взметнулся его хриплый мужской голос:

— Ты не живешь жизнью Муад Диба! Как смеешь ты учить других, как именно им надо его почитать!

— Потому что он мертв! — проревел Проповедник.

Алия обернулась посмотреть, кто бросил вызов Проповеднику. Человек этот был от нее закрыт, но поверх мешающих его увидеть голов взвился следующий его выкрик:

— Если ты веришь, что он воистину мертв, то с этого времени ты одинок!

Наверняка жрец, подумала Алия. Но не могла опознать его голоса.

— Я всего лишь задал простой вопрос, — сказал Проповедник. — Должно ли за смертью Муад Диба последовать моральное самоубийство всех людей? Это ли неизбежное последствие Мессии?

— Значит, ты признаешь его Мессией! — выкрикнул голос.

— Почему нет, раз я пророк его времен? — вопросил Проповедник.

В его голосе и манере было столько спокойной уверенности, что даже бросивший ему вызов замолк. Толпа откликнулась обеспокоенным ропотом, тихим животным гулом.

— Да, — повторил Проповедник. — Я — пророк его времен.

Алия, сосредоточенная на нем, подметила тонкие модуляции Голоса. Прошел ли он подготовку Бене Джессерит? Не еще ли одна хитрость Защитной Миссионерии? Вовсе не Пол, а еще одно составляющее бесконечной борьбы за власть?

— Я четко представляю миф и мечту! — вскричал Проповедник. — Я — тот врач, что принимает роды и провозглашает, что ребенок родился! А еще я прихожу к вам во время смерти. Разве это вас не тревожит? Этим бы следовало потрясти ваши души.

Хоть разозлившись на его слова, Алия все равно поняла, куда он метит своими речами. Она обнаружила, что вместе с другими подалась еще ближе вперед к этому высокому человеку в облачении пустынника. Внимание ее привлек его юный поводырь — как же он востроглаз и,

похоже, нахален! Стал бы Муад Диб нанимать такого циничного юнца?

— Я и хочу вас встревожить! — проорал Проповедник. — В этом мое намерение! Я пришел сюда сразиться с мошенничеством и иллюзиями вашей общепринятой и установившейся религии! Как и со всеми такими религиями, ваша движется в трусость — движется в посредственность, инерцию и самоудовлетворенность.

В центре толпы стал подниматься сердитый ропот.

Алия ощущала напряжение, и злорадно подумала, не вспыхнут ли беспорядки. Сможет ли Проповедник справиться с этим напряжением? Если нет, он умрет прямо здесь!

— Ты, жрец, меня оспаривавший! — провозгласил Проповедник, указывая в толпу.

ОН ЗНАЕТ, подумала Алия. По ней пробежал трепет, почти сексуальный по скрытым своим оттенкам. Проповедник играет в опасную игру — но играет в нее просто мастерски!

— Ты, жрец в своей муфти, — окликнул Проповедник. — Ты — капеллан самоудовлетворенных. Я пришел бросить вызов не Муад Дибу, а тебе! Действительна ли твоя религия, когда она тебе ничего не стоит и не несет для тебя опасности? Действительна ли твоя религия, если ты жиреешь на ней? Как это стало, что вы дегенерируете, скатываясь вниз от первоначального откровения? Ответь мне, жрец!

Но жрец промолчал в ответ. И Алия отметила, что толпа вновь с алкающей покорностью прислушивается к каждому слову Проповедника. Напав на Жречество, он обрел ее сочувствие! И, если верить ее шпионам, большинство пилигримов и Свободных Арракиса верят, что это — Муад Диб.

— Сын Муад Диба рискнул! — вскричал Проповедник, и Алия услышала слезы в его голосе. — Муад Диб рискнул! Они уплатили свою цену! И чего же достиг Муад Диб? Религии, с ним расправляющейся!

«Очень важно, произносит эти слова сам Пол или нет, — подумала Алия. — Я должна выяснить!?

Она продвинулась еще ближе, и остальные двинулись вместе с ней. Она протиснулась сквозь толпу к единственному пророку настолько, что могла бы почти коснуться его. От него пахло пустыней, смешанным запахом спайса и кремня. И Проповедник, и его юный поводырь были покрыты пылью, как будто совсем недавно вышли из бледа. Руки Проповедника, насколько они были ей видны, вплоть до тугих манжет его стилсьюта, были венозными. На одном из пальцев левой руки он некогда носил кольцо — вмятина оставалась. Пол носил кольцо как раз на этом пальце — Ястреб Атридесов — покоящееся теперь в съетче Табр. Его бы получил Лито, останься он жив... или позволь ему Алия взойти на трон.

И опять Проповедник устремил пустые глазницы на Алию и заговорил лично с ней — но голосом, разносящимся надо всей толпой.

— Муад Диб показал вам две вещи: несомненное будущее и сомнительное будущее. С полным осознанием, он сошелся лицом к лицу с конечной сомнительностью большего мироздания. Он СЛЕПО ступил прочь от своего положения в этом мире. Он показал нам то, что мужчина должен делать всегда — выбирать сомнительное вместо несомненного.

В конце этого заявления, отметила Алия, в его голосе прозвучала умоляющая нотка.

Алия огляделась вокруг, рука ее скользнула на рукоять крисножа.

«Если я убью его прямо сейчас, что они сделают? — ее опять обнял трепет. — Если я убью его и выдам себя, осуждая Проповедника как самозванца и еретика!?

«Но что, если докажут, что это Пол??

Кто-то подпихнул Алию ближе к Проповеднику. Она почувствовала себя зачарованной перед ним, хоть и боролась с собой до сих пор, чтобы укротить гнев. Пол ли это? Великие боги! Что же ей делать?

— По-моему, еще один Лито взят от нас? — вопросил Проповедник. Неподдельная боль была в его голосе. — Ответьте мне, если можете! Их послание ясно: отвергните несомненность! — и он повторил, раскатистым зычным рыком. — Отвергните несомненность! Вот глубочайшее требование жизни! В этом — вся жизнь. Мы — ее щуп в неизвестное, в сомнительное. Почему вы не слышите Муад Диба? Если несомненность — это абсолютное знание абсолютного будущего, то это лишь замаскированная смерть! Такое будущее наступает СЕЙЧАС! Он это вам показал!

С ужасающей прицельностью Проповедник вытянул руку и схватил руку Алии. Сделано это было без нашаривания или колебаний. Она попробовала вырваться, но он держал ее крепко, до боли, говоря ей прямо в лицо окружающие в смятении подались назад.

— Что говорил тебе Пол Атридес, женщина? — сурово вопросил он.

«Откуда он знает, что я женщина?» — спросила себя Алия. Она хотела ускользнуть в свои внутренние жизни, искать в них защиту, но внутренний мир оставался пугающе безмолвен, загипнотизированный этой фигурой из прошлого.

— Он говорил тебе, что завершенность равна смерти! — прокричал Проповедник. — Абсолютное предвидение — это завершенность... это смерть! Она попробовала освободиться от его цепких пальцев. Ей хотелось выхватить нож и сразить его, чтобы избавиться, но она не смела. Никогда в жизни она не чувствовала себя такой устрашенной.

Проповедник вскинулся подбородок и поверх ее головы обратился к толпе, вскричав:

— Я даю вам слова Муад Диба! Он сказал: «Я собираюсьtkнуть вас лицами в то, чего вы стараетесь избежать. Я не нахожу странным, что все вы хотите верить лишь в удобное для вас. Как же еще людьми изобретаются ловушки, чтобы ввергнуться в посредственность? Как же еще мы определяем трусливость?» Так говорил вам Муад Диб!

Он резко отпустил руку Алии, отпихнул ее в толпу. Она бы упала, не поддержи ее людская стена.

— Существовать — значит выделяться, не оставаться фоном, — сказал Проповедник. — Вы не думаете о том, чтобы существовать по-настоящему, если только вы не готовы рискнуть даже собственным здравым рассудком ради верного суждения, что есть ваше существование.

Проповедник шагнул вниз и снова схватил руку Алии — без колебаний и без заминки. Хотя, на сей раз он был мягче. Наклонившись к ней вплотную, он сказал ей прямо в ухо:

— Брось свои попытки опять низвести меня до фона, сестра.

Затем — рука на плече юного поводыря — он шагнул в толпу. Для странной пары освободили путь. Потянулись руки, чтобы коснуться Проповедника, но касались его люди с благоговейной легкостью, страшась того, что могло им открыться под запыленной накидкой Свободного.

Алия, потрясенная, осталась стоять в одиночестве, поскольку толпа потянулась за Проповедником.

Вот она, полная уверенности. Это Пол. Не остается никаких сомнений. Это — ее брат. Она ощутила то же, что толпа. Она предстала перед священным, и весь ее мир рушился теперь вокруг нее. Ей хотелось побежать за ним, умолять его спасти ее от самой себя, но она не могла пошевелиться. Пока другие теснились, следя за Проповедником и поводырем, она стояла отравленная полнейшим обаянием, скорбью столь глубокой, что могла лишь трепетать, не в силах управлять собственными мускулами.

«Что мне делать? Что мне делать?» — спрашивала она себя.

Теперь при ней не было даже Данканы, чтобы найти опору, ни матери. Внутренние жизни продолжали безмолвствовать. Есть Ганима, содержащаяся в Твердыне под надежной охраной, но Алия не могла преодолеть себя, чтобы обратиться со своим несчастьем к уцелевшей из близнецов. «Все обратились против меня. Что мне делать?»

Глава 34

Одноглазый взгляд нашего мира говорит, что ты не должен высматривать слишком отдаленные проблемы. Такие проблемы могут никогда не наступить. Вместо этого, займись волком на твоем собственном участке. Стai, рыскающие за его заборами, могут даже не существовать.

Книга Азхара-Шамра, 1:4.

Джессика дожидалась Айдахо у окна своей гостиной, удобной комнаты с мягкими диванами и старомодными креслами. Ни в одной из ее комнат не было супензора, а хрустальные глоууглобы были из другого века. Окно ее смотрело на внутренний сад этажом ниже.

Она услышала, как служанка открывает дверь, затем шаги Айдахо по деревянному полу, затем по ковру. Она слушала, не оборачиваясь, не отрывая взгляда от испещренного светом зеленого настила внутреннего двора.

Безмолвная и боязливая война ее чувств должна быть сейчас подавлена. Она глубоко задышала — упражнения прана и бинду — и почувствовала прилив достигаемого спокойствия.

Прожектор пучком пронизывающих пыль лучей бил во внутренний двор, высвечивая серебряное колесо паутины, растянутой между ветвей липы, доходившей почти до ее окна. Внутри ее апартаментов было прохладно, но за закрытым наглоухо окном воздух вибрировал оцепенелым жаром. В замке Коррино царил мертвый застой, противоречивший зелени в ее дворике.

Она услышала, как Айдахо остановился прямо у нее за спиной.

Не оборачиваясь, она сказала:

— Дар слов — дар обмана и иллюзии, Данкан. Почему ты хочешь обменяться со мной словами?

— Может быть, только один из нас останется в живых, — сказал он.

— И ты хочешь, чтобы я дала благоприятный отчет о твоих усилиях? она повернулась, увидела, с каким спокойствием он стоит, наблюдая ее своими серыми металлическими глазами без фокусирующих центров. Как же они непроницаемы! — Данкан, возможно, что тебе совсем не все равно твое место в истории?

Она проговорила это обвиняющим тоном и вспомнила, как говорила когда-то, стоя напротив этого человека. Он упился тогда, приставленный шпионить за ней, и его раздирали противоречивые обязательства. Но тот Данкан еще не был гхолой. Сейчас это совсем другой человек. Этот — не противоречит сам себе в своих действиях, не раздираем на части.

Он улыбкой подтвердил ее вывод.

— У истории — свой собственный суд, выносящий собственные приговоры, — сказал он. — Сомневаюсь, что во время вынесения моего он еще будет меня беспокоить.

— Зачем ты здесь? — спросила она.

— По той же причине, по которой и ты, миледи.

Ни один внешний признак не выдал сокрушающую силу в этих простых словах, но она принялась яростно соображать: «Действительно ли он знает, зачем я здесь?! Откуда ему? Знает только Ганима. Значит, у него, у ментата, было достаточно данных, чтобы сделать свои выкладки? Это возможно. А вдруг он говорит просто для того, чтобы она себя выдала? Стал бы он это делать, ведая о причине ее пребывания здесь? Он вождь должен знать, что за каждым их движением, каждым словом следят либо сам Фарадин, либо его слуги.

— Дом Атридесов оказался на горьком перекрестке, — сказала она. -Внутри семьи — война, против себя. Ты был одним из самых преданных людей моего Герцога. Когда Барон Харконнен...

— Давай не говорить о Харконненах, — сказал он. — Сейчас — другое время, и твой Герцог мертв, — и подумал: «Неужели она не может догадаться, что Пол открыл мне, что в жилах Атридесов течет кровь Харконненов?» Как же это было рискованно для Поля, но это еще крепче привязало к нему Данкана. Такая откровенность была монетой, стоимость которой почти и представить нельзя. Пол знал, что люди Барона сделали Айдахо.

— Дом Атридесов не мертв, — сказала Джессика.

— Что такое — Дом Атридесов? — вопросил он. — Ты — Дом Атридесов? Алия? Ганима? Люди, служащие этому Дому? Посмотри на этих людей — на них отпечаток невыразимо тяжкого труда!

Как могут они быть Атридесами? Твой сын сказал правильно: «Тяжкий труд и гонения — вот удел тех, кто следует за мной». Я хотел бы отделиться от этого, миледи.

— Ты и вправду перешел на сторону Фарадина?

— Не именно ли это сделала ты, миледи? Разве ты не прибыла сюда убедить Фарадина, что его брак с Ганимой станет разрешением всех проблем? «Неужели он действительно так считает?» — удивилась она. — «Или он говорит это для наблюдателя?»

— Дом Атридесов всегда был по сути своей идеей, — сказала она. — Ты знаешь это, Данкан. Мы платили верностью за верность.

— Служба людям, — насмешливо хмыкнул Айдахо. — А, много раз я слышал, как Герцог это говорил. Неспокойно ему, должно быть, лежится в его могиле, миледи.

— Ты действительно думаешь, что мы так низко пали?

— Разве вы не знали, миледи, что есть мятежники среди Свободных называющие себя «Маркиз Внутренней Пустыни» — проклинающие Дом Атридесов и даже Муад Диба?

— Я слышала сообщение Фарадина, — ответила она, недоумевая, куда он клонит.

— Это больше, миледи. Больше, чем сообщение Фарадина. Я сам слышал это проклятие. Вот оно: «Да спалят вас, Атридесы! Не будет у вас ни души, ни духа, ни тела, ни тени, ни магии, ни костра, ни волос, ни речи, ни слов. Не будете вы иметь ни дома, ни норы, ни могилы. Не будет у вас ни сада, ни дерева, ни куста. Да не будет у вас ни воды, ни хлеба, ни света, ни скота. И не будет у вас ни детей, ни семьи, ни наследников, ни племени. Пусть не будет у вас ни головы, ни рук, ни ног, ни поступи, ни семени. Не будет вам места на любой планете. Не дозволено будет никогда вашим душам выходить из глубин, и не будут они никогда среди тех, кому дозволено жить на земле. Да не будет дня, когда укротите вы Шай-Хулуда, но скованы и связаны вы будете непревосходимой богомерзостью, и во веки веков не вступят ваши души в прославленный свет». Вот каково это проклятие, миледи. Можете вы представить такую ненависть со стороны Свободных? Они помещают всех Атридесов по левую сторону ада, туда, где всесжигающая Женщина-Солнце».

Джессика содрогнулась. Айдахо несомненно воспроизвел не только само проклятие, но и голос, который его произносил. Почему он демонстрирует это Дому Коррино? Она хорошо представляла разъяренных Свободных, ужасных в своем гневе, стоящих перед племенем, чтобы выплеснуть древнее проклятие. Почему Айдахо хочет, чтобы Фарадин это услышал?

— Ты привел сильный довод за брак моей дочери и Фарадина, — сказала она.

— У тебя вечно однодумный подход к проблемам, — сказал Айдахо. -Ганима — Свободная. Она может выйти замуж только за того, кто не платит фая — налога за покровительство. Дом Коррино уступил весь свой пакет в КХОАМ твоему сыну и его наследникам. Фарадин существует с позволения на это Атридесов. И, вспомни — когда твой Герцог водрузил стяг Ястреба на Арракисе — вспомни, что он сказал: «Здесь я, и здесь я останусь!» Его кости там и покоятся. И Фарадин должен будет жить на Арракисе, вместе со своими сардукарами.

Айдахо покачал головой, отрицая саму мысль о таком союзе.

— Есть старая присказка, что проблему можно ободрать слой за слоем как луковицу, — холодным голосом сказала Джессика. «Как он смеет относиться ко мне свысока? Если только он не разыгрывает спектакль для зорких глаз Фарадина...?»

— Я как-то не могу представить сардукаров и Свободных на одной планете, — сказал Айдахо. — Это — тот слой, который не слезет с луковицы. Ей не нравились те мысли, которые слова Айдахо могли возбудить в Фарадине и его советниках, и она сказала резко:

— Дом Атридесов — до сих пор закон этой Империи! — и подумала: «Хочет ли Айдахо внушить Фарадину веру, будто тот может завладеть троном без Атридесов??

— О, да, почти забыл, — сказал Айдахо. — Закон Атридесов! В толковании, конечно, Жрецов Золотого Эликсира. Мне надо лишь глаза закрыть, чтобы услышать, как твой Герцог говорит, что владения приобретаются и удерживаются либо насилием, либо угрозой его. Как пел Гурни, от судьбы не уйдешь. Цель оправдывает средства? Или мне изменять пословицы? Что ж, не имеет значения, открыто ли размахиваешь кованым кулаком легионов Свободных или Сардукаров, либо держишь его спрятанным в Законе Атридесов — кулак все равно наличествует. И этот слой луковицы не обдерешь, миледи. Знаешь ли, мне интересно, какой кулак понадобится Фарадину?

«Что он делает? — недоумевала Джессика. — Как же Дом Коррино ухватится за этот довод, злорадствуя!?

— Так, по-твоему, Жречество не позволит Ганиме выйти замуж за Фарадина? — Джессика рискнула запустить пробный шар, чтобы увидеть, что могут означать слова Фарадина.

— Позволить ей? Великие боги! Жречество позволит Алии все, что она прикажет. Она даже сама может выйти замуж за Фарадина!

«Сюда ли он и закидывает удочку?» — задумалась Джессика.

— Нет, миледи, предмет спора не в этом. Люди Империи не могут провести различия между правлением Атридесов и правлением скотины Раббана. Каждый день люди умирают в темницах Арракиса. Я ушел, потому что больше ни часу не мог предоставлять Атридесам мою мечедержащую руку! Разве ты не понимаешь, о чем я говорю, почему я сейчас у тебя — у ближайшей представительницы Атридесов? Империя Атридесов предала твоего Герцога и твоего сына. Я любил твою дочь, но наши пути разошлись. Если дойдет до того, я посоветую Фарадину не принимать руки Ганимы — или Алии — иначе как только на собственных условиях!

«А, он ведет к официальному и почетному увольнению со службы Атридесов, — подумала Джессика. — Но все другие дела, о которых он говорил, возможно ли, чтобы он знал, насколько они для нее значимы и воздействуют на нее??

Она нахмурилась:

— Ты ведь знаешь, что шпионы ловят каждое наше слово, верно?

— Шпионы? — он хмыкнул. — Они слушают нас также, как на их месте слушал бы я. Знаешь ли ты, как моя верность пошла в другую сторону? Многие ночи провел я в одиночестве в пустыне, и Свободные были совсем неподалеку. В пустыне, особенно ночью, сталкиваешься с опасностью думать вовсю.

— Там ты и услышал, как Свободные нас проклинают?

— Да. В племени ал-Ураба. По повелению Проповедника я присоединился к ним, миледи. Мы называем себя Зарр Садус — те, кто отказывается повиноваться Жрецам. Я здесь, чтобы формально известить Атридесов: «Я перешел на вражескую территорию».

Джессика изучала его, ища малейших разоблачительных признаков, но Айдахо ничем не показал, будто говорит ложно или со скрытым умыслом. Действительно ли возможно, чтобы он перешел к Фарадину? Она напомнила себе максимум Бене Джессерит: «В делах человеческих, ничто не остается устойчивым — все дела человеческие закручиваются спиралью кругом и прочь». Если Айдахо действительно покинул клан Атридесов, то это бы объяснило его теперешнее поведение. Он движется кругом и прочь. Она должна рассмотреть это как вероятность.

?Но почему он подчеркнул, что сделал это по велению Проповедника??

Ум Джессики быстро перебрал различные альтернативы — и она поняла, что, может быть, ей нужно убить Айдахо. План, на который она возложила свои надежды, оставался столь хрупким, что ничему нельзя было позволить в него встремлять. Ничему. А в словах Айдахо был намек, будто он знает ее план. Она прикинула, каково их взаиморасположение, сдвинулась и повернулась, заняв позицию для нанесения смертельного удара.

— Я всегда считала упорядочивающее воздействие фоуфрелум столпом нашей силы, — сказала она. Пусть недоумевают, почему она перевела разговор на систему классовых разграничений. — Совет Ландсраада Великими Домов, местные Сиселраады, все заслуживают нашего...

— Ты меня не съешь, — сказал он.

До чего же прозрачны ее действия, подумал Айдахо. Значит ли это, что она нарочно небрежна в утайке своих мыслей, или я все-таки прошиб стены закалки Бене Джессерит? Последнее, решил Айдахо, но, кроме того, что-то в ней самой — возрастные изменения. Ему печально было видеть все небольшие отличия между новыми Свободными и прежними. Уход пустыни — уход чего-то драгоценного для людей, и он не мог это описать, точно так же как не мог описать то, что произошло с леди Джессикой.

Джессика уставилась на Данканна с неприкрытым изумлением, даже не пытаясь скрыть свою реакцию. Неужели ее так легко видеть насквозь?

— Ты меня не убьешь, — сказал он, слова старого предупреждения Свободных. — Не бросай свою кровь на мой нож. И подумал: «Я в очень сильной степени стал Свободным». При осознании, насколько глубоко усвоил он обычай планеты, приютившей его вторую жизнь, у него появилось досадливое ощущение непрерывности.

— По-моему, тебе лучше уйти, — сказала Джессика.

— Нет, до тех пор пока ты не примешь моего увольнения со службы Атридесов. — Принято! — отрезала она. И только по произнесении этого слова осознала, насколько же было оно рефлекторным. Ей надо время подумать и переосмыслить. Откуда Айдахо заранее знал, что она сделает? Она не верила, что он способен при помощи спайса совершать прыжки во Времени.

Айдахо пятился от нее, пока спиной не уперся в дверь. Он поклонился: — Еще раз я называю тебя миледи, и больше затем никогда. Мой совет Фарадину будет: отослать тебя назад на Баллах, тихо и быстро, как только можно скорей. Ты слишком опасная игрушка, чтобы держать тебя при себе. Хотя, по-моему, он не думает о тебе как об игрушке. Ты работаешь на Сестер, а не на Атридесов. Вы, ведьмы, движетесь в слишком глубокой тьме, чтобы обычный смертный мог когда-либо вам доверять.

— Гхола считает себя обычным смертным, — поддела она.

— По сравнению с тобой, — ответил он.

— Уходи! — приказала она.

— Таково мое намерение, — он выскользнул за дверь, мимо любопытствующего взгляда явно подслушивающей служанки.

«Сделано, — подумал он. — И они смогут истолковать это лишь одним образом».

Глава 35

Только в царстве математики можем мы понять точность видения будущего Муад Дибом. Итак, во-первых, мы постулируем любое количество направленных измерений пространства. (Это классическая N-складчатая РАЗВЕРНУТАЯ СОВОКУПНОСТЬ N-измерений). В этом построении, ВРЕМЯ, как оно обычно понимается, становится совокупностью одномерных свойств. Прилагая это к феномену Муад Диба, мы обнаруживаем, что либо мы сталкиваемся с новыми свойствами Времени, либо что мы имеем дело с отдельной системой, содержащей число N-свойств тела. Для Муад Диба, мы допускаем последнее. Как показывает редукция, направленные измерения N-складчатости могут иметь лишь раздельное существование внутри различных построений ВРЕМЕНИ. Раздельные измерения ВРЕМЕНИ демонстрируют таким образом свое существование. Отсюда неизбежно вытекает, что Муад Диб в своих предвидениях воспринимает N-складчатость не как развернутую совокупность, а как операцию внутри единого построения. В результате, он укладывал свой мир в то единое построение, которое являлось его видением ВРЕМЕНИ.

Палишамба: Лекции в съетче Табр.

Лито лежал на гребне дюны, взглядываясь в извилистое скалистое возвышение за открытыми песками. Скалы возвышались над песком как огромнейший червь, плоский и угрожающий в свисте утра. Ни единая птица не кружила над головой, ни единое животное не развелось среди скал. Он видел щели ветроуловителей почти в середине спины «червя». Значит, там есть вода. У червя-скалы было сходство с привычным видом съетча-убежища, вот только все живое отсутствовало. Лито лежал тихо, сливаясь с песком, наблюдая.

В голове его, с монотонной настойчивостью блуждал один из напевов Гурни Хэллека:

Под холмом, где лисица резвится,
Где свет солнца так ярко струится,
Там мой милый недвижно
лежит. Сквозь паучье травы пройду я,
Но его разбудить не смогу я,
Умер он, и в могилу зарыт.

Где же там вход, гадал Лито.

Он был уверен, что это — Джакурут (Фондак), но, кроме отсутствия животной жизни, что-то еще было не так что-то, мерцавшее на краешке сознания и восприятия, предостерегая его.

Что прячется под холмом?

Отсутствие животных беспокоило. Оно пробудило его чувство осторожности Свободного: «Отсутствие говорит больше присутствия, когда дело касается выживания в пустыне». Но там была ветроловушка. Значит, вода и люди ее потребляющие. За названием Фондак скрывалось место, на которое наложено табу, даже в воспоминаниях большинства Свободных утерялось то, другое имя. И нигде не видно зверей и птиц.

Нет людей — и все же здесь начинается Золотая Тропа.

Его отец однажды сказал: «Неизвестное окружает нас везде и повсюду. Вот где ты ищешь знаний».

Лито поглядел направо, на гребни дюн. Недавно прошла материнская буря. Озеро Азрак, гипсовая равнина, обнажилась из-под своего песчаного покрытия. Поверье Свободных гласило, что у увидевшего Бийян, Белые Земли, исполнится жгучее и опасное желание, желание, которое может его уничтожить. Лито видел лишь гипсовую равнину, говорившую ему о том, что некогда на Арракисе была открытая вода.

И она будет здесь вновь.

Он поглядел вперед, все обвел взглядом, высматривая какое-нибудь движение. Небо было пористым после шторма. Свет, сочившийся сквозь него, порождал впечатление молочной разлитости, серебряного солнца, спрятанного где-то выше пыльной завесы, продолжавшей держаться в вышине.

Лито опять перенес внимание на извилистую скалу. Вытащил из своего фремкита бинокль, настроил его линзы и посмотрел на обнаженную серость, на это возвышение, где некогда жили люди Джакурут. Укрупнение сделало видимым колючий кустарник, тот, что называют Царицей Ночи. Кустарник гнездился в тенях расселины, которая могла быть входом в старый съетч. Он прикинулся длину торчащего нагромождения. Серебряное солнце превращало красное в серое, наводило размытую плоскость по всей длинной протяженности скалы.

Он перекатился в другую сторону, повернувшись спиной к Джакурут, осмотрел в бинокль все его окружавшее. Ничто в пустыне не носило отпечатков прохождения людей. Ветер уже стер и его следы, оставил только смутную округлость там, где ночью он слез с червя.

Опять Лито взглянул на Джакурут. Кроме ветроловушки, не было признаков, что там когда-либо

проходили люди. И, не будь извилистой протяженности скалы, ничто бы не выделялось на выжженном песке — пустыня от горизонта до горизонта.

У Лито внезапно появилось чувство, что он оказался здесь потому, что не пожелал быть ограниченным системой, завещанной ему его предками. Он припомнил, как смотрели на него люди, все, кроме Ганимы — как на ошибку мироздания.

«Этот ребенок никогда не был ребенком, кроме как для потрепанной толпы его других памятей».

«Я должен нести ответственность за принятое нами решение», — подумал он.

Опять он тщательно проследовал взглядом по всей длине скалы. По всем описаниям, это должен быть Фондак, и никакое другое место не может быть Джакуруту.

Он ощущал странное перекликающееся родство с табу этого места. По методу Бене Джессерит, он отворил свой ум для Джакуруту, стараясь ничего о нем не знать. ЗНАНИЕ — это барьер, препятствующий обучению. На несколько мгновений он позволил себе просто откликаться на окружающее, не предъявляя требований и не задавая вопросов. Проблема — в отсутствии животной жизни, но что-то одно особенное его настораживало. Теперь он это ухватил: не было птиц, питающихся падалью орлов, стервятников, ястребов. Даже если всякая другая жизнь пряталась, они оставались. Всякий источник воды в пустыне имел такую цепочку жизни. В конце цепочки были вездесущие пожиратели падали. Никто не наведался, выяснить, что это он тут делает. Как хорошо он знал «сторожевых псов съетча», этот ряд находившихся птиц на краю обрыва съетча Табр, примитивных гробовщиков ждущих мяса. Как говорили Свободные, «наши соперники». Но добавляли, что не испытывают ревности к птицам, потому что эти любопытные твари часто предупреждают о приближении посторонних.

«Что, если Фондак покинут даже контрабандистами??

Лито сделал паузу, чтобы отпить из влагосборной трубки.

«Что если там на самом деле нет воды??

Он рассмотрел свое положение. Он на двух червях добрался сюда, всю ночь подстегивая их своим цепом, оставил их полумертвыми. Это — Внутренняя пустыня, где должно найтись пристанище контрабандистов. Если жизнь здесь существует, если способна существовать — то только при наличии воды.

«Что, если там нет воды? Что, если это не Джакуруту??

Опять он навел бинокль на ветроловушку. Ее внешние края сточены песком, из-за недостатка должного ухода, но остается еще достаточно. Там должна быть вода.

«Но если ее там нет??

В заброшенном съетче вода могла испариться, утратиться при любых неизвестно, скольких — катастрофах. Почему нет птиц, питающихся падалью? Убиты ради их воды? Но кем? Как можно было уничтожить их всех до единой? Яд?

ОТРАВЛЕННАЯ ВОДА.

В легенде о Джакуруту не было такого, как отравленная цистерна, но на деле такое быть вполне могло. Если первоначальные обитатели были убиты, то почему их к этому времени никто не заместил? Идуали были уничтожены много поколений назад, и в рассказах об этом яд никогда не упоминался. Он опять внимательно осмотрел скалу в бинокль. Как можно было полностью истребить целый съетч? Наверняка ведь кто-то спасся. Обитатели съетча редко оказывались дома все вместе. Кто-то блуждал по пустыне, двигался в города. Со смиренным вздохом Лито убрал свой бинокль. Он скользнул в укромное место дюны, со сверх предосторожностями закрылся в свой стилтент и замел все следы своего пребывания, готовясь переждать жаркие часы. Вялые ручейки усталости струились по его телу, и он закрылся во тьму. Большую часть дня он провел в потном и тесном стилтенте, подремывая, воображая ошибки, которые он мог бы совершить. Сны его были защитными, но не могло быть самозащиты в том испытании, которое выбрали они с Ганимой. Неудача сожжет их души. Он ел спайсовое печенье и спал, просыпался поесть опять, попить, и возвращался в сон. Долгим было путешествие к этому месту, суровая нагрузка для детских мускулов. К вечеру он проснулся посвежевшим, прислушался — нет ли признаков жизни. Выбрался из своего песчаного савана. Пыль высоко в небе летела в одном направлении, но песок обжигал его щеку с другого — верные признаки идущей перемены погоды. Он ощутил приближение бури.

Он осторожно выбрался на гребень дюны, опять поглядел на загадочные скалы. Воздух между ним и скалами был желт. Приметы говорили, что надвигается буря Кориолис, ветер, несущий смерть в своем животе. Огромная простирается гонимого ветром песка растягивается, возможно, свыше чем на

четыре градуса широты. Заброшенная пустота гипсового подпола обрела теперь желтый оттенок, отражая облака пыли. Лито обволокло обманчиво мирным веером. Затем свет угас и пала ночь — быстро приходящая ночь внутренней пустыни. Скалы предстали угловатыми вершинами, посеребренными светом Первой Луны. Он ощущал, как в кожу его впиваются песчаные колючки. Раскат сухого грома прозвучал эхом отдаленных барабанов и, в пространстве между лунным светом и тьмой, он заметил внезапное движение: летучие мыши. Ему слышны были колыхание их крыльшек, их тонкие попискивания.

ЛЕТУЧИЕ МЫШИ.

Случайно или намеренно, это место внушало мысль о заброшенности и запустении. Это, должно быть, и есть полулегендарная твердыня контрабандистов: Фондак. А если не Фондак? Если табу все еще действует и это — лишь призрачная мертвая оболочка Джакуруту?

Лито скорчился на подветренной стороне дюны, дожидаясь ночи, чтобы приноровиться и вписаться потом в ее собственные ритмы. Терпение и осторожность — осторожность и терпение. Некоторое время он развлекался, припоминая маршрут Чосера из Лондона в Кентербери — перечисляя места от Сауфмарка: две мили до оазиса Св. Томаса, пять миль до Дептфорда, шесть миль до Гринвича, тридцать миль до Рочестера, сорок миль до Ситтингбурна, пятьдесят миль до Баутона под Блинном, пятьдесят восемь миль до Харблдауна и шестьдесят миль до Кентербери. Сознание, что немногие в его мире помнят Чосера или знают какой-либо Лондон кроме поселения на Гансириде, вызывало в нем воодушевляющее чувство неподвластного времени бакена. Св. Томас сохранился в Оранжевой Католической Библии и в Книге Азхара, но Кентербери исчез из людской памяти, точно так же, как и планета, где оно находилось. Такова ноша его воспоминаний, всех тех жизней, что угрожают его поглотить. Некогда он совершил эту поездку в Кентербери.

Однако, нынешнее его путешествие было длиннее и опаснее.

Вскоре он прокрался через гребень дюны и направился к освещенным луной скалам. Он сливался с тенями, быстро проскальзывал через гребни, не издавал ни звука, способного дать знать о его присутствии.

Пыль исчезла, как это частенько бывало перед бурей, и ночь была великолепной. Сейчас, в отличие от недвижного дня, он слышал, как, приближаясь к скалам, маленькие создания суетятся во тьме.

В низине между двумя дюнами он наткнулся на семейство джебоа, бросившееся от него врассыпную. Он перемахнул через следующий гребень, соленая встревоженность пронизывала его эмоции. Та расселина, что он видел — это ли вход? Были и другие заботы: съетчи прежних времен всегда охранялись ловушками — отравленные шипы в ямах, отравленные иглы на растениях. На ум ему лезло старое выражение Свободных: «слухом мыслящая ночь». И он прислушивался к малейшему звуку.

Теперь серые скалы возвышались над ним, став гигантскими при приближении. Прислушиваясь, он услышал на этой круче невидимых птиц, тихий звук крылатой добычи для хищников. Голоса принадлежали дневным птицам, но раздавались ночью. Что так круто поменяло их образ жизни? Людские хищники? Лито резко замолк. Над утесом светил огонь — танец мерцающих и загадочных драгоценностей на фоне черного газа ночи, вид того сигнала, что может подаваться из съетча странствующим по бледу. Кто же обитатели этого места? Он прокрался вперед, к глубочайшим теням у подножия кручи, пошарил по камню рукой, двинулся на ощупь в расселину, виденную им днем. Нашел он ее при восьмом шаге, вытащил из фремкита пескошноркель и потыкал во тьму. Когда он сдвинулся, что-то тугое и вяжущее упало на его плечи и руки, сковав его.

КАПКАННАЯ ЛОЗА!

Он удержался от порыва начать бороться, лоза бы от этого только туже затянулась. Он уронил шноркель, изогнул пальцы правой руки, стараясь добраться до ножа на поясе. До чего же он показал себя несмышленым — надо было с расстояния швырнуть что-нибудь в эту расселину, проверить, нет ли опасностей во тьме. Его ум был слишком занят светом над кручей.

От каждого движения лоза все туже затягивалась, но его пальцы коснулись наконец рукояти ножа. Он осторожно охватил рукой рукоять, начал вытаскивать нож.

Его окутал слепящий свет, сковавший его движения.

— А, славная добыча в наших сетях, — густой мужской голос позади Лито показался ему чем-то смутно знакомым. Лито попробовал повернуть голову, отдавая себе отчет, что лоза просто раздавит его тело, если он будет двигаться слишком вольно.

Рука забрала его нож, прежде чем он успел увидеть пленившего его. Та же рука со знанием дела обыскала его сверху донизу, вытащила маленькие приспособленья, которые он и Ганима носили ради того, чтобы выжить. Ничто не ускользнуло от обыскивавшего, даже удавка из шигавира,

спрятанная в волосах.

Лито так его и не видел.

Пальцы что-то сделали с лозой, и Лито обнаружил, что может вздохнуть свободней, затем мужчина сказал:

— Не сопротивляйся, Лито Атридес. Твоя вода — в моей чаше.

С огромным усилием сохранив спокойствие, Лито спросил:

— Ты знаешь мое имя?

— Разумеется? Когда кто-то попадает в ловушку, то это ради чего-то. Он у нас уже намеченная жертва, разве нет?

Лито промолчал, но мысли его закружились вихрем.

— Подозреваешь предательство? — сказал густой голос. Руки повернули Лито, мягко, но с явной демонстрацией силы. Взрослый показывал ребенку, за кем превосходство.

Лито посмотрел туда, где полыхали два переносных светильника, увидел черные обводы закрытого маской стилякта лица, капюшон. Когда глаза его привыкли после темноты, он увидел темную полоску кожи, глубоко запавшие глаза потребителя меланжа.

— Ты удивляешься, почему мы подняли всю эту суэту, — голос мужчины, исходивший из закрытой нижней части лица, как-то занятно приглушался, словно мужчина старался скрыть свой выговор.

— Я давно перестал удивляться количеству людей, желающих смерти близнецам Атридесов, — ответил Лито. — Причины очевидны.

Пока Лито это произносил, его ум кидался на неизвестное как на прутья клетки, яростно добиваясь ответов. Ловушка именно на него? Кто знал, кроме Ганимы? Невозможно! Ганима бы не предала собственного брата. Тогда кто-то, достаточно хорошо его знавший, чтобы предугадать его действия? Кто? Его бабушка? Откуда ей суметь?

— Тебе нельзя было позволить и дальше продолжать в том же духе, сказал мужчина. — Очень плохо! Перед тем, как взойти на трон, тебе надо получить образование, — глаза без белков неподвижно посмотрели на Лито. -Ты удивляешься, как кто-то осмеливается браться за образование такой персоны, как ты? Как ты, со знанием множества обитающих в твоей памяти! В том-то и дело, видишь ли! Ты считаешь себя образованным, но ты лишь склеп мертвых жизней. У тебя еще нет твоей собственной жизни. Ты — лишь ходячая перенасыщенность другими, всеми, у которых одна цель — искать смерти. Не годится правителю искать смерти. Ты все устелешь трупами вокруг себя. Твой отец, например, никогда не понимал...

— Ты осмеливаешься говорить о нем в таком тоне?

— Много раз я на это осмеливался. В конце концов, он был лишь Пол Атридес. Ладно, мальчик, добро пожаловать в свою школу.

Мужчина высвободил руку из-под плаща, коснулся щеки Лито. Лито ощущил толчок и его понесло куда-то во тьму, в которой развеивался зеленый флаг. Это было зеленое знамя Атридесов с его символами дня и ночи, с древком Дюны, скрывавшим трубку с водой. Теряя сознание, он слышал журчание воды. Или это кто-то хихикнул?

Глава 36

МЫ все еще можем вспоминать золотые дни до Хайзенберга, показавшего людям стены, окружающие их предопределенные доводы. Жизни внутри меня находят это забавным. Знание, видите ли, бесполезно, если бесцельно, но цель — это и есть то, что возводит окружающие стены.

Лито Атридес II.

Его Голос.

Алия жестко разговаривала со стражами, стоявшими перед ней в фойе Храма. Их было девять, в пыльных зеленых мундирах пригородного патруля, и все они еще не могли отдохнуть и обливались потом от напряжения. Свет позднего полдня проникал в дверь за ними. Площадь была очищена от пилигримов. — Итак, мои приказы ничего для вас не значат? — спросила она.

И она удивилась собственному гневу, не пытаясь его сдержать, но выплескивая его наружу. Тело ее трепетало от напряжения многих событий как с цепи всех разом сорвавшихся. Айдахо исчез... леди Джессика... никаких сообщений... Только слухи, что она на Салузе. Почему Айдахо не подал весточки? Что он совершил? Узнал ли он наконец о Джавиде?

На Алии было желтое одеяние — цвет Арракинского траура, цвет палящего солнца Свободных. Через несколько минут она возглавит вторую и последнюю погребальную процессию к Старому ущелью, чтобы установить там мемориальный камень по ее пропавшему племяннику. Работа будет завершена ночью, подходящие почести тому, кому предназначено было править Свободными. Жреческая стража вроде бы встретила ее гнев даже с вызовом, и уже без всякого стыда. Они стояли перед ней, очерченные тающим светом. Запах пота легко проникал сквозь легкие и неэффективные стилсьюты горожан. Их глава, высокий светловолосый Каза, с символами бурки — символами семьи Каделам, убрал в сторону маску стилсьюта, чтобы говорить яснее. Голос его был полон гордыни, которой и следовало ожидать от отприска семьи, некогда правившей съетчем Табр.

— Разумеется, мы постарались его схватить!

Он явно был выведен из себя ее нападением:

— Он богохульствует! Мы знаем твои приказы, но мы слышали его собственными ушами!

— И не сумели его схватить, — тихим и обвиняющим голосом сказала Алия.

Одна из стражей, невысокая молодая женщина, попробовала защититься:

— Там была густая толпа! Клянусь, люди нам намеренно встревали на пути!

— Мы до него доберемся, — сказал Каделам. — Не вечно же нам терпеть неудачу.

Алия нахмурилась.

— Вы что, не понимаете меня и мне не повинуетесь?

— Миледи, мы...

— Что ты сделаешь, Каделам, если схватишь его и обнаружишь, что он и в самом деле мой брат?

Он явно не уловил оттенков интонации в ее вопросе, хотя не мог он стать жреческим стражем, не имея достаточно образования и сообразительности, чтобы соответствовать своей работе. Он желает пожертвовать собой?

Стражник сглотнул и сказал:

— Мы сами должны убить его, поскольку он сеет смуту.

Остальные взорвались на него с ужасом, отвращением — и все с таким же непокорством. Они понимали, что именно они слышали.

— Он призывает племена сплотиться против тебя, — сказал Каделам.

Алия теперь понимала, как его укротить. Она сказала спокойно и с будничной деловитостью:

— Понимаю. Что ж, если ты должен пожертвовать собой таким образом, открыто его настигнув, чтобы все видели, кто ты такой и что ты сделал наверно, ты и вправду должен, как я понимаю.

— Пожертвовать со... — он осекся, поглядел на товарищей. Как Каза отряда, его назначенный руководитель, он имел право говорить за них, но тут он проявил признаки того, что предпочел бы

промолчать. Другие стражи неуято заерзали. В пылу преследования, они открыто пренебрегли приказом Алии. Можно было только размышлять над тем, чем обернется такое неповиновение «Чреву Небесному». После того, как они явно почувствовали себя неуято, между ними и их Казой образовалось небольшое расстояние.

— Ради блага Церкви, наша официальная реакция должна будет быть сурова, — сказала Алия. — Ты понимаешь, о чём я говорю?

— Но он...

— Я сама его слышала, — сказала она. — Но это особый случай.

— Он не может быть Муад Дибом, миледи!

«Как же мало ты знаешь!» подумала она. И сказала:

— Нам нельзя рисковать, захватывая его на людях, где другие смогут увидеть причиненный ему вред. Если предоставится другая возможность тогда конечно.

— Он все эти дни непрестанно окружен толпой!

— Тогда, я боюсь, мы должны быть терпеливы. Конечно, если ты настаиваешь на неповиновении мне... — она оборвала фразу, предоставив ему из воздуха выловить недосказанное о последствиях — но он хорошо понял. Каделам был честолюбив, перед ним открывалась блестящая карьера.

— Мы не имели в виду явить себя непокорными, миледи, — он теперь овладел собой. — Мы действовали спешно — теперь я это вижу. Простите нас, но он...

— Ничего не произошло — нечего прощать, — ответила она, пользуясь принятой формулой Свободных: одним из многих способов, при помощи которого племя поддерживало мир в своих рядах, и этот Каделам еще достаточно имеет от Старого Свободного, чтобы это помнить. В его семье — долгая традиция править. Вина — это тот хлыст наиба, которым надо пользоваться скучо. Свободные служат лучше, когда избавлены от вины и упреков. Он показал, что осознает ее приговор, склонив голову и сказав:

— Ради блага племени — я понимаю.

— Идите и освежитесь, — сказала она. — Процессия начнется через несколько минут.

— Да, миледи, — и они заспешили прочь, каждое их движение выдавало, с каким облегчением они уходят.

Внутри Алии пророкотал бас:

«Ага! Ты донельзя искусно с этим справилась. Один-двою из них до сих пор верят, что ты хочешь смерти Проповедника. Они найдут способ». «Заткнись! — прошипела она. — Заткнись! Мне бы никогда не следовало к тебе прислушиваться. Смотри, что ты натворил...?»

«Направил тебя на путь безнравственности», — ответил бас.

Она ощутила как этот голос откликается в ее черепе отдаленной болью, подумала: «Где мне спрятаться? Мне некуда идти!?

«Нож Ганимы остр, — сказал Барон. — Помни это».

Алия моргнула. Да, это то, что стоит помнить. Нож Ганимы остр. Может, этот нож еще избавит их от нынешних затруднений.

Глава 37

Веря неким словам, ты веришь а их скрытые доводы. Веря, что нечто правильно или неверно, правдиво или лживо, ты веришь в предположения, заключенные в словах, выраждающих эти доводы. Такие предположения часто полны пробелов, но для убежденных пребывают драгоценнейшими.

Доказательство с открытым концом.

Паноплиа Профетикус.

Ум Лито плавал в густейшем настое запахов. Он распознал тяжелый коричный запах меланжа, застоявшийся пот работающих тел, едкий запах из сборника воды мертвых со снятой крышкой, пыль многих видов — кремневая преобладала. Запахи образовывали шлейф через пески грез, творили туманные формы в мертвой стране. Он знал, что эти запахи должны что-то ему поведать, но часть его еще не могла слушать.

Мысли призраками проплывали в его мозгу: «В данное время у меня нет законченных черт — я весь состою из предков. Солнце, опускающееся в песок — это солнце, опускающееся в мою душу. Некогда это множество внутри меня было великим, но с этим кончено. Я — Свободный, и приму наконец Свободного. Золотая тропа кончилась, не начавшись. Ничего нет, кроме заметаемого ветром следа. Мы, Свободные, знали все уловки, чтобы скрыть себя — не оставляли ни экскрементов, ни воды, ни следов... Смотри теперь, как тает мой след».

Мужской голос повторял у его уха: «Я мог бы убить тебя, Атридес. Я мог бы убить тебя, Атридес». Это повторялось снова и снова, пока потеряло значения, не стало чем-то вроде бессловесного заклинания, запавшего в дремоту Лито: «Я мог бы убить тебя, Атридес».

Лито прокашлялся — и ощущил, как потрясла его чувства реальность этого простого действия. Его пересохшее горло сумело выдавить:

— Кто?..

Голос рядом с ним сказал:

— Я — образованный Свободный, и я убивал уже. Вы забрали наших богов, Атридесы. Что нам печься о вашем вонючем Муад Дибе? Ваш бог мертв! Настоящий это голос урабы или еще один кусок его сна? Лито открыл глаза, обнаружил, что лежит несвязанным на жесткой кровати. Он посмотрел вверх — на камень, на тусклые глоуглобы, на лицо без маски, разглядывая его так близко, что он ощущал, как пахнет дыхание человека обычной едой съетчей. Лицо — Свободного: не могло быть ошибки насчет темной кожи, резких черт и обезвоженной плоти. Это был не упитанный горожанин. Это был Свободный пустыни.

— Я — Намри, отец Джавида, — сказал Свободный. — Теперь ты знаешь меня, Атридес?

— Я знаю Джавида, — сипло проговорил Лито.

— Да, твоя семья хорошо знает моего сына. Я им горжусь. Возможно, вы, Атридесы, скоро узнаете его еще лучше.

— Что...

— Я — один из твоих школьных наставников, Атридес. У меня только одна задача: я — тот, кто мог бы тебя убить. Я бы с радостью это сделал. В этой школе, окончить успешно — означает жить, провалиться — означает попасть в мои руки.

В его голосе Лито услышал неумолимую искренность. Его пробрало морозом. Это — Гом Джаббар в человечьем обличье, высокомерный враг, для испытания его права на вход в человеческое сообщество. Лито ощущал в этом руку своей бабушки, а за ней — безликие массы Бене Джессерит. Его скорчило при этой мысли.

— Твое образование начинается с меня, — сказал Намри, — это справедливо. Это соответствующе. Потому что на мне оно может и кончиться. Теперь слушай меня внимательно. Каждое мое слово несет в себе жизнь. Все во мне несет смерть.

Лито стрельнул глазами по комнате: каменные стены, голо — только его кровать, тусклые глоуглобы и темный проход позади Намри.

— Мимо меня не проскочишь, — сказал Намри. И Лито ему поверил.

— Зачем ты это делаешь? — подумал Лито.

— Это уже объяснено. Подумай, какие замыслы в твоей голове! Ты здесь, а в состояние настоящего нельзя вставить будущее. Несочетаема эта пара -«теперь» и «в будущем». Но если ты доподлинно узнаешь свое прошлое, если ты посмотришь вспять и увидишь, где ты побывал, то, может быть, опять найдешь в нем разумное. Если нет — это будет твоя смерть.

Лито отметил, что в голосе Намри нет злобы, но, при всем том звучит он твердо — обещание смерти сдержит.

Намри повернулся на каблуках, посмотрел в каменный потолок.

— Во время оно Свободные встречали зарю, обращаясь лицом на восток. Эос, знакомо? «Заря» — на одном из старых языков. — Я говорю на этом языке, — с горькой гордостью ответил Лито.

— Значит, ты меня не слушал, — сказал Намри, и лезвие ножа было в его голосе. — Ночь была временем хаоса. День был временем порядка. Вот как было во времена того языка, на ковром, по твоим словам ты говоришь: тьма беспорядок, свет — порядок. Мы, Свободные, изменили это. Эос стал светом, которому мы не доверяли. Мы предпочли свет луны или звезд. Свет обозначал слишком много порядка, и это могло быть гибельным. Видишь, что сделали вы, Атридесы — Эос? Человек — творение лишь того света, который его защищает. На Дюне, солнце было нашим врагом, — Намри опустил взгляд на Лито. — Какой свет ты предпочитаешь, Атридес?

По тому, как Намри приосанился, Лито почувствовал, что этот вопрос очень весом. Убьет ли его этот человек, если он не даст правильного ответа? Может. Лито видел, что рука Намри спокойно покоится на рукояти крисножа. Кольцо в виде магической черепахи блеснуло на боевой руке Свободного.

Лито легко присел на колени, перебирая в уме верования Свободных. Они доверяли Закону и любили, когда его уроки преподносились в виде аналогий, эти старые Свободные. Свет луны?

— Я предпочитаю... свет Лисану, Л'хакку, — сказал Лито, следя за Намри, чтобы уловить малейшую подсказку в его поведении. Тот, вроде бы, был разочарован, но его рука сокользнула с ножа. — Это свет правды, свет истинного мужчины, в котором ясно видно влияние ал-Мутакаллима, продолжил Лито. — Какой иной свет предпочтет человек?

— Ты говоришь как цитирующий, а не как верующий, — проговорил Намри. Я и цитирую, — подумал Лито. Но начал ощущать направленность мыслей Намри, как тот процеживает свои слова через давний навык старинной игры в загадки. В подготовку Свободных включались тысячи таких загадок, и Лито надо было лишь обратиться памятью к обычаям, чтобы примеры начали всплывать в его уме. Вопрос: «Молчание?». Ответ: «Друг преследуемого». Намри кивнул себе, как бы разделяя эту мысль, и сказал:

— Есть пещера, являющаяся для Свободных пещерой жизни. Взаправдашняя пещера, спрятанная в пустынег. Шай Хулуд, пррапрадед всех Свободных, запечатал эту пещеру. Об этом мне рассказывал мой дядя Зиамад, а он никогда не лгал мне. Есть такая пещера.

Намри кончил говорить — и наступило вызывающее Лито молчание. ПЕЩЕРА ЖИЗНИ?

— Мой дядя Стилгар тоже рассказывал мне об этой пещере, — сказал Лито. — Она запечатана, чтобы трусы не могли в ней прятаться.

Отсвет глоуглоба промелькнул в затененных глазах Намри. Он спросил:

— Вы бы, Атридесы, открыли эту пещеру? Вы стремитесь управлять жизнью через духовенство: ваше централизованное духовенство для информации, Оквафа и Хаджжа. Уполномоченный Маулана называется Козар. Он проделал долгий путь от истоков своей семьи в соляных копях Ниази. Скажи мне, Атридес, что не так с вашим духовенством?

Лито выпрямился, отдавая себе отчет, насколько полно он втянут в эту игру в загадки с Намри, и что ставка — смерть. Все в этом человеке показывало, что при первом же неправильном ответе он использует свой криснож.

Намри, увидя в Лито это понимание, сказал:

— Верь мне, Атридес. Я — сокрушитель мертвцев. Я — Железный Молот.

Теперь Лито понял. Намри виделся себе Мирзабахом, Железным Молотом, которым побивают тех мертвых, которые не могут дать удовлетворительного ответа на вопросы, на которые они обязаны ответить при входе в рай. Что не так с централизованным духовенством, созданным Алией и ее жрецами?

Лито подумал о том, как он ушел в пустыню, и к нему вернулась маленькая надежда, что Золотая

тропа может еще появиться в его мире. Намри подразумевал в своем вопросе нечто большее, а не то, какой мотив погнал собственного сына Муад Диба в пустыню.

— Только Господу принадлежит указывать путь, — сказал Лито.

У Намри дернулся подбородок и он впился в Лито колючим взглядом:

— Может ли быть правдой, что ты действительно в это веришь? спросил он.

— Поэтому я и здесь, — ответил Лито.

— Найти путь?

— Найти его для самого себя, — Лито свесил ноги с кровати. Непокрытый коврами каменный пол был холоден. — Жрецы создали свою духовную организацию, чтобы спрятать путь.

— Ты говоришь, как неподдельный мятещик, — сказал Намри и потер кольцо-черепаху на своем пальце. — Посмотрим. Еще раз внимательно слушай. Ты знаешь высокую Защитную стену в Джалауд-Дине? Эта стена хранит знаки моей семьи, высеченные там в первые дни. Джавид, мой сын, видел эти знаки. Абеди Джалаал, мой племянник, видел эти знаки. Муджахид Шафкват из Тех, Других, он тоже их видел. В сезон бурь под Суккаром, я проходил с моим другом Якупом Абадом возле этого места. Ветры были опаляющие горячи, как те вихри, от которых мы научились нашим танцам. У нас не было времени взглянуть на знаки, потому что буря загородила дорогу. Но когда буря миновала, нам было видение. Факты над взвеянным песком. На мгновение показалось лицо Шакир Али, взирающего сверху на свой город гробниц. Видение исчезло через краткий миг, но мы все его видели. Скажи мне, Атридес, где могу я найти город гробниц?

Вихри, от которых мы научились нашим танцам, подумал Лито. «Видение Фатты и Шакир Али». Это были слова Скитальца Дзэнсунни — одного из тех, кто почитал себя единственными настоящими мужчинами пустыни.

«И у Свободных нет гробниц».

— Город гробниц в конце той тропы, которой следуют все люди, — сказал Лито. И процитировал представление Дзэнсунни о рае: «Это сад на тысячу шагов в охвате. Чудесный коридор служит входом в него, в двести тридцать три шага в длину и в сотню шагов в ширину, весь вымощенный мрамором из древнего Яйпуря. Там обитает ар-Раззак, дающий пищу, всем жаждущим. И в Судный День, все, кто встанет и будет искать этот город гробниц, не найдет его. Поскольку писано: то, что ты знаешь в одном мире, ты не найдешь в другом».

— И опять ты цитируешь без веры, — насмешливо скривился Намри. — Но, пока что, я приму это, потому что, по-моему, ты знаешь, зачем ты здесь, холодная улыбка тронула его губы. — Я даю тебе УСЛОВНОЕ будущее, Атридес. Лито напряженно приглядывался к Намри. Не еще ли один это вопрос замаскированный?

— Хорошо, — сказал Намри. — Твой разум был уже подготовлен. Я убрал шипы. Ладно, еще один вопрос. Ты слышал, что в городах далекого Кадриша имитируют стилсьюты?

Пока Намри ждал, Лито вопрошал свой ум, нет ли и здесь скрытого значения. «Имитация стилсьютов? Их носят на многих планетах». И он сказал: — Кадриш? Пусть расфуфыриваются, как хотят, это давно известно, уже набило оскомину. Умные животные сливаются с фоном.

Намри медленно кивнул и сказал:

— Тот, кто тебя поймал и доставил сюда, скоро тебя навестит. Не пытайся покинуть это место. Это станет твоей смертью.

Встав при этих словах, Намри вышел и исчез в темном проходе.

Долгое время после того, как он ушел, Лито вглядывался в проход. Ему слышны были звуки за пределами его помещения, тихие голоса стоявших на страже. В уме Лито держалась история Намри о видении-мираже. Далеко надо было добираться по пустыне до того места. Теперь не имеет значения, Джакурут это или нет. Намри — не контрабандист. Он — кто-то намного могущественней. И от игры, в которую играл Намри, попахивало леди Джессикой — явный душок Бене Джессерит. Поняв это, Лито поччул опасность со всех сторон. Но темный проход, в который ушел Намри, был единственным выходом из комнаты. И за проходом был незнакомый съетч — а за съетчом пустыня. Жесткая суровость пустыни, ее упорядоченный хаос с миражами и песчаными дюнами, виделись Лито частью ловушки, в которую он попал. Он мог бы пересечь пустыню опять — но куда приведет его бегство? Мысль эта была как стоячая вода. Она не утолит его жажду.

Глава 38

Представление Времени текущим в одном направлении, в котором пребывает погруженным обыденный ум; дает оценку всего происходящего, как последовательную фиксируемую словами схему. Эта ловушка ума порождает очень близорукие концепции воздействия и последствий, постоянное состояние непланируемых реакций на кризисы.

Льет-Кайнз.

Арракинские конспекты.

«Слова и движения одновременно», — напомнила себе Джессика и направила мысли на необходимые умственные приготовления к близкой встрече. Это было вскоре после завтрака, золотое солнце Салузы Второй едва начинало касаться дальней стены закрытого сада в ее окне. Оделась она вдумчиво: черное облачение с капюшоном Преподобной Матери, но на облачении — окаймляющие манжеты и края гербы Атридесов, вышитые золотом. Джессика осторожно оправила складки своего платья, повернулась спиной к окну, держа левую руку на талии, чтобы ясно был виден ястребиный мотив гербов. Фарадин заметил гербы Атридесов, отпустил, войдя, замечание, по этому поводу, но не показал ни гнева, ни удивления. Джессика заметила оттенок добродушного юмора в его голосе и подивилась этому. Как она и предполагала, он оделся в серое трико. Он сел на предложенный ему Джессикой низкий зеленый диван, расслабился, рука под голову.

«Почему я ей доверяю?» — недоумевал он. — «Ведь это же ведьма Бене Джессерит!?

Джессика, увидевшая контраст между его расслабленной позой и выражением его лица, угадала его мысль, улыбнулась и сказала:

— Ты доверяешь мне, потому что знаешь, что наша сделка выгодна, и хочешь того, чему я могу тебя научить.

Увидев, как хмурая тень скользнула по его лбу, она махнула левой рукой, чтобы его успокоить:

— Нет, я не читаю мыслей. Я читаю по лицу, по телу, по манерам, тону голоса, положению рук. Это может всякий, освоивший Путь Бене Джессерит.

— И ты будешь меня учить?

— Я уверена, ты штудировал отчеты о нас. Есть в них где-нибудь, чтобы мы не выполнили прямо обещанного?

— Нигде нет, но...

— Частично, мы до сих пор существуем благодаря тому полному доверию, которое люди могут испытывать к нашей правдивости. Это неизменно.

— Нахожу это разумным, — сказал он. — Мне не терпится начать.

— Удивительно, как это ты никогда не обращался к Бене Джессерит с просьбой о наставнице, — сказала она. — Они бы ухватились за возможность сделать тебя своим должником.

— Моя мать и слушать не желала, когда я упрашивал ее об этом. Но теперь... — он пожал плечами, красноречивый довод за изгнание Вэнсики. — Не начать ли нам?

— Лучше было бы начать, когда ты был намного моложе, — сказала Джессика. — Теперь тебе будет трудней, да и времени понадобится намного больше. Ты должен будешь начать с обучения терпению, крайнему терпению. Молюсь, чтобы ты не счел это слишком высокой ценой.

— Не за ту награду, что ты предлагаешь.

В его голосе она услышала искренность, настойчивость ожиданий и оттенок благоговейного страха. Подходящее, есть откуда начать.

— Тогда, искусство терпения, — сказала она. — Начнем с некоторых элементарных упражнений прана и бинду для руки ног и для дыхания. Кисти рук и пальцы оставим на потом. Ты готов?

Ока опустилась на табуретку лицом к нему.

Фарадин кивнул, силой сохранив на лице ожидающее выражение, чтобы скрыть внезапный признак страха. Тайканик предостерегал его, что должна быть какая-то хитрость за предложением леди Джессики, что-то, затеянное Сестрами. «Нельзя верить, что она их покинула, или что они покинули ее». Фарадин прервал этот довод вспышкой гнева, о которой немедленно пожалел. Его

эмоциональная реакция заставила его быстрее согласиться с предостережениями Тайканика.

Фарадин посмотрел на углы комнаты, на тонкое поблескивание самоцветов под нишами сводов. Все эти мерцающие штучки на самом деле не были самоцветами — все, происходящее в этой комнате, должно быть записано, и надо будет собранно и вдумчиво пересмотреть каждый нюанс, каждое слово, каждое движение.

Джессика улыбнулась, увидя направление его взгляда, но не выдала, что понимает, куда отвлеклось его внимание.

— Чтобы научиться терпению на Пути Бене Джессерит, — сказала она, ты должен начать с распознания сущностной, животной нестабильности нашего мироздания. — Мы называем природу — имея в виду все ее проявления, вместе взятые — Крайней Не-Абсолютностью. Чтобы освободить свое зрение и суметь распознать эту заданность изменчивости путей природы, вытяни руки перед собой. Посмотри на свои вытянутые руки, сперва на ладони, затем на тыльные стороны. Рассмотри свои пальцы, сверху и снизу. Выполняй.

Фарадин повиновался, но чувствовал себя глупо. Это ж его собственные руки. Он их знает.

— Вообрази, что твои руки стареют, — сказала Джессика. — Что они у тебя на глазах становятся все более и более старческими. Очень-очень старыми. Заметь, как суха кожа.

— Мои руки не меняются, — сказал он. Он уже ощущал дрожание в мускулах предплечий.

— Продолжай смотреть на свои руки. Сделай их старыми, такими старыми, как только можешь вообразить. На это может потребоваться время. Но, когда ты увидишь, что они состарились, обрати процесс вспять. Сделай их юными такими юными, как только сможешь. Превращай их по своей воле из младенческих в старческие, и так снова и снова, туда и обратно.

— Они не меняются! — запротестовал он. У него ныли плечи.

— Если ты потребуешь этого от своих чувств, твои руки изменятся, сказала она. — Сосредоточься на созерцании того потока времени, который тебе нужен: от младенчества к старости, от старости к младенчеству. Это может занять у тебя часы, дни, месяцы. Но это достижимо. Обращая туда и обратно зги изменения, ты научишься видеть любую систему как нечто вращающееся в относительной стабильности... только относительной.

— Я думал, я учусь терпению, — сказал он. В его голосе она услышала гнев, на грани разочарования.

— И относительной стабильности, — сказала она. — Это перспектива, которую создаешь через собственную веру, а верой можно манипулировать при помощи воображения. Ты обучен пока лишь ограниченному взгляду на мироздание. Теперь ты должен создать мироздание, тобой самим творимое. Это позволит тебе взнуждывать любую относительного стабильность ради твоих собственных целей, для любых целей, на которые ты будешь способен своим воображением.

— Сколько, ты сказала, на это требуется времени?

— Терпение, — напомнила она ему.

Невольная улыбка тронула его губы. Его глаза перешли на Джессику.

— Гляди на свои руки! — резко приказала она.

Улыбка исчезла. Взгляд его, переметнувшись назад, застыл в сосредоточенности на вытянутых руках...

— Что мне делать, когда мои руки устанут? — спросил он.

— Прекрати разговаривать и сосредоточься, — сказала она. — Если ты устанешь, остановись. Вернемся к этому после нескольких минут отдыха и упражнений. Ты должен упорствовать в этом, пока не преуспеешь. На твоем нынешнем этапе это более важно, чем ты даже можешь себе представить. Выучи этот урок — или других не последует.

Фарадин глубоко вздохнул, пожевал губы, взорвался на свои руки. Он медленно ими ворочал — вверх ладонями, вниз, вверх, вниз... Его плечи дрожали от утомления. Вверх, вниз... Ничего не менялось.

Джессика встала, подошла к единственной двери.

— Куда ты идешь? — спросил он, не отрывая взгляда от рук.

— У тебя это получится лучше, если ты останешься один. Я вернусь примерно через час. Терпение!

— Я знаю!

Она с мгновение внимательно на него смотрела. Какой же у него собранный вид. С щемящей сердце внезапностью он напомнил ей ее собственного утраченного сына. У нее вырвался вздох.

— Когда я вернусь, — сказала она, — я дам тебе упражнения для снятия усталости с мускулов. Посвяти этому время. Ты поразишься, когда достигнешь совместной работы твоего тела и твоих чувств. И она вышла.

Вездесущие стражи двинулись на расстоянии трех шагов за ней, когда она направилась в холл. Их благоговение и страх были очевидными. Они были сардукарами, трижды предостереженными о ее отваге, воспитаны на истории о своем поражении от Свободных Арракиса. Эта ведьма была Преподобной Матерью Свободных, Бене Джесссерит и из рода Атридесов. Джессика, оглянувшись, увидела их строгие лица — путевые столбы ее замыслов. Она отвернулась, подходя в лестнице, спустилась по ней и через короткий коридорчик вышла в сад под окнами.

«Только бы теперь Данкан и Гурни справились со своими задачами», подумала она, ощущив гравий аллейки под ногами и увидев сочавшийся сквозь зелень золотой свет.

Глава 39

Ты научишься интеграционным методам коммуникации, когда завершишь следующую ступень образования ментата. Это — компонующая функция, которая покроет тропинки данных в твоем сознании, разрешит сложности и расставит по местам массы введенной по той ментатской технике индекс-каталога, которой ты уже овладел, информации. Твоей первоначальной проблемой станет преодоление напряжений, возникающих из дивергентного собрания мелких данных по отдельных предметам. Остерегайся. Без все покрывающей ментатной интеграции ты можешь увязнуть в Проблеме Бабеля — ярлык с помощью которого мы обозначаем вездесущие опасности получения неправильных комбинаций из накопленных данных.

Карманная книга Ментата.

Звук трущихся друг о друга тканей искорками пробежал в сознании Лито, пробуждая его. Лито удивился, обнаружив, что, даже не прия еще в себя, он чутко определил, откуда именно доносится звук и в чем его причина: это терся о грубую ткань занавеси плащ Свободного. Лито повернулся на звук. Тот доносился из прохода, где несколько минут назад исчез Намри.

Повернувшись, Лито увидел, что входит его тюремщик — тот самый человек, который его захватил, с той же самой темной полоской кожи над маской стилсьюта, с тем и же опаляющими глазами. Мужчина поднял руку к маске, убрал из ноздрей влагосборную трубку, опустил маску и — одновременным движением — откинул капюшон. Даже еще не заметив шрама от инквайнового хлыста на челюсти мужчины, Лито его узнал. Узнал с полуувзгляда — и все остальное стало лишь второстепенными подтверждающими деталями. Никакой ошибки — этот округлый колобок, этот воин-трубадур — Гурни Хэллек!

Лито стиснул руки в кулаки, на мгновение до глубины потрясенный этим узнаванием. Не было у Атридесов вассала вернее. Не было лучшего в поединках при включенном защитном поле. Он был доверенным наперсником и учителем Пола.

И он был слугой леди Джессики.

Все это и многое другое хлынуло в ум Лито. Его тюремщик — Гурни. Гурни и Намри — в заговоре между собой. И за всем этим — рука леди Джессики.

— Насколько мне известно, ты повидался с Намри, — сказал Хэллек. — Прошу тебя, верь ему, юный милорд. У него одна функция одна-единственная. Он тот, кто способен тебя убить, коли потребует возникшая необходимость.

Лито автоматически отзывался интонациями своего отца:

— Итак, ты примкнул к моим врагам, Гурни! Никогда я не думал...

— Не пробуй надо мной никаких своих дьявольских уловочек, парень, сказал Хэллек. — Я для них непроницаем. Я следую приказаниям твоей бабушки. Твое образование распланировано до последней мелочи. Это она одобрила мой выбор Намри. То, что будет сейчас — каким бы болезненным это ни показалось — делается по ее приказу.

— И каков ее приказ?

Хэллек поднял руку из складок своей робы и показал шприц Свободных примитивный, но действенный. Его прозрачная трубочка была заполнена голубой жидкостью.

Лито, скривясь, отпрянул на своей койке, уткнулся в стену. Тут как раз вошел Намри, встал рядом с Хэллеком, держа руку на крисноже. Вдвоем они полностью перекрыли единственный выход.

— Я вижу, ты узнал экстракт спайса, — сказал Хэллек. — Тебе предстоит совершить ПУТЕШЕСТВИЕ ЧЕРВЯ, паренек. Ты должен через него пройти. Иначе, то, на что осмелился твой отец и на что не осмеливаешься ты, будет гнести тебя до скончания дней.

Лито, не находя слов, безмолвно затряс головой. Это было то самое, о чем и он, и Ганима знали: это их одолеет. Гурни — невежественный дурак!

Как может Джессика... Лито ощутил, как его память заняло присутствие отца. Отец оккупировал его ум, стараясь лишить его всякой возможности обороняться. Лито хотел закричать от негодования — не мог рта раскрыть. Но это было то бессловесное, чего все предрожденные боялись больше всего. Провидческий транс, чтение непреложного будущего, со всей его зафиксированностью и со всеми ужасами. Никак не могла Джессика назначить подобное испытание собственному внуку. Но теперь и она появилась в его мозгу, со своими доводами в пользу этого. Даже заклинание от страха начало неотвязно и монотонно звучать в его мозгу: «Я не должен

бояться. Страх убийца ума. Страх — маленькая смерть, приносящая полное уничтожение. Я встречу мой страх лицом к лицу. Я позволю ему пройти через меня и сквозь меня. И когда он уйдет...?

С проклятием, древним еще в те времена, когда Халдея была молодой, Лито попробовал двинуться, попробовал прыгнуть на нависавших над ним мужчин, но его мускулы отказались повиноваться. Лито увидел движение руки Хэллека и приближение шприца так, как будто уже находился в трансе. Свет глоуглоба искорками отразился в голубой жидкости. Шприц коснулся левой руки Лито. Его пронзила боль, по мускулам отдавшаяся в его голове.

Лито вдруг увидел молодую женщину, сидящую на заре у грубой хижины. Она сидела прямо перед ним, поджаривая кофейные зерна до розовато-коричневого оценка, добавляя кардамон и меланж. Где-то позади него запела старинная трехструнная скрипка. Музыка отдавалась и отдавалась эхом, пока ее эхо не зазвенело в его голове. Она заполонила его тело, и он почувствовал себя большим, очень большим, вовсе не ребенком. И его кожа не была его собственной. Он узнал это ощущение! Тепло растеклось по его телу. И так же резко, как пришло его первое видение, он увидел себя стоящим в темноте. Была ночь, звезды дождем раскаленных угольков сыпались под порывами ветра из сверкающего космоса.

Часть его знала, что бежать некуда, но он все равно до тех пор пытался сопротивляться этому, пока не вмешался его отец-память: «Я защищу тебя во время транса. Другие внутри тебя не овладеют тобой».

Лито был опрокинут ветром, ветер его покатил, засыпал песком и пылью, иссекая его руки, его лицо, обдирая его одежду, полоща в воздухе разорванными лохмотьями бесполезной теперь материи. Но Лито не чувствовал боли и видел, как порезы ветра заживают столь же быстро, как и появляются. А его все гнало ветром. И его кожа не была его собственной. «Это произойдет!» — подумал он.

Но мысль эта была отдаленной и пришла, словно и не его собственная не на самом деле его собственная, не более, чем кожи.

Его поглотило видение. Оно разостлалось стереологической памятью, разделявшей прошлое и настоящее, будущее и настояще, будущее и прошлое. И все разделенное сливалось в тройном фокусе, ощущаемом им многомерной рельефной картой собственного будущего существования.

Он подумал: «Время — мера пространства, точно так же, как мерой пространства является дальномер, но измерение запирает нас в том месте, которое мы измеряем».

Он ощутил, как транс углубляется. Пришло это усилием внутреннего сознания, питанного его «я», словно губкой — с последовавшим ощущением, что он изменяется. Это было живое Время, и ни секунды его он не мог удержать. Его затопили фрагменты памяти о прошлом и будущем — но были они как встряхиваемый калейдоскоп. Взаиморасположение их менялось в непрерывном танце. Память его была линзой, освещающим прожектором, выхватывающим фрагменты, но навечно неспособным остановить непрестанные изменения и перестановки, заполонившие его взгляд.

Через прожектор прошло то, что задумали они с Ганимой, прошло самым главным и выделяющимся — но теперь это его ужаснуло. Реальность видения болью отдалась в нем. Принимаемое на веру неизбежность заставила его «я» съежиться от страха.

И ЕГО КОЖА НЕ БЫЛА ЕГО СОБСТВЕННОЙ! Прошлое и настоящее накатывали на него, перехлестывая через барьеры его ужаса. Он не мог их разделить. На мгновение он ощущил себя заброшенным в Бутлерианский Джихад, полным горячего желания уничтожить любую машину, подраживающую человеческому мышлению. Это наверняка прошлое — минувшее, с которым покончено. И все же его ощущения неслись через опыт того времени, впитывая даже самые мелочи. Он услышал священника, говорящего с кафедры во время своей беседы: «Мы должны отвергнуть думающие машины. Человечество должно само пролагать свой курс. Это не то, что могут делать машины. Разумность зависит от программирования, не от микросхем, а конечная программа — мы!?

Он ясно слышал голос, видел, где он раздается — в огромном деревянном зале с затемненными окнами. Свет давало потрескивающее пламя. И беседующий с ним священник говорил: «Наш Джихад — это „программа стирания“. Мы стираем то, что уничтожает нас как людей!?

И Лито знал, что говорящий был до того слугой компьютеров, одним из тех, кто в них разбирался и обслуживал их. Но это видение исчезло, и теперь перед ним стояла Ганима, говоря: «Гурни знает. Он мне сказал. Вот слова Данкан, а Данкан говорил как ментат: „Делая добро, избегай дурной славы, творя зло, избегай осознания, что делаешь“.

Это наверняка будущее — далекое будущее. Но он ощущал его реальностью — настолько же насыщенной, сколь и любое прошлое из множества его жизней. И он прошептал: «Это правда, отец??

Но отец-память внутри него предостерегающе проговорил: «Не накликай несчастье! Сейчас ты учишься стробоскопическому мышлению. Без него ты выйдешь за пределы своего „я“ и заблудишься, утеряв свою истинную точку во Времени».

И настойчивы были рельефные образы. Незваные, они так и ломились в него. Прошлое-настоящее-сейчас. Без подлинного разделения. Он понимал, что должен поплыть по этому руслу, но плавание его ужасало. Как он сможет вернуться к какому-нибудь узнаваемому месту? И все же он чувствовал, что должен заставить себя отказаться от любых попыток сопротивления. Он не мог ухватить свое новое мироздание в неподвижных и маркированных кусочках. Ни один кусочек не стоит на месте. Ничто не может быть навеки упорядочено и сформулировано. Он должен выявить ритм перемен и среди изменений разглядеть саму изменчивость. Без знания, где ее истоки, он движется внутри гигантского момента *dienheureux*, способный видеть прошлое в будущем, настоящее в прошлом, СЕЙЧАС и в прошлом и в будущем. От одного удара сердца до другого он проживал целые века в сгущенном виде.

Ум Лито свободно парил, никаких устремлений души в компенсацию самосознанию, никаких барьеров. «Условное будущее» Намри витало слегка, но совместно со многими другими будущими. И в раздробленном его сознании, все из его прошлого, каждая внутренняя жизнь становилась его собственной. И, с помощью величайшего из всех в нем живущих, его «я» доминировало над жизнями-памятьями. Все они принадлежали ЕМУ.

Он подумал: «Когда изучаешь объект с расстояния, только его принцип и можно разглядеть». Он достиг нужного расстояния и мог теперь разглядеть собственную жизнь: многочисленность прошлых и их памятей — его ноша, его радость, его необходимость. Но ПУТЕШЕСТВИЕ ЧЕРВЯ добавило еще одно измерение, и его отец больше не стоял внутри него на страже, потому что не возникало в том больше нужды. Лито ясно видел расстояния — прошлое и настоящее. И прошлое показывало ему его начального предка — того, кого звали Харум, и без которого не будет отдаленного будущего. Эти ясные расстояния дали ему новые принципы, ввели в новые измерения, к которым он приобщался. Какую жизнь он теперь ни выбирает, она проживается им как автономный отрезок массового опыта, настолько закрученной по спирали цепочки жизней, что ни одно единичное время жизни не идет в расчет по сравнению с отложенными на ней поколениями. Воспрянув, этот массовый опыт властен подчинить себе его самость. Он может сделаться ощутимым на личности, на нации; на обществе, на целой цивилизации. Вот почему, конечно же, Гурни внушили, что его нужно бояться — вот почему ждал нож Намри. Им нельзя позволить увидеть эту силу внутри него. Никому нельзя никогда увидеть эту силу во всей полноте — даже Ганиме.

Вскоре Лито выпрямился и увидел, что остался только наблюдающий за ним Намри.

Постаревшим голосом Лито сказал:

— Нет единого набора ограничений для всех людей. Универсальное предвидение — пустой миф. Только самые мощные из локальных течений Времени можно предсказать. Но в бесконечном мироздании и ЛОКАЛЬНОЕ может быть настолько гигантским, чтобы ум испуганно отпрянет от него.

Намри кивнул, не понимая.

— Где Гурни? — спросил Лито.

— Ушел, чтобы ему не пришлось увидеть, как я тебя убью.

— Ты убьешь меня, Намри? — интонации голоса Лито почти умоляли сделать это.

Намри убрал руку с ножа.

— Поскольку ты об этом просишь — нет. Вот если бы ты был безразличен. — Болезнь безразличия — это то, что многих погубило, — сказал Лито.

Он кивнул сам себе. — Да... даже цивилизации умирают от этого. Это как бы расплата, требуемая за достижение новых уровней сложности или самосознания, — он поглядел на Намри. — Так ты говоришь, ты следил, не появится ли во мне безразличие? — и он понял, что Намри — больше чем убийца: Намри изворотлив. — Как признак неукрощенной силы, — сказал Намри, и это была ложь.

— Безразличная сила, да, — Лито выпрямился с глубоким вздохом. — Не нравственное величие в жизни моего отца, Намри — лишь локальная ловушка, которую он сам себе соорудил.

Глава 40

О Пол,
Ты Муад Диб,
Ты всех людей Махди.
Повеет ураганом
Вздох из твоей груди.
Песни Муад Диба.

— Никогда! — сказала Ганима. — Я убью его в брачную ночь.

Она сказала это с тем ершистым упрямством, которое до сих пор не поддавалось никаким уговорам. Алия и ее советники прозаседали из-за этого полночи, заразив все королевские покой своей взбудораженностью, посыпая за новыми советниками, за едой и питьем. Весь храм и прилегающая Твердыня бурно переживали разочарование невыработанных решений.

Ганима очень спокойно восседала в зеленом супензорном кресле в своих собственных апартаментах, в большой комнате, обтянутой сырмятной кожей, чтобы сымитировать камень съетча. Потолок, однако ж, был имбиратским кристаллом и светился голубым помаргивающим светом, а пол был черного кафеля. Мебели было мало: маленький письменный столик, пять супензорных кресел и узкая койка, установленная в алькове, по обычаю Свободных. На Ганиме были желтые одеяния траура.

— Ты не вольный человек, имеющий право выбирать все стороны своей собственной жизни, — Алия, наверное, уже в сотый раз это произнесла. «Эта маленькая дурочка должна рано или поздно до этого дойти! Она должна пойти на помолвку с Фарадином. Должна! Пусть потом убивает его, но от обрученной Свободной требуется публичное провозглашение о своей помолвке».

— Он убил моего брата, — Ганима была замкнута на одном. — Всем это известно. Свободные будут плевать при упоминании моего имени, если я соглашусь на эту помолвку.

«И это одна из причин, по которым ты должна согласиться», — подумала Алия. Вслух она сказала:

— Это сделала его мать. Он изгнал ее за это. Чего еще ты от него хочешь?

— Его крови, — ответила Ганима. — Он Коррино.

— Он осудил свою собственную мать, — возразила Алия. — И почему тебя должны беспокоить досужие пересуды Свободных? Они примут все, что мы там ни прикажем им принять. Гани, мир в Империи требует...

— Я не соглашусь, — сказала Ганима. — Без меня вы помолвку объявить не сможете.

Ирулэн, вошедшая в комнату как раз при этих словах Ганимы, вопрошающе взглянула на Алию и двух советников, стоявших рядом с ней. Ирулэн увидела, как Алия в отвращении вскинула руки и опустилась в кресло напротив Ганимы. — Поговори с ней ты, Ирулэн, — сказала Алия.

Ирулэн пододвинула супензорное кресло и села рядом с Алией — Ты — Коррино, Ирулэн, — сказала Ганима. — Не думай, что тебе повезет меня уговорить.

Ганима встала, перешла на койку и уселась там, ноги на крест, посверкивая глазами на двух женщин. Ирулэн, видела она, надела черную абу, под стать Алии, откинутый капюшон не скрывал ее золотых волос. Волосы траура — в желтом свете освещавших комнату парящих глоуглобов. Ирулэн взглянула на Алию, встала, подошла к Ганиме, поглядела ей в лицо.

— Ганима, я бы сама его убила, если бы этим можно было разрешить все проблемы. И Фарадин — моей крови, как ты так мило подчеркнула. Но у тебя есть долг намного выше твоих обязательств перед Свободными...

— Звучит не лучше, исходя от тебя, чем от моей драгоценной тети, сказала Ганима. — Кровь брата смыть нельзя. — Это больше, чем афоризм каких-то маленьких Свободных.

Ирулэн поджала губы. Потом сказала:

— У Фарадина в пленницах твоя бабушка. У него Данкан, и если мы не... — Меня не устраивают твои версии, как все произошло, — сказала Ганима, мимо Ирулэн глядя на Алию. Однажды Данкан

предпочел умереть, чем дать врагам захватить моего отца. Может быть, его новая плоть гхолы уже не такая же, как..

— Данкану было поручено охранять твою бабулью, — сказала Алия, поворачиваясь на стуле. — Я убеждена, он выбрал единственный способ для этого. — И подумала: «Данкан! Данкан! Вовсе не предполагалось, что ты сделаешь это так».

Ганима, уловившая неискренние нотки в голосе Алии, пристально посмотрела на тетю:

— Ты лжешь, о Чрево Небес. Я слышала о твоей схватке с бабушкой. Что же такое ты боишься рассказать нам о ней и своем драгоценном Данкане?

— Ты все слышала, — сказала Алия, но почувствовала укол страха при этом неприкрытом обвинении, со всем, что под ним подразумевалось. Она поняла, что устала, вплоть до потери осторожности. Встав, она сказала: -Все, что знаю я, знаешь и ты, — и, — повернувшись к Ирулэн: — Займись ей ты. Ее нужно подвигнуть на...

Ганима перебила ее грубым ругательством Свободных, прозвучавшим шокирующее из девичьих уст. И сразу сказала, пользуясь тут же наступившим молчанием:

— Вы считаете меня просто ребенком, и что у вас впереди годы убедить меня, и что я в конце концов соглашусь. Подумай еще, о Небесная Регентша. Тебе лучше других известно, сколько мне внутренних лет. Я буду прислушиваться к ним, а не к тебе.

Алия едва удержалась от гневного ответа — и тяжело всмотрелась в Ганиму. БОГОМЕРЗОСТЬ? Кто — это дитя? В Алии вновь начал подниматься страх перед Ганимой. Пришла ли она к собственному соглашению с жизнями, данными ей до рождения?

— У тебя еще есть время внять доводам рассудка, — сказала Алия.

— Тогда, может, у меня еще будет время увидеть, как кровь Фаадина захлещет из-под моего ножа, — ответила Ганима. — Поживем — увидим. Если я когда-либо останусь с ним наедине, один из нас наверняка умрет.

— По-твоему, ты любила своего брата больше моего? — вопросила Ирулэн. — Ты валяешь дурака! Я была ему матерью, точно так же, как тебе. Я была... — Ты никогда его не знала, — ответила Ганима. — Все вы, за исключением — временами — моей ОБОЖАЕМОЙ ТЕТИ, упорно считали нас детьми. Это вы — дураки! Алия знает! Посмотри, как она сбегает от...

— Ни от чего я не сбегаю, — сказала Алия, но повернулась спиной к Ирулэн и посмотрела на двух амазонок, делавших вид, будто они ничего не слышат. Они явно подались на сторону Ганимы. Может быть, они ей сочувствуют. Алия сердито отослала их из комнаты, когда они уходили, на их лицах было написано облегчение.

— Сбегаешь, — настаивала Ганима.

— Я выбрала устраивающий меня путь жизни, — Алия вновь обернулась, чтобы внимательно поглядеть на сидящую на койке, ноги поджаты крест-накрест, Ганиму, но не в силах была уловить ни одного разоблачающего промелька на лице Ганимы. «Разглядела ли она это во мне? Откуда бы ей?» засомневалась Алия.

— Ты боялась стать окошком в мир множеству, — обвинила Ганима. — Но мы предрожденные, и мы знаем. Ты будешь их окошком, сознательно или бессознательно. Ты не можешь их отрицать. — И подумала: «Да, я знаю тебя -Богомерзость. И, может быть, меня заведет туда же, куда завело тебя, но на нынешний день я могу лишь жалеть тебя и тебя презирать».

Молчание повисло между Ганимой и Алией, почти осозаемая вещь, насторожившая обладавшую выучкой Бене Джесссерит Ирулэн. Переводя взгляд с одной из них на другую, она сказала:

— Почему вы вдруг там притихли?

— Меня только что посетила мысль, требующая значительного обдумывания, — ответила Алия.

— Обдумай на досуге, дорогая тетя, — насмешливо хмыкнула Ганима. Алия, подавляя гнев, которому ее измотанность чуть не дала прорваться, сказала:

— Пока что хватит! Оставим ее подумать. Может быть, она придет в себя.

Ирулэн встала и сказала:

— Во всяком случае, уже почти заря. Гани, перед тем, как мы уйдем, не выслушаешь ли последнее послание от Фаадина? Он...

— Не выслушаю, — ответила Ганима. — И с этих пор прекратите называть меня этим нелепым уменьшительным. Гани! Это только поддерживает заблуждение, будто я ребенок, которого вы можете...

— Почему ты и Алия так внезапно притихли? — Ирулэн вернулась к предыдущему вопросу, но задала его теперь, тонко используя модуляции Голоса.

Ганима, запрокинув голову, расхохоталась.

— Ирулэн! Ты пробуешь на мне Голос?

— Что? — Ирулэн была ошеломлена.

— Ты еще полезь в пекло поперек своей бабушки, — сказала Ганима.

— Что-что?

— Сам тот факт, что мне известно это выражение, а ты его никогда прежде не слышала, должен был заставить тебя примолкнуть, — ответила Ганима. — Это старая насмешка, Бене Джессерит тогда еще только возникла. Но, если это не запятнает твоей чистоты, спроси себя, о чем только думали твои родители, называя тебя Ирулэн? Или это Руины-льна?

Несмотря на свою закалку, Ирулэн вспыхнула:

— Ты пытаешься взбесить меня, Ганима.

— А ты попыталась опробовать на мне Голос. На мне! Я помню первые опыты людей в этом направлении. Я помню ТО ВРЕМЯ, Руинная Ирулэн! Теперь ступайте отсюда, вы обе.

Но Алия теперь была заинтригована, и в ней возникло предположение, прогнавшее ее утомленность.

— Возможно, у меня есть предложение, которое могло бы заставить тебя передумать, Гани, — сказала она.

— Опять Гани! — с уст Ганимы сорвался жесткий смешок. — Задумайся на миг: если я жажду убить Фарадина, мне надо лишь согласиться с вашим планом. Мне как дважды два ясно, что есть у тебя такая мысль. Бойся Гани послушную! Вот видишь, я предельно откровенна с тобой.

— То, на что я надеялась, — сказала Алия. — Если ты...

— Кровь брата не может быть смыта. Я не выйду к моему любимому народу Свободных предательницей этого завета. НИКОГДА НЕ ЗАБЫВАТЬ, НИКОГДА НЕ ПРОЩАТЬ. Разве не это наша заповедь? Предупреждаю тебя здесь и заявлю об этом публично — ты не сумеешь обручить меня с Фарадином, посмеиваясь при этом в рукав: «Вот-вот, она заманивает его в ловушку». Если ты...

— Понимаю, — сказала Алия, направляя мысль Ирулэн. Ирулэн, заметила она, стоит в потрясенном молчании, поняв уже, куда направлен этот разговор.

— Да, вот так я заманила бы его в ловушку, — сказала Ганима. — Это, соглашусь, было бы то, чего ты хочешь, но он может и не попасться. Если ты хочешь расплатиться этим лже-обручением как фальшивой монетой — за выкуп моей бабушки и твоего драгоценного Данканы, да будет так. Но это — на твоей совести. Выкупай их. Фарадин, однако ж, мой. Его я убью.

Ирулэн всем телом повернулась к Алии, до того, как та успела заговорить.

— Алия, если мы вспомним о нашем слове... — она на миг оставила фразу висеть в воздухе, пока Алия с улыбкой размышляла о могучей клятве, данной Великими Домами на Ассамблее в Фофрелучисе, о разрушительных последствиях пропажи веры в честь Атридесов, о потере религиозного опекунства, обо всем, что, возводимое по большим и малым кирпичикам, рухнет в одночасье. — Это обернется против нас, — протестующе договорила Ирулэн. Разрушится вся вера в то, что Пол — пророк. Это... Империя...

— Кто осмелится сомневаться в нашем праве решать, что верно и что неверно? — мягким голоском вопросила Алия. — Мы — связующее звено между добром и злом. Мне надо лишь провозгласить...

— Ты не можешь этого сделать! — запротестовала Ирулэн. — Память Пола...

— Это всего лишь один из инструментов Церкви и Государства, — сказала Ганима. — Не говори глупостей, Ирулэн, — она коснулась крисножки у себя на поясе, подняла взгляд на Алию. — Я неправильно судила о моей умной тетушке, Регентше всего Святого в Империи Муад Диба. Да,

конечно, я неверно судила о тебе. Заманивай Фарадина в нашу приемную, если хочешь.

— Это безрассудство, — умоляюще проговорила Ирулэн.

— Ты согласна на это обручение, Ганима? — спросила Алия, игнорируя Ирулэн.

— На моих условиях, — ответила Ганима, так и держа руку на кристалле. — Я здесь умываю руки, — Ирулэн сделала такое движение руками, словно на самом деле их мыла. — Я готова была отстаивать истинную помолвку ради исцеления.

— Мы нанесем тебе рану, которую намного труднее будет исцелить, Алия и я, — сказала Ганима. — Давайте его побыстрее сюда — если он поедет. И, возможно, он поедет. Станет ли он подозревать ребенка моих нежных лет? Давайте разработаем формальную церемонию обручения, чтобы потребовать его присутствия. Предусмотрим в церемонии возможность для меня остаться с ним наедине... Всего лишь на одну-две минутки...

Ирулэн содрогнулась при этом свидетельстве, что Ганима, в конечном итоге, Свободная с головы до пят, ребенок, по кровожадности ничем не отличающийся от взрослого. В конце концов, детям Свободным не привыкать было добивать раненых на поле боя, избавляя женщин от этой поденщины, чтобы они могли собирать тела и отволакивать их к водосборникам смерти. И Ганима, говоря как истинное дитя Свободных, продуманной зрелостью своих слов нагромождала ужас на ужас, древнее чувство вендетты аурой исходило от нее.

— Решено, — сказала Алия, борясь со своим голосом и выражением лица, чтобы они не выдали ее радости. — Мы подготовим формальную грамоту о помолвке. Мы заверим ее подписями надлежащих представителей Великих Домов. Фарадин никак не сможет сомневаться...

— Он будет сомневаться — но приедет, — сказала Ганима. — И при нем будет охрана. Но ведь никто не подумает охранять его от меня.

— Ради любви ко всему, что для вас старался сделать Пол, запротестовала Ирулэн, — давайте по крайней мере представим смерть Фарадина несчастным случаем, или как результат внешней озлобленности.

— Я с радостью покажу мой окровавленный нож моим собратьям, — сказала Ганима.

— Алия, умоляю тебя, — сказала Ирулэн. — Откажись от этого опрометчивого безумия. Провозгласи против Фарадина канли, все, что...

— Нам не требуется формальное объявление вендетты против него, сказала Ганима. — Вся Империя знает, что мы должны чувствовать, — она указала на свой рукав. — Я ношу желтый цвет траура. Когда я сменю его на черный — цвет обручения у Свободных — одурачит ли это кого-нибудь?

— Молись, чтоб это одурачивало Фарадина, — сказала Алия. — И делегатов от Великих Домов, которых мы пригласим засвидетельствовать...

— Все и каждый из этих делегатов обратятся против вас, — сказала Ирулэн. — Вы это знаете!

— Превосходное замечание, — сказала Ганима. — Тщательней подбирай делегатов, Алия. Нам нужны такие, от которых мы не прочь будем потом избавиться.

Ирулэн в отчаянии взметнула руки, повернулась и выбежала вон.

— Держи ее под пристальным наблюдением, на случай, если она попытается предупредить своего племянника, — сказала Ганима.

— Нечего учить меня, как устраивать заговоры, — и Алия последовала за Ирулэн, но более медленным шагом. Наружная охрана и ждущие советники шлейфом потянулись за ней — как песчинки во всасывающем вихре поднимающегося червя.

Ганима печально покачала головой, когда дверь закрылась, и подумала:

?Как и полагали бедный Лито и я. Великие боги! Я бы хотела, чтобы тигр убил меня, а не его».

Глава 41

Многие силы стремились к контролю над близнецами Атридесами, и, когда было объявлено о смерти Лито, движение заговоров и контр-заговоров покатилось по нарастающей. Отметьте соответственные мотивировки: Бене Джессерит боялся Алию, взрослую Богомерзость, но все так же нуждался в генетических характеристиках, носимых Атридесами. Церковная иерархия Аудафа и Хадджа понимала лишь, что контроль над наследницей Муад Диба подразумевает власть. КХОАМ хотел доступа к богатствам Дюны. Фарадин и его сардукары мечтали вернуть былую славу Дому Коррино. Космический Союз боялся равенства: Арракис = меланж, но без спайса они не смогли бы водить свои корабли. Джессика хотела исправить то, что сотворило ее непокорство Бене Джессерит. Немногие думали спросить о том, каковы их планы, самих близнецов — пока не стало слишком поздно.

Книга Креоса.

Вскоре после вечерней трапезы Лито увидел, как мимо дверной арки его помещения прошел человек, и ум Лито последовал за этим человеком. Проход оставался открыт, и Лито было видно там некое оживление, корзины со спайсом, провозимые мимо, три женщины в изысканных одеждах не с этой планеты, сразу обличавших в них контрабандистов. Человек, привлекший внимание Лито, не отличался бы ничем особым, не иди он походкой Стилгара, намного помоложевшего Стилгара.

Именно эту особенность походки и отметил его ум. Осознание времени переполняло Лито, словно звездный шар. Ему были видны бесконечные пространства времени, но для того, чтобы понять, в каком же мгновении пребывает его собственное тело, ему приходилось втискиваться в собственное будущее. Многогранные жизни-памяти приливами и отливами вздымались и опадали в нем, но теперь все они были в его подчинении. Они были как волны на морском берегу, но если они поднимались чересчур высоко, он приказывал им, и они отступали, оставляя после себя лишь царственного Харума.

Снова и снова вслушивался он в эти жизни-памяти. Каждая — как суфлер, высывающий голову над настилом сцены, чтобы подсказать важную реплику поведения актера. Во время этой умственной прогулки пришел и его отец, сказав: «Ты — ребенок, стремящийся стать мужчиной. Когда ты станешь мужчиной, то тщетно будешь стремиться стать тем ребенком, которым был». Все это время его тело терзали блохи и вши — за старым съетчем был плохой уход. Никто из прислуги, приносившей ему обильно сдобренную спайсом еду, как будто и внимания не обращал на этих тварей. Что, у этих людей иммунитет против них, или они прожили здесь так долго, что им наплевать на подобное неудобство? Кто же эти люди, собравшиеся вокруг Гурни? Как они сюда прибыли? Джакурут ли это? Его многочисленные памяти давали ответы, ему не нравившиеся. Отвратительные люди, и Гурни — самый отвратительный из всех Хотя; дремлющее в ожидании под уродливой поверхностью, здесь было разлито совершенство.

Частично он понимал, что связан узами спайса, ощущал эти оковы в обильных дозах меланжа в каждом блюде. Его детское тело хотело взбунтоваться, в то время как ум его неистово носился сквозь непосредственную реальность памятей, уводящих за тысячи геологических эр. Ум его вернулся из этого путешествия, и он усомнился, действительно ли тело так и оставалось на месте. Из-за спайса его ощущения смешались. Он чувствовал давление самоограничений, громоздящихся на него, как будто плоские барханы дюн бледа медленно поднимаются все выше у пустынной кручи. И однажды через вершину кручи потечет несколько струек песка, затем еще, еще и еще... И только песок будет глядеть в небо.

Но под ним все равно останется каменная куча.

«Я все еще в трансе», — подумал он.

Он знал, что скоро попадет на распутье жизни и смерти. Его тюремщики снова и снова ниссыпали его в околодованность спайсом, неудовлетворяемые ответами, получаемыми при каждом повторном испытании. И всегда ждал со своим ножом коварный Намри. Лито были ведомы бесчисленные прошлые и будущие, но ему все еще предстоит выяснить, что же удовлетворит Намри... или Гурни Хэллека. Они хотели чего-то помимо его видений. Распутье жизни и смерти соблазняло Лито. Его жизнь, он понимал, должна будет приобрести какое-то внутреннее значение, которое вознесет его над обстоятельствами его видений. Думая об этом требовании, он ощутил свое внутреннее существование как нечто истинное, а внутреннее — как пребывание в трансе. Это его ужаснуло. Он не хотел возвращаться в съетч с его блохами, Намри, Гурни Хэллеком.

«Я трус», — подумал он.

Но трус, даже трус, может умереть мужественно, с красивым жестом напоследок — единственным, что ему остается. Где же тот красивый жест, способный опять превратить его в единое целое? Как он может выполнить то, чего требует Гурни — очнуться от транса и видений ради открытого

мироздания? Без этого превращения, без пробуждения от бесцельных видений он сам себя подвергает оставаться пленником до конца своих дней. Его выбор совпадет с выбором его тюремщиков. Где-то он должен набраться мудрости, внутреннего равновесия, которое отразилось бы на мироздании и вернуло ему образ спокойной силы. Только тогда он сможет отыскать свою Золотую Тропу и жить в коже, которая будет не его собственная.

Кто-то играл на бализете. Лито ощущал койку у себя под спиной. Он слышал музыку. Это Гурни играет. Ничьи другие пальцы не могли сравниться с его по мастерству владения этим наисложнейшим инструментом. Играли он старую песню Свободных, называемую «Хадит» за ее внутреннее повествование и напоминание об обыденных занятиях, необходимых, чтобы видеть на Арракисе. Песня рассказывала о занятиях людей внутри съетча.

Лито ощутил, как музыка ведет его через чудесную древнюю пещеру. Он увидел женщин, работающих на ножной давильне, чтобы получить выжимки спайса для топлива, ставящих спайсовую закваску, ткущих спайсовую ткань. Меланж был в съетче повсюду.

И наступили мгновения, когда музыка и видение людей в пещере слились для Лито воедино. Подвывания и хлопки механического ткацкого станка стали подвыванием и хлопками бализета. Но его внутреннее зрение созерцало материи из человеческих волос, длинного меха крыс-мутантов, нитей хлопка из пустыни, полосок, нарезанных из птичьей кожи. Он увидел школу съетча. Экоязык Дюны на крыльях музыки яростно ворвался в его ум. Он увидел работающую на солнечной энергии куреню, длинное помещение, где изготавливались и хранились стилсыты. Он увидел предсказателей погоды, делающих прогнозы по палочкам, вынутыми ими из песка.

Во время его путешествия кто-то принес ему еду и покормил его с ложки, поддерживая его голову сильной рукой. Он знал, что это ощущение из настоящего, но восхитительная игра перемещений продолжалась в Нем. И, словно это пришло через миг после приема приправленной спайсом пищи, он увидел несущуюся песчаную бурю. Движущиеся образы дыхания песка стали золотыми отражениями в глазах мотылька, и его собственная жизнь сжалась до размеров вязкого следа ползучего насекомого.

Через его ум пронеслись слова из Паноплия Профетикус: «Сказано, что нет ничего прочного, ничего уравновешенного, ничего устойчивого во всем мироздании — ничто не остается в прежнем состоянии, и перемены приносит каждый день, а порой и каждый час».

«Старая Защитная Миссионерия знала, что делает, — задумался Лито. -Они знали об Ужасных Целях. Они знали, как манипулировать людьми и религиями. Даже мой отец не смог избегнуть этого». Здесь был ключик, с которым стоило разобраться. Лито внимательно его рассмотрел. Ощутил в себе достаточно сил вернуться в собственное тело. Все его многоликое бытие повернулось в противоположном направлении и посмотрело в открытый космос. Он присел — и обнаружил, что находится один, в тусклой камере, освещаемой лишь светом из того прохода, где целую вечность назад привлек его внимание проходивший мимо человек — Доброго счастья всем нам! — по обычанию Свободных провозгласил он.

В дверной арке появился Гурни Хэллек, голова против света — черным силуэтом.

— Принесите свет, — сказал Лито.

— Хочешь и дальше проходить испытания?

Лито рассмеялся:

— Нет. Теперь моя очередь испытывать вас.

— Посмотрим, — Хэллек исчез и через мгновение появился с ярким голубым глоуглобом, несомым им в сгибе локтя левой руки. Он отпустил его к потолку и оставил плавать там над их головами.

— Где Намри? — спросил Лито.

— Прямо за дверью. Могу его позвать.

— А-а-а, Старик Вечность всегда ждет терпеливо, — сказал Лито. Он чувствовал занятное облегчение, стоя на пороге открытия.

— Ты называешь Намри именем, принадлежащим Шаи-Хулуду, — сказал Намри.

— Его нож — зуб червя, — ответил Лито. — Значит, он — Старик Вечность.

Хэллек хмуро улыбнулся, но промолчал.

— Ты все еще ждешь, чтобы вынести мне приговор, — сказал Лито. -Согласен, без вынесения

приговоров нет способа обменяться информацией. Впрочем, нельзя от мироздания требовать точности.

Шуршащий звук позади Хэллека известил Лито, что входит Намри. Он остановился в полу шаге слева от Хэллека.

— Левая рука ада, а? — сказал Лито.

— Неумно острить о Бесконечном и Абсолютном, — буркнул Намри и искоса взглянул на Хэллека.

— Разве ты Бог, Намри, чтоб ведать Абсолютным? — спросил Лито. Но внимание его было сосредоточено на Хэллеке. Оттуда последует приговор.

Оба мужчины просто пристально на него посмотрели, ничего не отвечая. — Всякий приговор балансирует над обрывом ошибки, — объяснил Лито. Претендовать на абсолютное знание значит стать чудовищем. Познание — это бесконечное приключение на грани сомнения.

— В какую это словесную игру ты играешь? — спросил Хэллек.

— Пусть говорит, — сказал Намри.

— Это игра, которую первоначально затеял со мной Намри, — сказал Лито, и старый Свободный кивнул в знак согласия. Он не мог не узнать игру в загадки. — Наше восприятие имеет два уровня, — добавил Лито.

— Послания внешнее и сокровенное, — сказал Намри.

— Превосходно! — откликнулся Лито. — Ты сообщаешь мне внешнее — я отвечаю тебе сокровенным. Я вижу, я слышу, я обоняю, я осознаю — я ощущаю разницу температур, вкусовых ощущений. Я ощущаю течение времени. Я снимаю образчики эмоционального. А-а-а! Я счастлив. Понимаешь, Гурни? Намри? Нет никакой загадки человеческой жизни. Это не проблема, которую нужно разрешить, а реальность, которую нужно прожить.

— Ты испытываешь мое терпение, паренек, — сказал Намри. — Разве здесь ты хочешь умереть?

Но Хэллек сдерживающе поднял руку.

— Во-первых, я не паренек, — сказал Лито, впервые показывая, что желает слышать правильное обращение. — Ты не убьешь меня — я возложил на тебя ношу воды.

Намри наполовину вытащил криснож из ножен.

— Я тебе ничего не должен!

— Но Бог создал Арракис для закалки верных Ему, — сказал Лито. — Я не только показал вам мою веру, я заставил вас осознать собственное существование. Жизнь требует обсуждения. Вы были мной подведены к ЗНАНИЮ, что вы и в самом деле отличаетесь от других — таким образом, вы знаете, что вы живете.

— Опасно играть со мной в непочтительность, — сказал Намри, держа криснож наполовину вытащенным из ножен.

— Непочтительность — наинужнейшая составная часть религии, — сказал Лито. — Не говоря уж о ее важности в философии. Непочтительность единственный оставленный нам способ понять мироздание.

— Так, по-твоему, ты понимаешь мироздание? — спросил Хэллек, освобождая пространство для Намри.

— Мм-да, — сказал Намри, и смерть была в его голосе.

— Мироздание может быть понято только ветром, — сказал Лито. — Не обитает в мозгу мощной опоры рассудку. Творение — это открытие. Господь открыл нас в Пустоте, потому что мы двигались на уже знакомом ему фоне. Была ровная стена. Затем — пришло движение.

— Ты играешь в прятки со смертью, — предостерег Намри.

— Но вы оба — мои друзья, — Лито поглядел прямо в лицо Намри. — Когда ты предлагаешь кандидатуру как Друг своего съетча, разве не убиваешь ты орла и ястраба — в знак, что ты доносишь предложение? И разве не следует ответ: «Бог посыпает каждого человека к собственному концу, вот так ястребов, вот так орлов, вот так друзей??»

Рука Намри соскользнула с ножа. Лезвие ушло назад в ножны. Он уставился на Лито расширенными глазами. У каждого съетча был свой тайный ритуал дружбы — и вот она, часть этого обряда.

Но Хэллек спросил:

— В этом ли месте твой конец?

— Я знаю, что тебе нужно от меня услышать, Гурни, — сказал Лито, наблюдая за игрой надежд и подозрений на уродливом лице. Он положил руку на грудь. — Этот ребенок никогда ребенком не был. Мой отец живет внутри меня, но он — не я. Ты любил его, и он был доблестным человеком, деяния которого превыше высоких берегов. Намерением его было покончить с круговоротом войн, но в свои расчеты он не включил движения бесконечности, как оно выражено жизнью. Это — Раджия! Намри знает. Ее движение может увидеть любой смертный. Остерегайся троп, сужающих вероятности будущего. Такие тропы уведут тебя от бесконечности в смертельные ловушки.

— Это ли мне нужно услышать от тебя? — спросил Хэллек.

— Он просто играет словами, — сказал Намри, — но голосом, полным глубоких колебаний и сомнений.

— Я объединяюсь с Намри против моего отца, — сказал Лито. — И мой отец внутри меня объединяется с нами против того, что из него сделали.

— Почему? — вопросил Хэллек.

— Потому что это то *amor fati*, что я несу человечеству, акт окончательного экзамена, сдаваемого самому себе. Мой выбор в этом мире быть союзником против любой силы, несущей унижение человечеству. Гурни! Гурни! Ты не в пустыне родился и вырос. Твоя плоть не ведают истины, о которой я говорю. Но Намри знает. На открытой местности одно направление не хуже другого.

— Я до сих пор не услышал того, что должен услышать, — сердито обрезал Хэллек.

— Он выступает за войну и против мира, — сказал Намри.

— Нет! — ответил Лито. — Как и мой отец нисколько не выступал против войны. Но посмотрите, что из него сделали. «Мир» в этой Империи имеет только одно значение — поддержание движения по единственному жизненному пути. Жизнь должна быть однообразна на всех планетах, как единое правительство Империи. Вам велят быть довольными. Главная цель штудий священнослужителей — найти правильные формы жизни. Ради этого они прибегают к словам Муад Диба! Скажи мне, Намри, ты доволен?

— Нет! — отрицание вырвалось спонтанно и бесстрастно.

— Значит, ты богохульствуешь?

— Разумеется, нет!

— Но ты недоволен. Понимаешь, Гурни? Намри это нам доказывает: каждый вопрос, каждая проблема не имеют единственного правильного решения. Надо разрешить разнообразие. Монолит неустойчив. Так почему ты требуешь от меня единственно верного высказывания? Этому ли быть мерилом твоего чудовищного приговора?

— Ты вынудишь меня убить тебя? — спросил Хэллек, глубокое страдание было в его голосе.

— Нет, я тебя пошажжу, — ответил Лито. — Пошли весточку моей бабушке, что я буду сотрудничать. Бене Джесссерит может еще пожалеть о таком сотрудничестве, но Атридес дает свое слово.

— Это надо проверить Видящей Правду, — сказал Намри. — Эти Атридесы...

— У него будет шанс сказать перед своей бабушкой то, что должно быть сказано, — Хэллек кивнул головой в сторону прохода.

Намри помедлил перед тем, как уйти, взглянул на Лито.

— Молюсь, что мы поступаем правильно, оставляя его в живых.

— Идите, друзья, — сказал Лито. — Идите и поразмыслите.

Когда двое мужчин удалились, Лито повалился на спину, ощутил холод от койки. От совершенного движения голова у него закружилась на грани его перегруженного спайсом сознания. И в этот миг он увидел всю планету каждое поселение, каждый городок, большие города, пустыни и высаженную

растительность. Все образы, обрушившиеся в его видение, были тесно взаимосвязаны со смесью стихий внутри и вовне самих себя. Он видел общественные структуры Империи отраженными в материальных структурах планет и их обитателей. Это развернутое гигантское полотно его откровения он воспринял именно так, как следовало: как смотровое окно на невидимые механизмы общества. И, видя это, Лито понял, что для каждой системы есть такое окно. Даже для системы самого себя и собственного мироздания. И он принялся заглядывать в окна, космический надсмотрщик.

Это было то, к чему стремились его бабка и Сестры! Он это знал. Его самосознание вышло на новый, высший уровень. Он ощущал прошлое, несомое им в его клетках, его памятях, в архетипах, от которых строились его предположения, в кольцевых зарубках мифов, в известных ему языках и их праисторическом детрите. И все формы из его человеческого и дочеловеческого прошлого, все жизни, которыми он теперь правил, слились в нем, наконец, в единое целое. На фоне занавеса вечности он был протозойским творением, рождение и смерть которого по сути одновременны, но он был столь же бесконечным, сколь протозойским, творение, состоящее из молекулярных памятей.

«Мы, люди, есть форма семейного организма!» — подумал он.

Они хотят его сотрудничества. Обещание сотрудничать предоставило ему очередную отсрочку от смерти от ножа Намри. Добиваясь сотрудничества, они стремятся распознать целителя.

И он подумал: «Но не тот общественный порядок я им принесу, на который они рассчитывают!?

Гrimаса исказила рот Лито. Он знал, что не будет так бессознательно зловолен, как его отец — деспотизм как один конечный итог и рабство как другой — но этот мир может молиться по «добрым старым дням».

И тогда его отец-память заговорил с ним, неназойливо, не в силах потребовать внимания, но прося его выслушать.

И Лито ответил: «Нет. Мы подкинем им головоломки, чтобы занять их умы. Есть много способов бегства от опасности. Откуда им знать, что я опасен, пока я не войду в их жизни на тысячи лег? Да, отец, мы понаставим им вопросительных знаков».

Глава 42

Нет в вас ни силы, ни невинности. Все это в прошлом. Вина лупит мертвых, а я не железный Молот. Вы, множество мертвых, всего лишь люди, совершившие определенные вещи, и память об этих вещах освещает мою дорогу.

Харк ал-Ада. Лито II — своим жизням-памятям.

— Само получается! — еле слышным шепотом сказал Фарадин.

Ой стоял над кроватью леди Джессики, пара охранников прямо позади него. Леди Джессика приподнялась на руках. На ней был парашелковый халат мерцающе белого цвета и такая же лента в бронзовых волосах. Фарадин ворвался к ней несколько мгновений назад. На нем было серое трико. Лицо его вспотело — от возбуждения и от отчаянной пробежки по коридорам дворца. — Сколько времени? — спросила Джессика.

— Времени? — озадаченно переспросил Фарадин.

Один из охранников подал голос:

— Третий час пополуночи, миледи.

Охрана боязливо посматривала на Фарадина. Молодой принц стремглав пронесся по освещенным ночными светильниками коридорам, и ошеломленные охранники сорвались вслед за ним.

— Но ведь получается, — сказал Фарадин. Он поднял левую руку, затем правую. — Я видел, как мои собственные руки уменьшаются в пухлые кулаки, и вспомнил! Это мои руки, когда я был маленьким. Я припомнил, как был маленьким, но это была... более ясная память. Я реорганизовывал мои воспоминания!

— Очень хорошо, — сказала Джессика. Его возбуждение было заразительно. — А что произошло, когда твои руки состарились?

— Мой... мой ум стал... косым. И у меня заболела спина. Вот здесь, он коснулся места чуть выше левой почки.

— Ты выучил наиважнейший урок, — сказала леди Джессика. — Ты понимаешь, что это за урок?

Руки его упали, он поглядел на нее и сказал:

— Мой ум управляет моей реальностью, — глаза его сверкнули, и он повторил погромче. — Мой ум управляет моей реальностью!

— Это начало равновесия прана-бинду, — сказала Джессика. — Хотя, всего лишь только начало.

— Что мне делать дальше? — спросил он.

— Миледи, — стражник, ответивший на ее вопрос, осмелился теперь вмешаться. — Время...

«Интересно, есть ли кто-нибудь в такой час на их пунктах слежения?» подумала Джессика. И сказала:

— Удалиитесь. Нам нужно поработать.

— Но, миледи... — охранник боязливо перевел взгляд с Фарадина на Джессику и обратно.

— По-твоему, я собираюсь его соблазнить? — спросила Джессика.

Тот закоченел.

Фарадина охватило веселье, он расхохотался и выпроваживающе махнул рукой.

— Вы слышали ее. Удалийтесь.

Охранники поглядели друг на друга, но повиновались.

Фарадин присел на край кровати Джессики.

— Что дальше? — он покачал головой. — Хотелось мне верить тебе, и все же я не верил. Потом... потом мой ум как будто стал таять. Я устал. Мой ум сдался, перестал бороться с тобой. Вот так это было. Да, вот так! — он щелкнул пальцами.

— Не со мной боролся твой ум, — сказала Джессика.

— Конечно, нет, — согласился он. — Я сражался с самим собой, с той чушью, которой был обучен. Ну, что теперь дальше?

Джессика улыбнулась.

— Признаться, я не рассчитывала, что ты так быстро добьешься успеха. Тебе понадобилось только восемь дней и...

— Я был терпелив, — ухмыльнулся он.

— И терпению тоже ты начал учиться.

— Начал?

— Ты едва-едва пригубил от учености. Теперь ты и вправду младенец. До этого ты был... неродившейся возможностью.

Углы его рта поникли.

— Не будь так мрачен, — сказала она. Ты это сделал. Это важно. Сколь многие могут сказать о себе, что они родились заново?

— Что следующее? — упорно повторил он.

— Ты будешь упражняться в том, чему научился, — сказала она. — Я хочу, чтобы у тебя это получалось очень легко, в зависимости лишь от твоей воли. Потом я заполню еще одно место в твоем сознании, которое это упражнение распахнуло в тебе наружу. Оно будет заполнено способностью проверять, как действуют твои запросы на любую реальность.

— Это все, что мне сейчас делать?.. упражняться в...

— Нет. Теперь ты можешь начать тренировку мускулов. Скажи мне, можешь ли ты пошевелить мизинцем левой ноги, чтобы больше ни один мускул твоего тела не дрогнул?

— Мизи. — Она увидела, как на лице его появилось отстраненное выражение — он пробовал пошевелить мизинцем. Вскоре он поглядел на свои ноги, уставился на них. На его лбу выступил пот. Из груди вырвался глубокий выдох. — Нет, не могу.

— Да, можешь, — ответила она. — Ты этому научишься. Ты познаешь каждый мускул своего тела. Познаешь их точно так же, как знаешь свои руки. Он тяжело сглотнул перед такой распахнутой перспективой. Затем спросил:

— Для чего ты это со мной делаешь? Каков твой план в отношении меня? — Я намереваюсь высвободить тебя над мирозданием, — ответила она. Ты станешь кем угодно — кем сам больше всего жаждешь стать.

Он осмысливал сказанное одно мгновение.

— Кем я только ни пожелаю стать?

— Да.

— Это невозможно!

— Если только ты не научишься управлять своими желаниями так же, как управляешь своей реальностью, — сказала она. И подумала: «Вот оно! Пусть его аналитики разбираются с этим. Они посоветуют ему принять это, но с осмотрительностью, а Фарадин на шаг приблизится к пониманию того, что я делаю на самом деле».

Он сказал, проверяя свою догадку:

— Одно дело — сказать человеку, что он осознает свое сердечное желание. Другое дело — воистину подвести его к этому.

— Ты пойдешь дальше, чем я думала, — сказала Джессика. — Очень хорошо, обещаю: если ты полностью пройдешь эту программу обучения, ты станешь хозяином самому себе. Что ты ни сделаешь — это будет только то, чего ты захочешь.

«И пусть Видящая Правду попробует вычленить из этого все смыслы», подумала она.

Он встал, и выражение его лица, когда он склонился над ней, было теплым, а было в нем чувство

товарищества.

— Я, знаешь ли, верю тебе. Будь я проклят, если знаю, почему, но верю. И не скажу ни слова о других вещах, о которых думаю сейчас.

Джессика смотрела на него, пока он, пятясь задом удалялся из ее спальни. Завернув глоуглобы, она легла. В Фарадине есть глубина. Он сказал ей ни много ни мало, как то, что начал понимать ее умысел, но по собственной воле присоединяется к ее заговору.

«Подожди, пока он не начнет постигать свои собственные эмоции», подумала она. С этим она успокоилась и вернулась ко сну. Завтра утром, предвидела она, ей будут отчаянно докучать случайные встречи с разными придворными, задающими внешне невинные вопросы.

Глава 43

Человечество периодически проходит через убыстрение своих дел, переживая гонку между обновляемой жизнеспособностью существования и манящим обессиливанием декаданса. В этой периодической гонке, любая пауза становится роскошью. Только тогда можно вообразить, что все дозволено, что все возможно.

Апокрифы Муад Диба.

«Касание песка — важно», — сказал себе Лито.

Ему, сидевшему под ослепительным небом, был ощутим крупнозернистый песок под ним. Его принудили съесть еще одну обильную дозу меланжа, и ум Лито обратился на себя самого, подобно водовороту. Глубоко внутри воронки этих завихрений покоился остававшийся без ответа вопрос: «Почему они добиваются того, что я это скажу?» Гурни был упрям — нет сомнений. И приказ свой он получил от леди Джессики.

Лито вывели из съетча на дневной свет ради его «урока». Из-за того, что тело его совершило эту короткую прогулку из съетча, в то время, как ум присутствовал при битве Лито с Бароном Харконненом — наблюдая ее глазами обоих, у него было странное ощущение. Они сражались внутри него, через него, поскольку он не мог дать им сойтись в непосредственной схватке. Эта битва открыла ему, что случилось с Алией. Бедная Алия.

?Я был прав, страшась этого спайсового путешествия», — подумал он.

Горькая обида на леди Джессику переполнила его до краев. Проклятый ее Гом Джаббар! Сразиться с ним и победить — или умереть при испытании. Она не могла поднести отправленную иглу к его шее, но она могла послать его в ту долину опасностей, перед которыми не устояла ее собственная дочь. Внимание его привлекло сопение. Оно колебалось, становилось громче,тише, громче...тише. Он не мог определить, принадлежит ли оно нынешней реальности или навеяно спайсом.

Тело Лито поникло на скрещенные руки. Ягодицами он ощущал горячий песок. Прямо перед ним был коврик, но он сидел на голом песке. На коврик упала тень: Намри. Лито поглядел на запачканный рисунок ковра, по которому, чудилось ему, бежит пузырчатая рябь. Его сознание поплыло из настоящего через пейзаж, где до горизонта простирались взбудораженные зеленые кроны.

В черепе его стоял барабанный бой. Ему было жарко, его лихорадило. Лихорадка была давлением того жара, что заполнял его ощущения, вытесняя осознание собственного тела, пока не остались для него ощутимы лишь движущиеся тени грозящих опасностей. Намри и его нож. Давление... Давление... Наконец, Лито простерся ничком между песком и небом, не ощущая ничего, кроме лихорадки. Теперь он ожидал, чтобы что-нибудь произошло, чувствуя, что любое событие станет главным и единственным. Жаркое-прежаркое солнце топтало его, сокрушая ослепительным блеском, и ни успокоения, ли избавления. «Где моя Золотая Тропа?» Всюду ползли жучки. Всюду. «Моя кожа не моя собственная». Он слал послания своим нервам, ожидая, что удастся добиться каких-то ответов от других в нем. «Подними голову», — велел он своим нервам.

Голова, которая могла бы ползком волочиться вперед, поднялась и взглянула на заплаты пустоты в ярком свете.

— Он теперь глубоко в этом, — прошептал кто-то.

Никакого ответа.

Но солнце, полыхавшее огнем, возводило давящие здания жара.

Медленно, выпрямляясь, течение его сознания повлекло его через последнюю завесу зеленой пустоты и далее, по низким складкам дюн; не больше чем на километр от мелкого прочерченной линии съетча лежало — ВОН ТАМ — зеленое расцветающее будущее, мощно растекавшееся, в изобилии бесконечной зелени, вспухающее зеленью, зелень, зелень, бесконечно наступающая.

И во всей этой зелени не было ни одного зеленого червя.

Буйство диких зарослей, но нигде нет Шаи-Хулуда.

Лито ощутил, что это он переступил за прежние границы в новую страну, свидетельницей которой было лишь его воображение, и что непосредственно прозревает теперь сквозь ближайшую завесу то, что позевывающее человечество именует НЕИЗВЕСТНЫМ. Это стало кровожадной реальностью.

Он ощущал, как колышется на ветке красный плод его жизни, как сочится из него сок, и соком этим был спайс, текущий по его венам.

Раз нет Шаи-Хулуда — и спайса больше нет.

Он прозрел будущее без великого серого червя-змеи Дюны. Он понимал это, хотя и не мог вырваться из транса, чтобы отгородиться от собственного проникновения.

Его сознание резко отпрянуло назад — назад, назад, прочь из столь смертоносного будущего. Мысли его перетекли в его кишечник, стали примитивными, движимыми лишь напряженностью эмоций. Он обнаружил, что не в состоянии сосредоточиться на каком-то одном аспекте и его видении, и того, что в действительности его окружало, но внутри него звучал голос. Говорил голос на древнем языке, и Лито идеально его понимал. Голос был мелодичен и оживлен, но каждое слово словно было Лито по голове.

«Ты, глупец, вовсе не настоящее влияет на будущее, но будущее творит настоящее. Ты видишь обратную перспективу. Поскольку будущее задано, разворачивание событий, которые его обеспечат, происходит зафиксировано и неизбежно».

Слова эти пронзили его. Ужас пустил корни и в его материальное тело. Благодаря этому, он понял, что тело его все еще существует, но отчаянная сущность и огромнейшая сила его видения оставили в нем чувства распада, беззащитности, он неспособен был послать сигнал своим мускулам и добиться их повиновения. Он понял, что все больше и больше уступает тому скопищу жизней, чьи памяти заставили его некогда поверить в собственную реальность. Его наполнил страх. Он понимал, что, может быть, утрачивает свой контроль над ними, впадает, в итоге, в Богомерзость.

Лито почувствовал, как его тело корчится от ужаса.

Он попал в зависимость от одержанной победы и недавно достигнутого сотрудничества с жизнями-памятьями. Все они обернулись против него, все они — даже царственный Харум, которому он доверял. Он попытался мысленно сосредоточиться на собственном изображении, наткнулся на накладывающиеся рамки других изображений, каждое разного возраста: ребенок, впадающий в старческий маразм. Он припомнил первые уроки, полученные его отцом: «Пусть твои руки молодеют, зачем стареют». Но все его тело было погружено теперь в сгинувшие реальности, и все попытки опереться на собственное воображение таяли среди других лиц, среди черт тех, кто наделил его своей памятью. Алмазный удар грома разбил его на куски.

Лито ощущал, как рассыпаются в стороны кусочки его сознания — и все же сохранялось в нем осознание самого себя — где-то между бытием и небытием. С оживющей надеждой он ощущал, что тело его — дышит. Вдох... Выдох... Он сделал глубокий вдох: ЙИН. Он выдохнул: ЙАНГ. Где-то, вне пределов его досягаемости, находилось место высшей независимости, победы над спутанным наследием множества его жизней — не ложного ощущения владычества над ними, но истинной победы. Он понял теперь свою предыдущую ошибку: он искал силы в реальности транса, предпочтя его прямой встрече с теми страхами, что он и Ганима вскармливали друг в друге. «Страх одолел Алию!?

Но стремление к силе подсовывало другую ловушку, устремляя его в мир фантазии. Теперь он различал иллюзию. Весь процесс иллюзии повернулся на пол-оборота, и теперь он видел тот центр, из которого сможет бесцельно наблюдать за полетом своих видений, своих внутренних жизней.

Он ощущал душевный подъем. От этого ему захотелось смеяться, но он не позволил себе этой роскоши — зная, что она запрет двери памяти.

«А-а-а, мои памяти, — подумал он. — Я вижу нашу иллюзию. Вы больше не изобретаете для меня следующего мгновения. Вы просто показываете мне, как создавать новые мгновения. Я не замкнусь на прежней колее».

Эта мысль прошла через его сознания, как будто все в нем стирая набело, и влекомый этой мыслью, он ощущал все свое тело, *einfalle*, в самых доскональных деталях отчтыавшееся о каждой клеточке, каждом нерве. Он достиг состояния напряженного спокойствия. В этом спокойствии, он услышал голоса — понимая, что они доносятся издалека, но вместе с тем слыша их так ясно, как будто их усиливало эхо ущелий.

Один из них был голосом Хэллека:

— Может быть, мы дали ему слишком большую дозу.

Намри отвечает:

— Мы дали ему имению столько, сколько она велела.

— Может, нам стоило бы сходить туда, еще раз на него взглянуть.

Это Хэллек.

— Сабиха смыслит в таких делаах — она позовет нас, если что-то пойдет не так.

Это Намри.

— Не нравится мне это дело с Сабихой.

Хэллек.

— Она — необходимое составляющее.

Намри.

Лито ощутил яркий свет вокруг себя и пустоту внутри, но тьма была укромной, защищающей и теплой. Свет заполыхал, и Лито понял, что родился он из его внутренней тьмы, распространяясь теперь водоворотом сияющего облака. Тело его стало прозрачным, его потянуло вверх, но он сохранял при этом einfalle контакт с каждой своей клеточкой и с каждым нервом. Множество внутренних жизней обрело порядок, ничего перепутанного и смешанного. Они стали очень тихи — воспроизведя его собственное внутреннее безмолвие, каждая жизнь-память присмирила, невещественное и неделимое бытие.

И тогда Лито с ними заговорил:

— Я — ваш дух. Я — единственная жизнь, которую вы можете осознать. Я — дом вашего духа в Стране Нигде, только напоминающей родное жилье. Без меня, внятность мироздания обратится в хаос. Творческое и бездонное неразрешимо скованы во мне друг с другом — только я могу быть посредником между ними. Без меня, человечество увязнет в трясине и тщете ЗНАНИЯ. Через меня, вы и оно найдете единственную дорогу из хаоса: ПОНИМАНИЕ ЖИЗНИ.

С этим, он высвободил собственное «я» и стал самим собой, своей собственной личностью, сориентированной в цельность собственного прошлого. Это не было ни победой, ни поражением — чем-то новым, чтобы разделить это с любой внутренней жизнью по его выбору. Лито смаковал эту новизну, позволяя ей овладеть каждой клеточкой, каждым нервом, отказываясь от того, что предложила ему einfalle, и в ту же секунду обретая целостность.

Через какое-то время он очнулся в белой пустоте и, со вспыхнувшим сознанием, понял, где находится его тело: сидит на песке в километре от той кручи съетча, что является его северной стеной. Он теперь не ведал сомнений, что это за съетч: Джакурут... и Фондак. Но он очень сильно отличается и от легенд и мифов, и от слухов, которым потакают контрабандисты.

Прямо напротив него сидела на коврике молодая женщина, прицепленный к ее левому рукаву глоуглоб парил над ее головой. Когда Лито поднял взгляд выше глоуглоба, то увидел звезды. Он знал эту молодую женщину — она уже появлялась раньше в его видениях, это она жарила кофе. Она была племянницей Намри, так же готовой пустить в дело нож, как и ее дядя. Нож лежал у нее на подоле, подоле простого зеленого одеяния поверх серого стилсьюта. Сабиха, так ее звали. И у Нами были на нее собственные планы. По глазам его Сабиха увидела, что он очнулся, и сказала:

— Уже почти заря. Ты провел здесь целую ночь.

— И большую часть дня, — сказал он. — Ты делаешь хороший кофе.

Это замечание ее озадачило, но она проигнорировала его — с той прямолинейностью мышления, что свидетельствовало, что нынешнее ее поведение определяется суровой подготовкой и подробнейшими инструкциями.

— Вот и час убийства, — сказал Лито. — Но твой нож больше не надобен, — он указал на нож у нее на подоле.

— Намри о том судить, — ответила она.

«Значит, не Хэллеку». Она лишь подтвердила его внутреннее знание.

— Шай-Хулуд — великий уборщик мусора и уничтожитель ненужных свидетельств, — сказал Лито. — Я сам его так использовал.

Она непринужденно положила руку на рукоять ножа.

— Как показательно то, где каждый из нас сидит, — сказал Лито. — Ты сидишь на коврике, а я на песке.

Ее рука полунакрыла рукоять ножа.

Лито зевнул, так сильно и широко, что у него заболели челюсти.

— У меня было видение, в котором и ты присутствовала, — сказал он.

Ее плечи слегка расслабились.

— Мы были очень односторонни в отношении к Арракису, — сказал он. -Просто варварство. Есть некая инерция в том, что мы до сей поры делаем, но кое-что из сделанного мы должны переделать. Чашечки весов надо уравновесить получше.

По лицу Сабихи скользнула хмурая озадаченность.

— Мое видение, — сказал он. — Как только мы не восстановим здесь, на Дюне, танец жизни, не будет больше дракона на полу пустыни.

Поскольку он использовал для червя название, употреблявшееся Старыми Свободными, она чуть замешкалась, чтобы его понять.

— Черви? — спросила она.

— Мы в темном проходе, — сказал он. — Без спайса распадется Империя. Не сдвинутся корабли Космического Союза. Воспоминания планет друг о друге будут все тускнеть и тускнеть. Планеты замкнутся на самих себя. Спайс станет той границей, на которой навигаторы Союза утратят свое мастерство. Мы станем цепляться за наши дюны, невежды насчет того, что есть над нами и под нами.

— Ты говоришь очень странно, — сказала она. — Как ты видел меня в своем видении?

«Полагайся на суеверия Свободных!» — подумал он. И сказал:

— Я стал пазиграфичен. Я — живая скрижаль, на которой надо высечь те перемены, которые должны проследовать. Если я их не запишу, вы встретитесь с такой сердечной болью, какой еще не испытывало человечество.

— Что это за слова? — спросила она, а рука ее легко покоилась на ноже.

Лито повернул голову на кручи Джакуруту, увидел начинающееся свечение, которым Вторая луна отмечала свой предрассветный проход за скалами. Предсмертный крик пустынного зайца потряс его душу. Он увидел, как Сабиха содрогнулась. Затем послышалось хлопанье крыльев — ночная птица, ставшая здесь ночной. Он увидел янтарное свечение многих глаз, проносящихся мимо него по направлению к трещинам кручи.

— Я должен следовать велениям моего нового сердца, — сказал Лито. -Ты смотришь на меня как на простого ребенка, Сабиха, но если...

— Он предостерегал меня насчет тебя, — сказала Сабиха, и плечи ее теперь напряглись в готовности.

Услышав страх в ее голосе, он сказал:

— Не бойся меня, Сабиха. Ты прожила на восемь лет больше моего тела. В этом, я отношусь к тебе с почтением. Но во мне намного больше тысяч лет нерассказанных жизней — намного больше, чем знаешь ты. Не смотри на меня как на ребенка. Я прошел через мосты многих будущих и в одном из них видел нас, переплетенных в любви. Тебя и меня, Сабиха.

— Что... Этого не может... — она смущенно осеклась.

— Эта мысль разовьется в тебе, — сказал он. — Теперь помоги мне вернуться в съетч, потому что я побывал во многих местах и ослаб, утомленный моими путешествиями. Намри должен услышать, где я был. -Заметив в ней нерешительность, он добавил: — Разве я не Гость Пещеры? Намри должен узнать то, что открылось мне. Многое мы должны сделать, иначе выродится наш мир.

— Я не верю этому... Насчет червей, — сказала она.

— И насчет объятий любви тоже?

Она покачала головой. Но ему видно было, как мысли проплывают в ее мозгу подобно несомым ветром перышкам.

Его слова и привлекали, и отталкивали ее. Необычайно соблазнительно, конечно, стать супругой властующего. Но есть ведь и приказы ее дяди. Но сын Муад Диба может однажды стать правителем всего их мироздания — от Дюны до самых крайних его пределов. Отвращение, вспыхнувшее в ней к такому будущему, было необычайно в духе Свободных — народа, привыкшего прятаться в пещерах. Спутница Лито будет на виду у всех, станет объектом сплетен и пересудов.

Она, однако, будет богата, но...

— Я — Сын Муад Диба, способный видеть будущее, — сказал он.

Она медленно убрала нож в ножны, легко поднялась с коврика, подошла к Лито и помогла ему встать на ноги. Лито немало позабавили ее дальнейшие действия: она аккуратно сложила коврик, повесила его через правое плечо. Он видел, что она сравнивает их рост, размышляя над его словами -«переплетенные в любви»?

«Рост — из тех вещей, которые меняются», — подумал он.

Она положила руку ему на руку, помогая ему и направляя его. Он споткнулся, и она резко проговорила:

— Здесь ЭТОМУ не место! — имея в виду нежелательный звук, который мог привлечь червя.

Лито ощутил, что тело его стало сухой скорлупкой, покинутой насекомым. Он узнал эту скорлупку: некогда в ней было общество, основанное на торговле меланжем и на Религии Золотого Эликсира. Ее опустошили крайности. Высокие цели Муад Диба ниспали до волховства, поддерживаемого вооруженной силой Ауквафа. Религия Муад Диба имеет теперь другое имя: Шьян-сан-Шао, иксиансское словцо, означающее умисступление и безумие считающих, будто они могут провести мироздание в рай на острие крисножа. Но и это изменится, как изменилось название Икс — попросту девятая планета их солнца, но они забыли язык, давший им это название.

— Джихад был видом массового безумия, — пробормотал он.

— Что? — Сабиха была сосредоточена на том, чтобы идти вне ритма, не выдавая своего присутствия на открытом песке. На мгновение она задумалась над его словами, затем истолковала их как еще один плод его очевидного истощения. Она ощущала его слабость, то, как он был высосан трансом. Ей это казалось бессмысленным и жестоким. Если должно ему быть убитым, как говорит Намри, то следует сделать это быстро, без всех этих игр в кошки-мышки. Но Лито говорил о дивном откровении. Может, именно за этим и гонится Намри. Наверняка должен быть мотив за действиями собственной бабушки этого ребенка. С чего бы еще Нашей Госпоже Дюны давать свое добро на столь опасные для жизни ребенка действия?

РЕБЕНКА?

Опять она задумалась над его словами. Они были уже у подножия кручи, и она остановила своего подопечного, дав ему секунду передохнуть в месте уже побезопасней. Глядя на него в неясном звездном свете, она спросила:

— Как же так может быть — что больше не будет червей?

— Только я могу изменить это, — ответил он. — Не бойся. Я могу изменить что угодно.

— Но это...

— На некоторые вопросы нет ответов, — сказал он. — Я видел то будущее, но противоречия только соблют тебя с толку. Это — наш меняющийся мир, и мы — самое странное изменение из всех. Мы откликаемся на множество воздействий. Наши будущие нуждаются в постоянной модернизации. Сейчас имеется преграда, которую мы должны устранить. Это диктует нам жестокость, и совершать ее мы будем против наших самых основных и лелеемых желаний... Но это должно быть сделано.

— Что должно быть сделано?

— Ты когда-нибудь убивала друга? — спросил он, отворачиваясь и проходя в расщелину, свод которой нависал над тайным входом в съетч. Шел он так быстро, как только позволяла измученность трансом, а она сразу его догнала, вцепилась в его одежду и заставила остановиться.

— Что это такое — об убийстве друга?

— Он все равно умрет, — сказал Лито. — Мне не придется убивать его самому, но я мог бы это предотвратить. А если я не предотвращу — разве это не значит, что я его убью?

— Кто это... кто умрет?

— Альтернатива налагает на меня молчание, — сказал он. — Я, может, обязан буду отдать мою сестру чудовищу.

И опять он отвернулся от нее, и на этот раз оказал сопротивление, когда она потянула его за одежду, отказался отвечать на ее вопросы. «Лучше всего ей не знать, пока не наступит время», — думал он.

Глава 44

Естественный отбор описывается как работа окружающей среды по отборочному отсеву тех, кто даст потомство. Однако, это чрезвычайно ограниченная точка зрения, когда дело касается людей. Воспроизведение через секс склонно к экспериментам и новшествам. Это ставит многие вопросы, в том числе тот, самый старый: является ли окружающая среда критерием при отборе после того, как видоизменение уже произошло, или же она заранее детерминирует те видоизменения, которые отсеет при отборе. Дюна никак не ответила на эти вопросы: она лишь поставила новые, которые Лито и Сестры могут попытаться разрешить за последующие пять сотен поколений.

Харк ал-Ада.

Катастрофа Дюны.

Возвышавшиеся на расстоянии голые бурье утесы Защитной стены виделись Ганиме воплощением того призрака, что угрожал ее будущему. Она стояла на краю сада-крыши крепости, спиной к заходящему солнцу. Из-за пыльных туч солнце светило накаленным оранжевым цветом столь же сочным, как у краев пасти червя. Ганима вздохнула, думая: «Алия... Алия... Предстоит ли мне повторить твою судьбу??

Внутренние жизни в последнее время все громче заявляли о себе. Было что-то, связанное с внутренним миром женщин — Свободных — может, и вправду, половые различия с мужчинами, но что бы это ни было — женщина всегда была более восприимчива к подобному внутреннему приливу. Ее бабушка предупредила ее об этом, когда они строили планы, и Ганима столько же почерпнула из аккумулированной мудрости Бене Джессерит, сколько осознала через эту мудрость угрожавшее ей.

Леди Джессика внутри нее ей сказала:

— За нашим наименованием для предрожденных — Богомерзость — долгая история неоднократного горького опыта. Действие Богомерзости, как представляется, таково, что внутренние жизни разделяются. Они расщепляются на благоволяющие и зловолящие. Благоволяющие остаются покорными, полезными. Зловолящие, похоже, объединяются мощным психо, старающимся завладеть живым телом и его сознанием.. Этот процесс, как известно, занимает определенное время, но признаки его легко узнаваемы.

— Почему ты бросила Алию? — спросила Ганима.

— Я в ужасе бежала от своего порожденья, — тихим голосом ответила Джессика. — Я сдалась. И теперь меня тяготит то, что... может быть, я сдалась слишком рано.

— Что ты имеешь в виду?

— Еще не могу объяснить тебе, но... может быть... нет! Я не подам тебе ложных надежд. У Гхафлы, богомерзкого безумия, долгая история в человеческой мифологии. Его называли очень по-разному, но чаще всего -ОДЕРЖИМОСТЬЮ. Вот так оно выглядит. Злая воля сбивает тебя с пути и одерживает верх над тобой.

— Лито... боялся спайса, — сказала Ганима, обнаруживая, что может говорить о нем тихо. Жестокая потребовалась от них цена!

— И мудро, — ответила Джессика. И больше ничего не сказала.

Но Ганима пошла на опасность выплеска ее внутренних памятей, взглядываясь в прошлое сквозь странно расплывчатую завесу и сквозь тщетно распространяющийся страх Бене Джессерит. Просто объяснить, что сокрушило Алию, — не принесет ни капли облегчения. Аккумулированный Бене Джессерит указы ей на возможный выход из ловушки, однако же и Ганима, рискнув разделить внутреннюю жизнь с другими, прежде всего призвала Мохалату, благое партнерство, которое может ее защитить.

И сейчас она призывала жизнь-соучастницу, стоя в зареве заката на краю крыши-сада крепости. И сразу же явилась к ней жизнь-память ее матери. Чани стояла призраком между Ганимой и отдаленными обрывами.

— Войдя сюда, ты съешь плод Заккуума, пищу яда! — возвала Чани. -Затвори эту дверь, дочка! Так будет лишь безопасней.

Вокруг видения с шумом нахлынула толпа внутренних жизней, и Ганима сбежала, погрузив свое самосознание в Кредо Сестер, действуя больше из отчаяния, чем из доверия. Она быстро произнесла Кредо, шевеля губами, поднимая голос до шепота:

— Религия — это подражание ребенка взрослому. Религия — это оболочка прежним верованиям —

мифологии, являющейся догадками, скрытой убежденности, что мирозданию можно доверять, теми декларациями, что делают стремящиеся к личной власти мужчины, и все это перемешано с крохами просвещенности. И всегда непроизнесенное главное повеление таково: «Да не вопросишь ты!» Но мы вопрошаем. Мы по ходу дела нарушаем это повеление. Работа, на которую мы себя направляем — освобождение воображения, использование энергии воображения ради глубочайшего восприятия творчества человечеством.

Мысли Ганимы понемногу опять упорядочились. Хотя она ощущала, как трепещет ее тело, и знала, как непрочен достигнутый ею мир — и эта расплывчатая завеса в ее мозгу.

— Леб Камай, — прошептала она. — Сердце моего врага, да не станешь ты моим сердцем.

И она вызвала в памяти лицо Фарадина, сатуринское молодое лицо с тяжелыми бровями и твердым ртом.

«Ненависть сделает меня сильной, — подумала она. — Через ненависть я смогу сопротивляться судьбе Алии».

Но осталась трепещущая непрочность ее положения, и все, о чем она могла теперь думать — как же Фарадин напоминает своего дядю, покойного Шаддама IV.

— Вот ты где!

Это к Ганиме справа подходила Ирулэн, широко — почти но-мужски шагавшая вдоль парапета. Повернувшись, Ганима подумала: «А она — дочь Шаддама».

— Почему ты все время ускользаешь сюда одна? — спросила Ирулэн, становясь перед Ганимой и возвышаясь над ней с сердитым лицом.

Ганима воздержалась говорить, что она не одна, что стража видела, как она взбиралась на крышу. Гнев Ирулэн относился к тому факту, что место здесь было открытое и что здесь их могло настичь дальнобойное оружие.

— Ты не носишь стилсьют, — сказала Ганима. — Разве ты не знаешь, что в прежние времена любой, пойманный вне пределов съетча без стилсьюта, автоматически убивался. Растрачивать воду значило быть опасностью для племени.

— Вода! Вода! — бросила Ирулэн. — Я хочу знать, почему ты сама себя подвергаешь опасности таким образом. Пошли назад, вовнутрь. Мы все из-за тебя переволновались.

— Какая же теперь может быть опасность? — спросила Ганима. — Стилгар казнил всех изменников. Повсюду — охрана Алии.

Ирулэн посмотрела на темнеющее небо. На его серо-голубом занавесе уже стали видны звезды. Потом она снова поглядела на Ганиму:

— Не буду спорить. Меня послали сказать тебе, что мы получили послание от Фарадина. Он согласен, но по некоторым причинам он желает отложить церемонию.

— На сколько?

— Мы еще не знаем. Идут переговоры. Но Данканы отсылают домой.

— И мою бабушку?

— Она предпочла остаться пока что на Салузе.

— Кто может ее осуждать? — спросила Ганима.

— А, глупая стычка с Алией!

— Не дурачь меня, Ирулэн. Это не было глупой стычкой. Я слышала рассказы.

— Страхи Сестер...

— Истинны, — сказала Ганима. — Что ж, ты получила мое послание. Постараешься еще раз меня разубедить?

— Нет, сдаюсь.

— Тебе бы следовало знать лучше, чем пытаться мне лгать, — сказала Ганима.

— Очень хорошо! Я не оставлю попыток тебя разубедить. Такой курс сумасшествие, — и Ирулэн

подивилась, почему она позволяет себе так раздражаться на Ганиму. Сестры Бене Джессерит ни из-за чего не должны раздражаться. — Я озабочена грозящей мне крайней опасности. Ты-то знаешь. Гани... ты дочь Пола... Как ты можешь...

— Потому что я — его дочь, — ответила Ганима. — Мы, Атридесы, ведем свой род от Агамемнона, и знаем, что в нашей крови. У нас, Атридесов, кровавая история — и мы не миримся с пролитой кровью.

Отвлеченная, Ирулэн спросила:

— Кто такой Агамемнон?

— До чего же скучно, оказывается, ваше хваленое образование Бене Джессерит, — сказала Ганима. — Я все время забываю, что ты видишь историю в уменьшающейся перспективе. Но мои воспоминания уходят до... — она осеклась: лучше не пробуждать эти тени от их хрупкого сна.

— Что бы ты там ни помнила, — сказала Ирулэн, — ты должна знать как опасен этот курс для...

— Я убью его, — сказала Ганима. — Жизнь за жизнь.

— А я предотвращу это, если смогу.

— Мы уже это знаем. Тебе не предоставится возможность. Алия отшлет тебя на юг в один из новых городов, пока все не будет кончено.

Ирулэн уныло покачала головой.

— Гани, я дала клятву, что буду охранять тебя от любой опасности. Я заплачу за это собственной жизнью, если будет необходимо. Если ты думаешь, что я собираюсь бездельничать за кирзовыми стенами какой-нибудь джедиды, пока ты...

— Всегда есть Хуануи, — мягким голосом сказала Ганима. — И альтернатива — водосборник смерти. Уверена, тебе не стоит вмешиваться оттуда, где ты будешь.

Ирулэн побледнела, поднесла руку ко рту, забыв на мгновение всю свою выучку. Это было свидетельством, сколько заботы она вложила в Ганиму почти полное забытье чего-либо, кроме животного страха.

— Гани, за себя я не боюсь. Ради тебя я брошу в пасть червя. Да, я то, чем ты меня называешь — бездетная жена твоего отца. Но ты — мой ребенок, которого у меня никогда не было. Я умоляю тебя... — слезы блеснули в углах ее глаз.

Ганима, поборов тяжелый комок в горле, сказала:

— Есть между нами и еще одно различие. Ты никогда не была Свободной. А я являюсь именно ей. Это — пропасть, которая нас разделяет. Алия это понимает. Кем там она еще ни будь, но это она понимают.

— Нельзя сказать, что Алия понимает, — с горечью проговорила Ирулэн. — Не знай я, что она из рода Атридесов, я бы решила, что она задалась целью уничтожить эту семью.

«А откуда тебе знать, что Алия до сих пор Атридес?» — подумала Ганима, дивясь слепоте Ирулэн. Она же — из Бене Джессерит, а где ж еще лучше знают историю Богомерзости? А она не позволяет себе даже думать об этом, не говоря уж о том, чтобы поверить. Алия, должно быть, заколдовала каким-то образом бедную женщину.

Ганима сказала:

— Я должна тебе долг воды. Ради этого, я буду охранять твою жизнь. Но твой кузен поплатится. И не будем больше об этом.

Ирулэн уняла дрожь губ, вытерла глаза.

— Я так любила твоего отца, — прошептала она. — И даже не знаю, жив он или мертв. — Может, он и не мертв, — ответила Ганима. — Этот Проповедник...

— Гани! Порой я тебя не понимаю. Стал бы Пол нападать на собственную семью.

Ганима пожала плечами, поглядела в меркнущее небо.

— Может быть, его развлекает такое...

— Как можешь ты так легко говорить об этом...

— Чтобы держаться подальше от темных глубин, — ответила Ганима. — Я не насмехаюсь над тобой. Видят боги, нет. Но я просто дочь своего отца. Я — каждый из тех, кто вложил свое семя в род Атридесов. Ты не думаешь о Богомерзости, а я ни о чем другом думать не могу. Я — предрожденная. Я знаю, что внутри меня.

— Глупое старое суеверие о...

— Нет! — Ганима подняла руку ко рту Алии. — Я — проклятая программа развития всего Бене Джесссерит, вплоть до... и включая мою бабушку. И я многое большее, — чиркнув ногтем по левой ладони, она расцарапала ее до крови. — Тело мое юно, но его жизненные опыты... О, БОГИ, Ирулэн! Опыты моих жизней! Нет! — она опять подняла руку, поскольку Ирулэн подошла поближе. — Я знаю все будущие, которые провидел мой отец. Во мне мудрость многих жизненных сроков, и все их невежество тоже... вся их бренность. Если ты намерена мне помочь, Ирулэн, узнай сначала, кто я есть. Ирулэн непроизвольно наклонилась и обняла Ганиму, обняла крепко, прижавшись щекой к ее щеке.

«Не сделай так, чтобы я должна была убить эту женщину, — подумала Ганима. — Не допусти этого».

И, только промелькнула в ней эта мысль, надо всей пустыней опустилась ночь.

Глава 45

Маленькая птичка, клювик в красных жилочках,
Свой зов тебе послала, пропев над съетчем Табр.
Лиши раз тебя окликнула, и ты ушел от нас,
От нас ты удалился в Долину Похорон.
Плач по Лито II.

Лито пробудило звяканье водных колец в женских волосах. Он поглядел в открытый дверной проем своей камеры и увидел сидящую там Сабиху. Полу спутанным от дурмана-спайса сознанием он увидел вокруг нее очертания всего того, что открылось ему о ней в его видении. Она была на два года старше того возраста, когда большинство женщин Свободных выходят замуж или по крайней мере заключают помолвку. Следовательно, ее семья для чего-то ее приберегала... или для кого-то. Она брачного возраста... Это очевидно. Его подернутые видениями глаза видели ее существом из Земного прошлого человечества: темные волосы и бледная кожа, глубокие глазницы, придававшие зеленоватый отлив ее заполненным синевой глазам, маленький носик, широкий рот над острым подбородком. И она была для него живым сигналом, что здесь, в Джакуруту, знают о плане Бене Джессерит — или подозревают, каков он. Значит, они надеются возродить через него Империю Фараонов, да? Вот почему они намереваются заставить его жениться на их Сестре? Сабиха наверняка не может этого предотвратить.

Хотя, его тюремщикам известен этот план. И откуда они его узнали? Они не уходили вместе с ним туда, где жизнь становится движущейся перепонкой среди других измерений. В рефлекторную и круговую субъективность его видений, открывших ему, что Сабиха принадлежит лишь ему, и только ему одному.

Опять звякнули водяные кольца в волосах Сабихи, и этот звук всколыхнул его видения. Он знал, где он побывал и чему научился. Ничто не сможет этого стереть. Он не ехал теперь в паланкине на большом Создателе, под позывивание водных колец, среди других пассажиров и напевов их путевых песен. Нет... Он был здесь, в каморке Джакуруту, отправившийся в самое опасное из всех путешествий: прочь из Ал аз-сунна уал-джамас и назад в него, прочь из реального мира ощущений и назад в этот мир.

Что она делает здесь, с ее позывывающими в ушах водными кольцами? О, да, помешивает очередную порцию того варева, что, как они считают, держит его в плена — пищу, приправленную эссенцией спайса, чтобы держать его наполовину в реальном мире, либо вне его, пока он либо не умрет, либо не достигнет успеха — план его бабушки. И всякий раз, когда он полагал, будто выиграл, они отсылали его назад. Леди Джессика, конечно, права — старая колдунья! Но что делать? Самое полное припоминание всех жизней внутри него бесполезно до тех пор, пока он не сумеет организовать данные и вспоминать их по своей воле. Эти жизни стали сырьем для анархии. Одна из них — или все вместе — могли бы его и одолеть. Спайс и его странное пребывание здесь, в Джакуруту — игра по отчаянным ставкам.

«Сейчас Гурни ждет знака, а я отказываюсь его подать. Сколько продлится его терпение??

Он посмотрел на Сабиху. Она откинула капюшон, обнажив татуировку племени на висках. Лито сначала не узнал татуировку, затем вспомнил, где он находится. Да, Джакуруту до сих пор живет.

Лито не знал, благодарить ли свою бабушку или ненавидеть ее. Она хотела, чтобы его инстинкты вышли на уровень самосознания. Но инстинкты это только расовая память о том, как управляться с кризисами. Его непосредственные воспоминания других жизней рассказывают ему намного больше этого. Теперь он их упорядочил — и видел, в чем опасность разоблачения себя перед Гурни. И нет способа утаить свое откровение от Намри. Да, Намри — еще одна проблема.

Сабиха вошла в его каморку с чашей в руках. Он восхитился тем, как падал свет, радужным свечением окаймляя ее волосы. Она нежно приподняла его голову и принялась кормить его из чаши. И только тогда Лито осознал, как же он слаб. Он позволил ей кормить себя, а ум его блуждал, припоминая собеседование с Гурни и Намри. Они ему верят! Намри больше, чем Гурни, но даже Гурни не может отрицать того, что его чувства уже поведали ему о происходящем на этой планете.

Сабиха вытерла его рот краем своего платья.

«А-а-а, Сабиха! — подумал он, припоминая другие видения, болью наполнившие его сердце. — Много ночей грезил я возле открытой воды, прислушиваясь к дующим над головой ветрам. Много ночей мое тело покоилось рядом со змеиным логовом, и сквозь летний жар я грезил о Сабихе. Я видел, как она укладывает спайсовый хлеб на раскаленные докрасна пластальные противни. Я

слышал чистую воду канала, нежную и сияющую, но буря бушевала в моем сердце. Она отхлебывает кофе и ест. Зубы ее сверкают среди теней. Я вижу ее вплетающей в свои волосы мои водяные кольца. Благоуханный аромат от ее груди поражает меня до глубины души. Она терзает меня и гнетет самим своим существованием».

Давление его множественных памятей погрузило его в недвижность округлившегося времени — то, чему он раньше сопротивлялся. Он ощущал объединившиеся тела, издаваемые любовниками звуки, ритмы, вплетавшиеся в каждое чувственное впечатление — губы, дыхание, влажные выдохи, языки. Где-то внутри его видения возникли угольного цвета завитки, и он ощущал, как пульсируют эти завитки, поворачиваясь внутри него. В его черепе взмолился голос: «Пожалуйста, пожалуйста, пожалуйста...?»

Мужская сила вспухала в его чреслах, и он ощущал, держась и цепляясь за восставшую палицу экстаза, как открылся его рот. Затем — вздох, медлящая сладость тяжелых волн, опадание.

О, как же сладостно будет воплотить это в реальности!

— Сабиха, — прошептал он. — О, моя Сабиха.

Когда ее подопечный явно погрузился после приема пищи в глубокий транс, Сабиха взяла чашу и ушла, помедлив у дверей, чтобы заговорить с Намри:

— Он опять называл мое имя.

— Вернись к нему и побудь с ним, — велел Намри. — Я должен найти Хэллека и обсудить с ним это.

Сабиха поставила чашу у двери и, вернувшись в каморку, села на край койки, созерцая затененное лицо Лито.

Она накрыла его руку своей, когда он заговорил. Как же он сладок, до чего же сла... Она поникла на койку, баюкая его рукой, пока совсем не впала в забытье. Тогда он вытянул руку. Присел, чувствуя, до чего же глубока его слабость. Спайс и видения опустошили его. Он пошарил по клеткам своего тела, собирая все уцелевшие искорки энергии, слез с койки, не потревожив Сабиху. Он должен идти — хоть и знает, что далеко не доберется. Он медленно застегнул свой стилсьют, надел робу, скользнул по коридорам к проходу наружу. Людей было совсем немного, все занятые своими делами. Они знали его — но он ведь не на их попечении. Намри и Хэллек наверняка знают, что он делает, да и Сабиха не может быть далеко.

Он нашел нечто вроде бокового прохода — то, что ему было нужно — и смело двинулся по нему.

Оставленная им Сабиха безмятежно спала, пока ее не разбудил Хэллек. Она села, протерла глаза, увидела пустую койку, своего дядю, стоящего позади Хэллека, гнев на их лицах.

Намри ответил на выразившийся на ее лице немой вопрос:

— Да, он ушел.

— Как ты могла дать ему сбежать? — разъярился Хэллек. — Как такое возможно?

— Видели, как он шел к нижнему выходу, — странно спокойным голосом сказал Намри.

Съежившись от страха, Сабиха старалась припомнить.

— Как? — вопросил Хэллек.

— Я не знаю. Я не знаю.

— Сейчас ночь, и он слаб, — сказал Намри. — Далеко он не уйдет.

— Ты хочешь, чтобы мальчик умер! — повернулся к нему Хэллек.

— Меня бы это не расстроило.

И опять Хэллек повернулся к Сабихе:

— Расскажи мне, что произошло.

— Он коснулся моей щеки. Говорил и говорил со мной о своем видении... о нас вместе, — она поглядела на пустую койку. — Он меня усыпал. Какими-то чарами.

Хэллек взглянул на Намри:

— Может он прятаться где-нибудь внутри съетча?

- Внутри негде. Его бы увидели, обнаружили. Он направлялся к выходу. Он где-то снаружи.
- Чары, — пробормотала Сабиха.
- Никаких чар, — проговорил Намри. — Он ее загипнотизировал. Со мной ведь тоже чуть такого не сделал, помнишь? Сказал, что я — его друг. — Он очень слаб, — сказал Хэллек.
- Только телесно, — возразил Намри. — Но далеко он все равно не уйдет. Я вывел из строя каблучные насосы его стилсьюта. Он умрет от обезвоживания, если мы его не найдем.
- Хэллек чуть не ударили Намри со всего размаху, но жестко взял себя в руки. Джессика предупреждала его, что Намри, может быть, должен будет убить паренька. Великие боги! До чего же они докатились, Атридесы против Атридесов. — Возможно ли, что он ушел, как лунатик — в спайсовом травке? спросил Хэллек.
- А в чем разница? — спросил в ответ Намри. — Если он ускользнет от нас, то наверняка умрет.
- Мы начнем поиски с первой зарей, — сказал Хэллек. — Он взял фремкит?
- Всегда есть несколько возле наружной двери, — ответил Намри. — Надо быть дураком, чтоб не взять. А он никогда не казался мне дураком.
- Тогда отправь послание нашим друзьям, — сказал Хэллек. — Сообщим им, что произошло.
- Никаких посланий сегодня ночью, — сказал Намри. — Надвигается буря. Племена ушли от нее на три дня пути. Она будет здесь к полуночи. Линия связи уже бездействует. Спутники передали сигнал окончания связи с нашим сектором два часа назад.

Глубокий, судорожный вздох сотряс Хэллека. Мальчик наверняка погибнет, если его настигнет песчаная буря. Она сдерет мясо с костей, а кости иссечет на кусочки. Их задумка была лишь пугнуть его смертью — но смерть станет настоящей. Он ударил кулаком по ладони. Буря как пить дать запрет их в съетче. Они не смогут даже выйти на вершину съетча. Затишье перед бурей уже изолировало съетч.

— Дистранс, — сказал он, размышляя о том, как бы они могли запечатлеть послание в голосе летучей мыши и отправить ее с сигналом тревоги.

Намри покачал головой.

— Летучая мышь не полетит в бурю. Нет-нет, старина. Они чувствительнее нас. Они уже попрятались в расщелины обрывов, пока она не минует. Лучше подождать, пока спутники снова выйдут с нами на связь. Тогда мы сможем попробовать найти его останки.

— Нет — если он взял фремкит и спрячется в песке, — сказала Сабиха.

Ругаясь себе под нос, Хэллек отвернулся от нее и зашагал прочь размашистым шагом.

Глава 46

Мир требует компромиссных решений, но мы никогда не достигаем действительных решений — мы только работаем, прокладывая к ним путь. Беда с миром в том, что он больше склонен карать за ошибки, чем вознаграждать великолепие.

Слова Моего Отца: рассказ Муад Диба, по реконструкции Харк-ал-Ада.

— Она обучает его? Обучает Фарадина?

Алия грозно взглянула на Данканна Айдахо, с примесью злости и недоверия. Хайлайнер Сокола вышел на орбиту Арракиса в полдень по местному времени. Часом позже корабль высадил Айдахо на Арракисе — без уведомления, но с явно показываемой беспечностью. Через несколько минут орнитоптер доставил его на плоскую крышу крепости. Предупрежденная о его скором прибытии, Алия встретила его там, держась перед своими стражами с холодной сдержанностью, но теперь они стояли в ее апартаментах под северным краем. Он просто доложил ей обо всем, правдиво, точно, подчеркивая все данные, в манере ментата.

— Она выжила из ума, — сказала Алия.

Он воспринял это заявление как проблему для ментата.

— Все существующие данные указывают, что она уравновешена и в здравом рассудке. Я бы сказал, ее индекс здравомыслия был...

— Брось это! — огрызнулась Алия. — Что она может замышлять?

Айдахо, знаяший, что теперь его собственное эмоциональное равновесие зависит от того, насколько глубоко он погружается в ментатный холод, ответил:

— По моим расчетам, она думает о помолвке своей внучки. — Он тщательно сохранял на лице бесстрастное выражение, маску гнетущей скорби, грозившей его поглотить. Алии здесь нет. Алия мертва. На какое-то время он сохранял еще в своих чувствах миф об Алии, сооруженный им для собственных нужд, но ментату такой самообман доступен лишь на ограниченное время. Это создание, рядящееся под человека, — одержимо; демонический психо управляет ей. Его стальные глаза с миллиардами граней способны были по его воле воспроизводить перед его органами зрения множество Алий-мифов. Но когда он соединил их в единый образ, никакой Алии не существовало. Ее черты поневоле вели к другим выводам. Она была лишь оболочкой, под которой вершится возмутительное надругательство.

— Где Ганима? — спросил он.

Она отмахнулась:

— Я отослала ее в месте с Ирулэн на попечение Стилгара.

«Нейтральная территория, — подумал он. — Состоялись еще одни переговоры с мятежными племенами. Она теряет почву под ногами и не понимает этого... или понимает? Нет ли другой причины? Не покинул ли Стилгар ее сторону??

— Помолвка, — задумалась Алия. — Каковы условия Дома Коррино?

— Салуза кишмя кишит понаехавшими родственниками, все работают на Фарадина, надеясь урвать свою долю при его возвращении к власти.

— И она готовит его по методике Бене Джессерит?..

— Разве это не годится для мужа Ганимы?

Алия улыбнулась про себя, подумав о несокрушимой яности Ганимы. Пусть его Фарадин учится. Леди Джессика обучает труп. Вся работа пойдет впустую.

— Я должна подробно это обдумать, — сказала она. — Ты что-то притих, Данкан.

— Я жду твоих вопросов. — Понимаю. Я, знаешь ли, очень на тебя сердита Увезти ее к Фарадину! — Ты велела, чтобы это выглядело натуральным.

— Я вынуждена была выступить с иском, будто бы вы оба захвачены в плен.

— Я повиновался твоим приказам.

— Ты порой так буквalen, Данкан, что чуть ли не пугаешь меня. Но если б тебя не было, ладно...

— Леди Джессика устранина так, чтобы больше не навредить, — сказал он. — А ради Ганимы мы должны быть благодарны, что...

— Чрезвычайно благодарны, — согласилась она. И подумала: «Ему больше нельзя доверять. Он хранит эту проклятую верность Атридесам. Я должна найти предлог, чтобы отослать его прочь... и уничтожить. Несчастный случай, разумеется».

Она коснулась его щеки.

Он заставил себя ответить на ласку, взяв ее руку и поцеловав. — Данкан, Данкан, как же это печально, — сказала она. — Но я не могу тебя здесь со мной оставить. Слишком многое происходит вокруг, и слишком немногим я могу полностью доверять.

Отпустив ее руку, он ждал.

— Я была ВЫНУЖДЕНА отправить Ганиму в Табр, — продолжила она. -Слишком здесь беспокойно. Набегами из Каньонных Земель разрушены каналы Кагга Базина, вся их вода выпущена в песок. Арракин на жестком рационе. Базин живет еще за счет песчаной форели, пожиная урожай воды. Там, конечно, нужно вмешаться, но наши силы растянуты так, что стали слишком тонки.

Он уже заметил, как мало амazonок из личной гвардии Алии оставалось в крепости Твердыне. И подумал: «Маркизет Внутренней пустыни будет и дальше испытывать на прочность ее оборону. Разве она этого не понимает??

— Табр остается нейтральной территорией, — сказала она. — Там прямо сейчас продолжаются переговоры. Там Джавид, с делегацией Квизарата-Жречества. Но я бы хотела, чтобы ты был в съете Табр и присматривал за ними, особенно за Ирулэн.

— Да, она из Дома Коррино, — согласился он.

По ее глазам он понял, что она поставила на нем крест. До чего ж прозрачным стало это новое создание в оболочке Алии!

Она махнула рукой.

— Теперь ступай, Данкан, а то я передумаю и оставлю тебя при себе. Я так по тебе соскучилась...

— И я по тебе, — в этой короткой фразе он дал выплыть всей своей скорби.

Она взорвалась на него, потрясенная его печалью.

— Ради меня, Данкан... — и подумала: «Слишком плохо, Данкан». Вслух же сказала: — Зия отвезет тебя в Табр. Нам надо, чтобы орнитоптер вернулся назад.

?Ее любимая амazonка, — подумал он. — Я должен быть с ней осторожен». — Понимаю, — и он опять поцеловал ей руку. Он посмотрел на дорогое ему тело, некогда бывшее его Алией. Уходя, он не смог заставить себя взглянуть ей в лицо. Кто-то другой взглянул бы на него ее глазами. Поднимаясь на крышу крепости-Твердыни, Айдахо все больше ощущал, сколько же вопросов осталось без ответа. Если говорить о той его части, что была ментатом, не перестающим учитывать все данные и признаки, то встреча с Алией оказалась для него чрезвычайно утомительной. Он ждал возле орнитоптера вместе с одной из амazonок Алии, угрюмо смотря на юг. Воображение уносило его взгляд за Защитную стену, к съетчу Табр. «Почему в Табр везет меня Зия? Отгонять назад геликоптеры — лакейская работа. И почему задержка? Не получает ли Зия особых инструкций??

Айдахо взглянул на дозорную, забрался в орнитоптер на место пилота. Высунувшись из кабины, он сказал:

— Передай Алии, я немедленно пришлю орнитоптер назад с одним из людей Стилгара.

Дозорная не успела запротестовать, как он закрыл дверь и включил орнитоптер. Он видел, что дозорная в нерешительности. Как можно возражать супругу Алии? Он поднял топтер в воздух до того, как она решила, что же ей делать.

Теперь, один внутри топтера, он дал волю своей скорби и от глубины души сокрушенno разрыдался. Алии больше нет. Они расстались навсегда. Слезы струились по его тлейлакским глазам, и он прошептал:

— Пусть все воды Дюны уйдут в песок Им не сравниться с моими слезами. Однако же, это была не ментатская крайность, каковой он ее и признал, заставив себя переключиться на трезвую оценку нынешних нужд. Топтер требовал его внимания. Управление топтером принесло ему некоторое облегчение, и он снова взял себя в руки. «Ганима опять со Стилгаром. И Ирулэн». Почему Зия была назначена ему в попутчицы? Он поставил эту проблему перед собой как перед ментатом — и от

ответа у него мороз пробежал по коже: «Со мной должен был произойти ненастный случай».

Глава 47

Каменная рака с черепом правителя не принимает молитв. Она стала гробницей плача. Только ветру слышен голос этого места. Крики ночных зверей и преходящее странствие двух лун — все говорит о том, что день кончился. Не придут больше молящиеся. Гости удалились с праздника. Как же гола тропа, ведущая с этой вершины.

Надпись на раке Герцога Атридеса.

Аноним.

Все представлялось Лито с обманчивой простотой: избегать, чтобы его заметили, делать то, чего никто не увидит. Он распознавал ловушку в подобном представлении — случайные нити стиснутого будущего очень даже могут переплетаться, пока не опутают тебя намертво — но ведь он теперь по-новому их крепко ухватил. Ни в одном из видений он не видел себя бегущим из Джакуруту. Значит, ниточка к Сабихе нужно обрезать первой.

Он скорчился в затухающем дневном свете на восточном краю защищавшего Джакуруту утеса. Во фремките нашлись энергетические таблетки и еда. Теперь он набирался сил. К западу располагалось озеро Азрак, гипсовая равнина, где некогда — в дни до червя — была открыта вода. Невидимое, к востоку находилось Бене Шерк, несколько новых разбросанных поселений, вторгшихся в открытый эрг. К югу была Танцеруфт, Страна Ужаса: три тысячи восемьсот километров пустыни, где лишь встречаются порой заплатки укрепляющих дюны трав и ветряные ловушки для их полива — работа экологического преображения, переделывавшего ландшафт Дюны. Их обслуживали воздушные бригады, и никто не задерживался там надолго.

«Я пойду на юг, — сказал себе Лито. — Гурни ожидает, что я именно так и поступлю. Но не то время сейчас, чтобы выкидывать что-нибудь совершению неожиданное».

Скоро наступит тьма, и он сможет покинуть свое временное потайное пристанище. Он поглядел на южную линию горизонта. Там посвистывала с сумрачного неба, перекатывалась подобно дыму, полыхала волнистая полоса пыли — буря. Он увидел, как высокий центр бури взметнулся над Великой Равниной, подобно любопытствующему черви. Целую минуту этот центр не двигался ни вправо, ни влево. Старая присказка Свободных появилась в его мозгу: «Если центр бури не движется — значит, ты на его пути».

Этот штурм все меняет.

Мгновение он смотрел на запад, назад, на съетч Табр, вбирая обманчивый сумрачно-серый покой вечерней пустыни, видя слой белого гипса с отшлифованными ветром голышами по краям, необитаемую пустоту с ее нереальной поверхностью светящегося белого цвета, отражающей пылевые облака. Ни в одном из своих видений не видел он себя уцелевшим в вихре бури-матери — либо как зарывается в песок достаточно глубоко, чтобы уцелеть. Было только то видение, когда он перекати-полем катился под ветром... Но ведь это, может быть, не сейчас.

А буря уже шла, охватывая многие градусы широты, бичами ветра покоряя перед собой мир. Можно рискнуть. Были старые истории — всегда услышанные от друга друзей — будто некто сумел удержать на поверхности истощенного червя, вогнав хук Создателя под одно из его широких колец и, сковав его таким образом, выехать на нем из бури в подветренной тиши. Была в этом искушающая его грань между дерзновением и несостоятельным безрассудством. Буря, самое раннее, придет лишь к полуночи. Еще есть время. Сколько нитей он сюжет на этом прервать? Все, включая и самую последнюю?

?Гурни будет ожидать, что я направлюсь на юг — но не в бурю».

Он поглядел на юг, ища пути, увидел текучие эбеновые штришки глубокой теснины, прорезавшей Твердыню Джакуруту. Увидел он завитки песка в кишке теснины, химерического песка. Они, словно вода, струились на равнину высокомерными струйками. Раздирающая горло жажда зашептала у него во рту, когда он вскинул на плечи фремкит и направился по спускавшейся в этот каньон тропинке. Еще достаточно светло, и его могут увидеть, но время сейчас — его главная и отчаянная ставка.

Когда он достиг дна каньона, над ним быстро опустилась ночь центральной пустыни. Только иссушающее глиссандо лунного света освещало ему теперь путь на Танцеруфт. Сердце его забило быстрее, наполняясь всеми три страхами, что в изобилии хранили его памяти. Он чувствовал, что, может быть, движется прямо в Хуануи-наа, как Свободные в страхе своем называли величайшие бури: Дань Смерти Земле. Но, чтобы ни приближалось, в его видениях этого не было. Каждый шаг оставлял все дальнее позади него спайсом порожденную дхьяну — распространяющееся осознание своей интуитивно-созидающей натуры с его разверткой по неподвижной цепи случайностей. Теперь по крайней мере каждые сто шагов надо было делать шагок в сторону, за границы слов и

внутрь связи с его заново ухваченной внутренней реальностью.

«Одним путем или другим, отец, я иду к тебе».

Вокруг него таились в скалах невидимые птицы, давая о себе знать негромкими звуками. Наделенный мудростью Свободных, он прислушивался к их эху, чтобы определить дорогу, видеть которую не мог. Часто, проходя мимо трещин, он видел в них злобную зелень глаз — тварей, прятавшихся в убежищах при приближении бури.

Он вышел из каньона в пустыню. Под ним двигался и дышал живой песок, говоря о глубинной активности и латентных фумаролах. Он оглянулся на тронутые лунным светом чашечки лавы над отрогами съетча. Вся структура была метаморфичной, в основном сформированной давлением. У Арракиса оставалось еще что сказать своему будущему. Лито установил тампер, вызывая червя, и, когда тот заколотился о песок, занял позицию, с которой все будет видно и слышно. Его рука бессознательно нашла ястребиное кольцо Атридесов, скрытое под узловатой складкой его дишсами. Гурни его нашел но оставил ему. О чем он тогда подумал — увида кольца Поля?

«Отец, жди меня вскоре».

Червь пришел с юга. Он изгибался, обходя скалы, не такой большой, как надеялся Лито. Но ладно, это ничего. Он перехватил червя, вогнал в него крючья, быстро, цепляясь, вскарабкался на чешуйчатый бок червя, пока тот обрушился на тампер, посреди свистящей серой пыльцы. Червь послушно последовал туда, куда направили его крючья Лито. Они поехали — с ветерком, развеявшим одеяния мальчика. Он устремил взгляд на южные звезды, потускневшие за завесой пыли, и направил червя туда.

ПРЯМО В БУРЮ.

Когда взошла Первая луна, Лито прикинул высоту бури и приблизительно определил время, когда она придет. Не раньше, чем на заре. Она расширялась, собирала энергию для гигантского броска. Много задаст она работы бригадам экологического преображения. Словно бы сама планета с разумной яростью выходила отсюда на бой с ними, с яростью тем более возраставшей, чем больше земель охватывало преобразование.

Всю ночь он гнал червя к югу, через его движения, передающиеся его ногам, улавливая, какой у червя есть запас энергии. Периодически он давал червю сворачивать к западу, куда того беспрестанно тянуло — либо, чтоб вернуться в невидимые границы собственной территории, либо всеми инстинктами чувствуя приближение бури. Черви закапываются в песок, чтобы спастись от секущих песчаных ветров, но этот червь не уйдет под поверхность, пока крючья Создателя держат одно из его колец открытым.

К полуночи червь стал выказывать множество признаков измаждения. Лито переместился назад по его большим гребням и заработал цепом, позволив червю замедлить ход, но все так же направляя его на юг. Буря настигла их сразу после зари. Сперва была росистая простертая неподвижность пустынного рассвета, прижимающая дюны одну к другой. Затем, первая пыль заставила Лито застегнуть отвороты стилсьюта на лице. В сгущающейся пыли пустыня стала сумраком, лишенным очертаний. Затем песчаные иглы начали покалывать его щеки, впиваться ему в губы. Он ощутил жесткий крупнозернистый песок на языке и понял, что настал решающий миг. Да стоит ли рисковать, полагаясь на старые байки, и еще больше понукать почти изможденного червя? Он за долю секунды отверг этот выбор, опять пробрался к хвосту червя, вытащил крючья. Уже едва шевелись, червь начал зарываться. Но его переработавшая тепло распределительная система успела выпустить — словно из духовки циклончик жара в нарастающей буре. Дети Свободных с самых ранних лет знали, как опасно находиться у хвоста червя. Черви были фабриками кислорода — воздух бешено загорался за ними, благодаря обильным выбросам продуктов химически реакций, снимавших в них негативные последствия внутреннего трения.

Песок начал захлестывать его ноги. Лито выпустил крючья и прыгнул подальше, избегая раскаленной топки в хвосте червя. Все зависело теперь оттого, успеет ли он забраться под песок в том месте, где червь разрыхлил спрессованную поверхность.

Сжимая в левой руке прибор стационарного уплотнения, Лито зарылся под скользящую поверхность дюны — зная, что червь слишком устал, чтобы обернуться и проглотить его своей огромной бело-оранжевой пастью. Работая левой рукой, чтобы зарыться поглубже, он правой извлек стилсьют из своего фремкита и подготовил его к надуванию. Все было сделано меньше чем за минуту — и вот он уже впихивает тент в плотный кармашек песчаных стен с подветренной стороны дюны. Он надул тент, забрался в него. Перед тем, как наглухо застегнуть сфинктер, он втащил внутрь стационарный уплотнитель и выключил его. Скользящие пески дюны поползли на тент. Но лишь несколько песчинок проникло внутрь, прежде чем он закрыл вход.

Теперь он должен работать еще быстрее. Ни один пескошноркель не дотянется отсюда до

поверхности, чтобы обеспечить его воздухом. Буря великая, такая, в которой очень немногие выживают. Она может накрыть его тоннами песка. И только нежный пузырек тентада внешнее уплотнение будут его защищать.

Лито вытянулся на спине, сложил руки на груди и отправил себя в сонный транс — в спячку, при которой его легкие будут совершать лишь один вдох в час. С этим он и вверил себя неизвестности. Буря пройдет, и если она не разорит его хрупкое укрытие, он еще сможет выбраться... или может встретиться с Мадмнат ас-салам, Обиталищем Мира. Что ни случись, он знает, что обязан был оборвать нити, одну за другой, чтобы только ему Золотая Тропа и осталась. Только так, или он не сможет вернуться в калифат наследников его отца. И не будет он больше жить ложью этого Деспозайни, этого ужасного калифата, поющего славословия его обожествленному отцу. Не будет больше хранить молчание, когда уста жреца изрыгают оскорбительную чушь: «Его криснож развеет демонов!?

Придя к тому, разум Лито скользнул в паутину безвременного дао.

Глава 48

В любой планетарной системе явно существует величина высшего порядка. Это часто проявляется при перенесении земной формы жизни на новооткрытую планету. Во всех таких случаях, жизнь в сходных зонах развивается в поразительно схожих адаптационных формах. Такая форма означает намного большее, чем просто внешний облик — она означает организацию выживания и взаимосвязи такой организации. Человек ищет такого взаимозависимого порядка, и наша ниша внутри него представляет глубинную необходимость. Поиск, однако, может извратиться, став консервативным цеплянием за одинаковость. Такое всегда оказывается гибельным для целой системы.

Харк ал-Ада.

Катастрофа Дюны.

— Мой сын на самом деле не видел БУДУЩЕЕ — он видел процесс творения и его взаимосвязь с теми мифами, в которых спит человек, — сказала Джессика. Она говорила быстро, но без всякой видимости, будто подгоняет ход событий. Она понимала, что скрытые наблюдатели найдут способ вмешаться, как только поймут, что она делает.

Фарадина, сидевшего на полу, резко освещал луч полдневного солнца, косо падавший из окна у него за спиной. Джессике видна была верхушка дерева во внутреннем саду, когда она выглядывала в висло со своего места у дальней стены. Видела она нового Фарадина: более стройного, более мускулистого. Месяцы общения подчинили его необратимым чарам. Его глаза сверкали, когда он смотрел на нее.

— Он видел формы, которые сотворят существующие силы, если этого не предотвратить, — сказала Джессика. — Он предпочел обернуться против себя, а не против своих собратьев. Он отказывался принимать что-либо только потому, что это его устраивает, потому что это было бы моральной трусостью.

Фарадин научился слушать, безмолвно проверяя, вникая, придерживая вопросы, пока они не оформляются у него в предельно отточенную форму. Джессика говорила о взгляде Бене Джессерит на молекулярную память, выражавшемся в ритуале, и, конечно, обратилась к тому, как Сестры анализируют феномен Поля Муад Диба. Фарадину, однако, была видна игра теней в ее слогах и движениях, проекция бессознательных форм разнообразия при внешней жесткой направленности ее заявлений.

— Из всех наших наблюдений, это — кардинальнейшее, — сказала она до того. — Жизнь — это маска, через которую выражает себя мироздание. Мы предполагаем, что все человечество и все его поддерживающие формы представляют ЕСТЕСТВЕННОЕ сообщество, и что судьба всей жизни вообще ставится на карту в судьбе отдельной личности. Таким образом, когда доходит до высшей и окончательной самопроверки, до амор-фати, мы перестаем играть в божеств и обращаемся к учительству. Если вникнуть в суть, то мы отбираем личности и освобождаем их настолько, насколько способны.

Он понимал теперь, куда она вела, и понимал, какое это окажет воздействие на наблюдающих за ними, и удерживал себя от того, чтобы бросить встревоженный взгляд на дверь. Только наметанный глаз мог заметить его секундную неуравновешенность, но Джессика заметила ее и улыбнулась. Улыбка, в конце концов, ничего не значит.

— Есть нечто вроде выпускной церемонии, — сказала она. — Я очень довольна тобой, Фарадин. Встань, пожалуйста.

Он повиновался, и закрыл от ее глаз верхушку дерева в окне позади него.

Неподвижно держа руки по бокам, Джессика заговорила:

— Я уполномочена сказать тебе следующее: «Я стою перед священным присутствием человека. Как я стою сейчас, так и ты встань однажды. Молюсь о твоем присутствии, чтобы было именно так. Будущее остается сомнительным, да так и следует, ибо это лишь холст, на котором мы рисуем красками наших желаний. И так всегда предстоит человеку видеть перед глазами прекрасную пустоту холста. Мы обладаем лишь нынешним моментом, в который мы себя и посвящаем, неуклончиво следя священному присутствию, которое мы разделяем и творим».

Едва Джессика закончила говорить, через дверь слева от нее беспечно вошел Тайканик, наигранность чего выдавала угрюмость на его лице.

— Милорд... — сказал он.

Но было уже слишком поздно. Слова Джессики, и все, совершенное до этого, сделали свое дело. Фарадин больше не был Коррино. Он был Бене Джесссерит.

Глава 49

То, что вы в директорате КХОАМ окажетесь не в состоянии понять: редко в коммерции встречаешь истинную верность. Когда вы в последний раз слышали о клерке, отдавшем жизнь за свою компанию? Может быть, ваша неполноценность основывается на ложном убеждении, будто вы можете приказать людям думать и сотрудничать? Что только такое убеждение и не приводило к краху на протяжении всей истории — от религий до генеральных штабов. Наберется длинный список генеральных штабов, уничтоживших собственные нации. Что до религий, я рекомендую перечитать Фому Аквинского. Что до вас, в КХОАМ, то в какую же чушь вы верите! Ведь, конечно же, люди хотят делать лишь то, к чему направлены их сокровеннейшие устремления. Люди, а не коммерческие организации и цепочки приказов — вот то, благодаря чему работают великие цивилизации. Всякая цивилизация зависит от качества личностей, которых она производит. Если вы сверхорганизуете людей, сверхобязанываете и подавляете их тягу к величию — они не могут работать, и их цивилизация рушится.

Письмо КХОАМ, приписывается Проповеднику.

Выход Лито из транса был настолько мягким, что одно состояние не отделилось отчетливо от другого. Один уровень сознания просто переместился в другой.

Он помнил, где он находится. В нем мощной волной поднималась возрождающаяся энергия, но и другое взвывало к нему из спрятой мертвенностии бедного уже кислородом воздуха внутри стилсьюта. Лито понимал, что если откажется двигаться, то останется пойманым паутиной безвременья, вечным СЕЙЧАС, в котором существуют все события. Эта перспектива его соблазняла. Время виделось ему условностью, которую оформляет коллективный разум всех воспринимающих. Время и Пространство — лишь категории, наложенные на мироздание этим Разумом. Ему надо лишь вырваться на свободу из той множественности, где его искушают провидческие видения. Дерзкие решения могут изменять условные будущие.

Какой же дерзости требует данный момент?

Его искушало состояние транса. У Лито было ощущение, что он вышел из алам ал-митал в мир реальности только для того, чтобы обнаружить их идентичность. Он хотел удержать магию этого откровения, но чтобы выжить надо принимать решения. Его неослабный вкус к жизни посыпал сигналы его нервам.

Он резко протянул право руку туда, где оставил стационарный уплотнитель. Схватил его, перекатил на живот, расстегнул сфинктер тента. Ему на руки сразу же потек песок. В темноте, донимаемый спретым воздухом, он работал быстро, прокладывая туннель круто вверх. Он прошел шесть расстояний своего тела, прежде чем выбрался в темноту чистого воздуха. Выскользнув на освещенную луной поверхность длинной извивающейся дюны, он обнаружил, что находится где-то на одной трети пути от ее вершины.

Над ним была Вторая луна. Она быстро прошла над его головой, уходя за Дюну, а звезды над ним были как маленькие блестящие камешки вдоль тропинки. Лито поиском созвездие Скитальца, нашел его, примерил взгляд по протянутой руке к ослепительно сверкающей Фаум ал-Хаут, Южной Полярной звезде.

«Вот тебе твое проклятое мироздание!» — подумал он. Если поглядеть вблизи — на этих звездах кипит жизнь; неисчислимая, как песчинки вокруг нас, там вечные перемены, уникальное громоздится на уникальное. А смотришь издали — только узоры созвездий и видны, и эти узоры так и подмывают поверить в абсолютное.

«В абсолютном мы можем потерять наш путь». А это напомнило ему знакомое предостережение из песенки Свободных: «Потерявший свой путь в Танцеруфте, потеряет и жизнь». Устоявшиеся образцы могут быть путеводными, а могут привести в ловушку. Надо помнить, что даже узоры созвездий меняются.

Он глубоко вздохнул, побуждая себя к действию. Спустившись назад, в свой туннель, он сдул тент, вытащил его наружу и перепаковал свой фремкит. Над восточным горизонтом простирило свечение длинного цвета. Лито надел на плечи поклажу, взобрался на гребень дюны и стоял там в зябком предрассветном воздухе, пока восходящее солнце не обогрело его правую щеку. Тогда он подкрасил себе глаза, чтобы солнце не так слепило, понимая, что теперь ему надо заскакивать перед пустыней, а не сражаться с ней. Убрав краску обратно во фремкит, он пригубил воды из одной из своих трубок, но высосал оттуда лишь несколько капель, а затем пошел воздух.

Опустившись на песок, он принялся осматривать весь стилсьют и добрался наконец до каблучных насосов. Они были хитро продырявлены шилом. Он вылез из стилсьюта и починил их, но от причиненного вреда деться уже было некуда. Потеряна примерно половина воды его тела... Он грустно поразмышлял над этим, надевая стилсьют, подумал, как же странно, что он такого не

заподозрил. Вот она — явная опасность будущего вне видений. Затем Лито присел на корточки на гребне дюны, настойчиво изучая пустынную местность. Взгляд его блуждал, выискивая посвистывающую отдушину в песке, какую-нибудь выдающуюся детальку в дюнах, которая могла бы указывать на спайс или на жизнедеятельность червя. Но буря утрамбовала все до полного единства. Вскоре он извлек из фремкита тампер, установил его и запустил, вызывая из глубин Шаи-Хулуда. Затем он стал ждать.

Червь появился очень не скоро. Лито прежде услышал его, чем увидел, обернулся на восток, где сотрясающий землю шорох отдавался дрожью в воздухе, дождался, когда блеснет восстающая из земли оранжевая пасть. Червь поднялся из земли с колоссальным присвистом и облаком пыли, затмившим его бока. Извивающаяся серая стена взметнулась рядом с Лито, он всадил в нее крючья и легкими шагами взобрался наверх. Взобравшись, он направил оставляющего огромный извивающийся след червя на юг. Под понукающими крючьями червь увеличил скорость. Ветер хлестал по одежду Лито. У него было ощущение, будто он понукаем не меньше червя. У каждой планеты свой период, и точно так же у каждого человека, напомнил он себе.

Червь был того типа, который Свободные называют «ворчуном». Он часто зарывался передними пластинами в песок, в то время, как хвост его работал. От этого возникал раскатистый грохот, часть его тела полностью взмывала над песком движущимся бугром. Однако же червь этот был быстр, и когда они делали рывок, то раскаленные газовые выбросы из его хвоста веяли вокруг них жарким ветерком. Ветерок полнился едкими запахами, несомыми струей кислорода.

Пока червь двигался к югу, Лито позволил своим мыслям течь по вольному руслу. Он старался думать об этом переезде как о новой церемонии в своей жизни, о такой, что отвращала его от размышлений о цене, которую ему придется уплатить за свою Золотую Тропу. Как Свободные прежних лет, он понимал, что должен установить многие новые церемонии, чтобы не допустить расчленения своей личности на отдельные кусочки памяти, чтобы алчные охотники за его душой вечно держались на опасливом расстоянии. Противоречивые образы, никогда не сводимые воедино, должны теперь оказаться в одной оболочке живого напряжения, поляризованными силами, уводящими его от внутреннего.

«Всегда новизна, — подумал он. — Я должен всегда извлекать новые нити из моих видений».

Вскоре после полудня он заметил возвышение — впереди и чуть справа по его курсу. Вскоре это возвышение предстало узким утесом, скалой, торчащей именно там, где он и ожидал ее найти.

«Теперь, Намри... Теперь, Сабиха, посмотрим, как ваши собратья отнесутся к моему появлению», — подумал он. Перед ним теперь была самая нежная ниточка, опасная своей заманчивостью больше прямых угроз.

Утес долго маячил перед ним, меняясь в размерах. На время Лито даже показалось, что это утес приближается к нему, а не он к утесу.

Усталый же червь повернулся налево. Лито скользнул по огромному склону, чтобы по-новому установить крючья и заставить червя идти прямо. Мягкая острота меланжа ударила ему в ноздри, сигнал о богатой жиле. Они миновали фиолетовые пятна проказы — место выброса спайса — и он твердо правил червем, пока жила не осталась далеко позади. Ветерок, полный пряного коричного аромата, преследовал их еще некоторое время, пока Лито не направил червя новым курсом прямо на возвышающийся утес.

Далеко в южном бледе резко мигнули цвета — опрометчивая радужная вспышка дела рук человеческих посреди безбрежности. Лито поднес к глазам бинокль, навел его и увидел на расстоянии выступающие крылья спайсоискателя, посверкивающие на солнце. Под ним расправляя свои крылья большой сборщик урожая, будто хризалис перед тем, как неуклюже полететь прочь. Когда Лито опустил бинокль, сборщик урожая превратился в точку, и он почувствовал, как его осилил хадххаб, безбрежная вездесущесть пустыни. Ведь и эти охотники за спайсом видят его точно так же, темной точкой между пустыней и небом, что символизирует для Свободных ЧЕЛОВЕКА. Они его, конечно, тоже увидят, и насторожатся. Будут выжидать. Свободные с большим подозрением относятся друг к другу в пустыне, пока либо не признают в приближающемся знакомого, либо не поймут, что он не представляет для них угрозы. Даже под тонким флером цивилизации Империи и ее утонченных правил они оставались полуприрученными дикарями, всегда помнящими, что криснож расстается со смертью его владельца.

«Вот что может спасти нас, — подумал Лито. — Это дикость».

На расстоянии спайсоискатель повернулся направо, потом налево — подавая сигнал. Лито представил, как сидящие в нем обшаривают пустыню, выясняя, не может ли он быть чем-то большим, чем одиноким наездником на одиноком черве.

Лито повернулся червя налево, удерживая его, пока тот не сменил курс, спустился ему на бок и

аккуратно спрыгнул. Червь, избавленный от докуки, угрюмо выдохнул еще несколько раз, затем на третью зарылся в песок и замер, приходя в себя — верный знак того, что Лито его совсем заездил.

Он отвернулся от червя — пусть пока что остается, где есть. Спайсоискатель кружил, продолжая подавать сигналы крыльями. Наверняка наемные ренегаты контрабандистов, избегающие электронных средств связи. Скоро за спайсом прибудут охотники. Вот о чем говорит присутствие краулера.

Разведчик сделал еще один круг, сложил крылья, и направился прямо на Лито. Он узнал в нем тот тип легкого топтера, что завел на Арракисе его дед. Аппарат сделал над ним еще один круг, пролетел вдоль дюны, на которой он стоял, и приземлился против ветра. Он остановился в десяти метрах от Лито, подняв пыль. Дверь сбоку приоткрылась как раз настолько, чтобы выпустить одного человека в тяжелом одеянии Свободного, со знаком копья на правой стороне груди.

Свободный медленно приближался, предоставляя себе и Лито время изучить друг друга. Человек был высок, глаза полностью ярко-голубого цвета. Маска стилсьюта закрывала нижнюю часть его лица, а капюшон был глубоко надвинут, чтобы защитить лоб. Колыхания одежды позволяли угадать, что рука под ней держит пистолет маулу.

Человек остановился в двух шагах от Лито, поглядел на него озадаченно сощуренными глазами.

— Доброй удачи нам всем, — сказал Лито.

Человек поглядел вокруг, обыскивая взглядом пустоту пустыни. Затем перевел взгляд на Лито.

— Что ты здесь делаешь, дитя? — спросил он, голос из-под маски звучал приглушенно. — Пытаешься стать затычкой для пасти червя?

И опять Лито прибег к традиционной формуле Свободных:

— Пустыня — мой дом.

— Венн? — спросил мужчина. — Какой дорогой ты идешь?

— Я иду с юга, из Джакуруту.

Короткий смешок вырвался у мужчины.

— Ну, Батигх! Ты — самая странная штука, какую я когда-либо видел в пустыне.

— Я не твоя Маленькая Дыня, — ответил Лито, откликаясь на слово Батигх. Жутковатый был подтекст у этого обращения. Маленькая Дыня на краю пустыни отдавала свою воду всякому, кто ее найдет.

— Мы не выпьем тебя, Батигх, — ответил мужчина. — Я — Муриз. Я арифа этого тайфа, — он указал головой на отдаленный краулер.

Когда Лито ничего не ответил, Муриз спросил:

— Имя у тебя есть?

— Батигх подойдет.

Муриз усмехнулся.

— Ты ведь не расскажешь мне, что ты тут делаешь?

— Ищу следы червя, — Лито употребил религиозного фразу, означающего, что он в хаджже ради собственной уммы, собственного спасения.

— Такой юный? — спросил Муриз. Он покачал головой. — Не знаю, что мне с тобой делать. Ты нас видел.

— Что я видел? — спросил Лито. — Я говорил о Джакуруту, и ты мне ничего не ответил.

— Игра в загадки, — сказал Муриз. — Ну, тогда — что это? — он кивнул головой на отдаленный утес.

Лито обратился к своему видению:

— Всего лишь Шулох.

Муриз застыл, а Лито почувствовал, как у него участился пульс.

Последовало долгое молчание. И Лито видел, что мужчина обдумывает и отбрасывает различные варианты. ШУЛОХ! В тихое время после вечерней трапезы часто припоминались истории о караван-сарае Шулохе. Слушатели всегда почитали Шулох мифом, местом, куда для завлекательности историй помещались интересные события. Лито припомнил историю Шулоха: на краю пустыни нашли сироту и привели в съетч. Сначала сирота отказывался разговаривать со своими спасителями — а когда заговорил, его языка никто не мог понять. Проходили дни, а он оставался все столь же необщительным, отказываясь одеваться сам и вступать в контакты. Каждый раз, когда его оставляли одного, он делал странные движения руками. Всех знатоков съетча собирали, чтобы изучить этого сироту — никто не мог дать этому объяснения. Затем его увидела проходившая мимо его открытой двери старуха — и рассмеялась: «Он всего лишь подражает движениям своего отца, плетущего веревку из волокон спайса, — объяснила она. — Именно таким способом они до сих пор делают это в Шулохе. Он просто старается чувствовать себя не таким одиноким». И отсюда мораль: «На старых путях Шулоха — безопасность и чувство принадлежности к золотой нити жизни».

Поскольку Муриз продолжал безмолвствовать, Лито сказал:

— Я тот сирота из Шулоха, что умеет лишь сучить руками.

По быстрому движению головы мужчины Лито понял, что Муриз знает эту историю. Ответил он медленно, голосом тихим и зловещим:

— Ты человек?

— Такой же, как и ты, — ответил Лито.

— Для ребенка ты разговариваешь странней некуда. Напоминаю тебе, что я — судья, могущий нести ответственность за такву.

«О, да!» — подумал Лито. В устах такого судьи слово «таква» сулит непосредственного угрозу. «Таквой» назывался страх, вызываемый присутствием демона — доподлинное верование среди старых Свободных. Арифа знал, как убить демона, и арифу всегда выбирали «потому что он обладает мудростью быть беспощадным, не будучи жестоким, знает, где доброта на самом деле приведет лишь к еще большей жестокости».

Но разговор повернулся как раз туда, куда нужно было Лито. И он сказал: — Я могу подчиниться Машхаду.

— Я буду судьей при любом Духовном Испытании, — сказал Муриз. — Ты это примешь?

— Би-ла каифа, — ответил Лито. — Безоговорочно.

Хитрое выражение появилось на лице Муриза. Он сказал:

— Не знаю, почему я это разрешаю. Лучше всего было бы прикончить тебя на месте, но ты маленький Батигх, а у меня был сын, который умер. Ну, пойдем в Шулох, и я соберу Иснад, чтобы вынести решение о тебе.

Лито, заметив, что все в поведении мужчины выдает принятые им смертоносное решение, подивился, неужели такое момент хоть кого-нибудь провести.

— Я знаю, что Шулох — это Ал ас-сунна уал-джамас, — сказал он.

— Что знает ребенок о настоящем мире? — вопросил Муриз, знаком веля Лито идти к топтеру впереди него.

Лито повиновался, но тщательно прислушивался к звуку шагов Свободного.

— Лучший способ хранить тайну — заставить людей поверить, будто они уже знают ответ, — сказал Лито. — Тогда люди не задают вопросов. Очень умно для вас, изгнанных из Джакуруту. Кто поверит, что Шулох, место из легенд, существует на самом деле? И как удобно для контрабандистов и всех остальных, кому нужен доступ на Дюну.

Шаги Муриза остановились. Лито обернулся спиной к боку топтера, крыло слева от него.

Муриз стоял в шаге от него, держа пистолет маулу нацеленным прямо на Лито.

— Значит, ты не ребенок, — сказал Муриз. — Проклятый карлик, пожаловавший шпионить за нами! Я так и думал, что для ребенка твоя речь чересчур мудра — ноты слишком быстро скандал слишком много.

— Но недостаточно, — ответил Лито. — Я — Лито, сын Муад Диба. Если ты убьешь меня, ты и твои

люди потонут в песках. Если ты пощадишь меня, я приведу вас к величию.

— Не играй со мной в эти игры, карлик, — язвительно хмыкнул Муриз. -Лито — в настоящем Джакуруту, откуда, как ты говоришь... — он осекся, рука, державшаяся пистолет, чуть опустилась, а глаза его озадаченно скосились в сторону.

Это был тот момент колебания, который Лито и ожидал. Он всем телом показал, будто хочет двинуться влево, отклонившись при этом не больше, чем на миллиметр, и пистолет Свободного бешено взметнулся по направлению к краю крыла топтера. Пистолет маула вылетел из его руки, и до того, как он сумел оправиться, Лито уже был рядом с ним, прижимая к спине Муриза его же собственный нож.

— Кончик ножа отравлен, — сказал Лито. — Вели своим друзьям в топтере оставаться точнехонько на своих местах, вообще не двигаться. Иначе я буду вынужден тебя убить.

Муриз, держась за свою поврежденную руку, сказал, кивнув на фигуру в кабине:

— Мой компаньон Бехалет слышал тебя. Он будет недвижней камня. Понимая, что у него очень мало времени до того, как эти двое выработают совместный план действий или прибудут их друзья, выяснить, в чем дело, Лито быстро заговорил:

— Я нужен тебе, Муриз. Без меня черви и их спайс исчезнут с Дюны, он почувствовал, как окоченел Свободный.

— Но откуда ты знаешь о Шулохе? — спросил Муриз. — Я знаю, что в Джакуруту они ничего о нем не говорят.

— Значит, ты признаешь, что я Лито Атридес?

— Кем еще ты можешь быть? Но как ты...

— Раз ты здесь, значит, Шулох существует, а все остальное до чрезвычайности просто. Вы — Отверженные, бежавшие из Джакуруту, когда оно было разрушено. Я видел, как вы сигнализите крыльями, а значит, вы не пользуетесь аппаратами, сигналы которых можно перехватить на расстоянии. Вы собираете спайс — значит, вы торгуете. А торговать вы можете только с контрабандистами. Ты контрабандист, но ты еще и Свободный. Ты должен быть из Шулоха!

— Почему ты искушал меня убить тебя на месте?

— Потому что ты бы убил меня в любом случае, когда мы прибыли бы в Шулох.

Тело Муриза жестко напряглось.

— Осторожней, Муриз, — предупредил Лито. — Я знаю о вас. Это в вашей истории было, что вы забирали воду беспечных путешественников. И сейчас это было бы тебе не в новинку, проделать такое со мной. Как же еще вы заставляете молчать тех, кто случайно на вас натыкается? Как еще хранить свою тайну? Батигх! Ты заманивал меня ласковыми прозвищами, добрыми словами. Зачем упускать воду в песок? А если б я исчез, как многие до меня... что ж, значит Танцеруфт взяла меня к себе.

Муриз сделал правой рукой знак Родни Червя, чтобы оградиться от Рихани, о котором заставляли думать слова Лито. А Лито, зная, насколько Свободные старой закалки не доверяют ментатам и всему, что поражает их демонстрацией твердой логики, подавил улыбку.

— Манри говорил о нас в Джакуруту, — сказал Муриз. — Его вода будет моей, когда...

— У тебя не будет ничего, кроме пустого песка, если ты не перестанешь валять дурака, — сказал Лито. — Что ты будешь делать, Муриз, когда вся Дюна станет зеленою травой, деревьями и открытой водой?

— Этого никогда не случится?

— Это случится у тебя на глазах!

Лито услышал, как зубы мужчины скрежещут от ярости и растерянности. Вскоре Муриз проскрипел:

— И как же ты это предотвратишь?

— Я знаю весь план преображения, — сказал Лито. — Я знаю все его сильные и слабые стороны. Без меня Шай-Хулуд исчезнет навсегда.

Опять в голосе Муриза прорезалась хитреца, когда он спросил:

— Ну, и что нам здесь это обсуждать? Мы на мертвый точке. Ты можешь убить меня, но Бехалет застрелит тебя.

— Я бы быстрей него воспользовался твоим пистолетом, — сказал Лито. -А затем бы я забрал топтер. Да, я умею его водить.

Лоб Муриза под капюшоном угрюмо наморщился.

— Что если ты не тот, за кого себя выдаешь?

— Мой отец меня опознает? — спросил Лито.

— А-а-а, — сказал Муриз. — Вот что тебе ведомо, да? Но... — он осекся, покачал головой. — Его поводырь — мой собственный сын. Но он говорит, что вы с отцом никогда... Как может...

— Значит, ты веришь, что Муад Диб читает будущее, — сказал Лито.

— Разумеется, мы верим! — Но он говорит о себе, что... — Муриз опять осекся.

— И ты считаешь, будто он не осознает вашего недоверия, — сказал Лито. — Я прибыл именно в это место и именно в это время, чтобы встретиться с тобой, Муриз. Я знаю все о тебе, потому что я тебя ВИДЕЛ... и твоего сына тоже. Я знаю, в какой безопасности вы себя чувствуете, как вы глумитесь над Муад Дибом, как замышляете спасти свой маленький клочок пустыни. Но ваш маленький клочок пустыни без меня обречен, Муриз. Пропадет навсегда. Дела на Дюне зашли слишком далеко. Мой отец почти сбежал от своего видения, и только на меня вы можете уповать.

— Тот слепец... — Муриз остановился, сглотнул.

— Он скоро вернется из Арракина, — сказал Лито. — И тогда мы увидим, насколько он слеп. Насколько ты отдалился от старых обычаяев Свободных, Муриз?

— Что?

— Он же твой Уадкульяс. Твои люди нашли его одного в пустыне и доставили в Шулох. Какое же это оказалось богатство! Богаче спайской жилы. Уадкульяс! Он жил с вами — его вода смешивалась с водой племени. Он — часть вашей Духовной Реки. — Лито плотно прижал нож к одеянию Муриза. - Осторожней, Муриз, — левой рукой Лито отстегнул поднятый отворот на лице Свободного, отбросил его.

Поняв, что хочет Лито, Муриз спросил:

— Куда ты отправишься, если убьешь нас обоих?

— Назад в Джакуруту.

Лито прижал мясистую часть своего кулака ко рту Муриза.

— Надкуси и пей, Муриз. Либо это, либо умрешь.

Муриз заколебался, потом злобно впился в руку Лито.

Лито посмотрел на горло мужчины, увидел заглатывающие конвульсии, опустил нож и вернул его Муризу.

— Уадкульяс, — сказал Лито. — Я должен оскорбить племя, прежде чем ты возьмешь мою воду.

Муриз кивнул.

— Вон твой пистолет, — подбородком указал Лито.

— Ты мне теперь доверяешь? — спросил Муриз.

— А как еще я смогу жить с отверженными?

И опять Лито увидел хитрое выражение в глазах Муриза, но на сей раз оно означало оценку и прикидку экономических выгод. Он отвернулся с резкостью, говорившей о принятых тайных решениях, подобрал свой пистолет маулу и поставил ногу на ступеньку крыла.

— Поехали, — сказал он. — Мы и так слишком замешкались близ логова червя.

Глава 50

Будущее в предвидении не всегда может быть втиснуто в правила прошлого. Нити существования переплетаются в соответствии со многими неизвестными законами. Предвидимое будущее упорно задает собственные правила. Оно не подчиняется ни упорядочиванию Дзэнсунни, ни упорядочиванию наукой. Предвидение строит относительную целостность. Он требует сиюминутного действия, всегда предостерегая, что не все нити ты сможешь вплести в ткань прошлого.

Калима: Изречения Муад-Диба.

Шулохский Комментарий.

В Шулох Муриз вел орнитоптер с легкостью, говорившей о хорошем навыке. Лито, сидевший рядом с ним, спиной ощущал, что Бехалет следит за ним, не выпуская оружия из рук. Все теперь работало на доверии — и держалось на узкой ниточке видения, за которое он цеплялся. Если его постигнет неудача, Аллах Акбар. Приходится порой подчиняться более высокому порядку.

Громада Шулоха впечатляла в этой пустыне. Не нанесенный на карты, он говорил о многих подкупах и многих смертях, о многих друзьях на высоких постах. Подножия каньонов окаймляла густая поросль шелушельника и солевых кустов, а внутри был круг веерных пальм, указывавших, что это место богато водой. Среди пальм торчали грубые строения из зеленого кустарника и спайсового волокна. Строения казались зелеными пуговками, разбросанными по песку. Там жили отверженные среди Отверженных, те, кто ниже смерти пасты уже не мог. Муриз приземлился на плоской площадке у подножия одного из каньонов. Прямо перед топтером виднелось единственное строение с крышей из лозы пустыни и листьев беджато, в основе которых была переплавленная жаром спайсовая ткань. Это было точное воспроизведение самых первых стилтентов, говорившее о деградации некоторых из обитателей Шулоха. Лито знал, что такие строения упускают влагу, и что в них наверняка набегают полным-полноочных кусачих насекомых из близлежащей поросли. Значит, вот как жил его отец. И бедная Сабиха, вот что ждет ее в наказание.

По приказу Муриза Лито вылез из топтера, спрыгнул на песок, зашагал к хижине. Ему видно было множество людей, работавших в отдалении под пальмами. Вид у них был обворванный и бедный, и тот факт, что они едва взглянули на него и на топтер, немало говорил о том, какой гнет здесь царил. Позади работающих Лито видна была каменная губа канала, и нельзя было ошибиться, действительно ли в воздухе ощущается такая влажность: вон она, открытая вода. Проходя мимо хижины, Лито увидел, что сделана она так топорно, как он и предполагал. Он подошел к каналу, поглядел в него, увидел в темной глубине завихрения ходившей там хищной рыбы. Рабочие, избегая его взгляда, продолжали очищать от песка ряд входных отверстий в твердыне.

Муриз подошел сзади Лито, сказал:

- Ты стоишь на границе между рыбой и червем. У каждого из этих каньонов есть собственный червь. Мы открыли этот канал, и вскоре уберем хищную рыбу, чтобы привлечь песчаную форель.
- Ну, конечно, — сказал Лито. — Вроде садков. Вы продаете песчаную форель и червей за пределы планеты.
- Так предложил Муад Диб!
- Знаю. Но ни один из ваших червей, ни одна из форелей не прожили долго вдали от Дюны.
- Пока что, да. Но однажды...
- Нет — хоть за десять тысяч лет, — сказал Лито. И повернулся, чтобы посмотреть на смятение на лице Муриза. Вопросы протекали по нему, как вода по каналу. Действительно ли этот сын Муад Диба способен читать будущее? Некоторые до сих пор верят, что Муад Диб это делал, но... Как же можно судить о подобном?

Вскоре Муриз отвернулся и направился назад к хижине. Он отворил грубый дверной замок, поманил Лито, пригласил войти. У дальней стены горела лампа на спайсовом масле, а под ней, спиной к двери, сидела на корточках маленькая фигурка. От горящего масла разносилось сильное благоухание корицы.

— Нам прислали новую пленницу, чтобы она заботилась о съетче Муад Диба, — ухмыльнулся Муриз. — Если она будет хорошо работать, то на какое-то время сохранит свою воду, — он повернулся к Лито. — Некоторые считают, что забирать такую воду — зло. Эти новые Свободные в кружевных рубашках насочиняли в своих городах горы чепухи! Горы чепухи! Когда еще видела Дюна такие горы чепухи? Когда мы получаем вот таких... — он указал на фигурку под лампой. — Они обычно полуобезумевшие от страха, потерянные для своего рода и никогда на приемлемые

истинными Свободными. Ты понимаешь меня, Лито-Батигх?

— Я понимаю тебя.

Скрюченная фигурка не шелохнулась.

— Ты говоришь о том, чтобы вести нас, — сказал Муриз. — Свободными руководят люди, привыкшие пускать кровь. Куда ты нас поведешь?

— Кразилек, — ответил Лито, не отрывая взгляда от скрючившейся фигурки.

Муриз поглядел на него вспыхнувшим взглядом, брови высоко поднялись над его глазами цвета индиго. Кразилек? Это не просто война или резался, это — Тайфунный Бой. Это слово из отдаленнейших легенд свободных — битва при светопреставлении. Кразилек?

Высокий фримен судорожно сглотнул. Этот юнец так же непредсказуем, как городской щеголь! Муриз повернулся к скрюченной фигурке.

— Женщина! Либан вахид! — приказал он. «Принеси спайсовый напиток!?

Она заколебалась.

— Делай, как он говорит, Сабиха, — сказал Лито.

Она вскочила на ноги, развернулась всем телом, воззрилась на него, не в силах оторвать взгляда от его лица.

— Ты знаешь ее? — спросил Муриз.

— Это племянница Намри. Она провинилась в Джакуруту, и ее направили сюда.

— Намри? Но...

— Либан вахид, — сказал Лито.

Она метнулась мимо них, выскочила за дверь, и они услышали звук ее бегущих ног. — Далеко она не уйдет, — сказал Муриз. Он коснулся пальцем ноздри. -Родственница Намри, гм. Интересно. В чем она провинилась?

— Даля мне сбежать, — Лито повернулся и пошел следом за Сабихой. Он нашел ее стоящей на краю канала. Подойдя и встав рядом с ней, он поглядел на воду. Им слышно было, как перекликаются и трепещут крыльями птицы в веерных пальмах неподалеку. Со стороны рабочих, убирающих песок, доносились скребущие звуки. Лито стоял так же неподвижно, как и Сабиха, глядя вниз, на глубокую воду и отражения в ней. Уголком глаза он видел голубых длиннохвостых попугаев среди широких листьев пальм. Один из них перелетел через канал и полетел точно над серебряным водоворотиком хищной рыбы, разглядывая свое отражение — двигались они настолько синхронно, как будто и птица, и хищник плыли в одной среде.

Сабиха прочистила горло.

— Ты меня ненавидишь, — сказал Лито.

— Ты опозорил меня. Ты опозорил меня перед моим народом. Они собрали Иснад и отправили меня сюда, чтобы здесь я лишилась своей воды. И все из-за тебя.

Прямо позади них рассмеялся Муриз.

— Теперь ты видишь, Лито-Батигх, у нашей Духовной Реки много жертвователей.

— Но моя вода течет в твоих жилах, — повернулся к нему Лито. -Никакой жертвы. Сабиха — судьба моего видения, и я следую за ней. Я бежал через пустыню, чтобы здесь, в Шулехе, найти свое будущее.

— Ты и... — указав на Сабиху, он расхохотался, запрокинув голову.

— Это будет не так, как кто-либо из вас способен поверить, — ответил Лито. — Запомни это, Муриз. Я нашел следы своего червя, — и слезы навернулись ему на глаза.

— Он отдает свою воду мертвым, — прошептала Сабиха.

Даже Муриз благоговейно воззрился на Лито. Свободные никогда не плачут, если только не подносят кому-то или чему то драгоценнейшего дара своей души. Почти смущенный, Муриз застегнул застежку надо ртом и натянул низко на лоб капюшон своей джебаллы.

Лито, посмотрев поверх него, сказал:

— Здесь, в Шулохе, до сих пор молятся о росе на краю пустыни. Ступай, Муриз, и молись о Кразилеке. Обещаю тебе, он придет.

Глава 51

Речь Свободных отличается большой сжатостью, точностью выражаемого смысла. За ней — подразумеваемая иллюзия абсолютного. Ее предложения — плодородная почва для абсолютных религий. Более того, Свободные обожают морализовать. Через отстоявшиеся высказывания они противостоят ужасающей нестабильности всех вещей. Они говорят: «Мы знаем, что нет предела количеству накапливаемых знаний — завершенность знания является прерогативой Бога. Но все, что человек может выучить, он может и вместить». Из этого как ножом обрезающего взгляда на мироздания они выкраивают фантастическую веру в приметы и знаменья и в собственную судьбу. Таковы истоки их легенды о Кразилеке — о войне при конце света.

Закрытый Отчет Бене Джессерит, досье 800881.

— Теперь он у них, в надежном месте и в безопасности, — сказал Намри, через квадратное каменное помещение улыбаясь Гурни Хэллеку. — Можешь доложить об этом своим друзьям.

— Где это безопасное место? — спросил Хэллек. Тон Намри ему не нравился, но его сдерживали приказания леди Джессики. Проклятая колдунья! В ее объяснениях нельзя было выудить никакого смысла — кроме предостережения о том, что может произойти, если Лито не удастся стать хозяином над своими жуткими памятами.

— В безопасном месте, — повторил Намри. — Это все, что мне позволено тебе сообщить.

— Откуда ты это знаешь?

— Получил дистранс. С ним Сабиха.

— Сабиха. Да она просто даст ему...

— Не на этот раз.

— Ты собираешься убить его?

— Не мне уже это решать.

Хэллек скорчил гримасу. ДИСТРАНС. Krakova дальность полета у этих проклятых пещерных летучих мышей? Он часто видел, как они легко и бесшумно летят через пустыню, переносчики тайных посланий, запечатленных в их попискиваниях. Но какова дальность их перелетов на этой адской планете?

— Я должен сам его увидеть, — заявил Хэллек.

— Этого не дозволено.

Хэллек сделал глубокий вздох, чтобы сохранить спокойствие. Он провел два дня и две ночи в ожидании отчета о розысках. Теперь было уже следующее утро, и он чувствовал, как все тает его влияние на окружающее, оставляя его обнаженным. Да он никогда и не любил командовать. Командующий должен ждать, пока другие сделают все интересное и опасное.

— Почему не дозволено? — спросил он. Контрабандисты, обустроившие для себя этот съетч, слишком много вопросов оставляли без ответа, и он не хотел больше, чтобы и Намри играл в такие же игры.

— Есть мнение, что, увидев тот съетч, ты увидишь слишком много, ответил Намри.

Хэллек, расслышав угрозу, с небрежной расслабленностью занял позу опытного бойца, рука близко от ножа, но не на ноже. Ему бы очень хотелось иметь защитное поле, но оно исключалось — во-первых, из-за его действия на червей, и, во-вторых, из-за того, что в атмосфере, насыщенной статическим электричеством, порождавшимся бурями, оно очень быстро выходило из строя. — Скрытность не входила в условия нашей сделки, — сказал Хэллек.

— Убей я его, это вошло бы в условия нашей сделки? — сказал Намри.

И опять Хэллек ощущал козни невидимых сил, о которых леди Джессика его не предупреждала. Проклятый ее план! Может быть, правильно, что не надо доверять никому из Бене Джессерит. И он тут же почувствовал себя изменником. Она объяснила ему проблему, и он взялся действовать по ее плану, так и предполагая, что в этот план, как и в любой другой, действительность потребует внесения поправок. И не было ничего общего с Бене Джессерит — была леди Джессика из рода Атридесов, никем другим никогда для него не являвшаяся, кроме как другом и опорой. Без нее он так и плыл по воле волн в мире поопасней того, в котором он обитает теперь.

— Ты не можешь ответить на мой вопрос, — проговорил Намри.

— Ты должен был убить его только в том случае, если бы в нем явно проявились... одержимость, — проговорил Хэллек. — Богомерзость.

Намри поднял кулак к правому уху.

— Твоя госпожа знала, что мы подвергнем его проверкам на этом. Мудро было с ее стороны передать суд в мои руки.

Хэллек разочарованно поджал губы.

— Ты слышал, что сказала мне Преподобная Мать, — продолжал Намри. -Мы, Свободные, понимаем таких женщин, но вы, люди других миров, их никогда не поймете. Женщины Свободных часто посыпают своих сыновей на смерть. Хэллек заговорил все еще плохо слушающимися губами:

— Ты извещаешь меня, что ты его убил?

— Он жив. Он в безопасном месте. Он продолжает получать спайс.

— Но я должен доставить его к бабушке, если он выживет, — сказал Хэллек.

Намри только плечами пожал.

Хэллек понял, что это единственный ответ, на который он может рассчитывать. Проклятье! Он не может вернуться к Джессике, не имея ответов на такие вопросы. Он покачал головой.

— Зачем спрашивать о том, чего ты не можешь изменить? — спросил Намри. — Тебе хорошо платят.

Хэллек грозно взорвался на него. Свободные! Они считают, будто все иностранцы падки прежде всего до денег. Но Намри говорил о большем, чем просто о предубеждениях Свободных. Здесь трудились другие силы, и это было ясно тому, кто свое обучение прозрел под наблюдением Бене Джессерит. Все это попахивало интригой внутри интриги внутри интриги...

Принимая оскорбительно фамильярный тон, Хэллек сказал:

— Леди Джессика будет в ярости. Она может послать когорты против...

— Занадик! — выругался Намри. — Ты, официальный гонец! Держись подальше от Мохалаты! Я с удовольствием отдаю твою воду Благородному Народу!

Хэллек положил руку на нож, приготовил левый рукав, где у него был спрятан маленький сюрприз для нападающих.

— Не вижу разбрязганной здесь воды, — сказал он. — Наверно, ты ослеплен своей гордостью.

— Ты живешь, потому что я хотел, чтобы ты узнал перед смертью: твоя леди Джессика не пошлет когорты против кого бы то ни было. Тебе не проскользнуть тихой сапой в Хуануи, ты, отбросы другого мира. Я — из Благородного Народа, а ты...

— А я просто слуга Атридесов, — мягко заметил Хэллек. — Мы — те самые отбросы, что сняли ярмо Харконненов с вашей вонючей шеи.

У Намри так перекосило лицо, что зубы обнажились.

— Твоя госпожа — пленница на Салузе Второй. Приказы, которые, по-твоему, идут от нее, поступают от ее дочери.

С крайним усилием, но Хэллек сохранил свой голос бесстрастным.

— Неважно. Алия...

Намри вытащил свой криснож.

— Что ты знаешь о Чреве Небесном? Я — ее слуга, ты, шлюха среди мужчин. По ее повелению забираю я твою воду! — и он с безрассудной прямотой кинулся через комнату.

Хэллек не дал себя обмануть такой притворной неуклюжестью, взмахнул левым рукавом своей робы, высвобождая дополнительный кусок плотной материи, подшитой к нему, — и нож Намри увяз в этой материи. Тем же движением Хэллек закинул на голову Намри складки своей одежды и ударил ножом под это покрывало точно тому в лицо. Он почувствовал, что удар его достиг цели, когда тело Намри стукнулось о Хэллека твердой поверхностью надетого под робой металлического доспеха. Свободный испустил лишь один вопль ярости, запрокинулся назад и упал. Он лежал, кровь

хлестала у него изо рта, какое-то время его глаза еще смотрели на Хэллека, потом медленно потускнели.

Хэллек выдохнул воздух сквозь губы. Как мог этот дурак Намри рассчитывать, будто хоть кто-то заметит надетого под робой доспеха? Убирая рукав-ловушку, вытирая нож и вкладывая его в ножны, Хэллек обратился к трупу:

— Как, по-твоему, обучены мы, СЛУГИ Атридесов, дурак?

Он глубоко вздохнул, задумавшись: «Ну, ладно. Чьей же интриги я отвлекающая завеса?» В словах Намри вполне могло быть сколько-то правды. Джессика в плену у Коррино, Алия плетет собственные козни. Джессика неоднократно предупреждала, что Алия — враг, но вот своего пленения она не предвидела. Однако, у него есть ее приказы, и он будет им повиноваться. Во-первых, необходимо поскорее убраться из этого места. Хорошо, что один закутанный Свободный похож на другого. Он закатил тело Намри в угол, забросил его подушками, передвинул коврик, прикрывая кровь. Когда это было сделано, Хэллек приладил носовую и ротовую трубки своего стилсьюта, надел маску, как всякий, готовящийся выйти в пустыню, поглубже натянул капюшон и вышел в длинный коридор.

«Невиновные ходят беззаботно», — подумал он, принарывливая шаги под этакую небрежную походочку. «И я расскажу ей это, если ее увижу». Потому что если слова Намри правдивы, то действует опаснейший встречный план. Алия недолго позволит ему оставаться в живых, если его поймает, но всегда есть Стилгар — порядочный Свободный, с суевериями порядочного Свободного. Джессика ему объяснила: «На естественную натуру Стилгара наложен лишь очень тонкий слой цивилизованного поведения. И вот как снять с него этот слой...?

Глава 52

Дух Муад Диба — это больше, чем слова, больше, чем буква Закона, возвышающего его имя. Муад Диб всегда должен быть внутренней яростью против самодовольно могучих, против шарлатанов и догматических фанатиков. Именно эта внутренняя ярость и должна говорить, потому что Муад Диб учил нас одному превыше всего прочего: что люди могут выжить только в братстве общественной справедливости.

Договор Федайкинов.

Лито сидел, прислоняясь спиной к стене хижины, глаза на Сабихе, внутренним зрением следя за разматывающейся нитью своего видения. Сабиха приготовила кофе и отставила его в сторону. Теперь она сидела на корточках напротив него, помешивая вечернюю трапезу, кашу, приправленную меланжем. Руки ее проворно управлялись с ковшом и с жидкостью цвета индиго, оставлявшей следы на краях чаши. Она склонила свое худое лицо над чашей, размешивая концентрат. Грубая перепонка, составлявшая стилтент хижины, прямо позади нее имела заплату из более светлого материала, и возникал серый ореол, на который падала тень Сабихи, танцуя в помаргивающем свете огня, на котором готовился ужин, и единственной лампы.

Лампа заинтриговала Лито. Народ Шулоха был расточителен со спайсовым маслом. Лампа, а не глоуглоб. Они владели рабами-отверженными, на тот момент, о котором рассказывается в историях о самых старых обычаях Свободных. И при том пользовались орнитоптерами и современнейшими спайсоуборщиками. Жестокая смесь древности и современности.

Сабиха пододвинула ему чашу с кашей, загасила огонь.

Лито не обратил внимания на чашу.

— Меня накажут, если ты это не съешь, — сказала она.

Лито взорвался на нее, думая: «Если я убью ее, разобьется одно видение. Если я расскажу ей о планах Муриза, разобьется другое видение. Если я буду дожидаться здесь отца, это видение-ниточка станет мощным канатом».

Он мысленно рассортировал ниточки. В некоторых было обаяние, не дававшее ему покоя. Одно из будущих — с Сабихой — обладало в его представлении соблазняющей реальностью. Оно угрожало перекрыть все остальные, пока он мучительным усилием не отделался от него.

— Почему ты так на меня смотришь? — спросила она.

Он так и не ответил.

Она пододвинула чашу поближе к нему.

Лито попробовал сглотнуть сухим горлом. Побуждение убить Сабиху нарастало в нем. Он даже задрожал. Как легко было бы разбить одно видение — и выпустить все остальные на свободу!

— Муриз это велит, — сказала она, касаясь чаши.

Да, Муриз это велит. Суеверие побеждает повсюду. Муриз хочет, чтобы ему истолковывали его видения. Он — как древний дикарь, просящий ведьминого доктора бросить бычьи кости и истолковать их расклад. Муриз забрал стилсьют пленика «из чистой предосторожности». Здесь была коварная шпилька в адрес Намри и Сабихи. Мол, «только дураки дают пленикам сбежать».

Хотя у Муриза есть глубокая эмоциональная проблема. Духовная Река. Вода пленика течет в жилах Муриза. Муриз ищет повода, который позволил бы ему убить Лито.

«Каков отец, таков сын», — подумал Лито.

— Спайс только даст тебе твои видения, — сказала Сабиха. От его долгого молчания ей стало не по себе. — У меня самой много раз бывали видения во время оргий. Они ничего не значат.

«Вот оно!» — подумал он, тело его напряглось в неподвижности, от которой его кожа почудилась ему холодной и влажной. Тренировка Бене Джессерит овладела его сознанием, направленный свет, врачающийся над ним, чтобы озарить полыхающим светом видение о Сабихе и о всех ее отверженных собратьях. Древнее наставление Бене Джессерит было ясным:

«Языки конструируются для того, чтобы отражать особости на путях жизни. Каждая особость может быть опознана по словам, их допускаемым толкованиям и конструкции предложения. Ищи перемычки. Особости представляют те места, где жизнь остановлена, где движение запрежено и заморожено». Затем он увидел Сабиху, обладательницу видений, принадлежащих ей по праву, и

всех других людей носителями той же силы. И все же она с презрением относилась к своим навеваемым спайсом видениям. Они вызывали отвращение и, следовательно, должны были быть отодвинуты в сторонку, умышленно позабыты. Они молились о росе на краю пустыни, потому что влага ограничивала их жизни. А еще они купаются в богатстве спайса и заманивают песчаную форель к открытых каналам. Сабиха относится к его провидческим видениям пренебрежительно и неточно, и все же внутри ее слов он видел путеводные огоньки: она зависит от абсолютностей, стремится к конечным пределам, и все потому, что не может справиться с суровостью тех жестоких решений, что затрагивают ее собственную плоть. Она цепляется за одноглазое видение мира, может быть, замкнутое, как шар, и с замороженным временем, потому что альтернативы ее устрашают.

Напротив, Лито ощущает чистое движение самого себя. Он — мембрана, собирающая бесконечные измерения и, поскольку ему видимы эти измерения, он может принимать жестокие решения.

«Как делал мой отец».

— Ты должен это съесть! — с раздражением сказала она Лито разглядев весь узор своих видений, и знал теперь, по какой ниточке он должен двигаться. «Моя кожа не моя собственная». Он встал, замотался в балахон. Без стилсьюта, защищающего тело, прикосновение одежды оставляло странное ощущение. Он стоял босиком на полу из плавленной спайсовой ткани, ощущая прорвавшиеся внутрь песчинки.

— Что ты делаешь? — спросила Сабиха.

— Воздух здесь плох. Я выйду наружу.

— Ты не сумеешь бежать, — сказала она. — В каждом каньоне есть свой червь. Если ты выйдешь за канал, червь учуяет тебя по твоей влаге. Эти плененные черви очень бдительны — совершенно непохожи на тех, кто в пустыне. Кроме того... — как же злорадно звучал ее голос! — На тебе нет стилсьюта.

— Тогда чего же ты боишься? — спросил он, гадая, сумеет ли спровоцировать ее на правдивый ответ.

— Чтобы тебя не съели.

— И тебя накажут.

— Да!

— Но я уже перенасыщен спайсом. Видение каждый миг, — он указал босой ногой на чашу. — Выплюси это в песок. Кто узнает?

— Они следят, — прошептала она.

Он покачал головой, устранив ее из своих видений, чувствуя, как новая свобода обволакивает его. Нет нужды убивать эту бедную пешку. Она танцует под чужую музыку, не зная даже па, веря, что она все еще сможет разделить ту власть, что соблазняет голодных пиратов Шулоха и Джакуруту. Лито подошел к дверному замку, положил на него руку.

— Когда придет Муриз, — сказала она, — он очень рассердится, что...

— Муриз — торговец пустотой, — ответил Лито. — Моя тетка его обезводила.

Она поднялась на ноги.

— Я пройдусь с тобой.

И он подумал: «Она помнит, как я от нее сбежал. Теперь она явствует, до чего слабой хваткой меня удерживает. Ее видения волнуются внутри нее». Но она не прислушается к этим видениям. Ей надо лишь поразмыслить: а как он может перехитрить плененного червя в узком проходе? Как он сможет жить в Танцеруфте без стилсьюта или фремкита?

— Я должен побывать один, чтобы посоветоваться со своими видениями, сказал он. — Останься здесь.

— Куда ты пойдешь?

— К каналу.

— Ночью косяком пойдет песчаная форель.

— Она меня не съест.

— Червь порой доходит до самого канала. Если ты пересечешь канал... она осеклась, чтобы выразить как бы угрожающий смысл своих слов. — Как я смогу взобраться на червя без крючев? — спросил он, гадая, не сохранились ли в ней все же крохи от ее видений.

— Ты поешь, когда вернешься? — спросила она, опять приседая на корточки перед чашей, чтобы взять черпачок и еще раз помешать похлебку цвета индиго.

— Всему свое время, — сказал он, зная, что она не в состоянии будет распознать тонкое воздействие Голоса — через внушающую силу которого он превращал свои собственные желания в ее решения.

— Муриз придет и проверит, было ли у тебя видение, — предупредила она.

— С Муризом я разберусь по-своему, — сказал он, отмечая, какими медленными и тяжелыми стали ее движения. В том, как он ею сейчас управлял, отражалась естественная склонность всех Свободных, народа необычайно энергичного на рассвете, но часто одолеваемого глубокой летаргической меланхолией при наступлении тьмы. Ее уже клонило в сон и в сновидения.

И Лито один вышел в ночь.

В небе мерцали многочисленные звезды, и ему видны были громады окружающих круч на фоне звездного неба. Он под пальмами прошел к каналу. Долгое время Лито сидел на корточках у края канала, прислушиваясь к шипению песка в каньоне за водной преградой. Червь маленький, судя по звуку, — несомненно, по этой причине и пойман. Маленького червя легче перевозить. Он подумал о способе ловли червя: охотники глушат его водяным туманом, используя старый метод Свободных, добывающих червя для оргии-обряда преображения. Но этот червь не будет убит окупанием. Он отправится на хайлайнера Союза к какому-нибудь полному надежд покупателю, пустыня которого почти наверняка окажется слишком влажной. Очень немногие представители других миров понимают, какова же должна быть сухость Арракиса, чтобы там сохранился червь. СОХРАНИЛСЯ — почти в прошедшем времени. Потому что даже здесь, в Танцеруфте, воздух был насыщен влагой во много раз больше, чем когда-либо ведал любой червь — разве что погибая в цистерне Свободных.

Он услышал, как в хижине позади него двигается Сабиха. Она была обеспокоена, язвима своими подавленными видениями. Он по недоумевал, каково это было бы быть вне видений вместе с ней, принимая каждый наступающий миг совместно и как существующий сам по себе. Эта мысль привлекла его намного больше, чем любое из навеянных спайсом видений. Была некая ясность в том, чтобы жить лицом к неизвестному будущему.

«Поцелуй в съетче стоит двух в городе».

Так говорила старая аксиома Свободных. В традиционном съетче узнаваемое дикарство смешивалось с застенчивостью. Следы этой застенчивости были в людях Джакуруту и Шулоха — но только следы. Он опечалился, уяснив до конца, что же именно теперь потеряно.

Медленно, так медленно, что он полностью понял это прежде, чем сам успел сообразить, его сознание наполнилось шуршанием многих тварей вокруг него.

«Песчаная форель».

Вскоре наступит время перейти от одного видения к другому. Он ощупал движение форели, как движение внутри себя. Свободные прожили целые поколения бок о бок со странными созданиями, зная, что стоит пожертвовать на приманку хоть каплю воды, и эти создания можно заманить в пределы своей досягаемости. Многие Свободные умирали от жажды, рискуя своими последними немногими каплями поставленной на карту воды, зная, что вытягиваемый из форели сладкий зеленый сироп может хоть немного прибавить сил. Но, в основном, песчаная форель — это для детей, играючи ловящих ее ради Хуануи. И для забавы.

Лито содрогнулся при мысли, какую же ЗАБАВУ это означает для него сейчас.

Он почувствовал, как одна из форелей скользнула по его босым ногам, заколебалась, потом пустилась дальше, привлеченная много большим количеством воды в канале.

За мгновение, однако, он понял, что его жуткое решение осуществимо. «Форельная перчатка». Детская игра. Если держишь форель в руке, разглаживая ее по своей коже, то она образует живую перчатку. Следы крови в порах кожи ощущимы для этих созданий, но почему-то все связанное с водой крови их отталкивает. Раньше или позже, перчатка соскальзывает на песок, и ее подбирают в корзинку из спайсового волокна. Спайс утихомириивает их до тех пор, пока их не топят в водосборнике смерти.

Ему слышно было, как форель сыплется в канал, как бурлит вода вокруг пожирающих ее хищных рыб. Вода размягчает песчаную форель, делает ее податливой. Дети рано это усваивают. Плевок на

форель — и из нее исторгается сладкий сироп. Лито прислушался к плеску. Мигрирующая форель добралась до открытой воды, но не могла вобрать в себя струящийся канал, охраняемый хищными рыбами.

Но она все шла — и все так же с плеском шлепалась в воду.

Лито пошарил правой рукой по песку, пока его пальцы не наткнулись на кожистую форель. Как раз такая большая, какую ему хотелось. Она не попыталась от него ускользнуть, наоборот, с жадностью полезла на его тело. Он свободной рукой на ощупь изучил ее форму — нечто, напоминающее алмаз. Ни головы, ни выступов, ни глаз, и все же воду находит безошибочно. Вместе со своими собратьями она может слипаться телом к телу, одна за другой становясь частью грубых переплетений плотно сжимающейся реснички, пока все целое не превратится в единый сосущий организм, поглощающий в себя воду, отгораживающий «яд» от гиганта, которым станет песчаная форель — от Шай-Хулуда.

Песчаная форель извивалась у него на груди, вытягиваясь и удлиняясь. При этих ее движениях он ощутил, как вытягивается и удлиняется и избранное им видение. «Эта ниточка, а не та». Он почувствовал, как песчаная форель становится все тоньше, все больше и больше распространяясь на его руку. Ни одна форель еще не встречала руки, подобной этой, так перенасыщенной спайсом. Ни один человек еще не жил и не мыслил и подобных условиях. Лито тонко подрегулировал свой энзимный баланс, со светлой уверенностью, обретенной им после того, как это было проиграно в видении транса. Знания бесчисленных жизней, сливавшиеся внутри него, обеспечили надежность и точность всех его действий, защитили от смерти от передозировки, которая бы поглотила его, если б он хоть на долю секунды ослабил внимание. И, одновременно, он сливался с форелью, впитывая ее, обильно ее подкармливая, изучая ее. Он действовал точно по лекалу своего видения.

Он почувствовал, как форель делается все тоньше, все больше растекаясь по руке, взобравшись уже не предплечье. Он поймал еще одну, положил поверх первой. При соприкосновении по двум созданиям прокатились возбужденные корчи. Ресничка сцепилась, и они стали единой пленкой, по локоть обволокшей его руку. Ну, в точности живая перчатка детской игры, но теперь тоньше и чувствительней, подавшаяся на его приманку, занимая свое место в симбиозе с его кожей. Он опустил руку в живой перчатке, ощупал песок, отчетливо чувствуя каждую песчинку. Это уже не форель, то, что выходит — это крепче, сильнее, и будет делать все сильней и сильней... Его шарящая рука наткнулась еще на одну форель, внахлест примкнувшую к первым двум и приспособившуюся к новой роли. Кожистая мягкость уже одела всю его руку вплоть до плеча.

С жуткой до небывалости концентрацией он достиг единства своей новой кожи со своим телом, предотвратил отторжение. На это потребовалось все его внимание, и ни уголка не осталось в мозгу, где могло бы сохраниться осознание устрашающих последствий делаемого им. Только то, что видение его транса представило необходимым, имело значение. Золотая Тропа могла отвориться только после того испытания.

Лито скинул одежду и обнаженным лег на песок, протянув одетую в перчатку руку на пути мигрирующей форели. Он припомнил, как однажды они с Ганимой поймали песчаную форель и терли ее о песок до тех пор, пока та не превратилась в «червя-детеныша» — жесткую трубочку, налитую изнутри зеленым сиропом. Только аккуратно надкуси и быстро выпей — пока укус не затянется, спасая хоть немногие капли.

Они были теперь по всему его телу. Он чувствовал, как пульсирует его кровь под этой живой оболочкой. Одна попыталась закрыть ему лицо, но он грубо ее покрутил, пока она не вытянулась в тонкую трубочку — удлинилась намного больше червя-детеныша, оставаясь при этом гибкой. Лито надкусил ее кончик и стал смаковать тонкую струйку сиропа, которого вытекло намного больше, чем когда-либо приходилось отведывать Свободному. Он почувствовал, как энергия сиропа разливается по его телу. Его охватило занятное возбуждение. Некоторое время он был занят тем, что отвертывал от лица наползающую пленку, пока не получилось окоченевшей кромки, замкнувшейся в круг от лба до челюсти и оставляющей его глаза открытыми.

Теперь надо испытать видение.

Он встал на ноги, повернулся, чтобы побежать назад к хижине — и обнаружил, что бежит так быстро, что не в состоянии сохранять равновесие. Он рухнул в песок, перекувыркнулся и вскочил на ноги. Прыжок на дна метра вознес его над песком — а когда он, приземлившись, попробовал просто идти, то опять-таки он двигался слишком быстро.

«Стоп!» — велел он себе, и погрузился в расслабляющее прана-бинду, собирая все свои ощущения в пруд своего сознания. Пробежала внутренняя рябь ТЕПЕРЬ-ПОСТОЯННО, через которую он вживе ощущал Время, и возвышенный восторг видения его согрел. Оболочка работала в точности так, как предсказало видение.

«Моя кожа — не моя собственная».

Но его мускулам надо было немного потренироваться, прижиться к усилению любого движения. Когда он пошел, он упал и покатился. Вскоре он сел. В спокойствии кайма под его челюстью попыталась стать пленкой и закрыть ему рот. Он плонул на нее и ее надкусил, отведал сладкого сиропа. Потом рукой закрутил ее вниз.

Прошло достаточно времени, чтобы возникло единство его новой кожи с его телом. Лито вытянулся на спине, перевернулся на живот. Затем он пополз, царапая оболочкой по песку. Он отлично ощущал песок, но ничто не царапало его собственного тела. Сделав лишь несколько плавательных движений, он одолел пятьдесят метров песка. От трения по телу разлилось тепло.

Пленка больше не пыталась закрыть его нос и рот, но теперь ему предстоял второй значительный шаг к Золотой Тропе. Его упражнения вывели его за канал, в каньон, где находился пойманный червь. Он услышал, как червь приближается с шипящим свистом, привлеченный его движениями.

Лито вскочил на ноги, намереваясь встать и подождать, но это движение послало его метров на двадцать вглубь каньона. Невероятных усилий стоило контролировать свои реакции, он опять присел на корточки, выпрямился. Теперь прямо перед ним начал пухнуть песок, вздымаясь чудовищным завитком, освещенным лунным светом. Песок разошелся перед ним на расстоянии всего в два его роста. В тусклом свете полыхнули кристальные зубы. Он увидел, как разверзается рот-пещера, далеко в глубине которой тягуче шевелилось тусклое пламя. Всепобеждающий аромат спайса захлестнул его. Но червь остановился. Он продолжал стоять перед Лито, когда из-за круч вышла Первая луна. Ее свет отразился на зубах твари, окаймлявших пламенные отсветы горения химических реакций внутри нее.

Так глубоко был в нем закоренелый страх Свободных, что Лито просто с места срывало желание удрать. Но его видение удержало его в неподвижности, в очарованности этим затянувшимся моментом. Еще ни один, стоявший так близко к пасти живого червя, не уцелел. Лито тихо двинул правую ногу, зацепился за песчаный бугорок и, среагировав слишком сильно, полетел прямо к пасти червя. Он остановился, упав на колени. Червь так и не шевельнулся. Он чувствует только форель, и не станет нападать на эту глубоко-песочную ядовитую штукку, его родню. Червь нападет на другого червя, посягнувшего на его территорию, или пожалует на обнаженный спайс. Только водный барьер его останавливает — а песчаная форель, живая капсула воды, и есть такой водный барьер.

Ради эксперимента Лито протянул руку к наводящей благоговейной ужас пасти. Червь подался назад на целый метр.

К Лито вернулась уверенность, и он, отвернувшись от червя, принялся обучать свои мускулы жить с этой новой заключенной в них силой. Он осторожно прошелся назад к каналу. Червь позади него оставался недвижим. Когда Лито оказался за водной преградой, он подпрыгнул от радости, пролетел метров десять над песком в парящем полете, шлепнулся, перекувырнулся и расхохотался.

Приоткрылся затвор хижины, на песок упал яркий свет. Сабиха, стоя в ореоле желто-сиреневого свечения лампы, возвзрилась на него.

Смеясь, Лито опять перебежал через канал, остановился перед червем и, протянул руку, повернул лицо к Сабихе:

— Смотри! — окликнул он. — Червь слушается моих повелений!

Пока она стояла, окаменев от шока, он развернулся и бегом промчался мимо червя вглубь каньона. Приобретя кой-какой опыт в своей новой коже, он уже выяснил, что может бежать, лишь совсем чуть-чуть сгибая мускулы.

Усилий почти не требовалось. Когда он бежал, прилагая усилие, то взмывал так, что его незащищенное лицо обжигал ветер. В глухом конце каньона он не остановился, а подпрыгнул метров на пятнадцать вверх, вцепился в обрыв и пополз наверх как насекомое. Он вылез на гребень Танцеруфта.

Перед ним простиралась пустыня в лунном свете — бескрайними серебрящимися волнами.

Маниакальный восторг Лито приулегся.

Он присел на корточки, чувствуя потрясающую легкость тела. После проделанного им физического упражнения он покрылся тонкой пленочкой пота, которую стиснули впитал бы и прогнал через влагоемкую прокладку, удаляющую соли.

Теперь пот исчез, как только он расслабился, мембрана поглотила его быстрее любого стилсьюта. Лито, задумавшись, развернул рулончик оболочки под губой, засунул его в рот, отпил сиропа.

Вот рот его не закрыт. Чутким разумом Свободного он ощущал, как влага его тела теряется через

рот. Лито натянул оболочку себе на рот, закатал ее край, попытавшийся запечатать ноздри, и держал так, пока ограничивающая ее свернутая трубочка не осталась на месте. В пустыне он дышал уже автоматически по принципу: вдох через нос, выдох через рот. Оболочка над его ртом вздулась маленьким пузырьком, но осталась неподвижной. Не теряется ни крупицы влаги, собирающейся в носу и на губах. Значит, он все теперь приспособил.

Между Лито и луной пролетел топтер, сделал вираж, опустился на широкую посадочную площадку на вершине, метрах в ста слева от Лито. Лито глянул на него, отвернулся, поглядел на тот путь, которым он взобрался из каньона. Внизу, у канала, виднелось множество огней, различалось мельтешение большой толпы. Он услышал далекие выкрики, звучавшие с различимой истерией. От топтера к нему приближались двое. Лунный свет блестел на их оружии.

«Машхад», — подумал Лито, и это была печальная мысль. Отсюда — его гигантский скачок на Золотую Тропу. Он надел живой, саморемонтирующийся стилсьют из мембранный песчаной форели, вещь неизмеримой ценности на Арракисе... пока не поймешь уплаченную цену. «Я больше не человек. Легенды об этой ночи будут расти и раздуваться до неузнаваемости среди всех, кто ее застал. Но она будет правдой, эта легенда».

Он поглядел вниз, прикинул, что уровень пустыни метрах в двухстах внизу. Луна высвечивала выступы и трещины на крутой поверхности, но никакой непрерывной тропки. Лито встал, сделал глубокий вдох, взглянул на приближающихся мужчин и прыгнул в воздух. Примерно тридцатью метрами ниже его согнутые ноги наткнулись на узкий выступ. Усиленные мускулы погасили удар и, спружинив, направили его полет в сторону, до другого выступа, который он задел руками, отскочил еще метров на двадцать вниз, наскочил опять руками — на следующий выступ и опять пошел вниз, отпружинивая, прыгая, хватаясь за крохотные выступы. Наконец, заключительные сорок метров он одолел одним прыжком, приземлился кувырком, поджимая колени, вонзился в покатый склон дюны, подняв тучи песка и пыли. У подножия дюны он поднялся на ноги, одним прыжком взлетел на гребень следующей дюны. Он услышал хриплые крики с вершины обрыва, но проигнорировал их, сосредоточясь на широких прыжках с вершины на вершину дюны.

Побольше приспособясь к новой силе своих мускулов, он испытал чувственную радость от того, что в предвидениях не было того, насколько пожирающими расстояние станут его движения. Он был пулей пустыни, таким вызовом Танцеруфту, который никто до него не бросал.

Когда он решил, что двое из орнитоптера достаточно оправились от шока, чтобы возобновить преследование, он нырнул на теневую сторону дюны и зарылся там. Для его новых мускулов песок был как тягучая жидкость, вот только температура опасно поднималась, когда он рыл слишком быстро. Он вышел наружу с другого конца дюны и обнаружил, что мембрана закрыла его ноздри. Удаляя ее, он ощущал, как пульсирует его новая кожа, вовсю трудясь, чтобы поглотить его пот.

Лито пристроил себе в рот трубочку, отпил сиропа, глядя вверх на звездное небо. По его подсчетам, он был километрах в пятнадцати от Шулоха. Вскоре на фоне звезд возникли очертания топтера, огромной птицы, а за ней еще и еще одной. Он услышал тихо присвистывание их крыльев, ропот их приглушенных реактивных двигателей.

Потягивая жидкость из живой трубочки, он ждал. Первая луна прошла по своему пути, потом Вторая.

За час до зари Лито выбрался из своего укрытия на гребень дюны, оглядел небо. Никаких охотников. Теперь он знал, что вступил на тропу, в которой нет возврата. Впереди Время и Пространство уже подготовили ему ловушку, ради незабываемого урока для него самого и всего человечества. Лито повернулся на северо-восток и пропрыгал еще пятьдесят километров, прежде чем на день зарыться в песок, оставив только крохотный выход на поверхность, через который высовывалась форельная трубочка. Оболочка училась жить с ним одной жизнью точно так же, как он научился жить с ней. Он старался не думать о всем другом, что она совершает с его плотью. «Завтра я совершу набег на Гара Рулен, — думал он. — Я разрушу их канал и выпущу его воду в песок. Затем я пойду на Виндсак, Старое ущелье и Харг. За месяц экологическое преображение будет отброшено назад на целое поколение. Это даст нам время для разработки нового расписания».

И, конечно, дикость мятежных племен будет осуждена. Кое-в-ком проснутся воспоминания о Джакуруту. У Алии будет хлопот невпроворот. Что до Ганимы... Лито беззвучно, одними губами, произнес слова, которые вернут ей память. Время этому позже... если они уцелеют в этом жестоком переплетении нитей.

Золотая Тропа заманчиво простиралась перед ним по пустыне, почти материальная вещь, видимая им открытыми глазами. И он подумал о том, как это бывает: животные должны перемещаться по земле, чтобы существовать, а существование людей зависит от движения души человечества, заблокированной на целые годы, нуждающейся в пути, по которому она сможет двинуться.

Затем он подумал об отце, говоря себе, «Скоро мы обсудим все это как мужчина с мужчиной, и выявится одно-единственное видение».

Глава 53

Пределы выживания задаются климатом, теми долгими течениями медленных изменений, которые поколение может и не заметить. И именно крайности климата являются решающими и наглядными. Одинокие, конечные личности могут наблюдать климатические провинции, ежегодные перепады погоды, случайно отмечать вещи вроде: «Этот год холоднее всего, что на моей памяти». Такие вещи ощущимы. Но люди редко зорки в отношении той усредненной перемены, что происходит за большое количество лет. Но как раз через такие зоркость и чуткость люди учатся, как выжить на любой планете. Они должны изучать климат.

Харк ал-Ада. Арракис, Преображение.

Алия сидела на кровати, скрестив ноги, стараясь успокоить себя Заклинанием Против Страха, но в ее черепе отдавалось насмешливое хихикание, блокировавшее все ее усилия его сказать. Вскоре ей стал слышен голос — он завладел ее ушами, ее умом.

— Что это за чушь? Чего тебе бояться?

Мускулы ее ляжек дрогнули, словно ноги ее пытались пуститься бегом. Но бежать некуда.

На ней был только золотой халат из чистейшего палианского шелка, и он не скрывал припухлостей ее начинавшего полнеть тела. Только что миновал Час Убийц — заря уже близка. Отчеты за последние три месяца лежали перед ней на красном коврике. Ей слышно было жужжение кондиционера, легкий ветерок колыхал таблички на катушках шигавира.

Советники боязливо разбудили ее два часа назад, с новостями о последних потрясениях, и Алия затребовала отчеты, чтобы поискать через них ясное представление о происходящем.

Она отказалась от Литании.

Эти нападения — наверняка работа мятежников. Явно. И все больше и больше из них обращаются против религии Муад Диба.

— Ну, и что тут дурного? — вопросил насмешливый голос внутри нее.

Алия яростно затрясла головой. Намри ее подвел. Дурой она была, что доверилась такому опасному двойному орудию. Ее советники перешептывались, что на очереди обвинение Стилгару, что он скрытый мятежник. И что стало с Хэллеком? Затаился среди своих друзей-контрабандистов? Вероятно.

Она взяла одну из катушек. И МУРИЗ! Этот человек — истерик. Это единственное возможное объяснение. Иначе ей надо поверить в чудеса. Ни один человек, не говоря уже о ребенке (даже о таком ребенке, как Лито) не мог бы прыгнуть с громады Шулоха и уцелеть, удрав после этого в пустыню такими скачками, что переносили его с гребня на гребень дюн.

Алия ощутила под рукой холод шигавира.

Где же тогда Лито? Ганима отказывалась считать его иначе, чем мертвым. Видящая Правду подтвердила ее рассказ: Лито задран Лазанским тигром. Тогда кто же этот ребенок, о котором докладывают Намри и Муриз? Она содрогнулась.

Разрушено сорок кванатов, их вода выпущена в песок. Верные Свободные и даже мятежники — все невежественные суеверы, все! Ее отчеты полны-полны рассказами о загадочных событиях. Песчаная форель прыгает в кванаты и распадается на великое множество своих маленьких копий. Черви умышленно топят себя. Кровь сочится из Второй Луны, падая на Арракис, где она вызывает великие бури. А ведь частота бурь И ВПРАВДУ возрастают!

Она подумала о Данкане, отрезанном в Табре от внешнего мира, раздраженном ограничениями, наложения которых на него она настоятельно потребовала от Стилгара. Он и Ирулэн болтают и еще кое о чем, кроме того, каково ИСТИННОЕ значение всех этих знамений. Дураки! Даже ее шпионы поддаются влиянию этих возмутительных побасенок!

Почему Ганима настаивает на своей истории с Лазанским тигром?

Алия вздохнула. Только одно из сообщений на шигавирах было для нее утешительным. Фарадин прислал отряд своей личной гвардии, чтобы «помочь вам в тревогах и подготовить путь для Официального Обряда Обручения». Алия улыбнулась самой себе и присоединилась к хихиканию, рокотавшему в ее черепе. Этот план, по крайней мере, остается в целости. Надо найти логические объяснения, чтобы развеять всю остальную суеверную чушь.

Тем временем она использует людей Фарадина, чтобы помочь под Шулохом и арестовать известных

диссидентов, особенно среди наибов. Она прикинула, не предпринять ли действий против Стилгара, но внутренний голос остерег ее от этого.

— Пока еще — нет.

— У моей матери и Сестер до сих пор имеется свой собственный план, прошептала Алия. — Почему она тренирует Фарадина?

— Может, он ее возбуждает, — сказал Старый Барон.

— Нет, что ты, такая ледышка?

— Ты не думаешь о том, чтобы потребовать от Фарадина вернуть ее?

— Я знаю опасности этого!

— Хорошо. Между тем. Недавно заходила твоя молодая советница, Зия. Как его звать? Агарвис? Да, Бур Аргавис. Если б ты пригласила его нынче вечером...

— Нет!

— Алия...

— Уже почти заря, ненасытный ты старый дурак! Нынче утром собирается военный совет, жрецы будут...

— Не доверяй им, дорогая Алия.

— Конечно, нет!

— Очень хорошо. Теперь, этот Бур Аргавис...

— Я сказала — нет!

Старый Барон промолчал, но она начала испытывать головную боль. Боль медленно поползла от левой щеки внутрь черепа. Однажды она заставила ее метаться, как безумную, по коридорам, проделав такую штуку. Теперь она твердо решила ему воспротивиться.

— Будешь упорствовать — приму болеутоляющее, — сказала она.

Ему ясно было видно, что она и в самом деле это сделает. Боль начала слабеть.

— Очень хорошо, — с обидой. — Тогда, в другой раз.

— В другой раз, — согласилась она.

Глава 54

Ты разделил песок пустыни, драконам пустыни разбил Ты головы. Да, вижу тебя я зверем, выходящим из дюн, два рожка агнца у тебя, но говоришь ты как дракон.

Пересмотренная Оранжевая Католическая Библия, Appa, II:4.

Непреложным было это пророчество, нитки превращаются в канаты, и Лито теперь казалось, что он знал об этом всю свою жизнь. Он посмотрел вперед за вечерние тени над Танцеруфтом. В ста семидесяти километрах к северу находится Старое Ущелье, глубокая извивающаяся расселина в Защитной стене, через которую первые Свободные мигрировали в пустыню.

В Лито не оставалось сомнений. Он знал, почему он стоит здесь в пустыне, в одиночестве, и с чувством притом, что вся эта страна принадлежит ему, что она должна повиноваться его велению. Он ощущал струну, связывающую его со всем человечеством, и глубинную необходимость мироздания жизненных опытов, придававших ему логический смысл, мироздания принятых регулярностей внутри вечного изменения.

«Я знаю это мироздание».

Червь, доставивший его сюда, явился на притоптывание его ноги, и, восстав перед ним, замер, как послушный зверь. Он вскочил на него и, только при помощи своих обладающих новой силой рук, развел ведущую губу колец червя, чтобы держать его на поверхности. Червь совсем притомился за целую ночь гонки на север. Его кремниево-серная внутренняя «фабрика» работала на полную мощь, щедро выбрасывая клубы кислорода, которые попутный ветер доносил до Лито обволакивающими вихрями. По временам у него начинала от теплых выбросов кружиться голова, и он испытывал странные ощущения. Рефлекторная и круговая субъективность его видений обратилась вовнутрь, на его предков, заставляя его припомнить кусочки его прошлого на Земле, сравнивая затем эти кусочки с его изменившимся «я».

Он уже ощущал теперь, как его все больше уносит от чего-то узнаваемо человеческого. Соблазняем спайсом, который он заглатывает, где только наткнется хоть на самую его чуточку, и оболочка его больше не была песчаной форелью, как и сам он больше не был человеком. Реснички проникли в его плоть, создав новое творение, которому искать теперь свою собственную метаморфозу в грядущих эрах.

«Ты видел это, отец, и отверг это», — подумал он. — «Слишком ужасающее это было, чтобы посмотреть этому в лицо».

Лито знал, что думают о его отце, и почему.

«Муад Диб умер от предвидения».

Но Пол Атридес ушел из мира реальности в алам ал-минал, хоть и живет еще, сбежал от того, на что отважился его сын.

Теперь есть только Проповедник.

Лито присел на корточки и стал неотрывно смотреть на север. Оттуда придет червь, а на нем — двое: юный Свободный и слепец.

Над головой Лито пронеслась стайка мертвенно бледных летучих мышей, держа курс на юго-восток. Они были редкими крапинками в темнеющем небе, и глаз знающего Свободного по направлению их полета способен определить, к какому убежищу лежит их путь. Однако, Проповедник обойдет это убежище сторонкой. Место его назначения — Шулох, где не допускается никаких летучих мышей, чтобы они не привели посторонних к этому тайному месту. Червь появился сперва темным движущимся пятнышком между пустыней и северным ветром. Матар, песочный дождь, принесенный с горных вершин умирающей бурей, на несколько минут скрыл его из виду, затем он стал виден яснее и ближе.

Линия холода у основания дюны, где примостился Лито, начала источать ночную влагу. Он ноздрями попробовал слабую сырость, прикрыл рот пузырящейся чашечкой мембрани. Для него больше не было необходимости охотиться за каждой крохотной капелькой. От своей матери ему досталась в наследство большая кишка Свободных, длиннее и больше обычной, возвращавшая в организм воду из всего, что в нее попадало. Живой стилсьют хватал и усваивал каждую достижимую капельку влаги. Даже сейчас, пока он сидел, его оболочка, коснувшись песка, сразу же выпустила реснички псевдоподы, чтобы запастись до крохи всей энергией, какую они смогут собрать.

Лито присматривался к приближающемуся черви. Он знал, что юный поводырь к этому времени его

уже увидел, заметил темное пятно на вершине дюны.

Наездник не мог определить с расстояния специфику видимого объекта, но Свободные издавна знали, как поступать в таких случаях. Незнакомый объект может быть опасен. Действия юного поводыря были, предсказуемы, никакого предвидения не надо.

Все верно, он чуть изменил курс и поехал прямо на Лито. Гигантские черви были оружием, которым Свободные пользовались множество раз. Черви помогли разбить Шаддама под Арракином. Этот червь, однако же, не стал повиноваться наезднику. Он остановился метрах в десяти, и, как тот его ни понуждал, больше ни на песчинку не продвинулся вперед.

Лито встал, почувствовал, как реснички резко втянулись назад в мембрану. Освободив рот, он окликнул:

— Ахлан, васах-ахлан! — «Добро пожаловать, дважды добро пожаловать!» Слепец стоял на черве позади проводника, одна рука на плече юноши. Он высоко поднял голову, нос устремлен на голову Лито, словно старался унюхать, кто это у них на пути. Закат окрасил оранжевым его лоб.

— Кто это? — спросил слепец, тряся плечо поводыря. — Почему мы остановились? — сквозь затворы стилсьюта его голос звучал гнусаво.

Юноша, боязливо поглядев на Лито, сказал:

— Всего лишь кто-то одинокий в пустыне. По виду, ребенок. Я попробовал направить на него червя, но червь не идет.

— Почему ты ничего не сказал? — вопросил слепец.

— Я думал, это всего лишь кто-то один в пустыне! — запротестовал проводник. — Но это демон.

— Сказано истинным сыном Джакуруту, — заметил Лито. — А вы, достопочтенный отец, вы — Проповедник.

— Да, это я, — и страх был в голосе Проповедника, потому что, наконец, он встретился со своим прошлым.

— Здесь не сад, — сказал Лито. — Но добро пожаловать разделить со мной на сегодня это место.

— Кто ты? — вопросил Проповедник. — Как ты остановил нашего червя? зловещие нотки узнавания были в голосе Проповедника. Он призывает воспоминания о своем альтернативном видении, понимая, что может найти здесь конец.

— Это демон! — протестовал юноша-поводырь. — Мы должны бежать отсюда, или наши души...

— Молчи! — взревел Проповедник.

— Я — Лито Атридес, — сказал Лито. — Ваш червь остановился, потому что я ему приказал.

Проповедник застыл в остолбенелом молчании.

— Пойдем, отец, — сказал Лито. — Слезай, и проведи ночь со мной. Я напою тебя сладким сиропом. Я вижу, у тебя есть фремкит с водой и кувшинами. Мы разделим наши богатства здесь, на песке.

— Лито еще ребенок, — возразил Проповедник. — И, говорят, он погиб по подлости Коррино. В твоем голосе нет детства.

— Ты знаешь меня, Отец, — сказал Лито. — Я мал для своего возраста, как и ты был, но мой опыт древен и мой голос обучен.

— Что ты делаешь здесь, во Внутренней Пустыне? — спросил Проповедник. — Бу джи, — ответил Лито. «Ничего из ничего». Это был ответ скитальца Дзэнсунни, того, кто действует только с позиций отдыха, не прилагая усилий и в гармонии с тем, что его окружают.

Проповедник потряс поводыря за плечо:

— Это ребенок, и вправду ребенок?

— Айджа, — ответил поводырь, бросая на Лито опасливый взгляд.

Глубокий до дрожи вздох вырвался из груди Проповедника.

— Нет, — сказал он.

— Это демон в облике ребенка, — сказал поводырь.

— Вы проведете ночь здесь, — сказал Лито.

— Мы сделаем так, как он говорит, — проговорил Проповедник. Он убрал руку с плеча проводника, соскользнул по боку червя и по его кольцу на песок, чисто отпрыгнув, когда его ноги коснулись земли. Обернувшись, он сказал: — Отгони червя и дай ему потом уйти в песок. Он так устал, что не станет нам докучать.

— Червь не уйдет! — запротестовал поводырь.

— Он уйдет, — сказал Лито. — Но если ты попытаешься бежать на нем, я отдам тебя ему на съедение, — он подошел к сенсорной бровке червя и указал ему в том направлении, откуда они прибыли. — Иди туда.

Юноша хлопнул червя по кольцу позади себя, понукая его, покачнул крюк, державший кольцо открытым. Червь медленно заскользил по песку, повернулся, когда юноша наклонил крюк.

Проповедник, двигаясь на звук голоса Лито, взобрался на дюну и остановился в двух шагах от него. Сделано это было с уверенностью и проворством, поведавшими Лито, что состязание будет нелегким.

Здесь их видения расходятся.

— Сними маску стилсьюта, отец, — сказал Лито.

Проповедник повиновался, откинулся складку своего капюшона и удалил прикрытие со рта.

Зная свой собственный внешний облик, Лито изучал это лицо, так ясно видя черты сходства, как будто они были подчеркнуты светом. Эти черты необъяснимо согласовывались, хоть и не было в них ничего резкого, но нельзя было ошибиться насчет генетической тропинки, на которой они помещались. Именно эти черты унаследовал Лито из дней, полных жужжания и сочащейся воды, из волшебных морей Келадана. Но теперь они стоят на разделяющей их точке Арракиса, и ночь вот-вот падет на дюны.

— Итак, отец, — сказал Лито, глянув налево, где тащился к ним по пескам поводырь, и где был отпущен червь.

— Ну зейн! — и Проповедник резко рубанул воздух правой рукой. «Это не к добру!?

— Кулиш зейн, — мягко ответил Лито. «Только это добро и дано нам когда-либо иметь». И добавил на чакобсе, боевом языке Атридесов. — «Я здесь, и здесь я останусь!» Нам нельзя забывать этого, отец.

У Проповедника поникли плечи. Полузабытым жестом, он поднес обе руки к своим пустым глазницам.

— Однажды я поглядел твоими глазами и изучил твои воспоминания, сказал Лито. Я знаю твои решения, и я побывал в том месте, где прятался ты.

— Знаю, — Проповедник опустил руки. — Ты останешься?

— Ты назвал меня в честь того, что этот девиз вписал в фамильный герб, — ответил Лито. — Дж'и суа, дж'ресте!

Проповедник глубоко вздохнул:

— Как далеко это зашло, то, что ты над собой сделал?

— Моя кожа — не моя собственная, отец.

Проповедник содрогнулся:

— Тогда я знаю, как ты меня здесь нашел.

— Да, я пристегнул свою к память месту, где мое тело никогда не бывало. Мне нужен был вечер со своим отцом.

— Я не твой отец. Я только бедная копия, пережиток, — он повернул голову на звук приближающегося поводыря. — Я больше не обращаюсь к видениям, чтобы узнать свое будущее.

Пока он говорил, тьма накрыла пустыню. Над ними вспыхнули звезды, и Лито тоже повернулся голову

к приближающемуся к ним поводырю.

— Вубак ул кухар! — окликнул Лито юношу. — «Привет тебе!» — Субак ун нар! — последовал ответ.

Проповедник сказал хриплым шепотом:

— Этот юный Ассан Тарик — из опасных... — Все Отверженные опасны, — ответил Лито. — Но не для меня, — он говорил тихо, в разговорной интонации.

— Если в этом твое видение, то я в нем соучаствовать не буду, сказал Проповедник.

— Возможно, у тебя нет выбора, — сказал Лито. Ты — филхаквика, Реальность. Ты — Абу Дхур, отец Бесконечных Дорог Времени.

— Я не больше, чем приманка в ловушке, — сказал Проповедник, и в голосе его была горечь.

— И Алия уже проглотила эту приманку, — сказал Лито. — Но мне не нравится ее вкус.

— Ты не сможешь этого сделать! — прошипел Проповедник.

— Я уже это сделал, отец. Моя кожа — не моя собственная.

— Может, еще не слишком поздно для тебя...

— Слишком поздно, — Лито наклонил голову набок. Ему слышно было, как по склону дюны, на звук их голосов, тяжело взбирается Ассан Тарик. — Привет тебе, Ассан Тарик из Шулоха, — сказал Лито.

Юноша остановился на склоне как раз под Лито, темная тень в звездном свете. В его осанке и в том, как он задирал голову, прочитывалась нерешительность.

— Да, — сказал Лито. — Я — тот, кто бежал из Шулоха.

— Когда я услышал... — начал Проповедник. И повторил: — Ты не сможешь этого сделать!

— Я это делаю. Что значит, если тебя еще раз ослепят!

— Ты думаешь, я этого страшусь? — спросил Проповедник. — Разве ты не видишь чудесного поводыря, которого они ко мне приставили?

— Вижу, — Лито опять повернулся лицом к Тарику. — Ты что, не слышал меня, Ассан? — сказал Лито. — Но ты — мой демон, — и Лито ощущил, как возрастает напряжение между ним и его отцом. Вокруг них велась игра теней, проекции неосознанных обличков. И Лито ощущал воспоминания своего отца нечто вроде пророчества назад, отбирающего видения из устойчивой реальности этого момента.

Тарик почувствовал это, эту битву видений. Он скользнул на несколько шагов вниз по склону.

— Нельзя управлять будущим, — прошептал Проповедник, с большим усилием в голосе, словно поднимая огромный вес.

Лито понял, в чем разногласие между ними. Это была стихия мироздания, над постижением которой он бьется всю свою жизнь. Либо он, либо его отец вынуждены будут действовать быстро, принимая решения по своим действиям, выбирая видение. И отец прав: стремясь к какому-то окончательному управлению мирозданием, только создаешь оружие, которым в конце концов мироздание тебя и сразит. Выбрать видение и управлять им — это балансировать на единственной тонкой ниточке — играть в Бога на высоко натянутом цирковом канате, по обе стороны которого — космическое безмолвие. Ни одному из борющихся сейчас нельзя отступить в смерть-как-прекращение-парадокса. Каждый знает видения и их правила. Все старые иллюзии умирают. И когда один из состязающихся делают ход, другой может сделать контр-ход. Единственная неподдельная правда, имеющая сейчас значение для них, это то, что отделяет их от предпосылок видения. Нет безопасного места, только скротечно тасуемые взаимосвязи, фиксируемые внутри тех пределов, к которым они привязаны лишь сейчас, устремленные в неизбежные изменения. Каждому из них не на что было положиться, кроме как на отчаянное и одинокое мужество, но у Лито были два преимущества: он направил себя по тропе, с которой нет возврата, и он принял все жуткие последствия этого для себя самого. Его отец все еще надеялся, что есть дорога назад — и не взял на себя бесповоротных обязательств. — Ты не должен! Ты не должен! — наждачным голосом проговорил Проповедник.

«Он видит мое преимущество», — подумал Лито.

И Лито заговорил, взяв разговорную интонацию, маскируя собственное напряжение — сбалансированное усилие, которого требовал от него иной уровень его соперника.

— У меня нет страстной веры в правду, и исповедую я лишь то, что сам творю, — сказал он. И уловил тогда движение между ним и его отцом, нечто, гранулярные свойства чего касались только собственной, страстно субъективной, веры Лито в самого себя. Из этой веры он и знал, что разметил вехи Золотой Тропы. Наступит день, когда эти вехи смогут поведать другим, как быть человечными — странный дар от того, что в этот день уже не будет человеком. Но такие вехи всегда расставляются рисковыми игроками. Лито ощущал, как тут и там возникали они во всему пейзажу его внутренних жизней — и, ощущая это, бесповоротно пошел ва-банк.

Он тихо понюхал воздух, ожидая сигнала, о котором и он, и отец знали, что он должен появиться. Оставался лишь один вопрос: предостережет ли отец напуганного до смерти юного поводыря, ждущего их внизу?

Вскоре Лито опалил запах озона в своих ноздрях, разоблачительный запах защитного поля. Верный приказам, данным ему Отверженными, юный Тарик пытается убить обоих этих опасных Атридесов разом, не ведая об ужасах, которые это обрушит.

— Нет, — шепнул Проповедник.

Но Лито знал, что сигнал истинен. Он чуял озон, но воздух вокруг них не позвякивал. Тарик использовал в пустыне псевдо-поле — оружие, разработанное исключительно для Арракиса. Эффект Холцмана призовет червя, в то же время приводя его в неистовство. Ничто не остановит такого червя ни вода, ни присутствие песчаной форели... Ничто. Да, поводырь установил устройство на склоне дюны и теперь выбирался бочком из опасной зоны.

Лито вспрыгнул на вершину дюны, услышал протестующий вопль отца, но мощнейший импульс усиленных мускулов Лито ракетой швырнулся вперед его тело. Одна взметнувшаяся рука ухватила Тарика за шею, через стиск, другая обвилась вокруг поясницы обреченного юноши. Раздался один короткий щелчок — шея сломалась. Лито перекувырнулся, поднял свое тело, словно отменно сбалансированный инструмент, и нырнул прямо туда, где в песке было спрятано псевдополе. Его пальцы нашли приспособление, он извлек его из песка и по широкой дуге швырнулся далеко к югу.

Вскоре из того места, куда упало псевдо-поле, донесся громчайший шипящий-молотящий грохот. Потом он смолк, и вновь наступила тишина.

Лито поглядел на вершину дюны, где стоял его отец, все еще непокорный, но уже побежденный. Да, это Пол Муад Дib там — слепой, гневный, близкий к отчаянию из-за последствий его бегства от того видения, которое принял Лито. Пол мог бы поразмыслить теперь над словами из Долгого Коана Дзэнсунни: «При одном из актов прозрения будущего Муад Дib ввел элемент роста и развития в самое предвидение, через которое он видел человеческое существование. Через это он тратил несомненность. Стремясь к абсолютности упорядоченного прозрения, он умножил беспорядок, сказал прозрение».

Одним прыжком вернувшись на вершину дюны, Лито сказал:

— Теперь я — твой поводырь.

— Никогда!

— Вернешься ли назад в Шулох? Даже если они и хорошо тебя примут, когда ты вернешься без Тарика, то куда теперь делся Шулох? Видят ли его твои глаза?

Тогда Пол повернулся к сыну, устремив на него безглазые глазницы:

— Ты действительно знаешь тот мир, который здесь создал?

Лито уловил особое ударение в вопроса Видение, которое, как они оба знали, запущено здесь в ужасающее движение, требовало, чтобы акт создания произошел в установленной точке времени. В тот миг, все чуткое мироздание разместится в линейной перспективе времени, обладающего характеристиками упорядоченной прогрессии. Они вошли в это время как могли бы вскочить в движущийся транспорт — и сойти могли лишь точно так же.

Против этого, у Лито были в руках поводья из многих нитей, уравновешенные его собственным, видениями освещенном, взгляде на время как на многомерное и многократное петляющее. Он был зрячим в мире слепых. Только он мог разгромить упорядоченные логические основания, потому что его отец больше не держал поводья. С точки зрения Лито, сын изменил прошлое. А мысль, даже и невообразимая еще, из отдаленнейшего будущего могла повлиять на СЕЙЧАС и шевельнуть его рукой.

Только ЕГО рукой.

Пол понимал это, потому что не мог больше видеть, как Лито способен управлять поводьями, мог

только распознать вне-человеческие последствия, которые принял для себя Лито. И он подумал: «Вот перемена, о которой я молился. Почему я ее страшусь? Потому что это — Золотая Тропа!?

— Я здесь, чтобы придать целесообразность эволюции, и, следовательно, придать целесообразность нашим жизням, — сказал Лито.

— Ты ЖЕЛАЕШЬ прожить все эти тысячи лет, изменяясь так, как тебе теперь известно, что ты изменишься?

Лито понял, что отец говорит не о физических изменениях. Физические последствия понимали они оба: Лито будет приспосабливаться и приспосабливаться, кожа-не-его-собственная будет приспосабливаться и приспосабливаться. Эволюционное взаимопроникновение переплавит обе части в иное, они сольются, преображеные в единое, возникнет новое целое. Когда состоится метаморфоза — ЕСЛИ состоится — возникнет мыслящее создание ужасающих размеров, и мир станет поклоняться ему.

Нет... Пол имел в виду перемены внутренние, мысли и решения, которые будут влиять на жизнь поклоняющихся.

— Те, кто думает, что ты мертв, — сказал Лито, — знаешь, какие они приписывают тебе последние слова?

— Конечно.

— «Сейчас я делаю то, что вся жизнь должна сделать во имя службы жизни». Ты никогда этого не говорил, но жрец, думавший, будто ты никогда не сможешь вернуться и обозвать его лжецом, вложил эти слова в твои уста. — Я бы не назвал его лжецом, — Проповедник глубоко вздохнул. — Это хорошие последние слова.

— Останешься ли ты здесь или вернешься в свою хижину у водоема Шулоха? — спросил Лито.

— Теперь это твой мир, — ответил Пол.

Это признание поражения как ножом резануло Лито. Пол постарался управлять последними нитями личного видения — выбор, за много лет до того сделанный им в съете Табр. Ради этого, он принял свою роль инструмента мщения Отверженных, оставшихся от Джакурут. Они осквернили его, но он предпочел скорей принять это, чем тот взгляд на мир, который выбрал Лито. Печаль Лито была так велика, что он несколько миль не мог говорить.

Справившись наконец со своим голосом, Лито сказал:

— Итак, ты заманил Алию, искусили ее и сбил ее на бездействие и на неверные решения. А теперь она знает, кто ты.

— Знает... Да, она знает.

Голос Пола звучал по-стариковски и полнился подавленным протестом. Но запас сопротивления в нем еще оставался. Он сказал:

— Я отберу у тебя это видение, если сумею.

— Тысячи мирных лет, — ответил Лито. — Вот что я им дам.

— Спячка! Застой!

— Конечно. И те формы насилия, которые я разрешу. Это будет урок, который человечество никогда не забудет.

— Плюю я на твой урок! — сказал Пол. — Думаешь, мне не виделось сходного с тем, что выбрал ты?

— Ты видел это, — согласился Лито.

— И разве твое видение сколько-то лучше моего?

— Ни на грань лучше. Хуже, может быть.

— Тогда что я могу, как не сопротивляться тебе? — вопросил Пол.

— Убить меня, может быть?

— Я не настолько наивен. Я знаю, чему дан ход. Я знаю о разрушенных кванатах и о брожении.

— А теперь Ассан Тарик никогда не вернется в Шулох. Ты должен пойти туда вместе со мной или не

ходить вообще, потому что теперь это мое видение.

— Я выбираю не возвращаться.

«До чего же старчески звучит его голос», — подумал Лито, и эта мысль причинила ему терзающую боль. Он сказал:

— Со мной — ястребиное кольцо Атридесов, спрятанное в моей дишсаше. Хочешь, чтобы я тебе его вернул?

— Если б я только умер, — прошептал Пол. Я действительно хотел умереть, отправившись той ночью в пустыню, но знал, что не могу покинуть этот мир. Я должен был вернуться и...

— Возродить легенду, — сказал Лито. — Понимаю. А шакалы Джакуруту ждали тебя в ту ночь, и ты знал, что они будут ждать. Им нужны были твои видения! Ты знал это.

— Я отказывался. Я не сообщил им ни одного видения.

— Но они осквернили тебя. Они закармливали тебя эссенцией спайса и потчевали женщинами и грезами, и у тебя БЫЛИ видения.

— Иногда, — как же хитро звучал его голос.

— Так ты возьмешь назад свое ястребиное кольцо? — спросил Лито.

Пол внезапно опустился на песок — темная клякса в звездном свете:

— Нет!

«Значит, он понимает бесполезность той тропы», — подумал Лито. Это приоткрывало многое, но недостаточно. Соперничество видений переместилось из нежной плоскости выборов к массивному откидыванию альтернатив. Пол знал, что не может победить, но он еще надеялся обратить в ничто единственное видение, за которое цеплялся Лито.

Вскоре Пол сказал:

— Да, я был осквернен Джакуруту. Но ты осквернил сам себя.

— Правда, — признал Лито. — Я же твой сын.

— И ты хороший Свободный?

— Да.

— Дозволишь ли ты слепцу окончательно уйти в пустыню? Дозволишь ли мне обрести мир на моих собственных условиях? — Он похлопал рукой по песку.

— Нет, я тебе этого не дозволю, — ответил Лито. — Но ты имеешь право броситься на свой нож, если будешь настаивать?

— И ты получишь мое тело?

— Да.

— Нет!

«Значит, и эту тропу он знает», — подумал Лито. Если б сын Муад Диба поместил тело отца в святую раку — это послужило бы чем-то вроде цемента для видения Лито.

— Ты никогда им не рассказывал, да, отец? — спросил Лито.

— Я им никогда не рассказывал.

— Но я им рассказал, — сказал Лито. — Рассказал Муризу. Кразилек, Тайфунный Бой.

Плечи Пола поникли.

— Ты не сможешь, — прошептал он. — Ты не сможешь.

— Я теперь творение пустыни, отец, — ответил Лито. — Говорил бы ты так с бурей Кориолис?

— Ты считаешь меня трусом за отказ от той тропы, — сиплым и дрожащим голосом проговорил Пол. — О, я хорошо тебя понимаю, сын. Авгурьи и прорицатели всегда были пыткой для самих себя.

Но я никогда не терялся в возможных будущих, потому что то, о котором ты говоришь — непроизносимо!

— Твой Джихад будет летним пикником на Келадане, если сравнить с этим, — согласился Лито. — А теперь, я отведу тебя к Гурни Хэллеку.

— Гурни! Он служит Сестрам через мою мать.

И теперь Лито понял, какова область видения отца.

— Нет, отец, Гурни больше никому не служит. Я знаю место, где его найти, и могу отвести тебя туда. Настало время сотворить новую легенду.

— Вижу, мне от тебя не отделаться. Дай мне коснуться тебя, поскольку ты — мой сын.

Лито подал правую руку навстречу шарящим пальцам, ощутил их силу, ответил ей равной, и не шелохнулся, как Пол ни тянул туда и сюда.

— Даже отравленный нож не причинит мне вреда, — сказал Лито. — Во мне теперь другой химический состав. Слезы выступили на незрячих глазах, Пол разжал свою хватку, уронил руку.

— Если бы я выбрал твою тропу, я бы стал бикуросом шайтана. Кем станешь ты?

— Некоторое время и меня будут называть посланником шайтана, ответил Лито. — Затем начнут удивляться и, наконец, поймут. Ты не слишком далеко простер свое видение, отец. Твои руки вершили добро и зло.

— Но зло распознается лишь после события!

— Таков путь многих великих зол. Ты проник только в часть моего видения. У тебя было недостаточно силы?

— Ты знаешь, я не мог в нем оставаться. Я никогда не мог сделать зло, о котором еще до совершения его известно, что это зло. Я не Джакуруту, он поднялся на ноги. — Ты что, думаешь, я один из тех, кто в одиночку смеются по ночам?

— Печально, что ты никогда по-настоящему не был Свободным. Мы, Свободные, знаем, как выбирать арифу. Наши судьи могут выбирать среди зол. Так всегда у нас было.

— Свободные, да? Рабы судьбы, которую вы сами и помогли соорудить? -Пол шагнул к Лито, продвигаясь со странной застенчивостью, коснулся одетой в оболочку руки Лито, прощупал ее, потом добрался до уха, потом до щеки, и, наконец до рта.

— Ааа, вот все еще твоя собственная плоть, — сказал он. — И куда она тебя заведет?

— Туда, где люди смогут творить каждое мгновение своих будущих.

— Ты так говоришь. Богомерзость могла бы сказать то же самое.

— Я не Богомерзость, хотя мог бы ей стать, — ответил Лито. — Я видел, как это происходит с Алией. В ней живет демон, отец. Гани и я знаем этого демона. Это Барон, твой дед.

Пол закрыл лицо ладонями. Мгновение, плечи его дрожали, потом он опустил руки — и рот его теперь был сурово поджат.

— Проклятие лежит на нашем Доме. Я молился, чтобы ты выбросил кольцо в песок, отверг меня и убежал прочь строить... другую жизнь. Так было б для тебя...

— За какую цену?

После долгого молчания, Пол сказал:

— Конец подстраивает под себя ведущую к нему тропу. Только однажды не стал я сражаться за свои принципы. Только однажды. Я принял махдина.

Сделал я это ради Чани, но это превратило меня в плохого вождя.

Лито обнаружил, что на это ему ответить нечего. Память о том решении была внутри Нем. — Я могу лгать тебе не больше, чем мог самому себе, — сказал Пол. — Я знаю это. Всякому человеку следует иметь подобного слушателя. Лишь об одном тебя спрошу. Тайфунный Бой необходим?

— Или это, или человечество угаснет.

Пол расслышал правду в словах Лито и заговорил тихо, признавая, что видение сына намного шире его собственного:

— Я не видел этого среди выборов. — По-моему, Сестры это подозревают, — сказал Лито. — Не могу найти другого объяснения решениям моей бабушки.

Ночной ветер дохнул на них холодом. Захлестнул робу Пола вокруг его ног. Пол задрожал. Видя это, Лито сказал:

— У тебя есть фремкит, отец. Я надую стилтент, и ночь мы сможем провести удобно.

Но Пол мог только потрясти головой, зная, что ни в эту ночь, ни в какую другую ему уже не будет успокоения. Муад Диб, Герой, должен быть уничтожен. Только Проповеднику можно теперь двигаться дальше.

Глава 55

Фримены были первым народом, развившим сознательно-бессознательную символику для обживания движений и взаимосвязей своей планетарной системы. Они были первым народом, когда либо выразившим климат в терминах полуматематического языка, чьи письменные символы воплощают (или интернационализируют) внешние взаимосвязи. Язык сам стал частью системы, им описываемой. В этом развитии подразумевалось интимное местное знание того, что является достижением для поддержания жизни на планете. Можно оценить размах этого взаимодействия язык-система по тому факту, что фримены воспринимали себя как блуждающих в поисках корма жвачных животных.

— Кавен вахид, — сказал Стилгар. «Подайте кофе». Он посигнал поднятой рукой слуге, стоявшему за порогом единственной двери в аскетичную комнату с каменными стенами, где Стилгар проводил свои бессонные ночи. Здесь старый наиб Свободных и завтракал обычно, по-спартански — и время завтрака как раз подступало — но после такой ночи ему не хотелось есть. Он встал, разминая мускулы.

Данкан Айдахо сидел на низенькой подушке возле двери. Он постарался подавить зевок. Он только что осознал, что за их разговорами промелькнула целая ночь.

— Прости меня, Стил, — сказал он. — Я продержал тебя всю ночь.

— Прободрствовать целую ночь значит прибавить день к своей жизни, ответил Стилгар, принимал переданный из-за двери поднос с кофе. Он пододвинул к Айдахо низенькую скамеечку, поставил на нее поднос и уселся напротив гостя.

На обоих были желтые одеяния траура, но Айдахо носил одолженную одежду, потому что его зеленый официального цвета мундир Атридесов вызвал резкую неприязнь обитателей Табра.

Стилгар разлил горячую темную жидкость из пузатого медного кувшинчика и, пригубив первым, поднял свою чашку, делая знак Айдахо. Старинный обычай свободных: «Это безопасно — я это отведал».

Кофе готовила Харах, и приготовлен он был как раз так, как Стилгар больше всего любил: зерна прожарены до розовато-коричневого, еще горячими растерты в тончайший порошок в каменной ступке и сразу же сварены — и добавить щепотку меланжа.

Айдахо, вдыхая густой аромат спайса, прихлебывал осторожно, но шумно. Он так и не знал, удалось ли ему убедить Стилгара. Его способности ментата застопорились к началу утра, любые его выкладки заходили в тупик, не увязываясь с неопровергимыми данными, содержавшимися в сообщении Гурни Хэллека.

Алия знала про Лито! Знала!

И Джавид не мог не быть здесь замешан.

— Я должен быть освобожден от наложенных тобой ограничений, — сказал наконец Айдахо, еще раз изложив все доводы.

Но Стилгар стоял на своем:

— Соглашение о нейтралитете требует от меня вынесения тяжких приговоров. Ганима здесь в безопасности. Ты и Ирулэн здесь в безопасности. Но тебе нельзя отправлять посланий. Получать послания — пожалуйста, но не отправлять их. Я дал свое слово.

— Это вообще-то не обращение, подобающее для гостя и старого друга, пережившего вместе с тобой немало опасностей, — сказал Айдахо, отлично помня, что он уже прибегал к этому доводу.

Стилгар поставил чашку, аккуратно установив ее на ее место на подносе и не отводя от нее взгляда, заговорил.

— Мы, Свободные, не чувствуем вины за те вещи, которые обычно возбуждают подобное чувство в других, — сказал он. И поднял взгляд на лицо Айдахо.

«Его нужно заставить забрать Ганиму и бежать отсюда», — думая Айдахо. Вслух он сказал:

— Совсем не в моих намерениях раздувать в тебе бурю вины.

— Понимаю, — ответил Стилгар. — Я поднял этот вопрос лишь для того, чтобы подчеркнуть подход к этому нас, Свободных — поскольку именно с этим мы и имеем дело: со Свободными. Даже Алия мыслит как Свободная.

— А жрецы?

— Они — другое дело, — сказал Стилгар. Они хотят, чтобы люди проглатывали серый ветер греха, и чтобы он безысходно пребывал внутри них. Они хотят, чтобы на фоне грязных пятен была лучше различима их набожность, — говорил ровным голосом, но Айдахо уловил оттенок горечи и подивился, почему эта горечь не может поколебать Стилгара.

— Есть старый-престарый трюк автократического правления, — сказал Айдахо. Алии он отлично известен. Хорошие должны чувствовать вину. С вины начинается ощущение неудачи. Хороший автократ создает много возможностей, чтобы население чувствовало себя неудачниками.

— Я это заметил, — сухо проговорил Стилгар. — Но ты должен простить меня, если я еще раз тебе напомню, что та, о которой ты говоришь — твоя жена, и сестра Муад Диба.

— Она одержима, говорю тебе!

— Многие это говорят. Однажды она должна будет подвергнуться испытанию. Тем временем, есть другие соображения, более важные.

Айдахо печально покачал головой:

— Все, что я рассказал тебе, можно доказать. Связь с Джакуруту всегда проходила через Храм Алии. Там были сообщники для заговора против близнецов. Деньги за межпланетную торговлю червями поступают туда. Все ниточки ведут в палаты Алии, к Регентству.

Стилгар покачал головой, глубоко вдохнул:

— Это нейтральная территория. Я дал слово.

— Так просто не может идти дальше! — запротестовал Айдахо.

— Согласен, — Стилгар кивнул. — Алия поймана внутрь круга, и каждый день круг сужается. Это как наш старый обычай иметь много жен. Сразу говорит о мужском бесплодии, — он кивнул на Айдахо вопросительный взгляд. — Ты говоришь, она обманывала тебя с другими мужчинами — «использовала свой секс как оружие», как ты, по-моему, выразился. Тогда тебе открыта совершенно законная и прямая дорога. Джавид здесь, в Табре, с посланиями от Алии. Тебе надо только...

— На твоей нейтральной территории?

— Нет, вне ее, и пустыне.

— А если я воспользуюсь этим как возможностью для побега?

— Тебе не предоставится такой возможности.

— Стил, я клянусь тебе, Алия одержима. Что мне сделать, чтобы убедить тебя в...

— Трудненько такое доказать, — сказал Стилгар. Этим доводом он уже неоднократно пользовался в течение ночи.

Айдахо, припомнив слова Джессики, сказал:

— Но у тебя есть способы доказать это.

— Способ, да, — Стилгар опять покачал головой. — Болезненный, но обратимый. Вот почему я напомнил тебе о нашем отношении к вине. Мы можем освободиться от любой войны, которая могла бы нас погубить — от любой, кроме Суда Одержанности. В этом случае, трибунал, целиком состоящий из наших людей, принимает полную ответственность.

— Вы делали это раньше, верно?

— Уверен, Достопочтенная Мать не избегала в своих повествованиях историю Свободных, — сказал Стилгар. — Ты хорошо знаешь, что мы делали это раньше.

— Я не стараюсь запутать тебя ложью, — откликнулся Айдахо, заметив раздражение в голосе Стилгара. — Это просто...

— Ночь была долгой, и вопросы остались без ответов, — сказал Стилгар. — А теперь утро.

— Мне должно быть дозволено послать весточку Джессике, — сказал Айдахо.

— Это было бы весточкой на Салузу, — ответил Стилгар. — Я не даю вечерних обещаний. Если я даю слово — то буду его держать, вот почему Табр — нейтральная территория. Я не дам тебе

заговорить отсюда.

Я поклялся в этом всей своей родней.

— Алия должна предстать перед вашим Трибуналом!

— Возможно. Во-первых, мы должны выяснить, нет ли извивящих обстоятельство. Неудачи власти, может быть. Или просто невезения. Это может быть делом естественных дурных склонностей, которым подвержены все люди, и даже не одержимые.

— Ты хочешь быть уверен, что я не просто оскорблена муж, ищущий в других исполнителей своей мести, — сказал Айдахо.

— Такая мысль приходит в голову другим, но не мне, — ответил Стилгар, улыбнувшись, чтобы убрать заключенное в этих словах жало.

— У нас, Свободных, есть своя наука традиции, наш Хадит. Когда мы боимся ментата или Достопочтенную мать, мы обращаемся к хадит. Сказано, что единственный непоправимый страх — это страх перед своими ошибками.

— Леди Джессика должна быть извещена, — сказал Айдахо. — Гурни говорит...

— Может, послание пришло и не от Гурни Хэллека.

— Ни от кого другого оно не пришло. У нас, Атридесов, есть свои способы проверки достоверности посланий. Стил, не исследуешь ли ты по крайней мере некоторые из...

— Джакуруту больше нет, — сказал Стилгар. — Оно было разрушено много веков назад, — он коснулся рукава Айдахо. Да и в любом случае я не могу выделить вооруженных бойцов. Неспокойные времена, угроза кванату...

Понимаешь? — он откинулся назад. — Нет, когда Алия...

— Алии больше нет, — сказал Айдахо.

— Ты так говоришь, — Стилгар отпил еще глоточек кофе, поставил чашку на место. — Оставим это в покое, друг Айдахо. Частенько не бывает нужды отрывать руку, чтобы удалить занозу.

«Нельзя ему быть таким наивным», — подумал Айдахо.

Но Стилгар вставал на ноги, показывая, что беседа закончена.

Айдахо встал на ноги, почувствовал, как у него затекли колени. И ляжки онемели. Когда Айдахо встал, вошел слуга и остановился сбоку. В комнату вслед за ним вошел Джавид. Айдахо одним быстрым движением выхватил свой нож и вонзил его в грудь ничего не ожидающего Джавида. Тот покачнулся назад, лезвие вышло у него из груди. Он повернулся и рухнул ничком. Ноги его взмыли — и он был мертв. — Это чтобы унять сплетни, — сказал Айдахо.

Слуга стоял с обнаженным ножом, не зная, как реагировать. Айдахо уже убрал в ножны свой нож, оставив кровавый след на краю своей желтой робы.

— Ты опозорил мою честь! — вскричал Стилгар. — Это нейтральная...

— Заткнись! — Айдахо бросил разъяренный взгляд на потрясенного наиба. — Ты носишь ошейник, Стилгар!

Для Свободного это было одним из трех самых смертельных оскорблений. Стил побледнел.

— Ты слуга, — сказал Айдахо. — Ты продаешь Свободных за воду.

Это было второе смертное оскорбление, то самое, что разрушило первоначальный Джакуруту.

Стилгар заскрежетал зубами, положил руку на криснож. Слуга отшагнул назад от лежащего в дверях тела.

Повернувшись спиной к наибу, Айдахо шагнул в дверь, в узкий проход рядом с телом Джавида, и, не оборачиваясь, изверг третье смертное оскорбление:

— У тебя нет бессмертия, Стилгар. Ни в одном из твоих потомков нет твоей крови.

— Куда ты теперь идешь, ментат? — окликнул Стилгар, когда Айдахо снова двинулся из комнаты. Голос Стилгара был холоден, как ветер с полюсов. — Искать Джакуруту, — все так же, не оборачиваясь, ответил Айдахо.

Стилгар выхватил свой нож:

— Может быть, я тебе помогу!

Айдахо был теперь на выходе из коридора. Не оборачиваясь, он сказал: — Если ты хочешь помочь мне своим ножом, водяной вор, то бей мне пожалуйста в спину. Только так и подобает носящему ошейник демона.

Двумя прыжками Стилгар пересек комнату, перемахнул через тело Джавида и настиг Айдахо во внешнем коридоре. Жилистая рука рывком повернула и остановила Айдахо. Стилгар стоял перед ним с обнаженными зубами и с ножом наготове. Его ярость была такова, что он даже не заметил защитную улыбку на лице Айдахо.

— Вытаскивай свой нож, погань ментатская! — взревел Стилгар.

Айдахо рассмеялся, и резко отвесил Стилгару — сначала левой рукой, потом правой — две жгучие пощечины.

С бессвязным скрежетом, Стилгар ударили Айдахо ножом в живот, и направленный внизу вверх нож проник сквозь диафрагму в сердце.

Айдахо осел на лезвие и улыбнулся Стилгару, ярость которого растаяла во внезапном шоке.

— Две смерти за Атридесов, — просипел Айдахо. — И причина второй не лучше, чем у первой.

Он скривился набок, и рухнул лицом на каменный пол. Из его раны растекалась кровь.

Стилгар поглядел на свой капающий кровью нож, на тело Айдахо и глубоко и с дрожью вздохнул. Джавид лежал мертвый рядом с ним. И супруг Алии, Чрево Небесного, пал от собственной руки Стилгара. Можно было доказывать, что наиб лишь защищал свою честь, отомстив за поругание своего нейтралитета. Но этим мертвцем был Данкан Айдахо. Ни любые доступные доводы, ни «извиняющие обстоятельства», ничто не могло стереть такого поступка. Даже если в душе Алия это и одобрит, публично она должна будет ответить местью. В конце концов, она — Свободная. Для того, чтобы править Свободными, она должна была ни на йоту от них не отличаться.

Только тогда Стилгару пришло в голову, что своей «второй смертью» Айдахо добился именно той ситуации, которой хотел.

Стилгар поднял взгляд, увидел потрясенное лицо Харахи, своей второй жены, смотрящей на него из сгрудившейся вокруг толпы. Куда Стилгар ни бросал взгляд — везде налицо было одно и то же выражение: шок и понимание последствий.

Стилгар медленно выпрямился, вытер нож о рукав и убрал его в ножны. Обратился к этим лицам, небрежным тоном, сказав:

— Идущие со мной должны немедленно укладываться. Поищите людей пригнать червей.

— Куда ты уходишь, Стилгар? — спросила Харах.

— В пустыню.

— Я пойду с тобой.

— Конечно, ты пойдешь со мной. И все мои жены пойдут со мной. И Ганима. Достать ее, Харах. Немедля.

— Да, Стилгар... немедля, — она заколебалась. — А Ирулэн?

— Если пожелает.

— Да, мой муж, — она все еще колебалась. — Ты берешь Гани в заложницы?

— В заложницы? — он был неподдельно удивлен этой мыслью. — Женщина... — он мягко коснулся носком ноги тела Айдахо. — Если этот ментат прав, я единственная надежда Гани, — и припомнил затем предостережение Лито: «Остерегайся Алии. Ты должен взять Ганиму и бежать».

Глава 56

Вслед за Свободными, все планетологи видят жизнь выражением энергии и ищут основополагающие взаимосвязи. В маленьких кусочках, кроах и частичках, врастающих в общее понимание, расовая мудрость Свободных переводится в новую несомненность. То, что есть у Свободных как народа, может быть у любого народа. Нужно лишь развить чувство энергии взаимосвязей. Нужно лишь наблюдать, как эта энергия пропитывает структуру вещей и строит из этих структур.

Харк ал-Ада.

Катастрофа Дюны.

Это был съетч Тьюка на внутренней губе Ложной Стены. Хэллек стоял в тени каменного столпа, защищавшего высокий вход съетча, дожинаясь, пока находящиеся в съетче решат, дать ли ему убежище. Он поглядел вдаль, на северную пустыню, а затем вверх, на серо-голубое утреннее небо. Здешние контрабандисты были изумлены, узнав, что он, рожденный другой планетой, поймал червя и приехал на нем. Но и Хэллека их реакция изумила не меньше. Так это просто для проворного мужчины, несколько раз видевшего, как это делается.

Хэллек опять поглядел на пустыню, серебряную пустыню со сверкающими складами и серо-зелеными полями, где вершила свое чудо вода. Все это внезапно представилось ему необычайно хрупким вместилищем энергии, жизни всего, чему угрожает резкая перетасовка извечных перемен.

Он понял, откуда такая реакция. Контейнеры с мертвой песчаной форелью тащили в съетч для перегонки и извлечения ее воды. Их были тысячи, этих созданий. Они пришли на вытекавшую воду. Вот эта утечка и дала первоначальный толчок мыслям Хэллека.

Хэллек поглядел вниз, на поля съетча и границу кваната, более не наполненного драгоценной водой. Он видел дыры в каменных стенах кваната, ободранную каменную облицовку, откуда вода выплеснулась в песок. Кто же проделал эти дыры? Некоторые тянулись метров на тридцать вдоль самых уязвимых секций кваната, в местах, где мягкий песок нисходил к поглощающим воду углубленьям. В этих-то углубленьях и кишила форель. Дети съетча убивали ее и собирали.

Ремонтные бригады трудились над разбитыми стенами кваната. Другие поливали самые нужные растения минимальным количеством оросительной воды. Водный источник гигантского резервуара под ветроловушкой был наглухо закрыт, чтобы вода не текла в разоренный кванат. Работающие на солнечной энергии насосы были отключены. Оросительную воду брали из тающих луж на дне кваната и усердно носили из резервуара съетча.

Металлическая рама непроницаемой двери позади Хэллека щелкнула в возрастающей дневной жаре. Словно этот звук направил его глаза, Хэллек посмотрел на самый дальний изгиб кваната, туда, где бессовестней всего вода источалась в пустыню. Полные надежд на сад, планировщики съетча посадили там особое дерево, которое обречено, если только водный поток не удастся быстро восстановить. Хэллек поглядел на глупый свешивающийся плюмаж ивы, обдираемой песком и ветром. Для него это дерево символизировало новую реальность и его самого, и Арракиса в целом.

«Мы оба здесь чужаки».

Они уже совещаются в съетче, какое решение им принять, но им могут пригодиться хорошие бойцы. Хорошие мужчины контрабандистам всегда нужны. Хотя Хэллек не питал особых иллюзий. Контрабандисты этого века совсем не те, что приютили его много лет назад, когда он бежал из павших владений своего Герцога. Нет, это была новая поросль, быстро соображающая, как нажиться.

Он опять сосредоточил свой взгляд на глупой иве. И подумалось ему, что бури новой реальности могут снести этих контрабандистов и всех их друзей. Могут снести Стилгара с его хрупким нейтралитетом, а вместе с ним и все племена, сохраняющие верность Алии. Все они стали колониалистами. Хэллек видел, как это происходило раньше, отведал горький вкус этого в своем родном мире. Он видел это ясно, припоминая манерность городских Свободных, структуру пригородов, и то, насколько даже в этом закутке контрабандистов стираются безошибочно узнававшиеся черты деревенских съетчей. Деревенские съетчи становились колониями крупных городов. Они научились носить ярмо с мягкой прокладкой, загнанные в него своей жадностью, если не своими суевериями. Даже здесь, особенно здесь, в людях узнавались повадки покоренного населения, а не действительно Свободных. Они были насторожены, скрытны, уклончивы. Любая демонстрация власти становилась предметом ненависти — любая власть: Регентства, Стилгара, их Собственного Совета...

«Мне нельзя им доверять», — подумал Хэллек. Печально. Ушли прежние взаимные уступки свободных людей. Старые обычай свелись к ритуальным словам, их истоки утрачены памятью.

Алия хорошо сделала свою работу, карая оппозицию и награждая за помощь, наугад тасуя силы Империи, скрывая главные элементы ее имперской власти. Шпионы! Великие боги, у нее наверняка есть шпионы!

?Если Свободные останутся в спячке, она победит», — подумал он.

Дверь позади него скрипнула и открылась. Вышел служитель съетча, по имени Мелидес: коротышка, с телом, похожим на тыкву и переходившим в тоненькие ножки, уродство которых лишь подчеркивал стилсьют.

— Ты пришли, — сообщил ему Мелидес.

И что-то хитрое и лицемерное послышалось Хэллеку в интонациях этого голоса — вполне достаточно, что Хэллек понял: убежище ему здесь — только на короткий срок.

«Только до тех пор, пока я не угоню один из их топтеров», — подумал он.

— Моя благодарность Совету, — произнес он. И подумал о Эзмаре Тьюке, в честь которого был назван этот съетч. Эзмар, давно павший в результате предательства, перерезал бы горло этому Мелидесу, едва взглянув на него.

Глава 57

Любая тропа, сужающая будущие возможности, может стать смертельной ловушкой. У людей нет ниточки для дороги через лабиринт — они видят лишь безбрежный горизонт, наполненный уникальными возможностями. Узкой точке зрения лабиринта следует быть привлекательной лишь для тех созданий, у которых нос засунут в песок. Сексуально производимые уникальности и различия — защита жизни пространств.

Руководство Космического Союза.

— Почему я не испытываю скорби? — Алия адресовала этот вопрос в потолок своего маленького приемного покоя, помещение, которое она могла пересечь за десять шагов в одном направлении и за пятнадцать шагов в другом. В нем были два высоких и узких вида, смотревшие за крыши Арракина на Защитную Стену.

Был уже почти полдень, солнце так и выжигало плато, на котором был построен город.

Алия опустила взгляд на Бура Агарвиса, бывшего Табрита, а теперь служителя Зии, руководившей Храмовой стражей. Агарвис принес известия о том, что Джавид и Айдахо мертвы. Вместе с ним вошла толпа лизоблюдов, служителей и стражей, и еще больше их толпилось снаружи, показывая, что им уже известно сообщение Агарвиса.

Дурные новости быстро доходят на Арракисе.

Невысок он был, этот Агарвис, с лицом, слишком круглым для Свободного, почти инфантильным в своей округленности. Он был из той новой поросли, что достигла упитанности водой. Алии он виделся словно бы расщепленным на два облика: один — с серьезным лицом и непроницаемыми глазами цвета индиго, озабоченная складка у рта, а другой — чувственный и уязвимый, возбуждающе уязвимый. Ей особенно нравилась пухлость его губ. Хотя еще и полдня не наступило, Алия в потрясенном молчании вокруг ощутила нечто, говорившее о закате.

?Айдахо бы следовало умереть на закате», — сказала она себе.

— Как же так вышло, Бур, что ты приносишь мне эти новости? — спросила она, и отметила, как бдительное и живое выражение появилось на его лице. Агарвис постарался сглотнуть и заговорил хриплым голосом, более напоминающим шепот.

— Я поехал с Джавидом, вы помните? И когда... Стилгар отоспал меня к вам, он велел мне передать вам, что я несу вам его конечное повиновение.

— «Конечное повиновение»? — окликнула она. — Что бы это значило?

— Не знаю, леди Алия, — взмолился он.

— Объясни мне еще раз, что ты видел, — приказала она, и подивилась, какой же холод пробирает ее кожу.

— Я видел... — он нервно качнул головой, поглядел в пол перед Алией. — Я видел Святого Супруга мертвым на полу центрального прохода, а Джавид лежал неподалеку в боковом проходе. Женщины уже готовили их для Хуануи.

— И Стилгар вызвал тебя туда?

— Верно, миледи. Стилгар послал Модибо, Склоненного, своего рассыльного в съетче. Модибо меня ни о чем не предупредил. Он просто сказал, что Стилгар хочет меня видеть.

— И ты видел тело моего мужа там на полу?

Он стрельнул взглядом в ее глаза и опять посмотрел в пол перед тем, как кивнуть:

— Да, миледи. И Джавид, мертвый, рядом. Стилгар сказал мне... сказал мне, что Святой Супруг убил Джавида.

— А моего мужа, ты говоришь, Стилгар...

— Он собственным устами мне это сказал, миледи. Стилгар сказал, что он сделал это. Он сказал, Святой Супруг искушал его ярость.

— Ярость, — повторила Алия. — А как?

— Он не сказал. И никто не сказал. Я спрашивал, но никто не сказал.

— И вот тогда тебя отправили ко мне с этими новостями?

— Да, миледи.

— Ты там ничего не мог сделать?

Агарвис облизнул тубы перед тем, как ответить:

— Стилгар приказал, миледи. Это его съетч.

— Понимаю. И ты во всем подчинялся Стилгару.

— Во всем, миледи, пока он не освободил меня от моих обязательств. — Ты имеешь в виду, когда ты был отправлен со своим поручением?

— Теперь я подчиняюсь лишь вам, миледи?

— Да, правда? Скажи мне, Бур, если я прикажу тебе убить Стилгара, твоего старого Наиба, ты это сделаешь?

Он встретил ее взгляд с крепнущей твердостью:

— Если ты прикажешь, миледи.

— И я приказываю. Ты не имеешь представления, куда он направился?

— В пустыню, это все, что я знаю, миледи.

— Скольких людей он взял с собой?

— Может быть, с половину боеспособных.

— И Ганима и Ирулэн с ним!

— Да, миледи. Остались обремененные своими женщинами, своими детьми и своими пожитками. Стилгар предоставил каждому свободный выбор — идти с ним или быть освобожденным от крепости. Многие предпочли быть освобожденными. Они будут выбирать нового наиба.

— Я им выберу их нового наиба! И им станешь ты, Бур Агарвис, в тот день, когда ты принесешь мне голову Стилгара.

Агарвис мог принять выбор поединком. Такое в обычаях Свободных. Он сказал:

— Как прикажешь, миледи. Какие силы я могу...

— Поговори с Зией. Я не могу дать тебе много топтеров, они нужны повсюду. Но бойцов ты получишь достаточно. Стилгар опозорил свою честь. Многие с радостью пойдут вместе с тобой.

— Тогда, я этим займусь, миледи.

— Погоди! — она с секунду его изучала, размышляя, кого бы послать для надзора за этим уязвимым младенцем. За ним следует как следует следить, пока он не докажет свою благонадежность. Зия сообразит, кого послать.

— Мне можно идти, миледи?

— Нет, еще не уходи. Я должна обсудить с тобой лично и в подробностях твой план по захвату Стилгара, — она подняла руку к лицу.

— Я не буду скорбеть, пока ты не осуществишь мою месть. Дай мне несколько минут прийти в себя, — она опустила руку. Одна из моих служительниц тебя проведет, — она подала незаметный знак рукой одной из служительниц и шепнула Шалусе, своей новой камер-даме.

— Вымойте его и надушите, прежде, чем привести. Он пахнет червем.

— Да, госпожа.

Затем Алия отвернулась, изображая печаль, которой не чувствовала, и выбежала в свои личные апартаменты. Там, в спальне, она с грохотом захлопнула дверь, выругалась и топнула ногой.

— Проклятье этому Данкану! Почему? Почему? Почему?

Она ощущала, что это была осознанная провокация Айдахо. Он убил Джавида и раздразнил

Стилгара. Это свидетельствовало, что он знал о Джавиде. И все вместе выглядело посланием от Данканы, его прощальным жестом.

Она топала ногой опять и опять, в ярости кружка по спальне:

— Проклятье ему! Проклятье ему! Проклятье ему!

Стилгар перешел к мятежникам, и Ганима с ним. И Ирулэн тоже.

«Проклятье им всем!?

Ее топнувшая нога наткнулась на что-то металлическое — очень болезненно. Вскрикнув от боли, она поглядела вниз, иска, обо что ушибла ногу, и обнаружила металлическую пряжку. Она схватила пряжку — и окаменела, от одного вида ее на своей ладони. Это была старая пряжка, одна из тех, из платины и серебра, настоящих изделий Келадана, которыми некогда Герцог Лито Атридес I наградил своего мечевладыки, Данканы Айдахо. Она много раз видела ее на Данкане. А теперь Данкан бросил ее здесь.

Пальцы Алии судорожно стиснули пряжку. Данкан бросил — ее здесь, когда... когда...

Слезы брызнули у нее из глаз, пересилив все ее воспитание Свободной. Рот ей свела окоченелая гримаса, и она почувствовала начало прежней битвы внутри ее черепа, битвы, распространившейся по телу вплоть до кончиков пальцев рук и ног. Она стала двумя людьми в одном теле, и один из обитателей смотрел на эти телесные корчи с изумлением, а другая — охотно уступила огромной боли, разлившейся в нее в груди. Слезы теперь свободно текли у нее из глаз, а Тот, Изумленный, внутри нее брюзгливо вопрошал: «Кто плачет? Кто это плачет? Кто сейчас плачет??

Но ничто не останавливало слез, и она, рухнув на кровать и свернувшись на ней, ощутила, как боль словно прожигает ее грудь.

А нечто так и продолжало вопрошать в полном изумления:

«Кто плачет? Кто это...»

Глава 58

Этими деяниями Лито II устранил себя из эволюционной последовательности. Он сознательно себя отсек, утверждая: «Быть независимым есть быть устранившимся». Близнецы смотрели на память шире, чем на измерительный процесс, то есть, на способ определения своего расстояния от человеческих истоков. Это оставлено было Лито II совершить эту дерзость постижения, что подлинное творение независимо от своего творца. Он отказался заново включиться в эволюционную последовательность, утверждая: «И это тоже уводит меня все дальше и дальше от человечества». Он видел сложности этого: в жизни не может быть действительно замкнутых систем.

Харк ал-Ада.

Святая метаморфоза.

Птицы жадно охотились за насекомыми, кишмя кишающими в сырому песке за разломанным каналом: попугаи, сороки, сойки. Прежде здесь был джедида, последний из новых городов, построенный на фундаменте обнажившегося базальта. Теперь он был покинут. Ганима, пользовавшаяся утренними часами для того, чтобы изучать местность за естественной растительностью заброшенного съетча, уловила движение и увидела пеструю ящерку гекко. До того пролетел дятел джила, гнездившийся в глинистой стене джедида. Она-то думала об этом как о съетче, но на самом деле это оказалось собранием низких стен, сделанных из закаленного глинистого кирпича и окруженных посадками, сдерживающими дюны. Находилось это внутри Танцеруфта, шестьюстами километрами южнее Хребта Сихайя. Без человеческих рук, поддерживающих съетч в порядке, он уже начал таять в пустыне, его стены разрушались песчаными ветрами, секущими как наждак, его растения умирали, его плантация потрескалась под палиющим солнцем.

И все же песок за разрушенным каналом оставался влажным, свидетельствуя, что приземистая глыба ветровушки все еще работают.

За месяцы после бегства из Табра, беглецы обращались за защитой к нескольким таким местам, которые Демон Пустыни сделал необитаемыми. Ганима не верила в Демона Пустыни, хотя нельзя было отрицать наглядного доказательства канала, кем-то разрушенного.

Случайно до них дошла весточка из северных поселений, переданная через встречавшихся им мятежных охотников за спайсом: несколько топтеров некоторые говорили, более шести — совершают разведывательные полеты, ища Стилгара, но Арракис велик и пустыня дружелюбна к беглецам. По сообщениям, существовала группа поиска и уничтожения, которой поручено было найти отряд Стилгара, но эти силы, возглавляемые бывшим Табритом Буром Агарвисом, имели и другие обязанности и часто отзывались в Арракин. Мятежники рассказывали, что между ними и отрядами Алии происходит мало сражений. Беспорядочные погромы Демона Пустыни сделали первой заботой Алии и наибов охрану населенных мест. Даже контрабандисты пострадали, но о них рассказывали, что они рыщут по пустыне в поисках Стилгара, ради цены, назначенной за его голову.

Стилгар привел свой отряд в джедиду накануне, как раз перед наступлением тьмы, пользуясь своим старым носом Свободного, безошибочно чующим влагу. Он пообещал, что скоро они двинутся на юг, к пальмам, но отказался назначить дату выхода. И, хотя за его голову была назначена такая цена, на которую можно купить целую планету, Стилгар казался счастливейшим и беззаботнейшим из людей.

— Это хорошее место для нас, — сказал он, указывая на все еще функционирующую ветровушку. — Наши друзья оставили нам немного воды.

Их отряд был теперь маленьким, всех вместе шестьдесят человек. Старики, больные и совсем юные были тайком доставлены на юг, в пальмы, и рассредоточены там среди семей, которым можно доверять. Остались только самые стойкие, и у них было много друзей и на севере, и на юге.

Ганима подивилась, почему Стилгар отказывается обсуждать то, что происходит с планетой. Разве ему не видно? Каналы сокрушаются, Свободные оттесняются назад к тем южным и северным границам, что очерчивали некогда пределы их владений. Движение это — наверняка проявление того, что вершится в самой Империи. Состояние одной зеркально отражало состояние другого.

Ганима запустила руку под воротник своего стилсьюта и ослабила его. Несмотря на тревоги, она чувствовала себя здесь замечательно вольной. Внутренние жизни больше ее не преследовали, хотя она ощущала порой, как их памяти проникают в ее сознание. Она знала, из этих воспоминаний, какой пустыня была прежде, до экологического преображения. С того начать, она была суще. Непочиненная ветровушка функционировала до сих пор, потому что воздух был влажен.

Многие создания, некогда чуравшиеся пустыни, теперь рискнули в ней поселиться. Многие в

отряде отмечали, как расплодились дневные совы. Да вот, прямо сейчас Ганиме видны муравьеды, подпрыгивающие и пританцовывающие среди линий насекомых, кишащих в сырому песке в конце разрушенного канала. Можно даже найти нескольких барсуков, а вот мышей-кенгуру просто не сосчитать.

Новыми Свободными правил суеверный страх, и Стилгар был не лучше остальных. Эта джедида была возвращена пустыне после того, как канал был разрушен в пятый раз за последние одиннадцать месяцев. Четыре раза они отремонтировали его после разрушительных налетов Демона Пустыни, затем у них не осталось излишка воды, чтобы рисковать еще одной ее потерей.

То же самое происходило со всеми джедидами, и со многими старыми съетчами. Каждые восемь из девяти новых поселений были покинуты. Многие старые съетчи были перенаселены так, как никогда не бывали. И в то время, как пустыня вступала в эту новую fazу, Свободные обращались на прежнюю стезю. Во всем они видели знаменья. Червей стало очень мало. Кроме как в Танцеруфте? Это суд Шаи-Хулуда. Видели мертвых червей — без всяких признаков, отчего они умерли. Они быстро после смерти превращались в пыль пустыни, но Свободных наполняло ужасом, когда они наталкивались на этих разрушающихся громадин.

Отряд Стилгара наткнулся на такую тушу в прошлом месяце, и им понадобилось четыре для, чтобы избавиться от неприятного ощущения. От червя разило прокисшим и ядовитым разложением. Его рассыпающееся тело сидело на огромном спайсовом выбросе, спайс по большей части пропал. Ганима отвернулась от кваната и поглядела назад на джедиду. Прямо перед ней была разрушенная стена, некогда защищавшая муштамалу, небольшой прилегающий садик. Она обследовала все место, подчиняясь собственному неуемному любопытству, и нашла запас плоского и пресного спайсовом хлеба в каменной коробке.

Стилгар уничтожил этот хлеб, сказав: «Хорошую еду Свободный никогда не оставит».

Ганима заподозрила тогда, что он ошибается, но это не стоило ни споров, ни риска. Свободные менялись. Некогда они свободно перемещались по бледу, влекомые собственными нуждами: вода, спайс, торговля была для них сигналом тревоги. Но жизнь животных. Активация жизни пошла теперь в странных новых ритмах, в то время как большинство Свободных струдились в своих старых пещерах-лабиринтах под тенью северной Защитной стены. Редкостью стали в Танцеруфте охотники за спайсом, и только отряд Стилгара продвигался по старым путям.

Она доверяла Стилгару и его страху перед Алией. Ирулэн теперь лишь подкрепляла его доводы, обращаясь к причудливым размышлениям Бене Джессерит. Но на далекой Салузе до сих пор жил Фарадин. Однажды обязательно наступит день, который станет для и его судным днем. Ганима поглядела на серебристо-серое утреннее небо, мысленно ища ответ. Откуда же найти помощь? Где кто-нибудь, кто будет ее слушать, когда она поведает, что она видела, что происходит вокруг них? Леди Джессика на Салузе, если верить сообщениям. А Алия — она стоит на пьедестале, заботясь только о том, чтобы выглядеть грандиозной, и в то же время все больше и больше теряет связь с реальностью. Гурни Хэллека нигде не найти, хотя отовсюду сообщают, что его видели. Проповедник где-то укрылся, его еретические проповеди — лишь тускнеющая память.

И Стилгар.

Она поглядела через сломанную стерегу туда, где Стилгар помогал чинить резервуар. Стилгар упивается своей ролью блуждающего огонька пустыни, цена за его голову ежемесячно возрастает.

Ничто больше не имеет смысла. Ничто.

Кто этот Демон Пустыни, это создание, способное разорять каналы, словно они — лживые идолы, которые должны быть заброшены в песок? Был ли это блуждающий червь? Была ли это третья сила в мятеже — много людей? Никто не верил, что это червь. Вода бы убила любого червя, рискнувшего напасть на канал. Многие Свободные считали, что Демон Пустыни был на самом деле революционным отрядом, стремящимся свергнуть Махдинат Алии и вернуть Арракис на прежние пути. Верившие в это говорили, что такое будет во благо. Избавиться от этих жадных апостольских когорт, не занятых почти ничем, кроме созерцания собственной посредственности. Вернуться к истинной религии, которой отдал себя Муад Диб.

Глубокий вздох потряс Ганиму. «Ах, Лито», — подумала она. — «Я почти рада, что ты не живешь и не видишь этих дней. Я бы сама к тебе присоединилась, но я — еще неокровавленный нож Алия и Фарадин. Фарадин и Алия. Ее демон — старый Барон, и этого нельзя позволять».

Из джедиды вышла Харах, подошла к Ганиме твердо меряющим песок шагом. Остановясь перед Ганимой, она спросила:

— Что ты делаешь здесь одна?

— Это странное место, Харах. Нам следует его покинуть.

— Стилгар дожидается здесь встречи кое с кем.

— Да? Он мне не говорил.

— А с чего ему все тебе рассказывать? Маку? — она хлопнула по меху с водой; вздувавшемуся у Ганимы на животе. — Ты что, взрослая женщина, чтобы быть беременной?

— Я бывала беременной так много раз, что их и не сосчитать, ответила Ганима. — Не играй со мной эти игры взрослого с ребенком!

От злобы в голосе Ганимы Харах отступила на шпаг. — Вы — компания дураков, — продолжала Ганима, взмахом руки охватывая джедиду и деятельность Стилгара и его людей. — Мне бы никогда не следовало идти с вами.

— Ты была бы уже мертва, если б не пошла.

— Может быть. Но вы не видите того, что прямо у вас под носом! С кем это Стилгар дожидается встречи?

— С Буром Агарвисом.

Ганима воззрилась на нее.

— Он будет тайно доставлен сюда друзьями из съетча Красное Ущелье, пояснила Харах.

— Игрушечка Алии?

— Его повезут с завязанными глазами.

— И Стилгар в это верит?

— Бур попросил о переговорах. Он согласился на все наши условия.

— Почему мне об этом не сказали?

— Стилгар знал, что ты выступишь против этого.

— Выступлю против... Это безумие!

Харах насупилась:

— Не забывай, что Бур...

— Он — СЕМЬЯ! — огрызнулась Ганима. — Он внук кузины Стилгара. Знаю. И Фарадин, чью кровь я однажды пущу — мой не менее близкий родственник. По-твоему, я оставлю свой нож в ножнах?

— Мы получили дистранс. За ними никто не следует.

Ганима тихо проговорила:

— Ничего хорошего из этого не выйдет, Харах. Нам надо немедля отсюда удалиться.

— У тебя было знаменье? — спросила Харах. — Этот мертвый червь, которого мы видели! Был он...

— Запихай это в свое чрево, и пусть это родится где-нибудь в другом месте! — рассвирепела Ганима. — Мне не нравятся ни эта встреча, ни это место. Разве этого недостаточно?

— Я скажу Стилгару, что ты...

— Я сама ему скажу! — и Ганима широким шагом прошла мимо Харах, которая вслед ей сделала «рожки червя», чтобы отогнать зло.

Но Стилгар только рассмеялся над страхами Ганимы и велел ей идти собирать песчаную форель, словно она была одной из детей. Она сбежала в один из заброшенных домов джедиды и скорчилась в углу, лелея свой гнев. Хотя, чувство гнева быстро прошло — она ощутила оживление среди внутренних жизней и припомнила чью-то присказку: «Если мы сможем все остановить, то все пойдет как мы планируем».

«Что за странная мысль».

Глава 59

Но она не могла припомнить, кто же это сказал. Муад Диб был лишен наследства, и говорил он от лица лишенных наследства всех времен. Он возмущался вопиющей несправедливостью, отделяющей личность от того, во что она приучена верить, от того, что по праву должно к ней перейти.

Харк ал-Ада.

Анализ махдината.

Гурни Хэллек сидел на круче Шулоха, его бализет лежал рядом с ним на коврике из спайсового волокна. Замкнутая котловина внизу была полна рабочими, сажающими урожай. Песчаный спуск, по которому Отверженные заманивали червей на спайсовый след, был перегорожен новым кванатом, и новые посадки укрепляли его.

Было почти уже время полуденной трапезы, и Хэллек находился на круче больше часа. Он искал уединения, чтобы подумать. Люди внизу усердно трудились, но все, им видимое, было работой меланжа. Личная оценка Лито была такова, что производство спайса скоро упадет и стабилизируется на одной десятой своего пика в годы Харконненов. Пакеты с едой по всей империи вдвое возрастали в цене при каждом новом объединении. Говорили, семье Мегулли было уплачено за половину планеты Новебрунс триста двадцать один литр спайса.

Отверженные трудились как понукаемые дьяволом — и, возможно, так оно и было. Перед каждой трапезой они обращались лицом к Танцеруфту и молились воплощению Шаи Хулуда. Так им виделся Лито и, их глазами, Хэллек видел будущее, где их веру разделит почти все человечество. Хэллек не был уверен, что ему нравится эта перспектива.

Лито заложил основы этому, когда доставил сюда Хэллека и Проповедника на угнанном Хэллеком топтере. Лито разломал канал Шулоха голыми руками, отшвыривая огромные камни более чем на пятьдесят метров. Когда Отверженные попробовали вмешаться, Лито почти незаметным взмахом руки обезглавил первого же, приблизившегося к нему. Остальных он посыпал назад их товарищам, смеясь над их оружием. Он заорал на них голосом Демона:

— Огонь меня не коснется! Ваши ножи не причинят мне вреда! На мне кожа Шаи Хулуда!

Отверженные узнали его и припомнили его бегство, когда он с обрыва прыгнул «прямо в пустыню». Они простерлись перед ним и Лито отдал свои приказы:

— Я привез вам двух гостей. Вы будете их охранять и почитать их. Вы восстановите свой канал и начнете сажать сад оазиса. Однажды я сделаю это место своим домом. Вы приготовите мне мой дом. Вы больше не будите продавать спайс, вы будете сохранять каждую собранную крошку.

Он продолжал свои наставления дальше и дальше, и Отверженные ловили каждое слово, смотря на него остекленевшими от страха глазами, в священном ужасе.

Вот он, пришел наконец из песков Шаи Хулуд!

Ни намека на эту метаморфозу не было, когда Лито нашел Хэллека с Гиадреоном ал-Фали в одном из мятечных съетчей Гара Рулены. Лито со своим слепым спутником прибыл из пустыни на черве, по старому спайсовому маршруту, через те области, где черви стали редкостью. Он говорил о нескольких обходных петлях, которые вынужден был сделать из-за влажности воздуха, достаточной, чтобы отравить червя. Они прибыли вскоре после полдня, и охрана провела их в общее помещение с каменными стенками. Воспоминания об этом завладели Хэллеком.

— Значит, это Проповедник, — сказал он.

Вышагивая вокруг слепца, изучая его, Хэллек припомнил рассказы об этом человеке. В съетче лица старика не было закрыто маской стилсьюта, и можно было мысленно сравнивать в памяти черты этого лица с другими. Да, этот человек и впрямь очень похож на старого Герцога, в честь которого назван Лито. Случайно ли сходство?

— Ты знаешь рассказы об этом человеке? — спросил Хэллек, обращаясь в сторону, к Лито. — Что это твой отец, вернувшийся из пустыни?

— Я слышал такие версии.

Хэллек повернулся, чтобы оглядеть мальчика. На том был странный стилсьют с закрученными краями вокруг лица и ушей. Покрывала его черная роба, ноги его были одеты в пескоступы. Очень многое в отношении его присутствия здесь требовало объяснений — как он умудрился бежать еще раз? — Почему ты привез сюда Проповедника? — спросил Хэллек. — В Джакуруту мне сказали, что он работает на них.

— Больше нет. Я привез его, потому что Алия хочет его смерти.

— Вот как? По-твоему, здесь убежище?

— Ты — его убежище.

К этому времени Проповедник стоял рядом с ними, слушая, но ничем не показывая, будто его волнует, какой оборот примет их дискуссия.

— Он хорошо мне послужил, Гурни, — сказал Лито. — Дом Атридесов не до конца утратил чувство признательности к тем, кто нам служит.

— Дом Атридесов?

— Я Дом Атридесов. — Ты бежал из Джакуруту до того, как я успел завершить проверку, о которой распорядилась твоя бабушка, — сказал Хэллек холодным голосом. -Как можешь ты допускать...

— Жизнь этого человека следует охранять так, словно она — твоя собственная, — проговорил Лито, — будто и нет никакого спора, — и он встретил взгляд Хэллека, нисколько не дрогнув. Джессика обучила Хэллека многим из тонкостей умения наблюдать, входящим в Бене Джессерит, но в Лито он не мог разглядеть ничего, кроме спокойной уверенности. Но еще оставались в силе приказы Джессики.

— Твоя бабушка поручила мне завершить твоё образование и удостовериться, что ты не одержим.

— Я не одержим, — просто бесстрастное заявление.

— Почему ты сбежал?

— У Намри был приказ убить меня, неважно, что я делаю. Приказ этот исходил от Алии.

— Так ты что, Видящий Правду?

— Да, — еще одно бесстрастное заявление, преисполненное самоуверенности.

— И Ганима тоже?

— Нет.

Тут Проповедник нарушил свое молчание, устремив слепые глазницы на Хэллека, но указывая на Лито:

— По-твоему, Ты можешь его проверять?

— Не вмешивайся, ничего не зная о проблеме и ее последствиях, ответил Хэллек, даже не глянув на слепца.

— О, мне достаточно хорошо известны ее последствия, — сказал Проповедник. — Однажды меня проверяла старуха, воображавшая, будто знает, что делает. Как выяснилось, она не знала.

Тогда Хэллек на него поглядел:

— Ты тоже — Видящий Правду?

— Всякий может быть Видящим Правду, даже ты, — ответил Проповедник. -Это дело честности перед самим соей насчет природы твоих собственных чувств. Для этого требуется внутренняя согласованность с легко распознаваемой правдой.

— Почему ты вмешиваешься? — спросил Гурни, кладя руку на нож. Кто он, этот Проповедник?

— Я ответственен за эти события, — сказал Проповедник. Моя мать могла бы возложить на алтарь даже свою собственную кровь, но у меня другие мотивы. И я действительно понимаю твою проблему.

— Ну? — Хэллек теперь был неподдельно заинтригован.

— Леди Джессика приказала тебе отличить собаку от волка, зе'еб и ке'еб. По ее определению, волк — это тот, наделенный силой, кто этой силой злоупотребляет. Однако, между собакой и волком есть предрассветный период, когда ты не можешь отличить их друг от друга.

— Почти в цель, — сказал Хэллек, заметив, что все больше и больше обитателей съетча заходят в помещение, чтобы послушать. — Откуда тебе это известно?

— Потому что я знаю эту планету. Не понимаешь? Подумай, как это. На поверхности — скалы, грязь, осадочные породы, песок. Это — память планеты, картины ее истории. Точно также с людьми. Собака напоминает волка. Всякое мироздание вращается вокруг ядра БЫТИЯ, и из этого ядрышка идут наружу все воспоминания, прямо на поверхность.

— Очень интересно, — сказал Хэллек. — И как это поможет мне выполнить приказание?

— Пересмотри картину твоей истории внутри себя. Приобщись к ней по-звериному.

Хэллек покачал головой. В Проповеднике была подчиняющая себе прямота, качество, многократно встречавшееся ему в Атридесах — и не один намек он уловил, что этот человек пользуется силой Голоса. Хэллек почувствовал, как у него сердце начинает ходить ходуном. Возможно ли?..

— Джессика хочет окончательной проверки, потрясения, при котором проявится подкладочная ткань ее внука, — сказал Проповедник. — Но эта ткань всегда перед тобой, открытая взору.

Хэллек повернулся и посмотрел на Лито — непроизвольно, подчиняясь неодолимой силе.

А Проповедник продолжал, словно читая назидание упрямому ученику:

— Этот молодой человек смущает тебя, поскольку он не единичное бытие. Он сообщество. И, как в любом обществе, при потрясении любой его член может взять на себя руководство. Такое не всегда во благо, и мы получаем наши истории о Богомерзости. Но ты уже достаточно ранил это сообщество, Гурни Хэллек. Разве ты не видишь, что трансформация уже произошла? Этот юноша достиг такой внутренней общности, которая обладает безмерной силой, которую уже не сокрушить. Я и без глаз это вижу. Сперва я противостоял ему, но теперь следую его велениям. Это — Целитель.

— Кто ты? — спросил Хэллек.

— Я — большее, чем видимо тебе. Не смотри на меля, смотри на того, кого тебе приказали учить и проверять. Он сформировался через кризис. Он уцелел в смертоносной среде. Он здесь.

— Кто ты? — настойчиво повторил Хэллек.

— Я велю тебе смотреть только на этого юношу Атридеса! Он — та основополагающая обратная связь, от которой зависит наш человечий род. Он заново введет в систему результаты ее прошлых разработок. Никто не в состоянии знать эти прошлые разработки так, как знает он. А ты помышляешь уничтожить такого!

— Мне было приказано проверить его, и я не по...

— Помышлял!

— Богомерзость ли он?

Проповедник утомленно рассмеялся:

— Ты упорствуешь в чуши Бене Джессерит. Как же они творят мифы, усыпляющие людей!

— Ты — Пол Атридес? — спросил Хэллек.

— Поля Атридеса больше нет. Он пытался стоять верховным моральным символом, в то время как сам отрекся от всех моральных претензий. Он стал святым без Бога, каждое слово — богохульство. Как ты можешь думать...

— Потому что ты говоришь его голосом.

— Не МЕНЯ ли ты будешь проверять? Остерегайся, Гурни Хэллек.

Хэллек сглотнул и заставил себя опять посмотреть на бесстрастного Лито, который так и стоял, хладнокровно наблюдая.

— Кто кого проверяет? — спросил Проповедник. — Не может ли быть так, что леди Джессика проверяет тебя, Гурни Хэллек?

Хэллека глубоко всколыхнуло это замечание, он сам понять не мог, почему дал словам Проповедника так запасть ему в душу. Но в слугах Атридеса глубоко сидело повиновение принимать за должное подобное загадочное умение их владык. Леди Джессика ему это объясняла — и сделала все еще более загадочным для него. И теперь Хэллек ощущал, как происходит в нем некое изменение, НЕЧТО, лишь самым краешком задевшее при проникновении всю вычурку Бене Джессерит, которой закалила его леди Джессика. В нем поднялась безмолвная ярость. Он не хотел меняться!

— Кто из нас играет в Бога, и куда ведет? — осведомился Проповедник. — Чтобы ответить на этот вопрос, тебе нельзя полагаться на один лишь рассудок.

Медленно, осмотрительно, Хэллек перевел взгляд с Лито на слепца. Джессика частенько повторяла, что ему следует достигать равновесия клириса — «ты будь не будь». Она называла это наукой вне слов и фраз, вне правил и доводов. Это — отточенный край его собственной внутренней — всепоглощающей — истины. Что-то в голосе слепца, его тоне, его манерах, зажгло ярость Хэллека, перегоревшую в нем в глухое спокойствие.

— Ответь на мой вопрос, — сказал Проповедник.

Хэллек ощущал, как эти слова усугубили его сосредоточенность на данном месте, данном конкретном моменте и его требованиях. Его положение в мире определялось только лишь сосредоточенностью. В нем не осталось никаких сомнений. Это Пол Атридес, не мертвый, а вернувшийся. И это не дитя — Лито. Хэллек еще раз поглядел на Лито — и теперь действительно его увидел. Увидел приметы перенесенного потрясения вокруг глаз, чувство уравновешенности в осанке, пассивный рот с его причудливым чувством юмора. Лито выделился из фона, как будто в фокусе ослепительного света. Он достиг гармонии, просто ее принял. — Скажи мне, Пол, — проговорил Хэллек, — твоя мать знает?

Проповедник вздохнул.

— Для Сестер, для всех них, я мертв. Не пытайся меня обвинять.

Так и не глядя на него, Хэллек спросил:

— Но почему она...

— Делает то, что ей должно. Строит собственную жизнь, полагает, будто управляет многими другими жизнями. Все мы играем в бога.

— Но ты жив, — прошептал Хэллек, потрясенный теперь до глубины души осознанием этого, поворачиваясь, наконец, чтобы взглянуть на этого человека, который был моложе его, но которого так состарила пустыня, что он казался вдвое старше Хэллека.

— Ну, что? — спросил Пол. — Живой?

Хэллек посмотрел вокруг, на наблюдающих Свободных, на их лицах застыло смешанное выражение сомнения и благоговения.

— Моя мать никогда не должна была усваивать мой урок, — это был голос Пола. — Быть богом вполне способно в конечном итоге сделать тебя скучающим и деградирующим. Одно это было бы достаточной причиной для изобретения свободы воли! Бог мог бы захотеть тогда сбежать в сон и жить только среди бессознательных проекций созданий своих грез.

— Но ты жив! — громче теперь проговорил Хэллек.

Пол, проигнорировав возбуждение в голосе своего старого товарища, спросил:

— Ты бы действительно стравил его и сестру в испытании Машад? Какая смертельная чушь! Каждый из них заявил бы: «Нет! Убей меня! Оставь другому жизнь!» И куда бы привело такое испытание? И что тогда значит жить, Гурни? — Это было не испытание, — сказал Хэллек. Ему не понравилось, как Свободные плотнее стеснились вокруг них, разглядывая Пола, не обращая внимания на Лито.

Но теперь вмешался Лито.

— Погляди на ткань, отец.

— Да... Да... — Пол высоко поднял голову, как будто принюхиваясь. — Так это Фарадин!

— Как легко следовать нашим мыслям, а не нашим чувствам, — сказал Лито.

Хэллек был не в состоянии последовать за этой мыслью, и уже собирался спросить, но Лито перебил его, положив руку ему на плечо:

— Не спрашивай, Гурни. Ты можешь вернуться к подозрению, что я Богомерзость. Нет! Оставь это, Гурни. Если ты попытаешься взять это силой, то только погубишь себя.

Но Хэллека одолели сомнения. Джессика его предостерегала: «Они могут быть очень хитрыми, эти предрожденные. У них есть трюки, которые тебе даже и не снились». Хэллек медленно покачал головой. И Пол! Великие боги! Пол жив и в союзе с этим знаком вопроса, которому является отцом!

Свободные вокруг них не могли больше сдерживаться. Они полезли между Хэллеком и Полом, между Лито и Полом, оттеснив Хэллека и Лито на второй план. Хриплые вопросы хлынули градом.

— Ты Муад Диб? Ты вправду Муад Диб? Это правда, то, что он говорит? Скажи нам!

— Вы должны думать обо мне только как о Проповеднике, — совсем затолканный ими, ответил Пол. — Я не могу быть Полом Атридесом или Муад Дибом, никогда больше. Я ни супруг Чани, ни Император.

Хэллек, боясь того, что может случиться, если эти разочарованные вопросы не получат логического ответа, собирался уже было вмешаться, когда Лито его опередил. Вот когда Хэллек впервые узрел стихию жуткого изменения, совершившегося в Лито. Взревел бычий голос: «По сторонам!» — и Лито шагнул вперед, раскидывая взрослых Свободных налево и направо, сшибая их, молотя их руками, вывертывая ножи у них из рук, хватаясь за лезвия. Меньше чем через минуту те Свободные, что оставались на ногах, жались по стенам в оцепенении ужаса. Лито встал рядом с отцом.

— Когда говорит Шаи Хулуд, вы повинуетесь, — сказал Лито.

И когда кое-кто из Свободных вздумал спорить, Лито отломил кусок у каменной стены прохода при выходе из помещения и раскрошил его голыми руками — не переставая улыбаться.

— Я разрушу ваш съетч у вас на глазах, — сказал он.

— Демон Пустыни, — прошептал кто-то.

— И ваши каналы, — сказал Лито. — Я разорву их на куски. Нас здесь не было, вы слышите меня?

Головы испуганно и покорно закивали в разные стороны.

— Ни один из вас нас не видел, — сказал Лито. — Один шепоток от вас и я выгоню вас в пустыню без воды.

Хэллек увидел руки, поднятые в предостерегающем жесте — знаке червя. — Теперь мы пойдем, мой отец и я, в сопровождении нашего старого друга, — сказал Лито. — Приготовьте нам топтер.

...А затем Лито направил их на Шулох, объяснив по пути, что они должны двигаться быстро, потому что «Фарадин прибудет на Арракис совсем скоро. И, как сказал мой отец, тогда ты увидишь настоящее испытание, Гурни».

Глядя вниз с кручи Шулоха, Хэллек опять себя спросил, как спрашивал каждый день: «Что за испытание? Что он имеет в виду??

Но Лито больше не было в Шулохе, а Пол отказывался отвечать.

Глава 60

Церковь и Государство, научные обоснования и вера, личность и общество, даже прогресс и традиции — все это может быть примирено в учении Муад Диба. Он учил нас, что не существует непримиримых противостояний, кроме как в верованиях людей. Всякий может сорвать завесу Времени. Будущее можно открыть в прошлом или в собственном воображении. Делая это, отвоевываешь самосознание во внутреннем бытии. И тогда понимаешь, что космос — связное целое, и ты — неотделим от него.

Харк ал-Ада.

Проповедник в Арракине.

Ганима сидела за пределами светового круга спайсовых ламп, наблюдая за Буром Агарвисом. Ей не нравились его круглое лицо и непрестанно движущиеся брови, то, как при разговоре он шевелит ногами, словно его слова были скрытой музыкой, под которую он танцевал.

«Он здесь не для того, чтобы вести переговоры со Стилгаром», сказала себе Ганима, видя подтверждение этому в каждом слове и движении Бура. Она еще дальше отодвинулась от круга Совета.

Во всяком съетче было помещение, подобное этому, но зала собраний заброшенной джедиды производила на Ганиму впечатление удручающе тесного места — слишком низок был потолок. Шестьдесят людей отряда Стилгара, плюс девять прибывших вместе с Агарвисом — все уместились в одном конце залы. Масляные светильники отбрасывали отсветы на низкие несущие балки потолка, и дрожащие тени, танцевавшие на стенах, а едкий дым наполнял все помещение запахом корицы.

Встреча началась в сумерках, после молитв о влаге и вечерней трапезы. Теперь уже она длилась более часа, и Ганима не могла измерять до дна скрытые пороки в поведении Агарвиса. Слова его представлялись вполне ясными, но с ними не согласовывались движения его тела и глаз.

Сейчас говорил Агарвис, отвечая на вопрос одного из заместителей Стилгара, племянницы Харахи по имени Раджия. Эта сумрачно-аскетичная молодая женщина с опущенными углами губ казалась взирающей на мир с непреходящим отвращением. Ганима сочла это выражение лица Раджии вполне соответствующим обстоятельствам.

— Разумеется, я верю, что Алия дарует всем вам полное и совершенное прощение, — говорил Агарвис. — Иначе бы я не находился здесь со своей миссией.

Раджия собиралась еще что-то сказать, но вмешался Стилгар:

— Меня не настолько беспокоит доверяют ли ей мы, как то, доверяет ли она тебе, — в голосе Стилгара слышались рыкающие полутона. Он неуютно чувствовал себя от этого предложения занять свое прежнее место.

— Неважно, доверяет ли она мне, — сказал Агарвис. — Если быть искренним — мне в это не верится. Я слишком долго искал вас, вас не находя. Но я всегда чувствовал, что она не очень-то хочет, чтоб тебя на самом деле схватили. Она...

— Она была женой человека, которого я убил, — сказал Стилгар. — Заверяю тебя, он сам на это напросился. Мог бы с равным успехом кинуться на собственный нож. Но от этого нового подхода попахивает...

Агарвис пританцовывая вскочил, гнев ясно был написан на его лице.

— Она тебя прощает! Сколько раз я должен это повторять? Она заставила жрецов устроить большой спектакль ниспрощения о божественном наставлении о...

— Это лишь поднимает другую проблему, — это Ирулэн, наклонилась вперед, мимо Раджии, темные волосы Раджии подчеркнуто оттеняют ее светлую головку. — Она убедила тебя, но у нее могут быть другие планы.

— Жречество...

— Но ходят самые разнообразные слухи, — сказала Ирулэн. — Что ты не только ее военный советник, что ты ее...

— Довольно! — Агарвис был вне себя от ярости. Бушующие эмоции кровью бросили ему в лицо, исказили его черты. — Верьте чему хотите — но я не могу больше с этой женщиной! Она оскверняет меня! Она пачкает все, к чему ни прикоснусь! Я использован. Я замаран. Но я никогда

не подниму нож против моей родни! Нет — никогда!

Ганима, наблюдавшая за ним, подумала: «Тут, по крайней мере, из него полезла правда».

Как ни удивительно, Стилгар рассмеялся.

— А, кузен, — сказал он. — Прости меня, но гнев выдает правду.

— Значит, ты согласен?

— Я этого не сказал, — он поднял руку, предупреждая новый взрыв Агарвиса. — Это не ради меня, Бур, но ради других, кто здесь есть, — он обвел рукой вокруг себя. — Они на моей ответственности. Давай поразмыслим на миг, какое возмездие предлагает Алия.

— Возмездие? Нет ни слова о возмездии. Прощение, но не...

— Тогда что же предлагает она порукой за свое слово?

— Съетч Табр, и ты в нем наибом, полная автономия нейтральной стороны. Она теперь понимает, как...

— Я не войду опять в ее свиту и не буду поставлять ей вооруженных бойцов, — предупредил Стилгар. — Это понятно?

Ганима услышала, что Стилгар начинает сдавать, и подумала: «Нет, Стил! Нет!?

— В этом нет нужды, — ответил Агарвис. — Алия хочет только, чтобы Ганима вернулась к ней и выполнила данное обязательство об обручении с... — Так вот оно наконец! — у Стилгара сдвинулись брови. — Ганима — цена моего прощения. Неужели она считает меня...

— Она считает тебя разумным, — возразил, усаживаясь, Агарвис.

Ганима восторженно подумала: «Он этого не сделает. Переведи дух. Он этого не сделает».

И только она это подумала, тихий шорох послышался сзади и левей от нее. Она не успела обернуться, как ее схватили сильные руки. Плотный коврик, пахнущий сноторвным, накрыл ее лицо до того, как она успела позвать на помощь. Теряя сознание, она ощущала, как ее несут к двери в самом темном уголке залы. И подумала: «Мне бы следовало догадаться! Мне бы следовало быть начеку!» Но державшие ее руки были взрослыми и сильными. Она не могла из них вывернуться.

Последними ее впечатлениями были холодный воздух, мерцание звезд, лицо под капюшоном, взглянувшее на нее и спросившее:

— Она ведь не пострадала, а?

Ответа она уже не слышала, звезды завертелись у нее перед глазами, вытягиваясь в полоски, и пропали во вспышке света, который был ядрышком ее внутреннего «я».

Глава 61

Муад Диб снабдил нас особого рода знанием о пророческом видении, о поведении, ощущающем такое прозрение, и о его влиянии на события, сопровождавшиеся находящимися «на линии». (То есть, события, которым дано произойти внутри взаимосвязанной системы, которую пророк открывает и интерпретирует.) Как было еще где-то отмечено, такое видение действует как своеобразная ловушка для самого пророка. Он становится жертвой того, о чём знает относительно распространенный вид человеческого крушения. Опасность в том, что предсказывающие реальные события могут проглядеть поляризующий эффект, привносимый сверх-потворством собственной правде. Они склонны забывать, что в нашем поляризованном мироздании ничто не может существовать без наличия своей противоположности.

Харк ал-Ада.

Провидческое видение.

Вздуваемый песком туманом висел на горизонте, затмевая восходящее солнце. В тенях дюн песок был холоден. Лито стоял перед кольцом пальм, глядя на пустыню. Он чуял запах пыли и колючих растений, слышал утренние звуки людей и животных. В этом месте у Свободных не было канала, только чистый минимум посадок вручную, орошаемых женщинами, носившими воду в кожаных мехах. Их ветроловушка была хрупкой, легко сокрушающей бурями, но и легко восстанавливаемой. Тяготы, суровость спайсового промысла и приключений — вот как протекала здесь жизнь. Эти Свободные до сих пор верили, что рай — звук льющейся воды, но лелеяли древнюю концепцию свободы, которую и Лито с ними разделял.

«Свобода — это состояние одиночества», — подумал он.

Лито расправил складки белой робы, закрывавшей его живой стиль. Ему было уже ощутимо, насколько изменила его оболочка песчаной форели — и вместе с этим чувством он всегда испытывал чувство огромной утраты. Он уже не был полностью человеком. Странные вещи плавали в его крови. Реснички песчаной форели проникли в каждый орган, приспособливая его и изменяя. Сама форель тоже приспособливалась и изменялась. Но, зная это, Лито чувствовал себя оторванным от всех прежних нитей утраченной человечности; жизнь его поймана в первичность острой тоски по концу тянувшейся из древности непрерывности. Он понимал, однако, какая ловушка в потакании подобным эмоциям. Он хорошо понимал.

«Пусть будущее происходит для самого себя», — думал он. —«Единственное правило, руководящее творчеством — это само творение». Трудно было отвести взгляд от песков, от дюн — от великой пустоты.

Здесь на краю песка было несколько скал, но воображение бежало вперед, за них, к ветрам, пыли, редким и одиноким растениям и животным, дюне, сливающейся с дюной, пустыни с пустыней.

Позади него раздался звук флейты, зовущей на утреннюю молитву, молитву по влаге, звучала чуть измененная серенада новому Шаи Хулуду. Едва Лито это понял, как музыка зазвучала для него напевом вечного одиночества. «Я мог бы попросту уйти в эту пустыню», — подумал он.

Все тогда изменится. Одно направление станет не хуже другого. Он уже научился жить жизнью, свободной от страстей. Его мистицизм Свободного утончился до жуткой грани: все, что он имел при себе, было ему необходимо — но только это и было. А это составляло всем лишь накинутую робу, спрятанного в ее складках ястреба Атридесов и кожу, которая-не-его-собственная.

Было бы легко уйти отсюда прочь.

Внимание его привлекло движение высоко в небесах — по косо выкроенным кончикам крыльев он узнал стервятника. От этого у него заныло в груди. Как и дикие Свободные, стервятники живут в этой стране, потому что здесь они рождены. Ничего лучшего они не знают. Пустыня делает их такими, какие они есть.

Но в кильватере Муад Диба и Алии взросла другая порода Свободных. Она-то и была причиной того, почему он не мог уйти в пустыню, подобно своему отцу. Лито припомнил слова Айдахо очень давних дней: «Эти Свободные! Они восхитительно жизненны. Я никогда не встречал жадного Свободного».

Теперь жадных Свободных полным-полно.

Волна печали поднялась в Лито. На нем лежит проложить курс, который все это изменит, но жестокой ценой. И управлять этим курсом будет все трудней и трудней по мере их приближения к вихрю.

Кразилек, Тайфунный бой, впереди... но Кразилек или худшее будут расплатой за неправильный

шаг. Позади него послышались голоса, затем чистый и пронзительный детский голосок произнес:

— Вот он.

Лито обернулся.

Из-под пальм выходил Проповедник, ведомый ребенком.

?Почему я думаю о нем как о Проповеднике?» — подивился Лито.

Ответ был ясно начертан на скрижали ума Лито: «Потому что он больше не Муад Диб, не Пол Атридес». Пустыня сделала его тем, что он есть сейчас. Пустыня и шакалы Джакурутут с их чрезмерными добычами меланжа и постоянным предательством. Проповедник состарился. Да, состарился, несмотря на спайс, а благодаря ему.

— Мне сказали, ты хочешь меня видеть, — заговорил Проповедник, когда ребенок-поводырь остановился.

Лито поглядел на это дитя пальмовой рощи, мальчика ростом почти с него самого, благоговение которого умерялось ненасытным любопытством. Молодые глаза томно поблескивали над маской стилсьюта детского размера. Лито махнул рукой:

— Оставь нас.

На миг плечи мальчика выразили яркое нежелание, затем благоговение и естественное уважение Свободного к личной жизни других взяли верх. Ребенок удалился.

— Ты знаешь, что Фарадин здесь, на Арракисе? — спросил Лито.

— Гурни рассказал мне, когда прилетал вчера ночью.

И Проповедник подумал: «Как же холодно отмерены его слова. Совсем он как я, в прежние мои дни».

— Я стою перед трудным выбором, — сказал Лито.

— Я думал, все выборы тобой уже сделаны.

— Мы понимаем ТУ ловушку, отец.

Проповедник прочистил глотку. Напряжение дало ему понять, как близко они к сокрушительному кризису. Теперь Лито будет полагаться не на чистое видение, а на управление видением.

— Тебе нужна моя помощь? — спросил Проповедник.

— Да. Я возвращаюсь в Арракин и хочу пройти туда как твой поводырь.

— Для чего?

— Ты не будешь еще раз проповедовать в Арракине?

— Может быть. Есть вещи, которых я им еще не сказал.

— Ты не вернешься назад в пустыню, отец.

— Если пойду с тобой?

— Да.

— Я сделаю все, как ты ни решишь.

— Ты подумал? Ведь вместе с Фарадином там будет и твоя мать.

— Несомненно.

И опять Проповедник прокашлялся. Проявлял нервозность — чего Муад Диб себе никогда не позволял. Слишком долго это тело пребывало вне прежнего режима самодисциплины, слишком часто Джакурутут изменнически наполняло этот мозг безумием. И Проповедник подумал, что может, и не слишком мудро возвращаться в Джакурутут.

— Ты не обязан идти туда со мной, — сказал Лито. — Но там моя сестра и я должен вернуться. Ты можешь отправиться вместе с Гурни.

- И ты пойдешь в Арракин один?
- Да. Я должен встретить Фарадина.
- Я пойду с тобой, — вздохнул Проповедник.

И Лито, ощущив в Проповеднике промелькнувшую тень прежнего безумия видений, подумал: «Играет ли он в игру предвидения?» Нет. Он никогда больше не пойдет этой дорогой. Он ведал о ловушке частичных уступок. Каждое слово Проповедника подтверждало, что он передал видения своему сыну, понимая, что все в этом мире уже предугадано.

Нет, старые противоположности мчали сейчас Проповедника Он убегал из парадокса в парадокс.

— Тогда мы отправимся через несколько минут, — сказал Лито. — Ты скажешь Гурни?

— Разве Гурни с нами не пойдет?

— Я хочу, чтобы он уцелел.

И опять Проповедник всем телом ощутил напряжение. Оно было разлито в воздухе вокруг него, в земле у него под ногами, в парящей птице, смотревшей на неребенка, который был его сыном. Резкий вопль его прежних видений скребся в его горле.

«Проклятая святость!?

Не уйти от сочащегося песка своих страхов. Он знал, с чем столкнется в Арракине. Они опять вступят в игру с ужасающими и смертоносными силами, которые никогда не смогут принести им покой.

Глава 62

Ребенок, отказывающийся путешествовать в снаряжении своего отца — это символ самой уникальной человеческой способности. «Я не обязан быть тем, чем был мой отец. Я не обязан подчиняться правилам моего отца или даже верить всему, во что верил он. В том-то и моя сила как человека, что я могу делать собственный выбор, во что мне верить и во что мне не верить, кем мне быть и кем мне не быть».

Харк ал-Ада.

?Лито Атридес II. Биография».

Женщины-пилигримы танцевали под барабан и флейту на Храмовой площади, головы их обнажены, браслеты на шеях, платья тонки и открыты. Их длинные черные волосы сперва развевались, затем нахлестывали им на лица, когда они щурились.

Алия глядела на эту сцену, и привлекательного и отталкивающую, с высоты своего храма. Была середина утра, час, когда на площади начинал растекаться запах сдобренного спайсом кофе — от торговцев под тенистыми аркадами. Вскоре она должна будет выйти приветствовать Фарадина, преподнести формальные дары и присутствовать при его первой встрече с Ганимой.

Все шло согласно плану. Гани убьет его, и, в последующих потрясениях, только один человек будет готов ухватить свою выгоду. Куклы танцуют точно так, как потянемся за веревочку. Как она и надеялась, Стилгар убил Агарвиса. А Агарвис привел похитителей к джедиде, не ведая о том, что секретный передатчик был спрятан в новых сапогах, которые она ему подарила. Теперь Стилгар и Ирулэн ждут в темницах Храма. Может, они и умрут, а может, их можно будет и как-то иначе с пользой употребить. Пусть подождут: вреда не будет.

Она заметила, что городские Свободные наблюдают за танцовщицами на площади глазами напряженными и не бегающими. Принцип равенства, начавшись в пустыне, переселился и в города и городки Свободных, до сих пор упорно в них сохраняясь, но социальные различия между мужчиной и женщиной уже давали о себе знать. Это тоже отлично соответствует плану. Разделяй и властвуй. Алия улавливала что в том, как двое Свободных смотрят на этих инопланетянок и их экзотический танец, уже ощущается еле заметная перемена.

«Пусть смотрят. Пусть наполнят свои умы гхафлой».

Жалюзи окна Алии были открыты, и ей ощутимо было резкое усиление жары, в это время года начинавшейся прямо на восходе и достигавшей пика в полуденные часы. Температура каменных плит площади наверняка намного выше. Неуютно для этих танцовщиц, но они все продолжали кружиться и изгибаться, взмахивать руками и волосами в страстном упоении танцем. Они посвятили свой танец Алии, Чреву Небесному. Об этом Алии шепнула специально для этого пришедшая служанка, глумясь над инопланетянками и их странными обычаями. Служанка объяснила, что они — с планеты Икс, где сохранились остатки запрещенных наук и технологий.

Алия фыркнула. Эти женщины так же невежественны, суеверны и отсталы, как Свободные пустыни... Точь-в-точь как заметила глумливая служанка, прибежавшая, чтобы подольститься, с докладом о посвящении их танца. И ни служанка, ни иксиканки не знают, что Икс — это просто буква алфавита позабытого языка.

Весело смеясь про себя, Алия подумала: «Пусть танцуют». В танце выходит энергия, которая иначе могла бы найти более разрушительное применение. И музыка приятна, тонкие завывания, плоские тимпаны, барабаны из тыквы, хлопающие ладони.

Внезапно музыку заглушил гул множества голосов на дальнем конце площади. Танцовщицы сбились, потом, после краткого замешательства, опять поймали ритм, но утратили при этом чувство одиночества, и даже их взгляды обратились к воротам площади, где толпа растекалась по каменным плитам как хлещущая через открытый клапан канала вода.

Алия взгляделась в надвигающуюся волну.

Теперь ей стали слышны слова, и надо всем: «Проповедник!

Проповедник!?

Затем она увидела его, шагающего широкими шагами в первом приливе волны, рука на плече мальчика-поводыря.

Пилигримы-танцовщицы перестали кружиться и удалились на террасы ступеней под Алией. Так к ним присоединились их зрители — и во всех, наблюдающих за Проповедником, она различила

благовение. Ее же собственным чувством был страх.

«Как он смеет!?

Она полуобернулась послать стражу, но сразу же пришедшие соображения остановили ее. Толпа уже заполнила площадь. Она может повести себя совсем не мирно, если станет упрямствовать в своем явном желании услышать слепого провидца.

Алия стиснула кулаки.

ПРОПОВЕДНИК! Зачем Пол это делает? Для половины населения, он -«сумасшедший пустыни», и, следовательно, свят. Другие перешептываются на базарах и в лавках, что это почти наверняка Муад Диб. С чего бы еще Махдинату дозволять его гневную ересь?

Среди толпы Алии видны были беженцы, крохи добравшихся из брошенных съетчей, их одежды в лохмотьях. Опасное там внизу место — место, где возможно допустить ошибки.

— Госпожа?

Голос раздался позади Алии. Она обернулась и увидела Зию, стоявшую в арке дверного проема внешней палаты. При ней была вооруженная охрана из Личной Гвардии.

— Да, Зия?

— Миледи, Фарадин за дверьми и просит аудиенции.

— Здесь? В моих покоях?

— Да, миледи.

— Один?

— С ним два телохранителя и леди Джессика.

Алия положила руку на горло, припомнив последнюю немирную встречу с матерью. Времена, однако, изменились. Их отношения будут определяться новыми условиями.

— До чего же он импульсивен, — сказала Алия. — Какую причину он выдвигает?

— Он слышал о... — Зия указала на окно на площадь. — Он говорит, что слышал, будто от вас лучший вид.

Алия нахмурилась.

— Ты веришь этому, Зия?

— Нет, миледи. По-моему, он слышал слухи. И хочет видеть вашу реакцию.

— Это моя мать его настропалила!

— Вполне вероятно, миледи.

— Зия, дорогая моя, я хочу, чтобы ты выполнила особый ряд очень важных для меня приказаний. Подойди сюда.

Зия подошла на расстояние шага от Алии.

— Миледи?

— Пригласи Фарадина, его телохранителей, и мою мать. Затем приготовь Ганиму. Ее следует облачить как невесту по обычаям Свободных, до последней детали — ПОЛНОСТЬЮ.

— И нож, миледи?

— И нож.

— Миледи, это...

— Ганима не представляет для меня угрозы.

— Миледи, есть основания полагать, что она сбежала со Стилгаром в пустыню, больше чтобы его защитить, чем по любой другой...

— Зия!

— Миледи?

— Ганима уже подала свое ходатайство за Стилгара, и Стилгар останется в живых.

Но она предполагаемая наследница!

— Просто выполнни мои приказы. Пусть Ганиму приготовят. Когда ты присмотришь, чтобы это делалось, пошли пять служителей из храмового жречества на площадь. Пусть пригласят Проповедника сюда. Пусть подождут удобного случая и заговорят с ним, больше ничего. Силу им применять нельзя. Я хочу, чтобы они его вежливо пригласили. Абсолютно никакого принуждения. И, Зия...

— Миледи? — как же насупленно она это произнесла.

— Проповедник и Ганима должны быть введены сюда одновременно. Они должны вместе войти по моему сигналу. Понимаешь?

— Я понимаю план, миледи, но...

— Просто сделай это! Вместе, — и Алия кивнула своей амазонке, отпуская ее. Когда Зия, повернувшись, уходила, Алия сказала: — Выходя, пригласи Фарадина и его сопровождающих, но позабочься, чтобы перед ними вошли десять моих самых достойных доверия стражей.

Зия, выходя из комнаты, оглянулась на ходу.

— Все будет сделано по вашим распоряжениям, миледи.

Алия отвернулась и посмотрела из окна. Всего лишь через несколько минут ее ПЛАН принесет кровавые плоды. И Пол будет здесь, когда его дочь нанесет *coup de grace*

его святошеским претензиям. Алия услышала, как входит присланное Зией подразделение. Все скоро будет кончено. Все кончено. Она поглядела вниз на Проповедника, занимающего свое место на первой ступени, с растущим ощущением триумфа.

Его юный поводырь присел на корточки рядом с ним. Алия увидела желтые одежды храмовых жрецов, поджидающих слева, застопоренных плотной толпой. Они, однако, опытны в обращении с толпами. Они найдут дорогу к цели. Голос Проповедника прогремел над площадью, толпа с сосредоточенным вниманием ожидала его слов. Пусть слушают! Скоро в его слова будет вложен совсем другой смысл, чем он предполагает.

И не будет поблизости никакого ПРОПОВЕДНИКА, чтобы запротестовать. Она услышала, как вошел Фарадин с сопровождающими, услышала голос матери:

— Алия?

Не оборачиваясь, Алия сказала:

— Добро пожаловать, Принц Фарадин, матушка. Идите сюда, любуйтесь спектаклем, — затем она оглянулась, и увидела рослого сардукара, Тайканика, злобно хмутившегося на стражей, загородивших дорогу. — Но это негостеприимно, — сказала Алия. — Дайте им пройти. — Двое стражей, явно действуя по приказам Зии, подошли к ней и встали между ней и остальными. Прочие стражи расступились. Алия отошла к правой стороне окна, указала жестом: — Отсюда и вправду наилучший вид.

Джессика, в своей традиционной черной абе, сумрачно глянула на Алию, сопровождая Фарадина к окну, но встала между ним и стражами Алии.

— Так это любезно с вашей стороны, леди Алия, — сказал Фарадин. — Я столько слышал об этом Проповеднике.

— И вот он во плоти, — сказала Алия. На Фарадине был серый мундир командующего сардукарами, без знаков отличия. Поджарая грациозность его движений восхитила Алию. Возможно, этот Принц Коррино будет не просто забавой от безделья.

Голос Проповедника загремел в помещении через усилители возле окна. Алия почувствовала, как этот звук пронизал ее трепетом до самых костей, и стала слушать еще зачарованней.

— И обнаружил я, что я — в пустыне Зан, — вскричал Проповедник, — в ее бесплодии воющей дикости. И Господь повелел мне очистить это место. Поскольку мы искушаем пустыней, и скорбны в пустыне, и соблазняемы ее дикостью забросить наши пути.

«Пустыня Зан», подумала Алия. Такое название было дано месту первого испытания Скитальцев Дзэнсунни, от которых произошли Свободные. Но его слова? Завоевывает ли он доверие, чтобы обратить его на разрушение твердынь съетчей верных ей племен?

— Дикие звери лежат на ваших землях, — голос Проповедника гулко гремел над площадью. — Скорбные твари наполняют ваши дома. Вы, бежавшие из своих домов, не умножите больше ваших дней на песке. Да, вы, забросившие свои пути, вы умрете в смраднейшем гнезде, если и дальше будете идти по этой дороге. Но если вы внемлете моему предупреждению, то Господь проведет вас через страну западней в Горы Господни. Да, Шаи Хулуд вас поведет.

Над толпой поднялись тихие стоны. Проповедник сделал паузу, поводя безглазыми глазницами в направлении звуков. Затем он воздел руки, широко их распахнул и возвзвал:

— О Господь, моя плоть томится по пути Твоему в сухой и полной жажды стране!

Старуха перед Проповедником — явная беженка, судя по ее заношенным и заплатанным одеяниям — воздела руки и взмолилась:

— Помоги нам, Муад Диб! Помоги нам!

У Алии внезапным испугом стиснуло груди, она спросила себя, действительно ли эта старуха знает правду. Она взглянула на мать, но Джессика пребывала недвижимой, деля свое внимание между стражами Алии, Фарадином и видом в окне. Фарадин, слушавший с зачарованным вниманием, словно к месту прирос.

Алия взглянула из окна, стараясь разглядеть храмовых жрецов. Их не было видно, и она предположила, что они пробираются прямо под ней мимо ворот храма, чтобы по прямой спуститься к Проповеднику сзади.

Проповедник указал правой рукой поверх головы старухи и вскричал:

— Только вы и есть — себе в помощь! Вы были мятежными, вы приносили сухой ветер, который не чистил и не освежал. Вы не сете ношу вашей пустыни, и вихрь выходит оттуда, из той жестокой страны. Я был в том запустении. Вода бежит в песок из разбитых каналов. Потоки бороздят землю. Вода падает с неба в Поясе Дюны! О, друзья мои, Господь мне повелел. Прямо в пустыне проложите прямую и широкую дорогу к нашему Господу, поскольку я — его голос, доходящий до вас из пустыни, — он напряженным и негнущимся пальцем указал на ступени у себя под ногами. — Это не потерянная джедида, которой вовеки более не быть заселенной! Здесь ели мы наш хлеб райский. И здесь шум чужестранцев выгнал нас из домов! Взращивают они для нас запустение, страну, в которой ни единому человеку не обитать, и ни единому человеку не пройти по которой!

Толпа недовольно всколыхнулась, беженцы и городские Свободные озирались, выглядывая стоящих среди них пилигримов хаджжа.

«Он может спровоцировать кровавые бесчинства! — подумала Алия. -Ладно, ну и пусть. Тогда мои жрецы схватят его среди смятения». И затем она увидела пятерых жрецов, тугой узел желтого цвета, прокладывающий себе дорогу по ступеням вниз, к Проповеднику.

— Воды, что разливаем мы над пустыней, стали кровью, — Проповедник широко взмахнул руками. — Кровь на крови! Воззрите на нашу пустыню, что могла бы радоваться и цвести — она соблазняет чужестранца, искушая его пребывать среди нас. Они приходят ради насилия! Лица их закрыты, как последний ветер Кразилека. Они берут землю в полон. Они высасывают изобилие, то скрытое сокровище, что в глубинах песка. Воззрите, как продвигаются они все далее в своем дьявольском труде. Писано вам: «И стоял я на песке, и видел зверя, восставшего из того песка, и на главе того зверя было имя Господне!?

В толпе раздался гневный ропот, взметнулись и затряслись кулаки.

— Что он делает? — прошептал Фарадин.

— Хотелось бы мне знать, — ответила Алия. Она поднесла руку к груди, в боязливом возбуждении этого мига. Толпа кинется на пилигримов, если он и дальше будет продолжать в том же духе!

Но Проповедник полуобернулся, устремил свои мертвые глазницы на храм, и поднял руку, указывая на высокие вила Алии.

— Одно богохульство остается! — провопил он. — Богохульство! И имя этому богохульству — Алия!

На площади воцарилась потрясенная тишина.

Алия стояла, оцепенев от ужаса. Она знала, по толпа не может ее видеть, но ее одолело чувство

уязвимости, выставленности напоказ. Эхо успокоительных слов внутри ее черепа боролось с тяжелой колотьбой ее сердца. Она могла лишь окаменело взирать на живую картину внизу. Проповедник продолжал указывать рукой на ее окна.

Но для жрецов его слова оказались последней каплей. Нарушив молчание гневными криками, они бросились в атаку вниз по ступеням, распихивая в стороны людей. На их передвижение толпа отреагировала волной, накатившись на ступени, сметая первые ряды зрителей, унося перед собой Проповедника. Тот слепо спотыкался, отделенный от своего юного поводыря. Затем над людской давкой взметнулась облаченная в желтое рука — вместе с ней взлетел криснож. Алия увидела, как нож пал вниз, по рукоять входя в сердце Проповедника.

Из шока Алию вывел громоподобный грохот захлопывающихся гигантских ворот храма. Стража явно сделала это, заграждаясь от толпы. Но люди уже отхлынули, образуя пустое пространство вокруг валявшейся на ступенях фигурки. Сверхъестественное затишье охватило площадь. Алии видно было много тел, но только одно из них валялось само по себе.

Над толпой раздался хриплый крик:

— Муад Диб! Они убили Муад Диба!

— Великие боги, — дрожащим голосом проговорила Алия. — Великие боги! — Чуть поздновато для этого, ты не думаешь? — спросила Джессика.

Алия повернулась всем телом, заметила при этом, какая ошарашенность появилась на лице Фарадина при виде ее ярости:

— Это Пол — тот, кого они убили! — взвизгнула Алия. — Это был твой сын! Когда это подтвердится — ты знаешь, что будет?

Джессика застыла на бесконечно долгий для нее миг, ей казалось, она сейчас услышала нечто, уже ей известное. Из этого застывшего мгновения ее вывел Фаадин, положив руку ей на руку.

— Миледи, — сказал он, и в его голосе было столько сочувствия, что, подумалось Джессике, она могла бы прямо сейчас от него умереть. Она перевела взгляде полыхающего холодной яростью лица Алии на несчастное и сочувствующее лицо Фаадина и подумала: «Я слишком хорошо сделала мою работу».

Нельзя было сомневаться в словах Алии. Джессика припомнила каждую интонацию голоса Проповедника, расслышав в нем свои собственные уловки, долгие годы наставлений, которые провела она с юношой, которому предназначалось стать Императором, и который комком кровавых тряпок валялся сейчас на ступенях Храма.

«Меня ослепила гхафла», — подумала Джессика.

Алия сделала знак одной из прислужниц, окликнула:

— Теперь введите Ганиму.

Джессика заставила себя задуматься над этими словами: «Ганима? Почему Ганима — теперь??

Прислужница повернулась к внешней двери, двинулась к ней, чтобы отворить, но, не успел никто и слова произнести, как дверь просела вперед. Лопнули дверные петли. Засов щелкнул, и дверь — толстая пластальная конструкция, которая по мысли должна была выдерживать кошмарные напряжения — рухнула в комнату. Стража кинулась из-под нее врассыпную, хватаясь за оружие.

Но в дверном проеме оказалось лишь двое детей: слева — Ганима, в черных одеждах обручения, и справа — Лито, из-под его белых, запятнанных пустыней, одежд, виднелся серый лоснящийся стилслют.

Алия перевела взгляд с упавшей двери на детей, ее охватила неподконтрольная дрожь.

— Семья здесь, чтобы нас приветствовать, — сказал Лито. — Бабушка, он кивнул Джессике, перевел взгляд на Принца Коррино. — А это, должно быть, Принц Фаадин. Добро пожаловать на Арракис, Принц.

В глазах Ганимы было пустое выражение. Она держала правую руку на рукояти церемониального крисножа на поясе, и, вроде бы, пыталась вырваться от Лито, жесткой хваткой державшего ее руку. Лито встремхнул ее руку, и все ее тело затряслось вместе с ней.

— Воззри на меня, семья, — сказал Лито. — Я — Ари, Лев Атридесов. А это... — он опять встремхнул руку Ганимы с такой могучей легкостью, что все ее тело дернулось. — Это Ариэ, Львица Атридесов. Мы пришли направить вас на Сехер Нбиу, Золотую Тропу.

Ганима впитала ключевые слова — «Сехер Нбиу» — и почувствовала, как отворилась запертая перегородка в ее сознании, как что-то потоком потекло в ее мозг. Оно втекало с линейной четкостью, и над ним парило внутреннее присутствие ее матери, стоявшей на страже у ворот. И Ганима поняла, что в этот момент она покорила свое крикливо-навязчивое прошлое. Они обрели ворота, через которые, если надо будет, сможет созерцать прошлое. Месяцы самогипнотического подавления соорудили внутри нее безопасное место, из которого она способна править своей собственной плотью. Она начала поворачиваться к Лито, чувствуя необходимость объяснить ему это — когда внезапно до нее дошло, где и с кем она стоит.

Лито отпустил ее руку.

— Твой план сработал? — прошептала Ганима.

— Вполне неплохо, — ответил Лито.

Алия, оправясь от шока, крикнула кучке стражей слева:

— Схватить их!

Но Лито наклонился, одной рукой поднял упавшую дверь и через помещение запустил ею в стражников. Двух из них она пригвоздила к стене. Остальные в ужасе повалились на спины. Дверь, весящую половину метрической тонны, швырнул этот ребенок!

Алия, разглядевшая, что в коридоре за дверью валяются поверженные стражники, сообразила, что это никто иной, как Лито, сотворил весь этот разгром.

Джессика тоже увидела тела, увидела грандиозную силу Лито — и пришла к сходным заключениям, но слова Ганимы были ухвачены самой сердцевиной ее тренированного Бене Джессерит и обученного науке хладнокровного мышления. — Какой план? — спросила Джессика.

— Золотая Тропа, наш Имперский план, для Империи, — сказал Лито. Он кивнул Фарадину. — Не держи на меня зла, кузен. Я действую не меньше и ради тебя. Алия надеялась, что Ганима зарежет тебя. Мне предпочтительней, чтобы ты прожил жизнь в относительном счастье.

Алия завизжала охране, оробело теснившейся в проходе.

— Я велю вам их схватить!

Но стража отказалась войти в помещение.

— Подожди меня здесь, сестра, — сказы Лито. — У меня есть неприятная задача, — и он направился к Алии.

Та подалась от него в угол, сжалась там и вытащила свой нож. В свете из окна полыхнули зеленые драгоценные камни на рукояти.

Лито просто продолжал на нее наступать, с руками безоружными, но широко расставленными и наготове.

Алия сделала выпад.

Лито подпрыгнул почти до потолка, ударили ее левой ногой. Он нанес зрячий удар ей в голову, оставив ей кровавую отметину на лбу — и Алия распростерлась на полу. Нож выпал у нее из рук и по полу скользнул прочь от нее. Алия потянулась за ножом, но обнаружила, что перед ней стоит Лито. Алия заколебалась, вспомнила все, чему утаил ее Бене Джессерит.

Встала с пола, тело расслаблено в боевой позиции.

И опять Лито двинул на нее.

Алия правым плечом обозначила ложный выпад влево, в то время, как ее правая нога выстрелила, нанося точечный удар, который при попадании мог бы распороть человеку живот.

Лито принял удар на руку, схватил ногу Алии, за ногу оторвал ее от земли и закружил у себя над головой. От скорости ее вращения раздался полоскающийся и шипящий звук бьющихся о ее тело одежд.

Остальные отпрянули, присев. Алия визжала и визжала, но все вращалась, вращалась и вращалась. Вскоре она примолкла.

Лито медленно снизил скорость вращения и мягко опустил ее на пол. Она повалилась там запыхавшимся комком.

Лито наклонился над ней:

— Я мог бы швырнуть тебя в стену, — сказал он. — Может, так было бы лучше всего, но мы сейчас в главной точке нашей борьбы. Ты заслуживаешь свой шанс.

Глаза Алии бешено стрельнули из стороны в сторону.

— Я победил свои внутренние жизни, — сказал Лито. — И Гани тоже. Она может...

— Алия, я могу показать тебе... — вмешалась Ганима.

— Нет! — это слово словно с натугой вывернулось из Алии. Грудь ее вздымалась, из уст ее хлынули голоса — несвязанные, клянущие, умоляющие. -Вот видишь! Почему ты не слушала? — а затем: Зачем ты это делаешь? Что происходит? — И другой голос: Останови их! Заставь их прекратить!

Джессика закрыла руками глаза, почувствовала, как ее ободряющее поддерживает рука Фарадина.

А Алия неистовствовала:

— Я тебя убью! — ее рот изрыгнул отвратительные ругательства. — Я выпью твою кровь! — из нее полились голоса на многих языках, все спутанные и перемешанные.

Теснящиеся в проходе стражники сделали знак червя, затем стиснутыми кулаками заткнули уши. Она одержима!

Лито встал, покачивая головой. Он подошел к окну и тремя быстрыми ударами разнес якобы несокрушимое, укрепленное хрусталем, оконное стекло, выбив его из рамы.

По лицу Алии скользнуло хитрое выражение. Джессика услышала, как из перекореженного рта вырвалось нечто похожее на собственный голос — пародия на самоконтроль Бене Джессерит:

— Вы, все! Стойте, где стоите!

Джессика, опустив руки, обнаружила, что они влажны от слез.

Алия перевернулась и встала на колени, потом поднялась на ноги.

— Разве вы не знаете, кто я? — вопросила она. Это был ее прежний голос, сладостный и звенящий голос той юной Алии, которой больше не было. — Почему вы все так на меня смотрите? — она повернулась к Джессике, умоляюще на нее глядя. — Мама, заставь их прекратить.

Джессика смогла только покачать головой, охваченная предельным ужасом. Все старые предостережения Бене Джессерит были истиной. Она поглядела на Лито и Ганиму, рядышком стоявших возле Алии. А что значат эти предупреждения для бедных близнецов?

— Бабушка, — сказал Лито, и голос его был умоляющ. — Должны ли мы проводить Трибунал Одержанности?

— Кто вы такие, чтобы говорить о трибунале? — осведомилась Алия, и голос ее был голосом желчного мужчины, мужчины автократичного и чувственного, слишком далеко зашедшего в самоублажение.

И Лито, и Ганима узнали этот голос. Старый Барон Харконнен. Ганима услышала, как тот же самый голос эхом откликается у нее в голове, но внутренние ворота заперты, и ее мать неусыпно бдит возле них.

Джессика промолчала.

— Тогда, решение за мной, — сказал Лито. — А выбор твой, Алия. Либо Трибунал Одержанности, либо... — он кивнул на открытое окно.

— Кто ты такой, чтобы предлагать мне выбор? — вопросила Алия, и опять-таки это был голос Старого Барона.

— Демон! — вскрикнула Ганима. — Дай ей выбрать самой!

— Мама, — в интонациях маленькой девочки взмолилась Алия. — Мама, что они делают? Что ты от меня хочешь? Помоги мне.

— Сама себе помоги, — приказал Лито и, на кратчайший миг, увидел в глазах Алии присутствие своей уничтоженной тети, ее собственное «я», без всякой надежды бросившее на него жаркий взгляд и исчезнувшее. Но тело ее задвигалось — деревянными, отталкивающими шажками. Она

вихляла, спотыкалась, сбивалась с пути и возвращалась на него — все ближе и ближе к открытому окну.

Теперь с ее уст звучал неистовствующий голос старого Барона:

— Остановись! Остановись, я говорю! Я велю тебе! Остановись! На, получай! — Алия стиснула руками голову, еще ближе подковыляла к окну. Она уже касалась ляжками подоконника, а голос все бушевал. — Не делай этого! Остановись и я помогу тебе! У меня есть план! Послушай меня! Остановись, я сказал! Подохни! — но Алия оторвала руки от головы, вцепилась в разбитую оконную раму. Одним дерганым движением она перевалилась через подоконник и исчезла. Падая, она даже крика не испустила.

Находившиеся в палате услышали крик толпы, тяжелый сырой шлепок -Алия рухнула на ступени далеко внизу.

Лито поглядел на Джессику:

— Мы говорили тебе, чтоб ты ее жалела.

Джессика отвернулась и спрятала лицо в тунике Фарадина.

Глава 63

Убеждение, будто можно всю систему заставить работать лучше через нападение на ее мыслящие элементы выдает опасное невежество. Оно часто является невежественным подходом тех, кто называет себя учеными или технологами.

Харк ал-Ада.

Бутлерианский Джихад.

— Он бегает по ночам, кузен, — сказала Ганима. — Он бегает. Ты видел, как он бегает?

— Нет, — ответил Фарадин.

Он ждал вместе с Ганимой в приемной малого зала аудиенции Твердыни, куда Лито пригласил их. Тайканник стоял с другой стороны, вместе с леди Джессикой, чувствуя себя непотно рядом с ней, а леди Джессики вид был отстраненный, словно мыслью она обитала где-то не здесь. И часа еще не прошло после утренней трапезы, но многое уже было сделано — извещение Союзу, послания КХОАМ и Ландсрааду.

Фарадин находил затруднительным понимать этих Атридесов. Хоть леди Джессика и предупреждала его, но реальность все равно оставляла его озадаченным. Они продолжали говорить о помолвке, хотя, вроде бы, почти все политические причины для нее развеялись. Лито восседает на трон — в этом, похоже, сомневаться не приходится. Его странную ЖИВУЮ КОЖУ следует, конечно, удалить... но, со временем...

— Он бегает, чтобы утомить себя, — сказала Ганима. — Он — воплощенный Кразилек Ни один ветер не обгонит его бега. Он — пятнышко на дюнах, я видела его. Он бежит и бежит. А когда он, наконец, изматывается, он возвращается и кладет голову мне на колени. «Попроси нашу мать внутри тебя найти для меня способ умереть», — молит он.

Фарадин воззрился на нее. Всю неделю после бесчинств на площади Твердыня жила странным ритмом, таинственными приходами и уходами. Истории о яростном сражении за Задитной стеной дошли до него через Тайканника, к которому обратились за военным советом.

— Не понимаю тебя, — сказал Фарадин. — Найти для себя способ умереть? — Он просил меня подготовить тебя, — сказала Ганима. Не впервые поразила ее занятная невинность этого Принца Коррино. Работа леди Джессики — или врожденное?

— К чему?

— Он больше не человек, — сказала Ганима. — Вчера ты спросил, когда он собирается снять свою ЖИВУЮ КОЖУ? Никогда. Она — часть его, а он — ее часть. По приблизительным подсчетам Лито, он, вероятно, проживет около четырех тысяч лет, прежде чем его уничтожит метаморфоза.

Фарадин попытался сглотнуть сухим горлом.

— Теперь понимаешь, почему он бегает? — спросила Ганима.

— Но если он собираются прожить так долго, и быть таким...

— Потому что слишком богата его память о человеческом бытии. Подумай обо всех его жизнях, кузен. Нет. Ты не можешь представить, что же это такое, поскольку ты этого не испытал. Но я знаю. Я могу представить его боль. Наш отец удалился в пустыню, пытаясь убежать от этого. Алия в страхе перед этим стала Богомерзостью. В нашей бабушке — лишь расплывчатые зачатки этого состояния, и все же ей приходится прибегать ко всем уловкам Бене Джессерит, чтобы жить с этим — с тем, с чем все равно приходится иметь дело, если ты — Преподобная Мать. Но Лито! Он совсем одинок, и никогда не будет воспроизведен.

Фарадин был напрочь оглушен ее словами. Император на четыре тысячи лет?

— Джессика знает. — Ганима поглядела на бабушку. — Он рассказал ей вчера вечером. Он называет себя первым воистину долгосрочным планировщиком в человеческой истории.

— Что... что он планирует?

— Золотую Тропу. Он объяснит тебе позже.

— И в этом... плане у него есть роль для меня?

— Да, моего спутника. Он возьмет на себя программу развития Бене Джессерит. Уверена, бабушка

рассказывала тебе о мечте Бене Джессерит создать мужчину — Квизац Хадерах с необычайными силами. Он...

— То есть, мы попросту будем...

— Не ПОПРОСТУ, — ее теплая рука стиснула его руку. — У него будет много ответственных поручений для нас обоих. То есть, когда мы не будем производить детей.

— Ну, для этого ты пока что маловата, — сказал Фарадин, сжимая ее руку.

— Никогда не повторяй этой ошибки, — сказала она. И льдинка была в ее голосе.

Джессика подошла к ним вместе с Тайкаником.

— Тайк рассказывает мне, боевые действия распространились на всю планету, — сказала Джессика. — Центральный Храм на Биареке взят в осаду. Фарадину показалось странным спокойствие, с которым она это произнесла. Ночью он проглядывал доклады вместе с Тайкаником. Пожар мятежа ширится по всей Империи. Он, конечно, будет погашен, но Лито придется восстанавливать Империю из печального состояния.

— Вот и Стилгар, — сказала Ганима. — Его поджидали, — и снова она взяла Фарадина под руку.

Старый наив Свободных вошел в двери в сопровождении двух своих соратников из Команды Смерти по прежним дням в пустыне. Все они были одеты в официальные черные робы с белыми разводами, на головах их были желтые траурные повязки. Они подошли твердым широким шагом. Стилгар задержал взгляд на Джессике. Он остановился перед ней, настороженно кивнул.

— Ты все еще терзаешься из-за смерти Данканна Айдахо, — сказала Джессика. Ей не понравилась эта настороженность в старом друге.

— Преподобная Мать, — сказал он.

«Вот, значит, что, — подумала Джессика. — Все официально и в соответствии с кодексом Свободных, есть кровь, которую нельзя стереть».

И она сказала:

— С нашей точки зрения, ты лишь сыграл ту роль, на которую назначил тебя Айдахо. Не впервые человек отдает свою жизнь за Атридесов. Почему они это делают, Стил? Потому ли, что знают, как велико бывает вознаграждение Атридесов?

— Я счастлив, что ты не ищешь предлога для мести, — сказал он. Но есть дела, которые я должен обсудить с твоим сыном. Эти дела могут разлучить нас навсегда?

— Ты имеешь в виду, Табр не принесет вассальной присяги? — спросила Ганима.

— Я имею в виду, что погожу с суждением, — он холодно поглядел на Ганиму. — Мне не нравится то, чем стали мои Свободные, — проворчал он. -Мы вернемся на прежние пути. Без вас, если будет необходимо.

— На время — возможно, — ответила Ганима. — Но пустыня умирает, Стил. Куда ты денешься, когда не будет больше червей, не будет больше пустыни?

— Я не верю этому!

— Через одну сотню лет, — сказала Ганима, — здесь будет менее пятидесяти червей, да и те будут больными, содержащимися в тщательно оберегаемом заповеднике. Их спайс будет только для Космического Союза, а его цена... — она покачала головой. — Я видела подсчеты Лито. Он побывал на всей планете. Он знает.

— Еще один ваш трюк, чтобы оставить Свободных своими вассалами?

— Когда ты был нашим вассалом? — спросила Ганима.

Стилгар поугрюмел. Что он ни сделай или ни скажи — эти близнецы всегда представлят это его грехом.

— Вчера вечером он рассказывал мне о Золотой Тропе, — бухнул Стилгар. — Мне это не нравится!

— Странно, — сказала Ганима, взглянув на бабушку. — Большинство Империи будет ее приветствовать.

— Разрушение нас всех, — пробормотал Стилгар.

— Но всякий жаждет Золотого Века, — сказала Ганима. — Разве не так, бабушка?

— Всякий, — согласилась Джессика.

— Они жаждут Империи Фараонов, которую даст им Лито, — сказала Ганима. — Жаждут богатого мира, изобильных урожаев, процветания торговли и ремесел, равенства всех, кроме Золотого Правителя.

— Это будет смертью для Свободных! — возразил Стилгар.

— Как ты можешь так говорить? Разве нам не нужны будут солдаты и храбрецы, чтобы справляться со случающимися возмущениями? Нет, Стил, ты и бравые соратники Тайка будут по шею загружены работой.

Стилгар взглянул на сардукарского офицера — и между ними промелькнул странный свет взаимопонимания.

— И Лито будет контролировать спайс, — напомнила Джессика.

— Он будет под его абсолютным контролем, — добавила Ганима.

Фарадин, слушавший тем новым сознанием, которому Джессика его научила, уловил в репликах Ганимы и ее бабки игру по заранее согласованному между собой сценарию.

— Мир будет сохраняться, пока за него борешься, — сказала Ганима. -Память о войне что угодно, но не исчезнет. Лито будет вести человечество этим садом по меньшей мере четыре тысячи лег. Тайканник вопросительно взглянул на Фарадина, кашлянулся.

— Да, Тайк?

— Я бы хотел поговорить с вами лично, Мой Принц.

Фарадин улыбнулся, зная вопрос, возникший в военном уме Тайканника, и зная, что еще по меньшей мере двое из присутствующих поняли этот вопрос.

— Я не продам сардукарсов, — сказал он.

— Нет надобности, — сказала Ганима.

— Ты слушаешься этого ребенка? — вопросил Тайканник Он был в ярости. Вот этот старый наиб понимают проблемы, возникающие из всех этих замыслов, но никто больше ни дьявола не смыслит в ситуации!

Ганима мрачно улыбнулась:

— Объясни ему, Фарадин.

— Фарадин вздохнул. Легко забыть о странности этого ребенка, который вовсе не ребенок Ему легко вообразилась вся жизнь в браке с ней, скрытые уловки за всем интимным. Не слишком приятная перспектива, но он начинал постигать ее неизбежность. Полный контроль над скудеющими поставками спайса! Ничто в мире не сдвигается без спайса.

— Позже, Тайк, — сказал Фарадин.

— Но...

— ПОЗЖЕ, Я СКАЗАЛ! — Фарадин впервые опробовал на Тайканнике Голос, увидел, как тот моргнул от изумления и примолк.

Тугая улыбка тронула губы Джессики.

— Он на одном дыхании говорит о мире и о смерти, — сказал Стилгар. -Золотой Век!

Ганима сказала:

— Он поведет людей через кульп смерти на вольный воздух изобилия жизни! Он говорит о смерти, потому что это необходимо, Стил. Это напряжение, через которые живущие понимают, что живы. Когда Империя падет... О, да, она падет. Ты думаешь, будто Кразилек — сейчас, но Кразилек еще только наступит. А когда он наступит, люди обретут обновленную память о том, что такое быть живым. Память будет упорно сохраняться до тех пор, пока жив хоть один человек. Мы еще раз пройдем через суровое испытание, Стил. И мы выйдем на него. Мы всегда воскресаем из

собственного пепла. Всегда.

Фарадин понял, слушая ее слова, что она имела в виду, рассказывая ему о бегающем Лито. Он — ЧЕЛОВЕКОМ НЕ БУДЕТ.

Стилгар все еще не был убежден.

— Никаких больше червей, — проворчал он.

— О, черви вернутся, — заверила его Ганима. — Через две сотни лет все они будут мертвы — но они вернутся.

— Как... — Стилгар осекся.

Фарадина поплыл по волне откровения. Он понял, что скажет Ганима еще до того, как она заговорила.

— Союз с трудом переживает скудные годы, и только лишь благодаря собственным и нашим запасам, — сказала Ганима. — Но и после Кразилека будет изобилие. Черви вернутся после того, как мои брат уйдет в песок.

Глава 64

Как это бывает с очень многими религиями, Золотой Эликсир Жизни Муад Диба скатился до поверхностного волховства. Его таинственные знаки стали всего лишь символами для замещения более глубоких психологических процессов, и эти процессы, конечно, пошли наперекосяк. В чем была нужда, так это в живущем Боге, а ни одного не имелось — эту ситуацию и исправил сын Муад Дибы.

Речение, приписываемое Лу-Тунг-пину

(Лу, Гость Пещеры).

Лито сидел на Львином троне, принимая присягу племен. Ганима стояла рядом с ним, одной ступенькой ниже. Церемония в Великой Зале длилась целые часы. Племя за племенем Свободных представляло перед ним, через своих делегатов и наивов. Каждая делегация подносила дары, подобающие Богу устрашающей силы, Богу мести, сулившему им мир.

Он через испуг привел их к покорности, устроив спектакль перед общей арифой всех племен. Судьи увидели, как он заходил в огненную яму и, выйдя из нее невредимым, попросил их внимательно осмотреть его кожу — что на ней нет никаких отметин. Он приказал бить себя ножами — и его непреодолимая кожа запечатывала при этом его лицо так, что ножу не было куда проникнуть. При малейшем дымке из него начинали сочиться кислоты. Он съел их яды — и посмеялся над ними.

Под конец он вызвал червя и постоял в его пасти лицом к ним. Затем он повел их на летное поле Арракина и там нагло опрокинул фрегат Союза, подняв его за один из посадочных стабилизаторов. Арифа отчиталась обо всем этом с благоговейным страхом, и теперь прибыли делегации племен, чтобы официально закрепить свою покорность. Сводчатое пространство Великой Залы, с акустическими свойствами его увлажнительных систем, почти поглощало резкие шумы, но непрестанный шорох движущихся ног, плывущий на волнах пыли и запахов кремниевой гальки, принесенных снаружи, неотступно проникал в слух.

Джессика, отказавшаяся присутствовать, наблюдала из потайного глазка за троном. Взгляд ее был прикован к Фарадину — с осознанием, что и ее, и Фарадина переиграли. Конечно же, Лито и Ганима предвидели действия Сестер! Внутри себя близнецы могли посоветоваться со множеством более великих бене джессериток, чем все живущие ныне в Империи.

Особенно ей было горько из-за того, как именно мифология Сестер поймала в западню Алию. «Страх возводит страх!» Поколениями складывавшиеся особенности взгляда отпечатали на ней судьбу Богомерзости. Алия не ведала надежды. Конечно, она поддалась. На фоне ее судьбы еще трудней было видеть, чего достигли Лито и Ганима — даже не одного выхода из западни, а двух. И самым горчайшим были победа Ганимы над своими внутренними жизнями и ее настоящия, что Алия заслуживает только жалости. Гипнотическое подавление под стрессом, сцепленное с опекунством благого предка, спасли Ганиму. Они могли бы спасти и Алию. Но, не имея надежды, она ничего не предприняла, пока уже не стало слишком поздно. Вода Алии ушла в песок. Джессика вздохнула, перевела взгляд на Лито на троне. Огромный глобусообразный кувшин с водой Муад Диба занимал почетное место по его правую руку. Он похвалился Джессике, что его отец-память посмеялся над этим жестом, хоть и восхищаясь им в то же время.

Кувшин и похвальба укрепили решимость Джессики не принимать участия в ритуале. Сколько ни проживи, знала она, она никогда не сможет принять Пола, говорящего из уст Лито. Она радовалась, что устоял Дом Атридесов, но невыносимы были мысли о том-что-могло-бы-быть.

Фарадин сидел, скрестив ноги, рядом с сосудом с водой Муад Дибы. Это было место Царственного Писца, почести новопожалованной и новопринятой. Фарадин чувствовал, что отменно приспособливается к новым реальностям, хотя Тайканик до сих пор был в ярости и сулил зловещие последствия. Он вошел со Стилгаром в союз на основе недоверия к происходящему — и их смычка, похоже, забавляла Лито.

За часы церемонии принесения присяги, Фарадин переходил от благоговения к скуке, а от нее опять к благоговению. Нескончаемым потоком текли эти люди, эти бесподобные бойцы. Их обновленная верность Атридесу на троне уже не ставилась под вопрос. Они стояли перед ним в покорном ужасе, напрочь запуганные тем, о чем доложила Арифа.

Наконец все почти кончилось. Перед Лито стоял последний наив -Стилгар, шедший «Последним и Почетным». Вместо тяжелых корзин со спайсом, полыхающих драгоценных камней и любых других дорогостоящих даров, горами громоздившихся вокруг трона, Стилгар держал плетеную из волокон спайса повязку для головы. На ней был Ястреб Атридесов, выполненный в золоте и зеленом.

Ганима узнала повязку и искоса бросила взгляд на Лито.

Стилгар положил повязку на вторую ступень, низко поклонился.

— Я подношу тебе повязку, которую носила твоя сестра, когда я увел ее в пустыню, чтобы ее защитить, — сказал он.

Лито подавил улыбку.

— Я знаю, что тяжелые тебе выпали времена, Стилгар, — сказал он. — Есть ли что-нибудь, способное стать тебе возмещением? — он указал на груды дорогих даров. — Нет, милорд.

— Тогда я принимаю твой дар, — Лито наклонился вперед, ухватил край одеяния Ганимы и оторвал от него тонкую полоску. — В обмен я даю тебе кусочек одежды Ганимы, той одежды, в которой она была, когда ее похитили из твоего лагеря в пустыне, вынудив меня прийти ей на выручку.

Стилгар принял дар дрожащей рукой.

— Ты смеешься надо мной, милорд?

— Смеюсь над тобой? Именем своим клянусь, Стилгар, никогда бы я не стал над тобой смеяться. Я велю тебе всегда носить это близко к сердцу как напоминание, что все люди подвержены ошибкам, и что все вожди — люди. Стилгар слегка усмехнулся.

— Какой бы из тебя получился наиб!

— Какой я есть наиб! Наиб наибов. Никогда об этом не забывай!

— Как скажешь, милорд, — Стилгар сглотнул, припоминая отчет своего арифы. И подумал: «Однажды у меня была мысль его убить. Теперь уже слишком поздно». Взгляд его упал на изящный сосуд, покрытый плотной позолотой и с зеленой крышкой. — Это вода моего племени.

— И моего, — сказал Лито. — Приказываю тебе прочесть, что на нем написано. Прочти громко, чтобы всякий мог слышать.

Стилгар бросил на Ганиму вопрошающий взгляд, но она лишь подбородок вздернула — холодный ответ, от которого у Стилгара пробежали мурашки. Не намереваются ли эти Атридесовские бесенята призвать его к ответу за его горячность и его ошибки?

— Читай, — указал Лито.

Стилгар медленно поднялся по ступеням, наклонился, разглядывая сосуд. Вскоре он прочел:

— «Эта вода есть первосущность, источник вовне текущего творчества. Хоть и неподвижна, эта вода есть основа любого движения».

— Что это значит, милорд? — прошептал Стилгар. Он ощущал священный трепет перед этими словами, затронувшими в нем нечто, непонятное ему самому.

— Тело Муад Диба — сухой панцирь, наподобие сброшенного насекомым сказал Лито. — Овладевая внутренним миром, он с презрением относился к внешнему, и это привело к катастрофе. Овладевая внешним миром, он исключал внутренний, и это отдало его потомков демонам. Золотой Эликсир исчезнет с Дюны, но будет продолжаться семья Муад Диба, и вода его будет двигать мироздание.

Стилгар склонил голову. Мистическое всегда приводило его в смятение. — Начало и конец есть одно, — сказал Лито. — Мы живем в воздухе, и его не видим. Фаза завершена. Из ее завершения произрастает начало ее противоположности. Отсюда у нас будет Кразилек. Потом все вернется в измененном виде. Ты ощущал и ощущаешь мысли в своей голове — твои потомки ощутят их нутром. Возвращайся в съетч Табр, Стилгар. Там к тебе присоединится Гурни Хэллек, моим представителем в твоем Совете.

— Ты не доверяешь мне, милорд? — тихо проговорил Стилгар.

— Доверяю полностью, иначе бы не послал к тебе Гурни. Он начнет вербовку новых сил, которые нам скоро понадобятся. Я принимаю твою присягу верности, Стилгар. Ты можешь идти.

Стилгар низко поклонился, задом спустился со ступеней, повернулся и вышел из залы. Остальные наибы шаг в шаг потянулись за ним, в соответствии с принципом Свободных, что «последние будут первыми». Но некоторые из вопросов уходящих доносились до трона.

— О чём вы там говорили, Стил? Что это значит, эти слова на воде Муад Диба?

Лито обратился к Фарадину:

— Ты ничего не упустил, Писец?

— Нет, милорд.

— Моя бабушка говорит, что хорошо тебя подготовила по мнемонике Бене Джессерит. Это славно. Мне не хочется, чтобы ты строчил рядом со мной.

— Как прикажешь, милорд.

— Иди сюда, встань передо мной, — сказал Лито.

Фарадин повиновался, более чем когда-либо благодарный Джессике за науку. Когда принимаешь тот факт, что Лито больше не человек, не может больше мыслить по-человечески — курс Золотой Тропы становится еще более пугающим.

Лито посмотрел на Фарадина. Стражи находились далеко, вне пределов досягаемости слуха. В Великой Зале оставались лишь советники Внутреннего Присутствия, но их заискивающие группки были далеко от первой ступени. Ганима подошла поближе и положила руку на спинку трона.

— Ты все еще не согласен отдать мне своих сардукаров, — сказал Лито. — Но ты согласишься.

— Я должен тебе многое, но не это, — сказал Фарадин.

— Ты думаешь, они не сойдутся с моими Свободными?

— Сойдутся не хуже этих новых друзей, Стилгара и Тайканика.

— И все же ты отказываешься?

— Я жду твоего предложения.

— Я должен делать мое предложение, только зная, что ты никогда не предашь его огласке. Молюсь, чтобы моя бабушка хорошо выполнила свою работу, чтобы ты был подготовлен к пониманию.

— Что я должен понять?

— В любой цивилизации всегда есть преобладающий культ, — сказал Лито. — Он устанавливает себя преградой для перемен, и это всегда оставляет будущие поколения неподготовленными к предательству от мироздания. Все культуры одинаковы в деле возведения преград — религиозный, героя-вождя, мессии, науки и технологии, самой природы. Мы живем в Империи, в которой оформился такой культ, и теперь Империя разваливается, потому что большинство людей не отличают культ от мироздания. Видишь ли, культ — он как демоническая одержимость, он завладевает сознанием, заставляя все видеть лишь его глазами.

— Узнаю мудрость твоей бабушки в этих словах, — сказал Фарадин.

— Хорошо и славно, кузен. Она спросила меня, не Богомерзость ли я. Я ответил, что нет. Это стало моим первым предательством. Видишь ли, Ганима это избегла, но я — нет. Я был вынужден уравновешивать внутренние жизни под давлением чрезмерных доз меланжа. Уравновешивая, я избег зловольнейших и выбрал того доминирующего помощника, которого подсунул мне мой отец-память. На самом деле я ни отец, ни этот помощник. Но, опять же, я не Лито Второй.

— Объясни.

— В тебе есть восхитительная прямота, — сказал Лито. — А я сообщество, в котором доминирует один, древний и исключительно могучий. Он основал династию, продержавшуюся три тысячи лет. Звали его Харум, и, пока его род не закатился на слабом и суеверном от природы потомке, жизнь его поданных текла в возвышенном ритме. Они бессознательно двигались вместе со сменами времен года. Личности, которых они воспитывали, склонны были к кратколетию и суевериям, ими легко было править богу-царю. Если брать в целом, это был могучий народ. Выживаемость как рода стала для них развившейся особенностью их жизни.

— Мне это не нравится, по твоему описанию, — сказал Фарадин.

— На самом деле, не нравится и мне, — сказал Лито. — Но это — тот мир, который я создам.

— Почему?

— Есть урок, преподанный Дюной. Мы относились к присутствию смерти как к доминирующему среди живущих здесь призраку. Благодаря этому призраку мертвые изменили живых. Люди такого общества погрязают в собственном желудке. Но, когда придет время противоположному, они воспрянут, они станут величавы и прекрасны.

- Это не ответ на мой вопрос, — возразил Фарадин.
- Ты не доверяешь мне, кузен.
- Так же, как твоя бабушка.
- Имея на то действительные причины, — сказал Лито. — Но она уступит, потому что должна. Все Бене Джессерит в конечном итоге прагматики. Я, ведь знаешь, разделяю их взгляд на наш мир. Ты — мечен этим миром. Ты сохраняешь склад характера правителя, и, отсюда, все человеческие свойства каталогизированы тобой с той точки зрения, какие из них тебе, как правителю, представляют угрозу, а какие — ценность.
- Я согласился стать твоим писцом.
- Это развлекает тебя и льстит твоему истинному дарованию, дарованию историка. У тебя определенный дар читать настоящее через прошлое. В нескольких случаях ты меня предвосхитил.
- Мне не нравятся твои завуалированные намеки, — сказал Фарадин.
- Хорошо. От бесконечного честолюбия ты опустился до нынешнего состояния. Разве моя бабушка не остерегала тебя от бесконечности? Она привлекает нас подобно прожектору в ночи, и, ослепленными, ввергает в крайности, которыми она может поранить конечное.
- Афоризмы Бене Джессерит! — возразил Фарадин.
- Мои намного точнее, — сказал Лито. — Бене Джессерит верили, будто могут предсказывать направление эволюции. Но они проглядели изменения самих себя в процессе этой эволюции. Они воображали, будто могут оставаться на месте, в то время, как их программа развития эволюционировала бы. У меня нет подобной рефлекторной слепоты. Погляди на меня внимательно, Фарадин, я больше не человек.
- Так уверяет меня твоя сестра, — Фарадин заколебался. Богомерзость?
- Возможно, если брать определения Сестер. Харум жесток и автократичен. Я — соучастник его жестокости. Хорошенько запомни: во мне жестокость крестьянина, и мир человеческий — мое угодье. Некогда Свободные держали ручных орлов, а у меня будет прирученный Фарадин.
- Лицо Фарадина помрачнело:
- Остерегайся моих когтей, кузен. Я хорошо понимаю, что со временем мои сардукары падут перед твоими Свободными. Но мы вас крепко пораним, а шакалы всегда стерегут, чтобы накинуться на слабого.
- Я хорошо буду с тобой обращаться, обещаю, — Лито наклонился вперед. — Разве я не сказал, что я больше не человек? Поверь мне, кузен. Не выйдет детей от моих чресел, поскольку у меня нет больше чресел. А это понуждает меня ко второму предательству.
- Фарадин ждал, увидя, наконец, в какую сторону клонит Лито.
- Я пойду наперекор всем заповедям Свободных, — сказал Лито. — И они примут это, потому что больше им делать будет нечего. Я держал тебя здесь под приманкой обручения, но не будет обручения между тобой и Ганимой. Моя сестра выйдет замуж за меня!
- Но ты...
- Выходит замуж, я сказал. Ганима должна дать продолжение роду Атридесов. Да еще и в этом дело программы развития Бене Джессерит, которая отныне — моя программа развития.
- Я отказываюсь, — сказал Фарадин.
- Ты отказываешься стать отцом династии Атридесов?
- Какой династии? Ты будешь занимать трон тысячи лет.
- Отливая твоих потомков по своему подобию. Это будет самая напряженная, самая всеобъемлющая программа развития во всей истории. Видишь ли, какую систему, обеспечивающую их выживание, ни выбери животные, она должна основываться на структуре взаимосцепленных сообществ, взаимозависимости, совместно работающих в том общем устройстве, которое есть система. И эта система будет производить самых умных и сведущих правителей, каких когда-либо видели.
- Ты фантазируешь на самую противную...

— Кто переживет Кразилек? — спросил Лито. — Обещаю тебе, Кразилек придет.

— Ты сумасшедший! Ты развалишь Империю.

— Развеется, развалю... Я не человек. Но я сотворю новое самосознание всех людей. Говорю тебе, под пустыней Дюны есть место, где таится величайшее сокровище всех времен. Я не лгу. Когда умрет последний червь и будет собран последний урожай меланжа, эти глубинные сокровища забют ключом на все наше мироздание. По мере того, как иссякнет сила монополии на спайс и истощатся скрытые хранилища, новые силы будут являться над всем нашим царством. В это время человечество еще раз научится жить по инстинктам.

Ганима убрала руку со спинки трона, подошла к Фарадину, взяла его за руку.

— Как моя мать не была женой, так ты не будешь мужем, — сказал Лито. — Но, может быть, будет любовь, и этого будет достаточно.

— Каждый день, каждый миг приносит свою перемену, — сказала Ганима. -Учишься, постигая мгновения.

Фарадин ощущал настойчивость тепла крохотной ручки Ганимы. Он хорошо постиг все приливы и отливы доводов Лито, но тот не единожды использовал Голос. Взвывая к нутру, а не к уму.

— Это твое предложение за моих сардукаров? — спросил Фарадин.

— Больше, много больше, кузен. Я предлагаю твоим потомкам Империю. Я предлагаю тебе мир.

— Каков будет исход твоего мира?

— Его противоположность, — голос Лито прозвучал спокойно и насмешливо.

Фарадин покачал головой.

— Слишком высока цена за моих сардукаров. Должен ли я остаться Писцом, тайным отцом твоих детей?

— Должен.

— Будешь ли ты стараться навязать мне свой уклад мира?

— Буду.

— Я буду ежедневно и до конца жизни сопротивляться этому.

— Но именно этого я от тебя и ожидаю, кузен. Вот почему я выбрал тебя. Я оформлю это официально. С этого момента, ты будешь называться Харк ал-Ада, что на одном из древних языков означает «Ломающий Уклад». Ну-ну, кузен, не упрямься. Бабушка хорошо тебя обучила. Отдай мне своих сардукаров. — Отдай, — эхом откликнулась Ганима. — Он так или иначе их возьмет.

Фарадин расслышал страх в ее голосе. Значит, любовь? Лито взывал не к рассудку, а к интуитивному прыжку.

— Возьми их, — сказал Фарадин.

— Разумеется, — Лито поднялся с трона — занятно струящимся движением, словно держа свою ужасную силу под самым тонким контролем. Спустяясь на уровень Ганимы, он мягко повернул сестру, так что она оказалась затылком к нему, повернулся сам и встал с ней спиной к спине. — Запомни это, кузен Харк ал-Ада. Так всегда будет с нами. Мы будем стоять так, когда поженимся. Спиной к спине, каждый глядя вперед, в другую сторону от другого, чтобы защитить то единое, чем мы были и есть, — он обернулся, насмешливо поглядел на Фарадина, понизил голос. — Помни об этом, кузен, когда будешь с моей Ганимой лицом к лицу. Помни об этом, нашептывая ей любовные ласки, наиболее искушаем укладом моего мифа и довольства. Твоя спина останется неприкрытой.

Отвернувшись от них, он зашагал со ступеней к ждущим придворным, те шлейфом, словно спутники, потянулись за ним, и он покинул залу.

Ганима опять взяла Фарадина за руку, но взгляд ее был прикован к дальнему концу залы еще очень долго после ухода Лито.

— Один из нас должен был принять страдания, — сказала она, — а из нас двоих он всегда был сильнее.

Из доклада Хади Бенотто об открытии в Дар-эс-Балате на планете Ракис

Для меня не только радость объявить вам сегодня о нашем открытии этого замечательного хранилища, в котором среди прочего была обнаружена монументальная коллекция рукописей на ридулианской кристаллической бумаге; я также буду горд сообщить вам о наших доказательствах, касающихся аутентичности нашего открытия, доложить вам, почему мы столь уверены в том, что нам удалось открыть оригинальные записи Лето Второго, Бога-Императора.

Во-первых, позвольте мне напомнить вам об историческом сокровище, которое известно всем нам под названием «Похищенные рукописи». Эти написанные в глубокой древности тома позволили нам в течение последних нескольких столетий лучше понять наших предков. Как вы знаете, «Похищенные рукописи» были расшифрованы специалистами Космической Гильдии, и разработанный ими метод лег в основу расшифровки и вновь найденных томов. Никто не может отрицать антикварную ценность Ключа Гильдии, ибо он и только он позволяет перевести на современный язык содержание упомянутых томов.

Во-вторых, эти тома были напечатаны с помощью древнего иксианского аппарата, «Похищенные рукописи» не оставляют никаких сомнений в том, что именно этот метод использовал Лето Второй для фиксации своих исторических наблюдений.

В-третьих — мы думаем, что это по важности можно назвать настоящим открытием, — само хранилище. Хранилище книг было выполнено по иксианскому проекту — весьма древнему и примитивному, но такому замечательному, что несомненно сама конструкция хранилища поможет пролить свет на ту историческую эпоху, которая известна теперь под названием «Рассеяние». Как и надо было предвидеть, хранилище оказалось невидимым. Оно было погребено гораздо глубже, чем мы могли предполагать на основе мифов и устных преданий, этот объект испускал и поглощал радиацию так, что можно было подумать, что речь идет о естественном объекте. Такая инженерная мимикрия неудивительна сама по себе — удивительно другое — как можно было достигнуть такой степени маскировки, пользуясь отсталой древней технологией.

Я вижу, что многие из вас взволнованы этой находкой, точно так же, как мы. Мы полагаем, что видим сейчас первый иксианский глобус, образец, на основе которого были сделаны все последующие подобные приспособления. Конечно, это не первый экземпляр, но он, несомненно, один из первых и воплощает в себе те же принципы.

Позвольте мне теперь же удовлетворить ваше законное любопытство и повести вас на краткую экскурсию по хранилищу. Хочу только попросить вас соблюдать тишину, ибо наши инженеры продолжают работу, раскрывая тайны древнего хранилища.

Все вышеизложенное приводит меня к четвертому пункту, и это будет краеугольным камнем нашего открытия. Трудно описать мои чувства, которые я испытал, когда обнаружил в этом хранилище еще одну реликвию, а именно запись человеческого голоса — это запись Лето Второго, который вещал голосом своего отца — Пауля Муад'Диба. Поскольку аутентичные записи голоса Бога-Императора хранятся в архивах Бене Гессерит, мы послали образцы записи, сделанной на древней микропористой системе, в Общину Сестер с официальной просьбой провести сравнительный анализ. Мы пока не получили ответа, но у нас практически нет сомнений, что мы имеем дело с аутентичной записью.

Теперь я попрошу вас обратить внимание на переведенные отрывки, которые вам вручили в самом начале нашего заседания. Позвольте мне также принести извинения за их большой вес. Я слышал, как многие из вас отпускали шутки по этому поводу. Мы использовали обычную бумагу только из соображений экономии. Оригиналы написаны такими мелкими буквами, что для прочтения нуждаются в многократном увеличении. Действительно, нужно около сорока томов, подобных тому, что вы держите в руках, чтобы напечатать обычным шрифтом содержание одного тома, нанесенного мелкими символами на ридулианскую бумагу. Наш перевод помещен на экране справа. Я хочу привлечь ваше внимание к поэтическим красотам слов, а также к смыслу перевода. Стиль позволяет идентифицировать личность автора. Мы полагаем, что написать такое мог только человек, обладающий выраженной предковой памятью, способный испытать необычное погружение в прошлые жизни, погружение, которое не в состоянии оценить те, кто этого дара лишен.

Обратите внимание на смысловое содержание. Все ссылки согласуются со всем тем, о чем рассказывает нам история относительно того человека, который один только мог написать такой рассказ.

Мы приготовили для вас еще один сюрприз. Я позволил себе вольность пригласить сюда известного поэта Ребета Врееба, чтобы он выступил здесь и прочел нам первую страницу короткого пассажа из нашего перевода. Мы уже поняли, что даже в переводе эти слова, произнесенные вслух, оказывают совершенно иной эффект, чем если их молча читать с листа. Мы хотим, чтобы вы разделили с нами необыкновенные свойства, открытые нами в этих томах.

Дамы и господа, давайте поприветствуем Ребета Врееба.

Из декламации Ребета Врееба

Заверяю вас, что я — книга судьбы.

Вопросы — мои враги. Ибо мои вопросы взрываются! Ответы же выплывают, как страшные тучи, на небосвод моей неотвратимой памяти. И нет ни одного ответа, которым я был бы доволен.

Какие призмы вспыхивают ярким светом, когда я вступаю в устрашающие пределы моей памяти. Я кристалл расколотого кремня, заключенный в ящик. Ящик вращается и трястется. Я же бьюсь о его стенки в вихре тайн. И когда крышка открывается и я возвращаюсь в мир, то чувствую себя как путник, попавший в страну дикарей.

Медленно (я говорю — медленно) я заново выучиваю свое имя.

Но это отнюдь не значит познать себя!

Этот человек, которого зовут Лето, — он второй, кто носит это имя, — находит в своей душе иные голоса, иные имена и иные места. О, я клянусь вам (как я уже обещал), что откликаюсь только на одно имя. Если вы скажете: «Лето», то я откликнусь. Я делаю это, потому что терпелив, но не только:

Я держу нити!

Все они мои. Мне стоит только вообразить объект поиска — например... мужчины, погибшие от меча, и вот они все передо мной со всеми своими мучениями, каждый их образ целен и правдив — я слышу каждый стон, сорвавшийся с их уст, вижу каждую гримасу, исказившую их лица.

Радость материнства, думаю я, и вот я уже на родовом ложе. Множество детских улыбок и сладкое щебетание новых поколений. Первый шаг ползунка и первая победа юности — я делю с ними все. Они толкаются в толпе, наступают друг на друга, и только по прошествии времени я начинаю видеть что-то, кроме тождества и повторений.

Оставь все это в покое, говорю я себе.

Кто может отрицать ценность такого опыта, ценность того, что я узнаю каждый момент?

Но, увы, это прошлое.

Разве вы не понимаете?

Это же только прошлое!

В то утро я родился в юрте на краю конского пастбища в одной стране, на одной планете, которой больше не существует. Завтра я появлюсь на свет кем-нибудь еще и в другом месте. Я еще не сделал выбор. То утро и... ах! та жизнь! Когда мои глаза научились различать предметы, я стал смотреть на свет солнца, на поле с вытоптанной копытами травой и на бодрых людей, совершивших сладостные деяния своей жизни. Где... о, где теперь эта бодрость?

Три человека, растянувшись почти на полкилометра, бежали цепочкой по Запретному Лесу. Последний из них опережал на какие-нибудь сто метров несущихся сзади Д-волков. Было слышно, как звери щелкали зубами и тяжко выдыхали воздух — волки всегда так делают, когда видят впереди добычу.

Первая Луна была почти над головой и в лесу было светло, и, хотя дело происходило в высоких широтах, Арракиса, лес дышал накопленным за жаркий летний день теплом. Ночной ветер, дувший из Последней Пустыни Сарьира, был пропитан смолистым духом и сырьими испарениями мягкой лесной подстилки. Ветер с озера Кинеса, расположенного за Последней Пустыней, временами доносил до беглецов запах соли и рыбы.

По странной иронии судьбы последнего из бегущих звали Улот, что на фрименском языке означает «Любимый последыш». Он был мал ростом и страдал излишней полнотой, из-за чего ему пришлось посидеть на диете во время подготовки к этому приключению. Но даже стремительный бег не смог избавить Улota от округлых черт лица. Большие карие глаза были широко раскрыты — в них была тоска, вызванная роковым избытком плоти.

Улоту было ясно, что далеко он не убежит. От быстрого бега он тяжело, со свистом дышал, совершенно выбившись из сил. Временами его шатало. Но он не звал на помощь товарищей, зная, что они ничем не смогут ему помочь. Все они принесли одну и ту же клятву, понимая, что нет у них иной защиты, кроме старинной доблести и фрименской верности. Эти вещи остались незыблыми, хотя то, что когда-то было фрименом, давно превратилось в музейный экспонат. Старые клятвы действительно хранились в Музее фримена.

Но именно из-за фрименской верности Улот продолжал бежать молча, прекрасно сознавая свою обреченность. То была великолепная демонстрация древних качеств, и очень жаль, что у всех бегущих были чисто книжные представления и знания устных преданий о тех доблестях, которым они сейчас подражали.

Д-волки уже наступали на пятки Улоту — гигантские серые фигуры, в холке высота их достигала человеческого роста. Звери рвались вперед, воя от предвкушения скорой добычи.

Улот споткнулся левой ногой о корень и едва устоял на ногах; это придало ему сил, и он снова кинулся вперед, оторвавшись от преследователей на целый волчий корпус. Кровь тяжело пульсировала в сжатых кулаках, Улот шумно дышал открытым ртом.

Д-волки и не думали менять темп бега. Словно серебристые тени, они почти бесшумно неслись сквозь зеленые запахи родного леса. Они знали, что победят... и уже имели такой опыт.

Улот снова споткнулся, но сумел сохранить равновесие, ухватившись за молодое деревце, и продолжил бег. Дыхание со свистом рвалось из его груди, ноги дрожали, отказываясь повиноваться. Сил на новый рывок уже не было.

Один из зверей, волчица, обогнала Улота слева. Резко повернув, она бросилась на человека. Огромные клыки вонзились в плечо, но Улот удержался на ногах. К ароматам леса добавился острый, едкий запах крови. Меньший по размерам самец схватил Улота за правое бедро, и на этот раз человек упал. Раздались дикий предсмертный крик, клацанье волчьих зубов, и все стихло.

Продолжая поглощать добычу, волки снова взяли след. Обнюхав лесную подстилку и втянув ноздрями воздух, они учуяли свежие следы еще двух бегущих от них людей.

Следующим на их пути был Квутег, представитель старинной семьи Арракиса, чьи корни восходили еще к временам Дюны. Один из его предков был в сиете Табр мастером погребальной церемонии, но прошло уже три тысячи лет, и мало кто на планете верил, что все это когда-то происходило в действительности. Квутег легко бежал на своих длинных, стройных ногах, словно самой природой приспособленных для такого долгого бега. Длинные черные волосы развевались по плечам, обрамляя лицо с тонким орлиным профилем. Как и на его товарищах, на Квутеге был облегающий плотный черный беговой костюм. Он подчеркивал контуры работавших мышц и ровное глубокое дыхание. Правда, бежал Квутег не в полную силу — сказались последствия травмы колена, полученной при спуске с оборонительного пояса Цитадели Бога-Императора в Сарьире.

Квутег слышал внезапно оборвавшийся крик Улота и приближающиеся вой и щелканье зубов Д-

волков. Он изо всех сил старался не представлять себе, как еще одного друга убили эти твари — сторожевые псы Лето, но он не мог не представлять себе, как волки расправятся с ним самим. Он хотел было выругаться в адрес тирана, но передумал — надо было беречь дыхание. Оставалась еще призрачная надежда, что они успеют добежать до спасительной реки Айдахо. Квутег знал, что думают о нем его друзья, даже Сиона. Его всегда считали консерватором. Даже когда Квутег был ребенком, никакая сила в мире не могла бы заставить его попусту тратить энергию, он всегда берег ее, расходуя малыми порциями.

Несмотря на боль в поврежденном колене, Квутег ускорил бег. Он знал, что река уже близка. Рана стала нестерпимо болеть, сжигая огнем всю ногу и бок. Квутег понимал, что терпение его на исходе. Знал он, и что Сиона уже возле воды. Она была самым быстрым бегуном среди них и у нее находился запечатанный пакет, который они похитили в крепости Сарыира. Квутег постарался думать только о пакете.

Спаси, его, Сиона! Воспользуйся им, чтобы уничтожить тирана!

Совсем близко, сзади раздался алчный вой волков, нарушив ход мыслей Квутега. Они уже слишком близко. Он понимал, что ему тоже не уйти.

Но Сиона должна спастись!

Он оглянулся через плечо и увидел, что один из волков кинулся ему наперерез. План их атаки был ясен. Одновременно с волком рванулся вперед и Квутег. Спрятавшись от стаи за деревом, он бросился под ноги атакующему волку, схватил его за заднюю лапу и, подняв в воздух, начал вращать им, как дубиной, распугивая остальных. Волк оказался не таким тяжелым, как он ожидал, и неожиданная перемена обстановки принесла Квутегу облегчение. Он вращал волка, как древний дервиш пращу, поразив в головы двух волков. Но Квутег не мог одновременно следить за всеми волками, и один из них — тощий самец, — улучив момент, кинулся на человека. Зверю удалось отбросить человека к дереву, и Квутег выронил свою живую дубину.

— Беги! — крикнул он изо всех сил.

Стая бросилась на свою жертву, и тогда Квутег впился зубами в горло тощего самца. Волчья кровь залила ему глаза и ослепила. Квутег покатился по земле, потеряв всякое представление о том, где находятся остальные волки. Он вытер глаза и схватил другого волка. Часть стаи с воем разбежалась, часть с рычанием вонзила клыки в раненого самца. Но большинство зверей бросилось на человека. Волчьи зубы с двух сторон впились в горло Квутега.

Сиона тоже слышала крик Улота, потом крик резко оборвался, и волки возобновили погоню. Ее наполнил такой гнев, что она была готова взорваться. Улота включили в их экспедицию только за его аналитические способности — этот человек по нескольким фрагментам любого явления мог составить четкое представление о целом. Именно Улот, когда они были в Цитадели, достал из фримпакета умножитель, исследовал два странных тома, которые они нашли, и объявил, что это, несомненно, шифр.

Вот тогда Ради... бедный Ради, первый из них, кому пришлось умереть, сказал:

— Мы не можем позволить себе брать лишний вес. Выбросите их.

Улот начал возражать.

— Ненужные вещи так не запечатывают.

Квутег поддержал Ради.

— Мы пришли в Цитадель за ее планом, и теперь он у нас есть. Эти книги слишком тяжелы.

Но Сиона согласилась с Улотом.

— Я понесу их.

Это и положило конец спору.

Бедный Улот.

Они все знали, что он самый плохой бегун в их команде. Улот был медлителен во многих вещах, но его блестящий ум не стал бы оспаривать никто.

Ему можно доверять.

Улоту можно было доверять.

Сиона усмирила гнев и использовала энергию для ускорения бега. Мимо в лунном свете мелькали деревья, в ушах свистел ветер. Девушка вошла в то состояние, которое иногда охватывает бегуна, когда для него перестает существовать все на свете, кроме его собственных движений. Тело само делало то, что надо было делать.

Мужчины восхищались красотой ее бега, и Сиона знала это. Ее длинные темные волосы были стянуты на затылке в тугой узел, чтобы не разевались на ветру и не тормозили бег. Она даже упрекнула Квутега в глупости за то, что он отказался копировать ее стиль.

Где Квутег?

Ее волосы были не похожи на его волосы. Они были темно-каштановые, и их можно было принять за черные, но они имели совершенно иной оттенок.

Как это иногда бывает с генами, они, совершив долгий путь, воссоздали на лице Сионы черты ее давно умершего предка: мягкий овал лица, полные губы, живые глаза и маленький нос. Ее тело было тонким и стройным от постоянных упражнений в беге, но от всей фигуры веяло сексуальностью, которая всегда привлекала к ней мужчин.

Где Квутег?

Волчья стая молчала, и это очень тревожило девушку. Так было, когда звери свалили Ради, а потом Сетузу.

Она твердила себе, что эта тишина может говорить о чем угодно. Квутег был тоже молчалив... и очень силен. Казалось, что травма нисколько его не беспокоит.

Сиона почувствовала боль в груди, сейчас должно прийти второе дыхание — она знала это по опыту многокилометровых тренировок. Пот пропитал тонкую ткань спортивного костюма. Мешок, запечатанный в водонепроницаемую оболочку, был укреплен высоко на спине — предстоял переход через реку. Сиона подумала о карте Цитадели, которая находилась у нее за спиной.

Где Лето прячет свои запасы Пряности?

Наверняка это место находится где-то внутри Цитадели. Обязательно именно там. Где-то в картах должен быть ключ к нахождению этого места. Эти меланжа с Пряностью — очень лакомый кусок для Бене Гессерит, Космической Гильдии и для всех прочих... Цена такой находки стоила любого риска.

И два этих таинственных тома. Квутег был прав в одном — эта ридулианская бумага на кристаллах очень тяжела. Но Сионе было понятно и волнение Улота. В этих зашифрованных строчках скрывается что-то очень важное.

В лесу позади нее раздался мягкий шум погони — это бежали волки.

Беги, Квутег, беги!

Впереди между деревьями показалась безлесная полоса — берег реки Айдахо. Было видно, как в воде отражается яркая луна.

Беги, Квутег!

Как ей хотелось услышать сейчас голос Квутега, хоть какой-нибудь звук. Из одиннадцати человек, которые начали этот путь, остались только они двое. Девять других заплатили своими жизнями за это приключение: Ради, Алина, Улот, Ининег, Онемао, Хутье, Мемар и Оала.

Сиона мысленно перечислила их имена, вознося за каждого молчаливую молитву старым богам, а не тирану Лето. Особенно молилась она Шаи-Хулуду.

Молю Шаи-Хулуда, живущего в песках.

Лес внезапно закончился, и перед Сионой открылся берег реки, покрытый скошенной травой. Вода за узкой полоской гальки неудержимо манила к себе. На фоне тяжелой маслянистой массы воды берег в лунном свете казался серебряным.

Она едва не упала, услышав позади, в лесу, громкий, пронзительный крик. Голос Квутега одиноко прозвучал, заглушив на мгновение дикий вой волчьей стаи. Ошибки быть не могло, он не назвал ее имени, но прозвучавшее слово так много значило для нее — это было слово, говорившее о жизни и смерти:

— Беги!

Раздался яростный визг стаи, голос Квутега пропал. Сиона поняла, куда ушли его последние силы.

Он задержал их, чтобы я могла уйти.

Подчиняясь приказу Квутега, девушка подбежала к берегу и бросилась в воду головой вперед. Для разогретого бегом тела холод речной воды показался ей ледяным. Едва не задохнувшись, она рванулась вперед, стараясь плыть и одновременно восстановить дыхание. Драгоценный груз был ее по затылку.

Река Айдахо в этом месте не отличалась шириной — всего около пятидесяти метров, течение делало прихотливые изгибы возле песчаных кос, густо поросших тростником и травой, здесь вода отказывалась течь по прямой линии, проложенной для нее инженерами Лето Второго. Сионе придавало силы сознание того, что Д-волки были воспитаны так, что естественной преградой для них служила вода. Их ареал был четко очерчен рекой и валом Пустыни с противоположной стороны. Тем не менее Сиона проплыла под водой несколько метров, вынырнула под обрывистым берегом и оглянулась.

Волчья стая, вытянувшись в шеренгу, стояла на противоположном берегу — все, кроме одного зверя, который спустился к кромке воды. Волк принял тоскливо выть.

Сиона знала, что волк видит ее. Д-волки отличались превосходным зрением. Среди предков этих зверей были Всевидящие Псы Лето, которых он использовал для выведения этой новой, страшной, породы. Их отбирали именно на глаз. Эти охотники, преследуя добычу, шли по следу, ориентируясь только на глаз. Но если этот один-единственный волк отважится войти в воду, никто не знает, что последует дальше. Сиона затаила дыхание и только теперь почувствовала, насколько она измотана. Они пробежали почти тридцать километров, почти половину этого расстояния волки шли по пятам.

Волк на краю берега взвыл последний раз, потом резко развернулся и присоединился к стае. По какому-то молчаливому сигналу все звери одновременно кинулись в лес.

Сиона знала, куда они пойдут. Волкам разрешалось пожирать все, что они обнаружат в Запретном Лесу. Это знали все. Именно поэтому Д-волки без устали рыскали по лесу — они были стражами Сарырира.

— Ты заплатишь, за все, Лето, — прошептала она. Голос прозвучал тихо, почти неслышно на фоне шелеста тростника. — Ты заплатишь за Улота, за Квутега и остальных. Ты заплатишь.

Она легла на воду и плыла по течению до тех пор, пока ноги ее не коснулись дна в одной из песчаных бухточек. Тело было свинцовым от усталости, но Сиона заставила себя выйти из воды, остановиться и проверить, надежно ли запечатан мешок. Упаковка была цела — значит, содержимое мешка осталось сухим. Девушка взглянула на луну, потом перевела взгляд на лес по ту сторону реки.

Цена, которую мы заплатили, — десять дорогих друзей.

Слезы навернулись на глаза, но Сиона была фрименкой, и слезы быстро высохли. Переход через реку, потом через лес, охраняемый волками, потом путь сквозь Последнюю Пустыню, преодоление стен Цитадели — все это было уже сном... даже бег наперегонки со смертью, который все они предвидели, ибо было ясно, что сторожевые волки Запретного Леса будут ждать их на дороге... все это было сном, сном о чем-то далеком. Опасное предприятие навсегда осталось в прошлом.

Я спаслась.

Она снова взвалила мешок на спину и зафиксировала его.

Я прорвалась сквозь все твои преграды, Лето.

Только теперь Сиона вспомнила о зашифрованных томах. Она была уверена, что в тайнотписных строках можно будет найти способ мести тирану.

Я уничтожу тебя, Лето!

Она не подумала: «Мы уничтожим тебя!» Сиона не могла думать о себе во множественном числе. Она сама будет мстить.

Повернувшись спиной к реке, она направилась к саду, раскинувшемуся за прибрежной склоненной травой, повторяя клятву, заканчивавшуюся древней фрименской формулой, где называлось ее полное имя:

— Сиона ибн Фуад аль-Сейефа Атрейдес проклинает тебя, Лето. Ты сполна заплатишь за все!

Из выполненного Хади Бенотто перевода томов, обнаруженных в Дар-эс-Балате

Мое имя — Лето Атрейдес II. Я родился более трех тысяч стандартных лет назад, если считать от того момента, когда печатаются эти строки. Мой отец — Пауль Муад'Диб. Моя мать была его фрименской супругой, звали ее Чани. Мой бабкой по материнской линии была Фарула, известная фрименская травница. Бабкой по отцовской линии была Джессика, она родилась в результате выполнения программы Бене Гессерит по выведению мужчины, который мог бы разделить знания Общины Сестер, получив власть, равную власти Преподобной Матери. Моим дедом по материнской линии был Лиет-Кинес, планетолог — организатор экологической трансформации Арракиса. Моим дедом по отцовской линии был Атрейдес, происходивший из Дома Атрея. Он мог проследить свою родословную до ее греческих истоков.

Однако достаточно об этом!

Мой дед по отцовской линии умер, как подобает доброму греку, пытаясь убить своего смертельного врага, старого барона Владимира Харконнена. Оба они до сих пор не слишком уютно чувствуют себя в моей предковой памяти. Даже мой отец недоволен таким соседством. Я сделал то, что боялся совершить он сам, но теперь его тень вынуждена делить со мной ответственность за последствия.

Этого требует Золотой Путь. Но что такое Золотой Путь, спросите вы. Это выживание человечества, ни больше ни меньше. Для нас, тех, кто обладает предназначением, кто знает о ловушках, ожидающих человечество, нахождение Золотого Пути всегда было высшей ответственностью.

Выживание.

Как вы к этому относитесь: ваши мелкие горести и радости и даже мучения и терзания — редко интересуют нас. Мой отец обладал этой силой. Но я обладаю ею в гораздо большей степени. Мы можем время от времени отодвигать завесу Времени и заглядывать в будущее.

Эта планета — Арракис, — откуда я управляю своей мультигалактической Империей, разительно переменилась с тех пор, когда она была известна как Дюна. В те времена вся планета представляла собой пустыню. Теперь от нее осталась лишь малая часть — мой Сарьир. По планете больше не бродят черви, продуцируя меланжу. Пряность! Дюна ценилась из-за Пряности и только из-за нее! Наша планета была единственным источником этой Пряности. Какая это необыкновенная субстанция. Ни одна лаборатория в мире не сумела синтезировать ее. А ведь это самое ценное вещество из всех, какие когда-либо знало человечество.

Без меланжи, которая воспламеняла провидческое воображение навигаторов Космической Гильдии, люди смогли бы преодолевать парсеки космоса лишь со скоростью черепахи. Без меланжи Бене Гессерит не смогла бы создать ни Вещающего Истину, ни Преподобную Мать. Без гериатрических свойств меланжи люди продолжали бы жить срок, отпущенный им древней природой, — сто лет или около того. Теперь же Пряность имеется только в Космической Гильдии и на складах Бене Гессерит, небольшие количества остались в распоряжении немногих Великих Домов, и есть мои гигантские запасы, которых жаждут все вышеперечисленные. Как бы хотели они напасть на меня! Но не смеют. Они знают, что я уничтожу все запасы, прежде чем они до них доберутся.

Нет, они приходят ко мне со шляпой в руке и просят меня дать им Пряность. Я выдаю ее, как награду, и отказываю в ней в виде наказания. Теперь они ненавидят меня за это.

Это моя власть, объясняю я им. Это мой, и только мой, дар.

С помощью этого дара я основал Мир. Они получили около трех тысяч лет Мира Лето. Это есть состояние вынужденного покоя, но человечество испытывало такое состояние кратчайшие периоды своей истории до моего восшествия на престол. Если вы забыли об этом, то почитайте повествование о Мире Лето, оно записано в этих томах.

Я начал этот рассказ в первые годы моего правления, во времена родовых мук моего метаморфоза, когда во мне было много человеческого, что было видно невооруженным глазом. Кожа из песчаных форелей, которую я воспринял (и от которой отказался мой отец), придала мне невиданную силу и способность противостоять нападениям и старению — эта кожа продолжала покрывать чисто человеческие формы: две ноги, две руки и человеческое лицо, обрамленное складками новой кожи.

Ах, это лицо! Я все еще обладаю им — единственным участком человеческой кожи, которую я являю миру. Вся остальная моя плоть по-прежнему связана с телами этих мелких существ, крошечных переносчиков наследственности, которым суждено в один прекрасный день превратиться в гигантских червей.

И этот день когда-нибудь настанет.

Я часто думаю об этом конечном метаморфозе, который будет очень похож на смерть. Я знаю, как именно это произойдет, но не знаю, когда именно и кто, кроме меня, будет в этом участвовать. Это единственное, что мне не дано знать. Я могу знать только одно — продолжается ли Золотой Путь, или он уже закончился. Когда печатаются эти мои слова, Золотой Путь все еще продолжается, и я этим весьма доволен.

Я не чувствую больше, как песчаные форели проникают в мою плоть своими ресничками, сохраняя воду моего тела в своих плацентарных барьерах. Теперь мы стали с ними единым телом, они — моя кожа, а я — то, что приводит в движение это единое целое... большую часть времени.

Когда пишется эти строки, упомянутое мною единое целое стало очень и очень большим. Мое тело имеет семь метров в длину и два метра в диаметре. Поверхность этого тела ребристая почти на всем протяжении. На одном конце этого цилиндра на высоте человеческого роста расположено мое лицо — лицо Атрейдеса. Руки (их еще можно разглядеть) расположены непосредственно книзу от лица. Мои ноги и ступни? Ну что ж, они почти совсем атрофировались. Подобно плавникам, они переместились на заднюю поверхность моего тела. Мой вес сейчас составляет около пяти старых тонн. Я привожу эти данные, потому что знаю: они будут представлять исторический интерес.

Как мне удается носить такую непомерную тяжесть? Большей частью я передвигаюсь на Королевской Тележке, этом произведении иксианских мастеров. Вы шокированы? Люди боятся и ненавидят иксианцев еще больше, чем они боятся и ненавидят меня. Они полагают, что дьявол гораздо лучше, чем иксианец. И кто знает, что они могут изобрести и сделать? Кто?

Я этого не знаю. Во всяком случае, не все.

Однако я испытываю определенную симпатию к иксианцам. Они так страстно верят в свою технологию, свою науку, свои машины. Поскольку мы верим (содержание веры в данном случае не имеет значения), то мы понимаем друг друга — они и я. Они сделали для меня множество приспособлений и думают, что я им очень за это благодарен. Те слова, которые вы сейчас читаете, кстати говоря, записаны с помощью иксианского аппарата, который называется диктейтель. Если настроить мышление на определенный лад, то диктейтель активируется. После этого остается только думать в определенном режиме, а аппарат печатает мои мысли словами на ридулианской кристаллической бумаге толщиной всего в одну молекулу. Иногда я заказываю копии, которые печатают на менее долговечном материале. Именно два таких оттиска и были украдены у меня Сионой.

Скажите, разве она не очаровательна, моя Сиона? Если вы поймете, насколько она важна для меня, то сможете даже спросить, действительно ли я должен был дать ей умереть в лесу. Не стоит в этом сомневаться. Смерть — вещь глубоко личная, а я редко вмешиваюсь в личные дела людей. Я не стал бы делать этого даже для тех, кого надо испытать, как Сиону. Я мог бы позволить ей умереть на любом этапе испытания. В конце концов мне ничего не стоило бы создать нового кандидата через короткий промежуток времени (по моим меркам, разумеется).

Но она очаровала даже меня. Я наблюдал за ней тогда, в лесу. Я наблюдал за ней с помощью хитроумного иксианского аппарата, удивляясь, что не предвидел такого поворота событий. Но Сиона... это Сиона. Вот почему я ничего не сделал, чтобы остановить волков. Это было бы неправильно. Д-волки это продолжение меня самого, продолжение моей цели, а моя цель заключается в том, чтобы быть самым великим из всех известных хищников.

Записки Лето II

Нижеследующий краткий диалог взят из рукописи, известной под названием «Уэлбекский фрагмент». Считается, что автором рукописи является Сиона Атрейдес. В разговоре участвуют сама Сиона и ее отец Монео, который был (как утверждают историки) мажордомом и старшим помощником Лето Второго. Разговор датируется тем временем, когда Сиона была подростком и отец посетил ее в общежитии Школы Говорящих Рыб в Городе Празднеств Онн, самом населенном центре планеты, называемой в наше время Ракис. Согласно некоторым данным, Монео посетил дочь тайно, чтобы предупредить ее о том, что ей угрожает гибель.

СИОНА: Как ты мог оставаться в живых столь долгое время, отец? Он убивает тех, кто находится рядом с ним. Это известно всем.

МОНЕО: Нет! Ты не права, он никого не убивает.

СИОНА: Нет никакой необходимости мне лгать.

МОНЕО: Я говорю совершенно искренне. Он никого не убивает.

СИОНА: Тогда как объяснить смерти, о которых все знают?

МОНЕО: Убивает Червь. Червь — Бог. Лето живет в груди Бога, но сам он никого не убивает.

СИОНА: Но тогда как смог выжить ты?

МОНЕО: Я умею распознавать Червя. Я вижу это по его лицу и угадываю по движениям. Я знаю, когда приближается Шаи-Хулуд.

СИОНА: Но он не Шаи-Хулуд!

МОНЕО: Да, так называли Червя в эпоху фрименов.

СИОНА: Я читала об этом. Но он не Бог Пустыни.

МОНЕО: Тише, глупая девчонка! Ты ничего не смыслишь в этих вещах.

СИОНА: Я знаю, что ты трус.

МОНЕО: Как мало ты знаешь. Ты никогда не стояла рядом с ним, не видела его лица и его рук.

СИОНА: Что ты делаешь, когда приближается Червь?

МОНЕО: Я ухожу.

СИОНА: Это мудро. Он убил девять Дунканов Айдахо, мы это точно знаем.

МОНЕО: Говорю тебе, он никого не убивает.

СИОНА: Какая разница? Лето или Червь, они теперь единое целое.

МОНЕО: Но это два разных существа. Лето — Император, а Червь — *этот тот, кто есть Бог*.

СИОНА: Ты сошел с ума.

МОНЕО: Возможно. Но я служу Богу.

Из всех когда-либо живших я — самый страстный наблюдатель людей. Я слежу за ними изнутри и снаружи. Прошлое и настоящее причудливо переплетаются, создавая странные образы. По мере того как моя плоть претерпевает метаморфоз, чудесные вещи происходят с моими чувствами. Я воспринимаю все сущее так, словно это случается в непосредственной близости от меня. У меня очень острые слух и зрение, а обоняние позволяет различать великое множество запахов. Я способен улавливать и идентифицировать феромоны в концентрации три молекулы на миллион. Я знаю это. Я проверял. Вы никогда не спрячете ничего от моих обостренных чувств. Вы ужаснетесь, если узнаете, что я могу определить только с помощью обоняния. Ваши феромоны скажут мне, что вы делаете и даже что вы собираетесь делать. Каждый жест и каждая поза! Однажды я полдня смотрел на старика, сидевшего на скамейке в центре Арракина. Этот потомок наiba Стилгара в пятом колене даже не подозревал об этом. Я рассматривал его согбенную шею, складки кожи под подбородком, потрескавшиеся губы и влагу под носом, большие поры за ушами и жидкие косицы седых волос, торчавшие из-под капюшона старомодного Защитного костюма. Он так и не заметил, что за ним наблюдают. Ха! Стилгар определил бы это в течение пары секунд. Но этот старик просто ждал, ждал того, кто так и не пришел. Он встал и поплелся прочь, с трудом разогнувшись после долгого сидения. Я знал, что никогда больше не увижу его во плоти. Он был близок к смерти, его вода почти истощилась. Но это уже не имело для меня никакого значения.

Лето считал то место, где он ждал своего нынешнего Дункана Айдахо, самым интересным местом во вселенной. По самым распространенным человеческим стандартам это было гигантское пространство, сердцевина запутанной системы катакомб под фундаментом Цитадели. Помещения высотой тридцать метров и шириной двадцать, словно лучи, расходились от центрального зала, где он ожидал появления Айдахо. Коляска стояла в самом центре сводчатого зала диаметром четыреста метров и высотой сто метров.

Такие размеры внушали Лето уверенность в себе.

Был полдень, но подземный зал освещался лишь несколькими подвешенными круглыми светильниками, настроенными на приглушенный оранжевый цвет. Свет не проникал глубоко в боковые помещения, но Лето на память знал точное расположение того, что там находилось: кости, вода и прах его предков и тех Атрейдесов, которые жили и умирали здесь со времен Дюны. Все они были здесь плюс немного меланжи, чтобы создать иллюзию, что это и есть весь его запас, созданный на случай какой-нибудь катастрофы.

Лето знал, почему Дункан хочет его видеть. Айдахо узнал, что на Тлейлаксу изготовили нового Дункана, другого гхола, созданного по заказу Бога-Императора. Этот, нынешний Дункан боится, что его хотят заменить после шестидесяти лет службы. Такие вещи постоянно происходили с Айдахо перед его заменой. Агент Гильдии уже успел предупредить Лето, что Айдахо получил с Иксиона специальное ружье.

Лето усмехнулся. Гильдия остается очень чувствительной ко всему, что может угрожать и без того очень скромным поставкам меланжи. Они просто в ужасе от того, что Лето является последним связующим звеном между Гильдией и песчаными червями, которые продуцируют столбики Пряности.

Если я умру от воды, то Пряности больше не будет — никогда.

Этот страх, подобно дамоклову мечу, постоянно висел над Гильдией. Тем более что служащие в Гильдии историки убедили навигаторов в том, что именно Лето обладает единственными во вселенной запасами меланжи. Это знание делало Гильдию вполне надежным союзником.

В ожидании Айдахо Лето занимался упражнениями для рук и пальцев, упражнениями, усвоенными в Бене Гессерит. Руки были его, Лето, гордостью. Скрытые под серой оболочкой из песчаных форелей, эти руки с длинными пальцами можно было использовать точно так же, как обычные человеческие руки. Почти бесполезные плавники, в которые превратились ноги и ступни, были для Лето скорее источником неудобства, нежели стыда. Он мог ползать, перекатываться и бросать свое тело, но иногда, падая на плавники, Лето испытывал боль.

Почему задерживается Дункан?

Лето представил себе, как этот человек, испытывая внутренние колебания, всматривается в зыбкий горизонт Сарыра. Сегодня очень жарко, и воздух ведет себя как живое существо. Перед тем как спуститься в катакомбы, Лето видел на юго-западе мираж. Тепловое зеркало показало сотрудников Музея фримена, которые вели группу туристов мимо показательного фрименского сиетча.

В подземелье же было всегда прохладно и всегда царил полумрак. Туннельные ответвления были погружены в темноту, поднимаясь вверх и вниз очень полого, чтобы Императору было удобно передвигаться по ним в своей коляске. Некоторые туннели, прикрытые фальшивыми стенами,

простирались на много километров, создавая сеть тайных ходов и запасных помещений. По этим многокилометровым туннелям Лето передвигался с помощью умных иксианских механизмов.

Проигрывая в уме предстоящую беседу, Лето начал заметно нервничать. Это была интересная эмоция, и он некоторое время ею наслаждался. Лето знал, что за последние годы очень привязался к нынешнему Айдаху. У Лето оставалась некоторая надежда, что Дункан переживет предстоящий им разговор. Иногда Дунканы оставались жить после таких бесед. Было маловероятно, что Дункан представляет для него смертельную угрозу, хотя полностью исключать такую возможность было нельзя. Когда-то Лето пытался объяснить это одному из предыдущих Дунканов... Кстати, это происходило здесь же.

— Ты находишь это странным, что я, с моей силой и властью, могу говорить о шансах и везении, — сказал тогда Лето.

Дункан разозлился.

— Ты никогда не оставляешь места для случайности! Я очень хорошо тебя знаю!

— Как это наивно с твоей стороны. Случайность есть суть моей вселенной.

— Не случайность, а зло! И ты всегда был автором этого зла!

— Прекрасно, Дункан! Зло — это одно из самых глубинных удовольствий. Имея дело со злом, мы укрепляем свои творческие способности.

— Ты совершенно перестал быть человеком! — О, как был зол тот Дункан.

Лето нашел это обвинение раздражающим, как песчинка в глазу. Лето относился к остаткам человеческого в своем существе с некоторой жестокостью, этого нельзя было отрицать, но самым близким к гневу чувством, которое он позволил себе испытать в тот момент, было именно раздражение.

— Твоя жизнь стала похожа на клише, — обвинил он Айдаху.

В ответ на это обвинение Дункан извлек из складок одежды взрывчатку. Каков сюрприз!

Лето любил сюрпризы, даже такие отвратительные.

Это было нечто, чего я не смог предвидеть! Он и сказал это Дункану, который, как ни странно, стоял перед ним в нерешительности как раз в тот момент, когда требовалась только решительность.

— Такой заряд мог убить тебя, — произнес Дункан.

— Прости меня, но эта хлопушка могла бы только легко меня ранить, не более того.

— Но ты же сам признал, что не предвидел этого! — Айдаху сорвался на пронзительный крик.

— Дункан, Дункан, абсолютное предназначение для меня означает смерть, а она невыразимо скучна.

Айдаху хотел было отбросить гранату в сторону, но заряд был недостаточно стабилен и взорвался слишком рано, убив Дункана. Но ничего страшного, в баках Тлейлаксу был уже изготовлен следующий Айдаху.

Один из светильников несколько раз мигнул. Волнение охватило Лето. Сигнал Монео! Верный Монео предупреждает, что Дункан спускается в крипту.

Открылись створки лифта под северо-западной аркой зала, и в проеме показалась фигурка Айдаху. Дункан был еще очень далеко, но Лето мог различить мельчайшие детали его внешности. Вот складка на рукаве у локтя — это говорит о том, что человек сидел у стола, опершись подбородком на руку. Да, на подбородке даже остались следы пальцев. Запах Дункана распространялся впереди его и свидетельствовал, что в крови Айдаху бушует адреналин.

Лето молча ждал, когда человек приблизится, внимательно приглядываясь к деталям. Несмотря на свою многолетнюю службу, Айдаху шел пружинистой походкой молодого человека. Возможно, это результат приема небольших доз меланжи. На Дункане была старая черная форма атрейдесковских воинов с золотым ястребом на груди. Это должно было означать: «Я служу чести старых Атрейдесов!» Волосы все еще были черными и кудрявыми, как каракуль, черты лица резкими, скулы выступали.

На Тлейлаксу хорошо знают свое дело, мысленно произнес Лето.

В руке Дункан держал тонкий чемоданчик, сплетенный из темно-коричневого волокна. Обычно в

этом чемоданчике находились документы, подготовленные Айдахо, но на этот раз кейс вздувался от слишком массивного предмета.

Иксианское ружье.

Приближаясь, Айдахо не отрывал взгляда от лица Лето. Да, то, без сомнения, было лицо настоящего Атрейдеса — тонкие черты и голубые глаза, которые, как казалось слабонервным, могли физически пронзить человека насовсем. Лицо пряталось в глубокой нише, образованной складкой из песчаных форелей. Эти складки могли в считанные мгновения развернуться в защитный капюшон. Айдахо знал, что для этого Лето достаточно слегка пошевелить лицевыми мышцами. Лицо казалось неправдоподобно розовым на фоне форельей кожи. Лицо Лето казалось непристойностью, остатком потерянной человечности, внедренной в нечто, совершенно чуждое человеческому существу.

Остановившись всего в шести шагах от Королевской тележки, Айдахо не счел нужным скрыть свои злобные намерения. Он не подумал даже о том, чтобы получше спрятать лазерное ружье. Империя слишком далеко ушла от старых представлений о морали, присущих Атрейдесам, и превратилась в беспощадный безликий Джаггернаут, сокрушающий невинного на его пути. Этому надо положить конец!

— Я пришел поговорить с вами о Сионе и других вещах, — произнес Айдахо. Он поставил кейс так, чтобы без затруднений достать оружие.

— Очень хорошо, — едва подавляя зевоту, ответил Лето.

— Сиона была единственной, кому удалось избежать смерти, но у нее остались другие мятежные товарищи.

Ты думаешь, я этого не знаю?

— Я знаю вашу опасную терпимость к мятежникам и заговорщикам! Чего я не знаю, так это содержимого пакетов, которые они украли.

— Ах, вот оно что... У Сионы в руках полный план Цитадели.

На краткий миг Айдахо снова превратился в бдительного начальника стражи, шокированного таким небрежением безопасностью.

— И вы позволили ей бежать с этим?

— Не я, а ты.

Айдахо был до глубины души уязвлен этими словами; желание убить тирана вновь поднялось в его душе.

— Это все, что она взяла? — поинтересовался он.

— Там было два тома моих записок, копии и карты. Она украла копии.

Айдахо изучающе посмотрел на неподвижное лицо Лето.

— И каково содержание этих записок? Иногда вы говорили, что это история, иногда — что дневники.

— Понемногу того и другого. Пожалуй, их можно даже назвать учебником.

— Вас очень беспокоит эта кража?

Лето позволил себе слегка улыбнуться, что Айдахо воспринял как отрицательный ответ. По червеобразному телу Лето пробежала волна мышечного напряжения, когда Айдахо сунул руку в тонкий кейс. Что он достанет — доклад или оружие? Хотя нынешнее тело Лето было устойчивым к воздействию высокой температуры, было несколько участков, чувствительных к поражающему действию лазерного ружья, особенно лицо.

Айдахо извлек из кейса доклад и начал читать. Но Лето было уже все ясно, Дункан не информировал патрона, он искал ответ на свои вопросы. Айдахо искал оправдания своим действиям, убийству, на которое он уже решился.

— Нами обнаружены группы последователей культа Алии на Гъеди Один, — читал между тем Айдахо;

Лето промолчал, Айдахо начал рассказывать подробности. *Как это скучно*, подумал Лето. Мысли его блуждали. Последователи культа давно умершей сестры его отца были забавны, не более того.

Но Дунканы по очереди, и это неудивительно, рассматривали деятельность этой секты как скрытую угрозу власти.

Айдахо закончил свой доклад. Ничего не скажешь, его агенты были очень старательны. Скучны и старательны.

— Все это не более опасно, чем возрождение культа Изиды, — заметил Лето. — Мои жрецы и жрицы немного развлекутся, подавляя этот культ, только и всего.

Айдахо, словно отвечая своим мыслям, задумчиво покачал головой.

— Бене Гессерит знает об этом культе, — сказал он.

Вот это уже интересно, подумал Лето.

— Община Сестер никогда не простит мне того, что я лишил их любимого детища — селекционной программы.

— Этот кult не имеет ничего общего с селекционной программой.

Лето подавил чувство изумления. Дунканы всегда были очень понятливы в вопросах селекции, правда, иногда и на них находил какой-то ступор.

— Понятно, — сказал Лето. — Понимаешь, Бене Гессерит всегда отличались изрядным сумасбродством, но сумасшествие — это резервуар сюрпризов, а некоторые из них бывают полезными.

— Я, как ни стараюсь, не могу увидеть в них ничего полезного.

— Так ты думаешь, что за культом Алии стоит Бене Гессерит? спросил Лето.

— Да.

— Объяснись.

— У них есть священная гробница. Они называют ее «Гробницей хрустального ножа».

— Она существует и сейчас?

— Их верховная жрица носит титул «Хранительница света Джессики». О чем это может говорить?

— Великолепно! — воскликнул Лето, не пытаясь на этот раз сдержать удивления.

— Что же в этом великолепного?

— Они ухитрились объединить мою бабку и тетку в одно божество, это забавно.

Айдахо, ничего не понимая, медленно покачал головой.

Лето на мгновение позволил себе расслабиться. Бабка в его генетической памяти была не очень озабочена судьбой своего нынешнего культа на Гъеди Один. Надо все же отгородиться от ее памяти и ее личности.

— И в чем же, ты полагаешь, состоит цель организации этого культа? — спросил Лето.

— Она очевидна. Создать конкурирующую религию, с тем чтобы подорвать вашу власть.

— Это слишком просто. Что ни говори о Бене Гессерит, но простаками они не были никогда.

Айдахо ждал объяснений.

— Они хотят получать больше Пряности!. — сказал Лето... — Они чтят ее больше, чем своих Преподобных Матерей.

— Так они будут раздражать вас до тех пор, пока вы их не купите?

— Я разочарован в тебе, Дункан.

Айдахо уставился на Лето, который хотел вздохнуть. Теперь для него это было очень сложное и не свойственное для нового тела движение. Дунканы обычно были более понятливы, но Лето предположил, что злодайский умысел помрачил рассудок этого Айдахо.

— Они выбрали своей штаб-квартирой Гъеди Один сказал Лето. — Что ты можешь сказать по этому

поводу?

— Там находится крепость Харконненов, но это очень древняя история.

— Там умерла твоя сестра, она стала жертвой Харконненов, и в твоем сознании Гъеди и Харконнен слились воедино. Почему ты раньше не говорил мне об этом?

— Потому что не считал это важным.

Лето плотно сжал губы. Упоминание о сестре взволновало Дунканна. Умом этот человек понимал, что он всего лишь звено в последовательности плотских копий одного и того же человека, что он всего-навсего продукт бродильных баков Тлейлаксу, в которых живут аксолотли, размножающие его, Дункана, исходные клетки. Ни один Дункан не может полностью избавиться от своей врожденной памяти. Он прекрасно помнил, что именно Атрейдесы освободили его из застенок Харконненов.

И кем бы я ни был, подумал Лето, я все равно навеки останусь Атрейдесом.

— Что вы пытаетесь сказать? — требовательно спросил Айдахо.

Лето решил, что пора повысить голос.

— Харконнены были ворами Пряности!

Айдахо отступил на один шаг.

Лето продолжал, понизив голос:

— До сих пор на Гъеди Один есть спрятанные склады Пряности. Община Сестер пытается обнаружить их, используя для маскировки свои религиозные трюки.

Айдахо был ошеломлен. Слово было сказано, и ответ очевиден.

Это мой недосмотр, подумал Айдахо.

Оклик Лето снова расставил все по своим местам: Дункан по-прежнему был начальником стражи. Айдахо знал упрощенную до предела экономику Империи: никаких долгов под проценты — только наличные на бочку. Единственной валютой были монеты с изображением лица Лето — Бета-Императора. Истинная ценность заключалась в Пряности, ее цена была огромной и продолжала расти. За маленький чемоданчик Пряности можно было купить планету, средних размеров.

Контролировать надо финансы и суд, все остальное сделает чернь, подумал Лето. Эту фразу сказал когда-то старик Джекоб Брум, и Лето услышал, как Джекоб хихикнул в его генетической памяти. Да, старик, с тех пор мало что изменилось, сказал Бруму Лето.

Айдахо виновато вздохнул.

— Надо немедленно известить об этом Бюро Веры.

Лето хранил безмолвие.

Айдахо расценил это как разрешение продолжать и снова принялся читать доклад, но Лето слушал его вполуха, отмечая про себя те места, на которых стоило сосредоточиться.

Теперь он начнет говорить о Тлейлаксу.

Ты вступаешь на опасную для себя почву, Дункан.

Однако эта мысль придала рефлексии Лето новое направление.

Хитроумные тлейлаксианцы до сих пор делают мне Дунканов из исходного клеточного материала. С религиозной точки зрения они совершают преступное деяние, и мы все это отлично знаем. Я не разрешаю искусственные манипуляции с генетическим материалом человека. Но на Тлейлаксу знают, как я ценю Дунканов в качестве начальников придворной стражи. Не думаю, что они находят это удивительным. Меня лично забавляет другое — что имя Айдахо носит теперь река, которая течет на том месте, где когда-то высилась одноименная гора, которую пришлось уничтожить, чтобы добыть материал для строительства стен вокруг моего Сарыира.

Конечно, тлейлаксианцы знают, что время от времени я скрещиваю Дунканов с женщинами, исполняя свою селекционную программу. В этих Дунканах есть какая-то монгольская сила... и еще кое-что. Каждый огонь должен чем-то гаситься.

Этот экземпляр я хотел скрестить с Сионой, но теперь это невозможно.

Ха! Он говорит, что мне пора бы «обрушиться» на Тлейлаксу. Почему бы ему прямо не спросить, не собираюсь ли я его заменить?

Я испытываю большое искушение сказать ему об этом.

Рука Айдахо снова опустилась к кейсу. Внутренний монитор Лето включился без промедления.

Лазерное ружье или еще один доклад? Еще один доклад.

Дункан держится настороженно. Он хочет убедиться не только в том, что я ни о чем не подозреваю, но и в том, что я больше не стою его верности. Он слишком долго колеблется. Да, впрочем, он всегда был таким. Сколько раз я говорил ему, что не стану использовать свое предзнание для того, чтобы предсказать время своего исхода из моего нынешнего состояния. Но он сомневается. Он всегда и во всем сомневается.

Эта огромная пещера скрадывает голос, и если бы не моя сверхчувствительность, то здешняя сырость могла бы скрыть химические свидетельства страха. Сейчас я отключусь от восприятия его голоса — Дункан стал невыносимо скучен. Он опять рассказывает мне историю, историю мятежа Сионы, однако нет сомнения, что он одобряет ее последнюю эскападу.

«Это не обычный мятеж», — говорит он.

Он меня достал! Дурак. Все мятежи ординарны и до бесконечности скучны. Все эти революции и восстания скроены на один манер. Движущей силой является пристрастие к собственному адреналину и жажде личной власти. Все эти мятежники и революционеры — не более чем карманные аристократы. Вот почему я могу так легко обратить их.

Почему этот Дункан никогда не слушал меня, когда я пытался это объяснить? Мы же спорили о мятежах вот с этим самым Дунканом. То было наше с ним первое столкновение, и произошло оно именно в этой крипте.

«Искусство правления требует не отдавать инициативу в руки радикальным элементам», — сказал тогда Дункан.

Подумайте, какая педантичность! Радикалы вырастают в каждом поколении, и вы никогда не должны этому препятствовать. Именно это имел в виду Айдахо, говоря: «.. не отдавать инициативу». Он хочет раздавить их, подавить, остановить, не допустить. Дункан — живое доказательство тому, насколько мала разница между военным и полицейским мышлением.

Тогда я сказал ему: «Радикалов стоит бояться только тогда, когда ты пытаешься их подавить. Напротив, ты должен показать, что готов воспользоваться лучшим из того, что они могут предложить».

«Они опасны! Они очень опасны». Он думал, что многократным повторением сумеет убедить меня в истинности своих слов.

Медленно, шаг за шагом, я привел его к пониманию моего метода, и временами он делал вид, что внимательно меня слушает.

«В этом и заключается их слабость. Радикалы все упрощают — для них существует только белое и черное, добро и зло, мы и они. Обращаясь таким образом со сложнейшими проблемами, они разрывают порядок вещей и порождают хаос... Искусство правления, как ты выразился, и заключается в умении управлять хаосом».

«Никто не может управлять неожиданностями».

«Неожиданности? Кто говорит о неожиданностях? В хаосе нет ничего неожиданного, он обладает вполне предсказуемыми характеристиками. Прежде всего он уничтожает порядок и доводит противостояние сил до крайности».

«Но ведь радикалы и стремятся к этому. Разве они не хотят потрясти все до основания, чтобы овладеть ходом событий».

«Они думают, что делают так. На самом деле они только плодят новых экстремистов, новых радикалов и все начинается сначала».

«Но что если появится радикал, который, понимая все это, все же пойдет на вас под знаменем радикализма?»

«Это будет не радикал, а соперник, желающий захватить власть».

«И что вы тогда будете делать?»

«С ним надо либо объединиться, либо его надо уничтожить. Это есть самый низший уровень борьбы за власть».

«Но что вы можете сказать о мессиях?»

«Таких, как мой отец?»

Этот Дункан не любит подобных вопросов. Он знает, что Неким непостижимым образом я тождествен моему отцу. Он знает, что я могу говорить его голосом и даже надевать его психологическую маску, что моя память о нем точна и неумолима.

Айдахо неохотно заговорил: «Ну да... если хотите».

«Дункан, я весь соткан из них, и я знаю: никогда не было на свете бескорыстных мятежников — они все лицемеры — сознательные или бессознательные, это безразлично».

Помнится, эти слова растревожили осиное гнездо в моей предковой памяти. Некоторые из моих предков так и не расстались с наивной верой в то, что они и только они держали в руках ключ к решению всех проблем человечества. Ну что ж. в этом они очень похожи на меня. Я могу им только посочувствовать, ибо их неудача есть демонстрация моей правоты.

Однако я вынужден их заблокировать. Нечего привыкать к их обществу. Они очень ядовитые напоминания... так же, как и этот Дункан, который стоит передо мной...

О великий Боже! Он же усыпал мою бдительность, держит в руке лазерное ружье и целится мне в лицо.

— Эй, Дункан! Ты тоже решил меня предать?

Tu quo que, Brute?

Каждый нерв Лето пришел в состояние боевой готовности. Тело его начало подергиваться. Плоть Червя обладала своей собственной волей.

Айдахо дерзко заговорил:

— Скажи мне, Лето, сколько раз я должен платить за верность?

Лето сразу понял глубинный смысл вопроса: «Сколько раз меня восстанавливали?» Дунканы всегда хотели это знать. Каждый Дункан задавал этот вопрос и оставался недовольным ответом, не веря в него и терзаясь сомнениями.

Лето заговорил самым грустным голосом Муад'Диба:

— Разве ты не гордишься моим восхищением, Дункан? Ты никогда не задумывался над тем, почему я хочу, чтобы ты был моим постоянным товарищем на протяжении стольких веков?

— Ты считаешь меня законченным и отпетым дураком!

— Дункан! — голос рассерженного Муад'Диба всегда приводил в замешательство любого Айдахо. Несмотря на то что Айдахо не знал, что Лето владеет Голосом Бене Гессерит так, как им не могла владеть ни одна Сестра, было вполне предсказуемо, что рука Дункана дрогнет при звуке этого Голоса. Так и случилось — дуло ружья дрогнуло.

Этого оказалось достаточно — тело Лето, развернувшись в мгновение ока, вылетело из тележки. Айдахо никогда не видел, как его повелитель покидает тележку, он даже не предполагал, что такое может произойти. От Лето требовалось только две вещи: тело Червя должно было почувствовать опасность и освободиться от тележки. Быстрота, с которой все произошло, поразила даже самого Императора.

Теперь главной заботой было лазерное ружье. Его луч мог серьезно поранить, но, однако, мало кто знал о том, какой жар способно перенести тело Червя.

Повернувшись, Лето ударил Айдахо хвостом, и ружье в момент выстрела отклонилось. Рудимент, в который превратилась одна из ног Лето, ощущал страшный ожог, боль заполонила все существо Лето, однако тело Червя было уже запрограммировано и действовало с безошибочной быстротой. Хвост зверя начал совершать сильные биения. Ружье было отброшено далеко в сторону из конвульсивно дернувшейся руки Айдахо.

Откатившись от Дункана, Лето изготовился к новой атаке, но в ней уже не было никакой нужды.

Поврежденныйrudимент все еще посыпал болевые импульсы, и Лето понял, что остаток конечности тяжело обожжен, а один палец просто сгорел. Форелья кожа быстро наросла, закрыв дефект, боль превратилась в ноющую пульсацию.

Айдахо корчился в судорогах. Не было никаких сомнений в том, что он смертельно ранен. Грудная клетка была буквально раздавлена. Судя по дыханию, наступила агония, но Дункан смог открыть глаза и посмотреть на Лето.

Как упрямо одержимы бывают эти смертные! — подумал Лето.

— Сиона! — выдохнул Айдахо.

Лето увидел, как жизнь покидает тело начальника стражи.

Интересно, подумал Лето. Возможно ли, чтобы Дункан и Сиона... Нет! Этот Дункан всегда испытывал презрительное недовольство по отношению к глупостям Сиона.

Лето вновь забрался в Императорскую тележку. То была закрытая модель. Не приходилось сомневаться, что Айдахо целил в мозг. Лето, да и все остальные знали, что егоrudиментарные конечности подвержены внешним воздействиям и являются уязвимыми, но его мозг был больше не связан ни с лицом, ни с головой. В человеческом понимании это вообще был не мозг, а цепочка нервных узлов, вытянутая вдоль тела. Это Лето поведал только своим тайным запискам.

О, какие ландшафты я видел! А каких людей! Дальние странствия фрименов и все остальное, вплоть до самых древних мифов Терры — праматери Земли. О, эти уроки астрономии, их захватывающая интрига, паническое бегство, переселения народов, бесконечный ночной бег — до онемения в ногах и боли в легких — во всех тех местах вселенной, где мы защищали свою преходящую собственность. Я говорю вам, что мы — образец для подражания, и порукой тому моя бесконечная память.

Женщина, работавшая за небольшим подвешенным к стене столом, была слишком велика для узкого стульчика, на котором она примостилась. На улице был полдень, но в помещении, находившемся глубоко под землей города Онн, естественно, не было окон, и светильник, расположенный под потолком, был единственным источником света. Несмотря на то что светящийся шар был настроен на теплый желтоватый свет, он был не в состоянии развеять мрачную серость комнаты — стены и потолок были выполнены из тусклого серого металла.

Вся мебель в комнате состояла из единственного топчана — убогой узкой лежанки, застеленной грубым одеялом. Было совершенно очевидно, что никакая мебель в помещении не была предназначена для работавшей в нем женщины.

На ней была надета темно-синяя пижама, туго обтягивающая широкие плечи. Лампа освещала коротко стриженные светлые волосы и правую часть лица с сильно развитой нижней челюстью, беззвучно двигавшейся в такт словам, которые женщина набирала на клавиатуре, лежавшей на столе. Женщина относилась к машине с благоговейным, почти мистическим почтением, граничившим со страхом, который не исчезал, несмотря на давнее знакомство С техникой.

Женщина нажимала клавиши, а на экране, вмонтированном в стену над столом, появлялся текст.

«Сиона продолжает свою деятельность, на основании чего можно предположить, что она готовит нападение на Вашу Священную Особу, — писала женщина. — Сиона остается непоколебимой в своих преступных целях. Она сказала мне, что передаст копии похищенных записей группе лиц, чьей верности Вам ни в коем случае нельзя доверять. Она собирается передать копии Бене Гессерит, Гильдии и иксианцам. Сиона утверждает, что в записках содержатся Ваши зашифрованные слова, и она надеется, что получатели помогут ей перевести Ваши Священные Слова.

Господин, я не знаю, какое Великое Откровение содержится в этих страницах, но если там записано то, что может угрожать Вашей Священной Особе, то я прошу освободить меня от клятвы верности Сионе. Я не могу понять, почему Вы так настаивали на том, чтобы я принесла эту клятву, но я очень ее боюсь.

Остаюсь Вашей преданной слугой, Наила».

Стул заскрипел, когда Наила откинулась на спинку и, глядя на экран, принялась обдумывать написанные ею слова. В комнате царила почти неестественная тишина, нарушаемая лишь едва слышным дыханием женщины и работой машины, от которой слегка вибрировал пол.

Наила внимательно перечитывала текст, обдумывая каждое слово. Послание было предназначено исключительно для глаз Бога-Императора и требовало не только безусловной правдивости. Оно требовало предельной искренности и беспристрастности, которые истощали Наилу. Наконец женщина решительно кивнула головой и нажала клавишу, которая закодирует послание и приготовит его к передаче. Склонив голову, она молча помолилась, и повернув столик, утопила его в стену. Послание было передано. Бог лично вмонтировал ей в мозг специальное устройство и лично взял с женщины клятву, что она никогда и ни под каким видом никому об этом не расскажет, предупредив, что может настать момент, когда он, Бог, будет говорить с ней с помощью этого устройства. До сих пор этот момент не наступил. Наила подозревала, что этот аппарат придумали иксианцы — уж очень подозрительный был у него вид. Но Бог самолично имплантировал ей в мозг этот аппарат, и Наила могла с чистой совестью игнорировать тот факт, что прибор очень походил на компьютер, а они были запрещены Великим Сходом.

«Не сотвори машину по образу и подобию ума!»

Наила содрогнулась. Она встала и поставила стул на его обычное место возле топчана. Тяжелому мускулистому телу было тесно в тонкой синей пижаме. Во всем облике женщины сквозила обдуманность действий, идеально приспособленных к огромной физической силе. Около топчана она оглянулась и посмотрела на то место, где был экран. Сейчас он был закрыт стенной панелью, которая ничем, абсолютно ничем, не отличалась от прочих темно-серых металлических панелей.

Наила глубоко вздохнула, взяла себя в руки и вышла из комнаты через единственную дверь в серый проход, освещенный белым шаровым светильником. Здесь шум машин был громче. Наила свернула налево и через несколько минут оказалась в большой комнате Сионы. В середине помещения стоял

стол, на котором были сложены вещи, похищенные в Цитадели. Вся сцена освещалась серебристыми шаровыми лампами — у стола стояли Сиона и ее помощник Топри.

Наила, с восхищением относившаяся к Сионе, не могла понять, что хорошего девушки находят в Топри, по ее мнению, этот человек не заслуживал ничего, кроме откровенной неприязни. Топри был нервный, толстый мужчина с зелеными навыкате глазами, курносым носом, тонкими губами и полным, с ямочкой подбородком. Голос у Топри был неприятным и визгливым.

— Посмотри-ка, Наила! Нет, ты только посмотри, что нашла Сиона между страницами книг.

Наила молча закрыла и заперла единственную дверь комнаты.

— Ты слишком много говоришь, Топри, — произнесла она. — Ты — болтун. Откуда ты знал, что я в коридоре одна?

Топри побледнел. На лице его появилась сердитая гримаса.

— Боюсь, что она права, — заговорила Сиона. — Почему ты решил, что я хочу, чтобы Наила знала о моем открытии?

— Но ты же полностью ей доверяешь.

Сиона обернулась к Наиле.

— А ты знаешь, почему я тебе доверяю, Наила? — вопрос был задан будничным тоном, лишенным каких бы то ни было эмоций.

Наилу липкой, противной волной окатил страх. Неужели Сиона раскрыла ее тайну?

Неужели я подвела моего господина?

— Ты не можешь ответить мне на этот вопрос?

— Разве я когда-нибудь давала повод подозревать меня? — ответила Наила вопросом на вопрос.

— Это недостаточный повод для доверия, — возразила Сиона. — В мире нет совершенства — ни среди людей, ни среди машин.

— Но тогда почему ты мне доверяешь?

— Потому что твои действия находятся в полном согласии с твоими словами. Вот, например, ты не любишь Топри и не считаешь нужным скрывать это за лживыми словами.

Наила посмотрела на Топри, и тот нервно кашлянул!

— Я ему не доверяю, — призналась женщина.

Слова сорвались с ее языка без всякого обдумывания, и только спустя мгновение Наила осознала истинную причину своей неприязни — Топри предаст любого ради личной выгоды.

Лицо мужчины снова исказилось от гнева.

— Я не собираюсь стоять здесь и спокойно выслушивать ее оскорблений, — сказал он и направился к выходу. Сиона остановила его движением руки. Топри в нерешительности остановился.

— Хотя мы произносим старинные фрименские формулы и клянемся друг другу в верности, не это держит нас вместе, — сказала Сиона. — Все основано на деле и целях. Это единственное, что я принимаю во внимание. Вы меня понимаете?

Топри машинально кивнул, но Наила отрицательно покачала головой.

Сиона улыбнулась женщине.

— Ты не всегда соглашаешься с моими решениями, не правда ли, Наила?

— Нет, — через силу выдавила из себя женщина.

— Больше того, ты никогда не считаешь нужным скрывать свое несогласие, но тем не менее ты всегда мне подчиняешься. Почему?

— Потому что я дала клятву.

— Но я же сказала, что этого недостаточно.

Наила почувствовала, что покрываются потом, поняла, что выдает себя, но не могла ничего поделать. *Как мне быть? Я поклялась Богу, что буду во всем подчиняться Сионе, но не могу сказать ей об этом.*

— Ты должна ответить на мой вопрос, — жестко произнесла Сиона. — Я тебе приказываю.

Наила затаила дыхание. Возникла дилемма, которой она всегда очень боялась. Выхода не было. Она мысленно помолилась и тихо заговорила.

— Я поклялась Богу, что буду тебе повиноваться.

Сиона хлопнула в ладоши и рассмеялась.

— Так я и знала.

Топри усмехнулся.

— Молчи, Топри, — приказала Сиона. — Я хочу преподать урок *tебе*. Ты не веришь никому, даже самому себе.

— Но я...

— Молчать, я сказала! Наила верит. Я верю. Это то, что нас объединяет. Вера.

Топри был до крайности изумлен.

— Вера? Ты веришь...

— Идиот, я верю не в Бога-Императора! Мы верим, что высшая сила поставит на место тирана в облике червя. И мы — та высшая сила.

Наила порывисто вздохнула.

— Все в порядке, Наила, — сказала Сиона. — Мне совершенно все равно, откуда ты черпаешь свою силу... и свою веру.

Наила широко улыбнулась. Никогда еще не была она столь сильно взволнована мудростью своего Господа. *Мне позволено говорить правду, и это служит моему Богу!*

— Давайте я лучше покажу вам, что мне удалось найти в этих книгах, — заговорила Сиона и ткнула пальцем в листки обыкновенной бумаги. — Эти листочки были заложены между страницами записок.

Наила обошла вокруг стола и с любопытством посмотрела на бумажки.

— Но сначала посмотрите на это. — Сиона взяла в руку предмет, который Наила поначалу не заметила. Это были прядь волос и тонкий сухой стебелек, на котором было что-то, весьма напоминающее...

— Цветок? — нерешительно спросила Наила.

— Он был заложен между двумя листками бумаги. А на самой бумаге было написано вот это. — Сиона склонилась над столом: — Прядь волос Ганимы и звездный цветок, который она мне однажды подарила.

Сиона посмотрела на Наилу и сказала:

— Оказывается, наш Бог-Император очень сентиментален. Это слабость, которой я от него не ожидала.

— Ганима? — спросила Наила.

— Его сестра! Вспомни Устные Предания.

— О да, я помню. Есть молитва Ганиме.

— А теперь послушайте вот это. — Сиона взяла со стола еще один листок и начала читать:

Песок на берегу сер, как мертвая щека,
В ряби зеленого прилива отражаются мрачные тучи;
Я стою на мокром песке у края воды.
Холодная пена омывает мои пальцы.
Я чувствую запах гниющего в воде дерева.

Сиона еще раз взглянула на Наилу.

— Эти стихи озаглавлены: «Слова, которые я написал, когда узнал о смерти Гани». Что ты об этом скажешь?

— Он... он любил свою сестру.

— Да! Он способен любить. О да! Теперь он от нас не уйдет.

Время от времени я позволяю себе сафари, которое не может позволить себе ни один смертный. Для этого мне достаточно сместиться вглубь по оси моей памяти. Словно школьник, выбирающий тему для сочинения о проведенных каникулах, я выбираю интересующий меня предмет. Например, пусть это будут... женщины-интеллектуалы! После этого я погружаюсь в океан памяти моих предков. При этом я чувствую себя словно глубоководная рыба. Я открываю рот и начинаю поглощать знания о прошлом. Иногда... только иногда, я выбираю для охоты личности, попавшие в анналы истории. Какое это наслаждение лично пережить перипетии жизни этого человека и сравнить их с фактами официальной биографии.

Монео спускался в крипту с явной неохотой. Ему было грустно и тяжело, но... что поделать, такова служба. Богу-Императору нужно время, чтобы оплакать потерю очередного Дункана... Но жизнь продолжается.

Лифт бесшумно скользил вниз, идеально подчиняясь воле Монео. Иксианцы умели делать надежные механизмы. Правда, однажды Бог-Император крикнул своему мажордому: «Монео! Иногда мне кажется, что тебя тоже изготовили на Иксе!»

Монео почувствовал, что лифт остановился. Двери открылись, и мажордом увидел в полумраке крипты массивную тень Императорской тележки. Никаких признаков того, что Лето заметил прибытие своего слуги. Монео вздохнул и направился к своему господину. Шаги гулко отдавались под сводами огромного помещения. Возле тележки лежало мертвое тело. Никаких *dèja vu*. Это Монео видел наяву и уже не в первый раз.

Однажды, когда Монео только начинал свою службу, Лето сказал:

— Я вижу, Монео, что тебе не нравится это место.
— Нет, господин.

Потребовалось небольшое усилие памяти, чтобы явственно услышать голос из такого наивного прошлого. И голос Лето, который ответил:

— Ты не считаешь мавзолей приятным местом, Монео, я же нахожу его источником бесконечной силы.

Монео вспомнил, как ему захотелось сменить тему разговора.

— Да, мой господин. Но Лето настаивал:

— Здесь очень мало моих предков. Здесь вода Муад'Диба. Гани и Харк аль-Ада тоже здесь, но они не мои предки. Нет, это не захоронение моих предков, этот мавзолей — я. Здесь Дунканы и другие порождения моей селекционной программы. Ты тоже окажешься здесь в один прекрасный день.

Монео вдруг осознал, что от таких воспоминаний он несколько замедлил шаг. Он вздохнул и двинулся быстрее. Лето временами бывал очень нетерпелив, но пока он не подавал никаких знаков своего присутствия. Однако старый мажордом был слишком опытен, чтобы не понимать, что Лето следит сейчас за каждым его шагом.

Лето возлежал на тележке с закрытыми глазами, включив для слежения за Монео другие чувства. Сейчас Императора занимали мысли о Сионе.

Сиона — мой заклятый враг, думал он. Мне не нужны донесения Наилы, чтобы знать это. Сиона — женщина поступка. Она живет на поверхности такой огромной энергии, что это наполняет мои фантазии необыкновенным восторгом. Я не могу бросать вызов этим энергиям, не испытывая при этом экстаза. Именно эти фантазии суть оправдание моего бытия, всего, что я до сих пор сделал... Они — оправдание даже тела этого глупого Айдахо, которое лежит здесь передо мной.

Слух подсказывал Лето, что Монео не прошел еще и половины пути, отделявшего его от тележки. Человек шел все медленнее и медленнее, потом, словно опомнившись, снова убыстрял шаг.

Какой подарок преподнес мне Монео в виде этой девочки. Своей дочери, подумал Лето. Сиона свежа и драгоценна. Она — это новое, в то время как я являю собой собрание ветхих древностей, проклятых реликтов, потерянных и заблуждений. Я — собрание пропавших кусков истории, исчезнувших из вида и затонувших в глубинах прошлого. Никто из смертных не может представить себе такого скопища мерзавцев.

Лето выстроил свое прошлое в памяти, чтобы показать им то, что происходит в крипте.

Мой конек — мелочи!

Однако Сиона... Сиона — это чистая грифельная доска, на которой можно начертать великие письмена.

Я храню эту грифельную доску с величайшим тщанием. Я готовлю ее, очищаю ее.

Что хотел сказать Дункан, когда произнес ее имя?

Монео не слишком уверенно приблизился к ложу повелителя, зная наверняка, что тот не спит.

Лето открыл глаза, когда Монео остановился возле трупа Дункана. От лицезрения этой сцены Император получил величайшее удовольствие. На мажордоме была надета белая форма Дома Атрейдес без знаков различия. Маленький нюанс — лицо Монео было известно почти так же, как и лицо самого Лето, и служило лучшим знаком различия. Монео застыл в терпеливом ожидании, ни одним жестом не выдав своих чувств. Густые светлые волосы были разделены безупречным прямым пробором. В глубине серых глаз таилась прямота, которая является отражением осознания своей огромной власти. Этот взгляд Монео прятал лишь в присутствии Бога-Императора, да и то не всегда. Не впервые приходилось мажордому видеть труп на полу крипты.

Лето продолжал хранить молчание, и Монео, откашлявшись, заговорил первым:

— Я очень опечален, мой господин.

Замечательно! — подумал Лето. Он знает, что я испытываю искреннее сожаление по поводу смерти каждого Дункана. Монео читал их донесения и часто видел их мертвыми. Он-то прекрасно знает, что лишь девятнадцать Дунканов умерли естественной смертью — остальные были убиты.

— У него было иксианское лазерное ружье, — сказал Лето.

Монео метнул взгляд влево, где валялось оружие, давая тем самым понять Императору, что уже успел заметить ружье. Он снова обернулся к Лето, опустив глаза к полу, где лежал труп.

— Вы не ранены, мой господин?

— Это совершеннейший пустяк.

— Но он сумел причинить вам травму.

— Эти плавники мне совершенно не нужны. Через пару сотен лет они и сами исчезнут.

— Я лично позабочусь о теле Дункана, мой господин, — сказал Монео. — Есть ли здесь...

— Та часть моего тела, которую он сжег, превратилась в пепел. Мы развеем его здесь. Крипта — самое подходящее для этого место.

— Как прикажет мой господин.

— Прежде чем избавиться от тела, разряди ружье и оставь его в таком месте, где я мог бы представить его иксианскому послу. Что же касается пилота Гильдии, который предупредил нас о ружье, то его надо наградить десятью граммами Пряности. Да, кстати, наши жрицы на Гъеди Один должны быть извещены о тайном складе меланжи; вероятно, это остатки контрабандных запасов старого Харконнена.

— Как вы желаете распорядиться Пряностью, когда она будет найдена?

— Часть пойдет на оплату тлейлаксианцев за изготовление нового гхола. Остальное следует перенести сюда, в крипту.

— Мой господин, — Монео склонил голову в легком полупоклоне, давая понять, что понял приказ и готов его исполнить. Мажордом взглянул в глаза повелителя.

Лето улыбнулся, подумав: *Мы оба знаем, что Монео не уйдет, пока не выясним прямо обстоятельства дел, которые интересуют нас больше всего.*

— Я видел донесение о Сионе, — заговорил Монео.

Лето улыбнулся еще шире. Видеть Монео в такие минуты было сущим наслаждением. Его слова касались множества вещей, которые не требовали никакого обсуждения. Его слова и поступки находились в полном согласии друг с другом, и им обоим было ясно, что Монео находится в курсе всего происходящего при дворе да и вообще в Империи. Естественно, он озабочен судьбой

собственной дочери, но хочет, чтобы его озабоченность была истолкована владыкой как беспокойство о высшем благе — благе Империи. Пройдя подобную эволюцию сам, Монео прекрасно понимал природу нынешних дарований Сиона.

— Разве не я создал ее, Монео? — спросил Лето. Разве это не я позаботился о ее родословной и надлежащем воспитании?

— Она — моя единственная дочь, мое единственное дитя, господин.

— Кстати, она сильно напоминает мне Харка аль-Ада, продолжал Лето. — В ней очень немного от Гани, я полагал, что от моей сестры она унаследует больше. Кажется, Сиона вернулась к исходному пункту селекционной программы Общины Сестер.

— Зачем вы говорите это мне, мой господин?

Лето задумался. Надо ли Монео знать такие частности о своей дочери? Временами Сиона уклоняется с пути предзнанния. Золотой Путь оставался, но Сиона сворачивала с него. Однако... Сиона не обладает предзнанием. Она уникальна... и если останется в живых... Нет, не стоит снижать эффективность работы Монео подобного рода информацией.

— Припомн свое собственное прошлое, — сказал Лето.

— Действительно, господин! У нее такие способности, такой потенциал, которого у меня никогда не было. Но это делает ее опасной.

— К тому же она совсем тебя не слушается, — проговорил Лето.

— Нет, но я внедрил в среду ее мятежников своего агента.

Должно быть, это Топри, подумал Лето.

Не надо было обладать предзнанием, чтобы понимать: Монео обязательно внедрит в эту среду своего агента. С самого момента смерти матери Сиона Лето знал обо всех действиях Монео, даже о тех, которые он только замышлял. Наила давно заподозрила Топри. И вот теперь Монео обнаружил свои страхи и свои действия, чтобы обеспечить своей дочери большую безопасность.

Как жаль, что эта женщина успела родить от Монео только одного ребенка.

— Вспомни, как я обращался с тобой в подобной ситуации, — сказал Лето. — Ты знаешь требования Золотого Пути не хуже чем я.

— Но тогда я был молод и глуп, мой господин.

— Ты был молод и дерзок, но отнюдь не глуп.

Монео позволил себе натянутую улыбку, принимая комплимент и все больше и больше убеждаясь в том, что только теперь понимает намерения Лето. *Однако они очень опасны!*

Желая укрепиться в своем убеждении, он сказал:

— Вы же знаете, как я обожаю сюрпризы.

Это верно, подумал Лето. Монео обо всем догадывается. Но даже удивляя меня, Сиона постоянно напоминает о том, чего я боюсь больше всего на свете — обыденности и скуки, которые могут исказить Золотой Путь. Надо лишь вспомнить, как скука едва не позволила Дункану одолеть меня. Сиона — это тот контраст, который позволяет мне понимать мой глубинный страх. Озабоченность Монео по поводу меня вполне понятна и обоснована.

— Мой агент будет продолжать наблюдение за ее новыми товарищами, господин, — сказал Монео. — Они мне не нравятся.

— Ее товарищи? У меня самого когда-то были подобные товарищи.

— Мятежники, господин? У вас? — Монео был не на шутку изумлен таким признанием.

— Разве я не доказал, что являюсь другом бунтовщиков?

— Но, господин...

— Аберрация прошлого в нашей памяти распространена гораздо шире, чем ты думаешь!

— Да, господин. — Монео был обескуражен, хотя его все еще разбирало любопытство. Он знал, что Лето обычно становится разговорчивым после смерти очередного Дункана. — Должно быть, вы

знали многих мятежников, мой господин.

При этих словах мысли Лето невольно погрузились в глубины памяти о предках, которые восстали перед его внутренним взором.

— Ах, Монео, — пробормотал Лето. — Мои путешествия по закоулкам, где прячутся мои предки, воссоздают такие события, которые я больше никогда не желаю видеть.

— Могу себе представить эти внутренние путешествия, господин.

— Нет, ты не можешь этого представить. Я видел людей и планеты в таком количестве, что они потеряли свое значение даже в моем воображении. О, какие ландшафты я видел. Узор чужих дорог выступает из пространства и запечатлевает во мне это внутреннее видение, запечатлевает в моей памяти осознание того, что я — ничтожная пылинка.

— Не вы, мой господин. Определенно, это не вы.

— Я меньше чем пылинка! Я видел людей и их бесплодные сообщества с такой регулярной повторяемостью, что их полная бессмыслица наполнила меня скукой, слышишь?

— Я не хотел разгневать вас, господин, — кротко произнес Монео.

— Ты не злишь меня. Иногда ты меня раздражаешь, но не более того. Ты не можешь себе представить всего того, что я видел, — халифов и меджидов, рак, раджей и башаров, королей и императоров, премьер-министров и президентов — я видел их всех, вплоть до самого ничтожного фараона.

— Простите мне мою самонадеянность, господин.

— Проклятые римляне! — воскликнул Лето.

Он сказал то же самое мысленно, обращаясь к предкам. *Проклятые римляне!*

Скопище предков разразилось в ответ жутким хохотом.

— Я не понимаю вас, господин, — осмелился проговорить Монео.

— Это правда. Ты действительно меня не понимаешь. Римляне распространяли по миру болезнь фараонов, разбрасывая ее семена, как сеятели разбрасывают зерна. От этого семени произошли всходы — цезари, кайзеры, цари, императоры... казерии... палатосы... и проклятые фараоны!

— Я не знаю многих из этих титулов, мой господин!

— Возможно, я последний из их числа, Монео. Молись, чтобы это было так.

— Как прикажет мой господин.

Лето взглянул на человека.

— Мы — убийцы мифа, Монео. Ты и я. Это мечта, которую мы оба разделяем. Могу уверить тебя с моей олимпийской высоты, что правительство — это миф, в который верят многие. Как только умирает миф, умирает и правительство.

— Так ты учил меня, господин.

— Нашу мечту породил инструмент, состоящий из людей-автоматов — армия, друг мой.

Монео нервно откашлялся.

Лето понял, что мажордом проявляет признаки нетерпения.

Монео все понимает относительно армий. Он знает, что только глупец может считать армию основным инструментом государственного правления.

Лето молчал, и Монео направился к лазерному ружью, поднял его с холодного пола крипты и принялся разряжать.

Лето наблюдал за его действиями и думал о том, что эта маленькая сценка является отражением сути армейского мифа. Армия питает технику, поскольку сила автоматического оружия кажется столь очевидной близоруким и недальновидным.

Лазерное ружье — это не более чем простая машина. Но всякая машина отказывает или ее превосходит другая машина. Однако Армия держится за машину, как за святыню — чарующую и

одновременно страшную. Посмотрите, как люди боятся иксианцев! Армия нутром чувствует, что они — ученики чародея. Вооружение снимает узду с техники и этого джинна уже невозможно загнать обратно в бутылку.

Я же учу их иной магии.

Лето обратился к толпе своих предков:

«Вы видите? Монео разрядил этот смертоносный инструмент. Связь прервалась, капсула раздавлена».

Лето втянул носом воздух, ощущив эфирный запах ружейного масла, смешанный с запахом пота Монео.

Обращаясь к предкам, Лето продолжил: «Но джинн не умер. Технология — питательная среда для анархии. Она способствует широкому распространению таких инструментов, а это провоцирует насилие. Способностью производить невиданные разрушения начинают обладать все более мелкие группы и так продолжается до тех пор, пока оружие не попадает в руки каждого отдельно взятого человека».

Монео вернулся на прежнее место, держа в правой руке разряженное ружье.

— На Парелле и планетах Дана поговаривают о новом джихаде против подобного оружия.

Монео поднял вверх ружье, улыбкой давая понять Лето, что понимает всю парадоксальность таких пустых мечтаний.

Лето прикрыл глаза. Орда предков подняла было крик, но Император заглушил их, подумав: *Джихады порождают армии. Бутлерианский джихад пытался избавить мир от машин, имитирующих мозг человека. Бутлериане оставили на страже армии, и иксианцы получили возможность создавать свои сомнительные механизмы... Спасибо им за это. Что же такое анафема? Ее мотивация — разрушение, и никакого значения не имеет, какое орудие применяют для этой цели.*

— Это произошло, — пробормотал он.

— Что вы сказали, мой господин?

Лето открыл глаза.

— Я поеду в свою башню, — сказал он. — Хочу наедине с собой оплакать моего верного Дункана.

— Новый Айдахо находится на пути сюда, — сказал Монео.

Вы — первый, кто видит мои записки спустя четыре тысячи лет после их создания. Однако берегитесь. Не стоит раздуваться от гордости за первенство в открытии тайны этого иксианского хранилища. Обнаружив и прочитав записи, вы испытаете боль. У меня было всего несколько озарений, позволивших мне изредка заглядывать во тьму будущего через четыре тысячелетия. Эти прозрения убедили меня, что Золотой Путь продолжается и будет продолжаться. Поэтому я не уверен, что мои записи будут очень важны для людей вашего времени. Я твердо знаю только одно — мои записи канули в небытие, и сведения о событиях, о которых я рассказываю, будут до неизвестности искажены преданиями и историческими хрониками. Могу заверить вас, что прозрение будущего — весьма скучное занятие. Даже если вас почитают за Бога, каковым я определенно был, то и в этом бесконечная скуча. Мне не раз приходило в голову, что священная скуча есть достаточное основание для изобретения свободы воли.

Я — Дункан Айдахо.

Это было единственное, что он хотел знать наверняка. Ему не нравились объяснения тлейлаксианцев, их рассказы. Но делать нечего, тлейлаксианцев всегда боялись. Им не доверяли и их боялись.

Они доставили его на эту планету в маленьком челноке Гильдии на рассвете, когда зеленый венец солнца только что засветился на горизонте. Зайдя на посадку, звездолет нырнул в глубокую и темную тень. Космопорт не был похож ни на что, виденное Дунканом прежде. Взлетная полоса была больше и окружена странными зданиями.

— Вы уверены, что это Дюна? — спросил он.

— Это Арракис, — поправил сопровождавший Айдахо тлейлаксианец.

В запертой машине Дункана привезли в какой-то дом в городе, название которого — Онн — сопровождавший называл, произнося «н» в нос. Комната, где его оставили, имела площадь не более трех метров и представляла собой куб с голыми стенами. В помещении не было светильников, но оно было залито теплым желтоватым светом.

Я — гхола, сказал он себе.

Это было потрясение, но в этот факт ему придется поверить. Сознание того, что он жив, несмотря на то, что умер много столетий назад, было само по себе большим испытанием. Тлейлаксианцы взяли клетки его мертвой плоти и вырастили существа в одном из своих чанов. Эти клетки начали размножаться и превратились в существа, имеющие его нынешнее тело, в котором сам Айдахо поначалу чувствовал себя чужаком.

Он опустил взгляд и принял рассмотривать свое тело. Оно было одето в темно-коричневые брюки и куртку из грубой ткани, которая раздражала кожу. На ногах были обуты простые сандалии. Вот и все, чем они снабдили его, — кроме тела, разумеется. Такая бережливость могла многое сказать об истинном тлейлаксианском характере.

В помещении отсутствовала какая бы то ни было мебель. В стене была единственная дверь без ручки. Айдахо внимательно оглядел потолок, стены и дверь. Взгляду было не за что зацепиться, однако Дункана не покидало ощущение, что за ним внимательно наблюдают.

— За вами придут женщины из Императорской гвардии, — сказали ему на прощание сопровождающие и ушли, издевательски посмеиваясь.

Женщины из Императорской гвардии?

Тлейлаксианский эскорт испытывал прямо-таки садистское наслаждение от своей способности изменять черты лица. Никогда не знаешь, на кого станет похожа в следующую минуту эта образина — настолько пластична и текучка была их плоть.

Проклятые мордоплясы!

Они знали о нем все. Знали, конечно, и о его отвращении к людям, меняющим свою форму.

Можно ли доверять чему бы то ни было, если это исходит от мордоплясов? Очень и очень немногому. Можно ли верить тому, что они говорят?

Мое имя. Я знаю мое имя.

Кроме того, у него есть память. Они шокировали Дункана, наделив его прежней памятью. Вообще, гхолы не должны обладать способностью знать о своей исходной идентичности. Но для него

тлейлаксианцы сделали исключение и заставили его поверить в истинность памяти, потому что он понял, что именно они сделали.

Он знал, что в начале был лишь полностью сформированный гхола — взрослый человек, точнее, его плоть, лишенная имени и памяти, — палимпсест, на котором тлейлаксианцы могли написать все, что им заблагорассудится.

— Ты — гхола, — сказали они ему. Это и было его единственным именем на протяжении очень долгого времени. С гхола обращались как с послушным ребенком, обучая его убивать определенного человека — человека, как две капли воды похожего на Пауля Муад'Диба, которого Айдахо обожал и которому служил верой и правдой. Сходство было настолько велико, что Дункан решил, что это тоже гхола. Но откуда тлейлаксианцы могли взять клетки Муад'Диба?

В клетках Айдахо было что-то, что не давало ему бунтовать против Атрейдесов. Он помнил, как стоял с ножом в руке против копии Муад'Диба, который смотрел на него с выражением гнева и страха.

Память вливалась в сознание мощным потоком. Он дом и ил гхола и помнил Дункана Айдахо.

Я — Дункан Айдахо, оруженосец Атрейдесов.

Стоя посреди желтой комнаты, Дункан начал вспоминать.

Я погиб, защищая Пауля и его мать в сиэтче, расположеннном в недрах песков Дюны. Я вернулся на эту планету, но Дюны больше нет. Теперь это всего-навсего Арракис.

Он читал усеченную историю Дюны, которой снабдили его тлейлаксианцы, но не поверил ни единому слову. Более тридцати пяти столетий? Кто поверит, что живая плоть может существовать столь долгий срок? Но... на Тлейлаксу все возможно. Пришлось довериться собственным чувствам.

— Вас было очень много, — сказал ему инструктор.

— Сколько?

— Это тебе расскажет Господь Лето.

Господь Лето?

История Тлейлаксу утверждает, что господин Лето Второй — это внук того самого Лето, которому Айдахо служил с фанатичной преданностью. Однако этот второй Лето стал таким странным созданием, что Дункан так и не смог понять природу его трансформации.

Как может человек постепенно превратиться в песчаного червя? Как может мыслящее существо жить более трех тысяч лет? Даже самые сумасшедшие дозы гериатрической Пряности не могут обеспечить такого долголетия.

Лето Второй, Бог-Император?

Нет, нельзя верить в эти тлейлаксианские небылицы!

Айдахо вспомнил этого странного ребенка... Хотя нет, ведь это были близнецы — Лето и Ганима, дети Чани, умершей во время родов. Тлейлаксианская история утверждает, что Ганима умерла, прожив срок нормальной человеческой жизни, но Бог-Император Лето продолжал жить и жить, и жить...

— Лето — тиран, — сказал инструктор. — Он приказал нам изготовить тебя в наших бродильных чанах и прислать ему для несения службы. Мы понятия не имеем, что случилось с твоими предшественниками.

И вот я здесь.

Айдахо еще раз оглядел голые стены и потолок.

Послышался приглушенный звук голосов, и он взглянул на дверь. Голоса по-прежнему звучали глухо, но один из них несомненно принадлежал женщине.

Женщины Императорской гвардии?

Дверь беззвучно открылась внутрь, и в помещение вошли две женщины. Первое, что привлекло внимание Айдахо было то, что одна из женщин была в маске — на ее голову был накинут капюшон из тонкой ткани — она могла свободно видеть все, что происходит вокруг, сквозь эту ткань, но ее

лицо не мог разглядеть никто, даже пользуясь самыми совершенными оптическими приборами. Сам этот капюшон был красноречивым свидетельством того, что иксианцы или их наследники все еще живы и работают не покладая рук на благо Империи. Женщины были одеты в форменные комбинезоны темно-синего цвета, на груди у обеих были значки — ястреб Атрейдесов на красном поле.

Айдахо внимательно рассматривал женщин, пока они закрывали дверь.

Женщина в маске отличалась плотным телосложением, вся ее фигура дышала мощью. Она передвигалась с обманчивой неуверенностью человека, посвятившего жизнь физическому усовершенствованию. Вторая женщина на фоне первой выглядела хрупкой и тонкокостной. На лице с высокими скулами выделялись миндалевидные глаза. На поясах женщин висели вложенные в ножны кинжалы, которыми они, без сомнения, мастерски владели.

Стройная женщина заговорила:

— Меня зовут Люди. Пусть я буду первой, кто назовет вас полковником. Моя спутница должна остаться безымянной. Так приказал наш господин Лето. Вы можете называть ее Другом.

— Полковник? — переспросил Айдахо, не веря своим ушам.

— Господин Лето пожелал, чтобы вы командовали его Императорской гвардией, — ответила Люди.

— Вот как? Но давайте сначала поговорим с ним об этом.

— О нет, — возразила потрясенная Люли. — Господия Лето примет вас в нужное время. Но сейчас он желает, чтобы мы позаботились о вашем удобстве и радости.

— И я должен вам беспрекословно подчиниться?

В ответ Люли лишь озадаченно покачала головой.

— Я раб?

Люли успокоилась и улыбнулась.

— Ни в коем случае. Дело в том, что у господина Лето очень много дел и забот, которые требуют его личного внимания. Для вас он выделил подходящее для себя время. Он послал нас, потому что беспокоится за судьбу своего Дункана Айдахо. Вы слишком долго были в руках грязных тлейлаксианцев.

Грязных тлейлаксианцев, подумал он.

В этом отношении по крайней мере ничего не изменилось.

Однако одно место в объяснении Люли его сильно обеспокоило.

— *Его* Дункан Айдахо?

— Разве вы не воин Атрейдесов? — ответила Люли вопросом на вопрос.

Она попала в точку. Айдахо кивнул и покосился в сторону женщины в маске.

— Почему у вас закрыто лицо?

— Никто не должен знать, что я служу господину Лето, — ответила женщина. У нее было мягкое, приятное контральто, но Айдахо решил, что это результат действия хитроумного капюшона.

— Тогда зачем вы здесь?

— Господин Лето доверил мне определить, не испортили ли вас грязные тлейлакеианцы.

В горле у Айдахо внезапно пересохло. Эта мысль несколько раз приходила ему в голову еще на борту транспорта Гильдии. Если они смогли натаскать его на убийство дорогого друга, то, кто знает, что еще могли они вложить в душу возрожденной плоти.

— Я вижу, что вы думали об этом, — проницательно заметила женщина в маске.

— Вы ментат? — спросил Дункан.

— О нет, — живо вмешалась в разговор Люли. — Господин Лето не разрешает воспитывать ментатов.

Айдахо посмотрел на Люли, потом снова обратил свой взор на женщину в маске. *Никаких ментатов*. Тлейлаксианская история умалчивает об этом интересном факте. Но почему Лето запрещает подготовку ментатов? Несомненно, человеческий ум, подготовленный для выполнения логических и вычислительных операций, все еще нужен и наверняка пользовался бы спросом. Тлейлаксианцы заверили его, что Великое Соглашение все еще сохраняет силу, и производство мыслящих машин считается святотатством. Но эти женщины наверняка знают, что Атрейдесы всегда использовали ментатов.

— Как вы считаете, — заговорила женщина в маске, — испортили ли грязные тлейлакеианцы вашу психику?

— Я не... не думаю.

— Но вы в этом не уверены?

— Нет.

— Не бойтесь, полковник Айдахо, — сказала женщина. — У нас есть способы выяснить это и устраниТЬ последствия, если они имеют место. Однажды грязные тлейлакеианцы попробовали сыграть с нами такую шутку, но дорого заплатили за свою ошибку.

— Ваши слова вселяют в меня уверенность. Не направил ли господин Лето мне какое-либо послание?

На этот вопрос ответила Люли.

— Он велел заверить вас в том, что он любит вас, как всегда любили вас все Атрейдесы. — Люли пришла от своих слов в благоговейный трепет.

Айдахо слегка расслабился. Как старый служака Атрейдесов, великолепно подготовленный оруженосец, он использовал эту встречу для того, чтобы без труда выяснил для себя несколько вопросов. Эти две женщины были отлично натасканы, буквально выдрессированы для несения службы и беспрекословного подчинения. Если для того, чтобы замаскировать личность женщины, потребовалось лишь надеть капюшон, то можно сказать, что окружении Лето достаточно много женщин подобного телосложения. Все это говорило о том, что самого Лето на каждом шагу подстерегают опасности, которые требуют мер предосторожности, системы шпионажа и большого арсенала вооружений.

Люли испытующе взглянула на свою спутницу.

— Что скажешь, Друг?

— Его можно отправить в Цитадель, — ответила женщина в маске. — Здесь мне не нравится — в этой комнате побывали тлейлакеианцы.

— Я бы с удовольствием принял горячую ванну и переоделся, — сказал Айдахо.

Люли продолжала смотреть на свою подругу.

— Ты уверена?

— Мудрость господина не подлежит сомнению, — ответила женщина в маске.

Айдахо не уловил признаков фанатизма в голосе Друга, но уверился в цельности Атрейдесов. Они бывали циничными и вероломными по отношению к чужакам и врагам, но к своим людям относились справедливо и сохраняли по отношению к ним верность слову. Превыше всего для Атрейдесов была верность своим людям.

А я — один из их людей, подумал Айдахо. *Но что со мной случилось, что меня заменяют?* При этом он понимал, что эти две женщины не в состоянии ответить на подобный вопрос.

На него ответит Лето.

— Мы отправляемся? — спросил он. — Я просто горю желанием смыть с себя тлейлаксианскую грязь.

Люли ласково улыбнулась.

— Пойдемте. Я сама вас искуплю.

Враги усиливают тебя.

Союзники ослабляют.

Я говорю это в надежде помочь вам понять, почему я действую так, а не иначе, полностью сознавая, что в Империи накапливаются силы, единственной целью которых является мое уничтожение. Вы, кто читает эти записки, наверняка знаете, что фактически произошло, но не понимаете сути происшедшего.

Церемония «Показа», которой начинались собрания революционеров, производила на Сиону неизменно очень тягостное впечатление. Она сидела в первом ряду и старалась не смотреть на Топри, который вел церемонию. Это помещение в заброшенной штоле близ Онна настолько напоминало все остальные места сходок, что могла служить стандартной моделью места конспиративных встреч.

Место встречи бунтовщиков — класс Б, подумала она.

Официально это место было складским помещением, поэтому светильники горели здесь постоянно, излучая призрачный белый свет. Комната была тридцать шагов в длину и примерно столько же в ширину. Пройти в нее можно было по длинному коридору, шедшему через анфиладу подобных помещений, одно из которых было заставлено складными стульями и предназначалось для отдыха персонала подземных коммуникаций. Теперь на этих стульях сидели девятнадцать друзей Сиона, несколько стульев были свободны, на случай, если подойдут опоздавшие.

Время встречи было выбрано в промежутке между ночной и утренними сменами, чтобы не бросалось в глаза слишком большое количество рабочих. Большинство повстанцев были переодеты в рабочие робы, некоторые, включая Сиону, были одеты в зеленую форму инспекторов-механиков.

Голос Топри звучал с навязчивой монотонностью, но в нем не было визгливых интонаций, от которых он умел непостижимым образом избавляться во время проведения церемонии. Сиона против волн была вынуждена признать, что Топри в этой роли был на своем месте, хотя ее отношение к Топри несколько изменилось после того, как Наила заявила, что не доверяет этому человеку. Наила умела говорить наивные вещи с необыкновенной прямотой, срывая все маски. Кроме того, за последнее время Сиона и сама кое-что узнала о Топри.

Сиона повернула голову и взглянула на него. Холодный серебристый свет лишь подчеркивал бледность его лица. Во время церемонии Топри пользовался копией фрименского ножа, приобретенного организацией не вполне законным путем. Глядя на клинок в руке Топри, Сиона припомнила, как происходила эта покупка. Идея принадлежала Топри, и Сионе она в какой-то момент пришла очень по душе. Он назначил ей встречу в какой-то лачуге на окраине Онна, для этого пришлось покинуть город в сумерках. Пришлось ждать глубокой ночи, когда фримен — сотрудник Музея фримена — мог без опаски встретиться с ними, поскольку жителям сиетча запрещалось покидать его пределы без специального разрешения Бога-Императора.

Сиона уже отчаялась ждать, когда долгожданный фримен вынырнул из темноты и вошел в хибарку, а сопровождавшие его люди остались охранять вход. Топри и Сиона сидели на лавке у влажной стены в совершенно убогой комнате. Единственным источником света был факел на длинной палке, воткнутой в грязную стену.

Первые же слова фримена вызвали возмущение Сиона.

— Вы принесли деньги?

Топри и Сиона одновременно поднялись при появлении этого человека. Топри, казалось, совершенно не тронул вопрос. Он похлопал рукой по объемистому кошельку, спрятанному под одеждой. Раздался мелодичный звон монет.

— Деньги у меня с собой.

Фримен представлял собой довольно комичную фигуру — согбенную и неуклюжую. Он был одет в копию старинной фрименской одежды, под которой что-то поблескивало, — по-видимому, новомодная версия защитного костюма. Капюшон был надвинут на лоб, почти совершенно скрывая лицо. Мигающий свет факела отбрасывал на его лицо пляшущие отблески.

Человек посмотрел сначала на Топри, потом на Сиону и только после этого достал из-за пазухи какой-то предмет, завернутый в тряпицу.

— Это настоящая копия, — сказал он, — но сделана из пластика, этим ножом даже масла не

разрежешь.

Он извлек из упаковки лезвие и поднял его вверх.

Сиона, которая видела ножи только в музее и на видеоматериалах семейного архива, была зачарована при виде клинка. В ней сработал какой-то атавистический рефлекс, она моментально вообразила этого музейного беднягу в образе настоящего фримена прошлых эпох с настоящим ножом в руке. Подделка, которую он держал в руке, на какой-то краткий миг превратилась в грозное оружие, блистающее при свете факела.

— Я гарантирую аутентичность клинка, — тихо проговорил фримен. В самой невыразительности его голоса таилась какая-то неясная угроза.

Сиона уловила скрытый яд в его округлых вкрадчивых гласных и встрепенулась.

— Если ты попытаешься предать нас, то мы раздавим тебя, как червяка, — пригрозила она.

Топри ошарашено взглянул на Сиону.

Музейный фримен съежился, словно от удара. Нож дрогнул в его руке, но карликовые пальцы сжались так, словно вцепились в чье-то горло.

— Кто говорит о предательстве, госпожа? Нет, нет. Но мы решили, что запросили слишком малую цену за товар. Конечно, она не самая лучшая, но, изготовляя ее, мы подвергали себя очень большой опасности.

Сиона горящими глазами посмотрела на фримена и вспомнила старое фрименское изречение из Преданий: «*Если твоя душа стала душой торговца, то сукк стал полнотой твоего бытия*».

— Сколько ты хочешь?

Он назвал сумму, вдвое превышающую исходную.

Топри едва не задохнулся.

Сиона обратилась к своему спутнику:

— У тебя есть столько?

— Не все, ведь мы же договаривались...

— Отдай ему все, что у нас есть. Все до последней монеты, — произнесла Сиона.

— Все?

— Ты что, не понял, что я сказала? — она посмотрела в лицо служителю музея. — Ты получишь требуемое.

В ее интонациях не было сомнений и стариk завернул лезвие в тряпицу и передал девушке.

Топри, выругавшись сквозь зубы, отдал фримену кошелек с деньгами.

Сиона повернулась к музейному фримену:

— Мы знаем твое имя. Ты — Тейшар, помощник Гаруна из Туоно. У тебя душа сукк, и мне стыдно, что фримены стали такими.

— Госпожа, но мы тоже хотим жить, — запротестовал стариk.

— Вы не живете, — отрезала Сиона. — Убирайся!

Тейшар повернулся и быстро удалился, прижимая к груди кошелек с деньгами.

Воспоминание о той ночи не доставило удовольствия Сионе, когда она рассматривала Топри, размахивавшего пластиковой копией фрименского ножа. *Мы не лучше, чем Тейшар*, подумала она. *Копия — это хуже, чем ничто*. Топри взмахнул нелепой подделкой над головой, и вступительная церемония окончилась.

Сиона отвернулась от Топри и посмотрела на Наилу, сидевшую рядом с ней по левую руку. Девушка внимательно рассматривала то в одну сторону, то в другую. Особое внимание она уделяла новым рекрутам, сидевшим в задних рядах. Заслужить доверие Наилы было задачей не из легких. Сиона сморщила нос — в воздухе повеяло запахом машинного масла. В этих подземельях Онна постоянно витают какие-то опасные механические запахи. Она шмыгнула носом. А это помещение! Ей никогда

не нравились подобные места встреч. Такие catacombs легко могут превратиться в ловушку. Охрана может перекрыть выход и пустить по коридорам вооруженный патруль. Слишком легко можно покончить в этих подвалах со всей их революцией. Сиона чувствовала себя вдвойне неуютно от того, что это место для встреч выбрал Топри.

Одна из немногих ошибок Улота, подумала она. Бедный мертвый Улот, ведь это он предложил принять Топри в организацию.

— Он — мелкая сошка в городской коммунальной службе, — объяснял свое решение Улот. — Топри может предложить множество мест для тайных встреч и складов оружия.

Тем временем Топри наконец добрался до конца своей церемонии. Он положил нож в украшенный узором футляр и поставил футляр у своих ног.

— Мое лицо — это залог моей честности, — сказал он, повернувшись к аудитории сначала правым боком, потом левым, демонстрируя всем свой профиль. — Я показываю вам лицо, чтобы вы могли узнать меня где угодно и знать, что я — один из вас.

Дурацкая церемония, подумала Сиона.

Однако она не осмелилась ломать ритуал, и когда Топри извлек из кармана черную марлевую маску и надел ее на лицо, она последовала его примеру. По комнате прошло некое шевеление. Все надели маски. Большинство присутствующих знали, что Топри пригласил на встречу какого-то особого гостя. Сиона завязала шнурки маски за ушами, сгорая от нетерпения.

Топри прошел к одной из дверей комнаты. Раздался стук складываемых стульев — люди вставали у стены, противоположной двери. По сигналу Сионы Топри трижды постучал в дверь, потом сосчитал до двух и постучал еще четыре раза.

Дверь тотчас же открылась, и в комнату вошел высокий мужчина в официальном костюме. На нем не было маски, все могли видеть его лицо — тонкое, властное, с тонкими губами, узким хрящеватым носом, темными, глубоко посаженными темно-кариими глазами под кустистыми бровями. Почти все сидящие в помещении мгновенно узнали вошедшего.

— Друзья мои, — заговорил Топри. — Я хочу представить вам Айо Кобата, посла Икса.

— Бывшего посла, — поправил его Кобат. Он говорил гортанным, хорошо поставленным голосом. Гость встал у задней стены, оглядывая сидящих в зале людей в масках.

— Сегодня я получил известие о немилости и приказ нашего Бога-Императора покинуть Арракис.

— За что?

Сиона выкрикнула свой вопрос прямо с места, без всяких формальностей.

Кобат резко обернулся и вперил взор в закрытое маской лицо Сионы.

— Была попытка покушения на жизнь Бога-Императора. Оружие вывело его на мой след.

Товарищи Сионы расступились, открывая пространство между нею и Кобатом, молчаливо давая понять, что уступают ей право говорить.

— Но почему он не убил вас? — спросила Сиона.

— Думаю, что высылкой он сказал мне, что я не стою смерти. Мне кажется, что он использует меня для отправки на Икс своего послания.

— Какого послания? — Сиона прошла разделявшее их расстояние и остановилась в двух шагах от Кобата. При этом она почувствовала, что он очень сексуально разглядывает ее фигуру.

— Вы — дочь Монео, — сказал он.

— В тишине маленького зала возник ропот. Почему он так легко открыл, что узнал Сиону? Кого еще он узнал? Кобат не похож на дурака. Зачем он это сделал?

— Ваша фигура, голос и манеры хорошо известны всем в Онне, — сказал Кобат. — Весь этот маскарад — просто глупость.

Сиона сорвала с лица маску и улыбнулась послу.

— Я согласна с вами, а теперь ответьте на мой вопрос.

Сиона услышала, как слева к ней подошли Наила и еще два ее помощника.

Кобат понял, что в случае неудачного ответа его ожидает смерть, но голос его не потерял своей властности, хотя посол заговорил медленно, взвешивая каждое свое слово.

— Бог-Император сказал мне, что ему известно о соглашении между Иксом и Гильдией. Мы собираемся создать механический усилитель... тех способностей навигаторов, которые сейчас держаться только и исключительно на Пряности.

— В этой комнате мы называем его Червем, — сказала Сиона. — И что сможет сделать ваша иксианская машина?

— Вам известно, что Гильд-навигаторы нуждаются в Пряности, или меланже, чтобы обретать способность видеть маршрут.

— И вы решили заменить навигаторов машинами?

— Это может оказаться возможным.

— И что за послание, касающееся такой машины, везете вы своему народу?

— Я должен сказать нашим людям, что они могут продолжать работу над проектом, но обязаны при этом докладывать Императору о ее ходе.

Сиона с сомнением покачала головой.

— Ему не нужны такие доклады. Это глупое сообщение.

Кобат сглотнул слону, не скрывая больше своей нервозности.

— Гильдию и Общину Сестер очень взволновал наш проект, — признал он. — Они принимают в нем участие.

Сиона кивнула.

— При этом они платят Иксу за свое участие Пряностью.

Кобат с яростью взглянул на Сиону.

— Это очень дорогостоящие работы, — сказал он. — Нам нужна Пряность для осуществления испытательных и сравнительных полетов.

— Это ложь и надувательство, — заявила Сиона. — Ваш аппарат никогда не будет создан, и Червь прекрасно об этом знает.

— Как вы смеете обвинять нас...

— Тихо! Я только что сказала вам об истинном послании. Червь велит вам, иксианцам, и впредь водить за нос Гильдию и Бене Гессерит. Это его забавляет.

— Прибор может заработать, — настаивал на своем Кобат.

Сиона откровенно рассмеялась ему в лицо.

— Кто пытался убить Червя?

— Дункан Айдахо.

Наила судорожно вздохнула. По комнате прошел ропот удивления.

— Айдахо мертв? — спросила Сиона.

— Думаю, что да... но, увы, Червь отказывается это подтвердить.

— Почему же вы тогда думаете, что он мертв?

— С Тлейлаксу послан сюда новый гхола Айдахо.

— Понятно.

Сиона обернулась и подала сигнал Наиле. Та подошла с пакетом из розовой бумаги, в какую продавцы заворачивают в магазинах праздничные подарки. Наила вручила пакет Сионе.

— Это цена нашего молчания, — произнесла Сиона, протягивая пакет Кобату. — Только из-за этого Топри было разрешено пригласить вас сюда.

Не отрывая взгляда от лица Сионы, Кобат взял протянутый ему пакет.

— При чем здесь молчание? — поинтересовался бывший посол.

— Мы обязуемся не информировать Сестер и Гильдию о том, что вы их обманываете.

— Мы не обма...

— Не стройте из себя дурака!

У Кобата пересохло в горле. До него сразу дошло содержание ее угрозы. Правдивому или нет, но слуху, пущенному повстанцами, поверят. Это обычное проявление «здравого смысла», как любит выражаться Топри.

Сиона взглянула на Топри, стоявшего за спиной Кобата. В организацию не вступали люди, обладающие здравым смыслом. Неужели Топри не понимал, что этот пресловутый здравый смысл может выдать его с головой? Она снова обратила свое внимание на Кобата.

— Что в этом пакете? — спросил он.

Интонация его голоса подсказала Сионе, что бывший посол прекрасно знает ответ.

— Там лежит нечто, что я хочу послать на Икс. Вы отвезете этот пакет в качестве личного одолжения. Там копии двух томов, которые мы похитили в крепости Червя.

Кобат внимательно посмотрел на пакет. Было видно, что он с превеликим удовольствием швырнул бы его на пол, это приключение с мятежниками обернулось смертоносным бременем. Такого поворота он явно не ожидал. Он бросил яростный взгляд на Топри, и этот взгляд ясно говорил: «Почему ты меня не предупредил?»

— Что... — он снова взглянул на Сиону и откашлялся. — Что содержится в этих томах?

— Об этом нам расскажут ваши люди. Мы думаем, что там собственные произведения Червя, которые мы не в состоянии расшифровать.

— Но почему вы думаете...

— Вы, иксианцы, хорошо разбираетесь в таких вещах.

— А если у нас ничего не выйдет?

Она пожала плечами.

— Мы не станем винить вас за это. Однако, если вы используете эти тома в иных целях или не сообщите нам о расшифровке в случае удачи...

— Но как можно быть уверенным...

— Мы же не собираемся полностью положиться только на вас. Копии получат и другие люди. Мне кажется, что Гильдия и Община Сестер не пожалеют сил для расшифровки.

Кобат сунул пакет под мышку и прижал его к телу.

— Что заставляет вас думать, что... Червь не знает о ваших намерениях... или даже об этой сходке?

— Я, напротив, думаю, что он много чего знает. Ему даже, скорее всего, известно, кто именно похитил эти тома. Мой отец уверен, что Червь обладает истинным предназначением.

— Ваш отец верит в Устное Предание!

— В него верят все здесь присутствующие. Устное Предание не расходится с официальной историей в важных вещах.

— Но почему тогда Червь ничего не предпринимает против вас?

Сиона указала рукой на пакет под мышкой Кобата.

— Вероятно, ответ содержится там.

— Или вы и эта тайнопись не содержат в себе реальной угрозы для него, — сказал Кобат, не

пытаясь скрыть гнев. Он не любил, когда его вынуждали принимать самостоятельные решения.

— Возможно. Но скажите, почему вы вдруг упомянули об Устном Предании?

Кобат снова рассыпал в вопросе скрытую угрозу.

— В нем говорится, что Червь не способен испытывать человеческих чувств.

— Это не причина, — сказала Сиона. — У вас в запасе есть еще одна попытка, чтобы сказать правду.

Наила сделала еще два шага по направлению к Кобату.

— Я... Мне сказали, что стоит почитать это Предание, потому что ваши люди... — Он недоуменно пожал плечами.

— Что мы используем его как заклинание?

— Да.

— Кто вам это сказал?

Кобат судорожно сглотнул, бросил опасливый взгляд на Топри, потом снова посмотрел на Сиону.

— Топри? — спросила она.

— Я думал, что это поможет ему лучше понять нас, — сказал Топри.

— И ты сказал ему имя нашего лидера?

— Он его и без того знал! — В голосе Топри вновь появились визгливые нотки.

— И какие же части Устного Предания вам посоветовали почитать?

— Э-э-э... о линии Атрейдесов.

— И теперь вы думаете, что знаете, почему люди присоединяются к моему заговору?

— В Устном Предании говорится о том, как он относится к каждому из потомков Атрейдесов! — сказал Кобат.

— Он бросает нам короткую веревку, а потом затягивает в свои сети? — спросила Сиона обманчиво бесстрастным тоном.

— Именно так он поступил с вашим отцом, — сказал Кобат.

— А теперь он позволяет мне играть в мятеж?

— Я — простой вестник, — проговорил Кобат. — Если вы меня убьете, то кто доставит ваше послание?

— Или послание Червя, — добавила Сиона.

Кобат промолчал.

— Я не думаю, что вы поняли Устное Предание, — заявила Сиона. — Мне кажется, что вы не слишком хорошо знаете Червя и не понимаете сути его послания.

Лицо Кобата вспыхнуло гневом.

— Что мешает вам стать такой же, как и остальные Атрейдесы, милой, послушной частью... — Кобат осекся, внезапно поняв, куда может завести его злость.

— Еще одним рекрутом для внутреннего кружка Червя, — закончила его мысль сама Сиона. — Как Дункан Айдах?

Она обернулась и посмотрела на Наилу. Две ее помощницы — Анук и Тау подтянулись, но сама Наила оставалась бесстрастной.

Сиона еще раз кивнула ей.

Выполняя свою задачу, Анук и Тау блокировали выход. Наила подошла к Топри и положила руку ему на плечо.

— Что такое... Что происходит? — залепетал Топри.

— Мы хотим знать точно всю подноготную, которой бывший посол может с нами поделиться, — сказала Сиона. — Мы хотим знать полное содержание послания.

Топри задрожал. На лбу Кобата выступил холодный пот. Он оглянулся на Топри, потом перевел взгляд на Сиону. Этого было достаточно, чтобы Сиона поняла, что за отношения связывают этих двоих.

Она торжествующе улыбнулась. Это было лишь одним подтверждением того, что она уже знала.

Кобат притих.

— Вы можете начинать, — проговорила Сиона.

— Я... Что вы хотите...

— Червь дал вам частное послание для ваших мастеров. Я хочу его услышать.

— Он... хочет увеличить размеры тележки.

— Значит, вырастет еще больше. Что еще?

— Мы должны будем прислать ему кристаллическую ридулианскую бумагу.

— Для какой цели?

— Он никогда не объясняет, зачем ему нужно то или другое.

— Это пахнет вещами, которыми он запрещает пользоваться другим.

— Себе он никогда ничего не запрещает, — с горечью сказал Кобат.

— Вы посыпаете ему какие-нибудь запрещенные игрушки?

— Я не знаю.

Он лжет, подумала Сиона, но решила не заострять внимания на этом вопросе. Достаточно было одного знания о том, что в доспехах Червя есть еще одна трещина.

— Кто заменит вас? — спросила Сиона.

— Они пришлют племянницу Малки, — ответил Кобат. — Вы, должно быть, помните, что он...

— Мы помним Малки, — сказала Сиона. — Почему новым послом станет его племянница?

— Не знаю. Но так было приказано даже до того, как Бо... Червь выслал меня.

— Ее имя?

— Хви Нори.

— Мы попробуем обработать Хви Нори. Вы не стоили такой обработки. Но эта Нори может оказаться не такой, как вы. Когда вы возвращаетесь на Икс?

— Сразу же после праздника, первым же кораблем Гильдии.

— Что вы скажете вашим хозяевам?

— О чем?

— О моем послании!

— Они поступят так, как вы просили.

— Понятно. Вы можете идти, экс-посол Кобат.

Он так спешил покинуть комнату, что едва не столкнулся с охранниками. Топри собрался было последовать за ним, но Наила крепко схватила его за руку. Он бросил испуганный взгляд на ее мускулистую фигуру, потом взглянул на Сиону, которая, закрыв дверь за Кобатом, начала говорить.

— Его послание адресовано не только иксианцам, но и нам, — сказала она. — Червь вызывает нас на бой и говорит о правилах сражения.

Топри попытался высвободиться из хватки Наилы.

— Что вы...

— Топри! — прикрикнула на него Сиона. — Я тоже могу послать сообщение. Передай моему отцу, чтобы он сказал Червю, что мы принимаем вызов.

Наила отпустила руку Топри. Он потер онемевшее запястье.

— Вы что, серьезно...

— Уходи, пока мы позволяем тебе это сделать и никогда не возвращайся.

— Неужели ты хочешь сказать, что подозре...

— Я велела тебе убираться! Ты слишком неуклюж, Топри Я долго училась в школе Говорящих Рыб. Там меня научили распознавать неуклюжие действия.

— Кобат уезжает. Какой вред может возникнуть от...

— Он не только знает меня, он знал, что именно я украла из Цитадели! Но он не знал, что я собираюсь послать на Икс эти тома. Твои поступки сказали мне, что Червь хочет, чтобы я так поступила.

Топри попятился от Сиона к двери. Анука и Тау широко распахнули перед ним дверь и освободили проход, куда он и бросился, преследуемый голосом Сиона.

— Не спорь, что это Червь говорил с Кобатом обо мне и моем пакете, который я должна передать ему! Червь не шлет неуклюжих посланий. Передай ему, что я это сказала!

Некоторые говорят, что я лишен совести. Как же они заблуждаются даже по отношению к самим себе. Я — единственная совесть, которая когда-либо существовала. Так же как вино сохраняет аромат бочки, в которой его хранили, так же и я сохранил сущность моего древнего бытия, а это и есть семя совести. Именно это обстоятельство делает меня святым. Я Бог, потому что я единственный, кто по-настоящему знает свое происхождение.

Инквизиторы Икса собрались на заседание в Большом Дворце для обсуждения кандидатуры Посла Икса при дворе Господа Лето. Ниже следует протокол этого заседания.

ИНКВИЗИТОР: Вы показали, что хотите сообщить нам о мотивах Господа Лето. Говорите.

ХВИ НОРИ: Ваш формальный анализ не дает ответов на те вопросы, которые я хотела бы задать.

ИНКВИЗИТОР: Какие это вопросы?

ХВИ НОРИ: Я спросила себя, какие мотивы могли подвигнуть Лето на столь отвратительную трансформацию своего тела и потерю человеческого облика. Вы предположили, что это было сделано с целью захвата власти и достижения необычайного долголетия.

ИНКВИЗИТОР: Разве этого недостаточно?

ХВИ НОРИ: Спросите себя, согласились бы вы уплатить столь громадную цену за столь ничтожную цель?

ИНКВИЗИТОР: Поясните же нам с высот вашей небесной мудрости, по какой причине Лето предпочел стать Червем.

ХВИ НОРИ: Сомневается ли кто-нибудь из присутствующих в том, что Лето обладает способностью прозревать будущее?

ИНКВИЗИТОР: Вот оно что! Но разве это не достаточная плата за подобную трансформацию?

ХВИ НОРИ: Но он и до трансформации, как и его отец, обладал такой способностью. Нет! Я полагаю, что он решился на столь отчаянный шаг только потому, что видел в нашем будущем нечто столь ужасное, что предотвратить его наступление можно было, только пойдя на такую жертву.

ИНКВИЗИТОР: И что же это за ужас, который только он один мог предвидеть?

ХВИ НОРИ: Этого я не знаю, но предлагаю открыть эту причину.

ИНКВИЗИТОР: Вы хотите сделать тирана бескорыстным слугой народов!

ХВИ НОРИ: Разве не это отличительная черта Атрейдесов, семьи, из которой он происходит?

ИНКВИЗИТОР: Во всяком случае, этому учит нас официальная история.

ХВИ НОРИ: Об этом же говорит и Устное Предание.

ИНКВИЗИТОР: Какие еще добродетельные качества вы хотите приписать тирану Червию?

ХВИ НОРИ: Добродетельные, господин?

ИНКВИЗИТОР: Да, опишите, если можете, его характер.

ХВИ НОРИ: Мой дядя Малки часто говорил, что Господь Лето способен проявлять большую терпимость по отношению к избранным им соратникам.

ИНКВИЗИТОР: Других соратников он казнит без всякой видимой причины.

ХВИ НОРИ: Мне кажется, что такие причины существуют, и мой дядя Малки отыскал некоторые из них.

ИНКВИЗИТОР: Приведите нам ход его рассуждений.

ХВИ НОРИ: Его личности угрожает неуклюжее ничтожество.

ИНКВИЗИТОР: Неуклюжее? За кого вы нас принимаете?

ХВИ НОРИ: Он не переносит притворства и лжи. Вспомните казненных историков и уничтожение их трудов.

ИНКВИЗИТОР: Он просто не желает знать истину.

ХВИ НОРИ: Лето сказал моему дяде Малки, что эти историки исказили прошлое. И заметьте себе, кто мог знать прошлое лучше, чем Лето? Всем нам известен предмет его интроверсии.

ИНКВИЗИТОР: Но какие доказательства мы имеем для подтверждения того, что в его памяти живут все его предки?

ХВИ НОРИ: Я не собираюсь вступать в бесплодный спор по этому поводу. Могу только сказать, что я верю в это только потому, что в это верил мой дядя Малки и мне кажутся основательными те причины, по которым он верил.

ИНКВИЗИТОР: Мы читали доклады вашего дяди и поняли их по-иному. Малки был буквально влюблён в Червя.

ХВИ НОРИ: Мой дядя считал Лето самым искусным дипломатом Империи, мастером диалога и экспертом во всех областях человеческой деятельности.

ИНКВИЗИТОР: Не говорил ли ваш дядя о жестокости Червя?

ХВИ НОРИ: Мой дядя считал его весьма цивилизованным.

ИНКВИЗИТОР: Я спрашиваю о жестокости.

ХВИ НОРИ: Он способен на жестокость, это правда.

ИНКВИЗИТОР: Ваш дядя боялся его.

ХВИ НОРИ: Господь Лето начисто лишен невинности и наивности. Его следует бояться, если он начинает притворяться, что ему присущи эти черты. Именно об этом говорил мой дядя.

ИНКВИЗИТОР: Да, он писал такие слова.

ХВИ НОРИ: Более того! Малки говорил: «Господь Лето приходит в восторг от гениев и многообразия человечества. Он мой самый любимый собеседник».

ИНКВИЗИТОР: Поделитесь с нами вашей непревзойденной мудростью и попытайтесь растолковать нам смысл этих слов.

ХВИ НОРИ: Не смейтесь надо мной!

ИНКВИЗИТОР: Мы не смеемся. Мы хотим понять.

ХВИ НОРИ: Эти слова Малки и многое другое, о чем он мне писал, говорят о том, что Господь Лето всегда искал новое и оригинальное, но был очень обеспокоен возможным разрушительным потенциалом прогресса. Так думал мой дядя.

ИНКВИЗИТОР: Не хотите ли вы что-нибудь добавить к сказанному от своего имени?

ХВИ НОРИ: Я не вижу причин добавлять что-либо к уже сказанному и прошу прощения за отнятое у вас время.

ИНКВИЗИТОР: Вы недаром отняли у нас время. Мы утверждаем вас послом при дворе Господа Лето, Бога-Императора всей известной Вселенной.

Вы должны помнить, что я могу по первому требованию испытать любой из известных истории опытов. Это тот источник энергии, из которого я черпаю всякий раз, когда сталкиваюсь с милитаристским мышлением. Если вы не слышали жалобных криков раненых и умирающих, то вы ничего не знаете о войне. Я слышал эти крики в таком количестве, что они порой просто преследуют меня. Я и сам не раз плакал после битвы. Я испытывал боль от ран в самые разные эпохи — от удара кулаком, дубиной или камнем, шестопером или бронзовым мечом, булавой или пушечным ядром. Мне причиняли раны стрелы и пули, я медленно умирал от молчаливой радиоактивной пыли, от биологического оружия, от которого чернеет язык и сгорают легкие, от языков пламени огнеметов и от боевых отравляющих веществ... я не хочу перечислять дальше! Я все это видел и прочувствовал. Тем, кто осмелится спросить меня, отчего я так себя веду, я могу ответить: имея такую память, я не могу вести себя иначе. Нет, я не трус, но и я когда-то был человеком.

Во время теплого сезона, когда спутникам, контролирующим погоду, приходится выдерживать натиск ветров, дующих над великими морями, на окраинах Сарыира временами выпадают дожди. В один из таких дней Монео инспектировал периметр Цитадели и, возвращаясь домой, был застигнут ливнем. Ночь наступила прежде, чем он успел добраться до укрытия. Женщина из охраны Говорящей Рыбы помогла ему снять сырой плащ. Женщина отличалась мощным телосложением и квадратным лицом, тот тип, который Лето предпочитал набирать в охрану.

— Эти проклятые погодные спутники давно пора переделать, — сочувственно сказала она, отдавая Монео плащ.

Монео коротко кивнул женщине и направился наверх, в свои апартаменты. Все охранницы Говорящей Рыбы знали об отвращении, которое Лето испытывает по отношению к влаге, думая, что то же самое испытывает и Монео.

Это Червь ненавидит воду, думал Монео. Шаи-Хулуд тоскует по Дюне.

Войдя в свою квартиру, Монео тщательно вытерся и переоделся в сухую одежду, прежде чем спуститься в крипту. Незачем навлекать на себя напрасный гнев Червя. Сейчас необходим обстоятельный разговор с Лето о его путешествии в Город Праздников Онн.

Прислонившись спиной к стене лифта, Монео прикрыл глаза. Им немедленно овладела сильная усталость. Последние дни он постоянно не высыпался и никакого просвета впереди не предвиделось. Как он завидовал Лето, который вовсе не нуждался во сне. Для Бога-Императора было достаточно подремать полчаса в месяц.

Запах крипты и остановка лифта пробудили Монео от дремоты. Он открыл глаза и увидел Императора в его тележке посередине огромного зала. Монео собрался с силами и вышел из лифта, направившись к своему ужасному владыке. Лето, очевидно, ждал его. Это был хороший знак.

Лето прекрасно видел, как остановился лифт, как открылись двери, как пробудился Монео. Человек выглядел усталым, и это было вполне объяснимо. На носу паломничество в Онн со всеми вытекающими отсюда хлопотами: инопланетные визитеры, ритуал с Говорящей Рыбой, смена Императорской гвардии, отставки и назначения, а тут еще новый Дункан Айдахо, которого надо гладко и безболезненно внедрить в аппарат. Монео, как всегда, вникал во все мелочи, но возраст неумолимо давал о себе знать.

Так, так, подумал Лето. Через неделю после нашего возвращения из Онна Монео исполнится сто восемнадцать лет.

Если человек принимает достаточно Пряности, то он может прожить в несколько раз дольше этого срока, но Монео отказывался принимать Пряность, и Лето не сомневался, что знает истинную причину. Монео достиг такого положения в обществе, когда любой на его месте начинает желать скорой смерти. Единственное, чего он еще хотел, — это пристроить Сиону на имперскую службу в качестве директора имперского общества Говорящих Рыб.

Мои частушки, как говорил Малки.

Монео знал, что намерением Лето было соединить в браке Сиону и Дункана Айдахо. Видимо, время для этого настало.

Монео остановился в двух шагах от тележки и поднял глаза на Лето. Что-то в его облике напомнило Лето языческого жреца из древних земных времен, молящегося на своем семейном капище.

— Господин, вы провели много часов, наблюдая за новым Дунканом, — сказал Монео. — Не испортили ли тлейлаксианцы его клетки или психику?

— Он остался незапятнанным.

Монео глубоко вздохнул, но в этом вздохе не было облегчения.

— Ты, кажется, возражаешь против его использования в качестве племенного жеребца?

— Мне странно думать о нем, как о предке и супруге моей дочери одновременно.

— Но это позволит мне получить скрещивание в первом поколении между старой формой человека и продуктом многовековой селекции. Сиона — представитель двадцать первого поколения в этом ряду скрещиваний.

— Я не вижу смысла в таких скрещиваниях. У Дункана замедлена реакция по сравнению с вашими гвардейцами.

— Меня не интересуют отдельно взятые потомки, Монео. Неужели ты думаешь, что я не знаю о геометрической прогрессии, которая диктует правила моей селекционной программы?

— Я видел ваш селекционный журнал, господин.

— В таком случае ты должен знать, что я отслеживаю появление рецессивных аллелей и исключаю их. Меня интересуют ключевые доминантные признаки.

— А мутации, господин? — в интонациях голоса Монео появились злые нотки, что заставило Лето внимательно взглянуть на него.

— Мы не будем обсуждать этот вопрос, Монео.

Лето увидел, как его помощник спрятался в раковину своей обычной осторожности.

Он необыкновенно чутко улавливает мое настроение, подумал Лето. Мне кажется, что он частично обладает теми же способностями, что и я, но они действуют у него на уровне подсознания. Его вопрос позволяет предположить, что он подозревает, чего мы достигли в Сионе.

Чтобы удостовериться в своей догадке, Лето спросил:

— Мне ясно, что ты не до конца понимаешь, чего я хочу достичь своей селекционной программой.

Лицо Монео прояснилось.

— Мой господин знает, что я изо всех сил пытаюсь вникнуть в правила этой селекции.

— Законы, если брать их в долговременной перспективе, суть временны и преходящи, Монео. Нет такого понятия, как правила развития творчества.

— Но, господин мой, вы сами только что сказали о законах, которые управляют вашей селекционной программой.

— Что я только что сказал тебе, Монео? Пытаться отыскать законы творчества — это все равно что отделить разум от тела.

— Но ведь в результате получается что-то конкретное, господин. Я знаю это по себе!

Он знает это по себе! Дорогой Монео, как ты близок к разгадке.

— Почему ты всегда хочешь услышать исчерпывающее толкование, Монео?

— Я слышал, как вы говорили о трансформационной эволюции, господин. Так озаглавлен и ваш селекционный журнал. Но что за сюрприз...

— Монео, правила меняются с каждым сюрпризом.

— Мой господин, вашей целью является улучшение человеческой породы?

Лето посмотрел на мажордома горящим взглядом, думая: *Если я сейчас произнесу ключевое слово, то поймет ли он меня? Вероятно...*

— Я хищник, Монео.

— Хищ... — Монео поперхнулся, произнося это слово и покачал головой. Он понимал значение этого слова или думал, что понимает, и все же оно потрясло его. Может быть, Бог-Император шутит?

— Хищник, мой господин?

— Хищники улучшают породу.

— Как это может быть, господин? Ведь вы не ненавидите нас.

— Ты меня разочаровал, Монео. Хищник не может ненавидеть свою жертву.

— Хищники убивают, мой господин.

— Я убиваю, но без ненависти. Жертва утоляет голод. Добыча — это благо.

Монео с недоумением уставился в розовое лицо Лето в сером обрамлении.

Не пропустил ли я приближение Червя? подумал Монео.

Он со страхом посмотрел на повелителя. Но нет, гигантское тело не вибрировало, глаза не горели хищным пламенем, иrudименты конечностей не подрагивали.

— По отношению к чему вы испытываете голод, мой господин? — очертя голову спросил Монео.

Я испытываю голод по отношению к способности человечества принимать долговременные верные решения. Знаешь ли ты ключ к такой способности, Монео?

— Вы много раз говорили мне об этом, мой господин, Ключ — это способность изменять свой разум.

— Да, именно изменять. Но что я имею в виду под долгосрочностью?

— Для вас эти отрезки времени измеряются тысячелетиями, господин.

— Даже мои тысячелетия — мгновения по сравнению с вечностью.

— Но ваша перспектива наверняка отличается от моей, господин.

— С точки зрения вечности любой, даже самый длительный, но ограниченный срок краток.

Но тогда выходит, что никаких правил вообще не существует. — В голосе Монео появились истерические нотки.

Лето улыбнулся, чтобы успокоить своего слугу.

— Вероятно, существует только одно правило. Краткосрочные решения всегда оказываются неверными в долгосрочной перспективе.

В полной растерянности Монео смог лишь покачать головой.

— Но, господин, ваши перспективы...

— Время необратимо утекает для любого конечного наблюдателя. Не существует закрытых систем. Даже я сумел лишь растянуть свою временную матрицу.

Монео отвел взгляд от лица Лето и посмотрел на коридоры мавзолея. *Я тоже лягу здесь в один прекрасный день. Золотой Путь сможет быть продолжен, но мой путь закончится.* Конечно, это не имело никакого значения. Только Золотой Путь, который был неразрывным единством, имел какое-то значение. Он снова посмотрел на Лето, избегая взгляда его ярко-голубых глаз. Неужели в этом гигантском теле сидит заурядный хищник?

— Ты не понимаешь функции хищника, Монео, — сказал Лето.

Эти слова потрясли Монео — от них веяло способностью читать чужие мысли. Он взглянул в глаза повелителю.

— Умом ты понимаешь, что даже мне придется когда-то испытать ужас смерти, но чувством ты в это не веришь, — произнес Лето.

— Как я могу верить в то, чего никогда не увижу?

Никогда еще Монео не чувствовал себя таким одиноким и испуганным. Что делает Бог-Император? *Я спустился сюда, чтобы обсудить детали паломничества... и выяснить его намерения относительно Сиона. Он просто играет мною?*

— Давай поговорим о Сионе, — сказал Лето.

Он опять читает мысли!

— Кода вы собираетесь испытать ее, господин? — Монео прекрасно знал ответ на этот вопрос и ждал ответа уже давно, но в этот момент он испытал неподдельный страх.

— Скоро.

— Простите меня, мой господин, но вы, без сомнения, понимаете, как я волнуюсь за судьбу моего единственного дитя.

— Но другие же пережили это испытание. Например, ты.

Монео нервно слегка сглотнул слюну, вспомнив, как его испытывали на чувствительность к Золотому Пути.

— Меня готовила к испытанию мать, но у Сионы нет матери.

— У нее есть Говорящие Рыбы. У нее есть ты.

— Бывают и несчастные случаи, мой господин. Из глаз Монео брызнули слезы.

Лето отвернулся, подумав: *Он разрывается между чувством верности мне и любовью к Сионе. Как же мучительна эта тревога о потомстве. Неужели он не понимает, что мое дитя — это все человечество?*

Он вновь обратился к Монео.

— Ты прав, говоря о несчастных случаях, они случаются даже в моей вселенной. Разве это ничему тебя не научило?

— Мой господин, но на этот раз не может...

— Монео, не хочешь же ты, чтобы я доверял власть слабым администраторам?

Монео отступил на шаг.

— Нет, мой господин. Конечно, нет.

— Тогда верь в силу Сионы.

Мажордом расправил плечи.

— Я выполню свой долг.

— Сиона должна пробудиться ото сна и вспомнить, что она потомок Атрейдесов.

— Да, конечно, мой господин.

— Разве не этому мы посвятили нашу жизнь, Монео?

— Я и не отрицаю этого, мой господин. Когда она будет представлена новому Дункану?

— Сначала она пройдет испытание.

Монео уставил глаза в холодный пол крипты.

Как часто стал он смотреть в пол, подумал Лето. Что он может там увидеть? Тысячелетние следы моей тележки? Ах, нет — он смотрит в глубину той сокровищницы тайны, куда ему скоро предстоит отправиться.

Монео снова посмотрел в глаза Лето.

— Надеюсь, ей понравится общество Дунканы, мой господин.

— Будь у верен в этом. Тлейлаксианцы не изменили его внешность ни на йоту.

— Это вселяет в меня уверенность, мой господин.

— Нет сомнения, что ты заметил, что его генотип очень привлекателен для женщин.

— Да, именно об этом говорят мои наблюдения, мой господин.

— Да, есть что-то в этих проницательных глазах, этих резких чертах, этих густых, как грива, волосах — от всего этого тает женская душа.

— Вы говорите истину, мой господин.

— Ты знаешь, что сейчас он с Говорящими Рыбами?

— Мне сообщили об этом, мой господин.

Лето улыбнулся. Ну конечно же Монео обо всем сообщили;

— Скоро его приведут ко мне, чтобы он мог лицезреть своего Бога-Императора.

— Я уже видел смотровую комнату, господин. Там все готово.

— Иногда мне кажется, что ты все делаешь для того, чтобы ослабить меня, Монео. Оставь мне хотя бы эти мелочи.

Мажордом изо всех сил попытался сбросить с себя гнетущий страх. Он поклонился и попятился.

— Вы правы, мой господин, но есть вещи, которые входят в мои обязанности.

Повернувшись, он поспешил прочь. Только оказавшись в поднимающемся лифте, Монео вспомнил, что Лето не отпускал его.

Он должен знать, как я устал, и простит меня.

Господу ведомо, что у тебя на сердце. Днесь твоя душа свидетельствует против тебя, а иные свидетели мне не нужны. Ты не повинуешься душе своей, но лишь своему гневу и ярости.

Следующие положения о государственном устройстве Империи в год 3508-й правления Господа Лето взяты из Велбекских Извлечений. Оригинал текста находится в Архивном Хранилище Капитула Ордена Бене Гессерит. Сравнение показывает, что в изложении полностью сохранена суть исходного документа.

Именем нашего Священного Ордена и нерушимой Общины Сестер это сообщение признано заслуживающим доверия и может быть направлено на хранение в Архив Капитула на правах хроники.

Сестры Ченоу и Таусуоко благополучно вернулись с Арракиса, где им удалось найти доказательства факта казни девяти историков (о чем давно существовали подозрения), которые исчезли в Цитадели в год 2116-й правления Господа Лето. Сестры сообщают, что все девять человек были приведены в бессознательное состояние и сожжены на костре, сложенном из их исторических трудов. Это полностью соответствует тем слухам, которые циркулировали в Империи в то время.

Происхождение этих слухов приписывают самому Господу Лето.

Сестры Ченоу и Таусуоко привезли рукописные свидетельства, в которых утверждается, что когда некоторые историки обратились к Лето, обеспокоенные судьбой своих коллег, он ответил им:

«Они были уничтожены за злонамеренную ложь. Не бойтесь, что мой гнев падет на ваши головы за ваши невольные заблуждения и ошибки. Я не люблю создавать мучеников. Мученики размыают эффекты воздействия драматических событий на ход истории, а именно исторические драмы суть цель моего хищничества. Трепещите только в том случае, если вы намеренно искажаете факты и держитесь за свой обман, раздувая щеки от гордости за него. Теперь можете удалиться — мы не будем больше говорить об этом».

Анализ рукописного текста позволяет утверждать, что он был написан Иконикром, мажордомом Господа Лето в год 2116-й.

Особое внимание привлекает тот смысл, который Господь Лето вкладывает в слово «хищнический». В свете теории, выдвинутой Преподобной Матерью Сиаксой, можно с высокой степенью вероятности утверждать, что Господь Лето рассматривал себя хищником в естественном, природном смысле этого слова.

Сестре Ченоу было позволено присоединиться к Говорящим Рыbam, которые сопровождают Господа Лето в его немногочисленных путешествиях. Однажды ей было позволено проехать недолго рядом с Королевской тележкой и поговорить с Господом Лето. Вот что сестра сообщает об этом диалоге.

Господь Лето сказал: «Здесь, на Королевской Дороге я часто чувствую себя как на поле битвы, где мне приходится защищаться от врагов».

Сестра Ченоу сказала: «Никто не нападет на вас здесь, господин».

Господь Лето сказал: «Вы, сестра Бене Гессерит, постоянно нападаете на меня и даже здесь пытаетесь склонить на свою сторону моих Говорящих Рыб».

Сестра Ченоу укрепила свой дух, приготовившись к смерти, но Бог-Император просто остановил тележку и оглянулся на свою свиту. Ченоу говорит, что все послушно остановились на почтительном расстоянии и застыли в ожидании.

Господь Лето сказал: «Их не так много, но они мне все рассказывают, поэтому не отрицайте моих обвинений».

Сестра Ченоу сказала: «Я не отрицаю их».

Тогда Господь Лето посмотрел на нее и сказал: «Тебе нечего бояться за свою жизнь. Я хочу, чтобы ты донесла мои слова до вашего Капитула».

Сестре Ченоу стало ясно, что Господь Лето знает все о ней и о ее миссии, о ее специальной подготовке, усилившей ее память. Лето знал о ней действительно все.

«Он был как Преподобная Мать, — сказала сестра Ченоу. — От него ничего нельзя было утаить».

Потом Император Лето приказал сестре Ченоу: «Посмотри на мой Город Празднеств и расскажи, что ты видишь».

Сестра Ченоу посмотрела в сторону Онна и сказала: «Я вижу вдали город. Он прекрасен в свете сегодняшнего утра. Справа находится ваш лес. Там столь обильная растительность, что я могла бы потратить много часов, описывая ее. Слева и вокруг множество строений, в которых живут ваши слуги, там же я вижу сады. Некоторые выглядят очень богатыми, а другие столь же бедными».

Господь Лето сказал: «Мы сделали свой ландшафт суэтным! Деревья — это суэта. Дома, сады... Можно ли восторгаться таинствами в таком ландшафте?»

Сестра Ченоу, осмелевшая после слов Лето, спросила: «Господин все еще жаждет чудес и таинств?»

Господь Лето ответил на это: «В таком ландшафте отсутствует внешняя открытая духовная свобода. Разве ты не видишь этого? Вселенная не открывается здесь человеку — вокруг лишь замкнутые пространства — двери, замки и запоры».

Сестра Ченоу спросила: «Значит, человечество, на ваш взгляд, больше не нуждается в частной жизни и защите?»

Господь Лето сказал: «Вернувшись домой, передай Сестрам, что я восстановлю открытость вселенной в ее духовной свободе. Такой ландшафт, какой ты видишь здесь, направляет внимание человека внутрь и заставляет искать духовной свободы в себе. Но большинство людей не обладает достаточной силой, чтобы найти силу в себе самому».

Сестра Ченоу сказала: «Я в точности передам ваши слова Общине Сестер».

Господь Лето сказал: «Обязательно сделай это. Передай своим Сестрам также, что Бене Гессерит должны лучше других людей видеть опасность генетических скрещиваний, когда хотят получить вполне определенный результат».

Сестра Ченоу считает, что это было вполне осознанное напоминание об отце Лето, Пауле Атрейдесе. Надо при этом отметить, что мы получили Квисатц Хадераха одним поколением раньше. Став Муад'Дибом, вождем фрименов, Пауль ускользнул из-под нашего контроля. Нет сомнения в том, что Пауль был мужчиной со способностями Преподобной Матери, обладал он и другими силами, за что человечество до сих пор платит дорогую цену. Как сказал Господь Лето:

«Вы получили то, чего никак не ожидали. Вы получили меня, и мне удалось создать Сиону».

Господь Лето не стал подробно распространяться о дочери своего мажордома Монео. Мы расследуем это дело сами.

В том, что касается других дел, то там наши следователи могут сообщить Капитулу следующую информацию:

Говорящие Рыбы

Женский легион Господа Лето выбирает своих представительниц на празднества в Арракисе, которые бывают один раз в десять лет. От каждого планетного гарнизона на праздник направляются три женщины. (Список этих избранниц см. в приложении). Обычно на праздник не приглашаются взрослые мужчины и даже супруги Говорящих Рыб. Список супругов изменился за период нашего пребывания очень мало. Мы включили в список эти новые имена, сопроводив их, где это было возможно, краткой генеалогической справкой. Только два таких супруга являются прямыми потомками Дунканна Айдахо. Мы ничего не можем добавить к нашим наблюдениям относительно использования Господом Лето гхола в его селекционной программе.

Ни одна из наших попыток образовать союз между Говорящими Рыбами и Бене Гессерит не увенчалась успехом. Господь Лето продолжает увеличивать численность некоторых гарнизонов. Кроме того, Говорящие Рыбы наделяются функциями, отличными от военных. Это вполне ожидаемый результат возрастающего на местах восхищения и уважения по отношению к этим гарнизонам. (В приложении указаны гарнизоны, увеличенные в последнее время. Примечание редактора: самые подходящие для наших целей гарнизоны расположены на родных планетах Бене Гессерит, Иксе и Тлейлаксу. По нашим наблюдениям, гарнизоны Космической Гильдии увеличены не были).

Священники

За исключением нескольких естественных смертей и новых назначений (см. приложение) никаких существенных изменений в корпусе священников не произошло. Те чиновники, которые направлены на должности, имеют жесткие инструкции и обязаны консультироваться с Арракисом

по каждому мало-мальски важному случаю. По мнению Преподобной Матери Саксии и некоторых других, религиозный характер Говорящих Рыб постепенно сходит на нет.

Селекционная программа

Кроме ничем не подкрепленных сведений о Сионе и неудаче с ее отцом, мы не можем сообщить ни о чем существенно новом по сравнению с нашими данными о селекционной программе Господа Лето. В его планах имеется некоторое стремление к рандомизации, о чем можно судить по его замечанию о генетических целях, но мы не уверены, что Господь Лето был искренен и откровенен с Сестрой Ченоу. Мы хотим обратить ваше внимание на многие случаи, когда Лето лгал либо кардинально менял смысл своих высказываний, никак нас об этом не предупреждая.

Господь Лето продолжает политику нашего недопущения в его селекционную программу. Его наблюдатели в нашем гарнизоне Говорящих Рыб твердо элиминируют из своих планов наши рождения, против которых они категорически возражают. Только ценой больших усилий нам удается сохранить генетический потенциал для создания Преподобных Матерей. Мы не получили ответа на наши протесты. В ответ на прямой вопрос Сестры Ченоу Господь Лето сказал. «Будьте благодарны за то, что имеете».

Это предупреждение оценено нами должным образом. Мы передали Господу Лето самое искреннее благодарственное письмо.

Экономика

Капитул продолжает поддерживать свою платежеспособность, но меры консервации не могут стать мягче. Более того, на ближайшее время следует предусмотреть более жесткие дополнительные меры консервации. Эти меры должны предусмотреть уменьшение ритуального расхода меланжи и увеличить его вложения в необходимые службы. Мы надеемся увеличить поступления вдвое за счет обучения женщин — представительниц Великих Домов — в течение следующих четырех отчетных периодов. Тем самым мы предлагаем вам приготовить аргументы в пользу увеличения квот меланжи, отпускаемой на эти цели.

Господь Лето отказал в нашей просьбе об увеличении его выплат в виде меланжи. Объяснений этого решения мы не получили.

Наши отношения с Объединенным Советом Передовой и Честной Торговли остаются успешными и плодотворными. ОСПЧТ за прошедший отчетный период основал картель межзвездного ювелирного проекта, картель, участвуя в котором мы получили немалую прибыль благодаря консультативным и посредническим услугам. Поступления от этих сделок позволят покрыть убытки, связанные с потерями на Гъеди Один. Эти расходы официально списаны в убыток.

Великие Дома

За отчетный период тридцать один Великий Дом пережил экономическую катастрофу. Только шесть из них смогли оправиться настолько, что достигли статуса Малых Домов (см. приложение). Такие события есть проявление тенденций, которая прослеживается на протяжение последнего тысячелетия, когда многие Великие Дома постепенно скатываются на второстепенные роли. Надо особо отметить, что из шести Великих Домов, которым удалось избежать полной катастрофы, пять имели свою долю в межзвездном ювелирном проекте ОСПЧТ. Полученная прибыль позволила вложить деньги в редкие китовые меха с Каладана.

(Запасы нашего риса почти, удвоились в результате успешных операций холдинга китового меха. Основания для таких операций будут приведены в обзоре следующего отчетного периода).

Семейная жизнь

Согласно наблюдениям наших исследователей, на протяжение последних двух тысяч лет происходит неуклонное нивелирование семейного уклада. Исключения, как и ожидалось, касаются Гильдии, Говорящих Рыб, придворных, тлейлаксианцев (которые, несмотря на все усилия, остаются гибридами) и, конечно, нашей Общины Сестер.

Стоит в этой связи отметить, что семейный уклад на разных планетах становится все более и более единообразным, а это не может быть случайностью. По-видимому, это часть грандиозного замысла

Господа Лето. Даже беднейшие семьи очень хорошо питаются, это так, но условия жизни становятся все более и более статичными.

Хотим напомнить высказывание Лето, сделанное им восемь поколений назад:

«Я — единственное зрелище, на которое еще стоит смотреть в Империи».

Преподобная Мать Саксия предложила теоретическое обоснование наблюдаемой тенденции, которое разделяют теперь многие из нас. Преподобная Мать Саксия приписывает Лето мотив, основанный на концепции гидравлического деспотизма. Как вы знаете, гидравлический деспотизм возможен только тогда, когда условия, от которых в абсолютной степени зависит жизнь, могут управляться относительно небольшой централизованной силой. Концепция гидравлического деспотизма возникла в ту эпоху, когда количество орошающей воды увеличивало численность человеческой популяции до такого уровня, что жизнь людей становилась в абсолютную зависимость от этого количества. Как только поступление воды прекращалось, наступала массовая гибель людей.

Этот феномен наблюдался неоднократно на протяжение человеческой истории и касался не только воды и продуктов земледелия, но и углеводородного топлива, поступление которого можно было легко контролировать с помощью трубопроводов и других распределительных сетей. В то время, когда электричество доставлялось потребителям по проводам, оно тоже было инструментом гидравлического деспотизма.

Преподобная Мать Саксия считает, что Господь Лето строит еще более жестокую систему гидравлического деспотизма, основанную на распределении меланжи. В этой связи стоит заметить, что меланжа является одним-единственным средством замедления наступления старости, хотя и не является при этом радикальным средством излечения от старения. Преподобная Мать Саксия предполагает даже, что Лето собирается преднамеренно поразить человечество некой болезнью, от которой существует только одно средство — меланжа. Хотя такое предположение несколько экстравагантно, его нельзя полностью сбрасывать со счетов. Случались и более странные вещи, и мы не должны забывать о роли сифилиса в ранней истории человечества.

Транспорт/Гильдия

Три вида транспорта, некогда присущих почти исключительно Арракису (передвижение пешком с грузом на лямках, по воздуху с помощью орнитоптера и кораблями Гильдии с планеты на планету) становятся доминирующими и в остальных частях нашей обитаемой вселенной. Единственным исключением является Икс.

Мы приписываем это явление общей тенденции к планетарному застою и формированию статического образа жизни. Частично такое положение вещей обусловлено стремлением во всем копировать древний Арракис. В этой тенденции не последнюю роль играет всеобщее отвращение к производимым на Иксе вещам. Нельзя отрицать и того, что подобное положение вполне устраивает Говорящих Рыб, которые поддерживают такую транспортную систему, поскольку она облегчает их службу.

Что касается Гильдии, то здесь такое положение обусловлено полной зависимостью навигаторов от меланжи. Мы в свете изложенного пристально наблюдаем за попытками Космической Гильдии в сотрудничестве с Иксом создать механическое приспособление для улучшения способности навигаторов выбирать маршрут и держаться его во время перелета. Без меланжи или ее замены каждое путешествие в космосе с трансветовой скоростью грозит обернуться катастрофой. Хотя мы не очень высоко оцениваем перспективу совместного проекта Гильдии и Икса, тем не менее мы будем внимательно следить за развитием событий, ибо все в мире возможно.

Бог-Император

Если оставить в стороне некоторое увеличение размеров тела, то можно сказать, что физические характеристики Господа Лето практически не изменились за отчетный период. Упорно циркулировавшие слухи об отвращении Лето к воде не подтвердились, хотя мы доподлинно знаем, что черви не выносили воды и был даже ритуал водного убийства, когда древние фримены убивали водой молодых червей, чтобы добить Пряность для своих оргий.

Есть все основания полагать, что Господь Лето проявляет большой интерес к совместному проекту Гильдии и Икса, поскольку при его успехе снизится потребность в меланже, а это уменьшит власть Лето в Империи.

Он продолжает иметь дела с Иксом, поскольку там изготовили его повозку и продолжают вносить в

нее усовершенствования.

Новый гхола Дункан Айдахо был прислан Господу Лето с Тлейлаксу. Это определенно говорит в пользу того, что предыдущий гхола мертв, хотя обстоятельства его смерти остаются нам неизвестны. Мы хотим обратить ваше внимание на то, что есть данные, по которым можно утверждать, что Господь Лето самолично убил нескольких своих гхола.

Существует все возрастающее количество свидетельств в пользу того что в своей деятельности Господь Лето использует компьютеры. Если он действительно нарушает свои собственные запреты и проскрипции бутлерианского джихада, то при наличии доказательств мы могли бы усилить свое влияние на Господа Лето, возможно, даже образовать с ним совместное предприятие, создания которого мы давно добиваемся. Нашей первоочередной задачей является по-прежнему суверенный контроль над селекционной программой. Мы, естественно, будем продолжать наши исследования, но со следующими мерами предосторожности:

Как и в каждом докладе, который предшествовал данному, мы должны сказать несколько слов о предзнании, которым обладает Господь Лето. Нет сомнения, что его способность предсказывать события задолго до их реализации, дар оракула, которым он обладает в гораздо большей мере, чем любой из его предков, — суть основа его политической власти.

Мы ни в коем случае не отрицаем этого!

Более того, мы глубоко убеждены, что он знает о каждом нашем важном действии задолго до того, как мы решаем его предпринять. Таким образом, своими действиями мы ни в коей мере не способны создать для него какую-либо опасность или поставить под угрозу исполнение его планов. Мы должны обратиться к нему приблизительно со следующими словами:

«Говорите нам о том, что наши планы угрожают вам, чтобы мы могли вовремя прекратить их осуществление».

И:

«Скажите нам о ваших планах, чтобы мы могли помочь их осуществлению».

Он не дал ответа ни на один вопрос из всех, которые были нами заданы.

Иксианцы

Нам практически нечего сообщить вам об Иксе, кроме совместного проекта Гильдии и Икса. Больше ничего интересного об Иксе мы сообщить в данный момент не можем. Икс послал на Арракис нового посла ко двору Господа Лето. Это Хви Нори — племянница Малки, который был когда-то по слухам добрым товарищем Господа Лето. Причина замены посла неизвестна, хотя есть основания подозревать, что Хви Нори воспитана для определенной цели, возможно, специально для представительства Икса на Арракисе. Мы полагаем, что и сам Малки был генетически предрасположен к тому, кем он был для Лето.

Мы продолжим наши исследования в этом направлении.

Музей фримена

Эти выродившиеся реликты некогда гордого племени воинов продолжают действовать как наш главный источник информации о событиях, происходящих на Арракисе. Этот музей представляет собой большую статью расходов нашего бюджета, потому что его аппетиты растут, а мы не можем позволить себе портить отношения с ним.

Интересно в этой связи отметить, что хотя их жизнь очень мало напоминает жизнь их далеких предков, копирование фрименского образа жизни безупречно. Мы приписываем это влиянию Говорящих Рыб на подготовку сотрудников Музея фримена.

Тлейлаксу

Мы не ждем каких-либо сюрпризов от нового гхола Дункана Айдахо. Тлейлаксу не хотят снова возбуждать недовольство Господа Лето, как это было однажды, когда они вознамерились изменить клеточную природу и психику очередного Дункана Айдахо.

Последние сообщения с Тлейлаксу говорят о том, что они снова хотят вовлечь нас в совместное с

ними предприятие по созданию чисто женского сообщества, в котором не было бы необходимости в мужчинах. По очевидной причине, включающей в себя неприятие того, что исходит с Тлейлаксу, мы, как всегда, ответили вежливым отказом. Наше посольство при Городе Празднеств во время традиционного Фестиваля доложит Господу Лето о нашем решении.

С искренним уважением подписано:

Преподобные Матери: Сиакса, Йитоб, Мамулут, Экнекоск и Акели.

Это может показаться странным, но великая борьба, образцы которой вы можете почерпнуть из моих записок, очень часто остается невидимой для тех, кто в этой борьбе принимает непосредственное участие. Очень многое зависит от того, о чем мечтает человек в глубине своей души. Я всегда уделял самое пристальное внимание четкому оформлению не только своих действий, но и своих мечтаний. Между строк моих записок вы можете прочесть о моей борьбе со взглядами человечества на самое себя — это тяжкая битва на поле, где правят мотивы, коренящиеся в нашем непроницаемом прошлом, возникают из бессознательного и становятся событиями, с которыми нам приходится не только жить, но и бороться. Это чудовище с головой гидры, которое нападает на нас с невидимой нами стороны. Поэтому я молюсь о том, чтобы вы, когда вам удастся пройти мою часть Золотого Пути, не остались детьми, танцующими под музыку, которая не слышна вам самим.

Твердыми, тяжелыми шагами Наила поднималась по винтовой лестнице, ведущей в Зал Аудиенций Бога-Императора на вершине южной башни Цитадели. Каждый раз, когда Наила пересекала юго-восточную арку башни, она видела лучи солнца, падавшие сквозь узкие окна и видимые во взвешенной в воздухе пыли. Наила знала, что в центральной стене башни, за ее спиной, находится лифт, достаточно мощный, чтобы перемещать огромное тело Бога, и который, без сомнения, мог бы поднять ее невесомое в сравнении с такой тяжестью тело. Однако тот факт, что она была обязана подниматься пешком, не вызывал у женщины возмущения.

Ветерок, дувший сквозь бойницы, доносил до Наилы кремнистый жаркий запах обдуваемой знойными бурями Пустыни. Низкое солнце освещало сложенную из грубого камня внутреннюю стену, и вкрапления из красного минерала вспыхивали в лучах солнца, как спички. Временами Наила бросала взгляд в узкие окна и видела дюны. Как ей хотелось остановиться и насладиться этим величественным зрелищем! Но...

— У тебя героическое терпение, Наила, — сказал ей однажды Господь Лето.

Воспоминание об этих словах согрело душу женщины.

Лето следил за продвижением Наилы с помощью хитроумного иксианского приспособления, которое формировало перед глазами Императора трехмерное голо графическое изображение женщины в три четверти натуральной величины.

Как точны ее движения, подумал он.

Эта точность проистекает из ее одухотворенной страстью простоты.

Наила была одета в синий мундир Говорящих Рыб с капюшоном, но без ястреба на груди. Миновав пост охраны, она сбросила лицевую маску, в которой была обязана явиться на аудиенцию. Ее массивное мускулистое тело было таким же, как тела ее товарок, но лицо было совершенно необыкновенным. Оно было практически квадратным. Это впечатление усиливала большой рот, который, казалось, окружал щеки. Рот казался еще больше от глубоких складок, которые залегали у углов рта. Глаза светло-зеленые, коротко подстриженные волосы напоминали старую слоновую кость. Лоб гармонировал с лицом — он был широким и совершенно плоским, светлые брови казались незаметными из-за яркости глаз. Плоский прямой нос заканчивался практически у линии тонких губ.

Когда Наила говорила, ее челюсти двигались, как у примитивного животного. О ее силе среди Говорящих Рыб ходили легенды. Лето видел однажды, как она без всяких видимых усилий подняла одной рукой мужчину весом сто килограммов. Наила прибыла на Арракис без ведома Монео, хотя мажордом, конечно, знал, что Лето использует Говорящих Рыб в качестве своих тайных агентов.

Лето отвернулся от движущегося голографического изображения и посмотрел в широкое окно, бросив взгляд на пустыню, раскинувшуюся к югу от Цитадели. Перед его глазами заплясали цвета скал — коричневый, золотой, янтарный. Далекая скала, имевшая очертания белой цапли, обрела в лучах заходящего солнца фантастический розовый ореол. Белые цапли не водились на Арракисе и существовали только в памяти Лето. Стоило ему представить себе этот белый камень, какказалось, что перед глазами пролетает грациозная большая птица.

Подъем по лестнице должен был утомить даже Наилу, поэтому, Лето знал это по опыту, женщина остановится отдохнуть, причем остановится точно на две ступени ниже отметки в три четверти. Это было проявлением пунктуальности Наилы — черты, из-за которой ее и взяли в Сарьир из далекого сепрекского гарнизона.

На расстоянии нескольких размахов крыльев от окна пролетел дюнный ястреб. Внимание Лето привлекли также тени у подножия Цитадели — там обитали какие-то мелкие зверьки. Ястреб пролетел на фоне облаков.

Это зрелище было удивительным для души старого фримена, каким был Лето: облака на Арракисе, дожди и открытые водоемы.

Лето прислушался к своему внутреннему голосу: осталась последняя пустыня — мой Сарыир; превращение Дюны в зеленый Арракис с первого дня моего правления проводилось в жизнь беспощадной железной рукой.

Влияние географии на историю осталось совершенно незамеченным, подумал Лето. Люди чаще задумываются о влиянии истории на географию.

Кому принадлежат русла этих рек? Зеленые долины? Этот полуостров? Эта планета?

Никому из нас.

Наила снова двинулась по лестнице, взгляд ее был устремлен на ступени, которые ей предстояло преодолеть. Лето снова стал наблюдать за ней.

Во многих отношениях она самый полезный помощник из всех, кто у меня когда-либо был. Я — ее Бог. Она поклоняется мне без всяких вопросов и рассуждений. Даже когда я шутки ради подвергаю испытанию ее веру, она и воспринимает это как простое испытание. Она знает, что способна выдержать любое испытание.

Когда он послал ее в среду заговорщиков и велел подчиняться Сионе, Наила не стала задавать вопросов. Если Наила в чем-то сомневалась, даже в тех случаях, когда она была способна выразить свои сомнения словами, ее мыслей вполне хватало на восстановление веры. Или это было раньше, а теперь... Последнее послание Наилы говорило о том, что требуется личная аудиенция у Божества, чтобы восстановить внутреннюю силу Наилы.

Лето припомнил первый разговор с ней, с женщиной, которая трепетала от желания угодить.

— Даже если Сиона пошлет тебя убить меня, ты обязана подчиниться. Она ни в коем случае не должна знать, что ты служишь мне.

— Никто не может убить вас, господин.

— Но ты должна повиноваться Сионе.

— Конечно, господин, ведь это ваш приказ.

— Ты должна повиноваться ей во всем.

— Я сделаю это, господин.

Это просто еще одно испытание. Наила не обсуждает их, а воспринимает как укусы мухи. Ее Господь требует? Наила подчиняется. Я не должен допустить, чтобы эти отношения каким-то образом изменились.

В старые времена из нее получилась бы превосходная шадут, подумал Лето. Именно по этой причине он в свое время дал ей отравленный фрименский нож, один из немногих настоящих ножей, сохранившихся со временем сиетча Табр. Этот нож принадлежал когда-то одной из жен Стилгара. Теперь Наила носила его под плащом, больше в качестве талисмана, нежели в качестве оружия. Лето Дал ей нож, выполнив при этом особый ритуал, который пробудил в его памяти эмоции, которые, как он сам считал, были навсегда похоронены в ее глубинах.

— Это зуб Шаи-Хулуда.

Он протянул ей клинок своими руками, обтянутыми серебристой чешуей.

— Прими его, и ты станешь частью одновременно прошлого и будущего. Осквернишь его, и твое прошлое не даст тебе перейти в будущее.

Наила приняла нож, потом ножны.

— Рассеки палец до крови, — приказал Лето. Наила повиновалась.

— Вложи клинок в ножны. Если обнажишь его, то кровь должна пролиться.

Наила снова безмолвно повиновалась.

Глядя на приближающееся трехмерное изображение Наилы, Лето почувствовал, как его воспоминания о старинной церемонии окрашиваются в грустные тона. Старый фримен мертв, а без него весь ритуал, да и сам нож превращаются в бесполезную игрушку. Польза сохранится только до

тех пор, пока жива Наила.

Я отбросил часть своего прошлого.

Очень печально, что шадут прошлого выродился в Говорящих Рыб настоящего, а древний нож используется только для того, чтобы крепче привязать слугу к хозяину. Лето знал, что многие считают Говорящих Рыб жрицами — на это он отвечал Бене Гессерит.

Он создает новую религию, — утверждал Орден.

Чушь! Я не создал религию. Я сам — религия!

Наила вошла в зал и остановилась в трех шагах от повозки. Взгляд, как и положено, опущен долу.

— Женщина, подними глаза, — произнес Лето, все еще охваченный своими воспоминаниями.

Наила повиновалась.

— Я создал священную непристойность, — сказал он. — Религия, центром которой являюсь я сам, отвратительна Мне самому.

— Да, господин.

В зеленых глазах Наилы не было намека на вопрос, не было размышлений, не было даже желания что-то ответить.

Если я пошлю ее собирать с неба звезды, она пойдет и попытается это сделать. Она думает, что я снова ее испытываю. Мне кажется, что она в конце концов может меня разозлить своей покорностью.

— Эта проклятая религия должна закончиться вместе со мной! — крикнул Лето. — Почему я должен навязывать религию моему народу? Религии разрушаются изнутри — так же, как Империи и личности! Все происходит одинаково.

— Да, господин.

— Религии порождают таких фанатиков и радикалов, как ты!

— Благодарю вас, господин.

Какое-то подобие ярости быстро промелькнуло в глубинах его памяти. Ничто не могло оставить след в вере Наилы.

— Топри все доложил мне через Монео, — сказал Лето. — Теперь расскажи мне о Топри.

— Топри — червь.

— Не так ли вы называете и меня, когда собираетесь на свои мятежные сходки?

— Я во всем повинуюсь моему господину.

Тушé!

— Стало быть, Топри не подлежит обработке? — спросил Лето.

— Сиона правильно его оценила. Он неуклюж. Он говорит вещи, которые повторяют другие, и его рука сразу становится видна в каждом деле. Буквально спустя секунду после того, как Кобат начал говорить, Сиона поняла, что Топри — шпион.

С этим согласны все, даже Монео, подумал Лето. Топри — плохой агент.

Это единодушие доставило Лето удовольствие. Эти Мелкие машинации слегка замутнили воду, которую он сам считал совершенно прозрачной. Однако действующие лица пока неплохо справлялись со сценарием.

— Не подозревает ли Сиона тебя?

— Я не отличаюсь неуклюжестью.

— Знаешь ли ты, зачем я тебя позвал?

— Чтобы испытать мою веру.

Ах, Наила, как мало знаешь ты об испытаниях.

— Я хочу, чтобы ты сказала, как ты оцениваешь Сиону. Я хочу увидеть ее на твоем лице, увидеть ее в твоих движениях и услышать ее в твоем голосе, — сказал Лето. — Готова ли она?

— Она нужна Говорящим Рыбам, господин. Зачем вы подвергаете ее такому риску?

— Форсировать события — это самый верный путь потерять то, что я больше всего ценю в Сионе, — ответил Лето. — Она должна прийти ко мне с нерастраченными силами.

Наила опустила глаза.

— Как будет угодно моему господину.

Лето понял смысл этого ответа. Наила всегда реагировала так на вещи, смысл которых был ей непонятен.

— Переживает ли она испытание, Наила?

— Судя по описанию испытания... — Наила подняла голову, посмотрела в глаза Лето и пожала плечами. — Я не знаю, господин. Конечно, она сильна. Она — единственная, кто сумел уйти от волков. Но ею управляет ненависть.

— Это естественно, — возразил Лето. — Скажи мне, Наила, что она собирается делать с вещами, украденными у меня?

— Разве Топри не сказал вам, что она сделала с книгами, в которых содержатся Ваши Священные Слова?

Как она умеет выделять голосом заглавные буквы в словах, подумал Лето, прежде чем заговорить.

— Да, да. Иксианцы получили свою копию, а скоро Гильдия и Община Сестер засядут за тяжкую работу по расшифровке моих записей.

— Что это за книги, господин?

— Это мое обращение к моему народу. Я хочу, чтобы их прочитали. Я хочу знать, что сказала Сиона о карте Цитадели, которую она тоже взяла.

— Она говорит, что под фундаментом Цитадели расположено огромное хранилище меланжи, господин, и что по карте можно понять, где оно находится.

— По карте она этого не поймет. Собирается ли она прокладывать подземный ход под Цитадель?

— Она хочет добыть у иксианцев необходимые для этого инструменты.

— Она их не получит.

— Действительно ли там находится Пряность, господин?

— Да.

— О том, как охраняются эти сокровища, ходят легенды. Говорят, что рассыплется весь Арракис, если кто-нибудь попытается проникнуть на этот склад. Это правда?

— Да, такая попытка сотрясет всю Империю. Не уцелеют ни Гильдия, ни Община Сестер, ни Икс, ни Тлейлаксу, ни даже Говорящие Рыбы.

По телу Наилы пробежала невольная дрожь.

— Я не позволю Сионе добраться до запасов меланжи.

— Наила, я же приказал тебе во всем повиноваться Сионе. Вот как ты верно мне служишь!

Она застыла перед ним, полная страха перед его гневом. Никогда еще не была она так близко от того, чтобы потерять веру. То был кризис, который он намеренно создал, зная, чем все закончится. Наконец Наила медленно пришла в себя и успокоилась. Он видел ее мысли так же ясно, как если бы они были высказаны вслух.

Последнее испытание!

— Ты вернешься к Сионе и будешь защищать ее жизнь ценою своей, — сказал Лето. — Это задание, которое я дал тебе, а ты согласилась его принять. Именно поэтому я выбрал тебя. Вот почему

только ты носишь отравленный Фрименский нож Стилгара.

Наила пощупала правой рукой спрятанный под накидкой нож.

Как это верно, подумал Лето, что оружие способно сделать поведение человека вполне предсказуемым.

Он зачарованно посмотрел на напряженное тело Наилы. В глазах ее не было ничего, кроме обожания.

Конечный результат риторического деспотизма... скоро я начну его презирать!

— Иди! — рявкнул он.

Наила сделала поворот кругом и покинула Священное Присутствие.

Стоит ли оно того? — подумал Лето.

Однако Наила сказала ему то, что он хотел знать. Она восстановила и обновила свою веру и открыла ему то, что скрывалось под туманным образом Сиона. Инстинктам Наилы можно верить.

Сиона достигла того взрывоопасного момента, который был мне так нужен.

Дунканы всегда находили очень странным то, что я формирую вооруженные силы из женщин, но дело в том, что мои Говорящие Рыбы — это во всех смыслах временная армия. Хотя женщины могут проявлять насилие и ярость, они сильно отличаются от мужчин в своем увлечении битвой. Колыбель бытия предрасполагает их к более бережному отношению к жизни. Они являются лучшими хранителями Золотого Пути. Я лишь усилил эту врожденную предрасположенность системой тренировок. На какое-то время я вырываю их из обыденной рутинны, они получают то, о чем потом с удовольствием вспоминают всю оставшуюся жизнь. В юном возрасте они вступают в товарищество Сестер и готовятся к вещам очень глубоким. В таких товариществах люди всегда готовятся к великим свершениям. Воспоминания о днях, проведенных с Сестрами, покрывается со временем ностальгической дымкой, то время кажется им чудесным и непохожим на те серые будни, которые они вынуждены влакить ныне. Именно таким способом можно сегодня менять ход будущей истории. Современники в действительности не живут в одно время. Прошлое всегда меняется в их глазах, но лишь немногие понимают это.

Отправив послание Говорящим Рыbam, Лето поздним вечером спустился в крипту. Он решил, что лучше всего будет устроить новому Дункану аудиенцию в темноте, чтобы Лето сначала описал себя и только потом дал возможность новому Айдахо увидеть свое тело-пресуществующего Червя. Таким требованиям удовлетворяла небольшая комната, вырубленная в черном камне неподалеку от центральной ротонды. Помещение было достаточно большим, чтобы вместить Лето в его тележке, хотя потолок был очень низок. Освещение Лето мог регулировать по собственному усмотрению, дверь была одна, но состояла из двух секций — одной большой, достаточной для проезда Королевской тележки, а вторая — маленькие воротца для прохода людей.

Лето направил тележку в помещение, закрыл большие ворота и открыл маленькую дверь, и после этого приготовился к церемонии.

Самой большой проблемой была скука. Изделия тлейлаксианцев были стандартизованы настолько, что один гхола нисколько не отличался от всех прочих. Однажды Лето даже предупредил тлейлаксианцев, чтобы они больше не делали одинаковых Дунканов, но он сам прекрасно сознавал, что в этом они откажутся повиноваться ему.

Иногда я думаю, что они поступают так просто из духа противоречия!

На Тлейлаксу жестко держались за эту привилегию, понимая, что это залог их выживания.

Присутствие Айдахо тешит во мне Пауля Атрейдеса.

Лето сказал Монео, когда мажордом впервые появился в Цитадели:

- Дункан должен явиться ко мне после дополнительной подготовки. Ты должен проследить, чтобы мои гурии смягчили его и ответили на некоторые его вопросы.
- На какие вопросы они имеют право отвечать, господин?
- Они знают.

За много лет Монео давно изучил процедуру во всех подробностях.

За дверью раздались голоса Монео и эскорта из Говорящих Рыб. Послышался неуверенный шаг нового гхола.

- Входи в эту дверь, — сказал Монео. — Там темно. Остановись, как только войдешь, мы закроем дверь, а ты жди, когда заговорит господин Лето.
- Почему там темно? — не скрывая возмущения, спросил Дункан.
- Он сам тебе все объяснит.

Айдахо втолкнули в темное помещение и заперли за ним дверь.

Лето прекрасно знал, что видит сейчас Дункан: тени среди теней; в непроглядном мраке он не сможет даже определить, откуда раздается голос Лето. Как обычно, Лето заговорил голосом Пауля Муад'Диба:

- Я рад снова видеть тебя, Дункан.
- Но я не могу вас видеть!

Айдахо был воин, а воин атакует. Этот выпад убедил Лето, что копия полностью повторяет

оригинал. Моральная игра, с помощью которой тлейлаксианцы пробуждали предсмертную память Дунканов, оставляла некоторую неопределенность в их мышлении. Некоторые Айдахо полагали, что когда-то угрожали Муад'Дибу. Этот гхола тоже разделял подобную иллюзию.

— Я слышу голос Пауля, но не в состоянии его разглядеть, — сказал Айдахо. Он даже не попытался скрыть растерянность — она прозвучала в его голосе.

Зачем это Атрейдес продолжает играть в свою глупую игру? Пауль давно мертв, а здесь присутствует Лето, который говорит ожившим голосом Пауля, его памятью, впрочем, как и памятью многих и многих других! — если, конечно, тлейлаксианцы сказали ему правду.

— Тебе сказали, что ты лишь последний в длинной череде двойников, — произнес Лето.

— Сам я не помню этого.

Лето расслышал в тоне Айдахо почти истерику, едва прикрытую храбростью воина. Будь прокляты эти тлейлаксианцы — их бродильные чаны производили людей с окрошкой в мозгах! Этот Дункан прибыл в состоянии, слишком к шоку, подозревая, что безумен. Лето понимал, что потребуются тончайшие движения души, чтобы привести беднягу в чувство. Это будет тяжким эмоциональным потрясением для обоих.

— Произошло много изменений, Дункан, — заговорил Лето, — лишь одно осталось неизменным — я все еще Атрейдес.

— Мне сказали, что ваше тело... — Да, оно изменилось.

— Проклятые тлейлаксианцы! Они пытались заставить меня убить того, кого я... короче, он был похож на вас. И я вдруг вспомнил, кто я, и было... Это мог быть гхола Муад'Диба?

— Уверяю тебя, это был обычный мим, Танцующий Лицом.

— Он был так похож... Вы полностью уверены?

— Нет, нет. Это был актер, не более того. Он остался жив?

— Конечно! Но именно так они пробудили мою память. Они мне все объяснили. Это правда то, что они говорили?

— Это истинная правда, Дункан. Мне отвратительны эти игры, но я допустил их не в силах отказать себе в удовольствии находиться в твоем обществе.

Потенциальные жертвы всегда выживают, подумал Лето. Особенno это касается потенциальных жертв Дунканов. Бывают, конечно, и ошибки. Поддельных Муад'Дибов убивают, а Дунканы не удаются. Но на этот случай существуют тщательно сохраняемые клетки оригиналов.

— Так что произошло с вашим телом? — продолжал настаивать Айдахо.

Теперь можно оставить личину Муад'Диба. Лето заговорил своим обычным голосом.

— Я сделал из песчаных форелей новую кожу для себя. Дальше все произошло само собой — они изменили мою внешность.

— Зачем?

— Я объясню тебе все по ходу дела.

— Тлейлаксианцы говорят, что вы выглядите как песчаный червь.

— А что говорят мои Говорящие Рыбы?

— Они говорят, что вы — Бог. Почему вы называете их Говорящими Рыбами?

— Это старая уловка. Первая жрица говорила, что во сне она разговаривала с рыбами. Таким образом эти женщины узнают массу полезных и ценных, вещей.

— Но откуда вы об этом знаете?

— Я сам — эти женщины... и то, что было до них и будет после них.

Лето услышал, как Айдахо судорожно проглотил слюну.

— Теперь я понимаю, почему здесь темно, Вы даете мне время привыкнуть к вам.

— Ты всегда был очень быстр Айдахо.

Кроме тех случаев, когда становился слишком медлительным.

— Как давно вы изменились?

— Тридцать пять веков назад.

— Выходит, тлейлаксианцы сказали мне правду.

— Мне они редко осмеливаются лгать.

— Но это очень долгий срок.

— Очень долгий.

— Тлейлаксианцы копировали меня много раз?

— Много.

Теперь настало время спросить, сколько именно раз.

— И сколько копий они изготовили?

— Ты сам прочтешь этот реестр.

Вот так это начинается, подумал Лето.

Такой разговор обычно удовлетворял Дунканов, хотя мучительная суть вопроса этим не разрешалась.

«Сколько же раз я являлся?»

Дунканы не замечали, что их новая плоть отличается от старой, хотя передачи памяти между гхола не происходило.

— Я помню свою смерть, — заговорил Айдахо. — Блеск мечей людей Харконнена, которые пытались убить вас и Джессику.

Лето снова заговорил голосом Муад'Диба:

— Да, это был я, Дункан.

— Таким образом, я являюсь заменой, это так? — спросил Дункан.

— Это верно, — ответил Лето.

— Как другой... я... я хочу спросить, как он умер?

— Всякая плоть в конце концов изнашивается, ты прочтешь об этом в отчетах.

Лето терпеливо ждал, удивляясь тому, насколько велико недоверие Дункана ко всей этой истории.

— Как вы в действительности выглядите? — спросил Айдахо. — Что это за тело червя, о котором твердили тлейлаксианцы?

— Когда-нибудь я буду выглядеть как настоящий песчаный червь. Метаморфоз не закончен и продолжается.

— Что вы имеете в виду под настоящим червем?

— У него увеличится количество ганглиев, которые сообщат червю человеческое сознание.

— Нельзя ли зажечь здесь свет, я хочу посмотреть на вас.

Лето дал команду, и помещение было тотчас залито ярким светом. Черные стены и пучок света, сфокусированный на живом Боге, — тело Лето стало видимым во всех мельчайших деталях.

Айдахо вперил недоуменный взор в разделенное поперечными полосами тело червя, на котором выступали едва заметныеrudименты рук и ног. При этом один из них был заметно короче других. Он снова посмотрел на остатки конечностей, потом поднял глаза и увидел розовое лицо, которое выглядело довольно нелепо на фоне огромного тела.

— Я предупреждал тебя, Дункан.

Айдахо от изумления потерял дар речи.

— Зачем это нужно? — спросил за него Лето.

Айдахо кивнул.

— Я все еще Атрейдес, Дункан, и уверяю тебя, что Для этого были очень веские причины.

— Но что...

— Об этом ты узнаешь в свое время.

Айдахо молча покачал головой..

— Это не слишком приятное откровение, — сказал Лето. — Сначала ты должен узнать более важные для себя вещи. Положись на слово Атрейдеса.

На протяжении столетий Лето убедился в том, что Упоминание о верности Атрейдесам безотказно гасило все вопросы Айдахо. Сработало и на этот раз.

— Значит, я снова призван на службу к Атрейдесам, — Сказал Айдахо. — Это мне знакомо, не так ли?

— Во многом да, мой друг.

— Для вас я старый друг, но для себя самого... Как я буду служить?

— Разве тебе не рассказали об этом Говорящие Рыбы?

— Они сказали, что я буду командовать элитной гвардией, набранной из них. Этого я не понял. Что, армия состоит из женщин?

— Мне нужен верный товарищ, который командовал бы армией. Ты возражаешь?

— Но почему женщины?

— Между полами существует большая поведенческая разница, и поэтому женщины особенно ценные в роли гвардейцев.

— Вы не ответили на мой вопрос.

— Ты полагаешь, что они не подходят на эту роль?

— Некоторые из них выглядят весьма крепкими, но...

— Но другие проявили непозволительную мягкость, не правда ли?

Айдахо покраснел.

Лето нашел эту реакцию очаровательной. Дунканы оставались одними из немногих в эти времена, кто сохранил способность краснеть. Все это было понятно и объяснимо — Айдахо прошел курс обучения в те времена, когда были иные понятия о чести — он был настоящий рыцарь.

— Я не понимаю, почему вы доверили женщинам охранять свою жизнь? — Кровь медленно отхлынула от его щек. Он взглянул в глаза Лето.

— Но я всегда доверял им так же, как доверяю тебе, — я доверяю вам свою жизнь.

— От какой опасности мы должны вас охранять?

— Тебя введут в курс дела Монео и Говорящие Рыбы.

Айдахо переминался с ноги на ногу, тело его дрожало в такт бешеному сердцебиению. Он лихорадочно озирался, осматривая блуждающим взглядом стены и потолок маленького помещения. Внезапно он принял решение и посмотрел в лицо Лето.

— Как мне обращаться к вам?

— Ты согласишься называть меня Господь Лето?

— Да... господин, — Айдахо, не отводя взор, посмотрел в голубые фрименские глаза Лето. — Правду ли говорят Рыбы, что... вы храните множественную память... память о...

— Да, мы все здесь, Дункан, — теперь Лето говорил голосом своего деда с отцовской стороны, потом:

— Здесь даже женщины, — теперь звучал голос бабки Лето по отцовской линии.

— Ты их знал, а они знали тебя, — сказал Лето.

Дрожа всем телом, Айдахо перевел дух.

— Мне потребуется какое-то время, чтобы к этому привыкнуть.

— Моя реакция была поначалу точно такой же, — отозвался Император.

Айдахо разразился хохотом. Лето подумал, что его намек вряд ли мог быть поводом для такого безудержного смеха, но ничего не сказал.

Успокоившись, Айдахо заговорил:

— Ваши Говорящие Рыбы должны были привести меня в хорошее расположение духа?

— Они преуспели в этом, не правда ли?

Дункан внимательно присмотрелся к лицу Императора, узнавая в нем отчетливые черты Атрейдесов.

— Вы, Атрейдесы, всегда хорошо понимали, чем можно меня расположить к себе, — сказал Айдахо.

— Вот так-то лучше, — похвалил его Лето. — Ты начинаешь понимать, что я не один Атрейдес, а все они вместе взятые.

— Это когда-то говорил мне Пауль.

— Я говорю то же самое! — этого человека могли убедить только голос и интонации Пауля Муад'Диба.

Айдахо судорожно глотнул и повернулся к двери.

— Вы что-то отняли у нас, — проговорил Айдахо. — Я это чувствую. Монео, женщины...

Мы против вы, подумал Лето. Эти Дунканы всегда, что бы ни происходило, берут сторону людей.

Айдахо вновь посмотрел в лицо Лето.

— Что вы дали нам взамен?

— Мир Лето во всей Империи!

— И я вижу, что все счастливы до блаженства! Именно поэтому вы нуждаетесь в личной охране.

Лето улыбнулся.

— Мой мир усилил спокойствие, а люди всегда восстают против спокойствия.

— И кроме того, вы даете нам Говорящих Рыб.

— И иерархию, которая определяется людьми безошибочно.

— И женскую армию, — процедил сквозь зубы Айдахо.

— Это сила, способная обуздить мужчин, — заметил Лето. — Секс всегда был средством подчинить себе агрессивность мужчины.

— Именно этим они и заняты — смирением агрессивности?

— Они предотвращают и сглаживают инциденты, которые в противном случае могли бы привести к еще большему насилию.

— И это вы заставили их поверить в вашу Божественность? Я бы не сказал, что мне это нравится.

— Путь святости для меня не менее тяжел, чем для тебя.

Айдахо нахмурился. Он ожидал совершенно иного ответа.

— Какую игру вы ведете, Господь Лето?

— Очень древнюю, но по новым правилам.

— По вашим правилам!

— Ты хочешь, чтобы я снова позволил устанавливать правила ОСПЧТ Совету Земель и Великим Домам?

— Тлейлаксианцы говорят, что Совета Земель больше не существует. Вы упраздили всякое самоуправление.

— Ну хорошо, тогда, допустим, я мог бы уступить место Бене Гессерит, или иксианцам, или тем же тлейлаксианцам. Ты хочешь, чтобы я нашел еще одного барона Харконнена и вручил ему власть над Империей? Скажи только слово, Дункан, и я отрекусь!

От такого натиска Айдахо только покачал головой.

— В злых руках, — сказал Лето, — монолитная централизованная власть — опасный и скользкий инструмент.

— А ваши руки — подходящие для этого?

— Я не могу с уверенностью сказать, подходят ли мои руки для того, чтобы держать власть, но я могу сказать это со всей определенностью о руках тех, кто был ДО меня. Их-то я знаю очень хорошо.

Айдахо повернулся к Лето спиной.

Какой очаровательный, чисто человеческий жест, подумал Лето. Неприятие вкупе с осознанием своей уязвимости.

Лето заговорил в спину Айдахо:

— Ты совершенно прав в том, что я иногда использую людей без их осознанного согласия.

Айдахо обратил к Лето свой профиль, потом взглянул в лицо Императору, слегка приподняв голову, чтобы взглянуть в синие, как небо, глаза повелителя.

Он меня изучает, подумал Лето. Но для вынесения суждения он может пользоваться только лицом.

Атрейдесы учили своих людей читать мысли и чувства людей по малейшим нюансам жестов и мимики, но в данном случае задача была за гранью способностей Айдахо.

Дункан откашлялся.

— Что плохого вы от меня ждете? — спросил он.

Как это похоже на Дункана! — подумал Лето. Этот был классическим представителем, он не нарушит верность Атрейдесам, но при этом не сможет подняться над рамками своей личной морали и нравственности.

— От тебя потребуется охранять меня всеми необходимыми средствами и хранить мою тайну.

— Какую тайну?

— Что я уязвим.

— Так вы не Бог?

— Не в этом конечном смысле.

— Ваши Говорящие Рыбы рассказывали о мятежниках.

— Они действительно существуют.

— Почему?

— Они молоды и мне не удалось убедить их, что мой путь лучше. Очень трудно убедить молодежь в чем бы то ни было. Они обременены слишком большими знаниями.

— Я не помню, чтобы Атрейдесы прежде так презрительно относились к молодежи.

— Вероятно, это оттого, что сам я очень стар — моя старость помножена на старость других. Моя

задача усложняется с каждым следующим поколением.

- В чем заключается ваша задача?
- Постепенно ты сам это поймешь.
- Что будет, если я не справлюсь со своей задачей? Ваши женщины меня ликвидируют?
- Я не стану отягощать женщин чувством вины.
- Значит, вы отяготите им меня?
- Если ты примешь это условие.
- Если я найду, что вы хуже Харконнена, то обращусь против вас.

В этом весь Дункан. Они меряют все зло Харконненами. Как мало знают они о зле.

- Барон пожрал целые планеты, Дункан. Что может быть хуже этого?
- Пожрать всю Империю.
- Я чреват Империей, Дункан. Умирая, я дам ей жизнь.
- Если бы я мог в это поверить...
- Ты будешь командовать моей гвардией?
- Но почему я?
- Потому что ты самый лучший.
- Воображаю, какая это опасная работа. От нее принимали смерть мои предшественники?
- Некоторые из них.
- Хотелось бы мне иметь их память.
- Ты не можешь ее иметь и поэтому будешь оригинален в решениях.
- Тем не менее я хотел бы о них знать.
- Ты узнаешь о них.
- Итак, Атрейдесам все еще нужны острые ножи.
- У нас есть дела, которые можно доверить только Дункану Айдахо.
- Вы хотели сказать — Дунканам... — Айдахо поперхнулся, посмотрел на дверь, потом на лицо Лето.

Лето заговорил с ним как Муад'Диб, но голосом Лето.

- Когда мы последний раз вместе карабкались к сиетчу Табр, то были верны друг другу — ты мне, а я тебе. С тех пор ничто не изменилось.
- Но то был ваш отец.
- Это был я! — восклицание Муад'Диба поразило гхола до глубины души.
- Все вы... в одном теле... — прошептал Айдахо. Он был сломлен и сдался, прекратив сопротивление.

Лето молчал. Наступил решительный момент.

Айдахо улыбнулся своей характерной улыбкой, выражавшей: «Да черт бы вас всех побрал в конце концов!»

— Тогда я хочу говорить с первым Лето и Паулем, с теми, кто лучше всех меня знал. Используйте меня как следует, ведь я действительно любил вас.

Лето прикрыл глаза. Эти слова всегда расстраивали его. Он знал, что это была любовь к тем, по отношению к кому он был наиболее уязвим.

На помощь пришел Монео, слышавший весь разговор. Он вошел в помещение.

— Господин, должен ли я отвести Лето к гвардии, которой он будет командовать?

— Да, — это было единственное слово, которое Лето был сейчас в состоянии произнести.

Монео взял Айдахо под руку и вывел его из комнаты.

Добрый Монео, подумал Лето. Как он добр. Он так хорошо меня понимает, но я скоро приду в полное отчаяние от его понимания.

Я хорошо сознаю все зло моих предков, потому что я и эти люди — одно. Равновесие очень и очень хрупко. Я знаю, немногие из вас, тех, кто читает эти слова, когда-либо думали о своих предках так, как я. Вам никогда не приходило в голову, что ваши предки выжили наперекор обстоятельствам, и само выживание потребовало от них диких решений, непроизвольной, необузданной жестокости, жестокости, которую с таким трудом подавляет в себе цивилизованное человечество. Какую цену согласны вы платить за такое подавление? Примете ли вы со смирением собственный уход?

Одеваясь утром первого дня своей службы, Айдахо постарался стряхнуть с себя следы ночного кошмара. Он просыпался от него дважды и оба раза выходил на балкон, смотрел на звезды, а сон продолжал реветь у него в ушах.

Женщины... безоружные женщины в черных доспехах... подвигались на него с диким бессмысленным криком, как чудовищная шайка разбойников... они размахивали руками, влажными от алоей крови... когда они набросились на него, то обнажили в страшных улыбках огромные острые клыки!

В этот момент он просыпался.

Утренний свет не сгладил тягостное впечатление от ночного видения.

Ему отвели комнату в северной башне. С балкона открывался вид на дюны и дальнюю скалу с глинобитными домиками у ее подножия.

Глядя на эту сцену, Айдахо застегнул тунику.

Почему Лето набирает в свою армию только женщин?

Несколько хорошенъких Говорящих Рыб предложили своему новому командиру провести с ними ночь, но он отказался. Не подобает Атрейдесам завоевывать верность слуг сексом!

Он осмотрел свою одежду: черная форма с золотыми шевронами и красным ястребом на левой стороне груди. Это по крайней мере знакомо. Но нет ни знаков различия, ни чина.

— Они знают вас в лицо, — сказал Монео.

Странный маленький Монео.

Эта мысль несколько подняла настроение Айдахо. По размышлении он решил, что Монео вряд ли можно назвать маленьким, в росте он не уступал Айдахо. *Он подавлен, да, но маленьким его не назовешь. Он не меньше, чем я.* Монео был словно погружен в себя и очень... собран.

Айдахо оглядел свои покой — при его равнодушии к комфорту это было настоящее сибаритство — мягкие подушки, приспособления, вделанные в стены, покрытые панелями из полированного дерева. Ванна была украшена голубыми плитками, под душем и в ванне могли одновременно мыться не меньше шести человек. Все так и говорило о распущенности и лени. Это была квартира, подходящая для того, чтобы вспомнить о всех возможных удовольствиях и радостях жизни.

— Умно, — прошептал он.

В дверь вежливо постучали, и женский голос произнес:

— Командир? Здесь Монео.

Айдахо бросил еще один взгляд на выжженную солнцем скалу.

— Командир? — голос прозвучал громче и настойчивее.

— Войдите, — отозвался Айдахо.

Вошел Монео и закрыл за собой дверь. Туника и брюки на нем были ярко-белого цвета, что вынуждало при встрече сразу обращать внимание на лицо. Монео оглядел комнату.

— Вот куда они вас поместили. Проклятые женщины! Полагаю, что они думали, что делают для вас благо, но могли бы подумать и лучше.

— Откуда вам известно, что мне нравится? — спросил Айдахо. Не успев закончить вопрос, он оценил его глупость.

Я не первый Дункан Айдахо, которого видит Монео.

Монео бесхитростно улыбнулся и пожал плечами.

— Я не хотел обидеть вас, полковник. Вы сохраните эту квартиру?

— Мне нравится вид.

— Но не обстановка, — это был не вопрос, а констатация факта.

— Ее можно заменить, — сказал Айдахо.

— Я позабочусь об этом.

— Мне кажется, вы пришли, чтобы рассказать мне о моих обязанностях.

— Я сделаю это, насколько смогу. Я знаю, что все, что здесь происходит, покажется вам поначалу очень странным. Эта цивилизация глубоко отличается от той, к которой вы привыкли и которую знали.

— Это я уже вижу. Скажите, как... умерли мои предшественники?

В ответ Монео пожал плечами. Кажется, это был его излюбленный жест, в котором не было и намека на растерянность или незнание.

— Он не смог избежать последствий своих решений, — ответил Монео.

— Уточните.

Монео вздохнул.

— Его погубил мятеж. Вам нужны подробности?

— Они будут для меня полезны?

— Нет.

— Сегодня я потребую полный отчет об этом мятеже. Но сначала о другом: почему в армии Лето нет мужчин.

— Есть — вы.

— Вы же понимаете, что я имею в виду.

— У Лето любопытная теория об армиях. Я много раз обсуждал ее с ним. Но не хотите ли позавтракать до моих объяснений.

— Нельзя ли совместить эти два дела?

Монео обернулся к двери и произнес только одно слово:

— Сейчас?

Эффект поразил Айдахо. В комнату буквально ворвалась группа Говорящих Рыб. Две из них извлекли из-за стенной панели раскладной стол и стулья и вынесли их на балкон. Остальные сервировали стол на двоих. Другие принесли блюда — свежие фрукты, горячий рулет и дымящийся напиток, пахнущий кофе и Пряностью. Все это было сделано молча и настолько стремительно, что стало ясно, что у этих женщин большая практика в подобных делах. Не говоря ни слова, женщины, сделав свое дело, удалились.

Через минуту ошеломленный Айдахо уже сидел за столом напротив Монео.

— И так каждое утро? — спросил Дункан.

— Да, если вы этого пожелаете.

Айдахо попробовал напиток — кофе с меланжей. Узнал он и фрукт — сладкую дыню с Каладана — парадан.

Моя любимая дыня.

— Вы неплохо меня знаете, — сказал он.

Монео улыбнулся.

— Теперь о ваших вопросах.

— И любопытной теории Лето.

— Да, он считает, что чисто мужская армия создает опасность для своей гражданской базы, которая ее поддерживает и питает.

— Но это же сумасшествие! Без армии не будет...

— Я предвижу ваш аргумент, но он говорит, что мужская армия есть пережиток скринирующей функции, переданной нескрецивающимся самцам доисторического стада. Он говорит, что это очень любопытный и упорный факт, заключавшийся в том, что старшие самцы всегда посыпали в битвы более молодых.

— Что такое скринирующая функция?

— Это те, кто всегда находится за периметром опасности, защищая ядро размножающегося стада — то есть производителей самцов, женщин и детей. Это те, кто первым встречает хищника.

— Но... почему это создает опасность дня гражданского населения?

Айдахо откусил кусок дыни и нашел ее восхитительно спелой.

— Господь Лето говорит, что в отсутствие внешнего врага чисто мужская армия всегда обращается против своего населения. Всегда.

— И борется с другими мужчинами за женщин?

— Возможно, но он полагает, что не все так просто.

— Я не нахожу эту теорию любопытной.

— Вы еще не до конца меня выслушали?

— Есть еще что-то?

— О да. Он говорит, что чисто мужская армад склонна к гомосексуализму.

Айдахо в упор посмотрел в глаза Монео.

— Я никогда...

— Естественно, нет. Имеется в виду сублимация энергии, ее отклонение и все остальное.

— Что остальное? — его охватил гнев, в выпадах Лето он почувствовал угрозу своему мужскому самоуважению.

— Юношеские отношения — мальчики, живущие вместе, шутки, предназначенные для того, чтобы причинить боль, верность только своей казарме и полку... ну и все в таком же роде.

— И что вы об этом думаете? — холодно осведомился Айдахо.

— Я вспоминаю себя в тех условиях. — Монео отвернулся и посмотрел на расстилавшийся перед ними вид. — И думаю, что он прав. Он же сам каждый солдат в мировой истории. Он предложил мне целую галерею выдающихся военных, которые в своем развитии застыли на стадии подростка. Я отказался от предложения, но внимательно вспомнил собственную историю и свои характерологические особенности.

Монео посмотрел в глаза Айдахо.

Подумайте об этом, полковник.

Айдахо очень гордился своей честностью, и это сильно ударило его, как бumerанг. Культ юности и детства воспитывается армией? В этом зерно истины. Даже в его опыте есть доказательства тому...

Монео кивнул.

— Гомосексуализм, латентный или иной, поддерживает эти условия, которые можно назвать чисто психологическими, заставляет людей в армии искать боли и причинять ее другим. Господь Лето говорит, что этот обычай уходит корнями в обряды инициации доисторических времен.

— Вы ему верите?

— Я — да.

Айдахо взял еще кусок дыни — на этот раз она показалась ему совершенно безвкусной, и он отложил кусок в сторону.

— Мне надо подумать над этим, — сказал Айдахо.

— Конечно.

— Вы совсем ничего не едите, — сказал Айдахо.

— Я встал еще до рассвета и позавтракал, — произнес Монео. — Эти женщины постоянно стараются меня соблазнить.

— Им это удается?

— Время от времени.

— Вы правы, я тоже нахожу эту теорию любопытной. Есть в ней еще что-нибудь?

— Господь Лето говорит, что, когда армия вырывается из гомосексуально-юношеской узды, она становится склонной к изнасилованиям. Изнасилования часто сочетаются с убийствами, а это уже не поведение, призванное обеспечить выживание.

Айдахо нахмурился.

Губы Монео искривились в жесткой усмешке.

— Господь Лето говорит, что только дисциплина Атрейдесов и моральные ограничения позволяли в ваше время избегать самых худших эксцессов.

Айдахо глубоко вздохнул.

Монео откинулся на спинку стула и вспомнил слова, некогда сказанные Богом-Императором. *«Не имеет значения, насколько сильно и страстно мы ищем истины. Несмотря на это, знание правды может оказаться очень горьким и неприятным. Мы не слишком хорошо относимся к Вещателям Истины»*.

— Эти проклятые Атрейдесы! — в сердцах воскликнул Айдахо.

— Я — Атрейдес, — просто сказал Монео.

— Что? — Айдахо был потрясен.

— Его селекционная программа, — заговорил в ответ Монео. — Я уверен, что на Тлейлаксу вам говорили о ней. Я — прямой потомок от брака его сестры и Харка аль-Ада.

Айдахо подался вперед.

— Тогда скажи мне, Атрейдес, чем женщины как солдаты лучше мужчин?

— Им легче взрослеть.

Айдахо в изумлении тряхнул головой.

— Сама природа толкает их к ускоренному созреванию, — сказал Монео. — Как говорит Господь Лето: «Выносите девять месяцев ребенка в своем чреве и это изменит вас».

Айдахо откинулся назад.

— Что он может об этом знать?

Монео ничего не ответил, просто посмотрел на Айдахо непонимающим взглядом, и тут Дункан вспомнил о множественной живой памяти Лето — который был одновременно мужчиной и женщиной. Монео понял это, вспомнив еще одно изречение Бога-Императора: *«Твои слова зажгли на его лице то выражение, которого ты добивался»*.

Молчание затянулось. Монео откашлялся и заговорил первым:

— Огромная память Господа Лето заставила замолчать и меня.

— Он честен с нами? — спросил Айдахо.

— Я ему верю.

— Но он делает так много... Я имею в виду селекционную программу. Как долго она продолжается?

— С самого начала С того дня, как он отнял проведение программы у Бене Гессерит.

— Чего он хочет от своей программы?

— Мне бы очень хотелось это знать.

— Но ведь вы...

— Я — Атрейдес и первый адъютант, это так.

— Но вы не убедили меня, что женская армия лучше мужской.

— Женщины продолжают род.

Наконец-то гнев и растерянность Айдахо нашли свой объект.

— Так, выходит, то, чем я занимался с ними первую ночь, — тоже селекция?

— Возможно, Говорящие Рыбы не предохраняются от беременности.

— Будь он проклят! *Я* же не животное, которое можно передавать из стойла в стойло, как... как...

— Жеребца, хотите вы сказать?

— Да!

— Но Господь Лето не хочет следовать примеру тлейлаксианцев и заниматься генной хирургией и искусственным оплодотворением.

— Как тлейлаксианцы получили...

— Они сами — объект изучения. Это вижу даже я. Их Танцующие Лицом — мулы, колония организмов, а не люди.

— Эти другие... я... мои копии... они тоже были племенными жеребцами?

— Некоторые были. У вас были потомки.

— Кто?

— Я один из них.

Айдахо устался на Монео, внезапно растерявшись от такого родства. Он не понял, как такое вообще может быть. Монео же намного старше его... Но я? Кто из них в действительности старше? Кто из них предок, а кто потомок?

— Иногда у меня самого бывают трудности такого рода, — признался Монео. — Господь Лето говорит мне, что вы — не мой потомок в обычном смысле этого слова. Но вы — отец некоторых из моих потомков.

В ответ Айдахо только ошеломленно покачал головой.

— Иногда мне кажется, что до конца понять эти вещи может только сам Бог-Император, — сказал Монео.

— Вот это другое дело, — согласился Айдахо. — Такие дела — это промысел Божий!

— Господь Лето говорит, что он создал святую непристойность.

Это был вовсе не тот ответ, на который рассчитывал Айдахо. *Он ненавидит своего Бога-Императора! Нет, он его боится. Но разве мы не ненавидим тех, кого боимся?*

— Почему вы в него верите?

— Вы хотите спросить, разделяю ли я народную религию?

— Нет! Я хочу знать, разделяет ли ее он сам?

— Да, я так думаю.

— Почему? Почему вы так думаете?

— Потому что он говорит, что не желает больше создавать Танцующих Лицом. Он настаивает на своем человеческом происхождении, говорит, что если бы он когда-то вступил в брак, то у него было бы обычное потомство.

— Но какое все это имеет отношение к программе и к его божественности?

— Вы спросили меня, во что он верит. Я думаю, что он верит в случай. Я думаю, что он действительно Бог.

— Но это же суеверие!

— Учитывая обстановку в Империи, это очень смелое суеверие.

Айдахо уставился на Монео горящими глазами.

— Вы проклятые Атрейдесы! — процедил он сквозь зубы. — Все-то вы осмеливаетесь.

Монео услышал в его голосе неприязнь, смешанную с восхищением.

Дунканы всегда начинают именно так.

В чем заключается принципиальное различие между нами, между вами и мною? Вы уже знаете это — разница в памяти моих предков. Мои предки являются мне во всей полноте своих осознанных воспоминаний — ваши являются вам из темного подсознания. Некоторые называют это инстинктом или судьбой. Память предков испытывает свои рычаги на каждом из нас — это касается и того, что мы думаем, и того, что мы делаем. Вы думаете, что устойчивы к таким воздействиям? Я — как Галилей. Вот я стою здесь и говорю: «И все-таки она вертится!» То, что так движется, обладает такой силой, какой не обладает ни один из смертных, даже те, кто осмеливается рисковать, Я осмеливаюсь на это.

— Будучи ребенком, она любила наблюдать за мной, помнишь? Когда она думала, что я не вижу ее, Сиона кружила вокруг меня, как пустынный ястреб, который кружит над логовом своей жертвы. Ты сам мне об этом рассказывал.

Говоря эти слова, Лето повернулся в четверть оборота, приблизив свое лицо к Монео, который ехал рядом с его тележкой.

Только-только забрезжил рассвет, они находились на Дороге, проложенной по искусственному горному хребту, соединявшему Цитадель Сарыра с Городом Праздеств. Дорога, прямая, как луч лазера, доходила до каньонов реки Айдахо и, изгинаясь широким полукругом, ныряла в скалы, пересекая реку. Воздух был насыщен влажным туманом, поднимающимся от шумно текущей вдалеке реки, но Лето был защищен от влаги большим пузырьковым покрытием, которое окружало тележку спереди. Влага причиняла организму Червя некоторые страдания, но сладостный запах пустынной растительности, которым был напоен туман, приятно щекотал человеческое обоняние Лето. Он приказал кортежу остановиться.

— Почему мы остановились, господин? — спросил Монео.

Лето не отвечал. Тележка натужно скрипнула, когда тело Червя, выгнувшись дугой, приподнялось, и Лето смог посмотреть в даль, туда, где виднелся Запретный Лес, расположенный возле Моря Кинеса. Лес серебристо блестел вдалеке справа от дороги. Дамба поднималась здесь на высоту более двух тысяч метров, чтобы защитить Сарыр от влажного ветра с моря. Со своей высоты Лето легко мог разглядеть небольшую точку — там было место, где он повелел построить Онн — Город Праздств.

— Меня остановила моя прихоть, — признал Лето.

— Мы не пересечем мост перед отдыхом? — спросил Монео.

— Я не отдыхаю.

Лето продолжал неотрывно смотреть вперед.. После нескольких аттракционов, видимых с этого расстояния, как смутные тени, дорога пересекала реку по фантастически высокому мосту, взбегала на защитный хребет и плавно опускалась к городу, казавшемуся отсюда собранием множества остроконечных шпилей.

— Похоже, этот Дункан смирился со своей участью и ведет себя разумно. Ты поговорил с ним? — спросил Лето.

— Как вы и приказывали мне, господин.

— Конечно, прошло всего-навсего четыре дня, — продолжал Лето. — Для того чтобы прийти в себя, им иногда требуется гораздо больший срок.

— Все это время он занимался с вашей гвардией, господин. Вчера они снова допоздна были в поле.

— Дунканы не любят, когда мы выезжаем на прогулки, они постоянно ждут нападения.

— Я знаю, мой господин.

Лето повернул голову и в упор посмотрел на Монео. Поверх белой формы на мажордоме был надет зеленый плащ. Он стоял возле защитного пузыря точно в том месте, где предписывал регламент подобных выездов.

— Ты очень добросовестен, Монео.

— Благодарю вас, господин.

Стражники и придворные стояли на почтительном расстоянии от тележки, ожидая продолжения движения. Большинство из них старались, чтобы не было даже похоже, что они могут услышать

хотя бы обрывки разговора Лето с Монео. То же самое делал и Айдахо. Своих Говорящих Рыб он расположил вдоль дороги в боевом охранении. Сам он стоял в отдалении и пристально смотрел на тележку. На Дункане была надета черная форма с белым шевроном — подарок Говорящих Рыб. Монео нарушил молчание:

— Им очень нравится их новый командир, он хорошо знает свое дело.

— А чем он занят, Монео?

— Как? Он охраняет вашу персону, господин.

Женщины Императорской гвардии были одеты в облегающую зеленую форму с красным ястребом Атрейдесов на левой стороне груди.

— Они очень внимательно на него смотрят, — заметил Лето.

— Он учит их боевому языку жестов; говорит, что это старая система Атрейдесов.

— Это абсолютно верно. Интересно, почему этого не сделал предыдущий Дункан?

— Господин, если этого не знаете даже вы...

— Я шучу, Монео. Предыдущий Дункан просто не замечал опасности до тех пор, пока не стало слишком поздно. Этот воспринял наши объяснения?

— Во всяком случае, мне так сказали, господин. Он очень рьяно принялся за службу.

— Почему он вооружен только ножом?

— Женщины убедили его, что лазерные ружья необходимо брать только в особых случаях и вооружать ими наиболее тренированных и подготовленных гвардейцев.

— Твои опасения безосновательны, Монео. Скажи женщинам что бояться этого Дункана еще рано.

— Как прикажет мой господин.

Для Лето было очевидно, что Дункан отнюдь не в восторге от такого большого количества придворных, и он старался держаться от них в отдалении. Ему сказали, что большинство этих людей занимаются гражданскими леммами. Почти все они были разодеты в самое лучшее, что у них было, чтобы явиться во всем блеске своего могущества перед лицом Бога-Императора. Лето понимал, какими надутыми глупцами должны были казаться эти люди Айдахо. Однако Император помнил еще худшие времена, и такое положение вещей казалось ему шагом вперед.

— Ты представил его Сионе? — спросил Лето.

При упоминании Сионы Монео нахмурил брови..

— Успокойся, она очень мне нравится, несмотря на то, что шпионит за мной.

— Она становится очень опасной, мой господин. Иногда мне кажется, что она проникает в мои самые сокровенные мысли.

— Мудрое дитя должно знать своего отца.

— Я не шучу, мой господин.

— Да, это я вижу. Тебе не кажется, что Дункан проявляет нетерпение?

— За это время они разведали дорогу почти до моста, — ответил Монео.

— Они что-нибудь нашли?

— То же самое, что и я — новый Музей фримена.

— Они подали новую петицию?

— Не гневайтесь, мой господин.

Лето снова внимательно посмотрел вперед. Необходимость пребывать на открытом воздухе, эти длительные ритуальные путешествия, предпринимаемые только затем, чтобы вселить высокий моральный дух в Говорящих Рыб, — все это очень беспокоило Лето. Да тут еще эта злосчастная петиция!

Твердым шагом к Монео подошел Айдахо и остановился возле тележки.

В движениях Дункана было что-то угрожающее. *Не может быть, чтобы так скоро*, подумал Лето.

— Почему мы остановились, мой господин? — спросил Айдахо.

— Я часто останавливаюсь здесь, — ответил Лето.

Это была истинная правда. Он обернулся и посмотрел на высокий мост. Дорога, извиваясь, шла над каньоном, затем ныряла в Запретный Лес и дальше выходила в поля над рекой. Лето часто останавливался здесь, чтобы полюбоваться восходом солнца. Сегодня в этом зрелище было что-то особенное... вид восходящего светила пробуждал в Лето давнюю память.

Поля Императорской плантации простирались за Лес, в лучи утреннего солнца играли золотыми бликами на спелых колосьях. Зерно напомнило Лето о песках, о двигавшихся дюнах, которые когда-то покрывали эту землю.

И скоро покроют опять.

Впрочем, зерно не очень походило на кремнистый янтарный песок, который он так хорошо помнил. Лето оглянулся на скалу, замыкавшую въезд в Сарыир, — эта скала много лет назад была его убежищем. Но цвет скалы разительно изменился с тех давних пор. Как бы то ни было, глядя на Город Празднеств, Лето испытывал боль, чувствуя, что его сердце превратились во что-то чуждое роду человеческому.

Чем отличается это утро, что я чувствую такую тоску по утраченной человечности? — с удивлением подумал Лето.

Из всего императорского кортежа только он один, глядя на буйную растительность, думал о *бахр бела ма*, океане без воды.

— Дункан, — обратился Лето к Айдахо. — Посмотри туда, в сторону города. Когда-то там был Танзеруфт.

— Страна Ужаса? — в глазах Айдахо мелькнуло изумление, когда он взглянул в сторону Онна и снова посмотрел на Лето.

— *Бахр бела ма*, — сказал Лето. — В течение последних трех тысяч лет он покрыт океаном растительности. Из всех ныне живущих на Арракисе только мы с тобой видели настоящую Пустыню.

Айдахо снова посмотрел в сторону Онна.

— Где же Защитный Вал? — спросил он.

— Там, где пропасть Муад'Диба, там, где мы построили Город.

— Вот эта линия небольших холмов и есть Защитный Вал? Что же с ним случилось?

— Сейчас ты стоишь прямо на нем.

Айдахо взорвался на Лето, потом посмотрел себе под ноги и, наконец, огляделся по сторонам.

— Мы двинемся дальше, мой господин? — почтительно спросил Монео.

У Монео в груди вместо сердца тикают часы — он настоящее воплощение службы, подумал Лето. Ему предстояло провести важные переговоры, встретиться с множеством посетителей и сделать еще массу важных дел. Время подгоняло его. И ему не нравилось, когда его Бог-Император начинал толковать с Дунканами, вспоминая фрименское прошлое.

Лето вдруг осознал, что на этот раз задержался в пути дольше обычного. Придворные и гвардейцы давно замерзли на свежем утреннем холодке, тем более что придворные надели одежду, предназначенную для праздника, а не для защиты от погоды.

Хотя, кто знает, подумал Лето, вероятно, для них празднество — это своеобразная форма защиты.

— Там были дюны, — произнес между тем Айдахо.

— Да, протянувшись на тысячи километров, — согласился Лето.

Мысли Монео пришли в смятение. Бог-Император отличался склонностью к рефлексии, но

мажордом никогда не видел своего господина таким грустным. Вероятно, он грустит из-за смерти предыдущего Дункана. Кроме того, иногда Лето в таком состоянии высказывал вслух свои тайные мысли. Никогда нельзя спрашивать о причинах плохого настроения владыки, но им можно и нужно воспользоваться.

Надо предупредить Сиону, подумал Монео. Если бы только юная глупышка могла меня послушать!

Мятежный дух в Сионе был очень силен, не то, что в Монео. Лето обуздал его, приучил к Золотому Путем и беспорочной службе, но методы, которыми пользовался Лето для его воспитания, не годятся для Сионы. За время службы Монео узнал о таких способах воспитания, о которых он раньше не мог и подозревать.

— Я совершенно не узнаю местность, — признался Дункан.

— Прямо там, — продолжал Лето, — где кончается Лес, начинается дорога к Расщепленной Скале.

Монео перестал прислушиваться к их голосам. *Очарование и колдовство Бога-Императора — вот что заставило меня так беззаботно ему служить.* Лето никогда не перестает удивлять и поражать. Он непредсказуем. Монео посмотрел на профиль Императора. *Во что он превратился?*

В начале своей карьеры Монео изучал секретные журналы Цитадели, читал историю трансформации Лето. Но симбиоз с песчаной форелью оставался тайной за семью печатями, и даже рассказы самого Лето не могли рассеять этого непонимания. Если верить записям, то кожа из песчаных форелей сделала тело Лето неуязвимым по отношению к времени и физическому воздействию. Ребристый корпус мог противостоять даже зарядам лазерного ружья.

Сначала песчаная форель, потом червь — это часть великого цикла, в конце которого образуется Пряность. Этот цикл помещается в теле Императора, отмечает его время.

— Давайте двигаться, — произнес наконец Лето.

Монео мучила мысль о том, что он что-то пропустил. Он вышел из задумчивости и посмотрел в улыбающееся лицо Айдахо.

— Это называется витать в облаках, — смеясь, произнес Лето.

— Простите меня, господин, — сказал Монео. — Я...

— Ты витал в облаках, — повторил Лето, — но в этом нет ничего страшного.

Лето поудобнее разместился в тележке, закрыл защитный пузырь, оставил снаружи только голову и двинул свой экипаж. Повозка начала медленно взбираться на подъем.

Айдахо поравнялся с Монео.

— Под тележкой есть воздушная подушка, но он пользуется колесами, — сказал Айдахо. — Почему он это делает?

— Господу Лето нравится использовать колеса вместо антигравитации.

— Но почему? И как он управляет этим экипажем?

— Вы его не спрашивали?

— У меня не было такой возможности.

— Императорскую повозку изготовили на Иксе.

— Что вы хотите этим сказать?

— Говорят, что Господь Лето приводит экипаж в движение, когда начинает думать об этом каким-то особым способом.

— Но точно вы не знаете?

— Такие вопросы не доставляют ему удовольствия.

Даже для близких ему людей Лето остается загадкой, подумал Монео.

— Монео, — окликнул Лето своего мажордома.

— Вам лучше вернуться к своим обязанностям, — сказал Монео, жестом направляя Айдахо в

арьергард.

— Я бы предпочел быть впереди, — возразил Дункан.

— Господь Лето не желает этого! Ступайте назад!

Монео поспешил занять свое место возле лица Лето, заметив, что Айдахо выполнил его приказ.

Лето взглянул на Монео.

— Ты очень хорошо это исполнил, Монео.

— Благодарю вас, мой господин.

— Ты знаешь, почему Дункан хочет находиться впереди?

— Конечно, ведь именно там должен находиться командир гвардии.

— Правильно, и он очень хорошо ощущает опасность.

— Я не понимаю вас, господин. Я никогда не понимаю, почему вы делаете ту или иную вещь.

— И это правильно, Монео. Так и должно быть.

Присущее женщинам чувство сопричастности является изначально семейным чувством — забота о детях, собирание и приготовление пищи, общие радости, любовь и горести. Похоронный плач — явление тоже изначально женское. Религия при своем зарождении была чисто женской монополией, она была отнята у женщин только после того, как стала мощной социальной силой. Женщины были первыми учеными-медиками и практикующими врачами. Между полами никогда не существовало явного равновесия, потому что власть обусловлена ролью точно так же, как и знаниями..

Это утро было совершенно катастрофическим для Преподобной Матери Терциус Айлин Антеак. Она прибыла на Арракис со своим Вещателем Истины Маркус Клер Луйсейал и официальной делегацией после трехчасового пребывания на корабле Гильдии, зависшем на стационарной орбите. Во-первых, они получили апартаменты на самой окраине Города Празднеств, в одном из последних домов квартала посольств. Комнаты были малы и не слишком чисты.

— Еще немного и нас поселили бы в трущобе, — сказала Луйсейал.

Во-вторых, их лишили средств связи. Экраны мониторов не зажигались, какие бы кнопки ни нажимали и какие бы диски ни вращали прибывшие.

Антеак, не скрывая гнева, обратилась к одной из Говорящих Рыб — женщине с насупленными бровями и мускулатурой грузчика.

— Я хочу обратиться с жалобой к вашему командиру!

— Во время Праздника не допускаются никакие жалобы, — хрипло ответила амazonка.

Антеак прожгла женщину горящим взглядом, но этот взгляд, от которого приходили в замешательство Преподобные Матери, вызвал у стражницы лишь улыбку.

— У меня есть приказ. Я должна оповестить вас, что ваша аудиенция у Бога-Императора отложена на последнее место в ряду аудиенций.

Большая часть делегации Бене Гессерит уже слышала об этом, и даже самые мелкие сошки прекрасно поняли, значение этой немилости. Все партии Пряности к этому времени будут уже распределены или вовсе исчерпаны.

— Сначала у нас была третья очередь, — как можно мягче и сообразуясь с обстоятельствами, сказала Преподобная Мать.

— Таков приказ Бога-Императора!

Антеак знала эту интонацию Говорящих Рыб. Дальнейшие возражения могли спровоцировать стражу на применение силы.

Какое неудачное утро, а теперь еще и это!

Антеак присела на низкий стул у стены одной из почти пустых комнат их крошечного номера. Кроме стула, в комнате была только низкая жесткая лежанка — это жилище прекрасно подошло бы для прислуги. Обшарпанные светло-зеленые стены давно не мылись, светильник был настолько стар, что его нельзя было настроить ни на какой цвет, кроме желтого. Было похоже, что раньше комната была кладовой, в ней стоял затхлый плесневый запах, черный пластиковый пол покрывали зазубрины и царапины.

Разглаживая на коленях аба, Антеак, подавшись вперед, внимательно слушала посланницу, которая, склонив в поклоне голову, стояла на коленях перед Преподобной Матерью. У посланницы были простоватые глаза, светлые волосы; лицо и шея были покрыты потом. Платье было запылено, подол заляпан грязью.

— Ты уверена, абсолютно уверена? — Антеак говорила очень мягко, почти с нежностью, чтобы успокоить бедную девушки, которая все еще дрожала от страха.

— Да, Преподобная Мать, — взгляд посланницы опустился еще ниже.

— Ты должна пройти через это еще раз, — сказала Антеак, а девушка подумала: *Мною жертвуют из-за нехватки времени. Я правильно ее поняла.*

— Как мне было приказано, я вошла в контакт с иксианцами в их посольстве и передала им ваше приветствие. После этого я поинтересовалась, нет ли у них послания, которое они хотели бы передать вам.

— Да, да, девочка! Я это знаю, скорее переходи к сути.

Посланница судорожно сглотнула.

— Представитель посольства-назвался Отхви Йак, временный глава посольства и помощник бывшего посла.

— Ты уверена, что он не Танцующий Лицом?

— Нет, в нем не было заметно никаких признаков этого, Преподобная Мать.

— Очень хорошо, мы знаем этого Йака. Можешь продолжать.

— Йак сказал, что они ожидают прибытия нового...

— Хви Нори, новый посол, она должна прибыть сегодня.

Посланница судорожно облизнула сухие губы.

Мысленно Преподобная Мать решила направить несчастное создание на более элементарный курс тренировок. Посланницы должны быть более выдержаными, хотя в данном случае извинением может служить очень щекотливое и опасное задание.

— После этого он попросил меня подождать, — продолжила посланница. — Он вышел и скоро вернулся с тлейлаксианцем, Танцующим Лицом. Я в этом уверена, присутствовали все признаки...

— Я тоже уверена, что ты не ошиблась, девочка, — сказала Антеак. — Теперь переходи... — она осеклась, в Комнату вошла Луйсейал.

— Что это такое? Я сегодня весь день только и слышу, что о посланиях от тлейлаксианцев и иксианцев.

— Сейчас вот эта девушка рассказывает мне о них. Кстати, почему меня никто не известил? — Антеак посмотрела на Вещающую Истину, думая, что Луйсейал, наверное, самая лучшая в своем деле, но слишком хорошо знает себе цену. Луйсейал была очень молода, но в ее чертах угадывалась Джессика и ее ум.

— Служанка сказала, что ты медитируешь, — мягко обратилась Антеак к Вещательнице.

— Да, — кивнула та и села на кушетку, обратившись к девушке. — Продолжай.

— Танцующий Лицом сказал, что у него есть послание для Преподобных Матерей. Он использовал множественное число — я не ослышалась.

— Он знает, что нас здесь двое, — проговорила Антеак.

— Об этом уже все знают, — вставила свое слово Луйсейал.

Антеак снова обратила свое лицо к посланнице.

— Воспользуйся состоянием транса, девочка, и перескажи нам доподлинные слова Танцующего Лицом.

Посланница кивнула, села на пятки, положила руки на колени, сделала три глубоких вдоха и заговорила писклявым голосом, произнося гласные немного в нос.

— Передайте Преподобной Матери, что сегодня к вечеру Империя избавится от своего Бога-Императора. Мы поразим его до того, как он успеет прибыть в Онн. Ошибки быть не может.

Посланница испустила глубокий вздох. Глаза ее открылись, и она взглянула на Антеак.

— Иксианец Йак порекомендовал мне поспешить назад с этим известием. Он особым образом прикоснулся к моей руке, убеждая меня в том, что не..

— Йак из наших, — сказала Антеак, — Покажи ей осознательное послание.

— К нам вошли Танцующие Лицом и поэтому нам нельзя двигаться.

Луйсейал поднялась с кушетки, и Антеак сказала:

— Я уже приняла меры по охране наших дверей. — Преподобная взглянула на посланницу. — Можешь идти, девочка, ты оказалась адекватной своей задаче.

— Слушаюсь, Преподобная Мать, — девушка выпрямилась с присущей ей грацией, но движения ее были немного скованы. Она знала нюансы речи Антеак: адекватно — это не значит хорошо.

Когда посланница вышла, заговорила Луйсейал.

— Ей стоило получше изучить посольство и узнать, скольких иксианцев заменили.

— Думаю, что это было лишнее, в ее пределах работа выполнена вполне удовлетворительно. Конечно, ей надо было узнать у Йака все подробности плана. Боюсь, что мы потеряли этот источник.

— Причины, по которой тлейлаксианцы послали нам это сообщение, совершенно очевидны, — сказала Луйсейал.

— Но они действительно хотят на него напасть.

— Да, и естественно, что так поступили бы совершеннейшие глупцы. Меня больше интересует, почему они передали именно нам это сообщение.

Антеак согласно кивнула.

— Они думают, что теперь у нас нет иного выбора, кроме как присоединиться к ним.

— А если мы попытаемся предупредить Господа Лето, то тлейлаксианцы тотчас расшифруют наших посланников и их связи.

— Но что если тлейлаксианцы добьются успеха?

— Это очень маловероятно.

— Но нам не известны детали их плана, мы можем судить только о времени его исполнения.

— Что если в этом плане принимает участие эта девушка, Сиона?

— Я уже задавала себе этот вопрос. Ты слышала полный отчет Гильдии?

— Только резюме. Этого достаточно?

— Да, вероятнее всего, достаточно.

— Будьте осторожны с термином «вероятнее всего», — сказала Луйсейал. — Никто не должен думать, будто вы — ментат.

Антеак сухо ответила:

— Я полагаю, что ты не отодвинешь меня в сторону.

— Так ты думаешь, что Сиона в своих действиях подчиняется Гильдии?

— Для этого у меня недостаточно информации. Если им верить, то она обладает сверхъестественными способностями.

— Отец Лето обладал такими способностями?

— Любой Гильд-навигатор мог спрятаться от всевидящего ока отца Лето.

— Но не от самого Лето.

— Я не слишком тщательно читала доклад Гильдии. Она не слишком сильно маскируется, и ее действия и действия окружающих ее людей...

— Она исчезает, исчезает из поля их зрения.

— Это может делать только она одна, — подчеркнула Антеак.

— Но может ли она исчезать из поля зрения Господа Лето?

— Этого они не знают.

— Хватит ли у нас смелости войти с ней в контакт?

— А почему нет? — спросила Антеак.

— Все это может оказаться пустым звуком, если тлейлаксианцы... Антеак, мы должны сделать хотя

бы попытку предупредить его.

— У нас нет подходящих средств связи, а у дверей бдительные Говорящие Рыбы. Они позволят нашим людям войти, но не выпустят их.

— Может быть, нам следует поговорить с кем-нибудь из Рыб?

— Я уже подумала об этом. Мы всегда сможем сказать, что боялись, что вместо Говорящих Рыб у наших дверей были Танцующие Лицом.

— Охрана у дверей, — процидила сквозь зубы Луйсейал. — Возможно ли, что он все знает?

— Все возможно.

— Да, это единственное, что можно определенно сказать о Господе Лето, — сказала Луйсейал.

Тихо вздохнув, Антеак поднялась со стула.

— Как я тоскую по тем временам, когда у нас было сколько угодно Пряности.

— Эта тоска всего лишь еще одна иллюзия, — сказала Луйсейал. — Надеюсь, мы хорошо усвоили урок, независимо от того, что предпримут сегодня тлейлаксианцы.

— Что бы они ни предприняли, они все сделают грубо и топорно, — проворчала Антеак. — Господи! Теперь практически невозможно найти хорошего убийцу.

— Для этого под рукой всегда есть гхола Айдахо, — сказала Луйсейал.

— Что ты сказала? — Преподобная Мать ошеломленно уставилась на подругу.

— Всегда есть...

— Да!

— Но гхола отличаются телесной медлительностью.

— Зато они очень быстры на голову.

— Что ты обо всем этом думаешь?

— Возможно, что тлейлаксианцы... Нет, даже они не могут быть настолько...

— Неужели Айдахо — Танцующий Лицом? — прошептала Луйсейал.

В ответ Антеак молча кивнула.

— Выброси это из головы, — сказала Луйсейал. — Не могут же они действительно быть настолько глупы.

— Очень рискованно высказывать суждения о тлейлаксианцах, — не согласилась с подругой Антеак. — Нам надо приготовиться к худшему. Зови сюда одну из Говорящих Рыб!

Нескончаемые войны приводят к появлению особых социальных условий, характер которых одинаков в самые разнообразные эпохи. Люди приобретают постоянную готовность к отражению опасности. У власти практически всегда находится автократия. Всякие новшества — будь то новые планеты, новые экономические идеи, новые изобретения, пришельцы — воспринимаются, как нечто враждебное, опасное и подозрительное. Феодализм держит такое общество мертвой хваткой, не важно, как называются его структуры — политбюро или как-нибудь иначе, — конкретная маска не имеет значения, но она всегда присутствует. Линия власти передается по наследству. Благосостояние народа делят между всеми наместники высшего божества. Эти люди отчетливо понимают, что наследование надо контролировать, иначе власть уплывает из рук. Теперь-то вы понимаете, в чем суть Мира Лето?

— Получили ли Бене Гессерит информацию о новой схеме? — спросил Лето.

Свита тем временем достигла первой отметки, после которой дорога поднималась в гору, — приближаясь к мосту через реку Айдахо. Солнце поднялось на четверть дуги, некоторые придворные сбросили плащи. Айдахо с небольшой группой Говорящих Рыб шел на левом фланге, на его потном обмундировании уже осела пыль. Состязаться в скорости с Императорской тележкой было нелегким делом.

Монео споткнулся, но сумел удержать равновесие.

— Да, их проинформировали, господин.

Было очень нелегко изменить ритуал приема, но Монео научился приспосабливаться к неожиданным поворотам событий во время Празднеств. У него были планы практически на все случаи жизни.

— Они все еще просят разрешения учредить постоянное посольство на Арракисе? — спросил Лето.

— Да, господин, и я дал им обычный ответ.

— Достаточно было бы и простого «нет», — произнес Лето. — Нет больше необходимости напоминать им, что мне ненавистны их религиозные притязания.

— Да, господин, — сказал Монео, стараясь держаться на положенном расстоянии от тележки. В Лето сегодня было очень много от червя. Виновата была влажность, характер Червя проявлялся больше всего именно при высокой влажности.

— Религия всегда приводит к риторическому деспотизму, — сказал Лето. — До Бене Гессерит на этой ниве больше других отличились иезуиты.

— Иезуиты, господин?

— Ты наверняка знаешь о них из курса истории.

— Не уверен в этом, мой господин. Когда они жили?

— Это неважно. Ты в достаточной степени осведомлен о риторическом деспотизме, поскольку хорошо знаешь историю Бене Гессерит. Правда, они не доводят дело до явной одержимости своим учением.

Преподобные Матери прибыли в очень неудачный для них момент, подумал Монео. Он собирается проповедовать против них, а они испытывают к этому органическое отвращение. Это может привести к серьезным осложнениям.

— Как они отреагировали на изменение протокола? — спросил Лето.

— Мне сказали, что они были разочарованы, но не стали настаивать на своем.

При этом Монео подумал: *Лучше всего подготовить их к еще большим разочарованиям, которые постигнут их, когда им не разрешат поддерживать контакты с делегациями Икса и Тлейлаксу.*

Подумав это, Монео покачал головой. Это могло привести к совершенно непредсказуемому и опасному заговору. Надо предупредить об этом Дункана.

— Это приводит к самостоятельно исполняющимся пророчествам и оправданию всякой мерзости, — продолжал между тем Лето.

— Вы имеете в виду... риторический деспотизм, мой господин? — спросил Монео.

— Да! Он прикрывает зло стенами самозваной праведности, которая не воспринимает аргументы, направленные против зла.

Монео с беспокойством смотрел, какrudименты рук совершают круговые движения, словно подтверждая слова Лето, сегментированное тело подергивалось. *Что мне делать, если Червь вдруг окончательно покинет его?* этой мысли лоб Монео покрылся холодным потом.

— Такой подход питается извращенными средствами, которые намеренно применяют для дискредитации противоположных мнений, — сказал Лето.

— Это касается всего, мой господин?

— Иезуиты называли это «укреплением основы власти». Это приводит к лицемерию, которое всегда формирует пропасть между действиями и их объяснением. Они никогда не соглашаются с противоположным мнением.

— Мне надо более тщательно ознакомиться с предметом, мой господин, — сказал Монео.

— В конечном счете власть начинает править подданными с помощью чувства вины, что приводит к охоте на ведьм и необходимости находить козлов отпущения.

— Это потрясает, мой господин.

Кортеж обогнул угол скалы, и вдалеке показался мост.

— Монео, ты внимательно следишь за моими рассуждениями?

— Да, мой господин.

— Я описываю инструмент создания основ религиозной власти.

— Я понял это, мой господин.

— Но почему ты проявляешь такой страх? Чего ты боишься?

— Разговор на религиозную тему всегда очень волнует меня, мой господин.

— Оттого ли это, что ты и Говорящие Рыбы пользуетесь властью от моего имени?

— Конечно, мой господин.

— Основы власти очень опасны, потому что привлекают к себе людей в действительности безумных, людей, которые ищут власти только ради власти. Ты понимаешь меня?

— Да, господин. Именно поэтому вы так редко удовлетворяете просьбы о назначении того или иного человека в правительство.

— Отлично, Монео!

— Благодарю вас, мой господин.

— В тени всякой религии прячется свой Торквемада, — продолжал Лето. — Ты никогда не слышал это имя. Я точно это знаю, потому что по моему приказу его изъяли из истории.

— Почему вы так поступили, мой господин?

— Он был воплощением безобразия и непристойности. Людей, которые были с ним не согласны, он превращал в живые факелы.

Монео произнес очень тихим голосом:

— То же самое произошло с историками, которые имели несчастье вызвать ваш гнев?

— Ты ставишь под вопрос целесообразность моих действий, Монео?

— Нет, мой господин!

— Очень хорошо. Эти историки умерли без мучений. Никто из них не был сожжен пламенем. Торквемада же любил посвящать своему Богу крики истязаемых жертв.

— Как это ужасно, мой господин.

Тем временем кортеж обогнул скалу, и перед людьми Раскинулся мост.

Монео еще раз внимательно присмотрелся к своему Богу-Императору. Червь не стал ближе, но все равно был слишком близок к поверхности. Монео чувствовал угрозу этого непредсказуемого присутствия, Священного Присутствия, которое могло убить без всякого предупреждения.

Мажордом содрогнулся.

Что могла означать эта странная речь? Монео знал, что Бог-Император разговаривает так с очень немногими. Это были одновременно привилегия и тяжкая обязанность. Такова была цена, которую приходилось платить за Мир Лето. Поколение за поколением шествовали железным строем, созданным этим Миром. Только в Цитадели нарушался этот непоколебимый порядок — когда некоторых Говорящих Рыб выссыпали из Цитадели для предупреждения вспышки насилия. То было предвосхищение.

Предвосхищение!

Монео взглянул на молчавшего теперь Лето. Глаза Бога-Императора были закрыты, на лице отразилось тяжкое раздумье. Это был еще один признак Червя, не предвещавший ничего хорошего. Монео задрожал.

Предвидел ли Лето вспышки собственного насилия? То было предвидение насилия, которое приводило в трепет всю Империю. Лето в таких случаях знал, как расположить гвардию, чтобы подавить возможные беспорядки. Он знал об этом еще до того, как начинался мятеж.

От одних мыслей об этом у Монео пересохло во рту. Бывали моменты, казалось Монео, когда Бог-Император мог читать самые сокровенные мысли. О нет, Лето пользовался и услугами шпионов. Иногда какие-то закутанные фигуры препровождались Говорящими Рыбами в верхний этаж башни или в крипту. Да, это были шпионы, но Монео думал, что они только подтверждали то, что и так знал Бог-Император.

Словно в подтверждение опасений Монео прозвучали слова Лето.

— Не пытайся сразу понять, о чем я думаю, Монео. Пусть понимание придет само.

— Я постараюсь, мой господин.

— Нет, не надо стараться, лучше скажи мне, объявил ли ты, что не будет никаких изменений в распределении Пряности?

— Еще нет, мой господин.

— Отложи это объявление. Я передумал. Ты же знаешь, что теперь последуют предложения взяток.

Монео вздохнул. Размеры взяток, которые ему предлагали, были настолько велики, что могли вызвать лишь смех. Но Лето продолжал удивляться таким суммам.

— Тяни время, — сказал он ранее. — Посмотри, насколько высоко поднимутся ставки. Дай понять, что не откажешься от взятки.

Кортеж обогнул еще один угол, снова открылась панорама моста. Лето спросил:

— Дом Коррино предлагал тебе взятку?

— Да, господин.

— Ты знаешь миф о том, что настанет время, когда Дом Коррино вновь обретет былое могущество и захватит власть?

— Я слышал этот миф, мой господин.

— Коррино должен быть убит. Это задание для Дункана. Мы испытаем его.

— Так скоро, мой господин?

— До сих пор все знают, что меланжа может продлить человеческую жизнь, так вот, пусть люди знают, что Пряность может ее и укоротить.

— Как прикажете, мой господин.

Монео знал, что означает такой ответ. Так Монео отвечал, когда не одобрял приказ, но не мог и возразить. Знал он и то, что Господь Лето прекрасно это понимает и немало забавляется упрямством мажордома. Эта насмешка больно ранила Монео, причиняя ему страдание.

— Не будь со мной нетерпелив, Монео, — сказал Лето.

Монео подавил в себе чувство горечи. Горечь несла с собой непоправимый вред. Горечь — это то чувство, которое движет мятежниками. Дунканы перед смертью начинали испытывать это чувство.

— Время для меня имеет иное значение, чем для вас, мой господин, — сказал Монео. — Я бы хотел понимать смысл того, что я делаю.

— Ты имеешь право хотеть, но не будешь понимать.

Монео услышал в голосе повелителя недовольный упрек и замолчал, начав размышлять о проблемах меланж и Лето не слишком часто говорил о Пряности, обычно его речи касались распределения Пряности между подданными в виде награды или изъятия незаконных партий Пряности, когда в места таких хранилищ посыпали команду Говорящих Рыб. Самые большие запасы меланжи находились в распоряжении Лето и находились где-то под землей. В первые дни своей службы Монео в глухом капюшоне посетил этот склад. Когда ему позволили снять капюшон, он увидел огромные количества Пряности, испускающей сильный запах корицы. Единственное, что понял Монео, — это то, что склад находится под землей. Вырубленное в скале помещение освещалось старинными светильниками, выполненнымными в виде ажурных арабесок. Пряность отливалась синим цветом в серебристо-белом свете древних ламп. Поблизости со стен капала вода. Голоса Монео и Лето гулким эхом отдавались под сводами каменного зала.

— Наступит день, когда все это исчезнет, — сказал Господь Лето.

— Но что же тогда будут делать Гильдия и Бене Гессерит? — спросил потрясенный Монео.

— То же, что они делают сейчас, но с еще большим насилием и яростью.

Оглядев гигантскую комнату с огромными запасами меланжи, подумал о тех событиях, которые сотрясали то время Империю — кровавые убийства, пиратские набеги, шпионаж и интриги. Бог-Император не допускал до худшего, но то, что происходило, было тоже достаточно скверно.

— Это искушение, — прошептал Монео.

— Да, это действительно искушение.

— И больше никогда не будет меланжи, мой господин.

— Настанет день, когда я снова вернусь в песок. Тогда я стану источником Пряности.

— Вы, мой господин?

— Да, и кроме того, я произведу нечто еще более замечательное — песчаную форель — гибрид, который будет питать размножающихся червей.

Дрожа от такого откровения, Монео уставился на смутную тень Бога-Императора, который говорил о небывалых чудесах.

— Песчаные форели, — говорил между тем Лето, соединяясь между собой и образуют воздушные пузырьки, которые запрут воду глубоко под землей, так же, как было во времена древней Дюны.

— Всю воду, мой господин?

— Большую часть. Через триста лет здесь снова будет править Червь. Клянусь тебе, это будет новый тип Червя.

— Каким же он будет, мой господин?

— Он будет обладать сознанием животного и умом человека. Пряность станет опасно искать и еще опаснее хранить.

Монео оглядел потолок вырубленного в скале зала, словно он хотел попробовать на прочность многометровую толщу каменной породы.

— Здесь снова все превратится в пустыню, мой господин?

— Песок заполнит русла рек. Урожай погибнет. Деревья будут погребены под песчаными дюнами. Песчаная смерть будет распространяться до тех пор... до тех пор, пока на опустевшей земле не прозвучит тихий сигнал.

— Какой сигнал, мой господин?

- Сигнал начала нового цикла, прихода Делателя, приход Шаи-Хулуда.
- Это будете вы, мой господин?
- Да, Великий Червь Дионы снова поднимется из глубин. Эта страна снова станет владением Пряности и Червя.
- Но что будет с людьми, мой господин? Что будет с людьми?
- Многие умрут. Сельскохозяйственные растения и вообще всякая растительность погибнут. Без питания падет и скот.
- И на этой земле настанет голод, мой господин?
- Недоедание и давно забытые болезни начнут поражать эту землю. Выживут самые крепкие... и самые жестокие.
- Но неужели это обязательно должно произойти, мой господин?
- Альтернатива еще хуже.
- Но что это за альтернатива, мой господин?
- Со временем ты узнаешь и это.

Идя сейчас рядом с Императором этим утренним паломничеством в Онн, Монео думал о том, что теперь-то он действительно знает об альтернативе, страшной альтернативе.

Как и большинство образованных жителей Империи, Монео знал, что твердые знания, которыми он обладает, находятся в Устном Предании, мифах и диких фантастических историях, которые рассказывали время от времени появляющиеся на отдельных планетах пророки, за которыми какое-то короткое время шли немногочисленные последователи.

Правда, сейчас Монео знал, чем занимаются Говорящие Рыбы.

Знал он также о злых людях, которые, сидя за обильной трапезой, наслаждались криками подвергаемых пыткам жертв.

Все это продолжалось до того, как Говорящие Рыбы не прекратили эти безобразия.

— Мне очень нравится, как твоя дочь следит за мной, — сказал Лето. — Она совершенно не догадывается, что мне все известно.

— Господин, я очень боюсь за нее. Она — моя кровь, моя...

— Моя тоже, Монео. Разве я не Атрейдес? Ты бы принес больше пользы, если бы боялся за себя.

Монео опасливо посмотрел на тело Бога-Императора. Признаки Червя надвигались все ближе и ближе. Монео оглянулся на кортеж. Он двигался в крутой ложбине, по коротким аркам, вырубленным в рукотворной скале, сложенной для защиты Сарыира от влаги.

— Сиона нисколько не задевает меня, Монео.

— Но она...

— Монео! Здесь, в одной из таинственных оболочек, хранится величайшая тайна жизни. Мне больше всего на свете хочется не потерять способность удивляться, удивляться новому.

— Господин, я...

— Новое! Разве это не блестящее, не чудесное слово?

— Да, если вы так считаете, господин.

Монео — это мое создание, я создал его, напомнил себе Лето.

— Нет такой цены, которой я бы не заплатил ради твоего дитя, Монео. Ты порицаешь ее товарищей, но среди них может найтись один, которого она полюбит.

Монео непроизвольно посмотрел на Айдахо, который маршировал впереди своей гвардии. Проницательным взглядом он ощупывал дорогу впереди себя. Ему не нравилось это место, со всех сторон ограниченное высокими стенами и откуда можно было в любой момент ждать нападения. Айдахо послал разведчиков в горы еще ночью, и Монео знал, что многие из них до сих пор

находятся там, на вершинах. Но, кроме гор, было множество лощин и оврагов, спускавшихся к реке, на которые просто не хватало личного состава.

— Мы будем зависеть от фрименов, — уверено сказал Монео Айдахо.

— От фрименов? — переспросил Айдахо. Ему не нравились постоянные напоминания о Музее фримена.

— По крайней мере, они могут предупреждать нас о появлении чужаков.

— Ты видел их и просил об этом?

— Конечно.

Монео не осмелился поделиться с Айдахо своими мыслями о Сионе. Для этого найдется время и позже, но сейчас Бог-Император сказал очень тревожную вещь. Неужели у него изменились планы?

Монео снова обратил свое внимание на Бога-Императора и понизил голос:

— Полюбит своего товарища, мой господин? Но ведь вы говорили, что Дункан Айдахо...

— Я же сказал «полюбит». Речь идет не о селекции!

Монео задрожал, вспомнив, как происходило его скрещивание...

Нет, об этом лучше не вспоминать!

Тогда было и увлечение, и любовь... но это было позже, а в первые дни...

— Ты опять витаешь в облаках, Монео.

— Простите меня, мой господин, но когда вы говорите о любви...

— Ты полагаешь, что я не способен испытывать нежность?

— Дело не в этом, мой господин, но...

— Ты думаешь, что у меня нет памяти о любви и скрещивании? — Тележка угрожающе приблизилась к Монео заставив того отпрыгнуть в сторону. Мажордом был по-настоящему испуган горящим взглядом Лето.

— Господин, я прошу вас...

— Это тело действительно не может испытывать нежность, но вся моя память со мной!

Монео понял, что червь начинает доминировать в теле Бога-Императора, понимание его действий ускользало от Монео.

Надо мной нависла серьезная опасность, подумал он. Мы все находимся в опасности.

Монео прислушивался теперь к каждому звуку, к скрипу Императорской тележки, покашливаниям и голосам придворных, к шагам на дороге. От Бога-Императора потянуло корицей. Расщелина рукотворной скалы хранила утренний холод и была напитана речной влагой.

Неужели эта влажность дразнит червя в Императоре?

— Послушай меня, Монео, слушай меня так, словно от этого зависит твоя жизнь.

— Я слушаю вас, мой господин, — прошептал Монео.

Он понимал, что теперь его жизнь зависит не только от внимания, но и от способности наблюдать.

— Часть моей сути живет внутри меня своей обособленной жизнью и не подчиняется моим мыслям, — сказал Лето. — Эта часть реагирует, и все. Она не размышляет и не рассуждает логически.

Монео кивнул, продолжая рассматривать глаза Лето. Не вспыхнут ли они сейчас гневом?

— В таких случаях я бываю принужден отстраниться и просто наблюдать за своими действиями, — продолжал Лето. — Такая реакция может причинить тебе смерть. Выбор не принадлежит мне. Ты слышишь?

— Я слышу, мой господин, — прошептал Монео.

— В таком событии отсутствует произвольный разумный выбор! Ты просто это принимаешь, просто принимаешь как данность. Это невозможно ни понять, ни предотвратить. Что ты на это скажешь?

— Я боюсь неизвестности, господин.

— А я не боюсь. Попробуй сказать почему!

Монео давно ждал этого кризиса и теперь, когда он наконец наступил, испытал странное облегчение. Он понимал, что жизнь его зависит от ответа, который он сейчас даст.

— Это потому, что у вас есть огромная память, мой господин.

— Да?

Это был, конечно, неполный ответ, и Монео стал лихорадочно подыскивать слова.

— Вы видите все, что мы знаем... все и сразу. Все, что когда-то было неизвестным! Удивление для вас... удивление может вызвать только то, что вы узнали впервые. Так?

Произнося эти слова, Монео понял, что защитился вопросительным знаком там, где должно было прозвучать простое утверждение. Однако Бог-Император только улыбнулся.

— За такую мудрость я хочу сделать тебе подарок, Монео. Чего ты хочешь?

Внезапное облегчение не принесло с собой ничего, кроме новых страхов и опасений.

— Могу я снова привезти Сиону в Цитадель?

— Это заставит меня раньше подвергнуть ее испытанию.

— Ее надо разлучить с ее товарищами-мятежниками, мой господин.

— Очень хорошо.

— Вы очень милостивы, мой господин.

— Нет, напротив, я очень эгоистичен.

Бог-Император отвернулся от Монео и погрузился в молчание.

Глядя на его сегментированное тело, Монео заметил, что признаки червя стали пропадать. Это было неплохо. Потом он вспомнил о петиции фрименов, и страх вспыхнул в нем с новой силой.

Это была ошибка. Они только снова возбудят его. Зачем я сказал, что они могут подать петицию?

Фримены ждут их впереди на дороге, переправившись на эту сторону реки со своими дурацкими бумажками и приветственно размахивая руками.

Монео шел рядом с тележкой и с каждым шагом все лучше и лучше понимал, что он наделал.

Здесь ветры несут песок; и там ветры несут песок. Там ждет богач; здесь ожидаю я.

Отчет Сестры Ченоу, найденный среди документов после ее смерти.

«Я повинуюсь как своим обязанностям в Бене Гессерит, так и приказам Бога-Императора, поэтому я изъяла эти слова из моего официального отчёта и спрятала их в надежном месте для того, чтобы они были найдены после того, как меня не станет. Ибо Господь Лето сказал мне: „Ты вернешься к своим руководителям с моим посланием, но сейчас эти слова нельзя обнародовать. Если у тебя не получится это сделать, то мне придется обрушить свою ярость на Общину Сестер“.

Об этом же предупреждала меня Преподобная Мать Сипкса перед моей поездкой к Лето: „Ты не должна делать ничего, что навлекло бы на нас его гнев“.

Пока я шла около Господа Лето во время его короткого паломничества в Онн, о котором я уже рассказывала, я решилась спросить о его сходстве с Преподобной Матерью. Я сказала:

„Мой господин, я знаю, что наша Преподобная Мать обладает памятью своих предков и многих других. Расскажите, как это было у вас“. Лето ответил: „Так получилось в результате взаимодействия генетической памяти и Пряности. Моя сестра Ганима и я были разбужены еще во чреве матери, разбуженные до рождения присутствием нашей предковой памяти“».

— Мой господин... в нашей общине это явление называют Мерзостью.

— Правильно называют, — произнес на это Господь Лето, — Количество предков в памяти способно подавить любого, и кто может знать, какая сила будет распоряжаться событиями и этой массой — добро или зло?

— Господин, как тебе удалось преодолеть эту силу?

— Я не преодолел ее, — ответил Господь Лето. — Нас с Ганимой спасла фараонская модель управления. Тебе известна эта модель, Сестра Ченоу?

— Мы в Общине прилежно изучаем историю, господин.

— Да, но вы не думаете над ней так, как думаю я, — сказал Господь Лето. — Я говорю о болезни правления, которой заразились греки и передали ее римлянам, которые наградили ею весь мир; так что эта болезнь никогда не исчезала.

— Мой господин предпочитает говорить загадками?

— Нет. Я ненавижу эту модель, но она спасла нас. Гани и я создали могущественный союз с теми из наших предков, которые в своей деятельности придерживались фараонского образа правления. Они помогли нам создать общность со всей этой спящей до поры ордой.

— Меня очень беспокоит это, господин, и лишает сна.

— И это правильно — так и должно быть.

— Почему вы говорите мне это сейчас, господин? Вы никогда не отвечали никому из нас такой откровенностью, во всяком случае, мне об этом ничего не известно.

— Потому что ты умеешь хорошо слушать, Сестра Ченоу; потому, что ты подчиняешься мне, и потому, что я никогда больше тебя не увижу.

Сказав мне эти странные слова, Господь Лето спросил:

— Почему ты не поинтересовалась тем, что ваша Община Сестер называет моей *безумной тиранией*?

Ослепев от его поощрительной манеры разговора, я сказала:

— Господин, мы знаем о некоторых ваших кровавых казнях. Они очень беспокоят нас.

И тут Господь Лето сделал одну очень странную вещь. Он закрыл глаза и спросил:

— Я знаю, что вас учат дословно и надолго запоминать слова, которые вы услышали в вашем сознании. Поэтому я сейчас рассматриваю тебя, как чистую страницу, на которой я пишу свои слова. Сохрани эти слова, я не хочу, чтобы они были утрачены.

Я заверяю свою Общину Сестер, что то, что я пишу дальше, есть доподлинные слова Господа Лето:

«Я определенно знаю, что, когда я перестану физически присутствовать среди вас, меня будут задним числом считать животным, лишенным человечности, страшным порождением Пустыни, на меня будут смотреть, как на тирана».

Это достаточно честно. Я действительно был тираном.

Тиран — это не только человеческое понятие, он не безумец — он просто тиран. Но даже вполне заурядные тираны имеют мотивы поступков, у них есть чувства помимо тех, которые приписывают им придворные историки. Но обо мне будут вспоминать, как о великом таране. Поэтому мои чувства и мотивы сохранятся в более водном виде, пока их окончательно не извратят историки. У истории есть способы возвеличивать некоторые характеры и отбрасывать другие.

Люди постараются понять меня и втиснуть в какие-то привычные для себя рамки. Они будут искать истины. Но истина всегда несет на себе отпечаток двойственности слов, которыми ее пытаются выразить.

Вы не сможете меня понять. Чем сильнее вы будете стараться, тем больше будете вы удаляться от истины, пока наконец я не превращусь в вечный миф о живом Боге!

Вот так обстоят дела. Я не вождь и не поводырь. Я — Бог. Я отличаюсь от вождей и поводырей Бог не несет ответственности ни за что, кроме бытия. Бог принимает все и, таким образом, не принимает ничего. Бога надо определить, но он все равно остается безымянным. Бог не нуждается в духовном мире. Мой дух живет во мне и отвечает на мои малейшие движения. Я делясь с вами только потому, что это доставляет мне удовольствие — делиться с вами тем, чему научил меня мой дух. Именно он и есть моя истина.

Берегись истины, дорогая Сестра. Хотя многие искали ее, истина может оказаться опасной для того, кто это делает. Гораздо легче поверить в миф или умиротворяющую и ободряющую ложь. Если вы найдете истину, пусть даже временную, она может потребовать, чтобы вы совершенно изменили свой образ жизни. Спрятите истину за словами. Тоща вас защитит естественная двойственность языка. Слова воспринять гораздо легче, чем дельфийские пророчества. С помощью слов можно кричать свою истину хором.

Но почему никто не предупредил меня об этом?

Я предупредил тебя. Я предупредил тебя примером, а не словами.

Слова неизбежно избыточны. Ты и сейчас записываешь их в своей замечательной памяти. Настанет день, когда люди обнаружат мои записки — в них тоже всего-навсего слова. Бессловесные движущие причины страшных событий лежат непосредственно под их поверхностью. Я предупреждаю тебя, что чтение моих слов может тебе повредить. Будь глухой! Нет никакой необходимости слышать, нет нужды ничего запоминать. Как успокаивает человека способность забывать, но как она опасна!

Такие слова, как мои, давно считаются обладающими таинственной силой. Существует тайное знание, которое можно использовать для управления забывчивыми. Моя истина — это содержание мифов и лжи, с помощью которых тираны манипулировали массами в своих корыстных целях.

Видишь, я поделился с тобой всем, даже величайшей тайной, тайной, с помощью которой я построил свою жизнь. Я открыл тебе эту тайну обычными словами: «Единственное прошлое, котороеечно пребывает внутри тебя, — бессловесно».

Бог-Император замолчал. Я осмелилась спросить его: «Это все слова, которые велит сохранить в памяти мой господин?»

— Да, это все слова, — ответил он, и мне показалось, Что он стал очень грустным и обескураженным. Казалось, этими словами он высказал свое последнее завещание. Я припомнила, что он сказал, что не увидит меня больше никогда в жизни, меня охватил страх, но я была очень благодарна моим учителям за тренировку — страх не от разился на звучании моего голоса.

— Господь Лето, — сказала я, — для кого предназначены те записки, о которых вы говорите?

— Для потомков, которые будут жить по прошествии тысячелетий. Я персонализирую своих скрытых во тьме будущего читателей, Сестра Ченоу. Я думаю о них, как о дальних родственниках, которые проявят любопытство к истории своей семьи. Они будут гореть желанием открыть для себя драмы, о которых могу поведать Только я. Они захотят связать эти драмы со своей жизнью. Они захотят смысла, а не слов, они будут жаждать истины!

— Но вы же сами предупредили меня об опасности истины, господин, — сказала я.

— Да, это так. Вся история — это разрушительный инструмент в моих руках. О, я накопил в себе

столько прошлого, столько фактов — но эти факты изменятся, когда я стану употреблять их по своему усмотрению. Что я говорю тебе сейчас? Это дневниковая запись, то есть опять-таки слова.

Господь Лето снова замолчал. Я взвесила содержание его слов, сравнила их с предупреждениями Преподобной Матери Сиаксы и с тем, что говорил мне Бог-Император. Он сказал, что я — его вестник, и поэтому я почувствовала себя под его защитой и могу осмелиться на большее, нежели другие. Поэтому я спросила:

— Господь Лето, вы сказали, что больше не увидите меня. Означает ли это, что вы скоро умрете?

Я клянусь истинностью своего отчета — Господь Лето рассмеялся в ответ на мои слова! Потом он сказал:

— Нет, уважаемая Сестра, умрешь ты. При этом ты не станешь Преподобной Матерью. Не надо печалиться по этому поводу и связывать этот факт с твоим пребыванием здесь, ибо то, что ты будешь моей посланницей, сохранишь мои слова для потомства, даст тебе нечто гораздо большее. Ты станешь интегральной составляющей моего мифа. Наши будущие родственники будут молиться на тебя за то, что некогда ты встретилась со мной.

Господь Лето снова рассмеялся, но это был добрый смех, и он тепло улыбнулся мне. Мне очень трудно выразить это словами с той точностью, на которую претендует данный отчет, но дело в том, что, когда Господь Лето произнес свои ужасные слова, я почувствовала, что нас с ним связывают неразрывные дружеские узы, словно эти узы имеют физическую природу, связывая нас так, что это невозможно выразить никакими словами. Только в этот момент я поняла, что такое бессловесная истина. Это произошло, и у меня нет слов, чтобы это описать.

Примечание архивариуса

На фоне тех великих событий, которые имели место, данный отчет представляет собой не более чем заметки на полях Истории, интересные только тем, что являются одними из самых ранних свидетельств существования записок Лето. Для тех, кто пожелает ознакомиться с отчетом Сестры Ченоу, приводим ссылку на архивную запись: *Ченоу, Святая Сестра Квинтиниус Виолет: Отчет Ченоу, и Непереносимость меланжи, медицинские аспекты*.

(Примечание: Сестра Квинтиниус Виолет Ченоу умерла на пятьдесят третьем году своего членства в Общине Сестер. Причина смерти приписывается непереносимости Пряности, которую она принимала в попытке достичь статуса Преподобной Матери).

Наш предок, Ассур-назир-апли, жесточайший из жестоких, захватил трон, убив для этого собственного отца, и начал править мечом и кровью. Он завоевал область озера Урумия, что открыло ему путь в Коммоген и Хабур. Его сын обложил данью Шуйтес, Тир, Сидон, Джебель, его подданным стал даже Йегу, сын Омри, чье имя внушало страх тысячам людей. Завоевания, начатые Ассуром-назир-апли привели его армии в Мидию, а оттуда в Израиль, Дамаск, Едом, Арпад, Вавилон и Умилу. Кто помнит теперь эти географические названия? Я и так сделал достаточно намеков; попробуйте теперь угадать, что это за планета.

Воздух был особенно густым на том отрезке Королевской Дороги, который заканчивался плоской площадкой, ведущей к мосту через реку Айдахо. Поворачивая направо, дорога выходила за пределы огромной рукотворной скалы. Идя рядом с Императорской тележкой, Монео смотрел на вымощенную ленту дороги, взбегающую на гребень горы и переходящую в стальные, казавшиеся кружевными, конструкции моста, до которого оставалось еще около километра.

Река, глубоководная в расселине, делала резкий изгиб и, пройдя каскад из нескольких водопадов, уходила вправо, к дальней оконечности Запретного Леса, где отвесные скалы упирались своими подножиями в берега. В этом предместье Онна находились благоухающие сады, поставлявшие фрукты для населения города.

Монео смотрел на реку. Вершина каньона освещалась ярким утренним солнцем, а остальное русло нежилось в тени, монотонность которой нарушали лишь серебристые брызги водопадов.

Дорога ярко сияла в лучах утреннего солнца, а овраги, спускавшиеся к ней с обеих сторон, зияли узкими черными тенями, словно стрелы, указывающие верный путь. Идти по дороге было уже довольно жарко, в воздухе дрожало знойное марево, предупреждая наступающий день.

Мы точно успеем в город до наступления жары, подумал Монео.

Он трусцой бежал по дороге, проявляя усталое терпение, как и всегда в этом месте. Взгляд его остановился на оврагах — в одном из них ждут музейные фримены со своей петицией — так он, во всяком случае, договорился с ними. Теперь их уже не остановить, а в Боге-Императоре все больше и больше проявлялись черты червя.

Лето услышал фрименов намного раньше, чем Монео.

— Прислушайся! — приказал Император.

Монео превратился в слух.

Лето перекатил свое длинное тело по дну тележки, выпрямил спину и, открыв защитный пузырь, стал внимательно вглядываться вперед.

Монео прекрасно понимал, что происходит. Лето, чувства которого были намного сильнее, чем у любого из смертных, ощущал впереди источник беспокойства. Фримены начали продвигаться к дороге. Монео позволил себе отстать от тележки на один шаг, продолжая двигаться за ней на положенной дистанции. В этот миг он и услышал приближение людей.

Послышался шорох гравия.

Появились первые фримены, выходящие из расселин и оврагов по обеим сторонам дороги приблизительно в ста метрах впереди кортежа.

Дункан Айдахо, опередив своих гвардейцев, догнал Монео.

— Это фримены? — спросил Айдахо.

— Да, — ответил мажордом и заметил, что Лето прижал тело ко дну тележки.

Музейные фримены собрались на дороге компактной группой и сбросили с себя плащи, под которыми были надеты красно-пурпурные наряды. Монео едва не задохнулся. Фримены были одеты как паломники — под цветной одеждой угадывались черные рубашки. Те, кто был на переднем плане, держали в руках свернутые трубкой бумажные листки. Они размахивали свитками, а вся группа принялась петь и приплясывать, продвигаясь в направлении придворного кортежа.

— Петиция, господин! — кричали первые. — Выслушай нашу петицию!

— Дункан! — крикнул Лето. — Очисти от них дорогу!

Голос Лето не успел затихнуть, как сквозь толпу придворных вперед ринулись Говорящие Рыбы —

выполнять приказ своего Бога. Айдахо подал знак к атаке и сам бросился навстречу приближающейся толпе. Гвардейцы построились фалангой, во главе которой встал Дункан.

Лето одним ударом смял воздушный пузырь и, ускорив движение тележки, закричал громовым голосом: «Убирайтесь вон! Убирайтесь!» Музейные фримены, видя, что вперед двинулись гвардейцы, а тележка начала набирать скорость, расступились, освободив середину дороги. Монео, принужденный бежать рядом с повозкой, с изумлением увидел, что фримены нагло нарушают всю программу подачи петиции.

Толпа поющих речитатив фрименов вдруг словно по команде сбросила пестрые одеяния, оказавшись в один миг в точно такой же черной форме, какую носил Айдахо.

Что они делают? — в ужасе подумал Монео.

Он не успел додумать до конца свою мысль, как увидел, что лица фрименов словно тают и превращаются в одно лицо — лицо Дункана Айдахо.

— Лицеделы! — дико крикнул кто-то.

Лето тоже был захвачен вихрем стремительно развивающихся событий, топотом множества ног по дороге, воинскими командами, под которые Говорящие Рыбы строились в фалангу. Разогнав тележку, Лето вплотную приблизился к гвардейцам, зазвенел звонок, заревел клаксон Императорской тележки, сбив с толку даже некоторых Говорящих Рыб, которых тренировали, вырабатывая привычку к этому шуму.

В этот миг просители отбросили в сторону плащи, и их лица замерзали необыкновенным сходством с лицом Айдахо. Лето услышал крик: «Танцующие Лицом!» и даже узнал голос — это кричал клерк из императорской бухгалтерии.

Первой реакцией Лето было изумление.

Гвардейцы сошлись с Танцующими Лицом. Пение сменилось кликами сражающихся. Лето узнал боевой клич тлейлаксианцев. Плотное кольцо Говорящих Рыб сомкнулось вокруг одетого в черную форму Айдахо. Женщины выполняли приказ Лето, который велел им беречь своего командира в бою.

Но как они смогут отличить его от остальных?

Лето резко остановил свою повозку. Отсюда он ясно видел Говорящих Рыб, которые яростно работали своими дубинами. Солнце сверкало на клинках отравленных ножей. Раздавался резкий скрежещущий звук выстрелов лазерных ружей. Этот звук бабушка Лето описывала, как «самый страшный звук в нашей вселенной». Из передних рядов воинов доносились хриплые яростные крики.

Лето среагировал на первые же выстрелы ружей. Он повернул тележку с дороги направо, снял ее с колес и поставил на шагающую подвеску и направил ее в гущу Танцующих Лицом, стараясь отыскать слабое место в их боевых порядках. Описывая короткие дуги, Лето начал поражать нападавших слева, ощущая соприкосновение металла с живой плотью. От этих ударов полилась кровь. Лето направил тележку в овраг, потом поднялся по его зубчатой стене наверх, на наблюдательный пункт, где он и остановился, будучи вне досягаемости огня ручных лазерных ружей.

Какой сюрприз!

Все огромное тело Бога-Императора сотрясалось от неудержимого хохота. Изумление его постепенно улеглось.

Со своего места Лето хорошо видел мост и поле битвы. Тела лежали повсюду, даже в оврагах. На трупах были роскошные одежды придворных, форма Говорящих Рыб, окровавленные черные мундиры Танцующих Лицом. Уцелевшие придворные столпились подальше от сражающихся. а Говорящие Рыбы сновали между телами и наносили поверженным врагам удары ножами, чтобы убить их наверняка.

Лето напряженно искал взглядом черную форму Айдахо, но не мог найти. Ни одной стоящей на ногах фигуры в черном! Лето на мгновение растерялся, потом разглядел группу Говорящих Рыб среди толпы придворных, а среди женщин фигуру обнаженного мужчины. *Совершенно голого!*

Это был Дункан! Голый! Ну конечно! Дункан Айдахо без формы не был Танцующим Лицом.

Лето снова охватил приступ смеха. Какое это было потрясение для атакующих. Они, очевидно, не были готовы к такому повороту событий.

Лето спустился на дорогу, вновь поставил тележку на колеса и покатился по мосту. Он пересекал мост с ощущением чего-то уже виденного, воскресив в памяти воспоминания о тысячах мостов, служивших полем битвы и усеянных трупами. Освободив мост и вырвавшись из кольца своих гвардейцев, Дункан бегом бросился к тележке, отталкивая ногами трупы и огибая их на ходу. Лето остановил тележку и ждал, когда Айдахо подбежит к нему. Начальник Говорящих Рыб был похож на греческого воина-вестника, который спешит принести царю сообщение о победе над неприятелем. Исторические факты переполнили память Лето.

Айдахо резко остановился возле тележки. Лето открыл пузырь.

— Танцующие Лицом, все как один, будь они прокляты! — едва переведя дух, прокричал Дункан.

Не пытаясь скрыть удивления, Лето спросил:

— Чья это была идея раздеться?

— Моя! Но они не дали мне сражаться!

Монео подбежал к тележке вместе с группой гвардейцев. Одна из Говорящих Рыб бросила Айдахо синий плащ Говорящей Рыбы, крикнув при этом:

— Мы стараемся найти целый комплект обмундирования на каком-нибудь трупе.

— Я разорвал свою форму, — пояснил Дункан.

— Ускользнул ли кто-нибудь из Танцующих Лицом? — спросил Монео.

— Ни один, — ответил Айдахо. — Я признаю, что женщины — хорошие бойцы, но почему они не дали мне вмешаться...

— Потому что по уставу они обязаны тебя защищать, — сказал Лето. — Они всегда защищают самое ценное...

— Четверо из них погибли, не пуская меня в схватку! — возмутился Айдахо.

— Всего мы потеряли около тридцати человек, господин, и подсчет еще не окончен, — сказал Монео.

— Сколько было Танцующих Лицом? — спросил Лето.

— Похоже, что их было около пятидесяти, господин, — ответил Монео. Лицо его было озабочено.

Лето усмехнулся.

— Над чем вы смеетесь? — гневно Спросил Айдахо. — Больше тридцати наших людей...

— Но как же неумелы были тлейлаксианцы, — проговорил Лето. — Вы не можете себе представить, что каких-нибудь пятьсот лет назад они были бы намного эффективнее и намного опаснее. Трудно себе представить, что они разыграли бы этот пошлый и глупый маскарад. И они не смогли предугадать твой блестящий ответ!

— У них были лазерные ружья, — сказал Айдахо.

Лето развернул передние сегменты своего массивного корпуса и указал на отверстие, прожженное в куполе балдахина, — края отверстия были оплавлены.

— Есть еще несколько попаданий внизу, — сказал он. — По счастью, не были задеты подвеска и колеса.

Айдахо с удивлением взирался на отверстие — оно находилось на одном уровне с телом Лето.

— Они не попали в вас? — спросил он.

— Попали, — ответил Лето.

— Так вы ранены?

— Лучи лазера для меня безвредны, — солгал Лето. — Когда у нас будет время, я это продемонстрирую.

— Но для меня они не безвредны, — сказал Айдахо, — и для моих гвардейцев тоже. Мы должны получить защитные пояса.

— Защитные палевые пояса запрещены в Империи — ответил Лето. — Их ношение карается смертью.

— Защита — это большой вопрос, — вмешался в разговор Монео.

Айдахо, решив, что Монео спрашивает о том, что такое защитный пояс, охотно пустился в объяснения.

— Пояс образует силовое защитное поле, которое отталкивает от себя любой объект, который входит в него на опасной скорости. Но у этой защиты есть один существенный недостаток. Если силовое поле пересекается с лучом лазера, то в результате происходит взрыв, равный по мощности взрыву водородной бомбы, и этот взрыв поражает как атакующего, так и его цель.

Монео недоуменно взглянул на Айдахо, и тот утвердительно кивнул.

— Так что я хорошо понимаю, почему они запрещены, — продолжал Айдахо. — Полагаю, что Великая Конвенция относительно атомного оружия до сих пор действует.

— Действует, и даже лучше с тех пор, как мы выявили запасы атомного оружия у некоторых Семейств, изъяли его и переправили в безопасное место, — сказал Лето. — Но, думаю, что сейчас не время обсуждать подобные проблемы.

— Но мы можем обсудить более насущную проблему, — не сдавался Айдахо. — Сейчас мы выйдем на открытое место. Это очень опасно, и мы должны...

— Это традиция, и мы не станем ее нарушать, — отрезал Лето.

Монео склонился к уху Дункана:

— Ты начинаешь раздражать Господа Лето, — сказал мажордом.

— Но...

— Ты понял, насколько легче контролировать население, которое передвигается пешком? — спросил Монео.

Айдахо, только теперь все поняв, резко повернулся и посмотрел в глаза Монео.

Воспользовавшись паузой, Лето отдал необходимые распоряжения.

— Монео, позаботься, чтобы здесь не осталось никаких следов нападения, ни одного пятнышка крови, ни обрывков одежды — ничего.

— Слушаюсь, господин.

Айдахо повернулся на шум и увидел, что все, кто уцелел, даже те, кто был ранен и перевязан на скорую руку, подошли ближе, чтобы слышать разговор.

— Вы все, — обратился к ним Лето, — не должны никому рассказывать о том, что здесь произошло. Пусть об этом волнуются тлейлаксианцы, — он посмотрел на Айдахо.

— Дункан, каким образом в этот район проникли лицеделы, ведь здесь должны были находиться лишь музейные фримены?

Айдахо непроизвольно взглянул на Монео.

— Господин, это моя вина, — сказал тот. — Это я отвечал за фрименов, которые должны были подать вам свою петицию. Я уверил в этом Дункана Айдахо.

— Я хорошо помню о том, что ты упоминал о петиции, — произнес Лето.

— Я думал, что это позабавит вас, господин.

— Петиции меня не забавляют, а раздражают. И особенно меня раздражают петиции от людей, которые в моей схеме существуют только для того, чтобы сохранить Древние формы жизни.

— Господин, вы сами столько раз говорили, что эти Паломничества вызывают у вас непреодолимую скуку...

— Я совершаю эти паломничества отнюдь не для того, чтобы разгонять скуку этих ряженых!

— Мой господин?

— Эти музейные фримены ничего не смысят в древнем образе жизни. Они хороши только в соблюдении внешней обрядности. Это, естественно, нагоняет на них страшную скучу, и они подают разнообразные петиции только для того, чтобы потешиться некоторым разнообразием. Вот что меня раздражает. Я не допущу никаких изменений и никакого разнообразия. Кстати, от кого ты Узнал о готовящейся петиции?

— От самих фрименов, — ответил Монео. — Была Деле... — он осекся на полуслове и нахмурился.

— Тебе были знакомы члены этой делегации?

— Конечно, господин, иначе я бы...

— Они мертвы, — вмешался в разговор Айдахо. Монео посмотрел на него непонимающим взглядом.

— Люди, которых ты знал, были убиты и заменены Танцующими Лицом.

— Это мое упущение, — признал Лето. — Мне следовало научить всех способу распознавать этих мимов. Я обязательно сделаю это — они стали слишком дерзкими в последнее время.

— Почему они так осмелели? — спросил Айдахо.

— Возможно, потому, что хотят отвлечь нас от чего-то очень важного, — произнес Монео.

Лето улыбнулся мажордому. Как только его жизни начинает угрожать опасность, его ум начинает очень хорошо работать. Монео ошибся, приняв Танцующих Лицом за знакомых фрименов, и теперь понимал, что продолжение его службы зависит от того, проявит ли он те способности, за которые его выбрал Император.

— Итак, теперь у нас есть время приготовиться, — сказал Лето.

— От чего они хотят нас отвлечь? — спросил Айдахо.

— От другого заговора, который они плетут, — ответил Лето. — Они думают, что я жестоко накажу их за это нападение, но их ядро останется целым, и это благодаря тебе, Дункан.

— Но не похоже, что они собирались проигрывать эту схватку, — возразил Айдахо.

— Но они были готовы к такому повороту событий, — сказал Монео.

— Они полагают, что я не уничтожу их, потому что у них единственных хранятся исходные клетки моих Дунканов, — сказал Лето. — Ты меня понимаешь, Айдахо?

— И они правы? — спросил тот.

— Их подход неверен, — уклончиво ответил Лето. Он повернулся к Монео. — Мы должны прийти в Онн, не имея никаких следов нападения. Сменить форму, заменить мертвых и раненых гвардейцев новыми... и пусть все будет, как было.

— Убитые есть и среди придворных, — доложил Монео.

— Замените и их тоже, — распорядился Лето.

Монео поклонился.

— Слушаюсь, господин.

— Пошли в Цитадель за новым балдахином к моей тележке!

— Как прикажет мой господин.

Лето подал тележку назад, потом направил ее к мосту и, обернувшись, сказал:

— Дункан, ты будешь сопровождать меня.

Медленно и неохотно Дункан оставил Монео и других, и ускорив шаг, нагнал тележку и пошел рядом с ней, глядя на Лето.

— Что тебя тревожит, Дункан? — спросил Лето.

— Вы действительно считаете меня своим Дунканом?

— Конечно, точно так же, как и ты считаешь меня своим Лето.

- Почему вы не знали о готовящемся нападении?
- С помощью моего хваленого предзнанния? — Да!
- Танцующие Лицом долго не привлекали моего внимания, — ответил Лето.
- Теперь, я полагаю, это отношение изменится?
- Не слишком сильно.
- Почему?
- Потому что Монео прав. Я не стану отвлекаться по мелочам.
- Они действительно могли вас убить?
- С определенной долей вероятности. Знаешь, Дункан, лишь немногие понимают, какой катастрофой станет моя смерть.
- Что замышляют тлейлаксианцы?
- Ловушку; я думаю — обыкновенную, милую ловушку. Они послали мне сигнал, Дункан.
- Какой сигнал?
- Началась новая эскалация отчаянных попыток совершить переворот. Это просто идея фикс у некоторых из Моих подданных.

Они перешли мост и начали взбираться на наблюдательный пункт Лето. Айдахо молча переваривал услышанное.

На вершине скалы Лето оглянулся и посмотрел на выжженную пустыню Сарьира.

За мостом, на месте нападения, слышался плач *тех кто потерял в схватке своих близких*. Своим обостренным слухом Лето различил голос Монео, который предупреждал их о том, что время траура должно быть по необходимости кратким, что в Цитадели остались другие близкие и что не стоит навлекать на себя гнев Бога-Императора.

Их слезы высохнут и на лицах вновь появятся улыбки к тому времени, когда мы достигнем Онна, подумал Лето. Они думают, что я их презираю! Но какое значение это имеет в действительности? Это всего лишь маленькие нюансы в настроении тех, кто мало живет и мало думает.

Вид Пустыни успокоил Лето. С этого места не было видно реку, текущую на дне каньона. Она становилась видна, только если повернуться на триста шестьдесят градусов, в направлении Города Празднеств. Слегка повернувшись влево, Лето увидел опушку Запретного Леса. Зеленый ландшафт заставил Лето вспомнить о том, что Сарьир — это всего лишь жалкий остаток той могучей бескрайней Пустыни, перед которой трепетали не только обычные люди, но даже дикие фримены, которые кочевали по ней.

Это река, подумал Лето. Если я обернусь, то увижу плоды своих рук.

Рукотворная расщелина, с которой падали воды реки Айдахо, была простым расширением того пролома, который сделал Муад'Диб в Защитном Валу и сквозь который в Пустыню ворвались его легионы верхом на червях. Там, где сейчас течет вода, Муад'Диб во время бури входил в историю... и в то, что произошло после него.

Лето услышал знакомые шаги Монео, тот взбирался на смотровую площадку. Монео поднялся на вершину и остановился, стараясь отдохнуть.

— Когда мы отправимся дальше? — спросил Айдахо.

Монео взмахнул рукой, призвав Айдахо к молчанию. И обратился к Лето:

— Господин, мы получили сообщение из Онна. Бене Гессерит предупредили нас о том, что вы будете атакованы близ моста.

Айдахо презрительно хмыкнул.

— Не слишком ли поздно пришло их предупреждение?

— Это не их вина, — сказал Монео. — Капитан Говорящих Рыб не поверила им.

Тем временем к смотровой площадке начали подтягиваться остальные члены свиты. Некоторые из

них до сих пор не оправились от потрясения и еле волочили ноги. Вселяя в них бодрость, среди них сновали Говорящие Рыбы.

— Уберите гвардию из посольства Бене Гессерит, — распорядился Лето. — Направьте им послание. Скажите, что их аудиенция будет последней, но пусть они ничего не опасаются. Скажите им, что последние станут первыми. Они поймут этот намек.

— Как быть с Тлейлаксу? — спросил Айдахо.

Лето обернулся к Монео.

— Да, о Тлейлаксу... Мы пошлем им предупреждение.

— Какое, господин?

— После моего приказа, но не ранее. Посол Тлейлаксу будет подвергнут телесному наказанию и изгнан.

— Господин!

— Ты не согласен?

— Если мы хотим сохранить тайну, — Монео оглянулся на место побоища, — то каким образом мы объясним эту порку?

— Мы не станем ничего объяснять.

— Мы не приведем никаких причин?

— Никаких.

— Но, мой господин, пойдут слухи и разговоры...

— Я просто реагирую, Монео! Пусть моя бессознательная часть, которая действует автоматически, получит в этом деле полную свободу.

— Это породит большой страх, мой господин.

Айдахо расхохотался и встал между тележкой и Монео.

— Это же благодеяние для посла! Были правители, Которые за такое просто сожгли бы дурака на медленном огне.

Монео обратился к Лето через плечо Айдахо:

— Но, мой господин, это действие подтвердит, что Мы были атакованы.

— На Тлейлаксу об этом и так знают, — сказал Лею, — но они ничего об этом не скажут.

— И поскольку все нападавшие убиты... — вставил Айдахо.

— Ты все понял, Монео? — спросил Лето. — Если мы придем в Онн свеженькими и безмятежными, тлейлаксианцы сразу поймут, что потерпели сокрушительное поражение.

Монео оглянулся на придворных и Говорящих Рыб, которые с величайшим вниманием прислушивались к разговору. Редко им приходилось слышать такую откровенную беседу между Императором и его ближайшими помощниками.

— Когда мой господин подаст сигнал к наказанию посла? — спросил Монео.

— Во время аудиенции.

Лето услышал звук приближающихся орнитоптеров, увидел отблеск солнца на их винтах и крыльях и новый балдахин, подвешенный над машинами.

— Пусть поврежденный балдахин доставят в Цитадель и отремонтируют, — приказал Лето, все еще глядя на приближающиеся винтокрылые машины. — Могут возникнуть вопросы, тогда скажите мастерам, чтобы они говорили любопытным, что балдахин был поврежден песчаной бурей.

Монео вздохнул:

— Как будет угодно господину.

— Выше голову, Монео, — сказал Лето. — Теперь иди рядом со мной, а ты, Айдахо, следуй со своими гвардейцами впереди.

— Вы думаете, что может быть еще одна атака? — спросил Айдахо.

— Нет, но гвардию надо чем-то занять. Смени форму. Я не хочу, чтобы ты носил одежду, запятнанную грязными тлейлаксиантами.

Айдахо поклонился и отошел. Лето дал знак Монео подойти как можно ближе. Тот склонился к открытому колпаку и приблизил лицо к лицу повелителя. Лето понизил голос:

— Это особый урок для тебя, Монео.

— Господин, я понимаю, что должен был заподозрить Танцу...

— Танцующие Лицом здесь ни при чем. Это урок для твоей дочери.

— Сионы? Какое отношение она могла...

— Скажи ей следующее: очень уязвимо, подобно мне, она подчиняется непроизвольной силе, которая живет в ней. Именно благодаря Сионе и этой силе я помню, что значит быть человеком и... любить.

Монео, ничего не понимая, воззрился на Лето.

— Просто передай ей эти слова, — сказал Император. — Не пытайся понять их. Просто передай ей мои слова.

Лето закрыл колпак и подготовил балдахин к смене. К тележке уже приближались мастера, вышедшие из орнитоптера.

Монео оглянулся на людей, ожидающих сигнала на площадке. Он заметил, что многие еще не ликвидировали следы схватки, одежда и внешность многих были в некотором беспорядке. Несколько придворных вставили в уши усилители. Они явно подслушали его разговор с Лето. Такие приспособления делали только на Иксе.

Надо предупредить об этом Айдахо и гвардию, подумал Монео.

Это открытие дало ему знать, что в государстве накапливается какая-то гниль. Как можно запрещать такие вещи, если все придворные и Говорящие Рыбы знают, что сам Император покупает на Иксе запрещенные машины?

Я начинаю ненавидеть воду. Песчаные форели, которые осуществили мой метаморфоз, сформировали органы чувств Червя. Монео и моя охрана знают об этом отвращении, но только Монео догадывается о ее истинной причине, о том, что я достиг поворотного пункта в своем развитии. Я уже предчувствую конец, правда, он наступит не так скоро, как кажется Монео, — у нас разные шкалы времени. Песчаные форели стаями стремятся к воде — это было большой проблемой на ранних стадиях нашего симбиоза. Силой своей воли я удерживал их до тех пор, пока не наступило некоторое равновесие. Теперь я должен совершенно избегать воды, поскольку на планете не существует других песчаных форелей, кроме тех, которые дремлют в моей коже. Без песчаных форелей, которые превратят Дюну в пустыню, не явится Шаи-Хулуд, не возродятся песчаные черви. Я — их последняя надежда.

Была уже вторая половина дня, когда императорская свита достигла последнего спуска в предместьях Города Празднеств. Огромные толпы теснились на улицах, ограничиваемые дюжими Говорящими Рыбами в зеленой форме Атрейдесов со скрещенными дубинками.

Как только приблизилась императорская процессия, над толпой взорвался неистовый крик. В этот момент Говорящие Рыбы принялись напевать речитатив: — Сиайнок! Сиайнок! Сиайнок!

Шум и крики отдавались оглушительным эхом от стен высоких домов, пение Говорящих Рыб оказывало странное воздействие на толпу, которая не понимала его смысла. Над скоплением людей волной пронеслась тишина, нарушаемая лишь скандированием гвардейцев. Люди в благоговейном трепете смотрели на женщин, вооруженных дубинами и охраняющих прохождение императорского кортежа. Эти женщины пели что-то непонятное, пока они во все глаза смотрели на проплывающее мимо них живое Божество.

Айдахо, шедший со своими Говорящими Рыбами позади тележки, впервые слышал пение, от которого у него волосы становились дыбом.

Монео шел рядом с тележкой, не глядя по сторонам. Однажды он спросил Лето о значении загадочного слова.

— Я дал Говорящим Рыбам только один ритуал, — сказал тогда Лето. Разговор происходил в Зале Аудиенций на центральной площади Онна, когда Монео был весьма утомлен распоряжениями, касавшимися поздравителей, собравшихся со всех концов Империи на Праздник Десятилетия.

— Какое отношение к ритуалу имеет это слово — слово, которое они поют, мой господин?

Так называется ритуал — Сиайнок — Праздник в Честь Лето. Это обожание, которое высказывается по отношению ко мне в моем присутствии.

Это древний ритуал, мой господин?

— Этот ритуал существовал у фрименов в те времена, Когда они еще не были фрименами. Ключ к этому ритуалу Исчез после смерти старых фрименов, и теперь только один я помню этот ритуал. Я возродил Празднства для Своих, сугубо своих целей.

— Следовательно, музейные фримены не знают этого Ритуала?

— Ни в коем случае. Это мой и только мой ритуал. Я Имею на него вечные права, потому что я и есть ритуал.

— Это очень странное слово, мой господин. Я никогда прежде не слышал ничего подобного.

— Оно имеет много значений, Монео. Если я сообщу Их тебе, сохранишь ли ты их в тайне?

— Как прикажет мой господин.

— Никогда никому, даже Говорящим Рыбам, не рассказывай о том, что я сейчас поведаю тебе.

— Клянусь вам в этом, мой господин.

— Очень хорошо. Сиайнок означает воздание чести тому, кто говорит искренне. Оно обозначает воспоминание о вещах, о которых говорили искренне.

— Но, господин, не означает ли искренность убеждение... веру самого говорящего в то, что он говорит?

— Да, но Сиайнок обозначает также свет, который высвечивает реальность. Ты продолжаешь проливать свет на то, что ты видишь.

- Реальность, действительность... Это очень двусмысленные понятия, господин.
- Это воистину так! Но Сиайнок есть еще и закваска, поскольку действительность — или то, что почитается действительностью, — а это одно и то же, — это закваска, которая не дает вселенной застаиваться.
- И все это вмещается в одном слове, господин?
- Это еще не все! Сиайнок обозначает также схождение к молитве и имя Пишущего Ангела, Шихая, который с пристрастием допрашивает вновь умерших.
- Это слишком большая нагрузка для одного слова, господин.
- Слова выносят любую нагрузку, какую мы только пожелаем. Все, что для этого требуется, — это соглашение о традиции, согласно которой мы строим понятия.
- Почему мне нельзя говорить об этом Говорящим Рыбам, господин?
- Потому что это слово сохранено только для них. Они будут очень недовольны, узнав, что я делаю это слово и с мужчинами.
- Губы Монео сжались в тонкую полоску, когда он вспомнил об этом разговоре, идя рядом с Императорской тележкой. Он уже много раз слышал, как Говорящие Рыбы славят своего Бога-Императора, и даже добавил к слову еще несколько смысловых значений.
- Оно означает тайну и престиж. Оно означает власть. Оно позволяет человеку действовать от лица Бога.
- Сиайнок! Сиайнок! Сиайнок!
- Слово болезненно отдавалось в ушах Монео.
- Процессия уже втянулась в город, почти достигнув центральной площади. Послеполуденное солнце посыпало свои лучи на Королевскую Дорогу, освещая путь кортежу, подчеркивая пестроту и нарядность одежд горожан, и отбрасывало резкие тени на лица Говорящих Рыб.
- Пение продолжалось, и тревога Айдахо постепенно улеглась. Он спросил у ближайшей Говорящей Рыбы, что означает это странное слово.
- Оно не предназначено для мужчин, — ответила женщина, — но иногда Господь Лето рассказывает об этом своим Дунканам.
- Своим Дунканам!* До этого он задал Лето этот вопрос, и ему не понравился уклончивый ответ:
- Ты узнаешь об этом достаточно скоро.
- Подавив свое нетерпение, Айдахо постарался забыть о своем вопросе и шел дальше, оглядывая город с любопытством туриста. Готовясь исполнять свои обязанности Начальника гвардии, Айдахо читал историю города Онн и разделил удивление Лето по поводу того, что река, на которой находился город, называлась Айдахо.
- Это было в одном из больших открытых помещений Цитадели, залитым утренним светом, с большими столами, на которых Говорящие Рыбы разложили карты Сарьира и Онна.
- Увидев название «Айдахо» на карте, которую он изучал, Дункан был немало озадачен.
- Город довольно своеобразно спланирован, — сказал он, не скрывая удивления.
- Этот город построен с одной-единственной целью: публичного лицезрения Бога-Императора.
- Айдахо взглянул на сегментированное тело, прикрытое складками человеческое лицо и подумал, что вряд ли привыкнет к лицезрению этого уродливого тела.
- Но это лицезрение происходит лишь один раз в десять лет, — сказал Айдахо.
- Это только Великий Праздник.
- В промежутках город бывает просто закрыт?
- Там находятся посольства, здания торговых компаний, школы Говорящих Рыб, служащие и техники, музеи и библиотеки.
- Какое пространство все это занимает? — Айдахо чиркнул по карте костяшками пальцев. — Одну

десятую площади?

— Даже меньше.

Айдахо в задумчивости склонился над картой.

— Есть ли еще какая-нибудь цель у этого города, господин?

— Все они подчинены лицезрению моей персоны.

— Но в городе должны быть чиновники, служащие, рабочие коммунальных служб. Где они живут?

— Большой частью в пригородах. Айдахо указал рукой на карту.

— Вот в этих рядах апартаментов?

— Обрати внимание на балконы, Дункан.

— Они окружают по периметру всю площадь. — Он поближе склонился к карте. — Поперечник площади превышает два километра!

— Теперь посмотри: балконы располагаются ступенчато, по спирали. В этой спирали располагается элита.

— И все они могут смотреть на вас сверху вниз во время церемонии?

— Тебе это не нравится?

— Нет даже энергетического барьера, который мог бы защитить вас.

— Я представляю собой очень заманчивую мишень.

— Зачем вы это делаете?

— Об архитектурном замысле Онна существует замечательный миф. В нем говорится, что когда-то в этом городе жил народ, чьи правители должны были один раз в год показываться на его улицах в полной темноте в одиночку и без оружия. Свои прогулки этот мифический правитель совершил в светящемся костюме через ночные толпы. Его же подданные были одеты в темную одежду, я никого не обыскивал их, чтобы найти оружие.

— Какое отношение имеет этот миф к Онну и... вам?

— Ну так вот, если правитель был хорошим, то у него был шанс пережить эту прогулку.

— Вы не ищете в городе оружие?

— Открыто — нет.

— Выдумаете, что люди видят вас в этом мифе. — Это был не вопрос, а утверждение.

— Да, многие видят.

Айдахо посмотрел на лицо Лето, спрятанное глубоко в складках серого капюшона. Голубые глаза Императора смотрели без всякого выражения.

Меланжевые глаза, подумал Айдахо. Но Лето в настоящее время не употреблял Пряность. Теперь его тело само вырабатывало потребное количество Пряности.

— Тебе не нравится моя священная непристойность, мое преувеличенное спокойствие? — спросил Лето.

— Мне не нравится то, что вы разыгрываете из себя Бога!

— Однако Бог может управлять своими подданными, как дирижер управляет симфоническим оркестром с помощью мановений своей палочки. Мое Божество ограничено моей физической привязанностью к Арракису. Мне приходится играть свою симфонию отсюда.

Айдахо в ответ только покачал головой и снова приняллся рассматривать план города.

— Что это за квартиры позади балконов?

— Это помещения для менее важных гостей.

- Но отсюда они не могут видеть площадь.
 - Могут, с помощью хитроумных иксианских приспособлений.
 - Внутреннее кольцо смотрит прямо на вас. Как вы вообще попадаете на площадь?
 - В центре площади есть возвышение, на котором я и нахожусь.
 - И они радуются? — Айдахо смело посмотрел прямо в глаза Лето.
 - Им позволяют радоваться.
 - Вы, Атрейдесы, всегда считали себя частью истории.
 - Ты очень проницателен — сразу разгадал природу подобной радости.
- Айдахо снова обратился к плану города.
- А здесь расположена школа Говорящих Рыб?
 - Да, как раз под твоей левой рукой. Там находится академия, в которой училась Сиона. Ее послали учиться, когда ей было всего десять лет.
 - Сиона... Надо будет побольше о ней узнать, — вслух подумал Дункан.
 - Уверяю тебя, что ничто не помешает твоему желанию.

Идя сейчас с императорской процессией, Айдахо отвлекся от своих мыслей, поняв, что пение Говорящих Рыб стало тише. Впереди тележка с Императором начала спускаться под площадь через специальную рампу. Айдахо, не успев еще спуститься под землю, поднял голову и взгляделся в сверкающую спираль. Это был вид, о котором нельзя было получить представления с помощью самой лучшей карты. Балконы были до отказа заполнены людьми, которые в полном молчании смотрели на своего Бога-Императора.

Привилегированные не радуются, подумал Айдахо. Молчание людей на балконах наполнило его мрачными предчувствиями.

Он вошел в туннель, и занавес закрыл от него площадь. По мере того как они спускались в глубину, пение Говорящих Рыб полностью стихло. Своды туннеля усиливали топот марширующих ног.

Мрачное предчувствие уступило место живому любопытству. Айдахо с интересом огляделся. Пол был плоским, ярко освещенный проход очень широким. Айдахо прикинул, что по трубе, проложенной под площадью, могла бы свободно пройти шеренга в семьдесят человек. Здесь не было толп, только вдоль стен стоял ряд Говорящих Рыб, которые не пели, довольствуясь созерцанием своего Бога-Императора.

Вспомнив карту, Айдахо понял, что они попали в святая святых, подземный город в городе, куда только Лето, придворные и Говорящие Рыбы могли проходить без сопровождения. Но карта ничего не могла сказать о массивных колоннах, об ощущении громадного охраняемого пространства, о зловещей тишине, нарушающей лишь топотом ног и скрипом Императорской тележки.

Айдахо посмотрел на ряды Говорящих Рыб возле стены и вдруг увидел, что губы их безмолвно шевелятся, произнося заветное слово: — Сиайнок.

— Опять Праздник, так скоро? — спросил Господь Лето.

— Но уже прошло десять лет, — ответил мажордом.

Не кажется ли вам, что, судя по этому разговору, Господь Лето не имел ни малейшего представления о течении времени?

Во время частных аудиенций, которые предшествовали самому Празднику, многие отметили, что Господь Лето уделил очень много времени новому послу Икса, молодой женщине по имени Хви Нори.

Она была доставлена в подземный зал двумя Говорящими Рыбами, которые еще не оправились от волнений первого дня Празднеств. Зал частных аудиенций под площадью был ярко освещен. Свет заливал помещение длиной около пятидесяти и шириной тридцать пять метров. Стены были увешаны древними фрименскими коврами, в яркие нити которых были вплетены бриллианты и бесценные волокна Пряности. Преобладал любимый фрименами тусклово-красный цвет. Пол зала был прозрачен, под ним в огромных хрустальных аквариумах плавали экзотические рыбы. Под полом протекала чистая голубая вода, испарения от нее не проникали в зал, но сам поток волновал Лето, который возлежал на подушках на возвышении в противоположном к двери конце зала.

С первого взгляда Лето отметил поразительное сходство молодой женщины и ее дяди Малки, но серьезные размеренные движения и спокойствие отличали ее от знаменитого родственника. Кожа ее была смугла, овал лица и черты его безупречны. Она, не Отводя взгляд, посмотрела в глаза Лето своими безмятежными серьезными глазами. Правда, в отличие от Малки, волосы женщины были темно-каштановыми.

Лето сразу почувствовал, что Хви Нори излучает внутреннее спокойствие, распространяя его вокруг себя. Она остановилась в десяти шагах от ложа Лето, в ее осанке было что-то классическое, во всей фигуре не было ничего случайного.

С нарастающим волнением Лето понял, что свои великие инженерные способности иксианцы направили и на удовлетворение своих потребностей, выводя нужные породы людей для определенных целей. Функция Хви Нори была ясна как день — в ее задачу входило очаровать Бога-Императора, найти трещину в его непроницаемом панцире.

Несмотря на это, Лето находил большое удовольствие от общения с этой женщиной. Хви Нори стояла в лучах дневного света, который проникал в помещение через сложную систему иксианских призм. Свет наполнял тот конец зала, где находился Лето, и сильнее всего освещал посетителей, несколько рассеиваясь у ложа Императора. За ложем у стены стояла стража из специально отобранных для этой цели глухонемых женщин.

На Хви Нори было надето простое платье пурпурного цвета и серебряный кулон, украшенный символом планеты Икс. Из-под подола платья выглядывали носки мягких туфель такого же цвета.

— Известно ли тебе, что я убил одного из твоих предков? — спросил Лето.

Женщина в ответ мягко улыбнулась.

— Мой дядя Малки включил этот эпизод в самый ранний этап курса моей подготовки, господин.

Хви говорила, а Лето в первый же момент угадал, что она получила во время своего обучения в Бене Гессерит. Сестры умели контролировать свой ответ и чутко реагировать на все нюансы в тоне собеседника. Однако у Хви этот слой воспитания Бене Гессерит был очень тонок и не проникал сквозь ее природную деликатность.

— Тебе говорили, что я затрону этот предмет, — сказал Лето.

— Да, господин. Я знаю, что мой предок имел дерзость внести сюда оружие, чтобы совершить на вас покушение.

— То же самое сделал твой непосредственный предшественник. Об этом тебе тоже говорили?

— Я узнала об этом только по прибытии сюда, мой господин. Какие же они глупцы! Почему вы пощадили моего предшественника?

— В то время, как не пощадил твоего предка?

— Да, господин.

- Кобат, твой предшественник, был более ценен для меня как посланник.
- Значит, мне сказали правду, — произнесла Хви, снова улыбнувшись. — Нельзя впадать в зависимость от правды, которую говорят помощники и начальники.

Ответ был настолько искренним, что Лето не смог сдержать усмешки. Но даже смеясь, он понимал, что эта молодая женщина несла в себе сознание Первого Пробуждения, что она когда-то испытала потрясение осознания своего рождения и осталась после этого жива!

- Так ты не держишь на меня зла за то, что я убил твоего предка? — спросил он.
- Он пытался убить вас! Мне сказали, что вы раздавили его своим телом, господин.
- Это правда.
- Затем вы повернули оружие против себя и показали всем, что оно неэффективно против вас... а ведь это было лучшее иксианское лазерное ружье.
- Свидетели не солгали, — сказал Лето.

При этом он подумал: *Что показывает, как сильно мы зависим от свидетелей!* Для исторической точности он напомнил себе, что направил ружье против своего ребристого тела, но не против рук, лица илиrudimentов ног. Тело Червя обладает редкой способностью поглощать тепло и использовать его для продукции кислорода.

Я никогда не сомневалась в правдивости этой истории, — сказала женщина.

- Зачем же тогда Икс повторил ту же глупость?
- Об этом мне не говорили. Возможно, Кобат действовал на свой страх и риск.
- Думаю, что нет. Ваши люди жаждали смерти лишь избранного ими убийцы.
- Смерти Кобата?
- Нет, того, кому они вложили в руки ружье.
- Кто это был, господин? Мне об этом не говорили.
- Это не важно. Ты не припомнишь, что я сказал, когда твой предок совершил свою роковую глупость?

— Вы пригрозили страшной карой, если мысль о таком насилии придет нам в голову еще раз, — она опустила глаза, но Лето все же успел заметить в ее глазах необыкновенную решимость. Она использует все свои способности, чтобы отвести от Икса его гнев.

- Я обещал, что никто из вас не избежит моего гнева, — сказал Лето.

Она резко подняла голову и взглянула в глаза Лето.

- Да, господин, — теперь от его внимания не укрылся ее личный страх.
- Никто и ничто не может ускользнуть от моего внимания, даже та ничтожная колония, которую вы основали недавно на... — Лето назвал точные звездные координаты колонии, которую иксианцы основали далеко за пределами, как они полагали, досягаемости имперской дланi Лето.

Нори ничем не выдала своего удивления.

- Господин, думаю, что они понимали это, поскольку я предупредила их, что вы узнаете об этом, если меня изберут послом.

Лето внимательно приглядился к Хви. *Итак, что мы здесь имеем?* Ее наблюдения отличаются тонкостью и глубиной. Иксианцы, как было известно Лето, думали, что огромные расстояния и транспортные расходы смогут надежно изолировать колонию от Империи. Но Хви так не думала и сказала об этом открыто. Однако она полагает, что ее выбрали послом именно поэтому — из-за того, что она именно так прокомментировала предосторожность иксианцев. Они думали, что будут иметь здесь друга, который одновременно будет казаться и другом Лето. Он кивнул, как только мысль окончательно сформировалась в его мозгу. В самом начале своего восшествия на престол он указал иксианцам точное местоположение предположительно тайного иксианского Ядра, сердцевины технологической федерации, которой они правили. Это была тайна, которую сами иксианцы считали нераскрываемой, поскольку платили Космической Гильдии огромные взятки за молчание. Лето разоблачил их с помощью предзнанния и умения мыслить дедуктивно, кроме того, в

его памяти жил не один иксианец.

Еще в то время Лето предупредил иксианцев, что накажет их, если они выступят против него. Они выступили, ожесточились и обвинили Гильдию в предательстве. Это настолько позабавило Лето, что он разразился хохотом, ошеломившим иксианцев. Успокоившись, он холодным и спокойным тоном оповестил их, что не нуждается в шпионах и предателях — этих обычных уловках рядовых правителей.

Они что, не верят, что я — Бог?

Прошло время и иксианцы снова стали откликаться на его обращения. Лето не обижало их отношение. Его требования были весьма скромны — приспособление для этого, машина для того, и все. Он представлял просьбу, а иксианцы присыпали требуемую игрушку. Только один раз попытались они ввезти на его планету смертоносное оружие, спрятав его в игрушку. Он убил всю иксианскую Делегацию, прежде чем они успели вскрыть посылку.

Хви Нори терпеливо ждала, когда Лето закончит размышлять. Ни одного намека на нетерпение!

Великолепно! — подумал он.

В свете его долгих отношений с Иксом это новое положение заставляло быстрее циркулировать по телу соки. Обычно страсти, кризисы и неотложные состояния почти не зажигали его дух. Он часто ловил себя на мысли, что пережил свое время. Но присутствие Хви Нори сказали ему, что в нем до сих пор нуждаются, и это доставило ему удовольствие. Лето был даже готов допустить, что иксианцы достигли каких-то частичных успехов в разработке аппарата, который многократно усилит способности Гильд-навигаторов в ориентировке. Маленькое изображение на экране мониторов какого-то события могло ускользнуть от его внимания. Могли ли они в действительности изготовить такую машину? Какое это будет чудо! Он намеренно отказался от применения власти, чтобы ни в малейшей степени не препятствовать изысканиям.

Я хочу, чтобы они меня удивили! Лето добродушно улыбнулся Хви Нори.

— Как тебя готовили для общения со мной? — спросил он.

Она ответила не моргнув глазом:

— Меня снабдили набором ответов для нескольких вполне определенных острых ситуаций, — сказала она. — Я выучила их, как того от меня требовали, но не собиралась ими пользоваться.

Но они хотели именно этого, подумал Лето.

— Передай своим хозяевам, что ты — подходящая приманка для моего соблазнения.

Она склонила голову.

— Если так будет угодно моему господину. — Будет угодно.

Он позволил себе провести временную пробу, чтобы проверить Хви, распознать ее близкое будущее, проследить нити ее прошлого. У женщины было текучее будущее, токи его движения были подвержены многим отклонениям. Сиону она знает лишь случайно и мимолетно, если только... В мозгу Лето появились многочисленные вопросы. Пилот Гильдии консультировал иксианцев, и он сразу обнаружил беспокойство Сионы, проверив ткань ее временного существования. Неужели пилот действительно думал, что сможет спрятать ее от всевидящего ока Императора?

Временная проба заняла несколько минут, но Хви не дрогнула. Лето внимательно посмотрел на нее. Она выглядела человеком, живущим вне времени, живущим глубоко безмятежно. Лето впервые встречал простого смертного, который мог ждать, стоя перед ним, не проявляя при этом никакой нервозности.

— Где ты родилась, Хви? — спросил он.

— На самом Иксе, господин.

— Я хочу знать подробности — в каком доме, где он расположен, кто твои родители, кто твои друзья. Кто тебя окружает, как ты училась. Я хочу знать все.

— Я никогда не знала своих родителей, господин. Мне сказали, что они умерли, когда я была еще маленьким ребенком.

— Ты поверила этому объяснению?

— Сначала... конечно, мой господин. Позже я начала придумывать себе всякие фантазии. Я даже

вообразила однажды, что Малки — мой отец. Но... — она покачала головой.

— Тебе не нравился твой дядя Малки?

— Нет, но я не могла не восхищаться им.

— Моя реакция на него точно такая же, — сказал Лето. — Но что ты можешь сказать о своих друзьях, о школе, где ты учились?

— Мои учителя были хорошими специалистами. Для того чтобы я овладела самоконтролем и умением наблюдать, ко мне пригласили Сестру из Бене Гессерит. Малки говорил, что меня готовили для великих дел.

— Он не говорил, для каких именно?

— Малки сказал, что меня готовили для того, чтобы очаровать вас, мой господин.

— Сколько тебе лет, Хви?

— Я никогда не праздную свои дни рождения. Об этой дате я узнала случайно, когда одна из учительниц извинилась, что не смогла меня поздравить. Я больше никогда не видела эту учительницу.

Лето почувствовал, что ответ Хви очаровал его. Наблюдения показали, что в эту плоть не вмешалась тлейлаксианская рука. Она не из чана тлейлаксианцев. Зачем же тогда такая секретность?

— Знает Ли дядя Малки твой истинный возраст?

— Вероятно, да, но я не видела его уже много лет.

— Значит, никто и никогда не говорил, сколько тебе лет?

— Нет.

— Почему, как ты думаешь?

— Может быть, они думали, что я сама спрошу их, если меня это заинтересует?

— Тебя это интересовало?

— Да.

— Тогда почему ты не спрашивала?

— Сначала я думала, что об этом есть какая-нибудь запись. Я ее долго искала, но не нашла. Я решила, что мне вряд ли ответят на вопрос.

— Меня очень радует твой ответ, особенно в свете того, что я сам в тебе вижу. Я точно также ничего не знаю о твоей ранней истории, но могу кое-что сказать о месте твоего рождения.

Хви взглянула на Лето глазами, полными неподдельного напряженного ожидания.

— Ты родилась в машине, которую твои хозяева пытаются усовершенствовать для Гильдии, — сказал Лето. — Ты была зачата в ней. Возможно, что сам Малки и был твоим отцом. Но это не столь важно. Что ты сама знаешь об этой машине, Хви?

— Мне не положено о ней ничего знать, мой господин, но...

— Это было еще одно упущение учителя?

— Нет, это было упущение моего собственного дяди. Тело Лето сотряслось от смеха.

— Какое мошенничество! — воскликнул он. — Какое очаровательное мошенничество!

— Господин?

— То была его месть твоим хозяевам. Ему не понравилось, что его удалили от моего двора. Тогда он сам говорил мне, что его смещение хуже любой глупости.

Хви пожала плечами.

— Мой дядя очень сложный человек.

— Слушай меня внимательно, Хви. Некоторые из тех, с кем ты общаешься на Арракисе, могут стать для тебя опасными. Я защищу тебя, насколько смогу. Ты меня понимаешь?

— Думаю, что да, мой господин, — она значительно посмотрела на него.

— Теперь о послании твоим хозяевам. Мне совершенно ясно, что они прислушались к словам пилота Гильдии и их связь с тлейлаксианцами приобрела опасный оттенок. Скажи им, что их цели для меня абсолютно прозрачны.

— Господин, я ничего не знаю о...

— Я прекрасно знаю, как именно они тебя используют Хви. По этой же причине ты скажешь им, что станешь постоянным послом при моем дворе. Я не приму никакого другого иксианца. Если только твои хозяева посмеют игнорировать мое предупреждение, и будут дальше мешать моим замыслам, то я сокрушу их.

Из глаз Хви потекли слезы, но Лето был благодарен женщине за то, что это была единственная реакция. Нори не стала падать на колени.

— Я уже предупреждала их, — сказала она. — Я действительно предупреждала. Я говорила, что они должны подчиниться вам.

Лето видел, что она говорит правду.

Какое замечательное создание, эта Хви Нори, подумал он. Она была воплощением добра, ее специально воспитывали на Иксе, готовя к этой роли, они тщательно высчитали, какое впечатление она произведет на Императора.

В своей бездонной предковой памяти Лето нашел аналогичные характеры — идеальные монахини, добрые, склонные к самопожертвованию, и очень искренние. Это был ее истинный характер, она жила в нем, как у себя дома. Для нее было очень легко быть правдивой и открытой, способной на унижение ради того, чтобы не причинить боль другим. Это последнее качество было самым глубоким изменением личности, которого сумели добиться Сестры Бене Гессерит. Настоящие манеры Хви, ее настоящая натура были еще мягче, еще добре. В ней не было склонности к расчетливой манипуляции. Во всяком случае, Лето не видел этого. Она отличалась непосредственными реакциями и цельностью, прекрасно умела слушать (еще одна заслуга Бене Гессерит). В ней не было ничего откровенно соблазнительного, хотя сам этот факт делал ее весьма привлекательной в глазах Лето.

Как он однажды заметил одному из предыдущих Дунканов: «Ты должен понять одну вещь, о которой, очевидно, некоторые подозревают; иногда мне не удается избежать чувства, весьма похожего на наваждение, чувства, что где-то внутри моего меняющегося организма существует взрослый человек со всеми своими функциями».

«Со всеми, господин?» — спросил тогда Дункан. «Со всеми! Я чувствую все свои недостающие части. Я могу чувствовать ноги, которые незаметны, но которые существуют для моих органов чувств. Я ощущаю, как работают мои железы, некоторые из которых физически больше не существуют. Я даже чувствую свои половые органы, которые, как я понимаю умом, Исчезли несколько веков назад».

«Но если вы знаете...»

«Знание не подавляет такие ощущения. Исчезнувшие части моего тела все еще со мной, в моей памяти и в памяти моих предков, которая живет во мне».

Лето смотрел на Хви, стоявшую перед ним и ему ни на йоту не помогало знание того, что у него давно нет черепа, что его мозг давно атрофировался и вместо него имелась огромная сеть нервных узлов, протянувшаяся по всему телу. Мозг болел, а в черепе отдавалась чудовищная пульсация. Боль была настолько невыносима, что, не выдержав, Лето простонал:

— Зачем твои хозяева мучают меня?

— Господин?

— Зачем они прислали тебя?

— Я не причиняю вам боль, мой господин.

— Ты причиняешь мне боль одним своим существованием!

— Я не знала этого. — И снова слезы неудержимым потоком потекли по ее щекам. — Они никогда не говорили мне о своих истинных целях.

Успокоившись, Лето заговорил, придав своему голосу необычайную мягкость:

— Теперь оставь меня, Хви. Занимайся своими делами, но возвращайся как можно быстрее, если я призову тебя.

Она вышла спокойно, но Лето видел, что она тоже испытывает муки. Он не мог ошибиться, видя, какую печаль чувствует она по поводу человеческого облика, которым пожертвовал Лето. Она знала то, что знал и он: они станут друзьями, любовниками, единомышленниками — их отношения станут самыми тесными, какие только возможны между людьми противоположного пола. Ее хозяева знали, что делают.

Иксианцы жестоки! — подумал он. Они знают, какой должна быть наша боль.

Уход Хви оживил воспоминание о ее дяде Малки. Малки был жесток, но его общество доставляло Лето удовольствие. Малки обладал всеми трудолюбивыми добродетелями своего народа и всеми пороками, которые делали его особенно человечным. Малки откровенно наслаждался компанией Говорящих Рыб. «Ваши гурии», — говорил он, и Лето редко вспоминал своих женщин-гвардейцев, чтобы не вспомнить про это прозвище, данное им Малки.

Почему я сейчас подумал о Малки? Это не из-за Хви. Я спрошу, чем зарядили ее хозяева, прежде чем послать ко мне.

Лето засомневался, стоит ли позвать женщину назад.

Она скажет мне, если я спрошу.

Иксианские послы всегда получали задачу выяснить, по какой причине Бог-Император терпит само существование Икса. Они знали, что от него невозможно ничего утаить. Чего стоит эта глупейшая попытка основать колонию без его ведома! Исследовали ли они его возможности? Иксианцы подозревали, что в действительности Лето не нуждается в их промышленности.

Я никогда не скрывал своего мнения о них и говорил это Малки.

— Технологические новаторы? Нет! Вы преступники от науки, окопавшиеся в моей Империи!

В ответ Малки только смеялся. В раздражении Лето продолжал обвинять.

— Для чего строить секретные лаборатории и заводы за пределами Империи? Вы же все равно не сможете скрыться от меня.

— Конечно, господин, — соглашался Малки, смеясь.

— Я знаю, чего вы добиваетесь: создать утечку того и немножко этого в пределы Империи. Эта подрывная деятельность приводит к сомнениям, и ненужным вопросам!

— Господин, но ведь вы сами — один из наших самых Ценных заказчиков.

Я не это имею в виду, и ты прекрасно это знаешь, ужасный ты человек!

— Я нравлюсь вам именно потому, что я ужасный человек. Я рассказываю вам истории о том, что мы делаем.

— Я знаю об этом и без твоих историй!

— Но некоторым историям можно верить, а другие весьма сомнительны. Я рассеиваю ваши сомнения.

— У меня не бывает сомнений!

От этого Малки смеялся еще сильнее. *Я должен и дальше терпеть их*, подумал Лето. Иксианцы занимались изобретательством и работали в терра инкогнито технического творчества, которое было запрещено бутлерянским джихадом. Иксианцы создавали невообразимые вещи — именно эти вещи привели к началу джихада, к его разрушениям и массовым убийствам. Именно этим занимались на Иксе и Лето оставалось только позволить им это делать.

Я у них покупаю! Без их изобретений я не смог бы даже записать свои мысли. Без иксианцев я не мог бы прятать свои записки и печатать их.

Но им надо постоянно напоминать об опасности того, что они делают!

Не стоит забывать и о Гильдии. Но это уже легче. Даже сотрудничая с Иксом, члены Гильдии сильно не доверяли иксианцам.

Если эта новая иксианская машина будет работать, то Гильдия потеряет свою монополию на космические перевозки!

В сумятице и шуме предковой памяти, которые я могу вызвать по своему желанию, возникает нечто, похожее на упорядоченные рисунки. Они похожи на звуки чужого языка, который мне хорошо понятен. Тревожные сигналы сообществ, готовящие их к нападению или защите, для меня подобны громким словам команд. Я вижу, как люди угрожают невинным, вижу, как опасно бунтует беспомощная молодежь. Необъяснимые звуки, видения и запахи возрождают ощущения, о существовании которых вы давно успели забыть. Когда вы встревожены, на ум приходят лишь слова родного языка — речь чужих языков превращается в набор странных и чуждых звуков. Вы требуете свой привычный костюм, ибо краски чужих одеяний кажутся вам враждебными и угрожающими. Это есть отрицательная обратная связь на ее первобытном уровне. Это воспоминания ваших клеток.

Рядовые Говорящие Рыбы, несшие пажескую службу У портала Зала Аудиенций, вели к Лето Дуро Нунепи, посла Тлейлаксу. Время его аудиенции еще не наступило, его доставили рано, изменив объявленный порядок, однако посол держал себя спокойно, изобразив на лице лишь легкое недовольство.

Лето молча ждал его приближения, вытянувшись на возвышении, установленном в дальнем конце зала. В памяти Императора всплыло древнее воспоминание — глазок перископа подводной лодки, осматривающий поверхность вод. Таков был и Нунепи — гордое, словно высеченное из кремня, лицо человека, Прошедшего все положенные ступени бюрократической лестницы Тлейлаксу. Не будучи сам Танцующим Лицом, он рассматривал этих людей, как воду по которой очень удобно плыть к назначенней цели, и надо было быть настоящим лоцманом, чтобы пристроиться в кильватер такому человеку. Нунепи был тем зловещим персонажем, который оставил свой кровавый след в происшествии у моста через реку Айдахо.

Несмотря на ранний час, Нунепи был в полном посольском облачении — широкие черные брюки, черные ботинки с золотым рантом, яркая красная куртка, открывающая поросшую волосами грудь, на которой красовался золотой тлейлаксианский гребень, украшенный бриллиантами.

Остановившись в положенных десяти шагах от тележки, Нунепи окинул взглядом выстроившихся у стены Говорящих Рыб. В серых глазах Нунепи мелькнула насмешливая искорка, когда он посмотрел на своего Бога-Императора и слегка поклонился.

Вошел Дункан Айдахо с зачехленным лазерным ружьем у бедра и остановился возле нахмуренного лица Лето.

Появление Айдахо не слишком понравилось послу, он принял внимательно изучать начальника гвардии.

— Я нахожу Лицеделов особенно ненавистными, — произнес Лето.

— Я — не Лицедел, господин, — произнес Нунепи низким, хорошо поставленным голосом, в котором все же угадывалась некоторая растерянность.

— Но ты представляешь их, а это уже является предметом моего раздражения, — сказал Лето.

Нунепи ожидал открытого выражения враждебности, но Лето отбросил дипломатические условности, и посла потрясло то, что Император прямо упомянул то, что сам Нунепи считал необоримой силой Тлейлаксу.

— Господин, сохраняя плоть исходного Дункана Айдахо и снабжая вас гхолами, мы предполагали, что...

— Дункан! — воскликнул Лето.. — Если я прикажу, Дункан, поведешь ли ты экспедицию уничтожить Тлейлаксу?

— С радостью, мой господин.

— Даже если это будет означать потерю исходных клеток и уничтожение чанов с аксолотлями?

— Эти чаны — не самое приятное воспоминание в моей жизни, а те клетки — это давно уже не я.

— Господин, чем мы оскорбили вас? — спросил Нунепи.

Лето нахмурился. Неужели этот глупец всерьез думает, что сейчас Бог-Император заговорит о недавнем нападении Танцующих Лицом?

— До меня дошли сведения о том, что ваши люди распространяют сплетни о том, что вы называете «отвратительными сексуальными привычками».

Нунепи был изумлен до глубины души. Обвинение было лживым до абсурда, он не ожидал этого. Но Нунепи отчетливо понимал, что вздумай он все отрицать, ему все равно никто не поверит, ибо так сказал сам Бог-Император. То была атака с непредсказуемым исходом, произведенная в неведомом для посла измерении. Нунепи заговорил, глядя на Айдахо:

— Господин, если мы...

— Смотри мне в глаза! — приказал Лето. Нунепи торопливо повиновался.

— Могу сказать тебе в первый и последний раз, — продолжал Лето, — что у меня вообще нет сексуальных привычек. Никаких.

На лбу Нунепи выступила холодная испарина. Он смотрел на Императора с выражением загнанного в угол животного. Когда посол заговорил, в его голосе не осталось и следов от былой звучности.

— Господин, я... Это какое-то недоразумение, ошибка...

— Замолкни, тлейлаксианский проныра! — взревел Лето. — Я — метамерный переносчик священного черва — Шай-Хулуда! Я — твой Бог!

— Прости нас, Господи! — прошептал Нунепи.

— Простить вас? — голос Лето был на этот раз исполнен участливого понимания. — Конечно, я прощу вас. Это Функция вашего Бога. Ваше преступление прощено. Однако ваша глупость требует ответных мер.

— Господин, если бы я только мог...

— Молчать! Партия Пряности должна была отправиться на Тлейлаксу в эту декаду. Вы не получите ничего. Что касается тебя лично, то сейчас мои Говорящие Рыбы отведут тебя на площадь.

В зал вошли две дюжие женщины в форме гвардейцев и взяли Нунепи под руки, ожидая указаний Императора.

— На площади, — сказал Лето, — вы снимете с него одежду и дадите ему пятьдесят ударов плетью.

Нунепи попытался вырваться из мертвой хватки Говорящих Рыб, его лицо исказилось от ярости.

— Господин, я хочу напомнить вам, что я полномочный посол...

— Ты — обычный преступник и как таковой будешь наказан. — Лето дал знак гвардейцам и они потащили посла к выходу.

— Жаль, что тебя не убили, — орал потерявший голову Нунепи, — жаль, что...

— Кто? — спросил Лето. — Кто должен был меня убить? Разве ты не знаешь, что меня нельзя убить?

Гвардейцы потащили посла к выходу, но он продолжал кричать: «Я невиновен! Я невиновен!»
Крики постепенно стихли.

Дункан склонился к Лето.

— Что такое, Дункан? — спросил Император.

— Мой господин, все послы будут очень напуганы.

— Да, я преподам им урок ответственности за свои действия.

— Мой господин!

— Участие в заговоре, равно как и армейская служба, освобождает людей от чувства личной ответственности.

— Но это может привести к ненужным осложнениям, мой господин. Лучше я распоряжусь об усилении охраны.

— Об этом не может быть и речи!

— Но вы позвали меня...

— Как небольшой образчик военной глупости.

— Мой господин, я не...

- Дункан, подумай о невежестве Нунепи. Он — квинтэссенция моего урока.
- Простите мою тупость, господин, но я не понимаю сути ваших слов о военных.
- Они думают, что, рискуя жизнью, приобретают право применять любое насилие к врагам, которых сами же и выбирают. Это ментальность завоевателей. Нунепи думает, что не отвечает за любые действия против чужих.

Айдахо посмотрел на дверь, через которую стражницы вывели Нунепи.

- Он очень старался, но проиграл, мой господин.
- Но при этом он освободил себя от уз прошлого и отказался платить за это.
- В глазах своего народа он является патриотом.
- А кем он является в собственных глазах? Орудием истории.

Айдахо понизил голос и придинулся еще ближе к Лето.

- Насколько вы отличаетесь от нас, господин?

Лето усмехнулся.

- Ах, Дункан, как я люблю твою восприимчивость. Ты заметил, что я сделан из совершенно другого теста. Неужели ты уверен, что я не способен проигрывать?

- Такая мысль действительно приходила мне в голову.
- Только неудачники могут прятать свою гордыню под покров «великого прошлого», мой старый друг.
- Вы с Нунепи похожи в этом отношении?

- Воинствующие миссионерские религии разделяют эту иллюзию «гордого прошлого», но лишь немногие понимают конечную опасность этого взгляда для человечества в целом — опасность ощущения собственной свободы от ответственности за свои действия.

- Какие странные слова, мой господин. Как мне следует понимать их смысл?
- Смысл заключается в том, что тебе говорят. Ты не способен слушать?
- У меня есть уши, мой господин.
- Неужели? Что-то я их не вижу.
- Вот они, мой господин. Вот и вот? — Айдахо коснулся рукой поочередно обоих своих ушей.
- Но они же ничего не слышат. Следовательно, у тебя нет ушей — ни здесь, ни здесь.
- Вы смеетесь надо мной, мой господин.

- Слышать — значит слышать. То, что существует, не может быть сделано заново, поскольку оно уже существует. Быть — значит быть.

- Ваши странные слова...
- Суть не более чем слова. Я их произнес. Они прозвучали и их больше нет. Их никто не услышал, следовательно, они уже не существуют. Если же они не существуют их можно произнести снова, тогда, может быть, их кто-нибудь услышит.
- Зачем вы делаете из меня шута, мой господин?

- Я ничего не делаю с тобой, кроме того, что произношу слова. Я говорю их без всякого риска оскорбить тебя, ибо убедился, что ты лишен ушей.

- Я не понимаю вас, мой господин.
- Начало всякого познания — это открытие факта, что ты чего-то не понимаешь.

Айдахо не успел ничего ответить, так как Император подал знак одной из женщин, и та взмахнула рукой перед хрустальным экраном за помостом, на котором возлежал Лето. На ровной поверхности появилось трехмерное изображение площади, где должны были наказать Нунепи.

Айдахо отступил к центру зала и внимательно вгляделся в изображение. В середине площади возвышался помост, на котором были установлены треугольные металлические козлы; к ним был привязан раздетый донага посол. Его одежда лежала рядом. Говорящая Рыба могучего телосложения в маске взмахнула длинной плетью с несколькими тонкими концами. Айдахо узнал в ней одну из женщин, которые встречали его на Арракисе.

По сигналу офицера Говорящая Рыба нанесла первый удар по обнаженной спине.

Айдахо вздрогнул. Толпа затаила дыхание. В том месте, где кончики плети коснулись спины, появились багровые полосы. Нунепи молчал.

На его спину вновь опустилась плеть; при втором ударе из полос появилась кровь.

Плеть опустилась еще раз, на этот раз кровь потекла тонкими струйками.

Лето ощущал печаль. Наша слишком старательна, подумал он. Она убьет его, а это создаст проблемы. — *Дункан! — позвал Лето.*

Айдахо стряхнул с себя наваждение, оторвался от изображения и постарался забыть яростный крик толпы, который она испустила после особенно кровавого удара плетью.

— Пошли кого-нибудь прекратить порку после двадцатого удара, — приказал Лето. — Пусть объявят, что Император оказался настолько великодушен, что решил смягчить наказание.

Айдахо поднял руку и сделал знак одной из Говорящих Рыб. Женщина кивнула и выбежала из зала.

— Подойди ко мне, Дункан, — сказал Лето.

Ожидая нового подвоха, Айдахо вернулся к ложу Императора.

— Все мои действия, — сказал Лето, — это уроки, которые следует усваивать.

Айдахо боролся с желанием оглянуться и досмотреть сцену наказания Нунепи. Что это за звук? Стоны посла, заглушаемые ревом толпы? Эти крики пронзали душу Айдахо. Он посмотрел Лето прямо в глаза.

— У тебя на уме какой-то вопрос, — сказал Лето.

— Много вопросов, мой господин.

— Говори.

— Какой урок заключается в наказании этого глупца? Что мы скажем, когда нас начнут спрашивать об этом?

— Мы скажем, что никому не позволено хулить Бога-Императора.

— Это кровавый урок, мой господин.

— Он не такой кровавый, как некоторые уроки, преподанные в свое время мне.

Айдахо недовольно покачал головой.

— Из этого не выйдет ничего хорошего.

— Это очень точное замечание!

Охота за памятью предков многому научила меня. Паттерны, ах, эти паттерны. Больше всего раздражают меня слепые приверженцы либерализма. Я не верю в крайности. Почешите как следует консерватора и вы обнаружите человека, который предпочитает прошлое самому светлому будущему. Почешите либерала, и вы обнаружите кабинетного аристократа. Либеральные правительства всегда вырождаются в аристократии. Бюрократия всегда предает искренние намерения людей, формирующих такие правительства. Непосредственно с самого начала, мелкие личности, попавшие в правительство, обещавшее равномерно распределить социальный гнет, оказываются заложниками бюрократической аристократии. Естественно, все бюрократии в этом отношении ведут себя одинаково, но какое это лицемерие, обнаружить знакомый образчик под лозунгами равенства, начертанными на либеральных знаменах. Ах, если эти паттерны чему-то и научили меня, так это тому, что они всегда повторяются. Мое угнетение, в широком смысле слова, ничем не лучше и не хуже всех прочих, но я по крайней мере преподаю людям новый урок.

Начало темнеть, когда наступила очередь аудиенции для делегации Ордена Бене Гессерит. Монео подготовил Преподобную Мать, извинившись за задержку и передав ей уверения Лето.

Докладывая об этом Императору, Монео сказал:

- Они ожидают богатого вознаграждения.
- Посмотрим, — сказал Лето. — Посмотрим. Теперь скажи мне, о чём спросил тебя Дункан, когда ты входил в зал?
- Он хотел знать, подвергали ли вы до сих пор кого-нибудь телесным наказаниям?
- И что ты ответил?
- Что об этом нет никаких письменных свидетельств и что я лично никогда не видел таких наказаний.
- Как он отреагировал на твой ответ?
- Сказал, что такое не подобает Атрейдесам.
- Он полагает, что я не в своем уме?
- Этого он не сказал.
- Достаточно и того, что ты слышал. Что еще тревожит нашего нового Дункана?
- Он видел нового иксианского посла, господин. Он находит Хви Нори весьма привлекательной. Интересуется...
- Этого нельзя допустить, Монео! Я полагаю, ты сумеешь предотвратить любую связь между Дунканом и Хви.
- Как прикажет мой господин.
- Да, это мой строжайший приказ! Теперь иди и приготовь мою встречу с сестрами из Бене Гессерит. Я приму их в макете сиетча.
- Мой господин, есть ли в этом выборе какое-то значение?
- Это просто моя прихоть. Выходя, скажешь Дункану, чтобы он взял с собой отряд Говорящих Рыб и прочесал город.

Ожидая делегацию Бене Гессерит, Лето вспомнил разговор с Монео, это несколько развлекло его. Он представил, какое впечатление произведёт на обитателей Онна появление на улицах растревоженного Айдахо во главе отряда гвардейцев.

Они живо притихнут, как мыши при внезапном появлении кошки.

Сейчас, находясь в макете сиетча, Лето похвалил себя за такой выбор. Здания свободной формы, с многочисленными куполами, расположенное на окраине Онна, имело в поперечнике около одного километра. Здесь первоначально располагался Музей фримена, а теперь располагалась школа музея. Залы и коридоры патрулировали Говорящие Рыбы.

Зал приемов имел овальную форму и по длине достигал двухсот метров. Огромное помещение освещалось гигантским светильником, подвешенным на высоте около тридцати метров над полом.

Голубовато-зеленый свет смешивался с тусклыми коричневыми и бежевыми тонами искусственного камня, которым были выложены стены зала. Лето возлежал на низком помосте в конце зала, глядя наружу через длинное, согнутое по длине стекло. На улице были видны остатки Защитного Вала с пещерами, в которых когда-то были уничтожены приверженцами Харконненов запертые в ловушку войска Атрейдесов. Очертания скалы серебрились в призрачном свете Первой Луны. Контур скалы подчеркивался точечными огоньками — костры горели там, где сейчас нельзя было показываться ни одному фримену. Огоньки мигали, когда мимо них проходили люди — музейные фримены, подчеркивавшие свое право занимать окрестности священного города.

Музейные фримены! — подумал Лето.

Какие же они узкобойные, недальновидные люди.

Но что меня возмущает? Они таковы, какими я их создал.

Лето услышал, как ко входу приближается делегация Бене Гессерит. Они пели гимн, слышался напев, изобилующий протяжными гласными звуками.

Впереди шел Монео с отделением гвардейцев, которые заняли свои места у ложа Императора. Монео остановился возле ложа, взглянул на Лето и обернулся в зал.

Женщины вступили в него двумя рядами, их было десять, впереди шествовали две Преподобные Матери в традиционных черных одеждах.

— Слева Антеак, справа Луйсейал, — сказал Монео.

Лето вспомнил раздраженные, полные недоверия слова, которые говорил ему ранее Монео, рассказывая об этих женщинах. Мажордом ненавидел этих *ведьм*.

— Они обе — Вещающие Истину, — сказал тогда Монео. — Антеак намного старше Луйсейал, но именно последняя славится как лучший Вещатель Истины в Бене Гессерит. Заметьте, что на лбу у Антеак имеется шрам, происхождение которого нам неизвестно. У Луйсейал рыжие волосы и она слишком молода для столь прославленной Преподобной Матери.

Глядя, как приближается делегация женщин, Лето почувствовал, как всколыхнулась вся его память. Капюшоны надвинуты на лоб, скрывая лица. Слуги и послушницы шли сзади на почтительном расстоянии. Все это было частью тщательно продуманного ритуала. Ничто не изменилось за прошедшие тысячелетия. С равным успехом эти женщины могли войти и в настоящий сиетч, где их должны были приветствовать истинные фримены.

Их голова знает то, что отрицает тело, подумал Лето.

Всепроникающий взор Лето позволил ему заметить подавленную осторожность в глазах женщин, однако они входили в зал, как люди, уверенные в том, что находятся под надежной защитой своей религиозной власти.

Лето доставило удовольствие сознание того, что Бене Гессерит обладает только той силой, которую он сам им дал. Ему была ясна причина такого одолжения. Из всех подданных Империи эти женщины были больше других похожи на него самого — правда, их память была ограничена лишь женскими предками и они могли вспоминать только женские ритуалы — однако, как и он сам, эти Преподобные Матери являлись объединяющим воплощением целых групп.

Преподобные Матери остановились, как и положено, в Десяти шагах от Лето. Свита остановилась позади них на почтительном расстоянии.

Лето решил немного развлечься и приветствовал делегацию голосом и маской своей бабки Джессики. Они ожидали этого, и Лето не хотелось их разочаровывать.

— Добро пожаловать, Сестры, — сказал он. Голос, звучавший в тональности низкого контральто, с нотками язвительности, часто прослушивался и изучался в капитуле Общины Сестер.

Произнося приветствие, Лето почувствовал угрозу. Преподобные Матери всегда бывали недовольны такой формой приветствия, однако на этот раз в их реакции появились какие-то новые ноты. Монео тоже ощутил эту разницу. Он поднял палец, приказав Говорящим Рыбам придвигнуться ближе к Лето.

Первой заговорила Антеак:

— Господин, сегодня утром мы наблюдали на площади этот постыдный спектакль. Чего вы хотите достичь такими странными мерами?

Значит, мы решили говорить именно в таком тоне, подумал Лето.

Он заговорил своим обычным голосом.

— На какое-то время вы обрели мою милость. Это не устраивает вас и вы желаете изменить мое отношение?

— Господин, — произнесла Антеак, — мы потрясены и шокированы тем, как вы обошлись с полномочным послом. Мы действительно не понимаем, чего вы этим добивались.

— Я ничего не добивался, я был унижен этим человеком.

На этот раз заговорила Луйсейал.

— Это действие может лишь усилить ощущение гнета вашей власти.

— Меня же удивляет, почему столь мало людей говорит об угнетении со стороны Бене Гессерит? — отпарировал Лето.

Вместо Луйсейал на вопрос ответила Антеак:

— Если Богу-Императору будет угодно, то он сам расскажет нам об этом, а сейчас давайте перейдем к цели нашего посольства.

Лето улыбнулся.

— Вы двое можете подойти ко мне ближе. Оставьте свиту и приблизьтесь.

Монео отступил вправо, дав возможность женщинам приблизиться к Императору их характерной скользящей походкой на расстояние трех шагов от помоста.

— Такое впечатление, что у них нет ног, — пожаловался однажды Монео своему Императору.

Вспомнив эти слова, Лето внимательно пригляделся тому, как внимательно следит Монео за двумя женщинами. В их поведении было что-то угрожающее, но мажордом не осмелился возразить против их приближения к особе Императора. Бог-Император пожелал этого, и его воля должна быть исполнена.

Лето перевел взор на свиту, оставшуюся на месте. Послушницы были одеты в черные платья без капюшонов. Лето заметил кое-какие намеки на запрещенные ритуалы — амулеты, брелки, пестрые платки, которые оживляли строгую гамму костюма. Преподобные Матери смотрели на эти вещи сквозь пальцы потому, что не могли больше оделять своих девушек потребным количеством Пряности. *Замена привычному ритуалу.*

За последние десять лет в обычаях Бене Гессерит произошли значительные изменения. В мышлении Сестер появилась необычная для них сквердность.

Все тайное становится явным, думал между тем Лето. Старые таинства до сих пор живы.

Древние образцы дремали в сознании Сестер Бене Гессерит все прошедшие тысячелетия. Сейчас они проявятся. Надо дать знак Говорящим Рыbam. Он вновь обратил внимание на Преподобных Матерей.

— У вас есть просьбы?

— Каково ваше ощущение собственного бытия? — спросила Луйсейал.

Лето от неожиданности моргнул. Какая интересная атака! Они не спрашивали об этом в течение целого поколения. Ну что ж... почему бы и нет?

— Иногда с моих снов слетают оковы и они уносят Меня в какие-то странные места, — ответил он. — Если моя космическая память — это сеть, о чем вы двое, несомненно, знаете, то подумайте об измерении моей собственной сети, и куда могут завести меня мои сны и мечтания.

— Вы сказали нам о нашем определенном знании, — произнесла Антеак. — Почему мы не можем наконец объединить наши силы? В нас гораздо больше сходства, чем Различий.

— Скорее я соглашусь объединиться с дегенератами из Великих Домов, которые оплакивают потерянную Пряность!

Антеак сумела сохранить спокойствие, но Луйсейал уставила палец в Лето.

— Мы предлагаем единство!

— А я, по-вашему, настаиваю на конфликте? Антеак была явно взволнована.

— Говорят, что существует принцип конфликта, который возникает на уровне клеток и не может быть ничем поколеблен.

— Да, некоторые вещи навечно сохраняют свою не совместимость, — согласился Лето с Преподобной Матерью.

— Но тогда каким образом наша Община сумела достичь своего единства? — поинтересовалась Луйсейал.

В голосе Лето послышались стальные нотки.

— Как вам хорошо известно, секрет единства лежит в подавлении несовместимости.

— Наше сотрудничество имело бы огромную ценность, — сказала Антеак.

— Для вас, но не для меня. Антеак притворно вздохнула.

— В таком случае, мой господин, не расскажете ли вы нам о физических изменениях в вашем организме?

— Кто-то, кроме вас, должен узнать об этом и записать данные в хроники, — добавила Луйсейал.

— На случай, если со мной случится что-то страшное? — саркастически поинтересовался Лето.

— Господин! — запротестовала Антеак. — Мы...

— Вы рассекаете меня словами, хотя на деле предпочли бы гораздо более острый инструмент, — сказал Лето. — Меня оскорбляет такое лицемerie.

— Мы протестуем, господин! — заявила Антеак.

— Вы действительно протестуете, я это явственно слышу, — подтвердил Лето.

Луйсейал приблизилась к Лето еще на несколько миллиметров, сопровождаемая бдительным взглядом Монео, который затем взглянул в глаза Лето. Этот взгляд требовал действия, однако Лето проигнорировал сигнал мажордома. Ему было любопытно, что задумала Луйсейал. Чувство угрозы сконцентрировалось на рыжеволосой бестии.

Кто она? — подумал Лето. Неужели она — Танцующая Лицом?

Нет. В ее облике отсутствовали характерные знаки. Нет. Лицо Луйсейал сохраняло видимое тщательно сохраняемое спокойствие, не было ни малейшей мимики, которая позволила бы определить способность Лето к наблюдению.

— Так вы не расскажете нам о физических изменениях, господин? — продолжала настаивать на своем Антеак. *Это отвлекающий маневр!* — подумал Лето.

— Мой мозг стал просто гигантским, — сказал он. — Большая часть черепа просто исчезла, рассосалась. Нет никаких границ для роста коры и обслуживающей ее нервной системы.

Монео, не скрывая изумления, уставился на Бога-Императора. Почему он раскрывает такую жизненно важную информацию? Эти две женщины не станут делать из нее тайны и продадут первому встречному.

Женщины же были просто зачарованы таким откровением, они явно колебались, приводить ли в исполнение свой тщательно разработанный план.

— У вашего головного мозга есть центр? — спросила Луйсейал..

— Центр — это я, — ответил Лето.

— Но где он расположен, — Антеак сделала едва заметный жест. Луйсейал приблизилась еще на несколько миллиметров.

— Какую ценность представляют для вас эти сведения? — спросил Лето.

Женщины ничем не выдали своей заинтересованности, хотя это безразличие уже само по себе выдавало их намерения. Улыбка тронула губы Лето.

— Вас пленил рынок, — сказал он. — Даже Бене Гессерит оказались заражены ментальностью сукк.

— Мы не заслужили подобного обвинения, — возразила Антеак.

- Заслужили. Сукк ментальность господствует в моей Империи. Засилье рынка лишь заострило и умножило эти настроения. Мы все превратились в торговцев.
- Даже вы, господин? — спросила Луйсейал.
- Вы испытываете мой гнев, — произнес Лето. — Вы специалист в этом деле, не правда ли?
- Господин? — голос женщины оставался спокойным, но чувствовалось, что это спокойствие дается ей с большим трудом.
- Не следует доверять специалистам, — продолжал Лето. — Они мастера исключений, эксперты же могут судить о самом деле.
- Мы надеемся стать архитекторами лучшего будущего, — сказала Антеак.
- Лучшего, чем что?
- Луйсейал сделала еще один едва заметный шаг в сторону Лето.
- Мы надеемся представить свои стандарты на ваш суд, господин, — проговорила Антеак.
- Но вы же собираетесь стать архитекторами. Вы что, построяте еще более высокие стены? Не забывайте, Сестры, что я хорошо вас знаю. Вы превосходные поставщики шор.
- Жизнь продолжается, господин, — сказала Антеак.
- И вселенная тоже продолжает существовать, — согласился с ней Лето.
- Луйсейал, не обращая внимания на предостерегающий взгляд Монео, сделала еще один шаг вперед.
- Лето втянул носом воздух и едва не расхохотался. *Эссенция Пряности!*
- Они пронесли с собой немного эссенции. Женщины знали старые истории о песчаных червях и эссенции Пряности, конечно, это была инициатива Луйсейал. Она думает, что эссенция — это действенный яд для песчаных червей. Это подтверждает и Устное Предание. Эссенция приводит к распаду тела червя, в результате он рассыпается на множество песчаных форелей, а они снова превращаются в червей и так далее, и так далее, и так далее...
- Во мне произошло еще одно изменение, о котором вы должны знать, — заговорил Лето. — Я еще не полностью превратился в песчаного червя. Можете считать меня биологической колонией с измененной чувствительностью.
- Луйсейал сделала едва заметное движение левой рукой, протянув ее к складке платья. Монео заметил это и вопросительно посмотрел на Лето, но тот не отрываясь следил за выражением глаз молодой Преподобной Матери.
- У запахов есть масса причудливых свойств, — сказал вдруг Лето.
- Рука Луйсейал замерла.
- Духи и эссенции, — продолжал Лето. — Я помню все их запахи. Я помню даже те эссенции, которые по видимости были лишены их. Люди пользовались духами и дезодорантами, чтобы опрыскивать свои подмышки и промежности, чтобы замаскировать свои естественные запахи. Вы знали об этом? Ну конечно, знали!
- Антеак метнула быстрый взгляд в сторону Луйсейал.
- Женщины в страхе замолчали, не осмеливаясь произнести ни слова.
- Люди всегда инстинктивно понимали, что запахи феромонов выдают их истинные побуждения, — сказал Император.
- Женщины стояли неподвижно. Они слышали его. Преподобные Матери лучше всех остальных людей понимали истинный, скрытый смысл обращенных к ним слов.
- Вы хотели подвести мину под мою богатую память, — продолжал Лето. В голосе его прозвучало прямое обвинение.
- Вы очень ревнивы, господин, — призналась Луйсейал.
- Вы просто неверно поняли Устное Предание, — поправил ее Лето. — Песчаные форели воспринимают эссенцию как воду.

— Это было испытание, мой господин, — призналась Антеак. — Только и всего.

— Вы намеревались испытать меня? — изумился Лето.

— Всему виной наше любопытство, господин, — продолжала оправдываться Антеак.

— Я тоже очень любопытен, — произнес Император. — Положите эссенцию на помост, рядом с Монео. Я сохраню ее.

Медленно, нарочито демонстрируя твердостью движений отсутствие агрессивного намерения, Луйсейал извлекла из складок платья маленький флакон, излучающий голубое сияние. Она осторожно положила флакон на помост. Было заметно, что она не решится на отчаянный поступок.

— Ты действительно Вещающая Истину, — сказал Лето.

Она выдавила нечто похожее на улыбку и повернулась к Антеак.

— Где вы взяли эссенцию Пряности? — поинтересовался Император.

— Мы купили ее у контрабандистов, — ответила Антеак.

— Контрабандистов не существует уже две с половиной тысячи лет.

— Мы хранили ее все эти столетия, до этого она была нам не нужна.

— Понятно. И теперь вы решили оценить то, что считаете своим великим терпением, не так ли?

— Мы следили за эволюцией вашего организма, господин, — ответила Антеак. — Мы думали... — Она позволила себе слегка пожать плечами. Этот жест допускался только в присутствии Сестер, и не давался легко.

Лето обиженно сложил губы.

— Я не могу пожимать плечами, — сказал он.

— Вы накажете нас? — спросила Луйсейал.

— Чтобы развлечься?

Она выразительно взглянула на флакон с эссенцией.

— Я поклялся наградить вас, — сказал Лето, — и сделаю это.

— Мы бы предпочли защитить вас нашим единством, господин, — произнесла Антеак.

— Не напрашивайтесь на слишком большое вознаграждение, — осадил ее Лето.

Антеак склонила голову.

— Вы ведете дела с иксианцами, господин. У нас же есть основания полагать, что они могут обратиться против вас.

— Я боюсь их не больше чем вас.

— Вы, без сомнения, слышали о том, чем сейчас занимаются иксианцы, — вставила слово Луйсейал.

— Монео иногда доставляет мне копии писем, которыми обмениваются люди и группы внутри Империи, сказал Лето. — Так что я слышал множество историй на эту тему.

— Мы говорим о новой Мерзости, господин, — проговорила Антеак.

— Вы думаете, что иксианцы смогут создать искусственный интеллект? Такой же сознательный, как вы?

— Мы очень боимся этого, господин.

— Вы хотите заставить меня поверить в то, что идеи бутлерианского джихада все еще живы в Общине Сестер?

— Мы не можем уповать на неизвестное, возникающее из воображаемой технологии, — сказала Антеак.

Луйсейал подалась вперед.

— Иксианцы хващаются, что их машина может пронзать время так же, как вы, господин.

— А Гильдия утверждает, что иксианцы порождают хаос времени, — подзадорил женщину Лето. — Следовательно, мы должны бояться всего соторенного сущего, так?

Антеак замерла на месте в напряженной позе.

— Я совершенно искренен с вами, — заверил женщин Лето. — Я признаю ваши способности. Не хотите ли и вы признать мои?

Луйсейал коротко кивнула.

— Тлейлаксу и Икс вступили вговор с Гильдией и ищут нашего союза.

— Но вы очень боитесь иксианцев?

— Мы боимся всего того, что не в силах контролировать.

— Вы не контролируете меня.

— Если вас не станет, люди начнут испытывать нужду в нас! — воскликнула Антеак.

— Наконец вы говорите правду! — сказал Лето. — Вы пришли ко мне, словно к оракулу, и просите меня положить конец вашему страху.

Антеак взяла себя в руки, и ее голос прозвучал холодно и спокойно.

— Сумеет ли Икс создать искусственный мозг?

— Мозг? Конечно нет!

Луйсейал явно расслабилась, но Антеак продолжала оставаться очень напряженной. Она не была удовлетворена ответом оракула:

Почему эта глупость продолжает из века в век повторяться с такой монотонной точностью? — подумал Лето. Память услужливо представляла ему бесчисленные, сцены подобного рода — пещеры, священники и жрицы охваченные неземным экстазом, зловещие голоса, произносящие мрачные пророчества в дыму священного дурмана.

Он взглянул на сверкающий всеми цветами радуги флакон, лежавший у ног Монео. Какова текущая стоимость этой вещи? Она огромна. Это же эссенция. Концентрированный концентрат богатства.

— Вы уже расплатились со своим оракулом, — сказал он. — Мне было бы забавно дать вам полную стоимость.

Как напряглись при этом обе женщины!

— Слушайте меня! — приказал Лето. — То, чего вы боитесь, в действительности не то, чего вы боитесь на самом деле.

Лето наслаждался произведенным эффектом. Это прозвучало достаточно зловеще для такого рода пророчества. Антеак и Луйсейал молча, как приниженные просители, неподвижно стояли перед ним в смиренных позах. Позади них кашлянула одна из послушниц. Они выяснят, кто это был, и девушка получит солидное внушение, подумал Лето.

У Антеак было достаточно времени, чтобы переварить слова Императора. Она заговорила:

— Скрытая истина — не есть Истина.

— Но я направил ваше внимание по верному пути, — возразил он.

— Вы хотите сказать, чтобы мы не боялись машин. — спросила Луйсейал.

— Вы обладаете силой разума, — сказал Лето, — так зачем вы прибегаете к моей помощи?

— Но у нас нет вашей силы, — возразила Антеак.

— Вы жалуетесь, что не чувствуете ткани времени. Вы не ощущаете мою протяженность. И вы одновременно боитесь какой-то простой машины?

— Значит, вы не станете нам отвечать? — спросила Антеак.

— Не делайте ошибки, думая, что я не понимаю образа действия вашей Общины, — сказал Лето. —

Вы живые люди. Ваши чувства в высшей степени точно настроены. Я не остановлю этого, да и вам это не удастся.

— Но иксианцы свободно играют в свои автоматы, — запротестовала Антеак.

— Эти автоматы — не более чем разрозненные куски, законченные кусочки, соединенные в нечто целое, — согласился с Преподобной Матерью Лето. — Они уже запущены в движение, кто же их остановит?

Луйсейал отбросила свои навыки самоконтроля, приобретенные в Бене Гессерит, — верный признак того, что она безоговорочно признала превосходство Императора. В ее голосе появились визгливые нотки.

— Вы знаете, чем еще хващаются иксианцы? Они говорят, что их машина может предсказать ваши действия!

— Почему я должен этого бояться? Чем ближе они ко мне подберутся, тем больше будут нуждаться в союзе со мной. Они не могут завоевать меня, но я могу завоевать и покорить их.

Антеак хотела было заговорить, но Луйсейал схватила ее за рукав.

— Вы уже вступили в союз с Иксом? — спросила она, — Мы слышали, что вы очень долго беседовали с их послом — этой Хви Нори.

— У меня нет союзников, — ответил Император. — Только слуги, ученики и враги.

— И вы не боитесь иксианской машины? — настаивала на своем Антеак.

— Неужели простой автомат — это синоним искусственного интеллекта?

Глаза Антеак расширились и затуманились от невольного воспоминания. Лето, как зачарованный, следил за ее реакцией. В их сознании была и общая память.

Лето почувствовал всю соблазнительность единения с Общиной Сестер — это будет так знакомо, так полезно... и так смертельно. Антеак попыталась соблазнить его и таким путем.

Вот она заговорила:

— Машина не может предвидеть каждую проблему, важную для живого человека. Существует большая разница между — дискретным пространством и непрерывным континуумом. Мы живем в одном пространстве, а машины существуют в другом.

— Оказывается, ты все еще обладаешь силой разума сказал Лето.

— Поделись! — приказала Луйсейал. Это восклицание показало, кто доминирует в паре — младшая распоряжалась старшей. Лето постарался не показать свое удивление.

Замечательно! — подумал он.

— Умение мыслить помогает приспособляемости, сказала Антеак.

Она экономит на словах, Лето снова постарался не показать удивления.

— Умение мыслить порождает творчество, — сказал он. — Это означает, что вам придется иметь дело с такой ответственностью, которой вы раньше не знали. Вам придется столкнуться с новым.

— Таковы возможности иксианской машины, — сказала Антеак, и это не был вопрос.

— Разве это не интересно, — спросил Лето, — что недостаточно быть непревзойденной Преподобной Матерью?

Его обостренные чувства сказали Императору, что обеими женщинами овладел страх. Действительно, они были настоящими Вещателями Истины!

— Вы вправе напугать меня, — сказал он. Возвысив голос, он спросил: — Откуда вам известно, что вы еще живы.

Так же, как Монео, обе женщины почувствовали, что их судьба зависит от того, насколько верный ответ они дадут на этот вопрос. Лето был очарован тем, что, прежде чем заговорить, обе одновременно взглянули на мажордома.

— Я — зеркало самой себя, — ответила Луйсейал; то был ответ в духе Бене Гессерит, который оскорбил Лето.

— Мне не требуются предварительная инструментальная настройка, чтобы решать мои человеческие проблемы, — сказала Антеак. — Ваш вопрос для подготовительного класса.

— Ха-ха, — усмехнулся Лето. — Как же вам хочется покинуть Бене Гессерит и примкнуть ко мне?

Лето видел, что она обдумала и отвергла это предложение, однако сам процесс немало позабавил Бога-Императора.

Лето взглянул на озадаченную Луйсейал.

— Если ваше поведение выпадает за ваши мерки, то вы живой человек, а не автомат, — сказал он, подумав: *Она никогда не будет больше доминировать в этой паре, старшая Преподобная Мать взяла реванш.*

Луйсейал разозлилась и не сочла нужным это скрывать.

— Говорят, что иксианцы снабжают вас машинами, которые имитируют человеческое мышление. Если вы такого низкого мнения о машинах, то тогда зачем...

— Ее нельзя выпускать из капитула без надежной охраны, — сказал Лето. — Как она живет, если боится обращаться к своей собственной памяти?

Луйсейал побледнела, но сохранила молчание.

Лето посмотрел на нее с холодным вниманием.

— Бессознательные взаимоотношения наших предков с машинами кое-чему научили и нас, как вы думаете?

Луйсейал продолжала молчать, не рискуя подвергнуть свою жизнь опасности неудачным ответом.

— Но ты не станешь отрицать, что мы по крайней мере знаем о привлекательности машин? — спросил Лето.

Луйсейал кивнула.

— Хорошо настроенная машина может быть гораздо полезнее живого слуги, — продолжал Лето. — Мы можем доверять машинам в том, что они не позволят себе отвлекаться на эмоции.

Луйсейал наконец обрела способность говорить:

— Значит ли это, что вы намерены отменить бутлерианское запрещение производства мерзких машин?

— Клянусь тебе, — произнес Лето ледяным тоном, — что если ты и дальше будешь говорить такие глупости, то я прикажу тебя публично казнить. Я — не оракул!

Луйсейал открыла рот, но снова закрыла его, не произнеся ни слова.

Антеак, коснувшись руки подруги, почувствовала, что женщину бьет крупная дрожь. Антеак заговорила, демонстрируя возможности Голоса.

— Наш Бог-Император никогда открыто не отменит проскрипции бутлерианского джихада.

Лето в знак поощрения мягко улыбнулся Преподобной Матери. Какое удовольствие наблюдать работу профессионала, особенно если он изо всех сил старается не ударить в грязь лицом.

— Это должно быть очевидно для любого познающего разума, — сказал Лето. — Всегда есть границы нашего выбора, места, где я не могу вмешиваться в ход событий.

Он видел, как обе женщины, словно губки, впитывают в себя его слова, взвешивая их смысл и намерения Императора. Не хочет ли он отвлечь их внимание разговорами об Иксе, а в это время решить какие-то другие проблемы за их счет? Не говорил ли он сестрам Бене Гессерит, что настало время выбрать стиль поведения по отношению к Иксу? Но, может быть, его слова значат лишь то, что он высказывает на поверхности? Каков бы ни был смысл, его ни в коем случае нельзя игнорировать. Лето, несомненно, был самым непредсказуемым созданием, сотворенным за всю историю вселенной.

Лето, нахмутившись, посмотрел на Луйсейал, зная, что этим лишь усилит ее растерянность и смятение.

— Хочу особо указать тебе, Маркус Клер Луйсейал, что урок прошлого, перегруженного машинами

всякого рода, урок, который ты не усвоила, состоит в том, что в таких обществах люди стали относиться к себе подобным, как к машинам. Это машины так модифицировали человеческое поведение.

Он обернулся к Монео.

— Монео?

— Я вижу его, мой господин.

Мажордом изогнул шею и, не выпуская из виду сестер Бене Гессерит, посмотрел на Айдахо, входящего в зал через дальний вход. Дункан пересек зал и подошел Лето. Монео не мог скрыть своей тревоги, но успел отметить про себя смысл длинной лекции Лето: «Он испытывает. Он всегда всех испытывает».

Антеак откашлялась.

— Господин, что вы можете сказать о нашем вознаграждении?

— Вы храбры, — ответил Лето. — Несомненно, именно поэтому вас выбрали в качестве послов. Очень хорошо, на следующее десятилетие вы получите обычное количество Пряности. Что касается остального, то я предам забвению то, что вы намеревались сделать с помощью эссенции. Разве я не щедр и не великодушен?

— Вы чрезвычайно щедры, господин, — сказала Антеак, и в ее голосе действительно не было ни горечи, ни обиды.

Дункан Айдахо протиснулся мимо женщин и, остановившись возле Монео, пристально посмотрел на Лето.

— Мой господин... — он осекся и красноречиво взглянул на Преподобных Матерей.

— Говори при них, — приказал Лето.

— Слушаюсь, мой господин. — Айдахо не хотел говорить, но пришлось подчиниться приказу Бога-Императора. — Мы были атакованы на юго-восточной окраине города. Я считаю, что это был отвлекающий маневр, поскольку сейчас докладывают о новых беспорядках и вспышках насилия в городе и в Запретном Лесу — там действуют рассеянные группы нападающих.

— Они охотятся за моими волками, — сказал Лето. — В лесу и в городе — они охотятся на волков.

Айдахо в изумлении сдвинул брови.

— Волки в городе, мой господин?

— Хищники, — сказал Лето. — Волки или хищники — для меня нет никакой разницы.

У Монео перехватило дыхание.

Лето улыбнулся мажордому, радуясь моменту прозрения — с глаз пала пелена, пришло понимание происходящего.

— Я привел крупные силы гвардии к сиетчу, — доложил Айдахо. — Посты расставлены через...

— Я знал, что ты это сделаешь, — перебил его Лето. — Теперь слушай внимательно, куда я прикажу направить остальных.

Преподобные Матери в суеверном благоговении слушали, как Лето указывает Айдахо конкретные места засад, численность пикетов, называет имена Говорящих Рыб, расписывает время, необходимое вооружение, развертывание сил в каждом конкретном месте. Айдахо автоматически запоминал приказ во всех его подробностях. Только когда Лето замолчал, Айдахо задался мучившим его вопросом. На лице начальника гвардии отразился страх недоумение.

Лето не составило труда прочесть самые сокровенные мысли Дункана. Я был верным солдатом настоящего господина Лето, думал Айдахо. Тот Лето, дед нынешнего, спас меня и взял в свой дом, как сына. Но даже хотя этот Лето почти то же, что его дед, все же... это не совсем то... это не он.

— Мой господин, зачем вам нужен я? — опросил Дункан.

— Ты нужен мне, потому что ты силен и верен. Айдахо покачал головой.

— Но я...

— Подчиняйся, — приказал Лето и заметил, какое воздействие его слова оказали на Преподобных Матерей. *Правду, только правду. Ведь они — Вещающие Истину.*

— Потому что я в долгу перед Атрейдесами, — сказал Айдахо.

— Именно на этом мы утверждаем наше упование, — ответил Лето. — А что наш Дункан?

— Мой господин, — твердо произнес Айдахо, снова обретя почву под ногами.

— В каждом из мест оставь хотя бы одного мятежника в живых, — сказал Лето, — иначе наши усилия будут тщетны.

Айдахо кивнул, четко повернулся и вышел тем же путем, что и вошел. Лето подумал, что надо иметь очень наметанный глаз, чтобы понять, что Айдахо вошел в зал одним человеком, а вышел совершенно другим.

— Все это из-за порки посла, — сказала Антеак.

— Точно так, — согласился Лето. — Подробно расскажите об этом своей предводительнице, несравненной Преподобной Матери Сиаксе. Скажите ей, что я предпочитаю компанию хищников, а не жертв, — он перевел взгляд на Монео, который превратился в воплощение внимания. — Монео, в лесу больше нет волков. Их надо заменить людьми, точнее, волками в человеческом облике.

Проследи за этим.

Пророчество в состоянии транса не похоже ни на какое другое видение. Это не аномалия, не примитивное обнажение чувств (какое наблюдается при многих других состояниях транса), но, скорее, погружение во множество новых движений. Предметы начинают двигаться. Это конечное воплощение прагматизма в море бесконечного, вопрошающее сознание, пребывая в котором вы наконец приходите к представлению о том, что вселенная обладает внутренне присущим ей движением, что она меняется, что она сама управляет этими изменениями, что ничто не остается неизменным или абсолютным на фоне этого беспрестанного движения, что механические объяснения этих явлений ограничены строгими рамками и что когда стены этих рамок сломаны, то старые объяснения рассыпаются и исчезают, сметенные новым мощным движением. То, что человек видит в таком состоянии, отрезвляет, а зачастую и потрясает. Эти видения требуют концентрации всех сил, чтобы сохранить цельность сознания, и даже если это удается, то человек выходит из состояния транса совершенно обновленным..

Ночью, после напряженного дня аудиенций, когда все Другие спали, сражались, мечтали или умирали, Лето отдыхал в своем Зале Аудиенций. У входов стояли несколько отборных Говорящих Рыб. Другой охраны поблизости не было.

Лето не спал. Его душа бурлила в смятении от неудовлетворенных желаний и разочарований.

Хви! Хви!

Он понимал, почему в качестве посла здесь появилась именно Хви. Очень хорошо понимал!

Самый тайный из его секретов стал явным.

Они разгадали его секрет, и свидетельством тому стала Хви.

Ум Лето приходил в отчаяние. Можно ли обратить этот ужасный метаморфоз? Может ли он вернуть себе человеческий облик?

Нет. Такой возможности нет. Да и если бы она была, для ее осуществления потребовался бы такой же срок, как и для достижения его нынешнего состояния. Во что превратится Хви через три тысячи лет? В сухую пыль и груду костей в крипте.

Я мог бы вывести такую же, как она, и приготовить ее для себя, но то была бы уже не моя сладостная Хви.

И что будет с Золотым Путем, если он начнет давать себе такие эгоистические поблажки?

К дьяволу этот Золотой Путь! Разве эти сумасбродные идиоты когда-нибудь вспомнят обо мне? Никогда и никто.

Но это же неправда. Хви думает о нем и разделяет его пытку.

То были безумные мысли, и он попытался избавиться от них, его чувства говорили о движениях Говорящих Рыб, о воде, текущей под полом.

Когда я делал свой выбор, то на что я надеялся, чего ожидал?

Как вся эта толпа смеялась над моими вопросами. Но разве у него не было задачи завершить начатое предками? Разве не это было условием сдерживания толпы в его сознании?

— Ты должен завершить наше дело, — говорили они. — У тебя одна и только одна цель.

Одна-единственная цель — это отличительный знак фанатика. А я не фанатик!

— Ты должен быть циничным и жестоким. Ты не можешь нарушить доверие.

Но почему нет?

— Кто дал эту клятву? Ты. Ты сам выбрал свой путь.

Ожидания!

— Ожидания, которые история творит для одного поколения, могут ничего не значить для другого. Кто знает это лучше, чем ты?

Да... и обманутые ожидания могут сделать чужими друг другу целые народы. Я же один — как целый народ!

— Помни свою клятву!

В самом деле. Я — разрушительная сила, освободившая бич, занесенный над человечеством на протяжении веков. Я ограничиваю ожидания... включая мои собственные. Я смягчаю удары мятника.

— Чтобы в конце концов отпустить его. Никогда не забывай об этом.

Я устал. О, как я устал. Если бы только я мог уснуть... действительно, по-настоящему уснуть.

— Ты просто полон жалости к себе.

Почему нет? Почему именно я? Одинокая бесконечность, которая взирает на то, что могло бы быть. Каждый день и каждую ночь я взираю на это... и вот. Хви!

— Твой первоначальный бескорыстный выбор теперь наполняет тебя эгоизмом.

Вокруг столько опасностей. Я просто обязан носить свой эгоизм, словно броню.

— Опасность существует для любого, кто соприкасается с тобой. Разве не в этом заключается твоя подлинная природа?

Я опасен даже для Хви. Для дорогой, ненаглядной, милой Хви!

— Ты построил вокруг себя высокие стены только для того, чтобы сидеть за ними и предаваться жалости к своей персоне?

Неправда, стены были воздвигнуты только потому, что над моей Империей бушуют страшные силы.

— Ты сам освободил их. Теперь ты пойдешь с ними на компромисс?

Это делает Хви. Эти чувства никогда прежде не были во мне так сильны. Эти проклятые иксианцы!

— Как интересно, что они одолели тебя с помощью живой плоти, а не своими хитроумными машинами.

Это оттого, что они разгадали мой секрет.

— Ты знаешь противоядие.

При этой мысли все огромное тело Лето содрогнулось. Он хорошо знал это противоядие — надо освободить себя и свое собственное прошлое — это всегда срабатывало. Даже сестры Бене Гессерит не умели совершать такие сафари по оси своей памяти — назад, назад, к первоначальной клетке, к ее сознанию, ощутить восторг первобытного чувства. Он вспомнил, как после смерти особенно великолепного Дункана он устроил себе музыкальную экскурсию во времени. Моцарт утомил его своей претенциозностью, но Бах. Ах, как это было прекрасно!

Лето вспомнил испытанную тогда радость.

Я сидел за органом и позволял музыке опустошать себя.

Только три раза он сталкивался в своей памяти с чем-то таким же прекрасным, как Бах. Даже Ликальо был таким же прекрасным, но не лучшим.

Может быть, память женщин-интеллектуалок лучше всего подойдет для его сегодняшней цели? Например, память бабушки Джессики. Она была одной из лучших. Однако опыт говорил, что такая близкая родственница, как Джессика, в данном случае не лучший выбор. Надо искать гораздо дальше.

Он представил себе, как рассказывает о своем сафари какому-то незнакомцу, который слушает его с благоговением, поскольку никто и никогда не осмеливался задавать Лето вопросы на столь священную тему.

«Я продвигаюсь все дальше и дальше сквозь рой летящих навстречу мне предков, преследую данников, заглядываю в темные закоулки и самые сокровенные углы. Ты никогда не угадаешь имена людей, которых я встречал. Кто слышал о Норме Ченве? А я жил ее жизнью!»

«Жил ее жизнью?» — спросил бы невидимый воображаемый слушатель.

«Конечно, — иначе зачем бы я держал в своей памяти всю эту орду? Ты думаешь, что первый корабль Космической Гильдии сконструировал мужчина? Ваши учебники истории утверждают, что этим человеком был Аурелиус Венпорт. Учебники лгут. Корабль изобрела его любовница Норма.

Она придумала ему конструкцию, а заодно подарила пятерых детей. Его „я“ не было согласно на меньшее. Так он думал. В конце концов осознание того, что не он был изобретателем, довело его до саморазрушения».

«Ты жил и его жизнью?»

«Естественно. Я прошел путями дальних странствий фрименов. По линии отца и других. Я прошел до самого Дома Атрейдес».

«Какая блестательная родословная».

«Среди них было изрядное количество глупцов».

Мне нужно отвлечься, подумал он.

Может быть, устроить тур по сексуальным приключениям?

«Ты даже не представляешь, какие внутренние сексуальные оргии мне доступны! Я — конечный созерцатель эротических сновидений — участник и наблюдатель. Невежество и непонимание сексуальности наделали в мире так много бед. Как бесконечно узок был наш мир и наши представления — сплошное уродство».

Лето прекрасно понимал, что не может пойти по этому пути, во всяком случае, не сегодня. В этих сновидениях не будет Хви.

Может быть, выбрать войну?

«Какой из этих Наполеонов окажется большим трусом? — спросил он своего воображаемого гостя. — Я не открою тебе этого, но я-то знаю. О да, я знаю».

Куда я могу пойти? Со всем прошлым, открытым для меня; куда я могу пойти?

Бордели, мерзости, тираны, акробаты, нудисты, хирурги, мужчины-проститутки, музыканты, фокусники, священники, ремесленники, жрицы...

«Ведомо ли тебе, — спросил он снова воображаемого гостя, — что хула сохраняет древний язык знаков, которым когда-то объяснялись между собой только мужчины? Ты никогда не слышал о хула! Ну, конечно, не слышал. Кто еще танцует этот танец? Танцоры сохраняют многое. Перевод смысла утрачен, но я его знаю».

«Однажды ночью я был многими халифами и шел на Восток и на Запад, неся с собой свет ислама — это было путешествие через века. Я не стану утомлять тебя подробностями. Уходи, гость, уходи!»

Как это соблазнительно, думал он, слушать зов сирен, которые заставят меня жить только в прошлом.

И как бесполезно теперь это прошлое из-за проклятых иксианцев. Как скучно это прошлое — ведь в нем нет Хви. Зато она здесь. Она придет ко мне сейчас. Если я позову ее. Но я не могу позвать ее... не сегодня... не сейчас.

Прошлое продолжало манить к себе.

Я могу совершить паломничество в свое прошлое. Это не будет сафари. Я могу пойти туда один. Паломничество очищает. Сафари же превратит меня в туриста. Это большая разница. Я могу пойти в свой внутренний мир один.

Уйти туда, чтобы никогда не вернуться назад.

Лето чувствовал неизбежность такого исхода, сновидения рано или поздно заманят его в свою ловушку.

Я создаю состояния сновидения для всей моей Империи. В этих снах создаются новые мифы, рождаются новые направления и возникают новые движения... Новое, новое, новое... Вещи возникают из моих снов, из моих мифов. Но кто более чувствителен к ним, чем я? Охотник попал в расставленные им силки.

Лето понял, что попал в условия, от которых не существует противоядия — ни в прошлом, ни в настоящем, ни в будущем. Его огромное тело дрожало в полумраке Зала Аудиенций.

Возле портала одна из Говорящих Рыб прошептала другой:

— Бог встревожен?

Ее подруга ответила:

— Грехи мира лишат покоя кого угодно.

Лето слушал их и безмолвно плакал.

Решив повести человечество по Золотому Пути, я поклялся себе преподать людям урок, который они усвоят мозгом своих костей. Я очень хорошо понимаю, к чему стремятся смертные всеми своими поступками, хотя и отрицают это на словах. Люди говорят, что ищут спокойствия и безопасности, называя это условие миром. Но говоря так, они сами всюду сеют семена раздора и насилия. Обретая спокойствие, они начинают корчиться в муках. Им становится невыразимо скучно. Посмотрите на них. Посмотрите, что они творят, когда я диктую эти строки. Ха! Я даю им бесконечную эпоху принудительного мира, невзирая на их бесчисленные попытки снова погрузиться в хаос. Поверьте, память о Мире Лето вовеки пребудет с родом человеческим. После меня люди будут искать мира и спокойствия с величайшими предосторожностями и осмотрительностью.

Проклиная свою судьбу, Айдахо на рассвете летел в «безопасное место», сидя рядом с Сионой в имперском орнитоптере. Машина направлялась к востоку, навстречу солнцу, заливавшему дугой яркого света изрезанный квадратами полей ландшафт.

Орнитоптер был достаточно велик для того, чтобы взять на борт взвод Говорящих Рыб и двух гостей. Пилот, капитан гвардии, женщина могучего телосложения, которую Айдахо не мог представить себе улыбающейся, представилась как Инмейр. Она сидела впереди Айдахо, по бокам от нее расположились две мускулистые Говорящие Рыбы. Еще пять таких же гвардейцев сидели вокруг Сионы и Айдахо.

— Бог приказал мне вывезти вас из Города, — сказала Инмейр Айдахо накануне в помещении командного пункта, расположенного под площадью. — Это делается для вашей же безопасности. Мы вернемся завтра утром на Сиайнок.

Айдахо, утомленный прошедшими тревожными сутками, сразу почувствовал бесполезность всяких возражений — не было смысла противиться приказам «самого Бога». С первого взгляда на руки Инмейр стало ясно, что в случае неповиновения она одним движением свернет Айдахо шею.

Капитан вывела Дунканна из командного пункта, и они вышли в ночь, под черный шатер неба, усеянного, словно бриллиантами, яркими крупными звездами. Только подойдя к орнитоптеру, Айдахо увидел сидевшую в нем Сиону и у него сразу возник вопрос о цели этого внезапного отъезда.

Еще ночью Айдахо понял, что не все беспорядки в Онне были организованы мятежниками. Когда же он поинтересовался Сионой, Монео ответил, что «дочь в безопасности и что ее поручат попечению Дунканна».

В орнитоптере Сиона не стала отвечать на вопросы Айдахо, храня упорное молчание. Она напомнила ему его самого в те первые, самые горькие дни, когда он поклялся всю жизнь бороться против Харконненов. Но где коренился горечь Сионы? Что движет ею?

Сам не зная почему, Айдахо принял мысленно сравнивать Сиону с Хви Нори. Было нелегко встретиться с Хви, но Айдахо умудрился это сделать, несмотря на то, что Говорящие Рыбы требовали его постоянного присутствия на службе.

Деликатность, вот было самое подходящее слово для характеристики Хви. Эта деликатность была присуща ей изначально и придавала ей огромную силу обаяния и таинственную власть. Он находил эти черты Хви необычайно притягательными.

Мне надо чаще с ней встречаться.

Но... сейчас приходилось довольствоваться угрюмым молчанием сидящей рядом Сионы. Ну что ж, на молчание можно ответить таким же молчанием.

Айдахо посмотрел вниз, на проплывавший под ними ландшафт. То там то сям он видел огоньки деревень, в стеклах окон на мгновение вспыхивали отблески восходящего солнца. Пустыня Сарьира осталась далеко позади и было такое впечатление, что эту землю невозможно опустошить.

Есть вещи, которые не могут сильно меняться, подумал он. Они просто переходят из одного места в другое и приспособливаются, слегка трансформируясь.

Этот ландшафт напомнил Айдахо роскошные сады Каладана, где в течение многих поколений жили Атрейдесы до того, как отправились на Дюну. Видны были узкие дороги, торговые пути, по которым медленно двигались повозки, запряженные шестиногими животными — торсами. Монео говорил, что торсы, выведенные специально для такой местности, были самой распространенной рабочей скотиной во всей Империи.

«Нацией, которая передвигается пешком, легче управлять».

Эти слова Монео эхом отдавались в мозгу Айдахо, когда он рассматривал пейзаж обновленной Дюны. Впереди расстилалась идиллическая картина — мягкие очертания холмов, погруженная в предутренний мрак долина, по дну которой протекал невидимый отсюда ручей. Только поднимавшийся над некоторыми местами дымок, пасущиеся овцы и коровы говорили о том, что здесь живут люди.

Сиона внезапно оживилась и тронула пилота за плечо, указывая на место, расположенное справа по курсу.

— Это не Гойгоа? — спросила девушка.

— Да, — ответила Инмейр, не поворачивая головы. В ее голосе прозвучало сильное чувство, природа которого была непонятна Айдахо.

— Разве это не безопасное место? — спросила Сиона.

— Безопасное, — последовал ответ.

Сиона взглянула на Айдахо.

— Прикажи ей приземлиться здесь.

Не понимая, почему он подчиняется этому требованию, Дункан сказал Инмейр:

— Сажай машину здесь.

Капитан обернулась, и ее лицо, которое ночью казалось Дункану бесстрастной маской, исказилось от какого-то неведомого сильного переживания. Уголки глаз подергивались, рот искривился в неприятной гримасе.

— Только не Гойгоа, командир, — сказала она. — Есть место лучше...

— Бог-Император приказал тебе отвезти меня именно туда? — спросила Сиона.

В глазах Инмейр сверкнул гнев, однако она не стала смотреть в глаза Сионы.

— Нет, но он...

— Тогда мы приземлимся в Гойгоа, — принял решение Айдахо.

Инмейр резко отвернулась к панели управления, и Айдахо прижало к Сионе центробежной силой — орнитоптер зашел на посадку, направленный к маленькому пятаку, спрятанному в тени зеленого холма.

Заглядывая через плечо капитана, Дункан попытался рассмотреть место приземления. В самом центре пятака стояла деревня, выстроенная из того же черного камня, из которого были сложены заборы. На склонах, окаймлявших селение, виднелись огороды, склоны, полого поднимавшиеся к седловине, были густо засажены фруктовыми деревьями. В небе, несомые утренними потоками воздуха, кружили ястребы.

Айдахо взглянул на Сиону.

— Что такое Гойгоа?

— Скоро увидишь.

Инмейр направила орнитоптер к поросшему травой пустырю на окраине деревни. Одна из Говорящих Рыб открыла дверь со стороны деревни. В ноздри Айдахо ударил головокружительный аромат — запахи скошенной травы, навоза и едкого дыма печей. Он выпрыгнул из орнитоптера. На улице собирались люди — поглязеть на пришельцев. Дункан заметил, как пожилая женщина в длинном зеленом платье, наклонившись, что-то прошептала на ухо ребенку, и тот побежал прочь по улице, скрывшись за поворотом.

— Ну что, нравится? — спросила Сиона, подойдя к Айдахо.

— Приятное местечко, — ответил он.

К ним подошли Инмейр и остальные Говорящие Рыбы. Сиона взглянула на гвардейцев.

— Когда мы вернемся в Онн? — спросила она.

— Вы не вернетесь, — ответила Инмейр. — Мне приказано отвезти вас в Цитадель. В Онн вернется только командир.

— Ясно, — кивнула Сиона. — Когда мы отправимся?

— Завтра на рассвете. Я пойду договорюсь со старостой о квартире, — сказала Инмейр и, отойдя от группы, направилась в деревню.

— Гойгоа, — задумчиво произнес Айдахо. — Какое странное название. Интересно, что было здесь во времена Дюны?

— Я знаю, — сказала Сиона. — Здесь было место, называемое Шулох, что означает «проклятое место». Здесь жили люди, которых истребили после того, как они совершили ужасные преступления, так утверждает Устное Предание.

— Якуруту, — прошептал Айдахо, припоминая старые легенды о похитителях воды. Он оглянулся, пытаясь отыскать в местности следы хребтов, скал и дюн, но тщетно. Видны были только два старика с безмятежными лицами, которые вместе с Инмейр приближались к орнитоптеру. На мужчинах были надеты поношенные брюки и рубашки. Оба были босы.

— Ты знаешь это место? — спросила Сиона.

— Только его древнее легендарное название, — признался Дункан.

— Говорят, что здесь водятся привидения, — проговорила Сиона, — но я в это не верю.

Инмейр остановилась перед Айдахо и сделала знак старикам подождать.

— Квартиры здесь бедны, но подходят для ночлега, — Доложила она, — но вы можете остановиться в одном из Частных владений.

Произнося последние слова, Инмейр оглянулась на Сиону и вопросительно посмотрела на девушку.

— Это мы решим позже, — ответила Сиона и взяла Айдахо под руку. — Мы с командиром прогуляемся по деревне и осмотрим окрестности. Здесь очень красивый вид.

Инмейр хотела что-то сказать, но промолчала.

Айдахо без сопротивления позволил Сионе провести себя мимо двух старииков, которые во все глаза смотрели на них.

— Я пошлю с вами двух человек, — крикнула им вслед Инмейр.

Сиона остановилась и оглянулась.

— Разве в Гойгоа небезопасно?

— Здесь очень тихо, — заговорил один из местных старииков.

— В таком случае нам не нужна охрана, — решила Сиона. — Пусть гвардейцы лучше охраняют орнитоптер.

Она повела Айдахо дальше.

— Ладно, — сказал Айдахо и высвободил руку. — Так что это за место?

— Ты скоро убедишься, что от древнего Шулоха не осталось и следа. Эта деревня очень подходит для отдыха. Райский уголок.

— Ты что-то задумала, — сказал Айдахо. — Скажи, что именно.

— Я часто слышала, что гхола очень любят задавать вопросы, — ответила Сиона. — Но сейчас я тоже хочу кое-что выяснить.

— Даже так?

— Каким человеком был в твоё время Лето?

— Какой Лето?

— Да, я забыла, что так же звали и его деда. Естественно, я имею в виду нашего Лето.

— Он был тогда ребенком. Это все, что я могу о нем сказать.

— Устное Предание гласит, что в этой деревне родилась одна из его первых невест.

— Невест? Я думал...

— Тогда он еще обладал человеческим обликом. Это было после смерти его сестры, но до того, как он превратился в червя. Устное Предание, кроме того, говорит, что все его невесты исчезли в казематах Цитадели и с тех пор их никто не видел живьем, только на голограммах. В течение же последних тысячелетий у него не было невест.

Тем временем они вышли на небольшую площадь в центре деревни — квадрат земли со стороной не более пятидесяти метров с огороженным прудом посередине. Сиона села на этот парапет и, хлопнув по нему ладонью, предложила Айдахо сесть рядом. Дункан огляделся, отметив, что люди следят за ним из-за опущенных занавесок, а дети указывают пальцами и перешептываются. Он обернулся к Сионе, но остался стоять.

— Так что же это за место?

— Я уже сказала тебе. Кстати, я хочу знать, кто был Муад'Диб.

— Это был друг, о котором может мечтать каждый человек.

— Значит, Устное Предание говорит правду, хотя оно же утверждает, что его наследники создали деспотию, а это звучит довольно зловеще.

Она завлекает меня в какую-то западню, подумал Айдахо.

Он натянуто улыбнулся, обдумывая возможные мотивы Сионы. Казалось, она ждет какого-то очень важного события, ждет с волнением, может быть, даже со страхом, не лишенным, впрочем, какого-то восторженного оттенка. Но больше никаких намеков не было. Все это пока походило на обыкновенную светскую болтовню, она просто занимает время, но до каких пор и что за этим последует?

Его размышления были прерваны топотом бегущих ног. Айдахо обернулся и увидел ребенка лет восьми, который Изо всех сил бежал к ним по боковой улочке. Босые ноги Малыша взметали фонтанчики пыли, а вдалеке слышался громкий голос матери. Которая звала сына вернуться. Ребенок остановился в десяти шагах от Айдахо и уставил на Него такой напряженный, алчущий взгляд, что Дункан ощущил внутреннее неудобство. Этот ребенок казался очень знакомым, еще дитя, но в его чертах угадывался мужчина — высокие скулы, курчавые темные волосы, складка над бровями. На мальчике был надет синий, вылинявший от многочисленных стирок комбинезон, сшитый, впрочем, из хорошего, добротного и прочного материала.

— Нет, ты не мой отец, — объявил ребенок. Повернувшись, он опрометью бросился прочь и вскоре исчез за углом.

Айдахо, нахмурившись, взглянул на Сиону, боясь задать вопрос, который вертелся у него на языке: *Это биш ребенок моего предшественника?* Он знал ответ и без этого, слишком очевидно было сходство. *Этот ребенок — я сам в детстве.* Это понимание опустошило его, повергло в растерянность. *Какова мера моей ответственности?*

Сиона закрыла лицо руками и опустила плечи. Все произошло совсем не так, как она себе представляла. Она почувствовала, что ее подвела собственная жажда мести. Айдахо был не просто гхола, нечто чуждое, с чем можно было не считаться. Она вспомнила, как он невольно прижался к ней в орнитоптере, как на его лице отражались обычные человеческие чувства. И этот ребенок...

— Что произошло с моим предшественником? — спросил Айдахо. Голос его звучал бесстрастно, в нем слышалось обвинение.

Сиона отняла руки от лица. В глазах ее металась плохо скрытая ярость.

— Мы не знаем наверняка, — ответила она, — но однажды он вошел в Цитадель и больше его не видели.

— Это его ребенок?

Она молча кивнула.

— Это точно, что не ты убила моего предшественника.

— Я... — Она была потрясена искренними сомнениями в его голосе, его обвинением.

— Мы прилетели сюда только из-за этого ребенка?

Она судорожно сглотнула.

- Да.
- Что, по-твоему, я должен был с ним сделать?
- Она пожала плечами, чувствуя, что совершила не вполне пристойный поступок.
- Что ты можешь сказать о его матери? — спросил Айдахо.
- Она и прочие живут на той улице, — она кивнула головой в ту сторону, куда убежал мальчик.
- Прочие?
- Там есть еще старший сын... дочь... Ты не... Я хочу сказать, что могу устроить...
- Нет! Мальчик прав — не я его отец.
- Прости меня, — прошептала Сиона. — Мне не следовало этого делать.
- Но почему он выбрал это место? — спросил Айдахо.
- Отец... твой...
- *Мой предшественник!*
- Потому что здесь был дом Ирти, а она никуда не желала отсюда уезжать. Так рассказывают люди.
- Ирти... мать?
- Жена, согласно старому обычаю, освященному Устным Преданием.
- Айдахо оглядел каменные стены домов, окружавших площадь, окна, занавешенные плотными занавесками, узкие двери.
- Так он жил здесь?
- Когда мог.
- Как он умер, Сиона?
- Честно говоря, я не знаю... Но других Червь убил. Это мы знаем точно!
- Откуда ты можешь это знать? — Он так внимательно смотрел на девушку, что она, не выдержав его взгляда, отвернулась в сторону.
- У меня нет сомнений в подлинности историй о моих предках, — ответила она. — Они рассказаны мне по кусочкам — замечание об этом, сплетня о другом, слух о третьем, но я верю в эти рассказы. И мой отец тоже в них верит!
- Монео ничего не рассказывал мне об этом.
- Есть одна вещь, которую определенно можно сказать об Атрейдесах, — заговорила Сиона. — Мы верны, и это факт. Мы всегда держим свое слово.
- В изумлении Айдахо открыл было рот, но смолчал. *Ну, конечно, Сиона тоже из Атрейдесов.* Эта мысль потрясла его. Нет, он, конечно, знал это и раньше, но как-то не воспринимал этот факт, не осознавал его. Сиона была бунтарем, но ее действия были санкционированы самим Лето Границы его снисходительности были неясны, но Айдахо отчетливо их ощущал.
- Ни в коем случае не причиняй ей вред, — напутствовал его Лето. — Сиона должна пройти испытание.
- Дункан повернулся к ней спиной.
- Ты ничего не знаешь наверняка, — сказал он. — Отрывочные сведения и слухи.
- Сиона не ответила.
- Он Атрейдес! — с вызовом произнес Айдахо.
- Он Червь! — не менее горячо возразила девушка. Казалось, яд в ее голосе можно было потрогать пальцами.

— Твое проклятое Устное Предание — это не что иное, как собрание древних сплетен! — в сердцах воскликнул Айдахо. — Только глупцы могут верить в них.

— Ты все еще доверяешь ему, — сказала Сиона, — но это скоро пройдет.

Айдахо резко обернулся и уставил на Сиону пылающий взор.

— Ты же никогда не говорила с ним!

— Говорила. Когда была ребенком.

— Ты и сейчас ребенок. Он воплощение Атрейдесов, всех, которые когда-либо жили на свете. Это ужасно, ведь я знал многих из этих людей. Они были моими друзьями.

В ответ Сиона только покачала головой. Айдахо снова отвернулся. Он почувствовал, что эмоции опустошили его, выпили до дна. Было такое впечатление, что его лишили станового хребта. Сам того не желая, он направился через площадь на улицу. Где скрылся мальчик. Сиона бегом догнала его и пошла рядом, но он делал вид, что не замечает ее.

Уличка была узкой, каменные стены домов зияли дверьми, скрытыми в арках, окна — уменьшенные копии дверей, занавешенные тканью, которая шевелилась, когда он проходил мимо.

На первом перекрестке Айдахо остановился и посмотрел направо — в ту сторону, куда побежал мальчик. В нескольких шагах стояли две седые, одетые в длинные черные юбки и зеленые кофты, пожилые женщины, которые судачили о чем-то, склонившись друг к другу. Они замолчали, заметив Айдахо, и уставились на него, не скрывая любопытства. Он не стал отворачивать взгляд и посмотрел вдоль улицы — она была безлюдна.

Айдахо пошел дальше, в один шаг поравнялся с ними и прошел мимо. Тесно прижавшись друг к другу, женщины проводили его внимательным взглядом. Мельком взглянув на Сиону, они снова вперили взгляд в Айдахо. Девушка быстро шла рядом с Дунканом; на ее лице застыло странное выражение.

Печаль? — думал он. Сожаление? Любопытство?

Трудно было сказать. Его сейчас больше интересовали наглухо закрытые окна и двери, мимо которых они проходили.

— Ты была когда-нибудь раньше в Гойгоа? — спросил он.

— Нет, — ответила она сдавленным голосом, словно опасаясь чего-то.

Что заставляет меня идти по этой улице? — думал Айдахо. Но еще не успев задать себе этот вопрос, он уже знал ответ на него. Эта Ирти... Что это была за женщина, ради которой он мог бы приехать сюда, в Гойгоа?

В одном из окон справа приподнялся угол занавески и оттуда выглянуло лицо мальчика с площади. Занавеска упала и приподнялась. На этот раз в окне возникло лицо женщины. Айдахо всмотрелся в это лицо и остановился, словно пораженный громом, не в силах сделать еще один шаг. Это было лицо женщины, которую он так часто видел в своих самых фантастических сновидениях — мягкий овал лица, проницательные темные глаза, полные чувственных губы...

— Джессика, — прошептал он.

— Что ты сказал? — спросила Сиона.

Айдахо онемел. Это было лицо Джессики, восставшее из прошлого, прошлого, которое он считал навеки утраченным. генетический курьез — мать Муад'Диба, воплощенная в новом теле.

Женщина опустила занавеску и исчезла, навсегда запечатлевшись в памяти Айдахо. Эта женщина была старше Джессики, которую он помнил потому времени, когда они вместе делили опасности на Дюне — на лице чуть больше морщин, тело стало чуть полнее...

В ней стало больше материнского, сказал себе Айдахо. Потом: Я говорил ей, кого она так напоминает? Сиона коснулась его плеча.

— Ты не хочешь войти, познакомиться с ней?

— Нет, это была ошибка.

Дункан направился туда, откуда они пришли, но в это время дверь дома Ирги распахнулась, и оттуда вышел молодой человек. Он закрыл дверь и повернулся лицом к Айдахо.

Айдахо рассудил, что юноше было около шестнадцати лет, было невозможно ошибиться — те же волосы, курчавые, как каракуль, те же резкие и сильные черты лица.

— Ты — новый, — уверенно сказал юноша. Голос был низким, как у взрослого мужчины.

— Да. — Дункану было трудно говорить.

— Зачем ты пришел? — спросил юноша.

— Это была не моя идея, — ответил Айдахо. Говорить стало легче, злость на Сиону придавала ему силы.

Юноша взглянул на Сиону.

— Нам сказали, что наш отец мертв. Сиона кивнула.

Он снова взглянул в глаза Айдахо.

— Прошу тебя, уходи и не возвращайся больше. Ты причиняешь боль кашей матери.

— Конечно, — произнес Айдахо. — Принеси от меня извинения госпоже Ирги за это вторжение. Меня привезли сюда против моей воли.

— Кто привез тебя?

— Говорящие Рыбы.

Юноша коротко кивнул и еще раз посмотрел на Сиону.

— Я всегда думал, что вас, Говорящих Рыб, учат быть добре к своим, — с этими словами он повернулся, вошел в дом и плотно прикрыл за собой дверь.

Айдахо схватил Сиону за руку и быстрым шагом пошел прочь. Она, спотыкаясь, старалась поспеть за ним, отчаянно вырываясь.

— Ои подумал, что я — Говорящая Рыба, — проговорила ома.

— Ты действительно на нее похожа, — он искоса взглянул на девушку. — Почему ты не сказала мне, что Ирти была Говорящей Рыбой?

— Это не казалось мне важным.

— Ах, вот как.

— Они познакомились только поэтому.

Они вышли обратно на площадь. Не останавливаясь, Айдахо направился к окраине деревни, к садам и огородам. Потрясение вызвало у него прострацию, он чувствовал, что не в состоянии переварить все, что на него только что свалилось.

На пути возник низкий каменный забор. Дункан перелез через него и остановился, слушая, как вслед за ним то же самое делает Сиона. Деревья были в цвету. На оранжевых тычинках белых цветов усердно работали пчелы. Воздух был полон жужжания и напоен ароматами растений — это напомнило Айдахо прошлую, такую давнюю жизнь на Каладане. Там тоже повсюду были заросли благоухающих цветов.

Он остановился, достигнув гребня холма, откуда взглянул на аккуратные квадратики деревни — все крыши были одинаковыми и черными.

Сиона села на густую траву и обхватила руками колени.

— Все получилось не так, как ты хотела? — спросил он.

Она покачала головой, и Дункан понял, что она вот-вот расплачется.

— За что ты так его ненавидишь? — сказал он.

— Мы не можем жить своей жизнью, вот за что?

Айдахо посмотрел на деревню, расстилавшуюся внизу.

— Много ли здесь деревень таких, как эта?

- Это образец Империи Чертя!
- В ней что-то не так?
- Нет, все так, если тебе не надо ничего иного.
- Ты хочешь сказать, что это все, что он позволяет?
- Да, есть, правда, несколько торговых городов... Есть Они. Мне говорили, что даже столицы планет выглядят как большие деревни.
- Так я повторяю: что здесь не так?
- Это же тюрьма!
- Так покинь ее.
- Но куда я уеду? Как? Ты думаешь, мы можем просто сесть на корабль Гильдии и отправиться куда нам угодно? — Она посмотрела вниз, туда, где стоял орнитоптер, возле которого сидели Говорящие Рыбы. — Наши тюремщики не выпустят нас!
- Но сами они свободно ездят. Ездят туда, куда им заблагорассудится.
- Они ездят туда, куда посыает их Червь.
- Она уткнулась лицом в колени и заговорила приглушенным голосом:
- Как вы жили тогда, в старые дни?
- Все было по-другому, но жить было намного опаснее. — Он посмотрел на стены, окружавшие огороды и сады. — Здесь, на Дюне, не было воображаемых границ владений, не было и самих частных владений. Все было собственностью герцогства Атрейдесов.
- Все, кроме фрименов.
- Да, но фримены знали, что принадлежит им, а что нет. Они жили на этой стороне в своих укреплениях... Или вне их, в пустыне, на песке которой можно было добела раскалить сковороду.
- Они могли перемещаться куда хотели!
- Да, но с некоторыми ограничениями.
- Многие из нас жаждут возвращения Пустыни, — сказала Сиона.
- У вас есть Сарьир.
- Это такая малость, — она посмотрела на него вспыхнувшим взглядом.
- Тысяча пятьсот километров в длину и пятьсот в ширину — это не так уж мало.
- Сиона поднялась на ноги.
- Ты не спрашивал Червя, почему он ограничивает нас такими рамками?
- Мир Лето, Золотой Путь задуманы для того, чтобы обеспечить наше выживание. Вот что он говорит.
- Знаешь, что он говорил моему отцу? Я шпионила за ним, когда была ребенком, подслушивала, что он говорит.
- И что же?
- Он говорил, что ограждает нас от всяческих кризисов, чтобы ограничить наши формирующие силы. Он сказал: «Людей можно поддерживать, причиняя им боль, но теперь я сам — эта боль. Боги могут становиться источником боли». Это его доподлинные слова, Дункан. Червь — это воплощенная болезнь!

У Айдахо не было сомнений в точности ее воспоминаний, но слова девушки не взволновали его. Вместо этого он вспомнил о Коррино, которого он приказал недавно убить. Болезнь, боль. Коррино, наследник Семьи, которая некогда правила Дюной, толстый, средних лет мужчина, начал строить козни, стараясь захватить власть и запасы Пряности. Айдахо приказал одной из Говорящих Рыб убить его, и это вызвало недоумение Монео.

— Почему ты не убил его сам?

— Я хотел посмотреть, как могут работать мои Говорящие Рыбы.

— И?

— Я удовлетворен.

Однако в действительности смерть Коррино потрясла Айдахо своей нереальностью. Он вспомнил труп пожилого толстого мужчины, плавающий в луже крови на мостовой; Это было нереально. Айдахо вспомнил слова Муад'Диба: *Разум накладывает на все некую форму, которую он называет реальностью. Эта произвольная форма совершенно не зависит от того, что подсказывают нам наши чувства.* Так какая же реальность движет Господом Лето?

Айдахо оглянулся. Сиона стояла на фоне садов и зеленых холмов Гойгоа.

— Пошли в деревню искать квартиру. Мне надо побывать одному.

— Говорящие Рыбы поселят нас в один дом.

— С ними?

— Нет, только нас двоих. Причина очень проста. Червь хочет скрестить меня с великим Дунканом Айдахо.

— Я сам выбираю себе любовниц, — прорычал Дункан.

— Думаю, что какая-нибудь из Говорящих Рыб будет просто в восторге, — сказала Сиона. Она повернулась и начала спускаться с холма.

Айдахо несколько мгновений рассматривал ее гладкое юное тело, гибкое, как молодая яблоня на ветру.

— Я не племенной жеребец, — пробормотал Айдахо, — и он должен хорошенько это понять.

Когда кончается день, вы становитесь все более нереальными, более чуждыми и отстраненными от того, кем я был в этот новый день. Я — единственная настоящая реальность, и поскольку вы отличаетесь от меня, постольку теряете свою реальность. Чем любопытнее становлюсь я, тем меньше любопытства проявляют те, кто поклоняется мне. Религия подавляет любопытство. То, что я делаю, выбивает почву из-под ног поклоняющихся мне. Таким образом, когда я со временем перестану что-либо делать, отдав все на откуп напуганным людям, которые в тот день вдруг ощутят свое одиночество и будут искать в себе силы действовать от своего имени и ради своего блага.

Этот звук был не похож ни на какой другой. Звук ожидающей толпы, распространяющийся вдоль огромного туннеля, по которому маршировал Айдахо впереди Императорской тележки, — нервный шепот, усиленный до степени некоего абсолютного шепота, шаги, слившиеся с единий шаг, шорох, слившийся в шорох огромного платья. И залах — сладкий запах пота, смешанный с млечным духом сексуального возбуждения.

Инмейр и другие Говорящие Рыбы сопровождения доставили Айдахо в Онн в первый час после рассвета, спустившись на площадь, покрытую предутренними холодными зеленоватыми сумерками. Сразу же после приземления они должны были стартовать снова. Инмейр была явно недовольна, что ей придется лететь в Цитадель — так не хотелось ей пропускать священный праздник Сиайнок.

Новый эскорт Говорящих Рыб, дрожавших от подавленного волнения, сопроводили Айдахо сюда, в подземную часть города, не обозначенную ни на одной карте, которые изучал Дункан. Это был лабиринт, шедший сначала в одном направлении, потом в другом и в конце концов открывавшийся в туннель, достаточно просторный для того, чтобы вместить Императорскую тележку. Айдахо потерял счет поворотам и полностью потерял ориентировку и, отказавшись от попыток понять направление движения, погрузился в воспоминания о прошедшей ночи.

Спальные квартиры в Гойгоа, хотя были спартанскими и маленькими, оказались довольно удобными для ночлега. В каждом номере — две лежанки, одно окно и одна дверь. Комнаты были расположены вдоль коридора в доме, называемом «Дом для гостей».

Сиона оказалась права. Не спрашивая их, Говорящие Рыбы поселили Айдахо и Сиону в один номер, Инмейр вела себя так, словно молчаливое согласие было получено с самого начала.

Когда дверь за ними закрылась, Сиона сказала:

— Если ты притронешься ко мне, я постараюсь тебя убить.

Это было сказано с такой холодной искренностью, что Айдахо едва сдержал смех.

— Я пожалуй, предпочту спать один, — сказал он. — Можешь считать, что здесь, кроме тебя, никого нет.

Он спал очень чутко, вспоминая опасные ночи на службе Атрейдесам, постоянную готовность к бою. В комнате всю ночь было довольно светло — в нее проникали и лунный свет, и сияние крупных звезд. Айдахо был удивлен тем, насколько он оказался чувствителен к присутствию Сионы, — его волновал ее запах, он постоянно прислушивался к ее вздохам, к шороху, когда она принималась ворочаться в постели. Несколько раз за ночь он просыпался и напряженно вслушивался в тишину, шестым чувством ощущая, что Сиона сейчас делает то же самое.

Утро и отлет в Онн пришли как чудесное избавление. Они нарушили пост и выпили холодного фруктового сока и Айдахо с удовольствием пробежался по холодку к орнитоптеру. Он не заговаривал с Сионой и с неудовольствием ловил на себе взгляды Говорящих Рыб.

Девушка заговорила с ним только один раз, перегнувшись через борт орнитоптера, когда Айдахо вышел на площади Онна.

— Мне не стыдно будет называться твоим другом, — сказала она.

Такое вот необычное предложение дружбы. Он почувствовал смущение.

— Да... конечно, конечно...

Новый эскорт сопроводил его в лабиринт и довел до конца туннеля. Там ждал его Лето на своей тележке. Место встречи было простым расширением коридора, справа от Айдахо начинался туннель, уходивший вдаль. Стены, сложенные из темного камня, были украшены золотыми полосами, сиявшими в свете огромных ламп. Эскорт занял место позади тележки, оставив Айдахо лицом к лицу с Императором.

— Дункан, ты будешь идти впереди меня, когда мы отправимся на Сиайнок, — сказал Лето.

Айдахо пристально посмотрел в бездонную синеву глаз Лето, разозленный обстановкой секретности и таинственности, очевидной приватностью всего этого празднества. Он понял, что все, что он слышал о Сиайноке, только усиливало его неведение.

— Я действительно командир вашей гвардии, мой господин? — спросил Айдахо, не считая нужным скрывать свое недовольство.

— Действительно! Специально для тебя я делаю исключение, и очень почетное исключение! Только немногие, самые доверенные мужчины получают право участвовать в празднике Сиайнок.

— Что происходило в городе этой ночью.

— Было несколько кровавых стычек, но утром все успокоилось.

— Потери?

— Настолько малы, что о них не стоит даже говорить.

Айдахо согласно кивнул. Предзнание Лето предупредило его об опасности, которая угрожала *его* Дункану. Отсюда и полет в безопасный Гойгоа.

— Ты был в Гойгоа, — сказал Лето. — Тебя не искушали приглашением остаться?

— Нет!

— Не злись на меня, — примирительно произнес Лето. — Я не посыпал тебя в Гойгоа.

Айдахо вздохнул.

— Какая опасность заставила вас отослать меня из города?

— Эта опасность угрожала не тебе, — сказал в ответ Лето. — Но ты возбудил моих гвардейцев настолько, что они стали слишком явно демонстрировать свои способности. То, что происходило этой ночью, не требовало ничего чрезвычайного.

— Вот оно что, — эта мысль потрясла Айдахо. Он никогда не думал о себе, как о военачальнике, который может побудить солдат к героизму, не требуя этого прямо. Есть командиры, которые одним своим присутствием буквально гонят солдат вперед. Такие вожди, как Лето — дед нынешнего, — одним своим появлением вдохновляли войска на подвиги.

— Ты мне очень дорог, Дункан, — признался Лето.

— Да, но я... я все же не племенной жеребец.

— Я уважу твои желания. Мы обсудим это в другой раз.

Айдахо оглянулся. Говорящие Рыбы стояли позади, внимательно прислушиваясь.

— Когда вы приезжаете в Онн, здесь всегда бывают вспышки насилия? — спросил Айдахо.

— Этот процесс проявляется циклично. Теперь инакомыслящие почти полностью подавлены. Какое-то время будет тихо.

Айдахо взгляделся в непроницаемое лицо Лето.

— Что произошло с моим предшественником?

— Разве Говорящие Рыбы не рассказывали тебе об этом?

— Они говорили, что он умер, защищая своего Бога.

— Но ты слышал рассказы и другого рода.

— Так что же случилось в действительности?

Он умер, потому что оказался слишком близко от меня. Я вовремя не удалил его в безопасное место.

— В такое место, как Гойгоа?

— Я бы предпочел, чтобы он доживал там свои дни в мире и благополучии, но ты же хорошо знаешь, что Дунканы не ищут спокойной и безопасной гавани.

Айдахо с трудом проглотил слюну, ощущив в горле непривычный комок.

— И все же я хотел бы знать подробности его гибели. У него осталась семья...

— В свое время ты узнаешь подробности и не беспокойся о его семье. Они находятся под моей опекой. Я надежно охраняю их издалека. Ты же знаешь, каким насилием мне угрожают. Это одна из моих функций. К великому несчастью, от этого чаще других страдают те, кого я люблю и кем больше всех восхищаюсь.

Айдахо был явно не удовлетворен услышанным.

— Успокойся, Дункан, — сказал Лето. — Твой предшественник действительно погиб, потому что оказался очень близко от меня.

Эскорт Говорящих Рыб зашевелился. Айдахо оглянулся на туннель.

— Да, пора, — проговорил Лето. — Не стоит заставлять женщин ждать. Иди впереди меня, Дункан, я расскажу тебе все о Сна иноке.

Послушно, ибо другого подходящего выхода не было, Дункан сделал поворот кругом и возглавил процессию. Он услышал, как тележка со скрежетом двинулась вперед, потом раздался легкий топот ног эскорта.

Скрежет внезапно прекратился. Айдахо обернулся и тотчас понял причину.

— Вы перенесли тележку на подвесной режим, — сказал он, снова обратив свое внимание вперед.

— Я убрал колеса, — сказал Лето, — потому что женщины подойдут слишком близко к тележке, а я не хочу отдавать им ноги.

— Так что такое Сиайнок? Что это на самом деле? — спросил Айдахо.

— Я же говорил тебе — это Великое Единение.

— Я действительно чувствую запах Пряности?

— У тебя очень тонкое обоняние. Да, в вафли добавлено немного Пряности.

Айдахо только покачал головой.

Пытаясь все же понять суть праздника, Айдахо при первой же возможности по прибытии в Они прямо спросил Лето, в чем смысл Сиайнока.

— Мы делим вафли, только и всего. Даже я принимаю участие.

— Это похоже на ритуал оранжевых католиков?

— О нет! Это не моя плоть. Это единение, припадание к одному источнику. Они вспоминают, что они только лишь женщины, так же, как ты — только лишь мужчина. Но я — целое.

Айдахо не слишком понравилась тональность высказанного.

— Только лишь мужчина?

— Ты знаешь, кого они высмеивают на празднике?

— Кого?

— Мужчин, которые оскорбили их. Прислушайся, о чем они тихо переговариваются между собой.

Айдахо воспринял это как предупреждение: Не оскорбляй Говорящих Рыб. Этим ты навлечешь на себя смертельную опасность!

Сейчас, идя впереди Лето по туннелю, он чувствовал, что, расслышав все слова Лето, все же не понял их смысла. Обернувшись вполоборота, он спросил:

— Я все же не понял идеи Единения.

— Во время этого ритуала мы действуем вместе, заодно. Ты все это увидишь и почувствуешь сам. Мои Говорящие Рыбы — хранители особого знания, непрерывающейся линии, которую они сохраняют. Ты примешь участие в ритуале, и они полюбят тебя за это. Внимательно слушай их. Они открыты идеям родства и близости. Их понятия для обожания каждого человека не имеют пределов.

Еще слова, подумал Айдахо. Еще больше таинственности.

Туннель начал понемногу расширяться, потолок стал выше. Светильников стало больше, здесь они испускали глубокий оранжевый свет. В трехстах метрах впереди стал Различим зал под высоким сводчатым потолком. Там светил красный свет, в котором из стороны в сторону раскачивались лоснящиеся от пота возбужденные лица. Одежда под лицами сливалась в сплошную стену, скрывая тела.

Приблизившись к ожидающим женщинам, Айдахо увидел в толпе проход и трап с высоким бортом. Огромный потолок открывал над женщинами бездонное пространство, уходящее ввысь. Огромное пространство освещалось ярким красным светом.

— Иди к трапу, встань на борт и повернись лицом к женщинам, — приказал Лето.

Исполняя приказ, Айдахо вскинул вверх правую руку. Он вышел в открытое пространство, и огромность его измерений привела его в священный трепет. Встав на борт, он наметанным взглядом попытался определить размеры зала — они оказались впечатляющими: сторона его составляла не меньше тысячи ста метров, углы были закруглены, что еще больше усиливало впечатление огромности. Зал был набит женщинами, и Айдахо напомнил себе, что здесь были лишь избранные представители полков Говорящих Рыб с каждой планеты. Они стояли, так тесно прижавшись друг к другу, что Айдахо понял: никто из них не сможет даже упасть. Оставалось только одно свободное место — коридор шириной около пятидесяти метров возле полоза, на котором стоял Айдахо и наблюдал за происходящим. На него смотрели лица, лица, лица — бесконечное скопище лиц.

Лето остановил свою тележку непосредственно позади Айдахо и поднял свою серебристо-красную руку.

Тотчас же огромный зал заполнился неистовым криком: «Сиайнок! Сиайнок!»

Айдахо был оглушен. Этот звук должен быть слышен по всему городу, подумал Дункан, если, конечно, туннель не слишком глубоко.

— Невесты мои, — сказал Лето, — я приветствую вас на празднике Сиайнок.

Айдахо взглянул на Лето, всмотрелся в его темные глаза, сияющее лицо, а ведь совсем недавно он сказал: «Это проклятая святость!» А сейчас он наслаждался этой святостью.

Интересно, видел ли когда-нибудь Монео эти сборища? — подумалось Айдахо. Это была странная мысль, но Дункан понимал, почему она вдруг пришла ему в голову. Должен был найтись хотя бы еще один смертный, с кем можно было бы обсудить это Празднество. Рыбы из эскорта сказали, что Монео отбыл по делам государственной важности. Услышав это, Айдахо почувствовал, что до него дошел еще один элемент способа, которым Лето правил государством. Линии власти простирались непосредственно от Лето ко всему населению, но линии эти почти никогда не пересекались. Это требовало многих вещей, включая доверенных слуг, которые не раздумывая примут ответственность за исполнение любого приказа, не обсуждая его.

— Немногие видели, как Бог-Император сам причиняет кому бы то ни было вред, — говорила ему Сиона. — Так поступали все Атрейдесы, которых ты знал?

Айдахо смотрел на массу Говорящих Рыб, пока эти мысли витали в его голове. Какая приниженнность в глазах! Какое благоговение! Как Лето добился этого? И зачем?

— Возлюбленные мои, — произнес Лето, и его голос, усиленный тонким иксианским приспособлением, достиг самых отдаленных уголков огромного зала.

Разгоряченные лица женщин заставили Айдахо вспомнить немое предостережение Лето не навлекать на себя смертельно опасный гнев Говорящих Рыб.

В таком месте очень легко поверить этому предупреждению. Одно слово Лето, и женщины разорвут на куски любого обидчика. В этом не было никаких сомнений. Они сделают все, что он пожелает. Айдахо понял, почему Лето так ценил свою женскую армию. Никакая опасность не остановит этого воинства. Они служат самому Богу!

Императорская тележка слегка скрипнула — это Император приподнял свои передние сегменты, подняв голову.

— Вы — хранители веры! — сказал он.

В ответ раздался единодушный крик многих тысяч женщин.

— Мы повинуемся тебе, Господи!

— Во мне вы будете жить вечно! — продолжал возглашать Лето.

— Мы вечны! — раздался новый крик.

— Я люблю нас, как никого другого!

— Любовь! — исступленно кричали в ответ женщины.

Айдахо содрогнулся.

— Я даю вам своего возлюбленного Дунканна! — сказал Лето.

— Любви! — продолжали кричать Говорящие Рыбы.

Айдахо почувствовал, что все его тело сотрясает крупная дрожь. Он понимал, что сейчас может упасть под гнетом этой преданности и этого раболепства. Его раздирали противоречивые желания — хотелось бежать и хотелось остаться, чтобы до конца принять это. В этом зале воплотилась власть. Власть!

Понизив голос, Лето приказал:

— Смени охрану.

В знак повиновения женщины без колебаний поклонились и отошли. Возле Айдахо появилась новая шеренга Говорящих Рыб в белых одеяниях. Они подошли к трапу, на котором стоял Дункан, и он с изумлением заметил, что многие из них несли на руках детей не старше одного-двух лет от роду.

Айдахо уже говорили, что это женщины, которые на какое-то время оставили службу в рядах Говорящих Рыб. Некоторые стали жрицами, некоторые полностью посвятили себя материнству... но никто из них по-настоящему не перестал служить Лето.

Глядя сверху на детей, Айдахо подумал о том, какое неизгладимое впечатление должен произвести этот ритуал на мальчиков. Они пронесут таинство этого события через всю свою жизнь. Они не будут осознавать это, но тайна останется с ними навсегда, оставаясь в тени любого решения, которое они будут принимать, став взрослыми.

Последняя из вновь пришедших остановилась возле тележки и смотрела на Лето преданным взглядом. Другие женщины в зале последовали ее примеру.

Айдахо лихорадочно оглядывался по сторонам. Одетые в белое женщины заполнили все пространство внизу приблизительно на пятьсот метров во все стороны. Некоторые поднимали детей и пытались поднести их поближе к Лето. Благоговение и подчиненность достигли невиданной степени. Прикажи сейчас Лето — и эти матери насмерть разобьют своих малышей о металлический борт трапа. Они сделают все что угодно, все, что он им прикажет!

Лето опустил свой передний сегмент на тележку, по его телу прошла изящная волна. Добрый взглядом он посмотрел вниз и заботливо произнес:

— Я дам вам награду, которой заслуживает ваша вера и ваша служба. Попросите ее и вы ее получите.

Стены зала дрогнули, когда прозвучал ответ.

— Награда да будет дана!

— Все мое — твое, — сказал Лето.

— Все мое — твое, — послушно вторили ему женщины.

— Соединитесь со мной теперь же, разделите со мной молчаливую молитву, — продолжал Лето, — молитесь за мое проникновение во все сущее, в человечество, чтобы оно пребывало вовеки.

Все головы в зале, как одна, склонились долу. Женщины в белом прижимали к груди детей и заглядывали им в глаза. Айдахо ощутил присутствие какой-то страшной силы, которая стремилась войти в него и покорить. Он приоткрыл рот и тяжело задышал, почувствовав какое-то физическое наваждение. Его мозг лихорадочно искал убежища, какой-нибудь зацепки, которая позволила бы ему сохранить свою личность, не сойти с ума, не распасться.

Эти женщины представляли собой армию, подлинную силу которой Айдахо до сих пор не мог себе даже представить. Он знал, что не понимает и не поймет этой силы — он может только наблюдать

ее и видеть, что она существует.

Айдахо вспомнил слова Лето, сказанные им в Цитадели:

— Верность в мужской армии направлена на саму армию, а не на общество, которое содержит эту армию. Верность в женской армии направлена на ее вождя.

Теперь Айдахо воочию видел доказательство этих слов. Теперь они внушали ему только страх.

Он предлагает мне соединиться с этим, *подумал Айдахо*.

Теперь он понимал, что его ответ Лето тогда прозвучал по-детски глупо.

— Я не вижу этому никаких разумных оснований.

— Люди в своем большинстве отнюдь не порождения разума.

— Никакая армия — будь она мужская или женская не гарантирует мира! Ваша Империя не мирная Империя! Вы только...

— Мои Говорящие Рыбы дали тебе почтить нашу историю?

— Да, но я ходил по вашему городу и видел людей. Ваш народ агрессивен!

— Вот видишь, Дункан? Мир порождает агрессию, поощряет ее.

— Но вы говорите, что ваш Золотой Путь...

— Это не то же самое, что мир. Это спокойствие, удобренная почва для создания жестко отделенных друг от друга классов и многих других форм агрессивности.

— Вы говорите загадками!

— Я говорю, основываясь на накопленных наблюдениях о том, что мирное поведение есть поведение побежденных. Это положение жертвы. Жертвенность порождает агрессию.

— Это ваше проклятое спокойствие по принуждению! Что хорошего может из этого выйти?

— Если у общества нет врагов, то их надо изобрести. Военная сила, у которой нет внешнего врага, неизбежно обратится против собственного народа.

— Так какую игру вы ведете?

— Я подталкиваю человеческие устремления к войне.

— Люди не хотят войны!

— Они жаждут хаоса. Война — это самый доступный вид хаоса.

— Я не верю ни одному вашему слову! Вы играете в какую-то свою очень опасную игру!

— Да, и в очень опасную. Я занимаюсь древними источниками человеческого поведения, чтобы направить его в нужное мне русло. Опасность состоит в том, что я могу подавить волю человека к выживанию. Но я могу заверить тебя, что это и есть Золотой Путь.

— Но вы не сумели подавить антагонизм!

— Я рассеиваю энергию в одном месте и концентрирую ее в другом. То, что не можешь контролировать, надо просто оседлать.

— Но что может удержать вашу женскую армию от переворота?

— То, что ее вождь — я.

Глядя на эту массу женщин, Айдахо не мог не признать средоточие лидерства Лето. Он видел также, что часть этого раболепия распространялась и на его персону. Это искушение заворожило его — он мог потребовать от них чего угодно... чего угодно! Скрытая сила, сконцентрированная в этом, зале, грозила взрывом. Понимание этого заставило Айдахо вспомнить еще одни слова Лето.

Император говорил что-то о взрывоопасном насилии. Даже сейчас, глядя на молящихся женщин, Айдахо вспомнил слова Лето:

— Мужчины склонны разделять общество на классы. Они создают стратифицированное общество.

Стратифицированное общество — это открытое и конечное окончательное приглашение к насилию. Такое общество не рассыпается. Оно взрывается.

— Разве женщины не поступают так же?

— Нет, они поступают так только в обществе, где безраздельно господствуют мужчины, или если женщины оказываются заперты в ловушку мужской модели мировоззрения.

— Половые различия не могут быть столь сильны!

— Но опыт показывает, что могут. Женщины делают общее дело, основываясь на своей половой принадлежности, на том, что стоит выше всех классовых различий. Вот почему я позволил женщинам взять в руки бразды правления.

Айдахо был вынужден признать, что эти молящиеся женщины действительно держат в руках бразды правления.

Но какая же часть этой силы предназначается мне?

Искушение было просто-таки чудовищным! Айдахо трепетал от этого искушения. С отчетливой ясностью он Вдруг понял, что в этом и состоит замысел Лето — подвергнуть его искушению соблазном.

Женщины закончили молитву и подняли свои взоры к Лето. Айдахо признался сам себе, что никогда не видел на человеческих лицах выражения такого восторга — ни в экстазе любви, ни после славной победы — никогда и нигде не видел он такого чистого, такого всецелого выражения восторга и благоговения.

— Сегодня рядом со мной стоит Дункан Айдахо, — проговорил Лето. — Дункан явился сюда для того, чтобы произнести здесь клятву в верности, так, чтобы все слышали ее. Дункан?

Айдахо почувствовал, что по его спине пробежал предательский холодок страха. Лето предоставил ему простой выбор: *Объяви о своей верности Богу-Императору или умри!*

Если я начну отшучиваться, колебаться или каким-либо образом отказываться, то эти женщины убьют меня собственными руками.

Айдахо едва не задохнулся от гнева. Он откашлялся и начал говорить.

— Пусть никто не ставит под сомнение мою верность. Я верен Атрейдесам.

Эффект потряс Айдахо.

— Мы с тобой! — неистово закричали женщины. — Мы с тобой! Мы с тобой!

— Мы с тобой, — повторил с ними и Лето. Юные курсанты школы Говорящих Рыб вбежали в зал с подносами, полными вафель. Руки тянулись к подносам, словно исполняя красивую ритуальную пляску, исполненную грации и благоговения. Каждая женщина, взяв вафлю, поднимала ее над головой. Когда девушка, приблизившись к трапу, протянула поднос Айдахо, Лето сказал:

— Возьми две и дай одну мне в руку.

Айдахо опустился на одно колено и взял две вафли. Они были хрустящими и ломкими. Айдахо встал и протянул одну из вафель Лето.

Громовым голосом Лето спросил:

— Выбрана ли новая гвардия?

— Да, господин! — крикнули в ответ женщины.

— Храните ли вы мою веру?

— Да, господин!

— Идете ли вы по Золотому Пути?

— Да, господин!

Вибрация женских голосов потрясала Айдахо, заставляла его цепенеть при каждом выкрике множества голосов.

— Мы едины? — спросил Лето.

— Да, господин!

Когда женщины ответили, Лето положил вафлю в рот. Все матери возле трапа откусили от своих вафель по маленькому кусочку, оставив остальное детям. Другие Говорящие Рыбы, стоявшие позади одетых в белое матерей, опустив головы, ели свои вафли.

— Дункан, ешь свою вафлю, — приказал Лето.

Айдахо положил вафлю в рот. Его организм гхола не был приучен к Пряности, но клетки тела помнили ее вкус. Вафля отдавала горечью из-за небольшой примеси меланжи. Вкус пробудил в нем старые воспоминания — обеды в сиетче, банкеты во дворце Атрейдесов... тогда вся жизнь была пропитана Пряностью, ее аромат был знаком тех дней.

Айдахо проглотил свою вафлю и только в этот момент до него дошло, что в зале наступила неправдоподобная тишина, в которой громко щелкнул механизм тележки Лето. Айдахо обернулся и увидел, что Лето открыл ящик в основании тележки и извлек оттуда хрустальный футляр, испускавший голубоватое сияние. Император открыл Футляр и извлек оттуда старый отравленный нож. Айдахо тотчас узнал знакомый до боли клинок — в торце рукоятки был выгравирован ястреб Атрейдесов, сама рукоятка украшена алмазной инкрустацией.

Нож Муад'Диба!

Айдахо ощутил глубочайшее волнение при виде этого ножа. Он так внимательно смотрел на древнее оружие, словно ждал, что сейчас увидит его исконного обладателя.

Лето высоко поднял нож, показывая всем кривое, сверкающее молочно-белым сиянием лезвие.

— Вот талисман нашей жизни, — провозгласил Лето.

Женщины внимали, сохраняя полную тишину.

— Это нож Муад'Диба, — сказал Лето. — Зуб Шаи-Хулуда. Вернется ли Шаи-Хулуд?

Ответ был приглушен и от этого подействовал на Айдахо сильнее, чем предыдущий исступленный вопль. — Да. господин.

Айдахо вновь стал внимательно рассматривать полные раболепства лица Говорящих Рыб.

Кто есть Шаи-Хулуд? В ответ снова раздался приглушенный ропот:

Ты. господин. Айдахо мысленно кивнул самому себе. Нельзя было отрицать, что Лето черпал власть из бездонного источника, которым никто и никогда не пользовался в таких масштабах, Лето произносил слова, но они ничего не значили по сравнению с тем, что в действительности творилось в этом зале. Слова Лето возвращались к Айдахо, словно ждали момента для того, чтобы скрыть свой истинный смысл. Айдахо вспомнил их с Лето разговор в крипте — месте, которое так нравилось Лето и казалось столь отталкивающим Айдахо, — в сырой темной крипте, полной пыли веков и запаха древнего упадка.

— Я формировал это общество, придавал ему вид в течение трех тысяч лет. выпуская из плена незрелости целый биологический вид, — сказал тогда Лето.

— Но это не объяснение по поводу женской армии, — запротестовал Айдахо.

— Изнасилование чуждо женской природе, Дункан. Ты говорил о половой разнице в поведении, вот один из примеров такой разницы.

— Перестаньте уходить от разговора!

— Я не ухожу. Изнасилование — это плата за завоевание, которую требуют мужчины. Самцы, совершая изнасилование, показывают, что они еще не выбрались из плена своих подростковых фантазий.

От этой тирады Айдахо почувствовал гнев, который ему было трудно скрыть.

— Мои гурии обуздывают мужчин, — сказал Лето. — Они одомашнивают их. Женщины в силу необходимости занимались одомашниванием испокон веков.

Айдахо молча смотрел в окруженнное складкой лицо Лето.

— Именно обуздять, укротить, — продолжал Лето. — Это значит — создать новый паттерн выживания. Раньше женщины учились этому у мужчин, а теперь мужчины учатся у женщин.

- Но вы говорили...
- Иногда мои гурии прибегают к насилию, но только затем, чтобы потом превратить его в глубокую взаимозависимость.
- Черт возьми! Вы...
- Связывание, зависимость, Дункан! Зависимость.
- Я не чувствую себя связанным с...
- Образование и обучение требуют времени. Ты — воплощение древней нормы, по которой можно мерить новую норму.

Эти слова Лето погасили в Айдахо все чувства — осталось только тяжелое ощущение утраты.

— Мои гурии учат зрелости, — продолжал между тем Лето. — Они знают, что должны управлять созреванием мужчин. Через этот процесс они добиваются собственного созревания. Со временем гурии становятся женами и материами, и мы покидаем накатанный путь насилия и юношеских фиксаций.

- Чтобы поверить в это, мне надо увидеть это воочию.
- Ты увидишь это на празднике Великого Единения.

Стоя сейчас рядом с Лето на празднике Сиайнок, Айдахо не мог не признать, что стал свидетелем великой силы, которая действительно может изменить мир по слову Лето.

Лето вновь положил нож в футляр и вложил футляр в отделение тележки. Женщины следили за его действиями в молчании, притихли даже дети — все подчинились великой силе, которая витала под сводами зала.

Айдахо взглянул на детей. Лето говорил, что все они — мальчики и девочки — получат на этом празднике заряд невиданной силы, которая определит их дальнейшую судьбу. Мальчики станут подчиняться женщинам, став, по словам Лето, «легким переходом от подростковой незрелости К мужу и отцу».

Говорящие Рыбы и их потомки жили жизнью «одержимых неким волнением, которое недоступно большинству прочих людей».

Что будет с детьми Ирти? — подумал Айдахо. Стоял ли здесь мой предшественник, наблюдая, как его, одетая в белое, жена разделяет ритуал праздника Лето?

Что хочет предложить мне Лето, показывая это зрелище?

С такой армией ее командир может перевернуть вверх ногами всю Империю Лето. Сможет ли? Нет... пока жив Лето. Лето говорил, что женщины по натуре своей не агрессивны.

«Я не воспитываю в них это», — говорил Лето. Они знают циклический паттерн королевских праздников каждые десять лет, они знают ритуал смены гвардии, они слушают благословение новому поколению. Они молча оплакивают павших Сестер, смерть своих близких. Это становится привычным. Изменение превращается в нечто незыблемое, в свою противоположность — отсутствие всякого движения. Праздники Сиайнок движутся своим чередом, становясь частью предсказуемого, измеримого будущего.

Айдахо оторвал взгляд от одетых в белое женщин и их детей. Оглядев массу лиц, он подумал, что это только ядро огромной женской силы, которая господствует сейчас над всей Империей. Теперь он мог поверить в слова Лето: «Власть не ослабевает. Она становится сильнее каждые десять лет».

«И до каких пор это будет продолжаться?» — спросил себя Айдахо.

Он посмотрел, как Лето в благословении поднял руки.

— Теперь мы пойдем вместе с вами и между вами.

Женщины у полоза расступились, подавшись назад.

Было похоже, что расступилась сама земля в результате какого-то грандиозного естественного катаклизма.

— Дункан, ты пойдешь впереди меня, — приказал Лето.

У Айдахо от всего виденного пересохло во рту. Он оперся рукой о борт и спрыгнул вниз, войдя в трещину, в проход, образованный в живом месиве Говорящих Рыб. Он решительно направился вперед, понимая, что только так можно закончить эту пытку.

Он стремительно обернулся и увидел, что тележка Лето двинулась вперед на подвесках.

Он развернулся и двинулся вперед, ускоряя шаг.

Женщины немного сузили проход. Все это происходило в странной тишине — женщины не отрывали глаз от него и от червя, в которого постепенно превращался Бог-Император, червя, который следовал мимо них в хитроумной иксианской тележке.

Айдахо стоически шел вперед, женщины со всех сторон тянулись к ним, стараясь дотронуться до него и до Лето или просто коснуться тележки. В этом движении чувствовалась сдерживаемая страсть, и Айдахо против воли испытывал глубочайший страх.

Проблема лидерства возникает неизбежно. Вопрос заключается лишь в том, кто будет исполнять роль Бога!

Вслед за юной Говорящей Рыбой Хви Нори ступила на широкий уклон и по винтовой лестнице начала спускаться в подземелье Онна. Поздно вечером третьего дня Празднеств Лето вызвал ее к себе, прервав ход событий, которые и сами по себе требовали напряжения всех ее душевных сил.

Первый помощник посла, Отви Йак был не слишком приятным человеком — этот субъект с волосами песочного цвета, длинным лошадиным лицом и бегающими глазками, никогда не смотрел в глаза человеку, к которому обращался. Йак вручил ей памятную записку, касавшуюся, как он писал, «вспышек насилия в городе во время Празднеств».

Стоя рядом со столом, за которым сидела Хви, и гляди куда-то в сторону, он доложил, что Говорящие Рыбы убивают Танцующих Лицом по всему городу. Казалось, что произошедшие события совершенно его не волнуют.

— За что? — спросила Хви.

— Говорят, что тлейлаксианцы совершили покушение на Бога-Императора, Хви охватил страх. Она откинулась на спинку стула и оглядела кабинет посла — круглую комнату с единственным полукруглым столом, на полированной поверхности которого располагалась панель управления хитрыми иксианскими приборами, спрятанными внутри стола. Под темными деревянными панелями, которыми были обшиты стены этого солидного кабинета, находилась аппаратура для защиты от прослушивания. Окон в помещении не было.

Стараясь не выдать своего настроения, Хви спросила:

— И Господь Лето...

— Покушение не имело успеха. Но этим покушением можно объяснить публичную порку.

— Так ты полагаешь, что покушение действительно имело место?

— Да.

Говорящая Рыба от Господа Лето вошла именно в этот момент, о ее присутствии аппаратура сообщила еще из приемной. Рыба явилась в сопровождении старухи из Бене Гессерит, которую девушка представила как Преподобную Мать Антеак. Антеак принялась пристально рассматривать Йака, а юная стражница сразу перешла к делу:

— Он велел напомнить тебе свои слова: «Возвращайся сразу, как только я позову тебя». Он зовет тебя.

Йак засуетился. Он начал нервно оглядываться по сторонам, словно пытаясь найти какую-то потерянную вещь. Хви задержалась только для того, чтобы накинуть темно-синюю накидку поверх платья и сказать Йаку, чтобы он дождался в кабинете ее возвращения.

Оранжевый вечерний свет придавал пустынным улицам призрачный вид. Выйдя из здания посольства, Антеак посмотрела на Говорящую Рыбу, сказала: «Да», и поспешила откланяться, а Говорящая Рыба повела Хви к высокому зданию без окон, в подвале которого находился вход в подземелье.

От бесконечных поворотов лестницы у Хви начала крутиться голова. Спуск освещался маленькими белыми светильниками, по винтовой лестнице тянулась золоченая проволока, вдоль которой вилась декоративная виноградная лоза с огромными листьями.

Мягкое покрытие спуска скрадывало шаги, и был слышен лишь шелест накидки Нори.

— Куда ты меня ведешь? — спросила Хви.

— К Господу Лето.

— Я знаю, но где он находится?

— В своем личном помещении.

— Как это ужасно глубоко!

— Да, Господь Лето предпочитает большую глубину.

- От этих поворотов у меня страшно кружится голова.
- Попробуйте смотреть на виноградную лозу — это помогает.
- Что это за растение?
- Оно называется туньонским виноградом. Он замечателен тем, что совершенно лишен запаха.
- Никогда о таком не слышала. Откуда это растение?
- Об этом знает только Господь Лето.

Дальше они шли молча. Хви попыталась разобраться в своих чувствах. Мысли о Боге-Императоре наполняли ее грустью. Она чувствовала в нем мужчину, человека, которым он мог быть. Но почему этот человек выбрал для себя столь ужасный путь? Кто мог об этом знать? Может быть, Монео?

Об этом мог знать еще Дункан Айдахо.

Ее мысли обратились к Дункану. Какой привлекательный мужчина. Какой сильный и обаятельный. Она чувствовала, что физически ее тянет к нему. Если бы у Лето была внешность Айдахо! Монео — о, этот совсем из другого теста. Она посмотрела в спину своей проводницы.

- Ты можешь рассказать мне о Монео? — спросила Хви.

Говорящая Рыба обернулась через плечо. В ее светло-голубых глазах появилось странное выражение — некое причудливое подобие благоговения.

- Я сказала что-то лишнее? — спросила Нори.

Говорящая Рыба отвернулась.

- Господин сказал, что ты спросишь о Монео.

- Вот и расскажи мне о нем.

- Что можно о нем сказать? Он самый приближенный к Императору человек.

- Ближе, чем Дункан Айдахо?

- О да, ведь Монео — Атрейдес.

— Монео был у меня вчера, — произнесла Хви. — Сказал, что мне надо кое-что знать о Боге-Императоре. Монео сказал, что Бог-Император может сделать все, действительно все, если сочтет это полезным для обучения.

- Так считают многие, — сказала Говорящая Рыба.

- Ты тоже так считаешь?

Когда Хви задала этот вопрос, спуск сделал последний поворот и закончился маленьким помещением с единственной сводчатой дверью.

— Господь Лето примет тебя немедленно, — сказала Говорящая Рыба. Она повернулась и, не говоря больше ни слова, начала подниматься по винтовой лестнице.

Хви вошла в дверь и оказалась в помещении с низким потолком. Комната была намного меньше Зала Аудиенций. Воздух был чист и свеж. Из верхних углов струился приглушенный свет невидимых ламп. Привыкнув к полумраку, Хви увидела расстеленные на полу ковры и разложенные на них подушки, и небольшое возвышение, которое... Рассмотрев возвышение, Хви прижала руки к губам, чтобы не вскрикнуть. Это был Лето, возлежавший на своей тележке, которая на этот раз помещалась в специальном углублении. Хви тотчас поняла, зачем все это было сделано: в этом помещении Лето не считал нужным подавлять посетителей своими размерами. Однако с длиной его тела и его огромной мощью ничего нельзя было поделать и приходилось бороться с этим, приглушив свет, который падал только на лицо и руки Лето.

- Войди и сядь, — сказал Лето. Он говорил низким, очень приятным голосом.

Хви подошла к красной подушке в нескольких шагах от Лето и послушно села.

Лето следил за ее движениями с нескрываемым удовольствием. На девушке было надето золотистое платье, а волосы, заплетенные в косы, придавали лицу свежесть и невинность.

- Я передала ваше послание на Икс, — сказала она. — Я передала им также, что вы желаете знать

мой возраст.

— Возможно, что они ответят, — произнес Лето. — Возможно также, что их ответ будет правдив.

— Мне тоже хотелось бы знать мой возраст и обстоятельства моего рождения, — сказала Хви, — но я не понимаю, почему это интересует вас.

— Меня интересует все, что касается тебя, — ответил он.

— Им не очень понравится мое назначение постоянным послом.

— Твои хозяева представляют собой странную смесь пунктуальности и небрежности, — проговорил Лето. — я не очень охотно терплю возле себя глупцов.

— Вы считаете меня глупой, господин?

— Малки не был глуп, ты тоже, моя дорогая.

— Я много лет ничего не слышала о моем дяде. Иногда я сомневаюсь в том, что он жив.

— Возможно, скоро он узнает об этом. Малки когда-нибудь говорил тебе, что я практикую такийю?

Хви на мгновение задумалась.

— У древних фрименов это называлось *кетман!*

— Да, — ответил Лето. — Это практика, позволяющая скрывать суть, если ее открытие может принести вред.

— Да, я припоминаю это. Он говорил мне, что вы пишете под псевдонимом рассказы, многие из которых стали известными..

— Да, именно по этому случаю мы обсуждали с ним *такийю*.

— Зачем вы рассказываете об этом мне, господин.

— Чтобы не говорить о других предметах. Ты знала, что это я писал книги Ноя Аркрайта?

Хви не смогла сдержать усмешку.

— Мне велели прочитать книгу о его жизни.

— Эту биографию, кстати говоря, написал тоже я... какие тайны велели тебе выжать из меня твои хозяева?

Хви, не моргнув глазом, восприняла этот стремительный переход к сути дела.

— Они очень хотят знать внутренний механизм религии Господа Лето.

— Они и сейчас хотят это знать?

— Они хотят знать, каким образом вам удалось перехватить инициативу у Бене Гессерит.

— Им, без сомнения, очень хотелось бы воспользоваться моим опытом?

— Я уверена, что именно это у них на уме, господин.

— Хви, ты ужасный представитель Икса.

— Я — ваш слуга, господин.

— Ты не хочешь узнать что-нибудь для себя лично?

— Я боюсь своим любопытством доставить вам беспокойство, — ответила она.

Он удивленно посмотрел на нее, потом снова заговорил.

— Я понимаю. Мы не станем сейчас обсуждать более интимные проблемы. Хочешь, я расскажу тебе об Общине Сестер?

— Да, это будет очень хорошая тема. Вы знаете, что сегодня у меня была встреча с одной из Сестер?

— Скорее всего, это была Антеак.

— Она произвела на меня страшное впечатление.

— Тебе не стоит ее бояться. Она пришла в посольство по моему приказу. Ты знала, что в твоем посольстве обосновался Танцующий Лицом?

Хви едва не задохнулась, от осознания сказанного в груди ее появился жуткий холод.

— Отви Йак? — спросила она.

— Ты подозревала его?

— Он мне просто не нравился, и мне говорили, что... — Она пожала плечами, окончательно все поняв. — Что с ним случилось?

— С настоящим? Он мертв. Это обычная тактика Танцующих Лицом в подобных обстоятельствах. Мои Говорящие Рыбы получили приказ убить всех Танцующих Лицом в твоем посольстве.

Хви промолчала, но по щекам ее потекли слезы. Это объясняет пустые улицы и загадочное «да» Антеак. Это объясняет очень многое.

— Говорящие Рыбы будут помогать тебе до тех пор, пока ты не сделаешь новые назначения, — сказал Лето. — Мои гвардейцы будут хорошо тебя охранять.

Хви смахнула слезы с лица. Инквизиторы Икса будут в бешенстве от такого поведения тлейлаксианцев. Поверят ли на Иксе в ее рапорт? Весь персонал ее посольства замещен Танцующими Лицом! В такое трудно поверить.

— Так они сменили всех? — спросила Хви.

— У Танцующих Лицом не было никаких оснований оставлять кого бы то ни было в живых. Следующей должна стать ты.

Хви содрогнулась.

— Они так долго тянули, потому что им надо было с особой тщательностью скопировать тебя, чтобы обмануть меня. Они не знают всех моих способностей.

— Значит, Антеак...

— Сестры Общины, как и я, могут отличать Танцующих Лицом от настоящих людей. А Антеак... что же, она очень хорошо умеет делать то, что делает.

— Никто не доверяет тлейлаксианцам, — сказала Хви. — Почему их не истребили?

— Специалистов надо использовать, но понимать при этом, что они ограниченны. Ты удивляешь меня, Хви. Я не подозревал, что ты столь кровожадна.

— Но тлейлаксианцы... они слишком жестоки, чтобы считать их людьми. Они не люди!

— Уверяю тебя, что только люди и именно они могут быть столь жестокими. Я и сам иногда бываю жесток.

— Я знаю, господин.

— Но только когда меня провоцируют, — продолжал Лето. — Единственные люди, которых я хотел уничтожить, — это сестры Бене Гессерит.

От изумления Хви потеряла дар речи.

— Они очень близки к тому, чем они должны быть, но одновременно очень далеки от этого, Хви вновь обрела способность говорить.

— Но в Устном Предании сказано...

— Да, там говорится о религии Преподобных Матерей. Когда-то они создали особую религию для специфического общества. Они назвали это инжинирингом. Это не слишком сильно тебя поразило?

— Это бессердечно.

— Действительно. Результаты вполне соответствовали их ошибке. Несмотря на все грандиозные попытки достичь экуменизма, в Империи продолжали процветать многочисленные религии, люди поклонялись своим божествам и самозванным пророкам.

- Вы изменили это положение, господин.
- В какой-то степени. Но боги умирают с большим трудом, Хви. Мой монотеизм господствует, но исходный пантеон продолжает существовать. Он ушел в подполье и продолжает жить, прикрываясь различными масками.
- Господин, я чувствую в ваших словах... — она тряхнула головой.
- Такой же холодный расчет, как и в действиях Общины Сестер?
- Хви кивнула.
- Фримены обожествили моего отца, великого Муад'Диба. Правда, он не слишком хотел, чтобы его считали великим.
- Но были ли фримены...
- ...правы? Моя дражайшая Хви, они были очень понятливы во всем, что касается власти, и им хотелось обрести законного наследственного властителя.
- Мне... очень неприятно это слушать, господин.
- Я вижу. Тебе не нравится идея о том, что, по-видимому, любой человек может стать богом, не прилагая к этому чрезмерных усилий.
- Вы говорите об этом, как о какой-то мелочи, господин, — голос Хви стал отчужденным и испытующим.
- Уверяю тебя, что кто угодно не может стать богом.
- Но вы неявным образом утверждаете, что унаследовали свою божественность от...
- Не вздумай сказать это Говорящим Рыбам — они очень остро реагируют на всякую ересь.
- Хви почувствовала, что у нее пересохло во рту.
- Я говорю это только для того, чтобы защитить тебя, — сказал он.
- Благодарю вас, господин, — произнесла Хви едва слышным голосом.
- Моя божественность проявилась тогда, года я объявил фрименам, что не стану больше отдавать племенам воду мертвых. Ты знаешь об этой воде?
- В дни Дюны это была вода, которая добывалась из тел умерших, — ответила она.
- Ах да, ты же читала Ноя Аркрайта.
- Хви выдавила из себя некое подобие улыбки.
- Я объявил моим фрименам, что отныне вода мертвых будет посвящаться Верховному Божеству, имя которого останется до поры в тайне. Но я объявил также, что по щедрости своей позволяю им по их усмотрению распоряжаться этой водой.
- В те времена вода была, вероятно, самой большой драгоценностью.
- Еще какой! И я, как представитель этого безымянного Божества, осуществлял снисходительный контроль за использованием воды. Это продолжалось триста лет.
- Она прикусила губу.
- Мы, кажется, что-то вычисляем? — насмешливо поинтересовался Лето.
- Она кивнула.
- Так оно и было в действительности. Когда пришло время освятить воду моей умершей сестры, я представил фрименам чудо. Из урны Гани заговорили Атрейдесы — все и своими голосами. В тот момент фримены поняли, это я — их Верховное Божество.
- Хви отказывалась понять это откровение, от которого ее охватил страх. Она заговорила дрожащим голосом:
- Мой господин, вы говорите мне, что вы в действительности не Бог?

— Я говорю тебе, что не играю в прятки со смертью.

Она несколько минут смотрела на него во все глаза, и ее взгляд уверил Лето в том, что она поняла сокровенный смысл его слов. Это понимание еще больше усилило ее обожание.

— Ваша смерть не будет похожа на смерть других людей, — сказала она наконец.

— Моя дорогая Хви, — тихо произнес он.

— Меня поражает ваше бесстрашие перед лицом Суда действительного Верховного Божества, — сказала она.

— Ты не осуждаешь меня, Хви?

— Нет, но я боюсь за вас.

— Подумай о той цене, которую я плачу, — сказал Лето. — Каждая отпадающая от меня часть несет в себе знание, которое беспомощно и бесполезно.

Прижав руки к губам, она опять во все глаза смотрела на него.

— Это ужас, которого мой отец не смог вынести и которого он постарался избежать, ужас постоянного расщепления слепого единства.

Она опустила руки и прошептала:

— Вы сохраните... сознание?

— В какой-то степени да... но это будет немое сознание. Небольшая жемчужина моего «я» пребудет с каждым песчаным червем и каждой форелью — она будет сознавать, но не будет в силах привести в движение даже одну-единственную клетку, будучи погруженной в вечный сон.

Хви содрогнулась.

Лето видел, что она изо всех сил пытается понять суть такого существования. Сможет ли она представить себе раскалывающуюся целостность сознания, цепляющегося за иксианскую машину, чтобы оставить людям последнее прости в посмертных записках? Сможет ли она ощутить изнуряющее душу молчание, которое последует за этой ужасающей фрагментацией?

— Господин, они используют это знание против вас, если я открою его.

— Ты расскажешь им все?

— Конечно нет! — она медленно покачала головой из стороны в сторону. Но зачем он принял на себя эту страшную трансформацию? Неужели нет никакого выхода?

Она заговорила:

— Нельзя ли настроить ту машину, с помощью которой вы записываете свои мысли...

— ...на миллионы кусочков, в которые я превращусь? На миллиарды? На еще большее число? Моя дорогая Хви, эти куски перестанут быть моим истинным «я».

Слезы затуманили взор Хви Нори. Она моргнула и сделала глубокий вдох. Лето видел, что это — тренировка, полученная в Бене Гессерит. Умение успокоиться в любой ситуации.

— Господин, вы поселили в моей душе великий страх.

— И ты не поняла; зачем я это сделал.

— Я смогу это понять?

— О да. Это могут понять многие. Другой вопрос, что люди станут делать с этим пониманием?

— Вы научите меня, что делать?

— Ты уже и сама это знаешь.

Она помолчала.

— Я чувствую, что это каким-то образом связано с вашей религией.

Лето улыбнулся.

— Я могу простить твоим иксианским хозяевам почти все за одно то, что они прислали тебя ко мне. Проси и ты получишь все.

Она стремительно подалась вперед всем телом.

— Скажите мне, как устроена ваша религия?

— Скоро ты все о ней узнаешь, Хви, я обещаю тебе это. Пока же помни, что ближе всего ты подойдешь к цели, если вспомнишь о том, что наши предки в древности поклонялись Солнцу.

— Поклонение Солнцу? — Хви отпрянула.

— Солнцу, которое властвует над всем живым, но к которому нельзя прикоснуться, ибо прикоснение равнозначно смерти.

— Вашей... смерти?

— Любая религия обращается вокруг солнца, подобно планетам, религия питается энергией солнца, от солнца зависит само ее существование.

Голос Хви превратился в едва слышный шепот:

— Что вы видите на *вашем* солнце, господин?

— Вселенную со множеством окон, сквозь которые я могу смотреть. Я вижу то, что открывает мне каждое окно.

— Будущее?

— Вселенная — вне времени, ибо уходит своими корнями в бесчисленное множество прошлых и будущих.

— Значит, верно то, что это, — она указала на сегментированное тело Лето, — может предотвратить то, что вы увидели.

— Ты сама дошла до того, что это, пусть даже в небольшой своей части, может быть священным? — спросил он.

Она в ответ смогла лишь коротко кивнуть головой.

— Я могу сказать только одно: если ты попытаешься разделить это со мной, то для тебя это будет почти невыносимый гнет.

— Сделает ли это вашу ношу легче, господин?

— Нет, но мне будет легче ее нести.

— Тогда я разделяю ее с тобой. Говори, мой господин.

— Не сейчас, Хви. Тебе придется набраться великого терпения. Ожидание может затянуться.

Она вздохнула, стараясь скрыть разочарование.

— Сейчас Айдахо изнывает от нетерпения, — сказал Лето. — Мне надо говорить с ним.

Она оглянулась, но в маленькой комнате никого не было.

— Ты хочешь, чтобы я ушла?

— Я хочу, чтобы ты никогда не уходила.

Она посмотрела в его глаза, увидела в них неутолимый голод и ей стало грустно.

— Господин, зачем ты говоришь мне о своих тайнах?

— Я не стану просить тебя стать невестой Бога.

Потрясенная Хви широко раскрыла глаза.

— Не отвечай, — попросил он.

Не шевелясь, она окинула взглядом его тело.

— Не ищи того, чего уже давно нет, — сказал он. — Некоторые формы близости стали недоступны

для меня.

Она вновь посмотрела на его розовое детское лицо, которое в силу контраста с червеобразным телом казалось особенно человеческим.

— Если тебе нужны дети, — сказал он, — то я хочу попросить только об одном — чтобы ты позволила мне самому подобрать для них отца. Но я еще ни о чем тебя не просил.

Голос ее стал совсем тихим:

— Господин, я не знаю, что...

— Скоро я вернусь в Цитадель, — произнес он. — Ты придешь ко мне, и мы поговорим обо всем. Я расскажу тебе о том, что я предотвратил.

— Я напугана, мой господин. Я не испытывала такого страха никогда в жизни.

— Не бойся меня, Хви. С моей нежной Хви я могу быть только нежным. Что же касается других опасностей, то от них тебя защитят мои Говорящие Рыбы, которые в случае надобности прикроют тебя своими телами. Они не допустят, чтобы хоть кто-то причинил тебе малейший вред.

Дрожа всем телом, Хви встала с подушки.

Лето видел, как потрясли девушку его слова, и это причинило ему боль. В глазах Хви блестели слезы. Она изо всех сил сцепила руки, чтобы унять дрожь. Он знал, что она по своей воле придет к нему в Цитадель. Неважно, спросит ли он о чем-либо. Она ответит ему, как отвечают Говорящие Рыбы: «Да, господин».

Лето понял, что если бы у нее была возможность поменяться с ним местами и принять его тяжкий крест, она сама предложила бы сделать это. То, что она была не в состоянии этого сделать, наполняло ее еще большим страданием. Она была умна, очень понятлива, но начисто лишена гедонической слабости Малки. Она вызывала страх своим совершенством. Все в ней утверждало его в мысли, что, будь он в состоянии вернуть себе мужской облик, она была бы той женщиной, которую он избрал бы своей подругой.

Иксианцы знали это очень хорошо.

— Теперь оставь меня, — прошептал он.

Я одновременно отец и мать Своему народу. Я познал экстаз родов и экстаз смерти и этому образцу я хочу научить вас. Вы должны усвоить мои уроки. Разве я не бродил в опьянении по джунглям неверных теней вселенной? Бродил! Я видел ваши силуэты на фоне света. Вселенная, которую вы, по вашему утверждению, видите, есть моя мечта. Моя энергия сосредоточена в ней, и я присутствую в каждом ее участке, во всех ее участках. Так рождаетсяесь вы.

— Мои Говорящие Рыбы сказали, что ты отправился в Цитадель сразу же после праздника Сиайнок, — произнес Лето.

Во взгляде Лето, которым он окинул Айдахо, стоявшего там, где всего час назад сидела Хви, было обвинение. Прошло так мало времени, но Лето ощущал такую пустоту, словно протекли столетия.

— Мне нужно было время, чтобы подумать, — сказал Айдахо и посмотрел в углубление, в котором лежал Лето.

— И поговорить с Сионой?

— Да, — Айдахо взглянул в лицо Лето.

— Но спрашивал ты о Монео, — сказал Лето.

— Они докладывают о каждом моем шаге? — требовательно спросил Айдахо.

— Нет, не о каждом.

— Иногда человеку надо побывать одному.

— Конечно, но не стоит винить Говорящих Рыб в том, что они очень озабочены твоей безопасностью.

— Сиона говорит, что ей предстоит испытание!

— И именно поэтому ты искал Монео?

— В чем заключается это испытание?

— Монео знает. Я полагаю, именно об этом ты хотел его спросить.

— Вы не полагаете. Вы все знаете наверняка.

— Сиайнок очень расстроил тебя, Дункан. Прости меня за это.

— Вы имеете хотя бы отдаленное представление, каково мне находиться здесь?

— Жребий гхола не назовешь легким. Некоторые живут очень тяжело.

— Я не нуждаюсь в этой юношеской философии.

— В чем же ты нуждаешься, Дункан?

— Мне надо знать некоторые вещи.

— Какие, например?

— Я совсем не понимаю людей, которые вас окружают! Нисколько этому не удивляясь, Монео спокойно рассказывает мне, что Сиона участвовала в восстании против вас. Это он говорит о собственной дочери!

— В свое время Монео тоже был мятежником.

— Вы же понимаете, о чем я говорю. Монео тоже был подвергнут испытанию?

— Да.

— Вы будете испытывать и меня?

— Я уже тебя испытываю.

Айдахо уставил в Лето пылающий взор.

— Я не понимаю, как вы правите, я не понимаю вашей Империи, я вообще ничего не понимаю. Чем

больше я узнаю, тем больше осознаю, что не понимаю, что происходит вокруг меня.

— Какое счастье, что ты самостоятельно набрел на путь мудрости, — сказал Лето.

— Что? — Ярость Айдахо прорвалась боевым кличем, он проревел это слово, словно командовал на поле битвы. и этот рев заполнил все небольшое помещение.

Лето лишь улыбнулся.

— Дункан, разве я не говорил тебе, что как только ты начинаешь воображать, что что-то знаешь, это закрывает путь к дальнейшему познанию?

— Тогда скажите мне, что происходит.

— Мой друг Дункан Айдахо привыкает к новым для себя обычаям. Он учится заглядывать за пределы того, что считает известным для себя.

— Хорошо, хорошо, — кивнул Айдахо. — Тоша что именно за пределами моего знания заставило вас привести меня на Сиайнок?

— Я хочу привязать Говорящих Рыб к их командиру.

— А я потом вынужден от них отбиваться! Сопровождавшие меня хотели по дороге в Цитадель устроить оргию, а те, кто пришел со мной сюда...

— Они знают, как я люблю детей Дункана Айдахо.

— Будьте вы прокляты, я же не жеребец!

— Нет нужды так громко кричать, Дункан.

Айдахо несколько раз глубоко вдохнул.

— Когда я сказал им «нет», они сначала страшно обиделись, а потом стали обходить со мной, как... блаженным или тихо помешанным.

— Разве они не подчинились тебе?

— Они ни о чем меня не спрашивают... если это не противоречит вашим приказам. Я не хотел возвращаться сюда.

— Но они все же доставили тебя сюда.

— Вы же прекрасно знаете, что они никогда не ослушаются вас!

— Я рад, что ты пришел, Дункан.

— О, я прекрасно это вижу!

— Говорящие Рыбы знают, что ты — особенный, знают, как я люблю тебя, сколь многим я тебе обязан. Нет никакого вопроса о послушании или непослушании, когда Речь идет о тебе или обо мне.

— Так в чем тогда заключается вопрос?

— В верности.

Айдахо погрузился в задумчивое молчание.

— Ты почувствовал силу Сиайнока? — спросил Лето.

— Мумбо-юмбо, — буркнул в ответ Айдахо.

— Тогда почему ты так расстроился?

— Ваши Говорящие Рыбы — не армия, это полиция, охранная гвардия.

— Своим именем я уверяю тебя, что это не так. Полиция — организация неизбежно коррумпированная.

— Вы искушаете меня властью, — в тоне Айдахо прозвучало обвинение.

— Это и есть испытание, Дункан.

— Вы мне не доверяете?

- Я безусловно доверяю твоей верности Атрейдесам.
- Тогда к чему эти речи о коррупции и испытании?
- Это же ты обвинил меня в том, что я сделал из Говорящих Рыб полицейских. Полиция всегда следит за тем, чтобы преступники преуспевали. Плох тот полицейский, который не понимает, что процветание власти зависит от процветания преступников.

Айдахо нервно облизнул пересохшие губы и озадаченно уставился на Лето.

- Но моральная подготовка... я имею в виду законность... тюремное заключение для...
- Какой толк от законов и тюрем, если преступление не считается грехом?

Айдахо по-петушиному склонил голову.

- Вы хотите сказать, что ваша проклятая религия...
- Наказание греха может быть весьма экстравагантным.

Айдахо через плечо указал большим пальцем на выход.

- Все эти разговоры о смертных казнях... о пресловутой порке и...
- Я стараюсь, где это только возможно, покончить со случайными законами и тюрьмами.
- Но должны же у вас быть хоть какие-то заключенные.
- Зачем? Заключенные нужны только для того, чтобы создавать иллюзию пользы от суда и полиции.

Айдахо повернулся вполоборота и указал пальцем на выход в маленькую прихожую.

- У вас есть планеты, которые сами по себе являются не чем иным, как тюрьмами.
- Я полагаю, что ты можешь считать тюрьмой любое место, которое тебе заблагорассудится. Это зависит от того, насколько далеко заходят твои иллюзии.
- Иллюзии! — Айдахо безвольно уронил руки.
- Да. Ты толкуешь о тюрьмах, полиции и законности, прекрасной иллюзии, прячась за которую могут великолепно действовать власть имущие, великолепно осведомленные о том, что установленные ими законы никто и не думает соблюдать.
- И вы думаете, что с преступностью можно справиться...
- Не с преступностью, Дункан, а с греховностью.
- Так вы полагаете, что религия в состоянии...
- Ты заметил, что считается у меня первичным и главным грехом?
- Что?
- Попытка коррумпировать члена правительства или коррумпированность члена правительства.
- В чем же состоит критерий коррумпированности?
- Исключительно в неспособности или нежелании соблюдать поклонение и веру в священную суть Бога Лето.
- Вас?
- Меня.

- Но в самом начале разговора вы сказали, что...
- Ты думаешь, что я сам не верю в свою Божественность? Берегись, Дункан!

От гнева голос Дункана стал бесцветным и невыразительным:

- Вы сказали мне, что одной из моих задач будет сохранение вашей тайны о том, что вы...

- Ты понятия не имеешь о моей тайне.
- О том, что вы — тиран? Это не...
- Боги обладают гораздо большей властью, чем тираны, Дункан.
- Мне очень не нравится то, что я слышу.
- Атрейдесы когда-нибудь спрашивали тебя, нравится ли тебе твоя служба?
- Вы попросили меня командовать Говорящими Рыбами, которые одновременно являются судьями, присяжными и палачами... — Айдахо осекся.
- И что из этого?

Айдахо молчал.

Лето посмотрел на Дункана. Между ними повисло Холодное отчуждение. Однако Айдахо стоял слишком далеко.

Это похоже на рыбалку с удочкой. Словно водишь на леске рыбу *подумал Лето*. Надо четко рассчитать предел прочности лески, чтобы она не порвалась в самый неподходящий момент.

Проблема заключалась в том, что Айдахо придется убить, если слишком рано завлечешь его в сеть. На этот раз события развивались слишком стремительно. Лето стало грустно.

- Я не стану поклоняться тебе, — заявил Айдахо.
- Говорящие Рыбы знают, что ты обладаешь особым иммунитетом, — сказал Лето.
- Как Монео и Сиона?
- Это совсем разные вещи.
- Выходит, мятежники — это особый случай? Лето усмехнулся.
- Все мои самые доверенные чиновники были в свое время мятежниками.
- Я не был...
- Ты был просто блистательным мятежником. Ты помог Атрейдесам свалить законно царствующую династию.

Айдахо погрузился в глубокое раздумье.

- Значит, тоже был...

Он резко тряхнул головой, словно пытаясь стряхнуть что-то со своих волос.

- Но посмотрите, что вы сделали с Империей!
- Я создал образец. Образец образцов.
- Это вы говорите.
- Информация замораживается в образцах, паттернах, Дункан. Мы можем использовать один паттерн для разгадки другого. Очень трудно разгадать значение изменяющихся паттернов.
- Опять мумбо-юмбо.
- Однажды ты уже совершил такую ошибку.
- Зачем вы позволяете тлейлаксианцам снова и снова возвращать меня к жизни — одного гхола за другим? Какой паттерн заключен в этом?
- Ты нужен мне из-за своих качеств, которыми обладаешь в избытке. Но пусть лучше об этом скажет мой отец.

Айдахо мрачно сжал губы.

Лето заговорил голосом Муад'Диба, и даже его лицо, спрятанное в грубых складках, приобрело отцовские черты.

- Ты был моим самым верным другом, большим чем даже Гурни Халлек. Но я — прошлое.

Айдахо с трудом сглотнул.

— Но вещи, которые тытворишь!...

— Разве они не пытаются уничтожить посеянное Атрейдесами?

— Ты прав, будь все проклято! Лето принял свой обычный облик.

— Но я все еще Атрейдес, — сказал он своим голосом.

— Ты реален?

— Каким же еще я могу быть?

— Хотелось бы мне это знать!

— Ты думаешь, что я просто играю масками и голосами?

— Ради всего святого, скажи, что ты делаешь в действительности?

— Я сохраняю жизнь, готовя почву для следующего цикла.

— Ты сохраняешь ее убийством?

— Смерть часто помогает жизни.

— Атрейдесы никогда не поступали так!

— Но это так. Мы часто убеждались в ценности смерти. Иксианцы, однако, никогда этого не понимали.

— Какое отношение ко всему этому имеют иксианцы?

— Самое прямое. Они хотят создать машину, которая затмит все остальные машины.

Айдахо задумчиво заговорил:

— Именно за этим сюда прибыл новый посол с Икса?

— Ты видел Хви Нори? — спросил Лето. Айдахо указал рукой вверх.

— Она уходила отсюда, когда я прибыл.

— Ты говорил с ней?

— Я спросил ее, что она делает здесь? Она ответила, что выбирает сторону баррикады.

Огромное тело Лето сотряслось от хохота.

— Боже мой, как она хороша! — воскликнул он. — Она открыла тебе свой выбор?

— Она сказала, что отныне всей душой служит Богу-Императору. Я, конечно, не поверил ей.

— Но ты должен ей поверить.

— Почему?

— Ах да, я совсем забыл: было время, когда ты сомневался даже в моей бабке, госпоже Джессике.

— У меня были для этого основания!

— Ты сомневаешься и в Сионе?

— Я начинаю сомневаться во всех и каждом!

— И говоришь, что не понимаешь, почему я так высоко пеню тебя, — обвиняющим тоном произнес Лето.

— При чем здесь Сиона? — спросил Айдахо. — Она говорит, что вы хотите... Я имею в виду, черт возьми...

— В чем можно не сомневаться в Сионе, так это в ее способности к творчеству. Она может создавать новое и прекрасное. Надо доверять истинно творческим натурам.

— И иксианским механикам?

— То, что они делают, нельзя назвать творчеством. Истинное творчество всегда открыто. Скрытность выдает присутствие совершенно иной силы.

— Значит, вы не доверяете этой Хви Нори, но вы же и...

— Я доверяю ей, и именно по той причине, о которой только что тебе сказал.

Айдахо нахмурился, потом лицо его разгладилось. Он облегченно вздохнул.

— Мне следует поближе познакомиться с Хви Нори. Если она та, которую вы...

— Нет! Ты не подойдешь к ней. Я подготовил для Хви Нори нечто особенное.

Я выделил внутри себя опыт городской жизни и принял тщательно его изучать. Идея города буквально очаровала меня. Формирование биологического сообщества без действенной, поддерживающей общности социальной неизбежно приводит к катастрофе. Целые миры превращались в чисто биологические образования без сопутствующих социальных структур, и это всегда кончалось разрушением. Перенаселение является собой весьма поучительный пример. Гетто смертельно по своей сути. Психологический стресс от перенаселения приводит к накоплению скрытой разрушительной энергии, которая давит все сильнее и сильнее — до тех пор, пока не происходит взрыв. Город — это попытка справиться с таким процессом. Социальные формы, посредством которых город пытается сохранить социальный мир, достойны изучения. Помните, что в формировании любого социального порядка присутствует зло. Социальный порядок — это борьба за существование, проводимая искусственными средствами. На полюсах этого порядка царят деспотизм и рабство. Из-за этого возникают большой вред и нужда в законах. Законы превращаются в самодовлеющую структуру, что приводит к еще большим несправедливостям. Эта общественная травма может быть излечена только сотрудничеством, но ни в коем случае не конфронтацией. Тот, кто призывает к сотрудничеству, есть истинный целитель.

Монео вошел в маленький зал Лето в состоянии видимого волнения. Он был рад только тому обстоятельству, что Бог-Император лежал здесь, в малом зале в углублении, что затрудняло нападение Червя. Кроме того, на этот раз Лето позволил своему мажордому спуститься в подземелье на лифте, а не заставил идти по бесконечному винтовому спуску. Однако Монео чувствовал, что новость, которую он несет своему господину, превратит Лето в *Червя, Который Есть Бог. Как преподнести эту новость?*

Прошел час после рассвета, наступил четвертый день Празднества, что само по себе было хорошо, предвещая скорое освобождение от страшных забот, связанных с ритуальными действиями.

Лето зашевелился, когда мажордом вступил в зал. Тотчас же включилось освещение, сфокусированное на лице Лето.

— Доброе утро, Монео, — произнес Лето. — Охрана сказала мне, что ты просишь немедленно принять тебя. Что произошло?

По опыту Монео знал, что главная опасность заключается в слишком быстром изложении всей сути дела.

— Я некоторое время общался с Преподобной Матерью Антеак, — сказал Монео. — Хотя она тщательно это скрывает, я уверен, что она — ментат.

— Да, иногда сестры Бене Гессерит позволяют себе непослушание, и это меня очень забавляет.

— Значит, вы не накажете меня?

— Монео, я единственный родитель этого народа, а родитель должен быть не только суровым, но и великодушным.

Сегодня он в хорошем настроении, подумал мажордом. Вздох облегчения сорвался с его уст, что вызвало улыбку Лето.

— Антеак возражала против амнистии, которую вы объявили некоторым из задержанных Танцующих Лицом.

— Я воспользовался своим правом ради Праздника, — сказал Лето.

— Господин?

— Мы поговорим об этом позже. Давай перейдем к новости, которую ты так жаждешь обрушить на мою голову в столь ранний час.

— Я... э-э... — Монео закусил губу. — Тлейлаксианцы стали очень словоохотливы в стремлении снискать мое расположение.

— Это естественно с их стороны. Что же они рассказывают?

— Они снабдили иксианцев информацией и аппаратурой для создания... э-э, не гхола, и даже не клона, а... наверное, надо прибегнуть к тлейлаксианскому термину — *реструктурированной клетки*. Эксперимент был проведен внутри некоего защитного поля, сквозь которое, как говорят члены Гильдии, не может проникнуть ваша сила.

— И каков был результат этого эксперимента? — Лето почувствовал, что его вопрос падает в

ледяной вакуум.

— Определенного ответа нет, ибо тлейлаксианцам не было разрешено присутствовать при опыте. Однако они рассказывают, что... э-э, Малки вошел в камеру один, а вышел оттуда с ребенком на руках.

— Да, да! Я знаю об этом!

— Вы знаете? — Монео был явно озадачен.

— Это предположение. Все это случилось приблизительно двадцать шесть лет назад?

— Да, господин.

— Этот ребенок — Хви Нори?

— В этом они не уверены, господин, но... — Монео пожал плечами.

— Конечно, они не уверены... И что ты можешь вывести отсюда, Монео?

— В присылке сюда нового иксианского посла заложена какая-то глубокая и далеко идущая цель.

— Ты совершенно прав, Монео. Тебе не показалось, что Хви, нежная Хви, является полной противоположностью доблестного Малки, включая и ее половую принадлежность?

— Я не думал об этом, господин.

— Я думал.

— Я немедленно отошлю ее обратно на Икс, — сказал Монео.

— Ты не сделаешь ничего подобного!

— Но, господин, если они...

— Монео, я замечал, что ты редко поворачиваешь спину при виде опасности. Другие делают это часто, а ты — редко. Зачем ты хочешь вовлечь меня в столь очевидную глупость?

Мажордом судорожно глотнул.

— Вот и хорошо. Мне нравится, когда ты сразу признаешь свои заблуждения, — проговорил Лето.

— Благодарю вас, господин.

— Мне также нравится, когда ты искренне приносишь мне свою благодарность, как ты сделал это только что, Антеак была рядом, когда ты слышал эти тлейлаксианские откровения?

— Как вы приказали, господин.

— Превосходно. Это немного возмутит стоячее болото. Сейчас ты отправишься к госпоже Хви. Скажешь ей, что я желаю немедленно ее видеть. Это ее взволнует. Она думает, что я не позову ее до переезда в Цитадель. Успокой ее страх.

— Каким образом, мой господин?

Голос Лето стал грустным.

— Монео, зачем ты спрашиваешь меня о том, как делать то, в чем ты имеешь большой опыт? Успокой ее и привези сюда, уверив, что я питаю в отношении нее только добрые намерения.

— Слушаюсь, господин, — Монео поклонился и попятился к выходу.

— Один момент, Монео!

Монео застыл на месте, преданно глядя в глаза Лето.

— Ты в недоумении, Монео, — сказал Лето. — Иногда ты не знаешь, что обо мне думать. Разве я не всемогущ и не всеведущ? Ты приносишь мне кое-какие сведения о том или этом и гадаешь: Знает ли он об этом? Если да, то зачем я рассказываю об этом? Но я приказал тебе докладывать обо всем, Монео. Согласись, что твое послушание поучительно.

Монео пожал плечами, обдумывая ответ.

— Время может быть и местом, Монео, — продолжал Лето. — Все зависит от того, где ты находишься, что видишь и что слышишь. Мера всего этого пребывает в сознании.

После долгого молчания Монео спросил:

— Это все, господин?

— Нет, это не все. Сегодня Сиона получит пакет, который ей передаст курьер Гильдии. Не препятствуй доставке этого пакета. Ты понял меня?

— Что в этом пакете, господин?

— Перевод, печатные материалы, которые я хочу, чтобы она прочла. Ты не станешь ей мешать. В пакете нет меланжи.

— Как вы узнали, чего я боялся?

— Просто я знаю, что ты боишься Пряности. Она могла бы продлить твою жизнь, но ты избегаешь принимать меланжу.

— Я боюсь других действий Пряности, господин.

— Щедрая природа решила с помощью меланжи открыть некоторым из нас неожиданные глубины психики; ты боишься именно этого?

— Я Атрейдес, господин!

— Да, да, ведь для Атрейдесов меланжа — средство, способное повернуть вспять бег времени и дать ошеломляющее внутреннее откровение.

— Я слишком хорошо помню, как вы испытывали меня, господин.

— Ты не чувствуешь внутренней необходимости увидеть воочию Золотой Путь?

— Я боюсь не этого, господин.

— Ты боишься другого потрясения, боишься увидеть то, что заставило меня сделать свой выбор?

— Мне достаточно посмотреть на вас, господин, чтобы испытать этот страх. Мы, Атрейдесы... — он осекся, во Рту У него пересохло.

— Ты не хочешь познать память всех своих бесчисленных предков, которые собраны в моей памяти!

— Иногда... иногда, господин, мне кажется, что Пряность — это проклятие Атрейдесов!

— Ты бы хотел, чтобы меня не было вовсе?

В ответ Монео замолчал.

— Но меланжа имеет и свою неоспоримую ценность Монео. Он нужен Гильд-навигаторам. Без него Бене Гессерит выродится в беспомощное соборище хныкающих старых баб!

— Мы должны жить или с ним, или вовсе без него, мой господин. Я твердо это знаю.

— Очень разумный подход, Монео. Ты предпочитаешь жить без него.

— Разве у меня нет выбора, господин?

— Пока есть.

— Господин, что вы...

— Для обозначения меланжи в нашей Галактике существует двадцать восемь слов. Эти слова описывают Пряность с точки зрения цели ее использования, способа разведения, возраста, добыта ли она честным путем, украдена или отнята, является ли она приданым, подарена ли мужчиной женщине или с другой точки зрения. Что ты можешь вывести отсюда, Монео?

— Нам всегда предоставляется множественный выбор, господин.

— Только в том, что касается Пряности? Монео поморщился, прежде чем ответить.

— Нет, — произнес он наконец.

— Ты так редко говоришь «нет» в моем присутствии, — сказал Лето. — Мне нравится, как твои губы округляются, произнося его.

Рот Монео искривился и дрогнул в каком-то подобия улыбки.

Лето быстро сменил тему.

— Отлично! Сейчас ты пойдешь к госпоже Хви. На прощание я дам тебе один совет, который может тебе пригодиться.

Монео застыл в напряженном внимании.

— Знание, основанное на употреблении наркотиков, присуще в большей степени мужчинам, потому что они больше склонны к авантюрам, это есть проявление их более высокой агрессивности. Ты читал Библию и знаешь историю о Еве и яблоке. В этой истории есть один интересный нюанс — Ева не была первой, кто сорвал и надкусил яблоко с древа познания Добра и Зла, — это сделал Адам, который потом свалил вину на Еву. В моем рассказе ты можешь прочесть, почему человечество пришло к необходимости деления общества на подгруппы.

Монео отвернулся голову.

— Господин, каким образом это может помочь мне?

— Это поможет тебе общаться с госпожой Хви!

Единичная множественность нашей вселенной притекает мое самое пристальное внимание. В этой множественности присутствует несравненная ни с чем красота.

Прежде чем Хви вошла в малый Аудиенц-зал, Лето услышал голос Монео, На девушке были надеты светло-зеленые шаровары, перехваченные у лодыжек темными лентами — под цвет сандалий. Из-под черной накидки выглядывала свободная блузка такого же зеленого цвета.

Хви казалась совершенно спокойной. Войдя, она, не ожидая приглашения, села на золотистую подушку, а не на красную, как в прошлый раз. Монео потребовалось меньше часа, чтобы доставить Хви Нори в резиденцию Лето. Он слышал, что мажордом ходит взад-вперед в прихожей. и послал сигнал, запиравший вход в зал.

— Монео чем-то очень взволнован, — сказала Хви. — Он очень старался не показать мне это, но чем больше он пытался меня успокоить, тем большее любопытство он во мне возбуждал.

— Он не очень сильно тебя напугал?

— О нет. Более того, он говорил довольно интересные вещи. Он сказал, что я должна запомнить, что Бог Лето разный для каждого из нас.

— Что же здесь интересного? — спросил Лето.

— Интересен вопрос, для которого это замечание послужило лишь предисловием. Он сказал, что ему очень интересно, какую роль играем мы в такой разнице вашего отношения к нам.

— Вот это действительно интересно.

— Думаю, что это взгляд в корень проблемы, — произнесла Хви. — Зачем вы вызвали меня?

— Когда-то твои хозяева с Икса...

— Они больше мне не хозяева, господин.

— Прости меня. Отныне я буду называть их иксианцами.

Она серьезно кивнула и напомнила:

— Когда-то...

— ...иксианцы попытались создать оружие — тип охотника, этакая самодвижущаяся смерть с машинным сознанием и интеллектом. Она была сконструирована, как самоусовершенствующийся аппарат, который, найдя признаки жизни, должен был превратить носителя этих признаков в кусок неорганической материи.

— Я ничего об этом не слышала, господин.

— Я знаю. Иксианцы не понимают, что разработчики таких машин рано или поздно сами становятся машинами. Это путь к бесплодию. Машины всегда проигрывают... Надо только выждать время. И когда машина проигрывает, то не остается никакой жизни.

— Иногда мне кажется, что они поражены безумием, — сказала Хви.

— Антеак придерживается такого же мнения. Это самая непосредственная проблема. Иксианцы заняты сейчас другим проектом, суть которого скрыта от всех.

— Даже от вас?

— Даже от меня. Я посыпаю Преподобную Мать Антеак провести расследование от моего имени. Для того чтобы ей помочь, я хочу, чтобы ты рассказала ей все, что сможешь, о месте, где ты провела свое детство. Здесь очень важны детали, пусть даже очень мелкие и, казалось бы, незначимые. Антеак поможет тебе припомнить все. Каждый звук, каждый запах, цвет каждого предмета. Кто навещал тебя, что ты при этом испытывала. Нас интересует все, вплоть до мурашек, которые пробегали у тебя по коже. Жизненно важной может оказаться любая, подчеркиваю, любая подробность.

— Вы думаете, что это и есть то место, где прячутся авторы проекта?

— Я точно это знаю.

— И вы думаете, что они делают это оружие для того, чтобы...

— Нет, но это будет вполне весомым основанием для того, чтобы исследовать место твоего рождения.

На лице Хви медленно появилась улыбка.

— Оказывается, мой господин предпочитает окольные пути. Я поговорю с Преподобной Матерью немедленно. — Хви встала, однако Лето остановил ее.

— Мы не должны проявлять излишней поспешности.

Она снова опустилась на подушку.

— Мы все очень разные, как тонко подметил Монео, — сказал он. — Бытие нельзя остановить. Твой бог продолжает творить тебя.

— Что найдет Антеак? Вы же знаете это, не так ли?

— Лучше скажем, что у меня есть твердая убежденность. Ты не один раз упоминала предмет, который я обсуждал с тобой ранее. У тебя есть вопросы?

— Вы дадите мне ответы, как только они мне понадобятся. — Это было утверждение, полное такого доверия, что Лето от волнения замолчал. Он безмолвно смотрел на Хви, поняв, насколько необычно это достижение иксианской мысли, — они сумели создать человека. Хви оставалась верна запрограммированной для нее модели личности в моральном плане. Она была миловидна, сердечна и честна, обладая при этом способностью к истинному сопереживанию, переживая муки человека, с которым она в данный момент себя идентифицировала. Он представил себе, как недовольны будут ее учителя из Бене Гессерит, столкнувшись с этой непоколебимой внутренней честностью. Учителя добавят кое-какие способности, добавят к общей картине несколько мазков, но это только укрепит ее силу, благодаря которой Хви не превратилась в сестру из Бене Гессерит. Как это будет обидно для Преподобных Матерей!

— Господин, — сказала Хви. — Я хотела бы знать мотивы, побудившие вас сделать свой выбор.

— Сначала ты должна понять, как чувствует себя человек, способный прозревать будущее.

— С вашей помощью я постараюсь это сделать.

— Ничто и никогда не отделяется от своего источника, — заговорил Лето. — Видение будущего есть видение континуума, в котором все вещи обретают свою окончательную форму, подобно тому, как в месте падения водопада образуются пузырьки воздуха. Ты видишь их, но потом они исчезают. Как только иссякает поток, возникает впечатление, что пузырьков не было вовсе. Этот поток и есть мой Золотой Путь, и я вижу его конец.

— Ваш выбор, — она взмахнула рукой в сторону его тела, — изменил это?

— Изменяет. Изменения возникнут не столько от образа моей жизни, сколько от образа моей смерти.

— Вы знаете как умрете?

— Я не знаю как. Я знаю только Золотой Путь, на котором это произойдет.

— Господин, я не...

— Я знаю, что это очень трудно понять. Я переживу четыре смерти — смерть плоти, смерть души, смерть мифа и смерть разума. И каждая из этих смертей содержит в себе семена возрождения.

— Вы вернетесь из...

— Вернется семя.

— Что станется с вашей религией, когда вы умрете?

— Религия есть единичная общность. Спектр останется прежним, Золотой Путь не изменит его. Просто люди увидят сначала одну часть, а потом другую. Наваждения могут быть названы нарушениями чувственного восприятия.

Ц Но люди все равно будут поклоняться вам, — сказала Хви.

— Да.

— Но когда пройдет это *навсегда*, то в людях взыграет гнев, — сказала она. — Будет отрицание.

Найдутся люди, которые скажут, что вы были обыкновенным тираном.

— Будет и такое наваждение, — согласился Лето.

У Хви возник ком в горле, ей стало трудно говорить, но она превозмогла себя.

— Но каким образом ваша жизнь и ваша смерть смогут изменить... — она замолчала и в отчаянии тряхнула головой.

— Жизнь будет продолжаться.

— Я верю в это, господин, но как она будет продолжаться?

— Каждый цикл жизни — это реакция на предыдущий цикл. Если ты вдумаешься в форму существования моей Империи, то поймешь, каким будет следующий цикл.

Хви отвернулась.

— Все, что я узнала о вашей семье, убедило меня в том, что это выбор, — она махнула рукой в его сторону, не оглянувшись, — продиктованный бескорыстными соображениями. Но я не думаю, что мне ясна форма существования вашей Империи.

— Золотой Мир Лето?

— Многие хотят, чтобы мы в это поверили, но в действительности мира в Империи не так уж много.

Какая честность! Ничто не может ее отвратить.

— Сейчас время утробы, — сказал он. — Мы распространяемся так же, как распространяется в длину растущая клетка.

— Но в этой картине чего-то недостает, — сказала она.

Она похожа на Дункана, подумал он. Чего-то недостает, и они тотчас это чувствуют.

— Плоть растет, но не растет душа, — сказал он.

— Душа?

— То рефлексивное сознание, которое говорит нам, насколько живыми мы можем быть. Ты хорошо это знаешь, Хви. Это то же самое чувство, которое подсказывает тебе, как быть верной самой себе.

— Ваша религия — это еще не все, — сказала Хви.

— Никакая религия не может быть достаточной сама по себе. Это вопрос выбора — единичного выбора каждого отдельно взятого человека. Теперь ты понимаешь, почему для меня так важны твоя дружба и твоё общество?

Она моргнула, пытаясь скрыть слезы, и кивнула.

— Почему люди не знают всего этого?

— Потому что для этого нет подходящих условий.

— Но вы сами диктуете эти условия, так в чем же дело?

— Да, я диктую условия. Внимательно присмотрись к моей Империи. Ты видишь теперь ее форму?

Закрыв глаза, Хви задумалась.

— Желаете сидеть у реки и каждый день удить рыбу? — спросил Лето. — Прекрасно. Есть такая жизнь. Желаете плавать в маленькой лодочке по морям и посещать разные острова и страны? Превосходно! Что еще можно делать?

— Путешествовать в космосе? — спросила она, в ее голосе появились протестующие нотки. Хви открыла глаза.

— Ты видела, что Гильдия и я воспрещаем это.

— Вы один воспрещаете.

— Верно. Если Гильдия посмеет меня ослушаться, она не получит Пряность.

- Это закабаление людей на их планетах защищает их обитателей от злонамеренности.
- Нет, закабаление преследует гораздо более важную цель. Оно наполняет людей страстью к путешествиям. Оно создает потребность путешествовать и видеть другие страны. Со временем возможность путешествовать становится синонимом свободы.
- Но запасы Пряности истощаются, — сказала Хви.
- И свобода становится с каждым днем все дороже и дороже.
- Это может привести лишь к отчаянию и насилию, — начала возражать Хви.
- Среди моих предков есть один очень мудрый человек — я сам был им, ты понимаешь, что в моем прошлом нет чужаков...

Она благоговейно кивнула.

- Так вот, этот мудрый человек понял из наблюдений, что богатство есть инструмент свободы, но стремление к богатству есть путь рабства.
- Гильдия и Община Сестер обращают себя в добровольное рабство!
- А также иксианцы, тлейлаксианцы и многие, многие другие. Иногда им удается раздобыть немного Пряности, и этим они привлекают к себе внимание, что тешит их самолюбие. Это очень забавная игра, не правда ли?
- Но когда разыгрывается насилие...
- Наступит голод и время тяжких раздумий.
- И здесь, на Арракисе?
- И здесь, и там, и везде. Люди будут вспоминать мою тиранию, как доброе старое время. Я стану зеркалом их будущего.
- Но это же ужасно, — запротестовала она.

Она не могла отреагировать иначе.

Лето заговорил:

- Земля откажет людям в пропитании, те, кто выживет, будут искать спасения на все меньших и меньших участках. Будет вновь пройден ужасный процесс селекции — это будет во многих мирах — взрыв рождаемости и уменьшение запасов пищи.
- Но Гильдия: разве она не сможет...
- Гильдия станет беспомощной, поскольку из-за отсутствия Пряности она не сможет работать, перевозя людей с планеты на планету.
- Смогут ли богатые избежать этой участи?
- Некоторые из них.
- Значит, вы ничего не изменили в этом мире. Мы будем продолжать бороться и умирать.
- До тех пор, пока на Арракисе вновь не воцарится песчаный червь. Мы испытаем себя несчастьями, которые разделят все. Мы поймем, что то, что может произойти на другой планете, может произойти и на нашей.
- Так много боли и смерти, — прошептала она.
- Разве ты не понимаешь, что такое смерть? — спросил он. — Ты должна это понять. Вид должен понять. Все живущее должно понять.
- Помоги мне, господин, — шепотом взмолилась она.
- Это самый глубинный из опытов, который только может пережить любая тварь, — сказал Лето. — Непосредственно переди смерти выступают вещи, которые увеличивают ее риск и отражают ее, как зеркало, — смертельно опасные болезни, травмы, рождение детей... когда-то женщины воевали из-за мужчин.
- Но ваши Говорящие Рыбы...

— Они учат выживанию, — ответил он.

Глаза Хви осветились пониманием.

— Они — это те, кто выживет. Ну конечно же!

— Как ты хороша! — воскликнул Лето. — На редкость хороша. Будут благословенны иксианцы!

— И прокляты?

— И прокляты.

— Я не думала, что смогу понять, кто такие Говорящие Рыбы, — призналась Хви.

— Этого не понимает даже Монео, — сказал Лето, — а насчет Айдахо я уже просто отчаялся.

— Надо очень высоко ценить жизнь, чтобы хотеть ее сохранить.

— Да и именно те, кто сохранит способность выжить, несмотря ни на что, достигнут света жизни и будут крепко держаться за красоту жизни. Женщины знают это лучше мужчин, потому что рождение ребенке — это зеркальное отражение смерти.

— Мой дядя Малки всегда говорил, что у вас были основательные причины отнять у мужчин поводы к дракам и вспышкам насилия. Какой горький урок!

— Без поводов к непосредственному насилию у мужчин остается мало способов удостовериться в том, как они встретят свой последний час и как они смогут противостоять смерти, — сказал Лето. — Что-то было упущено. Душа не растет. И что говорят люди о Мире Лето?

— Они говорят, что по вашей милости барахтаются в собственном упадке, как свиньи в собственном дерьме.

— Народная мудрость, как всегда, точна, — проговорил Лето. — Это именно упадок.

— У большинства мужчин не стало никаких принципов и убеждений — на это жалуются почти все иксианские женщины.

— Когда я ищу мятежника, я всегда обращаю внимание на людей с принципами.

Она молча посмотрела на него, и Лето подумал, как много простая реакция может сказать об уме человека.

— Как ты думаешь, где я нахожу самых лучших своих администраторов? — спросил он.

Она испустила изумленный вздох.

— Принципы — вот за что вы сражаетесь. Большинство людей проходит по жизни, не встречаясь ни с какими вызовами практически до самого конца, когда вызов им бросает сама смерть. У людей так мало врагов, в стычках с которыми они могли бы испытать себя на прочность.

— У людей есть вы, — сказала Хви.

— Я слишком силен, — сказал Лето. — Я — это синоним самоубийства, а кто добровольно пойдет на верную смерть?

— Сумасшедшие или отчаянные. Мятежники и повстанцы?

— Для них я эквивалент войны. Окончательный, законченный хищник. Я для них связующий материал, без которого они просто рассыпались бы.

— Я никогда не считала себя мятежницей.

— Ты — кое-что гораздо лучшее.

— И вы хотите меня каким-то образом использовать?

— Да, хочу.

— Но не как администратора, — попросила она.

— У меня уже есть администраторы — неподкупные, проницательные, умные, признающие свои ошибки и быстро находящие решение.

- Они были мятежниками?
- Большинство из них.
- Как вы их выбираете?
- Я могу сказать, что они выбирают себя сами.
- Они — те, кто смог выжить?
- И это тоже. Но есть кое-что еще, нечто большее, чем способность к выживанию. Отличить плохого администратора от хорошего очень легко. Хороший администратор делает свой выбор немедленно.
- И это приемлемый выбор?
- Обычно их решения могут работать. С другой стороны, плохой администратор колеблется, вилляет, созывает комиссии, требует исследования вопроса и докладов. Со временем это создает серьезные проблемы.
- Но, может быть, иногда действительно требуется больше информации, чтобы...
- Плохой администратор больше сосредоточен на докладах, чем на решениях. Он хочет, чтобы все было записано, чтобы потом представить бумагу в качестве оправдания ошибки.
- А как поступает хороший администратор?
- О, он зависит от устного приказа. Он не солжет, если его устный приказ привел к нежелательным последствиям и окружает себя людьми, которые способны мудро действовать на основе его устного приказа. Очень часто важной информацией обладает сообщение, что что-то не в порядке. Плохой администратор скрывает свои ошибки и тянет до тех пор, пока не станет слишком поздно исправить их.

Лето наблюдал, как она размышляет о людях, которые ему служат, — особенно о Монео.

- Это люди решений, — сказала она наконец.
- Самое трудное для тирана, — сказал Лето, — это найти людей, действительно способных принимать решения.
- Не дает ли вам близкое знание прошлого каких-то преимуществ...

— Оно меня иногда забавляет. Большинство бюрократий, предшествовавших моей, изыскивали и находили людей, которые избегали ответственности принятия решений.

— Понятно. Как вы хотите использовать меня, господин Лето?

— Выйдешь ли ты за меня замуж?

Мимолетная усмешка коснулась ее губ.

- Женщины тоже могут принимать решения. Я выйду за вас замуж.
- А теперь ступай к Преподобной Матери. Пусть она узнает то, что хочет узнать.
- Для выяснения моего происхождения, — сказала она. — Вы и я уже знаем мою цель.
- Которая не отделена от ее источника, — добавил он.

Она встала.

- Господин, не ошибаетесь ли вы относительно своего Золотого Пути? Нет ли вероятности...
- Неудачу может потерпеть всякий, но она не так страшна, если есть готовые помочь верные, храбрые друзья.

Группы людей имеют тенденцию обустраивать места своего обитания для группового же выживания. Когда поведение группы отклоняется от этого паттерна, можно говорить о болезни группы. У этой болезни есть показательные яркие симптомы. Я наблюдаю за разделением пищи. Это форма общения, неизбежный признак взаимопомощи, в котором содержатся ростки смертельной зависимости. Интересно, что ухаживают за ландшафтом в основном мужчины. Раньше этим занимались исключительно женщины.

«Вы должны простить меня за некоторые несуразности в этом докладе, — писала Преподобная Мать Антеак. — Можете отнести их на счет вынужденной поспешности. Завтра я отбываю на Икс с целью, о которой подробно писала вам ранее. Нельзя отрицать напряженного и искреннего интереса Бога-Императора к Иксу, но здесь я хочу подробно остановиться на странном визите, который нанесла мне посол Икса Хви Нори».

Антеак попыталась поудобнее устроиться на стуле, на котором можно было делать все что угодно, только не сидеть — но других стульев в этом спартанском номере найти не удалось. Антеак сидела в крошечной спальне в таких же жалких апартаментах, которые Лето отказался сменить даже после того, как Сестры предупредили его о тлейлаксианской измене.

На коленях Антеак лежала черная квадратная плитка длиной около десяти миллиметров и толщиной не более трех. Преподобная Мать писала на этом приборе с помощью светящейся ручки, записывая слова одно поверх другого. Это послание будет затем запечатлено на нервных окончаниях сетчатки послушницы и сохранится там до расшифровки в капитуле Общины Сестер.

Хви Нори поставила Преподобную Мать перед тяжелой дилеммой.

Антеак знала о донесениях учителей Бене Гессерит, посланных на Икс для обучения Хви. Но послания эти скрывали больше, чем сообщали. После прочтения этих донесений возникло множество вопросов.

Какие невзгоды ты пережила, девочка?

Какие трудности ты испытала в юности?

Антеак шмыгнула носом и взглянула на черный квадрат. Эти мысли вернули ее к верованию фрименов о том, что человека формирует планета, на которой он родился.

— Есть ли на вашей планете странные и необычные животные? — вот типичный фрименский вопрос.

Хви явилась к Преподобной Матери с внушительным эскортом Говорящих Рыб — более сотни атлетически сложенных женщин. Антеак в жизни своей не видела столько оружия — лазерные ружья, ножи, кинжалы, гранаты, палаши...

Антеак обвела взглядом спальню. Господь Лето говорил ей, зачем он поместил ее в эти условия.

— Этим вы можете измерить свою ценность в глазах Бога-Императора!

Хотя... теперь последовало весьма щекотливое поручение, связанное с поездкой на Икс, что позволяло сделать некоторые предположения о намерениях и отношении Господа Лето. Возможно, времена изменились, и теперь Общину ждут почести и больше Пряности.

Все зависит от того, как я справлюсь с поручением.

Хви вошла в спальню одна и скромно села на лежанку, причем ее голова оказалась ниже головы Антеак. Прекрасно и обдуманно. Очевидно, что Говорящие Рыбы могли поставить Антеак в любое положение по отношению к Хви — той стоило только шевельнуть пальцем. Первые слова Хви поразили Преподобную Мать до немоты.

— С самого начала вы должны знать, что я выхожу замуж за Господа Лето.

Потребовалось все умение Антеак, чтобы не показать всю глубину изумления. Способности Антеак позволили ей распознать, что слова Хви были правдивыми и искренними, но все их значение еще предстояло обдумать.

— Господь Лето приказал, чтобы вы никому не сообщали об этом решении, — добавила Хви.

Вот это дилемма, подумала Антеак. Могу ли я сообщить Сестрам в капитул?

— В свое время это станет известно всем, — сказала Хви Нори. — Но это время еще не пришло. Я

говорю это вам, чтобы подчеркнуть всю степень доверия, которое испытывает Лето.

— Доверие к вам?

— И ко мне, и к вам.

Антеак едва смогла сдержать дрожь. Такое доверие присуще только очень сильной власти.

— Знаешь ли ты, почему Икс выбрал послом на Арракисе именно тебя? — спросила Антеак.

— Да, они хотели, чтобы я втерлась к нему в доверие, а потом обманула.

— Кажется, ты преуспела. Означает ли это, что иксианцы верят в некоторые... странные привычки Господа Лето?

— В них не верят даже тлейлаксианцы.

— Я понимаю это так, что ты отрицаешь истинность этих рассказней?

Хви говорила настолько бесстрастно, что даже умение Преподобной, приобретенное в школе Бене Гессерит, и способности ментата плохо помогали в расшифровке значения того, что рассказывала Хви.

— Ты говорила с ним и видела его. Правдиво ответь на эти вопросы самой себе.

Антеак с трудом подавила вспышку раздражения. Несмотря на юность, Хви была отнюдь не послушница и никогда не станет хорошей сестрой Бене Гессерит. Какая жалость!

— Докладывала ли ты об этом своему правительству на Икс?

— Нет.

— Почему?

— Они скоро и сами об этом узнают. Преждевременное разглашение может повредить Господу Лето.

Это истинная правда, напомнила себе Антеак.

— Не является ли верность Иксу для тебя главной? — спросила Антеак.

— Моя главная верность принадлежит Истине, — помедлив, Хви улыбнулась. — Изобретательность Икса выше его ума.

— Думают ли на Иксе, что ты представляешь угрозу для Бога-Императора?

— Я думаю, что в первую голову они озабочены моей осведомленностью. Я обсуждала этот вопрос с Ампром перед самым моим отъездом сюда.

— Этот Ампр — директор департамента иностранных дел?

— Да, Ампр убежден, что Господь Лето допускает угрозу по отношению к себе только до определенных пределов.

— Это сказал тебе сам Ампр?

— Ампр убежден, что от Господа Лето нельзя скрыть будущее.

— Но в основе моей миссии на Икс лежит предположение о том, что... — Антеак помолчала, покачала головой и продолжила: — Почему Икс снабжает Господа машинами и оружием?

— Ампр полагает, что у Икса нет выбора. Подавляющая сила истребляет людей, которые начинают представлять собой угрозу.

— Выходит, что если Икс откажется от поставок, то это переполнит чашу терпения Лето. Середины быть не Может. Думала ли ты о последствиях, которые вызовет Женитьба Лето?

— Ты имеешь в виду сомнения относительно Божественности Императора, которые могут возникнуть после свадьбы?

— Да, многие люди после этого поверят в рассказы тлейлаксианцев.

В ответ Хви лишь улыбнулась.

Проклятие! Как же мы ухитрились упустить эту девочку?

— Он изменяет основы своей религии, — в тоне Антеак прозвучало обвинение. — Вот в чем заключается все дело.

— Вы делаете ошибку, судя о других по себе, — сказала Хви и, видя, что Антеак возмутилась, добавила: — Но я пришла сюда не для того, чтобы спорить по поводу действий Господа Лето.

— Нет, конечно, нет, — поспешила согласиться Антеак.

— Господь Лето велел мне, — продолжала Хви, — рассказать вам все мельчайшие подробности, сохранившиеся в моей памяти, о месте, где я родилась и воспитывалась в детстве.

Вспомнив эти слова Хви, Антеак посмотрела на черную дощечку, лежавшую у нее на коленях. Хви рассказывала подробности и детали, которые велел ей рассказал ее господин (и жених!), подробности, которые показались бы скучными любому, кто в отличие от Антеак не обладал способностями ментата извлекать отовсюду необходимую информацию.

Антеак покачала головой, думая о том, что ей придется сообщать в капитул Общины Сестер. К этому времени они уже прочтут ее предыдущее послание. Машина, которая может защитить свое содержимое от всепроникающей способности предзнанния Господа Лето? Возможно ли в принципе создание такой машины? Может быть, это просто еще одна проверка Богом-Императором искренности намерений Бене Гессерит? Но постойте! Если бы он уже не знал о таинственном происхождении Хви Нори, то...

Ум ментата помог Антеак мгновенно понять, почему именно ее Господь Лето избрал для миссии на Иксе. Бог-Император не мог доверить эту информацию Говорящим Рыбам. Он не хотел, чтобы Рыбы заподозрили своего Бога в слабости.

Но так ли это очевидно, как представляется с первого взгляда? Колеса в колесах — как это похоже на Господа Лето.

И снова Антеак задумчиво покачала головой. Она наклонилась над дощечкой и стерла сообщение о том, что Господь Лето выбрал себе невесту.

Они скоро и сами все узнают, а Антеак пока разберется в подтексте происходящего.

Если знаешь все о своих предках, то являешься непосредственным свидетелем событий, приведших к созданию мифов и религий нашего прошлого. Поняв это, вы неизбежно будете считать меня творцом мифа.

Первый взрыв раздался, когда темнота опустилась на Онн. Этим взрывом убило несколько гуляк, отправившихся на вечеринку, где (как было обещано) Танцующие Лицом должны были показать древнюю пьесу о короле, убившем своих детей. После драматических событий первых четырех дней Празднеств некоторые граждане потеряли бдительность и снова начали появляться на улицах, перестав прятаться в относительной безопасности своих жилищ. Слухи о ранениях и смертях случайных прохожих начали циркулировать по городу как предупреждение и призыв к осторожности.

Погибшие и пострадавшие вряд ли оценили бы замечание Лето о том, что случайные прохожие оказались слишком близко от центра взрыва.

Обостренные чувства Лето позволили ему точно и быстро определить место взрыва. Император пришел в ярость и отдал приказ, о котором потом долго жалел. Он велел Говорящим Рыbam «истребить Танцующих Лицом — даже тех, кто был им ранее помилован».

Сама вспышка ярости буквально зачаровала Лето. Прошло так много времени с тех пор, как он последний раз ощущал нечто похожее на небольшом гнев. Его отрицательные реакции ограничивались растерянностью и раздражением. Но теперь, когда опасность угрожала Хви Нори, — он испытал наконец ярость!

По зрелом размышлении он решил изменить жестокий приказ, но это случилось не прежде, чем Говорящие Рыбы покинули подземелье, преисполненные яростью своего Бога.

— Бог разгневан! — кричали некоторые из них.

Второй взрыв задел некоторых Говорящих Рыб, появившихся на площади, Лето отменил свой последний приказ, чем спровоцировал еще большее насилие. Третий взрыв, раздавшийся невдалеке от места первого, заставил Лето непосредственно принять участие в событиях. Он привел в движение свою тележку, на лифте поднялся на поверхность и, словно потерявший разум берсерк, ворвался в битву.

На площади царил хаос, освещаемый тысячами прожекторов, запущенных в небо Говорящими Рыбами. Центральная часть площади была разворочена, нетронутым осталось только металлопластиковое покрытие, по которому были разметаны обломки стен, убитые и раненые.

У стен иксианского посольства развернулось настоящее сражение.

— Где мой Дункан? — проревел Лето.

К нему подбежала башар гвардии и, едва переводя Дыхание, доложила, что Дункан доставлен в Цитадель.

— Что здесь происходит? — спросил Лето, указывая на побоище у посольства.

— Мятежники и тлейлаксианцы атакуют иксианское посольство. У них полно взрывчатки.

Башар не успела закончить фразу, как перед развороченным фасадом посольства прогремел еще один взрыв. Вихрь оранжевого, в черных точках пламени взметнул в воздух извивающиеся тела.

Не думая о последствиях, Лето убрал колеса, включил подвеску и стремительно перелетел через площадь, Обрушившись на ряды атакующих. Этот полет был похож на полет бегемота с огнями у морды. Перелетев через своих, Лето обрушился на фланг нападавших, чувствуя, как по его телу бьют лучи лазерных ружей.

Тележка столкнулась с мягкой человеческой плотью, сокрушая тела врагов.

Тележка вынесла Императора к стене посольства. Ровная поверхность закончилась, подвеска чиркнула по бугристому булыжнику. Лето чувствовал, как его ребристое тело щекочут лазерные лучи. Внутреннее тепло, преобразованное в кислород, извергалось из хвоста. Инстинктивно Лето спрятал лицо в складку кожи Червя, то же самое он сделал с руками. Тело его взметнулось над тележкой, выгнулось огромной дугой и принялось крошить нападавших.

По мостовой потекла кровь. Для тела Лето кровь была водой, смертельно опасной водой, но что поделаешь — смерть освобождает воду. Извивающееся и разящее тело скользило по этой кровавой воде, проникая в поры кожи из песчаных форелей и причиняя Лето невыносимые мучения. Эти

страдания еще больше увеличивали ярость, и огромное тело разило противника с еще большей силой.

Когда Лето нанес первый удар, Говорящие Рыбы отступили по периметру схватки, поняв, какое преимущество они получили. Башар закричала, покрывая шум битвы:

— Добивать оставшихся!

Говорящие Рыбы бросились вперед.

В течение нескольких минут перед стенами иксианского посольства разыгрывалась кровавая драма — сверкали клинки, плясали во тьме дуги лазерных лучей, видны были руки и ноги, ударявшие живые, корчившиеся в предсмертных судорогах тела. Говорящие Рыбы не брали пленных.

Лето неистово вращался всем телом в кровавой каše перед входом в посольство, едва ли осознавая боль, которую причиняла ему вода. Воздух вокруг него был насыщен кислородом, и это сохраняло его человеческие чувства. Он мысленно подозвал к себе тележку, осторожно потрогал поврежденную подвеску и аккуратно перенес свое тело на тележку, мысленно отдав ей приказ медленно двигаться назад, в подземелье.

Очень давно он приготовился к такому повороту событий, создав в подземелье специальную чистку — помещение, в котором создавалась высокая температура, и сухой перегретый воздух очищал поверхность тела Червя от избытка влаги. Можно было заменить это помещение обычным песком, но в Онне не было столько песка.

Уже находясь в лифте, он послал приказ немедленно доставить к нему Хви.

Если она осталась жива.

У него не было времени испытывать свои способности, сейчас его тело — тело червя и человека — нуждалось лишь в очищающем жаре.

Уже находясь в чистке, он вспомнил о своем измененном приказе: «Сохраните жизнь некоторым Танцующим Лицом!» Но к этому времени разъяренные Говорящие Рыбы уже действовали разрозненными группами по всему городу и у Лето не было сил оповестить о новом приказе всех сражающихся.

Как только Лето вышел из чистки, к нему прибыла капитан гвардии, сообщившая, что Хви получила лишь легкое ранение и будет доставлена в подземелье как только командир на месте сочтет это возможным и разумным.

Лето на месте произвел капитана в суббашары. Женщина отличалась мощным телосложением Наилы, но лицо ее было помягче — более округлое и соответствующее стилю понятиям о женственности. Дрожа от такой милости Бога, женщина с благоговением выслушала повеление проследить, чтобы ничего не случилось с Хви, повернулась кругом и бросилась исполнять приказ.

Я даже не спросил ее имени, подумал Лето, перекатываясь на новую тележку в углублении малого Аудиенц-зала. Потребовалось несколько мгновений, чтобы припомнить имя женщины, произведенной в суббашары — Киеуэмо. Надо подтвердить производство. Он записал на диктофон это напоминание, чтобы позже сделать это лично. Все Говорящие Рыбы должны знать, как высоко ценит он Хви Нори. После сегодняшней ночи в этом, правда, и без того не будет никаких сомнений.

Слишком многие видели, что я сам убивал, подумал он.

Ожидая прибытия Хви, Лето обдумал происшедшее. Атака была проведена не по типичным правилам тлейаксианской стратегии, но нападение на дороге вполне вписывалось в эти новые правила. Все указывало на то что его хотят убить.

Я вполне мог погибнуть в этой свалке. Здесь крылось объяснение того, что он не предвидел нападения, но было в этом и еще одно, более глубокое соображение. Из многочисленных догадок складывалась ясная картина происходящего. Кто лучше всех знал Бога-Императора? Кто знал, как следует плести заговор? Малки!

Лето вызвал охранницу и велел ей узнать, покинула ли уже Антеак Арракис. Через несколько секунд охранница вернулась.

— Антеак все еще находится в своих апартаментах, — доложила Говорящая Рыба. — Командиры с мест докладывают, что тот квартал не подвергался атакам.

— Спросите Антеак, — сказал Лето, — понимает ли она теперь, почему я определил им такое неудобное место для проживания — вдалеке от своей резиденции? Скажите ей, чтобы во время

своего пребывания на Иксе она разыскала Малки и установила его местопребывание. Потом пусть она сообщит об этом начальнице местного гарнизона.

— Малки, бывший иксианский посол?

— Он самый. Его нельзя оставлять в живых или на свободе. Вам надлежит известить командира тамошнего гарнизона, чтобы она установила самую тесную связь с Антеак и оказывала ей всякую потребную помощь. Малки должен быть взят под стражу и доставлен сюда, ко мне, или казнен — это на усмотрение командира.

Охранница кивнула, по ее лицу пробежала тень. Женщина не стала просить повторить приказ. Все охранники обладали способностью прочно запоминать сказанное с первою раза. Они могли слово в слово, сохранил даже интонации, повторить все, что они услышат от своего Бога-Императора.

Когда женщина ушла, Лето послал запрос, и через Секунду ему ответила Наила. Иксианский аппарат выхолащивал живые интонации, и до слуха Лето доходил лишь металлический, лишенный всякого выражения голос.

Да, Сиона в Цитадели. Нет, Сиона не входила и контакт с мятежниками. «*Нет, она даже не знает, что а данный момент я наблюдаю за ней*». Нападение на посольство? Его осуществила раскольническая группировка «Союз с Тлейлаксу».

Мысленно Лето облегченно вздохнул. Всегда эти революционеры дают своим группам столь претенциозные названия.

— Кто-нибудь из них остался в живых?

— Судя по всему, нет.

Металлический голос был лишен всякого выражения, и Лето всегда удивлялся своей способности внутренне восполнять этот механический пробел.

— Ты свяжешься с Сионой, — сказал он. — Откроешь ей, что ты — Говорящая Рыба. Скажешь, что не говорила этого раньше потому, что боялась утратить ее доверие и опасалась разоблачения, поскольку из всех Говорящих Рыб только ты одна была обязана хранить Сионе беспрекословную верность. Подтверди ей свою клятву. Поклянись ей всем, что для тебя свято, что будешь и дальше хранить ей верность и выполнять все ее распоряжения. Ты сделаешь все, что она тебе прикажет. Так оно и будет, ты и сама это хорошо знаешь.

— Слушаюсь, мой господин.

В ответе Лето без труда уловил фанатичную преданность. Она подчинится ему беспрекословно.

— Если это возможно, сделай так, чтобы Сиона и Дункан Айдахо остались на какое-то время наедине.

— Слушаюсь, мой господин.

Пусть тесное общение само сослужит свою службу, подумал Лето.

Он отключил связь и вызвал к себе командира подразделений, действовавших на площади. Башар прибыла немедленно — форма была покрыта грязью и пылью, на сапогах — запекшаяся кровь. Высокая, изящная женщина, с тонкой костью. Морщинки на лице придавали ее орлиному профилю выражение собственного достоинства. Лето припомнил ее воинскую кличку — Ийлио, что по-фрименски означает «зависимая». Он, однако, обратился к ней по материнскому имени — Найше, что означает «дочь Шан», что придаю их общению некоторую интимность.

— Садись на подушку, Найше, — заговорил Лето. — Ты на славу поработала.

— Благодарю вас, мой господин.

Она опустилась на красную подушку, на которой сидела и Хви. В углах рта женщины таилась усталость, но глаза оставались живыми и внимательными. Она приготовилась слушать.

— Обстановка в городе стала спокойной, — это был не вполне вопрос, но Лето явно ждал подтверждения своей оценки.

— Она спокойная, но в ней все равно нет ничего хорошего, — произнесла Найше.

Лето взглянул на кровь, в которой были испачканы сапоги башара.

— Что происходит на улице перед иксианским посольством?

— Она полностью очищена, мой господин. Там уже идут ремонтные работы.

— Что на площади?

— К утру она примет свой обычный вид.

Она продолжала твердо смотреть Лето в глаза. Оба понимали, что главная тема разговора еще не затронута. Однако Император заметил в глазах Найше сильный блеск.

Она гордится своим господином!

Найше впервые видела, что ее Император умеет убивать сам. Были посеяны семена страшной зависимости. Если нам будет угрожать опасность, то наш господин лично придет на помощь. Именно поэтому так блестели глаза Найше. Она не будет больше поступать независимо, теперь для принятия решений она всегда будет черпать силу У Бога-Императора и отвечать лишь за правильное использование этой силы. Крылатая смерть явится по первому ее зову.

Лето очень не нравился такой оборот деда, но делать было нечего, обратного хода нет. Исправить положение можно будет лишь медленно и постепенно.

— Где нападавшие ваяли лазерные ружья?

— С наших складов, мой господин. Охрана была заменена.

Заменена. Какой великолепный эвфемизм. Провинившиеся Говорящие Рыбы были арестованы и содержались в камерах до тех пор, пока не потребуются смертники для выполнения какого-либо чрезвычайного задания. Они умрут с радостью, искупая свой грех. Даже слух о том, что такие берсерки существуют, мог успокоить самые горячие головы.

— Проникли ли нападавшие в арсенал?

— Хитростью и с помощью взрывчатки. Охрана арсенала потеряла бдительность.

— Источник взрывчатки?

Найше устало пожала плечами.

Лето мог только согласиться с ней. Он понимал, что может установить источник, но какой в этом прок? Предприимчивые люди могли изготовить взрывчатку из самых разнообразных подручных средств — сахара, свинцовых белил, растильного масла, невинных удобрений, пластика, растворителей и обычной навозной жижки. Если учесть сообразительность, техническую подготовку и образованность, то этот список можно продолжить до бесконечности. Даже в таком обществе, которое он создал, — в обществе с ограниченной технологичностью, всегда найдутся люди, способные создать довольно совершенное малое оружие. Сама идея исключения такой опасности — это химера и пустой миф. Ключ к решению проблемы — это ограничение стремления к насилию. В этом отношении события нынешней ночи можно рассматривать как катастрофу.

Как много новой несправедливости, подумал он.

Найше, словно прочитав его мысли, тяжело вздохнула.

Это естественно, ибо с младых ногтей Говорящих Рыб учат всячески избегать несправедливости.

— Мы должны заняться поисками оставшихся в живых мирных жителей, — сказал он. — Проследи, чтобы им помогли всем, чем можно. Все должны понять, что вина целиком и полностью лежит на тлейлаксианцах.

Найше согласно кивнула. Она никогда не стала бы башаром, если бы не понимала смысла таких приказов. Она верила слепо. Если господин говорит, что виноваты тлейлаксианцы, значит, так оно и есть. В таком понимании была своя практичность. Она поняла, почему они не убили всех тлейлаксианцев.

Нельзя полностью избавляться от всех козлов отпущения.

— Надо отвлечь внимание, — сказал Лето. — Возможно, один из них уже у нас в руках. Я скажу вам об этом после встречи с госпожой Хви Нори.

— Иксянским послом? Разве она не...

— Она совершенно невиновна, — ответил он, не дав башару закончить фразу.

В глазах Найше светилась безграничнаа вера, этот пластичный материал мгновенно прекращал всякие размышления и зажигал глаза фанатичным огнем. Иногда Лето испытывал ужас от своей неограниченной власти. Даже Найше не была исключением.

— Я слышу, что госпожа Хви уже прибыла. Пригласишь ее ко мне, когда будешь выходить, — приказал Лето. — И вот что еще, Найше...

Башар, которая уже встала, застыла на месте, ожидая приказания.

— Сегодня я произвел Киеумо в суббашары, — сказал он. — Проследи, чтобы это производство было утверждено официально. Что касается тебя, то я очень доволен. Проси и получишь.

Он заметил, что эта ритуальная фраза пришла очень по душе башару. Однако она ничем не выразила свою радость и сказала:

— Я испытала Киеумо. Если она справится с моими обязанностями, то я хотела бы пойти в отпуск. Я очень давно, много лет, не была дома, на Салуса Секунду с.

— Можешь ехать в любое время по своему выбору.

Салуса Секундус, ну конечно же! — подумал он.

Когда женщина упомянула о своей родине, Лето сразу вспомнил, на кого она так похожа. В ней течет кровь Корино, она напоминает Харка аль-Ада. Оказывается, мы с ней довольно близкие родственники.

— Мой господин очень великодушен, — сказала Найше.

Она покинула зал пружинистым шагом. В вестибюле раздался ее голос.

— Госпожа Хви, наш господин сейчас примет вас.

Вошла Хви, сначала на фоне сводчатого дверного проема возник ее силуэт, она нерешительно остановилась, потом, привыкнув к полумраку, шагнула вперед. Она шла к Лето, словно мотылек, который летит на свет свечи, окидывая взглядом его тело, ища на нем следы ран. Он знал, что никаких следов она не увидит, — он лишь чувствовал боль и небольшую дрожь.

Своим сверхъестественным зрением Лето увидел припухлость на правой ноге Хви, скрытую под платьем. Девушка остановилась перед углублением, в которой находилась тележка.

— Мне сказали, что ты ранена, Хви. Тебе больно?

— У меня под коленом резаная рана, мой господин. Небольшой осколок стены. Говорящие Рыбы смочили его каким-то лекарством, и боль утихла. Я очень боялась за тебя, мой господин.

— А я боялся за тебя, моя дорогая Хви.

— Я была в опасности только во время первого взрыва. Меня спрятали в подвале посольства.

Значит, она не видела моего неистовства. Как я благодарен за это Говорящим Рыбам.

— Я послал за тобой, чтобы просить у тебя прощения, — сказал он.

Она села на золотистую подушку.

Что я должна простить тебе, Лето? Нет никаких оснований...

— Меня проверили, Хви.

— Тебя?

— Нашлись люди, которые захотели проверить глубину моих чувств по отношению к тебе, они хотели узнать, что я сделаю для спасения Хви Нори.

Хви указала рукой наверх.

— Это... произошло из-за меня?

— Это произошло из-за нас.

— О... Но кто...

— Ты согласилась выйти за меня замуж, Хви, и я... — Он поднял руку, видя, что она хочет

заговорить. — Антеак открыла то, что ты ей рассказала, но не это послужило причиной событий.

— Тогда кто...

— Это неважно, *кто*. Важно, чтобы ты все обдумала с самого начала. Я должен дать тебе возможность изменить свое решение.

Она печально опустила глаза. *Как сладостны ее черты*, подумал он. Только в своем воображении мог он прожить с Хви всю жизнь, как живут мужья со своими женами. В его памяти хватило бы воспоминаний для того, чтобы представить себе такую жизнь. Он мог представить себе радости узнавания, прикосновения, поцелуи, ласки, из которых рождается болезненная красота истинной любви. Эти представления причиняли ему боль намного более сильную, чем раны, полученные на площади.

Хви вздернула подбородок и посмотрела в глаза Лето. Он увидел в ее взгляде сострадание и стремление помочь ему.

— Как еще могу я служить тебе, мой господин?

Он напомнил себе, что она — человек, человек, которым он в полной мере больше не является. С каждой минутой эта разница становилась все больше и больше. В душе его поднялась сильная боль. Хви была неизбежной реальностью, такой земной и такой первобытной, что ее нельзя было выразить никакими словами. Душевная боль стала почти невыносимой.

— Я люблю тебя, Хви. Я люблю тебя так, как мужчина любит женщину... но между нами невозможна близость. Ее не будет никогда.

По ее щекам заструились слезы.

— Я должна уехать? Мне надо вернуться на Икс?

— Они станут мучить тебя, стараясь узнать причину, по которой провалились их планы.

Она видела мою боль, подумал он. Она знает всю тщетность усилий, она подавлена. Что же она станет делать? Она не солжет. Не скажет, что возвращает мне любовь, как женщина мужчине. Она понимает всю бесполезность наших отношений в земном смысле. Но она знает и свои чувства в отношении меня — сочувствие, благоговение, жажды познания, которая не знает страха.

— Тогда я остаюсь, — сказала она. — Мы будем извлекать из нашего общения ту радость, которая будет нам доступна. Это самое лучшее, что мы сможем сделать. Если для этого нам надо пожениться, то пусть будет так.

— В этом случае я должен поделиться с тобой теми знаниями, которыми я никогда и ни с кем не делился, — сказал он. — Я дам тебе такую власть над собой, которой...

— Не делай этого, господин! Вдруг кто-нибудь принудит меня...

— Отныне ты никогда не покинешь моего дома. Твоим домом станет это подземелье, Цитадель, потайные места в Сарьире.

— Пусть исполнится твоя воля.

Как открыто и спокойно принимает она свою судьбу.

Надо успокоить эту пульсирующую боль. Она угрожает ему и Золотому Пути.

Эти умные иксианцы!

Малки понимал, как обстоятельства вынуждают власть имущих постоянно подвергаться искушению сирен, как это нужно властителям для довольства собой.

Это постоянное осознание силы и власти, присутствующих в самом незначительном жесте.

Хви приняла его молчание за неуверенность.

— Мы поженимся, мой господин?

— Да.

Надо ли предпринять что-то в отношении тлейлаксианских рассказней о...

— Не надо ничего предпринимать.

Она внимательно посмотрела на него, припомнив их предыдущий разговор. *Сеется семя распада.*

— Я боюсь, господин, что могу ослабить тебя, — сказала Хви.

— Значит, тебе надо найти способ сделать меня сильнее.

— Станешь ли ты сильнее, если мы немножко уменьшим огонь веры в Бога Лето?

Лето подумал, что в этом высказывании было что-то от духа Малки. Именно такие замечания делали его особенно очаровательным. *Мы никогда не сможем избавиться от того, чему нас научили в детстве.*

— Твой вопрос требует ответа, — сказал Лето. — Многие будут поклоняться мне так, как задумал я. Многие же станут верить лжи.

— Господин... ты станешь просить меня лгать ради тебя?

— Конечно нет. Но могу попросить тебя хранить молчание тогда, когда тебе очень захочется говорить.

— Но если они будут поносить тебя?

— Ты не станешь протестовать.

По щекам Хви снова потекли слезы. Как хотелось Лето утереть их... но это была вода, смертельная для него вода.

— Все будет делаться именно так, — сказал Лето.

— Ты все объяснишь мне, господин?

— Когда меня не станет, они должны будут объявить меня Шайтаном, Императором геенны. Но колесо будет безостановочно катиться по Золотому Пути.

— Господин, но, может быть, гнев будет направлен не на меня одну? Я не...

— Нет! Иксианцы сделали тебя более совершенной, чем задумали. Я воистину люблю тебя и с этим уже ничего нельзя поделать.

— Я не желаю причинять тебе боль! — в словах Хва прозвучала неподдельная мука.

— Что сделано, то сделано. Обратной дороги нет.

— Помоги мне понять.

— Та ненависть, которая возникнет после моей смерти, тоже уляжется и отойдет в прошлое. Пройдет много времени. Затем в один прекрасный день люди найдут мой записки.

— Записки? — Хви была удивлена такой сменой темы разговора.

— Хронику моего времени. Мои аргументы, мою апологию. Существуют копии и сохраняются фрагменты и обрывки, некоторые в искаженной форме, но оригиналы тоже сохранятся и будут ждать своего времени. Я хорошо спрятал их.

— И что будет, когда их найдут?

— Люди узнают, что я был совсем не таким, каким они меня себе представляли.

Голос Хви превратился в трепетный шепот:

— Мне уже известно то, что они узнают.

— Да, моя дорогая Хви. Я тоже так думаю.

— Ты не Бог и не дьявол. Таких, как ты, не было и нет, ты — тот, кто устраняет необходимость.

Она вытерла слезы.

— Хви, ты представляешь, насколько ты опасна?

Ее взгляд выразил тревогу, руки застыли в напряжении.

— Ты совершаешь поступки святой, — сказал он. — Ты понимаешь, как опасно появление святого в

ненужное время в неподходящем месте?

Она отрицательно покачала головой.

— Люди должны быть готовы к появлению святого, — сказал он. — В противном случае они становятся слепыми последователями, попрошайками, фанатиками, которые прячутся в тени святого. Это уничтожает людей, ибо питает их слабость.

После минутного размышления она согласно кивнула головой.

— Появятся ли святые после того, как тебя не станет?

— В этом и заключается цель моего Золотого Пути.

— Дочь Монео, Сиона, — она тоже...

— Пока она только мятежница. Что касается святости, то мы позволим ей самой сделать выбор. Возможно, она сделает только то, ради чего родилась.

— Ради чего, господин?

— Перестань называть меня господином, — сказал он. — Червь и его супруга. Зови меня Лето, если это тебе больше нравится. Господин мешает общению.

— Да, гос... Лето. Но в чем...

— Сиона была рождена для того, чтобы править. В такой селекции заключается определенная опасность. Начав править, познаешь вкус власти. Это может, в свою очередь, привести к непростительной безответственности, к неприятным эксцессам, и на поверхность выплывает страшный разрушитель — дикий гедонизм.

— Сиона...

— Все, что мы знаем о Сионе, — это то, что она может остаться привержена своему нынешнему повелению, которое наполняет все ее чувства. Она но необходимости аристократка, но аристократия большей частью обращает свои взоры к прошлому. Это залог неудачи. Ты не сможешь разглядеть путь, лежащий перед тобой, если будешь, подобно Янусу, смотреть одновременно вперед в назад.

— Янус? А, это бог, два лица которого направлены в противоположные стороны. — Она облизнула губы. — Ты Янус, Лето?

— Я — Янус, увеличенный в миллиарды раз. Но я и меньше, чем этот двуликий бог. Например, я обладал свойством, которое приводило в восторг всех моих администраторов, — все мои решения были выполнимы и действенны.

— Но если ты потерпишь неудачу, то...

— Это верно, тогда они все обратятся против меня.

— Заменит ли тебя Сиона, если ты...

— Ах, какое это огромное если! Ты же видишь, что Сиона угрожает самому моему существованию. Но она не представляет собой угрозы Золотому Пути. Остается также фактом то, что мои Говорящие Рыбы очень привязаны к Дункану.

— Сиона кажется такой юной.

— Я же играю роль обманщика, который притворяется, что полностью игнорирует нужды своего народа.

— Может быть, мне стоит поговорить с ней и попытаться...

— Нет, ты не должна в чем бы то ни было убеждать Сиону. Пообещай мне это, Хви.

— Если ты просишь, то я, конечно, соглашусь, но я...

— У всех богов возникают такие проблемы. Воспринимая глубокие потребности, я часто жертвуя сиюминутными. Такое пренебрежение оскорбляет молодых.

— Но разве ты не можешь разумными доводами...

— Никогда не пытайся с помощью разума отговорить человека от чего бы то ни было, если он

искренне считает, что он прав.

— Но если ты точно знаешь, что он не прав.

— Ты веришь в меня?

— Да.

— Ну а если кто-нибудь попытается убедить тебя в том, что я — величайшее на свете зло...

— Я очень рассержусь, я... — она замолчала.

— Разум ценен тогда, когда приходится иметь дело с бессловесной материей, основой вселенной.

Размышая, Хви нахмурила брови. Лето наслаждался, видя, как пробуждается ее осознание.

— Ни одно разумное создание никогда не посмеет отрицать опыт Лето, — сказал он. — Я вижу, что начинает просыпаться твое понимание. Начинает! Начало! Вот в чем заключается суть любой жизни!

Она согласно кивнула.

Никаких споров. Когда она нападет на след, она последует по нужному пути до конца.

— До тех пор, пока существует жизнь, любой конец будет одновременно означать начало. — Я же спасу человечество от него самого.

Она снова кивнула. Движение началось.

— Отсюда следует, что никакая смерть не может означать неудачу, которая якобы постигла умершего, — сказал он. — Именно поэтому самые трепетные чувства у нас вызывает рождение нового человека. Вот почему самая трагичная смерть — это смерть юного создания.

— Икс все еще угрожает твоему Золотому Пути? Я всегда знала, что они замышляют против него какое-то зло.

Они плетут заговор. Хви не понимает глубинного смысла слов, которые сама же и произнесла. У нее нет нужды их слышать.

Он внимательно посмотрел на нее, полный ощущения чуда, которое являла собой Хви в его глазах. Девушка обладала той формой честности, которую многие называли бы наивной, но которую сам Лето предпочел бы назвать честностью, лишенной себялюбия. Честность не была чертой ее характера. Она сама была честностью.

— Завтра я устраиваю на площади представление, — сказал Лето. — Выступать будут уцелевшие Танцующие Лицом. После этого будет объявлено о нашей помолвке.

Пусть ни у кого не будет сомнений в том, что я — собрание моих предков, аrena, на которой протекает их активное существование. Они — мои клетки, а я — их тело. Это душа, коллективное бессознательное, источник архетипа, хранилище душевных травм и радостей. Я выбираю за них, когда им просыпаться. Мои состояния души — это состояния их душ. Их знания кристаллизуются в моей наследственности. Миллиарды этих людей составляют мою целостность и единство.

Представление Танцующих Лицом продолжалось около двух часов, после чего прозвучало объявление, повергшее в шок всех обитателей Города Празднеств.

— Прошли столетия с тех пор, как у него в последний раз была невеста!

— Дорогая моя, прошла целая тысяча лет.

Собрание Говорящих Рыб было кратким. Несмотря на шумное ликовение, они были встревожены.

«*Вы — мои единственные невесты*». Так он говорил, но, значит, это не было истинным смыслом Сиайнока?

Лето рассудил, что Танцующие Лицом выступали весьма хорошо, несмотря на то что были объяты диким страхом. Костюмы нашлись в подвалах фрименского музея — черные накидки с капюшонами, белые веревочные пояса, распростерший крылья зеленый ястреб на плечах — форма бродячих священников Муад'Диба. Танцующие Лицом надели на себя маски иссеченных песками лип, рассказав в танце о том, как Муад'Диб со своими легионами насаждал свою религию во всей Империи.

Во время представления Хви, одетая в блестящее серебристое платье, украшенное жадеитовым ожерельем, сидела рядом с Лето на его тележке. Один раз она склонилась к нему и спросила:

— Это не пародия?

— Вероятно, лишь для меня.

— Знают ли об этом Танцующие Лицом?

— Они подозревают об этом.

— Значит, они не так напуганы, как хотят показать?

— О нет, они очень напуганы. Просто они храбрее, чем думает большинство людей.

— Храбрость может так близко граничить с глупостью, — прошептала Хви.

— И наоборот.

Она окинула оценивающим взглядом Лето и вновь обратила свое внимание на арену. В живых остались около двухсот Танцующих Лицом. Все они участвовали в танце. Сложные волнообразные движения их тел завораживали зрителей. Наблюдая за их представлением, можно было забыть о кровавой драме, разыгравшейся накануне ночью.

Лето вспомнил об этом незадолго до полудня, когда лежал в приемном зале, ожидая прихода Монео. Монео к этому времени успел проводить Преподобную Мать Антеак в порт Гильдии, обсудил с командирами Говорящих Рыб результаты вчерашнего побоища и слетал в Цитадель, где удостоверился, что Сиона по-прежнему находится под надежной охраной и не участвовала в событиях У иксианского посольства. Он вернулся в Онн после оглашения помолвки, о которой никто заранее не поставил его в известность.

Монео пришел в неописуемую ярость. До сих пор Лето никогда не приходилось видеть своего мажордома в таком гневе. Он ворвался в зал, как вихрь, и остановился всего лишь в двух метрах от лица Императора.

— Теперь все поверят в тлейлаксианскую ложь! — крикнул он без всяких предисловий.

В ответ Лето заговорил спокойным и рассудительным тоном.

— Как прочно укоренилось в народе мнение о том, что боги должны быть совершенны. Греки в этом отношении были гораздо более разумны.

— Где она? — спросил Монео. — Где эта...

— Хви отдыхает. Была очень трудная ночь и долгое утро. Я хочу, чтобы она хорошенько отдохнула,

прежде чем мы отправимся в Цитадель.

— Как она ухитрилась все это устроить? — не унимался мажордом.

— Монео, ты что, совсем утратил свою обычную осторожность?

— Я обеспокоен вами! Вы имеете хотя бы малейшее понятие о том, что говорят в городе?

— Я полностью осведомлен об этих рассказнях.

— Что вы делаете?

— Знаешь, Монео, только древние пантеисты имели верное представление о сути Божественного — смертные несовершенства в бессмертном облачении.

Монео воздел руки к небу.

— Я видел взгляды этих людей! — Он опустил руки. — Все это разнесется по Империи за какие-нибудь две недели.

— Нет, это займет немного больше времени.

— Если вашим врагам и нужен был повод, чтобы собрать воедино...

— Ниспровержение богов — это старая человеческая традиция, Монео. Почему я должен стать исключением из правила.

Монео попытался заговорить, но совершенно потерял дар речи и не смог вымолвить ни слова. Он прошелся вдоль углубления, в котором находилась тележка, и вернулся на прежнее место.

— Если я должен чем-то помочь вам, то нуждаюсь для этого в объяснениях, — произнес Монео. — Зачем вы это делаете?

— Эмоции.

Губы Монео пошевелились, но он промолчал.

— Они проявились во мне тогда, когда я вообразил, что они покинули меня навеки, — сказал Лето. — Как сладки для меня эти последние глотки человечности.

— С Хви? Но вы же совершенно определенно не можете...

— Одной памяти об эмоциях всегда мало, Монео.

— Вы хотите мне сказать, что позволили себе погрузиться в...

— Позволил себе расслабиться? Вовсе нет. Тренога, на которой раскачивается вечность, состоит из плоти, мыслей и эмоций. Я чувствовал, что ограничен плотью и мыслями.

— Она явно затеяла какую-то подлость, — обвиняющим тоном сказал Монео.

— Конечно, затеяла. И как же я благодарен ей за это. Если мы начинаем отрицать мышление, Монео, как делают некоторые, то теряем силу рефлексии; мы не можем определить, что говорят нам наши чувства. Если мы отрицаем плоть, то лишаем колес повозку, на которой пытаемся ехать. Но отрицая эмоции, мы теряем всякий контакт со своим внутренним миром. Я больше всего на свете соскучился по эмоциям.

— Я настаиваю, господин, чтобы вы...

— Ты начинаешь злить меня, Монео. Кстати, это тоже эмоция.

Лето заметил, что ярость Монео начала утихать, он остывал, словно брошенный в воду кусок раскаленного железа. Однако пар продолжал идти.

— Я беспокоюсь не о себе, господин. Я переживаю за и вы это хорошо знаете.

— Это твои эмоции, Монео, и я очень высоко ценю — мягко проговорил Лето.

Мажордом прерывисто вздохнул. Ему никогда не приводилось видеть своего повелителя в таком состоянии — с такими эмоциями. Лето был в приподнятом настроении и одновременно довольно зол, если, конечно, Монео Правильно оценил поведение Бога-Императора. Впрочем. Разве в этом можно быть уверенными?

— То, что делает жизнь сладостной, — сказал Лето, — То, что согревает ее и наполняет красотой, то, что я сохраню, даже если оно отринет меня.

— Значит, эта Хви Нори...

— Она заставила меня мучительно вспомнить бутлерианский джихад. Она — антитеза всему механическому и бесчеловечному. Как странно, Монео, что иксианцы, именно они одни, смогли произвести на свет человека, который настолько полно воплотил в себе эти черты, что я полюбил его от всего сердца.

— Я не понимаю ваших ассоциаций с бутлерианским джихадом, мой господин. Думающие машины на существуют в...

— Целью джихада были не только машины, но и машинное отношение, — сказал Лето. — Люди сделали эти машины, чтобы узурпировать наше чувство прекрасного, нашу индивидуальность, на основе которой мы выносим наши суждения. Естественно, и машины были уничтожены.

— Господин, мне все равно не нравится ваше радушие, с каким вы...

— Монео, Хви убеждает меня в своей правдивости одним своим присутствием. Впервые за многие столетия я не чувствую своего одиночества, пока она находится рядом со мной. Этого было бы достаточно даже если бы у меня не было других доказательств.

Монео замолчал, очевидно, тронутый упоминанием об одиночестве Лето. Естественно, Монео мог понять чувство неразделенной любви. У него самого был в этом отношении довольно богатый опыт.

Впервые за много лет Лето, в свою очередь, заметил, как постарел Монео.

Как неожиданно для них это происходит, подумал Император.

Подумав так, Лето понял, как много его заботит судьба Монео.

Я не должен позволять привязанности овладевать мною, подумал Лето, но я не могу ничего поделать, особенно когда рядом Хви.

— Над вами будут смеяться и делать непристойные жесты, — сказал Монео.

— Это очень хорошо.

— Как можно это назвать хорошим?

— Это что-то новое. Наша задача — это приводить новое в равновесие со старым и модифицировать поведение, но не подавлять приверженцев старого.

— Даже если это и так, то как можно приветствовать такое поведение?

— Непристойные жесты? — спросил Лето. — Но что противоположно непристойности?

В глазах Монео внезапно отразилось испытующее понимание. Он разглядел взаимодействие полярных сил — вещь познается своей противоположностью.

Любой предмет четко виден на контрастном фоне, подумал Лето. Несомненно, Монео увидит это.

— То, что вы говорите, очень опасно, — произнес мажордом.

Окончательный приговор консерватизма!

Ему не удалось убедить Монео. Мажордом тяжко вздохнул.

Я должен помнить, что их нельзя лишать сомнений, подумал Лето. Именно так я потерпел неудачу с Говорящими Рыбами на площади. Иксианцы умело держатся на поверхности, используя зазубрины человеческих сомнений. Свидетельство тому — Хви. В вестибюле зала, за запертой дверью, послышался какой-то шум.

— Это прибыл мой Дункан, — сказал Лето.

— Видимо, он услышал о ваших планах...

— Вероятно.

Лето видел, как Монео борется со своими сомнениями, мысли его были абсолютно прозрачны. В этот момент Монео так точно подходил своему человеческому положению, что Лето захотелось его

обнять.

Он обладает всем спектром человечности: от сомнения до веры, от любви до ненависти... он охватывает все! Это осе те качества, которые плодоносят, удобренные и согретые эмоциями, обусловленные желанием жить настоящей Жизнью.

— Почему Хви приняла это предложение? — спросил Монео.

Лето улыбнулся. Монео не может сомневаться во мне; он должен сомневаться в других.

Я признаю, что это не вполне обычный союз. Хви примат, а я уже не принадлежу к отряду приматов.

Монео снова пришлось бороться с вещами, которые он чувствовал, но не был способен высказать.

Глядя на Монео, Лето почувствовал, как его созерцаемые изменения чужого поведения заструились в его сознании мощным потоком — этот ментальный процесс происходил настолько редко и с такими обильными и живыми ощущениями, что, когда это случалось, Лето боялся шевелиться, чтобы не замутить великолепную картину.

Приматы мыслят и выживают именно с помощью своего мышления. В основе этого мышления лежит нечто, что появилось вместе с клетками. Это поток человеческой озабоченности судьбами вида. Иногда примат прикрывает этот поток, окружает его непроницаемым барьером и тщательно прячет, но я намеренно сенситизировал Монео к такой работе его самого сокровенного «я». Он следует за мной, потому что считает, что именно я веду человечество по пути выживания. Он знает это на уровне своего клеточного сознания. И я нахожу это, когда смотрю на Золотой Путь. Это очень по-человечески, и мы оба согласны в одном: этот путь должен продолжаться!

— Где, когда и как будет проходить брачная церемония? — спросил Монео.

Он не спросил: «почему». Монео больше не задавал себе этот вопрос и не искал понимания, вернувшись на твердую для себя почву. Он снова стал мажордомом, управляющим хозяйством Бога-Императора, первым министром.

Он владеет существительными, глаголами, частицами, с помощью которых оперирует действительностью. Слова выступают для него в своем исконном смысле и со своими обычными функциями. Монео никогда не использует трансцендентный потенциал своих слов, но зато хорошо понимает их повседневный, обыденный смысл.

— Так что вы ответите на мой вопрос? — настаивал на своем Монео.

Лето взглянул на него, подумав: Я, напротив, чувствую, что слова в наибольшей степени полезны, когда открывают для меня отблеск притягательных и неоткрытых мест. Но это употребление слов настолько мало понимается современной цивилизацией, которая продолжает верить в механистическую вселенную абсолютных причин и следствий, очевидно сводимых к корневой причине и единственному следствию этой причины.

— Ты надоедлив, как софизмы, которые иксианцы и их коллеги с Тлейлаксу навязывают человечеству, — заявил Лето.

— Господин, я очень сильно расстраиваюсь, когда вы не обращаете внимания на очень важные вещи.

— Я обращаю на них внимание, Монео.

— Но не на меня.

— Даже на тебя.

— Ваше внимание блуждает, господин. Вам нет необходимости скрывать это от меня. Я предам себя прежде, чем предам вас.

— Ты считаешь, что сейчас я витаю в облаках?

— Что... в облаках? — переспросил Монео. Раньше он никогда не задавал такого вопроса, но теперь...

Лето объяснил иносказание, подумав при этом: Как это старо! В мозгу Лето взревели винты самолетов. Шкуры для одежды... охотники... скотоводы... долгий подъем по лестнице понимания... а теперь им предстоит сделать еще один, очень большой шаг, еще больший, чем древним.

— Вы предались праздным мыслям, — произнес с укоризной Монео.

— У меня есть время для праздных мыслей. Эта, например, очень интересна — она касается меня, как единичной множественности.

— Но, господин, есть вещи, которые требуют нашего...

— Ты бы очень удивился, узнав, что иногда получается из праздных мыслей. Я никогда не гнушался целыми днями раздумывать о вещах, которым обычный человек не Потрудился бы уделить и нескольких минут. Но почему бы и нет? При моей ожидаемой продолжительности жизни около четырех тысяч лет, значит ли что-нибудь один день? Сколько длится нормальная человеческая жизнь? Она длится около одного миллиона минут. Я уже прожил столько дней.

Монео, подавленный таким сравнением, застыл в молчании. Он вдруг осознал, что его жизнь меньше пылинки в глазах Лето. В действительности он прекрасно понимал иносказания.

Слова... слова... слова... подумал Монео.

— В сфере чувств слова почти всегда бесполезны, — продолжал вешать Лето.

Монео почти перестал дышать. *Бог-Император может читать мысли.*

— В течение всей нашей истории, — продолжал между тем Лето, — самой значительной функцией слов было окружать собой некие трансцендентные события, отводить для них место в хрониках и объяснять события таким образом, что когда в следующий раз мы употребляли эти слова, то говорили: ага, они обозначают такое-то и такое-то событие.

Монео был уничтожен этими речами, ужаснувшись непроизнесенным словам, которые заставили его напряженно думать.

— Именно так события исчезают для истории, — сказал Лето.

После долгого молчания Монео снова отважился заговорить:

— Вы так и не ответили на мой вопрос, господин. Как быть со свадьбой?

Каким утомленным он выглядит, подумал Лето. На его лице печать поражения.

Император быстро заговорил:

— Твоя служба нужна мне сейчас как никогда раньше. Бракосочетание должно пройти на высшем уровне. Только ты сможешь обеспечить это.

— Где будет проходить церемония, господин?

Его голос немного оживился.

— В деревне Тибур, в Сарыре.

— Когда?

— Выбор даты я предоставляю тебе. Ты сообщишь ее, когда все будет готово.

— Как будет проходить церемония?

— Я проведу ее сам.

— Нужны ли будут вам помощники, господин? Какие-нибудь приспособления или предметы?

— Ритуальные побрякушки?

— Какие-нибудь вещи, о которых я...

— Нам не потребуется много для этой маленькой шарады.

— Господин, я умоляю вас!

— Ты будешь стоять рядом с невестой и передашь ее мне, — сказал Лето. — Мы проведем обряд по старинному фрименскому обычаю.

— Нам потребуются водяные кольца, — сказал Монео.

— Да, я воспользуюсь водяными кольцами Гани.

— Кто будет присутствовать на бракосочетании, господин?

— Только караул гвардии Говорящих Рыб и аристократия.

Монео изумленно уставился в лицо Лето.

— Что? Кого господин имеет в виду под аристократией?

— Тебя, твою семью, свиту, придворных Цитадели.

— Мою... Монео судорожно глотнул. — Вы включаете сюда... Сиону?

— Да, если она перенесет испытание.

— Но...

— Она что, не член твоей семьи?

— Да, она из Атрейдесов и...

— Тогда мы безусловно включаем Сиону в число гостей.

Монео достал из кармана металлический блокнот — еще одно иксианское изобретение из проскрипций бутлерианского джихада. Мягкая усмешка коснулась губ Лето. Монео знает свои обязанности и исполнит их наилучшим образом.

Было слышно, как Айдахо громко недоумевает за дверью по поводу своего затянувшегося ожидания, однако Лето игнорировал этот шум.

Монео знает цену своим привилегиям, подумал *Лето*. Это тоже своего рода женитьба — привилегий и обязанностей. Это объяснение аристократа и его извинения.

Монео тем временем закончил запись.

— Несколько деталей, господин, — сказал он. — Будет ли какой-то особый наряд для Хви?

— Защитный костюм и накидка фрименской невесты — и то и другое подлинное.

— Ювелирные украшения и другие побрякушки?

Лето посмотрел на пальцы Монео, постукивавшие по крышке блокнота. Он увидел в них признаки разложения и тлена.

Лидерские способности, мужество, чувство порядка и знания — всем этим Монео обладает в избытке. Они окружают его, как священная аура, но только мои глаза способны различить гниение, скрытое под этой блестящей оболочкой. Это неизбежно. Если меня не станет, то это немедленно станет видно всем.

— Господин! — окликнул Императора Монео. — Теперь вы опять витаете в облаках?

Ага! Ему понравилось это выражение!

— Это все, — подытожил Лето. — Только накидка, защитный костюм и водяные кольца.

Монео поклонился и направился к выходу.

Теперь он смотрит вперед, подумал *Лето*, но даже эта новость пройдет. Он снова обратится к прошлому. А я возлагал на него такие большие надежды. Но... возможно, Сиона...

«Не создавайте героев», — сказал мой отец.

Даже по тому, как Айдахо пересек малый зал, по его громкому требованию аудиенции, Лето видел, какая трансформация произошла с гхола. Это повторялось так много раз, что стало привычным. Этот Дункан даже не поприветствовал уходящего Монео. Все укладывалось в обычный, неизменный паттерн. Как же скучны эти повторы одного и того же из века в век!

Лето даже придумал название для этого явления: «Синдром с тех пор, как...»

Гхола очень часто питали себя подозрениями о тайных вещах, которые произошли в мире за много веков забытья, которые прошли с тех пор, как они последний раз были в сознании. Что делало человечество все это время? Почему востребовали меня, жалкий реликт далекого прошлого? Ни одно «я» не может преодолевать в течение долгого времени такие сомнения — особенно склонны к сомнениям мужчины.

Один из гхола даже обвинил Лето: «Вы вложили в мое тело такие вещи, о которых я ничего не знаю! Эти вещи говорят вам обо всем, что я делаю. Вы всегда за мной шпионите!»

Другой обвинил Лето в том, что в него заложили манипуляционный механизм, который заставляет гхола хотеть того, чего желает его хозяин.

Раз начавшись, синдром «с тех пор, как...» неуклонно прогрессировал и его было очень трудно ликвидировать.

Его можно было смягчить, обратить, но семена сомнения оставались и давали бурные всходы при каждой провокации.

Айдахо остановился на том же месте, где только что стоял Монео. Его глаза, поза, разворот плеч — все выдавало подозрение. Лето намеренно позволил Айдахо медленно кипеть дальше, ожидая, когда процесс захватит голову. Айдахо взглянул в глаза Лето, потом отвернулся и принял с преувеличением разглядывать помещение. За этим взглядом Лето тотчас же узнал знакомую повадку.

Дунканы ничего не забывают!

Рассматривая помещение и пользуясь при этом способами, которым научили его госпожа Джессика и ментат Суфир Хават, Айдахо ощущал тошнотворное чувство смешения. Он подумал, что помещение отвергает его. Каждая вещь — мягкие подушки, круглые золотистые, зеленые и красные сосуды, фрименские ковры, музейный антиквариат, расположенный стопками вокруг тележки Лето, искусственный солнечный свет, лившийся из иксианских светильников, свет, заливавший лицо Бога сухим теплым сиянием, оставлявшим по краям капюшона темные таинственные тени, запах чая с Пряностью и даже запах меланжи, которые источало исполинское тело Червя. Айдахо почувствовал, что слишком много событий произошло с тех пор, как тлейлаксианцы отдали его на милость Лули и Друга в той клетке с голыми безрадостными стенами. *Слишком много... Слишком много... Действительно ли я нахожусь здесь?* — подивился он. *Это я? Что представляют собой те мысли, которые находятся у меня в голове?*

Он внимательно всмотрелся в огромное покоящееся тело, спрятанное в густой тени и покоящееся на тележке, поставленной в углублении. Сам покой этой живой массы говорил об огромной энергии, которая может выплыть путем, недоступным пониманию простого смертного.

Айдахо слышал о нападении на иксианское посольство, но Говорящая Рыба, рассказавшая об этом, высказывалась очень туманно, говоря о сошедшем с небес Боге, скрывая все технические подробности.

— Он налетел на них сверху и разил грешников, устроив страшное побоище.

— Как он это делал? — спросил Айдахо.

— Это был разгневанный Бог, — ответила рассказчица.

Разгневанный, подумал Айдахо. Было ли это из-за Хви?

Каких только историй он не наслушался! Ни одной из них было невозможно поверить. Хви выходит замуж за это большое... Это невозможно! Не может милая Хви, исполненная нежной деликатности... *Он играет в какую-то страшную игру... испытывая нас...* Не было в эти времена мира, нет честной и надежной реальности, если только proximity нет Хви. Все остальное в этом мире — чистое безумие.

Когда Айдахо вновь всмотрелся в лицо Лето — лицо чистокровного Атрейдеса — чувство смешения в месте и времени только усилилось. Интересно, сможет ли он усилием мозга проникнуть сквозь призрачные барьеры и припомнить опыты всех гхола Дунканов Айдахо.

О чем они думали, когда переступали порог этого помещения? Чувствовали ли они то же смешение, ту же отчужденность?

Может быть, для этого потребуется всего одно усилие.

У него началось головокружение, и он подумал, что может сейчас упасть в обморок.

— Что-то не так, Дункан? — Голос был мягким и успокаивающим.

— Я потерял чувство реальности, — ответил Айдахо. — Я не принадлежу этому миру.

Лето предпочел прикинуться непонимающим.

— Но мои гвардейцы доложили, что ты явился сюда по собственному желанию, что ты прилетел из Цитадели и потребовал немедленной аудиенции.

— Я говорю о том, что происходит именно сейчас, здесь — в этот момент!

— Но ты нужен мне.

— Для чего?

— Оглянись, Дункан. Способы, которыми ты можешь помочь мне, столь многочисленны, что ты не справишься за один раз.

— Но ваши женщины не позволяют мне сражаться! Каждый раз, когда я хочу отправиться...

— Ты ставишь под вопрос то обстоятельство, что больше нужен мне живой, нежели мертвый? — Лето усмехнулся и продолжил: — Используй свой ум, Дункан, я очень это ценю.

— А также сперму. Ее вы тоже цените очень высоко.

— Своей спермой Ты волен распоряжаться по своему усмотрению.

— Я не оставлю после себя вдову с сиротой, как...

— Дункан, я же сказал, что выбор за тобой.

Айдахо сглотнул слюну.

— Вы совершаете преступление, оживляя нас, даже не спрашивая, хотим мы этого или нет.

Это был новый поворот в мышлении Дунканов. Лето, посмотрел на Айдахо с проснувшимся интересом.

— В чем же состоит это преступление?

— О, я слышал, как вы высказывали свои сокровенные мысли, — начал свое обвинение Айдахо. Он через плечо ткнул большим пальцем в сторону двери. — Вы знаете, что в вестибюле даже при закрытой двери слышно каждое ваше слово?

— Конечно, слышно, когда я этого хочу.

Но только мои записки слышат мои сокровенные мысли.

— Но я, однако, хотел бы все-таки знать, в чем состоит мое преступление.

— Сейчас время, когда ты живешь, Лето, время, когда ты жив. Время, когда ты должен жить. Оно может быть волшебным, это время, пока ты живешь в нем. Ты знаешь, что оно никогда не повторится и ты его не увидишь снова.

Лето прищурился, слушая Дункана. Слова будили воспоминания.

Айдахо поднял руки ладонями вверх на уровень груди, как нищий, просящий милостыню и знающий, что он ничего не получит.

— Потом ты просыпаешься и вспоминаешь, как умирал... вспоминаешь бродильный чан с аксолотлями... видишь ненавистных тлейлаксианцев, которые будят тебя... предполагается, что все начнется сначала. Но ничто не начинается. Никогда. Это преступление, Лето.

— Ты хочешь сказать, что я отнял волшебство?

— Да!

Айдахо опустил руки и сжал кулаки. Он чувствовал, что стоит на пути водопада, и если он расслабится хоть немного, то этот водопад сметет его.

А что можно сказать о моем времени? — *думал тем временем Лето*. Оно ведь тоже никогда не повторится. Но Дунканы не поймут разницы.

— Что так скоро привело тебя сюда из Цитадели? — спросил Лето.

Айдахо сделал глубокий вдох.

— Неужели это правда? Вы собираетесь жениться?

— Это правда.

— На Хви Нори, иксианском после?

— Верно.

Айдахо окинул взглядом распостертое на тележке тело Лето.

Они всегда ищут гениталии, *подумал Лето*. Наверно, мне надо сделать на нужном месте большой выступ, чтобы они испытали шок от удивления. *Он едва сумел удержаться от смеха, настолько позабавила его эта идея*. Вот и еще одна эмоция. Спасибо тебе, Хви. Спасибо вам, иксианцы.

Айдахо покачал головой.

— Но ведь вы...

— В женитьбе важен не только секс, — сказал Лето. — Будем ли мы иметь детей плоти? Нет. Но эффект этого союза будет очень глубоким.

— Я слышал, как вы разговаривали с Монео, — сказал Айдахо. — Мне показалось, что это своего рода шутка...

— Осторожнее, Дункан!

— Вы действительно любите ее?

— Ни один мужчина еще не любил так женщину.

— Но она? Она...

— Она чувствует сострадание, потребность разделить мою судьбу, дать мне все, что она может дать. Такова ее природа.

Айдахо едва сумел подавить чувство отвращения.

— Монео прав. Теперь все поверят в тлейлаксианские рассказни.

— Это один из глубинных эффектов.

— И вы все еще хотите, чтобы я стал супругом Сионы?

— Тебе известно мое желание, но выбор за тобой.

— Кто такая эта Наила?

— Ты познакомился с Наилой? Это хорошо.

— Они с Сионой как сестры. Но она же настоящий чурбан! Что там делается, Лето?

— А что, по-твоему, там должно делаться? И какое это для тебя имеет значение?

— Я впервые в жизни встречаю такое грубое животное в образе человеческом. Она напоминает мне Зверя Раббана. Никогда бы не сказал, что это женщина, если бы она не...

— Ты встречал ее раньше. В первый раз она представилась тебе, как Друг.

Айдахо притих, как зверек, почувствовавший приближение ястреба.

— Значит, вы доверяете ей, — сказал Айдахо.

— Доверяю? Что значит доверие?

Момент приближается, подумал Лето. Он видел, как идея принимает форму в мозгу Айдахо.

— Доверие — это залог верности, — произнес Айдахо.

— Такой, как между тобой и мной? — спросил Лето.

Горькая усмешка тронула губы Айдахо.

— Так вот что вы делаете с Хви Нори? Женитьба, залог...

— Хви и я доверяем друг другу.

— Вы доверяете мне, Лето?

— Если я не смогу доверять Дункану Айдахо, то не смогу доверять никому.

— А если я не могу доверять вам?

— Тогда мне жаль тебя.

Айдахо испытал почти физическое потрясение. Глаза его широко открылись в немом вопросе. Он жаждал доверия. Он жаждал чуда, которое никогда не повторяется.

Айдахо показал рукой на дверь, мысли его приняли странное направление.

— Нас слышно в вестибюле?

— *Нет*. — Но это слышат мои записки.

— Монео был в ярости. Это видели все. Но отсюда он вышел, как послушный ягненок.

— Монео аристократ. Он обручен с долгом, с ответственностью. Когда он вспоминает об этом, весь его гнев улетучивается.

— Вот как вы его контролируете, — сказал Айдахо.

— Он сам себя контролирует, — произнес Лето, вспомнив, как Монео записывал его распоряжения, время от времени отрывая глаза от блокнота. Он делал это не для того, чтобы получить поощрение, а чтобы подстегнуть свое чувство долга.

— Нет, — возразил Айдахо, — это не он контролирует себя, а вы — его.

— Монео запер себя в прошлом. Это сделал не я.

— Но он аристократ... Атрейдес.

Лето вспомнил стареющее лицо Монео, думая о том, что аристократ откажется исполнить свой последний Долг — отойти в сторону И исчезнуть во тьме истории. Его придется отодвинуть силой и он будет отодвинут. Еще ни разу ни один аристократ не одолел требований времени и не изменился в соответствии с ними.

Айдахо, однако, еще не закончил.

— Вы аристократ, Лето?

Тот в ответ только улыбнулся и добавил:

— *Аристократ уже давно умер во мне*, — и подумал при этом: Привилегии становятся причиной надменности. Надменность приводит к несправедливости. Всходят семена Разрушения.

— Видимо, я не буду присутствовать на вашем бракосочетании, — сказал Айдахо. — Я никогда не причислял себя к аристократам.

— Но ты был им. Ты был аристократом меча.

— Пауль был лучше вас, — произнес Айдахо.

Лето заговорил голосом Муад'Диба.

— Это от того, что ты был моим учителем! — он снова вернул себе свой обычный голос: —

Молчаливый долг аристократа — учить, иногда своим ужасным примером.

Он подумал: Гордость за происхождение вырождается в нищету духа и слабость кровосмесения. Открывается путь для гордыни, обусловленной богатством и свершениями. Вступайте в ряды нуворишей и въезжайте во власть, как Харконнены, на плечах regime ancient.

Цикл повторялся с таким постоянством, что Лето почувствовал острое желание, чтобы хоть кто-то еще кроме него увидел, как надо строить давно забытые паттерны выживания, которые вид давно перерос, но от которых не желает отказываться.

Но нет, мы все еще несем в себе остатки, которые я должен искоренить.

— Есть ли какая-нибудь граница, которую я мог бы переступить, чтобы никогда больше не быть частью этого?

— Если должна быть какая-то граница, то ты должен помочь мне ее создать, — сказал Лето. — Сейчас же нет такого места, куда кто-нибудь из нас не мог бы пойти и отыскать тебя.

— Значит, вы не хотите меня отпустить.

— Иди, если хочешь. Другие Дунканы тоже иногда пытались уйти. Я же говорю тебе, что границы нет, и негде спрятаться. Сейчас, и это положение сохраняется уже давным-давно, человечество представляет собой одну клетку, один организм, все части которого спаяны одним, очень опасным kleem.

— Нет новых планет? Чужих...

— О, мы растем, но не делимся.

— Потому что это ты держишь нас вместе!

— Я не знаю, сможешь ли ты понять меня, Дункан, но если существует граница, любой вид границы, то что лежит позади, не может быть более важным, чем то, что лежит впереди.

— Ты — прошлое!

— Нет, прошлое — это Монео. Он быстро воздвиг аристократические барьеры вдоль всех границ. Ты должен понять силу этих барьеров. Они не только закрывают планеты и отделяют страны друг от друга, они ограничивают и запирают идеи. Они подавляют изменения.

— Это ты подавляешь изменения!

Он не уступает. Придется повторить попытку.

— Самый верный признак существования аристократии — это открытие барьеров, сдерживающих изменения, железные, каменные, стальные и иные занавесы, которые исключают появление нового, отличного от привычного.

Ц Я знаю, что где-то должна быть граница, ты просто ее прячешь.

— Я ничего не прячу. Я сам хочу границы! Я хочу удивиться!

Они всегда подходят к самому краю, но потом останавливаются и отказываются войти.

Словно повинуясь этому предсказанию, мысли Айдахо вдруг потекли по иному руслу.

— Действительно ли Танцующие Лицом выступали на вашей помолвке?

Лето ощутил вспышку гнева, но при этом испытал и странную радость, потому что гнев — это тоже эмоция. Он хотел было накричать на Дункана, но разве это могло помочь делу?

— Да, Танцующие Лицом выступали, — сказал он.

— Зачем?

— Я хотел, чтобы все разделили мое счастье.

Айдахо посмотрел на него так, словно только что обнаружил в своем стакане отвратительное насекомое. Он заговорил ровным бесцветным голосом:

— Это самое циничное из того, что я слышал из уст Атрейдесов.

— Но это тоже говорит Атрейдес.

— Вы намеренно хотите сбить меня с толку! Вы уклоняетесь от ответов на мои вопросы!

Опять за свое! — подумал Лето и заговорил:

— Танцующие Лицом из Бене Тлейлакс — это колониальные организмы, индивидуально они — мулы, но выбор свой они делают осознанно.

Лето замолчал, думая: Я должен проявить терпение. Они должны сами делать свои открытия. Если я скажу это сам, они мне не поверят. Думай, Дункан, думай!

Айдахо долго молчал.

— Я дал вам свою клятву. Для меня это очень важно. Я не знаю, зачем и по какой причине вы делаете то или другое. Я могу только сказать, что мне не нравится то, что происходит. Все! Я сказал.

— Ты только для этого приехал из Цитадели?

— Да!

— Ты сейчас вернешься в Цитадель?

— Какие границы находятся там?

— Очень хорошо, Дункан! Твой гнев умнее твоего рассудка. Хви отправится в Цитадель сегодня вечером, завтра утром я присоединюсь к ней.

— Я хотел бы лучше ее узнать, — сказал Дункан.

— Если ты будешь избегать общения с ней, — сказал Лето, — то приказ Хви — не для тебя.

— Я всегда знал, что на свете бывают ведьмы. Твоя бабушка была одной из них.

Айдахо сделал четкий поворот кругом и вышел, не спросив разрешения и не попрощавшись.

Он ведет себя как мальчишка, подумал Лето, глядя в напряженную спину Айдахо. Самый старый житель нашей планеты и самый юный в одной плоти.

Пророк не подвержен иллюзиям прошлого, настоящего или будущего. Фиксированность языковых форм определяет такие линейные различия. Пророки же держат в руках ключ к замку языка. Для них физический образ остается всего лишь физическим образом и не более того. Их вселенная не имеет свойств механической вселенной. Линейная последовательность событий полагается наблюдателем. Причина и следствие? Речь идет совершенно о другом. Пророк высказывает судьбоносные слова. Вы видите отблеск события, которое должно случиться «по логике вещей». Но пророк мгновенно освобождает энергию бесконечной чудесной силы. Вселенная претерпевает духовный сдвиг. Именно поэтому мудрый пророк прячет свое откровение под сверкающим покрывалом. Поэтому непосвященные считают язык пророка двусмысленным. Слушатель не верит посланию пророка. Инстинкт подсказывает вам, что само словесное выражение притупляет силу пророческих слов. Лучшие пророки подводят вас к занавесу и позволяют вам заглянуть сквозь него в вашу сущность.

Лето обратился к Монео ледяным тоном:

— Дункан вышел из повиновения.

Шел третий день после возвращения Лето из Города Празднеств Онна, а разговор происходил в просторном помещении наверху сложенной из золотистого камня южной башни Цитадели. Сквозь открытый портал был виден знаменитый полуденный ландшафт Сарыра. Слышался низкий вой ветра. Вместе с ветром летели пыль и песок, заставлявшие Монео морщиться. Лето старался не обращать внимание на эти пустяки. Он смотрел на Сарыра. Жаркое марево шевелилось в восходящих потоках, и воздух казался живым. Вдали медленно двигались дюны. Их подвижность была видна только Лето — только он один мог видеть, как меняется ландшафт.

Монео был буквально пропитан едким запахом собственного страха и прекрасно знал, что этот запах невозможно скрыть от сверхъестественного обоняния Лето. В приготовлениях к свадьбе, в смятении среди Говорящих Рыб — во всем прослеживалось нечто парадоксальное. Монео вспомнил слова, сказанные Богом-Императором в первые дни после их первой встречи.

«Парадокс — это признак того, что надо постараться рассмотреть, что за ним кроется. Если парадокс доставляет тебе беспокойство, то это значит, что ты стремишься к абсолюту. Релятивисты рассматривают парадокс просто как интересную, возможно, забавную, иногда страшную, мысль, но мысль весьма поучительную».

— Ты не ответил, — проговорил Лето. Он отвернулся от окна и внимательно посмотрел на Монео.

Мажордом смог лишь недоуменно пожать плечами. *Как близок Червь?* Это было единственное, что интересовало Монео. Он уже не в первый раз замечал, что возвращение в Цитадель всегда пробуждало в Лето Червя. Не было никаких верных признаков этого ужасного сдвига, но Монео всегда чувствовал его приближение. Может ли Червь прийти без предупреждения?

— Ускорь приготовления к свадьбе, — сказал Лето. — Пусть она состоится как можно быстрее.

— До испытания Сионы?

Лето мгновение помолчал.

— Нет. Что ты собираешься делать с Дунканом?

— Что вы хотите, чтобы я сделал, господин?

— Я говорил ему, чтобы он не встречался с Нори, избегал ее. Я сказал ему, что это приказ.

— Он симпатизирует ей, господин, и ничего более.

— Но почему она симпатизирует ему?

— Он гхола. У него нет связи с нашим временем, нет корней.

— У него такие же глубокие корни, как и у меня.

— Но он не знает этого, господин.

— Ты споришь со мной, Монео?

Монео отступил на полшага, прекрасно сознавая, что это не избавляет его от опасности.

— О нет, господин, но я всегда пытался правдиво сообщать вам о том, что происходит.

— Это я скажу тебе, что происходит. Он ухаживает за ней.

— Но это она инициатор встреч, господин.

— Значит, ты знал об этом!

— Я не знал, что вы запретили эти встречи, господин.

Лето задумчиво проговорил:

— Он умеет вести себя с женщинами, Монео, очень хорошо умеет. Он заглядывает им в душу и заставляет делать то, что он хочет. Все Дунканы отличались этим умением.

— Но я действительно не знал, что вы запретили им встречи, господин, — голос Монео стал резким и скрипучим.

— Он опаснее всех других, — продолжал Лето. — Ужасное время мы переживаем.

— Господин, тлейлаксианцы не могут предоставить вам его преемника в настоящее время.

— Нам нужен этот Дункан?

— Вы сами об этом говорили. Это парадокс, который я не в силах понять, но вы действительно говорили это.

— Сколько времени им понадобится, чтобы изготовить следующего?

— По меньшей мере год. Надо ли мне узнать точную дату?

— Сделай это сегодня.

— Он может услышать об этом, как предыдущий Дункан.

— Я не хочу, чтобы это случилось, Монео.

— Понимаю, господин.

Я не осмелюсь говорить об этом с Нори, — сказал Лето. — Дункан не для нее. О, я не могу обидеть ее! — Последние слова прозвучали почти жалобно.

Монео пребывал в благоговейном молчании.

— Разве ты не видишь это сам? — спросил Лето. — Помоги мне. Монео.

— Я вижу, что Норм не такая, как другие, — ответил Монео, — но что я могу сделать?

— В чем заключается разница? — голос Лето пронзил мажордома насквозь.

— Я имею в виду, что вы относитесь к ней не так, как к другим. Я никогда не видел, чтобы вы так относились к людям.

Монео успел заметить первые признаки — подергивания рук и появление блеска в глазах. Боги! Червь! Монео почувствовал себя абсолютно беззащитным. Одно движение хвоста — и Лето раздавит Монео. Надо возвратить к его человеческой сути, подумал мажордом.

— Господин, — заговорил он, — я читал и слышал от вас о вашем браке с вашей сестрой Ганимой.

— Если бы она сейчас была здесь со мной, — произнес Лето.

— Она же никогда не была вашей подругой, господин.

— Куда ты клонишь? — спросил Император.

Подергивания рук превратились в ритмичную вибрацию.

— Она была... Я хочу сказать, что она была подругой Харка аль-Ада.

— Конечно, была! Все Атрейдесы происходят от этой пары.

— Может быть, вы чего-то не рассказали мне, господин? Возможно ли... чтобы Хви Нори... может быть, она была вашей подругой?

Руки Лето затряслись так сильно, что Монео усомнился в том, что их обладатель не подозревает об этом. Большие синие глаза горели хищным пламенем.

Монео попятился к дверям на лестницу, ведущую прочь из опасного места.

— Не спрашивай меня о возможностях, — голос Лето прозвучал глухо, словно откуда-то из глубин прошлого, в котором блуждала сейчас его душа.

— Никогда больше, господин, — промямлил Монео, кланяясь и отступая к выходу. — Я поговорю с Нори, господин... и с Дунканом.

— Делай, что можешь, — голос Лето опять донесся из одному ему доступных глубин.

Монео, крадучись, выскользнул из зала. Он плотно закрыл дверь и, дрожа, прижался к ней спиной.
Ах, как близко это было!

Однако парадокс оставался. На что он указывает? Каково значение странных и болезненных решений Бога-Императора? Что задумал Бог, который Червь?

Из зала Лето послышались глухие удары, сотрясавшие каменную кладку стен. Монео не осмелился открыть дверь, чтобы посмотреть, что происходит внутри. Он отошел от двери и начал спускаться вниз по лестнице, не смея вздохнуть до тех пор, пока не достиг первого этажа, где его встретила Говорящая Рыба.

— Он обеспокоен? — спросила женщина.

Монео кивнул. Сверху продолжали доноситься ритмичные удары.

— Что его так встревожило? — не отставала охранница.

— Он Бог, а мы смертны, — ответил Монео. Этот ответ обычно удовлетворял женское любопытство гвардейцев, но теперь их обуревали иные чувства.

Женщина посмотрела на него, не отводя взгляда, и Монео увидел, что к мягким чертам лица откуда-то изнутри подступила суть натаскенного убийцы. Это была сравнительно молодая женщина с вздернутым носиком и полными чувственными губками, но сейчас в ее глазах застыло такое выражение, что только глупец смог бы отважиться повернуться к ней спиной.

— Это не я встревожил его, — ответил Монео.

— Конечно, не вы, — согласилась она, и лицо ее немного смягчилось. — Но я все же хотела бы знать причину, которая его так расстроила.

— Думаю, что он проявляет нетерпение перед свадьбой, — сказал Монео. — Думаю, что в этом вся причина.

— Так поторопитесь с бракосочетанием! — воскликнула женщина.

— Именно этим я и занимаюсь, — ответил Монео и заторопился к выходу. Боги! Говорящие Рыбы становятся столь же опасными, как и Бог-Император.

Этот идиот Дункан! Он подвергает всех нас смертельной опасности. А Хви Нори! Что прикажете делать с ней?

Устройство монархии и подобных ей систем правления содержит рациональное зерно, которое можно использовать при строительстве любых других систем. Моя богатейшая память подтверждает, что любая политическая система может извлечь выгоду из этого зерна. Правительство полезно для тех, кем он управляет только до тех пор, пока сдерживаются присущие любой власти тенденции к тирании. У монархий, помимо их звездных качеств, есть и весьма хорошие черты. Монархия способна уменьшить размеры и ограничить паразитизм управленческой бюрократии. Монархия способна при необходимости принимать быстрые решения. Монархия отвечает человеческой потребности в родительской (племенной, феодальной) иерархии, в которой каждый человек четко знает свое место. Очень ценно знать свое место, даже если это место — временное. Человека очень раздражает место, которое он занимает против своей воли. Именно поэтому я преподал урок тирании наилучшим способом — примером. Хотя вы читаете это спустя тысячелетия после распада моей тирании, память о ней не сотрется во веки веков. Подтверждение тому — мой Золотой Путь. Прочитав мое послание вам, вы, не сомневаюсь в этом, извлечете из него уроки и проявите осторожность, делегируя правительству его полномочия.

Лето тщательно подготовился к первой с момента отправки в школу Говорящих Рыб встрече с Сионой. Девушка училась в Городе Празднеств, Император не видел ее с того Бремени, когда она была еще ребенком. Лето сказал Монео, что хочет принять его дочь в Малой Цитадели — высокой башне, выстроенной в центре Сарьира. Положение башни было выбрано таким образом, чтобы из нее было видно и старое, и новое, и то, что находится между ними. К Малой Цитадели не вела ни одна дорога. Визитеры прибывали туда на орнитоптерах. Лето же попадал туда словно по волшебству.

Еще в первые дни своего восшествия на престол он собственными руками, с помощью иксианского аппарата, прорыл потайной туннель под Сарьиром к этой башне. самостоятельно выполнив всю работу. В те дни по окрестностям Сарьира еще кочевали одиночные песчаные черви. Лето окружил туннель массивными стенами из расплавленного кремния и вставил в стены бесчисленное множество водяных пузырьков, чтобы отпугнуть червей снаружи. Размеры туннеля соответствовали нынешним размерам Лето, который прозревал свое будущее в видениях. Императорская тележка свободно проезжала по туннелю.

В ранний предрассветный час того дня, на который была назначена встреча с Сионой, Лето спустился в крипту и предупредил охрану, чтобы его не беспокоили ни по какому поводу. Тележка подкатилась к потайному уголку крипты, которая заканчивалась секретной дверью. Меньше чем через час Лето был в Малой Цитадели.

Самым большим удовольствием было оказаться одному в песке. Никакой тележки. Его червеобразное тело напрямую соприкасалось с песком. Это было ни с чем не сравнимое наслаждение. Тепло, выделившееся во время перехода через дюны, вызвало сильное парообразование, поэтому Лето пришлось непрерывно двигаться. В пяти километрах от башни Император остановился, найдя относительно сухое углубление в песке. Он улегся в центре этого углубления, которое, впрочем, было слегка покрыто росой в тени башни, которая стрелой вытянулась к востоку, возвышаясь над дюнами.

С такого большого расстояния башня высотой три тысячи метров смотрелась как игла, пронзающая небо. Только вдохновение Лето и инженерное дерзновение иксианцев смогли создать такую смелую конструкцию. Имея в диаметре сто пятьдесят метров, башня уходила вглубь ровно настолько, насколько она возвышалась над поверхностью земли. Волшебство пластика и легких сплавов сделало башню устойчивой ко всем ветрам и абразивному действию песка.

Лето настолько нравилось это место, что он даже придумал логическое обоснование своих посещений, выработав свод персональных правил, которые надо было обязательно исполнить. Эти правила служили дополнениями к «Великой Необходимости».

В те недолгие мгновения, что он лежал в песке, Лето мог со спокойной совестьюбросить с себя бремя Золотого Пути. Монео, добрый и надежный Монео, должен был проследить за тем, чтобы Сиона прибыла в Малую Цитадель с наступлением темноты. В распоряжении Лето был целый день на отдых и размышления. Он мог поиграть, воображая, что у него совсем нет забот, он мог упиваться сухостью песка и питаться им вволю, чего он не мог позволить себе ни в Онне, ни в Цитадели. В тех местах он мог порезвиться лишь в узких бороздках, причем только сила предназначения давала ему возможность не попадать в сырье места, граничившие с песчаными карманами. Однако здесь он мог мчаться по песку и нормально питаться, восстанавливая силы.

Песок скрипел и шуршал под его телом, когда он катался, изгибаясь по дюнам, испытывая чистую животную Радость. Восстанавливаясь сущность Червя, по телу бежали электрические импульсы, сообщавшие телу силу и здоровье.

Солнце было уже довольно высоко над горизонтом и нарисовало вокруг башни золотистый ореол. В воздухе повис горький запах пыли, вокруг распространился аромат колючек, которые изо всех сил впитывали в себя утреннюю росу. Сначала медленно, потом все быстрее и быстрее Лето начал свой бег вокруг башни, думая по дороге о Сионе.

Откладывать больше нельзя. Ее надо испытать. Монео знал это не хуже самого Лето.

Не далее как сегодня утром мажордом сказал;

— Господин, ее обуревает страшная жажда к насилию.

— Это начало зависимости от адреналина, — объяснил Лето. — Пора сажать ее на голодный паек.

— Голодный что, мой господин? — в недоумении переспросил Монео.

— Это очень древнее выражение. Оно означает, что человека надо испытать полным воздержанием. Ей надо пройти ломку и связанный с ней шок.

— О, я понимаю.

Когда-то, припомнил Лето, Монео действительно понял это на своей шкуре. Его самого тогда посадили на голодный паек.

— Молодые обычно не способны принимать трудных решений, если только эти решения не связаны с применением насилия, что вызывает сильный выброс в кровь адреналина, — продолжал объяснять Лето.

Монео погрузился в раздумья, вспоминая, потом заговорил:

— Это очень большой вред.

— Но именно это причина склонности Сионы к насилию. Такое может произойти и со старым человеком, но для молодежи такая зависимость — правило.

Кружка около башни и наслаждаясь сухим от жара солнца песком, Лето думал о том разговоре. Он замедлил продвижение. Ветер сзади донес до его человеческих ноздрей запах кислорода и сожженного песка. Он глубоко вдохнул, подняв свое восприятие на более высокий уровень.

За этот предварительный день Лето предстояло достичь нескольких целей. Он думал о предстоящей встрече, как, должно быть, древний матадор думал о своей схватке с рогатой смертью. У Сионы были свои рога, но Монео позаботится, чтобы она не пронесла на встречу никакого реального оружия. Лето, однако, надо было быть уверенным в том, что он хорошо знает все сильные и слабые стороны Сионы. Ему предстояло усилить ее уступчивость в некоторых отношениях. Ее надо подготовить к испытанию, надев на ее психическую мускулатуру ограничительные шипы.

Вскоре после полудня, насытившись прогулкой, Лето забрался в тележку, включил подвеску и поднялся в башню — на самый ее верх, в просторный зал, где он и провел остаток дня, размышляя и составляя сценарий предстоящей встречи.

Как только на землю пала ночная тень, в воздухе раздался шум винтов орнитоптера. Это прибыл Монео.

Верный Монео.

Лето мысленно приказал посадочной площадке выдвинуться из наружной стены зала. Орнитоптер скользнул по ней и сложил крылья. Лето взгляделся в сгустившиеся сумерки. Сиона выпрыгнула из машины и бросилась в зал, испытывая страх перед неимоверной высотой. На девушке была надета белая накидка поверх черной формы без знаков различия. Войдя в башню и остановившись, она украдкой оглянулась и внимательно посмотрела на массивное тело Лето, лежавшее на тележке почти в центре зала. Орнитоптер взмыл в небо и исчез в темноте. Лето оставил площадку выдвинутой, а дверь открытой.

— На противоположной стороне башни есть балкон, — сказал Лето. — Мы пойдем туда.

— Зачем?

В голосе Сионы прозвучала плохо скрытая подозрительность.

— Мне говорили, что там прохладно, — ответил Лето, — и мои щеки действительно ощущают прохладный ветерок, когда я бываю там.

Движимая любопытством, она подошла поближе.

Лето закрыл дверь, ведущую на посадочную площадку.

— Ночной вид с балкона просто великолепен.

— Зачем мы здесь?

— Чтобы никто не мог быть у нас над головой.

Лето развернул тележку и направил ее на балкон. Тусклый свет в зале дал Сионе увидеть, куда направился Император. Она последовала за ним.

Балкон окружал юго-восточную арку башни, по всему периметру балкона шла узорчатая металлическая балюстрада высотой до уровня груди. Сиона подошла к перилам и окинула взглядом расстилавшийся внизу пейзаж.

Лето чувствовал, что она ждет и готова слушать. Надо сказать что-то, предназначеннное только для ее ушей. Что бы это ни было, она должна выслушать и ответить, движимая своими внутренними мотивами. Посмотрев поверх головы Сионы, Лето смотрел на Сарыир, окруженный Защитной Стеной, которая виднелась отсюда, как едва заметная полоска, выступавшая сероватой линией в свете Первой Луны, поднявшейся над горизонтом. Усиленное зрение Лето позволило ему разглядеть караван, направлявшийся из Онна. Цепочка огней на повозках, запряженных тягловыми животными, шла в деревню Табур.

В памяти Лето вызвал образ этой деревни, спрятанной во влажной тени деревьев у внутреннего основания стены. Его музейные фримены возделывали там финиковые пальмы, высокую траву и даже разводили настоящие сады у дорог. Да, это не то, что в старые времена, когда самый захудалый и крошечный бассейн с водой и ветровая ловушка с несколькими чахлыми деревцами казались роскошью по сравнению с окружавшими это населенное место песками. Деревня Табур казалась раem в сравнении с древним сиетчом Табр. Каждый житель сегодняшней деревни знал, что сразу за ограждением Сарыира река Айдахо направляла свой бег прямо на юг. Сейчас, в свете луны, река выглядела как серебристая полоса. Музейные фримены не могли забраться на стену, но они знали, что за ней есть вода. Земля тоже знала об этом. Если в Табуре приложить ухо к земле, то она начинала рассказывать о шуме дальних стремнин.

На берегу реки жили ночные птицы, думал Лето, птицы, которые в другом мире вели бы дневной образ жизни. Дюна произвела это маленькое селекционное чудо и птицы приучились жить ночью, отдавшись на милость Сарыира. Лето видел, как птицы летали над водой, спускались к поверхности, и, когда они опускали в воду клювы, чтобы напиться, на воде оставалась рябь, которую сносило к югу по течению.

Даже на таком расстоянии Лето чувствовал силу этой воды, он помнил эту силу, которая покинула его, унесясь, словно эта река, текущая мимо полей и садов. Вода прокладывала себе путь мимо холмов, мимо растений, которые заменили собой пустыню, место которой сжалось до размеров его Сарыира, убежища прошлого Дюны.

Лето вспомнил рев иксианских машин, которые вгрызались в землю, прорывая путь для водных артерий современного Арракиса. Казалось, это было только вчера, а ведь в действительности прошло больше трех тысяч лет.

Встрепенувшись, Сиона оглянулась, но Лето хранил молчание, его внимание было приковано отнюдь не к Сионе. Над горизонтом светилось бледно-янтарное пятно — отражение города в облаках. Лето знал, что это город Уоллпорт, перенесенный к югу из суровых северных районов, где косые лучи солнца почти не согревали землю. Свет города был словно окном в прошлое. Он чувствовал, как луч памяти пронзает его грудь, проникая под толстую чешую, заменившую мягкую и теплую человеческую кожу.

Я очень уязвим, подумал он.

Однако Лето сознавал себя хозяином этих мест, его же хозяином была сама планета.

Я — ее часть.

Он ел ее почву, отвергая только воду. Его человеческий Рот и легкие функционировали только для того, чтобы обеспечивать энергией остатки человеческого организма и сохранившуюся способность говорить.

Лето обратился к Сионе:

— Я люблю говорить и страшно боюсь того дня, когда потеряю эту способность.

Сиона недоверчиво посмотрела на Императора. На лице ее отразилось отвращение.

Ц Согласен, что многим людям я кажусь уродливым чудовищем, — сказал он.

— Зачем я здесь? — спросила девушка.

Вопрос сразу по существу. Ее не сбьешь. Это характерная черта всех Атрейдесов. Именно эту черту он хотел культивировать в своей селекционной программе. Такой характер говорит о сильном внутреннем чувстве своей цельности.

— Мне надо узнать, что Время сделало с тобой, — ответил он.

— Зачем вам это надо?

В ее голосе слышится страх. Она думает, что я начну спрашивать ее о повстанцах и выпытывать имена ее сообщников.

Он молчал, тогда заговорила Сиона:

— *Вы убьете меня так же, как убили моих друзей?* Она слышала о побоище у посольства. И предполагает, что мне все известно о ее участии в мятеже. Монео все ей рассказал, вот проклять! Ну хорошо... Пожалуй, на его месте я бы поступил точно так оке.

— Вы действительно Бог? — требовательно спросила она. — Я не понимаю, почему мой отец верит в это.

У нее еще есть сомнения, подумал он. У меня есть поле для маневра.

— Определения самые разные, — проговорил Лето. — Для Монео я Бог... и это правда.

— Когда-то вы были человеком.

Ему доставлял истинное удовольствие ее интеллект. В ней было неуемное живое любопытство, столь характерное для Атрейдесов.

— Ты проявляешь в отношении меня недюжинное любопытство, — сказал он. — То же самое можно сказать и обо мне. Ты вызываешь у меня острое любопытство.

— Что заставляет вас считать меня любопытной?

— Ты очень внимательно следила за мной, когда была ребенком. И сегодня я вижу в твоих глазах тоже знакомое выражение.

— Да, мне очень интересно знать, каково быть вами. Несколько мгновений он внимательно рассматривал Сиону. Свет луны очерчивал тени вокруг ее глаз, скрывая их. Он позволил себе подумать, что у нее такие же синие глаза, как и у него, — глаза человека, зависимого от Пряности. Если добавить эту черту, то Сиона будет похожа на его давно умершую сестру Ганиму. Было что-то неуловимо схожее в их лицах, в форме глаз. Он собирался сказать об этом Сионе, но передумал.

— Вы едите человеческую пищу? — спросила Сиона.

— Долгое время после того, как я надел на себя кожу из песчаных форелей, я ощущал голодные спазмы в желудке, — ответил он. — Временами я пробовал есть обычную пищу, но желудок почти всегда отвергал ее. Реснички песчаных форелей распространились по всему моему организму. Есть стало трудно и хлопотно. Сейчас я ем только твердые частицы, в которых иногда содержится немного Пряности.

— Вы... едите меланжу?

— Иногда.

— Но вы больше не испытываете голода, человеческого голода?

— Этого я не говорил.

Она выжидающе посмотрела на него.

Лето восхищался тем, как действовал на него ее невысказанный вопрос. Она очень умна и успела многое узнать за свою короткую жизнь.

— Боль в животе превращала мою жизнь в пытку, я ничем не мог облегчить эту боль, — сказал он. — Я начинал бегать по дюнам, бегать, словно безумный.

— Вы... бегали?

— В то время мои ноги были непропорционально длинными и двигался я очень легко. Но голодная боль никогда не оставляла меня. Мне кажется, что это была боль по утраченной человечности.

Он заметил, что в ней, преодолевая внутреннее сопротивление, начинает просыпаться симпатия и сочувствие к нему.

— У вас... до сих пор бывают эти боли?

— Теперь это просто небольшое жжение. Это один из признаков финального метаморфоза. Через несколько сотен лет я навсегда погружусь в песок.

Он заметил, как сжалась ее кулаки.

— Зачем? — спросила она. — Зачем вы это сделали?

— Это не такое уж плохое изменение. Сегодня, например, я получил большое удовольствие. Мне очень сладко.

— Есть и такие изменения, которых мы не видим, — сказала она и разжала кулаки. — Я знаю, что они должны быть.

— У меня очень обострились зрение и слух, но осязание притупилось. Чувствительность сохранилась только на лице. Остальное тело не чувствует прикосновений, как прежде, и мне очень недостает этих ощущений.

Ой снова заметил, что в Сионе против ее воли просыпается симпатия, движение к сочувственному пониманию. Она хотела знать!

— Когда живешь так долго, — сказала она, — то как ощущается движение времени? Двигается ли оно быстрее по прошествии лет?

— Странное дело, Сиона. Иногда оно несется бешеным аллюром, а иногда ползет, как улитка.

Разговаривая, Лето незаметно приглушал свет ламп, пока наконец совсем не выключил освещение. Теперь помещение заливал только свет луны. Одновременно Лето незаметно, сантиметр за сантиметром, приближался к Сионе. Наконец его тележка показалась на балконе, а лицо в двух метрах от лица девушки.

— Отец говорит мне, — сказала она, — что чем старше вы становитесь, тем медленнее течет ваше время. Это вы говорили ему об этом?

Проверяет маю правдивость. Значит, она не Вещающая Истину.

— Все на свете относительно, но в сравнении с человеческим восприятием времени это верно.

— Почему это так?

— Это связано с тем, кем мне предстоит стать. В конце времена для меня остановится, и я стану замороженным, как жемчужина в куске льда. Мое новое тело рассыплется на части, и каждая часть будет содержать в себе такую жемчужину.

Она отвернулась и заговорила, глядя на Пустынью:

— Когда я разговариваю с вами здесь, в темноте, то почти забываю, кто вы.

— Именно поэтому я и выбрал для беседы этот час.

— Но почему здесь?

— Потому что это последнее место, где я чувствую себя дома, Сиона обернулась и оперлась спиной о перила.

— Я хочу видеть вас.

Лето включил свет на полную мощность и одновременно запечатал балкон за единой Сионой. Она насторожило... но потом подумала, что это предосторожность от возможного нападения. Однако это было не так. Ограждение защищало Лето от вторжения влажныхочных насекомых.

Сиона во все глаза уставилась на Лето, скользнув взглядом вдоль его тела, задержавшись на обрубках, которые когда-то были его ногами, потом на руках и, наконец, на лице.

— Вы поддерживаете истории о том, что все Атрейдесы произошли от вас и вашей сестры Ганимы, но Устное Предание говорит по-иному.

— Устное Предание говорит правду. Вашим предком был Харк аль-Ада. Мы с Гани были женаты только по видимости. Это было сделано для консолидации власти.

— Так же, как и с этой иксианской женщиной?

— Это совсем другое дело.

— У вас будут дети?

— Я никогда не был способен иметь детей. Я выбрал метаморфоз до того, как стал обладать этой способностью.

— Вы были ребенком, а потом, — она указала рукой на его тело, — сразу стали этим?

— Да, промежуточной стадии не было.

— Но каким образом ребенок смог сделать такой выбор?

— Я был самым старым ребенком, какого только знала история. Другим таким ребенком была Гани.

— Это история о вашей предковой памяти?

— Это правдивая история. Мы все здесь. Разве Устное Предание не подтверждает этого?

Ома снова повернулась к Лето спиной. Он был очарован этим чисто человеческим жестом. Отвержение вкупе с уязвимостью. Потом она резко обернулась и внимательно взгляделась в лицо, спрятанное в кожистой складке.

— Вы похожи на Атрейдеса, — сказала она.

— Я так же честен, как и ты.

— Вы так стари, но на вашем лице нет ни одной морщины. Почему?

— Ни одна человеческая часть моего тела не стареет с Нормальной скоростью.

— Именно поэтому вы и сделали такой выбор?

— Чтобы наслаждаться долгой жизнью? Нет.

— Я не понимаю, как можно было это сделать, — пробормотала она. Потом громче: — Никогда не знать любви...

— Ты разыгрываешь из себя дуру! — сказал он. — Ты имеешь в виду не любовь, а секс.

Она пожала плечами.

— Ты думаешь, что *больше* всего на свете мне жаль, что я пожертвовал сексом? Нет, самая большая моя потеря заключается совсем в другом.

— В чем? — она спросила это неохотно, боясь выдать, насколько глубоко он ее тронул.

— Я не могу появляться на людях без того, что на меня обращают внимание. Я перестал быть одним из вас. Я одинок. Любовь? Многие люди любят меня, но моя внешность и форма разделяют нас. Мы разлучены, Сиона, и ни один человек не может перекинуть мост через эту пропасть.

— Даже ваша иксианская женщина?

— Она бы перекинула, если бы смогла, но она не сможет. Она не Атрейдес.

— Вы имеете в виду, что я бы... смогла? — она ткнула себя пальцем в грудь.

— Если бы можно было найти достаточное количество песчаных форелей, но они все на мне. Однако, если бы я умер...

Она в ужасе затрясла головой.

— Устное Предание очень точно об этом рассказывает, — продолжал Лето, — а мы не станем забывать, что ты веришь Устному Преданию.

Она продолжала безмолвно качать головой из стороны в сторону.

— В этом нет ничего таинственного, — говорил между тем Лето. — Первые моменты трансформации

— самые критические. Сознание должно одновременно выплеснуться наружу и войти внутрь, соединившись с бесконечностью. Для того чтобы это сделать, я могу дать тебе достаточное количество меланжи. Приняв это количество Пряности, ты сможешь пережить первые, самые ужасные моменты... да и остальные тоже.

Глядя ему в глаза, она содрогнулась всем телом.

— Ты же понимаешь, что я говорю тебе правду.

Она кивнула и, продолжая дрожать, с трудом перевела дух.

— Зачем вы это сделали?

— Альтернатива была бы куда более ужасной.

— Какая альтернатива?

— Со временем ты поймешь. Монео понял.

— Этот ваш проклятый Золотой Путь!

— Он не проклятый, он священный.

— Вы думаете, что я дура, которая не может...

— Я думаю, что ты неопытна, но обладаешь способностями, о которых даже не подозреваешь.

Она трижды глубоко вздохнула, и к ней вернулось самообладание.

— Но если вы не можете иметь секс с иксианкой, то что...

— Дитя, почему ты упорствуешь в своем непонимании? Речь не идет о сексе. С Хви я не могу спариваться. У меня нет никого, подобного мне, во всей вселенной, мне просто не с кем спариваться.

— Она похожа на вас?

— По своим намерениям. Так ее сделали иксианцы.

— Сделали ее...

— Не будь полной дурой! — рявкнул он. — Она настоящая ловушка для Бога. Даже жертва не может отринуть ее.

— Зачем вы рассказываете мне эти вещи? — прошептала она.

— Ты украла два тома моих рукописей, — сказал он. — Ты читала перевод Гильдии и уже знаешь, как можно меня поймать.

— Вы знали?

Он видел, что к ней вернулась ее самоуверенность и осознание собственной силы.

— Конечно, вы знали, — она сама ответила на свой вопрос.

— Это была моя тайна, — сказал он. — Ты не можешь себе представить, сколько раз я любил своих товарищей и видел потом, как они ускользали от меня прочь, в небытие. Вот так ускользает от меня сейчас твой отец.

— Вы любите его?

— Да, и я любил твою мать. Иногда они уходят быстро; иногда с мучительной медлительностью. И каждый раз я терплю крушение. Я могу играть по жестким правилам, могу принимать необходимые решения, я способен принимать решения, которые убивают, но я не могу избежать страданий. Очень, очень долго — мои записки, которые ты украла, не лгут — это была единственная из доступных мне эмоций.

Он увидел, как уважнились ее глаза, но челюсти были по-прежнему крепко сжаты — она была полна гневной решительности.

— Все это не дает вам права править, — сказала она.

Лето с трудом подавил улыбку. Наконец-то они добрались до корней мятежности Сиона.

По какому праву? Где справедливость в моем правлении? Принуждая их к повиновению с помощью вооруженной силы Говорящих Рыб, честно ли я побуждаю человечество к эволюционному скачку? Я знаю все, что поют революционеры, все их трескучие и резонерские фразы.

— Ты не видишь никаких признаков своей мятежной руки в той власти, которой я обладаю.

Юность Сиона взяла свое.

— Я никогда не выбирала вас себе в правители.

— Но ты усилила мою власть.

— Каким образом?

— Своей оппозицией. Я отточил свои когти на таких, как ты.

Она невольно бросила взгляд на его руки.

— Это фигуральное выражение, — объяснил он.

— Наконец-то мне удалось задеть вас за живое, — сказала она, услышав в его голосе нотки гнева.

— Ты не задела меня за живое. Мы с тобой родственники и можем по-семейному попенять друг другу. Факт заключается в том, что мне стоит бояться тебя больше, чем тебе — меня.

Она отпрянула, но замешательство продолжалось лишь краткий миг. Он увидел, как сначала ее плечи напряглись от всплеска веры, потом девушку снова охватили сомнения. Она опустила голову и исподлобья взглянула на Лето.

— Так почему же Великий Лето боится меня?

— Я боюсь твоего невежественного насилия.

— Разве вы говорили, что уязвимы физически?

— Я не стану второй раз предупреждать тебя, Сиона. Петь пределы той игры в слова, в которую я играю. И ты, и иксианцы прекрасно знают, что я люблю тех, кто уязвим физически. Скоро об этом узнает вся Империя. Такие слухи распространяются быстро.

— И вся Империя спросит, по какому праву вы царствуете!

Она ликовала. Лето почувствовал неистовый гнев. Его было трудно подавить. Эту человеческую эмоцию он ненавидел. Название ей — злорадство. Он некоторое время молчал, не желая давать волю злобе. Потом он выбрал способ пробить брешь в обороне Сиона в самом уязвимом ее месте, которое он уже видел.

— Я правлю по праву одиночества, Сиона. Мое одиночество — это отчасти свобода, отчасти рабство. Это означает, что меня не может подкупить ни одна группа населения. Мое рабство говорит о том, что я буду служить вам в полной мере моих божественных способностей.

— Но иксианцы поймали вас в свою ловушку! — сказала она.

— Нет. Они преподнесли мне дар, который только усилит меня.

— Он уже ослабляет вас.

— И это тоже, — признал Лето. — Но мне по-прежнему подчиняются очень мощные силы.

— О да, — кивнула она. — Это я понимаю.

— Этого ты как раз не понимаешь.

— Но я уверена, что вы мне все объясните. — поддразнила она его.

Он заговорил так тихо, что Сионе пришлось склониться почти к самому его лицу.

— В этом мире нет никого, кто мог бы попросить меня о чем бы то ни было — об участии, о компромиссе, даже о малейшем послаблении власти. Я один и только одни.

— Даже эти иксианская женщина не может...

— Она настолько похожа на меня, что не сможет ослабить меня в этом отношении.

— Но когда было атаковано иксианское посольство...

— Меня все еще раздражает человеческая глупость, — сказал он.

Ока, нахмурившись, взглянула на него.

В свете луны этот мимический жест показался Лето очаровательным. Он понял, что заставил ее думать. Он был уверен, что она никогда прежде не задумывалась о том, что право на властьдается вместе с уникальностью.

Он отреагировал на ее хмурый вид.

— До сих пор в мире не было правительства, подобного моему. Я — первый случай в мировой истории. Я отвечаю только перед собой, требуя воздаяния за ту жертву, которую принес миру.

— Жертву! — иронически буркнула она, но Лето явственно расслышал сомнение в ее голосе. — Каждый деспот говорит нечто подобное. Вы ответственны только перед собой!

— Я отвечаю, таким образом, за каждую живую тварь. Я слежу за всеми вами все это время.

— Какое время?

— Время, которое могло бы быть, но которого больше нет.

Он почувствовал в ней нерешительность. Она не доверяет своим инстинктам, своей нетренированной способности к предсказаниям. Она может случайно совершить прорыв, как в случае, когда она украла его записки, но мотивация была потеряна в тех откровениях, которые она покерпнула из записок.

— Мой отел говорит, что вы очень хорошо умеете манипулировать словами, — сказала она.

— Он как никто обязан это знать. Но есть такие вещи, знания о которых можно добывать, только участвуя в этих вешал. Познать их нельзя, стоя в стороне и обсуждая их.

— Он как раз и имел в виду эти вещи, — проговорила Сиона.

— Ты совершенно права, — согласился он. — Это не логично. Но это свет. Это глаз, он видит свет, но не видит сам себя.

— Я устала от этого разговора, — сказала Сиона.

— Так же. как и я.

Я достаточно увидел и достаточно сделал. Она широко открыта своим сомнениям. Как же они уязвимы в своем невежестве!

— Вы ни в чем меня не убедили.

— Это не было целью нашей встречи.

— А что было целью?

— Посмотреть, готова ли ты к испытанию.

— Испы... — она слегка склонила голову и удивленно взиралась на Лето.

— Можешь при мне не строить из себя невинность, — сказал он. — Монео обо всем тебя предупредил. И я говорю тебе, что ты готова!

Она попыталась сглотнуть слюну.

— В чем...

— Я послал за Монео, чтобы он отвез тебя обратно в Цитадель, — сказал Лето. — Когда мы встретимся снова, то увидим, из какого теста ты сделана в действительности.

Знаете ли вы миф о Великом Кладе Пряности? Да, мне тоже известна эта история. Мажордом рассказал ее мне, чтобы позабавить. В этой истории рассказывается, что в некоем месте существует огромный, как гора, клад меланжи. Этот клад сокрыт в недрах далекой планеты. Эта монета — не Арракис и не Дюна. Клад был зарыт там задолго до основания Первой Империи и до образования Космической Гильдии. История эта гласит, что на ту планету удалился Муад'Диб, который и до сих пор живет там. Его жизнь поддерживается Пряностью, он ждет. Мажордом не понял, почему это история так меня взволновала.

Дрожа от гнева, Айдахо прошествовал по вымощенным пластоном залам в свою квартиру в Цитадели. На каждом посту, мимо которого он проходил, женщины старались привлечь его внимание. Он не отвечал на призывы. Айдахо знал, что его поведение вызвало растерянность и недоумение у Говорящих Рыб. Они безошибочно поняли настроение Айдахо. Однако это не влияло на размашистый шаг начальника гвардии. От стен отдавалось гулкое эхо от топота его сапог.

Во рту его все еще сохранялся вкус обеда — старого доброго обеда, знакомого еще по временам первых Атрейдесов — овощи в травяном соусе с добрым куском искусственного мяса, сдобренным глотком цидритного сока Монео нашел Дункана за столом в казарме гвардии, где он, сидя за обеденным столом, изучал план предстоящих операций, разложенный среди тарелок.

Не дожидаясь приглашения, Монео сел напротив и отодвинул в сторону оперативный план.

— Я принес тебе весть от Бога-Императора, — сказал Монео.

Нарочитая торжественность тона сказала Айдахо, что это отнюдь не случайная встреча. Присутствовавшие в зале женщины тоже поняли это. За соседними столами наступила напряженная тишина.

Айдахо положил в тарелку вилку.

— Я слушаю тебя.

— Вот доподлинные слова Бога-Императора, — сказал Монео. — Мне очень прискорбно видеть, что мой Дункан Айдахо обольщен чарами Хви Нори. Это недоразумение должно рассеяться.

От гнева губы Айдахо превратились в тонкую ниточку, но он смолчал.

— Эта глупость подвергает всех нас величайшей опасности, — продолжал Монео. — Нори предназначена для Бога-Императора.

Айдахо изо всех сил пытался скрыть злость, но слова выдавали его с головой.

— Он не может жениться на ней!

— Почему?

— Что за игру он затеял, Монео?

— Я просто гонец и передаю тебе его слова, не более того, — ответил Монео.

Голос Айдахо стал тихим и угрожающим:

— Но ты его доверенное лицо.

— Бог-Император сочувствует тебе, — солгал Монео.

— Сочувствует? — выкрикнул Айдахо, чем привлек всеобщее внимание Говорящих Рыб. В столовой повисла напряженная тишина.

— Нори — очень привлекательная женщина, — сказал Монео, — но она не для тебя.

— Бог-Император сказал, — язвительно произнес Айдахо, — и его слова не подлежат обжалованию.

— Я вижу, что ты понял смысл его слов, — проговорил Монео.

Айдахо встал из-за стола.

— Куда ты собрался? — подозрительно спросил Монео.

— Я хочу прямо сейчас переговорить с ним.

— Это самоубийство, — простонал Монео. Айдахо одарил мажордома пылающим взглядом и внезапно понял, что от всех столов на него смотрят Говорящие Рыбы. Выражения их лиц в свое время хорошо определил Муад'Диб: *Игра в прятки с дьяволом*.

— Ты знаешь, что говорили по этому поводу первые герцоги Атрейдесы? — издевательским тоном спроси Айдахо.

— Это имеет отношение к делу?

— Они говорили, что вся свобода немедленно улетучивается, когда начинаешь искать самодержавного правителя.

Оцепенев от страха, Монео подался вперед к Айдахо. Он почти потерял дар речи, голос Монео превратился в свистящий шепот.

— Не говори подобных вещей.

— Ты боишься, что одна из этих женщин доложит о них Императору?

Монео недоуменно покачал головой.

— Ты еще бесшабашнее, чем все остальные.

— В самом деле?

— Прошу тебя! Твое отношение к Императору вредоносно.

Айдахо услышал, как по залу пронесся ропот.

— Самое большее, что он может, — это убить нас, — сказал Айдахо.

Монео ответил громким шепотом: — Ты глупец! При малейшей провокации в нем может возобладать Червь!

— Червь, говоришь? — неестественно громко спросил Айдахо.

— Ты должен верить в него, — сказал Монео. Айдахо оглянулся.

— Да, думаю, что они все слышали.

— В нем живут миллиарды и миллиарды людей, все в одном теле.

— Да, мне говорили об этом, — сказал Айдахо.

— Он — Бог, а мы смертны, — продолжал уговаривать Айдахо Монео.

— Как может Бог творить зло? — спросил Айдахо.

Монео вскочил на ноги и отшвырнул стул.

— Я умываю руки, — крикнул он и бросился вон из помещения.

Айдахо еще раз огляделся — все его гвардейцы смотрели на своего командира во все глаза.

— Монео не хочет судить, но я не стану уклоняться.

Он удивился, увидев на липах некоторых женщин кривые ухмылки. Все снова принялись за еду.

Идя в Цитадель, Айдахо снова и снова проигрывал в уме свой разговор с Монео, находя все новые и новые странности в поведении Монео. Это был не просто страх смерти, нет, в этом ужасе было что-то еще. Что-то намного более глубокое, чем обычное опасение за собственную жизнь.

— Червь может возобладать в нем.

Эти слова сорвались у Монео непроизвольно, они выдали его, чего сам мажордом, очевидно, не хотел. Но что могут значить эти слова?

Более бесшабашен, чем другие.

Айдахо стало горько от того, что его сравнивают с ним самим, но ему не известным. Насколько осторожны были другие?

Он подошел к своим апартаментам, положил ладонь на фотозамок и заколебался. Он почувствовал

себя как зверь, которого охотники загнали в его логово. Несомненно, что гвардейцы донесут Императору о его поведении. Как поступит Бог-Император? Айдахо провел рукой по замку, и дверь открылась. Он вошел в прихожую, запер за собой дверь и посмотрел на нее.

Пошлет ли он за ним Говорящих Рыб?

Айдахо оглядел прихожую. Очень удобно спланировано. Вешалки для одежды, полочки для обуви, и запертый Шкаф с оружием. Никакое из представленного здесь оружия не представляло реальной опасности для Лето. Не было даже лазерного ружья, хотя и оно неэффективно против Червя.

Он знает, что я буду сопротивляться.

Айдахо вздохнул и сквозь сводчатую дверь заглянул в гостиную. Монео заменил мебель — теперь гостиная была обставлена в суровом фрименском духе — вещи были взяты из хранилищ Музея.

Музейный фримен!

Айдахо в сердцах сплюнул и прошел в комнату. Войдя, он остановился, пораженный, — на подвесном диване на фоне северного окна сидела Хви Нори. Блестящее голубое платье выгодно обрисовывало ее фигуру. Женщина смотрела на Айдахо.

— Благодарения богам, что ты цел и невредим, — произнесла она.

Айдахо оглянулся, посмотрел на дверь, фотозамок, потом снова обратил взор на Хви. Никто, за исключением нескольких особо доверенных Говорящих Рыб, не мог открыть этот замок.

Видя его растерянность, Хви улыбнулась.

— Эти замки делают на моей родине, на Иксе.

Ему стало страшно за Хви.

— Что ты здесь делаешь?

— Нам надо поговорить.

— О чем?

— Дункан... — она покачала головой. — О нас.

— Они предупредили тебя.

— Мне велено отказать тебе.

— Тебя послал Монео!

— Меня доставили сюда две Говорящие Рыбы. Они полагают, что ты находишься в страшной опасности.

— Именно поэтому ты здесь?

Она встала, грациозность ее движения напомнила Айдахо о Джессике, бабушке Лето, — она точно так же умела управлять своими движениями, превращая любой жест в великолепный танец.

Осознание этого повергло Айдахо в шок.

— Ты из Бене Гессерит...

— Нет. Они были моими учителями, но я не принадлежу ордену.

Подозрение затуманило его мозг. Какие пружины управляют Империей Лето? Что может знать гхола о таких вещах?

Изменения, которые произошли с момента моей последней жизни...

— Я полагаю, что ты — простая иксианка, — сказал он.

— Не дразни меня, Дункан.

— Кто ты?

— Я нареченная невеста Бога-Императора.

— И ты будешь служить ему верой и правдой?

— Да.

— Тогда нам не о чем разговаривать.

— Нам есть о чем говорить. О том, что связывает нас с тобой.

Он нервно откашлялся.

— О чём же именно?

— О нашей взаимной тяге друг к другу. — Она подняла руку, видя, что он собирается заговорить. — Я хочу броситься в твои объятья, найти в них любовь и убежище, которые, я знаю, ты способен мне дать. Ты тоже этого хочешь.

Он оцепенел.

— Бог-Император запрещает это!

— Но я уже здесь, — она сделала два шага вперед, платье облегало ее красивое тело.

— Хви... — У Айдахо пересохло во рту. — Тебе лучше уйти.

— Это мудрый, но не самый лучший выход.

— Если он узнает, что ты была здесь...

— Я не могу просто так взять и уйти, — сказала она, снова подняв руку и запрещая ему говорить. — Меня воспитывали и учили ради одной определенной цели.

От этих слов холодок пробежал по спине Айдахо. Он понял, что надо соблюдать осторожность.

— Для какой же? — спросил он.

— Для того, чтобы вредить Богу-Императору, и он это хорошо знает. Он не изменит своего отношения ко мне.

— Не изменю его и я.

Она сделала еще один шаг по направлению к нему. Он ощущал тепло ее груди.

— Меня очень хорошо сделали, — сказала она. — Я создана специально для того, чтобы ублажать Атрейдесов. Лето же говорит, что Дункан больше Атрейдес, чем многие из тех, кто носит это имя.

— Лето?

— Как еще прикажешь мне называть моего будущего мужа?

Произнося эти слова, Хви подошла еще ближе к Айдахо. Они потянулись друг к другу, словно разноименные полюса магнита. Хви приникла к его мундиру щекой, обвивая руками, ощупывая железные мышцы. Айдахо же, прижав подбородок к ее волосам, вдыхал мускусный запах ее тела.

— Это безумие, — прошептал он.

— Да.

Он поднял ее подбородок и поцеловал в губы.

Она же изо всех сил прижалась к нему.

Они оба понимали, чем все это кончится. Она не сопротивлялась, когда он поднял ее и понес в спальню.

Айдахо заговорил только один раз.

— Ты не девственница.

— Ты тоже, мой любимый.

— Любимый, — прошептал он. — Любимый, любимый, любимый...

— Да... да!

Когда все закончилось, Хви вытянулась на постели в сладкой истоме, подложив руки под голову. Айдахо сидел на кровати спиной к ней и смотрел в окно.

— Кто были твои предыдущие любовники? — спросил он.

Она приподнялась на локте.

— У меня не было других любовников.

— Но... — он обернулся и внимательно посмотрел на нее.

— Когда мне не было еще и двадцати, нашелся один мальчик, который думал, что не может без меня жить. Потом мне было очень стыдно. — Она улыбнулась. — Какой я была доверчивой! Мне казалось, что я не смогу оправдать надежд людей, которые создали меня. Но они обо всем узнали и были очень довольны. Мне кажется, меня просто проверили.

Айдахо нахмурился.

— Со мной то же самое? Ты пришла, потому что нужна мне?

— Нет, Дункан. — У Хви был очень серьезный вид. — Мы дарили радость друг другу, потому что это была любовь.

— Любовь, — повторил Айдахо, и в голосе его прозвучала горечь.

— Мой дядя Малки говорил, что любовь — это плохая сделка, потому что нет никаких гарантий.

— Твой дядя Малки был мудрым человеком.

— Он глупец! Любовь не нуждается в гарантиях.

Саркастическая улыбка тронула губы Айдахо.

Она ласково улыбнулась ему.

— Любовь отличается тем, что ты даришь радость и не заботишься о последствиях.

Он кивнул.

— Я думаю только о том, что ты можешь оказаться в большой опасности.

— Что сделано, то сделано.

— Что мы будем делать?

— Мы будем радоваться, пока живем.

— Это звучит, как окончательный приговор.

— Это и есть приговор.

— Но мы будем видеться каждый...

— Так, как сегодня, мы больше не увидимся.

— Хви! — он бросился к ней и приник лицом к ее груди.

Она погладила его по волосам.

Голос его зазвучал глухо, когда он спросил:

— Что, если я...

— Тихо! Если суждено быть ребенку, то будет ребенок.

Айдахо поднял голову.

— Но тогда он точно обо всем узнает.

— Он все узнает в любом случае.

— Откуда?

— Я скажу ему.

Айдахо отпрянул и, выпрямившись, сел. Во взгляде его выразилась смесь недоумения и гнева.

— Я должна это сделать.

— Если он набросится на тебя... Хви я слышал много историй. Ты можешь подвергнуться страшной опасности.

— Нет. У меня есть потребности, и он это знает. Он не причинит вреда никому из нас.

— Но он...

— Он не уничтожит меня. Он знает, что если он причинит вред тебе, то тем самым уничтожит меня.

— Как ты можешь выйти за него замуж?

— Дорогой Дункан, неужели ты не видишь, что я нужна ему больше, чем даже тебе?

— Но он же не может... Я хочу сказать, что это невероятно, чтобы ты...

— Я не смогу получать с Лето ту радость, которую получаю с тобой. Для него это невозможно. Он признался мне в этом.

— Но почему тогда он не может... Если, он действительно тебя любит...

— У него гораздо более широкие планы и потребности. — Она взяла обеими руками правую руку Айдахо. — Я поняла это сразу как только стала к нему присматриваться. Его потребности гораздо глубже наших с тобой.

— Что это за планы и какие потребности?

— Спроси у него сам.

— Но ты их знаешь?

— Да.

— То есть ты веришь в эти истории о...

— В нем очень много честности и доброты. Это подтверждает и моя реакция на него. Мои иксианские хозяева вложили в меня некое вещество, которого оказалось слишком много, а оно открывает мне больше, чем они рассчитывали.

— Так ты веришь ему? — обвиняющим тоном воскликнул Айдахо и попытался вырвать руку.

— Если ты пойдешь к нему, Дункан, и...

— Он никогда больше не увидит меня!

— Увидит.

Она поднесла ко рту его руку и поцеловала его пальцы.

— Я заложник, — проговорил Айдахо. — Ты наполнила меня страхом за нас обоих...

— Я никогда не думала, что служить Богу легко, — сказала она. — Но я не могла даже предположить, что это настолько тяжко.

Моя память обладает весьма любопытным свойством, которым, как я надеюсь, могут обладать и другие. Меня постоянно изумляло, с каким старанием люди отгораживаются от своей предковой памяти, защищая себя толстой стеной мифов. О, я не жду, конечно, что они станут искать переживаний каждого момента в жизни своих предков, как это происходит со мной. Я могу понять их упорное нежелание вникать в мелкие подробности жизни предшественников. У вас есть веские основания опасаться, что настоящая жизнь станет беднее, если ее заслонит живое воспоминание о прошлом. Однако значение настоящего скрывается в смысле прошлого. Мы несем с собой всех наших предков с их радостями, переживаниями, горестями, муками и свершениями, словно живую волну. В этой памяти нет ничего лишнего и бессмысленного. Каждая мелочь оказывает воздействие на настоящее, и так будет до тех пор, пока будет жить человечество. Вокруг нас сияющая бесконечность, тот Золотой Путь непреходящего, которому мы приносим свою, пусть незначительную, но вдохновенную верность.

— Я вызвал тебя, Монео, в связи с тем, что мне сообщали мои гвардейцы. — сказал Лето.

Они стояли в темноте крипты, и Монео вспомнил, что самые свои болезненные решения Бог-Император принимал именно здесь. Монео тоже слышал эти сообщения Он ждал вызова с минуту на минуту, и когда после ужина его вызвали к Императору, мажордома охватил липкий страх.

— Речь идет... о Дункане, господин?

— Естественно, о Дункане!

— Мне сказали, господин, что его поведение...

— Убийственное поведение, Монео?

Монео склонил голову.

— Если вы так говорите, господин.

— Через какое время тлейлаксианцы смогут поставить нам нового Дункана?

— Они говорят, что у них возникли проблемы. Это может занять около двух лет.

— Ты знаешь, что мне рассказали мои гвардейцы, Монео?

Тот затаил дыхание. Если Бог-Император знает о последних... Нет! Даже Говорящие Рыбы устрашились такого противостояния. Если бы речь шла о ком угодно, кроме Дункана, то женщины сами устранили бы этого человека.

— Ну, Монео, я жду.

— Мне сказали, господин, что он собрал своих Говорящих Рыб и опросил их относительно их происхождения. В каких мирах они родились. Кто были их родители и как проходило их детство?

— Ответы его не удовлетворили.

— Он был очень испуган, господин, и продолжал настаивать.

— Словно от повторения он мог выяснить настоящую правду.

Монео от души надеялся, что это единственная проблема, беспокоившая Лето.

— Почему Дунканы всегда так поступают, господин?

— Причиной этому служит их обучение, раннее обучение, еще у первых Атрейдесов.

— Но насколько это отличается от...

— Атрейдесы сами служили людям, которыми правили. Мера их правления отражалась как в зеркале на состоянии тех, кем они управляли. Дунканы всегда хотели знать, как живет народ.

— Одну ночь он провел в деревне, господин. Побывал он и в нескольких городках. Он видел...

— Все зависит от того, как ты tolкуешь результат Монео. Свидетельство ничего не значит без суждения.

— Но я знаю, что он судит, господин.

— Мы все так поступаем, Монео, но Дункан склонен верить, что эта вселенная является заложницей моей воли. Они знают, что невозможно ошибаться, если выступаешь от имени правды.

— Это то, что он говорит вам...

— Это то, что говорю я. Это то, что говорят все Атрейдесы, которые живут во мне. Эта вселенная не потерпит такого насилия. То, что ты пытаешься сделать, не будет долговечным, если ты...

— Но, господин, вы ведь не делаете неверных вещей.

— Бедный Монео, ты просто не видишь, что я создал колесницу несправедливости.

Монео потерял дар речи. Он понял, что мягкость возобладала сейчас в Боге-Императоре. Но в теле его наступали изменения, слишком хорошо знакомые Монео, к тому же Лето так близко... Монео оглянулся — они находились в самом центре крипты — там, где произошло так много смертей, правда о которых не покинула подземелье.

Неужели пробил мой час?

Лето задумчиво произнес:

— Нельзя добиться успеха захватом заложников. Это одна из форм рабства. Один человек не может владеть другими людьми. Эта вселенная не допускает таких вещей.

Слова доходили до сознания Монео словно через завесу кипящего ужаса — тело Лето пришло в едва заметное движение. С Лето происходила трансформация.

Грядет Червь!

Монео снова тревожно оглядел крипту. Это гораздо хуже зала! Слишком далеко до безопасного места.

— Итак, Монео, что ты можешь мне ответить?

Мажордом перешел на шепот:

— Слова господина просветили меня.

— Просветили? Так до сих пор ты был непросвещенным?

Монео был в полном отчаянии.

— Но я служу своему господину?

— Ты согласен, что служишь Богу?

— Да, господин.

— Кто создал твою религию, Монео?

— Вы, господин.

— Это разумный ответ.

— Благодарю вас, господин.

— Не благодари меня! Скажи, какие религиозные институты сохраняются вечно?

Монео отступил на четыре шага.

— Встань, гае стоял! — приказал Лето.

Дрожа всем телом, Монео тупо покачал готовой. Наконец ему задали вопрос, на который не было ответа. Неспособность ответить — это смерть, и он ждал ее, склоняя голову.

— Тогда я скажу тебе это, бедный раб!

Монео исполнился последней надежды. Он поднял взор на Бога-Императора и увидел, что глаза не блестят, а руки не подергиваются. Возможно, Червь не пришел.

— Вечно существуют отношения смертных — отношения «господин — раб». Именно этот институт делает религию вечной, — сказал Лето. — Это отношение создает арену, на которую рвутся гордые сыны человечества, охваченные предрассудками своей ограниченности!

Монео мог только кивнуть в ответ. Не дрожат ли руки Бога? Не прячется ли лицо в складках кожи?

— Тайное признание позора — вот на что напрашиваются Дунканы, — продолжал Лето. — У Дунканов очень велика страсть к сопереживанию в отношении товарищей и ограничены способности к товариществу.

Когда-то Монео изучат внешность древних червей Дюны, гигантские пасти, усаженные острыми, как ножи, зубами и изрыгающие всепоглощающий огонь. На последнем кольце тела Лето было заметно небольшое возвышение. Не станет ли оно со временем пастью, расположенной ниже человеческого лица?

— В глубине души Дунканы знают, что я сознательно проигнорировал заповеди Магомета или Моисея, — сказал Лето. — А это знаешь даже ты, Монео!

Это было прямое обвинение. Монео едва не кивнул, но опомнился и отрицательно покачал головой. *Может быть, стоит начать отступление*, подумал он. По опыту Монео знал, что такие лекции обычно заканчиваются явлением Червя.

— В чем может заключаться такая заповедь? — издевательски спросил Лето.

Монео позволил себе слегка пожать плечами. Внезапно Лето заговорил раскатистым баритоном вместо нежного тенора. Раскаты его голоса заполнили крипту. Это был древний голос, которым он говорил на протяжение многих столетий.

— Вы рабы Бога, а не рабы рабов! Монео в отчаянии заломил руки.

— Но я служу тебе, Господи!

— Монео, Монео, — тихим, увещевающим голосом заговорил Лето. — Миллион грешников не создадут одного праведного. Праведность становится известной потому, что пребывает вечно.

Монео, весь дрожа, хранил молчание.

— Я хотел спарить Хви с тобой, Монео, — сказал Лето. — Но теперь слишком поздно.

Прошло несколько мгновений, пока до Монео дошел смысл слов Лето. Слова казались вырванными из какого-то неведомого контекста, висящими в воздухе. *Хви? Кто такая Хви? О, это же невеста Бога-Императора. Иксианка... Спарить ее со мной?*

Монео в ужасе тряхнул головой.

Лето произнес невыразимо печальным голосом:

— Ты тоже придешь, и неужели все твои деяния забудутся словно пыль?

Без всякого предупреждения Лето соскочил с тележки и, разогнув свое тело, со страшной скоростью махнул хвостом в нескольких сантиметрах от Монео. Тот вскрикнул и отскочил в сторону.

— Монео?

Этот оклик остановил мажордома у входа в лифт.

— Испытание, Монео! Я хочу испытать Сиону завтра!

Познание того, кто я есть, приходит во вневременной осознанности, которая не стимулирует и не вводит в заблуждение. Я творю поле, лишенное самости или центра, поле, в котором даже смерть воспринимается как некая аналогия. Мне не нужен результат. Я просто допускаю существование этого поля, которое не имеет ни цели, ни желания, ни совершенства, ни даже видимости постижения. Это поле пронизано вездесущим первичным сознанием, и это все. Это свет, который проливается сквозь окна моей вселенной.

Взошло солнце и своими беспощадными лучами осветило дюны. Лето ощущал нежную мягкость леска всем своим исполинским телом. Правда, его человеческий слух, воспринимая жесткий шорох песчинок, давал понять человеческому сознанию Императора, что мягкость эта существует только для Червя. Таков был постоянный сенсорный конфликт, который Лето научился воспринимать как данность.

Лето слышал, как позади него по песку шагает Сиона, слышал легкость ее походки, тихий звук осыпающегося код ее ногами песка, усиливавшийся по мере того, как девушка взбиралась все выше на дюну.

Чем дольше я буду тянуть время, тем уязвимее стану, подумал он.

Эта мысль часто посещала его в последнее время, когда он уходил в Пустыню. Он взглянул вверх. Небо было безоблачным и такого глубокого интенсивного синего цвета, какого не знало небо древней Дюны.

Чем была бы Пустыня, лишившаяся безоблачного неба? Плохо, что нет у неба теперь серебристого оттенка.

Небо контролировали иксианские спутники, правда, не всегда так, как того хотелось бы Лето. Такое совершенство было вполне мыслимо в машинном исполнении, но его никогда не удавалось достичь — ведь машинами управляют люди. Тем не менее спутники смогли обеспечить терпимое качество неба сегодня утром. Он вдохнул в свои человеческие легкие побольше воздуха, ожидая приближения Сиона. Она остановилась. Не оборачиваясь, он знал, что она восхищается раскинувшимся пейзажем.

Лето чувствовал образ этого пейзажа, как волшебник, который приложил руку к его физическому созданию. Он ощущал присутствие спутников. Это был изящный инструмент, который исполнял музыку для танца теплых и холодных воздушных масс, управляя вертикальными и горизонтальными воздушными потоками. Было забавно думать, что иксианцы считали, будто он применит эти машины для установления своего гидравлического деспотизма — отнимая влагу у тех, кто станет противиться правителю, и наказывая других слушников страшными бурями. Как они удивились, поняв, что ошиблись.

Моя власть не столь груба и прямолинейна.

Медленно, аккуратно, он заскользил вниз с дюны, плывя в песке и не оборачиваясь назад на длинную иглу своей башни и без того зная, что сейчас она исчезнет из виду в знойном мареве.

Сиона шла за ним с не свойственной для себя покорностью. Сомнение сделало свое дело. Она прочла похищенные ею записки. Она прислушалась к напутствиям своего отца. Теперь она просто не знает, что ей думать.

— Что это за испытание? — спросила она у Монео. — Что он будет лежать?

— Он никогда не повторяется, — ответил Монео.

— Как он испытывая тебя?

— У тебя все будет по-другому. Я только собью тебя с толку, если расскажу, как это происходило со мной.

Лето тайно подслушал, как Монео готовил свою дочь к испытанию, как одевал ее в старинный фрименский защитный костюм и башмаки с присосками, как накинул на нее сверху плотную темную накидку. Монео ничего не забыл.

Застегнув Сионе ботинки, Монео снизу вверх взглянул на дочь.

— Придет Червь. Это единственное, что я могу сказать наверняка. Тебе придется научиться жить в присутствии Червя.

Он встал и рассказал Сионе, как действует защитный костюм, сохраняя ее собственную влагу. Он

заставил ее саму вынуть трубку из клапана и снова застегнуть, а потом запечатать трубку.

— Ты останешься в Пустыне наедине с ним, — сказал Монео. — Шаи-Хулуд всегда близко, когда находишься в Пустыне.

— Что будет, если я откажусь идти? — спросила она.

— Ты пойдешь... но можешь и не вернуться.

Этот разговор состоялся в зале первого этажа Малой Цитадели, пока Лето ждал в верхнем зале. Когда Сиона была готова, он спустился вниз на тележке, с включенной подвеской. Лето направил свою тележку вслед за Монео, за тележкой следовала Сиона. Выйдя наружу, Монео направился к орнитоптеру, раздался свист крыльев, и машина взмыла в воздух. Лето велел Сионе проверить, закрыта ли дверь зала первого этажа и взглянул вверх, на вершину неимоверно высокой башни.

— Единственный путь отсюда лежит через Сарыир, — сказал он.

Он прокладывал путь вперед, не приказывая ей следовать за собой, зная, что ее ведут здравый смысл, любопытство и сомнения.

Лето скатился по отлогому склону дюны вниз, к скалистому основанию, затем поднялся вверх по следующему склону по пологой спирали, проторив путь для Сиона. Древние фримены называли такие следы «Божьим даром Уставшим». Лето продвигался вперед медленно, давая понять Сионе, что здесь его и только его владения, место его естественного обитания.

Поднявшись по склону на очередную дюну, Лето остановился и, оглянувшись, посмотрел, как Сиона поднимается вслед за ним. Она держалась проторенного пути и остановилась, как только достигла вершины. Она скользнула взглядом по его лицу, потом окинула взором горизонт. Лето слышал, как она судорожно вздохнула. Знойное марево скрыло очертания спиралеобразной башни. Основание ее можно было принять за отрог скалы.

— Вот как все было тогда, — сказал он.

Он знал, что в этом пейзаже было что-то мистически притягательное для людей, в чьих жилах текла фрименская кровь. Он специально выбрал для испытания эту дюну — она была выше остальных.

— Хорошенько всмотрись в пейзаж, — сказал он и, скатившись с дюны, исчез из поля зрения Сиона.

Она еще раз медленно обвела взглядом Пустыню. Лето прекрасно представлял себе, что сейчас чувствует и переживает девушка. Кроме призрачного видения башни, на всей линии горизонта не было ни единого выступа — вокруг расстилалась совершенно плоская равнина. С того места, где стояла Сиона, горизонт замыкался линией диаметром восемь километров — далее кривизна планеты скрывала все, находившееся за линией. Лето заговорил с того места, где находился, — прямо под гребнем дюны.

Это настоящий Сарыир. Его можно познать только так, находясь посередине и стоя ногами на земле. Это все, что осталось от баҳр бела ма.

— Океан без воды, — прошептала Сиона.

Она еще раз оглянулась и всмотрелась в горизонт.

Ветра не было, и Лею понимал, что полная тишина Пустыни безжалостно въедается в человеческую душу. Сиона потеряла все привычные ориентиры и точки опоры. Она была одна среди огромною, всепоглощающею пространства.

Лето взглянул на следующую дюну. Иди в том направлении, они должны были пройти несколько холмов, которые некогда были горами, но ветер и песок сделали свое дело — от гор остались только кучи песка и щебня. Лето продолжал неподвижно лежать, предоставляя тишине делать свое дело. Какое удовольствие было воображать, что ничто не изменилось, и эти дюны *по-прежнему* опоясывают всю планету. Но теперь даже эти оставшиеся дюны медленно вырождались, С тех пор как пронеслась последняя буря Кориолиса, Сарыир не видел ничего, кроме небольших вихрей и легкого ветра, которые не влияли на климат, ограничиваясь местным распространением.

Вот и сейчас один из таких «ветров дьявола» вихрем вздымался на небольшом расстоянии от Сиона. Она проследила за продвижением вихря. Вдруг она отрывисто спросила:

— У вас есть своя личная религия?

Несколько мгновений Лето обдумывал ответ. Его всегда поражало, насколько вид Пустыни

приводил мысли а религии.

— Ты осмеливаешься спрашивать, есть ли у меня личная религия? — требовательно произнес он.

Лето знал, что девушке страшно, но она ничем не проявила своего страха, она повернулась и взглянула ему в глаза. Лето напомнил себе, что отвага всегда была отличительной чертой Атрейдесов.

Она не ответила, тогда Лето продолжил:

— Ты из Атрейдесов; в этом нет никаких сомнений.

— Это и есть ваш ответ?

— Что в действительности ты хочешь знать, Сиона?

— Во что вы верите.

— Ха! Ты спрашиваешь меня о моей вере. Ну что ж — я верю в то, что ничто не может возникнуть из ничего без Божественного вмешательства.

Его ответ озадачил Сиону.

— Но каким образом...

— Natura pop facit saltus, — сказал он.

Она отрицательно покачала головой, не поняв того, что он сказал. Лето перевел:

— Природа не совершает скачков.

— Что ото был за язык? — спросила Сиона.

— На этом языке давно уже никто не говорит и моей вселенной.

— Зачем же вы его используете?

— Для того, чтобы разбудить твою древнюю память.

— У меня нет никакой древней памяти! Я только хочу знать, зачем вы привели меня сюда.

— Для того, чтобы дать тебе почувствовать вкус твоего прошлого. Спускайся сюда и забирайся ко мне на спину.

Она поколебалась, но потом, поняв тщетность сопротивления, спустилась вниз и забралась на спину Лето.

Он подождал, пока она не встала на колени. В старые времена было не так, подумал он. У нее не было крюка погонщика и она не могла стоять у него на спине. Он слегка приподнял над землей свой передний сегмент.

— Зачем я это делаю? — спросила она. По ее тону он понял, что она чувствует себя глупо у него на спине.

— Я хочу, чтобы ты почувствовала, как наш народ путешествовал по этой земле на спинах гигантских песчаных червей.

Он заскользил по дюне под ее гребнем. Сиона увидела отверстия. Из книг она знала, что это такое, но пульс реальности оказался совсем другим, и ей предстояло двигаться в тауг с ним.

Ах, Сиона, подумал Лето, ты даже не можешь себе представить, какому испытанию я собираюсь тебя подвергнуть.

Ему самому следовало набраться твердости. Я не должен испытывать жалости. Если она умрет, то она умрет. Если кто-то из них умирает, то это всего-навсего случай и не более того.

Он даже напомнил себе, что то же самое относится и к Хви Нори. Просто дело в том, что все они не могут умереть сразу.

Лето почувствовал тот момент, когда Сиона начала получать наслаждение от езды верхом на Черве. Она переместила свой вес, откинувшись назад и подняв вверх голову.

Он направился за дюну, вдоль барханов, отдавшись, как и Сиона, древнему чувству. А на горизонте,

впереди, Лето скорее ощущал чем видел остатки бывших там некогда холмов. Эти остатки были подобны семенам прошлого, ждавшим своего часа, чтобы взойти и напомнить о силах, которые поддерживали когда-то Пустыню в ее первозданном состоянии. Можно было даже на мгновение забыть о том, что Сарыир остался единственным, призрачным напоминанием о великой древней Пустыне.

Но иллюзия прошлого тем не менее оставалась. Он ощущал ее в своем стремительном движении. Фантазии, говорил он себе, все это зыбкие фантазии, думал он, принуждая себя сохранять спокойствие. Даже бархан, который он сейчас пересекал, был намного меньше, чем древние барханы, да и дюны стали меньше.

Внезапно вся эта искусственно поддерживаемая Пустыня показалась ему смешной. Он почти остановился на усыпанной мелким гравием поверхности между дюн, но потом заставил себя двигаться дальше, пытаясь восстановить в душе необходимость заставлять систему работать. Он представил себе вращение планеты, которое приводило в движение потоки горячего и холодного воздуха, которые огромными массами перемещались из конца в конец земли — контролируемые и управляемые маленькими спутниками с хитроумными иксианскими приборами и концентрирующими тепло дисками. Если следящие аппараты и видели здесь что-то, то только «пустынный рельеф», окруженный фронтами горячего и холодного воздуха. Присутствие Пустыни требовало создания льда на полюсах и еще кое-каких климатических поправок.

Сделать это было нелегко, и Лето прощал специалистам происходившие время от времени неизбежные сбои и ошибки.

Пройдя дюны, Лето на некоторое время потерял душевное равновесие, которое восстановилось после того, как он вырвался на галечный простор срединной Пустыни и отдался ощущению «окаменевшего океана» с застывшими волнами. Он повернулся к югу вдоль линии холмов.

Лето знал, что чувства многих людей бывали оскорблены его ощущением судьбоносности Пустыни. Люди чувствовали себя здесь неловко и старались повернуть назад. Однако Сиона не могла повернуть назад. Всюду, куда она бросала взгляд, была Пустыня, и эта Пустыня требовала узнавания и признания. Она ехала на его спине молча, но он знал, что она смотрит на Пустыню во все глаза. В ее душе начинали шевелиться старые-старые воспоминания.

Он двигался по Пустыне уже около трех часов, добравшись до китообразных дюн, достигавших в длину ста пятидесяти километров, и изогнутых в направлении господствующих ветров. За этими дюнами пролегал каменный скалистый коридор, ведший в область звездных дюн высотой около четырехсот метров. Наконец они достигли заплетенных дюн — высокие электрические заряды в атмосфере и высокое давление подняли его настроение. Лето понимал, что такие же чувства скорее всего испытывает и Сиона.

— В этих местах родились песни Золотого Пути, — сказал он. — Они превосходно сохранились в Устном Предании.

Сиона не ответила, но Лето знал, что она хорошо его слышит.

Лето замедлил темп и принялся рассказывать Сионе о фрименских древностях. Она слушала его с нарастающим интересом. Время от времени она даже задавала ему вопросы, но он чувствовал, что вместе с интересом растет и ее страх. С этого места не было видно даже основания башни Малой Цитадели. Не было видно ничего рукотворного. Она, скорее всего, подумала, что он старается развлечь ее, чтобы потом обрушить что-то зловещее.

— Именно здесь зародилось равенство наших мужчин и женщин, — сказал он.

— Ваши Говорящие Рыбы отрицают такое равенство, — отпарировала Сиона.

Ее голос, полный недоверия, был гораздо лучшим локатором ее положения на его спине, чем сама ее скрюченная фигурка. Лето остановился между двумя заплетенными дюнами и дал стихнуть вихрю кислорода, вырывавшемуся из хвоста.

— В наше время все стало не так, как прежде, — сказал он. — Но у мужчины и женщины эволюционно выработались разные задачи. Однако у фрименов была жесткая взаимозависимость. Это равенство было залогом выживаемости.

— Зачем вы привезли меня сюда? — зло спросила Сиона.

— Оглянись, — ответил он.

Лето почувствовал, как Сиона повернула голову назад. Помолчав, она заговорила:

— Что я должна увидеть?

— Мы оставили какие-нибудь следы? Ты можешь сказать, откуда мы пришли?

— Поднялся небольшой ветер.

— Ты хочешь сказать, что он скрыл следы?

— Кажется, что... да.

— Эта Пустыня делает из нас то, чем мы были и чем мы остаемся, — сказал он. — Это настоящий музей наших традиций, и ни одна из них в действительности не потеряна.

Лето заметил небольшую песчаную бурю, прошедшую на южном горизонте. Сиона тоже, без сомнения, ее разглядела. Впереди бури поднимались полосы песка и пыли.

— Почему вы не хотите сказать, зачем я здесь? — снова спросила Сиона. В голосе ее явственно звучал страх.

— Но я уже сказал тебе.

— Вы ничего мне не сказали.

— Как далеко от башни мы отошли?

Она задумалась.

— Тридцать километров? Двадцать?

— Дальше, — сказал он. — Я могу двигаться очень быстро по своей земле. Разве ты не чувствовала ветер на своем лице?

— Чувствовала, — ответила Сиона. — Но зачем вы спросили, как далеко мы отошли от башни?

— Сойди с меня и стань так, чтобы я видел тебя.

— Зачем?

Хорошо, подумал он. Она думает, что я брошу ее здесь и умчусь с такой скоростью, что она не сможет меня догнать.

— Сойди, и я все тебе объясню, — сказал он.

Она соскользнула с его спины, обошла и приблизилась к его лицу.

— Время движется быстро, когда чувства полны, — сказал он. — Мы двигались больше четырех часов и прошли шестьдесят километров.

— Почему это так важно?

— Монео положил в карман накидки сухой паек, — сказал он. — Поешь немного, и я все тебе расскажу.

Сиона нашла в кармане кубик сухого протомора и, глядя на Лето, начала жевать его. Кубик был аутентичен старинному фрименскому. В него было даже добавлено немного меланжи.

— Ты почувствовала свое прошлое, — сказал он. — Теперь ты должна приобрести чувствительность к будущему, к Золотому Пути.

Она проглотила кусок.

— Я не верю в ваш Золотой Путь.

— Если тебе суждено выжить, ты в него поверишь.

— В этом и заключается ваше испытание? Верь в путь Великого Бога Лето или умри?

— Тебе не надо верить в меня во что бы то ни стало. Тебе надо поверить в себя.

— Но тогда зачем мне знать, насколько далеко мы ушли?

— Чтобы понимать, сколько тебе придется идти. Она коснулась рукой щеки.

— Я не...

— Ты сейчас стоишь непосредственно в центре бесконечности. Оглянись и пойми, что такое

бесконечность, в чем ее сокровенный смысл.

Она посмотрела вправо и влево. Вокруг была Пустыня в своей нетронутой величавости.

— Мы пойдем из нашей Пустыни вместе, — сказал он. — Ты и я.

— Вы не пойдете, — зло огрызнулась она.

— Это фигуральное выражение. Но ты пойдешь. В этом я тебя уверяю.

Она посмотрела в направлении, откуда они пришли.

— Вот почему вы спрашивали о следах.

— Если бы даже они сохранились, ты не смогла бы дойти обратно. В Малой Цитадели нет ничего, что помогло бы тебе выжить.

— Даже воды?

— Ничего.

Она отстегнула трубку, отсосала оттуда немного воды и пристегнула трубку на место. Он заметил, с какой тщательностью она запечатала конец трубы, хотя не застегнула клапан рта, но Лето слышал, что отец предупреждал ее об этом. Сиона хотела оставить рот свободным для разговора.

— Вы говорите, что я не смогу бежать от вас, — сказала она.

— Беги, если хочешь.

Она обошла Лето кругом, осматривая пустынную окрестность.

— Есть поговорка об открытой Пустыне, — сказал он. — «Одно направление ничуть не лучше другого». В какой-то степени это верно и сейчас, но для меня это не имеет значения.

— Значит, я не вполне свободна покинуть вас, если захочу?

— Свобода — это довольно одинокое состояние, — заметил Лето.

Она указала на крутой склон дюны, на которой они остановились.

— Но я могу спуститься и...

— Будь я на твоем месте, Сиона, я не стал бы спускаться здесь.

Она посмотрела на него горящим взглядом.

— Почему?

— Если ты не пройдешь по естественным ложбинкам, то песок обрушится и погребет тебя.

Раздумывая над его словами, она задумчиво посмотрела вниз.

— Видишь, какими красивыми могут быть слова? — спросил он.

Она посмотрела ему в лицо.

— Нам надо идти?

— С сего дня ты научишься ценить отдых. И вежливость. Нам некуда спешить.

— Но у нас нет воды, кроме...

— Если ею мудро пользоваться, то защитный костюм сохранит тебе жизнь.

— Но сколько времени нам понадобится, чтобы дойти...

— Твое нетерпение начинает меня тревожить.

— Но у нас есть только этот сухой паек в кармане. Что мы будем есть, когда...

— Сиона, ты не замечаешь, что характеризуешь свое положение, как обоюдное? Что мы будем есть? У нас нет воды. Как мы пойдем? Как долго нам придется идти?

Он почти физически ощущал, как у нее пересохло во рту, когда она попыталась сглотнуть

исчезнувшую слону.

— Значит ли это, что мы взаимозависимы? — спросил он.

Она неохотно заговорила.

— Я не знаю, как тут можно выжить.

— А я знаю?

В ответ она кивнула.

— Но почему я должен делить с тобой это драгоценное знание?

Она пожала плечами, и этот жалкий жест тронул его до глубины души. Как быстро Пустыня меняет прежние отношения.

— Я разделю с тобой свои знания, — сказал он. — Но и ты должна найти что-то стоящее, что сможешь разделить со мной.

Она смерила взглядом его тело, задержавшись на тех местах, где прежде были его ноги, и, переведя взор на лицо Лето, сказала:

— Согласие, купленное ценой угрозы, не есть согласие.

— Я не предлагаю тебе насилие.

— Существует много видов насилия, — сказала она.

— А я доставил тебя сюда, где ты можешь умереть?

— Разве у меня был выбор?

— Это тяжелый жребий — родиться Атрейдесом, — ответил он. — Поверь мне, я знаю.

— Нельзя делать это таким способом, — возразила она.

— Вот в этом ты ошибаешься.

Он отвернулся и по синусоиде спустился с дюны. Через мгновение Лето услышал, как Сиона, скользя и спотыкаясь, последовала за ним. Он остановился в тени дюны.

— Мы переждем здесь до конца дня, — сказал он. — Надо идти ночью, чтобы сэкономить воду.

Одним из самых ужасных слов в любом языке является слово солдат. Вот парад синонимов, прошедший сквозь всю нашу историю: иогахни, патрульный, гусар, караиб, казак, деранзиф, легионер, сардаукар, Говорящая Рыба. Я знаю все синонимы. Вот они стоят, выстроившись в шеренгу в глубинах моей памяти, говоря: Всегда будь уверен, что за тобой сильная армия.

Айдахо наконец встретил Монео в длинном подземном коридоре, соединяющем восточный и западный крылья Цитадели. В течение двух часов после рассвета Айдахо обошел всю Цитадель в поисках мажордома и наткнулся на него в подземелье. Монео разговаривал с кем-то, скрытым за дверью, но мажордома можно было узнать издали по осанке и по заметной белой форме.

Пластоновые стены имели здесь, на глубине около пятидесяти метров, янтарный оттенок и освещались длинными светящимися полосками, которые включались в Дневные часы. Вдоль коридора дул прохладный ветерок, который создавали лопасти нескольких башен, стоявших по периметру Цитадели и похожих на одетые в накидки Фигуры. Сейчас солнце уже нагрело песок, и лопасти развернулись фронтом к северу, чтобы гнать в подземелье прохладный воздух. Айдахо вдыхал кремнистый запах, занесенный сюда из пустыни Сарьира.

Айдахо понимал, что должен символизировать этот Подземный коридор. Он действительно напоминал древний сиетч. Коридор был широким, в нем вполне могла поместиться тележка Лето. Сводчатый потолок выглядел каменным. Но сдвоенные светящиеся полосы создавали некоторый диссонанс. Айдахо никогда не видел полос в Цитадели. В его дни они считались непрактичными: они требовали слишком много энергии и дорогостоящего текущего ремонта. Шаровые светильники были практичнее, дешевле, их было легко заменять. Он, однако, понял, что Лето считал непрактичными немногие вещи.

Кто-то обеспечивает то, что хочет иметь Лето.

Эта мысль приобрела зловещий оттенок, когда Айдахо приблизился к Монео.

Маленькие помещения были расположены в подземелье, как в древнем сиетче. Дверей не было, вход закрывался легкими занавесками, развевавшимися на ветру. Айдахо знал, что здесь живут молодые Говорящие Рыбы. Вот залы сбора, склады оружия, кухня, столовая, магазины. Видел он и многое другое, что не могли скрыть тонкие занавески. Эти зрелища вызывали его ярость.

При приближении Айдахо Монео оглянулся. Женщина, с которой разговаривал Монео, опустила занавеску, но Айдахо успел мельком на нее взглянуть. Это была женщина в солидном возрасте, одна из командиров, но Айдахо не смог вспомнить ее имени.

Монео кивнул, когда Айдахо оказался на расстоянии двух шагов от него.

— Гвардейцы сказали, что ты разыскиваешь меня, — сказал Монео.

— Где он, Монео?

— Где кто?

Монео оглядел фигуру Айдахо с ног до головы. На Дункане была надета старинная форма Атрейдесов — черно-красный ястреб на груди, высокие, начищенные до блеска высокие сапоги. В облике этого человека было что-то торжественно-ритуальное.

Айдахо порывисто вздохнул и процедил сквозь стиснутые зубы:

— Не стоит играть со мной в эти игры!

Монео отвел взгляд от ножа, висевшего в ножнах на поясе Айдахо. С инкрустированной драгоценными камнями рукояткой это оружие выглядело музейным экспонатом. Где только Дункан нашел его?

— Если ты имеешь в виду Бога-Императора... — начал Монео.

— Где?

Монео не сменил интонацию.

— Почему ты так хочешь умереть?

— Мне сказали, что ты был с ним.

— Это было раньше.

— Я найду его, Монео!

— Не сейчас.

Айдахо схватился за нож.

— Мне надо применить силу, чтобы заставить тебя говорить?

— Вот этого я тебе не советую.

— Где... он?

— Ну, если ты так настаиваешь, то могу сказать, что он в Пустыне с Сионой.

— С твоей дочерью?

— Ты знаешь другую Сиону?

— Что они там делают?

— Она проходит свое испытание.

— Когда они вернутся? Монео пожал плечами.

К чему этот излишний гнев, *Дункан*?

— В чем заключается это испытание твоей...

— Я не знаю. Но почему ты так расстроен?

— Меня тошнит от этого места? Говорящие Рыбы! — он с отвращением отвернулся и сплюнул.

Монео посмотрел вдоль коридора, вспомнив, как приближался к нему Айдахо. Зная Дунканов, можно было легко понять причину его ярости.

— Дункан, — сказал Монео, — это совершенно нормально для молодых женщин, как, впрочем, и для молодых мужчин, испытывать чувство полового влечения к Представителям своего пола. Большинство из них перерастет эти влечения.

— Их надо искоренить!

— Это часть нашего наследия.

— Искоренить! И это никакое...

— О, успокойся. Если ты попытаешься искоренить это силой, то порок расцветет еще более пышным цветом.

Айдахо в ярости уставился на Монео.

— И после этого ты говоришь, что не знаешь, что происходит в Пустыне с твоей собственной дочерью?!

— Сиона проходит испытание, я же сказал тебе.

— Но что означает это испытание?

Монео прикрыл глаза руками и вздохнул. Он опустил руки и подумал, что заставляет, себя связываться с этим глупым, опасным и древним человеком.

— Это означает, что она может умереть.

Айдахо отпрянул, гнев его немного остыл.

— Как ты мог допустить?

— Допустить? Ты думаешь, что у меня был выбор?

— Каждый человек может сделать выбор!

Горькая усмешка коснулась губ Монео.

— Как так получилось, что ты оказался глупее всех других Дунканов?

— Других Дунканов! — повторил Айдахо. — Как умирали эти другие, Монео?

— Так, как мы все умираем. Они выпадали из связки времен.

— Ты лжешь. — Айдахо цедил слова сквозь стиснутые зубы, костяшки пальцев руки, сжимавшей рукоять ножа, побелели.

Монео продолжал говорить мягко и вкрадчиво:

— Берегись. У меня тоже есть границы терпения, особенно сейчас.

— Это гнилое место! — крикнул Айдахо. Он обернулся и окинул взглядом коридор. — Там происходят вещи, которые я не могу принять!

Монео невидящим взглядом посмотрел в ту же сторону.

— Ты должен повзрослеть, Дункан. Должен.

Рука Айдахо застыла на рукоятке ножа.

— Что ты хочешь этим сказать?

— Сейчас очень неустойчивое время. Всего, что может вызвать его волнение, надо всячески избегать... этого просто нельзя допустить.

Айдахо с трудом удерживался от того, чтобы не ударить мажордома. Его удерживало нечто загадочное в поведении Монео. Однако были сказаны слова, которые нельзя было пропускать мимо ушей.

— Я не незрелый ребенок, как ты, может быть...

— Дункан! — Монео впервые повысил голос почти до крика. От неожиданности Айдахо выпустил из руки нож, а Монео продолжал: — Если твоя плоть стремится к зрелости, но что-то удерживает ее, то на этой почве развиваются отклонения в поведении. Иди.

— Ты... обвиняешь... меня... в?..

— Нет! — Монео указал рукой вдоль коридора. — О, я знаю, что ты там видел, но это...

— Две женщины, слившиеся в страстном поцелуе! Ты думаешь, что это не...

— Это действительно не важно. Юность пробует свою силу множеством способов.

Айдахо, едва сдерживая себя, качнулся вперед на носках.

— Очень рад узнать это о тебе, Монео!

Да, это очень хорошо, но я тоже узнавал кое-что и о тебе, причем несколько раз.

Монео с наслаждением следил, какое действие оказали на Айдахо его слова. Дункан был потрясен. Гхола никогда не могут избавиться от чар того, что делали до них Другие гхола.

Айдахо заговорил хриплым шепотом:

— И что же ты узнал?

— Ты научил меня одной очень ценной вещи, — сказал Монео. — Все мы стремимся реализоваться, но если что-то тормозит нас, то мы ищем выхода в боли — мы или ищем ее для себя, или причиняем ее другим. Особенно уязвимы в этом отношении подростки.

Айдахо вплотную приблизился к Монео.

— Я говорю о сексе!

— Конечно.

— Ты обвиняешь меня в том, что я подросток...

— Да, это так.

— Я перережу тебе...

— Заткнись!

В голосе Монео не было нюансов Голоса Бене Гессерит. но в нем была привычка повелевать, и Айдахо подчинился.

— Прости, — сказал Монео. — Но я очень расстроен из-за того, что моя единственная дочь... — он осекся и пожал плечами.

Айдахо дважды глубоко вздохнул.

— Вы все здесь сошли с ума! Ты говоришь, что твоя дочь может умереть и, однако...

— Ты глупец! — рявкнул Монео. — Ты что, не понимаешь, что мне нет никакого дела до твоих мелких забот! Твои глупые вопросы и твои эгоистичные... — он печально тряхнул головой.

— Я прощаю тебя, потому что у тебя личные проблемы, — сказал Айдахо, — но если ты...

— Прощаешь! Ты меня прощаешь? — Монео задрожал от ярости. Это было уже слишком!

Но Айдахо упорствовал.

— Я могу простить тебя за...

— Ты! Болтаешь о сексе, прощении и боли и... ты думаешь, ты и Хви Нори...

— Не смей о ней говорить!

— О да. Она не имеет к этому никакого отношения! Ты занимаешься с ней сексом и не думаешь с ней расставаться. Скажи мне, глупец, как ты можешь что-то дать перед лицом этого?

Ошарашенный Айдахо глубоко вздохнул. Он не предполагал, что вечно мягкий и спокойный Монео способен на такой страстный монолог. Но это нападение, эта атака, это не могло быть...

— Ты думаешь, что я жесток? — спросил Монео. — Я просто заставляю тебя думать о тех вещах, которых ты попросту избегаешь. Ха! Более жестокие вещи делались в отношении Господа Лето только из одной жестокости.

— Ты защищаешь его? Ты...

— Я лучше его знаю!

— Он использует тебя!

— Для какой цели?

— Об этом мне скажешь ты!

— Он наша единственная надежда остаться в веках...

— Извращенец не может остаться в веках!

Монео снова заговорил спокойно, но его слова потрясли Айдахо.

— Я скажу тебе это только один раз. Гомосексуалисты были среди самых лучших воинов в нашей истории, это были берсерки, неистовые в бою. Они были среди лучших священников и жриц. Требование безбрачия не случайно в истории религии. Не случайно и то, что из недозревших подростков получаются лучшие солдаты.

— Это извращение!

— Совершенно верно! Военные начальники на протяжении многих столетий знали, что извращенное влечение превращается в боль.

— Именно этим и занимается Великий Бог Лето?

Монео так же мягко ответил:

— Насилие, предполагает, что ты навлекаешь боль и страдаешь от нее. Насколько лучше управлять войском, которое движимо этим древнейшим инстинктом.

— Он и из тебя сделал чудовище!

— Ты предположил, что он использует меня, — сказал Монео. — Я допускаю это, потому что знаю, что цена, которую он платит, намного больше, чем та, что он требует с меня.

— Даже твою dochь?

— Он ничего не получит за это. Почему должен получить я? О, я думаю, ты понимаешь, что значит быть Атрейдесом. Дунканы всегда были хороши в этом.

— Дунканы! Будь ты проклят, я не буду...

— У тебя просто не хватает духу платить цену, которую он просит, — сказал Монео.

Молниеносным движением Айдахо выхватил из ножен кинжал и бросился на Монео. Как ни быстро он двигался, Монео оказался быстрее — он отступил в сторону И, выполнив подсечку, толкнул Дункана, который лицом вниз полетел на пол. Он лежал на полу, медленно осознавая, что только что напал на Атрейдеса. Монео был Атрейдесом. Потрясение сделало Айдахо неподвижным.

Монео стоял и молча смотрел сверху вниз на лежащего Айдахо. В лице мажордома была невыразимая печаль.

— Если ты хочешь убить меня, Дункан, то лучше бей меня тайком в спину. Тогда, может быть, ты достигнешь успеха.

Айдахо поднялся на одно колено и застыл в этом положении. все еще сжимая нож. Монео двигался так легко, так грациозно... так., небрежно! Айдахо откашлялся.

— Как ты сумел...

— Он очень долго тренировал нас, Дункан, укрепляя в нас силу и ловкость. Он сделал нас быстрыми, умными, способными к самоограничению, понятливыми. Ты... ты просто устаревшая модель.

Знаете ли вы, что чаще всего утверждают повстанцы? Они говорят, что их мятеж неуязвим для экономической войны, поскольку они не имеют собственной экономики, а паразитируют на тех, кого собираются ниспровергнуть. Эти глупцы просто не в состоянии понять, какой монетой им неизбежно приходится платить. Такая картина повторяется из века в век с дегенеративной неумолимостью. Вы можете наблюдать ее в рабовладельческих обществах, в преуспевающих странах с кастовой организацией государства, в странах с социальной бюрократией — короче, в любой системе, где имеется зависимость. Слишком долгий паразитизм приводит к необходимости формирования образа врага.

Лето и Сиона весь день пролежали в тени дюны, передвигаясь лишь вслед за солнцем. Он учил ее, как защититься от зноя, зарывшись в песок; в тени дюн никогда не бывает по-настоящему жарко.

Но второй половине дня Сиона прижалась к Лето в поисках тепла — девушка начала мерзнуть, а Лето буквально источал тепло.

Временами они разговаривали. Лето рассказывал Сионе о благодатных фрименских обычаях, которые некогда царили и этой Пустыне. Она же пыталась приобщиться к его тайным знаниям.

Раз он сказал ей:

— Это может показаться тебе весьма странным, но именно здесь, в Пустыне, я в наибольшей степени чувствую себя человеком.

Его слова не произвели на девушку должного эффекта, она так и не поняла своей человеческой уязвимости, не осознала, что может умереть в этой Пустыне. Даже когда они молчали, Сиона не закрывала лицевой клапан, оставляя открытым рот.

Лето понимал подсознательную мотивацию такого упрямства, но не стал ничего говорить, сознавая бесполезность такого директивного поведения.

Поздним вечером, когда в долину вполз ночной холод, Лето начал развлекать Сиону песнями Золотого Пути, которые не сохранило Устное Предание. Ему доставило удовольствие, что девушке понравился «Марш Лиета».

Это действительно очень древняя песня — она родилась в ту эпоху, когда люди еще не летали с планеты на планету, а жили на старой добре Земле. — Вы не споете ее еще раз?

Для исполнения Лето выбрал лучший баритон давно умершего артиста, выступления которого некогда проходили в неизменно переполненных залах.

Далекого прошедшего стена Спасет от диких вод меня, Которые неслись потоком! Источников стремительных игр Пещеры роет в глине дна Под вод крутящим током.

Когда Лето закончил петь, Сиона некоторое время молчала, потом удивилась:

— Это очень странная для марша песня.

— Она нравилась им, потому что ее можно было понять, так сказать, расчленить.

— Расчленить?

— Еще до того, как наши фрименские предки явились на эту планету, ночь была временем для рассказов историй, пения и чтения стихов. Во дни Дюны, однако, все это делалось уже в искусственном мраке, в темноте пещер с иетчей. Ночью же люди могли выйти из пещер и передвигаться... вот как мы с тобой.

— Но вы сказали «расчленить».

— Что означает эта песня?

— О, ну... это просто песня.

— Сиона!

Она услышала в его голосе гневные нотки и промолчала.

— Эта планета — дитя Червя, — предупредил он ее, — а Червь — это я.

Она ответила с поразительной беззаботностью:

— Объясните мне, что значит эта песня.

— Насекомое имеет не больше свободы в своем муравейнике, чем мы в своем прошлом. Пещеры были вырыты здесь, а послания писались вихрями песка.

— Я предпочитаю танцевальные песенки, — сказала Сиона.

Это был очень дерзкий ответ, но Лето воспользовался им для перемены темы разговора. Он рассказал ей о свадебных танцах фрименов, которые возникли под влиянием дьявольской пляски песка в бурю. Лето был горд своим умением рассказывать истории. По ее жадному вниманию было видно, что Сиона явственно представляет себе, как танцуют фрименские женщины, откинув назад длинные черные волосы, обрамляющие их давно мертвые лица.

Лето замолчал, когда над Пустыней сгостились ночные сумерки.

— Пойдем, — сказал он. — Утро и вечер — время силуэтов. Мы посмотрим, кто еще разделит с нами нашу Пустыню.

Вслед за Лето Сиона поднялась на гребень дюны и взгляделась в темнеющий пейзаж. Высоко над их головами парила какая-то птица, внимание которой они привлекли. По форме распластанных крыльев и по их расщепленным концам Лето понял, что это гриф. Он показал его Сионе.

— Чем он питается? — спросила она.

— Падалью или издыхающими животными, — ответил Лето.

Ответ поразил ее, и она внимательно взгляделась в маховые перья птицы, на которые падал отблеск заходящего солнца.

Лето продолжал говорить.

— Иногда в мой Сарыр заглядывают люди. Временами сюда забредают музейные фримены и... пропадают. Они и в самом деле пригодны только для ритуалов. Есть тут окраины Пустыни и остатки того, что не тронули мои волки.

При этих словах Сиона отвернулась, но Лето успел заметить сильную страсть, которая снедала девушку. Это было суровым испытанием для Сионы — ей стало больно.

— Дневная Пустыня беспощадна, в ней мало благодати, — продолжал Лето. — Есть и еще одна причина, по которой здесь было принято путешествовать ночью. Для фримена образом дня были песчаные бури, которые заметали все следы.

Когда Сиона снова обернулась к Лето, ее лицо было собранным и решительным, хотя в глазах блестели слезы.

— Кто обитает в Пустыне сейчас? — спросила она.

— Грифы, некоторые ночные твари, остатки растительной жизни, грызуны в норах.

— И это все?

— Да.

— Почему?

— Потому что все они рождены здесь, и я позволил им не знать ничего лучше.

Было уже почти совсем темно, когда в Пустыне засветилось яркое зарево. Лето внимательно изучал Сиону, понимая, что она не осознала еще тайного смысла того, что он сказал ей. Но, может быть, думал он, этот таинственный свет скажет ей все, растравив ее душевные раны.

— Силуэты, — напомнила она Лето его слова. — Что вы ожидаете открыть, взойдя наверх?

— Может быть, мы увидим людей, — ответил он. — Никогда нельзя знать заранее.

— Каких людей?

— Я уже говорил тебе.

— Что бы вы стали делать, если бы увидели их?

— У фрименов был обычай рассматривать всех неожиданно появившихся в поле зрения людей, как врагов, до тех пор, пока они не совершили ритуал: не подбрасывали вверх песок.

Пока он говорил, на Пустыню, словно плотный занавес, пал непроглядный мрак.

— Песок? — недоуменно переспросила Сиона.

— Подброшенный вверх песок — это жест, обладавший глубоким смыслом. Он говорил: песок — наш единственный враг. А вот что мы пьем. Рука, держащая песок, не держит оружия. Ты поняла?

— Нет! — она дразнила его своей фальшивой бравадой.

— Ничего, поймешь, — сказал он.

Не говоря ни слова, она направилась от него по кривизне дюны, Сиона шла быстро; гнев вызвал всплеск энергии. Лето отстал, наблюдая за девушкой. Интересно, что она совершенно инстинктивно выбрала верное направление. В ней была жива закваска фрименской памяти.

Там, где дюна переходила в другую, образовав ложбину, Сиона остановилась, чтобы подождать Лето. Он заметил, что клапан защитного костюма Сионы по-прежнему открыт и свободно болтается. Пока еще не время ругать ее за это. Некоторые подсознательные процессы должны течь своим чередом.

Когда он приблизился к ней, Сиона спросила:

— Это направление лучше других?

— Да, если ты идешь по нему, — ответил он.

Она подняла к небу глаза и посмотрела на Стрелу, Древнее созвездие, которое выводило на правильный путь ее Фрименских предков, путников Пустыни. Он видел, однако, что ее восприятие созвездия было чисто интеллектуальным. Она не поняла сил, которые уже действовали в ней и направляли ее.

Лето приподнял над землей свои передние сегменты и взгляделся в свет звезд. Они с Сионой двигались на северо-запад, по тропе, которая некогда вела по хребту Хаббанья и Пещере Птиц в эрг у подножия Западной Ложной Стены и далее к Ветреному Перевалу. Ничего не осталось от этих древних ориентиров. Он вдохнул прохладный воздух, отдававший запахом кремния. Влажность была высокой, и это не доставило ему удовольствия.

Сиона опять двинулась вперед, оторвавшись от Лето. Она шла, изредка поглядывая на звезды. Она доверяла Лето как проводнику, но дорогу прокладывала сама. Он чувствовал сумятицу ее мыслей и знал, что вообще происходит в ее сознании. Она впервые в жизни научилась доверять своим спутникам — таков был непреложный закон жизни кочевников Пустыни.

Мы знаем, *думал он*, что если ты оторвешься от своих товарищ, то пропадешь в песках и скопах. Одинокий путник в Пустыне — это мертвец. Только Червь может в одиночку выжить в Пустыне.

Он позволил ей уйти далеко вперед, где песок от его передвижения поднимался не слишком высоко. *Она должна думать обо мне как о человеке*, подумал он. Он надеялся, что, поверив ему, она станет действовать заодно с ним, помогать ему. Сиона была хрупким созданием, однако в ней еще не перекипела ярость. Такой убежденной мятежницы Лето еще не встречал.

Лето скользил по песку и обдумывал продолжение селекционной программы, размышая о возможной замене Сионы в случае, если она потерпит неудачу и не выдержит испытания.

Время шло, и Сиона двигалась вперед все медленнее и медленнее. Первая Луна была еще высоко, а Вторая только поднялась над горизонтом, когда Сиона остановилась, чтобы отдохнуть и поесть.

Лето был очень рад этой паузе. Трение о песок создавало господство Червя, воздух вокруг него был наполнен химическими продуктами температурной фабрики исполненного организма Лето. То, что он считал своим кислородным зарядным устройством, работало устойчиво, и он чувствовал и осознавал, как синтезируются в его организме белки и аминокислоты, необходимые для питания его человеческих клеток. Движение по Пустыне приближало его к окончательному метаморфозу.

Сиона остановилась возле гребня звездной дюны.

— Это правда, что вы едите песок? — спросила она.

— Да, это правда.

Она посмотрела на пейзаж, застывший в призрачном свете луны.

— Почему мы не взяли с собой сигнальное устройство?

— Я хотел, чтобы ты узнала кое-что об обладании.

Она повернула к нему свое лицо, и он ощущал на своем лице ее дыхание. Она теряет слишком много влаги в сухом воздухе. Однако она так и не вспомнила напутствия Монео. Это будет, без сомнения, горький урок.

— Я совсем вас не понимаю, — сказала она.

— Но ты должна сделать именно это.

— Должна?

— Как еще сможешь ты дать мне что-то ценное в обмен на то, что даю тебе я?

— А что вы мне даете? — в вопросе прозвучала горечь, подогретая небольшой дозой меланжи в пище.

— Я даю тебе возможность побывать наедине со мной, разделить мое общество, но ты проводишь это время беззаботно. Ты попросту его теряешь.

— Что вы хотели сказать об обладании?

Он услышал усталость в ее голосе. Нехватка воды уже кричала в ней полным голосом.

— В старые времена эти фримены были на удивление жизнестойкими людьми, — ответил он. — Их взгляды на прекрасное ограничивались необходимыми для жизни вещами. Я никогда не встречал жадного фримена.

— И что это должно значить? — осведомилась Сиона.

— В старые времена фримен брал с собой в Пустыню то, что было ему необходимо, но больше не брал ничего. Твоя жизнь еще не свободна от собственности, коли ты спросила о сигнальном устройстве.

— Но почему нет необходимости в сигнальном устройстве?

— Потому что оно ничему тебя не научит.

Он проскользнул вперед вокруг Сиона и направился по пути, который указывала Стрела.

— Идем, надо использовать с толком ночное время.

Она торопливо пошла рядом с ним.

— А что будет, если я не усвою этот ваш проклятый урок?

— Вероятно, ты умрешь.

Этот ответ на некоторое время заставил ее замолчать. Она продолжала идти рядом с ним, периодически заглядывая ему в лицо. Ее перестало интересовать его тело червя — она помнила теперь только о его человеческой сути. По прошествии некоторого времени она спросила:

— Говорящие Рыбы сказали мне, что я родилась от спаривания, которое было произведено по вашему приказу.

— Это правда.

— Они говорят, что вы ведете записи и заказываете скрещивания между Атрейдесами по какому-то своему плану.

— Это тоже правда.

— Значит, Устное Предание верно.

— Мне казалось, что ты веришь Устному Преданию безоговорочно и без размышлений.

Однако Сиону трудно было сбить с раз выбранного пути.

— Но что будет, если кто-нибудь из нас откажется от такого спаривания по заказу?

— Я допускаю некоторые отклонения, поскольку имеется достаточно большое количество детей, зачатых по моему приказу.

— По приказу? — Сиона была в ярости.

— Да, я поступаю именно так — приказываю.

— Но не можете же вы вползти в каждую спальню или следить за нами каждую минуту нашей жизни! Откуда вы знаете, что ваши приказы исполняются?

— Знаю.

— Значит, вы знаете, что я не собираюсь вам подчиняться!

— Тебе не хочется пить, Сиона? Она была озадачена.

— Что?

— Когда люди хотят пить, они говорят о воде, а не о сексе.

Однако Сиона так и не застегнула клапан, и он подумал: Атрейдесы всегда испытывают сильные страсти, даже если это противоречит здравому смыслу.

Через два часа они вышли из дюн на открытый выветренный участок, устланный галькой. Лето скользнул на камни, Сиона шла рядом с ним, часто поднимая глаза к Стреле. Обе луны стояли низко над горизонтом, отбрасывая длинные тени от камней.

Скользить по таким местам Лето было даже удобнее, чем по песку. Твердая порода была лучшим проводником тепла, нежели песок. Можно было распластаться на камнях и экономить энергию своего внутреннего химического завода. Галька и даже крупные камни не могли причинить Лето травму.

Сионе, напротив, было труднее, она пару раз чуть не вывихнула себе лодыжку.

Плоскогорье — очень тяжелое место для непривычного человека, подумал Лето. Чем ближе к земле, тем страшнее. Человек видит только великую пустоту, зловещий пейзаж, особенно в лунном свете — вдали дюны, причем, сколько бы ты ни шел, расстояние до них кажется неизменным, а вокруг ничего, кроме вечного ветра, нескольких камней и при взгляде вверх — безжалостные звезды. То была пустыня Пустыни!

— Именно здесь музыка фрименов стала символом вечного одиночества, — сказал Лето, — здесь, а не в дюнах. Именно здесь в полной мере познаешь, что небо должно быть источником воды и облегчения, любого облегчения — лишь бы не было этого бесконечного, нескончаемого ветра.

Даже это не заставило Сиону вспомнить о клапане. Лето начал приходить в отчаяние.

Утро застало их в самом центре плоскогорья.

Лето остановился возле трех больших камней, приваленных друг к другу. Один из них был выше его спины. Сиона легла, прислонившись к Лето, что снова исполнило его надеждой. Словно опомнившись, она отпрянула и прислонилась к одному из камней. Потом он видел, как она взобралась на камень и осмотрела горизонт.

Лето и без этого знал, что она видит. Поднятый ветром песок, закрывающий ландшафт и затмевающий восходящее солнце. В остальном все то же — равнина и ветер.

Камень, на котором лежал Лето, был холодным в прохладе утра. Холод высушил воздух, что принесло Лето необычайное наслаждение. Не будь Сионы, он двинул бы дальше, но девушка была явно измотана. Она снова прислонилась к нему и пролежала около минуты, пока он не понял, что она прислушивается.

— Что ты слышишь? — спросил он.

— У тебя внутри что-то рокочет, — сонным голосом ответила она.

— Огонь внутри меня никогда не гаснет полностью.

Это заинтересовало ее. Она встрепенулась и заглянула ему в глаза.

— Огонь?

— У каждого живого существа внутри горит огонь, — сказал Лето. — У одних он медленный, у других быстрый. Но мой горячее, чем у всех других.

Стараясь согреться, Сиона обхватила себя руками.

— Тебе не холодно здесь? — спросила она.

— Нет, но я вижу, что холодно тебе, — сказал он.

Лето спрятал лицо в складку кожи и поманил Сиону в карман, который образовался в его верхнем сегменте.

— Здесь почти как в гамаке, — произнес он, глядя на Сиону снизу вверх. — Если ты залезешь сюда, то согреешься.

Она, не колеблясь, приняла его приглашение.

Хотя он и был готов к этому, но этот жест доверия растрогал Лето. Ему пришлось бороться с жалостью, равной которой он никогда не испытывал до своего знакомства с Хви. *Здесь не может быть места жалости*, сказал он себе Выло все больше признаков того, что Сиона умрет, и надо было подготовить себя к великому разочарованию.

Сиона прикрыла глаза рукой и тихо уснула.

Ни у кого в мире не было столько вчера, как у меня, *напомнил себе Лето*.

С обычной человеческой точки зрения то, что он сейчас делал, было неприкрытой жестокостью. Ему пришлось укрепить себя, погрузившись в закоулки памяти и намеренно выбрав ошибки *нашего общего прошлого*. Непосредственный доступ к ошибкам человечества был сейчас наилучшим способом укрепить себя. Знание ошибок учило его делать долгосрочные исправления. Ему всегда приходилось думать о последствиях. Если последствий не было, то урок можно было считать пропавшим даром.

Однако чем ближе подходило время окончательной трансформации в Червя, тем тяжелее давались ему решения, которые можно было назвать негуманными. Когда-то он очень легко принимал такие решения. Однако чем больше он становился Червем, тем больше одолевали его человеческие заботы.

Словно в колыбели нашего прошлого, я лежу в пещере. Вход в нее столь узок, что я с большим трудом смог притиснуться туда, и вот я лежу на спине и в неверном пляшущем свете смоляного факела рассматриваю на стенах и потолке запечатленных на них диких зверей и души охотников. Души людей моего народа. Как это освещает дух, когда оглядываешься на совершенный круг, на схваченный момент духа. Все мое время трепещет от этого зова: «Я здесь!» Я знаю о великих мастерах живописи последующих веков, но все же с восхищением смотрю на творения ума и мышц, нанесенные на стены тесной пещеры углем и растительными красками. Насколько же мы больше чем простые механические машины! И мое существо, не приемлющее цивилизации, восклицает: «Почему они не хотят покидать пещеру?»

Приглашение от Монео явиться к нему в рабочий кабинет Айдахо получил поздним вечером. Весь день он сидел на подвесном диване в своей квартире и размышлял. Каждая мысль неизбежно заканчивалась воспоминанием о том, как легко Монео расправился с ним в подземном коридоре.

Ты просто устаревшая модель.

Чем больше Айдахо думал, тем более униженным он себя чувствовал. Воля к жизни постепенно угасала, а на месте бушевавшей, как пожар, ярости оставался лишь холодный пепел.

Я просто хранилище полезной спермы и ничто более, думал он.

Эта мысль вела либо к смерти, либо к гедонизму. Он чувствовал, что его пронзили шипами случайностей, которые подстерегали его на каждом шагу, нанося раздражающие уколы.

Юная вестница в отлично пригнанной синей униформе была еще одним таким раздражителем. Девушка вошла в его апартаменты, услышав произнесенное тихим голосом: «Войдите», и остановилась в дверях, не решаясь пройти в комнату, не будучи уверенной, в каком настроении пребывает Айдахо.

Как быстро распространяется молва, подумал он.

А вот она стоит в дверном проеме — воплощение сущности Говорящей Рыбы — такая же соблазнительная, как и другие, но не откровенно сексуальная. Синяя форма не скрывала красивых бедер и крепких грудей. Красивое лицо обрамляли светлые волосы — стрижка вестовой.

— Монео послал меня узнать, что с вами, — сказала она. — Он просит вас прийти к нему в рабочий кабинет.

Айдахо несколько раз бывал в этом кабинете, но лучше всего запомнил свое первое посещение. Тогда он с первого взгляда понял, что именно в этом помещении Монео проводит большую часть своего времени. Посередине кабинета стоял стол из темно-коричневого дерева с золотыми инкрустациями, окруженный серыми подушками. Этот низкий стол поразил воображение Айдахо — это была очень дорогая вещь, сделанная по специальному заказу. Серые стены, серые подушки и потолок. Все. Больше в комнате не было никакого убранства.

Учитывая власть хозяина кабинета, можно было бы сказать, что помещение было очень мало, не больше двадцати квадратных метров, но потолки были очень высокими. Впечатляли и размеры стола — два метра на один. Свет проникал в кабинет через два продолговатых окна, расположенных на противоположных узких стенах. Расположенные на значительной высоте, окна выходили: одно на северо-западные предместья Сарыра и опушку Запретного Леса, из другого были видны медленно катящиеся ют-западные дюны.

Контраст.

Стал придал интересное направление первоначальным мыслям. Поверхность стола, словно преднамеренно, создавала впечатление беспорядка. Листы кристаллической бумаги были разбросаны по столу, из-под них лишь кое-где проглядывала полированная деревянная поверхность. Некоторые листы покрывал красивый мелкий шрифт. Айдахо распознал несколько листов, заполненных на галахском и четырех других языках, включая редкий в обиходе язык Перта. Несколько листов были испещрены какими-то набросками и эскизами, другие покрыты крупным почерком, характерным для воспитанниц Бене Гессерит. Самым интересным было несколько белых трубок длиной около метра — распечатки нелегального компьютера. Айдахо подумал, что терминал находится за панелью одной из стен.

Посланница Монео откашлялась, чтобы привлечь внимание Айдахо, погрузившегося в свои думы.

— Что мне передать Монео? — спросила она.

Айдахо посмотрел на ее лицо.

— Ты хочешь, чтобы я тебя осеменил? — спросил он.

— Командир! — она была, очевидно, шокирована не столько самим предложением, сколько его неуместностью в данной ситуации.

— Ах да, — проговорил Айдахо. — Монео. Что мы скажем Монео?

— Он ждет вашего ответа, командир.

— Есть ли какой-то смысл в том, что именно я отвечу? — спросил он.

— Монео велел мне проинформировать вас о том, что хочет поговорить одновременно с вами и с госпожой Хви.

Айдахо на мгновение стало интересно.

— Хви у него?

— Он вызвал ее, командир, — вестница снова откашлялась. — Командир желает, чтобы я пришла к нему позже?

— Нет, но тем не менее спасибо. Я передумал.

Ему показалось, что она сумела хорошо скрыть свое разочарование, но голос ее прозвучал натянуто и официально, когда она осведомилась:

— Я могу передать Монео, что вы приедете?

— Можешь, — жестом он отпустил девушку.

Когда она ушла, он подумал было проигнорировать это приглашение. Однако в нем тут же взыграло любопытство. Монео хотел поговорить с ним в присутствии Хви? Почему? Не думал ли он, что из-за этого Айдахо вздумает бежать? Он судорожно сглотнул. Вспомнив Хви, он ощутил в груди абсолютную пустоту. Такое приглашение нельзя игнорировать. С Хви его связали какие-то нерасторжимые узы.

Он встал, чувствуя, как от долгого сидения занемели мышцы. Его гнали вперед любопытство и желание увидеть Хви. Он прошел по коридору, не обращая внимания на любопытные взгляды Говорящих Рыб, гонимый любопытством, в кабинет Монео.

Когда Айдахо вошел в кабинет, Хви уже была там. Она сидела за заваленным бумагами столом Монео напротив хозяина кабинета. Ноги в красных сандалиях виднелись с краю подушки, на которой она сидела. Айдахо успел заметить, что на Хви надето длинное коричневое платье, перепоясанное витым шнуром. Она обернулась, и теперь он видел только ее лицо. Она беззвучно произнесла его имя.

Даже она уже все знает, подумал он.

Как ни странно, эта мысль придала ему сил. В его мозгу начали рождаться новые формы.

— Прошу тебя, Дункан, садись, — произнес Монео. Он указал рукой на подушку рядом с Хви. Он говорил странным, отчужденным тоном, не допускавшим сближения. Этот тон слышали от него лишь немногие люди, не считая Лето. Взгляд его был направлен на находящийся в обычном беспорядке стол. Позднее предзакатное солнце отбрасывало на весь этот беспорядок похожую на паутину тень от золотого пресс-альпье, выполненного в виде дерева, увешанного плодами из драгоценных камней.

Айдахо сел, чувствуя, как Хви следит за ним взглядом. Потом она посмотрела на Монео, и Айдахо уловил выражение гнева в ее глазах. Монео был одет в свою обычную белую форму, расстегнутый ворот которой открывал морщинистую шею и двойной подбородок. Айдахо смотрел на Монео и молчал, ожидая, когда мажордом сам раскроет свои карты, первым начав разговор.

Монео тоже посмотрел в глаза Айдахо, отмстив про себя, что на нем надета та же черная форма, в которой он сегодня напал на Монео в коридоре. На мундире осталась даже грязь после падения Айдахо на пол. Однако ножа при Дункане не было, и это обеспокоило Монео.

— То, что я сделал сегодня утром, — непростительно, поэтому я не приношу тебе своих извинений, я просто прошу меня правильно понять.

Хви нисколько не удивилась такому началу разговора. Следовательно, они кое-что успели обсудить,

пока ждали его.

Айдахо ничего не ответил, и Монео продолжал:

— Я не имел права дать тебе почувствовать твою неадекватность.

Айдахо почувствовал, что в ответ на манеры и слова Монео в нем происходит любопытный метаморфоз. Чувство того, что его обошли и что он остался в далеком старом времени, осталось, но он перестал подозревать, что служит игрушкой в руках Монео. Мажордом в глазах Айдахо превратился в воплощенную честность. Это понимание поставило вселенную Лето, дикий эротизм Говорящих Рыб, искренность Хви в новые отношения, в форму, которая становилась с каждой минутой все более понятной Айдахо. Было такое впечатление, что они трое, собравшиеся в этой комнате, были последними истинными представителями рода человеческого во всей вселенной Он заговорил с чувством неуклюжего самоосуждения.

Ты имел полное право защищаться, когда я напал на тебя. Я очень рад, что ты сумел дать мне достойный отпор.

Айдахо повернулся к Хви, но прежде чем он успел заговорить, Монео сказал:

— Тебе не стоит просить за меня. Думаю, ее недовольство мною непоколебимо.

Айдахо отрицательно покачал головой.

— Может ли кто-нибудь знать, что я хочу сказать прежде, чем я произнесу эти слова, и может ли кто-нибудь сказать, что я чувствую, прежде, чем я это почувствую?

— Это твое замечательное качество, — проговорил Монео. — Ты не скрываешь своих чувств. Мы, — он пожал плечами, — более осмотрительны в силу необходимости.

Айдахо посмотрел на Хви.

— Он говорит за тебя?

Она взяла своей рукой руку Айдахо.

— Я сама говорю за себя.

Монео наклонился вперед, увидел, что его гости держатся за руки, вздохнул и откинулся назад.

— Вы не должны этого делать.

В ответ Дункан лишь крепче взялся за руку Хви. она ответила ему тем же.

— Хочу предупредить ваш вопрос, — сказал Монео. — Моя дочь и Бог-Император еще не вернулись с испытания.

Айдахо почувствовал, каким усилием волн Монео заставляет себя говорить спокойно. Хви тоже услышала это.

— Верно ли то, что утверждают Говорящие Рыбы? — спросила она. — Они говорят, что Сиона умрет, если не выдержит испытания.

Монео ничего не ответил, но лицо его окаменело.

— Это похоже на испытание Бене Гессерит? — спросил Айдахо. — Муад'Диб говорил, что Община Сестер Испытывает своих членов, чтобы узнать, люди ли они.

Рука Хви задрожала. Почекувствовав это, Айдахо посмотрел на нее.

— Они испытывали тебя?

— Нет, — ответила Хви, — но я слышала, как молодые девушки рассказывали об этом. Они говорили, что их заставляли пройти через неслыханные муки и не потерять при этом чувства собственного «я».

Айдахо перевел взгляд на Монео и заметил, что у того дергается левый глаз.

— Монео, — проговорил Айдахо, который внезапно все понял. — Он же испытывал тебя!

— Я не хочу обсуждать это испытание. Мы собирались здесь не для этого, а для того, чтобы решить, что делать с ими.

— Разве это не наше личное дело? — спросил Айдахо, Он почувствовал, как вспотела ладонь Хви.

Это дело Бога-Императора, — сказал Монео.

— Даже если Сиона не выдержит испытания?

— Особенно в этом случае!

Как он испытывал тебя? — спросил Айдахо.

— Он показал мне лишь небольшую часть того, что значит быть Богом-Императором.

— И?

— Я увидел столько, сколько смог.

Хви судорожно сжала руку Айдахо.

— Значит, это правда, что когда-то ты был мятежником, — произнес Айдахо.

— Я начал с любви и молитвы, — заговорил Монео. — Потом пришли гнев и восстание. Я стал тем, кого вы сейчас видите перед собой, когда понял свой долг и стал исполнять его.

Что он сделал с тобой? — не отставал Айдахо.

— Он произнес мне молитву моего детства: «Я отдам свою жизнь во славу Нога», — сказал задумчиво Монео.

Айдахо заметил, что Хви оцепенела и внимательно смотрит в лицо Монео. О чем она думает?

Я прижал, что это действительно была моя молитва, — сказал Монео. — Тогда Бог-Император спросил меня, что и отдам, если будет недостаточно одной моей жизни. Он крикнул мне: «Что значит твоя жизнь, если ты получишь куда больший дар?»

Хви кивнула, однако Айдахо почувствовал лишь растерянность.

Я смог ощутить истину в его голосе, — сказал Монео.

Ты — Вещающий Истину? — спросила Хви.

Когда во мне просыпается сила отчаяния, — да, — ответил Монео. — Но только тогда, Я клянусь вам, что он говорил мне правду.

— Некоторые Атрейдесы обладают Голосом, — пробормотал Айдахо.

Монео отрицательно покачал головой.

— Нет, это была истинная правда. Он сказал мне: «Я смотрю на тебя и если бы мог плакать, то плакал бы. Пусть же твое желание станет твоим поступком!»

Хви поджалась вперед, почти коснувшись стола.

— Он не может плакать?

— Песчаный червь, — пробормотал Айдахо.

— Что? — Хви обернулась к нему.

— Фримены убивали песчаных червей водой. Когда червь тонул, он выделял Пряность, которую использовали для религиозных оргий.

— Но Господь Лето еще не совсем Червь, — сказал Монео, Хви снова села на подушку, продолжая во все глаза смотреть на мажордома.

Размышая, Айдахо сжал губы. Запрещал ли Лето плакать, следуя фрименской традиции? Как ненавидели фримены такую бесполезную трату воды. Отдавать воду мертвым.

Монео обратился к Айдахо:

— Я надеялся, что ты сможешь все понять. Так сказал Господь Лето. Ты и Хви должны расстаться и никогда больше не встречаться.

Хви высвободила руку.

— Мы знаем.

Айдахо заговорил с горьким возмущением:

— Мы знаем силу его власти.

— Но ты не понимаешь его, — сказал Монео.

— Я не хочу большего, чем есть, — сказала Хви и положила руку на плечо Айдаху, успокаивая его. — Нет, Дункан, нашим личным желаниям здесь нет места.

— Может быть, тебе стоит умолить его, — сказал Дункан.

Она обернулась и долго, пока он не опустил взгляд, смотрела на него. Когда она заговорила, в голосе ее прозвучали баюкающие интонации, которых он раньше не слышал в ее речи.

— Мой дядя Малки говорил, что Господь Лето никогда не отвечает на молитвы. Он говорил, что Господь Лето смотрит на молитву, как на принуждение, как на попытка насилия по отношению к избранному Богу, как на желание распоряжаться волей бессмертного. *Дай мне чудо, Боже, иначе я перестану в тебя верить!*

— Молитва, как хубриз, — поддержал Хви Монео. — Молитва-требование.

— Но как он может быть Богом? — в отчаянии спросил Айдахо. — Он же сам признался, что смертен.

— По этому поводу я процитирую самого Бога Лето, — сказал Монео. — Я воплощение Бога в том, что доступно лицезрению человеком. Я слово, ставшее чудом. Я — это все мои предки. Разве это не достаточное чудо? Чего еще вы можете хотеть? Спросите себя, где вы найдете большее чудо?

— Пустые слова, — зло произнес Айдахо.

— Я тоже злился на него, — сказал Монео. — Я бросал ему в лицо его же слова из Устного Предания: «Дайте для вящей славы Божьей!»

Хви судорожно вздохнула.

— Он посмеялся надо мной, — сказал Монео. — Он смеялся и спрашивал, как я могу отдать то, что и без того принадлежит Богу?

— Ты был зол? — спросила Хви.

— О да. Он увидел это и сказал, что расскажет мне, как дать что-то во имя славы Божьей. Он сказал: «Ты можешь увидеть, что ты — в каждой своей части такое же чудо, как и я», — Монео повернулся и посмотрел в левое окно. — Боюсь, что мой гнев оглушил меня, и я оказался неподготовленным.

— О да, он умен, — пробормотал Айдахо.

— Умен? — Монео посмотрел на Дункану. — Я так не думаю, во всяком случае, речь идет не об обычном уме. Мне кажется, что в этом отношении Господь Лето не более умен, чем я.

— К чему ты оказался не готов? — спросила Хви.

— К риску, — ответил Монео.

— Но ты рисковал, проявляя гнев, — сказала она.

— Не так сильно, как он. Я вижу по твоим глазам, Хви, что ты понимаешь меня. Его тело продолжает вызывать у тебя протест?

— Уже нет, — ответила она.

Айдахо заскрипел зубами от отчаяния.

— Он внушает мне отвращение.

— Любимый, ты не должен говорить таких вещей, — произнесла Хви.

— А ты не должна называть его любимым, — поправил женщину Монео.

— Ты бы предпочел, чтобы она любила кого-нибудь более толстого и злобного, чем барон Харконнен! — выкрикнул Айдахо.

Монео пожевал губу, потом заговорил:

— Господь Лето рассказывал мне об этом злодее вашего времени, Дункан. Я не думаю, что ты понял своего врага.

— Он был жирным, отвратительным...

— Он был охотником за сенсациями, — перебил Дункана Монео. — Жир был только побочным эффектом, это было нечто вроде средства самоутверждения. Его вид оскорблял людей, а ему только этого и было надо. Он наслаждался, оскорбляя других.

— Барон поглотил лишь несколько планет, а Лето поглотил всю вселенную.

— Любимый, прошу тебя, перестань, — запротестовала Хви.

— Пусть говорит, — сказал Монео. — Когда я был молодым и невежественным, таким, как моя Сиона или этот бедный глупец, то тоже говорил подобные вещи.

— Именно поэтому ты позволил своей дочери пойти на смерть? — спросил Айдахо.

— Любимый, это жестоко? — сказала Хви.

— Дункан, одним из твоих недостатков является склонность к истерии, — сказал Монео. — Я предупреждаю тебя, что невежество произрастает пышным цветом на истерии. Твои гены делают тебя энергичным, и ты сможешь внушить истерию некоторым из Говорящих Рыб, но ты плохой руководитель.

— Не пытайся меня разозлить, — ответил Айдахо. — Я не нападу больше на тебя, но не заходи слишком далеко.

Хви попыталась взять его за руку, но он с силой вырвал ее.

— Я знаю свое место, — сказал Айдахо. — Я полезный последователь. Мое дело нести знамя Атрейдесов, на моей спине зеленые и черные цвета!

— Желание незаслуженного порождает истерию, — сказал Монео. — Искусство Атрейдесов состоит в умении править без истерии, умении брать на себя ответственность за использование власти.

Айдахо откинулся назад.

— Когда это ваш проклятый Бог-Император отвечал за свою власть?

Монео посмотрел на заваленный бумагами стол и ответил, не поднимая головы:

— Он отвечает за то, что сделал сам с собой, — Монео взглянул на Айдахо, глаза его были холодны, как лед. — У тебя просто не хватает духу, Дункан, узнать, почему он это сделал.

— У тебя хватает?

— Когда я был очень зол, он посмотрел на себя моими глазами и сказал: «Как ты осмеливаешься оскорбляться моим видом?», — Монео судорожно глотнул воздух. — Именно тогда я понял весь ужас того, что он видит. — Слезы потекли по щекам Монео. — Я был только рад, что не принял такого же решения, как он, а остался простым последователем.

— Я растрогала его, — прошептала Хви.

— Так ты поняла? — спросил у нее Монео.

— Даже не видя этого, я все поняла, — ответила она.

— Я едва не умер от этого, — произнес Монео тихим голосом. — Я... — Он содрогнулся и посмотрел на Айдахо. — Ты не должен...

— Будьте вы все прокляты! — крикнул Дункан, вскочил на ноги и ринулся вон из кабинета.

На лице Хви отразилась мука.

— О, Дункан, — прошептала она.

— Ты видишь, — спросил Монео. — Ты была не права. Ни ты, ни Говорящие Рыбы не смягчили его. Но ты, Хви, именно ты, приблизила время его уничтожения.

Хви обрушила всю свою муку на Монео.

— Я больше не буду встречаться с ним, — сказала она. Для Айдахо тот переход по коридору к квартире был самым трудным, из всего сохранившегося в его памяти. Ему представлялось, что его лицо — пластитовая маска, под которой он пытается спрятать бушующие внутри страсти. Никто из его гвардейцев не должен видеть его боли. Он не мог знать, что большинство из гвардейцев гадают о причине его расстройства и втайне сочувствуют ему. Все они знали Дунканов и научились хорошо читать по их лицам.

В коридоре возле самой квартиры Айдахо встретил Наилу, которая медленно брела ему навстречу. В лице женщины преобладали растерянность и чувство утраты. Это выражение остановило его, он на мгновение забыл о своих горестях и внутренней сосредоточенности.

— Друг! — окликнул он Наилу, когда их разделяли всего несколько шагов.

Она посмотрела на него, на ее квадратном лице отразилось узнавание, но не более того. *Какая странная женщина*, подумал он.

— Я больше не Друг, — ответила она и прошла мимо по коридору.

Айдахо резко повернулся на пятках и посмотрел в удаляющуюся спину — тяжелые плечи, вызывавшие ощущение чудовищных мышц.

Для чего вывели ее? — удивился он. Но это была преходящая мысль. Его собственные заботы навалились на него с еще большей силой. Он сделал еще несколько шагов и прошел в свои апартаменты. Оказавшись внутри, он с силой сжал кулаки. *Я больше не связан ни с каким временем*, подумал он. Странно, но эта мысль не принесла чувства освобождения. Он понимал, однако, что сделал то, что постепенно освободит Хви от любви к нему. Он был унижен. Она будет думать о нем лишь как о маленьком, задиристом дурачке, о субъекте, которому дороги лишь его собственные эмоции. Он перестанет быть предметом ее забот.

А этот несчастный Монео!

Айдахо понял форму обстоятельств, которые создали послушного мажордома. *Долг и ответственность*. Какая это надежная гавань во времена принятия трудных решений.

Я тоже был таким когда-то, подумал Айдахо. Но это было в другой жизни и в другое время.

Дунканы иногда спрашивают у меня, понимаю ли я экзотические идеи нашего прошлого? И если я понимаю их, то почему не могу их объяснить? Знание, по мнению Дунканов, заключается лишь в частностях. Я пытаюсь объяснить им, что все слова отличаются пластичностью. Образы, заключенные в слова, искажаются в момент произнесения слова. Идеи, заключенные в языке, требуют для своего выражения особого языка. Именно в этом заключается сущность значения слова экзотический. Вы видите, как начинается искажение? Перевод становится бессильным в присутствии экзотического. Галахский язык, на котором я сейчас говорю, полагает сам себя. Он — внешняя рамка, остов опоры и точки отсчета, особая, частная система. Опасности подстерегают нас в любой системе. Системы включают в себя не исследованные верования своих создателей. Усвойте систему, примите ее верования, и вы способствуете устойчивости к изменениям. Служит ли какой-либо цели моя попытка объяснить Дунканам, что для выражения некоторых вещей просто не существует языков. Ах! Но что поделаешь, ведь все Дунканы верят, что все языки мира принадлежат мне.

Два дня и две ночи Сиона не закрывала клапан защитного костюма и не надевала лицевую маску, теряя с каждым выдохом драгоценную воду. Потребовалось напомнить ей напутствие, которое древние фримены давали своим детям, чтобы она наконец вспомнила слова своего отца.

Лето заговорил с ней холодным третьим утром их путешествия, когда они остановились в тени скалы на обдуваемом всеми ветрами эрге.

— Береги каждый вздох, ибо он уносит тепло и влагу твоей жизни, — сказал он.

Он знал, что они проведут в Пустыне еще три дня и три ночи, прежде чем достигнут воды. Шли уже пятые сутки с тех пор, как они покинули Малую Цитадель. Ночью они вступили в полосу мелких дрейфующих песков — это были не дюны — те виднелись вдалеке, на горизонте, вместе с остатками хребта Хаббанья — в виде тонкой полоски, если знать, куда смотреть. Теперь Сиона снимала маску только затем, чтобы что-то внятно сказать, но губы ее уже почернели и стали кровоточить.

У нее жажды отчаяния, подумал он, оценив условия, в которых они находились. *Скоро настанет кризис*. Его чувства подсказывали, что они по-прежнему одни на краю плато. Всего несколько минут назад солнце поднялось над горизонтом. Косой низкий свет отражался от столбов песка и пыли, которые вихрями кружились на непрестанном ветру. Слух Лето отфильтровал шум ветра, и он начал воспринимать и другие звуки — тяжкое дыхание Сионы, шум падения песка с соседней скалы, шорох продвижения по песку его собственного большого тела.

Сиона сняла маску, но продолжала держать ее в руке, чтобы быстро надеть снова.

— Как скоро мы придем к воде? — спросила она.

— Через три ночи.

— Может быть, есть лучшее направление, чем это?

— Нет.

Сиона поняла и оценила фрименскую экономию при обмене информации. Она с жадностью высосала несколько капель влаги, скопившейся в мешке-ловушке.

Лето были знакомы эти движения — так поступали все фримены в минуты величайшего напряжения всех сил. Теперь Сиона знала то ощущение, которое было хорошо знакомо ее предкам — жажды на грани смерти.

Несколько капель в мешке иссякли. Он услышал, как она всасывает в себя воздух. Она надела маску и спросила приглушенным голосом:

— Я не справлюсь с этим, да?

Лето заглянул ей в глаза, увидел в них ясность мысли, ту ясность, которая приходит только на краю гибели, всепроникающая ясность, которая в иных случаях практически недостижима. Это озарение обостряет только те чувства и усиливает только те действия, которые увеличивают шансы на выживание. Да, Сиона вошла в состояние *тедах риагрими*, муки, которые открывают сознание. Скоро, очень скоро ей придется принять решение, которое, как ей кажется, она давно уже приняла. По этим признакам Лето понял, что с Сионой надо обходиться с исключительной вежливостью. Ему придется отвечать на каждый ее вопрос с максимальной предупредительностью, ибо в каждом вопросе таилось суждение.

— Я справлюсь? — не унималась Сиона.

В ее отчаянии был отблеск надежды.

— На это нельзя ответить ничего определенного, — ответил он.

Эти слова повергли ее в настоящее отчаяние.

Оно не входило в намерения Лето, но он знал, что это случается часто — точный, но двусмысленный ответ служит для человека подтверждением его самого глубокого страха.

Она тяжело вздохнула.

Снова прозвучал ее приглушенный маской голос:

— У тебя были особые расчеты на меня в твоей селекционной программе.

Это был не вопрос.

— У всех людей есть те или иные намерения, — объявил он.

— Но ты хотел моего полного согласия.

— Это правда.

— Как ты мог рассчитывать на мое согласие, если знал, что я ненавижу все, что связано с тобой? Будь же честен со мной!

— Три подставки согласия — это желание, данные и сомнение. Точность и местность имеют весьма косвенное отношение к согласию.

— Пожалуйста, не спорь со мной. Ты же видишь, что я умираю.

— Я слишком сильно уважаю тебя, чтобы с тобой спорить.

Он не спеша приподнял передний сегмент и оценил силу ветра. Дневной зной вступал в свои права, но в воздухе было еще много влаги, и Лето испытывал некоторый дискомфорт. Он напомнил себе, что чем больше распоряжений он давал о контроле погоды, тем больше параметров приходилось контролировать. Абсолютное приводило его к еще большей неопределенности.

— Ты говоришь, что не споришь, а сам...

— Спор закрывает дорогу пониманию, — сказал он, опустившись на землю. — Спор всегда служит прикрытием насилию. Если спор длится слишком долго, то он неизбежно приводит к открытому насилию. У меня нет намерения подвергать тебя какому бы то ни было насилию.

— Что ты имеешь в виду под желанием, данными и сомнениями?

— Желание сближает партнеров. Данные ограничивают рамки диалога. Сомнения очерчивают вопросы.

Она придвинулась ближе и посмотрела ему в глаза. Теперь их разделял всего один метр.

Как странно, подумал он, что такая ненависть может так полно сочетаться с надеждой, благовением и страхом.

— Ты можешь меня спасти?

— Способ есть.

Она кивнула, и он понял, что из его ответа она сделала неверный вывод.

— Ты хочешь продать спасение за мое согласие! — обвиняющим тоном воскликнула она.

— Нет.

— Если я пройду твое испытание...

— Это не мое испытание.

— Чье же?

— Оно происходит от наших общих предков.

Сиона села в холодной тени скалы и замолчала, не готовая попросить об убежище в складке кожи

Лето. Он подумал, что сейчас в ее горле рождается тихий крик. Ее сомнения продолжают действовать. Сейчас она думает, насколько его образ совпадает с ее представлениями о Законченном Тиране. Она взглянула на него с той ужасающей ясностью, которую он заметил еще раньше.

— Что заставляет тебя делать то, что ты делаешь?

Вопрос был задан очень умело. Он ответил:

— Моя потребность спасти людей.

— Каких людей?

— Мое определение гораздо шире, чем чье-либо еще, — даже определение Бене Гессерит, которые думают, что определили, что значит быть человеком. Я отношу определение к нити, связующей человечество в вечное неразделимое целое. Конкретные дефиниции меня не интересуют.

— Ты пытаешься сказать мне... — во рту у нее пересохло, Сиона не могла больше говорить. Она постаралась набрать побольше слюны. Он видел, как она шевелит губами под маской. Вопрос ее был настолько очевиден, что он не стал ждать..

— Без меня на свете не существовало бы сейчас никаких людей. Путь к этому уничтожению был настолько отвратительным, что его не могло бы нарисовать самое дикое и разнужданное воображение.

— Ты говоришь о предзнании, — поддразнила она его.

— Золотой Путь до сих пор открыт для всех, — сказал он.

— Я не верю тебе!

— Потому что мы неравны?

— Да!

— Но мы зависим друг от друга.

— Зачем я тебе нужна?

Ах, этот крик души юности, не нашедшей своего места. *Он ощутил силу тайных связей с ней и заставил себя проявить твердость.* Зависимость питает слабость!

— Ты — воплощение Золотого Пути, — сказал он.

— Я? — это слово было произнесено едва слышным шепотом.

— Ты читала записки, украденные тобой у меня, — сказал он. — Я — в них, но где же ты? Посмотри, что я создал, Сиона. А ты, ты не можешь даже создать самою себя.

— Слова, хитрые слова!

— Я не страдаю от того, что мне поклоняются, Сиона. Я страдаю от того, что меня не понимают и неверно оценивают. Возможно... Нет. Я не смею надеяться на тебя.

— Какова цель этих записок?

— Их записывает иксианская машина. Их найдут в далеком будущем, люди прочтут их и задумаются.

— Иксианская машина? Ты отрицаешь джихад!

— В этом состоит еще один урок. Что в действительности делают эти машины? Они увеличивают количество вещей, которые мы можем делать, не думая. То, что мы делаем не думая, представляет собой реальную опасность. Посмотри, сколько времени ты шла по пустыне, прежде чем вспомнила о защитной маске.

— Ты мог бы предупредить меня!

— И усилить твою зависимость. Мгновение она внимательно смотрела на него.

— Почему ты хотел, чтобы я командовала твоими Говорящими Рыбами?

— Ты женщина из рода Атрейдесов, очень глубокая и способная к принятию независимых решений.

Ты можешь быть привержена правде только ради правды, как мы это и видим. Ты была рождена и воспитана для того, чтобы командовать. А это означает свободу от зависимости.

Ветер взметнул вокруг них пыль и песок, пока она обдумывала его слова.

— А если я соглашусь, то ты спасешь меня?

— Нет.

Она была настолько уверена в противоположном ответе, что прошло несколько секунд, прежде чем до нее дошел смысл этого единственного слова. Ветер немного усилился, погнав тучу песка по направлению к хребту Хаббанья. Воздух внезапно наполнился холодом, который отнимает у тела влагу не меньше чем самый беспощадный зной. Частью своего сознания Лето отметил погрешности в управлении погодой.

— Нет? — Она была одновременно озадачена и разозлена.

— Я не заключаю сделок с людьми, которым должен доверять.

Она медленно покачала головой из стороны в сторону, но не отрываясь смотрела в лицо Лето.

— Что может заставить тебя спасти меня?

— Ничто не может заставить. Почему ты думаешь, что можешь сделать для меня то, что я не буду делать для тебя? Это путь к взаимной зависимости.

Ее плечи безвольно опустились.

— Если я не могу заключить с тобой сделку и принудить тебя, то...

— То должна выбрать иной путь.

Как это замечательно наблюдать взрывное пробуждение сознания, подумал он. Выразительные черты Сиона не могли ничего от него скрыть. Она так пристально смотрела ему в глаза, словно старалась проникнуть в самые сокровенные его мысли. В ее приглушенном голосе появилась новая сила.

— Ты должен был бы рассказать мне все о себе, даже о своих малейших слабостях.

— Ты хочешь украсть то, что я дал бы тебе открыто?

Утренний свет ярко и беспощадно осветил ее лицо.

— Я ничего тебе не обещаю!

— Но я и не требую этого.

— Но... ты дашь мне воды, если я попрошу?

— Это не обычная вода.

Она кивнула.

— А я — Атрейдес.

Говорящие Рыбы на своих уроках не утаили того, что гены Атрейдесов предрасполагают к особой чувствительности. Она знала, откуда берется Пряность и что она может для нее сделать. Учителя в школе Говорящих Рыб никогда не подводили Лето. И небольшое количество меланжи, добавленной в паек, сослужило Сионе свою службу.

Видишь завитки позади моего лица, — сказал он. — Надави на них пальцем и они выдадут тебе немного влаги, обильно сдобренной Пряностью.

Он увидел в ее глазах понимание. В ней сейчас говорила память, которую она сама не воспринимала как память. Она была конечным продуктом многих поколений, за время жизни которых чувствительность Атрейдесов к Пряности постоянно возрастала.

Даже страшная жажда пока не тронула ее.

Для того чтобы она легче прошла сквозь кризис, он рассказал ей об играх фрименских детей, которые выдавливали воду из песчаных форелей для того, чтобы выпить жизненной влаги.

— Но я — Атрейдес, — сказала она.

- Да, и об этом доподлинно свидетельствует Устное Предание.
- Значит, я могу умереть от этого.
- Но это же испытание.
- Ты сделаешь из меня истинную фрименку!
- Как еще научить твоих потомков выживать в этих условиях, когда не станет меня?

Она стянула с лица маску и приблизила лицо к лицу Лето. Подняв палец, она прикоснулась к завитой складке его капюшона.

- Осторожно постучи по ней, — сказал он.

Ее рука подчинилась не голосу, а какой-то внутренней команде. Палец двигался осторожно и аккуратно, прислушиваясь к своей собственной памяти, переданной через множество поколений, и уцелевшей в итоге всех ошибок и безошибочности при передаче информации. Он обернулся, его лицо оказалось в непосредственной близости от ее лица. На краю складки начали образовываться синие капли. В воздухе распространился сильный запах корицы. Сиона потянулась к каплям всем телом. Он ясно видел поры вокруг крыльев ее носа, видел, как она языком слизывает капли.

Вот она отодвинулась — не полностью удовлетворенная, но движимая осторожностью и подозрительностью. Так обычно поступал Монео. *Каков отец, такова и дочь.*

- Как скоро оно начнет действовать? — спросила она.
- Оно уже действует.
- Я имею в виду...
- Через минуту или около того.
- Я ничего тебе за это не должна?
- Я не потребую платы.

Она запечатала лицевую маску.

Лето увидел, как глаза Сионы начинают заволакиваться молочно-белым туманом отчуждения. Не спрашивая разрешения, она похлопала ладонью по складке переднего сегмента, требуя, чтобы Лето приготовил для нее живой гамак. Он подчинился. Она свернулась калачиком, и Лето, выгнув тело, смог увидеть ее в кармане своей кожи. Глаза Сионы оставались открытыми, но она уже ничего не видела. Она сильно дернулась, ее тело начала бить крупная дрожь, потом начались конвульсии, словно девушка умирала. Лето знал это ощущение, но не мог ничего изменить. В сознании Сионы останется не предковая память, но с ней навсегда останутся образы, звуки и запахи. Внутри нее начнут работать поисковые механизмы, там будет запах крови и вспоротых кишок, съежившиеся в своих землянках люди, знающие только то, что спасения нет... а механическое движение будет все ближе и ближе... и ближе... и громче... и громче...

Куда бы она ни бросилась, везде она найдет одно и то же. Выхода не будет нигде.

Он почувствовал прилив жизни. *Борись с тьмой, Сиона.* Это единственное, что всегда делали Атрейдесы. Они сражались за жизнь. А теперь она тоже сражается за жизни Других людей. Он почувствовал мгновенное отупение, но затем жизненная сила взорвалась с новой силой. Сиона все глубже и глубже погружалась во мрак, гораздо глубже, чем кто-либо до нее. Он начал тихонько ее укачивать, словно в колыбели. Неизвестно, что сыграло свою роль — мягкое укачивание или тонкая нить горячей решимости, но к полудню содрогания прекратились и состояние Сионы стало больше походить на обычный сон. О вибрациях говорили только единичные глубокие вздохи и вскрики. Перекатываясь с боку на бок, Лето продолжал бережно нянчить Сиону.

Сможет ли она вернуться в мир после посещения таких глубин? Реакция Сионы обнадеживала. Какая сила таится в этой девушке!

Она проснулась поздним вечером, на нее снизошло спокойствие, ритм дыхания изменился. Глаза внезапно открылись. Она посмотрела на Лето, выкатилась из гамака, повернулась к нему спиной и простояла так около часа, о чем-то напряженно раздумывая.

Монео в свое время поступил точно так же. В этих Атрейдесах появилась новая черта. Некоторые старшие Атрейдесы шумно обрушивались на него. Другие пробовали убежать, спотыкаясь и нервно оглядываясь, заставляя его гнаться за ними, некоторые падали на камни и начинали дико извиваться. Некоторые безмолвно садились на корточки и тупо смотрели в землю. Но никогда

никто не поворачивался к нему спиной. Лето рассматривал это как обнадеживающий знак.

— Ты — начало, имеющеее понятие о том, как широко распространилась моя семья, — сказал он.

Она обернулась, губы плотно сжаты, но глаза опущены — она не посмела встретиться с ним взглядом. Он видел, что она приняла это, хотя это понимание могли разделить с ним очень немногие, — понимание того, что его единичная множественность была способна вместить в себя, как семью, все человечество.

— Ты мог бы спасти в лесу моих друзей, — обвиняющим тоном произнесла она.

— Да, но ты тоже могла бы спасти их.

Она сжалась кулаки и, прижав их к вискам, посмотрела на него горящим взглядом.

— Но ты же знаешь *все*!

— Сиона!

— Неужели я должна была познать это именно так? — прошептала она.

Он молчал, предоставив ей самой ответить на этот вопрос. Ее надо было заставить понять, что его первичное сознание работало по-фрименски и что он, как хищник, будет преследовать любую добычу, которая оставляет следы.

— Золотой Путь, — прошептала она. — Я могу почувствовать его, — потом она с гневом взглянула на Лето. — Он так жесток, твой Золотой Путь!

— Выживание всегда жестоко.

— Они не могли нигде спрятаться, — продолжала шептать она. — Что ты со мной сделал?

— Ты пыталась стать фрименской мятежницей, — ответил он. — Фримены обладали почти фантастической, невероятной способностью читать самые незаметные следы в Пустыне. Они могли отыскать в песках следы малейшего ветерка.

Он увидел на ее лице следы угрызений совести, в ее памяти всплыли образы погибших товарищей. Он заговорил, понимая, что вслед за угрызениями совести придет чувство вины, а потом гнев, который обратится на него.

— Ты бы поверила мне, если бы я просто все это тебе рассказал?

Угрызения совести подавляли ее. Она тяжело дышала, широко открыв под маской рот.

— Ты еще не выжила в Пустыне, — вдруг сказал он. Постепенно ее дрожь улеглась. Фрименские инстинкты начали проявлять свое закаливающее действие.

— Я выживу, — сказала она, глядя прямо в его глаза. — Ты читаешь нас по нашим эмоциям, так?

— Эмоции зажигают мысли, — сказал Лето. — Я могу уловить малейшие изменения поведения и указать их эмоциональную причину.

Он видел, что она принимает свою наготу так же, как ее принял когда-то Монео, — со страхом и ненавистью. Но это не имело практически никакого значения. Он давно прозондировал время впереди их. Да, она выживет в его Пустыне, потому что ее следы были видны рядом с его... но он не чувствовал ее плоти в этих следах. Но непосредственно за ее следами он вдруг увидел отверстое пространство, в котором было запечатано так многое. Смертный крик Антеак прозвучал в его сознании... крики атакующих Говорящих Рыб!

Придет Малки, подумал он. Мы снова встретимся, Малки и я.

Лето открыл свои человеческие глаза и увидел, что Сиона пристально смотрит на него.

— Я все еще ненавижу тебя, — выпалила она.

— Ты ненавидишь вынужденную жестокость хищника.

Она заговорила с ядовитым воодушевлением.

— Но я видела еще кое-что. Ты не можешь читать мои следы?

— Вот почему ты должна участвовать в селекции и дать потомство, чтобы сохранить это качество у потомков.

Он не успел договорить, как пошел дождь. Невесть откуда взявшаяся туча, темнота и ливень — все наступило одновременно и внезапно. Несмотря на то что Лето обычно очень хорошо чувствовал изменения погоды, на этот раз стихия застала его врасплох. Он знал, что в Сарыире иногда идут дожди, дождь быстро кончался, вода испарялась и снова становилось сухо. Как только выглядывало солнце, вода из луж мгновенно испарялась. В большинстве случаев вода вообще не успевала упасть на землю. Это были призрачные дожди, вода испарялась, сталкиваясь с перегретыми нижними слоями воздуха. Но этот дождь намочил Лето.

Сиона откинула с лица маску и, подставив лицо дождю, жадно глотала воду, не замечая, какое действие оказывала вода на Лето.

Как только дождь намочил кожу из песчаных форелей, все тело Лето свернулось в огромный клубок невыразимых страданий. Раздельные движения форелей и Червя привели к ощущению, что все тело разрывается на части, что придавало новое значение слову «боль». Песчаные форели стремились ринуться к воде и окружить ее. Червь чувствовал, как вместе с водой на него проливается сама смерть. Струйки синего дыма поднимались в тех местах, где Лето соприкасался с водой. Внутренний биохимический завод начал производить Пряность. Синий дым поднимался от всего его тела, лежавшего в огромной луже. Лето извивался и стонал.

Туча прошла, и только теперь Сиона заметила, что Лето чем-то обеспокоен.

— Что с тобой? — спросила она.

Он был не способен ответить. Дождь кончился, но вода оставалась на камнях, она текла отовсюду и подтекала пол него. Бежать было некуда.

Сиона увидела синий дым в тех местах, где вода касалась Лето.

— Это же вода!

Справа было возвышение, на котором не было воды. Преодолевая боль, он пополз туда, испуская стон при погружении в очередную лужу. Возвышение почти высохло, когда он достиг его. Мучения медленно отпускали его, и только теперь он понял, что Сиона стоит прямо перед ним. Она спросила его голосом, полным притворного участия:

— Почему вода причиняет тебе боль?

Боль? Какое неадекватное слово! Однако уклониться от этого вопроса было нельзя. Она достаточно много знала, чтобы самостоятельно заняться выяснением ответа. Ответ мог быть найден. Он, запинаясь, объяснил ей взаимоотношения червя и форелей к воде. Она молча слушала его.

— Но жидкость, которую ты дал мне...

— Она разбавлена и смягчена Пряностью.

— Тогда зачем ты рискуешь и выходишь сюда без тележки?

— Нельзя быть фрименом в Цитадели или в тележке.

Она согласно кивнула.

Он заметил, что пламя мятежа снова вспыхнуло в ее глазах. Она не чувствовала ни вины, ни зависимости. Она не могла больше не верить в Золотой Путь, но какая, в сущности, разница? Его жестокость нельзя простить. Она может отвергнуть его, отказать ему в месте в своей семье. Он не был человеком, он же совсем не похож на нее! И теперь она знала секрет его устранения!

Окружить его водой, уничтожить Пустыню, обездвижить его в великих мучениях! Неужели она думает, что скрыла свои мысли, повернувшись к нему спиной?

Но что я могу с этим поделать? — подумал он. *Она должна жить, а я — демонстрировать неприятие насилия.*

Теперь, когда он доподлинно знал природу Сионы, как легко было бы сдаться, слепо погрузиться в собственные мысли. Как это было бы соблазнительно — жить исключительно в глубинах своей памяти, но его лети все еще требовали, чтобы он преподал им урок своим примером, если они хотят избежать последней угрозы Золотому Путю.

Сколько же болезненно это решение! Он испытал некое сочувствие к Бен с Гессерит. Его затруднительное положение было сродни тому, в котором оказался орден, столкнувшись с Муад'Дибом. *Заключительное звено их селекционной программы — мой Отец, — и тем не менее они не смогли сохранить его.*

Друзья, вперед, в пролом! — подумал он и едва удержал смех позабавившись своей театральностью.

При наличии достаточного времени для смены поколений хищник производит некоторые приспособительные изменения в поведении жертвы, которые по петле обратной связи вызывают изменения в поведении самого хищника, который, в свою очередь, снова модифицирует поведение жертвы, и так далее, и так далее, и так далее... Многие мощные силы функционируют подобным же образом. К числу таких сил относится и религия.

— Господин велел мне передать вам, что ваша дочь жива.

Наила произнесла эту весть певучим голосом, глядя на Монео, который сидел за столом, заваленным бумагами и заставленным средствами связи.

Монео молитвенно сложил ладони, плотно прижав их Друг к другу и глядя на длинные тени, которые отбрасывало низкое послеполуденное солнце на все предметы сквозь украденное драгоценными камнями дерево тяжелого пресс-папье.

Не глядя на Наилу, которая всей своей исполинской Фигурой высились возле двери в почтительном внимании, Монео спросил:

— Они оба вернулись в Цитадель?

— Да.

Монео посмотрел в левое окно, не видя, впрочем, ни облаков кремнистой пыли, висящих на горизонте Сарыра, ни жадных порывов ветра, поднимающих песок с вершин дюн.

— Что с тем делом, которое мы обсуждали накануне? — спросил он.

— Все выполнено.

— Очень хорошо. Он жестом отпустил женщину, но Наила осталась стоять перед ним. Монео удивленно посмотрел на нее, в первый раз с тех пор, как она вошла, обратив на нее внимание.

— Это действительно необходимо, чтобы я присутствовала на этом... — она проглотила слюну, — бракосочетании?

— Так приказал Господь Лето. Ты будешь там одна вооружена лазерным ружьем. Это большая честь.

Она осталась стоять, глядя куда-то поверх головы Монео.

— Что еще? — спросил он.

Мощная челюсть Наилы дернулась.

— Он Бог, а я — простая смертная, — повернувшись на каблуках, она стремительно вышла.

На мгновение Монео удивился странному поведению этой великанши, но потом его отвлекли более близкие ему мысли. Он думал только о Сионе.

Она выжила, как и я. Сиона теперь обладает внутренним убеждением, что Золотой Путь остался незыблемым. Как и я. В этом не было единения, он не чувствовал, что стал ближе к дочери. Это был тяжкий крест, и этот груз неизбежно подавит ее мятежную натуру. Ни один Атрейдес не может пойти против Золотого Пути. Лето позаботился об этом!

Монео вспомнил собственную мятежную юность. Каждую ночь — на новом месте, постоянная готовность к бегству. Паутина прошлого застлала его сознание, она словно прилипла к его памяти, как ни стремился он освободиться от навязчивых воспоминаний.

Сиона попала в клетку. Так же, как и я попал в клетку. Так же, как несчастный Лето.

Звон ночного колокола пробудил его от этих мыслей и включил ночное освещение в кабинете. Он посмотрел на стоя, вспомнил о незаконченной работе. Сколько еще дел, связанных со свадьбой Бога-Императора и Хви Нори, надо сделать! Он нажал кнопку звонка и велел ординарцу, молодой Говорящей Рыбе, принести стакан воды и вызвать в кабинет Дункана Айдахо.

Ординарец быстро вернулась и поставила на стол, возле левой руки Монео, стакан воды. Он посмотрел на длинные пальцы женщины и подумал, что с такими пальцами надо играть на лютне, но не посмотрел на ее лицо.

— Я послала человека за Айдахо, — сказала Говорящая Рыба.

Он кивнул и снова погрузился в дела. Он слышал, как она вышла, и только после этого отпил воды из стакана.

Некоторые люди живут без забот, словно мотыльки, но я не могу сбросить с себя тяжкое бремя.

Вода была пресной и безвкусной. Она притупила чувства, сделало тело каким-то вялым. Монео посмотрел на цвет Сарыра в предзакатных лучах солнца, подождал, пока окрестности станут невидимыми в наступающей темноте, думая, что сейчас получит наслаждение от красоты природы, но его ум просто отметил смену красок и все. *Я не имею ни малейшего отношения к этому движению.*

Наступила полная темнота, и свет в его рабочем кабинете автоматически усилился, принося с собой ясность мыслей. Он чувствовал себя вполне готовым к встрече с Айдахо. Его надо научить подчиняться необходимости и сделать это как можно быстрее.

Дверь открылась, в кабинет снова вошла ординарец.

— Вы не хотите поесть?

— Позже, — он поднял руку, когда она собралась выйти. — Оставь дверь открытой.

Девушка нахмурилась.

— Можешь играть, — сказал он. — Мне хочется послушать твою музыку.

У нее было круглое гладкое личико, которое начинало светиться, когда девушка улыбалась. Так, с улыбкой на Полудетском лице, она вышла из кабинета, оставив дверь полуоткрытой.

Из приемной донеслись звуки лютни *бива*. Да, у этой Девочки определенно есть талант. Басовые струны звучали, словно удары дождя по железной крыше, средние струны тихо вторили басам. Он узнал песню: трогательное воспоминание об осени, тихом ветре на далекой родной планете, где никогда не было пустынь. Грустная музыка, печальная, но какая прекрасная!

Это плач людей, попавших в клетку, подумал Монео. Воспоминание о свободе. Эта мысль показалась ему странной. Всегда ли необходимо, чтобы свободу добывали мятежом?

Лютня смолкла. Послышались приглушенные голоса. В кабинет вошел Айдахо. Монео смотрел, как он входил. Игра света превратила лицо Дункана в гримасничющую маску с глубоко запавшими глазами. Не дожидаясь приглашения, он сел напротив Монео, и световая игра прекратилась. Перед Монео снова был все тот же Дункан. *Просто еще один Дункан.* Теперь он был одет в простую черную форму без знаков различия.

— Я задал сам себе особенный вопрос, — сказал Айдахо. — Я рад, что ты вызвал меня, и хочу задать этот вопрос тебе. Чему не научился мой предшественник, Монео?

Оцепенев от неожиданности, мажордом выпрямился на подушке. Какой не характерный для Дункана вопрос! Может быть, в этом кроется какое-то особое изобретение, которое применили тлейлаксианцы, готовя этого Айдахо?

— Что побудило тебя к такому вопросу? — спросил Монео.

— Я начал думать как фримен.

— Ты не был фрименом.

— Но я был ближе к ним, чем ты думаешь. Наиб Стилгар однажды сказал, что я, наверно, родился фрименом, но не знал об этом до тех пор, пока не прибыл на Дюну.

— И что произошло, когда ты стал думать как фримен?

— Ты помнишь, что нельзя дружить с человеком, в компании которого ты не хотел бы умереть.

Монео положил руки ладонями на стол. На лице Айдахо появился волчий оскал.

— Тогда что ты здесь делаешь? — спросил Монео.

— Я подозреваю, что ты можешь быть хорошим товарищем. Монео. И я спросил себя, почему Лето выбрал в товарищи именно тебя?

— Я выдержал испытание.

— Такое же, как и то, что выдержала твоя дочь?

Значит, он знает, что они вернулись. Значит, какие-то Говорящие Рыбы обо всем его информируют, если, конечно... его не вызывал Император... *Нет, об этом я бы знал.*

— Испытания не бывают одинаковыми, — сказал Монео. — Мне пришлось спуститься в лабиринт с сумкой еды и флаконом Пряности.

— Ты выбирал сам?

— Что? О... если тебя будут испытывать, то ты сам все узнаешь.

— Такого Лето я не знаю, — сказал Айдахо.

— Разве я не говорил тебе об этом?

— Но есть Лето, которого не знаешь ты.

— Это потому, что он самый одинокий человек во всей вселенной, — сказал Монео.

— Не играй в игру настроений, чтобы возбудить мою симпатию, — произнес Айдахо.

— Игра настроений; хорошо сказано, — Монео кивнул в знак одобрения. — Настроение Бога-Императора подобно широкой реке. Ее течение безмятежно и гладко, но стоит на ее пути появиться препятствию, как она вспенивается бурунами и громадными волнами. Не стоит ставить преграды на пути этого потока.

Айдахо оглядел ярко освещенный кабинет, потом посмотрел на темноту за окном и подумал об укрошенной Реке Айдахо, которая текла где-то поблизости. Снова обратившись к Монео, он спросил:

— Что ты знаешь о реках?

— В юности я много путешествовал по ним. Я доверял свою жизнь утлым суденышкам и ходил в них по рекам и даже выходил в море, когда берега терялись из виду за горизонтом.

Произнося эти слова, Монео вдруг понял, что в них содержится ключ к пониманию Бога Лето. Это ощущение повергло Монео в глубокое размышление, он вспомнил ту далекую планету, где он пересекал море от одного берега до другого. В первый же вечер перехода случился Шторм и где-то в недрах корабля раздавался неясный монотонный шум: «суг-суг-суг-суг». Это работали машины Он тогда стоял на мостике рядом с капитаном и слушал шум работающих двигателей, который то стихал, то возникал снова в такт набегающим и откатывающимся громадным волнам. Каждое опускание киля открывало плоть моря, словно удар кулаком. Это было безумное движение, потрясающая качка, потрясающая в буквальном смысле слона — вверх... вниз! Вверх... вниз! Грудь болела от сдерживаемого страха. Стремление судна вперед и стремление стихии утопить его — дикие всплески воды час за часом, струи соленых волн, стекавших с палубы, и снова накат волны...

Все это давало ключ к пониманию Бога-Императора.

Он был одновременно штормом и кораблем.

Монео снова посмотрел на Айдахо, который в ожидании ответа сидел за столом в холодном свете ламп. В этом человеке не было трепета, только жажда знать правду.

— Так ты не поможешь мне узнать, чего не понял другой Дункан Айдахо? — спросил Дункан.

— Нет, напротив, я охотно помогу тебе.

— Так почему я никогда не могу научиться?

— Как доверять.

Айдахо откинулся на подушку и удивленно и недоверчиво уставился на Монео. Айдахо заговорил хриплым, прерывающимся голосом:

— Я бы сказал, что доверял чрезмерно.

Монео был неумолим.

— Но как ты доверял?

— Что ты хочешь этим сказать?

Монео положил руки на колени.

— Ты выбираешь мужчин, потому что они способны сражаться и умирать на стороне правого дела, каким ты его видишь. Ты выбираешь женщин, которые способны служить дополнением такому мужскому взгляду на вещи. Ты не допускаешь расхождений со своим взглядом, даже если эти расхождения продиктованы доброй волей.

В дверях кабинета Монео произошло какое-то движение. Он поднял голову и увидел входящую Сиону.

— Ну, пала, ты, как я вижу, занят своими обычными штучками.

Айдахо рынком повернулся и уставился на говорившую.

Монео разглядывал дочь, ища в ней признаки изменений. Она вымылась и надела полую форму командира Говорящих Рыб, но на лице и руках остались следы испытания Пустыней. Она потеряла в весе, скулы ее выпирали. Мазь не могла скрыть трещины на ее губах. На руках выступали вены. Глаза выглядели старыми и усталыми, во всем облике сквозило выражение человека, который испытал горечь поражения.

— Я слышала ваш разговор, — сказала она, сняла руку с бедра и вошла в комнату. — Как ты осмеливаешься говорить о доброй воле, отец?

Айдахо только теперь заметил на Сионе новую форму. В раздумье он сжал губы. *Командир Говорящих Рыб? Сиона?*

— Я понимаю твою горечь, — сказал Монео. — Я и сам когда-то испытал ее.

— В самом деле? — она подошла ближе и встала рядом с Айдахом, который внимательно ее разглядывал.

— Меня просто переполняет радость от того, что я вижу тебя живой.

— Как это, должно быть, благодатно для тебя — видеть меня в безопасности и на службе Бога-Императора, — сказала она. — Ты так хотел иметь ребенка и вот, взгляни! Смотри, какого успеха я добилась! — Она повернулась, демонстрируя мужчинам новую форму. — Командир Говорящих Рыб. Командир, все воинство которого состоит из одного человека, но тем не менее командир.

Монео заставил себя говорить своим холодным профессиональным тоном:

— Сядь.

— Я предпочитаю стоять. — Она посмотрела на поднятую голову Айдахом.

— А, Дункан Айдахо, мой назначенный дружок! Ты не находишь это интересным, Дункан? Господь Лето говорит, что со временем я войду в командную структуру его Говорящих Рыб. — Все это время у меня будет один подчиненный. Ты знаешь, кто такая Наила, Дункан?

Айдахо кивнул.

— В самом деле? Мне почему-то кажется, что я не знаю ее. Сиона посмотрела на Монео. — Я знаю ее, папа? В ответ Монео только пожал плечами.

— Но ты говоришь о доверии, отец, — Сиона посмотрела на Монео. — Кто делает могущественных министров — доверие, Монео?

Айдахо взглянул на Монео, чтобы посмотреть, какое впечатление произведут эти слова на мажордома. Лицо его показалось Айдаху хрупким от едва сдерживаемых эмоций. *Гнев? Нет... Это что-то другое.*

— Я доверяю Богу-Императору, — сказал Монео. — И надеюсь, что это чему-нибудь научит вас обоих. Я здесь для того, чтобы довести до вашего сведения его пожелания.

— Его пожелания, — язвительно воскликнула Сиона. — Ты только послушай, Дункан! Команды Бога-Императора теперь называются пожеланиями.

— Можешь и дальше разыгрывать свою пьесу, — сказал Айдах. — Я знаю, что у нас небольшой выбор в чем бы то ни было.

— У тебя всегда есть выбор, — возразил Монео.

— Не слушай его, — сказала Сиона. — Он полон всяческих трюков. Они лелеют надежду, что мы с тобой упадем в объятия друг друга, чтобы наплодить побольше таких, как мой отец. Это будут твои наследники и потомки, папа.

Монео побледнел. Ухватившись руками за край стола, он подался вперед.

— Вы оба полные дураки! Но я попытаюсь спасти вас. Я постараюсь сделать это вопреки вашей же воле.

Айдахо видел, как тряслись щеки Монео, видел его напряженный взгляд — эти признаки волнения против воли тронули сердце Айдахо.

— Я не племенной жеребец, но тебя я послушаю.

— Ошибка, как всегда, — сказала Сиона.

— Молчи, женщина, — отрезал Айдахо.

— Если ты еще раз заговоришь со мной в таком тоне, — Сиона смерила Дункану взглядом, — то я завяжу твою шею вокруг твоих же лодыжек.

Айдахо, потеряв дар речи, начал подниматься.

Монео поморщился и сделал Дункану знак сидеть спокойно.

— Предупреждаю тебя, Дункан, что она скорее всего сумеет это сделать. Мне далеко до нее, а ты помнишь, что было, когда ты попытался напасть на меня?

Айдахо сделал глубокий вдох, потом медленно выдохнул.

— Говори, что ты должен сказать.

Сиона присела на край стола и посмотрела на обоих мужчин.

— Вот так-то лучше, — сказала она. — Пусть он говорит, только не вздумай его слушать.

Айдахо плотно сжал губы.

Монео отпустил стол. Сел. Посмотрел на Айдахо и Сиону.

— Я почти закончил приготовления к свадьбе Бога-Императора и Хви Нори. Во времена Празднеств вас не должно здесь быть.

Сиона вопросительно посмотрела на отца.

— Это твоя идея или его?

— Моя, — Монео не отвернулся взгляд. — У тебя есть чувство чести и долга? Ты что, ничему не научилась, побывав с ним?

В Я узнала все, что в свое время узнал ты, папа. Я Дала ему слово и сдержу его.

— Значит, ты будешь командовать Говорящими Рыбами?

— Если он доверит мне такое командование. Ты знаешь, папа, он ведет себя еще более уклончиво, чем ты.

— Куда ты нас посылаешь? — спросил Дункан.

— При условии, что мы согласимся, — добавила Сиона.

— Есть маленькая деревушка на краю Сарыира, где живут музейные фримены, — сказал Монео. — Она называется Туоно. Деревня эта довольно приятная. Она стоит в тени вала на берегу реки. Там хороший источник и хорошая еда.

Туоно? — подумал Айдахо. Название показалось ему до странности знакомым.

— Был бассейн Туоно по дороге в сиетч Табр, — сказал он.

— Там длинные ночи и нет никаких развлечений, — подхватила Сиона саркастическим тоном.

Айдахо резко оглянулся на нее. Она ответила ему пылающим взором.

— Он хочет скрестить нас, чтобы Червь был доволен, — сказала она. — Он хочет, чтобы в моем животе резвились и скакали детишки для новой жизни. Скорее я увижу ею мертвым, чем доставлю ему такое удовольствие.

Айдахо в изумлении посмотрел на Монео.

— А что будет, если мы откажемся ехать?

— Думаю, что вы поедете, — ответил Монео.

Губы Сионы тряслись.

— Дункан, ты когда-нибудь видел эти маленькие пустынные деревушки? Никаких удобств, никаких...

— Я видел деревню Табур, — сказал Дункан.

— Уверена, что это настоящая столица по сравнению с Туоном. Конечно, сам-то Бог-Император не станет праздновать свое бракосочетание в окружении грязных лачуг! Ну нет, Туон — это грязные лачуги и никакого комфорта, это максимально приближено к жизни древних фрименов.

Айдахо заговорил, глядя на Монео:

— Фримены не жили в грязных хижинах.

— Кому интересно, где они играют в свои культовые игрища, — насмешливо произнесла она.

По-прежнему глядя только на Монео, Айдахо продолжал:

— У фрименов был только один культ — культ честности. Я больше беспокоюсь о честности, нежели о комфорте.

— Во всяком случае, от меня ты его не дождешься, — огрызнулась Сиона.

— Я ничего от тебя не жду, — сказал Айдахо. — Когда мы должны отправиться в Туон, Монео?

— Ты едешь? — спросила Сиона.

— Я считаю, что надо принять доброту твоего отца.

— Доброту! — фыркнула Сиона.

— Вы отправитесь немедленно, — сказал Монео. — Я выделил для эскорта отделение Говорящих Рыб под командой Наилы.

— Наилы? — переспросила Снопа. — В самом деле? Она останется с нами в деревне.

— До дня бракосочетания.

Сиона медленно наклонила голову.

— В таком случае мы согласны.

— Соглашайся от своего имени, — рявкнул в сердцах Айдахо.

Сиона улыбнулась.

— Простите. Могу я формально просить великого Дункана Айдахо присоединиться ко мне в этом первобытном гарнизоне, где он будет держать свои руки подальше от моей персоны?

Дункан исподлобья смотрел на Сиону.

— Не стоит волноваться по поводу того, где я буду держать свои руки. — Он взглянул на Монео. — Ты действительно добр, Монео? И поэтому отсылаешь меня отсюда?

— Это вопрос доверия, — съязвила Сиона. — Кому он доверяет?

— Меня принудят силой ехать вместе с твоей дочерью? — настаивал Айдахо.

Сиона встала.

— Либо мы принимаем предложение, либо наши доблестные солдаты свяжут нас и доставят в деревню весьма неудобным для нас способом. Можешь посмотреть — это написано на его лице.

— Следовательно, у меня действительно нет выбора.

— У тебя, как и у всякого человека, есть выбор, — сказала Сиона. — Умереть раньше или позже. Однако Айдахо все еще смотрел на Монео.

— Каковы твои истинные намерения, Монео? Ты не Удовлетворишь мое любопытство?

— Любопытство иногда сохраняло людям жизнь... когда не помогало ничто другое, Дункан, — ответил мажордом. — Я пытаюсь сохранить тебе жизнь. Раньше я никогда этого не делал.

Потребовалась почти тысяча лет, чтобы пыль древней всепланетной пустыни Дюны осела и связалась с почвой и водой. Ветра, который называли песчаным вихрем, не видели на Арракисе почти двадцать пять столетий. Во время этих штормов в воздухе могло одновременно носиться до двадцати миллиардов тонн пыли. Небо в такие дни приобретало серебристый оттенок. Фримены говорили: «Пустыня подобна хирургу, который срезает кожу и обнажает то, что лежит под ней». Планеты, как и люди, состоят из слоев. Их можно видеть. Мой Сарьир всего лишь слабое эхо того, что было. Сегодня я должен быть песчаным вихрем.

— Ты послал их в Туоно, не посоветовавшись со мной? Какой сюрприз, Монео! Как давно ты не проявлял подобной независимости.

Монео, склонив голову, стоял в десяти шагах от Лето в центре сумрачной крипты и старался унять дрожь, чтобы ее не заметил Бог-Император. Была почти полночь. Лето заставлял своего мажордома ждать, ждать и томиться.

— Я от души надеюсь, что не оскорбил вас, господин, — сказал Монео.

— Ты позабавил меня, но не будь равнодушен к этому. В последнее время я потерял способность отличать комичное от печального.

— Простите меня, господин.

— О каком прощении ты просишь? Почему ты всегда спрашиваешь об оценке? Разве не может твой мир просто быть?

Монео поднял глаза и посмотрел на лицо, спрятанное в ужасной складке. *Он одновременно штурм и корабль. Этот закат существует сам по себе.* Монео почувствовал, что стоит на краю ужасающего откровения. Глаза Бога-Императора буравили его насквозь, прожигали, почти физически ощупывали.

— Господин, чего бы вы от меня хотели?

— Чтобы ты наконец поверил в себя.

Чувствуя, что вот-вот взорвется, Монео сказал:

— Значит, то, что я не посоветовался с вами прежде, чем...

— Наконец-то на тебя снизошло просветление, Монео! Мелкие души, ищащие власти, прежде всего разрушают веру других людей в себя самих.

Слова эти подавляли Монео. В них ему чудилось обвинение, исповедание. Он чувствовал, как слабеет его хватка, которой он держался за бесконечно желанную вещь. Он пытался найти слова, чтобы назвать эту вещь, но разум его не мог подсказать имени. Может быть, если спросить об этом Бога-Императора.

— Господин, если бы вы только сказали мне о своих мыслях по...

— Мои мысли исчезнут, когда я их выскажу!

Лето посмотрел на Монео сверху вниз. Как странно сидят его глаза по обе стороны орлиного носа Атрейдесов! Они движутся, словно стрелка на метрономе его лица. Слышит ли Монео ритмичное повторение слов: «Грядет Малки! Грядет Малки! Грядет Малки!»

От тяжкой муки Монео хотелось расплакаться. Все мысли, которые у него были, — исчезли бесследно. Он прижал руки ко рту.

— Твоя вселенная — это двумерное часовое стекло, — обвиняющим тоном произнес Лето. — Почему ты пытаешься сдержать песок?

Монео опустил руки и вздохнул.

— Вам угодно выслушать мой доклад о приготовлении к свадьбе?

— Ты меня утомляешь! Где Хви?

— Говорящие Рыбы готовят ее к...

— Ты советовался с ней насчет приготовлений?

— Да, господин.

— Она одобрила их?

— Да, господин, но она обвинила меня в том, что я предпочитаю количество работы ее качеству.

— Разве это не замечательно, Монео? Видит ли она волнение среди Говорящих Рыб?

— Думаю, что да, господин.

— Их беспокоит сама идея моей женитьбы.

— Именно поэтому я отоспал отсюда Дункана, господин.

— Конечно, конечно, и вместе с ним Сиону в...

— Господин, я знаю, что вы испытали ее, и она...

— Она чувствует Золотой Пуп так же глубоко, как и ты, Монео.

— Тогда почему я боюсь ее, господин?

— Потому что ты ставишь разум превыше всего на свете.

— Но я не понимаю разумных причин моего страха!

Лето улыбнулся. Это было похоже на игру в кости с бесчисленным количеством граней. Эмоции Монео играли сегодня только на этой сцене. Как близко подошел он к краю, даже не замечая этого!

— Монео, почему ты так упорно хочешь собрать картину из кусочков, выбитых из континуума? — спросил Лето. — Когда ты видишь спектр, ты всегда предпочитаешь только один цвет?

— Господин, я не понимаю вас!

Лето закрыл глаза, вспоминая, сколько раз в жизни приходилось ему слышать этот крик души. Лица слились в одну сплошную полосу. Он открыл глаза истерих видение.

— До тех пор, пока человек остается живым, чтобы видеть все эти цвета, они не претерпевают линейную смерть, даже если ты умрешь, Монео.

— Что вы хотите сказать, говоря о цветах, господин?

— Континуум — это нескончаемый Золотой Путь.

— Но вы видите вещи, которых не видим мы, господин!

— Потому что вы отказываетесь их видеть!

Монео опустил голову.

— Господин, я знаю, что вы далеко превосходите каждого из нас. Именно поэтому мы поклоняемся вам и...

— Будь ты проклят, Монео!

Он поднял глаза и в ужасе посмотрел на Бога-Императора.

— Цивилизации рушатся, когда их сила начинает превосходить силу их религии! — крикнул Лето. — Почему ты не можешь этого видеть? Хви может.

— Она иксианка, господин. Возможно, она...

— Она — Говорящая Рыба! Она была рождена, чтобы служить мне. Нет! — Лето поднял руку, видя, что Монео собирается заговорить. — Говорящие Рыбы всполошились потому, что я называл их своими невестами, а теперь они видят иностранку, не посвященную в Сиайнок, которая знает этот ритуал лучше, чем они.

— Как такое может быть, господин, что когда ваша Рыба...

— О чём ты говоришь? Каждый из нас рано или поздно приходит к пониманию того, кто он и что должен Делать.

Монео раскрыл было рот, но не нашел, что сказать, и промолчал.

— Это знают даже малые дети, — сказал Лето. — Они перестают знать только после того, как взрослые настолько запутывают их, что они начинают прятать свое знание от самих себя. Монео, раскройся!

— Господин, я не могу этого сделать! — слова рвали Монео на части. Он трясся от невыразимой душевной боли. — у меня нет вашей силы и вашего знания о...

— Довольно!

Монео замолчал. Все его тело била дрожь.

Лето начал успокаивать его.

— Все в порядке, Монео. Я слишком много с тебя спросил и чувствую, что ты устал.

Дрожь мало-помалу улеглась. Он несколько раз судорожно вздохнул.

Я решил внести некоторые изменения во фрименский ритуал моего бракосочетания. Мы не станем пользоваться водяными кольцами Гани, вместо этого мы воспользуемся кольцами моей матери.

— Госпожи Чани, господин? Но где ее кольца?

Лето перевернулся всем своим массивным телом на тележке и показал Монео глубокую нишу в стене крипты.

— В этих стенах находятся захоронения первых Атрейдесов на Арракисе. Во второй нише могила Чани, там же лежат и ее кольца. Ты извлечешь их оттуда и доставишь на церемонию.

— Господин, — Монео со страхом смотрел на могилы. — Не будет ли это святотатством?

— Ты забываешь, Монео, кто живет во мне, — он заговорил голосом Чани. — Я могу делать что захочу со своими водяными кольцами.

Монео стушевался.

— Хорошо, господин. Я доставлю их в деревню Табур, когда...

— Табур? — переспросил Лето своим обычным голосом. — Но я передумал, Монео. Мы с Хви поженимся в деревне Туоно.

Цивилизация по большей части основана на трусости. Так легко цивилизовать народ, обучая его трусости. Вы отбрасываете прочь стандарты, воспитывающие смелость. Вы ограничиваете волю. Вы регулируете аппетиты. Вы обносите горизонты заборами. Вы обуславливаете законами каждое движение. Вы отрицаете само существование хаоса. Вы учите даже детей дышать медленно и осторожно. Вы укрощаете.

Первый же взгляд на деревню Туоно ошеломил Айдахо. Здесь находится родина фрименов?

Подразделение Говорящих Рыб доставило их из Цитадели на рассвете. Айдахо и Сиона летели в большом орнитоптере, а эскорт сопровождения в двух малых. Полет продолжался долго, почти три часа. Они приземлились на плоском круглом пластоновом ангаре в километре от деревни, отделенном от нее древними Дюнами, окружеными чахлой травой и колючим кустарником. По мере того как они спускались вниз, стена, расположенная за деревней, казалась им все выше и выше. Дома деревни стремительно съеживались по сравнению с такой громадой.

— Музейные фримены остались нетронутыми внепланетными технологиями, — объяснила Наила, пока эскорт запирал орнитоптеры в низком ангаре. Одна из гвардейцев бегом отправилась в деревню предупредить о прибытии важных гостей.

Сиона, молчавшая во время всего полета, украдкой внимательно разглядывала Наилу.

Все время, пока они шли через залитые утренним светом дюны, Айдахо старался представить себе, что он вернулся в старое время. Среди насаждений виднелся песок, в ложбинах между дюнами была голая бесплодная земля, пожелтевшая трава и кусты, практически лишенные листьев. По небосводу кружили три грифа — «парящие разведчики», как называли их фримены. Айдахо попытался объяснить это Сионе, шедшей рядом. Начинаешь опасаться этих пожирателей падали только тогда, когда они снижаются.

— Мне рассказывали о грифах, — холодно осадила его Сиона.

Айдахо заметил, что на верхней губе девушки выступили капельки пота. От отряда Говорящих Рыб, который сопровождал их, тоже доносился прянный запах пота.

Воображение Айдахо не справилось с задачей сгладить разницу между прошлым и настоящим. Защитные костюмы, надетые на них, больше годились для театрального представления, а не для эффективного сбережения воды. Ни один истинный фримен не доверил бы свою жизнь такому костюму — даже здесь, где повсюду чувствовался запах близкой воды. Да и Говорящие Рыбы из отряда Наилы, идя по дороге, не соблюдали фрименского молчания. Они болтали, как дети.

Сиона утомленно шла рядом с ним, погруженная в грустное отчуждение, и не отрывала взгляда от мускулистой спины Наилы, возглавлявшей колонну.

Что могло связывать этих двух женщин? Наила определенно была преданна Сионе, исполняла любое ее приказание, повиновалась каждому слову, но тем не менее она не отклонится от приказа, согласно которому их доставили в Туоно. Наила обращалась к Сионе очень почтительно и называла ее не иначе, как командиром. Между ними была какая-то очень глубокая связь, которая вызывала в Айдахо страх.

Наконец они подошли к спуску, в нижней части которого стояла деревня, а за ней высокая стена. С воздуха Туоно выглядела как расположенные рядами квадратики, находящиеся вне большой тени стены. С близкого же расстояния деревня представилась скопищем жалких лачуг, убожество которых только усиливалось от попыток местных жителей украсить это место. Кусочки блестящих камней и полоски металла «инкрустировали» стены домов. На самом высоком строении высился железный шест, на котором развевалось зеленое знамя. Ветер доносил до ноздрей Айдахо запах мусора и открытых выгребных ям. Центральная улица тянулась вдоль песчаного пустыря, поросшего скудной травой. Улица заканчивалась площадью, вымощенной разбитым булыжником.

Возле дома с флагом прибывших ожидала делегация в накидках. Среди людей была видна вестница, которую Наила послала предупредить жителей о встрече. Айдахо насчитал восемь встречавших — все мужчины в аутентичных фрименских одеждах коричневого цвета. Под капюшоном одного из встречавших виднелась зеленая головная повязка — это был, без сомнения, наиб. На другой стороне площади стояли дети с цветами. Из боковых Улочек выглядывали женщины в черных капюшонах. Айдахо нашел эту сцену вопиюще удручающей.

— Давайте быстрее покончим с этим, — сказала Сиона.

Наила кивнула и повела группу по склону на улицу, Сиона и Айдахо шли в нескольких шагах за Наилой. Остальные тащились сзади. Они замолчали и с нескрываемым любопытством глазели по

сторонам.

Когда Наила приблизилась к встречавшим, человек с зеленой повязкой выступил вперед и поклонился. Он двигался, как старик, но Айдахо заметил, что это был человек средних лет, с гладкими щеками, с массивным носом, на котором не было следов от трубы. А его глаза! В них не было синевы — следов употребления Пряности. Глаза были карими. Карие глаза у фримена!

— Меня зовут Гарун, — сказал человек, когда Наила остановилась перед ним. — Я — наиб этой деревни. Я приветствую вас от имени фрименов Туоно.

Наила показала через плечо на Айдахо и Сиону, которые остановились за ее спиной.

— Приготовлены ли квартиры для наших гостей?

— Мы, фримены, славимся своим гостеприимством, — ответил Гарун. — Все готово.

Айлахо втянул ноздрями кисловатый запах этого места, прислушался к доносившимся откуда-то звукам, посмотрев в открытые окна здания с флагом. Зеленое знамя Атрейдесов, развевающееся над этим убожеством? В окно был виден зал с низким потолком, оркестровая яма в дальнем конце, эстрада и ряды кресел. Пол был застлан ковром. Помещение было, несомненно, концертным залом, местом развлечения туристов.

Звук шаркающих шагов вновь вернулся внимание Айдахо к Гаруну. Теперь вперед выступили дети, протягивавшие своими чумазыми руками цветы прибывшим. Цветы давно уявили.

Гарун обратился к Сионе, правильно определив ее звание по золотым шевронам ее командирского мундира.

— Не хотите ли посмотреть представление наших фрименских ритуалов? — спросил он. — Может быть, послушать музыку? Посмотреть танцы?

Наила приняла букет цветов из рук одного ребенка, понюхала цветы и чихнула.

Другой оборванец протянул цветы Сионе, подняв на нее свои широко открытые глаза. Она приняла цветы, но даже не посмотрела на ребенка. Айдахо вообще отогнал детей от себя. Они в нерешительности постояли, потом обежали его и направились к отряду Говорящих Рыб.

Гарун обратился к Айдахо:

— Если вы ладите им несколько монет, они не будут нас больше беспокоить.

Дункан содрогнулся. Так выглядит теперь обучение фрименских детей?

Гарун снова обратил свое внимание на Сиону и начал рассказывать ей о расположении деревни. Наила тоже внимательно слушала.

Айдахо отошел от них и направился вниз по улице, видя, как за ним наблюдает множество глаз, которые не осмеливаются встречаться с его взглядом. Чувства Айдахо были оскорблены украшениями, которые не делали лучше дома, несшие на себе все признаки глубокого упадка. Он снова посмотрел сквозь открытую дверь на зрительный зал. В Туоно проглядывала какая-то грубость, была какая-то завеса, скрывавшая невидимую борьбу, борьбу неведомо за что, скрытую за пожухлыми цветами и просительным голосом Гаруна. В другое время и на другой планете это были бы картонные макеты старинных домов, перепоясаные веревками крестьяне, смиренно протягивающие помещику свои петиции. Он слышал плаксивые нотки в голосе Гаруна. Это не фримен! Эти бедные создания живут в трущобах, пытаясь сохранить хотя бы часть своей цельности. Однако эта цельность с каждым годом все больше и больше вырывалась из их рук. То были утерянная цельность и утраченная реальность. Что здесь сотворил Лето? Эти музейные фримены растеряли все, кроме способности к растительному существованию и пустому произношению старинных слов, которые они не понимали и даже не умели правильно произносить.

Он вернулся к Сионе и принял рассмотривать накидку Гаруна, обратив внимание на то, как тесно она скроена, — это говорило о недостатке материи и стремлении к экономии. Была видна часть серого защитного костюма — ни один фримен не позволил бы солнцу касаться своими лучами драгоценного защитного костюма. Айдахо оглядел других членов делегации и заметил у них ту же скучность в отношении одежды. Это выдавало их эмоциональное унижение. В такой одежде невозможно делать экспансивные жесты, она не допускает свободы Движений. Накидки были тесными и ограничивающими у всех этих людей!

Движимый отвращением, Айдахо шагнул вперед и распахнул накидку Гаруна, чтобы взглянуть на его защитный костюм. Так и есть! Костюм был полной бутафорией — ни рукавов, ни ботинок на присосках!

Гарун отпрянул назад и схватился за рукоятку ножа, который, как сразу заметил Айдахо, висел на поясе костюма.

— Эй, что ты делаешь? — злобно крикнул Гарун. — Ты не смеешь так прикасаться к фримену?

— Ты — фримен? — язвительно поинтересовался Айдахо. — Я жил с фрименами! Я воевал с ними против Харконненов! Я умирая с фрименами! Ты? Ты — паяц!

Костяшки пальцев Гаруна, сжимавших рукоятку ножа, побелели. Он обратился к Сионе:

— Кто этот человек?

— Это Дункан Айдахо, — вместо Сионы ответила Наила.

— Гхола? — Гарун взгляделся в лицо Айдахо. — Мы никогда не видели тебя таким прежде.

Айдахо едва не поддался желанию очистить площадь от этого сброва — очистить любой ценой, даже ценой собственной жизни — униженной и ненужной даже тем, кто постоянно воскрешал его. Да, я — устаревшая модель! Но это не фримены.

— Обнажи оружие или убери руку с ножа, — потребовал Айдахо.

Гарун опустил руку.

— Это не настоящий нож, — сказал он. — Простая декорация, — голос его стал подобострастным. — Но у нас есть настоящие ножи, даже отравленные! Они хранятся запертыми для лучшей сохранности.

Айдахо ничего не смог с собой поделать. Откинув назад голову, он оглушительно расхохотался. Сиона улыбалась, и только Наила сохранила полную серьезность, а Говорящие Рыбы моментально окружили начальников плотным кольцом.

Смех оказал странное действие на Гаруна. Он опустил голову и сцепил руки перед собой, но Айдахо успел заметить, что пальцы его заметно дрожали. Когда Гарун снова поднял голову, взгляд его был исподлобья направлен на Айдахо. Дункан мгновенно отрезвел. Было такое впечатление, что невидимый страшный сапог сокрушил самолюбие Гаруна, сделав из него жалкого раба. В глазах этого человека можно было прочесть покорное ожидание. Он смотрел и ждал. По причине, которую не смог бы объяснить сам Айдахо, ему на память вдруг пришли строки католической библии: «Не те ли это малые, которые смиренны и наследуют царствие небесное?»

Гарун прочистил горло.

— Может быть, гхола Дункан Айдахо посмотрит наши обычай и наши ритуалы и выступит судьей?

Сlyша эту жалобную просьбу, Айдахо почувствовал себя пристыженным.

— Я научу вас всему, что знаю о фрименах, — он оглянулся и увидел, что Наила сердито нахмурилась.

— Это поможет нам провести время, — сказал он. — И по знает, может быть, на эту землю вернется что-то от старого фримена?

— Нам нет нужды играть в эти культовые игрища! Веди вас на наши квартиры, — сказала Сиона.

Наила опустила голову и в смущении заговорила, стараясь не смотреть на Сиону:

— Командир, есть одна вещь, о которой я должна вам сказать.

— Ты должна сказать, что мы *должны* навсегда остаться в этом тухлом месте и что твоя обязанность проследить за этим.

— О нет, — возразила Наила и посмотрела в глаза ионе. — Куда вы сможете уйти? Через стену вам не перелезть, тем более что за ней река. А позади — только песок Сарьира. О нет, это нечто совсем другое.

Наила покачала головой.

— Говори живее! — рявкнула Сиона.

— я получила строжайший приказ, командир, который я не могу не выполнить. — Наила оглядела своих гвардейцев, потом снова взглянула на Сиону. — Вы и... Дункан Айдахо должны жить в одной квартире вместе.

— Это приказ моего отца?

— Госпожа командир, это приказ самого Бога-Императора, и мы не можем его ослушаться.

Сиона посмотрела на Айдахо.

— Ты помнишь, о чём я предупредила тебя, Дункан, когда мы говорили с тобой в Цитадели?

— Мои руки принадлежат мне и будут делать то, что им заблагорассудится, — огрызнулся Айдахо.

Она коротко кивнула, отвернулась и обратилась к Гаруну:

— Какая разница, где мы будем спать в этом отвратительном месте? Веди нас домой.

Айдахо нашел ответ Гаруна очаровательным. Он повернул голову к гхола, прикрылся капюшоном, чтобы его не видела Сиона и подмигнул Айдахо. После этого он отвернулся и повел их с площади вдоль по грязной улице.

В чем заключается самая непосредственная опасность для моего правления? Я могу ответить вам. Это истинный провидец, человек, который в присутствии Бога сознает свое истинное место. Экстаз провидца создает энергию, подобную половой, — она не заботится ни о чем, кроме творения. Один акт творения в целом похож на другой, все зависит от содержания видения.

Лето покинул свою тележку и лежал на защищенном от непогоды балконе Малой Цитадели, охваченный раздражением, которое, как он прекрасно понимал, было вызвано вынужденной задержкой их бракосочетания с Хви Норм. Лето смотрел на юго-запад. Где-то там, за темнеющим горизонтом, находятся Сиона, Дункан и их товарищи, которые уже шестой день живут в деревне Туно.

В этой задержке виноват только я, думал Лето. Это я изменил место проведения церемонии, и бедняге Монео пришлось заново начинать все приготовления.

Да еще эти проклятые мысли о Малки.

Все эти заботы было невозможно объяснить Монео, Который суетился в соседнем зале, переживая из-за того, Что отсутствовал на своем командном пункте и не мог оттуда руководить приготовлениями к празднеству. Какой он, однако, хлопотун!

Лето взглянул на заходящее солнце. Оно скатывалось к горизонту, одетое в призрачный оранжевый туман, след только что прошедшей бури. Сейчас дождь медленно перемещался вместе с облаками к южной части Сарьира. В долгой тишине Лето некоторое время наблюдал за дождем, который, казалось, не имел ни начала, ни конца. Облака вырастали тяжелыми нагромождениями из серого неба, а из облаков видимыми линиями протягивался к земле дождь. Он почувствовал, как его обуревает неумолимая память. Трудно было изменить настроение, и Лето вдруг понял, что совершенно непроизвольно мысленно повторяет великие строки древнего поэта.

— Вы что-то сказали, господин? — голос Монео раздался совсем рядом. Скосив глаза, Лето увидел стоявшего рядом и готового к приказаниям верного мажордома.

Лето перевел стихи на галахский и процитировал:

— Соловей свил гнездо в ветвях сливы, но что он может поделать с ветром?
— Это вопрос, господин?
— Это очень древний вопрос. Ответ на него очень прост. Пусть соловей занимается своими цветами.
— Я не понимаю вас, господин.
— Перестань обсуждать очевидное, Монео. Меня раздражает, когда ты это делаешь.
— Простите меня, господин.
— Что мне остается делать? — Лето изучающе посмотрел на потупившего взор Монео. — Ты и я, Монео, чем бы мы ни занимались, представляем собой очень органичный актерский ансамбль.

Мажордом недоуменно уставился на Лето.

— Господин?
— Ритуалы религиозных празднеств в честь Вакха стали семенами, из которых вырос греческий театр. Религия часто приводила к рождению театра. Из нас тоже можно сделать неплохой театр. — Лето опять вперил задумчивый взор в горизонт.

Теперь на юго-западе поднялся ветер, громоздивший облака друг на друга. Лето показалось, что он слышит, как шуршит песок, который ветер сдувает с вершин дюн. Но в зале башни стояла мертвая тишина, которую лишь подчеркивал едва слышный шелест ветра.

— Облака, — прошептал Лето. — Я снова выпью бокал лунного света, у моих ног пристанет древняя морская ладья, прозрачные облака побегут по синему небу, на моих плечах снова будут развеваться серо-голубой плащ, а рядом будут пасть кони.
— У господина заботы? — спросил Монео. Его сочувствие буквально лилось на Лето.
— Яркие тени моего прошлого, — ответил Лето. — Они никогда не оставляют меня в покое. Я слушаю успокаивающие звуки — перезвон колоколов в засыпающем городке, но этот звук говорит мне лишь то, что я — звук и душа этого мира.

Пока Лето говорил, на башню пала тень наступающей ночи. Лето стал смотреть на восходящий над оранжевым горизонтом дынны ломтик Первой Луны, которая вдруг, освобожденная от света планеты, повисла над облаками, приготовившись совершить свой обычный круг.

— Господин, зачем мы сюда приехали? — спросил Монео. — Почему вы не хотите мне сказать?

— Я хотел получить удовольствие от твоего удивления, — ответил Лето. — Скоро здесь приземлится корабль Гильдии. Мои Говорящие Рыбы привезут Малки.

Монео судорожно вздохнул.

— Дядя Хви? Тот самый Малки?

В Ты удивлен, что я не предупредил тебя об этом?

Монео ощущал, как по его телу пробежал холодок.

— Господин, если вам угодно держать эти вещи в тайне от меня, то...

— Монео, — в тоне Лето прозвучало лишь мягкое убеждение. — Я знаю, что Малки был для тебя гораздо большим искушением, чем все остальные...

— Господин, я никогда...

— Я знаю, Монео, — продолжал Лето все тем же мягким, вкрадчивым тоном. — Но удивление пробудило и оживило твою память. Ты теперь во всеоружии и готов ко всему, что я могу потребовать от тебя.

— Что... что, мой господин...

— Вероятно, нам придется избавиться от Малки: Он стал мешать.

— Я? Вы хотите, чтобы я...

— Возможно, да.

Монео судорожно сглотнул.

— Преподобная Мать...

— Антеак мертва. Она хорошо послужила мне, но она мертва. Была жестокая схватка, когда мои Говорящие Рыбы атаковали место, где прятался Малки.

— Все же хорошо, что здесь не будет Антеак, — сказал Монео.

— Мне нравится то недоверие, с которым ты относишься к Бене Гессерит, но я бы хотел, Чтобы Антеак оставила нас другим способом. Она была верна нам, Монео.

— Преподобная Мать была...

— Завладеть тайной Малки хотели и Бене Тлейлакс, и Гильдия, — сказал Лето. — Когда они увидели, что мы направились к Иксу, они нанесли удар, опередив моих Говорящих Рыб. Антеак... она смогла лишь немного задержать их, но и этого было достаточно. Мои Говорящие Рыбы успели вторгнуться в то место...

— Тайна Малки, господин?

— Когда что-то пропадает, — сказал Лето, — это столь же ценное сведение, как и то, которое мы получаем, когда что-то внезапно появляется. Пустое место всегда достойно самого пристального изучения.

— Что мой господин имеет в виду под пустым местом...

— Малки не умер! Определенно, я должен был это знать. Куда он направился, когда исчез?

— Исчез... для вас? Господин, вы хотите сказать, что иксианцы...

— Они усовершенствовали машину, которую когда-то очень давно сами подарили мне. Они совершенствовали ее медленно и незаметно, пряча, так сказать, раковины в раковинах. Но я видел тени от их движений. Я был удивлен, но это доставило мне удовольствие.

Монео погрузился в раздумья. *Машина, которая могла скрыть...* Ах! Бог-Император упоминал этот предмет несколько раз, говоря о приборе, который может скрывать мысли, которые он записывал.

Мажордом заговорил.

— И Малки везет эту тайну...

— О да. Но в действительности это не секрет самого Малки. На самом деле в его груди прячется другая тайна, о которой, как он думает, я даже не подозреваю.

— Другая... Но, господин, если они могут скрывать даже от вас...

— Теперь многие могут это делать, Монео. Они бросились врассыпную и рассеялись, когда их атаковали мои Говорящие Рыбы. Секреты иксианских машин распространяются по моей Империи, как лесной пожар. Глаза Монео расширились, он был явно встревожен.

— Господин, если кто-нибудь...

— Если они поумнели, то не оставят следов, — сказал Лето. — Сажи мне, Монео, что говорит Наила о Дункане? Она пересыпает рапорты прямо тебе?

— Как прикажет мой господин, — Монео откашлялся. Он не мог понять, почему Господь Лето говорит о спрятанных следах, Наиле и Дункане одновременно.

— Конечно, ты сделаешь так, как я прикажу, — сказал Лето. — То же самое относится и к Наиле. Но что она говорит о Дункане?

— Он не собирается сходиться с Сионой, если это то, что интересует...

— Меня интересует, что он делает с моим игрушечным наивом Гаруном и другими музейными фрименами?

— Он рассказывает им о старой жизни, о войнах против Харконнена, о первых Атрейдесах здесь, на Арракисе.

— На Дюне.

— Да, на Дюне.

— Фрименов больше нет именно потому, что нет больше Дюны, — сказал Лето. — Ты передал мое послание Наиле?

— Господин, зачем вы прибавляете себе опасности?

— Ты передал мое послание?

— Посланница уже на пути в Туоно, но я могу в любой момент отозвать ее с дороги.

— Ты не станешь ее отзывать!

— Но, господин...

— Что она скажет Наиле?

— Она прикажет от вашего имени, чтобы Наила продолжала полностью и беспрекословно подчиняться моей Дочери во всем, кроме того, что касается... Господин! Это очень опасно!

— Опасно? Наила — Говорящая Рыба. Она подчинится мне.

— Но Сиона... Господин, я боюсь, что моя дочь не служит вам всем сердцем, а Наила...

— Наила не должна уклоняться с предписанного ей пути.

— Господин, давайте перенесем свадьбу в другое место.

— Нет!

— Господин, я знаю, что ваше видение открыло вам...

— Золотой Путь продолжается, Монео. Ты знаешь это так же хорошо, как и я.

Монео вздохнул.

— В вашем распоряжении вечность, господин. Я не ставлю под вопрос... — он осекся, ибо в этот момент страшный рев двигателей сотряс башню до основания. Чудовищный звук становился все громче и громче.

— О, вот и прибыли мои гости, — сказал Лето. — Я пошлю тебя им навстречу в моей тележке. Доставь сюда одного Малки. Передай пилотам Гильдии, что этим они заслужили мое прощение и отошли их прочь.

— Господин, вы прощ... Слушаюсь, господин. Но если они тоже обладают секретом...

— Они послужат моей цели, Монео. Ты должен делать то же самое. Итак, доставь сюда Малки.

Монео послушно направился к тележке, которая стояла в дальнем углу зала. Он взобрался на нее и взглянул на то, как уста ночи поглощают стену. В ночь выдвинулась посадочная площадка. Тележка легко, как пушинка, взмыла в воздух и приземлилась на песке рядом с кораблем Гильдии, который стоял, словно уменьшенная копия башни Малой Цитадели.

Лето с балкона наблюдал за этой сценой, слегка приподняв свой передний сегмент, чтобы лучше видеть происходящее. Острое зрение позволяло ему видеть, как Монео, стоя в тележке, приблизился к кораблю. Длинноногие пилоты вынесли из корабля продолговатый контейнер на носилах, о чём-то поговорили с Монео и вернулись в корабль. Лето запечатал воздушным колпаком тележку с контейнером, заметив, как лунный свет отблескивает от прозрачной гладкой поверхности. Подчиняясь мысленному приказу Лето, тележка с носилками вернулась на посадочную площадку. Пока Лето ставил тележку в зал, корабль Гильдии с прежним ревом взмыл в воздух. Лето открыл колпак, запер зал и, подняв передний сегмент, посмотрел на Малки, который в сонном состоянии лежал на носилах, привязанный к ним широкими эластичными бинтами. Лицо этого человека, обрамленное темно-седыми волосами, было мертвенно-бледным. *Как же он постарел*, подумал Лето. Монео сошел с тележки и тоже всмотрелся в лицо гостя.

— Он ранен, господин. Они хотели послать за врачом...

— Они хотели заслать сюда шпиона.

Лето внимательно всматривался в темное морщинистое лицо Малки. Щеки запали, острый нос выглядел нелепым контрастом на овальном лице. Широкие брови были совсем седыми. Видимо, тестостерон иссяк, хотя его и было в избытке всю жизнь Малки... да... Малки открыл глаза. Каким потрясением было убедиться что в глазах этого старика могут отражаться такие злые Губы Малки дрогнули в иронической усмешке.

— Господин Лето, — едва слышным шепотом произнес он посмотрел направо, посмотрел на мажордома. — А вот и Монео, прости, что не могу приветствовать тебя.

— Тебе больно? — спросил Лето.

— Временами, — ответил Малки, оглядывая зал. — Где же ваши гурии?

— Боюсь, что на этот раз мне придется отказать вам в этом удовольствии, Малки.

— Это и хорошо, — согласился Малки прежним хриплым шепотом. — Боюсь, что сейчас мне будет не до них. Те, которых вы послали ко мне, были далеко не гурии.

— Их профессия — выполнять мои приказы, — сказал Лето.

— Это были какие-то кровавые охотники!

— Охотницей была Антеак. Говорящие Рыбы — это просто коммандос.

Монео по очереди рассматривал собеседников. В их разговорах был какой-то непонятный для мажордома контекст. Малки, несмотря на свое плачевное состояние, был почти дерзок. Впрочем, Монео и не помнил его другим. Очень опасный человек!

— До твоего прибытия мы с Монео обсуждали вопрос о бесконечности, — сказал Лето.

— Бедный Монео, — произнес Малки.

Лето улыбнулся.

— Ты помнишь, Малки? Однажды ты попросил показать тебе бесконечность.

— Вы ответили, что показать бесконечность невозможно, для демонстраций ее не существует. — Малки перевел взор на Монео. — Лето любит играть парадоксами. Он знает все языковые трюки, которые когда-либо были изобретены и открыты.

Монео с трудом подавил приступ гнева. Он чувствовал, что его попросту исключили из этой беседы двух высших существ. Малки и Бог-Император вели себя почти как старые друзья, которые, встретившись, с удовольствием вспоминают общее прошлое.

— Монео обвинил меня в том, что я считаю себя единственным обладателем бесконечности, — говорил Лето. — Он отказывается верить, что в его распоряжении не меньше бесконечности, чем у меня.

Малки внимательно посмотрел на Лето.

— Видишь, Монео, как он играет словами?

— Расскажи мне лучше о своей племяннице, Хви Нори, — сказал Лето.

— Верно ли то, что мне рассказали, Лето? Верно ли, что ты собираешься жениться на ней?

— Да, это верно.

Малки усмехнулся, потом скривился от боли.

— Они ужасно меня покалечили, Лето, — прошептал Малки. — Скажи-ка мне, Старый Червь...

Монео обомлел.

Малки подождал, пока стихнет боль и продолжал:

— Скажи мне, Старый Червь, где в этом чудовищном теле прячется чудовищный член? Какое потрясение для нежной Хви!

— Я давно сказал тебе правду об этом, — сказал Лето.

— В этом мире никто не говорит правду, — прохрипел Малки.

— Ты часто говорил мне правду, — возразил Лето. — Правда, иногда ты и сам об этом не догадывался.

— Это оттого, что ты умнее всех нас вместе взятых.

— Так ты расскажешь мне о Хви?

— Думаю, что ты и так про нее все знаешь.

— Я хочу услышать это от тебя, — сказал Лето. — Вы получали помощь от тлейлаксианцев?

— Они поделились с нами знаниями, более ничем. Все остальное мы сделали сами.

— Я так и думал, что это делали не тлейлаксианцы.

Монео был больше не в силах сдерживать свое любопытство.

— Господин, какая может быть связь между Хви и Тлейлаксу? Почему вы...

— Вот так, старый приятель Монео, — ответил Малки за Лето, скосив глаза на мажордома. — Разве ты не знаешь, что...

— Я никогда не был твоим приятелем, — огрызнулся Монео.

— Скажем, товарищем по похождениям с гуриями, — смиренно согласился с Монео Малки.

— Господин, — Монео обратился к Лето, — почему вы говорите о...

— Тс-сс, Монео, — сказал Лето. — Мы утомляем твоего старого товарища, а я все же хочу от него кое-что услышать.

— Ты никогда не задавал себе вопрос, Лето, — прошептал Малки, — почему Монео не взял в один прекрасный день и не лишил тебя всего твоего дурмана.

— Чего? — не понял Монео.

— Я имею в виду Пряность, — ответил Малки. — Когда-то Лето и сам очень любил это слово. Кстати, почему бы тебе не переименовать свою Империю в Империю Дури, а? Великая Дурь! Это звучит.

Лето поднял руку, заставив Монео замолчать.

— Малки лучше расскажи мне о Хви.

— Всего несколько крошечных клеток, взятых из моего организма, — ответил пленник. — Ее вырастили, тщательно воспитали и дали блестящее образование — в общем, все в

противоположность твоему старому другу Малки. Мы сделали это, можно сказать, нигде, чтобы ты не мог за нами подсмотреть.

— Ты забыл, что я мог заметить твое исчезновение.

— Нигде? — переспросил Монео, до которого только теперь дошел смысл слов Малки. — Ты? Ты и Хви...

— Именно эти силуэты я видел в тени, — сказал Лето.

Монео посмотрел в глаза Императора.

— Господин, я отменю свадьбу. Я скажу...

— Ты не сделаешь ничего подобного!

— Но, господин, если она и Малки — это...

— Монео, — прохрипел Малки, — твой господин приказывает и тебе придется подчиниться.

— Какой издевательский тон! — Монео уставился на Малки пылающим взглядом.

— Она же полная противоположность Малки, разве ты не слышал, Монео?

— Что может быть лучше? — спросил Малки.

— Но, господин, если вы теперь точно знаете...

— Ты начинаешь действовать мне на нервы, Монео, — произнес Лето.

Монео озадаченно замолчал.

— Вот так-то лучше, — сказал Лето. — Знаешь, Монео, несколько десятков тысяч лет назад, когда я был совсем другим человеком, я допустил ошибку.

— Ты и ошибку? — съязвил Малки.

Лето улыбнулся в ответ.

— Моя ошибка простительна, если учесть тот прекрасный способ, которым я ее совершил.

— Словесная эквилибристика, — продолжал подначивать Малки.

— Именно так! Я сказал тогда: «Настоящее — это отвлечение; будущее — сон; только память является ключом к смыслу жизни». Разве это не прекрасные слова, Малки?

— Исключительно прекрасные, Старый Червь.

Монео в ужасе прижал руки к губам.

— Но в действительности эти слова не более чем глупая ложь, — сказал Лето. — Я знал это и тогда, но меня завораживали красивые слова. Нет, память не открывает нам ровно никакого смысла. Без мук духа, который является бессловесным опытом, нельзя постичь никакого смысла вообще.

— Я не в состоянии постичь смысл мучений, которым подвергли меня твои проклятые Говорящие Рыбы, — сказал Малки.

— Ты не переживаешь никаких мучений, — отрезал Лето.

— Если бы ты сейчас был в моей шкуре...

— Это просто физическая боль, — произнес Лето. — Она скоро пройдет.

— Когда же я познаю муку?

— Вероятно, позднее.

Изогнув верхний сегмент своего туловища, Лето отвернулся от Малки и посмотрел на Монео.

— Ты действительно служишь Золотому Пути? — спросил он.

— Ах да, этот Золотой Путь! — издевательским тоном произнес Малки.

— Вы же знаете, что служу, — ответил Монео.

— Тогда ты должен пообещать мне, — сказал Лето, — то все, что ты сейчас услышишь, никогда не сорвется с твоих уст, даже случайно. Ни одним словом, ни одним жестом ты не посмеешь никому об этом сказать.

— Я обещаю, господин.

— Он обещает, господин, — передразнил Малки.

Своей крошечной рукой Лето указал Монео на Малки который, лежа на спине, смотрел на четкий профиль лица, окруженного серой складкой.

— Когда-то я восхищался этим человеком... да и по многим другим причинам я не могу сам убить Малки. Я даже не могу просить об этом тебя, но... его надо устраниТЬ.

— О, как же ты умен! — протянул Малки.

— Господин, если вы подождете в противоположном Конце зала, — сказал Монео, — то, вернувшись назад, вы увидите что с Малки больше нет проблем.

— Он сделает это, — прохрипел Малки. — Боже мой! Ведь он это сделает!

Лето отполз в противоположный конец зала, глядя на высокую арку, которая могла превратиться в выход при первой же мысли-команде. Как же долго ему придется падать. если он, открыв выход, просто перекатится через ограждение. Вероятно, падение с такой высоты не выдержит даже его тело. Но в песках под башней не было воды, и он почувствовал, что перед его внутренним взором замаячил Золотой Путь, который возник сразу, как только он подумал о самоубийстве.

— Лето! — окликнул его Малки.

Император услышал, как заскрипели носилки на песке, рассыпанном по полу зала.

Малки снова позвал:

— Лето, ты просто великолепен! В мире нет зла, которое могло бы превзойти...

Раздался глухой удар, и голос Малки пресекся. *Удар в горло*, подумал Лето. Да, Монео хорошо знает этот удар. Послышался шорох песка — Монео вытянул носилки на балкон... потом все стихло.

Монео придется похоронить тело в песке, подумал Лето, ибо нет червя, который мог бы прийти и пожрать эту улику. Лето оглянулся и посмотрел в сторону Монео. Мажордом стоял у балконного ограждения и долгим взглядом смотрел вниз... вниз... вниз...

Я не могу помолиться ни за тебя, Малки, ни за тебя, Монео, подумал Лето. Я могу быть единственным религиозным сознанием в Империи, потому что я воистину одинок... Поэтому я не в состоянии молиться.

Вы не сможете понять истории, если не поймете ее течения, ее направления и тех путей, по которым движутся вожди, лавируя между этими силами. Вождь стремится увековечить условия, которые требуются для сохранения его власти. Таким образом, вождь нуждается в аутсайдерах. Я предостерегаю вас от того, чтобы тщательно исследовать мою карьеру. Я — одновременно вождь и аутсайдер. Не делайте ошибки, предполагая, что я только создал Церковь, которая была одновременно Государством. То была моя функция как вождя, и я имел перед глазами массу исторических моделей, которые послужили мне образцом. Для того же, чтобы оценить меня как аутсайдера, изучите искусство моего времени. Оно было поистине варварским. Какая поэзия почиталась превыше всего? Эпическая. Драматический идеал народа? Героизм. Танцы? Забыты С точки зрения Монео, а он был абсолютно прав, такое положение вещей можно считать опасным. Оно стимулирует воображение. Оно заставляет народ чувствовать недостаток того, что я у него отнял. Но что я отнял? Право участвовать в истории.

Айдахо, вытянувшись во весь рост с закрытыми глазами на лежанке, услышал, как кто-то тяжело опустился на соседнюю койку. Он сел, открыл глаза и увидел ту же Постылую комнату с единственным окном, сквозь которое проникал свет, отражавшийся от белого, выложенного плиткой пола, и освещавший желтые стены. Он увидел, что в комнату вошла Сиона и легла на соседнюю кушетку с книгой в руках. Она привезла с собой массу книг в большой матерчатой сумке. Зачем ей столько книг? — думал он. Он опустил ноги на пол и огляделся. Как может этот вместительный бокс с высокими потолками считаться чем-то фрименским? Между лежанками стоял стол из какого-то темного местного пластика. В комнате было две двери. Одна выходила в сад. Другая вела в роскошную ванную комнату под открытым небом, в которой среди прочих удобств были ванна и душ — то и другое площадью около двух квадратных метров. Дверь в это сибаритское помещение была постоянно открыта и там постоянно текла вода, Сиона пристрастилась купаться в таком ее избытке.

Стилгар, наиб Айдахо из тех незабываемых древних времен, скорчил бы презрительную гримасу и нашел бы массу подходящих слов При виде такой роскоши: «Позор! — сказал бы он. — Слабость! Декаданс!» Вообще Стилгар высказал бы много уничтожающих слов по поводу всей этой деревни, которая осмеливалась сравнивать себя с настоящим фрименским сиетчем.

Зашуршала бумага — это Сиона перевернула страницу. Девушка лежала, положив голову на две подушки, одетая только в тонкий халат, прилипший к ее влажному после ванны телу.

Айдахо покачал головой. Что же на этих страницах вызывает такой неподдельный интерес? Она читала и перечитывала книги с самого их приезда. Книги были тонкими, но зато их было много, а на томах стояли лишь номера. Айдахо разглядел на сегодняшней книге номер девять.

Он встал и подошел к окну. В отдалении какой-то старик возился с цветами. С трех сторон сад был защищен тремя зданиями. Кустарник цвел большими цветами. — красными по краям и белыми внутри. Седая непокрытая голова старика — сама похожая на большой цветок — плыла между красными соцветиями и набухшими почками. Айдахо втянул носом воздух, с удовольствием ощутив на фоне цветочного аромата смолистый запах листьев и едкий запах свежевзрытой земли.

Фримен, возделывающий цветы на открытом воздухе!

Сиона не делилась с Айдахо впечатлениями от прочитанного, а он не задавал ей лишних вопросов, считая, что она просто дразнит его. Хочет, чтобы я спросил первый, думал он.

О Хви он старался не думать. Когда эти мысли являлись в его голове, Айдахо начинал испытывать диковинную ярость, которая грозила затопить все его существо. Он помнил старинное слово, обозначавшее такую ревность, — канава — железный обруч ревности. Где Хви? Что она сейчас делает?

Дверь, ведущая в сад, без стука отворилась, и вошел помощник Гаруна Тейшар. У этого Тейшара было мертвенно лице, покрытое сетью темных морщин. Зрачки глубоко запавших глаз были обведены желтыми кругами. Носил он коричневую накидку. Волосы напоминали траву, оставленную на поле, чтобы сгнить и удобрить почву. Он был как-то нарочито безобразен, как дух темной стихии.

Сзади раздался недовольный голос Сиона.

— Ну что там еще?

Айдахо заметил, что голос девушки оказывал на Тейшара странно возбуждающее действие.

— Бог-Император... — заговорил Тейшар и закашлялся. Прочистил горло и начал снова: — Бог-Император прибывает в Туону.

Сиона стремительно села, натягивая халат на колени. Айдахо оглянулся на нее, потом снова посмотрел на Тейшара.

— Церемония бракосочетания пройдет здесь, в Туоне! — возвестил Тейшар. — Все будет сделано по древнему фрименскому ритуалу! Бог-Император и его невеста будут гостями Туона!

Охваченный ревностью, Айдахо непроизвольно сжал кулаки. Тейшар, заметив это, суетливо склонил голову и быстро вышел, плотно закрыв за собой дверь.

— Хочешь, я кое-что тебе прочитаю, Дункан? — спросила Сиона.

Какое-то мгновение Айдахо соображал, что именно она сказала. Кулаки его все еще были сжаты, он обернулся и посмотрел на Сиону. Она сидела на краю лежанки с книгой на коленях. Его внимание она приняла за знак согласия.

— Некоторые полагают, — начала читать Сиона, — что должно нарушить свою цельность некими грязными делами, прежде чем начать пользоваться своим гением. Говорят, что это нарушение цельности начинается тогда, когда вы покидаете свое святое «я», чтобы понять, в чем состоят ваши идеалы. Монео считает, что мое решение состоит в том, чтобы не покидать свое святое «я», а заставить других выполнить мою грязную работу.

Она взглянула на Айдахо.

— Бог-Император, это его доподлинные слова. Айдахо медленно, словно нехотя, разжал кулаки. Ему будет полезно отвлечься. Было интересно, кроме того, что Сиона нарушила наконец свое молчание.

— Что это за книга? — спросил он.

Она вкратце рассказала ему, как они с товарищами выкрали план Цитадели и копии записок Лето.

— Естественно, ты знал об этом, — сказала девушка. — Мой отец доложил, что шпионы, нас выследили.

Айдахо увидел, что в глазах Сионы блеснули слезы.

— Волки убили девятерых из вас? Она молча кивнула в ответ.

— Ты паршивый командир, — сказал он.

Она ощетинилась, но он не дал ей заговорить, задав следующий вопрос:

— Кто перевел их для тебя?

— Иксианцы. Они утверждают, что Гильдия нашла ключ.

— Мы и так знаем, что наш Император не упускает своей выгоды, — сказал Айдахо. — Что еще он говорит?

— Почитай сам, — она порылась в сумке и вытащила оттуда первую книгу перевода, которую она небрежно бросила на его лежанку. Когда Айдахо вернулся к своей койке, она спросила: — Почему ты сказал, что я паршивый командир?

— Ты совершенно глупо потеряла девять своих людей.

— Как ты глуп! — воскликнула она. — Ты же никогда в жизни не видел этих волков.

Он поднял книгу, удивившись ее тяжести, потом понял что она напечатана на кристаллической бумаге.

— Надо было как следует вооружиться против волков, — сказал он, открывая первую тетрадь.

— Каким оружием? Против них не действует никакое доступное нам оружие!

— И лазерные ружья? — спросил он, переворачивая страницу.

— Только дотронься на Арракисе до лазерного ружья, как Червь тотчас узнает об этом!

Айдахо перевернул следующую страницу.

— Однако со временем твои друзья раздобыли лазерные ружья.

— И что из этого вышло?

Айдахо прочел одну строчку, потом сказал:

— Вам вполне доступен был яд. Сиона судорожно глотнула. Айдахо взглянул на нее.

— Вы же отравили волков в конце концов, ведь так?

Ее голос почти превратился в шепот.

— Да.

— Тогда почему вы не сделали этого с самого начала? — спросил он.

— Мы... не... знали... тогда... что... можем... это... сделать.

— Но вы даже не попробовали подумать, — сказал Айдахо и снова вернулся к книге. — Нет, ты плохой командир.

— Он такой хитрый! — воскликнула Сиона. Айдахо прочитал один абзац, потом снова посмотрел на Сиону.

— Такая характеристика не описывает его полностью. Ты читала все это?

— Каждое слово! Некоторые места по несколько раз. Айдахо взглянул на раскрытую страницу и начал читать:

— Я создал то, что и намеревался создать, — мощное Духовное напряжение во всей Империи. Немногие чувствуют силу этого напряжения. С помощью какой энергии я его создал? Я сам не настолько силен. Единственная власть которой я обладаю, — это власть контролировать личное преуспечение каждого. Это вершина всего, что я сделал. Но почему тогда люди ищут моего присутствия в других вещах? Что может вести их к неминуемой смерти в их стремлении достичь моего присутствия? Они хотят быть святыми? Они воображают, что таким способом смогут прозреть, как Бог?

— Он законченный циник, — в голосе Сионы явственно послышалось рыданье.

— Как он испытал тебя?

— Он показал... он показал мне свой Золотой Путь.

— Этот удобный...

— Он очень реален, Дункан. — Она взглянула на него глазами, в которых еще блестели не вытертые слезы. — Но даже если это причина и достаточное основание для существования Бога-Императора, то это не основание для того, каким он стал!

Айдахо сделал глубокий вдох.

— До этого дошел Атрейдес!

— Червь должен уйти!

— Интересно, когда он придет? — задумчиво произнес Айдахо.

— Этот похожий на крысу маленький друг Гаруна ничего не сказал.

— Надо спросить, — предложил Айдахо.

— У нас нет оружия, — сказала Сиона.

— У Наилы есть лазерное ружье, — подсказал Айдахо. — У нас есть ножи... веревка. Я видел веревку в кладовой Гаруна.

— Против Червя? — спросила она с сомнением. — Даже если мы отнимем ружье у Наилы, то оно не причинит ей никакого вреда.

— Но устоит ли против ружья его тележка?

— Я не доверяю Наиле, — вдруг сказала Сиона.

— Разве она не подчиняется тебе?

— Да, но...

— Давай продвигаться постепенно, — сказал Айдахо. — Спроси Наилу, сможет ли она выстрелить из ружья по тележке Червя?

— А если она откажется?

— Убей ее.

Сиона встала и отложила в сторону книгу.

— Как Червь попадет в Туоно? — спросил Айдахо. — Он слишком велик и тяжел, чтобы поместиться в орнитоптер.

— Об этом нам скажет Гарун, — сказала Сиона. — Но я думаю, что он придет так, как он всегда путешествует на дальние расстояния.

Она взглянула на карниз, венчавший стену периметра Сарьира.

— Думаю, что это будет его обычное паломничество в сопровождении придворных. Он пройдет по Королевской Дороге, а сюда войдет на подвеске тележки. — Она посмотрела на Айдахо.

— Что ты можешь сказать о Гаруне? — спросила она.

— Странный человек. Он отчаянно хочет быть настоящим фрименом, но понимает, что он не тот, какими были они в мое время.

— А какими они были в твоё время, Дункан?

— У них была пословица, которая говорила о них лучше любых ученых книг, — ответил Айдахо.

— Никогда не дружи с тем, с кем бы ты не хотел умереть.

— Ты говорил это Гаруну?

— Да.

— И что он ответил?

— Он сказал, что я — единственный такой человек из всех, кого он знал.

— Возможно, Гарун мудрее всех нас, — сказала Сиона.

Вы думаете, что власть есть самое неустойчивое из достижений человечества? Тогда что вы скажете по поводу явных исключений из этой внутренней нестабильности? Некоторые династии правит веками. Известны очень долговечные религиозные бюрократии. Примите во внимание соотношение веры и власти. Они взаимно исключают друг друга, притом что зависят друг от друга. Бене Гессерит обезопасим себя за стенами веры и просуществовал тысячи лет. Но куда делась его власть?

— Господин, я просил бы вас дать мне больше времени, — раздраженно сказал Монео.

Он стоял во дворе Цитадели, укрывшись в короткой полуденной тени. Лето лежал прямо перед ним в своей тележке со сдвинутым назад защитным колпаком. Лето только что совершил выезд вместе с Хви Нори, сидевшей в недавно установленном на тележке кресле, расположенном возле лица Лето. Хви проявляла простое человеческое любопытство по отношению ко всей суете, которая творилась сейчас вокруг них.

Как она спокойна, думал Монео. Он подавил дрожь, которая возникала в нем всякий раз, когда он вспоминал о ее столь близком родстве с Малки. Бог-Император прав. Хви в действительности является такой, какой кажется, — исключительно приятным и понятливым созданием *Она действительно сошлась бы со мной?* — с недоумением думал Монео.

Мысли о делах отвлекли его от дум о Хви. Пока Лето катал свою невесту вокруг Цитадели, здесь собирались придворные и Говорящие Рыбы. Придворные были разодеты в лучшие свои одежды, украшенные бриллиантами и расшитые золотыми и красными цветами. Говорящие Рыбы были в парадной форме, синий цвет которой оживляли лишь знаки различия. Повозку с вещами, которая следовала в арьергарде, толкали несколько Говорящих Рыб. Воздух был полон пыли и казался тяжелым от звуков и запаха всеобщего возбуждения. Большинство придворных были недовольны, узнав, куда им предстоит направиться. Некоторые немедленно начали скучать для себя тенты и легкие павильоны. Их предстояло высматривать вперед, и сейчас все это имущество было свалено на песке возле Туоно. Говорящие Рыбы не воспринимали происходящее как праздник. Настроение их было скорее подавленным. Они громко высказывали свое недовольство, когда им сказали, что Лето запретил брать с собой лазерные ружья.

— Еще немного времени, — жалобно просил Монео. — Я не знаю, как мы будем...

— При решении многих проблем нет замены времени, — сказал Лето. — Однако ты возлагаешь на время слишком многое. Я не могу больше терпеть задержек.

— Нам понадобится три дня только для того, чтобы Добраться до места, — жаловался Монео.

Лето задумался. Ходьба — бег — ходьба: как всегда при паломничестве. До Туоно сто восемьдесят километров. Да, ничего не поделаешь, три дня.

— Я надеюсь, что ты хорошо позаботился о местах стоянок, — сказал Лето. — Должно быть много горячей воды Для снятия судорог в икрах.

— Нам будет достаточно удобно, — сказал Монео, — но мне не нравится сама мысль оставить Цитадель в такое время! И вы знаете почему!

— У нас есть средства связи и верные помощники. Гильдия пока не поднимет голову, получив свое. Не волнуйся, Монео.

— Мы могли бы провести церемонию в Цитадели!

Вместо ответа Лето закрыл колпак, отделив себя и Хви от внешнего мира.

— Это очень опасно, Лето?

— Это всегда опасно.

Монео вздохнул и побежал туда, куда направилась тележка, начав подъем на восток, прежде чем свернуть к югу, чтобы обойти Сарыир. Лето привел в движение тележку, глядя, как вся его пестрая свита устремилась следом, стараясь не отставать.

— Мы все движемся? — спросил Лето. Хви оглянулась, перегнувшись через него.

— Да, — она посмотрела ему в глаза. — Почему Монео так переживал?

— Монео только что впервые открыл для себя, что прошедшего мгновения не вернешь.

— Он был в очень дурном расположении духа с тех пор, как ты вернулся из Малой Цитадели. Да что там, он просто не похож на себя.

— Монео — Атрейдес, любовь моя, а ты была создана для того, чтобы ублажать Атрейдесов.

— Нет, я бы знала, если бы это было так.

— Да... ну тогда, может быть, до Монео дошла страшная простота смерти.

— Что было в Малой Цитадели, когда ты был там Монео? Какова она?

— Это самое уединенное место во всей Империи.

— М не кажется, ты уходишь от ответа на мои вопросы.

— Нет, любовь моя. Я разделяю твою озабоченность по поводу Монео, но ему сейчас не помогут никакие объяснения. Он в ловушке. Он узнал, что очень трудно жить в настоящем, бесцельно жить в будущем и невозможно жить в прошлом.

— Мне кажется, что это ты загнал его в ловушку, Лето.

— Но освобождаться ему придется самому.

— Но почему ты не можешь его освободить?

— Потому что он думает, что моя память — это ключ к его освобождению. Он думает, что я строю будущее, опираясь на прошлое.

— Но разве не делается всегда именно так?

— Нет, дорогая Хви.

— Но тогда как?

— Многие думают, что удовлетворительное будущее строится, если удается вернуться в идеализированное прошлое, которое в действительности никогда не существовало.

— А ты, обладая феноменальной исключительной памятью, убежден в обратном.

Лето повернул к Хви свое лицо и испытующе посмотрел в глаза невесте. Из того множества образов, которые существовали в его памяти, он мог выбрать генетического близнеца для Хви или хотя бы нечто очень похожее.

Правда, этот двойник был далек от воплощения живой Хви. Ничего не поделаешь, это было так. Прошлое выстраивало бесконечные ряды безжизненных глаз, которые смотрели вовне, а Хви вся лучилась вибрирующей энергией жизни. У нее были греческие губы, словно созданные для дельфийских речитативов, но она не произносила пророчеств. Ей вполне хватало реальной жизни, она была словно благоухающий цветок, готовый раскрыться навстречу ласковому солнцу.

— Почему ты так на меня смотришь? — спросила она.

— Я хочу погреться в твоей любви.

— Да, в любви, — она улыбнулась. — Мне кажется, что, поскольку мы не можем разделить любовь плоти, нам надо разделить любовь душ. Ты разделишь со мной такую любовь, Лето?

Он отпрянул.

— Ты спрашиваешь меня о моей душе?

— Я уверена, что о ней тебя спрашивали и другие.

Он коротко ответил:

— Моя душа переваривает мой опыт, вот и все, что о ней можно сказать.

— Я слишком много от тебя хочу? — спросила она.

— Думаю, что для меня не существует понятия «слишком много».

— Тогда я, полагаясь на нашу любовь, позволю себе не согласиться с тобой. Мой дядя Малки говорил, что у тебя есть душа.

Лето вдруг почувствовал, что не может отвечать. Она же восприняла его молчание как приглашение продолжать.

— Он говорил, что ты — художник в том, что касается исследования души, и прежде всего своей собственной души.

— Но твой дядя Малки всегда отрицал, что у него самого есть душа!

Она услышала грубые ноты в его голосе, но это не заставило ее изменить позицию.

— Все же я думаю, что он был прав. Ты гений души, причем блестательный гений.

— Для гениальности нужно только упорство и неторопливость, но не блеск.

Между тем тележка поднялась на гребень, тянувшийся вдоль периметра Сарыира. Лето выпустил колесное шасси и отключил подвеску.

Хви снова тихо заговорила, ее голос был почти не слышен из-за скрипа песка под колесами и топота множества бегущих ног.

— Можно я все же буду называть тебя любимым? Он ответил, преодолевая скованность в горле, которое было уже не вполне человеческим.

— Да.

— Я родилась иксианкой, любимый, — сказала она. — Почему я не могу разделить их механистического взгляда на вселенную? Ты знаешь мое отношение к вселенной, любимый мой Лето?

Он смог лишь удивленно взорваться на нее.

— На каждом шагу я вижу сверхъестественное, — сказала она.

Голос Лето стал хриплым. Даже он сам понял, что в нем зазвучали злобные интонации.

— Каждый человек создает для себя сверхъестественное.

— Не сердись на меня, любимый. Снова в ответ раздался ужасный хрип.

— Для меня невозможно сердиться на тебя.

— Но когда-то произошло что-то непоправимое между тобой и Малки, — продолжала Хви. — Он никогда не рассказывал мне об этом, но сказал, что всегда удивлялся тому, что ты пощадил его.

— Из-за того, что он многому научил меня.

— Что произошло между вами, любимый?

— Я не хочу сейчас говорить о Малки.

— Прошу тебя, любимый, это так важно для меня.

— Я сказал Малки, что есть вещи, которые люди не должны изобретать.

— И это все?

— Нет. — Лето говорил с явной неохотой. — Мои слова рассердили его. Он сказал: «Ты думаешь, что если бы не было птиц, то человек не создал бы самолет? Глупец! Люди могут изобрести все!»

— Он назвал тебя глупцом? — Хви была потрясена.

— Он был прав. И хотя он отрицал это, но говорил он истинную правду. Он научил меня тому, что есть причины осторегаться изобретений.

— Значит, ты боишься иксианцев?

— Конечно, боюсь! Они могут изобрести катастрофу!

— Но что ты можешь с этим поделать?

— Бежать быстрее их. История — это постоянное состязание между изобретениями и катастрофами. Помогает образование, но его иногда оказывается недостаточно.

— Ты делишься со мной своей душою, любимый, ты знаешь об этом?

Лето отвернулся и начал смотреть в спину бежавшего впереди Монео. Процессия миновала первую мелкую ложбину. Теперь она сделала поворот и начала подниматься на Круговую Западную Стену. Монео двигался, как всегда, ставя ноги одну впереди другой и рассматривая то место, куда предстояло шагнуть. Но все же в нем появилось что-то новое. Лето чувствовал, что мажордом больше не стремится оказаться рядом с лицом своего Императора и не хочет разделять его судьбу. Еще один поворот, на восток, вокруг лениво отдыхающего Сарыира. Монео не смотрел ни влево, ни вправо. Он искал свой путь, свой пункт назначения, свою личную судьбу.

— Ты не ответил мне, — сказала Хви.

— Ты и без того знаешь ответ.

— Да, — заговорила Хви. — Я начала кое-что понимать. Я чувствую некоторые твои страхи. Думаю, что уже понимаю, чем ты живешь.

Он повернулся к ней изумленным лицом и перехватил ее взгляд... Это было поразительно. Он не мог оторвать от нее глаз. Его пронзил глубинный страх, руки его начали трястись.

— Ты живешь там, — сказала она, — где соединяются страх бытия и любовь бытия, соединяются в одном человеке.

Он, не мигая, продолжал смотреть на нее.

— Ты мистик, — продолжала она, — нежный к самому себе только потому, что находишься в самом центре вселенной, смотрящей вовне, смотрящей такими глазами, которыми не может смотреть никто, кроме тебя. Ты боишься разделить это с другими, но хочешь сделать это больше чем кто бы то ни было другой.

— Что ты видела? — прошептал он.

— У меня нет внутренних глаз и нет внутренних голосов, — ответила она. — Но я увидела господина Лето, которого я люблю, и что я знаю то, что ты истинно понимаешь.

Он оторвал от нее взгляд, боясь услышать то, что она сейчас скажет. Дрожь в руках усилилась, теперь трясся весь передний сегмент.

— Любовь, вот, что ты понимаешь, — сказала она. — Любовь, и этим все сказано.

Его руки перестали дрожать. По щекам покатились слезы. Из тех мест, где слезы касались форельей кожи, начал подниматься синий дымок. Он почувствовал жжение и был благодарен за эту боль.

— Ты имеешь веру в любовь, — сказала Хви. — Я знаю, что мужество любви может опираться только на веру.

Она протянула руку и вытерла его слезы. Лето удивился, что капюшон из песчаных форелей не сократился, закрыв лицо от чужого прикосновения, как это всегда бывало.

— Знаешь, с тех пор, как я стал таким, ты — первый человек, коснувшийся моей щеки.

— Но я же знаю, кто ты и каким ты был, — просто сказала она.

— Каким я был... ах, Хви. То, что было мною, стало одним только лицом, а все остальное потеряно в памяти, ушло, навсегда растворилось.

— Но не для меня, любимый.

Он снова, но на этот раз без страха посмотрел ей в глаза.

— Возможно ли, чтобы иксианцы знали, что они сотворили?

— Уверяю тебя, Лето, любовь моей души, что этого они не знают. Ты — первый человек, перед которым я так открыла свою душу.

— Тогда я не стану оплакивать то, что могло быть, — сказал он. — Ты — моя любовь, я разделяю с тобой свою душу.

Думайте об этом, как о пластической памяти, как о той силе, которая влечет вас и ваших близких к пламенным формам. Эта пластическая память хочет вернуться в свою древнюю форму, в племенное сообщество. Все это находится вокруг вас — феодальные сословия, диоцезы, корпорации, воинские подразделения, спортивные клубы, танцевальные группы, революционные ячейки, плановые отделы, религиозные секты... каждая форма со своими хозяевами и рабами, врагами и паразитами. Тучи отчуждающих приспособлений и самые слова со временем становятся аргументами в пользу возвращения к старым лучшим временам. Я отчаялся научить вас иным путям. У вас прямолинейное мышление, которое чуждо округлой спирали.

Айдахо вдруг понял, что может взбираться в гору, совершенно не замечая подъема. Это тело, выращенное трейлерами, помнило такие вещи, о которых на Трейлерс даже не подозревали. Его юность протекала много эонов назад, но мышцы были молоды и хранили память той, давно прошедшей юности. В детстве он учился выживанию в скалах своей родной планеты. И не важно, что те скалы, которые он преодолевал сейчас, были созданы руками человека, они тоже окончательно формировались под действием ветров на протяжении столетий.

Утреннее солнце пекло спину Айдахо. Он слышал, как Сиона пытается закрепиться на узком выступе далеко внизу. Это положение не имело никакой выгоды для Айдахо, но между ним и Сионой произошел спор, в результате которого она согласилась, что им надо совершить восхождение.

Им.

Она не захотела, чтобы он шел один.

Наила, трое ее Говорящих Рыб, Гарун и еще три музейных фримена ждали на песке у подножия Вала, который окружал Сарыр.

Айдахо не думал о высоте Вала. Он думал только о том, куда поставить ногу и за что схватиться рукой. Он думал о легкой веревке, обмотанной вокруг его плеч. Эта веревка и была *высотой* Вала. Он, пользуясь триангуляциями, вычислил высоту на земле и отрезал веревку соответствующей длины. Если веревка достаточной длины, то она достаточной длины. Ее длина равняется высоте Вала. Все прочее только затуманивало рассудок.

Ощупывая стену в поисках невидимых неровностей, за которые можно было бы ухватиться, Айдахо медленно продвигался вверх по отвесной стене... впрочем, по не совсем отвесной. Ветер, песок, жар, холод и дожди славно поработали над этой стеной в течение трех тысяч лет. Айдахо целый деньостоял на песке под стеной, изучая по теням все выступы и неровности, чтобы облегчить себе Подъем. Он прочно отпечатал у себя в памяти все видимые с земли неровности, шероховатости, впадины и углубления.

Вот его пальцы ухватились за широкую трещину. Он попробовал, выдержит ли камень его вес. Да, выдержит. Он немного передохнул, прижавшись лицом к теплому Камню, не глядя ни вниз, ни вверх. Он находился просто *здесь*. Все дело заключалось в том, чтобы выбрать темп — Это было самым важным. Плечи не должны слишком скоро устать. Вес должен быть равномерно распределен между руками и ногами. Пальцы, конечно, травмировались, но пока были целы кости и сухожилия, на кожу можно просто не обращать внимания.

Он прополз еще чуть-чуть вверх. Из-под его руки скатился вниз кусок камня. На правую щеку просыпалась песок и пыль, но он даже не заметил этого. Каждая частица его внимания была сосредоточена на хватке рук и на ногах, которые упирались в едва заметные выступы скальной породы. Он был сейчас пылинкой, созданием, игнорировавшим закон всемирного тяготения... здесь зацепился пальцами рук, там оперся мысками стоп, вот прилип к камню, держась только на силе своей воли.

Один из карманов Дункана оттопыривался от девяти гвоздей, но он пока воздерживался от их применения. С пояса свисал молоток, привязанный на шнуре, узел которого Айдахо мог отыскать по памяти.

Наила проявила упорство и не хотела отдавать лазерное ружье. Однако она подчинилась прямому приказу Сиона сопровождать их. Странная женщина... и странное у нее послушание.

— Разве ты не клялась беспрекословно мне подчиняться? — спросила у нее Сиона.

Упрямство Наилы было преодолено. Позже Сиона сказала:

— Она всегда выполняет только прямые приказания.

— Тогда нам не придется ее убивать, — заключил Айдахо.

— Я бы не хотела даже пытаться это делать. Ты не имеешь даже отдаленного представления о ее силе и реакции.

Гарун, музейный фримен, который спал и видел, как он станет настоящим наивом старого образца, указал место для восхождения, ответив на вопрос Айдахо: «Как Бог-Император попадет в Туон?»

— Тем же путем, каким он пользовался во времена моего пррапрапрадедушки, — ответил Гарун.

— Но как и где именно? — уточнила Сиона.

Они сидели в пыльной тени гостевого дома, спрятавшись от послеполуденного солнца на исходе того дня, когда было объявлено, что Бог-Император будет сочетаться браком в Туоне. Помощники Гаруна полукругом оцепили место, где находились Гарун, Сиона и Айдахо. Неподалеку прохаживались две Говорящие Рыбы и прислушивались к разговору. Наила должна была появиться с минуты на минуту.

Гарун показал рукой на высокий Вал позади деревни, стена блистал золотом на ярком солнечном свете.

— Королевская Дорога поднимается к тому месту, а оттуда Император спускается, как на крыльях, с помощью своей машины.

— Это устройство вмонтировано в его тележку, — сказал Айдахо.

— Подвеска, — поддержала его Сиона. — Я ее видела.

— Мой пррапрапрадедушка говорил, что они появляются большой группой со стороны Королевской Дороги. Император спускается прямо на деревенскую площадь с помощью своего приспособления, а остальные пользуются веревками.

— Веревками, — задумчиво повторил Айдахо.

— Зачем он являлся тогда? — спросила Сиона.

— Чтобы подтвердить, что он не забыл своих фрименов, так, во всяком случае, объяснял мой пррапрапрадедушка. Это была великая честь, но не такая, конечно, как бракосочетание.

Айдахо встал, когда Гарун еще не кончил говорить. С ближнего места был хорошо виден высокий Вал — его подножие выходило прямо на центральную улицу. Вал был виден от основания, ушедшего в песок до верхнего края стены. Айдахо обогнул гостевой дом и вышел на центральную улицу. Там он остановился и взглянул на Вал. В первый же момент он понял, почему все считали, что на него невозможно подняться. В тот момент он не помышлял еще о том, чтобы косвенно измерить высоту стены. Она могла с равным успехом оказаться равной и пятистам, и пяти тысячам метров. Более важную вещь Айдахо Узнал, приглядевшись к стене как следует. По всей ее поверхности шли горизонтальные трещины, разломы, даже Узкие террасы приблизительно на высоте двадцати метров над песком, засыпавшим подножие... еще один выступ располагался от земли на расстоянии, равном двум третям высоты.

Он знал, что его подсознание уже произвело необходимые вычисления — эта древняя часть уже примерилась: где схватиться рукой, куда поставить ногу. Это были его руки и его ноги. Айдахо чувствовал себя так, словно он уже взбирается вверх по стене.

Справа, возле его плеча, раздался голос Сиона:

— Что ты делаешь? — спросила она. Девушка подошла к Айдахо бесшумно и теперь смотрела туда, куда смотрел и он.

— Я могу взобраться на стену, — сказал Айдахо. — Если я возьму легкую веревку, то потом с ее помощью смогу втянуть туда более тяжелую. Потом по ней вскарабкаетесь все вы.

Гарун подошел как раз в тот момент, когда Айдахо произносил эти слова.

— Зачем ты хочешь вскарабкаться на Вал, Дункан Айдахо? — спросил он.

Сиона, улыбаясь, ответила за Дункана:

— Он хочет достойно встретить Бога-Императора. Этот ответ сорвался с ее языка до появления сомнений, до осмотра стены, который сильно поколебал ее первоначальную уверенность. Она не умела лазить по скалам.

Движимый первым порывом, Айдахо спросил:

— Какова ширина Королевской Дороги?

— Не знаю, — ответил Гарун. — Я никогда ее не видел, но говорят, что она очень широкая, по ней шеренгой может пройти очень большой отряд. Там много мостов и площадок для обзора. Говорят, что красивее нет ничего на свете.

— Почему вы никогда не поднимались на стену, чтобы увидеть эту красоту своими глазами? — спросил Айдахо.

Гарун, не говоря ни слова, пожал плечами и красноречивым жестом указал на Вал.

Пришла Наила, и начался спор о восхождении. Айдахо вспоминал этот спор, поднимаясь все выше и выше. Какие они странные — отношения между Наилой и Сионой! Они были как два заговорщика... но они не были заговорщиками. Сиона командовала, Наила подчинялась. Но ведь Наила была Другом, Говорящей Рыбой, которой Лето доверил первую беседу с новым гхола. Она сама говорила, что с детства воспитывалась при императорской полиции. Сколько в ней силы! При такой силе было что-то зловещее в столь раболепном подчинении Наилы Сионе. Было похоже, что Наила слушает какой-то голос внутри себя и подчиняется именно ему, этому голосу.

Айдахо подтянулся на руках и продвинул еще немнога вверх. Пальцы его ощупывали скалу — вверх, вправо, влево, находя невидимые трещины, за которые можно было ухватиться, куда входили кончики пальцев. Память подсказывала прямую линию восхождения, и он следовал этой линии. Левая нога нашла углубление... выше... выше... медленно... на ощупь. Теперь вверх пошла левая рука... ага, трещины нет, но зато есть выступ. Вот над краем выступа, который он видел снизу, поднялись глаза, вот подбородок, вот он уже уперся в выступ локтями. Перекатившись на выступ, он решил немного отдохнуть на нем. Нельзя ни в коем случае смотреть ни вверх, ни вниз. Только горизонтально. Вдали виднелся бескрайний пустынный горизонт, ветер нес тучи пыли, что сильно ограничивало обзор. Айдахо видел множество таких горизонтов во дни древней Дюны.

Он быстро повернулся лицом к стене, поднялся сначала на колени, поднял кверху руки и снова начал подниматься, по-прежнему держа в голове картины видимого снизу Вала. Стоило только закрыть глаза, как вся картина возникала перед ним во всех подробностях. Так было в Детстве, когда он прятался в скалах от рабства Харконненов — тогда их отряды захватывали во время набегов всех, кто попадался им под руку. Кончики пальцев тем временем нашли подходящую трещину, он подтянулся еще немнога вверх.

Наблюдая за ним снизу, Наила все больше и больше чувствовала свое сопереживание восходителю. Айдахо, Уменьшенный большим расстоянием, казался таким одиноким на фоне исполинской стены. Должно быть, он знает, что значит быть одному, когда надо принимать быстрые и роковые решения.

Я бы хотела иметь от него ребенка, подумала женщина. Наш общий ребенок будет сильным и выносливым. Чего хочет Бог-Император от ребенка, который родится от союза Сионы с этим мужчиной?

Наила проснулась перед рассветом и направилась на гребень близлежащей дюны, чтобы обдумать о том, что предложил Дункан Айдахо. Был обычный известковый рассвет с горизонтом, затянутым пыльными тучами, потом стальной день и зловещая огромность Сарьира. Она знала, что Бог предвидел все, что должно произойти. Что можно спрятать от Бога? Ничего, даже эту маленькую фигурку Айдахо, который взбирался вверх по стене к самому небу.

Наблюдая за Айдахо, Наила непроизвольно начала играть, положив стену в своем воображении горизонтально. Теперь ей казалось, что Айдахо, как маленький ребенок, ползет по огромному полу на четвереньках. Какой он маленький... и с каждой минутой становится все меньше.

Помощник предложил Наиле воды, которую она с удовольствием выпила. Вода вернула стене верную перспективу.

Сиона находилась на первом выступе и смотрела вверх.

— Если ты упадешь, то попробую я, — сказала она перед восхождением Айдахо.

Сиона обещает Айдахо. Наиле показалось, что это очень странное обещание. Почему они оба хотят попробовать совершить невозможное?

Айдахо не смог отговорить Сиону от этого бессмысленного обещания.

Это судьба. Это воля Бога, подумала Наила.

Это одно и то же.

Кусок камня отвалился от того места, где Айдахо за него взялся. Такое случалось уже несколько раз. Наила наблюдала, как падают сверху камни. Они падали долго, кувыркаясь по поверхности Вала, зацепляясь за неровности, попадая в углубления, отскакивая от выступов. Да, глаза обманывали людей — стена вовсе не была гладкой.

Он добьется успеха или не добьется, думала Наила. Что бы ни произошло, все случится только по воле Бога.

Однако сердце ее сильно колотилось от волнения. Приключение Айдахо было сродни половому акту, подумалось Наиле. В этом восхождении было что-то пассивно-эротическое. Однако было в этом и некое чудо, которое целиком захватило Наилу. Ей приходилось все время напоминать себе, что Айдахо не для нее.

Он для Сиона. Если выживет.

Если же он потерпит неудачу, свою попытку сделает Сиона. Сиона добьется своего или потерпит неудачу. Наиле стало интересно, испытает ли она оргазм, если Айдахо достигнет вершины стены. Он уже так близко к ней.

После того, как из-под его руки сорвался кусок камня, Айдахо перевел дух и несколько раз глубоко вздохнул. Это был очень неудачный момент, и Айдахо решил отдохнуть, ухватившись за стену в трех точках. Не повинуясь его сознанию, свободная рука сама ощупала стену, нашла там едва заметную трещину и ухватилась за нее. Медленно-медленно он подтянулся вверх на этой руке. Левое колено ощутило углубление, в которое можно будет просунуть мыски ног. Он поднял ногу, пощупал нужное место; память подсказывала ему, что вершина близка, но он отшвырнул память, как ненужный сейчас хлам. Это было всего лишь восхождение и знание того, что Лето прибудет завтра.

Лето и Хви.

Об этом тоже нельзя думать. Но оно не уходило. *Вершина... Хви... Лето... Завтра...*

Каждая из этих мыслей приводила его в отчаяние, принуждала его с новой силой вспоминать об удачных восхождениях детства. Чем больше он вспоминал, тем больше таяли его способности. Он был вынужден остановиться и, тяжело дыша, попытаться сосредоточиться. Он Должен вернуться к естественному способу восхождения. Но были ли те способы естественными? В его мозгу развился какой-то блок. Он мог чувствовать окончательность, безысходность, фатальность того, что могло состояться, но не состоялось. Лето прибудет сюда завтра.

Айдахо чувствовал, как по его лицу течет пот, обтекая то место на щеке, которым он прижался к камню.

Лето.

Я нанесу тебе поражение, Лето. Я разобью тебя только ради себя, не для Хви, а только ради себя.

Он почувствовал, что по его телу прошло ощущение очищения. Приблизительно то же самое происходило в ту ночь, когда он готовился к восхождению. Сиона почувствовала, что он лежит без сна. Она начала рассказывать ему историю ее отчаянного бега сквозь Запретный Лес, о своей клятве, которую она дала на берегу реки.

— Теперь я дала клятву, что буду командовать его Говорящими Рыбами, и я сдержу ее, но надеюсь, что это будет не так, как хочет он.

— Что он хочет? — спросил Айдахо.

— У него много мотивов, и я вижу не все. Кто, в самом деле, может Понять его? Знаю только, что я никогда не прощу его.

Это воспоминание вернуло Айдахо к ощущению камня, прижатого к щеке. Пот высох на ветру. Но теперь он нашел в себе силы и сосредоточился. *Никогда не прошу.*

Айдахо ощущал в себе призраков всех своих воплощений, всех гхола, которые погибли на службе у Лето. Может ли он поверить в подозрения Сиона? Да. Лето способен убить — убить своим весом, своими руками. Тот слух, о котором рассказывала Сиона, был вполне правдоподобен. К тому же Сиона из Атрейдесов, значит, вряд ли она станет обманывать. Лето стал другим... он больше не Атрейдес, он даже не человек. Он стал не живым существом, а неким природным явлением, непроницаемым и косным, весь его опыт остался внутри него. Теперь Сиона противостоит ему. Настоящие Атрейдесы отвернулись от него. *Как и я.*

Обыкновенное явление природы и ничего более. Как эта стена.

Правая рука Айдахо потянулась вверх и ухватилась за острый выступ. Выше ничего не было, и он попытался вспомнить широкую трещину на этом месте, которую он видел снизу. Он не осмеливался признаться себе в том, что достиг вершины... Пока не осмеливался. Острый край врезался в пальцы и ладони, когда он подтянулся. Он поднял левую руку, донес ее до края и подтянулся вверх. Глаза его достигли уровня рук. Перед ним была... плоская поверхность, а взгляд уперся в... синее небо. Поверхность растрескалась от непогоды, ветров и дождей. Он ухватился за край одной из трещин и потянул себя вверх. Сначала грудь, потом живот, потом бедра. Он перекатился через край и пополз подальше от него, подальше от почти вертикального склона стены. Только тогда он остановился, встал и начал понемногу доверять своим чувствам.

Вершина. Ему не понадобились ни молоток, ни гвозди.

Снизу донесся какой-то слабый звук. Кажется, его приветствуют.

Он подошел к краю и посмотрел вниз. Да, это приветственные восторженные крики. Отвернувшись, он зашагал к середине Королевской Дороги, желая только одного — дать успокоиться дрожавшим от напряжения мышцам, успокоить боль в плечах. Он медленно прошел по кругу, обследуя вершину, а его память в это время оценивала высоту подъема.

Девятьсот метров. Да... приблизительно так.

Теперь его очень интересовала Королевская Дорога. Это было совсем не то, что он видел по пути в Онн. Во-первых, она была очень широкой — почти пятьсот метров. Полотно дороги было гладким и ровным, серого цвета и возвышалось над краями стены на сто метров. Края были обозначены столбами высотой в человеческий рост. Эти столбы стояли, словно часовые на пути, по которому предстояло пройти Айдахо.

Он добрался до дальнего края стены, противоположного Сарьиру, и посмотрел вниз. Далеко в глубине бушевал зеленый поток воды, пенившейся от ударов о подножие стены. Он посмотрел вправо. Оттуда появится Лето. Дорога и стена поворачивали направо пологой дугой, поворот начинался приблизительно в трехстах метрах от того места, где стоял Айдахо. Он вернулся на дорогу и зашагал по ее краю, следуя по кривизне, которая изгибалась в обратную сторону, образуя перевернутую букву S, а потом сужалась, мягко спускаясь вниз. Он остановился и взгляделся в то, что открылось его взору. Картина приобретала форму и смысл.

В трех километрах отсюда дорога пересекала течение реки по мосту, чьи фермы и пролеты казались игрушечными, уменьшенными расстоянием. Айдахо вспомнил такой же мост на дороге в Онн, вспомнил его грандиозность, когда идешь по нему пешком. Он доверял своей памяти, думая о мостах так, как думают о них военные — как о переправах или ловушках.

Отойдя влево, он увидел другую стену у противоположного конца моста. Дорога продолжалась там до тех пор, пока не превращалась в прямую линию, уходящую за горизонт. Итак, были две стены, а между ними река. Река текла в рукотворном русле, ее влага скапливалась в канале, направленном на север, в то время как сама река текла на юг.

Айдахо перестал обращать внимание на реку. Она здесь и будет такой же завтра. Он сосредоточил свое внимание на мосту и мобилизовал все свои военные знания и умения. Обследовав мост, он кивнул себе в подтверждение своим мыслям и направился назад по тому же пути, по которому пришел сюда, сняв с плеча легкую веревку.

И только когда веревка скользнула вниз, Наила наконец испытала оргазм.

Что я хочу ликвидировать? Слепое буржуазное преклонение перед мирным консерватизмом прошлого. Это связующая сила, предмет, который объединяет человечество в одно болезненное целое, невзирая на иллюзорное разделение парсеками пространства. Если я могу найти рассеянные кусочки, то их может найти каждый. Если вы вместе, то можете сообща пережить катастрофу. Вы можете быть вместе уничтожены. Таким образом, я демонстрирую ужасную опасность скольжения по жизни, бесстрастной середины, движения без амбиций и цели. Я показываю вам, что так могут вести себя целые цивилизации. Я могу привести вам примеры целых эпох, когда люди жили, медленно приближаясь к смерти, не зная ни волнений, ни забот, даже не спрашивая: «Зачем?» Я показываю вам ложное счастье и затененную катастрофу, которая носит имя Лето, Бога-Императора. Теперь-то сможете ли вы познать истинное счастье?

Пропав ночь короткими урывками, Лето проснулся на рассвете, когда Монео вышел из гостевого дома. Королевская тележка была припаркована почти в середине двора, огороженного с трех сторон. Защитный колпак был тонирован, скрывая сидевшего под ним, и был запечатан, чтобы не пропускать влагу. Лето слышал тихий шум механизмов, которые гнали воздух через осушители.

Прокрежетав каблуками по булыжникам двора, Монео приблизился к тележке. Над мажордомом высилась оранжевая, освещенная рассветным солнцем крыша гостевого дома.

Лето откинул колпак, когда Монео приблизился к нему. Запах плесени был неприятен, а насыщенный влагой ветер причинял Лето просто физическую боль.

— Мы прибудем в Туоно приблизительно в полдень, — сказал Монео. — Я бы хотел, чтобы вы разрешили воспользоваться орнитоптерами для охраны с воздуха.

— Мне не нужны орнитоптеры, — ответил Лето. — Мы спустимся в Туоно на подвеске и на веревках.

Лето наслаждался пластическими образами, рожденными в его сознании этим коротким диалогом. Монео никогда не любил пalomничества. Его мятежная юность приучила его к страху перед тем, чего он не понимал или не мог назвать. По сути своей он остался скопищем массы предрассудков.

— Вы же понимаете, что я не хочу использовать орнитоптеры как транспорт, они нужны для охраны...

— Да, это я понимаю, Монео.

Мимо Императора мажордом сквозь открытый край двора посмотрел на речной каньон. Из глубин поднимался застывший в рассветных лучах туман. Он подумал, сколько времени потребуется, чтобы упасть на дно каньона. Тело будет извиваться, извиваться, извиваться... Монео так и не смог, несмотря на страшное желание, подойти ночью к краю каньона и заглянуть в него. Это было таким... таким искушением.

Монео безмолвно взглянул в глаза Лето.

— Учись жизни на моем примере, — сказал Император.

— Господин? — шепотом сказал Монео.

— Сначала меня искушают злом, потом добром. Каждая такая попытка обставляется в зависимости от моей подверженности внешним воздействиям. Скажи, Монео, если я выберу добро, то стану от этого добрее?

— Конечно, господин.

— Вероятно, ты никогда не избавишься от привычки судить, — сказал Лето.

Монео отвернулся и снова начал смотреть на край русла реки. Лето перевернулся, чтобы увидеть, что так внимательно разглядывает его мажордом. На берегах каньона были высажены карликовые сосны. На влажных лапах висели капли росы, каждая из которых сулила Лето боль и страдания. Он очень хотел бы закрыть защитный колпак, но жемчужины, висевшие на ветвях, привлекали его какими-то воспоминаниями, хотя и отталкивали его тело. Эти синхронные, разнонаправленные желания, вызвали у Лето настоящее смятение.

— Просто я не люблю ходить пешком, — сказал Монео.

— Таков был фрименский обычай, — возразил Лето.

Монео вздохнул.

— Все остальные будут готовы через несколько минут. Хви завтракала, когда я выходил.

Лето ничего не ответил. Его мысли блуждали в глубинах памяти ночи — одной из многих тысяч, которые переполняли его прошлое — облака и звезды, дожди и чернота разверстого космоса, ночная вселенная, от одного вида которой у Лето начинало сладко биться сердце.

— Где ваша охрана? — внезапно спросил Монео.

— Я отослал их позавтракать.

— Мне не нравится, когда вас оставляют без охраны!

Хрустальный звук голоса Монео прозвучал в памяти Лето, голос что-то говорил, но без словесных форм — это был просто модулированный звук. Монео боялся вселенной, в которой не было Бога-Императора. Он был готов скорее умереть, чем жить в такой вселенной.

— Что произойдет сегодня? — продолжал спрашивать Монео.

Это был вопрос, обращенный не к Богу-Императору, а к пророку.

— Семя, посеванное сегодняшним ветром, завтра может взойти ивой, — ответил Лето.

— Вы знаете наше будущее! Почему вы не хотите разделить его с нами? — Монео был близок к истерике, отказываясь признать все то, о чём не говорило его непосредственное восприятие.

Лето пронзил мажордома горящим взглядом, взглядом, полным таких чувств, что Монео отпрянул.

— Распоряжайся своим существованием сам, Монео! Дрожа всем телом, Монео судорожно вздохнул.

— Господин, я не хотел оскорбить вас, я искал только...

— Посмотри вверх, Монео!

Мажордом непроизвольно подчинился и уставил взор в безоблачное небо.

— Что там, господин?

— Там нет надежного потолка, Монео. Только открытое небо, полное изменений. Приветствуя его. Каждое чувство, которым ты обладаешь, предназначено для того, чтобы реагировать на изменения. Неужели это ни о чём тебе не говорит?

— Господин, я пришел только для того, чтобы узнать, когда вы будете готовы двинуться в путь?

— Монео, я прошу тебя быть правдивым со мной.

— Я правдив, господин!

— Но если ты будешь жить в дурной вере, то ложь может представиться тебе правдой.

— Господин, если я и лгу, то... и сам этого не знаю.

— Есть кольцо правды. Но я знаю, чего ты боишься, и не стану говорить.

Монео начал дрожать. Бог-Император был в ужасном настроении. В каждом его слове таилась страшная угроза.

— Ты боишься империализма сознания, — сказал Лето, — и твой страх оправдан. Немедленно пришли сюда Хви!

Монео повернулся и поспешил в гостевой дом. Было такое впечатление, что, войдя в него, он растревожил пчелиный рой. Через секунду из дома высыпали Говорящие Рыбы и окружили тележку. Придворные выглядывали в окна, выходили во двор и собирались под навесом, боясь подойти к нему. В противоположность этому волнению Хви вышла из дома и, покинув тень, прошла к тележке. Голова высоко поднята, глаза ищут его глаза.

Посмотрев на Хви, Лето почувствовал, что успокаивается. На ней было надето золотистое платье, которого Лето еще не видел. Ворот, рукава и манжеты были украшены серебром и жадеитом. Подол, почти волочившийся по земле, заканчивался тяжелой зеленой бахромой, оттенявшей насыщенно-красные клинья.

Остановившись возле тележки, Хви улыбнулась.

— С добрым утром, любимый, — тихо произнесла она. — Чем та сумел так расстроить бедного Монео?

Успокоенный ее присутствием и звуками ее голоса, он тоже улыбнулся.

— Я сделал то, что надеюсь делать всегда. Произвел эффект.

— Ты его несомненно произвел. Он сказал Говорящим Рыбам, что ты очень зол и находишься в плохом настроении. Ты страшен, любимый?

— Только для тех, кто отказывается жить, опираясь на собственные силы.

— Ах, да, — она повернулась перед ним, демонстрируя новое платье. — Тебе нравится? Мне подарили его Говорящие Рыбы. Они сами его украсили.

— Любовь моя, — в его тоне послышалось предупреждение, — украшениями готовят жертвоприношение.

Она подошла к тележке, и обратилась к нему, придав лицу притворно торжественное выражение:

— Значит, они принесут меня в жертву?

— Многие из них сделали бы это с радостью.

— Но ты им этого не разрешишь.

— Наши судьбы едины, — сказал он.

— Тогда я не буду ничего бояться, — она протянула руку и коснулась его руки, покрытой серебристыми чешуйками, но сразу же отпрянула — по всему телу Лето пробежала дрожь.

— Прости меня, любимый, я забыла, что мы едины только душой, но не плотью, — сказала она.

Кожа из песчаным форелей все еще трепетала от человеческого прикосновения.

— Влажный воздух делает меня особенно чувствительным, — сказал он. Постепенно дрожь улеглась.

— Я не стану жалеть о том, чего не может быть, — прошептала она.

— Будь сильной, Хви, ибо душа твоя принадлежит мне.

Она обернулась на звук, раздавшийся в доме для гостей.

— Монео возвращается, — сказала Хви. — Пожалуйста, любимый, не пугай его больше.

— Монео тоже твой друг?

— Мы друзья по желудку. Оба любим йогурт.

Лето еще смеялся, когда Монео остановился возле Хви. Он осмелился улыбнуться,бросая озадаченные взгляды на женщину. В обхождении мажордома появилось еще больше учтивости, он неким раболепством показывал Лето свое отношение к его невесте.

— У вас все в порядке, госпожа Хви?

— Да.

— Во времена обжорства друзей по желудку надо холить и лелеять, — сказал Лето. — Нам пора отправляться в путь, Монео. Туono ждет.

Обернувшись, Монео отдал приказ Говорящим Рыбам и придворным. Лето улыбнулся Хви.

— Мне, кажется, неплохо удается роль нетерпеливого жениха, правда?

Она легко прошла в его тележку, приподняв одной рукой подол юбки. Он развернул ее сиденье. Только усевшись рядом с женихом, она прошептала ему на ухо:

— Любовь души моей, теперь я знаю еще одну твою тайну.

— Пусть она покинет твои уста, — сказал он, играя новой близостью, которая возникла между ними.

— Тебе редко нужны слова, — сказала Хви. — Ты обращаешься прямо к чувствам всей своей

жизнью.

По всему его телу прошла волна. Прошло почти несколько секунд, прежде чем он смог говорить, а когда он заговорил, то она едва сумела расслышать его из-за шума кортежа.

— Между сверхчеловеком и не-человеком, — сказал он, — для меня появилось маленькое пространство человечности. Я — человек. И я благодарю тебя, моя нежная и любимая Хви, за это пространство.

Во всей своей вселенной я не видел закона природы, неизменного и неумолимого. Вселенная представляет нам лишь изменчивые взаимоотношения, которые воспринимаются как законы преходящим короткоживущим сознанием. Это плотское восприятие, которое мы называем самостью, эфемерно и сгорает в пламени бесконечного, мимолетно осведомляя нас о временных условиях, которые служат обрамлением нашей деятельности и изменяются по мере того, как изменяется и сама деятельность. Если вы повесите ярлык на абсолют, то воспользуйтесь его самым подходящим именем: преходящее.

Наила первой заметила приближающийся кортеж. Сильно потея на полуденной жаре, она стояла возле одного из ограничительных столбов на Королевской Дороге. Внезапная вспышка дальнего отражения привлекла ее внимание. Она всмотрелась в пространство в том направлении и поняла, что увидела солнечное отражение от защитного колпака тележки Лето.

— Они идут! — крикнула она.

После этого она почувствовала голод. В своем волнении и в единстве цели они забыли взять с собой еду. Только фримены взяли с собой воду и то только потому, что «фримен всегда берет с собой воду, когда покидает сиетч».

Наила потрогала пальцем приклад лазерного ружья, висевшего в кобуре на бедре. Мост находился не более чем в двадцати метрах от нес, его конструкции высились над водой фантастическими арками и казались чудовищным нагромождением плоскостей.

Это сумасшествие, подумала она.

Но Бог-Император подтвердил свое приказание. Он потребовал, чтобы Наила во всем подчинялась Сионе.

Приказания же Сионы отличались ясностью и не допускали никаких толкований. А сама Наила не имела времени исследовать смысл распоряжений Бога-Императора. Сиона сказала:

— Когда тележка Императора окажется на середине моста — тогда!

— Но зачем?

Они стояли на приличном расстоянии друг от друга, поеживаясь от утреннего холода на вершине Барьера Вала, отчужденные от мира и очень уязвимые.

Суровое выражение лица Сионы и ее тихий, напряженный голос не допускали никаких возражений.

— Неужели ты думаешь, что можешь причинить вред Богу-Императору?

— Я... — Наила смогла только пожать плечами.

— Ты должна подчиняться мне!

— Я должна, — согласилась Наила.

Она внимательно оценила расстояние до приближающегося кортежа, заметив при этом пестрые наряды придворных, синие мундиры ее сестер — Говорящих Рыб... блестящую поверхность тележки ее господина.

Это еще одно испытание, решила она. Бог-Император все знает. Он знает преданное сердце Его Наилы. Это испытание. Приказы Бога-Императора должны быть выполнены как можно точнее и без упущений. Так учат Говорящих Рыб, начиная с детства. Бог-Император сказал, что она должна подчиниться Сионе. Да, это испытание. Чем еще это могло быть?

Она посмотрела на четырех фрименов. Дункан Айдахо расположил их у выхода с моста — они должны были блокировать его. Они сидели спинами к ней, глядя в сторону моста, как четыре коричневых холмика. Наила слышала как Айдахо говорил им:

— Вы не должны ни в коем случае покидать это место. Вы должны приветствовать его здесь. Встаньте, когда он приблизится и низко поклонитесь.

Да, поприветствуйте его хорошенъко.

Наила кивнула своим мыслям.

Три другие Говорящие Рыбы, прибывшие на стену вместе с Наилой, были отправлены на мост. Они

знали только то, что сказала им Сиона в присутствии Наилы. Они должны были дождаться того, момента, когда Императорская тележка окажется в нескольких шагах от них и начать танцевать, уводя тележку и сопровождение в сторону выступающей точки стены над Туоном.

Если я выстрелами из ружья разрежу мост, то эти трое погибнут, подумала Наила. И все другие, кто идет с нашим Господом.

Наила наклонила голову и посмотрела вниз, в поток. Реки отсюда не было видно, но снизу доносился рев воды и грохот камней, которые волочились по дну сильнейшим течением.

Они все погибнут!

Если только Он не замыслил Чуда.

Пусть будет, что будет. Сиона лучше видит сцену этого чуда. Она — постановщик. Что еще могло быть на уме у Сионы, если она прошла испытание и теперь на ней надета форма командира Говорящих Рыб? Сиона дала клятву Богу-Императору. Ее испытал Бог, они вдвоем были в Пустыне.

Наила скосила глаза вправо, чтобы увидеть постановщиков этого действия. Сиона и Айдахо стояли плечом к плечу на дороге в двадцати метрах правее Наилы. Они были увлечены разговором, иногда кивали, поглядев друг на друга.

Вот Айдахо взял Сиону за руку — очень странный, хозяинский жест. Он один раз кивнул и зашагал к мосту, остановившись у угловой опоры прямо перед Найлой. Он посмотрел вниз, потом пересек мост и подошел к Другому углу. Снова посмотрел вниз и вернулся к Сионе.

Что за странное создание этот гхола, подумала Наила. После того восхождения она перестала думать о нем, как о человеке. Нет, это какой-то демиург, он стоит близко к Богу, хотя с ним можно спать и рожать от него детей.

Раздавшийся вдалеке крик привлек внимание Наилы. Она повернулась и посмотрела на противоположную сторону моста. Кортеж привычно бежал за королевской повозкой, как это обычно бывает при любом паломничестве. Вот сейчас они перешли на шаг, потому что до моста осталось всего несколько минут хода. В идущем впереди человеке Наила узнала Монео в ослепительно белой форме, его твердый шаг, высоко поднятую голову. Колпак Императорской тележки был закрыт и блестел на солнце позади Монео.

Знакомая мистерия затопила душу Наилы. Скоро должно произойти какое-то чудо! Наила посмотрела вправо, на Сиону. Сиона ответила таким же взглядом и кивнула. Наила извлекла ружье из чехла и поставила его на мост, прислонив к столбу. Сначала по одному кабелю, потом по другому, потом по опорам справа и слева. Ружье показалось Наиле холодным и каким-то чужим. Дрожа, она несколько раз глубоко вдохнула, чтобы успокоиться.

Я должна подчиниться. Это испытание. Она увидела, как Монео поднял глаза от дороги, и, не меняя походки, крикнул что-то или Императору или людям, шедшим позади Императорской тележки. Наила не разобрала слов. Монео снова смотрел прямо на дорогу. Наила прижалась к столбу, который почти полностью скрыл ее массивное тело.

Испытание.

Монео увидел людей на дороге и на мосту, разглядел форму Говорящих Рыб и первой его реакцией было удивление по поводу того, откуда взялись на мосту эти встречающие. Он повернулся и прокричал вопрос Лето, но Бог-Император не соизволил открыть затемненный колпак.

Монео взошел на мост. Тележка скрипела по рассыпанному на мосту песку. В этот момент Монео увидел стоявших на противоположном конце моста Айдахо и Сиону. На выходе с моста, прямо на дороге сидели четыре музейных фримена. В душу Монео закрались нехорошие сомнения, но что-либо изменить было уже нельзя. Он бросил взгляд на реку. Солнечный свет отражался в ней платиновым блеском. Позади громыхала тележка. Течение реки, ход кортежа, важность происходящего и его, Монео, роль в нем, вызывали в его душе чувство головокружительной неизбежности.

Мы — не люди, идущие своим путем, думал он, мы — первичные элементы, связывающие воедино один отрезок времени с другим. Когда же мы проходим, то все, что остается позади нас, рассыпается, становясь ничем, то есть тем, что очень напоминает не-пространство иксианцев. Это никогда не становится тем же, чем оно было до нашего появления.

В мозгу Монео зазвучал мотив одной из песен. Когда-то он слышал, как девушка играла его на лютне. Реальный мир потускнел в глазах Монео, он погрузился в иной мир, мир воспоминаний. Песня была полна желания, желания, чтобы все это миновало, прошло, чтобы рассеялись все сомнения и вернулись мир и покой. Простенький жалобный мотив вился в душе Монео, как дым

костра.

Стрекочут букашки в густой траве пампы...

Монео замурлыкал мотив себе под нос:

Стрекот их знаменует конец. Осень и моя песня — это цвет Последних листьев В траве пампы...

Монео самозабвенно кивал головой в такт припеву.

День прошел, Гости ушли. День прошел В нашем сиетче, День прошел, Слышен рев бури. День прошел, И гости разошлись.

Это была древняя, настоящая фрименская песня, решил Монео. Она рассказывала о нем. Ведь это он всей душой жаждал, чтобы разошлись по домам все незваные гости, улеглись волнения и наступил столь желанный покой. Мир был так близок... но он не мог покинуть службу. Он мимолетно подумал о каких-то досадных помехах, которые возникли на пути в Туоно... Скоро будет видна и деревня. Палатки, еда, столы, золоченые тарелки и украшенные драгоценными каменьями ножи, круглые светильники, украшенные на древний манер арабесками... все будет производить впечатление богатства и надежды на иную, лучшую жизнь.

Но никогда Туоно не станет тем, чем она была раньше.

Однажды, совершая инспекционную поездку, Монео прожил в Туоно два дня. Он вспомнил запах их очагов, на которых готовили пищу — в огонь подкладывали ветви ароматических растений, пламя ярко вспыхивало в темноте. Жители не пользовались солнечными печами — «этих печей не было в древности».

Не было в древности.

В Туоно пахло меланжем. Сладкий, немного едкий запах мускусных растений доминировал... Хотя в нос прежде всего била вонь выгребных ям и мусорных свалок. Он вспомнил краткий комментарий Бога-Императора по поводу своего отчета о поездке.

«Эти фримены сами не понимают, что они утратили. Они воображают, что хранят свои древние обычаи. Это заблуждение всех музеев. Что-то всегда исчезает; сам дух выветривается из экспозиций и улетучивается. Люди, которые основывают музеи, и те, кто приходит в них поглазеть на реликвии, редко задумываются об утраченном навсегда духе. Когда нет жизни, нет и духа».

Монео пригляделся к трем Говорящим Рыбам, стоявшим на мосту. Они вдруг подняли вверх руки и начали танцевать, сладострастно изгибаясь всего лишь в нескольких шагах от него.

Как странно, подумал Монео. Мне приходилось видеть, как танцуют на улицах другие, но никогда не видел танцующих прилюдно Говорящих Рыб. Они танцевали только на праздниках в подземелье и в своих жилищах и только среди своих.

Мысль еще продолжалась, когда до слуха Монео донесся страшный скрежет выстрела лазерного ружья. Мост под Монео начал проваливаться, уходя из-под ног.

Это не может произойти, промелькнуло у него в мозгу.

Он услышал, как тележка начинает забирать в сторону поперек дороги, затем с громким щелчком открылся защитный колпак. Полотно моста медленно опрокидывалось, становясь вертикально, стремительно приближаясь к глазам Монео в то время, как он сам соскальзывал в бездну. Он ухватился обеими руками за кабель и начал медленно вращаться вместе с ним. В этот момент он увидел Императорскую тележку. Она отошла к краю моста, защитный колпак был открыт, внутри стояла Хви, держась одной рукой за сиденье и глядя куда-то мимо Монео.

Раздался чудовищный визг металла, в полотно моста стало опрокидываться еще быстрее. Монео видел, как мечутся, падают и дико размахивают руками люди из свиты. Кабель за что-то зацепился. Руки Монео были вытянуты над головой, а сам он вращался вместе с отрезком кабеля. Потные от страха руки скользили по оплетке кабеля.

Бот он еще раз увидел тележку Лето. Теперь она лежала на боку, зажатая обломками ограждения моста. Монео отчетливо увидел, как Лето своимиrudиментарными ручками пытается схватить Хви, но тщетно. Она, не издав ни звука, выпала из открытой тележки. Золотое платье задралось, обнажив вытянутое в струну тело.

Низкий рык сотряс все тело Императора.

Почему он не включает подвеску. Она выдержит тележку.

Однако лазерное ружье продолжало реветь и скрежетать. Руки Монео с жуткой неизбежностью соскальзывали к концу порванного кабеля, но мажордом успел заметить, как вспыхнули ярким пламенем все четыре подвески тележки, откуда повалил золотистый дым. Вытянув вверх и вперед руки, Монео начал падать.

Дым! Золотистый дым!

Его накидка налезла на голову, развернула его лицом вниз, и он увидел бездну. Внизу был мальстрём кипящей воды — зеркало его прошедшей жизни — тянувшие на дно и выталкивающие течения, движение, собирающее и размалывающее все сущее. В мозгу застрияли слова Лето, сказанные им о золотистом дыме: «*Берегись путей посредственности. Пустое скольжение по жизни, бесстрастная посредственность — это. все, что представляет себе большинство людей в качестве смысла и цели жизни*». Монео пронзил экстаз сознания. Вселенная открылась ему, словно в увеличительном стекле, время остановило свой бег. Золотистый дым!

— Лето! — неистово закричал Монео. — Сиайнок! Я верю!

Накидка сорвалась с его плеч. Монео развернуло в пропасть каньона — но мажордом успел бросить последний взгляд на Императорскую тележку — она, медленно сползала с разбитого моста. Из нее выполз ал Баг-Император.

Что-то твердое ударило Монео в спину. Это было последнее, что он почувствовал в своей жизни.

Лето выскользнул из тележки. В сознании запечатлелась только одна страшная картина — Хви, ударившаяся о кипевшую внизу воду. Эти буруны — символ конца, погружения в мифы и сны. Последние слова ее были исполнены твердости и покоя: «Я пойду впереди тебя, любимый».

Выскользывая из тележки, он видел излучину реки, вода сияла множеством серебристых бликов; кривой клинок реки уходил в Вечность и был готов принять Лето в свои мучительные объятия.

Я не могу ни плакать, ни даже кричать, думал он. Слезы невозможны для меня. Они — вода. Сейчас у меня будет много воды. Я могу лишь стонать от своего горя. Я одинок, более одинок, чем когда бы то ни было.

Его большое сегментированное тело согнулось в падении, но, падая, он успел заметить Сиону, стоявшую на краю пролома в полотне моста.

Теперь ты все поймешь, подумал он.

Тело продолжало свое вращение. Лето видел, как стремительно приближается река. Вода — это, как сон, населенный рыбами. Он вдруг вспомнил древний пир на берегу выложенного гранитом бассейна — розоватое мясо, дразнящее аппетит.

Я иду к тебе, Хви. Мы будем вместе на пиру богов!

Исполинский всплеск погрузил его в неописуемые мучения. Вода, ее злобный вихрь, окружили его со всех сторон. Он ощущал скрежет несущихся мимо камней, когда пытался пробиться вверх по течению, чтобы вырваться из водопада. Тело его инстинктивно изгибалось и билось в непроизвольных судорогах. Перед его безумным взглядом возникла стена каньона — мокрая и черная. Куски того, что совсем недавно было его кожей, срывались с тела и серебряным дождем сыпались в воду. Песчаные форели покидали его, чтобы начать в воде свою новую жизнь.

Но его муки на этом не прекратились. Лето понял, что у него еще есть человеческое сознание и тело, которое способно чувствовать боль.

Инстинкт подгонял его. Он ухватился за обломок скалы, почувствовал, как ему оторвало палец, почувствовал еще до того, как осознал, что ухватился за камень. Это была лишь тихая нота в страшной симфонии боли.

Течение реки вынесло его к опорам канала, потом, хотя он кричал себе, что и этого достаточно, Лето вынесло на отлогий песчаный берег. Он лежал там, видя, как уносится омывшая его вода, красавица в синий Цвет Пряности, Муки продолжали подгонять. Его тело, тело червя выползло из воды. Все песчаные форели исчезли, и теперь он болезненно чувствовал каждое прикосновение. Утраченная чувствительность восстановилась, но теперь она могла дать ему только боль. Он не мог видеть себя, но чувствовал, что его тело сохранило форму червя, ощущая, как оно извивается, стремясь покинуть губительную воду. Он смотрел вверх, в глазах его плясали языки пламени, освещавшие все фрагменты, которые он видел. Наконец, он понял, где находится. Река вынесла его к повороту, после которого она навсегда покидала Сарыр. Позади была деревня Туоно, прямо у подножия Защитного Вала — это все, что осталось от сиетча Табр — владения Стилгара, места, где хранилась вся Пряность Лето.

Испуская синий дым, ею агонизирующее тело, извиваясь и оставляя голубой след, ползло по прибрежной гальке, мимо камней и валунов к влажной норе, которая была, видимо, остатком древнего сиетча. Теперь это была мелкая, тесная пещера, внутренний выход которой был когда-то завален камнепадом. В нос ударил запах сырости и чистый дух Пряности.

В мир его мучений вторглись какие-то звуки. Он повернулся в тесноте пещеры и увидел у входа болтающийся конец веревки. По ней скользнула вниз какая-то фигура. Лето узнал Наилу. Она спрыгнула на камни и, согнувшись, двинулась в пещеру, пристально вглядываясь в ее темноту. Затем с веревки спрыгнула другая фигура. Сквозь огонь, застилавший зрение, Лето увидел, что это Сиона. В грохоте падавших камней Наила и Сиона начали продвигаться к входу в пещеру. Вот они остановились и вперили свои взгляды в него. Появился и третий — Айдахо. Он был охвачен яростью и, словно вихрь, налетел на Наилу.

— Зачем ты ее убила? Ты не должна была убивать Хви!

Наила отмахнулась от него, как от назойливой мухи, — Айдахо покатился по камням. Она прошла ближе к Лето, потом опустилась на четвереньки и посмотрела на него.

— Господин? Вы живы?

Позади нее появился Айдахо, выхватил из чехла ружье. Наила в изумлении обернулась, но он уже поднял ружье и нажал на спуск. Огонь вспыхнул сначала на голове Наилы, потом распространился по всему телу. Она начала распадаться на горящие фрагменты, отлетел в сторону нож, куски обугленной плоти и горящей одежды разлетались по камням. Но Айдахо ничего не видел. С лицом, искаженным яростью, он продолжал изо всех сил нажимать на спусковой крючок до тех пор, пока не иссяк заряд. Огненная дуга погасла.

Сиона ждала именно этого момента. Она подошла к Айдахо и отняла у него бесполезное теперь ружье. Он повернулся к ней, и она поддержала его, чтобы он не упал. Ярость угасла вместе с огнем лазерного ружья.

— За что? — прошептал он.

— Это уже сделано, — ответила Сиона.

Они обернулись и вместе посмотрели на Лето, лежавшего в темноте пещеры.

Лето не мог даже представить себе, что именно они видят. Он знал, что кожа из песчаных форелей исчезла. На их месте должна была остаться поверхность, покрытая отверстиями, оставшимися на месте ресничек, которые прободали его человеческую кожу. Что же касается остального, то ему оставалось только смотреть на две стоявшие у входа в пещеру фигуры и ждать. Сиона казалась ему женщиной-демоном. Имя его было известно Лето, и он произнес его вслух. Звук его голоса, многократно усиленный под сводами пещеры, долетел до ушей Сиона.

— Ганмия!

— Что? — она подошла поближе.

Айдахо стоял позади нее, закрыв лицо руками.

— Смотри, что ты сделала с несчастным Дунканом, — произнес Лето.

— Он найдет себе другую любовь. — Как она жестока, таким был и он в своей ранней юности.

— Ты просто не знаешь, что значит любить, — сказал он. — Что ты смогла дать? — Он мог лишь пошевелить руками, вернее тем, что когда-то было руками. — Боже! Чего я лишился!

Она подобралась поближе к нему, потом остановилась и отпрянула.

— Я реален, Сиона. Посмотри на меня. Я существую. Ты можешь прикоснуться ко мне, если осмелишься. Вытяни руку, сделай это.

Она медленно протянула вперед руку и коснулась того места, где раньше был его передний сегмент, в котором она, как в гамаке, пряталась от зноя в Пустыне во время испытания в Сарыире. Ее рука коснулась синей массы, и Сиона отдернула руку.

— Ты прикоснулась ко мне и ощущила мое тело, — сказал он. — Разве это не странно, если не думать ни о чем больше.

Она начала отворачивать лицо.

— Нет! Не отворачивайся! Посмотри на то, что ты сделала. Сиона. Как получилось, что ты можешь

прикоснуться ко мне, но не можешь дотронуться до самой себя?

Она бегом бросилась от него.

— Вот в чем заключается разница между нами, — сказал он. — Ты — воплощение Бога. Ты заключаешь в себе величайшее чудо вселенной, но отказываешься коснуться его, увидеть его или поверить в него.

Лето отвлекся, услышав внутри пещеры работу спрятанного там механизма, который записывал его мысли. В этом месте совершенно отсутствовала радиация, это было место вне пространства, которое создали иксианцы, здесь не было места сумятице мыслей и душевному неустроению. Здесь отсутствовала связь со всей остальной вселенной. Но она будет, эта связь.

Он почувствовал, что иксианская печатающая машина заработала. Теперь оно будет записывать его мысли без команды.

Помните, что я сделал! Помните меня! Я снова буду невиновен в ваших глазах!

Пламя, пылавшее перед его глазами, на мгновение потухло. Теперь перед ним на месте Сиона стоял Айдахо. Что там еще?.. Ах да, это Сиона махнула рукой, выкрикивая команды кому-то наверху стены.

— Ты еще жив? — спросил Айдахо.

Голос Лето прерывался тяжелым свистящим дыханием.

— Пусть они разойдутся, Дункан. Пусть они бегут, спрячутся, улетят на другие планеты. Пусть выберут себе другие миры.

— Будь ты проклят! О чем ты говоришь? Да я бы скорее позволил ей жить с тобой!

— Позволил? Я ничего не позволял.

— Почему ты позволил Хви умереть? — простонал Айдахо. — Мы не знали, что она с тобой.

Он рывком подался вперед. Голова его тряслась.

— Ты получишь утешение, — прошептал Лето. — Мои Говорящие Рыбы отдадут тебе первенство перед Сионой. Будь великодушен с ней, Дункан. Она больше Атрейдес и в ней семя твоего возрождения.

Лето погрузился в океан своей памяти. Эти смутные мифы вновь овладели его сознанием. Он почувствовал, что сейчас проникнет в то время, которое самим своим существованием может изменить прошлое. Раздались какие-то звуки, и Лето, вопреки рассудку, попытался понять, что это. Кто-то карабкается по скале? Пламя снова утихло, и Лето увидел, что рядом с Айдахом стоит Сиона. Они стояли, взявшись за руки, как дети, которые хотят войти в незнакомое место.

— Как он может еще жить? — прошептала Сиона.

Лето собрал все силы, чтобы ответить ей.

— Мне помогает Хви, — сказал он. — За короткое время мы обрели бесценный опыт. Мы объединили наши силы, а не нашу слабость.

— Ты бы посмотрел сейчас на себя, — издевательским тоном произнесла Сиона.

— Да, и молись, чтобы ты стала такой же, — тихо произнес он. — Возможно, Пряность продлит твое время.

— Где твоя Пряность? — спросила она.

— Глубоко, в сиетче Табр, — ответил он. — Дункан найдет ее. Ты знаешь это место, Дункан. Теперь оно называется Табур. Очертания сиетча еще сохранились.

— Зачем ты это сделал? — прошептал Айдахо.

— Это мой дар, — ответил Лето. — Никто не отыщет потомков Сиона. Оракул не видит их.

— Что? — в один голос воскликнули они, придинувшись ближе к Лето, чтобы слышать тихий голос умирающего Императора.

— Я даю вам новое время, в котором нет параллельных миров, — сказал он. — Все его линии расходятся. На этих кривых не будет конкурирующих точек. Я даю вам Золотой Путь. Это мой дар.

Никогда больше не будет соперничества, которое губит вас.

Перед его глазами снова запылал огонь. Муки исчезали, но он по-прежнему воспринимал звуки и запахи с Невероятной остротой. Айдахо и Сиона тяжело и часто дышали. Странное кинестетическое чувство передалось от них Лето. Он ощутил боль в связках и суставах, которых Давно уже не было.

— Смотри! — воскликнула Сиона.

— Он распадается, — это был голос Айдахо.

— Нет, — возразила Сиона. — Это отделяется Червь! Лето почувствовал, что какая-то его часть погрузилась в приятное тепло. Боль прошла.

— Что это за отверстия в нем? — спросила Сиона.

— Думаю, что там были песчаные форели. Посмотри на форму.

— Я здесь для того, чтобы показать, что один из моих предков заблуждался, — сказал Лето (или думал, что сказал, что, впрочем, одно и то же, поскольку его мысли записывались). — Я родился человеком, но умираю не человеком.

— Я не могу на это смотреть! — крикнула Сиона. Лето услышал, как она бросилась вон из пещеры, под ее ногами громко застучали камни.

— Ты еще здесь, Дункан?

— Да.

Значит, у меня еще есть голос.

— Смотри на меня, — продолжал Лето. — В материнской утробе я был маленьkim кровавым кусочком плоти размером не больше вишни. Смотри на меня, я сказал!

— Я смотрю, — слабым голосом ответил Айдахо.

— Надеешься увидеть гиганта, а видишь гнома, — проговорил Лето. — После этого начинаешь понимать ответственность, которую несешь за свои действия. Что ты будешь делать со своей новой властью, Дункан?

Воцарилось молчание, потом раздался голос Сиона:

— Не слушай его, он сошел с ума!

— Конечно, — миролюбиво согласился Лето. — Сумасшествие — это тоже метод. Оно сродни гениальности.

— Сиона, ты понимаешь, что он говорит? — голос жалобный, настоящий голос гхолы.

— Она понимает, — ответил за Сиону Лето. — Это по-человечески: испытать потрясение, которого ты не ожидал и не предвидел. С людьми всегда так. Монео понял это в конце жизни.

— Мне бы хотелось, чтобы он поспешил со своей смертью, — сказала Сиона.

— Я был разделенным Богом, но вы собрали меня воедино, — сказал Лето. — Дункан! Когда я думаю обо всех моих Дунканах, то ты нравишься мне больше других.

— Нравлюсь? — в голосе Айдахо вновь зазвучала ярость.

— В моей симпатии есть нечто магическое, — сказал Лето. — В магической вселенной возможно все. В твоей жизни господствовала фатальность оракула, а не моя. Теперь ты видишь этот мистический каприз и хочешь, чтобы я его рассеял? Я хочу только усилить его.

Другие внутри Лето начали самоутверждаться. Не в силах сопротивляться и наводить порядок, он перестал справляться с этим хаосом. Они начали говорить языком постоянных «если». «Если бы ты только...» «Если бы мы не...» Как хотелось ему заткнуть им глотки!

— Только глупцы живут своим прошлым!

Лето так и не понял, крикнул он эту фразу или только подумал. Ответом была полная тишина — внутренняя и внешняя, но некоторые нити, связывавшие воедино его старую сущность, еще сохранились. Он попытался заговорить и, видимо, его слышали, потому что Айдахо проговорил:

Послушай, он пытается что-то сказать.

— Не бойтесь иксианцев, — голос Лето превратился в едва слышный шепот. — Они могут делать машины, но не могут больше делать арафель. Я знаю, я был там.

Он замолк, собирая силы, которые утекали, несмотря на то, что он старался удержать их. Им снова овладело какое-то возбуждение — голоса начали что-то кричать, перебивая друг друга.

— Прекратите эту глупость! — крикнул он или подумал, что крикнул.

Айдахо и Сиона услышали только шипение.

Помолчав, Сиона сказала:

— Мне кажется, что он мертв.

— А говорили, что он бессмертен, — сказал Айдахо.

— Ты знаешь, что говорит по этому поводу Устное Предание? — спросила Сиона. — Если ты жаждешь бессмертия, то должен отринуть форму. Все, что имеет форму, смертно. За пределами формы царствует бесформенное, то есть бессмертное.

— Ты говоришь, как он, — обвиняющим тоном произнес Айдахо.

— Думаю, что в этом он был прав, — ответила она.

— Что он говорил о твоих потомках... они прячутся... их нельзя найти... что это?

— Он создал новую форму мимикрии, — ответила Сиона, — новую форму инициации. Он знал, что добился успеха, потому что не смог разглядеть моего будущего.

— Кто ты? — спросил Айдахо.

— Я — новый Атрейдес.

— Атрейдес! — в устах Айдахо это прозвучало как проклятие.

Сиона посмотрела на жалкие останки того, кто некогда был Лето Атрейдесом Вторым... и кем-то еще. Этот кто-то медленно уходил вместе со струйками синеватого дыма, отдающего запахом меланжи. Под тающим телом растекалась синяя лужа Пряности. Остались еще остатки чего-то вполне человеческого — кости с красными прожилками и розовая кожа, которые когда-то были частью вечно детского лица Великого Бога-Императора.

— Я не похожа на него, — сказала Сиона, — но у нас с ним одна суть. Я — то же, что и он.

Айдахо непроизвольно перешел на благоговейный шепот:

— Предки и все это...

— Их множество здесь со мной, но я могу незаметно пройти мимо них, потому что они не видят меня. Старые образы исчезли, осталась только суть, чтобы осветить Золотой Путь.

Она повернулась к нему и взяла его за руку. Рука Дункана была холодна, как лед. Она осторожно вывела его из пещеры на свет и подвела к веревке, которая звала назад, в мир людей. Там, наверху, ждали их испуганные музейные фримены.

Жалкий материал, из которого придется кроить новую вселенную, подумала Сиона, но им придется служить. Айдахо надо будет нежно соблазнить, а потом появится и любовь.

Когда она оглянулась на реку, то увидела, как узкое искусственное русло расширяется в пойму, раскинувшуюся среди зелени. На горизонте появилась стремительно надвигавшаяся туча.

Айдахо высвободил руку, но был при этом спокоен.

— Управление погодой становится все хуже и хуже, — сказал он. — Монео думал, что это происки Гильдии.

— Отец редко ошибался в таких вещах, — сказала она. — Тебе придется с этим разобраться.

Айдахо вдруг вспомнил, как с тела Лето разбегались в воду песчаные форели — личинки нового червя.

— Я слышала, что сказал Червь, — проговорила Сиона. — Говорящие Рыбы выберут тебя, а не меня.

Айдахо вновь испытал искушение Сиайнока.

— Посмотрим, — он повернулся и взглянул на Сиону. — Что он имел в виду, когда сказал, что иксианцы не смогут создать арафель.

— Ты просто не читал всех его записок, — ответила она. — Я все тебе покажу, когда мы вернемся в Туоно.

— Но что значит арафель?

— Это темнота священного суждения. Это понятие из древней истории. Все это ты найдешь в его записках.

Из секретного обзора Хади Бенотто относительно открытия в Дар-эс-Балате

Это сообщение меньшинства. Мы, конечно, подчинимся решению большинства касательно тщательного отбора, цензуры и издания записок из Дар-эс-Балата. Но наши аргументы должны быть выслушаны и учтены. Мы знаем, каковы интересы Святой Церкви в этом вопросе, и это не ускользнуло от нашего внимания. Мы полностью разделяем желание Святой Церкви, чтобы Ракис и Священная Резервация Расщепленного Бога на становились «аттракционом для скучающих туристов».

Однако, поскольку теперь в наших руках имеются все записи и доказана их аутентичность и выполнен полный перевод, мы можем судить о замысле Атрейдесов. Как женщина, воспитанная в традициях Бене Гессерит, я понимаю способ мышления наших предков, и у меня есть естественное желание участвовать в том замысле, который открылся нашему взору — замысле, целью которого было нечто большее, чем превращение Дюны в Арракис, а Арракиса в Дюну, а потом в Ракис.

Нам надо служить интересам истории и науки. Записки проливают новый свет на воспоминания и личные биографии времен Дней Дункана и Охранной Библии. Мы не можем оставаться небрежными в отношении таких расхожих выражений, как «Клянусь тысячью сынов Айдахо!» или «Клянусь девятью дочерьми Сиона!» Сохранившийся до сих пор Культ Сестры Ченоу приобретает в связи с открытием записок новое значение. Определенно, что новая трактовка Церковью рассказа об Иуде/Наиле требует и новой оценки.

Мы, представители Меньшинства, должны напомнить политическим цензорам, что бедные песчаные черви Ракийской Резервации не могут служить альтернативой иксианским навигационным машинам, так же, как крошечные количества церковной меланжи не составляют коммерческой угрозы для тлейаксианской синтетики. Нет! Мы просто настаиваем на том, чтобы Устное Предание, Охранная Библия и даже Святое Писание Расщепленного Бога должны быть сравнены с записками из Дар-эс-Балата. Каждая историческая ссылка на времена Рассеяния и Великого Голода должна быть тщательно проверена. Чего мы боимся? Никакие иксианские машины не смогут сделать то, что можем сделать мы — прямые потомки Сиона и Дункана Айдахо. Сколько вселенных мы освоили и заселили? Никто не может назвать даже приблизительной цифры. Никто и никогда не узнает этого. Неужели Церковь боится случайных пророков? Мы знаем, что никакие пророки не могут ни видеть нас, ни предсказать наши решения. Смерть не может постичь сразу все человечество. Надо ли нам, Меньшинству, присоединяться к нашим рассеянным братьям и сестрам, чтобы быть услышанными? Должны ли мы оставить большинство человечества в темноте и невежестве? Если Большинство заставит нас уйти, то оно само потом не сможет нас отыскать.

Мы не хотим уходить. Нас удерживают здесь *жемчужины*, зарытые в песок. Мы очарованы тем, как Церковь использует это «солнце понимания». Несомненно, ни один Разумный человек в этом отношении не сможет остаться равнодушным к откровениям записок. Опасное, но столь Необходимое использование археологии принесет в один прекрасный день свои плоды! Одно то, каким образом с помощью примитивного прибора Лето Второй смог сохранить свои мысли для потомства, может преподать нам Урок истории машин. Было бы преступлением против исторической точности и науки прекратить попытки познать те «перлы сознания», которые содержатся в записках. Потеряем ли мы Лето Второго в его снах или пробудим его для новой жизни, вынесем на поверхность сознания и будем хранить, как кладезь исторической точности? Как может Святая Церковь бояться истины?

Что же касается Меньшинства, то у нас нет сомнения в том, что историки первыми должны услышать все с самого начала. Они должны услышать голос нашего происхождения. Если дело касается только записок, то мы должны просто слушать. Нам надо выслушать наше будущее настолько, насколько позволят это сделать записи из нашего прошлого. Мы не пытаемся предсказать открытия, которые будут сделаны при анализе записок Лето Второго. Мы только утверждаем, что эти открытия должны быть сделаны. Как можем мы повернуться спиной к нашему столь важному наследию? Как сказал поэт Лон Брамлис: «Мы сами есть источник удивления!»

КОГДА Я ПИСАЛ «ДЮНУ»

...В моем уме не оставалось места для беспокойства об успехе или провале книги. Было лишь желание работать над ее созданием.

Шесть лет исследований предшествовали тому дню, когда я уселся собрать воедино мою историю. И увязывание множества сюжетных слоев, которые были мною задуманы, достигло той степени концентрации мысли, которой я никогда не испытывал.

Эта история должна разрабатывать миф о Мессии.

Действию надлежит предложить другой взгляд на населенные человечеством планеты и энергетические устройства.

Также следует вскрыть взаимосвязи политики и экономики.

В ней обязательно должен присутствовать наркотик, пробуждающий самосознание, и рассказ, к чему приводит зависимость от него.

Питьевая вода должна быть только аналогией нефти, самой воды и других природных веществ и ресурсов, которые тают с каждым днем. Это должен быть экологический роман, а значит, среди многих сюжетных линий, это должна быть, в не меньшей степени, история о людях, их радостях и заботах, об отношении к общечеловеческим ценностям, и я должен проследить каждую из этих линий на каждой стадии книги.

В моей голове не было места для мыслей о чем-нибудь еще.

Отзывы издателей после первой публикации, были медленными и, как выяснилось, неточными. Критики всыпали книге по первое число. Более двенадцати издателей отвергли рукопись прежде, чем она была опубликована. Не было никакой рекламы. И все-таки, что-то происходило.

Не прошло и двух лет, как я был завален жалобами книготорговцев и читателей, что они не могут достать мою книгу. Она удостоилась похвалы «Всемирного полного каталога».

Мне все время звонили люди, спрашивая, не собираюсь ли я учредить новый культ.

Мой ответ:

— О, Господи, нет!

То, что я описываю, это — медленное осознание успеха. К тому времени, когда первые книги «Дюны» были завершены, не оставалось почти никаких сомнений, что работа стала популярной — одной из самых популярных в истории, как мне говорили, — с проданными по всему миру приблизительно десятью миллионами экземпляров. Теперь самый частый вопрос, который люди мне задают: «Что означает для Вас успех?» Он меня удивляет. Хотя, признаться, я и не ожидал провала. Это была моя работа, и я ее сделал. Части «Мессии Дюны» и «Детей Дюны» были написаны до того, как была завершена сама «Дюна». Они все больше обрастили плотью во время писания, но суть рассказанной истории осталась нетронутой.

Я был писателем, я писал. Успех означал, что я могу уделить еще больше времени моему занятию.

Оглядываясь назад, я осознаю, что инстинктивно поступил правильно. Пиши не для результата и успеха не ждешь. Это отвлекает часть твоего внимания от собственно творчества.

Если ты готов творить, то все, что тебе надо делать — писать.

Негласное соглашение между тобой и читателем. Если кто-нибудь заходит в книжный магазин и тратит кровно заработанные деньги на твою книгу, ты обязан сколько-нибудь занять этого человека — и должен стараться изо всех сил.

Это и в самом деле все время было моим намерением.

Глава 1

Главная часть дисциплинирующей выучки, — это ее сокрытая часть, предназначенная не освобождать, но ограничивать. Не спрашивай «Зачем?». Будь осторожен с «Как?». «Зачем?» ведет к неумолимому парадоксу. С «Как?» ты попадаешь в ловушку причинно-следственного мироздания. И то, и другое отрицает бесконечное.

Апокрифы Арракиса.

— Тараза ведь рассказала тебе, что мы уже израсходовали одиннадцать гхол Данкана Айдахо? Этот — двенадцатый.

Произнося это с намеренной желчностью, старая Преподобная Мать Шванги глядела с галереи третьего этажа на одинокого мальчика, игравшего на закрытой лужайке. Яркий полуденный свет планеты Гамму солнечными зайчиками отплесывал на белых стенах внутреннего дворика, наполняя все пространство ниже Преподобных Матерей таким сиянием, как будто на юного гхолу был специально направлен луч театрального софита.

«Израсходовали!» — подумала Преподобная Мать Лусилла. Она позволила себе коротко кивнуть, заметив, каким же холодным безразличием веет от манер Шванги и от выбираемых ею слов. «Мы израсходовали наш запас — пришлите нам еще!?

Мальчику на газоне было на вид приблизительно двенадцать стандартных лет, но у гхол, с еще не пробужденной памятью об их исходной жизни, внешность может быть ох как обманчива.

Мальчик на миг отвлекся и поглядел на наблюдавших за ним с галереи. Крепыш, с прямым взглядом, настойчиво смотрящим из-под черной шапочки каракулевых волос. Желтый свет ранней весны отбрасывал небольшую тень у его ног. Открытые участки кожи у него загорели почти дочерна, но когда при легком движении голубой стилсьют чуть соскользнул с его плеча, там обнажилась бледная кожа.

— Эти гхолы не только дороги, они еще и крайне опасны для нас, сказала Шванги.

Голос ее звучал ровно и бесцветно, обретая от этого еще большую властность — голос Преподобной Матери Наставницы, говорящей с послушницей. Для Лусиллы это было дополнительным напоминанием, что Шванги входила в яростную оппозицию проекту гхолы.

Тараза заранее предостерегала Лусиллу:

— Она постарается переманить тебя на свою сторону.
— Одиннадцати неудач достаточно, — сказала Шванги.

Лусилла поглядела на морщинистое лицо Шванги, внезапно подумав: «Когда-нибудь я тоже стану старой и усохшей. И, может быть, приобрету такой же вес в Бене Джесссерит».

Шванги была невысока, приметы ее старости были приметами долгого служения Ордену.

Из изученных ею заранее сведений, Лусилла знала, что под форменной черной абой Шванги скрывается костлявое тельце, которое редко кому-либо доводилось видеть, кроме обшивавших ее послушниц и скрещивавшихся с ней мужских особей. Широкий рот Шванги с двух сторон ограничивали старческие морщины, спускавшиеся к выпяченному подбородку.

В ее манерах было много суховатой резкости, которую непосвященные часто принимали за гнев. Командующая Оплотом Гамму больше других Преподобных Матерей заботилась о том, чтобы принадлежать самой себе. Лусилле опять захотелось, чтобы она смогла ознакомиться в целом со всем проектом гхолы. Хотя, Тараза достаточно ясно провела границу:

— Шванги не следует доверять там, где дело касается безопасности гхолы.
— Мы считаем, что сами же тлейлаксанцы и убили большинство из одиннадцати предыдущих, — сказала Шванги. — Одно это свидетельствует о многом.

Лусилла, в тон Шванги, выбрала манеру спокойного, почти безмятежного, выжидания. Ее поза как бы говорила: «Я, может быть, намного младше тебя, Шванги, но я тоже полная Преподобная Мать». Она ощущала на себе пристальный взгляд Шванги.

Шванги видела голографические изображения этой Лусиллы. Но они не шли ни в какое сравнение с самим оригиналом.

Геноносительница высшего уровня, никаких сомнений. Затопленные синевой глаза, без

маскирующих линз, кажутся пронзительными, и это хорошо сочетается с ее длинным овальным лицом. Сейчас, когда капюшон ее черной абы откинут, видны каштановые волосы, собранные в тугой узел, а затем широко спадающие по спине. Даже самое жесткое облачение неспособно полностью скрыть пышных грудей Лусиллы. Она происходила из генетических линий, знаменитых своими материнскими данными, и уже подарила Ордену трех детей, двух — от одного и того же производителя.

Да — каштановолосая чаровница с полными грудями и расположенностю к материнству.

— Ты очень мало говоришь, — сказала Шванги. — Из этого мне ясно отсюда, что Тараза настроила тебя против меня.

— Есть у тебя причины полагать, что убийцы постараются уничтожить и этого гхолу? — спросила Лусилла.

— Они уже пытались.

«Странно, отчего на ум приходит мысль о ереси, когда думаешь о Шванги, — подумала Лусилла. Может ли существовать ересь среди Преподобных Матерей?» Религиозные оттенки этого слова казались неподходящими в среде Бене Джессерит. Откуда взяться еретическим движениям среди тех, кто во всех религиозных делах видит лишь средство манипулирования?

Лусилла перевела взгляд вниз на гхолу, решившего в этот момент пройтись колесом вокруг лужайки, затем он опять остановился и поглядел на двух женщин, смотревших на него с галереи.

— Как он славно крутит колесо, — язвительно усмехнулась Шванги. Ее старческий голос не мог полностью скрыть затаенную жестокость.

Лусилла поглядела на Шванги. «Ересь». «Диссидентство» — слово неподходящее. Слово «оппозиция» не охватывает впечатления, вызываемого старухой. Есть в ней что-то, способное подорвать основы Бене Джессерит. Бунт против Таразы, против Верховной Преподобной Матери? Немыслимо! Верховные Матери взращивались и воспитывались как монархи. Если уж Тараза собрала совет, выслушала все мнения — а потом вынесла свое собственное решение — весь Орден обязан был подчиниться.

— Сейчас не время для создания новых проблем! — сказала Шванги.

Значение ее слов было ясным: возвращаются люди Рассеяния и намерения некоторых Затерянных угрожают Ордену.

«Преподобные Черницы».

До чего похоже на «Преподобные Матери».

Лусилла решилась закинуть удочку:

— Значит, по-твоему, мы должны сосредоточиться на проблеме этих Преподобных Черниц из Рассеяния?

— Сосредоточиться? Ха! Они не обладают нашими возможностями. Они не проявляют здравого смысла. И они не владеют меланжем. Наши знания, полученные благодаря спайсу — вот, что они хотят заполучить!

— Возможно, — допустила Лусилла. Ей не хотелось соглашаться с таким заявлением, не имея веских доводов. — Верховная Мать Тараза отвлекается от настоящих дел ради пустой возни с этими гхолами, — сказала Шванги.

Лусилла промолчала. Проект гхолы определенно вызывал зловещее раздражение у Ордена. Даже отдаленная вероятность получить еще одного Квизатца Хадераха, пробирала ряды Ордена мурашками сердитого страха. Связываться с замурованными в червях осколками сознания Тирана!

До крайности опасно.

— Нам вообще не следует перевозить этого гхолу на Ракис, пробормотала Шванги. — Не будите спящих червей.

Лусилла опять перенесла свое внимание на мальчика-гхолу.

Он повернулся спиной к высокой галерее, на которой стояли две Преподобные Матери, но что-то в его позе говорило — он понимает, что разговор о нем, и ожидает их реакции.

— Ты, несомненно, сознаешь, что тебя призвали рано, когда он еще слишком юн, — сказала

Шванги.

— Я никогда не слыхала о глубоком кодировании столь юного, согласилась Лусилла. Она намеренно подпустила легкую самоиронию в свои интонации, зная, что Шванги, расслышав этот оттенок, неправильно его истолкует. Бене Джесссерит — высшие специалисты в целенаправленном управлении всем, касающимся продолжения рода человеческого. «Используй любовь, но сама ее избегай», — вот о чем подумает сейчас Шванги.

Аналитики Ордена понимают, где коренится любовь. Они докопались до этого еще на самых ранних стадиях развития Ордена, но никогда не осмеливались исключать ее из направленного скрещивания. Терпи любовь, но будь настороже, вот главное правило. Знай, что она заложена в самую глубь человеческой генетики — сеть безопасности, обеспечивающая продолжение рода. Ты используешь ее, когда необходимо, закрепляя отобранные личности (порой друг поверх друга) ради целей Ордена, с осознанием, что такие личности будут присоединены могучими связующими линиями, не всегда легко постижимыми обычному разуму. Иные способны, может быть, наблюдать такие движения и прорабатывать последствия, но, скованные единой цепью, будут танцевать под музыку бессознательного.

— Я не предполагаю, что кодирование его будет ошибкой, — сказала Шванги, неправильно истолковывая молчание Лусиллы.

— Мы делаем то, что нам приказывают, — проворчала Лусилла. Пусть Шванги сама решит, что означают эти слова.

— Значит ты никоим образом не возражаешь против перевода гхолы на Ракис, — сказала Шванги. — Интересно, продолжала бы ты и дальше так беспрекословно повиноваться, если бы знала все от и до?

Лусилла сделала глубокий вдох. Не откроется ей сейчас полный замысел, связанный с гхолами Данканы Айдахо?

— На Ракисе есть девочка по имени Шиэна, — продолжала Шванги. — Она обладает даром управлять гигантскими червями.

Лусилла скрыла свое оживление. «Гигантские черви. Не Шай-Хулуд. Не Шайтан. Гигантские черви». Наездница Песков, предсказанная Тираном, наконец появилась!

— Я не просто поддерживаю пустой разговор, — сказала Шванги, когда Лусилла вновь промолчала. «Разумеется, нет», — подумала Лусилла. «И ты называешь их, исходя из внешнего вида, а не из сути внутреннего мистического значения. Гигантские черви. А в самом деле думаешь о Тиране Лито II, чей бесконечный сон несут жемчужинки сознания в каждом из этих червей. По крайней мере, нам приходится в это верить».

Шванги кивнула на ребенка на лужайке под ними.

— По-твоему, их гхола будет способен повлиять на девочку, повелевающую червями?

«Вот, наконец, все и выплывает наружу», — подумала Лусилла. Вслух он сказала:

— У меня нет надобности отвечать на такой вопрос.

— Ты и в самом деле осторожна, — сказала Шванги.

Лусилла выгнула спину и потянулась. «Осторожна? Да, разумеется», -Тараза ее предостерегала:

— Там, где дело касается Шванги, ты должна действовать и крайне осторожно, и очень быстро. Временное окно, внутри которого мы только можем достичь успеха.

— Успеха в чем? — удивилась Лусилла. Она искоса взглянула на Шванги. — Я не понимаю, как Тлейлакс смог благополучно расправиться с одиннадцатью гхолами, как они просочились сквозь все наши защитные порядки!

— Сейчас у нас есть башар, — сказала Шванги. — Может быть, он сможет предотвратить несчастье. — Ее тон говорил, что она в это не верит. Верховная Мать Тараза говорила:

— Ты Геноносительница, Лусилла. Когда прибудешь на Гамму, ты разберешься в общей структуре. Но для достижения твоей цели не обязательно знать весь план целиком?

— Подумай о цене! — проговорила Шванги, угрюмо глядя на гхолу, который сейчас присел на корточки и вырывал кустики травы.

Лусилла понимала, что цена не имеет к этому никакого отношения, открытое признание неудач —

вот что было намного сложнее. Орден не мог выдать свой, провал. Но то, что Геноносительница призвана рано — это факт. Тараза уже знала, что Геноносительница все поймет и составит представление об этой части общего плана.

Шванги указала костявой рукой на ребенка, вернувшегося к своей одинокой игре, прыгая и кувыркаясь на траве.

— Политика, — сказала Шванги.

«Нет сомнений — именно политика Ордена лежит в самой основе ЕРЕСИ ШВАНГИ», — подумала Лусилла.

Оценить сложность противоречий внутри Ордена можно по назначению настоятельницей Оплота на Гамму именно Шванги.

Те, кто противостоят Таразе, отказываются сидеть на обочине.

Шванги повернулась и пристально поглядела на Лусиллу. Сказано уже достаточно. Достаточно услышано и достаточно пропущено через тренированные умы Бене Джессерит. Дом Соборов с огромным тщанием выбирал эту Лусиллу. Лусилла ощущала, как прощупывает и изучает ее старуха, до не позволяла этому повлиять на ту глубочайшую сосредоточенность, которая помогает каждой Преподобной Матери справиться со стрессом. «Вот оно. Пусть смотрит на меня во все глаза». Лусилла повернулась и, безмятежно улыбнувшись, стала разглядывать крышу напротив. Вышел мужчина в мундире, вооруженный тяжелым лазерным пистолетом, кинул взгляд на двух Преподобных Матерей, а затем сосредоточил его на ребенке внизу на лужайке.

— Кто это? — спросила Лусилла.

— Патрин — довереннейший подчиненный башара. Он утверждает, что всего лишь денщик башара. Но надо быть слепым дураком, чтобы в это поверить. Лусилла с огромным вниманием стала разглядывать человека на противоположной стороне галереи. Так вот он каков, Патрин. Уроженец Гамму, как сказала ей Тараза. Выбран для выполнения этой задачи самим башаром. Худой и светловолосый, уже слишком стар для строевой службы, но по настойчивому призыву башара присоединился к старому командиру, во всем ему помогая.

Шванги заметила, как Лусилла с неподдельной озабоченностью перевела взгляд с Патрина на гхолу. Да, если башар опять призван охранять Оплот, значит гхола действительно в крайней опасности.

Лусилла вздрогнула от внезапного удивления.

— Но почему... Он...

— Приказание Майлза Тега, — проговорила Шванги, называя башара по имени. — Все игры гхолы являются одновременно и его тренировками. Мускулы должны быть подготовлены ко дню его возвращения в свое истинное «я».

— Но он выделяет сейчас не совсем простое физическое упражнение, заметила Лусилла. Она почувствовала, как ее собственные мускулы сочувственно откликаются, узнавая знакомые движения.

— Гхоле не позволено изучать только аркану Ордена, — сказала Шванги. — Почти все остальное из запасников наших познаний в его распоряжении.

Ее интонация ясно показывала, что она находит это крайне неправильным.

— Но ведь, наверняка, никто не верит, будто этот гхола способен стать новым Квизатцем Хадерахом, — возразила Лусилла.

Шванги только плечами пожала.

Лусилла сохраняла полную неподвижность и спокойствие, размышляя. Возможно ли, чтобы этот гхола мог развиться в мужской вариант Преподобной Матери? Способен ли этот Данкан Айдахо обрести способность проникновения в такие глубины своего «я», куда не осмеливается заглянуть ни одна Преподобная Мать?

Шванги заговорила, голос ее напоминал порыкивающее бормотание:

— Замысел этого проекта... У них опасный план. Они могли бы свершить ту же самую ошибку... — она осеклась.

«Они, — подумала Лусилла. — Их гхола».

— Много бы я отдала, чтобы знать наверняка, какое место занимают в этом Икс и Рыбословши, — сказала Лусилла.

— Рыбословши! — Шванга покачала головой при одной мысли об остатках женской армии, служившей только Тирану. — Они верят в правду и справедливость.

Лусилла переборола внезапный комок в горле. Шванги в твердой оппозиции, не достает только открытого признания. Да, она здесь командует. Политическое правило простое: те, кто противится проекту, должны наблюдать за ним, чтобы можно было пресечь его при первом же признаке осложнений. Но здесь на лужайке истинный гхола Данкан Айдахо. Сравнительный анализ клеток и Видящая Правду это подтвердили.

Тараза ей сказала, провожая:

— Тебе предстоит обучить его любви во всех ее формах.

— Он так юн, — Лусилла не отводила взгляда от гхолы.

— Юн, да, — сказала Шванги. — Полагаю, что пока ты пробудишь в нем только ответную привязанность ребенка на материнскую любовь. Позже... -Шванги пожала плечами.

Лусилла ничем не проявила своих чувств. Бене Джессерит повинуется. «Я — Геноносительница. Значит...» Распоряжения Таразы и специальная подготовка Лусиллы определили особый курс, которым все должно пойти. Лусилла сказала Шванги:

— Есть кто-то, похожая на меня, как две капли воды, говорящая моим голосом. Я — ее зеркальное отражение. Могу я спросить, кто это?

— Нет.

Лусилла опять промолчала. Она и не ожидала откровенности, но не раз отмечалось ее потрясающее сходство с главой Отдела Безопасности Преподобной Матерью Дарви Одраде. «Юная Одраде». Лусилла не раз слышала эти слова. И Лусилла, и Одраде происходили, конечно, от линии Атридесов с сильным генным влиянием потомков Сионы. Рыбословши не имели монополии на эти гены! Но Иные Памяти Преподобной Матери, несмотря на их жесткую избирательность и ограниченность предками только с женской стороны, давали важные ключики к пониманию широкого размаха проекта гхолы. Лусилла, опиравшаяся на жизненный опыт обитавшей в ней Джессики, жившей пять тысяч лет тому назад и появившейся в результате генетических манипуляций Ордена, испытывала глубокое чувство страха, исходящее от этой жизни-памяти. Знакомая модель и исходящее от нее такое, напряженное ощущение рока вынудили Лусиллу автоматически начать произносить литанию против страха, которую она выучила еще при первом посвящении в Обряды Ордена:

«Я не должна бояться. Страх — это убийца разума. Страх — это маленькая смерть, несущая полное уничтожение. Я должна встретить мой страх лицом к лицу. Я должна позволить ему пройти через меня и сквозь меня. И когда он пройдет и останется позади, я обращу внутренний взгляд, чтобы увидеть его тропу. Когда страх уйдет, не будет ничего. Только я сама останусь».

К Лусилле вернулось спокойствие.

Шванги подметила, что что-то с Лусиллой происходит и позволила своей настороженности немного ослабеть. Лусилла — не турица, не «особая» Преподобная Мать, не титулованная пустышка, которая едва может работать так, чтобы не ставить постоянно Орден в неловкое положение. Лусилла настоящая, и некоторые реакции нельзя от нее скрыть, даже реакции другой Преподобной Матери. Очень хорошо, пусть она узнает полный размах оппозиции этому «опасному» проекту!

— По-моему, гхола не доживет до того, чтобы увидеть Ракис, — сказала Шванги.

Лусилла пропустила это мимо ушей.

— Расскажи мне о его друзьях, — сказала она.

— У него нет друзей, только учителя.

— Когда я с ними встречусь? — она задержала взгляд на противоположной стороне галереи, где Патрин небрежно облокотился на низкую балюстраду, тяжелый лазерный пистолет наготове. Лусилла внезапно поняла, что Патрин наблюдает за ней. У Патрина — приказ башара! Шванги наверняка видит и понимает. «Мы охраняем его!?

— Я так понимаю, тебе особенно хочется увидеться именно с Майлзом Тегом, — сказала Шванги.

— Среди прочих.

— Не хочешь ли сперва войти в контакт с гхолой?

— Я уже вошла с ним в контакт, — Лусилла кивнула на внутренний двор, где ребенок опять стоял неподвижно и глядел на нее. — Он из задумчивых.

— Об остальных гхолах я знаю только по докладам, — сказала Шванги, но, подозреваю, этот — наиболее задумчивый из всей серии.

Лусилла подавила непроизвольную дрожь, так яростно ее подмывало открыто восстать против отношения и слов Шванги. Ни единого намека, что мальчик внизу — такой же, как и все.

Пока Лусилла размышляла над этим, облака затмили солнце, как часто бывало в этот час. Над стенами Оплота задул холодный ветер, закрутивший вихрями по внутреннему двору. Мальчик отвернулся и ускорил свои физические упражнения, согреваясь за счет возросшей активности.

— Куда он уходит, когда хочет побывать один? — спросила Лусилла.

— В основном, в свою комнату. Он несколько раз совершил весьма опасные вылазки, но мы это пресекли.

— «Он, должно быть, сильно нас ненавидит.

— Я в этом уверена.

— Мне надо будет сразу же взяться за него.

— Наверняка, у Геноносительницы нет сомнений в своей способности перебороть эту ненависть.

— Я думаю о Гиэзе, — Лусилла метнула на Шванги осведомленный взгляд, — меня весьма удивляет, что ты позволила Гиэзе совершить такую ошибку.

— Я не вмешиваюсь в нормальный процесс обучения гхолы. Если одна из его учительниц привязывается к нему искренней любовью — это не моя проблем?

— Привлекательный ребенок, — сказала Лусилла. Они еще чуть-чуть постояли, наблюдая за упражнениями гхолы Данканы Айдахо. Обе Преподобные Матери ненадолго задумались о Гиэзе, одной из первых учительниц, привезенных сюда ради проекта гхолы. Подход Шванги был прост: «Гиэза, определенно, была неудачей». А Лусилла думала: «Шванги и Гиэза усложнили мою задачу». Ни Шванги, ни Лусилла ни на секунду не задумались над тем, как эти мысли подкрепляют их верность тем или иным принципам.

Наблюдая за ребенком во внутреннем дворе, Лусилла начала по-новому постигать, чего на самом деле достиг Тиран — Бог Император. Лито II использовал этих гхол бесчисленное количество раз и жизненных сроков тридцать пять сотен лет сменялись гхолы Данканы, один за другим. Бог Император Лито II не был обыкновенным от природы. Он был величайшим Джаггернаутом человеческой истории, катящимся повсюду — давящим социальные системы, естественную и искусственную ненависть, формы правления, обряды (и табу, и мандаринаты), религии легкие и религии аскетичные. Сокрушающий вес его колесницы не оставил ничего без своих отметин, даже Бене Джессерит.

Лито II называл это Золотой Тропой, и этот Данкан Айдахо, типовой гхола, которого она видела сейчас под собой, был заметной фигурой в этом наводящем благоговейный ужас движении. Лусилла изучала отчеты Бене Джессерит — возможно самые лучшие во всем мироздании. Даже сегодня на большинстве планет Старой Империи до сих пор разбрызгивают капли воды на восток и на запад, произнося местные варианты: «Пусть твое благословение снизойдет на нас за это подношение, о Бог бесконечной силы и бесконечного милосердия».

Некогда добиться такого повиновения было задачей Бене Джессерит и их приуроченного жречества. Но это обрело свою собственную инерцию, ставшую назойливым принуждением. Даже самые сомневающиеся из верующих говорили: «Что ж, вреда это причинить не может». Это было достижение, которое самые лучшие религиозные конструкторы Задачной Миссионерии Бене Джессерит наблюдали с восхищением, страхом и благоговением разочарования. Тиран превзошел лучших из Бене Джессерит. Пятьдесят лет прошло со времени смерти Тирана, но Орден до сих пор беспомощен распутать главный узел этого устрашающего достижения.

— Кто отвечает за религиозную подготовку? — спросила Лусилла.

— Никто, — сказала Шванги, — к чему беспокоиться? Если он будет вновь пробужден к своей исходной памяти, то вернется и к своей изначальной вере. Мы будем иметь дело с ней, если когда-либо до этого дойдет.

Время тренировки мальчика вышло. Даже не оглянувшись еще раз на наблюдавших, он покинул внутренний двор и удалился в широкую дверь слева. Патрин тоже покинул свою позицию наблюдателя, даже не взглянув на Преподобных Матерей.

— Пусть тебя не одурачат люди Тега, — сказал Шванги. — У них глаза на затылке. Ведь мать Тега с рождения была одной из нас. Он учит гхолу такому, чего ему вообще никогда не следовало бы знать!

Глава 2

Взрывы являются также сжатиями времени. Все доступные наблюдению перемены в человеческой истории до некоторой стегни и с некоей точки зрения являются взрывными — иначе бы вы их не заметили. Плавная Непрерывность перемен, если ее достаточно замедлить, протекает незамеченной для тех, чей срок наблюдения слишком короток. Отсюда, говорю вам, я видел перемены, которых вы никогда бы не углядели.

Лито II

Женщина, стоявшая в утреннем свете планеты Дом Соборов перед столом, за которым сидела Верховная Преподобная Мать Алма Тараза, была высока и гибка. Длинная черно-мерцающая аба, облокавшая ее от плеч до пола не могла скрыть грацию, проявлявшуюся в каждом движении тела.

Тараза наклонилась вперед в своем письем кресле и проглядывала перекладные досье — глифы Бене Джессерит — проецируемые над поверхностью стола только для ее глаз.

«Дарви Одраде» так дисплей определил стоявшую перед ней женщину, а затем последовала сжатая биография, и так уже знакомая Таразе до мелочей. Дисплей служил нескольким целям — всегда надежная памятка для Верховной Матери, позволявшая порой взять паузу для раздумий, когда делаешь вид, будто изучаешь характеристики, и он же снабжал решающими доводами, если в ходе беседы всплынет что-нибудь нежелательное.

«Одраде принесла Бене Джессерит уже девятнадцать детей», вчитывалась Тараза в информацию, возникавшую перед ее глазами. «Каждый ребенок от другого отца», в этом необычного мало. Но даже такое интенсивное материнство не нарастило на Одраде ненужной плоти. Лицо ее с длинным носом и угловатыми щеками от природы имело — высокомерный вид. Все лицо сужалось к узкому подбородку. Пухлые губы — обещание страсти.

?Мы всегда можем положиться на гены Атридесов», — подумала Тараза.

Позади Одраде затрепетала оконная занавеска, она оглянулась. Они были в утренней комнате Таразы — небольшой элегантно обставленной, отделанной в зеленые тона. Только яркая белизна письменного кресла Таразы выделялась из общего фона. Окна эркера смотрели на восток — на сад, лужайку и отдаленные снежные вершины гор планеты Дом Соборов, похожие на театральные декорации. Не поглядев на нее, Тараза сказала:

— Я обрадовалась, когда ты и Лусилла приняли назначение. Это намного облегчает мою задачу.

— Я бы хотела встретиться с этой Лусиллой, — сказала Одраде, глядя на макушку Таразы. Голос Одраде был мягким контральто.

Тараза откашлялась.

— Нет надобности. Лусилла одна из наших Геноносительниц. Вы обе получили идентичное либеральное образование, обусловившее вашу подготовленность.

Было что-то оскорбительное в небрежном тоне Таразы и только их давнее знакомство уняло вспыхнувшее немедля раздражение Одраде. Частично — из-за слова «либеральное», разобралась она. Предки-Атридесы взбунтовались в ней при этом слове. Словно все ее накопленные женские воспоминания накинулись на бессознательные выводы и поверхностные предубеждения, скрывающиеся за этим словом.

«Только либералы на самом деле мыслят. Только либералы разумны. Только либералы понимают нужды своих собратьев».

«Сколько же зловредности скрыто за этим словом! — подумала Одраде. Как же сильно тайное „я“ требует ощущения своего первенства».

Одраде напомнила себе, что Тараза, не смотря на свой небрежный до оскорбительности тон, использовала этот термин только в католическом смысле: общее образование Лусиллы полностью соответствовало образованию Одраде.

Тараза откинулась, устраиваясь поудобнее, не отрывая взгляда от дисплея. Свет из окон, выходящих на восток, осветил лицо невысокой женщины — чуть-чуть старше Одраде — положив тени под носом и подбородком. Тараза сохранила часть красоты, благодаря которой она когда-то была самой надежной при скрещивании с трудными мужскими особями. Ее лицо — длинный овал с мягко закругляющимися щеками. Черные волосы собраны в большой тугой пучок на затылке, полностью обнажая лоб. Рот Таразы едва открывался, когда она говорила — полнейший контроль за движениями. Внимание наблюдателя все время привлекали ее глаза: повелительные и затопленные

синевой. Ее лицо производило впечатление маски вежливости, из-под которой не проглянут разоблачающие истинные переживания.

Одраде знала, когда Верховная Мать принимает такую позу: вскоре Тараза забормочет себе под нос. Ну, точно, именно, как Одраде и ожидала, Тараза что-то забормотала про себя.

Верховная Мать размышляла, следя за выдающим информацию дисплеем с огромным вниманием. Многие дела занимали ее мысли.

Это успокаивало Одраде. Тараза не верит, что существует некая благотворная сила, руководящая человечеством. Защитная Миссионерия и Намерения Ордена — вот что хоть как-то ценно в мире Таразы. Все, служащее этим целям, даже происки давно умершего Тирана, должно почитаться благом. Все остальное — зло. Чужеродные вторжения из Рассеяния — особенно эти возвращающиеся потомки Рыбословш, называющие себя Преподобными Черницами никак не заслуживают доверия. Собственная паства Таразы, и даже противостоящие ей в Совете, это, в конечном итоге, Бене Джесссерит единственное, чему можно доверять.

Так и не поднимая глаз, Тараза проговорила:

— Ты знаешь, что если сравнивать тысячелетия, предшествующие Тирану, с прошедшими после его смерти, то уменьшение крупных конфликтов феноменально. Со временем Тирана их число стало меньше, чем два процента от того, что было прежде.

— Насколько мне известно, — ответила Одраде.

Тараза метнула на нее короткий взгляд и сразу опустила глаза.

— Что?

— Невозможно получить сведения, сколько войн велось за пределами нашего обитания. Есть ли у тебя статистика от людей Рассеяния?

— Конечно нет!

— Ты говоришь о том, что именно Лито укротил нас, — сказала Одраде.

— Если тебе этого хочется, пусть будет так.

Тараза отметила что-то, увиденное на дисплее.

— Следует ли приписать это заслугам нашего любимого башара Майлза Тега? — спросила Одраде. — Или его талантливым предшественникам?

— Этих людей выбирали мы, — сказала Тараза.

— Не понимаю, уместна ли сейчас дискуссия по военным вопросам, сказала Одраде. — Что она имеет общего с нашей нынешней проблемой?

— Есть кое-кто, полагающий, что мы можем вляпаться в скверную историю и впадем в состояние хуже, чем было до Тирана...

— Да ну? — Одраде поджала губы.

— Некоторые отряды возвращающихся Затерянных продают оружие всякому, кто хочет или может купить.

— Какое именно оружие? — спросила Одраде.

— Современное оружие стекается на Гамму, и почти нет сомнений, что тлейлаксанцы накапливают некоторые самые опасные вооружения.

Тараза откинулась назад и потерла виски. Она заговорила тихим, почти задумчивым голосом.

— Мы считаем, что принимаем решение величайшего значения и исходим из высочайших принципов. Одраде и раньше это знала. Она сказала:

— Верховная Мать сомневается в правоте Бене Джесссерит?

— Сомневаюсь? О, нет. Но я действительно испытываю разочарование. Мы работали изо всех сил ради этих высокоутонченных целей, а что получаем в итоге? Обнаруживается, что многое, чему мы посвятили наши жизни, проистекает из ничтожных предпосылок: жажды личных удобств или благополучия, не имеющих ничего общего с нашими высокими идеалами. Что действительно

поставлено на карту — соглашение всех Способных принимать решения для пользы всего человечества.

— Я слышала, ты называешь это политической необходимостью, — заметила Одраде.

Тараза заговорила, взяв себя под жесткий контроль и опять перенеся при этом взгляд на дисплей.

— Если мы станем основывать наши суждения не на созданной жесткой системе, то это верный путь к исчезновению Бене Джессерит.

— Ты не найдешь ничтожных решений в моей биографии, — сказала Одраде. — Я ищу источники слабостей, изъянов. — Их ты тоже не найдешь.

Тараза скрыла улыбку. Она узнала, поняла это эксцентричное замечание: способ Одраде подпускать шпильки Верховной Матери. Одраде была очень хороша, когда, нетерпеливая на вид, на самом деле погружалась в поток терпения, не поторапливая время.

Когда Тараза не клюнула на эту наживку, Одраде вернулась к своему спокойному ожиданию — легкое дыхание, уравновешенный ум. Терпение втекало в нее без усилия над собой. Орден давным-давно научил ее, как разделять прошлое и настоящее на одновременные потоки. Созерцая все окружающее, она в то же время способна была выхватывать крохи прошлого и жить ими, словно прошлое и настоящее накладывались на один экран.

«Работа памяти», — подумала Одраде. Было время, когда Одраде жила так, как и большинство детей: в доме, где были мужчина и женщина — если и не настоящие родители, то растившие ее вполне по-родительски. Все другие дети, которых она тогда знала, жили так же: у них были папы и мамы. Порой один пapa работал, далеко от дома. Порой на работу ходила только мама. В случае Одраде, женщина оставалась дома — никакая приходящая нянька не сидела с ребенком в рабочие часы. Много позже она узнала, что родившая ее мать уплатила большую сумму денег, чтобы обеспечить такой уход за своей девочкой, спрятанной у всех на виду подобным образом.

— Она спрятала тебя, потому что любила, — объяснила женщина, когда Одраде стала достаточно взрослой, чтобы понимать. — Вот почему ты не должна никогда никому открывать, что мы не твои настоящие родители.

Как позже поняла Одраде, любовь не имела с этим ничего общего. Преподобные Матери не действовали из таких земных мотивов. А настоящая мать Одраде принадлежала к Боне Джессерит.

Все это открывалось Одраде, согласно исходному плану. Ее имя: Одраде. Дарви — так ее всегда называли равнодушные к ней или рассерженные. Юные приятельницы, естественно, сократили это имя до Дар.

Не все, однако, соответствовало первоначальному плану. Одраде припоминала узкую кровать в комнате, которой придавали жизнерадостный вид картинки животных и фантастические пейзажи на пастельно-голубых стенах. Белые шторы трепетали в окошке под мягкими ветерками весны и лета. Одраде помнила, как прыгает на узкой кровати — восхитительно счастливая игра. Много смеха. Руки, ловившие ее посреди прыжка и крепко обнимавшие. Руки мужчины. Круглое лицо с небольшими усиками, которые щекотали ее так, что она начинала хихикать. Кровать стукалась о стену от ее прыжков, и на стене от этого остались вмятины.

Одраде берегла эти воспоминания, не желая выбрасывать их в колодец холодной рациональности. Отметина на стене. Отметки смеха и радости. До чего же они малы и как о многом свидетельствуют.

Странно, почему в последнее время она все больше и больше стала думать о папе. Не все ее воспоминания были счастливыми. Были времена, когда он бывал печально сердитым, предостерегал маму не слишком вмешиваться. На лице его отражалось много разочарований. Его голос приливал, когда он был в плохом настроении. Тогда мама двигалась тихо, ее глаза наполнялись беспокойством. Одраде ощущала беспокойство и страх и негодовала на мужчину. Женщина знала, как лучше всего с ним поладить. Она целовала его в затылок, поглаживала по щеке и шептала ему на ухо.

Эти древние «естественные» чувства заставили немало потрудиться аналитиков-прокторов Бене Джессерит, прежде чем удалось их изгнать из Одраде. Даже сейчас оставался в ней сор прошлого, который надо было из нее вытащить и выбросить. Даже сейчас, знала Одраде, до конца это в ней не истреблено.

Наблюдая за тем, с какой тщательностью Тараза изучает биографическое досье, Одраде подумала, не этот ли изъян увидела Верховная Мать.

«Им наверняка известно, что я способна на переживания тех ранних времен».

Все это было так давно, и все равно она должна была признать, что память о мужчине и женщине покоится в ней, что, возможно, ее никогда не удастся полностью стереть. Особенно память о маме.

Преподобная Мать, родившая Одраде, оказалась в крайнем положении, и, по причинам, теперь отлично понятным Одраде, укрыла дочку в потайное убежище на Гамму. Одраде не таила никаких обид. Это было необходимо, чтобы они обе остались в живых. Проблемы пришли с другой стороны: приемная мать дала Одраде то, что большинство матерей дают своим детям, и чему так не доверяет Орден — Любовь.

Когда прибыли Преподобные Матери, приемная мать не стала сражаться, чтобы удержать своего ребенка.

Преподобные Матери вошли в сопровождении прокторов: мужчин и женщин. Прошло много времени, прежде чем Одраде осознала все значение этого щемящего момента. В глубине своего сердца женщина знала, что наступит день разлуки. Что это — лишь вопрос времени. И, все равно, по мере того, как дни превращались в годы — почти в шесть стандартных лет — женщина осмеливалась надеяться.

Затем прибыли Преподобные Матери со своими дюжими прислужниками. Они лишь выжидали до тех пор, пока не наступит безопасный момент, пока не удостоверятся, что никаким охотникам и шпионам не известно, что Одраде запланированный Бене Джессерит отприск рода Атридесов. Одраде увидела, как Преподобные Матери передают огромную сумму денег. Женщина швырнула эти деньги на пол. Но ни один голос не возвысился, чтобы ее за это укорить. Взрослые участники этой сцены знали, где лежит истинная сила.

Вызывая в памяти свои сдерживаемые переживания, Одраде и сейчас видела женщину, как она садится на стул с прямой спинкой возле окна на улицу, как охватывает себя руками и начинает раскачиваться вперед-назад. Ни одного звука она не издает.

Преподобные Матери использовали и Голос, и другие продуманные уловки вместе с дымом наркотических трав и сам подавляющий фактор своего присутствия, чтобы заманить Одраде в ждущий граундкар.

— Всего лишь ненадолго. Нас послала твоя настоящая мать.

Одраде ощутила ложь, но любопытство взяло в ней верх. Моя настоящая мать!

Последний раз она увидела женщину — единственную существовавшую у нее мать — раскаивающейся в окне с несчастным выражением на лице, руки вокруг тела.

Позже, когда Одраде заговорила о возвращении к этой женщине, ее память-видение стала частью существенного урока Бене Джессерит.

— Любовь ведет к несчастью. Любовь — это очень древняя сила, в свое время служившая своим целям, но для сохранения человечества она больше не нужна. Запомни ошибку этой женщины — боль.

Одраде предавалась мечтам, пока не достигла почти двадцати лет. Она действительно наконец вернется, когда станет полной Преподобной Матерью. Она вернется и найдет ту любящую и надежную женщину, найдет, хоть она и не знает никаких имен, кроме мама и Сибия. Одраде припомнила смех взрослых приятельниц, называвших эту женщину Сибией.

Мама Сибия.

Орден, однако, разглядел в ней мечтательность и стал доискиваться до источника. Это тоже было включено в очередной урок.

— Мечтания, грезы наяву — это первое пробуждение того, что мы называем одновременным потоком. Это существенный элемент рационального мышления. Так можно очистить свой ум ради лучшего мышления.

Одновременный поток.

Одраде сосредоточила взгляд на Таразе, сидящей за столом в этой утренней комнате. Травма детства должна быть упрятана в отведенное ей отдаленное местечко-память. Все это было далеко, на Гамму, планете, которую люди Дана перестроили после времен Великого Голода и Рассеяния. Люди Дана — в прежние дни Келадана. Одраде твердо взяла в руки рациональное мышление, опираясь на Иные Памяти, хлынувшие в ее сознание во время Спайской Агонии, когда она действительно стала полной Преподобной Матерью.

Одновременный поток. Фильтрация сознания... Иные Памяти.

Какие же могучие инструменты дал ей Орден. Какие опасные инструменты. Все эти другие жизни таятся прямо за занавесом сознания, инструменты предназначенные для выживания, а не для удовлетворения праздного любопытства.

Тараза говорила, считывая возникавший перед ее глазами материал:

— Ты слишком много копаешься в своих Иных Памятях. Это высасывает энергию, которую лучше сохранять.

Затопленные синевой глаза Верховной Матери впились в Одраде буравящим взглядом.

— Ты, порой, подходишь прямо к самому пределу того, что может вынести плоть. Это может навлечь на тебя преждевременную смерть.

— Я осторожна со спайсом. Мать.

— Еще бы тебе не быть! Тело способно вынести лишь определенное количество меланжа, лишь определенное количество блужданий в прошлом! — Нашла ты мой изъян? — спросила Одраде.

— Гамму! — одно слово, равное целой речи.

Одраде поняла, никуда не деться от травмы тех лет на Гамму. Те годы слабое звено, которое должно удалить с корнем, низвести до разумно допустимого уровня.

— Но меня посыпают на Ракис, — сказала Одраде.

— И смотри, помни об афоризмах умеренности. Помни, кто ты есть!

Тараза опять наклонилась к своему дисплею.

«Я — Одраде!» — подумала Одраде.

В школах Бене Джессерит, где первые имена обычно терялись, списки учащихся составлялись по последнему имени. Подруги и приятельницы переняли обычай употреблять имя, стоявшее в списках. Они рано усвоили эту древнейшую уловку — сопричастность к секрету личного имени раскидывает силки, в которые ловится душевная привязанность человека.

Тараза, тремя классами старше Одраде, была назначена «опекать» младшую ученицу — tandem, умышленно созданный учителями.

«Опекать» означало некоторое количество руководства младшей, а также то, что при взаимоотношениях равенства некоторые самые необходимые основы закладываемых знаний усваивались лучше. Тараза, имевшая доступ к личному досье подопечной, начала называть младшую Дар. Одраде в ответ на это стала называть Таразу Тар. Два эти имени приобрели некую неразрывную связь — Дар и Тар. Даже после того, как Преподобные Матери их услышали и сделали им выговор, они порой допускали такую ошибку, хотя бы ради собственного удовольствия.

Одраде, поглядев теперь на Таразу, сказала:

— Дар и Тар.

Углы рта Таразы дрогнули в улыбке.

— Что есть такого в моем досье, что ты еще не изучила по нескольку раз? — спросила Одраде.

Тараза откинулась и подождала, пока ее песье кресло приспособится к ее новой позе. Она положила скрепленные руки на стол и поглядела на младшую.

«А ведь на самом деле она и не так уж моложе меня», — подумала Тараза.

Однако со школьных времен, Тараза воспринимала Одраде только как принадлежащую младшей возрастной группе, и возрастную пропасть между ними не скрыть никаким проходящим годам.

— Осторожнее поначалу, Дар, — сказала Тараза.

— Этот проект уже давно миновал начальную стадию, — ответила Одраде. — Но твоя роль в нем начинается только сейчас. А затеяли мы такое, чего раньше никто и не пытался.

— Узнаю ли я теперь полностью проект, связанный с этим гхолой?

— Нет.

Вот и все. Вся видимость высокого доверия и «надобности понимать» отметена единственным словом. Но

Одраде это понятно. Таков порядок, изначально заведенный еще с первого Дома Соборов Бене Джессерит, претерпевший за тысячелетия только очень незначительные изменения. Подразделения Бене Джессерит разделяются твердыми вертикальными и горизонтальными барьерами на изолированные группы, отсюда, с вершины, тянутся к ним нити единого командования. Обязанности — «предписанные роли» — распределены и исполняются отдельными ячейками. Задействованные в одной ячейке не знают, что делают их современники внутри других параллельных ячеек.

«Но я знаю, что в параллельной ячейке находится Преподобная Мать Лусилла, — подумала Одраде. — Это подсказывает логика».

Она понимает необходимость такой, скопированной с древнейших тайных революционных обществ, структуры — Бене Джессерит всегда рассматривал себя как постоянных революционеров. Эта революция была заторможена лишь Тираном — Лито II.

«Заторможена, но не отменена и не остановлена», — напомнила себе Одраде.

— Насчет того, к чему ты приступаешь, — сказала Тараза. — Оповести меня, если ощутишь какую-либо непосредственную опасность для Ордена.

Это было одним из тех особенных пожеланий Таразы, смысл которых Одраде схватывала инстинктивно, без слов — а уж потом находила словесное воплощение для этого смысла. Она быстро ответила:

— Бездеятельность будет для нас еще хуже.

— Мы приходим к выводу, что может быть опасность, — сказала Тараза. Она говорила сухим голосом. Таразе не нравилось пробуждать в Одраде талант инстинктивного ясновидения, которым она обладала от неподконтрольных воздействий своей генетической линии — Атридесы с их опасными талантами. Была специальная пометка в генетическом досье Одраде: «...тщательное изучение всего потомства». Двое из этого потомства были тихо умерщвлены. «Мне не следовало пробуждать сейчас талант Одраде, ни на единый миг», — подумала Тараза. Но порой искушение бывало слишком велико.

Тараза отправила проектор под крышку стола и заговорила, глядя на пустой стол.

— Находясь вдали от нас, даже если ты найдешь идеального отца-производителя, ты не должна скрещиваться без нашего разрешения.

— Ошибка моей настоящей матери, — высказалась предположение Одраде.

— Ошибку твоей настоящей матери следовало распознать еще в то время, когда она скрещивалась!

Одраде и раньше не раз это слышала. Это было то, что в линии Атридесов требовало самого тщательного наблюдения со стороны Разрешающих Скрещивание. Талант, конечно. Она знает о своем таланте, происходившем от генетической линии, с одинаковой силой давшей мирозданию и Квизатца Хадераха, и Тирана. К чему, однако, Разрешающие Скрещивание стремятся теперь? Насколько отрицательно их отношение? Больше никаких опасных рождений! Она никогда не видела никого из своих детей после их рождения, вовсе не такая уж странно для Ордена. И она никогда не увидит ни единой записи своего генетического досье. Здесь тоже Орден оперирует, тщательно разграничивая силы.

«И эти более ранние запреты на некоторые мои Иные Памяти!?

Она обнаружила незаполненные места в своих Памятях и открыла их. Вероятно, только Тараза, да еще, может быть, двое членов Совета (Беллонда, вероятней всего, и еще одна старая Преподобная Мать) владели сверхчувствительным доступом к подобной информации о происхождении. Действительно ли Тараза и другие поклялись умереть, прежде чем выдать секретную информацию постороннему? В конце концов, есть точный ритуал преемственности, на случай, если ключевая Преподобная Мать умирает, находясь далеко от Сестер не имея возможности сразу передать им хранимые в себе жизни-памяти. Этот ритуал много раз задействовался за время правления Тирана. Ужасная Эра! Понимание, что революционные ячейки Ордена для него, как на ладони! Чудовище! Она знала, что Сестры никогда не обманывались насчет того, что Лито II, якобы, воздерживался от уничтожения Бене Джессерит только из одной глубоко коренившейся в нем верности своей бабушке, леди Джессике.

«Естественно, Джессика».

Одраде ощущала, как что-то отдаленно встрепенулось у нее внутри. Грех одной из Преподобных Матерей: «Она позволила себе впасть в любовь!» Такая малость, но приведшая к таким великим последствиям! Тридцать пять сотен лет тирании!

Золотая Тропа. Бесконечность? А как насчет всех этих Затерянных, многих триллионов, ушедших в Рассеяние? Какую угрозу представляют Затерянные, возвращающиеся сейчас?

Тараза, словно прочтя мысли Одраде, — порой казалось, что она действительно их читает — проговорила:

— Люди Рассеяния где-то рядом, во внешнем мире... Просто выживают, чтоб нанести удар.

Одраде уже слышала такие доводы: с одной стороны, опасность, с другой — нечто магнитически притягательное. Так много великолепного неизвестного. Орден, таланты которого уже не одно тысячелетие пестуются меланжем, доступны ли будут ему эти новые необъятные ресурсы человечества! Подумать только об имеющихся там несчетных генах! О потенциальных талантах, свободно парящих за пределами космоса, где они могут навсегда сгинуть!

— Как раз незнание и порождает величайшие ужасы, — сказала Одраде.

— И величайшие амбиции, — проговорила Тараза.

— Значит, я еду на Ракис? — Должным образом. Я нахожу тебя адекватной.

— Иначе бы меня не назначили.

Как же привычна им подобная переброска словами, уходящая корнями в их школьные дни. Тараза спохватилась, однако, что поддалась на это бессознательно — слишком много воспоминаний связывают их: Дар и Тар. Надо следить за этим!

— Помни, в чем твой долг верности, — сказала Тараза.

Глава 3

Существование не-кораблей создает возможность уничтожения целых планет, не понеся при этом возмездия. На планету может быть направлен большой объект, астероид или равный ему. Или люди могут быть натравлены друг на друга через подрывную работу сексуальности, а затем им будет дано оружие для самоуничтожения. Похоже, эти Преподобные Черницы благоволят к последней технике.

Анализы Бене Джессерит

Снизу из внутреннего дворика Данкан внимательно, даже когда внешне этого и не было заметно, следил за наблюдавшими за ним с галереи. Вон, как всегда, Патрин, но он не считается. В расчет надо брать Преподобных Матерей на противоположной от Патрина стороне галереи — слишком они к нему приглядываются. «Новенькая», — подумал он, увидев Лусиллу. От этой мысли он испытал прилив возбуждения, которое разрядил в физических упражнениях. Он проделал первые три упражнения игры-тренировки, которые приказал ему выполнить Майлз Тег, рассеянно думая, что Патрин доложит, насколько хорошо он поработал. Данкан любил Тега и старика Патрина, и ощущал, что они отвечают ему взаимностью. Эта новая Преподобная Мать, однако, — ее присутствие сулит занятные перемены. Во-первых, она моложе остальных. Во-вторых, не старается спрятать глаза, сразу же выдающие ее принадлежность к Ордену Бене Джессерит. При первой встрече со Шванги Данкан встретился с контактными линзами, скрывающими истинный цвет ее глаз и симулирующими нормальные зрачки и слегка налитые кровью белки. Он услышал однажды, как одна из послушниц Оплота говорила, что линзы Шванги еще и исправляют «разрешенную ей генетическую близорукость, которая ничто, по сравнению с теми качествами, какие она передает своему потомству».

В то время большая часть этого замечания прозвучала для Данкана невразумительно, но он обратился к библиотеке Оплота и проглядел все, что там было на эту тему — сведения и скучные, и жестко урезанные. Сама Шванги отвела все его расспросы на эту тему, но по поведению учителей в последующие дни он понял, что она разозлилась. Для нее было обычным делом срывать свою злость на других. Он заподозрил, что подлинным поводом ее дурного настроения стал его вопрос, не она ли является его настоящей матерью.

Уже много лет прошло с тех дней, когда Данкан понял, что он — что-то необычное. Были места в этой изощренной постройке Бене Джессерит, куда вход ему был запрещен. Он находил тайные способы избежать таких запретов и часто вглядывался из открытых окон на широкие просторы расчищенной земли, которые в любой момент могли быть накрыты продольным огнем из размещенных в стратегических точках огневых бункеров. Майлз Тег лично обучал его понимать значение продольного огня.

Сейчас эта планета называлась Гамму. Некогда она была известна как Гиди Прайм, но некто, по имени Гурни Хэллек изменил ее. Все это — очень древняя история. Скукота. Почва планеты все еще хранила слабый запах горькой нефти. Как объясняли ему учителя, планету изменили тысячелетия целенаправленных зеленых насаждений. Часть этих насаждений видна из Оплота, повсюду вокруг хвойные и другие леса.

Не переставая приглядываться к двум Преподобным Матерям, Данкан несколько раз прошелся «колесом». Он изгибал свои напряженные мускулы при движении точно так, как учил его Тег. Тег заведовал планетарной обороной. Гамму была окружена вращающимися вокруг нее спутниками наблюдения, членам экипажей не разрешалось держать свои семьи на борту. Эти семьи оставались здесь, на Гамму, заложниками неусыпной бдительности орбитальных пограничников. Среди этих кораблей где-то блуждают и корабли-невидимки — не-корабли, — команды которых полностью состоят из людей башара и Сестер Ордена Бене Джессерит.

— Я бы не принял этого назначения, если бы не получил в свои руки всю организацию обороны полностью, — объяснял Тег. Данкан осознавал, что он и есть это «назначение». У Тега есть здешний Оплот — для того, чтобы защищать его, и орбитальные системы наблюдения, включая не-корабли, защищающие Оплот.

Все это было частью воинского образования, элементы которого почему-то оказывались уже известными Данкану. Изучая, как обронять уязвимую на поверхностный взгляд планету от нападений из космоса, он заранее знал, что все оборонительные системы размещены правильно. Как целое, они являлись крайне сложными, но все составные части были узнаваемы и доступны его пониманию. Например, постоянное наблюдение за атмосферой и составом крови обитателей Гамму. Бене Джессерит везде держала докторов Сакк.

— Заразные болезни — это оружие, — говорил ему Тег. — Наша защита против болезней должна быть тонко отрегулирована.

Зачастую Тег восставал против пассивной обороны, он называл ее «остаточным продуктом

психологии осады, давно известной тем, что порождает смертоносные слабости».

Когда Тег обучал его военной науке, Данкан слушал внимательно. Патрин и библиотечные сведения подтверждали, что ментат-башар Майлз Тег был знаменитым полководцем Бене Джессерит. Патрин часто поминал их совместную службу, и всегда Тег представлял героем.

— Подвижность — это ключ к военному успеху, — говорил Тег. — Если ты связан крепостями, даже размером с целую планету, ты, по сути своей, уязвим.

Тег не очень-то беспокоился за Гамму.

— Я вижу, что ты уже знаешь, что это место некогда называлось Гиди Прайм. Харконенны, правившие здесь, кое-чему научили нас. Благодаря им, мы лучше представляем, до каких жутких зверств могут докатиться люди. Припоминая это, Данкан заметил, что Преподобные Матери на галерее явно говорят о Нем. «Не становлюсь ли я чьим-то еще новым назначением??

Данкану не нравилось, когда за ним наблюдали. Он подумал, что на вид новая Преподобная Мать не слишком сурова, не то, что Шванги.

Продолжая свои упражнения, Данкан соизмерял их ритм с личным заклятием: «Проклятие Шванги! Проклятие Шванги!?

Он ненавидел Шванги с девяти лет — уже четыре года. Он надеялся, что она не знает о его ненависти. Она, вероятно, забыла о том случае, который породил эту ненависть.

Когда ему едва исполнилось девять лет, он умудрился проскользнуть мимо внутренней охраны через туннель, который вел к одному из огневых бункеров. Запах плесени в туннеле. Тусклые огни. Сырость. Он вглядывался через орудийные щели дота, когда его поймали и отволокли назад в самую сердцевину Оплота.

Эта эскапада вызвала суровое назидание от Шванги, отдаленной и угрожающей фигуры, приказы которой должны были выполняться. Он до сих пор так ее и воспринимал, хотя с тех пор узнал о приказывающем Голосе Бене Джессерит — тонком голосовом инструменте, который мог согнуть волю неподготовленного.

Ей должны были подчиняться все.

— Ты навлек наказание на все подразделение охраны, — сказала Шванги. — Они понесут суровую кару.

Это были самые ужасные ее слова. Данкану нравились некоторые охранники, и они, случалось, отдуши заманивали его поиграть, посмеяться и покуыркаться. Его шалость — вылазка к огневому бункеру — навредила его друзьям.

Данкан знал, что такое «понести кару».

«Проклятие Шванги! Проклятие Шванги!..?

После разговора со Шванги Данкан побежал к своей главной наставнице того времени Преподобной Матери Тамалан, еще одной увядшей старухе с холодными и отчужденными манерами, с белоснежными волосами над узким лицом и морщинистой кожей. Он настойчиво желал знать от Тамалан, что за кару понесут его охранники. Тамалан впала в удивительно грустное настроение, ее голос стал напоминать песок, скребущий по дереву.

— Наказание? Ну, ну.

Они были в том маленьком учебном кабинете при большом гимнастическом зале, где Тамалан проводила каждый вечер, готовясь к урокам следующего дня. Там полно было пузырьковых и катушечных устройств для чтения и других приспособлений хранения и извлечения информации. Данкану это место нравилось гораздо больше библиотеки, но ему не позволялось находиться в учебном кабинете одному. Это была светлая комната, освещенная множеством глобусов на супензорных буйках. При его вторжении Тамалан отвернулась от разложенных ею уроков. — Есть всегда что-то от жертвенного пиршства в наших высших карах, сказала она. — Охрана, конечно же, понесет высшую кару.

— Пиршество? — Данкан был озадачен.

Тамалан совершила полный оборот на своем крутящемся сидении и поглядела прямо в его глаза. Ее стальные зубы сверкнули в ярком освещении. — История редко добра к тем, кто должен понести кару, — сказала она. Данкана передернуло от слова «история». Он знал, что у Тамалан за ним стоит — она собирается дать ему урок, еще один скучный урок.

— Наказания Бене Джессерит не забываются.

Данкан пристально поглядел на старческий рот Тамалан, резко ощущив, что она говорит из болезненного личного опыта. Он вот-вот узнает что-то интересное!

— Наши наказания несут неизбежный урок, — сказала Тамалан. — Это намного больше, чем боль.

Данкан уселся на пол у ее ног. Из этого положения Тамалан выглядела черной и зловещей фигурой.

— Мы не наказываем крайним страданием, — сказала она. — Страдание это то, что приберегается для перехода через спайс в ранг Преподобной Матери.

Данкан кивнул. Из сведений в библиотеке он знал о «Спайской Агонии», — таинственном испытании, порождавшем Преподобную Мать.

— И, при всем том, главные наказания болезненны, — сказала она. — Они также эмоционально болезненны. Эмоция, пробуждаемая наказанием, всегда является той, которую мы разглядели как главную слабость повинного — и, поэтому, наказание усиливается.

Ее слова наполнили Данкана неопределенным страхом. Что они сделают со стражами? Он не мог говорить, но в том и нужды не было. Тамалан еще не закончила.

— Наказание всегда завершается десертом, — сказала она и хлопнула руками по коленям.

Данкан нахмурился. Десерт? Это часть пиршества, как может пиршество быть наказанием?

— Это не на самом деле пиршество, но идея пиршства, — сказала Тамалан. Ее когтистая рука описала круг в воздухе. — Приходит десерт, что-то абсолютно неожиданное. Наказуемый думает: «Ага, я наконец прощен!» Ты понимаешь?

Данкан покачал головой из стороны в сторону. Нет. Нет, он не понимал. — В этом сладость момента, — сказала она. — Ты прошел через все, причиняющее боль пиршства, и достиг в конце чего-то, что ты способен смаковать. Но! Пока ты смакуешь это и приходит самый болезненный момент из всех — понимание, что это не удовольствие напоследок. Нет, разумеется. Это — главная боль самого главного наказания. Это накрепко связано с преподносимым Бене Джессерит уроком.

— Но что она делает с охраной? — Данкан с трудом заставил себя произнести эти слова.

— Я не могу сказать, как именно накажут каждого. Мне нет нужды это знать. Я могу тебе только сказать, что для каждого из них это будет по-разному.

Тамалан явно ничего больше не скажет. Она вернулась к лежащему перед ней уроку на завтрашний день.

— Завтра мы продолжим, — сказала она, — изучать происхождение различных акцентов и разговорного галаха.

Никто больше, даже Тег или Патрин, не ответил на его вопросы о наказаниях. Даже охранники, когда он потом их повстречал, отказались говорить о своих испытаниях. Некоторые реагировали сухо на его заискивания, и никто с ним больше не хотел играть. Не было прощения среди наказанных. Хоть это было абсолютно ясно.

«Проклятие Шванги! Проклятие Шванги!..» Оттуда-то и началась его глубокая ненависть к ней. Его ненависть к ней разделили все старые ведьмы. Будет ли эта молодая, как все старые?

«Проклятие Шванги!?

Тогда он потребовал от Шванги:

— Зачем тебе было их наказывать?

Шванги некоторое время помолчала, не зная, что ему ответить, затем сказала:

— Здесь, на Гамму, для тебя опасно. Есть люди, желающие причинить тебе вред.

Данкан не спросил, почему, это была еще одна область вопросов, на которые ему еще никогда не отвечали. Даже Тег не ответит, хотя само присутствие Тега подчеркивало тот факт, что ему грозит опасность.

А Майлз Тег был ментатом, который должен знать много ответов. Данкан часто видел, как глаза старика поблескивают, говоря о том, что его мысли блуждают где-то далеко. Но ментат не давал ответа на такие вопросы как:

— Почему мы здесь, на Гамму?

— От кого ты меня охраняешь? Кто хочет причинить мне вред?

— Кто мои родители?

При всех этих вопросах он натыкался на молчание или, иногда, Тег мог проворчать:

— Мне нельзя тебе отвечать.

Библиотека была бесполезна. Он выяснил это, когда ему было всего восемь лет, и главной его наставницей была неудавшаяся Преподобная Мать по имени Луран Гиэза — не такая древняя, как Шванги, но уже достаточно в годах — за сотню ей перевалило в любом случае.

По его запросу библиотека поставила ему информацию о Гамму: Гиди Прайм, о Харконненах и их падении, о различных конфликтах, во время которых Тег был командующим. Ни одна из этих битв не обернулась большой кровью. Некоторые комментаторы писали о «бесподобных дипломатических способностях» Тега. Но один факт вел к другому, Данкан узнал о времени Бога Императора и об укрощении его подданных. Эта эпоха на недели завладела вниманием Данкана. Он обнаружил среди материалов библиотеки старую карту и спроектировал ее на фокусную стену. Накладываемый голос комментатора сообщил ему, что этот самый Оплот был Центром Управления Рыбословища, покинутым во время Рассеяния.

Рыбословища!

Данкану захотелось жить в то время, служить одним из советников мужчин в женской армии, поклонявшейся Богу Императору.

«О, если бы только жить на Арракисе в те дни!?

Тег с удивительной охотой шел на разговоры о Боге Императоре, всегда называя его Тираном. Замок библиотеки открылся, и информация об Арракисе-Ракисе хлынула на Данкана.

— Увижу ли я когда-нибудь Ракис? — спросил он Гиэзу.

— Тебя и готовят для жизни там.

Этот ответ его изумил. Он в новом свете увидел все то, чему его учили об этой отдаленной планете.

— Почему я буду жить там?

— На этот вопрос я ответить не могу.

Он с возобновленным интересом вернулся к изучению этой загадочной планеты и ее жалкой церкви Шай-Хулуда, Разделенного Бога. Черви. Бог Император стал этими червями! Сама мысль об этом наполняла Данкана благоговейным трепетом. Может быть, здесь и есть что-то, достойное поклонения. Эта мысль нашла живой отклик в его душе. Что заставило человека по своей воле пойти на такую ужасную метаморфозу?

Данкан знал, что думают охрана и все остальные в Оплоте о Ракисе и о главных жреческих институтах тамошней религии. Насмешливое замечание и смех объяснили ему все. Тег сказал ему:

— Мы никогда, наверное, не узнаем полную правду, паренек, но мое тебе слово — это не религия для солдата.

Последнюю точку поставила Шванги:

— Ты должен выучить все о Тиране, но никак не верить в его религию. Это ниже тебя, это достойно презрения.

Как только Данкан мог урвать момент от занятий, он жадно погружался во все, что поставляла ему библиотека: Святая Книга Разделенного Бога, Сторожевая библия. Оранжевая Католическая библия и даже Апокрифы. Он узнал о давно исчезнувшем бюро веры и о «Жемчужине, Которая Есть Солнце Понимания».

Сама идея червей его привораживала. Их размер! Большой червь мог бы вытянуться от одного конца Оплота до другого. Во времена до Тирана люди ездили на червях, но сейчас жрецы Ракиса запретили это.

Он зачитывался докладами археологической экспедиции, обнаружившей примитивную не-палату Тирана на Ракисе. Это место называлось Дар-эс-Балат. Отчеты главы экспедиции археологов Хади Бенотто были помечены: «Доступ закрыт, согласно распоряжению ракианских жрецов». Шифром

сведений по этой теме Архива Бене Джессерит была вытянутая в длину единица. То, что обнаружила Бенотто, просто завораживало.

— Ядрышко самосознания Бога Императора в каждом черве? — спросил он Гиэзу.

— Так утверждают. Но, даже если это правда, черви имеют лишь сознание, но не разум. Сам Тиран говорил, что погрузится в бесконечный сон.

Ни одно учебное занятие не обходилось без особой лекции, объяснения взглядов Бене Джессерит на религию, до тех пор, пока он наконец не добрался до хроник, называемых «Девять дочерей Сиона» и «Тысяча сыновей Айдахо».

Глядя прямо в лицо Гиэзе, он требовательно попросил:

— Меня тоже зовут Данкан Айдахо. Что это значит?

Гиэза всегда двигалась так, как будто навечно осталась в тени своей неудачи — длинная голова опущена, водянистые глаза устремлены в землю. Этот разговор состоялся почти вечером в длинном холле перед гимнастическим залом. Гиэза побледнела.

Когда она ему не ответила, он вопросил:

— Происхожу ли я от Данканы Айдахо?

— Ты должен спрашивать у Шванги, — она говорила так, как будто слова причиняли ей боль.

Этот набивший оскомину ответ его разозлил. Она ведь понимает — ему скажут что-то, лишь бы заткнуть рот, почти не давая никаких сведений. Шванги, однако, оказалась более откровенной, чем он ожидал.

— Ты одной крови с Данканом Айдахо.

— Кто мои родители?

— Они давно мертвы.

— Как они умерли?

— Я не знаю. Ты попал к нам сиротой.

— Тогда, почему же люди стараются причинить мне вред?

— Они страшатся того, что ты можешь сделать.

— Что я могу сделать?

— Выучить наши уроки. Со временем тебе все станет ясно.

Заткнись и учись? Еще один знакомый ответ.

Он повиновался, потому что уже научился узнавать, когда двери перед ним заперты. Но теперь его пытливый разум встречал другие отчеты про времена Голода и Рассеяния, про не-палаты и не-корабли, которые нельзя было проследить даже с помощью самых мощных ясновидческих умов во всем мироздании. Здесь он столкнулся с фактом, что потомки Данканы Айдахо и Сиона — людей, служивших Тирану, Богу Императору — были невидимы для пророков и провидцев. Даже кормчий Космического Союза, глубоко погруженный в меланжевый транс, не мог засечь таких людей. Сиона, как говорилось в отчетах, по прямой линии происходила из рода Атридесов, а Данкан Айдахо был гхолой.

Гхола?

Он стал шарить в библиотеке в поисках более подробных объяснений этого странного слова. Гхола. Библиотека предложила ему лишь самые скучные сведения: «Гхолы — люди, выведенные из кадавровых клеток в акслольтных чанах Тлейлакса».

Аксольтные чаны?

— «Тлейлаксанское устройство для воспроизведения живого человеческого существа из клеток кадавра».

— Опиши гхолу, — потребовал он.

— «Невинная плоть, опорожненная от всех воспоминаний своего исходного „я“».

«Аксольтные чаны».

Данкан научился читать между строк, открывать недосказанное людьми Оплота. На него снизошло озарение. Он знает! Ему только десять лет, а он уже понял!

«Я — гхола».

К концу дня в библиотеке вся эзотерическая машинария вокруг отступила на задний план его восприятия. Десятилетний мальчик безмолвно сидел перед сканером, крепко вцепившись в знание о самом себе.

Я — гхола.

Он не мог припомнить аксолльтные чаны, где его клетки развивались до уровня новорожденного. Его первые воспоминания — Гиэза, берущая его из колыбели, живой интерес во взрослых глазах, который очень скоро истаял до настороженности и скрытной сдержанности.

Это было, как если бы вся информация, которую ему с таким скрипом удавалось вытягивать из людей Оплота и материалов библиотеки, обрела наконец единый фокус — Он Сам.

— Расскажи о Бене Тлейлаксе, — потребовал он от библиотеки.

— «Это народ, самоподразделяющийся на Лицевых Танцоров и Господинов. Лицевые Танцы — бесплодные мулы и подчинены Господинам».

«Почему они со мной это сделали??

Информационные устройства библиотеки стали внезапно чуждыми и опасными. Он боялся не того, что его вопрос опять наткнется на глухую стену, но того, что получит ответы.

«Почему я настолько важен для Шванги и других??

Он почувствовал, что с ним сделали что-то неправильное, даже Майлз Тег и Патрин. Разве это правильно — брать клетки человека и производить гхолу?

С огромным колебанием он задал следующий вопрос:

— Может ли гхола когда-либо вспомнить, кем он был?

— «Это осуществимо».

— Как?

— «Психологическая идентификация гхолы через пробуждение тех или иных глубинно сохраняемых рефлексов его исходного „я“, которую возможно спровоцировать нанесением травмы.

Вообще никакой не ответ!

— Но как?

Здесь вмешалась Шванги, без уведомления войдя в библиотеку. Значит что-то в его вопросах пробудило ее тревогу!

— Со временем тебе все станет ясно, — сказала она.

Она разговаривала с ним свысока! Он ощущил в этом несправедливость, и отсутствие правды. Что-то внутри его говорило, что в его неразбуженном человеческом «я» больше мудрости, чем в тех, кто притворялись, будто они выше его. Его ненависть к Шванги достигла нового накала. Она была воплощением тех, кто терзал и доводил его до отчаяния, отказываясь отвечать на вопросы.

Теперь, однако, у него разгорелось воображение. Он способен вернуть себе свою исходную память! Он ощущал, что это правда. Он вспомнит своих родителей, свою семью, своих друзей, своих врагов. Он спросил об этом Шванги:

— Вы произвели меня из-за моих врагов?

— Ты уже научился молчанию, дитя, — полагайся на это знание.

«Очень хорошо, вот так я и буду сражаться с тобой, проклятая Шванги, — буду молчать и учиться, не покажу тебе, что по-настоящему чувствую».

— Ты знаешь, — сказала она, — по-моему, мы воспитываем стойка.

Она ему покровительствует! Он не желал, чтобы ему покровительствовали, он желал сражаться с ними со всеми — вооружаясь молчанием и наблюдательностью. Данкан убежал из библиотеки и закрылся в своей комнате.

В последующие месяцы он получил множество подтверждений, что является гхолой. Даже ребенок понимает, когда жизнь вокруг него идет необычным порядком. Случалось, он видел других смеющихся и перекликающихся детей, гуляющих за стенами по окаймлявшей Оплот дороге.

Он нашел в библиотеке рассказы о детях. Взрослые не приходили к этим детям и не загружали их суровыми тренировками, которыми обременяли его. У других детей не было Преподобной Матери Шванги, которая постоянно бы вмешивалась даже в мелочи их жизни.

Его открытие повлекло за собой еще одну перемену: Гиэза была отзвана и не вернулась.

«Она не должна была допускать, чтобы я узнал о гхолах».

Правда была сложней — как объяснила Шванги Лусилле, когда они в день приезда Лусиллы наблюдали за Данканом с галереи.

— Мы знали, что наступит неизбежный момент. Он узнает о гхолах, начнет целенаправленно выспрашивать.

— Самая пора была, чтобы все его образование взяла на себя полная Преподобная Мать Гиэза.

— Ты сомневаешься в моем суждении? — огрызнулась Шванги.

— Разве твое суждение столь совершенno, что в нем никогда нельзя усомниться? — мягкое контральто Лусиллы отвесило этот вопрос, как пощечину.

Шванги почти минуту сохраняла молчание, затем проговорила:

— Гиэза находила гхолу очаровательным ребенком. Она плакала и говорила, что будет тосковать без него.

— Разве ее не предупреждали насчет этого?

— У Гиэзы не было нашей подготовки.

— Тогда-то ты и заменила ее на Тамалан. Я не знаю Тамалан, но, предполагаю, она весьма стара.

— Весьма.

— Какова была его реакция на устранение Гиэзы?

— Он спрашивал, куда она делась. Мы не ответили.

— Как обстоит дело с Тамалан?

— На третий день пребывания с нею, он очень спокойно сказал: «Я тебя ненавижу. Ты именно этого и рассчитывала добиться??

— Так быстро!

— Как раз сейчас он наблюдает за тобой и думает: «Я ненавижу Шванги. Придется ли мне возненавидеть и эту новенькую?» А еще он думает, что ты не похожа на других, старых ведьм. Ты молода. Он поймет, что это наверняка важно.

Глава 4

Людям жить лучше всего, когда у каждого есть свое определенное место, когда каждый знает, в какой, задуманный порядок он вписан и чего может достичь. Разрушь отведенное место — и ты разрушишь личность.

Учение Бене Джессерит

Майлз Тег не желал этого назначения на Гамму. Оружейный наставник, полностью отвечающий за мальчика-холуя? Пусть даже за такого, как этот, со всей историей, переплетенной вокруг него. Это было нежелательное вторжение в хорошо налаженный быт отставника Тега.

Но он прожил всю жизнь как военный-ментат, повинующийся воле Бене Джессерит, и любой акт неповиновения даже входить не мог в его компутацию. «*Quis custodiet ipsos custodiet?*»

«Кто будет охранять охранников?» Кто проследит за тем, чтобы охранники не совершили никаких нарушений?

Это вопрос, над которым Тег не раз как следует задумывался. Отсюда и возникла одна из главных основ его верности Бене Джессерит. Чтобы там ни говорили об Ордене, а он проявляет восхитительно последовательную целеустремленность.

«Моральная целеустремленность», — так окрестил это Тег. Моральные цели Бене Джессерит полностью согласовывались с принципами Тега. То, что эти принципы заложил в него Бене Джессерит, не играло здесь никакой роли. Рациональное мышление, особенно рациональность ментата, не может вынести иного суждения.

Тег довел эту мысль до абсолюта: «Если даже лишь одинединственный человек следует таким руководящим принципам, наше мироздание становится лучше». Это никогда не вопрос справедливости. Справедливость требует обращения к закону, а закон может оказаться ветреной дамочкой, потому что всегда идет на поводу у законников. Нет, это вопрос честности, концепции более глубокой. Приговоренные должны ощущать справедливость вынесенного им приговора.

Заявления типа: «Буква закона должна соблюдаться», представляли опасность руководящим принципам Тега. Честность требует соглашения, предсказуемого постоянства и, свыше всего прочего, верности вверх и вниз по иерархии. Для руководства, управляемого такими принципами, не требуется никакого внешнего контроля. Ты выполняешь свои обязанности потому, что это справедливо. И ты повинуешься не потому, что это предсказуемо правильно. Ты делаешь это, потому что так справедливо именно для данного момента. Предсказание, предвидение вообще ничего общего с этим не имеют.

Тег знал, что за Атридесами прочно закрепилась репутация провидцев, но подобные умозаключения имели мало места в его мировоззрении. Принимай мироздание таким, каким оно тебе является, и прилагай свои принципы там, где это возможно. Подчиненный обязан безоговорочно исполнять приказы, отданные сверху. Не то, чтобы Тараза подала это как беспрекословный приказ, но было ясно, что под всем подразумевалось.

— Ты идеальный человек для выполнения этой задачи.

Он прожил долгую жизнь, в которой было множество высочайших достижений, и на покой ушел с почетом. Тег знал, что стар, медлителен что старость вот-вот возьмется подтачивать всеми своими червоточинами его ум, но живо откликнулся на призыв к исполнению долга, даже при том, что ему пришлось перебарывать желание сказать «нет».

Назначение Тараза привезла ему лично. Могущественная повелительница всего (включая Защитную Миссионерию) выбрала именно его. Не просто Преподобная Мать, но Верховная Преподобная Мать.

Тараза прибыла в его убежище на Лернаусе, где он жил после отставки, — большой почет, и он это осознавал. Она появилась у его ворот, не предупредив предварительно о своем прибытии, сопровождаемая только двумя послушницами и небольшим отрядом охраны. Он узнал некоторые лица. Тег сам готовил этих людей. Она прибыла утром, вскоре после завтрака. Тараза, зная распорядок его жизни, понимала, что он бодрее всего именно в этот час так она хотела застать его пробужденным и во всей полноте его способностей.

Патрин, старый денщик Тега, провел Таразу в гостиную восточного крыла, в небольшое элегантное помещение, где была только основательная настоящая мебель. Нелюбовь Тега к песьим креслам и другой живой мебели была хорошо известна. Какой был у Патрина кислый взгляд, когда он провел в эту комнату облаченную в черное Верховную Мать. Тег сразу же понял значение этого взгляда. Длинное и бледное лицо Патрина, покрытое старческими морщинами, могло представляться другим

неподвижной маской, но Тег не проглядел углубившихся морщин в углах его рта, застывшего взгляда старых глаз. Значит, Тараза сказала нечто, потревожившее Патрина. Через высокие скользящие двери толстого плаза открывался вид на восток — на длинный травянистый склон до деревьев вдоль реки.

Тараза задержалась, едва войдя в комнату, залюбовавшись открывавшимся из нее видом.

Тег без предварительной просьбы коснулся кнопки. Шторы закрыли вид, зажглись глоуглобы. Действия Тега дали понять Таразе, что он высчитал, что им необходимо остаться наедине. Он подчеркнул это, распорядившись Патрину: — Пожалуйста, проследи за тем, чтобы нас не потревожили.

— Нужны распоряжения для Южной фермы, сэр, — осмелился заметить Патрин.

— Пожалуйста, пригляди за этим сам. Ты и Фирус знаете, чего я хочу.

Уходя, Патрин чуть резковато закрыл дверь — крохотный сигнал, многое поведавший Тегу.

Тараза двинулась по комнате, осматривая ее.

— Цвет липовой зелени, — заметила она. — Один из моих любимых цветов. У твоей матери был чудесный вкус.

Тег потеплел при этом замечании. Он был глубоко привязан к этому зданию, к этой земле. Его семья обитала здесь только три поколения, но уже наложила отпечаток на это место. Многое, в чем ощущались руки и вкус его матери, так и оставалось нетронутым.

— Это безопасно — любить землю и места, — сказал Тег. — Мне особенно нравятся жгуче-рыжие ковры в холле и витражное стекло входной двери, — произнесла Тараза. — Этот витраж действительно древний, я уверена.

— Ты наверняка прибыла не для того, чтобы говорить об интерьерах, сказал Тег. Тараза хмыкнула.

У нее был пронзительный голос, а подготовка Ордена научила ее использовать его наиболее эффективно. Это был не тот голос, который легко проигнорировать, даже когда он кажется абсолютно небрежным, вот как сейчас. Тег видывал ее на Советах Бене Джессерит. Там ее манера была могущественной и убеждающей, каждое слово — показатель язвительного ума, руководящего ее решениями. Он мог ощутить важность решения, стоящего за ее нынешним поведением.

Тег указал на кресло с зеленой обивкой слева от себя, она посмотрела, еще раз метнув взгляд по комнате, и подавила улыбку.

Она бы взялась безбоязненно поспорить, что в доме не найдется песьего кресла. Тег был древностью, окружившей себя древностями. Она уселась и расправила складки своего облачения, ожидая, когда Тег усядется в точно такое же кресло напротив нее.

— Я сожалею о необходимости обращаться к тебе, когда ты уже в отставке по возрасту, башар, — сказала она. — К несчастью, обстоятельства почти не оставляют мне выбора.

Тег оперся своими длинными руками на подлокотники кресла — ментат, погруженный в размышления, его поза говорила: «Наполни мой ум данными». Тараза на мгновение была обескуражена. Импозантное это было зрелище.

В облике Тега сохранялась прежняя царственность. Высокий, с большой головой, увенчанной седыми волосами. Она знала, что ему не хватает четырех стандартных лет до трех сотен. Даже учитывая, что стандартный год был короче так называемого примитивного года, это все равно был впечатляющий возраст, и с таким опытом службы Бене Джессерит, чтобы она относилась к нему с уважением. На Теге, отметила она, светло-серый мундир без знаков отличия. Тщательно пошитые брюки и куртка, белая рубашка с открытым воротом, обнажавшим покрытую глубокими морщинами шею. Золото поблескивает на поясе — она узнала солнце с лучами башара, полученное им при уходе с действительной службы. До чего же в духе практического Тега! Он подвесил эту золотую штучку себе на пряжку пояса. Это ее успокоило. Тег поймет ее проблему.

— Нельзя ли мне выпить воды? — спросила Тараза. — Путешествие было долгим и утомительным. Последний участок пути мы проделали на одном из наших транспортов, который следовало бы заменить еще пять сотен лет назад. Тег поднялся из кресла, подошел к стенной панели и извлек бутылку охлажденной воды и стакан из шкафчика за панелью. Он поставил все это на низкий столик у правой руки Таразы.

— У меня есть меланж, — предложил он.

— Нет, спасибо, Майлз. У меня с собой мои собственные.

Тег опять уселся в свое кресло, и она подметила в нем некоторую скованность. Учитывая его года, он, все равно, был примечательно подвижен. Тараза налила себе полстакана воды, выпила одним глотком и с изысканной осторожностью поставила стакан на боковой столик. Как же подступиться? Поведение Тега ее не одурачивало. Он не желает вылезать из своего спокойного убежища. Ее аналитики предостерегали об этом. Со временем отставки он проявил более чем праздный интерес к фермерству. Его обширные земли здесь, на Лернаусе, были по сути своей экспериментальными участками. Она подняла взгляд и неприкрыто стала его разглядывать. Квадратные плечи подчеркивали узкую поясницу Тега. Значит, он до сих пор поддерживает форму. Это длинное лицо, резкие черты которого формируются рельефной костью: типично атридесковое. Тег встретил ее взгляд, как он делал это всегда — требуя внимания, но открытый всему, что может сказать Верховная Мать. Его узкий рот приоткрыт в легкой усмешке, обнажая ровные и светлые зубы.

«Он понимает, что мне не по себе! — подумала она. — Проклятье! Он почти столько же времени слуга Ордена, как и я».

Тег не подкидывал ей наводящих вопросов. Его поведение оставалось безупречным, странно отстраненным. Она напомнила себе, что это вообще характерно для ментатов, никаких других выводов из этого не следует.

Тег резко встал и прошел к серванту слева от Таразы. Он повернулся, скрестил руки на груди, и откинувшись на сервант, доглядел на нее.

Таразе пришлось повернуть кресло, чтобы оказаться лицом к нему. Черт его подери! Тег не собирался облегчить ее задачу. Все Преподобные Матери отмечали — трудно заставить Тега присесть во время разговора. Он предпочитал стоять, плечи напряжены с военной жесткостью, взгляд устремлен вниз. Немногие Преподобные Матери достигали его роста — более двух метров. Эта его привычка стоять — на чем сходились все аналитики — была способом Тега (может быть бессознательным) выражать протест против своего подчинения Ордену. Ни в чем другом, однако, этот протест не сказывался. Тег всегда был самым надежным военачальником, когда-либо состоявшим на службе Ордена.

Несмотря на кажущуюся простоту, главные связующие силы этого многообщественного мироздания взаимодействовали достаточно сложно, и надежные военные командующие ценились даже не на вес меланжа, а во много раз больше. Религиозная и мирская память об имперской тирании всегда фигурировали в переговорах, но все, в конечном итоге, определяла экономика, и военную монету можно было учесть на чьем угодно арифметике. Это присутствовало во всех переговорах и будет присутствовать до тех пор, пока торговую систему движет необходимость получения особых товаров (таких, как спайс и продукты технологии Икса), необходимость в специалистах (таких как ментаты и доктора Сакк) и все другие заземленные нужды для которых существует рынок: рабочая сила, строители, инженеры, организующие жизнь, художники, экзотические удовольствия...

Ни одна юридическая система не могла увязать такую сложность в единое целое, с очевидностью порождая еще одну необходимость — постоянную нужду в авторитетных арбитрах. Преподобные Матери естественно подходили на эту роль внутри экономической паутины, и Майлз Тег это знал. Он понимал также, что его вновь извлекают, как ходовую монету. Доставит ли эта роль ему удовольствие при переговорах — в расчет не бралось.

— Похоже, у тебя здесь нет такой семьи, чтобы удерживать на месте, проговорила Тараза.

Тег молчаливо это проглотил. Да, его жена умерла тридцать восемь лет назад. Все его дети выросли и, за исключением единственной дочери, разлетелись из гнезда. У него много личных интересов, но не семейных обязанностей. Это верно.

Затем Тараза напомнила ему о его долгой и верной службе Ордену, припомнила несколько заслуг. Она знала, что похвала мало на него подействует, но это открывало ей необходимый прямой путь к тому, что должно последовать.

— Твое семейное сходство вполне оценено, — сказала она.

Тег наклонил голову не больше, чем на миллиметр.

— Твое сходство с первым Лито Атридесом, дедом Тирана, просто удивительно, — продолжала Тараза.

Тег ничем не дал понять, что слышал или согласен. Это просто факт, нечто уже отложенное в его объемистой памяти. Он знал, что несет в себе гены Атридесов. Он видел изображение Лито I на Доме Соборов. До чего ж это оказалось странным, словно он смотрел на себя в зеркало.

— Ты чуть повыше, — сказала Тараза.

Тег продолжал пристально глядеть на нее.

— К черту все это, башар, — сказала Тараза, — разве ты не можешь мне, по крайней мере, постараться помочь?

— Это приказание, Верховная Мать?

— Нет, это не приказание.

Тег медленно улыбнулся. Сам факт, что Тараза позволила себе у него на глазах такой взрыв, говорил ему очень о многом. Она не поведет себя так с людьми, к которым относится с недоверием. И она, наверняка, не позволит себе такой эмоциональный всплеск перед человеком, которого считает просто-напросто мелким подчиненным.

Тараза опять откинулась в своем кресле и широко улыбнулась Тегу.

— Ладно, — сказала она. — Ты развлекся. Патрин сказал, что ты будешь очень недоволен, если я призову тебя назад, к исполнению долга. Уверяю тебя, что это критически важно для наших планов. — Для каких планов, Верховная Мать?

— На Гамму мы выращиваем гхолу Данканна Айдахо. Ему почти шесть лет, он доспел до обучения военному делу.

Тег позволил своим глазам чуть раскрыться.

— Это будет для тебя действительно утомительной работой, — сказала Тараза, — но я хочу, чтобы ты взялся за его подготовку и защиту как можно скорее.

— Мое сходство с герцогом Атридесом, — проговорил Тег. — Вы воспользуетесь мной, чтобы пробудить его исходную память.

— Да, через восемь-десять лет.

— Так долго! — покачал головой Тег. — Почему Гамму?

— Его наследственность — прана-бинду — изменена Бене Тлейлаксом, согласно нашему заказу. Его рефлексы соответствуют по скорости любому, рожденному в наше время. Гамму... истинный Данкан Айдахо родился и вырос там. Из-за перемен в его клеточной наследственности мы должны поддерживать все остальное как можно ближе к первоначальным условиям.

— Зачем вы это делаете? — это была интонация ментата, требующего данных для осмысления.

— На Ракисе обнаружена девочка, способная управлять червями. У нас там будет, как использовать гхолу.

— Вы их скрестите?

— Я призываю тебя не как ментата. То, что нам нужно — твои воинские таланты и сходство с Лито I. Ты знаешь, как восстановить исходную память, когда придет время.

— Значит, на самом деле вы возвращаете меня на службу в качестве дядьки-мечевластителя.

— По-твоему, это понижение для того, кто некогда был Верховным Башаром всех наших сил?

— Верховная Мать! Ты приказываешь — я повинуюсь. Но я не приму этого поста без полного подчинения мне всех оборонных систем Гамму.

— Это уже устроено, Майлз.

— Ты всегда знала, как работает мой ум.

— Я всегда была убеждена в твоей верности.

Тег оттолкнулся от серванта и секунду стоял в размышлении.

— Кто предоставит мне всю информацию?

— Беллонда из Архивов, точно так же, как и прежде. Она снабдит тебя шифром, чтобы обеспечить безопасную связь между нами.

— Я дам тебе список людей, — сказал Тег, — старые соратники и дети некоторых из них. Я хочу,

чтобы все они уже ждали на Гамму, когда я туда прибуду.

— Ты не думаешь, что некоторые из них откажутся?

Его взгляд сказал: «Не будь дурочкой!?

Тараза хмыкнула и подумала: «Это то, чему давние Атридесы нас накрепко научили — как производить тех, кто внушает высочайшие преданность и верность к себе».

— Набором займется Патрин, — сказал Тег, — он, я знаю, не примет звания, но должен будет получать полное жалованье и почести подполковника. — Ты, конечно, будешь восстановлен в звании Верховного Башара, сказала она. — Мы...

— Нет. У вас есть Бурзмали. Не надо ослаблять его, ставя над ним прежнего командира.

Она секунду пристально изучала его взглядом и наконец произнесла:

— Мы еще не назначили Бурзмали...

— Я хорошо об этом знаю. Мои прежние товарищи держат меня полностью в курсе политики Ордена. Но я и ты. Верховная Мать, мы знаем, что это только вопрос времени: Бурзмали — лучший.

Она могла это только принять. Это было больше, чем оценка военного-ментата. Это была оценка Тега. Ее потрясла другая мысль.

— Значит, ты уже знал о нашем споре на Совете? — обвиняюще проговорила она. — И ты позволяешь мне...

— Верховная Мать, если б я думал, что вы пытаетесь произвести на Ракисе чудовище, я бы так и сказал. Вы принимаете свои решения, а я свои.

— Черт тебя подери, Майлз, мы слишком долго были вдали друг от друга, — Тараза встала. — Я чувствую себя спокойнее просто от сознания, что ты опять в упряжке.

— Упряжка, — сказал он. — Да. Дайте мне должность башара по особым поручениям. Таким образом, когда весть об этом дойдет до Бурзмали, не будет глупых вопросов. Тараза извлекла пачку ридуланской бумаги из-под своей абы и протянула ее Тегу.

— Я уже все это подписала. Сам впиши свое звание. Все остальные предписания, подорожные и так далее здесь. Все приказы тебе отдаю лично я. Мне ты и будешь повиноваться. Ты ведь МОЙ башар, понимаешь?

— Разве я не был им всегда? — спросил он.

— Сейчас это намного важнее, чем раньше. Храни этого гхолу в безопасности и хорошо его тренируй. Он на твоей ответственности. Я поддержу тебя в этом против кого угодно.

— Я слышал, на Гамму настоящийницей Шванги.

— Против кого угодно, Майлз. Не доверяй Шванги.

— Понимаю. Ты отобедаешь с нами? Моя дочь приготовила...

— Прости меня, Майлз, но мне как можно скорее надо возвращаться. Я сразу же пришлю Беллонду.

Тег вышел с ней из дома, перекинулся несколькими милыми словами со своими старыми учениками и проводил их. На дорожке стоял их наземный бронетранспорт, одна из новых моделей, явно привезенная с собой. Его вид вызвал у Тега тяжелое чувство.

НЕОТЛОЖНОСТЬ!

Тараза прибыла лично — сама Верховная Мать стала собственной рассыльной, понимая, как много это ей поведает. Тег, отлично знакомый с образом действий Ордена, действительно понял из этого очень важную вещь: спор в Совете Вене Джессерит зашел намного дальше, чем предполагали его осведомители.

«Ты — МОЙ башар».

Тег поглядел на пачку оставленных Таразой предписаний и поручительств, скрепленных ее печатью и подписью. Подразумеваемое этим доверие накладывалось на все другое, понятное ему, и немало добавлявшее к его беспокойству.

«Не доверяй Шванги».

Он убрал бумаги в карман и отправился на розыски Патрина. Патрина надо будет проинструктировать, да и успокоить тоже. Надо обсудить с ним, кого привлечь к этому заданию. Он начал мысленно составлять список. Опасные обязанности впереди. Для этого требуются самые лучшие люди. Проклятье! Надо полностью ввести Фируса и Димелу в курс управления имением. Так много мелочей! Размашисто шагая к дому, он почувствовал, как участился его пульс. Проходя мимо вахтенного по дому, одного из своих бывших солдат, Тег заметил:

— Мартин, отмени все назначения на сегодня. Разыщи мою dochь и передай, чтобы пришла в мой кабинет.

Сообщение разошлось по дому, было передано на все имение. Слуги и семья, знаяшие, что сама Верховная Мать только что лично беседовала с Тегом, автоматически подняли защитный экран, чтобы ничто не отвлекало Тега. Его старшая dochь Димела резко его перебила, когда он попытался перечислить все подробности, необходимые для проведения в жизнь его экспериментальных фермерских проектов. — Отец, я не малое дитя!

Они были в небольшой теплице, пристроенной к его кабинету, остатки обеда Тега оставались на уголке рабочего стола. Записная книжка Патрина засунута между стеной и обеденным подносом.

Тег пристально поглядел на dochь. Димела пошла в него внешностью, но не ростом. Слишком угловата, чтобы быть красавицей, но жена из нее вышла хорошая. У них уже трое чудесных детей, у Димелы и Фируса.

— Где Фирус? — спросил Тег. — Руководит перемещением Южной фермы.

— О, да, Патрин упоминал об этом.

Тег улыбнулся. Он был очень доволен, что Димела отвергла Орден, предпочтя выйти замуж за Фируса, коренного жителя Лернауса, и остаться в свите своего отца.

— Я знаю только, что они опять призывают тебя на службу, — сказала Димела. — Это опасное назначение?

— Ну, знаешь ли, ты говоришь в точности, как твоя мать, — заметил Тег. — Значит, это опасно! Черт их побери, неужели ты недостаточно на них потрудился?

— Очевидно, нет.

Она направилась к выходу как раз тогда, когда на дальнем конце теплицы показался вошедший Патрин. Тег услышал, как она на ходу обратилась к нему:

— Чем он старше становится, тем больше сам уподобляется Преподобной Матери.

— А чего еще она могла ожидать! — подивился Тег. Сын Преподобной Матери, отец — мелкий чиновник КХОАМа, он вырос в доме, который жил в ритме Ордена. С раннего возраста он ясно видел, как верность его отца межпланетной торговой сети КХОАМа исчезает, если у матери бывали возражения.

Этот дом был домом его матери, до самой ее смерти менее года назад. Через год после смерти отца. На всем вокруг сохранился отпечаток ее вкусов. Патрин остановился перед ним.

— Я за своей записной книжкой. Ты дописал в нее имена?

— Несколько. Тебе лучше сразу этим заняться.

— Да, сэр! — Патрин принял молодцеватый вид и зашагал обратно тем же путем, которым пришел, похлопывая записной книжкой по ноге.

«Он тоже это ощущает», — подумал Тег. Тег снова огляделся вокруг. Этот дом так и оставался местом его матери. После стольких лет, прожитых здесь, выращенной им здесь семьи! И все равно — ее дом. О, да, он построил эту теплицу, но этот кабинет был прежде ее личной комнатой.

Жанет Роксбро из лернаусских Роксбро. Меблировка, отделка — во всем эта комната по-прежнему принадлежит ей. Тег с женой заменили несколько неважных деталей, но суть Жанет Роксбро оставалась. В ее происхождении, никаких сомнений, кровь Рыбословш. Какой же огромной ценностью она была для Ордена! Странно то, что она вышла замуж за Лоше Тега и прожила здесь всю свою жизнь. В голове не укладывается — пока не поймешь, насколько далеко, на поколения вперед, составлены Программы выведения Бене Джессерит.

«Они опять это сделали, — подумал Тег. — Все эти годы они продержали меня за кулисами именно для нынешнего момента».

Глава 5

Разве все эти тысячелетия религия не предъявляет патент на творение?

Тлейлаксанский Вопрос, из речений Муад Диба.

Воздух Тлейлакса был кристаллическим, скованным той неподвижностью, что частично возникала от утреннего морозца, а частично — словно сама жизнь выжидающе затихала там, за окном, во граде Бандалонге, жизнь приникшая и плотоядная, которая не шелохнется, пока не воспримет его личного сигнала. Махай, Тилвит Вафф, Господин Господинов любил этот час больше любого другого времени дня. Сейчас, когда он глядел в открытое окно, город Принадлежал ему. Бандалонг очнется к жизни только по моему повелению», говорил он себе. Страх, улавливаемый им там, был его опорой в любой ситуации, которая могла возникнуть в этом огромном инкубаторе жизни: здесь зародилась цивилизация Тлейлакса и затем далеко распространила свою мощь.

Они, его подданные, ждали этого времени многие тысячелетия. Теперь Вафф смаковал этот момент. Через все дурные времена Пророка Лито II (не Бога Императора, но Посланца Господня), через все времена Голода и Рассеяния, через все болезненные поражения от рук меньших творений, через все муки, Тлейлакс терпеливо копил силы для этого момента. «Мы достигли нашего времени, о, Пророк!?

Город, расстилавшийся под его высоким окном, виделся ему символом, крупной меткой на странице тлейлакса некого атласа. Другие планеты, другие великие города, взаимосвязанные, взаимозависимые, преданность которых сводится к этому центру — к Богу Ваффа и его городу, ожидают сигнала, который — все они знают — должен скоро последовать. Двойные силы Танцоров и Машейхов, готовясь к космическому броску, сконцентрировали свою мощь.

Тысячелетние ожидания вот-вот завершатся.

Вафф думал об этом как о «долгом начале».

Да. Он кивнул себе, глядя на приникший город. С самой начальной стадии, с бесконечно малого зародыша идеи правители Бене Тлейлакса понимали опасности столь огромного плана — всеобъемлющего, хитросплетенного, тонкого. Они изведали необходимость проходить по самому краешку катастрофы, терпеть то и дело разящие потери, подчиненность и униженность. Все это, и намного больше, делалось для сотворения особого образа Бене Тлейлакса. За тысячелетия притворства они сотворили миф.

— Греховные, отвратительные грязные тлейлаксанцы! Глупые тлейлаксанцы! Предсказуемые тлейлаксанцы! Импульсивные тлейлаксанцы!

Даже креатура Пророка пала жертвой этого мифа. Пленная Рыбословша стоя в этой комнате, кричала на тлейлакса некого Господина:

— Долгое притворство создает реальность! Ты и в самом деле греховен! Вот они и убили ее, и Пророк ничего им не сделал.

Лишь немногие среди всех чуждых миров и людей понимали сдержанность тлейлаксанцев. Порывистость? Они еще передумают после того, как Бене Тлейлакс покажет, сколько тысячелетий был способен ждать своего господства.

— Спаннунгсбоген!

Вафф покатал это древнее слово по языку: «Натяжение лука!» Как далеко ты натягиваешь лук перед тем, как выпустить стрелу. Эта стрела войдет глубоко!

— Машейхи ждали больше, чем кто-либо другой, — прошептал Вафф. Здесь, в своей крепкой башне, он осмелился произнести это слово вслух только для самого себя: «Машейхи».

Крыши под ним мерцали в восходящем солнце. Он услышал, как начала шевелиться жизнь в городе. Сладостная горечь запахов Тлейлакса потянулась в воздухе к его окну. Вафф глубоко вдохнул и закрыл окно.

Он почувствовал себя обновленным после этого момента одинокого наблюдения. Отвернувшись от окна, он облачился в белое одеяние-хилат почета, перед которым обязан склоняться весь Домель. Длинный хилат полностью скрыл его короткое тело, вызвав у него отчетливое чувство, будто он облачился в доспех.

— Мы — народ Ягиста, — напомнил он своим советникам всего лишь вчера вечером. — Все остальное — пограничные области. Мы с единственной целью все эти тысячелетия лелеяли миф о наших слабости и темных кознях.

Девять его советников, сидевших в глубокой сагре без окон под защитным полем не-пространства, улыбнулись тогда, молчаливо одобряя его слова. По суду гуфрана, они понимают. Сцена, на которой тлейлаксанцы определяли свою судьбу, всегда была для них кехлем с его законом гуфрана. Так надлежало, чтобы даже Вафф, самый могущественный из всех тлейлаксаццев, не мог покинуть свой мир, быть впущен в него заново, не пройдя обряда самоуничижения через гуфран, прося прощения за контакты с невообразимыми грехами неверных. Даже самого сильного способно запятнать общение с повиной. Хасадары, надзирающие за всеми границами Тлейлакса и охраняющие женщин Селамлика, вправе подозревать даже Ваффа. Он — один из людей Кехля, но все равно должен подтверждать это всякий раз, когда покидает и возвращается в родной мир — и, разумеется, всякий раз, когда входит в селамлик для пожертвования своей спермы.

Вафф подошел к высокому зеркалу и рассмотрел себя и свое одеяние. Он знал, что для повинды представлялся чем-то вроде эльфа. Едва ли полтора метра роста, глаза, волосы и кожа — различные оттенки серого, все должно работать на общее впечатление от овального лица с крохотным ртом и линией острых зубок. Лицевые Танцоры могли воспроизводить его жесты и позы, могли дезинтегрироваться по повелению Машейха. Но ни Машейхов, ни Хасадаров нельзя одурачить. Только повинду это способно обмануть.

«Кроме Бене Джессерит!?

От этой мысли его лицо стало угрюмым. Что ж, этим ведьмам еще предстоит встретиться с одним из новых Лицевых Танцоров!

«Ни один другой народ не овладел языком генетики так, как Бене Тлейлакс», — успокоил он себя. — «Мы правы, называя этот язык „языком бога“, поскольку сам Бог дал нам эту великую силу».

Вафф подошел к двери и дождался утреннего колокола. Нет способа описать испытываемое им богатство переживаний. Время развернулось перед ним. Он не спрашивал, почему правдивое послание Пророка было услышано только Бене Тлейлаксом. Это — Господне Деяние, и в этом. Пророк есть Мышца Господня.

«Ты подготовил их для нас, о. Пророк».

И этот гхола на Гамму — нынешний гхола — в настоящий момент стоил всех ожиданий.

Прозвучал утренний колокол, и Вафф прошел в зал, вместе с другими, облаченными в белое фигурами, вышел на восточный балкон приветствовать солнце. Как Махай и Абдль своего народа, он мог теперь олицетворять себя со всем народом Тлейлакса.

«Мы живем законом Шариата, единственные оставшиеся во всем мироздании».

Раньше нигде, кроме закрытых палат его братьев — Малик не мог он открыть эту тайну. Но теперь работа этой тайной мысли, разделяемой сейчас каждым вокруг него, в равной степени была заметна и в Машейхах, и в Домеле и Лицевых Танцорах. Парадокс родства и ощущения социальной общности, пронизывающие весь Кехль от Машейхов до самых низов Домеля, не был парадоксом для Ваффа.

«Мы работаем на единого Бога».

Лицевой Танцор, в личине Домеля, поклонился и открыл двери балкона. Вафф, выходящий на солнечный свет со многими спутниками вокруг него, улыбнулся, узнав Лицевого Танцора. Еще и Домель! Семейная шуточка — но Лицевые Танцоры не кровные члены семьи. Они — конструкции, инструменты, точно так же, как гхола на Гамму — это инструмент, созданный языком Бога, на котором говорят только Машейхи.

Вместе с другими, теснившимися вокруг него, Вафф совершил намаз перед солнцем. Он испустил крик Абдля и услышал, как этот крик разнесся эхом голосов до самых крайних точек города.

— Солнце не Бог! — закричал он.

Нет, солнце было только символом бесконечных господских моши и милосердия — еще одна конструкция, еще один инструмент. Чувствуя себя очищенным гуфраном, через который прошел вчера вечером и оживленный утренним ритуалом, Вафф мог теперь поразмыслить о путешествии в мир повинды, из которого он только что вернулся, пройдя обряд гуфрана. Другие верующие освободили ему путь, когда он пошел назад во внутренние коридоры и по спускопроводу в центральный сад, где назначил сбор своим советникам. «Успешный выдался рейд, рейд среди повинды», — подумал он.

Покидая внутренний мир Бене Тлейлакса, Вафф всякий раз ощущал себя в лашкаре — боевом походе ради высшей мести, которая на тайном языке его народа называлась Бодал (всегда с

большой буквы и всегда заново подтверждаемая в гуфране и кехле). Последний лашкар был чрезвычайно успешным.

Вафф попал из спускопровода в центральный сад, залитый солнечным светом через призматические рефлекторы, установленные на окружающих крышах. В самой середине присыпанного гравием круга небольшой фонтан исполнял фигуру для зрения. Низкий белый палисад ограждал коротко стриженую лужайку, пространство вполне достаточное чтобы фонтан освежал воздух, но чтобы плеск воды не мешал ведущейся тихими голосами беседе. На этом газончике стояли десять узких скамей из древнего пластика, девять из них полукругом, лицом к поставленной чуть отдельно десятой.

Помедлив перед газончиком, Вафф огляделся удивляясь, почему он никогда раньше не испытывал такого радостного наслаждения при виде этого места. Сам материал скамей был синий, они не были крашенными. За века употребления в скамьях появились плавные изгибы, округлые впадины от бесчисленных ягодиц, но в сносившихся местах цвет был все также ярок.

Вафф уселся, обернувшись лицом к девяти советникам, тщательно подбирая слова, которые должен был произнести. Документ, привезенный им из последнего лашкара, и послуживший основным поводом для него оказался очень ко времени. Его название и сам текст содержали важнейшее послание для Тлейлакса.

Из внутреннего кармана Вафф извлек тонкую пачку ридуланского хрустала. Он заметил неожиданный интерес у своих советников: девять лиц, подобных его собственному, Машейхи, сердцевина кехля — выражали ожидание, они все читали в кехле этот документ: «Манифест Атридесов». Они провели ночь в размышлениях над содержанием Манифеста. Теперь это надо было обсудить. Вафф положил документ к себе на колени.

— Я предлагаю распространять этот текст вдаль и вширь, — сказал Вафф.

— Без изменений? — это Мирлат, советник, ближе всего подошедший к гхоло-трансформации. Мирлат, вне сомнений, метит на место Абдля и Махая. Вафф сосредоточил взгляд на широких челюстях советника, где за века нарос выступающий хрящик, видимая примета огромного возраста его нынешнего тела. — Именно таким, каким он попал в наши руки, — сказал Вафф.

— Опасно, — заметил Мир-Лат. Вафф повернул голову вправо, его детский профиль выделялся на фоне фонтана так, что его могли видеть все советники. Рука Господня мне порука! Небеса над нами — словно полированный карнелиан, словно бы Бандалонг, самый древний город Тлейлакса, выстроен под одним из гигантских искусственных укрытий, возводившихся, чтобы укрыть первопроходцев на тяжелых для жизни планетах. Когда Вафф опять перевел взгляд на своих советников, лицо его сохраняло прежнее выражение.

— Для нас не опасно, — сказал он.

— Как посмотреть, — сказал Мир-Лат. — Тогда давайте сравним наши точки зрения, — сказал Вафф. — Должны ли мы бояться Икса или Рыбословш? Разумеется, нет! Они наши, хотя они этого не знают.

Вафф сделал паузу, чтобы его слова полностью до всех дошли: всем здесь было известно, что новые Лицевые Танцоры сидят в высочайших советах Икса и Рыбословш, и что подмена эта не разоблачена.

— Космический Союз не выступит против нас и не окажет нам противодействия, потому что мы — единственный надежный источник меланжа, продолжил Вафф.

— А как насчет этих Преподобных Черниц, возвращающихся из Рассеяния? — осведомился Мир-Лат. — Мы с ними разберемся, когда это потребуется, — сказал Вафф.

— И нам помогут потомки тех из нашего народа, кто по собственной воле отправились в Рассеяние.

— Время действительно представляется удачным, — пробормотал другой советник.

Это, заметил Вафф, проговорил Торг-младший. Отлично! Вот один голос и обеспечен.

— Бене Джессерит! — проворчал Мир-Лат. — Я думаю, Преподобные Черницы устроят ведьм с нашего пути, — сказал Вафф. — Они: уже рычат друг на друга, как звери на арене для боев. — А что, если будет установлен автор этого Манифеста? — вопросил Мирлат. — Что тогда?

Несколько советников закивали головами. Вафф отметил их: люди, которых надо еще привлечь на свою сторону.

— В наш век опасно носить имя Атридес, — сказал он.

— Кроме, может быть, как на Гамму, — сказал Мирлат. — И документ этот подписан именем Атридеса.

«Как странно», — подумал Вафф.

Представитель КХОАМа на той самой конференции повинды, ради которой Вафф вынужден был покинуть родные планеты Тлейлакса, подчеркнул именно этот пункт. Но большинство КХОАМа — скрытые атеисты, на все религии смотрят с подозрением, а Атридесы, конечно же, были в свое время мощной религиозной силой. Беспокойство КХОАМа было почти осязаемо.

Теперь Вафф докладывал об этой реакции КХОАМа.

— Этот КХОАМовский клеврет, проклятье его безбожной душе, прав, настаивал Мирлат. — Документ с подковыркой.

«С Мирлатом надо будет разобраться», — подумал Вафф. Он поднял документ с колен и прочел вслух первую строку:

— «Сначала было слово и слово было Бог».

— Прямо из Оранжевой Католической Библии, — сказал Мирлат. И все опять в тревожном согласии закивали головами.

Вафф, коротко улыбнувшись, обнажил свои острые зубки.

— Есть ли среди вас такие, кто допускает, будто среди повинды имеются подозревающие о существовании Шариата и Машейхов?

Он почувствовал, что правильно сделал, задав вслух этот вопрос, напоминая собравшимся, что только здесь, в самой глубине Тлейлакса старые слова и старый язык сохраняются без изменений. Разве Мирлат или кто-нибудь еще из присутствующих страшится, что слова Атридесов могут ниспровергнуть Шариат?

Вафф задал этот вопрос — и увидел встревожено нахмуренные лица.

— Есть ли среди вас думающий, будто хоть один повинда знает, как мы пользуемся языком Бога? — спросил Вафф.

«Вот вам! Поразмыслите-ка теперь над этим!» Здесь они периодически пробуждаются к новой жизни в очередной плоти гхолы. Непрерывность плоти в этом Совете, которую не достигал больше никто из людей. Сам Мирлат видел Пророка собственными глазами. Скайтейл говорил с Муад Дибом! Научившись возобновлять плоть и восстанавливать память, они сконцентрировали эту силу в едином правительстве. Основа его монстра утаивалась за семью замками, иначе на них стали бы отовсюду давить, чтобы они поделились источником этой монстра. Только ведьмы обладали сходным хранилищем опыта, из которого черпали — с боязливой осторожностью делая каждый ход, приходя в ужас от одной мысли, что могут произвести еще одного Квизатца Хадераха!

Вафф изложил все это своим советникам и добавил:

— Наступило время действий.

Когда все выражали согласие, Вафф сказал:

— У этого Манифеста есть один автор. На этом сходятся все аналитики. Мирлат?

— Написано одним человеком, и этот человек — истинный Атридес, никакого в том сомнения, — согласился МирЛат. — На конференции повинды все это подтвердили, — сказал Вафф. — С этим согласен даже Кормчий Космического Союза Третьей Ступени.

— Но этот один человек создал то, что вызовет жесткую реакцию среди самых разных народов, — возразил МирЛат. — Разве мы когда-нибудь сомневались в таланте Атридесов сеять раскол и смуту? — спросил Вафф. — Когда повинда показала мне этот документ, я понял, что Бог посыпает нам сигнал.

— Ведьмы до сих пор отрицают авторство? — спросил Торг младший.

«Как же он умеет попадать в цель» — подумал Вафф.

— Все великие религии повинды ставятся под сомнение этим Манифестом, — проговорил Вафф. — Каждая вера, кроме нашей, оказывается подвешенной в преддверии Ада.

— Именно в этом и проблема! — сделал выпад МирЛат. — Но только мы об этом знаем, — сказал

Вафф. — Кто еще хотя бы подозревает о существовании Шариата?

— Космический Союз, — сказал МирЛат. — Они никогда об этом не заговаривали и никогда не заговорят. Они знают, каков будет наш ответ.

Вафф поднял стопочку ридуланской бумаги со своих колен и опять зачитал вслух:

— «Силы, которые мы не способны понять, проникают всюду в наше мироздание. Мы видим тени этих сил, когда они проецируются на экран доступных нам восприятий, но при этом мы никак их не понимаем».

— Атридес, написавший это, знает о Шариате, — пробормотал МирЛат. Вафф продолжил как будто никто его и не перебивал:

— «Понимание требует слов. Есть нечто, что не может быть ограничено до слов. Есть нечто, что может быть испытываемо только бессловесно».

Вафф опустил документ на колени, обращаясь с ним, словно со святой реликвией. Так тихо, что его слушателям пришлось наклониться к нему, и даже поднести сложенные ковшиком ладони к ушам, Вафф проговорил:

— Это — утверждение волшебности нашего мироздания. Того, что все выводимые сознанием аксиомы мимолетны и подвержены волшебным переменам. Наука нас привела к этому толкованию, словно бы поместив нас в колею, из которой нам нельзя выпасть.

Он дал слушателям секунду, чтобы они как следует переварили услышанное, затем продолжил:

— Ни один ракианский Жрец Разделенного Бога, никакой другой шарлатан повинды не способен это принять. Только мы это знаем, потому что наш Бог это волшебный Бог, языком которого мы говорим. — Нас обвинят в том, что мы сами — авторы этого манифеста, — сказал Мирлат. Говоря это, Мирлат резко покачал головой из стороны в сторону. -Нет! Понимаю, понимаю, что ты имеешь в виду.

Вафф хранил молчание. Он видел, что все они сейчас задумались над своим происхождением суфи, припоминая Великую Веру и Дзенсунни, породивших Бене Тлейлакс. Люди этого кехля знали богоданные факты своего происхождения, но поколения секретности давали им гарантии, что ни один повинда не причастен к этому знанию.

Через ум Ваффа безмолвно проплыли слова.

«Предубеждения, основанные на понимании, содержат веру в абсолютную почву, из которой все произрастает, как растения произрастают из семян». Зная, что его советники тоже припоминают сейчас этот катехизм Великой Веры, Вафф напомнил им о предостережении Дзенсунни:

— «Под такими условностями лежит вера в слова, в которых повинда не сомневается. Только Шариат сомневается, и мы делаем это безмолвно».

Его советники в унисон закивали.

Вафф наклонил голову и продолжил:

— Сам факт провозглашения существования того, что нельзя описать словами, потрясает мироздание, в котором слово является верховной верой.

— Яд повинды! — воскликнули его советники.

Теперь он всех перетянул на свою сторону, и окончательную точку в одержанной победе поставил вопросом:

— Каково кредо суфи-дзенсунни?

Им нельзя было произносить этого вслух, но все они это припомнили:

— «Когда достигаешь ситори, не нужно уже никакого понимания, ситори существует без слов, даже без названия».

Они одновременно подняли глаза и обменялись понимающими взглядами. Мирлат взял на себя процитировать мольбу Тлейлакса:

— Я могу сказать «Бог», но это не есть мой Бог. Это только шум, не могущественней любого другого шума.

— Я вижу теперь, что все вы ощущаете, какая сила попала в наши руки, — проговорил Вафф. — Миллионы и миллионы копий уже гуляют по рукам среди повинды.

— Кто этим занимается? — спросил МирЛат. — А кому какое дело? — возразил Вафф. — Пусть повинда преследует их, ищет источники, старается пресечь распространение, проповедует против них. Каждое такое действие повинды будет наполнять эти слова еще большей силой. — Не следует ли и нам проповедовать против этих слов? — спросил МирЛат. — Только если этого потребуют конкретные обстоятельства, — сказал Вафф. — До скорого! — он похлопал бумагами по коленям. — Мысlenie повинды основано на сильнейшей тяге к целеустремленности и в этом их слабость. Мы должны обеспечить, чтобы этот Манифест разошелся как можно шире.

— Волшебство нашего Бога — наш единственный мост, — напевно процитировали советники.

Во всех них, заметил Вафф, он укрепил надежность опоры на краеугольный камень Веры. Это легко ему удалось. Ни один Машейх не разделял дурости хнычущей повинды: «В твоей бесконечной милости. Боже, почему я?» Одной фразой повинда и утверждает бесконечность и отрицает ее, никогда даже не обращая внимания на собственную дурость.

— Скайтейл, — проговорил Вафф.

Самый молодой, с самым детским лицом среди всех советников, сидевший на самой последней скамье слева, как ему и было положено, жадно наклонился вперед.

— Вооружи верных, — сказал Вафф.

— Я дивлюсь тому чуду, что Атридесы дали нам это оружие, — сказал Мирлат. — И откуда только в Атридесах эта способность всегда хвататься за тот идеал, который завербует себе миллиарды последователей.

— Это не Атридесы, это Бог, — ответил Вафф. Затем он поднял руки и проговорил ритуальные завершающие слова:

— Машейхи собрались в кехле и ощутили присутствие своего Бога.

Вафф закрыл глаза и подождал, пока другие удалятся.

Машейхи! Как хорошо нам называть самих себя на своих секретных совещаниях на языке исламиата, на котором ни один тлейлаксанецне говорит во внешнем мире. Даже Лицевые Танцоры не говорят на нем. Нигде в Вехте Яндольском, ни даже в самых дальних пределах тлейлаксанского Ягиста, нет живого повинды, который знает этот секрет.

«Ягист», — подумал Вафф, поднимаясь со своей скамьи. — Ягист, страна неуправляемых».

Ему показалось, что он ощущает, как документ выбирает в его руке. Этот Манифест Атридесов — как раз то, что направит повинды к их року.

Глава 6

Одни дни — как меланж, другие как горькая грязь.

Ракианский афоризм.

На третий год своего пребывания у жрецов Ракиса девочка Шиэна лежала, вытянувшись во весь рост, на вершине высокой изгибающейся дюны. Она глядела на просторы, охваченные утром, откуда доносился мощный звук, трущийся и погромыхивающий. Призрачно серебряный свет подернул горизонт прозрачной льдистой дымкой. Песок все еще был по-ночному холоден.

Она знала, что жрецы наблюдают за ней из безопасного убежища окруженной водой башни — приблизительно в двух километрах за ее спиной, но это ее мало заботило. Дрожь песка требовала ее полного внимания.

«Этот велик, — подумала она. — По меньшей мере — семьдесят метров. Замечательно большой».

Серый стилсьют, мягко облегая, льнулся к коже. На нем не было ни одной залатанной потертости, какие были на той ветоши, что она носила прежде, еще не попав под опеку жрецов. Она испытывала благодарность за чудесный стилсьют и за плотный, белый с пурпурным, плащ поверх него, но больше всего она испытывала возбуждение от самого пребывания здесь. Нечто торжественное и тревожное переполняло ее в подобные моменты.

Жрецы не понимали происходящего здесь. Она это знала. Они трусы. Она поглядела через плечо на отдаленную башню и увидела, как вспыхивает солнечный свет на линзах окуляров. Не по годам развитая девочка, одиннадцати стандартных лет, тонкая и смуглая, с солнечными стрелками в каштановых волосах. Она зримо представляла, как все эти жрецы смотрят в подглядывающие бинокли.

«Они видят, как я делаю то, чего они сами не осмеливаются. Они видят меня на пути Шайтана. Я кажусь такой маленькой на песке, а Шайтан — таким огромным. Они уже могут его разглядеть».

По скребущему звуку она понимала, что скоро увидит гигантского червя. Шиэна не думала о приближавшемся чудовище как Шаи-Хулуде, Боге песков, воспеваемом каждое утро жрецами в знак почтения к жемчужинам сознания Лито II, спрятанным в каждом из этих многорубчатых правителей пустыни. Она в основном думала о червях, как «о тех, кто меня щадит» или как о Шайтане. Они теперь принадлежали ей.

Эта была взаимосвязь, начавшаяся чуть более трех лет назад, в месяц, на который приходился ее восьмой день рождения, месяц игат по старому календарю. Ее деревенька — бедное поселение первопроходцев, возведенное далеко за пределами таких границ безопасности, как кванаты и кольцевые каналы Кина. Только ров с сырьим песком ограждал такие поселения первопроходцев. Шайтан избегал воды, но блуждающая песчаная форель быстро высасывала любую влагу. Драгоценная влага, собранная в ловушки, должна была пополняться. Ее деревушка была жалким скоплением хижин и лачуг с двумя небольшими ветровушками, которых хватало для добывания питьевой воды, но лишь изредка способных производить излишки, которые могли быть пожертвованы на создание преграды от червя.

В то утро — так похожее на это, ночной морозец все еще пощипывал нос и легкие, горизонт затягивала призрачная дымка — большинство деревенских детей разбрелось по пустыне в поисках малых крох меланжа, оставляемых порой проходящим Шайтаном. Двух больших Шайтанов в ту ночь слышали неподалеку. На меланж, даже при современных упавших ценах можно было купить достаточно глазурованных кирпичей на третью ветровушку.

Каждый ищущий ребенок выглядел не только спайс, но и приметы, которые могли бы навести на след одной из старых крепостей — съетчей прежних Свободных. От них сейчас оставались только развалины, но каменная преграда намного лучше защищала от Шайтана. И было известно, что в развалинах некоторых съетчей можно отыскать запрятанные хранилища меланжа. Каждый деревенский житель мечтал о таком открытии.

Шиэна в своем залатанном стилсьюте и тонком верхнем облачении пошла в одиночку на северо-восток, к дальнему кургану, дрожащее марево над которым подсказывало, что прогретые солнцем ветерки возносят влажные испарения богатого водой великого города Кина.

Искать кусочки меланжа в песке — дело, в основном, напряженно внимательного принюхивания. Это была форма концентрации, которая оставляла лишь частичку сознания восприимчивой к скребущему звуку песка, уведомляющей о приближении Шайтана. Мускулы ног автоматически двигались неритмично — чтобы звук шагов сливался с естественными звуками пустыни. Сначала Шиэна не слышала воплей, так они совпадали по тону со скребущим звуком мечущегося ветра, гонящего песок по барханам, закрывавшим деревню от ее взгляда. Потихоньку этот звук проник в

ее сознание, а затем привлек полное внимание.

ВОПЛЬ МНОЖЕСТВА ГОЛОСОВ!

Шиэна отринула осторожную неритмичность передвижения по пустыне. Двигаясь со всем проворством, на которое были способны ее детские силы, она взобралась на бархан и поглядела в направлении ужасающего звука. Она успела как раз вовремя, чтобы увидеть то, что положило конец воплям.

С дальней стороны деревни ветер и песчаная форель проложили в защитном барьере широкую брешь сухого песка. Шиэне видно было пятно другого цвета. Дикий червь проник через это открывшееся место. Он кружил внутри, вплотную к сырому кольцу. Гигантская пасть, окутанная отблесками пламени, поглощала людей и хижины в быстро сужавшемся круге.

Шиэна увидела, как последние уцелевшие цеплялись друг за друга посреди уже освобожденного от грубых построек и сокрушенных остатков ветряных ловушек пространства. Еще она увидела, как некоторые пытались убежать в пустыню. Среди отчаявшихся бегунов Шиэна узнала отца. Никто не спасся. Огромная пасть поглотила всех, перед тем, как сравнять с поверхностью пустыни остатки деревни.

Оставался лишь дымящийся песок, и НИЧЕГО больше от крохотной деревушки, осмелившейся притязать на клочок земли в царстве Шайтана. Место, где только что была деревушка, не сохранило ни единого следа людского обитания — став таким же, каким было до прихода сюда людей.

Шиэна судорожно вдохнула, вдох через нос, чтобы сохранить влагу тела, как это делал любой ребенок пустыни. Она обшарила взглядом горизонт, ища других детей, но след Шайтана оставил огромные петли и извилины всюду вокруг дальней стороны деревни. Ни единого человека не встретилось ее взгляду. Она закричала пронзительным криком, далеко разнесшимся в сухом воздухе. Никто не откликнулся ей в ответ.

ОДНА.

Она словно в трансе пустилась по гребню дюны — туда, где прежде была деревня. Когда она подошла, в нос ей ударила волна коричного запаха, доносимого ветром, до сих пор взметавшим пыль по верхушкам дюн. И тогда она осознала, что произошло. Деревня, к несчастью, была расположена прямо над местом предспайсового выброса. Когда огромный запас в глубине песков созрел, произошел меланжевый взрыв, и пришел Шайтан. Каждый ребенок знал, что Шайтан не может устоять против спайсового выброса.

Шиэну стали наполнять ярость и дикое отчаяние. Не соображая, что делает, она припустила с дюны к Шайтанду, настигла червя сзади, когда он выскользывал через сухое место, отворившее ему доступ в деревушку. Ни о чем не думая, она метнулась вдоль хвоста червя, вскарабкалась на него и побежала по огромной рубчатой спине. У бугра позади его пасти она скорчилась и заколотила кулаками по неподдающейся поверхности.

Червь остановился.

Ее гнев внезапно сменился ужасом. Шиэна перестала молотить по червю. Только теперь она осознала, что плачет. Ей овладело ужасное чувство одиночества и беззащитности. Она не понимала, как попала сюда, зная только, где находится, и это стиснуло ее агонией страха.

Червь продолжал недвижимо покояться на песке.

Шиэна не знала, что делать. В любой момент червь мог или перевернуться и задавить ее, или зарыться в песок, оставив ее на поверхности, чтобы проглотить на досуге.

По червю вдруг прошел резкий трепет — по всей его длине, от хвоста до того места, где позади его пасти находилась Шиэна. Червь пришел в движение. Он описал широкую дугу и, набирая скорость, устремился на северо-восток.

Шиэна наклонилась вперед и уцепилась за ведущую кромку кольцевого рубца на спине червя. Она боялась, что в любую минуту червь скользнет в глубь песка. Что ей тогда делать? Но Шайтан не зарывался в песок. Протекали минута за минутой, а он двигался через дюны все по тому же прямому пути, без всяких отклонений. Шиэна потихоньку опять обрела способность соображать. Она знала об этой езде. Жрецы Разделенного Бога запрещали это, но и писаная и Устная истории говорили, что в древности Свободные разъезжали таким способом на червях. Свободные стояли во весь рост на спине Шайтана, опираясь на тонкие шесты с крючьями на концах. Жрецы провозглашали, что это делалось до того, как Лито II разделил свое святое самосознание с богом пустыни. Теперь не позволялось ничего, что могло бы унизить разрозненные частички Лито II.

С изумлявшей ее скоростью, червь нес Шиэну по направлению к подернутым туманом очертаниям

Кина. Великий город представлял миражем на искаженном горизонте. Заношенное облачение Шиэны хлестало по тонкой поверхности ее залатанного стилсьюта. Ее пальцы ныли от боли, так сильно она стискивала ведущую кромку гигантского кольца.

При сменах ветра ее овеяло запахами корицы, жженого кремния и озона, вырабатываемого внутренними топками червя.

Впереди нее Кин начал приобретать все более ясные очертания.

«Жрецы увидят меня и рассердятся», — подумала она.

Она разглядела низкие кирпичные строения, отмечавшие первую линию кванатов, и закрытый изогнутый желоб поверхностного акведука позади них. Над этими строениями возвышались стены идущих террасами садов и высокие профили гигантских ветроловушек. Затем шел комплекс храма, окруженный своими собственными водяными барьерами.

Дневной переход по открытому песку меньше, чем за час!

Ее родители и деревенские соседи много раз ходили в город торговать и на праздники, но Шиэна лишь дважды их сопровождала. Ей, в основном, запомнились танцы и случившееся после них побоище. Размеры Кина наполняли ее благоговейным трепетом. Как много зданий! Как много людей! Шайтан не может причинить вреда подобному месту.

Но червь продвигался прямо вперед, словно мог перебраться через кванат и акведук. Шиэна воззрилась на город, вздывавшийся перед ней все выше и выше. Восхищение подавило ее ужас. Шайтан не сбирался останавливаться!

Червь резко остановился.

Внешние тубулярные отдушины кваната были не более, чем в пятидесяти метрах от распахнутой пасти. Она ощутила жаркий запах корицы от выхлопов червя, услышала глубокое рокотание внутренних топок Шайтана.

Ей стало ясно, что путешествие наконец-то закончилось. Шиэна медленно разжала пальцы, отпуская кольцо. Она встала, ожидая, что в любой момент червь возобновит свое движение. Шайтан оставался полностью недвижим. Осторожно она соскользнула со своего наряда и спрыгнула на песок. Там она задержалась. Сдвинется ли он теперь? У нее смутно брезжила мысль рвануться со всех ног ко кванату, но червь ее привораживал. Скользя по потревоженному песку, Шиэна зашла червю спереди и поглядела в его устрашающую пасть. За обрамлением хрустальных зубов перекатывались взад и вперед языки пламени. Иссушающие выдохи червя обдавали ее своими запахами. Сумасшествие первого броска с дюны на спину червя опять охватило Шиэну.

— Проклятие тебе, Шайтан! — вскричала она, потрясая кулаком перед ужасающей пастью. — Что мы тебе только сделали?

Эти слова она слышала как-то от матери, произнесшей их, когда был разрушен их трубный сад. Шиэна ни разу не задумывалась ни откуда это имя -Шайтан, — ни над яростью своей матери. Она была из беднейшего слоя, в самом низу ракианской сословной пирамиды, и знала это. Люди верили сначала в Шайтана, а затем уже в Шай-Хулуда. Черви — это черви, и, часто, что-то еще намного хуже. Не было справедливости в открытой пустыне. Только опасность там таилась. Бедность и страх перед жрецами могли заставить людей уходить в грозящие смертельной опасностью дюны. Но даже тогда ими двигала гневная настойчивость, некогда направлявшая Свободных.

На этот раз, однако. Шайтан победил.

Тут до сознания Шиэны дошло, что она стоит на смертоносной тропе. Ее мысли не до конца еще утряслись, она осознавала только, что совершила нечто сумасшедшее. Много позже, когда учение Бене Джесссерит отшлифовало ее самосознание, она поняла, что тогда ее одолел ужас одиночества. Она хотела, чтобы Щайтан воссоединил ее с погибшими родными.

Из-под червя донесся скрежещущий звук.

Шиэна сдержала вскрик.

Сперва медленно, потом быстрее, червь подался от нее на несколько метров вспять. Затем он развернулся и, набирая скорость, двинулся назад в пустыню по собственному следу — по вмятине, окаймленной насыпями с двух сторон. Скрежет его движения с расстоянием становился все тише. До Шиэны донесся другой звук. Она подняла взгляд к небу. Это было «твоктвок» жреческого орнитоптера, кружавшего над ней, отбрасывая на нее свою тень. Летный аппарат поблескивал в утреннем солнце, двигаясь вслед за червем вглубь пустыни.

Тогда Шиэну охватил более знакомый страх.

ЖРЕЦЫ!

Взгляд ее был прикован к орнитоптеру. Тот завис на расстоянии, затем вернулся и плавно опустился на песок неподалеку, на укатанную вмятину, оставшуюся от червя. До Шиэны донесся запах смазочных масел и муторно едкого топлива. Словно гигантское насекомое приземлилось на песке, готовясь броситься на нее.

Распахнулся люк.

Шиэна расправила плечи, принимая все как есть. Очень хорошо — они ее поймали. Она знала, чего теперь ожидать. Бегством ничего не выиграешь. Только жрецы пользуются топтерами. Они могут добраться, куда угодно, и увидеть, что угодно.

Два жреца в богатых облачениях — бело-золотых с пурпурными каймами вылезли и побежали к ней через песок. Они рухнули на колени перед Шиэной так близко, что она почувствовала запах пота и мускусное благоухание меланжа, распространявшееся от их одежд. Они были молоды, но, в остальном, очень похожи на всех других виденных ей жрецов: мягкие очертания лиц, руки без мозолей, беззаботное расточительство влаги тела. Ни на одном из них под облачением не было стилсьюта.

Жрец слева от нее, глаза на уровне глаз Шиэны, заговорил:

— Дитя Шаи-Хулуда, мы видели, как Твой Отец привез тебя из Своих мест.

Эти слова не представляли для Шиэны никакого смысла. Жрецы — это люди, которых надо опасаться. Ее родители и все взрослые, которых она когда-либо знала, накрепко заложили это в нее и словами, и поступками. Жрецы обладают орнитоптерами. Жрецы могут скормить тебя Шайтану за малейшую провинность и без всякой провинности, просто по своей жреческой прихоти. Ее народ знал тому много примеров. Шиэна попятилась от коленопреклоненных мужчин и метнула взгляд вокруг. Куда ей бежать?

Тот, что заговорил, умоляюще поднял руку.

— Оставайся с нами.

— Вы плохие! — голос Шиэны надламывался от переживаний.

Оба жреца распростерлись на песке.

Далеко вдали на городских башнях вспыхнули на подзорных линзах блики солнечного света. Шиэна их увидела — и поняла, что это такое. В городах жрецы всегда наблюдают за тобой. Когда ты видишь вспышку подзорных линз, это сигнал быть незаметным, «быть хорошим».

Шиэна стиснула руки, чтобы унять их дрожь. Она поглядела налево и направо, затем на простертых жрецов. Что-то здесь не так.

Оба жреца, уткнувшись головами в песок, содрогались от страха и ждали. Никто из них не заговаривал.

Шиэна не знала, как реагировать. Обвал нежданых событий не мог быть переварен ее восьмилетним умом. Она знала, что ее родители и все соседи взяты Шайтаном. Она видела это собственными глазами. И Шайтан привез ее сюда, отказавшись поглотить в свой ужасный пламень. Он ее пощадил.

Это было слово, которое она понимала. ЕЕ ПОЩАДИЛИ. Ей это объяснили, когда она заучивала ритуальную песню.

«Пощади, Шаи-Хулуд, отведи Шайтана...?

Медленно, не желая волновать простертых жрецов, Шиэна начала шаркающие неритмичные движения танца. Памятная музыка стала нарастать у нее внутри, широким взмахом она раскинула руки. Ноги ее высоко поднимались в величавых движениях. Тело крутилось — сперва медленно, а потом все быстрее, по мере возрастания танцевального экстаза. Ее длинные каштановые волосы хлестали ей по лицу.

Оба жрецы осмелились приподнять головы. Это странное дитя исполняет танец! Они узнали эти движения: ТАНЕЦ УМИРОТВОРЕНIA. Она просила Шаи-Хулуда пощадить его народ. Она просила Бога простить ИХ!

Они, повернув головы, поглядели друг на друга, одновременным движением поднялись на колени.

Затем стали хлопать в ладоши: освященный временем ритуал, попытка отвлечь танцора. Их ладони ритмически хлопали, они напевно скандировали древние слова:

Наши отцы ели манны в пустыне.

В жгучих песках приходящего вихря!

Внимание жрецов отрешилось от всего, кроме этой девочки. Они видели худышку, с жилистыми мускулами, стойкими руками и ногами. Роба и стилсью заношены и залатаны, как у самых бедных. Скулы высоки и отбрасывают тень на оливковую кожу. Карие глаза, отметили они, рыжеватые солнечные стрелки в волосах. В ее лице — поджарость экономящих воду — узкие нос и подбородок, широкий лоб, широкий тонкий рот, длинная шея. Она так похожа на портреты Свободных в святая святых Дар-эс-Балата. Разумеется! Дитя Шаи-Хулуда именно так и должно выглядеть.

И танцевала она хорошо. Даже слабейшего повтора ритма нельзя было углядеть в ее танце. Ритм был, но он был восхитительно растянут — по меньшей мере, сотня движений перед каждым повтором. Она держала его, а солнце поднималось все выше и выше. Был уже почти полдень, когда она, изможденная, рухнула на песок.

Жрецы встали и поглядели в пустыню, куда ушел Шаи-Хулуд. Притаптывание ее танца не призвало ЕГО назад. Они прощены.

Вот как началась новая жизнь Шиэны.

В своих покоях старшие жрецы громко много дней дебатировали о Шиэне и, наконец, предоставили свои обсуждения и доклады Верховному Жрецу Туеку. Собрание состоялось в полдень. В Зале Малых Собраний присутствовали Туек и шесть высших советников. С фрески на них благосклонно взирал Лито II, человеческое лицо на огромном теле червя.

Туек уселся на каменную скамью, перевезенную из Ветроломного съетча. Считалось, что некогда сам Муад Диб сидел на этой скамье. А одну из ее ножек до сих пор украшала резьба с изображением ястреба Атридесов. Советники расселись напротив него на скамеечках посовременней и поменьше. Верховный Жрец был величественной фигурой — шелковистые седые волосы, гладко зачесанные и ниспадающие до плеч, подходящее обрамление для лица с широким полным ртом и тяжелым подбородком. Глаза Туека сохраняли естественную белизну белков, окружавших темно-синие зрачки. Кустистые взъерошенные седые брови нависали над глазами.

Состав Совета был весьма пестр. Отпрыски старых жреческих фамилий, каждый носит в своем сердце веру, что дела бы шли намного лучше, если бы на скамье Туека сидел ОН.

Костлявый, с крысиным лицом. Старое взял на себя роль голоса оппозиции.

— Она — всего лишь бедная сирота пустыни. И она ехала на Шаи-Хулуде. Это запрещено, и за это предписано наказание.

Другие немедленно заговорили.

— Нет! Нет, Старое. Ты неправильно подodziшь! Она не стояла на спине Шаи-Хулуда, как это делали Свободные. У нее не было ни крючьев Созидателя, ни...

Старое старался их перекричать. Туек увидел, что они зашли в тупик: трое на трое, и Умпфруд, толстый жизнелюб, сторонник «осмотрительного решения».

— У нее не было никакого способа управлять Шаи-Хулудом, — доказывал Умпфруд. — Мы все видели, как она безбоязненно слезла с него на песок и заговорила с ним.

Да, они все это видели. Либо непосредственно в тот самый момент, либо на голограммической записи, сделанной сообразительным наблюдателем. Сирота или нет, но она стояла перед Шаи-Хулудом и говорила с Ним. И Шаи-Хулуд ее не поглотил. Нет, разумеется. Червь Бога попытился по приказанию этой девочки и вернулся в пустыню.

— Мы ее испытаем, — сказал Туек.

Рано утром на следующий день, управляемые жрецами орнитоптеры, привезшие ее из пустыни, увезли Шиэну далеко за пределы видимости населения Кина.

Жрецы высадили ее на вершине дюны, установили на песке тщательно воспроизведенную копию тампера Свободных. Когда отомкнули держатель тампера, тяжелый стук побежал через пустыню — древний призыв Шаи-Хулуда. Жрецы убежали к топтеру и наблюдали сверху, а пришедшая в ужас Шиэна сбылись ее худшие страхи — стояла в одиночестве приблизительно в двадцати метрах от тампера.

Пришли два червя. Они были не самыми большими из всех, которых доводилось видеть жрецам, не более двадцати метров в длину. Один из них проглотил тампер, итог замолчал. Вместе они закружили на параллельных курсах и остановились не далее шести метров от Шиэны.

Она стояла, покорясь судьбе. Кулаки сжаты, руки опущены. Так всегда поступают жрецы: скармливают тебя Шайтану.

Жрецы зачарованно наблюдали из своего низко парящего топтера. Их линзы транслировали зрелище для так же зачарованных наблюдателей в покоях Верховного Жреца в Кине. Все они и прежде видели подобные события. Это было стандартное наказание, подручный способ устраниить мешающих из подвластного жречеству населения или открыть дорогу для приобретения новой наложницы. Никогда прежде, однако, они не видели, чтобы жертвой оказывалась девочка-сирота. И какая девочка!

После первой остановки черви бога медленно поползли вперед. Затем, оказавшись приблизительно в трех метрах от Шиэны, они опять словно оцепенели.

Покорная судьбе, Шиэна не побежала. Скоро, думала она, я увижуся с родителями и друзьями. Но, поскольку черви оставались недвижимыми, ее ужас сменился гневом. Плохие жрецы оставили ее здесь! Она слышала их топтер над головой. Горячий запах спайса от червей наполнял воздух вокруг нее. Она резко подняла правую руку и указала на топтер.

— Подходите, съешьте меня. Вот чего они хотят!

Жрецам над ее головой не было слышно слов, но жесты им были видны она разговаривает с двумя Червями Господа. Палец, указующий вверх, на них, не сулил ничего хорошего.

Черви не сдвинулись. Шиэна опустила руку. — Вы убили мою мать, моего отца и всех моих друзей! — обвинила она.

Шагнув вперед, она погрозила им кулаком.

Черви подались назад, сохраняя прежнее расстояние.

— Если вы меня не хотите, убирайтесь, откуда пришли! — она махнула им рукой, указывая в сторону пустыни.

Они послушно попятались еще дальше и одновременно развернулись.

Жрецы в топтере следили за ними, пока они опять не исчезли в песке, более чем в километре от места встречи с Шиэнной. Только тоща жрецы вернулись, полные страха и трепета. Они подобрали дитя Шай-Хулуда из песка и вернулись с ней в Кин.

К ночи посольство Бене Джесссерит в Кине получило полный доклад. На следующее утро новость уже находилась в пути на Дом Соборов. Наконец-то произошло!

Глава 7

Беда с некоторыми, видами военных действий (и, будьте уверены. Тиран это знал, потому что это явно подразумевается в данном им уроке), они разрушают всякую моральную порядочность в нестойких личностях. Войны такого типа вываливают морально разрушенных уцелевших в невинное население, которое даже представить себе не способно, на что горазда такая вернувшаяся солдатня»

Учение Золотой Тропы, Архивы Бене Джессерит

Одно из ранних воспоминаний Майлза Тега — он сидит за обедом со своими родителями и младшим братом Сабитом. Тегу было тогда только семь лет, но память его все сохранила неизгладимо: столовая на Лернаусе, яркие пятна свежесрезанных цветов, низкий свет желтого солнца, просеянный сквозь древние жалюзи. Ярко-голубая посуда и поблескивающее серебро украшают стол. Послушницы стоят наготове, потому что его мать всегда может быть вызвана со специальным заданием, но нельзя оставить на это время сына без наставницы Бене Джессерит, что, обычно, исполняла она сама. Жанет Роксборо-Тег, ширококостная женщина, настоящая гранд-дама, со своего конца стола зорко следит, чтобы не было ни малейшего нарушения в правилах подачи обеда. Loше Тег, отец Майлза, всегда взирает на это с легкой веселой ironией. Он — худой человек с высоким лбом, лицо такое узкое, что темные глаза как будто бы выпячиваются в стороны. Его черные волосы — полный контраст с белокурыми волосами жены.

Над приглушенными звуками за столом и густым запахом сдобренного спайсом супа из эду, мать Тега наставляет отца, как вести дела с назойливым Свободным Торговцем.

Когда она произносит «Тлейлакс», то сразу привлекает полное внимание Майлза. В своих занятиях он как раз дошел до Тлейлакса.

Даже Сабит, которого много лет спустя отправят на Рому, слушает, стараясь сколько возможно понять своим четырехлетним умишком. Сабит преклоняется перед братом, как перед героем. Все, что привлекает внимание Майлза, интересно и Сабиту. Оба мальчика безмолвно слушают.

— Этот человек — прикрытие Тлейлакса, — говорит Жанет. — Я слышу это по голосу.

— Я не сомневаюсь в твоих способностях определять такие вещи, моя дорогая, — отвечает ей Loши Тег. — Но что мне делать? У него надлежащие кредитные доверенности, и он желает приобрести...

— Заказ на рис в данный момент неважен. Никогда не воображай, будто то, что Лицевой Танцор, якобы, хочет приобрести, на самом деле то, что ему нужно.

— Я уверен, он не Лицевой Танцор. Он...

— Loше! Я знаю, мое руководство не прошло даром, и ты можешь определить Лицевого Танцора. Я согласна, Свободный Торговец не из них. Лицевые Танцоры находятся у него на корабле. Они знают, что я здесь.

— Тогда они знают, что не могут тебя одурачить. Да, но...

— Тлейлаксанская стратегия всегда вплетена в паутину стратегий, каждая из которых могла бы быть подлинной стратегией. Они научились этому от нас.

— Моя дорогая, если мы имеем дело с тлейлаксантами, а я ни капли не сомневаюсь в твоих суждениях, то отсюда напрямую возникает вопрос меланжа. Леди Жанет мягко кивает головой. Разумеется! Даже Майлз знает о прямой связи Тлейлакса со спайсом. Это одна из причин, что привораживает его внимание к Тлейлаксу. На каждый миллиграмм меланжа, добываемый на Ракисе, чаны Бене Тлейлакса производят полновесные тонны. Потребление меланжа возросло соответственно новым возможностям поставок, и даже Космический Союз склонил колени перед этой силой.

— Но рис... — осмеливается заметить Loше Тег. — Мой дорогой муж, Бене Тлейлакс не испытывает необходимости в таком количестве риса понджи в нашем секторе. Он нужен им для перепродажи. Мы должны выяснить, кто на самом деле нуждается в рисе.

— Ты хочешь, чтобы я потянул время, — говорит он.

— Именно. Это нам и требуется, и ты в этом неподражаем. Не давай этому Свободному Торговцу ни «да» ни «нет». Если он подготовлен Лицевыми Танцорами, то как должное воспримет твои уловки.

— Мы выманим Лицевых Танцоров из корабля, в то время как ты начнешь повсюду наводить справки.

Леди Жанет улыбается.

— Ты чудесен, когда ты одним махом опережаешь мои мысли.

Они обмениваются понимающими взглядами.

— В этом секторе ему не найти другого поставщика, — говорит Лоше Тег. — Он никак не захочет доводить до ненужного конфликта и будет избегать этого, — говорит леди Жанет, похлопывая по столу. — Оттягивай, оттягивай и еще раз оттягивай время. Ты должен вытащить Лицевых Танцоров из корабля.

— Они поймут, конечно.

— Да, мой дорогой, и это опасно. Ты должен всегда встречаться с ними на нашей земле, и чтобы охрана была рядом.

Майлз Тег припоминает, что отец, разумеется, вытащил Лицевых Танцоров из корабля. Мать взяла Майлза в досмотровый зал, откуда он видел помещение с медными стенами, где его отец правил ходом сделки, на которую были высочайшие рекомендации КХОАМа и щедрый кредит.

Это были первые Лицевые Танцы, которых увидел в своей жизни Майлз Тег два небольших человечка, похожие, словно близнецы. Почти без подбородков, круглые лица, вздернутые носы, крохотные ротики, глаза, как черные кнопочки, коротко стриженые белые волосы торчат на головах, как щетина на щетке. Одеты эти двое точно так же, как и Свободный Торговец — в черные туники и брюки.

— Иллюзия, Майлз, — сказала его мать. — Иллюзия — вот их путь. Напустить тумана ради достижения настоящих целей — вот как действуют тлейлаксанцы.

— Как фокусник в зимнем шоу? — спросил Майлз, его взгляд был прикован к экрану наблюдения, к этим крошечным фигуркам.

— Очень-очень похоже, — согласилась его мать. Произнося это, она тоже смотрела на экран, но одной рукой оберегающе обняла плечи сына.

— Ты глядишь на зло, Майлз. Внимательно в него вглядись. Эти лица, которые ты видишь, могут измениться в долю секунды. Лицевые Танцы могут стать выше, увесистее. Они могут воспроизвести твоего отца так, что только я распознаю подмену.

Рот Майлза Тега изобразил бессловесное «О». Он уставился на экран, слушая объяснения отца, что цена КХОАМа на рис понджи опять тревожаще подскочила.

— И самое ужасное из всего, — продолжала мать, — что некоторые из новых Лицевых Танцоров могут через прикосновения к плоти жертвы впитывать некоторые из ее воспоминаний.

— Они читают умы? — Майлз взглянул на мать.

— Не совсем. Мы полагаем, они снимают отпечаток воспоминаний. Почти как процесс голофотографии. Они еще не знают, что нам это известно.

Майлз понял. Он ни с кем больше не будет об этом говорить даже с отцом или с матерью — мать научила его секретности Бене Джесссерит. Тег внимательно приглядывается к фигурам на экране.

На слова отца Лицевые Танцы не проявили никакой реакции, но глаза их, похоже, поблескивают чуть ярче.

— А как они стали таким злом? — спросил Майлз.

— Они — коллективные существа, выведенные только принимать любую форму или лицо. Принятая ими сейчас внешность — мне на руку. Они знают, что я за ними сейчас наблюдаю. Они расслабились и приняли свою естественную коллективную форму. Как следует это запомни.

Майлз наклоняет голову набок и внимательно изучает Лицевых Танцоров. Они выглядят такими бледными и безобидными.

— У них нет чувства собственного «я», — объясняет его мать. — У них есть только инстинкт сохранения собственной жизни, кончающийся там, где начинается приказ умереть за хозяев. — И они выполняют этот приказ? — Множество раз его выполняли. — Кто их хозяева?

— Люди, которые редко покидают планеты Бене Тлейлакса.

— У них есть дети?

— У Лицевых Танцоров — нет. Они мулы, стерильны. Но их хозяева могут размножаться. Мы заполучили нескольких из них, но потомство от них странное. Рождается очень мало девочек, и мы даже не можем проверить их Иные Памяти.

Майлз нахмурился. Он знал, что его мать Бене Джесссерит. Он знал, что сами Преподобные Матери — чудесные хранилища Иных Памятей, проходящих через все тысячелетия Ордена. Он даже кое-что знал об их Программе выведения: Преподобные Матери выбирают определенных мужчин для заведения от них потомства.

— А каковы они, тлейлаксанские женщины? — спросил Майлз.

Это был умный вопрос, наполнивший леди Жанет гордостью. Да, ее сын почти наверняка потенциальный ментат. Разрешающие Скрещивание правильно оценили генетический потенциал Лоше Тега.

— Никто, кроме них самих, никогда не говорил, что видел тлейлаксанку, — ответила леди Жанет.

— Они существуют, или все тлейлаксанцы попросту из чанов?

— Они существуют.

— А есть среди из Лицевых Танцоров женщины?

— Они могут становиться и мужчинами, и женщинами, по собственному выбору. Внимательно за ними наблюдай. Они знают, что делает твой отец, и это их злит.

— Они попробуют причинить вред моему отцу?

— Не осмелятся. Мы приняли меры предосторожности, и они это знают. Видишь, как один из них, слева, работает челюстями. Это один из признаков злобы.

— Ты сказала, что они коллективные существа.

— Как общественные насекомые, Майлз. У них нет понятия собственного «я», поэтому они заходят далеко за пределы морали. Нельзя доверять ничему из того, что они говорят и делают.

Майлз содрогнулся.

— Нам никогда не удавалось определить их этический код, — проговорила леди Жанет. — Это механизированная плоть. Без собственного «я», им нечем дорожить, не в чем сомневаться. Они предназначены только для того, чтобы повиноваться своим хозяевам.

— Им велели направиться сюда и купить рис.

— Им приказано достать его, а другого места, где это можно сделать в этом секторе, нет.

— Они должны купить его у отца?

— Это их единственный источник. Как раз сейчас, сын, они платят меланжем. Видишь?

Майлз увидел, как переходит из рук в руки высокая стопка оранжево-коричневых фишек спайса, которую один из Лицевых Танцоров извлек из чемоданчика.

— Цена много-много выше той, чем они ожидали, — сказала леди Жанет. — Они оставят след, по которому будет легко пройти.

— Почему?

— Кто-то обанкротится, совершив такую покупку. Мы думаем, что узнаем, кто покупатель. Кто бы он ни был, мы выясним. И тогда поймем, чем же здесь на самом деле торговали.

Затем леди Жанет указала на некоторые мелочи, выдающие тренированным глазам и ушам Лицевого Танцора. Это были тонкие приметы. Майлз схватывал их на лету. Мать сказала ему, что, думает, он мог бы стать ментатом... возможно, даже чем-то большим.

Незадолго до его тринацатого дня рождения Майлза Тега отослали в высшую школу Бене Джесссерит, в Оплот Лампадас, где подтвердилась оценка, данная ему матерью. Ей вернулась весточка:

«Ты дала нам того воина-ментата, на которого мы надеялись».

Тег узнал об этой записке только разбирая архив своей матери, после ее смерти. Слова, начертанные на листочке ridulанского хрусталия с оттиском Дома Соборов под ними, наполнили

его странным чувством перемещения во времени. Внезапно его память унеслась назад на Лампадас, где любовь и благоговение, которые он испытывал к своей матери, были ловко переключены на собственно Орден — как предварительно и планировалось. Он стал понимать это во время своей дальнейшей подготовки на ментата, но и понимание мало что изменило. А то, что изменилось — лишь еще крепче привязало его к Бене Джессерит. Это подтверждало, что Орден должен быть одним из источников его силы. Он уже знал, что Орден Бене Джессерит — одна из самых могущественных сил в мироздании: как минимум, равен Космическому Союзу, выше Совета Рыбословщ, унаследовавшего ядро старой Империи Атридесов, неизмеримо выше КХОАМа и уравновешиваемый каким-то образом фабрикаторами Икса и Бене Тлейлаксом. Малый показатель далеко простирающейся власти Ордена можно было увидеть в том, что он сохранял эту власть, несмотря на меланж тлейлаксанских чанов, нарушивший ракианскую монополию на спайс — точно так же, как навигационные механизмы икшианцев покончили с монополией Космического Союза на межпланетные путешествия.

К тому времени Майлз Тег уже хорошо знал историю. Навигаторы Союза больше не были единственными, способными направлять корабли через подпространства — только сейчас в этой галактике — и уже в отдаленной, не успеешь и глазом моргнуть.

Школьные наставницы почти ничего от него не утаивали. Они ему и поведали впервые об его атридесовском происхождении. Это пришлось открыть ему, чтобы объяснить, почему его подвергают определенным тестам. Они явно испытывали его на дар ясновидения. Способен ли он, подобно навигатору Союза, опознавать смертоносные препятствия? Он провалился. Затем они проверили, не воспринимает ли он не- помещения и не-корабли. Он был так же слеп к этим устройствам, как и остальное человечество. Для этого теста они испытывали его увеличенными дозами спайса, и он почувствовал пробуждение ИСТИННОГО «Я».

— Ум в своем начале, — вот как обучающая Сестра назвала это, когда он попросил объяснения своего странного чувства.

Некоторое время, пока он глядел новым видением, мироздание представлялось волшебным. Сознание стало кругом, затем шаром. Условные формы стали быстро преходящими. Он без предупреждения впадал в транс, пока Сестры не научили его это контролировать. Они дали ему прочитать о святых и мистиках и заставили от руки начертать круг — любой рукой, следуя линии своего сознания.

К концу того семестра его сознание вернулось в нормальное русло к общепринятым обозначениям вещей, но память о волшебстве никогда его не покидала. Эта память была для него источником силы в самые тяжелые моменты.

Приняв новое назначение и став чем-то вроде дядьки и воинского наставника гхолы, Тег все чаще стал ощущать в себе эту волшебную память. Это оказалось особенно полезным при первом контакте со Шванги в Оплоте Гамму. Они встретились в кабинете Преподобной Матери со стенами сияющего металла и многочисленными приборами, несущими, по большей части, явный отпечаток Икса. Даже стул, на котором она сидела (в свете утреннего солнца, льющегося в окно позади нее, лицо было трудноразличимым), был одной из икшианских самоприспособляющихся — «песчаных» — форм. Он вынужден был сесть в песчаное кресло, хотя понимал, что она должна знать, до какой степени он не любит такое унизительное использование любых форм жизни.

— Ты выбран, потому что действительно похож на старого дядьку-воспитателя, — сказала Шванги. Яркое солнце короной сияло вокруг ее укрытой капюшоном головы. УМЫШЛЕННО! — Твоя мудрость завоевывает любовь и уважение ребенка.

— У меня нет способа стать для него похожим на отца.

— Если верить Таразе, ты имеешь именно те характеристики, которые ей требуются. Я знаю, сколь ценное для нас стоит за каждым из твоих славных шрамов. Это только подтвердило его предыдущий вывод ментата: «Они спланировали это заранее. Для этого они и скрещивали. Я сам был выведен для этого. Я — часть их большого плана». Но произнес он лишь:

— Тараза ожидает, что это дитя станет доблестным воином, когда вернется к своему исходному «я».

Шванги просто глядела на него секунду, затем сказала:

— Ты не должен отвечать на любой его вопрос о гхолах, если он вдруг затронет эту тему. Даже словом этим не пользуйся, пока я тебе не разрешу. Мы поставим тебе все данные гхолы, которые потребуются для исполнения долга.

Холодно взвешивая слова, чтобы резче их подчеркнуть, Тег ответил:

— Может быть, Преподобная Мать не осведомлена, что я хорошо искушен в науке тлейлаксанских гхол. Я встречался с тлейлаксанцами в битве.

— По-твоему, ты знаешь достаточно о серии Айдахо?

— Айдахо имеют репутацию великолепных военных стратегов, — сказал Тег. — Тогда, может быть, великий башар не ознакомлен с другими характеристиками нашего гхолы.

В ее голосе, без сомнения, слышалась насмешка. И вдобавок еще ревность и плохо скрываемый огромный гнев. Мать Тега научила его способам читать скрытое под ее собственными личинами — запретной науке, которую он всегда скрывал. Он был раздосадован и пожал плечами.

Хотя очевидно, что Шванги знает, что он башар Таразы. Черта подведена.

— По желанию Бене Джессерит, — сказала Шванги, — Тлейлакс внес значительные изменения в этот образец Айдахо. Его нервно-мускульная система модернизирована.

— Без изменения его исходного «я»? — Тег очень вежливо подсунул ей этот вопрос, интересуясь, как далеко она зайдет в своих откровениях.

— Он — гхола, а не клон!

— Понимаю.

— В самом деле? Он нуждается в самой тщательной тренировке прана-бинду на всех стадиях.

— В точности — приказания Таразы, — сказал Тег. — И мы все будем повиноваться этим приказаниям.

Шванги наклонилась вперед, не скрывая своего гнева.

— Тебя попросили подготовить гхолу, чья роль в определенных планах крайне опасна для всех нас. Я думаю, что ты даже приблизительно не представляешь, что именно будешь готовить!

ЧТО ты будешь готовить, — подумал Тег. НЕ КОГО. Этот мальчик гхола НИКОГДА НЕ БУДЕТ КТО для Шванги — или для любой другой, противостоящей Таразе. Может быть, гхола ни для кого не будет КТО, пока не будет восстановлено его исходное «я», пока ему не будет накрепко возвращена исходная личность Данканы Айдахо.

Тег теперь ясно видел, что у Шванги за пазухой нечто большее, чем камень скрытых оговорок против проекта гхолы. Она была в активной оппозиции — точно как и предупреждала Тараза. Шванги — враг, а приказания Таразы недвусмысленны:

— Ты будешь защищать этого ребенка от любой угрозы.

Глава 8

Десять тысяч лет прошло с тех пор, как Лито II начал свою метаморфозу из человека в песчаного червя Ракиса, а историки до сих пор спорят о его мотивах. Жаждал ли он долгой жизни? Он прожил в десять с лишним раз дольше нормального жизненного срока в триста стандартных лет, но поразмыслил над уплаченней им ценой. Была ли то приманка власти? Его весьма оправданно называют Тираном, но что власть принесла ему такого, чего не мог бы пожелать человек? Двигало ли им желание спасти человечество от него самого? У нас есть только его собственные слова о Золотой Тропе, чтобы ответить на это, и я не могу принять его самоапологичных записей из Дар-эс-Балата. Могли ли это быть другие вознаграждения, которые доступны постижению лишь с позиций его жизненного опыта? Без дополнительных данных вопрос остается спорным. Мы ограничены лишь установками: «Он это сделал!» Только сам физический факт и неопровергим.

Метаморфоза Лито II.

Десятитысячелетняя годовщина, заключительная речь Гауса Андауда

Вафф понял, что он вновь в лашкаре. На этот раз ставки были высоки до последнего предела. Преподобная Черница из Рассеяния требовала встречи с ним. Повинда из повинд. Потомки Тлейлакса из Рассеяния докладывали ему все, что могли, об этих жутких женщинах.

— Намного ужаснее, чем Преподобные Матери Бене Джессерит, — сообщали они.

— «И намного многочисленнее», — напомнил себе Вафф. Он не до конца доверял вернувшимся потомкам Тлейлакса. У них был странный выговор, еще странней манеры, соблюдение ритуалов сомнительно. Как можно было дозволить им вернуться в великий кехль? Вообразим ли такой обряд гуфрана, что очистит их всех от всей многовековой скверны? Даже поверить нельзя, что все эти поколения они хорошо хранили секреты Тлейлакса.

Они не были больше братьями-малик, но, все же, были для Тлейлакса единственным источником информации об этих, возвращающихся теперь, ЗАТЕРЯННЫХ. Какие же потрясающие вещи они поведали! И эти потрясающие знания были заложены в гхол Данканы Айдахо — такое стоило всех рисков отравиться злом повинды. Местом встречи с Преподобной Черницей был, якобы нейтральный, икшианский корабль, вращавшийся на строгой орбите гигантской газообразной планеты из взорвавшейся солнечной системы Старой Империи. Сам Пророк исчерпал остатки богатства этой системы. И, хоть новые Лицевые Танцоры в личине икшианцев были внедрены в корабельную команду, Ваффа до сих пор пробирал пот при мысли об этой первой встрече. Если эти Преподобные Черницы и в самом деле ужаснее всех Преподобных Матерей Бене Джессерит, не раскусят ли они подмену икшианской команды Лицевыми Танцорами?

Выбор места встречи и приготовления к ней внесли напряжение на Тлейлакс. Безопасно ли это? Вафф успокаивал себя, что у него тайное двойное оружие, никогда прежде не виданное вне планет Тлейлакса, результат долгих трудов его создателей: два крохотных дротикомета, спрятанные в рукавах. Он тренировался с ними долгое время, пока выстрел отравленными дротиками при взмахе рук не стал почти безусловным рефлексом.

Стены конференц-каюты были медного цвета — надлежащее доказательство их непроницаемости для икшианских шпионских устройств. Но какие приборы, далеко обгоняющие мастерство икшианцев, могли изобрести люди Рассеяния? Вафф нерешительно вошел в комнату. Преподобная Черница была уже там и сидела в кожаном подвесном кресле.

— Ты будешь меня называть так, как меня называют все остальные, — вот были ее первые слова. — «Преподобная Черница».

Он поклонился, как его заранее научили. «Преподобная Черница».

Ни намека на скрытые силы в ее голосе. Низкое контральто, в переливах которого звучит презрение к Ваффу. Внешность состарившейся спортсменки или акробатки, до сих пор сохранявшей тонус своих мускулов и часть прежнего мастерства. От тонкогубого рта веяло высокомерием. В разговоре она, словно отпуская низшей расе, цедила каждое слово.

— Что ж, заходи и садись! — распорядилась она, взмахом руки указывая на подвесное кресло напротив себя.

Вафф услышал шипение закрывавшегося люка. Он — наедине с ней! На ней был слипер. Он видел, как тянется в ее левое ухо ведущий поводок снупера. Его дротикометы были «промыты» против снуперов, став для них незасекаемыми, затем их на положенные пять стандартных лет поместили в радиационную ванну, охлажденную до минус 40 градусов по Кельвину, чтобы закалить дополнительно. Достаточно ли этого?

Вафф молча опустился на указанное кресло.

Подцвеченные оранжевым, контактные линзы скрывали глаза Преподобной Черницы, придавая им дикарский вид. Она устрашала с головы до ног. А ее одежда! Красная под темно-синей накидкой. Наружная сторона накидки разукрашена каким-то жемчужным материалом, воспроизводящим странные арабески и изображения драконов. Она сидела на своем кресле, словно на троне. Ее когтистые руки легко покоялись на подлокотниках.

Вафф быстро оглядел комнату. Его люди осмотрели это место вместе с икшианскими работниками надзора и представителями Преподобных Черниц.

?Мы сделали все, что могли», — подумал он и постарался расслабиться. Преподобная Черница рассмеялась.

Вафф рассматривал ее с таким спокойствием, какое только мог изобразить.

— Ты смеешься сейчас надо мной, — обвинил он теперь. — Ты говоришь сама себе, что можешь задействовать против меня огромнейшие ресурсы — и тонкие, и грубые инструменты, которые выполняют твои распоряжения.

— Не бери со мной такого тона, — слова ее были тихими и бесстрастными, но так налиты ядовитой злобой, что Вафф чуть не отпрянул. Он поглядел на развитые мускулы ног женщины, на густокрасное трико, которое так обтягивало и струилось по коже, будто срослось с ней.

Время встречи было подогнано так, чтобы для каждого было позднее утро — их часы пробуждения были отрегулированы по пути следования. Вафф, однако, чувствовал себя не в своей тарелке, так что преимущество здесь не за ним. Что, если рассказы его осведомителей правдивы? У нее наверняка есть при себе оружие.

Она улыбнулась ему без всякого юмора.

— Ты стараешься запугать меня, — сказал Вафф.

— И преуспеваю в этом.

В Ваффе вспыхнул гнев. Но он не дал гневу прозвучать в его голосе.

— Я прибыл по твоему приглашению.

— Я, надеюсь, ты не собирался вступать в конфликт, в котором наверняка проиграешь, — сказала она.

— Я прибыл выковывать те звенья, что нас соединят, — сказал он.

И подивился: «Что им нужно от нас? Наверняка ведь им что-то нужно».

— Что может нас соединить? — спросила она.

— Будешь ли ты строить здание на песке?

— Ха! Соглашения могут быть нарушены и часто нарушаются.

— На основе чего будет идти наш торг? — спросил он.

— Торг? Я не торгуясь. Меня интересует тот гхола, которого вы изготовили для ведьм. — Ее голос ничего не выдавал, но у Ваффа при этом вопросе участился пульс.

В одной из своих жизней гхолы, Вафф обучался у ментата-стуника. Способности ментата оказались выше его способностей, и кроме того, убеждение требует слов. Им пришлось убить ментата-повинду, но кое-что ценное Вафф тогда для себя приобрел. Вафф позволил себе скрочить недовольное лицо при этом воспоминании, но припомнил и толковое наставление:

?Нападай — и пользуйся данными, которые выдает это нападение!?

— Ты ничего не предлагаешь мне взамен! — обвинил он громким голосом. — Воздаяние на мое собственное усмотрение, — сказала она.

На лице Ваффа появилась ядовитая гримаса.

— Ты играешь со мной?

Она обнажила в дикарской ухмылке белые зубы.

— Ты не выживешь в этой моей игре, да и не хочешь этого, как я погляжу.

— Значит, я должен полагаться на твою добрую волю!

— Полагаться! — она так выплюнула это слово, словно у него был очень дурной вкус. — Почему вы продаете этих гхол ведьмам, а затем сами их и убиваете?

Вафф поджал губы и промолчал.

— Вы каким-то образом изменили этого гхолу, сохранив, однако, у него возможность вернуться к памяти исходного «я», — сказала она.

— Как же много ты знаешь! — ответил Вафф.

Не совсем насмешка, и он, кажется, ничем не проговорился. ШПИОНЫ! У нее есть шпионы среди ведьм! И предатели в самом сердце Тлейлакса?

— Есть еще девочка на Ракисе, фигурирующая в планах ведьм, — сказала Преподобная Черница.

— Откуда тебе это известно?

— Нам известен каждый шаг ведьм! По-твоему, шпионы не могут знать, как далеко простерты наши руки?!

Вафф впал в уныние. Способна ли она читать в уме? Было ли что-то порождено в Рассеянии? Дикий талант, возникший там, где нельзя было следить за развитием посевных исходных семян человечества?

— Как вы изменили этого гхолу? — спросила она.

ГОЛОС!

Вафф, даже вооруженный против таких уловок своим учителем-ментатом, все равно чуть машинально не ответил. Эта Преподобная Черница обладала кое-какими способностями ведьм! Настолько неожиданно было — услышать Голос от нее. От Преподобных Матерей всегда ожидаешь — и всегда наготове. Ему понадобился момент, чтобы вновь обрести равновесие. Вафф поднял руки перед подбородком.

— У тебя есть интересная возможность, — сказала она.

На лице Ваффа появилось выражение азартного мальчишки. Он знал насколько безобидно, этаким эльфом, может выглядеть.

НАПАДЕНИЕ!

— Мы знаем, как многому вы научились от Бене Джессерит — сказал он.

По лицу ее промелькнула ярость и исчезла.

— Они нас ничему не научили!

Вафф заговорил забавно умоляющим тоном, залебезил.

— Но ведь это никак не сделка.

— Разве? — она была искренне удивлена.

Вафф опустил руки.

— Ну-ну, Преподобная Черница. Ты интересуешься этим гхолом. Ты толкуешь о происходящем на Ракисе. За кого ты нас держишь?

— За дешевку. И с каждым мгновением твоя ценность все уменьшается.

Вафф ощущал механическую логику в ее ответе. Нет, это была не логика ментата, — но что-то беспощадное. «Она способна убить меня прямо здесь!» Где же оружие? Может ей вообще не нужно никакого оружия? Ваффу не нравился вид этих жилистых ног, загрубелых мозолей на ее руках, охотничьего блеска в оранжевых глазах. Способна ли она догадаться (или даже знать) о дротикометах в его рукавах?

— Мы столкнулись с проблемой, которая не может быть разрешена посредством логики, — сказала она.

Вафф в шоке на нее уставился. Так мог бы сказать дзенсуннитский Господин! Вафф сам не раз пользовался этой фразой.

— Ты, вероятно, никогда не задумывался над такой возможностью, сказала она.

При этих словах Вафф словно увидел ее без маски. Он внезапно разглядел за этими жестами расчетливую личность. Не считает ли она его каким-то сиволапым дурачком, способным только дерьюм за слигом собирать? Вделав свой голос озадаченным и нерешительным, он спросил:

— Как же может быть разрешена такая проблема?

— От нее избавляет естественный ход событий, — ответила она.

Вафф продолжал плятиться на нее, притворяясь озадаченным. В ее словах ни на йоту не было никакого откровения. И все равно, то, что подразумевалось! Он промямлил:

— Я запутался в твоих словах.

— Человечество стало бесконечным, — сказала она. — Вот истинный дар Рассеяния.

Вафф совладал со смятением, вызванным этими словами.

— Бесконечные мироздания, бесконечное время — всякое может случиться, — сказал он.

— Ах, ты, смышеный гномик, — проговорила она. — Как можно допускать все, что угодно. Это нелогично.

«У нее интонации, — подумал Вафф, как у древних вождей Бутлерианского Джихада, которые старались избавить человечество от механических умов. Эта Преподобная Черница странно несовременна».

— Наши предки искали ответы на это с компьютерами, — рискнул заметить он. «Прошу память ее, отсюда!?

— Ты уже знаешь, что компьютеры лишены возможности бесконечно накоплять информацию, — ответила она.

И опять ее слова его смущали. Действительно ли она способна читать мысли? Не вид ли это считывания умов? То, что делают тлейлаксанцы с Лицевыми Танцорами и гхолами, могли бы точно так же сделать и другие. Он успокоил свое сознание и сконцентрировался на икшианцах, на их дьявольских машинах. Машины повинды!

Преподобная Черница обвела взглядом комнату.

— Правы ли мы, доверяя икшианцам? — спросила она.

Вафф затаил дыхание.

— Я не думаю, что ты полностью им доверяешь, — сказала она. — Ну-ну, человечек, я предлагаю тебе мою добрую волю.

Вафф с опозданием начал понимать, что она собирается разыгрывать дружелюбие и искренность, явно отказавшись от своей предыдущей личины гневного превосходства. Осведомители Ваффа среди Затерянных сообщали, что Преподобные Черницы в своем подходе к сексу очень схожи с Бене Джессерит. Не попытается ли она заняться соблазнением? Но она ведь ясно ПОНИМАЕТ — и слабость логики видна ей самой.

До чего смущающе!

— Наш разговор ходит кругами, — сказал он.

— Совсем наоборот. Круги замкнуты. Круги ограничены. Пространство, в котором растет человечество, больше не ограничено.

Вновь она туда же! Он сухо проговорил:

— Как говориться, то, чем не можешь управлять, надо принимать.

Она наклонилась вперед, напряженно вглядываясь оранжевыми глазами в его лицо.

— Допускаешь ли ты, что Бене Тлейлакс может постичь необратимая катастрофа?

— Если бы дело было в этом, то меня бы здесь не было.

— Когда логика терпит поражение, то должен быть использован другой инструмент.

Вафф ухмыльнулся.

— Это звучит логично.

— Не насмехайся надо мной! Как ты смеешь!

Вафф защищающе поднял руки и произнес умиротворяющим тоном:

— Какой инструмент предлагают Преподобные Черницы?

— Энергию!

Такой ответ удивил его.

— Энергию? В какой форме и сколько?

— Ты требуешь логических ответов, — проговорила она.

С чувством печали Вафф признал, что она вовсе не дзенсуннитка. Преподобная Черница только играет словами на кружевных оборочках нелогичного, мило их собирая, но иголкой для этого служит логика.

— Рыба гниет с головы, — сказал он.

Она словно и не слышала его замечания.

— Есть невостребованная энергия в глубинах любого человека, и мы, по нашей милости, ее раскрепощаем, — она вытянула палец-скелет перед его носом.

Вафф вдавился в кресло, и подождал, пока она опустит руку. Затем сказал:

— Не то же ли самое говорил Бене Джессерит, прежде чем произвел своего Квизатца Хадераха?

— Они потеряли контроль и над самими собой, и над ним, — съязвила она.

«И опять она пытается логически осмыслить нелогичное», — подумал Вафф. Как же много он понял из допущенных ею маленьких ошибок. Ему приоткрылась вероятная История Преподобных Черниц. Одна из случайно получившихся, САМОПРОИЗВОЛЬНЫХ Преподобных Матерей, возникшая среди Свободных Ракиса, ушла в Рассеяние — самые разные люди бежали на не-кораблях сразу же после Времен Голода. Где-то не-корабль и высадил эту побочную ведьму с ее концепциями. Посеянное семя вернулось в виде этой оранжевоглазой охотницы.

Снова пользуясь Голосом, она спросила:

— Что вы сделали с этим гхолой?

На этот раз Вафф был наготове — и только пожал плечами. Эту Преподобную Черницу необходимо отвлечь совсем в другую сторону или, если это возможно, убить. Он многое из нее выведал, но нет возможности сказать, сколько она вычитала из него с помощью своих, кто его знает каких, талантов. «Они сексуальные чудовища, — сообщали его осведомители. — Они порабощают мужчин силами секса».

— Как же мало ты знаешь о радости, которую я могла бы тебе дать, сказала она. Ее голос обвил его, как хлыст. До чего искушающе! До чего соблазнительно!

Вафф проговорил, защищаясь:

— Скажи мне, почему вы...

— Мне нет необходимости что-либо тебе говорить!

— Значит, сделка для вас не состоялась, — печально проговорил он.

Те, другие, не-корабли заселяли те, другие, мироздания гнильцой. Вафф ощущал тяжкое бремя. Что, если у него не получится ее убить?

— Как ты смеешь все время предлагать сделку с Преподобной Черницей? осведомилась она. — Понимаешь ли ты, что цену назначаем мы?

— Мне не ведомы ваши обычай. Преподобная Черница, — сказал Вафф. — Но по вашим словам я чувствую, что я оскорбил вас.

— Извинение принимается.

«Никакого извинения и не подразумевалось!» Он вкрадчиво на нее посмотрел. По ее поведению можно было предсказать очень многое. Пользуясь своим тысячелетним опытом, Вафф мысленно подвел итог всему, что удалось выяснить: эта женщина из Рассеяния пожаловала к нему из-за жизненно важной для нее информации. Следовательно, у нее нет другого ее источника. Он ощущал в ней отчаянность. Хорошо замаскированную, но определенно присутствующую. Она нуждается в подтверждении или в опровержении чего-то, чего страшится.

До чего же она похожа на хищную птицу, со своими когтистыми руками, так расслабленно брошенными на подлокотники кресла! «Рыба гниет с головы». Он сказал это, она не расслышала. Ясно, атомарное человечество продолжает взрывообразно накатываться на это Рассеяние Рассеяния. Люди, представляемые этой Преподобной Черницей, не изобрели способа засекать не-корабли. Вот в чем, в итоге, дело. Она так же охотится за не-кораблями, как и Бене Джессерит.

— Ты ищешь способ уничтожить невидимость не-корабля, — проговорил он. Это заявление от такого эльфоподобного манекенчика, сидящего напротив, ее явно ошеломило. Он заметил на ее лице страх, сменявшийся сперва гневом, а потом решимостью. Затем она снова прикрылась непроницаемой маской хищницы. Она, конечно, понимала, что он видел.

— Значит, вот что вы проделали с вашим гхолой, — сказала она.

— Это то, чего добивался Бене Джессерит, — солгал Вафф.

— Я тебя недооценила, — сказала она. — Ты допустил такую же ошибку?

— Я так не думаю. Преподобная Черница. Проект выведения, породивший вас, явно внушителен и грозен. Я так понимаю, ты можешь убить меня ударом ноги, не успею я и глазом моргнуть. Ведьмы вам и в подметки не годятся. Довольная улыбка смягчила ее черты.

— Станут ли тлейлаксанцы нашими слугами добровольно или понесут кару? Он и не старался скрыть свое негодование.

— Ты предлагаешь нам рабство?

— Это один из ваших выборов. Теперь она его! Высокомерие, вот ее слабость. С покорным видом он спросил:

— Что вы нам прикажете?

— Ты возьмешь с собой в качестве гостей двух молодых Преподобных Черниц. Им надо будет скреститься с тобой и... научить тебя нашим путям к экстазу.

Вафф два раза медленно вдохнул и выдохнул.

— Стерилен ли ты?

— Только наши Лицевые Танцоры являются мулами, — она наверняка уже знает. Ведь это известно всем.

— Ты называешь себя Господином, — сказала она. — Но ты и самому себе не господин.

«Побольше тебя, сука Преподобная! И я называюсь Машейхом — вот что еще может тебя уничтожить».

— Две Преподобные Черницы, которых я пошлю с тобой, осмотрят на Тлейлаксе все и возвратятся ко мне со своим отчетом, — сказала она.

Он вздохнул, как бы уступая.

— Эти молодые женщины миловидны?

— Преподобные Черницы! — поправила она его.

— Это что, единственное имя, которым вы пользуетесь?

— Если они сочтут нужным сообщить тебе имена, то это их привилегия, а не твоя, — она наклонилась и постучала костлявым суставом пальца левой руки по полу. В ее руке блеснул металл. У нее есть способ сообщения за пределами комнаты!

Люк отворился, вошли две женщины, одетые точно так же, как Преподобная Черница. Меньше узоров на их черных капюшонах, и обе они моложе. Вафф взгляделся в них. Они обе... Вафф старался

не показать восторга, но понял, что это ему не удалось. Неважно. Пусть старшая решит, что он восхитился красотой этих женщин. По признакам, знакомым только Господинам Тлейлакса, он узнал в одной из вошедших Лицевого Танцора новой модели. Успешная замена проведена — и эти, из Рассеяния, ее не раскусили! Тлейлакс успешно преодолел барьер! Будет ли Бене Джессерит так же слеп в отношении новых гхол?

— Ты будешь разумно покладист, и будешь за это вознагражден, сказала старшая Преподобная Черница.

— Я признаю твою силу, Преподобная Черница, — ответил он. Это было правдой. Вафф склонил голову, чтобы скрыть решимость в глазах, которую невозможно сдержать внутри себя.

Она сделала знак вошедшем.

— Они будут сопровождать тебя. Их малейшая прихоть — приказ для тебя. Обращайся с ними со всем почетом и уважением.

— Разумеется, Преподобная Черница, — не поднимая головы, он вскинул обе руки, как бы салютуя и подчиняясь ей. Из каждого рукава со свистом вырвался дротик. Освобождая дротики, Вафф резко отклонился в кресле. Недостаточно быстро, однако. Взлетевшая правая нога старшей Преподобной Черницы попала ему в левое бедро, отшвырнув назад.

Это было последним движением в жизни Преподобной Черницы. Дротик из его левого рукава впился ей в горло и вышел через открытый рот, так и оставшийся изумленно разинутым. Наркотический яд не дал ей даже вскрикнуть. Лицевой Танцор ударом по горлу предупредил любой возможный крик второй Преподобной Черницы, а другой дротик поразил ее в правый глаз. Два тела повалились замертво.

Испытывая боль, Вафф кое-как высвободился из кресла и поправил его, поднимаясь на ноги. Его бедро болезненно пульсировало, чуть-чуть сильнее и она сломала бы ему бедро! Он понял, что ее реакция не проходила через центральную нервную систему. Как и у некоторых насекомых, атака начиналась с периферии мускульной системы. Это достижение следовало еще исследовать! Его сообщница прислушалась у отворенного люка, затем шагнула в сторону, чтобы пропустить еще одного Лицевого Танцора, в личине икшианского охранника.

Вафф массировал свое поврежденное бедро, пока Лицевые Танцоры раздевали мертвых женщин. Псевдоикшианец положил свою голову на голову мертвой Преподобной Черницы. Далее все произошло очень быстро. Вскоре не стало икшианского охранника, а были лишь точная копия старшей Преподобной Черницы и ее помощница. Преподобная Черница помоложе. Вошел еще один псевдоикшианец и скопировал вторую убитую Преподобную Черницу. Вскоре там, где лежала мертвая плоть, остался только пепел. Новая Преподобная Черница смела пепел в мешочек и спрятала его под своей накидкой.

Вафф тщательно осмотрел помещение. Его дрожь пробрала, когда он подумал о последствиях увиденного здесь. Такое высокомерие — наверняка от наличия чудовищной силы. Эту силу надо прощупать. Он задержал Лицевого Танцора, скопировавшего старшую Преподобную Черницу.

— Ты снял с нее оттиск?

— Да, хозяин. Ее бодрствующая память была еще жива, когда я снимал отпечаток.

— Передай ей, — он указал на того, кто был прежде икшианским стражником. Они соприкоснулись лбами на несколько мгновений, затем опять разошлись.

— Сделано, — сказала та, что постарше.

— Сколько мы еще сделали копий этих Преподобных Черниц?

— Четыре, Господин.

— Никто их не засек?

— Никто, Господин.

— Эти четверо должны вернуться в родной мир Преподобных Черниц и выяснить там все, что только можно о них разузнать. Одна из них должна вернуться с докладом о всем узнанном.

— Это невозможно, Господин.

— Невозможно?

— Они отрезали себя от своего источника. Это их метод действий, Господин. Они — новая ячейка, и

поселились на Гамму.

— Но, наверняка, мы могли бы...

— Прошу прощения. Господин. Координаты их местонахождения в Рассеянии содержались только в рабочих системах не-корабля, и все стерты.

— Их следы полностью скрыты? — в его голосе было полное уныние.

— Полностью, хозяин.

КАТАСТРОФА! Он заставил себя справляться со своими мыслями, сдерживая их от внезапного горячечного броска.

— Они не должны узнать о том, что мы здесь совершили, — пробормотал он.

— От нас они не узнают, Господин.

— Какие таланты они в себе развили? Какие силы? Быстро!

— Они то, что следует предположить в Преподобных Матерях Бене Джессерит, но без меланжевых жизней-памятей.

— Ты уверен?

— Ни намека на это. Как ты знаешь. Господин, мы...

— Да-да. Знаю, — он махнул рукой, чтобы она замолчала. — Но эта старуха была так высокомерна, так...

— Прошу прощения. Господин, но время поджимает. Эти Преподобные Черницы усовершенствовали удовольствия секса так, как раньше этого и близко не достигалось.

— Значит, сообщения наших осведомителей — правда.

— Они вернулись к примитивному Тантрику и развили собственные пути сексуальной стимуляции, Господин. Так они завоевывают поклонение своих последователей.

— Поклонение, — он выдохнул это слово. — Они превосходят Разрешающих Скрешивание Бене Джессерит?

— Сами Преподобные Черницы считают так, хозяин. Следует ли нам демонти...

— Нет! — узнав такое, Вафф сбросил свою маску эльфа, лицо его обрело выражение повелевающего Господина. Лицевые Танцоры покорно закивали головами. На лице Ваффа появилось выражение бурной радости. Возвращающиеся из Рассеяния тлейлаксанцы, докладывали правдиво! Простым снятием оттиска с разума он удостоверился в существовании нового оружия у этих людей!

— Каковы твои приказания. Господин? — спросила старшая из Преподобных Черниц. Вафф опять стал похожим на эльфа.

— Мы проведем полное исследование только тогда, когда вернемся в сердце Тлейлакса, в Бандалонг. А пока — даже Господин не отдает приказа Преподобным Черницам. Это вы МОИ Госпожи, пока мы не освободимся от шпионящих глаз.

— Разумеется, Господин. Следует ли мне теперь передать твои приказы находящимся снаружи?

— Да, и вот мои приказания: этот не-корабль никогда не должен вернуться на Гамму. Он должен исчезнуть без следа. Ни одного выжившего.

— Будет сделано. Господин.

Глава 9

Технология, как и многие другие виды деятельности, тяготеет к избежанию риска для инвесторов. Сомнительное, если возможно, исключается. Капитальные вложения следуют этому правилу, поскольку люди обычно предпочитают предсказуемое. Немногие распознают, сколь это может быть губительно, как жестко ограничивает изменчивость и, таким образом, делает население целых народов фатально уязвимым перед тем, насколько обескураживающее наше мироздание может метнуть свои кости.

Оценка Икса.

Архивы Бене Джессерит.

Наутро, после своего испытания в пустыне, Шиэна проснулась в жреческом комплексе и обнаружила, что ее кровать окружена людьми, облаченными в белое. «Жрецы и жрицы!?

— Она проснулась, — сказала жрица.

Шиэну охватил страх. Она натянула одеяло прямо до подбородка, не отводя взгляда от этих напряженных лиц. «Не собираются ли они опять бросить ее в пустыне?» Она спала сном крайней усталости в мягчайшей постели и на чистейшем белье, какое только бывало у нее за восемь лет ее жизни, но она знала — все, что делают жрецы, может иметь двойкий смысл. Им не следует доверять!

— Ты хорошо спала? — спросила та же жрица, что произнесла и первые слова, седоволосая пожилая женщина, лицо окаймлено капюшоном белой рясы с пурпурной отделкой. Бледно-голубые водянистые глаза, старые, но живые. Нос — вздернутая кнопка над узким ртом и выступающим подбородком.

— Ты поговоришь с нами? — настаивала женщина. — Я — Кания, твоя ночная служанка, помнишь? Я помогала тебе лечь в постель.

По крайней мере, тон голоса успокаивал. Шиэна присела и получше присмотрелась к окружающим. Они боялись! Нос ребенка пустыни умел распознавать едва уловимые, но разоблачительные запахи. Для Шиэны это был простой и непосредственный сигнал. «Этот запах равняется страху».

— Вы думали, что вы мне повредите, — сказала она. — Почему вы это сделали?

Люди вокруг нее обменялись взглядами глубокого ужаса.

Страх Шиэны развеялся. Она ощутила новый порядок вещей, а вчерашнее испытание в пустыне означало и дальнейшие перемены. Она припомнила раболепие этой пожилой женщины... Кания? Накануне вечером она почти пресмыкалась перед Шиэнной. Шиэна поняла, что любой человек, переживший угрозу смерти, со временем достигает нового эмоционального равновесия страхи становятся преходящими. Это новое состояние было любопытным.

Голос Кании затрепетал, когда она ответила:

— Воистину, дитя Бога, мы не намеревались тебе причинить вред.

Шиэна разгладила одеяло у себя на коленях.

— Меня зовут Шиэна, — это вежливость пустыни. Кания уже назвала свое имя. — А кто остальные?

— Их уберут, если ты не желаешь их видеть... Шиэна, — Кания указала на женщину с цветущим лицом слева от себя, одетую в рясу, подобную собственной. — Всех, кроме Алхозы, конечно. Она будет помогать тебе днем. Алхоза сделала реверанс при этих словах.

Шиэна всмотрелась в пухлое лицо с отечными тяжелыми чертами, нимб пушистых светлых волос. Резко переведя взгляд, Шиэна поглядела на мужчин в этой группе. Они наблюдали за ней с тяжелящей веки напряженностью, у некоторых было выражение трепетного подозрения. Запах страха был силен. Жрецы!

— Уберите их, — Шиэна махнула рукой на жрецов. — Они — харам! — Это было словечко низов, самое грубое для обозначения наибольшего зла.

Жрицы потрясение отпрянули.

— Удалитесь! — приказала Кания. Злобная радость без ошибки отразилась на ее лице: Кания не была включена в число носителей зла. Но эти жрецы стояли явно заклейменные, как харам! Они, должно быть, совершили нечто чудовищно отвратительное перед Богом, что он послал ребенка-

жрицу им всыпать. Кания вполне в это поверила. Жрецы редко обращались с ней так, как она этого заслуживала.

Словно свора побитых собачонок, жрецы низко склонились и попятились прочь из покоев Шиэны. Среди выставленных в переднюю комнату были и историк-локутор по имени Дроминд, смуглый человечек с вечно занятым умом, склонным намертво вцепляться в какую-нибудь идею, как клюв хищной птицы впивается в кусочек мяса. Когда дверь покоев за ними закрылась, Дроминд заявил своим трясущимся сотоварищам, что имя Шиэна есть модернизированная форма древнего имени Сиона.

— Вы все знаете о месте Сиона в истории, — говорил он. — Она служила Шаи-Хулуду в Его переходе из человеческого обличия в Разделенного Бога. Стирос, морщинистый старый жрец с темными губами и бледными поблескивающими глазами, недоверчиво поглядел на Дроминда.

— Крайне занятно, — сказал Стирос. — Устная История гласит, что Сиона была инструментом в Его переходе из Одного во Множество. Шиэна. По-твоему...

— Давайте не будем забывать собственные слова Бога, переведенные Хади Бенот, — перебил другой жрец. — Шаи-Хулуд многократно ссылается на Сиону. — Не всегда благосклонно, — напомнил им Стирос. — Вспомните ее полное имя: Сиона ибн Фуад ал-Сейфа Атрядес.

— Атрядес, — прошипел другой жрец.

— Мы должны с осторожностью ее изучать, — сказал Дроминд.

Юный гонец-послушник торопливо подошел к жрецам, взглядываясь в них, пока не увидел Стироса.

— Стирос, — сказал гонец, — немедленно освободите это место.

— Почему? — раздался негодящий голос из толпы отвергнутых жрецов. — Ее переводят в апартаменты Верховного Жреца, — сказал гонец.

— По чьему приказанию? — спросил Стирос.

— Верховный Жрец Туек самолично об этом распорядился, — сказал гонец. — Они слушали, — он неопределенно махнул рукой в том направлении, откуда пришел.

Все в группе поняли. В помещении были приспособления, через которые голоса передавались в другие места, и всегда их кто-нибудь прослушивал.

— Что они услышали? — осведомился Стирос. Его старческий голос задрожал.

— Она спросила, самым ли лучшим является ее помещение. Ее как раз переселяют, и она не должна видеть здесь никого из вас.

— Но что нам теперь делать? — спросил Стирос. — Изучать ее, — сказал Дроминд.

Холл немедленно освободился.

Все жрецы занялись изучением Шиэны. Так была задана модель, определившая характер их поведения на последующие годы. Сложившаяся вокруг Шиэны обстановка привела к переменам, ощутимым даже на самых дальних границах влияния религии Разделенного Бога. Два слова стали запалом для перемен: «Изучать ее».

«До чего же она наивна, — думали жрецы. — До чего же занятно наивна. Но она умеет читать и проявляет пристальный интерес к Святым книгам, которые нашла в апартаментах Туека. Теперь — своих апартаментах».

Далее пошло-поехало выпихивание сверху вниз. Туек переехал в помещение своего первого заместителя, и процесс пошел дальше вниз.

С Шиэны сняли мерку. Для нее был изготовлен самый изящный стилсьют. Она получила. Она получила новое верхнее облачение: жреческих цветов белое с золотом и пурпурной каймой.

Люди стали избегать историка-локутора Дроминда. Он взял привычку прилипать, как банный лист, бесконечно пережевывая историю о той далекой Сионе, как будто это могло сказать что-то важное о нынешней носительнице древнего имени.

— Сиона была подругой святого Данканы Айдахо, — напоминал Дроминд всякому, кто готов был слушать. — Их потомки повсюду.

— Да ну? Извини, что не слушаю тебя дальше, но я в самом деле спешу по неотложнейшему

поручению.

Сначала Туек был с Дроминдом терпеливее других: история была интересной, ее уроки очевидны.

— Бог послал нам новую Сиону, — сказал Туек. — Все следует уточнить. Дроминд удалился и вернулся с новыми, наципанными им, крохами истории.

— Сведения из Дар-эс-Балата приобретают теперь новое значение, сказал Дроминд Верховному Жрецу. — Не следует ли нам провести дальнейшие испытания и сравнительные обследования этого ребенка?

Дроминд заарканил с этим Верховного Жреца сразу после завтрака. Остатки трапезы до сих пор оставались на служебном столике, стоявшем на балконе. Через открытое окно им было слышно движение наверху, в помещениях Шиэны.

Туек предостерегающе поднес к губам палец и тихо заговорил, внушая собеседнику быть потише:

— Святое дитя по своему собственному выбору навещает пустыню, — он подошел к карте и указал на область к юго-западу от Кина. — Очевидно, вот эта область представляет для нее интерес или... Я бы сказал, призывает ее. — Мне говорили, она очень часто пользуется словарями, — сказал Дроминд. — Наверняка ведь это не может быть...

— Она проверяет НАС, — проговорил Туек. — Не обманывайся.

— Но, Владыка Туек, она задает самые детские вопросы Кании и Алхозе. — Ты сомневаешься в моем суждении, Дроминд?

Дроминд с опозданием понял, что перешел допустимые границы. Он умолк, но выражение его лица говорило, что внутри него подавлено еще много слов. — Бог послал нам ее, чтобы выполоть зло, проникшее в ряды помазанных, — сказал Туек. — Ступай! Молись и вопрошай себя: не зло ли нашло приют внутри тебя.

Когда Дроминд ушел, Туек вызвал доверенного помощника.

— Где святое дитя?

— Она удалилась в пустыню ради общения со своим Отцом.

— На юго-запад?

— Да, Владыка.

— Дроминда нужно отвезти далеко на восток и высадить там. Поместите в том месте несколько тамперов, чтобы быть уверенными, что он никогда не вернется.

— Дроминда, Владыка?

— Дроминда.

Но и после того, как Дроминд был «переведен» в пасть Бога, жрецы продолжали следовать в том направлении, в котором он их подтолкнул. Они изучали Шиэну.

Шиэна тоже изучала.

Постепенно, так постепенно, что она не могла бы определить точку отсчета, она вызнала свою огромную власть над всеми ее окружавшими. Сначала это была игра, вечный День Ребенка, когда взрослые, сломя голову, кидались выполнить любую детскую прихоть. Представлялось, что нет прихоти слишком трудной. Желала ли она редкого фрукта для своего стола?

Фрукт подавался ей на золотом блюде.

Замечала ли она ребенка далеко внизу, на людных улицах, и требовала, чтобы этот ребенок стал ее товарищем по играм?

Этого ребенка сразу же доставляли в Храм в апартаменты Шиэны. Когда страх и потрясение проходили, ребенок даже мог присоединиться к ее игре, которую жрецы и жрицы напряженно наблюдали. Невинное скакание по саду на крыше, подхихикающие шепотки — все это подвергалось внимательному анализу. Шиэна тяготилась благоговением таких детей. Она редко звала того же самого ребенка назад, предпочитая узнавать новое от новых товарищей по играм.

Священники не пришли к согласию насчет безвредности подобных встреч. Детей, игравших с Шиэной, подвергали устрашающим допросам, пока Шиэна этого не обнаружила и не обрушилась с

яростью на своих опекунов. Весть о Шиэне неизбежно расходилась по всему Ракису и за пределы планеты. Скапливались отчеты и у Ордена Бене Джессерит. Проходили годы все такого же автократичного распорядка, похожие на неперестающую удивлять диковинку. Никто из ее непосредственной прислуги не думал об этом как об образовании: Шиэна учила жрецов Ракиса, а они учили ее. Бене Джессерит, однако, подмечал этот аспект жизни Шиэны и тщательно за ним наблюдал.

— Она в хороших руках. Оставьте ее там, пока она для нас не созреет, — поступило распоряжение Таразы. — Держите ударные отряды в постоянной боевой готовности. Проследите, чтобы я получала регулярные отчеты.

Шиэна ни разу не открыла ни своего истинного происхождения, ни того, что сделал Шайтан с ней самой. Она думала о своем молчании, как о плате за то, что ее пощадили.

Кое-что потеряло для Шиэны вкус. Все реже становились ее вылазки в пустыню. Любопытство оставалось прежним, но становилось очевидным, что объяснения поведению Шайтана по отношению к ней нельзя найти на открытом песке. И хотя она знала о существовании на Ракисе посольств других сил, шпионы Бене Джессерит среди ее прислуги заботились, чтобы Шиэна не проявляла слишком большого интереса к Ордену. Успокоительные ответы, чтобы погасить такой интерес, отпускались и отмерялись Шиэне по мере надобности. Послание Таразы наблюдателям на Ракисе было прямым и четким:

?Поколения подготовки стали годами развития. Мы выступим только в нужный момент. Не должно быть больше никаких сомнений, что этот ребенок — тот самый».

Глава 10

По моему суждению, реформаторы, творили и творят больше несчастий, чем любая другая сила в истории человечества. Покажите мне кого-нибудь, утверждающего: «Надо что-то сделать!» — и я покажу вам голову, полную порочных устремлений, которые могут привести только к зловредным результатам. То, за что мы должны всегда бороться — выявить естественное влечеиие и следовать ему.

Преподобная мать ТАРАЗА.

Запись устной беседы, БД ПАПКА GS XIX МАТ 9

Безбрежное небо уходило ввысь, и в него карабкалось солнце Гамму, извлекая и конденсируя влагу из трав и окружающих лесов, и вместе с влагой вознося их запахи.

Данкан Айдахо стоял у Заповедного Окна, вдыхая эти запахи. Этим утром Патрин сказал ему:

— Тебе сегодня пятнадцать лет, смотри теперь на себя, как на юношу. Ты больше не ребенок.

— Это мой день рождения?

Они были в спальне Данканы, куда Патрин только что вошел со стаканом цитрусового сока.

— Я не знаю твоего дня рождения.

— У гхол есть дни рождений?

Патрин отмолчался — с гхолой запрещается разговаривать о гхолах.

— Шванги говорит, что тебе нельзя отвечать на этот вопрос, — сказал Данкан.

Патрин проговорил с явным замешательством:

— Башар желает, чтобы я передал тебе: тренировка сегодня утром будет попозже. Он желает, чтобы ты выполнял упражнения для ног и коленей до тех пор, пока тебя не позовут.

— Я выполнял это вчера!

— Я просто передаю тебе распоряжение башара, — Патрин забрал пустой стакан и оставил Данкану одного.

Данкан быстро оделся. Его ждут к завтраку... «Чтоб их всех!» Не нужен ему их завтрак. Чем же занят башар? Почему он не может вовремя начать занятия? «Упражнение для ног и коленей!» Это просто, чтобы не дать ему сидеть без дела, потому что у Тега есть какое-то другое неожиданное дело. Данкан гневно поглядел на заповедную дорогу к Заповедному Окну. «Пусть эти проклятые стражи будут наказаны!?

Запахи, доносившиеся до него через открытое окно, были знакомы, но он никак не мог вспомнить, что же пряталось в дальних уголках его сознания, будоража его память. Он знал, что это — жизни-памяти. Данкан это пугало и притягивало — как будто он ходил по самому краю обрыва или пытался открыто бросить непокорный вызов Шванги. Но он никогда этого не делал. Даже если он рассматривал голограммические картинки в книге с изображением обрыва, то это вызывало странную реакцию — у него сводило живот. Что до Шванги, он часто воображал сердитое неповинование и переживал точно такую же физическую реакцию.

«В моем сознании живет кто-то другой», — подумал он.

Не просто в его сознании: В ЕГО ТЕЛЕ. Он ощущал эти другие жизненные опыты так, как ощущаешь, проснувшись, какой-то сон, не в силах, однако же, этот сон припомнить. Эта материя снова взвыла к тому его сознанию, которым, как он знал, он не мог обладать.

И все же, он им обладал.

Он знал названия некоторых деревьев, запахи которых доносились до него, но эти названия не были подсказаны ему книгами из его библиотеки. Заповедное Окно называлось так потому что ему было запрещено к нему приближаться — оно было прорублено во внешней стене Оплота и могло открываться. Оно часто бывало открыто, как сейчас, для проветривания. К окну можно было попасть из его комнаты по балконным перилам и через вентиляционную отдушину кладовой. Он наловчился проделывать весь этот путь — от перил до вентиляционной шахты — ничем себя не выдавая. Очень рано ему стало ясно, что воспитанные Бене Джессерит могут считывать даже самые малые знаки. Он мог и сам прочесть некоторые из этих знаков, благодаря обучению Тега и

Лусиллы.

Стоя в глубокой тени верхнего прохода, Данкан вглядывался в округлые ступени верхних лесистых склонов, взирающих к скалистым острым вершинам. Лес властно его притягивал. Вершины над ним обладали почти магической силой. Легко было вообразить, что там никогда не ступала нога человека. Как хорошо затеряться там, оказаться наедине с самим собой. Не беспокоясь о человеке, обитающем внутри него. Об этом постороннем. Данкан со вздохом отвернулся и вернулся в комнату по своему тайному маршруту. Только когда он опять оказался в безопасности своей комнаты, он позволил себе признать, что сделал это еще раз. Никто не будет наказан за эту вылазку.

Наказание и боль, висевшие, словно аура, вокруг мест, запрещенных для него, заставляли Данкана только проявлять крайнюю осторожность, когда он нарушал правила.

Ему не нравилось думать о боли, которую Шванги могла бы причинить ему, обнаружь она его у запретного Окна. Даже самая сильная боль, однако же, не заставила бы его закричать. Он никогда не кричал, даже когда она выкидывала и что-нибудь попоганей. В ответ он просто смотрел на нее неотрывным взглядом, ненавидя, но усваивая урок. Для него урок Шванги был прям: изощряй свои способности, чтобы двигаться незамеченным, невидимым и неслышимым, не оставляй следа, способного выдать, что ты здесь проходил.

В своей комнате Данкан присел на край койки, и стал созерцать пустую стену перед ним. Однажды, когда он вот так смотрел на стену, на ней возник образ — молодая женщина с волосами цвета светлого янтаря и сладостно округленными чертами. Она смотрела на него со стены и улыбалась. Ее губы беззвучно шевелились. Однако же Данкан, уже научившийся читать по губам, ясно разобрал слова:

— Данкан, мой сладкий Данкан.

«Была ли это его мать? Его настоящая мать??

Даже у гхол были настоящие матери, когда-то, давным-давно. Затерянная в незапамятных временах среди акслольтных чанов, существовала когда-то живая женщина, выносившая и любившая его. Да, любившая его, потому что он был ее ребенком. Если это лицо на стене было лицом его матери, то как же могла она явиться к нему? Он не мог опознать это лицо, он ему хотелось думать, что это его мать.

Этот опыт напугал его, но страх не загасил желания, чтобы это еще раз повторилось. Кто бы ни была эта женщина, ее мимолетное появление терзало его. Тот, чужой внутри него, знал эту молодую женщину. Данкан был в этом уверен. Порой ему хотелось хотя бы на секунду стать этим чужаком — только на то время, чтобы вытащить на свет все свои скрытые воспоминания — но он страшился этого желания. «Я потеряю свое подлинное „я“, — думалось ему, если этот чужак войдет в мое сознание».

«Не на смерть ли это похоже?» — задумался он.

Данкан увидел смерть, когда ему не исполнилось еще и шести лет. Его стражи отбивали нападение, одного из стражей убили. Погибли и четверо нападавших. Данкан увидел, как пять тел занесли в Оплот — обмякшие мускулы, волочащиеся руки. Что-то существенное вышло из них. Ничего не осталось, чтобы возвратить — к собственным или чужим — памятям.

Этих пятерых унесли куда-то глубоко внутрь Оплота. Позднее он слышал, как стражник сказал, что четверо нападавших были напичканы «шиэром». Это было первой встречей с понятием об Икшианской Пробе.

— Икшианская Проба позволяет считывать ум даже мертвого человека, объяснила Гиэза. — Шиэр — это наркотик, который от этого защищает. До того как прекращается действие наркотика, клетки полностью умирают.

Данкан, наловчившись подслушивать, узнал, что четверо нападавших были проверены и другими способами. Об этих «других способах» ему не рассказали, но он подозревал, что это, должно быть, какие-то тайные штучки Бене Джессерит. Он думал об этом, как об еще одном дьявольском приемчике Преподобных Матерей. Они, как пить дать, оживляют мертвых и выкачивают информацию из костных тканей. Данкан живо воображал, как мускулы утратившего душу тела покорно следуют воле дьявольской наблюдательницы. Этой наблюдательницей всегда бывала Шванги.

Такие образы заполняли ум Данкана, несмотря на все усилия его учителей развеять «глупости, порожденные невежеством». Его учителя говорили, что эти безумные истории представляют только ту ценность, что порождают среди непосвященных страх перед Бене Джессерит. Данкан отказывался верить, что он один из посвященных. Глядя на Преподобных Матерей, он всегда думал: «Я НЕ ОДИН ИЗ НИХ!?

Лусилла была в последнее время весьма настойчива.

— Религия — это источник энергии, — говорила она. — Ты должен освоить эту энергию. Ты сможешь направлять ее на достижение собственных целей.

«На их цели, а не мои», — думал он.

Он фантазировал, воображая те цели, каких хотел достичь, видя себя триумфально берающим верх над Орденом, особенно над Шванги. Данкан осознавал, что такие изображения самого себя порождались в нем глубинной реальностью того обитавшего в нем чужака. Он научился кивать и делать вид, что тоже находит такую — религиозную — доверчивость забавной.

Лусилла разглядела в нем эту противоречивую двойственность.

Она сказала Шванги:

— Он считает, что мистических сил следует опасаться и, если возможно, избегать. До тех пор, пока он упорствует в этой вере, его нельзя научить использовать наши самые сокровенные знания.

Они встретились для того, что Шванги называла «регулярная оценочная сессия», когда они только вдвоем собирались в кабинете Шванги. Время было вскоре после легкого ужина. Звуки Оплота были редкими и быстрогаснущими ночное патрулирование только начиналось, свободная от работы прислуга сейчас наслаждалась одним из коротких периодов свободного времени. Кабинет Шванги не был полностью изолирован от своего окружения, и это было умышленно предложено проектировщиками Ордена: тренированные восприятия Преподобной Матери способны понять очень многое из доносящихся Звуков. Шванги чувствовала себя все более и более потерянной на этих «оценочных сессиях». Все очевидней становилось, что Лусиллу нельзя переманить на сторону противостоящих Таразе. Лусилла была неуязвима и для манипулирующих уверток любой Преподобной Матери. И, что хуже всего, совместное влияние Лусиллы и Тега приводило к тому, что гхола на лету схватывал самые опасные способности, опасные до крайности. Вдобавок ко всем другим проблемам, Шванги начала испытывать возрастающее уважение к Лусилле.

— Он думает, что мы в своей деятельности используем оккультные силы, — сказала Лусилла. — Откуда у него взялась такая странная идея?

Шванги почувствовала, что этот вопрос ставит ее в невыгодное положение. Лусилла уже знала, что такие мысли были внушены гхоле, чтобы его ослабить. Лусилла как бы говорила этим вопросом:

— Неповинование — это преступление против нашего Ордена!

— Если он захочет нашего знания, он, наверняка, получит его от тебя, — сказала Шванги. Неважно, как это опасно с точки зрения Шванги, но наверняка правда.

— Его страсть к знанию — вот мой наилучший рычаг, — сказала Лусилла, — и но мы обе знаем, что этого недостаточно.

В голосе Лусиллы не было упрека, но Шванги все равно его ощутила. «Проклятие. Это она меня старается заполучить на свою сторону!» подумала Шванги. Некоторые ответы возникли в ее уме. «Я не нарушила данных мне приказаний». Ба! Отвратительная отговорка! «Гхола получает стандартное образование согласно учебным принципам Бене Джессерит». Не соответствует правде. И гхола этот не был стандартным объектом для образования. В нем были глубины, сравнимые только с глубинами потенциальной Преподобной Матери. В этом-то и была проблема!

— Я допустила ошибки, — сказала Шванги.

«Вот так!» Обоюдоострый ответ, который может оценить другая Преподобная Мать.

— Ты причинила ему вред не по ошибке, — сказала Лусилла.

— Я никак не могла предвидеть, что другая Преподобная Мать сможет обнаружить в нем изъяны — возразила Шванги.

— Он хочет обладать нашими силами только для того, чтобы от нас ускользнуть — промолвила Лусилла. — Он думает: «Однажды я узнаю столько же, сколько и они, тогда я сбегу от них».

Когда Шванги не ответила, Лусилла продолжила:

— Это умно. Если он убежит, нам придется охотиться за ним и самим его уничтожить.

Шванги улыбнулась.

— Я не повторю твоей ошибки, — сказала Лусилла. — Я говорю тебе открыто, что все понимаю — ты

в любом случае Это бы разглядела. Я знаю теперь, почему Тараза послала Геноносительницу к нему так рано.

Улыбка Шванги исчезла.

— Что ты делаешь?

— Я привязываю его к себе точно так, как наши наставницы привязывают к себе послушниц. Я обращаюсь с ним с искренностью и верностью, как с одним из наших.

— Но он мужчина!

— Значит ему будет отказано только в Спайской Агонии, но ни в чем другом, он — из чутких.

— А когда придет время для решающего этапа генного запечатления? спросила Шванги.

— Да, это будет щепетильный момент. Ты думаешь, что это его уничтожит. Таков, конечно, был твой план.

— Лусилла, Орден не единодушен в принятии проекта Таразы, связанного с этим гхолой. Ты наверняка это знаешь.

Это был самый мощный довод Шванги. И тот факт, что она выложила его именно в этот момент, говорил о многом. Страхи, что они могут произвести нового Квизатца Хадераха, пустили в Ордене глубокие корни, и разногласия среди Бене Джессерит были довольно мощными.

— Он из примитивной генетической породы и выведен не для того, чтобы стать Квизатцем Хадерахом, — сказала Лусилла. — Но Тлейлакс что-то сделал с его генетическим наследием!

— Да, по нашим приказаниям. Они ускорили его нервные и мускульные реакции.

— И это все, что они сделали? — спросила Шванги.

— Ты же видела результаты его клеточного обследования, — ответила Лусилла.

— Если бы мы умели делать то же, что и Тлейлакс, мы не нуждались бы в них, — сказала Шванги. — У нас были бы свои акслольтные чаны.

— По-твоему, они от нас что-то утаили? — спросила Лусилла.

— Он был у них девять месяцев полностью без нашего контроля!

— Я уже слышала все эти доводы, — возразила Лусилла. — Преподобная Мать, он — полностью твой, и все последствия лежат полностью на тебе.

— Но ты не удалишь меня с моего поста, и неважно, что ты там доложишь на Дом Соборов. — Удалить тебя? Разумеется нет. Я не хочу, чтобы твои сподвижники прислали кого-нибудь неизвестного нам.

— Есть предел оскорблений, которые я могу от тебя вынести, проговорила Шванги.

— И есть предел тому, сколько предательства может терпеть Тараза, сказала Лусилла.

— Если мы получим еще одного Поля Атридеса, или. Боже упаси, еще одного Тирана, это будет работа Таразы, — прошипела Шванги. — Передай ей, что я так сказала.

Лусилла встала.

— Ты можешь точно также узнать, что Тараза оставила полностью на мое усмотрение количество меланжа в рационе нашего гхолы. Я уже начала увеличивать ему долю спайса.

Шванги обоими кулаками бухнула по столу.

— Чтоб вас всех! Вы нас еще погубите!

Глава 11

Секрет Тлейлакса, должно быть, в их сперме. Наши анализы удостоверяют, что их сперма не передает напрямую генетические коды. Слышатся провалы. Каждый тлейлаксанец, которого мы обследовали, прятал от нас свое внутреннее «Я». Естественно, они неуязвимы для И китайского Тестирования! Секретность на глубочайших уровнях, таковы их главные щит и меч.

Анализы Боне Джесссерит.

Код архива: ВТ ХХ 44I

На четвертый год пребывания Шиэны в священном убежище жречества от тамошних шпионов Боне Джесссерит утром поступило донесение, вызвавшее особый интерес орденских наблюдательниц на Ракисе.

— Она была на крыше, ты говоришь? — спросила Мать Настоятельница Ракианского Оплота.

Эта Настоятельница Тамалан раньше служила на Гамму и знала лучше подавляющего большинства, на что Орден здесь рассчитывает. Доклады шпионов прервали завтрак Тамалан, состоявший из цитрусового конферита, сдобренного меланжем. Посланница непринужденно стояла пред столом, пока Тамалан доедала и перечитывала доклад.

— Да, на крыше. Преподобная Мать, — сказала посланница.

Тамалан взглянула на Кипуну, посланницу. Кипуна — уроженка Ракиса была специально подготовлена для деликатной работы на своей родной планете. Проглотив конферит, Тамалан спросила:

— «Привезите их назад!» Это ее точные слова?

Кипуна коротко кивнула, она поняла вопрос. Были ли слова Шиэны по существу приказом?

Тамалан опять вернулась к отчету, в поисках тонких красноречивых деталей. Она была рада, что Вестницей была избрана Кипуна. Тамалан уважала способности этой ракианки. У Кипуны были мягкие округленные черты и легкие, как пух, волосы, довольно обычные для жреческого сословия Ракиса, но мозги под этими волосами были совсем не похожи на пушинки.

— Шиэна была недовольна, — сказала Кипуна. — Топтер пролетел совсем близко от крыши, и она совершенно ясно увидела двух заключенных в наручниках. Она поняла, что их везут на смерть в пустыню.

Тамалан положила отчет и улыбнулась.

— Итак, она распорядилась, чтобы заключенных привезли назад, к ней. Я нахожу ее выбор слов прекрасным.

— «Привезите их назад», — спросила Кипуна. — Это кажется самым обычным приказом, что ж тут прекрасного.

Тамалан восхитилась, насколько открыто эта послушница высказывает свой интерес. Кипуна никогда не упускала случая побольше узнать, как работает мысль настоящей Преподобной Матери.

— Не это в ее поведении меня заинтересовало, — сказала Тамалан. Она наклонилась к отчету и прочла вслух. — «Вы слуги Шайтана, а не слуги слуг», — Тамалан взглянула на Кипуну. — Ты ведь слышала все сама?

— Да, Преподобная Мать. Мы рассудили: важно, чтобы я доложила тебе об этом лично, на случай, если у тебя возникнут другие вопросы.

— Она продолжает называть его Шайтаном, — сказала Тамалан. — Как же это должно уязвить их! Конечно, сам Тиран сказал: «Меня Шайтаном будут называть.?

— Я видела отчеты из хранилища, обнаруженного в Дар-эс-Балате, сказала Кипуна.

— Два заключенных были доставлены к ней? Бег задержан? — спросила Тамалан.

— Сразу же, как только послание было передано на топтер, Преподобная Мать. Они вернулись за несколько минут.

— Значит, за ней все это время наблюдали и слышали ее слова. Хорошо. Шиэна никак не дала понять, что знает этих заключенных? Не было между ними какого-нибудь обмена знаками?

— Я уверена, они были не знакомы, Преподобная Мать. Два обычных представителя низшего сословия, довольно грязные и бедно одетые. От них пахло грязью пригородных трущоб.

— Шиэна распорядилась, чтобы с них сняли наручники, а затем обратилась к этой немытой паре. И теперь ее точные слова; что она сказала? — «Вы — мой народ».

— Чудесно, чудесно, — сказала Тамалан. — Затем Шиэна распорядилась, чтобы этих двоих вымыли и выдали им новые одежды, а затем освободили. Расскажи мне своими собственными словами, что произошло потом.

— Она вызвала Туека, который явился вместе со своими тремя советниками-помощниками. Это было... Почти что спор.

— Войди в мнемотранс, пожалуйста, — попросила Тамалан. — Проиграй передо мной весь разговор.

Кипуна закрыла глаза и погрузилась с мнемотранс. Затем она заговорила:

— Шиэна: «Мне не нравится, когда людей скармливают Шайтану». Советник Старое: «Мы приносим жертву Шай-Хулуду». Шиэна «Шайтан!» Шиэна топает ногой в гневе. Туек: Довольно, Старое. С меня довольно этих сектантских разногласий». Шиэна: «Когда вы усвоите?» Старое пытается заговорить, но грозный взгляд Туека заставляет его замолчать. Туек говорит: «Мы усвоили. Святое Дитя». Шиэна говорит: «Я хочу».

— Достаточно, — сказала Тамалан.

Послушница молча открыла глаза и осталась ждать.

Вскоре Тамалан проговорила:

— Возвращайся на свой пост, Кипуна. Ты и в самом деле очень хорошо справилась.

— Благодарю, Преподобная Мать.

— Среди жрецов будет просто паника, — сказала Тамалан. — Пожелание Шиэны — для них приказ, потому что Туек в нее верит. Они перестанут использовать червей, как инструмент кары.

— Два заключенных, — заметила Кипуна.

— Да, очень наблюдательно с твоей стороны, эти двою расскажут, что с ними произошло. Эта история будет искажена. Люди станут говорить, что Шиэна защищает их от жрецов. — Разве не именно так она поступает. Преподобная Мать?

— Нет, но ты только подумай, какой выбор встает перед жрецами. Они должны будут шире прибегать к альтернативным видам кар — бичеванию и конфискациям. В то время, как страх перед Шайтаном ослабеет из-за Шиэны, страх перед жрецами будет возрастать.

Не прошло и двух месяцев, как в докладах Тамалан на Дом Соборов появилось подтверждение этих слов. «Урезание рационов, особенно урезание водного рациона, стали преобладающим видом наказания», — докладывала Тамалан. — «Управляемые слухи достигали самых отдаленных местечек на Ракисе и скоро со всей определенностью достигнут и многих других планет».

Тамалан сосредоточенно размышляла, какие выводы последуют из ее отчетов. Его увидят множество глаз, включая и глаза не сочувствующих Таразе. Любая Преподобная Мать способна будет живо представить, что происходит на Ракисе. Многие на Ракисе видели приезд Шиэны на диком черве из пустыни. Жрецы с самого начала повели себя неправильно, создавая завесу секретности вокруг Шиэны. Неудовлетворенное любопытство порождало собственные ответы. Догадки часто опасней, чем факты.

В предыдущих донесениях сообщалось о детях, которых приводили играть с Шиэной. Сильно искаженные, рассказы этих детей распространялись и обрастили новыми искажениями, и, соответственно, в таком виде передавались на Дом Соборов. Двое заключенных, вернувшихся на улицы в новой роскошной одежде, только способствовали разрастанию мифа. Бене Джесссерит, мастерицы мифологии, обладали на Ракисе готовой силой, оставалось ее только развить и направить.

— Мы вскормили в населении веру в исполнение желаний, — докладывала Тамалан. Перечитывая свой последний доклад, она подумала о фразах, бенеджессеритских по самой своей сути.

— Шиэна — именно та, кого мы так долго ожидали.

Это было достаточно простое заявление, для того, чтобы его значение разошлось без неприемлемых искажений.

— Дитя Шаи-Хулуда идет покарать жрецов!

Это создавало чуть больше осложнений. Несколько жрецов погибли на темных аллеях в результате народной горячности, что возбудило в ответ новую настороженность корпуса порядка — можно было предсказать несправедливости, которые обрушатся на население.

Тамалан подумала о жреческой делегации, смятенных советниках Туека, посетивших Шиэну. Семеро, во главе со Стиросом, ворвались к Шиэне, завтракавшей с ребенком с улиц. Ожидая, что что-нибудь подобное обязательно произойдет, Тамалан была подготовлена, и ей доставили секретную запись этого инцидента. Было слышно каждое слово, видно каждое выражение лица, все мысли как на ладони для тренированных глаз Преподобной Матери.

— Мы жертвуем Шаи-Хулуду! — ратовал Старое.

— Туек велел вам не спорить со мной об этом, — ответила Шиэна.

Как же заулыбались жрицы, когда она так осадила Стироса и других жрецов?

— Но Шаи-Хулуд... — заикнулся Стирос.

— Шайтан! — поправила его Шиэна, в выражении ее лица легко читалось: «Неужели эти глупые жрецы ничего не поняли??

— Мы всегда думали...

— Вы были неправы!! — Шиэна топнула ногой.

Стирос сыграл, будто ему необходимо, чтобы она его просветила:

— Следует ли нам верить, что Шаи-Хулуд, Разделенный Бог, является также и Шайтаном?

«До чего же он законченный дурак, — подумала Тамалан. — Даже едва сложившаяся девочка может его побить, что Шиэна весьма успешно и проделала».

— Всякий уличный ребенок это знает, едва научится ходить! назидательно проговорила Шиэна.

— Откуда ты знаешь, как думают уличные дети? — хитро осведомился Стирос.

— Ты — Зло, раз во мне сомневаешься! — обвинила Шиэна.

Это был ответ, которым она научилась часто пользоваться, зная, что все дойдет до Туека и вызовет тревогу.

Стирос тоже слишком хорошо это знал. Он подождал с опущенным взором, пока Шиэна, говоря терпеливо, будто рассказывая старую басенку ребенку, объясняла ему, что либо Бог, либо дьявол, либо оба вместе могут обитать в черве пустыни. Людям остается это только принять. Не людям дано решать такие вещи.

За подобную ересь Стирос ссылал людей в пустыню. Его лицо (так тщательно записанное для аналитиков Бене Джессерит) явно выражало: «Такие дикие мысли всегда возникают в самых отбросах ракианского общества». Но теперь! Он вынужден был примириться с настоящими Туека, что Шиэна вещает правду, как Евангелие!

Проглядывая запись, Тамалан подумала, что каша заваривается именно как надо. Это она и доложила на Дом Соборов. Стироса терзают сомнения. Сомнения всюду, кроме преданного Шиэне народа. Близкие к Туеку шпионы докладывали, что даже он начал сомневаться в правильности своего решения «перевести» историка Дроминда в пустыню.

— Не был ли Дроминд прав, сомневаясь в ней? — вопрошал Туек окружавших его.

— Невозможно — отвечали льстцы.

Что еще могли они сказать? Верховный Жрец никак не может ошибаться в таких решениях. Господь этого не позволит. Шиэна, однако же, явно сбила его с толку. Она нисправергала в жестокое преддверие ада воззрения многих предыдущих Верховных Жрецов. Со всех сторон требовалось новое истолкование.

Стирос продолжал наседать на Туека.

— Что мы на самом деле о ней знаем?

Тамалан получила доклад о последнем таком столкновении. Стирос и Туек наедине проспорили

глубоко за полночь, считая себя (напрасно) в одиночестве в апартаментах Туека, комфортабельно устроившись в редких голубых песьих креслах со сдобренными меланжем конфетами под рукой. Голографическая запись этой встречи, имевшаяся у Тамалан, показывала единственный желтый глоуглоб, блуждавший на своих супензорах, совсем близко над этой парой, свет приглушен, чтобы не резать уставшие глаза.

— Может быть, в тот первый раз, когда мы оставили ее в пустыне с тампером, испытание было некачественным, — сказал Стирос.

Это был хитрый ход. Туек был известен своей простоватостью.

— Некачественный? Что только ты имеешь в виду?

— Возможно, Бог желал бы, чтобы мы провели другие испытания.

— Ты сам видел! Множество раз в пустыне она разговаривала с Богом!

— Да! — Стирос чуть не подпрыгнул. Он явно рассчитывал именно на такой ответ. — Если она способна стоять невредимой в присутствии Бога, то может быть, она может научить других этому.

— Ты знаешь, что она гневается, когда мы это предлагаем.

— Может быть, мы не так подходили к этой проблеме?

— Стирос! Что, если девочка права? Мы служим Разделенному Богу. Я думал об этом долго и серьезно. С чего бы Богу разделяться? Разве это не наивысшее испытание Бога?

Стироса явно раздражало, что Туек вошел в колею как раз тех умствований, которых партия Стироса и боялась. Он постарался отвлечь Верховного Жреца на другую тему, но Туека нелегко было сдвинуть, если он садился на любимого конька своей метафизики.

— Наивысшее испытание, — настаивал Туек. — Видеть доброе во зле и злое в добром.

Выражение лица Стироса можно было описать только как глубочайший ужас. Туек — Верховный Помазанник Божий. Ни одному жрецу не дозволено сомневаться в этом! Выступи Туек открыто с такой концепцией — и может произойти то, что потрясает самые основы жреческой власти! Стирос явно задавался сейчас вопросом, не подошло ли время ПЕРЕВЕСТИ Верховного Жреца? — Я никогда не предполагал, что смогу обсуждать столь глубокие идеи с моим Верховным Жрецом, — сказал Стирос. — Но, может быть, я могу выдвинуть предложение, способное разрешить многие сомнения.

— Тогда выдвинь, — сказал Туек.

— В ее одеяниях можно было бы спрятать незаметные устройства, — так, чтобы мы могли ее слушать, когда она разговаривает с...

— По-твоему, Бог не узнает, что мы делаем?

— Такая мысль никогда не приходила мне в голову!

— Я не прикажу отвести ее в пустыню, — сказал Туек.

— Но если ей самой вздумается туда отправиться? — Стирос напустил на себя самое вкрадчивое выражение. — Она делала это много раз.

— Но не последнее время. Она словно потеряла необходимость советоваться с Богом.

— Разве мы не можем предложить ей? — спросил Стирос.

— Например?

— «Шиэна, когда ты наконец опять поговоришь со своим Отцом? Ты не жаждешь еще раз предстать перед Его очами??

— Это больше звучит как понукание, чем как предложение.

— Я только предполагаю, чтобы...

— Святое Дитя не простушка! Она разговаривает с Богом, Стирос. Бог может нас жестоко покарать за такую дерзость.

— Разве Бог не послал ее сюда, чтобы мы ее изучали? — спросил Стирос. По мнению Туека, это было слишком близко к ереси Дроминда.

Он метнул на Стироса убийственный взгляд.

— Я имею в виду, — сказал Стирос, — что Господом наверняка предначертано, чтобы мы учились от нее.

Туек сам говорил это множество раз, никогда не слышав в собственных словах курьезного эха слов Дроминда.

— Ее нельзя понуждать и испытывать, — сказал Туек.

— Боже, упаси! — сказал Стирос. — Я буду сама святая осторожность. И все, что я узнаю от Святого Ребенка, будет немедленно тебе доложено.

Туек просто кивнул. У него были свои возможности всегда быть уверенным, что Стирос ему не лжет.

Последующие коварные подначки и испытания немедленно докладывались на Дом Соборов через Тамалан и ее подчиненных.

— Шиэна выглядит задумчивой, — докладывала Тамалан.

Среди Преподобных Матерей на Ракисе и тех, кому это докладывалось, задумчивый вид Шиэны имел объяснение. Происхождение девочки было вычислено давным-давно. Колкие намеки Стироса заставляли девочку страдать ностальгией. Шиэна хранила мудрое молчание, но явно много думала о своей жизни в деревушке первопроходцев. Несмотря на все страхи и опасности, для нее то время было явно счастливым. Она припоминала смех, угадывание погоды по установке места в песке, охоту за скорпионами в трещинах, деревенские хижины, вынюхивание спайсовых выбросов. Из одних лишь повторяющихся путешествий Шиэны в определенную область пустыни Орден верно вычислил, где находилась ее сгинувшая деревня, и что с ней произошло. Шиэна часто глядела на одну из старых карт Туека на стене своих апартаментов. Как и ожидала Тамалан, однажды утром Шиэна ткнула пальцем в то место на стенной карте, которое постоянно привлекало ее внимание.

— Отвезите меня туда, — распорядилась Шиэна своим прислужницам.

Был вызван топтер.

Жрецы оживленно слушали в кружившем высоко над пустыней топтере, как Шиэна вновь призывала из песков свою судьбу. Тамалан и ее советницы, настроенные на волну приема жрецов, наблюдали с неменьшей живостью.

Даже самого отдаленного напоминания о деревушке не сохранилось в покрытой дюнами пустыне, где Шиэна приказала себя высадить. Однако на этот раз она использовала тампер. Еще одно из ехидных предложений Стироса, сопровождаемое тщательными инструкциями о том, как использовать древнее средство вызова Разделенного Бога».

Пришел червь.

Тамалан, наблюдавшая по собственному каналу, подумала, что червь этот — средних размеров. «Примерно пятидесяти метров в длину», — прикинула Тамалан. Шиэна стояла всего лишь в трех метрах от его распахнутой пасти. Наблюдателям были ясно видны всполохи пламени из внутренних топок червя.

— Скажешь ты мне, зачем ты это сделал? — осведомилась Шиэна.

Она не отпрянула от жаркого дыхания червя. Песок поскрипывал под чудовищем, но она ничем не показывала, что слышит это.

— Ответь мне! — приказала Шиэна.

Червь ничего ей вслух не ответил, но Шиэна, как будто прислушивалась, склонила голову набок.

— Тогда ступай, откуда пришел, — сказала Шиэна, взмахом руки отсылая червя.

Червь покорно развернулся и ушел в глубь песков. Целыми днями, пока Орден с великим весельем наблюдал за ними, жрецы обсуждали эту короткую беседу. Шиэну спрашивать нельзя, иначе она узнает, что ее подслушивали. Как и прежде, она отказывалась обсуждать что-либо, связанное с посещением пустыни.

Стирос продолжал свои коварные происки. И результат был именно таков, какого ожидал Орден: без всякого предупреждения Шиэна могла однажды проснуться и заявить:

— Сегодня я отправляюсь в пустыню.

Порой она использовала тампер, порой танцем призывала червя. Из песков, далеко за видимостью из Кина или другого населенного места, к ней приходили черви. Шиэна в одиночестве стояла перед червем, разговаривала с ним, пока другие слушали. Тамалан находила отчеты, проходившие через ее руки перед отправкой на Дом Соборов, восхитительными.

— Мне бы следовало тебя ненавидеть!

Какое же смятение это вызывало среди жрецов! Туек хотел затеять открытую дискуссию: «Следует ли нам всем ненавидеть Разделенного Бога и в то же время любить его??

Стиросу кое-как удалось не допустить этого, ссылаясь на то, что пожелания Бога не были высказаны ясно.

Одного из своих гигантских посетителей Шиэна спросила:

— Позволишь ли ты мне опять проехаться на тебе?

Когда она приблизилась к червю, тот подался назад и не позволил ей взобраться на себя.

В другой раз она спросила:

— Должна ли я оставаться со жрецами?

Этому червю она задавала множество вопросов и среди них:

— Куда деваются люди, когда ты их проглатываешь?

— Почему люди лживы со мной?

— Следует ли мне карать плохих жрецов?

Тамалан рассмеялась при последнем вопросе, подумав, какое смятение он вызовет среди людей Туека. Ее шпионы должным образом доложили об испуге и унынии среди жрецов. — Как он ей отвечает? — спрашивал Туек. — Кто-нибудь слышал ответ Бога?

— Может быть он говорит ей прямо в душу, — осмелился заметить советник.

— Вот оно! — Туек ухватился за это предложение. — Мы должны спросить ее, что Бог велит ей делать.

Но Шиэна не давала втянуть себя в подобные обсуждения.

— Она отлично оценивает свои силы, — докладывала Тамалан. — Она не собирается слишком часто бывать в пустыне, несмотря на подстрекательства Стироса. Как мы и могли ожидать, притяжение ослабело. Страх и восторг будут нести ее как раз до того, как это потускнеет. Она, однако, обучилась и эффективному приказанию: «Убирайся прочь»!

Орден отметил это, как важное достижение — раз даже Разделенный Бог подчиняется, то никакой жрец или жрица не будут сомневаться в ее праве на такое приказание.

— Жрецы строят башни в пустыне, — докладывала Тамалан. — Они хотят больше безопасных мест, из которых могли бы наблюдать за Шиэной, когда она в пустыне.

Орден предвидел такое развитие событий и даже сам несколько подстрекнул к тому, чему следовало произойти. У каждой башни были свои собственные ветроловушки, штат obsługi, водяной барьер, сады и другие элементы цивилизации. Каждая была небольшой общиной, распространяющей населенные области Ракиса дальше и дальше в царство червя.

Деревушки первопроходцев перестали быть необходимостью, и заслуга этого приписывалась Шиэне.

— Она — НАША жрица, — говорили в народе.

Туек и его советники балансировали на кончике иглы:

ШАЙТАН и Шай-Хулуд в одном теле?

Стирос жил в ежедневном страхе, что Туек открыто такое провозгласит. Советчики Стироса, после всех дискуссий отвергли предложение, что Туека следует ПЕРЕВЕСТИ. Другое предложение — чтобы со Жрицей Шиэной произошел несчастный случай — было встречено всеми с ужасом, и даже Стирос счел слишком рискованным.

— Даже если мы устраним эту занозу, Бог может нас подвергнуть более жестокому вторжению, —

сказал он. И предостерег:

— Самые старые книги говорят, что нас поведет малое дитя.

Стирос совсем недавно оказался среди тех, кто взирал на Шиэну как на нечто, не совсем смертное. Не только Кания, но и другие окружающие заметили, что стали ее любить — она была так простодушна, так жизнерадостна и отзывчива.

Многие наблюдали, что всевозраставшая привязанность к Шиэне распространяется даже на Туека.

Для людей, затронутых этой силой, у Ордена было твердое определение. Боне Джесссерит дал ярлык этому древнему эффекту — «распространяющееся поклонение». Тамалан докладывала о глубинных переменах, распространявшихся по Ракису по мере того, как люди на всей планете начинали молиться Шиэне вместо Шайтана или даже Шаи-Хулуда.

— Они видят, что Шиэна стоит за самых слабых, — докладывала Тамалан. — Все это знакомый образец, все идет, как положено. Когда вы пришлете гхолу?

Глава 12

Внешняя поверхность надувного шара всегда больше центра этой треклятой штуковины! Вот в чем самая суть Рассеяния!

Ответ Бене Джессерит на предложение икшианцев о засылке новых разведывательных отрядов к Затерянным

Один из самых быстрых лайтеров Ордена доставил Майлза Тега на транспорт Союза, зависший на орбите Гамму. Ему было не по душе покидать Оплот в такой момент, но он ясно видел, насколько это важно. У него было и внутреннее предчувствие, что ждет его в этой вылазке. За три столетия своего жизненного опыта Тег научился доверять своему внутреннему чутью. Дела на Гамму складывались не очень-то хорошо. Каждый патруль, каждый доклад сенсоров дальнего слежения, сообщения шпионов Патрина из городов все подогревало беспокойство Тега.

Выкладки ментата Тега делали для него ощутимым движение сил внутри и вокруг Оплота. Его подопечный — гхола — под угрозой. Однако приказ явиться на борт транспорта Союза, будучи готовым к применению силы, исходил от самой Таразы — шифр-индикатор ее личности на посланиях не оставляли места для сомнений.

На лайтере, уносящем его вверх, Тег приготовился к бою. Все приготовления, которые он мог сделать, сделаны. Лусилла предупреждена. Он испытывал доверие к Лусилле. Шванги — другое дело. Тег был намерен обсудить с Таразой — некоторые существенные переделки в Оплоте Гамму, но прежде, однако, ему надо выиграть очередную битву. Тег не имел ни малейших сомнений о готовящейся серьезной схватке.

Когда его лайтер вошел в погрузочный отсек, Тег выглянул из иллюминатора и увидел гигантский икшианский символ внутри завитка Союза на темной стороне транспорта: корабль переоборудован Союзом под икшианский механизм, заменивший традиционного Навигатора. Значит, на борту будут икшианские техники, обслуживающие все оборудование. Подлинный навигатор Союза тоже там будет. Союз так и не научился полностью доверять навигаторским машинам, пусть даже переделывал под них свои транспортные.

Тег ощутил слабый крен, сотрясение при посадке и сделал успокаивающий вдох. Он чувствовал себя в точности, как всегда перед битвой: избавлен от всех лживых фантазий. Лелеять их — поражение. Разговоры часто ни к чему не приводят, и спор разрешается кровью, если только этого так или иначе не предотвратить. Битвы в эти дни редко были массовыми. Но смерть, тем не менее, в них присутствовала. Она представляла более устойчивый вид неудачи. «Если мы не можем мирно уладить наши различия, мы становимся нечеловечными...

Прислужник, говоривший с явным икшианским акцентом, провел Тега в помещение, где ждала Тараза. Всюду по коридорам и пневмотрубам, через которые он шел к Таразе, Тег различал приметы, подтверждающие секретное предупреждение, посланное Верховной Матерью. Всеказалось безмятежным, обыденным — прислужник с должным уважением держался впереди башара.

— Я был среди офицеров Тирога в битве при Анжу, — сказал сопровождающий, напоминая одну из тех почти состоявшихся битв, которую Тег предотвратил.

Они подошли к обыкновенному овальному люку в стене обыкновенно-то коридора. Люк открылся, и Тег вошел в белопанельное уютное помещение подвесные кресла, низкие боковые столики, глоуглобы, отложенные на желтый свет. Люк скользнул, закрываясь позади него с увесистым стуком, оставив охранника в коридоре.

Послушница Бене Джессерит отодвинула кружевные занавески, открывавшие проход справа от Тега. Она кивнула ему. Его увидели — Тараза уведомлена. Тег подавил дрожь в ногах.

ПРИМЕНЕНИЕ СИЛЫ!

Он не ошибся в толковании секретного предупреждения Таразы.

Достаточны ли принятые им меры?

Справа от него было черное подвесное кресло, длинный стол перед ним и еще одно кресло в конце стола. Тег отошел к той стороне помещения и стал ждать, прислонясь спиной к стене. Он отметил: коричневая пыль Гамму до сих пор на носках его сапог. Особенный запах в комнате. Он принюхался, ШИЭР! Вооружались ли Тараза и ее попутчики против икшианской пробы? Тег принял положенную капсулу шиэра перед посадкой на лайтер. Слишком много знаний в его голове, которые могли бы оказаться полезными для врага. Тот факт, что Тараза оставила здесь запах шиэра, имел другое значение: сигнал, что за ними наблюдает некто, от чьего присутствия она не

может отделаться.

Тараза вышла через кружевные занавески. «Усталый у нее вид», подумал Тег. Для него это было красноречивым сигналом, потому что Сестры способны скрывать утомление до тех пор, пока просто с ног не валятся. Действительно ли она совсем падает с ног — или это еще один жест ради скрытых наблюдателей?

Помедлив на самом пороге помещения, Тараза внимательно взгляделась в Тега. «Башар словно был сильно постарел с того времени, когда они в последний раз виделись», — подумала Тараза. Обязанности на Гамму оказали свое действие, но она находила это успокаивающим — значит Тег выполняет свою работу.

— Твоя быстрая реакция высоко оценена, Майлз, — сказала она.

?Высоко оценена!» Это их пароль: «За нами наблюдает опасный враг».

Тег кивнул, а взгляд его проследовал к занавескам, откуда вышла Тараза.

Тараза улыбнулась и прошла в помещение. Никаких признаков меланжевого цикла в Теге, отметила она. Преклонный возраст Тега всегда вызывал подозрение, что он может прибегать к подстегивающему действию спайса. Ничто в нем не выдавало ни малейшего признака, ДАЖЕ намека на то, что он мог бы быть меланжеманом, хотя даже сильнейшие, чувствуя, что их жизнь подходит к концу, обращались к спайсу. На Теге был его старый мундир башара, но без золотых звезд на плече и воротнике. Это был сигнал, который она распознала. Он как бы говорил: «Помни» как я заслужил это на твоей службе. Я не подвел тебя и в этот раз».

Глаза, изучавшие ее, были спокойными, даже намека на какое-либо волнение не проскальзывало в них. Весь его вид говорил о внутренней уверенности, он расценивал происходившее сейчас, как одну из вариаций возможного. Он ждал только ее сигнала.

— Исходная память нашего гхолы должна быть пробуждена при первой же возможности, — сказала она и махнула рукой, чтобы заставить его замолчать, когда он попытался ответить. — Я видела отчеты Лусиллы и знаю, что он слишком молод. Но мы принуждены действовать.

Она говорила это для наблюдателей, понял он. Следует ли верить ее словам?

— Я теперь отдаю тебе приказ: пробудить его, — сказала она и изогнула левое запястье — жест подтверждения на их тайном языке.

Значит, это правда! Тег поглядел на занавески, закрывавшие проход, откуда появилась Тараза. Кто там подслушивает?

Он включился в решение этой проблемы как ментат. Были пропущенные фрагменты, но они ему не препятствовали. Ментат мог работать и не имея каких-то кусочков, если у него достаточно информации, чтобы выстроить общую модель. Порой достаточно самых общих очертаний — они позволяют увидеть скрытую форму. Затем он может использовать недостающие фрагменты, чтобы восстановить все в целом. Ментат редко обладает всеми необходимыми данными, но он натренирован ощущать модель, распознавать системы и ценности. Теперь Тег напомнил себе, что он также совершенно натренирован и в военном смысле: его еще рекрутами тренировали обращаться с оружием, ПРАВИЛЬНО НАЦЕЛИВАТЬ ОРУЖИЕ.

Тараза сейчас его нацеливает. Его оценка ситуации получила подтверждение.

— Перед тем, как мы сможем пробудить нашего гхолу, будут предприняты отчаянные попытки убить его или захватить, — сказала она.

Он узнал этот тон — холодный анализ — предлагающий данные для мента та. Она увидела, что он включился в ментатный ключ.

Ум его, заработав в ключе ментата, погрузился в поиск модели. Главное, их гхола вписан в определенный проект, в основном неизвестный Тегу, но вращающийся каким-то образом вокруг той девочки с Ракиса, способной (как говорят) повелевать червями. Данкан Айдахо — такая очаровательная личность — что заставляла и Тирана и Тлейлакс воспроизводить его гхол бесконечное количество раз. Данканы гуртом! Какую же службу мог нести этот гхола, чтобы Тиран никак не позволял ему упокоиться среди мертвых? И тлейлаксанцы: они тысячелетиями извлекали гхол Данканы Айдахо из своих аксолольных чанов, даже после смерти Тирана. Тлейлакс продавал гхол Айдахо Ордену двенадцать раз, и Орден платил за них в самой твердой валюте: меланжем из своих собственных драгоценных запасов. Почему Тлейлакс принимал в уплату то, что сам мог отлично воспроизвести? Очевидно: чтобы подорвать запасы Ордена — особая форма жадности. Тлейлаксанцев подкупает превосходство — игра на силу!

Тег сосредоточил взгляд на спокойно ждущей Преподобной Матери.

— Тлейлаксанцы убивали наших гхол, чтобы контролировать наш временной график, — сказал он.

Тараза кивнула, но не заговорила. Значит за этим еще что-то есть.

Тег опять переключился на мышление ментата.

Бене Джессерит — это ценный рынок сбыта тлейлаксандского меланжа, но Тлейлакс не единственный источник, поэтому что всегда есть ручеек с Ракиса. Но слишком разумно Тлейлаксу отдалить от себя столь ценный рынок сбыта, если только он не обзавелся рынком поценнее.

Кто еще может быть заинтересован в деятельности Бене Джессерит? Несомненно, икшианцы. Но икшианцы — это не льготный рынок для меланжа. Присутствие икшианцев на этом не-корабле говорит об их независимости. Поскольку икшианцы и Рыбословши составляют союз, Рыбословщ можно не брать в расчет по этой модели.

Какая же великая сила или объединение сил в нашем миро» здании обладает...

Тег похолодел от этой мысли, словно надавив на тормозные рычаги топтера, предоставил своему уму свободно парить, пока он сортирует другие соображения.

«Не в нашем мироздании».

Модель обросла формой. Богатство Гамму приобрело новый смысл в его ментатных выкладках. Гамму была давным-давно ободрана Харконненами, брошена, как обглоданный скелет, который и восстановили данианцы. Было, однако, время, когда на Гамму исчезли надежды. Без надежды не могло быть мечтаний. Карабкаясь из этой навозной ямы, население приобретало лишь самый низменный прагматизм. Если это срабатывает, значит это хорошо». Богатство.

При своем первом знакомстве с Гамму он отметил количество банковских домов. Некоторые из них даже были помечены, как сейфы Бене Джессерит. Гамму служила точкой опоры для манипуляций несметным богатством. Банк, который он посетил, чтобы изучить его пригодность в случае опасности, полностью вошел в его сознание ментата. Он сразу понял, что это место не ограничивает себя чисто планетарными делами. Это был всем банкам банк.

Не просто богатство, но Богатство.

До разработки первой модели ум Тега не дотягивал, но для проверочной проекции у него было достаточно предпосылок. Богатство не нашего мироздания. **ЛЮДИ ИЗ РАССЕЯНИЯ**.

Все эти раскладки ментата заняли всего лишь несколько мгновений. Достигнув опорной точки Тег расслабился, освободил мускулы и нервы, лишь раз взглянув на Таразу, и зашагал через помещение к скрытому входу. Он заметил, что Тараза не подает ему сигнала опасности при этих передвижениях. Резко распахнув занавески, Тег столкнулся с человеком, почти таким же высоким, как он сам: скрещенные пики на петличках воротника, одежда военного образца. Лицо было тяжелым, челюсти тяжелыми, зеленые глаза. Взгляд удивленно настороженный, одна рука выше кармана, где явно лежало оружие.

Тег улыбнулся человеку, опустил занавески и вернулся к Таразе.

— За нами наблюдают люди из Рассеяния, — сказал он.

Тараза расслабилась. Тег превосходный ментат.

Занавески со свистом распахнулись. Стеклянное выражение гнева свело лицо вошедшего.

— Я предупреждал тебя, чтобы ты ничего не говорила! — голос был скрипучим баритоном, в нем слышался незнакомый Тегу акцент.

— А я предупреждала тебя о силах этого ментата-башара, — отрезала Тараза. Отвращение мелькнуло на ее лице.

Человек подался в сторону, и тонкая тень страха промелькнула по его лицу.

— Преподобная Черница, я...

— Не смей меня так называть, — тело Таразы напряглось в боевой позе, в которой Тег никогда ее раньше не видел и не представлял.

Мужчина слегка наклонил голову.

— Дорогая леди, здесь не ты контролируешь ситуацию. Я должен напомнить тебе, что мои приказы...

Тег слышал уже достаточно.

— Поверь мне, здесь она контролирует ситуацию, — сказал он. — Перед тем, как отправиться сюда, я привел в действие определенные защитные силы. Это... — он поглядел и перенес взгляд на чужака, лицо которого сейчас обрело выражение пугливой настороженности, — не является некораблем. В этот самый момент два наших корабля-монитора держат вас под прицелом.

— Вы и сами не останетесь в живых! — рявкнул мужчина.

Тег дружелюбно улыбнулся.

— Никто на этом корабле не останется в живых.

Стиснув челюсти, он включил установленный в нерве сигнал и привел в действие пульсоконтроллер в своем мозгу, начавший проигрывать графические сигналы перед его глазами.

— А теперь, у вас совсем немного времени, чтобы принять решение.

— Скажи мне, как ты догадался, что надо сделать? — спросил чужак.

— У нас с Преподобной Матерью есть собственные средства связи, сказал Тег. — Более того, у нее и не было надобности меня предупреждать. Ее появления было достаточно. Верховная Мать на транспорте Союза в такие времена? Невозможно!

— Невероятно, — проворчал мужчина.

— Допустим, — сказал Тег. — Но ни Союз, ни Икс не рискнут предпринять тотальную и всеобъемлющую атаку на Бене Джессерит, силами которого руководит подготовленный мной полководец. Я имею в виду башара Бурзмали. Ваша поддержка будет развеяна и исчезнет.

— Я ничего этого не говорила, — сказала Та раза, — Ты просто-напросто являешься свидетелем работы ментата-башара, которому, не сомневаюсь, не найдется равного в вашем мироздании. Подумай об этом, если помышляешь выступить против Бурзмали — человека, подготовленного этим ментатом.

Чужак перевел взгляд с Таразы на Тега, затем опять на Таразу.

— Есть выход из нашего кажущегося тупика, — сказал Тег. — Верховная Мать Тараза и ее свита удаляются вместе со мной. Ты должен решить немедленно. Время истекает.

— Ты блефуешь, — в его словах не было уверенности.

Тег повернулся лицом к Таразе и поклонился.

— Для меня было великой честью служить Вам, Преподобная Мать. Прощайте навсегда.

— Может быть, смерть нас и не разлучит, — ответила Тараза.

Это было традиционное прощание Преподобной Матери с равной ей Сестрой.

— Ступайте! — мужчина с тяжелыми чертами лица повернулся к люку коридора и распахнул его, открыв там двух икшианцев-стражников с удивленными лицами. Хриплым голосом мужчина распорядился:

— Отведите их на лайтер.

Все также расслабленно и спокойно, Тег сказал:

— Собери своих людей. Верховная Мать, — мужчине, стоявшему возле люка, Тег сказал, — ты слишком дорожишь своей шкурой, чтобы быть хорошим солдатом. Ни один из моих людей не допустил бы такой ошибки.

— На борту этого корабля находятся настоящие Преподобные Черницы, огрызнулся мужчина. Я поклялся защищать их.

Тег скривил губы и повернулся в сторону примыкающего помещения, откуда Тараза выводила свою свиту из двух Преподобных Матерей и четырех послушниц. Тег узнал одну из Преподобных Матерей: Дарви Одраде. Он видел ее до этого только на расстоянии, но овальное лицо и прекрасные глаза привораживали — как похожа на Лусиллу.

— Есть у нас время на взаимное представление? — спросила Тараза.

— Разумеется, Верховная Мать.

Тег кивнул и пожал руку каждой женщине по мере того, как Тараза их представляла.

Когда они уходили, Тег повернулся к незнакомцу в мундире.

— Всегда надо много наблюдать, учитывать, — проговорил Тег. — Иначе мы не останемся до конца людьми.

Только когда они оказались в лайтере, и Тараза сидела рядом с ним, а ее свита поблизости, Тег задал самый главный вопрос.

— Как они вас захватили?

Лайтер резко пошел вниз к планете. Экран перед Тегом показывал, что космический корабль с клеймом Икса, повинуясь его команде, остается на орбите до тех пор, пока они не окажутся в пределах планетарных систем обороны.

Тараза не успела ответить, как Одраде наклонилась через проход и сказала:

— Я отменила приказание башара уничтожить космический корабль.

Верховная Мать.

Тег резко дернулся головой и обдал Одраде полыхающим взглядом.

— Но они захватили вас в плен и... — он сурово нахмурился. Откуда вы знаете, что я...

— Майлз!

В голосе Таразы был подавляющий упрек. Он просто ухмыльнулся. Да, она знала его почти также хорошо, как он себя сам...

В некоторых отношениях — даже лучше.

— Они просто захватили нас, Майлз, — сказала Тараза. — Мы позволили себе захватить. Я, якобы, сопровождала Дар на Ракис. Мы покинули не-корабль на Узловой Станции и затребовали самый быстрый транспорт Космического Союза. Весь мой Совет, включая Бурзмали, сошелся на том, что эти, вторгшиеся из Рассеяния, подменят транспорт и доставят нас к тебе, рассчитывая собрать все кусочки проекта гхолы.

Тег был поражен ужасом. Ну и риск!

— Мы знали, что ты нас освободишь, — сказала Тараза. — Бурзмали выжидал, на случай, если у тебя это не получится.

— Этот космический корабль, который вы пощадили, — сказал Тег, призовет на помощь и нападет на нашу...

— Они не нападут на Гамму, — сказала Тараза. — На Гамму собрано много непохожих друг на друга сил Рассеяния. Они не рискнут погубить столь многих.

— Я бы хотел быть уверенным не меньше тебя.

— Будь уверен, Майлз. Кроме того, есть и другие причины не разрушать космический корабль. Иксу и Союзу приходится лавировать. Это будет плохо для бизнеса, а им нужно все, что они могут получить.

— Если только более важные заказчики не предложат им больше выгод!

— Ах, Майлз, — она проговорила задумчивым голосом. — Чего Бене Джесссерит последних дней действительно старается достигнуть — так это более спокойного тона, уравновешенности. Ты это знаешь.

Тег согласился, что это правда, но его внимание было приковано к одному выражению: «последних дней» — от этих слов веяло ощущением подведения итогов перед смертью. Перед тем, как он смог задать об этом вопрос, Тараза продолжила:

— Нам нравится улаживать самые накаленные конфликты, не допуская их военного разрешения. Я вынуждена согласиться, что нам нужно благодарить Тирана за такой подход. Я предполагаю, что ты не думал когда-либо о себе, как о продукте выведения Тирана, Майлз, но это так и в самом деле.

Тег принял это без комментариев. Это был фактор, влиявший на все человеческое общество. Ни один ментат не мог избежать этого как данности. — Это качество, Майлз, и притягивает к тебе в первую очередь, сказала Тараза. Ты можешь быть чертовски занудливым по временам, но мы не хотели бы иметь тебя никаким другим.

По тонким откровениям в голосе и поведении Тег понял, что Тараза говорит не только для его похвалы, но эти слова также адресованы и ее свите.

— Имеешь ли ты хоть какое-нибудь понятие, какое сумасшествие слушать тебя, Майлз, когда ты выступаешь за обе стороны в споре с равной силой? Но твое сочувствие — это могучее оружие. Некоторые наши враги приходили в ужас, обнаружив, что ты противостояишь им там, где они и не подозревали о твоем появлении!

Тег позволил себе напряженно улыбнуться. Он поглядел на женщин, сидевших через проход от него. Почему Тараза адресует такие слова этой группе?

Дарви Одраде вроде бы отдохнула: голова откинута, глаза закрыты. Другие болтали между собой. Но Тега на это не купить. Любая послушница Бене Джессерит проходила несколько ступеней подготовки, чтобы научиться думать одновременными потоками мыслей. Он опять обратил свое внимание к Таразе.

— Ты действительно ощущаешь так, как ощущает враг, — проговорила Тараза. — Вот что я имею в виду. И конечно, когда ты в этом состоянии ума, то для тебя не существует врага.

— Нет, существует!

— Не понимай неправильно моих слов, Майлз. Мы никогда не сомневались в твоей верности. Но просто сверхъестественно, как ты заставляешь нас видеть то, что иначе мы увидеть не можем. Бывают времена, когда ты и есть наши глаза.

Тег заметил, что Дарви Одраде открыла глаза и поглядела на него. Очаровательная женщина. Что-то тревожащее в ее внешности. Как и Лусилла, она напоминала ему кого-то из его прошлого. До того, как Тег успел проследить эту мысль, Тараза опять заговорила.

— У гхолы тоже есть способность балансировать между противоположными силами? — спросила она.

— Он мог бы быть ментатом, — ответил Тег. — Он и был именно ментатом в одном из своих воплощений, Майлз.

— Ты действительно хочешь пробудить его таким молодым?

— Это необходимо, Майлз, это смертельно необходимо.

Глава 13

Главный промах КХОАМа? Очень прост: они игнорируют тот факт, что на обочинах их деятельности поджидают более крупные коммерческие силы, способные проглотить их, как слизи заглатывает отходы. В этом истинная угроза Рассеяния — и им, и всем нам.

Заметки Совета Бене Джессерит.

Архивы ХХ90CH

Одраде воспринимала беседу только частью сознания — их лайтер был маленьkim, пассажирский отсек тесным. Она поняла, что наверняка в этом лайтере используется атмосфера для приглушения скорости при посадке, и приготовилась к тряске. Пилот не станет прибегать к супензорам ради экономии энергии.

Она использовала эти моменты, как использовала сейчас все подобное время: сосредоточиться для близкого исполнения необходимого долга. Время поджимало, ею правил особый отсчет времени. Она смотрела на календарь перед отбытием с Дома Соборов, пойманная, как часто с ней бывало, настойчивостью времени и его языка: секунды, минуты, часы, дни, недели, месяцы, годы... стандартные годы, если быть точной. Настойчивость неподходящее определение для этого феномена. Нерушимость — вот, что больше подходило. Традиция. Никогда не трогать традицию. У нее были твердые сравнения в уме, древний поток времени, наложенный на планету, которая не шла в соответствии с примитивными человеческими часами. Недели из семи дней. Из семи! До чего же могущественным остается это число. Мистическим.

Оно прославлено, как святыня в Оранжевой Католической библии. Господь сотворил мир за шесть дней, «и на седьмой день Он отдыхал».

«И правильно поступил! — подумала Одраде. — Всем нам следует отдохнуть после великих трудов».

Одраде слегка повернула голову в проход и поглядела на Тега. Он и понятия не имел, как много воспоминаний о нем она имела. Сейчас ей было ясно видно, как годы обошли с этим сильным лицом — обучение гхолы истощило его силы. Этот ребенок в Оплоте Гамму — должно быть впитывает все, как губка.

?Майлз Тег, знаешь ли ты, как мы тебя используем?» — задумалась она. Эта мысль была из ослабляющих, но Одраде, почти с вызовом позволила ей задержаться в сознании. Как легко было бы полюбить этого старика! Не как супруга, конечно... Но все-таки любить. Она опознала чувство, притягивающие ее к нему, на тонкой грани своих способностей Бене Джессерит. Любовь, проклятая любовь, ослабляющая любовь.

Одраде испытала такое притяжение с самым первым, кого ей было поручено соблазнить. Забавное ощущение. За годы в Бене Джессерит она стала относиться к этому с недоверчивой осторожностью. Никто из ее прокторш не позволял ей такого непрошено го тепла, и в свое время она поняла причину. Но вот она была послана Разрешающими Скрещивание с приказом войти в близость с определенным индивидуумом, позволить ему войти в нее.

Все медицинские данные лежали вне сознания, и она ясно видела сексуальное возбуждение своего партнера, хоть и себе дозволила его испытать. В конце концов, как раз для этого ее тщательно готовили со спарринг-мужчинами, которых Разрешающие Скрещивание отбирали и специально готовили для подобных тренировочных упражнений.

Одраде вздохнула и, отведя взгляд от Тега, закрыла глаза, погружаясь во воспоминания. Тренировочные партнеры никогда не допускали, чтобы проявления их эмоций выходили за ту грань, где проступает самозабвленность, приковывающая людей друг к другу. Это был необходимый изъян в сексуальном образовании.

Первое соблазнение, на которое она была послана — она оказалась полностью неподготовленной к обволакивающему экстазу одновременного оргазма, к этой совместности и сопричастности, такой же старой, как человечество... нет, старше! Мощь этого чувства была способна одолеть любой разум. Выражение лица ее партнера, его сладостный поцелуй, то, как он с последней самозабвленностью отбрасывал все свои защитные барьеры, становясь незащищенным и предельно уязвимым... Ни один спарринг-мужчина никогда такого не делал! В отчаянии, она стала цепляться за уроки Бене Джессерит. Через эти уроки она увидела суть этого мужчины на его лице. Всего лишь на мгновение она отдалась ему с равной силой, испытывая новую высоту экстаза, о достижимости которой никто из ее учителей никогда даже не намекал. В этот момент она поняла, что произошло с леди Джессикой и другими неудачами Бене Джессерит.

Этим чувством была любовь!

Сила этого чувства ее перепугала. Разрешающие Скрешивание заранее знали, что так и будет, и она спряталась за тщательный самоконтроль, воспитанный Бене Джессерит — под маской удовольствия скрыла мгновенно промелькнувшее неестественное выражение своего лица, пустила в ход отработанные ласки, хотя неопытность была бы естественней и легче, но менее эффективной.

Мужчина реагировал, как и ожидалось, глупо. Мысли о нем, как о глупце, помогли.

Ее второе соблазнение прошло легче. Однако, она до сих пор могла вызвать в памяти черты того, первого — порой не без черствого чувства удивления. Иногда его лицо приходило к ней само по себе без всякой видимой причины.

О других мужчинах, с которыми ее посыпали спариваться, отметки памяти были другими. Она должна была охотиться за своим прошлым, чтобы увидеть их. Чувственные записи пережитого с ними остались совсем неглубокими. Не то, что с тем, первым!

Такова была опасная сила любви.

И поглядите на беды, которые эта потайная сила на тысячелетия причинила Бене Джессерит. Леди Джессика с ее любовью к своему герцогу была лишь единственным примером среди бесчисленных. Любовь затмевала рассудок. Она отвращала Сестер от их обязанностей. Любовь могла быть терпима только там, где она непосредственно и явно не сбивала с пути, или где она служила более великим целям Бене Джессерит. Во всех других случаях ее следовало избегать.

Хотя в любом случае, любовь всегда оставалась объектом беспокойной настороженности.

Одраде открыла глаза и опять поглядела на Тега и Таразу.

Верховная мать перешла к другой теме. Как же раздражал по временам голос Таразы! Одраде закрыла глаза и прислушалась к разговору, прикованная неразрывным сознанием к этим двум голосам.

— Очень немногие люди осознают насколько инфраструктура цивилизации является инфраструктурой взаимозависимости, — говорила Тараза. — Мы из этого вынесли хороший урок.

«Любовь, как инфраструктура взаимозависимости», — подумала Одраде. Почему Тараза набросилась на эту тему именно сейчас? Верховная Мать редко что делала без глубоких мотивов. — Инфраструктура взаимозависимости — это термин, охватывающий все необходимое для человеческой популяции, чтобы сохраниться в существующем либо увеличенном количестве, — сказала Тараза.

— Меланж? — спросил Тег. — Разумеется, но большинство людей смотрит на спайс и говорит: «Как же чудесно, что мы его имеем и можем продлевать свои жизни намного дольше жизненных пределов, дарованных нашим предкам».

— При условии, что они могут себе это позволить, — в голосе Тега была небольшая подковырка, как отметила Одраде.

— До тех пор, пока никакая монопольная сила не контролирует весь рынок спайса, большинству людей он вполне по карману, — сказала Тараза.

— Я экономику усваивал с материнским молоком, — сказал Тег. — Еда, вода, годный для дыхания воздух, жилое пространство, незараженное ядами есть много видов денег, и ценности меняются, согласно меняющимся обстоятельствам.

Слушая его, Одраде чуть не кивнула, соглашаясь. Ее реакция была такой же самой. «Не переливай из пустого в порожнее, Тараза! Переходи к сути».

— Я хочу, чтобы ты очень ясно вспомнил, чему тебя учила твоя мать, сказала Тараза. «До чего же мягок стал его голос!» И тут же резко изменившись голосом Тараза выпалила: — Водный деспотизм!

«Она хорошо сейчас смешила ударение», — подумала Одраде.

Память выплеснула данные, как внезапно открытый на полную силу кран. Энергетический деспотизм: централизованный контроль за существенной энергией — водой, электричеством, топливом, лекарствами, меланжем... Подчиняя контролирующей централизованной силе, или поступления энергии к тебе перекроют, ты умрешь!

Тараза опять заговорила:

— Есть еще одна полезная концепция, — которой, я уверена, твоя мать тебя научила — ключевое бревно.

Одраде теперь стало очень любопытно. Тараза направляла эту беседу к чему-то важному. Ключевое бревно: действительно древняя концепция, досуспензорных дней, когда лесорубы сплавляли поваленный лес вниз по рекам к центральным лесопилкам. Порой бревна образовывали большой затор, и призывался опытный человек, чтобы найти то единственное ключевое бревно, при удалении которого весь затор сразу же рассасывался. Тег, она знала, обладал умозрительным знанием этого термина, но она и Тараза могли действительно призвать в свидетели Иные Памяти и увидеть, как вскипает вода и летят щепки, когда устраниена преграда.

— Тиран был ключевым бревном, — сказала Тараза. — Он сначала создал затор, а потом его освободил.

Лайтер резко задрожал, войдя в первые слои атмосферы Гамму. Одраде несколько секунд чувствовала напряженность удерживающих ее ремней, затем полет судна стал более устойчивым. Разговор прервался на это время, затем Тараза продолжила:

— Кроме так называемых естественных взаимозависимостей, существуют так называемые религиозные, созданные психологически. Даже физические необходимости могут содержать такой подпольный компонент.

— Тот факт, который очень хорошо понимает Защитная Миссионерия, сказал Тег. И опять Одраде услышала скрытый оттенок глубокого возмущения в его голосе. Тараза тоже наверняка расслышала. Что она делает? Она может ослабить Тега!

— Ах, да, — сказала Тараза. — Наша Защитная Миссионерия. Люди испытывают величайшую необходимость в том, чтобы структура их собственной веры была «истинной верой». Если это приносит удовольствие или чувство безопасности, и если замыкает в свою структуру веры, какую же могучую взаимозависимость это творит!

Лайтер попал в очередную воздушную яму, и Тараза опять умолкла.

— Хотелось бы мне, чтобы он использовал свои супензоры! пожаловалась Тараза.

— Он бережет топливо, — сказал Тег. — Меньше зависимости.

Тараза хихикнула.

— О, да, Майлз, ты хорошо понимаешь урок. Узнаю руку твоей матери. Проклятие плотине, когда ребенок вырывается в опасном направлении.

— Ты думаешь обо мне, как о ребенке? — спросил он.

— Я думаю о тебе, как о том, у кого только что произошла первая непосредственная встреча с поисками так называемых Преподобных Черниц. «Так вот оно что», — подумала Одраде. И с внезапным болезненным удивлением Одраде осознала, что разговор Таразы адресован не только и не просто к Тегу.

«Она обращается и ко мне».

— Эти Преподобные Черницы, как они себя называют, — сказала Тараза, свели воедино культовый и сексуальный экстаз. Сомневаюсь, что они когда-либо подозревали об опасности подобного единства.

Одраде открыла глаза и поглядела через проход на Верховную Мать. Устремленный на Тега взгляд Таразы был напряженным, лицо непроницаемо, вот только глаза горели, говоря Тегу, насколько необходимо его понимание.

— Опасности, — говорила Тараза. — Огромная масса человечества имеет собственную объединенную — общечеловеческую — личность. Человечество может быть единым, тогда оно способно действовать, как единый организм.

— Так говорил Тиран, — возразил Тег. — Так Тиран нам и продемонстрировал! Он свободно манипулировал Групповой Душой. Бывают времена, Майлз, когда выживание требует, чтобы одна душа общалась с другой. Души, ты знаешь, всегда ищут лазы во внешнее. — Разве общение с душой устарело в наши времена? — спросил Тег. Одраде не понравилась насмешка в его голосе, и она отметила, что эта насмешка возбудила ответный гнев в Таразе.

— Ты думаешь, я говорю о религиозных модах? — осведомилась Тараза, ее пронзительный голос был настойчиво резок. — Мы оба знаем, как можно сотворить религию! Я говорю об этих Преподобных Черницах, которые слизнули у нас сверху сливки, но не взяли ничего из наших глубинных познаний. Они осмеливаются ставить в центр поклонения самих себя!

— То, чего всегда избегал Бене Джессерит, — сказал Тег. — Моя мать говорила, что те, кто поклоняется, и те, кому поклоняются, объединены верой.

— И они могут быть разъединены!

Одраде увидела, что Тег внезапно переключился на модуль ментата: рассредоточенный взгляд, безмятежное лицо. Она теперь частично поняла, что делала Тараза. «Ментат едет поримски — каждая нога на другом коне. Каждая нога стоит в другой реальности, пока длится его скачка поиска внутренних структур. Он должен ехать в разных реальностях к единой цели».

Тег заговорил бесцветным, задумчивым голосом ментата: — Разделенные силы будут сражаться за превосходство. Тараза с удовольствием, почти чувственно вздохнула, естественно выразив свое облегчение.

— Инфраструктура взаимозависимости, — сказала Тараза. — Эти люди Рассеяния будут контролировать различные силы, все эти силы будут отчаянно биться за лидерство. Военный офицер на космическом корабле говорил о Преподобных Черницах и с благоговением, и с ненавистью. Я уверена, ты расслышал это в его голосе, Майлз. Я знаю, как хорошо твоя мать тебя обучила.

— Расслышал, — Тег опять сосредоточил взгляд на Таразе, ловя каждое ее слово, как и Одраде.

— Взаимозависимости, — сказала Тараза. — Как же просты они могут быть, и как сложны. Возьмем, например, зубную боль.

— Зубную боль!

Тег был выбит из своей ментатской колеи. Одраде, наблюдавшая за ним, увидела, что именно это и требовалось Таразе. Тараза очень умело и тонко играла своим ментатом-башаром.

«И мне сейчас надлежит наблюдать за этим и учиться», — подумала Одраде.

— Зубная боль, — повторила Тараза. — Простая имплантация при рождении предотвращает это проклятие для большинства человечества. И все равно, мы должны чистить зубы и всячески о них заботиться. Для нас это так естественно, что мы редко об этом задумываемся. Приспособления, которые мы считаем совершенно заурядными составляющими нашего окружения. И все же, эти приспособления, материалы, инструкторы, обучающие следить за зубами, мониторы Сакк — все это связано во взаимосцепленное родство.

— Ментату не нужно объяснять взаимозависимости, — сказал Тег. В его голосе все еще слышалось любопытство, но был и определенный оттенок негодования.

— Именно, — сказала Тараза. — Это естественная среда для мыслительного процесса ментата.

— Но тогда, зачем ты разводишь все эти разговоры?

— Ментат, просмотря известное тебе об этих Преподобных Черницах, и скажи мне, в чем их изъян.

Тег проговорил без колебаний:

— Они могут выжить, только если будут продолжать усиливать зависимость тех, кто их поддерживает. Это тупик наркомана.

— Именно. И в чем опасность?

— Они могут увлечь в свое падение слишком большую часть человечества. — В этом была проблема Тирана, Майлз. Я уверена, он это понимал.

Теперь слушай меня с величайшим вниманием. И ты тоже. Дар, — Тараза поглядела через проход и встретилась взглядом с Одраде. — Оба слушайте меня. Мы, люди Бене Джессерит, сплавляем в людской поток очень могущественные... стихии. Они могут образовать затор. Это наверняка причинит крупный вред, и мы...

Опять лайтер попал в полосу жестокой тряски в воздушных ямах. Разговаривать было невозможно, пока они цеплялись за сидения и прислушивались к рокоту и потрескиваниям вокруг них. Когда эта помеха миновала, Тараза опять заговорила:

— Если мы выживем в этой проклятой машине и высадимся на Гамму, ты должен потолковать с Дар наедине, Майлз. Ты видел «Манифест Атридесов». Она расскажет тебе о нем и подготовит тебя. Это все.

Тег повернулся и поглядел на Одраде. Вновь что-то смутно зашевелилось в его памяти при виде

этого лица, — необыкновенное сходство с Лусиллой, но не только. Он отодвинул это в сторону, «Манифест Атридесов?». Он читал его, потому что указание прочесть его было среди прочих инструкций, данных ему Таразой. «Подготовить меня? К чему??

Одраде заметила вопросительный взгляд Тега. Теперь она поняла мотивы Таразы. Распоряжения Верховной Матери обрели новый смысл, как и слова самого Манифеста.

«Точно так, как мироздание было сотворено при участии сознания, человек-пророк доводит эту творческую способность до ее последнего предела. Вот в чем совершенно непонятная сила атридесовского бастарда, сила, которую он передал своему сыну — Тирану».

Одраде знала эти слова назубок — так, как их может знать только автор, но они вернулись к ней теперь так, словно она прежде не встречалась с ними.

«Черт тебя подери. Тар!» — подумала Одраде. — «Что, если ты не права?»

Глава 14

На квантовом уровне наше мироздание можно рассматривать как неустоявшееся место, статистически предсказуемое только тогда, когда задействованы достаточно большие числа. Между таким мирозданием и сравнительно предсказуемым, где движение единичной планеты может быть вычислено с точностью до пикосекунды, вступают в игру другие силы. Поскольку этот внутри-между космос нашего повседневного обитания ПО ВАШЕМУ ГЛУБОКОМУ УБЕЖДЕНИЮ является доминирующей силой. Ваши верования выстраивают в систему происходящие повседневные события. Если нас, верующих, набирается достаточное количество, то наша вера может сделать реальностью существование чего-то нового. Структуры веры создают фильтр, через который прощеживается хаос, становясь порядком.

Анализы Тирана. Досье Таразы.

Архивы Бене Джессерит.

Мысли Тега были в смятении, когда он вернулся на Гамму с космического корабля. Он шагнул из лайтера на опаленную дочерна кромку закрытого посадочного поля Оплота и поглядел вокруг так, словно видел все это впервые. Почти полдень. Так мало времени прошло, и как много изменилось. До каких пределов дойдет Бене Джессерит в преподнесении существенного урока, задумался он. Тараза выбила его из привычных процессов работы в ментатском модуле. Он чувствовал, что весь инцидент на корабле Союза был разыгран специально для него. Он был сбит с предсказуемого курса. Какой же странной мерещилась ему Гамму, когда он шел по охраняемой полосе к выходам.

Тег повидал много планет, изучил не только их обычай, но и отпечаток, накладываемый обычаями на их обитателей. Некоторые планеты имели большое желтое солнце, которое низко висело над ними и поддерживало все живое теплым, развивающимся, растущим. Некоторые планеты обладали маленькими мерцающими солнцами, висящими высоко в темном небе, и их свет затрагивал эти планеты очень мало. Вариации существовали внутри и даже вне этого размаха. Гамму была желто-зеленым вариантом, с днем в тридцать один стандартный час и двадцать семь стандартных минут, продолжительностью года в два и шесть десятых стандартного года. Тег думал, что знает Гамму.

Когда Харконненам пришлось ее покинуть, на ней высадились колонисты, отпавшие от Данианской группы уходивших в Рассеяние, и назвали эту планету во время великой переписи звездных карт в честь Гурни Хеллека. В те дни эти колонисты назывались не данианцами, а келаданцами, — но ведь известно, как часто меняются названия, проходя через тысячелетия.

Тег помедлил у защитных отвалов входа, уводившего с поля вниз под Оплот. Тараза и — ее свита двигались позади него. Он видел, как Тараза напряженно разговаривала с Одраде.

«Манифест Атридесов», — подумал он.

Даже на Гамму немногие признавались в происхождении от Харконненов или от Атридесов, хотя генотипы были видны повсюду — особенно доминировал генотип Атридесов: длинные заостренные носы, высокие лбы и чувственные рты. Часто эти кусочки встречались порознь — рот на одном лице, буравящие глаза на другом, и так в бесконечных смещениях. Порой, однако, один человек мог нести все признаки, и тогда можно было видеть гордость, внутреннее осознание: «Я — ОДИН ИЗ НИХ!?

Улицы Гамму признавали и уважали это, но немногие решались провозглашать.

Подо всем этим лежало наследство, оставленное Харконненами, генетические линии, прослеживаемые до самой зари человечества, до времен греков, парфян и мамелюков — тени древней истории, которые немногие, кроме профессиональных историков, подготовленных Бене Джессерит, знали даже по названиям.

Тараза и ее сопровождение поравнялись с Тегом. Он услышал, как она говорила Одраде:

— Ты должна все это рассказать Майлзу.

Очень хорошо, она ему расскажет. Он повернулся и направился мимо внутренних охранников к длинному коридору под дзотами в собственно Оплот. «Черт побери этих Бене Джессерит! — подумал он. — Что они на самом деле делают здесь, на Гамму??

Множество примет присутствия Бене Джессерит было на этой планете: обратное скрещивание, закрепляющее селекционные свойства; то и дело эта работа проступала явной подчеркнутостью соблазнительных женских глаз.

Тег, не оглянувшись, ответил на салют капитанши охраны. «Да, глаза».

Он заметил это вскоре после своего прибытия в Оплот, и особенно наглядно во время своей инспекционной поездки по планете. Он видел это во многих лицах и припомнил то, что много раз говорил Патрин:

— У тебя вид гаммутянина, башар.

Соблазни глаза тоже такие. Они, Одраде и Лусилла, в этом одинаковы. «Немногие уделяют должное внимание важности глаз в вопросах соблазнения», — подумал он. Нужна закалка Боне Джесссерит, чтобы это углядеть. Большие груди у женщин, крепкие чресла у мужчины, подобранные мускулистые ягодицы — все это, естественно, важно в сексуальных спариваниях. Но без глаз все остальное почти ничего не стоит. Глаза составляют самую суть. Он уже давно постиг, что глаза нужного типа способны так затянуть, что ты в них просто тонешь и уже не осознаешь, что происходит, пока напрягшееся влагалище не стиснет пенис.

Он обратил внимание на глаза Лусиллы сразу же после прибытия на Гамму и стал очень осторожен. Нет сомнения в том, как Орден использует ее таланты.

А вот и Лусилла, ждущая в центральной палате досмотра. Она очень быстрым жестом показала, что с гхолой все в порядке. Тег расслабился и посмотрел, как Лусилла и Одраде сходятся лицом к лицу. Они примечательно похожи друг на друга, несмотря на разницу в возрасте. Разница — в их телосложении: Лусилла выглядела поплотнее на фоне гибких форм Одраде. Капитанша охраны с соблазнительными глазами подошла к Тегу и наклонилась вплотную к нему.

— Шванги только что узнала, кого ты привез с собой, — сказала она, кивая на Таразу. — Ага, она уже здесь.

Шванги вышла из шахты лифта и подошла к Таразе, метнув лишь один гневный взгляд на Тега.

?Тараза хотела увидеть тебя, — подумал он. — Мы все знаем, почему».

— Судя по тебе, ты не особенно счастлива меня видеть, — сказала Тараза, обращаясь к Шванги.

— Я УДИВЛЕНА, Верховная Мать, — сказала Шванги. — Я и понятия не имела. — Она опять, с ядовитой злобой взглянула на Тега.

Одраде и Лусилла продолжали осматривать друг друга.

— Я, конечно, слышала об этом, — сказала Одраде. — Но все равно, просто ошарашиивает, когда в лице другой видишь самое себя.

— Я предостерегала тебя, — сказала Тараза.

— Каковы твои распоряжения? — спросила Шванги. Это было самым близким, насколько она могла осведомиться о цели визита Таразы.

— Я хотела бы побеседовать наедине с Лусиллой, — ответила Тараза.

— У меня приготовлены для тебя апартаменты, — предложила Шванги.

— Не хлопочи, — сказала Тараза. — Я не останусь. Майлз уже организовал мой транспорт. Долг требует от меня быть на Доме Соборов, мы с Лусиллой прогуляемся во внутренний дворик, — Тараза поднесла палец к щеке. — Да, и я бы хотела несколько минут понаблюдать за гхолой. Уверена, Лусилла способна это устроить.

— Он хорошо справляется с возрастающей нагрузкой своих занятий, сказала Лусилла, когда она и Тараза направились к шахте лифта.

Тег перенес внимание на Одраде. Когда его глаз скользнул по лицу Шванги, он заметил ее раздражение, которое она и не старалась скрывать. «Была ли Лусилла сестрой или дочерью Одраде?» — задумался Тег. Ему внезапно пришло в голову, что таким сходством Боне Джесссерит преследовал определенные цели. Да, конечно! Лусилла — Геноносительница!

Шванги справилась со своим раздражением. Она с любопытством поглядела на Одраде.

— Я как раз собиралась сесть за обед. Сестра, — сказала Шванги. — Не желаешь ли присоединиться ко мне?

— Я должна перемолвиться словечком с башаром наедине, — сказала Одраде. — Если все в порядке, то ведь нам можно будет поговорить прямо здесь? Гхола не должен меня видеть.

Шванги насупилась, не стараясь больше скрывать свое разочарование в Одраде. Эти, на Доме Соборов, соблюдают верность своей стороне. Ни одна... никому не удалить ее с этого командного

поста, дающего возможность наблюдать. Оппозиция имеет свои права!

Ее мысли были ясны даже Тегу. Он отметил, как холодно выпрямилась Шванги, когда их покидала.

— Плохо, когда Сестра обращается против Сестры, — сказала Одраде.

Тег подал капитанше охраны знак покинуть помещение. Одраде ведь сказала: НАЕДИНЕ, ЗНАЧИТ, ОСТАЕМСЯ НАЕДИНЕ. Одраде он сказал:

— Это одна из моих зон. Здесь за нами не могут проследить ни шпионы, ни технические средства.

— Я так и думала, — сказала Одраде.

— Но там у нас есть служебная комната, — Тег кивнул налево. — Мебель, даже песьи кресла, если ты предпочитаешь.

— Терпеть не могу этих песьих кресел, угодливо пытающихся принять твою форму, — сказала она. — Не можем ли мы поговорить здесь? — она взяла Тега за руку. — Может, мы немного пройдемся. У меня все затекло от сидения в этом лайтере.

— Что тебе предписано мне рассказать? — спросил он, когда они двинулись.

— Мои жизни-памяти не являются выборочно отфильтрованными, — сказала она. — Я владею ими всеми — естественно, лишь по женской линии.

— Вот как? — Тег поджал губы. Это было не то вступление, которого он ожидал. Одраде больше похожа на ту, что берет быка за рога.

— Тараза говорит, ты прочел «Манифест Атридесов». Хорошо. Ты знаешь, что это вызвало растерянность во многих местах.

— Шванги уже превратила его в средство борьбы против вас, Атридесов. Одраде торжественно и серьезно на него поглядела. Как сообщали все доклады, Тег оставался внушительной фигурой, но она знала это и без докладов. — Мы оба Атридесы, ты и я, — сказала Одраде.

Тег стал весь внимание.

— Твоя мать объяснила это тебе во всех подробностях, — сказала Одраде, — когда ты приехал домой на Лернаус на свои первые школьные каникулы.

Тег остановился и поглядел на нее. Откуда ей это известно? Насколько он знал, он никогда прежде не встречал некую далекую Дарви Одраде и не беседовал с ней. Может, о нем были особые разговоры на Доме Соборов? Он промолчал, заставляя Одраде самой поддерживать разговор.

— Я перескажу тебе разговор между мужчиной и моей матерью по рождению, — сказала Одраде. — Они — в постели, мужчина говорит: «Я породил нескольких детей, когда впервые сбежал из тесных уз Бене Джессерит, считая себя в то время независимым, вольным по собственному выбору поступать на службу и воевать, где угодно».

Тег и не старался скрыть удивления. Его собственные слова! Память ментата подсказала, что Одраде воспроизвела их с точностью механического записывающего устройства. Даже интонация!

— Еще? — спросила она, поскольку он продолжал неотрывно на нее смотреть. — Очень хорошо. Мужчина говорит: «Это было, конечно, до того, как меня отправили в школу ментатов. Как же это мне открыло глаза! Я никогда, ни на секунду не был вне пределов видимости Ордена! Я никогда не был свободным».

— Даже, когда я произносил те слова, сказал Тег. — Верно, — держа его под руку, она стиснула его локоть, увлекая дальше по залу. — Все дети, отцом которых ты был, принадлежали Бене Джессерит. Орден не позволит, чтобы наш генотип использовался, как угодно слушаю.

— Пусть мое тело хоть к Шайтану сгинет, но их драгоценный генотип останется на попечении Ордена, — сказал он.

— На моем попечении, — сказала Одраде. — Я — одна из твоих дочерей.

И опять он заставил ее остановиться.

— Я думаю, ты знаешь, кто моя мать, — сказала она. Она подняла руку, призывая его к молчанию, когда он попытался ответить. — В именах нет необходимости.

Тег внимательно разглядывал лицо Одраде, узнавая знакомые черты. Сильнейшее сходство между

матерью и дочерью, но кто же тогда Лусилла? Словно услышав его вопрос, Одраде сказала:

— Лусилла из параллельной линии выведения. Просто замечательно, чего можно достичнуть верно проведенным скрещиванием?

Тег откашлялся. Он не чувствовал эмоциональной привязанности к этой заново обретенной дочери. Ее слова и другие важные сигналы поведения — вот что требовало его первоочередного внимания.

— Это не случайный разговор, — сказал он. — Это все, что ты должна мне открыть? По-моему, Верховная Мать сказала...

— Есть и кое-что еще, — сказала Одраде. — Манифест. И я — его автор. Я написала его по распоряжению Таразы и следовала ее подробным инструкциям.

Тег окинул глазом огромное помещение, удостоверяясь, что их никто не подслушивает. Он проговорил, понизив голос:

— Тлейлаксанцы распространяют его, где только могут.

— Именно на это мы и надеялись.

— Зачем ты мне это рассказываешь? Тараза сказала, что ты должна будешь подготовить меня к...

— Придет время, когда ты поймешь нашу цель. Желание Таразы — с этого времени ты принимаешь собственные решения и действительно становишься свободным в своих действиях.

Еще не замолчав, Одраде увидела стеклянный блеск ментата в его глазах.

Тег глубоко вздохнул. «Взаимозависимости и ключевые бревна!» Чутьем ментата он уловил модель огромного размера, уже за пределами накопленных им данных. Он и на секунду не мог поверить, что Одраде пошла на такую откровенность из-за какой-то кровной привязанности. В ней была фундаментальная, догматичная и ритуальная сущность, воспитанная тренировками Бене Джессерит. Одраде, дочь из его прошлого, была полной Преподобной Матерью с грандиозными силами мышечного и нервного контроля и полная жизнями-памятями по женской линии! Она была одной из особенных! Она знала такие уловки жестокости, о которых очень немногие когда-либо вообще подозревали. И все равно, это сходство, эта сущность оставались, а ментат всегда такое видит. Чего она хочет?

«Подтверждения моего отцовства? У нее, наверняка, уже есть все подтверждения, которые она только может иметь».

Наблюдая сейчас, как она терпеливо ждет, когда его мысли придут к какому-либо решению, Тег вспомнил, что часто и вполне правдиво говорилось, что Преподобные Матери больше уже не вполне члены человеческой расы, они движутся где-то вне главного течения, может, параллельно к нему, может быть периодически ныряя в него ради своих собственных целей, но они навсегда отстранены от человечества. Они самоотстранились. Это опознавательный знак Преподобной Матери — ощущение сверхличности, которое делает их ближе к давно умершему Тирану, чем к тому человеческому стаду, из которого они вышли.

Манипулирование. Вот их примета. Манипулирование всем и вся.

— Я должен стать глазами Бене Джессерит, — сказал Тег. — Тараза хочет, чтобы я принимал за всех вас человеческие решения.

Явно довольная, Одраде стиснула его руку.

— Какой же у меня отец!

— У тебя действительно есть отец? — спросил он и пересказал ей то, что подумал сейчас о Бене Джессерит, о том, как они отстранились от человечества.

— Вне человечества, — сказала она. — До чего же занятная идея. А Навигаторы Союза тоже вне своего исходного человеческого?

Он поразмыслил над этим. Навигаторы Союза имели сильные отклонения от человечества в его обычной форме. Рожденные в космосе, проводящие свои жизни в каналах меланжевого газа, — искажающих исходную форму, — они вытягиваются, у них перестраиваются конечности и внутренние органы. Но молодой Навигатор, будучи в этрусе и до погружения в чан, способен скрещиваться с нормальной женщиной. Это уже демонстрировалось. Они становились не-людьми, но не так, как Бене Джессерит.

— Навигаторы — не родня вам по мышлению, — сказал он.

— Они думают по-человечески. Проведение корабля сквозь космос, даже обладание ясновидением для прозрения безопасного пути — все равно, модель их мышления такова, что ее может воспринять человек.

— Ты не воспринимаешь нашу модель?

— Воспринимаю насколько могу, но где-то в вашем развитии вы вышли за пределы исходной человеческой модели. Наверное, вы даже можете достаточно хорошо представлять проявления совести, чтобы казаться людьми. Вот и ты сейчас, так держишь меня под руку, как будто ты и в самом деле моя дочь.

— Я твоя дочь, но я удивлена, что ты так мало думаешь о нас.

— Совсем наоборот, я стою перед тобой в благоговении.

— Перед своей собственной дочерью?

— Перед любой Преподобной Матерью.

— По-твоему, мы существуем только для того, чтобы манипулировать меньшими творениями?

— По-моему, вы больше по-настоящему не ощущаете себя людьми. Есть в вас какой-то пробел, нехватка чего-то, что-то устранило. Вы больше не из нас.

— Спасибо, — сказала Одраде. — Тараза говорила мне, что ты не заколеблешься говорить правдиво, но я и сама знала это.

— К чему вы меня приготовили?

— Ты узнаешь, когда это произойдет... Вот и все, что я могу сказать... И все, что мне дозволено сказать.

«Опять манипулирование, — подумал он. — Черт их побери!?

Одраде кашлянула. Она, вроде, собиралась еще что-то сказать, но промолчала, и молча пошла с Тегом в обратный путь.

Хотя она и заранее знала, что наверняка скажет Тег, его слова ее ранили. Ей хотелось сказать ему, что она — одна из тех, кто до сих пор чувствует себя человеком, но его суждение об Ордене нельзя было отрицать. «Мы приучены отвергать любовь. Мы можем изобразить ее, но каждая из нас способна прервать представление в любой момент».

Позади них послышались звуки. Они остановились и обернулись. Лусилла и Тараза выходили из шахты лифта, небрежно обсуждая свои наблюдения за гхолой.

— Ты абсолютно права, обращаясь с ним, как с одной из нас, — сказала Тараза.

Тег слышал, но не делал никаких выводов, пока они ждали приближения двух женщин.

«Он знает, — подумала Одраде. — Он не спросил меня о моей матери по рождению. Там не было уз, не было настоящего кодирования. Да, он знает». Одраде закрыла глаза, и память с поразительной силой воспроизвела перед ней живописное полотно. Эта картина висела на стене утренней комнаты Таразы. Благодаря мастерству икшианцев, чудеснейшая герметичная рама и покрытие из невидимого глазу плаза полностью сохраняли картину. Одраде часто останавливалась перед картиной, каждый раз с ощущением, что стоит лишь протянуть руку — и действительно коснешься древнего холста, столь хитроумно сохраненного икшианцами.

«Домики в Кордевилле».

Это название, данное картине самим художником, как и имя художника, сохранилось на начищенной табличке: Винсент Ван Гог. Эта вещь была датирована временем столь древним, от которого лишь редкие остатки — такие, как эта картина — уцелели, донося физическое впечатление о тех эпохах. Прежде она старалась вообразить путешествия, совершенные этой картиной, ту цепь случайностей, которые привели ее, неповрежденной, в комнату Таразы.

При реставрации и консервации картины икшианцы проявили себя во всем блеске. Зритель мог коснуться темное пятна в нижнем левом углу рамы. И немедленно до глубины души поражала истинная гениальность еще и икшианца, отреставрировавшего и спасшего гениальную работу. Имя этого икшианца было на раме: Мартин Буро. Это пятнышко, едва его коснешься пальцем, становится проекцией чувств — блаженство побега от той технологии, что произвела и Икшианскую Пробу. Буро восстановил не только картину, но и душу художника — зритель, приложивший палец, познавал, с каким чувством наносил Ван Гог каждый мазок. Все было поймано

в этих мазках кисти, запечатлено с помощью человеческих движений.

Одраде так много раз, полностью поглощенная, простоявала перед этой картиной, что у нее возникало чувство, будто она могла бы сама ее заново воспроизвести.

Сейчас, на фоне обвинений Тега, Одраде припомнила, что она испытывала перед картиной, и сразу же поняла, почему память воспроизвела этот образ, почему картина до сих пор ее очаровывала. На короткое время она всегда чувствовала себя полностью человеческой, осознавала домики, как места обитания настоящих людей, осознавала неимоверную полноту живой цепи человечества, которое остановилось перед личностью сумасшедшего Винсента Ван Гога, остановилось, чтобы запечатлеть себя.

Тараза и Лусилла остановились приблизительно в двух шагах от Тега и Одраде. От Таразы попахивало чесноком.

— Мы чуть задержались, чтобы перекусить, — сказала Тараза. — Вы ничего не хотите?

Это был самый что ни на есть неправильный вопрос. Одраде высвободила руку из руки Тега. Она быстро повернулась и вытерла глаза манжеткой. Опять поглядев на Тега, она увидела удивление на его лице. «Да-да» — подумала она, — эти слезы настоящие!?

— Мне думается, мы здесь сделали все, что могли, — сказала Тараза. -Тебе пора двигаться на Ракис, Дар.

— Давным-давно пора, — ответила Одраде.

Глава 15

Жизнь не может найти разумных доводов для подкрепления этому, может быть источником пристойного взаимоуважения, если только каждый из нас не полон решимости вдохнуть в нее эти качества.

Ченоэ: «Беседы с Лито II».

Хедли Туек, Верховный жрец Разделенного Бога, испытывал все возраставший гнев на Стироса. Стирос, сам слишком старый, чтобы надеяться занять скамью Верховного Жреца, имел сыновей, внуков, многочисленных племянников, и перенес свои личные амбиции на свою семью. Циничный человек этот Стирос. Он представлял могущественное направление в жречестве, так называемое «научное сообщество», влияние которого было лукаво и навязчиво. Их отклонения были опасно близки к ереси.

Туек напомнил себе, что не раз уже бывали прискорбные и несчастные случаи — Верховный Жрец пропадал в пустыне Стироса и его единомышленников хватит на то, чтобы сотворить подобный несчастный случай.

В Кине был полдень. Стирос только что удалился в явном расстройстве. Стирос хотел, чтобы Туек отправился в пустыню и лично понаблюдал там за очередной вылазкой Шиэны. Питая подозрение насчет этого приглашения, Туек его отклонил.

Последовал странный спор, полный едких намеков, смутных ссылок на поведение Шиэны и словесных нападок на Бене Джессерит. Стирос, всегда полный подозрений насчет Ордена, сразу же невзлюбил новую настоятельницу Оплота Бене Джессерит на Ракисе, эту... как же ее звать? Ах, да, Одраде. Странное имя, но ведь Сестры часто принимают странные имена. Такова их привилегия. Сам Бог никогда не выступал против благодетельной основы Бене Джессерит. Против отдельных Сестер — да, но ведь Орден в целом был сопричастен к Святому видению Божию.

Туеку не нравилось, как Стирос говорит о Шиэне. Туек, в конце концов, цинично заставил Стироса остыть, заговорив с ним так, как подобает говорить в Святая Святых, пред высоким алтарем и образами Разделенного Бога. Призматические передатчики лучей отбрасывали тонкие клинья яркого света сквозь блуждающий аромат тлеющего меланжа на двойную линию высоких колонн, ведущих к алтарю. Туек знал, что сказанное в такой обстановке восходит непосредственно к Богу.

— Господь действует через нашу нынешнюю Сиону, — сказал Туек Стиросу, и заметил смятение на лице старого советника. — Шиэна — живое воплощение Сионы, того человеческого инструмента, что способствовал переводу Еgo в Разделение.

Стирос впал в ярость, наговорив такого, что не осмелился бы повторить перед полным Советом. Он слишком полагался на свои давние отношения с Туеком.

— Говорю тебе, она окружена взрослыми, полными намерений присягнуть ей и...

— И Богу! — Туек не мог дозволить такому слову быть пропущенным. Наклоняясь вплотную к Верховному Жрецу, Стирос проскрежетал:

— Она в центре образовательной системы, доставляющей все, чего ни пожелает ее воображение, мы не отказываем ей ни в чем!

— Нам и не следует!

Словно Туек ничего и не сказал, Стирос заявил:

— Я там снабдил ее записями из Дар-эс-Балата!

— Я — Книга Судьбы, — напевно процитировал Туек собственные слова Бога из хранилища в Дар-эс-Балате.

— Именно! И она вслушивается в каждое слово!

— Почему это тебя тревожит? — самым спокойным тоном осведомился Туек? — Мы не проверяем ее знания, она проверяет наши!

— Значит, Господь того хочет.

Туек, ждал, пока старый советник, на лице которого отразился лютый гнев, выдвинет новые доводы. Возможности для таких доводов были, конечно же огромными. Туек этого и не отрицал. Все дело в том, как что истолковывать. Вот почему толкование всегда должно принадлежать исключительно Верховному Жрецу. Несмотря на их взгляд на историю (а может быть из-за), жречество очень много

знало о том, как Бог обосновался на Ракисе. Они обладали самим Дар-эс-Балатом со всем содержимым — самой ранней из всех известных не-палат. Тысячелетиями, пока Шаи-Хулуд превращал зеленевшую планету Арракис в пустыню Ракис, Дар-эс-Балат ждал под песками. Из этого святого хранилища жречество получило собственный голос Бога, Его отпечатанные слова и даже его голографические изображения. Они знают, что пустынная поверхность Ракиса воспроизводит первоначальный облик планеты самое начало — когда она была единственным известным источником святого спайса.

— Она спрашивает о семье Бога, — сказал Стирос. — С чего бы ей спрашивать о...

— Она испытывает нас. Представляем ли мы Им Их надлежащие места? От Преподобной Матери Джессики к ее сыну, Муад Дибу, и к его сыну Лито Второму — святая Троица небесная.

— Лито Третий, — пробормотал Стирос. — Как насчет того Лито, что умер от рук сардаукаров? Как насчет него?

— Осторожнее, Стирос, — предостерег Туек. — Ты знаешь, что мой прапрадед провозгласил в ответ на этот вопрос с этой самой скамьи. Наш Разделенный Бог был воплощенной частью и Его, пребывающего на небесах, став посредником земной власти. Эта часть его осталась безымянной, какой всегда должна быть Истинная Суть Бога!

— Да ну?

Туек расслышал ужасный цинизм в голосе старика. Слова Стироса как будто дрожали в насыщенном ароматами воздухе, требуя сурового возмездия.

— Тогда, почему она спрашивает, как Лито превратился в Разделенного Бога? — осведомился Стирос.

Сомневается ли Стирос в святой метаморфозе? Туек пришел в ужас. Он сказал:

— В свое время она нас просветит.

— Наши хилые объяснения должны наполнять ее разочарованием, — съязвил Стирос.

— Ты заходишь слишком далеко, Стирос!

— Да неужели? Ты не находишь просвещающим то, что она спрашивает, как это песчаная форель поглотила большинство вод Ракиса и заново сотворила пустыню?

Туек постарался скрыть нараставший гнев. Стирос и в самом деле представлял опасное направление в жречестве, но его тон и слова поднимали вопросы, на которые Верховным Жрецом был дан ответ давным-давно. Метаморфоза Лито II породила бесконечную песчаную форель, каждая из которых была наделена частицей Его. От песчаной форели к Разделенному Богу известная последовательность, которой поклоняются. Сомневаться в ней значит отрицать Бога.

— Ты сидишь здесь и ничего не делаешь! — обвинил Стирос, — мы — пешки в...

— Довольно! — Туек достаточно наслушался цинизма этого старика. Со всем подчеркнутым достоинством своего сана, Туек произнес слова Бога:

— «Твой Владыка очень хорошо знает, что у тебя на сердце. Достаточно тебе заглянуть к себе в душу, чтобы она выступила против тебя обвинительницей. Мне нет надобности в свидетелях. Ты не прислушиваешься к своей душе, но прислушиваешься вместо этого к своим гневу и ярости». Стирос удалился в испуге и смятении.

В тягостном размышлении, Туек облачился в самое подходящее парадное облачение — белое, с золотом и пурпурным — и отправился навестить Шиэну. Шиэна была в саду на крыше центрального жреческого комплекса, вместе с Канией и еще двумя — молодой жрицей по имени Балдик, личной служанкой Туека, и жрицей-послушницей по имени Кипуна, которая вела себя, по мнению Туека, слишком подражая Преподобным Матерям. Орден имеет здесь, конечно, своих шпионов, но Туек не любил, когда это бросалось в глаза. Кипуна занималась, в основном, физической подготовкой Шиэны, и между девочкой и жрицей-послушницей установилось взаимопонимание, возбуждавшее ревность Кании. Даже Кания, однако, не могла перечить приказаниям Шиэны.

Все четверо стояли рядом с каменной скамьей, почти в тени вентиляционной башни. Кипуна держала правую руку Шиэны, манипулируя пальцами девочки. Шиэна все подрастает, отметил Туек. Уже шесть лет она была на его попечении. Ему было видно, как под ее одеянием начинают проступать едва развивающиеся груди. Не было ни ветерка на крыше, и воздух тяжело входил в легкие Туека.

Туек оглядел сад — лишний раз убедиться в прилежном исполнении его распоряжения о мерах безопасности. Никогда не знаешь, откуда может грянуть опасность. Четверо из личной охраны Туека, хорошо вооруженные, но скрывавшие оружие, располагались по четырем углам крыши. Парapет, окружавший сад, был высоким, как раз, чтобы высовывались лишь головы охранников. Единственным более высоким сооружением, чем эта жреческая башня, была первая ветроловушка Кина, приблизительно в тысяче метров к западу.

Несмотря на явные свидетельства, что все его приказы о мерах безопасности выполняются, Туек почувствовал опасность. Не Бог ли его предостерегает? Мысли Туека до сих пор бередил цинизм Стироса. Правильно ли позволять Стиросу так много воли?

Шиэна увидела приближающегося Туека и прервала странное упражнение по разработке пальцев, которое она исполняла под руководством Кипуны. С видом всепонимающего терпения девочка безмолвно застыла и устремила взгляд на Верховного Жреца, заставив своих спутниц повернуться посмотреть туда же, куда и она.

Для Шиэны Туек не был кем-то, внушавшим страх. Она, скорее, даже любила старика, несмотря на то, что некоторые его вопросы были такими путанными. А его ответы! По полной случайности она открыла тот вопрос, который больше всего досаждал Туеку: «Почему??

Некоторые из присутствовавших жрецов истолковали этот вопрос вслух как: «Почему вы в это верите??

Шиэна немедленно ухватилась за это, и впоследствии ее пробы Туека и других приобрели неизменную форму: «Почему в это верят??

Туек остановился приблизительно в двух шагах от Шиэны и поклонился.

— Доброе утро, Шиэна, — он нервно дергал шеей над воротником своего облачения. Солнце припекало плечи, и он подивился, почему девочка так любит сюда подниматься.

Шиэна неотрывно глядела на Туека испытующим взглядом. Она знала, что этот взгляд смущает его.

Туек откашлялся. Когда Шиэна вот так глядела на него, он всегда гадал: «Не Бог ли этоглядит на меня ее глазами??

Заговорила Кания:

— Шиэна сегодня все спрашивает про Рыбословш.

Самым елейным голосом Туек ответил:

— Собственная Святая Армия Бога.

— Вся армия из женщин? — спросила Шиэна. Она говорила так, словно не могла в это поверить. Для тех, кто находился в самом низу ракианского общества, Рыбословши были называнием из древней истории, развеянным во Времена Голода.

«Она испытывает меня», — подумал Туек. Рыбословши. Современные носительницы этого названия — всего лишь небольшая торгово-шпионская делегация на Ракисе, состоящая из мужчин и женщин. Их древние корни не имели больше никакого значения для нынешней деятельности, руководимой, в основном. Иксом.

— В армии Рыбословш всегда были советники-мужчины, — сказал Туек. Он внимательно приглядывался, как отреагирует на это Шиэна.

— И еще всегда были Данканы Айдахо, — сказала Кания.

— Да, да, конечно, Данканы Айдахо, — Туек постарался не выдать своего недовольства. Всегда эта женщина суетится! Туеку не нравилось, когда ему напоминали об этом аспекте исторического присутствия Бога на Ракисе. Возобновляемые гхолы и их положение в Святой Армии как бы давали некую индульгенцию Бене Тлейлаксу. Но никак не уйдешь от факта, что Рыбословши охраняли Данканов от любого вреда — действуя, разумеется, по приказанию Бога. Данканы были святыми, никакого в этом сомнения, но святыми особого рода. Бог сам повествует, что лично убил нескольких Данканов, явно переправляя их прямо в рай.

— Кипуна рассказывала мне о Бене Джессерит, — сказала Шиэна.

Как же мечется ум этой девочки!

Туек откашлялся, сознавая свое собственное противоречивое отношение к Преподобным Матерям. Почтение требовалось к тем, которые были «возлюбленными Бога», таким, как святая Ченоэ или

святая Хви Нори, Невеста Божия — тайная Преподобная Мать. Почитая эти особые обстоятельства, жречество испытывало крайне угнетающую ответственность перед Бене Джесссерит, которая материально выражалась, в основном, в продаже Ордену меланжа по смехотворно низким ценам, по сравнению с теми, что заламывал Тлейлакс. Шиэна, самым простодушным голосом, проговорила:

— Расскажи мне о Бене Джесссерит, Хедли.

Туек кинул резкий взгляд на взрослых вокруг Шиэны, не улыбнулся ли кто? Он не знал, как относиться к тому, что Шиэна называет его просто по имени. С одной стороны, это было унижительно, с другой — она оказывала ему почет таким личным обращением.

«Бог тяжко меня испытывает», — подумал он.

— Преподобные Матери — хорошие люди? — спросила Шиэна.

Туек вздохнул. Все отчеты подтверждали, что Бог сохранял осторожность насчет Ордена. Слова Бога внимательно изучались, и были, в конце концов, вверены истолкованию Верховного Жреца. Бог не позволял Ордену угрожать его Золотой Тропе.

— Многие из них — хорошие, — сказал Туек.

— А где ближайшая Преподобная Мать? — спросила Шиэна.

— В посольстве Ордена, здесь, в Кине, — ответил Туек.

— Ты ее знаешь?

— Много Преподобных Матерей в Оплоте Бене Джесссерит, — сказал он.

— Что такое Оплот?

— Это то, как они называют свой дом здесь.

— Какая-то одна Преподобная Мать должна быть старшей. Ты знаешь, какая?

— Я знал ее предшественнику, Тамалан, но эта — новенькая. Она только что прибыла. Ее зовут Одраде.

— Какое смешное имя.

Туек и сам так думал, но вслух сказал:

— Один из историков говорил мне, что это видоизменение имени Атридес. Шиэна задумалась над этим. Атридесы. Это была семья, из которой произошел на свет Шайтан. До Атридесов здесь были только Свободные и Шаи-Хулуд. Устная История, которую народ сохранял, несмотря на все запреты жречества, содержала перечень родословных самых значительных семей Ракиса. В своей деревне Шиэна не раз слышала эти имена по вечерам.

«Муад Дib родил Тирана».

«А Тиран родил Шайтана».

Шиэне не хотелось спорить и доказывать правду Туеку. Да и вид у него сегодня усталый. Она просто сказала:

— Приведи мне эту Преподобную Мать Одраде.

Кипуна подняла руку ко рту — скрыть торжество злорадной улыбки.

Туек в полном ужасе отпрянул. Как мог он повиноваться такому требованию? Даже ракиансское жречество не может повелевать Бене Джесссерит! И что, если Орден ему откажет? Может ли он предложить дар меланжа? Это могло бы стать признаком слабости! Преподобные Матери могли начать торговаться! На свете тяжело сыскать более прижимистых торгаши, чем холодноглазые Преподобные Матери Ордена. Эта новенькая, Одраде, выглядит, как раз одной из худших.

Все эти мысли промелькнули в уме Туека в одно мгновение.

Вмешалась Кания, предоставив Туеку нужную подсказку.

— Может быть, приглашение Шиэны могла бы передать Кипуна, — сказала Кания.

Туек метнул взгляд на юную жрицу-послушницу. Да! Многие подозревали (и Кания явно среди них), что Кипуна — шпионка Бене Джесссерит. Разумеется, каждый на Ракисе шпионил за каждым. Туек

изобразил самую любезную улыбку и кивнул Кипуне.

— Ты знаешь кого-нибудь из Преподобных Матерей, Кипуна?

— Некоторые из них мне известны, мой Владыка Верховный Жрец, ответила Кипуна.

?По крайней мере она все еще проявляет надлежащее почтение!?

— Превосходно, — сказал Туек. — Не была бы ты столь добра, передать это небесное приглашение Шиэны в посольство Ордена?

— Я постараюсь из всех моих ничтожных сил, мой Владыка Верховный Жрец.

— Я уверен, что ты постараешься!

Кипуна начала горделиво поворачиваться к Шиэне, осознание успеха нарастало в ней. До смешного легко было, используя технику Ордена, спровоцировать это желание Шиэны. Кипуна улыбнулась и открыла рот, чтобы заговорить. Движение на паррапете, приблизительно в сорока метрах позади Шиэны, привлекло внимание Кипуны. Что-то там блеснуло в солнечном свете. Что-то маленькое и...

Со сдавленным криком Кипуна схватила Шиэну, откинула ее потрясенному Туеку и крикнула:

— Бегите!

После этого Кипуна метнулась по направлению к быстрому яркому пятнышку — крохотному самонаводчику, за которым тянулась длинная шигавировая нить.

В свои молодые годы Туек играл в лапту. Он инстинктивно поймал Шиэну, а потом осознал опасность. Повернувшись с извивающейся и протестующей девочкой в руках, Туек кинулся к открытой двери башенной лестницы. Он услышал, как дверь захлопнулась за ним, и быстрые шаги Кании у него за спиной.

— Что это? Что это? — крича, Шиэна молотила кулаками по груди Туека. — То, Шиэна, то! — Туек задержался на первой лестничной площадке.

Отсюда в сердцевину здания вели и спусковой желоб, и супензорный спуск. Кания остановилась рядом с Туеком. Она запыхалась, в тесном пространстве ее дыхание звучало тяжело и громко.

— Это убило Кипуну и двух твоих охранников, — выдохнула Кания. -Разрезало их! Я видела. Боже, сохрани нас!

Ум Туека был в смятении. И спусковой желоб, и система супензорного прыжкового спуска — закрытые трубчатые пространства, ведущие сквозь башни, их легко перекрыть. Нападение на крыше могло быть только частью обширного замысла.

— Отпусти меня! — настаивала Шиэна. — Что происходит?

Туек поставил ее на пол, но продолжал крепко держать за руку. Он наклонился к ней:

— Шиэна, дорогая, кто-то пытался поранить вас.

Рот Шиэны изобразил безмолвное «О», затем:

— Они убили Кипуну?

Туек поглядел на дверь крыши. Не орнитоптер ли ему слышится? Стирос! Заговорщики так легко могут увести трех уязвимых людей в пустыню!

Кания обрела дыхание.

— Я слышу топот, — сказала она. — Не следует ли нам бежать отсюда?

— Мы спустимся вниз по лестнице! — сказал Туек.

— Но...

— Делай, как я говорю!

Крепко держа Шиэну за руку, Туек повел ее вниз, на следующую лестничную площадку. В добавление к спусковому желобу и супензорному устройству, эта лестничная площадка имела еще и дверь в широкий извивающийся холл. Всего лишь несколько коротких шагов — и там вход в апартаменты Шиэны. Прежде — собственные апартаменты Туека. И опять он заколебался.

— Что-то происходит на крыше, — прошептала Кания.

Туек поглядел на испуганно примолкшую девочку. Ее ручка вспотела.

Да, на крыше происходило какое-то смятение — крики, шипение огнеметов, топот беготни. Дверь крыши, скрытая теперь от их глаз, громко распахнулась, и это все решило для Туека. Он быстро отворил двери в холл и кинулся туда, попав прямо в плотно сформированный клин об斑斓енных в черное женщин. С каким же пустым чувством поражения Туек узнал женщину, стоявшую в острие этого клина: Одраде!

Кто-то выхватил у него Шиэну и запихнул ее внутрь плотно стоявших черных фигур. Ни Туек, ни Кания не успели запротестовать, как им крепко зажали рты. Другие руки притиснули их к двери холла. Несколько черных фигур вышли через дверь и направились вверх по лестнице.

— Девочка в безопасности, вот все, что важно в данный момент, прошептала Одраде. Она заглянула в глаза Туека. — Не поднимай шума, — он убрал руку ото рта. Используя Голос, она сказала: — Расскажи мне, что там на крыше!

Туек безоговорочно подчинился:

— Самонаводчик, тянувший длинный шиговир. Он летел через парапет. Кипуна увидела его...

— Где Кипуна?

— Мертвa. Это видела Кания, — Туек описал храбрый бросок Кипуны навстречу опасности.

«Кипуна мертва!» — подумала Одраде. Она скрыла ярость гневных чувств утраты. Какая же потеря. Конечно, нужно только восхищаться такой храброй смертью, но какая утрата! Орден всегда нуждался в отваге и преданности, но еще он нуждался в генетическом здоровье, имевшимся в Кипуне. «Погибла, убита этими безмозглыми олухами!?

По знаку Одраде рука со рта Кании была убрана.

— Расскажи мне, что ты видела, — сказала Одраде.

— Самонаводчик захлестнул шиговир вокруг шеи Кипуны и... — Канию передернуло.

Глухой хлопок взрыва эхом отдался над ними. Затем тишина. Одраде взмахнула рукой. Женщины в черном облачении рассыпались по холлу, двигаясь молча, скрываясь из видимости за поворотом. Только Одраде и еще двое — обе помоложе Одраде, с ледяными глазами и напряженными лицами — остались вместе с Туеком и Канией. Шиэны нигде не было видно.

— В этом каким-то образом замешаны икшианцы, — сказала Одраде.

Туек мысленно согласился. «Такое количество шиговира...?

— Куда вы увели девочку? — спросил он.

— Она под нашей защитой, — сказала Одраде. — Будьте спокойны, — она вскинула голову, прислушиваясь.

Из-за угла торопливо подошла фигура в черном и зашептала на ухо Одраде. На лице Одраде появилась натянутая улыбка.

— Все кончено, — сказала Одраде. — Мы пойдем к Шиэне.

Шиэна сидела в мягким голубом кресле с подушками в главной комнате своих апартаментов. Об斑斓енные в черное женщины стояли позади нее защищающей дугой. Девочка совершенно оправилась от шока нападения и бегства, но ее глаза поблескивали от возбуждения и незаданных вопросов. Взгляд Шиэны был устремлен на что-то справа от Туека. Он остановился и взглянул туда — дыхание у него перехватило.

В странном скрюченном положении у стены лежало обнаженное мужское тело, голова вывернута так, что подбородок сместился за левое плечо. Открытые глаза плялились с пустотой смерти.

Стирос!

Изодранные в клочья одеяния Стироса, явно насильственно с него содранные, неряшливой грудой лежали у ног трупа.

Туек поглядел на Одраде.

— Он был в этом замешан, — сказала она. — С икишианцами были Лицевые Танцоры.

Туек постарался сглотнуть сухим горлом.

Кания прошаркала мимо него к телу. Туеку не было видно ее лица. Присутствие Кании напомнило ему, что было что-то между Канией и Стиросом в дни их молодости. Туек двинулся, инстинктивно вставая между Канией и сидевшей девочкой.

Кания становилась перед телом и пнула его ногой. Затем она повернулась к Туеку с выражением злорадного торжества на лице.

— Я должна была увериться, что он действительно мертв, — сказала она. Одраде взглянула на одну из своих спутниц.

— Уберите тело.

Она поглядела на Шиэну. Для Одраде это была первая возможность повнимательней приглядеться к девочке с того момента, как она возглавила боевые силы, двинув их для отражения нападения на храмовый комплекс.

Туек проговорил позади Одраде:

— Преподобная Мать, не могла бы ты объяснить... Не оборачиваясь, Одраде его перебила:

— Позже.

Лицо Шиэны оживилось при словах Туека.

— Я так и думала, что ты — Преподобная Мать!

Одраде просто кивнула. До чего же восхитительная девочка. Одраде испытывала те же чувства, что и перед живописным полотном в апартаментах Таразы. Что-то от того огня, перешедшего в произведение искусства, вдохновляло сейчас Одраде. Дикое вдохновение! Вот о чем говорит ей сумасшедший Ван Гог. Хаос, приведенный в изумительный порядок. Разве это не входит в кодекс Ордена?

«Эта девочка — мой холст», — подумала Одраде. Она почувствовала, как у нее покалывает в руке от ощущения древней кисти. Ее ноздри расширились от запаха масла и красок.

— Оставьте меня наедине с Шиэнной, — приказала Одраде. — Все выйдите. Туек начал было возражать, но был остановлен, когда одна из спутниц Одраде крепко схватила его за руки. Одраде обдала его жгучим взглядом.

— Бене Джессерит и раньше тебе служил, — сказала она. — На этот раз мы спасли тебе жизнь.

Женщина, державшая Туека за руку, потянула его прочь.

— Ответь на его вопросы, — сказала Одраде. — Но сделай это где-нибудь еще.

Кания сделала шаг по направлению к Одраде.

— Эта девочка на моем...

— Удались! — рявкнула Одраде, задействовав все силы Голоса.

Кания застыла.

— Вы чуть не потеряли ее, уступив нелепому сборошу заговорщиков! сказала Одраде, суроно глядя на Канию. — Мы подумаем, предоставить ли вам дальнейшую возможность заниматься с Шиэнной.

Слезы показались в глазах Кании, но приговор Одраде обсуждению не подлежал. Повернувшись, Кания выскочила вслед за остальными.

Одраде перенесла свой взгляд на глядевшую во все глаза девочку.

— Мы уже очень давно тебя ждем, — проговорила Одраде. — Мы не предоставим этим дуракам еще одной возможности тебя потерять.

Глава 16

Закон всегда принимает ту, либо иную сторону на основе принудительной силы. Мораль и юридические точности мало что значат, когда вопрос ставится ребром: у кого рычаги влияния?

Заседание Совета Бене Джессерит: Архивы ХОХ232

Сразу после того, как Одраде и сопровождавшие ее покинули Гамму, Тег энергично взялся за работу. Необходимо перестроить внутренний режим Оплота так, чтобы держать Шванги подальше от гхолы — распоряжение Таразы.

— Она может наблюдать за всем, чем угодно. Ей нельзя дотрагиваться. Несмотря на множество неотложной работы, у Тега часто случались странные моменты, когда он в забытии глядел в никуда, становясь жертвой возникающего из ничего беспокойства. История с вызволением отряда Таразы с корабля, приписанного к Союзу и странные высказывания Одраде не укладывались ни в одну из намечаемых им схем.

«Зависимости... Ключевые бревна...?

Тег приходил в себя в своем рабочем кабинете; график назначений проецировался перед ним, показывая перестановки, которые он собирался сделать, но на какой-то миг он и там выпадал из времени и действительности. Ему приходилось мгновение подумать, чтобы заново себя сориентировать.

Позднее утро. Тараза и ее сопровождавшие уехали два дня назад. Он в одиночестве. Да, Патрин взял на себя сегодняшние уроки с Данканом, освободив Тега для принятия командных решений.

Тег почувствовал себя чужаком в этой комнате. Да, когда он глядел на все по отдельности, то каждая вещь знакома и привычна. Вот его персональный стационарный дисплей с банком данных. Его форменный китель, аккуратно повешенный на спинку стула рядом с ним. Он попытался войти в модуль ментата, но обнаружил, что его ум этому сопротивляется. Он не сталкивался с таким феноменом со дня своего ученичества.

Дни ученичества. Таразе и Одраде удалось каким-то образом отбросить его назад, в некую форму ученичества.

Самообразование.

Как-то безотчетно память подсунула ему их давний-давний разговор с Таразой. Как же это знакомо. И вот уже, пойманный сетями своей памяти, он унесся вдаль.

Они с Таразой тоща очень устали после принятия тяжелых решений и проведения различных мероприятий по предотвращению кровавого столкновения — инцидента Гарандика. Сейчас все это стало лишь легкой отрыжкой истории, но в то время потребовало объединения всех их усилий.

После подписания соглашения, Тараза пригласила его в небольшую приемную своих личных покоя на не-корабле. Она говорила небрежно, восхищаясь его мудростью, тем, как он разглядел те слабости, которые смогли привести к компромиссу.

Они были на ногах и активны почти тридцать часов, и Тег был рад возможности посидеть, пока Тараза набирала код на аппарате питания. Из него, как и требовалось, появились два стакана с кремово-коричневой жидкостью.

Тег узнал запах, когда она подала ему стакан. Это был быстрый восстановитель энергии, взбадриватель, который Бене Джессерит редко делил с посторонними. Но Тараза больше не считала его посторонним. Запрокинув голову, Тег сделал долгий глоток этого питья, взглянув на него устремлен на потолок небольшой приемной Таразы. Этот не-корабль был старой модели, построенный в те времена, когда больше внимания уделялось отделке тяжелые карнизы, барочные фигуры, вырезанные на каждой поверхности.

Вкус питья откинул его память назад, в детство, тяжелое воздействие меланжа...

— Моя мать готовила это для меня, когда я был слишком измотан, сказал он, глядя на стакан в своей руке. Он уже почувствовал, как возвращающаяся сила растекается по его телу.

Тараза уселась со своим стаканом в песье кресло напротив него пушистый предмет живой мебели, давно привыкший к ней и сразу же принявший ее форму.

Для Тега она подготовила обычное кресло с зеленой обивкой, но видела, как его взгляд быстро скользнул по песьему креслу, и улыбнулась Тегу. — У всякого свой вкус, Майлз, — она пригубила питье и продолжила. — О, Господи, до чего же изматывающая, но славная работа. Были моменты,

когда дело доходило до самой грани очень скверного оборота.

Тег обнаружил, что его трогает ее расслабленность. Никакой позы, никакой готовой маски, чтобы разделить их и четко обозначить различие положений в иерархии Бене Джессерит. Она была явно дружелюбной, без всякого намека на соблазнительность. Во всяком случае, выглядело это так вот и все, что можно сказать при общении с любой Преподобной Матерью.

С быстрым приливом восторга Тег понял, что он здорово наловчился читать Альму Мавис Таразу, даже когда она прикрывалась одной из своих масок.

— Твоя мать научила тебя большему, чем ей было ведено, — сказала Тараза. — Мудрая женщина, но еще одна еретичка. Хотя, все мы, кажется, склоняемся к этому в эти дни.

— Еретичка? — он испытал мгновенное возмущение.

— Есть в Ордене такая приватная штучка, — сказала Тараза. — Нам предписано следовать приказаниям Верховной Матери с полной преданностью. Мы так и делаем, кроме тех случаев, когда не согласны.

Тег улыбнулся и сделал большой глоток своего питья.

— Странно, но во время этого небольшого противостояния я обнаружила, что реагирую на тебя так, как реагировала бы на одну из наших Сестер, сказала Тараза.

Тег ощутил, как питье согревает его желудок. От него оставалось покалывание в ноздрях. Он поставил стакан на боковой столик и проговорил, глядя на него:

— Моя старшая дочь...

— То есть Димела, да? Тебе бы следовало позволить нам получить ее, Майлз.

— Тут решал не я.

— Но одно словечко от тебя... — Тараза пожала плечами. — Ладно, все это в прошлом. Так что насчет Димелы?

— Она думает, что я часто слишком похож на одну из вас.

— Слишком похож?

— Она яростно предана мне, Верховная Мать. Она на самом деле не понимает наших отношений...

— Каковы наши отношения?

— Ты командуешь, я подчиняюсь.

Тараза поглядела на него поверх края своего стакана. Поставив стакан, она произнесла:

— Да, ты никогда по-настоящему не был еретиком, Майлз. Может быть... Однажды...

Он быстро заговорил, чтобы отвлечь Таразу от таких мыслей.

— Димела считает, что долгое употребление меланжа делает многих людей похожими на вас.

— Вот как? Разве не странно, Майлз, что у нашего гериатрического зелья так много побочных эффектов?

— Я не нахожу это странным.

— Нет, разумеется, ты не счел бы это странным, — она допила свой стакан и отставила его в сторону. — Я сейчас говорю о том, что очень длинная жизнь приводила некоторых людей, тебя особенно, к доскональному знанию человеческой природы.

— Мы живем дольше и наблюдаем больше, — заметил он.

— Я не думаю, что это настолько просто. Некоторые люди никогда ничего не наблюдают. Жизнь для них просто происходит. Они живут, цепляясь за косность своего существования, отвергая с гневом и возмущением все, что может возвысить их над этой ложной безмятежностью.

— Я никогда не был в состоянии вывести приемлемый баланс всех «за» и «против» спайса, — сказал он, имея в виду обычный для ментата процесс сортировки данных.

Тараза кивнула. Явно, она сталкивалась с той же трудностью.

— Мы, Сестры, более склонны двигаться в одной колее, чем ментаты, сказала она. — У нас есть способы выводить из нее свой ум, но воспитание очень сказывается.

— Наши предки долго разбирались с этой проблемой, — сказал он.

— До спайса это было совсем по-другому, — сказала она.

— Но жизни были так коротки.

— Пятьдесят, сто лет — это не кажется нам слишком долгим, но, все же...

— Наверное, они до предела уплотняли отведенное им время?

— О, по временам они были просто неистовы.

Он понял, что она делится с ним наблюдениями из своих Иных Памятей. Не впервые он причащался к этой древней науке. Его мать, порой, тоже делилась такими знаниями, но всегда как уроком. Что же делает сейчас Тараза? Учит его чему-то?

— Меланж — это многорукое чудовище, — сказала она.

— Не желаешь ли ты — порок, чтобы мы никогда его не открывали?

— Без него не существовал бы Бене Джессерит.

— И Космический Союз.

— Но не было бы и Тирана, не было бы Муад Диба. Спайс дает одной рукой и забирает всеми другими.

— В какой руке находится то, чего мы жаждем? — спросил он. — Разве не всегда стоял этот вопрос?

— Ты чудо, ты знаешь это, Майлз? Ментаты редко погружаются в философию. Я думаю, это одна из твоих сильных сторон. Ты потрясающе способен на сомнение.

Он пожал плечами. Этот поворот разговора растревожил его.

— Ты невесел, — сказала она. — Но в любом случае — цепляйся за свои сомнения. Сомнения необходимы для философа.

— Так заверяют нас дзенсунниты.

— На этом сходятся все мистики, Майлз. Никогда не недооценивай силу сомнений. Очень убедительно. Стори держит сомнения и уверенность в одной руке.

Действительно весьма удивленный, он спросил:

— Так что. Преподобные Матери практикуют ритуалы дзенсунни?

Он раньше этого даже и не подозревал.

— Всего лишь однажды, — ответила она, — мы достигаем экзальтированной и тотальной формы сгори. Она включает каждую клетку.

— Спайсовая Агония, — сказал он.

— Я была уверена, что твоя мать тебе рассказывала. Очевидно, она никогда не объясняла тебе родства с дзенсунни.

Тег слготнул комок в горле. Восхитительно! Она открывает ему новый взгляд на Бене Джессерит. Это изменит всю его концепцию, включая образ собственной матери. Они отстранены от него на недостижимое место, куда он никогда не сможет последовать. Порой, они могут думать о нем, как о сотоварище, но он никогда не сможет войти в их интимный круг. Он может притворяться, но не более. Он никогда не будет схож с Муад Дибом или Тираном.

— Предвидение, — сказала Тараза.

Это слово привлекло его внимание. Она и меняет тему и не меняет ее.

— Я как раз думал о Муад Дибе, — сказал он.

— Ты считаешь, что он предсказывал будущее, — сказала она.

- Таково учение ментата.
- Я слышу сомнение в твоем голосе, Майлз. Предсказывал он его или творил? Предвидение может быть смертоносно. Люди, требующие предсказаний от оракула, на самом деле хотят знать цену китового меха на следующий год или нечто, столь же приземленное. Никто из них не хочет, чтобы ему мгновение за мгновением предсказали всю его личную жизнь.
- Никаких неожиданностей.
- Именно. Если обладаешь таким знанием заранее, то твоя жизнь становится невыразимой скучой.
- Ты думаешь, жизнь Муад Диба была скучой?
- И жизнь Тирана тоже. Мы считаем, все их жизни были посвящены тому, чтобы вырваться из цепей, которые они сами для себя сотворили.
- Не они верили...

— Помни о своих философских сомнениях, Майлз. Остерегайся! Ум верующего застаивается. Он оказывается неспособным расти вовне, в неограниченный и бесконечный космос.

Тег мгновение сидел неподвижно. Он вдруг ощущал усталость, которая завладевала им поверх мгновенной встряски от питья, ощущал также тот путь, по которому направлены его мысли вторжением этих новых концепций. Были вещи, которые, как его учили, ослабляют ментата, и все-таки он чувствовал, как они его усиливают.

«Она учит меня, — подумал он. — Она дает мне урок».

Словно спроектированное в его мозг и очерченное там огнем, увещевание дзенсуннитов, которое учат начинающие студенты в школе ментатов, сфокусировало на себе все его внимание: «По твоей вере в объединенные единичности ты отрицаешь все движение — эволюционное или обращенное вспять. Вера фиксирует гранулированные мироздания и приводит к тому, что это мироздание упорствует. Ничему не позволено переменяться, потому что при любой перемене исчезнет недвижимое мироздание. Но оно движется само по себе, пока ты не движешься. Оно развивается свыше тебя и становится для тебя более недостижимым».

— Самое странное из всего, — в тон заданному ей самой настроению сказала Тараза, — то, что ученые Икса не могут видеть, насколько их собственная вера главенствует в их мироздании.

Тег внимательно поглядел на нее, молчаливо и восприимчиво.

— Верования икшианцев полностью подчинены выбору, который они делают, как именно они будут глядеть на свое мироздание, — сказала Тараза. — Их космос не действует сам по себе, но представляется согласно тем видам опыта, который они выбирают.

Вздрогнув, Тег пришел в себя от этих воспоминаний, и очнувшись, обнаружил, что он в Оплоте Гамму. Он так и сидел в привычном кресле своего кабинета. Окидывая взглядом комнату, он заметил, что ничего не сдвинуто с того места, куда он все прежде положил. Прошло всего лишь несколько минут, но комната и то, что в ней находилось, больше не представлялись чуждыми ему. Он нырнул и вынырнул по модулю ментата.

ВОССТАНОВЛЕН.

Вкус и запах того питья, которым так давно угостила его Тараза, до сих пор пощипывал язык и ноздри. Он понял, что переключась на миг в модуль ментата будет способен вызвать в памяти всю сцену еще раз — приглушенный свет затененных глоуглобов, ощущение кресла под собой, звуки голосов. Все это проиграется снова, замороженное во времени-капсуле изолированного воспоминания.

Повторение этого старого воспоминания творило волшебное мироздание, где его способности увеличивались выше самых смелых его ожиданий. Никаких атомов не существовало в этом его волшебном мироздании, только волны и мощнейшее движение повсюду вокруг. Он вынужден там откидывать все барьеры, возведенные из веры и понимания. Это мироздание прозрачно. Он видел сквозь него без промежуточных: экранов, на которые проецируется форма. Волшебное мироздание сводит его «я» до зернышка активного воображения, где его собственные способности создания образов, только экран, на котором можно ощутить любую проекцию.

«Вот оно. Я одновременно и исполнитель, и инструмент исполнения! -Постоянство вокруг». — Тег колебался уходя и возвращаясь в чувственную реальность. Он почувствовал, как его сознание ужимается, и как при этом цель заполняет все мироздание. Он распахнут в бесконечности.

?Тараза сделала это умышленно, — подумал он. — Она увеличила меня».

Его заполнило граничащее с ужасом Благоговение. Он понял, откуда его дочь Одраде взяла такие силы, чтобы создать для Таразы «Манифест Атридесов». Его собственные силы ментата погрузились в эту более великую модель.

Таразе потребуется от него исполнение, наводящее страх. Такая необходимость манит и ужасает. Это вполне может означать даже конец Ордена.

Глава 17

Основное правило таково: «Никогда не поддерживай слабость, всегда поддерживай силу».

Кодекс Бене Джессерит

— Как это тебе можно приказывать всем этим жрецам? — спросила Шиэна. — Ведь это их место.

Одраде ответила, как бы небрежно, но тщательно подбирая слова, чтобы они соответствовали уровню знаний и понимания Шиэны.

— Корни жрецов — в Свободных. У тех всегда где-то поблизости были Преподобные Матери. Кроме того, дитя, ты ведь ими тоже повелеваешь.

— Это совсем другое.

Одраде подавила улыбку.

Прошло меньше трех часов с тех пор, как ее ударные отряды отразили нападение на храмовый комплекс. На это время Одраде устроила свой центр в апартаментах Шиэны, руководя оттуда всем необходимым для оценки и предварительного возмездия, при этом постоянно давая объяснения Шиэне и наблюдая за ней.

«Параллельный поток».

Одраде оглядела помещение, выбранное под командный пункт. Ключек от изодраных одежд Стироса так и остался валяться у стены. «Человеческие потери». У этой комнаты странная форма. Нет двух параллельных стен. Одраде фыркнула — до сих пор остался запах озона от снуперов, с помощью которых ее люди обеспечили уединенность этих апартаментов. С чего бы такая странная форма? Здание древнее, много раз перестраивавшееся и достраивавшееся, но это не объяснение для такой комнаты. Приятная шероховатость кремовой штукатурки на стенах и потолке. Вычурные занавески из волокон спайса, окаймлявшие две двери. Сейчас ранний вечер, и солнце, пробивавшееся сквозь решетчатые ставни, испещрило рябью стену напротив окон. Серебряно-желтые глоуглобы, витавшие под потолком, настроены в соответствии с солнечным светом. Приглушенные уличные шумы доносятся через вентиляторы под окнами. Мягкие узоры оранжевых ковриков и серых плиток пола говорят об удобстве и безопасности, но чувство безопасности у Одраде внезапно исчезло.

— Мать Настоятельница, Союзу, Иксу и Тлейлаксу послания отправлены, сказала она.

— Поняла, — рассеянно отозвалась Одраде.

Связная вернулась к своим обязанностям.

— Что ты делаешь? — спросила Шиэна.

— Кое-что изучаю.

Одраде в задумчивости поджала губы. Их проводники через храмовый комплекс провели их сквозь лабиринты коридоров и лестниц, сквозь арочные окошки порой мелькали виды внутренних двориков. Затем — превосходная икшианская система супензорных шахт, по которой они беззвучно перенеслись в другой коридор, и опять там были лестницы, извивающиеся проходы... Наконец, эта комната.

И опять Одраде окинула взглядом комнату.

— Ну, почему ты изучаешь эту комнату? — спросила Шиэна.

— Тс-с, девочка!

Комната представляла собой неправильный многогранник с меньшей стороной слева, приблизительно тридцать пять метров в длину, в ширину вдвое меньше. Множество узеньких диванчиков и кресел, различной степени удобности. Шиэна сидела по-королевски величественно на ярко-желтом кресле с мягкими подлокотниками. Ни единого песчаного кресла в этом месте. Много коричневых, голубых и желтых тканей. Одраде поглядела на белую решетку вентиляции над картиной, изображавшей горы, на более широкой стороне комнаты. Холодный ветерок веял из вентилятора под окнами и тянулся по направлению к вентилятору под картиной.

— Эта была комната Хедли, — сказала Шиэна.

— Почему ты его раздражаешь, называя его просто по имени, девочка?

— Разве это его раздражает?

— Не играй со мной в словесные игры, девочка! Ты знаешь, что это его раздражает, и вот поэтому ты это делаешь.

— Тогда почему ты спросила?

Одраде проигнорировала вопрос, продолжая тщательное изучение комнаты. Стена напротив той, на которой висит картина, под косым углом к внешней стене. Теперь она поняла. Умно! Комната была сооружена так, что даже шепоток доносился до того, кто дежурил за верхним вентилятором. Нет сомнений, что картина скрывала еще один воздушный коридор, чтобы, доносить любой звук из этой комнаты. Ни снупер, ни снифер, никакой другой инструмент не засек бы это приспособление. Ничто не «бибикнуло» бы, уловленное выслеживающим глазком или ухом. Только настороженное чутье хорошо подготовленного в обманах могло такое разоблачить.

Подав рукой сигнал ждущей послушнице, Одраде быстро обратилась к ней на языке жестов, пальцы так и мелькали: «Выясните, кто подслушивает за этим вентиляционным отверстием». Она кивнула на вентилятор за картиной. — Позвольте им продолжать. Мы должны знать, кому они докладывают».

— Откуда вы узнали, что надо прийти и спасти меня? — спросила Шиэна. «У девочки прекрасный голос, но он нуждается в тренировке», подумала Одраде. Была в нем, однако, твердость, из которой можно выковать могущественный инструмент.

— Ответь мне! — приказала Шиэна.

Властная интонация потрясла Одраде, возбудив в ней быстрый гнев, который она постаралась подавить. Исправления должны быть внесены немедленно!

— Утихомирься, девочка, — сказала Одраде. Она отдала ей команду в точно выбранном тоне и увидела, что это произвело эффект.

Но Шиэна опять ее потрясла:

— Это еще один вид Голоса, ты стараешься успокоить меня Кипуна рассказала мне о Голосе все.

Одраде повернулась и посмотрела прямо в лицо Шиэне. Первая печаль Шиэны прошла, но до сих пор в ней был гнев, когда она говорила о Кипуне.

— Я занята тем, что готовлю наш ответ на это нападение, — сказала Одраде. — Почему ты меня отвлекаешь? Я думаю, ты хочешь, чтобы их покарали.

— Что вы с ними сделаете? Скажи мне, что вы сделаете?

«На удивление мстительное дитя, — подумала Одраде. — Это следует отшлифовать. Ненависть также опасна, как и любовь. Способность ненавидеть, означает способность испытывать противоположное чувство».

Одраде сказала:

— Я послала Союзу, Иксу, Тлейлаксу послание, которое мы всегда отправляем, когда рассержены. Два слова — «Вы заплатите».

— Как они заплатят?

— Со стороны Бене Джесссерит сейчас разрабатывается соответствующая кара. Они почувствуют последствия своего поведения.

— Но что вы сделаете?

— Может ты и узнаешь со временем. Ты, может, даже узнаешь, как мы осуществим наше наказание. А пока что тебе нет необходимости знать.

На лице Шиэны появилось угрюмое выражение. Она сказала:

— Вы даже не разгневаны. Рассержены. Ты сама так сказала.

— Уйми свое нетерпение, девочка! Есть вещи, которых ты не понимаешь. Преподобная Мать из комнаты связи вернулась, кинула взгляд на Шиэну и обратилась к Одраде.

— Дом Соборов подтверждает получение твоего послания. Они одобряют твой ответ.

Когда Преподобная Мать из комнаты связи осталась стоять, Одраде спросила:

— Что-нибудь еще?

Быстрый взгляд на Шиэну говорил о том, что связная чувствует себя скованной. Одраде подняла правую ладонь — сигнал к безмолвному разговору. Преподобная Мать ответила, ее пальцы с неприкрытым возбуждением заплясали, говоря языком жестов: «Послание Таразы: Тлейлакс — это основной элемент. Союз должен дорого поплатиться за меланж. Прекратить для них ракианские поставки. Отбросить и союз с Иксом. Они и так перенапрягутся в безнадежном соперничестве с Рассеянием. Пока что, игнорировать Рыбословш. Они связаны с Иксом. Господин Господинов ответил нам с Тлейлакса. Он движется на Ракис. Поймать его в ловушку».

Одраде мягко улыбнулась, показывая, что все поняла. Она проследила за покидающей комнату связной. Дом Соборов согласен с действиями, предпринятыми на Ракисе, соответствующая кара Бене Джессерит разработана с восхитительной скоростью. Явно, Тараза и ее Советницы предвидели такой поворот событий.

Одраде позволила себе испустить вздох облегчения. Послание на Дом Соборов было сжатым: доклад в общих чертах о нападении, список потерь Ордена, результаты опознания личностей нападавших и сообщение Таразе, подтверждающее, что Одраде уже отправила требующиеся предупреждения виновным: «Вы заплатите».

Да, эти нападавшие дураки теперь узнали, что растревожили гнездо шершней. Это породит страх — существенную часть наказания.

Шиэна скривилась в своем кресле. Ее поза говорила, что сейчас она попробует новый подход.

— Одна из твоих людей сказала, что там были Лицевые Танцоры? — она подбородком указала в сторону крыши.

«До чего бездонный колодец невежества эта девочка», — подумала Одраде. Это пустота, которую следует заполнить. **ЛИЦЕВЫЕ ТАНЦОРЫ!** Одраде подумала об осмотренных ими телах. Тлейлакс, наконец, запустил в действие своих новых Лицевых Танцоров. Это было, конечно, испытание Бене Джессерит. Этих новых крайне трудно распознать. Однако, они все так же издают свой очень характерный запах. Одраде включила сообщение об этом в свой доклад на Дом Соборов. Проблема теперь была в том, как сохранить в тайне знания Бене Джессерит. Одраде призвала связную. Указывая на вентилятор быстрым взмахом глаз, Одраде безмолвно заговорила с ней пальцами: «Убейте подслушивающих!» — Ты слишком интересуешься Голосом, девочка, — обратилась Одраде к сидевшей в кресле Шиэне. — Молчание — это самый ценный инструмент для обучения.

— Но не могу ли я научиться Голосу? Я хочу научиться ему.

— Говорю тебе, будь молчаливой и учись молчанием.

— Я приказываю тебе научить меня Голосу!

Одраде припомнила доклады Кипуны: Шиэна утвердила эффективный голосовой контроль над большинством своего окружения. Девочка научилась этому самостоятельно. Средний уровень Голоса для ограниченной аудитории. Для нее это было естественным. Туек, Кания и другие запуганы Шиэной. Религиозная фантазия вносила конечно свой вклад страха, но владение Шиэной высотой и тональностью голоса показывало прекрасную бессознательную избирательность.

Одраде видела со всей очевидностью как именно надо вести себя с Шиэной — честно, честность не раз срабатывала, как наилучшая приманка.

— Я здесь, чтобы научить тебя многому, — сказала Одраде, — но не буду делать этого по твоему распоряжению.

— Мне все повинуются! — сказала Шиэна.

«Она едва достигла половой зрелости, и уже на этом уровне аристократка, — подумала Одраде. — Господи, наш Создатель! Кем она может стать?»

Шиэна соскользнула с кресла и встала перед Одраде с угрожающим выражением лица. Глаза девочки были на уровне плеч Одраде. Шиэна будет высокой, от нее будет веять властью. Если она выживет.

— Ты отвечаешь на некоторые из моих вопросов, но не отвечаешь на другие, — сказала Шиэна. — Ты говоришь, что вы давно уже меня ждете, но не объясняешь. Почему ты не будешь мне повиноваться?

— Глупый вопрос, дитя.

— Почему ты все время называешь меня «дитя»?

— Разве ты не дитя?

— У меня уже есть менструации.

— Но все равно ты еще дитя.

— Жрецы мне повинуются.

— Они боятся тебя.

— А ты не боишься?

— Я — нет.

— Отлично! Это так надоедает, когда люди только лишь боятся тебя.

— Жрецы думают, будто ты пришла от Бога.

— А ты так не думаешь?

— С чего бы мне? Мы... — Одраде осеклась, увидев, что входит послушница-связная. Пальцы послушницы заплясали, передавая ей безмолвное сообщение: «Подслушивали четверо жрецов, они убиты, все — подчиненные Туека».

Одраде взмахом руки отослала связную.

— Она разговаривает пальцами, — сказала Шиэна. — Как это у нее получается?

— Ты задаешь много неправильных вопросов, дитя. И ты еще не сказала мне, почему я должна считать тебя орудием Божим.

— Шайтан меня щадит. Я хожу по пустыне, и когда приходит Шайтан, я с ним разговариваю.

— Почему ты его называешь Шайтаном, а не Шай-Хулудом?

— Всякий задает этот глупый вопрос!

— Тогда дай мне твой глупый ответ.

На лице Шиэны опять простила угрюмость.

— Это из-за того, что мы встретились.

— А как вы встретились?

Шиэна запрокинула голову набок и секунду глядела на Одраде, затем сказала:

— Это — тайна.

— И ты знаешь, как хранить тайны?

Шиэна выпрямилась и кивнула, но Одраде увидела неуверенность в ее движении. Девочка соображает, когда ее пытаются завести в тупик!

— Превосходно! — сказала Одраде. — Умение хранить тайну — одно из самых основных в науке Преподобной Матери. Я рада, что с этим нам не придется долго с тобой возиться.

— Но я хочу изучить все!

Такая же непосредственность в ее голосе. Очень плохой эмоциональный контроль.

— Ты должна научить меня всему! — настаивала Шиэна.

«Время для хлыста», — подумала Одраде. Шиэна рассказала и продемонстрировала достаточно, чтобы даже послушница пятой ступени окончательно и безошибочно раскусила, какие средства применить, чтобы взять девочку под контроль.

Используя всю мощь Голоса, Одраде сказала:

— Не принимай со мной такого тона, дитя! Нет, если ты хочешь чему-либо научиться!

Шиэна остолбенела. Она стояла больше минуты, переваривая то, что с ней произошло. Вскоре она

улыбнулась, на лице появилось теплое, открытое выражение.

— О, я так рада, что вы пришли! Последнее время здесь было так скучно.

Глава 18

Ничто не превосходит по сложности человеческий ум.

Лито II: из записей в Дар-эс-Балате

Уже два часа на Гамму стояла ночь, так живо полнявшаяся в этих широтах дурными предчувствиями. Сгущающиеся тучи затмили Оплот. По распоряжению Лусиллы Данкан вернулся во внутренний двор для интересных самостоятельных упражнений.

Лусилла смотрела на него с того парапета, с которого некогда впервые увидела его.

Данкан двигался резкими и крученными рывками восьмикратных боевых движений Бене Джессерит, перебрасывая тело по траве, перекатываясь с бока на бок, взмывая вверх и вниз.

«Он великолепно овладел внесистемными увертками», — подумала Лусилла. Она не могла углядеть никакого предсказуемого образца в его движениях, а скорость была просто ошеломляющей. Ему уже почти шестнадцать стандартных лет, и его потенциальная одаренность в прана-бинду уже начинала раскрывать свои основные возможности.

Тщательно контролируемые движения его тренировочных упражнений открывали так много! Он живо отреагировал, когда она назначила ему эти вечерние занятия. Начальный шаг инструкции Таразы выполнен. Гхола ее любит, в этом нет никакого сомнения. Он смотрит на нее, как на мать. Это было достигнуто без серьезного его ослабления, хотя и возбудило тревогу Тега.

«Моя тень лежит на этом гхоле, но он не проситель и не зависимый последователь, — успокоила она себя. — Беспокойство Тега за него не имеет причины».

Как раз сегодня утром она сказала Тегу:

— Он свободно владеет своим телом, где бы ни потребовалось приложение сил.

«Тегу стоило бы сейчас на это поглядеть», — подумала она. Новые движения, выполняемые Данканом, были, в основном, его собственным изобретением.

Лусилла подавила возглас одобрения при особенно проворном прыжке, который перенес Данкана почти к середине внутреннего двора. Гхола достиг нервно-мышечного равновесия и это, дай только время, может привести к такому психическому равновесию, которое, по меньшей мере, будет равно равновесию Тега. Культурное воздействие такого достижения будет иметь феноменальную силу. Стоит только взглянуть на тех, кто инстинктивно тянется к Тегу, и через Тега — к Ордену.

«За все это нам следует больше всего благодарить Тирана», — подумала она.

До Лито II никакая система культурных приспособлений не могла просуществовать достаточно долго, чтобы достичнуть того баланса, который Бене Джессерит рассматривал как идеал. Подобно тончайшему равновесию «протеканию по лезвию меча» — что завораживало Лусиллу. Вот почему она безоговорочно отдалась проекту, цельный замысел которого она не знала, но который требовал от нее исполнить то, что было ее отталкивающим для ее инстинктов. «Данкан так юн!?

Последующее требование Ордена было совершенно однозначно изложено Таразой: сексуальное кодирование.

Лишь сегодня Лусилла позировала обнаженной перед зеркалом, принимая позы и совершая движения лица и тела, которые она использует для выполнения распоряжения Таразы. В искусственной расслабленности Лусилла увидела свое лицо лицом доисторической богини любви — пышная плоть, предвещавшая ласки, одно обещание которых может заставить распаленного мужчину броситься к ней.

Во время обучения Лусилла видела статуи Первых Времен — каменные фигуры женщин с большими бедрами и обвислыми грудями, которые гарантировали, что там в изобилии молока для сосунков. По своей воле Лусилла могла совершать юношескую мимикрию этой древней формы.

Во внутреннем дворику под Лусиллой Данкан на мгновение задержался, как будто размышляя над своими следующими движениями. Вдруг он кинул себя, высоко подпрыгнув, и перевернулся в воздухе, приземлившись на одну ногу, наискосок ей оттолкнулся и опять пролетел во вращательном движении, больше сходным с танцем, чем с выпадом.

Лусилла поджала рот с выражением решимости.

СЕКСУАЛЬНОЕ КОДИРОВАНИЕ.

«Секрет секса вовсе не является секретом», — думала она. Корни его уходят в саму жизнь. Это объясняло, разумеется, почему лицо первого, соблазненного ею по распоряжению Ордена мужчины, осталось в ее памяти. Разрешающие Скрещивание говорили ей, что этого следует ожидать и не стоит волноваться. Но Лусилла поняла тогда, что сексуальное кодирование является обоюдоострым мечом. Можно научиться скользить по острию лезвия, но это не исключает возможности об него обрезаться. Порой, когда это мужское лицо ее первого соблазнения-приказа неожиданно всплывало в памяти, Лусилла чувствовала себя ошарашенной этим. Видение так часто приходило в самый высший момент интимности, что ей приходилось прилагать огромные усилия, чтобы это скрыть.

— Ты усиливаешь себя таким образом, — успокаивали ее Разрешающие Скрещивание.

Все равно, бывали времена, когда она чувствовала, что низводит до обыденного уровня то, чему лучше оставаться тайной.

Ощущение горечи того, что она должна сделать, прошло по Лусилле. Эти вечера, когда она наблюдала за тренировками Данканы были ее любимым временем. Развитые мускулы парнишки показывали весьма определенный прогресс — в росте и чувствительности мускулов и нервных звеньев — все чудеса прана-бинду, которыми так славится Орден. Оставалось сделать следующий — последний — шаг, и нельзя больше уходить в сторону от своего поручения.

Скоро придет Майлз Тег, знала она. Тренировки Данканы возобновятся в гимнастическом зале с более смертоносным вооружением.

Тег. И опять Лусилла подумала о Теге. Она не раз чувствовала, как ее привлекает к нему тем особенным образом, который она немедленно распознавала. Геноносительницы обладали относительной свободой в выборе своих партнеров для скрещивания при условии, что это не войдет в противоречие с приказами, и нет более первоочередных задач. Тег стар, но, судя по его досье, он еще вполне может находиться в стадии половой зрелости. Ребенка от него ей, конечно, нельзя будет сохранить, но ведь она давно научилась обходить это.

«Почему бы и нет?» — спросила она самое себя.

Ее план был до крайности прост. Завершить кодирование гхолы, затем, согласовав официально свои желания с Таразой, зачать ребенка от доблестного Майлза Тега. Она уже опробовала на практике вводное соблазнение, но Тег не поддался, с циничностью ментата оставил ее однажды днем в раздевалке Зала Вооружений.

— Дни моего скрещивания миновали, Лусилла. Ордену следует удовлетвориться тем, что я уже ему дал.

Тег, облаченный только в черное тренировочное трико, как раз вытер полотенцем пот с лица и швырнулся полотенце в корзину для грязного белья. Он проговорил, не глядя на нее:

— Не будешь ли ты теперь добра меня покинуть?

«Значит он видел мои авансы нас kvозь!?

Ей бы следовало это предвидеть, ведь Тег — это Тег. Лусилла знала, что она все еще может соблазнить его: ни одна Преподобная Мать с ее уровнем подготовки не может потерпеть неудачу, несмотря даже на очевидные силы ментата Тега.

Лусилла мгновение стояла в нерешительности, ее ум машинально прикидывал, как обойти этот предварительный отказ. Что-то ее останавливало. Не гнев на отказ, не отдаленная возможность, что он действительно может оказаться неуязвим для ее чар. Гордость и возможность поражения (ведь всегда остается такая возможность) мало что имели общего с этим.

ДОСТОИНСТВО.

В Теге было тихое достоинство, и она обладала твердым знанием того, что его удалъ уже принесла Ордену. Не совсем уверенная в своих мотивах, Лусилла отвернулась от него. Может быть, это скрытая благодарность, которую Орден чувствует к нему. Соблазнить Тега сейчас было бы унизительно, не только для него, но для нее самой. Она не могла заставить себя это осуществить без прямого приказания.

Некоторые из этих мыслей затмили ее чувства, пока она стояла на парапете. Потом она заметила движение в тенях прохода из Оружейного Крыла. Оттуда мог появиться Тег. Лусилла крепко взяла себя в руки и сосредоточила взгляд на Данкане. Гхола пока прекратил свои жестко контролируемые кувырки по лужайке. Он тихо стоял, глубоко дыша, его взгляд устремлен вверх, на Лусиллу. Она увидела пот на его лице и темные пятна на светло-голубом стилсьюте.

Перегнувшись через перила, Лусилла окликнула его:

— Очень хорошо сегодня, Данкан. Завтра я начну учить тебя новым комбинациям нога — кулак.

Эти слова вырвались у нее помимо воли, и она сразу поняла почему они предназначались Тегу, стоявшему в затемненном дверном проеме, а не гхоле. Она как бы говорила Тегу: «Вот видишь! Ты не единственный, кто учит его смертоносному искусству».

Лусилла затем осознала, что Тег глубже проник в ее психику, чем ей следовало дозволять. Она метнула мрачный взгляд на высокую фигуру, проявившуюся из теней возле двери. Данкан уже бежал по направлению к башару.

Лусилла не отрывала от Тега сосредоточенного взгляда — и вдруг в ней сработало что-то из самых глубинных и значительных реакций Бене Джесссерит. Последовательность этой реакции определилась позже: «Что-то не так! Опасность! Тег — это не Тег!» В этом озарении, однако, ни один шаг не был удален от другого. Она мгновенно отреагировала и возвысила голос, что было сил:

— Данкан! Ложись!

Данкан ничком упал на траву, сосредоточив внимание на фигуре Тега, появившейся из Оружейного Крыла с полевым лазерным пистолетом в руках. «Лицевой Танцор!» — подумала Лусилла. Только сверхчуткость позволила ей опознать его. ОДИН ИЗ ЭТИХ НОВЫХ!

— Лицевой Танцор! — закричала Лусилла. Данкан рывком отлетел в сторону и подпрыгнул, распластавшись в воздухе, по меньшей мере в метре над землей. Быстрота этой реакции потрясла Лусиллу. Она и не думала, что кто-либо способен двигаться так быстро! Первый выстрел лазерного пистолета ударил ниже Данкана, когда он будто парил в воздухе.

Лусилла бросилась к парапету и соскочила, ухватясь за подоконник нижнего этажа. Еще не остановившись, она выбросила руку и нашупала выступ дождевого водостока, который, как она помнила, должен там находиться. Ее тело изогнулось в сторону, и она соскочила на подоконник следующего уровня. Отчаяние вело ее вперед, хотя она и понимала, что опоздает.

Что-то треснуло в стене над ней. Она увидела, как огненная линия прорезала воздух в ее направлении, когда она метнулась влево, переворачиваясь и летя на лужайке. Ее взгляд охватил всю сцену вокруг нее, как единой вспышкой, когда она приземлилась.

Данкан надвигался на нападавшего, увиливая и ныряя в этом ужасном повторении своей тренировки. Скорость его движения!

Лусилла заметила нерешительность на лице фальшивого Тега.

Она метнулась к Лицевому Танцору, ощущив мысли этого создания: «Их двое на меня одного!?

Неудача была, однако, неизбежной, и Лусилла знала это, даже пока бежала. Лицевому Танцору надо только перевести свое оружие на ближний радиус действия и включить на полную мощность, тогда он все вокруг себя закроет огненными кружевами. Ничто не преодолеет такую защиту. Она отчаянно искала в уме какой-нибудь способ сразить нападавшего, когда увидела красный дымок, появившийся в груди ложного Тега. Красная линия вырвалась вперед под косым углом через мускулы руки, державшей лазерный пистолет. Рука отпала, как кусок, отколотый от статуи. Плечо дернулось вверх, отрываясь от торса, брызнула фонтаном кровь. Фигура заколебалась и, расчленяясь еще больше в красном дыме и брызгах крови, на ходу распалась на кусочки. Все — темного желто-коричневого и подкрашенного голубым красного.

Остановившись, Лусилла ощутила явственный запах Лицевого Танцора. Данкан подошел и встал рядом с ней. Он глядел мимо мертвого Лицевого Танцора на движение в коридоре за дверью.

Еще один Тег появился позади мертвого. На этот раз — подлинный, Лусилла безошибочно признала: «Да, это сам Тег».

— Вот, башар, — сказал Данкан. Лусилла испытала небольшой прилив радости, что Данкан уже так хорошо усвоил искусство опознавать друзей, даже, когда их почти не видно. Она указала на мертвого Лицевого Танцора.

— Понюхай его.

Данкан вздохнул.

— Да, я чувствую запах, но он был не очень хорошей копией, и я раскусил его так же быстро, как и ты.

Тег появился во внутреннем дворике, тяжелый лазерный пистолет пристроен на его левой руке,

правой рукой твердо держа приклад и курок. Он окинул взглядом весь внутренний двор, потом внимательно посмотрел на Данканна и Лусиллу.

— Уведи Данканна внутрь, — сказал Тег. Это был приказ боевого командира, полагавшегося только на высшее знание того, что следует делать в случае опасности. Лусилла повиновалась без единого вопроса.

Данкан не заговаривал, когда она уводила его за руку от кровавого месива, бывшего прежде Лицевым Танцором, в Оружейное Крыло. Лишь оказавшись внутри, он оглянулся на залитую кровью кучку и спросил:

— Кто его впустил?

«Не спрашивает, как он проник внутрь», — отметила она. Данкан уже видел те неувязки, которые лежали в самом сердце этой проблемы.

Тег широкими шагами шел впереди них к своим апартаментам. Он остановился у двери, заглянул и поманил к себе Лусиллу и Данканна.

В спальне Тега стоял густой запах сожженной плоти, струйки дыма над угольями мясного жаркого, и Лусилла сразу опознала этот запах: горячее человеческое мясо! Фигура в одном из мундиров Тега валялась на полу, где она свалилась с его кровати.

Тег перевернул фигуру носком сапога, обнажив лицо: застывшие глаза, как бы ухмылявшийся рот. Лусилла узнала одного из охранников стен, одного из тех, кто согласно досье Оплота прибыл сюда вместе со Шванги.

— Их наводчик, — сказал Тег. — Патрин позаботился о нем, и мы недели на него один из моих мундиров. Этого оказалось достаточно, чтобы одурачить Лицевых Танцоров, потому что мы не дали им разглядеть лица до того, как на них напали. У них не было времени, чтобы снять с него отпечаток памяти.

— Ты знал об этом? — Лусилла была потрясена.

— Беллонда предоставила мне всю информацию!

Лусилла мгновенно поняла все остальное, вытекавшее из этих слов Тега. Она подавила быструю вспышку гнева.

— Как же это ты позволил одному из них проникнуть во внутренний двор? Спокойным голосом Тег ответил:

— Здесь шли довольно неотложные действия. Я должен был сделать выбор, в итоге оказавшийся правильным.

Она не старалась скрыть свой гнев. — Предоставить Данкану самому позаботиться о себе, вот твой выбор, да?

— Выбор был либо положиться на тебя, либо дать возможность нападавшим закрепиться внутри Оплота. У Патрина и меня было дурное время при очистке этого крыла. У нас забот был полон рот, — Тег взглянул на Данканна. — Он справился с этим очень хорошо, спасибо нашей подготовке.

— Это... Эта штуковина чуть в него не попала!

— Лусилла! — Тег покачал головой. — Все время у меня было точно рассчитано. Вы двое могли продержаться по меньшей мере минуту. Я знал, что если надо, ты бросишься наперерез этой штуковине и пожертвуюсь собой, чтобы спасти Данканна. Еще двадцать секунд.

При этих словах Тега, Данкан горящими глазами взглянул на Лусиллу.

— Ты бы действительно это сделала?

Когда Лусилла не ответила, Тег сказал:

— Она бы это сделала.

Лусилла этого не отрицала. Однако же, теперь она припомнила невероятную скорость, с которой двигался Данкан, ошеломляющие повороты при его нападении.

— Решение, принимаемое в бою, — сказал Тег, поглядев на Лусиллу.

Она это приняла. Как обычно Тег сделал правильный выбор. Она знала, что ей надо спешно

связаться с Таразой. Развитие прана-бинду в этом гхоле было свыше всего, что она ожидала. Она обмерла, когда Тег, напрягшись, насторожился, следя за дверью позади него. Лусилла обернулась всем телом.

Там стояла Шванги. Позади нее Патрин, в руке у него еще один лазерный пистолет. Его сопло, отметила Лусилла, направлено на Шванги.

— Она настаивала, — сказал Патрин. Гнев застыл на лице старого помощника Тега. Глубокие морщины по краям его рта стали еще заметнее.

— Цепочка тел тянется до восточного дзота, — сказала Шванги, — ваши люди не позволяют мне пройти туда для проверки. Я приказываю тебе немедленно отмени эти приказы.

— Не до тех пор, пока не закончат мои очистные команды, — сказал Тег. — Они до сих пор убивают там людей! Я это слышу! — дикая злоба прорезалась в голосе Шванги. Она грозно взглянула на Лусиллу.

— Мы еще и допрашиваем там людей, — продолжил Тег. Шванги обдала Тега полыхающим взором.

— Если здесь слишком опасно, тогда мы переведем... ребенка в мои апартаменты. Сейчас же!

— Мы этого не сделаем, — возразил Тег. Голос его был тих, но непреклонен.

Недовольная Шванги застыла, костяшки пальцев Патрина побелели на прикладе его лазерного пистолета. Шванги метнула взгляд на пистолет, а затем на одобряющий взгляд Лусиллы. Две женщины поглядели прямо в глаза друг другу.

Тег позволил секунду сохраниться напряженности, потом сказал:

— Лусилла, отведи Данканна в мою гостиную, — он кивнул на дверь позади себя.

Лусилла повиновалась, все это время подчеркнуто держа свое тело между Шванги и Данканом.

Едва оказавшись за закрытой дверью, Даекан сказал:

— Она чуть не назвала меня гхолой. Она действительно расстроена.

— Шванги позволила, чтобы кое-что ускользнуло от ее внимания, сказала Лусилла. Она оглядела гостиную Тега, впервые видя эту часть ее обиталища: внутреннее святилище башара. Это напоминало ее собственные апартаменты — такая же смесь упорядоченности и небрежного беспорядка. Катушки для чтения — грудой на небольшом столике, рядом со старомодным креслом, обитым мягкой черной материей. Проектор для этих катушек отброшен в сторону, словно его хозяин просто отошел на секунду, намереваясь скоро вернуться. Черный китель мундира башара брошен через ближайший стул, на нем стоит открытая коробочка с шитьем. На манжете кителя видна аккуратно поставленная заплатка.

«Он сам занимается всеми такими делами».

Это была такая сторона знаменитого Майлза Тега, которой она не ожидала. Если бы она задумалась об этом, то наверняка решила бы, что подобными делами ведает Патрин.

— Шванги впустила нападавших внутрь, верно? — спросил Данкан.

— Ее люди впустили, — Лусилла и не старалась скрыть свой гнев. — Она зашла слишком далеко. Сговор с Тлейлаксанцами!

— Патрин ее убьет?

— Не знаю, — мне на это наплевать!

За дверью Шванги говорила гневным голосом, громким и отчетливо слышным:

— Мы что, собираемся просто ждать здесь, башар?

— Ты можешь уйти, когда захочешь, — голос Тега.

— Но мне не дают войти в южный тоннель!

Голос Шванги звучал обидчиво: Лусилла уже знала из своего опыта, что к такому голосу старуха прибегала умышленно. Что же она замышляет? Тег сейчас должен быть очень осторожен, он был очень умен, открыв Лусилле прорехи в контроле Шванги, но они еще не полностью перекрыли все ее возможности. Лусилла задумалась, не следует ли ей оставить Данканна здесь и вернуться на

подмогу Тегу.

— Ты можешь идти сейчас, но я советую тебе не возвращаться в твои помещения, — сказал Тег. — А почему бы и нет, — голос Шванги был действительно удивленным, и удивление не слишком хорошо скрывалось.

— Одну секунду, — сказал Тег. Лусилла услышала выстрел на расстоянии, тяжело бухнул взрыв где-то совсем поблизости, а затем другой, отдаленный. Пыль взметнулась на карнизе над дверью гостиной Тега.

— Что это было? — опять Шванги, ее голос перекрыл грохот.

Лусилла подошла и встала между Данканом и стеной коридора. Данкан глядел на дверь. Тело — в боевой позе.

— Первый взрыв — это то, чего я от них ожидал, — опять голос Тега. -Второй, боюсь, — то, чего они не ожидали.

Рядом прозвучал свисток, достаточно громкий, чтобы заглушить ответ Шванги.

— Все как есть, башар! — это голос Патрина.

— Что происходит? — вопросила Шванги.

— Первым взрывом, дражайшая Преподобная Мать, нападавшие на нас полностью уничтожили твои апартаменты. Второй взрыв произведен нами, и он уничтожил нападавших.

— Я только что получил сигнал, башар! — это опять голос Патрина. — Мы захватили их всех. Они приземлились на флаттере с не-корабля, в точности, как ты и предполагал.

— Не-корабль? — голос Тега был полон суровой требовательности.

— Уничтожен в туже секунду, когда вышел из подпространства. Никто не выжил.

— Вы, дурачье! — завопила Шванги. — Вы хоть понимаете, что вы натворили?

— Я выполнил от данный мне приказ защищать мальчика от любого нападения, — сказал Тег. — Кстати, разве не предполагалось, что ты сейчас должна находиться в своих апартаментах?

— Что?

— Они охотились за тобой, когда взорвали твои помещения. Тлейлаксанцы очень опасны. Преподобная Мать.

— Я тебе не верю!

— Я тебе предлагаю пойти и поглядеть. Патрин, пропусти ее.

Слушавшая Лусилла понимала все, что стояло за произносимым вслух. Ментату-башару доверяли здесь больше, чем любой Преподобной Матери, и Шванги это знала. Она была в отчаянии. Она верила и не верила, что охотились за ней, разрушая ее апартаменты. Больше всего в мозгу Шванги сейчас понимания того, что Лусилла и Тег раскусили ее причастность к нападению. Нельзя сказать, кто еще об этом догадывается, но Патрин, разумеется, понимает.

Данкан поглядел на закрытую дверь, чуть наклонив голову вправо. На его лице было выражение, словно он видел сквозь дверь и наблюдал за людьми, находящимися за ней.

Шванги заговорила, тщательно контролируя свой голос:

— Я не верю, что мои апартаменты разрушены, — она знала, что Лусилла слушает.

— Есть единственный способ убедиться, — сказал Тег. «Умно!» — подумала Лусилла. Шванги не может принять решения до тех пор, пока не убедится, что тлейлаксанцы действительно действовали по-предательски.

— Тогда ждите меня здесь! Это приказ!

Лусилла услышала резкий шелест одеяний Шванги, когда Преподобная мать удалялась.

«Очень плохой эмоциональный контроль», — подумала Лусилла. Так же тревожило и открывшееся в Теге: «Он сделал это ради меня!» Тег вывел Преподобную Мать из равновесия.

Дверь перед Данканом распахнулась. Там стоял Тег, одну руку держа на задвижке двери.

— Быстро! — сказал Тег. — Мы должны убраться из Оплота до того, как она вернется.

— Из Оплота? — Лусилла не скрывала своего удивления.

— Быстро, я говорю! Патрин приготовил путь для нас.

— Но я должна...

— Ничего ты не должна! Ступай так, как есть. Следуй за мной, или мы заставим тебя идти вместе с нами.

— Ты действительно считаешь, что мы сможем... — Лусилла осеклась. Сейчас перед ней стоял новый Тег, и она знала, что он не станет угрожать просто так, если только он не действительно готов на руках выволочь ее отсюда.

— Очень хорошо, — сказала она, взяла Данканна за руку и последовала за Тегом из его апартаментов. Патрин стоял в коридоре, глядя вправо.

— Она ушла, — доложил старик. Он поглядел на Тега. — Ты знаешь, что делать башар?

— Пат!

Лусилла никогда прежде не слышала, чтобы Тег называл своего денщика уменьшительным именем. Патрин ухмыльнулся, улыбка во весь рот.

— Извини, башар. Возбуждение, знаешь ли. Тогда все это оставляю на тебя. У меня есть своя роль, чтобы ее сыграть.

Тег махнул Лусилле и Данкану следовать за ним по коридору направо. Она повиновалась и услышала, что Тег идет прямо по пятам за ней. Рука Данканна в ее руке стала потной. Он вырвался и зашагал рядом с ней, не оглядываясь.

Супензорный спуск в конце коридора охраняли двое личных людей Тега. Он им кивнул.

— Больше никого не пропускать.

— Есть, башар, — ответили они хором.

Входя в спуск вместе с Данканом и Тегом, Лусилла осознала, что она выбрала сторону в этом споре, подоплеку которого до сих пор так и не поняла. Она воспринимала движение политики Ордена, как поток воды, затопляющий все вокруг нее. Обычно движение оставалось мягкой волной, омывающей берег, но теперь она ощущала огромный разрушительный поток, готовившийся обрушить на нее свои валы.

Данкан заговорил, когда они спускались в сортировочную камеру южного дзота.

— Нам следует вооружиться, — сказал он.

— Мы вооружимся очень скоро, — сказал Тег. — И, надеюсь, ты будешь готов убить любого, кто попытается нас остановить.

Глава 19

Вот что знаменательно: ни одну женщину Бене Тлейлакса никогда не видели вне убежища их родных планет. (Лицевые Танцоры, способные преобразиться в женщин, в этом анализе не рассматриваются: от них ведь нельзя получить потомство). Тлейлаксанцы держат своих женщин в изоляции, подальше от нас. Таково наше первое умозаключение. Наверняка при этом тлейлаксанцы делают это для того, чтобы сохранить в тайне свои самые сокровенные секреты.

Анализы Бене Джессерит, код архива ХОХТМ99...041

— Итак, мы, наконец, встретились, — сказала Тараза.

Она окинула взглядом два метра пустого пространства между ее креслом и креслом Тилвита Ваффа. Личные аналитики заверили ее, что этот человек действительно тлейлаксанский Господин Господинов. До чего же эльфоподобная фигурка, чтобы обладать такой огромной властью. Предубеждения насчет внешности должны быть здесь отброшены, напомнила она самой себе.

— Некоторые не поверили бы, что такое возможно, — сказал Вафф.

У него попискивающий голосок, отметила Тараза, и это тоже надо мерить совсем другими мерками.

Они сидели на нейтральной территории не-корабля Космического Союза, мониторы Бене Джессерит и Тлейлакса облепили корпус космического корабля как хищные птицы — труп крупного животного. Союз был отчаянно озабочен тем, чтобы умилостивить Бене Джессерит. «Вы заплатите». Союз понял. Они уже и раньше платили сполна. Небольшая овальная каюта, в которой они встретились, была обита медными панелями и «непроницаема для шпионажа». Тараза ни на секунду в это не верила. Она предполагала также, что узы между Союзом и Тлейлаксом, выкованные меланжем, до сих пор не существуют в полном объеме.

Вафф и не пытался заблуждаться насчет Таразы. Это женщина намного опасней любой Преподобной Черницы. Если он убьет Таразу, она немедленно будет заменена кем-нибудь столь же опасным, кем-то, кто до последней капли будет владеть всей существенной информацией, которой владеет нынешняя Верховная Мать.

— Мы находим ваших новых Лицевых Танцоров очень интересными, сказала Тараза.

Вафф непроизвольно улыбнулся. Да, намного, намного опасней Преподобных Черниц, которые до сих пор даже не обвинили тлейлаксанцев в потере целого не-корабля.

Тараза поглядела на небольшие двухсторонние цифровые часы на низеньком боковом столике справа от нее, стоявшие так, что циферблаты были легко видны каждому из них. На стороне, повернутой к Ваффу, шло его, тлейлаксанскоe планетное время. Она отметила, что оба счетчика внутреннего времени находятся в пределах десяти секунд синхронизации от условного полдня. Это была одна из утивостей этой встречи, где даже расположение и расстояние между креслами специально оговаривались заранее.

Они были в одиночестве в овальной каюте, приблизительно шести метров в наибольшую длину и наполовину меньше в ширину. Они занимали одинаковые подвесные кресла из дерева, собранного на колышках, без кусочка металла или других чужеродных материалов, обтянутых оранжевой тканью. Кроме кресел, в каюте был лишь боковой столик с часами. У столика была тонкая черная крышка, сделанная из плаза, и три тоненьких деревянных ножки. Каждого из участников этой встречи с тщательностью досмотрели суперами. У каждого было по три личных охранника за единственным входным люком в каюту. Тараза не думала, что тлейлаксанцы рискнут на подмену Лицевыми Танцорами, но при нынешних обстоятельствах!

«ВЫ ЗАПЛАТИТЕ».

Тлейлаксанцы тоже отдавали себе полный отчет в своей уязвимости, особенно теперь, когда они знали, что Преподобные Матери могут спокойно выявлять их новых Лицевых Танцоров. Вафф откашлялся.

— Я не ожидаю, что мы достигнем соглашения, — сказал он.

— Тогда зачем же ты прибыл?

— Я хочу получить объяснение посланию, отправленному вами из вашего Оплота на Ракисе. За что, по-вашему, мы должны заплатить?

— Очень прошу тебя, сер Вафф, брось в этой комнате все свое дурацкое притворство. Есть факты, известные нам обоим, и от них никуда не денешься. — Например?

— Ни одна женщина Бене Тлейлакса не представлялась нам для скрещивания, — она подумала: «Пусть он попотеет из-за этого!» Было чертовски обидно не иметь тлейлаксанских Иных Памятей для исследований Бене Джессерит. Вафф это, конечно, понимает.

Вафф наступился.

— Наверняка, ты ведь не считаешь, что я поведу торг жизнями... — он осекся и покачал головой. — Я не могу поверить, что это та плата, которую вы затребуете.

Когда Тараза не ответила, Вафф сказал:

— Это идиотское нападение на ракианский храм было предпринято независимыми людьми, находившимися на месте. Они уже наказаны. «Ожидавшийся гамбит номер три», — подумала Тараза. Такой вариант предусматривался в многочисленных анализах и составленных досье (если так их можно назвать) перед этой встречей.

Проанализировано было, казалось бы, все. Слишком мало было известно об этом тлейлаксанском Господине, этом Тилвите Ваффе. Некоторые крайне важные положения для выбора поведения были только умозаключениями (если их правдивость подтвердится). Самым бедственным было то, что самые интересные данные исходили из ненадежных источников. Однако, один факт сомнению не подлежал: эльфоподобная фигурка, сидевшая напротив ее, действительно была смертельна опасна.

«Гамбит номер три» Ваффа занял все ее внимание. Настало время для ответа. Тараза изобразила знающую улыбку.

— Это именно тот вид лжи, который мы от вас ожидали, — сказала она.

— Начинаем с оскорблений? — проговорил он без всякого выражения.

— Тон задал ты. Позволь мне предостеречь тебя, что с нами не удастся обойтись так, как вы разобрались с этими шлюхами из Рассеяния.

Застывший взгляд Ваффа убедил Таразу продолжить рискованный ход. Умозаключения Ордена, основанные частично на исчезновении икшианского корабля для переговоров, были точными! Сохраняя всю ту же улыбку, она последовала по этой линии выбранных догадок. Так, словно это было точно известным фактом.

— По-моему, шлюхам будет приятно узнать, что среди них есть Лицевые Танцоры, — сказала она.

Вафф подавил свой гнев: «Эти проклятые ведьмы! Они узнали! Каким-то образом, но узнали!» Его советники проявляли крайние сомнения насчет этой встречи, кое-кто выступал против нее. Эти ведьмы были так... просто дьяволицами. А их возмездие!

«Время переключить его внимание на Гамму, — подумала Тараза. — Все время надо держать его в напряжении».

Она сказала:

— Если вы даже событе с пути еще одну из нас, как вы сделали со Шванги на Гамму, то все равно не узнаете ничего ценного!

— Она думала... Думала нанять нас словно банду наемных убийц! Мы только преподали ей урок!

«Ага, здесь выскоцила его гордость, — подумала Тараза.

— Интересно. Такая гордость подразумевает, что за ней должна существовать некая структура морали, это нуждается в расследовании».

— Вы никогда по настоящему не проникали в наши ряды, — сказала Тараза.

— А вы никогда не проникали в среду тлейлаксанцев! — Вафф умудрился произнести эту похвальбу с относительным спокойствием: «Ему нужно время подумать, составить план!?

— Может быть, тебе захочется узнать цену нашего молчания, — сказала Тараза. Окаменелый взгляд Ваффа она посчитала за знак согласия и добавила. — Во-первых, вы поделитесь с нами тем, что вам известно о тех шлюхах, отродье Рассеяния, называющих себя Преподобными Черницами.

Вафф содрогнулся. Многие предположения подтвердились при убийстве Преподобных Черниц. Сексуальные осложнения! Только самая сильная психика была способна сопротивляться паутине вызываемого ими экстаза. Потенциал такого оружия огромен! Должен ли он поделиться этим с ведьмами?

- Всем, что вы узнали о них, — настаивала Тараза.
- Почему вы называете их шлюхами?
- Они стараются подражать нам, но при этом они продаются ради силы и превращают в насмешку все, что мы представляем. Преподобные Черницы!
- Они превосходят вас по численности — по крайней мере десять тысяч к одной! Мы видели тому свидетельства.
- Всего лишь одна из нас может нанести поражение им всем, — высказала Тараза.

Вафф затих в молчании, изучая ее. Что это, просто бахвальство? Никогда нельзя быть уверенными, когда дело доходит до ведьм Бене Джессерит. Они действительно делают то, что делают. Темная сторона волшебного мироздания принадлежит им. Не единожды ведьмы ставили подножку Шариату. Не Божья ли это воля, чтобы правоверные прошли еще через одно испытание? Тараза позволила молчанию длиться, чтобы в нем само по себе накапливалось напряжение. Она ощущала смятение Ваффа. Это напомнило ей о предварительном совещании в Ордене при подготовке нынешней встречи с ним. Беллонда задала вопрос обманчивой простоты:

- Что мы на самом деле знаем о тлейлаксанцах?

Тараза почувствовала, как этот вопрос проникает в мысли каждого из собравшихся за столом конференции Дома Соборов. «Мы можем знать наверняка только то, что они сами хотят, чтобы мы знали».

Никто из ее аналитиков не мог избежать подозрения, что тлейлаксанцы намеренно создают ложный образ самих себя. Ум тлейлаксанца надо измерять тем, что они единственны владеют секретом акслольтных чанов. Был ли это счастливый случай, как это предполагают некоторые? Тогда, почему все другие неспособны повторить это достижение за все прошедшие тысячелетия? ГХОЛЫ.

Не используют ли тлейлаксанцы процесс выведения гхол для своего бессмертия? Она могла заметить весьма явные намеки в действиях Ваффа. Ничего определенного, но все весьма подозрительно.

На конференции на Доме Соборов Беллонда неоднократно возвращалась к этому подозрению, вдалбливая в них:

- Все это... Все это, я вам говорю! Все в наших архивах может быть мусором, годным лишь на корм слизям.

Это напоминание заставило передернуться некоторых расслабившихся было Преподобных Матерей вокруг стола.

Слиги! Эти медленно ползающие гибриды гигантских слизняков и свиней могли поставлять мясо для самых изощренных трапез в мироздании, но сами по себе эти создания воплощали все, что было отталкивающим для Ордена в тлейлаксанцах. Слиги были одним из самых ранних предметов торговли Бене Тлейлакса — продукт, выведенный в чанах и сформированный по той главной спиральной модели, по которой вся жизнь принимает свои формы. То, что произведены они были Тлейлаксом еще добавляло ощущения непотребства от этого творения, многочисленные рты которого могли непрестанно перемалывать почти любой мусор, быстро превращая в экскременты, не только воняющие свинарником, но и склизкие.

- Самое чудесное мясо по эту сторону рая, — процитировала Беллонда.
- И происходит оно из непотребства, — добавила Тараза.

НЕПОТРЕБСТВО.

Глядя на Ваффа, Тараза подумала об этом. Ради каких только причин целый народ мог накинуть на себя маску непотребства? Вспышка Ваффа как-то не очень вписывалась в этот образ.

Вафф слегка кашлянул в ладонь. Он чувствовал, как швы трут в тех местах, где были скрыты два его мощных дротикомета. Меньшинство среди его советников настаивало: «Как и с Преподобными Черницами, победителем в этой встрече с Бене Джессерит будет тот, кто вернется домой с наисекретнейшей информацией. Смерть противника гарантирует успех».

«Я мог бы убить ее, но что потом?» Еще три полных Преподобных Матери ждут за люком. Несомненно, у Таразы есть сигнал, который она должна подать в ту секунду, когда откроется люк. Без этого сигнала, наверняка, последуют побоище и катастрофа. Он ни на секунду не верил, что его

новые Лицевые Танцоры смогут одолеть находящихся там Преподобных Матерей. Ведьмы будут начеку. Они распознают природу охранников Ваффа.

— Мы присоединимся, — сказал Вафф. Признание, подразумеваемое в этой фразе, ранило его, но он знал, что у него нет выбора. Похвальба Таразы относительно их превосходства казалась чрезмерной, именно из-за крайности ее заявления, но за этим ощущалась правда. У него, однако, не было иллюзий, что может последовать, если Преподобные Черницы узнают о том, что на самом деле произошло с их посланницами. Мало ли с чего мог исчезнуть корабль, тлейлаксанцев тут не обвинишь. Корабли исчезают. Преднамеренное истребление — совсем другое дело. Преподобные Черницы наверняка постараются стереть с лица земли такого недруга. Хотя бы как пример. Тлейлаксанцы, вернувшиеся из Рассеяния, рассказывали о них немало. Повидав Преподобных Черниц, Вафф поверил теперь их словам.

Тереза сказала:

— Второе, что интересует меня в нашей встрече — это наш гхола.

Вафф скорчился в подвесном кресле.

У Таразы вызывали гадливое чувство крохотные глазки Ваффа, его круглое лицо со вздернутым носиком и слишком острыми зубками.

— Вы убивали наших гхол, чтобы контролировать ход проектов, в которых вы выступали в роли только поставщиков одной-единственной детали, обвинила Тараза.

Вафф еще раз подумал, не пора ли убить ее. Неужели ничего нельзя спрятать от этих проклятых ведьм? Вероятность, что у Бене Джессерит есть осведомитель в самой сердцевине Тлейлакса тоже нельзя исключать. Откуда бы еще им знать?

— Заверяю тебя, Верховная Преподобная Мать, что гхола... — начал он. — Ни в чем меня не заверяй! Мы во всем удостоверяемся сами, печально глядя, Тараза медленно покачала головой.

— И, по-вашему, мы не ведаем, что вы продали нам испорченную вещь.

Вафф быстро проговорил:

— Он отвечает каждому требованию, включенному в наш контракт!

Опять Тараза покачала головой. Этот крохотный тлейлаксанский Господин понятия не имел, сколько всего он ей сейчас выдал.

— Вы заложили свою собственную схему в его психику, — сказала Тараза, — предостерегаю тебя, что если изменение будет мешать нашему проекту, то мы повредим вам больше, чем вы полагаете возможным.

Вафф поднес руку к лицу, почувствовав, как на лбу у него выступает пот. Проклятые ведьмы! Но она не знала всего — тлейлаксанцы, вернувшиеся из Рассеяния, и Преподобные Черницы, которых она так зло обзывают, снабдили Тлейлакс оружием сексуального заряда, которым он не поделится, не важно, что ему сейчас будут обещать!

Тараза безмолвно обдумала реакцию Ваффа и решилась на дерзкую ложь:

— Когда мы захватили икшианский корабль, который вы хотели уничтожить, то ваши Лицевые Танцоры, не слишком быстро умерли. Мы узнали от них немало интересного.

Вафф застыл на самой грани боевой позы.

«В яблочко!», — подумала Тараза. Дерзко солгав, она узнала потрясающую истину, и одно из самых невероятных предположений ее Советницы уже можно было считать подтвержденным. «Намерения Тлейлакса в том, чтобы полностью воспроизвести мимику прана-бинду», — предположила Советница.

— Полностью?

Все Сестры на собрании были изумлены этим предположением, ведь оно подразумевало существование техники копирования личности, находящей намного глубже техники снятия отпечатков памяти, о которой им уже было известно.

Советница, Сестра Гестерион из Архивов, была во всеоружии, опираясь на тщательно подобранный ряд доказательств:

«Мы уже знаем: Икшианская Проба делается механистически, тлейлаксанцы делают это нервами и

плотью. Следующий шаг очевиден».

Видя реакцию Баффа на ее дерзкую ложь, Тараза продолжила тщательное наблюдение за ним — сейчас он наиболее опасен.

На лице Баффа пропало выражение ярости. То, что известно ведьмам, слишком опасно! Он никак не сомневался в заявлении Таразы. «Я должен убить ее, чем бы это ни кончилось для меня лично! Мы должны убить их всех. Богомерзость! Вот их собственное слово и оно идеально их описывает». Тараза правильно истолковала выражение его лица. Она быстро проговорила:

— Вам не грозит от нас ничего дурного, если только вы не станете вредить нашим планам. Ваша религия, ваш образ жизни — все это — ваше собственное дело.

Бафф заколебался — не столько из-за сказанного Таразой, сколько из-за напоминания о ее силах. Что им еще известно? Однако опять вернуться к пресмыкателю, отвергнув подобный союз с Преподобными Черницами! Уступить владычество, столь близкое после всех этих тысячелетий... Его наполнило глубокое уныние. Меньшинство среди его советников, в конце концов, оказывалось правым.

«Не может быть никаких уз между нашими народами. Любое согласие с силами повинды — союз, основанный на зле».

Тараза все еще ощущала в нем потенциальную готовность к применению силы. Не слишком ли она пережала? Она сидела в позе, которая в мгновение ока могла стать боевой. Непроизвольное подергивание рук Баффа ее насторожило.

«Оружие в его рукавах!» Изобретательность тлейлаксанцев не стоит недооценивать. Ее суперы ничего не засекли.

— Мы знаем о том оружии, которое при тебе, — сказала она. Еще одна дерзкая ложь. — Если ты сейчас допустишь ошибку, то шлюхи тоже узнают, как вы пользуетесь подобным оружием.

Бафф три раза неглубоко вздохнул. Заговорил он уже строго себя контролируя:

— Мы не станем вассалами Бене Джессерит!

Тараза ответила ровным успокаивающим голосом:

— Я ни словом, ни жестом не предложила вам подобную роль.

Она выжидала. Ни малейшего изменения в выражении лица Баффа, ни на юту не дрогнул устремленный на нее пристальный взгляд его широко раскрытых глаз.

— Вы угрожаете нам, — пробормотал он. — Вы требуете, чтобы мы поделились всем, что мы...

— Поделились! — хмыкнула она. — Не делишься, если нет равенства отношений.

— А чем бы вы с нами поделились? — осведомился он.

Она заговорила тем укоризненным тоном, которым обратилась бы к младенцу:

— Сер Бафф, сам себя спроси, почему ты, один из олигархических правителей Тлейлакса, прибыл на эту встречу?

Все также твердо контролируемым голосом, Бафф возразил:

— А почему ты, Верховная Мать Бене Джессерит, прибыла сюда?

— Усилить нас, — мягко ответила она.

— Ты не сказала, чем ты с нами поделишься, — обвинил он.

— Ты все еще надеешься оказаться в выигрышном положении.

Тара за продолжала внимательно за ним следить. Ей редко доводилось ощущать столько подавленной ярости в одном человеке.

— Спроси меня в открытую, чего вы хотите, — сказала она.

— И вы дадите нам от вашей великой щедрости!

— Я буду вести переговоры.

— Переговоры ли это, когда ты приказываешь мне... ПРИКАЗЫВАЕШЬ МНЕ, чтобы...

— Ты прибыл сюда с твердой решимостью нарушить любое соглашение, какое бы мы заключили, — сказала она. — Вы ни разу и не пытались по-настоящему договариваться! Сидя перед кем-то, желающим заключить с вами сделку, вы способны лишь...

— Сделку? — Вафф сразу вспомнил, как при этом слове разозлилась Преподобная Черница.

— Я сказала это, — промолвила Тараза. — Сделка.

Что-то, похожее на улыбку, тронуло углы губ Ваффа.

— По-твоему, у меня есть полномочия заключать сделку с тобой?

— Поострожней, Сер Вафф, — сказала она. — Ты обладаешь верховной властью и полномочиями. Все это основано на твоей способности полностью уничтожить соперника. Я этим не угрожала, но ты угрожал, — она взглянула на его рукава.

Вафф вздохнул. Ну и загвоздка. Она ведь Повинда! Как можно вести переговоры с Повиндой?

— У нас есть проблема, которую нельзя разрешить рациональными средствами, — продолжила Тараза.

Вафф скрыл свое удивление. Те же самые слова, которые употребила Преподобная Черница! Он внутренне съежился, думая о том, что это может означать. Не заключили ли Бене Джессерит и Преподобные Черницы общий союз? Резкость Таразы говорила об обратном, но когда можно было доверять этим ведьмам?

И опять Вафф подивился, осмелится ли он пожертвовать собой, чтобы уничтожить эту ведьму? Чему это послужит? Наверняка, не ей единственной среди ведьм известно все. Ее смерть только ускорит приближение катастрофы. Да, среди ведьм действительно существовали внутренние разногласия — но вдруг и эти разногласия тоже просто ловушка?

— Ты просишь нас поделиться чем-нибудь, — сказала Тараза. — Что, если я предложу тебе некоторые из наших селекционных родов?

Не было сомнения, насколько живой интерес пробудился в Ваффе.

Он сказал:

— С чего бы нам обращаться к вам за подобным? У нас есть наши чаны, и мы можем добывать генетические образцы почти повсюду.

— Образцы чего? — спросила она.

Вафф вздохнул. Никак нельзя избежать этой проникающей вкрадчивости Бене Джессерит. Это — как пронзающий меч. Он догадался, что его поведение было для нее достаточно разоблачительным, чтобы она не зря завела разговор на эту тему. Ущерб уже нанесен. Она правильно вычислила (или ее шпионы ей доложили!), что дикие садки человеческих генов содержат мало интереса для тлейлаксанцев с их более изощренным знанием самого сущностного языка жизни. Никогда не стоит недооценивать ни Бене Джессерит, ни продукты их Программы выведения. Господь Бог знает, они ведь вывели Муад Диба и Пророка!

— Что еще вы потребуете в обмен на это? — спросил он.

— Наконец-то торг! — сказала Тараза. — Мы оба знаем, конечно, что я предлагаю Выводящих Матерей атридесовской линии, — она подумала: «Пусть надеется на это! Внешность у них будет Атридесов, но они не будут Атридесами!?

Вафф почувствовал, как у него участился пульс. Возможно ли это? Имеет ли она хоть малейшее понятие, что тлейлаксанцы могут выведать, получив такой материал для исследований?

— Мы хотели бы первую селекцию их потомства, — сказала Тараза.

— Нет!

— А дубль первой селекции?

— Возможно.

— Что ты имеешь в виду, говоря «возможно»? — она наклонилась вперед. Напряженность Ваффа подсказала ей, что она напала на горячий след.

— Что еще вы потребуете от нас?

— Наши Выводящие Матери должны получить беспрепятственный доступ к вашим генетическим лабораториям.

— Ты с ума сошла? — Вафф в раздражении покачал головой. Неужели она думает, что Тлейлаксанцы вот так, запросто, возьмут и отдадут свое сильнейшее оружие?

— А еще мы получим акслольтный чан, полностью, в рабочем состоянии.

Вафф лишь безмолвно на нее поглядел.

Тараза пожала плечами.

— Я должна была попробовать.

— Да, конечно, должна была.

Тараза откинулась на свое сиденье и мысленно пересмотрела открывшееся ей. Реакция Ваффа на пробный камешек дзенсуннитского изречения была интересной. «Проблема, которую нельзя разрешить рациональными средствами». Эти слова произвели на него какой-то странный эффект. Он как будто обратился куда-то внутрь себя, в глазах его появилось вопрошающее выражение. «Господи, сохрани всех нас! Не тайный ли дзенсуннит Вафф?» Неважно, какими бы это ни угрожало опасностями, это стоило расследовать. Однажды на Ракисе следует вооружить каждым возможным преимуществом.

— Пожалуй, мы сделали все, что могли на данный момент, — сказала Тараза. — Подошло время завершить нашу сделку. Единый Господь в своей бесконечной милости дал нам бесконечное мироздание, где что угодно может произойти.

Вафф хлопнул в ладоши, не успев даже подумать.

— Дар удивления — есть величайший дар из всех! — сказал он.

«Не просто дзенсуннит, — подумала Тараза. — Еще и суфи!» Она начала перестраивать свой взгляд на Тлейлакс. «Сколько же времени эта вера по-настоящему владеет их сердцами??

— Время не считает само себя, — пустила пробный шар Тараза. — Надо только взглянуть на любую окружность.

— Солнца являются окружностями, — ответил Вафф. — Каждый космос есть окружность, — он затаил дыхание, дожидаясь ее ответа.

— Окружности замкнуты, — ответила Тараза, выхватывая нужный ответ из своих Иных Памятей. — Все, что замкнуто и ограничено, должно выставлять себя перед бесконечным.

Вафф поднял руки, показывая ладони, затем уронил руки на подол своего облачения. В его плечах исчезла напряженность, они обмякли.

— Почему ты не сказала всего этого с самого начала? — спросил он.

«Я должна проявлять величайшую осторожность», — предостерегла себя Тараза. За словами и поведением Ваффа открывалось такое, что требовало тщательного рассмотрения.

— В общении между нами не утаивалось бы меньше, говори мы более открыто, — сказала она. — Ведь даже, будучи откровенными, мы пользовались бы лишь словами.

Вафф изучал ее лицо, стараясь прочесть за этой бенеджессеритской маской какое-нибудь подтверждение истинности слов и поведения. Она повинда, напомнил он себе. Повинде никогда нельзя доверять... но если она разделяет Великую Веру...

— Разве Господь не послал своего Пророка на Ракис, чтобы там испытывать нас и учить нас? — спросил он.

Тараза глубоко погрузилась в свои Иные Памяти. «Пророк на Ракисе?

Муад Диб? Нет... это не сходится с верованиями ни суфиев, ни дзенсуннитов... Тиран!?

Она плотно сжала губы суровой линией.

— То, что нельзя контролировать, ты должен принять, — сказала она.

— Поскольку, наверняка, это есть деяние Божье, — откликнулся Вафф.

Тараза достаточно видела и слышала. Защитная Миссионерия снабдила ее знаниями о всех известных религиях. Иные Памяти подкрепляли это знание. Она почувствовала великую необходимость безопасно выбраться из этого помещения. Надо предостеречь Одраде!

— Могу я сделать предложение? — спросила Тараза.

Вафф вежливо кивнул.

— Может быть, мы заложили здесь более крепкие узы, чем воображали, сказала она. — Я предлагаю тебе гостеприимство нашего Оплота на Ракисе и услуги нашей тамошней Настоятельницы.

— Она Атридес? — спросил он.

— Нет, — солгала Тараза. — Но я, конечно же, подготовлю Выводящих Матерей для твоих нужд.

— А я соберу все, что вы требуете в уплату, — сказал он. — Почему сделка будет совершена на Ракисе?

— Разве это не подходящее место? — спросила она. — Что может быть лживого в доме Пророка?

Вафф откинулся в своем кресле, его руки расслабились у него на коленях. Тараза явно знает все надлежащие ответы. Это было откровение, которого он никогда не ожидал.

Тараза встала.

— Каждый из нас лично прислушивается к Богу, — сказала она.

«И все вместе в Кехле», — подумал он. Он поглядел на нее, напоминая себе, что она повинда. Никому из них не следует доверять. Осторожность. Эта женщина, в конце концов, ведьма Бене Джессерит. Известно, что они создают религии ради своих собственных целей. Повинда.

Тараза подошла к входному люку, открыла его и подала свой сигнал безопасности. Она опять обернулась к Ваффу, который неподвижно сидел в своем кресле. «Он не проник в наш подлинный замысел, — подумала она. — Те, кого мы пошлем к нему, должны быть отобраны с крайней тщательностью. Он никогда не должен заподозрить, что является частью нашей наживки».

Вафф взглянул на нее. Его эльфическое лицико было спокойно.

«До чего же безмятежным он выглядит, — подумала она. — Но и его можно поймать в ловушку! Союз между Орденом и Тлейлаксом сулит такие новые притягательные возможности».

«Но на наших условиях!?

— До Ракиса, — сказала она.

Глава 20

Какие социальные наследия ушли вовне с Рассеянием? Мы очень хорошо знаем эти времена. Мы знаем и умственное, и физическое состояние дел. Затерянные унесли с собой мышление, замкнутое, в основном, на людской, силе и подручной технике. У них была отчаянная нужда в расширении пространства, порождаемая мифом о Свободе. Большинство так и не усвоило более глубокий урок Тирана, что насилие налагает свои собственные ограничения. Рассеяние было диким и беспорядочным движением, истолковываемым как разрастание (экспансия). Его погоняющим бичом был глубинный страх (часто бессознательный) перед застоем и смертью.

Рассеяние: АНАЛИЗЫ БЕНЕ ДЖЕССЕРИТ (Архивы)

Одраде лежала, вытянувшись на боку во весь рост на выступе эркерного окна, ее щека легко касалась теплого плаза, через который ей была видна Великая Площадь Кина. Она опиралась спиной на красную подушку, пахнувшую меланжем, точно также, как пахли здесь, на Ракисе, многие вещи. Позади нее были три комнаты, небольшие, но удобные и достаточно удаленные и от Храма, и от Оплота Бене Джессерит. Их переезд в это здание был одним из условий, на которых было заключено соглашение между Орденом и жрецами.

- Шиэна должна более надежно охраняться, — настаивала Одраде.
- Она не останется на попечении только Ордена! — возразил Туек.
- И не на попечении только жрецов, — возразила Одраде.

Шестью этажами ниже эркерного окна Одраде рас простерся огромный базар, беспорядочным лабиринтом расположившийся во все стороны, заполняя почти целиком Великую Площадь. Серебристо-желтый свет заходящего солнца омывал эту сцену сверканием, подчеркивая яркие краски торговых навесов, отбрасывая длинные тени по неровной земле. Его лучи зажигали воздух свечением там, где рассеянные кучки людей теснились вокруг заплатанных зонтиков или товаров барахолки.

Великая Площадь не была правильным квадратом. Базар, занимавший ее, уходил на полный километр в даль от Одраде, и более чем вдвое, влево и вправо от нее — гигантский прямоугольник утрамбованной земли и древних камней, превращавшихся в едкую жгучую пыль под ногами дневных покупателей, пренебрегавших жуткой жарой в надежде купить повыгодней.

По мере приближения вечера базар все больше ожидал, людей стекалось все больше, пульс их движения становился учащеннее, лихорадочнее.

Одраде изогнула голову, стремясь увидеть, что происходит совсем близко к зданию. Кое-кто из торговцев, обосновавшихся под ее окном, расходились по ближним кварталам. Они скоро вернутся — после трапезы и короткой сиесты, готовые извлечь полную пользу из тех более ценных часов, когда люди выходят на открытый воздух и можно спокойно дышать, не обжигая глотки.

Шиэна запаздывает, отметила Одраде. Жрецы не осмелятся задерживать ее намного. Они теперь будут отчаянно работать, выпаливая в нее вопросами, увещевая ее помнить, что она — собственная посланница Бога к его Церкви. Будут напоминать Шиэне о многих, высосанных из пальца, обязательствах верности, которые Одраде придется выведать у Шиэны, чтобы выставить в смешном виде и показать всю вздорность и неприглядность.

Одраде изогнула спину и безмолвно выполняла минуту маленькие упражнения, чтобы снять напряжение. Она позволяла себе испытывать определенную симпатию к Шиэне. Мысли девушки, как раз сейчас, хаотичны. Шиэна знает мало, или вообще ничего о том, что ожидает ее, когда она полностью станет ученицей Преподобной Матери. Несомненно, этот юный ум захламлен мифами и другой ерундой.

«Как был захламлен и мой ум», — подумала Одраде.

Но она не могла избежать воспоминаний в моменты, подобные этому. Ее непосредственная задача была ясна: очищение, не только Шиэны, но и самой себя.

Ее память Преподобной Матери, которой она теперь стала, неотвязно преследовали давнишние воспоминания: Одраде, пятилетняя, в уютном доме на Гамму. Дорога, на которой стоит дом, застроена особняками представителей среднего класса приморских городов планеты — одноэтажные здания на широких проспектах. Эти здания уходят далеко к извилистому берегу моря, где они уже стоят намного просторней, чем вдоль проспектов. Там, ближе к морю, они становятся подороже, и их владельцы не так жмутся из-за каждого квадратного метра.

Вынужденная Бене Джессерит память Одраде блуждала по этому отдаленному дому с его

обитателями, по проспектам, встречая подружек по играм. Одраде ощущала, как у нее сжимается в груди, и это подсказывало ей, как тесно эти воспоминания связаны с прошлым и настоящим.

Детский сад Бене Джессерит в искусственном мире Ал-Дханаба, одной из первых безопасных планет Ордена. (Позже она узнала, что, в свое время Бене Джессерит даже помышлял превратить всю планету в не-пространство. Это не позволили сделать только слишком большие энергетические затраты.) Для девочки с Гамму, оторванной от привычного окружения и подруг, этот детский сад казался фонтаном разнообразия. Образование Бене Джессерит включало интенсивную физическую подготовку. Были постоянные напоминания, что нельзя надеяться стать Преподобной Матерью, не пройдя через сильную боль и множество бесконечно утомительных упражнений, которые кажутся непосильными.

Некоторые из учениц не выдержали этой стадии. Они отступили, чтобы стать нянями, прислугой, работницами, случайными скрещивающими. Они заполняли все необходимые Ордену места. Бывали времена, когда Одраде просто мечтала о такой неудаче, чувствуя, что это будет неплохая жизнь: меньше цели — меньше ответственности. Это было до того, как она окончила первоначальный курс.

«Я думала об этом, как о победоносном окончании, а вышла с другой стороны».

Только для того, чтобы к ней предъявили новые, более суровые требования.

Одраде присела на своем широком подоконнике и отпихнула подушку в сторону. Она повернулась спиной к базару. На базаре становится шумней. Проклятые жрецы! Они затягивают визит до крайних пределов!

«Я должна думать о моем собственном детстве, потому что это поможет мне с Шиэнной», — подумала она. И немедленно хмыкнула над своей слабостью. Еще одна отговорка!

Некоторым послушницам требовалось по меньшей мере пятьдесят лет, чтобы стать Преподобной Матерью. Основа для этого закладывалась во время Второго Этапа — урока терпения. Одраде рано проявила склонность к глубокому изучению. Считалось вполне вероятным, что она может стать одним из ментаторов Бене Джессерит и, весьма возможно, архивистом. Эту идею отбросили, когда выяснилось, что ее таланты устремлены к другому выгодному направлению. На Доме Соборов ее сориентировали на выполнение более деликатных обязанностей.

БЕЗОПАСНОСТЬ.

Дикий талант Атридесов часто использовался таким образом. Внимание к подробностям, вот что особенно отличало Одраде. Она знала, что Сестры, отлично ее зная, способны предсказать какие-то ее действия. Тараза делала это постоянно. Одраде слышала объяснение из собственных уст Таразы:

— Личность Одраде чрезвычайно отражается в исполнении ею своих обязанностей.

Была шутка на Доме Соборов: «Что делает Одраде, когда она не при исполнении обязанностей? Она берется за работу».

На Доме Соборов не было необходимости прикрываться масками, которые любая Преподобная Мать автоматически использовала при общении с внешним миром. Она могла на секунду показать свои чувства, открыто признавать ошибки свои и других, испытывать печаль или горечь и даже счастье. Мужчины были достижимы — не для воспроизведения, но для периодического умиротворения. Все мужчины такого рода на Доме Соборов Бене Джессерит были весьма обаятельны, и некоторые были даже искренни в своем обаянии. Эти немногие, конечно, были всегда в большом спросе.

ЭМОЦИИ.

Понимание этого проскочило в уме Одраде.

«Значит, я опять пришла к тому же, что и всегда».

Своей спиной Одраде ощущала тепло вечернего солнца Ракиса. Она знала, где находится ее тело, но мысли были распахнуты навстречу предстоящей встрече с Шиэнной.

ЛЮБОВЬ.

Это было бы так легко и так опасно.

В этот момент она позавидовала стационарным Матерям — тем, кому позволялось прожить всю жизнь с единственным, выбранным в супруги скрещивающимся партнером. От такого союза произошел Майлз Тег. Иные Памяти рассказывали, как это было у леди Джессики с ее герцогом. Даже Муад Диб выбрал такую же форму совместной жизни.

«Это не для меня».

Одраде признавалась себе в горькой зависти, что ей не дозволено вести такую жизнь. Чем компенсируется это в той жизни, в которую ее направляют? «Жизнь без любви можно активней посвятить Ордену. Мы обеспечиваем посвященным наши собственные формы поддержки. Не беспокойся насчет сексуальных развлечений. Это достижимо в любой момент, когда ты почувствуешь в этом необходимость».

С ОБАЯТЕЛЬНЫМИ МУЖЧИНАМИ!

Со времен леди Джессики через времена Тирана и после них изменилось очень многое... включая Бене Джессерит. Каждая Преподобная Мать это понимала.

Глубокий вздох сотряс Одраде. Она оглянулась через плечо на базар. До сих пор ни признака Шиэны.

«Я не должна любить это дитя!?

Вот и все. Одраде закончила предписываемое Бене Джессерит мнемоническое проигрывание. Она изогнула свое тело и уселась, скрестив ноги, на подоконнике. Ей открывался отличный вид на весь базар, на крыши города и его водный резервуар. Она знала, что немногие оставшиеся холмы к югу — последние остатки Защитной Стены Дюны, высоких хребтов основной горной породы, проломленных Muad Дибом и его легионами на песчаных червях. Танцующая дымка жары виднелась за кванатом и каналом, защищавшим Кин от вторжения новых червей. Одраде тихо улыбнулась. Жрецы не находили ничего странного в том, чтобы ограждать свои общинны и не позволять Разделенному Богу совершать набеги на них.

«Мы будем поклоняться тебе. Бог, но не докучай нам. Это наша религия, наш город. Ты видишь, мы больше не называем это место Арракин, теперь это Кин. Планета эта больше не Дюна и не Арракис. Теперь она Ракис. Держись на расстоянии, Бог. Ты — прошлое, а прошлое — это всегда докуча».

Одраде поглядела на отдаленные холмы, танцующие в мерцании жары. Иные Памяти накладывались на этот древний пейзаж. Она знала его прошлое.

?Если жрецы еще немного затянут с возвращением Шиэны, я их покараю». Жара, собранная за день землей и толстыми стенами, окружавшими Великую Площадь, все еще наполняла базар. Воздух над базаром дрожал не только от жары, но и от дыма множества небольших костров, зажженных в окружающих зданиях и под навесами, разбросанными по всей площади. День был жарким, намного больше тридцати восьми градусов. Однако, здание — бывший центр Рыбословщ — охлаждалось икшианскими механизмами с испарительными бассейнами на крыше.

«Нам здесь будет комфортно».

Здесь они будут в безопасности настолько, насколько это могут обеспечить защитные меры Бене Джессерит. Преподобные Матери ходят по этим коридорам туда и сюда. У жрецов есть свои представители в этом здании, но никто из них не посмеет себя навязывать, если Одраде сама не пожелает их видеть. Шиэна будет здесь встречаться с ними только по случаю, но все эти случаи будет дозволять исключительно Одраде.

«Это происходит, — подумала Одраде. — План Таразы продвигается вперед».

В голове Одраде были совсем свежи сообщения последней связи с Домом Соборов. Открытия насчет тлейлаксанцев наполняли Одраде возбуждением, которое она тщательно подавляла. Этот Вафф, этот тлейлаксанский Господин, будет восхитительным предметом изучения.

ДЗЕНСУННИТ! И СУФИ!

«Ритуальный образец, замороженный на тысячелетия», — объяснила Тараза.

Между строк в послании читалось другое: «Тараза возлагает на меня свое полное доверие». Одраде почувствовала прилив сил при осознании этого. «Шиэна — точка опоры. Мы — рычаг. Наша сила проистекает из многих источников».

Одраде расслабилась. Она знала, что Шиэна не позволит жрецам задерживать ее долго. Даже сама Одраде, умеющая держать себя в руках, не могла справиться с приступами дурных подозрений. Шиэне, конечно, еще труднее.

Они стали заговорщицами — Одраде и Шиэна. Первый шаг. Для Шиэны это чудесная игра. Она рождена и воспитана в недоверии к жрецам. Как же для нее здорово найти, наконец, союзника!

Какое-то движение всколыхнуло людей прямо окном Одраде. Она с любопытством глянула вниз.

Там пять обнаженных мужчин, взявшись за руки, стали кругом. Их одеяния и стилсьюты лежали грудой в стороне под охраной темнокожей девушки в длинном коричневом платье из спайсового волокна. Ее волосы были перевязаны красной тряпкой.

ТАНЦОРЫ!

Одраде читала множество донесений об этом феномене, но видела она это впервые со времени своего прибытия. Среди зрителей были три высоких жреца-стража в желтых шлемах с высокими гребнями. Охранники носили короткие накидки, которые оставляли ноги свободными для действия, у каждого было выкованное из металла копье.

Когда танцоры стали в круг, в толпе зрителей стало явно нарастать напряжение. Одраде уже поняла, что это такое: скоро последует скандирующий крик неистовства и грандиозная рукопашная. Будут проламываться головы. Потечет кровь. Люди будут вопить и метаться вокруг. В конце концов все уляжется без официального вмешательства. Некоторые удалятся плача. Некоторые удаляются смеясь. И охранники-жрецы не будут вмешиваться. Бесцельное безумие этого танца, его последствия уже века занимали Бене Джессерит. Теперь оно привлекло жадное внимание Одраде. Защитная Миссионерия проследила, как этот ритуал переходил из поколения в поколение. Ракианцы называли его «танцем развлечения». Были у него и другие названия, и самым значительным среди них было «Сиайнок» — вот во что превратился величайший ритуал Тирана, момент его сопричастия со своими Рыбословами.

Одраде отлично распознала энергию, заложенную в этом феномене, и испытывала уважение к ней. Ни одна Преподобная Мать не оказалась бы слепа к такой энергии. Одраде, однако, коробило ее бесплодное расточительство. Такие вещи следует искусственно направлять и концентрировать. Этот ритуал нуждался в каком-нибудь полезном применении. Все, что он делал сейчас истощал силы, которые могли бы стать разрушительными для жрецов, если бы пары не выпускали.

В ноздри Одраде поплыл сладкий фруктовый запах. Она чихнула и поглядела на вентиляторы возле своего окна. Жар от толпы и согретой земли вызвал восходящий поток воздуха. Он и донес запахи снизу через икшианские вентиляторы. Одраде прижалась лицом прямо к плазу, чтобы посмотреть прямо вниз. Ага, или танцоры, или толпа опрокинули торговую палатку. Танцоры топтались по фруктам. Желтый сок обрызгал их до самых ляжек.

Среди наблюдателей Одраде узнала торговца фруктами — знакомое сморщенное лицо, которое она видела несколько раз в этой палатке рядом со входом в здание. Ему словно плевать было на понесенные убытки. Как и все остальные вокруг него, он сосредоточил свое внимание на танцорах. Пять обнаженных мужчин двигались разболтанными движениями, высоко вскидывая ноги, неритмичное и на вид не скординированное представление, которое периодически повторялось — трое танцоров двумя ногами на земле, двое подняты в воздух над своими партнерами.

Это было сродни древнему обычью Свободных — хождению по песку. Этот занятный танец был ископаемым, уходящим корнями в древнюю необходимость двигаться так, чтобы ничем не выдать своего присутствия червю.

Танцоры начали все больше обрасти тесной толпой, собирающейся вокруг них со всего огромного прямоугольника базара; люди в толпе подпрыгивали как детские игрушки, чтобы поверх голов хоть на секунду взглянуть на пятерых обнаженных мужчин.

Затем Одраде увидела эскорт Шиэны, двигавшийся далеко справа, где на площадь выходил широкий проспект. Символы охоты на животных на зданиях говорили, что эта широкая улица является Дорогой Божьей. Согласно историческим источникам, по этому проспекту пролегал маршрут Лито II в город из его обнесенного высокими стенами Сарьера, расположенного далеко к югу. Если потщательнее приглядеться к деталям, можно различить некоторые из форм и образцов, которые при Тиране были городом Онн — фестивальным центром, построенным вокруг более древнего города Арракина. Онн стер многие отметины Арракина, но некоторые проспекты сохранились — некоторые здания были слишком полезны, чтобы заменять их другими. А здания, по неизбежности, определяли улицы.

Эскорт Шиэны остановился там, где проспект впадал в базар. Охранники в желтых шлемах двинулись вперед, очищая путь древками своих копий. Охранники были высоки. Когда они ставили свои копья на землю, у самого низкого из них толстое двухметровое древко доходило только до плеча. Даже среди самой беспорядочной толпы нельзя было проглядеть охранников-жрецов, но защитники Шиэны были высочайшими среди высоких.

Они опять двинулись по направлению к зданию. Их одежды распахивались на каждом шагу, обнажая серый лоск лучших стилсьютов. Они двигались прямо вперед — пятнадцать человек на огромном пространстве, окаймлявшем скопления палаток.

Разношерстная группка жриц с Шиэной в центре шла следом за стражами. Одрадеглядела в

центре эскорта знакомую фигурку Шиэны, пятнышки солнца в ее волосах и гордо вскинутое лицо. Однако же, больше всего внимания привлекли жрецы-охранники. Они двигались с высокомерием, заложенным в них с детства. Охрана знала, что они лучше простого люда. И простой люд расступался перед ними, очищая путь для сопровождения Шиэны.

Все это происходило так естественно, что Одраде увидела за этим древний образец, словно наблюдала другой ритуальный танец, который тоже не изменился за тысячелетия.

Как это часто с ней бывало, Одраде подумала о себе, как об археологе, но не из тех, что просеивают землю ради пыльных остатков столетий, а, скорее, из тех, кто также как и Орден, часто сосредоточивал свой разум на обычаях, которые люди несли с собой из своего прошлого. Здесь явно приступал личный замысел Тирана. Приближение Шиэны было тем, что было заложено самим Богом Императором.

Пятеро обнаженных мужчин под окном Одраде продолжали танцевать. Одраде, однако, среди наблюдающих заметила нечто новое. Никто вроде бы и не поворачивал голову в направлении приближающейся фаланги жрецов охранников, но глазеющая на танец толпа их явно уже их увидела.

«Животные всегда чуют приближение погонщиков».

Стало видно, как теперь участился пульс беспокойства толпы. Они неподражаемы в своем хаосе! Откуда-то из задних рядов вылетел ком земли и шлепнулся рядом с танцорами. Пятеро не сбились с шага в своем растянутом танце, но их скорость возросла. Количество движений между повторениями говорило о замечательной памяти.

Еще один ком грязи вылетел из толпы и ударили в плечо танцору. Никто из пятерых не дрогнул.

Толпа начала вопить и скандировать. Некоторые выкрикивали проклятия. Вопли переросли в хлопанье в ладоши, перебивающее ритм движений танцоров. И опять-таки, танец не изменился.

Скандирование толпы стало грубым ритмом, отзвуки которого отражались эхом от стен Великой Площади. Толпа старалась заставить танцоров сбиться с ритма. Одраде прочувствовала глубокую значимость сцены, происходившей перед ней.

Отряд Шиэны уже проделал больше половины пути через базар. Они продвигались более широкими проходами между палатками и повернули теперь прямо по направлению к Одраде. До главного скопления толпы эскорту было метров пятьдесят. Охранники двигались ровным уверенным шагом, с пренебрежением к тем, кто суетился по бокам. Взирая на толпу, их глаза под желтыми шлемами были устремлены прямо вперед. Ни один из приближившихся охранников никак внешне не проявил, что видит толпу, или танцоров, или любое другое препятствие, которое может его задержать.

Толпа резко прекратила скандировать, словно невидимый дирижер махнул рукой, подавая знак к молчанию. Пятеро продолжали танцевать. Молчание под Одраде было заряжено такой мощью, что она почувствовала, как у нее волосы встают дыбом. Прямо под Одраде трое жрецов-охранников, стоявших среди зрителей, повернулись, как один, и удалились из пределов видимости в свое здание.

Глубоко внутри толпы женщина выкрикнула проклятие.

Танцоры никак не показали, что слышали.

Толпа стала сжиматься, ограничивая пространство вокруг танцоров по меньшей мере наполовину. Девушки, охранявшие стилсьюты и одеяния танцоров, больше не было видно.

Фаланга эскорта Шиэны надвигалась прямо на танцоров — жрицы и их юная подопечная в кольце охраны. Справа от Одраде началось побоище. Люди принялись дубасить друг друга, опять, описывая в воздухе дуги, в танцующих полетели различные предметы. Толпа возобновила свое скандирование в ускоренном темпе.

Одновременно задние ряды толпы расступились, пропуская охранников. Зрители не отрывали своих взглядов от танцоров, не прерывали своего участия во все возрастающем хаосе, но дорогу освободили.

Абсолютно захваченная зреющим, Одраде глядела вниз. Сколько всего происходило одновременно — побоище, проклинающие и дубасящие друг друга люди, продолжающееся скандирование, безмятежное приближение охранников!

За щитом из жриц было видно, как Шиэна кидает взгляды из стороны в сторону, стараясь рассмотреть всю суматоху вокруг себя.

В руках кое-кого из толпы появились дубинки, они стали колотить находившихся рядом, но никто не угрожал ни жрецам, ни любому другому из отряда Шиэны.

Танцоры продолжали подпрыгивать внутри сузившегося круга зрителей. Толпа все больше оттесняла их к стене дома Одраде, и ей пришлось сильнее прижаться к плаву, чтобы смотреть вниз под очень острым углом.

Охранники, сопровождавшие Шиэну, продвигались посреди хаоса по освобождающему пути. Жрицы не глядели ни влево, ни вправо. Охранники в желтых шлемах смотрели прямо вперед.

«Презрение — слишком слабое слово, чтобы описать такое», — подумала Одраде. Неверным было бы и сказать, что беснующаяся толпа не обращала внимания на передвижения отряда. Одни признавали присутствие других, но существовали в разделенных мирах, соблюдая строгие правила такого разделения.

Только Шиэна пренебрегала негласным протоколом, подпрыгивая вверх, чтобы хоть одним глазком увидеть что-нибудь из-за прикрывавших ее тел. Толпа прямо под Одраде хлынула вперед. Этот натиск смял танцов, взметнул, как щепки, подхваченные гигантским водоворотом. Одраде разглядела мелькание обнаженных тел, как их толкали и перепихивали из рук в руки в нараставшем хаосе. Только напряженно сосредоточив внимание, Одраде сумела разобрать звуки, доносившиеся до нее.

Это было сумасшествие!

Никто из танцов не сопротивлялся. Убивают ли их? Жертвоприношение ли это? Анализы Ордена еще ни разу не сталкивались с такой реальностью. Желтые шлемы под Одраде двинулись в сторону, открывая дорогу для Шиэны и ее жриц, чтобы войти в здание, затем охранники сомкнули ряды. Они повернулись и составили защитную арку вокруг входа в здание — ощетинили пики в горизонтальном положении на уровне поясницы.

Хаос перед ними начинал стихать. Не было видно никого из танцов, но были видны жертвы — кто-то распростерта на земле, кто-то с трудом волочил ноги. Были видны окровавленные головы.

Шиэна и жрицы, войдя в здание, исчезли из поля зрения Одраде. Одраде откинулась и постаралась разобраться в том, чему только что была свидетельницей.

Невероятно!

Ни одна из голографических записей Ордена нисколько не передавала увиденного ей! Частично в этом сказывалось отсутствие запахов — пыли, пота, создававших концентрацию напряженной человеческой толпы. Одраде глубоко вздохнула. Она почувствовала, как внутри у нее все дрожит. Толпа распалась на отдельных людей, разбредавшихся с базара. Она увидела плакальщиц. Кто-то проклинал, кто-то смеялся.

Дверь позади Одраде распахнулась. Вошла смеющаяся Шиэна. Одраде обернулась всем телом, мельком увидев в холле собственную стражу и нескольких жриц. Шиэна закрыла дверь.

Темно-карие глаза девочки поблескивали от возбуждения. Ее узкое лицо, в очертаниях которого уже намечалась плавность превращения во взрослое, говорило о напряженно сдерживаемых чувствах. Это выражение угасло, едва Шиэна взглянула на Одраде.

«Очень хорошо, — подумала Одраде, наблюдая это. — Урок первый о самообладании уже начался».

— Ты видела танцов? — спросила Шиэна, крутясь и подпрыгивая, приближаясь к Одраде, чтобы остановиться перед ней. — Разве они не прекрасны? По-моему, они так прекрасны! Кания не хотела, чтобы я смотрела. Она сказала, что мне опасно принимать участие в Сиайноке. Но мне наплевать! Шайтан никогда не съест этих танцов!

С внезапно нахлынувшим пониманием, которое она испытала лишь однажды во время Спайской Агонии, Одраде воочию увидела всю схему только что происходившего на Великой Площади. Ей понадобились присутствие и слова Шиэны, чтобы все стало просто и понятно.

ЯЗЫК.

Глубоко внутри коллективного сознания этой толпы заложен абсолютно бессознательный язык, которым передается то, что нежелательно быть понятым другими. Об этом говорили танцовы. На этом языке говорила Шиэна. Этот язык состоялся из сложной комбинации тонов голоса, движений, запахов, которая складывалась и развивалась по тем же причинам, что и все другие языки.

Из необходимости.

Одраде улыбнулась счастливой девочке, стоявшей перед ней. Теперь Одраде знала, как поймать вдовушку тлейлаксанцев. Теперь она знала больше и о замысле Таразы.

«Я должна при первой же возможности сопровождать Шиэну в пустыню. Мы дождемся только прибытия этого тлейлаксанского Господина, этого Ваффа. Мы возьмем его с собой!»

Глава 21

Вольность и Свобода — сложносоставные понятия. Они уходят к религиозным идеям Свободной Воли и перекликаются с Божественной Властью, подразумеваемой в абсолютных монархах. Без абсолютных монархов, слепленных со Старых Богов и правящих по благоволению веры в религиозное отпущение. Вольность и Свобода никогда бы не обрели их нынешнего значения. Эти идеалы самим существованием обязаны прошлым примерам угнетения. И силы, поддерживающие такие идеи, будут разрушаться, если только их не обновит драматический урок нового угнетения. Вот ключ всех ключей к моей жизни.

Лито II, Бог Император Дюны: из Записей в Дар-эс-Балате.

В густом лесу, приблизительно в тридцати километрах к северо-востоку от Оплота Гамму, Тег заставил Лусиллу и Данканна ждать под прикрытием одеяла жизнеутаивающего поля до тех пор, пока солнце не скрылось за высокогорьем на западе.

— Завтра мы пойдем в новом направлении, — сказал он.

Уже три ночи он вел их через закрытую деревьями тьму, мастерски демонстрируя свою память ментата, направляя каждый шаг точь-в-точь по тому следу, который проложил для него Патрин.

— У меня все тело затекло от такого долгого сидения, — пожаловалась Лусилла. — И ночь эта тоже, вроде, будет холодной.

Тег сложил одеяло жизнеутаивающего поля и убрал в свой рюкзак.

— Вы можете чуть-чуть поразмяться, походить вокруг, — сказал он. — Но мы не двинемся отсюда до полной тьмы.

Тег, усевшись спиной к стволу густоветвистой сосны, посмотрел как Лусилла и Данкан скользнули на прогалину. Какой-то миг они стояли морозец, идущий на смену последним летучим остаткам дневного тепла, пробрал их ознобом. «Да, сегодня опять будет холодная ночь», промелькнуло у Тега, но у него было мало возможностей думать об этом. НЕОЖИДАННОСТЬ.

Шванги никогда не заподозрит, что они до сих пор настолько близки к Оплоту и передвигаются пешком.

«Таразе следовало бы яснее выражать свои предостережения насчет Шванги», — подумал Тег. Яростное и открытое неповинование Шванги Верховной Матери было настолько вне всяких традиций Ордена, что логика ментата не могла принять такое положение без большого количества данных.

Память преподнесла ему присказку его школьных дней, один из тех предупреждений-афоризмов, которые помогали ментату управлять своей логикой:

«Когда виден хвост настолько безупречной логики, что бритве Оккама нечего отсекать, путь следования ментата такой логике может привести к личной катастрофе». Значит, было известно, что логика, порой, никуда не годится.

Его мысли опять обратились к поведению Таразы на корабле Космического Союза и сразу же после. «Она хотела, чтобы я знал, что буду полностью предоставлен самому себе. Я должен смотреть на вещи с моей собственной точки зрения, а не с ее».

Значит, угроза от Шванги — угроза неподдельная, и он ее выявил, встретил лицом к лицу и решил своими собственными средствами.

Тараза не знала, что из-за всего этого произойдет с Патрином.

«Тараза, на самом деле, не очень-то беспокоится, что произойдет с Патрином. Или со мной. Или с Лусиллой».

?Но как насчет этого гхолы?» «Вот тут Таразе не наплевать!» Нелогично, чтобы она... Тег перекрыл эту линию выводов. Тараза не хотела, чтобы он действовал логично. Она хотела, чтобы он действовал именно так, как действует, как он всегда действовал, оказываясь в трудном положении.

НЕОЖИДАНОЕ.

Значит, за всеми событиями стоит логическая модель, но участники событий выпадут из гнезда в хаос, если последуют логике.

«Из хаоса мы должны извлечь наш собственный порядок».

Печаль затопила его сознание. «Патрин! Черт тебя подери, Патрин! Ты знал, а я нет! Что я буду без тебя делать??

Тег почти наяву услышал ответ старого помощника — этот жесткий «службистский» голос, которым Патрин всегда пользовался, когда укорял своего командира:

«Справишься так, что лучше некуда, башар».

Глубоким холодом веяло от железно выводимых друг из друга умозаключений — да Тег, никогда не увидит Патрина во плоти и не услышит снова голоса старика. И все же... голос оставался. Человек жил в его памяти.

— Не пора ли нам двигаться?

Это Лусилла. Она стояла прямо перед ним под деревом. Данкан ждал рядом с ней. Они оба уже надели на плечи свои рюкзаки.

Пока он сидел, раздумывая, пала ночь. Небо было усеяно яркими звездами, от которых на прогалине возникали смутные тени. Тег поднялся на ноги, поднял свой рюкзак и, наклонившись, чтобы не налететь на самые низкие ветви, вышел на прогалину. Данкан помог Тегу надеть на плечи его рюкзак.

— Шванги, в конце концов, до этого додумается, — сказала Лусилла. -Ее охотники последуют за нами сюда. Ты это знаешь.

— Нет, до тех пор, пока они не пройдут до самого конца ложного следа и не уткнутся в этот конец, — сказал Тег. — Пойдем.

И он повел их на запад, через прогалину среди деревьев. Уже три ночи он вел их по тому, что называл «памятной тропой Патрина». Сейчас, в эту четвертую ночь, Тег корил себя за то, что не спроектировал логические последствия поведения Патрина.

«Зная глубину его преданности, я не спроектировал эту преданность до наиболее очевидного результата. Мы так много лет были вместе, что я воображал, будто знаю его ум, как свой собственный. Патрин, чтоб тебя! Тебе не было необходимости умирать!?

Тут Тегу пришлось признаться себе, что на самом деле такая необходимость была. Патрин ее увидел. А ментат сам помешал себе ее разглядеть. Логика может ослеплять не меньше любой другой способности.

Как Бене Джессерит часто говорит и демонстрирует.

«Итак, мы передвигаемся пешком. Шванги этого не ожидает».

Тег был вынужден признать, что пешее передвижение по диким местам Гамму полностью перестроило его взгляды. Всему региону было позволено буйно зарасти растительностью во времена Голода и Рассеяния. Позже были сделаны новые посадки. Тег вообразил Патрина юношей, исследующим этот регион — этот скалистый отрог, едва видимый в звездном свете за просветами в деревьях, этот покрытый пиками отдаленного леса мыс, эти тропки мимо гигантских деревьев. «Они будут ожидать, что мы попытаемся бежать на не-корабль, — на этом сошлись и он, и Патрин, согласуя свой план. — Приманка должна направить охотников в таком направлении».

Только Патрин не сказал ему, что приманкой будет он сам.

Тег сглотнул комок в горле. «Данкане нельзя было защитить в Оплоте», — оправдывался он.

И это было правдой. Лусиллу лихорадило весь первый день под их одеялом жизнеутаивающего поля, укрывавшим их от обнаружения приборами, ищущими с воздуха.

— Мы должны послать весточку Таразе!

— Когда сумеем.

— Что, если с тобой что-нибудь произойдет? Я должна знать все о нашем плане бегства.

— Если со мной что-нибудь произойдет, то ты все равно не сможешь пройти тропой Патрина: нет времени вкладывать ее в твою память.

Данкан в тот день принимал мало участия в разговорах. Он молчаливо наблюдал за ними или подремывал, просыпаясь резко, с гневным взглядом в глазах.

Только на второй день под их одеялом жизнеутаивающего поля Данкан внезапно спросил Тега:

— Почему они хотят меня убить?

— Чтобы разрушить планы Ордена, основанные на тебе, — сказал Тег. Данкан грозно взглянул на Лусиллу.

— Что это за планы?

Когда Лусилла не ответила, Данкан проговорил — Она знает. Знает, потому что мне, как бы загодя, предписано доверять ей — и любить ее!

Тег подумал, что Лусилла очень хорошо скрыла свое разочарование. Все ее планы в отношении гхолы стали беспорядочными, их бегство нарушило всю планировавшуюся последовательность.

Поведение Данкана выдвинуло и другую вероятность: не является ли гхола потенциальным Видящим Правду? Какие дополнительные силы заложены в этого гхолу коварными тлейлаксанцами?

В их вторую ночь в этой глуши Лусилла была полна обвинений.

— Тараза приказала тебе восстановить его исходную память! Когда ты сможешь это сделать?

— Когда мы достигнем убежища.

В эту ночь сопровождал их Данкан, молчаливый и чрезвычайно бодрый. В нем проявилась новая жизненная сила. Он услышал!

«Ничто не должно повредить Тегу», — думал Данкан. Где бы ни было это убежище, Тег должен достичь его в безопасности.

«Тогда я буду знать!»

Данкан не знал, что именно он вспомнит, но теперь он полностью принимал цену, которую надо за это уплатить. Глушь должна привести к этой цели. Он припомнил, как глядел на дикие места из Оплота, мечтая оказаться здесь, на свободе. Ощущение неприкосновенной свободы исчезло. Глушь была всего лишь тропой к чему-то важному.

Лусилла, идущая в их арьергарде, заставляла себя сохранять спокойствие и живость, и принимать то, что она не может изменить. Частично она твердо опиралась на приказания Таразы:

— Держись поближе к гхоле, и когда придет момент, заверши данное тебе задание.

Шаг за шагом тело Тега отмерял километры. Это четвертая ночь. По расчетам Патрина, им нужно четыре ночи, чтобы достичь их цели.

И КАКОЙ ЦЕЛИ!

План бегства на случай опасности базировался, на открытии совсем юного в ту пору Патрина, открывшего одну из многих тайн Гамму. Слова Патрина всплыли в памяти Тега: «Под предлогом одиночного разведывательного обхода я два дня назад там побывал. Там ничего не тронуто. Я до сих пор единственный человек, когда-либо туда попадавший».

— Откуда ты можешь быть уверен?

— Я принял свои собственные меры предосторожности, когда покидал Гамму много лет назад, маленькие штучки, которые были бы потревожены другим человеком. Ничто не было передвинуто.

— Харконненовский не-глоуб?

— Очень древний, но все палаты так и остались неприкосновенными и работающими.

— Как насчет еды, воды...

— Все, чего ты только захочешь или пожелаешь, ты найдешь там, в нуллентропных ларях, в самой сердцевине не-глоуба.

Тег и Патрин составляли свой план, надеясь, что им никогда не придется использовать этот аварийный ход, хотя и тщательно оберегали свой секрет, пока Патрин закладывал в память Тега тайный путь к открытию своего детства.

Позади Тега Лусилла споткнулась о корень и чуть задохнулась.

«Мне бы следовало ее предостеречь», — подумал Тег. Данкан явно следует за Тегом по звуку. Лусилла — настолько же явно — в основном сосредоточена на своих собственных мыслях.

«Схожесть ее лица с лицом Дарви Одраде феноменальна», — сказал сам себе Тег. Там, в Оплоте, увидев двух женщин бок о бок, он увидел и различия, наложенные разницей в возрасте. Юность Лусиллы проявлялась в том, что в ней было больше подкожного жира, лицо помягче. Но голоса! Тембр, выговор, нюансировка — общий отпечаток манеры разговаривать Бене Джессерит. В темноте их было бы невозможно отличить друг от друга.

Зная Бене Джессерит так, как знал он, Тег отлично понимал, что это не случайно. Учитывая, как заботился Бене Джессерит о дублировании и даже повторном дублировании своих отборных генетических линий ради сохранения ценного материала, где-то у этих двух женщин должно было быть пересечение общего предка.

«Атридесы, все мы», — подумал он.

Тараза не открыла ему своего замысла насчет гхолы, но работа по осуществлению этого замысла дала Тегу доступ к все большему его постижению. Не точная модель, но он уже начинал ощущать все контуры. Поколение за поколением Орден вел дела с Тлейлаксом, покупал гхол Айдахо, готовил их здесь на Гамму — только для того, чтобы их убивали. Все время выжидала нужного момента. Это смахивало на жестокую игру — и игра эта достигла своей самой критической точки, потому что на Ракисе появилась девушка, способная управлять червями.

Сама Гамму должна быть частью этого замысла. Келаданские приметы по всей планете. Данианская утонченность, наслонившаяся на древнее варварство. Что-то другое, чем население, вышедшее из данианского убежища, где бабушка Тирана, леди Джессика, доживала свои дни.

Тег видел явные и неявные приметы во время своего первого разведывательного объезда Гамму.

БОГАТСТВО!

Свидетельства ему повсюду — только глаза имей. Оно обволакивало их мироздание, двигаясь наподобие амебы, просачиваясь в любое место, где только можно пристроиться. Богатство из Рассеяния на Гамму, понимал Тег. Богатство столь велико, что немногие подозревали (или могли вообразить) его размеры и могущество.

Он резко остановился. Приметы ландшафта перед его глазами требовали полного внимания. Перед ними был обнаженный выступ голой скалы, определяющие его пометки были помещены в память Тега Патрином — это был один из самых опасных переходов. «Никакие пещеры или густые заросли не скроют вас. Держите наготове одеяла».

Тег извлек одеяло жизнеутаивающего поля из своего рюкзака и перекинул через руку. Потом показал, что им следует продолжать путь. Когда он двинулся, темное плетение полеобразующей ткани защитного одеяла зашелестело с присвистом о его теле.

«Лусилла становится все менее загадочной», — подумал он. Так и хотелось добавлять «леди» перед ее именем. Леди Лусилла. Нет сомнения, что для нее это звучало бы приятно. Немногие, титулованные подобным образом. Преподобные Матери встречались сейчас, когда Великие Дома стали возрождаться из долгого упадка, наложенного на них Золотой Тропой Тирана. Лусилла, соблазнительница, Геноносительница.

Все женщины в Ордене были специалистками по сексу. Мать Тега еще в юности обучила его тому, как работает эта система, подбирая местных женщин отборной селекции, развивая и оттачивая его чуткость к приметам, проявившимся и в нем, и в женщине. Прививать такую чувствительность без ведома и надзора Дома Соборов было запрещено, но мать Тега была одной из еретичек Ордена.

«Тебе это понадобится, Майлз».

Несомненно, в ней была некая сила пророчества. Она вооружила его против Геноносительниц — специалисток, владеющих искусством бесконечно усиливать оргазм, бессознательными связями привязывая мужчину к женщине. «Лусилла и Данкан. Оттиск на ней станет оттиском и на Одраде».

Тег почти услышал, как щелкнув, плотно соединились друг с другом все кусочки в его мозгу. Тогда, что же насчет этой молодой девушки на Ракисе? Обучит ли Лусилла технике соблазнения закодированного ею ученика, вооружит ли его возможностями заманить ту, что управляет червями?

«Недостаточно данных для первичной компутации».

Тег помедлил в конце опасного открытого прохода через скалы. Он убрал одеяло и закрыл свой рюкзак. Данкан и Лусилла ждали вплотную позади него. Он испустил тяжелый вздох. Одеяло всегда его беспокоило — оно не обладало отражающими силами полного боевого защитного поля, и если в него попадал лазерный луч, то последующий быстрый огонь становился смертоносным. «Опасные игрушки!?

Вот как теперь Тег классифицировал такие вооружения и механические приспособления. Лучше полагаться на свои мозги и тренированное тело, на пять подходов Бене Джессерит, которым научила его мать.

«Пользуйся инструментами только тогда, когда они совершенно необходимы, чтобы усилить плоть», — таково учение Бене Джессерит.

— Почему мы останавливаемся? — прошептала Лусилла.

— Я прислушиваюсь к ночи, — ответил Тег. Данкан — его лицо казалось призрачным пятном в звездном свете, просиянном сквозь деревья — поглядел на Тега. Тег действовал на него успокаивающее. «Где-то в моей недостижимой памяти хранятся черты этого лица, — подумал Данкан. — Я могу доверять этому человеку».

Лусилла заподозрила, что они остановились здесь потому, что старое тело Тега требовало отдыха, но она не могла заставить себя сказать это. Тег утверждал, что в его плане бегства есть способ доставки Данкана на Ракис. Очень хорошо. Вот все, что в данный момент имело значение.

Она уже сообразила, что убежище, бывшее их целью, должно быть чем-то вроде не-корабля или не-палаты. Ничто другое не подходило. Каким-то образом ключом к этому являлся Патрин, который, по намекам Тега, и проложил маршрут их бегства.

Лусилла первой поняла, как Патрин должен будет заплатить за их бегство. Патрин был самым слабым звеном. Он оставался позади, там, где Шванги могла его захватить. Схватить приманку, это неизбежно. Только дурак мог считать, будто Преподобная Мать уровня Шванги будет не в состоянии вытрясти все секреты из простого мужчины. Шванги даже не понадобилось бы тяжелое убеждение. Тонкое использование Голоса и тех болезненных форм допроса, которые остаются монополией Ордена — коробочка мучений и давление на нервные узлы — вот все, что ей потребуется.

И Лусилле уже тогда стало ясно, куда заведет Патрина его преданность. Как же Тег мог быть настолько слепым?

ЛЮБОВЬ!

Долгие узы доверия между двумя мужчинами. Шванги будет действовать быстро и жестоко. Патрин это понимал. Тег просто не сделал соответствующих выводов из своего знания Патрина.

Голос Данкана вывел ее из этих мыслей.

— Топтер! Позади нас!

— Быстро! — Тег выхватил одеяло из рюкзака и набросил его на них. Они скорчились в пахнущей землей тьме, прислушиваясь к орнитоптеру, пролетающему над ними. Он не замедлил и не вернулся.

Когда они окончательно убедились, что их не засекли, Тег опять повел их по следу памяти Патрина.

— Это был охотник, — сказала Лусилла. — Либо они заподозрили, что мы... либо Патрин...

— Побереги свои силы для ходьбы, — огрызнулся Тег. Она не стала на него давить. Они оба знали, что Патрин мертв. Спор об этом только измотает.

«Этот ментат глубоко копает», — сказала себе Лусилла.

Тег был сыном Преподобной Матери, и мать подготовила его свыше дозволительных пределов, прежде чем Орден забрал его в свои руки. Неизвестные возможности таились здесь не только в гхоле.

Тропа шла, петляя назад и вперед — тропа дичи, карабкающейся по крутым склонам через густой лес. Звездный свет не проникал сквозь деревья. Только чудесная память ментата безошибочно вела их по тропе.

Лусилла ощущала угольную крошку под ногами. Она прислушивалась к движениям Тега, считывая их, чтобы двигаться как и он.

«До чего же молчалив Данкан, — подумала она. — До чего же замкнут сам на себя». Он повинуется приказам. Он следует туда, куда Тег их ведет. Она ощущала, на чем основывается покорность Данкана. Он держит совет сам с собой. Данкан повинуется, потому что его устраивает повиноваться — пока что. Бунт Шванги поселял некую яростную независимость в этом гхоле. Так что же свое вмонтировали в него тлейлаксанцы?

Тег остановился на ровном месте под высокими деревьями, чтобы перевести дух. Лусилла услышала, как он глубоко дышит. Это еще раз ей напомнило, что ментат — глубокий старик, слишком старый для таких упражнений. Она тихо проговорила:

— С тобой все в порядке, Майлз?
— Я скажу, если со мной что-то будет не в порядке.
— Сколько нам еще? — спросил Данкан.
— Осталось совсем мало.

Вскоре он опять повел их сквозь ночь.

— Мы должны поспешить, — сказал он. — Этот седловой хребет последний отрезок пути.

Теперь, когда он принял факт смерти Патрина, мысли Тега повернулись, как стрелка компаса, к Шванги, к тому, что она должна сейчас испытывать. У Шванги должно быть ощущение, словно ее мир рушится вокруг нее. Беглецы выиграли четыре ночи! Люди, которые могли провести Преподобную Мать, способны на что угодно! Разумеется, беглецы, вероятней всего, уже покинули планету. Не-корабль. Но если...

Мысли Шванги будут полны таких «если».

Патрин был слабейшим звеном, но Патрин хорошо усвоил науку удаления слабых звеньев, усвоил от своего командира — Майлза Тега.

Тег, быстро встrixнув головой, смахнул влагу со своих глаз. Насущная необходимость требовала той глубокой внутренней честности, которой он не мог избежать. Тег никогда не был хорошим лжецом, даже перед самим собой. Еще в самом начале своей подготовки, он осознал, что его мать и другие, занятые его воспитанием, укоренили в нем глубинную внутреннюю честность. «Приверженность кодексу чести».

Сам кодекс, когда он распознал его в себе, привлек восхищенное внимание Тега. Он начинался с признания, что люди не сотворены равными, что врожденные способности у всех различные, и что события в жизни с ними случаются различные. Это и формирует людей с различными целями и способностями.

Повинуясь этому кодексу, Тег рано понял, что он должен строго соблюдать иерархию, и с достоинством встретить момент, когда не сможет продвигаться дальше.

Воспитание, обусловленное этим кодексом, глубоко сидело в нем. Он никогда не мог найти его окончательных корней. Этот кодекс был частью самой человеческой сущности Тега, что с неимоверной силой ограничивало рамки дозволенного стоящим выше и ниже него в иерархической пирамиде. «Ключевой символ — верность».

Верность распространялась вверх и вниз, повсюду, где находила достойное себя пристанище. Такую верность осознавал Тег в себе. Он не сомневался, что Тараза будет поддерживать его во всем, кроме ситуации, когда потребуется принести его в жертву ради выживания Ордена. И это будет, само по себе, правильным. Это будет тем, на чем, в конце концов, покоятся их общая верность.

«Я — башар Таразы. Вот что говорит кодекс».

Это был тот самый кодекс чести, который дал Патрину право жертвовать собой.

«Я надеюсь, ты умер безболезненно, старый друг».

И опять Тег задержался под деревьями. Вытащив из ножен в сапоге боевой нож, он оставил маленькую пометку на дереве.

— Что ты делаешь? — спросила Лусилла.

— Это тайная метка, — ответил Тег. — Ее знают только подготовленные мной люди. И Тараза, конечно.

— Но, почему ты...

— Я объясню позже.

Тег двинулся вперед, остановился у другого дерева, где тоже оставил крохотную, вполне естественную для дикой жизни этих глухих мест метку, такую, какую могло бы оставить когтем животное.

Прокладывая путь вперед, Тег понял, что у него сложилось окончательное мнение о Лусилле. Ее планам насчет Данканы следует помешать. Любые рассуждения ментата о безопасности и здравом рассудке Данканы требовали этого. Пробуждение исходной памяти Данканы должно произойти раньше любого воздействия, которое наложит на него Лусилла. Нелегко будет помешать ей, понимал Тег. Чтобы провести Преподобную Мать требуется лучший лжец, чем он когда-либо был.

Нужно, чтобы помехи все время выглядели случайными, естественным развитием обстоятельств. Лусилла никогда не должна заподозрить умысла. Тег не испытывал иллюзий, что сможет провести Преподобную Мать и помешать ей в тесном обиталище. Лучше убить ее. Он подумал, что смог бы это сделать. Но последствия! Тараза никогда не посмотрит на такое кровавое дело, как на повиновение ее приказам.

Нет, он должен выигрывать время, наблюдать, слушать, выжидать.

Они вышли на небольшую открытую площадку с высоким барьером из вулканических пород прямо перед ними. Прямо у барьера росли щетинистые кустарники и низкие колючие деревья, казавшиеся темными пятнами в звездном свете.

Под кустами Тег разглядел еще более темное пятно узкой впадины.

— Отсюда надо ползти на животе, — сказал Тег. — Я чувствую запах пепла, — сказала Лусилла. — Здесь что-то сгорело. — Здесь была наша приманка, — ответил Тег. — Патрин оставил выжженную область слева от нас, подделав следы стартовавшего и оставившего после себя обгорелое место не-корабля.

Было заметно, как Лусилла сдержала дыхание. Ну и дерзость! Даже если Шванги обратится к следопыту-ясновидцу, чтобы обнаружить следы Данканы (потому что Данкан был единственным среди них, не обладавшим кровью Сиона, скрывающей от ясновидческого поиска), все приметы укажут, что они прибыли сюда и улетели с планеты на не-корабле... если только...

— Куда ты нас ведешь? — спросила она.

— Это харконненовский не-глоуб, — ответил Тег, — Он здесь уже целое тысячелетие, и теперь он наш.

Глава 22

Совершенно естественно, имеющие власть желают подавить «дикие» исследования. Неограниченные поиски знания имеют долгую историю производства нежелательной конкуренции, Наделенным властью хочется «безопасной линии исследований», которая будет разрабатывать только доступные контролю продукты и идеи, и, что важнее всего, которая позволит внутренним вкладчикам присваивать большую часть доходов. К несчастью, беспорядочное мироздание, полное изменчивой относительности, никак не гарантирует такую «безопасную линию исследований».

Оценка Икса. Архивы Бене Джессерит

Хедли Туек, Верховный Жрец и номинальный правитель Ракиса, чувствовал, что не соответствует требованиям, только что возложенным на него.

Ночь пыльным туманом обволокла город Кин, но здесь, в его личной палате аудиенций, сверкание множества глоуглобов рассеивало тени. Однако даже здесь, в самом сердце его храма, было слышно отдаленное завывание ветра, сезонных страданий этой планеты.

Палата аудиенций была помещением неправильной формы, семи метров в длину и четырех метров в ширину. Дальний от входа конец почти неощутимо сужался. Потолок в том же направлении тоже шел с мягким наклоном. Занавески из спайсового волокна и хитрые жалюзи желтого и серого оттенков скрывали неправильности. Одна из занавесок скрывала фокусирующуюший горн, который передавал даже малейшие звуки подслушивающим за пределами этой комнаты.

Только Дарви Одраде, новая Настоятельница Оплота Бене Джессерит на Ракисе, сидела с Туеком в этой палате приемов. Они смотрели друг на друга через небольшое пространство между их мягкими зелеными подушками.

Туек постарался сдержать гримасу. Это усилие разоблачающее исказило его обычно властные черты. Он с величайшей тщательностью готовился к нынешней встрече Смотрители гардероба старательно привели в порядок одеяние на его высокой несколько дородной фигуре. На его длинных ногах были золотые сандалии. Стилью под его облачением был чистой бутафорией: никаких насосов или водосборных карманов, никаких неудобных и отнимающих время приспособлений. Его серебристо-серые волосы были зачесаны к плечам подходящее обрамление для квадратного лица с широким полным ртом и тяжелым подбородком. В его глазах появился благосклонный взгляд — он научился напускать на себя такое выражение у своего деда. Войдя в палату аудиенций, чтобы встретить Одраде, он чувствовал себя весьма представительным, но теперь, внезапно, у него появилось ощущение, что обнажен и растрепан.

«Он и в самом деле довольно пустоголов», — подумала Одраде.

А Туек думал: «Я не могу обсуждать с ней этот ужасный Манифест! Ни тлейлаксанским Господином, ни с этими Лицевыми Танцорами, подслушивающими в другом помещении. Какой Шайтан меня дернул разрешить это??

— Это ересь, ясно и просто, — сказал Туек.

— Мы всего лишь одна религия среди многих, — возразила Одраде. И с людьми, возвращающимися из Рассеяния, с возрастанием количества сект и различных верований...

— Мы — единственная истинная вера, — заявил Туек.

Одраде подавила улыбку. «Он сказал это точно так, как надо. И Вафф, наверняка, его слышал». Туеком замечательно легко было управлять. Если Орден прав насчет Ваффа, то слова Туека взбесят тлейлаксанского Господина. Глубоким и значительным голосом Одраде сказала:

— Манифест поднимает вопросы, над которыми все должны задуматься: верующие и неверующие, в равной степени.

— Да что все это имеет общего со Святым Ребенком? — вопросил Туек. -Ты сказала мне, что мы должны встретиться по делам, касающимся...

— Разумеется! Не старайся отрицать, что знаешь, как много людей начинает поклоняться Шиэне. Манифест подразумевает...

— Манифест! Манифест! Это еретический документ, который будет уничтожен. Что до Шиэны, она должна вернуться под нашу исключительную опеку!

— Нет, — тихо ответила Одраде.

«До чего же возбужден Туек, — подумала она. Его жесткая шея еле-еле шевелилась, когда он

поворачивал голову из стороны в сторону, но взгляд упорно возвращался к занавеске справа от Одраде, словно указывая на это особенное место. — До чего же он прозрачен, этот Верховный Жрец. Он мог бы с равным успехом прямо сознаться, что Бафф подслушивает где-то за этой занавеской».

— А затем вы увезете ее с Ракиса, — сказал Туек.

— Она останется здесь, — ответила Одраде. — Точно так, как мы тебе обещали.

— А почему она не может...

— Ну-ну! Шиэна ясно изложила свои желания. Я уверена, тебе докладывали ее слова. Она хочет стать Преподобной Матерью.

— Она уже является...

— Владыка Туек! Не пытайся хитрить со мной. Она ясно изложила свое желание, и мы счастливы ей угодить. С чего тебе возражать? Преподобные Матери служили Разделенному Богу во времена Свободных. Почему бы не сейчас?

— Вы, Бене Джессерит, умеете заставить людей говорить то, чего они не хотят говорить, — обвинил Туек. — Нам не следовало обсуждать это наедине. Мои советники...

— Твои советники только замутили бы наш спор. То, что подразумевается в Манифесте Атридесов...

— Я буду обсуждать только Шиэну! — Туек приосанился, принимая, как он считал, позу неколебимо твердого Верховного Жреца.

— Мы ее и обсуждаем, — сказала Одраде.

— Тогда позволь мне ясно тебе заявить, что мы требуем, чтобы в ее свите находилось больше наших людей. Она должна охраняться со всех...

— Так, как она охранялась в том саду на крыше? — спросила Одраде.

— Преподобная Мать Одраде — это Святой Ракис! У вас здесь нет никаких прав, кроме тех, что мы вам даровали!

— Права? Шиэна стала мишенью, да, мишенью для многих амбиций, и ты еще желаешь спорить о правах?

— Мои обязанности, как Верховного Жреца, ясны. Святая Церковь Разделенного Бога будет...

— Владыка Туек! Я изо всех стараюсь соблюдать необходимую вежливость. То, что я делаю — настолько же для твоего блага, как и для нашего собственного. Предпринятые нами действия...

— Действия? Какие действия? — эти слова вырвались у Туека с хриплым прихрюкиванием. Эти ужасные ведьмы Бене Джессерит! Тлейлаксанцы позади него и Преподобная Мать перед ним! Туек чувствовал себя мячиком в жуткой игре, отбрасываемым туда-сюда ужасными силами. Мирный Ракис, безопасное место его ежедневных обязанностей, исчез, Туек выкинут на арену, правила игры на которой не совсем ему понятны.

— Я послала за башаром Майлзом Тегом, — сказала Одраде. — Вот и все. Его передовой отряд скоро прибудет. Мы собираемся усилить наши оборонные силы на этой планете.

— Вы осмеливаетесь захватить...

— Мы ничего не захватываем. Люди Тега перестроили защитные порядки планеты по просьбе твоего собственного отца» Соглашение, по которому это было сделано, по настоянию твоего отца содержит и пункт, требующий нашей периодической инспекции.

Туек замер, ошарашенно замолчав. Бафф, этот зловещий маленький тлейлаксанец, все слышал. Будет столкновение! Тлейлаксанцы хотят секретного соглашения, устанавливающего цены на меланж. Они не потерпят вмешательства Бене Джессерит.

Одраде говорила об отце Туека, и теперь Туек желал лишь того, чтобы здесь сидел его давно покойный отец. Твердый человек. Он бы знал, как обойтись с этими противостоящими силами. Он-то всегда отлично управлялся с тлейлаксанцами. Туек припомнил, как он подслушивал (точно так же, как сейчас слушает Бафф) тлейлаксанского посла по имени Воуз... И еще одного, по имени Пук. Ледден Пук. До чего же странные у них имена.

Перепутанные мысли Туека внезапно метнулись к другому имени. Одраде только что его

упомянула: Тег! Неужели это старое чудовище до сих пор действует?

Одраде опять заговорила. Туек попробовал сглотнуть сухим горлом, склоняясь вперед, заставил себя внимательно слушать ее.

— Тег также осмотрит ваши внепланетные линии обороны. После фиаско в саду на крыше...

— Я официально запрещаю вмешательство в наши внутренние дела, сказал Туек. — В этом нет надобности. Наша жреческая гвардия вполне годится, чтобы...

— Годится? — Одраде печально покачала головой. — До чего же неподходящее слово, учитывая новые обстоятельства на Ракисе.

— Какие новые обстоятельства? — в голосе Туека был ужас.

Одраде просто продолжала сидеть, пристально глядя на него.

Туек постарался привести в порядок свои мысли. Знает ли она о подслушивающих за стеной тлейлаксанцах? Невозможно! Он сделал дрожащий вдох. Что насчет этих оборонных порядков Ракиса? Оборонные порядки превосходны. Они обладают лучшими икшианскими мониторами и не-кораблями. Более того, всем независимым силам выгодно, чтобы Ракис по-прежнему оставался независимым как еще один источник спайса.

«Выгодно всем, кроме тлейлаксанцев с их проклятым перепроизводством меланжа из акслольтных чанов!?

Это была убийственная мысль. Тлейлаксанский Господин слышал каждое слово, произнесенное в этой палате аудиенций!

Туек возвзвал к Шаи-Хулуду, Разделенному Богу, чтобы тот защитил. Этот ужасный человечек, подслушавший за занавеской, заявил, что говорит также от лица икшианцев и Рыбословщ. Он предъявил документы. Не те ли это «новые обстоятельства», о которых говорит Одраде? Ничего нельзя надолго утаить от ведьм!

Верховный Жрец не мог унять дрожь при мысли о Баффе: круглая маленькая головка, поблескивающие глазки, этот вздернутый нос и острые зубки, когда он ощеривался улыбкой. Бафф был похож на чуть увеличенное дитя, пока не встретишься взглядом с его глазами и не услышишь, как он говорит своим приквакивающим голосом. Туек припомнил, как его собственный отец жаловался на эти голоса: «Своими детскими голосками тлейлаксанцы говорят такие жуткие вещи!» Одраде заерзала на своих подушках. Она думала о подслушавшем Баффе. Достаточно ли он слышал? Ее собственные секретные подслушиватели наверняка задаются сейчас тем же вопросом. Преподобные Матери всегда заранее проигрывают такие словесные состязания, раздумывая, какие улучшения внести, и как их повернуть при том или ином ходе событий, чтобы выиграть побольше преимуществ для Ордена.

«Бафф слышал достаточно, — сказала себе Одраде. — Время сменить игру».

С самой деловито сухой интонацией Одраде сказала:

— Владыка Туек, кое-кто весьма важный слушает то, что мы здесь говорим. Вежливо ли заставлять такую персону слушать втайне?

Туек закрыл глаза. Она знает!

Он открыл глаза и встретился с ничего не выражаящим взглядом Одраде. Она глядела так, словно у нее есть целая вечность, чтобы дождаться ответа. — Вежливо? Я... я...

— Пригласи этого тайного слушателя присоединиться к нам, — предложила Одраде.

Туек провел рукой по влажному лбу. Его отец и дед, Верховные Жрецы до него, составили ритуальные обеты на большинство случаев, но ничего на момент, подобный этому. Пригласить тлейлаксанца сюда? В эту палату, вместе... Туек внезапно припомнил, что ему не нравится запах тлейлаксанских Господинов. И отец его на это жаловался: «Они пахнут отвратительной пищей!?

Одраде поднялась на ноги.

— Я бы очень предпочла иметь того, кто слушает мои слова, перед газами, — сказала она. — Следует ли мне пойти самой и пригласить тайного слушателя...

— Пожалуйста! — Туек продолжал сидеть, но поднял руку, останавливая ее. — У меня нет выбора. У него документы от Рыбословщ и икшианцев. Он заявил, что поможет нам вернуть Шиэну в наше...

— Поможет вам? — Одраде поглядела на потеющего жреца почти жалостливо. «И он воображает, будто правит Ракисом??

— Он с Бене Тлейлакса, — сказал Туек. — Его зовут Вафф и...

— Я знаю, как его зовут, и знаю, почему он здесь. Владыка Туек. Что изумляет меня, это то, что ты позволяешь ему шпионить за...

— Это не шпионаж! Мы ведем переговоры. Я имею ввиду: есть новые силы, к которым мы должны приспособить наше...

— Новые силы? Ах, да, эти шлюхи из Рассеяния. Привез ли Вафф кого-нибудь из них с собой?

До того, как Туек смог ответить, боковая дверь палаты для аудиенций распахнулась. Вафф возник как по подсказке супфлера, позади него двое Лицевых Танцоров. «Ему же велели не приводить с собой Лицевых Танцоров!» — подумала Одраде.

— Только ты! — сказала Одраде, указывая на Ваффа. — Ведь другие не были приглашены, верно. Владыка Туек?

Туек тяжело поднялся на ноги; заметив близость Одраде, припомнил все жуткие истории о физических способностях Преподобных Матерей. Присутствие Лицевых Танцоров только усиливало его смятение. Они всегда наполняли его такими жуткими дурными предчувствиями.

Повернувшись к двери и стараясь изобразить на лице радушное выражение, Туек сказал:

— Только... только посол Вафф, пожалуйста.

Произносимые слова царапали горло Туека. Это было более, чем ужасно! Он чувствовал себя обнаженным перед этими людьми.

Одраде указала на подушку рядом с собой.

— Это для Ваффа? Пожалуйста, проходи и садись.

Вафф кивнул ей так, как будто никогда прежде ее не видел. До чего же вежливо! Сделав жест своим Лицевым Танцорам, чтобы они оставались снаружи, он прошел к указанной подушке, но остался стоять в ожидании рядом с ней. Одраде заметила, что маленький тлейлаксанец просто источает напряжение. Что-то похожее на рычание трепетало на его губах. Он так и держит наготове оружие в своих рукавах. Не собирается ли он нарушить их соглашение?

Одраде поняла, что сейчас тот момент, когда подозрения Ваффа пробудятся с прежней силой — и даже с большей. Он чувствует, что ухищрения Таразы завлекают его в ловушку. Вафф хочет завести собственных Выводящих Матерей! Весьма ощутимый запах свидетельствовал о его глубочайших страхах. Значит, он держит в уме, что можно выгадать из их соглашения — по крайней мере, формально. Тараза же не рассчитывала, что Вафф действительно поделится всеми знаниями, приобретенными от Преподобных Черниц.

— Владыка Туек сообщил мне, что ты... гм, скажем... ведешь переговоры, — сказала Одраде. «Пусть он запомнит эти слова!» Вафф знал, в чем заключаются настоящие переговоры. Говоря это, Одраде опустилась на колени, затем опять на подушку, но ее ноги оставались в таком положении, чтобы она могла мгновенно метнуть свое тело при любом намеке на нападение со стороны Ваффа.

Вафф взглянул на нее и на подушку, которую она ему указала. Он медленно опустился на подушку, но его руки оставались на коленях, рукава нацелены на Туека.

«Что он делает?» — подивилась Одраде, движения Ваффа говорили, что он выносил свой собственный план.

Одраде сказала:

— Я старалась внушить Верховному Жрецу важность Манифеста Атридесов для нашего общего...

— Атридесов! — выпалил Туек. Он чуть не грохнулся на свою подушку. — Это не могут быть Атридесы.

— Очень убедительный Манифест, — сказал Вафф, усиливая явные страхи Туека.

«По крайней мере, хоть это идет соответственно плану», — подумала Одраде. Она сказала:

— Нельзя игнорировать принесение обета ситори. Для многих людей ситори равняется присутствию их бога.

Вафф метнул на нее удивленный и гневный взгляд.

Туек сказал:

— Посол Вафф уведомляет меня, что икишианцы и Рыбословши встревожены этим доку ментом, но я успокоил его, что...

— Я думаю, мы можем игнорировать Рыбословш, — возразила Одраде. — Им повсюду чудится их бог. Вафф распознал насмешку в ее словах. Не подкальвает ли она его? Она, однако же, права насчет Рыбословш. Они настолько утратили свои прежние верования и преданность, что стали маловлиятельны, а то, на что они хоть как-то влияют, легко поддается управлению новыми Лицевыми Танцорами, которые ими сейчас руководят.

Туек попробовал улыбнуться Ваффу.

— Ты говорил о том, чтобы помочь нам...

— Об этом попозже, — перебила Одраде. Она должна была удерживать внимание Туека на документе, который так его тревожил. Она процитировала из Манифеста: «Твоя воля и твоя вера — твоя система веры — доминируют над твоим мирозданием».

Туек узнал эти слова. Он читал этот ужасный документ. Этот Манифест говорил; что Господь и все его действия не более, чем человеческие творения. Он задумался, как ему следует ответить. Подобное ни один Верховный Жрец не может оставить без ответа.

Прежде, чем Туек нашел слова, Вафф перекинулся взглядом с Одраде и произнес слова, которые, он понимал, она должна истолковать правильно. Одраде не может ошибиться, будучи тем, кто она есть.

— Ошибка предвидения, — проговорил Вафф. — Разве это не так называет документ? И разве не в этом месте он говорит, что ум верующего застаивается?

— Именно! — провозгласил Туек. Он испытал благодарность к Тлейлаксанцу за его вмешательство. Именно в этом и был корень опасной ереси!

Вафф не взглянул на него, но продолжал пристально глядеть на Одраде. Бене Джессерит находит свой умысел неуязвимым? Пусть она встретится с более великой силой. Она воображает себя такой сильной! Но Бене Джессерит на самом деле не знает, как Господь Всемогущий защитил будущее Шариата! Туека было не остановить.

— Этот Манифест нападает на все, что мы считаем святым! А его распространяют повсюду!

— Тлейлаксанцы, — подсказала Одраде.

Вафф поднял рукава, наведя свое оружие на Туека. Он заколебался только потому, что увидел, что Одраде разгадала часть его замыслов. Туек переводил взгляд с одного из них на другого. Правдиво ли обвинение Одраде? Или это еще один трюк Бене Джессерит?

Одраде увидела колебания Ваффа и догадалась об их причине. Она быстро перебрала в уме возможности, ища ответ в его мотивах. Какое преимущество получат Тлейлаксанцы, убив Туека? Вафф явно намеревается заменить Верховного Жреца одним из своих Лицевых Танцоров. Но что это им даст? Выигрывая время, Одраде сказала:

— Тебе следует быть очень осторожным, посол Вафф.

— Когда это осторожность управляла великими необходимостями? спросил Вафф.

Туек поднялся на ноги и тяжело пошел по покоям, заламывая руки.

— Пожалуйста! Это святые места. Нельзя обсуждать здесь ересь, если только мы не размышляем, как ее уничтожить, — он поглядел на Ваффа. — Ведь это правда, верно? Вы не являетесь авторами этого ужасного документа?

— Он не наш, — согласился Вафф. «Черт подери, этого надутого жреца!» Туек отошел в сторону и опять представлял собой движущуюся мишень.

— Я знал это! — воскликнул Туек, вышагивая позади Ваффа и Одраде.

Одраде продолжала смотреть на Ваффа. Он замышлял убийство! Она была в этом уверена.

Туек заговорил из-за ее спины.

— Ты не знаешь, как ты не права с нами, Преподобная Мать. Сер Вафф просил, чтобы мы составили нечто вроде меланжевого картеля. Я объяснил, что наша цена для Ордена останется неизменной, потому что одна из ваших была бабкой Бога.

Вафф выжидающе склонил голову. Жрец опять вернулся в пределы досягаемости оружия. Господь не допустит промаха.

Туек стоял позади Одраде, глядя на Ваффа. Трепет прошел по жрецу. Тлейлаксанцы так... так отталкивающие аморальны. Им нельзя доверять. Насколько можно верить отрицательному ответу Ваффа?

Не отрывая от Ваффа своего задумчивого взгляда, Одраде проговорила:

— Но, Владыка Туек, разве перспектива увеличения доходов не привлекает тебя?

Она увидела, как рука Ваффа чуть повернулась, почти нацелившись на нее. Его намерения становились ясными.

— Владыка Туек, — проговорила Одраде, — этот тлейлаксанец замышляет убить нас обоих.

При этих ее словах, Вафф рывком вскинул обе руки, стараясь поразить одновременно обе трудные мишени. Но Одраде его опередила. Она услышала слабый звук выпущенного дротика, но не почувствовала укола. Ее левая рука сокрушительным рубящим ударом обрушилась на правую руку Ваффа. Правой ногой она сломала ему левую руку.

Вафф взвыл.

Он никогда не подозревал такой скорости у воспитанниц Бене Джессерит. Это было сильнее того, что продемонстрировала Преподобная Черница на икшианском корабле Конференций. Даже через свою боль он осознал, что должен доложить об этом. Преподобные Матери владеют синаптической обводкой, если их к тому принуждают!

Дверь позади Одраде распахнулась. Лицевые Танцоры Ваффа ворвались в палату. Но Одраде уже стояла позади Ваффа, обеими руками держа его за горло.

— Остановитесь или он умрет! — закричала она.

Лицевые Танцоры замерли на месте.

Вафф корчился в ее руках.

— Стой спокойно! — приказала она. Одраде взглянула на Туека, распростертого на полу правее нее — один из дротиков достиг своей цели.

— Вафф убил Верховного Жреца, — сказала Одраде для своих тайных подслушивателей.

Оба Лицевых Танцора продолжали глядеть на нее в нерешительности. Она видела: они не сообразили заранее, как все это сыграет на руку Бене Джессерит. Разумеется, тлейлаксанцы попали в ловушку!

Одраде заговорила с Лицевым Танцором.

— Удалитесь в коридор вместе отелом и закройте дверь. Ваш хозяин совершил глупый поступок. Вы понадобитесь ему позже, — И добавила Ваффу, -В данный момент ты нуждаешься во мне больше, чем в своих Лицевых Танцорах. Отошли их.

— Уходите, — прихватил Вафф.

Увидев, что Лицевые Танцоры продолжают на нее глядеть, Одраде сказала:

— Если вы не удалитесь, я сперва убью его, а затем уничтожу вас обоих.

— Выполняйте, — завопил Вафф.

Лицевые Танцоры восприняли это, как приказ повиноваться своему хозяину. Одраде расслышала в голосе Вафф нотки самоубийственной истерики, из которой его придется выводить.

Оказавшись опять наедине с ним, Одраде вынула использованное оружие из его рукавов и спрятала к себе в карман — следует попозже подробно изучить. Она почти ничего не могла сделать с его сломанными костями, кроме того, чтобы ненадолго облегчить боль и вправить их. Из подушек она сделала импровизированные шины и нарвала полосок зеленой материи из обивки мебели Верховного Жреца.

Вафф быстро пришел в себя. Он застонал, поглядев на Одраде.

— Ты и я теперь союзники, — сказала Одраде. — Все, что происходило в этой палате, слышали мои люди и представители той фракции, которые хотели заместить Туека одним из своих.

Для Ваффа все произошло слишком быстро. Ему понадобился момент, чтобы усвоить сказанное ей. Как бы то ни было, но его ум зацепился за самое важное.

— Союзники?

— Я так представляю, с Туеком трудно было вести дела, — сказала она. — Предложи ему очевидные выгоды — и он наверняка заколебался бы. Ты оказал услугу некоторым жрецам, убив его.

— Они сейчас подслушивают? — прихватил Вафф.

— Разумеется. Давай обсудим предложенную тобой спайсовую монополию. Этот незадачливый покойный Верховный Жрец сказал, что ты упоминал об этом. Давай посмотрим, смогу ли я вычислить размах твоего предложения.

— Мои руки, — простонал Вафф.

— Ты все-таки остался жив, — возразила она. — Благодари мою осторожность, я могла бы убить тебя.

Он отвернулся от нее голову.

— Это было бы только к лучшему.

— Не для твоего Бене Тлейлакса и, наверняка, не для моего Ордена, сказала она. — Давай посмотрим. Да, ты обещал поставить нам на Ракис много спайсовых харвестеров, новых, летающих по воздуху, лишь касающихся пустыни своими сбороголовками.

— Ты подслушивала! — обвинил Вафф.

— Нисколько. Очень привлекательное предложение, поскольку, я уверена, икшианцы поставят харвестеры бесплатно, по своим собственным причинам. Следует ли мне продолжать?

— Ты же сказала, что мы союзники.

— Монополия заставит Космический Союз закупать больше икшианских навигаторских машин, — сказала она. — И вы будете держать Космический Союз в своей пасти, готовые раздавить его в любой момент.

Вафф повернулся голову, чтобы поглядеть на нее. От этого движения по его сломанным рукам прошла мучительная боль, и он застонал. Несмотря на боль, он изучал Одраде сквозь приспущеные веки. Действительно ли ведьмы полагают, что таков размах тлейлаксанского плана? Он едва смел надеяться, что Бене Джесссерит идет в столь неверном направлении.

— Разумеется, это не был твой основной план, — продолжила Одраде.

Глаза Ваффа резко открылись. Она читает его мысли!

— Я опозорен, — сказал он. — Когда ты спасла мою жизнь, ты спасла бесполезную вещь, — он откинулся навзничь.

Одраде глубоко вдохнула. «Время использовать результаты исследований Дома Соборов». Она наклонилась вплотную к Ваффу и прошептала в его ухо:

— Шариат в тебе все еще нуждается.

Вафф поперхнулся.

Одраде откинулась назад. Этот его жест все ей сказал. Исследования подтвердились.

— Ты думаешь, что люди из Рассеяния были лучшими союзниками, сказала она. — Эти Преподобные Черницы и другие гетеры такого сорта. Я спрашиваю тебя: заключает ли слиг союз с поглощаемым им мусором?

Вафф услышал этот вопрос, задаваемый вслух только в кехле. Его лицо побледнело, он задышал часто и неглубоко. То, что подразумевается в этих словах! Он заставил себя забыть о боли в руках. Союзники, говорит она. Она знает о Шариате! Откуда это только возможно?

— Как можно не понимать множества выгод от союза между Бене Тлейлаксом и Бене Джесссерит? —

спросила Одраде.

«Союз с ведьмами повинды?» Ум Ваффа был охвачен полным смятением. И ему стоит напряжения всех сил сдерживать мучительную боль в руках. До чего же хрупок этот миг! Он ощущал жгучий желчный привкус на корне языка.

— Ага, — сказала Одраде. — Ты слышишь? Жрец Крутансик и его единомышленники прибыли и стоят за нашей дверью. Они предложат, чтобы один из твоих Лицевых Танцов принял личину покойного Хедли Туека. Любой другой ход событий вызовет слишком большое смятение. Крутансик действительно мудрый человек, до сих пор державшийся в тени. Его дядя Стирос хорошо его воспитал.

— Что выигрывает Орден от союза с нами? — едва смог проговорить Вафф. Одраде улыбнулась. Теперь она могла говорить правду. Это всегда намного легче, это самый могущественный аргумент.

— Наше выживание перед лицом бури, за рождающейся среди людей Рассеяния, — сказала она. — И выживание Тлейлакса тоже. Самая отдаленная цель наших желаний, это та же цель с теми, кто хранит Великую Веру.

Ваффа съежился. Она говорит это открыто! Затем он понял. Что такого, если это услышат другие? Они не смогут распознать тайного значения этих слов. — Наши Выводящие Матери готовы для вас, — продолжала Одраде. Она пристально поглядела на его глаза и сделала жест дзенсуннитского жреца. Вафф почувствовал, как у него отпускает стиснутую грудь. Неожиданное, немыслимое, невероятное было правдой! Бене Джессерит не повинда! Весь мир еще последует за Бене Тлейлаксом в истинную веру! Господь не допустит иного. Особенно здесь, на планете Пророка!

Глава 23

Бюрократия уничтожает инициативу, Мало есть такого, что бюрократы ненавидят сильнее новшеств, особенно, если новшество дает результат лучше, чем заведенный прежде порядок. Из-за улучшений находящиеся на вершине над массой начинают казаться не у дел. А кому нравится казаться не у дел?

Руководство по Испытаниям и Ошибкам в Правлении.

Архивы Бене Джессерит

Донесения, резюме, разнообразные информационные сводки грудой лежали на длинном столе, за которым сидела Тараза. Весь Дом Соборов вокруг нее спал, кромеочных дозоров и самых необходимых служб. Только знакомые звуки, поддерживающие жизнеобеспечение, проникали в ее личные апартаменты. Два глобуса нависали над ее столом, окутывая темную деревянную поверхность и ряды ридуланской хрустальной бумаги желтым светом. Окно за ее столом казалось темным зеркалом, отражавшим комнату.

АРХИВЫ!

Графический проектор помаргивал, продолжая воспроизводить изображение над ее столом — все новые крохи и кусочки заказанной ею информации.

Тараза не доверяла архивариусам, и понимала, что в самом этом недоверии заложено противоречие, поскольку нельзя одновременно не понимать глубокую необходимость в обладании данными. Но архивы Дома Соборов могли рассматриваться только как джунгли привиатур, специальных сносок, котированных вставок и примечаний. Такой материал часто требовал участия ментата для его перевода, или, что еще хуже, во время предельной усталости, требовал погружения в Иные Памяти. Все архивариусы конечно были ментатами, но это не успокаивало Таразу. Никогда нельзя просто заглянуть в архивный источник. Большинство источников имели множество интерпретаций и ссылок, в которых разбирались только специалисты, к которым приходилось обращаться за толкованием (до чего ненавистно!). Ускоряли дело услуги механистических систем поиска. Это, в свою очередь, вызывало зависимость от тех, кто управлял этой системой. Это дает функционерам больше власти, чем хотелось бы Таразе им предоставлять.

ЗАВИСИМОСТЬ!

Тараза ненавидела зависимость. Это горестное признание напоминало ей, что не все, что представлялось, сбудется именно так, как хотелось бы и требовалось. Даже лучшие из проекций ментатов становятся ошибочными... дай только побольше времени.

И все равно, каждый ход Ордена, каждая обычная сделка требовали консультаций с архивами, бесконечных исследований. Это часто раздражало Таразу. Следует ли создать такую-то группу? Подписать такое-то соглашение? И всегда приходил момент во время совета, когда она была вынуждена огласить решение:

— Анализ архивариуса Гестерион принят.

Или:

— Доклад архивариуса отвергнут, неуместен.

Тараза наклонилась, чтобы изучить голопроекцию: «возможный план скрещивания для субъекта Ваффа».

Она проверила номера, генетические планы образцов клеток, доставленных Одраде. Обрезки ногтей редко представляли достаточный материал для надежного анализа, но Одраде очень хорошо поработала под предлогом исцеления сломанных костей Ваффа. Тараза покачала головой, глядя на данные. Потомство, наверняка, будет таким же, как и все предыдущие, которые Бене Джессерит затевал с Тлейлаксом: женщины будут неуязвимы к пробам памяти, мужчины, конечно, будут непроницаемы и отталкивающим хаосом. Тараза откинулась в своем кресле и вздохнула. Когда дело доходило до записей выведения, моментальные перекрестные отсылки приобретали искажающие пропорции. Официально это называлось «институт генетической совместимости», ИГС для архивариусов. Сестры в разговоре пользовались термином «книга племенного учета», что, хотя и было точным, не очень вписывалось в архивные заголовки. Она запросила проекции Ваффа на три сотни поколений, легкая и довольно быстро выполняемая задача, достаточная для всех практических целей. Три сотни основных генетических линий (таких как Тег, его побочные линии, его братья и сестры) доказывали, что они надежны на тысячелетия. Инстинкт говорил ей, что терять больше времени на проекцию Ваффа будет бесполезно.

В Таразе поднималась усталость. Она опустила голову на руки и отдохнула секунду, чувствуя прохладу дерева.

«Что, если я неправа насчет Ракиса??

Доводы оппозиции нельзя смахнуть в архивную пыль. «Проклятие этой зависимости от компьютеров!» Орден хранил сведения о своих основных линиях в компьютерах, память которых уходила аж в запретные дни Бутлеаринского Джихада, устроившего дикое избиение «думающих машин». Наши, «более просвещенные», дни не склонны задаваться вопросами о бессознательных мотивах, вызвавших эту древнюю оргию разрушения.

«Порой мы принимаем весьма ответственные решения по бессознательным причинам. Слишком часто сознательный поиск в архивах или Иных Памятях не дает никаких гарантий». Тараза подняла руку и похлопала ей по крышке стола. Ей не нравилось иметь дело с архивариусами, семенившими к ней с ответами на ее вопросы. Весьма неприятный народец, полный тайных шуточек. Она слышала, как они сравнивали свою работу по выведению с фермами, на которых скрещивают и выводят новые виды животных. Черт подери их шуточки! Правильное решение сейчас намного важнее, чем они только могут вообразить. Эти услужливые Сестры всего лишь повинуются приказам, и не несут на себе такой ответственности, как Тараза.

Она подняла голову и поглядела на нишу, в которой стоял бюст Сестры Ченоэ, той древней Сестры, что встречалась и разговаривала с Тираном.

«Ты знала, — подумала Тараза. — Ты никогда не была Преподобной Матерью, но все равно, ты знала. Это показывают твои отчеты. Как же ты узнала, чтобы принять правильное решение??

Запрос Одраде о военной поддержке требовал немедленного ответа. Временные рамки очень ограничены. Но с исчезновением Тега и Лусиллы с гхолой следует ввести в действие запасной план.

«Черт подери Тега!?

Еще одна из его неожиданностей. Он, разумеется, не мог оставить гхолу в опасности. Действия Шванги можно было предусмотреть.

Что же сделал Тег? Отправился ли он, чтобы затаиться в леса или в один из больших городов Гамму? Нет. Если бы это был город, то Тег сообщил бы о себе через одного из тайных агентов, которых они подготовили. У него был полный список этих агентов, и с некоторыми из них Тег познакомился лично. Явно, Тег не доверял им полностью. Он что-то заметил вовремя своей инспекционной поездки, заметил что-то такое, о чем не доложил даже через Беллонду.

Следует призвать Бурзмали и, конечно, дать ему наставления. Бурзмали самый лучший, он подготовлен самим Тегом, первый кандидат на звание Верховного башара. Бурзмали должен быть послан на Гамму.

«Я играю по наитию», — подумала Тараза.

Но если Тег затаился, то след должен начинаться на Гамму. Правда, там же может и кончиться. Да, послать Бурзмали на Гамму. Ракис должен подождать. Есть, конечно, очевидная привлекательность в таком ходе: это не насторожит Космический Союз, да и тлейлаксанцы и люди из Рассеяния, наверняка, клюнут на эту наживку. Если Одраде не удастся поймать в ловушку тлейлаксанцев... о, нет, Одраде никак не допустит провала. Это можно считать почти надежным.

НЕОЖИДАННОЕ.

«Ты видишь, Майлз, я действительно научилась этому от тебя».

Ничто из этого не подавит оппозицию внутри Ордена, однако.

Тараза положила обе руки ладонями на стол и прижала к столу, словно стараясь, здесь на Доме Соборов, ощутить тех людей, кто разделяет взгляды Шванги. Громкая оппозиция была подавлена, но тихая всегда держала наготове насилие.

«Что же мне делать??

Считалось, что в кризисные моменты Верховная Мать не должна быть уязвима нерешительностью. Но сейчас связь с тлейлаксанцами выводила из равновесия данные их исследований. Некоторые из рекомендаций для Одраде представлялись очевидными, и уже были ей переданы. Этот план был ясен и прост.

Взять Ваффа в пустыню, подальше от нежелательных глаз. Создать экстремальную ситуацию и потом воспользоваться религиозным опытом по старой и надежной модели, разработанной

Зашитной Миссионерий. Проверить, действительно ли тлейлаксанцы использовали процесс гхолы для создания своего собственного вида бессмертия. Одраде способна прекрасно выполнить этот неоднократно выверенный план. Но многое однако же, зависело от этой молодой девушки Шиэны.

«Червь сам по себе является неизвестностью».

Тараза напомнила себе, что нынешние черви — не аборигены древнего Арракиса. Несмотря на проявленную Шиэнской способность повелевать червями, они остаются непредсказуемыми. Как бы сказали в архивах, у них нет обратных записей. Тараза почти не сомневалась, что Одраде сделала точное наблюдение насчет ракианцев и их танцев. Это было плюсом.

«Язык. Но мы все еще не говорим на нем. Это минус. Я должна принять решение сегодня!?

Взгляд Таразы стал блуждать по комнате, в то время, как вся неразрывная линия Верховных Матерей, все женские памяти, заключенные в хрупкой оболочке ее самой и двух других, Беллонды и Гестерион мучительно следовали сквозь Иные Памяти, от которых она так уставала, когда им следовала. Самым крайним следом были наблюдения Муад Диба, атридесовского бастарда, который дважды потряс мироздание, сначала завладев Империей с помощью орд своих Свободных, а затем породив Тирана.

«Если мы на этот раз потерпим поражение, это будет конец всем нам, подумала она. — Тогда, скорее всего, нас поглотят эти отродья из Рассеяния».

Альтернатива представлялась сама собой: девочка с Ракиса должна быть перевезена в самую сердцевину Ордена на пределе досягаемости полета не-кораблей — позорное отступление.

И так много зависит от Тега. Потерпел он поражение на службе Ордену или нашел неожиданный способ спрятать гхолу?

«Я должна найти предлог для отсрочки, — подумала Тараза. — Мы должны предоставить Тегу время связаться с нами. Одраде будет одна вытягивать наш план на Ракисе». Это очень опасно, но должно быть сделано. Тараза твердо поднялась из своего песьего кресла и подошла к темному окну. Дом Соборов лежал во тьме, с тенями от звездного света. Убежище планета Дом Соборов. Такие планеты больше не носили никаких названий, только номера где-то в архивах. Эта планета уже четырнадцать сотен лет наблюдала, как ее занимает Бене Джессерит, но даже такой срок стоит рассматривать как временный. Тараза подумала о сторожевых не-кораблях, кружащих по орбите над головой: собственная оборонная система, созданная Тегом. И все равно. Дом Соборов оставался уязвимым.

У проблемы есть название: «Случайное обнаружение».

Это вечный изъян. Там, в Рассеянии, человечество значительно разрослось, затопляя неограниченные пространства. Золотая Тропа Тирана, наконец, защищена. Защищена ли? Наверняка, Червь Атридес планировал большее, чем просто выживание человечества.

«Он сделал с нами что-то, до чего мы еще не докопались, даже после всех этих тысячелетий. Мне кажется, я знаю, что он сделал. Мои противники утверждают обратное».

Преподобной Матери всегда нелегко размышлять над путами, от которых они страдали под Лито II, и он, как хлыстом, подгонял свою Империю по Золотой Тропе целых тридцать пять сотен лет.

«Мы спотыкаемся, когда оглядываемся на те времена».

Заметив свое отражение в темном плаве окна, Тараза поглядела на себя. Лицо мрачное, и усталость легко заметна.

«Я имею полное право быть усталой и мрачной!?

Она знала, что тренированное сознание умышленно приводит ее к негативным моделям — такова была ее система защиты, ее сила. Она становилась отстраненной от всех человеческих взаимосвязей, даже от соблазна, который она представляла для Разрешающих Скрецивование. Тараза была вечным «адвокатом дьявола», это стало главенствующей силой в целом Ордене, естественным следствием ее возвышения до Верховной Матери. Противники легко развивались в такой питательной среде.

Как говорят суфии: «Рыба всегда гниет с головы».

Почему-то они не упоминают, что некоторые виды гниения являются благородными и полезными.

Теперь она успокаивала себя более приятными мыслями: Рассеяние разнесло уроки Тирана по всей человеческой популяции, изменило неизнаваемым образом, но, в конце концов, поддастся

распознаванию. Со временем будет найден способ уничтожить невидимость не-кораблей, но Тараза не думала, что его уже нашли люди из Рассеяния — во всяком случае, не те, что сейчас возвращаются в места своего изначального происхождения.

Не было абсолютно безопасного курса через конфликтующие силы, но она считала, что Орден вооружен настолько хорошо, настолько способен. Проблема была родственна той, что решают навигаторы Космического Союза, ведя свой корабль сквозь подпространство так, чтобы избежать столкновения и ловушки. Ловушки, вот в чем ключ, и Одраде расставляет ловушки Ордена на тлейлаксанцев. Когда Тараза думала об Одраде, что часто с ней случалось в напряженные моменты, их долгая взаимосвязь утверждала себя. Это было, как если бы она глядела на выцветший гобелен, на котором некоторые фигуры все еще остаются яркими. Самой яркой из всех, подтверждая положение Одраде близко к креслам управляющих Орденом, была ее способность отсекать детали и извлекать удивительную сердцевину любого конфликта. Эта была форма того, что являлось опасным атрибутом предвидением внутри нее. Использование этого скрытого таланта, было тем, что настораживало большинство оппозиции, и был единственный довод, что Тараза знавала ее наибольшую весомость. То, что работало глубоко под поверхностью, его скрытые передвижения, обозначаемые только внешними всплесками беспокойства, вот что было проблемой!

— Использовать ее, но быть наготове ее устраниТЬ, — доказывала Тараза. — Нам все еще будет нужно большинство ее потомства.

Тараза знала, что может положиться на Лусиллу... если, конечно, Лусилле удалось найти убежище где-то вместе с Тегом и гхолой. Различные убийцы обитают в Оплоте на Ракисе, разумеется. Оружие, может быть, скоро запущено в действие.

Тараза испытала внезапное внутреннее смятение. Иные Памяти рекомендовали наивысшую осторожность. Никогда больше не терять контроль над линиями скрещивания! Да, если Одраде избегнет попытки ее устраниТЬ, то она будет отчуждена навсегда. Одраде является полной Преподобной Матерью и некоторые из них должны до сих пор оставаться в Рассеянии, не среди Преподобных Черниц, которых наблюдал Орден... но все же...

Никогда больше! Таков был лозунг всей оперативной работы. Никогда больше нового Квизатца Хадераха или еще одного Тирана.

Контролируй порождающих, контролируй их потомство.

Преподобные Матери не умирают, когда умирает их плоть. Они погружаются все глубже и глубже в самую живую сердцевину Бене Джессерит, пока их случайное назидание и даже их бессознательное наблюдение не становится частью продолжающегося Ордена.

«Не наделай ошибок с Одраде!?

«Я знаю, что ты думаешь обо мне. Дар, с твоим „ограниченным теплом“, направленным на подругу старых школьных дней. Ты думаешь, что я потенциально опасна для Ордена, но что я могу быть спасена от себя самой наблюдательными друзьями».

Тараза знала, что некоторые из ее советниц разделяют мнение Одраде, тихо слушая и придерживая свои суждения. Большинство из них до сих пор следуют руководству Верховной Матери, но многие знают о диком таланте Одраде и распознали ее сомнения. Только одно удерживает всех Сестер в узде — и Тараза не пыталась самообманывать на этот счет.

В основе всех действий любой Верховной Матери — глубочайшая верность Ордену. Ничто не должно поставить под угрозу дальнейшее существование Бене Джессерит, даже она сама. В ее точном и резком самосуждении Тараза объясняла свою связь с продолжающейся жизнью Ордена.

Явно нет непосредственной необходимости устраниТЬ Одраде. И все же, Одраде сейчас слишком близко к центру замысла с гхолой, и любая мелочь может навести ее на понимание всего целиком, с ее-то изощренной восприимчивостью. Большая часть неоткрытого ей скоро станет известной. «Манифест Атридесов» — это почти игра наугад. Одраде, истинный создатель Манифеста, могла только достигнуть более глубокого прозрения, составляя этот документ, но сами слова были наивысшим препятствием для откровения. Вафф это оценит, знала Тараза.

Отвернувшись от темного окна, Тараза вернулась к своему письму креслу. Момент главного решения — идти или не идти — можно и отсрочить, но промежуточные шаги следует предпринять. Она набросала в своем уме послание и изучила его, Отправляя распоряжение Бурзмали. Любимый ученик башара должен быть запущен в действие не так, как хочет Одраде.

Послание Одраде было совершенно простым по сути:

«Помощь в пути. Ты на сцене, Дар. Где дело касается безопасности Шиэны, используй собственный разум. Во всех других делах, которые идут вразрез с моими приказами, проводи мой план».

Вот оно. Так тому и быть. У Одраде есть инструкции, главные наставления, которые она примет как «план», даже если разглядит недостатки модели. Одраде будет повиноваться. «Дар», чудесный штришок, подумала Тараза. Дар и Тар. Это отверстие к ограниченному теплу Одраде не будет хорошо защищено от направления Дар и Тар.

Глава 24

На длинном столе справа сервировано жаркое из зайца пустыни в соусе сепеда. Другие яства, по часовой стрелке от дальнего коника стола справа: сирианский апломаж, чакка под стеклом, кофе с меланжем (обратите внимание на ястреба Атридесов на электрокофейнике), пот-а-ойе, и, в хрустальной булутанской бутыли искристое келаданское вино. Обратите внимание на древний опознаватель ядов, скрытый в канделябре.

Дар-эс-Балат.

Путеводитель по музейной экспозиции

Тег нашел Данкана в крохотном обеденном алькове, отходящем от маленькой кухоньки не-глоуба. Задержавшись на подходе к алькову, Тег внимательно присмотрелся к Данкану: они здесь уже восемь дней, и парень, похоже, наконец оправился от той странной ярости, что охватила его, когда они вступили в переходник не-глоуба.

Сперва они оказались в неглубокой пещере, где стоял мускусный запах местного дикого медведя. Задняя стена пещеры не была цельной скалой, хотя могла бы обмануть любого исследователя. Крохотный выступ в скале был тайным ключом, вход отворялся, если знать этот ключик или случайно наткнуться на него. Поворот — и полностью открывалась задняя стена пещеры. Переходник, которой автоматически освещался ярким светом как только наглоухо закрывался вход позади, на стенах и потолке был покрыт изображениями грифонов Харконненов. Тег потрясенно подумал о Патрине, случайно наткнувшемся и впервые попавшем в это место (шок! трепет! восторг!), и упустил из вида реакцию Данканна, заметив ее только тогда, когда тихий рык заполнил закрытое пространство.

Данкан остановился и рычал (это было почти стоном), кулаки стиснуты, взгляд прикован к грифонам Харконненов на правой стене. Выражения ярости и смятения поочередно брали верх на его лице. Он взметнул кулаки и, ударив ими вырисовывавшиеся фигуры, разбил руки в кровь.

— Проклятие им всем до глубочайших адских ям! — вскричал он.

Это было странно взрослое ругательство, выплетевшее из такого почти детского рта.

Не успел Данкан договорить эти слова, как его охватила непроизвольная дрожь. Лусилла обняла его и погладила по затылку, успокаивая, почти чувственно, пока дрожь не улеглась.

— Почему я так сделал? — прошептал Данкан.

— Ты узнаешь, когда восстановится твоя исходная память, — ответила она.

— Харконнены, — прошептал Данкан и кровь прилила к его лицу. Он поглядел на Лусиллу. — Почему я так сильно их ненавижу?

— Словами этого не объяснишь, — сказала она. — Ты должен ждать своих воспоминаний.

— Я не хочу воспоминаний! — и Данкан мгновенно кинул испуганный взгляд на Тега. — Нет! Нет, я их очень хочу.

Сейчас, увидев Тега, входящего в обеденный альков не-глоуба, Данкан четко припомнил тот миг. — Когда, башар?

— Скоро.

Тег огляделся вокруг. Данкан сидел в одиночестве за автоматически прибирающимся столом, перед ним стояла чашка с коричневой жидкостью. Тег узнал запах: один из щедро сдобренных меланжем продуктов из нуллентропных закромов. Закрома были настоящим кладезем экзотической еды, одежды, оружия и других изделий — музей, ценность которого даже измерить нельзя. Все в глоубе покрывал толстый слой пыли, но ничего из сделанных запасов ни капельки не подпортилось. Все продукты до последней крошки сдобрены меланжем, не до уровня меланжемана-обжоры, но весьма ощутимо. Даже консервированные фрукты были присыпаны спайсом.

Коричневая жидкость в чашке Данканна была одним из тех продуктов, которые Лусилла сначала попробовала сама, прежде чем объявила их годными для поддержания жизни. Тег не знал в точности, как это удается Преподобным Матерям, но и его собственная мать обладала такой способностью. Они определяли пригодность еды и питья с одной пробы.

При взгляде на разукрашенные часы, укрепленные на стене в закрытом конце алькова, Тег понял, что сейчас позже, чем он думал — далеко за третий час их условного полдня. Данкану следовало пока еще находиться в хитроумно оборудованном зале для физических упражнений, но они оба

заметили, как Лусилла поднялась на верхние уровни глоуба, и Тег усмотрел в этом возможность потолковать наедине.

Пододвинув кресло, Тег уселся по другую сторону стола.

— Я ненавижу эти часы! — сказал Данкан.

— Ты все здесь ненавидишь, — сказал Тег, мгновенно взглянув на часы. Это была еще одна древность: круглый циферблат с двумя стрелками и цифровым счетчиком секунд. Обе стрелки были приапическими — обнаженные фигуры: мужчина с огромным фаллосом и женщина поменьше, с широко расставленными ногами. Каждый раз, когда стрелки часов встречались, мужчина словно бы вводил свой фаллос в женщину.

— Мразь, — согласился Тег. Он указал на питье Данкана. Тебе оно нравится?

— Нормальное, сэр. Лусилла говорит, мне следует выпивать это после упражнений.

— Моя мать обычно готовила мне сходное питье после тяжелых упражнений, — сказал Тег. Он наклонился вперед и вдохнул, припомнил вкус, сохранившийся в его памяти, насыщенность меланжа в ноздрях.

— Сэр, как долго мы здесь пробудем? — спросил Данкан.

— До тех пор, пока нас не найдут нужные люди, или до тех пор, пока мы не будем уверены, что нас не найдут.

— Но... отрезанные здесь от мира, как мы об этом узнаем?

— Когда я решу, что подошло время, я накину одеяло жизнеукрывающего поля и отправлюсь в наружный дозор.

— Я ненавижу это место!

— Это очевидно. Но разве ты нисколько не научился терпению?

Данкан скорчил гримасу.

— Сэр, почему вы стараетесь не допустить, чтобы я оставался наедине с Лусиллой?

У Тега при этих словах Данкана на полувидохе перехватило дыхание. Он знал, конечно, что этот парень заметил. А если Данкан — то, значит, и Лусилла!

— По-моему, Лусилла не замечает, что вы делаете, сэр, — сказал Данкан, — но это становится крайне очевидным, — он огляделся вокруг. — Если бы это место не отвлекало так много ее внимания... куда это она так рванула?

— По-моему, она в библиотеке.

— Библиотека!

— Согласен, это примитивно, но и привлекает, — Тег поднял взгляд к резьбе на потолке кухни. Подошел решающий момент. Нельзя полагаться на то, что внимание Лусиллы еще долго будет отвлечено. Тег, однако же, был захвачен не меньше, чем она. В этих чудесах легко было затащиться. Весь комплекс не-глоуба — приблизительно две сотни метров в — был окаменелостью, сохранившейся в неприкосновенности со временем Тирана. Лусилла заговорила с ним об этом подсевшим шепотом:

— Послушай, а ведь Тиран, должно быть знал об этом месте.

Ментатное мышление Тега немедленно заинтересовалось этим предположением. «Почему Тиран позволил семье Харконненов разбазарить на эту затею огромную часть остатков их прежнего богатства? Может быть, как раз по этой самой причине — чтобы окончательно их разорить».

Цены на взятки и на перевозки с икшиа неких фабрик на кораблях Союза должны были достигать астрономических цифр. — Знал ли Тиран, что однажды нам понадобится это место? — спросила Лусилла.

Тег согласился, что тут не избежать сил провидения, которые Лито II так часто демонстрировал.

Глядя на Данкана, сидевшего напротив него, Тег почувствовал, как у него волосы дыбом встают на затылке. Было что-то сверхъестественное в этом убежище Харконненов, словно бы сам Тиран мог здесь побывать. Что же произошло с Харконненами, построившими это? Ни Тег, ни Лусилла не

нашли абсолютно никаких объяснений, почему был заброшен этот глоуб.

Никто из них не мог бродить по не-глоубу, не испытывая острого чувства прикосновения к истории. Тег постоянно задавался вопросами без ответов. Лусилла и это прокомментировала.

— Куда они делись? В моих Иных Памятях нет ничего, что дало бы хоть малейший намек.

— Не выманил ли их Тиран наружу, и не перебил ли он их?

— Я вернусь в библиотеку. Может быть, сегодня я что-нибудь найду. Первые два дня их пребывания здесь, Лусилла и Тег тщательно исследовали весь глоуб. Молчаливый и угрюмый Данкан таскался за ними, словно боялся оставаться один. Каждое новое открытие наполняло их благоговением и поражало. Двадцать один скелет, сохранившийся за прозрачным пласком вдоль стены возле центра глоуба! Жуткие наблюдатели за всяkim, кто проходит мимо них в машинное отделение и к нуллентропным ларям.

Патрин предупреждал Тега о скелетах. При одном из своих первых юношеских посещений глоуба, Патрин нашел записи, сообщавшие, что эти мертвецы были мастеровыми, которые построили это место, а затем все были перебиты Харконненами, чтобы сохранилась тайна.

В целом, глоуб был замечательным техническим достижением, тайником, закрытым и отрезанным от времени, наглухо запертым от всего внешнего. Несмотря на все прошедшие тысячелетия, его машинария до сих пор работала бесперебойно, производя мимикрирующее излучение, которое даже самые современные приборы не смогли бы отличить от естественного фона земли и скал.

— Орден должен получить это место нетронутым! — все время повторяла Лусилла. — Это сокровищница! Здесь — даже родословные книги их семьи!

Это было не все, что здесь сохраняли Харконнены. Тег все время испытывал отвращение от постоянных соприкосновений с их глоубом. Как эти часы! Одежда, инструменты для поддержания в порядке этой замкнутой среды, для обучения, развлечения — все было отмечено стремлением Харконненов покрасоваться в своем беззаботном чувстве превосходства над другими людьми и над иными стандартами.

Опять Тег подумал о Патрине, юношей, вероятно не старше этого гхолы, попавшем в это место. Что надоумило Патрина так много лет сохранять эту тайну даже от своей жены? Патрин никогда не соприкасался с требованиями секретности, но Тег сделал собственные выводы. Счастливое детство.

Необходимость в своем собственном потайном месте. Друзья, которые на самом деле не друзья, а люди, жаждущие над тобой посмеяться. Никому другому не дозволено прикоснуться к такому чуду. Это принадлежит ему! Это больше, чем место собственной безопасности. Это символ личной победы Патрина.

«Я провел здесь много счастливых часов, башар. Все до сих пор работает. Записи древние, но чудесные, как только схватываешь язык. Много знаний накоплено в этом месте. Но ты это поймешь, когда сам там окажешься. Ты поймешь много, о чем я тебе никогда не рассказывал».

Древний гимнастический зал хранил много примет частого использования Патрином. Тег понял, что это Патрин сменил кодировку оружия на некоторых автоматах. Счетчики времени говорили о мучительных для мускулов часах сложных упражнений. Это глоуб объяснял те способности, которые Тег всегда находил такими удивительными в Патрине. Здесь были развиты естественные таланты.

Автоматика не-глоуба была совсем другого плана.

В большинстве своем она представляла открытый вызов древним запретам на такие устройства. Более того, некоторые из автоматов, предназначенные для удовольствия, подтверждали самые отвратительные истории, которые Тег слышал о Харконненах. Боль, как радость! По-своему, эти вещи объясняли жесткую несгибаемую мораль, которую Патрин вывез с собой с Гамму отвращение к извращениям заложило свои собственные стереотипы в его поведение.

Данкан сделал большой глоток своего питья и поглядел на Тега через край чашки.

— Почему ты пришел сюда, когда я велел тебе закончить последний цикл упражнений? — спросил Тег. — Упражнения не имеют смысла, — Данкан поставил чашку.

«Что ж, Тараза, ты была неправа, — подумал Тег. — Он рванулся к полной независимости скорее, чем ты предсказывала».

И к тому же Данкан перестал употреблять «сэр» в обращении к башару.

— Ты меня не слушаешься?

— Не совсем.

— Тогда, что же именно ты делаешь?

— Я должен знать!

— Не очень-то я тебе понравлюсь, когда ты на самом деле узнаешь.

Данкан удивился.

— Сэр?

«Ага, „сэр“ вернулось!?

— Я все время готовил тебя для определенных видов очень напряженной жизни, — сказал Тег. — Это необходимо для того, чтобы мы смогли восстановить твою исходную память.

— Боль, сэр?

— Мы не знаем другого способа вернуть первоначального Данкана Айдахо — того, кто умер.

— Сэр, если вы способны это сделать, я не буду испытывать ничего, кроме благодарности.

— Ты так говоришь. Но я могу показаться тебе еще одним хлыстом среди всех прочих, повторно вызывавших тебя к жизни.

— Разве не лучше знать, сэр?

Тег поднес тыльную сторону ладони ко рту.

— Если ты возненавидишь меня... я не смогу тебя осудить.

— Сэр, как бы вы себя чувствовали, будь вы на моем месте? — поза Данкана, интонации голоса, выражение лица — все показывало трепетное смятение.

«Пока что все хорошо», — подумал Тег. Пока процесс восстановления шел по тщательно разработанному графику, но каждый ответ гхолы требовал взвешенности и осторожности. Данкан был полон неуверенности. Он хотел чего-то и страшился этого.

— Я только твой учитель, а не твой отец! — сказал Тег. Данкан отпрянул от этого резкого тона.

— Разве вы не мой друг?

— Это дорога с двусторонним движением. Истинный Данкан Айдахо должен будет ответить на этот вопрос для себя сам.

Взгляд Данкана затуманился.

— Буду ли я помнить это место. Оплот, Шванги и...

— Все будешь помнить. Твоя память как бы расслоится на некоторое время, но затем ты вспомнишь все.

На лице Данкана появилось страдальческое выражение, а когда он заговорил, в его голосе зазвучала горечь.

— Так что вы и я — станем товарищами.

Тег точно следовал инструкциям по пробуждению, сохраняя достоинство и повелительные интонации башара.

— Я не особенно-то заинтересован, чтобы стать твоим товарищем, — он устремил испытующий взгляд на лицо Данкана. — Я думаю, вполне возможно, когда-нибудь ты станешь башаром — ты сделан из нужного теста. Но я к тому времени уже давным-давно буду мертв. — Ты товарищ только башарам?

— Патрин был моим товарищем, а он никогда не поднимался выше командира отряда.

Данкан поглядел в пустую чашку, а затем на Тега.

— Почему ты не закажешь себе что-нибудь выпить? Ты ведь тут тоже как следует поработал.

«Умный вопрос». Не следует недооценивать этого юнца. Он знает, что совместная трапеза — один из самых древних ритуалов Союза.

— Запаха твоего питья мне достаточно, — ответил Тег. — Старые воспоминания. Мне они в данный момент не нужны.

— Зачем же тоща ты спустился сюда?

Вот оно — и надежда, и страх, — юношеский голос предательски дрогнул. Он хочет, чтобы Тег сказал что-то особенное.

— Мне нужно тщательно оценить, насколько удаются тебе эти упражнения, — сказал Тег. — Мне необходимо было спуститься сюда и взглянуть на тебя.

— Почему так тщательно?

?Надежда и страх!» Как раз время направить разговор в нужное русло:

— Я никогда прежде не обучал гхолу.

Гхола. Это слово как бы висело между ними среди кухонных запахов, с удалением которых фильтры глоуба не справлялись.

Гхола! Это слово сдобрено пряностью спайса, которым пахло от пустой чашки Данкан. Данкан наклонился вперед, ничего не говоря. Выражение его лица стало жадным. На память Тегу пришло наблюдение Лусиллы: «Он знает, как пользоваться молчанием».

Когда стало ясно, что Тег не станет развивать эту простую мысль, Данкан с разочарованным видом опять откинулся к стене. Левый угол его рта поник, у него стал обиженно-раздраженный вид. Все концентрировалось внутри, как тому и следовало.

— Ты спустился сюда не для того, чтобы побить одному, — сказал Тег. -Ты спустился сюда, чтобы спрятаться. Ты все еще прячешься, и думаешь, что никто никогда тебя не найдет.

Данкан поднес руку ко рту. Это был тот условно-бессознательный жест, которого все время ожидал Тег. Инструкции на этот момент были ясными: «Гхола хочет, чтобы его исходная память была пробуждена и ужасно этого боится. Это главный барьер, который необходимо преодолеть».

— Убери руку ото рта! — приказал Тег. Данкан уронил руку, будто обжегшись. Он уставился на Тега, как попавшее в ловушку животное.

«Говори правду, — предупреждали Тега инструкции. — В этот момент, когда все чувства полыхают, гхола будет видеть прямо в твоем сердце».

— Я хочу, чтобы ты знал, — сказал Тег. — То, что мне приказал Орден сделать с тобой, для меня весьма неприятно.

Данкан словно бы съежился, уйдя в себя.

— Что они приказали тебе сделать?

— Умения, которые мне было приказано тебе передать, неполны.

— ПОЧЕМУ?

— Частично это касается интеллектуальной подготовки. В этом отношении ты доведен до уровня командира полка?

— Лучше, чем Патрин?

— С чего ты должен быть лучше, чем Патрин?

— Разве он не был твоим товарищем?

— Да.

— Да, ты говорил, что он не поднимался выше командира отряда!

— Патрин был способен полностью принять на себя командование целыми многоплановыми силами. Он был магом и волшебником тактики, чью мудрость я использовал во многих случаях.

— Но ты говорил, что он никогда...

— Это был его собственный выбор. Низкий чин придавал ему тот оттенок заурядности, который мы оба находили полезным.

— Командир полка? — голос Данканы был лишь немногим громче шепота. Он уставился на крышку стола.

— Ты понимаешь, в чем заключаются твои функции, ты запальчив, но с опытом это обычно сглаживается. И твое умение владеть оружием превосходно для твоего возраста.

Глядя на Тега, Данкан спросил:

— Что насчет моего возраста, сэр?

Точно так, как предостерегали инструкции: «Гхола будет кружить вокруг главной темы. „Что насчет моего возраста?” То есть, сколько лет по-настоящему гхоле??

Холодным обвиняющим голосом Тег сказал:

— Ты хочешь знать возраст гхолы, почему просто так не спросишь об этом?

— Ка... каков этот возраст, сэр?

Этот юношеский голос был до того подавлено-несчастным, что Тег почувствовал, как слезы подступают к глазам. И об этом его тоже предупреждали. «Не проявлять слишком много сострадания!» Тег скрыл этот миг, откашлявшись. Он сказал:

— Это вопрос, на который только ты можешь ответить.

Инструкции были недвусмысленными: «Обращать все это на него! Держать сосредоточенным на самом себе. Эмоциональная боль очень важна для процесса, не меньше, чем физическая».

Глубокий вздох вырвался у Данканы, сотрясая его. Он плотно закрыл глаза. Когда Тег только уселся напротив него за стол, Данкан подумал: «Не наступил ли момент? Что он теперь будет делать?» Но обвиняющий тон Тега, словесные нападки были совершенно неожиданными. А теперь Тег говорил покровительственным голосом.

«Он покровительствует мне!?

Айдахо закипел гневом. Неужели Тег считает его таким болваном, которого можно поставить только на самый заурядный уровень командования? «Одним лишь голосом и отношением можно порабощать волю другого». Однако же Данкан ощутил что-то другое за этим покровительственным тоном: пластальное ядрышко, которого не раскусишь. Целостность... целенаправленность. Данкан заметил и пропустившие слезы и скрывающий их жест.

Открыв глаза и глядя прямо на Тега, Данкан сказал:

— Я не собираюсь быть неуважительным, неблагодарным или грубым, сэр. Но и не могу дальше жить без ответов. У Тега были ясные инструкции: «Распознать, когда гхола достигнет точки отчаяния. Ни один гхола не может этого скрыть. Это неотъемлемо от их психики. Распознать это можно по его голосу и позе».

Данкан почти достиг критической точки, молчание было теперь необходимым условием для Тега. Нужно заставить Данкана задавать свои вопросы, выбирать свой собственный курс.

Данкан спросил:

— Ты знаешь, что однажды я думал убить Шванги?

Тег открыл рот — и закрыл его, не издав ни звука. Молчание! Но этот паренек серьезен!

— Я боялся ее, — проговорил Данкан. — А я не люблю, когда боюсь, — он опустил взгляд. — Ты однажды сказал мне, что мы ненавидим только то, что на самом деле опасно для нас.

«Он будет подходить к этому и отступать, подходить и отступать. Жди, пока он не нырнет со всего размаху».

— Я ненавижу тебя, — сказал Данкан, опять поглядев на Тега. — Я вознегодовал, когда ты мне в лицо бросил «гхола». Но Лусилла права, нам никогда не следует негодовать на правду, даже если она ранит.

Тег потер свои губы. Желание заговорить переполняло его, но время для необратимого броска еще не наступило.

— Разве тебя не удивляет, что я помышлял об убийстве Шванги? спросил Данкан.

Тег крепко держал себя в руках. Даже покачивание головой могло быть истолковано как ответ.

— Я думал подсунуть что-нибудь в ее питье, — сказал Данкан. — Но это был бы путь труса, а я не трус. Кем бы я ни был, но я не трус.

Тег сохранял безмолвную неподвижность.

— По-моему, тебя действительно волнует, что случится со мной, башар, — сказал Данкан. — Но ты прав, мы никогда не будем товарищами. Если я выживу, я превзойду тебя. Потом... нам будет слишком поздно становиться товарищами... ты сказал правду.

Тегу не удалось удержать глубокий вздох из-за пришедшего к нему понимания ментата: признаки силы в гхоле неизбежны. Совсем недавно, может быть как раз в этом алькове, как раз сейчас, этот юноша перестал быть ребенком, а стал мужчиной. Осознание этого опечалило Тега. Это произошло так быстро! Не было нормального перехода посередине.

— Лусиллу на самом деле не заботит, что происходит со мной, так, как заботит тебя, — сказал Данкан. — Она просто следует приказаниям этой Верховной Матери Таразы.

«Еще не пора!» — предостерег себя Тег. Он облизнул губы.

— Ты все время противился действием Лусиллы, — сказал Данкан. — Что, по-твоему, она, предположительно, должна со мной сделать?

Момент наступил.

— А что, по-твоему, она должна сделать? — требовательно вопросил Тег. — Я не знаю!

— Истинный Данкан Айдахо знал бы.

— Ты знаешь! Почему ты мне не скажешь?

— От меня требуется только помочь тебе восстановить твою исходную память.

— Тогда сделай это!

— На самом деле, сделать это можешь только ты.

— Я не знаю как!

Тег передвинулся вперед на самый край своего кресла, но не заговорил. «Точка броска». Он чувствовал, что отчаяние Данкана не дошло еще до предела.

— Вы знаете, что я могу читать по губам, сэр? — спросил Данкан. — Однажды, я поднялся на наблюдательную башню. Я видел, как Лусилла и Шванги стоят внизу и разовариваются. Шванги сказала: «Неважно, что он так юн! Ты сама знаешь, что обязана выполнить».

Опять погрузившись в напряженное молчание, Тег пристально поглядел на Данкана. Это было так похоже на Данкана — тихонько передвигаться по всему Оплоту, подглядывая, выискивая знания. И он опять бессознательно занимался тем же — сам подглядывал и высматривал... но совсем другим образом.

— Я не думаю, что ей необходимо убить меня, — сказал Данкан. — Но ты знаешь, что ей полагается сделать, потому что ты ей препятствовал, — Данкан стукнул кулаком по столу. — Ответь мне, черт тебя подери!

«Ага, полное отчаяние!?

— Я могу сказать тебе лишь, что ее намерения идут вразрез с моими приказами. Мне было приказано самой Таразой укрепить твою личность и охранять от вреда.

— Но ты говоришь, что в моей подготовке был... был изъян!

— По необходимости. Это было сделано, чтобы подготовить тебя к восстановлению исходной памяти.

— Что я, как предполагается, должен сделать?

— Ты уже знаешь.

— Говорю тебе, не знаю! Пожалуйста, научи меня!

— Ты делаешь многое, не будучи этому научен. Разве мы учили тебя неповиновению?

— Пожалуйста, помоги мне! — это был вопль отчаяния.

Тег заставил себя соблюдать ледяное спокойствие.

— А чем же еще, ко всем дьяволам, я занимаюсь?

Данкан стиснул оба кулака и грохнул ими по столу так, что чашка запрыгала. Он полыхнул глазами на Тега. Вдруг на лице Данкана появилось странное выражение — ПОНИМАНИЕ чего-то в его глазах.

— Кто ты? — прошептал Данкан.

КЛЮЧЕВОЙ ВОПРОС!

Голос Тега был как хлыст, внезапно бьющий по беззащитной жертве:

— А кто я, по-твоему?

Лицо Данкана исказилось в глубочайшем отчаянии. Он мог лишь задыхаться, заикаясь:

— Ты... ты...

— Данкан! Прекрати эту чушь! — Тег вскочил на ноги и поглядел на Данкана с напускной яростью.

— Ты...

Правая рука Тега словно выстрелила по дуге — открытая ладонь резко ударила Данкана по щеке.

— Как ты осмеливаешься ослушиваться меня? — и удар левой ладонью, такая же оглушительная пощечина. — Как ты смеешь?

Данкан отреагировал так быстро, что Тег пережил полный шок, как от удара электрического тока. Ну и скорость! Хотя в нападении Данкана были отдельные элементы, но все слилось в одно мгновенное движение: бросок вперед, обе ноги на стуле и прыжок со стула, используя это движение, чтобы нанести удар правой рукой в уязвимые нервы предплечья Тега.

Натренированно увернувшись в сторону, Тег, как цеп, взметнул левую ногу над столом, нанося удар в пах Данкану. И все же Тег не успел ускользнуть. Ребро ладони Данкана продолжило движение и попало почти по колену левой ноги Тега. Вся нога онемела.

Данкан распластался на столе, стараясь соскользнуть назад. Тег левой рукой ухватился за стол, опираясь на него, другой рукой рубанул по основанию позвоночника Данкана, по той связке, что была умышленно ослаблена упражнениями последних дней.

Данкан простонал, когда парализующий огонь прострелил все его тело. Другой человек просто остался бы неподвижно воляющим, но Данкан лишь застонал, продолжая в своем нападении тянуться к Тегу.

С беспощадной необходимостью Тег продолжал причинять все большую боль своей жертве, следя за тем, чтобы Данкан неотрывно, в каждую секунду своей величайшей муки, смотрел ему в лицо.

«Следи за его глазами!» — наставляла инструкция. И Беллонда, подкрепляя это наставление, предупредила: «Его глаза будут смотреть как будто сквозь тебя, но звать он тебя будет Лито».

Много позже, Тег затруднился бы вспомнить во всех подробностях свои переживания во время процедуры пробуждения Данкана. Он знал, что продолжал действовать, как было ему приказано, но память затуманилась, оставив плоть свободной выполнять приказания. Как ни странно, но всплыл другой акт неповиновения: мятеж на Церболе, когда сам он был в среднем возрасте, но уже башар с грозной репутацией.

Он надел свой лучший мундир без медалей (такая тонкость) и направился по обожженным полуденной жарой, перепаханным битвами полям Церболя. Совершенно не вооруженный, наперерез надвигавшимся мятежникам! Многие из нападавших были обязаны ему своими жизнями. Большинство из них некогда служили ему с глубочайшей преданностью. Теперь они были в яростном неповиновении. И присутствие Тега на их пути как будто говорило надвигавшимся воинам: «Я не надену медалью, потому что это напомнит вам, что я сделал для вас, когда мы были товарищами. Я не буду ничем, что говорило бы, что я один из вас. На мне только мундир, утверждающий, что я все еще ваш башар. Убейте меня, если ваш протест зашел так далеко».

Когда большинство нападавших побросало свое оружие и подошло вплотную, некоторые командиры

преклонили колени перед старым башаром, и он им возразил:

— Раньше вам никогда не надо было склоняться передо мной или вставать на колени! Ваши новые вожди научили вас дурным привычкам.

Позже он сказал мятежникам, что с некоторыми их обидами он согласен на Церболе жестоко злоупотребляли. Но он также их предостерег. — Одна из самых опасных вещей в мироздании, это невежественные люди с реальными поводами для обид. Нигде это так не приближается к опасности, как в образованных и разумных обществах. Вред, который мстительный разум может причинить, невозможно даже представить. Тиран покажется добрейшим отцом по сравнению с тем, что вы вот-вот могли натворить!

Все это было правдой, но мало могло помочь в том, что ему приказано было сделать с гхолой Данканом Айдахо — вызвать умственную и физическую муку в почти безжизненной жертве.

Легче всего припоминался взгляд глаз Данканы. Они не стали расфокусированными, глядели словно прямо в лицо Тега, даже в мгновения последнего вопля:

— Проклятие тебе, Лито! Что ты делаешь?

«Он назвал меня Лито».

Тег, хромая, отошел на два шага. Нога его покалывала и ныла там, где ее поразил Данкан. Тег заметил, что дышит тяжело и находится на пределе своих сил. Он был слишком стар для таких упражнений, да и проделанное вызывало в нем чувство глубокого омерзения к самому себе.

Однако, завершение пробуждения полностью сохранилось в его сознании. Он знал, что над пробужденным гхолой тяготеет бессознательное проклятие убить кого-то, кого он любит. Разбитая психика гхолы восстанавливается с никогда не заживающими шрамами. Но пробуждение становится тяжким испытанием и для того, кто проводит его.

Двигаясь медленно, наперекор измотанным мучениями нервам и мускулам, Данкан соскользнул со стола и встал, прислонясь к своему стулу, дрожа и грозно взирая на Тега.

Инструкции Тега гласили: «Необходимо стоять очень спокойно. Не двигаться. Пусть он смотрит, сколько ему угодно».

Тег стоял неподвижно, как было ему предписано. Память о мятеже на Церболе покинула его ум: он знал, что было сделано тогда, а что сейчас. До некоторой степени эти два события были схожи — как тогда, так и сейчас, он мог сказать: «Это сделано для твоего собственного блага».

Но действительно ли во благо — то, что они делают с этим гхолой Данканом Айдахо?

Тег гадал, что происходит в сознании Данканы. Тегу много рассказывали, и он много чего знал об этих моментах, но все слова были бессильны описать увиденное. Глаза и лицо Данканы выражали крайнюю степень внутреннего смятения — кошмарное подергивание рта и щек, прыгавший во все стороны.

Медленно, изощренно долго в своей медлительности, лицо Данканы расслабилось, но тело продолжало трепетать. Он чувствовал болезненную пульсацию во всем теле, отдаленную ноющую и колющую боль, которая находилась как бы в ком-то другом. Однако, было четкое ощущение пребывания в этом непосредственном моменте — что бы и где бы это ни было. Его память рвалась из сетей. Он внезапно ощутил неуместность своего пребывания в таком юном теле, неподходящем для его жизни еще до гхолы. Метания и перекручивания сознания были его внутренним состоянием.

Инструкторы Тега говорили: «У него были налагаемые гхолой шоры на воспоминания жизни до гхолы. Некоторые из этих первоначальных воспоминаний хлынут в него широким потоком, другие будут возвращаться медленнее. Хотя никакой путаницы не возникнет до тех пор, пока он не припомнит момент своей первой смерти». Беллонда сообщила Тегу известные подробности этого фатального момента.

— Сардукар, — прошептал Данкан. Он поглядел вокруг себя на символы Харконненов, которыми был переполнен неглоуб. — Имперская группа вторжения в мундирах Харконненов! — волчья улыбка искривила его рот. — Как они должны были это ненавидеть!

Тег сохранял бдительное молчание.

— Они убили меня, — проговорил Данкан. Это прозвучало простой констатацией факта, и тем большим холодом повеяло от этой фразы, произнесенной ровным, бесчувственным голосом. По нему пробежала и утихла жестокая дрожь. — По крайней мере, дюжина их в маленьком помещении, — он

поглядел прямо на Тега. — Один из них обрушился на меня, как мясник, прямо на мою голову, — он заколебался, его глотка судорожно работала. Взгляд не отрывался от Тега. — Я предоставил Полу достаточно времени, чтобы спастись?

«Отвечать на все его вопросы правдиво».

— Он спасся.

Теперь они подошли к решающему моменту. Откуда взяли тлейлаксанцы клетки Айдахо? Тесты Ордена показывали, что клетки исходные, но подозрения оставались. Тлейлаксанцы сделали что-то особенное с этим гхолом. Его воспоминания могли стать ценным ключом к этому.

— Но Харконнены... — проговорил Данкан. Его воспоминания об Оплоте тоже распутались. — О, да. О, да! — его сотряс звериный смех. Он испустил оглушающий победоносный рык над давно мертвым бароном Владимиром Харконненом. — Я расплатился с тобой, барон! О, я расплатился с тобой за всех, кого ты уничтожил!

— Ты помнишь Оплот и то, чему мы тебя научили? — спросил Тег. Айдахо озадачено нахмурился, по его лбу пролегли глубокие морщины. Данкан ощутил незавершенность. Что-то внутри него оставалось подавленным. Пробуждение было незаконченным. Он сердито поглядел на Тега. Есть ли что-то большее? Тег был с ним просто зверем. Необходимое зверство? Вот, значит, как нужно восстанавливать гхолу?

— Я... — Данкан покачал головой из стороны в сторону, как огромное раненое животное перед охотником.

— Ты обладаешь всеми своими воспоминаниями? — настаивал Тег. — Всеми? О, да. Я помню Гамму, когда она была Гиди Прайм пропитанная, как губка маслом, пропитанная, как губка кровью, дьявольская дыра Империи! Да, конечно, башар. Я был прилежным учеником. Полковой командир! — он опять рассмеялся, странно по-взрослому для такого юного тела запрокинув голову.

Тег внезапно ощутил прилив глубокого удовлетворения, намного глубже, чем облегчение. Все сработало так, как ему говорили.

— Ты ненавидишь меня? — спросил он.

— Ненавижу тебя? Разве я не говорил тебе, что буду благодарен?

Данкан резко поднял руки и поглядел на них, провел взглядом по всему своему юному телу.

— Какое же искушение! — пробормотал он. Он уронил руки и сосредоточил взгляд на лице Тега, ища опознаваемых признаков. — Атридесы, — сказал он. — До чего же вы все чертовски похожи!

— Не все, — сказал Тег. — Я говорю не о внешнем сходстве, башар, — его взгляд сделался туманным. — Я спрашивал о моем возрасте, — долгое молчание, затем: — Боги великие! Сколько же времени прошло!

Тег сказал то, что ему было предписано сказать:

— Орден нуждается в тебе!

— В этом незрелом теле? Что я должен сделать?

— Я и вправду не знаю, Данкан. Тело созреет, и я так предполагаю, что Преподобная Мать объяснит тебе все.

— Лусилла?

Данкан резко поглядел вверх на разукрашенный потолок, затем на альков и скабрезные часы там. Он припомнил, как входил сюда с Тегом и Лусиллой. Место было тем же самым, но оно стало другим.

— Харконнены, — прошептал он. Он устремил на Тега полыхающий взгляд. — Ты знаешь, сколь многих из моей семьи Харконнены пытали и убили?

— Одна из архивариусов Таразы предоставила мне записи об этом.

— Записи? По-твоему, слова могут об этом поведать?

— Нет. Но это единственный ответ, который есть у меня на твой вопрос. — Черт тебя побери, башар! Почему вы, Атридесы, всегда были до такой степени правдивыми и честными?

— Я думаю, это выведено в нашей породе?

— Совершенно верно, — голос принадлежал Лусилле и доносился из-за спины Тега.

Тег не обернулся. Сколько она услышала? Как давно она здесь находится?

Лусилла подошла и встала рядом с Тегом, но взгляд ее был прикован к Данкану.

— Я вижу ты это сделал, Майлз.

— Буквальное выполнение приказаний Таразы... — сказал Тег. — Ты оказался очень умен, Майлз, — сказала она. — Намного умнее, чем я тебя когда-либо считала. Твоя мать была бы жестоко наказана за твое обучение.

— А! Лусилла-снобистка, — сказал Данкан. Он взглянул на Тега и опять перевел взгляд на Лусиллу. — Да, теперь я могу ответить на мой другой вопрос — что ей предполагалось со мной сделать.

— Они называются Геноносительцы, — сказал Тег. — Майлз, — сказала Лусилла, — если ты усложнишь мою задачу, не допуская выполнить то, что мне велено, я поджарю тебя на вертеле. Выражение ее голоса вызвало дрожь в Теге. Он знал, что ее угроза была метафорой, но все, что подразумевалось за этой угрозой, было реальностью. — Пиршество наказаний! — сказал Данкан. — Как же мило.

Тег обратился к Данкану:

— Нет ничего романтичного в том, что мы с тобой сделали, Данкан. Я и раньше помогал Бене Джессерит в делах, которые оставляли у меня чувство замаранности, но никогда прежде не чувствовал себя таким запачканным, как сейчас.

— Тихо! — приказала Лусилла. В этом приказании Голос использовался на полную мощь.

— Те из нас, кто принесли истинную клятву верности Ордену, имеют только одну заботу — выживание Бене Джессерит. Выживание не какой-то личности, но выживание самого Ордена. Обманы, плутни — все это пустые слова, когда вопрос стоит о выживании Бене Джессерит.

— Ох, проклятие твоей матери, Майлз! — то, что Лусилла не скрывала своей ярости, являлось комплиментом.

Данкан уставился на Лусиллу. Кто она? Лусилла? Он почувствовал, как взбудоражена его память. Лусилла не тот же самый человек... совсем не тот же самый и все же... Кусочки и крохи были те же самые. Голос. Черты. Он резко увидел опять лицо женщины, которое мелькнуло перед ним на стене комнаты Оплота.

«Данкан. Мой сладкий Данкан».

Из глаз Данкана хлынули слезы. Его собственная мать — еще одна жертва Харконненов. Замученная пытками... кто знает, чем еще? Никогда он не увидит ее вновь, ее «сладкий Данкан».

— Боже, как бы я хотел убить одного из них прямо сейчас, — простонал Данкан.

И опять он сосредоточил взгляд на Лусилле. Сквозь слезы ее черты расплылись и это облегчило сравнение. Лицо Лусиллы имело те же черты, что и лицо леди Джессики, возлюбленной Лито Атридеса. Данкан взглянул на Тега, опять на Лусиллу, стряхнув этим движением слезы с глаз. Лица из памяти расплывались и сливалась в эту настоящую Лусиллу, стоявшую перед ним. Сходство... но никогда не то же самое. Никогда не то же самое. ГЕНОНОСИТЕЛЬНИЦА.

Он догадался. Чистая ярость Данкана Айдахо вспыхнула в Нем. — То, чего ты хочешь, это мой ребенок в твоем чреве, Геноносительница? Я знаю, вы не просто так называетесь Матерями.

Лусилла ответила, голос ее был холоден:

— Мы обсудим это в другое время.

— Давай обсудим это в подходящем месте, — предложит Данкан. — Может быть, я спою тебе песенку. Не такую хорошую, какую мог бы спеть Гурни Хеллек, но достаточно хорошую, чтобы подготовить тебя к небольшому развлечению в постели.

— Ты находишь это забавным? — спросила она.

— Забавным? Нет, но я вспомнил о Гурни. Скажи мне, башар, его тоже воскрешали из мертвых, да?

— Во всяком случае, мне это не известно, — ответил Тег. — Ах, вот был певец! — проговорил Данкан. — Он мог убить вас, распевая, и при этом ни разу не сфальшивить.

Сохрания все ту же ледяную манеру, Лусилла сказала:

— Мы, Бене Джессерит, научились избегать музыку. Она пробуждает слишком много ненужных чувств. Чувств памяти, разумеется.

«Вполне понятно, она хочет вызвать пугливое благоговение, косвенно напоминая таким образом об Иных Памятях и других силах Бене Джессерит».

Но Данкан только громче рассмеялся.

— Просто стыд, — сказал он. — Вы так много теряете в жизни. И он начал мурлыкать старый мотив Хеллека:

«Взгляни на друзей, на дружбу прежних дней...?

Его ум возвращался к этим новым ощущениям возрожденных воспоминаний и опять он почувствовал жадное прикосновение чего-то могущественного, что лежало захороненным внутри него. Чтобы это ни было, это было жестоким, и касалось это Лусиллы, Геноносительницы. В своем мозгу он ярко видел ее мертвый и тело ее — плавающим в крови.

Глава 25

Люди всегда хотят чего-то большего: непосредственной радости или более глубокого чувства, называемого ими счастьем. Это один из секретов, с помощью которых мы приводим в жизнь наши проекты. Это ЧТО-ТО БОЛЬШЕЕ, предположительно, увеличивает власть над людьми, не способными дать ему имя или (что намного чаще) даже не подозревающими о его существовании. Большинство людей, бессознательно реагирует на такие скрытые силы. Таким образом, нам надо только вызвать к существованию просчитанное ЧТО-ТО БОЛЬШЕЕ, определить его и придать ему форму, и тогда люди последуют за нами.

Секреты Руководящей Роли Бене Джессерит

Вместе с молчаливым Ваффом, следовавшим примерно в двадцати шагах впереди, Одраде и Шиэна шли рядом с хранилищем спайса по дороге, густо поросшей по краям сорняками. Все они переоделись в одеяния пустыни поблескивающие стилсьюты. Сквозь ячейки серой нульплазной ограды, окружавшей двор рядом с ними, пробивались пучки травы и ватные семя-коробочки растений. Они вызывали у разглядывавшей их Одраде мысли о жизни, старающейся пробиться сквозь человеческое вмешательство. Позади них приземистые здания, которыми оброс Дар-эс-Балат, пеклись на солнце раннего дня. Горячий сухой воздух обжигал горло, если она вдыхала слишком глубоко. У Одраде кружилась голова и внутри все бунтовало. Ее мучила жажда. Она шла, как бы балансируя на краю пропасти. Ситуация, которую она сотворила по приказанию Таразы, могла взорваться в любой момент.

«До чего же все хрупко!?

Пока три силы уравновесились, не поддерживая друг друга, но объединенные мотивами, при изменении которых рухнул бы весь союз. Воины, посланные Таразой, не успокаивали Одраде. Где же Тег? Где Бурзмали? И кстати, раз уж об этом речь, где гхола? Ему бы уже следовало быть здесь. Почему ей приказано затормозить все?

Сегодняшняя затея наверняка все притормозит! Хотя на ней благословение Таразы. Одраде подумала, что эта вылазка в пустыню к червям, может затормозить ее навечно. Да еще и Вафф. Если он выживет, достаточно ли он наберет данных, чтобы сложить картину?

Несмотря на обработку лучшими ускорителями заживления тканей, используемых Орденом, Вафф говорил, что его руки до сих пор болят там, где Одраде их перебила. Он не жаловался, он просто сообщал информацию. Он представлялся принявшим их хрупкий союз, даже изменения, которые были наложены жрецами Ракиса. Нет сомнений, он спокоен, пока один из его Лицевых Танцов занимает место Верховного священника под личиной Туека. Но Вафф твердо настаивал на ускорении получения обещанных Бене Джессерит Выводящих Матерей, придерживая выдачу своей части в их сделке.

— Всего лишь небольшая задержка, пока Орден рассмотрит новое соглашение, — объясняла ему Одраде. — Тем временем...

Сегодня и есть это «тем временем».

Одраде отогнала свои дурные предчувствия, стараясь проникнуться духом их приключения. Ее очень занимало поведение Ваффа, особенно реакция на встречу с Шиэной: опасливость, замешанная на благоговении.

«Служанка его Пророка».

Одраде поглядела на девушку, шедшую, как положено, рядом с ней. Вот настоящий рычаг для того, чтобы все события развивались по плану Бене Джессерит.

Одраде была полна возбуждения, наблюдая в этой религиозной обстановке за тлейлаксанцем, чью защитную маску, долгие тысячелетия скрывавшую истинное лицо, удалось приоткрыть Ордену. Наблюдения за фанатичной «истинной верой» Ваффа, все более проявлявшейся с каждым шагом по крупному песку пустыни, наполняли Одраде радостью удачливого исследователя-натуралиста.

«Нам следовало бы догадаться раньше, — думала Одраде. — Манипуляции нашей собственной Защитной Миссионерии должны были бы нас надоумить, что делают тлейлаксанцы: блюдут себя для самих себя, все эти долгие-предолгие тысячелетия не допуская никаких вторжений извне».

Похоже, они не копировали структуру Бене Джессерит. Но какая другая сила могла бы сделать такое? Религия. Великая Вера!

«Если только тлейлаксанцы не используют свою систему гхол как вид бессмертия».

Тараза, может быть, права. Заново воплощаемые тлейлаксанские Господины отличаются от Преподобных Матерей — у них нет Иных Памятей, а только их личные воспоминания. Но до чего же протяженные во времени! «Восхитительно!?

Одраде поглядела вперед, в спину Ваффа. Влачащиеся. Это как будто пришло к нему совершенно естественно. Вскоре она получила еще одно подтверждение проникновения в великую веру Ваффа. Тлейлакс хранил древний язык не только живым, но и не измененным — Вафф назвал Шиэну «Альяма», что означало «благословенная».

Хорошо, что Вафф не понимает, что Орден разгадал те могущественные силы — только религия! — которые все эти годы вели Тлейлакс к цели. «Нам до корней ясна подноготная вашей одержимости, Вафф! Вы делаете нечто похоже на то, что делал Орден. А уж мы-то знаем, как управлять религиозными порывами в собственных целях!?

Сообщение Таразы пытало в сознании Одраде: «План Тлейлакса ясен владычество. Человеческое мироздание должно быть превращено в тлейлаксанское мироздание. Они не могли надеяться достичь такой цели без помощи Рассеяния. Сделай вывод».

Доводы Верховной Матери были почти непогрешимы. Даже оппозиция, глубоко зашедшая в своей ереси, угрожавшей единству Ордена, не могла возражать. Но мысль об огромном количестве людей, находящихся в Рассеянии, их критической, взрывоопасной массе — степень, возведенная в степень порождала в Одраде чувство одинокого отчаяния.

«Нас слишком мало по сравнению с ними».

Шиэна наклонилась и подобрала камушек. Она поглядела на него секунду, затем бросила его в ограду. Камушек скользнул сквозь ячейки ограды, не коснувшись их.

Наконец Одраде удалось справиться со своей нервостью. Звуки ее собственных шагов по песку, вздуваемому ветром, блуждавшему вокруг этой малоиспользуемой дороги, внезапно показались громовыми. Тонкая нить мощеной дороги, ведущей в пустыню от кольцевого кваната и рва Дар-эс-Балата начиналась не дальше двух сотен шагов перед ними в конце узкой дорожки.

Шиэна проговорила:

— Я иду в пески, потому что ты приказала, Мать. Но я так и не знаю, почему.

«Потому что там место сурового испытания, которому мы подвергнем Ваффа, и через него придадим новую форму Тлейлаксу!?

— Это демонстрация, — сказала Одраде.

Это было правдой. Не полной правдой, но годилось для объяснения. Шиэна шла опустив голову, устремив вниз напряженный взгляд и внимательно разглядывая, куда сделать следующий шаг. «Не так ли она всегда приближалась к своему Шайтану? — подивилась Одраде. — Задумчивой и отстраненной??

Одраде услышала слабое чмокание высоко вверху у них за спинами. Приближались орнитоптеры наблюдения. Они будут сохранять дистанцию, но многие глаза будут наблюдать за этой демонстрацией.

— Я станцую, — сказала Шиэна. — Обычно это вызывает большого.

Одраде почувствовала, как у нее участился пульс. Будет ли этот «большой» продолжать повиноваться Шиэне, несмотря на присутствие двух ее спутников?

ЭТО САМОУБИЙСТВЕННОЕ БЕЗУМИЕ!

Но так должно быть сделано: приказ Таразы.

Одраде оглядела обнесенное изгородью спайсовое хранилище рядом с ними. Место представлялось странно знакомым — больше, чем просто ложное воспоминание. Внутренняя уверенность, следствие знаний из Иных Памятей, сообщила ей, что это место по сути оставалось неизменным с древних времен. Устройство спайсовых силосных башен во дворе было таким же древним, как и Ракис: овальные котлы на высоких ножках — огромные насекомые из металла и пластика, ждущие на вскинутых высоких ногах, чтобы броситься на свою жертву. Она подозревала бессознательное послание от древних конструкторов: «Меланж — это и благо, и проклятие».

Под хранилищами простирались песчаная пустошь, где не допускалось никаких растений возле глиnobитных зданий — похожего на амебу ответвления Дар-эс-Балата, достигавшего почти границ кваната. Долго спрятанный не-глоуб Тирана породил разраставшуюся религиозную общщину,

которая прятала свою деятельность за стенами без окон и под землей.

«Тайная работа неосознанных желаний!?

Опять Шиэна проговорила:

— Туек стал другим.

Одраде увидела, как Вафф резко поднял голову. Он слышал. Он наверняка подумает: «Можно ли что-нибудь скрыть от посланницы Пророка??

«Слишком много людей уже догадывается, что Туека замещает Лицевой Танцор, — подумала Одраде. — Кабала жрецов, разумеется, верит, что расставила тлейлаксанцам достаточно силков, чтобы в них попался не только Бене Тлейлакс, но заодно и Орден».

Одраде улавливала едкие запахи химикалий, которыми пользовались, выводя дикую растительность дворе спайсохранилища. Эти запахи вернули ее внимание к необходимости. Она не осмелилась углубиться сейчас в мысленные странствия! Слишком легко может Орден попасться здесь в собственную ловушку.

Шиэна споткнулась и чуть вскрикнула — больше от раздражения, чем от боли. Вафф, резко повернув голову, посмотрел на Шиэну, потом опять перенес свое внимание на дорогу: он увидел, что девочка просто споткнулась о выщербинку в дороге. Наносный песок скрывал трещины. Невесомая структура мощеной дороги впереди казалась, однако, твердой. Недостаточно вещественной, чтобы выдержать одного из потомков Пророка, но вполне достаточной для поклоняющегося, чтобы вести его в пустыне.

Вафф думал о себе, в основном, как о просителе.

«Я иду, как нищий, в страну Твоей посланницы. Господь».

У него были свои подозрения насчет Одраде. Преподобная Мать завела его сюда, чтобы высосать из него все знания, а затем убить.

«С Божьей помощью, я, может быть, ее еще и удивлю», — он знал, что его тело защищено от Икшианской Пробы, хотя она, очевидно, не собиралась применять к его личности такой громоздкий метод. Но была сила его собственной воли и уверенность в Божьей милости, успокаивавшие Ваффа.

?А что, если рука, которую они нам подали, подана искренне??

Это тоже будет деянием Божиим.

Союз с Бене Джессерит, твердый контроль над Ракисом. Да это ж про мечта! Владычество Шариата, наконец, и Бене Джессерит — миссионерками веры.

Когда Шиэна опять споткнулась и опять чуть жалобно привскрикнула, Одраде сказала:

— Не щади себя, — Одраде заметила, как напряглись плечи Ваффа — ему не понравилось такое властное обращение с его «благословенной». Твердую основу в этом человечке Одраде определила, как силу фанатизма. Даже если червь придет, чтобы убить его, Вафф не сбежит. Вера в волю Божью поведет его напрямую к собственной смерти — если только из-под него не выбита его крепкая религиозная опора.

Одраде подавила улыбку. Она прекрасно понимала течение его мыслей: «Бог вскоре раскроет свой замысел».

Вафф думал о своих растущих клетках, медленно обновлявшихся в Бандалонге. Неважно, что здесь произойдет, его клетки будут храниться для Бене Тлейлакса... и для Бога — и очередной Вафф всегда будет служить Великой Вере.

— Знаете, я чую запах Шайтана, — сказала Шиэна.

— Сейчас чуешь? — Одраде поглядела на мощеную дорогу перед ними. Вафф уже сделал несколько шагов по этой изгибающейся поверхности.

— Нет. Чую, когда он идет, — сказала Шиэна.

— Разумеется, ты можешь его учゅять, дитя. Всякий мог бы.

— Я могу учゅять его издалека.

Одраде глубоко вздохнула носом, разбирая запахи, витавшие на фоне главного запаха жженого

кремния: легкий запашок меланжа... озон, что-то явно кислотное. Она указала Шиэне идти перед ней. Вафф сохранял свои твердые двадцать шагов впереди. Мощеная дорога уходила в пустыню приблизительно в шестидесяти метрах от него.

«Я испытаю песок при первой возможности, — подумала Одраде. — Это мне многое расскажет».

Когда она вышла на дорогу через водяной ров, она поглядела на юго-запад, на низкий барьер вдоль горизонта. Ее резко подчинила себе властная Иная Память. Не было ничего четкого в увиденном, но она узнала это — смешанные образы из глубочайших внутренних источников. «Проклятие! — подумала она. — Не сейчас!».

Избежать этого было невозможно. Вторжения Иных Памятей были непрошеным, но неизбежным требованием ее сознания.

«ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ!?

Она прищурилась на горизонт, позволив Иной Памяти утвердиться в ней: давно-давно... высокий барьер далеко вон там... люди, идущие по его вершине... Невесомый длинный мост, невещественный и прекрасный, под которым текла река. Река Айдахо! Теперь возникший образ обрел и движение: что-то падающее с моста. Это было слишком большое расстояние памяти, чтобы разобраться, но она уже поняла, что это за образ. Она опознала эту сцену с чувством ужаса и вдохновенного восторга.

Воздушный мост рухнул! Обрушился в реку, текущую под ним.

То, что ей так ясно виделось, было классическое смертоносное покушение, несомое многими Памятями, пришедшими в момент ее Спайской Агонии. Тысячи ее предков следили, чтобы не было огражев в воображаемой реконструкции этой сцены. Не совсем зрительная память, но собрание точных отчетов. «Вот там все и произошло!» — Одраде остановилась и позволила проекциям ее воображения самостоятельно прокладывать путь через ее сознание. Предостережение! Они распознали некую опасность.

То, что представлялось Одраде сейчас, уже было в истории Атридесов. Лито II, Тиран, перед своим разделением упал с этого воздушного моста. Огромный Червь Ракиса, сам Тиран Бог Император, рухнул с этого моста во время своего свадебного шествия.

Вот оно! Прямо там, в реке Айдахо под разрушенным мостом, там началась агония Тирана. Прямо там произошла трансформация, от которой произошел Разделенный Бог — все началось там.

«К чему же это предупреждение?» Мост и река исчезли с лица земли. Высокая стена, окружавшая сухие земли Сарьера Тирана разрушилась, превратившись в условную линию на дрожащем от жары горизонте.

Если сейчас придет червь, с заключенной в нем жемчужиной навсегда спящей памяти тирана, будет ли эта память опасна? Именно это доказывала оппозиция Таразы в Ордене.

«Он пробудится!?

Тараза и ее советники отрицали даже самую вероятность этого.

И все равно, нельзя было откидывать прочь тревожный сигнал из Иных Памятей Одраде.

— Преподобная Мать, почему мы остановились?

Одраде почувствовала, как ее сознание опять резко вернулось к действительности, требовавшей внимания. В предостерегающее видение о начале бесконечного сна Тирана врывались и другие видения.

Шиэна стояла перед ней с озадаченным выражением на лице.

— Я глядела вон туда, — указала Одраде. — Вон там начался Шай-Хулуд, Шиэна.

Вафф остановился в конце мощеной дорожки, в шаге от наступавшего песка, обогнав Одраде и Шиэну почти на сорок шагов. Голос Одраде вернул его к жесткому, ясному пониманию, но он не обернулся. Одраде ощущала неудовольствие в его позе. Ваффу не нравился даже намек на цинизм, направленный на его Пророка. Он всегда подозревал цинизм в Преподобных Матерях. Особенно в вопросах религии. Вафф еще не был готов принять, что Бене Джессерит, повинда, могут быть сопричастны его Великой Вере. Этую мысль в нем надо укреплять с осторожностью испытанным способом, давно изобретенным Защитной Миссионерией.

— Говорят, там была большая река, — сказала Шиэна.

Одраде расслышала звенящую нотку презрения в голосе Шиэны. Дитя учится быстро?

Вафф повернулся и угрюмо на них поглядел. Он тоже слышал. Что он сейчас думает о Шиэне? Одраде взяла одной рукой Шиэну за плечо и другой рукой указала.

— Вон там был мост. Великая стена Сарьера была там открыта, чтобы дать свободу течению реки Айдахо. Мост пересекал эту расщелину.

Шиэна вздохнула.

— Настоящая река, — прошептала она.

— Не кванат, и намного больше канала, — сказала Одраде.

— Я никогда не видела реку, — сказала Шиэна.

— Вон там они обрушили Шаи-Хулуда в реку, — сказала Одраде. Она указала налево. — Вон в той стороне, за много километров отсюда был построен его дворец.

— Там нет ничего, кроме песка, — сказала Шиэна.

— Дворец был снесен во времена Голода, — сказала Одраде. — Люди думали, что там запас спайса. Они, конечно, оказались неправы. Он был слишком умен для этого.

Шиэна наклонилась вплотную к Одраде и прошептала:

— Но там ведь есть огромный спайсовый клад. В напевах об этом говорится. Я слышала много раз. Мои... они говорят, что он в пещере. Одраде улыбнулась. Шиэна, конечно, ссылалась на Устную Историю. И она чуть не сказала «мои родители...», имея ввиду, что ее настоящие родители погибли в этой пустыне. Одраде уже выудила эту историю из девочки. Продолжая шептать в ухо Одраде, Шиэна проговорила:

— Почему этот человечек идет с нами? Мне он не нравится.

— Это необходимо для демонстрации, — сказала Одраде.

Вафф выбрал этот момент, чтобы шагнуть с мощеной дороги на первый мягкий склон открытого песка. Он двигался осторожно, но без видимых колебаний. Едва оказалвшись на песке, он повернулся, глаза его блеснули в жарком солнечном свете, и поглядел сначала на Шиэну, а потом на Одраде.

«В нем все еще есть благоговение, когда он глядит на Шиэну, подумала Одраде. — Он думает, что ему откроются величайшие тайны. Он полностью оправится. А престиж!..?

Шиэна рукой заслонила глаза от солнца и осмотрела пустыню.

— Шайтан любит жару, — сказала Шиэна. — Люди прячутся от жары, но это то время, когда приходит Шайтан.

«Не Шаи-Хулуд, — подумала Одраде. — Шайтан! Ты хорошо это предсказал, Тиран. Что еще ты знал о наших временах??

Действительно ли Тиран пребывает в вечной спячке во всех своих потомках-червях?

Ни один из анализов, изученных Одраде, не тянул на достоверное объяснение, что же могло заставить человека пойти на симбиоз с первоначальным червем Арракиса. Что двигало его умом все эти тысячелетия жуткой метаморфозы? Есть ли хотя бы малый кусочек разума, сохранившийся в червях Ракиса?

— Он близко, Мать, — сказала Шиэна. — Ты чуешь его?

Вафф с опасливым ожиданием поглядел на Шиэну.

Одраде глубоко вдохнула: сильный запах корицы, сквозь который тянет горечью кремния, огонь, сера — отгороженный кристаллами ад Великого Червя. Она наклонилась и взяла щепотку гонимого ветром песка на язык. С ней сейчас все одновременно: и Дюна Иной Памяти, и Ракис сегодняшнего дня. Шиэна указала наискосок, в направлении, откуда дул легкий ветерок пустыни.

— Он там. Мы должны спешить.

Не дожидаясь разрешения от Одраде, Шиэна легко побежала по мощеной дороге, мимо Ваффа, на ближайшую дюну. Там она постояла и подождала, пока Одраде и Вафф не поравнялись с ней. Она

вела их вниз и вверх, с одной дюны на другую. Осыпающийся песок затруднял им передвижение через огромный извилистый бархан, на верхушке которого танцевали тонкие бурунчики взвеваемой пыли. Вскоре, между ними и опоясанной водой безопасностью Дар-эс-Балата был почти километр. Шиэна опять остановилась. Вафф, запыхавшись, остановился рядом с ней. Из-под капюшона стилсьюта на его лбу виднелась испарина.

Одраде остановилась в шаге позади Ваффа. Она глубоко и спокойно дышала, глядя мимо Ваффа туда, куда было приковано внимание Шиэны. Яростный прилив песка пронесся через пустыню над дюной, где они стояли, несомый штормовым ветром. Скальная порода в основании обнажилась, и открылся длинный ряд огромных валунов, рассеянных и перевернутых, как разбитые строительные камни какого-нибудь безумного Прометея. Через этот дикий лабиринт рекой тек песок, оставляя свои подписи глубокими царапинами и расщелинами, затем стекая с низких выступов, чтобы слиться с опять начинавшимися дюнами.

— Вон туда, — сказала Шиэна, указав на обнажившиеся камни. Скользя и карабкаясь в осыпающемся песке, она сошла с их дюны. У подножия она остановилась возле валуна, по меньшей мере вдвое выше ее.

Вафф и Одраде остановились прямо позади нее.

Поверхность другого гигантского бархана, изогнутого, как спина резвящегося кита, поднялась в серебряно-голубом небе рядом с ними.

Одраде использовала паузу, чтобы восстановить кислородный баланс. Это бешеная гонка потребовала очень многое от ее плоти. Она заметила, Вафф раскраснелся и глубоко дышал. Кремнево-коричневый запах казался густым в этом ограниченном проходе. Вафф чихнул и вытер нос тыльной стороной руки. Шиэна поднялась на цыпочки, оглянулась и отпрыгнула шагов на десять от скального основания. Она поставила одну ногу на песчаный склон другой дюны и подняла обе руки к небу. Сперва медленно, затем в возрастающем темпе, она начала танцевать, двигаясь по песку.

Звуки топтера над головой стали громче.

— Слушайте! — окликнула Шиэна, не переставая танцевать.

Но она привлекала их внимание не к топтерам. Одраде повернула голову, чтобы лучше слышать новый звук, вторгшийся в загроможденный скалами лабиринт.

Шипящий свист, подземный, приглушенный песком — он становился громче с потрясающей быстротой. В нем был жар, и заметное дыхание вихря, закрутившегося по скалистому проходу. Свист наращивал свою силу до рыка. Вдруг окаймленная острыми хрустальными ножами гигантская пасть поднялась над дюной, прямо над Шиэной.

— Шайтан! — вскричала Шиэна, не прерывая своего танца. — Я здесь. Шайтан!

Поднявшись над дюной, червь наклонил свою пасть вниз к Шиэне. Песок брызнул вокруг ее ног, заставив прекратить танец. Запах корицы заполнил скалистую впадину. Червь остановился над ними.

— Посланец Господа, — выдохнул Вафф.

Жара высушила пот на обнаженных частях лица Одраде, ее автоматически герметизируемый стилсьют стал заметно рухнуть. Она глубоко вдыхала, разбирая по составным частям запахи за этим мощным, но объединяющим запахом корицы. Воздух вокруг нее был полон озона и быстро обогащался кислородом. Всеми предельно обостренными чувствами Одраде накапливалась впечатления.

«Если я уцелею», — подумала она.

Да, это были ценные данные. Может наступить день, когда их используют другие.

Шиэна переступила с песка на скалу и возобновила танец, двигаясь еще бешеней, крутя головой при каждом повороте. Волосы хлестали ее по лицу всякий раз, когда она поворачивалась, чтобы оказаться лицом к лицу с червем, и кричала: «Шайтан!».

Недоверчиво, словно ребенок на незнакомой земле, червь опять двинулся вперед. Он скользнул через гребень дюны, перекрутился вокруг обнаженной скалы, и его полыхающая пасть оказалась совсем рядом, но чуть выше Шиэны. Когда он остановился, Одраде расслышала глубокий рокот внутренних топок червя. Она не могла оторвать взгляда от сполохов оранжевого пламени внутри этого создания. Это была пещера таинственного огня.

Шиэна прекратила танцевать. Она опустила руки со стиснутыми кулаками, прижав их к бокам, и

поглядела на призванное ею чудовище.

Одраде размеренно дышала — контролируемый ритм Преподобной Матери, концентрирующей все свои силы. Если это конец — что ж, она выполнила приказание Таразы. Пусть Верховная Мать узнает, что сможет, от наблюдателей.

— Привет, Шайтан, — сказала Шиэна. — Я привела с собой Преподобную Мать и человека Тлейлакса.

Вафф упал на колени и поклонился.

Одраде скользнула мимо него и встала рядом с Шиэной.

Шиэна глубоко дышала. Ее лицо раскраснелось.

Одраде слышала, как тикают их переработавшие стилсьюты. Жара и насыщенный запахом корицы воздух вокруг них были пронизаны звуками состоявшейся встречи, которые перекрывал рокот полыхавших топок внутри неподвижного червя.

Вафф встал рядом с Одраде, его заторможенный взгляд не отрывался от червя.

— Я здесь, — прошептал он.

Одраде мысленно его обругала. Нежелательный шум мог навлечь на них этого зверя. Она, однако, понимала, что думает Вафф: ни один тлейлаксанец никогда раньше не стоял так близко к потомку их Пророка. Даже ракианские жрецы никогда такого не делали!

Правой рукой Шиэна сделала внезапный жест, указывавший вниз.

— Опустись перед нами, Шайтан! — сказала она.

Червь опускал свой разинутый зев до тех пор, пока эта адская огненная яма не заполнила все скалистое углубление перед ними.

Голосом, чуть громче шепота, Шиэна сказала:

— Видишь, как Шайтан повинуется мне. Мать?

Одраде ощущала контроль Шиэны над червем, пульс скрытого языка между ребенком и чудовищем. Это было сверхъестественно.

Возвысив голос до вызывающего высокомерия, Шиэна сказала:

— Я попрошу Шайтана, чтобы он позволил нам проехаться на нем! — она вскарабкалась на дюну рядом с червем.

Огромная пасть медленно поднялась, следуя за ее движениями.

— Стой, где стоишь! — закричала Шиэна. Червь остановился.

«Эта она не словами командует, — подумала Одраде. — Это что-то еще... что-то еще...?»

— Мать, иди со мной, — окликнула Шиэна.

Подталкивая перед собой Ваффа, Одраде повиновалась. Они взобрались на песчаный склон позади Шиэны. Потревоженный их ногами песок сыпался рядом с червем, заполнившим все скалистое углубление. Впереди них изгибающийся хвост червя тянулся через весь гребень дюны. Шиэна повела их рысцой, скорость которой сбивал вязкий песок, к самой верхушке червя. Там она уцепилась за край ведущего кольца на рубчатой поверхности и вскарабкалась на зверя пустыни.

Одраде и Вафф медленно последовали за ней. Теплая поверхность червя показалась Одраде не органической, словно это было какое-то икшианско изделие.

Шиэна двинулась по спине и присела на корточки, как раз позади рта, где кольца были толстыми и широкими.

— Вот так, — сказала Шиэна. Она наклонилась вперед и ухватилась за край ведущего кольца, слегка его приподняв, чтобы открыть нежную розовую плоть.

Вафф немедленно ей повиновался, Одраде двигалась осторожней, накапливая впечатления. Поверхность кольца была твердой, как пластик, покрыта крохотными вкраплениями. Пальцы Одраде наткнулись на мягкие ткани под ведущим кольцом. Они слабо пульсировали. Поверхность вокруг нее поднималась и опадала в почти неощутимом ритме. При каждом движении Одраде

слышала тихое скрежетание.

Шиэна лягнула поверхность червя под ней.

— Шайтан, иди! — сказала она.

Червь не отреагировал.

— Пожалуйста, Шайтан, — взмолилась Шиэна.

Одраде услышала отчаяние в голосе Шиэны. Ребенок был так уверен в своем Шайтане, но Одраде знала, что девочка смогла проехать на нем только один раз. Девочка уже рассказывала Одраде всю историю ее первой поездки, от желания смерти до смятения священников, но из этой истории никак нельзя было предугадать, что произойдет на этот раз.

Внезапно червь пришел в движение. Он слегка приподнялся, изогнулся, сделав резкий поворот влево, выполз из скалистого углубления, и заскользил прочь от Дар-эс-Балата в открытую пустыню.

— Мы едем с Богом! — вскричал Вафф.

Звук его голоса шокировал Одраде. Какая дикость! И в то же время она ощутила мощь его веры. «Твок-твок» орнитоптеров, следовавшего за ними конвоя, раздалось над головой. Ветер быстрой езды, хлеставший Одраде, был полон озона и запахов горящих топок, разбуженных трением несущегося червя. Одраде поглядела через плечо на топтеры, подумав, что врагам сейчас было бы легко расправиться со всей их докучливой троицей, разрешив разом кучу проблем. Жрецы, пожалуй бы, могли решиться на такое дело в надежде, что ее охранники не поспеют вовремя.

Одраде призналась себе в жгучем любопытстве.

«Куда же эта штука нас везет??

Наверняка, он направляется не к Кину. Она подняла голову и поглядела мимо Шиэны. На горизонте прямо перед ними — полная скрытого смысла груды скал — место, где Тиран, сорвавшись с воздушного моста, распался на части. Место, о котором предупреждали Иные Памяти.

Резкое озарение снизошло на Одраде — все в недавнем видении встало на свои места. Тиран сам выбрал место и время своей смерти, он умышленно направил туда свой свадебный кортеж! Многие погибли вместе с ним, но его смерть была самой великой. Не Шиэна приказала червю ехать туда бесконечный сон Тирана, как магнитом, притягивал червя к месту его начала.

Глава 26

Был житель сухих земель, которого спросили, что важнее — литровый кувшин воды или огромный бассейн? Житель сухой земли подумал секунду, а потом ответил: «Литровый кувшин воды важнее. Никакой единственный человек самолично не может владеть бассейном. Но кувшин можно спрятать под плащом и убежать с ним Никто не узнает».

Шутки древней Дионы.

Архивы Бене Джессерит

Практическое занятие в тренировочном зале не-глоуба длилось и длилось. Полный стальной решимости, Данкан решил не прерывать череды тренировок, пока его новое тело не овладеет свободно семью главными подходами боевых реакций при отражении нападения с восьми направлений. Его зеленый стилсьют потемнел от пота. Двадцать дней продолжался один этот урок!

Тег знал эту древнюю науку, которую возрождал здесь Данкан, но под другими названиями и с другими комбинациями приемов. Уже к пятому дню тренировки Тег усомнился в превосходстве современных методов. А теперь он был убежден, что Данкан делает что-то совершенно новое — древнее искусство, замешанное на уроках, полученных им в Оплоте.

Тег, за пультом управления, был в равной степени и зрителем, и участником. Управление этим тренировочным боем с весьма материальными и опасными «тенями» требовало от Тега большого мысленного напряжения, но, быстро освоившись, он ловко и даже с вдохновением управлял нападениями. Начинавшая злиться, Лусилла периодически заглядывала в тренировочный зал. Она наблюдала за ними, а затем удалялась, ничего не высказав. Тег не понимал, что делает Данкан с Геноносительницей, но у него было чувство, что пробужденный гхола играет со своей соблазнительницей. Она не позволит этому долго продолжаться, понимал Тег, но это уж было не в его власти. Данкан больше не был «слишком юным» для Геноносительницы. Это юное тело несло ум зрелого мужчины, и решения он теперь будет принимать на основе собственного богатого жизненного опыта.

Данкан и Тег проводили занятия, делая только один перерыв за утро. Голод отчаянно грыз Тега, но ему не хотелось прерывать занятий способности Данкана за сегодняшний день поднялись на новый уровень и все еще продолжали улучшаться.

Тег, сидя в кресле клетки стационарного пульта управления, провел сложный крученый маневр, нападая одновременно слева, справа и сверху.

На оружейном складе Харконненов имелось множество экзотического оружия и тренажеров, некоторые Тег знал только по историческим книгам. Но Данкан знал их все — и обращался с ними поразительно легко и привычно. Самонаводчики, проникающие сквозь защитное поле, были частью системы нападения «теней», которой они сейчас пользовались.

— Они автоматически замедляются, чтобы пройти через поле, — объяснил Данкан своим юным-старым голосом. — Разумеется, если нанести слишком быстрый удар, поле его оттолкнет.

— Подобные поля почти вышли из моды, — сказал Тег. — В некоторых обществах они сохраняются, как спортивная забава, но никак иначе.... Данкан на потрясающей скорости парировал удар и сбил на пол трех самонаводчиков так, что им потребовались услуги ремонтных систем не-глоуба. Чтобы устранить повреждения он убрал клетку и приглушил систему, но оставил ее работать, а сам подошел к Тегу, дыша глубоко, но легко. Глядя мимо Тега, Данкан улыбнулся и кивнул. Тег обернулся всем телом, но увидел только, как мелькнуло одеяние уходившей Лусиллы.

— Это — как дуэль, — сказал Данкан. — Она старается прорваться сквозь мою оборону, но я делаю контрвыпады.

— Поосторожней, — сказал Тег. — Она ведь полная Преподобная Мать.

— Я ведь знал кое-кого из них в свое время, башар.

И опять Тег был обескуражен. Его предостерегали, что придется заново привыкать к новому Данкану Айдахо, но он не предвидел постоянных умственных усилий, которых это потребует. Взгляд глаз Данкана как раз сейчас был обескураживающим.

— Наши роли немножко поменялись, башар, — сказал Данкан. Он взял с пола полотенце и вытер лицо.

— Я не совсем уверен в том, что я могу научить тебя большему, признался Тег. Ему хотелось, чтобы Данкан внял его предостережению насчет Лусиллы. Не воображает ли Данкан, будто Преподобные

Матери тех древних дней идентичны женщинам дня сегодняшнего? Сам Тег считал такое маловероятным. Как и все в жизни, Орден развивался и изменялся.

Тегу было очевидно, что Данкан уже сделал выводы о своем месте в хитросплетениях Таразы. Данкан не просто выжидал благоприятный случай. Он тренировал свое тело для достижения лично выбранной вершины и вынес свое суждение о Бене Джессерит.

?Он вывел это суждение из неполноценных данных», — подумал Тег. Данкан бросил полотенце и с минуту на него глядел.

— Позволь мне самому судить о том, чему ты можешь меня научить, башар, — он повернулся и пристально поглядел на Тега, усаживавшегося в своей клетке.

Тег глубоко вздохнул. Он чувствовал слабый запах озона от всего этого сработанного на века оборудования Харконненов, механизмы наготове и тикают, дожидаясь, когда Данкан вернется к упражнениям. Но все перебивал горький запах пота гхолы.

Данкан фыркнул.

Тег чихнул. Эта вездесущая пыль! Порой, ее можно было больше ощутить на вкус, чем увидеть. Алкалин. В воздухе больше всего запахов очистителей и восстановителей кислорода. И какой-то цветочный аромат, вмонтированный в систему воздухоочистки, но Тег не мог узнать цветок. За месяц их обитания здесь, глоуб приобрел и человеческие запахи — пота, кухни, едкий запах переработки отходов. Почему-то они странно оскорбляли Тега. И он все время чихал и прислушивался к звукам их присутствия — нечто большее, чем эхо его собственных шагов по коридору и приглушенное металлическое позвякивание, доносившееся с кухни.

Вмешался голос Данканна:

— Ты странный человек, башар.

— Что ты имеешь ввиду?

— Твое внешнее сходство с герцогом Лито. Лицо похоже просто сверхъестественно. Он был немножко пониже тебя, но внешность... — он покачал головой, думая о замыслах Бене Джессерит, скрытых за этими генетическими отметинами в лице Тега — ястребиный взгляд, складки морщин и внутренняя уверенность в моральном превосходстве.

«Насколько моральное и насколько превосходство??

По увиденным в Оплоте отчетам (Данкан был уверен, что они находились там специально для того, чтобы он их нашел) выходило, что репутация Тега была почти вселенской среди всего человеческого общества этого века. В битве при Марконе врагу оказалось достаточно узнать, что ему противостоит сам Тег, чтобы запросить перемирия. Было ли это правдой?

Данкан поглядел на Тега, сидевшего у пульта управления, и задал ему этот вопрос.

— Репутация может быть прекрасным оружием, — ответил Тег. — Благодаря ей часто проливается меньше крови.

— Почему при Арбело ты пошел впереди своих войск? — спросил Данкан.

Тег явно удивился.

— Где ты это узнал?

— В Оплоте. Тебя могли бы убить. К чему бы хорошему это привело?

Тег напомнил себе, что это молодое тело возле него обладает древними неведомыми познаниями, которые и диктуют ему направление поиска новых сведений. Как подозревал Тег, именно эти неизвестные знания Данканна и являлись наибольшей ценностью для Ордена.

— В предыдущие два дня мы понесли при Арбело жестокие потери, сказал Тег. — К несчастью, я неправильно оценил страх врага и его фанатизм.

— Но риск...

— Мое присутствие впереди говорило моим людям: «Я разделяю ваш риск». — В источниках Оплота говорилось, что Арбело была захвачена Лицевыми Танцорами. Патрин рассказывал мне, что, несмотря на настоящия помощников, ты запретил очистить всю планету, стерилизовать ее и...

— Тебя там не было, Данкан.

- Я стараюсь понять. Значит, ты пощадил врага вопреки всем настояниям.
- Кроме Лицевых Танцоров. — Но ты прошел вооруженным через ряды врага, и они сложили оружие.
- Заверив их, что с ними не поступят дурно.
- Это было очень опасно.
- Было ли? Многие из них перешли на нашу сторону ради решительного штурма Кройнена, где мы разгромили силы, противостоящие Ордену.

Данкан пристально вглядился в Тега. Нет, этот старый башар напоминал герцога Лито не только внешностью, в нем был тот же божий дар Атридесов: легендарная фигура даже для бывших врагов. Тег сказал, что происходит от Ганимы из рода Атридесов, но было в этом и что-то большее. Данкан ощутил благовение перед путями выведения и скрещивания Бене Джессерит.

- Теперь, давай вернемся к занятиям, — сказал Данкан.
- Не повреди себе.
- Ты забываешь, башар. Я помню свое тело таким же юным, как это, и как раз здесь, на Гиди Прайм.
- Гамму!

— Планету переименовали, но тело мое помнит исконное название. Вот почему я послан сюда. Мне это понятно.

«Еще бы ты этого не понял», — подумал Тег. Освеженный внезапной передышкой, Тег ввел новые элементы нападения и внезапно направил сжигающее лезвие на левый бок Данкана.

Как же легко Данкан отбил нападение!

Он использовал странную смесь пяти приемов, и каждая комбинация рождалась будто до того, как она потребуется.

— Каждое нападение — перышко, парящее на бесконечной дороге, — сказал Данкан. В его голосе не было ни намека на утомление. — Когда перышко приближается, оно отклоняется и удаляется.

Говоря это, он отбил атаку со сменой направления и сделал контрвыпад. Логика ментата Тега отсеивала из всех движений указания на опасные места. «Зависимости и ключевые бревна!?

Предугадывая направление и опережая нападение, Данкан сделал выпад. Освещенный вспышками и мерцанием приборов, Тег на пределе возможностей управлял «теневыми» силами. Ни один из самонаводчиков, ни одно из сжигающих лезвий не коснулось Данкана, бешено извивавшегося в пространстве между ними. Он был выше них, под ними, рядом с ними и, казалось, совершенно не боялся вполне реальной боли, которую это снаряжение могло ему причинить.

И опять Данкан увеличил скорость нападения. Молния боли — от кисти до плеча — пронзила левую руку Тега.

С резким возгласом Данкан отключил снаряжение.

— Прости башар. С твоей стороны это была превосходная защита, но, боюсь, возраст тебя подвел.

Он прошел через зал и встал перед Тегом.

— Немного боли, в напоминание о той, что я тебе причинил, проговорил Тег, массируя руку, в которой все звенело и покалывало.

— Вина — на горячке момента, — сказал Данкан. — Теперь с нас вполне достаточно.

— Не вполне, — ответил Тег. — Недостаточно усилить лишь твои мускулы. При этих словах Тега Данкан почувствовал настороженность, охватившую его тело. Как шевельнулось что-то, оставшееся внутри него — диссонанс, вызванный незавершенностью пробуждения к исходной памяти.

«Что-то скорчилось внутри меня, словно сжатая пружинка, ждущая, когда ее освободят», — подумал Данкан.

— Что больше этого ты мог бы сделать? — спросил Данкан.

— Здесь уравновешивается само твое выживание, — ответил Тег. — Все, что здесь происходит,

делается, чтобы спасти тебя и доставить на Ракис.

— По причинам Бене Джессерит, которых, по твоим словам, ты не знаешь! — Должен ли я понимать, что ты не поедешь на Ракис?

— Ты должен меня понимать так, что я буду принимать собственные решения, зная, что же я собственно делаю. Я не наемный убийца.

— А я, по-твоему, — наемный убийца, Данкан?

— Я думаю, ты достойный человек — тот, кем следует восхищаться. Предоставь мне судить по моим собственным стандартам чести и долга.

— Ты получил еще один шанс на жизнь и...

— Но ты не мой отец, а Лусилла не моя мать. Геноносительница? К чему она надеется приготовить меня?

— Может быть, и она не знает, Данкан. Она, подобно мне, может быть только частью замысла. Зная, как работает Орден, это весьма вероятно.

— Выходит, что вы двое просто тренируете меня и доставляете на Арракис. Вот и все ваши обязанности согласно приказу!

— Этот мир многим отличается от того, в котором ты был первоначально рожден, — сказал Тег. — Как и в твои дни, у нас до сих пор есть Великая Конвенция против атомного оружия и псевдоатомных взрывов при встрече лазерных пистолетов с защитным полем. Мы до сих пор утверждаем, что атаки исподтишка запрещены. Есть всякие бумажонки, развеянные вокруг, под которыми поставлены наши подписи, и мы...

— Но не-корабли изменили саму основу подобных договоров, — возразил Данкан. — По-моему, в Оплоте я хорошо учил историю. Скажи мне, башар, почему сын Пола хотел, чтобы Тлейлакс, возобновляя мое «я», все время снабжал его моими гхолами, сотнями меня! — все эти тысячелетия?

— Сын Пола?

— Хроники Оплота называют его Богом Императором. Вы называете его Тираном.

— О, я не думаю, что мы знаем, почему он так делал. Возможно, он был одинок, и ему хотелось кого-нибудь из...

— Вы вернули меня, чтобы я лицом к лицу сошелся с червем — сказал Данкан.

«Соответствует ли то, что мы делаем, и его предположение действительности?» — задумался Тег. Он еще раз рассмотрел эту вероятность, но это была только вероятность, а не перспектива ментата. Если даже и так, замысел Таразы должен быть больше. Тег ощущал это всем своим мозгом ментата. Знает ли Лусилла? Тег не самообманывался — он не сможет выманить полную Преподобную Мать на какие-нибудь откровения. Нет... Он должен будет улучить удобный момент, ждать, наблюдать, вслушиваться... Именно этим явно решил, по-своему, заниматься и Данкан. Это опасный курс, если он пойдет в разрез с намерениями Лусиллы!

Тег покачал головой.

— Честное слово, Данкан, я не знаю.

— Но ты следуешь приказам.

— Согласно моей клятве Ордену.

— Обман, нечестность — все это пустые слова, когда дело касается выживания Ордена, — процитировал его Данкан.

— Да, я это сказал, — согласился Тег. — Я доверяю тебе теперь именно потому, что ты это сказал, проговорил Данкан. — Но я не доверяю Лусилле.

Тег поник подбородком на грудь. Опасно... Опасно...

Намного медленнее, чем было когда-то, Тег отвлек внимание от подобных мыслей и двинулся через очистительный процесс ментата, сосредоточиваясь на возложенном на него Таразой долге. «Ты — мой башар».

Данкан с секунду внимательно разглядывал башара. Морщины усталости стали явно заметны на

лице старика. Данкан внезапно припомнил об огромном возрасте башара, и погадал, испытывали ли когда-нибудь люди, подобные Тегу, искушение обратиться за помощью к Тлейлаксу и ожить в виде гхолы. Вероятно, нет. Они знают, что могут стать марионетками Тлейлакса.

Эта мысль настолько затопила сознание Данкана, замершего в неподвижности, что Тег, подняв взгляд, сразу заметил:

— Что-то не так?

— Тлейлакс что-то сделал со мной, что-то, еще не вышедшее наружу, осевшим голосом проговорил Данкан.

— Именно этого мы и страшились! — это была Лусилла, говорившая от двери позади Тега. Она подошла на два шага к Данкану. — Я слушала. Вы двое были очень информативны.

Тег быстро заговорил, надеясь приглушить гнев, который он в ней ощущал.

— Он освоил за сегодня семь приемов. — Он поражает, как огонь, — сказала Лусилла, — но помни, мы — Орден течем, как вода, и заполняем каждое место, — она взглянула на Тега. —Разве ты не видишь, что этот гхола шагнул за грань изученных приемов?

— Нет фиксированных позиций, нет приемов, — сказал Данкан.

Тег резко взглянул на Данкана, стоявшего высоко подняв голову: лоб гхолы гладок, взгляд ответивший Тегу, ясен. Данкан удивительно вырос за короткое время с момента его пробуждения к исходной памяти.

— Черт тебя побери, Майлз! — пробормотала Лусилла.

Но Тег не отрывал взгляда от Данкана. Все тело юноши, казалось напоенным какой-то новой разновидностью жизненной энергии. В нем было нечто, чего не было прежде.

Данкан перевел взгляд на Лусиллу.

— По-твоему, ты провалишься со своим поручением?

— Разумеется, нет, — сказала она. — Ты ведь все равно мужчина.

И она подумала:

«Да, это молодое тело должно наверняка налито жаркими соками способности к воспроизведению потомства. Разумеется, гормональные возбудители целы и невредимы и подвержены возбуждению».

Его нынешнее состояние, однако, и то, как он глядел на нее, заставило ее перевести свое сознание на новые, требующие большего внимания, уровни. — Что сделали с тобой тлейлаксанцы? — спросила она.

Данкан ответил с небрежностью, которой на самом деле не ощущал:

— О Великая Геноносительница, если бы я знал, то сказал бы тебе.

— По-твоему, мы в игрушки играем?

— Я не знаю, во что именно мы играем!

— Но теперь слишком многие знают, что мы не на Ракисе, куда нам следовало бы убежать, — сказала она.

— На Гамму кишмя кишат люди, возвратившиеся из Рассеяния, — сказал Тег. — У них есть возможности проверить очень многие вероятности.

— Кто заподозрит существование затерянного со временем Харконненов не-глоуба? — спросил Данкан.

— Всякий, кто установит мысленную связь между Ракисом и Дар-эс-Балатом, — сказал Тег. — Если ты считаешь это игрой, то поразмысли над настойчивыми необходимостями этой игры, — сказала Лусилла. Она легко повернулась на одной ноге, чтобы взглянуть на Тега. — А ты — послушался Таразы!

— Ты не права! Я делал в точности то, что она мне приказала. Я — ее башар, и ты забываешь, как хорошо она меня знает.

Так резко, что лишилась дара речи, Лусилла вдруг осознала все тонкие маневры Таразы.

«Мы — пешки!?

Как же деликатно Тараза всегда касалась тех пешек, которые ей надо передвинуть! Лусилла не чувствовала себя приниженней сознанием, что она пешка. Это было знание, заложенное рождением и обучением в каждой Преподобной Матери Ордена. Даже Тег это знал. Не принижены, нет. Вершащееся вокруг них широко вошло в сознание Лусиллы. Она почувствовала, какой трепет вызвали в ней слова Тега. Каким же мелким был ее взгляд на внутренние силы, среди которых они оказались — словно она видела только поверхность бурлящей реки, упуская подводные течения. Теперь, однако, она почувствовала течение вокруг себя, и осознание этого повергло ее в уныние. «Пешки — это то, чем можно пожертвовать».

Глава 27

По своей вере в особенности гранулярной абсолютности ты отрицаешь движение, даже движение эволюции! Пока ты даешь гранулярному мирозданию настойчиво существовать в своем сознании, ты слеп к движению. Когда происходит перемена, твое абсолютное мироздание исчезает, больше не достижимое для твоих самоограниченных восприятий. Мироздание ушло свыше тебя.

1-й черновик «Манифеста Атридесов».

Архивы Бене Джессерит

Тараза положила пальцы на виски, ладони — плашмя на глаза, и надавила. Даже ее руки ощущали усталость: прямо под ладонями — утомление. Короткое трепетание век, и она погрузилась в расслабляющий транс. Руки, прижатые к голове, были средоточием материального сознания.

«Сто ударов сердца».

Это было одно из первых умений Бене Джессерит, которому она выучилась ребенком и с тех пор регулярно практиковала. Ровно сто ударов сердца. После долгих лет практики, ее тело могло следовать за этим упражнением автоматически, как бессознательный метроном.

Когда на счет «сто», она открыла глаза, голове ее стало лучше. Она надеялась получить по меньшей мере еще два часа для работы, прежде чем ее вновь одолеет усталость. Эти сто ударов сердца подарили ей лишние годы бодрости, если брать всю ее жизнь.

Однако сегодня, раздумывая об этой старой уловке, она устремилась вглубь по спирали своих жизней-памятей. Воспоминания детства словно поймали — Сестра-прокторша, проверявшая по ночам, проходя в проходах между кроватями, их сон.

«Сестра Барам — ночная прокторша».

Тараза годами не вспоминала этого имени. Сестра Барам была коротенькой и толстенькой неудавшейся Преподобной Матерью. Не было никакой видимой причины, но медицинские сестры и доктора Сакк что-то в ней нашли. Барам было навеки отказано в Спайской Агонии. Она без всякой утайки рассказывала обо всем, что знала о своем дефекте. Это открылось, когда она была еще юной девушкой: периодическая нервная трясучка, появлявшаяся, когда она начинала засыпать — симптом чего-то более серьезного, что заставило сделать ей стерилизацию. Эти нервные приступы не давали Барам спать. Обход коридоров и спальных комнат стал естественным поручением для нее.

У Барам были и другие слабости, не определенные Старшими Сестрами. Девочка, которой не спалось, могла на пути в туалет завлечь Барам в тихую беседу. Наивные вопросы вызывали, в основном, наивные ответы, но порой Барам делилась полезным знанием. Она и научила Таразу этой штуке с расслаблением.

Одна из девочек постарше однажды утром нашла сестру Барам мертвой в ванной комнате. Нервная дрожь ночной прокторши оказалась симптомом смертоносной болезни — фактором, важным для Разрешающих Скрепления и их бесконечных досье.

Бене Джессерит обычно не включал в программу «образование по единичной смерти» до тех пор, пока послушницы не достигали одной из высших ступеней обучения. Сестра Барам была первым мертвым человеком, которого увидела Тараза. Тело Сестры Барам было найдено лежащим почти под умывальником, правая щека прижата к кафельному полу, левая рука ухватилась за отводную трубу под раковиной. Она пыталась поднять с пола свое ослабевшее тело, и смерть настигла ее при этой попытке, зафиксировав при этом движении, словно насекомое, пойманное в янтарь.

Когда сестру Барам перевернули, чтобы унести, Тараза увидела красную отметину там, где ее щека была прижата к полу. Дневная прокторша объяснила эту отметину с научной точки зрения. Всякий жизненный опыт превращали в данные для потенциальных Преподобных Матерей, чтобы позже провести курс «Собеседований со смертью».

«Кровоподтек посмертного окоченения».

Сидя сейчас за столом кабинета на Доме Соборов, Тараза с трудом пыталась отвлечься от своих воспоминаний, отдаленных многими годами и сконцентрироваться на предстоящей ей работе. Как много она помнила! Разложенная на столе работа еще раз наполнила ее ощущением своей нужности и жизненной наполненности. И Тараза опять с головой погрузилась в работу. Проклятая необходимость готовить гхолу на Гамму!

Этот гхола заслуживает таких трудов. Восстановлению исходной памяти всегда предшествует

множество грязной работы.

Решение послать Бурзмали на Гамму было мудрым. Если Майлз действительно нашел потайное убежище... Если он сейчас появится, ему понадобится вся помощь, какую он сможет получить. Опять она подумала: не пора ли сыграть в игру предвидения. Так опасно! И тлейлаксанцы предупреждены, что может потребоваться новый заменитель гхолы.

«Держите его готовым к рождению».

Ее мысли перекинулись на проблемы Ракиса. Следовало бы получше приглядывать за этим дураком Туеком. Долго ли еще сможет Лицевой Танцор благополучно его изображать? Однако же, в решении, принятом на месте Одраде, не было никакой погрешности. Она поставила тлейлаксанцев в полностью незащищенное положение. Самозванец может быть раскрыт, и это повергнет Бене Тлейлакс в пучину ненависти.

Внутри замысла Бене Джесссерит теперь появились новые, очень тонкие нюансы. Уже многие поколения ракианское жречество ловилось на приманку союза с Бене Джесссерит. Но теперь! Тлейлакс должен считать, что они выбраны вместо жрецов. Трехсторонний союз Одраде... Пусть жрецы воображают, будто каждая Мать принесет клятву покорности Разделенному Богу. У жреческого совета дух перехватит от возбуждения при такой перспективе. Тлейлаксанцы, конечно, увидят здесь шанс монополизировать меланж, завладеть, наконец, единственным не зависимым от них источником. Постукивание по двери отвлекло Таразу — послушница принесла чай.

Таков был заведенный порядок — подавать чай, когда Верховная Мать зарабатывается допоздна. Тараза посмотрела на настольный хронометр: икишианское устройство, настолько точное, что могло бы опоздать или спешить на одну секунду за целый век — час двадцать три минуты одиннадцать секунд утра.

Она велела послушнице войти. Девушка, светлая блондинка с холодными наблюдательными глазами, вошла и наклонилась, расставляя рядом с Таразой принесенное на подносе.

Тараза, не обращая внимания на девушку, уставилась на работу, остававшуюся у нее на столе. Так много еще надо сделать. Работа важнее сна. Но голова ее болела, и привычное ощущение головокружения подсказывало, что чай не принесет большого облегчения. Она доработалась до мозгового голода, которое нужно срочно снять, иначе она не сможет даже встать. Ее плечи и спина болезненно пульсировали.

Послушница уже собралась уходить, когда Тараза, поманив, остановила ее.

— Помассируй мне, пожалуйста, спину. Сестра.

Обученные руки послушницы медленно устранили болезненное сжатие на спине Та разы. Славная девушка. Тараза улыбнулась этой мысли. Разумеется, она славная. Если бы она не обладала всеми своими достоинствами, ее бы никогда не отобрали прислуживать Верховной Матери.

По уходе девушки, Тараза осталась сидеть безмолвно в глубокой задумчивости. Так мало времени. Она жертвовала каждой минутой своего сна, хотя избежать его невозможно. В конце концов, тело предъявляло свои требования. Она уже несколько дней заставляла себя работать так, что нелегко будет восстановить силы. Забыв о чае, накрытом рядом с ней, Тараза встала и ушла через холл в крохотную спальню келью. Там она передала распоряжение ночной страже разбудить ее в одиннадцать утра и устроилась в полной одежде на жесткой койке.

Она тихо регулировала свое дыхание, уводя и отвлекая свои чувства и переходя в промежуточное состояние.

Сон не приходил.

Она проделала заново все упражнения, но сон ускользал от нее. Тараза долго так пролежала, применяя разные техники расслабления, но мозг ее, тем временем, продолжал напряженно работать.

Она никогда не считала ракианское жречество центральной проблемой. Жрецами, уже поймавшимися на свою религию можно управлять с ее помощью. Они рассматривают Боне Джесссерит в основном как силу, способную укрепить их догму. Пусть продолжают так считать. Это та наживка, которая их ослепит.

Черт побери этого Майлза Тега! Три месяца молчания и никаких благоприятных сообщений от Бурзмали. Выжженная земля, признаки взлетевшего не-корабля. Куда же девался Тег? Гхола, может быть, уже мертв. Тег никогда прежде не делал такого. Старик — сама Надежность. Вот почему она выбрала его. Надежность» военное умение» его сходство со старым герцогом Лито они все в нем заранее подготовили.

Тег и Лусилла. Идеальная команда.

Если гхола жив, то досягаем ли он: не завладел ли им Тлейлакс? Или неприятель из Рассеяния? Многое возможно. Старая Надежность. Молчит. Не является ли посланием его молчание? Но что он пытается этим сказать? Смерть Шванги и Патрина попахивает заговором вокруг Гамму. Мог ли Тег быть подсажен давным-давно врагами Ордена? Невероятно! Его собственная семья была гарантией против таких сомнений. Дочь Тега в семейной усадьбе озадачена не меньше всех прочих.

Уже три месяца — и ни словечка.

Осторожность. Она призвала Тега проявлять крайнюю осторожность при защите этого гхолы. Тег разглядел огромную опасность на Гамму. Это подтверждали последние доклады Шванги.

Куда же Тег и Лусилла могли деть гхолу?

Где они раздобыли не-корабль? Сговор?

Глубочайшие подозрения кружили и кружили в голове Таразы. Что делает Одраде? И кто тогда в заговоре с Одраде? Лусилла? Одраде и Лусилла никогда не встречались до их короткого свидания на Гамму. Или встречались? Кто склоняется к Одраде, дыша общим воздухом сгустившихся сплетен? Одраде и знака не подает, но что это доказывает? В верности Лусиллы никогда не было сомнений. Обе работали идеально, как и предписано. Но так всегда поступают заговорщики.

Факты! Тараза томилась по фактам. Кровать зашуршала под ней, и ее самоотстраненность от мира рухнула, настолько же разбитая заботами, насколько звуком ее собственных движений. С неохотой Тараза опять привела себя в состояние подготовки к расслаблению.

Расслабление, а уж затем сон.

Не-корабли из Рассеяния промелькнули через затуманенное усталостью воображение Таразы. Затерянные возвращаются на бесчисленных не-кораблях. Не там ли Тег достал корабль? Такая вероятность тайно проверяется на Гамму и повсюду. Она попыталась сосчитать воображаемые корабли, но они разбегались в беспорядке. Тараза, хоть и лежала неподвижно, чутко насторожилась — сна ни в одном глазу.

В самой глубине ее сознания какая-то смутная мысль силилась выйти наружу. Утомленный мозг утрачивал связь с действительностью, но теперь она присела, полностью пробужденная.

Какие дела у Тлейлакса с людьми, возвращающимися из Рассеяния? С этими шлюхами. Преподобными Черницами, и тлейлаксандскими возвращенцами? Тараза усмотрела единую конструкцию за всем происходящим. Затерянные возвращаются не из простого любопытства к местам своего исходного происхождения. Одного желания воссоединиться со всем человечеством недостаточно, чтобы привести их назад. Преподобные Черницы явно лелеют мечту о завоевании.

Может тлейлаксандцы, ушедшие в Рассеяние, не унесли с собой секретов их акслольтных чанов? Что тогда? Меланж. У шлюх оранжевые глаза — они явно пользуются неадекватной заменой. Люди из Рассеяния могли не разрешить тайну тлейлаксандских чанов. Они желают вызнать о них и стараются воспроизвести. Но если они потерпят в этом неудачу — меланж!

Она решила поподробней рассмотреть эту сторону проблемы.

Затерянные исчерпывают запасы подлинного меланжа, взятого их предками с собой в Рассеяние. На какие же источники им опереться затем? Червь Ракиса и родные планеты Боне Тлейлакса. Шлюхи не осмелятся сказать в открытую об их подлинном интересе. Их предки верили, что червей нельзя переселить в другое место. Возможно ли, что Затерянные нашли подходящую планету для червей? Разумеется, такое возможно. Они могут начать торговаться с Боне Тлейлаксом для отвода глаз, но истинной их целью будет Ракис. Или верно обратное.

«Привезенное богатство».

Она видела доклады Тега о богатстве, накопленном на Гамму. Некоторые из возвращающихся имели и наличную монету, и торговые корабли. Это становилось ясным из бурного развития банковской деятельности.

Какая же, однако, валюта может быть дороже спайса?

Богатство. Вот оно, конечно. И какие бы ни были ставки, торговля началась.

До сознания Таразы дошли голоса за дверью. Послушница, из охраняющих сон, с кем-то спорила. Голоса были тихими, но Тараза услышала достаточно, чтобы полностью встрепенуться.

— Она оставила приказ разбудить себя поздно утром, — протестовала стражница.

Кто-то другой отвечал шепотом:

— Она говорила мне, чтобы ей сразу сообщили о моем возвращении.

— Говорю тебе, она очень устала. Она нуждается...

— Она нуждается в том, чтобы ей подчинялись! Доложи ей, что я вернулся!

Тараза присела, свесила ноги с края койки и нашупала пол. Боги! Как же, болят колени. Еще ей неприятно, что она не может узнать навязчивый шепот человека, спорившего со стражницей.

«Чьего же возвращения я... Бурзали!?

— Я не сплю, — крикнула Тараза.

Дверь открылась, заглянула охранница.

— Верховная Мать, Бурзали вернулся с Гамму.

— Впустите его немедленно! — Тараза зажгла единственный глоуглоб в головах ее койки. Его желтый свет развеял тьму помещения.

Бурзали вошел и закрыл за собой дверь. Без напоминания Таразы, ткнул звукоизолирующую кнопку на двери — все внешние шумы исчезли.

«Наедине?» Значит, у него плохие новости.

Она поглядела на Бурзали, невысокого, худого мужчину с резким треугольным лицом, сужающимся к узкому подбородку. Светлые волосы зачесаны назад от высокого лба. Широко расставленные зеленые глаза были бодрыми и настороженными. Он выглядел слишком молодым для той ответственности, которая лежала на нем как на башаре, но Тег выглядел даже моложе в битве при Арбело.

«Мы стареем, черт побери». Она заставила себя расслабиться и полностью положиться на этого человека, подготовленного самим Тегом, выражавшим ему полное доверие.

— Выкладывай свои дурные новости, — проговорила Тараза.

Бурзали откашлялся.

— До сих пор никаких признаков башара и его отряда на Гамму, Верховная Мать, — у него был густой мужицкий голос.

«И это еще не самое худшее», — подумала Тараза, заметив нервозность Бурзали.

— Выкладывай все до конца, — распорядилась она. — Вижу, ты закончил обследование руин Оплота.

— Ни одного выжившего, — сказал он. — Нападавшие были основательными людьми.

— Тлейлакс?

— Возможно.

— У тебя есть сомнения?

— Нападавшие использовали новую икишианскую взрывчатку: 12-ури. Я... я думаю, она могла быть использована для отвода глаз. К тому же, на черепе Шванги механические следы проб мозга.

— Патрин?

— Именно так, как доложила Шванги. Он взорвал себя в корабле-приманке. Его опознали по кусочкам двух пальцев и сохранившемуся глазу. Не оставалось ничего, достаточно большого, чтобы подвергнуть Пробам.

— Но у тебя есть сомнения! Переходи к ним!

— Шванги оставила послание, которое удалось прочитать только нам.

— По следам ветхости на мебели?

— Да, Верховная Мать, и...

— Значит она ожидала нападения, но у нее было время оставить послание. Я знаю ее прежние сообщения о разрушительности нападения.

— Оно было быстрым и во всем превосходящим по силам. Нападавшие не брали пленных.

— Что говорится в этом послании?

— Шлюхи.

Хоть Тараза именно этого и ожидала, но ей все равно пришлось сделать усилие, чтобы справиться с шоком и сохранить спокойствие — усилие, почти истощившее ее. Это очень плохо. Тараза позволила себе глубокий вздох. Шванги, упорная до конца, была в оппозиции. Но увидев приближение катастрофы, приняла правильное решение. Зная, что умрет без возможности передать свои жизни-ламяти другой Преподобной Матери, она действовала, исходя из самых основ верности Ордену: если не остается больше никаких возможностей, вооружи своих Сестер знанием и внеси расстройство в стан врага.

«Значит, это действовали Преподобные Черницы??

— Расскажи мне о ваших поисках гхолы, — приказала Тараза.

— Мы были не первыми, искавшими на этой земле. Верховная Мать. Были и еще сожженные деревья, и скалы, и подлесок.

— Это был не-корабль?

— Следы не-корабля.

Тараза кивнула самой себе. Безмолвное послание Старика Надежности?

— Как тщательно вы обследовали район?

— Я лишь перелетал над ним с одного места на другое, проводя визуальный осмотр.

Тараза указала Бурзмали на стул рядом с изножьем ее койки.

— Садись и расслабься. Я хочу, чтобы ты высказал мне кое-какие догадки.

Бурзмали бережно опустился на стул.

— Догадки?

— Ты был его любимым учеником. Я хочу, чтобы ты вообразил, будто ты -Майлз Тег. Ты знаешь, что должен увести гхолу из Оплота. Ты не доверяешь никому вокруг себя, даже Лусилле. Что ты сделаешь?

— Разумеется, что-то неожиданное.

— Разумеется.

Бурзмали потер свой узкий подбородок... Вскоре он проговорил:

— Я доверяю Патрину. Я доверяю ему полностью.

— Хорошо, ты — Патрин. Что вы делаете?

— Патрин — уроженец Гамму.

— Я сама об этом задумывалась, — сказала она.

Бурзмали поглядел в пол перед собой.

— Патрин и я намного загодя составим план на случай опасности. Я всегда готовлю запасные пути для разрешения трудностей.

— Очень хорошо. Итак, что за план?

— Почему Патрин убил себя? — спросил Бурзмали.

— Ты уверен, что это было именно самоубийство?

— Ты видела доклады. Шванги и несколько других были в этом уверены. Я это принимаю. Патрин был достаточно верен для того, чтобы пойти на это ради своего башара.

— Для тебя! Ты сейчас — Майлз Тег. Какой план состряпали вы с Патрином?

— Я бы не послал умышленно Патрина на верную смерть.

— Если б только не?..

— Патрин поступил так по собственной воле. Он мог, если этот план исходил от него, а не от... не от меня. Он мог посту пить так, чтобы защитить меня, чтобы быть уверенным, что никто не раскроет этого плана.

— Как мог Патрин призвать не-корабль, чтобы никто — даже мы — не узнали об этом?

— Патрин уроженец Гамму. Его семья живет там еще со дней Гиди Прайм. Тараза, закрыв глаза, отвернулась от Бурзмали. Значит, Бурзмали в своих предположениях идет тем же путем, который мысленно проделала ока. Мы знаем происхождение Патрина. Важно ли это в связи с проишшедшем на Гамму? Бес почвенные догадки, вызванные чрезмерным утомлением, не устраивали Таразу. Она опять поглядела на Бурзмали.

— Ты думаешь, Патрин нашел способ поддерживать тайные контакты с семьей и старыми друзьями?

— Мы проверили все возможные связи, которые смогли найти.

— Наверняка можно сказать, что выследили вы не все до единой.

Бурзмали пожал плечами.

— Разумеется, нет. Я не исходил из подобного предположения.

Тараза глубоко вздохнула.

— Возвращайся на Гамму. Возьми с собой в помощь всех, кого смогут выделить наши силы безопасности. Скажи Беллонде, что таковы мои приказы. Ты начнешь насаждать своих агентов повсюду. Выясни, что знал Патрин. Живы ли кто-нибудь из его семьи, друзей? Умудрись выйти на них.

— Это могут заметить, как бы мы ни осторожничали. Другие узнают.

— Ничего не поделаешь. И, вот что, Бурзмали!

Он уже был на ногах.

— Да, Верховная Мать?

— Другие ищущие. Ты должен их опередить.

— Можно мне использовать навигатора Союза?

— Нет!

— Но как...

— Бурзмали, что, если Майлз, Лусилла и наш гхола все еще на Гамму?

— Так я ведь уже сказал тебе, что не считаю, будто они улетели на не-корабле!

Тараза очень долго и внимательно разглядывала стоявшего у изножья ее койки мужчину. Подготовлен Майлзом Тегом. Любимый ученик старого башара. Что же предполагает неровный инстинкт Бурзмали.

Она тихим голосом потопропила его:

— Ну?

— Гамму — это прежнее Гиди Прайм, место Харконненов. — На какие мысли это тебя наводит?

— Они были богатыми. Верховная Мать. Очень богатыми.

— Ну и?..

— Достаточно богатыми, чтобы выстроить тайное убежище, не-комнаты... или даже большой не-глоуб.

— Об это не сохранилось никаких сведений! Икс никогда даже смутно не подозревал о подобном.

Они не проводили на Гамму проверок на...

— Взятки, сделки через третьих лиц, множество посреднических перевозок, — сказал Бурзмали. — Времена Голода были очень разрушительны, а перед этим — все эти тысячелетия Тирана.

— Тогда Харконнены или держали головы пониже, или теряли их. Ладно, ладно, я приму это как возможность.

— Записи могли быть утеряны, — сказал Бурзмали.

— Что наводит тебя на эти мысли?

— Патрин.

— Ага.

Он быстро заговорил:

— Если бы нечто подобное было обнаружено, уроженец Гамму мог бы об этом знать.

— Слишком многие могли бы знать. По-твоему, можно сохранять такой секрет целые... Да! Понимаю, что ты имеешь ввиду. Если это было тайной семьи Патрина...

— Я не осмелился спросить об этом никого из них.

— Разумеется, нет! Но что бы ты осмотрел... чтобы никого не насторожить...

— Место на вершине, где остались следы не-корабля.

— Тогда, никуда не денешься, тебе пришлось бы лично ту да отправиться!

— Это очень трудно будет скрыть от шпионов, — согласился он. — Если только не отправиться туда с очень маленьким отрядом и под другим предлогом.

— Каким?

— Водрузить там мемориальный памятник старому башару.

— Делая вид, будто точно известно о его смерти? Да!

— Ты уже попросила Тлейлакс заменить гхолу.

— Это была простая предосторожность, не основанная на... Бурзмали, это крайне опасно. Я сомневаюсь, что мы сможем обмануть тех, кто будет следить за тобой на Гамму.

— Скорбь моя и моих людей, будет убедительной и достойной доверия.

— То, что кажется достоверным, не обязательно убеждает настороженного наблюдателя.

— Ты не доверяешь моей верности и верности тех людей, которых я возьму с собой?

Тараза задумчиво поджала губы. Она напомнила себе, что Бене Джесссерит давно научился производить людей полностью преданных Ордену. Бурзмали и Тег — великолепные примеры.

— Это может сработать, — согласилась Тараза. Она задумчиво поглядела на Бурзмали. Любимый ученик Тега, может он и прав!

— Тогда я пойду, — сказал Бурзмали. Он повернулся, чтобы уйти.

— Один момент, — сказала Тараза. Бурзмали повернулся. — Введите себе шиэр, все. Если вы будете схвачены Лицевыми Танцорами — этими новенькими! — вы должны сжечь свои головы или полностью их раскроить. Примите необходимые меры предосторожности.

Внезапно посеревшее выражение Бурзмали успокоило Таразу. Он слишком возгордился собой миг назад. Лучше его вовремя одернуть, чтобы не был без нужды безрассудным.

Глава 28

Существует внушаемая благовение мирозданию магия: нет никаких атомов, только волны и движение повсюду вокруг. Отсюда, ты отвергаешь всякую веру в барьеры У пониманию. Ты откидываешь в сторону само понимание. Это мироздание нельзя увидеть, нельзя услышать, нельзя зафиксировать устоявшимися восприятиями. Это окончательная пустота, где не существует никаких заранее данных экранов, на которые можно проецировать формы. У тебя здесь есть только сознание — экран, магия: ВООБРАЖЕНИЕ! Отсюда, ты учишься, что такое — быть человеком. Ты — творец порядка, прекрасных форм и систем, организатор хаоса.

?Манифест Атридесов».

Архивы Бене Джессерит

— Господь нас здесь рассудит, — злобно торжествовал Вафф.

Он произносил это несколько раз совершенно неожиданно за время их долгой езды через пустыню. Шиэна, казалось, не обращала на это внимания, но Одраде начали утомлять голос Ваффа и подобные заявления.

Ракианское солнце уже перешло далеко на запад, опускаясь, но червь, несущий их, казался нисколько не утомленным в своем продвижении через древний Саръер по направлению к курганам, остаткам Задней Стены Тирана. «Почему в этом направлении?» — гадала Одраде.

Пока ответа не было. Опасность, которую опять представлял фанатичный Вафф, однако, требовала немедленной реакции. Она обратилась к нему на тайном языке Шариата, зная, как это подействует:

— Пусть Господь судит, а не люди.

Вафф угрюмо нахмурился, расслышав насмешливую нотку в ее голосе. Он поглядел на горизонт впереди, потом на топтеры, все время сопровождавшие их.

— Люди должны выполнять работу Господню, — пробормотал он.

Одраде не ответила. Вафф теперь обнят сомнениями: действительно ли эти ведьмы Бене Джессерит причастны к Великой Вере?

Она мысленно перебирала все, что знала о ракианских червях. Собственные воспоминания и жизни-памяти сплелись в сумасшедший калейдоскоп. Ей представлялись облаченные в робы Свободные на червях, еще крупнее, чем этот. Каждый наездник наклонялся, опираясь на длинный, заканчивавшийся крюком, шест, погруженный в кольца червя, как ее руки сейчас хватались за этого. Она ощущала ветер, дующий в лицо, робу, хлещущую по голеням. Сегодняшнее и прошлое сливались в один знакомый ряд. «Много времени прошло с тех пор, когда последний Атридес пользовался этим путем?

Может быть разгадка их нынешнего положения была видна еще в Дар-эс-Балате? Но там было ужасно жарко — городок буквально таял от жары, — а сама Одраде так маялась в ожидании их вылазки в пустыню, что запросто могла упустить из виду что-нибудь чрезвычайно важное.

Как и любой другой общине на Ракисе, во время полуденной жары жизнь в Дар-эс-Балате замирала и пряталась. Одраде живо припомнилось раздражение, вызванное стилем, пока она томилась в ожидании групп сопровождения. Эти группы должны были проводить Шиэну и Ваффа к Одраде в целости и сохранности.

Какую же заманчивую мишень она представляет в этот момент! Но нужно было удостовериться в добрых намерениях ракианцев, и поэтому сопровождение Бене Джессерит запаздывало намеренно.

— Шайтан любит жару, — сказала тогда Шиэна.

От жары прятались ракианцы, но не черви! Нет ли в этом объяснения, почему червь движется именно в этом направлении?

«Мой ум прыгает, как детский мячик!?

Насколько противоречат маленький тлейлаксанец, Преподобная Мать и свою равнинную девушка, едущие на черве через пустыню обычаям ракианцев прятаться в самое жаркое время дня? Это — древний образ жизни Ракиса. Древние Свободные были ночных людьми. Их современные потомки тоже больше полагались на тень, опасаясь самых жарких солнечных лучей.

«ШАЙТАН ЛЮБИТ ЖАРУ».

Всякий житель ракианского города знает, что на границе города есть кванат — затененный канал, даже испарения которого улавливаются ветроловушками и возвращаются обратно, но и кванат пересыхает.

Конечно же, жрецы чувствуют себя в полной безопасности за своими охраняющими рвами, постоянно наполненными водой!

— Наши молитвы нас защищают, — говорят они, но на самом-то деле, они очень хорошо знают, что действительно защищает их.

«ЕГО СВЯТОЕ ПРИСУТСТВИЕ ВИДНО В ПУСТЫНЕ».

СВЯЩЕННЫЙ ЧЕРВЬ.

РАЗДЕЛЕННЫЙ БОГ. Одраде глядит на кольца червя перед ней. «И в нем тоже есть Он!?

Она подумала о жрецах, наблюдавших с топтеров над их головами. Как же они любят шпионить за другими! Глаза, скрытые за высокими прутьями балконов. Глаза, подсматривающие через бойницы в толстых стенах. Глаза отразившиеся в зеркальном плаze или неотступно преследовавшие из темных мест. Одраде чувствовала, как они следили за ней в Дар-Эс-Балате, пока она ждала прибытия Шиэны и Ваффа.

Одраде заставила себя не думать об опасностях, отмечая течение времени по движению тени стены, под которой она стояла: самые надежные часы в этой стране, где немногие придерживаются другого времени, кроме солнечного.

Напряжение, усиленное необходимостью притворяться беззаботной, возрастило. Нападут ли они? Осмелятся ли они, зная, что она приняла собственные предосторожности? Насколько злы жрецы на то, что их заставили присоединиться к Тлейлаксу в этом тайном тройственном союзе? Ее советницы, Преподобные Матери из Оплота были недовольны, что она, становясь наживкой для жрецов, ставит под угрозу лично себя.

— Позволь быть приманкой одной из нас!

Одраде была тверда как сталь:

— Они не поверят. Подозрения будут держать их подальше. Кроме того, они наверняка пришлют Альбертуса.

Одраде ждала в зеленоватых тенях внутреннего двора шестиэтажного здания в Дар-Эс-Балате. Над головой — обрисованный солнцем силуэт здания, кружевные балкончики и балюстрады в зеленых растениях с ярко-красными, оранжевыми и синими цветами, а выше, — серебряный прямоугольник неба.

«И таящиеся глаза».

Движение у широкой уличной двери справа от нее! Единственная фигура в белом с золотом и пурпурным жреческом облачении появилась во дворе. Она внимательно разглядывала, ища признаков тлейлаксанской подмены еще одним Лицевым Танцором. Но этот человек — жрец, которого она узнала — Альберту с, глава Дар-Эс-Балата.

«Именно так, как мы ожидали».

Альбертус прошел через широкий атриум и внутренний двор, направляясь к ней с бережливым достоинством. «Не таит ли он угрозы? Не подаст ли сигнал своим наемным убийцам?» Одраде обежала глазами ярусы балконов: слабые помаргивающие движения на верхних этажах. Приближившийся жрец был не одинок.

«Но и я не одна!?

Альбертус остановился в двух шагах от Одраде, подняв на нее глаза, которые до этого он держал устремленными на сложные переплетения узоров золота и пурпурна изразцовом полу внутреннего двора.

«Он слаб в костях», — подумала Одраде.

Она никак его не приветствовала. Альбертус один из тех, кто знал, что Верховный Жрец замещен Лицевым Танцором.

Альбертус откашлялся и сделал дрожащий вдох.

«Слабая кость! Слабая плоть!?

Хоть эта мысль и позабавила Одраде, но осторожность ее не уменьшилась. Привычно отмечая изъяны наследственности, которые Орден мог бы устранить в случае необходимости в потомках, Одраде постаралась запомнить Альбертуса. Несмотря на плохое образование — ракианскос жречество сильно деградировало по сравнению с прежними днями Рыбословщ, и Альбертуса смогла бы побить любая послушница первого года обучения — он так тихо и уверенно взошел к верхним ступеням власти, что могло потребоваться дополнительное исследование ценности его генетического материала.

— Почему ты здесь? — спросила Одраде, вложив в этот вопрос как можно больше обвинительной интонации.

Альбертус затрепетал.

— У меня послание от твоих людей, Преподобная Мать.

— Тогда говори!

— Возникла небольшая задержка: слишком многим известен маршрут.

Это, по крайней мере, та история, которую они собирались подкинуть жрецам. Но на лице Альбертуса легко читалось и другое выражение. Секреты, разделенные с ним, опасно близки к разоблачению.

— Я почти хочу приказать тебя убить, — сказала Одраде.

Альбертус отпрянул на пару шагов. Глаза его стали пустыми, словно он уже умер, прямо здесь, перед ней. Ей знакома такая реакция. Альбертус вошел в ту стадию полного разоблачения, когда страх стискивает мошонку. Он знал, что эта жуткая Преподобная Мать Одраде могла бы совершенно небрежно вынести ему смертный приговор или убить его собственными руками. Ничего из сделанного или сказанного им не избежит ее кошмарно пристального внимания. — У тебя в голове, как бы убить меня, и как разрушить наш Оплот в Кине, — обвилила Одраде.

Альбертус отчаянно боялся.

— Почему ты говоришь такое. Преподобная Мать? — в его голосе слышалось разоблачительное хныканье.

— Не пытайся это отрицать, — проговорила Одраде. — Я просто диву даюсь, как легко мне и многим другим читать твои мысли. Ты по должности должен быть хранителем тайн, и уж никак не расхаживать со всеми секретами, написанными у тебя на лице!

Альбертус упал на колени, пресмыкаясь перед ней.

— Но меня послали твои собственные люди!

— И ты был только счастлив прибыть сюда и решить, возможно ли меня убить.

— С чего бы нам...

— Тихо! Тебе не нравится, что мы контролируем Шиэну. Ты боишься Тлейлакса. Все дела могут быть забраны из ваших жреческих рук и то, что сейчас запущено в действие, вас ужасает.

— Преподобная Мать! Что же нам делать? Что нам делать?

— Вы будете нам повиноваться! Более того, вы будете повиноваться Шиэне! Вы боитесь того, что мы затеваем сегодня? У вас есть более великие цели для того, чтобы бояться!

Она покачала головой в насмешливом отчаянии, зная, какой эффект это произведет на бедного Альбертуса. Он скрчился под весом ее гнева.

— Встань на ноги! — приказала Одраде. — И помни, что ты — жрец, и от тебя требуется правда!

Альбертус, опустив голову, с трудом поднялся на ноги. Она заметила, как он сник, приняв решение отбросить все увертки. Какое же это должно быть для него испытание! Обязанный блюсти себя перед Преподобной Матерью, которая насквозь его видела, он должен еще иенным образом быть почтителен к ее религии. Он должен предстоять перед высшим парадоксом всех религий: «Бог знает!?

— Ты ничего не спрячешь от меня, ничего — от Шиэны, ничего — от Бога, — грозно сказала Одраде.

— Прости меня. Преподобная Мать.

— Простить тебя? Не в моей власти прощать тебя, и не у меня ты должен просить прощения. Ты — жрец!

Он поднял взгляд на гневное лицо Одраде.

Парадокс полностью завладел сознанием Альбертуса. Бог наверняка есть! Но Бог обычно бывал очень далеко — и столкновения можно было избежать. Завтра — это еще один день жизни. Только и всего. И вполне можно было допустить несколько небольших грешков, может быть, одну-другую ложь. Просто на нынешний момент. Или большой грех, если искушения слишком велики. Предполагалось, что Боги более внимательны с великими грешниками. И всегда оставалось время принести покаяние.

Одраде всмотрелась в Альбертуса сверлящим взглядом Зашитной Миссионерии.

«Ах, Альбертус, — подумала она. — Теперь ты стоишь перед таким представителем рода человеческого, для которого не существует секретов между тобой и твоим Богом».

Для Альбертуса его нынешнее положение мало чем отличалось от смерти та же невозможность избежать высшего и окончательного приговора своего Бога. Это отняло его силы, отняло волю. Все его религиозные страхи пробудились и сфокусировались на Преподобной Матери.

Самым сухим тоном, не прибегая даже к Голосу, Одраде сказала:

— Я хочу, чтобы этот фарс немедленно закончился.

Альбертус попытался сглотнуть. Он понял всю безнадежность лжи, хотя у него и промелькнула шкодливая мыслишка — а не соврать ли? Он покорно поглядел на лоб Одраде, где край головного убора ее стиснуто туго впился в кожу и проговорил голосом, немногим превышавшим шепот:

— Преподобная Мать, это только потому, что мы чувствуем себя обездоленными. Ты и тлейлаксанец отправляетесь в пустыню с нашей Шиэнной. Вы оба научитесь от нее и... — его плечи поникли. — Почему ты берешь тлейлаксанца?

— Этого хочет Шиэна, — солгала Одраде.

Альбертус открыл и закрыл рот, ничего не сказав. Она увидела, как его затопляет принятие того, что есть.

— Ты вернешься к своим товарищам с моим предупреждением, — сказала Одраде. — Само выживание Ракиса и вашего жречества зависит только от того, как хорошо вы будете мне повиноваться. Вы не будете ни в чем нам препятствовать! Что до этих пустых измышлений против нас — Шиэна открывает нам все ваши злые замыслы!

Тогда Альбертус ее удивил! Он покачал головой и испустил глухой смешок. Одраде уже успела заметить, что многие из жрецов находят удовольствие в поражении, но она не подозревала, что они могутsarкастически улыбаться даже над своими собственными неудачами.

— Я нахожу твой смех надуманным, — проговорила она.

Альбертус пожал плечами и постарался вернуть прежнее выражение своего лица, прежнюю маску. Одраде различала на нем уже несколько таких масок. Фасады. Он носил их слоями. И, глубоко под всеми этими защитными слоями осторожный себялюбец, истинный лик которого сумела разглядеть Одраде.

«Я должна усилить его себялюбие», — подумала Одраде и резко оборвала его, когда он попытался заговорить.

— Ни слова больше! Ты будешь ждать моего возвращения из пустыни. Пока что ты мой посланник. Доставь мое послание в точности, и ты получишь награду, даже большую, чем можешь вообразить. Не сумеешь этого сделать переживешь муки Шайтана!

Одраде наблюдала, как Альбертус поспешил покидать двор: плечи сникли, голова склонилась вперед, словно ему не терпелось преодолеть расстояние, после которого его слова станут слышны родне. Одраде подумала, что в целом это сделано хорошо: рассчитанный риск и очень опасно для нее лично. Она была уверена, что убийцы на балконах наверху ждут сигнала от Альбертуса. А теперь страх, уносимый им с собой, так же опасно заразен, как любая чума, с чем Бене Джессерит отлично знаком за тысячелетия своих манипуляций. Учение Ордена называло это «направленной истерией». И сейчас Одраде нацелила ее прямо в сердце ракианского жречества. На страх можно положиться, особенно сейчас. Жрецы покорятся. Осталось страшиться только нескольких еретиков, не боящихся заразиться страхом.

Глава 29

Нам известно, что на предметы нашего осозаемого чувственного опыта можно повлиять по выбору — и по сознательному выбору, и по бессознательному. Это является доказанным фактом, не требующим от нас веры в то, будто некая сила внутри нас протягивает руку и касается мироздания. Я обращаюсь к прагматическим взаимосвязям между верой и тем, что мы определяем как «реальности». Все наши суждения несут тяжелый груз древних верований, перед которым мы, Бене Джессерит, склонны быть уязвимей большинства людей. Не достаточно то, что мы осознаем это и настороживаем себя против этого. Альтернативные интерпретации всегда должны удостаиваться нашего внимания.

Верховная Преподобная Мать Тараза.

Довод на Совете

— То, что ты делаешь — слишком опасно, — сказал Тег. — Мне приказали защитить тебя и укрепить. Я не могу позволить этому продолжаться.

Тег и Данкан стояли в длинном, отделанном деревянными панелями, холле на входе в гимнастический зал не-глоуба. Была вторая половина дня по их условному времени, с которым они сжились. Лусилла только что удалилась в гневе после яростной перепалки.

Последнее время почти каждая встреча Данкана и Лусиллы приобретала характер битвы. В этот раз она стояла в дверях гимнастического зала, плотная фигура, плавные формы делали ее стройнее, обоим мужчинам очевидна соблазнительность движений.

— Как долго, по-твоему, я буду ждать, чтобы выполнить то, что приказано мне?

— До тех пор, пока ты или кто-нибудь еще не скажет мне, что я...

— Таразе требуется от тебя такое, чего никто из нас, находящихся здесь, не знает! — сказала Лусилла.

Тег постарался унять накапливающуюся с обеих сторон злость:

— Пожалуйста. Разве не достаточно того, что Данкан продолжает совершенствовать свое боевое мастерство? Через несколько дней я начну нести постоянное дежурство снаружи. Мы сможем...

— Ты можешь перестать вмешиваться в мои дела, чтоб тебя! огрызнулась Лусилла. Она повернулась всем телом и зашагала прочь.

Теперь, увидев жесткую решимость на лице Данкана, Тег почувствовал, как яростно сопротивляется его мозг — мозг ментата — вынужденному бездействию. Если бы только он мог все спокойно обдумать, все бы встало на свои места!

— Почему ты сдерживаешь дыхание, башар?

Голос Данкана словно пронзил Тега, ему потребовалась вся сила воли, чтобы вернуться к нормальному дыханию. Он ощущал чувства Данкана и Лусиллы в этом не-глоубе, как приливы и отливы, временно огражденные от других сил.

«ДРУГИЕ СИЛЫ».

Даже ментат может показаться идиотом в присутствии других сил, несущихся через мироздание. В мироздании могут существовать люди, чьи жизни сплавлены с такими силами, которые он не способен вообразить. Перед такими силами он будет соломинкой, плывущей в пене диких потоков. Кто способен кинуться в такое смятение и невредимым выбраться из его волн?

— Что может, по всей вероятности, сделать Лусилла, если я продолжу ей сопротивляться? — спросил Данкан.

— Пробовала ли она на тебе Голос? — спросил Тег. Его собственный голос показался ему чужим.

— Однажды.

— Ты устоял? — отдаленное удивление где-то внутри него.

— Я научился этому от самого Пола Муад Диба.

— Она способна парализовать тебя и...

— Я так понимаю, ей запретили насилие.

— Что есть насилие, Данкан?

— Я иду в душ, башар. Ты идешь?

— Через несколько минут, — Тег сделал глубокий вдох, ощущив как близок он к истощению. Этот день в гимнастическом зале и все последующее, выжало его, как тряпку. Он смотрел, как уходит Данкан. Где же Лусилла? Что она планирует? Как долго сможет она ждать? Вот главный вопрос, еще более усиленный их отрезанностью от времени.

И опять он ощутил эти приливы и отливы, влиявшие на три их жизни.

«Я должен поговорить с Лусиллой! Куда она пошла? В библиотеку? Нет! Но прежде я должен еще кое-что сделать».

Лусилла была в комнате, которую она выбрала под свои личные покои: небольшое помещение с резной кроватью, занимавшей нишу в одной из стен, пастельно-голубые тона с более темными оттенками синего. Непристойные, с грубыми намеками, узоры вокруг нее говорили о том, что это была комната любимой гетеры Харконненов. Она легла на кровать и закрыла глаза, чтобы не видеть сексуально непристойные фигуры на потолке алькова.

«С Тегом надо будет разобраться».

Это надо будет сделать так, чтобы не оскорбить Таразу и не ослабить гхолу. Тег — трудная проблема, особенно его способность мыслить категориями, почти такими же, какими пользуются Бене Джессерит. «Преподобная Мать, родившая его, разумеется!?

Что-то передалось от такой матери такому ребенку. Это началось в утробе и, вероятно, не кончилось даже тогда, когда они окончательно разделились. Он никогда не подвергался этой всепожирающей трансмутации, производящей богомерзости... Нет, не то. Но он обладал тонкими и истинными силами. Рожденные от Преподобных Матерей, заучивают вещи, невозможные для других.

Тег отлично знал, как Лусилла смотрит на любовь во всех ее проявлениях. Она заметила это однажды на его лице в апартаментах Оплота. «Расчетливая ведьма!?

Он с не меньшим успехом мог бы произнести это вслух.

Она припомнила, как наградила его благосклонной, с выражением превосходства, усмешкой. Это было ошибкой, унижавшей их обоих. Она ощутила в таких мыслях зародыш симпатии к Тегу. Где-то внутри ее брони были трещинки, несмотря на всю тщательную подготовку Бене Джессерит. Учителя не раз предупреждали ее об этом.

— Для того, чтобы внушить настоящую любовь, ты тоже должна ее ощущать, но только временно. И одного раза вполне достаточно!

Отношение Тега к гхоле Данкану Айдахо было очень красноречиво. Тега и притягивал, и отталкивал его юный воспитанник. «Как и меня».

Может быть, было ошибкой не соблазнить Тега.

Во время сексуального обучения Лусиллы, учителя делали упор на исторические сопоставления, анализируя Иные Памяти Преподобных Матерей, позволявшие черпать из полового сношения новые силы, не теряясь и не расслабляясь в Нем. Лусилла сконцентрировала свои мысли на мужском в Теге, ощущив при этом отклик ее женского «я», ее плоть пожелала, чтобы Тег был рядом с ней, доведенный до сексуального пика — готовый для момента тайны.

Легкая шаловливость пробудилась в сознании Лусиллы. Не оргазм. Не научные ярлыки! Это был чистейшей воды жаргон Бене Джессерит — «момент тайны» — высшая специализация Геноносительницы. Погружение в длинную непрерывность Бене Джессерит требовало этой концепции. Лусилла была выучена глубоко верить в одновременность действия научных знаний, под руководством Разрешающих Скращивание и «момента тайны», превосходящего любое знание. История и наука Бене Джессерит гласили о неизменном присутствии инстинкта продления рода в психике. Лишение биологического рода этого инстинкта грозит его гибелью.

«Сеть безопасности».

Лусилла собирала сейчас свои сексуальные силы так, как может делать только Геноносительница Бене Джессерит. Она сфокусировала свои мысли на Данкане. Сейчас он пойдет под душ и будет думать о вечерней тренировке со своей учительницей, Преподобной Матерью.

«Я скоро пойду к моему ученику, — подумала она. — Важный урок должен быть им выучен, или он

не будет полностью подготовлен для Ракиса».

Таковы были инструкции Таразы.

Лусилла полностью сосредоточила свои мысли на Данкане. Она уже почти видела стоящим его обнаженным под душем.

Как же мало он понимает, чему он может научиться!

Данкан одиноко сидел в раздевалке рядом с душевыми, примыкавшими к гимнастическому залу. Он был погружен в глубокую печаль, вновь переживая памятную боль тех старых ран, которую никогда не ведала его нынешняя молодая плоть.

Кое-что никогда не меняется! Орден снова играет в свои старые-престарые игры.

Он оглядел это место Харконненов, отдала иное темными панелями. Арабески, вырезанные в стенах и на потолке, странные узоры мозаики пола. Чудовища и восхитительные человеческие тела, переплетенные вдоль одних и тех же определяющих линий, которые невозможно отделить взглядом, не приглядевшись.

Данкан поглядел на свое тело, изготовленное для него тлейлаксанцами с их аскольтными чанами. Он до сих пор по временам чувствовал себя странно. В смертный миг своей исходной жизни, который он так хорошо помнил — он сражался с полчищами сардукаров, предоставляя своему юному герцогу шанс спастись — он был зрелым человеком, давно возмужавшим во множестве испытаний.

Его герцог! Пол был тогда не старше, чем эта плоть Данканы. Воспитанный, впрочем, так, как всегда были воспитаны Атридесы: верность и честь — превыше всего остального.

?После спасения от Харконненов, они и меня воспитали таким».

Что-то внутреннее не позволяло ему отклониться от этого древнего долга. Он знал источник этого, знал, каким образом это было в него заложено.

И это оставалось.

Данкан поглядел на кафельный пол. Слова были выложены в кафеле вдоль бортика, ограждавшего коробочку душа. И это была надпись, в которой одна часть его «я» узнавала древность со времен старых Харконненов, а другая часть видела надпись на слишком хорошо знакомом галахе.

МОЙСЯ ВСЛАТЬ, МОЙСЯ ДО БЛЕСКА, МОЙСЯ ДОЧИСТА, МОЙСЯ.

Древняя надпись повторялась по всему периметру помещения, словно эти слова могли сами по себе изменить что-то в Харконненах, которых Данкан вспомнил.

Над дверью в душ еще одна надпись:

ИСПОВЕДАЙ СВОЕ СЕРДЦЕ И ОБРЕТИ ЧИСТОТУ.

Религиозные уверования в крепости Харконненов? Изменились ли Харконнены за столетия, прошедшие после его смерти? Данкану трудно было в это поверить. Эти слова были тем, что, вероятно, строители просто нашли подходящим.

Он скорее ощущал, чем услышал Лусиллу, входившую в комнату позади него. Данкан встал и застегнул застежки своей туники, которую подобрал себе в нуллентропных ларях (Но только после того, как спорол все харконненовские знаки отличия!).

Не оборачиваясь, он сказал:

— Ну, что еще, Лусилла?

Она погладила ткань туники вдоль его левой руки.

— У Харконненов были богатые вкусы.

Данкан спокойно проговорил:

— Лусилла, если ты еще раз коснешься меня без моего разрешения, я постараюсь убить тебя. Я так сильно постараюсь, что тебе, очень вероятно, придется убить меня. Она отпрянула. Он поглядел ей в глаза.

— Я не какой-нибудь чертов племенной жеребец!

— По-твоему, именно этого мы от тебя хотим?

— Никто мне до сих пор так и не сказал, чего же вы от меня хотите, но твои действия очевидны!

Он покачался на пальцах ног. Что-то непробужденное внутри него шевельнулось, и заставило его пульс участься.

Лусилла внимательно его разглядывала. «Проклятие Майлзу Тегу!» Она не ожидала, что сопротивление примет такую форму. Не было сомнения в искренности Данканна. Словами тут ничего не добиться, и он не уязвим для Голоса.

ПРАВДА.

Это была единственная возможность, оставшаяся у нее.

— Данкан, я не знаю в точности, что Тараза ожидает от тебя на Ракисе. Я могу предположить, но моя догадка может оказаться неправильной.

— Предположи тогда.

— На Ракисе есть юная девушка, едва перевалившая за десять лет. Ее зовут Шиэна. Ей подчиняются черви Ракиса. Каким-то образом Орден должен заполучить ее талант в свое собственное хранилище способностей.

— Да, что я только могу...

— Если бы я знала, я бы наверняка это сейчас тебе сказала.

Он расслышал ее искренность под неприкрытым отчаянностью.

— А что ее талант может иметь общего с этим? — осведомился он.

— Это знает только Тараза и ее советницы.

— Они хотят создать что-то удерживающее меня, иго-то, от чего я не смогу убежать!

Лусилла уже пришла к такому же заключению, но не ожидала, что и он так быстро это разглядит. Юношеское лицо Данканна скрывало ум, который работал по путям, неведомым ей. Мысли Лусиллы быстро понеслись в ее уме.

— Контролируй червей, и ты сможешь оживить старую религию, — это был голос Тега от двери, позади Лусиллы.

«Я не слышала, как он появился!?

Она повернулась всем телом. Тег стоял там с одним из древних лазерных пистолетов Харконненов, небрежно держа его пристроенным на левой руке, сопло пистолета наведено на нее.

— Это гарантия того, что ты будешь меня слушать, — сказал он.

— Как долго ты уже слушаешь здесь?

Его гневный взгляд не изменился.

— С того момента, как ты призналась, что не знаешь, чего Тараза ожидает от Данканна, — сказал Тег. — Не знаю и я. Но я могу сделать несколько предположений ментата — ничего определенного, но весьма возможное. Скажи мне, если я не прав. — О чем?

Он взглянул на Данканна.

— Одно из того, что тебе было ведено сделать с ним — это сделать его неотразимым для большинства женщин.

Лусилла постаралась скрыть свое глубокое разочарование. Тараза предостерегала ее, чтобы она скрывала это от Тега возможно дольше, теперь скрывать это стало бесполезно. Тег прочитал ее поведение с помощью своих чертовых способностей, заложенных в него его чертовой матерью!

— Накапливается большое количество энергии, нацеленной на Ракис, сказал Тег. Он прямо поглядел на Данканна. — Неважно, что тлейлаксанцы в него заложили, он несет отпечаток древнего человечества в своих генах. Это то, в чем нуждаются Разрешающие Скрепление?

— Чертов племенной жеребец Бене Джессерит! — сказал Данкан.

— Что ты собираешься делать с этим оружием? — спросила Лусилла. Она кивнула на древний лазерный пистолет в руках Тега.

— С этим? Я даже не вставил в него зарядную обойму, — он опустил лазерный пистолет и отложил его в угол, рядом с собой.

— Майлз Тег, ты будешь наказан! — проскрежетала Лусилла.

— С этим придется подождать, — сказал он. — Снаружи почти ночь. Я был на поверхности под прикрытием жизнеутаивающего поля. Бурзмали здесь побывал. Он оставил мне знак, что прочел мое послание, которое я оставил ему под видом следов животных на стволах деревьев. В глазах Данканя появились искры бодрости.

— Что ты будешь делать? — спросила Лусилла.

— Я оставил новые отметины, назначающие свидание. А сейчас, мы все отправимся в библиотеку. Мы как следует изучим карты. Мы запечатлим их в нашей памяти. По крайней мере, нам хоть следует знать, где будем находиться, когда побежим.

Она соблаговолила коротко кивнуть.

Данкан наблюдал за ее движением лишь одной частью своего сознания. Его ум уже переметнулся на древнюю экипировку в библиотеке Харконненов. Он — тот самый, кто способен показать Лусилле и Тегу как правильно пользоваться ей, как вызывать древние карты Гиди Прайм, датированные тем временем, когда строился этот не-глоуб.

С исходной памятью Данканя как путеводителем, и своими собственными современными знаниями об этой планете, Тег постарался привести карту в современный вид.

«Станция лесной охраны» стала «Оплотом Бене Джессерит».

— Сперва это была часть харконненовских охотничьих угодий, — сказал Данкан. — Они охотились на человека, как на дичь, которую выращивали и готовили специально для этой цели.

Под осовременивающей рукой Тега исчезли города. Некоторые города оставались, но они сменили названия. Ясай, самый близкий из больших городов, на древней карте был обозначен прежним названием Барони.

У Данканя от воспоминаний взгляд стал жестким.

— Вот там они меня и пытали.

Припомнив о планете все возможное, Тег отметил на карте неизвестное, и, символическими обозначениями Бене Джессерит, места, где, по уверению людей Таразы, они могли бы найти временное убежище.

Эти самые места Тег и хотел доверить только памяти.

Еще уводя их в библиотеку, Тег сказал:

— Я сотру карту, когда мы ее заучим. Неизвестно, кто может найти это место и изучить ее.

Лусилла рванулась мимо него.

— Это на твоей ответственности, Майлз! — заявила она.

Тег проговорил в ее удалявшуюся спину:

— Ментат говорит тебе, что я сделал все, что от меня требовалось.

Она проговорила, не оборачиваясь:

— До чего же логично!

Глава 30

В этом зале воспроизводится кусочек пустыни Дюны. Песчаный краулер, прямо перед вами, датируется временами Атридесов. Вокруг него, по часовой стрелке налево от вас, небольшой харвестер, карриялл, примитивная фабрика спайса и другое оборудование обеспечения Все объяснено на каждой стадии. Обратите внимание на светящуюся над экспонатами цитату: «Поскольку высосут они изобилие морей и сокровище песка». Эта древняя религиозная цитата часто повторялась знаменитым Гурни Хэллеком.

Экскурсовод в Музее Дар-эс-балата

Червь не замедлял своего неустанного движения вплоть до самых сумерек. К тому времени Одраде перебрала в уме все свои вопросы и до сих пор не имела на них ответов. Как же Шиэна контролирует червей? Шиэна говорила, что не направляла своего Шайтана в этом направлении. Каков же этот потайной язык, на который откликается чудовище пустыни? Одраде знала, что ее Сестры-охранницы в топтерах, следовавшие за ними, будут до одури задаваться теми же самыми вопросами и плюс еще одним: почему Одраде позволяет продолжаться этой езде?

Они могут даже предложить наугад несколько ответов: «Она не призывает нас спуститься, потому что мы можем потревожить зверя. Она не доверяет нам забрать своих спутников с его спины».

Правда была намного проще — любопытство.

Шипящее движение червя казалось вздывающимся судном, пересекавшим моря. Сухие кремниевые запахи перегретого песка, доносившиеся до них попутным ветерком, говорили об обратном. Только открытая пустыня простиралась сейчас вокруг них. Как на китовой спине, километр за километром, они поглощали расстояние, перебираясь с дюны на дюну, чередовавшихся в пространстве с правильностью океанских волн.

Вафф уже долгое время безмолвствовал. Он скорчился, воспроизведя в миниатюре позу Одраде, его взгляд был устремлен вперед, с безразличным выражением на лице. Последним его заявлением было такое:

— Бог охраняет верных в час испытания!

Одраде воспринимала его, как живое доказательство возможности сохранения на целые века достаточно сильного фанатизма. Дзенсунни и прежние суфи сохранились в тлейлаксанцах. Это было как смертоносный микроб, который тысячелетия пробыл в спячке, дожидаясь подходящего хозяина, чтобы начать развиваться.

«Что произойдет с тем, что я посеяла в ракианском жречестве? задумалась она. — То, что появится святая Шиэна, это наверняка».

Шиэна сидела на кольце своего Шайтана, ее одеяние разевалось, обнажая худые голени. Она обеими руками вцепилась в кольцо между своих ног. Она рассказывала, что первый червь довез ее прямо до города Кина. Почему туда? Без ли червь ее просто к ее собственному роду?

Тот червь, что нес их сейчас, определенно имел другую цель. Шиэна не стала задавать вопросов, когда Одраде велела ей погрузиться в молчание и практиковаться в тихом трансе. Это, по крайней мере, обеспечит возможность легко извлечь из ее памяти каждую подробность их испытания. Если существует скрытый язык между Шиэной и червями, это выяснится позже. Одраде поглядела на горизонт. Основа древней стены, окружавшей Сарьеру виднелась в нескольких километрах впереди. Длинные тени от нее ложились на дюны, говоря Одаре, что остатки стены выше, чем она думала сначала. Это была разбитая и изломанная линия с огромными валунами, раскатившимися вокруг нее. Место, где Тиран сорвался с моста в реку Айдахо, лежало от них сильно справа, по меньшей мере в трех километрах от направления их движения. Никакой реки там теперь не было.

Рядом с ней пошевелился Вафф.

— Я внимлю призыву Твоему, Господи, — сказал он. — Это Вафф Энтийский, тот, кто молится в Твоем святом месте.

Одраде перевела на него взгляд, не поворачивая головы. ЭНТИЙСКИЙ? Ее иные памяти знали Энтио, вождя племени в Великом странствии Дзенсунни задолго до Дюны. Был ли он тем самым? Какие древние воспоминания сохранялись живыми у этих тлейлаксанцев?

Шиэна нарушила молчание:

— Шайтан замедляет ход.

Остатки древней стены загораживали их путь. Она возвышалась, по меньшей мере, на пятьдесят

метров над самыми высокими дюнами. Червь слегка повернулся вправо и двинулся между двумя огромными валунами, возвышавшимися над ними. Затем он остановился. Его длинная рубчатая спина лежала параллельно к сохранившемуся в неприкосновенности основанию стены.

Шиэна встала и поглядела на препятствие.

— Что это за место? — спросил Вафф. Он возвысил голос, чтобы перекрыть звук топтеров, круживших над их головами.

Одраде ослабила свою утомительно жесткую хватку за червя и размяла пальцы. Она продолжала стоять на коленях, оглядывая то, что их окружало. Тени от раскатившихся валунов отбрасывали жесткие линии на песчаные насыпи и на скалы поменьше. Поглядев вверх, не больше чем на двадцать метров вперед, она увидела обнажившиеся в стене трещинки и выемки, темные отверстия в древнем основании.

Вафф встал и помассировал свои руки.

— Почему мы сюда завезены? — спросил он слегка жалобным голосом.

Червь дернулся.

— Шайтан хочет, чтобы мы слезли, — сказала Шиэна.

«Откуда она знает?» — подивилась Одраде. Движение червя было недостаточным, чтобы кто-нибудь из них хотя бы слегка потерял равновесие.

Это мог быть его какой-то личный рефлекс после долгого путешествия.

Но Шиэна посмотрела на основание древней стены, присела на изгиб червя и соскользнула. Она комочком спрыгнула на мягкий песок.

Одраде и Вафф двинулись вперед и с восхищением наблюдали, как Шиэна тяжело пробирается по песку к передней части чудовища. Там Шиэна положила обе руки на ляжки и лицом к лицу оказалась с распахнутой пастью. Спрятанные языки пламени отбрасывали оранжевый свет на ее юное лицо.

— Шайтан, зачем мы здесь? — вопросила Шиэна.

Червь опять содрогнулся.

— Он хочет, чтобы слезли все, — окликнула Шиэна.

Вафф поглядел на Одраде.

— Если Господь хочет, чтобы ты умер, Он направляет твои шаги к месту твоей смерти.

Одраде ответила ему цитатой из древнего жаргона шариата:

— Повинуйся посланцу Господню во всем.

Вафф вздохнул. На лице его ясно читались сомнения. Но он повернулся и первым соскользнул с червя, спрыгнув прямо перед Одраде. Они последовали примеру Шиэнны, подошли к пасти создания. Все чувства Одраде были напряжены, взгляд устремлен на Шиэну.

Перед распахнутой пастью было намного жарче. Знакомый привкус меланжа наполнял воздух вокруг них.

— Мы здесь. Господи, — сказал Вафф.

Одраде, начавшая все больше уставать от его религиозного благоговения, окинула взглядом вокруг — разбитые скалы, обветренный барьер, поднимавшийся в сумеречное небо, песок, уходивший от искореженных временем камней и медленные опаляющие «пыф-пыф» внутреннего пламени червя. «Ну, где это мы? — подивилась Одраде. — Что особенное связано с этим местом, что червь доставил нас именно сюда??

Четыре топтеров сопровождения пролетели в линию над их головами. Звук их крыльев и шипение реактивных двигателей на мгновение заглушили внутреннее рокотание червя.

«Не призвать ли мне их вниз? — подумала Одраде. — Понадобится только сигнал рукой». Вместо этого она подняла две руки, подавая знак, чтобы наблюдатели оставались наверху.

По песку теперь струился вечерний холод. Одраде содрогнулась и настроила свой организм на

новые требования. Она была уверена, что червь не поглотит их, пока рядом с ними Шиэна.

Шиэна повернулась спиной к черви.

— Он хочет, чтобы мы остались здесь, — сказала она.

Словно ее слова были командой, червь отвернулся от них голову и скользнул через узкие и длинные разбросы гигантских валунов. Они услышали, как он набирает скорость, уходя в пустыню.

Одраде повернулась лицом к основанию древней стены.

Скоро на них опустится тьма, но высокий сумеречный свет еще достаточно долго будет царить в пустыне, чтобы они успели найти какое-нибудь объяснение, почему червь доставил их именно сюда. Высокая расщелина в скале справа от них казалась таким же хорошим местом для расследования, как и любое другое место. Продолжая частью сознания прислушиваться к Ваффу, Одраде взбралась по песчаному склону к темному отверстию. Шиэна двигалась рядом с ней.

— Почему мы здесь. Мать?

Одраде покачала головой. Она слышала, как за ними следует Вафф. Расщелина перед ней оказалась глубоким отверстием, уводившим в темноту. Одраде остановилась и поддержала Шиэну рядом с собой. Она прикинула, что отверстие приблизительно метр в ширину и раза в четыре больше в высоту. Стороны скалы были странно гладкими, словно отполированные человеческими руками. Песок струился в отверстие. Свет заходящего солнца отражался на песке, погружая часть отверстия в поток золота.

Позади них раздался голос Ваффа:

— Что это за место?

— Здесь много старых пещер, — сказала Шиэна. — Свободные прятали в пещерах свой спайс, — она глубоко вдохнула носом. — Ты чувствуешь его запах. Мать?

Да, здесь чувствовался отдаленный запах меланжа, согласилась Одраде. Вафф двинулся мимо Одраде и вошел в расщелину. Он повернулся там, чтобы поглядеть на стены, которые сходились над ним под острым углом. Стоя лицом к Одраде и Шиэне, он подался глубже, глядя на стены. Одраде и Шиэна шагнули ближе к нему. С резким свистом осыпался песок и Вафф исчез из виду. В то же мгновение песок всюду вокруг Одраде и Шиэны заструился по направлению к расщелине, волоча их обеих за собой. Одраде схватила руку Шиэны.

— Мать! — вскрикнула Шиэна.

Звук отразился от невидимых скальных стен, пока они скользили подлинному наклону насыпи в тьму. Песок снес их и остановился мягким толчком. Одраде, по колено в песке, вылезла сама и вытащила Шиэну на твердую поверхность.

Шиэна собиралась заговорить, но Одраде сказала:

— Тес! Слушай!

Слева от них слышалось какое-то царапанье и шевеление.

— Вафф?

— Я в песке по пояс, — в его голосе был ужас.

Одраде сухо заговорила.

— Это Господь захотел так. Аккуратней себя вытаскивай. Похоже, под нашими ногами скала. Поспокойней теперь! Нам не нужно еще одного обвала. По мере того, как глаза ее привыкали к темноте, Одраде вглядывалась в песчаный склон, по которому они скользнули. Отверстие, в которое они вошли, казалось далекой щелью темного золота высоко над ними.

— Мать, — прошептала Шиэна. — Я боюсь.

— Проговори литанию против страха, — приказала Одраде. — И будь спокойней. Наши друзья знают, что мы здесь. Они помогут нам выбраться наружу.

— Господь привел нас в это место, — проговорил Вафф.

Одраде ему не ответила. В тишине она подобрала губы и пронзительно присвистнула, прислушиваясь к отдавшемуся звуку. Эхо раскатилось по большому пространству и невысокому

препятствию перед ними. Она повернулась спиной к узкой расщелине и еще раз присвистнула.

Низенький барьерчик был приблизительно в ста метрах от них.

Одраде высвободила руку из руки Шиэны.

— Стой прямо здесь, пожалуйста. Вафф?

— Я слышу топтеры, — сказал он.

— Мы тоже их слышим, — сказала Одраде. — Они приземляются. Скоро к нам придут на помощь. Тем временем, пожалуйста, стойте, где стоите, и молчите. Мне нужна тишина.

Посвистывая и прислушиваясь к эху, осторожно делая каждый шаг, Одраде стала пробираться все глубже во тьму. Ее вытянутая рука встретила грубую поверхность камня. Она обшарила ее. Только по пояс. Выше она ничего не обнаружила.

Отдававшееся эхо ее свистков указывало, что за этим барьерчиком находится пространство поменьше, частично закрытое.

Высоко сверху позади нее прозвучал голос.

— Преподобная Мать! Вы здесь?

Одраде обернулась, сложила рупором руки у рта и крикнула в ответ:

— Держитесь там! Мы соскользнули в глубокую пещеру. Принесите свет и длинную веревку.

Крохотная темная фигурка отошла от отверстия в отдалении. Свет над ними стал тускнеть. Одраде поднесла сложенные ладони ко рту и заговорила во тьму.

— Шиэна? Вафф? Подойдите ко мне на десять шагов и останьтесь там.

— Где мы. Мать? — спросила Шиэна.

— Терпение, дитя.

От Ваффа донеслось тихое бормотание. Одраде узнала древние слова исламиата. Вафф молился, отбросив все попытки скрыть свое происхождение. Вот и хорошо. «Она-то уж владеет искусством скармливания верующим Зашитной Миссионерии».

Это место, куда их доставил червь, возбуждало интерес Одраде. Нашупывая одной рукой дорогу вдоль каменного барьера, она двинулась влево, исследуя его. Вершина барьера была местами совершенно гладкой. Она уходила вглубь, прочь от нее. Иные Памяти предложили ей внезапную проекцию. Водосборник!

Это был резервуар Свободных для сбора воды. Одраде глубоко вдохнула, пробуя носом воздух на влажность. Воздух был кремниево сух.

Рассеивая тьму, из отверстия удариł резкий свет. Донесся голос, Одраде узнала одну из своих Сестер:

— Мы вас видим!

Одраде сделала шаг от низкого барьерчика и обернулась, оглядывая все вокруг. Вафф и Шиэна стояли приблизительно в шестидесяти метрах от нее, внимательно приглядываясь к тому, что их окружало. Пещера представляла собой грубую окружность приблизительно двух сотен метров в диаметре. Каменный купол возвышался высоко над их головами. Она осмотрела низкий барьерчик перед ней: да, водосборник Свободных. Она разглядела небольшой скалистый островок в его центре, где обычно наготове содержали пойманного песчаного червя перед тем, как бросить его в воду. Иные Памяти воспроизвели перед ней судороги той мучительной смерти, что производила спайсовый яд для оргий Свободных.

Низкая арка окаймляла темное пространство на дальней стороне водосборника. Ей был виден водосток, через который из ветроловушки поступала вода. Там должны быть и еще водосборники, целый комплекс, предназначенный хранить богатство влаги для древнего племени. Теперь она знала название этого места.

— Съетч Табр, — прошептала Одраде.

При этих словах на нее нахлынуло целый поток полезных воспоминаний. Это было место Стилгара во времена Муад Диба.

«Почему червь привез нас в съетч Табр??

Червь привез Шиэну в город Кин. Чтобы люди о ней узнали? Значит, и сюда он их привез, чтобы они что-то узнали? Нет ли людей внутри этой тьмы? Одраде не могла уловить никаких признаков жизни в том направлении.

Ее мысли перебила Сестра, стоявшая над отверстием.

— Нам пришлось послать за веревкой в Дар-эс-Балат! Люди из музея говорят, что это, вероятно, съетч Табр! Они думали, что он разрушен!

— Спустите мне светильник, чтобы я могла осмотреться, — окликнула Одраде.

— Жрецы просят, чтобы мы оставили его нетронутым!

— Спустите мне светильник! — настойчиво повторила Одраде.

Вскоре темный предмет шлепнулся на песчаный склон небольшого песчаного оползня. Одраде послала Шиэну нашарить его. Прикосновение к кнопке — и яркий луч пронзил темный арочный проход позади водосборника. «Да, там еще водосборники». Рядом с этим водосборником узкая лестница, прорубленная в скале. Ступеньки вели вверх, поворачиваясь и уходя из поля зрения.

Одраде наклонилась и прошептала на ухо Шиэне:

— Внимательно наблюдай за Ваффом. Если он направится за нами, окликни.

— Да, Мать. Куда мы идем?

— Я должна взглянуть на это место. Я одна из тех, кто завезен сюда явно с какой-то целью, — она возвысила голос и обратилась к Ваффу. — Вафф, пожалуйста, жди здесь веревку.

— О чем это вы только что шептались? — требовательно осведомился он. — Почему я должен ждать? Что вы делаете?

— Я помолилась, — сказала Одраде. — Теперь я должна продолжить это паломничество одна.

— Почему одна?

И она ответила ему на старом языке исламиата:

— Так сказано в Писании.

ЭТО ЕГО ОСТАНОВИЛО!

Одраде быстрым шагом направилась к каменной лестнице.

Шиэна, неторопливо шедшая рядом с Одраде, проговорила:

— Мы должны рассказать людям об этом месте. Пещеры старых Свободных безопасны от Шайтана.

— Спокойней, дитя, — сказала Одраде. Она направила луч света на лестницу. Лестница, прорубленная в скале, уходила под резким углом вверх и направо. Одраде заколебалась. Чувство опасности, предупреждавшее ее с самого начала этого приключения, вернулось, еще усилившись. Оно стало почти осязаемым.

ЧТО ЖЕ ТАМ ЕСТЬ?

— Жди здесь, Шиэна, — сказала Одраде. — Не позволяй Ваффу следовать за мной.

— Как я могу его остановить? — Шиэна боязливо оглянулась туда, где стоял Вафф.

— Скажи ему, что такова Господня воля, чтобы он оставался на месте. Скажи ему это так... — Одраде наклонилась вплотную к Шиэне и повторила эти слова на древнем языке Ваффа, затем добавила. — Больше ничего не говори. Стой на его пути и повторяй это, если он попытается пройти мимо тебя. Шиэна тихо повторила новые слова. Одраде увидела, что она их уже запомнила наизусть. Эта девочка все схватывала на лету.

— Он тебя боится, — сказала Одраде. — Он не попробует причинить тебе вред.

— Да, Мать, — Шиэна повернулась, скрестила руки на груди и поглядела на Ваффа.

Направив луч света вперед, Одраде двинулась по каменной лестнице. «Съетч Табр? Какой сюрприз Ты оставил нам здесь??

Длинный узкий коридор после лестницы. Одраде встретила первые мумифицированные пустыней тела. Их было пятеро: два мужчины и три женщины без опознавательных знаков или одежды на них. Раздены до нага и оставлены на сохранение иссушающего воздуха пустыни. Полное обезвоживание туго натянуло кожу и плоть на их костях. Тела были уложены в ряд, их ноги протягивались через проход. Одраде пришлось перешагивать через каждое из этих кошмарных препятствий.

Она наводила свой ручной фонарик на каждое тело, проходя мимо них. Они были заколоты почти одним и тем же способом: рассекающее лезвие пронзило их снизу вверх, как раз под грудной клеткой.

«Ритуальное убийство??

Усохшая плоть скрыла следы ран, оставив свидетельством от них только темные пятнышки. Эти тела были не из времен Свободных, поняла Одраде. Для водосборников смерти Свободные тела сжигали, чтобы высвободить всю воду. Одраде пошарила светом впереди и замедлила ход, чтобы осмыслить свое положение. Увиденные тела усилили ощущение опасности. «Мне бы следовало бы захватить с собой оружие. Но это возбудило бы подозрения Баффа».

Нельзя закрывать глаза на настойчивость ее внутреннего предупреждения. Эти остатки съетча Табр опасны.

Луч света открыл перед ней еще одну лестницу и в конце ее — зал. Одраде осторожно двинулась вперед. На первой ступеньке она опять пошарила впереди лучом света. Невысокие ступеньки. Всего лишь небольшая дорога вверх, еще одна скала — и более широкое пространство там. Одраде повернулась и провела светом по всему помещению. Осколки и отметины гари испещряли стены. И опять она поглядела на лестницу.

«Что же там есть??

Ощущение опасности сгущалось до предела.

Очень медленными шажками, постоянно останавливаясь, Одраде стала подниматься по лесенке. Она вошла в коридор побольше, прорубленный в цельной скале. Ее встретили еще тела, брошенные в беспорядке в последние моменты их жизни. И опять она увидела только мумифицировавшуюся плоть, с которой содраны все одежды. Они валялись по всему широкому проходу двадцать тел. Одраде, петляя, прошла среди трупов. Некоторые из них были заколоты точно так же, как и пятеро на нижнем этаже. Другие были зарублены ножом или топором или сожжены лучами лазерных пистолетов. Один был обезглавлен, и обтянутый кожей череп валялся у стены в проходе, как мяч, выброшенный из какой-то жуткой игры.

Этот новый проход вел прямо мимо отверстий в помещения поменьше, расположенные по обеим сторонам. Одраде не увидела ничего ценного в небольших помещениях, куда направляла испытующий свет своего фонарика: немного развеянных волокон спайсового волокна, небольшие брызги расплавленной скалы — плавленые пузырьки то и дело на полу, на стенах, на потолке.

«Какое же кровавое побоище здесь произошло??

На полах были заметны пятна, о многом свидетельствующие. Пролитая кровь? В одном месте валялась в углу небольшая горстка коричневых тряпок. Обрывки изодранной материи, разбросанные под ногами Одраде.

И была пыль. Повсюду. Ее ноги вздымали клубы пыли на каждом шагу. Проход заканчивался аркой, выводившей на обширный уступ. Она направила свет за уступ: огромное помещение, намного больше, чем то, что внизу. Его вырубленный потолок был так высок, что должен был подниматься до самого верха основных скальных пород под Великой Стеной. Широкие и высокие ступени вели с выступа в зал. Одраде нерешительно стала спускаться. Она обшаривала лучом света все вокруг. Из этого огромного помещения вели другие проходы. Некоторые, она увидела, завалены камнями, громадные глыбы рассыпаны на выступе и на полу.

Одраде понюхала воздух. В нем была пыль, которую будоражили ее ноги, но кроме этого чувствовался отчетливый запах меланжа. Этот запах переплелся с ее ощущением опасности. Ей захотелось бежать и возвратиться назад, к остальным. Но опасность была путеводным маяком. Ей хотелось знать, куда манит ее этот огонек.

Однако, теперь она знала, где находилась. Это была большая палата собраний съетча Табр, место бесчисленных спайсовых оргий Свободных и Советов племени. Здесь главенствовал наиб Стилгар. Здесь бывал Гурни Хэллек. И леди Джессика. Пол Муад Диб. Чани, мать Ганимы. Здесь Муад Диб готовил своих бойцов. Здесь был настоящий Данкан Айдахо... И первый гхола Айдахо! «Почему мы завезены сюда? Опасно ли здесь??

Опасность была в воздухе, прямо здесь! Она чувствовала ее.

В этом месте Тиран спрятал запас спайса. Отчеты Бене Джессерит сообщали, что запас заполнял целую палату до самого потолка и занимал еще многие прилегавшие коридоры.

Одраде повернулась всем телом, следя взглядом за лучом света. Вон там выступ наибов. А вот здесь выступ поглубже» королевский, который принадлежал Муад Дибу.

«И вон там арка, через которую я вошла».

Она направила свет на пол, отмечая места, где рубили и сжигали скалу, выискивая легендарный запас спайса Тирана. Большинство этого меланжа забрали Рыбословши, потайное место было открыто гхолой Айдахо, супругом знаменитой Сиона. Летописи гласили, что потом были найдены и другие ниши, скрытые за ложными стенами и полами. Было много проверенных отчетов и доказательств Иных Памятей. Эти стены во Времена Голода видели жестокость отчаянных охотников за спайсом, пролагавших путь к этому месту. Этим могли объясняться мертвые тела. Многие сражались здесь за получение шанса обыскать съетч Табр.

Одраде была обучена следовать за ощущением опасности, и постаралась сейчас использовать это умение. Неужели флюиды совершенных здесь насилий цепляются к этому месту на протяжении всех этих тысячелетий? Не об этом было ее предчувствие. Оно предупреждало о чем-то близком. Левая нога Одраде наткнулась на неровность в полу. Свет выхватил темную линию впереди. Она ногой разметала пыль и обнаружила букву, а затем ей открылось целое слово, выжженное в каменном полу.

Одраде прочитала его сначала про себя, потом вслух.

— «Арафел».

Она знала это слово. Преподобная Мать времен Тирана впечатала это слово в сознание Бене Джессерит, проследив его корни до самых древних источников. «Арафел — облачная тьма при конце мира».

Одраде почувствовала предельное обострение ее интуиции. Все сосредоточилось на этом единственном слове.

— Святой суд Тирана, — вот как жрецы называют его. — Облачная тьма Святого Страшного Суда!

Она двинулась вдоль слова, вглядываясь в него, отметила изгиб на его конце, который складывался в небольшую стрелку. Она поглядела туда, куда указывала стрела. Кто-то еще видел эту стрелку и прорубил туда выступ. Одраде подошла к тому месту, где лазер охотника за спайсом оставил голую темную впадину плавленного камня на полу помещения. Потоки расплавленного камня разбегались паутинообразно от уступа, каждая нить тянулась от глубокой дыры, выжженной в камне выступа.

Наклонясь, Одраде внимательно изучила каждую дыру, освещая ее: ничего. Она ощутила, как поверх почти овладевшего ею страха нарастает возбуждение охотницы за сокровищами. Размеры богатства этого помещения некогда потрясали воображение. Когда времена были хуже всего, количество спайса, спокойно уносимое в руках, могло оказаться достаточным для покупки целой планеты. И Рыбословши разбазарили этот запас, растранижирили на склоки, нерасчетливые замыслы, на обыденные глупости, — на такую ерунду, которой нет места в анналах истории. Они были рады вступить в союз с икшианцами, когда Тлейлакс сокрушил их монополию на меланж.

?Нашли ли искатели весь запас? Тиран был невероятно умен». «АРАФЕЛ».

«В Конце мироздания».

Не оставил ли Он послания, чтобы его прочли спустя эпохи бенеджессеритки сегодняшнего дня?

Она опять провела лучом своего фонарика по всему помещению, затем посветила вверх.

Потолок над ее головой предстал почти идеальной полусферой. Он был задуман, она поняла, как модель ночного неба, как оно видно от входа в съетч Табр. Но еще во времена Льета Кайнза, первого здешнего планетолога, звезды, изображенные первоначально на этом потолке, сгинули, исчезая от небольших землетрясений, осыпаясь с потолка от каждого дневных мелких разрушающих воздействий времени.

У Одраде участлилось дыхание. Чувство опасности стало сильнее некуда. Опасный огонек маяка светился внутри нее! Она быстро направилась прямо к ступенькам, по которым спускалась на этот уровень. Остановившись там, она обратилась мысленно к Иным Памятям, чтобы воскресить картину во всей полноте прежнего вида. Иные Памятчи пришли медленно, с трудом пробираясь сквозь чувство обреченности, от которого у Одраде зашлось сердце. Направив луч фонарика вперед и

глядя в его направлении, Одраде спроектировала подсказки Иных Памятей, точно восстанавливая существовавший некогда узор звезд.

«Кусочки отраженного сверкания!?

Иные Памяти расставили по местам звезды в давно сгинувшем небе и прямо вон там! Серебряно-желтый полукруг ракианского солнца. Она знала, что это знак заката.

«День Свободных начинается ночью».

«Арафел!?

Держа луч фонаря на символе заката, она опять поднялась по ступеням и прошла по выступу вдоль всего помещения, точно к тому месту, которое показала ей проекция Иных Памятей.

Ничего не осталось от древней солнечной арки.

Там, где она прежде была, охотники за спайсом искромсали всю стену. Пузырьки расплавленного камня поблескивали там, где сжигающий луч прокладывал путь вдоль стены. Но в первоначальной скале не образовалось никаких трещин.

По тому, как у нее стиснуло грудь, Одраде поняла, что она подкрадывается к самому краешку опасного открытия. Ее внутренний маячок вел ее сюда!

«Арафел: на краю мироздания. Позади заходящего солнца!?

Она повела фонариком вправо и влево. Слева от нее открылся еще один проход. Камни, загромождавшие его прежде, лежали разбросанными на выступе. С громко колотящимся сердцем, Одраде прошла вперед и обнаружила небольшое помещение, завершившееся расплавленным камнем. Справа от себя, прямо позади того места, где был символ заката, она обнаружила небольшую палату, в которой стоял густой запах меланжа. Одраде вошла туда и увидела следы поисков, сожженные стены и потолок. Чувство опасности стало здесь подавляющим. Она начала повторять литанию против страха одними губами, водя фонариком по всему помещеньцу, которое было почти квадратным, около двух метров в каждую сторону. Потолок нависал над ее головой. Коричневый запах пульсировал в ноздрях. Она принюхалась и, прищурившись, увидела крохотные изменения цвета на полу рядом с порогом.

Еще одно свидетельство древних охотников за спайсом?

Низко наклонившись и держа свет фонарика сбоку под острым углом, она заметила сперва лишь тень чего-то почти скрытого из виду, прорезанного глубоко в скалу. Она встала на колени и отгребла пыль в сторону — очень тонкая и глубокая прорезь. Что бы это ни было, оно делалось для того, чтобы сохраниться. Последнее послание сгинувшей Преподобной Матери?

Известный прием Бене Джессерит. Она прижала чувствительные кончики пальцев к прорези и воспроизвела в уме все ее очертания.

Понимание резко ворвалось в ее сознание — одно лишь слово, начертанное на древней чакобсе: «здесь».

Это было не обычное «здесь», чтобы обозначить обыкновенное место, но многозначительное и выразительное «здесь», говорившее: «Вы меня нашли!» Яростно колотившееся сердце подтверждало это.

Одраде положила свой фонарик на пол у правого колена и стала изучать пальцами порог рядом с древним посланием. Каменная кладка на глаз была не нарушена, но ее пальцы определили крохотный разрыв в ней. Она нажала на этот разрывчик, повернулась, сменила несколько раз угол давления и опять повторила свою попытку.

Ничего.

Опять поднявшись на ноги, Одраде обдумала ситуацию.

«Здесь».

Предчувствие стало еще более острым. У Одраде просто дыхание от него перехватило.

Чуть подавшись назад, она опять посветила фонариком и вытянулась в полный рост на полу, чтобы пристально приглядеться к основанию порога. ЗДЕСЬ! Являлось ли это место инструментом, которое, как рычаг, приподнимало порог? Нет... Про инструмент ничего не сказано. От всего этого попахивало Тираном, а не Преподобной Матерью. Она попробовала оттолкнуть порог в сторону. Он не сдвинулся.

Ощущение напряжения и опасности усилилось разочарованием. Одраде встала и пнула порог, рядом с начертанным словом. И он сдвинулся! Что-то грубо заскрежетало по песку над ее головой.

Одраде увильнула в сторону, когда песок каскадом обрушился на пол перед ней. Глубокий рокочущий звук наполнил крохотное помещение. Камни затряслись у нее под ногами. Пол перед ней наклонился вниз и открыл проход в пространство под дверью и стеной.

И опять Одраде увлекло вперед, она заскользила вниз в неизвестное. Ее фонарик покатился вместе с ней, луч его света вращался и вращался. Она увидела перед собой горы темно красно-коричневого. Запах корицы заполнил ее ноздри.

Она упала рядом со своим фонариком на мягкую груду меланжа. До отверстия, через которое она сюда провалилась, ей теперь не достать — оно метрах в пяти над ее головой. Она схватила фонарик. Луч света выхватил широкие каменные ступени, прорезанные в скале рядом с отверстием. Что-то было написано на этом подъеме, но она видела только, что это выход наружу. Ее первая паника улеглась, но чувство опасности оставляло ее почти бездыханной, каждый вдох давался ей с трудом.

Она водила фонариком влево и вправо, освещая помещение, в которое провалилась — длинное, прямо под проходом, через который она прошла из огромного зала. И от одного конца до другого все заполнена меланжем! Одраде пошарила фонариком над головой и поняла, почему ни один охотник, простоявший пол коридора над ее головой, не обнаружил этого помещения. Перекрестные скальные связки уводили простояние вглубь каменных стен — никакого эха от пустоты, лишь звук основного камня возвращался к прослушивающему.

Одраде опять поглядела на меланж вокруг нее. Она понимала, что стоит на сокровище, громадном даже для нынешних дней, когда цена меланжа подорвана тлейлаксанскими чанами. Запас этого хранилища измеряется многими длинными тоннами.

«В этом ли опасность??

Чувство тревоги оставалось таким же острым. Запас меланжа Тирана — не то, чего ей следует страшиться. Триумвират сможет поделить этот запас поровну — на том и конец. Пожертвование в проект гхолы.

Нет, существовала другая опасность. От нее не отделаться!

И она опять посветила фонариком на груды меланжа. Ее внимание привлекла полоска стены над спайсом. Еще надписи! Еще одно послание, опять-таки на чакобсе, написанное резцом, тонкими струящимися линиями: «ПРЕПОДОБНАЯ МАТЬ ПРОЧТЕТ МОИ СЛОВА!?

У Одраде похолодело внутри. Она переместила луч фонарика направо, пробираясь сквозь горы меланжа ценой в империю. Там было добавление к этому посланию:

«Я ЗАВЕЩАЮ ТЕБЕ МОЙ СТРАХ И МОЕ ОДИНОЧЕСТВО. ТЕБЕ Я ДАЮ УВЕРЕННОСТЬ В ТОМ, ЧТО ТЕЛО И ДУША БЕНЕ ДЖЕССЕРИТ ВСТРЕТИТЬ ТУ ЖЕ СУДЬБУ, ЧТО И ВСЕ ДРУГИЕ ТЕЛА И ДУШИ».

Справа ее манил еще один параграф этого послания. Она пробралась сквозь заслоняющий меланж и остановилась, чтобы прочитать:

«ЧТО ЕСТЬ ВЫЖИВАНИЕ, ЕСЛИ ВЫ НЕ ВЫЖИВИТЕ В ЦЕЛЬНОСТИ? СПРОСИ ОБ ЭТОМ БЕНЕ ТЛЕЙЛАКС! ЧТО, ЕСЛИ ВЫ БОЛЬШЕ НЕ УСЛЫШИТЕ МУЗЫКИ ЖИЗНИ? ПАМЯТЕЙ НЕДОСТАТОЧНО, ЕСЛИ ТОЛЬКО ОНИ НЕ ПРИЗЫВАЮТ ВАС К БЛАГОРОДНОЙ ЦЕЛИ!?

Было продолжение надписи на узком конце палаты. Одраде пробралась туда сквозь меланж и опустилась на колени, чтобы читая:

«ПОЧЕМУ ВАШ ОРДЕН НЕ СТРОИТ ЗОЛОТУЮ ТРОПУ? ВЫ ЗНАЛИ НЕОБХОДИМОСТЬ ЭТОГО. ВАША НЕУДАЧА ОСУЖДАЕТ МЕНЯ, БОГА ИМПЕРАТОРА, НА ТЫСЯЧЕЛЕТИЯ ЛИЧНОГО ОТЧАЯНИЯ».

Слова «Бог Император» были написаны не на чакобсе, а на языке исламиата, где они имели второе значение, означавшее для любого владевшего этим языком: «Ваш Бог и Ваш Император, потому что вы меня таковым сделали».

Одраде мрачно улыбнулась. ВОТ ЭТО повергнет Ваффа в религиозный трепет! Чем выше он восходит, тем легче потрясти его безопасность.

Она не сомневалась ни в точности обвинений Тирана, ни в могуществе его предсказания, что Ордену может наступить конец. Чувство опасности безошибочно привело ее к этому месту. При этом сработало что-то еще. Черви Ракиса до сих пор двигались по древнему ритму Тирана. Он мог

дремать бесконечным сном, но чудовищная жизнь каждого червя несла жемчужинки его сознания точно так, как и предсказал некогда Тиран.

Что же это было, что он говорил Ордену в свое время? Она припомнила его слова:

«Когда меня не станет, они должны называть меня Шайтаном, Императором Геенны. Колесо должно вращаться и вращаться по Золотой Тропе».

Да, это то, что имела в виду Тараза. «НУ РАЗВЕ ТЫ НЕ ПОНИМАЕШЬ? ОБЫЧНЫЕ ЛЮДИ РАКИСА НАЗЫВАЮТ ЕГО ШАЙТАНОМ БОЛЕЕ ТЫСЯЧИ ЛЕТ!?

Значит Тараза это знала. Никогда в жизни не видя начертанных здесь знала.

«Я понимаю твой замысел, Тараза. Теперь я понимаю ношу страха, которую ты несешь все эти годы. Я ощущаю ее так же глубоко, как и ты».

И затем Одраде поняла, что эта тревога не покинет ее до тех пор, пока она сама будет жива, либо пока не развеется в прах Орден, либо пока не сгинет опасность.

Одраде подняла фонарик, встала на ноги и заковыляла через меланж к широким ступеням, выводящим ее из этого места. Подойдя к ступеням, она отпрянула. На каждой ступеньке тоже были высечены слова Тирана. Трепеща, она прочла их так, как они поднимались вверх к выходу.

«МОИ СЛОВА, ЭТО ВАШЕ ПРОШЛОЕ, МОИ ВОПРОСЫ ПРОСТЫ: С КЕМ ВЫ ОБЪЕДИНЯЕТЕСЬ? С ПОКЛОНЯЮЩИМИСЯ САМИМ СЕБЕ ТЛЕЙЛАКСАНЦАМИ? С БЮРОКРАТИЕЙ МОИХ РЫБОСЛОВШ? С БЛУЖДАЮЩИМ ПО КОСМОСУ СОЮЗОМ? С КРОВАВЫМИ ЖЕРТВОПРИНОШЕНИЯМИ ХАРКОННЕНОВ? С ЯМОЙ СОТВОРЕННОГО ВАМИ САМИМИ ДОГМАТИЗМА? КАК ВЫ ВСТРЕТИТЕ СВОЙ КОНЕЦ? НЕ БОЛЕЕ, ЧЕМ КАК ТАЙНОЕ ОБЩЕСТВО?? Одраде поднималась по этим вопросам, при подъеме перечитывая их во второй раз. БЛАГОРОДНАЯ ЦЕЛЬ? До чего же это всегда было хрупкой вещью. И как же легкоискажалось. Но вот она, сила, разлитая в непреходящей опасности. Она во всей полноте говорит со стен и со ступеней этого подземелья. Таразе это известно, без всяких сомнений. Значение слов Тирана ясно: «Присоединяйтесь ко мне!»? Когда она выбралась, найдя узкий выступ, по которому смогла пройти назад к выходу, Одраде оглянулась вниз, на обнаруженные ею сокровища. Она с удивлением покачала головой, думая о мудрости Таразы. Значит, вот как может кончиться Орден. Замысел Таразы ясен, все детали встали на свои места. Ничего определенного. Богатство и власть, все это в итоге приходит к одному и тому же концу. Благородный замысел начат и он должен быть завершен, даже если это означает смерть Ордена. «Какие же слабые инструменты мы выбрали!»? Девочка, ждущая там в подземелье глубоко под пустыней, девочка и гхола, подготовленный к Ракису. «Я говорю теперь на твоем языке, старый Червь. У этого языка нет слов, но я понимаю самую его суть».

Глава 31

Наши отцы ели манну в пустыне,
В пылающей местности, яростных вихрей.
Спаси нас, Господь, от кошмарной земли,
Спаси, о! — спаси нас
От этой сухой и безводной земли!

Песни Гурни Хэллека, Музей Дар-эс-Балата

Тег и Данкан, оба вооруженные до зубов, выбрались из неглоуба вместе с Лусиллой в самое холодное время ночи. Звезды были как кончики игл над головами, воздух абсолютно неподвижен, пока они его не потревожили. Преобладающим запахом в ноздрях Тега была колючая мускусность снега, запах проникал в каждый вдох, а когда они выдыхали, густые облака испарений окружали их лица.

На глазах Данкана выступили слезы холода. Он много думал о старом Гурни, когда они готовились выходить из неглоуба, о Гурни, с щекой, на которой был шрам от инквизиторского хлыста Харконненов. «Сейчас нужны были бы доверенные соратники», — подумал Данкан. Он не особенно доверял Лусилле, а Тег стар, стар. Данкан не видел, как глаза Тега поблескивают в лунном свете.

Перекинув тяжелый древний лазерный пистолет через левое плечо, Данкан поглубже засунул руки глубоко в карманы, чтобы согреть их. Он позабыл о том, как же холодно может быть на этой планете. Лусиллу холод как будто вообще не трогал — она явно согревалась изнутри по какой-то из методик Бене Джесссерит.

Поглядев на нее, Данкан осознал, что всегда не слишком доверял ведьмам, даже леди Джессиске. Легко было думать о них, как о ведьмах, не признававших никакой верности, кроме верности своему Ордену. У них вдосталь этаких чертовых тайных уловок! Лусилла, однако, отбросила свои замашки соблазнительницы. Она поняла, что у него слово не разойдется с делом. Он ощущал, как закипает ее гнев. «Ну и пусть покипит!?

Тег стоял совершенно неподвижно, взглядел, был сосредоточен и устремлен вперед, он прислушивался. Правильно ли было доверяться единственному плану, разработанному им и Бурзмали? У них не было пути к отступлению. Неужели они приступили к осуществлению этого дана всего лишь несколько дней назад? Ощущение было такое, что времени прошло больше, несмотря на то, что у них и секунды не было присесть, сложа руки. Он поглядел на Данкана и Лусиллу. Данкан нес тяжелый старый лазерный пистолет Харконненов — длинноствольную полевую модель. Даже запасные обоймы были тяжелы. Лусилла отказалась взять что-либо, кроме единственного крохотного лазерного пистолетика, спрятанного у нее за корсажем. Один лишь выстрел вот и все, на что был способен такой пистолетик, игрушка убийцы.

— Мы в Ордене известны тем, что идем в битву, полагаясь только на наше мастерство, как на оружие, — сказала она. — Нас унижает, если нам приходится отступать от этого.

Однако у нее в ножнах на ногах были ножи. Тег их видел. Наверняка отравленные, заподозрил он.

В руках Тег держал наперевес длинноствольное оружие — современный полевой лазерный пистолет, который прихватил из Оплота; через плечо висел такой же лазерный пистолет, как у Данкана.

«Я должен полагаться на Бурзмали — сказал себе Тег. — Я его подготовил, и знаю его способности. Если он говорит, что можно доверять этим новым союзникам, значит мы им доверяем».

Бурзмали был явно вне себя от радости, найдя своего старого командира живым и невредимым.

Со времени их последней встречи пошел снег; снег лежал вокруг них, чистая табличка, на которой будут четко отпечатываться все следы. Они не рассчитывали на снег. Нет ли предателей среди контроля погоды?

Тег поежился. Воздух был холодным. От него тянуло зябкостью внепланетного пространства, сквозь пустоту которого звездный свет свободно проникал к склонам окружающего их леса. Тонкий свет ясно отражался на припорошенной снегом земле и белой пыли на скалах. Темные силуэты сосен и голые ветки лиственных деревьев пропадали лишь тронутыми белизной очертаниями. Все остальное лежало в глубокой тени.

Лусилла подула на пальцы и, наклонившись к Тегу, прошептала:

— Разве ему не следует уже быть здесь?

Он понял, что в ее вопросе сквозит совсем другое: «Можем ли мы доверять Бурзмали?» — таков был ее вопрос. Она задавала его тем или иным образом с тех самых пор, как восемь дней назад Тег объяснил ей весь план. Все, что он мог ей сказать было:

— Я поставил на карту свою жизнь.

— И наши жизни тоже!

Тегу тоже не нравились накапливающиеся неясности, но все планы, в конце концов, опираются на умение тех, кто их осуществляет.

— Как раз ты и настаивала, что мы должны выбраться отсюда и отправиться на Ракис, — напомнил он ей. Он надеялся, что она заметит его улыбку, которая вынимала жало из этих слов. Лусилла была неспокойна. Тег никогда не видел Преподобную Мать явно столь нервничавшей. Она разнервничалась бы еще больше, узнай о новых союзниках!

Конечно, действовало и то, что она не сумела полностью выполнить данное ей Таразой задание. Как же это должно ее уязвлять!

— Мы принесли клятву защищать гхолу, — напомнила она ему.

— Бурзмали принес точно такую же клятву.

Тег поглядел на Данкан, молчаливо стоявшего между ними. Данкан никак не показывал, что слышал их спор или разделяет их нервозность. Древняя уравновешенность сохраняла черты его лица неподвижными. Тег понял, что он прислушивается к ночи, делая то, что следовало бы делать сейчас им всем троим. На его юном лице было странное выражение лишенной возраста зрелости.

«Если бы мне когда-либо нужны были доверенные товарищи, то теперь», — думал Данкан. Его ум устремился вспять, к Гиди Прайму, дней его истинного происхождения, к тому, что они называли «ночью Харконненов». В безопасность теплого укрытия доспехов на супензорных буйках, Харконнены тешились в такие ночи охотой за своими подданными. Раненый беглец мог умереть от холода. «Харконнены знали! Проклятие их душам!?

Лусилла перехватила взгляд Данкана, послав ему в ответ взгляд, как будто говоривший: «Мы не завершили нашего дела — ты и я».

Данкан, поднял лицо к звездам так, чтобы ей уж точно стала видна его улыбка, его оскорбительный и понимающий взгляд, заставивший Лусиллу внутренне напрячься. Он снял тяжелый лазерный пистолет с плеча и проверил его. Лусилла заметила чеканку на затворе и ствол оружия, древнего, но от которого до сих пор веяло мощным ощущением целенаправленной смерти. Данкан опер ствол на свою левую руку, правой рукой держа приклад, палец на крючке, именно так, как Тег держал свою — современную — модель.

Лусилла стала поворачиваться к ним спиной, всеми чувствами вникая, что делается на склонах выше и ниже них. Она еще не закончила своего движения, как все вокруг взорвалось грохотом. Грохочущие шарики заполнили ночь — сильные раскаты, уходившие вправо, затем тишина. Еще один громкий взрывоподобный звук снизу. Тишина. Сверху! Со всех сторон!

При первом звуке они все втроем забрались в укрытие скал перед пещерой, входом в не-глоуб.

Трудно было четко определить звуки, наполнившие ночь: навязчивое рокотание, механический грохот, попискивание, стоны и шипение. И вперемешку со всем этим — подземный барабанящий звук, от которого вибрировала земля.

Тег узнал эти звуки — на планете шла битва. Ему было слышно отдаленное шипение лазерных лучей, видны скачущие сполохи бронированных лазерных пушек.

Что-то вспыхнуло над их головами, оставив след из голубых и красных искорок. Еще и еще раз! Земля содрогнулась. Тег глубоко вдохнул через нос: запах жженой кислоты с привкусом чеснока.

НЕ-КОРАБЛИ! ИХ МНОГО!

Они шли на посадку в долину под древним не-глоубом.

— Назад, внутрь! — приказал Тег. Еще недоговорив, он уже понял, что слишком поздно. Люди собирались повсюду вокруг них. Тег поднял свой длинноствольный лазерный пистолет и навел его на склон холма в направлении самого громкого из навязчивых шумов и самого ближнего различимого движения. Было слышно, как там, внизу, кричит множество людей. Свободные глоуглобы парили над заслоняющими деревьями, освещая путь тем, кто оттуда пробирался, кто бы

это ни был. Танцующие лучи перемещались по склону в холодном ветерке. Темные фигуры двигались в этом менявшемся освещении.

— Лицевые Танцоры! — буркнул Тег, узнав нападавших. Эти блуждающие огоньки через несколько секунд выйдут из-за деревьев и достигнут их меньше, чем за минуту!

— Нас предали! — воскликнула Лусилла.

С холма над ними донесся зычный крик: «Башар!» Множество голосов! «Бурзмали?» — спросил себя Тег. Он оглянулся в том направлении, а затем поглядел вниз на настойчиво приближавшихся Лицевых Танцоров. Не было времени разбираться и выбирать. Он наклонился к Лусилле.

— Над нами Бурзмали. Бери Данканна и беги!

— Но что, если...

— Это наш единственный шанс!

— Ты дурак! — обвинила она его, хотя уже поворачивалась» повинуясь ему.

«Да!» Тега никак не помогло унять ее страхи. Вот что значит зависеть от планов других!

У Данканна были другие мысли. Он понял, что Тег собирается пожертвовать собой, чтобы дать им двоим возможность спастись. Данкан заколебался, глядя на приближавшегося неприятеля под ними.

Заметив его колебания, Тег грозно на него напустился:

— Это боевой приказ, а я — твой командир!

Это было самое близкое к Голосу, что Лусилла когда-либо слышала от мужчины. Она поглядела на Тега с отвисшей челюстью.

Данкан же видел доподлинное лицо старого Герцога, призывающего повиноваться. Это было уж слишком. Он схватил руку Лусиллы, но перед тем, как он поволок ее по склону вверх, он сказал:

— Мы откроем прикрывающий огонь, как только выберемся!

Тег не ответил. Он пригнулся за запорошенной снегом скалой, в то время как Лусилла и Данкан карабкались прочь. Он понимал, что теперь должен дорого продать свою жизнь и нужно сделать что-то еще: неожиданное. Последний росчерк пера старого башара.

Нападавшие приближались быстро, обмениваясь возбужденными криками. Поставив свой лазерный пистолет на максимальный луч, Тег нажал курок. Огненная дуга полыхнула по склону под ним. Деревья вспыхнули пламенем и повалились. Раздались людские крики. Оружие не долго будет работать на таком уровне выпускания заряда, но пока оно работало, мясорубка, которую устроенная им, произведет нужный эффект.

В коротком молчании после этого первого залпа, Тег сменил свою позицию и укрылся левее, за другой скалой, и опять послал огненную пику в направлении темного склона. Лишь несколько глоуглобов сохранилось после его первой сметающей атаки, когда падали деревья и расчленялись тела. Новые крики встретили его второй конрвистрел. Он повернулся и стал карабкаться через скалы с другой стороны входа в пещеру, ведущую в не-глоуб. Там он дал залп сметающим огнем по противоположному склону. Опять крики. Опять языки пламени и падающие деревья.

В ответ огня не было.

«Они хотят взять нас живьем!» «Тлейлаксанцы были готовы пожертвовать столько Лицевых Танцоров, сколько понадобится, чтобы кончились все заряды его лазерном пистолете!

Тег получше пристроил ремень старого оружия Харконненов на своем плече, чтобы было легко сразу сорвать его ипустить в действие. Он выкинул почти кончившийся заряд в своем современном лазерном пистолете, перезарядил его и пристроил оружие на скалах. Тег сомневался, что у него будет шанс перезарядить второе оружие. Пусть те внизу думают, что у него кончаются заряды. Но у него было еще два харконненовских лазерных пистолета на поясе — последний резерв. Они будут убойными с близкого расстояния. Не те тлейлаксанские Господины, что распоряжаются этим побоищем — вот пусть они подойдут поближе!

Тег осторожно приподнял свой длинноствольный лазерный пистолет со скалы и двинулся вспять, перебегая позади скал повыше, подаваясь влево и вправо. Он дважды задерживался, чтобы обдать огнем склоны под ним короткими залпами» словно сберегая заряд своего оружия. Не было смысла стараться скрыть свои передвижения. Они наверняка уже поймали его в жизнеопределитель и

кроме того, он оставляет следы на снегу.

Неожиданные! Сможет ли он их подманить совсем близко?

Высоко над входом в пещеру, ведущую в не-глоуб, он нашел более глубокую ложбинку в скалах, ее дно было заполнено снегом. Тег залег там, радуясь чудесному полю для обстрела, которое предоставлял ему эта новая точка. Но он быстро огляделся: защищенная сзади высокими обрывами и открытая вниз по склону с трех сторон. Он осторожно приподнял голову и постарался увидеть, что происходит наверху, за скалами. Там только молчание.

Донесся ли этот крик от людей Бурзмали? Даже если так, то не было гарантии, что Данкан и Лусилла смогут достичь их в этих обстоятельствах. Теперь все зависит от Бурзмали.

«Так ли он изобретателен, как я всегда его считал??

Не было времени прикидывать возможности или хоть что-нибудь менять в событиях, идущих своим ходом. Битва началась У него были собственные обязанности. Тег глубоко вздохнул и поглядел вниз по склону, через скалы. Да, они пришли в себя и возобновили наступление. Безмолвно и без выдававших нападение глоуглобов в этот раз. Больше нет подбадривающих криков. Тег пристроил длинноствольный лазерный пистолет на скалу перед ним и дал смертоносный залп, огненной аркой пройдясь слева направо в одной затянутой вспышке, позволив ей угаснуть в конце.

Сняв с плеча старое оружие Харконненов, он подготовил его, молчаливо выжидая. Они будут рассчитывать, что он побежит вверх по холму. Он пригнулся за прикрывающими его скалами, надеясь, что над ним наверху достаточно много движения, чтобы сбить с толку жизнеопределятели. Ему до сих пор было слышно наличие людей под ним на выжженном огнем склоне. Тег стал молчаливо считать про себя, прикидывая расстояние, зная из долгого опыта сколько времени понадобится нападавшим, чтобы подойти в пределы досягаемости смертоносного огня. И он внимательно прислушивался к другому звуку, который помнил из своих предыдущих столкновений с Тлейлаксом: резкие тявкающие звуки команд, издаваемые старательными голосами.

Они здесь!

Господины растянулись, держась подальше, чем он предполагал.

Боязливые создания! Тег поставил старый лазерный пистолет на максимальный луч и внезапно приподнялся из своего укрытия в скалах. Он увидел дугу приближавшихся Лицевых Танцоров в свете горящих деревьев и кустарников. Пронзительные голоса командовавших раздавались позади первой линии наступления далеко за танцующим оранжевым светом.

На целясь поверх голов ближних атакующих, Тег взгляделся за нагромождение языков пламени и нажал курок: два долгих залпа туда и сюда. Он был на мгновение удивлен силой и охватом разрушительной энергии столь древнего оружия. Это оружие явно было произведением великолепных мастеров, но ведь внутри не-глоуба не было никакой возможности его испытать.

На этот раз в криках зазвучала другая интонация: пронзительная и отчаянная.

Тег опустил дуло своего лазерного пистолета и смел первые ряды Лицевых Танцоров, позволив им ощутить полную мощь его оружия, открыв им, что у него еще есть резерв. Он направлял смертоносную дугу туда и сюда, предоставляя нападавшим достаточно времени видеть, как слабеет заряд и превращается в последние плевочки.

Самое время! Один раз попавшись на удочку, они будут поосторожней. Как раз сейчас у него появился шанс присоединиться к Данкану и Лусилле. С этой мыслью, наполнившей его ум, Тег выбрался из своего укрытия и пополз вверх по каменистому склону. На пятом шаге ему показалось, что вбежал в горячую стену. У него было время, чтобы понять, что же произошло: страшный выстрел станнера, полный заряд в лицо и грудь! Он исходил прямо оттуда, куда он послал Данкану и Лусиллу. Тега пронзила боль, и он рухнул во тьму. У других тоже может быть про запас неожиданное!

Глава 32

Все организованные религии сталкиваются с обиден проблемой, с уязвимым местом, в которое мы можем проникнуть, переподчинив их нашим замыслам: как им отличить спесь от откровения?

Внутреннее учение Защитной Миссионерии.

Одраде осторожно отвела взгляд от холодной зелени, росшей прямоугольником внизу, где Шиэна сидела с одной из обучавших ее Сестер. Сестра-учительница была самой лучшей и как раз подходящая для этой фазы образования Шиэны. Тараза очень тщательно отбирала их всех.

«Мы продвигаемся с нашим планом, — подумала Одраде. — Но предвидела ли ты. Верховная Мать, как может повлиять нынешнее случайное открытие на Ракисе?».

Но было ли это открытие случайным?

Одраде перевела взгляд на нижние крыши растянувшегося центрального Оплота Ордена на Ракисе. Радужные черепички накалялись в сверкающем полуденном солнце.

«Все это наше».

Она, конечно, знала, что их посольство самое большое, которое жрецы дозволили в святом городе Кине. Ее присутствие здесь, в этом Оплоте Бене Джессерит, бросало вызов соглашению, которое она заключила с Туеком. Но это было до открытия съетча Табр. Кроме того, Туек на самом деле, больше по-настоящему не существовал. Туек, спокойно расхаживавший по всему жреческому комплексу, был Лицевым Танцором, рисковым актером, перевоплотившимся в эту роль.

Одраде снова подумала о Ваффе, стоявшем возле дверей ее святилища в окружении двух Сестер-стражниц. На верхнем этаже святилища забранные пуленепробиваемым плазом окна отражали впечатляющее убранство комнаты черного цвета, с которым Преподобная Мать, облаченная в черное, сливалась так, что посетитель едва мог различить смутно мерцающую белизну лица. Правильно ли она вычислила Ваффа? Все было проделано тютелька в тютельку, согласно учению Защитной Миссионерии. Достаточную ли трещинку она создала в его психологической защите? Его надо подтолкнуть к тому, чтобы он скорее заговорил. Тогда она будет знать.

Вафф стоял достаточно спокойно. Лусилла видела отражение его лица в плазе. Он не подавал никаких признаков понимания, что эти высокие темноволосые сестры по бокам от него находились здесь, чтобы предотвратить любое возможное насилие с его стороны, но он наверняка знает.

«Охраняют меня, а не его».

Он стоял, опустив голову, скрывая от нее свое лицо, но она заметила, его нерешительность. Это уж наверняка. Сомнения действуют так же, как голод — на животное, и Одраде славно подкормила этот голод сомнений. Он был так уверен, что их вылазка в пустыню ведет к смерти. Его верования Дзенсунни и суфи внушают ему теперь, что его оберегала там Божья воля. Хотя, наверняка, Вафф пересматривает сейчас свое соглашение с Бене Джессерит, увидев, наконец, как он скомпрометировал свой народ, как он вверг свою драгоценную тлейлаксанскую цивилизацию в жуткую опасность. Хотя его внешнее самообладание и было изношено донельзя, но только глаза Бене Джессерит различали это. Скоро наступит время, чтобы начать заново строить его сознание — по модели, более приемлемой для нужд Ордена. Пусть он еще немного покипит на медленном огне.

Одраде опять повернулась к пейзажу за окном, этой задержкой еще больше поддерживая тревожное напряжение. Бене Джессерит не случайно выбрал для своего посольства северо-восточную часть старого города. Тут было место, которое можно было застраивать вширь, перестраивать и изменять по собственному желанию широкие улицы для официальных шествий, узкие пешеходные улочки, транспортные магистрали и посадочные площадки орнитоптеров. Все это было изменен.

«Мы идем в ногу со временем».

Новые здания стояли ближе к зеленеющим проспектам, чьи высокие экзотические деревья поглощали огромное количество воды. Топтеры приземлялись теперь на посадочные площадки на крышах определенных зданий. Пешеходные улочки были тесно прижаты к подъемникам, приложенным к зданиям. В новых зданиях были установлены лифты — платные, на шифре и на системе опознавания ладоней. Их светящиеся энергетические поля были забраны темно-коричневыми полупрозрачными прикрытиями. Эти шахты-лифты выглядели стрелками более темного цвета на однообразной серости камня и плаза. Люди были едва видны в шахтах-лифтах и это производило впечатление чего-то нечистого, движущегося вверх и вниз в чистых во всем остальном механических приспособлениях.

«И все это во имя модернизации».

Позади нее Бафф шевельнулся и прокашлялся.

Одраде не обернулась. Две Сестры-охранницы знали, что она делает и не подали никакого знака. Нарастающая нервозность Баффа была всего лишь подтверждением, что все идет хорошо.

Но у Одраде не было чувства, что все на самом деле идет хорошо.

Она продолжала рассматривать вид из своего окна, как всего лишь еще один тревожный симптом этой беспокойной планеты, Туек, припомнила она, не любил этой модернизации своего города. Он жаловался, что надо найти какие-то способы это остановить и сохранить старые приметы местности. Заменивший его Лицевой Танцор продолжал гнуть ту же линию.

До чего же похож на самого Туека этот новый Лицевой Танцор. Думают ли Лицевые Танцоры сами за себя или просто играют свои роли согласно приказаниям своих Господинов? Они все еще бесплодные мулы, эти новые? До какой же степени отличаются эти новые Лицевые Танцоры от полноценного человека?

Одраде тревожило то, что было связано в обманом.

Советники ложного Туека — те, кто были замешаны в так называемом «тлейлаксанском заговоре», — высказывались за общественную поддержку модернизации и открыто злорадствовали, что наконец они берут верх. Альбертус регулярно докладывал все Одраде. Каждый новый доклад все больше ее тревожил. Даже явное раболепие Альбертуса тревожило ее.

— Разумеется, советники не имеют в виду действительно общественную поддержку, — говорил Альбертус.

И она могла только соглашаться. Поведение советников сигнализировало, о мощной поддержке их средним звеном жречества и тех карьеристов, которые на воскресных вечеринках отпускали остроты о своем Разделенном боге... среди тех, кто был задобрен запасом спайса, найденном Одраде в Съетче Табр.

Девятьсот длинных тонн! Полугодовой урожай пустынь Ракиса. Даже треть такого запаса представляла значительный вклад в становление новых взаимоотношений.

?Мне бы хотелось, чтобы я никогда тебя не встречала, Альбертус».

ПРЕСМЫКАЮЩИЙСЯ ЛЬСТЕЦ!

Она прежде хотела восстановить в нем того, кто заботится. То, что она сделала на самом деле, легко распознавалось любым, владевшим знанием Защитной Миссионерии, которая разрушала людскую независимость. Такова, однако же, всегда была ее цель: делай последователей, послушных нашим нуждам.

Слова Тирана в тайном помещении крепко подхлестнули страхи Одраде за будущее Ордена.

«Я завещаю вам мой страх и мое одиночество».

С расстояния в тысячелетия он посеял в ней сомнение так же уверенно, как она посеяла их в Баффе.

Она видела вопросы Тирана, словно они были начертаны светящимися красками перед ее внутренним взором.

«С КЕМ ТЫ ОБЪЕДИНЯЕШЬСЯ??

«Действительно ли мы не больше, чем тайное общество? Как мы встретим наш конец. В догматической вони, созданной нами самими??

Слова Тирана ожогом запечателись в ее сознании. Есть ли «благородная цель» в том, что делает Орден? Одраде почти слышала, как Тараза глумливо усмехается в ответ на такой вопрос.

«Выживание, Дар! Вот вся благородная цель, которая нам нужна. Выживание! Даже Тиран это знал».

Может быть, даже Туек это знал. И к чему это его в конце концов привело?

Одраде испытывала неотвязное сочувствие к покойному Верховному Жрецу. Туек был великолепным примером того, что может породить тесно замкнутая на себе семья. Даже его имя было ключиком: не изменившимся с дней Атридесов на этой планете. Основатель рода был

контрабандистом, доверенным лицом первого Лито. Туек происходил из семьи, которая твердо держалась своих корней, говоря: «Есть в нашем прошлом кое-что достойное сохранения». Для Преподобных Матерей был впрок урок, который такой пример давал потомкам.

«Но ты потерпел неудачу, Туек».

Эти модернизированные кварталы были признаком этой неудачи — подачки, тем набиравшем силу элементам в ракианском обществе, которые Орден так долго и усердно воспитывал и укреплял. Туек видел в них предвестие того дня, когда слишком ослабеет политически, чтобы предотвратить подразумеваемое в такой модернизации: ритуал покороче и в более ударном ритме.

Новые песни в более современной манере.

Изменения в танцах. («Традиционные танцы делятся так долгов»).

И, страшнее всего, меньше вылазок в опасную пустыню для молодых послушников из могущественных семей.

Одраде вздохнула и перевела взгляд на Ваффа. Маленький тлейлаксанец жевал нижнюю губу.
«Отлично!?

?Черт тебя подери, Альбертус! Я бы только приветствовала твой мятеж!» За закрытыми дверями Храма уже обсуждался вопрос о передаче высшей жреческой власти. Новые ракианцы говорили о необходимости «идти в ногу со временем», но имели ввиду: «дайте нам больше власти!?

«Всегда так было и будет, — подумала Одраде. — Даже в Бене Джессерит».

И опять она не смогла избежать мысли: «Бедный Туек».

Льбертус докладывал, что Туек, как раз перед своей смертью и подменой его Лицевым Танцором, предостерегал своих родственников, что они могут не сохранить внутри семьи звание Верховного Жреца, если он умрет. Туек был потоньше и произобретательнее, чем предполагали его враги. Его семья уже кликнула клич своим должникам, собирая все силы, чтобы удержать главную опору власти.

И Лицевой Танцор, заменивший Туека, многое открыл через свое мимическое представление. Семья еще не узнала о подмене, и любой мог поверить, что настоящий Верховный Жрец не замещен, настолько хорош был Лицевой Танцор. Зорким глазам Преподобных Матерей многое открылось из наблюдений за этим Лицевым Танцором в действии. Это, конечно, было одной из причин, по которой сейчас ежился Вафф.

Одраде резко повернулась на пятках и направилась к тлейлаксанскому Господину. «Время заняться им!?

Она остановилась в двух шагах от Ваффа и грозно поглядела на него. Вафф встретил ее взгляд с вызовом.

— У тебя было достаточно времени, чтобы подумать о своем положении, обвинила она. — Почему ты сохранишь молчание?

— Мое положение? По-твоему, вы предоставляете нам выбор?

— «Человек — это всего лишь камешек, роняемый в пруд», процитировала она ему из его собственных верований.

Вафф сделал дрожащий вдох. Она говорила правильные слова, но что таилось за ними? Они больше не звучат правильно, когда исходят из уст женщины повинды.

Когда Вафф не ответил, Одраде продолжила цитату:

— «А если человек всего лишь камешек, то все его деяния не могут быть ничем большим».

Непроизвольная дрожь прошла по Одраде, вызвав взгляд тщательно замаскированного удивления от бдительных Сестер-охранниц. Эта дрожь не была запланированной частью игры.

?Почему я в этот момент Думаю о словах Тирана?» — подивилась Одраде. «ТЕЛО И ДУША ВЕНЕ ДЖЕССЕРИТ ВСТРЕТИЯ ТУ ЖЕ СУДЬБУ, ЧТО И ВСЕ ДРУГИЕ ТЕЛА И ВСЕ ДРУГИЕ ДУШИ».

Эта заноза глубоко в нее проникла.

«Как это меня сделали такой уязвимой? — ответ выпрыгнул из ее сознания. — „Манифест Атридесов“!?

«Его составление слов под длительным руководством Таразы открыло брешь внутри меня».

Не могло ли это быть целью Таразы — сделать Одраде уязвимой? Откуда могла Тараза знать, что будет найдено здесь, на Ракисе? Верховная Мать не однажды демонстрировала, что не только сама не обладает провидческими способностями, но и избегает этого таланта в других. В редких случаях, когда Тараза поневоле обращалась к Одраде ради этого ее таланта, привычному глазу любой Сестры было заметно ее нежелание.

«И все же она сделала меня уязвимой».

Было ли это случайностью?

Одраде быстро произнесла про себя литанию против страха, всего лишь за несколько долей секунды, но за это время Бафф явно пришел к решению.

— Вы бы нам это навязали, — сказал он. — Но вы не знаете, какие силы есть у нас в запасе на такой момент, — он приподнял свои рукава, чтобы показать то место, где были спрятаны дротики — это всего лишь детские игрушки по сравнению с нашим настоящим оружием.

— Орден никогда в этом не сомневался, — сказала Одраде.

— Между нами возможен вооруженный конфликт? — спросил он.

— Выбор за вами, — ответила она.

— Почему вы провоцируете нас на применение силы?

— Есть те, кто был бы очень счастлив видеть, как Бене Джессерит и Бене Тлейлакс вцепятся друг другу в глотку, — сказала Одраде. — Наши враги будут счастливы вмешаться в это, чтобы подобрать все кусочки после того, как мы в достаточной мере ослабим друг друга.

— Ты приводишь довод за доводом, но не предоставляешь моему народу возможностей для переговоров! Может быть, твоя Верховная Мать не дала тебе полномочий вести переговоры!

До чего же соблазнительно было вернуть все назад, в руки Таразы, именно так, как того хочет Тараза. Одраде взглянула на Сестер-охранниц. Их лица были масками, за которыми ничего нельзя угадать. Что они на самом деле знают? Поймут ли они, если она пойдет наперекор распоряжениям Таразы? — Есть ли у тебя такие полномочия? — настаивал Бафф.

«Благородная цель, — подумала Одраде. — „Наверняка Золотая Тропа Тирана демонстрирует по меньшей мере одно качество такой цели“.

Одраде решила прибегнуть к творчеству, создающему правду.

— У меня есть такие полномочия, — сказала она. Высказанные вслух, эти слова стали правдой. Приняв такие полномочия, она сделала для Таразы невозможным отрицать их. Одраде понимала, конечно, что ее собственные слова заставляют ее идти курсом, отклоняющимся от последовательных шагов замысла Таразы.

«Независимые действия». Это было то самое, что она жаждала от Альбертуса.

«Но я сейчас на сцене, и я знаю, что нужно».

Одраде взглянула на Сестер-охранниц.

— Останьтесь здесь, пожалуйста, и последите, чтобы нас не тревожили, — Баффу она сказала. — Мы можем с тем же успехом устроиться поудобнее, она указала на два песьих кресла, стоящих под прямым углом друг к другу в разных концах комнаты.

Одраде подождала, пока он не усядется, перед тем как возобновить разговор.

— Между нами сейчас требуется степень искренности, которую дипломаты редко себе позволяют. Слишком много сейчас лежит на весах, чтобы мы вдавались в поверхностные увертки.

Бафф странно на нее поглядел. Он сказал:

— Мы знаем, что раскол проник до самых высших ваших советов. Кое-кто осторожненько к нам подъезжал. Не часть ли этого твоя...

— Я верна Ордену, — сказала она, — даже те, кто заигрывал с вами, не имеют другой верности.

— Это еще одна уловка...

— Никаких уловок!

— Бене Джессерит без уловок никуда, — обвинил он.

— Чего, исходящего от нас, вы боитесь? Назови это.

— Может быть, я узнал от тебя слишком много, чтобы вы позволили мне остаться в живых.

— Не могу ли я сказать то же самое о тебе? — вопросила она.

— Кто еще знает о нашем тайном сродстве? Здесь с тобой говорит не женщина повинды!

Она не без тайного страха осмелилась употребить это слово, но эффект его не мог быть более откровенен. Вафф был явно потрясен. Ему понадобилась длительная пауза, чтобы оправиться. Сомнения, однако, оставались, потому что она в нем их поселяла.

— Что доказывают слова? — спросил он. — Вы, возможно, воспользуетесь тем, что узнали от нас, и оставите мой народ ни с чем. Вы так и держите над нами хлыст.

— В моих рукавах нет никакого оружия, — сказала Одраде.

— Но в твоем уме есть знание, которое могло бы уничтожить нас! — он зыркнул глазами на Сестер-стражниц.

— Они — часть моего арсенала, — согласилась Одраде. — Следует ли мне их отослать?

— И в их умах все, что они здесь услышали, — сказал он. Он опять перенес настороженный взгляд на Одраде. — Лучше будет, если ты ушлешь прочь все свои воспоминания!

Одраде придала своему голосу свои самые убедительные интонации.

— Чего бы мы достигли, обнажив ваше миссионерское рвение до того, как вы будете готовы выступить? Пошло бы нам на пользу, запятнай мы вашу репутацию разоблачением, куда вы насадили ваших Лицевых Танцоров! О, да, мы знаем об Иксе и о Рыбословщах. Как только мы изучили ваших новых Лицевых Танцоров, мы отправились их разыскивать.

— Вот видишь! — Его голос чуть не срывался.

— Я не вижу никакого способа доказать наше сродство иначе, чем открыть тебе нечто, равно угрожающее нам самим, — сказала Одраде.

Вафф промолчал.

— Мы насадили червей Пророка на бесчисленных планетах Рассеяния, сказала она. — Что предпримет ракианскоe жречество, если ты им это откроешь?

Сестры-охранницы поглядели на нее с едва скрытой веселостью. Они думали, что она лжет.

— При мне нет охраны, — сказал Вафф. — Когда только один человек знает опасную вещь, легко добиться, чтобы этот человек умолк навсегда.

Она подняла свои пустые рукава. Он поглядел на Сестер-охранниц. — Очень хорошо, — сказала Одраде. Она взглянула на Сестер и сделала им незаметный знак рукой, чтобы их успокоить. — Подождите, пожалуйста, снаружи. Сестры.

Когда дверь за ними закрылась, Вафф вернулся к своим сомнениям.

— Мои люди не обыскивали эти помещения. Откуда мне знать, что здесь может быть спрятано и записывать наши слова?

Одраде перешла на язык исламиата.

— Тогда, может быть, нам следует говорить на другом языке, а том, который известен только нам.

Глаза Ваффа блеснули. На том же языке он ответил:

— Очень хорошо! Рискну сыграть в это. И я попрошу тебя объяснить мне настоящую причину дессидентства среди... Бене Джессерит.

Одраде позволила себе улыбнуться. Со сменой языка изменилась вся личность Ваффа, все его поведение. Он повел себя в точности как следовало ожидать. Сам переход на этот язык гасил любые его сомнения. Она ответила с равной доверительностью:

— Глупцы боятся, что мы можем взрастить еще одного Квизатца Хадераха! Вот почему некоторые из моих Сестер выступают против. — В подобном больше нет нужды, — сказал Бафф. — Тот, кто мог быть одновременно во многих местах, уже был и ушел. Он пришел только за тем, чтобы привести Пророка.

— Господь не посыпает дважды подобного послания, — ответила она.

Это было то самое, что Бафф часто слышал на своем языке. Он больше не думал, насколько же странно, что женщина может произносить такие слова. Знакомый язык, знакомые слова — этого было для него достаточно.

— Восстановила ли смерть Шванги единство среди членов Ордена? спросил он.

— У нас есть общий враг, — сказала Одраде.

— Преподобные Черницы!

— Ты был умен, что убил их и многое от них выяснил.

— Бафф наклонился вперед, совершенно попав в силки знакомого языка и течение их разговора.

— Они правят сердцем! — возбужденно провозгласил он. — Примечательные техники усиления оргазмов! Мы... — он с опозданием осознал, кто же все-таки сидит напротив него и слушает все это.

— Мы уже знаем такие техники, — успокоила его Одраде. — Будет интересно сравнить, но есть явные причины, почему мы никогда не пытались достичь власти с помощью такого опасного инструмента. Эти шлюхи как раз настолько глупы, чтобы впасть в такую ошибку!

— Ошибка? — он был явно озадачен.

— Они держат вожжи в своих собственных руках! — сказала она. — А по мере возрастания власти должен возрастать контроль над ней. Эта вещь разобьется из-за своей собственной инерции!

— Власть, всегда власть, — пробормотал Бафф. Его поразила другая мысль. — Не говоришь ли ты мне теперь, что это то, как пал Пророк?

— Он знал, что он делает, — сказала она. — Столетия насилиственного мира, за которым последовали времена Голода и Рассеяния. Послания прямых результатов. Помни! Он не уничтожил ни Бене Тлейлакс, ни Бене Джессерит.

— Что вы надеетесь обрести из союза между нашими народами? — спросил Бафф.

— Надежда — это одно, выживание — другое, — сказала она.

— Всегда прагматизм, — проговорил Бафф. — И некоторые из вас боятся, что вы можете в неприкословенности возродить Пророка на Ракисе со всеми его силами?

— Разве я этого не сказала? — язык исламиата особенно силен для вопросительных предложений. Он возложил груз доказательств на Баффа.

— Значит, они сомневаются в том, что рука Господня сотворила вашего Квизатца Хадераха, — сказал он. — Сомневаются ли они также и в Пророке?

— Очень хорошо, давай говорить все в открытую, — сказала Одраде и двинулась заранее выбранным путем обмана. — Шванги и поддерживающие ее отпали от Великой Веры. Мы не питаем никакого гнева на Бене Тлейлакс за то, что они убиты. Бене Тлейлакс избавил нас от забот.

Бафф полностью на это клюнул. В данных обстоятельствах, ничего иного и ожидать было нельзя. Он знал, что ему здесь многое открылось, о чем лучше было бы промолчать, но все еще оставались вещи, которые не знал Бене Джессерит. И было то, что он узнал!

Затем Одраде совсем его потрясла, сказав:

— Бафф, если ты считаешь, что ваши потомки из Рассеяния возвращаются к вам неизмененными, значит глупость стала вашим образом жизни.

Он заставил себя промолчать.

— У вас в руках все кусочки, — сказала она. — Ваши потомки принадлежат шлюхам из Рассеяния. И если ты думаешь, что кто-либо из них пойдет на соблюдение каких-либо соглашений, значит ваша глупость выходит за пределы описуемого!

Реакция Ваффа показала ей, что она полностью им завладела. Все кусочки резко вставали на место. Она сказала ему правду там, где требовалась правда. Его сомнения были переориентированы на их первоначальные источники: против людей Рассеяния, и это было сделано на его собственном языке.

Он попробовал заговорить через комок в глотке и был вынужден помассировать горло, перед тем, как к нему вернулась речь.

— Что мы можем сделать?

— Это очевидно. Затерянные рассматривают нас, как еще одну добычу для захвата. Завоевание будет означать, что позади себя они все оставят вычищенным подчистую. Обычная благоразумная предосторожность.

— Но их так много!

— Если только мы не объединимся, чтобы нанести им поражение, они проглотят нас, как слизь проглатывает свой обед.

— Мы не можем подпасть под скверну повинды! Господь этого не позволит!

— Подпасть! Кто предполагает, что мы покоримся?

— Но Бене Джессерит всегда использует свою древнюю отговорку: «Если не можешь побить их, соединись с ними».

Одраде мрачно улыбнулась.

Господь не позволит вам покориться! По-твоему, он позволит это нам?

— Тогда в чем же твой план? Что ты сделаешь против таких огромных количеств?

— Именно то, что вы планируете сделать — обратить их. Когда вы скажете слово. Орден открыто выступит в поддержку Истинной Веры.

Вафф ошеломленно молчал. Значит, она знает самую суть плана Тлейлакса. Знает ли она также, как Тлейлакс его подкрепит?

Одраде, не скрывая, разглядывала его.

«Хватай зверя за яйца, если тебе надо это сделать», — думала она. Но что, если проекция аналитиков Ордена неправильна? Тогда все эти переговоры окажутся просто шуткой. И было странное выражение в глубине глаз Ваффа. Намек на старую мудрость... мудрость, намного старше, чем его плоть. Она заговорила уверенней, чем ощущала:

— За достигнутое вами в помощью производящих гхол чанов — за тайну, хранимую вами для самих себя — другие заплатят огромную цену, чтобы тоже это обрести.

Ее слова были как должно завуалированными (слышат ли другие?), но Вафф ни на секунду не усомнился, что Бене Джессерит известно даже это.

— Потребуете ли вы соучастия и в этом? — спросил он. Эти слова со скрежетом вырвались из его пересохшего горла.

— Во веем! Мы потребуем соучастия во всем.

— Каков будет ваш вклад в это великое сопричастие?

— Прости.

— Все ваши книги племенного учета?

— Они твои.

— Выводящих Матерей по нашему выбору.

— Назови их.

— У Ваффа перехватило дыхание. Это было намного больше того, что предложила Верховная Мать. Это было как цветок, раскрывавшийся в его сознании. Она права насчет этих Преподобных Черниц — и, естественно, насчет потомков Тлейлакса из Рассеяния. Он никогда им полностью не доверял. Никогда!

— Вы, конечно же, захотите неограниченного источника меланжа, выговорил он.

— Конечно.

Он взорвался на нее, едва веря в размах своего везения. Аксольтные чаны предлагали бессмертие только поддерживавшим Великую Веру. Никто не осмелится напасть ради захвата того, что всем известно, Тлейлакс скорей уничтожит, чем потеряет. И теперь! Он приобрел услуги самой могучей и выносливой миссионерской силы, когда-либо известной. Здесь ясно виден промысел Божий. Ваффа сперва охватил благоговейный страх, а затем вдохновение. Он тихо заговорил с Одраде.

— А ты, Преподобная Мать, как ты назовешь наше согласие?

— Благородная цель, — ответила она. — Ты уже знаешь слова пророка из съетча Табр. Сомневаешься ли ты в них?

— Никогда, но... Но есть тут одно: что вы планируете сделать с этим гхолой Данканом Айдахо и с этой девушкой, Шиэной?

— Мы их скрестим, конечно. И их потомки будут говорить за нас со всеми потомками Пророка.

— На всех тех планетах, куда вы их доставили!

— На всех тех планетах, — согласилась она.

Вафф откинулся в кресле.

«Теперь ты моя! — подумал он. — Мы будем править в этом нашем союзе, а не вы. Гхола не ваш, он — наш!?

Одраде заметила тень затаенности в глазах Ваффа, но она понимала, что уже и так зашла слишком далеко. Еще большее вновь возбудит сомнения. Что ни произойди, она вынудила Орден действовать таким путем. Тараза не сможет теперь избежать этого союза.

Вафф расправил плечи — забавно юношеский жест, резко противоречивший выражению древней мудрости смотревших на нее глаз.

— А, да, и еще одно, — сказал он, полностью Господин Господинов, говоривший на своем родном языке и приказывавший всем, кто его слышит. — Поможете ли вы нам также распространить этот... этот «Манифест Атридесов»? — Почему бы и нет? Его написала я.

Ваффа рванулось вперед.

— Ты?

— По-твоему, его мог бы написать кто-то с меньшими способностями?

Он кивнул, убежденный без дальнейших доводов. Это стало окончательной точкой в их союзе. Могущественные умы Преподобных Матерей будут советовать Тлейлаксу на каждом повороте событий! Какое имеет значение, что их превосходят числом эти шлюхи из Рассеяния? Кто сможет соперничать с таким соединением мудрости и непревзойденных вооружений?!

— Название манифеста вполне законно, — сказала Одраде. — Я — истинный потомок Атридесов. — Станешь ли ты одной из наших скрещивающихся? — осмелился спросить он.

— Я уже почти вышла из возраста скрещивания, но я — к вашим услугам.

Глава 33

Помню войны, забытые всеми, и наших друзей боевых.

Наши раны болят, словно вечная память о них.

Словно вечная боль, что от битв нам досталась былых.

Были славные битвы, хоть мы и не жаждали их.

Что утратили, что обрели мы в тех днях роковых?

Из песен Рассеяния.

В составлении своего плана Бурзмали опирался на все лучшее, чему научил его башар, самостоятельно продумывая различные варианты, заковырки и возможности отступления. Такова прерогатива командующего! Естественно, он никак не мог не изучить, поелику возможно, всю топографию планеты.

Во времена старой Империи и даже под управлением Муад Диба, область вокруг Оплота Гамму была лесным заповедником — высокогорьем, вознесшимся высоко над остатками нефтепромыслов, которые покрывали земли Харконненов. В этом заповеднике Харконнены выращивали свой чудеснейший пилингитам дерево, являвшееся твердой валютой, всегда ценившееся необыкновенно высоко. С самых древних времен понимающие толк предпочитали окружать себя его чудесной древесиной, а не искусственными материалами массового производства, известными тогда, как поластайм, полаз и пормобат (позже: тайн, лаз и бат). Отсюда, еще во времена Старой Империи появилось уничтожительное прозвище для толстосумов средней руки и Малых Домов, оценивавшее их по ценности этой редкой породы дерева. «Он — три ПО», говорили о них, имея ввиду, что такой человек окружает себя дешевыми копиями, сделанными из никчемных суррогатов. А богатей из богатеев, когда только они бывали вынуждены использовать одни из таких «трех ПО», то маскировали это где только возможно под ЕП (единственное П) — пилингитам. Бурзмали узнал этой еще многое другое, направив своих людей на исследование расположенного стратегически важно пилингитамника, возле не-глоуба. Лес из этих деревьев обладал многими качествами, которые привлекали к нему искусных мастеровых: свежесрезанный, он позволял работать с ним, как с мягкой древесиной. Высущенный и состарившийся, он сохранялся, как твердые породы дерева. Он впитывал многие краски и по завершении работы краска выглядела естественной частью фактуры дерева. И, что еще важнее, пилингитам обладал антигрибковыми свойствами, и не было известно насекомых, которые когда-либо посчитали бы его подходящим обедом. И последнее, он был устойчив к огню. Старые деревья росли, вверх и вширь, внутри них расширялось пустое трубчатое пространство.

— Мы должны сделать неожиданное, — сказал Бурзмали своим разведчикам. Он отметил отчетливую линию зеленой листвы пилингитама во время своего первого облета региона. Леса Гамму всегда подвергались набегам, вырубались во все времена Голода, но почтенные ЕП постоянно имели заботливый уход среди всех вечно-зеленых и деревьев твердых пород, заново посаженных по распоряжениям Ордена.

Разведчики Бурзмали выяснили, что один такой ЕП возвышался над гребнем, неподалеку от не-глоуба. Он распостер свои листья почти на три гектара. В полдень решающего дня Бурзмали расставил там приманки для отвода глаз на отдалении от этой позиции и проложил тоннель из мелкого низинного болотца в просторную пустоту внутри ствола пилингитама. Там он обосновал свой командный пункт и предпринял все необходимое для ухода.

— Дерево — это форма жизни, — объяснил он своим людям. — Оно закроет нас от жизнеопределителей живого.

Неожиданное. Развивая свой план Бурзмали не надеялся, что его действия пройдут незамеченными, он насколько мог расширял свою неуязвимость.

Когда началось нападение, он увидел, что оно как-будто развивается по предсказанному варианту. Он предвидел, что нападающие будут полагаться на не-корабли и свое численное превосходство, как это было при их нападении на Оплот Гамму. Аналитики Ордена заверили его, что угроза будет исходить от сил Рассеяния — потомков Тлейлакса, направляемых зверскими жестокими женщинами, называвшими себя Преподобными Черницами. Он видел в этом сверхсамоуверенность, а не дерзость. Настоящая дерзость была в арсенале каждого ученика башара Майлза Тега. Помогало также то, что Тег мог полагаться на небольшие изменения в пределах плана.

Через свои дисплеи Бурзмали наблюдал отчаянное бегство Данканы и Лусиллы. Воины в боевых шлемах с линзами ночного видения, размещенные на отвлекающих позициях, начали активные действия, пуская врагу пыль в глаза, в то время как Бурзмали и его отборные резервы вели

тщательное наблюдение за нападавшими, никак не выдавая своих позиций. Передвижения Тега легко прослеживались по его яростному отпору, данному атакующим.

Бурзмали с одобрением отметил, что Лусилла не замедлила, когда услышала, что звуки боя усилились. Данкан, однако, порывался остановиться и чуть не загубил весь план. Лусилла уловила момент, чтобы пальцем ударить Данкана в болевую точку и прорычать: «Ты не можешь ему помочь!?

Достаточно ясно слыша ее голос сквозь усилители в своем шлеме, Бурзмали выругался под нос. Другие ее ведь тоже слышат! Нет сомнения, однако, что они ее уже и так выслеживают.

Бурзмали отдал субголосовую команду через вживленный в шею микрофон и приготовился покинуть свой пост. Он сосредоточил большую часть внимания на приближении Лусиллы и Данкана. Если все пройдет, как планировалось, его люди спустятся к этой паре, в то время как двое воинов, одетых так же, как беглецы, продолжат бег по направлению к ложным позициям.

Тем временем, Тег продолжал свои уничтожения, прокладывая восхитительную дорожку, через которую мог бы пробраться граундкар. Помощник доложил Бурзмали:

— Два нападающих совсем близко позади башара!

Бурзмали отмахнулся от докладывающего. Он не мог много думать о шансах Тега. Все должно быть сосредоточено на спасении гхолы. Мысли Бурзмали были напряженены до предела, пока он наблюдал:

«Ну, давай же! Беги! Беги! Беги, черт тебя подери!?

Мысли Лусиллы были схожими, когда она понукала Данкана продвигаться вперед, держась вплотную позади него, чтобы прикрыть его с тыла, полностью готовая к самому отчаянному сопротивлению. Все из ее подготовки и тренинга было задействовано в эти моменты. «Никогда не сдаваться!» Сдаться перелить свое сознание в Жизни-Памяти своей Сестры по Ордену или в забвение. Даже Шванги освободила себя под конец, обратившись к полнейшему сопротивлению и умерла восхитительно в традициях Бене Джессерит, сопротивляясь до конца.

Бурзмали доложил об этом через Тега. Лусилла собрав все свои бесчисленные жизни, думала:

«Я могу сделать не меньше!?

Она последовала за Данканом в неглубокое низинное болотце рядом со стволом гигантского пилингитама, и когда на них выскочили из темноты люди, чтобы их увлечь, она чуть не отреагировала на манер берсеркеров, но голос произнес в ее ухо на чакобсе: «Друзья!» Это на секунду ее притормозило и в это время она увидела, что переодетые беглецами воины-приманки подхватили их бег от болотца. Затем произошло то, что больше всего другого явило ей весь замысел и дало возможность разобраться, кто же держит их прижатыми к богатой запахами листвьев земле. Когда эти люди спихнули Данканы и ее в тоннель, ведущий к гигантскому дереву и (все также на чакобсе) велели им прибавить ходу, Лусилла разглядела в этом перехвате дерзость, достойную самого Тега.

Данкан это тоже понял. На выходе из тоннеля он узнал ее по запаху и постучал по ее руке, передавая ей сообщение на древнем боевом языке Атридесов. «Пусть они нас ведут».

Этот способ передачи посланий на мгновение ее поразил, пока она не осознала, что как же гхоле не знать этого способа связи.

Ничего не говоря, люди вокруг них забрали увесистые древние лазерные пистолеты Данканы и поторопили беглецов в люк к какому-то транспортному средству, которого она не могла опознать. Короткий красный огонек вспыхнул в темноте.

Бурзмали субголосом сообщил своим людям: «Движутся!?

Двадцать восемь наземных машин и одиннадцать флиттертоптеров стартовали с отвлекающих позиций. «Отвлечение на уровне», — подумал Бурзмали.

Лусилла ощутила давление на барабанные перепонки и поняла, что это захлопнулся люк. Опять вспыхнул и погас красный огонек.

Взрывы потрясли огромное дерево вокруг них и их средство передвижения, теперь она поняла, что это бронированный граундкар, взмылавший вверх и прочь на своих супензорах и реактивных двигателях. Лусилла могла следить за курсом только по вспышкам огня и по крутящимся созвездиям, видимым через овальные иллюминаторы, забранные плазом. Окружающее супензорное поле делало все движения сверхъестественными, воспринимаемыми только зрением.

Они сидели, запихнутые в пластальные сидения, а их аппарат на всей скорости, виляя и петляя на ходу, несся вниз, прямо туда, где держал оборону Тег. Ничего из этих диких движений не передавалось людям, находящимся в корабле. Они видели только танцующие расплывчатые пятна деревьев и кустарников — некоторые объяты огнем — и звезды.

Они перевалили лесоповал, устроенный лазерными пистолетами Тега! Только тогда она осмелилась надеяться, что, может быть, они выиграют свободу. Вдруг их аппарат сбросил скорость так резко, что задрожал. Видимые звезды, окаймленные крохотными овалами плазы, подпрыгнули и затмились внезапным препятствием. Вернулась сила гравитации, затем появился тусклый свет. Лусилла увидела, что Бурзмали распахнул люк слева от нее.

— Наружу! — резко приказал он. — Не терять ни секунды!

Данкан впереди, а затем Лусилла, выбрались из люка на сырую землю. Бурзмали хлопнул ее по спине, схватил руку Данканы и торопливо повел их от аппарата.

— Скорее! Вот сюда!

Они прорвались сквозь высокие кустарники к узенькой мощеной дороге. Бурзмали, держа теперь за руки их обоих, помчался вперед через дорогу и бросил навзничь в придорожной канаве. Он накинул на них одеяло жизнеутаивающего поля и поднял голову, чтобы поглядеть в том направлении, откуда они пришли.

Лусилла взглянула мимо него и увидела отблеск звездного света на заснеженном склоне. Она почувствовала, как рядом с ней пошевелился Данкан. Далеко на склоне набирал скорость граундкар, его модифицированные реактивно-подушечные двигатели виднелись на фоне звезд, вот он приподнялся в плюмаже красного, карабкаясь, карабкаясь, карабкаясь... карабкаясь. Внезапно он метнулся вправо.

— Наш? — прошептал Данкан.

— Да.

— Как он добрался туда, не выдав...

— Заброшенный водопроводный тоннель, — прошептал Бурзмали. — Аппарат запрограммирован, ведется автоматически.

Он продолжал вглядываться в отдаленный красный плюмаж. Внезапно гигантский выброс голубого света взметнулся прочь от отдаленного красного следа. Вслед за этой вспышкой немедленно последовал тупой удар.

— Ах, — выдохнул Бурзмали.

Данкан проговорил тихим голосом:

— Они, конечно, подумают, что ты не справился с управлением.

Бурзмали метнул удивленный взгляд на юное лицо, мертвенно-серое в звездном свете.

— Данкан Айдахо был одним из лучших пилотов на службе Атридесов, сказала Лусилла. Это был изотерический кусочек знания, и он действовал, как надо. Бурзмали немедленно понял, что два беглеца — не беспомощная обуза. Его подопечные обладали способностями, которые он сможет использовать, если необходимо.

Голубые и красные искры рассыпались по небу там, где взорвался граундкар. Не-корабли обнюхивали этот отдаленный шар горячих газов. К какому выводу после этого обследования придут враги? Голубые и красные искры оседали за освещенными склонами громадных холмов. Бурзмали повернулся на звук шагов по дороге. Данкан так быстро подготовил ручной пистолет, что у Лусиллы перехватило дыхание. Она положила руку ему на руку, удерживая его, но он стряхнул ее. Разве он не видит, что Бурзмали признал своего?

На дороге над ними проговорил тихий голос:

— Следуйте за мной. Живо.

Говоривший, двигавшийся расплывчатым пятном тьмы, отпрыгнул и лег рядом с ними, а затем прополз через дыру в кустах, окаймлявших дорогу.

Темные пятна на заснеженном склоне, позади заслоняющих кустов, оказались по меньшей мере дюжины вооруженных людей. Пятеро из этой группы сосредоточились вокруг Данканы и Лусиллы, безмолвно понукая их двигаться вперед по запорошенному снегом следу рядом с кустами.

Остальные открыто бежали через снежный склон к темной линии деревьев. Приблизительно через сотню шагов пять безмолвных фигур образовали правильную фалангу: двое впереди, трое сзади, беглецы укрыты между ними, Бурзмали их ведет, Лусилла вплотную позади Данканы. Вскоре они добрались до расщелины в темных скалах и замерли под выступом, прислушиваясь к грохоту других модифицированных граундкаров в воздухе позади них.

— Обманки поверх обманов, — прошептал Бурзмали. — Мы перегрузили их всем для отвода глаз. Они знают, что мы должны бежать в панике как можно скорее. А теперь мы будем ждать поблизости в укрытии. Позже мы продолжим движение дальше, медленно... Пешком.

— Неожиданно, — прошептала Лусилла.

— Тег? — это был Данкан, его голос чуть громче шепота.

Бурзмали наклонился вплотную к левому уху Данканы:

— По-моему, они его захватили.

В шепоте Бурзмали звучала глубокая печаль.

Один из его замаскированных сотоварищей проговорил:

— Теперь живее. Вон туда, вниз.

Их провели через узкую расщелину. Кто-то поблизости чем-то хрустнул. Руки заторопили их в закрытый проход. Треск раздался позади них.

— Закройте как следует дверь, — проговорил кто-то.

Вокруг них вспыхнул свет.

Данкан и Лусилла огляделись и увидели большую, богато обставленаюю комнату, явно вырубленную в скале. Мягкие ковры устилали пол темно-красное и золотое с фигурами узорами — повторяющиеся зубцы башен, разбросанные на бледно-зеленом. Беспорядочная груда одежды лежала на столе рядом с Бурзмали, который сейчас тихим голосом переговаривался с одним из их сопровождения: белокурым мужчиной с высоким лбом и пронзительными зелеными глазами.

Лусилла внимательно прислушалась. Слова были понятны, они относились к тому, как расположена охрана, но акцент этого зеленоглазого мужчины был такой, какого она никогда прежде не слышала, набор гортанных звуков и согласных, отщелкивающихся с удивительной резкостью.

— Это не-палата? — спросила она.

— Нет, — ответ прозвучал от мужчины позади нее, говорившего с таким же акцентом. — Нас защищает алгая.

Она не повернулась к ответившему, вместо этого поглядела на светлую желто-зеленую алгаю, покрывающую толстым слоем, стены и потолок. Только несколько пятен темной скалы были заметны возле пола.

Бурзмали прервал разговор.

— Мы здесь в безопасности. Алгая выращивается специально для этого. Жизнеопределители доложат только о присутствии растительной жизни и ни о чем еще, что прикрывается алгаей.

Лусилла резко повернулась на каблуках, разглядывая по очереди всю обстановку комнаты: грифон Харконненов, инкрустированный хрустальный столик, экзотические ткани на стульях и кушетках. Стойка для оружия возле одной из стен, на ней два ряда длинных полевых лазерных пистолетов такого образца, которого она прежде не видела. У каждого из них был широкий раструб и на курке был завиток золотого предохранителя.

Бурзмали вернулся к разговору с зеленоглазым мужчиной. Теперь они занимались обсуждением, как следует замаскироваться. Она слушала это только частью своего ума, продолжая изучать двух членов их эскорта, остававшихся в комнате. Остальные трое разместились в проходе возле оружейной комнатки, отверстие закрыто густо свисавшими поблескивавшими серебряными нитями. Данкан, видела она, с осторожностью наблюдает за ее реакцией, его рука на небольшом лазерном пистолете у пояса.

?Люди из Рассеяния? — подивилась Лусилла. — Чему они верны???

Она небрежно подошла к Данкану и, используя язык прикосновений, поделилась своими подозрениями.

Оба они поглядели на Бурзмали. Предательство?

Лусилла опять принялась разглядывать комнату. Наблюдают ли за ними невидимые глаза?

Помещение освещали девять глоуглобов, создавая свои особенные островки интенсивного освещения. Свет достигал обычного уровня рядом с тем местом, где Бурзмали до сих пор разговаривал с зеленоглазым мужчиной. Часть света исходила непосредственно от плавающих глоуглобов, все они настроены на густо-золотой, а часть света более мягко отражалась от алгаи. Из-за этих многократно отраженных отсветов полностью исчезали всякие тени, даже под мебелью.

Серебряные нити внутреннего прохода раздвинулись, в комнату вошла старуха. Лусилла воззрилась на нее. У женщины было морщинистое лицо, темное, как старое розовое дерево.

Лицо взято в четкую узкую рамку растрепанных седых волос» ниспадавших ей почти до плеч. На ней было длинное черное одеяние, на котором золотом были вышиты мифологические драконы. Женщина остановилась позади кушетки и положила на спинку кушетки свои венозные руки.

Бурзмали и его собеседник прервали свой разговор.

Лусилла перевела взгляд со старухи на свое собственное облачение. Кроме золотых драконов, одежды были сходного пошива. И капюшоны одинаково откинуты на плечи. Только боковая прорезь и то, как она открывалась спереди, отличало ту одежду, на которой были вышиты драконы.

Когда женщина не заговорила, Лусилла поглядела на Бурзмали, чтобы он объяснился. Бурзмали поглядел на нее в ответ, взглядом напряженной сосредоточенности. Старуха продолжала безмолвно разглядывать Лусиллу. Напряженность этого разглядывания наполнила Лусиллу беспокойством.

Данкан это тоже ощущал, увидела она. Он держал руку на маленьком лазерном пистолете. Долгое молчание, пока глаза ее изучали, усилило ее неспокойство. Было что-то почти бенеджссеритское в том, как старуха просто стояла и смотрела на нее.

Данкан нарушил молчание, требовательно вопросив у Бурзмали:

— Кто она?

— Я одна из тех, кто спасет ваши шкуры, — сказала старуха. У нее был тонкий, чуть надламывающийся голос и все тот же странный акцент.

Иные Памяти Лусиллы предложили ей многозначительное сравнение с одеянием этой старухи: «Оно сходно с тем, что носили древние гетеры». Лусилла почти покачала головой. Наверняка эта женщина слишком стара для такой роли. И фигуры мифических драконов выполнены на ткани, отличавшейся от тех, что предлагала ей память. Лусилла опять перевела взгляд на старое лицо: глаза мутные из-за болезней старости. Сухая корочка залегла в морщинках внутренних уголков век. Слишком уж стара для гетеры. Старуха обратилась к Бурзмали.

— По-моему, она сможет носить это вполне нормально, — она начала разоблачаться из своей накидки с драконами, Лусилле она сказала. — Это для тебя. Нося это с уважением. Мы убили, чтобы достать это для тебя.

— Кого вы убили? — вопросила Лусилла.

— Послушнице Преподобных Черниц! — в сиплом голосе старухи прозвучала гордость.

— Почему мне надо в это облачаться? — вопросила Лусилла.

— Ты обменяешься одеждами со мной, — сказала старуха.

— Не без объяснений, — Лусилла отказывалась принимать одежду, протянутую ей.

Бурзмали шагнул вперед.

— Ты можешь ей доверять.

— Я друг твоих друзей, — сказала старуха. Она потрясла своим одеянием перед Лусиллой. — Ну, бери же.

Лусилла обратилась к Бурзмали.

— Я должна знать ваш план.

— Мы оба должны его знать, — сказал Данкан. — По чьему повелению мы должны доверять этим людям?

— Тега, — ответил Бурзмали. Он поглядел на старуху. — Можешь сказать им, Сирафа. У нас есть время.

— Ты будешь носить это одеяние, сопровождая Бурзмали в Ясай, сказала Сирафа.

«Сирафа», — подумала Лусилла. Это имя звучало почти в духе Линейного Варианта Бене Джессерит.

Сирафа внимательно разглядела Данкан.

— Да, он еще достаточно мал. Его можно замаскировать и доставить отдельно.

— Нет! — сказала Лусилла. — Мне приказано его охранять?

— Ты валяешь дурака, — сказала Сирафа. — Они будут выглядывать женщину твоей внешности, сопровождаемую кем-то с внешностью этого молодого человека. Они не будут выглядывать гетеру из Преподобных Черниц со своим спутником на ночь... ни тлейлаксанского Господина с его свитой.

Лусилла облизнула губы. Сирафа говорила с твердой уверенностью прокторши Дома Соборов.

Сирафа повесила одеяние с драконами на спинку кушетки. Она стояла, облаченная в туго обтягивающее черное трико, не скрывавшее ничего из ее до сих пор гибкого и подвижного, и даже хорошо округленного тела. Тело выглядело намного моложе, чем лицо. Пока Лусилла глядела на нее, Сирафа положила ладони на свои лоб и щеки и провела ими назад, разглаживая лицо. Морщины старости стали меньше и начало проступать лицо помоложе.

«Лицевой танцор??

Лусилла во все глаза уставилась на женщину. Не было больше ни одного четкого признака Лицевого Танцора. И все же...

— Снимай свое облачение! — приказала Сирафа. Теперь ее голос был моложе и даже повелительнее.

— Ты должна это сделать, — взмолился Бурзмали. — Сирафа займет твоё место, как еще одна приманка. Это для нас единственный способ выбраться отсюда.

— Выбраться отсюда куда? — спросил Данкан.

— В не-корабль, — ответил Бурзмали.

— В какой не-корабль? — спросила Лусилла.

— В безопасность, — ответил Бурзмали. — Мы начинены шиэром, но мы не можем сказать больше. Даже шиэр изнашивается, слабеет со временем. — Как я замаскируюсь под тлейлаксанца? — спросил Данкан.

— Доверяй нам, все будет сделано, — сказал Бурзмали. Он перевел взгляд на Лусиллу. — Преподобная Мать?

— Вы не оставляете мне выбора, — проговорила Лусилла. Она расстегнула легко поддавшиеся застежки и скинула свое облачение. Затем она извлекла из своего корсажа маленький лазерный пистолет и швырнула его на кушетку. Ее собственное трико было светло-серого цвета, и она заметила, что Сирафа обратила на это внимание точно также, как и на ножи в ножнах на ее ногах. — Мы порой носим черное нижнее трико, — сказала Лусилла, надевая облачение с драконами. На вид ткань была тяжелая, но на самом деле оказалась легкой. Лусилла повернулась и почувствовала, как ткань затрепетала и прилегла к ее телу так, словно одеяние было сделано специально для нее. Чуть-чуть терло шею. Подняв руку, Лусилла провела там пальцем.

— Это там, где ее поразил дротик, — сказала Сирафа. — Мы действовали быстро, но кислота чуть-чуть подпортила ткань. Глазу это не заметно.

— Вид у нее как надо? — спросил Бурзмали у Сирафы.

— Очень хорош. Но мне надо ее проинструктировать. Она не должна совершить никаких ошибок, или они вас обоих схватят за милую душу! — чтобы подчеркнуть свои слова Сирафа хлопнула в ладоши.

«Где же я видела такой жест?» — спросила себя Лусилла.

Данкан коснулся правой рукой спины Лусиллы, его пальцы передали ей быстрое секретное послание: «Этот хлопок руками! Узнаваемый жест Гиди Прайм».

Иные Памяти подтвердили это Лусилле. Была ли эта женщина частью изолированной общины, сохранившей архаичные обычаи?

— Парню следует теперь идти, — сказала Сирафа. Она указала на двух оставшихся членов их сопровождения. — Отведите его на место.

— Мне это не нравится, — сказала Лусилла.

— У нас нет выбора, — проворчал Бурзмали.

Лусилла могла лишь согласиться. Она понимала, что могла полагаться только на клятву верности, которую Бурзмали принес Ордену. Данкан — это не дитя, напомнила она себе. Его реакции пранабинду развиты старым башаром и ею самой. В гхоле есть такие способности, с которыми мало кто вне Бене Джесссерит способен сравняться. Она безмолвно наблюдала, как Данкан и двое мужчин удалялись за отливавший сверканием занавес.

Когда они ушли, Сирафа обошла кушетку и встала перед Лу сиплой, держа руки на ляжках. Их глаза были на одном уровне.

Бурзмали прокашлялся и указал на груду одежды на столе рядом с ним. В лице Сирафы, особенно в глазах, было что-то примечательно повелительное. Ее глаза были светло-зелеными с ясными белками. Никакие линзы или какие-нибудь другие искусственные приспособления их не прикрывали.

— У тебя есть право посмотреть вокруг себя, — сказала Сирафа. — Помни, что ты особый вид гетеры и Бурзмали твой клиент. Никакой обычный человек не станет к вам приставать.

Лусилла ощутила в этом скрытый намек.

— Но есть такие, которые могут и пристать?

— Сейчас на Гамму находятся посольства великих религий, — сказала Сирафа. — С некоторыми из них ты никогда не встречалась. Они — из Рассеяния, как вы это называете.

— А как вы это называете?

— Искание, — Сирафа умиротворяюще подняла руку. — Не бойся! У нас общий враг. — Преподобные Черницы?

Сирафа повернула голову налево и сплюнула на пол.

— Погляди на меня, Бене Джесссерит! Я была подготовлена только для того, чтобы их убивать! Это моя единственная функция, мое единственное назначение!

Лусилла осторожно проговорила:

— По тому, что нам о вас известно, вы должны быть очень хороши.

— В кое-чем я, возможно, получше тебя. Теперь слушай! Ты сексоманка. Ты понимаешь?

— С чего бы вмешиваться жрецам?

— Ты называешь их жрецами? Ну, что ж... да. Они не станут вмешиваться ни по одной из причин, которые ты можешь вообразить. Секс ради удовольствия — враг религии, да?

— Неприемлемы никакие подмены священной радости, — сказала Лусилла.

— Танкрус защити тебя, женщина! Есть разные жрецы из Искания, есть такие, которые не возражают против экстаза сейчас, вместо обещанного на потом.

Лусилла почти улыбнулась. Неужели эта самообразованка, убийца Преподобных Черниц, считает, будто ей есть чему поучить Преподобную Мать насчет религии?

— Есть здесь люди, которые расхаживают переодетыми в жрецов, продолжила Сирафа. — Очень опасно. Самые опасные из всех — последователи Танкруса, провозглашающие, что секс — это единственный способ поклонения их богу.

— Как я их узнаю? — Лусилла услышала искреннее беспокойство в голосе Сирафы.

— Пусть это тебя не заботит. Ты никогда не должна вести себя так, будто ты распознаешь подобные различия. Твоя первая забота — убедиться, что тебе заплатят. Тебе, по-моему, следует запрашивать пятьдесят салариев. — Ты не сказала мне, почему они могут пристать к нам? — Лусилла опять

взглянула на Бурзмали. Он разложил другую одежду и снимал свой боевой наряд. Она опять перевела взгляд на Сирафу.

— Некоторые следуют древнему соглашению, которое дает им право расторгнуть твою сделку с Бурзмали. На самом деле, некоторые будут испытывать тебя.

— Слушай внимательно, — сказал Бурзмали. — Это важно.

Сирафа сказала:

— Бурзмали переоденется в полевого рабочего. Только так удастся представить естественными его мозоли от оружия. Ты будешь называть его Скар, обычное имя здесь.

— Но как мне быть, если пристанут жрецы?

Сирафа вытащила из своего корсажа небольшой кошелек и передала его Лусилле, которая взвесила его в руке.

— Здесь двести восемьдесят три салярия. Если кто-нибудь обратится к тебе как к божественной... ты запоминаешь? Божественной...

— Как бы я могла об этом забыть? — в голосе Лусиллы почти прозвучала насмешка, но Сирафа не обратила внимания.

— Если кто-либо такой к вам пристанет, ты вернешь пятьдесят саляриев Бурзмали со своими извинениями. Здесь же, в этом кошельке, твоя карточка гетеры на имя Пирь. Дай мне услышать как ты произносишь это имя.

— Пира.

— Нет! Намного больше акцентируйся на «а»!

— Пира!

— Это сносно. Теперь слушай меня с особым вниманием. Ты и Бурзмали будете на улицах поздно. Будет считаться само собой разумеющимся, что у тебя были клиенты и до него. Должно быть доказательство этому. Следовательно, ты будешь... развлекать Бурзмали перед тем, как уйти отсюда. Ты понимаешь?

— Такая деликатность! — сказала Лусилла.

Сирафа восприняла это как комплимент и улыбнулась, но это было жестко контролируемое выражение. Ее реакции так чужды?

— Только одно, — сказала Лусилла. — Если я должна буду развлекать божественного, как я потом найду Бурзмали?

— Скара?

— Да, как я найду Скара?

— Он будет ждать поблизости, куда ты ни пойдешь. Скар найдет тебя, когда ты освободишься.

— Очень хорошо. Если вмешивается божественный, я возвращаю сотню саляриев Скар и...

— Пятьдесят!

— По-моему, нет, Сирафа, — Лусилла медленно покачала головой. — После того, как я его развлечу, божественный поймет, что пятьдесят саляриев слишком малая сумма.

Сирафа поджала губы и взглянула мимо Лусиллы на Бурзмали.

— Ты предупреждал меня насчет ее сорта, но я не предполагала, что... Используя Голос лишь на чуточку, Лусилла произнесла:

— Ты не предполагаешь ничего, пока ты не услышишь этого от меня!

Сирафа нахмурилась. Она явно смущалась от Голоса, но ее интонация осталась такой же надменной, когда оправилась.

— По-твоему, мне следует предположить, что тебе не нужно объяснений насчет сексуального разнообразия?

— Никчемное предположение, — сказала Лусилла.

— И мне нет надобности рассказывать тебе, что твоё обличие определяет тебя, как послушницу пятой ступени Ордена Хорму?

Настал черед Лусиллы нахмуриться.

— А что, если я проявлю способности свыше этой пятой ступени?

— Ага, — сказала Сирафа. — Значит ты будешь продолжать слушать мои слова?

Лусилла коротко кивнула.

— Очень хорошо, — сказала Сирафа. — Могу я предположить, что ты способна исполнять вагинальную пульсацию.

— Да, способна.

— В любой позе?

— Я могу контролировать каждый мускул своего тела!

Сирафа поглядела мимо Лусиллы на Бурзмали.

— Это правда?

Бурзмали проговорил совсем близко позади Лусиллы:

— Иначе бы она так не говорила.

Сирафа задумалась, глядя на подбородок Лусиллы.

— В этом, по-моему, есть затруднения.

— Чтобы не возникло неправильного представления, — проговорила Лусилла, — способности, которые у меня развиты, не выносятся на обычный рынок. У них иное назначение.

— О, я уверена, что так оно и есть, — сказала Сирафа. — Но сексуальная живость, это...

— Живость! — Лусилла вложила в свой голос все негодование Преподобной Матери. Неважно, что может быть именно этого Сирафа и надеялась достичь, ее следовало поставить на место! — Живость, ты говоришь? Я могу контролировать температуру гениталий. Я знаю и способна возбуждать пятьдесят одну эрогенную зону. Я...

— Пятьдесят одна? Но ведь их только...

— Пятьдесят одна, — огрызнулась Лусилла. — А по последовательностям и количеству сочетаний — две тысячи восемь. Более того, сочетание с двумястами пятью сексуальными позами...

— Двести пять? — Сирафа была явно потрясена. — Ты, наверняка, говоришь о...

— На самом деле их даже больше, если считать вариации. Я -Геноносительница, что означает, что я владею тремястами ступенями усиления оргазма!

Сирафа прокашлялась и облизнула губы.

— Тогда я должна тебя предостеречь, чтобы ты себя обуздывала. Держи свои способности на привязи, или... — она опять поглядела на Бурзмали. -Почему ты меня не предостерег?

— Я предостерег. Лусилла ясно расслышала насмешку в его голосе, но не оглянулась, чтобы удостовериться в этом.

Сирафа два раза глубоко вдохнула и выдохнула.

— Если тебе начнут задавать хоть какие-нибудь вопросы, ты скажешь, что как раз готова к испытанию на переход в следующую ступень. Это должно снять подозрения.

— А если меня спросят об испытании?

— О, это легко. Ты загадочно улыбнешься и промолчишь.

— А что, если меня спросят об этом Ордене Хорму?

— Тогда пригрози спрашивающему, что доложишь об этом своим вышестоящим. Вопросы сразу прекратятся.

— А если не прекратятся?

Сирафа пожала плечами.

— Сплети любую историю, какую захочешь. Даже Видящую Правду повеселят твои увертки?

Лусилла сохраняла выражение задумчивости на лице, размышляя над сложившейся ситуацией. Она слышала, как Бурзмали — Скар! — пошевелился за ее спиной. Она не видела серьезных затруднений в том, чтобы осуществить такой обман. Это могло бы даже предоставить ей забавные возможности, о которых она позже отчиталась бы на Доме Соборов. Сирафа, она отметила, улыбается Бурз... — Скару! Лусилла оглянулась и поглядела на своего клиента.

Бурзмали стоял обнаженный, его боевая амуниция и шлем аккуратно сложены рядом с небольшой кучкой грубых одежд.

— Я вижу, Скар не возражает против твоих приготовлений к этому приключению, — сказала Сирафа. Она махнула рукой на его жестко стоящий пенис. — Значит, я вас покидаю.

Лусилла услышала, как Сирафа удаляется через отсверкивающий занавес. Все мысли Лусиллы захлестнуло гневной волной:

«На этом месте сейчас должен был быть гхола!»

Глава 34

Такова твоя судьба — забывчивость. Все, чему прежде учила жизнь, ты теряешь и обретаешь, и теряешь и обретаешь вновь.

Лито II, Голос в Дар-эс-Балате.

— Во имя нашего Ордена и нерушимого единства его Сестер этот отчет признан достоверным и достойным помещения в хроники Дома Соборов. Тараза всмотрелась в эти слова на проекции дисплея с выражением отвращения на лице. Утренний свет отбрасывал рябь желтых отражений на проекцию, и от этого в отпечатанных словах смутно брезжила какая-то загадочность.

Сердитым движением Тараза оттолкнулась от проекционного столика, поднялась и подошла к южному окну. День еще только начинался, и во внутреннем дворе лежали длинные тени.

«Следует ли мне отправиться туда лично??

При этой мысли ее она ощущала явное нежелание. Эти апартаменты навевают такое чувство... безопасности. Но эта была глупость и она каждой жилкой это знала. Бене Джессерит провел здесь более четырнадцати сотен лет, но, все равно, планета Дома Соборов должна считаться лишь временной. Она положила левую руку на гладкую раму окна. Каждое из окон этой комнаты располагалось так, что перед ним открывался чудесный вид. Сама комната — пропорции, обстановка, цвета — все отражало характеры и таланты архитекторов и строителей, создававших ее с единственной мыслью: вызывать в ее обитателях ощущение надежной опоры.

Тараза попробовала погрузиться в это чувство, но не смогла.

Только что закончившаяся дискуссия оставила в ней чувство горечи, которое возникло из-за слов, произнесенных в самых мягких и спокойных тонах. Ее советницы были упрямые и (она согласилась без обиняков) по вполне объяснимым причинам.

«Превратить нас самих в миссионеров? Ради выгод Тлейлакса??

Она коснулась контрольной пластинки рядом с окном и отворила его. Теплый ветерок, напоенный запахами весеннего цветения из яблоневого сада, полетел через комнату. Орден гордился своими фруктовыми садами, которые росли здесь в самой сердцевине сердцевин всех их Оплотов. Во всем населенном космосе Старой Империи, ни на одной планете, которые паутиной своих Оплотов и Зависимых Соборов охватывал Бене Джессерит, не было садов, чудесней этих.

«По плодам их ты их узнаешь», — подумала она. — «Некоторые из старых религий до сих пор могут поставлять мудрость».

Таразе, с ее точки широкого обзора, видна была вся южная часть растянувшихся зданий Дома Соборов. Тень ближней дозорной башни тянулась длинной неровной линией через крыши и внутренние дворики.

Когда она задумывалась над этим, то понимала, что в этом, удивительно малом месте, сосредоточена столь огромная власть. За кольцом фруктовых садов и огородов располагались аккуратной шахматной доской личные резиденции, каждая окруженная своей плантацией. Ушедшие на покой Сестры и избранные верные семейства занимали эти привилегированные поместья. По западным пределам тянулись заостренные зубцы гор, вершины которых.

Космодром располагался в двадцати километрах к востоку. Все вокруг сердцевины Дома Соборов было открытыми равнинами, где паслись особо выведененные породы скота, столь чувствительного к чуждым запахам, что он утробным ревом реагировал при малейшем вторжении людей, не отмеченных местными запахами. Самые глубокие дома внутри их огороженных посадок были заложены одним из первых башаров таким образом, чтобы ни днем, ни ночью никто не мог пробраться незамеченным через извилистые, вровень с землей, каналы.

Все представлялось каким-то беспорядочным и случайным, и все же во всем этом был жесткий порядок. И это, знала Тараза, олицетворяло Орден. Покашливание позади нее напомнило Таразе, что одна из самых ярых спорщиц на сегодняшнем Совете продолжала терпеливо ждать у открытой двери. «Ожидая моего решения».

Преподобная мать Беллонда настаивала, чтобы Одраде была «немедленно убита».

На Совете ни к какому решению не пришли.

«На сей раз ты и вправду хватила через край, Дар. Я рассчитывала на твою буйную независимость. Я даже хотела ее. Но такое!?

Беллонда — старая, толстая, цветущая, с холодными глазами, прямо рисовавшаяся своей природной злобностью, хотела, чтобы Одраде была осуждена, как предательница.

— Тиран бы немедленно ее сокрушил! — доказывала Беллонда.

?Разве это все, чему мы от него научились?» — подивилась Тараза. Беллонда доказывала, что Одраде не только Атридес, но также и Коррино. Среди ее предков огромное количество императоров, вице-регентов и могущественных управляющих.

«Со всей жаждой власти, неотъемлемой от таких кровей».

— Ее предки выжили на Салузе Второй! — все время повторяла Беллонда. — Разве мы ничему не научились из наших селекционерских экспериментов?

?Мы научились тому, как производить таких Одраде», — подумала Тараза. После преодоления Спайской Агонии, Одраде была послана на Ал-ханаб, эквивалент Салузы Второй, где тщательно поддерживалось состояние планеты постоянных испытаний: высокие обрывы, сухие ущелья, горячие ветры и леденящие ураганы, то слишком много влаги, то слишком мало. Считалось, что это подходящее место для пробы любого, кого судьба должна была привести на Ракис. Те, кто там выживал, обретали особо жизнеустойчивую закалку. Высокая, гибкая и мускулистая Одраде была одной из самых закаленных.

«Как могу я разрешить эту ситуацию??

В самом последнем сообщении Одраде говорилось, что любой мир, даже тысячелетия насилиственного миротворчества Тирана излучает ложную ауру, которая может оказаться роковой для тех, кто слишком ей доверяет. Это, одновременно, и усиливало, и подрывало доводы Беллонды.

Тараза подняла взгляд на Беллонду, ждавшую в дверях. «Она слишком толста! Она щеголяет этим перед нами!» — Нам также нельзя ликвидировать Одраде, как и гхолу, — сказала Тараза.

Голос Беллонды прозвучал тихо и уравновешенно:

— Они оба слишком опасны для нас. Доклад Одраде о словах из съетча Табр ослабляет тебя!

— Ослабило ли меня послание Тирана, Белл?

— Ты понимаешь, что я имею в виду. У Бене Тлейлакса нет морали.

— Перестань менять тему, Белл. Твои мысли мечутся как насекомые среди цветов. Что ты здесь на самом деле чуешь?

— Тлейлаксанцы! Они изготовили этого гхолу для своих собственных целей. И теперь Одраде хочет, чтобы мы...

— Ты повторяешься, Белл.

— Тлейлаксанцы выбирают кратчайшие пути. Их взгляд на генетику — не наш взгляд. Это не человеческий взгляд. Они производят чудовищ.

— Ты думаешь, они в самом деле этим занимаются?

Беллонда переступила через порог, обошла вокруг стола и встала рядом с Таразой, закрыв Верховной Матери вид на нишу, в которой стоял бюст Ченоэ.

— Союз со жрецами Ракиса, да, но не с Тлейлаксом, — одежды Беллонды зашуршали, когда она взмахнула сжатым кулаком.

— Белл! Верховный жрец сейчас подменен Лицевым Танцором. Ты хочешь вступить в союз с ним?

Беллонда сердито затрясла головой.

— Верующих в Шаи-Хулуда — легион! Ты найдешь их повсюду. Какова будет их реакция на нас, когда выяснится, какую роль сыграли мы в этом обмане?

— Ну уж брось, Белл! Мы позаботились, чтобы здесь оказались уязвимыми только тлейлаксанцы. В этом Одраде права.

— Не права! Если мы вступаем в союз с ними, то мы оба уязвимы. Мы будем вынуждены служить замыслам Тлейлакса. Это будет хуже, чем наше долгое повинование Тирану.

Тараза увидела злобный блеск в глазах Беллонды. Вполне понятная реакция. Любую Преподобную

Мать по меньшей мере пробирает озnobом, стоит ее взору обратиться к рабскому существованию Ордена под властью Бога Императора, когда гонимый хлыстом против своей воли Бене Джессерит никогда не бывал уверен, что доживет до следующего дня.

— Ты думаешь, что мы этаким дурацким союзом обеспечили для себя запас спайса? — вопросила Беллонда.

Все тот же прежний довод, заметила Тараза. Без меланжа и без преображающей Агонии, даруемой им, не может быть Преподобных Матерей. Меланж и то, чем Бене Джессерит через него обладает — наверняка одна из целей этих шлюх из Рассеяния.

Тараза вернулась к столу и опустилась на песье кресло, откинувшись, пока кресло принимало ее очертания. Это проблема. Особенная проблема Бене Джессерит. Хотя они постоянно ведут научные исследования и эксперименты. Орден так и не смог найти искусственную замену спайсу. Космический Союз может хотеть меланж для погружения в преобразующий транс своих навигаторов, но навигатора ведь можно заменить икшианским механизмом. Икс и его подсобные службы конкурируют на рынках Союза. У них-то есть альтернативы?

«А у нас их нет».

Беллонда подошла к столу Таразы с другой стороны, положила оба кулака на его гладкую поверхность и наклонилась вперед, глядя на Верховную Мать. — Мы до сих пор не знаем, что Тлейлакс сделал с нашим гхолой!

— Одраде это выяснит.

— Это недостаточная причина, чтобы прощать ее предательство!

Тараза тихо проговорила:

— Мы ждали этого мига поколение за поколением, а ты хочешь взять да вот так покончить со всем проектом, — она слегка хлопнула ладонью по столу.

— Этот драгоценный ракианский проект не является больше нашим проектом, — сказала Беллонда. — А может, он никогда им и не был.

Собрав в жесткий фокус все свои немалые умственные способности, Тараза заново пересмотрела все привходящее в этот, ставший уже привычным, спор. И на этом, дошедшем до перебранок, Совете не раз повторялось то же самое.

Уж не сам ли Тиран запустил в действие проект гхолы? Если так, то что они могли теперь с этим поделать? Что им следовало с этим делать?

Во время всего долгого спора доклад меньшинства был у всех на уме. Шванги, может быть, и мертвa, но ее фракция жива, и похоже на то, что Беллонда сейчас к ним примкнула. Не слеп ли Орден в своей тяге к роковой вероятности? Отчет Одраде о послании, спрятанном на Ракисе, мог быть истолкован как зловещее предупреждение. Одраде подчеркнула это, доложив, как она была насторожена своим внутренним чувством тревоги. Ни одна Преподобная Мать не способна была бы несерьезно отнестись к такому предчувствию.

Беллонда выпрямилась и скрестила руки на груди.

— Мы никогда полностью не избежим учителей нашего детства и тех образцов, что они в нас заложили, верно?

Это был довод, свойственный спорам в Бене Джессерит. Он напоминал каждому о его собственной особой уязвимости.

«Мы — тайные аристократы, и от предков к потомкам наследуется у нас власть. Да, мы уязвимы в этом и превосходнейший тому пример — Майлз Тег». Беллонда нашла прямой стул и села, глаза ее оказались вровень с глазами Таразы.

— В наивысший момент Рассеяния, — сказала она, — нас покинули приблизительно двадцать процентов наших неудач.

— Те, кто теперь возвращаются к нам назад — не неудачи.

— Но Тиран наверняка знал, что это произойдет!

— Рассеяние было его целью, Белл. Это было его Золотой Тропой, способом выжить для человечества!

— Но мы знаем, как он относился к тлейлаксанцам, и все же он их не уничтожил. Он мог бы это сделать и не сделал!

— Ему хотелось разнообразия.

Беллонда стукнула кулаком по столу.

— И уж, конечно, он этого достиг!

— Мы снова и снова пережевываем все те же доводы. Белл, я до сих пор не вижу способа уклониться от того, что сделала Одраде.

— Подчинение!

— Вовсе нет. Были мы когда-либо полностью подчинены кому-либо из императоров до Тирана? Даже Муад Дибу?

— Мы до сих пор в ловушке Тирана, — обвиняюще проговорила Беллонда. -Скажи мне, почему Тлейлакс постоянно продолжал и продолжает производить его любимого гхолу? Тысячелетия, и все равно гхола продолжает выходить из их чанов, как заводная кукла.

— По-твоему, тлейлаксанцы до сих пор следуют секретному приказу от Тирана? Если так, то это довод в пользу Одраде. Она создает нам прекрасные условия, чтобы мы могли это расследовать.

— Ничего подобного он не приказывал! Просто, он сделал именно этого гхолу особенно привлекательным для Бене Тлейлакса.

— И не для нас?

— Верховная Мать, мы должны выбраться из ловушки Тирана, немедля! И самым радикальным методом.

— Решение принимать мне, Белл. Я все равно склоняюсь к осторожному союзу.

— Тогда хоть, по крайней мере, позволь нам убить гхолу. Шиэна детородна. Мы могли бы...

— Наш проект не является сейчас — и никогда не был — чисто селекционерским?

— Но мог бы быть таким. Что, если ты не права насчет силы, таящейся за предвидением Атридесов?

— Все твои предложения ведут к отчуждению и от Ракиса, и от Тлейлакса, Белл.

— Орден мог бы содержать пятьдесят поколений на наших нынешних запасах меланжа. Просто более строго распределять.

— По-твоему, пятьдесят поколений — это долгий срок, Белл? Разве ты не понимаешь, что именно из-за такого подхода к делам не ты сидишь в этом кресле, а я?

Беллонда резко оттолкнулась от стола, ее стул с резким скрипом отъехал по полу. Тараза видела, что Беллонду убедить не удалось. Беллонде больше нельзя доверять. Она может оказаться одной из тех, кому придется умереть. И где же в этом благородная цель?

— Это заводит нас в никуда, — сказала Тара за. — Оставь меня.

Когда Белл удалилась, Тараза еще раз поразмыслила над посланием Одраде. Зловещее предвестие. Легко понять, почему Беллонда и другие прореагировали так яростно. Но это разоблачает в них опасную нехватку самоконтроля.

«Еще не время писать последнюю волю и завещание Ордена».

Странным образом, страх Одраде и Беллонды имел один и тот же источник, но этот страх вел их к разным решениям. То, как Одраде истолковывала это послание, высеченное в камнях Ракиса, содержало старое предупреждение: и это пройдет.

«Выйдет ли наш срок теперь, падем ли мы, сокрушенные хищническими ордами Рассеяния??

Но секрет акслольтных чанов был почти в пределах досягаемости Ордена. «Если мы это заполучим, то ничто нас не сможет остановить!?

Тараза окинула взглядом обстановку комнаты. Власть Бене Джессерит до сих пор здесь. Дом Соборов остается скрытым за кольцами не-кораблей, его координаты не зафиксированы нище, кроме умов подчиненных Таразы. Невидимость.

Но невидимость не навечно! Бывают несчастные случаи.

Тараза расправила плечи. Принимай предосторожности, но не живи в их тени вечным беглецом. Литания против страха приносит большую пользу, когда избегаешь теней.

Если бы предостерегающее послание с его тревожным внутренним смыслом, что Тиран до сих пор продолжает вести их по своей Золотой Тропе, было от кого угодно другого, а не от Одраде, оно бы страшило намного меньше.

Этот чертов талант Атридесов!

«Не более тайного общества??

Тараза от досады скрипнула зубами.

«Воспоминаний недостаточно, если только они не зовут тебя к благородной цели!?

А что если правда, что Орден больше не слышит музыки жизни?

?Черт его подери!» Тиран все еще способен их задеть за живое.

«Что он пытается поведать нам?» Его Золотая Тропа в полной безопасности. Рассеяние это обеспечило. Люди распространялись вовне по бесчисленным направлениям как семена одуванчика. Было ли у него видение возвращающихся из Рассеяния? Неужели он предвидел эту ежевичную поросьль у подножия своей Золотой Тропы?

«Он знал, что мы будем подозревать его силу. Он знал это!?

Тараза подумала о бесконечно множащихся докладах о Затерянных, возвращавшихся к своим корням. Замечательное разнообразие людей и изделий, сопровождаемое необычайной степенью секретности и почти достоверными свидетельствами о заговоре. Не-корабли особой конструкции, оружие и предметы — такие сложные, что дух захватывает. Разнообразные народы и разнообразные обычаи.

«Некоторые на удивление примитивны, по крайней мере, на первый взгляд».

И они хотят намного больше, чем просто меланж. Тараза распознала особенную форму мистики, которая заставляла возвращаться людей Рассеяния: «Мы хотим ваши самые старые секреты!?

Заявления Преподобных Черниц тоже были достаточно ясными:

«Мы возьмем все то, что захотим».

?Одраде все должным образом держит в своих руках», — подумала Тараза. У нее есть Шиэна. Скоро, если Бурзмали преуспеет, она получит гхолу.

В ее распоряжении тлейлаксанский Господин Господинов. И она может заполучить даже сам Ракис!

«Если бы только она не была Атридес».

Тараза взглянула на проецируемый текст, продолжающий танцевать над поверхностью стола: сравнительное сопоставление нынешнего гхолы Данканы Айдахо со всеми убитыми. Каждый новый гхола чуть-чуть отличался от своих предшественников. Это было достаточно ясно. Тлейлаксанцы все время что-то совершенствовали. Но что? Спрятан ли ключик в этих новых Лицевых Танцорах? Тлейлаксанцы явно стремятся создать таких Лицевых Танцоров, которых нельзя засечь, мимикрия которых достигнет полного совершенства, которые будут копировать не только форму и не только поверхностные воспоминания своих жертв, но также их глубочайшие мысли и самую личность. Эта форма бессмертия даже более привлекательна, чем та, которую тлейлаксанские Господины используют в настоящее время. Вот, очевидно, почему они следуют этим курсом. Ее новые анализы сходились с большинством ее советниц: такая мимикрия сама станет копируемой личностью. Отчеты Одраде о Лицевом Танцоре Туке наводили на весьма многозначительные размышления. Даже тлейлаксанские Господины, возможно не сумеют вышибить такого Лицевого Танцора из той мимикрии, в которую он вжился.

И их верования.

«Будь неладна эта Одраде! Она загнала свой Орден в угол. А у них нет выбора, кроме как танцевать под дудку Одраде, и Одраде это знает!

Откуда ей это знать? Опять этот неподконтрольный талант?

«Я не могу действовать вслепую. Я должна узнатъ».

Тараза выполнила хорошо знакомый ей комплекс гимнастических упражнений, чтобы вновь обрести спокойствие. Она не осмеливалась принимать важные решения в расстроенных чувствах. Помог долгий взгляд на бюст Ченоэ. Поднявшись с песьего кресла, Тараза опять подошла к своему любимому окну. Ее часто успокаивало созерцание из окна этого пейзажа, как на протяжении дня, при движении солнца, меняются дальние виды, как происходят резкие смены хорошо регулируемой погоды планеты.

Ее укололо голодом.

«Я поем с послушницами и успокою сегодня Сестер».

По временам ей доставляло удовольствие собрать вокруг себя молодых, потрапезничать с ними. Это напоминало о вечности Бене Джессерит и наполняло Таразу новыми силами.

Мысли о непреходящести жизни восстановили равновесие Таразы. Язвительные вопросы пока отодвинулись в сторонку. Она должна взглянуть на них бесстрастным глазом.

Одраде и Тиран правы: без благородной цели мы ничто.

Не уклонившись, однако, оттого, что кардинальные решения принимаются на Ракисе той, которая заражена наследственными изъянами рода Атридесов. Одраде всегда проявляла типично атридесовскую слабость. Она явно благоволила к грешащим послушницам. Подобное благоволение может способствовать развитию личных привязанностей!

Опасных и затмевающих разум привязанностей!

Это ослабляло других, с которыми затем приходилось работать компетентным Сестрам — искореняя разболтанность, приструнивая заблуждавшихся послушниц и выправляя их слабости. Да, конечно, благодаря поведению Одраде изъяны послушниц становились явными. С этим нужно согласиться. Может быть, Одраде действовала так и умышленно.

Когда ее мысли потекли таким образом, что-то неуловимо могущественное вошло в ощущения Таразы. Ей пришлось побороть глубоко язвительное чувство одиночества. Меланхолия могла быть такой же затмевающей разум, как привязанность, или даже как любовь. Тараза и ее бдительные Сестры-Памяти приписывали такие эмоциональные всплески осознанию собственной смертности. Она была вынуждена смотреть в глаза тому факту, что однажды она станет не больше, чем набором воспоминаний чьей-то еще живущей плоти.

Памяти и случайные открытия, видела она, сделали ее уязвимой. И как раз тогда, когда ей стали нужны все возможные способности!

«Но я еще не мертва».

Тараза знала, как привести себя в чувство. И она знала последствия. После таких приступов меланхолии она всегда даже с еще большей твердостью цеплялась за свою жизнь и свои цели. Слабости Одраде, сказывавшиеся в ее поведении, были источником силы Верховной Матери.

Одраде это знала. Тараза мрачно улыбнулась, подумав об этом. Авторитет Верховной Матери над ее Сестрами всегда становился сильнее, когда она приходила в себя после меланхолии. Другие это просто замечали, но только Одраде знала о ярости.

Тараза поняла, что натолкнулась на угнетающие семена своей досады. Благодаря нескольким случаям Одраде явно раскусила самое сокровенное в характере Верховной Матери: огромный вал ярости против того, как другие используют ее жизнь себе на пользу. Сила этой подавленной ярости была ужасна, хотя никогда не находила способа выхлестнуться наружу. Этой ярости никогда не быть залеченной. Как же она ранила! То, что Одраде это понимала, делало боль даже еще сильнее.

Такая, как эта, боль, разумеется, выполняла предписанную задачу. Обязательства Бене Джессерит развивали определенные умственные мускулы, возводя, слой за слоем, ту черствость, которую никогда нельзя открывать постороннему. Любовь — одна из самых опасных сил в нашем мироздании. Сестры обязаны защищаться от нее. Преподобная Мать никогда не может стать окончательно частной личностью, даже на службе Бене Джессерит.

«Симуляция: мы играем необходимую роль, которая спасает нас. Бене Джессерит выстоит!?

Сколько им придется пробыть в подчинении на этот раз? Еще тридцать пять сотен лет? Что ж, черт их всех подери! Это тоже будет всего лишь временным!

Тараза повернулась спиной к окну и успокаивающему виду. Она действительно пришла в себя. Ее

наполнили новые силы. Их стало достаточно, чтобы преодолеть это грызущее желание, которое удерживало ее от принятия важнейшего решения.

«Я отправлюсь на Ракис».

Она не могла больше закрывать глаза на источник своего желания.

?Мне, может быть, придется сделать то, чего хочет Беллонда».

Глава 35

Инстинкт самосохранения, сохранения жизни рода и жизни окружающей среды, вот что движет человечеством. Можно понаблюдать, как на протяжении жизни у человека меняется оценка степеней важности разных вещей? Что является для данного возраста предметом заботы? Погода? Пищеварение? Заботит ли это в действительности его /или ее/? Это все различные жадные желания, что плоть ощущает и надеется удовлетворить. Что еще может вообще иметь значение?

Лито II — Хви Нори,

Его Голос в Дар-эс-Балате

Очнувшись во тьме, Майзл Тег понял, что его тащат в парящем на супензорах гамаке — он заметил слабое излучение окружавших его крохотных шариков. Во рту у него был кляп, руки надежно связаны за спиной, но глаза оставались свободными.

«Значит, их не волнует, что я увижу».

Кто они такие, он сказать не мог. Подпрыгивающие движения темных теней вокруг него заставляли предположить, что они спускались по неровной поверхности. След? Подвесные носилки мягко покачивались на своих супензорах. Он расслышал их слабое жужжание, когда отряд остановился, чтобы обсудить, как миновать трудный проход.

То и дело он видел помаргивающий свет над головой. А вскоре они подошли к освещенному месту и остановились. Он увидел единственный глоуглоб приблизительно в трех метрах над землей, подвешенный на шесте и слабо покачивавшийся под холодным ветерком. В его желтом свете он различил хижину в центре грязной вырубки, множество следов на истоптанном снегу. Он разглядел кусты и редкие деревья вокруг вырубки. Кто-то прошел мимо с более ярким ручным фонариком, свет которого скользнул по его лицу. Ни слова не говорилось, но Тег заметил руку, указывавшую на хижину. Ему редко доводилось видеть такую развалюху. Она выглядела так, словно готова рухнуть от малейшего толчка. Он спорить был готов, что крыша протекала.

И опять вся группа пришла в движение. Его понесли к хижине. В тусклом свете он разглядывал своих сопровождающих — лица, закутанные до самых глаз, рты и подбородки закрыты. Капюшоны скрывали волосы. Под безразмерными одеждами видны только самые общие движения рук и ног. Подвешенный на шесте глоуглоб потемнел. Открылась дверь в хижину, на вырубку брызнул яркий свет. Его сопровождение заторопилось внутрь и оставило его перед дверью. Он услышал, как позади них закрылась дверь. Внутри после тьмы было ослепительно светло. Тег поморгал, пока его глаза не привыкли к этой перемене. Со странным чувством неуместности он огляделся вокруг. Он ожидал, что интерьер хижины будет соответствовать ее внешности, но здесь была опрятная комната, почти свободная от мебели только три кресла, небольшой столик и... он резко вздохнул: Икшианекая Проба! Разве они не учуяли запах шиэра в его дыхании?

Если они не осведомлены об этом, то пусть используют свою Пробу. Для него это будет мучительно, но они ничего не извлекут из его ума.

Что-то щелкнуло позади него, и он услышал движение. В поле его зрения вошли трое, встали вокруг изножия его носилок. Они молча на него уставились. Тег провел взглядом по всем трем. Тот, что слева — мужчина в темном стилсьюте с открытыми лацканами. Квадратное лицо, которое Тег видел у некоторых уроженцев Гамму — небольшие глаза-бусинки, глядевшие прямо на Тега. Это было лицо палача, того, кого не тронет никакая мука. Харконнены завезли много таких сюда в свое время: типы, сосредоточенные на одном, причиняющие боль, ни капли не изменяясь в лице.

Стоявший прямо в ногах Тега был в бесформенном одеянии черных и серых тонов, сходном с тем, что были на доставившем Тега отряде, но капюшон был откинут и открывал невыразительное лицо под короткострижеными седыми волосами. Лицо ничего не выдавало, да и одежда мало о чем говорила. Не скажешь даже, мужчина это или женщина. Тег зафиксировал в памяти лицо: широкий лоб, квадратный подбородок, большие зеленые глаза над острым носом, крохотный рот, поджатый в гримасе недовольства.

Третий член этой группы дольше всего задержал внимание Тега: высокий, хорошо скроенный черный стилсьют с грубой черной курткой поверх него, сидит идеально. Дорогая одежда» Никаких орденов или знаков отличия. Явно мужчина. Казался он скучающим, и это позволило Тегу сразу же его определить. Узкое надменное лицо, карие глаза, тонкогубый рот. Скучающий, скучающий, скучающий! Все, что здесь происходило, было ненужной тратой его весьма ценного времени. У него были жизненно важные дела, и эти двое, эти мелкие сошки, должны это понять.

«Этот — официальный наблюдатель», — подумал Тег. Скучающий послан владельцами этого места, чтобы наблюдать и докладывать об увиденном. Где же его фактограф? А, вон он, прислонен к стене. Эти чемоданчики для сбора данных — отличительный признак таких чиновников. В своих

инспекционных поездках Тег видел таких людей, расхаживавших по улицам Ясая и других городов Гамму. Небольшие тонкие чемоданчики. Чем важнее чиновник, тем меньше его чемоданчик. В этот как раз войдет несколько записывающих катушек и крохотный телеглаз. Он никогда не расстанется с телеглазом, связывающим его с начальством. Тонкий чемоданчик: значит, это важный чиновник.

Тег стал гадать, что скажет этот чиновник, если Тег спросит его:

«Что ты им доложишь о моем спокойствии??

Выражение скучающего лица было достаточно наглядным: он даже не ответит; он здесь не для того, чтобы отвечать. Когда ему придет время уходить, он удалится размашистой поступью, весь охваченный тайным знанием о тех могучих силах, к которым лежит его путь. Он будет похлопывать чемоданчиком по ноге, напоминая себе о своей важности и привлекая внимание других к этому свидетельству своего высокого положения.

Крупная фигура в ногах Тега заговорила. Властный голос, судя по выбириующим интонациям, явно женский.

— Видите, как он держится и наблюдает за нами? Его молчание не сломить. Я говорила вам об этом до того, как мы вошли. Вы теряете наше время, а у нас не так уж много на подобную чушь.

Тег поглядел на нее. Что-то смутно знакомое в ее голосе. Подобная власть может быть у Преподобной Матери. Возможно ли это?

Тяжелолицый уроженец Гамму кивнул.

— Ты права, Инокесса. Но не я здесь распоряжаюсь.

«Инокесса? — задумался Тег. — Имя или звание??

Все поглядели на чиновника. Он отвернулся и наклонился за своим фактографом. Вынул из него небольшой телеглаз и встал за экраном, загораживавшим его и от странной парочки, кот Тега. Телеглаз засветился зеленым свечением, отбрасывавшим болезненный от свет на лицо чиновника. Его самодовольная улыбка исчезла. Он беззвучно шевелил губами, слова формировались только для того, кто наблюдал через этот телеглаз.

Тег скрыл свою способность читать по губам. Всякий тренированный Бене Джесссерит, умел читать по губам почти с любого угла, откуда они видны. Этот человек говорил на одной из разновидностей старого галаха.

— Это доподлинно башар Тег, — сказал он. — Я произвел опознание.

Зеленый свет затащевал на лице чиновника, когда он всматривался в экран. Кто бы там ни связывался с ним, но этот собеседник был в возбужденном состоянии, если этот дрыгающийся свет хоть что-нибудь означал.

И опять губы чиновника беззвучно зашевелились:

— Никто из нас не сомневается, что он закален против боли, и я чувствую запах шиэра от него. Он будет...

Он вновь умолк, когда зеленый огонек опять заплясал на его лице.

— Это не отговорки, — его губы с осторожностью складывали слова старого галаха. — Вы знаете, что мы испробуем все, что только можем, но я рекомендую, чтобы мы использовали со всей возможной энергией все другое способы перехвата гхолы.

Зеленый огонек мигнул и погас.

Чиновник пристегнул телеглаз к поясу, повернулся к своим напарникам и один раз кивнул.

— Т-Проба, — сказала женщина.

Они надели Пробу на голову Тега.

«Она назвала это Т-Пробой», — подумал Тег. Он поглядел на капюшон, который они на него надели. На нем не было символа Икса.

У Тега появилось странное чувство ложной памяти, такое, будто он не раз прежде оказывался в точно таком же плена. Не единичное ложное воспоминание, а навязчиво знакомое: пленик и его тюремщики — эти трое... Проба. Он почувствовал себя опустошенным. Откуда он мог знать об этом моменте? Он никогда лично не задействовал Пробу, но изучил ее действие полностью. Да, Бене

Джессерит часто использовал боль, но больше всего полагался на Видящих Правду. И более того, Орден явно считал, что слишком активное использование механического оборудования может поставить его в слишком сильную зависимость от Икса, станет знаком слабости, признанием, что Сестры не могут обойтись без презренных приспособлений. Тег даже подозревал, что в этом отношении было нечто вроде похмелья Бутлерианского Джихада, мятежа против машин, которые могут воспроизводить самую суть человеческих мыслей и воспоминаний.

Ложная память!

Логика ментата поставила вопрос: откуда мне известен этот момент? Он знал, что никогда прежде не был пленником. Это была такая смехотворная перемена ролей. Великий башар Тег — пленник? Он почти улыбался. Но все равно, оставалось глубокое чувство повторения происходившего раньше.

Его тюремщики поместили колпак прямо над его головой и начали высвобождать медуообразные контакты, один за другим, прикрепляя их к его голове. Чиновник наблюдал, как работают его подручные, проявляя легкие признаки нетерпения на почти бесстрастном лице.

Тег провел взглядом по трем лицам. Кто из них будет выполнять роль «друга»? Ага, понятно, та, что называется Инокессой. Прекрасненько. Тип ли это Преподобной Черницы? Но никто из других не проявлял к ней такого уважения, какое, как слышал Тег, проявляют к этим возвращавшимся Затерянным.

Однако же, это люди из Рассеяния — кроме, может быть, вот этого квадратнолицего мужчины в коричневом стилсьюте. Тег старательно разглядывал женщину — глянец седых волос, тихое спокойствие в широко расставленных зеленых глазах, чуть выдающийся подбородок, навевавший ощущение солидности и надежности. Она правильно выбрана на роль «друга». Лицо Инокессы было самим воплощением респектабельности — лицом того, кому можно доверять. Тег видел, однако, что за этим скрывается. Она из тех, кто будет тщательно наблюдать, улавливая момент, когда нужно будет вступить в действие. Наверняка она подготовлена, по крайней мере, Бене Джессерит. «Или Преподобными Черницами».

Они закончили прикреплять контакты. Похожий на уроженца Гамму повернул пульт управления Пробой в нужное положение, откуда все трое могли наблюдать за дисплеем. Экран дисплея был закрыт от Тега.

Женщина вынула кляп изо рта Тега, подтвердив его суждение. Она будет источником утешения. Он пошевелил языком во рту, восстанавливая ощущения.

Его лицо и грудь до сих пор были чуть онемелыми от того стеннера, который поверг его наземь. Как же давно это было? Но если верить безмолвным словам, произнесенным чиновником, Данкан ускользнул. Уроженец Гамму поглядел на чиновника.

— Можешь начинать, Яр, — сказал чиновник.

«Яр? — подивился Тег. — Занятное имя». Звучит почти по-тлейлаксански. Но Яр не Лицевой Танцор и не тлейлаксанский Господин. Слишком велик для одного и нет признаков другого. Как всякий, подготовленный Орденом, Тег был в этом абсолютно уверен.

Яр коснулся пульта управления под дисплеем Пробы.

Тег услышал свой собственный возглас боли. Ничто не подготовило его к столь огромной боли. Они, должно быть, включили эту дьявольскую машинку на максимум для первого воздействия. В этом и сомневаться не приходится! Они знали, что он ментат. Ментат умел высвобождать себя от некоторых требований плоти. Но это было сущей пыткой! Он не мог от этого улизнуть. Агония сотрясала все его тело, угрожая опустошить и его сознание. Поможет ли от этого прикрытие шиэра?

Боль понемногу уменьшилась и растаяла, оставив только трепещущее воспоминание.

И опять!

Он внезапно подумал, что, должно быть, похожие муки вызывает Спайсовая Агония у Преподобной Матери. Наверняка более великой боли быть не может. Он боролся, чтобы сохранить молчание, но слышал, как хрипит и стонет. Все способности, которым он когда-либо учился как ментат и Бене Джессерит, были запущены в действие, удерживая его от слов о пощаде, обещания рассказать все, что угодно, если они только прекратят.

И опять мука сначала уменьшилась, а затем вернулась.

— Достаточно! — это женщина.

Тег шарил в памяти, вспоминая ее имя. Инокесса!

Яр брюзгливо проговорил:

— Он напичкан шиэром, которого ему хватит, по меньшей мере, на год, он указал на экран дисплея. — Пусто.

Тег дышал мелкими судорожными вздохами. Ну и мука! Она продолжала нарастать, несмотря на требование Инокессы.

— Я сказала — довольно! — обрубила Инокесса.

«Какая же искренность», — подумал Тег. Он почувствовал, как боль уменьшалась, покидая его, словно каждый нерв удаляли из тела, вытаскивали прочь, словно нити вспоминаемой муки.

— То, что мы делаем — неправильно, — сказала Инокесса.

— Этот человек...

— Он такой же, как и любой другой, — возразил Яр. — Не следует ли мне установить особый контакт к его пенису?

— Нет, пока я здесь! — сказала Инокесса.

Тег почувствовал, что почти купился на ее искренность. Последние нити агонии покинули его тело, и он лежал с таким ощущением, словно растекся по поверхности, его поддерживавшей. Чувство нереальности происходившего оставалось. Он был сейчас и здесь, и не здесь. Он и раньше бывал здесь, и не бывал.

— Им не понравится, если мы потерпим неудачу, — сказал Яр. — Ты готова предстать перед ними, потерпев еще одну неудачу?

Инокесса резко встрихнула головой. Она наклонилась так, чтобы ее лицо оказалось в поле зрения Тега между медузообразными переплетениями контактов Пробы.

— Башар, я сожалею о том, что мы делаем. Поверь мне. Это не моя затея. Умоляю тебя. Я полна отвращения. Скажи нам теперь то, что знаешь, и позволь мне утешить тебя.

Тег улыбнулся ей. Она хороша! Он поднял взгляд на наблюдавшего чиновника.

— Передай от меня своим хозяевам: она отлично справляется.

Лицо чиновника потемнело от прихлынувшей крови. Он угрюмо насупился. — Задай ему максимум, Яр, — проговорил он обрывистым тенорком, не знавшим голосовой тренировки, столь явной у Инокессы.

— Пожалуйста! — сказала Инокесса. Она выпрямилась, но продолжала смотреть в глаза Тега.

Учителя Бене Джесссерит учили Тега этому:

«Наблюдай за глазами! Наблюдай, как изменяется их фокус. Когда фокус устремляется наружу, сознание уходит внутрь».

Он умышленно сосредоточился на ее носе. У нее не безобразное лицо. Весьма приметное. Он погадал, что за фигура может скрываться за такими бесформенными одеждами.

— Яр! — это голос чиновника.

Яр отрегулировал что-то на своем пульте управления и нажал кнопку. Агония, хлынувшая в тело Тега, показала, что предыдущий уровень, конечно, был меньше. С этой новой болью пришла странная ясность. Тег обнаружил, что почти способен отстранить свое сознание от этого вторжения. Вся эта боль причинялась кому-то еще. Он нашел спокойную гавань, где мало что его трогало. Вот есть боль. Даже мука.

Он принимал отчеты об этих ощущениях. Это, конечно, частично воздействие шиэра. Он понимал это и был благодарен.

Вмешался голос Инокессы:

— По-моему, мы его теряем. Лучше облегчить.

Ответил другой голос, но звук растаял в тишине до того, как Тег смог разобрать слова. Он обнаружил внезапно, что у него нет якоря, чтобы зацепить свое сознание. Безмолвие! Ему подумалось, что он слышит, как бешено колотится от страха его сердце, но не был уверен. Все

вокруг было безмолвным и неподвижным, полное спокойствие, позади которого ничего нет. «Жив ли я еще??

Затем он различил стук сердца, но не был уверен, что это его собственное сердце. Бум-бум! Бум-бум! Было ощущение движения, но никакого звука. Он не мог определить источник.

«Что со мной происходит??

Сквозь тьму, на оболочке его глаз заиграли великолепием белого сияния слова: «Я очнулся на одну треть».

— Оставь на том. Посмотрим, не сможем ли мы считать его через физические реакции.

— Может ли он еще нас слышать?

— Не сознательно.

Ни в одном из руководств Тега не говорилось, что Проба может совершать свою дьявольскую работу в присутствии шиэра. Но они называют это Т-Пробой. Возможно ли, чтобы телесные реакции давали ключ к подавленным мыслям? Существует ли такое, что можно выведать через снятие физиологических данных?

И опять в уме перед глазами Тега заплясали слова: «Он до сих пор в отключке??

— В полной.

— Убедись в этом. Погрузи его немного глубже.

Тег постарался возвысить свое сознание над страхами.

«Я должен сохранять контроль над собой!?

Что может открыть его тело, если нет контакта с ним? Он не мог представить, что они делают, и его мозг зарегистрировал панику, но плоть этого не ощущала.

«Изолировать подопытного. Погрузить в никуда, чтобы зарегистрировать его личность».

Кто сказал это? Кто-то. Ощущение «это было» вернулось с полной силой. «Я — ментат, — напомнил он себе. — Мой центр — это мой мозг и его работа». Он обладал опытом и воспоминаниями, на которые центр способен надежно опереться.

Боль вернулась. Звуки. Громкие! Слишком громкие!

— Он опять слышит, — это голос Яра.

— Как такое может быть? — тенорок чиновника.

— Может быть, вы погрузили его слишком низко, — это голос Инокессы. Тег постарался открыть глаза. Веки не повиновались. Тогда он припомнил. Они называли это Т-Пробой. Это не иксианское изобретение. Это что-то из Рассеяния. Он мог определить, где оно проникло в его мускулы и чувства. Похоже на то, словно посторонний человек внедряется в его плоть, завладевая преимущественным правом на его собственные реакции. Он позволил себе проследить за работой этого машинного вторжения. Дьявольское устройство! Оно могло приказать ему моргнуть, пукнуть, поперхнуться, облегчиться, помочиться — все, что угодно. Оно могло командовать его телом, словно его мышление в управлении им ничего не значило. Ему была отведена роль наблюдателя.

Его преследовали запахи — отвратительные запахи. Он не мог приказать себе нахмуриться, но думал о том, чтобы нахмуриться. Этого было достаточно. Эти запахи источались Пробой. Они играли на его чувствах, изучали их.

— Ты достаточно получил, чтобы считать его? — тенорок чиновника.

— Он все еще нас слышит! — это Яр.

— Черт подери всех ментатов! — это голос Инокессы.

— Дит, Дет и Дот, — сказал Тег, припоминая марионеток из зимнего шоу его детства на давнем-предавнем Лернаусе.

— Он разговаривает! — голос чиновника.

Яр возился с чем-то за пультом. Тег почувствовал, что его собственно сознание заблокировано машиной. Но неподвластная машине логика ментата сообщила ему существенно важное: эти трое

всего лишь марионетки. Только кукловоды важны. Движение кукол — дело рук кукловодов!

Проба продолжала вторжение в него. Но, несмотря на всю силу, задействованную в этом вторжении, Тег почувствовал, что его сознание на равных борется с ней. Она его изучала, но и он тоже ее изучал.

Теперь он понял. Весь спектр его чувств мог быть скопирован в эту Т-Пробу и идентифицирован, разобран по косточкам, чтобы быть вызванным, когда необходимо. Машина могла проследить органическую цепочку реакций, которая существовала внутри Тега, словно бы создавая его дубликат. Шиэр и его сопротивление ментата препятствовали проникновению в область воспоминаний, все остальное могло быть скопировано.

«Это не будет думать, как я», — успокоил он себя.

Машина не будет тем же самым, что его нервы и плоть. У нее не будет воспоминаний Тега и жизненного опыта Тега. Она не будет рождена женщиной. Она никогда не совершала путешествия по каналу рождения и не вторглась в изумляющий космос.

Часть сознания Тега приложилась в вехам памяти, открывая ему кое-что о гхоле.

«Данкан был извлечен из акслольтного чана». Это соображение пришло к Тегу с внезапным резким укусом кислоты на языке.

«Опять Т-Проба!?

Тег позволил себе поплыть через множественные параллельные сознания. Он следил за работой Т-Пробы и продолжал развивать свои наблюдения насчет гхолы, все время прислушиваясь к действиям Дита, Дата и Дота. Три марионетки были странно молчаливы. Да, ожидают, пока их Т-Проба выполнит свою задачу.

Гхола: Данкан является продуктом развития клеток, которые были выношены женщиной, оплодотворенной мужчиной.

Машина и гхола!

Наблюдение: Машина не способна быть полноценной роженицей — она способна лишь воспроизвести процесс и опыт родов отдаленно напоминающим способом, при котором теряются важные личностные нюансы.

Точно так, как она прямо сейчас упускает подробности его жизни и сознания.

Т-Проба проигрывала запахи.

С каждым навязчивым запахом, на Тега наваливались воспоминания. Он ощущал огромную скорость Т-Пробы, но его собственное сознание жило отдельно от этого стремительно мчащегося вперед поиска. Оно было способно обволакивать его сетью призывающих в данный момент воспоминаний столь долго, сколько ему было угодно.

«Вот оно!?

Горячий воск, который он капнул себе на левую руку, когда ему было только четырнадцать лет, и он был учеником школы Бене Джессерит. Он припомнил школу и лабораторию, как будто это было его единственным жизненным опытом на данный момент. Эта школа находилась на Доме Соборов. Но, будучи допущенным туда, Тег узнал, что в его жилах течет кровь Сиона и один ясновидец не мог его выследить.

Он увидел лабораторию, ощутил запах воска — сложную смесь искусственных эфиров и натурального пчелиного продукта тех пчел, которых содержали неудавшиеся Сестры и их помощницы. Он обратил память к моменту, когда наблюдал за пчелами и людьми в лаборатории и за их работой в яблоневых садах. Работа социальной структуры Бене Джессерит представлялась очень сложной, пока взгляд не различал за ней основополагающих посылов: еда, одежда, тепло, связь, обучение, защита от врагов (подраздел инстинкта самосохранения). Надо было разглядеть методику приспособления Бене Джессерит, чтобы понять, как структуры Ордена работали на самосохранение целого. Они не производили потомства ради человечества в целом. Никакого безнадзорного расового вмешательства! Они производили потомство, чтобы расширить свою собственную власть, продолжить Бене Джессерит, рассматривая это, как достаточный вклад в служение человечеству. Может быть, так оно и было. Мотивация к воспроизведению потомства уходит вглубь, а Орден настолько целостен.

Новый запах обрушился на него.

Он распознал запах мокрой шерсти своей одежды, когда он вошел в командный пункт после битвы при Монсъярде. Запах наполнил его ноздри, забивая озон от приборов в отсеке, запах пота от находившихся там людей. Шерсть! Орден всегда находил немножко странным то, что он предпочитал естественные ткани и избегал синтетику, продукцию подневольных фабрик.

Не вызывали у него восторга и песцы кресла. «Я не люблю запахи угнетения в любой форме». Эти три марионетки — Дит, Дат и Дот — сознают ли они, насколько они угнетены?

Логика ментата насмешливо хмыкнула. Разве шерстяные ткани не продукт тех же подневольных фабрик?

Это совсем другое.

Часть его доказывала обратное. Синтетика может храниться почти бесконечно. Как долго она сохранялась в нуллентропных ларях харконенновского не-глоуба!

— И все равно, я предпочитаю шерсть и хлопок!

Пусть так оно и будет!

— Но как я пришел к такому предпочтению?

Это предубеждение Атридесов. Ты его унаследовал.

Тег отмел запахи в сторону и сосредоточился на целостном движении навязчивой Пробы по своему телу. Вскоре он обнаружил, что может предсказывать ее действия. Он обрел новый мускул. Он позволил себе согнуть его, продолжая, в то же время, изучать вызываемые воспоминания ради ценных прозрений.

«Я сижу перед дверью моей матери на Лернаусе». Тег отстранил часть своего сознания, наблюдая это сцену: ему одиннадцать лет. Он разговаривает с маленькой послушницей Бене Джессерит, прибывшей, как часть свиты какой-то важной особы. Эта послушница — совсем крохотная светло-рыжая девчушка с кукольным лицом. Вздернутый носик, серо-зеленые глаза. Важная шишка — облаченная в черное Преподобная Мать, с внешностью действительно глубокой старухи — прошла туда, за эту дверь, вместе с матерью Тега. Послушница, зовут ее Карлана, старается опробовать свои неопровергнутые способности на юном сыне этого дома.

Не успевает Карлана произнести и двадцати слов, как Майлз Тег распознает всю схему. Она старается выпытать из него информацию! Это один из первых уроков тонкого проникновения, которые преподала ему мать. Ведь могут быть, в конце концов, люди, которые могли начать расспрашивать маленького мальчика о хозяйстве Преподобной Матери, надеясь таким образом приобрести информацию, годную к продаже. Всегда есть рынок для продажи данных о Преподобных Матерях.

Его мать объяснила ему:

— Ты выносишь суждение о расспрашивающем тебя и подстраиваешь свои реакции согласно его уязвимости.

Никакие объяснения не помогли бы против полной Преподобной Матери, но против послушницы, особенно против такой!

Для Карланы он разыграл поддельное сопротивление. Карлана имела преувеличенное мнение о собственной привлекательности. После длительных ухищрений и демонстрации ее силы, Тег позволил ей преодолеть его сопротивление и выдал ей кучу вранья. Повтори она это вранье кому-нибудь важному, вроде той особы в черном за закрытой дверью — и ей бы не поздоровилось.

Слова от Дита, Дата и Дота:

— По-моему, теперь он наш.

В этом голосе, пробудившем его от прежних воспоминаний, Тег узнал голос Яра. «Подстраивай свои реакции согласно уязвимостям». Тег услышал эти слова, произносимые голосом его матери.

Марионетки.

Кукловоды.

Теперь говорил чиновник:

— Спроси симуляцию, куда они дели гхолу.

Молчание, затем слабое жужжание.

— Я ничего не могу выжать, — это голос Яра.

Тег слышал их голоса с болезненной чувствительностью. Он заставил себя открыть глаза, несмотря на противоположные приказы Пробы.

— Смотрите! — произнес Яр.

Три пары глаз уставились на Тега. Как же медленно они движутся — Дит, Дат и Дот — их глаза моргают... моргают... по меньшей мере, минута между морганиями. Яр потянулся к чему-то на своем пульте управления. Его пальцам понадобятся недели, чтобы достичь цели. Тег рассмотрел пути на своих руках и ногах. Обыкновенные веревки! Используя время, он выкрутил пальцы, нащупывая узлы. Они ослабли, сперва медленно, затем разлетелись. Он добрался до ремней, удерживавших его на подвесных носилках. С этим легче, простые скользящие замки. Рука Яра даже четверти пути не проделала к пульту управления.

Моргают... моргают... моргают...

В трех парах глаз отразилось слабое удивление.

Тег освободился от медузообразного переплетения контактов Пробы. «Пок-пок-пок!» — слетели с него фиксаторы. Он удивился заметив, как медленно начинала кровоточить тыльная сторона правой ладони, где он зацепился за контакты, смахивая их.

Проекция ментата: я двигаюсь с опасной скоростью.

Но теперь он уже покинул носилки. Чиновник медленно-медленно потянул руку к своему нагрудному карману, в котором что-то лежало. Ударом руки Тег перерубил ему горло. Чиновнику никогда больше не коснуться этого маленького лазерного пистолетика, который он всегда носил с собой. Вытянутая рука Яра не проделала еще и трети пути к пульту управления. В его глазах застыло удивление. Тег засомневался, заметил ли этот человек руку, которая сейчас сломала его шею. Инокесса двигалась чуть быстрее: ее левая нога поднялась вперед, когда Тег опередил ее всего лишь на долю секунды. Все равно слишком медленно! Голова Инокессы откинулась назад, обнажая горло для рубящего удара ребра ладони Тега.

Как же медленно все они падали на пол! Тег осознал, что весь покрылся испариной, но у него — ни мгновенья времени, чтобы беспокоиться об этом. «Я знал каждое движение, которое они совершают, до того, как они действительно его совершили! Что со мной произошло??

Проекция ментата: агония Пробы вознесла меня на новый уровень способностей.

Он понял, насколько истощена его энергия, потому что его начал мучить странный голод. Медленное возвращение к нормальному измерению времени, отогнало это ощущение. Три тупых хлопка — тела, наконец, упали на пол.

Тег рассмотрел пульт управления. Явно не икшианский. Однако, похожая система. Он закоротил систему накопления данных и все стер.

«Освещение??

Управление за дверью снаружи. Он выключил свет, сделал три глубоких вдоха. Бешеный вихрь движения выбросил его в ночь. Доставившие его сюда, облаченные в свои широченные балахоны, защищавшие их от зимнего холода, едва успели обернуться на странный звук, как неожиданный вихрь смел их.

На этот раз Тег быстрее вернулся в нормальное течение времени. В звездном свете он разглядел дорогу, идущую вниз по склону через густой кустарник. Он скользнул туда, оскальзываясь на снегу, смешанном с горелой грязью, иска местечко, чтобы не разъезжались ноги, и с удивлением отметил, что предвидит все изменения ландшафта, что заранее знает, куда сделать каждый шаг. Вскоре он оказался на открытом пространстве и оглядел долину. Огни города и огромный черный прямоугольник здания в центре города.

Он узнал это место — Ясай. Кукловоды там.

«Я свободен!»

Глава 36

Был некто, каждый день сидевший и смотревший на узкое вертикальное отверстие, где не хватало доски в высоком деревянном заборе. Каждый день мимо узкого отверстия проходил дикий осел пустыни — сперва нос, затем голова, затем передние ноги, затем длинная коричневая спина, задние ноги и, наконец, хвост. Однажды, этот некто вскочил, свет открытия зажегся в его глазах, и закричал всем, кто мог его услышать: «Это же очевидно! Следствием носа является хвост!»

Притчи Потаенной Мудрости, из Устной Истории Ракиса.

Несколько раз со временем прибытия Одраде на Ракис ею завладевало воспоминание о древнем живописном полотне, занимавшем такое видное место на стене апартаментов Таразы на Доме Соборов. Когда приходило это воспоминание, она ощущала, как у нее руки чешутся ухватиться за кисть. Ее ноздри жадно вдыхали соблазнительные запахи масел и красок. Ее чувства обрушивались на холст. Каждый раз Одраде Пробуждалась от этого воспоминания с новыми сомнениями, является ли Шиэна ее холстом.

«Кто из нас рисует другую??

Сегодня утром это произошло опять. Снаружи, за стенами помещения в Ракианском Оплоте, которое она занимала вместе с Шиэной, все еще было темно; тихо вошла послушница, чтобы разбудить Одраде и сообщить ей, что скоро прибудет Тараза. Одраде поглядела на мягко освещенное лицо темноволосой послушницы, и немедленно воспоминание о картине вспыхнуло в ее сознании.

«Кто из нас действительно создает другую??

- Пусть Шиэна еще чуть-чуть поспит, — сказала Одраде перед тем, как отпустить послушницу.
- Подать вам завтрак до прибытия Верховной Матери? — спросила послушница.
- Нет, мы подождем, пока Тараза не окажет нам удовольствие к нам присоединиться.

Поднявшись, Одраде совершила быстрый туалет и оделась в свое лучшее черное облачение. Затем она прошла к восточному окну общей комнаты своих роскошных апартаментов и поглядела на космическое посадочное поле. Множество движущихся огней отбрасывало свечение на сумрачное небо. Она активизировала все глоуглобы в комнате, чтобы пейзаж за окном смотрелся поприглушенней. Глоуглобы отразились золотыми звездами на толстом пулепропробиваемом плазе окон. Сумрачная поверхность отражала и темные очертания ее собственного лица, явно показывая морщины усталости.

«Я знала, что она приедет», — подумала Одраде.

Только она это подумала, как над подернутым пылью горизонтом взошло ракианско солнце — как детский оранжевый мячик, подброшенный вверх. И сразу же обрушилась жара, которую отмечали все ракианские наблюдатели. Одраде отвернулась от окна и увидела, как открывается дверь холла.

Шелестя одеждами вошла Тараза. Чья-то рука затворила дверь позади нее, оставив их наедине. Верховная Мать направилась к Одраде, черный капюшон накинут, окаймляя лицо. Вид совсем не безмятежный.

Заметив беспокойство Одраде, Тараза сыграла на этом.

- Что ж, Дар, по-моему, мы, наконец, встречаемся, как чужие.

Одраде потрясло, как на нее подействовали слова Таразы. Она правильно истолковала их как угрозу, но страх покинул ее, вышел как вода, вытекая из кувшина. Впервые в своей жизни, Одраде точно определила момент, через который прошла разделившая их линия. Это была линия, о существовании которой, по ее представлению, подозревали очень немногие из Сестер. Перейдя ее, она поняла, что всегда знала ее местонахождение: место, где она может ступить в пустоту и свободно парить. Перейдя эту линию, Одраде потеряла уязвимость. Ее можно убить, но нанести ей поражение уже нельзя.

- Значит, больше нет Дар и Тар, — сказала Одраде.

Тараза, услышав четкий и раскрепощенный тон Одраде, истолковала его как самоуверенность.

- Может быть никогда и не было Дар и Тар, — ледяным голосом сказала она, — как вижу, ты считаешь, что вела себя до сих пор чрезвычайно умно. «Силы сошлись в битве, — подумала Одраде. — Но я не буду занимать позицию прямо на пути ее удара».

Одраде сказала:

— Альтернативы союзу с Тлейлаксом были неприемлемы. Особенно, когда я поняла, к чему ты, на самом деле, для нас стремишься.

Тараза ощущала внезапную усталость. Это все-таки было слишком: путешествие долгое, несмотря на прыжки ее не-корабля сквозь космические подпространства. Тело всегда знало, когда его выбивают из привычных ритмов. Она выбрала мягкий диванчик и присела, вздохнув от удобства этой роскоши.

Одраде обратила внимание на усталость Верховной Матери и ощущала немедленное сочувствие. Они внезапно стали двумя Преподобными Матерями с общими Проблемами.

Тараза это тоже ощущала. Она похлопала по подушке рядом с собой и подождала, пока Одраде присела.

— Мы должны сохранить Орден, — сказала Тараза. — Вот, что единственно важно.

— Разумеется.

Тараза задержала изучающий взгляд на знакомых чертах Одраде.

«Да, Одраде тоже утомлена».

— Ты все это время провела здесь, тесно соприкасаясь с людьми и с Проблемами, — сказала Тараза. — Я хочу... нет, Дар, я нуждаюсь в твоих взглядах.

— Тлайлаксанцы внешне полностью готовы к сотрудничеству, — сказала Одраде, — но есть в этом лицемерие. У меня возникло несколько тревожащих вопросов. — Например?

— Что, если аксолютные чаны вовсе не... чаны?

— Что ты имеешь в виду?

— Вафф ведет себя так, как бывает, когда семья старается скрыть ребенка-урода или сумасшедшего дядюшку. Клянусь тебе, он смущается, когда мы начинаем затрагивать тему чанов. — Но, что они только могут...

— Суррогатные матери.

— Но они должны были бы быть... — Тараза умолкла, потрясенная возможностями, которые открывало подобное решение вопроса.

— Кто когда-нибудь видел тлейлакса некую женщину? — спросила Одраде. Ум Таразы заполнили возражения... «Но точный химический контроль, необходимость ограниченных вариаций...» Она откинула свой капюшон и встряхнула волосами, освобождая их.

— Ты совершенно права: мы должны докопаться до всего. Хотя, однако же... это чудовищно.

— И он до сих пор не говорит полной правды о нашем гхоле.

— А что он говорит?

— Не более того, что я уже докладывала: вариация исходного Данкана Айдахо соответствует всем запросам прана-бинду, которые мы оговорили.

— Это не объясняет, почему они убили или пытались убить наши предыдущие приобретения.

— Он клянется святой клятвой Великой Веры, что они так действовали из стыда, потому что одиннадцать предыдущих гхол не соответствовали требованиям.

— Откуда они могли знать? Намекает ли он, что у них есть шпионы среди...

— Он клянется, что нет. Я обвинила его в этом, и он ответил, что соответствующий требованиям гхола наверняка породил бы среди нас заметное смятение.

— Что за «заметное смятение»? Что он...

— Он не скажет. Он всякий раз возвращается к заявлению, что они в точности выполнили свои контрактные обязательства. Где этот гхола, Тар?

— Что... ах, да. На Гамму. — До меня дошли слухи...

— Бурзмали полностью владеет ситуацией, — Тараза плотно поджала губы, надеясь, что это правда. Самые последние сообщения не давали такой уверенности.

— Вы, наверняка, обсуждали, не следует ли убить гхолу, — сказала Одраде.

— И не только!

Одраде улыбнулась.

— Значит, это правда, что Беллонда хочет, чтобы одновременно устранили и меня.

— Откуда тебе...

— Дружба может быть по временам очень ценным приобретением, Тар.

— Ты идешь по опасной почве, Преподобная Мать Одраде.

— Но не спотыкаюсь на ней. Преподобная Мать Тараза. Меня неотвязно одолевают тяжелые мысли о том, что открыл мне Вафф об этих Преподобных Черницах.

— Поделись со мной своими мыслями, — была непримиримая решимость в голосе Таразы.

— Давай не будем заблуждаться насчет этого, — сказала Одраде. — Они превзошли сексуальное мастерство наших Геноносительниц.

— Шлюхи!

— Да, они используют свое мастерство таким образом, который в итоге явится роковым для них самих и для других. Они ослеплены своей силой.

— Это все, о чем ты долго и тяжко размышляла?

— Скажи мне. Тар, почему они напали на наш Оплот на Гамму и стерли его с лица земли?

— Очевидно, они охотились за гхолой Айдахо, чтобы захватить его в плен или убить.

— С чего бы ему быть для них таким важным?

— Что ты мне пытаешься сказать? — вопросила Тараза.

— Не могли ли шлюхи действовать, исходя из открытого им тлейлаксанцами? Тар, а вдруг секретная программа, введенная народом Ваффа в нашего гхолу — это нечто, делающее гхолу мужским эквивалентом Преподобных Черниц?

Тараза поднесла руку ко рту и быстро ее уронила, когда поняла, что слишком много выдает этим жестом. Слишком поздно. Неважно. Они все равно остаются двумя Преподобными Матерями, действующими заодно.

Одраде сказала:

— А мы приказали Лусилле сделать его неотразимым для большинства женщин.

— Как долго Тлейлакс ведет дела с этими шлюхами? — осведомилась Тараза.

Одраде пожала плечами.

— Лучше задать вопрос так: как долго они имеют дело с их собственными Затерянными, возвращающимися из Рассеяния? Тлейлаксанец разговаривает с тлейлаксанцем, при этом многое тайное может стать явным.

— Прекрасное предположение с твоей стороны, — сказала Тараза. — И чем оно, по-твоему, может быть ценно на практике?

— Ты знаешь это не хуже меня. Это объяснило бы очень многое.

Тараза заговорила с резкой горечью.

— И что ты теперь думаешь о нашем союзе с Тлейлаксом?

— Он еще более необходим, чем прежде. Мы должны быть с внутренней стороны. Мы должны быть там, где сможем влиять на участников открытой борьбы.

— Богомерзость! — обрубила Тараза.

— Что?

— Этот гхола — словно записывающее устройство в человеческом облике. Они подсадили его внутрь нашего Ордена. Если Тлейлакс наложит на него свои руки, то узнает очень многое о нас.

— Это было бы весьма неприятно.

— И весьма типично для них.

— Я согласий, что есть и другие подводные камни в нашей ситуации, сказала Одраде. — Но все эти доводы лишь говорят, что мы не осмелимся убить гхолу до тех пор, пока сами его не изучим.

— Это может оказаться слишком поздно! Черт подери твой союз. Дар! Ты предоставила им возможность ухватить нас... и нам возможность ухватиться за них — и никто из нас не решается разжать хватку.

— Разве это не идеальный союз?

Тараза вздохнула.

— Как скоро мы должны предоставить им доступ к нашим книгам племенного учета?

— Скоро. Вафф подгоняет дело.

— Тогда, мы увидим их акслольтные... чаны?

— Это конечно, тот рычаг, который я и использую. Он неохотно дал свое согласие.

— Все глубже и глубже в карманы друг друга, — проворчала Тараза.

Тоном полной невинности, Одраде проговорил:

— Идеальный союз, именно как я и сказала.

— Проклятие, проклятие, проклятие, — пробормотала Тараза. — А Тег разбудил исходную память гхолы!

— Но разве Лусилла...

— Я не знаю! — Тараза повернула к Одраде угрюмое лицо и пересказала ей самые последние сообщения с Гамму: Тега и его отряд засекли, самые краткие сообщения о них, но ничего насчет Лусиллы, составляются планы, чтобы вызволить их оттуда.

При этом пекрессказе, Тараза ощущала, как в мозгу ее возникает неприглядная картина. Что же такое этот гхола? Они всегда знали, что Данканы Айдахо — это не обычновенные гхолы. Но теперь, с увеличенными способностями нервов и мускулов, да плюс неизвестное, запрограммированное в него Тлейлаксом — он превращается в дубинку, которую держишь в руке, потому что знаешь, что она очень даже может понадобиться для сохранения жизни, но пламя при этом бежит к твоей плоти на ужасающей скорости.

Одраде задумчиво проговорила:

— Пыталась ли ты когда-нибудь вообразить, что это такое — быть гхолой, внезапно Пробужденным в обновленной плоти?

— Что? Что ты...

— Осознавать, что твоя плоть выращена из клеток кадавра, — пояснила Одраде. — Он ведь помнит свою собственную смерть.

— Айдахо никогда не были обычновенными людьми, — сказала Тараза.

— Так же, как и тлейлаксанские Господины.

— Что ты пытаешься сказать?

Одраде потеряла лоб, выждав момент, чтобы пересмотреть свои мысли. Так трудно иметь дело с отвергающей привязанность, с той, чей взгляд на мир диктуется скрытой неугасимой яростью. В Таразе нет... нет отзывчивости, способности сочувствовать: она способна только выразить плоть и ощущения другого через логические построения.

— Пробуждение гхолы — это, должно быть, убийственное для него переживание, — сказала Одраде, опуская руку. — Устоять в нем может только обладающий колоссальной психической

устойчивостью.

— Мы предполагаем, что тлейлаксанские Господины — это нечто большее, чем они представляются.

— А Данканы Айдахо?

— Разумеется. С чего бы еще Тирану покупать их у тлейлаксанцев одного за другим?

Это направление спора представлялось Одраде бесцельным. Она сказала: — Айдахо были известны преданностью Атридесам, и мы должны помнить, что я — Атридес.

— По-твоему, верность привяжет этого гхолу к тебе?

— Особенно, после Лусиллы...

— Это может быть слишком опасным!

Одраде откинулась на угол дивана. Тараза хотела определенности. Жизни серийных гхол — это как меланж, обладавший разным вкусом в разных условиях. Откуда они могут быть уверены в своем гхоле?

— Тлейлаксанцы путаются с теми силами, которые произвели нашего Квизатца Хадераха, — пробормотала Тараза.

— По-твоему, именно поэтому они и хотят наши книги племенного учета? — Да не знаю я, Дар, черт тебя побери! Разве ты не видишь, что ты наделала?

— По-моему, у меня не было выбора, — сказала Одраде.

Тараза изобразила холодную улыбку. Одраде играла превосходно, но ее следовало поставить на место.

— По-твоему, я бы сделала то же самое? — спросила Тараза.

«Она так до сих пор и не видит, что со мной произошло», — подумала Одраде. Тараза конечно ожидала, что чуткая к ее тайным пожеланиям Дар станет действовать независимо, но размах этой независимости потряс Верховный Совет. Тараза отказывалась замечать, как она сама к этому приложила руку.

— Практика, основанная на обычae, — сказала Одраде.

Эти слова поразили Таразу, словно пощечина. Только самые крепчайшая закалка Бене Джессерит удержала ее от яростного выговора Одраде.

ПРАКТИКА, ОСНОВАННАЯ НА ОБЫЧАЕ!

Сколько раз сама Тараза обнаруживала в этом источник своего раздражения, постоянное стрекало своей тщательно сдерживаемой ярости? Одраде часто это слышала.

А теперь Одраде цитировала саму Верховную Мать:

— Неподвижный обычай опасен. Враг может докопаться до модели, и обратить это против тебя.

Эти слова Тараза произнесла с усилием:

— Это слабость, да.

— Наши враги думали, будто знают наши обычаи, — сказала Одраде. -Даже ты. Верховная Мать, считала, будто знаешь те пределы, внутри которых я буду действовать. Я казалась тебе Беллондой, у которой ты знаешь заранее все слова и поступки.

— Так что, мы допустили ошибку, не поставив тебя надо мной? спросила Тараза. Она проговорила это с глубочайшей верностью долгу.

— Нет, Верховная Мать. Мы идем по деликатной тропинке, но нам обеим видно, куда мы должны идти.

— Где сейчас Вафф? — спросила Тараза.

— Надежно охраняется и спит.

— Призови Шиэну. Мы должны решить, не оборвать ли нам эту часть проекта.

— И чтобы нам бока намяли?

— Скажем так, Дар.

Шиэна все еще была сонной и терла глаза, когда появилась в общей комнате, но все же успела плюснуть водой на лицо и одеться в чистое белое облачение. Волосы ее все еще были влажными.

Тараза и Одраде стояли у восточного окна, повернувшись спинами к свету.

— Это Шиэна, Верховная Мать, — сказала Одраде.

Шиэна полностью пробудилась и напряженно выпрямилась. Она слышала об этой могущественной женщине — Таразе, — которая правит Орденом из далекой цитадели, называемой Дом Соборов. Яркий солнечный свет, лившийся из окна, ослепляя, светил прямо в лицо Шиэнне. На его фоне фигуры Преподобных Матерей, стоявших спиной к окну, казались черными силуэтами с подрагивавшим контуром и едва различимыми лицами.

Наставницы-послушницы подготовили ее к этой встрече: «Ты будешь стоять со вниманием перед Верховной Матерью, говорить почтительно. Отвечай только, когда она с тобой заговорит».

Шиэна стояла в жестко напряженном внимании, точно так, как ее учили. — Как мне сообщили, ты, может быть, станешь одной из нас, — сказала Тараза.

Обе женщины заметили эффект, произведенный этими словами на девочку. Теперь, когда Шиэна стала более полно понимать достижения Преподобных Матерей, могущественный луч правды сфокусировался на ней. Она устремилась к огромному количеству знаний, которые Орден накопил за тысячелетия. Ей уже рассказали о селекционной передаче Памятей, о том, как работает Иная Память, о Спайской Агонии. И сейчас она стояла перед самой могущественной из всех Преподобных Матерей, той, от которой ничто не укроется.

Когда Шиэна не ответила, Тараза сказала:

— Тебе нечего сказать, девочка?

— Что мне тут говорить. Верховная Мать? Вы уже все сказали.

Тараза метнула на Одраде изучающий взгляд.

— У тебя есть еще для меня маленькие сюрпризы. Дар?

— Я же говорила тебе, что она превосходна, — сказала Одраде.

Тараза опять перенесла свое внимание на Шиэну.

— Ты гордишься этим мнением, девочка?

— Оно страшит меня, Верховная Мать.

Все еще держа лицо неподвижно, насколько возможно, Шиэна вздохнула чуть посвободнее. «Говори только глубочайшую правду, которую ты можешь ощутить», — напомнила она себе. Эти осторегающие слова воспитательницы несли теперь большее значение. Она держала глаза слегка в сторону, устремленными в пол перед двумя женщинами, избегая смотреть на самое яркое полыхание солнечного света. Она продолжала ощущать, что ее сердце колотится слишком быстро, и понимала, что Преподобные Матери это заметят. Одраде много раз это демонстрировала.

— Так тому и следует быть, — сказала Тараза.

— Ты понимаешь, о чем здесь с тобой говорится, Шиэна? — спросила Одраде.

— Верховная Мать желает знать, полностью ли я посвящена Ордену, сказала Шиэна.

Одраде взглянула на Та разу и пожала плечами. Больше объяснений не требовалось. Так складывался обычный путь, когда становишься частью одной семьи, как это принято в Бене Джессерит.

Тараза продолжала безмолвно изучать Шиэну. Взгляд ее был тяжелым, выматывающим для Шиэнны, знаяшей, что должна хранить молчание, беспрекословно терпя опаляющий осмотр.

Одраде подавила ощущение сочувствия. Шиэна так во многом остается самой собой — юной девушкой. У нее округленный интеллект, поверхность охвата которого все расширяется — как раздувается накачиваемый воздушный шарик. Одраде припомнила, как восхищались таким же строением ума ее собственные учители, — но оставались при этом настороже, точно так же, как

сейчас насторожена Тараза. Одраде распознала эту настороженность, когда была еще намного моложе Шиэны и не испытывала сомнений, что и Шиэна сейчас видит. У интеллекта есть свои преимущества.

— Гм, — сказала Тараза.

Это короткое хмыканье, отражавшее раздумья Верховной Матери, Одраде расслышала в параллельном потоке. Собственная память Одраде отхлынула назад. Сестры, которые приносили Одраде ее еду, когда она засиживалась допоздна за уроками, всегда задерживались, чтобы своим бенеджессеритским глазом еще чуток за ней по наблюдать — точно так, как за Шиэной велось непрестанное наблюдение через дисплеи. Одраде знала об этом особом, специфически развитом взгляде с самого раннего возраста. Это было, в конце концов, одним из величайших соблазнов Бене Джесссерит. Хочешь тоже достичь таких эзотерических способностей — старайся. Шиэна явно обладала этой жаждой. Это мечта каждой послушницы.

«Чтобы такое стало возможным для меня!?

Наконец Тараза проговорила:

— Так чего, по-твоему, ты от нас хочешь, девочка?

— Того же самого, наверное, чего хотелось вам, когда были в моем возрасте, Верховная Мать.

Одраде подавила улыбку. Природная независимость Шиэны здесь проявила почти дерзостью и Тараза, наверняка, это заметила.

— Ты считаешь, что это будет надлежащим использованием дара жизни? спросила Тараза.

— Это единственное использование, которое мне известно, Верховная Мать.

— Я высоко ценю твою искренность, но предостерегаю тебя, чтобы ты была осторожна в этом использовании, — сказала Тараза.

— Да, Верховная Мать.

— Ты уже много нам должна, и будешь должна еще больше, — сказала Тараза. — Помни об этом. Наши дары не достаются задешево.

«Шиэна даже самого смутного понятия не имеет о том, чем она заплатит за наши дары», — подумала Одраде.

Орден никогда не позволял вступившем в него забывать, каков их долг, который они обязаны воздать сторицей. Любовью здесь не расплатишься. Любовь опасна — и Шиэну уже учат этому. Дар жизни? Дрожь пошла по Одраде, и она чуть откашлялась, чтобы ее унять.

«Жива ли я? Может быть, когда меня увезли от Мамы Сибии, я умерла. Я была живой тогда, в том доме, но жила ли я после того, как Орден меня забрал??

Тараза сказала:

— Теперь ты можешь нас покинуть, Шиэна.

Шиэна повернулась на одной ноге и покинула комнату, но раньше, чем Одраде успела заметить тугую улыбку на юном личике. Шиэна поняла, что она выдержала экзаменацию Верховной Матери.

Когда дверь позади Шиэны закрылась, Тараза сказала:

— Ты упоминала ее естественное дарование владеть Голосом. Я это, конечно, слышала. Замечательно.

— Она крепко держит это в узде, — сказала Одраде. — Она усвоила, что на нас этого пробовать нельзя.

— И, что нам здесь светит. Дар?

— Может быть, получить однажды Верховную Мать необыкновенных способностей.

— Не слишком ли необыкновенных?

— Будущее наверняка покажет.

— Как по-твоему, она способна убить ради нас? Одраде и не скрыла своего потрясения.

— Уже теперь?

— Да, конечно.

— Гхолу?

— Тег ведь этого не выполнит, — сказала Тараза. — Даже насчет Лусиллы сомневаюсь. По их отчетам ясно видно, что гхола способен накладывать могущественные узы... внутреннего средства.

— Даже на таких, как я?

— Даже сама Шванги оказалась не вполне крепкой для него.

— Какая же благородная цель в подобном поступке? — спросила Одраде. -Разве не об этом предостережение Тирана...

— Разве он сам не убивал множество раз?

— И расплачивался за это.

— Мы платим за все, что забираем, Дар.

— Даже за жизнь?

— Никогда, ни на секунду не забывай, Дар, что Верховная Мать способна принять любое необходимое решение ради выживания Ордена!

— Значит, быть посему, — сказала Одраде. — Забирай то, что хочешь, и плати за это.

Ответила Одраде как положено, но этот ответ усилил в ней ощущение ее новой силы — свободы поступать по-своему в новом мироздании. Откуда же взялась такая неподатливость? Было ли в этом что-то из жестокой подготовки Бене Джесссерит? Было ли это от ее предков, Атридесов? Она не пыталась обманываться: нет, ее новое состояние — не от решения следовать в вопросах морали лишь собственному руководству. Ощущаемая ею сейчас внутренняя устойчивость — точка опоры ее нового места в мире — с моралью связана не напрямую. Не было и бравады. Одних лишь морали и бравады никогда недостаточно.

— Ты очень похожа на своего отца, — сказала Тараза. — Обычно, наибольшая доблесть закладывается с женской стороны, но на сей раз, по-моему, она передалась от отца.

— Доблесть Майлза Тега изумляет, но, по-моему, ты слишком упрощаешь, — сказала Одраде.

— Может быть и упрощаю. Но я всегда бывала права насчет тебя, Дар, с тех еще пор, когда мы были начинающими ученицами.

«Она знает!» — подумала Одраде.

— Нам нет нужды объяснять это, — сказала Одраде. И подумала: «Это происходит от того, что я родилась такой, какая я есть, и натренирована и подготовлена так, какая я есть... так, как мы обе были: Дар и Тар».

— Есть кое-что в линии Атридесов, что мы не окончательно проанализировали, — проговорила Тараза.

— Не генетические случайности?

— Я гадаю порой, бывала ли хоть одна случайность со времен Тирана действительно случайной, — сказала Тараза.

— По-твоему, он в своей Твердыне вытянул шею аж настолько, что прозрел через все эти тысячелетия вплоть до сей секунды?

— Насколько далеко назад ты можешь проследить свои корни? — спросила Тараза.

Одраде проговорила:

— Что на самом деле происходит, когда Верховная Мать приказывает Разрешающим Скрешивание: «Возьмите эту и скрестите ее вон с тем??

Тараза изобразила холодную улыбку.

Одраде внезапно ощутила себя на гребне волны, осознание того, что на нее нахлынуло, вознесло ее в новое царство. «Тараза хочет моего бунта! Она хочет, чтобы я была ее оппонентом!?

— Хочешь ты теперь увидеть Баффа? — спросила Одраде.

— Я, сперва, желала бы узнать, какую ты даешь ему оценку.

— Он рассматривает нас, как бесподобный инструмент для сотворения «тлейлаксанского господства». Мы — дар божий для его народа.

— Они очень долго ждали этого, — сказала Тараза. — Так усердно лицемерить, все эти долгие эпохи!

— У них наш взгляд на время, — согласилась Одраде. — Это оказалось последней точкой для убеждения их, что мы тоже исповедуем Великую Веру. — Тогда откуда же несущность? — спросила Тараза. — Они совсем не глупы.

— Это отвлекало наше внимание от действительного процесса производства гхол, — сказала Одраде. — Кто бы мог поверить, что глупый народ способен на такое?

— И, что они создали? — спросила Тараза. — Только образ греховной глупости?

— Достаточно долго изображай глупца, и ты им и станешь, — сказала Одраде. — Усовершенствуй мимикрию своих Лицевых Танцоров — и...

— Что бы ни происходило, мы должны их покарать, — сказала Тараза. — Я ясно это вижу. Приведи его сюда.

Пока они ждали, после распоряжений Одраде, Тараза сказала:

— Гхола стал сильно обгонять составленную для него программу образования еще до того, как они бежали из Оплота Гамму. Он с полунамека схватывал, усваивая все на несколько уроков вперед, не успевали его учителя рта раскрыть и делал это на возрастающей скорости. Кто знает, чем он стал к данному моменту?

Глава 37

Историки обладают огромной властью, и некоторые из них ее понимают. Они заново творят прошлое, меняя его так, чтобы оно соответствовало нашим интерпретациям. Отсюда, они не меньше изменяют и будущее.

Лито II Его Голос из Дар-эс-Балата.

Данкан следовал за своим проводником в свете зари на убийственной скорости. Проводник, может, и выглядел стариком, но был прыгуч, как газель, и казался не подвержен усталости.

Всего лишь несколько минут назад они сняли очки ночного видения. Данкан был рад от них избавиться. Все, вне пределов досягаемости очков, представлялось полной чернотой в тусклом звездном свете, просачивавшемся сквозь тяжелые ветви.

Вне пределов охвата очков не существовало мира перед ним.

Вид с обеих сторон подергивался и тек мимо — то кучка желтых кустов, то два дерева с серебристой корой, то каменная стена с прорубленными в ней и охраняемыми помаргивающей голубизной сжигающего поля пластальными воротцами, то изогнутый мостик, вытесанный из цельной скалы, весь зеленый и черный под ногами. Потом арка из полированного белого камня. Все конструкции представлялись очень старыми и дорогими, и содержание их стоило, наверняка, недешево, поскольку требовало ручного труда.

Данкан понятия не имел, где находится. Ничто из ландшафта не откликалось на его воспоминания о давно забытых днях Гиди Прайм.

С зарей они увидели, что двигаются по укрытой деревьями звериной тропе вверх по холму. Склон стал крутым. Тут и там, сквозь просветы между деревьями с левой стороны виднелась долина. Нависший туман стоял, охраняя небо, скрадывая расстояния, охватывая их со всех сторон пока они карабкались.

Мир становился все меньше и меньше, теряя свои связи с большим мирозданием.

Во время короткой остановки, не для отдыха, но для того, чтобы прислушаться к лесу вокруг них, Данкан оглядел эти укрытые туманом места. Он чувствовал себя выдернутым из своего мира, из того мироздания, где были небо и яркие черты, привязывавшие один мир к другим планетам.

Его маскировка была простой: тлейлаксанские одеяния для холодной погоды и подкладки под щеки, чтобы его лицо выглядело покруглее. Его кучерявые черные волосы были выпрямлены с помощью горячей химической развивки. Затем волосы выбелили до пшенично-рыжеватых и скрыли под темной шапочкой. Все волосы на его гениталиях были сбриты. Он едва узнал себя в зеркале, когда ему это зеркало подали.

«Грязный тлейлаксанец!?

Искусницей, осуществившей это превращение, была старуха с поблескивающими серо-зелеными глазами.

— Теперь ты — тлейлаксанский Господин, — сказала она. — Тебя зовут Воолс. Проводник доставит тебя до следующего места. При встрече с незнакомыми обращайся с проводником, как с Лицевым Танцором. Во всех иных случаях — делай то, что он прикажет.

Его вывели из катакомб по петляющему проходу, стены и потолок которого были густо покрыты мускусной зеленой алгаем. В освещенной звездами тьме, его вытолкнули из прохода в морозную ночь в руки невидимого мужчины — приземистой фигуры в стеганой одежде.

Голос позади Данкана прошептал:

— Вот он, Амбиторм. Доставь его.

Проводник ответил с гортанным выговором:

— Следуй за мной.

Он пристегнул ведущий поводок к поясу Данкана, надел очки ночного видения и отвернулся. Данкан почувствовал натяжение поводка, когда они двинулись.

Данкан понял зачем поводок. Не для того, чтобы держать его вблизи. Он вполне различал Амбиторма сквозь очки ночного видения. Нет, он предназначался для того, чтобы при опасности мигом швырнуть Данкана наземь. Нет нужды отдавать приказ.

Долгое время они пробирались через небольшие замершие водные потоки, равнины. Свет ранних лун Гамму периодически проникал сквозь укрывавшие их леса. Они выбрались, наконец, на невысокий холм, откуда открывался вид на заброшенную, поросшую кустарником, землю, всю серебрянную в лунном свете от снежного покрова. Они спустились в эту кустарниковую поросль. Кустарники, хоть и вдвое выше роста проводника, так грузно изгибались над звериными тропами, что образовывали проходы лишь чуть больше тоннеля, из которого они начали свое путешествие. Здесь было тепло, тепло исходило от груд компста. Почти никакого света не достигало земли, губчато-вязкой из-за сгнившей растительности. Данкан вдыхал грибковые запахи разлагающейся растительной жизни. Очки ночного видения показывали ему казавшееся бесконечным повторение толстых густых зарослей по обеим сторонам. Проводок, присоединявший его к Амбиторму, был напряженной хваткой чуждого мира.

Амбиторм отверг все попытки заговорить с ним. Он произнес «да», когда Данкан спросил, правильно ли он запомнил его имя, затем: «Не разговаривай».

Вся эта ночь была для Данкана одним беспокойным путешествием.

Ему не нравилось, что собственные мысли отбрасывает его вспять. Особенно навязчивы были воспоминания о Гиди Прайм. Это место не имело ничего общего с тем, что помнилось ему по его настоящей юности. Он гадал, откуда Амбиторм знает дорогу через эту местность, и как он ее помнит. Данкану одна звериная тропа представлялась ничем не отличающейся от другой. Они двигались мерным подпрыгивающим шагом, и у Данкана было достаточно времени на отвлеченные размышления.

?Должен ли я разрешить Ордену использовать меня? Что я им должен??

Еще он подумал о Теге, о доблестном поступке башара, позволившем ему и Лусилле ускользнуть.

«Для Пола и Джессики я сделал то же самое».

— Это связывало его с Тегом, и в Данкане заговорила печаль. Тег был верен Ордену. «Купил ли он мою верность этим своим последним мужественным поступком? Черт побери Атридесов!?

За эту ночь физической активности Данкан еще больше освоился со своей новой плотью. Как же молодо это его тело! Небольшой крен памяти — и ему ясно представился последний момент его первоначальной жизни: ощущение сардукарского клинка, обрушивавшегося ему на голову — ослепительный взрыв боли и света. Твердое знание, что он умер, а затем... ничего, вплоть до момента, когда он увидел перед собой Тега в не-глоубе Харконненов. Дар еще одной жизни. Больше это, чем дар, или нечто меньшее? Атридесы требуют от него еще одной платы.

Перед самой зарей Амбиторм повел его прерывистым бегом через узкий поток, ледяной холод которого проникал сквозь водонепроницаемые наглухо закрытые ботинки тлейлаксанских облачений Данкана. В течении реки отражалось затененное кустарниками серебро света предутренней луны, стоявшей над ними.

Дневной свет застал их на звериной тропе побольше, прикрытой деревьями и взбиравшейся по крутым холмам. Этот проход привел их к узкому скальному выступу под гребнем заостренных валунов. Амбиторм вел его за укрытием мертвых коричневых кустарников, на верхушках которых лежал грязный снег. Он отстегнул поводок от пояса Данкана. Прямо перед ними была неглубокая расселинка в скалах, не совсем пещера, но, Данкан увидел, что в ней можно хоть как-то укрыться, если только из-за кустарников на них не обрушится совсем сильный ветер.

В глубине этого подобия пещеры снега не было.

Амбиторм отошел вглубь расселинки, осторожно удалил слой ледяной грязи и несколько камней, за которыми открылось небольшое углубление. Вытащив оттуда круглый черный предмет, он принялся с ним возиться.

Данкан присел на корточки под нависающей скалой и стал разглядывать своего проводника. У Амбиторма было впалое лицо, с кожей такой темной и обветренной, что она казалась дубленой. Да, его черты вполне могли быть чертами Лицевого Танцора. Глубокие морщины, прорезанные в коже вокруг карих глаз. Морщинки расходились и от углов его тонкого рта, прорезали широкий лоб. Они разбегались по краям плоского носа и углублялись на расселинке узкого подбородка. Морщины времени по всему лицу.

Дразнящие аппетит запахи стали доносится от черного предмета перед Амбитором.

— Мы здесь поедим и немного переждем, а после продолжим путь, сказал Амбиторм.

Он говорил на старом галахе, но с тем гортанным выговором, которого Данкан никогда прежде не слышал, ставя странные ударения на дифтонгах. Был ли Амбиторм из Рассеяния, или он уроженец

Гамму? Конечно, со временем Дюны Муад Диба не могло не произойти больших перемен. Теперь, когда Данкан мог сравнивать, он понимал, что все люди Оплота Гамму, включая Тега и Лусиллу, говорили на галахе, видоизменившемся по сравнению с языком ранних лет его первоначальной жизни.

— Амбиторм, — проговорил Данкан. — Это гаммуанское имя?

— Ты будешь называть меня Тормса, — ответил проводник.

— Это кличка?

— Это то, как ты будешь меня называть.

— Почему же там мне представили тебя «Амбиторм»?

— Потому что это имя, которое я им сообщил.

— Но с чего бы тебе...

— Разве прожив под властью Харконненов, ты не научился, как изменять свою личность?

Данкан примолк. Что это? Еще одна маскировка.

Амби... Тормса не изменил свою внешность. Тормса. Было ли это тлейлаксанскоe имя?

Проводник протянул Данкану чашку с горячим питьем.

— Питье восстановит твои силы, Воолс. Выпей быстро. Это тебя согреет. Данкан взял чашку обеими руками. «Воолс. Воолс и Тормса.

Тлейлаксанский Господин и Лицевой Танцор, его сопровождающий».

Данкан приподнял чашку перед Тормса в древнем приветствии боевых соратников Атридесов, затем поднес ее к губам. Горячо! Но питье согревало его, проникая в живот; оно чуть отдавало сладким ароматом и привкусом каких-то овощей. Он подул на него и выпил точно так, как это сделал Тормса.

«Странно, что я не заподозрил, нет ли яда в этом напитке», — подумал Данкан. Но в этом Тормса и во всех других, которых он встретил в нынешнюю ночь, было что-то от башара. Жест здравицы боевым соратникам вырвался у него естественно.

— Почему ты так рискуешь своей жизнью? — спросил Данкан.

— Ты знаешь башара — и тебе еще нужно спрашивать?

Данкан ошарашено умолк.

Тормса наклонился вперед и забрал у Данканы чашку. Вскоре все свидетельства их завтрака были спрятаны под камнями и промерзшей землей. «Припасенная еда свидетельствует, что все продумано заранее», подумал Данкан. Он повернулся и присел на корточках на холодной земле. Туман все еще держался за прикрывавшие их кусты. Безлистенные ветки вырывались из тумана странными кусочками и обрывками. Пока он смотрел, туман стал развеиваться, открывая размытые очертания города на дальнем краю долины.

Тормса присел на корточки рядом с ним.

— Очень старый город, — сказал он. — Место Харконненов, смотри, — он вручил Данкану маленький мооскоп. — Вот куда мы придем к вечеру.

Данкан поднес мооскоп к левому глазу и постарался навести на фокус масляные линзы. Управление было незнакомым, совсем не то, которому он учился в юности своей исходной жизни, и не то, с которым его знакомили в Оплоте. Он убрал мооскоп от глаза и осмотрел его.

— Икшианский? — спросил он.

— Нет, его сделали мы, — Тормса наклонился и указал на две крохотные кнопочки, выдававшиеся на черной кромке. — Медленное, быстрое. Нажми левую, чтобы трубка раздвинулась, нажми правую — трубка сократится.

Опять Данкан поднес мооскоп к глазу. Кто такие мы, сделавшие эту штуковину? Прикосновение к быстрой кнопке — и в мгновение ока он ясно увидел всю местность. Крохотные точки превратились в город. Люди! Он подбавил усиление. Люди стали небольшими куклами. Взяв их за масштаб,

Данкан понял, что город на краю долины просто огромен... и намного дальше от них, чем он думал. Огромное, единственное прямоугольное здание возвышалось в центре города, его вершина терялась в облаках. Просто гигантское.

Данкан узнал теперь это место. Окружение изменилось, но центральное сооружение было твердо зафиксировано в его памяти.

«Сколько многие из нас исчезли в этой адской черной дыре и никогда не вернулись??

— Девятьсот пятьдесят этажей, — сказал Тормса, видя, куда направлен взгляд Данкана. — Сорок пять километров в длину, тридцать километров в ширину, все построено из пластили и бронированного пластика.

— Я знаю. — Данкан опустил моноскоп и вернул его Тормсе. — Он назывался Барони.

— Ясай, — сказал Тормса.

— Так его называют теперь, — сказал Данкан. — Я знаю несколько названий этого города.

Данкан глубоко вздохнул, подавляя старую ненависть. Все эти люди давно мертвые. Только здания сохранились. И его воспоминания. Он осмотрел город вокруг этого огромного сооружения. Место представляло собой переполненный народом лабиринт. Зеленые пространства были разбросаны там и тут, каждое из них за высокими стенами. Личные резиденции с частными парками, как сказал ему Тег. В моноскоп стали видны охранники, расхаживавшие по верхушкам стен.

Тормса сплюнул на землю перед ним.

— Место Харконненов. — Они построили это, чтобы люди ощущали себя маленькими, — сказал Данкан.

Тормса кивнул.

— Маленький, и нет в тебе силы.

«Проводник стал почти болтливым», — подумал Данкан.

Данкан всю ночь время от времени нарушал приказ молчать, пытаясь завязать разговор.

— Какие животные натоптали эти тропы?

Казалось вполне логичным задать этот вопрос, раз уж они рысцой передвигались по несомненно звериной тропе, где даже держался мускусный запах диких зверей.

— Не разговаривай! — огрызнулся Тормса.

Потом Данкан спросил, почему они не могли раздобыть какое-нибудь транспортное средство и ускользнуть на нем. Даже наземный транспорт был бы предпочтительней этого жестокого броска через местность, где один маршрут так похож на другой.

Тормса остановился тогда в пятне лунного света и поглядел на Данкана, словно заподозрил, что его подопечный внезапно выжил из ума.

— Транспорт можно выследить!

— А что, никто не сможет нас выследить, когда мы идем пешком?

— Тогда преследователям тоже придется двигаться пешком. А здесь они будут убиты, они это знают.

До чего же диковинное место! До чего первозданное место.

Под укрытием Оплота Бене Джессерит Данкан и не ведал, какова природа окружавшей его планеты. Позже в не-глуобе, он был отрезан от всех контактов с внешним миром. У него были воспоминания исходной жизни и воспоминания жизни гхолы, но насколько же они здесь оказались бесполезными! Думая сейчас об этом, он понимал, что ведь существовали подсказки, по которым он мог бы кое о чем догадаться.

Было очевидно, что контроль погоды на Гамму лишь начал развиваться. А Тег говорил ему, что орбитальные телеспутники системы планетарной обороны являются самыми лучшими.

Все для защиты, чертовски мало для комфорта! В этом отношении было что-то от Арракиса.

«Ракис», — поправил он себя.

Тег. Выжил ли старик? Попал ли он в плен? Что значит для него попасть в плен, в его возрасте? В старые дни Харконненов это означало бы зверское рабство. Бурзмали и Лусилла... Он взглянул на Тормсу.

— Мы найдем в городе Бурзмали и Лусиллу?

— Если они доберутся.

Данкан оглядел свою одежду. Достаточно ли этого маскарада?

Тлейлаксанский Господин и его сопровождающий? Люди, конечно будут принимать сопровождающего за Лицевого Танцора. Лицевые Танцоры опасны. Мешковатые штаны были из какого-то материала, которого Данкан никогда прежде не видел. На ощупь он был как шерсть, но чувствовалось, что этот материал искусственный. Когда он поплевал на него, плевок на нем не задержался, и запах был не шерстяной. Его пальцы определили однообразие текстуры, какой не могло быть ни в одном естественном материале. Высокие мягкие сапоги и шапка были из того же материала. Одежды были свободными и пухлыми, кроме как на лодыжках. Не стеганые, однако, без утепляющих прокладок. Они были как-то по-особому хитроумно пошиты, и воздух, наглоухо задерживаемый между слоями материи, обеспечивал достаточное тепло. Материя была окрашена в зелено-серую крапинку — великолепный маскировочный цвет для этой планеты.

Тормса был обряжен в сходные одежды.

— Сколько нам здесь ждать? — спросил Данкан.

Тормса покачал головой, призывая к молчанию. Проводник теперь присел, склонив голову к торчавшим коленям и обхватив их руками, глядя вперед на долину.

За время ночного путешествия Данкан выяснил, что их одежда на удивление удобна. Кроме того единственного случая в воде, его ногам ни разу не становилось холодно, но не было и перегрева.

Брюки были просторны, как рубашка и куртка, так что его телу было легко двигаться. Ничто нигде не терло.

— Кто делает такие одежды? — спросил Данкан.

— Мы их делаем, — проворчал Тормса. — Помолчи.

«Никакой разницы с днями до пробуждения в Оплоте Ордена», — подумал Данкан. Тормса как бы говорил: «Тебе нет надобности знать».

Вскоре Тормса поднялся на ноги и выпрямился. Он вроде бы расслабился. Он поглядел на Данкана.

— Друзья в городе подали мне сигнал, что у нас над головой охотники.

— Топтеры?

— Да.

— Так что мы должны делать?

— Ты должен делать то, что делаю я, и больше ничего.

— Ты просто сидишь здесь.

— Пока что. Скоро мы отправимся в долину.

— Но как...

— Когда ты пересекаешь местность, подобную этой, ты становишься одним из обитающих здесь животных. Выглядывай следы, смотри, куда они ведут, где они ложатся на отдых.

— Но разве не могут охотники разглядеть разницу между...

— Если животное обгладывает ветки, ты тоже обгладывай ветки. Если приближаются охотники, продолжай делать то, что и делал, что продолжало бы делать любое животное. Охотники будут высоко в воздухе. Это удачно для нас. Они не смогут отличить человека от животного, если только не спустятся.

— Но разве они...

— Они доверяют своим машинам и тем движениям, которые видят. Они ленивы, летают высоко — так быстрей идет розыск. Они полностью верят, что их мозги, считывая показания приборов,

безошибочно определят, где животное, а где человек.

— Так, что просто минуют нас, если подумают, что мы дикие животные.

— Если они усомнятся, они еще раз нас проверят. Мы не должны изменять образа движений после того, как нас проверят первый раз.

Это была очень длинная речь для обычно молчаливого Тормса. Вот теперь он внимательно разглядывал Данкан.

— Ты понимаешь?

— Как я пойму, что они нас проверяют?

— У тебя зашипляет в желудке. В желудке у тебя появится такое ощущение, будто ты выпил газированный напиток, которого не стал бы пить ни один человек.

Данкан кивнул.

— Икшианские сканнеры.

— Пусть это тебя не тревожит, — сказал Тормса. — Животные здесь привыкли к этому. Порой они прерываются на секунду, а затем продолжают заниматься своим делом, как будто ничего не происходит. Что до них — то полная правда. Ведь произойти что-то дурное может лишь с нами.

Вскоре Тормса встал.

— Скоро мы отправимся в долину. Следуй вплотную за мной. Делай в точности то, что делаю я, и ничего больше.

Данкан двинулся шаг в шаг за своим проводником. Вскоре они были под укрывшими их деревьями. Где-то во время их ночного передвижения, понял Данкан, он начал воспринимать это место так, как его воспринимают здесь живущие.

Новое терпение завладело его сознанием. И было еще возбуждение, подстрекаемое любопытством.

Каков же тот мир, каким он стал после времен Атридесов?

Гамму. Каким же странным местом стала Гиди Прайм.

Медленно, но отчетливо новые грани начали открываться перед ним, и каждая новая открывала вид на большее, чем он мог бы постичь. Он ощущал, как прступают за происходящим четкие модели. «Однажды, — подумал он, все модели составятся в единую, и тогда он узнает, почему его воскресили из мертвых».

Да, это по принципу открывающихся дверей, подумалось ему. Стоит открыть одну дверь, и она выводит в помещение, где есть другие двери. В этом новом помещении выбираешь одну из дверей и исследуешь, что за ней есть. Затем могут наступить времена, когда придется опробовать все двери, но чем больше дверей открываешь, тем убежденней становишься, что за каждой дверью явится следующая. Наконец, одна из дверей выводит в знакомое место. И тогда можно сказать: «Ага, это все объясняет».

— Охотники приближаются, — сказал Тормса. — Мы теперь животные, обладающие ветки, — он подошел к укрывавшему их кусту, сорвал зубами небольшую веточку.

Данкан сделал то же самое.

Глава 38

Я должен править глазом и когтем как ястреб среди, меньших птиц.

Утверждение Атридесов

(источник: Архивы БД)

На рассвете Тег выбрался из-за защитных щитов вдоль главной дороги. Дорога была широкой и ровной трассой — лучевой прокатки, содержащейся в чистоте от растительности. Десять рядов, прикинул Тег, пригодных и для пешего, и для транспортного передвижения. Движение в этот час было, в основном, пешим.

Он стряхнул почти всю землю со своей одежды, лишний раз удостоверился, что на ней нет воинских знаков отличия.

Его седые волосы были не так опрятны, как он обычно предпочитал, но он ведь мог использовать как расческу только свои пальцы.

Движение по дороге шло по направлению к городу Ясай — многие километры через долину. Утро было безоблачным, откуда-то, с оставшегося далеко позади него моря дул легкий ветерок.

За ночь он достиг некоторого равновесия со своим новым сознанием. Перед второй половиной его двойного зрения пропархивало то одно, то другое видение: он с опережением видел, что должно произойти, отчетливо понимал, куда ему нужно ставить ногу при каждом следующем шаге. За этим, опережающим время зренiem, таился таинственный реактивный спусковой крючок, который, он знал, только рвани — и скорость его тела возрастет до таких сногсшибательных величин, которые вроде бы ни для какой плоти немыслимы. Рассудком этого нельзя было объяснить. У него было такое чувство, что он с осторожностью идет по лезвию ножа.

Как он ни старался, он не мог понять, что же произошло с ним под Т-Пробой. Было ли это сходно с тем, что испытывают Преподобные Матери во время Спайской Агонии?

Но он не чувствовал постепенного пробуждения в себе все новых и новых Иных Памятей. И он никак не полагал, что Сестры способны на такое, как он. Это двойное видение, заранее говорившее ему, чего ожидать от каждого следующего движения, было совсем новой способностью познания правды. Учившие его на ментата всегда его уверяли, что существует форма «жизни-правды», которую не пришибили обычным методом выведения доказательств из выстраиваемых фактов. Она порой, содергится в притчах и поэзии и часто прямо противоположна влечению страстей, так ему говорили.

— Самое трудноприемлемое испытание для ментата, — говорили они.

Тег всегда с легким недоверием относился к таким заявлениям, но сейчас он был вынужден с этим согласиться. Т-Проба выбросила его через порог в новую реальность.

Он не знал, почему выбрал именно этот момент, чтобы выбраться из укрытия — разве, что момент показался вполне подходящим, чтобы тихо влиться в поток людского движения.

Большинство идущих по дороге были земледельцами, тянувшими высоченные корзины овощей и фруктов. Эти корзины поддерживались позади них на дешевых сусpenзерах. Сознание того, что эта еда послана ему, чтобы утолить муки голода, вспыхнуло и погасло. Во время своей долгой службы в Бене Джесссерит он служил и на самых примитивных планетах, и здешняя человеческая деятельность показалась ему мало отличавшейся от деятельности фермеров, погоняющих навьюченных животных. Движение по дороге удивило его странной смесью древности и новизны — фермеры идут пешком, а их продукция парит позади них на донельзя привычных технологических устройствах. Не будь сусpenзоров, эта сцена могла бы происходить в любой день самого древнего прошлого человечества. Тягловое животное — оно тягловое животное всегда, даже если сошло с конвейера иксианской фабрики.

Используя свое новое двойное зрение, Тег выбрал одного из фермеров, коренастого темнокожего человека с тяжелыми чертами лица и руками в грубых мозолях. Он нес восемь огромных корзин, нагруженных дынями в грубой кожуре. От их запаха у Тега мучительно потекли слюнки изо рта, когда он набрал скорость, чтобы пойти рядом с фермером. Тег несколько минут шагал в молчании, затем осмелился заговорить:

— Эта лучшая дорога на Ясай?

— Это долгий путь, — сказал мужчина. Голос у него был грудным, и в нем звучала осторожность.

Тег взглянул на нагруженные корзины.

Фермер искоса взглянул на Тега.

— Мы идем на центральное место рыночного сбора. Оттуда другие заберут нашу продукцию в Ясай.

Пока они разговаривали, Тег понял, что фермер направляет его чуть ли не настойчиво подталкивая к самому краю дороги. Фермер оглянулся и слегка дернул головой — короткий кивок. Еще три фермера подошли к ним и встали, окружая Тега и его попутчика так, чтобы высокие корзины скрыли их от всего другого движения.

Тег напрягся. Что они замышляют? Он не чувствовал, однако, никакой угрозы. Его двойное зрение не находило ничего угрожающего в таком близком соседстве.

Тяжелый транспорт проехал мимо у них над головой. Тег понял, что он проехал только по запаху сгоревшего топлива, ветерку, покачнувшему корзины, по рокоту мощного мотора и внезапному напряжению в его попутчиках. Высокие корзины полностью скрыли пролетевший транспорт.

— Мы выглядывали тебя, чтобы защитить, башар, — сказал фермер рядом с ним. — Многие охотятся за тобой, но среди нас нет ни одного такого.

Тег бросил на человека изумленный взгляд.

— Мы служили у тебя при Рендитае, — сказал фермер.

Тег стглотнул. «Рендитай?» Ему понадобился момент, чтобы это припомнить — только небольшая стычка в его долгой истории конфликтов и переговоров. — Я сожалею, что мне не известно твое имя, — сказал Тег. — Радуйся, что ты не знаешь наших имен. Так оно лучше.

— Но я благодарен.

— Это наша маленькая услуга, которую мы рады тебе оказать, башар.

— Я должен добраться до Ясая, — сказал Тег. — Там опасно.

— Всюду опасно.

— Мы догадались, что ты пойдешь на Ясай. Кое-кто тут должен скоро подоспеть и отвести тебя в укрытие. Ага, вот и он. Мы тебя здесь не видели, башар. И тебя здесь не было.

Один из фермеров забрал возвышавшийся груз своего попутчика, соединив два ремешка корзин, в то время как фермер, которого выбрал Тег, поспешно пропихнул Тега под бечевку и в темный граундкар. Тег мельком заметил сверкающие пласталь и плааз, когда транспорт лишь на секунду замедлил, чтобы подобрать его. Дверь резко закрылась за ним, и он оказался в одиночестве в мягком обитом кресле на заднем сиденье граундкара. Машина набрала скорость и скоро далеко обогнала пеших фермеров. Окна вокруг Тега были затемнены так, что все проносившиеся снаружи мимо него, Тег видел как бы в сумраке. Водитель был затемненным силузтом.

Это был первый шанс расслабиться в теплом уюте с момента его пленения, почти заманивший Тега в сон. Он не ощущал никаких угроз. Его тело до сих пор болело от перегрузки и от мук, испытанных при Т-Пробе.

Он, однако, сказал себе, что должен оставаться бодрым и настороже. Водитель наклонился вбок и заговорил через плечо, не оборачиваясь: — Они охотятся за тобой уже два дня, башар. Некоторые считают, что ты уже покинул планету.

«Два дня».

Станнер, и что там еще они с ним сделали, лишило его сознания на долгое время. Это только добавило к его голоду. Он постарался проиграть перед глазами вмонтированный в его плоть хронометрических датчик, но его показания лишь мгновенно порхнули перед взором, как это происходило каждый раз, когда он пытался проделать это со временем Т-Пробы. Его ощущение времени и все взаимосвязи с ним необычайно изменились.

«Значит, некоторые думают, что я покинул Гамму».

Тег не спрашивал, кто за им охотится. В нападении и в последующей попытке участвовали тлейлаксанцы и люди Рассеяния.

Тег оглядел свой транспорт. Это был один из старых прекрасных граундкаров времен до Рассеяния, на нем был отпечаток чудеснейшего иксианского производства. Он никогда не ездил на таком, но много слышал о них. Реставраторы находили их, чтобы восстановить, собрать заново — чтобы они ни делали, это возвращало древнее ощущение качества. Тегу говорили, что такие автомобили часто находят заброшенными в старых местах — в старых разрушенных зданиях, в штолнях, запертymi в

складах механизмом, на сельскохозяйственных полях?

И опять водитель слегка отклонился вбок и проговорил через плечо:

— У тебя есть адрес в Ясае, куда бы тебе желательно было попасть, башар?

Тег перебрал в своей памяти контакты, перепроверенные им в первой инспекционной поездке по Гамму, и назвал адрес одного из таких людей.

— Ты знаешь это место?

— Там, в основном, место встреч и питейные заведения, башар. Я слышал, там подают хорошую еду, но любой туда может войти, если у него есть деньги.

Не зная, почему он выбирает именно эту явку, Тег сказал:

— Вот там мы и попытаем счастья.

Он не считал нужным объяснять водителю, что по этому адресу находились отдельные обеденные кабинеты.

Упоминание о еде вызвало мучительные терзания голода. У Тега затряслись руки, и ему понадобилось несколько минут, чтобы вернуть спокойствие. Активность нынешней ночи почти его опустошила, понял он. Он обшарил взглядом всю внутренность автомобиля — нет ли в нем отделения для еды и питья. Реставрация автомобиля была выполнена с любовной заботой, но он не увидел никаких скрытых отделений.

Такие автомобили совсем не редкость в некоторых кварталах, знал он, и все они — показатели богатства. Кому принадлежит этот?

Не водителю, разумеется. По водителю ясно видно, что он профессионал. Но если было послано сообщение доставить этот автомобиль, чтобы забрать его, значит и другие знают о местонахождении Тега.

— Нас не остановят и не обыщут? — спросил Тег. — Не эту машину, башар. Она принадлежит Планетарному банку Гамму.

Тег молчаливо это переварил. Банк был одним из его контактов. Он очень тщательно изучил ключевые звенья во время инспекции. Воспоминание об этом сразу же заставило его вспомнить о своей главной ответственности — за гхолу.

— Мои попутчики, — осмелился спросить Тег. — Они...

— Этим занимаются другие, башар. Я сказать не могу.

— Нельзя ли предать словечко...

— Когда будет безопасно, башар.

— Разумеется.

Тег откинулся на подушки и стал разглядывать то, что его окружало. Эти машины строились с применением большого количества пластика и почти неразрушимой пластины. С возрастом портилась внутренняя обшивка, управляющая электроника, супензорные установки, обводные вентилирующие трубы. И сцепления портились, как ни старались их уберечь. Реставраторы придали этому граундкару такой вид, словно он только что вышел с завода всюду приглушенное поблескивание металла, обивка слабо поскрипывает на сиденьях. И запах — неопределимый аромат новизны — смесь полировки, изящных тканей с примесью пощипывающего озона от плавно работающей электроники. Нигде здесь, однако, не было запаха пищи.

— Сколько до Ясаи? — спросил Тег. — Еще полчаса, башар. Есть ли проблема, которая требует большей скорости? Я не хотел бы привлекать...

— Я очень голоден. Водитель поглядывал налево и направо. Вокруг них больше не было фермеров. Дорога была почти пуста, кроме двух тяжелых транспортных коконов справа, увлекаемых тракторами и большого грузовика, тянувшего парящий на супензерах автоматический фруктосборщик.

— Опасно слишком задерживаться, — сказал водитель. — Но я знаю место, где, по-моему, смогу обеспечить тебе, по крайней мере, быструю миску супа. — Все было бы хорошо. Я не ел два дня и очень устал физически.

Они добрались до перекрестка, и водитель повернул налево, на узкую дорогу мимо высоких, ровно разбросанных сосен. Вскоре он повернулся на однорядную дорожку сквозь деревья. В конце ее открылось низкое здание, построенное из темного кирпича с крышей из черного пластика. Окна были узкими и на них поблескивали сопла защитных выжигалок.

Водитель сказал:

— Одну минуту, сэр.

Он вылез, и Тег впервые увидел лицо мужчины: необычайно худое лицо с длинным носом и крохотным ртом. Кружева морщин на щеках — знакомое свидетельство хирургического восстановления. Глаза светились серебром, явно искусственным. Он отвернулся и вошел в дом. Вернувшись, он открыл дверь Тега.

— Пожалуйста, побыстрее, сэр. Тот, кто внутри, вам греет суп. Я сказал, что вы банкир. Платить нет надобности.

Земля морозно поскрипывала под ногами. Тегу пришлось чуть пригнуться, проходя в дверь. Он вошел в темный холл со стенами, отделанными деревянными панелями, и с хорошо освещенной комнатой в конце. Запах пищи манил его туда, как магнит. Его руки опять задрожали. У окна из которого открывался вид на перекрытый и отгороженный сад, был накрыт небольшой столик. Кустарники, густо усыпанные красными цветами, почти скрывали каменную стену, огораживавшую сад. Желтый и горячий пластилин поблескивал над этим пространством, купавшимся в искусственном летнем освещении. Тег благодарно опустился на единственный стул у стола. Белая скатерть, увидел он, с рельефной каймой. Единственная суповая ложка.

Справа скрипнула дверь, и вошла коренастая фигура, неся чашу, от которой поднимался пар. Мужчина заколебался, увидев Тега, затем поставил чашу на стол и подвинул ее Тегу: Настороженный этой нерешительностью, Тег заставил себя забыть о еде, искушающий аромат которой коснулся его ноздрей, и сосредоточился вместо этого на вошедшем.

— Это хороший суп, сэр. Я сам его приготовил.

Искусственный голос. Тег увидел шрамы по бокам челюсти. Вид какой-то древнемеханический у этого мужчины: голова почти без шеи, присаженная к толстым плечам, руки, которые кажутся странно соединенными и в плечах, и в локтях, ноги, которые вырастают, как будто только из ляжек. Теперь он стоял неподвижно, но то, как он чуть дернулся, входя, говорило, что он почти весь из заменяющих искусственных деталей. Нельзя было избежать страдальческого взгляда его глаз.

— Я знаю, что некрасив, сэр, — прокрипел мужчина. — Я был раздавлен при взрыве Аладжори.

Тег понятия не имел, что это может быть такое — взрыв Аладжори, — но явно предполагалось, что он это знает.

«Раздавлен».

— Не могу припомнить, не встречались ли мы, — сказал Тег. — Никто здесь не знает другого, — ответил мужчина. — Ешьте ваш суп.

Он указал вверх — на спиралеобразный кончик неподвижного суппера, тот светился, показывая, что нигде поблизости им не выявлено никакого яда. — Еда здесь безопасна.

Тег взглянул на темно-коричневую жидкость в миске — в ней виднелись крупные куски мяса — и потянулся за ложкой. Он дважды пытался ухватить дрожащей рукой ложку, но даже потом расплескал большую часть жидкости не успев приподнять ее. Поддерживающая рука крепко схватила запястье Тега, и искусственный голос тихо проговорил ему в ухо:

— Я не знаю, что они с вами сделали, башар, но никто вам здесь не причинит вреда, не перешагнув сперва через мое мертвое тело.

— Ты знаешь меня?

— Многие отдали бы за вас жизнь, башар. Благодаря вам жив мой сын.

Тег позволил, чтобы ему помогли. Это было все, что он мог сделать, чтобы проглотить первую ложку. Жидкость была наваристой, горячей и успокаивающей. Его рука вскоре окрепла, и он кивнул мужчине, что можно отпустить его запястье.

— Еще, сэр?

Тег только тогда понял, что доиста съел всю миску. Было искушение сказать «да», но ведь водитель упоминал, что им надо спешить.

- Благодарю тебя, но я должен идти.
- Вас здесь не было, — прокрипел мужчина.

Когда они опять оказались на главной дороге, Тег откинулся на подушки аппарата и задумался над занятным смыслом, подспудно звучавшим за словами раздавленного. Те же самые слова, что употребил и фермер: «Вас здесь не было». Было ощущение, что это общий ответ, говоривший о переменах, произошедших на Гамму с тех пор, как Тег осматривал планету.

Вскоре они достигли предместий Ясая, и Тег задумался, не стоит ли ему попробовать маскировку. Раздавленный быстро его опознал.

— Где сейчас за мной охотятся Преподобные Черницы? — спросил Тег. — Повсюду, башар. Мы не можем гарантировать твою безопасность, но шаги предприняты. Я кого надо поставлю в известность, куда я тебя доставил.

— Они не говорили, почему охотятся за мной?

— Они никогда не объясняют, башар.

— Сколько времени они уже на Гамму?

— Слишком уже давно, сэр. С моего детства. Я был в чине балтерна при Рендите.

«По меньшей мере, сто лет, — подумал Тег, — Достаточно времени, чтобы собрать множество сил в свои руки... если доверять страхам Таразы».

Тег им доверял.

«Не доверяй никому, на кого могут повлиять эти шлюхи», — сказала ему Тараза.

Однако, в нынешней ситуации Тег не ощущал угрозы для себя. Он не настаивал на больших подробностях.

Они основательно углубились в Ясай. Чёрная громада древней харконненовской цитадели времен Барона периодически мелькала у него перед глазами через случайные просветы между стенами, ограждавшими огромные личные резиденции. Аппарат повернул на улицу небольших коммерческих учреждений... Дешевые здания, сооруженные по большей части из случайных остатков, чему свидетельством была их плохая пригнанность друг к другу и дисгармоничные цвета. До ядовитости яркие вывески, рекламирующие, что у них все товары самые лучшие, что ремонтные услуги у них лучше, чем где либо еще.

«Это не значит, что Ясай приходит в упадок или даже совсем ветшает», — подумал Тег. Развитие превратилось здесь в нечто еще хуже уродства. Кто-то предпочел, чтобы это место было уродливым. Это был ключ к большинству того, что он видел в городе.

Время здесь не останавливалось, оно пошло вспять. Это не был современный город, полный ярких транспортных коконов, самообеспечивающихся утилизированных зданий. Это были разбросанные наугад джунгли, древние строения, соединенные с древнейшими строениями, некоторые построенные по индивидуальному проекту, а некоторые возводились ради давно минувшей необходимости. Все строения в Ясае теснились одно к другому в беспорядке, который едва умудрялся избегать хаоса. Что выручало, как понимал Тег, так это заложенная с самого основания схема главных магистралей, вдоль которых и сооружалось все это беспорядочное нагромождение. Хаос удерживался в границах, хотя в разбивке улиц нельзя было углядеть никакого единого руководящего плана. Улицы встречались и пересекались под странными углами, редко прямыми. Видимое с воздуха, это место представлялось безумным, сшитым из клочков, одеялом, где только огромный черный прямоугольник древнего Барона говорил о какой-то организации. Остальное было архитектурным мятежом.

Тег внезапно увидел, что это место является слоем, наложенным на другие слои, основывающимся на предыдущих слоях и такая бешеная смесь, что они никогда не смогут докопаться до полезной правды. Все Гамму двигалось по этому пути. Откуда же такое безумие взяло свое начало? От Харконненов? — Мы на месте, сэр.

Водитель подрулил к краю тротуара перед фасадом здания без окон. Вся поверхность — чёрный ровный пласталь, единственная дверь на уровне земли. Никакого барахольного материала в этом сооружении. Тег узнал это место: та надежная нора, которую он выбрал. Нечто неопределенное промелькнуло перед двойным зрением Тега, но он не ощутил непосредственной угрозы. Водитель открыл дверь Тегу и встал сбоку.

— Здесь не слишком-то много народа в этот час, сэр. Я бы на вашем месте поскорее проник внутрь.

Не оглядываясь назад, Тег метнулся через узкий тротуар в здание и попал в небольшое ярко освещенное фойе, отделанное полированым белым плаэром, где только ряды телеглазов встретили его. Он нырнул в шахту лифта и набрал памятные ему координаты. Этот лифт, он знал, идет под углом через все здание к пятьдесят седьмому этажу, к задней его части, где есть окна. Он помнил единственную столовую, отделанную темно-красным, с увесистой коричневой мебелью, и женщину с жестким взглядом, с явными признаками подготовки Бене Джессерит, но не Преподобной Мать.

Лифт доставил его в комнату, которую он помнил, но там не было никого, чтобы встретить. Тег оглянулся, ища солидную коричневую мебель. Четыре окна у задней стены были закрыты толстыми темно-красными шторами. Тег понял, что его увидели. Он терпеливо ждал, используя свое новоприобретенное двойное зрение, которое заранее показало бы ему опасность. Не было никаких признаков нападения. Он занял позицию сбоку от выхода из лифта и еще раз огляделся вокруг. У Тега была теория о взаимосвязи помещений с их окнами — количеством, расположением, размерами, высотой от пола, пропорциональным соотношением между размерами собственно помещения и его окон, высотой потолков. Для него имело значение, легкие занавески на окнах или тяжелые шторы — все это давало пищу для ментатных выкладок, опиравшихся на знание формального предназначения того или иного помещения, из мелочей слагалась до изощренности развитая система, в тонкую упорядоченность которой вписывалось любое помещение. Смысл окон мог выламываться их этой системы, если их использовали по-особому в аварийных случаях, но и аварийные случаи имели свою надежную систему.

Отсутствие окон в комнате высоко над землей имело свой особенный смысл. Если люди занимали такую комнату, то это не обязательно означало, что их главная цель секретность.

В учебных за ведениях ему доводилось видеть безошибочные признаки того, что классные комнаты без окон были убежищем от внешнего мира и особым проявлением неприязни к детям.

Эта комната, однако, представляла что-то другое: обусловленная секретность плюс необходимость вести периодическое наблюдение за внешним миром. «Защищающая секретность, когда требуется». Его мнение укрепилось, когда он пересек комнату и отдернул одну из штор. На окнах был тройной бронированный плаэз. Вот как! Наблюдение за внешним миром могло вызвать нападение. Это было мнение того, кто велел обустроить комнату подобным образом, кто бы это ни был.

И опять Тег отдернул занавеску в сторону. Он выглянул в угловое окно, на котором были установлены призматические рефлекторы, позволявшие в увеличенном виде просматривать все соседние стены от угла до угла и от земли до крыши.

«ОТЛИЧНО!?

При его предыдущем посещении у него не было достаточно времени для более тщательного изучения, но теперь он сделал более уверенную оценку.

Очень интересная комната. Тег задвинул занавеску и вернулся как раз вовремя, чтобы увидеть высокого человека, выходящего из отверстия лифта. Двойное зрение Тега снабдило его четким опережающим видением незнакомца. В этом человеке таилась опасность. Но прибывший был явно военным — то, как он держал себя, его живой взгляд, схватывавший все подробности, которым мог обладать только тренированный и закаленный офицер. И было что-то еще в его поведении, что заставило Тега застыть на месте. Это был предатель! Наемник, доступный тому, кто предложит наивысшую цену.

— Чертовки плохо они с тобой обошлись, — приветствовал мужчина Тега. Голос его был глубоким баритоном с бессознательным убеждением в своей личной силе, звучавшей в нем. Выговор его был такой, какого Тег никогда прежде не слышал. Это кто-то из Рассеяния! Башар или эквивалент башара, прикинулся Тег. Все равно, не было никаких признаков немедленного нападения. Когда Тег не ответил, мужчина продолжил:

— О-о, прости, что не представился. Я — Муззафар. Я Джана Муззафар, региональный командующий силами Дура.

Тег никогда не слышал о силах Дура.

Вопросы заполонили ум Тега, но он оставил их при себе. Что он здесь ни скажи — это может дать ключик к его слабостям.

Кто же были эти люди, которые встречались ему на пути?

«Почему я выбрал это место?» И это решение было принято с такой внутренней уверенностью!

— Пожалуйста, чувствуй себя уютно, — сказал Муззафар, указывая на небольшой диванчик и низкий сервировочный столик перед ним. — Уверяю тебя, ничего из случившегося с тобой не является моим деянием. Я старался остановить их, когда узнал об этом, но ты уже... покинул сцену.

Теперь Тег услышал в голосе Муззафара и другое: настороженность, граничащую со страхом. Значит, этот человек либо слышал о произошедшем в хижине и на вырубке, либо видел это.

— Чертовски умно с твоей стороны, — сказал Муззафар — Выжидать, скрывая свою истинную силу, пока захватившие тебя не сосредоточились на попытках выжать информацию. Они что-нибудь узнали?

Тег молчаливо покачал головой. Его так и подмывало переключится на свою сверхскорость для нападения, но все же он не чувствовал здесь непосредственной угрозы насилия. Что же делают эти Затерянные? Но Муззафар и его люди сделали неправильный вывод о том, что произошло в комнате Т-Пробы. Это ясно.

— Пожалуйста, садитесь, — сказал Муззафар.

Тег сел на предложенный диванчик.

Муззафар уселся в глубокое кресло напротив Тега под небольшим углом, с другой стороны от него — сервировочный столик. В Муззафаре ощущалась приглушенно-напряженная бдительность. Он был готов к битве.

Тег с интересом разглядывал мужчину. На Муззафаре не было никаких особых знаков различия — только командующий. Высокий мужчина с широким мясистым лицом и большим носом. Глаза серо-зеленые и устремлены чуть ниже правого плеча Тега, когда кто либо из них заговаривал. Тег некогда знал шпиона, который тоже так смотрел.

— Ну-ну, — сказал Муззафар. — Со времени прибытия сюда я очень много читал и слышал о тебе.

Тег продолжал безмолвно его разглядывать. Волосы Муззафара хорошо подстрижены, над левым глазом фиолетовый шрам, миллиметра три длиной. Одет он в открытую полевую светло-зеленую куртку и соответствующие брюки — не вполне мундир, но во всем этом есть опрятность, говорящая о привычке аккуратно следить за своим внешним видом. Ботинки это только подтверждали. Тег подумал, что наклонись он поближе, можно было бы даже увидеть свое отражение в их надраенной светло-коричневой поверхности.

— Никогда, разумеется, не рассчитывал встретиться с тобой лично, проговорил Муззафар. — Почитаю это за великую честь.

— Я знаю очень мало о тебе кроме того, что ты командуешь силами из Рассеяния, — сказал Тег. — Гм! Действительно, тебе не так уж много известно.

Опять Тег почувствовал мучительный голод. Его взгляд устремился к кнопке рядом с выходом трубокамеры — кнопки вызова официанта, как ему помнилось. Это место, где работу, обычно отдаваемую автоматам, выполняли люди: предлог для того, чтобы держать большую силу постоянно собранной и поблизости.

Неправильно поняв интерес Тега к трубокамере, Муззафар сказал:

— Пожалуйста, не думай о том, чтобы сбежать. Сейчас подойдет мой личный медик, чтобы тебя осмотреть. Должен быть через секунду. Буду очень признателен, если ты будешь спокойно ждать до его прибытия.

— Я просто подумал о том, чтобы заказать еду, — сказал Тег. — Советую подождать, пока тебя не осмотрит доктор. Стеннеры порой оставляют очень противные последствия.

— Значит, ты знаешь об этом.

— Знаю обо всем этом чертовом провале. Ты и твой человек, — Бурзмали — это та сила, с которой стоит считаться.

Не успел Тег ответить, как из трубокамеры появился высокий человек в красном стилсьюте и куртке, настолько худой и костлявый, что его одежда свободно полоскалась и трепыхалась на нем. Ромбовидное клеймо доктора Сакк на его высоком лбу было оранжевого цвета, а не привычного черного. На глазах медика — поблескивающие оранжевые линзы, скрывавшие истинный цвет. «Наркоман, приверженный к чему-нибудь?» — задумался Тег. От него не исходило запаха знакомых наркотиков и даже меланжа. Был, однако, едкий запах, нечто, похожее на фрукты.

— А, вот и ты, Солитц! — сказал Муззафар. Он указал на Тега. — Как следует его осмотрели. Позавчера он был сбит стеннером.

Солитц вытащил привычный для докторов Сакк сканнер, компактный и умещавшийся водной руке. Сканнер тихо журжал — работало его поле снятия показаний.

— Значит, ты доктор Сакк, — сказал Тег, указав взглядом на оранжевое клеймо на лбу.

— Да, башар. Мои обучение и подготовка наилучшие, в древних традициях.

— Я никогда не видел опознавательный знак такого цвета, — сказал Тег. Доктор провел сканнером вокруг головы Тега.

— Цвет татуировки не имеет значения, башар. Имеет значение то, что скрывается за ним, — он опустил сканнер до плеч Тега, затем провел по всему его телу.

Тег ждал, когда прекратится жужжание.

Доктор отступил назад и обратился к Муззафару:

— Он в полном здравии, Полевой Маршал. Примечательно здоров, учитывая его возраст, но отчаянно нуждается в подкреплении сил.

— Да... тогда все замечательно, Солитц. Позабочься об этом. Башар наш гость.

— Я закажу мясо, поскольку это больше всего сейчас ему нужно, сказал Солитц. — Ешьте его медленно, башар. — Солитц скорчил бодрую гримасу, затем его куртка и брюки опять затрепетали и захлопали на ходу. Его поглотила трубка лифта.

— Полевой Маршал? — спросил Тег. — Восстановление древних титулов в Дуре, — сказал Муззафар.

— В Дуре? — рискнул переспросить Тег. — Как же глупо с моей стороны! — Муззафар извлек небольшую коробочку из бокового кармана своей куртки и вынул из нее тоненькую папку. Тег узнал голостат, сходный с тем, что он сам носил при себе во время долгой службы — голографические снимки дома и семьи. Муззафар поместил голостат на стол между ними и нажал контрольную кнопку.

Полноцветный образ зеленой кустарниковой протяженности джунглей возник как живой в миниатюре над столом.

— Дом, — сказал Муззафар. — Здесь, в центре, — каркасный кустарник, палец указал на место в проекции. — Первый, который когда либо повиновался мне. Люди смеялись надо мной, когда я первым моим кустарником выбрал такой — и так к нему привязался.

Тег, глядевший на проекцию, расслышал в голосе Муззафара глубокую печаль. Указанный кустарник был долговязым пучком тонких веточек с ярко-голубыми шариками, танцующими на их кончиках.

«Каркасный кустарник??

— Знаю, вид у него не ахти, — сказал Муззафар, отводя указывающий палец от проекции. — Совсем не обеспечивает безопасности. Мне самому приходилось защищать себя несколько раз за первые месяцы после его посадки. Очень, однако, к нему привязался. Они на это, знаете ли, откликаются. Это самый лучший дом теперь во всех Глубоких Долинах, клянусь Вечной скалой Дура!

Муззафар поглядел на озадаченное выражение лица Тега.

— Черт побери! Ведь у вас, конечно, нет таких кустарников. Ты должен простить мое потрясающее невежество. Мы, по-моему, многое чему можем научить друг друга.

— Ты назвал это домом, — сказал Тег. — О, да. Под правильным управлением, как только они научились подчиняться, разумеется, каркасный кустарник сам себя выращивает в превосходную резиденцию. Это занимает только четыре или пять стандартных. «Стандартных, — подумал Тег. — Значит, Затерянные до сих пор используют понятие стандартного года».

Раздалось шипение в трубке лифта, и в комнату, спиной вперед вошла женщина в голубом облачении обслужи, ведя за собой плывущий на сусpenзорах термококон, который она остановила перед столом Тега. Одежда ее была того типа, который Тег видел во время первой своей инспекции, но, когда она повернула к нему свое приятное округлое лицо, то оно было незнакомым. Ее череп был выбрит, и всюду по нему тянулись выдающиеся вены. Глаза ее были водянисто-голубыми, и в позе присутствовало что-то боязливое. Она открыла крышку термококона, и прянные запахи еды поплыли в ноздри Тега.

Тег насторожился, но не ощутил непосредственной угрозы: своим опережающим зрением он видел себя поедающим эту еду без дурных последствий.

Женщина расставила перед ним на столе ряд блюд и аккуратно разложила сбоку все необходимые приборы.

— У меня нет снуппера, но я попробую еду, если хочешь, — сказал Муззафар.

— Нет необходимости, — сказал Тег. Он понимал, что это посеет подозрения, но ведь наверняка эти подозрения сведутся к тому, что он -Видящий Правду. Взгляд Тега был прикован к еде. Он даже сам не успел заметить, как наклонился вперед и принял есть. Знакомый с голодом ментата, он был удивлен своими собственными реакциями. Работа мозга в модуле ментата потребляла калории на устрашающем уровне, но сейчас им двигала другая необходимость. Он ощущал, как его собственный инстинкт выживания контролирует его действия. Этот голод был свыше всего, что он когда-либо испытывал в жизни. Суп, который он съел с некоторой осторожностью в доме раздавленного, не возбуждал в нем такой требовательной реакции.

«Доктор Сакк выбрал правильно», — подумал Тег. Все меню было составлено непосредственно по результатам полного обследования, сделанного сканнером.

Молодая женщина продолжала доставать и доставать блюда из термококонов, поступавших через трубокамеру.

Тегу пришлось сдаться на середине трапезы и удалиться для облегчения в туалет при обеденном кабинете, осознавая что и здесь спрятанные телеглазы будут держать его под наблюдением. Он понял по своей физической реакции, что пищеварительная система тоже ускорила свою работу, отвечая на новый уровень запросов тела. Когда он вернулся к столу, то чувствовал себя таким же голодным, словно вообще николько не поел.

Официантка начала показывать признаки удивления, затем тревоги. И все равно продолжала поставлять и поставлять еду по его требованию.

Муззафар смотрел с возраставшим удивлением, но ничего не говорил. Тег, ощутил, как еда проникает в его клетки, восстанавливая силы: точная регулировка калорий, как о ней распорядился доктор Сакк. Количество, однако, они и помыслить не могли. Девушка продолжала выполнять его заказы, двигаясь в состоянии шока.

Муззафар наконец заговорил.

— Должен сказать, никогда прежде не видел, чтобы кто-нибудь съедал так много в один присест. Не могу понять, ни как ты делаешь, ни почему.

Тег, наконец удовлетворенный, откинулся, зная, что возбудил вопросы, на которые нельзя отвечать правдиво.

— Это потому, что я ментат, — соврал Тег. — У меня было очень напряженное время.

— Потрясающе, — сказал Муззафар. Он поднялся.

Когда Тег стал подниматься на ноги, Муззафар жестом велел ему оставаться на месте.

— Нет необходимости. Мы приготовили для тебя помещение сразу за этой дверью. Для тебя безопаснее никуда пока не передвигаться.

Молодая женщина удалилась с пустыми термококонами.

Тег внимательно взгляделся в Муззафара. Что-то изменилось во время трапезы. Муззафар смотрел не него холодными мерящими взглядом.

— У тебя есть скрытый миникоммуникатор, — сказал Тег. — Ты получил новое приказани.

— Твоим друзьям не советовали бы нападать на это место, — сказал Муззафар.

— По-твоему, в этом и есть мой план?

— Каков же твой план, башар?

Тег улыбнулся.

— Очень хорошо.

Взгляд Муззафара стал рассеянным, пока он прислушивался к миникоммуникатору. Когда он опять перевел взгляд на Тега, в его глазах появилось выражение хищника. Тег ощущал этот взгляд, как ударную волну, и понял, что кто-то еще приближается к этому помещению. Полевой Маршал думал об этом новом развитии событий, как о чем-то крайне опасном для своего гостя, но Тег не видел ничего, способного нанести поражение его новым способностям.

— Ты думаешь, что я твой пленник, — сказал Тег. — Вечной скалой клянусь, башар, ты не то, что я

от тебя ожидал!

— Эта Преподобная Черница, которая движется сюда, на что она рассчитывает? — спросил Тег. — Башар, предупреждаю тебя, не принимай с ней такого тона. Ты не имеешь ни малейшего понятия о том, что с тобой вот-вот произойдет.

— Со мной вот-вот произойдет Преподобная Черница, — сказал Тег. — Я желаю, чтобы у тебя с ней все хорошо кончилось!

Муззафар повернулся всем телом и удалился через лифт.

Тег пристально посмотрел ему вслед. Перед его вторым, опережающим время, зрением что-то коротко вспыхнуло — словно свет, мигнувший вокруг выхода трубокамеры. Преподобная Черница здесь, но еще не готова сюда войти. Прежде всего, она должна посоветоваться с Муззафаром. Полевой Маршал не в состоянии поведать этой опасной женщине что-нибудь действительно важное.

Глава 39

Память никогда не воспроизводит реальности. Всякая реконструкция изменяет оригинал, становится вечным каркасом взаимоотсылок, которые неизбежно оказываются недостаточными.

Руководство Ментата.

Лусилла и Бурзмали вошли в Ясай с юга, в кварталы низших сословий с их редкими уличными фонарями. Всего лишь час оставался до полуночи, и все равно улицы этого квартала были переполнены людьми. Некоторые шли тихо, некоторые на наркотическом заводе, чесали языками, некоторые лишь выжидающе наблюдали, ошиваясь на углах и привлекая завороженное внимание проходившей мимо Лусиллы.

Бурзмали ее все время поторапливал — жадный клиент, охочий до того, чтобы остаться с ней наедине. Лусилла продолжала украдкой разглядывать людей.

Что они здесь делали? Эти люди, стоявшие в дверях, кого они ждали? Рабочие в тяжелых фартуках, появившиеся из широкого прохода, сбоку от Лусиллы и Бурзмали, почти поровну мужчин и женщин. Он них шел густой запах нечистот и пота. Все они были высокими, тяжеловесными, с толстыми руками. Лусилла и представить себе не могла, какое у них может быть занятие, но достаточно было одного взгляда на них, чтобы она осознала, как же мало знала о Гамму.

Рабочие переговаривались и сплевывали в водопроводный желоб, выходя в ночь. «Очищают себя от чего-то заразного?» Бурзмали наклонился к самому уху Лусиллы и прошептал:

— Это рабочие — борданос.

Она осмелилась оглянуться на них, когда они уходили в направлении боковой улочки. Борданос? Ах, да... люди, специально выведенны и натасканные на работу с компрессорной машинерией, работающей на энергию газов от нечистот. Порода, при селекции которой урано чувство обоняния, а мускулатура плеч и рук увеличена. Бурзмали увел ее за угол, и борданос исчезли из вида.

Из темного дверного прохода рядом с ними появилось пятеро детей и выстроились в линию, следуя за Лусиллой и Бурзмали. Лусилла заметила, что их руки что-то сжимали. Они следовали за ними со странной настойчивостью. Бурзмали внезапно остановившись, обернулся. Дети тоже остановились и поглядели на него. Лусилле стало ясно, что дети замышляют что-то нехорошее.

Бурзмали сложил перед собой руки и поклонился детям. Он произнес:

— Гулдур!

Когда Бурзмали повел ее дальше по улице, дети больше за ними не следовали.

— Они могли забросать нас камнями, — сказал он.

— Почему?

— Это дети секты, которая называется Гулдур — местное название Тирана.

Лусилла оглянулась, но детей больше не было видно. Они отправились на поиски другой жертвы.

Бурзмали повел ее за другой угол. Теперь они были на улочке, заполненной мелкими торговцами, торгующими с лотков на колесах — еда, одежда, небольшие инструменты, ножи. Крики сливались в единый напев, заполнявший воздух: торговцы старались привлечь покупателей. В их голосах звучала приподнятость, присущая концу рабочего дня — фальшивая яркость, состоявшая из надежды, что сбудутся прежние мечты, и все же подкрашенная сознанием, что жизнь для них не переменится. Лусилле пришло в голову, что люди на улицах преследуют ускользавшую мечту, и что им нужно даже не то, чтобы эта мечта сбылась, но погоня за ней — за мифом, за которым они приучены гнаться, точно так, как натасканные гончие бегут по бесконечному кругу беговой дорожки за механической приманкой.

На улице прямо перед ними появилась плотная фигура в толстом подбитом пальто вовлеченная в громкий спор с купцом, предлагавшим прыгучий мешочек, наполненный темно-красными шариками кисло-сладких фруктов. Фруктовый запах все окутывал вокруг них. Торговец жаловался:

— Ты крадешь еду изо рта моих детей!

Объемистая фигура говорила тонким голосом с выговором, морозящим знакомым для Лусиллы.

— У меня тоже есть дети!

Лусилла с усилием совладала с собой.

Когда они отошли достаточно далеко от торговой улочки, она прошептала Бурзмали:

— Этот человек в толстом пальто, вон там — это тлейлаксанский Господин!

— Не может быть, — возразил Бурзмали. — Он слишком высок.

— Их двое: один на плечах у другого.

— Ты уверена?

— Уверена.

— Я видел других подобных со времен нашего прибытия, но я и не заподозрил.

— Множество охотников на этих улицах, — сказала она.

Лусилле все больше становилось не по душе повседневная свинская жизнь обитателей этой свинской планеты. Она больше не доверяла объяснениям, почему гхола был доставлен сюда. Из всех планет, где мог вырашиваться их драгоценный гхола, почему Орден выбрал именно эту?

И был ли этот гхола действительно драгоценным? Не может ли быть так, что он просто наживка?

Почти перегораживая узкий проход аллеи рядом с ними был мужчина, зазывавший к высокому устройству из вертящихся огоньков. — Живи! — воскликнул он. — Живи!

Лусилла замедлила шаг, посмотреть на прохожего, отошедшего в аллею и бросившего монетку зазывале, а затем наклонившегося к тазику, в котором ярко светились огоньки. Зазывала тоже посмотрел на Лусиллу. Она увидела человека с узким темным лицом аборигена Келадана лишь немногим выше тлейлаксанского Господина. На этом меланхоличном лице было выражение презрения, когда он подобрал деньги клиента. Клиент поднял лицо от тазика, содрогнувшись, затем покинул аллею, слегка спотыкаясь, глаза его были стеклянными. Лусилла узнала это устройство: пользователи называли его гипнобонг, и он был запрещен в большинстве цивилизованных миров. Бурзмали поспешил увести ее прочь от меланхоличного владельца гипнобонга.

Они вышли на боковую уличку по шире, где на углу была дверь в здание, пересекавшее их дорогу. Все вокруг двигались пешком, ни одного транспортного средства не было видно. На ступенях этой угловой двери сидел высокий мужчина, подобрав колени к подбородку. Его длинные руки охватывали колени, тонкие пальцы переплетены. На нем была черная шляпа с широкими полями, затемнявшими его лицо от уличных светильников, но по одному лишь двойному блику среди теней, отбрасываемых полями его головного убора, Лусилла поняла, что никогда прежде не встречала людей подобной породы. Это было то, о чем Бене Джессерит знала лишь понаслышке.

Бурзмали подождал, пока они не отойдут на порядочное расстояние от сидевшей фигуры, до того, как удовлетворить ее любопытство.

— Футар, — прошептал он, — вот как они себя называют. Они только недавно появились здесь, на Гамму.

— Тлейлаксанский эксперимент, — догадалась Лусилла и подумала, ««Ошибка, вернувшаяся из Рассеяния». — Что они здесь делают? — спросила она.

— Колония торговцев, так сказали местные жители.

— Не верь этому. Это охотничье животные, которые скрещены с людьми.

— Ага, вот мы и на месте, — сказал Бурзмали. Он провел Лусиллу через узкую дверь в тускло освещенную харчевню.

Эта часть их маскировки, поняла Лусилла: делай то, что делают все другие в этом квартале, но ей отнюдь не улыбалась перспектива поесть в этом месте — нисколько, если судить по доносящимся запахам.

Здесь явно только что было полно народу, но, когда они вошли, харчевня уже начинала пустеть.

— Эту забегаловку очень высоко хвалят, — сказал Бурзмали, когда они уселись за мехаслот, поджиная появления проекции меню.

Лусилла наблюдала за уходившими клиентами. Ночные рабочие с близких фабрик и контор, предложила она. Они казались встревоженными в своей спешке, может быть, боялись того, что с ними могут сделать, если они опоздают.

Она подумала, что в Оплоте была полностью отрезана от всей жизни планеты. Ей не нравилось то, что сейчас узнавала о Гамму. До чего же убогое местечко эта забегаловка! Табуреточки у стойки справа от нее были исцарапанными и потрепанными. Стол, многократно вытертый и продраеный пескодральщиками, уже никаким вакуумным очистителем (сопло которого виднелось рядом с ее левым локтем) невозможно привести в чистоту. Не было даже признака самого дешевого соника для поддержания чистоты. В царинах стола скапливались остатки еды и прочая пакость. Лусилла содрогнулась. Она не могла избежать чувства, что допустила ошибку, отделясь от гхолы.

Она увидела, что перед ними проявляется проекция меню, и Бурзмали уже изучает его.

— Я закажу и для тебя, — сказал он.

Бурзмали говорил так, как будто он не желает, чтобы она совершила ошибку, заказав нечто такое, что женщина Хорм должна избегать.

Ее уязвило ощущение своей зависимости. Она ведь Преподобная Мать! Она обучена давать приказания в любой ситуации, быть хозяйкой своей собственной судьбы. До чего же все это утомительно. Она указала на грязное окно слева от нее, где были видны люди, проходящие по узкой улочке.

— Я понесу убытки, если мы будем медлить, Скар.

«Вот так! Это вполне подходит к роли».

Бурзмали чуть не вздохнул. «Наконец-то! — подумал он. — Она опять начала действовать как Преподобная Мать». Он не мог понять отстраненного отношения, охватившего ее при взгляде на город и его население.

Из подвального люка на стол выскоились два молочных напитка. Бурзмали выпил свой одним глотком. Лусилла попробовала свой сначала кончиком языка, определяя его содержимое. Поддельный кофект, разведенный соком, ароматизированным ореховым запахом.

Бурзмали указал подбородком вверх, показывая ей, что это надо выпить быстро. Она повиновалась, скрыв гримасу отвращения от химических ароматов. Внимание Бурзмали было привлечено к чему-то за ее правым плечом, но она не осмеливалась обернуться. Это было бы вне роли.

— Пошли, — он положил монетку на стол и заспешил на улицу. Он улыбался улыбкой жадного клиента, но в глазах его была настороженность. Темп жизни на улицах сменился. Стало уже меньше народу. Затененные двери источали более глубокое чувство угрозы. Лусилла напомнила себе, что она, по роли, представляет могущественную гильдию, чьи члены неуязвимы для обычной жестокости городского отребья, и немногие люди, которых они все-таки встречали на пути, действительно уступали ей дорогу, взирая на драконов на ее облачении с явным благоговейным страхом.

Бурзмали остановился в дверях.

Эта дверь была совсем такой же, как и другие вдоль этой улицы — чуть отстоящая от тротуара, такая высокая, что казалась уже, чем была на самом деле. Старомодный засов перекрывал вход. Ничто из более новых систем явно не проникало в эти трущобы. Сами улицы, предназначенные только для граундкаров, свидетельствовали об этом. Она сомневалась, что в целом этом районе найдется хотя бы одна крыша-подушка. Не было видно или слышно ни флиттеров, ни топтеров. Однако доносилась музыка — слабое шуршание, напоминавшее симуту. Что-то новое у приверженцев симуты? Это, явно, такой район, где любые наркоманы должны чувствовать себя, как дома.

Лусилла торопливо взглянула на фасад здания, Бурзмали же двинулся вперед и дал знать об их присутствии, отомкнув дверной засов. На фасаде здания не было окон. Только слабое поблескивание телеглазов на фасаде здесь и там в тусклом отсвете древней пластили. Это были старомодные телеглазы, заметила она, намного больше современных.

Дверь, глубоко внутри теней, повернулась вовнутрь на безмолвных петлях.

— Сюда, — Бурзмали подался вперед и заставил ее идти за собой, потянув за локоть.

Они вошли в тускло освещенный холл, в котором пахло экзотической едой и горькими эссенциями. Ей понадобился момент, чтобы определить некоторые из запахов, ударивших ей в нос. Меланж. Ни с чем не спутать этот густой запах корицы. И, конечно, симута. Она узнала жженый рис и соли хигита. Кто-то маскировал нечто другое под видом приготовления пищи. Здесь производились взрывные устройства. Она сначала хотела предостеречь Бурзмали, но передумала. Ему нет надобности это знать, и в этом ограниченном пространстве могли быть уши, которые услышат все, что она скажет.

Бурзмали двинулся по затемненой лесенке с тусклым глоуглобом вдоль косой несущей доски. На вершине лестницы он нашел спрятанный включатель, скрытый за одним из пятен перепачканной стены. Не раздалось ни звука, когда он надавил этот включатель, но Лусилла ощущала перемену в движениях всюду вокруг них. Тишина. Это был новый вид тишины в ее опыте: настороженно притихшая готовность к бегству или к насилию. Хоть в лестничном пролете и было холодно, но озноб, пробравший ее, был не от холода. За дверью с замаскированной пятном кнопкой послышались шаги. Выглянула седоволосая карга в желтом халате, открыла дверь, поглядев на них сквозь нависавшие кустистые брови.

— А, это вы, — дрожащим голосом сказала она. Она отошла в сторону, пропуская их.

Лусилла быстро оглядела комнату, услышав, как позади них захлопнулась дверь. Это была комната, которую ненаблюдательный человек мог бы счесть ветхой, но это было лишь внешнее впечатление, скрывавшее высокое качество. Сами ветхость и неряшливоность были маскировкой. Мебель и маленькие безделушки выглядели чуть заношенными, но здесь не возражали против этого. Кому принадлежала эта комната? Старухе? Она с трудом ковыляла по направлению к двери слева от нее.

— Нас не следует тревожить до зари, — сказал Бурзмали.

Женщина остановилась и обернулась.

Лусилла внимательно в нее взгляделась. Нет ли кого другого под лживо преклонным возрастом? Нет. Возраст настоящий: каждое движение отмечено неустойчивостью — дрожащая шея, непослушное мускулам тело.

— Даже, если кто-нибудь важный? — спросила старуха дрожащим голосом. Ее глаза дернулись пока она говорила. Ее рот открывался лишь на тот минимум, чтобы издать необходимые звуки, выпуская слова, будто зарождавшиеся глубоко внутри. Ее плечи, согнутые годами, проведенными над какой-то постоянной работой, не могли выпрямится достаточно, чтобы она могла посмотреть в глаза Бурзмали. Она вместо этого посмотрела мимо странная, уклончивая поза.

— Какую важную персону ты ожидаешь? — спросил Бурзмали.

Женщина содрогнулась, и ей понадобилось долгое время, чтобы понять.

— Очень важные люди заходят сюда, — ответила она.

Лусилла распознала сигналы ее тела и сказала Бурзмали:

— Она с Ракиса!

На Лусиллу устремился любопытный пристальный взгляд старухи. Древний голос произнес:

— Я была жрицей, леди Хорму.

— Разумеется, она с Ракиса, — сказал Бурзмали. Его тон предостерегал Лусиллу не задавать вопросов. — Я не причиню вам вреда, — прохныкала карга.

— Ты до сих пор служишь Разделенному Богу?

Опять понадобилась долгая пауза, прежде чем женщина ответила.

— Многие здесь служат великому Гулдуру, — произнесла она.

Лусилла поджала губы и еще раз осмотрела всю комнату. Эта старуха резко уменьшилась в своем значении.

— Я рада, что не обязана убивать тебя, — сказала Лусилла.

Челюсть старухи отпала в пародии на удивление, а по губам потекла слюна.

Потомок ли она Свободных? Лусилла почувствовала, как ее пробирает дрожь отвращения. Эта неприкаянная нищенка была рождена от людей, ходивших высоко вскинув голову, гордой походкой, от людей, которые умирали мужественно. Эта могла умереть только хныча?

— Пожалуйста, доверяйте мне, — прохныкала старая карга и поспешно покинула комнату.

— Зачем ты это сделала? — спросил Бурзмали. — Это те самые, кто доставят нас на Ракис!

Она просто взглянула на него, распознав страх в его вопросе.

Это был страх за нее.

«Но ведь я не кодировала его», — подумала она.

С чувством потрясения она осознала, что Бурзмали разглядел в ней ненависть. «Я ненавижу их!» — подумала она.

«Я ненавижу людей этой планеты!?

Это была опасная эмоция для Преподобной Матери. И все же, она жгла ее. Эта планета изменила ее таким образом, которого она не хотела. Она хотела осознания того, что могут быть подробные вещи. Понимание разумом это одно, а жизненным опытом — совсем другое.

«Проклятье им!?

Но они уже среди проклятых.

В груди у нее болело. Отчаяние! Нельзя убежать от этих новых мыслей. Что же произошло с этими людьми?

«С ЛЮДЬМИ??

Оболочки были здесь, но они больше не могли быть названы полностью живыми. Хотя опасными. Крайне опасными.

— Мы должны отдохнуть, пока нам это доступно, — сказал Бурзмали.

— Я не должна отрабатывать свои деньги? — спросила она.

Бурзмали побледнел.

— То, что мы сделали, было необходимо! Будь счастлива, что нас не остановили, но это могло бы произойти!

— А это место безопасное?

— Настолько безопасное, насколько я это смог обеспечить.

Каждый здесь проверен либо мной, либо моими людьми.

Лусилла выбрала длинную кушетку, от которой пахло старыми духами, и устроилась на ней, чтобы укротить свою опасную ненависть. Там, где появляется ненависть, может прийти и любовь! Она услышала, как Бурзмали вытянулся на подушках у противоположной стены, чтобы отдохнуть. Вскоре он задышал глубоко и ровно, но Лусилле не спалось. В ней продолжали тесниться бесчисленные воспоминания, навязываемые теми иными, кто продолжал свою жизнь во внутренних хранилищах ее сознания. Внезапно внутреннее видение провело перед ней короткой вспышкой улицы и лица людей, двигавшихся в ярком солнечном свете. Ей понадобилось время, чтобы осознать, что видит она все это с какого-то странного угла, что ее баюкают на чьих-то руках. Тогда она поняла, что это одно из ее личных воспоминаний. Она не могла определить того, кто держит ее на руках, отдавая теплое биение своего ее щекам. Лусилла ощутила соленый вкус своих собственных слез. Она поняла, что Гамму задела ее намного глубже, чем любой жизненный опыт со времени первых дней в школах Бене Джессерит.

Глава 40

Скрытое за крепкими преградами, сердце становится льдом.

Дарви Одраде: довод на Совете.

Все собравшиеся испытывали сильнейшее напряжение: Тараза (тайная кольчуга под ее облачением, и она тщательно позаботилась предпринять и другие меры предосторожности), Одраде (проявлявшая всю бдительность, ведь здесь вполне могло дойти до насильственных действий), Шиэна (от нее не скрывали, что здесь могло произойти, двигавшиеся за ней три Матери Безопасности, прикрывали ее, как живой доспех), Вафф (терзаемый тревогой, что Бене Джессерит задурманит его рассудок какими-нибудь своими загадочными средствами), лже-Туек (всем видом показывавший, что он вот-вот взорвется от ярости) и девять ракианских советников Туека (каждый зол и вовлечен в отчаянную борьбу по захвату власти для самого себя или своей семьи).

И вдобавок — пять телохранительниц — послушниц, выведенные Орденом целенаправленным скрещиванием мастерицы боевых искусств, стоявшие вплотную к Таразе. Вафф появился с равным количеством новых Лицевых Танцоров. Они собирались в апартаментах верхнего этажа над музеем Дарэс-Балата. Это было длинное помещение, где сквозь плазовую стену открывался вид на запад, за сад на крыше, заросший кружевной зеленью. Обстановка — мягкие диванчики и экспонаты из непалаты Тирана высокой художественной ценности. Одраде выступала против присутствия Шиэны, но Тараза осталась твердой, как камень. Воздействие девочки на Ваффа и некоторых жрецов давало Бене Джессерит подавляющее преимущество.

Вдоль длинной стены с окнами стояли долбановые ширмы, чтобы защитить от самого сильного сияния идущего на запад солнца. Даже то, что окна смотрели на запад, являлось для Одраде определенным показателем — там простиралась сумеречная страна, где Шаи-Хулуд вкушал свой сон. Это было помещение, сосредоточенное на смерти.

Она восхитилась стоящими перед ней долбанными. Это были плоские черные филенки толщиной в десять молекул, вибрирующие в прозрачном жидким связующем. Саморегулирующиеся, эти лучшие икшианские долбановые ширмы выбирали заранее определенный и допустимый уровень света, так что немногое исчезало из вида. Одраде знала, художники и древние дельцы предпочитали их поляризующим системам, потому что долбаны оставляли полный спектр света. То, что они были здесь, говорило о предназначении помещения — выставочный зал самых лучших экспонатов из собрания Бога Императора. Да, здесь было платье его несостоявшейся суженой.

Жрецы-советники яростно дискутировали между собой в одном из концов комнаты, не обращая внимания на лже-Туека. Тараза стояла неподалеку, прислушиваясь. Ее лицо явно выражало, что она считает жрецов дураками. Вафф со своей свитой Лицевых Танцоров стоял возле широкой входной двери. Его взгляд переходил с Шиэны на Одраде и Таразу, и только изредка на спорящих жрецов. Каждое движение Ваффа свидетельствовало о его неуверенности. Действительно ли его поддержит Бене Джессерит? Смогут ли они все вместе мирными средствами преодолеть ракианскую оппозицию?

Шиэна и прикрывавший ее эскорт остановились возле Одраде. В девочке до сих пор были резкость и поджарость, отметила Одраде, но она полнела, и мускулы обретали очертания, свойственные Бене Джессерит. Ее высокие скулы смягчились под оливковой кожей, карие глаза стали посветлее, но оставались рыжие штришки в ее каштановых волосах. То внимание, которое она уделяла жрецам, показывало, что она взвешивает сейчас, насколько значительно то, во что она посвящена и насчет чего проинструктирована.

— Они действительно будут сражаться? — прошептала она.

— Прислушайся к ним, — сказала Одраде.

— Что сделает Верховная Мать?

— Внимательно за ней наблюдай.

Они обе посмотрели на Таразу, стоявшую в окружении отряда мускулистых послушниц. Тараза, продолжавшая наблюдать за жрецами, выглядела повеселевшей.

Ракианская группа начала свой спор в саду на крыше. Они вошли с ним внутрь, когда удлинились тени. Они сердито пыхтели, порой бормотали, а потом опять повышали голоса. Разве они не видят, как поддельный Туек наблюдает за ними?

Одраде перенесла свой взгляд на горизонт, видимый за садом на крыше: никакого другого признака жизни во всей пустыне. В каком направлении ни смотри от Дар-эс-Балата — увидишь пустой песок. Люди, рожденные и выросшие здесь, обладали другим взглядом на жизнь и на свою планету, чем

большинство этих советников-жрецов. Это не Ракис зеленных поясов и полных водой оазисов в более высоких широтах, словно цветущие пальцы, указывавшие на долгие пути пустыни. Из Дар-эс-балата открывалась Срединная Пустыня, растянувшаяся, как крестная всех пустынь, вокруг целой планеты.

— Достаточно я выслушал этой чуши! — взорвался лже-Туек. Он грубо оттолкнул одного из своих советников в сторону и вошел в середину спорящей группы, поворачиваясь всем телом, чтобы посмотреть в каждое лицо. — Вы все, что, с ума посходили?

Один из жрецов (Господи, это же старый Альбертус!) поглядел через зал, ища Ваффа, и окликнул:

— Сер Вафф! Не будешь ли ты так добр, унять своего Лицевого Танцора? Вафф заколебался, а затем направился к спорящим; его свита — вплотную за ним.

Фальшивый Туек повернулся всем телом и устремил палец на Ваффа:

— Эй, ты! Стой, где стоишь! Я не потерплю тлейлаксанского вмешательства! Ваш умысел открыт мне, как на ладони!

Одраде наблюдала за Ваффом, когда заговорил ложный Туек.

Неожиданность! Никто никогда так не обращался к Господину Бене Тлейлакса. Какой шок! Черты его лица исказились от ярости. Из его рта вырвались жужжащие звуки, похожие на звуки рассерженных насекомых, модулированный шум, который явно был неким видом языка. Лицевые Танцоры его свиты замерли, как вкопанные, но лже-Туек просто опять перевел взгляд на своих советников. Вафф перестал жужжать. Было видно, что он объят смятением и ужасом! Его Лицевой Танцор Туек не бежит к ноге! Он направился к жрецам. Лже-Туек опять это заметил и вновь ткнул в его сторону подрагивающим пальцем.

— Говорю тебе, держись подальше! Ты, может быть, и способен уничтожить меня, но не оседлаешь меня со своей тлейлаксанской скверной! Это решило дело. Вафф остановился. К нему пришло понимание. Он метнул взгляд на Таразу, увидел, что она поняла его затруднения, и это ее веселит. Теперь у него была новая цель для ярости.

— Ты знала!

— Я подозревала.

— Ты... Ты...

— Вы слишком хорошо справились, — сказала Тараза. — Это же ваше собственное создание.

Жрецы не обратили внимания на этот спор. Они закричали на лже-Туека, приказывая ему заткнуться и убраться, обзывая его «Проклятым Лицевым Танцором»?

Одраде со вниманием изучала предмет их нападения. Насколько же глубоко проник отпечаток! Неужели он действительно убежден, что он и есть Туек!

Лже-Туек выпрямился, внезапно обретя спокойствие, приосанился с достоинством и метнул язвительный взгляд на своих обвинителей.

— Вы все меня знаете, — сказал он. — Все вы знаете годы моей службы Разделенному Богу, который есть Единый Бог. Я отправлюсь к Нему, если к этому приведет ваш разговор, но помните: он знает, что делается в ваших сердцах!

Жрецы, как один, поглядели на Ваффа. Никто из них не видел, как Лицевой Танцор заместил их Верховного Жреца. Никого не было, чтобы это увидеть. Всеми доказательствами были доказательства человеческих утверждений, но ведь любые утверждения могли быть ложью. С опозданием некоторые посмотрели на Одраде. Ведь они поверили, услышав, как она об этом говорит.

Вафф тоже поглядел на Одраде.

Она улыбнулась и обратилась к тлейлакса некому Господину.

— Нашим целям вполне отвечает, чтобы звание Верховного Жреца на данное время не переходило в другие руки, — сказала она.

Вафф немедленно углядел выгоду для себя. Таким образом, между жрецами и Бене Джессерит вбивается клин, исчезает одна из самых больших опасностей, с помощью которых Орден держит Тлейлакс.

— Это отвечает и моим целям, — сказал он.

Поскольку жрецы опять гневно возвысили голоса, Тараза подоспела как раз вовремя:

— Кто из вас нарушит наше соглашение? — вопросила она.

Лже-Туек оттолкнул двух своих советников в сторону и широкими шагами прошел через комнату к Верховной Матери. Он остановился только в шаге от нее.

— Что здесь за игра? — спросил он.

— Мы поддерживаем тебя против тех, кто хочет тебя заменить, ответила она. — Бене Тлейлакс присоединяется к нам в этом. Это наш способ продемонстрировать, что и мы тоже имеем голос при выборе Верховного Жреца. Несколько голосов жрецов прозвучали в унисон:

— Лицевой Танцор он или нет?

Тараза благосклонно взглянула на стоявшего перед ней человека:

— Ты Лицевой Танцор?

— Разумеется, нет!

Тараза посмотрела на Одраде, и Одраде сказала:

— Кажется, здесь произошла ошибка.

Одраде среди жрецов выхватила взглядом Альбертуса и задержала на нем взгляд.

— Шиэна, — спросила Одраде, — что следует сейчас делать Церкви Разделенного Бога?

Как ей и было предписано сделать, Шиэна вышла из-за своего живого заслона и произнесла со всем высокомерием, которому обучилась:

— Им следует продолжать служить Богу!

— Кажется, дело, ради которого мы собрались, завершено, — сказала Тараза. — Если тебе нужна защита. Верховный Жрец Туек, то наш охранный отряд ожидает в холле. Эти люди в твоем распоряжении.

Они увидели в нем понимание и согласие. Он стал созданием Бене Джессерит. Он не помнил ничего о своем происхождении Лицевого Танцора. Когда жрецы и Туек удалились, Вафф выпалил единственное слово, обращаясь к Таразе на языке исламиата:

— Объясни!

Тараза вышла из-за своих охранниц, словно бы делаясь уязвимой. Это было рассчитанное движение, которое они обсуждали в присутствии Шиэны. На том же языке Тараза ответила:

— Мы ослабляем хватку, которой держим Бене Тлейлакс.

Они подождали, пока он взвесит эти слова. Тараза напомнила себе, что название тлейлаксанцев для себя самих переводится, как «не имеющие имени». Часто такое выражение употреблялось при упоминании о богах.

Этот Бог явно не уразумел из открывшегося ему здесь, что может произойти с его Лицевыми Танцорами, насаженными среди икшианцев и Рыбословш. Значит, Ваффа еще ждут потрясения. Однако же вид у него был донельзя изумленный.

Вафф столкнулся со множеством вопросов без ответов. Он не был удовлетворен полученными с Гамму сообщениями. Он вовлечен сейчас в опасную двойную игру. Не играет ли Орден в такую же игру? Но тлейлаксанских Затерянных нельзя отодвинуть в сторонку, не навлекая нападения Преподобных Черниц. Сама Тараза предостерегала об этом. Представляет ли старый башар на Гамму силу, с которой до сих пор нужно весьма и весьма считаться?

Этот последний вопрос он задал вслух.

Тараза парировала его собственным вопросом:

— Как вы изменили нашему гхолу? Чего вы надеялись достичь? — она была уверена, что уже знает. Но необходимо было продолжать игру в неведение. Ваффу захотелось ответить: «Смерть всего Бене Джессерит!» Но ведь ценность этих ведьм, какие они есть, неисчислимая. Он замкнулся в угрюмом молчании, глядя на Преподобных Матерей с меланхолическим выражением, от которого его

эльфическое лицо стало выглядеть еще более детским. «Капризный ребенок», — подумала Тараза. И предостерегла себя затем, что опасно недооценивать Ваффа. Тлейлаксанское яйцо разбиваешь только для того, чтобы внутри найти еще одно яйцо, — и так до бесконечности! Все возвращалось к подозрениям Одраде о тех яблоках раздора, которые еще могли привести к кровавому побоищу в этом зале. Действительно ли тлейлаксанцы до конца поведали то, что узнали от шлюх и других Затерянных? Был ли гхола единственным мощным тлейлаксом неким оружием?

Тараза решила еще раз его кольнуть, используя разработки «Девятого Анализа» ее Совета. Все так же на языке исламиата она сказала: — Опозоришь ли ты себя в стране Пророка? Ты не вошел с нами в открытое соучастие, хотя говорил, что войдешь.

— Мы рассказали вам о сексуальных...

— Вы не были откровенны до конца! — перебила она. — Это из-за гхолы, и мы это знаем.

Она видела его реакцию загнанного в угол животного. Такие животные крайне опасны. Однажды она видела дворняжку, одичавшую, с поджатым хвостом, происходившую от древних собак Дана, которую загнала в угол группа молодежи. Животное накинулось на своих преследователей, прокладывая себе путь к свободе с совершенно неожиданным зверством. Двое остались калеками на всю жизнь, и только один избежал ранений! Вафф был сейчас, как это животное. Ей было видно, что у него руки чешутся схватиться за оружие. Но Тлейлакс и Бене Джесссерит обыскали друг друга с тщательной осторожностью перед тем, как подняться сюда. Она была уверена, что оружия у него нет. И все же...

Вафф заговорил. В голосе — терзающая его тревога перед неизвестностью:

— По-вашему, мы не осознаем, как вы надеетесь править нами!

— Гниль, которую принесли с собой Люди Рассеяния, — ответила Тараза. — Гниль с головы.

Манера Ваффа изменилась. Нельзя игнорировать то, что подразумевается более глубоко под этой мыслью Бене Джесссерит. Но не посеет ли она вражду? — Пророк установил локатор, тикающий в уме каждого человека, из Рассеяния он или нет, — сказала Тараза. — Он привел их назад к нам, вместе со всей их гнилью.

Вафф заскрипел зубами. Что она делает? Его одолели сумасшедшие мысли, что Орден затмил его ум каким-то секретным наркотиком, распрысканным в воздухе. Они знают то, в чем отказано другим! Он переводил взгляд с Таразы на Одраде и опять на Таразу. Он знал, что он очень стар благодаря этим постоянным воплощениям в плоти гхолы, но недостаточно стар, по сравнению с Бене Джесссерит. Вот Преподобные Матери действительно стары! Они даже представить себе не осмеливаются. У Таразы были сходные мысли. Она увидела вспышку более глубокого понимания в глазах Ваффа. Необходимость открывает новые двери рассудку. Насколько глубоко зайдут тлейлаксанцы? Его глаза так стари! У нее было чувство, что, что бы ни происходило в уме этих тлейлаксанских Господинов сейчас это что-то другое — голограммическая запись, с которой стерты все ослабляющие эмоции. Она разделяла недоверие к эмоциям, которое, подозревала, есть и в нем. Не эти ли узы их свяжут? «Ориентированность в одном направлении, благодаря общим мыслям».

— Ты говоришь, что вы ослабляете вашу хватку на нас, — проворчал Вафф. — Но я чувствую твои пальцы на своем горле.

— Значит, хватка на твоем горле сохраняется, — сказала она. — Некоторые из ваших Затерянных к вам вернулись. Ни одна Преподобная Мать не вернулась к нам из Рассеяния.

— Но ты сказала, что вы знаете все о...

— У нас есть и другие пути приобретения знаний. Что, по-твоему, произошло с Преподобными Матерями, которых мы отправили в Рассеяние?

— Общая катастрофа? — он покачал головой. Это была абсолютно новая информация. Ни один из возвратившихся тлейлаксанцев ничего об этом не говорил. Это противоречие питало его подозрения, кому же верить?

— Они стали ренегатками, — сказала Тараза.

Одраде, услышав, как впервые Верховной Матерью произносятся вслух всеобщие подозрения, ощутила огромную мощь, скрытую за этими простыми словами Таразы. Одраде это даже испугало. Она знала ресурсы, планы на случай непредвиденных обстоятельств, импровизированные пути, которые Преподобная Мать могла использовать, чтобы преодолеть препятствия. Могло ли это остановить что-то Оттуда?

Когда Вафф не ответил, Тараза продолжила:

— Вы пришли к нам с грязными руками.

— Ты осмеливаешься так говорить? — осведомился Вафф. — Ты, кто продолжает подрывать наши ресурсы способами, которым научила вас мать вашего башара?

— Мы знаем, что вы можете позволить себе потери, раз у вас есть ресурсы из Рассеяния, — сказала Тараза.

Вафф сделал дрожащий вздох. Значит, Бене Джессерит знает даже это. Он частично понимал, как они это выведали. Что ж, следует найти способ вернуть лже-Туека под свой контроль. Ракис, это действительно та цена, которую доискиваются люди Рассеяния, и ее еще могут потребовать от Тлейлакса.

Тараза подошла еще ближе к Ваффу, одинокая и уязвимая. Она увидела, как еще больше напряглись ее охранницы. Шиэна сделала небольшой шагок по направление к Верховной Матери, и Одраде оттянула ее назад.

Одраде держала взгляд на Верховной Матери, а не на вероятных участниках нападения. Действительно ли тлейлаксанцы убеждены, что Бене Джессерит будет им служить? Тараза проверила пределы этого убеждения, никакого сомнения. И на языке исламиата. Но она выглядит очень одинокой, отдаляясь от своих охранниц так близко к Ваффу и его людям. Куда могут завести Ваффа его очевидные подозрения?

Тараза содрогнулась.

Одраде это заметила. Тараза была необыкновенно худа — как ребенок ни одной лишней унции жира. Это делало ее изощренно чувствительной к перепадам температуры, очень плохо переносящей холод. Но Одраде не ощущала в помещении перепада температур. Значит Тараза приняла опасное решение настолько опасное, что тело ее выдает. Опасное не для нее самой, конечно опасное для Ордена. Вот в чем ужасное преступление Бене Джессерит: неверность своему Ордену.

— Мы будем служить вам всеми способами, кроме одного, — сказала Тараза. — Мы никогда не станем инкубаторами для гхол!

Вафф побледнел.

Тараза продолжила:

— Ни одна из нас никогда не станет... — она сделала паузу. —...аксольтным чаном.

Вафф поднял руку, готовясь подать жест, который знала каждая Преподобная Мать: сигнал к нападению для своих Лицевых Танцоров. Тараза указала на его поднятую руку.

— Если ты завершишь этот жест — Тлейлакс потеряет все. Посланница Бога, — Тараза указала через плечо на Шиэну, — отвернется от вас, и слова Пророка станут пылью в ваших устах.

Услышать такие слова на языке исламиата было для Ваффа уж слишком. Он опустил руку, но продолжал угрюмо пожирать взглядом Таразу.

— Мой посол сказала, что мы поделимся всеми известными нам знаниями, — сказала Тараза. — Ты это подтвердил. Посланница Бога слушает ушами Пророка! Что произтекло на Тлейлаксе?

Плечи Ваффа поникли.

Тараза повернулась к нему спиной. Ход лукавый, но она — как и другие Преподобные Матери, присутствовавшие здесь — понимала, что делает его сейчас совершенно безопасно. Поглядев через зал на Одраде, Тараза позволила себе улыбнуться — зная, что Одраде правильно поймет эту улыбку. Время для небольшого наказания со стороны Бене Джессерит.

— Тлейлакс жаждет Атридеса для выведения, — сказала Тараза. — Я дарую вам Одраде. Будут поставлены и другие.

Вафф пришел к решению.

— Может быть, вам и многое известно о Преподобных Черницах, — сказал он, — но вы...

— О шлюхах! — Тараза повернулась всем телом.

— Как тебе угодно. Но есть то, что, как показывают ваши слова, вы не знаете. Я закреплю нашу сделку, рассказав тебе это. Они владеют искусством многократно умножать основу для оргазма, распространяя его по всему мужскому телу. Они задействуют все чувственное восприятие

мужчины. Множественные волны оргазма творятся ими, и могут быть растянуты ...могут быть растянуты этими женщинами на очень долгий период.

— Полное задействование? — Тараза и не пыталась скрыть своего изумления.

Одраде тоже слушала с ощущением шока, который, как она увидела, разделяют все присутствующие Сестры и даже послушницы. Только Шиэна, казалось, не понимала.

— Говорю тебе, Верховная мать Тараза, — проговорил Вафф со злорадной улыбкой на лице, — что мы проиграли это с одним из моих собственных людей. Даже я сам участвовал! В моем гневе я приказал Лицевому Танцору, который исполнял... женскую роль уничтожить себя. Ни один... я говорю, никому нельзя иметь такую власть надо мной!

— Какую власть?

— Если бы это была одна из этих... из этих шлюх, как вы их называете, я бы повиновался ей, ни о чем не спрашивая, — он содрогнулся. — У меня едва хватило силы воли... уничтожить... — он растерянно покачал головой при этом воспоминании. — Меня спас гнев. Тараза попыталась сглотнуть сухим горлом.

— Как?

— Как это делается? Очень хорошо! Но перед тем, как я поделюсь с вами этим знанием, я предостерегаю вас... если кто-либо из вас когда-либо попробует опробовать на нас такую власть, последует кровавое побоище! Мы подготовили наш домель, наш народ ответит убийством всех Преподобных Матерей, которых они смогут найти, при малейшем признаке вашего стремления установить над нами такую власть!

— Ни одна из нас этого не сделает, но не из-за твоей угрозы. Нас удерживает наше понимание того, что это и нас уничтожит. Твоя кровавая резня не будет необходимой.

— Вот как? Тогда почему же это не уничтожает этих... этих шлюх?

— Уничтожает! И уничтожает всякого, кто к ним прикасается!

— Меня это не уничтожило!

— Тебя защищает Бог, мой Абдль, — сказала Тараза. — Как защищает он всех верных.

Убежденный Вафф оглядел комнату и опять перевел взгляд на Таразу.

— Пусть всем известно будет, что я исполню свой обет в стране Пророка, это будет путь, а затем... — он махнул рукой двум своим Лицевым Танцорам. — Мы вам покажем.

Много позже, оставшись одна в своих апартаментах, Одраде гадала, было ли мудро позволять Шиэне увидеть все представление. Что ж, почему бы и нет? Шиэна уже посвящена Ордену. И это пробудило бы подозрения Ваффа, если бы Шиэну отослали.

В Шиэне ощущался явный чувственный подъем, когда она наблюдала за спектаклем Лицевых Танцов. Тренирующей прокторше придется раньше обычного срока призвать для Шиэны спарринг-мужчин. Что тогда сделает Шиэна? Постарается ли она опробовать это новое знание на мужчинах? В Шиэне должны быть заложены запреты, чтобы это предотвратить! Она должна усвоить, что это может составлять опасность для нее самой.

Присутствовавшие Сестры и послушницы хорошо себя контролировали, накрепко откладывая в запасники памяти то, что они познавали. От этого зрелища и нужно строить образование Шиэны.

Остальные полностью справились с внутренними силами. Наблюдавшие Лицевые Танцоры сохраняли непроницаемость, но на Ваффа стоило поглядеть. Он сказал, что уничтожит обоих исполнителей, но что он сделает сперва? Поддастся ли он искушению? Какие мысли проносились в его уме, когда он наблюдал за мужчиной Лицевым Танцором, корчившимся в уничтожающем рассудок экстазе?

Неким образом этот спектакль связался у Одраде с ракианским танцем, который она видела на Великой Площади Кина. В коротком промежутке времени танец был умышленно аритмичен, но, по мере развития, в нем открывался долговременный ритм, повторявшийся приблизительно через каждые две сотни шагов. Танцоры растягивали ритм танца до удивительной степени. — Как это делали Лицевые Танцоры, давшие им это представление.

«Сиайнок стал сексуальной хваткой на бесчисленных миллиардах в Рассеянии!?

Одраде подумала о том танце, о ритме, за которыми последовало хаотическое побоище.

Возвышенная сориентированность Сиайнока на обмен религиозными энергиями превратилась в другой вид обмена. Она припомнила возбужденную реакцию Шиэны, когда Одраде затронула в разговоре с ней тот танец на Великой Площади, и спросила Шиэну:

— Чем они там соприкашались друг с другом?

— Это же танцоры, глупая!

Такой ответ являлся недозволимым.

— Я уже предупреждала, чтобы ты оставила такой тон, Шиэна. Ты хочешь немедленно изведать, какое наказание для тебя может найтись у Преподобной Матери?

Слова, словно многозначащие призраки всплывали в уме Одраде, глядевшей на сгущавшуюся тьму за верхним этажом Дар-эс-Блата. Огромное одиночество воцарилось в ней. Все остальные ушли из этой комнаты.

«Только наказанный остается!?

Как же горели глаза Шиэны в той комнате над Великой Площадью, сколько вопросов было у нее на уме.

— Почему ты всегда говоришь о боли и наказании?

— Ты должна усвоить дисциплину. Как ты сможешь контролировать других, когда не можешь контролировать себя?

— Мне не нравится этот урок.

— Никому из нас он особо не нравится... до тех пор, пока мы на опыте не познаем его ценность.

Как и предполагалось, Шиэна долго переваривала этот ответ в уме. Наконец, она рассказала все, что знала об этом танце.

— Некоторые из танцующих сбегут. Другие прямиком уйдут к Шайтану. Жрецы говорят, они идут к Шай-Хулуду.

— Что с теми, кто останется в живых?

— Когда они очнутся, они должны присоединиться к великому танцу в пустыне. Если туда придет Шайтан, они умрут. Если Шайтан не придет, они будут вознаграждены.

Одраде поняла общую схему. Дальнейшие объяснения Шиэны были даже уже не нужны, хотя, Одраде и дала ей продолжать. Сколько же горечи было в голосе Шиэны!

— Их наградят деньгами, местом на базаре — всякое такое. Жрецы говорят, они доказали, что являются людьми.

— А те, что потерпели неудачу, те не люди?

Шиэна на это промолчала, надолго погрузившись в глубокие размышления. Путь этих размышлений, однако, был виден Одраде: испытание Ордена на человечность! Ее собственный проход в приемлемую человечность Ордена был уже в точности повторен Шиэной.

Каким же мягким кажется этот проход, по сравнению с другими муками!

В тусклом свете верхних апартаментов Музея, Одраде подняла правую руку, поглядев на нее, припомнила и ящичек муки, и гомджаббар, нацеленный в шею, готовый убить, если она содрогнется или вскрикнет.

Шиэна тоже не вскрикнула. Но она знала ответ Шиэны даже еще до ящичка муки.

— Они люди, но по-другому.

Одраде проговорила вслух в пустой комнате с ее экспонатами из хранилища не-палаты Тирана.

— Что ты с ним сделал. Лито? Только ли ты Шайтан, говорящий с нами? К чему ты сейчас понуждаешь нас причаститься?

«Станет ли допотопный танец допотопным сексом??

— С кем ты разговариваешь. Мать?

Это был голос Шиэны. Он донесся от открытой двери в противоположном конце комнаты. Ее серая роба послушницы виднелась лишь смутным силуэтом, увеличивавшимся при ее приближении.

— Меня послала за тобой Верховная Мать, — сказала Шиэна, подойдя и становясь рядом с Одраде.

— Я разговариваю сама с собой — сказала Одраде. Она посмотрела на странно тихую девочку, вспоминая выкручивающее внутренности возбуждение того момента, когда Шиэне был задан опорный вопрос.

«Желаешь ли стать Преподобной Матерью?

— Почему ты разговариваешь сама с собой. Мать? — в голосе Шиэны слышалась сильная озабоченность. Обучающим прокторшам придется приложить немало усилий, чтобы устраниить ее эмоции.

— Я припоминала, как я спросила тебя, желаешь ли стать Преподобной Матерью, — ответила Одраде. — Это навело меня на другие мысли.

— Ты сказала, что я должна довериться твоему руководству во всем, не оставив позади себя ничего, ни в чем тебя не ослушиваться.

— И ты сказала: «И это все??

— Я тогда не очень-то много знала, верно? И я до сих пор не очень-то много знаю.

— Никто из нас не знает, девочка. Кроме того, что все мы вовлечены в совместный танец. И Шайтан наверняка придет, если хоть кто-нибудь из нас потерпит неудачу.

Глава 41

Когда встречаются чужестранцы, следует делать большую скидку на различия привычек и воспитания.

Леди Джессика, из «Мудрости Арракиса».

Последняя зеленоватая полоска света погасла за горизонтом, когда Бурзмали подал сигнал, что они могут двигаться. Было уже темно, когда они добрались до дальней окраины Ясая и кольцевой дороги, которая должна была привести их к Данкану. Небо затмили облака, на которых отражались огни города, и отсвет этих огней падал на городские трущобы, через которые направляли их проводники.

Эти проводники нервировали Лусиллу. Они появлялись из боковых уочек, из внезапно раскрывавшихся дверей, шепотом давая им указания, куда двигаться дальше.

Слишком много людей знало о паре беглецов и о назначенному им свидании!

Она выиграла рукопашный бой со своей ненавистью, но следом ее осталось глубокое отвращение к каждому человеку, которого они встречали. Прятать это отвращение за привычными ухватками гетеры, идущей со своим клиентом, становилось все труднее.

Тротуар был весь в слякоти, налетевшей на него из-под проезжающих граундкаров. У Лусиллы замерзли ноги, не успели они и полкилометра пройти, как ей пришлось израсходовать дополнительную энергию, чтобы согреться.

Бурзмали шел безмолвно, с опущенной головой, якобы погруженный в собственные заботы. Лусиллу это не обманывало. Бурзмали слышал каждый звук вокруг них, видел каждую приближавшуюся машину. Он заставлял ее поспешно покинуть дорогу всякий раз при приближении граундкара. Граундкары со свистом проносились мимо на своих супензерах, грязная слякоть летела из-под щитков и забрызгивала кустарники вдоль дороги.

Тогда Бурзмали бросал ее в снег рядом и выжидал там, пока не становился уверен, что грузундкар уже далеко. Хотя вряд ли едущие в них были способны расслышать что-то кроме звука своей собственной быстрой езды.

Они прошли два часа, потом Бурзмали остановился и оценивающе поглядел на дорогу перед ними. Их местом назначения была община на кольцевой, которую им описали как совершенно безопасную». Лусилла в этом сомневалась — на Гамму не было совершенно безопасных мест.

Община перед ними приветливо светилась желтыми огнями, от отсветов которых полнились внутренним светом облака. Их продвижение по слякоти привело их к туннелю под кольцевой дорогой и низкому холму, на котором было разбито нечто, вроде садика. Ветки были неподвижны в тусклом свете. Лусилла поглядела вперед. Облака таяли. У Гамму было множество маленьких лун — не-кораблей, орбитальных крепостей. Некоторые из них были размещены Тегом, но она заметила линии новых, тоже несущих охрану. Они были в четыре раза ярче самых ярких звезд, и часто двигались вместе; их отраженный свет был полезным, но неверным, потому, что двигались они быстро — через все небо и за горизонт всего лишь за несколько часов. Она взглянула на цепочку из шести таких лун, видневшуюся в разрывах туч, гадая, не являются ли они частью защитной системы Тега. Мгновение она думала над врожденной слабостью защитного менталитета, которые представляли такие средства обороны. Тегбыл прав насчет них. Мобильность вот ключ к военному успеху. Но она сомневалась, что он имел в виду мобильность пехоты. Здесь, на белоснежном склоне, нелегко было бы спрятаться, и Лусилла ощутила нервозность Бурзмали. Что они смогут сделать, если кто-нибудь на них наткнется? Слева от них, наискосок к общине виднелось покрытое снегом углубление. Это была дорога, но ей подумалось, что тут могла быть и простая тропа.

— Вот сюда, — сказал Бурзмали, уводя их в углубление.

Снег здесь доставал им до паха.

— Надеюсь, эти люди достойны доверия, — сказала она.

— Они ненавидят Преподобных Черниц, — сказал он. — Для меня этого достаточно.

— Лучше бы гхола был здесь! — Она сдержала даже еще более резкие слова, но не могла удержаться, чтобы не добавить: для меня их ненависть недостаточна.

«Лучше всего ожидать самого худшего», — подумала она.

Однако, она успокоилась насчет Бурзмали. Он похож на Тега. Никто из них не следует курсом, который может завести в тупик — нет, если они хоть как-то могут этого избежать. Она подозревала,

что даже сейчас вокруг них скрыты защитные силы прикрытия.

Покрытая снегом тропа перешла в мощеную дорожку, плавным изгибом уходившую от подножия холма и очищенную с помощью системы растопления снега. Посреди дорожки сочился ручеек. Лусилла сделала несколько шагов по дорожке, прежде чем поняла, что это магнитный желоб, бывший некогда путепроводом для древнего магнитного транспорта, которым доставлялись вещи и сырье на фабрику, существовавшую здесь до времен Рассеяния.

— Здесь становится круче, — предостерег ее Бурзмали. — Здесь прорублены ступеньки, но будь осмотрительна. Ступеньки узкие.

Вскоре они добрались до конца магнитного желоба. Он закончился у разрушенной стены, сделанной из местного кирпича поверх пластального фундамента. В тусклом свете звезд очистившегося неба стала видна грубая кладка — типичное сооружение времен Голода. Стена была густо покрыта выщипанными растениями и пятнами плесени. Растильность почти не скрывала трещин и расколов в кирпичах, как и грубых попыток заполнить трещины цементом. Единственный ряд узких окон смотрел на то место, где магнитный желоб растворялся в массе кустарников и сорняков. Три окна светились электрическим светом, свидетельством наличия жизни внутри, сопровождавшейся слабыми потрескивающими звуками.

— В старые времена здесь была фабрика, — сказал Бурзмали.

— У меня есть глаза и память, — огрызнулась Лусилла.

«Неужели этот ворчливый мужчина считает, что она полностью лишена разума??

Что-то уныло скрипнуло слева от них — это приподнялся кусок дерна и сорняков, открывая спуск в подвал, сквозь щель брызнул яркий желтый свет. — Живо! — Бурзмали повел ее быстрым бегом через густые заросли и вниз по пролету ступенек, открывшихся под приподнявшимся люком. Люк скрипнул механическим скрежетом, закрываясь позади них.

Лусилла увидела, что они оказались в большом помещении с низким потолком, освещенным длинными рядами современных глоуглобов, укрепленных на массивных пластальных захватах над головой. Пол был чисто подметен, но на нем виднелись царапины и признаки жизнедеятельности: здесь раньше, несомненно, располагалась убранная теперь машинерия. В глаза ей бросилось движение вдали. Молодая женщина, одетая в такую же накидку с драконами, как на Лусилле, рысцой направлялась к ним.

Лусилла принюхалась, и помещении стоял кисловатый запах, и его оттенки говорили о чем-то грязном.

— Здесь была фабрика Харконненов, — сказал Бурзмали. — Интересно, чем они здесь занимались?

Молодая женщина остановилась перед Лусиллой. У нее была гибкая фигура — элегантный силуэт, легкие движения под облегающим одеянием. Лицо ее светилось налитым румянцем, оно говорило о физической закалке и хорошем здоровье. Зеленые глаза, однако, так взвешивающие смотрели на все вокруг, что выражение их было тяжелым и морозящим.

— Значит, они послали не меня одну следить за этим местом, — сказала она.

Лусилла предупреждающе подняла руку, когда Бурзмали собрался ответить. Эта женщина не та, кем она представляется. «Не больше, чем я!» Лусилла стала осторожно выбирать слова.

— Мы всегда знаем друг друга, похоже.

Женщина улыбнулась.

— Я наблюдала за вашим приближением. Не могла поверить собственным глазам. — Она метнула насмешливый взгляд на Бурзали. — Это — якобы клиент? — И проводник, — ответила Лусилла. Она заметила озадаченность на лице Бурзмали и взмолилась, чтобы он не задал неправильного вопроса. Эта молодая женщина грозила опасностью!

— Разве нас не ожидали? — спросил Бурзмали.

— Ага. Оно разговаривает, — со смехом проговорила молодая женщина. Ее смех был так же холоден, как и ее глаза.

— Я предпочитаю, чтобы ты не называла меня «оно», — сказал Бурзмали. — Я называю отребье Гамму так, как мне хочется, — ответила молодая женщина. — И не заикайся со мной о том, что ты предпочитаешь!

— Как ты меня назвала? — Бурзмали устал и в нем начал закипать гнев при этом неожиданном

нападении.

— Я называю тебя так, как хочу — отребье!

Бурзмали достаточно терпел. Не успела Лусилла его остановить, он издал тихое рычание и отвесил молодой женщине тяжелую пощечину.

Пощечина не достигла цели.

Лусилла с восхищением наблюдала, как молодая женщина подпрыгнула при этом нападении, поймала Бурзмали за рукав, как можно поймать несомый ветром кусочек ткани, и, в ослепляющем быстром пируэте, скорость которого скрывала его точность, нанесла Бурзмали такой удар, что тот навзничь рухнул на пол. Женщина полупригнулась на одной ноге, другой приготовилась ударить.

— Сейчас я его убью, — проговорила она.

Лусилла, не зная, что может произойти дальше, согнулась отклоняясь вбок, едва избежав внезапного удара ноги женщины, и ответила стандартным сабартом Бене Джессерит так, что молодая женщина рухнула на пол, сложившись пополам, поскольку удар поразил ее в подбрюшье.

— Предположение, что ты убьешь моего проводника, неуместно, как тебя там ни зовут, — сказал Лусилла.

Молодая женщина судорожно вздохнула, обретая дыхание, и затем ответила, задыхаясь между словами:

— Меня зовут Мурбелла, Великая Преподобная Черница. Ты опозорила меня, сразив в столь медленном нападении. Зачем ты это сделала?

— Тебе надо было преподать урок, — сказала Лусилла.

— Я лишь недавно облачена в Преподобные Черницы. Пожалуйста, прости меня. Я благодарю тебя за превосходный урок и буду благодарить тебя всякий раз, когда буду припоминать твою реакцию, которую я обязана запомнить, она склонила голову, затем легко вскочила на ноги, озорная улыбка блуждала на ее лице.

Своим самым холодным голосом Лусилла спросила:

— Ты знаешь, кто я?

Уголком глаза она заметила Бурзмали, поднимавшегося на ноги с болезненной медлительностью. Он остался сбоку, наблюдая за женщинами, но гнев полыхал на его лице.

— По твой способности преподать мне такой урок, я вижу, кто ты — Великая Преподобная Черница. Забуду ли я? — озорная улыбка исчезла с лица Мурбеллы, она стояла со склоненной головой.

— Ты прощена. Приближается ли не-корабль?

— Так говорят, во всяком случае. Мы готовы его принять, — Мурбелла взглянула на Бурзмали.

— Он до сих пор для меня полезен, и требуется, чтобы он меня сопровождал, — казала Лусилла.

— Очень хорошо. Великая Преподобная Черница. Включает ли твое прощение и твое имя?

— Нет!

Мурбелла вздохнула.

— Мы захватили гхолу, — сказала она. — Они пришел с юга под видом тлейлаксанца. Я как раз собиралась возлечь с ним, когда вы появились. Бурзмали, хромая подошел к ним. Лусилла увидела, что он распознал опасность. Это «совершено безопасное» место просто кишит врагами! Но враги до сих пор знают очень мало.

— Гхола не ранен? — спросил Бурзмали.

— Он продолжает разговаривать, — ответила Мурбелла. До чего же странно!

— Ты не возляжешь с гхолой, — сказала Лусилла, мое особое задание!

— Давай играть по-честному, Великая Преподобная Черница. Я засекла его первой, он уже частично поддался.

Она опять рассмеялась — с потрясшим Лусиллу черствым презрением.

— Вот сюда. Вон там место, из которого вы можете наблюдать.

Глава 42

Дай тебе умереть на Келадане!

Древняя здравица.

Данкан постарался припомнить, где же он находится. Он знал, что Тормса мертв: кровь брызнула из глаз Тормсы. Да, он ясно это помнил. Они вошли в темное здание, и внезапно всюду вокруг них вспыхнул ослепительный свет. Данкан ощутил боль в затылке. Удар? Он постарался пошевелиться, но его мускулы отказывались повиноваться.

Он припомнил, как сидит на краю широкого луга. Там шло нечто вроде игры в шары — эксцентричные шары, которые подпрыгивали и метались без определенного замысла. Игроками были молодые люди в обычных костюмах... Гиди Прайм!

— Они учатся быть стариками, — сказал он. Он вспомнил, как он это говорил.

Его спутница, молодая женщина, взглянув на него безучастным взором.

— Только старикам следует играть в игры на свежем воздухе, — сказал он.

— Вот как?

Это был вопрос, на который на дашь ответа. Она взяла над ним верх самым простейшим способом.

«И в следующее мгновение выдала меня Харконненам!?

Ага, значит, это из воспоминаний его исходной жизни, когда он был рожденным впервые, а не гхолой.

Гхола.

Он припомнил Оплот Бене Джессерит на Гамму. Библиотека: голограммические фотографии и три фото Лито I, герцога Атридеса. Сходство Тега с герцогом было не случайно: чуть повыше, но во всем остальном точно такой же — длинное худое лицо, нос с высокой переносицей, дар увлекать людей, которыми славились Атридесы...

Тег!

Он помнил последний доблестный поступок башара в ночи Гамму.

«Где же я??

Его сюда привел Тормса. Они двигались по заросшей дороге на окраине Ясая.

Барони.

Они не прошли и двух сотен метров по заросшему тракту, как позалил мокрый и липкий снег. Холодный, несчастный снег, от которого через минуту у них стал зуб на зуб не попадать. Они остановились надеть капюшоны и застегнуть куртки. Так стало лучше. Но скоро наступит ночь. И станет намного холодней.

— Есть нечто вроде убежища впереди, — сказал Тормса. — Мы переждем там до ночи.

Когда Данкан не отозвался, Тормса сказал:

— Там не будет тепло, но будет сухо.

Данкан увидел серые очертания этого места приблизительно в трех сотнях шагов от них, оно возвышалось на фоне грязного снега. Он узнал его немедленно: учетная станция Харконненов. Наблюдатели здесь считали (и, порой, убивали) проходивших мимо людей. Его слепили из породной глины как бы один гигантский кирпич, сформированный так, как всегда лепят глинобитные кирпичи, а затем целиком подвергнутый обжигу одной из тех горелок с широким соплом, которыми Харконнены пользовались и для обуздания толп.

Когда они подошли к этому зданию, Данкан увидел остатки полноохватывающего экрана Защитного поля, разрушенного лазером в местах входа в здание. Кто-то сокрушил эту систему уже очень давно. Извилистые дырки в сети защиты частично заросли кустарником. Но пробитые огненными пиками отверстия оставались открытыми. О, да — чтобы находящимся внутри были видны все приближающиеся к входам.

Тормса помедлил и прислушался, с осторожностью оглядываясь.

Данкан посмотрел на учетную станцию. Он хорошо ее помнил. То, что было перед ним, напоминало деформированный нарост, развившийся из первоначального семени. Поверхность была обожжена до стеклянного блеска. Бородавки и выпуклости — свидетельствовали о сверхобжиге. Эрозия эпохи покрыла здание сетью тонких трещин, но первоначальная форма сохранялась. Он посмотрел вперед и узнал часть старой супензорной системы подъема. Кто-то на скорую руку приспособил замок и заложил засов. Значит, это отверстие через полнохватный экран Защитного поля сделано недавно.

Тормса исчез в этом отверстии.

Словно бы переключили кнопку: видения памяти Данкана изменились. Он был в библиотеке не-глоуба вместе с Тегом. Проектор показывал им серию видов современного Ясая. Идея современного возымела на него странное действие. Барони был современным юродом, если думать о современном, как соответствии всем нормам жизни своего времени. Он полагался исключительно на супензорные путеводные трассы для перемещения людей и материалов — и все эти трассы находились высоко. Никаких отверстий для входа на уровне земли. Данкан объяснял это Тегу.

План материализовался в его памяти, превратясь в город, который использовал каждый возможный квадратный метр вертикального и горизонтального пространства. Путеводные трассы требовались только для станций универсальных транспортных коконов. Тег проговорил:

— Идеальной формой была бы клубневидная с плоской крышей для топтеров. — Харконенны предпочитали квадраты и прямоугольники.

Это было правдой.

Данкан припомнил Барони с такой ясностью, что содрогнулся. Супензорные тракты тянулись как норы червей — прямые, изогнутые, изгибавшиеся под косыми углами... вверх, вниз, вбок. Кроме прямоугольной абсолютности, наложенной по прихоти Харконненов, Барони был построен по особому критерию для населенности: максимальная плотность при минимальном расходовании материалов. — Плоская крыша была единственным ориентированным на человека пространством в этом проклятом месте, — он припомнил, как говорит это Тегу и Лусилле вместе.

Там, на вершине, были роскошные апартаменты, и сторожевые станции по всем краям, парковкам топтеров, у всех доступов снизу, вокруг всех парков. Люди, жившие на вершине, могли позабыть о массе плоти, корчившейся в дикой тесноте прямо под ними. Ни один звук или запах от этого людского скопища не доходил до верха. Слуг заставляли принимать ванну и переодеваться в гигиенические одежды перед тем, как войти туда.

Тег задал вопрос:

— Почему же так плотно стиснутые людские массы позволяли себе жить в такой тесноте?

Ответ был очевиден, и Данкан его объяснил:

— Вне города была опасная местность. Управляющие городом представляли ее даже более опасной, чем она на самом деле была. Кроме того, немногие знали о лучшей жизни за пределами города. Единственная лучшая жизнь, о которой они знали, была на вершине. И единственный путь туда лежал через абсолютно раболепную служливость.

— Это произойдет, и ты ничего не сможешь с этим поделать!

Это уже совсем другой голос отдался эхом в черепе Данкана. Он ясно его слышал.

Пол!

«До чего же странно», — подумал Данкан. Было высокомерие в ясновидении, такое же, как высокомерие ментата, который держится за свою колючую логику.

«Я никогда прежде не думал о Поле, как о высокомерном». Теперь Данкан смотрел в зеркало на свое собственное лицо. Частью ума он понял, что это одно из воспоминаний его исходной жизни. Внезапно зеркало стало другим — и отражение его лица в нем тоже стало выглядеть совсем иначе. Смуглое округлое лицо начало приобретать более жесткие очертания, словно бы он достиг зрелости. Он заглянул в собственные глаза. Да, это его глаза. Однажды он слышал, как некто описывал его глаза как «сидящие в пещере». Глубокие глазницы над высокими скулами. Ему говорили, что трудно понять, синие у него глаза или темно-зеленые, если только свет не падает прямо на них.

Это говорила женщина. Он не мог припомнить эту женщину.

Он постарался поднять руку и коснуться волос, но руки ему не подчинялись. Затем он припомнил, что его волосы выбелены. Кто это сделал? Старуха. Его волосы больше не были шапочкой темных

колечек.

И герцог Лито смотрел на него в дверном проходе обеденного зала на Келадане.

— Сейчас мы поедим, — сказал герцог. Это был королевский приказ, но высокомерия не чувствовалось, поскольку его устраняла слабая улыбка, как бы говорящая: «Кто-то же должен это сказать».

«Что происходит с моим умом??

Он припомнил, как идет за Тормса к тому месту, где, как сказал Тормса, их будет ждать не-корабль.

Это было большое здание, возвышавшееся в ночи. Вокруг главного здания разбросаны пристройки поменьше. Они, вроде бы, заселены, из них слышались голоса и звуки работающих машин. Ни одного лица не появилось в узких окошках. Ни одна дверь не открывалась. Данкан уловил запах пищи, когда они проходили мимо самой большой из пристроек. Это напомнило ему, что они ели только сушеные полоски какой-то кожистой штуковины, которую Тормса называл «походной пищей».

Они вошли в темное здание.

Вспыхнул ослепительный свет. Из глаз Тормсы брызнула кровь. Темнота.

Данкан поглядел на лицо женщины. Он и прежде видел лицо, подобное этому: единичный трайд, вынутый из голографического фильма. Где же это было? Где же он его видел? Почти овальное лицо, чуть расширяющееся колбу, отсюда легкая ущербинка в идеальности его изгибов. Она проговорила:

— Меня зовут Мурбелла. Ты этого не запомнишь, но я доверяю тебе мое имя, поскольку помечаю тебя. Я тебя выбрала.

«А я все же тебя помню, Мурбелла.?

Зеленые глаза, широко расставленные под изогнутыми бровями, приковывали взгляд к ним одним, лишь позднее начинаешь разглядывать подбородок и небольшой рот. Рот был полным — из тех губ, которые складываются сердечком, когда хозяйка задумчива.

Зеленые глаза смотрели в его глаза. До чего же холодный взгляд. Какая же сила в Нем. Что-то коснулась его щеки. Он открыл глаза. Значит, это не память! Все это происходит с ним сейчас. Происходит сейчас! Мурбелла! Она сперва была здесь, потом его покинула.

Теперь вернулась. Он припомнил, как проснулся обнаженным на мягкой поверхности... на спальном матраце. Да, его руки узнают этот матрац.

Прямо над ним раздетая Мурбелла, зеленые глаза смотрят на него с жуткой напряженностью. Она коснулась его одновременно во многих местах. Тихое жужжание вырвалось из ее губ.

Он ощущал быструю эрекцию, жесткую до боли.

В нем не было сил сопротивляться. Ее руки двигались по его телу. Ее язык. Жужжание! Ее губы всюду касались его тела. Соски грудей скользнули по его щекам, по его груди. Когда он увидел ее глаза, то в них был продуманный умысел.

Мурбелла вернулась, она опять это делает! Через правое плечо он мельком увидел, широкое плавовое окно — и Лусиллу с Бурзмали позади него. Сон? Бурзмали прижал ладони к плаву. Лусилла стояла со скрещенными руками, на ее лице смешанное выражение ярости и любопытства.

Мурбелла пробормотала в его правое ухо.

— Мои руки — огонь.

Ее тело закрыло лица за плавом. Он ощущал огонь всюду, где только она его касалась.

Пламя резко захлестнуло его ум. Скрытые места внутри его ожили. Он увидел красные капсулы, словно полоску сверкающих колбасок, проносящуюся перед его глазами. Он ощутил горячку, он был поглощен капсулой, возбуждение полыхало в его сознании. Эти капсулы! Он узнал их: это был он сам, это были...

Все Данканы Айдахо, и первоначальный, и все гхолы один за другим возникли в его уме. Они были, как взрывающиеся коробочки семян, отрицающие весь другой жизненный опыт, кроме самих себя. Он увидел, как его сокрушает огромный Червь с человеческим лицом.

«Проклятье тебе, Лито!?

Сокрушает, сокрушает и сокрушает... снова и снова.

«Проклятье тебе, проклятье тебе, проклятье тебе...?

Он погиб под сардаукарским мечом. Боль вспыхнула яркой вспышкой, и вспышку эту поглотила тьма.

Он погиб в катастрофе на топтере. Он умер от ножа убийцы -Рыбословши. Он умирал, умирал и умирал.

Памяти иных жизней затопляли его до тех пор, пока он не стал дивиться, как же он может вместить их все. Сладость новорожденной дочери, которую он держит на своих руках. Мускусный запах страстной супруги. Каскады ароматов славного данианского вина. Упражнения до одышки в гимнастическом зале.

АКСЛОЛЬТНЫЕ ЧАНЫ!

Он припомнил, как раз за разом выходит из них: высокие огни и мягкие механические руки. Эти руки крутят его, и несфокусированным зрением новорожденного он видит огромную гору женской плоти — чудовищную в своей почти неподвижной массивности... лабиринты темных трубок, опутывающие, приковывающие его тело к гигантским металлическим контейнерам.

АКСЛОЛЬТНЫЙ ЧАН?

Он задохнулся, охваченный этими воспоминаниями всех жизней, обрушившихся на него. Все эти жизни! Все эти жизни!

Теперь он припомнил, что тлейлаксанцы вмонтировали в него спящие знания, которые ждали только этого момента соблазнения Геноносительницей Бене Джессерит.

Но это совершила Мурбелла, — а она не Бене Джессерит.

Она, однако, оказалась под рукой, чтобы заработало запрограммированное тлейлаксанцами.

Данкан мягко замурлыкал и коснулся ее, двигаясь с потрясшей Мурабеллу живостью.

ОН НЕ ДОЛЖЕН БЫТЬ НАСТОЛЬКО ОТЗЫВЧИВ! НЕ ТАКИМ ОБРАЗОМ!

Его правая рука, трепеща, пробежала по губам ее влагалища, в то время как левая рука ласкала основание ее позвоночника, его рот мягко задвигался по ее носу, скользнул к губам, к впадинке ее левой подмышки. И все это время он тихо мурлыкал в ритме, который пульсировал через его тело, поднимаясь и ослабевая...

Она попробовала оттолкнуться от него, но это лишь ускорило его ответные реакции.

«Откуда ему известно, что надо касаться меня именно в этот момент? И именно здесь! И здесь! О, Святая Скала Дура, откуда ему это известно?» Данкан почувствовал, как пухнут ее груди, увидел, как краснеет нос.

Он увидел, что соски ее стали жесткими и стоячими, вокруг них все потемнело. Она застонала и широко раздвинула ноги.

«Помоги мне. Великая Черница!?

Но единственная Великая Черница, о которой Мурбелла могла сейчас подумать, была надежно отгорожена от этой комнаты запертой дверью и барьером из плазы.

Энергия отчаянности затопила Мурбеллу. Она отвечала единственным образом, который ей был известен: касания, ласки, используя все техники, которые так тщательно осваивала за долгие годы своего обучения.

На все, что она делала, Данкан отвечал бешено стимулирующим контрходом.

Мурбелла обнаружила, что больше не может контролировать свои реакции. Она реагировала автоматически, из какого-то колодца знаний, который был глубже всех ее тренировок. Она почувствовала, как сжимаются мускулы ее влагалища, быстрое выделение смазочной жидкости. Когда Данкан вошел в нее, она услышала собственный стон. Ее руки, ноги, ладони, все ее тело двигалось в двух одновременных системах реакций — тренированность до автоматизма и все более и более глубокое осознание других требований.

«Как он это сделал со мной??

По мягким мускулам ее таза прошли волны экстатических сжатий. Она ощутила его одновременный ответ — твердый шлепок его семязвержения. Это усилило ее собственную реакцию. Экстатическая пульсация от сжатий ее влагалища распространялась по всему телу. По всему и вовне... По всему и вовне...

Все, что ощущала — один сплошной экстаз. Под веками у нее полыхало и разрасталось ослепительное белое сияние.

Каждый мускул трепетал от такого экстаза, который ей и не мыслился, когда-либо возможным.

И опять волны потекли вовне. Опять и опять...

Она потеряла счет повторениям. Когда Данкан застонал, застонала и она, опять хлынули вовне волны.

И опять...

Исчезли ощущения времени и всего окружающего, осталась только эта безмерность продолжающегося экстаза.

Она хотела и чтобы это продолжалось вечно, и чтобы это прекратилось. Этого не должно случаться с женщиной! Преподобная Черница не должна такого испытывать. Это — те ощущения, с помощью которых управляют мужчинами. Данкан действовал по той модели реакции, которая была в него заложена. Было еще что-то, что предполагалось, ему было положено сделать. Он не мог припомнить, что же это такое.

«Лусилла?? Он вообразил ее мертвой перед собой. Но эта женщина была не Лусилла, это была... это была Мурбелла.

Сил в нем почти не оставалось. Он присел, отодвигаясь от Мурбеллы, и умудрился подняться на колени. Его руки трепетали от непонятного ему возбуждения. Мурбелла постаралась оттолкнуть Данкана, но его уже не было. Ее глаза резко открылись.

Данкан на коленях стоял над ней. Она понятия не имела о том, сколько прошло времени. Она постаралась найти в себе силы, чтобы присесть, и это не получилось. К ней медленно возвращался рассудок.

Она пристально посмотрела в глаза Данкана, понимая теперь, кто он такой этот мужчина. Мужчина? Всего лишь юнец.

Но он сделал такое... такое... все Преподобные Черницы были предупреждены. «Есть гхола, которого Тлейлакс вооружил запретным знанием. Это гхола должен быть убит!» Она ощутила небольшой прилив энергии в своих мускулах. Она поднялась на локти. Задыхаясь, ловя воздух, она постаралась откатится от него и опять упала на мягкий матрац.

Святые Скалы Дура! Этому мужчине нельзя позволять оставаться в живых! Это — тот самый гхола, и он способен делать то, что дозволено только Преподобным Черницам. Ей хотелось напасть на него, и в то же время ей хотелось опять притянуть к себе его тело. Экстаз! Она понимала, что сделает все, о чем он ее сейчас ни попроси. Она сделает это ради него. «Нет! Я должна убить его!?

Опять она поднялась на локти и уже с локтей умудрилась присесть. Ее ослабевший взгляд упал на окно, которым были отгорожены Великая Преподобная Черница и ее проводник.

Они продолжали там стоять, глядя на нее. Лицо мужчины полыхало. Лицо Великой Преподобной Черницы было таким же неподвижным, как сама Скала Дура.

«Как она может просто стоять там, после того, что она увидела? Великая Преподобная Черница должна убить этого гхолу!?

Мурбелла сделала знак женщине за плазом и подкралась к запертой двери возле спального матрасика. Она едва умудрилась отпереть и распахнуть дверь перед тем, как рухнуть на спину. Ее глаза смотрели на коленопреклоненного юношу. На его теле блистал пот. На его возлюбленном теле...

НЕТ!

Отчаяние подняло ее с пола. Она встала на колени, а затем, в основном благодаря силе воли, на ноги. К ней вернулись силы, но ноги трепетали, и она спотыкалась возле подножия спального матрасика.

«Я сделаю это сама, не думая. Я должна это сделать».

Ее тело раскачивалось из стороны с сторону. Она попыталась встать попрочнее и нанести прицельный удар в его шею.

Она владела этим ударом благодаря долгим часам тренировок. Он разбьет горло. Жертве перебиваются дыхательные пути.

Данкан легко уклонился от этого удара, но он был медлителен, медлителен...

Мурбелла чуть не рухнула рядом с ним, но ее подхватили руки Великой Преподобной Черницы.

— Убей его, — задохнулась Мурбелла. — Это тот самый, о котором нас предупреждали. Тот самый!

Мурбелла ощутила руки у себя на шее, пальцы, яростно нашупывавшие бугорочки нервов за ее ушами.

Последнее, что услышала Мурбелла перед тем, как потерять сознание, был голос Преподобной Великой Черницы...

— Мы никого не убьем. Это гхола отправляется на Ракис.

Глава 43

Самый потенциально опасный соперник для любого организма может происходить из его же собственной породы. Виды живых существ поглощают необходимое для жизни. Рост численности ограничивается тем необходимым, которого на данный момент имеется в наименьшем достатке. Уровень популяции контролируется наименее благоприятным из требуемых условий.

(Закон Минимума.)

Из уроков Арракиса.

Здание, загороженное деревьями и тщательно ухоженными живыми оградами, отстояло чуть вглубь от широкого проспекта. Ограды составляли лабиринт и белые столбы в человеческий рост, очерчивали район посадок. Ни одно транспортное средство, въезжающее или выезжающее, не могло на скорости прорваться к зданию. Своим умом военного Тег все это оценил, когда его бронированный граундкар доставил его к двери. Полевой Маршал Муззафар, единственный, кто был с ним на заднем сидении машины, понял о чем думает Тег, и сказал:

— Мы защищены анфиладной лучевой системой.

Солдат, в маскировочном мундире и с длинным лазерным пистолетом на наплечном ремне, открыл дверь и щелкнул каблуками, приветствуя входящего Муззафара.

Тег последовал за ним. Он узнал это место. Это был один из «безопасных» адресов, которыми снабдил его Отдел Безопасности Бене Джессерит. Ясно, информация Ордена устарела. Вполне вероятно, однако, что устарела совсем недавно, поскольку Муззафар никак не давал понять, что Тег может знать это место.

Когда они подошли к двери, Тег заметил, что еще одна защитная система, которую он видел при своем первом объезде Ясая, оставалась неповрежденной. Столбы едва заметно отличались от тех, что шли вдоль барьера деревьев и живой ограды.

На этих столбах были шарящие лазеры, управляемые из помещения откуда-то в здании.

Ромбовидные коннекторы считывали область между ними и зданием. Стоит слегка коснуться кнопки в комнате наблюдателя — и шарящие лазеры превратят любую живую плоть, пересекающую их поля, в нарубленное на мелкие кусочки мясо.

В дверях Муззафар замедлил и поглядел на Тега.

— Преподобная Черница, с которой ты вот-вот встретишься, самая могущественная из всех, которые когда-либо сюда прибывали. Она не потерпит ничего, кроме полной покорности.

— Я так понимаю, ты меня предупреждаешь.

— Я знал, что ты поймешь. Называй ее Преподобной Черницей. Больше никак. Мы заходим. Я позволил себе вольность заказать для тебя новый мундир.

Тег при своем предыдущем визите сюда не видел того помещения, в которое провел его Муззафар. Небольшое и забитое тикающими ящиками и черными панелями, оно оставляло мало пространства даже для них двоих. Все помещение освещал единственный желтый глоуглоб под потолком. Муззафар протиснулся в угол, в то время, как Тег снял запачканный и сморщеный стилсьют, который он носил с самого не-глоуба.

— Извини, что не могу предложить тебе еще и ванну, — сказал Муззафар. — Но мы не должны мешкать. Она становится нетерпеливой.

В мундире Тег предстал совсем другим человеком. Это было знакомое черное облачение, даже звезды на воротнике. Значит, он должен представить пред этой Преподобной Черницей, как башар Ордена. Интересно. Он опять был полностью башаром — для других, ведь его самого мощное чувство осознания собственного «я» никогда не покидало. Мундир, однако же, стал завершающим его личность штрихом. В этом одеянии не было нужды подчеркивать каким-либо другим способом, кто ты такой.

— Так-то лучше, — сказал Муззафар, проводя Тега в переднее фойе и через дверь, которую Тег помнил. Да, вот здесь он встречался со своими «безопасными» агентами. Он вспомнил эту комнату, и, вроде бы, в ней ничего не изменилось. Ряды микроскопических телеглазов, тянулись на стыке потолка со стенами, замаскированные под серебряные поводящие ленточки для парящих глоуглобов. «Тот, за кем наблюдают, не видит, — подумал Тег. — А у наблюдателей миллион глаз».

Его двойное зрение уведомило его, что опасность здесь есть, но непосредственная.

Помещение, около пяти метров в длину и четырех в ширину, предназначалось для ведения самых важных дел. В торговых сделках деньги, как таковые никогда не предъявляются. Договаривающиеся здесь видят только мощные эквиваленты чего угодно, выполнявшего роль валюты — меланжа, или, возможно, молочных сукамней, размером почти с глазное яблоко, совершенно круглых, глянцевых и мягких на вид, но начинавшие учиться радужными переливами, если на них направлялся свет или они прикасались к какому-либо телу. Это было место, где даникин меланжа или небольшой складчатый кошелек сукамней воспринимался вполне естественно. Здесь из рук в руки переходили суммы на стоимость целой планеты — сделку скреплял один кивок, одно подмигивание, одно неразборчиво сказанное словечко. Здесь никогда не извлекались бумажники с деньгами. Самым близким к этому мог быть тонкий транслуксовый дипломатик, из охраняемых ядом внутренностей которого могли быть извлечены тончайшие листочки ридуланского хрусталя с очень большими числами, нанесенными на них печатным устройством с защитой от любой подделки.

— Это банк, — сказал Тег. — Что? — Муззафар смотрел на закрытую дверь в противоположной стене. — О, да. Она скоро появится.

— Она, разумеется, за нами сейчас наблюдает.

Муззафар не ответил, но вид у него был угрюмый.

Тег огляделся. Изменилось ли что-нибудь с его предыдущего визита? Он не видел значительных перемен. Он подивился, претерпевают ли убежища, подобные этому, какие-нибудь большие перемены даже за целые эпохи. Появился новый Росистый Ковер на полу, мягкий, как брентдаун и белый, как подбрюшный китовый мех. Если смотреть на него, то видно блестки влаги — но это обман зрения. Босая нога (не то, чтобы это место когда-либо видело босую ногу) встретит ласкающую сухость.

Был еще узкий столик около двух метров в длину почти в самом центре комнаты. Столешница его была по меньшей мере двадцати миллиметров толщиной. Тег предположил, что он сделан из дамианской джакка ранды. Темно-коричневая поверхность была отполирована до блеска, который отражал взгляд и под которым проглядывали жилочки, как речные потоки. Здесь были только четыре адмиральских кресла вокруг стола, кресла, сработанные искусственным ремесленником из того же дерева, что и стол, с подбитыми подушками сиденьями и со спинками лировой кожи, такого же точно цвета, что и полированное дерево.

Только четыре. Больше — было бы излишеством. Он никогда прежде не сидел ни в одном из подобных кресел, и он не садился сейчас, потому что знал, что найдет там его плоть — удобство, почти такое же, как и презренном письем кресле. Не совсем до такой же степени мягкости и подстраивания под форму садящегося, конечно. Слишком много комфорта могло заставить сидящего расслабиться. Эта комната, ее обстановка говорили: «Чувствуй себя здесь удобно, но оставайся начеку».

«В этом месте надо не только иметь голову на плечах, но и огромную боевую мощь за собой», — подумал Тег. Он и прошлый раз оценил это место таким образом, и мнение его не изменилось.

Окон, не было, но те, что они видели снаружи, полыхали танцовщиками линиями света — энергетические барьеры, препятствующие вторжениям и предотвращающие бегства.

Такие барьеры таили свои собственные опасности, знал Тег, но то, что они подразумевали под собой, было важно. Одно лишь потребление энергии было таково, что за счет этой энергии целый огромный город мог бы жить срок, равный сроку жизни самого большого долгожителя среди его обитателей. Здесь не было ничего случайного в демонстрации богатства.

Дверь, на которую смотрел Муззафар, открылась с легким щелчком.

ОПАСНОСТЬ!

Вошла женщина в переливчатом золотом облачении. По ткани извивались красно-оранжевые линии.

ОНА СТАРА!

Тег не ожидал, что встретит столь глубокую старуху. Лицо ее было морщинистой маской. Глаза, глубоко сидящие, зеленым льдом. Нос ее был вытянутым клювом, тень его касалось тонких губ и повторяла острый угол подбородка. Черная облегающая шапочка почти скрывала серые волосы. Муззафар поклонился.

— Оставь нас, — сказала она.

Он удалился без единого слова через ту дверь, в которую она вошла. Когда дверь за ним закрылась, Тег проговорил:

— Преподобная Черница.

— Значит, ты узнаешь в этом банк, — в голосе ее было лишь слабое дрожание.

— Разумеется.

— Всегда есть средство передачи больших сумм денег или приобретения власти, — сказала она. — Я говорю не о той власти, которая правит фабриками, но о той, которая правит людьми.

— И которая всегда называется правительство или общество, или цивилизация, — сказал Тег. — Я подозревала, что ты окажешься очень разумным, — высказалась она; отодвинула стул и села, но не предложила сесть Тегу.

— Я думаю о себе, как о банкире. Это сразу отсекает множество грязных и бескураживающих окличностей.

Тег не ответил. В этом, похоже, не было нужды. Он продолжал ее внимательно разглядывать.

— Почему ты так на меня смотришь? — осведомилась она.

— Я не ожидал, что ты окажешься такой строй, — сказал он.

— Хе-хе-хе. У нас для тебя много сюрпризов, башар. Может быть, попозднее Преподобная Черница помоложе и пробормочет тебе свое имя, чтобы пометить тебя. Восхвали Дура, если это произойдет.

Он кивнул, поняв не очень много из сказанного ей.

— Это, к тому же, еще и очень старое здание, — сказала она. — Я наблюдала за тобой, когда ты в него вошел. Оно тебя тоже удивило?

— Нет.

— Это здание в основе своей остается без изменений несколько тысяч лет. Оно построено из материалов, которые продержатся еще намного дольше. Он взглянул на стол.

— О, нет, это дерево. Но под этим есть поластины, полазы и пормабат. Три ПО, которые никогда не подводят, если только необходимость их требует. Тег промолчал.

— Необходимость, — сказала она. — Возражаешь ли ты против каких-либо необходимых вещей, которые были с тобой сделаны?

— Мои возражения не играют никакой роли, — сказал он.

Куда же она гнет? Изучает его, конечно. Точно так же, как он изучает ее.

— По-твоему, другие возражали когда-либо против того, что ты им делал?

— Несомненно.

— Ты прирожденный полководец, башар. Думаю, ты будешь для нас очень ценен.

— Я всегда думал, что больше всего ценен для самого себя.

— Башар! Посмотри мне в глаза!

Он повиновался, увидел крохотные оранжевые крапинки, блуждавшие в ее белках. Ощущение опасности стало острым.

— Если ты когда-нибудь увидишь мои глаза полностью оранжевыми берегись! — сказала она. — Это значит, что ты оскорбил меня так, что я этого уже больше не способна выносить.

Он кивнул.

— Мне понравится, если ты сумеешь командовать, но ты не должен командовать мной! Ты командуешь грязью, это единственное назначение для таких, как ты.

— Грязью?

Она махнула рукой — пренебрежительный жест.

— Ну, да, вон там. Ты знаешь их. Их любопытство сильно ограничено. Никаких великих соображений никогда не проникает в их разум.

- Надо так понимать, что вы именно к этому и стремитесь.
- Мы работаем на то, чтобы поддерживать это в таком виде, — сказала она. — Все доходит до них через мелкий фильтр, исключающий все, кроме представляющего непосредственную ценность для выживания.
- Никаких великих дел, — сказал он.
- Ты оскорблен, но это не имеет значения, — сказала она. Для тех, во внешнем мире, самое важное в чем? Поем ли я сегодня, будет ли у меня крыша над головой сегодня, под которую не вторгнутся нападающие или отребье? Роскошь? Роскошь — это обладание наркотиком или существом противоположного пола, которое может на время сдерживать зверя.
- «А ты и есть — зверь», — подумал он.
- Я уделяю тебе время, башар, потому, что понимаю, можешь быть, для нас ты более ценен, чем даже Муззафар, А он действительно необыкновенно ценен. В настоящий момент он получает от нас очередное вознаграждение за то, что ты доставлен к нам в восприимчивом состоянии.
- Когда Тег опять промолчал, она хихикнула.
- По-твоему, ты невосприимчив?
- Тег держался тихо. Ввели они какой-нибудь наркотик в его еду? Он видел вспышки своего двойного зрения, указывающие на возможность насилия, но они таяли по мере исчезновения оранжевых крапинок в глазах Преподобной Черницы. Надо, однако, избегать ее ног. Они — смертоносное оружие.
- Все лишь оттого, что ты неправильно думаешь об отребье, — сказала она. — К счастью, оно до предела самоограничено. Они понимают это глубинными испарениями своего сознания, но не могут найти время ни на то, чтобы с этим разобраться, ни на что-либо, кроме непосредственной борьбы за выживание.
- И нельзя этого в них исправить? — спросил он.
- Этого и не должно исправлять! О, да, мы следим за тем, чтобы они продолжали смотреть на самосовершенствование, как на огромную причуду, за которой, конечно, нет ничего стоящего.
- Им нужно отказывать в роскоши, — сказал он.
- Никакой роскоши! Не существование! Это должно быть все время отгорожено барьером, который мы любим называть «Заданным Невежеством».
- То, чего не знаешь, не может тебе повредить.
- Мне не нравится твой тон, башар.
- И опять оранжевые крапинки заплясали в ее глазах. Ощущение опасности насилия, однако, уменьшилось. И она опять хихикнула.
- То, чего ты опасаешься, есть противоположность тому, чего ты не знаешь. Мы учим, что новые знания могут быть опасными. Ты видишь, что отсюда с очевидностью вытекает: всякое новое знание противоречит способности выживания!
- Дверь за Преподобной Черницей открылась, и вернулся Муззафар. Это был изменившийся Муззафар, его лицо полыхало, глаза блестели. Он остановился за креслом Преподобной Черницы.
- Однажды я буду в состоянии позволить тебе вот так стоять позади меня, — сказала она. — В моей власти такое сделать.
- «Что же они сделали с Муззафаром», — подивился Тег. Тот выглядел почти одурманенным.
- Ты видишь, у меня есть власть? — спросила она.
- Он откашлялся.
- Это очевидно.
- Я банкир, помни! Мы только что внесли депозит на нашего верного Муззафара. Ты благодаришь нас, Муззафар?
- Да, Преподобная Черница, — голос его был хрипл.

— Я уверена, ты понимаешь этот вид власти вообще, башар, — сказала она. — Бене Джесссерит хорошо тебя подготовил. Они весьма талантливы, но, боюсь, не так талантливы, как мы.

— Мне говорили, что вы весьма многочисленны, — сказал он.

— Дело не в нашем числе, башар. Такие силы, как у нас могут быть направлены так, что их можно контролировать небольшим числом.

«Она — как Преподобная мать, — подумал он, — по тому, как старается отвечать, не выдавая при этом слишком многого».

— По сути, — сказала она, — такая власть, как у вас, позволяет становиться основой выживания для многих людей. Затем угроза, что мы заберем у них все это, заставляет их подчиниться нашему направлению, — она поглядела через плечо. — Хотел бы ты, чтобы мы забрали от тебя наши милости, Муззафар?

— Нет, Преподобная Черница, — он и в самом деле затрепетал!

— Вы нашли новый наркотик, — сказал Тег. Смех ее был непроизвольным и громким, почти хриплым.

— Нет, башар, у нас есть старый.

— Вы хотели бы сделать из меня наркомана?

— Как и у всех других, подчиняющихся нам, у тебя, башар, есть выбор: смерть или повинование.

— Это довольно старый выбор, — согласился он. В чем же непосредственная угроза, исходящая из нее? Он не ощущал угрозы насилия. Совсем наоборот. Его двойное зрение показывало ему обрывистые вспышки крайне чувствительных оттенков. Не подумают ли они, что могут закодировать его по-своему?

Она улыбнулась ему — понимающее выражение с чем-то ледяным, скрытым под пониманием.

— Будешь ли он хорошо нам служить, Муззафар?

— Я полагаю, да, Преподобная Черница.

Тег задумчиво нахмурился. Было что-то глубоко греховное в этой парочке. Они шли против всей морали, которой определялось все его поведение. Неплохо помнить, что никто из них не знает о странной перемене в нем, ускоряющей его реакции.

Они как будто наслаждались его озадаченным смятением.

Тег немного успокоился от мысли, что никто из них двоих по-настоящему не радуется жизни. Ему это было видно глазами, получившими образование Ордена. Преподобная Черница и Муззафар позабыли или, вероятнее всего, отвергли все, на что опирается способность к выживанию веселых людей. Он подумал, что, вероятно, они больше не способны находить настоящие источники радости в своем собственном теле. А их источники радости должны находиться больше всего в подглядывании, в роли вечных наблюдателей все помнящих, как это было до того, как они обратились в то, чем стали. Даже когда они купаются в видимости чего-то, что некогда означало вознаграждение, они должны будут достигать новых крайностей каждый раз, чтобы коснуться краешков собственных воспоминаний.

Улыбка Преподобной Черницы расширилась, обнажив ряд белых поблескивающих зубов. — Погляди на него Муззафар. Он не имеет ни малейшего понятия о том, что мы можем сделать.

Тег слышал это, но он еще и наблюдал глазами, натренированными Бене Джесссерит. Ни миллиграмма наивности не осталось в этих двух. Ничто, по всей видимости, не удивляет их. Никто не может оказаться для них действительно новым. И все равно, они строят заговоры, что-то замышляют, надеясь, что эта крайность воспроизведет в них памятный им трепет. Они конечно, знают, что этого не будет, и рассчитывают извлечь из нового переживания только еще больше полыхающей ярости, с которой они сделают еще одну попытку достичь недостижимое. Вот как строится их мышление.

Тег улыбнулся тонко рассчитанной улыбкой, используя все мастерство, которому научился у Бене Джесссерит. Это была улыбка, полная сочувствия, понимания действительной радости своего собственного существования. Он полагал, что это будет самым смертельным оскорблением, которое он может им нанести — и увидел, что попал в самую точку. Муззафар взорвался на него полыхающим взглядом. Преподобная Черница прешла от оранжевоглазой ярости к резкому изумлению, и затем очень медленно к замерцавшей радости. Она этого не ожидала. Это было что-то

новое!

— Муззафар, — сказала она, оранжевые крапинки ушли из ее глаз. -Приведи ту Преподобную Черницу, которая выбрана, чтобы пометить нашего башара.

Тег, двойное зрение которого показало непосредственную опасность, наконец понял. Он увидел свое собственное будущее, бегущее вперед подобно волнам, в то время, как в нем нарастала сила. Дикая перемена в нем продолжалась! Он ощутил расширение энергии. Вместе с этим пришло понимание выбора. Он увидел себя в виде всесметающего вихря, несущегося через это здание — вокруг него рассеяны тела (Муззафар и Преподобная Черница среди них), и все здание напоминает бойню, когда он его покидает.

«Должен ли я это сделать?» — подивился он.

За каждого, кого он убьет, нужно будет убивать все новых. Он видел, однако, необходимость этого, увидел, наконец, весь замысел Тирана. Боль, которую он ощущал за себя, чуть не заставила его закричать, но он ее подавил.

— Да, приведи мне эту Преподобную Черницу, — сказал он, понимая, что тогда на одну меньше ему придется искать и убивать где-то еще в этом здании. Прежде всего, надо будет разгромить комнату сканирования, управляющую лазерами.

Глава 44

О, ты, знающий каковы наши страдания здесь, не забывай нас в своих молитвах.

Вздох над Посадочным Полем Арракина

(Исторические Записи: Дар-эс-Балат)

Тараза смотрела на порхающий снегопад осыпающихся лепестков на фоне серебристого неба ракианского утра. Прозрачное сияние неба, несмотря на все ее подготовительные изучения материалов по планете, оказалось для нее неожиданным. У Ракиса было много сюрпризов. Запах лжеоранжа здесь, на краю сада на крыше. Дар-эс-Балата, перебивал все другие запахи.

«Никогда не верь, что ты постигла глубины любого места... или любого человека», — напомнила она себе.

Беседа здесь закончена, но не смолкало в ней эхо высказанных мыслей, которыми они обменялись всего лишь несколько минут назад. Все, однако, согласились, что сейчас время действовать. Вскоре Шиэна будет «танцевать Червя» для них, еще раз демонстрируя свое искусство.

Вафф и новый представитель жрецов тоже будут лицезреть это «святое событие», но Тараза должна быть уверена, что никто из них не поймет истинной природы того, чему им предстоит быть свидетелями. Вафф конечно, наблюдение за ними уже в печенках сидит. В нем до сих пор ощущалось раздраженное недоверие ко всему, что он видит и слышит. Это странно смешивается с подспудным благоговением от того, что находится на Ракисе. Катализатор всего, несомненно, его ярость на то, что здесь правят очевидные дураки.

Одраде вернулась из комнаты встреч и остановилась возле Таразы.

— Я крайне обеспокоена докладами о Гамму, — сказала Тараза. — Есть у тебя что-нибудь новенькое?

— Нет. По всей видимости, там до сих пор царит хаос.

— Скажи мне, Дар, что, по-твоему, нам следует делать?

— Я все время вспоминаю слова Тирана, сказанные Ченоэ: «Бене Джессерит так близок тому, чем ему следует быть, и все же так от этого далек.

Тараза показала на открытую пустыню за кванатом города-музея.

— Он все еще там. Дар. Я в этом уверена, — Тараза повернулась лицом к Одраде. — И Шиэна разговаривает с Ним.

— Он так часто лгал, — сказала Одраде.

— Но он не лгал насчет своего перевоплощения. Вспомни, что он сказал: «Всякая произошедшая от меня часть унесет частицу моего самосознания, запертую внутри нее, затерянную и беспомощную, жемчужинку моего „я“, слепо движущуюся по песку, пойманную в бесконечный сон».

— Ты возлагаешь огромную часть своей веры на силу этого сна, сказала Одраде.

— Мы должны разоблачить замысел Тирана. До конца!

Одраде вздохнула, но не заговорила.

— Никогда не недооценивай силу идеи, — сказала Тараза. — Атридесы всегда были правителями-философами. Философия всегда опасна, потому что способствует рождению новых идей.

И опять-таки Одраде не ответила.

— Червь несет все это внутри себя. Дар! Все силы, которые он запустил в действие, до сих пор в Нем. — Ты стараешься убедить меня или себя. Тар?

— Я наказываю тебя, Дар. Точно так, как Тиран карает до сих пор нас всех.

— Зато, что мы не есть то, чем нам следует быть? Ага, вон идут Шиэна и другие.

— Язык Червя, Дар. Это очень важно.

— Если ты так говоришь, Верховная Мать.

Тараза метнула сердитый взгляд на Одраде, которая направилась вперед — приветствовать вновь прибывших. В Таразе была тревожащая мрачность. Присутствие Шиэны, однако, возродило целеустремленность Таразы.

?Сообразительная малышка Шиэна. Очень хороший материал». Шиэна демонстрировала свой танец прошлой ночью, исполняя его в большом музейном зале, на фоне гобеленов — экзотический танец на фоне экзотических произведений из спайсового волокна, на которых изображены пустыни и черви. Она представлялась почти частью гобелена — словно сошла к присутствующим со стилизованных дюн и их тщательно детализированных изображений проходящий червей. Тараза припомнила, как каштановые волосы Шиэны развевались, когда она кружилась в танце, взметаясь пушистым ореолом. Свет, падавший сбоку, подчеркивал рыжеватые проблески в ее волосах. Ее глаза были закрыты, но это не было лицо человека, грезящего наяву. Возбуждение в ней проявлялось в страстном выражении ее широкого рта, трепетанье ноздрей, вздернутое подбородке. Внутренняя изощренность движений вступала в противоречие с ее таким юным возрастом.

«Танец — это ее язык, — подумала Тараза. — Одраде права. Мы выучим его, глядя на нее».

Вафф был сегодня, вроде, как в воду опущенный, было трудно определить, смотрят ли его глаза во внешний мир или обращены внутрь.

С Ваффом был Тулуз-хан, смуглокожий приятный ракианец, выбранный представитель жречества на сегодняшнее «святое событие». Тараза, встретившая его во время демонстрационного танца обнаружила в Тулуз-хане необыкновенное свойство: он никогда не говорит «но», и все же это слово ощущалось во всем, что он произносил. Законченный бюрократ. Он вправе рассчитывать, что пойдет далеко, но эти ожидания скоро столкнуться с потрясающей неожиданностью. Она не испытывала к нему жалости, зная то, что знала. Тулуз-хан был мягкотицым юношей, слишком немногих стандартных лет для того, чтобы занимать положение, требующее такого доверия. В нем было больше, однако, чем было видно на глаз. И одновременно меньше.

Вафф отошел в сторонку сада, оставив Одраде и Шиэну с Тулуз-ханом. Естественно, молодой жрец не такая важная птица, им можно пожертвовать, если что. Это довольно-таки объясняло, почему именно его выбрали для этого мероприятия. Это дало ей понять, что она достигла необходимого уровня потенциальной жестокости. Тараза, однако, не думала, что какая-либо из фракций жрецов может осмелится покусится на Шиэну.

«Мы будем стоять вплотную в Шиэне».

Всю неделю после демонстрации сексуальных способностей шлюх они провели по горло в делах. Очень тревожная неделя, уж если так к этому подходить. Одраде была занята с Шиэнной. Тараза предпочла бы Лусиллу для преподавания этих уроков, но надо опираться на то, что под рукой, и Одраде была явно лучшей из достижимых на Ракисе для такого обучения.

Тараза опять поглядела на пустыню, они ждали топтеров из Кина и Очень Важных Наблюдателей. Эти ОВН еще не запаздывали, но запаздают, как с ними не раз бывало. Шиэна как будто хорошо прошла сексуальное обучение, хотя Тараза не очень высоко оценила спарринг-мужчин, имевшихся у Ордена на Ракисе. В свою первую ночь здесь Тараза призвала одного из них. Потом она решила, та маленькая радость забвения, которую это доставляет, не стоит таких хлопот. Кроме того, что ей следует забывать? Забывать — значит допустить в себя слабость.

НИКОГДА НЕ ЗАБЫВАЙ!

Это, однако, именно то, что делают шлюхи. Они торгуют забвением. И они не имеют ни малейшего понятия о том, как тираны держат хваткой человеческую судьбу, как необходимо разорвать эту хватку.

Тараза тайное слушала разговор между Шиэнной и Одраде, состоявшийся накануне.

«Для чего же я прислушивалась??

Девушка и учительница были здесь, в саду на крыше, сидели друг напротив друга на двух скамейках, и переносной икшианский глушитель прятал их слова от любого, у кого не было кодированного переводчика. Парящий на супензорах глушитель висел над ними, как странный зонтик: черный диск, создающий искажения, которые прячут истинные движения губ и звуки голосов. Для Таразы, стоявшей в длинном зале собраний с крохотным переводчиком в левом ухе, это урок представлялся, как равноискаженная память.

«Когда меня учили этому, мы не знали, что могут делать шлюхи из Рассеяния».

— Почему мы говорим о существующей в сексе сложности? — спросила Шиэна. — Мужчина, которого ты прислала сегодня ночью, все время это повторял.

— Многие полагают, будто понимают это, Шиэна. Может быть, никто никогда этого не понимал, потому что такие слова больше исходят от ума, чем имеют дело в плотью.

— Почему я не должна пользоваться ничем из того, что мы видели на представлении Лицевых Танцоров?

— Шиэна, сложность прячется внутри сложности. По принуждению сексуальных сил творилось и творились великие дела, и грязные. Мы говорим о сексуальной силе, сексуальной энергии и о таких вещах, как «всеодолевающий позыв страсти».

Я не отрицаю, что такое бывало. Но то, чего мы здесь ищем — это сила настолько могущественная, что она может разрушить и тебя и все ценное, чем обладаешь.

— Так вот почему я и стараюсь понять. Означает ли это, что шлюхи поступают неправильно?

— Они игнорируют заложенное в человеческом роде, Шиэна. По-моему, ты можешь уже это ощутить. Тиран, наверняка, это знал. Что была его Золотая Тропа, как непредвидение сексуальных сил за работой беспрестанного возрождения человечества?

— А шлюхи не творят?

— Они, в основном, стараются контролировать миры своей силой.

— Да, кажется они так и делают.

— Вот как. Теперь задумайся о противодействии, которое они этим на себя навлекают?

— Я не понимаю.

— Ты ведь знаешь о Голосе, и как им можно контролировать некоторых людей?

— Но не всех.

— Именно. Цивилизация, на которую очень долго воздействует Голос, приспосабливается к этой силе, уменьшая силу воздействия Голоса.

— Значит, есть люди, знающие, как сопротивляться шлюхам?

— Мы видим безошибочные признаки этого. И это одна из причин того, почему мы на Ракисе.

— Пожалуют ли сюда шлюхи?

— Боюсь, да. Они хотят контролировать самую сердцевину Старой Империи, потому что мы кажемся им легкой добычей.

— Ты не боишься, что они победят?

— Они не победят, Шиэна. Полагайся на это. Но ведь для нас они пойдут на пользу.

— Как это?

Голос Шиэны вывел Таразу из шока, вызванного словами Одраде. Сколько же подозревает Одраде? В следующее мгновение Тараза это поняла и задумалась: понятен ли весь урок этой юной девушке?

— Сердцевина статична, Шиэна. Мы провели застылыми тысячи лет. Жизнь и движение были «вне нас», с теми людьми из Рассеяния, кто противостоят шлюхам. Любым нашим действием мы должны как можно больше усиливать это сопротивление.

Звук приближавшихся топтеров вывел Таразу из ее задумчивости. Очень Важные Наблюдатели едут из Кина. Все еще на расстоянии, но звук ясно слышен в чистом воздухе.

Преподавательский метод Одраде хорош, должна была признать Тараза, общаривая взглядом небо, выглядывая первые признаки топтеров. Они явно летели низко и с другой стороны здания. Не с той стороны, откуда должны были бы — но, может, быть, они возили Очень Важных Наблюдателей на короткую экскурсию вдоль остатков Стены Тирана. Многие люди интересовались тем местом, где Одраде нашла хранилище спайса.

Шиэна, Одраде, Вафф, Тулуз-хан спускались в длинный зал собраний. Они тоже услышали топтеры. «Шиэна так и рвется показать свою власть над червями», — поняла Тараза.

Послышался натуженный звук приближавшихся топтеров. Не перегружены ли они? Скольких наблюдателей они везут?

Первый топтер скользнул над крышей верхнего помещения и Тараза увидела бронированную кабину пилота. Она распознала предательство еще до того, как из топтера ударила первая дуга лазерного луча, отсекая ей ноги по самые колени. Тараза повалилась всем весом на растущее в кадке дерево. По ней рубанул еще один луч, под углом перерезав бедро. Топтер промчался над ней, резко взревев реактивными двигателями, и сделал вираж влево. Тараза цеплялась за дерево, включив технику подавления физических мук. Она сумела приостановить кровотечения из своих ран, но боль оставалась страшной. Не так велика, однако же, как боль Спайской Агонии, напомнила она себе. Это ей помогло, но она понимала, что обречена. Она услышала крики и звуки многочисленных схваток по всему музею?

«Я победила!» — подумала Тараза.

Одраде выскочила из верхнего помещения и склонилась над Таразой. Они ничего не сказали, но Тараза показала, что она все понимает, приложив свой лоб к виску Одраде. Это был уже многовековой код Боне Джесссерит. Тараза начала перекачивать свою жизнь в Одраде — Иные Памяти, надежды, страхи... все.

Одна из них может еще спастись.

Шиэна наблюдала из верхнего помещения, стоя там, где ей было приказано ждать. Она понимала, что происходило в саду на крыше -Величайшая Тайна Бене Джесссерит.

Вафф и Тулуз-хан, уже вышедшие из помещения когда началось нападение, не возвращались.

Шиэна содрогнулась от дурных предчувствий.

Одраде резко встала и бегом кинулась на зад. Глаза ее были неистовыми, но двигалась она целеустремленно. Подпрыгнув, она собрала за черенки в охапку несколько глоуглобов. Она пихнула несколько охапок глоуглобов в руки Шиэны, и та почувствовала, как ее тело становится легче, поднимаемое супензорными полями глоуглобов. Захватывая все новые пучки глоуглобов, Одраде заспешила к узкому концу помещения, где отверстие в стене указывало на то, что она искала. С помощью Шиэны она отомкнула створки, открывшие глубокую воздушную шахту. Свет собранных пучками глоуглобов показал грубые стены внутри шахты.

— Держи глоуглобы как можно кучнее, чтобы эффект их поля был максимальным, — сказала Одраде. — Выкидывай их по одному, чтобы снижаться. Мы спускаемся вовнутрь.

Шиэна ухватила черенки глоуглобов потной рукой и спрыгнула с приступки. Она почувствовала, как падает, затем испуганно уцепилась за глоуглобы, подтягивая их ближе. Свет над ней говорил о том, что Одраде следует за ней.

На дне шахты они попали в насосную, где работало множество вентиляторов, и через них доносились отдаленные звуки сражения снаружи.

— Мы должны добраться до не-комнаты и затем в пустыню, — сказала Одраде. — Все системы машинерии взаимосвязаны. Здесь будет проход.

— Она мертвa? — прошептала Шиэна.

— Да.

— Бедная Верховная Мать.

— Теперь я — Верховная Мать, Шиэна. По крайней мере, временно, -Одраде указала наверх. — Это на нас напали шлюхи. Мы должны поспешить.

Глава 45

Наш мир — для живущих, и кто же они?

Ради свети во тьму мы рискнули, насквозь.

Она ветром была моим, дунь он в те дни,

В ее облике мне умереть довелось,

Падение ведомо тем, кто из плоти до духа воспрял.

Свет есть все, и свет слева границы земного прорвал.

Теодор Ретке

(Исторические цитаты: Дар-эс-Балат)

Тегу почти не понадобилось сознательных усилий, чтобы превратиться в вихрь. Он понял, наконец, природу той угрозы, что исходила от Преподобных Черниц. Само это осознание вылилось в сверхскоростное движение — продукт нового мышления ментатов, соразвившегося вместе с многократно увеличивающейся скоростью.

Чудовищная угроза требовала чудовищного противодействия. Кровь хлестала позади него, когда он прокладывал путь сквозь здание штаб-квартиры, убивая всякого на своем пути.

Как он узнал от своих преподавательниц Бене Джессерит, величайшая проблема человеческого мироздания в том, как именно ты подходишь к продолжению рода. Ему слышался голос его первой учительницы, пока он производил опустошения по всему зданию.

— Ты можешь думать об этом, как о сексуальности, но мы предпочитаем более объемлющий термин — продолжение рода. У него много граней и разновидностей, и он обладает явно неограниченной энергией. Чувство, называемое любовью, это только небольшой его аспект.

Тег сокрушил глотку человека, словно замершего на его пути, и, наконец, добрался до комнаты управления системами защиты здания. Там сидел только один человек, его правая рука почти прикоснулась к красному ключу на пульте управления перед ним.

Своей разящей левой рукой Тег почти разрубил мужчину на двое. Тело нырнуло вперед в медленном движении, из отверстия в шее хлестнула кровь. «Орден прав, назвав их шлюхами!?

Можно потащить человечество куда угодно, манипулируя огромными энергиями продолжения рода. Можно подстрекнуть человечество к действиям, которые оно никогда бы не сочло возможными. Одна из его учительниц сказала ему об этом прямо:

— Энергия должна иметь свой выход, закупорь ее и она станет чудовищно опасной. Перенаправь ее, и она сметет все на своем пути. В этом наивысший секрет всех религий.

Тег прикинул, что, покидая здание, он оставил позади себя более пятидесяти трупов. Последней его жертвой стал солдат в маскировочном костюме, стоявший в открытом дверном проеме, собираясь войти.

Пробегая мимо неподвижных на вид людей и транспортных средств, Тег своим переключенным на высшую скорость умом, успел подумать над тем, что оставалось позади него. Утешит ли его, что выражение неподдельного удивления было последним на лице Преподобной Черницы? Стоило ли ему поздравлять себя, что Муззафар никогда снова не увидит свой дом из каркасного кустарника?

Как и любому, подготовленному Бене Джессерит, ему совершенно ясна была необходимость совершенного им несколько секунд назад. Тег знал свою историю. Было множество райских планет было в старой Империи, а в Рассеянии, наверняка, еще больше. Люди всегда оказывались способными попробовать какой-нибудь дурацкий эксперимент. А на планетах с благословенным климатом, в основном, лентяйничали. Тег считал это дуростью. Вот почему, сексуальная энергия всегда легко высвобождалась на таких планетах. Появление миссионеров Разделенного Бога или подобных религий в одном из таких райских уголков всегда вызывало всепоглощающую ярость, захлестывавшую все вокруг. — Мы в Ордене об этом знаем, — объясняла одна из учительниц Тега. - Наша Защитная Миссионерия не раз зажигала или гасила пожар подобной ярости.

Тег продолжал бежать, пока не оказался в аллее, километрах в пяти от бойни, устроенной им в штаб-квартире старой Преподобной Черницы. Он знал, что времени прошло еще очень мало, но оставалось еще кое-что, требовавшее его внимания. Он убил не всех обитателей того здания. Остались глаза наблюдателей, узнавших теперь, на что он способен. Они видели, как он убивал

Преподобных Черниц, как рухнул убитый им Муззафар. У них остались свидетельства: горы трупов и записи его действий.

Тег прислонился к стене. На левой ладони кожа была ободрана. Он позволил себе вернуться в нормальное время, наблюдая как кровь сочится из раны. Кровь была почти черной. «В моей крови очень много кислорода??

У него была одышка, но не такая сильная, как можно было бы ожидать после подобной физической нагрузки.

«Что со мной произошло??

Да, здесь наверняка сработало его происхождение Атридеса. Кризис выкинул его в другое измерение человеческих возможностей. Каким бы ни было его изменение, но он изменился полностью, обретя способности заглядывать вперед и видеть сущность вещей и событий. Люди, мимо которых он пробегал в этой аллее, казались ему статуями.

«Буду ли я когда-нибудь думать о них, как об отребье??

Он подумал, что такое сможет произойти, если только он сам это позволит. Но искушение было при нем, и он с сочувствием подумал о Преподобных Черницах, повергших себя в грязь, не вынеся Великого искушения.

«Что же теперь делать??

Он ясно видел главную линию своих действий. Здесь, в Ясае, есть тот единственный человек, наверняка знавший всех нужных Тегу людей. Тег поглядел вдоль аллеи. Да, этот человек поблизости.

Сквозь тяжелый аромат цветов и трав другой запах волнами доходил до Тега откуда-то из глубины аллеи. Он направился на эти запахи, понимая, что они приведут его туда, куда нужно, и что там он не подвергнется никакому нападению, там должна быть тихая гавань.

Он быстро достиг источника запахов. Это была встроенная дверь, на которой была голубая вывеска из двух слов на современном галахе: «Персональное обслуживание».

Тег вошел и сразу увидел то, что искал. Их можно было увидеть во многих местах старой Империи: закусочные, уходившие корнями в древнейшие времена, автоматизированные, от кухни до стола. Большинство из них были заведениями «для своих». Можно было рассказать друзьям о своем последнем «открытии», предупредив о том, чтобы они широко не распространялись о нем. — Не хочу, чтобы оно испортилось из-за наплыва народа.

Эта мысль всегда забавляла Тега. Смешно рассказывать о таких местечках, притворяясь при этом, будто сообщаешь строго по секрету.

Запахи пищи, от которых текли слюнки, доносились из кухни в задней части закусочной. Прошел официант, неся окутанный паром — словно обещание чего-то очень хорошего — поднос.

Молодая женщина в коротком черном платье и белом фартуке подошла к Тегу.

— Вот сюда, сэр, пожалуйста. У нас есть свободный столик в углу.

Она подала ему стул так, чтобы он мог сидеть спиной к стене.

— К вам подойдут через секунду, сэр, — она подала ему жесткий лист дешевой бумаги двойной толщины, — Наше меню отпечатано. Я надеюсь, что Вы не возражаете.

Он посмотрел, как она уходит. Официант прошел другим путем по направлению к кухне. Теперь поднос был пуст.

Ноги Теги привели его сюда, как будто он бежал по зада иной колеи. Здесь — тот человек, который ему нужен, он обедает рядом с Тегом.

Официант остановился поговорить с человеком, о котором Тег знал, что у того есть ответы на все последующие ходы, которые необходимо здесь сделать. Официант и этот человек вместе чему-то смеялись. Тег обшарил взглядом остальное помещение: только еще три столика занято. Пожилая женщина сидела за столом в дальнем углу, отщипывая от глазуреванного конфекта. Она была одета в облегающее короткое черное платье с глубоким вырезом на шее. Тег подумал, что это, должно быть является последним воплем современной моды. Ее туфли были такого же цвета. Молодая пара сидела через столик справа от него. Они не видели никого, кроме самих себя. Пожилой мужчина в хорошо подобранный старомодной коричневой тунике тщательно ел блюдо из зеленых овощей рядом с дверью. Взгляд его был целиком сосредоточен на еде.

Человек, говоривший с официантом, громко расхохотался.

Тег поглядел в затылок официанту. Пучки светлых волос торчали на затылке, как сорванные кустики мертвой травы. Воротник официанта под взъерошенными волосами был истрепан. Тег опустил взгляд. Туфли официанта на каблуках. Кайма черной куртки была заштопана. Скупость бедности? Что, дела здесь идут ни шатко, ни валко? Запахи из кухни исключали, что заведение бедное. Столовая посуда чиста до блеска. Нет ни одной треснувшей тарелки. Но полосатая, красно-белая скатерть на столе заштопана в нескольких местах, заплаты аккуратно подогнаны под общий цвет материи.

Тег еще раз оглядел других посетителей. Они выглядели состоятельными. Голодающих бедняков в этом месте не водилось. Тегу стала окончательно ясна суть этого места. Не просто местечко «для своих», кто-то специально рассчитывал именно на такой эффект. За всем заведением скрывался умный замысел. Нечто вроде ресторана, который перспективные молодые чиновники открывают для себя, чтобы назначать деловые свидания с надежными клиентами или ублажить начальника. Еда была превосходной, порции щедрыми. Тег понял, что его инстинкты привели его сюда правильно. Затем он перенес свое внимание на меню, позволяя, наконец, голоду проникнуть в его сознание. Голод был, по меньшей мере, настолько же яростным, как в тот раз, что удивил покойного Полевого Маршала Муззафара.

Официант появился рядом с ним с подносом, на котором стояла небольшая открытая коробочка и кувшинчик, откуда доносился пряный запах заживляющих мазей.

— Я вижу, Вы поранили руку, башар, — сказал официант. Он поставил поднос на стол. — Позвольте мне обработать Вашу рану до того, как Вы сделаете заказ.

Тег поднял раненую руку и посмотрел, как быстро и умело официант обработал рану.

— Ты знаешь меня? — спросил Тег. — Да, сэр. И после того, что я слышал, мне странно видеть Вас в полном мундире. Вот здесь, — он закончил обработку раны.

— Что ты слышал? — тихо вопросил Тег. — Что за Вами охотятся Преподобные Черницы.

— Я только что перебил нескольких из них и многих их... Как бы их назвать?

Официант побледнел, но голос его был тверд.

— Рабы, будет подходящим для них словом, сэр.

— Ты был при Рендитае, верно? — сказал Тег. — Да, сэр. Многие из нас осели здесь после этого.

— Мне нужно поесть, но я не могу тебе заплатить, — сказал Тег. — Никому из ветеранов Рендитая не нужны Ваши деньги, башар. Они знают, что Вы отправились сюда?

— Полагаю, никак нет.

— Сейчас здесь лишь постоянные посетители. Никто из них Вас не выдаст. Я постараюсь предупредить Вас, если появится какая-нибудь опасность. Чтобы Вы желали поесть?

— Как можно больше. Выбор предоставляю тебе. И чтобы было в двойном размере углеводов и протеина. Никаких стимулирующих.

— Что Вы имеете в виду под большим количеством, сэр?

— Подавай мне еду, пока я не скажу тебе остановиться... или, пока не почувствую, что злоупотребил твоей щедростью.

— Несмотря на видимость, сэр, наше заведение совсем не бедное. Чаевые сделали меня богатеем.

«Один ноль в пользу его расчетливости», — подумал Тег. Бережливость якобы бедности, сознательно бьющая на жалость.

Официант отошел и опять заговорил с человеком за центральным столиком. Тег принялся открыто разглядывать этого человека, после того, как официант прошел дальше в кухню. Да, это тот самый. Едок, сосредоточившийся на блюде с макаронными изделиями под зеленым соусом. «Видно, что за этим человеком нет женского ухода», — подумал Тег. Воротник его сидел криво, подтяжки перепутаны. Пятна зеленого соуса запачкали его левую манжету. Он вообще-то правша, но ест держа левую руку там, где разбрзган соус. Истрепанные манжеты брюк. Край одной брючины, частью отошедший от сношенного манжета, волочился за каблуком. Носки разные — один голубой, другой бледно-желтый. Все это его как будто нисколько не беспокоило. Ни мать, никакая другая женщина никогда не смотрели ему в спину с порога, приказывая, чтобы он привел себя в порядок. Однако его отношение к себе явно говорило: «То, что вы видите, это вполне достойный вид».

Внезапно мужчина дерганым движением, словно его ушипнули, поднял взгляд. Он пошарил карими глазами по помещению, по очереди задерживая взгляд на каждом лице, словно выглядывая кого-то определенного. Обведя всех, таким образом, своим взглядом, он опять перенес все внимание на еду. Официант вернулся с бульоном, в котором плавали взбитые яйца и зеленые овощи.

— Пока готовят остальное, сэр, — сказал он.

— Ты прибыл сюда прямо после Рендитая? — спросил Тег. — Да, сэр, но я еще служил вместе с Вами на Аклайне.

— Шестьдесят седьмая Гамму, — сказал Тег. — Да, сэр!

— Мы спасли тогда много хороших жизней, — сказал Тег. — Их и наших. Увидев, что Тег до сих пор не приступает к еде, официант довольно холодно проговорил:

— Желателен вам снупер, сэр?

— Не тогда, когда ты меня обслуживаешь, — сказал Тег. Он действительно говорил искренне, но чувствовал себя немного мошенником, потому что его двойное зрение уведомило его, что еда безопасна.

Довольный официант начал отворачиваться.

— Один момент, — сказал Тег. — Сэр?

— Человек за центральным столиком. Он один из постоянных посетителей? — Профессор Делнай? О, да, сэр.

— Делнай. Да, я так и думал.

— Профессор воинских искусств, сэр. И еще истории.

— Я знаю. Когда подойдет время подавать мне десерт, пожалуйста, спроси профессора Делнай, не присоединится ли он ко мне.

— Следует ли мне сказать, кто Вы, сэр?

— По-твоему, он еще не знает?

— Это, кажется, весьма вероятным, сэр, но все же...

— Осторожность там, где требуется осторожность, — сказал Тег. -Подавай еду.

Интерес Делнай был полностью возбужден еще до того, как официант передал ему приглашение Тега. Первыми словами профессора, когда он уселся за столик напротив Тега, были:

— Это самое замечательное гастрономическое представление, которое я когда-либо видел. Вы уверены, что сможете съесть десерт?

— Два-три десерта, по меньшей мере, — ответил Тег. — Изумительно! — Тег набрал полную ложку приправленных медом засахаренных фруктов. Он проглотил их, затем сказал:

— Это место настоящая жемчужина.

— Я храню его в тщательной тайне, — сказал Делнай. — Кроме, как от нескольких близких друзей, разумеется. Чему я обязан чести Вашего приглашения?

— Были ли Вы когда-либо... ага, помечены Преподобной Черницей?

— Адские властительницы! Нет, я для этого не достаточно важен.

— Я надеялся попросить Вас рискнуть Вашей жизнью, Делнай.

— Каким образом? — никакого колебания. Это успокаивающе.

— Здесь в Ясае есть место, где собираются мои старые солдаты. Я хотел бы пройти туда и повидаться со всеми, с кем возможно.

— По улицам, в полном обмундировании, так, как Вы сейчас?

— Любым образом, каким Вы сможете это устроить.

Делнай поднес палец к нижней губе и наклонился вперед глядя, на Тега. — Вы не из тех, кого легко

можно замаскировать, знаете ли. Однако же, может быть способ, — он задумчиво кивнул. — Да, — он улыбнулся. — Только, боюсь, вам это не понравится.

— Что у Вас на уме?

— Подушечки и другие изменения. Мы Вас проведем как борданос, сборщика нечистот. От Вас, естественно, должно будет попахивать нечистотами. Но Вы должны будете вести себя так, как будто этого не замечаете.

— Почему Вы думаете, что это пройдет? — спросил Тег. — О, сегодня вечером будет буря. Обычная вещь в это время года. Закладывает влагу для урожая следующего года. И наполнение резервуаров для подогрева полей, знаете ли.

— Я не понимаю Ваших доводов, но, когда я закончу следующий десерт, мы приступим к делу, — сказал Тег. — Вам понравится место, где мы укроемся отбури, — сказал Делнай. — Я конечно безумец, знаете ли, что на это иду. Но владелец этого заведения сказал, чтобы я или помог Вам или никогда больше не смел появляться здесь. Через час после наступления тьмы Делнай привел его на место встречи.

Тег, облаченный в кожаные одежды и изображая хромоту, был вынужден использовать все свои силы ментата, чтобы не замечать своей собственной вони. Друзья Делнай облепили Тега нечистотами, а затем обдали его из шланга. Потом его высушили, чтобы сохранилось как можно больше летучих запахов. Взглянув на установку дистанционного контроля погоды в дверях места встречи, Тег заметил, что температура снаружи за предыдущий час упала на пятнадцать градусов. Делнай прошел впереди него и заспешил в густо набитую народом комнату, где слышался сильный шум и звяканье стеклянной посуды. Тег задержался, чтобы поглядеть на установку считывания погоды. Он увидел, что порывы ветра достигают тридцати узлов. Барометр падал. Он поглядел на надпись над установкой: «К услугам наших клиентов».

Надо предполагать, услуга и для бара: уходившие клиенты вполне могли кинуть взгляд на эти показания, и опять вернуться в теплую и дружескую атмосферу, только что ими покинутую.

В большом камине в уютном уголке дальнего конца бара горел настоящий огонь. Ароматическая древесина.

Делнай вернулся, сморщив нос на запах Тега, и повел его в обход толпы в заднюю комнатку, а затем через эту комнатку в личную ванную. Мундир Тега, выстиранный и выглаженный, ждал его там на стуле.

— Я буду сидеть в закутке у камина, когда Вы вернетесь, — сказал Делнай.

— При всех регалиях, да? — спросил Тег. — Это опасно только на улице, — ответил Делнай. И он удалился тем путем, которым они пришли.

Тег вскоре вышел и пробрался к камину через группки людей, оборачивавшихся и внезапно умолкавших, как только его узнавали. За спиной раздалось приглушенное бормотание.

— Сам старый башар.

— О, да, это Тег. Я с ним служил. Узнаю его лицо и фигуру, где угодно.

Клиенты теснились у полуза забытого тепла древнего камина. Густой запах мокрой одежды и алкогольных испарений витал над ними.

Неужели только непогода собрала в баре эту толпу? Тег поглядел на лица окружавших его людей — всюду лица закаленных в битвах воинов. Неважно, что говорил Делнай. Ясно, что здесь все знают друг друга, и каждый рассчитывал встретить любого из присутствующих только здесь и именно сейчас.

Делнай сидел на одной из скамеек в уголке перед камином, держа в руке стакан с янтарным напитком.

— Ты пустил словечко, чтобы нас здесь ждали? — спросил Тег. — Разве это не то, чего ты хотел, башар?

— Кто ты, Делнай?

— Я владею зимней фермой в нескольких узлах к югу отсюда и у меня есть несколько друзей среди банкиров, которые периодически одолживают мне граундкары. Если Вы хотите, более конкретно — я, как и большинство из людей в этом помещении, и тех, кто хочет скинуть Преподобных Черниц со своей шеи.

Человек позади Тега спросил:

— Это правда, что Вы убили сотню их сегодня, башар?

Тег сухо ответил, не оборачиваясь.

— Число сильно преувеличено. Нельзя ли мне выпить, пожалуйста?

С высоты своего огромного роста Тег обшарил взглядом комнату в то время, как кто-то подавал ему стакан. Когда стакан оказался в его руках, то, как он и ожидал, в нем был данианский Маринет густо-голубого цвета. Старые солдаты знали, что он любит.

Выпивка в комнате продолжалась, но в замедленном ритме. Все ждали, когда Тег изложит, зачем он прибыл.

«Склонность человека к общению в такие ненастные ночи прорывается естественным образом», — подумал Тег. Собраться за огнем в пасти пещеры, сородичи по племени! Ничего опасного не достигнет нас, особенно, если звери видят наш огонь. «Сколько других сходных собраний было на Гамму в такие ночи?» — задумался Тег, пригубливая свое питье. Плохая погода может замаскировать те передвижения, которые собравшимся здесь так желательно утаить. К тому же погода может задержать под крышей некоторых людей, которые иначе, там бы не оставались.

Тег узнавал кое-какие лица из своего прошлого, офицеров и рядовых, смешанная компания. Некоторых из них он хорошо помнил — надежные люди. Кто-то среди них сегодня умрет.

Шум опять начал возрастать по мере того, как люди расслаблялись в его присутствии. Никто не настаивал, чтобы он давал объяснения. Они знали, что Тег всегда соблюдал свой собственный график.

Звяканье стаканов, приглушенные разговоры, иногда тихие смешки. Это, должно быть, те, кто осознают свою личную силу. Делнай тихо хихикал.

Тег поглядел вверх и увидел балки потолка, встроенные сравнительно низко. Это создавало закрытое пространство, казавшиеся более вытянутым и более интимным. Тщательное внимание к человеческой психологии проявилось в этом. Это было то, что он наблюдал во многих местах на этой планете забота о том, чтобы подавить все неуютное в человеческом сознании — пусть чувствуют себя в уюте и безопасности.

Еще некоторое время Тег разглядывал напитки, которые раздавались поднаторевшими официантами — темное местное пиво и какие-то дорогие привозные напитки. Вокруг стойки бара и на приглушенных столах, стояли чаши, в которых были поджаренные до хруста, крепко посоленные, местные овощи. Ход, как на ладони читаемый: возбуждать жажду, не будучи оскорбительно навязчивым. Неотъемлемо и естественно для профессии кабатчика. Пиво тоже, наверняка, как следует подсолено. Они всегда подсаливают пиво. Пивовары знают, как добиться того, чтобы чем больше выпьешь, тем больше еще хотелось.

Некоторые из групп становились шумнее. Напитки начинали оказывать свое древнее воздействие. Бахус был здесь! Тег понимал, что если этому собранию дозволить течь естественным путем, то шум в комнате попозже ночью достигнет апогея, а затем очень постепенно уровень пойдет на убыль. Кто-то должен выйти взглянуть на установку считывания погоды в дверях. В зависимости от того, что он увидит, это местечко либо все сразу покинут, либо продолжат тихую посиделку еще какое-то время. Тег сообразил, что в баре наверняка мухлюют с установкой считывания погоды, и показания она дает искаженные в нужную сторону. Это такой очевидный способ еще чуть-чуть повысить доход, что в этом баре наверняка его не проглядили.

«Замани их внутрь и держи их там любыми способами, против которых они не будут возражать».

Люди в этом заведении столкнутся с Преподобными Черницами и глазом не моргнув. Тег отставил стакан в сторону и обратился ко всем:

— Не можете ли вы уделить мне внимание?

Тишина.

Даже все официанты застыли.

— Кто-нибудь — охраняйте двери, — сказал Тег. — Никто не должен войти или выйти, пока я не отдаю приказа. И эти задние двери, тоже, будьте добры.

Когда это было улажено, он внимательно оглядел все помещение, выбирая своим двойным зрением тех, в чью воинскую подготовку он мог верить. То, что надо было сделать сейчас, виделось ему

совершенно ясно. Бурзмали, Лусилла и Данкан были там, на грани его нового видения, и Тег легко различал их нужды.

— Я полагаю, вы можете добраться до оружия очень быстро, — сказал он. — Мы пришли подготовленными, башар! — выкрикнул кто-то в комнате.

Тег рассыпал в этом голосе пьяные интонации, но также и старую адреналиновую накачку, которой так дорожили эти люди.

— Мы собираемся захватить не-корабль, — сказал Тег. Это их воодушевило. Никакие изделия цивилизации не охранялись так тщательно, как не-корабли. Эти корабли прибывали на посадочные поля или другие места и удалялись. Их бронированные поверхности были усеяны оружием. Команды, расположенные в уязвимых точках, находились в состоянии постоянной бдительности. Захват мог обеспечить только какой-нибудь трюк, открытое нападение оставляло мало шансов. Но здесь, в этом помещении, Тег достиг нового уровня сознания, им двигали необходимость и дикие гены его атридесовского происхождения. Ему открылись расположение не-кораблей на Гамму и вокруг нее. Яркие точки заполонили его внутренний взор, и, словно по нитям, ведущим от одного яркого светлячка к другому, его двойное зрение увидело путь через этот лабиринт.

«О, но я не хочу идти», — подумал он.

Но от дома нельзя уклониться.

— А, именно, мы собираемся захватить не-корабль из Рассеяния, сказал он. — Их не-корабли — одни из лучших. Ты, ты, ты и ты, — он указал, определяя каждого. — Вы останетесь здесь и проследите за тем, чтобы никто не вышел отсюда и ни с кем не связывался за пределами этого заведения. Думаю, вы подвергнетесь нападению. Продержитесь столько, сколько сможете. Все остальные, берите оружие и за мной.

Глава 46

Правосудие? Кто просит правосудия. Мы осуществляем собственное правосудие. Осуществляем здесь, на Арракисе — победи или умри. Так давайте не бранитесь на правосудие, пока у нас есть оружие и свобода его использовать.

ЛИТО I: Архивы Бене Джессерит

Не-корабль пошел на посадку над ракианскими песками. Его движение взметнуло пыльные вихри, которые завились вокруг него, пока он с хрустом опускался, потревожив дюны. Посеребрившееся желтое солнце опускалось за горизонт, который весь долгий жаркий день беспокоили дьяволы жары. Не-корабль опустился, прискрипнув, — поблескивающий стальной шарик, присутствие которого видно и слышно только в непосредственной близости, но ни ясновидец, ни прибор дальнего слежения не обнаружат его в просторах космоса. Двойное зрение Тега предупреждало, что их прибытие не обнаружено и не вызывает тревоги.

— Мне нужны бронированные топтеры и бронетранспортеры, чтобы они были здесь не позднее, чем через десять минут, — сказал он.

Люди позади него пришли в действие.

— Вы уверены, что они здесь есть, башар? — это был голос того подвыпившего из бара на Гамму, надежного офицера с Рендитая, в настроении которого больше не было захватывающей горячности юности. Он повидал, как гибнут старые друзья в битве на Гамму. И как большинство других, оставшихся в живых и прибывших сюда, он оставил семью, судьба которой оставалась ему неизвестной. Был оттенок горечи в его голосе, словно он старался убедить себя, что уловкой втянут в эту авантюру.

— Они скоро будут здесь, — сказал Тег. — Они прибудут на спине червя. — Откуда Вам это известно?

— Все условленно заранее.

Тег закрыл глаза. Он мог не смотреть на закипевшую вокруг него деятельность, настолько все было схоже со многими другими командными пунктами, которые он занимал в своей жизни: овальное помещение, начиненное приборами и людьми, которые ими управляют, офицеры, ждущие приказаний.

— Что это за место? — спросил кто-то.

— Вон те скалы, к северу от нас, — сказал Тег. — Видите их? Некогда это было высоким обрывом. Оно называлось ветроловушкой. Там был съетч Свободных, сейчас он чуть больше пещеры. Там живут лишь несколько ракианских первоходцев. — Свободные, — прошептал кто-то. — Боги! Хочется мне увидеть, как появится червь. Я в жизни не думал, что когда-либо такое увижу.

— Еще одна из Ваших неожиданностей, подготовленных за ранее, да? спросил тот офицер, в котором возрастила горечь.

«Чтобы он сказал, если я открыл бы ему мои новые способности? подивился Тег. — Он может подумать, что я скрывал свои цели, и он будет прав. Этот человек на грани откровения. Останется ли он верным, когда его глаза откроются?» — Тег покачал головой. У офицера почти не было выбора. Ни у кого из них нет другого выбора, кроме того, чтобы сражаться и умирать.

«И это верно, — подумал затем Тег, — что улаживание конфликтов включает в себя одурачивание больших масс. До чего же легко впасть в такое же отношение к людям, как Преподобные Черницы.

Отребье!

Одурачить — это не так уж сложно, как думают некоторые. Большинство людей хотят, чтобы ими руководили. И этот офицер рядом с ним тоже хотел. Такое желание идет еще с глубинных времен могущественного и бессознательного племенного инстинкта. Понимание того, что тобой кто-то с легкостью управляет, приводит к поискам козлов отпущения. Этот офицер тоже ищет такого козла, чтобы обвинить его в собственной глупости.

— Бурзмали желает вас видеть, — сказал кто-то слева от Тега.

— Не сейчас, — ответил Тег. Бурзмали мог и подождать. Он очень скоро получит возможность принять на себя командование. А пока что, он лишь отвлекает внимание. Для него наступит время позже, чтобы проскользнуть в опасной близости от роли козла отпущения.

Как же легко производить козлов отпущения, с какой же охотой их понимают! Это особенно верно,

когда альтернативой является признание себя самого либо виновным, либо глупым, либо и тем, и другим. Тегу хотелось сказать всем окружавшим его: «Выглядывайте, где вас одурачивают! Тогда вы будете понимать наши истинные намерения!?

Офицер связи, слева от Тега сказал:

— Теперь эта Преподобная Мать вместе с Бурзмали. Они настаивают, чтобы им дозволили увидеть Вас.

— Передайте Бурзмали, я хочу, чтобы он оставался с Данканом, — сказал Тег. — И пусть он присматривает за Мурбеллой, полностью обеспечивая ее безопасность. Лусилла может пройти сюда.

«Так должно было случиться», — подумал Тег. В Лусилле все возрастали подозрения насчет перемен в нем. Можно не сомневаться, что Преподобная Мать заметила разницу.

Лусилла быстро вошла, ее платье со свистом шелестело, подчеркивая ее разгоряченность. Она была разгневана, но хорошо это скрывала.

— Я требую объяснений, Майлз!

«Очень хорошо сразу брать быка за рога», — подумал он.

— Объяснений чего? — спросил он.

— Почему мы попросту не отправились в...

— Потому, что Преподобные Черницы и их тлейлаксанские союзники из Рассеяния завладели большинством ракианских центров. — Откуда... откуда ты...

— И они, знаешь ли, убили Таразу, — сказал он.

Это остановило ее, но ненадолго.

— Майлз, я настаиваю, чтобы ты объяснил мне...

— У нас немного времени, — сказал он. — Следующий дозорный спутник покажет нас в этом месте на поверхности.

— Но защитные системы Ракиса...

— Настолько же уязвимы, как любые другие защитные системы, когда они становятся статичными, — объяснил он. — Здесь семьи защитников. Возьми семьи, и у тебя будет эффективный контроль над защитниками.

— Но почему мы здесь в...

— Чтобы забрать Одраде и эту девушку с ней. О, да и разумеется, их червя тоже.

— Что мы будем делать с...

— Одраде будет знать, что делать с червем. Она знаешь ли, теперь Верховная Мать.

— То есть, ты собираешься согнать нас в...

— Вы сами себя сгоните! Я со своими людьми останусь, чтобы отвлечь их силы на себя.

После этого заявления по всему командному управлению воцарилась потрясенная тишина.

«Отвлечь, — подумал Тег. — Какое же неподходящее слово».

То сопротивление, которое он замышлял, должно было вызвать истерику среди Преподобных Черниц, особенно, когда их заставят поверить, что гхола здесь. Они не только контратакуют, они, в конце концов, прибегнут к стерилизации. Почти весь Ракис превратится тогда в выжженные руины. Здесь вряд ли останется кто-либо живой, не выживут ни черви, ни песчаная форель. — Преподобные Черницы все это время стараются безуспешно засечь и захватить червя, — сказал он. — Я действительно не понимаю, как они могли быть настолько слепы в своем понимания того, как вы транспортируете одного из них.

— Пересадить? — Лусилла запуталась.

Тег редко видел Преподобную Мать в такой растерянности. Она старалась собрать воедино услышанное от него. Он уже замечал, что члены Ордена обладали рядом способностей ментата.

Ментат способен прийти к достоверному решению без достаточных данных. Он подумал, что давно будет слишком далеко от нее или любой другой Преподобной Матери, когда она, наконец, увлечет все данные, во всем разберется. Затем будет отчаянная борьба за создание его потомства! Они заберут Димелу, сделав ее Выводящей Матерью в руках Разрешающих Скрещивание, разумеется. И Одраде. Она этого тоже не избежит. У них есть и ключ к тлейлаксанским аксольтным чанам. Теперь будет только делом времени, чтобы Бене Джессерит преодолел угрызения своей совести и воспроизвел источник спайса — его производит человеческое тело! — Значит, мы здесь в опасности, — сказала Лусилла.

— В некоторой опасности, да. Беда Преподобных Черниц в том, что они слишком богаты. Они совершают ошибки богатых.

— Испорченные шлюхи! — воскликнула она.

— Я предлагаю тебе подойти к выходному люку, — сказал он. — Скоро здесь будет Одраде.

Она покинула его, не сказав больше ни слова.

— Вся бронетехника уже развернута здесь, — доложил офицер связи.

— Предупреди Бурзмали, чтобы он был наготове принять здесь командование, — сказал Тег. — Остальные из нас скоро отсюда выйдут.

— Ты ждешь, что мы все к тебе присоединимся? — спросил тот, кто искал козла отпущения.

— Я выхожу, — сказал Тег. — Я пойду один, если необходимо. Присоединится ко мне только тот, кто этого желает.

«В конце концов, все они пойдут, — подумал он. — Давление равенства мало понимается теми, кто не прошел подготовки Бене Джессерит».

На командном пункте наступила полная тишина, кроме слабого жужжания и пощелкивания приборов. Тег задумался об «испорченных шлюхах».

«Неправильно называть их испорченными, — подумал он. — Порой сверхбогатые действительно становятся испорченными. Это происходит из-за веры в то, что деньги — власть — могут купить все и вся. И почему бы им в это не верить? Они видят, как это ежедневно происходит. Так легко поверить в абсолютность».

«Надежда прорастает вечно, и вся прочая чушь!?

«Это как иная вера. Деньги купят невозможное».

«Затем приходит испорченность».

С Преподобными Черницами было не так. Они были в некотором роде вне пределов испорченности, они прошли сквозь нее, ему это было видно. Но теперь они вошли во что-то другое, настолько вне пределов испорченности, что Тег подивился, действительно ли он понимает, что это такое. Знание, однако, было при нем, и его новому сознанию никуда не деться от этого. Никто из Преподобных шлюх ни на секунду не заколеблется подписать мучительный приговор целой планете, если это сулит личную выгоду. Или, если в обмен получишь некое воображаемое удовольствие. Или, если мука подарит еще несколько дней или часов жизни.

Что доставляет им удовольствие? Что удовлетворяет? Они как симутоманы. Что не стимулирует для них удовольствия, им этого требуется каждый раз все больше.

«И они это знают!» Как же они должны внутренне кипеть от ярости! Попасться в такую ловушку! Они все видели, и ничего не было для них достаточно — ни добра, ни зла. Они полностью утратили чувство умеренности. Однако же, они опасны. И, возможно, он не прав в одном: возможно, они больше не помнят, на что все было похоже до ужасной трансформации, которую их стимулянт с едким запахом выразил оранжевыми пятнышками в их глазах. Воспоминания воспоминаний могли быть искажены. Даже ментат обостренно чувствителен к такому изъяну в самом себе.

— Червь идет! — это офицер связи.

Тег повернулся на своем стуле и поглядел проекцию на миниатюрном экранчике, показывавшем местность к юго-западу. Червь, с двумя крохотными пятнышками восседавших на нем людей, виделся отдаленной полоской изгибающегося движения.

— Доставьте сюда Одраде одну, когда они прибудут, — сказал он. -Шиэна, юная девочка, останется позади, чтобы помочь завести червя в трюм. Вы будете ей подчиняться. И чтобы Бурзмали обязательно был совсем рядом и наготове. У нас не много будет времени для смены командования.

Когда Одраде вошла на командный пункт, она все еще тяжело дышала, и от нее исходили запахи пустыни — смесь меланжа, кремния и человеческого пота. Тег, казалось, отдыхал, сидя в своем кресле. Его глаза оставались закрытыми.

Одраде подумала, что застала башара в ненхарактерном для него состоянии тихой, почти печальной задумчивости. Затем он открыл глаза, и она увидела в нем ту перемену, о которой Лусилла успела выпалить ей только небольшое предостережение — вместе с несколькими торопливыми словами о трансформации гхолы. Что же произошло с Тегом? Он почти рисовался перед ней, позволяя ей разглядеть изменения в нем. Его подбородок был тверд и чуть-чуть вздернут в обычной позе наблюдения, узкое лицо с сетью старческих морщин не утратило своей живости. Длинный тонкий нос, столь характерный для его предков Коррино и Атридесов, казался еще чуть удлинился с преклонными годами. Но его седые волосы оставались густыми, и небольшой хохолок на лбу привлекал взгляд смотрящего...

Привлекал к его глазам!

— Откуда ты знал, что нас надо встречать здесь? — спросила Одраде. -Мы понятия не имели, куда червь нас везет.

— Здесь, в Срединной Пустыне, очень мало населенных мест, — ответил он. — Ставка игрока. Это казалось наиболее вероятным.

«Ставка игрока»? — она знала это выражение ментатов, но никогда не понимала его.

Тег поднялся с кресла.

— Берите этот корабль и отправляйтесь в место, которое вы лучше всего знаете, — сказал он.

Дом Соборов? Она чуть не произнесла это вслух, но подумала об окружавших ее, об этих военных незнакомцах, которых набрал Тег. Кто они такие? Короткое объяснение Лусиллы ее не удовлетворило.

— Мы несколько изменяем план Таразы, — сказал Тег. — Гхола не останется здесь. Он должен ехать с вами.

Она поняла. Им понадобятся новые таланты Данканы Айдахо, чтобы противостоять шлюхам. Он не был больше просто приманкой для разрушения Ракиса.

— Ему нельзя будет покинуть место своего заточения внутри не-корабля, разумеется, — сказал Тег. Одраде кивнула. Данкан был виден наблюдателям — ясновидцам, таким, как навигаторы Космического Союза.

— Башар! — доложил офицер связи. — Нас засек спутник!

— Отлично, вы, земляные свиньи! — взревел Тег. — Все наружу! Оставьте здесь Бурзмали.

Распахнулся задний люк станции, ворвался Бурзмали?

— Башар, что мы...

— Нет времени! Принимай командование! — Тег поднялся из командирского кресла и взмахом руки приказал Башару Бурзмали занять его. — Одраде скажет тебе, куда лететь, — по наитию, частично мстительному, Тег схватил за левую руку Одраде, притянул ее к себе и поцеловал в щеку. — Делай то, что ты должна, дочка, — прошептал он. — Этот червь в трюме, возможно, скоро окажется единственным во всем мироздании.

И тогда Одраде поняла: Тег полностью знал замысел Таразы и намеревался выполнить распоряжения своей Верховной Матери до самого конца! «Делай, что должна». Этим все сказано.

Глава 47

Мы смотрим не на новое состояние вещества, а на заново понятые соотношения между сознанием и веществом, предоставляющее нам более глубокое проникновение в механизмы работы предвидения. Оракул лепит спроектированное внутреннее мироздание, чтобы выработать новые внешние вероятности из непонимаемых сил. Нет нужды понимать эти силы до использования их ради лепки физического мироздания. У древних металлургов не было нужды понимать сложные молекулярные и субмолекулярные особенности их стали «бронзы» меди, золота и олова, они изобрели мистические силы, чтобы объяснить неизвестное, в то время как сами продолжали работать с кузнецкими горнами и молотами.

Верховная Мать Тараза: довод на Совете.

Древние сооружения, с помощью которых Орден засекретил свой Дом Соборов, свои архивы, помещения своих самых священных руководителей, не просто издавали звуки по ночам. Эти звуки были больше похожи на сигналы. За многие годы, проведенные здесь, Одраде научилась понимать эти сигналы. Особенный звук, напряженное поскрипывание — это деревянная балка в полу, замененная приблизительно восемь лет назад. По ночам ее вело и коробило — вот она и поскрипывала.

У нее были воспоминания Таразы для расширения понимания таких сигналов, но она еще не полностью прониклась ими — прошло слишком мало времени. Здесь, по ночам в прежней рабочей комнате Таразы, Одраде использовала все немногие удобные моменты, чтобы продолжить это проникновение.

Дар и Тар, наконец, одно.

Она как будто слышала комментарии Таразы.

Обладание Иными Памятью — это как существование в нескольких планах одновременно — некоторые из них очень глубоки, но Тараза оставалась близ поверхности. Одраде позволила себе погрузиться вглубь множественных существований. Вскоре, она распознала то «я», которое сейчас дышало отдаленно в то время, как другие требовали, чтобы она погрузилась в многосложные видения, наполненные запахами, прикосновениями, эмоциями всем, что первоначальные существования хранили в неприкосновенности внутри ее собственного сознания.

«Из колеи выбивает, когда грезишь грезами других».

Опять Тараза.

Тараза, которая вела такую опасную игру, где ставкой было будущее всего Ордена! Как тщательно она просчитала утечку слова шлюхам о том, что Тлейлакс вмонтировал в гхолу опасные способности. И нападение на Оплот Гамму подтвердило, что информация достигла цели. Сама зверская природа этого нападения, однако, предостерегла Таразу, что у нее очень мало времени. Стало совершенно ясно, что шлюхи, наверняка, соберут силы для полного уничтожения Гамму — просто для того, чтобы убить этого одного гхолу.

Тут она полагалась на Тега.

Она увидела башара в своем собрании Иных Памятей: отец, которого она никогда по настоящему не знала.

«Я так до конца и не узнала его».

Погружение в эти памяти ослабляло, но она не могла избежать требований такого манящего резервуара.

Одраде подумала о словах Тирана: «Жестокие поля моего прошлого! Ответы разбегаются стадом испуганных овец, затемняя небо моих неизбежных воспоминаний».

Одраде держалась словно пловец, балансирующий точно под поверхностью воды.

Меня, вероятней всего, заместят, — подумала Одраде. — Возможно, меня даже будут поносить».

Беллонде, наверняка, нелегко согласиться на новое положение дел с командованием. Неважно. Спасение жизни всего Ордена, вот — все, что должно касаться любой из них.

Одраде выплыла из Иных Памятей и подняла взгляд, чтобы взглянуть в затененную нишу в комнате, где стоял бюст женщины, освещенный слабым светом глоуглобов. Бюст казался смутной тенью в полусвете, но Одраде хорошо знала это лицо: Ченрэ, защитный символ Дома Соборов. «Здесь, лишь по милости Господней...?

Всякая Сестра, прошедшая сквозь Спайсовую Агонию (а Чеиноэ через нее не прошла) говорила или думала то же самое, но что это на самом деле значило? Тщательное скрещивание и продуманное воспитание производили удачных в достаточном количестве. Где же в этом рука Божья? Бог, несомненно, не червь, которого они привезли с Ракиса. Неужели присутствие Бога ощущается лишь удачами Ордена?

«Я оказываюсь жертвой претензий моей собственной Защитной Миссионерии!?

Она знала, что это сходно с мыслями-ответами, которые она слышала в этой комнате в бесчисленных случаях. Бесплодно! И все равно, она не могла заставить себя убрать этот бюст из ниши, куда его поставили так давно.

«Я не суеверна, — сказала она себе. — Я никого не принуждаю. Это вопрос традиции. Такие вещи имеют ценность хорошо известную всем нам. И разумеется, никакой мой бюст никогда не будет столь почитаем».

Она подумала о Ваффе, его Лицевых Танцорах, погибших вместе с Майлзом Тегом в этом зверском уничтожении Ракиса. Не годится слишком приковывать мысли к кровавой истощенности, от которой страдает старая Империя. Лучше подумать о мускулах возмездия, сотворяемых ошибочной жестокостью Преподобных Черниц.

«Тег знал!?

Недавно завершившаяся сессия Совета разошлась в усталости не прияя к твердым решениям. Одраде считала себя счастливой, что отвлекла внимание на новые, насущные заботы, столь важные для всех.

Возмездие — оной занимало их какое-то время. Исторические прецеденты — воплощение анализов Архива в удобоваримой форме. Эти скопления людей, объединявшихся с Преподобными Черницами, были обречены испытать неожиданный удар.

Икшианцы, конечно, сверхраспространили себя. Они не имели ни малейших дурных предчувствий что соперничество с Рассеянием сокрушит их. Космический Союз спихнут на обочину, он дорого поплатится за свой меланж и свою машинерию. Союз и Икс, вместе отброшенные, вместе и падут. Рыбословщ стоит, по большей части, просто игнорировать. Сателлиты Икса, они уже тают в прошлом, которое отвергнет человечество.

И Бене Тлейлакс. Ах, да, тлейлаксанцы. Вафф уступил Преподобным Черницам. Он никогда этого не признавал, но правда была, как на ладони. «Всего лишь однажды и с одним из моих собственных Лицевых Танцоров». Одраде мрачно улыбнулась, припоминая горький поцелуй своего отца.

«Я велю устроить еще одну нишу, — подумала она. — Я велю установить еще один бюст: Майлз Тег, Великий еретик!?

Подозрения насчет Тега очень ее встревожили: действительно ли, он под конец стал провидцем, способным видеть не-корабли? Что ж, Разрешающие Скрещивание смогут разобраться в этих подозрениях.

— Мы залагерились! — обвиняла Беллонда.

Всем им известно значение этого слова: они удалялись в позицию обороны на долгую ночь шлюх.

Од раде обнаружила, что она не очень беспокоится о Беллонде, о том, как она периодически смеется, обнажая широкие тупые зубы.

Они долгое время обсуждали образцы клеток Шиэны.

«Доказательства Сионы» в них было. Она обладала предками, которые экранируют ее от ясновидения, и она может покинуть не-корабль.

Насчет Данканы — неизвестно.

Одраде обратилась мыслями к гхоле, находящемуся в приземлившемся не-корабле. Поднявшись с кресла, она подошла к темному окну и поглядела в направлении дальнего посадочного поля.

Не рискнуть ли им, выпустив Данкану из-за защитного экрана не-корабля? Исследования клеток показывали, что в нем смесь многих гхол Айдахо — среди них были и потомки Сионы. Но, все же он отличается от оригинала?

«Нет. Он должен оставаться в заточении».

Что насчет Мурбеллы? — беременной Мурбеллы? Опозоренная Преподобная Черница.

— Тлейлаксанцы запрограммировали меня на убийство Геноносительницы, рассказал Данкан.

— Попробуешь ли ты убить шлюху? — был вопрос Лусиллы.

— Она не геноносица, — ответил Данкан.

Совет довольно долго обсуждал возможную природу связи между Данканом и Мурбеллой. Лусилла настаивала, что нет вообще никакой связи между ними, и что эти двое остаются настороженными противниками.

— Лучше не рисковать, помещая их вместе.

Сексуальные доблести шлюх, однако, заслуживали того, чтобы их тщательнее изучить. Может быть стоило рискнуть встречей Данкана и Мурбеллы в не-корабле. С тщательными защитными мерами, разумеется.

Наконец, Одраде подумала о черве в трюме не-корабля — червь приближающийся к моменту своей метаморфозы. Небольшая, заполненная землей корзина, полная меланжа, ожидала этого червя. Когда наступит момент, Шиэна заманит его в ванную меланжа и воды. Появившаяся в результате этого песчаная форель начнет свою долгую трансформацию.

?Ты был прав, отец. Все так просто, когда ясно на это поглядишь».

Нет нужды искать планету-пустыню для червей. Песчаная форель сама сотворит обиталище для Шай-Хулуда. Неприятно думать о том, что Дом Соборов превратится в огромные пустынные области, но это должно быть сделано. Нельзя отвергать с недоверием «Последнюю волю и завещание Майлза Тега», которую он поместил в субмолекулярные системы хранения информации не-корабля. Даже Беллонда с этим согласилась.

Для Дома Соборов требуется полный пересмотр всех его исторических записей. От них требуется новый взгляд, благодаря тому, что Тег разглядел в Затерянных — в этих шлюах из Рассеяния.

«Вы редко узнаете имена действительно богатых и могущественных. Вы встречаетесь только лишь с их представителями. Политическая арена создает немногие исключения для этого, но не позволяет разглядеть полную структуру власти».

То, что Боне Джессерит принимал как данность, ментат-философ прожевал в уме и переварил так, что все воспринималось в новом свете, не согласовываясь с уверенностью архивистов в непогрешимости и непрятанности их выводов. «Мы знали это, Майлз, мы просто никогда не смотрели этому в лицо. Мы все только собираемся порыться в наших Иных Памятях на несколько следующих поколений».

Нельзя доверять фиксированным системам хранения информации.

— Если вы уничтожите большинство копий, время позаботится об остальном.

Как же архивисты взъярились на это заявление башара!

«Писание истории — это, по большей части, процесс отвлечения. Большинство исторических отчетов отвлекает внимание от тайных влияний вокруг описываемых событий».

Это было то, что убедило Беллонду. Она приняла это на свой собственный счет, согласившись:

Тег перечислил некоторые такие процессы: «Уничтожить максимально возможное количество экземпляров, спрятать слишком разоблачительные отчеты под сукно, игнорировать их в центрах образования, пребывать в уверенности, что они нигде не цитируются, и, в некоторых случаях, уничтожение авторов». «Не упоминая о процессе поиска козлов отпущения, который приносит смерть более чем одному гонцу, доставлявшему неприятное известие», подумала Одраде, припоминая древнего хана, державшего пiku наготове убивать гонцов, приносивших дурные вести.

— У нас есть хорошая информационная основа, на которой мы построим лучшее понимание нашего прошлого, — доказывала Одраде. — Нам всегда было понятно, что именно стоит на кону в конфликтах: кто в итоге будет контролировать богатство мира или его эквивалент?

Может быть это и не совсем настоящая «благородная цель», но на нынешнее время она сойдет за такую.

«Я избегаю главной темы», — подумала она.

Что-то следовало сделать с Данканом Айдахо, и все они это знали.

Со вздохом Одраде призвала топтер и подготовилась к короткой поездке на не-корабль.

«По крайней мере, тюрьма Данканы комфортабельная», — подумала Одраде, когда вошла туда. Прежде здесь были командирские апартаменты корабля, недавно их занимал Майлз Тег. Здесь до сих пор оставались следы его присутствия — небольшой голопроектор, дававший изображение его дома на Лернаусе: величественный старый дом, длинная поляна, река. Тег оставил портняжный набор рядом на прикроватном столике.

Гхола сидел в подвесном кресле, глядя на проекцию. Он слабым взором взглянул вверх, когда вошла Одраде.

— Вы просто оставили его там умирать, верно? — спросил Данкан.

— Мы сделали то, что были должны, — ответила она. — И мы повиновались его приказам.

— Я знаю, зачем ты здесь, — сказал Данкан. — Тебе не удастся заставить меня передумать, я не чертов племенной жеребец для ведьм. Ты меня понимаешь?

Одраде разгладила свое одеяние и присела на край кровати, лицом к лицу с Данканом.

— Ты изучил ту запись, которую оставил нам мой отец? — спросила она. — Твой отец?

— Майлз Тег был моим отцом. Я сообщу тебе его последние слова. Он был, под конец, нашими глазами там. Он должен был увидеть смерть Ракиса. «Ум в своем начале», понимающий взаимозависимости и ключевые бревна». Увидев, что Данкан озадачен, она пояснила:

— Слишком долго мы оставались пойманными Пророческим лабиринтом Тирана.

Она увидела, как он оживился и выпрямился кошачьим движением, говорившим, что мускулы его хорошо приспособлены к нападению.

— Нет способа, которым ты мог бы живым ускользнуть с этого корабля, сказала она. — И ты знаешь почему.

— Сиона.

— Ты для нас представляешь опасность, но мы бы предпочли, чтобы ты прожил полезную жизнь.

— Я не собираюсь скрещиваться для вас — особенно, с этой маленькой насмешницей с Ракиса.

Одраде улыбнулась, пытаясь вообразить, как бы Шиэна отреагировала на такую характеристику.

— Ты находишь это смешным? — спросил Данкан.

— Не в этом дело. Но мы, разумеется, все равно получим ребенка Мурбеллы. Я так полагаю, это нас удовлетворит.

— Я говорил с Мурбеллой по системе связи, — сказал Данкан. — Она надеется стать Преподобной Матерью, и думает, что вы примете ее в Бене Джессерит.

— Почему бы и нет? Ее клетки прошли тест Сионы. Я думаю, из нее выйдет превосходная Сестра.

— Она действительно вас провела?

— Ты имеешь ввиду, замечаем ли мы, что она воображает, будто пробудет с нами пока не выведет все наши секреты, а затем сбежит? О, мы знаем это, Данкан.

— Ты считаешь, что она не сможет от вас сбежать?

— Данкан, однажды кого-нибудь приобретя, мы, на самом деле, никогда его не теряем.

— Ты считаешь, что вы не потеряли леди Джессику?

— В конце концов, она вернулась к нам.

— Зачем же ты на самом деле пришла повидаться со мной?

— Я подумала, что ты заслуживаешь объяснения замысла Верховной Матери. Понимаешь ли, он был нацелен на уничтожение Ракиса. Чего она действительно хотела, так это уничтожения почти всех червей.

— Великие Боги! Почему?

— Эти жемчужинки сознания Тирана, увеличенные их поголовьем — они были Пророческой силой, державшей нас в путах. Он не предсказывал событий, он их творил.

Данкан указал в сторону задней части корабля:

— Ну как же этот...

— Этот? Он теперь единственный. К тому времени, когда от него произойдет достаточное количество, чтобы опять получить влияние, человечество уйдет от него далеко по своему пути. Мы к тому времени будем слишком многочисленны, будем делать слишком много различных вещей и по нашему собственному желанию. Никакая единственная сила не сможет больше полностью управлять всеми нашими будущими, никогда снова.

Она встала.

Когда он не ответил, она проговорила:

— Пожалуйста, подумай, какую жизнь тебе захочется вести — внутри наложенных ограничений, которые я знаю, ты признаешь. Я обещаю тебе помочь всем, чем только смогу.

— С чего бы тебе?

— Потому, что мои предки любили тебя. Потому, что мой отец тебя любил.

— Любовь? Вы ведь не способны чувствовать любовь!

Она глядела на него почти минуту. Высветленные волосы потемнели на корнях и опять начали завиваться колечками, особенно на его затылке, заметила она.

— Я чувствую то, что я чувствую, — ответила она. — И твоя вода принадлежит нам, Данкан Айдахо.

Она увидела, что увещевание Свободных произвело на него свой эффект, затем повернулась и вышла из комнаты вместе с охраной.

Перед тем, как покинуть не-корабль, она спустилась в трюм и поглядела на неподвижного червя, лежавшего на ракианском песке. Обзорный люк был расположен приблизительно на высоте двух сотен метров. Рассматривая червя, она присоединилась к безмолвному смеху все больше сливавшейся с ней Таразы.

«Мы были правы. А Шванги и ее люди неправы. Мы знали, что Он хочет освободиться. Он должен был хотеть этого после всего, сотворенного Им». Она говорила вслух громким, шепотом, не только для себя, сколько для ближних наблюдателей, помешавшихся здесь для наблюдения за моментом, когда в черве начнется метаморфоза.

— Теперь мы владеем твоим языком, — проговорила она.

В этом языке не было слов, только движения — танец приспособления к движущемуся, танцующему мирозданию. Можно только говорить на этом языке, перевести его нельзя. Значение, к которому необходимо прийти через опыт, даже когда значение меняется прямо на глазах. «Благородная цель? оказывалась, в конце концов, всего лишь непереводимым жизненным опытом. Но, глядя на грубую, неуязвимую для жары шкуру этого червя из ракианской пустыни, Одраде поняла, что она видит — видимое свидетельство благородной цели.

Она тихо его окликнула:

— Эй! Старый червяка! Каков же был твой замысел?

Ответа не последовало, но она ведь, на самом деле, и не рассчитывала на ответ.

Глава 1

Тем, кому хотелось бы повторить прошлое, обязательно следует держать под контролем преподавание истории.

Кода Бене Джессерит

Когда дитя-холла вышло из первого акслотль-автоклава Бене Джессерит, Преподобная Мать Дарви Одрейд приказала устроить небольшой скромный праздник в ее личных апартаментах на самой вершине Центрального. Едва рассвело и члены ее совета, Тамейлан и Беллонда, были не в восторге от приглашения, хотя завтрак и должен был подать личный повар Одрейд.

— Не каждой женщине дано присутствовать при рождении ее отца, заметила Одрейд, когда прочие пожаловались ей, что у них и без того слишком много дел, чтобы позволить себе отвлечаться на «глупости, которые только время отнимают».

По лицу престарелой Тамейлан скользнула тень улыбки.

Лицо Беллонды с крупными резкими чертами не отражало ничего — чаще всего это служило у нее признаком недовольства; так другой на ее месте сдвинул бы брови и нахмурился.

Одрейд задумалась. Быть может, Белл по-прежнему с неприязнью относится к пышной роскоши, окружающей Преподобную Мать? Покой Одрейд явно указывали на ее ранг, возвышавший Мать над прочими Сестрами, но еще яснее — на обязанности, налагаемые этим положением. Маленькая столовая, например, позволяла ей держать совет с помощниками даже во время трапезы. Беллонда озиралась по сторонам — явно не могла дождаться возможности уйти. Попытки пробиться сквозь окружавшую ее скорлупу отчуждения не приносили плодов. — Какое странное чувство: держать на руках младенца и думать — вот мой отец, — молвила Одрейд.

— Незачем повторять это во второй раз! — Беллонда говорила ворчащим баритоном, похожим на урчание в животе.

Несмотря на такую реакцию, она поняла невеселую шутку Одрейд. Старый Башар Майлз Тэг действительно приходился отцом Преподобной Матери. Одрейд сама собирала клетки — наскребала буквально по одной — чтобы вырастить этого нового гхола, бывшего частью рассчитанного на долгое время «плана вероятности» — если, конечно, они научатся создавать автоклавы Тлейлаксу. Но Беллонда скорее дала бы вышвырнуть себя из Бене Джессерит, чем согласилась бы с замечаниями Одрейд касательно жизнеобеспечения Сестер.

— В такие моменты это кажется мне чересчур легкомысленным, — заявила Беллонда. — Эти безумцы охотятся за нами, жаждут нашего истребления, а ты устраиваешь праздник!

Одрейд с трудом подавила желание дать волю раздражению и ответила как могла мягко:

— Если Чтимые Матры найдут нас прежде, чем мы будем готовы, быть может, причиной тому послужит падение нашей нравственности.

Беллонда посмотрела в глаза Одрейд, и в этом взгляде читалось молчаливое, рожденное отчаяньем обвинение: Эти страшные женщины уже уничтожили шестнадцать наших планет!

Одрейд знала, что было бы неверно называть эти планеты владениями Бене Джессерит. Слабая и неразвитая конфедерация Правителей Планет, созданная в Века Голода и Разобщения, могла положиться только на Сестер в делах жизни и надежной связи, но им противостояли старые группировки -КАНИКТ, Космическая Гильдия, Тлейлаксу, сохранившиеся еще группы адептов Разделенного Бога — даже объединения Глашатаев Рыбы и раскольников. Разделенный Бог завещал человечеству разделенную империю, и права каждой из ее частей оказались сомнительными из-за яростных нападений Чтимых Матр из Рассеяния. Бене Джессерит, во многом придерживавшаяся сложившихся норм, естественно, оказалась наиглавнейшей целью нападения.

Мысли Беллонды вращались вокруг угрозы, которую несли Чтимые Матры.

Это была слабость — слабость, которую видела и знала Одрейд. Временами она даже задумывалась, не сместить ли Беллонду, но в нынешние времена и самое Бене Джессерит раскололась на мелкие группировки, а Белл, без сомнения, была прекрасным организатором. Никогда прежде архивы не приносили столько пользы, как под ее руководством.

Как это часто бывало, ничего не говоря, Беллонда сумела обратить внимание Преподобной Матери на охотников, преследовавших их с жестокой настойчивостью. И чувство тихого торжества, которого так жаждала в это утро Одрейд, улетучилось бесследно.

Она заставила себя думать о новом гхола. Тэг! Если окажется возможным возродить его память,

Сестрам вновь станет служить лучший в мире Башар отныне и навеки. Башар-Ментат! Гениальный полководец, чью доблесть уже воспевали легенды даже Тэг! — остановить тех, кто вернулся из Рассеяния? Во имя всех богов, Чтимые Матры не должны нас найти! Только не сейчас!

В Тэге словно воплотилась тревожащая неизвестность и тысячи невероятных возможностей. Глубокая тайна окружала годы, предшествовавшие его гибели и гибели Дюны. На Гамму он сделал что-то, что вызвало неуемный гнев Чтимых Матр. Для того, чтобы вызвать их ярость — бешеную ярость берсерков — недостаточно было его самоубийственного поведения на Дюне. О его пребывании на Гамму перед обрушившейся на Дюну катастрофой ходили лишь отрывочные слухи, полные домыслов. Он мог двигаться так стремительно, что становился невидимым человеческий глаз был просто не в состоянии его заметить! Было ли так в действительности? И если было, то что это — новое проявление необыкновенных способностей, дремлющих в генах Атридесов? Мутация? Или просто один из мифов Тэга? Сестры должны были узнать это, и узнать как можно скорее.

Служитель внес три завтрака, и Сестры принялись уничтожать пищу с такой скоростью, словно трапеза была досадным препятствием, которое нужно было поскорее преодолеть, поскольку каждая минута была дорога.

Когда прочие ушли, Одрейд осталась наедине с невысказанными опасениями Беллонды.

И моим страхом.

Она поднялась и подошла к широкому окну; за рядами крыш домов пониже открывалось кольцо садов и пастбищ, окружавшее Центральный. Стояла поздняя весна — там уже начали завязываться плоды. Возрождение. Сегодня родился новый Тэг! Эта мысль уже не вызывала радости. Обычно вид из окна помогал ей восстановить душевное равновесие. Обычно — но не сегодня.

Какова моя сила? Каково реальное положение дел?

Источники силы Преподобной Матери не могли не вызывать восхищения: абсолютная верность тех, кто ей служил, военное подразделение под командованием Башара — ученика Тэга (сейчас он был далеко — большая часть войска во главе с самим Башаром охраняла планету-школу Лампадас), мастера и технологии, осведомители и агенты во всех уголках Старой Империи, бесчисленные рабочие, которые видели в Сестрах единственное спасение от Чтимых Матр, и все Почтенные Матери с их Иной Памятью, уходящей в глубину веков. Одрейд без ложной скромности могла сказать о себе, что она представляла собой вершину возможностей Почтенной Матери. Если она не могла отыскать необходимую информацию в своей собственной памяти, вокруг нее были те, кто мог заполнить лакуну. К ее услугам была и машинная память, но, надо признать, Одрейд никогда ей особенно не доверяла.

Ее снедало желание покопаться в тех, других жизнях, которые стали частью ее собственной памяти — в глубинные пласти знаний. Быть может, там она смогла бы найти блестящие решения — там, в опыте Иных. Это опасно можно на долгие часы утратить связь с этим миром, утратить себя теперешнюю: разнообразие личностей и мыслей захватит, заворожит, увлечет в омут Памяти... Лучше оставить Иные Воспоминания дремать в глубине твоего нынешнего «я», обращаясь к ним только в поисках необходимой информации. Сознание — точка опоры, приковывающая к индивидуальности.

Помогла странная метафора Ментатов — слова Дункана Айдахо.

Осознание себя: лицом к лицу с зеркалами, летящими сквозь Вселенную, вбирающими все новые и новые отражения — бесконечно отражающими самое себя. Бесконечное, видящееся конечным — вот аналог сознания, хранящего осознанные осколки бесконечного.

Она никогда не слышала слов, способных лучше описать ее безмолвный непокой. «Специализированное затруднение», — так называл это Айдахо. «Мы собираем, связываем и отражаем наши системы порядка».

В этом и состояло мировоззрение Бене Гессерит: люди были рождены эволюцией именно для того, чтобы установить порядок.

Но чем это поможет нам в борьбе против женщин, враждебных всякому порядку, словно бы находящихся вне его — с теми, кто преследует нас? Или они тоже одна из ветвей эволюции? Или «эволюция» — просто другое имя, которое мы придумали для Бога?

Сестры только фыркнули бы в ответ на эти «беспочвенные рассуждения». И все же в Иной Памяти могли быть ответы на ее вопросы.

О-о, какое искушение!..

Как отчаянно ей хотелось вернуться в прошлое, воплотиться — хотя бы мысленно — в тех, кем она

когда-то была, почувствовать, каково было жить тогда. Но осознание опасности холодком пробежало по спине: ее сознание было островком в море Иной Памяти. «Это было так!» — «Нет, скорее это было так!» Приходится тщательно выбирать, воскрешая осколки прошлого. Но разве не в этом назначение сознания, не это ли — суть самого существования? Выбери что-то из прошлого и приложи к настоящему. Узнай последствия. Таково было видение истории, характерное для Бене Гессерит — древние слова Сантаяны, пронизывающие их жизнь: «Тот, кто забыл о прошлом, обречен повторить его».

Сами здания Централи, самого могучего и впечатляющего сооружения Бене Джессерит, отражали это отношение к жизни и времени, куда не кинь взгляд. Функциональность была здесь главенствующей. В любом центре Бене Гессерит было немного нефункциональных вещей, и те сохранялись лишь из-за ностальгии. Сестрам не нужны были археологи. Почтенные Матери были живым воплощением истории.

Медленно — значительно медленнее, чем обычно, — вид из окна все же начал успокаивать ее. Она созерцала словно самый порядок, царивший в Бене Джессерит.

Но Чтимые Матры могли уничтожить этот порядок в любое мгновение. Сейчас Сестры оказались в положении значительно худшем, чем даже при Тиране. Многие решения, которые Одрейд была вынуждена принимать сейчас, были попросту одиозными. Рабочая комната казалась неуютной из-за принимаемых в ней решений и того, что в ней делалось.

Аннулировать Обитель Бене Джессерит на Палме?

Это предложение содержалось в утреннем докладе Беллонды — сейчас доклад дождался своего часа на рабочем столе Одрейд. И Одрейд поставила на предложении свое подтверждение: «Да».

Аннулировать, поскольку нападение Чтимых Матр неотвратимо, и мы не сможем ни защитить, ни эвакуировать Обитель.

Одиннадцать сотен Почтенных Матерей и Мойры знают, сколько служителей, кандидатов и прочих — все они обречены на смерть (а быть может, и на то, что хуже смерти) одним этим коротким словом. И это еще если не считать всех «простых смертных», живущих под сенью Бене Гессерит...

Одрейд узнала новую усталость — ту усталость, которая приходила вместе с подобными решениями. Усталость души, быть может. Но существует ли душа? Она чувствовала гнетущее утомление где-то в глубине ее существа, не подвластной разуму. Она устала, устала, устала...

Даже Беллонда чувствовала это напряжение — и это Белл, которой ярость и жестокость всегда были по душе! Тамейлан казалась выше всего этого, но Одрейд не обмануло ее показное спокойствие. Та вступала в возраст спокойного созерцания — что предстояло каждой из Сестер. Если, конечно, они доживут до этого. В этом возрасте ничто не имело значения, кроме наблюдений и размышлений, обычно не высказывавшихся вслух — только легкая тень временами скользила по морщинистому лицу. Последнее время Тамейлан говорила мало, а редкие оброненные фразы звучали до смешного отстранение: «Купите больше не-кораблей».

«Сократите Шиану».

«Просмотрите отчеты Айдахо».

«Спросите Мурбеллу».

Временами она только хмыкала, словно слова могли выдать ее.

И всегда рядом — охотники, не знающие устали, не ведающие жалости охотники прочесывают все в поисках хотя бы единого намека, — где же находится Дом Ордена... В потаенных мыслях не-корабли Почтенных Матр виделись Одрейд, как корсары бескрайнего океана Вселенной, рыщущие между редкими островками звезд. Над кораблями не развевались черные флаги с Веселым Роджером, и все же именно этот флаг мог бы стать их знаком. Никакой романтики! Убивай и грабь! Пусть твои сокровища будут в крови возьми эту силу и создай новые не-корабли на путях, залитых кровью.

Они не понимали» что, держась этого курса, сами вскоре утонут в крови.

Должно быть, в Рассеянии, породившем Чтимых Матр, живут яростные до безумия люди, единственный смысл жизни которых воплощается в двух словах: «Взять их!?

Вселенная, где подобные идеи могут носиться в воздухе — опасное место. Мудрые цивилизации заботятся о том, чтобы подобные мысли не получили достаточно сил для воплощения, — чтобы они не могли даже появиться. А если уж эти мысли возникают — их выжигают каленым железом: дурное зачастую слишком привлекательно.

Одрейд удивляло то, что Чтимые Матры то ли не видели этого, то ли предпочитали не замечать.

— Полновесная истерика, — говорила об этом Тамейлан.

— Ксенофобия, — не соглашалась Беллонда с ее вечной тягой к точным формулировкам, словно близость к Архивам делала ее более реалистичной.

Обе правы, подумала Одрейд. Поведение Чтимых Матр было истерическим. Все существа извне — враги. Единственными людьми, которым доверяли Чтимые Матры, были мужчины, которых они завлекали сексом — но и к ним доверие было ограниченным и нуждалось, по словам Мурбеллы (единственной Чтимой Матры, оказавшейся у нас в плену), в постоянных проверках.

«Иногда просто с досады или раздражения они могут уничтожить кого-нибудь — просто для того, чтобы устрашить прочих», — говорила Мурбелла. И эти слова заставляли задаваться вопросом — не пытаются ли они сделать такую же жертву и из нас? «Смотрите! Вот что будет с теми, кто посмеет противостоять нам!?

Мурбелла говорила: «Вы разгневали их, и теперь они не отступят и не успокоятся, пока не уничтожат вас».

«Взять чужаков!?

Однонаправленность. Их слабость — нужно только суметь сыграть на этом, подумала Одрейд.

Ксенофобия, доведенная до абсурда?

Вполне возможно.

Одрейд тяжело опустила сжатый кулак на столешницу, сознавая, что этот жест увидят и зафиксируют Сестры, которые постоянно наблюдали за поведением Преподобной Матери. Она заговорила вслух — специально для неусыпных глаз-камер и Сестер-сторожевых псов, управляющих ими:

— Мы не станем сидеть и ждать в окружении врагов, вечно ожидая нападения! Мы стали жирными и неповоротливыми, как Беллонда (плевать, что она об этом узнает!), решив, что сумели создать нечто вечное, нерушимое и неприкосновенное.

Одрейд обвела взглядом знакомую комнату:

— И это место — одна из наших слабостей!

Она уселась за рабочий стол и задумалась — подумать только! — об архитектуре и планировании жизни сообщества. Но, в конце концов, Преподобная Мать имела на это право.

Сообщества Сестер редко возникали и развивались случайно. Даже когда они создавались на базе уже существовавших структур, как это было со старой Обителью Харконнена на Гамму, все приходилось перестраивать и изменять. Нужны были пневмотрубы, — чтобы передавать небольшие посылки и сообщения. Световые линии и прожектора с направленным лучом, — чтобы передавать зашифрованные сообщения. Бене Джессерит считалась признанным специалистом охраны связи. Наиболее важные сообщения доставлялись служителями и курьерами Преподобной Матери, готовыми скорее расстаться с жизнью, чем выдать тайны вышестоящих.

Одрейд видела все это — не только из окна своего кабинета; каждое отделение Бене Джессерит являлось лишь небольшой частью великолепно организованной и оснащенной межпланетной сети. Там, где дело касалось жизни Сестер, опорой становилась самая сердцевина Бене Джессерит несокрушимая, непоколебимая преданность. Были, конечно, и отступники — как эффектная, вызывающая Леди Джессика, бабка Тирана, — но в большинстве случаев это оказывалось времененным.

Все это было системой Бене Джессерит. Ее слабостью.

Одрейд признавала, что в глубине души разделяет опасения Беллонды. Но будь я проклята, если позволю подобным мыслям отравлять мне радость жизни! Жизнь в страхе — именно этого и желают Преподобным Чтимые Матры.

— Охотникам нужна наша сила, — произнесла Одрейд, глядя на камеры Под потолком. Словно древние варвары, пожиравшие сердца врагов. Что ж... мы дадим им пищу, которой они так жаждут! А когда они поймут, что этого им не переварить, будет уже слишком поздно!

Сестры не слишком любили увещевающие изречения — ими пользовались разве что при начальной подготовке, предписываемой слугам и послушникам, но у Одрейд было одно свое изречение. «Кто-то должен вспахать землю». Она улыбнулась про себя и принялась за работу, чувствуя себя вполне

отдохнувшей. Эта комната и Сестры — вот ее сад; здесь есть и сорные травы, которые должно вырвать с корнем, и добрые семена, которые надлежало посеять. И удобрение. Не забыть об удобрении.

Глава 2

«Когда я вышел, дабы вести человечество по моей Золотой Дороге, я обещал, что они получат урок, который не забудут никогда, урок, который войдет в их плоть и кровь. Я знаю то, что на словах отрицают люди, но делами своими лишь подтверждают. Они говорят, что ищут покоя и безопасности — того, что называют миром. Но с этими словами на устах они сеют недоброе семя смуты и жестокости».

Лито II, Бог Император

Итак, она называет меня Паучьей Королевой! Великая Чтимая Матра откинулась на спинку стоявшего на возвышении кресла. Иссохшая грудь вздрагивала от беззвучного смеха. Она знает, что будет, когда она попадет в мои сети! Я высосу из нее жизнь — вот что я с ней сделаю!

Маленькая высохшая женщина с дряблыми мышцами; непримечательное нервно подергивающееся лицо... Она разглядывала желтый плиточный пол приемного покоя, по которому скользили лучи света. Почтенная Мать из Бене Джессерит валялась здесь, на полу, у ног Великой Матры, скрученная металлическим проводом. Жертва даже не пыталась сопротивляться. Провод великолепно подходит для таких целей. Руки он ей отрезал бы, если бы она попыталась дернуться, вот что!

Апартаменты, в которых в данный момент находилась Великая Чтимая Матра, подходили ей как по размерам, так и потому, что были отбиты у других. Зал в три сотни квадратных метров был предназначен для собраний Гильдии Навигаторов здесь, на Перекрестке — каждый Навигатор прибывал сюда на чудовищном танке. Здесь пленница, простертая на желтых холодных плитах, казалась песчинкой в бесконечности.

Эта сопливка что-то слишком уж радостно сообщила мне, как меня называет их, так называемая Преподобная!

Но, несмотря на это, утро чудесно, подумала Великая Чтимая Матра. За исключением того, что на этих ведьм не действуют ни пытки, ни зондирование мозга. Как можно пытать того, кто в любое мгновение может умереть по собственной воле? И ведь умирают! Они также умеют подавлять боль. Примитивные и хитрые твари!

А эта к тому же битком набита шерой! Тело, напичканное этим чертовым наркотиком, разрушается быстрее, чем его успевают исследовать.

Великая Чтимая Матра сделала знак адъютанту, который пнул Почтенную Мать ногой и по второму знаку ослабил путы, чтобы позволить пленнице хоть немного двигаться.

— Как твое имя, дитя? — голос Великой Чтимой Матры, полный показной благожелательности, был хриплым от старости.

— Меня зовут Сабанда.

Ясный молодой голос, в котором не было боли.

— Хочешь, мы пленим слабого мужчину и поработим его? — спросила Великая Чтимая Матра.

Сабанда знала правильный ответ. Ее предупреждали об этом:

— Я раньше умру.

Она сказала это спокойно, глядя снизу вверх в лицо цвета ссохшихся под лучами солнца корней. Эти странные рыжие искры в глазах старухи... Прокторы говорили, что это признак гнева.

Красно-золотое облачение, расшитое черными драконами, и красное трико только подчеркивали сутулую иссохшую фигуру Матры.

Великая Чтимая Матра не изменила выражения лица, хотя в ее голове и пронеслась фраза, обычная в размышлениях об этих ведьмах: Будь ты проклята!

— Чем ты занималась на этой маленькой грязной планетке, где мы тебя нашли?

— Я была учителем юных.

— Боюсь, никто из твоих юных в живых не остался.

А теперь-то что ты улыбаешься? Чтобы оскорбить меня, вот зачем!

— И ты учила своих юных поклоняться этой ведьме Шиане? — продолжила Чтимая Матра.

— Зачем мне учить их поклоняться Сестре? Шиане это не понравилось бы. — Не понравилось бы... Ты хочешь сказать, что она вернулась к жизни и ты ее знаешь?

— Разве мы можем знать только живых?

Как чист и бесстрашен голос этой юной ведьмы... Они удивительно умеют контролировать себя, но даже это их не спасает. И все же как странно, что культ поклонения Шиане до сих пор не исчез. Его, разумеется, нужно вырвать с корнем, уничтожить — так же, как уничтожаются и сами ведьмы...

Великая Чтимая Матра подняла мизинец правой руки. Ожидавший в молчании адъютант подошел к пленнице со шприцем для инъекций. Быть может, новый наркотик развязнет ведьме язык, а может, и нет. Неважно.

Сабанда поморщилась, когда инъектор коснулся ее шеи. Через секунду она была мертва. Слуги унесли тело. Его скормят пленным Футарам. Не то чтобы от Футаров была большая польза: они не размножались в неволе, не подчинялись самым обычным командам. Вялые, выжидающие...

«Где...?» — мог спросить один из них. Или произнести другие слова, столь же мало значение. И все же некоторые удовольствия Футары могли доставить. Плен также удостоверял, что они уязвимы. Так же, как и эти примитивные ведьмы. Мы найдем место, где скрываются ведьмы. Это всего лишь дело времени.

Глава 3

Человек, который способен взять что-то заурядное, привычное и осветить его новым светом, может устрашить. Мы не хотим, чтобы наши представления изменились; нам кажется, что требовать этого, значит, угрожать нам. «Все важное мне уже известно!» — кричим мы. И тут приходит Изменяющий и выбрасывает все наши представления прочь — словно ненужный мусор.

Мастер Дзен-суфи

Майлзу Тэгу нравилось играть в садах, окружавших Центральный. В первый раз Одрейд привела его сюда, когда он только учился ходить и едва ковылял по дорожкам между деревьев. Это было его первым воспоминанием: ребенок, которому едва исполнилось два года, но который уже знал, что он гхола — хотя вряд ли до конца осознавал смысл этого слова.

— Ты особенный ребенок, — говорила Одрейд, — Мы создали тебя из клеток, которые взяли у очень старого человека.

Но в то время, хотя он и был не по годам развит, хотя эти слова странно встревожили его, гораздо более интересным казалось бегать в высокой летней траве под деревьями...

Позже он добавил к этому дню другие «садовые» воспоминания, собирая впечатления об Одрейд и прочих, учивших его. Очень рано он начал понимать, что прогулки доставляют Одрейд не меньшее удовольствие, чем ему самому. Однажды вечером — ему было тогда четыре года — он сказал ей:

— Больше всего я люблю весну.

— И я тоже.

Когда ему было семь и он уже начал проявлять те умственные способности вкупе с голограммической памятью, которые заставили его прошлую инкарнацию сгибаться под бременем обязанностей, возложенных на него Сестрами — тогда он увидел сады по-иному. Они словно пробуждали что-то непонятное, еще неизвестное, дремлющее в глубине его сердца.

Тогда впервые он почувствовал, что обладает странными воспоминаниями, никогда не всплывающими на поверхность. В тревоге и растерянности он обратился к Одрейд — Преподобная Мать казалась темным, четко очерченным силуэтом в лучах заходящего солнца:

— Есть вещи, которые я не могу вспомнить!

— Однажды вспомнишь, — отвечала она.

Он смотрел на Одрейд против света, а потому не видел ее лица — слова шли из тени, а тень эта была не только в ней, но и в нем самом.

В тот год он начал изучать жизнь Башара Майлза Тэга, того, чьи клетки дали бытие гхоле Майлзу Тэгу. Одрейд частично объяснила ему это, подняв руку с острыми ноготками:

— Я соскоблила микроскопические кусочки кожи с его шеи — клетки кожи — и в них было все, что нам было нужно, чтобы подарить тебе жизнь.

Что-то странное творилось с садами в этом году: — плоды были больше, тяжелее, чем обычно — словно непонятное неистовство охватило деревья.

— Все потому, что там, на юге, пустыня наступает, — сказала Одрейд. Она держала мальчика за руку; вместе они шли сквозь омытое росой утро, а к ним склонялись отягощенные плодами ветви яблонь.

Тэг посмотрел в сторону юга, словно пытаясь разглядеть пустыню в невообразимой дали за деревьями; солнечный свет, пробивавшийся сквозь зелень листвы, на мгновение заворожил его. Он знал о пустыне, и ему показалось, что он чувствует ее тяжесть, тяготевшую даже над этим чудесным садом.

— Деревья умеют предчувствовать собственный конец, — сказала Одрейд. — Когда что-либо угрожает жизни, она цветет пышнее.

— Воздух очень сух, — ответил Тэг. — Должно быть, это пустыня.

— Ты заметил, что некоторые листья потемнели, что они пожухли и свернулись по краям? В этом году нам пришлось часто поливать их.

Ему нравилось, что она редко говорит с ним как с младшим; обычно как равная с равным. Он увидел

пожухшие листья. Это сделала пустыня.

В глубине сада они некоторое время молча слушали щебет птиц, стрекот и жужжение насекомых. Пчелы, собирающие мед на клеверном поле неподалеку, заинтересовались им, но, как и все те, кто свободно выходил из Дома Ордена, он был помечен феромоном. Пчелы проужжали мимо, почувствовали запах, определявший его личность, и вновь отправились на свои цветочные пастбища. Яблоки. Одрейд указала на запад. Персики. Он взглянул по направлению ее жеста. И — да, верно, там, за лугом, к востоку от них, были вишни.

Семена и молодые саженцы были привезены сюда на первых не-кораблях около полутора тысяч лет назад, рассказывала Одрейд, и посажены здесь бережно, с вниманием и любовью.

Тэг представил себе руки, роющиеся в грязи, бережно рыхлящие почву вокруг саженцев; ирригацию, проводимую со всей возможной тщательностью и вниманием; строительство оград, не позволяющих скоту заходить сюда с пастбищ, окружающих плантации и здания первого Дома Собраний.

К тому времени он уже знал о гигантском песчаном черве с Ракис.

Смерть этого червя послужила причиной появления существ, именуемых песчаной форелью. Из-за этой песчаной форели и разрасталась пустыня. Частично эта история была связана с его предыдущей инкарнацией — с человеком, которого называли «Башар». Великий воин, погибший, когда эти ужасные женщины. Чтимые Матры, разрушили Ракис.

Тэг нашел, что эти занятия одновременно и увлекают, и тревожат его. Он чувствовал в себе какие-то лакуны, пустоты, которые должна была заполнять память. Должна была, но не заполняла. Эти провалы в памяти заполняли сны, но и сны уходили. А временами перед его внутренним взором появлялись лица. Он почти слышал слова. Бывало и так, что он знал имя вещи — просто знал, еще не успев спросить. Особенно хорошо вспоминались названия разных видов оружия.

Он начинал осознавать многое. Вся эта планета должна была стать пустыней, и перемены начались потому, что Чтимые Матры решили уничтожить Бене Джессерит, воспитавшую его.

Почтенные Матери, наблюдавшие и контролировавшие его жизнь, зачастую относились к нему с почтительным страхом — к нему, вечно одетому в черное, суровому до аскетизма. Да еще эти глаза — синее в синем, без белков. Говорили, это из-за спайса.

Только Одрейд проявляла к нему чувство, похожее на искреннюю привязанность, — а Одрейд была весьма важной персоной в мире Бене Джессерит. Все называли ее Преподобной Матерью, и она велела ему называть ее так же. Но только не в садах, где они были одни. Там он называл ее Матерью.

На утренней прогулке во время, близившееся к сбору урожая, в девятый год его жизни, в третьем кругу яблоневых садов они наткнулись на небольшую ложбинку, в которой не было деревьев, но зато она заросла разнотравьем. Одрейд положила руку на плечо Тэга и придержала его там, где он мог видеть дорожку из отдельных черных камней, ведущую сквозь густую траву, в которой поблескивали маленькие звездочки цветов. Почтенная мать была в странном настроении; это было слышно по ее голосу:

— Собственность — интересный вопрос, — сказала она. — Эта планета наша собственность, или мы — собственность планеты?

— Мне нравится, как здесь пахнет, — сказал Тэг. Одрейд убрала руки с его плечей и легонько подтолкнула его вперед:

— Здесь собраны травы для обоняния, Майлз. Ароматические травы. Рассмотри их хорошенъко и выясни их названия в библиотеке, когда мы вернемся. Ну, иди же!

Он попытался обойти выплазший на дорожку выронок, но, услышав эти слова, твердо ступил на зеленые усики растения, вдохнув острый запах.

— Они были посажены именно для этого: когда на них ступаешь, они отдают тебе свой аромат, — сказала Одрейд. — Прокторы учили тебя тому, как справляться с ностальгией. Они говорили тебе, что ностальгию часто вызывают запахи?

— Да, Мать...

Обернувшись и взглянув туда, куда только что ступил, он прибавил:

— Это розмарин.

— Откуда ты знаешь? — голос Преподобной звучал настойчиво; она требовала ответа.

Он пожал плечами:

— Просто — знаю.

— Возможно, это изначальная память, — Одрейд казалась довольной.

Они пошли дальше по ложбинке, полной странных ароматов, и снова голос Одрейд зазвучал задумчиво:

— У каждой планеты — свой характер, на каждой есть место, где мы пытаемся восстановить уголок Старой Земли. Иногда воплощение лишь смутно напоминает замысел, но здесь нам была суждена удача.

Она наклонилась и, сорвав тонкий побег ядовито-зеленого растения, растерла его в пальцах. Понюхала:

— Шалфей.

Она была права, но он не смог бы сказать, откуда знает это.

— Я чувствовал этот запах в пище — иногда. Это как меланж?

— Нет, это растение улучшает вкус, но не изменяет сознания, — она выпрямилась и посмотрела на мальчика с высоты своего роста. — Запомни это место, Майлз, хорошенько запомни. Миры, породившие нас, давно исчезли, но здесь мы восстановили их малую частицу.

Он чувствовал, что она учит его чему-то очень важному. Он спросил:

— Почему ты подумала, что эта планета владеет нами?

— Мои Сестры считают, что мы — правители этой земли. Ты знаешь что-нибудь о правителях?

— Это как Ройтиро, отец моего друга Йорги. Йорги говорит, что его старшая Сестра когда-нибудь станет правителем их плантации.

— Верно. На некоторых планетах мы живем много больше, чем кто бы то ни было, но мы — только правители.

— Если не ты владеешь Домом Собраний, то кто же?

— Быть может, никто. Мой вопрос таков: какую метку мы наложили друг на друга — мои Сестры и эта планета?

Он взглянул снизу вверх в ее лицо, затем перевел взгляд на свои руки. Быть может, именно сейчас Дом Ордена накладывает на него свою печать, свою метку?

— Большинство таких отметин — внутри нас, глубоко внутри, — Одрейд взяла его за руку. — Идем. Они покинули травяную ароматную долину и поднялись по склону во владения Ройтиро, а Одрейд все говорила:

— Сестры редко создают сады с чисто ботаническими целями. Сады должны не только услаждать взгляд и обоняние.

— Пища?

— Да, в первую очередь то, что поддерживает нашу жизнь. Сады дают пищу телу. И та ложбинка позади — она тоже дает пряные травы для нашей кухни.

Он чувствовал, как ее слова вливаются в него, заполняя пространство между провалами в памяти. Он чувствовал, что значит предусмотреть все на века вперед: деревья для того, чтобы заменять потолочные балки, растения, предназначенные для того, чтобы сдерживать оползни, не позволять разрушаться берегам рек и озер, чтобы предохранять плодородный слой почвы от эрозии под действием ветров и дождевой воды, чтобы не допустить обмеления морей — и даже водяные растения, пища и убежище для рыбы... Бене Джессерит приходилось также думать о деревьях, дающих убежище и тень, и даже о тех, что будут бросать причудливые тени на газоны.

— Деревья и прочие растения для любых симбиотических отношений, сказала Одрейд.

— Симбиотических? — это было новым словом.

Она стала объяснять на примере того, с чем Тэг уже встречался например, когда ходил собирать

грибы:

— Грибница будет жить и расти только подле подходящих ей корней. И каждый гриб находится в симбиозе с определенным деревом или растением. Каждое дерево или растение берет у других что-то, что ему нужно...

Она продолжала объяснение, и наконец, утомленный учением, Тэг поддал ногой поросшую травой кочку — и тут заметил взгляд Одрейд. Странный, какой-то неуютный взгляд. Он сделал что-то оскорбительное. Почему на одно растение можно наступить, а на другое нельзя?

— Майлз! Трава не дает ветру иссушить плодородный слой и развеять его, унеся частицы его куда-нибудь далеко — на речное дно, скажем.

Он знал этот тон. Тон упрека. Он снова взглянул на оскорбленную им траву.

— Эти травы кормят наш скот. Некоторые дают семена, которые мы употребляем в пищу с хлебом или другой едой. Некоторые — надежная защита от ветра, как лесополосы...

Он знал это. Пытаясь отвлечь Одрейд от отповеди, он спросил:

— Лесополосы? — произнося слово по слогам.

Она не улыбнулась. Тэг понял, что напрасно пытался обмануть Одрейд. Он сдался и вновь принялся слушать. Урок продолжался.

— Когда сюда придет пустыня, — говорила Одрейд, вероятно, виноградники погибнут последними — их корни уходят в землю на несколько сот метров. Сады погибнут раньше.

— Почему они должны погибнуть?

— Чтобы уступить место более важной жизни.

— Песчаным червям и меланжу.

Он увидел, что ее обрадовали эти слова: ей было приятно, что он знает о связи между песчаными червями и спайсом, который был необходим для существования Бене Джессерит. Он не знал точно, какова была эта необходимость, но ему рисовался круговорот: песчаные черви — песчаная форель — меланж — и снова по кругу. И из этого круга Бене Джессерит выбирала то, что было нужно Сестрам.

И все же это учение утомило его, а потому он спросил:

— Если все это все равно умрет, зачем мне снова возвращаться в библиотеку и учить имена деревьев и растений?

— Потому что ты человек, а в людях живет желание классифицировать. Вешать на все ярлыки.

— Почему нам так нужно называть вещи?

— Потому что таким образом мы заявляем право на то, чему даем имена. Мы принимаем на себя права владения, которые могут оказаться обманчивыми и опасными.

Итак, она снова вернулась к праву владения.

— Моя улица, мое озеро, моя планета, — говорила она. — На них навсегда — моя печать. А печать эта может и не пережить тебя — разве что останется как вежливая уступка победителя... или слово, которое вспоминается со страхом.

— Дюна, — сказал он.

— Ты схватываешь налету!

— Чтимые Матры сожгли Дюну.

— Так же, как сожгут и нас, если нас обнаружат.

— Этого не будет, если я буду вашим Башаром! — слова вырвались невольно, он не успел их обдумать, но, произнеся их, ощущил, что в них может быть доля правды. Летописи из библиотеки говорили, что враги содрогались уже от того, что Башар появлялся на поле битвы.

Словно прочитав его мысли, Одрейд сказала:

— Башар Тэг был знаменит еще и тем, что умел находить решения, не требующие сражений.

- Но он сражался с вашими врагами.
- Не забывай о Дюне, Майлз. Он погиб там.
- Я знаю.
- Прокторы уже давали тебе учить историю Каладан?
- Да. В истории, которую учу я, это называется Дан.
- Ярлыки, Майлз. Имена — только любопытные напоминания; большинство людей не связывает их больше ни с чем. Утомительная история, а? Имена удобные указатели, полезные, как правило, только таким, как ты?
- А ты — такая, как я?

Он много раз задавал себе этот вопрос, но до сегодняшнего дня только мысленно.

- Мы — Атридесы, ты и я. Помни это, когда вернешься к изучению истории Каладан.

Когда они прошли назад через сады, через пастища к холму, с которого открывался прекрасный обзор Центральной, Тэг увидел административный корпус и окружавшие его плантации совершенно новым взглядом. И он постарался сохранить это ощущение в глубине души, пока они спускались по огороженной тропинке к арке входа на Первую Улицу.

«Живая драгоценность» — называла Центральную Одрейд.

Пройдя под аркой, Тэг поднял взгляд к названию улицы, выжженному в камне. Галах, изящный шрифт с мягкими изгибами линий, одно из украшений Бене Джессерит. Все улицы и здания несли на себе имена, выполненные тем же шрифтом.

Оглядев Центральную — танцующий фонтан на площади, изящные детали построек — Тэг задумался о глубине человеческого опыта. Бене Джессерит сделали так, что неуловимым для него образом это место поддерживало и придавало сил. То, что он узнавал на занятиях и во время небольших экскурсий в садах, все новые знания, сложные и совсем простые, проявлялись как-то по-иному. Это была скрытая реакция Ментата, но Тэг не знал этого. Он только чувствовал, что его память перераспределила соотношения и создала новую систему. Внезапно он остановился и оглянулся назад, на сад, видный в арке крытой улицы. Все было связано. Центральная производила метан и удобрения (он обходил завод с одним из прокторов). Метан приводил в действие помпы и некоторые охладительные установки.

- На что ты смотришь, Майлз?

Он не знал, как ответить, но вспомнил осенний вечер, когда Одрейд взяла его с собой, и они пролетели над Центральной на «топтере» — она хотела показать и объяснить ему некоторые взаимоотношения, дать возможность увидеть все это «сверху». Тогда ее объяснения были просто словами, но в словах был заключен смысл.

«Все это так близко к замкнутому экологическому циклу, как только возможно было сделать, — говорила Одрейд, — Контроль Погоды управляет циклом и поточными линиями...

- Почему ты стоишь и смотришь на сад, Майлз? — ее вопрос звучал как приказание, которому он не мог не подчиниться.

- В орнитоптере ты сказала, что это прекрасно, но опасно.

Они только однажды летали на «топтере» вместе. Она поняла, о чем он говорил. «Экологический цикл».

Тэг обернулся и выжидательно посмотрел на Одрейд.

- Замкнутость, — сказала она. — Как это соблазнительно — возвести высокие стены и отгородиться от изменений. Гнить здесь в самодовольном комфорте.

Ее слова всколыхнули душу Тэга. Он чувствовал, что уже слышал их когда-то... в другом месте, и другая женщина держала его за руку.

- Любая замкнутость и отгороженность от мира — плодородная почва для зерен ненависти — ненависти тех, кто находится вовне, — продолжала Одрейд. — И горек будет урожай.

Не совсем те слова, но — тот же урок.

Он медленно шел рядом с Одрейд; его рука в ее ладони стала влажной.

— Почему ты молчишь, Майлз?

— Вы — фермеры, — сказал он. — Вот чем на самом деле занимаются Бене Джесссерит.

Она мгновенно поняла, что произошло. В нем проявлялась подготовка Ментата, хотя он сам и не знал этого. Но пока лучше было не проверять возродившиеся способности гхолы.

— Мы занимаемся всем, что растет, Майлз. И ты воспринял это.

Когда они расставались — Одрейд направлялась в свою башню, он в свои апартаменты в школьном секторе, — Одрейд сказала:

— Я скажу твоим прокторам, чтобы они обращали больше внимания на искусство использования силы.

Он неверно понял ее:

— Я уже начал тренировки с лазерным оружием. Мне сказали, что у меня хорошо получается.

— Я слышала об этом. Но есть оружие, которое нельзя взять в руки. Оно может существовать только в твоем мозгу...

Глава 4

Правила — это укрепления и стены, за которыми люди недалекие создают свои сатрапии. И это дело опасное даже в лучшие из времен, а в тяжкие времена погибельное.

Кодекс Бене Джессерит.

Мрачная непроглядная стигийская тьма царит в опочивальне Великой Чтимой Матры. Логно, Гранддама и главный адъютант Великой, входит из неосвещенного коридора — она была вызвана сюда приказом Великой — и невольно вздрагивает, вступая во тьму. Эти совещания в покоях, где не было света, пугают ее, и она знает, что Великой Матре это нравится. Но, конечно, это не может быть единственной причиной темноты. Быть может. Великая боится нападения? Несколько Высоких были убиты в постели. Нет... не совсем это, хотя, возможно, есть подобная причина выбору обстановки... Во мраке — стоны и невнятное бормотание.

Некоторые Чтимые Матры, хихикая, рассказывали, что Великая Чтимая Матра рискует принимать на ложе Футара. Логно считала это вполне возможным. Эта Великая многое себе позволяет. Разве она не спасла часть Оружия, когда произошла катастрофа Рассеяния? Пусть даже и Футаров? Сестры знали, что Футаров нельзя поработить с помощью секса. По крайней мере, человеческого секса. Может, Многоликие Враги и воспользовались именно этим. Кто знает?

В спальне стоял запах шерсти. Логно закрыла за собой дверь и осталась стоять в ожидании. Великая Чтимая Матра не любила, когда ее прерывали, что бы она не делала там, под покровом мрака. Но она позволяет мне называть ее Дамой.

Снова стон, затем:

— Садись на полу, Логно. Да, там, возле двери.

Она действительно меня видит или только угадывает, где я?

У Логно не хватало смелости проверить. Яд! Когда-нибудь я до нее доберусь именно этим путем. Она осторожна, но может быть и рассеянной. Сестры могут сколько угодно презрительно фыркать: яд был и оставался признанным орудием достижения цели, одним из лучших способов пробиться наверх... если, конечно, наследник сумеет удержать доставшуюся ему власть. — Логно, те Иксиане, с которыми ты говорила сегодня, что они говорят об Оружии?

— Они не понимают его назначения. Дама. Я не сказала им, что это.

— Разумеется.

— Ты снова будешь предлагать объединить Оружие и Заряд?

— Ты смеешься надо мной, Логно?

— Дама! Я никогда не сделала бы этого!

— Надеюсь, что так.

Молчание. Логно понимала, что они обе обдумывают один и тот же вопрос. Только три сотни комплектов Оружия уцелели после катастрофы. Каждый можно было использовать лишь единожды и только в том случае, если Совет, владевший Зарядом, согласился бы на это. Великая Чтимая Матра, в чьих руках было само Оружие, обладала лишь частью этой страшной власти. Оружие без Заряда было всего лишь маленькой черной трубочкой, которая умещалась в одной руке. Оснащенное зарядом, оно выбрасывало верома бескровную смерть по дуге в пределах его малой досягаемости.

— Многоликие, — пробормотала Великая.

Логно кивнула темноте, откуда раздалось это бормотание.

Быть может, она все же видит меня. Я же не знаю, что она еще сохранила — или чем ее снабдили Иксиане.

Многоликие, будь они вечно прокляты, вызвали катастрофу. Они — и их Футары! Как легко было отобрано все, кроме горстки Оружия! Чудовищная, устрашающая сила. Мы должны хорошо вооружиться прежде, чем вернемся к битве. Дама права.

— Та планета — Баззел, — сказала Великая Чтимая Матра. — Ты уверена, что ее не защищают?

— Мы не зафиксировали никаких защитных устройств. Конрабандисты утверждают, что она не

защищена.

— Но она так богата Су-камнем!

— Здесь, в Старой Империи, редко осмеливаются нападать на ведьм.

— Я не верю, что их всего горстка на этой планете! Это какая-то ловушка.

— Такое всегда возможно, Дама.

— Я не доверяю контрабандистам, Логно. Плените еще нескольких из них и снова проверьте информацию с Баззел. Ведьмы слабы, но я не думаю, что они глупы.

— Да, Дама.

— Скажи Иксианам, что они могут вызвать наше недовольство, если не сумеют создавать дубликаты Оружия.

— Но без Заряда, Дама...

— С этим мы разберемся в свое время. Теперь иди.

Уже стоя на пороге, Логно услышала шипящее: «С-с-лышишиш?» После мрака опочивальни даже темнота коридора показалась ей подлинным благословением, и она заспешила к свету...

Глава 5

Мы становимся подобны худшему из того, что противостоит нам.

Свод Бене Джессерит.

Снова — видения воды!

Мы обращаем всю эту планету, будь она неладна, в пустыню, а ко мне приходят видения воды!

Одрейд сидела в рабочей комнате, вокруг нее царила обычная утренняя сумятица, а она ощущала, как скользит по волнам Дитя Моря, и волны омывают его. Волны были цвета крови. Ее «я», бывшее Дитя Моря, предчувствовало кровавые времена.

Она знала, где истоки этих видений: в тех временах, когда Почтенные Матери еще не распорядились ее судьбой. Во временах ее детства в прекрасном доме на морском берегу Гамму. Несмотря на тревогу этих дней, она не смогла сдержать улыбку. Устрицы, приготовленные Папой. Она и до сих пор предпочитала это блюдо.

Лучше всего из времен своего детства она помнила морские экскурсии.

Что-то в том, чтобы держаться на плаву, затрагивало глубинные струны ее души. Вздымающиеся и откатывающиеся назад волны, ощущение бескрайних горизонтов, странных новых земель — там, за грядой пенистых гребней, за этим водяным миром, и это волнующее чувство опасности, воплощенное в самой текучей прозрачной субстанции, поддерживавшей ее тело. Все это вместе давало ей уверенность в том, что она — Дитя Моря.

Папа тоже становился там спокойнее. А Мама Сибиа — счастливее: ветер бил ей в лицо, ветер разевал, трепал длинные темные волосы... От тех времен осталось удивительное чувство равновесия, слова успокоения, сказанные на языке более древнем, чем первая Иная Память Одрейд. «Здесь моя месть, моя обитель. Я Дитя Моря».

Ее собственная концепция разума тоже шла оттуда. Способность держаться на плаву в чужих, морях. Способность хранить самое тайное свое «я», как бы высоко не вздымались нежданые волны.

Мама Сибиа одарила Одрейд этой способностью прежде, чем пришли Почтенные Матери и забрали с собой «тайный отприск дома Атридесов». Мама Сибиа, всего лишь приемная мать, научила Одрейд любить себя.

В сообществе Бене Джессерит, где любые формы любви оказывались под подозрением, это оставалось тайной Одрейд — тайной, зорко хранимой ото всех.

В глубине души я счастлива наедине с собой. Я не боюсь остаться одна. Да и не одна Почтенная Мать не остается одна после того, как Агония Спайса наполняет ее Иными Воспоминаниями.

Но Мама Сибиа и — да, Папа тоже, исполнявшие роль временных родителей по воле Бене Джессерит, внущили своей подопечной глубинную силу за те годы, что они жили вместе. Почтенные Матери всего лишь нашли этой силе применение.

Прокторы пытались в корне уничтожить гнездившееся в душе Одрейд «глубокое влечение к личным симпатиям», но им это все же не удалось; они не были уверены в том, что действительно потерпели неудачу, но подозрения никогда их не оставляли. В конце концов они послали ее в Аль Дханаб, туда, где намеренно сохранялись как худшее в Салюса Секундус, туда, где ей пришлось жить в мире постоянных испытаний и проверок. Это место в некотором отношении было еще хуже Дионы: высокие скалы и сухие ущелья, обжигающие жаркие ветра и ледяные ветра, слишком мало влаги — слишком много влаги... Сестры считали это место окончательной проверкой для тех, кто должен был жить на Дионе. Но все это так и не коснулось тайного уголка в сердце Одрейд — уголка, в котором жило Дитя Моря.

И теперь Дитя Моря предупреждает меня.

Быть может, это предупреждение-предвидение? Она обладала этой крупицей таланта — даром, который предупреждал о близкой опасности, грозящей Сестрам. Гены Атридесов давали себя знать. Быть может, беда грозила Дому Собраний? Нет... смутная боль говорила о том, что опасность грозит другим. Но эти другие были достаточно важны.

Лампадас? Ее скромный дар не давал ответа на вопрос.

Воспитательницы пытались избавить род Атридесов от этого опасного предвидения, но их успехи в этой области были ограничены. «Мы не имеем права допустить появления нового Квизаца Хадераха!» Они знали о странности Преподобной Матери, но предшественница Одрейд, Тараза,

советовала «осторожно использовать ее талант». Тараза считала, — что предвидение Одрейд могло только предупреждать Бене Джесерит об опасности.

Одрад согласилась. Она переживала нежеланные мгновения, в которые ей открывалась надвигающаяся угроза. Только мгновения. А в последнее время она начала видеть сны.

Сон был необыкновенно ярким — Одрад словно жила в нем, все ее чувства были настроены на видения, проплывавшие в мозгу. Она шла над пропастью по тугу натянутому канату, и кто-то — она не смела обернуться и взглянуть, кто подходил сзади, чтобы перерубить веревку топором. Она чувствовала босыми ступнями жесткость витого каната. Она чувствовала холод порывистого ветра, и ветер нес запах гари. И она знала, что тот, с топором, подходит все ближе и ближе!

Каждый шаг мог грозить гибелью, каждый потребовал напряжения всех ее сил. Шаг. Еще шаг. Веревка раскачивалась и вздрогивала, и она раскинула руки, пытаясь удержать равновесие.

Если я упаду, падут и Сестры!

Бене Джессерит исчезнет в бездонной пропасти, над которой натянут ее канат. Как и любое живое существо, Бене Джессерит должна была найти свой конец. Почтенная Мать не смела отрицать этого.

Но не здесь. Не упав с рассеченного каната. Мы не должны позволить обрезать канат! Я должна перебраться через пропасть прежде, чем придет тот, с топором. «Я должна! должна!?

Сон всегда обрывался на этом месте, и ее собственный крик отдавался в ее ушах, когда она просыпалась, мгновенно переносясь с узкой ненадежной дороги над пропастью в свою тихую спальню. Ей было зябко и холодно. Но на ее теле не выступало ни капли пота. Даже в тисках ночного кошмара ограничения, налагаемые Бене Джессерит, не позволяли столь ненужных эксцессов. Телу не нужно потоотделение? Тело не пoteет.

И сейчас, сидя в рабочей комнате и вспоминая сон, Одрейд чувствовала, сколь глубокую реальность скрывает метафора тонкого каната: тонкая нить, на которой держится судьба и жизнь всех моих Сестер. И конец этой нити — в моих руках. Дитя Моря предчувствовало приближающийся кошмар и отвечало на него картиной кровавых волн. Это не было обычным предупреждением. Что-то зловещее — настолько зловещее, что ей захотелось вскочить с места и закричать: «Птенцы мои, спрячьтесь в траве! Бегите! Бегите!..?

Как это шокировало бы ее сторожей!

Обязанности Преподобной Матери предписывали ничем не выдавать волнения и действовать так, словно принимаемые ею решения были чисто формальными и ничем не волновали ее. Необходимо избегать паники! Ни одно из ее решений в последнее время не было тривиальным. Но от нее всегда требовалось несколько отстраненное спокойствие.

Кое-кто из ее птенцов уже пытался бежать, уходя в неизвестность. В Иные Воспоминания. Остальные были здесь, в Доме Собраний, и узнают, когда нужно будет бежать. Когда нас обнаружат. И тогда их поведением будет управлять необходимость, продиктованная обстановкой. Их великолепная подготовка — вот единственное, что имеет значение. Это и есть единственно надежные приготовления.

Каждая новая ячейка Бене Джессерит, во что бы она не развилась в дальнейшем, была подготовлена так же, как и Дом Собраний: лучше быть полностью уничтоженными, чем сдаться. Яростный огонь поглотит бесценную плоть, и книги — все; и победителю достанутся лишь бесполезные искореженные обломки, осколки и пепел.

Кто-то из Сестер Дома Собраний может спастись. Но побег во время нападения — как это тщетно, как бессмысленно...

Ключевые фигуры разделяли Иные Воспоминания. Приготовления. Преподобная Мать избегала их. Моральные причины!

Куда бежать — кто сможет спастись, кто может попасть в плен? Это были действительно серьезные вопросы. Что, если они захватят Шиану — там, на краю новой пустыни, где она ждет песчаных червей — но появятся ли они? Шиана и песчаные черви: великая священная сила, которую, возможно, умеют использовать Читимые Матры. И что, если Читимые Матры возьмут в плен гхолу-Айдахо или гхолу-Тэга? Если хоть что-то из этого сбудется, быть может, не останется ни одного уголка, где можно было бы укрыться от опасности.

Что, если? Что, если?

Гневное отчаянье говорило: «Айдахо нужно было убить в то же мгновение, когда он появился! Мы

не должны были даже пытаться создать гхолу-Тэга».

Только члены ее Совета, непосредственно ее советники да еще кое-кто из сторожей разделял ее подозрения. Они даже пытались ввести какие-то ограничения. Никто из них не был спокоен за этих двух гхола — даже после того, как был заминирован не-корабль, что делало его доступным огню.

В те последние часы перед своим героическим самопожертвованием сумел ли Тэг увидеть то, что невозможно увидеть, включая и не-корабли? Как он узнал, где встретит нас в пустыне Дюны?

А если Тэг мог сделать это, опасно талантливый Айдахо, за спиной которого были бесчисленные поколения Атридесов, Айдахо, который генерировал в себе их гены, несущие неведомые способности, мог тоже открыть в себе этот дар.

И со мной может произойти то же самое!

С внезапным изумлением Одрейд впервые поняла, что Тамейлан и Беллонда наблюдают за своей Преподобной Матерью с теми же опасениями, с которыми она наблюдает двух гхола.

Достаточно знать, что такое возможно — что человек может воспитать в себе чувства, позволяющие «видеть» не-корабли и другие формы подобной защиты; одно это знание способно оказать дестабилизирующий эффект на их Вселенную. Это бесспорно наведет Читимых Матр на след беглецов. Во Вселенной было множество отпрывков Айдахо. Он всегда сетовал на то, что он «не какой-нибудь проклятый племенной жеребец в конюшне Сестер», однако достаточно послужил им в этом.

Всегда полагая, что делает это для себя. Быть может, так оно и было. Любой отпрыск рода Атридесов мог обладать той способностью, которая, как полагал Совет, достигла своего расцвета в Тэге.

Куда уходят месяцы и годы? И дни? Еще один урожай, и Сестры останутся в пустынном преддверии ада... Уже позднее утро, отметила Одрейд. К ней наконец пробились звуки и запахи Центральной. Люди — там, в коридоре. На кухне готовятся цыплята и капуста. Все как обычно. Все в норме.

Но что было нормой для той, что уходила в видения даже сейчас, в часы работы? Дитя Моря не могло забыть Гамму, запахи моря, морские травы, выброшенные на берег прибоем, чистейший воздух с запахом озона, наполнявший грудь и удивительная свобода, чувствовавшаяся в каждом шаге, жесте, слове тех, кто был рядом с ней. Разговоры на берегу моря, рассуждения, произносимые в те мгновения, когда покачиваешься на морских волнах, приобретали неожиданную глубину; даже если предмет разговора был вовсе незначительным, в нем проскальзывало что-то возвышенное и чувствовались глубина и мудрость — словно подводные течения там, под тобой...

Одрейд чувствовала, что обязана вспомнить ощущение собственного тела, покачивающегося на волнах моря ее детства. Ей нужно было вызвать ощущения, которые она знала там, вбить в себя силу, которую изведала в дни своего невинного детства.

Погрузив лицо в прозрачную соленую воду, задержав дыхание как могла долго, она плыла в омытом морем сейчас, уносившем прочь все горести и скорби. Это помогало полностью снять напряжение и стресс. Великий покой заполнил все ее существо.

Я плыву — следовательно, я существую.

Дитя Моря предупреждало, Дитя Моря давало покой и отдых. Она не смела себе признаться в том, насколько ей нужны были покой и отдых.

Прошлой ночью Одрейд разглядывала свое лицо, отразившееся в окне рабочей комнаты — и была потрясена тем, какими впалыми стали ее щеки, как опустились вниз уголки рта;ственные губы утончились, глубже стали прежде едва заметные морщинки... Все это — годы, тяжкий груз обязанностей и усталость. Только глаза — совершенно синие, без белков, — горели все тем же молодым упорством, да тело оставалось по-прежнему сильным и гибким, да плечи не успели согнуться под бременем тяжких забот и долгих лет. Импульсивно Одрейд набрала символы вызова и взглянула на трехмерную проекцию, возникшую над ее столом: не-корабль на взлетном поле Дома Собраний, гигантское переплетение таинственных механизмов, корабль вне Времени. За годы его полусна почва под ним превратилась в плотно утрамбованную посадочную площадку и сам почти врос в нее. Он был похож на огромный обрубок дерева, а мощности его были включены ровно настолько, чтобы укрыть его от настойчивых поисков — особенно от Гильдии Навигаторов, которой доставило бы особенное удовольствие выдать Бене Джессерит.

Почему она именно сейчас вызвала это изображение? Потому, что в стенах этого корабля были заключены трое — Скитал, последний из оставшихся в живых Мастеров Тлейлаксу; Мубрелла и Дункан Айдахо, связанные узами секса, которых удерживал там не только сам не-корабль, но и взаимная привязанность, ставшая для них ловушкой.

Все это не так просто.

Для любого крупного предприятия Бене Джесссерит вряд ли можно было найти простое объяснение. Некорабль и его смертные пленники могли классифицироваться только как крупное предприятие. И дорогостоящее. Дорого — в энергетическом выражении, даже при том, что не-корабль использовался только пассивно.

Соображения экономии применительно к этому расходу энергии могли говорить только об энергетическом кризисе. Одна из самых серьезных забот Белл. Это было слышно в ее голосе всегда, даже тогда, когда она говорила наиболее объективно: «Все мясо с костей соскобили, ни крошки не осталось!» Каждая из Сестер в Бене Джесссерит знала, что за ней следят острые глаза Расчета — учитывалась любая траты энергии.

Беллонда вошла без предупреждения — с хрустальными таблицами Ридулы под левой рукой. Она шла так, словно ненавидела пол, и каждый шаг ее говорил — «Вот тебе! И вот! Вот так!» Она топтала пол так, будто он был виноват в том, что подвернулся ей под ноги.

Одрейд почувствовала, как что-то сжало ей грудь, когда она поймала взгляд Белл. Таблицы со стуком полетели на стол.

— Лампадас! — сказала Беллонда, и в ее голосе слышалась невыносимая боль.

Одрейд не было нужды разворачивать свиток. Кровавые волны в видении, кровавые волны, захлестывавшие Дитя Моря стали реальностью.

— Выжившие? — напряженно спросила она.

— Никого, — Беллонда хлопнулась в кресло, которое она держала на своей стороне стола Одрейд.

Затем вошла Тамейлан и села за спиной Беллонды. Обе выглядели потрясенными.

Выживших нет.

Одрейд позволила своему телу содрогнуться — дрожь пробежала от груди до кончиков пальцев ног. Ей не было дела до того, что другие заметят столь явное проявление чувств. Этой рабочей комнате доводилось видеть и худшее поведение Сестер.

— Кто доложил? — спросила Одрейд.

Ей ответила Беллонда:

— Сведения поступили от наших агентов в КАНИКТ, на послании стояла специальная метка. Информация шла от Рабби, в этом нет сомнений.

Одрейд не знала, как ей реагировать на это. Она посмотрела мимо своих собеседниц в большое стрельчатое окно: за окном кружились в легком танце снежинки. Да, эти вести точно совпали с наступлением зимы.

Сестер Дома Ордена не радовал этот неожиданный переход к зиме. Необходимость заставила службу Контроля Погоды существенно понизить температуру. Никакого постепенного понижения, никакого сострадания к растениям, которым теперь придется пережить ледяной сон. Каждую ночь становилось холоднее на три-четыре градуса. Покончить с этим за неделю, погрузить все вокруг в кажущийся бесконечным холод...

Холод, вполне соответствующий известиям о Лампадас. Одним из следствий перемены погоды был туман. Она видела, как рассеивается его дымка — и вместе с этим улегся маленький снежный вихрь. Очень странная и неуютная погода. Точка росы соответствовала температуре воздуха, и туман клубился над еще оставшимися влажными участками почвы. Он поднимался над землей и густыми клубами окруживал безлистные сады, чем-то напоминая отправляющий газ.

В живых не осталось никого. Никого?

Беллонда покачала головой в ответ на безмолвный вопрос, читавшийся в глазах Одрейд.

Лампадас — драгоценный камень среди планет Бене Джесссерит, планета, где находилась лучшая из их школ... Теперь — еще один безжизненный шар, покрытый пеплом и спекшимся камнем. И Башар Алеф Бурзмали со всей его отборной гвардией оборонных войск. Все мертвы?

— Все мертвы, — сказала Беллонда.

Бурзмали, любимый ученик старого Башара Тэга — мертв, и его смерть не послужила ничему. Лампадас — великолепная библиотека, прекрасные учителя, лучшие ученики... все пропало.

— Даже Луцилла? — спросила Одрейд? Почтенной Матери Луцилле, вице-канцлеру Лампадас, были даны инструкции покинуть планету при малейших признаках надвигающейся опасности, забрав с собой столько обреченных, сколько могла вместить ее Иная Память.

— Осведомитель утверждает, что мертвые все, — настойчиво повторила Беллонда.

«Как может какое бы то ни было человеческое общество быть построено на такой жестокости?» — спрашивала себя Одрейд. Она представляла, как эти новости рассказывались за завтраком на какой-нибудь базе Чтимых Матр: «Мы уничтожили еще одну планету Бене Джесерит. Говорят, десять биллионов убитых. Это уже шестая планета за месяц, не так ли? Передайте мне, пожалуйста, сливки, милочка...?»

С пустыми от ужаса глазами Одрейд взяла в руки таблицу с сообщением, глядя сквозь нее, не видя текста. От Рабби, в этом не может быть сомнения. Она осторожно положила таблицу на место и перевела взгляд на своих Советниц.

Беллонда — старая, толстая, с вызовом во всем своем существе. Ментат-Архивист, надевшая сейчас линзы, чтобы иметь возможность читать: ей не было дела до того, как это ее характеризует. Беллонда показала зубы в широком оскале, говорившем больше, чем любые слова. Она видела реакцию Одрейд на сообщение. Белл может снова начать говорить о возмездии. Этого можно ждать от человека, которого ценят за природную норовистость. Ее нужно вернуть в состояние Ментата, тогда склад ее ума станет более аналитическим.

По-своему Белл права, — подумала Одрейд. — Но ей не понравится то, что я задумала. Мне нужно быть осторожнее в том, что я собираюсь сказать. Сейчас слишком рано раскрывать свои планы.

— Существуют обстоятельства, при которых с помощью зла можно отразить зло, — сказала Одрейд. — Нам нужно хорошоенько обдумать это.

Вот так! Это предупредит вспышку Белл.

Тамейлан слегка пошевелилась в своем кресле. Одрейд перевела взгляд на старшую женщину. Та: всегда сосредоточенная под маской критического спокойствия. Снежно-белые волосы, обрамляющие узкое лицо. Воплощение древней мудрости.

Одрейд разглядела под привычной маской крайнюю суровость, говорившую о том, что все, что видела и слышала Там, ей совершенно не нравилось. Худоба, делавшая весь облик Там жестким и твердым, контрастировала с внешней мягкостью Белл. Тамейлан держала форму, ее мускулы были тренированными — насколько это возможно в ее годы. Но в ее глазах стояло выражение, перечеркивавшее первое впечатление: чувство отстраненности, ухода от жизни. О да, она все еще следила за всем, что происходило вокруг, но что-то в ней уже начало сдавать позиции. Прославленный интеллект Тамейлан превратился в какую-то разновидность хитрости, она теперь более полагалась на наблюдения и решения прошлого, чем на то, что видела здесь и сейчас в настоящем.

Пора начать готовить замену. Думаю, это будет Шиана. Шпана опасна для нас, но она — многообещающий человек. И в ней — кровь Дюны.

Одрейд сосредоточилась на клочковатых бровях Тамейлан, нависавших над дряблыми веками. Да. Шиана заменит Тамейлан.

Зная всю сложность стоящего перед ними вопроса, Там примет это решение. В момент оглашения — Одрад знала это, — достаточно будет обратить внимание Там на огромную сложность и опасность сложившегося положения. Черт побери, мне будет ее не хватать!

Глава 6

Невозможно познать историю без знания того, как движутся в ее потоках ключевые фигуры. Каждый лидер для увековечивания ведущего своего положения нуждается в человеке извне. Исследуйте мою карьеру: я был и лидером и аутсайдером. Не подумайте, что я просто взял и создал Государство-Церковь. Это было моей функцией как лидера, и я копировал многочисленные исторические модели. Варварское искусство моего времени доказывает мое аутсайдерство. Излюбленный вид поэзии — эпос.

Популярный драматический идеал — героизм. Танцоры повсеместно заброшены. Стимуляторы, чтобы заставить людей ощутить, что я отобрал у них. Что я взял? Право выбирать свою собственную роль в истории.

Лито II (Тиран)

Перевод Ветер Бебе

Я умру! — думала Луцилла. Прошу вас, Сестры, не допустите, чтобы это произошло, пока я не передам драгоценный груз, какой хранится в моем разуме!

Сестры!

Понятие семьи лишь изредка находило свое выражение в среде Бене Джессерит, но все же оно было здесь. В генетическом смысле они и были родней. А из-за Иной Памяти часто знали и в чем. Им не требовалось особых обозначений, таких как «троородная сестра» или «внучатная тетя». Родство виделось им, как видит свое полотно ткачиха. Они знали, как основа и уток создают ткань. Мир, лучший чем любая Семья, это ткань Бене Джессерит, что скрепляла Общину Сестер, но основу этой ткани создавал именно древний инстинкт Семьи.

Теперь Луцилла думала о Сестрах лишь как о Семье. Семье, которой столь нужно то, что она несла в себе.

Глупо было искать убежища на Гамму!

Но ее поврежденный не-корабль отказался ковылять дальше. Как дьявольски экстравагантны были Преподобные Матери! Ее ужасала заключенная в этой экстравагантности ненависть.

Обложенный вдоль возможных путей бегства с Лампадаса смертельными ловушками, периметр Сворачиваемого Пространства прорастал крохотными не-сферами, в каждой из которых содержались проектор поля и дающая залп в момент контакта лазерная пушка. Когда луч лазера ударял в генератор Хольцмана в не-сфере, цепная реакция выпускала на волю ядерную энергию. Окажись в поле ловушки, и тебя безмолвно накроет разрушительный ядерный взрыв. Дорогостояще, но насколько эффективно! Несколько таких взрывов, и даже гигантский корабль Гильдии превратится в бессмысленную щепку посреди пустоты. Защитные анализаторы системы ее корабля проникли в сущность ловушки только когда уже стало слишком поздно, и, подумала она, пожалуй, стоит считать, что тебе повезло.

Однако сейчас, невидящими глазами вглядываясь в пейзаж за распахнутым окном этого изолированного дома на Гамму, особой радости она не чувствовала. Окно было распахнуто, и полуценный бриз нес с собой неизбежный запах масла, чего-то грязного в дыме огня где-то неподалеку. Харконенны оставили на этой планете свой столь глубокий масляный след, что едва ли его когда-нибудь удастся стереть.

Связным ее здесь был отошедший от дел врач школы Сук, но она знала, что в нем кроется нечто много большее, нечто столь секретное, что разделить эту тайну может лишь ограниченное число Сестер Бене Джессерит. Знание это заключалось в особой классификации: Тайны, о которых мы не говорим даже среди своих, поскольку это причинит нам вред. Тайны, которые мы не передаем от Сестры к Сестре, разделяя общую жизнь, поскольку нет открытого пути. Тайны, которые мы не решаемся знать, пока не возникнет необходимость. Луцилла наткнулась на это лишь из-за скрытого намека Одрейд.

«Знаешь, что интересно на Гамму? Гм, там все общество зиждется на том, что все они потребляют освященную пищу. Обычай, привнесенный иммигрантами, которые так никогда и не ассимилировались. Живут замкнуто, застыли на браках между своими, и так далее. Естественно, порождают обычные мифические байки: шепоты, слухи. Служит тому, чтобы еще больше их изолировать. В точности, как они того хотят».

Луцилла знала о существовании одного древнего сообщества, которое прекрасно укладывалось в подобное описание. Любопытно. Сообщество, что пришло ей на ум, вымерло незадолго до Вторых Космических Миграций. Продуманное перекапывание Архивов только подстегнуло ее любопытство.

Стиль жизни, затуманенные слухами описания религиозных ритуалов — особенно канделябры — особые святые дни и предписания, запрещающие какую бы то ни было работу в течение этих дней. И есть они не только на Гамму!

Однажды утром, воспользовавшись необычным зтишьем, Луцилла отправилась в кабинет, чтобы проверить свою «проективную догадку», нечто не столь надежное как предвидение Ментата, но и нечто большее, чем просто теория.

— Полагаю, у вас для меня новое назначение.

— Я видела, ты лазишь по Архивам.

— Просто мне показалось, что именно сейчас это не мешает сделать.

— Ищешь взаимосвязи?

— Догадка. — Это тайное общество на Гамму — они ведь евреи, не так ли?

— Тебе, возможно, понадобится специальная информация о том месте, куда ты получишь назначение. — Брошено как бы невзначай.

Не ожидая приглашения, Луцилла опустилась в подвижное кресло Беллонды.

Одрейд отыскала на столе стилос, нацарапала что-то на растворяющейся бумаге и протянула листок Луцилле так, чтобы скрыть слова от возможных лишних глаз.

Уловив намек, Луцилла низко нагнулась над запиской, так чтобы ее прикрывал щит у спинки кресла.

— Твоя догадка правильна. И ты должна умереть прежде, чем откроешь ее. Это — цена их сотрудничества, знак великого доверия.

Луцилла порвала записку.

Используя идентификаторы сетчатки глаза и ладони, Одрейд отодвинула панель в стене позади своего кресла, достала небольшой ридулийский кристалл и протянула его Луцилле. Кристалл был теплым, но по спине Луциллы пробежал холодок. Что можно хранить в таком секрете? Из-под рабочего стола Одрейд достала защитную полусферу и легким движением повернула ее над поверхностью стола.

Чуть прогнувшейся рукой Луцилла опустила кристалл в принимающее устройство и натянула полусферу так, чтобы она прикрывала и ее голову. И тут же в ее сознании стали возникать слова, к пониманию, узнаванию пробивался голос, говорящий с невероятно древним как бы рваным акцентом: «Люди, к которым мы хотим привлечь ваше внимание, — евреи. Много эонов назад они приняли решение, призванное защитить их народ. Ответом на нескончаемые погромы стало решение исчезнуть с глаз человечества. Космические путешествия сделали это не только возможным, но и привлекательным. Они спрятались на бесчисленных планетах — их собственное Рассеивание — и вероятно, они управляют планетами, где живут исключительно их люди. Это не означает, что они оставили практики древних веков, к которым прибегали когда-то из необходимости выжить. Можно с уверенностью утверждать, что старая религия существует до сих пор, хотя и в несколько измененном виде. И, вероятно, раввин старых времен не почувствует себя не на месте за менора сabbаты в еврейском доме наших дней. Но конспирация их такова, что всю жизнь вы можете работать бок о бок с евреем и ни о чем не подозревать. Они называют это „Полным Прикрытием“, хотя и сознают его опасности».

Это Луцилла приняла без единого вопроса. То, что держится в такой тайне, будет воспринято как опасность любым, кто хотя бы заподозрит о его существовании. «А зачем же еще они держат все в секрете? Ответь мне на это!?

Кристалл продолжал влиять свои секреты в ее сознание:

«Под угрозой раскрытия, они демонстрируют стандартную реакцию: „Мы жаждем религии наших корней. Это воскрешение, возвращающее все лучшее, что было в нашем прошлом“.

В подобном ходе событий не было ничего нового. Всегда существовали «рехнувшиеся воскрешатели». Это гарантированно вызывало волну любопытства. «Они? О так это снова свора воскрешателей».

«Маскирующая система (продолжал кристалл) в нашем случае успеха не имела. У нас свое собственное хорошо документированное еврейское наследие и фонд Иной Памяти для объяснения причин подобной конспирации. Мы не вмешивались в сложившуюся ситуацию до тех пор, пока я.

Великая Мать, во время и после битвы Коррин (Действительно древность.) увидела, что наша Община нуждается в тайном обществе, группе людей, которая быстро среагировала бы на наши требования о поддержке».

Требования. В Луцилле пробудился здоровый скептицизм.

Великая Мать из далекого прошлого предусмотрела и такую реакцию. «Иногда мы предъявляем требования, которые они не могут не удовлетворить или обойти. Но и нам они предъявляют свои».

Луцилла почувствовала, как погружается, запутывается в чуть ли не мистической загадке этого подпольного общества. Ее неуклюжие запросы в Архивах вызывали по большей части отказ предоставить информацию. «Евреи? Что это такое? Ах, да — древняя секта. Займись этим сама. У нас нет времени на пустые исследования в области религии».

Однако кристалл еще не кончил:

Евреев забавляет, а иногда раздражает то, что они рассматривают как наши попытки копировать их. Задокументированное в наших отчетах доминирование женской линии для контроля порядка зачатий, воспринимается как еврейская черта. Евреем является только тот, чья мать еврейка. Диаспора будет запомнена, — заключил кристалл. — Сохранение этого в тайне — дело нашей чести».

Луцилла подняла с головы полусферу.

— Ты — наилучший кандидат для исключительно деликатной миссии на Лампадас, — проговорила Одрейд, возвращая кристалл в его тайное хранилище. Но это же прошлое и вероятно оно давно уже мертвое. Взгляни-ка, куда завела меня «деликатная миссия», Одрейд!

С высоты второго этажа сельского домика на Гамму Луцилла увидела, как на участок прибыл огромный грузовоз. Внизу под ней сновали люди. Со всех сторон встретить грузовоз с бобами и овощами подходили работники. До нее доносился едкий запах рубленого костного мозга.

От окна Луцилла не отодвинулась. Хозяин снабдил ее местной одеждой длинным платьем из желтовато-серого драпа и ярким голубым шарфом, чтобы скрыть ее песочного цвета волосы. Очень важно не привлекать к себе нежелательного внимания. Она еще раньше видела, как несколько женщин недолго останавливались поглязеть на работу в поле. Ее присутствие здесь можно принять за простое любопытство.

Это был большой грузовоз, его носители, работая над грузом продукции, сложили его по отчетливо различимым секциям. Оператор стоял в прозрачной кабине впереди, руки на рулевом колесе, глаза устремлены вперед. Широко расставив ноги, он как бы полулежал на сетке гибкой поддержки левым бедром касаясь панели электричества. Это был крупный мужчина со смуглым морщинистым лицом и тронутыми сединой волосами. Его тело было продолжением сложного механизма — тяжелое направляющее движение. Проезжая мимо, он на мгновение скользнул взглядом по Луцилле, потом вновь сосредоточился на тракте, ведущем на обширную погрузочную площадку, обозначенную зданиями под ней.

Встроен в свою машину, — подумала она. Даёт представление о том, как люди подлаживаются под то, что они делают. В этой мысли Луцилла ощутила уходящую силу. Если ты слишком подлаживаешься к чему-то одному, другие способности атрофируются. — Мы становимся тем, что делаем.

Внезапно она увидела саму себя оператором какой-то огромной машины, в этом ментальном образе она ничем не отличалась от мужчины в грузовозе. Громадина прогромыхала мимо нее прочь из двора, причем ее оператор не уделил ей больше никакого внимания. Один раз он ее видел. К чему отвлекаться во второй?

Мой хозяин, подыскивая убежище, сделал мудрый выбор, подумалось ей. Скудно населенная местность с надежными работниками в непосредственной близи и нелюбопытными прохожими. Тяжелая работа умеряет любопытство. Когда ее везли сюда, она не преминула обратить внимание на характер местности. Был вечер, и люди уже потянулись к своим домам. Плотность городского населения можно оценить по тому времени, когда останавливается работа в городе. Все рано по постелям, и вот вы уже в свободном регионе. Ночная активность говорит о том, что люди в городе беспокойны, дерганы, раз сознают, что остальные не спят, полны сил и слишком близко.

Что навело меня на такую задумчивость?

В начале первого отступления Общины Сестер, еще до страшнейших бешеных атак Чтимых Матер, Луцилла испытывала определенные трудности, стараясь осознать общее убеждение, что «кто-то охотится на нас с одним намерением — убить».

Погром! Вот как назвал это рабби, прежде чем уйти сегодня утром «посмотреть, что я могу для тебя сделать».

Она знала, что рабби намеренно употребил это слово, выполненное глубокой древности и горечи воспоминаний. Но с момента первого своего опыта на Гамму до этого погрома Луцилла чувствовала, сколь плотным кольцом сжимаются вокруг нее обстоятельства, которые она не в силах контролировать.

Тогда я тоже была беженкой.

В ситуации, в которой в настоящее время оказалась Община Сестер, было немало сходного с тем, что ей пришлось выстрадать в правление Тирана, за исключением одного — Бог Император, судя по всему (в ретроспективе), никогда не намеревался уничтожить Дочерей Джессера, только управлять ими. И этого он безусловно добился!

Где этот проклятый рабби?

Это был большой, сильный человек в старомодных очках. Борода его выгорела под палящим солнцем. Немного морщин, хотя по голосу и движениям этого человека она ясно прочла его возраст. Очки заставляли сосредоточить внимание на глубоко посаженных карих глазах, что вглядывались в нее с таким странным напряжением.

— Чтимые Матер, — сказал он (прямо в этой комнате с голыми стенами на втором этаже), когда она объяснила, в какое затруднительное положение попала. — Ну надо же! Это будет сложно.

Этого ответа Луцилла ожидала и, что важнее, видела, что он тоже это знает.

— Здесь навигатор Гильдии на Гамму тоже помогает тебя разыскивать. Он — с Эдрика, очень могущественный, как мне говорили.

— Во мне кровь есть Сионы. Он не может меня видеть.

— Также как и меня или моих людей — по тем же причинам. Знаешь, мы, евреи, привыкли приспосабливаться к необходимости.

— Этот Эдрик — не более чем жест, — отозвалась она.

— Он мало что может.

— Но они привезли его сюда. Боюсь, нам не найти способа безопасно отослать тебя с планеты.

— Что тогда мы можем сделать?

— Посмотрим. Мои люди не совсем беспомощны, понимаешь?

Луцилла распознала искренность и беспокойство за ее судьбу. Он спокойно продолжал, рассказывая о сопротивлении сексуальным обольщением Чтимых Матер, «делать это незаметно, так чтобы не вызвать их ярости».

— Пойду расскажу новости кое-кому на ухо, — сказал он.

Как это ни странно, от этих слов она почувствовала, как возвращается к жизни. Зачастую в том, как ты попадаешь в руки профессиональных врачей, есть что-то отстраненное и жестокое. Она искала поддержки в знании о том, что последователи Сук проходят кодирование на то, чтобы остро чувствовать твои нужды, оказывать сочувствие и поддержку. (Все то, что может только встать поперек дороги в случае опасности.) Бессознательно она приложила усилие, чтобы вернуть себе утраченное спокойствие, концентрируясь наличной мантре, которую она извлекла из образования смертисоло, в одиночку.

Если мне придется умереть, я должна передать кому-то этот трансцендентный урок. Я должна уйти безмятежно.

Это помогло, но она по-прежнему чувствовала озноб. Рабби ушел слишком давно. Что-то не так.

Права ли я была, доверившись ему?

Несмотря на растущие мрачные предчувствия, Луцилла заставила себя заняться практикой наивности Бене Джессерит, возвращая в сознании сцены встречи с рабби. Ее прокторы называли это «невинностью, которая естественно сочетается с неопытностью, состояние, часто путаемое с невежеством». В этой наивности сливались все вещи и события. Состояние это было близким к деятельности Ментата. Информация поступала без предвзятого вмешательства памяти. «Ты — зеркало, в коем отражается Вселенная. В этом отражении весь твой опыт. Из твоих чувств

возникают образы. Выстраиваются гипотезы. Важные, путь даже неверные. Это исключительный случай, где даже больше, чем одно неверное исходное данное, вместе могут выдать надежное решение».

— Мы с готовностью послужим тебе, — говорил рабби.

Можно гарантировать, такое насторожит любую Преподобную Мать.

Объяснения кристалла Одрейд внезапно показались неадекватными. Это почти всегда выгода. Она восприняла это как цинизм, но цинизм, проистекающий из обширного опыта. Попытки вытеснить его из человеческого поведения всегда разбивались о камни приложения на практике. Социализирующие и коммунистические системы меняли лишь расчеты, которыми измерялась выгода. Невероятных размеров управленческая бюрократия — силой был расчет.

Луцилла предостерегала саму себя, что проявления его всегда одни и те же. Взгляни только на дорогую ферму рабби! Убежище отошедшего от дел доктора Сук? Она видела, что лежало за этим хозяйством: слуги, еще более роскошные апартаменты. А должно быть и больше. Не важно, в рамках какой системы, все оставалось неизменным: лучшая еда, прекрасные любовницы, беспрепятственное передвижение, великолепные условия отдыха.

Это становится очень утомительно, если сталкиваться с подобным столь же часто, как это выпало мне.

Она понимала, что образы в ее разуме беспорядочно мерцают, но чувствовала, что не в силах сделать что-либо, чтобы это предотвратить. Выживание. На дне выставляемых любой системой требований всегда лежит выживание. А я угроза выживанию рабби и его людей.

Он лебезил перед ней. Бдительно следи за теми, кто подлизывается к нам, вынюхивая все те силы, какими, полагают, мы обладаем. Как лестно обнаружить толпы слуг, ждущих, жаждущих исполнить любую нашу прихоть! Насколько это расслабляет.

Ошибка Чтимых Матер.

Что же задерживает рабби?

Прикидывает, сколько удастся вытянуть из Преподобной матери Луциллы? Где-то внизу хлопнула тяжелая дверь, от чего задрожал пол второго этажа. Торопливые шаги по лестнице. Как примитивны эти люди. Лестницы! Луцилла повернулась на звук открывающейся двери. Рабби принес с собой в комнату богатый, обволакивающий запах меланжа, но остановился у двери, оценивая в каком она настроении.

— Прости мое промедление, дорогая госпожа. Я был вызван для допроса Эдриком, Навигатором Гильдии.

Это объясняло запах спайса. Навигаторы вечно были погружены в газ меланжа, испарения которого зачастую искажали их черты. Луцилла легко могла визуализовать представить себе тонкий угол рта Навигатора и его уродливые отвисшие нос и уши. Рот и нос казались до смешного крохотными на гигантском лице Навигатора с его пульсирующими висками. И знала, каким ничтожным и беззащитным должен был чувствовать себя рабби, слушая то переливы, то завывания странного голоса, под аккомпанемент механического перевода на безличную галаку.

— Что он хотел?

— Тебя.

— Он...

— Он не знает наверняка, но я уверен, он подозревает нас. Впрочем, он подозревает всех и каждого.

— За тобой кто-нибудь шел?

— Не обязательно. Они в состоянии найти меня, как только я им понадоблюсь.

— Что будем делать? — она и сама знала, что говорит слишком быстро, слишком громко.

— Дорогая госпожа... — он сделал три шага вперед, и она увидела, что на лбу и на носу у него выступил пот. Страх. Она чуяла его.

— Ладно, что?

— Экономическая политика за действиями Чтимых Матер — мы расцениваем их как представляющие некоторый интерес.

В его словах выкристаллизовались ее страхи. Я знала это. Он просто продаст меня!

— Как вы Преподобные Матери прекрасно знаете, в экономических системах всегда находятся бреши.

— Да? — с абсолютной настороженностью.

— Неполное подавление торговли каким-либо видом товаров повышает прибыли торговцев, в особенности прибыли тех, кто держит в своих руках распространение, — заминка в его словах прозвучала как предостережение. -Заблуждение — полагать, что можно контролировать нежелательные наркотики, останавливая их на границах.

Что он пытается ей сказать? Его слова описывали элементарные факты, известные даже послушницам. Возросшие доходы всегда использовались для покупки безопасных путей в обход охраны границ, а зачастую для подкупа этих людей.

Он купил слуг Чтимых Матер? Но не может же он думать, что такое не будет стоить ему и его людям жизни?

Она терпеливо ждала, пока он соберется с мыслями, судя по всему, он подыскивал такую для них форму, которая, по его мнению, наверняка была бы приемлемой для нее.

Почему он направил ее внимание на охрану границ? А ведь именно это он и сделал! Охрана всегда расчетлива и в принципе готова предать своих начальников. Их мнение: «Если не я, деньги получит кто-то другой».

Луцилла осмелилась дать волю надежде.

Рабби прочистил горло. Очевидно, он отыскал необходимые слова и расставил их в должном порядке.

— Я не верю в то, что существует какой-либо способ переправить тебя с Гамму живой.

Она не ожидала столь прямого приговора:

— Но...

— Информация, которую ты несешь в себе, иное дело, — продолжал он.

Так вот что лежало за всеми этими фразами о границах и охране!

— Ты не понимаешь, рабби. Моя информация — это не просто несколько слов и некие предостережения, — она постучала пальцем себя по лбу. — Здесь много драгоценных жизней, и все они несут в себе незаменимый опыт прошлых существований, знания их столь жизненно важны, что...

— А-а, но я понимаю, дорогая госпожа. Наша проблема в том, что не понимаешь ты.

Всегда эти ссылки на понимание!

— Но в данный момент то, на что я полагаюсь, это твоя честь, — сказал он.

Ага, легендарная честность и надежность слова Бене Джесссерит, раз оно однажды было дано!

— Ты же знаешь, я скорее умру, чем предам вас, — ответила Луцилла.

В ответ он только довольно беспомощным жестом широко, развел руки.

— Я целиком и полностью в этом убежден, дорогая госпожа. Вопрос не в предательстве, а в том, что мы никогда не открывали вашей Общине.

— Что ты этим хочешь сказать? — властно, едва ли не Голосом (который ее предупреждали не использовать в обращении с этими евреями).

— Я должен взять с тебя обещание. Мне нужно твое слово, что из-за того, что я тебе открою, вы не повернетесь против нас. Ты должна пообещать принять мое решение нашей дилеммы.

— Вслепую?

— Только потому, что я прошу тебя об этом и я уверяю, что мы не нарушим наших обязательств твоей Общине.

Луцилла уставилась на него, пытаясь проникнуть за барьер, который он воздвиг между ними.

Поверхностные его реакции читались легко, но как дотянуться до загадки его столь неожиданного поведения.

Рабби ждал, пока эта внушающая страх женщина примет свое решение. В присутствии Преподобных Матерей он всегда чувствовал себя неуютно. Он знал, каково должно быть ее решение, и потому ему было жаль ее. Он так же видел, как легко она читает эту жалость в выражении его лица. Они знают так много и так мало. Силы их бесспорны, а их знание о Тайном Израэле столь опасно!

Однако этот долг следует возвратить им. Она не из Избранных, но долг есть долг. Честь есть честь. Правда есть правда.

Бене Джесссерит не единожды помогала Тайному Израэлю выстоять в час нужды. Погром — это то, что его люди понимали без долгих объяснений. Погром глубоко отпечатался в душе Тайнего Израэля. И благодаря Невыразимому, избранные люди не забудут этого никогда. Не забудут, как и не смогут простить.

Память оставалась свежа в повседневных ритуалах (и периодически подчеркивалась на общих собраниях), отbrasывала огненный отблеск на то, что знал рабби, ему предстоит совершить. И эта несчастная женщина! И она попала в ловушку памяти и обстоятельств. В котел! Нас обоих!

— Я даю слово, — проговорила Луцилла.

Рабби вернулся к единственной в комнате двери, открыл ее. На пороге показалась женщина в длинном, до полу коричневом платье. Повинуясь приглашающему жесту рабби, она перешагнула через порог. Ее волосы цвета старого плавучего дерева были завязаны в тугой узел на шее. Лицо морщинистое и сморщенное, и темное, как сушеный миндаль. Но глаза! Совершенно голубые! И на дне их холод стали...

— Это Ребекка, одна из наших людей, — донесся до Луциллы голос рабби. — Как, я уверен, ты уже заметила, она совершила опасный поступок.

— Агония, — прошептала Луцилла.

— Она прошла через это давно и хорошо служит нам. Теперь же она послужит тебе.

Луцилле требовалась уверенность:

— Ты сумеешь разделить?

— Я никогда не делала этого, госпожа, но я знаю, что это, — с этими словами Ребекка подошла ближе и остановилась лишь тогда, когда их тела почти соприкоснулись.

Они склонились друг к другу, Луцилла лбом коснулась лба странной женщины. Поднялись руки, и каждая из женщин сжала ими плечи другой.

За мгновение до того, как слился их разум, Луцилла из глубин своего направила мощную проективную волну:

— Это должно дойти до моих Сестер!

— Обещаю, дорогая госпожа.

В этом абсолютном слиянии двух сознаний не было места обману, искренность его определило сознание неминуемой и скорой смертью или ядовитая эссенцией меланжа, которую древние фримены не зря называли «малой смертью». Луцилла приняла обещание Ребекки. Эта дикая Преподобная Мать евреев его исполнению посвятила свою жизнь. Но там есть и что-то еще! Разглядев что, Луцилла судорожно вдохнула. Рабби намеревается продать ее Чтимым. Матер. Оператор грузовоза был одним из их агентов, который приехал, чтобы убедиться, что в домике на ферме действительно женщина, соответствующая описанию Луциллы.

Искренность Ребекки не оставила Луцилле надежды на спасение:

— Для нас это единственный способ спастись и поддержать правдоподобие нашего прикрытия.

Так вот почему рабби навел ее на мысль об охране и тех, кто нарушает закон силы! Умно, ничего не скажешь. И я согласилась, а он знал, что так и произойдет.

Глава 7

Невозможно манипулировать марионеткой, дергая лишь за одну нитку.

Дзен-сунитское изречение

Преподобная Мать Шиана стояла подле козел с будущей скульптурой. Серая в тонкой сети бороздок глина, как экзотические перчатки, покрывала ее руки. Почти за час под этими руками черный сенсиплаз на подставке обретал предназначенную ему форму. Шиана чувствовала, что близка к творению, стремящемуся реализоваться, вырваться на свободу из какого-то дикого уголка внутри самого ее существа. От напора энергии творения по всему телу бежали мурашки, и она успела подумать, не ощущают ли это и те, кто проходит по своим делам через зал справа от нее. Северное окно ее мастерской, к которому она сейчас стояла спиной, пропускало свет серого дня, а в западном оранжевым полыхал пустынный закат.

Престер, старшая помощница Шианы, здесь на пустынной наблюдательной станции появилась в дверях еще несколько минут назад, но весь персонал станции прекрасно знал, что себе дороже прерывать Шиану во время такой работы.

Отступив на шаг назад, Шиана тыльной стороной руки смахнула со лба прядь выгоревших на солнце русых волос. Черный плаz как некий вызов высился на своем постаменте, все его изгибы и плоскости почти соответствовали той форме, какую она ощущала в себе.

Я прихожу сюда творить, когда мои страхи достигают своего пика, подумалось ей.

Эта мысль придавила творческий порыв, и Шиане пришлось удвоить усилия, чтобы попытаться закончить скульптуру. Покрытые глиной руки вдавливали и разглаживали поверхность плаzа, и черный силуэт следовал каждому касанию, как волна, гонимая безумным ветром.

Свет северного окна померк, и по краям потолка зажглись автоматические компенсаторы с их желтовато-серым свечением, но это было не одно и то же. Совсем не то!

Шиана отодвинулась от работы. Близко... но не достаточно. Она почти могла коснуться формы в своем сознании, почувствовать как та шевелится, стремясь к рождению. Но плаz не был ею. Одно размашистое движение правой рукой, и он превратился в черный ком на подставке.

Проклятье!

Шиана сорвала с рук перчатки, бросила их на ближайшую к подставке полку. За западным окном еще догорала оранжевая полоса заката, но гасла, бледнела столь же быстро, как и творческий порыв в ней.

Быстро направившись к закатному окну, она успела увидеть, как возвращаются последние поисковые команды дневной смены. Посадочные огни их троптеров, как дротики светлячков, падали на землю на юге, где на пути у подступающих дюн временно было создано пологое плоскогорье. Потому, как медленно опускались троптеры, можно было догадаться, что они не нашли ни прорывов спайса, ни каких-либо иных свидетельств тому, что из выпущенной здесь песчаной форели начали наконец развиваться песчаные черви.

Я вроде пастуха червей, которые могут так никогда и не появиться. Стекло с теменью за ним позволяло увидеть собственное темное отражение. Видно было, где оставила свой след Агония Спайса. Худенькая до черна загоревшая бродяжка с Дюны превратилась в высокую аскетичную женщину. Но русые волосы не сдавались в попытках убежать возле уха из-под тугого чепца. И отчетливо видна странность совершенно голубых — без белков — глаз. И другие это тоже видели. В этом и заключалась ее проблема, источник части ее страхов. Казалось, нет никакой возможности остановить Миссионарию Протектива в ее подготовке для нашей Шианы.

Если разовьется гигантский песчаный червь — вернется Шай-Хулуд! И Миссионария Протектива сообщества Бене Джессерит готова была выпустить ее как метательный снаряд на ничего не подозревающее человечество, заранее подготовленное к религиозному обожанию. Миф станет реальностью... точно так же, как только что она сама пыталась воплотить в реальность скульптурную форму внутри нее.

Святая Шиана! Сам Бог Император — ее раб! Смотрите, как ей повинуются священные черви! Лето возвратится!

Воз действует ли это на Чтимых Матер? Вероятно. Уж они-то, по крайней мере, оказали Богу Императору медвежью услугу, тому его воплощению, которое известно под именем Галдар.

Едва ли они последуют за «Святой Шианой», разве что в подвигах на поле секса. Шиана прекрасно

сознавала, что ее поведение в этой области, возмутительное даже по меркам Бене Джессерит, было чем-то вроде протеста против роли, которую пытаясь навязать ей. Отговорка, что она лишь завершает образование мужчин, которых тренирует в карнальных связях Дункан Айдахо, была ничем иным как... просто отговоркой.

Беллонда подозревает.

Ментат Белл была постоянной опасностью для тех Сестер, которые выделялись из общей массы. Это оставалось основной причиной, почему Белл сохраняла свою позицию силы и в Верховном Совете Сестринской общины.

Шиана отвернулась от окна и бросилась в оранжевый и темно-коричневый цвета покрывала, раскинутого на походной койке. Прямо перед ней оказался черно-белый графический рисунок — изображение гигантского песчаного червя, вырастающего над человеческой фигурой.

Вот чем они были и чем никогда не станут вновь. Что же я пыталась сказать этим рисунком? Если бы знать, быть может, удалось бы окончить скульптуру из плазы.

Рискованно было вырабатывать их секретный с Дунканом язык движений рук. Но есть вещи, которых не должна знать Община Сестер — пока еще рано. Возможно, для нас обоих все же есть способ бежать.

Но куда им идти? Эта Вселенная осаждена Чтимыми Матер, пронизана и другими силами. Эта Вселенная — лишь скопление разрозненных планет, населенных по большей части людьми, которые желают лишь в мире прожить свои жизни — в одних местах принимая руководство Бене Гессерит, во многих регионах — корчась под пятой Чтимых Матер, надеясь, по большей части, на то, чтобы самим насколько возможно управлять своими мирами, — неувядаемая мечта о демократии, — а затем всегда существовали неизвестные. И всегда урок, преподанный Чтимыми Матер! Ключи Мурбеллы говорят, что Чтимые Матер созданы экстремистами из Преподобных Матерей и Глашатаев Рыбы. Демократия Глашатаев Рыбы превратилась в автокритию Чтимых Матер! И этих ключей-улик слишком много, чтобы их можно было просто так сбросить со счетов. Но почему они так подчеркивают бессознательное принуждение своими Т-пробами, клеточную индукцию, сексуальную доблесть?

Где рынок, который принял бы наши бежавшие таланты?

У этой Вселенной не существует более единой биржи. Можно различить участки надземной сети. Сеть эта крайне непрочна, основана на старых компромиссах и временных соглашениях.

Одрейд однажды сказала:

— Она напоминает старое платье с обтрепавшимся подолом и залатанными дырами.

Крепко связывающей отдельные планеты торговой сети КАНИКТ, какая была у Старой Империи, больше не существовало. Теперь это были лишь перепуганные популяции миров, связанные лишь непрочнейшей из нитей. Люди всегда с презрением относились к этой латаной и перелатаной рухляди, ностальгически мечтая о старых добрых временах.

Каким должен быть тот мир, чтобы он принял нас как простых беженцев, а не как Священную Шпану и ее консорта?

Не то чтобы Дункан был консортом. Это было изначальным планом Бене Джессерит: «Привяжите Шиану к Дункану. Мы контролируем его, а он сможет взять ее под контроль».

Мурбела поставила крест на этом плане. Доброе дело для нас обоих. Кому нужна сексуальная одержимость! Но Шиана была вынуждена признать, что испытывает по отношению к Дункану Айдахо странно смешанные чувства. Разговор посредством рук, прикосновений. И что они скажут Одрейд, когда та решит сунуть нос в их дела? Не если, когда.

«Мы говорим о том, каким способом Мурбелле и Дункану сбежать от вас, Великая Мать. Мы говорим о способах вернуть Тэгу его память. Мы говорим о нашем личном восстании против Бене Джессерит. Да, Дарви Одрейд! Ваша бывшая ученица задумывает мятеж против вас».

Шиане приходилось признаваться самой себе, что и по отношению к Мурбелле она испытывает столь же смешанные чувства.

Ей удалось одомашнить Дункана, в то время как я, вероятно, потерпела бы неудачу.

Захваченная в плен Чтимая Матер — захватывающее существо, которое стоит изучить... а иногда и забавное. На стене столовой послушниц на корабле красовался плакат с ее шуточными стихами:

Эй Бог! Надеюсь, ты там, не отвлекся на битву.

Хочу, чтобы ты услышал мою молитву.

Тот образ-кумир на полке здесь у меня,

Это, и в самом деле, ты или я сама?

Ну, ладно уж, слушай мои слова:

Прошу, пусть пройдет моя голова.

Помоги обойти ловушки пути моего,

Сделай это ради меня и себя самого.

Создай образец совершенства

На удивление Прокторам, ради их же блаженства.

Или просто получи от этого радость,

Как вода дарует текущую сладость.

Неважно, причин это требует каких,

Сверши чудо ради нас двоих.

Одно удовольствие было наблюдать последующую ее перепалку с Одрейд (подсмотренную в отчете ком-камер).

Голос Одрейд странно скрипуч и резок:

— Мурбелла? Ты?

— Боюсь, что так, — в ответе ни грана раскаяния.

— Боишься, что так? — по-прежнему скрипит голос.

— А почему бы и нет? — откровенно дерзко.

— Ты отпускаешь шутки на счет Миссионарии! Не возражай. Это входило в твои намерения.

— Они так чертовски претенциозны!

Вспоминая ту стычку, Шиана испытывала лишь сочувствие. Мятежная Мурбелла — это симптом. Что бродит втихую, прежде чем ты не будешь вынужден обратить на это внимание?

Интересно, какой была Мурбелла в детстве? Какое давление, какое воздействие сделало ее такой, какая она есть? Жизнь — всегда реакция на давление. Одни легко отдаются развлечениям и эти забавы их и формируют: поры вспыхивают и краснеют от излишеств. С предвкушением на них смотрит Бахус. Вожделение рисует на их лицах свои черты. Каждая Преподобная Мать узнает его к миллионному наблюдаемому. Давление формирует нас, неважно сопротивляемся мы ему или нет. Давление, формирование — вот что есть жизнь. А своим скрытым неповиновением я создаю их новую форму.

Учитывая теперешнюю вечную настороженность в ожидании угрозы, разговор рук с Дунканом скорее всего ни к чему ни приведет.

Шиана подняла голову посмотреть на черный ком на подставке для скульптуры.

Но я не отступлю. Я создам собственное утверждение жизни. Я сама создам свою собственную жизнь! И к шайтану Бене Джессерит!

И я потеряю уважение моих Сестер.

Было что-то сентиментально антикварное в том, как всем им навязывалась полная уважения иерархия. Община хранила ее с незапамятных времен, как частицу древнейшего своего прошлого, регулярно доставая на свет, чтобы почистить и зачинить, как по отношению ко всем творениям человеческого разума требует этого время. Нашлось ей место и сейчас, хотя и спрятана она в невысказываемой вслух почтительности.

Таким образом, ты, Преподобная Мать, и что ни говори, это верно.

Шиана знала, что обстоятельства вынудят ее испытать, сколько выдержит эта древность, где ее пределы, а возможно, и сломать этот реликт. И тот черный плаz, рвущийся на волю из того, что никак не может угомониться внутри ее существа, — лишь один из элементов того, что, как она знает, ей еще предстоит. Назовите это мятежом, назовите как угодно, силе, что распирает ей грудь, невозможно ответить нет.

Глава 8

Ограничь себя размышлениями и всегда пропустишь основной момент собственной жизни. Суть следует этого определить: живи насколько сможешь полной жизнью. Жизнь — это игра, правила которой ты узнаешь, погружаясь в нее и проигрывая ее до конца. В противном случае смещения игры постоянно преподносят тебе какие-то сюрпризы, постоянно застигают врасплох. Не-играющие часто скуют и жалуются, что счастье всегда обходит их стороной. Они отказываются увидеть то, что сами могут творить свою удачу.

Дарви Одрейд

Вы просмотрели последний отчет ком-камер на Айдахо? — спросила Беллонда.

— После! После!

Одрейд почувствовала, что проголодалась, а также, что ощущение это реакция на вполне уместный вопрос Белл.

С каждым днем все сужается вокруг Великой Матери кольцо необходимости, давление неотложных проблем. Всегда она пыталась встречать свои повседневные обязанности, вооружившись неослабевающим интересом к окружающему. Чем больше вещей ее интересует, тем шире поле ее информации, а это гарантированно приносит дополнительные данные, а использование чувств обрабатывало их. Суть, вот до чего докопаться стремилось ее любопытство. Суть. Это было сравни поискам пищи для утоления волчьего голода.

Но дни ее становились репликами сегодняшнего утра. Ее пристрастие личным инспекциям было общеизвестно, но поддерживали ее стены кабинета. Она должна быть там, где ее легко достичь. Не только связаться с ней, но и в том месте, откуда она в состоянии мгновенно разослать людей и экстренные сообщения.

Проклятье! Я успею. Должна!

И эта спешка помимо всего прочего... времени не остается... давление времени...

Шиана как-то сказала: «Мы катимся к концу взятых в залмы дней».

Очень поэтично! Большая помощь перед лицом практических требований. Пока не упадет топр, просто необходимо отослать в Рассеивание как можно больше клеток Бене Джессерит. Ничто иное не может сейчас иметь такой первостепенной важности. Ткань Бене Джессерит рвется на части, рассыпается к целям в далеком космосе, о которых никто в Доме Ордена ничего не знает. Временами этот поток виделся Одрейд обрезками и обрывками. Скомканные они отправлялись прочь на своих не-кораблях, прихватив выводок песчаных форелей в особом садке, традиции Дочерей Гессера и воспоминания в руководство. Однажды сотни лет назад Общине уже пришлось прибегнуть к этому во время Первого Рассеивания и ни одна из Сестер не вернулась назад, не пришло ни единой весточки. Ни одной. Ни одной. Вернулись лишь Чтимые Матре. Если они когда-либо были Бене Джессерит, теперь это лишь ужасное, слепо самоубийственное извращение.

Воссоединимся ли мы когда-нибудь?

Одрейд перевела взгляд на работу на письменном столе: еще одна пачка отборочных карточек. Кому уходить, а кому следует остаться? И нет времени остановиться и глубоко вдохнуть. Иная Память, та, что принадлежала ее предшественнице Таразе, вмешалась, чтобы сыграть зануду: «Я же говорила! Видишь, через что мне пришлось пройти?».

А когда-то так было интересно, есть ли наверху место и для меня.

Место, возможно и есть (как любила она повторять послушницам), но очень редко достаточно времени.

Думая в основном о пассивных послушницах — населении Бене Джессерит «вне Общины» — Одрейд зачастую завидовала им. Им позволялось питать иллюзии. Что за успокоение. Можно делать вид, что жить будешь вечно, Что завтра будет лучшим, чем сегодня, что боги на небесах смотрят на тебя с терпением и заботой.

От этого провала в пустые мечты она отпрянула с отвращением к самой себе. Незамутненное зрение лучше, неважно, что видят твои глаза.

— Я просмотрела последние отчеты на Айдахо, — сказала она, переведя взгляд на терпеливо ждущую по ту сторону стола Беллонду.

— У него любопытные инстинкты, — откликнулась Беллонда.

Одрейд задумалась над этими словами. Ком-камеры, установленные по всему не-кораблю, не упускали ничего. Гипотеза Совета относительно Дункана Айдахо с каждым днем из вес больше теории превращалась в убеждение. Сколько же воспоминаний из серии жизней прототипа Айдахо хранит в себе эта гола?

— У Там все больше сомнений относительно их детей, — продолжала Беллонда. — У них проявились опасные способности?

Этого следовало ожидать. Троих детей, которых в не-корабле Мурбелла родила Айдахо, забрали сразу за после их рождения. За их ростом и развитием велось неусыпное и тщательное наблюдение. Обладают ли они сверхъестественной реактивной скоростью, какую проявляют Чтимые Матре? Слишком рано, чтобы что-то утверждать. По словам Мурбеллы эти способности развиваются в отрочестве.

Взятая в плен Чтимая Матре отнеслась к тому, что у нее забрали детей, со смирением, за которым клокотала ярость. Напротив, от Айдахо они не дождались почти никакой реакции. Странно. Может, появилось нечто, что позволило ему шире взглянуть на произведение потомства? Взглянуть на это с точки зрения Бене Джессерит?

— Еще одна генетическая программа Дочерей Джессера? — фыркнул тогда он.

Одрейд отстранено следила за течением собственных мыслей. Возможно, то, с чем они столкнулись в Айдахо, и в самом деле позиция Бене Джессерит. Община полагала, что эмоциональная привязанность есть древнийrudимент безусловно важный для выживания человечества во времена далекой древности, но в плане Бене Гессерит ему нет места.

Инстинкты.

То, что приходит со спермой и яйцеклеткой. Часто громкие и исполненные силы: «С тобой говорит биологическая природа, дура! ». Любимые... потомство... голод... Все это бессознательные мотивы, определяющие специфическое поведение. Опасно вмешиваться в такие вещи. Хозяйки Рождений прекрасно это сознавали, даже несмотря на то, что занимались они именно этим. В Совете из-за их деятельности периодически разгорались шумные дебаты, а кончались они на том, что Совет еще раз приказывал тщательно следить за последствиями.

— Ты изучила отчеты. И это весь ответ? — учитывая характер Белл, звучит жалобно.

В отчете ком-камер, вызвавшем такой интерес Белл, содержалась сцена, где Айдахо чуть ли не допрашивал Мурбеллу о вызывающих сексуальную зависимость техниках Чтимых Матерей. Зачем? Его параллельные способности происходили от кодирования его клеток в акслотль-автоклаве. Источником способностей Айдахо была сходная с инстинктом бессознательная установка, но результат был неотличим от эффекта, достигаемого Чтимыми Матре: экстаз, который возрастал до такой степени, что исчезало все рациональное, и привязывал жертву к источнику таких наслаждений.

Пытаясь словами прояснить свои способности, Мурбелла доходила только до этой стадии. Судя по всему, в ней говорила остаточная ярость, что Айдахо подсадил ее тем же самыми методами, каким обучали ее.

— Мурбелла замыкается, когда Айдахо спрашивает о мотивах, — сказала Беллонда.

Да, я это заметила.

— Я могла бы убить тебя, и ты это прекрасно знаешь! — проговорила Мурбелла.

Отчет ком-камер показывал их в постели в апартаментах Мурбеллы внутри не-корабля, очевидно, сразу после утоления голода взаимной зависимости. На обнаженных телах блестел пот. Мурбелла лежала с синим полотенцем на лбу, зеленые глаза смотрели прямо в линзы ком-камер. Казалось, она смотрит прямо в глаза наблюдателям. Крохотные оранжевые пятна в зеленых глазах. Яростные точки, результат остаточного запаса в ее теле заменителя спайса, который применяли Чтимые Матре. Теперь она была на меланже — и никаких неблагоприятных симптомов. Айдахо лежал подле нее, черные волосы разметаны вокруг лица в ярком контрасте с подушкой. Глаза закрыты, но веки чуть подрагивают. Худ. Он мало ел, и это несмотря на все завлекательные блюда, которые ему посыпал собственный повар Одрейд. Высокие скулы выступали теперь еще четче. С каждым годом заточки черты его лица становились все резче.

Одрейд знала, угроза Мурбеллы действительно подкреплена физическими способностями, но с точки зрения психологии это было... Убить своего любовника? Маловероятно!

Мысли Беллонды, очевидно, бежали по тому же руслу.

— Чего она добивалась, демонстрируя свою физическую скорость? Вы видели такое и раньше.

— Она знает о нашем наблюдении.

Ком-камеры показали, как Мурбелла, поборов слабость, оставшуюся после соития, соскользнула с кровати. Двигаясь с искажающей очертания скоростью (гораздо быстрее всего, чего удалось до сих пор достичь Бене Джессерит), она выбросила вперед правую ногу и остановила удар лишь, когда ее нога оказалась на волосок от головы Дункана.

Дункан открыл глаза, еще когда она соскальзывала с кровати. Ей в лицо он смотрел без страха и не мигая.

Ну и удар! Смертельный, если бы был нанесен. Достаточно лишь однажды увидеть такое, чтобы бояться всю жизнь. В движениях ее тела никак не участвовали импульсы коры головного мозга. Что-то вроде движений насекомого, атака, инициированная периферийными нервами.

— Видишь! — Мурбелла опустила ногу и взглянула ему в лицо.

Айдахо улыбнулся.

Глядя на это, Одрейд напомнила себе, что у Общины Сестер есть трое детей Мурбеллы, все девочки. Хозяйки Рождений пребывали в радостном возбуждении. Со временем родившиеся от них Преподобные Матери смогут спорить в скорости с Чимыми Матре.

Со временем, которого у нас нет.

Но Одрейд разделяла воодушевление Хозяек Рождений. Что за скорость! Прибавьте к этому тренингу мускуловнервов, огромные пара-ресурсы Общины Сестер! То, что в силах было сотворить подобное сочетание, безмолвно лежало до времени внутри нее.

— Она сделала это не для нас, а для него, — сказала Беллонда.

В этом Одрейд была не уверена. Мурбеллу возмущало постоянное наблюдение, но она научилась не обращать на него внимания. Во многих своих действиях она явно игнорировала людей за глазками ком-камер. А отчет тем временем показывал, как она свернулась в постели рядом с Айдахо.

— Я ограничила доступ к этой записи, — сказала Беллонда. — Многие послушницы и так обеспокоены.

Одрейд кивнула в ответ. Сексуальная зависимость. Этот аспект способностей Чимых Матре создавал беспокоящую зыбь в сознании младших из Дочерей Джессера, особенно среди алкоголиков. Наводит на размышления. И большинство Сестер в Доме Ордена знали, что Преподобная Мать Шиана, единственная из них, практикует некоторые из этих техник в пренебрежение страхам, что эти методы могут ослабить Бене Джессерит.

«Нам нельзя превращаться в Чимых Матре». Белл всегда так говорила. Но Шиана представляет собой значительный фактор контроля. Она учит нас кое-чему о Мурбелле.

Однажды, застав Мурбеллу в ее апартаментах внутри не-корабля одну и не настороже, Одрейд попыталась задать ей прямой вопрос:

— До того, как появился Айдахо, ни у одной из вас не возникло искушения, скажем, «соединиться в радости»?

— Он поймал меня случайно! — с яростной гордостью бросила Мурбелла.

Та же ярость, какой она среагировала на вопросы Айдахо. Вспомнив об этом, Одрейд наклонилась над рабочим столом и вызвала оригинал записи.

— Смотри, как она озлилась, — проговорила Беллонда. — Готова рискнуть своей репутацией, это гипнотический запрет отвечать на подобные вопросы.

— Все снимется во время Агонии Спайса, — откликнулась Одрейд.

— Если она когда-нибудь дойдет до этого!

— Предполагается, что гипнотранс относится к нашим секретам.

Беллонда задумалась над очевидным выводом. Ни одна из Сестер, отосланных в Рассеивание, не вернулась.

Огненными каплями их сознание жгли слова: «Не ренегаты ли из Бене Джессерит создали Чимых

Матре? ». Многое наводило на эту мысль. Зачем тогда они прибегают к сексуальному порабощению мужчин? То, что лепетала о истории своих прошлых Сестер Мурбелла, не могло дать удовлетворительного ответа. Все в Чтимых Матре шло вразрез с учением Бене Джесссерит.

— Нам нужно узнать, — настаивала Беллонда. — То, немногое, что мы знаем, внушает тревогу.

Одрейд признавала важность этого вопроса. Насколько притягательна подобная способность? Надо думать, более чем притягательна. Проецируя фантазии, на поводке желаний можно повести за собой население целых планет.

Страшную силу осмелились использовать Чтимые Матери. Позволить Вселенной узнать, что у них в руках ключ к подобному ослепительному экстазу, и половину битвы они выиграли. Один намек на то, что нечто подобное существует, сам по себе начало капитуляции. Люди уровня Мурбеллы в той другой Общине Сестер могут и не понимать, но те, кто руководит ими... Может быть, они просто используют эту силу, не беспокоя себя или не подозревая о ее глубинной мощи? Если бы это было так, как удалось бы завлечь в этот тупик наших Рассеянных Сестер?

Ранее Беллонда предложила собственную гипотезу:

Чтимая Матре, перед ней взятая в плен Преподобная Мать из первого Рассеивания. «Приветствуем вас, Преподобная Мать. Нам бы хотелось, чтобы вы поприсутствовали при небольшой демонстрации нашей силы». Интерлюдия сексуальной демонстрации, за которой следует показ физической скорости Чтимой Матре. Затем — отказ в меланже и инъекция основанного на адреналине заменителя пополам с гипно-нarcотиком. В гипнотическом трансе. Преподобная Мать подвергалась сексуальному кодированию.

Это в сочетании с избирательной агонией, вследствие отказа в меланже, (по предположению Белл) могло заставить жертву отказаться от своего происхождения.

Помогите нам, Парки! Так исходные Чтимые Матре все были Преподобными Матерями? Решимся мы опробовать эту гипотезу на самих себе? Что об этом можно узнать от этой пары в не-корабле?

Два источника информации лежали тут же на виду у бдительного взора Общины, но ключ к ним еще простояло отыскать.

Женщина и мужчина, которые перестали быть партнерами для производства потомства, перестали быть друг для друга утешением и поддержкой. Прибавилось нечто новое. Ставки головокружительно возросли.

В проигрывающейся на рабочем столе записи комкамер Мурбелла сказала что-то, что привлекло внимание Великой Матери.

— Мы, Чтимые Матери, сами сделали это над собой! Невозможно винить в этом кого-либо другого.

— Ты слышала? — потребовала ответа Беллонда.

Одрейд резко тряхнула головой, чтобы помощница не отвлекала ее от записанной перепалки.

— Ну обо мне-то ты этого не можешь сказать, — возразил Айдахо.

— Пустая отговорка, — обвинила его в ответ Мурбелла. — Тлейлаксу закодировали тебя поймать в ловушку первую же из тех, на кого наложен Отпечаток, как только ты с ней столкнешься.

— И убить ее, — поправил Айдахо. — Вот что входило в их намерения.

— Но ты даже не пытался убить меня. Не то чтобы у тебя что-нибудь получилось.

— Что тогда... — Айдахо остановился на полуслове, бессознательно бросив взгляд на глазок записывающей ком-камеры.

— Что он там собирался сказать? — набросилась Беллонда. — Нужно выяснить!

Но Одрейд молча продолжала наблюдать за пленной парой на корабле. Мурбелла проявляла удивительное понимание ситуации.

— Ты думаешь, ты поймал меня в результате случая, в подготовке этого ты никак не замешан?

— Вот именно.

— Но я вижу в тебе нечто, что принимает все целиком и полностью! Ты не просто следовал закодированным установкам. Ты старался изо всех сил! Взгляд Айдахо стал непроницаемым. Он запрокинул голову, потянулся.

— Это выражение Ментата! — обвиняюще воскликнула Беллонда.

Все чувства, все логические выводы Одрейд подтверждали заключение Беллонды, но предстояло еще вытянуть это признание из Айдахо. Если он Ментат, почему утаивать эту информацию?

По причине иных вещей, подразумеваемых этими способностями. Он боится нас и по праву.

— Ты импровизировал, улучшал то, что сделали с тобой Тлейлаксу, — с презрением продолжала Мурбелла. — В тебе есть нечто, что не жаловалось, что бы ни случилось!

— Так вот, как она обходится с собственным чувством вины, — задумчиво сказала Беллонда. — Ей нужно верить в то, что это правда, или Айдахо не удалось, бы заманить ее в ловушку.

Одрейд поджала губы. Проекция показывала, что выпад Мурбеллы только позабавил Айдахо.

— Возможно, для нас обоих это было одинаково.

— Ты не можешь винить Тлейлаксу, а я не могу винить Читимых Матерей.

В кабинет вошла Тамейлан и опустилась в кресло подле Беллонды.

— Вижу, вас это тоже заинтересовало, — она указала на фигурки проекции.

Одрейд отключила проектор.

— Я осматривала наши акслотль-автоклавы, — сказала Тамейлан. — Этот проклятый Скитеил утаил важнейшую информацию.

— Но в нашей первой голе нет никаких недостатков, так ведь? потребовала ответа Беллонда.

— Ничего, что могли бы найти наши врачи Сук.

— Нужно же Скитеилу оставить что-то себе для дальнейших сделок, мягко проговорила Одрейд.

Обе стороны разделяли некую фантазию: Скитеил платит Бене Джессерит за спасение от Читимых Матре и убежище в Доме Ордена. Но каждая Преподобная Мать знала, что что-то еще руководило последним Мастером Тлейлаксу.

Умны, умны, Бене Тлейлакс. Гораздо умнее, чем мы подозревали. И они запачкали нас своими акслотль-автоклавами. Само слово «автоклав» — еще один из их обманов. Мы рисовали себе контейнеры с нагретым жидким аммонием, каждый автоклав — фокус сложнейшей техники для дублирования (тонким, постепенным и контролируемым способом) работу чрева. Конечно, это и есть автоклав! Но взгляните, что он содержит.

Решение Тлейлаксу было прямолинейным: использовать оригинал. За много миллионов эонов природа уже это выработала. Все, что требовалось от Бене Тлейлакс, это добавить свою собственную систему контроля, собственный способ сдублировать информацию, хранящуюся в клетках.

«Божественный Язык», как называл это Скитеил. Язык Шайтана было бы более уместно.

Обратная связь. Клетка управляет своим собственным чревом. Во всяком случае это более или менее и делает оплодотворенная яйцеклетка. Тлейлаксу только утончили процесс.

Одрейд позволила себе вздохнуть, что привлекло резкие взгляды ее помощниц. У Великой Матери новые неприятности?

Меня беспокоят откровения Скитеила. И взгляните, что сделали с нами эти откровения. О, как мы отпрянули от «унижения». Затем рационализация. И мы знали, что это рационализация! «Если нет другого пути. Если это производит так отчаянно необходимые голы. Возможно, удастся найти добровольцев.» Нашлись! Добровольцы!

— Витаешь в облаках! — проворчала Тамейлан. Она бросила взгляд на Беллонду, начала было что-то говорить, но передумала.

Лицо Беллонды превратилось в пустую маску, выражение часто сопровождающее ее приступы дурного настроения. Голос прозвучал не громче гортанного шепота:

— Я решительно настаиваю на том, чтобы устранить Айдахо. А что касается этого монстра с Тлейлакс...

— К чему, внося подобное предложение, прибегать к эфемизмам? потребовала Тамейлан.

— Так убейте его! А Тлейлаксу следует подвергнуть всем методам убеждения, какие мы...

— Перестаньте вы обе! — приказала Одрейд.

Она на мгновение прижала ладони ко лбу и, глядя в полукруглое окно, увидела, что за ним идет снег пополам с дождем. Контроль Погоды все чаще допускает ошибки. Это не их вина, но нет на свете ничего, что люди ненавидели бы больше, чем непредсказуемое. «Хотим, чтобы все было естественно!» Что бы это ни значило.

Когда на нее находили подобные мысли, Одрейд начинала тосковать по существованию, ограниченным приятным ей порядком: время от времени прогулками по фруктовым садам. Ими она наслаждалась во все времена года. Тихий вечер с друзьями, приливы и отливы любопытной беседы с теми, к кому она испытывала теплые чувства. Привязанность? Великая Мать могла позволить себе многое — даже любовь к близким. И вкусная еда с напитками, отобранными за великолепный букет. И этого ей хотелось. Как прекрасно было бы играть на ощущениях неба. А потом... да, потом — теплая постель с нежным компаньоном, столь же чувствительным к ее нуждам, как она к его. Конечно, большая часть этого невозможна. Ответственность! Что за огромное слово! И как оно давит!

— Я проголодалась — произнесла Одрейд. — Приказать, чтобы сюда подали ленч?

Беллонда и Тамейлан разом уставились на нее.

— Но ведь еще только половина двенадцатого, — пожаловалась Тамейлан. — Да или нет? — настойчиво спросила Одрейд.

Беллонда и Тамейлан молча обменялись взглядом.

Среди Бене Джессерит (и Одрейд это знала) существовала поговорка, что дела Общины идут гляже, когда удовлетворен желудок Великой Матери. Это лишь немногим преувеличивало действительность.

По интеркому Одрейд набрала код своей личной кухни:

— Ланч на троих, Дуана. Что-нибудь особенное. На твой выбор.

Ленч, когда он был сервирован, состоял из блюда, которое доставляло Одрейд особое наслаждение, — запеченная телятина с овощами. Дуана новыми травами придала ей тонкий оттенок чуть иного чем обычно вкуса: чуть-чуть розмарина в телятину, овощи непереварены. Восхитительно.

Одрейд наслаждалась каждым кусочком. Остальные двое с трудом запихивали в себя еду.

Не в этом ли одна из причин, почему Великая Мать я, а не одна из них? Пока алкоголиты убирали остатки ленча, Одрейд вернулась к одному из своих излюбленных вопросов:

— Какие слухи ходят в общих комнатах и среди послушниц?

Она вспомнила, как в дни собственного послушничества впитывала в себя каждое слово старших женщин, ожидая великих откровений, но слыша лишь мелкие сплетни о Сестре такой-то или о последних проблемах проктора Х. Впрочем, время от времени барьеры рушились и попадалась важная информация. — Слишком многие послушницы говорят о том, что хотели бы отправиться в Рассеивание, — излишне резким голосом проговорила Тамейлан. — Я бы сказала, крысы покидают тонущий корабль.

— В последнее время всколыхнулся интерес к Архивам, — внесла свою лепту Беллонда. — Сестры, из тех, кто что-то предчувствуют, приходят за подтверждением — сильно отмечены ли гены такой-то и такой-то послушницы печатью Сиона.

Одрейд это показалось интересным. Их общий предок Атридес из эонов Тирана, Сиона Ибн Фуад аль-Сейефа Атридес, одарила своих потомков способностью, прячущей их от поисков тех, кто обладает даром предвидения. Каждая, кто имела право свободно перемещаться по Дому Ордена, разделяла эту защиту предков. — Сильно отмечены? — переспросила Одрейд. — Они сомневаются, что те, о ком они спрашивают, защищены?

— Они нуждаются в подтверждении, — проворчала Беллонда. — А теперь могу я вернуться к Айдах? У него и есть генетическая отметка, и у него ее нет. Это меня беспокоит. Почему некоторые его клетки не несут маркера Сиона? Что сделали с его клетками Тлейлаксу?

— Дункан знает, в чем опасность, и он не склонен к самоубийству, ответила Одрейд.

— Мы не знаем, что он такое, — пожаловалась Беллонда.

— Вероятно, Ментат, и все мы знаем, что это может означать, — сказала Тамейлан.

— Я понимаю, почему мы держим Мурбеллу, — не дала себя отвлечь Беллонда. — Ценная информация. Но Айдахо и Скитейл...

— Достаточно! — оборвала ее Одрейд. — Сторожевые псы могут лаять слишком долго!

Беллонда нехотя умолкла. Сторожевые псы. Внутренний термин Бене Джессерит для обозначения постоянного наблюдения Сестер друг за другом, чтобы все видели, что никто не проводит свои дни впустую. Очень утомительно для алкоголиков, но не более чем часть повседневной жизни Преподобных Матерей.

Однажды Одрейд объяснила это Мурбелле, они тогда были одни в сером голом помещении для бесед на не-корабле. Стояли почти прикасаясь друг к другу, глядя друг другу в лицо. Глаза на одном уровне. Вполне неформально и по-дружески. Если, конечно, исключить сознание того, что со всех сторон тебя окружают глаза ком-камер.

— Сторожевые псы, — сказала тогда Одрейд, отвечая на вопрос Мурбеллы. — Это означает взаимную слежку. Не раздувай этого больше, чем это есть на самом деле. Мы редко придираемся. Может хватить простого слова.

Мурбелла — овальное лицо перекошено от отвращения, широко поставленные зеленые глаза смотрят напряженно — очевидно, подумала, что Одрейд имеет в виду какой-то особый сигнал, слово или поговорку, какие Сестры используют в подобных ситуациях.

— Какого слова?

— Проклятье, да любого! Какое покажется подходящим. Это как взаимный рефлекс. Мы делим общий «тик», который нас не раздражает. Мы даже приветствуем его, поскольку он не дает нам бездельничать.

— И если я стану Преподобной Матерью, вы станете сторожить меня?

— Мы сами этого хотим. Без этих сторожей мы были бы слабее.

— Звучит угнетающе.

— Мы так не считаем.

— Мне это кажется возмутительным, — она взглянула на поблескивающие линзы на потолке. — Как и эти проклятые ком-камеры.

— Мы заботимся о своих же, Мурбелла. Как только ты станешь Бене Джессерит, тебе гарантирована пожизненная поддержка.

— Комфортабельная ниша, — фыркает она.

— Нечто совершенно иное, — Одрейд говорила мягко. — Всю твою жизнь то одно, то другое бросает тебе вызов. Ты расплачиваешься с Общиной Сестер до предела своих способностей.

— Сторожевые псы!

— Мы всегда тактичны по отношению друг к другу. Некоторые из нас, те, что обладают властью, временами могут быть авторитарны, даже фамильярны, но только такое обхождение тщательно отмерено в соответствии с требованиями момента.

— И никогда по настоящему теплы или нежны?

— Таково правило.

— Привязанность, может быть, но не любовь?

— Я объяснила тебе правило, — реакция ясно читалась на лице Мурбеллы: «Так вот оно! Они потребуют, чтобы я отказалась от Дунканна!?

— Так значит у Бене Джессерит нет любви? — каким печальным был ее голос. Надежды для Мурбеллы тогда еще не было.

— Любовь случается, — ответила ей Одрейд, — но мои Сестры относятся к ней как к отклонению.

— Так значит то, что я чувствую к Дункану, отклонение?

— И Сестры попытаются вылечить это.

- Лечить! Применить корректирующую терапию к зараженным!
- Любовь рассматривается в Сестрах как знак разложения.
- Я вижу признаки разложения в вас!

Как будто проследив ее мысли, Беллонда насилино вырвала Одрейд из задумчивости:

— Эта Преподобная Мать никогда не свяжет себя с нами! — Беллонда стерла с угла рта оставшуюся от ленча каплю соуса. — Мы только тратим попусту время, пытаясь научить ее нашим обычаям.

По крайней мере, Белл больше не зовет Мурбеллу «шлюхой», — подумала Одрейд. — Прогресс.

Глава 9

Все правительства испытывают проблему с набором кадров: власть привлекает патологических личностей. Дело не в том, что власть развращает, а в том, что она обладает магнитическим притяжением для тех, кто готов поддаться этому развращению. У подобных людей наблюдается тенденция упиваться насилием, обстоятельство, от которого они быстро становятся наркотически зависимыми.

Миссионария Протектива Текст QIV (декто)

Ребекка, как ей было приказано, стояла на коленях на выложенном желтой плиткой полу, не решаясь поднять глаза на Великую Чтимую Матре, такую далекую, такую опасную. Уже два часа Ребекка ждала здесь почти в самом центре гигантского зала, в то время как Великая Чтимая Матре и ее двор поглощали ленч, поданный раболепными прислужниками. Ребекка тщательно рассмотрела манеры слуг и теперь соревновалась с ними.

Ее глаза все еще болели от трансплантаントв, которые рабби дал ей меньше месяца назад. Эти глаза выставляли на всеобщее обозрение голубой ирис и белую склеру, ничем не выдавая Агонию Спайса в ее прошлом. Защита была лишь временной. Менее чем за год эти трансплантаントы выдадут ее совершенной голубизной.

Но боль в глазах представляла сейчас, насколько она могла судить, наименьшую из ее проблем. Органический дозатор сдабривал ее кровь отмеренными дозами меланжа, скрывая зависимость. По приблизительной оценке запаса должно хватить на два месяца. Если Чтимые Матре продержат ее дольше, отсутствие наркотика окунет ее в агонию, по сравнению с которой праздником покажется изначальная. Из непосредственных проблем самым опасным было присутствие Иных Воспоминаний, отмеряемых ей меланжем. Если те женщины засекут их, это, безусловно, возбудит подозрения.

Ты все делаешь правильно. Потерпи. Это проснулась Иная Память из бесчисленных жизней с Лампадас. Голос мягко перекатывался в ее голове. Звучал он похоже на голос Луциллы, но Ребекка не была в этом уверена.

За месяцы, что прошли с Разделения, которое возвестило себя как «Глашатай твоей Мохалаты», голос этот стал знакомым. Этим шлюхам не сравняться с тобой в знании. Помни это, и пусть это придаст тебе смелости. Присутствие в ней Иных, которые не отвлекали ее внимания от того, что происходило вокруг, наполняло ее благоговением. Мы называем это Подобием Потока, — говорил Глашатай. — Подобие Потока умножает твое сознание. Когда она попыталась объяснить это рабби, реакцией на ее слова был гнев. — Ты поражена нечистыми мыслями!

Они сидели поздней ночью в кабинете рабби. «Украсть время из отпущеных нам дней», называл это он. Кабинет находился под землей, стены его были увешены полками с древними книгами, ридулийскими кристаллами, свитками. Комнату защищали от зондирования лучшие устройства с Икс, которые потом модифицировали, чтобы улучшить, собственные люди рабби.

Ей было позволено сидеть возле его стола, в то время как он откинулся на спинку старого кресла. Светящийся шар на низкой подставке отбрасывал теплый желтый свет на его лицо и бороду, отблескивал на очках, которые он носил едва ли не как символ своей службы.

Ребекка изобразила смущение.

— Но вы же говорили, что от нас требуется спасти эти сокровища с Лампадас. Разве Бене Джессерит не обошлись с нами по чести?

В его глазах она заметила беспокойство.

— Ты ведь слышала, как Леви говорил вчера, о чем здесь расспрашивали. Почему ведьмаджессеритка пришла к нам? Вот что их интересовало.

— Но в истории, что мы сочинили, нет противоречий и она внушает доверие, — протестовала Ребекка, — Сестры научили нас таким вещам, сквозь которые не в состоянии проникнуть даже ясновидение.

— Не знаю... не знаю... — рабби печально покачал головой. — Что есть ложь? Что есть правда? Не приговариваем ли мы себя своими собственными устами?

— Но ведь этому погрому мы противостоим, рабби! — это обычно укрепляло его решимость.

— Козаки! Ты права, дочь моя. Козаки существовали во все времена, и мы не единственные, кто почувствовал их кнуты и мечи, когда они въезжали в наши селенья с убийством в сердцах своих.

Странно, подумалось Ребекке, как ему удается создать впечатление того, что эти события произошли совсем недавно, что он видел их собственными глазами. Никогда не забыть, никогда не простить. Лидице был вчера. Что за мощь хранится в памяти Тайного Израэля. Погром! В продолжительности своего существования сила столь же мощная, как то присутствие Бене Джессерит, что поселилось теперь в ее сознании. Почти. Именно этому сопротивляется рабби, сказала она самой себе.

— Боюсь, ты была забрана от нас, — сказал рабби. — Что я с тобой сделал? Что я наделал? И все во имя чести.

Он оглядел инструменты на стене кабинета, которые сообщали данные о ночной аккумуляции энергии от ветряных мельниц, расположенных по всем угодьям фермы. Инструменты говорили, что там наверху монотонно гудят машины, запасая энергию назавтра. Это был подарок Бене Джессерит: свобода от Икс. Независимость. Что за странное слово.

— Эта вещь. Иные Воспоминания, кажется мне очень сложной, и всегда казалась, — сказал он, не глядя на Ребекку. — Память должна нести с собой мудрость, но не делает этого. Вот как мы управляем своей памятью и вот куда прилагаем свои знания.

Он оглянулся, посмотрел на нее, но его лицо утопало в тени.

— Так что говорит тот, внутри тебя? Тот, о котором ты думаешь как о Луцилле?

Ребекка видела, как нравится ему произносить имя Луциллы. Если Луцилла может говорить через дщерь Тайного Израэля, значит, она еще жива и никто ее не предавал.

Прежде чем ответить, Ребекка опустила глаза:

— Она говорит, в нас есть такие внутренние образы, звуки и ощущения, которые появляются по команде или вмешиваются в случае необходимости.

— Необходимости, да! А что это если не сигналы чувств от плоти, что когда-то была там, где не была ты, и, Возможно совершила оскорбительные деяния?

Иные воспоминания, иные тела, — подумалось Ребекке. Раз испытав нечто подобное, она никогда — это она знала точно — не откажется от этого по собственной воле. Может, я и в самом деле стала Бене Джессерит. Конечно, этого-то он и боится.

— Вот что я тебе скажу, — продолжал рабби, — это «критическое перекрещение живущих сознаний», как они это называют, ничто, если ты не сознаешь, что твои собственные решения, как нити, тянутся от тебя к жизням других людей.

— Видеть свои собственные поступки в реакциях других, да, именно так это и понимают Сестры.

— Вот это мудро. Чего, по словам госпожи, они жаждут?

— Влияния на возмужание человечества.

— Гм. И она полагает, что события лежат не за пределами ее влияния, а просто за пределами ее чувств. Это почти мудро. Но возмужание... а, Ребекка. Не вмешиваемся ли мы в высочайший план? Вправе ли человек устанавливать пределы природы Яхве? Я думаю, Лето II это понимал. А госпожа внутри тебя отрицает это.

— Она говорит, он был проклятым Тираном.

— Был, но и до него существовали мудрые Тираны и без сомнения будут существовать после нас.

— Они зовут его Шайтан.

— У него была власть самого Сатаны. В этом я разделяю их страхи. Он не столько обладал даром предвидения, сколько скреплял мир. Он закреплял облик того, что видел.

— Тоже говорит и госпожа. Но она говорит, что это их Грааль он сохранил.

— И вновь я скажу, что они почти мудры.

Тело рабби сотряс глубокий вздох, и вновь он перевел взгляд на инструменты на стене подземного кабинета. Энергия на завтра.

Потом его внимание вернулось к Ребекке. Она изменилась, и никуда не деться от сознания этого. Она стала очень похожа на Бене Джессерит. Это понятно. Ее ум наполнен всеми теми людьми с Лампадас. Но они не гадаренская свинья, чтобы изгнать их в море, и их дьявольские наваждения

вместе с ними. И я не новый Христос.

— То, что они говорят тебе о Великой Матери Одрейд — что она зачастую проклинает своих собственных архивистов и архивы с ними. Что за дела! Разве архивы не сродни книгам, в которых мы сохраняем нашу мудрость?

— Значит, я архивист, рабби?

Этот вопрос поставил его в тупик, но также и выяснил проблему. Он улыбнулся.

— Вот что я тебе скажу, дочь моя. Признаюсь, я испытываю некоторую симпатию к Одрейд. Всегда есть кто-то, кто ворчит на архивариусов. — Мудро ли это, рабби? — как робко она это спросила!

— Верь мне, дочь моя. Как тщательно подавляет архивист малейшую тень суждения! Одно слово за другим. Что за надменность!

— Как они судят, какое слово употребить, рабби?

— А, часть мудрости переходит в тебя, дочь моя. Но эти Бене Джессерит не достигли мудрости и это их Грааль, что мешает им в этом.

Это она прочла по его лицу. Он стремится вооружить меня сомнением против тех жизней, что я несу в себе.

— Позволь мне сказать тебе еще кое-что о Бене Джессерит, — продолжил он. И ничего не пришло ему на ум. Ни слова, ни совета из притч. Такого не случалось с ним уже многие годы. Открытым для него оставался только один путь: говорить от сердца.

— Возможно, они слишком долго шли по пути в Дамаск без единой вспышки просветления, Ребекка. Я боюсь, когда они говорят, что действуют на благо человечества. Почему-то я не вижу этого в них и не верю в то, что Тиран это видел.

Когда Ребекка открыла рот, чтобы ответить, он остановил ее, слегка приподняв руку.

— Возмужалое человечество? Так это их Грааль? А не созревший плод, который сорван и съеден?

На полу Великого Зала Узловой Станции Ребекка вспомнила эти слова, увидев воплощение их не в тех жизнях, что она сохранила, а в поведении тех, кто схватил ее.

Великая Чтимая Матре закончила есть и вытерла руки о платье ближайшей прислужницы.

— Пусть она подойдет, — проговорила Великая Чтимая Матре.

Боль ожгла левое плечо Ребекки, и она рванулась на коленях вперед. Та, которую звали Лонго, подошла сзади с ножами охотника в правой руке и стрелкой стимулятора ткнула пленницу в бок.

По залу прокатилась волна смеха.

Ребекка с усилием поднялась на ноги и, стараясь держаться подальше от стимулятора, кое-как добралась до подножия ведущей к Великой Чтимой Матре лестницы, где ее остановил стимулятор.

— На колени! — Лонго подчеркнула приказ еще одним уколом.

Ребекка упала на колени, уставившись прямо перед собой на ступеньки лестницы. По желтым плиткам бежали тонкие трещины. Этот недостаток почему-то придал ей уверенности.

— Оставь ее, Лонго, — сказала Великая Чтимая Матре. — Мне нужны ответы, не вопли. — Потом Ребекке: — Посмотри на меня, женщина!

Ребекка подняла глаза и взглянула в лицо самой смерти. Каким неприметным должно быть лицо, чтобы на нем лежал отпечаток такой угрозы.

Такие... такие ничем не примечательные черты. Почти обыкновенные. Такая маленькая фигурка. Все это только усилило чувство опасности. Какими силами должна обладать маленькая женщина, чтобы править этими ужасными людьми.

— Ты знаешь, почему ты здесь? — потребовала Великая Чтимая Матре.

— Мне сказали, о Великая Чтимая Матре, что вы хотели, чтобы я подробно рассказала о профессии Ясновидения и других делах на Гамму, — как можно более униженно ответила Ребекка.

— Ты спала с ясновидящим! — это было обвинением.

— Он умер. Великая Чтимая Мать.

— Нет, Лонго! — это относилось к помощнице, которая со стимулятором в руке рванулась вперед. — Эта несчастная не знает наших обычаев. Ну, отойди же в сторону, Лонго, где меня бы не раздражала твоя пылкость.

— Ты будешь говорить со мной только отвечая на мои вопросы, или когда я прикажу тебе, несчастная! — выкрикнула Великая Чтимая Матре.

Ребекка съежилась от страха.

Это был почти Голос. Будь настороже — прошелестел в голове Ребекки шепот Глашатая.

— Знала ли ты когда-нибудь о тех, кто зовут себя Бене Джессерит? спросила Великая Чтимая Матре.

Ну вот, началось!

— Каждый сталкивался с ведьмами. Великая Чтимая Матре.

— Что ты знаешь о них?

Так вот зачем они меня сюда привезли.

— Только то, что я слышала. Великая Чтимая Матре.

— Они храбры?

— Говорят, они всегда стремятся избежать риска, Великая Чтимая Матре. Ты достойна нас, Ребекка. Таков порядок этих шлюх. Камешек бежит по склону в предназначенный ему канал. Они думают, что ты не любишь нас.

— Эти Бене Джессерит богаты? — вопрос Великой Чтимой Матре.

— Думаю, они бедны по сравнению с вами. Чтимая Матре.

— Почему ты так думаешь? Не говори просто, чтобы доставить мне удовольствие!

— Но, Чтимая Матре, могли бы ведьмы послать огромный корабль с Гамму сюда просто для того, чтобы отвезти меня? И где эти ведьмы теперь? Прячутся от вас.

— Ну, так где же они? — потребовала Чтимая Матре.

Ребекка пожала плечами.

— Ты была на Гамму, когда от нас бежал человек, которого они называли Ваша? — спросила Чтимая Матре.

Она знает, что ты была там.

— Я была там, Великая Чтимая Матре, и слышала разные истории. Я не верю в них.

— Ты будешь верить в то, во что я прикажу тебе верить, несчастная! Что за истории ты слышала?

— Что он двигался со скоростью, незаметной для глаза. Что он убил многих... людей голыми руками. Что он украл корабль и улетел в Рассеивание.

— Верь в то, что он улетел, несчастная.

Смотри, как она боится! Она не может сдержать дрожи!

— Расскажи о Ясновидении! — потребовала страшная женщина.

— Великая Чтимая Матре, я не пониманию Ясновидения. Я знаю лишь слова моего Шолема, моего мужа. Если пожелаете, я могу повторить эти слова. Чтимая Мать задумалась, обвела взглядом помощников и советников по обе стороны от возвышения, которые уже начали проявлять признаки скуки и нетерпения. Почему она просто не убьет эту падаль?

Ребекка, увидев оранжевый огонь насилия в уставившихся на нее сотнях глаз, внутренние сжалась. И теперь воспоминание о муже, которого она всегда мысленно звала ласкательным именем Шоель, и его словах придало ей сил. «Полный талант» проявился в нем еще в детстве. Некоторые называли его инстинктом, но Шоель никогда не употреблял этого слова.

— Доверяй ощущениям, идущим из нутра. Вот что всегда говорили мои учителя.

По его словам это выражение было настолько приземленным, что зачастую отталкивало тех, кто приходил искать «эзотерических тайн».

— В этом нет никакого секрета, — говорил Шоель. — Это тренировки и упорный труд, как и все остальное. Ты задействуешь то, что они называют «малым восприятием», способность отслеживать малейшие изменения реакций человека.

Те же мелкие признаки Ребекка могла теперь различить в тех, кто в упор смотрел на нее. Они хотят моей смерти. Почему?

Великая любит показывать свою власть надо всеми, — помог советом Глашатай. — Она делает не то, чего хотелось бы другим, а то, чего, по ее мнению, они не хотят.

— Великая Чтимая Матре, — рискнула Ребекка, — вы так богаты, так могущественны. Конечно, же у вас найдется какое-нибудь место среди низших слуг, где я могла бы вам Пригодиться.

— Так ты хочешь поступить ко мне на службу?

Что за звериная ухмылка!

— Это осчастливило бы меня. Великая Чтимая Матре.

— Я здесь не для того, чтобы делать тебя счастливой.

— Тогда осчастливь нас. Дама, — Лонго спустилась на ступеньку вниз. -Позволь нам поиграть с...

— Молчать!

Ах вот как. Ошибкой было назвать ее интимным именем здесь перед всеми.

Лонго отпрянула, едва не уронив стимулятор.

Великая Чтимая Матре сверлила оранжевым взглядом Ребекку.

— Ты вернешься к своему жалкому существованию на Гамму, несчастная. Я не убью тебя. Это было бы милосердием. Увидев то, что мы могли бы тебе дать, ты проживешь свою жизнь без этого.

— Великая Чтимая Матре! — запротестовала Лонго. — Мы подозреваем, что...

— У меня есть подозрения на твой счет, Лонго. Отошли ее назад и живой! Ты меня слышишь? Или ты думаешь, что мы неспособны отыскать ее, если она нам понадобится?

— Нет, Великая Чтимая Матре.

— Мы следим за тобой, несчастная.

Приманка! Она рассматривает тебя как приманку, на которую можно поймать более крупную дичь. Интересно. У нее все же есть голова на плечах, и, несмотря на свою жестокость, она знает, как ее использовать. Так вот как она пришла к власти.

Весь обратный путь на Гамму, скорчившись в вонючем трюме на когда-то принадлежавшем Гильдии корабле, Ребекка размышляла над затруднительным положением, в котором очутилась. Конечно, эти шлюхи не ожидали, что она ошибочно истолкует их намерения. Но... может и ожидали. Лизоблюдство, раболепие. Они купаются в подобных вещах.

Она знала, что это понимание в равной мере происходило как от Ясновидения ее дорогого Шоеля, так и от советчиков с Лампадас.

— Ты аккумулируешь множество мелких наблюдений, воспринятых чувствами, но никогда не вышедших на поверхность сознания, — говорил Шоель. — Слитые в единое целое они способны сказать тебе многое, но не языком, не тем, на котором между собой говорят люди. В языке нет необходимости.

Ей подумалось тогда, что это одна из самых странных вещей, какие она когда-либо слышала. Но это было до ее собственной Агонии. Ночью в постели, защищенные и умиротворенные ночной темнотой и прикосновением любящей плоти, они действовали без слов, но и, делили слова.

— Язык заслоняет от тебя мир, — продолжает Шоель. — Что нужно, так это научиться читать свои собственные реакции. Иногда удается найти слова, чтобы описать их... иногда... нет.

— Никаких слов? Даже, чтобы задать вопрос?

— Так ты хочешь слов? Каких? Доверие. Вера. Правда. Честность.

— Это добрые слова, Шоель.

— Они не попадают в цель. Не впадай в зависимость от них.

— А на что полагаешься ты?

— На мои собственные внутренние реакции. Я читаю самого себя, а не людей, что стоят передо мной. Я всегда узнаю ложь, потому что к лжецу мне хочется повернуться спиной.

— Так вот как ты это делаешь! — она стучит кулаком по мускулистой руке.

— Другие делают это иначе. Я слышала, как одна женщина говорила, что она распознает ложь, потому что ей хочется взять лжеца за руку и пройти несколько миль, успокаивая его. Можно считать это чушью, но это срабатывает.

— Я думаю, это очень мудро, Шоель.

В ней говорит любовь, она не очень-то понимает о чем он говорит.

— Драгоценная любовь моя, — он укачивает ее как ребенка, -Ясновидящие обладают Даром, который, раз проснувшись, работает всегда. Прошу, не говори мне, что я мудр, когда в тебе говорит только любовь.

— Прости, Шоель. Но мне хочется знать все, что знаешь ты.

Он чуть сдвинул ее голову, так чтобы ей было удобнее.

— Знаешь, что говорил мой инструктор третьей степени? «Не знай ничего! Научись быть абсолютно наивным!?

— Совсем ничего? — она потрясена.

— Ты подходишь ко всему как с пустой, чистой грифельной доской, на тебя не влияет ничто, в тебе ничего нет. Что не будет написано на этой доске, напишешь ты это сам.

Она начинает понимать: — Ничто не вмешивается. — Точно. Ты — как изначальный невежественный язычник, совершенно безыскусственный, вплоть до того, что впадает в конечную искушенность. Можно сказать, ты находишь ее, не ища.

— А вот это мудро, Шоель. Спорим, ты был лучшим учеником, какой у них когда-либо был, самым быстрым и...

— Я считал все это невероятной чушью.

— Неправда!

— Пока однажды я не почувствовал, как во мне что-то всколыхнулось. Это было не движение мускулов или что-то, что мог бы обнаружить кто-то иной. Просто сжатие.

— Где?

— Я не смог бы описать. Но мой инструктор четвертой ступени подготовил меня к этому. «Касайся этого существа нежно. Осторожно». Один из учеников решил, что инструктор имеет в виду реальные руки. Как же мы хотели.

— Это было жестоко.

Она коснулась его щеки и почувствовала, как она уже начинает покрываться жесткой щетиной. Было поздно, но ей не хотелось спать.

— Пожалуй, жестоко. Но когда это что-то пришло, я узнал его. Ничего подобного я не чувствовал раньше. Да и к тому же я был удивлен. Понимаешь, узнав его, я понял, что это было во мне всегда. Оно было таким знакомым. Это во мне всколыхнулось Ясновидение.

Ей показалось, она может ощутить, как Ясновидение шевелится внутри нее самой. Ощущение чуда в его голосе пробудило в ней что-то.

— Тогда это было моим, — сказал он. — Это принадлежало мне и я принадлежал этому.

— Как это должно быть чудесно, — в ее голосе благоговение и зависть. — Нет! Часть этого я ненавижу. Видя некоторых людей таким образом, как бы видишь их выпотрошеными, с висящими

наружу внутренностями.

— Отвратительно!

— Да, но всегда есть и награда, любимая. Иногда ты встречаешь других людей, людей, которые как прекрасные цветы, протянутые тебе невинным ребенком. Невинность. Ей отвечает невинность во мне самом, и во мне крепнет мой дар. Вот что ты делаешь для меня, любовь моя.

Не-корабль Чтимых Матре прибыл на Гамму, и они высадили ее возле кучи отбросов с корабля, но ей в сущности было все равно. Дома! Я дома, и Лампадас выжил вместе со мной.

Рабби, однако, не разделял ее энтузиазма.

И вновь они сидели в его кабинете, но теперь она чувствовала Иную Память внутри себя, как более знакомую, почти родную, чувствовала большую уверенность в ней. И ему это было видно.

— Ты более чем когда либо похожа на них! Это нечисто.

— Рабби, предки каждого из нас нечисты. Мне повезло, что я знаю некоторых из своих.

— Что это? Что ты такое говоришь?

— Мы все — потомки людей, которые творили страшные вещи, рабби. Мы не любим думать о варварах среди наших предков, но тем не менее они есть.

— Что за слова!

— Преподобные Матери способны вспомнить их всех, рабби. Вспомни историю, выживают победители, завоеватели. Понимаешь?

— Я никогда не слышал, чтобы ты говорила столь резко. Что случилось с тобой, дочь моя?

— Я выжила, зная, что победа иногда достигается сделкой с моралью.

— Да что с тобой? Это — злые слова.

— Злые? Варварство — еще слишком мягкое слово, для всего того зла, что творили наши предки. Предки всех нас, рабби.

Она видела, что причинила ему боль, чувствовала жестокость собственных слов, но не могла остановиться. Как может он бежать от правды в том, что она говорит? Он же человек чести.

— Рабби, — говорила она теперь мягче, «но тем глубже ранили его ее слова, — если бы ты стал свидетелем, хотя бы части того, что вынудили меня узнать Иные Воспоминания, ты бы вернулся назад, ища новых слов для обозначения зла. Некоторые деяния наших предшественников испоганят любой ярлык, какой ты сможешь себе представить.»

— Ребекка... Ребекка... Я знаю необходимость...

— Не отговаривайтесь «необходимостью времени»!

Вы, как рабби, способны на большее. Значит, в нас нет голоса совести? Есть, просто иногда мы не слушаем его.

Он закрыл лицо руками, взад и вперед раскачиваясь в старом кресле. Кресло скрипело похоронной жалобой.

— Рабби, вас я всегда уважала и любила. Для вас я прошла через Агонию. Я разделила Лампадас для вас. Не отворачивайтесь от того, что я узнала из этого.

— Я не отворачиваюсь, — он убрал руки от лица, — не отрицаю ничего, дочь моя. Но позволь мне мою боль.

— Плевать на все эти рациональные рассуждения, то, с чем мне незамедлительно нужно справиться, — это то, что нет в мире невиновных.

— Ребекка!

— Виновный, может, и не правильное слово, рабби, но наши предки совершили поступки, за которые надо заплатить.

— Это я понимаю, Ребекка. Это баланс, который...

— Не говорите мне, что вы что-то понимаете, когда я знаю, что это не так, — она вскочила с кресла и смотрела теперь на него сверху вниз. — Это не книга бухгалтерских балансов, которые надо свести. Как далеко в прошлое вы готовы зайти?

— Ребекка, я твой рабби. Ты не должна говорить таким образом, особенно со мной.

— Чем дальше ты уходишь вспять, рабби, тем ужаснее жестокость, тем выше цена. Ты не способен уйти так далеко, но я вынуждена.

Повернувшись, она вышла из кабинета, оставив без внимания его полный мольбы голос, боль, с которой он произносил ее имя. Закрывая дверь, она услышала, как он проговорил:

— Что мы наделали? Израэль, помоги ей.

Глава 10

Написание истории — процесс, слишком напоминающий отвлекающий маневр. Большинство исторических отчетов отвлекают внимание от движения скрытых сил и их тайных влияний, скрывающихся за великими событиями.

Баша Тэг

Предоставленный самому себе, Айдахо часто отправлялся исследовать свою тюрьму на не-корабле. Так много, что еще нужно увидеть и узнать об этом иксшанском артефакте.

Он бросил мерить шагами рабочую комнату, остановился взглянуть на ком-камеры, встроенные в блестящую поверхность двери. Они за ним следят. У него возникло некое странное ощущение — будто он смотрит на самого себя сквозь эти шпионяющие за каждым движением узника глазки. Что думают, глядя на него. Сестры? Коренастый мальчишка-хола из давным-давно мертвой Обители на Гамму превратился в долговязого юношу, потом в высокого мужчину: смуглая кожа, темные волосы. Волосы были теперь длиннее, чем тогда, когда он вошел на не-корабль в последний день Дюны.

Глаза Бене Джессерит проникали под кожу. Айдахо был уверен, они подозревают, что он Ментат, и боялся того, как они могут это интерпретировать. Как можно ожидать, что Ментату удастся бесконечно прятать этот факт от Преподобных Матерей? Глупость! Айдахо знал, что они и так уже подозревают его в Ясновидении.

— Мне скучно, — бросил он, помахав глазкам комкамер. — Я думаю побродить по кораблю.

Беллонда выходила из себя, когда он позволял себе подобные шутливые выходки по отношению к надзору. Еще более она не любила, когда он лазил по кораблю, и не пыталась это от него скрывать. При каждой их встрече он без труда читал в ее глазах все тот же невысказанный вопрос: «Ищет способ бежать с корабля??

Именно это я и делаю, Белл, но не тем способом, что ты подозреваешь. Не-корабль ограничивал его возможности. Препон, запретных мест здесь было немало: внешнее силовое поле, за которое он не в силах был проникнуть, определенные машинные помещения, где двигатель (как ему сказали) временно выведен из строя, помещения охраны (в некоторые из них он мог заглянуть, но не войти), арсенал, секция, предоставленная пленному Тлейлаксу, Скитеилу. Иногда у одного из барьеров он встречал Скитеила, и они всматривались друг в друга сквозь глушащие звуки, разделяющие их поле. Оставался еще и информационный барьер — некоторые секции базы данных корабля отказывались отвечать на его вопросы, храня в себе ответы, которые его стражи не собирались давать.

В этих пределах лежал целый мир — рассматривай, изучай, коль хочешь, тысячи и тысячи увлекательных предметов — хватит на целую жизнь, даже на жизнь в три сотни стандартных лет, какой у него были все основания ожидать.

Если нас не найдут Читимые Матре.

Айдахо понимал, что с их точки зрения, он — крупная добыча, которой они так жаждут, которая нужна им даже больше, чем женщины в Доме Ордена. Иллюзий относительно того, что сделают с ним эти охотницы, у него было. Они знали, что он здесь. Мужчины, которых он тренировал на вовлечение в сексуальную зависимость и посыпал терзать Читимых Матре — эти мужчины насмехались над охотницами.

Узнав о его способностях Ментата, Сестры тут же поймут, что его память таит в себе больше воспоминаний, чем может относиться к одной жизни холы. У оригинала не было этого таланта. Они станут подозревать, что он латентный Квизац Хадерах. Только взгляните, как тщательно они отмеривают ему меланж. Ясно, их приводит в ужас возможность повторения ошибки, какую они допустили с Полом Атридесом и его сыном Тираном. Тридцать пять лет служения!

Но общение с Мурбеллой требовало сознания Ментата. Вступая с ней в перепалку или даже просто разговор, он не ожидал получить ответа ни в данный момент, ни впоследствии. Типичный для Ментата подход: концентрироваться на вопросах. Ментаты аккумулировали вопросы так же, как прочие набирали ответы. Именно вопросы создавали их собственный уклад и видение мира. А это в свою очередь давало наиважнейшие очертания. Смотреть на Вселенную сквозь тобой самим созданную призму, где все составляется из образов, слов и ярлыков (и все это временно). В этой призме все слито в сенсорные импульсы, что отражают конструкции твоего собственного разума, как пучком лучей отражается от гладкой поверхности свет.

— Следи за постоянным движением на своих внутренних экранах, — так его впервые когда-то предупредил самый первый инструктор-Ментат Дункана, когда он рассказывал о собственных

ощущениях.

С момента первого неуверенного погружения в силы Ментата Айдахо способен был отследить в своих собственных наблюдениях рост восприимчивости к переменам. Еще одна мудрость инструктора: «Ментатом ты всегда становишься».

Как бы то ни было самым суровым для него испытанием каждый раз были встречи с Беллондой. Он страшился ее пронзительного взгляда и хлестких вопросов. Ментат вгрызается в Ментата. Ее нападкам он противопоставлял осторожность, тонкую изворотливость и терпение. Ну, а теперь чего тебе нужно?

Как будто он не знает.

Терпение он носил, как маску. Но страх поднимался в нем совершенно естественно, и нет вреда в том, чтобы иногда и выказать его. Беллонда не собиралась скрывать, что желает его смерти.

Айдахо, как данность, принял тот факт, что вскоре наблюдатели увидят единственный возможный источник умений, которые они же его и вынуждают использовать.

Суть умений Ментата лежала в способности создавать конструкции, которые Бене Джессерит называли «великим синтезом». Это требовало терпения, какого даже и не представить себе не-Ментатам. Школы Ментатов определяли это как настойчивость. От ученика требовалось как примитивному следопыту, способному читать сокращение мускулов, мельчайшие отклонения в окружающем мире и отслеживать, куда они ведут. В то же самое время необходимо было оставаться открытым всему спектру до-мыслей внутри и вокруг себя. Это создавало наивность, базовое состояние Ментата, сходное с тем, чего добиваются Ясновидящие, но охватывающее все существо.

— Ты открыт всему, чтобы не выкинула Вселенная, — говорил его первый инструктор. — Твой разум — не компьютер, это чувствительный инструмент, настроенный на то, что показывают твои чувства.

Айдахо всегда был в состоянии распознать, когда чувства Беллонды открыты. Она стояла посреди комнаты, взгляд как будто обращен внутрь нее самой, и он почти чувствовал, как в ее разуме громоздятся пре-концепции. Его метод защиты основывался на основном ее недостатке: открыть свои чувства предполагало наличие идеализма, Беллонде совершенно чуждого. Она не задавала наилучших в данной ситуации вопросов, что не раз удивляло Айдахо. Стала бы Одрейд использовать неполноценного Ментата? Это шло вразрез со всем, что она делала до сих пор.

Я ищу вопросов, которые сложатся в наилучшие образы.

Делая это, ты никогда не мнишь себя умным, не считаешь, что обладаешь единственной формулой, которая предоставила бы конечное решение. Ты пребываешь так же восприимчив к новым вопросам, как и к новому узору, новому повороту призмы. Тестирование, еще тестирование, конструкция, еще конструкция. Постоянный процесс, ни одной остановки, никакого удовлетворения. Это твоя собственная, личная павайна, сходная с тем, что переживают другие Ментаты, но всегда движение и его шаги остаются уникально твоими.

«Никогда ты не являешься настоящим Ментатом. Вот почему мы называем это „Бесконечной Целью“ — слова учителей жгли ему мозг. В процессе аккумуляции своих наблюдений над Беллондой он научился восхищаться проницательностью тех великих Мастеров Ментатов, кто когда-то учил его: „Едва ли из Преподобных Матерей получатся лучшие Ментаты“. Похоже, ни одна из Дочерей Джессера не была способна совершенно избавить свое эго от того связывающего абсолюта, какого она достигала в Агонии Спайса: лояльности Общине Сестер.

Его учителя предупреждали против абсолютов. Последние создавали в сознании Ментата серьезные недостатки.

— Все, что ты делаешь, вес, что ты чувствуешь или говоришь, эксперимент. Никакой окончательной дедукции. Ничто не останавливается, пока не умерло, и, возможно, не застывает и тогда, поскольку каждая жизнь создает как бы бесконечные круги по воде. Индукция внезапно разворачивается внутри тебя, и ты настраиваешься на нее. Дедукция заманивает тебя иллюзиями абсолюта. Пни правду и рассей ее!?

Когда вопросы Беллонды касались его взаимоотношений с Мурбеллой, он считывал смутные эмоциональные реакции. Веселье? Ревность? Он вполне мог принять снисходительную улыбку (и даже ревность) над всепоглощающими требованиями плоти этой взаимной сексуальной зависимости. Экстаз и вправду так велик?

Этим вечером Айдахо бродил по своим комнатам на корабле, чувствуя себя в них не на месте, как будто все ему здесь вновь и эти комнаты еще не воспринимаются как дом. Это во мне говорят эмоции.

За годы заточения эти апартаменты приобрели вполне обжитой вид. Здесь — его нора (когда-то бывшее помещение для супергрузов): просторные комнаты с закругляющимися кверху стенами — спальня, гостиная, библиотека, выложенная зеленой плиткой ванная с водяной и сухой системами очистки, длинный тренировочный зал, который он делил с Мурбеллой во время занятий. Комнаты заполняла уникальная коллекция артефактов и повсюду следы его присутствия: вот это кресло-шезлонг поставлено точно под удобным углом к консоли и проектору, которые связывают его с Системами Корабля, вон отчеты на ридулийских кристаллах на низком столике. И вот здесь — эта темно-коричневая отметина на рабочем столе. Пролитый соус оставил на древе свой несмываемый отпечаток.

Не находя себе покоя, он вновь зашагал по комнатам.

Свет стал слабее. Его способность определять то, что ему знакомо, срабатывала и в случае запахов. Похожий на слону запах на кровати остаточный от сексуальных коллизий вчерашней ночи.

Вот подходящее слово: коллизии.

Воздух не-корабля — отфильтрованный, восстановленный и подслащенный давно наскучил. Ни одна щель во всем переплетении переходов не-корабля, которая бы вела во внешний мир, никогда не оставалась открытой надолго. Иногда он сидел, молча принюючиваясь в надежде на слабый след воздуха, который не был бы приспособлен к нуждам узника.

Вот он путь на волю!

Он вышел из своих комнат и отправился вниз по коридору, а потом спустился на лифте, чтобы попасть на нижний уровень корабля.

Что на самом деле происходит в том мире под открытым небом?

Крохи информации о происходящих событиях, какими кормила его Одрейд, наполняли его ужасом и ощущением того, что он попался в ловушку. Бежать некуда! Разумно ли было разделить свои страхи с Шианой? Мурбелла просто посмеялась. «Я защищу тебя, любовь моя. Чтимые Матре меня не тронут». Еще одна ложная мечта.

Но Шиана... как быстро она научилась языку движений рук, как быстро впитала в себя дух конспирации. Конспирации? Нет... Сомнительно, что какая-нибудь Преподобная Мать пойдет против своих Сестер. Даже Леди Джессика в конце концов вернулась к ним. Но я не прошу Шиану действовать против Общины, прошу только защитить нас от безрассудства Мурбеллы. Невероятная мощь охотниц позволяла предсказать лишь разрушение.

Ментату достаточно было взглянуть на насилие и разрушение, которое они несли с собой. Они привносили и нечто иное, что-то, что намекало на положение дел в Рассеивании. Что такое футары, которых как бы невзначай упомянула Одрейд? Отчасти люди, отчасти звери? Это была догадка Луциллы. И где все-таки сама Луцилла?

Оказалось, он стоит посреди Большого Зала, грузового трюма в километр длиной, где Бене Джессерит перевезли последнего гигантского червя с Дюны. Зал до сих пор хранил запах спайса и песка, запах, который наполнял его воспоминаниями о давно прошедшем и давно умерших. Он прекрасно знал, почему так часто приходит в Большой Зал, иногда даже не сознавая куда идет, как сделал это только что. Это одновременно и привлекало, и возмущало. Иллюзия неограниченного пространства со следами пыли, песка и спайса навевала ностальгию по утраченной свободе. Но была и другая сторона. Именно здесь это с ним всегда и случалось.

Произойдет это сегодня?

Безо всякого предупреждения ощущение того, что он находится в Большом Зале, исчезнет. Затем... сеть, сверкающая в плавающем от жара небе. Он сознавал, что это его посещает видение, на самом деле он эту сеть не видел. Просто разум переводил в доступное то, что не могли определить его чувства.

Сверкающая сеть, перекатывающаяся волнами как бесконечное северное сияние.

Потом сеть расступится, и он увидит двоих — мужчину и женщину. Какими обычными они кажутся и какими необычными вместе с тем. Бабушка и дедушка в древнем платье: комбинезон на лямках на мужчине и длинное платье и повязанный на голове шарф на женщине. Работают в полном цветов саду! Ему казалось, что это должно быть чем-то большим, чем просто иллюзия. Я это вижу, но на самом деле они нечто иное, чем видится мне.

Через какое-то время они всегда замечали его. До него донесутся голоса.

— Он снова здесь, Марти, — говорил тогда мужчина, предлагая женщине обернуться на Айдахо.

— Интересно, как ему удается заглянуть сюда? — спросила однажды Марти. — Кажется, это невозможно.

— Похоже, он истончается, пытаясь проникнуть повсюду. А знает ли он опасность этого.

Опасность. Это слово всегда вырывало его из видения.

— Не за консолью сегодня?

Какое-то мгновение Айдахо думал, что это голос из видения, голос той странной женщины, а потом сообразил, что это произнесла Одрейд. Ее вопрос прозвучал прямо у него за спиной. Круто обернувшись, он увидел, что забыл заложить затвор. Она прошла за ним в Зал, подкравшись к нему сзади, избегая озерков песка, которые могли бы заскрипеть под ногами и тем самым выдать ее приближение.

Выглядела она усталой и нетерпеливой. Почему она думала, что я буду подле консоли?

— Я в последнее время так часто застаю тебя там, — сказала она, словно отвечая на его невысказанный вопрос. — Что ты ищешь, Дункан?

Не говоря ни слова, он потряс головой. Почему я вдруг почувствовал, что попал в беду?

В обществе Одрейд такое случалось редко. Хотя впрочем он мог припомнить подробные ситуации. Однажды она с подозрением уставилась на его руки на поле консоли. Страх, связанный с моей консолью. Меня выдал информационный голод Ментата? Она гадает, не спрятал ли я там свое тайное я?

— Мне никогда не дадут побывать в одиночестве? — гнев и контр-нападение.

Она медленно из стороны в сторону качнула головой, как бы говоря: «Мог бы придумать что-нибудь получше».

— Это уже второй ваш визит сегодня, — обвинил он.

— Должна сказать, ты неплохо выглядишь, Дункан, — снова уклоняется от прямого ответа.

— Это говорят ваши надзиратели?

— Не будь мелочным. Я пришла поболтать с Мурбеллой. Она сказала, что ты здесь внизу.

— Я думаю, вы знаете, что Мурбелла снова беременна.

Не попытаться ли умиротворить ее?

— За что мы благодарны. Я пришла сказать, что Шиана вновь хочет тебя посетить.

К чему Одрейд объявлять об этом?

Ее заставили вспомнить эльфа с Дюны, который превратился в Преподобную Мать (как они говорят, самую молодую за всю историю). Шиана, его доверенная собеседница, где-то там в пустыне, наблюдает за последним великим песчаным червем. Он наконец возрожден навсегда? С чего Одрейд интересоваться визитом Шианы?

— Шиана хочет поговорить с тобой о Тиране.

Одрейд ясно было видно, насколько эти слова удивили Айдахо.

— Что я могу добавить к тому, что Шиана уже знает о Лито II? потребовал он ответа. — Она — Преподобная Мать.

— Ты коротко знал Атридесов. Ага, она снова охотится за Ментатом.

— Но вы говорили, она хочет обсудить Лито, небезопасно думать о нем как об Атридесе.

— Но он же был им, растворившийся в нечто более изначальное, чем кто-либо до него, но тем не менее он был одним из нас.

Одним из нас. Так она напоминает, что и она тоже из Дома Атридес. Обращается к его нескончаемому долгу этой семьи!

— Так вы говорите.

— Не прекратить ли нам играть в эти глупые игры?

Привычная осторожность сжала его, как железный кулак. Он знал, ей это заметно. Преподобные Матери чертовски чувствительны. Айдахо смотрел ей в лицо, не осмеливаясь говорить, но зная, что даже такое молчание говорит слишком о многом.

— Мы полагаем, что ты помнишь больше, чем выпадает на долю простому голе за его одну жизнь, — начала Одрейд и, когда Дункан ничего не ответил, продолжила: — Признайся, Дункан! Ты Ментат?

По тому, как были сказаны эти слова, в которых было столько же вопроса, сколько и обвинения, он понял, его маскировке пришел конец. Мысль эта принесла почти облегчение.

— Что если так?

— Выращивая тебя, Тлейлаксу смешали клетки больше чем одной голы Айдахо.

Гола Айдахо. Он отказывался думать о себе настолько абстрактно. — Почему Лего стал внезапно для вас так важен? — такая реакция неизбежно воспримется как признание.

— Наш червь превратился в песчаную форель.

— Они растут и размножаются?

— Судя по всему, да.

— Если вы не заключите их в контейнеры или не уничтожите их. Дом Ордена вскоре превратится во вторую Дюну.

— Ты вычислил это, не правда ли?

— Лито и я, вместе.

— Так ты помнишь много жизней. Увлекательно. В чем-то это делает тебя похожим на нас.

Какая непоколебимость в ее взгляде!

— Думаю, совершенно другим. Во что бы то ни стало нужно сбить ее со следа!

— К тебе вернулись воспоминания во время первой встречи с Мурбеллой? Кто додумался до этого? Луцилла? Она была там, могла догадаться, а потом поделиться своими подозрениями с Сестрами. Нет выхода, ему придется поднять смертельно страшный вопрос:

— Я — не второй Квизац Хадерах!

— Нет?

Рассматривает его как объект, причем позволяя этому отразиться на ее лице. Жестокость, подумалось Айдахо.

— Вы же знаете, что это не так! — он боролся за жизнь и знал это. Сражался не столько с Одрейд, сколько с теми, кто следит, а потом пересматривает отчеты ком-камер.

— Расскажи мне о твоих воспоминаниях.

Никуда не денешься — это уже приказ Великой Матери.

— Я знаю... те жизни. Это, как одна непрерывная жизнь.

— Накопленной тобой могло бы быть очень ценным для нас, Дункан. Ты помнишь и акслотль-автоклавы?

Ее вопрос превратил его разум в подобие зонда, заставил появиться странные образы Тлейлаксу — гигантские курганы человеческой плоти расплываются перед еще несфокусированными глазами новорожденного, расплывчатые изображения, полуиспоминания о том, как его вытолкнуло из каналов рождения. Как это соотносится с автоклавами?

— Скитеил предоставил нам информацию, с помощью которой мы создали собственную акслотль-систему, — сказала Одрейд.

Систему? Интересное слово.

— Это означает, что вы также можете дублировать их производство спайса?

— Скитеил хочет выторговать большее, нежели мы собираемся дать. Но раньше или позже придет время и спайса.

Вслушиваясь в то, как твердо прозвучал ответ, Одрейд задумалась, не уловил ли Айдахо ее неуверенности. У нас может не остаться для этого времени.

— В трудное вы попали положение, с Сестрами, которых отправляете в Рассеивание, — бросил он, давая ей почувствовать, что значит иметь дело с Ментатом. — Для их снаряжения вы истощаете свои запасы спайса, а они не бесконечны.

— У них с собой наши знания об акслотле и песчаная форель. Возможность возникновения бесчисленных Дюн в бесконечной Вселенной шокировала.

— Они решат проблему запасов меланжа путем автоклавов или червя или обоих разом, — ответила Одрейд. Это она могла говорить совершенно искренне. Уверенность эта происходила из статистических ожиданий. Какая-нибудь из этих Рассеянных групп Преподобных Матерей этого добьется. — Автоклавы, — откликнулся Айдахо. — У меня бывают странные... сны, он едва не сказал мысли.

— Как тебе и положено, — кратко она рассказала ему, как в работу акслотль-системы подключается женская плоть.

— И для изготовления спайса тоже?

— Думаем, да.

— Отвратительно!

— Как это по-детски, — насмешливо бросила Одрейд.

В такие минуты она была ему крайне неприятна. Однажды он упрекнул ее в том, как Преподобные Матери устраниются от «общего потока человеческих эмоций», и в ответ получил ту же самую фразу.

По-детски!

— От чего, вероятно, нет лекарства, — откликнулся он. — Постыдный недостаток моего характера.

— Так ты собираешься спорить со мной о морали?

В этом ответе, как ему показалось, прозвучал гнев. — Не собираюсь спорить даже об этике. Мы живем по разным правилам.

— Правила зачастую используют как предлог, чтобы игнорировать сочувствие.

— Так я слышу слабое эхо совести в Преподобной Матери?

— Прискорбно. Мои Сестры приговорили бы меня к изгнанию, узнай они, что мной руководит совесть.

— «Вас можно прозондировать, едва ли вами можно руководить.

— Прекрасно, Данкан! Как открытый Ментат, ты нравишься мне гораздо больше.

— Вот этому-то я и не доверяю.

— Как это похоже на Белл! — громко рассмеялась она.

Айдахо тупо уставился на нее, внезапный смех Великой Матери натолкнул его на догадку о том, как спастись от своих тюремщиков, избежать постоянных манипуляций Дочерей Джессера и начать жить собственной жизнью. Путь на свободу заключался не в механизмах, а в недостатках самой Общины Сестер. Абсолюты, которыми они, по их мнению, окружили и держат его они-то и есть путь на волю.

И Шиана это знает! Вот какова приманка, которой она помахивает перед моим носом.

Заметив, что Айдахо не проронил ни слова, Одрейд повторила просьбу:

— Расскажи о тех, других жизнях.

— Не правильно. Я воспринимаю их как непрерывную жизнь.

— И никаких смертей?

Его сознание беззвучно складывало образы, превращало их в слова. Серии воспоминаний, где смерти несут с собой столько же информации, сколько и жизни. Столько раз убит самим Лито!

- Смерти не прерывают моих воспоминаний.
- Странный вид бессмертия, — сказала Одрейд. — Ты ведь знаешь, что Мастера Тлейлаксу воссоздают себя? Но ты, чего они надеялись достичь, смешивая различные голы в одной плоти?
- Спросите Скитейла.
- Белл была уверена, что ты Ментат. Она будет так рада.
- Сомневаюсь.
- Я позабочусь о том, чтобы она была рада. О! У меня столько вопросов, что я даже не знаю, с чего начать.

Несколько минут, взявшись левой рукой за подбородок, она изучала его молча.

Вопросы? Через разум Айдахо хлынул поток потребностей Ментата. Он предоставил вопросам, которые столько раз задавал себе самому, двигаться самим по себе, складываясь в определенный порядок. Чего добивались во мне Тлейлаксу? Они не могли в эту инкарнацию вложить клетки из всех предыдущих его гола. И все же... у него есть все воспоминания. Какое космическое сцепление аккумулировало все эти жизни в одном существе? Может, в этом ключ к видениям, осаждающим его в Большом Зале. В его мозгу складывались полувлечения: его тело в теплой жидкости, питаемой подведенными трубками, массажируемое машинами, зондируемое, допрашиваемое наблюдателями Тлейлаксу. Он слышал ответное бормотание равно доминантных эго. В словах не было никакого смысла. Как будто бы он вслушивался в слова неизвестного языка, слетающие с его губ, хотя и знал, что это обыкновенная галака. Размах того, что он угадывал за действиями Тлейлаксу, наводил на него благоговейный ужас. Они изучали космос, коснувшись которого, за исключением Бене Джессерит, не решался более никто. То, что Бене Тлейлаксу делали это исключительно из эгоистических соображений, ничем не умаляло их труда. Бесконечные возрождения Мастеров Тлейлаксу — награда, стоящая подобной дерзости.

Чего стоят одни только их слуги, эти Танцующие Лица, созданные, чтобы копировать любую жизнь, любой разум. Размах мечты Тлейлаксу внушал такое же благоговение, как и достижения Бене Джессерит.

- Скитейл признается, что помнит времена Муаддиба, — сказала Одрейд.
- Когда-нибудь вы сравните данные.
- Этот вид бессмертия еще одна ставка в сделке, — предостерег Айдахо. — Мог бы он продать это Читимым Матре?
- Может. Идем. Давай вернемся к тебе.

В его рабочей комнате она знаком предложила ему устроиться в кресле у консоли, что заставило его вновь задуматься, не охотится ли она все еще за его секретами. Нагнувшись через его плечо, она пробежала пальцами по клавишам контроля. Проектор над головой высветил изображение пустыни с перекатывающимися до горизонта дюнами.

- Дом Ордена? Широкая полоса вдоль нашего экватора.
- Вы говорили, песчаная форель, — его охватило возбуждение. — Но появились ли уже новые черви?
- Шиана ожидание их со дня на день.
- Однако в качестве катализатора им требуется значительный объем спайса.
- Мы насобирали достаточно меланжа. Ведь это Лито рассказывал тебе о катализаторе, так? Что еще ты о нем помнишь?
- Он столько раз меня убивал, что вспоминать о нем просто больно.

У нее были отчеты Дар-эс-Балата с Дюны, которые подтверждали его слова.

- Убивал тебя собственными руками, я знаю. А было когда-нибудь так, что, использовав до конца, он просто выбрасывал тебя?
- Иногда я отвечал ожиданиям, и мне дозволялась естественная смерть. — Его Золотая Тропа стоила того?
- Мы не понимаем не его Золотой Тропы, ни ферментации, что ее создали. Вот так и говорю я.

— Интересный выбор слов. Ментат говорит об зонах Тирана как о ферментации.

— Это вылилось в Рассеивание.

— Под воздействием Голодных Времен.

— Вы думаете, он не предвидел голода?

Одрейд промолчала, подавленная его видением Ментата. Золотая Тропа: человечество, выливающееся во Вселенную... чтобы забыть о заточении на какой бы то ни было отдельной планете и подвластности какой бы то ни было единой судьбе. Нет необходимости рисковать всем.

— Лито думал о человечестве как об едином организме, — прервал молчание Айдахо.

— Да, но он возложил на нас свою мечту против нашей воли.

— Вы, Атридесы, всегда так и поступали.

Вы Атридесы!

— Так значит ты оплатил свой долг нам?

— Я этого не сказал.

— Ты понимаешь, Ментат, перед какой я в настоящий момент оказалась дилеммой?

— Сколько времени уже трудятся форели?

— Более семи стандартных лет.

— Как быстро растет наша пустыня?

Наша пустыня! Жестом Одрейд указала на проекцию:

— Она в три раза больше, чем была до появления песчаных форелей.

— Так быстро!

— Шиана ожидает на днях увидеть маленьких червей.

— Они обычно не появляются на поверхности, пока не достигнут приблизительно двух метров. — Так она и говорит.

— И каждый с жемчужиной сознания Лито в своем «бесконечном сне», раздумчиво сказал Айдахо.

— Так говорил он сам, а он никогда не лгал в таких вещах.

— Его ложь была более тонкой. Как и ложь Преподобных Матерей.

— Ты обвиняешь нас во лжи?

— Почему Шиана хочет увидеться со мной?

— Ментаты! Вы думаете, ваши вопросы есть ответы сами по себе, — Одрейд с притворным раздражением покачала головой. — Ей необходимо узнать как можно больше о Тиране, как фокусе религиозного обожания.

— Боги подземные! Зачем?

— Культ Шианы широко распространен. Его последователи есть теперь по всей Старой Империи и за ее пределом, его принесли с собой выжившие жрецы с Ракиса.

— С Дюны, — поправил ее Айдахо. — Не думай о ней как об Арракисе или Ракисе. Это замутняет ваше сознание.

Одрейд приняла его поправку. Теперь он был полным Ментатом, и она подготовилась к терпению.

— Шиана говорила с песчаными червями на Дюне, — продолжал Айдахо после некоторой Паузы. — Они ей отвечали, — он встретил ее полный вопроса взгляд. — Возвращаетесь к старым трюкам с Миссионарием Протектива, да?

— В Рассеивании Тиран известен как Дар или Галдар, — ответила Одрейд, подкармливая его чистоту сознания Ментата.

- У вас для нее опасное назначение. Она знает?
 - Она знает, а ты мог бы уменьшить опасность для нее.
 - Тогда откройте для меня доступ к системам данных.
 - Никаких ограничений? — уж она-то знает, что на это скажет Белл!
- Айдахо кивнул в ответ, не позволяя себе надеяться на то, что она может согласиться. Подозревает ли она, как отчаянно мне это нужно? Это было болью, в которой он хранил знание о том, как можно бежать. Беспрепятственный доступ к информации! Она подумает, что мне нужна иллюзия свободы.
- Ты будешь моим Ментатом, Дункан?
 - А у меня есть другой выбор?
 - Я буду говорить о твоей просьбе на Совете и передам тебе наш ответ. Открывается дверь на волю?
 - Мне нужно думать так, как Чтимая Матре, — сказал Айдахо, споря ради глаз ком-камер и сторожевых псов, которые будут просматривать отчет о его просьбе.
 - Кому удастся это лучше, как не тому, кто живет с Мурбеллой? спросила Преподобная Мать.

Глава 11

Коррупция носит бесчисленное число личин.

Тлейлаксу Ту-дзен

Им не дано знать ни того, что я думаю, ни того, на что я способен, думал Скитеил. — Их Ясновидящие не в состоянии читать меня. Это, по крайней мере, он спас от катастрофы — искусство обмана, которому он выучился у своих совершенных Танцующих Лиц.

Скитеил мягко скользил по своим апартаментам на не-корабле, наблюдая, каталогизируя, соизмеряя. С каждым взглядом разум, натренированный во всем искать недостатки, взвешивал вещь, место или человека.

Каждый Мастер Тлейлаксу знал, что однажды Бог может подвергнуть его испытанию, чтобы измерить его преданность.

Прекрасно! Вот это настоящее дело. Бене Джессерит, заявляли, что разделяют его Великую Веру, но их клятвы ложь. Они нечисты. У него больше нет соратников, кто очистил бы его по возвращении из стана врага. Он заброшен во Вселенную, принадлежащую повинда, захвачен слугами Шайтана, гоним шлюхами из Рассеивания. Но ни один из злейших врагов не знает его возможностей. Никто не подозревает, что в самый последний момент на помочь ему придет Бог. Я очищаю себя. Бог!

Когда служанки Шайтана вырвали его из рук шлюх, обещая убежище и «поддержку», он знал, все это лживо.

Чем тяжелее испытание, тем крепче моя вера.

Лишь несколько минут назад сквозь сверкающий барьер он следил за тем, как Дункан Айдахо отправился на утреннюю прогулку по длинному коридору. Разделяющее их силовое поле не позволяло проникнуть сквозь него звуку, но Скитеил видел, как движутся губы Айдахо и читал проклятье. Проклинай меня сколько хочешь, гола, но мы сделали тебя, и мы все еще можем воспользоваться тобой.

Бог представил Святой Случай в планы, которые Тлейлаксу строил на счет голы, но замыслы Бога всегда огромны. Дело верных подстраиваться под божественные планы и не требовать, чтобы Бог следовал замыслам человеков. Скитеил взялся за свой труд, возобновляя святую клятву. Это делалось без слов древним ритуалом с «тори Бене Тлейлакс. „Для достижения сатори нет необходимости в понимании. Сатори существует без слов, даже без имени“.

Магия его Бога — его единственный мост, Скитеил как никогда глубоко чувствовал это. Самый молодой Мастер в высочайшем кехле, он с первых же минут своего посвящения знал, что будет избран для этого последнего испытания. Это знание подпитывало его силы, и каждый раз, смотрясь в зеркало, он видел в нем отражение этого знания. Бог создал меня, чтобы обмануть повинда!

Хрупкий детский скелетик обтягивала серая кожа, металлические пигменты которой блокировали сканирование. Его щуплая фигурка отвлекала тех, кто смотрел на него, и скрывала мощь, которую он накопил за долгую череду перевоплощений. Лишь Бене Джессерит несли в себе более древние воспоминания, но он знал: ими руководит зло.

Скитеил потер грудь, напоминая себе о том, что спрятано там так умело, что на этом месте не осталось ни следа шрама. Этот запас нес в себе каждый Мастер — капсула, сохраняющая зародыши клеток целого мира: Мастеров центрального кехла. Танцующих Лиц, технических профессионалов и других, которые, он знал, были бы очень привлекательны для этих женщин Шайтана... и слишком многих слабаков-повинда! Пол Атридес и его возлюбленная Ченни были здесь. (О, чего только стоило обыскать одежду умерших в надежде на случайные клетки!) Тут был и первый Дункан Айдахо вместе с другими прислужниками Атридесов — Ментатом Сафиrom Хаватом, Гарни Холлеком, наибом фрименов Стилгаром... достаточно потенциальных слуг и рабов, чтобы населить Вселенную Тлейлаксу.

Цена цен в этой капсуле. От мысли о тех, кого ему так не терпелось воплотить, у него перехватывало дыхание. Совершенные Танцующие лица! Гениальные мими. Абсолютно точные реплики личности жертвы. Способные обмануть даже ведьм-джессериток. Даже шере неспособна помешать им захватить разум ближнего.

Об этой капсуле он думал, как о своей предельной ставке в сделке с Бене Джессерит. Никто не должен знать о ней. Пока же он каталогизировал недостатки.

В защите не-корабля было достаточно брешей, чтобы их пересчитывание доставляло ему удовольствие. За череду своих жизней он коллекционировал навыки и умения, как другие Мастера

собирали приятные безделушки. Они всегда считали его слишком серьезным, но теперь у него нашлось и место, и время, которые оправдывали его усилия.

Изучение Бене Джессерит всегда привлекало его. За многие эоны он приобрел немалое знание их. То, что в его копилку иногда попадали мифы или ложная информация, ему было известно, но вера в промысел Бога убеждала, что накопленное послужит Великой Вере, вне зависимости от тягот Великого Испытания.

Один из разделов своего каталога Бене Джессерит он назвал «Типичное», от часто повторяемого замечания: «Это так типично для них!».

Типичное увлекало его.

Типичным для них было терпеть резкое, но неагрессивное поведение в других, чего они не принимали в самих себе. «Стандарты Бене Джессерит выше», — слышал он в последние годы и от своих.

— Мы обладаем даром видеть самих себя так, как нас видят другие, сказала как-то Одрейд.

Скитеил включил это в типичное, но ее слова не соответствовали Великой Вере. Только Бог видит окончательного себя! Похвальба Одрейд отдавала высокомерием.

— Они не говорят случайной лжи. Правда служит им лучше.

Скитеил нередко задумывался над этим. Сама Великая Мать цитировала это как одно из правил Бене Джессерит.

Оставался также факт, что ведьмы придерживались довольно циничной точки зрения на правду. Она осмеливалась заявлять, что это идет от дзен-сунитов. «Чья правда? Каким образом модифицированная? В каком контексте??

Вчерашним вечером они сидели в его апартаментах на не-корабле. Он попросил о «консультации по нашим взаимным проблемам» — его эфемизм для торговли. Они были одни, если не считать ком-камер, да иногда заглядывающих сестер-наблюдателей.

Его апартаменты были достаточно комфортабельны: три комнаты со стенами, выложенными зеленым плацом, на котором так отдыхал взгляд, мягкая постель, кресла, уменьшенные так, чтобы соответствовать его щуплому телу. Этот не-корабль был изготовлен на Икс, и Скитеил был уверен, что его тюремщики даже и не подозревают, сколь многое он знает об этом корабле. Столько же, сколько те, кто его построил. Кругом машины с Икс, но ни одного икшианца. Сомнительно, чтобы кто-нибудь из них вообще был в Доме Ордена. Ведьмы славились тем, что сами обслуживали свою технику.

Одрейд говорила и двигалась медленно, тщательно наблюдая за ним. «Они не импульсивны», это тоже одна из прописных истин о Бене Джессерит.

Она спросила, удобно ли ему, и казалась озабоченной его здоровьем.

Скитеил оглядел свою гостиную.

— Я не вижу ни одного икшианца.

— Вы из-за этого просили о консультации? — она недовольно поджала губы.

Конечно же, нет, ведьма! Я просто практикуюсь в искусстве отвлекать внимание. Вы ожидаете, что я стану упоминать о том, что хочу скрыть. К чему еще мне привлекать твоё внимание икшианцам, если я знаю, что маловероятно, что какие-нибудь опасные посторонние могут свободно разгуливать по этой проклятой планете? А столь превозносимые икшианские связи, которые мы, Тлейлаксу, поддерживали так долго. Ты об этом знаешь! Вы не раз так наказывали Икс, что это запомнится навсегда.

Технократы с Икс не раз подумают, прежде чем раздражать Бене Джессерит, подумалось ему, но они пойдут на все, чтобы не возбудить ярость Читых Матер. На существование тайной торговли указывало наличие здесь этого не-корабля, но цена его не могла не быть разорительной, а околичности при его покупке исключительными. Отвратительны эти шлюхи из Рассеивания. По его предположениям, этим шлюхам самим может понадобиться Икс. А Икс может втайне не повиноваться этим шлюхам, заключив соглашение с Бене Джессерит. Но места для маневра так мало, а шансы, что их предадут, так велики.

Эти мысли успокаивали его во время торговли. Одрейд, в переменчивом настроении сегодня несколько раз встревожила его долгими паузами молчания, во время которых она глядела на него

этим выводящим из себя взглядом Бене Джессерит.

Ставки в сделке были высоки — не менее, чем выживание одного из них, и все крутится вокруг все той же тонкой проблемы: потомки, контроль над человеческой Вселенной, утверждение собственных методов одной из сторон как доминирующего порядка.

Дай мне только небольшую прореху, которую я мог бы расширить, — думал Скитеил. — Дай мне собственных людей — я сделаю из них сверхактеров -Танцующие Лица. Дай мне слуг, которые будут слушаться только моих приказаний.

— Я прошу очень немного, — сказал он. — Я жажду личного комфорта, своих собственных слуг. Одрейд продолжала смотреть на него тем взвешивающим взглядом, каким Бене Джессерит, кажется, всегда проникают под маски и могут заглянуть в душу.

Но сквозь мои маски тебе не проникнуть.

Он видел, что она находит его отвратительным — понял по тому, как ее взгляд по очереди подолгу застывал на каждой из черт его лица. Ему был прекрасно известен ход ее мыслей. Фигурка эльфа с узким лицом и плутовскими глазами. По таким чахнут вдовы. Ее взгляд спустился ниже: тонкий рот с острыми зубами и выступающими клыками.

Скитеил знал, что представляет собой персонаж из наиболее опасных, тревожащих суеверий человечества. Одрейд спросит себя: Почему Бене Тлейлакс выбрали именно эту физическую внешность, если их контроль над генетикой мог бы дать им нечто более впечатляющее?

По той самой причине, что это выводит тебя из равновесия, ты повинна, грязь!

Ему тут же вспомнилось еще одно из раздела «Типичное»: «Бене Джессерит редко разбрасывают грязь».

Скитеил видел грязные последствия более чем одной акций Бене Гессерит. Посмотрите только, что стряслось с Дюной! Сожжена дотла, потому что вы, женщины Шайтана, выбрали эту святую землю, чтобы на ней бросить вызов шлюхам. Даже глашатаи нашего Пророка погибли, чтобы заплатить их цену. Все мертвые!

Он едва осмеливался, не то, что жаловаться, даже думать о том, что он потерял. Ни одна планета Тлейлаксу не избежала судьбы Дюны. А причиной всему Бене Джессерит! И ему приходится сносить их терпимость — беглец, поддержать которого может только Бог. Он спросил Одрейд о брошенной на Дюне грязи.

— Вы найдете ее, только тогда, когда мы оказываемся в экстремальных обстоятельствах.

— Именно поэтому вы навлекли на себя ненависть этих шлюх?

Это она отказалась обсуждать.

Один из поздних соратников Скитеила как-то сказал:

«Бене Джессерит не путает следов, за ними всегда тянется прямая колея. Можно считать, что они сложны, но если взглянуться поближе, все сглаживается».

Этот компаньон и все остальные, как скот, забиты шлюхами. Единственная возможность выжить ему самому пряталась до срока в нуль-энтропной капсуле. Вот и вся мудрость мертвого Мастера!

Одрейд требовались дополнительные технические данные об акслотль-автоклавах. О, как же ловко составлены ее вопросы!

Торговля ради выживания, и каждая кроха имеет невероятное значение. Что он получит за свои точно отмерянные крохи информации об акслотль-автоклавах? Теперь Одрейд иногда брала его на прогулку за пределами корабля. Для него вся планета была тюрьмой в той же мере, что и корабль. Куда он может спрятаться, где его не нашли бы эти ведьмы?

Что они делают со своими собственными акслотль-автоклавами? Он даже в этом не был полностью уверен. Ведьмы так умело лгут.

Может быть, то, что он подарил им даже эти ограниченные знания, было неверным шагом? Теперь он сознавал, что рассказал им гораздо больше, чем голые биотехнические детали, которых собирался придерживаться. Они определенно установили, каким образом Мастера создавали ограниченное бессмертие — постоянные заменители-голы, растущие в автоклавах. И это тоже потеряно! От безысходного отчаяния хотелось взывть, или хотя бы накричать на эту каменную женщину.

Вопросы... очевидные вопросы.

Он парировал эти вопросы многословными аргументами относительно «необходимости в слугах из Танцующих Лиц и собственной консоли Системы Корабля».

А она ловко уклонялась, выпытывая еще капли знаний об акслотль-автоклавах.

— Информация, необходимая для производства меланжа в наших автоклавах, может побудить нас к большей либеральности по отношению к нашему гостю.

Наши автоклавы! Наш гость!

Эти женщины — как стена плазмы. Никаких автоклавов для его личного пользования. Ушла вся былая мощь Тлейлаксу. Мысль эта наполнила его траурной жалостью к самому себе. Но он подстегнул себя, напомнив, что Бог, очевидно, испытывает его изобретательность. Они думают, что поймали меня. Но их ограничения причиняли боль. Никаких Танцующих Лиц? Хорошо. Он станет искать других слуг. Не Танцующих Лиц.

Думая об утерянных Танцующих Лицах — своих утерянных рабах, Скитейл испытывал острую тоску всех своих многочисленных жизней. Проклятье на этих женщин и их видимость соблюдения заветов Великой Веры. Кругом эти вездесущие послушницы и постоянно вынюхивающие Преподобные Матери. Шпионы! И ком-камеры повсюду. Угнетает.

Впервые попав в Дом Ордена, Скитейл ощутил в своих тюремщиках некую застенчивость, скрытность, которая стала лишь более отчетливой, когда он попытался заглянуть в то, как работает их Орден. Позднее он стал воспринимать Общину как замкнутый круг, где все и каждый ощетиняясь повернулись наружу, готовые встретить малейшую угрозу. Что наше, то наше. Не входи!

Скитейл распознал в этом родительскую позицию, материнскую точку зрения на человечество: «Веди себя хорошо, или мы тебя накажем!» А наказаний Бене Джессерит безусловно следовало по возможности избегать.

В то время как Одрейд продолжала настаивать на большем, чем он собирался отдать, Скитейл сконцентрировался на том типичном, что чувствовал как истину: Они не способны любить. Невероятно, но все вынуждало его согласиться с этим. Ни любовь, ни ненависть не являются чисто рациональными. Он представлял себе эти эмоции, как фонтан черной жидкости, затеняющий воздух вокруг, примитивный поток, извергающийся на ничего не подозревающих людей.

Как трещит эта женщина! Он наблюдал за ней, не вслушиваясь особенно в слова. В чем их недостатки. Слабость ли то, что они избегают музыки? Они боятся тайной игры на эмоциях? Антипатия эта казалась глубоко закодированной, но кодирование это не всегда имело успех. За множество своих жизней он не раз видел, как ведьмы наслаждались музыкой. Когда Скитейл спросил Одрейд, она очень ожила, и он заподозрил, что Великая Мать разыгрывает спектакль специально для того, чтобы ввести его в заблуждение.

— Нам нельзя позволить себе отвлекаться!

— Вы даже в памяти не проигрываете великие шедевры музыки? Мне говорили, что в древние времена...

— К чему музыка, сыгранная на инструментах давно уже незнакомым большинству людей?

— О? И какие же это инструменты?

— Где теперь найти рояль?

По-прежнему с наигранным гневом.

— Я никогда не слышал об этом... рояле, вы сказали? Он что похож на бализет?

— Отдаленные родственники. Но его можно было настроить только под приблизительный ключ. Сущее наказание, а не инструмент.

— Почему вы выделили этот... этот рояль?

— Потому что иногда я думаю, жаль, что у нас его больше нет. Створение совершенства из несовершенного, в конце концов, высшая форма искусства.

Совершенство из несовершенного! Она пытается отвлечь его выражениями джен-сунитов, подкармливая иллюзию того, что эти ведьмы разделяют его Великую Веру. Его не раз предостерегали на счет этой особенности Бене Джессерит при заключении сделок. Они ко всему подходят окольными путями, лишь в последний момент открывая, что им на самом деле нужно. Но

он-то знает, о чем на самом деле они сейчас торгаются. Она стремилась получить все его знания и не заплатить ничего. И все же, какое искушение заключают в себе ее слова.

Скитеил испытывал глубочайшее недоверие. Слова джессеритки так чистенько укладывались в ее заявления, что они ищут совершенства человеческого общества. Так она полагает, она может учить его! Еще одно «Типичное»: «Они видят себя учителями».

Когда он выразил свои сомнения по поводу этих заявлений, Одрейд на это сказала:

— Естественно, мы нагнетаем напряжение в тех обществах, на которые оказываем влияние. Мы делаем это для того, чтобы получить возможность контролировать это напряжение.

— Мне видится в этом неразрешимое противоречие, — пожаловался он.

— Ну же. Мастер Скитеил! Это широко распространенный метод. Правительства часто прибегают к нему, чтобы создать и направить насилие против избранной цели. Вы и сами так поступали! И видите, куда вас это привело!

Так она осмеливается заявлять, что Тлейлаксу сами вызвали эту катастрофу на свою голову!

— Мы следуем завету Великого Провозвестника, — продолжала она, используя эпитет языка исламуят для Пророка Лито II. Слова, слетавшие с ее губ, казались чужими, но и захватили его врасплох.

Но я же слышал, как эти женщины называли Его Тираном!

— Разве не Его целью было отвести насилие, преподав таким образом урок всем нам? — потребовала она все еще на исламуят.

Она что, шутит о Великой Вере?

— Вот почему мы приняли его, — не дожидаясь ответа, продолжала она. -Он играл не по нашим правилам, но во имя нашей цели.

Она осмеливается сказать, она принимает Пророка!

Он не стал противоречить, хотя искушение было велико. Щекотливый момент — точка зрения Преподобной Матери на себя саму и свое поведение. Он подозревал, что они постоянно приспосабливают эту точку зрения к новой ситуации, однако никогда не отклоняясь далеко в каком-либо направлении. Никакой ненависти к себе, никакой любви. Уверенность, да. Свояющая с ума уверенность в себе. Но для этого не требуется ни ненависти, ни любви. А только лишь холодная голова, готовность исправить любое суждение, точно так, как заявляла ведьма. Едва ли они нуждаются в похвалах. Хорошо проделанная работа? Ну, а чего еще вы могли ожидать?

«Тренировки Бене Джессерит закаляют характер» — это было одним из самых популярных речений народной мудрости.

— А разве установки Читимых Матер не такие же, как и у вас, -Тлейлаксу сделал попытку втянуть ее в спор по этому вопросу. — Взгляните на Мурбеллу!

— Так вам нужны общие положения, Скитеил?

Не послышалось ли ему в ее тоне веселье?

— Противоречие между двумя системами установок, не наилучшая ли это точка зрения на данное, столкновение? — рискнул он.

— И, конечно, с победой выйдет тот, кто сильнее.

Определенно насмешничает!

— Разве не этим все и кончается? — ему не удалось обуздать гнев. — Стоит ли одной из дочерей Джессера напоминать выходцу с Тлейлакса о том, что хитрость тоже вид оружия? Разве не вы так широко практиковали обман? Выказывали поддельную слабость, чтобы сбить своего врага и заманить его в ловушку? Можно создать и слабые места.

Конечно! Она же знает об зонах жульничества Тлейлаксу, создававших имидж ни к чему непригодных идиотов. — Так как вы собираетесь поступить с нашими противниками?

— Мы намерены покарать их, Скитеил.

Какая непримиримая настойчивость!

То новое, что он узнавал о Бене Джессерит, наполняло его недобрными предчувствиями.

Одрейд, взяв его как-то холодным зимним утром с собой на прогулку вне корабля (мрачный Проктор лишь на шаг позади них), остановилась посмотреть на выходящую из центрального здания небольшую процессию. Пять женщин Бене Джесерит, две из них послушницы в робах с белым подбором, но остальные трое в сером, что ни о чем ему не говорило. Они вкатили тележку в один из фруктовых садов. Резкий ветер дул теперь им в спину. С темных ветвей сорвалось несколько старых листьев. На тележке лежал длинный тюк. Тело? По очертанию похоже.

В ответ на его вопрос Одрейд угостила его пространным рассказом о практике погребений в Бене Джессерит.

Если предстояло закопать тело, делалось это быстро и буднично, как случилось ему наблюдать сейчас. Ни у одной Преподобной Матери не было ни некролога, ни поглощающих время ритуалов. Разве не живет ее память в других Сестрах?

Он начал было спорить, что одно не заменяет другого, но она оборвала его.

— Учитывая феномен смерти, все привязанности в жизни преходящи! Мы вбираем это в Иную Память. Вы же тоже делали нечто подобное, Скитеил. А теперь в свой мешок фокусов мы только добавляем некоторые из ваших способностей. О, да! Именно так мы и относимся к подобного рода знанию. Оно лишь модифицирует методы.

— Непочтительная практика!

— В этом нет ничего непочтительного. В земле, куда они уходят, они, по крайней мере, могут стать удобрением, — и она продолжала описывать сцену, не давая ему ни малейшего шанса протестовать.

То, что он сейчас наблюдает, говорила Одрейд, обычная рутинна. Большой механический бур вкатывается во фруктовый сад, где он вырывает в земле подходящую яму. Тело, обернутое в эту дешевую материю, закапывается в землю вертикально, а над ним высаживается плодовое дерево. Сады разбиты в виде сот, а кенотафий на углу указывает на расположение погребений. Обернувшись в ту сторону, в которую она указывала, он увидел кенотафий зеленый прямоугольник около трех метров высотой.

— Я думаю, это тело будет закопано приблизительно у С-21, — сказала Одрейд, наблюдая за движением бура, в то время как погребальная команда ждала, опершись о тележку. — Оно станет удобрять яблоню!

Как возмутительно она этому счастлива!

Пока они смотрели, как выходит из земли бур и переворачивается тележка, тело, с которой съезжает в яму, Одрейд начала тихонько петь. Скитеил был удивлен:

— Вы говорили, Бене Джессерит избегает музыки.

— Просто старая песенка.

Дочери Джессера оставались загадкой, и более чем когда либо он видел слабость «типичного». Как можно заключить сделку с людьми, чьи методы, чей образ мыслей не следуют приемлемым путем? Можно думать, что понимаешь их, а они вдруг свернут в другую сторону. Они нетипичны! Попытки понять их подрывали его чувство порядка. Он был почти уверен, что за все время торговли с ними не получил ничего реального. Еще кроха свободы, которая на самом деле лишь иллюзия свободы. Из того, что ему так было необходимо, он на самом деле не получил от этой ведьмы с холодным лицом ничего! Танталовыми муками было из того, что он знал о Бене Джессерит, по кусочкам сложить что-нибудь основательное. Скажем, например, их заявление о том, что они обходятся без бюрократической системы и отчетности. Конечно, если исключить Архивы Беллонды, и то каждый раз, когда он упоминал о них, Одрейд в ужасе восклицала: «Сохрани нас небо!» или что-нибудь подобное. Теперь он поинтересовался, как они поддерживают порядок без чиновников и отчетности. Это глубоко его озадачивало.

— Если что-то необходимо сделать, мы это делаем.

Похоронить одну из Сестер? — она указала на сцену во фруктовом саду, где в дело пошли лопаты и в могилу летела земля. — Вот так это и делается, и всегда есть некто, кто несет за это ответственность. И все знают кто.

— Кто... кто заботится об этом... ужасном?..

— Это не ужасно! Это часть нашего образования.

Надзирают обычно провинившиеся Сестры. Работу исполняют алкоголиты.

— А они... я имел в виду, им это не отвратительно?

Провинившиеся Сестры, вы сказали. И алкоголиты. Похоже на то, что это скорее наказание, чем...

— Наказание! Ну полноте, Скитеил. Или у вас только одна песня? — она вновь указала на погребальную команду. По истечении ученичества все наши люди с готовностью принимают свою работу.

— Но никаких... э, бюрократических...

— Мы не глупы!

И вновь он не понял, впрочем, заметив его безмолвное удивление, она все же ответила.

— Уверена, вам известно, что прия к власти, бюрократы превращаются в ненасытных аристократов от власти.

Ему сложно было уловить взаимосвязь. К чему она ведет?

Так как он по-прежнему молчал, Одрейд продолжала:

— У Чтимых Матер наблюдаются все признаки бюрократии. Министры того. Великие Чтимые Матер этого, могущественная верхушка и множество функционеров внизу. Они уже полны отроческого голода. Как прожорливые хищники, они никогда не задумываются над тем, что сами истребляют свою добычу. Тесная взаимосвязь: сократи численность тех, кем питаешься, и обвалится твоя система.

Ему сложно было поверить в то, что ведьмы и в самом деле так воспринимают Чтимых Матер, — он так и сказал:

— Если вы выживете, Скитеил, увидите, как мои слова станут реальностью. Эти женщины в ярости кричат о величии, не задумываясь над необходимостью экономить. Все новые усилия, чтобы вытянуть из своих жертв все возможное. Захватывайте их все больше и больше! Давите на них! А это означает лишь скорейшее истребление. Айдахо говорит, они уже и так находятся на стадии отката.

Говорит гола? Так значит, она использует его как ментата!

— Откуда у вас такие идеи? Уверен, они исходят не от вашего гола. Продолжай верить, что он твой!

— Он просто подтвердил нашу оценку. Нас насторожил пример из Иной Памяти.

— О?

Эта Иная Память доставляла ему немало беспокойства. Может ли это быть правдой? Воспоминания из его собственных множественных жизней представляли собой невероятную ценность. Он потребовал подтверждения.

— Мы вспомнили взаимосвязь между кормовым животным, называемым снеговой кролик, и хищной кошкой, которую когда-то называли рысь.

Популяция кошек постоянно росла, следуя росту поголовью кроликов, а затем перекармливание загнало хищников в голод и тяжелое сокращение численности, называемое откатом.

— Интересный термин, откат.

— Описывает то, что мы запланировали для Чтимых Матер.

Когда их встреча завершилась (а он для себя так ничего и не добился), Скитеил обнаружил, что запутался более чем когда-либо. Такое действительно входит в их намерения? Проклятая женщина! Нельзя быть уверенным ни в чем из того, что она говорит.

По возвращении на корабль Скитеил долгое время стоял, всматриваясь через силовой барьер в длинный коридор, по которому, направляясь в зал для тренировок, иногда проходили Айдахо и Мурбелла. Он знал, что тренировочный зал, должно быть, находится за той широкой дверью, за которой они исчезали, чтобы потом появиться в поту и тяжело дыша.

Никто из его собратьев-узников не появился, хотя Скитеил более часа слонялся вдоль барьера.

Она использует голу в качестве Ментата. А это должно означать, что у него есть доступ к консоли

Систем Корабля. Конечно, не лишит же она своего ментата необходимых ему данных. Нужно как-то исхитриться встретиться с Айдахо наедине. Правда, всегда остается язык свиста, который мы навязываем любой голе. Мне нельзя казаться излишне озабоченным. Скромная уступка при торговле, может быть. Жалоба на то, что мои апартаменты действуют на меня угнетающе. Пусть они видят, как меня раздражает заключение.

Глава 12

Образование не может заменить интеллект. Это неуловимое качество лишь отчасти может быть определено способностью решать загадки. Но заключается оно в способности творить новые загадки, отражающие то, о чем свидетельствуют чувства, выстраивая парадоксы определений.

Ментат текст Один (decto)

Они вкатили Луциллу в рабочую комнату Великой Чтимой Матре в трубчатой клетке — клетка внутри клетки... Сеть из шигапроволоки заставляла ее держаться центра трубы.

— Я — Великая Чтимая Матре, — приветствовала ее женщина, сидящая в тяжелом черном кресле.

Маленькая женщина, красновато-золотистые леопарды.

— Клетка для твоей же защиты, в случае, если ты решишь прибегнуть к Голосу. Мы не восприимчивы, а наш иммунитет давно уже приобрел форму рефлекса. Мы убиваем. Многие из твоих умерли именно таким образом. Мы знаем Голос и сами используем его. Помни об этом, когда я выпущу тебя из клетки. — Она махнула слугам, которые внесли клетку. — Уходите отсюда! Убирайтесь!

Луцилла оглядела комнату: ни одного окна, почти квадратная. Освещена несколькими серебристыми плавающими светильниками. Ядовито-зеленые стены. Типичная для допроса обстановка. Находится где-то высоко. Они ввезли ее клетку в нулевой капсуле незадолго до восхода.

За спиной Великой Чтимой Матре отскочила в сторону панель, и на ленте скрытого механизма в комнату скользнула еще одна клетка поменьше. Эта клетка была квадратной, и в ней стоял кто-то, кого она приняла было за обнаженного мужчину, пока он не обернулся и не взглянул на нее.

Футар. На широком лице отчетливо выделялись клыки.

— Хочу тереть спину, — проговорил футар.

— Да, милый. Я потру тебе спину позже.

— Хочу, есть, — сказал футар, в упор глядя на Луциллу.

— Позже, милый.

Футар продолжал изучать Луциллу.

— Ты Водящая? — спросил он.

— Конечно, нет!

— Хочу есть, — настаивал футар.

— Позже, я сказала! А пока ты просто сядешь и помурлычешь мне.

Футар в своей клетке сел на корточки, и из его горла послышался странный рокочущий звук.

— Разве они не милы, когда мурлычат? — Великая Чтимая Матре, судя по всему, ответа не ожидала.

Присутствие футара озадачило Луциллу. Предполагалось, что эти существа охотятся за Чтимыми Матре и убивают их. Впрочем, этот сидел в клетке.

— Где вы его поймали? — спросила Луцилла.

— На Гамму.

Она сама не понимает, какую выдала информацию.

А это Узловая Станция, — подумала Луцилла. Она узнала ее с лихтера прошлым вечером.

Футар перестал мурлыкать.

— Есть, — проворчал он.

Луцилла тоже бы что-нибудь съела. Они не кормили ее вот уже три дня, и ей приходилось подавлять острые приступы голода. Помогали маленькие глотки воды из оставленного в клетке литерджона, который был уже почти пуст. Привезшие ее сюда слуги только посмеялись над ее просьбой о еде: «Футары любят мясо!?

Но больше всего ее мучило отсутствие меланжа. Этим утром она уже начала испытывать первые боли абстиненции.

Вскоре мне придется убить себя.

Рой Иных Воспоминаний, погибших на Лампадас, умолял ее терпеть. Будь мужественной. Что если та необученная Преподобная Мать, обманет наши ожидания?

Паучья Королева. Вот как называет эту женщину Одрейд.

Великая Чтимая Матре продолжала изучать Луциллу, обхватив рукой подбородок. Подбородок у нее слабый. На лице, в котором нет позитивных черт, взгляд привлекают негативные.

— Знаешь, в конце концов ты все же проиграешь, — сказала Великая Чтимая Матре.

— Оптимизм и за могилой, — отозвалась Луцилла и тут же ей пришлось объяснить выражение.

На лице Великой Чтимой Матре отразился вежливый интерес. Как интересно.

— Любая из моих адъютантов за эти слова убила бы тебя на месте. Это одна из причин, почему мы одни. Любопытно, почему ты решила сказать нечто подобное?

Луцилла глянула на сидящего на корточках футара.

— Футары не возникают из ничего. Они были созданы генетическим путем из клеток диких животных с одной целью.

— Поосторожней! — в глазах женщины в кресле вспыхнул оранжевый огонь. — На создание футаров ушло несколько поколений, — сказала Луцилла.

— Мы охотимся на них ради удовольствия!

— И охотник становится дичью.

Великая Чтимая Матре вскочила на ноги, глаза ее превратились в два оранжевых факела. Футар развелся и начал подвывать. Это успокоило женщину.

Медленно-медленно она опустилась обратно в кресло, сделав жест футару в клетке.

— Все в порядке, милый. Ты вскоре поешь, а я потру тебе спину.

Футар возобновил странный звук, означающий мурлыканье.

— Так вы полагаете, мы вернулись как беглецы, — вернулась к Луцилле Великая Чтимая Матре. — Да! Не отрицай этого.

— Черви часто поворачиваются, — возразила Луцилла.

— Черви? Ты имеешь в виду тех монстров, которых мы уничтожили на Ракисе?

Большим искушением было подколоть, вызвав драматичную реакцию. Напугать ее хорошенько, и она наверняка убьет.

Пожалуйста, Сестра! — молил рой с Лампадас. — Перетерпи.

Вы думаете, мне удастся бежать из этого места? Это заставило их умолкнуть, остался лишь слабый протест. Помни! Мы как та древняя кукла: семь раз упадет, восемь встанет. Нахлынуло это на нее образом маленькой красной куклы, с лицом ухмыляющегося Будды и сложенными на толстом животике ручками.

— Ты, очевидно, имеешь в виду личинок Бога Императора, — сказала Луцилла. — А у меня на уме было нечто иное.

Великая Чтимая Матре в задумчивости умолкла.

Оранжевый цвет в ее глазах несколько поблек.

Она играет со мной, — подумалось Луцилле. — Она намеревается убить меня и скормить своему ручному животному.

Но подумай о тактической информации, какую ты могла бы принести, если мы сбежим!

Мы! И никак не опровергнуть разумность подобного протеста. Клетку с ней вынесли из лихтера еще

при дневном свете. Подходы к лежбищу Паучьей Королевы были тщательно спланированы с тем, чтобы как можно более затруднить доступ к ним, но сама планировка Луциллу позабавила — Очень древняя, давным-давно отставшая от времени планировка. Узкие проходы внешних ворот с наблюдательными башнями, вырастающими из земли, как тускло серые грибы из своего мицелия. Резкие повороты в критических, с точки зрения тактики, местах. Ни одно наземное транспортное средство не сможет маневрировать на этих поворотах на сколько-нибудь значительной скорости. Насколько она помнила, нечто подобное упоминалось в критических заметках Тэга об Узловой Станции. Идиотская защита. Достаточно подвести тяжелое вооружение или еще как-то преодолеть эти грубые лабиринты, и здания будут изолированы друг от друга. Они конечно, связаны и под землей, но эту связь легко можно прервать несколькими взрывами. Отрежьте их от их ресурсов, и вся станция развалится на части. И никакой больше драгоценной энергии не пойдет по вашим трубам, идиотки. Внешность защищенности, а Чтимые Матре только это поддерживают. Ради самоуспокоения! Их защитникам, вероятно, чтобы дать этим женщинам ложное ощущение защищенности, приходится тратить невероятное количество объема энергии на бесполезную показуху.

Коридоры. Не забудь про коридоры.

Да, коридоры в этом гигантском здании были невероятных размеров, чтобы по ним можно было провезти гигантские автоклавы, в которых вынуждены жить на земле Навигаторы Гильдии. Отдушины систем вентиляции располагались на низком уровне вдоль залов, чтобы улавливать и вытягивать из воздуха выдыхаемые меланжевые газы. Луцилла без труда могла представить себе, как с беспокоящим грохотом тяжело ухают, открываясь и закрываясь, заслонки. Люди Гильдии, похоже, никогда не имели ничего против шума. Линии энергетических трансмиссий для мобильных носителей толстыми черными змеями извивались по проходам и уходили в каждую комнату, какую успела заметить Луцилла. Как будто это может удержать Навигатора от того, чтобы заглянуть туда, куда он пожелает.

Многие из тех, кого видела Луцилла, носили при себе проводники-пульсаторы. Даже Чтимые Матре. Так, значит, они сами нередко здесь теряются. Все под одним гигантским зонтиком крыши с ее фаллическими башнями. Новые постояльцы могут счесть это привлекательным. Основательно изолировано от грубого внешнего мира (куда никто из важных персон все равно не выходит, разве что, чтобы убить или посмотреть на рабов за их забавным трудом или игрой). И во всем этом Луцилла видела также запущенность, которая говорила о минимальных затратах на поддержание здания. Они тут почти ничего не меняли. Детальный план Тэга по-прежнему верен.

Видишь, насколько цennыми могут быть твои наблюдения?

— Возможно даже, что я оставлю тебя в живых, — пробудилась от задумчивости Великая Чтимая Матре. Правда, лишь в том случае, если ты удовлетворишь мое любопытство.

— А откуда ты знаешь что я не отвечу на твоё любопытство потоком чистого деръма?

Эта вульгарность Великую Чтимую Матре настолько позабавила, что она едва не рассмеялась. Очевидно, никто не предсторег ее беречься Бене Джессерит, когда они прибегают к вульгарности. Мотивацией того уж точно должно было быть нечто внушающее, беспокойство. Никакого Голоса, да? Она думает, это единственное, что у меня есть? Великая Чтимая Матре и сказала, и среагировала достаточно, чтобы дать в руки любой Преподобной Матери безотказный рычаг. Сигналы тела и речи всегда несут в себе больше информации, чем необходимо для слов понимания. Из них-то и можно вытянуть неизбежную дополнительную информацию.

— Ты находишь нас привлекательными? — внезапно спросила Великая Чтимая Матре.

Странный вопрос.

— Все люди из Рассеивания обладают определенной привлекательностью. Пусть она думает, что я видела многих из них, включая ее врагов. — Вы экзотичны, что значит, странны и новы.

— А наша сексуальная доблесть?

— Естественно, у этого есть некая аура. Для некоторых восхитительная и притягательная.

— Но не для тебя.

Ударь ее в подбородок! Предложение исходило от советчиков с Лампадас. Почему бы и нет?

— Я рассматривала твой подбородок. Великая Чтимая Матре.

— Да? — голос звучит удивленно.

— Это очевидно детский подбородок и тебе следует гордиться столь моложавой внешностью.

Это ей крайне неприятно, но она неспособна это показать. Ударь еще раз.

— Готова поспорить, любовники часто целуют тебя в подбородок, — вслух сказала Луцилла.

Теперь злится, но по-прежнему неспособна дать волю раздражению. Теперь ведь будешь угрожать! Посоветуй мне не использовать Голос!

— Целовать подбородок, — подал голос футар.

— Я сказала потом, милый. А теперь заткнись!

Так, все вылилось на несчастное домашнее животное.

— Но у тебя есть вопросы, которые ты хотела задать мне, — сказала Луцилла. Сама приветливость. Еще один предупредительный сигнал, для тех кто понимает. Я — одна из тех, кто все заливает сладким сиропом. «Как мило! Как чудно проводить время в вашем обществе! Разве это не прекрасно! Как вы умны, что смогли купить это так дешево! Легко. Быстро» Приводите собственные прилагательные.

Великой Чтимой Матре понадобилось несколько секунд, чтобы взять себя в руки. Она чувствовала, что ее поставили в невыгодное положение, но не могла сообразить как. Минутное промедление она попыталась скрыть загадочной улыбкой, потом:

— Я сказала, что выпущу тебя.

Она нажала на что-то в подлокотнике кресла, и часть трубчатой клетки скользнула в сторону, оттянув за собой и сеть шигапроволоки. В то же мгновение прямо перед ней и на расстоянии одного лишь шага от ее кресла из пола поднялось второе.

Луцилла устроилась в кресле, причем колени ее чуть ли не касались ее инквизитора. Ноги. Помни, они убивают ногами. Только тут сообразив, что все это время она сжимала кулаки, Луцилла принялась разминать пальцы. Проклятое напряжение!

— Тебе следует поесть и выпить чего-нибудь, — сказала Великая Чтимая Матре и нажала еще раз скобку кресла. Перед Луциллой возник поднос тарелка, ложка, стакан, наполненный какой-то красной жидкостью. Демонстрирует свои игрушки.

Луцилла подняла стакан.

Яд? Сперва понюхай.

Она попробовала напиток. Стимулирующий чай и меланж. Как же я голодна!

Луцилла вернула пустой стакан на поднос. На языке остался резкий привкус меланжа. Что она делает? Ухаживает за мной? По всему телу пробежала волна облегчения от спайса. Оказалось, что на тарелке бобы под острым соусом. Пососав несколько штук, чтобы определить наличие опасных добавок, она принялась за еду. Чеснок в соусе. Долю секунды она позволила себе порыться в Памяти, нет ли там чего-нибудь об этом ингредиенте дополнение к острой пище, используется против вервольфов, сильнодействующее лекарство от скопления газов. — Тебе нравится наша еда?

Луцилла вытерла подбородок.

— Очень вкусно. Тебя следует похвалить за выбор повара. — Никогда не хвали повара в частном доме. Повара можно заменить. Хозяйка незаменима. -Приятный привкус чеснока.

— Мы изучали книги из библиотеки, спасенной с Лампадас.

Смотри, что ты потеряла, — взвыл рой Воспоминаний.

— И так мало интересного во всей этой болтовне. Она хочет, чтобы ты стала ее библиотекарем! Луцилла молча ждала продолжения.

— Иногда мои помощники думают, что там могут отыскаться намеки на то, где находится гнездо твоих ведьм, или, по меньшей мере, на способ, как устраниТЬ вас быстрее. Столько языков!

Ей нужен переводчик? Иди напрямик.

— Что тебя интересует?

— Очень немногое. Кому могут понадобиться отчеты о Бутлерианском Джихаде?

— Они тоже громили библиотеки.

— Оставь этот покровительственный тон!

А ум у нее острее, чем мы думали. Будь прямолинейна.

— Я думала, это я объект покровительства.

— Слушай меня, ведьма! Ты полагаешь, что можешь быть безжалостной, защищая свое гнездо, но даже и не подозреваешь, что на самом деле значит отсутствие жалости.

— Не думаю, что ты до сих пор сказала мне, как я могу удовлетворить твоё любопытство.

— Твоя наука, ведьма, вот что нам нужно, — Матре сбивила тон. — Давай будем разумными. С твоей помощью мы могли бы достичь утопии.

И покорить всех твоих врагов и достигать оргазма несколько раз за ночь.

— Ты думаешь, в науке ключ к утопии?

— И лучшей организации всех наших начинаний.

Помни: бюрократия возвращает комформизм... Сделай так, чтобы она подняла «фатальную глупость» до статуса религии.

— Парадокс, Великая Чтимая Матре. Наука должна быть новаторской. Вот почему наука и бюрократия постоянно пребывают в состоянии войны.

Знает ли она о своих корнях?

— Но подумай о власти! Подумай о том, что могла бы контролировать!

Не знает.

Утверждения Великой Чтимой Матре о контроле заинтересовали Луциллу. Ты контролируешь свою Вселенную, не живешь с ней единым целым. Твой взгляд обращен наружу и никогда вовнутрь. Ты не тренируешь себя, чтобы воспринимать собственные тончайшие реакции, ты наращиваешь мускулы (военную силу, власть), чтобы преодолеть все, что определяешь как препятствие. Эти женщины что, слепы?

Увидев, что Луцилла молчит. Чтимая Матре произнесла:

— В библиотеке мы многое нашли о Бене Тлейлакс. Вы совместно с ними работали над многими проектами, ведьма. Разнообразными проектами: как свести к нулю невидимость не-корабля, как проникнуть в секреты живой клетки, ваша Миссионария Протектива и то, что иногда называется «Языком Бога».

Луцилла выдала кривую улыбку. Они боятся, что где-то там действительно существует Бог. Дай ей почувствовать! Будь откровенна.

— Мы ни в чем не присоединялись к Тлейлаксу. Твои люди неправильно расшифровали свои находки. Тебя нервирует, когда тебе оказывают покровительство? А как, по-твоему, относится к этому Бог? Мы высевали семена религий для собственной защиты. Это было функцией Миссионарии. У Тлейлаксу только одна религия.

— Вы организовывали религии?

— Не совсем. Организационный подход к религии всегда оправдательный. А мы не оправдываемся ни в чем.

— Ты начинаешь мне надоедать. Почему мы так мало нашли о Боге Императоре?

С нажимом!

— Может быть, твои люди уничтожили эти данные.

— Ага, значит, у вас к нему свой интерес.

Как и у тебя, Мадам Паук!

— Позволю себе предположить, что Лито II и его Золотая Тропа были предметом изучения во многих твоих академических центрах.

А вот это была жестоко!

— У нас нет академических центров!

— Ваш интерес к нему удивляет меня.

— Случайность, ничего более.

А этот футар спрыгнул с дерева, где его ударила молния!

— Мы называем его Золотую Тропу «резаной бумагой». Он выкинул ее на волю бесконечных ветров и сказал: «Видите? Вот куда она летит». Это и есть Рассеивание.

— Некоторые предпочитают называть это Исканием.

— Мог ли он на самом деле предсказывать наше будущее? Это вас интересует?

В яблочко!

Великая Чтимая Матре кашлянула в кулак.

— Мы говорим, что Муа Диб создал будущее. Лито II раз создал его.

— Но, если бы я могла знать...

— Пожалуйста! Великая Чтимая Матре! Люди, которые требуют от оракула, чтобы он предсказал их жизнь, на самом деле желают знать, где хранится клад.

— Ну конечно же!

— Знай все свое будущее и ничто больше не застанет тебя врасплох? Так ведь?

— Ты не могла бы сказать лучше.

— А ты говорила, я тебе надоела!

— Что?

Оранжевый огонь у нее в глазах. Осторожно.

— Никогда больше никаких сюрпризов? Что может быть скучнее?

— Аа... О! Но это не то, что я имею в виду.

— Тогда боюсь, Великая Чтимая Матре, я не понимаю, чего ты хочешь.

— Не важно. Мы вернемся к этому завтра.

Передышка!

— В клетку! — Великая Чтимая Матре поднялась с кресла.

— Есть? — голос футара звучал жалобно.

— У меня есть для тебя чудесная еда внизу, милый. А потом я потру тебе спину.

Луцилла вошла в свою клетку, куда ей вслед Великая Чтимая Матре швырнула подушку.

— Воспользуйся ей против шигапроволоки. Видишь, какой я могу быть доброй?

Дверь клетки со щелчком закрылась.

Футар в своей клетке исчез за дальней стеной, панель скользнула на место.

— Они так беспокойны, когда голодны, — сказала Великая Чтимая Матре, потом открыла дверь и обернулась на пороге еще раз окинуть взглядом Луциллу. — Тебя здесь никто не потревожит. Я никому не позволяю входить в эту комнату.

Глава 13

Многое из того, что мы делаем естественно, становится сложным только тогда, когда мы превращаем это в предмет приложения нашего интеллекта. Возможно знать о предмете столько, что станешь совершенно невежественным.

Ментат Текст Два (dicto)

Время от времени Одрейд отправлялась обедать вместе с алкоголитами и надзирающими за ними Прокторами, непосредственными тюремщиками этой тюрьмы разума, из которой многие так и не выйдут на свободу.

То, что думают и делают алкоголиты, поставляло Великой Матери информацию на уровне подсознания о том, насколько хорошо функционирует Дом Ордена. Алкодилы реагировали, повинуясь предчувствиям и настроениям и гораздо более непосредственно, чем Преподобные Матери. Полные Сестры научились скрывать свое угнетенное состояние. Они не пытались скрыть ничего существенного, но каждый же может выйти погулять в сад или закрыть дверь, тем самым оказываясь вне досягаемости сторожевых псов. Но только не алкоголиты.

Теперь в Централи каждая минута была заполнена до предела. Даже через обеденные залы вне зависимости от часа тек постоянный поток завтракающих или обедающих. Рабочие смены расшатаны, а для любой Преподобной Матери нетрудно приспособить свой жизненный цикл под непривычные временные интервалы. Одрейд не могла себе позволить тратить энергию на подобное приспособление. Перед вечерней трапезой она, ненадолго задержавшись у двери в Зал Алкодилов, услышала, как там внезапно наступила гробовая тишина.

Даже то, как они подносили ко рту пищу, уже о чем-то говорило. Куда смотрят глаза, в то время как ложка приближается ко рту? Вот за этой надо понаблюдать, у нее расстроен желудок. А вот эта задумчиво смотрит на каждую ложку подливы так, как будто пытается угадать, куда они подмешали яд. Творческий ум за этими глазами. Испытать ее для назначения на требующее большей восприимчивости место.

Одрейд вошла в зал.

Пол в шахматном порядке был выложен черными и белыми плитами плаза, едва ли его можно чем-нибудь поцарапать. Алкодилы поговаривали, что Преподобные Матери используют это расположение цветных плит, как игровую доску: «Кого-то из нас посадить сюда, кого-то — туда, остальных по центру. Передвинуть фигуры так-то — победитель получает все!?

Одрейд села поближе к углу стола у западных окон. Алкодилы потеснились, причем движения их были спокойно ненавязчивыми.

Этот зал был частью старейшей конструкции Дома Ордена. Построен из дерева, с гладко оструганными дубовыми балками потолка, каждая невероятной длины и веса. Некоторые из них на двадцать пять метров тянулись без единого сучка. Где-то на планете располагалась роща дубов, с генетически заданным ростом, тянувшихся к солнечному свету на своей тщательно ухоженной плантации. Деревья поднимались без единого сучка по меньшей мере на тридцать метров в высоту. Плантация была разбита, когда еще только строился этот зал, чтобы поставлять замену слабнувшим от возраста балкам. По девятнадцать сотен стандартных лет полагалось выдерживать дубовым балкам.

Как внимательно наблюдают алкоголиты за Великой Матерью, а кажется при этом, что они даже не смотрят в ее сторону.

Одрейд обернулась к выходящему на запад окну за спиной посмотреть на закат. Опять пыль. Вторгающаяся вместе с ветрами с пустыни пыль в красно-оранжевые тона окрашивала заходящее солнце, заставляя его гореть далеким янтарем, который в любое мгновение может вспыхнуть неконтролируемым пожаром.

Одрейд подавила вздох. Мысли, подобные этим, только вновь воссоздавали ее ночной кошмар: пропасть... натянутая проволока. Она знала, стоит ей закрыть глаза и она почует раскачивание проволоки. А охотница с топором все ближе!

Алкодилы продолжали трапезу, но в зале повисло ощущение общего беспокойства, как будто они чувствовали ее тревогу. А может, так оно и было. Шелест ткани вырвал Одрейд из ночного кошмара. Она уловила новую ноту в привычных звуках Централи. Резкий скрип слышался за самыми рутинными движениями — вот за ней отодвинули стул... открылась дверь кухни. Скрежет крупного песка. Бригады уборщиц уже начинали жаловаться на вездесущий песок и «проклятую пыль».

Одрейд глядела из окна на источник всех этих неприятностей: ветер из пустыни. Коричневатый туман тусклой завесой скрывал линию горизонта. Когда ветер уйдет пыльные его подарки останутся по углам зданий и на подветренной стороне холмов. В воздухе висел запах тронутого огнем кремня, что-то щелочное, что раздражало ноздри.

Когда обносящая столы послушница поставила перед ней тарелку с едой, Одрейд окинула взглядом стол, за которым сидела. И обнаружила, что ей доставляет удовольствие эта перемена — так приелись трапезы на скорую руку в рабочем кабинете или личной столовой. Когда она ела там в одиночестве, алкоголиты вносили блюда так тихо и убирали все с такой молчаливой споровкой, что иногда она была удивлена, увидев, что ничего уже нет. Здесь трапезу сопровождали шум и беседа. В ее апартаментах внезапно с кудахтаньем могла появиться ее личный повар Дуэна: «Вы так мало едите!» Одрейд по большей части покорялась этим увещеваниям. В сторожевых псах есть свои преимущества.

Сегодняшняя трапеза состояла из пареной свинины под соусом из сои и черной патоки, минимум меланжа и, как заключительный штрих, — оттенок базилика и лимона. Свежие зеленые бобы, сваренные с перцем. Красный виноградный сок. С предвкушением она отрезала кусок свинины и сочла ее приемлемой, хотя и чуть переваренной на ее вкус. Повар алкоголитов лишь немногим ошибся.

Откуда тогда это чувство, что таких трапез было слишком много?

Она слегка покраснела, и тут же повышенная чувствительность позволила ей определить добавки. Эта еда подавалась здесь не просто для того, чтобы восстановить энергию Великой Матери. Кто-то на кухне спросил о ее ежедневной диете и соответственно подобрал ингредиенты ее блюда.

Еда — это ловушка, — подумалось ей. «Источник еще одной зависимости. — Ей не нравилась ловкость, с которой повара Дома Ордена скрывали то, что добавляли в еду „на благо обедающим“. Они, конечно, знали, что каждая Преподобная Мать способна распознать ингредиенты и, насколько это в ее силах, приспособить к ним свой метаболизм. Они наблюдают за ней прямо сейчас, задаваясь вопросом, как расценит сегодняшнее меню Великая Мать.

За едой она прислушивалась к разговорам соседей. Никто не проявлял назойливости — ни физически, ни голосом. Звуки почти вернулись к тому приглушенному гулу, какое царило здесь до ее прихода. Болтовня при ее появлении всегда чуть меняла тон, а потом возобновлялась, нотише.

Во всех этих головах назойливо вертелся все тот же невысказанный вопрос: Зачем она здесь сегодня?

В некоторых из своих ближайших соседей Одрейд ощутила тихое благоговение, реакция, которую Великая Мать иногда использовала в своих целях. Благоговение с привкусом страха. «В ней Тараза», шептались между собой алкоголиты (так докладывали Прокторы). Они имели в виду, что Одрейд в качестве Первичной имела свою ближайшую предшественницу. Они двое стали едва ли не исторической парой, требующей особого изучения кандидаток.

Дар и Тар, уже легенда.

Даже Беллонда (милая, старая, невыносимая Беллонда) в обращении с Одрейд искала окольных путей. Немного фронтальных атак, очень мало грохота в обвиняющих доводах. Таразе приписывали спасение Общины, и это заставляло умолкнуть большую часть оппозиции. Тараза говорила, что Чтимые Матре по сути своей варвары и их жестокость, хотя и не полностью преломима, может быть направлена в кровавые вылазки. Последующие события более или менее подтвердили это.

Верно вплоть до одной детали, Тар. Никто из нас не предвидел размаха их насилия.

Классическая вероника Таразы (какой удачный образ) довела Чтимых Матре до столь кровавых боен, что теперь Вселенная вся пронизана потенциальными союзниками жертв их зверских расправ. Как мне защитить нас?

Дело не столько в том, что неадекватны планы защиты. Эти последние могут в результате стать и неуместны.

К этому, конечно, я и стремлюсь. Нам необходимо очиститься и подготовить себя к высшему усилию.

Беллонда только фыркнула, когда Одрейд высказалась эту идею:

— Для нашей кончины? Вот почему нам следует принять очищение?

Нет сомнения, Беллонда превратится в само противоречие, как только узнает о планах Великой Матери. Беллонда-ужасная станет аплодировать, Беллонда-Ментат спорить и настаивать на

выжидании «до более благоприятного момента».

Но я пойду своим собственным, пусть странным, путем, невзирая на то, что подумают мои Сестры.

А многие Сестры считали Одрейд более чем необычной Великой Матерью. Выбранной скорее с левой руки, чем с правой. Последовательница Таразы. Я была там, когда ты умирала, Тар, и не было никого больше, кто вобрал бы в себя твою личность. Случайное повышение?

Одрейд не одобрили многие. Но когда поднялась оппозиция, так или иначе они возвращались к «Последовательнице Таразы, лучшей Великой Матери за всю нашу историю».

Забавно! Тараза внутри нее первая расхохоталась тогда, а потом спросила: А почему бы тебе порассказать им о моих ошибках, Дар? Особенно о том, как я недооценила тебя.

Одрейд в задумчивости пережевывала кусочки свинины. Я слишком долго тянула с посещением Шианы. На юг в пустыню, и как можно скорее. Шиану необходимо подготовить к тому, что она заменит Там.

Перед мысленным взором Одрейд пологими холмами перекатывались песчаные дюны. Более пятнадцати столетий оккупации Бене Джессерит на Доме Ордена. Наши приметы повсюду. Они не только в особых рощах, виноградниках или фруктовых садах. Как это должно влиять на коллективную душу планеты, когда ее люди видят, как подобные изменения происходят на издревле родной им земле?

Алколит, сидящая рядом с Одрейд, тихонько кашлянула, прочищая горло. Собирается обратиться к Великой Матери? Редкий случай. Но молодая женщина продолжала молча есть.

Мысли Одрейд вернулись к предстоящей поездке в пустыню. Нельзя, чтобы Шиана получила какое-либо предупреждение. Мне необходимо быть уверенной в том, что мы нуждаемся именно в ней. Оставались еще вопросы, на которые от Шианы требовалось получить ответ.

Одрейд сознавала, что найдет, останавливаясь по пути, в этой инспекционной поездке. В Страхах, в жизни растений и животных, в каждой обители Общины она увидит перемены, перемены незаметные и перемены резкие, перемены, что станут подтасчивать столь превозносимую безмятежность Великой Матери. Даже Мурбелла, никогда не покидавшая не-корабль, чувствует эти перемены.

Не далее чем этим утром, сидя спиной к консоли, Мурбелла с новым вниманием вслушивалась в слова стоящей над ней Великой Матери. Острая настороженность в глазах пленной Чтимой Матре, а голос ее выдает сомнения и неуравновешенные суждения.

— Все преходяще. Великая Мать?

— Существует знание, впечатанное в тебя Иной Памятью. Ни одни планета, на земля ее, ни суша, ни даже часть земли или суши не пребудут вечно.

— Ужасная мысль! — неприятие.

— Где бы мы ни были, мы лишь управляющие.

— Бесполезная точка зрения, — медлит, спрашивая себя, почему Великая Мать именно сейчас решила говорить подобные вещи.

— Мне слышится в тебе голос Чтимых Матре. Они наделили тебя мечтами жадности.

— Это вы так говорите! — глубоко обиженно.

— Чтимые Матре полагают, что могут купить бесконечную защищенность: знаешь, какую-нибудь маленькую планетку с достаточной численностью покорного населения.

Мурбелла скривила гримасу.

— Много планет! — резко бросила Одрейд. — Все больше, и больше, и больше! Вот почему они все возвращаются целыми стаями.

— Мелкая пожива в этой Старой Империи.

— Великолепно, Мурбелла! Ты начинаешь думать, как одна из нас.

— И это превращает меня в ничто!

— Ни в рыбу, ни в мясо, но лишь в себя саму? Поостерегись, Мурбелла! Если ты полагаешь, что

владеешь чем-то, это как прогулка по зыбучим пескам.

Озадаченно сведенные брови. Придется что-то сделать с тем, как Мурбелла позволяет эмоциям так легко отражаться на своем лице. Здесь это позволительно, но когда-нибудь...

— Значит, ничем нельзя безопасно владеть. Ну и что! — горечь в голосе, горечь.

— Иногда ты говоришь верные слова, но не думаю, что уже ты нашла место внутри себя, где могла бы протянуть всю жизнь.

— Пока враг не найдет и не зарежет меня?

Тренинги Чтимых Метерей держатся, как хороший клей! Но то, как она говорила с Дунканом прошлой ночью, говорит о том, что она уже готова. Картина Ван Тога, хочется мне верить, сделала ее восприимчивее. Это слышалось в ее голосе. Следует еще раз просмотреть тот отчет.

— Кому нужно убивать тебя, Мурбелла?

— Вам никогда не выдержать атаки Чтимых Матре!

— Я уже указала на основной факт, в том что касается нас: ни одно место не может быть безопасным вечно.

— Еще один из ваших проклятых бесполезных уроков!

В зале Алколитов Одрейд вспомнила, что у нее так и не нашлось времени еще раз просмотреть тот отчет комкамер о споре Дункана и Мурбеллы. У нее едва не вырвался тяжелый вздох, что она попыталась скрыть кашлем. Никогда не позволяй молодым видеть беспокойство Великой Матери.

В пустыню к Шиане! В инспекционную поездку, как только я смогу выкроить для этого время. Время!

И вновь послушница возле Одрейд тихонько прокашлялась. Одрейд тщательно рассматривала ее боковым зрением: блондинка, короткое черное платье с белой оторочкой — Продвинутая Третья Ступень.

Ни одного движения головы в сторону Одрейд, ни одного брошенного искоса взгляда.

Вот с этим я и столкнулась в инспекционной поездке: страхи. Так и в ландшафте на каждом шагу нам попадаются знаки того, что мы бежим на перегонки со временем: деревья неподстрижены, потому что ушли садовники высланы в Рассеивание, ушли к своим могилам, ушли в неизвестные места, может быть, даже в рабство. Увижу ли я когда-нибудь, как приобретают новую привлекательность беседки, поскольку никто их не закончил, их строители ушли? Нет. Нам не до архитектурных излишеств. Где-то в Иной Памяти таились примеры, которые ей так хотелось бы отыскать: старые здания, еще более красивые оттого, что их оставили неоконченными. Строитель обанкротился, владелец разозлился на любовницу... некоторые их части становились от этого еще более интересными: старые стены, старые руины. Скульптуры времени.

Что сказала бы Белл, если бы я приказала построить беседку в моем любимом саду?

— Великая Мать? — подала наконец голос послушница подле Одрейд.

Великолепно! Они так редко находят в себе смелость.

— Да? — С легким вопросом. Лучше бы этому быть важным. Стоит ли слушать?

Но решила выслушать.

— Я вмешиваюсь. Великая Мать, поскольку дело срочное и потому что я знаю, как вы заинтересованы во фруктовых садах.

Великолепно! У девочки толстые ноги, но на ум ее это не распространяется. Одрейд смотрела на нее молча.

— Я — та, кто подготавливает карту для вашей спальни, Великая Мать. Так значит это надежный адепт, та, которой доверили работать на Великую Мать. Еще лучше.

— Моя карта скоро будет готова?

— Через два дня. Великая Мать. Я настраиваю проекционные реле, которые будут указывать ежедневный рост пустыни.

Короткий кивок. Это было частью исходного приказа — приставить алкоголита поддерживать точность карты. Одрейд хотелось так просыпаться утром, чтобы ее вдохновлял этот постоянно меняющийся вид, первое, что запечатлялось бы в сознании после пробуждения.

— Сегодня утром я отнесла доклад в ваш кабинет, Великая Мать. «Управление садами». Может быть, вы его не видели.

Одрейд видела только название. Она слишком поздно вернулась с гимнастики и спешила повидаться с Мурбеллой. Столь многое сейчас зависит от Мурбеллы!

— Плантации вокруг Централи следует или забросить или предпринять меры, чтобы поддержать их, — сказала послушница. — Вот суть доклада.

— Изложи доклад устно.

Спустилась ночь, и комната осветилась плавающими светильниками, а Одрейд все слушала. Немногословно. Даже кратко. Доклад заключал в себе предостерегающую ноту, в которой Одрейд узнала влияние Беллонды. Никакой подписи из Архивов, но предостережения Контроля Погоды проходили через Архивы, и эта послушница подхватила несколько их фраз.

Завершив доклад, послушница замолчала.

Как мне ответить? Фруктовые сады, пастища и виноградники были не только буффером, сдерживающим наступление песчаной стихии, не просто приятными украшениями ландшафта. Они поддерживали дух (и столы) Дома Ордена.

Они поддерживают мой дух.

Как тихо ждет эта послушница. Курчавые светлые волосы, круглое лицо. Приятные черты, хотя рот слишком широк. На ее тарелке оставалась еда, но она не ест. Руки сложены на коленях. Я здесь, чтобы служить вам. Великая Мать.

Пока Одрейд составляла ответ, вмешались воспоминания — старый случайный поток сознания поверх непосредственных наблюдений. Она вспомнила свой курс вождения орнитоптера. Две послушницы-ученицы с инструктором высоко над топями Лампадас. Она оказалась в паре с самой неспособной послушницей, какую когда, либо принимала Община. Очевидно, выбор на основе набора генов. Она необходима была Хозяйкам Рождений для передачи какой-то из характеристик потомству. Эмоциональным равновесием или умом это уж, конечно, не было! Одрейд даже вспомнила ее имя: Линчайн.

Линчайн кричала инструктору:

— Я все-таки буду летать на этом проклятом троптере!

И это при том, что к горлу у всех троих подступала тошнота от бесконечного кружения облаков над ними и корявых деревьев и болотистого берега озера внизу. Вот так это и виделось: мы неподвижны, а мир вокруг несется сумасшедшими кругами. И Линчайн, которая каждый раз ошибается. Каждое движение лишь загоняло их в новый штопор.

Инструктор отрезал ее от системы управления, вытянув развод, до которого только он мог дотянуться, и пока их полет вновь не стал прямым и ровным, не сказал ни единого слова.

— Вы никогда не будете управлять троптером, госпожа. Никогда! У вас не те реакции. Таким, как вы, их следует начинать тренировать до вступления в половую зрелость.

— Но я буду летать на нем! Буду! Я буду водить эту проклятую штуковину! — руки дергают бесполезный штурвал.

— Вы признаны непригодной, госпожа. Вам полеты запрещены!

Одрейд вздохнула свободнее, осознав, что она с самого начала знала, что Линчайн может убить их всех.

Круто обернувшись к Одрейд, которая сидела за ней, Линчайн выкрикнула:

— Скажи ему! Скажи ему, что он должен повиноваться Бене Джессерит! Обращение к тому факту, что Одрейд обогнала ее на несколько ступеней вперед, уже говорил о командовании.

Одрейд молчала, ничто в ее лице не шевельнулось.

Молчание — лучшее, что иногда можно сказать, нацарапали когда-то шутники из Бене Джессерит на зеркале в умывальной. И тогда и не раз после Одрейд сочла это недурным советом.

Заставляя себя вернуться к нуждам послушницы за обеденным столом, Одрейд удивилась, почему у нее в памяти вдруг всплыло это давнее событие. Подобные вещи редко случаются без особой на то цели. Сейчас, пожалуй, молчать не стоит. Юмор? Вот оно послание. Юмор Одрейд (задействованный позднее) научил Линчайн кое-чему о ней самой. Юмор в условиях стресса. Одрейд улыбнулась послушнице за обеденным столом:

— Как бы тебе понравилось быть лошадью?

— Что? — вырвалось у послушницы, но на улыбку Великой Матери она все же ответила. Ничего пугающего в этом, скорее даже что-то теплое. Все говорили, что Великая Мать позволяет себе проявление теплых чувств. — Ты, конечно, не понимаешь, — вновь улыбнулась Одрейд.

— Нет, Великая Мать, — по-прежнему с улыбкой и терпением.

Великая Мать позволила себе взглянуться в молодое лицо. Ясные голубые глаза, еще не тронутые всепоглощающей Агонией Спайса. Рот почти как у Белл, но без ее злобности. Надежные мускулы и надежный ум. Она хорошо сумеет предугадывать потребности Великой Матери. Взять, например, ее работу над картой и этот доклад. Восприимчива. Маловероятно, что когда-нибудь поднимется на самый верх, но всегда будет на одной из ключевых позиций, где необходимы именно ее качества.

Почему я села рядом именно с ней?

Одрейд нередко выбирала определенного компаньона на время этих гостевых трапез в общем зале. В основном кого-нибудь из алкоголиков. Они могут открыть так многое. До рабочей комнаты Великой Матери доходили различные доклады об алкоголиках: личные наблюдения кого-нибудь из Прокторов об одной или другой послушнице. Но иногда Одрейд выбирала место, казалось, без какой-либо причины, которую она могла бы объяснить. Как сегодня. Не она ли та, что мне нужна?

Беседы завязывались очень редко, разве что сама Великая Мать начинала разговор. Обычно деликатное начало перерастало в разговор более личный. Остальные вокруг тогда жадно к нему прислушивались.

В такие минуты Одрейд нередко излучала едва ли не религиозную безмятежность. Это успокаивало нервных. Послушницы есть... в общем, послушницы, но Великая Мать — высшая ведьма среди них всех.

Взволнованность вполне естественна.

Кто-то за спиной Одрейд прошептал:

— Сегодня она распекает Стегги.

Распекать. Одрейд знала это выражение. Оно ходило еще во времена ее собственного послушничества. Так эту зовут Стегги. Пусть пока это останется невысказанным. Имена несут в себе магию.

— Тебе понравился сегодняшний обед? — спросила Одрейд.

— Приемлемо, Великая Мать.

Обычно никто не пытался высказывать ложные мнения, но Стегги, судя по всему, смущала перемена темы.

— Они его переварили.

— Обслуживая стольких, как они могут удовлетворить каждого. Великая Мать?

Она говорит, что думает, и говорит хорошо.

— У тебя левая рука дрожит, — сказала Одрейд.

— Я немного нервничаю в вашем присутствии. Великая Мать. И я только что с гимнастических занятий. Они были изнурительны сегодня.

Одрейд проанализировала дрожь:

— Они тебя заставляли стоять с вытянутой рукой.

— Это было так же болезненно в ваше время. Великая Мать? (В древние времена?) — Точно так же как и сейчас. Боль учит, говорили мне.

Это смягчило ситуацию. Общий опыт, байки Прокторов. — Я не поняла, что вы говорили о лошадях,

Великая Мать, — Стегги смотрела в свою тарелку. — Не может же это быть кониной. Я уверена, я... Одрейд весело рассмеялась, что привлекло удивленные взгляды. Потом, стараясь подавить улыбку, положила руку Стегги на локоть:

— Спасибо, дорогая. За последние несколько лет никто не мог заставить меня так смеяться. Я надеюсь, это будет началом долгого и радостного общения.

— Благодарю вас. Великая Мать, но я...

— Я объясню, почему я заговорила о лошади. Это моя маленькая шутка, здесь не было намерения унизить тебя. Я хотела бы, чтобы ты носила на плечах маленького ребенка, чтобы он мог двигаться быстрее, чем способны его носить маленькие ножки.

— Как пожелаете. Великая Мать.

Ни возражений, ни вопросов. Вопросы по-прежнему оставались, но ответы на них придут в свое собственное время, и Стегги это знала.

Время магии.

Убирая руку, Одрейд спросила:

— Как тебя зовут?

— Стегги, Великая Мать. Алоана Стегги.

— Спи спокойно, Стегги. Я позабочусь о садах. То, что они поддерживают наш дух, нужно нам так же, как и их урожай. Сегодня же доложи об изменении в твоем назначении. Скажи им, что я жду тебя у себя в рабочей комнате завтра в шесть утра.

— Я буду там. Великая Мать. Я буду продолжать помечать вашу карту? спросила послушница, когда Одрейд уже встала уходить.

— Пока, Стегги. Но попроси отдел Назначений о новой послушнице и начни обучать ее. Вскоре ты будешь слишком занята, чтобы заниматься картой.

— Благодарю вас. Великая Мать. Пустыня растет очень быстро.

Слова Стегги доставили Одрейд определенное удовлетворение, разогнав тьму, что сгущалась вокруг нее почти едва ли не весь день.

Цикл получает еще один шанс, вновь поворачивая круг, как было положено ему теми подземными силами, которые называют «жизнью» или «любовью» или навешивают еще какие-нибудь ненужные ярлыки.

Так он и поворачивается. Так он возобновляется. Магия. Какое ведьмовство могло бы отвлечь внимание от этого чуда?

Вернувшись в рабочую комнату, она передала приказ Погоде, заставила замолчать инструменты на своем столе и отошла к стрельчатому окну. Освещенный наземными огнями и их отражениями от низких облаков Дом Ордена в ночной темноте светился слабо-красным. Отблеск этот придавал стенам и крышам нечто романтическое, впечатление, которое Одрейд быстро заставила себя отбросить.

Романтика? Ничего романтичного не было в том, что она только что сделала в Обеденном зале Алколитов. Я наконец сделала это. Назад пути нет. Теперь Дункан просто должен возвратить память нашему Баша. Деликатное задание.

Она продолжала смотреть в ночь, чувствуя холодный ком в желудке.

Я не только себя предаю этой опасности, но и то, что осталось от моей Общины. Так вот как это воспринимается, Тар.

Так это и воспринимается, и план твой — палка о двух концах.

Собирался дождь. Одрейд чувствовала его приближение в воздухе, поступающем через расположенные вокруг окна отверстия вентиляции. Нет необходимости читать сводки Контроля Погоды. Впрочем, она в последнее время и так делала это редко. К чему беспокоиться? Но доклад Стегги заключал в себе серьезное предупреждение.

Дожди здесь становятся все реже, и предвкушают их все чаще с радостью. Даже несмотря на холод Сестры выходят погулять под дождь. В этой мысли был оттенок печали. Каждый приходящий к ним

дождь приносил с собой все тот же вопрос: Не последний ли это?

Занятые на Контроле Погоды прилагали героические усилия к тому, чтобы поддерживать сухой все расширяющуюся пустыню и орошать сельскохозяйственные районы. Одрейд не могла себе представить, как, выполняя ее приказ, им удалось вызвать хотя бы этот дождь. Пройдет не так уж много времени, и они будут не в состоянии исполнять подобные приказы, пусть даже они исходят от Великой Матери. Победа останется за пустыней, поскольку именно ее мы привели в движение.

Одрейд открыла центральные створки окна. Ветер на этом уровне остановился. Лишь над головой неспешно шли облака. Ветер в верхних слоях атмосферы прогонял их прочь. Ощущение спешки в воздухе. Воздух был прохладен. Так значит, чтобы вызвать этот дождь, им пришлось изменить температуру. Не испытывая никакого желания выходить на улицу, она закрыла окно. У Великой Матери нет времени играть в последний дождь. По одному дождю за раз. И все время откуда-то извне на них неостановимо надвигается пустыня.

За ней хотя бы мы можем наблюдать, наносить ее на карту. Но как быть с охотницей у меня за спиной — фигурой из ночного кошмара с топором? Какая карта скажет мне, где она сегодня?

Глава 14

Религия (подражание ребенка взрослому), как капсула, заключает в себе мифологии прошлого: догадки, потаенные надежды, доверие Вселенной, заявления, сделанные в тайных поисках личной власти, — и все это сплавлено краткими обрывками просветления. И всегда невысказанная заповедь: Это выше вопросов! Мы ежедневно нарушаем эту заповедь, подгоняя человеческое воображение к глубинам творчества внутри него самого.

Кредо Бене Джессерит

Мурбелла в полном одиночестве сидела, скрестив ноги, на полу зала для тренировок, дожидаясь пока утихнет дрожь от изнурительных упражнений. Великая Мать провела здесь сегодня меньше часа. И, как это нередко случалось, Мурбелле казалось, что ее бросили в горячечном сне.

Сон вернулся отзвуком слов Одрейд, сказанных ею перед уходом:

— Самый трудный урок, какой необходимо усвоить алкоголиту, — это то, что он всегда должен использовать свои возможности до предела. Твои способности заведут тебя дальше, чем ты можешь себе представить. А потому не пытайся. Тянись!

Что мне ответить? Что меня учили обманывать?

Одрейд сделала что-то странное, что вернуло воспоминания детства и воспитания среди Чтимых Матре. Я научилась обманывать прежде, чем научилась ходить. Как стимулировать потребность и привлечь внимание. Бесчисленные «как» в мозаике обмана. Чем старше она становилась, тем легче давался обман. Она выяснила, чего требуют большие люди вокруг нее. По малейшему требованию я извергала целые потоки лжи. Это называлось «образованием». Почему Бене Джессерит были столь отличны в своем обучении?

— Я не прошу тебя быть честной со мной, — говорила Одрейд. — Будь честной с самой собой.

Мурбелла не раз приходила в отчаяние, будучи не уверена, удастся ли ей искоренить все обманы своего прошлого. Почему я должна это делать? Снова обманы.

— Будь ты проклята, Одрейд!

Только после того, как эти слова повисли в воздухе, Мурбелла осознала, что произнесла их вслух. Она стала было подносить руку ко рту, но бросила это. Горячка твердила ей: «Так в чем же разница??

— Бюрократизм воспитания притупляет восприимчивость детского любопытства, — объясняет Одрейд. — Молодость должна быть притуплена. Никогда не позволяйте им узнать, чего они могут достигнуть. Это приносит перемены. Истратьте недели разговоров в комитетах о том, как обращаться с выдающимися студентами. Ни минуты не уделять решению проблем стандартного учителя, который чувствует угрозу проявляющихся талантов и давит их вследствие глубоко въевшегося желания чувствовать свое превосходство и свою защищенность в безопасном окружающем мире.

Она говорила о Чтимых Матре.

Конвенциональные учителя?

Вот оно: за фасадом многоголосой мудрости Бене Джессерит нестандартны. Они зачастую не думают об обучении: они просто учат.

Боги! Как же я буду такой же, как они!

Эта мысль шокировала ее, и она вскочила на ноги, заставляя себя вновь пройти через привычную рутину упражнений для рук И кистей.

Осознание ударило ее глубже чем когда-либо. Она не хочет разочаровывать этих учителей. Честность и прямота. Каждый алкоголит это слышал.

— Основные инструменты учения, — сказала Одрейд.

Отвлекшись на эти мысли, Мурбелла споткнулась, упала и встала, потирая ушибленное плечо.

Поначалу она думала, что торжественные заявления Бене Джессерит ничто иное, как ложь. Я настолько искренна с тобой, что должна заявить тебе о моей непоколебимой честности.

Но эти заявления подкрепляюсь поступками.

— Это ты так судишь, — настаивал в горячечном сне Мурбеллы голос Одрейд.

Было что-то в их разуме, в памяти, в равновесии интеллекта, чем никогда не обладала ни одна из Читимых Матре. Эта мысль заставила ее ощутить свою ничтожность. Вступи в круговую поруку.

Но у меня же есть талант. Для того, чтобы стать Читимой Матре, требовался талант.

Я по-прежнему думаю о себе как о Читимой Матре?

Бене Джесссерит знали, что она не связала себя с ними целиком и полностью. Что есть во мне такого, что может понадобиться им? Конечно же, не умение обманывать.

— Соответствуют ли поступки словам? Вот где твоя мера надежности. Никогда не ограничивай себя словами.

Мурбелла прижала руки к ушам:

— Заткнись, Одрейд!

— Как отличает ясновидец искренность от более основополагающих, суждений?

Руки Мурбеллы упали. Может быть, я действительно больна. Она обвела взглядом длинную комнату — никого, кто мог бы произнести эти слова. И все же это был голос Одрейд.

— Если ты убедишь себя, искренно сможешь нести любую галиматию (что за очаровательное старинное слово; проверь, что оно значит), совершеннейший бред в каждом слове и тебе поверят. Но только не один из наших ясновидцев. Плечи Мурбеллы опустились, торопливыми шагами она начала бессмысленно мерить комнату. Что никуда от этого не деться?

— Думай о последствиях, Мурбелла. Именно так выискивают то, что сработает потом. Вот о чем все наши столь ценные откровения.

Прагматизм?

В этот момент ее отыскал Айдахо и на безумное выражение ее глаз отреагировал встревоженным вопросом:

— Что случилось?

— Похоже, я больна. Действительно больна. Я думала, это что-то, что сделала со мной Одрейд, но...

Он поймал ее, когда Мурбелла начала падать.

— Помогите нам!

В данный момент он был рад ком-камерам. Врач Сук появилась меньше чем через минуту и тут же склонилась над лежащей на коленях у Айдахо Мурбеллой.

Осмотр был коротким. Врач Сук, пожилая, седеющая Преподобная Мать, с традиционным вытатуированным на лбу алмазом, выпрямилась и сказала:

— Перенапряжение. Она пыталась не найти пределы своих возможностей, а выйти за них. Прежде чем позволить ей продолжать, мы переведем ее назад на стадию обучения восприятию. Я пришлю Прокторов. Вечером Одрейд нашла Мурбеллу в палате Прокторов. Мурбелла сидела в кровати, обложенная подушками, двое Прокторов по очереди проверяли реакцию и тонус мускулов. Незаметный жест и они оставили их наедине.

— Я пыталась избежать осложнений, — сказала Мурбелла. Честность и прямота.

— Попытки избежать осложнений зачастую и создают их, — Одрейд опустилась в кресло у постели и положила руку Мурбелле на плечо, почувствовала, как мелко задрожали мускулы. — Мы говорим: «Слова медлительны, чувства гораздо быстрее», — Одрейд убрала руку. — Какие решения ты пыталась принять?

— Вы позволите мне принимать решения?

— Не нужно насмехаться, — она подняла руку, прося Мурбеллу не прерывать ее. — Я не учла в должной мере обстоятельств твоей прошлой жизни. Читимые Матре практически лишили тебя способности принимать решения. Типично для обществ жажды власти. Научи их людей вечному надувательству. «Решения приводят к дурным результатам!» Потому учи их избегать решений.

— А какое это имеет отношение к моему обмороку? — возмущенно.

— Мурбелла! Худшее, к чему приводит то, что я только что описывала, это то, что подобное общество превращает людей как бы в мусорные корзины они не могут уже принять никакого решения или оттягивают решения до последней секунды, а потом бросаются на них, как впавшие в отчаяние животные.

— Ты сказала мне дойти до предела! — едва ли не взывала Мурбелла.

— Твоего предела, Мурбелла. Не моего. И не предела Белл или кого-либо еще. Твоего.

— Я решила, что хочу быть такой же, как вы, — ее голос звучит очень слабо.

— Чудесно! Не думаю, что я когда-нибудь пыталась убить себя. Особенно, будучи беременна.

Сама не желая того, Мурбелла усмехнулась.

— Спи, — Одрейд встала, готовясь уйти. — Завтра ты пойдешь в специальный класс, где мы поработаем над твоей способностью смешивать решения с восприимчивостью до твоих пределов. Помни, что я говорила тебе. Мы заботимся о своих.

— А я ваша? — едва ли не шепотом.

— С тех пор, как повторила молитву перед Прокторами.

Уходя, Одрейд погасила светильники, и Мурбелла услышала, как она говорит кому-то за дверью:

— Прекратите суетиться вокруг нее. Ей нужен отдых.

Мурбелла закрыла глаза. Горячечный сон исчез, но место его заняли ее собственные воспоминания. «Я — Бене Джессерит. Я существую лишь для того, чтобы служить».

Она слышала свой голос, повторяющий эти слова вслед за Проктором, но память наполняла их значением, какого не было в оригинале.

Они знали, что я цинична.

Можно ли что-нибудь спрятать от им подобных?

Погружаясь в воспоминания, она чувствовала у себя на лбу руку Проктора и слышала слова, до этого мгновения не имевшие никакого значения: «Я стою перед лицом священного дитя человеческого. Как делаю я это сейчас, так станешь однажды и ты. Я молюсь тебе, чтобы так оно и произошло. Пусть будущее остается неизвестным, поскольку это канва, по которой мы вышиваем свои желания. Так человечество всегда оказывается перед лицом своей постоянной *tabula rasa*. Мы не обладаем ничем, кроме этого мгновения, в которое мы постоянно посвящаем себя этому священному человечеству, которое мы разделяем и творим».

Традиционно и нетрадиционно. Мурбелла осознала, что к этому мгновению она оказалась не подготовлена ни физически, ни эмоционально. По ее щекам потекли слезы.

Глава 15

Законы, предназначенные для подавления чего-либо, обычно лишь усилият то, что они запрещают. Это именно та точка, на которой основывали защиту своей работы все в истории легальные профессии.

Кода Бене Джессерит

В своих беспокойных обходах Централи (нечастных в последнее время, но оттого еще более напряженных) Одрейд искала признаков вялости, но еще больше тех участков, где система функционировала бы слишком гладко.

У Старшой из Сторожевых псов была собственная излюбленная следи-фраза: «Покажите мне пример совершенно гладко идущей рутины и я найду вам того, кто прикрывает ошибки. Реальный корабль, бывает, качает». Говорила она это часто, и это стало кодовой фразой, которой Сестры (и даже некоторые алкоголиты) комментировали решения Великой Матери.

«Настоящий корабль качает». И мягкие смешишки.

В сегодняшней инспекции ранним утром Одрейд решила сопровождать Беллонда, не упомянув о том, что «раз в месяц» растянулось до «раз в два месяца» — и то если удавалось выкроить время. Эта инспекция запаздывала уже на неделю. Белл хотелось использовать это время, чтобы настроить Великую Мать против Айдахо. И Тамейлан она потащила за собой, хотя предполагалось, что в это время там будет проверять работу Прокторов. Вдвоем против меня? Удивилась Одрейд. Она не думала, что Белл и Там могут подозревать о намерениях Великой Матери. Хорошо, это станет известно как план Таразы. В свое время, да. Тар?

Они продвигались по коридору, черные робы посвистывают в спешке, глаза не пропускают ничего. Все кругом было знакомо, и все же они искали то, что было бы здесь новым. Перевесив через левое плечо, Одрейд несла свой ауди-передатчик. Теперь никогда не оказывайся вне пределов связи.

За каждой из сцен, происходивших в центре Бене Джессерит, лежали поддерживающие службы: больница-клиника, кухня, морг, контроль за сбором мусора, системы утилизации отходов (подсоединенные к мусоросборникам и канализации), транспорт и коммуникации, поставка продуктов на кухни, тренировочные залы и залы физической поддержки, школы для алкоголиков и постулантов, спальные помещения всех рангов, центры общения, службы тестирования и многое другое. Персонал часто менялся, что было следствием Рассеивания и продвижения людей на новые задания. Но задания и рабочие места оставались.

Пока они быстро переходили из одного отдела в другой, Одрейд заговорила о Рассеивании Общины, не пытаясь скрыть своей тревоги, что они превратились в «атомную семью».

— Для меня оказалось довольно сложным оценивать человечество, разбросанное по беспредельной Вселенной, — сказала Там. Возможности...

— Играют бесконечные числа, — отозвалась Одрейд, перешагивая через сломанный бордюр. — Это следует починить. Мы играем в бесконечную игру с тех самых пор, как научились перепрыгивать Сворачиваемое Пространство.

— Это не игра! — в голосе Беллонды не было радости.

Одрейд была в состоянии оценить чувства Беллонды. Мы никогда не сталкивались с пустым пространством. Всегда лишь новые галактики. Там права. Это обескураживает, если концентрироваться на Золотой Тропе. Воспоминания об исследованиях предоставляли Сестрам статистический инструмент, но не более. Столького населенных планет в указанном скоплении, и среди них ожидаемое дополнительное число тех, которые могут быть превращены в подобие Земли.

— Какая эволюция может там идти? — потребовала Там.

На этот вопрос не было ответа. Спроси, на что способна Бесконечность, и единственным ответом будет: «На все, что угодно».

Любое зло, любое добро; любое зло, любое добро.

— Что если Чтимые Матре от кого-то спасаются? — задала вопрос Одрейд. — Интересная возможность?

— Бесполезные спекуляции, — пробормотала Беллонда.

— Мы не знаем даже, приводит ли Сворачиваемое Пространство в одну и ту же Вселенную или в несколько различных... или даже в бесконечное число расширяющихся и лопающихся пузырьков...

— А может быть. Тиран понимал это лучше нас? — спросила Там.

Беллонда и Тамейлан подождали Одрейд, пока та заглядывала в комнату, где пять алкоголиков Продвинутой Ступени изучали проекцию региональных складов меланжа. Содержащий информацию кристалл совершил замысловатый танец в луче проектора, отскакивая от него, как мячик на верху струи фонтана. Одрейд успела увидеть заключение и отвернулась, прежде чем нахмуриться. Там и Белл не видели выражения ее лица. Нам вскоре придется ограничить доступ к данным по запасам меланжа. Деморализующее зрелище. Администрация! Вспомнилось Великой Матери. Предоставьте все одним и тем же людям и вскоре вы скатитесь к бюрократии.

Одрейд знала, что слишком зависит от своего внутреннего восприятия администрации. Система, часто тестируемая и исправляемая, использующая механизмы только в случае необходимости. Они называли их «железками». К тому времени, как послушницы становились Преподобными Матерями, у каждой из них вырабатывалось разумное отношение к этим «железкам» и они использовали механизмы не задавая более никаких вопросов. Одрейд настаивала на постоянных улучшениях (пусть даже совсем незначительных), которые внесли бы в деятельность Сестер разнообразие. Случайность!

Никакого абсолютного порядка, который, будучи раскрыт, может быть использован против Общины. Одному человеку за его короткую жизнь, возможно, и не стать свидетелем подобных сдвигов, но за длительные периоды времени различия станут весьма значительными.

Инспекционная группа спустилась на нижний уровень и вышла на главную магистраль Централи. Сестры называли ее «Путь». Шутка в себе, отсылающая к тренинговому режиму, широко известному как «Путь Бене Джесссерит».

Путь простирался от площади около башни Одрейд до южных окраин городской территории — прямой, как луч лазгана, насчитывающий едва ли не двенадцать кликов высоких и приземистых зданий. У всех низких было нечто общее: все они были построены так, чтобы их можно было надстроить впоследствии.

Одрейд подозвала открытый транспортер, где были свободные места, и все трое забрались в кабину, где могли продолжать разговор. У фасадов вдоль Пути приятный старомодный вид, подумалось Одрейд. Здания, подобные этим с их длинными прямоугольными окнами изолирующего плаза, сопровождали «Пути» Бене Джесссерит на протяжении всей истории Общины. Вдоль центра магистрали выстроилась цепочка вязов, генетически выведенных для придания им высоты и стройного очерка. В их ветвях гнездились птицы, чье пестрое оперение делало утро еще ярче.

Не опасная ли для нас привычка предпочитать знакомое окружение?

Одрейд вывела их из транспортера у Пьяного Тупика, подумав, что юмор Бене Джесссерит наиболее отчетливо проявляется в забавных названиях. Озорство в названиях улиц. Пьяный Тупик — это название возникло в результате того, что фундамент одного из зданий слегка осел, придав всей конструкции комичный вид «как бы навеселе». Один из солдатов вдруг нарушил строй.

Как Великая Мать. Только они пока еще этого не знают.

Когда они подошли к Аллее Башен, резко зазвенел сигнал связи.

— Великая Мать? — это была Стегги.

Не останавливаясь, Одрейд послала в ответ, что она на связи.

— Вы просили доклад по самочувствию Мурбеллы. Доктор Сук говорит, что она готова для назначенного класса.

— Так назначь ее.

Они продолжали шагать по Аллее Башен, по обеим сторонам которой выстроились одноэтажные постройки.

Одрейд позволила себе окинуть взглядом здания, над одним из них по правой стороне возводили второй и третий этажи. Может быть, переулок действительно станет когда-нибудь Аллеей Башен, и шутка (какая сейчас заключалась в его названии) будет забыта.

Не раз говорилось о том, что присвоение имен улицам все равно делается лишь ради удобства, а потому, почему бы не рискнуть вторгнуться в достаточно деликатную для Общины область.

Одрейд внезапно остановилась посреди заполненной прохожими пешеходной дорожки и обернулась к своим спутницам.

- Что бы вы сказали, если бы я предложила называть улицы и площади именами ушедших Сестер?
- Голова у тебя сегодня забита форменной чушью! — обвинила в ответ Белл.
- Они не ушли, — сказала Тамейлан.

Одрейд возобновила быстрый шаг. Чего-то подобного она и ожидала. Мысли Белл были почти слышимы, как если бы она говорила вслух: «Ушедшие» вместе с нами, в наших Иных Воспоминаниях!

Одрейд не хотелось спорить здесь на виду у всех, но она осталась при мнении, что в ее идее есть определенный смысл. Некоторые Сестры умерли без Разделения. Основные Линии Памяти дублировались, но терялись ниточки и их уничтоженный носитель. Именно так ушла из жизни Шангу из Обители на Гамму, была убита внезапно напавшими Чтимыми Матре. Осталось немало воспоминаний, несущих в себе ценные ее качества... и проблемы. Нельзя сказать, что может научить большему, ее успехи или ее ошибки.

Ускорив шаг, Беллонда поравнялась с Одрейд на относительно пустой дорожке:

- Я должна вновь вернуться к Айдахо. Ментат, да, но все эти многочисленные воспоминания. Крайне опасно!

Они как раз проходили мимо морга, и резкий запах антисептиков чувствовался даже на улице. Высокая узкая дверь была открыта настежь.

- Кто умер? — спросила Одрейд, не обращая внимания на озабоченность Беллонды.
- Проктор из Секции Четыре и человек из службы садов, — ответила Тамейлан. Тамейлан всегда знала.
- Ты перестанешь уклоняться от разговора? — Беллонда была в ярости оттого, что ее игнорируют, и не собиралась этого скрывать.
- А о чем мы? — очень мягко спросила Одрейд.

Они вышли на южную террасу и остановились у каменного парапета, откуда открывался чудесный вид на сады и виноградники. Яркость утренних красок притупляла пыльная дымка, совсем не похожая на туман, создаваемый влажностью.

- Ты знаешь о чем! — не сдавалась Белл.

Прижимаясь к камню, Одрейд взглядалась в далекие деревья. От камней исходил холод. Странный цвет у этого тумана, подумала Одрейд. Солнечный свет, проходя сквозь пыль, преломлялся иным спектром отражения. Надуваемые пыль и песок, как вода, заползают в каждую щелочку, но выдают их кашель и чиханье прохожих и механизмов. То же и с настойчивостью Белл. Никакой смазки.

- Это пустынный свет, — сказала вслух Одрейд.
- Перестань избегать меня, — вновь Белл о своем.

Одрейд решил не отвечать. Пыльный свет нечто классическое, но не настолько успокаивающее, как старые живописцы с их туманными утрами.

Рядом с Одрейд встала Тамейлан.

- Красиво, лишь ему присущей красотой, — ее отстраненный тон говорил о том, что ее сравнения с тем, из Иных Воспоминаний, совпали с мыслями Одрейд.

Если это то, как тебя научили смотреть на красоту. Но что-то в глубине памяти Одрейд говорило, что это не та красота, по которой она тоскует.

В тенистых низинах под ними, там, где когда-то буйно зеленела листва, теперь царили сушь и ощущение выпотрошенной земли, что-то вроде того, как подготовливали своих умерших древние египтяне — высушены до последнего, сохраненные для своей Вечности. Пустыня, как плач, расщепляет грязь на нитроны, бальзамирует нашу прекрасную планету, скрывая все ее чудеса. Беллонда стояла у них за спиной, что-то бормоча себе под нос и покачивая головой, отказываясь смотреть на то, чем станет их планета. Одрейд едва ли не передернуло от внезапного потока параллельного сознания. На нее нахлынули воспоминания: Ей казалось, что вот она обшаривает руины Сиетч Табра, находя в них забальзамированные тела охотников за спайсом, лежащие там, где их бросили убийцы.

Что стало с Сиетч Табром? Единая сплавленная масса того, что когда-то было песком, и ни одной

приметы, которая рассказала бы о славном прошлом далеких дней. Чтимые Матре... Убить можно не только человека, но и историю.

— Если ты не собираешься избавляться от Айдахо, то я вынуждена буду протестовать против его использования как ментата.

Ну и суетливая же женщина! Одрейд обратила внимание на то, что сегодня в Белл больше чем когда-либо проявляется возраст. Линзы для чтения на носу даже сейчас. Они увеличивали ее глаза, так что Белл становилась похожа на вытащенную из воды рыбу. Использование очков, вместо более тонких протезов, немало говорило о Беллонде. Она как бы щеголяла обратным тщеславием: «Смотрите, я выше устройств, в которых нуждаются подводящие меня чувства».

— С чего это ты вдруг так на меня уставилась? — Великая Мать явно вывела Беллонду из себя.

Одрейд, внезапно захваченная осознанием слабости своего Совета, перевела взгляд на Тамейлан. Хрящи никогда не перестают расти, и это увеличило уши, нос и подбородок Там. Некоторые Преподобные Матери справлялись с их ростом посредством метаболизма или регулярно прибегали к пластическим операциям. Там отказывалась сгибаться перед подобным тщеславием: Вот она я. Принимайте такой, как есть или убирайтесь.

Мои советники слишком стары. А я... мне следовало бы быть моложе и сильнее, взваливая себе на плечи все эти проблемы. Что за проклятая вспышка жалости к себе!

Но главная опасность одна — действия, направленные против выживания Общины.

— Дункан — великолепный Ментат! — Одрейд говорила теперь со всем нажимом своего высокого положения. — Но я не собираюсь использовать ни одного из вас для того, что лежит за пределами ваших способностей. Беллонда промолчала. Ей ли не знать слабостей ментатов. Ментаты! — подумала Одрейд. Они как ходячие Архивы, но когда вам больше всего нужны ответы, они проваливаются в бездну вопросов. — Мне не нужен другой Ментат, — продолжала Одрейд. — Мне нужен новатор!

Беллонда продолжала молчать, и Одрейд заговорила вновь:

— Я собираюсь освободить его разум, не тело.

— Я настаиваю на анализе прежде, чем ты откроешь ему все источники и базы данных!

Учитывая обычную манеру Беллонды, это еще довольно мягко. Но Одрейд этому не доверяла. Ей отвратительны были подобные дискуссии — бесконечное перекапывание архивных отчетов. Беллонда души в них не чаяла. Беллонда Архивных Мелочей и наводящих скуку экзерциссов в ненужные подробности! Кому какое дело, если Преподобная Мать Х предпочитает овсянку на снятом молоке!

Одрейд повернулась к Беллонде спиной и стала смотреть на небо на юге. Пыль! Мы снова будем просеивать пыль! Беллонду со всех сторон окружат помощницы. От одной только мысли об этом, Одрейд почувствовала невыносимую скуку.

— Никаких больше анализов, — Одрейд бросила это резче, чем собиралась.

— У меня своя точка зрения, — в голосе Беллонды звучала обида.

Точка зрения? Что мы есть как не сенсорные окна в нашей Вселенной, каждое лишь с точкой зрения?

Всех видов инстинкты и воспоминания... даже Архивы — и ни одно из них не говорит само за себя. Ни одно не имеет значения, пока не сформулировано в живом сознании. Но кто бы он ни был, создающий формулировки устанавливает приоритеты. Весь порядок произволен! Почему эти данные, а не какие-нибудь другие? Любая Преподобная Мать знает, что события происходят в собственном своем потоке, своем собственном относительном окружении. Почему Преподобная Мать Ментат не может действовать исходя из этого знания?

— Ты отказываешься от обсуждения? — спросила Там.

Она что, заодно с Белл?

— Когда я отказывалась от обсуждения? — Одрейд дала выход раздражению. — Я отказываюсь от еще одной архивной карусели Белл.

— Тогда как, в реальности... — вмешалась Беллонда.

— Белл! Не говори мне о реальности!

Пусть-ка это проглотит! Преподобная Мать и Ментат!

Нет никакой реальности. Только наш навязанный всему на свете порядок! Основной постулат Бене Джессерит.

Случалось (и сейчас был как раз такой момент), Одрейд хотелось бы родиться в другой, более ранней эре — римской матроной в длинной череде аристократов, или обложенной ватой викторианкой. Но она заложница времени и обстоятельств. Навечно в ловушке!

Необходимо взглянуть в лицо и такой возможности.

Возможности того, что будущее Общины заключено в тайных убежищах, в вечном страхе быть обнаруженными. Будущее гонимых. А здесь, в Централи, нам позволят не более одной ошибки.

— Хватит с меня этой инспекции! — Одрейд вызвала личный транспорт и по дороге все поторапливалась их вернуться в кабинет.

Что нам делать, если охотницы нападут на нас здесь?

У каждой из них был свой собственный сценарий, небольшая пьеса расписанных реакций. Но каждая Преподобная Мать была в достаточной мере реалистом, чтобы понимать, что ее сценарий может оказаться скорее помехой, нежели помощью.

В рабочей комнате, где утренний свет безжалостно обнажал все предметы, Одрейд тяжело опустилась в кресло и подождала, пока займут свои места Беллонда и Тамейлан.

Никаких больше совещаний с аналитиками из Архивов. На самом деле ей необходимо нечто большее, чем Архивы, большее, чем что-либо из того, что они использовали до сих пор.

Вдохновение. Одрейд потерла ногу, почувствовав дрожь в мускулах. В последние дни ей плохо спалось. А эта инспекция оставила по себе чувство разочарования.

Одна ошибка может положить конец нам всем, а я собираюсь связать нас решением, от которого нет возврата.

Может быть, я все излишне усложняю?

Ее советники спорили с мудреными решениями. Они говорили, что Община должна продвигаться с уверенным постоянством, заранее зная почву впереди. Всему, что они делали, противостояла катастрофа, ожидающая их при малейшем неверном шаге.

И я иду по проволоке над пропастью.

Есть ли у них время на эксперимент, на проверку возможных решений? Все они играют в эту игру. Белл и Там защищали ее от постоянного потока предложений, в которых не было ничего более эффективного, чем их Рассеивание на атомы.

— Мы должны быть готовы убить Айдахо при малейшем признаке того, что он Квизатц Хадерах, — сказала Беллонда.

— У тебя нет никакой работы? Уходите отсюда, обе!

Когда они встали, комната вокруг Одрейд приобрела какое-то враждебное ощущение. Что не так? Беллонда смотрит сверху вниз этим ужасным оценивающим взглядом. Тамейлан кажется гораздо мудрее, чем она может быть. Что такого в этой комнате?

Вследствие ее функциональности эту комнату распознал бы как рабочую даже человек из докосмических времен. Почему же в ней так чувствуется что-то враждебное? Рабочий стол был рабочим столом, и стулья стояли на удобным местах. Белл и Там предпочитали пульсирующие кресла. Какому-нибудь человеку из Иных Воспоминаний они показались бы странными, и это, как она подозревала, окрашивало и ее к ним отношение. Ридьюлийские кристаллы, возможно, поблескивают странно, непонятно пульсируют и мигает в них свет. Могут удивлять танцующие над столом сообщения. И другие инструменты могут показаться чужими древнему человеку, разделяющему ее сознание.

Но я чувствую это все, как чужое.

— С тобой все в порядке. Дар? — озабоченно спросила Там.

Одрейд отмахнулась от вопроса, но ни одна из женщин не сдвинулась с места.

В ее голове происходило что-то, что никак не удавалось свалить на долгие часы работы и недостаток отдыха. Не первые ей казалось, что она работает в чуждых ей условиях. Предыдущей

ночью, перекусывая за этим столом, поверхность которого тогда, как и сейчас, была завалена Приказами о назначении, она обнаружила, что просто сидит и смотрит на неоконченную работу.

Какую Сестру можно снять с какого поста для этого ужасного Рассеивания? Как им увеличить шансы на выживание тех немногих песчаных форелей, которых увозили с собой Сестры? Как правильно распределить меланж? Не стоит ли подождать, прежде чем отправлять в неизвестность Сестер? Подождать, вдруг удастся выудить у Скитеяла, как произвести спайс в акслотль-автоклавах?

Одрейд вспомнила, что ощущение чуждости окружения возникло у нее в тот момент, когда она жевала сандвич. Она стала рассматривать его, приоткрыла. Что это такое, что я ем? Куриная печенька с луком на ломте лучшего в Доме Ордена хлеба.

Вопросы о мелочах собственной будничной жизни, возможно, в этом все дело. Но они лишь часть этого ощущения чуждости.

— Ты выглядишь больной, — сказала Белл.

— Просто слабость, — солгала Одрейд. Они, конечно, знали, что она лжет, но кто станет оспаривать ее слова? — Вы обе, наверное, так же устали, — теплые чувства в голосе Великой Матери.

— Ты подаешь дурной пример, — не удовлетворилась Белл.

— Кто? Я? — Белл иногда удавалось пронять шуткой.

— Проклятье, ты прекрасно это знаешь.

— Это твое проявление чувств, — сказала Тамейлан.

— Даже к Белл.

— Мне не нужна твоя проклятая привязанность! Это неправильно.

— Только если я позволю этому руководить моими решениями. Только тогда.

— Некоторые полагают, что ты опасно романтична, Дар, — голос Белл упал до шепота. — Ты знаешь, к чему это может привести.

— Привлечь на мою сторону Сестер по причине иной, нежели наше выживание. Ты это имеешь в виду?

— Иногда у меня просто голова от тебя болит. Дар!

— Это мое право и моя обязанность — доставлять тебе головную боль. Как только твоя голова перестает болеть, ты становишься неосторожна. Привязанность тебя беспокоит, а ненависть нет.

— Я знаю свой недостаток.

Будучи Преподобной Матерью, ты не можешь этого не знать.

Рабочая комната снова стала знакомым местом, но теперь Одрейд знала источник этого враждебного чувства. Она думала об этом месте, как части древней истории, смотря на него так, как если бы ее давно уже не было в живых. Так это скорее всего и будет, если ее план будет успешным. Она знала, что ей теперь делать. Пришло время открыть первый шаг. Осторожно.

Да, Тар, я буду так же предусмотрительна, как и ты.

Возможно, Там и Белл и стары, но, когда этого требует необходимость, ум их по-прежнему остор.

Одрейд остановила взгляд на Белл:

— Обычай. Наш обычай, Белл, не отвечать насилием на насилие, — она подняла руку, останавливая возражения Белл. — Да, насилие вызывает только насилие, и маятник раскачивается, пока не погибают те, кто его раскачал.

— О чем ты думаешь? — потребовала Там.

— Может быть, стоит подбросить быку более яркую приманку.

— Мы не осмелимся. Слишком рано.

— Но мы не смеем также и сидеть здесь, бессмысленно ожидая, что они нас найдут. Лампадас и другие наши катастрофы показали, что произойдет, когда они появятся здесь. Когда, не если.

И пока она говорила, Одрейд чувствовала, как под ней разверзается пропасть, а кошмарная охотница с топором подходит все ближе. Ей хотелось погрузиться в кошмар, повернуться и увидеть ту, что столкнет их в пропасть, но она не осмеливалась. Этую ошибку совершил Квизатц Хадерах.

Ты не видишь будущее, ты его создаешь.

Тамейлан хотела знать, почему Одрейд подняла эту тему:

— Ты передумала. Дар?

— Нашему голе Тэгу уже десять лет.

— Он еще слишком мал для того, чтобы пытаться вернуть ему память, сказала Беллонда.

— А для чего мы создали его, как не для насилия? — спросила Одрейд. — О, да! — воскликнула она, перебивая возражения Там. — Тэг не всегда решал наши проблемы насилием. Мирный Ваша мог склонить врагов разумными словами. — Но Читимые Матре могут никогда не согласиться на переговоры, раздумчиво сказала Там.

— Если мы только не доведем их до последней черты.

— Я думаю ты предлагаешь слишком резкий курс, — сказала Белл. Естественно для Белл, сделать вывод Ментата.

Одрейд сделала глубокий вздох и перевела взгляд на рабочий стол. Наконец-то. Тогда рано утром, когда она вынула новорожденного гхолу из этого кощунственного «автоклава», она почувствовала, как ее поджидает это вот мгновение. Уже тогда она знала, что ей до срока придется подвергнуть этого гхолу суровому испытанию.

Потянувшись под стол, Одрейд подключила поле вызова. Двое ее советников молча ждали, понимая, что она собирается сказать нечто крайне важное. В одном Великая Мать могла быть твердо уверена — ее Сестры слушали ее очень внимательно, с напряжением, которое польстило бы вся кому, кто был более привязан к собственному эго, чем Преподобная Мать.

— Политика, — сказала Одрейд.

Это заставило их напряженно застыть, превратившись в слух.

Многозначительное слово. Когда вступаешь в политику Бене Джессерит, торжественным парадом ведя свои силы от склона к вершине, становишься узником ответственности. Взнуздываешь себя обязанностями и решениями, привязывающими тебя к жизням тех, кто от тебя зависит. Вот что на самом деле связывало Общину Сестер с Великой Матерью. Одно это слово сказало советникам и сторожевым псам за глазками ком-камер, что Первая среди равных приняла решение.

Все они услышали негромкий звук шагов кого-то, кто подошел к двери рабочей комнаты. Одрейд коснулась белой пластины в правом углу стола, дверь за ее спиной отворилась, и на пороге появилась Стегги, ожидающая приказаний Великой Матери.

— Приведи его, — приказала Одрейд.

— Да, Великая Мать, — сказано почти без эмоций. Внушающая надежды послушница — эта Стегги.

Стегги исчезла, потом вернулась, ведя за руку Майлза Тэга. Волосы мальчика были светлыми, но у корней уже начинали темнеть, что говорило о том, что когда он повзрослеет, цвет их изменится. Детский нос на узком лице только-только стал приобретать ястребиную угловатость, столь характерную для мужчин из рода Атридесов. Взгляд голубых глаз с настороженным любопытством обежал комнату и тех, кто в ней находился.

— Пожалуйста, подожди снаружи, Стегги.

Одрейд подождала, пока за послушницей закроется дверь.

Тэг стоял, глядя на Одрейд и не проявляя ни малейшего признака нетерпения.

— Майлз Тэг, гхола, — сказала Одрейд, — ты, конечно, помнишь Тамейлан и Беллонду.

Мальчик одарил обеих женщин кратким взглядом, но промолчал. Судя по всему, напряжение, с которым они его рассматривали, никакого его не трогало.

Тамейлан нахмурилась. С самого начала она была против того, чтобы называть этого ребенка гхолой. Гхолы выращивались из клеток трупов. Этот же был результатом клонирования, точно так же, как и Скитеил.

— Я собираюсь послать его на не-корабль к Дункану и Мурбелле, продолжала Одрейд. — Кто сможет вернуть Майлзу его изначальную память лучше Дункана?

— Поэтическая справедливость, — согласилась Беллонда. Она не высказывала никаких возражений, хотя Одрейд знала, что без них не обойдется, как только мальчик покинет рабочую комнату. Слишком мал!

— Что она имеет в виду? Что такое поэтическая справедливость? спросил Тэг, у него пока еще был писклявый голос.

— Когда Баша был на Гамму, он вернул изначальную память Дункану.

— Это действительно больно?

— Так было с Дунканом.

В некоторых решениях нет места жалости.

Одрейд это казалось огромным барьером на пути принятия того факта, что ты можешь принимать собственные решения. Нечто, что ей не потребовалось бы объяснять Мурбелле.

Как мне смягчить удар?

Но бывает, удар невозможно смягчить, бывает, когда более мягким будет сорвать повязки резким кратким движением агонии.

— Этот... этот Дункан Айдахо может вернуть мне мои прошлые воспоминания?

— Может и сделает.

— Не слишком ли мы опережаем события? — задумчиво спросила Тамейлан. — Я изучал доклады и отчеты о Баша, — сказал Тэг. — Он был знаменитым воином и Ментатом.

— Я полагаю, ты этим гордишься? — похоже, Белл изливает свои возражения на мальчика.

— Не особенно, — ответил он, не моргнув, встретив ее взгляд. — Я думаю о нем, как о ком-то другом. Впрочем, он довольно интересен.

— Кто-то другой, — пробормотала Беллонда и с плохо скрытым несогласием посмотрела на Одрейд. — Ты провела его через курс глубокого учения.

— Как сделала это та, что родила его.

— Я ее вспомню? — спросил Тэг. — Вспомнишь, — Одрейд улыбнулась ему заговорщицкой улыбкой, какую они не раз делили во время прогулок по фруктовым садам.

— Все?

— Ты вспомнишь все: свою жену, детей, сражения. Все.

— Отошли его! — воскликнула Беллонда.

Мальчик улыбнулся, но продолжал смотреть на Одрейд, ожидая ее приказа.

— Ладно, Майлз, — сказала Одрейд, — скажи Стегги, чтобы она отвела тебя в твою новую комнату на не-корабле. Позднее я приду и познакомлю тебя с Дунканом.

— Можно мне поехать у Стегги на плечах?

— Спроси ее.

Импульсивно Тэг кинулся к Одрейд, поднялся на цыпочки и поцеловал ее в щеку.

— Надеюсь, моя настоящая мать была похожа на тебя.

— Очень похожа, — Одрейд похлопала его по плечу. — А теперь беги.

Когда дверь за ним закрылась, Тамейлан со вздохом сказала:

— Так ты не говорила ему, что ты одна из его дочерей!

— Пока нет.

— Ему расскажет Айдахо?

— Если потребуется.

Беллонду мелкие детали не интересовали:

— Что ты затеваешь. Дар?

— Армию возмездия под командованием нашего Ментата-Баши, — ответила за нее Тамейлан. — Это очевидно.

Она захватила приманку!

— Это так? — потребовала ответа Беллонда.

Одрейд одарила их пристальным взглядом:

— Тэг был лучшим из всех, что у нас когда-либо были. Если кто и способен наказать наших врагов...

— Пожалуй, нам стоит начать растить нового голу, — сказала Тамейлан. — Мне не нравится, что я не знаю, как на него может повлиять Мурбелла, — вмешалась Беллонда.

— А Айдахо будет нам помогать? — осведомилась Тамейлан.

— Он сделает то, о чем попросят его Атридесы.

Одрейд говорила с большей уверенностью, чем чувствовала, но эти слова открыли ей глаза на еще один источник чувства враждебности.

Я вижу нас так, как видит нас Мурбелла! Я способна думать, как думает по меньшей мере одна Чтимая Матре!

Глава 16

Мы не учим истории, мы воссоздаем опыт. Мы следуем цепи последствий — следам зверя в лесу. Загляните за наши слова и вы увидите протяженную кривую общественного поведения, которой не касался до сих пор ни один историк.

Бене Джесссерит Паноплиа Пропетикус

Скитеил насвистывал, вышагивая по коридору перед своими апартаментами. Взад и вперед, взад и вперед. Свист.

Пусть они привыкнут к моему свисту.

Под свист он составил слова песенки: «Сперва Тлейлаксу не говорит». Вновь и вновь слова перекатывались в его мозгу. Они не смогут использовать его клетки для того, чтобы восполнить генетическую брешь и выведать его секреты. Они должны прийти ко мне с дарами.

Одрейд заглянула к нему «по пути на беседу с Мурбеллой». Она часто упоминала при нем пленную Чтимую Матер. В этом была какая-то цель, о сути которой он никак не мог догадаться. Угроза? Всегда возможно. Со временем и это будет раскрыто.

— Я надеюсь, вас не гнетут никакие страхи, — сказала Одрейд.

Они стояли в нише у окошка, через которое ему поставляли еду, он как раз ожидал появления ленча. Меню никогда не было полностью в его вкусе, но приемлемо. Сегодня он попросил даров моря. Невозможно предугадать, какую форму это примет.

— Страхи? Бояться вас? Ах, дорогая Великая Мать, я бесценен для вас живой. Чего же мне бояться?

— Мой Совет воздержался от решения относительно вашей просьбы.

Этого я и ожидал.

— Ошибочно ставить меня в затруднительное положение, — сказал он. -Ограничивает для вас возможности выбора. Ослабляет вас.

На то, чтобы составить эти фразы, у него ушло несколько дней, и теперь он ждал, какой эффект они произведут.

— Зависит от того, как использовать инструмент, Мастер Скитеил. Некоторые инструменты ломаются, если их использовать неправильно.

Будь ты проклята, ведьма!

— Испытываете вплоть до угасания. Великая Мать? — улыбнулся Тлейлаксу, показывая острые клыки.

— А вы действительно ожидаете, что я придаю вам сил? — позволила она себе одну из редких вспышек юмора. — За что теперь торгуешься, Скитеил?

Я уже больше не Мастер Скитеил. Ударь ее клинком плашмя!

— Вы Рассеиваете Сестер в надежде, что кто-нибудь из них избежит разрушения. А каковы экономические последствия ваших истерических действий?

Последствия! Они всегда говорят о последствиях.

— Мы пытаемся выиграть время, Скитеил, — очень мрачно.

Этому он уделил мгновение молчаливого раздумья. За ним следят глаза ком-камер. Никогда не забывать об этом! Экономика, ведьма! Странное это место для торговли — ниша у окошка выдачи пищи, подумалось ему. Дурное управление экономикой. Управленческая суэта, планирование и стратегические совещания должны проходить за закрытыми дверями, в верхних комнатах, вид из окон которых не отвлекает функционеров от дел, которые оказались у них на руках.

Череда воспоминаний из его прошлых жизней отказывалась принимать происходящее. Необходимость. Люди совершают свои торговые сделки где придется — на палубах кораблей, на замусоренных улицах, полных пробегающих мимо клерков, в просторных залах традиционной биржи, где над их головами бегут строки информации, видной всем.

Планирование и стратегия могут исходить из этих верхних комнат, но свидетельства их деятельности, как обычная информация на бирже — видны всем.

Так пусть подглядывают ком-камеры.

— Каковы ваши намерения относительно меня. Великая Мать?

— Сохранять вас живым и полным сил.

Осторожно, осторожно.

— Но не давать мне свободы действий.

— Скитеил! Вы говорите об экономике, а потом хотите получить что-то свободно?

— Но мои силы вам немаловажны?

— Верьте этому!

— Я вам не доверяю.

Именно в этот момент окошко решило выбросить на поднос тарелки: блюдо с белой рыбой под изысканным соусом. Он уловил запах трав. В высоком стакане вода с запахом меланжа. Зеленый салат. Одна из немногих их удач.

Он почувствовал, как рот у него наполняется слюной.

— Наслаждайтесь своим ланчем. Мастер Скитеил. В нем нет ничего, что могло бы повредить вам. Разве это не мера доверия? — Когда он не ответил, Одрейд продолжала: — Какое отношение к нашей сделке имеет доверие?

В какую игру она играет теперь?

— Вы рассказали мне, что планируете для Читимых Матер, но не сказали ничего о своих намерениях в отношении меня, — он и сам понимал, что звучит это жалобно. Ничего не поделаешь.

— Я намереваюсь заставить Читимых Матер осознать, что и они смертны.

— Как это вы делаете со мной!

Не промелькнуло ли в ее глазах удовлетворение?

— Скитеил, — как мягок ее голос, — люди, которых заставили что-то осознать таким образом, действительно слушают. Они слышат тебя, — Одрейд глянула на его поднос. — Может быть, вам хотелось бы чего-нибудь особенного?

Насколько возможно, он попытался взять себя в руки:

— Может, немного стимулирующего напитка. Он помогает, когда мне нужно подумать.

— Конечно. Я прослежу, чтобы его доставили немедленно.

Одрейд перенесла свое внимание с ниши на главную комнату его апартаментов. Он наблюдал за Преподобной Матерью, отмечая те места, где она останавливалась, ее взгляд переходил с места на место, с предмета на предмет.

Все на своих местах, ведьма. Яне животное в своей норе. Вещи должны лежать удобно в тех местах, где я могу найти их, даже не думая об этом. Да, то у моего кресла — стимулирующие карандаши. Так я прибегаю к карандашам, но я не потребляю алкоголь. Заметила?

Появившийся стимулятор имел привкус какой-то горькой травы, на определение которой у Скитеила ушло несколько секунд. Касмине. Генетически модифицированный усилитель крови из фармакопеи Гамму.

Она собиралась напомнить ему о Гамму? Они так изобретательны, эти ведьмы!

Подшучивала над ним в вопросе экономики. Ее колкость все еще продолжала жечь его, когда он повернул назад в конце коридора и возобновил свою послеобеденную прогулку, потом перешел на быстрый шаг, спеша к себе гостиную. Какой клей не давал, на самом деле, распасться Старой Империи? Многое, какие-то моменты были серьезными, какие-то мелкими, но в основном экономика. Связующие нити, о которых часто думают, как об удобствах. А что сдерживало их от того, чтобы не взорвать планеты друг друга? Великая Конвенция. «Взорви кого-нибудь, и мы объединимся, чтобы взорвать тебя».

У самой своей двери он остановился как вкопанный, ошеломленный пришедшей ему в голову мыслью.

Что это? Как наказания, может быть, достаточно, чтобы остановить жадных неверных? Или все дело в клее, составленном из чего-то неуловимого? Может, все дело во мнении равных тебе? Но что если равные тебе не гнушаются никакой непристойности? Ты свободен делать все, что хочешь. И это кое-что говорило о Чтимых Матер. Вот уж точно.

Он тосковал по келье сарга, где мог бы обнажить, излить свою душу.

Ягхиста больше нет! Неужто я последний Мастер?

Он чувствовал давящую пустоту в груди. Каждый вдох давался с трудом. Может быть, наилучшим выходом было бы торговаться с женщинами Шайтана более открыто.

Нет! Это сам Шайтан искушает меня!

В свои апартаменты он вступил очищенным.

Я должен заставить их заплатить. Дорого заплатить. Дорого, дорого, дорого. Каждое «дорого» сопровождалось шагом в сторону кресла. Усевшись, он автоматически потянулся за стимулирующим карандашом. Вскоре его мысли набрали скорость, выстраиваясь в восхитительные боевые порядки.

Они даже не догадываются, насколько хорошо я знаю икшианский корабль. Он весь здесь, у меня в голове.

Следующий час он провел, решая, как запечатлеть эти мгновения, когда придет ему время рассказывать соратникам о триумфе над повинда. С Божьей помощью!

Это будет ослепительный рассказ, исполненный драматизма и напряжения его испытаний. История, в конце концов, всегда пишется победителями.

Глава 17

Говорят, что Великой Матери ничем нельзя пренебрегать — бессмысленный афоризм, до тех пор пока до тебя не дойдет иное его значение: Я служанка всех моих Сестер. И они критическим взором следят за своей служанкой. Мне нельзя тратить слишком много времени ни на общие вопросы, ни на будничные мелочи. Поступки Великой Матери должны вызывать глубокую проницательность, иначе ощущение беспокойства захлестнет даже самые отдаленные уголки нашего Ордена.

Дарви Одрейд

То, что Одрейд обычно называла «мое я служанки», этим утром отравило ее прогулку по залам Централи.

Управляющая не в духе! Одрейд совсем не нравилось то, что она видела. Мы слишком глубоко завязли в наших сложностях, почти потеряли способность отделять мелкие проблемы от по-настоящему серьезных.

Что случилось с их совестью?

Хотя некоторые это отрицали, Одрейд знала, что совесть Бене Джессерит все же существует. Но они так перекрутили ее, вылепили из нее нечто такое, что нелегко распознать сразу.

Ей отвратительно было вмешиваться в эти решения, принимаемые во имя выживания Миссионария (со своими вечными иезуитскими аргументами!) — все уклонялось от чего-то более требовательно, чем человеческие суждения. Тиран знал это.

Быть человеком — вот в чем все дело. Но прежде чем быть человеком, нужно нутром чувствовать это.

Никаких клинических ответов! Все упиралось в обманчивую простоту, чья сложная природа проявлялась, когда кто-то пытался воспользоваться ею как инструментом.

Как я.

Загляни внутрь самого себя, чтобы увидеть кто и что, по твоему мнению, ты есть. Ничто иное не будет столь действенно.

Так что же я есть?

— Кто задает этот вопрос? — ответила на это колкостью Иная Память.

Одрейд рассмеялась вслух, и проходящая мимо Проктор по имени Прэшка уставилась на нее в глубоком недоумении.

— Хорошо, чувствовать, что ты жива. Помни это, — махнув ей рукой, сказала Одрейд.

Прэшка, прежде чем отправиться по своим делам, изобразила слабую улыбку.

Так кто спрашивает: Что я такое?

Опасный вопрос. То, что она задавала его, переносило Одрейд в некую Вселенную, где ничто не было вполне человеческим. Ничто не соответствовало неопределенному искомому. Все вокруг нее, клоуны, дикие звери и марионетки, отзывались на движение невидимых нитей. И она чувствовала, как дергающаяся нить заставляет двигаться и саму ее.

Одрейд продолжала идти по коридору к входу в капсулу, которая по трубе доставила бы ее в ее апартаменты.

Нити. Что приходит вместе с яйцом? Мы уклончиво говорим о «разуме в его начале». Но чем я была, прежде чем меня не сформировало оказываемое жизнью давление?

Недостаточно искать чего-то «естественного». Никаких «Благородных Диких». Таких за свою жизнь она видела немало. Управляющие ими нити отчетливо видны любой из Дочерей Джессера.

Внутри себя она ощущала как бы некоего надсмотрщика, а сегодня сильно вдвое. Это была сила, которой она иногда избегала или не слушалась. Надсмотрщик говорил: «Усиливай свои таланты. Не отдавайся на волю течению. Плыви! Используй его или утони!?

С захватывающим дух ощущением близкой паники, она вдруг осознала, что едва-едва удержала в себе человеческое, что едва не дошла до того края, где можно его потерять.

Я слишком яростно пытаюсь мыслить как Читая Матре! Манипулируя и маневрируя всем, кем

только возможно. И все во имя выживания Бене Джессерит!

Белл говорила, что нет таких границ, какие отказалась бы преступить Община ради сохранения Бене Джессерит. В этой похвалы, возможно, и заключалась крупица правды, но это правда всей похвалы. На самом деле существовали вещи, которых не сделала бы ни одна Преподобная Мать даже для того, чтобы спасти Общину.

Мы не заступим дорогу Золотой Тропе Тирана.

Выживание человечества выше сохранения Общины. Иначе наш Грааль возмужания человечества бессмыслен.

Но какие же опасности подстерегают лидера, окруженного подчиненными, которые жаждут, чтобы им сказали, что делать. Как мало они знают о том, что создают своими требованиями. Лидеры совершают ошибки. И эти ошибки, умноженные числом не задающих ни единого вопроса последователей, неизбежно приводят к глобальным катастрофам.

Поведение леммингов. Правильно, что Сестры так тщательно следят за ней. Всем правительствам необходимо пребывать под подозрением во время своего пребывания у власти, это относится и к руководству Общины. Не доверяйте ни одному руководству! Даже моему!

Они следят за мной в это самое мгновение. Мало что укроется от требовательного внимания моих Сестер. А план мой они узнают, когда наступит его время.

Для того чтобы смотреть в лицо факту ее великой Власти над Общиной требовался постоянный процесс внутреннего очищения. Яне искала этой власти. Она была мне навязана. И она подумала: Власть привлекает коррумпированных. Подозревай всех, кто к ней стремится. Ей ли не знать, сколь велики шансы того, что подобные люди восприимчивы коррупции или уже потонули в ней.

Одрейд сделала себе заметку написать и передать в Архивы дополнение к Коде. (Пусть Белл попотеет!): «Власть надо всеми нашими делами следует предоставлять тем, кто не желает принимать ее и то, при условии, увеличивающем это нежелание».

Совершенное описание Бене Джессерит!

— С тобой все в порядке. Дар? — раздался от двери подъемной капсулы голос Беллонды. — Ты... странно выглядишь.

— Мне просто пришло в голову, что я кое-что должна сделать. Ты выходишь?

Пока они менялись местами, Беллонда смотрела на нее в упор, потом поле капсулы охватило Одрейд и унесло от этого изучающего взгляда.

Войдя в комнату, Одрейд увидела, что стол ее снова завален кристаллами, содержащими доклады о проблемах, которые, по мнению ее помощниц, лишь она одна могла разрешить.

Политика, вспомнилось Одрейд, пока она усаживалась за рабочий стол, чтобы вновь взвалить на себя весь этот груз. Там и Белл ясно слышали, что она вчера сказала, но у них нет ни малейшего представления о том, что их попросят поддержать. С каждым днем они все более обеспокоены. Как им и следует.

Элементы политики заключает в себе почти каждая проблема, подумала она. В то время как разжигались страсти, на сцену все более явно выходили политические силы. Это навесило ярлык «ложь!» на ту давнюю чушь о «разделении церкви и государства». Ничто так не восприимчиво к разгулу страстей, как религия.

Ничего удивительного в том, что мы не доверяем эмоциям.

Не всем, конечно, эмоциям. Только лишь тем, от которых невозможно избавиться в момент необходимости: любви, ненависти. Позволь себе немного гнева, но держи его на коротком поводке. Вот во что верили Сестры. Совершеннейшая чушь!

Золотая Тропа Тирана сделала их ошибку недопустимой. Золотая Тропа постоянно оставляла Бене Джессерит где-то на задворках. Как можно приказывать бесконечности!

Но постоянный вопрос Белл не имеет ответа: «Чего он от нас хотел?» Что он хотел заставить нас предпринять, манипулируя нами так? (Как мы манипулируем другими!) К чему искать значения, если никакого нет? Ты пошла бы по дороге, если знаешь, что она никуда не ведет?

Золотая Тропа! Пунктирный след в воображении великого. Бесконечность — это нигде! И конечный ум отступает перед препятствием. Именно здесь находили Ментаты взаимные проекции, всегда порождающие больше вопросов, чем ответов. Это пустой Грааль тех, кто, вперив взгляд в

бесконечный круг, ищет «объяснения всему».

Ищет своего собственного доброго Бога!

Ей было трудно осуждать их. Ум теряется перед лицом бесконечности. Пустота! Алхимики всех веков, как сборщики мусора, склонившиеся над своими узлами тряпья, говорили: «Здесь должен быть где-то некий порядок. Если постараться, я, конечно же, отыщу его».

И всегда единственным порядком был тот, что они создавали сами.

Так вот оно что, Тиран! Шут, фигляр! Ты знал это. Ты говорил: «Я создам вам порядок, чтобы вы следовали ему. Вот тропа. Видите ее? Нет! Не смотрите туда. Это путь Голого Короля (чья нагота видна лишь детям да безумцам). Не отвлекайтесь от того, на что я указываю вам. Это — моя Золотая Тропа. Разве немилое название? Вот оно, все здесь, и все здесь и пребудет».

Тиран, ты был всего лишь еще одним клоуном. Указывая нам в бесконечное восстановление того утерянного и одинокого кома дерьяма в нашем общем прошлом.

Мы знали, что человеческая Вселенная никогда не станет чем-то большим, чем разрозненными общинами со слабой спайкой между ними, когда мы будем Рассеяны. Общая традиция рождения ушла так далеко в наше прошлое, что картины ее, несомые потомками, давно искажены.

Преподобные Матери несут в себе оригинал, номы не можем навязать его тем, кому он не нужен. Видишь, Тиран? Мы слышали тебя: «Пусть они придут попросить об этом! Тогда и только тогда...?

Вот почему ты сохранил нас, ты атридесовский ублюдок! Вот почему мне надо приниматься за работу.

Несмотря на явную опасность своему ощущению человеческого, Одрейд знала, что будет продолжать подстраивать свой разум под мышление Чтимых Матре. Мне нужно думать, как они.

Проблема охотника: ее разделяют хищник и жертва. Это не совсем дело иголки в стоге сена. Скорее вопрос выслеживания на территории, переполненной знакомыми и незнакомыми знаками. Обманы Бене Джессерит гарантировали, что знакомое причинит Чтимым Матре по меньшей мере столько же беспокойства и неприятностей, сколь и незнакомое.

Но что они сделали для нас?

Межпланетная коммуникация работала на благо гонимым. Ограничена экономикой на миллионы лет. Не так уж и много ее, за исключением Важных Лиц и Торговцев. «Важный» — здесь означало то же, что и всегда: богатый, могущественный — банкиры, чиновники, курьеры. Военные. Ярлык «важный» принадлежал многим категориям: дипломаты, антрепренеры, медицинский персонал, квалифицированные техники, шпионы и другие профессионалы. Это немногим отличалось от времен массонских лож на Старой Земле. В основном разница была в численности, качестве и изощренности. И границы их оставались столь же прозрачны, как и всегда.

Ей показалось важным когда-нибудь вновь вернуться к этой мысли, поискать недостатки.

Великая масса привязанного к своим планетам человечества говорила о «молчании космоса», имея в виду, что они не могут позволить себе подобные путешествия или коммуникацию. Большинство людей знали, что новости, доходящие до них через этот барьер, служат чьим-то интересам. Всегда так было.

На поверхности планеты необходимость избегать последствий радиации диктовала использование наземных систем: капсул, гонцов, световых передач и многочисленных передвижений. Важны были секретность и шифровки не только между планетами, но и на них.

Одрейд виделось это как система, в которой Чтимые Матре смогут перехватывать сообщения, если только найдут точку входа в нее. Охотницам необходимо начинать с расшифровки системы, но тогда: откуда начинается след к Дому Ордена?

Неподдающиеся выслеживанию не-корабли, икшианские машины и Навигаторы Гильдии — все это вносило свой вклад в покрывало молчания, окутывающее планеты, покрывало непроницаемое для всех, за исключением немногих избранных. Не дать охотницам исходной точки!

Одрейд надолго и глубоко задумалась. А потому появление в рабочей комнате Великой Матери незадолго до перерыва на ленч стареющей Преподобной Матери с планеты, куда ссылали в наказание, оказалось для нее настоящей неожиданностью. Архивы идентифицировали ее: Имя: Дортуйла. Много лет назад выслана в район специальной подготовки за непростительное нарушение. А память дополнила: «Непростительным нарушением» было что-то вроде любовного романа. Одрейд не стала запрашивать деталей. Но, тем не менее, часть из их все же поступила. (Снова вмешивается Беллонда!). Эмоциональный переворот во время изгнания Дортуйлы заметила

Одрейд. Бесполезные попытки любовника предотвратить расставание.

Одрейд даже вспомнила какие-то слухи о проступке Дортуйлы. «Преступление Джессики!» Немало ценной информации поступает посредством слухов. Куда, дьявол ее побери, направили Дортуйлу? Неважно. В данный момент совсем неважно. Важнее: Почему она здесь? Почему она решилась на поездку, которая может навести на наш след охотниц?

Одрейд спросила об этом объявившую о прибытии Стегти, но та не знала. — Она говорит, что эти сведения предназначены только для ваших ушей.

Великая Мать.

— Только для меня? — Одрейд едва не хмыкнула, подумав о постоянном мониторинге (надзоре было бы лучшим определением) каждого ее поступка. Эта Дортуйла не сказала, почему она здесь?

— Те, кто сказал мне прервать вас. Великая Мать, просили передать, что, по их мнению, вам стоит увидеться с ней.

Одрейд поджала губы. Сам факт того, что изгнанная Преподобная Мать проникла так далеко, уже возбудил ее любопытство. Проявив настойчивость. Преподобная Мать могла прорвать обычные барьеры, но эти — ординарными не были. Значит, причина появления Дортуйлы уже была названа. Другие выслушали ее и дали ей допуск. Совершенно очевидно, что Дортуйла не стала полагаться на хитрость, чтобы уговорить своих Сестер. Результатом этого был бы немедленный отказ. Нет времени для подобной чуши! Так значит она учла цепь приказов. Ее действия говорили о тщательной оценке ситуации, само по себе информация внутри того, чтобы она ни собиралась сказать.

— Приведи ее.

На ее далекой планете возраст был милосерден к Дортуйле. Годы проглядывали лишь в морщинках вокруг глаз и рта. Капюшон робы скрывал ее волосы, но взгляд ярких глаз, смотревших из-под его оторочки, был настороженным и проницательным.

— Почему ты здесь? — тон Одрейд говорил: «Лучше бы, во имя всех богов, твоим сведениям быть важными».

История Дортуйлы была вполне прямолинейна. Она и еще три Преподобных Матери говорили с бандой футаров из Рассеивания. Пост Дортуйлы был выбран за отдаленность и ей было предложено доставить в Дом Ордена сообщение. Дортуйла сказала, что пропустила эту просьбу через ясновидцев и видящих правду, напомнив тем самым Великой Матери, что и на отсталой планете может быть какой-то талант. Сочтя сообщение правдивым и с ободрения Сестер Дортуйла приняла меры быстро, но и не забывая об осторожности.

«Все путем отправки на нашем не-корабле» — вот как она это сформулировала. Корабль, по ее словам, мал, типа кораблей контрабандистов. — Им может управлять один человек.

От самого послания голова шла кругом. Футары заявляли о своей готовности заключить союз с Преподобными Матерями против Чтимых Матре. Какими силами командуют сами футары, достаточно сложно оценить, сказала Дортуйла. — Они оказались сказать, когда я их об этом спросила. Одрейд не раз приходилось иметь дело с историями о футарах. Убийцы Чтимых Матре? Было достаточно причин, чтобы в это поверить, но способности футаров приводили в некоторое недоумение, особенно если учитывать доклады с Гамму.

— Сколько человек было в этой группе?

— Шестнадцать футаров и четверо Водяющих. Так они себя и называли Водяющими. Они говорили также, что Чтимые Матре обладают опасным оружием, которое они могут использовать лишь однажды.

— Ты упоминала только футаров. Кто такие эти Водящие? И что за секретное оружие?

— Я воздержалась от упоминания о них. Они производят впечатление людей, в пределах вариаций, отмеченных для Рассеивания. Их четверо: трое мужчин и одна женщина. Что касается оружия, они отказывались рассказывать что-либо еще.

— Производят впечатление людей?

— В том то и дело. Великая мать. Моим первым, довольно странным впечатлением было, что это Танцующие Лица. Но ни один из критериев определения Танцующих Лиц не дал положительного ответа. Ферономы негативны. Жесты, выражения — все негативно.

- Только это первое впечатление?
- Я не могу этого объяснить.
- А что футары?
- Совпадают с описанием. Люди по внешнему виду, но с яркими кошачьими признаками. Происхождение из семейства кошачьих, на мой взгляд.
- Таково же мнение и других.
- Они способны говорить, но это обрывочная галака. Скопление слов, как мне кажется. «Когда есть? „Ты госпожа милая“, „Хочу чесать голову“». «Сесть здесь?» Они слушаются одного взгляда Водящих, но не боятся их. У меня создалось впечатление, что между Водящими и футарами существуют скорее взаимные уважение и приязнь.
- Зная насколько это рискованно, почему эти сведения показались важными настолько, чтобы доставить их немедленно?
- Это люди из Рассеивания. Их предложение альянса — доступ туда, откуда происходят Читимые Матре.
- Ты, конечно, спрашивала о них. И об условиях в Рассеивании.
- Никакого ответа.

Просто констатация факта. Ни у кого нет права на насмешку над изгнанной Сестрой, какое бы облако не омрачало ее прошлого. Следует задать еще ряд вопросов. Одрейд задавала их, тщательно наблюдая за реакцией пожилой женщины при ответах.

Что-то в служении Дортуйлы, может быть, многие годы раскаяния, смягчило ее, но оставило в неприкословенности стойкость Бене Джессерит. Она говорила с естественной неспешностью. Ее жесты были плавными и мягкими. На Одрейд она смотрела с добротой и участием. (Вот он недостаток, за который приговорили ее Сестры: цинизм Бене Джессерит здесь был загнан в самый темный угол.) Дортуйла вызвала интерес Одрейд. Она говорила с Великой Матерью как сестра с сестрой, и за ее словами просматривался недюжинный и хорошо тренированный ум. Ум, закаленный напастями за долгие годы на ссылочной планете. Теперь делает все, что он нее зависит, чтобы возместить прегрешение юности. Никакой попытки казаться далекой от времени и ничего не понимающей в нынешнем положении дел. Отчет сокращенный до сути. Спокойно дает понять, что обладает возможного более полным сознанием необходимости. Склонилась перед решением Великой Матери и предупреждением об опасности своего визита, но тем не менее сочла, что «вы должны получить эту информацию».

— Я убеждена, что это не ловушка.

Манера Дортуйлы вести себя была выше всяких похвал. Прямой взгляд, в глазах и на лице приличествующая Преподобной Матери сдержанность, но никаких попыток скрыть чего бы то ни было. Одна эта маска даст Сестре правильное представление о той, кто перед ней сидит. Дортуйла действовала повинуясь чувству срочности. Однажды она совершила глупость, но это давно в прошлом.

Как называлась эта ссылочная планета?

Проектор на рабочем столе выдал название: Баззел.

Это имя заставило Одрейд встрепенуться. Баззел! Пальцы ее забегали по консоли, которая подтвердила воспоминания. Баззел: большую часть поверхности занимает океан. Холодная. Очень холодная. Рукотворные острова, размером не более крупного не-корабля. Бене Джессерит когда-то сочла Баззел наказанием. Отрицательный урок: «Осторожно, девочка, или тебя сошлют на Баззел». Тут Одрейд вспомнился другой ключевой момент: камни Су. Баззел был тем местом, где удалось натурализовать исключительно морское существо, чолистер, стирающийся щиток которого создавал необычайно красивые тьюморы, одни из самых ценимых во вселенной драгоценностей.

Камни Су.

Дортуйла носила один такой — он был вставлен в брошь, скрепляющую ворот ее накидки. В свете плавающих ламп камень отливал то розовато-лиловым, то неуловимо меняющимся светом морской воды. Размером он был больше человеческого глаза и носимый так на виду являлся знаком богатства. Впрочем, там на Баззеле они, наверное, не так уж ценят подобные побрякушки. Собирают их на пляже.

Камни Су. Это имело немало значение. По праву Бене Джессерит Дортуйла часто заключала сделки с контрабандистами. (Возьмите, например, ее не-корабль). С этим следовало обращаться с осторожностью. Вне зависимости от сестринского разговора здесь все же Великая Мать и ссыльная Преподобная Мать.

Контрабанда. Основное преступление для Чтимых Матре и тех, кто не смирился с фактом того, что невозможно навязать исполнение всех законов. Сворачиваемое пространство ничем не изменило контрабандной торговли, разве что упростила мелкие вылазки. Мелкие не-корабли. Насколько маленьким возможно сделать такой корабль? Пробел в знаниях Великой Матери. Его восполнили данные Архивов: «Диаметр — 140 метров».

Значит, довольно маленький. Камни Су представляли из себя груз привлекательный сам по себе. Критическим экономическим барьером являлось Сворачиваемое Пространство: насколько ценен груз по сравнению с размером и массой? На перевозку массивных грузов могли потребоваться тысячи и тысячи соларов. Камни Су притягивают контрабандистов как магнит. Для Чтимых Матре они также представляют особый интерес. Простая экономика? Всегда обширный рынок. Эти камни притягивают контрабандистов с той же силой, что и меланж, теперь когда Гильдия так беспечно его расходует. Гильдия всегда хранила по складам запасы спайса, каких должно хватить не на одно поколение.

Они думают, им удастся купить иммунитет от Чтимых Матре! Но это давало нечего, что как смутно угадывала Великая Мать, можно будет повернуть в свою пользу. В своем безумном гневе Чтимые Матре разрушили Дюну, единственный из известных естественных источников меланжа. По-прежнему не заботясь о последствиях (что однако странно) они уничтожили население Тлейлакс, чьи акслоть-автоклавы наполняли спайсом Старую Империю.

А у нас есть существа, способные воссоздать Дюну. У нас также, возможно, единственный из оставшихся в живых мастер Тлейлаксу. Где-то в мозгу Скитеяла скрыт способ превратить автоклавы в рог изобилия, который будет изливать меланж. Если нам удастся заставить его поделиться этим. Сейчас непосредственную проблему представляла собой Дортуйла. Эта женщина преподносila свои идеи с краткостью, которая делала ей честь. Водящие и их футары, говорила она, обеспокоены чем-то, о чем они не хотят говорить. Дортуйла поступила умно, что не пыталась испробовать на них тактики убеждения Бене Джессерит. Никогда нельзя сказать, как отреагируют люди из Рассеивания. Но что их встревожило?

— Какая-то иная угроза, нежели Чтимые Матре, — предположила Дортуйла. Она не рискнула сказать большего, но возможность такого существовала, и ее следовало рассмотреть.

— Существенно то, что они говорят, что желают союза, — сказала Одрейд.

— Объединение для решения общей проблемы, — вот как они выразили это. Несмотря на проверку ясновидением, Дортуйла советовала лишь осторожное исследование предложения.

Почему вообще отправляться на Баззел? Потому что Чтимые Матре просмотрели Баззел или ошибочно сочли его малозначимым?

— Маловероятно, — решительно сказала Дортуйла.

Одрейд согласилась. Дортуйла, вне зависимости от того, какую грязную работу она изначально была отправлена исполнять, теперь управляла ценной собственностью и, что более важно, она была Преподобной Матерью с собственным не-кораблем, который доставил бы ее к Великой Матери. Она знала местонахождение Дома Ордена, что безусловно было бы для охотниц бесполезно. Они знают, что Преподобная Мать скорее убьет себя, чем выдаст этот секрет.

Проблемы складывались в проблемы. Но прежде всего будем Сестрами. С уверенностью можно сказать, что Дортуйла правильно расценит мотивы Великой матери. Одрейд перевела разговор на более личные вопросы.

Это прошло хорошо. Дортуйлу перемена темы явно позабавила, но она была согласна поболтать.

У Преподобных Матерей в одиночестве отправляющих свое служение на отдаленных планетах часто возникало то, что Сестры называли «другими интересами». В прошлые времена это звалось «хобби», но внимание, посвящаемое этим интересам, зачастую заводило их в крайности. Одрейд находила большинство этих интересов скучными, но ей показалось немаловажным то, что свой интерес Дортуйла называла хобби. Она собирает старые монеты, так ведь?

— Какого рода?

— У меня есть две ранне-греческие серебряные монеты и великолепный золотой обол.

— Подлинные?

— Они настоящие, — ответила та, имея в виду, что она просканировала Иные Воспоминания, чтобы определить их подлинность. Увлекательно. Она использовала свои способности так, чтобы усилить их, даже в своем хобби, совмещая Внутреннюю историю и внешний мир.

— Это очень интересно. Великая Мать, — наконец проговорила Дортуйла. — Я ценю ваше заверение в том, что мы по-прежнему Сестры, равно как и то, что вы интересуетесь древними картинами как параллельным хобби. Но обе мы знаем, почему я здесь.

— Контрабандисты.

— Конечно. Чтимые Матре не могли пропустить моего присутствия на Баззел. Контрабандисты продают тем, кто больше заплатит. Нам следует предположить, что они получили прибыль от своего ценного знания о Баззеле, камнях Су и постоянно живущей на планете Преподобной Матери и ее помощниках. И мы не должны забывать о том, что меня каким-то образом отыскали Водящие.

Проклятье, — подумала Одрейд. — Именно такого советника, как Дортуйла, мне хотелось бы иметь при себе. Интересно, сколько еще подобных талантов рассыпано по Вселенной, закопанно из соображений дурацкой жестокости? Почему мы так часто отбрасываем талантливых Сестер? Это древняя слабость, какую пока еще не удалось изжить Общине.

— Я думаю мы узнали о Чтимых Матре нечто очень ценное, — продолжала Дортуйла.

Не было необходимости кивать в знак согласия. Вот суть того, что привело Дортуйлу в Дом Ордена. Безумные охотницы как стая хищных птиц налетели на Старую Империю, убивая всех и сжигая все там, где они подозревали существование центров Бене Джессерит. Но охотницы не коснулись Баззел, даже несмотря на то, что его местоположение должно быть прекрасно известно.

— Почему? — спросила Одрейд, вслух высказывая то, что было на уме у них обеих.

— Никогда не порти собственное гнездо, — ответила Дортуйла.

— Ты думаешь, они уже проникли на Баззел?

— Пока нет.

— Но ты полагаешь, Баззел — это именно то место, что им нужно?

— Первичная проекция.

Одрейд просто смотрела на нее. Так значит, у Дортуйлы есть еще одно хобби! Она копается в Иной Памяти, оживляя и собирая хранящиеся там таланты. Кто может ее в этом обвинить? Время, должно быть, тянется на Баззел так медленно.

— Вывод ментата, — обвиняюще заявила Одрейд.

— Да, Великая Мать, — очень покорно.

Предполагалось, что Преподобные Матери могут таким образом копаться в Иной Памяти только с разрешения Дома Ордена, но и в этом случае только под руководством и при поддержке еще одной Сестры. Похоже, Дортуйла так и осталась мятежницей. Она следовала собственным желаниям так же как когда-то в случае с запретной любовью. Хорошо! Бене Джессерит необходимы подобные мятежники.

— Они не хотят повредить Баззел, — сказала Дортуйла.

— Водный мир?

— Из него получился бы подходящий дом для слугамфибий. Не для футаров и Водящих. Я тщательно их изучила.

Все свидетельствовало о том, что Чтимые Матре планируют завезти обращенных в рабство слуг, скорее всего амфибий, для сбора камней Су. У Чтимых Матре могут быть и рабы-амфибии. Знание, результатом которого стали футары, может создавать всякие формы пограничной жизни.

— Рабы — опасное нарушение равновесия, — раздумчиво сказала Одрейд.

Тут Дортуйла впервые позволила себе проявление сильного чувства глубокого отвращения, от которого ее рот сжался в тонкую линию.

Этот сценарий Община распознала очень давно: неизбежное падение рабства или шпионажа. Они просто создавали резервуары ненависти. Если нет надежды на то, что возможно будет уничтожить всех врагов, лучше и не пытаться. Сдерживайте свои порывы твердой уверенностью в том, что

подавление лишь усилит ваших врагов. День подавляемых настанет, и помоги небо рабовладельцу, когда этот день придет. Это обоюдоострый клинок. Подавляемые всегда учатся у хозяина и копируют его. И когда роли переменятся, пьеса снова будет разыграна по тем же нотам — насилие и месть, но наоборот. И снова смена ролей, и снова и снова, и так до бесконечности.

— Повзрослеют они когда-нибудь? — вопросила в пространство Одрейд.

Ответа у Дортуйлы не было, но она тут же внесла предложение:

— Мне необходимо вернуться на Баззел.

Одрейд задумалась. Опять изгнанная Преподобная Мать оказалась на шаг впереди Великой Матери. Как бы ни хотелось отказаться от такого решения, обе они знали, что это будут наилучшим шагом. Футары и Водяные вернутся. И что более важно, при наличии планеты, настолько желанной для Чтимых Матре, высоки шансы того, что за посетителями из Рассеивания следили. Чтимым Матре придется что-то предпринять, и этот шаг может поведать о них немало. — Конечно, они полагают, что Баззел — приманка в ловушке, — сказала Одрейд.

— Я могла бы сделать так, чтобы стало известно, что я изгнана своими Сестрами, — заметила Дортуйла. — Этому нетрудно найти подтверждение.

— Использовать себя в качестве приманки?

— Великая Мать, а что если их можно соблазнить на переговоры?

— С нами?

Что за удивительная идея!

— Я знаю, их история состоит не из разумных дискуссий, но...

— Это великолепно! Но давай добавим искушения. Скажем, ты убедила меня, что я должна прийти к ним с предложением покорности Бене Джессерит. — Великая Мать!

— У меня нет никаких намерений сдаваться. Но разве есть лучший способ заставить их заговорить?

— Баззел — неудачное место для встречи. Наши возможности там очень невелики.

— Сильнее всего они чувствуют себя на Узловой. Если они предложат в качестве места встречи эту планету, ты могла бы дать себя уговорить?

— Это потребует тщательного планирования. Великая Мать.

— Ода, очень тщательного, — пальцы Одрейд побежали по клавишам консоли. — Да, сегодня, — сказала она в ответ на пробежавший по столу вопрос, потом через заваленный кристаллами рабочий стол обратилась к Дортуйле: — Я хочу, чтобы перед возвращением ты встретилась с моим Советом и остальными. Мы основательно проинструктируем тебя, но я даю тебе свое личное заверение в том, что ты получаешь полную свободу действий. Самое важное — заставить их договориться о встрече на Узловой... и, я надеюсь, ты понимаешь, насколько мне не нравится использовать тебя в качестве приманки.

Когда Дортуйла, глубоко задумавшись, не ответила, Одрейд произнесла: — Они могут и проигнорировать нашу инициативу и просто смести с поверхности планеты нашу станцию на Баззеле. И все же ты — лучшая наживка, какая у нас есть.

— Мне и самой не нравится идея того, чтобы болтаться на крючке. Великая Мать, — слова Дортуйлы говорили о том, что за все эти годы она не утратила чувства юмора. — Пожалуйста, держите покрепче удочку.

Она встала и бросив обеспокоенный взгляд на заваленный стол Одрейд, добавила:

— У вас столько работы, и, боюсь, я задержала ваш ланч.

— Мы поедим вместе, Сестра. В настоящее время, ты важнее всего остального.

Глава 18

Все государства — абстракции Octun Politicus.

Архивы Бене Джессерит

Луцилла предостерегала себя, что не стоит полагаться на ощущение, что в этой ядовито-зеленой комнате и посещениях Великой Чтимой Матре, есть что-то знакомое и привычное. Это Узловая Станция, бастион тех, кто жаждет уничтожения Бене Джессерит. Это враг. День семнадцатый.

Непогрешимые внутренние часы, запущенные в ней в момент Агонии, показали ей, что она уже приспособилась к приблизительному ритму планеты. Пробуждение на восходе. И никак не угадать, когда ее накормят. Чтимые Матре ограничивали ее одной трапезной в день.

И всегда этот футар в своей клетке. Напоминание: Вы оба в клетках. Вот как мы обращаемся с опасными животными. Иногда ради удовольствия мы их выпускаем поразмять ноги, но потом — назад в клетку.

Минимальное количество меланжа в еде. Не потому что бережливы, только не при их богатстве. Просто небрежный жест, призванный показать то, «что могло бы быть твоим, веди ты себя разумно».

Когда она придет сегодня?

В появлениях Великой Чтимой Матре не было никакого определенного порядка. Случайные визиты, чтобы вывести пленницу из равновесия? Возможно. А внимания командира требуют также и другие дела. Отправляясь навестить опасного зверька, как только появится окно в рутинном распорядке дня. Может быть, я и опасна. Паучья Королева, но я не твой домашний зверек.

Луцилла ощущала присутствие сканирующих устройств. Эти хитрые машины вглядывались в плоть, выискивая спрятанное оружие, присматриваясь к работе органов. Нет ли у нее чужеродных имплантантов? А как на счет дополнительных органов хирургическим путем встроенных в это тело?

Ничего подобного, Мадам Паук. Мы полагаемся на то, что дано нам от рождения.

Луцилла понимала, что самая страшная сейчас для нее опасность заключается в том, что она станет чувствовать себя в подобном окружении не на месте. Те, кто схватили ее, поставили ее в ужасающее положение, но не могли отобрать ее способностей Бене Джессерит. Она могла заставить свое тело умереть еще до того, как шир в ее теле будет истощен до предательства. Она сохранила разум... и рой Воспоминаний с Лампадас.

В задней стене отъехала желтоватая панель, и лента транспортера вывезла клетку с футаром. Так значит Паучья Королева уже в пути высыпает вперед себя напоминание-угрозу. Все как обычно. Рановато сегодня. Раньше чем когда-либо.

— Доброе утро, футар, — весело пропела Луцилла.

Футар глянул на нее, но ничего не сказал.

— Ты должно быть, ненавидишь эту клетку, — сказала Луцилла.

— Не любить клетка.

Луцилла успела уже определить, что эти существа до некоторой степени владеют способностью говорить, но насколько далеко простирается эта способность, по-прежнему ускользало от нее.

— Думаю, она тебя тоже морит голодом. Тебе хотелось бы съесть меня?

— Есть, — отчетливый интерес в его взгляде.

— Хотелось бы мне быть Водящим.

— Ты, Водящий?

— А если да, стал бы ты меня слушаться?

Из пола поднялось тяжелое кресло Паучьей Королевы. По-прежнему ни малейшего признака ее присутствия, но стоит предположить, что она слушает эти беседы.

Футар уставился на Луциллу со странным напряжением.

— А Водящие тоже держат вас в клетках и впроголодь?

— Водящий? — отчетливые вопросительные интонации в его голове.

— Я хочу, чтобы ты убил Великую Читимую Матре, — в этом для них не будет ничего удивительного.

— Убить Дама!

— И съесть ее.

— Дама яд, — с унынием.

О-о-о! разве это не интереснейшая информация!

— Она — не яд. Ее мясо такое же как мое.

Футар подошел к ней, насколько позволяла клетка. Левая рука оттянула нижнюю губу, показывая красный воспаленный шрам, похожий на ожог. — Видишь яд, — сказало существо, уронив руку.

Интересно, как ей это удалось? От нее не пахнет никаким ядом. Пахнет человеческой плотью, основанным на адреналине наркотиком, который дает эти оранжевые глаза, реагируя на ярость... и некоторые другие эмоции, как открыла Луцилла. Например, чувство абсолютного превосходства.

Насколько далеко простирается понятливость футара?

— Это был горький яд?

Футар скрочил гримасу и плонул на пол. Действие быстрее и гораздо сильнее слов. — Ты ненавидишь Даму?

Оскаленные клыки.

— Ты ее боишься?

Футар улыбнулся.

— Тогда почему ты ее не убьешь?

— Ты не Водящий.

Так для убийства ему требуется приказ Водящего!

В комнату вошла Великая Читимая Матре и опустилась на кресло.

— Доброе утро. Дама, — так же весело, как до этого Футару, пропела Луцилла.

— Я не давала тебе позволения так меня называть, — тихим голосом, а в глазах уже загораются оранжевые огоньки.

— Мы здесь болтали с футаром.

— Я знаю, — огоньки стали ярче. — И если ты мне его избаловала...

— Но Дама...

— Не называй меня так!

Паучья Королева так и вылетела из кресла, в глазах Сбилось оранжевое пламя.

— Прошу, сядь пожалуйста, — улыбнулась Луцилла. — Так допрос не ведут, — сарказм — опасное оружие. Вчера ты сказала, что хотела бы продолжить наше обсуждение Политики.

— Откуда ты знаешь, который час? — опустилась в кресло, но глаза по-прежнему полыхают.

— У всех Бене Джессерит есть эта способность. Пробыв на ней всего лишь некоторое время, мы способны чувствовать ритм любой планеты.

— Странный талант.

— Это может делать каждый. Все дело в восприимчивости.

— А я могла бы научиться?

Оранжевый огонь в ее глазах угасал.

— Я сказала каждый. Ты ведь все же человек, не так ли? Вопрос, на который пока еще нет полного

ответа.

— Почему ты говоришь, что у вас нет правительства?

Хочет сменить тему. Наши способности тревожат ее.

— Я говорила не совсем это. У нас нет формального правительства.

— Нет даже общественного кодекса?

— Нет такого свода законов, который отвечал бы всем потребностям. Преступление в одном обществе может казаться требованием морали в другом. — У людей всегда есть правительство.

Оранжевые пятна почти полностью исчезли из ее глаз. Почему это ее так интересует?

— У людей есть политика. Я вчера тебе это говорила. Политика искусство казаться искренним и совершенно открытым, скрывая при этом как можно больше.

— Так значит вы, ведьмы, скрываете.

— Я этого не сказала. Когда мы говорим «политика», это предупреждение нашим Сестрам.

— Я тебе не верю. Человеческие существа всегда создают ту или иную форму...

— Соглашения?

— Это слово ничем не хуже других!

Почему-то оно приводит ее в ярость.

Луцилла больше ничего не сказала, а потому Великая Чтимая Матре чуть наклонилась вперед.

— Вы скрываете!

— Разве я не в праве скрывать от тебя то, что может помочь тебе победить нас?

Вот тебе вкусная наживка!

— Я так и думала! — с явным удовлетворением она откинулась на спинку кресла.

— Впрочем, почему бы не открыть это? Ты полагаешь, что ниши единоличной власти всегда под рукой и их можно заполнить, но не понимаешь того, что это означает в случае моей Общины.

— О, скажи мне пожалуйста.

Тяжеловато для сарказма.

— Ты думаешь, что все можно свести к инстинктам, уходящим корнями в племенные времена и дальше. Вожди и старейшины. Таинственная мать и Совет. А до них Сильнейший (или Сильнейшая), кто заботится о том, чтобы все были сыты, что бы всех охранял огонь у входа в пещеру.

— В этом есть смысл.

Да, правда?

— О, я согласна. Эволюция форм изложена достаточно ясно.

— Эволюция, ведьма! Одно положенное на другое.

Эволюция. Смотри-ка как она бросается на ключевые слова.

— Это сила, которую можно взять под контроль, повернув ее на себя саму.

Контроль! Смотри, какой ты вызвала интерес. Она любит это слово.

— Так вы устанавливаете законы так же, как и все остальные!

— Регуляции, может быть, но разве все не временно?

— Конечно, — сказано с напряженным интересом.

— Но твоим обществом управляют бюрократы, которые знают, что, чтобы они ни делали, они неспособны внести в это ни грана воображения.

— Это важно?

Неподдельно озадачена. Взгляни, как она хмурится.

— Только для тебя. Чтимая матре.

— Великая Чтимая Матре!

Ага, она еще и обидчива!

— Почему ты не позволяешь звать тебя Дама?

— Мы не близки.

— А футар тебе близок?

— Перестань уходить от темы!

— Хочу зубы чистить, — вмешался футар.

— А ты заткнись!

И впрямь гневается!

Футар опустился на четвереньки, но явно не испугался.

Великая Чтимая матре перевела горящий оранжевым огнем взгляд на Луциллу:

— Что насчет бюрократов?

— У них нет пространства для маневра, поскольку именно вследствие этого жиреют те, кому они подчиняются. Если не видишь разницы между регуляцией и законом, силу закона имеет и то, и другое.

— Не вижу никакой разницы.

Она даже не понимает, что она о себе выдала.

— Законы выражают миф о навязанной перемене. Прекрасное новое будущее наступит, поскольку принят тот или иной закон. Законы навязывают будущее. А регуляции, как верят, придают силу прошлому.

— Верят?

Ей и это слово тоже не нравится.

— В каждом случае действие иллюзорно. Как назначение комитета для изучения проблемы. Чем больше людей в комитете, тем больше предвзятых мнений по данной проблеме.

Осторожно! Она действительно над этим задумалась, пытается приложить к самой себе.

Луцилла попыталась придать своего голосу наибольшую убедительность:

— Ты живешь в приумноженном прошлом и пытаешься понять некое неопознаваемое будущее.

— Мы не верим в предвидение.

Да нет, верит! Наконец-то. Вот почему она держит нас в живых.

— Дама, пожалуйста. В самозаточении в тесном круге законов всегда есть нечто неуравновешенное.

Будь осторожна! Ей не нравится, что ты зовешь ее Дама.

Великая Чтимая Матре поерзала в своем кресле, скрипнуло дерево.

— Но законы необходимы!

— Необходимы? Это опасно.

— Почему же?

Помягче с ней. Она чувствует, что ей что-то угрожает.

— Правит необходимость, а законы не дают адаптироваться. И неизбежно обрушивается вся

система. Это как банки, владельцы которых думают, что покупают себе будущее. «Сила в моем времени! Плевать на потомков! <.

— А что могут сделать для меня потомки?

Не говори ничего! Взгляни на нее. Она реагирует на основе общего сумасшествия. Подкинь ей что-нибудь другое.

— Чтимые Матре начинали как террористы. Сначала бюрократы и террор как избранное оружие.

— Если оно у тебя под рукой, используй его. Но мы подняли восстание. Терроризм? Слишком хаотично.

Ей нравится слово «хаос». Оно включает все, что находится вне ее. Она даже не спросила, откуда ты знаешь о ее происхождении. Она принимает наши способности как мистические.

— Не странно ли. Дама... — никакой реакции, продолжай — ...как быстро восставшие подражают под власть того самого уклада, над которым одержали победу? Это не столько — яма на пути всех правительств, сколько заблуждение, поджидающее каждого, кто приходит к власти.

— Ага! А я думала, ты скажешь мне что-нибудь новое.

Это мы знаем: «Власть развращает. Абсолютная власть развращает абсолютно».

— Неверно, Дама. Здесь действует правило более тонкое и гораздо более всеобъемлющее: Власть привлекает коррумпированных и развращенных.

— Ты смеешь обвинять меня в коррупции?

Следи за глазами!

— Я? Обвиняю тебя? Единственный, кто способен на это, — ты сама. Я лишь высказала тебе мнение Бене Джессерит.

— И не сказала мне ничего!

— И все же мы верим, что над всяkim законом существует мораль, которая как сторожевой пес должна следить за всеми нападками на неизменное регулирование».

Ты употребила два слова в одной фразе, а она даже не заметила.

— Власть срабатывает всегда, ведьма. Власть есть закон.

— И правительства, которые увековечили себя на такой срок, что эта вера всегда становится спутницей коррупции.

— Моральность!

Ей плохо дается сарказм, особенно, когда она вынуждена защищаться.

— Я действительно пыталась помочь тебе. Дама. Законы опасны для всех — виновных и невинных в равной мере. Не важно, считаешь ли ты себя могущественной или беспомощной. Законы не обладают человеческим пониманием ни людей, ни самих себя.

— Нет такой вещи, как человеческое понимание!

На наш вопрос получен ответ. Не человек. Обращайся к ее подсознанию. Оно скрыто нараспашку.

— Законы всегда требуют интерпретации. Связанный законом не желает никакой терпимости к сочувствию. «Закон есть закон».

— Так и есть!

Ушла в защиту.

— Это опасная мысль, особенно для невиновных. Люди инстинктивно это чувствуют и негодуют на подобные законы. Делаются какие-нибудь мелочи, зачастую бессознательно, чтобы подрезать крылья «закону» и тем, кто занимается этой чушью.

— Как ты смеешь называть это чушью? — Паучья Королева поднялась было с кресла, но упала обратно.

— О, да! И закон, персонифицированный во всех зависящих от него жизнях, возмущается, слыша

слова, подобные моим!

— И по праву, ведьма!

Но она не приказывает тебе замолчать.

— «Больше законности!», говорите вы, «больше законности!». Таким образом вы создаете все больше инструментов, закрывающих дорогу сочувствию, и по ходу дела новые ниши для тех, кто питается от этой системы.

— Так было и так будет всегда!

— И снова неверно. Это — рондо. Катится колечко и катится, пока не покалечит не того человека или не ту группу лиц. И тогда, вы получаете анархию. Хаос. — Видишь, как она вскочила? — Мятежники, террористы, усиление взрывов насилия. Джихад! И все из-за того, что вы создали нечто бесчеловечное.

Взялась за подбородок. Следи внимательней!

— Как мы забрели так далеко прочь от политики, ведьма? Таково было твое намерение?

— Мы не ушли и на долю миллиметра!

— Я полагаю, сейчас ты мне скажешь, что вы, ведьмы, практикуете некую форму демократии.

— С бдительностью, какой ты себе не можешь даже представить.

— Ну попытайся.

Она думает, ты сейчас откроешь ей секрет. Расскажи ей кое-что.

— Демократию легко сбить с истинного пути, демонстрируя выборщикам козлов отпущения. Бейте богатых, хапуг, преступников, глупых лидеров и так далее до бесконечности.

— Ты веришь в то же, что и мы!

Надо же! Как ей хочется быть похожей на нас!

— Ты говорила, что вы были поднявшими восстание бюрократами. Ты знаешь недостаток. Верхушка бюрократии, которой не в силах коснуться избирательная система, всегда расширяется до пределов энергии системы. Крадет ее у старых, у тех, кто отошел от дел, у всех. Особенно у тех, кого мы когда-то называли средним классом, поскольку именно он является источником основной энергии.

— Вы думаете о себе как... как о среднем классе?

— Мы не воспринимаем себя как-то фиксирование. Но Иная Память указывает нам на недостатки бюрократии. Я полагаю, у вас есть нечто вроде гражданской службы для «низших слоев»?

— Мы заботимся о своих.

Прозвучало страшным эхом.

— Тогда ты знаешь, как выхолащивается система выборов. Основной симптом: люди не приходят голосовать. Инстинкт говорит им, что это бесполезно.

— Что там не говори, демократия — это идиотская идея.

— Мы согласны. Она просто склонна к демагогии. Это заболевание, которому подвержена любая выборная система. И тем не менее демагогов нетрудно вычислить. Они оживленно жестикулируют и говорят, как будто с церковной кафедры, каждое их слово полно религиозного пыла и богобоязненной искренности.

Она довольно усмехается!

— Искренность, за которой ничего нет, требует немалой практики. Дама. А профессиональную выучку всегда возможно отследить.

— Ясновидящим?

Смотри, как она подалась вперед? Мы снова задели ее за живое.

— Любым, кто научится распознавать признаки: Повторение. Значительные усилия, направленные на то, чтобы привлечь твое внимание к словам. Никогда не обращайте внимания на слова. Смотри,

что делает этот человек. Так ты узнаешь мотивы.

— Так у вас нет демократии.

Рассказывай, выдавай мне еще секреты Бене Джесссерит.

— Да нет, есть.

— Я думала, ты сказала...

— Мы хорошо ее охраняем, отслеживая то, что я только что описывала. Опасность велика, но велика и награда.

— Знаешь, что ты мне только что сказала? Что вы просто скопище дураков!

— Милая госпожа! — вмешался футар.

— Заткнись или я отправлю тебя назад в стаю!

— Ты не милая. Дама.

— Видишь, что ты наделала, ведьма? Ты испортила его!

— Думаю, всегда есть какие-нибудь еще.

— ОOOO. Погляди на эту улыбку.

Луцилла в точности повторила улыбку Читимой Матре, подстраивая свой пульс под ее. Видишь, насколько мы похожи? Конечно, я пыталась ранить тебя. Разве на моем месте ты не сделала бы того же?

— Так значит, вы знаете, как заставить демократию делать то, что вам нужно, — жадно пожирая глазами.

— Метод тонок, однако довольно прост. Необходимо создать систему, в которой большинство людей смутно или глубоко неудовлетворены.

Вот так это ей и видится. Заметь, как она кивает на каждое твое слово.

— Это нагнетает ощущение разлитого в обществе мстительного гнева, -Луцилла подстраивала фразы под ритм кивков. — Потом ты подсовываешь этому гневу необходимую мишень.

— Отвлекающий маневр.

— Но только не давай им времени на вопросы. Погреби собственные ошибки под все новыми законами. Ты движешься среди иллюзий. Тактика корриды.

— О, да! Это прекрасно!

Она чуть ли не ликует. Махни еще разок перед ней мулетой.

— Помахай яркой тряпкой. Они набросятся и станут лишь недоумевать, когда за ней не окажется матадора. Это отупляет выборщиков точно так же, как отупляет быка. А в следующий раз разумно своим правом выбора воспользуется гораздо меньшее число людей.

— Вот почему мы так и делаем!

Мы делаем! Сама-то она слышит, что говорит?

— Тогда набросься на апатичных избирателей. Заставь их почувствовать себя виноватыми. Не позволяй им думать. Корми их. Развлекай. Не перебарщивай!

— О, нет! Никогда не перебарщивай!

— Дай им знать, что их ожидает голод, если они откажутся идти в ногу со всеми. Дай им взглянуть на скуку, навязанную тем, кто раскачивает корабль. Благодарю тебя, Великая мать. Вполне подходящий образ.

— И вы не позволяете иногда быку поддеть матадора?

— Конечно. Бах! Хватайте того! А затем сидишь и ждешь, когда уляжется смех.

— Я же знала, что вы не допускаете демократии!

— Почему бы тебе мне не поверить? Ты искушаешь судьбу!

— Потому что если бы вы разрешили открытое голосование, судей и жюри...

— Мы называем их Прокторами. Нечто вроде Суда Всего.

А теперь ты ее запутала.

— И никаких законов... регуляций, или как там тебе нравится их называть?

Разве я не сказала, что мы даем им разные определения. Регуляции прошлое. Законы — будущее.

— Но как-то же вы ограничиваете этих... этих Прокторов!

— Они могут принять любое решение, какое пожелают, в точности так, как и должен функционировать суд. И да будут прокляты законы!

— Внушающая беспокойство мысль.

Она действительно обеспокоена. Взгляни, как потускнели ее глаза. -Первое правило нашей демократии гласит: «Ниаких законов, сковывающих судей. Подобные законы глупы. Удивительно, как глупы могут быть люди, когда пребывают в мелких, обслуживающих самих себя группах.

— Ты меня называешь глупой, не так ли?

Бойся оранжевого огня.

— Похоже, существует закон природы, который говорит, что для обслуживающих самих себя группировок Почти «невозможно вести себя как просвещенным людям.

— Просвещенным! Я это знала!

Эту улыбка опасна. Будь осторожна.

— Это означает плыть в потоке жизни, приспосабливая свои действия так, чтобы жизнь могла течь и продолжаться.

— Конечно, с величайшим счастьем для наибольшего числа.

Быстро! Похоже мы перемудрили! Смени тему!

— Это — тот элемент, что Тиран выпустил из своего учения о Золотой Тропе. Он рассматривал не счастье, а только выживание человечества.

Мы сказали, смени тему! Посмотри на нее! Она в ярости!

Рука Великой Чтимой Матре, оставив подбородок, упала ей на колено.

— А я собиралась пригласить тебя в наш орден, сделать тебя одной из нас. Выпустить тебя.

Отвлеки ее! Быстро!

— Не говори ничего, — сказала Великая Чтимая Матре. — Даже рта не открывай.

Ну вот доигралась!

— Ты столкнулась бы с Лонго или с кем-нибудь еще, и на моем месте оказалась бы она! — Она глянула на скорчившегося футара. — Есть, милый?

— Не есть милую женщину.

— Тогда я брошу твой труп стае.

— Великая Чтимая Матре.

— Я сказала тебе, молчать! Ты посмела звать меня Дама.

Неуловимым движением она вылетела из своего кресла. Дверь клетки Луциллы распахнулась и с мерзким скрежетом ударила в стену. Луцилла попыталась было увернуться, но ее удерживала шигапроволока. Она даже не видела удара, который разнес ей висок.

В те несколько секунд, пока она умирала, сознание Луциллы заполняли крики ярости — рой с Лампадас дал волю эмоциям, которые сдерживал не одно поколение.

Глава 19

Некоторые люди ни в чем никогда не принимают участия. Жизнь просто происходит с ними. Они обходятся чуть большим нежели немое упорство — с яростью или насилием сопротивляются всему тому, что могло бы вытащить их из заполненных обидой на весь свет иллюзий защищенности.

Алма Мейвис Тараза

Туда сюда, туда сюда. Весь день напролет Одрейд в нерешительности переводила взгляд с одного отчета ком-камер на другой, с дискомфортом что-то выискивая. Снова взглянуть на Скитеяла, затем на маленького Тега с Дунканам и Мурбеллой, потом она надолго вперила Невидящий взгляд в окно, раздумывая над последним Докладом Берзмали с Лампадас.

Как скоро смогут они попытаться восстановить воспоминания башни? Станет ли слушаться восстановленный гола?

Почему нет больше ни слова ом рабби? Может пора начинать программу Экстремас Прогрессио, втягивая в разделение как можно больше Сестер?

— Что касается эмоционального настроя в общине, эффект такого решения станет сокрушительным.

Доклады проекциями танцевали на рабочем столе, в то время как входили и уходили помощники и советники, важные посетители. Подписать это. Одобрить то. Урезать меланж для этой группы?

Беллонда провела здесь весь день, сидела в своем учащающемся кресле у стола. Она уже перестала спрашивать, к чему стремится Одрейд, и только лишь наблюдала, не спуская с нее проницательного взгляда. Безжалостно.

Они уже успели поспорить о том, способна ли новая популяция песчаных червей в Рассеивании вернуть пагубное воздействие на вселенную Тирана. Этот бесконечный сон в каждой оставшейся частичке Червя по-прежнему беспокоил Белл. Но сама численность популяции говорила о том, что влиянию Тирана на их судьбу пришел конец.

Тамейлан заходила часом раньше, требуя от Беллонды такого-то отчета. Только что освежив свою память новыми поступлениями в Архивы, Беллонда тут же пустилась в обличения по поводу изменения численности Общины, истощения ресурсов. Сейчас Одрейд смотрела, как ветер несет пыль за Тираном. Незаметно наползали тени, и на улице становилось все темнее и темнее. Когда наступила полная темнота, Одрейд осознала, что тусклые огоньки между небом и землей это на самом деле свет в домах на далеких плантациях. Умом она понимала, что эти огоньки зажглись гораздо раньше, но оставалось необъяснимое ощущение, что этих светляков сотворила сама ночь.

Какие-то из них мигали — это люди переходили из комнаты в комнату в своих жилищах. Нет людей — нет света. Не тратьте попусту энергию. Блуждающие огоньки еще какое-то время занимали ее мысли. Вариант старого вопроса о падающем дереве в лесу: был ли звук, если его никто не слышал? Одрейд придерживалась той стороны, что говорила, что вибрации существуют вне зависимости от того, улавливает ли их сенсор.

Следуют ли за нами тайные сенсоры в Рассеивание? Что за новые таланты и изобретения могут использовать те, кто ушел в первое Рассеивание? Беллонда и так слишком долго молчала:

— Дар, от тебя по всему Дому Ордена расходятся тревожные сигналы, не выдержала она наконец.

Одрейд приняла это безо всякого комментария.

— Чем бы ты ни была сейчас занята, это воспринимается как нерешительность. Как печально звучит голос Беллонды. — Влиятельные группировки обсуждают, не заменить ли тебя. Прокторы голосуют.

— Только Прокторы?

— Скажи, Дар, ты на днях действительно помахала Проктору по имени Прэшка и сообщила ей, что прекрасно быть живой?

— Да.

— Чего ты этим добивалась?

— Переоценивала. Никаких известий от Дортуйлы?

— Ты в двадцатый раз сегодня уже об этом спрашиваешь! — Беллонда указала на рабочий стол. — Ты все возвращаешься к последнему докладу Берзмали с Лампадас. Что-то, что мы проглядели?

- Почему наши враги так цепляются за Гамму? Скажи мне, это ментат?
- У меня недостаточно данных, и ты это знаешь!
- Берзмали ментатом не был, но в его изложении событий есть некое неослабное напряжение, Белл. Я говорила себе, ну хорошо, в конце концов, он был любимым учеником башни. Можно понять, что Берзмали проявит характерные качества своего учителя.
- Выкладывай, Дар. Что ты нашла в докладе Берзмали?
- Он обрисовывает положение. Не полностью... но с мучительным напряжением он вновь и вновь возвращается к Гамму. У многих экономических сил там влиятельные связи. Почему наши враги не обрубили эти нити?
- Очевидно, они входят в ту же систему.
- Что если мы атакуем Гамму со всех сторон сразу?
- Никто не захочет вести дела в самом центре военных действий. Это ты хочешь сказать?
- Отчасти.
- Заинтересованные стороны скорее всего перенесут свои операции в иное место. Другая планета, другое Покорное население.
- Почему?
- В такой ситуации возможны более точные прогнозы.

Конечно, они могут также усилить оборону.

— Альянс, который мы за этим угадываем, Белл; они удвоят свои усилия, чтобы найти и уничтожить нас.

— Безусловно.

Краткие комментарии Беллонды заставили Одрейд устремить взгляд за окно на сверкающие в темном небе звезды. Так атакующие придут оттуда? Тяжесть этой мысли притупила бы более слабый интеллект. Но чтобы сохранить трезвую голову, Одрейд не требовалась Литания против Страха. У нее была более простая формула.

Смотри своим страхам в лицо или они всползут по твоей спине.

Она предпочитала прямоту. Большинство самых страшных вещей во Вселенной исходило из разума людей.

Ночные кошмары (белые лошади угасания Бене Джессерит) обладали одновременно и мифической, и реальной формой. Охотница с топором могла опустить лезвие и на разум и на плоть. Но нельзя убежать от ужаса в собственном сознании.

Значит, смотри ему в лицо!

Что противостоит ей в этой тьме? Не охотница с топором, не падение в неизвестную пропасть (и то и то прекрасно видимо ее крохам таланта), а вполне осозаемые Чтимые Матре и те, кто бы они ни были, что поддерживают их.

А я не осмеливаюсь использовать даже мой слабый дар предвидения, чтобы он указал нам путь. Я бы закрепила наше будущее в навечно неизменной форме. Это сделала Мауддиг и его сын Тиран, и Тирану понадобилось три с половиной тысячи лет, чтобы, распутав этот клубок, выпустить будущее на волю.

Внимание Одрейд привлекли движущиеся огни, на этот раз неподалеку.

Садовники работают допоздна, окучивая, подрезая деревья, как будто эти древние сады будут жить вечно. Вентиляторы нагоняли в комнату воздух с запахом дыма костров, в которых сжигали обрезанные ветви. Очень внимательны к подобным деталям садовники Вене Джессерит. Никогда не оставляй валяться сухое дерево, оно может привлечь паразитов, которые потом примутся и за живые деревья. Чистота и опрятность. Планируй вперед. Придерживайся привычек. Данное мгновение — часть вечности.

Никогда не оставляй валяться сушняк!

Так Гамму сушняк?

— Что там такое в саду, что ты так этим увлеклась? — осведомилась Беллонда.

— Сады придают мне сил, — не оборачиваясь ответила Одрейд.

Всего лишь два дня назад она отправилась туда на прогулку. Ночь была холодной и ветреной, и к земле жался туман. Ноги ее взбивали опавшие листья. Слабый запах гниения там, куда капли мелкого дождя стекались в более теплые низинки. Довольно приятный, болотный запах. Пустые ветви над ее головой четко выделялись на фоне освещенного звездами неба. И вправду, угнетающее зрелище по сравнению с весной или временем сбора урожая. Но как оно прекрасно в потоке времени. Жизнь вновь притаилась до следующего зова весны.

— Ты не волнуешься из-за Прокторов? — спросила Беллонда.

— Как они будут голосовать, Белл?

— Тайным голосованием.

— Остальные последуют за ними?

— Все озабочены твоими решениями. Последствия.

Белл это хорошо умела: значительный объем данных и все в двух словах. Большинство решений Бене Джессерит проходили через три гребенки: Эффективность, Последствия и (самое важное) Кто Способен Выполнить Приказания. Человек и деяние подбирались друг к другу с большой тщательностью, точно разрабатывались все детали. Это оказывало огромнейшее влияние на Эффективность, которая в свою очередь, определяла Последствия. Хорошая Великая Мать могла пройти подобный лабиринт возможностей в несколько секунд. И тоша — оживление во всей Централи. Загорались глаза. Из уст в уста передавалось: «Она действовала без промедления». Это создавало чувство уверенности среди алкоголиков и других учеников. Преподобные Матери (в особенности Прокторы) ждали, чтобы оценить последствия.

— Даже Великой Матери необходимо время, — проговорила Одрейд, обращаясь в равной мере как к своему отражению в окне, так и к Беллонде.

— Да, но сколько его у тебя в этой суматохе?

— Ты настаиваешь на скорости, Белл?

Как будто Одрейд ее толкнула, Белл отъехала вместе с креслом от стола.

— Терпение отчаянно тяжелодается в такие времена, — сказала Одрейд. — Но на мой выбор влияет ожидание удобного момента.

— Но чего ты добиваешься с этим нашим новым Тегом? Вот вопрос, на который ты должна будешь дать ответ.

— Если нашим врагам придется оставить Гамму, куда они двинутся, Белл? — Ты собираешься атаковать их там?

— Немного подтолкнуть.

— Это слишком опасный огонь, чтобы подбрасывать в него поленья, мягко произнесла Беллонда.

— Нам нужна еще одна ставка в будущей торговле.

— Чтимые Матре не идут на сделки!

— Но мне кажется, на это пойдут их союзники. Уйдут они... скажем, на Узловую?

— А что такого интересного в Узловой?

— Это основная база Чтимых Матре. И наш любимый баша в своем милом мозгу ментата хранит полное досье эту планету.

— О, — это было скорее вздохом, чем ответом.

Тут в комнату вошла Тамейлан, призвав их к вниманию, просто тем, что встала у двери и молчала до тех пор, пока Одрейд и Беллонда не обернулись к ней.

— Прокторы поддерживают Великую Мать, — Тамейлан подняла согнутый палец. — Большинством в один голос!

Одрейд вздохнула.

— Скажи нам. Там, Проктор, с которой я тогда поздоровалась в коридоре, Прэшка, как она проголосовала?

— Она голосовала за тебя.

С мрачной улыбкой Одрейд повернулась к Беллонде:

— Высытай своих шпионов и агентов, Белл. Мы должны загнать охотниц на встречу на Узловой. К утру Белл вычислит мой план.

Когда Беллонда и Тамейлан ушли, бормоча что-то себе под нос, причем как они не пытались это скрыть, голоса выдавали их беспокойство, Одрейд прошла коротким коридором в свои личные апартаменты. Коридор патрулировала обычная команда алкоголиков с надзирающими над ними Преподобными Матерями. Несколько послушниц улыбнулись ей. Значит, весть о голосовании уже достигла их. Еще один кризис миновал.

Через гостиную Одрейд прошла в спальню келью, где не снимая одежды вытянулась на жесткой кушетке. Единственный плавающий светильник заливал комнатку слабым желтоватым светом. Ее взгляд скользнул мимо карты пустыни к картине Ван Гога в проецирующей раме на стене в ногах ее кушетки. Коттеджи Кордевиля.

Лучшая карта, чем та, что указывает рост пустыни, подумалось Одрейд. Напомни мне, Винсент, о том, откуда я пришла, и что, я, возможно, еще успею.

Прошедший день высосал из нее все силы. Она ушла за пределы слабости, туда, где усталый разум бесконечно бежал по замкнутому кругу. Ответственность!

Ответственность как слишком узкий шлем стягивала ей голову, и Одрейд знала, что могла становиться крайне несговорчивой, когда ее вот так вот осаждали бесконечные обязанности. Вынужденная необходимость тратить энергию, лишь на то чтобы поддерживать некую видимость спокойствия. Белл увидела это во мне. Это сводило с ума. Община отрезана от любого выхода, превращена в фактически неэффективную.

Закрыв глаза, Одрейд попыталась создать образ главаря Чтимых Матре, к которой можно было бы обратиться. Старая... пропитанная силой.

Мускулистая. Сильная, и эта ослепительная скорость, какой обладают они все. Лица не было, просто некое воображаемое тело стояло перед мысленным взором Одрейд.

Безмолвно складывая слова, Одрейд заговорила с Чтимой Матре:

— Нам сложно позволить вам совершать ваши собственные ошибки.

Учителям это всегда трудно. Да, мы думаем о себе как об учителях. Но учим мы не столько конкретных людей, сколько общества. Мы преподносим урок всем. Если вы видите в нас Тирана, то вы правы.

Воображаемая противница ничего не ответила.

Как могут учителя чему-то учить, если они боятся выйти из укрытия? Берзмали мертв, гола Тег — сама неизвестность. Одрейд кожей чувствовала невидимое кольцо, сжимающееся вокруг Дома Ордена. Ничего удивительного, что Прокторы устроили голосование. Сеть оплетает Общину, и ее нити держат так крепко.

И где-то в этой сети, скорчилась предводительница Матре, у которой нет лица.

Паучья Королева.

Не безумна ли она по нашим стандартам? На какую страшную муку я послала Дортуйлу?

Чтимые Матре шли дальше мании величия. По сравнению с ними Тиран казался смешным разбойником. Лито II, по меньшей мере, понимал, что Бене Джессерит знают как балансировать на лезвии меча, сознавая, смерть ожидает тех, кто соскользнет с этой грани. Цена которую ты платишь за то, что стянул на себя такую власть. Чтимые Матре игнорировали эту неизбежность, громя все вокруг, как гигант в судорогах ужасающей истерики.

Ничто до сих пор не могло оказать им успешного сопротивления, и теперь они на все реагировали с убийственной яростью берсерков. Истерия по собственному выбору. Преднамеренный психоз.

Потому что мы оставили нашего баша на Дюне растрачивать свою жалкую армию в

самоубийственной защите? Невозможно сказать, скольких Чтимых Матре он прикончил.

И Берзмали, погибший на Лампадас. Без сомнения. Чтимые Матре на себе испытали его силу. Не говоря уже о натренированных Айдахо мужчинах, которых мы высылаем чтобы сами Чтимые Матре хлебнули того, что испытывают мужчины, когда те обрекают их на рабство. Попасть в рабство к мужчинам!

Достаточно ли этого, чтобы вызвать подобную ярость?

Возможно. Но что это за истории с Гамму? Тег проявил новый талант, который привел Чтимых Матре в неподдельный ужас?

Если мы восстановим память нашего баша, придется тщательно за ним присматривать.

Удержит ли его не-корабль?

Что на самом деле сделало Чтимых Матре столь злобными? Они жаждут крови. Никогда не приносите таким людям дурных новостей. Ничего удивительного, что их солдаты так неистовствуют. Могущественный человек, будучи напуган, способен убить гонца на месте. Не приносить дурных известий. Лучше погибнуть в бою.

Люди Паучьей Королевы ушли за пределы высокомерия. Никакая критика невозможна. С тем же успехом можно упрекать корову в том, что она жует траву. Корова будет совершенно права, если поднимет на вас пустые глаза, как бы осведомляя «А разве не это мне положено делать??

Зная вероятные последствия, почему мы разожгли их ненависть? Мы не похожи на того, кто ударяет палкой по серому круглому предмету и видит, что это осиное гнездо. Мы знаем, кому наносим удар. План Таразы, и ни один из нас не задал ни одного вопроса.

Община оказалась перед лицом врага, чей преднамеренной политикой было истерическое насилие. «Мы обезумеем».

А что произойдет, если Чтимые Матре потерпят болезненное поражение? Во что выльется их истерия?

Я боюсь этого.

Осмелится ли Община подкармливать этот огонь?

Мы должны!

Паучья Королева удвоит свои усилия в надежде отыскать Дом Ордена. Насилие возрастет до еще более омерзительной степени. Что тогда? Станут Чтимые Матре подозревать в симпатиях к Бене Джессерит всех и каждого? Не повернутся ли они против своих собственных союзников? Задумывались ли они над тем, каково это быть одним в целой вселенной, лишенной иной разумной жизни? Скорее всего эта мысль вообще не приходила им в голову.

Как ты выглядишь, Паучья Королева? Как ты мыслишь?

Мурбелла говорила, что не знала ни верхового командующего, ни даже командиров среднего звена своего Горму ордена. Но Мурбелла предоставила наводящее на интересные размышления описание комнат одной из лейтенантов. Информативно. Что человек называет домом? Кому она позволяет держаться поблизости, чтобы разделять с ними мелочи повседневной жизни?

Большинство из нас выбирает компаньонов и вооружение, отражающие нас самих.

Мурбелла говорила: «Одна из личных служанок отвела меня в ее апартаменты. Красуясь, демонстрируя свое право войти в святая святых. Общественные помещения были чисты и прибранны, но в частных комнатах царил форменный беспорядок: одежда, валяющаяся там, где ее бросили, банки с мазями открыты, постели не убраны, вода, сохнущая на тарелках на полу. Я спросила, почему они не убрали всю эту грязь. А она ответила, что это не ее дело. Ту, что занимается уборкой, допускают в эти комнаты незадолго до наступления ночи».

Скрываемая вульгарность.

У такой и ум должен соответствовать этому приватному бардаку.

Одрейд вдруг открыла глаза. Сконцентрировалась на картине Ван Гога. Мой выбор. Древняя картина заставляла выбирать жизнью всю ту долгую человеческую историю, которую хранила, но не способна была оживить Иная Память. Ты отправил мне послание, Винсент. И из-за тебя я не стану отрезать себе ухо... или посыпать бесполезные признания в любви тем, кому пет до них дела. По крайней мере, это я могу сделать, чтобы почтить тебя. Спальная келья хранила привычный

острый запах прянной гвоздики. Запах любимых цветочных духов Одрейд. Служители поддерживали его здесь как некий фон.

И вновь Одрейд закрыла глаза, мысленно возвращаясь к Паучьей Королеве. Одрейд казалось, что это упражнение создает новое пространство существования этой безликой женщины.

Мурбелла говорила, что главе Чтимых Матре достаточно было приказать, и она получала все, что бы ни пожелала.

— Все.

Мурбелла описывала известные случаи: потерявшие любой привычный облик сексуальные партнеры, приторные засахаренные фрукты, эмоциональные оргии, разожженные созерцаниями невероятной жестокости.

— Они всегда ищут крайностей.

Доклады шпионов и агентов обрастили плотью полуусхищенных рассказов Мурбеллы.

— Все говорят, у них есть право править.

Эти женщины вышли из автократической бюрократии.

О таком свидетельствовало многое. Мурбелла рассказывала об уроках истории, которые говорили, что первые Чтимые Матре решили проводить исследования для достижения сексуального доминирования «над остальной частью населения», „когда налогообложение стало слишком угрожающим для тех, кем они правили“.

Право править?

Одрейд казалось, что эти женщины вовсе не собирались настаивать на этом праве. Нет. Они предполагали, что это их право никогда не может вызывать никаких вопросов. Никогда! Ни одного неверного решения. Плевать на последствия. Их никогда не случится.

Одрейд села на своей кушетке, понимая, что нашла наконец искомое проникновение в суть.

Никогда не случается ошибок.

Чтобы сдержать все это, требуется невероятных размеров «мешок» подсознания. И тогда очень нестойкое сознание в ужасе выглядывает на полную хаоса вселенную, которую сами же эти женщины и создали!

Ооо! Великолепно!

Одрейд вызвала послушницу ночной вахты, алколита первой ступени, и попросила принести меланжевый чай, содержащий опасный стимулятор, что-нибудь, что притупило бы потребность тела во сне. Но какой ценой. Прежде чем подчиниться, послушница немного помешкала. Но через несколько минут вернулась с дымящейся кружкой на маленьком подносе. Когда-то давно Одрейд решила, что меланжевый чай, заваренный на ледяной воде из глубинных колодцев Под Домом Ордена успокаивающе действует ей на нервы. Горький стимулятор уже лишил ее этого освежающего вкуса, а теперь ее стала еще и грызть совесть. Ведь кто-нибудь из тех, что наблюдают за ней, обязательно проговорится. Беспокойство, беспокойство, беспокойство. Решатся ли Прокторы на еще одно голосование?

Она пила чай мелкими глотками, давая время подействовать стимулятору. Приговоренная женщина отказывается от последнего обеда. Мелкими глотками пьет чай.

Наконец, она отставила пустую кружку и потребовала теплые вещи. «Я собираюсь на прогулку по саду». Ночная прислужница промолчала. Все знали, как часто она уходила туда, даже по ночам.

Через несколько минут Одрейд была уже на узкой, с двух сторон огражденной плетнями тропинке, ведущей к ее любимому фруктовому саду. Путь ей освещала небольшая плавающая лампа, коротким шнуром закрепленная у нее на правом плече. В одном из загонов справа паслась отара черных овец, и некоторые из них, подойдя к самому забору, глядели, как она проходит мимо, у их морд клубился пар. Одрейд смотрела на влажные морды, вдыхала богатый запах люцерны в их дыхании. Овцы потянули носами воздух, чувствуя запах феромона, который говорил им, что это своя, а потому вернулись к своему сену, оставленному у забора пастухами.

Повернувшись спиной к стаду, Одрейд взглянула на разбросанные по пастищу лишенные листья деревья. Ее небольшая лампа отбрасывала круг желтого света, который только подчеркивал яркость зимних звезд.

Немногие способны были понять, чем привлекает ее это место.

Недостаточно было сказать, что здесь утихали беспокойные мысли. Этот фруктовый сад — как молчание между двумя ураганами, молчание, за которое заплачено дорогой ценой. Одрейд погасила лампу и на ощупь стала искать в темноте знакомую тропу. Время от времени она поднимала взгляд на звезды, проглядывающие сквозь голые черные ветви. Ураганы. Она чувствовала приближение урагана, причем такого, какого не предугадать ни одному метеорологу. Ураганы порождают ураганы. Ярость порождает ярость. Месть порождает месть. Войны порождают войны.

Старый баша был мастером разрывать такого рода замкнутые круги. Сохранит ли новый гола этот талант?

Какая опасная игра.

Одрейд оглянулась на стадо овец, темный шевелящийся шар со светлым облаком пара над ним. Овцы теснее сбились в кучу для тепла, ей было слышно знакомое похрустывание, с каким они пережевывали свою траву.

Мне пора отправляться на юг в пустыню. Встретиться лицом к лицу с Шианой. Песчаные форели процветают. Почему же нет песчаных червей?

И вслух сказала овцам, сгрудившимся у ограды:

— Жуйте свою траву. Это то, что вам полагается делать.

Надо бы заранее подыскать серьезное объяснение, на случай если кто-нибудь из надзирающих наткнется на это замечание, подумала Одрейд. Этой почкою я проникла в самое сердце врага. И мне жаль их.

Глава 20

Знать что-либо хорошо, означает знать пределы этого явления. Только будучи вытеснено за пределы своей допустимости, оно выкажет истинную свою природу.

Привило Эмтол.

Если ставкой является твоя жизнь, не полагайся только на теорию.

Комментарий Бене Джессерит

Дункан Айдахо стоял почти в центре тренировочного зала на неподвижном месте в трех шагах от ребенка-голы. Сложные автоматы тренажеры, одни тренирующие выносливость, другие реакцию — все были здесь под рукой.

Этим утром ребенок смотрел на Айдахо с восхищением и доверием.

Я лучше понимаю его, потому что я тоже, как и он, гхола? Шаткая гипотеза. Этот малыш получил совершенно иное воспитание, чем то, что они когда-то предопределили мне. Предопределили! Вот правильное слово.

Община Сестер скопировала сколько могла с детства оригинального Тега. Вплоть до обожающего младшего товарища, заменившего давно потерянного брата. И Одрейд проводит для него глубокое обучение! Точно так же, как родная мать Тега.

Айдахо хорошо помнил престарелого баша, чьи клетки дали жизнь этому ребенку. Это был вдумчивый человек, к комментариям которого стоило внимательно прислушиваться. Лишь небольшое усилие потребовалось Айдахо, чтобы вызвать в памяти его слова и манеру держаться.

— Настоящий воин зачастую понимает своего врага лучше, чем он понимает друзей. Опасный колодец, если позволишь пониманию пробудить в тебе симпатию, что и произойдет, если оставить это понимание без должного руководства.

Странно думать, что разум, облекший в мысль эти слова, спит где-то в этом ребенке. Баша был так проницателен, говоря о симптиях в тот далекий день в Обители на Гамму.

«Симпатия к врагу — слабость как в политике, так и на войне. И самые опасные из этих симпатий те, что подсознательно ведут тебя к тому, чтобы сохранить в целости и сохранности твоего врага, поскольку враг этот оправдание твоего собственного существования».

— Сир?

Как сможет этот писклявый голос приобрести тон истинного командира?

— В чем дело?

— Почему вы просто стоите и смотрите на меня?

— Они называли баша «Старая Надежность». Ты знаешь это?

— Да, сир. Я изучал историю его жизни.

Теперь это будет «Молодая Надежность»? Почему Одрейд, хочет, чтобы его прошлая память восстановилась так быстро?

— Из-за баси всей Общине пришлось копаться в Иной Памяти, пересматривая свои взгляды на историю. Они тебе об этом рассказывали?

— Нет, сир. Мне важно это знать? Великая Мать говорила, ты будешь тренировать мои мускулы.

— Ты любил пить «Датское Морское», очень хороший сорт бренди, насколько мне помнится.

— Я слишком мал, чтобы пить, сир.

— Ты был ментатом. Знаешь, что это значит?

— Я узнаю, когда вы восстановите мою память, ведь так?

Айдахо улыбнулся, и получил широкую ухмылку в ответ. Очаровательный малыш. Так легко выказывать естественную к нему симпатию.

— Присматривай за ним, — говорила Одрейд. — Он способен зачаровать как заклинатель змей.

Айдахо прекрасно помнил инструкции, данные ему Одрейд, прежде чем она привела сюда этого ребенка.

— Поскольку каждый индивидуум в конечном итоге сводится к самому себе, — сказала она тогда. — Информация о нем требует от нас пристальнейшего к себе внимания.

— Это необходимо при обращении с голой?

В тот вечер они сидели в гостиной Айдахо, причем присутствовала и Мурбелла в непривычном для нее качестве молчаливого и увлеченного слушателя.

— Он запомнит все, чему ты сможешь научить его.

— Так значит, мы немного обновляем оригинал?

— Осторожно, Дункан! Надави на впечатлительного ребенка, дай ему повод не доверять никому и ты создаешь суициальную личность — неважно, скоро или нет произойдет это самоубийство.

— Вы забываете, что я знал баша?

— Или ты не помнишь, Дункан, каково тебе было до того, как восстановили твою память?

— Я знал, что баша способен это сделать и воспринимал его, как спасение.

— Именно это он и видит в тебе. Это особый вид доверия.

— Я отнесусь к нему честно.

— Ты можешь считать, что поступаешь из соображений честности, но я советую тебе, каждый раз, когда ты столкнешься с его доверием, заглядывать в глубь самого себя.

— А если я совершу ошибку?

— Если это будет возможно, мы ее исправим, — она бросила взгляд на ком-камеры, а потом вновь посмотрела на Айдахо.

— Я знаю, вы будете наблюдать за нами!

— Не позволяй этому мешать тебе. Я не пытаюсь заставить тебя следить за каждым своим движением. Просто будь осторожен. И помни, что у моей Общины достаточно эффективных способов лечения.

— Я буду осторожен.

— Возможно, ты помнишь, что именно баша сказал: «Жестокость, которую мы проявляем по отношению к своим противникам, всегда умеряется уроком, который мы надеемся преподать».

— Я не могу думать о нем как о противнике. Баша был одним из лучших людей, каких я когда-либо знал.

— Великолепно. Я передаю его в твои руки.

И вот теперь ребенок стоял перед ним посреди зала для тренировок, проявляя некоторое нетерпение и не понимая, чего же медлит его учитель.

— Сир, это часть урока, то что мы просто так стоим здесь? Я знаю, иногда...

— Тихо.

Тег вытянулся по стойке «смирно». Никто этому его не учил. Это пришло из изначальной памяти. Айдахо был поражен этим внезапным проблеском личности старого баши.

Они заранее знали, что он поймает меня таким образом! Никогда не надо недооценивать способность Бене Джессерит в чем-то убедить тебя. Ты можешь обнаружить, что выполняешь их желания, даже не зная, что на тебя надавили. Будь проклята их тонкость! Конечно, есть и вознаграждение. Ты живешь в интересные времена, как формулировало это древнее проклятие. В общем и целом, решил Айдахо, он предпочитает интересные времена, даже такие как сейчас.

Он сделал глубокий вдох.

— Восстановление твоей памяти причинит боль — физическую и душевную. В некотором отношении, душевная будет гораздо хуже. Я здесь для того, чтобы подготовить тебя к этому.

По-прежнему весь внимание. Никаких комментариев. — Мы начнем без оружия, используя воображаемый клинок в твоей правой руке. Это упражнение — вариация «пяти отношений». Каждая из реакций поднимается до того, как возникла необходимость. Опусти руки по обе стороны тела и расслабься.

Зайдя Тегу за спину, Айдахо взял руку мальчика пониже локтя и продемонстрировал первую серию движений.

— Каждый из атакующих — перышко, плывущее по бесконечной траектории. При приближении перышка эту траекторию необходимо изменить и отвести от себя. Твои движения должны быть как дуновение воздуха, что выносит перо в сторону.

Айдахо отступил на шаг и стал наблюдать, как Тег повторяет движения, иногда исправлял ошибки, резко ударяя по тому из мускулов, что выбивался из ритма.

— Путь учится само тело, — бросил он, когда Тег спросил, почему он это делает.

Во время паузы для отдыха Тег поинтересовался, что Айдахо имел в виду, говоря о «душевной боли».

— Вокруг твоей оригинальной памяти возведены стены сознания голы. В подходящий момент некоторые из воспоминаний потоком хлынут назад. И не все воспоминания будут приятны.

— Великая мать говорила, что баша вернул память тебе.

— Боги подземные, малыш! Почему ты постоянно говоришь «баша»? Это был ты!

— Я этого еще не знаю.

— Ты представляешь собой совсем особую проблему. Для того, чтобы гола мог пробудиться, необходимо воспоминание о смерти. Но в твоих клетках нет информации об этом.

— Но... баша мертв. — Баша! Да, он мертв. Ты должен чувствовать это там, где больнее всего, и знать, что баша это ты.

— Ты действительно можешь возвратить мне память?

— Если ты сможешь выдержать боль. Знаешь, что я сказал тебе, когда ты восстановил мою память? Я сказал: «Атридесы! Вы все чертовски похожи друг на друга!?

— Ты... ненавидел меня?

— Да, и ты сам себе был противен из-за того, что сделал со мной. Дает это тебе какое-то представление о том, что мне необходимо сделать?

— Да, сир, — очень тихо.

— Великая Мать говорит, что мне нельзя предать твоего доверия... и тем не менее ты предал мое.

— Но я вернул тебе память?

— Видишь, как легко думать о самом себе как о баша? Ты был в шоке. И да, ты вернул мне память.

— Это все, чего я хочу.

— Это ты так говоришь.

— Великая... Мать говорит, что ты ментат. Те, что я тоже был ментатом... чем-нибудь поможет?

— Логика говорит, что да. Но у нас ментатов есть поговорка, что логика слепа. И мы сознаем, что есть логика, которая пинком вышибет тебя из насиженного гнезда прямиком в хаос.

— Я знаю, что означает хаос! — очень горд собой.

— Это ты так думаешь.

— И я доверяю тебе!

— Послушай меня! Мы — слуги Бене Джессерит. Преподобные Матери построили свой Орден не на доверии.

— Значит, мне не стоит доверять... Великой Матери?

— В пределах, которые ты узнаешь и научишься ценить. А пока, я предупреждаю тебя, что Бене Джессерит работает в системе организованного недоверия. Они рассказывали тебе что-нибудь о демократии?

— Да, сир. Это то, где ты голосуешь за...

— Это то, где ты не доверяешь никому, у кого есть власть над тобой! Сестры прекрасно это знают. Не доверяй слишком много.

— Значит и тебе мне нельзя доверять?

— Единственно в чем ты можешь доверять мне, это в Том, что я сделаю все от меня зависящее, чтобы вернуть тебе изначальную память.

— Тогда, мне не важно, насколько это будет больно, — он поднял глаза на ком-камеры, его взгляд выражал, что он прекрасно понимает их назначение. — А они не сердятся, что ты говоришь о них такое?

— Иначе как данные их чувства ментата не касаются.

— То есть ментатам важны факты?

— Факты — вещь хрупкая. Ментат может запутаться в них. Слишком много надежных данных. Это как дипломатия. Чтобы добраться до проекций, тебе необходима новая хорошая ложь.

— Я... запутался, — это слово он употребил с некоторой заминкой, не очень увереный, что имеет в виду.

— Это я и сказал однажды Великой Матери. А она ответила: «Я плохо вела себя».

— Предполагалось, что ты не будешь... запутывать меня?

— Разве что это сможет чему-то научить, — а поскольку Тег по-прежнему выглядел озадаченным, Айдахо добавил: — Давай я расскажу тебе одну историю.

Тег тут же уселся на пол, реакция, которая показала Айдахо, что Одрейд нередко прибегала к тому же методу. Хорошо, это значит, что Тег уже подготовлен к восприятию.

— В одной из моих жизней у меня был пес, который ненавидел моллюсков, — начал Айдахо.

— Я ел моллюсков. Их доставляют с большого моря.

— Ну так вот, мой пес ненавидел моллюсков, потому что один из них бьет столь безрассуден, что плюнул ему в глаз. Такое запоминается. И что хуже, плюнула просто дырка в песке, никакого моллюска видно не было.

— И что сделал ваш пес? — мальчишка наклонился вперед, опираясь подбородком на руку.

— Он выкопал обидчика и принес его мне, — Айдахо ухмыльнулся. — Урок номер один: не позволяй неизвестному плевать тебе в глаз.

Тег засмеялся и захлопал в ладоши.

— Но давай посмотрим на это с точки зрения пса. Поймать плеваку! А затем славная награда: хозяин доволен.

— Твой пес выкапывал новых моллюсков?

— Каждый раз, когда мы выходили на пляж. Он с лаем охотился за плеваками, а хозяин уносил их прочь, и их никогда уже не было видно, за исключением пустых раковин с обрывками мяса, свисающего с внутренней стороны.

— Ты их ел.

— Взгляни на это как пес. Плеваки получали справедливое наказание. Он придумал, как избавить мир от обидчиков, и хозяин доволен.

— Сестры думают о нас, как о собаках? — продемонстрировал догадливость Тег. — Некоторым образом. Никогда этого не забывай. Когда вернешься в свою комнату, поищи «lese majeste». Это поможет тебе определить наше отношение к хозяевам.

Тег глянул на ком-камеры, потом снова на Айдахо, но ничего не сказал. Айдахо поднял глаза на дверь за спиной Тега и сказал:

— Эта история рассказывалась и для тебя.

Тег вскочил на ноги и повернулся, ожидая увидеть Великую Мать. Но это была только Мурбелла, которая, прислоняясь к стене, стояла возле двери.

— Белл не понравится, что ты говоришь об Общине таким образом, сказала она.

— Одрейд сказала, что у меня полная свобода действий, — Айдахо перевел взгляд на Тега. — Мы достаточно времени потратили на байки! Давай посмотрим, научилось ли чему-нибудь твоё тело.

Странное возбуждение охватило Мурбеллу, когда она вошла в зал и увидела Дункана с ребенком. Некоторое время она наблюдала за ними, сознавая, что видит Дункана в новом свете, почти так же как видят его Бене Джессерит. Инструкции Великой Матери проявляются в искренности Дункана с мальчишкой. Крайне странное ощущение, это осознание, как будто она на целый шаг отошла от своих прежних друзей. А поверх этого ощущения царило чувство печальной потери.

Оказывается, ей не хватает странностей прошлой жизни. Нет не охоты по улицам в поисках новых мужчин, которых можно было захватить и обратить в рабов Чимых Матре. Власть, происходящая от создания наркоманов от секса, потеряла свою сладость под влиянием учения Бене Джессерит и ее опыта с Дунканом. Впрочем, она признавала, что ей не хватает одной из составляющих этой власти: чувства принадлежности к силе, которую ничто не способно остановить.

Это было одновременно чем-то абстрактным и чем-то очень конкретным. Не постоянное завоевание, а предвкушение неизбежной победы, которое отчасти происходило от наркотика, что она делила с Сестрами среди Чимых Матре. Когда с переходом на меланж потребность в нем исчезла, она с новой стороны взглянула на старое пристрастие. Если потребуется, он всегда под рукой у химиков Бене Джессерит, которые выделили этот заменитель адреналина из клеток ее крови. Но Мурбелла знала, что она больше никогда к нему не прибегнет. Ее мучила другая абstinенция. Не просто захваченные мужчины, а целый поток их. Что-то внутри нее говорило, что это ушло навсегда. Она никогда не испытает этого вновь. Новое знание изменило ее прошлое.

Этим утром Мурбелла бродила по коридорам между своими апартаментами и тренировочным залом в надежде застать Дункана с ребенком и одновременно боясь, что помешает им. Мерить шагами коридор — это она часто делала в последнее время после требующих все большего напряжения сил утренних занятий с учителем из Преподобных Матерей. И почти всегда в такие часы ее мысли занимали Чимые Матре.

Ей не удавалось спрятаться от чувства потери. Оно создавало такую пустоту, что иногда Мурбелла задумывалась, сможет ли вообще что-нибудь заполнить ее. Это ощущение было хуже даже чувства надвигающейся старости. Старение предлагало Чимой Матре немалое возмещение за уходящие силы. Власть, набираемая в этой Общине имела тенденцию стремительно расти вместе с возрастом. Но дело было не в этом. Это была абсолютная потеря.

Я потерпела поражение.

Чимые Матре никогда не задумывались над поражением. Мурбелла же чувствовала, что вынуждена делать это. Она знала, что Чимые Матре иногда погибали от рук врагов. Эти враги платили дорогой ценой. Законом было: смести целую планету, чтобы достать одного обидчика.

Мурбелла знала, что Чимые Матре охотятся за Домом Ордена. Если говорить о прошлой верности, она сознавала, что ей следовало бы способствовать этим охотникам. Суть ее личного поражения заключалась в том, что ей не хотелось, чтобы Бене Джессерит платили той ценой.

Бене Джессерит слишком ценные.

Они были бесконечно ценные для Чимых Матре. Мурбелла сомневалась в том, что какая-нибудь другая Чимая Матре хотя бы подозревает это. Тщеславие.

Вот какое — определение она дала бы теперь своим прошлым Сестрам. И самой себе, какой я была когда-то. Ужасающая гордость. Она выросла из ощущения их подчиненности столько поколений до того, как они добились своих собственных предков. Мурбелла пыталась донести это до Одрейд, излагая ей историю, как ее учили Чимые матре.

— Из рабов получаются отвратительные хозяева, — сказала на это Одрейд.

Таков и был обычай Чимых Матре, дошло вдруг до Мурбеллы. Когда-то она принимала его, теперь отрицала, и не могла привести достаточно причин для такой перемены.

Я выросла из этого. Теперь мне это кажется детским.

Дункан вновь прервал урок. Пот заливал и учителя, и его ученика. Они стояли друг напротив друга

тяжело дыша и обмениваясь странными понимающими взглядами. Конспирация? Мальчик выглядел странно возмужалым.

Мурбелле вспомнилось замечание Одрейд:

— Возмужание навязывает свою собственную манеру поведения. Один из наших уроков — сделай эти императивы доступными сознанию. Изменяй инстинкты.

Они изменили меня и изменят меня еще больше.

То же самое воздействие она различала в поведении Дункана с ребенком-головой.

— Это — деятельность, создающая многочисленные стрессы в обществах, на которые мы оказываем влияние, — говорила Одрейд. — Это вынуждает нас к постоянному приспособлению.

Но как они могут приспособиться к прошлым моим Сестрам?

— Мы каждый раз оказываемся перед лицом необходимости приспособливаться вследствие собственной же деятельности в прошлом. То же самое было и во время правления Тирана.

Приспособление?

Дункан заговорил с ребенком, и Мурбелла подошла поближе, чтобы послушать.

— Тебя ведь познакомили с историей Муаддиба?

Хорошо? Ты — Атридес, а это означает, что ты не лишен их недостатков. — Что значит ошибок, сир?

— Вот именно. Никогда не избирая какого-то курса, только потому, что он позволяет тебе возможность драматичного жеста.

— Так вот как я умер?

Он заставил мальчишку думать о своем прошлом эго в первом лице.

— Ты сам будешь судьей. Но это всегда было слабостью Атридесов. Привлекательные вещи, жесты. Умереть на рогах огромного быка, как это сделал дед Муаддиба. Грандиозный спектакль для его людей. Байки на много поколений! Даже после всех этих эонов можно что-нибудь об этом услышать.

— Великая Мать рассказала мне эту историю.

— Твоя родная мать, вероятно, тоже ее тебе рассказывала.

— У меня возникает какое-то странное чувство, когда ты говоришь «родная мать», — сдался мальчишка, в его голосе звучало благоговение.

— Странные чувства — это одно, этот урок — другое.

Я говорю о том, что носит постоянный ярлык: Досовский жест. Раньше это называлось Атридесовским, но слишком долго выговаривать.

И вновь ребенок прикоснулся к сердцевине возмужалого сознания:

— Даже у жизни собаки есть своя цена.

Мурбелла затаила дыхание, на мгновение увидев, каково это будет: разум взрослого в теле маленького ребенка. Смущающее.

— Твою мать звали Жанет Роксборо из рода Лернеус Роксборо, она принадлежала к Бене Джесссерит — говорил Дункан. — Твоим отцом был Лоши Тег, агент отделения КАНИКАТ. Через несколько минут я покажу тебе любимое изображение башни его дома на Лернеусе. Я хочу, чтобы ты оставил ее себе и изучил ее. Думай о ней, как о своем любимом месте.

Тег кивнул, но выражение его лица говорило о том, что ему страшно. Возможно ли, чтобы великий воин-ментат знал, что такое страх?

Мурбелла покачала головой. Ее разум понимал, что то, что делает сейчас Дункан, должно заполнить пробелы в сухих отчетах. Это было чем-то, чего ей не дано испытать. Каково это — чувствовать, что пробуждаешься к новой жизни, сохраняя при этом воспоминания прежней? Чувство совсем отличное, как она подозревала, от Иной Памяти Преподобной Матери.

— Разум в своем начале, — называл это Дункан. — Пробуждение твоего Истинного Я. Мне казалось,

меня выбросило во вселенную, полную магии. Мое сознание превратилось сперва в круг, потом в сферу. Произвольные формы оказались преходящими. Стол перестал быть столом. А потом я погрузился в транс — все вокруг меня наполнилось чудесным сиянием. И не осталось ничего реального. Потом все кончилось, но я чувствовал, что потерял единственную реальность. Стол снова стал столом.

Мурбелла изучала руководство Бене Джессерит «О пробуждении изначальной памяти голы. Дункан далеко ушел от этих инструкций. Почему? Дункан оставил мальчика и теперь подходил к Мурбелле.

— Мне нужно поговорить с Шианой, — сказал он, проходя мимо нее. -Должен же быть лучший способ.

Глава 21

Готовность понять — чаще всего просто рефлекторная реакция и наиболее опасная форма понимания. Она — теневой экран на вашей способности учиться. Некоторые законы функционируют именно так, загоняя вас в тупик. Будьте осторожны. Ничего не понимайте. Все понимание временно.

Ментальная Дилемма (адакто)

Сидя у своей консоли, Айдахо наткнулся на раздел, введенный им в память Систем корабля в первые дни его заключения, и обнаружил, что с головой окунулся (слово он подобрал позже) в отношения и сенсорные предчувствия тех ранних времен. Исчез вечер переполненного отчаяньем дня в не-корабле. Он снова оказался в там, протянувшемся между тогда и теперь так обычный гхола соединяет эту инкарнацию с изначальным рождением.

И в то же мгновение он увидел то, что начал называть «сетью» и стареющую чету, намеченную пересечением линий, чьи тела были видны сквозь переливчатые нити, условно сплетенные из драгоценных камней — зеленые, синие, золотые и столь яркие серебряные, что у него заболели глаза.

Он чувствовал в этих людях уравновешенность и покой, делавшие их богоподобными, но было в них и что-то совсем обычное. В голову ему пришло слово заурядный. Теперь знакомый садовый пейзаж тянулся за ними к горизонту: цветущие кусты (ему подумалось, розы), лужайки, высокие деревья.

Чета смотрела на Айдахо так пристально, что он почувствовал себя обнаженным под их взглядами.

И в этом видении была новая сила! Она больше не была заключена в пределах Великой Власти, невероятно сильного магнита, который столь часто влек его — сюда, вниз, что он понимал — псы всегда настороже.

Или он — новый Квизац Хадерах?

Если подозрения Бене Джессерит достигнут нового уровня, это убьет его. А они сейчас наблюдают за ним! Вопросы, встревоженные переговоры. Несмотря на это, он не мог отказаться от видения:

Почему эта пожилая чета казалась ему столь знакомой?

Кто-то из его прошлого? Его семья?

Ментальный зондаж воспоминаний ничем не подтверждал это предположение. Округлые лица. Маленькие подбородки. Двойные подбородки. Темные глаза — сияющая сеть не позволяла определить цвет. Женщина была в длинном, до пят, сине-зеленом платье; поверх платья был надет фартук, спускавшийся чуть ниже талии и заляпанный чем-то зеленым, из карманов торчали садовые инструменты. В левой руке женщина держала садовый совок. У нее были седые волосы, длинные пряди выбивались из-под зеленого шарфа и падали на глаза, окруженные веселыми морщинками. В ней было что-то... от бабушки.

Мужчина был словно создан скульптором для того, чтобы составить идеальную пару женщине. Фартук топорщился на толстом животе: шляпы у мужчины не было. Те же темные глаза со вспыхивающими в них искорками. Вьющиеся коротко остриженные седые волосы топорщатся щеткой.

Выражение его лица было таким добрым, какого Айдахо никогда в жизни не видел: уголки губ приподнялись в легкой улыбке. В левой руке у него была маленькая лейка, а на протянутой вперед правой ладони лежало что-то вроде небольшого металлического шара. Шар издал пронзительный свист, заставивший Айдахо зажать ладонями уши, но это не помогло — просто свист прекратился сам по себе. Айдахо опустил руки.

Успокаивающие лица. Эта мысль возбудила подозрения Айдахо, тем более, что теперь он разгадал сходство. Они выглядели как Танцоры Лиц — во всем, вплоть до курносых носов. Он подался вперед, но образы остались на прежнем расстоянии от него. — Танцоры Лиц, — прошептал он.

Сеть и пожилая чета исчезли.

Их сменила Мурбелла в тренировочном трико цвета лакового черного дерева. Ему пришлось протянуть руку и коснуться ее прежде, чем он осознал, что она действительно здесь.

— Дункан? Что это? Ты весь в поту...

— Мне... кажется, этот проклятый Тлейлаксу что-то внедрил в мой мозг — в меня. Я постоянно вижу... Мне кажется, это Танцоры Лиц. Они... они смотрят на меня, а прямо сейчас... свист. Больно.

Она взглянула вверх, на камеры наблюдения, но вовсе не казалась взволнованной. Сестры вполне могли это знать, и вряд ли такое могло представлять опасность... разве что для Скитала.

Она села на корточки перед Айдахо и положила ладонь ему на руку:

— Что-то, что они сделали с твоим телом в автоклавах?

— Нет!

— Но ты сказал...

— Мое тело — не просто вещь, необходимая для этого путешествия. Оно обладает тем же составом и химической структурой, какие были у меня всегда. Мой мозг, мое сознание, они — иные.

Это ее обеспокоило. Она знала, как неожиданные способности беспокоят Бене Джессерит:

— Будь он неладен, этот Скитал!

— Я отыщу это, — сказал Дункан.

Он закрыл глаза и услышал, как Мурбелла встала. Она отняла руку:

— Может быть, тебе не нужно делать этого, Дункан.

Ее голос прозвучал откуда-то издалека.

Память. Где они спрятали это, тайное?

Глубоко в первоначальных клетках. До этого мгновения он воспринимал свою память только как орудие ментата. Он мог вызывать в ней свое собственное отражение из прошлых инкарнаций, из нечастых мгновений, проведенных перед зеркалом. Так близко, что можно было различить каждую морщинку. Глядящим на женщину за спиной — два отражения в зеркале и вопросы, читающиеся на его лице.

Лица. Последовательность масок, разные ракурсы этого человека, которого он называл — я. Слегка асимметричные лица. Волосы — иногда седые, иногда выющиеся и черные, как смоль — как и в этой его жизни. Лица иногда веселые, иногда серьезные, ищащие в глубине души и памяти мудрости, чтобы встретить новый день. И где-то во всем этом — сознание, наблюдающее и разбирающееся. Некто, делающий выбор. Вот в это и вмешался Тлейлаксу. Айдахо чувствовал, как быстро и горячо забилась кровь в его жилах, и осознал, что опасность действительно существует. Он всегда желал испытать это... но не из-за Тлейлаксу. Он был рожден с этим.

Это и значит — быть живым.

Ни память о других его жизнях, ни то, что мог сделать с ним Тлейлаксу — ничто из этого не могло изменить ни на волос жившее в нем глубинное осознание.

Он открыл глаза. Мурбелла по-прежнему стояла рядом, но выражение ее лица невозможно было разгадать. Так она будет выглядеть в роли Почтенной Матери. Эта перемена в ней ему не понравилась.

— Что произойдет, если Бене Джессерит проиграет? — спросил он.

Она промолчала, и он кивнул. Да, верно. Это худшее из всего, что можно себе представить. Община Сестер, выброшенная в сточную канаву истории. А ты не хочешь этого, возлюбленная моя. Это он и прочитал на ее лице прежде, чем она отвернулась и пошла прочь.

Подняв взгляд к «глазам» камер под потолком он сказал:

— Дар. Я должен говорить с тобой. Дар.

Ни один из механизмов, окружавших его, не откликнулся. Он и не ожидал этого. И все же он знал, что может говорить с ней, и ей придется слушать. — Я подхожу к нашей проблеме с другой стороны, — сказал он и представил себе, как деловито жужжат записывающие устройства, сохраняя звуки его голоса на кристаллах Рипулы, — я проникал в мысли Чтимых Матре. Я знаю, что мне это удалось. Мурбелла является транслятором.

Это насторожит их. У него была своя собственная Чтимая Матре. Но собственная было неверным словом: она не принадлежала ему, как может принадлежать вещь. — Даже в постели они, принадлежали друг другу. Подходили друг другу, как те двое из его видений. Может быть, это он и видел? Двоих старших людей, обученных сексу Чтимыми Матрае?

— Я пытаюсь сейчас разобраться в другом, — продолжал он, — Как победить Бене Джессерит.

Это был открытый вызов. — Эпизоды, — сказал он. Одрейд любила употреблять это слово.

— Так мы должны рассматривать все, что происходит с нами. Мелкие эпизоды. Даже худшее предположение нужно рассматривать в этом свете. Рассеяние имеет притягательность, которая делает ничтожным все, что мы делаем.

Вот так! Это лишний раз продемонстрирует его ценность для Сестер. Это обещает лучшую перспективу Чтимым Матре. Они вернулись — сюда, в Старую Империю. Песчинки в бесконечности. Он знал, что Одрейд поймет это. Белл заставит ее понять.

Где-то там, в Бесконечной Вселенной, суд присяжных вынес обвинительный вердикт Чтимым Матре. Закон и его исполнители не существовали для охотников. Он подозревал, что видение показало ему двоих присяжных. И если они были Танцорами Лиц, он не принадлежали Скиталу. Эти двое за мерцающей сетью не принадлежали никому, кроме самих себя.

Глава 22

Самые большие ошибки правительство совершает из страха провести радикальные преобразования внутри себя, даже когда необходимость этих преобразований очевидна.

Дорви Одрад

Для Одрейд первый утренний меланж всегда был чем-то особенным. Ее тело отзывалось на него, словно изголодавшийся человек, которому предложили сладкий плод. Вслед за этим шло медленное, глубокое и мучительное восстановление.

Этот процесс, указывавший на зависимость от меланжа, пугал ее.

Она стояла у окна спальни и ждала, когда эффект действия пройдет все свои стадии. Контроль Погоды, отметила она, создал еще один утренний дождь. Ландшафт за окном был начисто промыт живительной влагой и предстал теперь окутанным романтической дымкой тумана, который сглаживал все острые углы, оставив лишь остовы предметов — так бывает со старыми воспоминаниями. Одрейд открыла окно. Влажный прохладный воздух коснулся ее лица, навевая воспоминания — словно она надела знакомую старую одежду.

Она глубоко вдохнула утренний воздух. Эти запахи после дождя! Бывали дожди, смывавшие все тревоги, обнажавшие самое суть бытия — но то были другие дожди, а этот, казалось, имел свой собственный запах, почти физически ощущимый. Одрейд это не нравилось. Все это говорило не об отмытом дочиста мире, а о жизни, возмущенной дождем, желающей только одного — чтобы он, наконец, закончился и никогда не начинался вновь. Этот дождь больше не ласкал землю, не приносил плодородия. Он нес с собой только неотвратимое предчувствие грядущих перемен.

Одрейд закрыла окно, в то же мгновение очутившись среди знакомых запахов своих апартаментов и ощутила неотвязный запах шеря от идентификационных меток, которые должен был получить любой, кто знал о расположении Дома Собраний. Она услышала, как вошла Стрегги, потом раздались чмокающие звуки изменяющейся карты пустыни.

В звуке движений Стрегги чувствовалась деловитость.

Недели, проведенные в тесном общении, подтвердили первое мнение, которое составила о ней Одрейд. На Стрегги можно было положиться. Она не блистала умом, но была чрезвычайно внимательна к нуждам Преподобной Матери. Вон как тихо она движется. Достаточно было обратить чувствительность и внимание Стрегги на нужды юного Тэга, и они добились требовавшейся им подвижности и роста. Рабочая лошадь? Нет, много больше. Организм Одрейд достиг высшей точки насыщения меланжем, и реакция пошла на спад. По отражению Стрегги в оконном стекле было видно, что она ожидает заданий и распоряжений. Она знала, что эти мгновения жизни Одрейд отданы только спайсу. На той ступени, на которой находилась Стрегги, ей оставалось только предвкушать тот день, когда она вкусит от этого таинственного волшебства.

Пусть ей с этим повезет.

Большинство Почтенных Матерей следовали учению и не думали о спайсе как о наркотике, вызывающем зависимость. Одрейд каждое утро заново постигала его суть. Человек принимал спайс весь день, как того требовало его тело, следя тому, чему каждого из них учили с самого начала: минимальная доза, достаточная для того, чтобы подхлестнуть метаболизм и максимально увеличить возможности мозга и тела. Биологические процессы протекали более гладко с помощью меланжа. Еда казалась вкуснее. Если не случалось катастрофы или нападения, человек жил много дольше, чем мог бы жить без спайса. Но спайс вызывал зависимость.

Ее тело отдохнуло и восстановилось. Одрейд моргнула и принялась разглядывать Стрегги. В ней чувствовалось любопытство, вызванное этим долгим утренним ритуалом.

Одрейд заговорила с отражением Стрегги в оконном стекле:

- Ты знаешь об удалении, вызываемом спайсом?
- Да, Преподобная Мать.

Несмотря на предупреждения, призывающие быть внимательным с последствиями применения наркотиков и привыкания к ним, эти последствия всегда были близки и реальны для Одрейд. Ментальная подготовка, приобретенная во времена послушничества не всегда срабатывала: на этот опыт накладывались Иные Воспоминания и сжатие времени. Предостережение: «Удаление отнимает самую суть жизни, если оно приходит в пожилом возрасте, может быть причиной смерти.» Как мало это значит для нее теперь...

— Удаление имеет для меня особенное значение, — сказала Одрейд, — Я одна из тех, для кого утренний меланж означает страдание. Я уверена, что тебе говорили о подобных случаях.

— Мне очень жаль. Преподобная Мать.

Одрейд принялась изучать карту. На ней был явно виден новый отросток пустыни, протянувшийся к северу, а также известное расширение засушливых земель в юго-востоку от Центральной, там, где находилась станция Шианы. Внимание Одрейд снова переключилось на Стрегги, которая смотрела на Преподобную Мать с новой заинтересованностью.

Мысли о темной стороне силы спайса, видно, заставили ее придержать язычок!

— В нашем возрасте люди редко задумываются об исключительных свойствах спайса, — промолвила Одрейд, — Все те старинные наркотические средства, которыми пользовались люди в прежние времена, обладали таким же свойствами, как и спайс, за исключением одного. Они приносили боль и укорачивали жизнь.

— Нам насказывали, Преподобная Мать.

— Но вам, вероятно, не говорили, что проблемы власти могут скрываться за нашей тревогой по поводу Чтимых Матре. Властные структуры (да, и наша в том числе) жаждут энергии, а эта жажда может привести в ловушку. Если ты будешь мне служить, ты это почувствуешь всем своим существом, наблюдая за тем, как я мучаюсь каждое утро. Пусть осознание этой грандиозной и смертельно опасной ловушки пребудет с тобой. Не становись одной из тех, кто печется только в собственной выгоде, не заботясь ни о чем другом, и потому попадают в сети той системы, что подменяет жизнь беспечной смертью, как это делают Чтимые Матре. Помни: приемлемые наркотики могут использоваться, как плата, а могут — для создания новых рабочих мест функционерам, не заботящимся ни о чем.

Стрегги была озадачена:

— Но ведь меланж продляет нашу жизнь, улучшает здоровье и пробуждает желание...

Она умолкла на полуслове, увидев, что Одрейд сдвинула брови.

Слова, взятые из Наставлений Послушникам!

— Все это имеет оборотную сторону, Стрегги, как ты можешь видеть по мне. Наставления Послушникам не лгут. Но меланж — наркотик, и все мы находимся в зависимости от него.

— Я знаю, что не со всеми это проходит гладко, Преподобная Мать. Но вы говорили, что Чтимые Матре не пользуются меланжем.

— То вещество, которое используют они, с успехом замещает меланж и дает некоторые преимущества, но не может предотвратить ни агонии удаления, ни смерти. Оно также вызывает зависимость.

— А как же пленница?

— Мурбелла принимала его, теперь она принимает меланж. Они взаимозаменяемы. Интересно?

— Я... мне кажется, мы узнаем об этом больше.

Я заметила. Преподобная Мать, что вы никогда не называете их шлюхами. — Как это делают послушники? А-ах, Стрегги, Беллонда оказывает дурное влияние. Я знаю и эти приемы, и это воздействие, — и, видя, что Стрегги собирается возразить, — Послушники чувствуют угрозу. Они смотрят на Дом Собраный как на надежное убежище для себя в долгую ночь шлюх.

— Что-то вроде этого. Преподобная Мать...

Ее слова отражали весьма глубокое сомнение.

— Стрегги, эта планета — только очередное временное пристанище. Сегодня мы отправимся на юг, и ты увидишь это своими глазами. Найди, пожалуйста, Тамалан, и скажи ей, чтобы она закончила все приготовления, о которых мы говорили, собираясь посетить Шиану. Никому больше об этом не говори.

— Да, Преподобная Мать. Вы хотите сказать, что я буду сопровождать вас?

— Я хочу, чтобы ты была рядом со мной. Передай той, которую ты готовишь, что теперь она будет следить за моей картой.

Когда Стрегги вышла, Одрейд задумалась о Шиане и Айдахо. Она хочет говорить с ним, и он хочет говорить с ней.

Наблюдатели, обрабатывавшие информацию камер слежения, отметили, что эти двое разговаривали жестами, стараясь закрыть от камер большую часть движений рук своим телом. Язык жестов был похож на стаинный язык боя Атридесов. Одрейд узнавала некоторые жесты, но недостаточно для того, чтобы определить содержание. Беллонда требовала объяснений от Шианы. «Тайны! — Одрейд была более осторожна, — «Пусть это продлится еще некоторое время. Быть может, из этого выйдет что-нибудь интересное.?

Чего хочет Шиана?

Что бы ни занимало мысли Дункана, это касалось Тэга. Причинять боль, которая была нужна Тэгу, чтобы вновь обрести свои первоначальные воспоминания — нет, это было не в характере Дункана.

Одрейд заметила это, связавшись вчера с Дунканом.

— Ты припозднилась. Дар, — сказал он, не поднимая головы от того, чем занимался.

Припозднилась? Был только ранний вечер.

Он часто называл ее «Дар» — вот уже в течение нескольких лет; это была его извечная «шпилька», напоминание о том, что он не смирился со своим пребыванием в замкнутом аквариуме корабля. Обращение раздражало Беллонду, которая вечно сетовала на его «проклятые фамильярности». Разумеется, Беллонду он называл «Белл». Дункан щедро раздавал колкости. Вспомнив об этом, Одрейд замешкалась на пороге рабочей комнаты.

Дункан тогда ударил кулаком в стену возле консоли: «Для Тэга должен быть лучший путь!?

Лучший путь? Что у него на уме?

Движение в коридоре привлекло ее внимание, оторвав от размышлений. Стрегги возвращалась от Тамалан. Стрегги вошла в Комнату Послушников. Чтобы отдать распоряжения о своей замене в отношении карты пустыни.

На столе Одрейд поджидала стопка архивных материалов. Беллонда! Одрейд уставилась на стопку. Как она не старалась, всегда оставалось то, с чем, по мнению ее советников, не мог разобраться никто, кроме Преподобной Матери. Большая часть этих новых материалов были следствием требований «предложений и анализа», исходивших от Беллонды.

Одрейд коснулась своей консоли.

— Белл!

Голос служителя Архивов откликнулся:

— Преподобная Мать?

— Пусть Белл поднимется сюда! Я хочу, чтобы она шла ко мне так быстро, как только могут двигаться ее толстые ноги!

Хватило одной минуты. Беллонда стояла перед рабочим столом Одрейд словно наказанный послушник. Все они знали, что означают такие нотки в голосе Преподобной Матери.

Одрейд коснулась стопки, лежавшей на столе, и отдернула руку, словно обжегшись:

— Что, во имя Шайтана, это такое?

— Мы сочли это важным.

— Вы считаете, что я должна знать все обо всем? Где пометки? Где тут отмечено самое важное? Это дрянная работа, Белл. Это вообще не работа. Я не глупа, да и ты тоже. Но это... перед этим...

— Я выбрала столько, сколько...

— Выбрала? Ты посмотри на это! И что мне теперь с этим делать? Ни одной пометки!

— Я прослежу за тем, чтобы это было немедленно исправлено.

— Разумеется, Белл, разумеется. Потому что мы с Там отправляемся сегодня на юг. Мы собрались устроить небольшую необъявленную инспекцию и нанести визит Шиане. А ты в мое отсутствие посидишь на моем месте. И посмотрим, как тебе понравится копаться в этой куче!

- С тобой можно будет связаться?
- Световая связь и Ухо-Ц будут работать в любое время.

Беллонда вздохнула с некоторым облегчением.

— Я бы предложила тебе, Белл, спуститься в Архивы и назначить себе заместителя. Будь я проклята, если вы не начинаете действовать, как заправские бюрократы! Слишком бережете свои задачи!

— Настоящие корабли разбиваются. Дар.

Что, Белл попыталась пошутить? Значит, еще не все потеряно!

Одрейд махнула рукой в сторону проецирующего устройства; появилось изображение Таамлан в Транспортном Зале:

— Там?

— Да? — не отрываясь от списка заданий.

— Как скоро мы можем отправиться в путь?

— Примерно через два часа.

— Скажи, когда будешь готова. Ах, да: Стрегги тоже едет с нами. Приготовь место и для нее, — Одрейд отключила изображение прежде, чем Тамалан ответила.

Одрад знала, что сейчас ей надлежит заниматься делом. Там и Белл не были единственной заботой Преподобной Матери.

У нас осталось шестнадцать планет... и это — включая Баззел, находящуюся в непосредственной опасности. Всего шестнадцать! Одрейд заставила себя не думать об этом. У нее было не так много времени. Мурбелла. Должна ли я связаться с ней и... Нет. Это может подождать.

Новая Комиссия Прокторов? Пусть с этим разбирается Белл. Роспуск общин? Втягивание персонала в новое Рассеяние заставило людей объединяться.

Остаться впереди пустыни! Это огорчало, и Одрейд не была уверена, что сможет заняться этой проблемой сегодня. Мне всегда беспокойно перед поездкой.

Одрейд быстро покинула рабочую комнату и тихо, почти на цыпочках, пошла по коридору, глядя, как работают ее подчиненные, останавливаясь в дверях, замечая, что читают ученики, как они ведут себя во время ежедневных упражнений прана-бинду.

— Что здесь читаешь? — спросила она у молодой послушницы второй ступени, сидевшей перед проектором в полутемной комнате.

— Дневники Толстого, Преподобная Мать.

Знающий взгляд послушницы словно говорил: «Есть ли эти слова прямо в вашей Иной Памяти?» Вопрос прямо-таки вертелся у девчонки на кончике языка! Они всегда устраивали такие мелкие проверки, когда заставали ее одну.

— Толстой — это фамилия! — резко ответила Одрейд на невысказанный вопрос, — Упоминание о дневниках заставляет меня думать, что ты говоришь о Графе Льве Николаевиче.

— Да, Преподобная мать, — ответ прозвучал смущенно — она явно уловила упрек.

Смягчившись, Одрейд обронила:

— «Я не река, я сеть». Он сказал эти слова в Ясной Поляне, когда ему было только двенадцать. Ты не найдешь этих слов в его дневниках, но, быть может, это самые важные слова, которые он когда-либо произносил.

Одрейд пошла прочь прежде, чем послушница успела поблагодарить ее. Вечно учить!..

Она прошла вниз, к главным кухням, и осмотрела их. Проверила, нет ли следов жира в кухонной посуде, проведя пальцем по внутреннему краю, уголком глаза заметив, как настороженно следит за ней повар-учитель.

В кухне царили аппетитные запахи — тут готовился ленч. Звенели ножи, булькали кастрюли, но звуки голосов умолкали, стоило ей только войти.

Она прошла мимо деловитых поваров к возвышению, на котором восседал главный повар-учитель. Это был огромный полный человек с сильно выдающимися скулами; лицо его было красным, как мясо, за приготовлением которого он наблюдал. Одрейд не сомневалась в том, что он — один из величайших поваров в истории. Имя у него было вполне подходящее: Плачидо Салат. Он был уверен, что занимает уютный уголок в ее мыслях, и уверенность эта была продиктована несколькими причинами, включая и ту, что он обучал ее собственного повара. Важные посетители во времена, когда никто и не слышал о Чтимых Матре, отправлялись в путешествие по кухне и имели возможность попробовать некоторые особенные блюда.

«Позвольте мне представить вам нашего старшего повара, Плачидо Салат...?

Его говяжье плачидо вызывало зависть у многих. Почти сырое мясо, подаваемое с травами и горчичным соусом, лишь оттенявшим вкус мяса.

Одрейд считала это блюдо слишком экзотическим, но никогда не высказывала замечания вслух.

Когда, наконец, она полностью завладела вниманием Салат (после того, как он на мгновение отвлекся, чтобы дать указания по готовящемуся соусу) Одрейд сказала:

— Мне хочется съесть что-нибудь особенное, Плачидо.

Он узнал начало. Так она всегда начинала разговор, собираясь попросить свое «особенное блюдо».

— Может быть, тушеные устрицы? — предположил он.

Это похоже на танец, подумала Одрейд. Они оба знали, чего она хочет. — Великолепно! — сказала она и начала требующееся представление:

— Но с ними нужно обращаться осторожно, Плачидо, чтобы не переварить устрицы. Немного молотого сущеного сельдерея в бульон...

— И, может быть, немного паприки?

— Мне это всегда нравилось. Будь очень осторожен с меланжем — его нужно только каплю, не больше.

— Разумеется, Преподобная Мать! — повар выкатил глаза в ужасе от мысли, что он мог бы положить слишком много меланжа. — Так легко проглядеть и позволить спайсу преобладать.

— Приготовь устриц в бульоне из морских моллюсков, Плачидо. Я хотела бы, чтобы ты присмотрел за ними сам, нужно слегка перемешивать их, пока краешки устриц не начнут слегка заворачиваться.

— И ни секундой дольше. Преподобная Мать.

— Подогрей немного жирного молока. Не кипяти его!

Плачидо изобразил изумление: неужели она могла заподозрить его в том, что он станет кипятить молоко для ее тушеных устриц?

— В блюдо, в котором будут подавать устриц, нужно добавить капельку масла, — сказала Одрейд. — А сверху залить бульоном.

— Без шерри?

— Как я рада, что ты лично заботишься о моем любимом блюде, Плачидо! Я совсем забыла о шерри.

Преподобная Мать ничего не забывала, и все знали об этом, но это было одной из фигур танца.

— Три унции шерри в готовящийся бульон, — сказал повар.

— Нагрей его, чтобы избавиться от алкоголя.

— Разумеется! Но нельзя повредить вкусу...

Сидя за маленьким столом, Одрейд съела две тарелки тушеных устриц, вспоминая, как любила их Дитя Моря. Папа познакомил ее с этим блюдом, когда она только-только научилась подносить ложку ко рту. Он готовил это блюдо сам, по собственному рецепту. Одрейд передала рецепт Салат. Она воздала должное вину:

— Мне особенно понравилось то, что к этому блюду ты выбрал Шабли.

— Это один из лучших сортов вин, которые у нас есть. Оно великолепно оттеняет приправы к

устрицам.

Тамалан отыскала Одрейд в алькове. Они всегда знали, где искать Преподобную Мать, когда им нужно было найти ее.

— Мы готовы, — на лице Там отражалось нечто напоминающее неудовольствие.

— Где мы остановимся вечером?

— Эльдио.

Одрейд улыбнулась; она любила Эльдио.

Там старается угодить мне, потому что я в критическом настроении? Может быть, это попытка несколько отвлечь мое внимание...

Следуя за Тамалан к транспортным докам, Одрейд подумала, что весьма характерно желание старшей женщины путешествовать на подземном транспорте, Наземные путешествия раздражали ее: «Кому в моем возрасте хочется тратить время даром???

Одрейд не любила подземного транспорта. В нем человек заперт и так беспомощен! Сама она предпочитала передвигаться по земле или летать на топтере, подземку же использовала только когда дело было спешным, но без колебаний посыпала письма и посылки пневмопочтой. Письму безразличен способ передвижения.

Эта мысль всегда наводила ее на раздумья о сети связи, приспособленной ко всем ее передвижениям.

Где-то в глубине (всегда существовало это «где-то в глубине») автоматическая система передавала сообщение, устанавливала связь и заботилась (в большинстве случаев) о том, чтобы важные послания попадали к адресату.

Когда не требовалась Линия Личной Доставки (все они называли ее ЛЛД), возможны были личные или визуальные контакты наряду со световыми линиями. Внепланетная связь представляла собой отдельную проблему, особенно в эти времена Великой Охоты. Самым безопасным было послать в качестве связного Почтенную Мать, несущую послание в памяти. Каждый из посланцев теперь принимал все большие дозы шере. С помощью Т-проб можно было читать даже в мертвом мозгу, если он не был защищен воздействием шере. Каждое сообщение, передававшееся на другую планету, было зашифровано, но враг мог найти ключ к шифру, несмотря на то, что каждый шифр использовался только единожды. Передача межпланетных сообщений представляла большую опасность. Может быть, именно поэтому Рабби до сих пор молчал.

Почему же я думаю об этом именно сейчас?

— От Дортюолы еще не было известий? — спросила она, когда Тамалан собралась войти в один из отсеков, где их поджидали остальные. Там много людей. Почему?

Одрейд увидела Стрэгги, стоявшую у края дока и беседовавшую с послушником Отделения Связи. Поблизости было еще не менее шестерых из Связи.

Тамалан обернулась с выражением оскорбленного достоинства:

— Дортюла! Мы же все сказали, что поставим тебя в известность сразу же, как придут вести!

— Я просто спросила. Там. Просто спросила.

Одрейд спокойно, почти покорно последовала за Тамалан. Нужно контролировать свой мозг и проверять все, что в нем возникает. Ментальные вторжения всегда имели под собой достаточные основания. Это было одним из методов Бене Джесссерит, как ей часто напоминала Беллонда.

Одрейд с удивлением осознала, что методы Бене Джесссерит более чем надоели ей за последнее время.

Пусть всем этим ради разнообразия займется Белл!

Пришло время спокойно и свободно плыть, подобно блуждающему огоньку на волнах, плыть по течению.

Дитя Моря разбиралась в течениях.

Глава 23

Время не считает своих часов. Достаточно только посмотреть на круг, и это становится очевидным.

Лито II (Тиран)

Смотрите! Смотрите, до чего мы дошли! — взывал Рабби. Он сидел, скрестив ноги, на холодном неровном полу; кусок полотна покрывал его голову, полускрывая лицо.

Комната, в которой он находился, была мрачной, в ней отдавались непрекращающимся гулом шум механизмов, вызывавший у него тошнотворную слабость. Если бы эти звуки затихли!..

Ребекка стояла перед ним, уперев руки в бедра, и на ее лице читалось усталое отчаянье.

— Не смей стоять передо мной так! — приказал Рабби, бросив на женщину взгляд снизу вверх.

— Если ты впадешь в отчаянье, разве мы не погибнем? — спросила Ребекка.

Звук ее голоса разозлил его; у него ушло несколько мгновений на то, чтобы подавить нежелательное чувство.

Она осмеливается поучать меня? Но не говорили ли мудрейшие, что и сорная трава приносит знание? Дрожь пробежала по его телу от тяжелого глубокого вздоха, он отбросил ткань на плечи. Ребекка помогла ему подняться.

— Не-комната, — пробормотал Рабби. — И здесь мы прячемся от... — его взгляд поднялся к темным сводам, словно различая там что-то, видимое ему одному, — Лучше не говорить об этом даже здесь.

— Мы прячемся от неназываемого, — сказала Ребекка.

— Дверь нельзя открыть даже по пропуску, — сказал он. — Как же войдет Чужак?

— Нам не каждый чужак годится и не каждому здесь будут рады, сказала она.

— Ребекка, — он склонил голову. — Ты больше чем испытание и проблема.

Эта маленькая частица Тайного Израиля делит с тобой изгнание потому, что мы понимаем...

— Прекрати! Вы ничего не понимаете в том, что со мной произошло. Моя проблема? — она наклонилась к нему ближе. — Моя проблема в том, чтобы оставаться человеком несмотря на все эти связи с прошлыми жизнями.

Рабби отшатнулся.

— Итак, ты больше не одна из нас? Ты, значит, теперь Бене Джессерит? — Ту поймешь, когда я стану Бене Джессерит. Ты увидишь, что я смотрю на тебя так, как смотрю на себя.

Он нахмурился, сдвинул брови:

— Что ты такое говоришь?

— На что смотрит зеркало, Рабби?

— Хммм! Теперь ты говоришь загадками...

Но по его губам скользнула бледная улыбка. Потом его взгляд снова обрел решительность. Он обвел взглядом комнату. Их здесь было восемь больше, чем могло вместить столь маленькое пространство. Не-комната! Она была с великим трудом собрана из осколков и фрагментов. Такая маленькая. Двенадцать с половиной метров в длину. Он сам измерял ее. По форме она напоминала положенную на бок старинную бочку, овальную в сечении, закрытую полусферами крышеклюков. Потолок возвышался над его головой всего на метр. В самой широкой точке «бочка» была пяти метров, но все равно казалась уже из-за изгиба стен. Сухой паек и вода, получаемая по замкнутому циклу. На этом им приходилось жить — и кто знает, сколько это продлится? Кто знает... может, вечность — если их не найдут. Он не доверял надежности этого убежища. Да еще эти странные призывки в работе машин...

Они влезли в эту дыру поздно вечером. Теперь снаружи наверняка темно. А где остальные его люди? Бежали, забились в убежища, какие только можно было найти, извлекая на свет божий старые долги и почетные награды за прошлые заслуги. Кое-кто спасется. Быть может, выживут они с гораздо большим успехом, чем собравшаяся здесь горстка людей.

Вход в не-комнату находился под погасшим очагом, подле которого стоял камин. Металлические

накладки камина включали в себя вплетенные между волокон кристаллы Ридбюлы, передававшие сюда изображения внешнего мира. Пепел? В комнате до сих пор пахло гарью, а к этому еще прибавлялся запах канализации от небольшой регенерационной системы, находившейся в отдельной комнатке. Какой эвфемизм для туалета!

Кто-то подошел к Рабби сзади.

— Поисковая, группа уходит. Хорошо, что нас вовремя предупредили. Это был Джошуа, тот, кто построил не-комнату. Невысокий тонкий в кости человек с острым треугольным лицом, резко сужающимся к подбородку. Пряди темных волос спадали в беспорядке на его широкий лоб. У него были широко расставленные карие глаза, смотревшие на мир с задумчивостью, которой Рабби не доверял. Он выглядит слишком молодым для того, чтобы так много знать об этих вещах.

— Итак, они уходят, — сказал Рабби, — Но они вернутся. И вряд ли тогда можно будет сказать, что нам повезло.

— Они не подумают о том, что мы можем прятаться так близко от фермы, — сказала Ребекка. — Они по большей части просто мародерствовали здесь.

— Послушай Бене Джессерит, — откликнулся Рабби.

— Рабби, — какой упрек звучал в голосе Джошуа! — Разве не от тебя я слышал много раз, что благословенны те, кто скрывает ошибки других даже от себя самих?

— Каждый сейчас становится учителем! — ответил Рабби. — Но кто может сказать, что случится дальше?

Но, тем не менее, скрепя сердце, он признавал правоту Джошуа. Мне не дает покоя боль, причиной которой — наше бегство. Наша маленькая диаспора. Но мы не бежим из Вавилона, чтобы рассеяться по земле. Мы скрываемся в... в циклоновом погребе!

Эта мысль взбодрила его. Циклоны проходят.

— Кто занимается нашей едой? — спросил он. — Мы должны с самого начала ввести рационы.

Ребекка вздохнула с облегчением. Самое худшее в Рабби — резкие смены его настроений: то он слишком эмоционален, то чересчур углублен в размышления. Но сейчас он снова взял себя в руки. Следом за этим он впадет в задумчивость. Затем придет уныние. Знание Бене Джессерит давало ей новое видение людей. Наша еврейская чувствительность. Только посмотрите на этих интеллектуалов!

Это была мысль, характерная для Сестер. Недостатки людей оказывали большое влияние на их интеллектуальные достижения. Она не могла закрыть глаза на эту очевидную реальность. Глашатай демонстрировал ей факты всякий раз, стоило ей лишь на мгновение усомниться.

Ребекка начала получать почти наслаждение в том, чтобы перебирать всплывавшие в памяти образы. Знание прежних времен заставляло ее отказаться от собственного прошлого. Она верила множеству вещей, которые, как она знала теперь, были чушью. Мифы, химеры, порывы почти детского поведения.

«Наши боги должны взрослеть вместе с нами.?

Ребекка подавила желание улыбнуться. Глашатай часто вытворял с ней такое — легкий тычок в ребра, полученный от того, кто знает, что ты это оценишь.

Джошуа вернулся к своим инструментам. Она заметила, что кто-то проверяет список продуктов. Рабби наблюдал за этим со своеобразной сосредоточенностью. Все прочие завернулись в одеяла и спали на циновках в дальнем конце комнаты. Видя это, Ребекка поняла, в чем будут заключаться ее функции. Спасти всех нас от скуки.

«Мастер игр??

Если не можешь предложить чего-нибудь получше, не пытайся говорить со мной о моем народе, Глашатай.

Что бы она не думала о таких внутренних диалогах, не было сомнения в том, что все фрагменты были связаны между собой — прошлое с этой комнатой, эта комната с ее предвидением последствий. И это было великим даром Бене Джессерит. Не думай о «Будущем». Предопределенность? Тогда — что же случается со свободой, которая была дана тебе при рождении?

Ребекка увидела свое собственное рождение в новом свете. Оно было началом пути к неведомой

судьбе. Плавание, несущее еще невидимые горести и радости. Итак, они достигли поворота реки и наткнулись на нападающих. За следующим поворотом мог открыться гремящий водопад — а могла оказаться полоска берега неописуемой красоты. В этом и было колдовское очарование предвидения, которому поддались Муаддив и его сын. Тиран. Оракул знает, что должно произойти. Орла, напавшая на Лампадас, научила ее не искать оракулов. Ведомое может сковать вернее, чем неведомое. Сладость новых открытий — в неожиданности. Видит ли это Рабби?

«Кто скажет, что будет дальше?» спрашивает он.

Этого ты хочешь, Рабби? Тебе не понравится то, что ты услышишь. Я тебе это гарантирую. С того мгновения, как заговорит Оракул, твое будущее станет таким же, как и твое прошлое. Как ты будешь выть от скуки и тоски... Ничего нового, ничего и никогда. Все станет старым в одно мгновение озарения.

«Но я хотел вовсе не этого!» Я словно слышу эти твои слова.

Ни злодеяние, ни жестокость, ни тихое счастье, ни бурная радость ничто не наступит для тебя неожиданно. Как пневмопоезд в своем туннеле, твоя жизнь понесется вперед к последнему мгновению борьбы. Как мотылек, залетевший в машину, ты будешь биться о стекла и молить Судьбу освободить тебя. «Пусть волшебство изменит направление туннеля! Пусть случится что-нибудь новое! Не позволь случиться всем тем ужасным вещам, которые я видел!?

Внезапно она поняла — ведь так и случилось с Муаддивом. Кому он возносил молитвы?

— Ребекка! — окликнул ее Рабби.

Они подошла — он сейчас стоял рядом с Джошуа, глядя на темный мир за пределами их комнаты, мир, видный на маленьком экране над рабочим пультом Джошуа.

— Надвигается буря, — сказал Рабби, — Джошуа считает, что она превратит пепел очага в цемент.

— Это хорошо, — сказала она. — Именно поэтому мы построились здесь и оставили незакрытым люк, когда спускались вниз.

— Но как же мы выберемся?

— Для этого у нас есть инструменты, — ответила она. — А даже если бы их и не было, у нас остаются наши руки.

Глава 24

Зашитной Миссией управляет одна важнейшая концепция: Инструктирование масс, предпринимаемое с определенной целью. Это имеет глубокую основу в нашей вере в то, что цель спора суть изменение истины. В таких ситуациях мы предпочитаем использовать власть, но не силу.

Кодекс.

Жизнь в не-корабле приобрела для Дункана Айдахо оттенок игры с тех пор, как его посетило видение и он начал изучать поведение Чтимой Матре. Введение в игру Тэга было обманным ходом, не просто появлением еще одного игрока.

Этим утром он стоял перед пультом, размышляя о том, что узнаваемые элементы этой игры напоминали его собственному детству гхолы в Обители Бене Джессерит на Гамму, где за ним надзирал стареющий Башар — мастер оружия и одновременно страж.

Образование. И тогда, и теперь это было первоочередной задачей. И стражи — по большей части, ненавязчиво следящие за ним на не-корабле, как это когда-то было на Гамму. А если уж не стражи, так искусно замаскированные приборы слежения. На Гамму он стал просто-таки знатоком в умении обводить вокруг пальца и жив, и механических сторожей. Здесь, с помощью Шианы, он отточил это умение, превратив его в искусство. Деятельность вокруг него не носила чересчур активного характера. У охраны не было оружия. Но это были по большей части Почтенные Матери и среди них несколько старших послушниц. Они просто не поверили бы, что им может понадобиться оружие.

Кое-что в не-корабле способствовал созданию иллюзии свободы — главным образом, его размеры и сложность. Корабль был велик — на сколько, Дункан не мог определить, но он имел доступ на несколько этажей, и в некоторых коридорах можно было насчитать до тысячи помещений.

Трубы и туннели, линии доставки, лифты, залы и широкие коридоры, двери, открывавшиеся от прикосновения (или остававшиеся закрытыми: Запрещено!) — все это западало в память, образуя почву для размышлений несомненно, совершенно отличных от мыслей, которые это вызывало у его сторожей.

Энергия, требовавшаяся для того, чтобы посадить корабль на поверхность планеты и поддерживать его деятельность (хотя бы пассивную) все это говорило о том, что затеивалось что-то серьезное. Здесь Сестры не считались с расходом энергии, как они это делали обычно. Казначей сокровищниц Бене Джессерит занимался далеко не только денежными расчетами. Не для них была энергия Солнца или подобных космических лучей и течений. Им нужна была другая энергия...

Плати, Дункан! Мы закрываем твой счет!

Этот корабль был не просто тюрьмой. Дункан, Ментат, видел несколько вариантов. Основной: это была лаборатория, в которой Почтенные Матери искали способ свести на нет способность не-корабля обманывать человеческие чувства.

Не-корабль, шахматная доска — головоломка и кроличий садок одновременно. И все это для того, чтобы содержать здесь трех пленников? нет. Должны быть и другие причины.

Игра имела тайные правила, о некоторых из которых он мог только догадываться. Но его немного обнадежило то, что Шиана постигла дух этой игры. Я знаю, у нее будут свои планы. Это стало очевидным с тех пор, как она стала изучать приемы Чтимых Матре. Оттачивая мастерство моих стажеров! Шиане требовалась интимная информация о Мурбелле, но не только это многое больше: его воспоминания о тех людях, которых он знал во многих своих жизнях. И особенно — воспоминания о Тиране.

А мне нужна информация о Бене Джессерит.

Сестры позволяли ему только минимальную активность. Доводили его до отчаяния, чтобы увеличить его способности Ментата. Не он был сердцем великой проблемы, которая, он ощущал это, существовала вне пределов корабля. Обрывки мучительных раздумий доносила до него Одрейд, когда она задавала ему вопросы.

Достаточно для того, чтобы возникли новые посылки? Нет — без доступа к тем данным, которые его информационное устройство отказывалось выдавать ему.

И это тоже было его проблемой, будь они все неладны! Он был в ящике внутри их ящика. И все они были в ловушке.

Одрейд стояла за этим пультом однажды после полудня неделю назад и чистосердечно уверяла его, что информационные банки Сестер были «широко распахнуты» для него. Она стояла как раз на

этом месте, прислонившись спиной к стене, скрестив руки на груди. Временами она бывала просто неправдоподобно похожа на взрослого Майлза Тэга. Вплоть до необходимости (возможно, неосознанной) стоять во время беседы. Кресла-собак она тоже не любила.

Он знал, что весьма туманно представляет себе ее мотивы и планы. И не доверял ни тому, ни другому. Тем паче после Гамму.

Приманка, наживка. Так они использовали его. Ему повезло, что не пришлось стать таким же, как Дюна — мертвый шелухой. Использованная Бене Джессерит.

Погружаясь в подобные размышления, он предпочитал сидеть в кресле перед информационной машиной. Иногда он просиживал здесь часами без движения, в то время как его разум пытался обнаружить решение проблем доступа к ресурсам данных корабля. Система могла идентифицировать любого человека. Следовательно, она обладала автоматическим управлением. Система должна была знать, кто говорит, делает запросы или принимает временное управление ею.

Контуры корабля отражают мои попытки подобрать ключи к закрытой информации. Отключены? Именно это и говорили его стражи. Но система идентификации тех, кто включался в эти контуры — он знал, что именно в этом заключается разгадка.

Может быть, поможет Шиана? Слишком доверяться ей — опасное и рискованное предприятие. Временами, когда она следила за ним у пульта, она напоминала ему Одрейд. Шиана была ученицей Одрейд. Это воспоминание отрезвляло.

Какое им дело до того, как он использует системы корабля? Словно об этом нужно спрашивать!

На третий год плена он создал свою систему сокрытия данных, снабдив ее его собственными ключами. Чтобы провести все видящие камеры, он делал все на виду. Все было совершенно очевидным, но содержало зашифрованное сообщение. Это было просто для Ментата и полезно по большей части как фокус, помогающий изучить возможности систем корабля. Он «заминировал» свои данные, обезопасив их от случайностей.

У Беллонды были подозрения, но, когда она начала задавать вопросы, он только улыбнулся.

Я скрываю свою историю, Белл. Мою серию жизней гхолы — все их, вплоть до первого не-гхолы. Личные подробности, которые я помню в каждой из них: скользкая почва для воспоминаний.

И сейчас, сидя за пультом, он испытывал смешанные чувства. Заключение давило на него. Неважно, как велика и богата была его тюрьма — она не переставала быть тюрьмой. Некоторое время он сознавал, что с большой степенью вероятности может выбраться отсюда, но его удерживала Мурбелла и все увеличивающееся сознание трудностей, стоявших перед ними. Он чувствовал себя пленником своих мыслей в той же мере, что и пленником отработанной системы, представляющей его стражами и этим чудовищным устройством. Устройством был, конечно, не-корабль... Орудие. Способ перемещаться невидимым в опасной Вселенной. Способ скрыться самому и скрыть свои намерения даже от настойчивых поисков. Применяя умения, приобретенные во многих жизнях, он смотрел на свое окружение словно бы сквозь экран изощренности и наивности. Ментаты культивировали наивность. Думать, что что-либо знаешь было самым надежным способом ослепить себя. Не рост и развитие постепенно тормозили обучение (как учили Ментатов), а совокупность «того, что мне известно».

Новые источники информации, открытые для него Сестрами (если, конечно, он мог на них положиться), вызывали целый ряд вопросов. Как в Рассеянии было организовано сопротивление Читым Матре? Очевидно, существовали группы (он сомневался, можно ли назвать их силами), которые преследовали Читых Матре так же, как Матры преследовали Бене Джессерит. И так же убивали их, если принять очевидность происшедшего на Гамму.

Футары и Управляющие? Он создал ментальную проекцию: ответвление Тлейлаксу в первом Рассеянии занялось манипуляциями с генами. Те двое в его видении: были ли это те, кто создал Футаров? Могла ли эта чета быть Танцорами Лиц? Независимыми от Мастеров Тлейлаксу? В Рассеянии нет ничего, что существовало бы в единственном числе.

Черт возьми! Ему нужен был доступ к другой информации, к более глубоким ее источникам. Нынешние его источники информации не соответствовали его требованиям даже отдаленно. Орудие для достижения ограниченной цели, его информационная машина могла бы быть переоборудована для соответствия новым требованиям, но переоборудовать ее не удавалось. Ему придется поработать, как Ментату!

Меня просто связали по рукам и ногам, а это ошибка. Разве Одрейд мне не доверяет? Атридес, будь она неладна! Она знает, чем я обязан ее семье. Больше одной жизни прошло, а я до сих пор в неоплатном долгу!

Он знал, что нервничает. Его разум на мгновение замкнулся на этом. Нервничающий Ментат! Знак того, что он стоит на пороге прорыва. Первая Проекция! Что-то, что они не сообщили ему о Тэге?

Вопросы! Незаданные вопросы хлестали его, как плети.

Мне нужна перспектива! Дело не обязательно в расстояниях. Перспективы можно достичь и здесь, если в твои вопросы вкрадываются некоторые искажения.

Он чувствовал, что где-то в опыте Бене Джессерит (возможно, в ревниво охраняемых Белл Архивах) и были недостающие фрагменты. Белл должна это оценить! Другой Ментат должен знать восхитительный подъем в такие мгновения. Его мысли напоминали головоломку: большинство фрагментов под рукой и только того и ждут, чтобы быть вставленными в общую мозаику. Здесь дело было не в решениях.

Он буквально слышал слова своего первого учителя Ментата — они отдавались в его памяти: «Раздели свои вопросы на две противоположных группы и раздели имеющиеся факты — брось их на обе чаши весов. Решения выводят каждую ситуацию из состояния равновесия. Дисбаланс позволяет обнаружить то, что ты ищешь.?

Да! Достижение дисбаланса с помощью вопросов — вот плутовство Ментата.

Что-то Мурбелла говорила прошлой ночью — что? Они были в постели. Он вспомнил время — цифры, проецирующиеся на потолок: 9:47. Он тогда подумал: Эта проекция требует энергетических затрат.

Он почти физически чувствовал поток энергии, излучаемой кораблем, этим огромным замкнутым куском, вырванным из Времени. Работа сложных механизмов делала корабль неотличимым от местности для любых механизмов обнаружения. Сейчас, правда, в статическом положении он был доступен взгляду, но не предвидению.

Мурбелла рядом с ним: еще одна сила, и оба они знают о том, что властно влечет их друг к другу. Какое количество энергии было необходимо, чтобы преодолеть это взаимное притяжение! Все нарастающее, нарастающее, нарастающее сексуальное влечение.

Мурбелла говорила. Да, именно это. Странный самоанализ. Она подходила к своей жизни с позиций новой зрелости, с позиций Бене Джессерит повышенная чувствительность и уверенность в том, что в ней растет великая сила.

Каждый раз, видя в ней эти изменения, происходившие под влиянием Бене Джессерит, он чувствовал печаль. Еще на один день приблизилось наше расставание.

Но Мурбелла говорила. «Она (Одрейд часто называлась „Она“) продолжает задавать мне вопросы, чтобы добраться до истоков моей любви к тебе.?

Вспомнив об этом, Айдахо позволил всей сцене заново пройти перед его мысленным взором...

— ...Она пыталась применить ко мне тот же подход.

— Что ты говоришь?

— Odi et amo. Exscrucior.

Она приподнялась на локте и взглянула на него сверху вниз:

— Что это за язык?

— Очень старый. Лито как-то заставил меня выучить его.

— Переведи.

Повелительный тон. Ее прежнее «я» Чтимой Матре.

— Я ненавижу ее и люблю ее. Я измучен.

— Ты действительно меня ненавидишь? — недоверчиво.

— Я ненавижу быть связанным вот так, когда я не властен над собственным «я».

— Ты бы оставил меня, если бы мог?

— Я хочу, чтобы решение вызревало по капле. Я хочу контролировать его рождение.

— Это игра, в которой один из элементов головоломки нельзя двигать... Вот оно! Ее слова.

Вспомнив, Айдахо не ощущал озарения; просто было ощущение, что он открыл глаза после долгого сна. Игра, в которой один из элементов головоломки нельзя двигать. Игра. Его взгляд на не-корабль и на то, что делали здесь Сестры.

Но в разговоре было кое-что еще.

— Корабль — наша собственная специальная школа, — сказала Мурбелла.

Он не мог не согласиться с этим. Сестры усиливали его способности Ментата в том, чтобы изучать данные и выявить то, что не проходит. Он понял, куда это может завести, и ощутил свинцово-тяжелый страх.

«Ты очищаешь нервную систему. Ты защищаешь свои мозг от отвлекающих факторов и бесполезных блужданий мысли.?

Ты направляешь свои реакции в то опасное русло, от которого предостерегают любого Ментата. «На этом пути ты можешь утратить себя.» Учеников водили смотреть на людей-растения, «Ментатов-неудачников», которых оставляли жить, чтобы продемонстрировать опасность другим.

И все же — какое искушение. В этом чувствовалась сила и власть. Ничто не скрыто. Все известно.

Среди всех этих страхов и опасений Мурбелла повернулась к нему, и сексуальное напряжение стало почти невыносимым.

Не сейчас. Не сейчас!

Кто-то из них сказал что-то еще. Что? Он думал тогда об ограниченности логики как орудия, способного раскрыть мотивы Сестер.

— Ты часто пытаешься анализировать их? — спросила Мурбелла. Поразительно, как она умела отвечать на невысказанное. При этом она утверждала, что не умеет читать мысли.

— Я просто читаю тебя, гхола мой. Ты ведь мой, ты знаешь.

— И наоборот.

— Слишком верно, — сказано было почти шутливо, но за веселостью скрывалось какое-то более глубокое чувство.

В любом анализе человеческой души всегда был какой-то просчет, и он сказал ей об этом:

— Думая, что знаешь, почему ты ведешь себя так, а не иначе, ты подыскиваешь оправдания для неординарного поведения.

Оправдания для неординарного поведения. Вот еще один фрагмент его мозаики.

В голосе Мурбеллы слышалось что-то размыщенное:

— Полагаю, ты можешь понять с точки зрения разума почти все, списав это на какой-нибудь дефект.

— Понять разумом такие вещи, как сожжение целой планеты?

— В этом есть некоторая грубая решимость. Она говорит, что решительный выбор укрепляет душу и дает чувство подлинности — поддержку в стрессовой ситуации. Ты согласен, Ментат мой?

— Ментат не твой, — но в его голосе не было силы.

Мурбелла рассмеялась и снова откинулась на подушки:

— Ты знаешь, чего хотят от нас Сестры, Ментат мой?

— Им нужны наши дети.

— О нет, гораздо большее! Они хотят, чтобы мы стали добровольными участниками их сна.

Еще один элемент мозаики!

Но кто иной, кроме Бене Джессерит, знал этот сон? Сестры были актрисами, они всегда играли, не позволяя ничему естественному пробиться сквозь их маски. Реальный человек был словно бы заточен в них; реальные чувства отмерялись по капле.

— Почему она хранит эту старую картину? — спросила Мурбелла.

Айдахо почувствовал, что желудок у него сжимается. Одрейд принесла ему голограммическое изображение картины, которую держала в своей спальне. «Домики Кодервилля» Винсента Ван Гога. Разбудив его в каком-то жутком часу ночи почти месяц назад.

— Ты спрашивал о том, что привязывает меня к человечеству? Так вот оно, — голограмма появилась перед его мутными от сна глазами. Он сел и уставился на изображение, пытаясь понять. Что с ней было не так? В голосе Одрейд был такой восторг...

Она оставила голограмму в его руках, выключив свет; комната начала внушать странное ощущение — множество острых углов, множество жестких линий, все отдает чем-то еле уловимо механическим — как, вероятно, и должно быть в не-корабле. Где Мурбелла? Они ложились спать вместе...

Он сосредоточился на голограмме; она странно трогала его, словно связывала его с Одрейд. Ее связь с человечеством? Голограмма казалась его ладоням холодной. Она взяла ее из его ладоней и поставила на столик у кровати. Он продолжал смотреть на картину, пока она искала стул и усаживалась у его изголовья. Усаживалась? Что-то принуждало ее находиться рядом с ним!

— Эта картина была написана сумасшедшим на Старой Земле, — сказала она, почти прижимаясь щекой к его щеке, пока они оба разглядывали копию картины, — Посмотри на нее! Зафиксированное состояние человека.

В ландшафте? Да, будь все проклято. Она была права.

Он устремил взгляд на голограмму. Эти великолепные краски не просто краски. Все в целом, общее впечатление.

— Большинство современных художников посмеялись бы над тем, как он создавал это, — сказала Одрейд.

Неужели она не может помолчать, пока он смотрит на это?

— Человеческое существо как лучший из записывающих приборов, продолжала Одрейд, — Человеческая рука, человеческий взгляд, суть человеческая сфокусированы в сознании одного человека, который искал предела возможностей.

Предел возможностей. Еще один осколок...

— Ван Гог создал это, пользуясь примитивными материалами и оборудованием, — ее голос звучал так, словно она была пьяна. — Пигменты, знакомые даже пещерному человеку! Изображение на холсте, который мог быть сделан его собственными руками. Возможно, и свои инструменты он сделал сам из меха и стеблей.

Она коснулась поверхности голограммы — тень ее пальца закрыла высокие деревья:

— Культурный уровень по нашим меркам — на грани дикости, но — видишь, что он создал?

Айдахо почувствовал, что должен что-то сказать, но слова застряли в горле. Где Мурбелла? Почему ее нет здесь?

Одрейд отстранилась, и следующие слова ее, показалось ему, врезались в него, как раскаленные шипы:

— Эта картина говорит о том, что мы не можем подавить дикости, особенности, которая будет проявляться в людях, как бы мы не пытались этого избежать.

Айдахо оторвал взгляд от голограммы и пристально посмотрел на губы Одрейд — а она продолжала говорить:

— Винсент сказал нам кое-что важное о наших приятельницах в Рассеянии.

Этот художник, умерший так давно? О Рассеянии?

— Они там делали и делают то, что мы не можем даже представить себе. Дикость! Взрывное увеличение популяции Рассеяния убеждает в этом.

Мурбелла вошла в комнату и остановилась за спиной Одрейд. Она была в мягкой белой рубахе, босая; волосы ее были влажными. Итак, вот, значит, где она была. В душе.

— Преподобная Мать? — голос Мурбеллы был сонным.

Одрейд не обернулась к ней — только слегка повернула голову:

— Чтимые Матре считают, что они могут предупредить и взять под контроль любое проявление дикости. Какая глупость. Они не могут контролировать это даже в себе.

Мурбелла подошла ближе и встала в ногах постели, вопросительно взглянув на Айдахо:

— Похоже, я пришла на середине разговора.

— Равновесие, вот в чем ключ, — сказала Одрейд.

Айдахо был по-прежнему сосредоточен на Преподобной Матери.

— Разумные существа могут удерживать равновесие на весьма странной почве, — говорила Одрейд. — Даже на непредсказуемой в своем поведении... Это называется «попасть в тон». Великие музыканты это знают. Те люди, которые занимались серфингом на Гамму в дни моего детства также знали это. Некоторые волны сбрасывают тебя, но ты готов к этому. Ты поднимаешься снова, и все повторяется.

Безо всякой на то причины Айдахо вспомнил другую фразу Преподобной Матери: «У нас нет складов или свалок. Мы перерабатываем все.» Переработка. Снова и снова. Круг. Части круга. Кусочки мозаики.

Он гнался за случайностями, а потому понимал это лучше. Такой путь не для Ментата. Переработка — Иная Память не была складом, но чем-то, что они считали переработкой. Это означало, что они пользовались своим прошлым только для того, чтобы изменить и обновить его.

Попадание в тон.

Странная иллюзия для того, кто утверждал, что избегает музыки.

Вспоминая, он ощущал мысленно создаваемую мозаику. Но с головоломкой что-то было неладно. Ни один элемент не подходил к другому. Случайные осколки, которые возможно, вовсе не были частью единого целого.

Но ведь были же!

Голос Преподобной Матери продолжал раздаваться в его памяти. Значит, есть что-то еще.

— Те, кто знает это, проникают в самую суть, — говорила Одрейд, — Они предупреждают, что невозможно думать о том, что делаешь. Это верный способ прийти к неудаче. Просто делай!

Не думай. Делай. Он чувствовал хаос. Ее слова привели его к иным источникам, нежели обучение Ментата.

Шуточки Бене Джессерит. Одрейд сделала это намеренно, рассчитывая на определенный эффект. Куда подевалось то расположение, которое она временами прямо-таки излучала? Могло ли ее всерьез заботить благополучие того, с кем она так обращалась?

Когда Одрейд покинула их (он едва заметил ее уход), Мурбелла села на постель и расправила рубаху на коленях.

Разумные существа удерживают равновесие даже на весьма странной почве. Движение в его сознании: кусочки мозаики, пытающиеся образовать построение.

Он чувствовал волнение во Вселенной. Та странная пара в его видении? Они были частью новой волны. Он знал это, но не смог бы сказать, почему. Что там говорили о себе Бене Джессерит? «Мы изменяем старые образы и верования.?

— Посмотри на меня! — сказала Мурбелла.

Голос? Не совсем, но теперь он был уверен, что она, попыталась воспользоваться им, а ведь она не сказала, что они обучали ее этому ведьмовству.

Он увидел что-то странное, чужое в ее зеленых глазах — что-то, что подсказало ему: она думает о своих прежних связях.

— Никогда не пытайся стать умнее Бене Джессерит, Дункан.

Было ли это сказано для наблюдателей?

Он не был уверен в этом. В ее глазах было знание, словно бы запускавшее в него когти. Он чувствовал, как оно растет в ней, как интеллект Мурбеллы растет подобно плоду в ее чреве.

Голос! Что они делают с ней?

Глупый вопрос. Он знал, что они делают. Они отнимают ее у него, превращая ее в Сестру. Больше не моя возлюбленная, моя прекрасная Мурбелла. Почтенная Мать, отстранение просчитывающая все свои действия. Ведьма. Кто может любить ведьму?

Я И буду любить всегда.

— Они подкрались к тебе со спины и поймали тебя в ловушку, чтобы использовать в собственных целях, — сказал он.

И увидел, что его слова возымели действие. Она словно прозрела и воочию увидела эту ловушку. Бене Джессерит были так чертовски умны! Они заманили ее в силки, показывая картинки столь же завораживающие, как сила, привязывающая ее к нему. А осознание этого могло только разъирить Читимую Матре.

Мы ловим в ловушки других! Но не они нас!

Но Бене Джессерит это сделали. Они принадлежали к другой группе. Почти Сестры. К чему отрицать это? И она хотела получить их возможности. Она хотела, чтобы закончились эти испытания и началось настоящее учение то, которое она чувствовала вне корабля. Неужели она не знает, почему ее до сих пор продолжают испытывать?

Они знают, что она все еще сопротивляется их ловушке.

Мурбелла выскользнула из рубашки и скользнула в постель. Не касаясь его. Но сохраняя это настороженное ощущение близости их тел.

— Изначально они хотели, чтобы я держал под контролем для них Шиану, — сказал он.

— Как меня?

— А я держу тебя под контролем?

— Иногда, Дункан, ты кажешься мне просто шутом.

— Если я не смогу смеяться над собой, я и вправду пропаду.

— Смеяться и над твоими потугами на шутку?

— В первую голову, — он повернулся к ней и положил руку на ее левую грудь, чувствуя, как под его ладонью твердеет сосок. — Ты знала, что меня никогда не отнимали от груди?

— Никогда за все эти...

— Ни разу.

— Я могла бы и догадаться, — по ее губам скользнула улыбка, а через мгновенье они оба смеялись, обнимая друг друга, не в силах остановиться. Потом Мурбелла заговорила:

— Проклятье, проклятье, проклятье...

— Проклятье кому? — его смех умолк, они отстранились друг от друга.

— Не кому — чему. Проклятье судьбе!?

— Не думаю, что судьбе есть до этого дела.

— Я люблю тебя, но я не должна этого делать, если хочу стать порядочной Почтенной Матерью.

Ему не нравились такие размышления: уж слишком они напоминали жалость к самой себе. Тогда — шути!

— Ты никогда не была порядочной, — он гладил ее живот.

— Я порядочная!

— Когда тебя создавали, об этом слове просто забыли.

Она оттолкнула его руку и села, глядя на него:

— Почтенные Матери не должны любить.

— Я это знаю.

Неужели моя боль выдала себя?..

Она слишком глубоко погрузилась в свои собственные тревоги:

— Когда я дойду до Агонии Спайса...

— Любовь моя! Мне не нравится идея какой-либо агонии, связанной с тобой!

— Как я могу избежать этого? Я — как пуля в стволе. Вскоре мне придадут нужную скорость, и тогда я буду продвигаться очень быстро.

Он хотел отвернуться, но ее взгляд притягивал его.

— Это правда, Дункан. Я чувствую это. В какой-то мере это похоже на беременность. Существует момент после которого слишком рискованно ее прерывать. Приходится с этим смириться.

— Итак, мы любим друг друга! — стараясь переключить мысли — с одной опасности на другую.

— А они это запрещают.

Он взглянул на глазки камер: — Сторожевые псы следят за нами, и у них острые клыки.

— Я знаю. Я сейчас говорю с ними. Моя любовь к тебе не недостаток. Недостаток — их холодность. Они такие же, как Чтимые Матре!

Головоломка, в которой нельзя двигать один из фрагментов. Он хотел выкрикнуть это, но те, кто сейчас «слушал его», могли уловить больше, чем было сказано словами. Мурбелла была права. Опасно думать, что можешь провести Почтенных Матерей.

Что-то мелькнуло в ее глазах, когда она взглянула на него.

— Как странно ты сейчас выглядел...

Он узнал в ней Почтенную Мать, которой она собирается стать.

Гони прочь эти мысли!

Мысли о странностях его воспоминаний иногда отвлекали ее. Она думала, что его предыдущие инкарнации делали его в чем-то похожим на Почтенных Матерей.

— Я умирал столько раз...

— Ты это помнишь?

Каждый раз один и тот же вопрос.

Он покачал головой, не решившись сказать ничего, что могли бы по-своему интерпретировать сторожевые псы.

Только не смерти и возрождения.

Повторения смягчили ярость. Временами он даже не давал себе труда занести эти воспоминания в свой тайный банк данных. Нет... там содержались неповторимые встречи с людьми, долгий перечень узнаваний.

Шиана говорила, что это ей и нужно от него. «Подробности жизни, мелкие детали. Это то, что нужно всякому артисту».

Шиана сама не знала, чего просила. Все эти когда-то жившие и встретившиеся ему на пути люди создавали новые значения. Построения внутри построений. Крохотные детали приобретали огромную значимость, одна мысль о том, чтобы поделиться ими с кем-либо, вызывала отчаянье... даже если это была Мурбелла.

Прикосновение руки к моей руке. Смеющееся лицо ребенка. Блеск в глазах нападающего.

Бесчисленное количество мелочей. Знакомый голос, говорящий: «Мне просто хочется задрать лапки кверху и расслабиться. Не заставляй меня двигаться.?»

Все это стало частью его самого. Все они вросли в его память, в его характер. Он никому не сумел бы объяснить, чем стали для него эти мелочи. Не глядя на него, Мурбелла сказала:

- В твоих жизнях было много женщин.
 - Никогда не считал.
 - Ты любил их?
- Они умерли, Мурбелла. Все, что я могу тебе сказать — то, что в моем прошлом не было ревнивых призраков. Мурбелла погасила светильники. Он закрыл глаза, ощущая подкрадывавшуюся к ним тьму; Мурбелла скользнула в его объятия. Он крепко прижимал ее к себе, зная, что это нужно ей, но мысли его текли своим чередом.

Старое воспоминание — учитель-ментат: «Все наиболее важное может стать неважным за мгновение, разделяющее два удара сердца. Ментатов должны радовать такие мгновения?

Он не ощущал радости.

Все эти прожитые жизни вступали в нем в конфликт с системой ценностей Ментата. Ментат вступал во Вселенную в невинности неведения. Ничего старого, ничего нового, ничего фиксированного — ничего, что было бы действительно известно. Ты был сетью и существовал только для того, чтобы оценить улов. Что же не проходило? Какую мелкую сеть я использовал для этого?

Таков был взгляд Ментата. Но не было способа, с помощью которого Тлейлаксу могли бы вложить в гхолу-Айдахо все клетки прежних инкарнаций. В их коллекции его клеток должно было чего-то не хватать.

Но в моей памяти нет провалов. Я помню их все.

Он был вневременной сетью. Вот так я и вижу этих людей... сквозь сеть. Это было единственным объяснением, которое могло предложить сознание Ментата, и если бы Сестры узнали об этом, они пришли бы в ужас. Не имеет значения, как горячо он будет отрицать это; они скажут: «Новый Квизац Хадерах! Убейте его!?

Так поработай на себя, Ментат!

Он знал, что собрал большую часть кусочков мозаики, но они все еще не складывались в столь ценимую Ментатом совокупность вопросов — Ах-ха!

Игра, в которой один из элементов головоломки нельзя двигать.

Оправдания необычному поведению.

«Они хотят, чтобы мы добровольно участвовали в их снах!?

Искать пределы!

Люди могут удерживать равновесие на довольно странной почве.

Попасть в тон. Не думай. Делай это.

Глава 25

Лучшее искусство должно имитировать жизнь. Если оно имитирует сон, то это должен быть сон о жизни. В противном случае не возникает точек пересечения. Мы не подходим друг к другу.

Дарва Одрейд.

Они продолжили путешествие на юг к пустыне. Наступил ранний вечер. Одрейд заметила, что ландшафт вокруг города тревожаще изменился по сравнению с тем, что она видела три месяца назад во время предыдущей инспекции. Она невольно пожалела о том, что предпочла путешествие по земле. На этом уровне пейзаж, видимый сквозь защищавший их от пыли пластекс, представлял в ином свете; она могла рассмотреть множество новых подробностей.

Здесь стало гораздо суще.

Они ехали в сравнительно легкой машине, рассчитанной только на пятнадцать пассажиров, включая шофера. Воздушная подушка, совмещенная со сложным двигателем, позволяла двигаться над землей. Скорость — три сотни в час, ход плавный. Эскорт Одрейд (слишком большой, все из-за излишне ряжной Тамалан) следовал за ней на автобусе, в котором также помешалась смена одежды, еда и вода на случай остановок в дороге.

Стрэгги, сидевшая рядом с Одрейд позади водителя, сказала:

— Неужели мы не могли бы устроить здесь хотя бы небольшой дождь? Одрейд поджалла губы. Лучшим ответом в этом случае было молчание.

Они отправились в дорогу поздно. Все они собрались в транспортных доках и уже собирались ехать, но тут прибыло сообщение от Беллонды. Новая весть о несчастье, требовавшая личного внимания Преподобной Матери — и это в последний момент!

Это была одна из тех минут, когда Одрейд чувствовала, что ее единственная роль была ролью официального переводчика. Подойти к краю сцены и разъяснить всем, что это значит: «Сегодня, Сестры, мы узнали, что Читимые Матре уничтожили еще четыре наших планеты. Нас стало еще меньше» Только двенадцать планет (включая Баззел) — и безликий охотник с топором приблизился еще на четыре шага.

Одрейд почувствовала, что под ее ногами разверзлась пропасть.

Беллонде следовало бы придержать эти последние скверные новости до более подходящего момента.

Одрейд выглянула в окно. Разве для таких вестей есть более подходящий момент...

Они продвигались на юг в течение чуть более трех часов, дорога змеилась перед ними лаково блестящей зелено-зеленой лентой. Дорога вела их меж холмов, поросших пробковым дубом, тянущимися до горизонта, скрытого горными хребтами. Здесь, на плантациях с менее строгими регламентациями, чем сады, дубам было позволено вырастать низкими и приземистыми. Изначально плантация была заложена на естественных уступах террас, ныне заросших высокой и жесткой бурой травой.

— Здесь мы выращиваем трюфели, — сказала Одрейд.

У Стрэгги оказалась в запасе еще одна скверная новость:

— Мне говорили, что с трюфелями приключилась беда, Преподобная Мать. Недостаточно дождей.

Больше не будет трюфелей? Одрейд заколебалась; ей очень хотелось подозвать сидящую позади послушницу из Отдела Связи и запросить Контроль Погоды о том, можно ли смягчить засуху.

Она оглянулась на своих адъютантов. Три ряда, по четыре человека в каждом, специалисты, способные расширить ее возможности наблюдателя и исполнить любое приказание. Только посмотрите на едущий следом автобуса. Одно из самых больших и вместительных транспортных средств Дома Собраний. Тридцать метров в длину, по меньшей мере! Битком набит людьми! Вокруг него клубами вздымалась пыль.

Тамалан по приказанию Одрейд ехала позади. Услышав о таком распоряжении, все подумали, что Преподобная мать может быть достаточно едкой, если ее разозлить. Там взяла в поездку слишком много людей, а Одрейд обнаружила это слишком поздно; чтобы что-либо изменить.

— Это не инспекция! Это вторжение какое-то, будь оно неладно!

Исполняй мои указания. Там. Маленькая политическая драма. Это сделает переход легче.

Она снова перенесла внимание на шофера, единственного мужчину в этом автомобиле. Клэрби, вечно кислый и неприветливый эксперт по транспорту. Морщинистое лицо, кожа цвета свежевскопанной влажной земли. Любимый шофер Одрейд. Водящий машину быстро и безопасно, изучивший до мелочей возможности своей машины.

Они перевалили через гребень холма; здесь дубняк редел, уступая место фруктовым садам, окружающим Обитель.

Как она прекрасна в лучах заката, подумала Одрейд. Невысокие здания белые стены, оранжевые черепичные крыши. За аркой начиналась первая улица — ее можно было разглядеть издалека, а дальше была видна высокая центральная структура, в которой размещались региональные службы наблюдения.

Это зрелище вселило в Одрейд уверенность. Обитель общин сверкала и сияла, сияние смягчалось расстоянием и туманной дымкой, поднимавшейся над садами. Деревья стояли безлистными — здесь проходил зимний климатический пояс, — но было очевидно, что они способны дать еще один урожай.

Сестрам требовалось, чтобы все, что окружает их, было красиво, напомнила себе Одрейд. Окружение, услаждающее чувства, но при этом удовлетворяющее потребности желудка. Удобства были вполне возможной вещью... если только их было не слишком много!

Кто-то позади Одрейд сказал:

— Мне кажется, на некоторых из этих деревьев набухают почки.

Одрейд присмотрелась внимательнее. Да! На темных ветвях виднелись крохотные зеленые бугорки. Здесь зима допустила ошибку. Контроль Погоды, пытающийся установить смену времен года, не мог предотвратить некоторых случайных просчетов. Наступающая пустыня слишком быстро поднимала температуру воздуха; растения начинали цвести и оживать как раз в то время, когда должны были стоять жестокие морозы. Вымирание плантаций становилось вполне обыкновенным явлением.

Советник-Наблюдатель извлек откуда-то давно забытый термин «Бабье Лето» для рапорта, иллюстрированного трехмерной фотографией сада в цвету, занесенного снегом. Одрейд почувствовала, как при этих словах что-то шевельнулось в ее памяти.

Бабье Лето. Как это верно!

Ее советники, разделявшие ее мнение о работах на планете, приняли эту метафору жестокого мороза-зовоевателя, следующего по пятам за не вовремя наступившей оттепелью, самое время для таких визитов — нашествий на соседей.

Снова вспомнив все, Одрейд словно почувствовала холодок топора на своей шее. Как скоро? Она не смела искать ответа на этот вопрос. Я не Квизац Хадерах!

Не оборачиваясь, Одрейд заговорила со Стрэгги:

— Это место, Пондрилл — ты когда-нибудь была там?

— Мой центр предварительной подготовки находился не там. Преподобная Мать, но я полагаю, что все они одинаковы.

Да, эти общинны все походили одна на другую: невысокие здания, окруженные садами, составляющие центры специальной подготовки. Это было что-то вроде системы сит — чем ближе к Центральной, тем мельче ячей. Некоторые сообщества, такие, как Пондрилл, были сосредоточены на увеличении нагрузок и ужесточении условий. Они каждый день посыпали женщин на длительные физические работы. Руки, возившиеся в земле и в грязи, руки, залитые фруктовым соком редко пренебрегали и более грязной работой, которая представлялась им в дальнейшей жизни.

Наконец они выехали из пылевого облака, и Клэрби открыл окно. Волна жаркого воздуха буквально захлестнула их! Чем там занимается Служба Погоды?

Два здания на окраине Пондрилла соединялись галереей, нависающей над улицей, образуя длинный туннель. Все, что понадобилось бы здесь, чтобы воссоздать обстановку докосмической эры — опускная решетка. Рыцари, закованные в броню, нашли бы привычным сумрачную духоту этой арки, сделанной из пласт-камня, почти неотличимого от настоящего. Камеры наблюдения прекрасно заменяли стражей ворот и дозорных.

Длинный сумрачный коридор, ведущий в обитель, был, как заметила Одрейд, чист. Вообще, в обителях Бене Джессерит обоняние редко оскорбляли запахи, подобные запаху разложения или

гниения. Никаких трущоб. Очень мало калек, хромающих по чистым улицам. Очень много здоровой плоти. Хорошо отлаженная система управления делала все, чтобы осчастливить здоровое население.

И все-таки у нас есть калеки. И не все — калеки в физическом смысле этого слова.

Клэрби припарковал машину у выхода из затененной улицы; они вышли. Автобус Тамалан остановился за их машиной.

Одрейд надеялась, что крытая улица принесет им желанную прохладу, но жаркий воздух превратил ее в настоящую раскаленную печь, и температура здесь оказалась гораздо выше. Она была рада оказаться на светлой открытой центральной площади, где жар, мгновенно высушив пот, подарил ей краткое мгновенье прохлады.

Чувство облегчения улетучилось, едва солнце начало палить ее голову и плечи. Ей пришлось контролировать метаболизм, чтобы поддерживать температуру тела на нужном уровне.

В желобе, обегающем площадь, плескалась сверкающая в солнечных лучах вода — беспечная демонстрация, которой скоро придет конец.

Оставим это пока. Мораль!

Она слышала за спиной шаги своей «свиты», обычные жалобы на «сидение в одном положении так долго...» С той стороны площади спешила приветственная делегация. В первых рядах Одрейд разглядела Цимпэй, главу Пондриллы.

Адъютанты Преподобной Матери вышли на площадь у фонтана, мощенную голубой плиткой, — все, кроме Стрэгги, оставшейся стоять за плечом Одрейд. Группу Тамалан также манил плеск воды. Одрейд подумала, что вода всегда была неистребимой частью человеческих мечтаний и снов. Плодородные поля и вода — чистая вода, которую можно пить, в которую можно погрузить лицо, утоляя жажду, возвращая покой душе.

И действительно, часть ее группы была занята именно этим. Их лица блестели от капель влаги.

Делегация Пондриллы остановилась недалеко от Одрад на голубых плитах. Цимпэй привела с собой еще трех Почтенных Матерей и пятерых старших послушниц.

Все эти послушницы находились на грани Агонии — Одрейд легко могла определить это по их прямым взглядам, полным ожидания муки.

Одрейд нечасто видела Цимпэй в Центральной, хотя та иногда и появлялась там в качестве учителя. Она подходила к этой роли: каштановые волосы, такие темные, что казались на свету черными с медным отливом; узкое лицо настолько аскетично, что не выражает почти ничего; притягивающие взгляд глаза — совершенно синие — под строго сдвинутыми бровями.

— Мы все рады видеть вас. Преподобная Мать.

Это прозвучало довольно искренне.

Одрейд слегка склонила голову — минимальное необходимое приветствие. Я тебя слышу. Почему ты так рада видеть меня?

Цимпэй поняла. Она жестом указала на высокую худую Почтенную Мать, стоявшую подле нее:

— Вы помните Фали, нашу Начальницу Садов? Фали только что посетила меня с делегацией садовников. Достаточно серьезная жалоба.

Обветренное лицо Фали было какого-то сероватого оттенка.

Переутомление? Острый подбородок, тонкие губы. Грязь под ногтями. Одрейд заметила это с одобрением. Не боится копаться в земле.

Делегация садовников. Итак, еще новые жалобы. Должно быть, они действительно серьезны. Непохоже на Цимпэй перекладывать свои заботы на плечи Преподобной Матери.

— Давайте выслушаем, — сказала Одрейд.

Бросив взгляд на Цимпэй, Фали начала подробный рассказ, приводя даже квалификационную оценку каждого из членов делегации. Некоторые из них находились непосредственно в распоряжении Цимпэй. Как можно объяснить своим людям, что какой-то далекий песчаный червь (быть может, даже еще и не существующий) требует подобных изменений? Как можно объяснить фермерам, что дело не в недостающей «капельке дождя» — в климате, свойственном самой

планете? Чуть больше дождя — в областях высокого давления зародятся ветра. Это, в свою очередь, приведет к изменениям где-нибудь еще, вызовет отягощенный влагой сирокко там, где он не только создает неприятные помехи, но еще и опасен. Слишком легко можно породить чудовищные торнадо, просто немного изменив условия. Погода на планете не была чем-то, что можно легко исправить. Как я иногда требовала. Каждый раз приходилось просматривать и просчитывать изменения картины в целом.

— Последнее слово остается за планетой, — сказала Одрейд. Эти слова для Сестер были древним напоминанием о человеческой слабости.

— У Дюны все еще есть право голоса? — в вопросе Фали было больше горечи, чем ожидала Одрейд.

— Я чувствую жар. Мы видели листву ваших садов, когда приехали, сказала Одрейд. Я знаю, что заботит тебя, Сестра.

— В этом году мы потеряем часть урожая, — сказала Фали. В ее словах слышались обвиняющие нотки: Это ваша вина!

— Что вы сказали вашей делегации? — спросила Одрейд?

— Что пустыня должна расти, и что Контроль Погоды больше не может производить всех необходимых нам изменений.

Верно. Правильный ответ. Неадекватный, как это часто бывает с правдой, но единственный, который у них сейчас был. Чем-то придется жертвовать. А пока — новые и новые делегации и потери урожая.

— Вы выпьете с нами чаю. Преподобная Мать? — дипломатически вмешалась Цимпэй. Видите, как все это нарастает. Преподобная Мать? И все же Фали теперь вернется к своим овощам и фруктам. Ответ получен.

Стрэгги прочистила горло.

Что-то нужно делать с этой ее проклятой привычкой! Но значение было понятно. Лучше будет предоставить Стрэгги заботу о расписании. Пора отправляться.

— Мы поздно выехали, — ответила Одрейд, — Мы остановились здесь только чтобы поразмять ноги и узнать, нет ли у вас проблем, которые вы не можете разрешить самостоятельно.

— Мы вполне можем сами разобраться с садовниками, Преподобная Мать. Резковатый тон Цимпэй сказал Одреид гораздо больше, и она с трудом удержалась от улыбки.

Проводите инспекцию, если вы так желаете. Преподобная Мать. Смотрите куда хотите. В Поядрилле вы увидите порядок Бене Джесссерит.

Одрейд бросила взгляд на автобус Тамалан. Кое-кто уже возвращался в кондиционированную прохладу салона. Тамалан стояла у дверей, откуда ей было слышно каждое слово.

— Я услышала от вас хороший отчет. Цимпэй, — сказала Одрейд. — Вы вполне можете обойтись без нашего вмешательства. Разумеется, я не хочу обременять — вас слишком долгим визитом.

Последнее было сказано достаточно громко — так, чтобы слышали все.

— Где вы остановитесь на ночь. Преподобная Мать?

— В Элидо.

— Я давно не бывала там, но слышала, что море стало гораздо меньше.

— Полеты над ним подтверждают ваши слова. Нет необходимости предупреждать их, что мы к ним едем, Цимпэй. Они уже знают это. Нам пришлось подготовить их к этому нашествию.

Начальница Садов Фали сделала небольшой шаг вперед:

— Преподобная Мать, если бы можно было дать нам...

— Скажите вашим садовникам, Фали, что у них есть выбор. Они могут ворчать и ждать, пока Читимые Матре не придут, чтобы взять их в рабство, или отправиться в Рассеяние.

Одрейд вернулась в машину и сидела там, закрыв глаза, пока не услышала звук закрывающихся дверей и они не отъехали на достаточное расстояние. Они уже покинули Пондриллу и находились на дороге, ведущей через южное кольцо садов. Позади нее царило молчание. Сестры серьезно

обдумывали поведение Преподобной Матери. Неудовлетворительная встреча. Разумеется, настроение передалось послушникам. Стрегги выглядела мрачной. Эта погода требовала, чтобы на нее было обращено внимание. Словами больше нельзя было заставить умолкнуть жалобы. Добрые времена судили менее строго. Все знали, каковы причины, но перемены оставались центральной проблемой. Нельзя пожаловаться на Преподобную Мать (по крайней мере, без веских на то причин!), но можно ворчать по поводу погоды.

«Почему сегодня они устроили такой холод? Почему именно сегодня, когда у меня была назначена поездка? Когда мы выехали, было достаточно тепло, но теперь! А у меня даже нет подходящей одежды!»

Стрегги решила поговорить. Что ж, за этим я ее и взяла. Но она сделалась почти болтливой, словно вынужденная близость уничтожила все ее почтение к Преподобной Матери.

— Преподобная Мать, я искала в своих руководствах объяснение...

— Берегись руководств! — сколько раз в жизни Одрейд слышала и сама произносила эти слова? — Руководства порождают привычки.

Стрегги часто высушивала наставления касательно привычек. У Бене Джессерит они, конечно, были — то, что другие считали «Типичным для Ведьм?» Но все признаки, по которым можно предсказать поведение, тщательно скрывались.

— Но тогда почему мы пользуемся руководствами, Преподобная Мать?

— По большей части для того, чтобы опровергать их. Кодекс предназначен для новичков, остальные применяются в начальном обучении.

— А история?

— Никогда не отвергай банальности исторических записей. Как Почтенная Мать, в каждый момент своей жизни ты будешь заново познавать историю.

— Правда — пустая чаша.

Страшно гордится тем, что помнит этот афоризм.

Одрейд подавила желание улыбнуться.

Стрегги — просто сокровище.

Это было мыслию-предостережением. Некоторые драгоценные камни можно классифицировать по их дефектам. Эксперты выявляют дефекты камня. Скрытые недостатки. То же происходит и с людьми. Их часто узнаешь по их недостаткам. Сверкающая поверхность говорит немного. Чтобы узнать человека, нужно заглянуть в глубину и увидеть там тайные трещины и пятна. В этом истинная ценность бриллианта. Чем был бы Ван Гог без таких недостатков?

— Комментарии внимательных циников, Стрегги, то, что они говорили об истории — вот что должно направлять тебя до Агонии. После ты сама себе станешь циником и сама будешь определять для себя ценности. Сейчас история называет тебе даты и рассказывает о том, что что-то произошло. Почтенные Матери выискивают это что-то и разбираются в предрассудках историков. — И это все?

Глубоко задета. Почему они тратят на это мое время?

— Многие исторические труды бесполезны в силу своей необъективности и предрассудков историков. Они были написаны, чтобы угодить той или иной правящей могущественной группировке. Подожди, пока твои глаза откроются, дорогая. Мы — лучшие из историков. Мы были там.

— И моя точка зрения будет изменяться с каждым днем?

Сказано человеком, весьма склонным к самоанализу.

— Это тот урок, который Башар завещал нам не забывать. Прошлое пересматривается с точки зрения настоящего.

— Я не уверена, что мне это понравится. Преподобная Мать. Так много моральных решений.

О-о. Эта драгоценность видела самую суть и высказывала свои мысли, как истинная Бене Джессерит. Среди темных пятен и трещинок в Стрегги были чистейшие грани.

Одрейд искоса взглянула на задумчивую послушницу. Очень давно Сестры постановили, что

решения в вопросах морали каждый ищет сам для себя. Никогда не следуй за направляющим, не задавая вопросов. Вот почему моральные и нравственные условия воспитания молодых имели такое большое значение.

Вот почему мы предпочитаем брать в общину юных Сестер. И быть может, именно поэтому в сознании Шианы сказался недостаток морали. Мы приняли ее слишком поздно. О чем так тайно она говорит с Дунканом на языке жестов?

— Всегда легко распознать нравственное решение, — сказала Одрейд, — Они появляются, когда отбрасываешь личные интересы.

Стрэгги посмотрела на Одрейд с почтением:

— Какую же для этого нужно иметь смелость!

— Не смелость! Ни даже отчаянье. То, что мы делаем, естественно — в самом глубоком значении этого слова. Это делается потому, что другого выбора нет.

— Иногда, говоря с вами, я чувствую себя невежественной, Преподобная Мать.

— Великолепно! Это начало мудрости. Существуют разные виды невежества, Стрэгги. Самое низкое — следовать собственным желаниям, не размышляя. Иногда мы делаем это неосознанно. Оттачивай свою чувствительность. Осознавай то, что обычно не осознаешь. Всегда спрашивай себя: «Чего я пытался добиться, делая это??

Они перевалили через последний холм перед Элидо, и Одрейд на мгновение окунулась в воспоминания.

Позади кто-то пробормотал:

— Вот и море...

— Останови здесь, — приказала Одрейд, когда они приблизились к широкому повороту, откуда было видно море. Клэрби знал это место и был готов к приказанию Одрейд. Одрейд часто просила его останавливаться здесь. Он затормозил именно там, где нужно было Преподобной Матери. Было слышно, как позади затормозил автобус, а громкий голос позади восхликал:

— Вы только посмотрите!

Элдио лежал по левой стороне от Одрейд, довольно далеко в долине: хрупкие изящные дома, некоторые поднимались над землей на тонких трубах, и ветер летел между ними и под ними. Элдио находился гораздо южнее, в низине, и климат здесь был жарче. Маленькие ветряные мельницы с вертикальной осью шелестели крыльями возле домов — они снабжали общины энергией. Одрейд указала на них Стрэгги:

— Мы ввели их, чтобы не зависеть от сложных технологий.

Произнося эту фразу, она повернулась направо. Море! Чудовищно уменьшившийся клочок его былого величия. Дитя Моря мгновенно возненавидела это зрелище.

С моря поднимались теплые испарения. Вдали неясными пурпурными силуэтами вырисовывались горы. Одрейд заметила, что Контроль Погоды создал ветер, чтобы привести в движение соленый воздух. В результате море пенилось белыми барашками, набегающими на галечный берег. Одрейд вспомнила, что когда-то по берегу тянулась цепочка рыбачьих деревень. Теперь, когда море отступило, деревни оказались гораздо выше берега на склонах окрестных холмов. Когда-то деревни были ярким мазком на картине морского пейзажа. Теперь большая часть их населения была втянута в новое Рассеяние. Те же, кто остался, построили подобие маленькой железной дороги, позволяющей доставлять лодки к берегу.

Она одобряла это: консервация энергии. Внезапно вся ситуация предстала перед ней в довольно мрачном свете — словно бы она вновь увидела Старую Империю, где люди просто ожидали смерти.

Сколько пройдет прежде, чем умрут эти общины?

— Море так мало!

Голос раздался позади нее. Одрейд узнала: клерк из Архивов. Один из проклятых шпионов Белл.

Подавшись вперед, Одрейд похлопала Клэрби по плечу:

— Отвези нас на ближний берег — вон на тот пляж внизу? Я хочу поплавать в нашем море, Клэрби, пока оно еще не исчезло.

Стрэгги и еще две послушницы присоединились к ней, нырнув в теплые воды маленького залива. Остальные разбрелись по берегу или наблюдали за странной сценой из машины и автобуса.

Преподобная Мать, плавающая обнаженной в море!

Одрейд чувствовала вокруг воду, придававшую ей сил. Ей нужно было поплавать: ей еще придется принять важные решения.

Какую частицу этого последнего великого моря они смогут сохранить в последние дни жизни планеты? Пустыня наступала — пустыня, в которой не было больше ничего, как когда-то на Дюне. Если преследователь даст нам время. Угроза была близка, а пропасть глубока. Будь проклята эта способность. Почему я должна знать это?

Медленно, медленно Дитя Моря и мерное покачивание волн помогли ей восстановить равновесие. Это водное пространство было одной из главных проблем, значительно более серьезной, чем разбросанные по планете маленькие моря и озера. Отсюда испарялось большое количество влаги. А это порождало новые нежеланные изменения. Да, это море все еще кормило Дом Собраний. Это была дорога, служившая для перевозки и связи. Морские транспортные средства были наиболее дешевыми. Энергозатраты были достаточно весомым аргументом. Но море исчезнет. Так будет. Целой популяции придется сменить место жительства.

В ее размышления снова ворвались воспоминания Дочери Моря; они не позволяли рассуждать трезво и безэмоционально. Как скоро должно исчезнуть море? Таков был вопрос. И от его решения зависели неотвратимые переселения.

Лучше бы это произошло скорее. Боль, оставшаяся в прошлом, мучает меньше. Нужно разобраться с этим!

Она подплыла к отмели и взглянула на озадаченную Тамалан. Одеяние Там было влажным от морских брызг. — Там! Уничтожьте это море так быстро, как только возможно. Пусть Служба Погоды разработает план быстрого осушения. После обычных уточнений я приму окончательный план.

Тамалан молча отвернулась и пошла прочь. Она жестом предложила Сестрам следовать за ней, всего один еще раз бросив взгляд на Преподобную Мать. Смотри! Разве я была неправа в том, что взяла с собой нужных специалистов?

Одрейд выбралась из воды. Под ногами ее поскрипывал сырой песок. Вскоре здесь будет только сухой песок. Она оделась, не дав себе труда вытереться. Одежда не слишком хорошо сидела на ней. Но сейчас это было безразлично; она пошла по полоске берега — прочь ото всех остальных, стараясь не смотреть на море.

Воспоминания должны оставаться воспоминаниями. Воспоминаниями, которые извлекаются из глубин памяти только для того, чтобы вновь ощутить пережитые когда-то радости. Никакая радость не может длиться вечно. Все переходящее. «И это пройдет» — вот слова, которые могут быть применены ко всему сущему.

Когда песок перешел во влажный суглинок, она, наконец, обернулась, чтобы взглянуть на море, приговоренное ею к уничтожению.

Имеет значение только сама жизнь, сказала она себе. А жизнь не сможет существовать долго без постоянного воспроизведения.

Выживание. Наши дети должны выжить. Бене Джессерит должна выжить!

Ни один ребенок не был важнее остальных. Она принимала и понимала это, осознавала, как часть ее глубинного «я», впервые проявившегося, когда она ощутила себя Дочерью Моря.

Одрейд позволила Дочери Моря в последний раз вдохнуть соленый воздух, пока они все возвращались к машинам, рассаживались и готовились к отправлению в Элдио. Она чувствовала, как ей становится спокойнее. Достаточно было научиться поддерживать равновесие, и уже не нужно море, чтобы восстановить его.

Глава 26

Вырви вопросы из почвы, и ты увидишь спутанные корни. Новые вопросы!

Ментат Дзен-суфи.

Дама была в своей стихии.

Паучья Королева!

Ей нравился тот титул, которым наградили ее ведьмы. Это было центром ее паутины — новый контрольный центр на Перекрестке. Внешний вид здания все же не соответствовал ей; в его дизайне было слишком много самодовольства, свойственного Гильдии. Консерватизм. Зато интерьер постепенно приобретал знакомые черты, и это доставляло ей удовольствие. Она почти могла представить себе, что никогда не покидала Дар, что нет никаких Футаров и горестного перелета назад, в Старую Империю.

Она стояла посреди Зала Собраний, глядя на Ботанический Сад. Логно ждала в четырех шагах за ее спиной. Не слишком близко ко мне, Логно, иначе мне придется приказать убить тебя.

На лужайке, начинавшейся прямо за плиточным полом еще лежала роса; когда солнце поднимется достаточно высоко, слуги поставят там удобные кресла и столы. Она заказала солнечный день, и, черт побери. Контролю Погоды лучше бы исполнить ее приказание. Итак, старая ведьма вернулась на Баззел. И она была в ярости. Прекрасно. Разумеется, она знала, что за ней следят, и она посетила свою верховную ведьму, чтобы попросить ее об уходе с Баззел, чтобы просить об убежище. И ей было отказано.

Им нет дела до того, что мы уничтожим ветви, пока мы не можем добраться до ствола.

Дама бросила Логно через плечо:

— Приведи ко мне эту старую ведьму. И всех ее прихвостней.

Логно повернулась и собиралась идти, но Дама добавила:

— И несколько голодных Футаров. Они мне нужны голодными.

— Да, Дама.

Кто-то другой занял место Логно. Дама не обернулась, чтобы выяснить, кто. Всегда было достаточно помощниц, готовых выполнить важные приказания. Все они были похожи друг на друга; разница только степень исходящей от них опасности. Логно была постоянной угрозой. Заставляет меня быть настороже.

Дама глубоко вдохнула свежий воздух. День обещал быть хорошим потому, что именно этого она хотела. Она ушла в свои тайные воспоминания, позволив им успокаивать и услаждать ее.

Будь благословен Гулдур. Мы нашли то место, где можем восстановить свои силы.

Объединение Старой Империи шло именно так, как было запланировано. Немного осталось гнезд этих проклятых ведьм, а когда будет обнаружен Дом Собраний, остальные будут легко уничтожить.

Теперь — Икс. Тут возникли сложности. Может быть, мне и не нужно было убивать тех двух ученых — Иксиан вчера...

Но эти глупцы потребовали от нее «больше информации». Потребовали! И это после того, как они заявили, что у них по-прежнему нет решения, позволяющего перезарядить Оружие. Разумеется, они не знали, что это оружие. Или — знали? У нее не было полной уверенности. А значит, правильным решением было все же убить тех двоих. Преподать им урок.

Дайте нам ответы, а не вопросы.

Ей нравился тот порядок, который она и ее Сестры вводили в Старой Империи. Прежде здесь было слишком много разброда и шатаний, слишком много различных культур, слишком много нестабильных районов. Поклонение Гулдуру послужит им так же, как и нам.

Она не чувствовала мистической притягательности своей религии. Это было просто действенным орудием власти. Истоки религии были хорошо известны: Лито II, которого эти ведьмы называли «Тираном», и его отец, Муаддиг. Оба — законченные маклеры власти. Вокруг этого много схизматических клеток, но их можно легко устраниć. Оставить только суть. Это прекрасно отлаженный, щедро смазанный механизм.

Тирания меньшинства, скрывающегося под маской большинства.

Это и распознала та ведьма, Луцилла. Невозможно было оставить ее в живых после того, как выяснилось, что она знает способы управлять массами! Гнезда ведьм нужно найти и сжечь. Способности и возможности Луциллы — явно не единичный случай. Ее действия указывают на существование школы. Они этому учат! Глупцы! Нужно управлять реальностью, иначе все может выйти из-под контроля.

Возвратилась Логно. Дама всегда легко распознавала звук ее шагов. Она ходила крадучись.

— Старая ведьма будет доставлен с Баззела, — сказала Логно, — Вместе с ее помощниками.

— Не забудь о Футарах.

— Я отдала распоряжения, Дама.

Этот масляный сладенький голос! Ты бы хотела скормить меня им, верно, Логно?

— И усиль охрану клеток, Логно. Прошлой ночью сбежали еще трое. Они бродили в саду, когда я проснулась.

— Мне доложили, Дама. Было назначено еще несколько сторожей.

— И не говори мне, что они не всегда представляют опасность.

— Я не верю этому. Дама.

И, ради разнообразия, она говорит правду. Футары страшат ее. Это хорошо.

— Похоже, мы получили энергетическую базу, Логно, — Дама обернулась, заметив, что Логно по меньшей мере на два миллиметра преступила границу запретной зоны. Логно тоже увидела это и отступила. Подходи так близко, как только хочешь, но только спереди, там, где я могу тебя видеть, Логно. Но не за моей спиной.

Логно заметила рыжие искры в глазах Дамы и едва не упала на колени. Колени явно подогнулись.

— Я счастлива служить вам. Дама! Ты была бы счастлива заменить меня, Логно.

— Что с той женщиной с Гамму? Странное имя. Как ее?..

— Ребекка, Дама. Она и кое-кто из ее приятелей... они ускользнули от нас. О, временно! Мы разыщем их. Они не могут покинуть планету.

— Ты полагаешь, что я должна была держать ее здесь, не так ли?

— Было бы мудро сделать из нее приманку. Дама.

— Она; и сейчас приманка. Ведьма, найденная нами на Гамму, не случайно попала к тем людям.

— Да, Дама.

Да, Дама! Но раболепные нотки в голосе Логно доставляли удовольствие. — Итак, действуй!

Логно стремительно вышла.

Всегда возникали небольшие очаги потенциально возможного насилия, и где-то они сливались воедино. Их нужно было разъединить ненавистью, разрушающей жизни вокруг них. Кому-то всегда приходится наводить порядок. Дама вздохнула. Тактика террора была столь... столь недолговечной!

Успех — вот в чем заключается опасность. Он стоил им целой империи. Если ты делаешь успех своим знаменем, всегда найдется кто-нибудь, кому захочется перерубить древко. И не только древко. Зависть!

Но на этот раз мы будем обращаться с успехом гораздо осторожнее.

Она погрузилась в полу值得一чу, чутко вслушиваясь в малейший шорох за спиной, и в то же время наслаждаясь сознанием очевидных грядущих побед, перспективы которых развернулись перед нею в это утро. Ей нравилось произносить имена покоренных планет, перекатывать языком звуки.

Уоллах, Кронин, Ринол, Экац, Бела Терезе, Гамму, Гамонт, Ниуш...

Глава 27

Люди рождаются с предрасположенностью к одной из наиболее стойких и разрушительных болезней разума: самообману. И наилучшие и наихудшие из всех миров, которые только можно себе представить, несут на себе этот драматический оттенок. Насколько нам известно, естественного лекарства тут нет. Необходим постоянный самоконтроль.

Кода

Пока Одрейд не было в Централе (возможно, лишь ненадолго), Беллонда поняла, что необходимо действовать, и быстро. Этот проклятый Ментат-гхола был слишком опасен, чтобы позволить ему оставаться в живых!

Вечеринка у Верховной Матери была уже едва видна в сгущающихся сумерках, когда Беллонда направилась к не-кораблю.

Беллонде была не по душе задумчивая прогулка через Кольцевые Сады. Она заказала место в тьюбе, закрытом, автоматическом и быстром. Одрейд тоже содержала осведомителей, способных отправить совершенно ненужные донесения.

По дороге Беллонда просмотрела свой обзор многочисленных жизней Айдахо. Запись она хранила в Архивах и могла быстро вызвать в любое время. В изначальном оригинале и ранних гхолах в его характере преобладала импульсивность. Скор на ненависть и скор на верность. В поздних гхолах Айдахо это уравновешивалось цинизмом, но за маской скрывалась все та же импульсивность. Тиран неоднократно вызывал ее к жизни. Беллонде уже была знакома эта картина.

Им может правите гордыня.

Его длительная служба Тирану восхищала. Он не просто несколько раз становился Ментатом, но в ряде своих воплощений был и Ясновидящим.

Образ Айдахо соответствовал обнаруженным в справках описаниям. Интересные и характерные черты, линии глаз и рта гармонировали со сложным внутренним миром.

И почему Одрейд игнорирует угрозу, исходящую от этого человека? Беллондой часто овладевали дурные предчувствия, когда Одрейд с показным жаром говорила об Айдахо.

«Он мыслит четко и ясно. Он обладает особенной просветленностью разума. Это вселяет силы. Он нравится мне, и я сознаю, что влиять на мои решения для него — не проблема».

Она поддается его влиянию!

Айдахо Беллонда нашла в одиночестве — он сидел за пультом. Внимание его было приковано к линейному изображению. Оно было знакомо ей: схемы действия не-корабля. Увидев ее, Айдахостер с экрана проекцию.

— Привет, Белл. Я ждал тебя.

Он надавил на кнопку пульта и позади него отворилась дверь. Вошел юный Тег, заняв позицию позади Айдахо и остановив молчаливый взор на Беллонде.

Айдахо не предложил ей сесть или найти стул, вынуждая принести его из спального отсека и поставить напротив него. Она присела, и он бросил на нее взгляд, полный осторожной иронии.

Беллонду несколько изумило его приветствие. Почему же он ждал меня?

И он ответил на ее немой вопрос:

— Дар сегодня связывалась со мной и сказала, что будет у Шианы. Я знал, что ты отправишься ко мне сразу после ее ухода.

Простой расчет ментата или...

— Она предупредила тебя!

— Ошибка.

— Какие у вас секреты с Шианой? — настоятельно спросила она.

— Она использует меня так, как того от нее желаешь ты.

— Миссионария!

— Белл! Два Ментата собрались. Зачем играть в эти идиотские игры? Беллонда глубоко вздохнула, переключаясь на режим Ментата. При подобных обстоятельствах это давалось нелегко, на нее смотрел ребенок, и во взгляде Айдахо светилась ирония. Может, Одрейд проявляла неожиданную хитрость и выступала против Сестры заодно с этим гхолой?

Айдахо успокоился, заметив, что стремление Бене Джессерит удвоилось благодаря силе Ментата.

— Я давно знал, что ты жаждешь моей смерти, Белл.

Да... Страхи делали меня легко читаемой.

Все на фани, подумал он. Беллонда пришла с убийством на уме, с полностью подготовленной драмкой «необходимости». Он рассмотрел несколько приятных мыслей о своем противодействии ее гневу. Но Беллонда в роли Ментата сначала подумает, и только потом начнет действовать.

— Ты неуважительно пользуешься нашими именами, — ища повод, произнесла Беллонда.

— Не тот случай, Белл. Ты уже не Преподобная Мать, а я — не «гхола». Два человека с общими проблемами. И не говори мне, что не понимаешь этого. Она окинула взором его рабочую комнату.

— Если ты ждал меня, то где Мурбелла?

— Хочешь, чтоб она убила тебя, спасая мою жизнь?

Беллонда задумалась. Эта проклятая Чтимая Матре, может и способна убить меня, но затем...

— Ты отослал ее, чтобы защитить ее.

— У меня есть лучшая защита, — он указал на мальчишку.

Тег? Защита? С Гамму доходили рассказы о нем. Знал ли о них Айдахо?

Она захотела спросить, но могла ли она осмелиться на риск отстранения от темы? Сторожевые Псы должны получить полномасштабную картину опасности. — Он?

— Будет он служить Бене Джессерит, увидев, как ты убьешь меня?

Она не ответила, и он продолжил:

— Поставь себя на мое место, Белл. Я — Ментат, попавшийся не только в твою западню, но и в ловушку Чтимых Матре.

— И ты, что, только Ментат?

— Нет. Я — тлейлаксианский эксперимент, но будущее мне недоступно. Я — не Квизац Хадерах. Я — Ментат с воспоминаниями многих своих жизней. Подумай о своей Иной Памяти и представь, какие рычаги находятся в моих руках.

Пока он говорил, Тег подошел и оперся на пульт рядом с локтем Айдахо. На лице мальчика отчасти отражалось удивление, но никак не страх перед ней.

Айдахо указал на проекционный экран над своей головой, по которому, готовые слиться в картинку, плясали серебряные искорки.

— Ментат видит, что его вариации рождают противоречия — зимние пейзажи летом, лучи солнца, когда люди приходят в дождь... Ты ждешь, что я буду делать скидки на твое актерство?

Она услышала заключение Ментата. До этой степени они разделяли общее учение.

— Ты, естественно, не забываешь брать в расчет Тао.

— Я не об этом спрашиваю. Вещи, происходящие совместно, обладают подспудной связью. Какой смысл и результат в противостоянии одновременности?

— У тебя были хорошие учителя.

— И не в одной жизни.

Тег подался к ней.

— Ты и вправду пришла убить его?

Ни одно чувство не должно лгать.

— Я по-прежнему думаю, что он слишком опасен. Пусть Сторожевые Псы оспорят это!

— Но он хочет вернуть мне память!

— Танцоры на одном этаже, Белл, — заметил Айдахо, — Тао. Мы не можем танцевать вместе, не можем синхронно двигаться в одном ритме, но мы одинаково видны.

Она начала догадываться, к чему он клонит, и задумалась, оставались ли способы его уничтожения.

— Я не знаю, о чём вы, — сказал Тег. — Интересные совпадения, — ответил Айдахо.

Тег повернулся к Беллонде.

— Может быть, вы объясните, а?

— Он хочет сказать, что мы нужны друг другу.

— А почему он так и не скажет?

— Это более тонко, мой мальчик, — задумчиво ответила она: — В записи должно отразиться, как я предупреждаю Айдахо.

— Нос осла не означает его хвоста, Дункан, как бы часто он не проходил мимо узкой вертикальной щели, в которую ты за ним наблюдаешь. Айдахо ответил на пристальный взгляд Беллонды:

— Однажды Дар пришла сюда с побегом яблоневого цвета, а в моих проекциях отразился урожай.

— Это загадки, да? — спросил Тег, хлопая в ладоши.

Беллонда восстановила в памяти запись того визита. Отточенные движения Великой Матери.

— Ты не подумал о теплице?

— Или о том, что она просто хочет доставить мне удовольствие?

— Мне надо отгадывать? — спросил Тег. После долгой паузы взор ментата столкнулся со взором ментата, и Айдахо произнес:

— За моим заточением последует анархия, Белл. Разногласия в ваших высших советах.

— Анархия не отрицает взвешенности и законности, — констатировала Беллонда.

— Ты лицемеришь, Белл!

Она отпрянула, как от удара. Это было совершенно непроизвольное движение, поразившее ее своей вынужденностью. Голос? Нет... Нечто, проникающее глубже. Она вдруг испугалась этого человека.

— Мне кажется великолепным, что Ментату и Преподобной матери доступно подобное лицемерие.

Тег дернул Айдахо за руку:

— Вы сражаетесь?

Айдахо аккуратно освободил руку:

— Да, сражаемся.

Беллонда не могла оторвать взора от Айдахо. Ей хотелось развернуться и сбежать. Что он делает? Все идет вкривь и вкось!

— Лицемеры и преступники в вашей среде? — спросил он.

И опять Беллонда вспомнила о ком-камерах. Он играл не только для нее, но и для наблюдателей! И делал это с ювелирной тщательностью. Ее внезапно переполнило восхищение его представлением, но страх не уменьшился.

— Я хочу спросить, как тебя терпят Сестры? — Его губы двигались с такой изысканной четкостью! — Ты что, необходимое зло? Источник ценных сведений и временами доброго совета?

Она обрела дар речи:

— Как ты смеешь? — Голос ее был гортанный, наполненный всей ее злорадной порочностью.

— Возможно, ты укрепляешь своих Сестер, — ответил он ровным, без малейшего намека на

перемену интонации, голосом. — Слабые звеня создают ломкие участки, требующие от других усиления, а это укрепляет этих других. Беллонда осознала, что едва сохраняет режим ментата. Неужели все это — правда? Возможно ли, чтобы Великая Мать видела ее в таком же ракурсе?

— Ты явилась с преступным неповиновением в мыслях, — заметил он. — И все во имя необходимости! Пьеска для комкамер, доказательство неизбежности твоего выбора.

Она обнаружила, что эти слова восстановили ее способности ментата. Она была восхищена необходимостью изучения его манер не меньше, чем фраз. Неужели он действительно читает ее настолько насквозь? Запись этой схватки может оказаться гораздо ценнее ее пьески. Но это ничего не меняет!

— Ты думаешь, желания Великой Матери — закон? — спросила она.

— А ты считаешь меня ненаблюдаленным?

Он махнул рукой Тегу, пытающемуся вмешаться в разговор:

— Белл! Оставайся ментатом.

— Я слушаю тебя, — Как и многие другие!

— Я во всей полноте понимаю вашу проблему.

— Мы не ставили перед тобой никаких проблем.

— Нет, ставили. Ты ставила, Белл! Ты скрупультно откалываешь частички, но она мне ясна.

И вдруг Белл вспомнила, что говорила Одрейд: «Мне не нужен ментат! Мне нужен изобретатель».

— Вам... нужен... я, — сказал Айдахо, — Ваши проблемы все еще в раковине, но это — мясо, и его нужно изъять.

— И зачем же ты нам?

— Вы нуждаетесь в моем воображении, моей энергичности, — именно это сохранило меня пред лицом гнева Лито.

— Ты же говорил, что он уничтожал тебя столь часто, что ты потерял счет. — Подавившись своими же словами, ментат!

Он ответил тщательно контролируемой улыбкой, настолько точной, что ни она, ни ком-камер не могли бы ошибиться в ее смысле.

— Как ты можешь доверять мне, Белл?

Он выносит себе приговор!

— Не найдите вы ничего нового, и вы обречены, — сказал он. — Это всего лишь вопрос времени, и все вы знаете это. Может, не в этом поколении. Может, даже и не в следующем. Но это — неизбежно.

Тег резко потянул за рукав Айдахо.

— Башар бы мог помочь, да?

А мальчик действительно слушал.

Айдахо похлопал Тега по руке:

— Башар — это еще недостаточно.

И обратился к Беллонде:

— Мы оба — побежденные в драке собаки. Будем рычать над костью?

— Ты это уже говорил. И несомненно повторишь.

— Ты еще ментат? — спросил он. — Тогда сорви занавес с драмы! Развей романтическую дымку над проблемой.

Дар — романтик! Я — нет!

— Что романтичного, — продолжал он, — в кармашках Рассеянной Бене Джессерит, ждущей своей смерти?

— Ты думаешь, никто не спасется?

— Ты сеешь во вселенной врагов, — сказал он, — Вскрываешь Чимых Матре.

Она целиком и полностью перешла в режим ментата: ее возможности должны были соответствовать возможностям гхолы. Драма? Роман? Тело подчинялось игре ментата. Ментаты управляют телом, не позволяя ему вмешиваться.

— Ни одна Преподобная Мать, которых вы Рассеяли, никогда не возвращалась и не сообщала о себе, — сказал он. — Вы пытаетесь уверить себя, утверждая, что только Рассеянные знают, куда идут. Как вы можете игнорировать посылаемые ими вести, говорящие о другом? И почему никто из них не пытался связаться с Домом Ордена?

Это упрек всем нам, будь он проклят! Но он прав. — Я поставил проблему в достаточно элементарной форме?

Вопрос ментата!

— Простейший вопрос, простейшее приближение, — согласилась она.

— Усиленный сексуальный экстаз: штампирование Бене Джессерит? Ловушка Чимых Матре для ваших людей?

— Мурбелла? — слово-вызов. Оцени женщину, которую любишь! Знает ли она о тех вещах, что мы должны знать?

— Они ограничены опасностью доведения своих удовольствий до наркотического уровня, но они уязвимы.

— Она отрицает истоки Бене Джессерит в истории Чимых Матре.

— Она была приучена к этому.

— А взамен — страсть к власти?

— Ну наконец-то ты задала правильный вопрос, — она промолчала и он продолжил: — Матер Феллисимиа, — он использовал в обращении древний термин, означающий членов Совета Бене Джессерит.

Она понимала причины этого и осознавала, что слово произвело желаемый эффект. Она теперь держалась крепко. Преподобная Мать — ментат, окруженная мохалатой собственной Агонии Спайса, — союз добрых Иных Воспоминаний, защищающих ее от преобладания злых предков. Откуда он узнал, как это сделать? Все наблюдатели за ком-камерами будут задавать этот вопрос. Конечно! Этому учил его Тиран, снова и снова. Что нам теперь дано? Что эта талантливая Великая Мать рискует ввести в игру? Это опасно, да, но гораздо более ценно, чем я подозревала. Ради всех богов нашего творения! Может, он — путь к нашей свободе?

Как же он был спокоен. Он знал, что поймал ее.

— В одной из моих жизней, Белл, я посетил ваш дом Бене Джессерит на Уаллахе DC и говорил там с одной из твоих прародительниц, Терзиус Хелен Антеак. Пусти ее, Белл. Она знает.

Беллонда почувствовала в голове знакомое покалывание. Откуда он знает о том, что Антеак — моя родственница?

— Я отправился на Уаллах DC в составе группы Тирана, — сказал он. — О, да! Я часто думаю о нем, как о Тиране. Мои приказы были направлены на подавление школы ментатов, которую вы пытались там спрятать.

Вмешался поток мыслей Антеак: «Я покажу тебе, о чём он говорит».

— Подумай, — сказал он. — Я, ментат, был вынужден уничтожить школу, готовящую мне подобных. Я, конечно, знал мотивы его приказа, как знаешь их и ты.

Параллельные мысли разрушили ее сосредоточенность: «Орден ментатов, основан Гильбертусом Альбанском; временное убежище вместе с Бене Тлейлакс, надеющихся вовлечь их в тлейлаксианскую гегемонию; перерождение в бесчисленные (посевные школы); подавление их Лито II, как источник независимой оппозиции; перерождение в Рассеянных после Голода».

— На Дюне он оставил лишь горстку лучших учителей, но вопрос, о котором Антеак заставляет задуматься, не там. Куда отправились твои Сестры, Белл?

— Пока мы не можем узнать, да? — Она взглянула на его консоль, неожиданно поняв ее смысл. Нельзя было блокировать такой ум. Если им предстоит его использовать, использовать его надо по полной программе.

— Кстати, Белл, — бросил он, когда она поднялась, чтобы уйти. Чтимые Матре могут оказаться относительно небольшой группировкой. Небольшой? Неужели он не знал, как Сестринство было потрясено увеличившимся числом примкнувших планет?

— Все числа относительны. Есть ли во Вселенной что-то действительно незыблемое? Наша Старая Империя возможно была последним их приютом. Место, где можно укрыться и постараться перегруппироваться.

— Ты это предлагал уже... Дар.

Не Великой Матери. Не Одрейд. Дар. Он улыбнулся.

— А может мы поможем со Скитейлом?

— Мы?

— Мурбелла собирает информацию, я ее перерабатываю.

Ему не понравилась улыбка, явившаяся ответом.

— Что ты конкретно предлагаешь?

— Дать нашему воображению разгуляться и соответственно обустроить наши эксперименты. Какой толк будет даже от не-планеты, если кто-то проникнет сквозь защиту?

Она бросила взгляд на мальчика. Знал ли Айдахо их подозрения о том, что Башар видел не-корабли? Естественно! Ментат с его способностями... Крохотные кусочки собирались в великолепную мозаику.

— Для защиты любой, хоть сколько-то заселенной планеты требуется вся энергия солнца класса G-3, — она сухо и очень прохладно глянула на него.

— Ничто не вне вопросов Рассеянных.

— Но не при наших существующих возможностях. Ты можешь предложить нечто менее претенциозное?

— Оцени генетические коды в клетках ваших людей. Поищи общие схемы в наследии Атридесов. О некоторых талантах вы можете и не предполагать.

— Твое конструктивное воображение ходит вокруг да около.

— Солнце класса G-3 — дело генетиков. Могут быть общие признаки.

Что за безумные предположения? Не-планеты и люди, для которых предвидящая защита — прозрачна? К чему он?

Она не обманывала себя, убеждая, что он говорит только с ней. Всегда оставались ком-камеры.

Он по-прежнему безмолвствовал, небрежно положив руку на плечо мальчика. Они оба следят за пей! Это — вызов?

Будь ментатом, если можешь!

Не-планеты? По мере увеличения массы объекта, энергия, необходимая для аннулирования гравитации проходит пороги, соответствующие простым числам. Не-защита сталкивается с большими энергетическими барьерами. Еще одна переменная экспоненциального роста. Предполагал ли Айдахо, что кто-то из Рассеянных нашел способ обойти проблему? Она спросила его.

— Иксianne не постигли концепции объединения Хольцмана, — сказал он. — Они просто использовали ее, ведь эта теория срабатывает, даже когда ее не понимаешь.

Зачем он направляет мое внимание на технократию Икса? Иксianne запустили пальцы в слишком многие куски пирога, чтобы Бене Джессерит им доверяли.

— Тебя не удивляет, что Тиран никогда не подавлял Икс? — спросил он. Но она продолжала молчать, сосредоточенно глядя на него.

— Он только сдерживал их. Он был увлечен безвыходностью связей человека и машины, когда оба проверяют рамки друг друга.

— Киборги?

— И это тоже.

— Разве Айдахо не знал об осадках революции, оставленной Бутлерианским Джихадом даже в среде Бене Джессерит? Тревожно! Воссоединение, к которому могут прийти обе стороны, и человек, и машина. Рассмотрение ограничений на машины, вот краткое описание иксианской близорукости. Может, Айдахо говорил о том, что Тиран подписался под идеей о машинном разуме? Глупо! — Она отвернулась от него.

Ты слишком скоро уходишь, Белл. Тебя должен был сильнее заинтересовать иммунитет Шианы к половым связям Парень, посланный мною для шлифовки, не штампован и она тоже. Однако нет среди Читимых Матре большего эксперта в этой области.

Теперь Беллонда поняла роль, придаваемую Одрейд этому гхоле. Бесценно! А я ведь могла убить его. Близость этой ошибки переполнила ее страхом.

Когда она подошла к двери, он остановил ее:

— Я о Футарах, которых видел на Гамму — почему нам сказали, что они выслеживают и убивают Читимых Матре? Мурбелла не в курсе этого.

Беллонда ушла, не оглядываясь. Все, что она узнала сегодня об Айдахо, увеличивало его опасность... но им надо мириться с этим... пока.

Айдахо глубоко вздохнул и взглянул на недоумевающего Тега.

— Спасибо за присутствие, и я ценю тот факт, что ты молчал, несмотря на великое искушение.

— Она бы и вправду убила тебя, да?

— Если бы ты не выиграл у нее несколько мгновений, могла бы.

— Зачем?

— Ее преследует ошибочное подозрение, что я — Квизац Хадерах.

— Как Муаддиг?

— И его сын.

— Но теперь-то она не тронет тебя.

Айдахо взглянул на дверь, за которой скрылась Беллонда. Отмена смертного приговора. Это все, чего он добился. Видимо он уже был не просто винтиком в чужих махинациях. Он перешел на новые отношения, которые могли бы оставить его в живых при правильном использовании. Эмоциональной привязанности в этом не было, даже с Мурбеллой... и с Одрейд. В глубине души Мурбелла возмущалась сексуальной связью не меньше него. Одрейд могла намекать на древнюю связь с верностью Атридесов, но чувствам Преподобной Матери нельзя было доверять.

Атридесы! Он взглянул на Тега, отмечая фамильные черты, уже проявляющиеся на детском лице.

Чего реального добился я от Белл? Они, наверное, больше не будут пичкать его ложными данными. Можно было найти определенную связь в обращенных к нему словах Преподобной Матери, окрашивающих все осознанием того, что все люди совершают ошибки.

Я не одиночка особой школы. Теперь в моей школе Сестры!

— Можно я пойду найду Мурбеллу? — спросил Тег, — Она обещала научить меня драться ногами. По-моему, Башара этому никогда не учили.

— Кого никогда не учили?

— Меня этому никогда не учили.

— Мурбелла на этаже тренировок. Беги один. Но рассказ о Беллонде оставь для меня.

Обучение по методике Бене Джесссерит ни на минуту не прекращалось, задумался Айдахо, когда мальчик вышел. Но Мурбелла была права, говоря, что они учили вещам, полученным от Сестер.

Эта мысль всколыхнула опасения. В памяти он увидел образ. Скитейл, стоящий в коридоре за полем барьера. Чему обучался их пленный приятель? Айдахо пожал плечами.

Задумываясь о Тлейлаксе, он всегда вспоминал Лицевых Танцоров И способность Лицевых Танцоров «переписывать» воспоминания всех ими убитых. А это, в свою очередь, переполняло его страхами перед видениями. Лицевые Танцоры?

И я — эксперимент Тлейлакса.

Это было из разряда тех вещей, которых он предпочитал не касаться в разговорах с Преподобной Матерью или даже просто при ней.

Он прошел по коридорам и отправился в апартаменты Мурбеллы, где расположился на стуле, размыкая о результатах полученного ею урока. Голос. Она пользовалась клаиртоном для своих вокальных упражнений. Дыхательное приспособление, вызывающее реакцию пранабинду, валялось на стуле, небрежно брошенное углом. Дурные привычки она сохранила со времен Чтимых Матре. Там и нашла его Мурбелла, когда вернулась. Она была одета в белое, мокре от пота трико и поторопилась раздеться, чтобы почувствовать себя лучше. Он перехватил ее по пути в душ, воспользовавшись одним из приобретенных им приемов. — Я открыл в Сестринстве кое-что ранее неизвестное.

— Расскажи! — требовала Мурбелла. Пот поблескивал на ее овальном лице, зеленые глаза сверкали. Мой Дункан опять видит их насеквоздь?

— Игра была одним из незыблемых элементов, — напомнил он. — Пусть эти сторожевые псы комкамер поиграют с этим! — Я им нужен не только для создания новой религии вокруг Шианы, как добровольный участник их надежд, я предназначен еще быть их оводом, их сознанием, требуя испрашивать прощение за собственное экстраординарное поведение.

— Здесь была Одрейд?

— Беллонда.

— Дункан! Она опасна. Ты не должен с ней видеться один на один.

— Со мной был мальчик.

— Он мне не сказал!

— Он подчиняется приказам.

— Хорошо! Так что случилось?

Он вкратце все описал, останавливаясь даже на выражении лица и прочих реакциях Беллонды (тут ком-камерам не над чем будет позабавиться!). Мурбелла была взбешена.

— Если она причинит тебе вред, я ни с одной из них работать не буду. — Прямо в лузу, моя дорогая. Выводы! Твоим бенеджессеритским ведьмам надо очень внимательно переоценить твое поведение.

— От меня все еще пахнет этажом тренировок, — сказала она. — Этот мальчишка. Он — шустрый малый. Я таких умниц еще не видела.

Он стоял.

— Проходи, я вымою тебя.

В душе он помог ей выбраться из потного трико, холода ее кожу своими руками. И наблюдая за тем, как ей нравятся его прикосновения.

— Так нежно и однако сильно, — прошептала она.

Боги низа! Она так смотрела на него, будто хотела съесть.

На мгновение мысли Мурбеллы об Айдахо были свободны от самообвинений. «Я не помню такой минуты, чтобы я проснулась и сказала себе: „Я люблю его!“ Нет, чувство превращалось все в более глубокую привязанность, пока совершившийся факт — оно не проникло в каждое мгновение жизни. Как дыхание или биение сердца. Порыв? Ошибка Сестринства!?

— Помой мне спинку, — сказала она и рассмеялась, когда душ намочил его одежду. Она помогла

ему раздеться и здесь, в душе, это случилось еще раз: бесконтрольное совокупление, плотская связь мужчины и женщины, выметающая все, кроме чувств. Только потом она, вспомнив, сказала себе: «Он обладает той же техникой, что и я». Но то была не просто техника. «Он хочет доставить мне удовольствие! Дорогие боги Дура! Как же мне так повезло?»

Она обхватила его шею, а он вынес ее из душа и уложил мокрую в постель. Она притянула его к себе и они тихо лежали, восстанавливая силы. Вскоре она зашептала:

- Значит, Миссионария воспользуется Шианой.
- Очень опасно.
- Заставь Сестринство раскрыться. Думаю, они всегда старались этого избежать.
- С моей точки зрения, это нелепо.
- Потому что они хотели от тебя контроля над Шианой?

Никто ее контролировать не может! И, возможно, не сможет. — Он глянул на ком-камеры. — Эй, Белл! У тебя в руках хвосты ни одного тигра.

Беллонда, вернувшись в Архивы, остановилась у двери Записи Комкамер и вопросительно глянула на Наблюдающую Мать.

- Опять душ, — сказала Наблюдающая Мать. — Это слегка надоедает.
- Дар Участия! — сказала Беллонда и направилась в свои комнаты, взбудораженная переплетением ощущений, требующих упорядочения. Он лучший ментат, чем я!

Я завидую Шиане, будь она проклята! И он это знает!

Дар Участия! Оргия в роли стимулятора. Сексуальные знания Чтимых Матре имели влияние на Боне Джесссерит, сходное с примитивным уходом в совместный экстаз.

Мы делаем шаг вперед и шаг назад.

Просто знать, что эта вещь существует! Как отвратительно, как опасно... и все же как притягательно.

А у Шианы иммунитет! Будь она проклята! И почему именно сейчас Айдахо напомнил об этом?

Глава 28

Каждый раз предоставляйте мне суждение взвешенного разума, а не законы. Кодексы и руководства порождают стереотипное поведение. Любое стереотипное поведение стремится избавиться от вопросов, возводя разрушительный монумент.

Дарви Одрейд

Тамейлан появилась в Элдиойских апартаментах Одрейд прямо перед рассветом, принеся новости о простирающейся перед ними глянцевой равнине. — Песок занес дорогу, сделав ее опасной или непроходимой в шести местах у моря. Дюны очень большие.

Одрейд только что завершила свой ежедневный распорядок: мини-Агония Спайса, а затем упражнения и холодный душ. В гостевой спальне стоял всего один плетеный стул (они знали ее слабости), в котором она и уселилась в ожидании Стрегги и утреннего отчета.

Лицо Тамейланы казалось бледно-желтым в лучах двух серебристых глоуглобов, но нельзя было не заметить ее удовлетворенности. Если бы ты прежде всего слушалась меня!

— Найдите нам топтеры, — велела Одрейд.

Тамейлан вышла, очевидно разочарованная спокойной реакцией Великой Матери.

Одрейд вызвала Стрегги:

— Попытайтесь найти другие дороги. Проверьте, можно ли пробраться по западному краю моря. — Стрегги поспешила исполнять приказ, чуть не столкнувшись с возвращающейся Тамейлан.

— Вынуждена сообщить, что Транспорт не сможет немедля доставить нам достаточное число топтеров. Они переселяют пять общин к востоку от нас. Видимо, мы сможем рассчитывать на них лишь к полудню.

— А есть ли наблюдательный терминал на краю южного ответвления пустыни? — спросила Одрейд.

— Первое препятствие прямо за ним, — в Тамейлан все еще оставалось самодовольство.

— Пусть нас там встретят топтеры, — приказала Одрейд. — Мы отправимся прямо после завтрака.

— Но Дар...

— Скажи Клерби, что ты поедешь сегодня со мной. Да, Стрегги? — Помощница стояла в дверях позади Тамейлан.

Положение ее плечей, когда она выходила, говорило, что Тамейлан не считает новое назначение прощением. В опале! Но поведение Там играло им на руку.

— Мы сможем добраться до наблюдательного терминала, — сказала Стрегги, давая знать, что она все слышала. — Мы будем вязнуть в пыли и песке, но это безопасно.

— Поторопимся с завтраком.

Чем ближе они подходили к пустыне, тем более безжизненным становился ландшафт, и Одрейд отметила это по дороге на юг. В одной сотне кликов от отмеченной в последний раз границы пустыни виднелись следы вытесненных и снявшихся по направлению к более холодным широтам общин. Голые фундаменты, оставленные стены, поврежденные при демонтаже, да так и брошенные. Трубы, срезанные на уровне фундамента. Слишком дорого было бы их выкапывать. Вскоре пески закроют весь этот неприглядный беспорядок.

Здесь, в отличие от Дюны, не было Защитной Стены, заметила Одрейд Стрегги. Уже скоро население Дома Ордена переселится в полярные районы и будет копать лед, добывая воду.

— А это правда. Великая Мать, — спросили из-за спины Тамейлан, — что мы уже создаем агрегаты для сбора спайса?

Одрейд развернулась на сиденье. Вопрос был задан работницей Сети Связи, главной помощницей, пожилой женщиной, лоб которой был испещрен глубокими морщинками ответственности. Они были темные и косые от долгих часов работы за ее оборудованием.

— Надо беречься Червей, — напомнила Одрейд.

— Если они появятся, — сказала Тамейлан.

— Ты когда-нибудь ходила по пустыне. Там? — спросила Одрейд.

— Я была на Дюне, — коротко бросила она.

— Но ты ходила по открытой пустыне?

— Только по тем небольшим наносам, что возле Кина.

— Это совсем другое. — Краткий ответ заслуживал не менее краткого возражения.

— Иные Воспоминания подскажут мне, что делать, — это было рассчитано на помощниц.

— Это совсем другое, Там. Этому надо научиться самой. Очень любопытно чувствуешь себя на Дюне, когда знаешь, что в любой момент может появиться Червь и поглотить тебя.

— Я слышала о твоих... подвигах на Дюне.

Подвигах. Не «опыте». Подвиги. Очень четко вяжется с ее осуждением. Вполне по-тамейлановски. «Она переняла очень много от Белл», — скажут так. — Прогулка по такой пустыне меняет человека. Там. Иные Воспоминания становятся яснее. Одно дело перехватить опыт Свободных предков. А совсем другое — самому двигаться, как Свободные, пусть всего несколько часов. — Я не в восторге от этого.

Это было слишком для азартной Там, и все в машине увидели ее не в лучшем свете. Слово — не воробей.

Да, она в опале!

Однако теперь предпочтение, отданное на Совете Шиане (если она подойдет), становилось понятным.

Наблюдательный терминал был застывшим кварцевым полем, зеленым и застекленевшим с оставшимися внутри пузырьками воздуха. Одрейд стояла на застывшем краешке, где кончались одинокие травяные бугорки, и песок отвоевывал уступы этого бриллиантового холма. Виднелись молодые солончаковые кусты (выведенные людьми Шианы, как сказал кто-то из свиты Одрейд), разбросанные серыми пятнами по наступающим шупальцам пустыни.

Безмолвная война. Жизнь, основанная на хлорофилле, принимала арьергардный бой с песком.

Справа над терминалом поднималась пологая дюна. Остановив остальных взмахом руки, Одрейд забралась наверх и прямо за возвышающимся гребнем ею овладела пустыня памяти.

Вот что мы творим. Никаких признаков обитания. Она не пыталась посмотреть назад на последние отчаянно сражающиеся с наступающими дюнами растения, сосредоточив внимание на далеком горизонте. Там виднелись жители пограничья пустыни. А все движущееся в этом иссушенному просторе было потенциально опасным.

Вернувшись к остальным, она на время остановила взор на глянцевой поверхности терминала.

Старая работница Сети Связи подошла к Одрейд с запросом от Погоды. Одрейд просмотрела его. Сжато и однозначно. Ничего неожиданного в отраженных изменениях. Они просили больше землеройного оборудования. Это требование не являлось неожиданностью, подобной внезапной буре, а решением Великой Матери.

Вчера? Разве я не решила только вчера фазировать море?

Она отдала отчет обратно работнице Сети Связи и бросила взгляд ей за спину, на слегка занесенный песком глянец.

— Подтвердите запрос, — и затем добавила: — Меня печалит вид этих брошенных зданий.

Работница пожала плечами. Пожала плечами! Одрейд восприняла это, как пощечину. (И не послужит ли это причиной разочарований в среде Сестринства!) Одрейд отвернулась от женщины.

Что я могу ей сказать? На этой земле мы прожили пять жизней старейших Сестер. А она пожимает плечами.

Однако... по некоторым стандартам сооружения Сестринства едва достигали зрелости. Плаз и пласталь были направлены на достижение принятых соотношений между зданиями и их строительством. Запечатленных на земле и в памяти. Поселки и города нелегко сдавались другим силам... кроме сил человеческих капризов. Еще одна естественная сила.

Идея увлечения стариной была странной, решила она. Она рождалась вместе с людьми. Она вспомнила, как заметила ее в старом Башаре, когда тот заговорил о своих семейных владениях на Лернаусе.

?Мы думали, это поможет сохранить обстановку, любимою моей матерью». Непрерывность. Воскресит ли воскресший гхола эти чувства?

Здесь присутствовал мой род.

Чувствовалась специфическая патина в словах «мой род», подразумевающих кровное родство.

Посмотрите, как долго мы, Атридесы, жили на Келадане, восстанавливая старый замок и шлифуя глубокий резной орнамент на древнем дереве. Целый штат прислуги содержался только для поддержания старого скрипучего дома на уровне едва переносимой функциональности.

Но эти слуги не считали свою работу напрасной. Их труд играл роль привилегии. Руки, полировавшие дерево, скорее ласкали его.

— Старина. Как долго они жили с Атридесами.

Люди и их архетипы. Она очень ярко почувствовала инструмент, как живую часть себя.

«Я становлюсь лучше благодаря этой палке в руке... благодаря заточенному на огне копью, которым бью дичь... благодаря этому убежищу от холода... благодаря каменному леднику для хранения пищи... благодаря быстрому паруснику... этому огромному океанскому лайнери... этому кораблю из металла и керамики, несущему меня в космос...?»

О, эти первые вылазки человека в космос — сколь малы казались их предполагаемые перспективы. Как изолированы они были в древности! Крошечные капсулы живительной атмосферы, подсоединенные к громоздким источникам данных с помощью примитивных систем передачи. Уединенность. Одиночество. Ограниченные возможности для всего, не служащего целям выживания. Очистка воздуха. Обеспечение питьевой водой. Упражнения, предотвращающие расслабленность от невесомости. Ведение активного образа жизни. Здоровый дух в здоровом теле. Чем тогда был здоровый дух?

— Великая Мать?

Опять эта проклятая работница Систем Связи!

— Да?

— Беллонда велела обязательно передать всем, что от Баззел прибыла посланница. Неизвестные схватили всех Преподобных Матерей.

Одрейд молниеносно повернулась:

— Это весь текст сообщения?

— Нет, Великая Мать. Говорят, что неизвестными командовала женщина. Курьерша передала, что она выглядела, как Чтимая Матре, но одета была не в мантию.

— Сообщений от Дортуйлы и остальных нет?

— У них не было возможности. Великая Мать. Посланница — помощница на Первой Стадии. Она добралась на небольшом не-корабле, четко следуя приказам Дортуйлы.

— Скажите Белл, чтобы эту новенькую никуда не выпускали. Она владеет опасной информацией. Я загляну к посланнице, когда вернусь. Она, должно быть. Преподобная Мать. Вам понятно?

— Конечно, Великая Мать. — Обида от возможности сомнений. Случилось! Одрейд с трудом сдерживала возбуждение.

Они схватили наживку. Что ж... Они на крючке?

Дортуйла сильно рисковала, положившись в таком деле на помощницу. Зная Дортуйлу, можно предположить, что помощница эта весьма надежна. Готовая уничтожить себя в случае пленения. Надо с ней встретиться. Возможно, она готова к Агонии. А возможно, у нее есть и сообщение от Дортуйлы для меня. Это на нее похоже.

Белл, конечно, рассердится. Глупо полагаться на кого-то со станции наказания!

Одрейд созвала бригаду Систем Связи.

— Соединитесь с Беллондой.

Переносной проектор не обладал четкостью статичной установки, но Белл и ее окружение были узнаваемы.

Сидит за моим столом, будто он — ее собственный. Великолепно.

Не давая Беллонде выплыснуть свои эмоции, Одрейд начала:

— Определи, готова ли посланница к Агонии.

— Готова.

Боги низа! Для Белл это скруто.

— Тогда позаботься об этом. Возможно, она сможет быть и нашей посланницей.

— Уже.

— Она в норме.

— Абсолютно.

Что во имя всех дьяволов случилось с Белл? Она ведет себя очень странно. Это ей совсем не свойственно. Дункан!

— И, Белл, я хочу, чтобы Дункан имел свободный доступ к Архивам.

— Имел этим утром.

Ну, хорошо. Общение с Дунканом возымело эффект.

— Я поговорю с тобой после встречи с Шианой.

— Передай Там, что она права.

— В чем?

— Просто передай.

— Ладно, хорошо. Должна сказать, Белл, что я более чем удовлетворена тем, как ты ведешь дела.

— Под вашим руководством и не могло быть иначе.

Беллонда явно улыбалась, обрывая связь. Одрейд повернулась к Тамейлан, стоящей позади.

— Права в чем. Там?

— В том, что контакты Айдахо и Шианы содержат нечто большее, чем мы ожидали. — Тамейлан приблизилась к Одрейд и понизила голос: — Не сажайте ее в мое кресло, пока не узнаете их тайну.

— Я знаю, что ты понимаешь мои намерения, Там. Но... неужели это настолько прозрачно?

— Иногда да. Дар.

— Мне повезло, что мы подруги.

— Тебя поддерживают и другие. Когда голосовали Прокторы, на тебя работала не только твоя созидательность. Один из твоих защитников назвал это «вдохновленностью».

— Тогда ты понимаешь, что я довольно крепко буду обуздывать Шиану, пока не найду одного из «вдохновенных» решений.

— Конечно.

Одрейд жестом приказала связистам убрать проектор и отправилась дожидаться краю застекленевшей равнинны.

Созидательное воображение.

Она сознавала смешанность чувств в своих ассоциациях. Созидательность!

Всегда опасна для хранящейся под опекой силы. Новое могло уничтожить хватку власти. Даже Бене Джессерит подходили к созидательности с опаской. Движение с ровным килем заставляло

некоторых жертвовать раскачиванием лодки. Эта деталь не попадала в переписку Дортуйлы. Беда заключалась в том, что созидающие личности имеют склонность к тихим заводям. Они это называют уединением. Было приложено немало усилий, чтобы вывести из этого состояния Дортуйлу.

Будь в порядке, Дортуйла. Будь лучшей нашей наживкой.

Прибыли топтеры — шестнадцать штук. Пилоты их были недовольны новым назначением, после всего, что они уже прошли. Переселять целые общини!

Со смешанными чувствами Одрейд следила за посадкой топтеров на твердой глянцевой поверхности. Они складывали крылья назад в карманные чехлы и становились похожими на спящих насекомых.

Насекомые, одинаковостью своей напоминавшие творение безумного робота.

Когда они взлетели, Стрегги, сидящая перед Одрейд, спросила:

— Мы увидим песчаных Червей?

— Возможно. Но сообщений о них еще не поступало.

Стрегги села назад, разочарованная ответом, не сумев перевести его в другой вопрос. Правда временами огорчает, а какие серьезные ожидания были поставлены на карту в этой эволюционной игре, подумала Одрейд.

А зачем же еще разрушать на Доме Ордена все нами любимое?

Поток мыслей остановил вид старой вывески, дугой возвышающейся над узким входом в ярко-розовое здание: КЛИНИКА НЕИЗЛЕЧИМЫХ БОЛЕЗНЕЙ.

Может, здесь найдет себя Сестринство? Или это означает, что они потерпят массу неудач? Назойливые Иные Воспоминания должны иметь назначение.

Неудачи?

Одрейд проанализировала это: если так случится, нужно будет подумать о Мурбелле в роли Сестры. Не в том смысле, что пленная Читама Матре была неизлечимой неудачей. Но она была неприспособлена к окружающим условиям и прошла углубленную тренировку в слишком позднем возрасте.

Как были все вокруг спокойны, следя за навеваемым ветром песком между китовыми спинами дюн временами проглядывали маленькие рифленые наносы. Раннее утреннее солнце только встало, освещая мелкие подробности картины. Горизонт был затуманен пылью.

Одрейд свернулась в кресле и уснула. Я уже видела это раньше. Я, пережившая Дюну.

Болтанка, сопровождающая снижение и круговой заход к Центру наблюдения за пустыней Шианы, разбудили ее.

Центр наблюдения за пустыней. Мы снова здесь. Мы еще не назвали его... как не назвали и саму планету. Дом Ордена! Что это за имя? Центр наблюдения за пустыней! Описание, да и только. Подчеркивание временности. По ходу посадки она увидела подтверждение своих мыслей. Чувство временности построек было усилено спартанской лаконичностью всего хозяйства. Никакой мягкости, никаких закруглений на стыках. Вот это подсоединяется здесь, а вот это идет туда. Все соединено съемными креплениями.

Посадка была жесткой, и пилот выразился так:

— Ну вот вам и избавление.

Одрейд прямиком направилась в комнату, постоянно резервируемую для нее и вызвала Шиану. Временные апартаменты: спартанская спальня с жесткой койкой. На этот раз два стула. Окно на запад с видом на пустыню. Временность этих комнат раздражала ее. Здесь все могло быть демонтировано и перевезено. Она умыла лицо в смежной с комнатой ванной, стараясь экономить движения. После неудобного сна в топтере телу было не по себе. Освежившись, она подошла к окну, отдав должное бригаде монтажников, построивших эту башню: всего десять этажей, этот — девятый. Шиана располагалась на последнем, пользуясь всеми преимуществами процесса, именем которого называлось место.

Дожидаясь встречи, Одрейденным образом готовилась к ней.

Распахни мозг. Отбрось предубеждения.

Первые впечатления от прихода Шианы должны быть восприняты чистым рассудком. Уши не должны ожидать знакомого голоса. Ноздри не должны готовиться к привычным запахам.

Я выбираю это. Я, ее первая наставница, восприимчива к ошибкам.

Одрейд повернулась на звук открываемой двери. Стрегги.

— Шиана только что вернулась из пустыни и говорит сейчас со своими людьми. Она просит Великую Мать встретиться с ней в верхних комнатах, они более удобны.

Одрейд кивнула.

В комнатах Шианы на последнем этаже глаз все так же резали углы. Наспех собранное прибежище в пустыне. Огромная комната, в шесть-семь раз превышающая размеры гостиной, но играющая роль и кабинета и спальни. На двух стенах окна — на запад и север. Одрейд была потрясена смесью функционального и нефункционального.

Шиана постаралась отразить в комнатах себя. Стандартная койка Бене Джесссерит была покрыта пледом ярко-оранжевого и темно-коричневого цвета. На дальней стене висела картина, на белом фоне которой черные линии изображали вылетающего из-под земли песчаного Червя с пастью, переполненной кристальными зубами. Шиана написала ее, основываясь на Иных Воспоминаниях и детских впечатлениях о Дюне.

Немало значил выбор Шианы: она не пыталась создать более претенциозного рисунка, может быть многоцветного и в традиционном пустынном стиле. Просто Червь, намек на песок вокруг него и маленькая фигурка в плаще на переднем плане.

Она сама?

Восхитительная сдержанность и постоянное напоминание о причинах ее здешнего пребывания. Глубокое восхищение природой.

Природа не создает плохих произведений.

Фраза была слишком гладкой, чтобы принять ее.

Что мы подразумеваем под «природой»?

Она видела зверскую природную дикость: тщедушные деревца, выглядящие так, будто их макнули в бледно-зеленую взвесь и оставили сущиться на краю тундры, превратив в жалкую пародию на самих себя. Отвратительно. Трудно представить такие деревья целесообразными. И слепые Черви... слизистые желтые тела. Где в них искусство? Временная остановка эволюционного развития и ее переориентация. Всегда ли вмешательство человека приводит к переменам? Слиги! Каких гадостей понаделали там Бене Тлейлакс.

Восхищаясь рисунком Шианы, Одрейд решила, что определенные комбинации раздражают некоторые человеческие чувства. Слиги в качестве пищи были самой прелестью. Отвратительные комбинации касались ранних экспериментов. А потом опыты выносили приговор.

Это плохо!

В основном, то, что мы называем ИСКУССТВОМ, служит желаниям, утверждая их. Не надо мне этого! Я знаю, что могу принимать.

Чем являлся для Шианы этот рисунок?

Песчаный Червь: слепая мощь, сторожащая спрятанные сокровища. Артистизм в мистической красоте.

Говорили, что Шиана однажды пошутила о своем назначении: «Я пасу червей, которых, может, еще и не будет».

А даже если они и появятся, пройдут годы, прежде чем они достигнут тех размеров, что были изображены на картинке. Не ее ли голос исходил от крохотной фигурки перед червем?

— Со временем будет так.

Запах меланжа наполнил комнату, запах более насыщенный, чем в обычных комнатах Преподобной Матери. Одрейд окинула взглядом обстановку: стулья, рабочий стол, освещение укрепленных глоуглобов — все было расположено предельно удобным образом. Но что за странной формы груда

черного плаза в углу? Очередное произведение Шианы?

Комнаты были под стать Шиане, решила Одрейд. Не так сильно, как рисунок, но и вид из окна напоминал ее происхождении, походя на Дар-эс-Балат в глубине пустынь Дюны.

Слух Одрейд уловил шорох со стороны двери. Она повернулась и увидела Шиану. Она застенчиво заглядывала в дверь, не торопясь подходить к Преподобной Матери.

Движения яснее слов: «Итак, она пришла ко мне в комнаты. Хорошо. А кто-то мог бы и не принять моего приглашения».

Обостренные чувства Одрейд заработали при виде Шианы. Самая молодая из всей истории Преподобных Матерей. Ты часто думаешь о ней, как о тихой маленькой Шиане. Она не всегда была тихой и уже совсем не была маленькой, но прозвище прижилось. Она даже не походила на мышку, хотя зачастую и напоминала тихого грызуна, ожидающего на краю поля ухода хозяина. Чтобы устремиться в пшеницу подбирать осыпавшееся зерно.

Шиана вошла в комнату, остановившись совсем близко к Одрейд.

— Мы долго не виделись. Великая Мать.

Первое впечатление Одрейд явно было смешанным.

Прямота и маскировка?

Шиана стояла в тихом ожидании.

Гены Сионы Атридес создали занимательное лицо под налетом патины Бене Джессерит. Зрелость проявлялась на нем в соответствии с образами как Сестринства, так и Атридесов. Твердо запечатлевались следы многочисленных решений. Слабая, темнокожая беспризорница с выгоревшими каштановыми волосами превратилась в уравновешенную Преподобную Мать. Кожа оставалась все такой же темной от многих часов, проводимых на свежем воздухе. Волосы — такими же выгоревшими. Правда, глаза стали непреклонными и целиком синими, подчеркивая: «Я прошла Агонию».

Что же такое я чувствую в ней?

Шиана перехватила взгляд Одрейд (бене-джессеритская наивность) и поняла, что в нем отражалась давно довлеющая конфронтация.

У меня нет никакой защиты, кроме правды, и, надеюсь, она удержится от исповеди.

Одрейд с большим вниманием глядела на свою бывшую ученицу, дав волю всем чувствам.

Страх? Что я чувствую? Что-то в разговоре?

Твердость голоса Шианы была превращена в мощный инструмент, раздражавший со времени первой же встречи Одрейд. Естественная сущность Шианы (если можно так сказать, сущность Свободных!) была обуздана и перенаправлена. Было отшлифовано ядро жертвенности. Ее способность любить и ненавидеть была сдержанна крепкой уздой.

Откуда у меня такое ощущение, будто она хочет сдержать меня?

Одрейд внезапно ощутила свою уязвимость.

Эта женщина ознакамливалась с моей крепостью изнутри. И теперь нельзя уже было забывать об этом.

На ум пришла беседа с Тамейлан: «Она из сохраняющих себя для себя. Помнишь сестру Швангью? Она такая же, только лучше. Шиана знает, куда направляется. Надо тщательней следить за ней. Кровь Атридесов, понимаешь?» «И я из Атридесов, Там.?

«Мы никогда не забываем об этом! Ты думаешь, мы будем стоять и смотреть, если Великая Мать решила самовоспитываться? Есть пределы нашему терпению, Дар».

— И вправду, этот визит запоздал, Шиана.

Тон Одрейд встревожил Шиану. Она ответила на него резким взглядом, который в Сестринстве называют «БГ безмятежный», и едва ли во всей Вселенной можно было найти более безмятежной маскировки, чем в этом взгляде. Это был не просто барьер, это было нечто. Любое отклонение от этой маски было для нее разрушительным. Сама по себе она была оскорблением. Шиана тут же поняла это и рассмеялась.

— Я знала, что ты придешь спрашивать! Беседа с Дунканом, верно? -Пожалуйста, Великая Мать! Не отрицайте этого.

— Совершенно, Шиана.

— Он хочет, чтобы кто-нибудь защитил его в случае нападения Чтимых Матре.

— И все? — Она что, держит меня за набитую дуру?

— Нет. Его интересует информация о наших намерениях в случае нападения Чтимых Матре.

— Что ты сказала ему?

— Все, что могла. — Правда — мое единственное оружие. Мне надо отвлечь ее.

— Ты разделяешь его мысли, Шиана?

— Да!

— И я тоже.

— Но не Там и не Белл?

— Мои осведомители сообщают, что сейчас Беля готова терпеть его.

— Белл? Терпеть?

— Ты неверно оценила ее, Шиана. Это — твой порыв, — Она что-то скрывает. Что ты сделала, Шиана?

— Шиана, ты думаешь, что сработаешься с Белл?

— Потому что я надоедаю ей? — Работать с Белл? Что она имеет в виду? Не Белл должна возглавлять этот проклятый проект Миссионарии!

Уголки рта Одрейд слегка подергивались. Очередная выходка? Неужели? Шиана была главным предметом сплетен в столовых Централа. Рассказы о том, как она надоедала Воспитательницам (особенно Белл) и весьма детальные отчеты об обольщении, вскармливаемые сравнениями с Чтимыми Матре, принесенными Мурбеллой, были приправлены спайсом почище еды. Одрейд слышала обрывки разговоров не далее, как два дня назад. «Она сказала: (Я воспользовалась методом „позволь мне дурно вести себя“. Очень действует на мужчин, считающих, что они выгуливают тебя по дорожке в саду)».

— Надоедаешь? Ты правильно выразилась, Шиана?

— Подходящее слово: видоизменить, борясь с заложенными склонностями. И в тот самый момент, когда с губ слетели слова, Шиана поняла, что допустила промах.

Одрейд почувствовала напряженную тишину. Видоизменить? Взгляд ее вернулся к той странной черной груде в углу. Она посмотрела на нее с отрешенностью, которая удивила ее.

Зрелище захватывало. Она попыталась найти согласованность, какую-то подсказку. Но не смогла, даже напрягшись до предела. И в этом цель.

— Оно называется «Пустота», — сказала Шиана.

— Твое? — Пожалуйста, Шиана. Скажи нет. Скажи, что автор там, куда мне не добраться.

— Я создала это ночью неделю назад.

А черный плаz — единственная видоизмененная тобою вещь?

— Изумительное замечание по поводу искусства в целом.

Но не искусства в частности.

У меня есть связанные с тобою Шиана проблема. Ты тревожишь некоторых сестер, — И меня. Есть в тебе дикий пунктик, который мы никак не найдем. Генные следы Атридесов, которые Дункан предложил поискать, заложены в твоих клетках. Что они дают тебе?

— Тревожу Сестер?

— Особенно когда они вспоминают, что ты — моложе всех, когда-либо прошедших Агонию.

— Ну, кроме Отклонений.

— И ты что, тоже?

— Великая Мать? — Она никогда умышленно не ранила моих чувств просто так.

— Ты прошла через Агонию, влекомая своей непокорностью.

— А может лучше сказать, что я воспротивилась зрелому совету. — Юмор иногда смущал ее.

В дверях появилась Престер, помощница Шианы. Она постукивала по стене, пока на нее не обратили внимания.

— Вы велели мне немедленно сообщить вам о возвращении поисковой бригады.

— О чем они сообщают?

Облегчение в голосе Шианы?

— Бригада номер восемь хочет, чтобы взглянули на их результаты.

— Они всегда этого хотят!

Интонация Шианы была подчеркнуто разочарованной:

— Не хотите ли взглянуть со мной на их результаты, Великая Мать?

— Я подожду здесь.

— Я ненадолго.

— Когда они ушли, Одрейд подошла к западному окну: ясный вид на лежащую за крышами новорожденную пустыню. Маленькие дюны. Почти закат и сухая жара, так напоминающая о Дюне.

Что скрывает Шиана?

Молодой парень, почти мальчик, загорал голышом на соседней крыше, лежа кверху животом на матрасе цвета морской волны, набросив на лицо золотое полотенце. Загар у него был бронзовым, под цвет полотенца и рыжеватых волос. Ветерок приподнял уголок полотенца, забросив его на лицо. Устало двинулась вялая рука и восстановила покров. Как он может бездельничать? С ночной смены? Может быть.

Безделье не поощрялось, а он выставлял его напоказ. Одрейд улыбнулась сама себе. Могли простить любого, приняв за ночного работника. Он мог рассчитывать на это. Весь фокус заключался в том, чтобы не попасться на глаза тому, кто знал обратное.

Я не буду спрашивать. Разум заслуживает награды. И, в конце концов, может, — он и действительно с ночной смены.

Она подняла взор. Вдали разворачивалась новая картина: неземной закат. Над горизонтом была прочерчена узкая полоска оранжевого; вздывающаяся на месте, куда только что село солнце. Серебряно-голубой цвет над оранжевой полоской темнел, уходя ввысь. Она не раз видела такое на Дюне. В метеорологические объяснения она старалась не вдаваться. Лучше дать глазам впитать эту сиюминутную красоту, а ушам и коже — почувствовать внезапное спокойствие, распространяющееся вокруг после резко наступающей темноты, стирающей оранжевую грань.

Краем глаза она заметила, что юноша собрал матрас, полотенце и скрылся за вентилятором.

Из коридора послышался топот. Вбежала запыхавшаяся Шиана:

— Они нашли залежи спайса в тридцати кликах от нас! Небольшие, но плотные! — выдохнула она.

— А это не ветряные наносы? — засомневалась Одрейд.

— Не похоже. Я установила за ними круглосуточное наблюдение, — Шиана взглянула на окно, у которого стояла Одрейд. Она видела Требо. Наверное... — Я уже спрашивала тебя, Шиана, сможешь ли ты работать с Белл. Это важный вопрос. Там стареет и уже вскоре надо будет искать ей замену. Будет голосование, конечно.

— Я? — Это было полной неожиданностью.

— Мой первый кандидат. — Теперь повелительно. — Я хочу, чтобы ты была рядом, и я смогла бы следить за тобой.

— Но я думаю... ведь план Миссионарии...

— Может подождать. И найдется другой пастух червей... если эти залежи спайса — наша надежда.

— А? Да... несколько наших людей, но ни одна из них... Разве вы не хотите проверить, повинуются ли мне Черви?

— Работа в Совете на это не влияет.

— Я... ну, вы видите, насколько я удивлена.

— Я бы сказала, ошеломлена. Скажи мне, Шиана, что тебя в эти дни действительно интересовало?

Расследование продолжается. Ну, Требо, помогай мне.

— Обеспечение нормального развития пустыни, — Правда! — И конечно же моя сексуальная жизнь. Вы видели юношу на крыше? Требо, новенький. Его послал для шлифовки Дункан.

Даже когда Одрейд уже ушла, Шиана пыталась понять, что такого веселого нашлось в этих словах. Впрочем, от Великой Матери удалось-таки уклониться.

Не было нужды даже в уступках правде: «Мы обсуждали возможность нанести на Тега штамп и этим воскресить память Башара».

Удалось избежать полной исповеди.

Великая Мать так и не узнала, что я проникла в способ реактивации тюрьмы не-кораблей и узнала, как обезвредить установленные там Беллондой мины.

Глава 29

Никакие сладости не скроют определенные типы горечи. Если горько — выплюнь. Так поступали наши давние предки.

Кода.

Мурбелла поднялась ночью, продолжая видеть сон, хоть и проснувшись и четко воспринимая окружающее: спящего рядом Дункана, слабое потрескивание машин, проекцию времени на потолке. Позже она настояла на том, чтобы Дункан спал вместе с нею, боясь оставаться в одиночестве. Он винил ее в четвертой беременности.

Она сидела на краю кровати. Комната казалась нереальной в неверном свете хронопроектора. Видения не исчезали.

Дункан заворчал и перевернулся в ее сторону. Брошенная рука упала ей на колени.

Она чувствовала, что причиной этого вторжения в разум был не сон, хотя оно и обладало некоторыми его признаками. Это был результат занятий Бене Джесссерит. Они и их проклятые предложения насчет Скитейла... и вообще всего! Они убыстряли темп, которым она и так уже не могла управлять.

Этой ночью она заблудилась во внутреннем мире слов. Причина была ясна. Беллонда утром обучила Мурбеллу девяти языкам и провела подозрительную ученицу по дороге разума, называемой «Лингвистическим Наследием». Но влияние Белл на это ночное безумие не спасало.

Кошмар. Она была существом микроскопических размеров, загнанная в огромное звенящее эхом пространство, разрисованное огромными буквами, встречающими ее везде, куда бы она не повернулась: «Резервуар данных». Оживленные буквы с перекошенными челюстями и страшными, тянувшимися к ней щупальцами.

Хищные звери, а она — их добыча. Уже проснувшись и понимая, что она сидит на краю своей постели, а на ее коленях лежит рука Дункана, она все равно видела зверей. Они собирались у нее за спиной. Она знала, что ее затягивает назад, хотя тело и не двигалось. Они тащили ее на страшную пытку, которую она не могла видеть. Она не повернет головы! Она не только видела этих тварей (они закрывали элементы спальни), но и слышала какофонию их речи на девяти языках.

Они разорвут меня на части. Хотя она и не могла развернуться, она знала, что ждет ее: еще большее количество зубов и когтей. Угроза кругом! Если она будет загнана в угол, они набросятся, и она обречена.

Готова. Мертвa. Жертва. Под пыткой. Легкая добыча.

Ее переполнило отчаяние. Почему Дункан не проснется и не спасет ее? Его рука была свинцовым грузом, частью душающих ее сил, и позволяла этим тварям заталкивать ее в причудливую ловушку. Она дрожала. По ее телу стекал пот. Ужасные слова! Они объединялись в гигантские комбинации. Тварь с клыками-кинжалами подошла прямо к ней, и она опять увидела в черноте ее разверстой пасти, между клыками, слова.

Посмотри наверх. Мурбелла захохотала. Она не контролировала смех. Смотри наверх. Готова. Мертвa. Жертва. Смех разбудил Дункана. Он сел, включил нижний глоуглоб и уставился на нее. Каким он был взъерошенным после их ночного сексуального столкновения.

Выражение его лица переходило от умиления к огорчению, пока он приходил в себя.

— Чего ты смеешься?

От смеха она стала задыхаться. Бока у нее болели. Она боялась, что его понимающая улыбка вызовет новый спазм.

— Ой-ей-ей, Дункан! Сексуальное столкновение!

Он понимал, что это была их взаимная форма именования связывавшего их наркотика. Почему это вызвало у нее такой хохот?

Его удивленное лицо поразило ее своей нелепостью. Между вздохами, она сказала:

— Еще пара слов. — И она зажала рот, боясь нового всплеска.

— Чего?

Его голос была самой смешной вещью, которую она только слышала. Она протянула к нему руку и покачала головой:

— О-о-о-ой...

— Мурбелла, что с тобой?

В ответ она смогла лишь вновь покачать головой. Он попытался понимающе улыбнуться. Это помогло ей, и она прильнула к нему.

— Нет! — Это поднялась его правая рука. — Я просто хочу побывать рядом. — Посмотри, сколько времени, — он поднял подбородок к проекции на потолке, — Почти три.

— Было так смешно, Дункан.

— Так расскажи мне.

— Сейчас, отдохнешь.

Он уложил ее на подушку:

— Мы чертовски похожи на давно женатую пару. Анекдоты в полночь. — Нет, милый, мы не такие.

— Вопрос степени, не более.

— Качества, — поправила она.

— Что тебя так рассмешило?

Она рассказала о своих кошмарах и роли Беллонды в них.

— Зенсунни. Очень древняя техника. Сестры используют ее, чтобы избавить от травматических связей. Слова, рождающие неосознанные реакции. Страх вернулся.

— Мурбелла, почему ты дрожишь?

— Учительницы Чтимых Матре предупреждали нас, что случится нечто страшное, если мы попадем в зенсуннийские руки.

— Чушь! Я прошел через них, будучи ментатом.

Его слова напомнили об еще одном фрагменте сна. Зверь с двумя головами. Обе пасти открыты. Там слова: Слева: «Одно слово», справа: «ведет к другому».

Радость подавила страх. Он утихал и без смеха.

— Дункан!

— Ммммммм, — в голосе отдаленность ментата.

— Белл сказала, что Бене Джессерит употребляют слова в качестве оружия. Голос. «Средства управления» — так они их называют.

— Урок, который ты должна усвоить — почти на уровне инстинкта. Они не доверят тебе более углубленных занятий, пока ты не усвоишь его.

И я не буду потом доверять тебе.

Она отвернулась от него и взглянула на ком-камеры, мерцающие на потолке вокруг хронопроекции.

Я по-прежнему под наблюдением.

Она понимала, что ее учителя тайно обсуждают ее. Разговоры обрывались при ее приближении. Они смотрели на по-особому, как на занимательный экспонат.

Голос Беллонды вертелся в голове. Усики кошмара. Потом не раннее, не позднее утро и неприятный, щекочущий ноздри запах пота после занятий. Экзаменаторша в почтительных трех шагах от Преподобной Матери Голос Белл: «Никогда не становись знатоком. Это связывает».

И все из-за того, что я спросила, есть ли слова, направляющие Бене Джессерит.

— Дункан, зачем они смешивают развитие тела и ума?

- Разум и плоть усиливают друг друга. — Сонно. Будь он проклят. Он сейчас уснет.
- Она потрясла Дункана за плечо.
- Если слова настолько дьявольски пусты, почему нам столь часто напоминают о дисциплине?
- Шаблоны, — пробормотал он. — Грязные словечки.
- Что? — она резче затрясла его.
- Он повернулся на спину, шевельнул губами и сказал:
- Дисциплина равна шаблону, равна неверной дороге. Они знают, что все мы по природе — творцы шаблонов... что для них, мне кажется, и означает «порядок».
- Почему это так плохо?
- Дает возможность уничтожить или поймать нас... в ловушку, которую мы не в силах перестроить.
- Ты неправ насчет разума и плоти.
- Хмммммпф?
- Они сливаются воедино.
- А я что сказал? Хей! Мы будем болтать или спать или что?
- Никаких «или что». Не сегодня.
- Тяжелый вздох.
- Они не стремятся укрепить мое здоровье.
- Никто об этом и не говорил.
- Это придет позже, после Агонии. — Она знала, что он ненавидит вспоминать об этом смертоносном испытании, но избежать этого было нельзя. Перспектива захвата ее.
- Хорошо! — он сел, взбил подушку и подложил ее под спину, изучая Мурбеллу. — Чего еще?
- Они так грамотно используют свои слова-оружие! Она привела тебе Тега и сказала, что ты один в ответе за него.
- Ты в это не веришь?
- Он думает, что ты — его отец.
- Не совсем.
- Да, но... Ты не думаешь того же о Башаре?
- Когда он восстановил мою память?
- Да.
- Вы — пара интеллектуальных сирот, ищущих родителей, которых нет. У тебя нет ни малейшего представления о том, что ты ему причинишь.
- Это, видимо, разделит нашу семью.
- Значит, ты ненавидишь Башара в нем и рад, что приносишь ему боль.
- Не говори так.
- Почему он так важен?
- Башар? Военный гений. Всегда действующий непредсказуемо. Поражающий врагов своим появлением оттуда, откуда его никто не ждет.
- И на это никто не способен?
- Так как он — нет. Он выдумывал тактику и стратегию. Причем вот так вот! — Он щелкнул пальцами.

- Опять жестокость. Как у Чтимых Матр.
- Не всегда. Башар имеет репутацию побеждающего без боя.
- Я видела эти истории.
- Не доверяй им.
- Истории фокусируются на противоборстве. Есть в этом доля истины, но она скрывает более стойкие вещи, проявляющиеся несмотря на искажения.
- Стойкие вещи?
- Какая история упоминает о женщине в рисовом поле, ведущего по воде буйвола, тщащего плуг, в то время как ее муж отсутствует, скорее всего призван с оружием в руках...
- Причем же здесь стойкость и чем это так важно?
- Дети дома хотят есть. Мужчина вечно в этом безумии? Кто-то должен пахать. Она — истинный образ людской стойкости.
- Звучит так горько... Я нахожу это странным.
- Задумываясь о моей военной истории?
- Да, это подчеркивают Бене Джессерит... их башары, и элитные войска, и...
- Ты думаешь, они просто большие эгоистки и хотят возродить свою эгоистичную жестокость? Проехаться прямо по женщине с плугом?
- Почему нет?
- Потому что очень малая часть забудет о ней. Жестокие проедутся мимо пашущей женщины и вряд ли увидят, что затронули основы реальности. Бене Джессерит никогда не упустят ничего такого из вида.
- И, опять-таки, почему нет?
- Эгоизм ограничивает обзор, потому что несет смертельную реальность. Женщина и плуг — жизненная реальность. Без жизненной реальности нет человечества. Мой Тиран знал это. Сестры благословляли его за это, даже проклиная.
- И поэтому ты — добровольный участник их надежд.
- Думаю, да.
- И абсолютно честен с Тегом.
- Он спрашивает, я чистосердечно отвечаю. Я не верю, что любопытство может явиться жестокостью.
- И ты полностью отвечаешь за него?
- Она не совсем так сказала.
- Ах, любовь моя. Не совсем так сказала. Ты называешь Белл лицемеркой и не задумываешься об Одрейд. Дункан, если бы ты только знал...
- Пока мы не замечаем комкамер, выплюнь!
- Ложь, обмен, пороки...
- Эй, Бене Джессерит?
- Они пользуются старым добрым оправданием: Сестра А делает так, значит, если я делаю то же, это не так плохо. Два преступления отменяют друг друга.
- Какие преступления?
- Она заколебалась. Рассказать ему? Нет. Но он ждет ответа.
- Белл восхищена, что вы с Тегом обменялись ролями! Она предвкушает его боль.

— Может, нам придется разочаровать ее. — Он понимал, что это ошибка, высказывать только что пришедшее на ум. Слишком быстро.

— Поэтическая справедливость! — восхитилась Мурбелла.

Отвлечь их!

— Они не заинтересованы в суде. В честности — да. У них есть поучение: «Те, над кем чинится суд, должны принимать его честность.

— И они поставили перед тобой условие принять их суд.

— В любой системе есть лазейка.

— Ты знаешь, дорогой, помощницы обучаются.

— На то они и помощницы.

— Я имею в виду наши разговоры.

— Наши? Ты — помощница? Ты — новообращенная!

— Кем бы я ни была, я слышу рассказы. Твой Тег может оказаться не тем, кем видится.

— Ученическая сплетня.

— Существуют рассказы о Гамму, Дункан.

Он взглянул на нее. Гамму. Трудно было воспринимать эту планету под неродным именем. Ведь, на самом деле, это — Гиди Первый, чертова дыра Харконненов. — Может, он сам все эти рассказы и придумал.

— Некоторые Сестры принимают их в расчет. Они ждут и следят. Они осторожны.

— И ты что-нибудь узнала о Теге из своих драгоценных историй? Он скорее всего распустит эти слухи. Заставит других напрячься.

— Не забывай, я была тогда на Гамму. Чтимые Матре были расстроены. Разъярены. Что произошло.

— Конечно. Тег сделал неожиданное. Удивил их. Украл у них один из не-кораблей, — Он пошелел по стене за спиной. — Этот.

— У Сестринства есть запретная область, Дункан. Они всегда говорили, что надо дождаться Агонии. Все станет ясным! Будь они прокляты!

— Звучит так, словно они готовят тебя к преподаванию в Миссионарии. Проектированию религий специального назначения и избранных слоев. — Ты не видишь в этом ничего такого?

— Мораль. Я не спорю об этом с Чтимыми Матре.

— Почему нет?

— Религия основывается на этой тверди. БГ — нет.

Дункан, если бы ты только знал их мораль.

— Им досаждает, что ты о них столько всего знаешь.

— Только из-за этого Белл хочет убить меня.

— Ты считаешь, Одрейд лучше?

— Что за вопрос! — Одрейд? Ужасная женщина, если позволить себе задержаться на ее возможностях. И все — атридесовское. Она — первая из Бене Джессерит. А идеал Атридесов — Тег. — Одрейд рассказала, что она доверяет твоей верности Атридесам.

— Я верен атридесовской чести, Мурбелла. И я выношу моральные решения сам — по поводу Сестринства, этого ребенка, которого они отдали под мою опеку, Шианы и... и по поводу моей возлюбленной.

Мурбелла прижалась к нему, прикасаясь грудью к руке и пошептала ему на ухо:

— Были эпизоды, когда я могла перебить всех находящихся рядом со мной!

Она что, думает, они ее не слышат? Он сел прямо, не отпуская ее.

— И что же тебе помешало?

— Она хочет, чтобы я поработала над Скитеем.

Поработать. Эвфемизм Чтимых Матре: Ну а почему нет? Она «работала над» множеством мужчин, прежде чем натолкнулась на меня. Но он реагировал на это, как древние мужи. И не только поэтому... Скитеем? Проклятый Тлейлаксу?

— Великая Мать? — Он хотел увериться.

— Она и только она, — душа ее почти парила, лишенная груза.

— Какова твоя реакция?

— Она сказала, что это — твоя идея.

— Моя... Да никогда! Я предлагал вытащить из него нужные сведения, но...

— Она сказала, что это — обыденная вещь для Бене Джессерит, как и для Чтимых Матре. Забеременей от этого. Соблазни того. Весь день в заботах.

— Я спросил о твоей реакции.

— Возмущение.

— Почему? — Я знаю подтекст.

— Я же тебя люблю, Дункан... и мое тело, оно... оно приносит удовольствие тебе... как и твое...

— Мы — старая женатая пара, а ведьмы хотят разлучить нас.

Его слова родили в нем ясное видение леди Джессики, любовницы давно умершего графа и матери Муаддива. Я любил ее. Она меня не любила, но... Взгляд Мурбеллы напоминал ему взгляд, которым Джессика глядела на графа: слепая, самозабвенная любовь. Бене Джессерит не доверяли этому чувству. Джессика была мягче Мурбеллы. Но тверже внутренне. А Одрейд... она была тверда и внешне. Сплошная пластиль.

А как же те времена, когда он искал в ней человеческие чувства? Как она говорила о Башаре, когда они узнали, что старик погиб на Дюне.

«Он был моим отцом, ты знаешь».

Мурбелла вывела его из задумчивости:

— Можешь разделять их мечты, какими бы они не были, но...

— Растите, люди!

— Что?

— Вот их мечта. Чтобы люди вели себя по-взрослому, а не как злые дети на школьном дворе.

— Мама знает лучше?

— Да... Я уверен в этом.

— Так ты именно так видишь их? Хоть и называешь ведьмами.

— Это хорошее слово. Ведьмы ведают загадочные вещи.

— И ты не веришь, что это просто долгое жесткое обучение плюс спайс и Агония?

— Что вера может с этим поделать. Неизвестность порождает собственную мистику.

— Но ты не считаешь, что они дурачат людей, заставляя их исполнять чужую волю?

— Наверняка это так.

— Слова — оружие. Голос. Штамповка...

— Никто так не красив, как ты.

- Что такое красота, Дункан?
- Есть, конечно, красота в различных стилях.
- Она именно так и сказала: «Стили основываются на воспроизводящих корнях, лежащих настолько глубоко в нашем расовом псише, что мы не осмеливаемся убрать их». Так что они собирались сунуться и сюда, Дункан.
- Может, их что-то испугало?
- Она сказала: «Мы не ввернем наших потомков в то, что считаем бесчеловечным». Они судят, они и осуждают.

Он подумал о чужих фигурах видения. О Лицевых Танцорах. И спросил:

- Как аморальные тлейлаксианцы? Аморальные — значит не человечные.

— Я почти различаю тиканье вертящихся в голове Одрейд шестеренок. Она и ее Сестры: они смотрят, они слушают, они готовят любую реакцию, вычисляют все.

Ты этого хотел, дорогой? Он попал в ловушку. Она была права и ошибалась. Цель оправдывает средства? Но как он мог оправдать потерю Мурбеллы?

- Ты считаешь их аморальными? — спросил он.

Но она будто и не слышала:

- Всегда спрашивают себя, что теперь надо сказать, чтобы добиться желаемой реакции.

- Какой реакции? — Может она услышать его боль?

— Ты не узнаешь, пока не будет слишком поздно, — Она повернулась, взглянув на него — совсем как Чтимые Матре, — Знаешь, как они поймали меня?

Он не мог подавить осознания того, насколько жадно Сторожевые Псы набросятся на ее последующие слова.

— Меня подобрали на улице после чистки Чтимых Матре. Кажется, вся эта чистка затевалась лишь из-за меня. Моя мать была крайне красива, но для них слишком стара.

- Чистка? — Сторожевые Псы захотят, чтобы я спросил.

— Они проходили по местности, и там исчезали люди. Ни тел, ничего. Пропадали целые семьи. Объяснялось это наказанием за подготовку покушений на них.

- Сколько тебе было?

— Три... ну, четыре. Я играла с подружками на поляне под деревьями. И внезапно послышался громкий шум и крики. Мы спрятались в расселине за камнями.

Он был захвачен видением той драмы.

— Затряслась земля, — она ушла в воспоминания, — Взрывы. Потом стало тихо, и мы вылезли. Весь край, на котором стоял мой дом, превратился в воронку.

- И ты осиротела?

— Я помню своих родителей. Он был большим, крепким мужиком. А моя мать, видимо, работала где-то служанкой. Они носили форму на работе, и я помню ее в этой форме.

- Почему ты так уверена в смерти родителей?

— Наверняка я знаю, что была чистка, но она везде и всегда одинакова. Крик, бегущие люди. Мы были перепуганы.

- Почему ты думаешь, что причина чистки заключалась в тебе?

- Это на них похоже.

Их. Какую победу наблюдатели увидят в одном единственном слове.

Мурбелла все еще была захлестнута воспоминаниями:

— Думаю, мой отец отказался уступить Чтимой Матре. Это всегда считалось опасным Большой, красивый мужчина... сильный.

— И ты ненавидишь их?

— Почему? — Удивление его вопросом, — Если бы не это, я бы никогда не стала Чтимой Матре.

Ее бессердечность ошеломила его.

— Значит, это стоит чего угодно!

— Любовь моя, тебя возмущает причина моего нахождения на твоей стороне?

Туше!

— А тебе не хотелось бы, чтобы все произошло как-нибудь иначе?

— Все уже произошло.

Столь крайний фатализм. Он не подозревал его в ней. Может, он был обусловлен общением с Чтимыми Матре или чем-то из арсенала Бене Джессерит? — Ты была просто ценной находкой для их конюшен.

— Верно. Соблазнялки, так они нас звали. Мы рекрутировали ценных самцов. — И ты тоже.

— Я многократно окупила их вложения.

— Ты понимаешь, как это будет интерпретировано Сестрами?

— Не придавай этому большого значения.

— Так ты готова поработать над Скителом?

— Я не говорила этого. Чтимые Матре манипулировали мною без моего на то согласия. Сестры нуждаются во мне и хотят использовать так же. Цена моя будет высока.

Секунду он говорил с пересохшим горлом.

— Цена?

Она пристально взглянула на него:

— Ты, ты просто часть моей цены. Не работа над Скителом. И большая прямота, которую они так любят, относительно причин моей необходимости для них.

— Осторожно, любимая. Они ведь могут и сказать.

Она бросила на него взгляд, достойный Бене Джессерит.

— Как ты сможешь восстановить память Тега, не причинив боли?

Черт! А он только подумал, что на эту скользкую тропку они не встанут. Выхода нет. В ее глазах читались догадки.

Мурбелла подтвердила их:

— Поскольку я не соглашусь, уверена, ты обсудил этот вопрос с Шианой. Ему оставалось лишь кивнуть в ответ. Его Мурбелла разобралась в Сестринстве глубже, чем ему казалось. И она знала, как его многочисленные воспоминания гхол были восстановлены штамповкой.

Он внезапно увидел ее в качестве Преподобной Матери и чуть не закричал, протестуя.

— Чем ты в этом отличаешься от Одрейд? — спросила она.

— Шиана училась на Штамповщицу, — слова его казались самой пустотой. — От моего обучения это отличается?

В нем вспыхнул гнев. — Ты предпочитаешь боль? Как Белл?

— Ты предпочитаешь защиту Бене Джессерит? — Голос, как нежные сливки. Он почувствовал отдаленность в ее голосе, словно она уже превратилась в холодную наблюдательницу из Сестринства. Они замораживали его любимую Мурбеллу! Хотя в ней еще оставался огонек. Это обнадеживало. Она дышала здоровьем, особенно став беременной. Сила и непосредственная

радость жизни. Вот что цвело в ней. Сестры отберут и задушат это.

Его внимательный взгляд успокоил ее.

В отчаянии он пытался понять, что делать.

— Я надеялась, мы будем друг с другом более искренни, — сказала она. Очередная проверка Бене Джессерит.

— Я не согласна со многими их действиями, но не могу сказать, что не доверяю их мотивам, — сказал он.

— Я узнаю их мотивы, когда переживу Агонию.

Он весь замер, поймав себя на мысли, что она может погибнуть. Жизнь без Мурбеллы? Зияющая пустота, глубже которой нельзя представить. И ничто во всех его жизнях не сравнится с этим. Неосознанно он протянул руку и погладил ее по спине. Кожа такая мягкая и тем не менее упругая.

— Я очень люблю тебя, Мурбелла. Ты — моя Агония.

Она задрожала от его прикосновения. Он почувствовал, что захвачен чувствительностью, что в нем растет печаль, пока не вспомнил слова преподавателя ментатов о «эмоциональных кутежах».

«Различие между чувством и чувствительностью легко ощутимо. Когда ты избегаешь убийства чьего-то любимца на дороге, это — чувство. Когда ты стараешься обхехать любимца и убиваешь прохожих, это — чувствительность.» Она взяла его ласкающую руку и приложила ее к губам.

— Слова плюс тело — больше чего бы то ни было, — прошептал он.

Его слова вновь перенесли ее в кошмар, но теперь она ушла в него целиком, сознавая, что слова — инструменты. Ее наполнял особый привкус постижения, желание смеяться над собой.

Изгоняя бесов кошмара, она внезапно поняла, что никогда не видела смеющейся Читимую Матре.

Держа руку Дунканна, она взглянула на него. Ментат подмигнул. Понимал ли он, что она только что испытала? Свободу! Она перестала быть вопросом ограничений и проторенностью неизбежной колеи ее прошлого. В первый раз после допуска перспективы превращения в Преподобную Мать, ее осенил смысл этого. Она почувствовала трепет и потрясение.

Нет ничего важнее Сестринства?

Они говорили о клятве, чем-то более таинственном, нежели слова Проктора при посвящении помощниц.

Моя клятва Читым Матре — слово. Клятва Бене Джессерит — не больше. Она вспомнила Беллонду, ворчащую, что дипломатов выбирают по склонности к вранью. Как это по-детски! Угроза на школьном дворе: «Нарушишь свое слово, я нарушу свое! Ня, ня, ня-ааа!?

Тщетно беспокоиться о клятвах. Гораздо важнее найти место в себе, где обитает свобода. В этом месте что-то всегда прислушивалось.

Прижав голову Дунканна к губам, она прошептала:

— Они прислушиваются. О, как они прислушиваются.

Не вступайте в конфликт с фанатиками, если не можете истощить их. Противопоставляйте религию религии, только если ваши доказательства (чудеса) неистощимы или вы можете опутать ими так, что фанатики признают вас боговдохновленным. Для науки издревле существовал барьер признания покрова божественного откровения. Наука предельно связана с человеком. Фанатики (и многие фанатично преданные чему-то одному) должны знать ваше местонахождение, но, что более важно, знать, кто шепчет вам на ухо. Миссионерия Протектива, Начальное Обучение.

Течение времени изводило Одрейд, как изводит постоянное чувство преследования охотниками. Годы пронеслись так быстро, что дни превратились в размазанные пятна. Два месяца споров для получения одобрения кандидатуры Шианы на пост преемницы Там!

Беллонда отправилась на дневное наблюдение, пока Одрейд отсутствовала, как сегодня, резюмируя отправку новых остатков Бене Джессерит в Рассеяние. Совет продолжал это дело, но с неохотой.

Предположение Айдахо о тщетности этой стратегии вызвало волны ошеломления в среде Сестринства. Отчеты теперь содержали новые планы защиты типа «на что можно рассчитывать».

Когда Одрейд ближе к вечеру вошла в рабочий кабинет, Беллонда сидела за столом. Щеки ее выглядели отекшими, а напряженный взгляд глаз свидетельствовал о попытках подавить усталость. Дневные выводы, в соответствии с характерным для Белл стилем, обещали содержать резкие комментарии.

— Они одобрили кандидатуру Шианы, — сказала она, подталкивая к Одрейд маленький кристалл. — Благодаря содействию Там. Новорожденный Мурбеллы появится через восемь дней, как объявляет Саки.

Белл не сильно верила в докторов Сака.

Новорожденный? Она бывает чертовски безразлична к жизни! Одрейд почувствовала, что ее пульс ускорился от мыслей о предстоящем.

Когда Мурбелла придет в себя после родов — Агония. Она готова.

— Дункан жутко нервничает, — сказала Беллонда, освобождая стул.

Опять Дункан. Эта парочка становится до боли знакомой.

Белл не закончила:

— И вы еще не спросили, но вестей от Дортуйлы нет.

Одрейд села за стол, разглядывая со всех сторон лежащий на ладони кристалл. Доверенная помощница Дортуйлы, а теперь Преподобная Мать Финтил не рискнет отправиться в путешествие на не-корабле или как либо передать сообщение, просто чтобы поразить Великую Мать. Никаких новостей о судьбе наживки, проглочена она... или нет.

— Ты говорила Шиане о ее утверждении? — спросила Одрейд.

— Я оставила это вам. Она опять запаздывает со своим ежедневным отчетом. Нехорошо для члена Совета.

Значит, Белл все еще не принимала своего назначения.

Ежедневные сообщения Шианы имели тенденцию повторяться: «Следов Червя нет. Спайсовая масса нетронута.?

Все, к чему обращались их надежды было весьма и весьма сомнительным. Охотники из кошмаров подкрадывались все ближе. Напряжение росло.

Взрывоопасность.

— Ты видела этот обмен между Дунканом и Мурбеллой достаточно часто. Шиана скрывала именно это? И, если да, зачем?

— Тег был моим отцом.

— Какая деликатность! Преподобной Матери дурно от штампирования гхолы отца Великой Матери!

— Он был моим личным учеником, Белл. Он трогал меня так, как ты и почувствовать не можешь. А кроме того, это не просто гхола, это — ребенок. — Мы должны быть уверены в ней?

Одрейд увидела невысказанное, но уже почти произнесенное имя на губах Беллонды: «Джессика».

Еще одна испорченная Преподобная Мать? Белл была права, им надо убедиться в Шиане. Эта ответственность на мне. Видение черной скульптуры Шианы вспыхнуло в сознании Одрейд.

— План Айдахо по-своему привлекателен, но... — Беллонда заколебалась. Заговорила Одрейд:

— Этот ребенок слишком мал, рост еще незавершен. Боль обычного восстановления воспоминаний может привести к Агонии. Это может переменить его. Но это...

— Управление им с помощью Штампирования. Я поддерживаю. Но что, если его воспоминания не восстановятся?

— У нас тогда остается первоначальный план И эффект на Айдахо это возымело.

— С ним все было по-другому, но решение может и Подождать. Вы опаздываете на встречу со Скителом.

Одрейд взвесила на ладони кристалл:

- Ежедневная сводка?
- Ничего такого, что не повторялось бы изо дня в день.
- В устах Белл это звучало почти как огорчение.
- Я принесу его обратно. Пусть Там подождет, а сама зайди под каким-нибудь предлогом попозже.
- Скитейл уже почти привык к прогулкам вне корабля, и Одрейд отметила, что для него это стало обычным, когда они вышли из ее транспортера в южной части Централя. Это было не просто времяпрепровождением, и они оба знали это, но Одрейд делала прогулки регулярными, досчитывая таким образом успокоить его. Рутина. Столь иногда полезная.
- Было очень любезным с вашей стороны брать меня на прогулку, сказал, оглядываясь по сторонам, Скитейл. — Воздух суще, чем помнится мне.

Куда мы отправимся этим вечером?

Какие крошечные у него глаза, когда он щурится на Солнце.

— В мой рабочий кабинет, — она кивнула на отдельно стоящие в полуклике к северу от Централя здания. Под безоблачным весенним небом было холодновато, а теплые цвета крыши и огни, горевшие в башне, манили обещанием защиты от прохладного ветра, сопровождавшего почти все закаты в это время года.

Боковым зрением Одрейд оглядела шагающего рядом Тлейлаксу. Какое напряжение! Чувствовалось оно и в охраняющих его Преподобных Матерях, и в помощницах, находящихся рядом с ним, ведь Беллонда требовала от них особой внимательности.

Нам нужен этот маленький монстр, и он сознает это. А мы все еще не знаем весь спектр возможностей Тлейлаксу! Почему он с такой настойчивостью рвется к контактам со своими товарищами-пленниками?

Тлейлаксу создали гхолу Айдахо, напомнила она себе. А не спрятали ли они в нем чего-нибудь?

- Я — нищий, пришедший к вашей двери. Великая Мать, — сказал он просительным голоском эльф. — Наша планета в руинах, мой народ перебит. Зачем нам идти в ваши апартаменты?
- Поторгуемся в более приятной обстановке.
- Да, в корабле очень тесно. Но я не понимаю, зачем мы каждый раз оставляем машину так далеко от Централя? Почему мы ходим пешком?
- Я нахожу это освежающим.

Скитейл осмотрелся, оценивая посадки.

— Приятно, но очень холодно, не так ли?

Одрейд взглянула на юг. Эти южные склоны были засажены виноградом, а гребень и более холодная северная сторона оставлены под сады. В этих виноградниках усовершенствованный сорт виниферы. Разработанный садоводами Бене Джессерит. Корни старого винограда (по представлениям древних) «уходили в преисподнюю», где крали воду у горящих душ. Винный завод был подземным, как и погреба для хранения и выдержки. Ничто не нарушало ландшафта переплетенных лоз в старых полосах, между рядами которых хватало только для сбора и культивации.

Ему приятно? Она сомневалась, что Скитейл мог увидеть тут нечто приятное. Он был достаточно взвинчен, чего и добивалась Одрейд, задаваясь вопросом: «Зачем она на самом деле выбрала для прогулки эту сельскую местность?»

Одрейд раздражало, что они не могли осмелиться использовать более действенные средства Бене Джессерит на этом маленьком человечке. Но она согласилась с тем мнением, что в случае провала подобных попыток, второго шанса у них уже не будет. Тлейлаксианцы демонстрировали, что скорее умрут, нежели выдадут тайные (и священные) знания.

- Меня удивляет несколько вещей, — сказала Одрейд, обходя при этом кучу обрезков виноградных лоз. — Почему ты настаиваешь на вызове собственного Лицевого Танцора до исполнения наших требований? И что за интерес к Дункану Айдахо?
- Милая леди, я одинок без товарищей. Вот ответ на оба вопроса, — он машинально потер на груди место, где лежала запечатанная нульэнтропийная капсула.

Что он там вечно трет? Этот жест сильно удивлял и ее, и аналитиков. Никаких шрамов, никаких повреждений кожи. Может просто детская привычка. Но это было так давно! Недостаток в этом перевоплощении? Никто сказать не мог. И эта серая кожа с металлическим оттенком, противостоящая исследовательским приборам. Наверняка он был чувствителен к более тяжелым лучам и узнает, если они будут испробованы. Нет... Теперь это все дипломатия. Будь проклят этот маленький монстр!

Скитейл изумился: неужели у этой самки-повинды нет естественных симпатий, на которых он мог бы сыграть? Типичность противоречила вопросу. — Уекхт Жандолы и все, — сказал он. — Миллионы наших были убиты этими шлюхами. До самых дальних уголков Жахиста мы были уничтожены, остался только я.

«Жахист», — подумала она. — «Страна неуправляемых». Это было разоблачающее слово наislamском языке, языке Бене Тлейлакса.

И она ответила на этом языке:

— Магия нашего бога — единственный мост.

Опять она показала, что разделяет Великую Веру, Суфи — зенсунийский экуменизм, рожденный Бене Тлейлаксом. Говорила она безупречно, правильно произнося слова, но он видел неточности. Она называла посланца бога «Тираном» и не подчинялась самым основным правилам!

Где эти женщины встречаются в кехле, чтобы почувствовать присутствие бога? Если они и вправду говорят на языке бога, они знают, чего хотят от него получить грубым обменом.

Когда они взбирались на последний перед мостовыми Централя склон, Скитейл призвал бога на помощь. Вот к чему пришел Бене Тлейлакс. Зачем ты так испытываешь нас? Мы, последние приверженцы шариата, и я, последний Мастер моих людей, должен получить от тебя ответы, боже, когда ты не можешь уже поговорить со мною в кехле.

И опять на испорченном islamicком Одрейд произнесла:

— Ты был предан своими же людьми, которых ты послал в Рассеяние. Нет у тебя больше братьев Малик, только сестры.

Где же тогда твоя комната сагра, заблудшая повинда? Где то место в глубине и без окон, куда входят лишь братья?

— Для меня это — новость, — сказал он. — Сестры Малик? — эти два слова отрицали друг друга. У Маликов не бывает Сестер.

— Эти неприятности испытывал Уэфф, твой последний Махай и Абдл. И он чуть было не привел твой народ к угасанию.

— Почти? Кто-то выжил? — он не мог сдержать возбуждения.

— Не Мастера... но мы слышали о нескольких Фомелях. Все они в руках Читимых Матре.

Она остановилась на месте, в шаге от которого край здания уже закрыл бы картину заходящего солнца, и все еще на тайном языке Тлейлаксу проговорила:

— Солнце — не бог. Рассветный и закатный плач Махай!

Скитейл почувствовал сомнения в вере. Следуя за ней в проход под аркой между двух приземистых зданий. Ее слова были правильными, но лишь Махай и Абдл могли произнести их. В темном проходе, где гулко отдавались шаги сопровождавшего их эскорта, Одрейд смущила его, спросив:

— Почему же ты не говоришь правильных слов? Разве ты — не последний Мастер? Или это не дает тебе прав Махай и Абдла?

— Я не был избран братьями Малик, — даже в его устах это звучало жалко.

Одрейд вызвала лифт и остановилась у дверей круглой шахты.

В деталях Иных Воспоминаний она нашла знакомый кехл и право гуфрана слова, нашептываемые в ночи любовниками давно умерших женщин. «А потом мы... „Итак, если мы произнесем эти священные слова...“ Гуфран! Принятие и готовность решившейся повинды, возвращенной просить прощения за контакт с невообразимыми грехами чужих. Машейх встретилась и почувствовала в кехле присутствие бога!

Двери лифта открылись. Одрейд жестом пропустила Скитейла и двоих охранников вперед. Когда он

проходил мимо, ей подумалось: «Что-то скоро произойдет. Мы не можем играть в эти игры, пока у него не пропадет желание».

Тамейлан стояла у полукруглого окна спиной к двери, когда в кабинет вошли Одрейд со Скитейлом. Слепящие лучи заката косо падали на крыши зданий. Потом свет исчез, оставив ощущение контраста и полной темноты из-за последнего пропавшего за горизонтом лучика.

В вязкой тьме Одрейд взмахом руки отпустила охрану, заметив их недовольство. Беллонда, естественно, приказывала им остаться, но не подчиниться Великой Матери они не могли. Напротив себя она увидела собаку-кресло и подождала, пока он сядет. Он подозрительно взглянул на Тамейлан, перед тем как усесться в собаку, но поборол себя, сказав:

— А почему нет света?

— Интерлюдия, позволяющая расслабиться, — ответила Одрейд. А еще я знаю, что темнота тебя беспокоит.

Она постояла минутку за столом, отмечая в темноте яркие заплаты блестящие архетипы, расположенные по всей комнате, придавая ей своеобразный вкус: бюст давно умершего геноэха в нише у окна, на стене справа пасторальный пейзаж из первых проникновений человека в космос, набор ридулиановских кристаллов на столе и серебряное отражение светописца, концентрирующего слабый свет, проникающий в окна.

Он уже хорошо поджарился.

Она надавила на консоли пластинку. Включились стратегически расположенные на стенах и потолке глоуглобы. Тамейлан развернулась на пятках, умышленно шурша мантией. Она встала в двух шагах позади Скителя. Само олицетворение зловещей мистичности Бене Джессерит.

Скителя слегка передернуло от передвижения Тамейлан, но теперь он сидел спокойно. Креслобабка была для него несколько великовата, и он выглядел в нем почти ребенком.

— Сестры, спасшие тебя, — начала Одрейд, сказали, что ты правил не-корабль в Унию, готовясь к первому прыжку в фальцпространство, когда атаковали Чтимые Матре. Они сказали, что до нашего корабля ты добрался в одноместном скиттере, ускользнув буквально за минуту до взрывов. Ты разобрал нападавших?

Да. — Интонация недовольства.

— И знал, что по твоей траектории они определят месторасположение корабля. Но ты бежал, бросив своих братьев на погибель.

Голос его был переполнен горечью трагических испытаний:

— Раньше, когда мы уходили с Тлейлакса, мы видели начало атаки. Наши взрывы уничтожили все что либо ценное для нападавших, и огонь из космоса устроил всесожжение. Тогда мы тоже бежали.

— Но не прямо в Унию.

— Куда бы мы не являлись, они нас опережали. У них есть пепел, у меня — секреты. — Напоминание, что есть еще у меня чем торговаться! — Он постучал пальцем по голове.

— В Унии вы искали убежище Гильдии или КХОАМа, — сказала она. — Какое счастье, что наш разведывательный корабль сумел выщепить тебя и врагам не удалось сделать ход первыми.

— Сестра... — Какое трудное слово! — ...если ты действительно моя сестра по кехлю, почему ты не можешь дать мне в слуги Лицевых Танцов?

— Нас пока разделяет слишком много секретов, Скитейл. Почему, кстати, ты покинул Бандалонг, когда началось нападение?

Бандалонг!

Напоминание имени великого тлейлаксианского города сдавило обручем его череп, и ему показалось, что он чувствует пульсацию нуль-энтропийной капсулы, словно ее содержимое искало выход. Потерянный Бандалонг. Никогда больше не увидеть города под карнелианскими небесами, никогда больше не ощутить рядом братьев, терпеливого Домеля и...

— Тебе нездоровится? — спросила Одрейд.

— Я болен своими потерями, — он услышал за спиной шелест материи и почувствовал приближение Тамейлан. Как тут гнетуще!

— Зачем она стоит у меня за спиной?

— Я — слуга моих Сестер, и она — здесь, чтобы следить за нами.

— Вы взяли мои клетки, верно? И в своих автоклавах сможете вырастить нового Скитейла!

— Конечно. Ты же не думаешь, что Сестры дадут скончаться последнему Мастеру, правда?

— Любой мой гхола сможет делать то же, что и я! — Но нуль-энтропийной капсулой обладать не будет!

— Мы знаем. — Но вот чего же мы не знаем?

— Это не торговля, — пожаловался он.

— Ты нас не так понял, Скитейл. Мы знаем, когда ты лжешь, и когда скрываешь. Мы обладаем неведомыми для других чувствами.

И это правда! Они распознают запахи тела, незаметные движения мускулов, выражения лица, которые он не мог подавить.

Сестры! Эти существа — повинны! Все до одной! — Ты был на лашкаре, — подтолкнула его Одрейд. Лашкар! Как бы ему хотелось, чтобы здесь он был на лашкаре. Воины Лицевых Танцоров. Помощники Домелей — уничтожающих это отвратительное зло! Но врать он не осмеливался. Позади, возможно, стояла Ясновидящая. Опыт многих жизней подсказывал, что лучших Ясновидящих, чем у Бене Джессерит, просто не было.

— Я командовал силами кхазадаров. Мы искали стадо Футаров, чтобы защитить их.

Стадо? Знал ли Тлейлаксу о Футарах что-либо, неизвестное Сестринству? — Ты был готов к насилию. Чтимые Матре узнали о твоей миссии и пресекли ее? Мне не кажется это невозможным.

— Почему ты называешь их Чтимыми Матре?

— Потому что они сами себя так называют. — А теперь очень спокойно. Пусть сам запутается в своих ошибках.

Она права! Нас предали. Горькая мысль. Он не упускал ее, думая, как ответить. Небольшое откровение? Но с этими женщинами никаких небольших откровений не Получается.

Его грудь поднялась от вздоха. Нульэнтропийная капсула и ее содержимое. Самая большая его забота. Все что угодно, лишь бы добраться до собственных акслотовых автоклавов. — Потомки людей, отправленных нами в Рассеяние, вернулись с пленимыми Футарами. Помесь человека и кошки, как вы, конечно, знаете. Но в наших автоклавах они не воспроизвелись. А пока мы разбирались в причинах, умерли и те, что были доставлены нам.

Предатели привели нам лишь двоих! Нам следовало бы догадаться.

— Они привели не много Футаров, верно? Вам следовало бы догадаться, что это — наживка.

Видишь? Вот что они делают с небольшими откровениями!

— Почему Футары не охотятся и не убивают на Гамму Чтимых Матре? — Это был вопрос Дунканы, и он заслуживал ответа.

— Говорят, им не было дано приказа. А без приказа они не убивают. — Она знает об этом. Они проверяют меня.

— Лицевые Танцоры тоже убивают по приказу, — сказала она. — Они даже убьют тебя, если им будет дан такой приказ. Разве не так?

— Этот приказ резервируется на случай охраны наших тайн от врагов. — Поэтому ты и стремишься найти себе Лицевых Танцоров? Считаешь нас врагами?

Пока он старался подобрать ответ, над столом появилась проекция Беллонды в полный рост, местами просвечивающаяся; позади нее плясали кристаллы Архива:

— Срочное сообщение от Шианы, — произнесла Беллонда, — Обнаружена спайсовая жила. Песчаные черви! — Фигура повернулась и взглянула на Скитейла — комкамеры четко воспроизводили ее движения:

— Ты потерял предмет торговли. Мастер Скитейл! Наконец-то и у нас появился спайс! — Проекция

с заметным щелчком исчезла, оставив после себя явственный запах озона.

— Вы меня дурачите, — выпалил он.

Но тут открылась дверь слева от Одрейд. Вошла Шиана, везя за собой тележку с небольшим подвешенным ящиком, в длину не превышающим двух метров. На его прозрачных стенках отражались глоуглобы кабинета в крошечных язычках желтого света. В ящике что-то извивалось!

Шиана молча стояла в стороне, давая возможность поподробнее рассмотреть содержимое. Такой маленький! Растившийся на поверхности золотого песка Червь не составлял в длину даже половины терриума, но был совершенно настоящим.

Скитейл не смог сдержать благоговейного страха. Пророк!

Реакция Одрейд была прагматичной. Она склонилась над ящиком, взглянувши в крошечный рот. Огненное фуканье внутреннего огня огромного Червя, низведенное до такой степени? Какая миниатюрная иммитация? Поднялись передние сегменты, сверкнули кристальные зубы. Рот Червя повернулся влево, затем вправо. Все увидели за зубами маленькие язычки пламени чужеродного метаболизма.

— Их тысячи, — произнесла Одрейд. — Они собирались у спайской жилы, как это всегда и случается.

Одрейд замолчала. Мы это сделали. Но эти мгновения были триумфом Шианы. Пусть она насладится ими Скитейл никогда еще не выглядел столь жалко.

Шиана открыла ящик и вытащила оттуда Червя, обняв его, словно младенца. Он тихонько замер у нее на руках.

Одрейд глубоко, удовлетворенно вздохнула. Она все еще контролирует их.

— Скитейл, — обратилась Одрейд.

Он все никак не мог оторвать взор от червя.

— Ты еще верен Пророку? — спросила Одрейд, — Так вот же он!

Он не знал, что и ответить. Ему хотелось отказаться от вырвавшегося сначала вздоха, но его глаза не позволяют этого сделать.

— Пока вы отсутствовали на своей дурацкой миссии.

— мягко проговорила Одрейд, — на своей эгоистичной миссии, мы служили Пророку! Мы спасли последнего потомка Лито II и привезли его сюда. Дом Ордена станет новой Дюной!

Она села, положив руки на стол. Белл, конечно, наблюдала через комкамеры. Наблюдения ментата незаменимы. Одрейд пожалела, что Айдахо не видит этого. Но он сможет просмотреть голозапись. Ей было ясно, что Скитейл видит Бене Джессерит лишь средством восстановления своей драгоценной цивилизации Тлейлаксу. Не поможет ли это открытие разоблачить внутренние секреты его автоклавов?

— Мне нужно время, чтобы подумать. — В голосе дрожь.

— О чем тут думать?

Он не ответил, сосредоточив внимание на Шиане, водворяющей Червя на место. Она пристукнула его перед тем, как запечатать крышку.

— Скажи мне, Скитейл, — настаивала Одрейд. — О чем ты еще можешь размышлять? Это наш Пророк! Ты говоришь, что служишь Великой Вере. Так служи же ей!

Она видела, как растворяются его мечты. Собственные Лицевые Танцоры, воспроизведяшие память убитых ими, копирующие облик и манеры жертвы. Он и не надеялся одурачить Преподобную Мать... но помощницы и простые рабочие Дома Ордена... все тайны, что он надеялся собрать, все... пропало! Пропало настолько же наверняка, насколько и обугленная шелуха планет Тлейлаксу. Наш Пророк, сказала она. Он бросил потерянный взгляд на Одрейд, но не остановил его. Что мне делать? Я этим женщинам больше не нужен. Но они-то мне нужны!

— Скитейл, — Какой мягкий говор, — Великая Конвенция завершилась. Перед нами новая Вселенная. Он попытался сглотнуть пересохшим горлом. Вся концепция насилия приобретала новую окраску. В Старой Империи Конвенция гарантировала отмщение любому, осмелившемуся сжечь из космоса планету.

— Эскалация насилия, Скитейл. — Голос Одрейд перешел почти в шепот. -Мы исторгаем зачатки гнева.

Его взгляд остановился на ней. О чём она?

— Накопленная к Чтимым Матре ненависть, — сказала она. — Ты не один теряешь, Скитейл. Когда у нашей цивилизации возникают трудности, раздается крик: «Привести Преподобную Мать! ». Чтимые Матре избавили от этого. И мифы составляются по новой. Золотой свет заливает наше прошлое. «В старину было лучше, Бене Джессерит могли помочь нам. Куда вы отправитесь за Ясновидящими? В суд? Чтимые Матре не знают таких слов. Они всегда учтивы. Преподобные Матери. Ты должен сказать это за них.?

Скитейл не ответил, и она продолжала:

— Подумай, что случится, если этот гнев перерастет в Джихад!

Он по-прежнему молчал и она опять заговорила:

— Ты видел. Тлейлаксу, Бене Джессерит, служители Разделенного бога и, кто знает, кто еще, — все это дичь, на которую охотятся.

— Они не смогут всех нас перебить. — Агонизирующий вопль.

— Ой ли? Ваши Рассеянные — обычное для Чтимых Матре дело. Найдете ли вы спасение в Рассеянии?

И наплыv очередного сна: группы Тлейлаксу, живущие как гноящиеся раны, ожидающиеся дня Великого Возрождения Скитейла.

— Люди мужают под гнетом, — сказал он, но силы в его словах не было. — Даже Священники Ракиса находят щели, в которых можно укрыться! — Слова отчаяния.

— Кто это говорит? Твои вернувшиеся друзья?

Его молчание было именно ответом, которого она ждала.

— Бене Тлейлакс убивал Чтимых Матре, и они знают об этом, — сказала она, окончательно подавляя его. — Удовлетворит их лишь ваша смерть.

— И ваша!

— Мы — партнёры по необходимости, если не по совместным верованиям, она говорила на чистейшем исламском и заметила, что в его глазах появилась надежда. Кехль и Шариат могут вновь обрести свой старинный смысл среди людей, выражаяющих мысли на языке бога.

— Партнёры? — слабо и очень чувствительно.

Она позволила себе очередную откровенность:

— До некоторой степени, это более прочная основа для совместной деятельности, нежели остальные. Каждый из нас знает, чего хочет другой. Внутренняя схема: просмотрите все это, может, чего существенное и произойдет.

— И чего же вы хотите от меня?

— Ты уже знаешь.

— Да, как построить более совершенные автоклавы, — он покачал головой с очевидным сомнением. Перемены происходят по ее велению!

Одрейд подумала, осмелится ли он цапнуть ее в гневе. Как он был глуп! Но близок к панике. Прежние ценности сменились. Чтимые Матре были не единственным источником хаоса. Скитейл даже и не знал о степени изменений, которым были подвержены его собственные Рассеянные.

— Времена меняются, — сказала Одрейд.

Перемена. Какое это тревожное слово, подумал он.

— Мне необходимы помощники из Лицевых Танцов. И собственные автоклавы, — почти просяще.

— Совет и я подумаем над этим.

— Чего тут думать, — бросил он ей же слова.

— От тебя требуется лишь твое одобрение. От меня — одобрение других, — она мрачно ему улыбнулась. — Так что у тебя есть время подумать. -Одрейд кивнула Там, и она вызвала охрану.

— Обратно в не-корабль? — Он заговорил в дверях, маленькая фигурка между двумя здоровыми охранниками.

— Но этим вечером всю дорогу придется проехать.

Он задержал напоследок взгляд на Черве и ушел.

Когда охранники со Скителлом удалились, Шиана сказала:

— Вы правильно делали, что не давили на него: он мог бы запаниковать. Вошла Беллонда:

— А может лучшим решением было бы просто убить его?

— Белл! Сходи за голозаписью и еще раз просмотря встречу. На сей раз в режиме ментата!

Беллонда опешила.

Тамейлан усмехнулась.

— Ты слишком радуешься смущению своей Сестры, Там, — заметила Шиана. Тамейлан пожала плечами, но Одрейд уже успокоилась. Не будем больше третировать Белл?

— Когда вы сказали, что Дом Ордена превращается в новую Дюну, им овладела паника, — в голосе Беллонды слышалась отрешенность ментата. Одрейд видела реакцию, но ни с чем ее не связала. В этом заключалась ценность ментата: шаблоны и системы, строительные блоки. Белл подобрала шаблон к поведению Шианы.

— Я задаюсь вопросом: станет ли это реальностью?

Одрейд уже поняла, о чём она. Загадочность ушедшего. Пока Дюна была известной и колонизированной планетой, существовала историческая четкость ее присутствия в Галактическом Реестре. Можно было ткнуть пальцем в проекцию и сказать: «Это — Дюна. Раньше называлась Арракисом, а затем -Ракисом. Дюна — из-за полностью пустынного климата во времена Муаддива.» Но уничтожьте это место и мифологическая патина покроет проекцию реальности. Со временем такие места становятся совершенно мифическими: Артур и его Круглый Стол. Кеймлот, где лишь по ночам идет дождь. Очень неплохое Управление погодой для тех времен!

Но ныне появилась новая Дюна.

— Сила мифов, — сказала Тамейлан.

О, да. Там, находящаяся в непосредственной близости от расставания с плотью, была так проникнута разработкой мифов. Мистика и таинственность, оружие Миссионерии, на Дюне были использованы Муаддивом и Тираном. Зерна были брошены в почву. Даже служители Разделенного бога рыли себя могилу, распространяя легенды о Дюне.

— Меланж, — бросила Тамейлан.

Остальные Сестры сразу же поняли значение ее слов. Новая надежда среди Рассеянных Бене Джессерит.

— Почему они хотят убить нас, а не захватить в плен? — спросила Беллонда, — Вот что всегда удивляло меня.

Чтимые Матре не могут не жаждать смерти всех Бене Джессерит... может, они сохранят только знания о спайсе. Но они уничтожили Дюну. Они уничтожили Тлейлаксу. Опасной была сама мысль о противостоянии Королеве Пауков. — Не бывает полезных заложников? — спросила Беллонда.

Одрейд увидела взгляды Сестер. Мысли следовали единым ходом, будто все составляли единый разум. Практические уроки Чтимых Матре: оставить нескольких в живых, значит сделать потенциальную оппозицию опасней. Отсюда следует молчаливое правило, в соответствии с которым воспоминания становятся горьким мифом. Чтимые Матре напоминали варваров любого века: кровь, а не заложники. Удар с произвольной злобностью.

— Дар права, — сказала Тамейлан. — Мы искали союзников слишком рядом с домом.

— Футары не создались сами собой, — сказала Шиана.

— Создавшие их надеялись контролировать нас, — заметила Беллонда. В ее интонациях ясно

проступали звуки Первичной Проекции, — Об этих колебаниях Дортуйла услышала от Управляющих.

Это было так, и они столкнулись с опасностью во всем ее масштабе. Она пришла к людям (как всегда). Люди — современники. Ты получаешь ценные сведения от людей, живущих сейчас, и знаний, вынесенных ими из прошлого. Иные Воспоминания — не единственная дорожка в историю.

Одрейд чувствовала себя так, словно после долгого отсутствия вернулась домой. Было что-то родное в их совместных раздумьях вчетвером. Было что-то родное в этом превосходном месте. Само Сестринство было Домом Не временными жилищами, где они расквартировывались, а союзом.

Беллонда выразила эти чувства за всех:

- Боюсь, мы работаем с перекрестными целями.
- Это все боязнь, — сказала Шиана.

Одрейд не осмелилась улыбнуться. Это может быть неверно воспринято, а объясняться не хотелось. Дайте нам в Сестры Мурбеллу и восстановленного Башара! Вот тогда и у нас в схватке появится шанс!

И прямо в этот момент, когда ее переполняла радость, зазвучал сигнал пришедшего сообщения. Она взглянула на поверхность проектора, чисто рефлекторно, и поняла, что наступает перелом. Такое крохотное событие (относительно), ускоряющее перелом. Клерби смертельно ранена в столкновении топтеров. Это — смерть, если не... «Если не» было произнесено за нее и означало нового киборга. Ее подруги увидели перевернутое сообщение, но кто не умеет читать зеркальный текст? Они были в курсе.

Где мы проводим черту?

Беллонда, которая носила допотопные очки, несмотря на то, что могла вставить искусственные глаза или сделать любые другие бесчисленные протезы, была за тело. Вот что значит быть человеком. Пытаться сохранить юность, что смеется над тобой, уносясь прочь. Меланжа достаточно... и, наверно, даже слишком.

Одрейд понимала, что подсказывают ей ее собственные чувства. А нужды Бене Джессерит? Белл могла следовать своему мнению, и все принимали это, даже с уважением. Но за голосом Великой Матери стояло Сестринство.

Сначала акслотовые автоклавы, а теперь это.

Необходимость говорила, что они не могут позволить себе терять ценных специалистов калибра Клерби. Их и так не хватало. «Сплошная нехватка», это слабо сказано, Появлялись бреши. Пусть Клерби и киборг, но это зияющий клин.

Саки были наготове. «Предохранительные мероприятия» требовались на чрезвычайный случай с кем-то. Например, с Великой Матерью? Одрейд знала, что одобрило и это с ее обычными оговорками из осторожности. Куда теперь подевались эти отговорки?

Киборг был одним из составных слов. На каком этапе механические добавки к человеку начинают превалировать? Когда киборг перестает быть человеком? Соблазны усиливались: «Просто одна небольшая поправочка.» И так легко поправлять, пока составной человек не становился безусловно послушным.

Но... Клерби?

Чрезвычайные обстоятельства велели: «Кибернетизируйте организм!» Неужели Сестринство в настолько отчаянном положении? И она была вынуждена отвечать утвердительно.

Что ж делать — решение это было не совсем по душе, но в душе уже созрело оправдание. Диктат необходимости.

Бутлерианский Джихад оставил на людях несмыываемые отпечатки. Борьба и победа... на время. И вот очередная битва в этом вечном конфликте.

Но теперь на весах лежала жизнь Сестринства. Сколько технических специалистов осталось на Дюне? Она знала ответ без подсказки. Мало.

Одрейд наклонилась и нажала кнопку передачи:

- Кибернетизируйте организм, — произнесла она.

Беллонда хмыкнула. Одобрение или неодобрение? Она никогда не скажет.

Это арена Великой Матери, так что добро пожаловать! Кто победил в этом сражении? Одрейд не знала.

Глава 30

Мы шагаем по хрупкой черте, увековечивая гены Атридесов (Сионы) в нашем народе, поскольку это скрывает нас от предвидения. Мы несем в этой сумке Квизац Хадераха! Воля сотворила Муаддиба. Предсказания Пророков становятся явью! Осмелимся и мы вновь игнорировать наше чувство Тао и угождать культуре, ненавидящей риск и молящей о пророчествах?

Архивный Обзор (адиксто).

Одрейд прибыла на не-корабль как только рассвело, но Мурбелла уже встала и занималась с тренировочным механо, когда на этаж тренировок вошла Великая Мать.

Последний клик Одрейд шла через кольцевые сады вокруг космополя. Ограниченнные ночным временем облака поредели при приближении рассвета, а потом рассеялись, обнажив усеянное звездами небо.

Она чувствовала перемену погоды, позволяющую собрать в этом районе лишний урожай, но уменьшающую количество осадков, что навряд ли сохранит в живых сады и пастбища.

По ходу движения Одрейд овладевала тоска. Только что прошедшая зима явила с трудом отвоеванным перед бурей затишьем. Жизнь была всесожжением. Опыление трудолюбивыми насекомыми, плодоношение и сев, а затем цветение. Эти сады были скрытой бурей, чья мощь заключалась в обильном токе жизни. Но — охх! — смерть. Новая жизнь несла перемены. Надвигался Реформатор, всегда разный. Песчаные Черви принесут пустынную девственность древней Дюны.

Опустошительность той изменяющей силы захватывала воображение. Она могла нарисовать себе этот пейзаж, превращенный в гонимые ветром дюны, обиталище потомков Лито II.

И искусство Дома Ордена претерпит трансформацию — мифы одной цивилизации будут сменены другими.

Дымка этих дум рассеялась, когда Одрейд вступила на этаж тренировок и окрасили ее настроение, когда она увидела блестящую от напряжения Мурбеллу, завершившую очередной раунд сражения и отступившую, тяжело дыша, назад.

Мурбелла пропустила выпад большого механо, и сзади на ее левой руке появилась красная тонкая царапина. Автоматический тренажер возвышался в центре комнаты золотой колонной, его оружие сверкало взад-вперед, как чувствительные жвалы разъяренного насекомого.

На Мурбелле было одето зеленое облегающее трико, а на открытом теле сверкали капли пота. Даже беременная, с уже заметным животом, она казалась грациозной. Ее кожа светилась здоровьем. Она дышала им, решила Одрейд. Отчасти из-за беременности, отчасти из-за чего-то более фундаментального. Это запечатлелось в памяти Одрейд с момента их первой встречи, это же отмечала и Луцилла, перехватившая Мурбеллу и вытащившая с Гамму Айдахо. Здоровье гнездилось внутри нее, превращаясь в линзу, фокусирующую внимание на обильном половодье живости.

Мурбелла заметила гостью, но занятий не прекратила.

Не сейчас. Великая Мать. Я жду ребенка, но нужды тела остаются.

И тут Одрейд заметила, что механо разыгрывал гнев, запрограммированную реакцию на неудачу его действий, заложенную в его цепях. Весьма опасный режим!

— Доброе утро, Великая Мать.

Голос Мурбеллы был несколько сухим из-за прилагаемых ею усилий: она уворачивалась и вертелась с молниеносной быстротой, которую сама же и вызвала.

Механо рассекал воздух, пытаясь достать ее, сенсоры вспыхивали и потрескивали, пытаясь уследить за ее движениями.

Одрейд фыркнула. Говорить в такой момент, увеличивая опасность механо. Риск отвлечься во время столь рискованной игры. Достаточно! Управление механо выполнялось с большой зеленой панели на стене справа от входной двери. В цепях были видны корректировки Мурбеллы: свешивающиеся провода, лазерные поля с вмонтированными в них кристаллами памяти. Одрейд протянула руку и остановила механизм.

Мурбелла повернулась к ней лицом.

— Зачем ты изменила схемы? — настоятельно спросила Одрейд.

- Ради гнева.
- Так делают Чтимые Матре?
- Как гнется ветка? — Мурбелла терла пораненную руку. — Но что, если ветка знает как гнуться и принимает это?

Одрейд внезапно почувствовала возбуждение:

- Принимает? Почему?
- Потому что в этом есть... что-то благородное.
- Ты идешь на поводу у собственного адреналина?
- Вы знаете, что это не так! — Дыхание Мурбеллы вернулось к норме. Она смотрела на Одрейд.
- Тогда как же?
- Это... когда бросаешь вызов и делаешь невозможное. Когда не подозреваешь, что можешь быть настолько... хорошей, настолько искусной и идеальной во всех отношениях.

Одрейд подавила восторг. *Mens sana in corpore sano*. Наконец-то она наша!

- Но какой ценой тебе это достается! — воскликнула Одрейд.
- Цена? — голос Мурбеллы был удивленным, — Пока у меня есть такая возможность, я рада платить.
- Брать, что хочешь, и платить?
- Это ваш волшебный рог изобилия Бене Джессерит: чем более идеальной я становлюсь, тем сильнее возрастает способность платить.
- Осторожнее, Мурбелла. Этот рог изобилия, как вы его называете, может превратиться в ящик Пандоры.

Мурбелла поняла намек. Она стояла абсолютно неподвижно, обратив все внимание на Великую Мать:

- Да? — Звук ускользнул.
- Ящик Пандоры дает дорогу мощным раздорам, на которые уходит твоя жизненная сила. Ты часто говоришь, что находишься «в стремнине» и становишься Преподобной Матерью, но так и не знаешь ни смысла этого, ни наших к тебе требований.
- Значит, вы искали в нас не наши сексуальные способности.

Одрейд с величественной элегантностью сделала вперед восемь шагов. Раз Мурбелла попалась на этой теме, ее нельзя останавливать обычным решением, — безапелляционным приказом Великой Матери, обрывающим спор.

- Шиана легко отшлифует твои способности, — сказала Одрейд.
- Так вы используете ее на этом ребенке!

Одрейд услышала в ее словах недовольство. Это был культурный осадок. Где в человеке начинается сексуальность? Шиане, ожидающейся сейчас в комнатах охраны не-корабля, приходилось иметь с этим дело. «Я надеюсь, вы распознаете источник моей нерасположенности и скрытности. Великая Мать.» «Я знаю, что общество Свободных наполнило твой мозг ограничениями, прежде нежели ты попала в наши руки?»

Это расчистило атмосферу между ними. Но как перенаправить этот обмен с Мурбеллой? Придется не сдерживать его, пока я не найду выхода.

Будут повторения. Всплынут нерешенные вопросы. Тот факт, что практически все слова, произносимые Мурбеллой, можно предвидеть, станет ловушкой.

- Почему вы теперь избегаете этого проверенного способа давления на других, хоть и говорите, что вам нужен Тег? — спросила Мурбелла.
- Рабство, этого ты хочешь? — парировала Одрейд.

Глаза почти закрыты, Мурбелла обдумывает вопрос. Считаю ли я мужчин рабами? Возможно. Я создаю для них минуты дикого, безумного самозабвения, поднимая до высот экстаза, о котором они и нее мечтали. Меня обучали этому, и, соответственно, мужчины становились предметом моей воли.

Пока Дункан не сделал того же самого со мной.

Одрейд увидела, как захлопнулись веки Мурбеллы, и поняла, что в псише этой женщины есть вещи, связанные в узел, который нелегко будет распутать. Дикость процветает там, куда мы не добрались. Естественная чистота Мурбеллы как будто была навечно запятнана, а потом эту грязь закрыли и даже замаскировали сам покров. В ее искаженных мыслях и действиях проявлялась резкость. Слой на слое, слой на слое...

— Ты боишься того, что я могу совершить, — сказала Мурбелла.

— В твоих словах есть доля истины, — согласилась Одрейд.

Честность и прямота — ограничительные средства и употреблять их надо внимательно.

— Дункан, — голос Мурбеллы был бесчувственным — она использовала свои новые бенеджессеритские возможности.

— Я боюсь того, что ты делишься с ним. Тебе не кажется странным: Великая Мать допускает страх?

— Я в курсе прямоты и честности! — Прямота и честность в ее устах прозвучали отвратительно.

— Чтимых Матре учат никогда не отказывать себе. Нас тренируют не заглушать себя тем, что касается других.

— Это и все?

— Это глубже и имеет другие нити. Быть Бене Джессерит означает заниматься другим.

— Я знаю, чего вы просите: выбери Дункана или Сестринство. Знаю я ваши приемчики.

— Думаю, нет.

— Есть вещи, которые я не стану делать.

— Каждый из нас стеснен прошлым. Я выбираю сама и делаю должное из-за моего прошлого, которое отличается от твоего.

— Вы продолжите мое обучение несмотря на сказанное мною только что? Одрейд слушала, полностью принимая необходимость этих встреч с Мурбеллой, когда все готово обнаружить невысказанное, мысли, вертящиеся на краю слов: словно реснички, выдвигающиеся для встречи с опасностями Вселенной.

Бене Джессерит предстоит измениться. И вот передо мною одна из способных вызвать эти изменения.

Беллонду ужаснет такая перспектива. Многие Сестры возмутятся. Но это — она.

Когда Одрейд не ответила, Мурбелла произнесла:

— Натаствовать. Это верное слово?

— Приучить. Это тебе, видимо, знакомей.

— Вы действительно хотите сочетать наш опыт, сделать меня во многом похожей на вас, чтобы возродить между нами доверие. Любое обучение ведет к этому.

Не играй со мной в эрудита, девочка!

— Поплыvем в одном потоке, Мурбелла?

Любая третъестадийная помощница насторожилась бы, услышав Подобные нотки в голосе Великой Матери. Мурбелла замерла на месте.

— Только я не уступлю вам.

— Тебе решать.

— А вы дали леди Джессике решать?

Ну вот и выход из тупика.

Дункан предложил Мурбелле изучить жизнь Джессики. Попытка расстроить наши планы! Голозаписи его представления вызвали серьезный анализ.

— Интересная личность, — сказала Одрейд.

— Любовь? После всего, чему вы учите, вы испытываете.

— Ты не находишь ее поведение изменническим?

— Нисколько!

Теперь мягче.

— Но посмотри на последствия: Квизац Хадерах... и ее внук. Тиран! -Аргумент, дорогой сердцу Беллонды.

— Золотая Тропа, — сказала Мурбелла. — Выживание человечества.

— Времена Голода и Рассеяние.

Ты смотришь за нами, Белл? Неважно. Посмотришь.

— Читимые Матре! — сказала Мурбелла.

— И все из-за Джессики? — спросила Одрейд. — Но Джессика вернулась на Келадан.

— Учительница помощниц!

— Пример для них, верно. Видишь, что случится, если ты нам бросишь вызов? — Брось нам вызов, Мурбелла! Сделай это искусством Джессики.

— Иногда вы мне противны, — природная честность заставила ее добавить: — Но вы знаете, я желаю того, что у вас есть.

Что у нас есть.

Одрейд вспомнила о своих первых встречах с привлекательными возможностями Бене Джессерит. Все тело ощущалось с поразительной четкостью, чувства отточены до различия малейших нюансов, мускулы приучены действовать с великолепной точностью. Эти возможности в Читимых Матре добавили бы новое измерение, усиленное телесной скоростью.

— Вы бросаете меня вспять, — сказала Мурбелла, — Пытаетесь заставить принять решение, хотя уже и знаете его.

Одрейд молчала. Этот способ спора почти отработали еще древние иезуиты. Параллельный поток мыслей составил принцип спора. Пусть Мурбелла убедится сама. Подталкивать надо нежно. Дайте ей» оправдаться и основывайтесь на этом.

Но откажись скорее, Мурбелла, от любви Дункана!

— С вашей стороны очень разумно показывать мне преимущества Сестринства, — отметила Мурбелла.

— Мы — не улица кафетериев!

Губы Мурбеллы изогнулись в беззаботной ухмылке:

— Я возьму вон того и это и, думаю, позволю себе вон тех штучек с кремом.

Одрейд восхитила метафора, но у неусыпных наблюдателей были собственные аппетиты.

— Твоя диета может погубить тебя.

— Но ваши предложения расставлены так завлекательно. Голос! Какое замечательное средство вы там приготовили. Мне бы этот восхитительный инструмент в глотку, а вы научите, как виртуозней на нем сыграть.

— Теперь ты — дирижер.

— Мне нужны ваши возможности, чтобы влиять на окружающих!

— До какого предела, Мурбелла? Чего ради?

— Если я ем то же, что и вы, вырастет ли из меня нечто не менее твердое: пласталь снаружи, а внутри еще крепче?

— Такой ты меня видишь?

— Хозяйка моего банкета! Я буду есть, что вы мне дадите, себе на пользу и вам.

Это звучало маниакально. Странная она. Иногда выглядит самой несчастной из женщин, бредя к себе, как затравленный зверек. Этот сумасшедший взгляд, оранжевые искорки по углам... как сейчас.

— Ты все же отказываешься поработать над Скитеем?

— Пусть этим займется Шиана.

— Ты потренируешь ее?

— А она применит мои тренировки на ребенке!

Они пристально посмотрели друг на друга, ощущив что испытывают похожие мысли. Это не конфронтация, ибо каждой из нас необходима другая.

— Я отдалась вам из-за того, что вы можете мне дать, — сказала Мурбелла, понизив голос. — Но вы хотите знать, смогу ли я когда-нибудь нарушить соглашение?

— А ты можешь?

— Не более, чем вы, если потребуют обстоятельства.

— Ты думаешь, что можешь пожалеть о принятом решении?

— Конечно же! — Что еще, черт возьми, за идиотский вопрос? Люди всегда сожалеют. Мурбелла это сказала.

— Просто утверждаюсь в твоей внутренней искренности. Мы предпочитаем, чтобы ты не летала под бутафорскими небесами.

— А у вас они бутафорские?

— Естественно.

— У вас должны быть способы избавления от них.

— За нас это делает Агония. Неверные представления не проходят через Спайс.

Одрейд почувствовала, что ритм Мурбеллы участился.

— И вы не собираетесь потребовать, чтобы я отказалась от Дунканы? очень жестко.

— Это обстоятельство вызывает трудности, но это твои трудности.

— Просто другая форма просьбы бросить его?

— Прими эту возможность и все.

— Не могу.

— Не будешь?

— Я имею в виду то, что говорю. Я не в силах.

— А если кто-нибудь покажет тебе, как?

Мурбелла надолго остановила взгляд на глазах Одрейд и заговорила:

— Я чуть не сказала, что это освободит меня... но...

— Да?

— Я не могу освободиться, пока он привязан ко мне.

— Ты отрекаешься от дороги Чтимых Матре?

— Отрекаюсь? Не то слово. Я просто выросла из моих бывших Сестер.

— Бывших Сестер?

— Все еще моих Сестер, но это Сестры детства. Некоторых я вспоминаю с благодарностью, некоторые мне совсем не по душе. Подруги по играм, которые мне больше не интересны.

— Такое решение удовлетворяет тебя?

— А вас удовлетворяет. Великая Мать?

Одрейд всплеснула руками, не сдержав восторга. Как быстро учится Мурбелла ответным выпадам Бене Джесссерит!

— Удовлетворена? Что за чертовски мертвое слово!

После ответа Одрейд, Мурбелла почувствовала себя движущейся как во сне к краю бездны, не в состоянии проснуться и предотвратить падение. Ее желудок сводило пустотой и следующая фраза Одрейд прозвучала далеким эхом. — Бене Джесссерит для Преподобной Матери — все. Ты никогда не сможешь об этом забыть.

Так же быстро как появилось, так же быстро и исчезло ощущение сна. Последующие слова Великой Матери были холодными и четкими.

— Приготовься к более серьезным тренировкам. Пока не пройдешь Агонию — живой или мертвой.

Одрейд подняла взгляд к комкамерам на потолке:

— Пришлите сюда Шиану. Она прямо сейчас начнет занятия с новой ученицей.

— Так вы идете на это! Вы собираетесь работать над ребенком.

— Думай о нем, как о Теге Башаре, — сказала Одрейд, — Это помогает.

А мы не дадим тебе времени передумать.

— Я не отказалась от Дункана и не могу спорить с вами.

— Не спорь даже с собой, Мурбелла. Нет смысла. Тег был моим отцом, и все же я должна пойти на это.

До этого момента Мурбелла не осознавала силы недавнего утверждения Одрейд. Бене Джесссерит для Преподобной Матери — все. Великий Дур да защитит меня! И я стану такой же?

Глава 31

Мы оказываемся свидетелями преходящей фазы вечности. Происходят важные вещи, но некоторые просто не замечают этого. Происходят несчастные случаи. Нельзя присутствовать во всех эпизодах. Ты зависишь от докладов. А мысли людей меняются. Что пользы в докладах? История в сводках новостей? Новостей, предварительно отобранных на издательской конференции, переваренных и извергнутых предрассудками? Отчеты, которые тебе нужны, зачастую исходят от тех, кто делает историю. Дневники, воспоминания и автобиографии — субъективные формы специальных просьб. Архивы битком набиты всем этим подозрительным хламом.

Дорви Одрейд.

Скитеил заметил волнение стражей и всех прочих, когда подошел к барьеру в конце своего коридора. Стремительное движение людей, особенно в такое раннее время, привлекло его и заставило подойти ближе. Прошла эта доктор-Сак, Джаланто. Он знал ее с тех времен» когда Одрейд посыпала ее к нему, «потому что ты выглядишь нездоровым». Еще одна Читимая Мать, чтобы следить за мной!

Ах, ребенок Мурбеллы. Вот почему вся эта беготня, да еще и Сак.

Но кем были все остальные? В одеяниях Бене Джессерит, но в смятении, какого он никогда еще не видел. Не просто послушники. Почтенные Матери составляли большую часть тех, кто суетился там внизу. Они напоминали ему огромных стервятников. Наконец, появилась и послушница с ребенком на плечах. Все это очень таинственно. Если бы только у меня была связь с Системами корабля!

Он прислонился к стене и застыл в ожидании, но люди исчезли в разных комнатах и за дверями. Назначение некоторых помещений было ему известно, остальные были для него тайной.

Во имя Святого Пророка! Вот и сама Преподобная Мать! Она прошла через двери, в которые вошло уже немало народа.

Бесполезно спрашивать Одрейд о чем-либо. Теперь он был в ее ловушке. Пророк здесь — и в руках повиндах!

Когда люди перестали появляться в коридоре, Скитеил вернулся в свои апартаменты. Монитор Идентификации над входом в его комнату мигнул, но он заставил себя не смотреть вверх. Ключ — Ай-Д. При его знаниях этот просчет в системе контроля Иксианского корабля простотаки вопил о себе.

Когда я начну действовать, они не дадут мне много времени.

Это будет шаг отчаянья; заложниками станут корабль и его содержимое. Секунды, за которые надо преуспеть. Кто знает, какие еще ложные панели были построены, какие тайные ходы, из которых могут появиться эти страшные женщины и броситься на него? Он не мог так рисковать, пока все прочие выходы не были исчерпаны. Особенно теперь... когда Пророк возрожден. Хитрые ведьмы. Что еще они изменили в корабле? Тревожная мысль.

Насколько еще пригодны здесь мои знания?

Присутствие Скитеила за барьером не ускользнуло от Одрейд, но ее сейчас занимали значительно более важные заботы. Акушерки Мурбеллы (ей нравился этот старинный термин) пришли в нужный момент. Одрейд хотела, чтобы Айдахо был с ней, когда Шиана будет предпринимать попытку пробудить воспоминания Башара. Айдахо же часто отвлекался на мысли о Мурбелле. А Мурбелла разумеется не могла быть с ним рядом здесь — по крайней мере, не сейчас.

Одрейд поддерживала бдительность в его присутствии. В конце концов, он был Ментатом.

Она разыскала его за пультом. Когда она вышла из лифта в коридор, идущий к его апартаментам, до ее слуха донеслось пощелкивание и характерное гудение работающей информационной машины, и она сразу же поняла, где нужно искать Дункана.

Когда она отвела его в комнату наблюдения, где они могли увидеть Шиану и ребенка, он был в странном настроении.

Беспокоится за Мурбеллу? Или о том, что им предстоит сейчас увидеть? Комната наблюдения была длинной и узкой. Три ряда кресел стояли так, чтобы сидевшие в них оказывались находящимися перед стеной-экраном, за которой находилась тайная комната. Там-то и должен был происходить эксперимент. Комната наблюдателей была погружена в серый сумрак, и два небольших сферических светильника, находившихся за рядами кресел, почти не рассеивали его.

Здесь присутствовало двое Сакс... хотя Одрейд боялась, что большой пользы от них не будет.

Джаланто, Сак, которую Дункан считал лучшей из них, была с Мурбеллой.

Продемонстрировать нашу заботу. Она достаточно искренна.

Вдоль стены-экрана также стояли кресла. В случае необходимости, рядом был вход во вторую комнату.

Стрэгги провела ребенка по внешней галерее, где он не мог увидеть стражей, и вошла вместе с ним в комнату. Комната была приготовлена по указаниям Мурбеллы: спальня, куда были перенесены некоторые вещи из его собственных апартаментов, а кое-что и из комнат Айдахо и Мурбеллы.

Пещера диких зверей, подумала Одрейд. Вся комната приобрела какой-то обветшалый вид, порожденный намеренным беспорядком, обычно царившим в комнатах Айдахо — смятая одежда на кресле, сандалии в углу комнаты... Матрас, служивший постелью Дункану и Мурбелле; обследуя его, Одрейд ощутила запах, похожий на запах слюны, интимный и сексуальный. Это также повлияет на Тега — на уровне подсознания.

Здесь рождаются дикие чувства, чувства, которые мы не можем подавить. Какой дерзостью было считать, что мы можем это контролировать. Но мы должны...

Когда Стрэгги разделя мальчика и оставила его на матрасе обнаженным, Одрейд почувствовала, как ускоряется ее пульс. Она подвинула вперед кресло, заметив, что ее коллеги по Бене Джессерит повторяют ее движение.

О небеса, подумала она. Неужели мы просто зеваки, снедаемые любопытством?

Такие мысли были необходимы сейчас, но она чувствовала, что они умаляют ее. Она что-то потеряла из-за этого вторжения. Мышление, абсолютно неподходящее для Бене Джессерит. Но глубоко человеческое!

Дункан ушел в заученное безразличие — показное, как легко было понять. В его мыслях было слишком много субъективного, чтобы он мог хорошо функционировать в качестве Ментата. И именно этого она от него хотела сейчас. Миистическое Участие. Оргазм как источник энергии. Белл верно определила это.

Одной из близких к ней Прокторов, выбранных за силу но находящихся здесь в качестве наблюдателей, Одрейд сказала:

— Гхола хочет восстановить свои изначальные воспоминания и очень боится этого. Это одно из главных препятствий, которые нам предстоит преодолеть.

— Бред! — заявил Айдахо. — Ты знаешь, что на нас сейчас работает? Его мать была одной из вас, она дала ему глубинное обучение. Насколько вероятно то, что она не предохранила его от ваших Внедрений?

Одрейд стремительно обернулась к нему. «Ментат?» Нет, он снова вернулся в свое недавнее прошлое, возвращая к жизни воспоминания и сравнивая. Но это упоминание о Внедрениях... Возможно, так первое «сексуальное приключение» с Мурбеллой восстановило память о других жизнях гхола? Глубинное сопротивление Внедрениям?

Проктор, к которой обратилась Одрейд, предпочла не обращать внимания на это вмешательство в разговор. Она читала материалы Архивов, когда Беллонда отвлекла ее. Все три знали, что их могли вызвать, чтобы они были свидетелями смерти ребенка-гхола. Обладал ли он опасными для них способностями? Наблюдатели не узнают этого, пока (или в том случае, если) Шиане все удастся.

Одрейд обратилась к Айдахо:

— Стрэгги сказала ему, почему он здесь.

— Что она сказала ему? — повелительный тон по отношению к Преподобной Матери. Прокторы посмотрели на него.

Одрейд постаралась говорить возможно более мягко:

— Стрэгги сказала ему, что Шиана вернет ему воспоминания.

— Что сказал он?

— Почему этого не делает Дункан Айдахо?

— Она ответила ему честно? — «Вероятно, вспоминая что-то из своего собственного прошлого».

— Честно, но ничего не раскрывая. Стрэгги сказала ему, что у Шианы это получится лучше. И что ты это одобрил.

— Посмотри на него! Он даже не шевелится. Вы не накачали его наркотиками, нет?

Айдахо обернулся к Прокторам.

— Мы не посмели бы. Но он внутренне сконцентрировался. Ты помнишь о необходимости этого, да?

Айдахо откинулся на спинку кресла:

— Мурбелла все повторяет: «Он только ребенок. Только ребенок». Ты знаешь, что мы поругались из-за этого.

— Я думала, ты ее переубедил. Башар не был ребенком. Мы собираемся пробудить Башара.

Он поднял скрещенные пальцы:

— Надеюсь.

Она отстранилась, увидев его жест:

— Вот уж не думала, что ты суеверен, Дункан.

— Я молился бы Дур, если бы думал, что это поможет.

«Он помнит боль своих собственных пробуждений».

— Не показывай сострадания, — пробормотал он. — Откажи ему в этом. Пусть он сконцентрируется внутри себя. Тебе нужен его гнев. Это были слова, рожденные его собственным опытом.

Потом он коротко бросил:

— Быть может, это самая большая глупость из того, что я предлагал. Я должен уйти и остаться с Мурбеллой.

— Ты в хорошей компании, Дункан. И ничем не можешь сейчас помочь Мурбелле. Смотри!

В это мгновение Тег вскочил и взглянул на камеры наблюдения вверху.

— Разве никто не придет помочь мне? — спросил Тег. В его голосе было больше отчаяния, чем должно быть на этой ступени. — Где Дункан Айдахо? Дункан рванулсь было назад, но Одрейд удержала его:

— Оставайся здесь, Дункан. Ты тоже не сможешь помочь ему. Не теперь. — Кто-нибудь скажет мне, что я должен делать? — в юном голосе слышались тоненькие тоскливы нотки. — Что вы собираетесь делать?

Настала очередь Шианы; она вошла в комнату через тайный ход за спиной Тега.

— Я здесь.

На ней было только бледно-голубое газовое одеяние, почти совершенно прозрачное. Оно облегало тело и подчеркивало его линии при каждом движении.

Мальчик осталенел. Это Почтенная Мать? Он никогда не видел, чтобы они так одевались.

— Ты собираешься вернуть мне мои воспоминания?

Сомнение и отчаянье.

— Я помогу тебе вернуть их, — говоря это, она выскользнула из платья и отбросила его в сторону. Легкая ткань опустилась на пол, как огромная голубая бабочка.

Тег уставился на женщину:

— Что ты делаешь?

— Что я делаю, как ты думаешь? — она села рядом с ним и положила руку на его пенис.

Его голова дернулась, он смотрел на ее руку, ощущая наступление эрекции.

— Почему ты делаешь это?

— Разве ты не знаешь?

— Нет!

— Башар знал бы.

Он смотрел на ее лицо, приблизившееся вплотную к нему:

— Ты знаешь! Почему ты не говоришь мне?

— Я не твоя память!

— Что это за звук?

Она припала губами к его шее. Гудение было хорошо слышно всем наблюдателям. Мурбелла называла это интенсификатором, одним из факторов, помогающим вызвать половую реакцию. Гудение становилось громче.

— Что ты делаешь? — почти визг, когда она усадила его верхом на себя. — Отвечай, черт тебя побери! — визг. «Откуда появилось это „черт побери“?» подумала Одрейд.

Шиана ввела его в себя:

— Вот ответ!

Его рот округлился в беззвучном «Oxxxx...?

Наблюдатели видели, как Шиана сосредоточена на глазах Тэга, но другие ее чувства также следили за ним.

«Почувствуй, как напрягаются его ягодицы, обрати особое внимание на то, как потемнели соски. Когда он дойдет до этой точки, поддерживай его в таком состоянии, пока его зрачки не расширятся.?

— Внедрение! — визг Тэга заставил наблюдателей подскочить.

Он ударили сжатыми кулаками в плечи Шианы. Все, кто находился по эту сторону стены, видели вспыхнувший в глубине его глаз огонь — в то мгновение, как отшатнулся; в нем проявилось что-то новое.

Одрейд вскочила:

— Что-то не так?

Айдахо остался сидеть:

— То, что я и предсказывал.

Шиана оттолкнула Тэга, уворачиваясь от его скрюченных пальцев. Он растянулся на полу, перевернулся и вскочил со скоростью, потрясшей наблюдателей. Несколько мучительно долгих мгновений Шиана и Тэг стояли друг против друга. Он медленно выпрямился и только тогда осмотрел себя. Постепенно его внимание переместилось на левую руку, которую он поднял и держал перед собой. Он так же медленно обвел взглядом потолок и стены. Снова взглянул на свое тело.

— Что, разрази гром...

По-прежнему детский голос, но странно возмужавший. — Добро пожаловать, гхола-Башар, — сказала Шиана. — Ты пыталась внедриться в меня! — гневное обвинение. — Ты думала, моя мать не научила меня защищаться от этого?..

Его лицо стало отстраненным:

— Гхола?..

— Некоторые предпочитают считать тебя клоном.

— Кто... Шиана! — он обернулся, вновь оглядев комнату. Она была выбрана из-за скрытого входа и выхода. — Где мы?

— В не-корабле, который ты привел на Дюну незадолго до того, как был убит там.

Все по правилам.

— Убит... — он снова взглянул на свои руки. Наблюдатели, казалось, видели воочию, как фильтры, заслоняющие разум гхола, тают один за другим. — Я был убит... на Дюне?

Почти жалобно.

— Оставаясь героем до конца, — ответила Шиана.

— Мои... те люди, которых я забрал с Гамму... они были...

— Чтимые Матры сделали Дюну примером для других. Безжизненный шар, похожий на прогоревший уголь.

Его черты исказил гнев. Он сел, скрестив ноги, положив на колени крепко стиснутые кулаки:

— Да... я узнал это из истории... из своей истории.

Опять посмотрел на Шиану. Она осталась сидеть на матрасе — совершенно неподвижно. Это было погружением в воспоминания, которое мог осознать только тот, кто сам пережил Агонию. Сейчас была нужна полная неподвижность.

Одрейд прошептала:

— Не вмешивайся, Шиана. Пусть это случится. Пусть он осознает это. Она дала знак трем Прокторам; они пошли ко входу в комнату, но следили не за тайной комнатой, а за ней.

— Мне кажется забавным думать о себе как о принадлежности истории, сказал Тег. Детский голос — и стоящий за этим разум взрослого. Он закрыл глаза и глубоко вздохнул.

В наблюдательной комнате Одрад снова опустилась в кресло и спросила: — Что ты видел, Дункан?

— Когда Шиана оттолкнула его, он поднялся на ноги с быстротой, которую я видел только у Мурбеллы.

— Даже быстрее этого.

— Быть может... это потому, что его тело молодо, и мы дали ему подготовку прана-бинду.

— Что-то иное. Ты насторожил нас, Дункан. Что-то неизвестное нам в клетках Атридесов. Она взглянула на ожидающих приказаний Прокторов и покачала головой: «Нет. Еще нет».

— Будь она неладна, его мать! Гипноиндукция, позволяющая блокировать Вмешательство, — и она скрыла это от нас.

— Но посмотри, что она дала нам, — сказал Айдахо, — более эффективный путь восстановления памяти.

— Мы должны были сами сделать это! — Одрейд почувствовала, что злится на себя, — Скайтэл уверяет, что Тлейлаксу использовали боль и внутреннее противоборство. Хотела бы я знать.

— Спроси его.

— Это не так просто. Наши Говорящие Правду не уверены в Нем. — Он непроницаем.

— Когда это ты его изучил?

— Дар! У меня есть доступ к записям наблюдателей.

— Я знаю, но...

— Черт побери! Ты будешь смотреть на Тега или нет? Посмотри! Что происходит?

Одрейд переключила внимание на сидящего ребенка.

Тэг смотрел на камеры с выражением крайней сосредоточенности.

Для него это было пробуждением ото сна на пике противоборства; словно рука помощницы тряхнула его. Что-то требовало его внимания! Он вспомнил, как сидел в командной рубке некорабля. Дар стояла позади него, и ее рука лежала на его шее. «Царапала его» Что-то важное, что он должен сделать.

Что? Его тело было странным. Гамму... То, как они жили на Дюне и... Он вспоминал разное: Детство в Доме Собраний? Дар, как... как.... Еще воспоминания сплетаются в клубок. «Они пытались внедрить что-то в меня!» Сознание текло вокруг него, словно река, огибающая с обеих сторон скалу.

— Дар! Ты там? Ты там!

Одрейд подперла подбородок рукой. Что дальше?

— Мать! — какой обвиняющий тон!

Одрад коснулась переговорного устройства на подлокотнике:

— Привет, Майлз. Ну что, отправимся на прогулку в сады?

— Хватит этих игр, Дар. Я знаю, зачем нужен вам. Но я предупреждаю вас: жестокость приводит к власти не тех людей. Как будто вы этого не знаете!

— По-прежнему верен общине Сестер, Майлз? Несмотря на то, что мы только что попытались сделать?

Он посмотрел на внимательную и настороженную Шиану:

— По-прежнему ваш послушный пес.

Одрейд бросила полный упрека взгляд на Айдахо:

— Ты и твои проклятые рассказы!

— Хорошо, Майлз хватит игр, но мне нужно узнать о Гамму. Говорят, ты передвигался быстрее, чем мог заметить глаз.

— Правда, — ровный голос. «Пошли-вы-все-к-чертям».

— А только что...

— Это тело слишком мало, чтобы принять на себя такой груз.

— Но ты...

— Я использовал все это в одной вспышке, и я умираю с голоду.

Одрейд бросила взгляд на Айдахо. Он кивнул. «Правда».

Она отозвала назад Прокторов. Они повиновались с заметным колебанием. Что им сказала Белл?

Тег еще не закончил:

— Я верно понимаю, дочь? Поскольку каждый индивидуум может полностью полагаться только на себя, формирование этого «я» требует особенной заботы и внимания?

«Его проклятая мать обучила его всему!?

— Я прошу прощения, Майлз. Мы не знали, как тебя подготовила твоя мать.

— Чья это была мысль? — сказал он, глядя на Шиану.

— Моя, Майлз, — сказал Айдахо.

— О, и ты тоже там?

Еще часть памяти вернулась к нему.

— И я помню ту боль, которую ты причинил мне, когда возвращал мои воспоминания, — сказал Айдахо.

Это его отрезвило:

— Мысль ясна, Дункан. Извинений не нужно, — он посмотрел на говоривших, оценивая их голоса. — Как там воздух на вершине. Дар? Достаточно разреженный для тебя?

«Идиотская мысль! — подумала она. И он это знает.

Совершенно бесцеремонен».

Воздух был тяжел от дыхания окружавших ее людей, включая тех, кто хотел разделить ее присутствие, тех, кто имел определенные идеи (иногда идею того, что на ее месте они лучше исполняли бы ее работу), тех, кто предлагал и кто требовал. Разреженный, да! Она чувствовала, что Тег пытается что-то сказать ей. Что?

«Иногда мне приходится быть автократом!?

Она слышала свой голос, произносивший эти слова, обращенные к Тегу, на одной из их прогулок в садах, когда она объясняла значение слова «автократ». Тогда она добавила: «У меня есть власть и сила, и я должна их использовать. Это страшно тяготит меня».

«У тебя есть сила — так воспользуйся же ей! — Вот что пытался сказать ей Башар-Ментат. „Убей меня или отпусти меня, Дар“.

И все же она пыталась остановить время и знала, что он чувствует это: — Майлз, Бурзмали мертв, но здесь остались резервные силы, которые он подготавливал сам Лучшие из...

— Не докучай мне мелкими деталями! — какой командирский голос! Тонкий, ломкий — но все остальное присутствовало.

Прокторы вернулись в коридор, не дожидаясь приказа.

Одрейд отослала их прочь гневным жестом. И только тогда поняла, что пришла к решению.

— Отдайте ему его одежду и приведите его сюда, — сказала он. — Пусть войдет Стрегги.

Когда Тег вошел, его первые слова встревожили Одрад и заставили ее сомневаться, правильным ли было ее решение.

— Что, если я не буду сражаться так, как вы хотите?

— Но ты говорил...

— Я много что говорил в своей... в своих жизнях.

Сражение не повышает нравственности. Дар.

Она (и Тараза) слышали, как Башар не раз говорил об этом. «Битвы оставляют свой осадок — „есть, пить и радоваться“, который зачастую приводит к нравственному падению».

Верно; но она не знала, что он имел в виду, упоминая об этом. «На каждого ветерана, возвращающегося с новым отношением к судьбе („Я выжил: должно быть, это был промысел Божий“) приходится много больше тех, кто возвращается домой с горечью, готовый принять „легкий путь“, потому что они так много пережили на войне».

Это были слова Тега и ее вера.

Стрегги торопливо вошла в комнату, но прежде, чем она заговорила, Одрейд жестом приказала ей стоять и ждать молча.

На этот раз послушница имела смелость не подчиниться Преподобной Матери:

— Дункан должен знать, что у него есть еще одна дочь.

Мать и ребенок живы и здоровы, — она взглянула на Тега. — Привет, Майлз.

Только после этого Стрегги отошла назад и там осталась стоять молча. «Она лучше, чем я думала», — сказала про себя Одрейд.

Айдахо расслабился, словно утонул в кресле, только сейчас ощущив тревожное напряжение, смешивавшееся с одобрением того, что он наблюдал здесь.

Тег кивнул Стрегги, но заговорил с Одрейд:

— Еще что-нибудь, что вы хотели бы нашептать на ушко Богу? — было необходимо удержать внимание, и свита Одрад это поняла, — Если нет, я действительно проголодался.

Одрейд подняла палец, отдавая безмолвное приказание Стрегги, и услышала, как уходит послушница.

Она чувствовала, на что хочет направить ее внимание Тег, и, разумеется, он сказал:

— Возможно, на этот раз вы действительно оставили шрам.

Шпилька, направленная на похвальбу Сестер, что «Мы не позволяем шрамам умножаться в нашем прошлом. Шрамы зачастую скрывают больше, чем обнажают».

— Некоторые шрамы обнажают больше, чем скрывают, — сказал он и посмотрел на Айдахо. — Верно, Дункан?

Слова одного Ментата другому.

— Мне кажется, я снова вступаю в старый спор, — ответил Айдахо.

Тег обратился к Одрейд:

— Видишь, дочь? Ментат узнает старый спор, когда слышит его. Вы гордитесь тем, что знаете то, что требуется от вас, на каждом повороте дороги, но монстр, ждущий вас на этом повороте, — ваше собственное творение!

— Преподобная Мать! — подчеркнула Проктор, которой не нравилось его обращение к Одрейд. Но Одрейд не обратила на нее внимания. Она ощутила жестокую горечь. Тараза внутри нее вспомнила тот спор: «Мы созданы связями Бене Джессерит. Но они и отупляют нас. О, мы режем быстро и глубоко, когда это требуется, но это путы иного свойства».

— Я не стану принимать участия в том, чтобы оглуширить тебя, — сказал Тег. Итак, он это помнил.

Вернулась Стрэгги, неся миску тушеного мяса, плававшего в коричневой подливе. Тег сел на пол и принялся торопливо хлебать еду ложкой.

Одрейд молчала; ее мысли устремились туда, куда направил их Тег. Почтенные Матери окружали себя твердой скорлупой, которая защищала их от всего, что шло извне (включая и эмоции) — все становилось только отражением на поверхности. Мурбелла была права, и Сестрам нужно было заново учиться чувствам. Если они останутся только наблюдателями, они обречены.

Она обратилась к Тегу:

— Тебя и не попросят делать нас глупее, чем мы есть.

Оба — и Тег, и Айдахо — услышали что-то иное в ее голосе. Тег отставил пустую миску, но первым все же заговорил Айдахо:

— Культивация.

Тег был согласен. Сестры редко поддавались импульсам чувств. Даже в тяжелые времена их реакции были упорядочены. Они были выше того, что большинство людей считает культивированием. Их вели не мечты о власти, но их собственная способность предвидеть и планировать, порожденные необходимостью момента и почти безграничной памятью. И Одрейд следовала хорошо продуманному плану. Тег бросил взгляд на бдительных Прокторов. — Вы были готовы убить меня, — сказал он.

Никто не ответил. Да в этом и не было необходимости. Они все распознали в его словах Предвидение Ментата. Тег обернулся и заглянул в комнату, где он вновь обрел свои воспоминания. Шиана ушла. На грани сознания шуршали новые и новые воспоминания. Они заговорят, когда придет время. Это уменьшенное тело. Это тяжело. И Стрэгги... Он сконцентрировался на Одрад:

— Вы были умнее, чем сами думали. Но моя мать...

— Я не думаю, что она предвидела это, — прервала его Одрейд.

— Нет... она была не настолько Атридесом.

В данных обстоятельствах это слово было разрядом молнии, и в комнатке воцарилась особая тишина. Прокторы подошли ближе.

О, эта его мать!

Тег не обратил ни малейшего внимания на Прокторов:

— Отвечая на вопрос, который ты мне задала — я не могу объяснить, что произошло со мной на Гамму. Скорость моего тела и мысли отвергают любые объяснения. Если бы я был физически взрослым человеком, в мгновение ока я оказался бы вне этой комнаты, а быть может, и вне корабля. Охх... он воздел рук. — Я по-прежнему ваш послушный пес. Я сделаю то, что вы потребуете, но, быть может, вовсе не так, как вы себе это представляете. Одрейд увидела сосредоточенное выражение на лицах Сестер. «Что я призвала на наши головы??

— Мы можем сделать так, что ни одно живое существо не покинет этот корабль, — сказала она. — Быть может, ты быстр, но не быстрее огня, который испепелит тебя, стоит только тебе попытаться уйти без нашего позволения.

— Я уйду в свое время и по вашему разрешению. Каково количество солдат в специальных войсках Бурзмали?

— Почти два миллиона.

— Так много!

— У него было более чем в два раза больше сил на Лампадас, когда их атаковали Чтимые Матры.

— Нам придется быть умнее, чем бедняга Бурзмали. Вы оставите нас, чтобы мы могли обсудить это с Дунканом? Потому вы и держите нас под рукой, верно? Из-за нашей специальности? — он насмешливо взглянул на камеры наблюдения, угнездившиеся под потолком, — Я уверен, ты пристально изучишь нашу беседу прежде, чем согласишься.

Одрейд и ее Сестры обменялись взглядами. В их глазах читался всего один вопрос: «Что нам еще остается??

Одрад встала и посмотрела на Айдахо:

— Вот настоящая работа для Ментата — Говорящего Правду!

Когда женщины вышли, Тег забрался в одно из кресел и снова заглянул в пустую комнату за стеной наблюдения. Все это было слишком свежо, и он до сих пор чувствовал, как тяжело колотится от усилий его сердце.

— Да, это было представление, — сказал он.

— Я видел и получше, — чрезвычайно сухо и холодно.

— Чего бы я сейчас хотел, так это добрый стакан маринетто, но сомневаюсь, что мое теперешнее тело это выдержит.

— Когда Дар доберется до Центральной, там ее будет ждать Белл, заметил Айдахо.

— Пошла эта Белл в Преисподнюю! Мы должны разобраться с Чтимыми Матрами прежде, чем они до нас доберутся.

— И у нашего Башара как раз есть нужный план.

— Черт побери этот титул!

Айдахо задохнулся от изумления.

— Слушай, что я тебе скажу, Дункан! — голос звучит с напором, однажды, когда я прибыл на важную встречу с потенциальными противниками, я услышал, как меня объявили: «Башар здесь». Я чуть не споткнулся; это застало меня врасплох.

— Расслаивающееся сознание.

— Разумеется, это оно и было. Но я знал, что титул отдал я от меня от того, что я не смел потерять. Башар? Я был большим, нежели это! Я был Майлс Тег, это имя дали мне мои родители.

— Ты оказался в шепи имен!

— Разумеется, и я осознал, что мое имя находилось на расстоянии от чего-то более древнего. Майлс Тег? Нет, я был прежде этого. Я услышал, как моя мать говорила: «О, какой прекрасный ребенок.» Итак, я остался с другим именем: Прекрасный Ребенок.

— И ты пошел дальше в глубину? — Айдахо почувствовал себя увлеченным. — Я попался. Имя ведет к имени ведет к имени ведет к безымянности.

Когда я вошел в зал, я был безымянным. Ты когда-нибудь рисковал оказаться в такой ситуации?

— Однажды, — с неохотой признал Дункан.

— Мы все оказываемся в ней по меньшей мере однажды. Но оно было со мной. Я молчал. Я имел сведения о каждом за этим столом — лицо, имя, титул плюс все их прошлое.

— Но на самом деле ты был не там.

— О, я видел выражение ожидания на лицах тех, кто изучал меня, спрашивал, волновался. Но они не знали меня!

— Это дало тебе ощущение великой власти?

— Именно то, от чего нас предостерегали в Школе Ментатов. Я спрашивал себя: «Это и есть начало Разума?» Не смеялся. Это мучительный вопрос.

— И ты пошел дальше? — завороженный откровением Тега, Айдахо не обращал внимания на предостережение, маячившее на краю сознания.

— О да. И я обнаружил, что нахожусь в знаменитом «Коридоре Зеркал», который нам описывали, советуя бежать оттуда.

— Ты вспомнил, как выбраться оттуда и...

— Вспомнил? Ты конечно же был там. И что, память помогла тебе выбраться?

— Да.

— Несмотря на предостережения, я задержался, увидев мое «изначальное я» и его бесконечные вариации. Отражения отражений, и так до бесконечности.

— Влечеие *ergo core*. Очень немногие выбирались из таких глубин. Тебе повезло.

— Я вовсе не уверен, что это стоит называть везением. Я знал, что должно было быть Первое Сознание, пробуждение...

— Которое осознает, что оно не первое.

— Но я хотел найти основу «я»!

— Неужели люди на этой встрече не заметили в тебе ничего странного?

— Позднее я обнаружил, что сел на свое место с каменным лицом, которое скрыло всю эту гимнастику ума.

— Ты ничего не говорил?

— Я онемел. Это было истолковано как «Башар ожидал сдержанности». Вот и вся репутация.

Айдахо улыбнулся было, но тут вспомнил о камерах. Он мгновенно понял, как стражи интерпретируют такие откровения. Странные способности опасного потомка Атридесов. Сестры знали о зеркалах. Любой, кто вырвался оттуда, должен находиться под подозрением. Что ему показали зеркала? Словно услышав этот опасный вопрос, Тег сказал:

— Я был в ловушке и понимал это. Я мог почти видеть себя прикованным к постели существом с сознанием растения, но мне было безразлично. Зеркала были для меня всем, пока я не увидел мою мать, словно бы качавшуюся на волнах. Она выглядела почти так же, как перед смертью.

Айдахо с дрожью втянул в легкие воздух. Неужели Тег не понимает, что все сказанное им сейчас записывается?

— Теперь Сестры увидят, что я, по крайней мере потенциальный Квизац Садерах, — сказал Тег. — Еще один Муад Диб. Глупости! Как ты любишь говорить, Дункан. Никто из нас не хотел бы этого. Мы знаем, что он создал, а мы ведь не так глупы!

Айдахо не мог проглотить застрявший в горле комок. Примут ли они слова Тега? Он говорил правду, но все же...

— Она взяла меня за руку, — сказал Тег, — я чувствовал это! И она вывела меня из Зала. Я ожидал, что она будет со мной когда, почувствовал, что сижу за столом. Я все еще чувствовал пожатие ее руки, но она исчезла. Я знал это. Я просто собрался и заставил себя сосредоточиться. Сестры могли многое получить за этим столом, и я сделал это.

— Что-то, что твоя мать вложила...

— Нет! Я видел ее так же, как Почтенные Матери видят Иные Воспоминания. Это было так, словно она сказала: «Какого черта ты теряешь здесь время, когда тебя ждут важные дела!» Она никогда не оставляла меня, Дункан. Прошлое никогда нас не покидает.

Внезапно Айдахо увидел цель и смысл в рассказе Тега: «Честность и открытость!?

— Ты обладаешь Иной Памятью.

— Нет! Кроме того, что проявляется в критических ситуациях в каждом из нас. Коридор Зеркал и

был такой критической ситуацией, и он также позволил мне увидеть и почувствовать источник помощи. Но больше я туда не пойду!

Айдахо принял это. Большинство Ментатов единожды заглядывало в Бесконечность и постигало преходящую сущность имен и титулов, но расчет Тега шел дальше, чем замечание о беге Времени.

— Я полагаю, пришло время нам заняться вплотную делами Бене Джессерит, — сказал Тэг. — Они должны знать, насколько могут доверять нам. Нас ждут дела, а мы и так потратили достаточно времени на глупости.

32 Трать усилия на тех, кто делает тебя сильнее. Усилия, потраченные на слабаков, приблизят тебя к гибели. (Правила Чтимых Матр). Комментарий Бене Джесерит: Кто будет судить?

Записи Дортуйлы День возвращения Дортуйлы не был самым счастливым днем Одрейд. Конференция по оружию с Тегом и Айдахо не принесла результатов. Ее не покидало ощущение занесенного над нею топора, и это наложило отпечаток на ее реакцию.

Потом дневной разговор с Мурбеллой — слова, слова, слова... Мурбелла завязла в вопросах философии. Если Одрейд когда-либо сталкивалась хотя бы с одним, это заводило ее в тупик.

Теперь, ранним вечером, она стояла в западном конце мошеной аллеи, окружавшей Центральную по периметру. Это было ее любимым местом, но сейчас находившаяся рядом с ней Беллонда лишила Одрейд ее тихой радости.

Там их отыскала Шиана:

— Это правда, что вы позволили Мурбелле свободно покидать корабль?

— Вот как! — Это было одной из тех вещей, которых Беллонда глубоко страшилась.

— Белл! — оборвала ее Одрейд и указала на кольцо садов вокруг Центральной. — Та небольшая горка — вон там, где мы не сажали деревьев. Я хочу, чтобы вы приказали построить там по моим указаниям мой Каприз. Маленькую дачу с ажурными стенами.

Теперь Беллонду будет не остановить. Одрейд редко видела ее такой несдержанной. И чем больше распалялась Беллонда, тем тверже и настойчивее становилась Одрейд.

— Ты хочешь... Каприз? В этом саду? А на что еще ты станешь тратить нашу энергию? Каприз! Самое что ни на есть правильное название для твоего очередного..

Глупый спор. Они обе это знали. Преподобная Мать не могла сдаться первой. Белл почти никогда и ни в чем не уступала. Даже когда Одрейд умолкла, Беллонда продолжала говорить — словно двигатель на холостых оборотах. Наконец, когда Беллонда выбилась из сил, Одрейд спокойно сказала:

— Ты должна мне небольшой обед, Белл. Проследи за тем, чтобы он был приготовлен наилучшим образом.

— Должна тебе... — зашипела Беллонда.

— Как предложение мира, — прибавила Одрейд, — я хочу, чтобы обед подали на моей даче... в моей Фантазии-Капризе.

Когда Шиана рассмеялась, Беллонда была вынуждена присоединиться к ней, но в ее смехе звучали ледяные нотки. Она понимала, что ее переиграли. — Все будут видеть это и говорить: «Смотрите, как спокойна и уверена Преподобная Мать», — сказала Шиана.

— Итак, ты хочешь сделать это для поддержания морали! — сейчас Беллонда приняла бы любое объяснение.

Одрейд улыбнулась Шиане. «Малышка моя, умница!?

Шиана не только перестала подразнивать Беллонду, но и принялась поддерживать ее достоинство, когда только это было возможно. Белл, конечно же, знала это, но у нее оставался неизбежный вопрос Бене Джессерит: «Почему??

Почувствовав это подозрение, Шиана сказала:

— На самом деле мы спорим о Майлсе и Дункане.

А меня, например, уже тошнит от этого.

— Если бы я хотя бы знала, что ты делаешь на самом деле. Дар! сказала Беллонда.

— У энергии свой узор, Белл!

— Что ты имеешь в виду? — Беллонда была совершенно растеряна.

— Они найдут нас, Белл. И я знаю как.

Беллонда буквально утратила дар слова.

— Мы — рабы наших привычек, — сказала Одрейд, — Рабы той энергии, которую производим сами. Могут ли рабы остановиться? Белл, ты знаешь эту проблему не хуже, чем я.

На этот раз Беллонда не возражала.

Одрейд смотрела на нее.

Гордыня — вот что видела Одрейд, когда смотрела на своих Сестер и их обители. Достоинство было всего лишь маской. Не было истинного смирения. Его место занимало внешняя уступчивость, действительная линия поведения Бене Джесссерит, которая в обществе, созидающем угрожающую ему опасность, выглядела суровым предупреждением.

Шиана была растеряна:

— Привычки?

— Привычки всегда преследуют тебя. То «я», которое ты сама создаешь, неотступно с тобой. Это призрак, который бродит вокруг, ища твоей плоти, желая обладать тобой. Мы зависимы от того «я», которое создаем сами. Мы рабы того, что делаем сами. Мы зависимы от Чтимых Матр так же, как и они от нас!

— Снова твой проклятый романтизм! — сказала Беллонда.

— Да, я — романтик... настолько же, насколько романтиком был Тиран. Он сделал себя чувствительным к застывшей схеме своего создания. Я же чувствую ловушку.

«Но как же близок охотник и как глубока пропасть...?»

Беллонда не была обескуражена ответом:

— Ты сказала, что знаешь — они найдут нас.

— Им стоит только узнать в нас их собственные привычки, и они... Да? Вошла послушница-курьер — появилась из коридора за спиной Беллонды. — Преподобная Мать, Почтенная Мать Дортюла. Мать Финтил привезла ее на посадочную площадку, и в течение часа они будут здесь.

— Отведите ее в мою рабочую комнату! — Одрейд посмотрела на Беллонду, взгляд ее казался почти диким. — Она что-то говорила?

— Мать Дортюла больна, — сказала послушница.

«Больна? Самое неправдоподобное, что можно сказать о Почтенной Матери».

— Не торопись с суждениями.

Это было сказано Беллондой-Ментатом, Беллондой, бывшей врагом романтизма и бурной фантазии.

— Пусть сюда поднимется Там в качестве наблюдателя, — распорядилась Одрейд.

Дортюла вошла, опираясь на трость. Финтил и Стрэгги помогали ей. Но взгляд Дортюлы был тверд, вокруг она смотрела оценивающе. Капюшон был отброшен на плечи; волосы ее были темно-каштановыми, цвета старого черного дерева, а в голосе ее, когда она заговорила, чувствовалась глубокая усталость:

— Я сделала все, как вы приказали. Преподобная Мать.

Когда Финтил и Стрэгги покинули комнату, Дортюла без приглашения опустилась на стул рядом с Беллондой, бросила быстрый взгляд на Шиану и Тамалан, сидевших по левую руку от нее, потом тяжело посмотрела на Одрейд: — Они встретятся с вами на Перекрестке. Они думают, что выбор места был сделан ими самими, и ваша Королева-Паучиха тоже там!

— Как скоро? — спросила Шиана.

— Они хотят назначить встречу примерно через сто Стандартных дней, считая с сегодняшнего дня. Я могу назвать более точный срок, если нужно.

— Почему так долго? — спросила Одрейд.

— По моему мнению? Они хотят использовать время для того, чтобы увеличить военный потенциал Перекрестка.

— Каковы гарантии? — Тамалан, как всегда, была немногословна.

— Дортуйла, что с тобой произошло? — Одрейд была потрясена слабостью тела, столь очевидной в сидящей перед ней женщине.

— Они применили ко мне жесткие методы. Но это неважно. Важны только приготовления. Насколько им можно верить, они обещают безопасность на планете и за ее пределами. Не верьте этому. Вам позволено иметь небольшой эскорт слуг, не более пяти. Нужно принять во внимание, что они убьют всех, кто будет сопровождать вас, хотя... быть может, я объяснила им, что это ошибка.

— Они ожидают, что я привезу им капитуляцию Бене Джессерит? — никогда еще голос Одрейд не звучал так холодно. Слова Дортуйлы бросали новый свет на трагедию.

— Таков был подтекст.

— Сестры, которые были с тобой?.. — спросила Шиана.

Дортуйла коснулась рукой лба-обычный жест Сестер:

— Они все здесь. Мы согласны, что Чтимые Матры должны быть наказаны. — Мертвы? — с трудом выдавила Одрейд, почти не разжимая губ.

— Они таким образом попытались заставить меня вступить в их ряды. «Видишь? Мы убьем еще одну, если ты не согласишься». Я сказала им, чтобы они убили нас всех и покончили с этим, и расстались с мыслью о встрече с Преподобной Матерью. Они не приняли этого, пока не был убит последний заложник.

— Ты разделила их память? — спросила Тамалан. Да, с приближением смерти это стало все больше занимать Там.

— Пытаясь убедить себя, что они мертвы. В конце концов, почему бы вам не знать всего? Эти женщины просто гротескны! Они держат в клетках Футаров. Тела моих Сестер были брошены в клетки, и Футары их сожрали. Паучья Королева — какое верное прозвище — заставила меня смотреть на это. — Отвратительно! — сказала Беллонда.

Дортьюла вздохнула:

— Они, разумеется, не знали, что в моей Иной Памяти есть картины и пострашнее.

— Они пытались воздействовать на твои чувства — использовать твою чувствительность, — заметила Одрейд. — Как глупо. Они были удивлены, когда не получили от тебя той реакции, которой ждали?

— Я бы сказала, опечалены. Думаю, они уже видели ту же реакцию от других. Я сказала им, что этот способ получения удобрений не хуже других. Похоже, это их разозлило.

— Каннибализм, — пробормотала Тамалан.

— Так только кажется, — ответила Дортуйла, — Футары определенно не люди. Просто прирученные дикие звери.

— И никаких Управляющих? — спросила Одрейд.

— Я ни одного не видела. Футары говорили. Они сказали: «Есть!» прежде, чем начали есть, а еще кричали Чтимым Матрам: «Вы голодные?» И прочее такое. Важнее то, что произошло после того, как они поели... Дортуйла закашлялась.

— Они пробовалди яды, — с трудом проговорила она, — Глупые женщины!

Отдышавшись, Дортуйла продолжила:

— Футар подошел к решетке клетки после этого... пиршества? Он посмотрел на Паучью Королеву и завизжал. Я никогда не слышала такого звука. От него мороз пробегал по коже! Все Чтимые

Матры, бывшие в комнате, застыли, и я могла бы поклясться, что они были до смерти перепуганы.

Шиана коснулась руки Дортуйлы:

— Хищник, обездвиживающий добычу?

— Несомненно. Все характеристики Голоса налицо. Их удивило, что я не оцепенела.

— Реакция Чтимых Матр? — спросила Беллонда. — Верно, Ментат и должен был потребовать этих сведений.

— Общая сумятица, когда они обрели дар речи. Многие требовали у Великой Чтимой Матры, чтобы она уничтожила Футаров. Она смотрела на все это более спокойно. «Слишком ценные живыми», — вот что она заявила.

— Обнадеживающий знак, — сказала Тамалан.

Одрейд взглянула на Беллонду:

— Я поручу Стрегги привести сюда Башара. Возражения?

Беллонда коротко кивнула. Они знали, что это нужно предпринять вне зависимости от намерений самого Тега.

Одрейд обратилась к Дортуйле:

— Я хочу, чтобы ты жила в моих собственных покоях для гостей. Мы доставим, тебе Сакс. Заказывай все, что будет нужно, и приготовься к заседанию Большого Совета. Ты — специальный советник.

Дортуйла заговорила, с трудом поднимаясь на ноги:

— Я не спала почти пятнадцать дней, и мне нужна будет особая пища. — Шиана, проследи за этим и отправь наверх Сакс. Там, останься с Башаром и Стрегги. Регулярные отчеты. Он захочет отправиться в военный городок, чтобы самому за всем проследить. Обеспечьте ему связь с Дунканом. Ничто не должно им препятствовать.

— Ты хочешь, чтобы я была здесь с ним? — спросила Тамалан.

— Ты присосалась к нему, как пиявка. Стрегги никуда не может повести его без твоего ведома. Ему нужен Дункан в качестве Мастера Оружия. Убедись в том, что он принимает заключение Дункана в корабле. Белл, любые сведения по оружию, которые запросит Дункан — первостепенной важности. Комментариев не было. Возможно, были размышления о последствиях, но Одрейд заразила их решительным поведением.

Одрейд снова села, закрыла глаза и подождала, пока тишина не подтвердила, что в комнате больше никого не осталось. Кроме следящих за ней камер, разумеется.

«Они знают, что я устала. А кто не устал бы после всего этого? Еще три Сестры погибли — убиты этими чудовищами! Башар! Они должны почувствовать нашу плеть на своих спинах и запомнить этот урок!?

Заслышав приближение Стрегги и Тега, Одрейд открыла глаза. Стрегги вела мальчика за руку, но было в этой картине что-то, говорившее, что она не была взрослой, ведущей ребенка. Движения Тега словно говорили о том, что он просто позволяет Стрегги так с ним обращаться. Надо предупредить ее.

Там следовала за ними; она подошла к креслу около окна, как раз под бюстом Шиноэ. Значимое место? Тэм последнее время делала странные вещи.

— Вы хотите, чтобы я осталась. Преподобная Мать? — Стрегги выпустила руку Тэга и теперь стояла у дверей.

— Сядь вон там, рядом с Тамалан. Слушай и не прерывай. Ты должна знать, что от тебя потребуется.

Тег устроился на стуле, который до него занимала Дортуйла:

— Полагаю, это военный совет.

?За детской внешностью и детским голосом скрывается взрослый».

- Я пока не прошу от тебя разработки планов, — сказала Одрейд.
- Хорошо. Неожиданное занимает больше времени, а я, быть может, не смогу вам сказать, что намереваюсь делать, пока не начну действовать.
- Мы наблюдали за тобой вместе с Дунканом. Почему ты интересуешься кораблями из Рассеяния?
- Корабли большой дальности имеют весьма определенный облик. Я видел их на взлетном поле на Гамму.

Тэг откинулся в кресле, с удовольствием наблюдая за произведенным эффектом, довольный резковатой манерой Одрейд. Решения! Больше никаких неопределенностей. Это его устраивало. «Они не должны знать, каковы мои возможности в полном объеме. Не сейчас».

- Вы замаскируете атакующие силы?

Пока Одрейд говорила, в дверь вошла Беллонда и, опускаясь в кресло, пробурчала возражение:

- Невозможно! У них будут распознающие коды и секретные сигналы...
- Позволь мне это решать, Белл или отстрани меня от командования.
- Это Совет, — сказала Беллонда, — Ты не...
- Ментат? — его взгляд, устремленный ей в лицо, был взглядом Башара. Когда она замолкла, он сказал:
- Не сомневайся в моей лояльности! Если вы решили ослабить меня, тогда замените меня!
- Пусть скажет свое слово, — подала голос Там. — Это не первый Совет, на котором Башар выступает как равный нам.

У Беллонды на миллиметр опустилась челюсть.

Тег заговорил, обращаясь к Одрейд:

- Избегать применения оружия — вопрос разведки и силы интеллекта. «Швырнуть нам в лицо наше же лицемерие!» — Она услышала в его голосе интонации Ментата; Беллонда, несомненно, тоже это уловила. Разведка и интеллект: двойной взгляд. Без этого применение оружия зачастую может оказаться случайным.

Башар тихо сидел, позволив им вариться в соку их собственных исторических наблюдений. Желание конфликта гнездилось гораздо глубже сознания. Тиран был прав. Человечество действовало как «один зверь». Силы, управляющие этим одним собирательным зверем, уходили корнями в века племенного существования и глубже, как и многие другие силы, которым человек повинуется, не раздумывая.

«Смешай гены.

Распространи на свое потомство Лебенстрон.

Собери воедино энергию других: собирая рабов, пеонов, слуг, сербов, рабочих... Термины часто взаимозаменяемые.

Одрейд видела, что он делает. Знания, собранные у Сестер, помогли сделать его несравненным Ментатом Башаром. Все это стало для него инстинктами. Пожирание энергии навлекало угрозу войны. Это описывалось как «жадность, страх (что другие заберут твою долю), власть, голод» и так далее, и так далее — в бесплодные анализы. Это Одрейд слышала даже от Беллонды, которая, бесспорно, не слишком хорошо воспринимала то, что подчиненный напоминает им о том, что они уже знают.

- Тиран знал, — заговорил Тег, — Дункан цитирует его: «Война поведение, корни которого уходят в единственную клетку древних морей. Ешь все, чего коснешься, или оно съест тебя..?
- Что ты предлагаешь? — резко спросила Беллонда.
- Отвлекающий маневр на Гамму, потом ударить по их базе на Перекрестке. Для этого нам нужны сведения из первых рук, — он пристально посмотрел на Одрад.
- «Он знает!» — мелькнуло в голове Преподобной Матери.
- Ты полагаешь, что твои сведения о Перекрестке тех времен, когда это еще была база Гильдии,

точны до сих пор? — поинтересовалась Беллонда.

— У них не было времени изменить это место настолько, чтобы оно отличалось от зафиксированного здесь, — он постучал по своему лбу в забавной пародии на жест Сестер.

— Облет планеты, — сказала Одрейд.

Беллонда бросила на нее острый взгляд:

— Цена!

— Потерять все — цена куда более высокая, — заметил Тэг. — Сенсоры свертывания пространства не должны быть большими, — сказала Одрейд, — Дункан установит их так, чтобы при контакте они вызывали взрыв Хольцмана?

— Взрывы будут видимыми и дадут нам возможность видеть траекторию, он откинулся назад и посмотрел куда-то в стену за спиной Одейад. Примут ли они это? Он не решился напугать их очередной демонстрацией своих способностей. Если бы только Белл знала, что он может видеть некорабли!

— Действуй, — сказала Одрейд, — Командование в твоих руках. Используй это!

В Иных Воспоминаниях раздалось отчетливое хихиканье Таразы. «Дай ему его же голову! Вот так, я и получила свою великую, славу!?

— Еще одно, — сказала Беллонда, взглянув на Одрейд, — Ты будешь его шпионом?

— Кто еще может добраться туда и передавать наблюдения?

— Они будут контролировать любые передачи!

— Даже те, которые сообщат нашему не-кораблю, что мы не были переданы? — спросила Одрейд.

— Зашифрованное послание, передаваемое вместе с сообщением, — сказал Тег, — Дункан изобрел шифр, который удастся расшифровать только за несколько месяцев, но мы сомневаемся, что они вообще заметят подобную шифровку.

— Безумие, — пробормотала Беллонда.

— Я встречал на Гамму Командующего Военными Силами Чтимых Матр, продолжал Тег, — Полный профан, когда дело доходит до необходимых деталей. Мне кажется, они переоценивают себя.

Беллонда уставилась на него; детские невинные глаза смотрели взглядом Башара.

— Оставь здравомыслие, всяк сюда входящий, — промолвил он.

— Уходите отсюда все! — приказала Одрейд, — Займитесь делом. А Майлс...

Он уже слез со стула, но остался стоять рядом, и выглядел при этом точно так, как всегда, когда ждал от Матери важных слов или разъяснений.

— Ты говоришь о том, что применение оружия может вызвать бессмысленные трагедии?

— О чем же еще? Разумеется, ты же не думаешь, что это относилось к вашей Общине Сестер!

— Дункан иногда играет в такие игры.

— Я не хочу, чтобы мы заразились безумием Чтимых Матр, — сказал Тег, — Ты же знаешь, это заразно.

— Они попытались контролировать сексуальное влечение, — промолвила Одрейд, — Это все время от тебя ускользает.

— Ускользающее безумие, — согласился он, наклонился над столом — его подбородок почти касался столешницы.

— Что-то притягивает этих женщин, влечет их сюда. Дункан прав Они ищут чего-то и бегут от чего-то одно и то же время.

— У тебя девяносто Стандартных дней, чтобы подстavиться, — сказала она, — Ни дня больше.

Глава 33

Иш йара ал-ахдаб хадбат-и. (Горбун не видит собственного горба. — Народная мудрость)

Комментарий Бене Джессерит: Горб можно увидеть с помощью зеркал, но зеркала могут показать все существо.

Башар Тег

Это было слабостью в Бине Гессрит, которую, как понимала Одрейд, Общине вскоре придется признать. Но то, что она увидела ее первой, отнюдь не доставляло утешения. «Отказываться от глубочайшего нашего источника сил, когда они нам так необходимы!» Ушедшие в Рассеивание перешагнули за пределы человеческой способности объединять опыт пережитого в какой-либо контролируемой форме «Мы способны только выделять существенно необходимое, а это дело мнения». Жизненно важные данные прятались где-то в больших и малых событиях, ощущениях, называемых инстинктом. Вот оно наконец — им придется вернуться назад к невысказанному знанию.

В эти времена слово «беженцы» окрашено значением, какое оно имело до космической эры. У небольших групп Преподобных Матерей, рассылаемых Общиной, немало общего с потерявшими родимый дом путниками, бредущими по затерянным дорогам с жалкими пожитками, завязанными в кусок дерюги, трясущимися на дребезжащих телегах или в ветхих повозках, и на каждом лице печать тоски или ярость отчаяния.

?И так мы повторяем историю и повторяем ее, и повторяем ее».

Когда Одрейд входили в капсулу трека скоростной трубы. Рассеянные Сестры все еще не оставляли ее мыслей: политические беженцы, экономические беженцы, предвоенные беженцы.

«Это твоя Золотая Тропа, Тиран??

Видения ее Рассеянных подопечных преследовали Одрейд и когда она вошла в Уединенный обденный зал Централли, столовую, куда вход позволялся только Преподобным Матерям. Здесь они сами обслуживали себя стоек.

Двадцать дней прошло с тех пор, как она предоставила Тегу разрабатывать будущую кампанию. Централь переполнили слухи, особенно много их было среди Прокторов, хотя никаких признаков нового голосования. Необходимо сегодня объявить новые решения и это будет нечто большее чем просто назвать имена тех, кто вместе с ней отправятся на Узловую.

Она оглядела аскетически суровую столовую с ее желтыми стенами, низким потолком, маленькими квадратными столами, которые можно составить в ряд, чтобы усадить большую группу обедающих. За окнами вдоль одной из стен зеленел сад,крытый прозрачным куполом. Карликовые абрикосовые деревья с незрелыми в это время года плодами на ветвях, газон, скамейки небольшие столики. Когда закрытый сад заливал солнечный свет. Сестры всегда предпочитали есть среди зелени Никакого солнца сегодня.

Она оставила без внимания стойку кафетерия, где ей освободили место. «После, Сестры».

У углового стола, поближе к окнам, всегда оставляемого для нее, она намеренно передвинула стулья Коричневое вертящееся кресло Белл слабо запульсировало от этого непривычного перемещения Одрейд села спиной к стойке кафетерия, зная что это будет истолковано правильно: «Оставьте меня с моими мыслями».

Ожидая, Одрейд смотрела во двор. Окружающая газон стена экзотических кустов с пурпурными листьями теперь вся покрылась красным. На невысоких стеблях поднялись огромные соцветья удивительных цветов, нижние их лепестки были слегка подернуты желтым.

Первой появилась Беллонда, упала в свое кресло, не проронив ни слова о том, что оно сегодня стоит не на своем месте. Белл зачастую появлялась на люди в довольно неряшливом виде: пояс болтается, роба смята, на груди крошки еды. Сегодня все было иначе.

«С чего это вдруг??

— Там и Шиана запоздают, — сказала Беллонда.

Одрейд приняла это к сведению, не отрывая взгляда от этой новой Беллонды. Не похудела ли она? На самом деле не было никакого способа совершенно изолировать Великую Мать от того, что происходило в пределах ее восприятия, но иногда срочность текущих дел отвлекала ее от мелких изменений. Впрочем, это было естественной для Преподобной Матери привычкой, и негативные свидетельства несли в себе столько же информации как и позитивные. Подумав, Одрейд осознала,

что эта новая Беллонда с ними уже несколько недель.

Что-то произошло с Беллондой. Любая Преподобная Мать способна в разумных пределах контролировать свой вес и фигуру. Дело внутренней химии притушить огонь или давать ему разгореться. Уже многие годы мятежная Беллонда кичилась тучностью.

— Ты сбавила вес, — сказала Одрейд.

— Жир начинал уж слишком стеснять меня в движениях.

Это никогда не было для Беллонды достаточной причиной, чтобы менять свои привычки. Неповоротливость тела она всегда компенсировала быстротой ума, проекциями и скоростным транспортом.

— Слова Дункана действительно тебя проняли, так ведь?

— Я не ханжа и не преступница!

— Думаю, пора послать тебя куда-нибудь в ссылку.

Эти временные всплески юмора обычно раздражали Беллонду. Сегодня она пропустила замечание Одрейд мимо ушей, но под нажимом пристального взгляда Одрейд ей пришлось все же сказать:

— Если тебе так необходимо знать, дело в Шиане. Она наседала на меня, чтобы я что-то сделала со своей внешностью и больше общалась с людьми. Как она меня этим раздражала! Я это делаю, чтобы она заткнулась.

— А почему Там и Шиана запаздывают?

— Просматривают записи твоего последнего разговора с Дунканом. Я основательно ограничила к нему доступ. Кто может предугадать, что произойдет, если это станет общеизвестно.

— Но станет ведь.

— Неизбежно. Я только пытаюсь выиграть для нас время.

— Я не хотела, чтобы это скрывали, Белл.

— Дар, что ты собираешься делать?

— Это я объявлю на Синоде.

Ни слова в ответ, но Беллонда уставилась на нее в крайнем изумлении. — Это мое право — созвать Синод, — сказала Одрейд.

Беллонда откинулась на спинку кресла и стала изучающе рассматривать Одрейд, оценивая, задавая вопросы... все без единого слова. Последний раз Синод в ордене Бене Джессерит созывали сразу после смерти Тирана. А до того — когда Тиран захватил власть. Со времени первых атак Чтымых Матр казалась невозможной сама мысль о созыве Синода. Слишком много времени и рабочих рук придется оторвать от отчаянно срочных работ.

В настоящее же время Беллонда спросила:

— Ты рискнешь привезти сюда Сестер из уцелевших Обителей?

— Нет. Их будет представлять Дортуйла. Как ты знаешь, имелся подобный прецедент.

— Сначала, ты освобождаешь Мурбеллу, теперь — Синод.

— Освобождаю? Мурбелла связана золотыми узами. Куда она денется без Дункана?

— Но ты дала Дункану свободу покинуть корабль!

— Сделал он это?

— Ты думаешь, все, что он достает из систем корабля, это информация из корабельного арсенала?

— Я знаю.

— Это мне напоминает Джессику, повернувшуюся спиной к Ментату, который мог бы убить ее.

— Ментат был обездвижен собственными убеждениями.

— Иногда бык поднимает на рога матадора. Дар.

— Чаще, нет.

— Наше выживание не должно зависеть от статистики!

— Согласна. Вот почему я созываю Синод.

— Включая алкоголиков. — Всех.

— Даже Мурбеллу? Она получит голос послушницы?

— Думаю, к тому времени она, возможно, будет уже Преподобной Матерью. — Ты слишком спешишь. Дар! — выдохнула Беллонда.

— Иногда этого требует ситуация.

Беллонда бросила взгляд в сторону двери.

— Вот идет Там. Позже, чем я ожидала. Интересно, не задержались ли они, чтобы проконсультироваться с Мурбеллой?

Задыхаясь от быстрой ходьбы, подошла Тамалан, опустилась в свое кресло, но тут заметила, что оно стоит иначе, и сказала:

— Шиана сейчас подойдет. Она показывает записи Мурбелле.

— Она собирается провести Мурбеллу через Агонию и созвать Синод, сказала Беллонда, обращаясь к Тамалан.

— Я ничуть не удивлена, — Тамалан как всегда четко выговаривала слова. — Нужно как можно скорее решить, на каком положении здесь находится эта Чтимая Матре.

К ним присоединилась Шиана, опустившись в кресло слева от Одрейд со словами:

— Вы наблюдали, как Мурбелла ходит?

Этот вопрос, заданный без всякой преамбулы и столь неожиданно, застал Одрейд врасплох и заставил ее насторожиться. «Мурбелла, которая ходит по кораблю». Они за ней наблюдали не далее как сегодня утром. Как красива Мурбелла, и никуда от этого не скрыться. Для остальных Бене Джессерит, что для послушниц, что для Преподобных Матерей, она была чем-то экзотическим. Уже будучи взрослой, она прибыла из опасного Извне. «Одна из них». Но взгляд приковывали к себе именно ее движения. Гомеостазис в ней далеко превосходил любую норму.

Вопрос Шианы направлял внимание наблюдателя на нечто иное. Нечто в спокойно приемлемой походке Мурбеллы требовало нового изучения. Что именно?

Все движения Мурбеллы всегда были тщательно рассчитаны. Она исключала все, чего не требовалось для того, чтобы пройти из одного места в другое. «Путь наименьшего сопротивления?» Это представление о Мурбелле заставило Одрейд подобраться. Шиана, конечно же, это тоже заметила. Что Мурбелла одна из тех, кто каждый раз выбирает самых легких путь? На лицах своих собеседниц Одрейд видела именно этот вопрос.

— Агония все прояснит, — сказала Тамалан.

— Возможно, все дело в том, что она не теряет попусту энергию. Но я согласна с Там. Агония.

— Не совершают ли мы ужасной ошибки? — спросила Беллонда.

Из того, как задан был этот вопрос, Одрейд поняла, что Белл пришла к умозаключению Ментата. Она увидела, что я намереваюсь сделать».

— Если у вас есть лучшие предложения, выскажите их сейчас, произнесла Одрейд. «Или сидите смирно».

Все молчали. Одрейд по очереди посмотрела на каждую из женщин, подольше задержав взгляд на Белл.

«Помогите нам, боги, кем бы вы ни были! И я, будучи Буне Джессерит, слишком агностик, чтобы предлагать вам эту мольбу с чем-то большим, чем надежда, что мы просчитали все возможности. Не открывай им этого сейчас. Бел. Если ты знаешь, что я сделаю, то понимаешь, что это должно стать явным в свое собственное время».

Беллонда, кашлянув, вывела Одрейд из задумчивости.

— Мы собираемся есть или разговаривать? Люди смотрят.

— Не стоит ли еще раз попытаться вытянуть что-то из Скитеяла? спросила Шиана.

«Это что, попытка отвлечь мое внимание??

— Ничего ему не давайте! — резковато бросила Беллонда. — Он у нас на крючке. Пусть попотеет.

Одрейд внимательно посмотрела на Беллонду. Она кипит от злости на молчание, к которому ее вынуждало тайное решение Одрейд. Избегает встречаться взглядом с Шианой. «Ревнует! Белл ревнует Шиану!?

— Теперь я только советник, но... — начала Тамалан.

— Прекрати это. Там, — оборвала ее Одрейд.

— Мы с Там обсуждали этого голу, — сказала Беллонда (Айдахо всегда превращался в «этого голу», если у Белл было наготове какое-нибудь пренебрежительное замечание.) — Почему он думал, ему нужно тайно разговаривать с Шианой? — пристальный взгляд в сторону Шианы.

Одрейд поняла, что Белл разделяет ее подозрения. «Она отказывается принять это объяснение. Она отрицает эмоциональную пристрастность Дунканы??

— Великая Мать это объяснила! — быстро заговорила Шиана.

— Эмоции! — фыркнула Беллонда.

Одрейд повысила голос, и сама удивилась такой своей реакции:

— Подавлять эмоции — слабость!

Седые брови Тамалан поползли вверх.

— Если мы не согнемся, то можем сломаться, — вмешалась Шиана.

Прежде чем Беллонда нашла что ответить, Одрейд сказала:

— Лед можно расколоть или растопить. Ледяные девы уязвимы для единой атаки.

— Я голодна, — сказала Шиана.

«Миртворчество» Неожиданная роль для Мышки.

— Осетрина, — Тамалан встала. — Надо поесть рыбки, пока наше море еще не исчезло. У нас недостаточно нуль-энтропийных запасов. Погрузившись в мягчайший поток сознания, Одрейд отметила, как Сестры отошли к стойке кафетерия. Обвинение в словах Тамейлан напомнило ей тот второй день с Шианой, второй день, после того как она вынесла приговор Великому Морю. Стоя рано утром у окна Шианы, Одрейд следила за морской птицей, улетающей на север. Здесь ее огромные белые крылья казались совершенно не на месте, но именно из-за этого и ностальгии по волнам и кружению птиц над ними невероятно прекрасными.

Белые крылья блестели в лучах утреннего солнца. Внезапно, неподвижно распустив их, птица застыла. Потом, поднявшись в воздушном течении, она по-ястребиному сложила крылья, камнем бросилась вниз и скрылась за крышей ближайшего здания. Появившись вновь, она что-то уже несла в клюве. Лакомый кусочек охотница слготнула на лету.

Морская птица, оставшаяся одна и приспособливающаяся.

«Мы адаптируемся. Мы действительно адаптируемся».

В этой мысли не было ничего успокаивающего, ничего, что дало бы минутную передышку. Скорее она шокировала. Одрейд чувствовала, что ее как будто уносит опасным течением. Не только любимый ее Дом Ордена, но и вся их человеческая вселенная вырывалась из старых, принимая новые формы. Может быть в этой новой вселенной и правильно, что Шиана продолжает скрывать что-то от Великой Матери. «А ведь она что-то скрывает».

И вновь ядовитый тон Беллонды заставили Одрейд вернуться к действительности:

— Если ты не собираешься обслужить себя сама, полагаю, нам придется позаботиться о тебе.

Беллонда поставила на стол перед Одрейд миску ароматной рыбы и тарелку с огромным ломтем

чесночного хлеба.

После того как каждая из них отведала осетрины, Беллонда положила ложку на стол и пристально взглянула на Одрейд:

— Ты не собираешься предложить, чтобы мы «любили друг друга», или еще какую-нибудь расслабляющую чушь?

— Спасибо, что принесла мне еду, — сказала Одрейд.

Шиана проглотила кусок рыбы с подливой и на лице ее появилась блаженная улыбка:

— Как вкусно!

Беллонда вернулась к еде:

— Приемлемо.

Но она явно распознала невысказанный комментарий.

Тамалан спокойно ела, переводя взгляд с Шианы на Беллонду, затем на Одрейд. Казалось, Там соглашалась со смягчением ограничений на проявление эмоций. По крайней мере, она не высказывала никаких возражений, как, скорее всего, поступят старшие во возрасту Сестры.

Любовь, которую Бене Джессерит пытаются отрицать, повсюду, думала Одрейд. В большом и в малом Сколько существует способов приготовления вкусной, поддерживающей жизнь пищи, рецептов, которые являются воплощением любви старой и новой. Эта осетрина, что так ласкает небо, истоки ее коренятся в глубокой любви: женщина у очага готовит то, что из своего улова не смог продать муж.

Сама суть Бене Джессерит таилась в любви. Иначе зачем служить всем невысказанным нуждам человечества? Зачем еще трудиться во имя его совершенствования?

Опустошив миску, Беллонда положила ложку на стол и вытерла остатки подливы кусочком хлеба.

— Любовь ослабляет нас, — сказала она, но в ее голосе не было ни силы, ни убедительности.

Послушница произнесла бы это так. Прямо таки цитата из Коды. Одрейд попыталась скрыть улыбку, и в качестве возражения процитировала другой «краеугольный камень» Коды:

— Бойся жаргона. Обычно он скрывает под собой невежество и немного несет в себе знания.

Во взгляде Беллонды появилась полная уважения настороженность.

Шиана оттолкнулась вместе со столом от стола и вытерла рот салфеткой. Тамалан сделала то же самое. Ее подвижное кресло трансформировалось, так как она откинулась на спинку.

«Тамалан знает! Хитрая старая ведьма знает меня как никто другой. Но Шиана... к какую игру она играет? Я была бы почти уверена, что она надеется отвлечь меня, чтобы я перенесла внимание на что-нибудь, кроме нее самой. Это она хорошо умеет, моя ведь ученица. Ну... в эту игру могут ведь играть и двое. Я нажму на Беллонду, но буду и наблюдать за моим маленьким эльфом с Дюны».

— Чего стоит респектабельность, Белл? — вслух спросила Одрейд.

Беллонда встретила этот выпад полным молчанием. В жаргоне Бене Джессерит скрывалось определение респектабельности, и все они его знали.

— Не стоит ли почтить память леди Джессики за ее человечность? спросила Одрейд. «Шиана удивлена.

— Джессика подвергла Общину опасности! «Беллонда обвиняет».

— Ради своих собственных Сестер будь верна, — пробормотала Тамалан.

— Наше древнее определение респектабельности помогает нам оставаться людьми, — сказала Одрейд. «Слушай меня хорошенько, Шиана».

— Если мы потеряем это, мы потеряют все, — чуть слышно прошептала Шиана.

«Так вот оно что!» Одрейд подавила вздох.

Шиана встретилась с ней глазами:

— Ты конечно, учишь нас.

— Сумеречные мысли, — пробормотала Беллонда. — Лучше избегать их.

— Тараза звала нас «Бене Джессерит последних дней», — сказала Шиана. Настроение Одрейд стало меняться в сторону самообвинений.

«Проклятие нашего теперешнего существования. Воображение Сестер способно уничтожить нас».

Как легко воображать себе будущее, которое смотрело на них во взгляде оранжевых глаз потерявших разум Чтимых Матр. Страхи из многих прошедших жизней сжимались в комок внутри Одрейд, в моменты затаенного дыхания, концентрации на когтях, сопутствующих обычно подобным глазам.

Одрейд заставила себя вернуться к насущным проблемам:

— Кто отправится со мной на Узловую?

Они знали о тех терзаниях, что выпали на долю Дортуйлы, и молва о них уже разнеслась по всему Дому Ордена.

«Кто бы ни отправился с Великой Матерью, она, возможно, станет обедом для Футаров».

— Там, — сказал Одрейд. — Ты и Дортуйла.

«И это может быть смертным приговором. Следующий шаг очевиден».

— Шиана, — продолжала Одрейд, — ты Разделишь с Там. Дортуйла и я Разделим с Белл. И также перед отправлением я Разделю с тобой.

Беллонда была ошеломлена:

— Великая Мать! Я не подхожу для того, чтобы занять твоё место.

Одрейд наблюдала за Шианой.

— Такого не предлагается. Я просто сделаю тебя хранилищем моих жизней.

На лице Шианы читался неподдельный страх, но она не осмеливалась отказаться исполнить непосредственный приказ.

Одрейд кивнула Тамалан:

— Я Разделю позднее. А вы с Шианой сделаете это сейчас.

Тамейлан наклонилась к Шиане. Тяжесть прожитых лет и надвигающаяся смерть делали это желанным для нее, но Шиана непроизвольно отпрянула.

— Теперь же! — сказала Одрейд.

Путь Там судит то, что бы ты там ни прятала.

Спасенья не было. Шиана склонила голову к Тамалан, пока они наконец не соприкоснулись лбами. Вспышка обмена пронзила столовую электрическим разрядом, и все присутствующие почувствовали это. Разговоры смолкли, все взгляды обратились к столу у окна.

Когда Шиана выпрямилась, в глазах у нее стояли слезы.

Тамалан улыбнулась и нежным, успокаивающим жестом провела руками по щекам молодой женщины.

— Все в порядке, моя милая. У всех у нас бывают такие страхи и все мы бывает делаем глупости из-за них. Но мне приятно звать тебя Сестрой.

Скажи нам. Там! Сейчас!

Но Тамалан решила этого не делать. Повернувшись лицом к Одрейд, она произнесла:

— Мы любой ценой должны держаться за то человеческое, что есть в нас. Твой урок хорошо усвоен, и ты хорошо учила Шиану.

— Когда Шиана Разделит с тобой. Дар, — начала Беллонда, — ты не могла бы уменьшить ее влияние на Айдахо?

— Я не стану ослаблять возможную Великую Мать, — ответила Одрейд. -Спасибо, Там. Мне думается, мы совершим наше путешествие на Узловую без излишнего багажа. А теперь! К вечеру мне нужен отчет о том, как идут дела у Тега. Его «пиявка» была вдали от него слишком долго.

— Он узнает, что теперь у него их две? — спросила Шиана.

«Какая радость в ее голосе!?

Одрейд встала.

«Если ее принимает Там, должна принять ее и я. Там никогда не предала бы Общину. А Шиана — изо всех нас, в Шпане больше всего проявляются естественные следы наших человеческих корней. И все лее... мне бы хотелось, чтобы она никогда не создавала ту статую, которую она называет „Пустота“.

Глава 34

К религии надо относиться как к источнику энергии. Ею можно управлять в наших целях, но только в пределах, продиктованных опытом. В этом и есть тайный смысл Свободной Воли.

Миссионария Протектива.

Первичное Наставление

Этим утром Центральную накрыло толстое облачное покрывало, и рабочий кабинет Одрад наполнился серым безмолвием, которое, по ее ощущению, отвечало ее внутреннему спокойствию, такому, словно она не осмеливалась шевелиться, чтобы не потревожить опасные силы.

«День Страстей Мурбеллы», — подумала она. — Я не должна думать о дурных предзнаменованиях».

Погода посыпала безапелляционные предупреждения об облаках. Они были случайной перестановкой. Можно было предпринять корректирующие меры, но они потребовали бы времени. К тому же ожидался сильный ветер, и возможны были осадки.

Шиана и Тамалан стояли у окна и наблюдали за слабо контролируемой погодой. Их плечи соприкасались.

Одрейд разглядывала их из своего кресла за столом. Эти двое стали словно единое существо после вчерашнего Единения, что не было неожиданностью. Прецеденты были, хотя и немногочисленные. Изменения, происходящие от ядовитой вытяжки спайса или в настоящий момент смерти не часто позволяли сохранять в дальнейшем жизненный контакт между участниками. Это было интересно наблюдать. Две спины были странно похожи в своей напряженности.

Чрезвычайная сила, что делала Единение осуществимым, вызывала мощные изменения свойств личности, и Одрад была с этим знакома с той близостью, что заставляла ее быть терпимой. Что бы ни скрывала Шиана, то же скрывала и Там.

«Нечто связанное с основой человеческой сути Шианы». А Там можно было верить. Покуда другая Сестра не вошла в Единение с одной из них, следовало принимать суждения Там. Не то, чтобы комиссия перестала ежеминутно исследовать и наблюдать, но только нового кризиса им сейчас и не хватало. — Это день Мурбеллы, — сказала Одрейд.

— Если дурные обстоятельства надолго, она не выживет, — сказала Беллонда, ссутулившись в своем кресле. — И что тогда будет с нашим драгоценным планом?

«Нашим планом!?

— Чрезвычайная ситуация, — сказала Одрейд.

В этом контексте слова имели несколько значений. Беллонда поняла их как возможность обретения личной памяти Марбеллы в момент ее смерти.

— Тогда мы не должны позволять Айдахо наблюдать!

— Мой приказ остается в силе, — сказала Одрейд. — Это желание Мурбеллы и я дала слово.

— Ошибка... ошибка... — пробормотала Беллонда.

Одрейд знала источник сомнений Беллонды. Это было очевидно всем где-то в Мурбелле таилось нечто чрезвычайно болезненное. Это заставляло ее отшатываться от определенных вопросов, как животное, что столкнулось с хищником. Что бы это ни было, дело зашло далеко. Гипнотрансная индукция могла и не объяснить этого.

— Ладно! — Одрейд говорила громко, чтобы подчеркнуть, что это для всех ее слушателей. — Мы никогда не делали этого таким путем. Но мы не можем забрать Дункана с корабля, и потому мы должны поехать к нему. Он будет присутствовать.

Беллонда была все еще глубоко и искренне поражена. Ни один человек, кроме самого проклятого Квизаца Садераха и сына его Тирана никогда не принимали участия в таинстве Бене Джессерит. Оба эти чудовища пережили Страсты. Две опасности! Не имеет значения, что Страсты Тирана сработали внутри его клетки вовремя, чтобы превратить его в симбиота песчаного червя (ни червь, что был раньше, ни человек). А Муад Диб! Он отважился на Страсты и смотрите, что из этого вышло!

Шиана отвернулась от окна и сделала шаг к столу, и Одрейд испытала странное чувство, что две стоявших там женщины превратились в фигуру Януса — спина к спине, но одна личность.

— Белл смущена твоим обещанием, — сказала Шиана. Какой мягкий голос. — Он мог бы послужить катализатором, чтобы провести Мурбеллу через это, — сказала Одрейд. — Ты склонна переоценивать силу любви.

— Нет! — ответила Тамалан, стоя лицом к окну. — Мы боимся ее силы.

— Но это может быть! — Белл как всегда была насмешлива, но это было естественно для нее. Выражение ее лица свидетельствовало о том, что она оставалась непреклонно упрямой.

— Спесь, — пробормотала Шиана.

— Что? — Беллонда повернулась в своем кресле, заставив его непристойно заскрипеть.

— Мы просто переживаем упадок вместе со Скитеилом, — сказала Шиана.

— О? — Беллонду беспокоила тайна Шианы.

— Мы думаем, что творим историю, — сказала Шиана. Она снова встала рядом с Тамалан и обе стали смотреть в окно.

Беллонда вновь обратила свое внимание к Одрейд.

— Ты понимаешь это?

Одрейд не обратила на нее внимания. Пусть Ментат сама с этим разбирается. Проектор на рабочем столе щелкнул, высветив сообщение. Одрейд огласила его.

— На корабле все еще не готовы.

Она посмотрела на две напряженные спины перед окном.

«История??

Что до Дома Ордена, тут было мало того; о чем Одрейд нравилось думать как, к примеру, о творении истории до появления Достопочтенных Матерей. Только постоянное повышение уровня Преподобных Матерей, проходившее сквозь Страсти.

Как река.

Она текла и уходила куда-то. Ты мог стоять на берегу (как и они и делали, порой думалось Одрейд) и мог наблюдать течение. Карта может сказать тебе, куда течет река, но не может раскрыть более существенных вещей. Карта никогда не покажет частных рейсов речных судов. Куда они плывут? Карты имеют ценность в свое время. Распечатки или микрофильмы из Архивов. Это были не те карты, которые им требовались. Нужна была какая-нибудь получше, та, которая была привязана ко всем этим жизням. Эту карту ты можешь занести в свою память и временами извлекать ее для более тщательного рассмотрения.

«Что бы случилось с Преподобной Матерью Перинтой, которую мы послали в прошлом году??

Карта-в-Памяти приняла бы и создала «Сценарий Перинты». Она воистину твоя на реке, конечно, но разница небольшая. По-прежнему им была нужна карта.

«Нам не нравится, когда мы попадаем в какие-либо еще потоки, что не дает узнать, что будет за следующим поворотом реки. Мы всегда предпочитаем перелетать, даже если командные установки должны быть частью этих потоков. Каждый полет содержит непредсказуемые моменты».

Одрейд подняла взгляд и увидела, что трое ее собеседниц смотрят на нее. Тамалан и Шиана повернулись к окну спиной.

— Достопочтенные Матери забыли, что такой консерватизм в любой его форме может быть опасен, — сказала Одрад. — Что, и мы тоже об этом забыли? Они продолжали взирать на нее, но слушали. Стань чересчур консервативным, и ты не будешь готов к неожиданностям. Этому учили их Муаддиг, и сын его Тиран Уделал этот урок навсегда незабываемым.

Угрюмое выражение не сходило с лица Беллонды. В глубине сознания Одрейд прошептала Тараза: «Осторожнее, Дар. Мне везло. Я быстро захватывала преимущество. Как и ты. Но ты не можешь зависеть от удачи, и именно это их и заботит. Никогда даже и не жди удачи. Куда лучше доверять своему отражению в воде. Пусть Белл скажет свое слово».

— Белл, — сказала Одрейд, — Я думала, что ты примирилась с Дунканом. — В пределах, — определенно с оттенком обвинения.

— Мне кажется, что нам следует отправиться на корабль, — заговорила Шиана с ноткой требовательности. — Не время ждать. Неужели мы боимся того, чем она может стать?

Там и Шиана одновременно повернулись к двери, словно один и тот же кукловод дергал их за ниточки. Одрейд обнаружила, что приветствует это вмешательство. Вопрос Шианы насторожил их.

?Чем может стать Мурбелла? Катализатором, Сестры мои. Катализатором». Порыв ветра ударил им в лицо, когда они вышли из Центральной, и Одрейд сразу же возблагодарила существование пневматического транспорта. Прогулки могли подождать до более теплых времен без этих вспышек ураганчиков, что рвали их одежду. Когда они сели в частный экипаж, Беллонда еще раз повторила свой обвиняющий припев:

— Все, что он делает, может быть маскировкой.

Еще раз Одрейд провозгласила часто повторяемое предостережение Бене Джесссерит ограничивать свое доверие Ментатам.

— Логика слепа и часто понимает лишь свое собственное прошлое.

Тамалан вступила в разговор с неожиданной поддержкой.

— Ты становишься пааноиком, Белл!

Шиана заговорила более мягко.

— Я слышала, как ты, Белл, говорила, что логика хороша для игры в пирамидальные шахматы, но часто она слишком медленно помогает в нуждах выживания.

Беллонда сидела в накаленном молчании, и лишь слабое шипящее урчание движения в трубе нарушало тишину. Одрейд заговорила под стать Шиане. «Нельзя с раной в душе ехать на корабль».

— Белл, дорогая Белл. У нас нет времени рассматривать все ответвления состояния наших дел. Мне не можем более говорить: «Если случится то, то конечно должно воспоследовать это, и в таком случае наши действия должны быть такими-то и такими-то, и такими-то...?

Беллонда откровенно хихикнула.

— Ох какая я! В заурядном разуме может быть подобный беспорядок. И я не должна требовать того, что нужно нам всем, но чего мы иметь не можем достаточного времени для каждого плана.

Это говорила им Беллонда Ментат, показывая им, что знала о трещине, проделанной гордыней в ее заурядном разуме. Что же за глупо организованным, неопрятным местом был этот разум... «Представить только, до чего додумался бы не-Ментат, будь у него такая каша в голове». Она протянула руку через проход между креслами и похлопала Одрейд по плечу.

— Все в порядке. Дар. Я буду работать.

Что бы подумал посторонний, увидев такой обмен любезностями, спросила себя Одрейд. Все четверо, они действовали сообща ради одной из Сестер. «Равно как и ради Страстей Мурбеллы».

Люди видели лишь внешнюю сторону личины Преподобных Матерей, что носили они.

«Когда мы должны (как большую часть времени в эти дни), мы действуем на потрясающем уровне компетенции. И в том нет гордыни — это всего лишь факт. Но стоит нам расслабиться, как по краям проступает тарабарщина, как и у обычных людей. В нашей только смысла больше. Мы проводим нашу жизнь не в такой толпе, как прочие. Пространство для ума, пространство для тела». Беллонда успокоилась, стиснула колени руками. Она знала, что задумала Одрейд и держала это при себе. Это было доверие, что уходило за пределы Проекции Ментата в нечто более человеческое в своей основе. Проекция была замечательно приемлемым орудием, но всего лишь орудием. Короче говоря, всем орудиям требуется тот, кто их употребляет. Одрейд не знала, как выразить свою благодарность, не уменьшая доверия.

«Я должна идти по своему канату в молчании».

Она почувствовала под собой глубокую расселину, кошмар, вызванный в воображении этими раздумьями. Приблизился невидимый охотник с секирой. Одрад хотела повернуться и опознать крадущегося за дичью, но не поддалась искушению.

«Я не повторю ошибки Муаддива!» Провидческое предупреждение, которое она впервые ощутила на Дюне в руинах Сиетч Табр нельзя изгнать, покуда не придет конец ей или общине Сестер. «Не создала ли я эту ужасную угрозу своими собственными страхами? Нет, конечно!» Все же она по-прежнему ощущала себя так, словно всматривалась в глубины Времени в этой древней цитадели

Фримена, как будто все прошедшее и грядущее застыло картиной, которую невозможно было изменить. «Я должна полностью вырваться от тебя, Муад Диб!?

Их прибытие на Посадочную Площадку вывело ее из этой пугающей медитации.

Мурбелла ожидала в комнате, приготовленной Поверенными. В центре ее был маленький амфитеатр, метров семи в длину. Поверенные оставили ее без всяких объяснений на нижней скамье смотреть на супензорный стол. По сторонам свисали ремни, чтобы удерживать всякого, кто ляжет на него. «Меня».

Ошеломляющая серия комнат, подумала она. Ей раньше никогда не позволялось бывать в этой части корабля. Здесь она чувствовала себя беззащитной, даже больше, чем под открытым небом. Меньшие комнаты, через которые ее вели к этому амфитеатру, были явно предназначены для медицинских экстренных случаев — реанимационное оборудование, санитарные запахи, антисептика.

В эту комнату ее привели, не допуская никаких возражений, ни на один ее вопрос не отвечали. Поверенные забрали ее с занятий курса повышенного типа для послушниц по прана-бинду. Сказали только одно: «Приказ Настоятельницы». Поверенные очень хорошо объяснили ей достоинства ее охраны. «Ласково, но твердо». Они были здесь, чтобы не дать ей сбежать и удостовериться, что она пойдет туда, куда приказано. «Я же не стану пытаться убежать!?

Где Дункан?

Одрейд обещала, что он будет рядом с ней во время ее Страстей Не значило ли его отсутствие то, что приговор еще не окончательный? Или они прячут его за какой-то потайной стеной, сквозь которую он может видеть, оставаясь невидимым?

«Я хочу, чтобы он был рядом со мной!?

Неужели они не знают, как ей управлять? Уж конечно, знают!

«Стоит только пригрозить, что отнимут этого мужчину у меня. Этого довольно, чтобы удержать меня и успокоить мои сомнения. Успокоить! Какое бессмысленное слово. Завершить меня. Это вернее. Я умоляю, когда мы в разлуке. И он тоже об этом знает, будь он проклят».

Мурбелла улыбнулась.

«Откуда ему знать? Да потому, что он становится целостным таким же образом».

Но как может это быть любовью? Она не ощущала слабости от напряжения сил или желания. Бене Джессерит и Достопочтенные Матери говорили, что любовь ослабляет. А она чувствовала, что Дункан придает ей сил. Даже малейший знак его внимания придавал сил. Когда он приносил ей дымящуюся чашку бодрящего чая поутру, питье, поданное именно его руками, действовало лучше. «Возможно, между нами нечто большее, чем любовь».

Одрейд и сопровождающие вошли в амфитеатр с верхнего ряда и остановилась на миг, глядя вниз на сидящую фигурку. Мурбелла была одета в опрятное белое длинное платье старшей послушницы. Она сидела, облокотившись о колено, подперев кулаком подбородок, сконцентрировав внимание на столе.

«Она знает».

— Где Дункан? — спросила Одрейд.

Мурбелла встала и обернулась на ее слова. Вопрос подтвердил ее подозрения.

— Я пойду выясню, — сказала Шиана и покинула их.

Мурбелла ждала в молчании, отвечая Одрейд пристальным взглядом на пристальный взгляд.

«Мы обязаны забрать ее», — подумала Одрад. Никогда Бене Джессерит не был в такой нужде. Какой же незначительной фигурой казалась стоящая внизу Мурбелла, чтобы нести в себе столь многое. Почти овальное лицо, расширявшееся ко лбу, показывало новое строение лица для Сестер Бене Джессерит. Широко посаженные зеленые глаза, изогнутые брови — уже не косые, — уже не оранжевые. Маленький рот — уже не пухлый.

«Она готова».

Шиана вернулась вместе с Дунканом. Одрейд бросила на него короткий взгляд. «Нервничает. Значит, Шиана рассказала ему. Хорошо». Это было по-дружески. Ему могут понадобиться здесь друзья.

— Ты будешь сидеть здесь, покуда я не позову тебя, — сказала Одрейд. — Останься с ним, Шиана.

Без приказа Тамалан стала рядом с Дунканом — каждая из них с одной стороны. По мягкому знаку Шианы они вместе с Беллондой Одрейд спустилась к ярусу, где сидела Мурбелла и подошла к столу. Оральные шприцы на дальнем конце стола были готовы для установки в нужное положение, но еще не заполнены. Одрейд показала на шприцы и кивнула Беллонде, которая вышла в боковую дверь, чтобы разыскать Преподобную Матерь Сьюк и затребовать у нее вытяжку спайса.

Отодвинув стол от задней стены, Одрейд начала убирать ремни и прилаживать подушки. Она двигалась методично, проверяя, чтобы на маленьком поддоне под столом было все необходимое. Подушечка для рта чтобы переживающая Страсти не прокусила себе язык. Одрейд попробовала ее, чтобы удостовериться в ее крепости.

У Мурбеллы были сильные челюсти.

Мурбелла наблюдала за работой Одрейд, сохраняя молчание, пытаясь не производить вносящего беспорядок шума.

Беллонда вернулась с вытяжкой спайса и занялась наполнением шприцев Ядовитая вытяжка имела едкий запах — горькой корицы.

Поймав внимательный взгляд Одрейд, Мурбелла сказала:

— Благодарю вас за то, что вы сами занялись этим.

— Она благодарит! — презрительно усмехнулась Беллонда, даже не глядя на свою работу.

— Оставь это мне, Белл, — Одрейд продолжала смотреть на Мурбеллу.

Беллонда не остановилась, но нечто скрытое появилось в ее движениях, Беллонда стушевалась? Мурбеллу не переставало удивлять то, как послушницы смущались в Присутствии Матери Настоятельницы. Но здесь-то ни одной послушницы не было. Мурбелла никогда не могла полностью этого постигнуть, даже когда оканчивала послушничество и переходила в следующий статус. «И Беллонда тоже??

Пристально глядя на Мурбеллу, Одрейд сказала:

— Я знаю, что заповедные уголки в твоей душе не позволяют тебе полностью положиться на нас. Хорошо и славно. Я не стану приводить доводов по этому поводу, поскольку в целом они мало чем отличаются от тех, что есть в душе каждой из нас.

«Искренне».

— Различие, если пожелаешь знать, в чувстве ответственности. Я ответственна перед Сестрами... в той степени, в какой мои обязанности еще существуют. Это высокие обязанности, и на одну из них я временами смотрю предвзято.

Беллонда фыркнула.

Одрейд сделала вид, что не заметила этого и продолжила.

— Сестринство Бене Джессерит со времен Тирана преследуют некоторые неудачи. Наш контакт с твоими Достопочтенными Матерями не улучшил дела. Достопочтенные Матери распространяют вокруг себя зловоние смерти и упадка, скатываясь к Великому Молчанию.

— Почему вы мне говорите это сейчас? — со страхом в голосе спросила Мурбелла.

— Потому, что каким-то образом упадок Достопочтенных Матерей не коснулся тебя. Возможно, из-за твоего непосредственного нрава. Хотя со времен Гамму он несколько поутих.

— Это вы сделали!

— Мы только немного утихомирили твою дикость, придав тебе большую уравновешенность. И благодаря этому ты сможешь жить дольше и в большем здравии.

— Если я переживу это! — она резко показала головой на стол у себя за спиной.

— Равновесие — это то, о чем ты должна помнить, Мурбелла. Гомеостаз. Любая группа, что выбирает самоубийство, когда есть и другой выбор, совершает это от безумия. Гомеостаз становится непрочным.

Когда Мурбелла опустила взгляд долу, Беллонда выкрикнула:

— Слушай ее, дуреха! Она делает все, что в ее силах, чтобы помочь тебе.

— Все хорошо, Белл. Это наше дело.

Мурбелла резко подняла голову и уставилась в глаза Одрад.

Эту тактику Одрейд использовала нечасто, но с блестящими результатами. Это могло успокоить истерику послушниц и научить их, как справляться с повышенной эмоциональностью. Мурбелла казалась скорее разгневанной, чем испуганной. Великолепно? Но теперь пришла пора для предостережений.

— Ты жаловалась на медленность твоего обучения, — сказала Одрейд. -Это было прежде всего сделано потому, что ты нуждалась в нашем разуме. Все твои ведущие наставники были выбраны по принципу твердости, ни один из них не импульсивен. Мои инструкции были четкими: не давать тебе слишком много способностей слишком скоро. Не открывать шлюзов мощи, которая может быть больше, чем ты сможешь управлять.

— Откуда вы знаете, чем я могу управлять? — все еще злится.

Одрейд только улыбнулась. Одрейд продолжала хранить молчание, и Мурбелла, казалось, начала волноваться. Неужели она показала свою глупость перед лицом Матери Настоятельницы, Дунканом и прочими? Как унизительно... Одрад напомнила себе, что не стоит давать Мурбелле слишком четко сознавать свою беззащитность. Сейчас это дурная тактика. Не надо провоцировать ее. У нее острое чувство уместности, соответствия себя моменту. Это было то, что, как они опасались, может всегда послужить источником мотивации к выбору пути наименьшего сопротивления. «Да не будет так». Теперь полная откровенность! Последнее средство обучения Бене Джессерит. Классический прием, что привязывает послушницу к наставнику.

— Я буду рядом с тобой во все времена твоих Страстей. Если ты потерпишь неудачу, я буду горевать.

— А Дункан? — в ее глазах стояли слезы.

— Ему будет позволено оказать любую помощь, на которую он способен. Мурбелла подняла взгляд на ряды сидений и на миг ее взгляд пересекся со взглядом Айдахо. Он приподнялся, но Рука Тамалан на его плече удержала его.

«Они могут убить мою возлюбленную, — думал Айдахо. — „И я должен сидеть и смотреть на это.“ Но ведь Одрейд сказала, что ему позволят помочь... Теперь ничто не остановит этого. Я должен верить Дар. Но, о боги внизу! Она же не знает о том, как мне будет больно, если... если...» Он закрыл глаза.

— Белл. — В голосе Одрейд слышалось, что пора кончать. Острие кинжала в своей ломкости.

Беллонда взяла Мурбеллу за руку и помогла ей лечь на стол. Он слегка покачнулся, принарываясь к ее весу.

«Прямо как лодка на стремнине», — подумала Мурбелла. Она лишь отдаленно воспринимала ремни, которые закрепляли на ней, нарочитое движение под собой.

— Это обычная рутинा, — сказала Одрейд.

«Рутина?» Мурбелла ненавидела рутину послушничества в Бене Джессерит, все это обучение, выслушивание и реакция на Поверенных... Она особенно ненавидела необходимость оттачивать реакции, которые она считала адекватными, но сбросить кожу под взглядом этих пристальных глаз было невозможно.

«Адекватные! Какое опасное слово».

Это осознание было как раз тем, чего добивались. Как раз то средство воздействия, которое требовалось для их послушницы.

«Если тебе это ненавистно, сделай это лучше. Используй свое отвращение как руководство — нацеливайся точно на то, что тебе нужно».

То, что ее наставники так пристально наблюдали за ее поведением — ну, не замечательно ли! Она хотела этой возможности. О, как она этого хотела! «Я должна выделяться этим».

Это было тем, чему могла позавидовать каждая Достопочтенная Мать. На миг она увидела себя как бы двойным взглядом — одновременно глазами бенегессеритки и Достопочтенной Матери. Пугающее, восприятие.

Ее щеки коснулась рука, подвинула ее голову и исчезла. «Ответственность. Я почти усвоила, что

они имеют в виду под „новым чувством истории“.

Взгляд на историю ордена Бене Джессерит зачаровывал ее. Как они могут рассматривать множественные прошлые? Было ли это включено в более величественную схему? Искушение стать одной из них было всепоглощающим. «Это момент, когда я узнаю».

Она увидела, как оральный шприц поднялся в положение над ее ртом. Его подвинула Беллонда.

— Мы несем наш Грааль в своей голове, — сказала Одрейд. — Неси же этот Грааль осторожно, ежели он твой.

Шприц коснулся ее губ. Мурбелла закрыла глаза, но ощутила, как пальцы раздвигают ее губы. Холодный металл коснулся зубов. С нею был напоминающий голос Одрейд.

«Избегай чрезмерности. Слишком усердная корректировка приведет к тому, что в твоих руках будет всегда мешанина, всегда будет необходимость все больших и больших поправок. Осцилляции. Фанатики, замечательные творцы осцилляции».

— Наш Грааль. Он линеен, ибо каждая Преподобная Матерь несет одну и ту же определенность. Вместе мы сохраним его.

Горькая жидкость хлынула ей в рот. Мурбелла судорожно сглотнула. Она ощущала, как пламя потекло вниз по горлу в желудок. Никакой боли — только жжение. Она подумала — может, это и есть мера? Ее желудок сейчас ощущал только тепло. Медленно, так медленно, только через несколько биений сердца она осознала, что тепло изливается наружу. Когда оно достигло кончиков ее пальцев, она ощущала, как содрогнулось ее тело. Спина ее изогнулась над подушками стола. Что-то мягкое, но прочное заменило шприц в ее рту. Голоса. Она слышала их и знала, что это говорят люди, но слов разобрать не могла. Сконцентрировавшись на голосах, она вдруг осознала, что потеряла контакт с собственным телом. Где-то корчилось от боли тело, но она была далека от него. Рука коснулась ее руки и крепко сжала ее. Она узнала прикосновение Дунканы, и внезапно вернулась к своему телу и его страданиям. Ее легкие отзывались болью, когда она выдыхала. Но не во время вдоха. Тогда они казались пустыми и неспособными наполниться вновь. Ее чувство бытия в живой плоти стало тонкой нитью, что вилась сквозь множество сущностей. Она ощущала всех вокруг себя, куда больше, чем могли собраться в маленьком амфитеатре. Еще одно человеческое существо вплыло в поле ее зрения. Мурбелла ощущала себя в фабрике-челноке... в космосе. Челнок был примитивным. Слишком сильный ручной контроль. Слишком много слепящего света. У рычагов управления женщина, маленькая и неопрятная, в поту от трудов. У нее длинные каштановые волосы, свернутые узлом на голове, откуда выбиваются пряди посветлее и висят вдоль узких щек. На ней только короткое платье ярких цветов — красного, синего и зеленого. «Машины».

Было осознание чудовищной машины как раз под ее сиюминутным пространством. Платье женщины резко контрастировало с однообразностью и тягучим ощущением машин. Она заговорила, но ее губы не шевелились...

— Слушай! Когда настанет время тебе взяться за эти рычаги, не становись разрушителем. Я здесь, чтобы помочь тебе избежать разрушителей. Ты это понимаешь?

Мурбелла попыталась заговорить, но у нее не было голоса.

— Не старайся так, девочка! — сказала женщина. — Я слышу тебя.

Мурбелла попыталась отвлечься от женщины.

«Что это за место??

Оператор, огромный пакгауз... фабрика... все автоматизировано... паутина линий обратной связи стекается в центр этого маленького пространства с комплексным контролем.

— Кто вы? — спросила Мурбелла, думая, что прошепчет. И услышала, как «взревел ее голос. Агония слуха!

— Не так громко! Я твой ведущий в мохалате, одна из двух, кто помогает тебе избежать разрушителей.

«Дар защищает меня, — подумала Мурбелла. — Это я не где-то, это во мне самой!» На этой мысли контрольная комната исчезла. Она была перелетная птица в пустоте, обреченная на вечный непокой, и нет ей ни минуты покоя. Все, кроме ее мимолетных мыслей было нематериальным. У нее не было плоти, только тонкая привязь, которую она признавала сознанием.

«Я создала себя сама из дымки».

Возникла другая Память, кусочки и осколки чужого, как знала она, опыта. На нее искоса смотрели лица, и требовали ее внимания, но женщина и управление членок вытолкнули ее. Мурбелла осознавала необходимость этих последовательных смен картин, но не могла осознанно сформулировать их.

— Это жизни твоего прошлого. — Это говорила женщина, управляющая членоком, но ее голос был бестелесной сущностью и шел из неопределенности. — Мы потомки людей, которые делали отвратительные вещи, — сказала женщина. — Мы не любим признавать, что у нас в предках были варвары. Но Преподобная Матерь обязана это признавать. У нас нет выбора.

Мурбелла изловчилась теперь только подумать о своих вопросах.

«Почему я...?

— Победители размножаются. Мы их потомки. Победа часто стоит высокой моральной платы. Варварство не является даже точным словом для кое-чего, что делали наши предки.

Мурбелла ощутила знакомую руку на щеке.

«Дункан!» Прикосновение вернуло страдания. «О, Дункан, ты делаешь мне больно».

Сквозь страдания она почувствовала разрывы в жизнях, что разворачивались перед ней. Кое что удерживалось.

— Только то, что ты способна сейчас воспринять, — сказал бестелесный голос. — Остальное придет потом, когда ты станешь сильнее... если выживешь.

?Селективный фильтр». Слова Одрад. «Необходимость открывает двери».

Постоянные стенания исходили от других сущностей.

— Видишь? Видишь, что случается, когда ты пренебрегаешь здравым смыслом?

Боль усилилась. Она не могла избежать ее. Каждого нерва касалось пламя. Она хотела закричать, провизжать угрозу, умолять о помощи... Страсти сопровождались смятанными чувствами, но она проигнорировала их. Все шло по тонкой нити бытия. И нить могла оборваться!

«Я умираю».

Нить натянулась. Она шла на разрыв! Бесполезно сопротивляться. Мышцы не станут слушаться. А может, у нее и не осталось мышц. В любом случае она не хотела их иметь. Они болели. Это был ад, и несть конца... даже если нить лопнет. Огонь бежал по нити, его языки лизали ее сознание.

Чьи-то руки трясли ее за плечи. «Дункан... не надо...» Каждое движение причиняло боль, сильнее, нежели она могла представить. Это заслуживало названия Страстей.

Нить больше не растягивалась, она сокращалась, сжималась. Она стала одним маленьким предметом, веретенцем такой острой боли, что кроме нее уже ничего не существовало. Ощущение бытия стало смутным, полупрозрачным... прозрачным...

— Ты видишь? — послышался издали голос ее ведущего в мохалате.

«Я вижу нечто».

Не совсем видела. Скорее, это было отдаленное осознание присутствия других. Других веретенец. Иная Память облекалась в оболочки утраченных жизней. Они тянулись позади нее чередой, длину которой она не могла определить. Полупрозрачный туман. Он временами раздавался, и она могла мельком улавливать происходящее. Нет... не сами события. Память.

— Поделись увиденным, — сказала ее ведущая. — Ты видишь, что сделали наши предки. Они унизились до наихудшего проклятия, которое только можно изобрести. Не списывай на требования времени! Помни: невинных нет! «Безобразно! Безобразно!?

Она не могла задержаться ни на одном из них. Все стало отблесками и рвущимся туманом. Где-то было сияние, к которому, как она знала, она могла причаститься.

«Отсутствие этих Страстей».

Это было так. Как прекрасно было бы это!

«Где же это сияющее состояние??

Губы коснулись ее лба, ее рта. «Дункан!» Она потянулась к нему. «Мои руки свободны». Ее пальцы скользнули в знакомые волосы. «Это на самом деле!?

Боль утихала. Только теперь она осознала, что прошла через страдания, более жестокие, чем способен выразить язык. Страсти? Они иссущили ее душу и переплавили ее. Она вошла в Страсти одной личностью и вышла другой. «Дункан!» Она открыла глаза и увидела прямо над собой его лицо. «Я все еще люблю его? Он здесь. Он тот якорь, за который я держалась в самые тяжелые мгновения. Но люблю ли я его? Я все еще в равновесии??

Ответа нет.

Одрейд заговорила откуда-то из-за пределов ее зрения.

— Снимите с нее эту одежду. Полотенца. Она вся взмокла. И принесите ей подобающие одежды!

Звуки суеты, затем снова Одрейд.

— Мурбелла, ты прошла этим тяжким путем, и я счастлива сказать об этом.

Такой восторг в ее голосе... Почему она счастлива?

«Где же чувство ответственности? Где Грааль, который я должна ощутить в своей душе? Да ответьте же, кто-нибудь!?

Но женщина в операторской членока исчезла.

«Осталась только я. И я помню жестокости, от которых должны содрогнуться Достопочтенные Матери». Затем она мельком ощутила Грааль, и был он не вещью а вопросом — как же сделать равновесие верным?

Глава 35

Наш домашний бог — это дело, которое мы продвигаем в течение поколений, наше послание человечеству, ежели оно доживет до зрелости. Ближайшее к домашней богине, что у нас есть — это падшая Преподобная Матерь — Ченоэх стоит в своей нише.

Дарви Одрейд.

Айдахо думал сейчас о своих способностях Ментата как об убежище. Мурбелла оставалась с ним так часто, как позволяли их обязанности — он со своими разработками оружия и она, восстанавливавшая силы, покуда не привыкнет к своему новому статусу.

Она не лгала ему. Она не пыталась говорить, что не чувствует различия между ними. Но он ощущал отторжение. Эластичная нить натянулась до предела.

— Мои Сестры учили меня не открывать сердечные тайны. Они видят опасность в любви. Опасную близость. Притупляется тонкость ощущений. Нельзя давать другому палку, которой тебя будут бить.

Она думала, что слова успокоят его, но он слышал скрытые доводы: «Будь свободен! Вырвись из спутанных оков!»

Он часто видел ее в эти дни в муках Иной Памяти. Ночью она исходила словами.

— Зависимости... групповая душа... скрещение живых сознаний... Говорящие с Рыбами...

Она без колебаний делилась частью из них.

— Скрещение? Некоторые могут ощущать узловые точки в естественном нарушении жизни. Смерти, отклонения, случайные паузы между мощными потрясениями, рождения...

— Рождение есть вмешательство?

Они лежали в его постели, даже хроно был погашен, но это не скрывало их, конечно, от наблюдения. Любопытство Сестринства питала иная энергия.

— Ты никогда не думал о рождении как о вмешательстве? Преподобные Матери находят это забавным.

«Забавным! Отторжение... отталкивание...?

Говорящие с Рыбами — это было откровение, с восторгом принятое бенегессеритками. Они подозревали об этом, но Мурбелла дала им подтверждение. Демократия Говорящих с Рыбами стала автократией Достопочтенных Матерей. Сомнений больше не было.

— Тирания меньшинства, скрытого под маской большинства, — ликующее провозгласила Одрейд. — Падение демократии. Обе ниспровергнуты, будучи пожранными разросшейся бюрократией.

Айдахо мог услышать в этом суждении Тирана. Если история имеет повторяющийся рисунок, то пример был налицо. Барабанный бой повторения. Сначала — закон Гражданской Службы, замаскированный ложью о том, что нет другого пути исправить избыток демагогии и грабительскую систему. Затем Накопление власти в местах, до которых не добираться избирателям. И, наконец, аристократия.

— Только Бене Джессерит может создать всесильный суд присяжных, сказала Мурбелла. — Присяжные непопулярны среди законников. Присяжные противостоят закону. Они могут игнорировать судей.

Она рассмеялась в темноте.

— Это же очевидно! Что есть очевидность как не то, что тебе дозволено понять? Вот чем пытается повелевать Закон — тщательно управляемой реальностью.

Слова, назначенные отвлечь его, продемонстрировать ее новую власть бенегессеритки. Ее слова любви стали пустыми.

«Она лишь по памяти произносит их».

Он видел эту надоедливую Одрейд так часто, что это доводило его почти до ужаса. Мурбелла же не замечала реакции ни того, ни другого. Одрад пыталась утешить его.

— Всякая новопосвященная Преподобная Матерь проходит через этот период привыкания. Временами сумасшедший. Подумай о новой почве под ее ногами, Дункан!

«А как не думать??

— Первое правило бюрократии, — изрекла в темноте Мурбелла.

«Ты не развлекаешь меня, любовь моя».

— Дорести до пределов доступной энергии! — ее голос воистину был сумасшедшим. — Использовать ложь, что возьмет цену за решение всех проблем! — Она повернулась в постели к нему, но не для любви. -Достопочтенные Матери играют роль полной рутины! Даже система социальной защиты, предназначенная для успокоения масс, все идет в их собственный запас энергии!

— Мурбелла!

— Что? — Она была удивлена резкостью его тона. «Разве он не знает, что говорит с Преподобной Матерью??

— Я все это знаю, Мурбелла. Как любой Ментат.

— Ты что, пытаешься заставить меня замолчать? — Сердится.

— Это наша задача — рассуждать как наш враг, — сказал он. — Ведь у нас действительно общий враг?

— Ты насмехаешься надо мной, Дункан!

— Разве у тебя оранжевые глаза?

— Смешение не допускает этого, и ты знаешь... О.

— Бене Джессерит нужны твои знания, но ты обязана развивать их! — он повернул выключатель шарового светильника и увидел, как она сверкает на него глазами. Не неожиданное и не до конца бенегессеритка.

Гибрид.

Слово прямо выскоило из его памяти. Что такое сила гибрида? И ожидало ли Сестринство этого от Мурбеллы? Иногда бенегессеритки могут удивить. Можешь столкнуться с ними в странных коридорах, с застывшим взглядом, с как обычно застывшими маской лицами и, под масками, вылезает неожиданный отклик. Но это? Айдахо подумал, что ему может не понравиться эта новая Мурбелла. Она, естественно, увидела это на его лице. Он по-прежнему был открыт для нее, как ни для кого другого.

— Не надо ненавидеть меня, Дункан. — Это не мольба, но что-то куда более болезненное под словами.

— Я никогда не стану ненавидеть тебя. — Но свет он выключил.

Она прильнула к нему почти как до Страстей. Почти. Это различие раздирало его.

— Достопочтенные Матери видят в бенегессеритках соперников в борьбе за власть, — сказала Мурбелла. — Люди, что следовали за моими бывшими Сестрами не совсем фанатики, но своими дурными наклонностями они сделали самопожертвование невозможным.

— И это наш путь?

— Сейчас — да, Дункан.

— Ты имеешь в виду, что я могу найти этот предмет потребления в другом месте?

Она решила счастье, что он говорит о страхах Достопочтенных Матерей.

— Многие покинули бы их, если могли бы. — В ярости повернувшись к нему, она потребовала сексуального отзыва. Ее несдержанность шокировала его. Хотя она могла в последний раз испытывать такой экстаз.

После они лежали, истощенные.

— Надеюсь, я смогу снова забеременеть, — прошептала она. — Нам по-прежнему нужны дети.

«Нам. Бенегессериткам нужны. Больше — не „ИМ“.

Он заснул и ему приснилось, что он на корабельном военном заводе. Это был сон, которого коснулась явь. Корабль оставался фабрикой оружия, чем и был на самом деле. Одрейд

разговаривала с ним на приснившемся заводе.

— Я принимаю решения по необходимости, Дункан. Вероятность того, что ты сломаешься и впадешь в амок мала.

— Я слишком уж Ментат для этого! — С каким сознанием собственной значимости звучит его голос во сне! «Я сплю и знаю, что сплю. Почему я на оружейном заводе вместе с Одрейд??

Перед его глазами развернулся список вооружений.

Атомное. (Он увидел большие взрывы и смертоносную пыль).

Лазерное. (Бесчисленное множество моделей).

Бактериологическое.

Чтение списка прервал голос Одрейд.

— Мы можем рассматривать контрабандный продукт как обычную маленькую вещь, что приносит большой доход.

— Камень Су, естественно. — Все еще с сознанием своей важности. «Я не то говорю!?

«Орудия убийства, — сказала она. — Планы и инструкции для новых приборов. — Похищение торговых секретов — большой вопрос в отношении контрабандистов! «Я непереносим!?

— Всегда есть лекарства и болезни, для которых они нужны, — сказала она.

«Где она? Я могу ее слышать, но не могу видеть».

— Неужто Достопочтенные Матери не знают, что наши вселенские портовые мерзавцы не берутся за проблему, прежде чем найдут решение? «Мерзавцы? Я никогда не пользовался этим словом».

— Все относительно, Дункан. Они сожгли Лампады и вырезали четыре миллиона лучших из нас.

Он проснулся и сел. «Инструкции для новых приборов!» Там они были с тонкими подробностями, позволяющими сделать более миниатюрными генераторы Хольцмана. Не более двух сантиметров. И гораздо дешевле. «Как это прокрались в мой разум??

Он выскользнул из постели, не будя Мурбеллы, и ощупью пошел к своей одежде. Он слышал ее сопение, когда вышел в рабочий кабинет.

Усевшись за чертежный стол, он скопировал чертеж из своей памяти и рассмотрел его. Совершенство! Проверить для уверенности. Он передал в Архив с пометкой для Одрейд и Беллонды. Вздохнув, он снова сел и еще раз изучил чертеж. Он исчез в обмен на список из его сна.

«Разве я еще сплю? Нет!» Он мог ощущать стул, коснуться чертежного стола, слышать, как жужжит ток. «Это все сон».

Свиток представлял режущее и колющее оружие, включая некоторые, разработанные для введения ядов и бактерий в тело врага.

Пули.

Он задумался о том, как остановить свиток и изучить детали.

«Это же все в твоей голове!?

Люди и прочие животные, вскормленные для нападения, проходили перед его глазами, скрывая чертежный стол и его набросок. «Футары? Как Футары в этом замешаны? Что я вообще знаю о Футарах?» Зверей сменили разрушители. Оружие, предназначенное для затуманивания ментальной активности или мешающее самой жизни. «Разрушители? Я никогда не слышал раньше такого названия». За разрушителями следовали нуль-?ищечки, разработанные для поражения особых целей. «Этих я знаю».

Дальше взрывчатые вещества, включающие и те, что рассеивают яды и бактериологические препараты. Маскирующие газы, для создания ложных мишеней. Такие использовал Тег. Дальше появились активаторы. У него был собственный арсенал таких способов повышения боеспособности войск.

Внезапно парад оружия сменила мерцающая сеть из его видения, и он увидел стареющую чету в саду. Они сердито смотрели на него. Голос мужчины стал внятным:

— А ну, кончай шпионить за нами!

Айдахо стиснул подлокотники кресла и резко наклонился вперед, но видение исчезло прежде, чем он успел рассмотреть детали.

«Шпионить??

Он ощутил остаток свитка в своей памяти, уже не видимый, но как задумчивый голос. Мужской.

— Защитное вооружение часто должно иметь характеристики наступательного. Иногда, тем не менее, простые системы могут отвлечь на себя наиболее разрушительное оружие.

«Простые системы!» Он громко рассмеялся.

— Майлз! Где ты, черт тебя дери, Тег! Да мне противны твои наступательные суда! Дутые приманки! Пустышки, если не считать генераторов Хольцмана и лазерных пушек. — Он и это добавил к своим посланиям в Архив. Когда он окончил, он еще раз спросил себя о видениях. «Влияние моих снов? Что я записал на пленку??

Каждую свободную минуту, с тех пор, как стал Оружейником Тега, он запрашивал записи из Архива. Во всем этом гигантском собрании должен быть ключ.

Резонансная и тахионная теории временами привлекали его внимание. Тахионная теория фигурировала в первоначальной разработке Хольцмана. Хольцман назвал свой источник энергии — Техис.

Волновая система, которая игнорировала пределы скорости света.

Скорость света явно не являлась предельной для подпространственных кораблей. Техис?

— Работает потому, что работает, — пробормотал Айдахо. — Вера. Как в любой другой религии.

Ментаты шарахались от казавшихся наиболее непоследовательными данных. Он создал архив под меткой Техис и продолжал безуспешно продираться сквозь него.

Даже Навигаторская Гильдия не предавала гласности знания о том, как они водят транспространственные корабли. Иксианские ученые создавали машины для моделирования способностей Навигаторов, но и поныне не могли понять, как они это делают.

— Формуле Хольцмана можно доверять.

Никто не претендовал на понимание Хольцмана. Просто использовали его формулу, потому что она работала. Это был «эфир» космических странствий. Ты свертываешь пространство. В одно мгновение ты здесь, в следующее — на расстоянии бесчисленных парсеков. «Некто „извне“ нашел иной путь использования теории Хольцмана!» Это был полный Набросок Ментата. Он понимал его точность по тем новым вопросам, что возникали у него. Блуждания Иной Памяти Мурбеллы преследовало его сейчас, даже когда он осознал в них основное учение бенегессериток.

«Власть притягивает подверженных коррупции. Абсолютная власть притягивает подверженных абсолютной коррупции. В этом состоит опасность укрепившейся бюрократии для подчиненного ей населения. Даже грабительские системы более предпочтительны из-за того, что уровень толерантности в них ниже, и коррумпированные времена от времени могут быть вышвырнуты. Закрепившаяся бюрократия редко может быть свергнута силой. Берегись, чтобы Гражданская и Военная Службы не подали друг другу руки!?

Достижение Достопочтенных Матерей.

Власть ради власти... аристократия, взращенная расшатыванием основ. Кто были те люди, которых он видел? Достаточно сильны, чтобы сместить Достопочтенных Матерей. Он знал это по дате наброска. Айдахо обнаружил, что понимание этого глубоко смещено. Достопочтенные Матери — беглецы! Варвары и невежи, как и все эти всадники со временем вандалов. Движимые импульсивной жадностью, равно как и любой другой силой. «Заберем золото Рима!» Они отсеяли из сознания всякие сомнения. Это было отупляющее невежество, что угаснет лишь тогда, когда более сложная культура вкрадется в...

Внезапно он увидел, что делала Одрейд.

«О, боги внизу! Какой хрупкий план!?

Он прижал ладони к глазам и заставил себя не кричать от боли.

«Пусть думают, что я устал». Но, увидев план Одрейд, он понял, что потеряет Мурбеллу... так или

иначе.

Глава 36

Когда можно доверять ведьмам? Никогда! Темная сторона магии принадлежит бенегессериткам, и мы должны отвергнуть их.

Тилвайт Уофф Мастер Мастере

Огромная Общая Зала нуль-корабля с ярусами сидений и приподнятой в одном ее конце платформой, была забита Сестрами-бенеджессеритками, их тут было больше, нежели когда либо. Дом Ордена этим полуднем почти вымер, потому что мало кто хотел посыпать доверенных, а важные решения не могли решаться обслуживающим персоналом В собрании превалировали Преподобные Матери в черных облачениях, собравшись отдельно вблизи к возвышению, но зала была полна вертлявых послушниц в белотканых одеяниях и даже новопризванных. Белые одеяния, отмечавшие младших послушниц, были рассеяны тут и там маленькими плотными группками, сбившимися для взаимной поддержки. Остальных выставили Поверенные Созыва.

Воздух был сперт и влажен от смеси запахов дыхания, утратив свою чистоту, как случалось, когда работали с перегрузкой кондиционеры. Запахи недавнего ленча, сильно отдающие чесноком, носились в воздухе, как незваные гости. Это и слухи, расходившиеся по залу, еще усиливали напряженность.

Внимание большинства было приковано к приподнятой платформе и боковой двери, откуда должна была появиться Мать Настоятельница. Даже разговаривая в компаниях и расхаживая, они все время смотрели на место, откуда должен был вскоре появиться некто и глубоко изменить их жизнь. Мать Настоятельница не сгоняла их в огромную Общую Залу обещаниями важных сообщений, разве только не близилось нечто, способное поколебать устои Бене Джессерит.

Беллонда вошла в залу впереди Одрейд, взобравшись на платформу с той воинственной походкой вразвалку, по которой ее узнавали даже на расстоянии. Одрейд следовала в пяти шагах за Беллондой. Затем появились старшие члены совета и помощники, среди них Мурбелла в черном облачении (все еще казавшаяся слегка ошеломленной после Страстей, что были лишь две недели назад). Дортуйла хромала сразу за Мурбеллой, рядом с ней шли Шиана и Там. В конце процессии появилась Стрэгги, несущая на плечах Тега. Их появление вызвало шепот в зале. Мужчины редко появлялись на собраниях, но все в Доме Ордена знали, что это был гхола их Ментата Башара, жившего ныне в военном городке вместе с остатками воинства Бене Джессерит.

Увидев под таким углом плотные ряды Сестер, Одрейд ощутила пустоту. Кто-то из древних уже сказал все об этом, подумала она. «Любой проклятый дурак знает, что одна лошадь может бежать быстрее другой». Часто на менее многочисленных собраниях в этом зале, в этом подобии спортивной арены, она испытывала искушение процитировать отрывок из этого совета, но знала, что этот ритуал имеет также и более приятные цели. На собраниях можно повидаться друг с другом.

«Здесь мы вместе. На свой манер».

Мать Настоятельница и служительницы прошли как особый сгусток энергии сквозь толпу к платформе, к месту ее преосвященства на краю арены. Мать Настоятельница никогда не снисходила до суетолоки толпы на собраниях. Никогда чужой локоть не упирался ей в ребра и соседка не отдавливала ей ноги. Ей никогда не приходилось пробираться в общем потоке невольно плотно спрессованных тел, словно личинке моли.

«Итак, Цезарь явился. Да сгинет вся эта чертовня!?

Она сказала Беллонде:

— Начинайте.

Позже она осознала, что следовало удивиться, почему она не послала кого-нибудь изобразить этот ритуальный выход и произнести эти крайне напыщенные слова. Беллонда должна бы любить это положение первой после ее преосвященства и, по этой причине, никогда не достигнуть его. Но, возможно, нашлась бы некая Сестра на более низкой ступени иерархии, которая была бы раздосадована возвышением и повиновалась бы только в силу верности, только в силу подчеркнутой необходимости исполнять то, что приказывает Мать Настоятельница.

«Боги! Если есть кто из вас здесь, то почему же вы позволяете нам быть таким стадом??

Они были здесь, Беллонда приготовила их для нее. «Батальоны Бене Джессерит». Это не были настоящие батальоны, но Одрейд часто представляла себе ряды Сестер, систематизируя их по функциям. «Эта командир взвода. Эта генерал-лейтенант. А эта скромный сержант и ординарец».

Сестры были бы оскорблены, узнай они об этом ее выверте. Она хорошо скрывала это под видом «обычного назначения». Можно назначить лейтенанта, не называя его лейтенантом. Тараза поступала так же.

Белл говорила им, что сейчас Сестры должны пойти на новое соглашение с их пленником Тлейлаксу. Горчайшие для Белл слова:

— Мы прошли через суровое испытание, Тлейлаксу равно как и Бене Джессерит, и мы изменились, пройдя сквозь него.

«Да, мы словно камни, что трутся друг о друга так долго, что каждый принимает, приспособливаясь, некоторую форму, нужную другому. Но ядро-то из прежнего камня!?

Зрители начали беспокоиться. Они знали, что это только предварительное заявление, и все равно какое скрытое известие о Тлейлаксу скрыто за этим намеком. Предварительное и относительное по значимости. Одрейд подошла к Беллонде, дав ей знак кончать.

— Здесь Матерь Настоятельница.

«Как же тяжко отмирают старые традиции. Неужели Белл думает, что они не узнали меня??

Одрейд заговорила повелительным тоном за недостатком голоса.

— Были предприняты необходимые действия, чтобы встретиться на Узловой с лидерами Достопочтенных Матерей, встреча, с которой я могу и не вернуться живой. Вероятно, я не переживу ее. Эта встреча будет отчасти отвлекающим маневром. Мы почти готовы покарать их.

Одрейд подождала, пока утихнут перешептывания, слыша в их звуках одновременно как одобрение так и несогласие. Интересно. Те, кто были согласны, стояли ближе к возвышению и далеко позади среди послушниц. Несогласие со стороны старших послушниц? Да. Они знали о предостережении: «Мы не осмеливаемся подливать масла в этот огонь».

Она понизила голос, позволяя стоящим вдалеке передать слова тем, кто находился на верхних рядах.

— Прежде, чем уйти, я вступлю в Единение более, чем с одной Сестрой. Нынешние времена требуют таких предосторожностей.

— Каков ваш план?

— Что вы будете делать?

Вопросы посыпались на нее со многих сторон.

— Мы отвлечем внимание на Гамму. Это должно заставить союзников Достопочтенных Матерей двинуть силы к Узловой. Тогда мы захватим Узловую и, надеюсь, возьмем в плен Королеву Пауков. — Атака состоится, пока вы будете на Узловой? — это спросила Гарими, мрачная Поверенная, сидевшая прямо перед Одрейд.

— Таков план. Я буду передавать свои наблюдения атакующим. — Одрейд показала на Тега, сидевшего на плечах Стрэгги. — Башар лично возглавит атаку.

— Кто поедет с вами?

— Да. Кого вы берете с собой?

В этих выкриках безошибочно угадывалась тревога. Значит, внешний мир еще не вошел в стены Дома Ордена.

— Там и Дортуйла, — сказала Одрейд.

— Кто войдет в Единение с вами? — снова Гарими.

«Вот уж точно! Политический вопрос высочайшего интереса. Кто сменит Матерь Настоятельницу?» Одрейд ощутила нервное шевеление внизу в толпе. «Беллонда возбуждена? Не ты, Белл. Ты уже знаешь об этом».

— Мурбелла и Шиана, — сказала Одрейд. — И еще одна, если Поверенные позаботятся выдвинуть кандидатку.

Поверенные разбились на маленькие консультационные группы, выкрикивая друг другу имена, но ни одно из них не было принято. Кто-то все-таки задал вопрос:

— Почему Мурбелла?

— А кто лучше знает Достопочтенных Матерей? — спросила Одрейд.

Это заставило их замолчать.

Гарими придинулась ближе к возвышению и проницательно посмотрела на Одрейд.

?Не пытайся сбить с толку Преподобную Матерь, Дарви Одрейд!?

— После нашего отвлекающего маневра на Гамму они еще более насторожатся и усилятся на Узловой. Почему вы думаете, что мы сможем захватить их?

Одрейд отступила в сторону и дала знак Стрегги выйти вперед вместе с Тегом.

Тег с восторгом наблюдал за представлением, устроенным Одрейд. Теперь он смотрел сверху вниз на Гарими. Она сейчас была Старшим Полномочным Поверенным и, несомненно, была избрана для того, чтобы говорить от имени блока Сестер. Тегу пришло на ум, что такое смехотворное положение — на плечах послушницы — было задумано Одрейд ради иных, чем она провозгласила, причин.

«Чтобы мои глаза находились на уровне, близком к уровню взрослых вокруг меня... но также и чтобы напомнить им о моем маленьком росте и уверить вновь, что Бене Джессерит (если только послушница и есть Бене Джессерит) по-прежнему контролируют меня».

— Я не стану сейчас входить во все тонкости вооружения, — сказал он. «Будь проклят этот писклявый голосок!» Тем не менее, он привлек их внимание. — Но мы стремимся к мобильности, пытаемся устроить ловушки, чтобы уничтожить огромный район вокруг них, если их лазерные лучи могут поразить... и мы собираемся окружить Узловую устройствами, чтобы обнаружить движение их нуль-кораблей.

Они продолжали взирать на него, и тогда он сказал:

— Если Матерь Настоятельница подтвердит мои прежние знания об Узловой, то мы будем в тонкостях знать расположение врага. Значительных изменений произойти не должно было. Прошло еще не достаточно времени. «Удивление и неожиданность. А что же еще они ожидали от своего Ментата Башара?» Он снова уставился на Гарими, подстрекая ее высказать еще сомнения по поводу его военных способностей. Но у нее был другой вопрос.

— Следует ли нам допустить Дунканна Айдахо быть вашим советником по вооружениям?

— Когда у вас есть самое лучшее, глупо не пользоваться этим, — сказал он.

— Но будет ли он сопровождать вас в качестве Оружейника?

— Он предпочитает не покидать корабля, и все вы знаете почему. В чем смысл вашего вопроса?

Он уклонился от ее вопроса и заставил ее замолчать, и это ей не понравилось. Мужчине нельзя позволять ставить таким образом в неловкое положение Преподобную Матерь!

Одрейд шагнула вперед и положила руку на плечо Тега.

— Разве все вы забыли, что этот гхола наш верный друг, Майлз Тег? Ее взгляд останавливался на отдельных лицах в толпе, выбирая тех, в которых она была уверена, что они, словно сторожевые псы, смотрят на ком-камеры зная, что Тег ее отец. Она переводила взгляд с лица на лицо с нарочитой медлительностью, которую нельзя было неверно понять.

«Есть ли среди вас хоть одна, которая осмелиться выкрикнуть „непотизм“? Тогда посмотрите-ка получше на его записи во время службы нам!?

Звуки Совета снова стали подобающими по возвышенности тем, которые ожидались от собраний. Больше не было вульгарных требовательных выкриков, призывающих ко вниманию. Сейчас их речь походила на унисонный распев, но еще не была песнопением. Голоса поднимались и сливались вместе. Одрейд всегда находила это замечательным. Никто не управлял гармонией. Это происходило потому, что они были бенегессеритками. Естественно. Это было единственным нужным Тим объяснением. Это происходило потому, что они были научены уживаться друг с другом. Танец их каждодневного движения продолжался в их голосах. Для партнеров временное расхождение не играет роли.

«И я лишусь этого».

— Никогда не излишне сделать точные предсказания горестных событий, сказала она. — Кто знает это лучше меня? И есть ли среди нас хоть одна, не усвоившая урока Квизана Садераха?

Нет нужды в разработке. Дурные предсказания не должны изменить хода событий. Это заставляло Беллонду молчать. Бенегессеритки были воодушевлены. Те, кто нападает на вестников недоброго, не дураки. Не принимать во внимание вестника? (Кто же может ожидать чего-нибудь полезного от таких как он?) Такого хода событий любой ценой надо избежать. «Заставим ли мы молчать вестников недоброго, думая, что молчание смерти сотрет послание?» Бенегессериткам прекрасно это известно! «Смерть лишь усиливает пророческий глас. Мученики по-настоящему опасны».

Одрейд наблюдала за тем, как ответное осознание распространялось по залу, даже вплоть до верхних рядов. «В тяжкие времена вступаем мы, Сестры, и должны смириться с этим. Даже Мурбелла знает это. Иона знает теперь, почему я столь горячо жаждала сделать ее Сестрой. Мы все так или иначе знаем это».

Одрейд повернулась и бросила взгляд на Беллонду. Никакого разочарования. Белл знала, почему ее нет среди избранных.

«Это для нас лучше всего, Белл. Просочиться. Захватить их раньше, чем они только начнут подозревать о том, что мы делаем».

Переведя взгляд на Мурбеллу, Одрейд увидела почтительное понимание. Мурбелла начинала получать свои первые хлебы добрых советов от Иной Памяти. Стадия безумия миновала, и она даже вновь обретала любовь к Дункану. Возможно, со временем... Воспитание бенегессериток давало уверенность в том, что она будет судить Инью Память по своей собственной. Ничто в осанке Мурбеллы не говорило: «Держи при себе свои паршивые советы!» У нее имелись исторические сравнения, и она не могла поддаваться их очевидным посылам.

«Не ходи строем по улицам с теми, кто разделяет твои предрассудки. Громкие выкрики часто легче всего проигнорировать». «Я имею в виду, найди среди них тех, кто орет на свою глупую голову. Ты хочешь иметь с ними общее?» Я говорила тебе, Мурбелла, теперь суди сама. «Чтобы создать различие, найди точки приложения сил и нажми на них. Опасайся темных переулков. Предложения более высокого положения есть всего-навсего обычный отвлекающий маневр перед теми, кто марширует на улицах. Не все точки приложения сил в верхних эшелонах власти. Они часто лежат в области экономики или центрах связи, и если ты этого не знаешь, то высокое положение бесполезно. Даже лейтенанты могут изменить ход событий. Не тем, что изменяют отчеты, но принося нежелательные приказы. Белл прячет приказы под сукно, пока считает их бесполезными. Я иногда приказываю ей для того, чтобы она могла поиграть в свою игру в долгий ящик. Она это знает и все-таки все равно играет в свою игру. Знай об этом, Мурбелла! И когда мы войдем в Единение, изучи мои действия с великой тщательностью».

Гармония была достигнута, хотя и с трудом. Одрейд дала знак к окончанию Совета, хорошо понимая, что не на все вопросы был дан ответ, и не все вопросы были заданы. Но невысказанные вопросы могли просочиться к Белл, где они найдут наиболее подходящее решение.

Те из сестер, что осторожничали, не станут спрашивать. Они уже поняли ее план.

Покинув Большой Общий Зал. Одрейд ощущала, что приняла все обязательства сделанного ей выбора, осознавая впервые предшествующую нерешительность. У нее были сожаления, но лишь Мурбелла и Шиана могли знать о них. Следуя за Беллондой, Одрейд думала о «местах, где я никогда не буду, вещах, которые я никогда не увижу, разве что как воспоминания в жизни другого».

Это была своеобразная ностальгия, что сконцентрировалась на Рассеяниях и так облегчила ее боль. Слишком тяжело одной личности видеть за пределами. Даже бенегессеритки с их накопленной памятью не могли никогда надеяться уловить все воспоминания, до последней интересующей подробности. Это было прерогативой Великого Замысла, Великой Картины, Главного Течения. «Особенности моего Сестринства». Это были важнейшие понятия, которые использовали Ментаты — наброски, движения событий и то, что они несли, к чему они шли. Последствия. Не карты, но потоки.

«Наконец, я сохранила ключевые элементы нашей управляемой присяжными демократии в первоначальной форме. Однажды они могут поблагодарить меня за это».

Глава 37

Ищи свободу — и станешь пленником собственного желания.

Ищи дисциплину — и обретешь свою свободу.

Кодекс

Кто мог ожидать поломки воздушной аппаратуры?

Вопрос Рабби не был адресован ни к кому конкретно. Он сидел на низкой скамье, прижимая к груди свиток. Свиток с помощью новейших ухищрений был подновлен, но казался по-прежнему старым и хрупким. Он не был уверен, который сейчас час. Возможно, позднее утро. Они так давно не ели пищи, которую можно было бы назвать завтраком.

— Я ожидал. — Казалось, он обращается к свитку. — Пасха пришла и ушла, и наши врата закрылись.

Ребекка подошла и встала, возвышаясь над ним.

— Пожалуйста, Рабби. Как это может помочь Джошуа в его трудах?

— Мы не были покинуты, — сказал Рабби своему свитку. — Мы сами скрылись. Если нас не могут найти странники, где нас отыщет кто-нибудь, кто может помочь нам?

Внезапно он вонзил взгляд в Ребекку, похожий в своих очках на сову.

— Не ты ли навлекла на нас зло, Ребекка?

Она знала, что это значит.

— Посторонние всегда думают, что в бенегессеритках есть нечто нечестивое, — сказала она.

— Значит, теперь я, твой Рабби, Посторонний?

— Ты сам удалился, Рабби. Я говорю с точки зрения Сестер, которым ты заставил меня помогать. То, что они делают, часто скучно. Скучно, но зла в этом нет.

— Я заставил тебя помогать? Да, я сделал это. Прости меня, Ребекка. Если нас объединяет зло, то это сделал я.

— Рабби! Перестань. Они многочисленный клан. И по-прежнему, они придерживаются раздражительного индивидуализма. Неужели многочисленный клан ничего не значит для тебя? Неужели мой сан оскорбляет тебя?

— Я сказал тебе, Ребекка, что оскорбляет меня. Собственной рукой я научил тебя следовать книгам, отличным от... — он поднял свиток, словно это была дубинка.

— Книги здесь ни при чем, Рабби. О, у них есть Кода, но это только собрание напоминаний, иногда полезных, иногда негодных. Они всегда приспособливают Коду к текущим нуждам.

— Есть книги, которые не могут быть приспособлены, Ребекка!

Она посмотрела на него сверху вниз с плохо скрытым ужасом. Неужели он смотрит на Сестер так? Или страшно говорить? Джошуа подошел и встал рядом с ней. Руки его были в масле, черные пятна размазаны по лбу и щекам.

— Твое предложение было верным. Они снова работают. Как долго протянут, я не знаю. Проблема в том...

— Ты не знаешь проблемы, — вмешался Рабби.

— Проблема механики, Рабби, — сказала Ребекка. — Это вне-поле мешает работе механизмов. — Мы не могли поставить нефрикционную аппаратуру, — сказал Джошуа. — Слишком откровенно, если не считать дорогоизны.

— Нарушилась работа вовсе не твоей аппаратуры.

Джошуа посмотрел на Ребекку, подняв брови. «Да что с ним?» Значит, Джошуа тоже верил в проницательность бенегессериток. Это оскорбляло Рабби. Его паства искала пастыря где угодно. Но Рабби затем удивил ее.

— Думаешь, я ревную, Ребекка?

Она покачала головой.

— Ты выказываешь таланты, — сказал Рабби, — которые другие быстро используют. Твое предложение закрепить аппаратуру? Эти... эти Прочие рассказывали тебе, как это сделать?

Ребекка пожала плечами. Это был прежний Рабби, которого не стоит дразнить в его собственном доме.

— Я должен возблагодарить тебя? — спросил Рабби. — У тебя есть власть? Теперь ты будешь управлять нами?

— Никто, и я в последнюю очередь, никогда даже не предлагал этого, Рабби. — Она была обижена и не намеревалась показывать этого.

— Прости меня, дочь моя. Это то, что ты называешь взбрыком.

— Мне не нужна твоя благодарность, Рабби. И конечно, я прощаю.

— У твоих Прочих есть что-нибудь сказать по этому поводу?

— Бенегессеритки говорят, что боязнь похвалы восходит к древним запретам хвалить своего ребенка, потому что это вызывает гнев богов. Он потупил голову.

— Иногда в этом есть мудрость.

Джошуа казался растерянным.

— Пойду попытаюсь поспать. — Он устремил многозначительный взгляд на машинное отделение, откуда доносился затрудненный хрюк. Он покинул их, уйдя в затемненную часть комнаты, споткнувшись на ходу о детскую игрушку. Рабби постучал по скамье рядом с собой.

— Сядь, Ребекка.

Она села.

— Я боюсь за тебя, за нас, за все, что мы олицетворяем. — Он погладил свиток. — Мы были правы в течение стольких поколений. — Он окинул взглядом комнату. — И у нас тут нет даже миниана.

Ребекка смахнула с лица слезы.

— Рабби, ты неверно судишь о Сестрах. Они желают только усовершенствовать человечество и власть.

— Так они говорят.

— Так я говорю Власть для них есть форма искусства. Тебе это кажется забавным?

— Ты пробудила мое любопытство. Эти женщины обманывают себя мечтами о своей важности?

— Они рассматривают себя как сторожевых собак.

— Собак?

— Сторожевых, тревожащимися за то, когда можно преподать урок. Они добиваются именно этого. Никогда не пытайся дать кому-нибудь урок, который он не сможет усвоить.

— Всегда эти частицы мудрости, — казалось, он говорит с грустью. — И они управляют собой артистично?

— Они считают себя присяжными с абсолютной властью, на которую никакой закон не может наложить вето.

Он покачал свитком перед ее носом.

— Я так и думал!

— Никакой человеческий закон, Рабби.

— Ты говоришь мне о женщинах, которые приспособливают религии к своей вере в... во власть большую, чем у них.

— Их вера не будет в согласии с нашей, но я не считаю ее злом.

— В чем эта... эта вера?

— Они называют ее «Уравновешивающим смещением». Они смотрят на нее с точки зрения генетики и инстинкта. Великие родители скорее всего будут иметь детей, близких к среднему уровню, например.

— Смещение. И это — вера?

— Вот почему они стремятся не выделяться. Они советники, даже иногда делатели королей, но они не желают быть мишенью переднего плана.

— Это смещение... верят ли они в Создателя Смещения?

— Они не рассматривают его существование. Только то движение, за которым можно наблюдать.

— Тогда что они делают с этим смещением?

— Они принимают меры предосторожности.

— В присутствии. Сатаны, следует понимать!

— Они не противятся течению событий, но только кажутся идущими поперек течения, заставляя его работать на них, используя обратные завихрения.

— Оооо!

— Древние мореплаватели очень хорошо знали об этом, Рабби. У Сестер есть все нужное количество таблиц потоков, указывающих им места, которых надо избегать и где приложить самые большие усилия.

Он снова покачал свитком.

— Это не карта потока!

— Ты не так понимаешь, Рабби. Они знают, что всемогущество машин заблуждение. — Она бросила взгляд в сторону работающей аппаратуры. — Они видят из карт потоков, что мы среди машин не сможем дышать.

— В этом мало мудрости. Не знаю, дочь моя. Вмешательство в политику, согласен. Но в высшие материи...

— Уравновешивающее смещение, Рабби. Массы влияют на блестящих рационализаторов, которые выдвигаются из толпы и создают новое. Даже когда новое помогает нам, смещение захватывает рационализаторов. — Кто скажет, что нам помогает, Ребекка?

— Я просто излагаю то, во что они верят. В явлении смещения они видят расплату, отнимающую свободную энергию, что могла бы создать больше нового. Они говорят, что личность с повышенной чувствительностью улавливает это.

— А эти... эти Достопочтенные Матери?

— Они укладываются в схему. Замкнутое, имеющее власть правительство старается сделать всех политических соперников бессильными. Экран против тех, кто ярок. Тупой интеллект.

Слабый звук телеметрического сигнала послышался из аппаратной. Прежде чем они успели встать, сзади появился Джошуа. Он склонился над экраном, показывавшим происходящее на поверхности.

— Они вернулись, — сказал он. — Смотрите! Они копаются в пепле прямо над нами.

— Они нашли нас? — Почти с облегчением сказал Рабби.

Джошуа смотрел на экран. Ребекка наклонилась так, что их головы были рядом, и стала рассматривать копающих — десяток человек с сонным выражением глаз, подчиненных Достопочтенных Матерей.

— Это случайные раскопки, — сказала, выпрямившись, Ребекка.

— Ты уверена? — Джошуа поднялся и посмотрел ей в лицо, ища тайное подтверждение.

Но только бенегессеритки могли бы увидеть его.

— Посмотри сам, — показала она на экран. — Они уходят. Сейчас они идут в свинарник.

— Из которого и вышли, — пробормотал Рабби.

Глава 38

Правильный выбор выходит из плавильного тигля информационных ошибок. Таким образом Интеллект принимает ошибку. И когда абсолютный (безошибочный) выбор неизвестен, Интеллект ловит удачу в ограниченным количеством данных на арене, где ошибки не только вероятны, но и необходимы.

Дарви Одрейд.

Матерь Настоятельница не сразу вошла в выходной лихтер и переместилась в какой-нибудь подходящий нуль-корабль. Планы, организационные вопросы, стратегия — случайность за случайностью. Это заняло восемь лихорадочных дней. Согласование времени с Тегом должно было быть точным. Консультации с Мурбеллой пожирали часы. Мурбелла должна была знать, что ей предстоит.

«Найди их ахиллесову пяту, Мурбелла, и они все будут у тебя в руках. Оставайся на наблюдательном корабле, когда Тег начнет атаку, но смотри внимательно».

Одрейд выслушала подробные советы от всех, кто мог помочь. Затем ей ввели датчик биосигналов, чтобы передавать ее тайные наблюдения. Затем надо было переоборудовать нуль-корабль и лихтер. Команда была подобрана Тегом.

Беллонда ворчала и брюзжала, пока Одрейд не вмешалась.

— Ты сбиваешь меня с толку! Это твоя цель? Измотать меня?

Это было поздним утром четыре дня спустя, перед отправлением, и на время они остались наедине в рабочем кабинете. Погода была ясной, но не по сезону холодной, и все было покрыто золотистым налетом после ночной пыльной бури, пронесшейся над Центральной.

— Совет был ошибкой! — Беллонде нужно было уйти, хлопнув дверью.

Одрейд обнаружила, что сама резко повернулась к Беллонде, которая стала немного слишком едкой.

— Необходим!

— Для тебя — может быть! Попрощаться со своей семьей. Теперь ты оставляешь нас копаться в грязном белье друг друга!

— Ты что, явилась сюда жаловаться на Совет?

— Мне не нравятся твои последние замечания насчет Достопочтенных Матерей! Ты должна была посоветоваться с нами прежде, чем разглашать...

— Это паразиты, Белл! Настало время нам открыть всем их слабость. А что делает тело, когда его беспокоят паразиты? — Одрейд выложила это с широкой усмешкой.

— Дар, когда ты приняла... эту псевдо-насмешливую позу, мне захотелось вцепиться тебе в глотку!

— А ты улыбнулась бы, если бы сделала это, Белл?

— Да черт тебя дери. Дар! Один из этих дней...

— У нас больше нет дней, чтобы проводить их вместе, Белл, и это снедает тебя. Отвечай на мой вопрос.

— Сама отвечай!

— Тело периодически приветствует мании. Даже предается мечтам о свободе.

— Ахххх. — Из глаз Беллонды выглядывал Ментат. — Ты думаешь, что приверженность Достопочтенным Матерям можно сделать мучительной?

— Несмотря на опасное отсутствие чувства юмора у тебя, ты все же можешь функционировать.

Губы Беллонды изогнулись в жестокой усмешке.

— Мне удалось позабавить тебя, — сказала Одрейд.

— Позволь мне обсудить это с Там. У нее голова получше работает в смысле стратегии. Хотя... Единение смягчило ее.

Когда Беллонда ушла, Одрейд откинулась назад и спокойно рассмеялась. «Смягчилась! „Не становись мягкой завтра. Дар, когда ты в Единении“.

Ментат спотыкается на логике и теряет сердце. Она видит процесс и беспокоится о неудаче. Что мы сделаем, если... Мы открываем окна, Белл, и впускаем здравый смысл. Даже веселье. Оставь более серьезные вещи на будущее. Бедная Белл, моя ущербная Сестра. Всегда что-то вызывает твою нервозность».

Одрейд оставила Центральную следующим утром глубоко погруженной в мысли — в сосредоточенном настроении, обеспокоенная тем, что она узнала после Единения с Шианой и Мурбеллой.

«Я становлюсь снисходительной к себе».

Это не приносило облегчения. Ее мысли были заключены в рамки Иной Памяти и почти циничного фатализма.

«Королевские пчелы роятся??

Это ожидалось от Достопочтенных Матерей.

«Но Шиана? И Там одобряет??

В этом было больше, чем в Рассеянии.

«Я не могу идти за тобой в дикие края, Шиана. Моя цель — издавать приказы. Я не могу рисковать там, где ты бы осмелилась. Это разные типы искусства. Ты отпугиваешь меня».

Помогли воспринятые от Мурбеллы жизни Иной Памяти. Знание Мурбеллы было мощным рычагом против Достопочтенных Матерей, но изобиловало волнующими тонкостями.

«Не гипнотранс. Они используют клеточную индукцию, побочный продукт их проклятых Т-зондирований! Бессознательное принуждение. Как соблазнительно попробовать это на себе. Но здесь Достопочтенные Матери более всего уязвимы — ненормальное бессознательное содержание замкнуто их, собственным решением. Ключ Мурбеллы только усиливает его опасность для нас».

Они прибыли на Посадочную Площадку в разгар бури, порывы которой подталкивали их, когда они вышли из своего экипажа. Одрейд запретила идти сквозь то, что осталось от фруктовых садов и виноградников. Уезжаешь в последний раз? Вопрос в глазах Беллонды, словно прощание. Тревожная нахмуренность Шианы.

«Принимает ли Мать Настоятельница мое решение??

«Предварительно, Шиана. Предварительно. Но я не предупредила Мурбеллу. Потому... возможно, мне следует согласиться с мнением Там». Дортуйла, что шла впереди отряда Одрейд, ушла в себя.

«Можно понять. Она была здесь... и смотрела, как едят ее Сестры. Смелее, Сестра! Мы еще не побеждены».

Судя по походке, только Мурбелла принимала это, но она в первую очередь думала о схватке Одрейд с Королевой Пауков. «Достаточно ли я вооружила Мать Настоятельницу? Знает ли она в мужестве своем, как опасно это может быть??

Одрейд отмела эти мысли. Были дела, которые надо было сделать во время перехода. И важнее всего — собрать свою энергию. Достопочтенных Матерей можно анализировать почти в отрыве от реальности, но настоящая конfrontация будет разыгрываться по ходу дела — как джазовая композиция. Ей нравилась идея джаза, хотя музыка сбивала ее с толку своим древним ароматом и погружением в дикость. Хотя джаз говорил о жизни И два исполнения никогда не были одинаковыми. Исполнители реагировали на то, что получали от других — джаз.

«Поддержи нас джазом».

Воздушное и космическое путешествие нечасто рассматривало погоду. Пробейся сквозь временные помехи. Положись на Погодный Контроль, который обеспечит посадочное окно в буре и облаках. Исключением были пустынные планеты, и те, что должны были бы попасть во владение Ордена очень давно. Много изменений, включая и погребальный обычай Фремена. Тела предавались извести и воде.

Одрейд говорила об этом, пока они ждали транспорта, чтобы подняться на корабль. Этот огромный лоскут горячей, сухой земли тянулся вдоль экватора планеты набедренной повязкой и скоро породит опасные ветры. Однажды здесь возникнет кориолисова буря, вырвется из доменной печи пустыни со скоростью в сотни километров в час. Дюна видела бури со скоростью ветра свыше

семисот километров в час. Воздушные перевозки станут зависеть от постоянных капризов погоды на поверхности. И жалкая человеческая плоть должна будет искать любое убежище.

«Как и нам все время приходится».

Зал ожидания на Площадке был стар. Камень снаружи и внутри, первый основной их строительный материал здесь. Спартанские вращающиеся стулья и низкие столы из плавленого пластика были более редки. На экономию не Может смотреть сквозь пальцы даже Матерь Настоятельница.

Лихтер прибыл среди пыльного водоворота. Суспензорные подушки не казались чушью. Это будет быстрый подъем с неприятными понуканиями, но не такой долгий, чтобы угрожать человеческой плоти.

Одрейд почувствовала себя почти бестелесной, когда окончательно попрощалась и передала Дом Ордена Триумвирату Шианы, Мурбеллы и Беллонды. Последнее слово:

— Не ссорьтесь с Тегом. И я не хочу никаких грязных происшествий с Дунканом. Ты меня слышишь, Белл?

Они могли создавать чудеса технологии, все же не могли воспрепятствовать сильной песчаной буре почти ослепить их, когда они поднимались. Одрейд закрыла глаза и смирилась с тем, что не бросит последний взгляд на свою любимую планету не свысока. Она очнулась от глухого звука причаливания. Прямо под шлюзом их ожидал экипаж. Жужжащий экипаж развез их по каютам. Тамалан, Дортуйла и прислужница-послушница хранили молчание изуважения к желанию Матери Настоятельницы побывать наедине со своими мыслями.

Их каюты, по меньшей мере, были знакомыми, стандартными для кораблей Бене Джессерит: маленькая комната для трапез, облицованная обычным пластом ровного зеленого цвета, еще меньшие спальни со стенами того же цвета и единственной жесткой койкой. Они знали, что предпочитает Матерь Настоятельница. Одрейд заглянула в стандартный туалет и ванную. Стандартные удобства, примыкающие помещения для Дротуйлы и Там были такими же. Чуть позже она осмотрела переоборудованный корабль.

Здесь было все необходимое. Включая ненавязчивые элементы психологической поддержки — приглушенные тона, знакомая обстановка, все в окружении для того, чтобы не возбуждать ментальные процессы. Она отдала приказ к взлету прежде, чем вернулась в трапезную.

На низком столе уже ждала еда — голубые плоды, сладкие и похожие вкусом на сливы, острый желтый слой на хлебе, соответствующий ее энергетическим потребностям. Очень хорошо. Она следила, как назначенная послушница выполняет свою незаметную работу, устраивая дела Матери Настоятельницы. На секунду мелькнуло имя — Суйпол. Темная маленькая фигурка с круглым спокойным лицом и соответствующим поведением.

«Не из выдающихся, но испытанно полезна».

Внезапно Одрейд поразило то, что в этом назначении таился элемент бессердечия.

«Маленькая свита, чтобы не оскорбить Достопочтенных Матерей. И чтобы свести наши потери к минимуму».

— Ты распаковала все мои вещи, Суйпол?

— Да, Матерь Настоятельница. — Очень горда тем, что ее выбрали для этого важного назначения. Это сквозило в ее походке, когда она вышла. «Есть кое-что, Суйпол, что ты не сможешь распаковать. Это в моей голове».

Ни одна из бенеджессериток из Дома Ордена не покидала планету без определенного груза шовинизма. Остальные места никогда не смогут быть столь прекрасными, столь тихими, столь приятными как родина.

«Но Дом Ордена именно таков».

Это был аспект, в котором она никогда раньше не рассматривала пустынную трансформацию. Дом Ордена удалялся сам. Уходить, чтобы никогда не вернуться, по крайней мере во время жизни тех, кто знает это сейчас. Это было так, словно тебя покидал любимый родитель — со злобой и презрением.

«Ты больше ничего для меня не значишь, дитя».

На своем пути к званию Преподобной Матери, их очень рано учили, что путешествие может представлять мирный путь для большинства. Одрейд хотела взять в полной мере эти преимущества

полета и немедленно сказала об этом спутницам после еды.

— Расскажите мне подробности.

Суйпол отправилась позвать Тамалан. Одрейд говорила в собственной краткой манере Там.

— Обследуй оборудование и доложи, что мне стоит посмотреть. Возьми с собой Дортуйлу.

— У нее хорошая голова. — Высокая оценка для Там.

— Когда пройдем, изолируйте меня, насколько возможно.

Часть пути Одрейд провела, пристегнувшись ремнями в сетке своей койки и занимаясь составлением того, что она называла последней волей и завещанием.

«А кто будет исполнителем??

Ее личным выбором была Мурбелла, особенно после Единения с Шианой. Все же... Заброшенная Дюна оставалась потенциальным кандидатом, если их предприятие на Узловой провалится.

Кое-кто полагал, что любая Преподобная Матерь может служить, если выбор падет на нее. Но не в эти времена. Не с такой подготовкой. Не казалось, чтобы Достопочтенные Матери избежали западни.

«Если мы правильно судили о них. И данные Мурбеллы мы использовали как могли. Мы открыли Достопочтенным Матерям вход, и как же заманчиво его появление! Их не постигнет окончательный разгром, пока они хорошенко не увязнут в ловушке. Слишком поздно!

Но если мы проиграем??

Выжившие (если они будут) будут презирать Одрейд.

«Я часто ощущала себя ничтожной, но никогда не была объектом презрения. И все же решения, что я сделала, никогда не будут приняты большинством Сестер. В конце концов, я не стала извиняться... даже перед теми, с кем я в Единении. Они знают, что мои ответы идут из тьмы, что была до рассвета человечества. Любая из нас может сделать ошибочный шаг, даже глупый шаг. Но мой план может принести нам победу. Не будет „только выживших“. Наш Грааль требует, чтобы мы упорно держались вместе. Мы нужны человечеству! Иногда им нужна религия. Иногда им надо только знать, что их вера так же пуста, как и их надежды на благородство. В нас — их подпора. Когда маски будут сняты, останется одно — Наша Ниша».

Она ощутила, что корабль тянет ее в ловушку. Ближе и ближе к страшной опасности.

«Я сама иду под топор — не он идет ко мне».

Никаких мыслей насчет того, как истребить этого врага. Никаких, до тех пор, пока Рассеяние не увеличит человеческое население насколько возможно. Таково течение на картах Достопочтенной Матери.

Высокое гудение и вспышка оранжевого света, что дала знать о прибытии, вывели ее из покоя. Она выбралась из ремней и, вместе с Там Дортуйлой и Суйпол позади нее, прошла вслед за сопровождающим к транспортному шлюзу, где на присосках был закреплен дальний лихтер. Одрейд посмотрела на огни, видимые на сканнере, укрепленном на переборке. Невероятно мало!

— Сейчас только девятнадцать часов, — сказал Дункан. — Мы приблизились настолько, насколько можем подвести наш нуль-корабль. У них здесь вокруг Узловой наверняка есть гиперпространственные датчики.

Белл, единственный раз, согласилась.

«Не рискуй кораблем. Он здесь, чтобы осуществлять внешнюю защиту и получать твои передачи, а не чтобы выдавать врагу Матерь Настоятельнице.» Лихтер был передовым датчиком нуль-корабля, дающим знать о том, с чем он встречается.

?А я головной датчик, слабое тело с тонкими инструментами».

В шлюзе были указательные стрелки. Одрейд пошла впереди. Они прошли небольшую трубу в свободном падении. Она обнаружила, что находится в неожиданно роскошной каюте. Суйпол, тяжело приземлившись после нее, узнала ее и поднялась на очко в оценке Одрейд.

— Это был корабль контрабандистов. Их ожидала некая личность. По запаху это был мужчина, но колпак пилота, ощетинившийся коннекторами, скрывал его лицо.

— Все пристегнулись?

Мужской голос в передаче этого прибора.

«Его выбрал Тег, он будет лучше всего».

Одрейд скользнула в сиденье позади посадочного борта и нашла бугорчатый выступ, что разматывался в пристегивающуюся сеть. Она услышала, что остальные послушались команды пилота:

— Все пристегнулись? Оставайтесь пристегнутыми, покуда я не скажу. -Его голос исходил из плавающего передатчика позади его сидения у панели управления.

Пупок вдавился внутрь со звуком «Бап!» Одрейд ощущала мягкое движение, но взгляд назад показал, что нуль-корабль удаляется с огромной скоростью. Он мгновенно пропал из виду.

«Отправился по своим делам, прежде, чем кто-нибудь сможет прийти и посмотреть, что там»:

Лихтер двигался удивительно быстро. Сканеры докладывали о планетарных станциях и переходных барьерах на девятнадцать — плюс часов, но мерцающие точки, обозначавшие их, были видны только потому, что они увеличивались. Окошечко сканера говорило о том, что станции можно будет увидеть невооруженным глазом чуть позже двенадцати по здешнему времени.

Ощущение движения внезапно исчезло, и Одрейд больше не ощущала ускорения, о котором говорили ее глаза. «Подвесная каюта. Иксянской технологии для нуль-транспортировки здесь мало». Где Тег ей овладел?

«Нет необходимости мне знать об этом. Зачем говорить Матери Настоятельнице, где находится каждая дубовая плантация??

Она наблюдала за началом контактов сенсоров в течение часа и молча возблагодарила проницательность Айдахо.

«Мы начинаем узнавать этих Достопочтенных Матерей».

Зашитная схема Узловой была видна даже без сканера.

Перекрывающие планы! Как и предсказывал Тег. Зная, как расположены эти барьеры, люди Тега могли создать другую сферу вокруг планеты. «Конечно, это не так просто».

Неужели Достопочтенные Матери так доверяют всеобъемлющей власти, что пренебрегают элементарными предосторожностями?

Четвертая Планетарная станция начала вызывать их, когда они были как раз под ней уже три часа.

— Назовите себя!

Одрейд послышалось в этой команде «или прочих».

Ответ пилота явно озадачил наблюдателей.

— Вы находитесь в маленьком корабле контрабандистов?

«Значит, они узнали его. Тег еще раз оказался прав».

— Я чуть не сжег сенсорные устройства во время пути, — заявил пилот. — Я добавлю для доверия нам. Заставлю их верить, что вы все безопасно пристегнуты.

— Почему вы увеличиваете скорость? — заметила Четвертая.

Одрейд наклонилась вперед.

— Повторите пароль и скажите, что наш отряд слишком устал от долгого пребывания в тесных каютах. Добавьте, что я снабжена из предосторожности датчиком жизненных сигналов, чтобы поднять по тревоге моих людей, если мне придется умереть.

«Они не найдут вживленного датчика! Умница Дункан. И разве Белл не удивило то, что, как она обнаружил ее, он спрятал в корабельных Системах? «Еще романтика!?

Пилот передал ее слова. В ответ пришел приказ:

— Снизьте скорость и придерживайтесь для посадки следующих координат. До этой точки мы берем контроль над вашим кораблем в свои руки.

Пилот коснулся желтого поля своего пульта.

— Они поступают как раз так, как предполагал Башар. — В его голосе прозвучало злорадство. Он снял с головы колпак и обернулся. Одрейд была потрясена.

«Киборг!?

Вместо лица была металлическая маска с двумя мерцающими серебристыми шарами вместо глаз.

«Мы становимся на зыбкую почву».

— Они не сказали вам? — спросил он. — Не жалейте понапрасну. Я был мертв, а это дало мне жизнь. Это Клайрби, Мать Настоятельница. И когда я умру на этот раз, это купит мне жизнь в качестве гхолы.

«Проклятье! Мы меняем монеты на то, что мы можем отбросить. Слишком поздно менять что-либо. И это план Тега. Но... Клайрби??

Лихтер приземлился с мягкостью, говорившей о превосходном контроле Четвертой. Одрейд уловила этот момент только по тому, что ландшафт на ее сканнере больше не двигался. Нуль-поле было отключено, и она ощутила притяжение. Люк прямо перед ней открылся. Погода была приятно теплой. Снаружи послышался шум. Дети играют в какую-то подвижную игру?

Сзади подплыл багаж. Она вышла на короткую лестницу и увидела, что шум действительно исходил от группы детей, играющих на ближнем поле. Им было уже гораздо больше десяти, и все — девочки. Они гоняли надувной мяч туда и обратно, и во время игры вопили и визжали.

«Сценка для нашего удовольствия??

Одрейд почувствовала, что похоже. На этом поле было около двух тысяч юных женщин.

«Смотрите, через какую толпу призванных мы идем!?

Никто не приветствовал ее, но она увидела знакомое строение внизу на подготовленной лужайке, слева от нее. Очевидно, сооружение Космической Гильдии с недавно пристроенной башенкой. Оглянувшись, она заговорила о башенке, давая имплантированному датчику сведения об изменении в плане местности, составленном Тегом. Ни один из тех, кто когда-либо видел строения Гильдии, не мог бы отнести это на какой-либо иной счет.

Так было на всех планетах Узловой. Где-то в записях Гильдии несомненно был его серийный номер и код. Это было так долго под контролем Гильдии, еще до прихода Достопочтенных Матерей, что в первый момент высадки, приобретении «почвы под ногами», все вокруг них имело запах Гильдии. Даже игровое поле, устроенное для внешних встреч Навигаторов в их гигантских контейнерах меланжа.

Запах Гильдии — он состоял из Иксианской технологии и разработок Навигаторов — сооружения, завернутые вокруг пространства наиболее энергосохраняющим образом, прямые дороги, немного скользящих тротуаров. Они были расточительны и им требовалось только притяжение. Никаких цветочных насаждений вблизи посадочной площадки. Они могли быть случайно разрушены. И эта постоянная серость всех сооружений — не серебристых, а тусклых, как кожа Тлейлаксу.

Сооружение слева от нее было огромным строением с выступами некоторые округлые, некоторые угловатые. Оно не было дорогой гостиницей. Маленькие роскошные комнатки, конечно, но это было редкостью и предназначалось для Очень Важных Персон, в основном инспекторов Гильдии. «Тег еще раз прав. Достопочтенные Матери сохраняют существующие структуры, минимально их переустраивая. Башня!?

Одрейд напомнила себе это: «Это не только иной мир, но также и иное общество со своей собственной социальной спайкой». Она имела к этому ключ после Единения с Мурбеллой, но не думала, что она проникнет в тайну того, что держит Достопочтенных Матерей в единстве. Конечно, не только это жажда власти.

— Мы пойдем пешком, — сказала она и первой пошла вниз по ровной лужайке к гигантскому строению.

«До свидания, Клайрби. Уводи свой корабль быстро, как сможешь. Пусть это станет нашим первым большим сюрпризом для Достопочтенных Матерей».

По мере их приближения строение Гильдии все сильнее нависало над ними.

Когда Одрейд увидела одну из этих функциональных конструкций, ее поразило сильнее, нежели когда-нибудь то, что кто-то предпринял великий труд по планированию всего этого. Намеренная

детализация всего, хотя временами приходится до этого докапываться. Бюджет диктовал ограничение расходов во многих случаях, и предпочтение отдавалось долговечности, а не бросающейся в глаза роскоши. Пойди на компромисс и, как и все компромиссы, он не удовлетворит ни одну из сторон. Контролеры Гильдии несомненно жаловались на стоимость, и теперь жильцы по-прежнему могли чувствовать раздражение на недальновидность. Не имеет значения. Это уже было, и теперь его надо использовать. Еще один компромисс.

Вестибюль был меньше, чем она ожидала. Некоторые внутренние изменения. Только около шести метров в длину и, возможно, четырех метров в ширину. Когда они вошли, приемное окошечко оказалось справа. Одрейд сказала, чтобы Суйпол зарегистрировала прибытие их группы и знаком показала, что остальным следует ждать в открытом пространстве на достаточном расстоянии друг от друга. Предательство неуправляемо.

Дортуйла явно ожидала его. Она казалась покорной.

Одрейд тщательно осмотрела и прокомментировала то, что их окружало. Полно ком-камер, но остальные...

Каждый раз, как она посещала такие места, она чувствовала себя как в музее. Иная Память говорила, что жилища такого типа существенно не меняются эпохами. Даже в ранних временах она находила прототипы. Отблеск прошлого в отсветах канделябров — огромные сверкающие сооружения, имитирующие электрические приборы, но украшенные светящимися шарами. Два из них возвышались до потолка, как воображаемые космические корабли, нисходящие в великолепии своем из пустоты.

Здесь были и еще отблески прошлого, которые заметили бы немногие жители этих времен. Устройство приемной за зарешеченными отверстиями, пространство для ожидания с его смесью сидений и неудобным освещением, знаками, указывающими на службы — ресторан, наркокабинеты, бар для встреч, бассейн и залы для прочих упражнений, комнаты автомассажа и всякое прочее. Только язык и шрифт изменились с тех давних пор. Если бы был понятен язык, то и до-космические примитивы поняли бы эти обозначения. Это было место временного пребывания.

Полным-полно охранных установок. Некоторые имели вид артефактов времен Рассеяния. Икс и Гильдия никогда не тратили золото на ком-камеры и сенсоры.

Френетический танец роботовслуг в приемной — они сновали туда-сюда, убирали, подбирали сор, провожали новоприбывших Группе Одрейд предшествовала компания четырех иксианцев. Она уделила им особое внимание. Как важны, но полны страха.

Ее глаза бенегессеритки всегда узнавали народ Икса, несмотря на отвращение. Основная структура их общества отпечатывалась на индивидуальностях. Иксианцы демонстрировали Хогбеповское отношение к своей науке: ее политические и экономические потребности определяли допустимость исследований. Так сказать, наивная невинность Иксианских социальных мечтаний стала реальностью бюрократического централизма — новой аристократией. Так они пришли к упадку, который не могло остановить ничто, какие бы компромиссы с Достопочтенными Матерями ни приехала заключать это группа.

«Все равно, чем ни кончилось бы наше соперничество, Икс умирает. Свидетельство: ни одного значительного иксианского новшества в течение столетий».

Суйпол вернулась.

— Они просят нас подождать сопровождающих.

Одрейд решила начать переговоры немедленно с дружеского разговора для развлечения Суйпол, наблюдателей и слушателей на ее нуль-корабле.

— Суйпол, ты заметила этих иксианцев перед нами?

— Да, Матерь Настоятельница.

— Заметь их получше. Это продукты умирающего общества. Наивно ожидать, что какая-нибудь бюрократия примет блестящие новшества и применит их к лучшему. Бюрократия задает другие вопросы. Знаешь, какие?

— Нет, Матерь Настоятельница. — Она сказала это после того, как окинула все вокруг испытующим взглядом.

?Она знает! Но видит, что я делаю. Зачем мы здесь? Я недооценила ее». — Это типичные вопросы, Суйпол: кто получит кредит? Кому попадет, если возникнут проблемы? Пошатнет ли это властные структуры, оплачивающие нашу работу? Или это сделает некоторое подчиненное отделение более

важным? Суйпол кивала, следуя намекам, но ее взгляд на наблюдательные устройства мог бы быть и менее неприкрытым.

Все равно.

— Это политические вопросы, — сказала Одрейд. Они показывают, как стремления бюрократии прямо противоположны нуждам приспособления к изменениям. Приспособляемость есть первое требование выживания.

?Пришло время поговорить непосредственно с нашими хозяевами».

Одрейд подняла глаза вверх, выбрав выступающую на канделябре ком-камеру.

— Заметь этих иксианцев. Их «разум детерминистской вселенной» дал дорогу «разуму в неограниченной вселенной» где случается что угодно. Творческая анархия есть путь выживания в такой вселенной.

— Благодарю вас за урок. Матерь Настоятельница.

«Будь благословенна, Суйпол».

— После всего их опыта общения с нами, — сказала Суйпол, — они, конечно, больше не спрашивают о нашей верности друг другу.

«Да охранят ее Судьбы! Эта уже готова для Страстей, но может никогда не увидеть их».

Одрейд могла только согласиться с выводом послушницы. Согласие с путями Бене Джессерит шло извне, из тех постоянно контролируемых тонкостей, что держали их Дом в порядке. Это был не философский, а прагматический взгляд на свободу воли. Любое заявление, которое Сестры могли бы сделать по поводу собственного выбора пути во враждебной Вселенной, лежало в добросовестном соблюдении взаимной верности, в соглашении, выкованном Страстями. Дом Ордена и его немногие оставшиеся ответвления были питомниками порядка, основанного на передаче знаний и Единении. Не основывалось на невинности. Это было утрачено очень давно. Это было прочно закреплено в политическом сознании и взгляде на историю, независимом от других законов и обычаяев. — Мы не машины, — сказала Одрейд, бросив взгляд на автоматы вокруг них. — Мы всегда полагаемся на личные взаимоотношения, никогда не зная, куда они нас могут завести.

Тамалан подошла к Одрейд.

— Не думаете ли вы, что они могли бы наконец хоть весточку нам послать?

— Они уже подали нам весть. Там, запихнув нас во второсортную гостиницу. А я ответила.

Глава 39

В конечном счете, все известно, потому, что ты хочешь верить, что ты все знаешь.

Дзенсуннитский коан

Тег глубоко вздохнул. Прямо по курсу лежала Гамму, точно там, где, по словам навигаторов, она должна была находиться после выхода из подпространства. Он стоял рядом с бдительной Стрегги, видя все на дисплее командного отсека своего флагманского корабля.

Стрегги не нравилось, что он стоит на своих ногах, а не сидит у нее на плечах. Она чувствовала себя ненужной среди военного оборудования. Ее настороженный взгляд был прикован к экрану мультипроектора командного центра. Адъютанты, умело сновавшие сквозь поля и оболочки, одетые в непонятные железяки, знали, что они делают. У нее были лишь смутные догадки об их обязанностях.

Компьютерная доска, предназначенная для передачи приказов Тега, лежала под его ладонями, покачиваясь на супензорах. Командное поле создавало слабое голубое свечение вокруг его рук. На его плечах легко лежала серебристая подкова связи с атакующими силами. Она казалась здесь более на своем месте, вместо того, чтобы выглядеть слишком большой по отношению к его маленькому телу, чем командная связь его прежней жизни. Никто из тех, кто окружал его, больше не спрашивал, действительно ли в этом детском теле находится их прославленный Башар. Они просто принимали его приказы с проворной готовностью.

Система, к которой они направлялись, выглядела с этого расстояния обычно: солнце и захваченные им планеты. Но Гамму в центре фокуса не была обычной. Айдахо родился здесь, здесь обучался его гхола, его изначальная память восстанавливалась здесь.

«И здесь я изменился».

Тег не мог объяснить того, что обнаружил в себе после переживаний выживания на Гамму. Физическая скорость иссушила его тело и лишила способности видеть нуль-корабли, локализовать их на воображаемом экране как блок пространства, воспроизведенный в его мозгу.

Он подозревал дикое проявление Атреидских генов. В нем были обнаружены клейменые клетки, их цель не была раскрыта. Заведующие Выведением бенегессеритки эпохами занимались этим. Было мало сомнений в том, что они могли бы рассматривать эту способность как нечто потенциально опасное для них. Они могли использовать ее, но он точно бы потерял свободу.

Он изгнал из своих мыслей эти воспоминания.

— Ставится ловушка.

«Действие!?

Тег ощущал, что приходит в знакомое состояние. Было ощущение восхождения к освежающему просветлению, когда планирование закончилось. Теории были сформулированы, альтернативы тщательно проработаны, подчиненные расставлены по местам, все досконально изложено. Его ведущие ключевых эскадрилий запомнили все о Гамму — где возможна помочь партизан, каждую воронку от снаряда, каждое известное укрепление и какие пути отступления наиболее уязвимы. Он в особенности предупредил их о Футарах. Вероятность, что эти гуманоидные твари могут быть союзниками, не должна быть упущена. Мятежники, которые помогли бегству гхолы Айдахо с Гамму настаивали, что Футары были созданы, чтобы выслеживать и истреблять Достопочтенных Матерей. Зная расчеты Дортуйлы и прочих можно было почти пожалеть Достопочтенных Матерей, если это было правдой, за исключением того, что жаль может быть распространена на тех, кто никогда не оказывал ее другим.

Атака была предпринята по намеченному плану — разведывательные корабли снижаются, формируя приманку-заграждение, и тяжелые корабли становятся в боевую позицию. Тег стал теперь тем, о чём он думал как об «инструменте моих инструментов». Было трудно определить, что командовало и что исполняло.

«Теперь начинается тонкая игра».

Он боялся неизвестного. Хороший командир твердо хранит это в памяти. Всегда есть неизвестные факторы.

Ловушки приближались к защитному периметру. Он видел не-корабли врага и датчики подпространства — яркие точки, выстраивающиеся в его сознании. Тег наложил их на порядки своих сил. Каждый приказ, который ему придется отдать, должен казаться возникающим из плана

сражения, который знали все они.

Он ощущал благодарность за то, что Мурбелла не присоединилась к ним. Каждая Преподобная Матерь могла бы проникнуть в его хитрость. Но никто не подвергал сомнению приказ Одрейд, чтобы Мурбелла ждала вместе со своим отрядом на безопасном расстоянии.

?Это потенциальная Матерь Настоятельница. Охраняй ее получше». Взрывное разрушение ловушек началось со случайных появленияй сверкающих вспышек вокруг планеты. Он наклонился вперед, глядываясь в проектор.

— Есть схема!

Это была не такая уж и схема, но его слова породили веру и сердца людей забились чаще. Никто и не сомневался, что Башар нашел уязвимые точки в защите. Его руки взметнулись над панелью управления, посыпая корабли навстречу сверкающим вспышкам, что очищали пространство позади них от вражеских осколков. — Все в порядке! Пусть идут!

Он занес курс флагмана прямо в Навигацию и затем все внимание отдал Огневому Контролю. Молчаливые взрывы испещрили точками пространство вокруг, покуда его флагман расправлялся с оставшимися элементами защиты периметра Гамму.

— Еще ловушки! — приказал он.

На экране проектора замерцали шары белого света.

Внимание командного отсека сконцентрировалось на экранах, а не на их Башаре.

«Неожиданность!» Тег, как раз этим прославившийся, еще раз подтвердил свою репутацию.

— Я нахожу это странно романтичным, — сказала Стрегги.

«Романтичным?» Да нет в этом никакой романтики! Время романтики уже миновало и еще придет. Определенная аура должна окружать планы для придания им силы. Он признавал это. Историки создали свое собственное ответвление драмы-включающей-романтику. Но сейчас? Сейчас время адреналина!

Романтика отвлекает тебя от необходимости. Тебе приходится быть внутренне холодным, держаться чистой и нетронутой линии между разумом и телом.

Пока его руки двигались по командному пульту, Тег понял, что подвинуло Стрегги заговорить. Здесь должно было создаться нечто примитивное, касающееся смерти и разрушения. Это был момент, выходящий из нормального порядка. Волнующее возвращение к древним племенным схемам.

Она чувствовала, как в ее груди бьется тамтам, и голоса поют: «Убей! Убей! Убей!?

— Его видение нуль-кораблей охраны показывало, как в панике бегут уцелевшие.

«Хорошо. Паника — средство рассеять и ослабить врагов».

— Здесь Баронство.

Айдахо присвоил старое название Харконнена раскинувшемуся городу с его гигантским черным центральным районом из пластистали.

— Мы сядем на северной Площадке.

Он говорил, но его руки отдавали приказы.

«Теперь быстро!?

На короткое время, пока они высаживали войска, нуль-корабли становились видимыми и уязвимыми. Он держал составляющие всех сил подконтрольными его командному пульту, и ответственность была тяжелой.

— Это только отвлекающий маневр. Мы входим и выходим после того, как нанесли серьезный урон. Наша настоящая цель — Узловая.

Прощальное указание Одрейд сохранилось в памяти: «Достопочтенные Матери должны получить урок, какого не имели никогда. Напади на нас, и ты получишь тяжелый удар. Надави на нас, и страдания будут невыносимы. Они слышали о карах бенегессериток. У нас недобрая слава. Несомненно, Королева Пауков слегка хихикнет. Ты должен забить ей это хихиканье в глотку!?

— Покинуть корабль!

Это был уязвимый момент. Пространство вокруг них оставалось свободным от угрозы, но огненные копья тянулись дугой с востока. Его артиллеристы могли удержать их. Он сконцентрировался на вероятности того, что вражеские нуль-корабли могут вернуться для самоубийственной — атаки. Проекторы командного узла показывали его тяжелые корабли и транспортеры, выходящие из нижних отсеков. Ударная сила, бронированная элита на супензорах уже взяла под защиту периметр.

Затем появились переносные ком-камеры для расширения его поля наблюдения и передачи точных деталей вторжения. Коммуникация, ключ к гибкому командованию, но она также показывает и кровавые разрушения.

— Все чисто!

На командном узле прозвучал сигнал.

Он поднялся с Площадки и переместился в зону полной невидимости. Теперь только коммуникационные связи давали защитникам ключ к его позиции, но она был скрыта схемой ловушек.

Проекторы показали чудовищный прямоугольник древнего центра Харконнена. Он был построен в виде квартала из поглощавшего свет металла, чтобы там содержать рабов. Элита жила в особняках среди садов наверху. Достопочтенные Матери вернули ему его прежнее подавляющее назначение.

Три его гигантских ударных корабля появились в поле зрения.

— Очистите высоту от этого! — приказал он. — Сметите все, но постарайтесь как можно меньше разрушить сооружение.

Он знал, что его слова были ненужными, но говорил для облегчения. Любой в атакующих войсках знал, чего он хочет.

— Доложите обстановку! — приказал он.

Из подковы на его плечах начала поступать информация. Он занес ее во вторичную. Система наблюдения показала, как его войска очищают периметр. Сражение в высоте и внизу было выиграно, по крайней мере, на пятьдесят отсчетов времени раньше. Идет куда лучше, чем он ожидал. Значит, Достопочтенные Матери держали свои тяжелые вооружения вне планеты, не ожидая мощной атаки. Знакомая повадка. Он поблагодарил Айдахо за то, что он предугадал это.

«Они ослеплены властью. Они думают, что тяжелое вооружение — для космоса и только легкие войска для планетарных сражений. Тяжелое вооружение можно в случае необходимости вызвать вниз. Нет смысла держать его на планете. Слишком много энергии тратится. Кроме того, сознание того, что вверху все тяжелые войска оказывает успокаивающее действие на порабощенное население».

Концепции Айдахо в смысле вооружения были опустошающими.

«Мы заботимся, чтобы сосредоточить наш ум на том, что мы, по нашим уверениям, знаем. Снаряд есть снаряд, даже если он миниатюризирован для того, чтобы содержать яды или биологические препараты».

Новаторство в орудийном оснащении привело к повышению мобильности. Стало возможным единообразие. И Айдахо вернулся к защитным полям с их устрашающей разрушительной силой, когда в них попадал лазерный луч. Защитные поля на супензорах, скрытые в том, что казалось солдатами (на самом деле это были накачанные газом униформы), были выдвинуты впереди войск. Лазерный огонь по ним вызывал чистый атомный огонь, очищающий большие районы.

«Неужто Уловая падет так легко??

Тег сомневался в этом. Необходимость вызывала быстрое приспособление к новым методам.

?Они могут доставить защитные экраны на Уловую в течение двух дней». И никаких запретов насчет использования их.

Защитные поля победили Древнюю Империю, как ему было известно, из-за странного важного набора слов, называемого «Великой Конвенцией». Честные люди не злоупотребляли оружием своего феодального общества. Если ты не чтил Конвенцию, твои пэры объединялись против тебя. Более того, у них имелось непостижимое «Лицо», которое некоторые называли «Гордостью». «Лицо! Мое место в стае».

— Это стоило нам очень немногого, — сказала Стрегги.

Она становилась прямо-таки военным аналитиком, причем, на вкус Тега слишком банальным. Стрегги имела в виду, что они потеряли не много людей, но возможно она говорила вернее, чем знала.

«Трудно представить, что дешевые затеи выполняют задание, — говаривал Айдахо, — Но это мощное оружие».

Если твое оружие стоит только малой части энергии, затраченной твоим врагом, ты имеешь мощный рычаг, который может одолеть непреодолимые с виду трудности. Продли столкновение, и ты истощишь резервы врага. Твой враг падет потому, что его контроль над производством и рабочими потерян.

— Можем начать отход, — сказал он, отвернувшись от проекторов, в то время, как его руки повторили приказ. — Я хочу, чтобы как можно скорее доложили о несчастных случаях... — он осекся и повернулся на внезапное движение.

«Мурбелла?

Ее изображение повторялось на всех экранах узла. Изображения грохотали ее голосом:

— Почему вы не обращаете внимания на донесения с периметра? — Она перехватила управление его пультом и проекторы показали полевого командира, захваченного на середине фразы:

— ...приказы, мне придется отвергнуть их просьбу.

— Повторите, — сказала Мурбелла.

Потное лицо полевого командира повернулось к переносной ком-камере. Система сбалансировала его изображение, и теперь он смотрел прямо в глаза Тегу.

— Повторяю: у меня тут самозваные беженцы, просят убежища. Их предводитель говорит, что у него есть договор, по которому Сестры должны удовлетворить его просьбу, но без приказа...

— Кто он? — спросил Тег. — Он называет себя Рабби.

Тег повернулся, чтобы снова взять под контроль пульт.

— Я не знаю никакого...

— Подождите! — опередила Мурбелла.

«Как она это делает??

Снова узел заполнил ее голос.

— Доставьте его и его людей на флагман. Быстро. — Она заглушила передачу с периметра.

Тег был оскорблен, но положение его было невыгодным. Он выбрал одно из множества изображений и сердито зыркнул на него.

— Как вы осмеливаетесь вмешиваться?

— Потому, что у вас нет точных данных. Рабби действует по праву. Приготовьтесь с почетом принять его.

— Объяснитесь.

— Нет! Вам этого не надо знать. Но я имела право принять это решение, когда увидела, что вы не отвечаете.

— Этот командир был в районе отвлекающего маневра! Не важно, что...

— Но просьба Рабби имеет преимущество.

— Вы не подходите для Матери Настоятельницы!

— Может, даже хуже. А теперь слушайте меня. Доставьте этих беженцев на флагман. И приготовьтесь встретить меня.

— Категорически против! Вы должны оставаться там, где находитесь!

— Башар! В его просьбе есть кое-что, требующее внимания Преподобной Матери. Он говорит, что они в опасности из-за того, что дали временное убежище Преподобной Матери Луцилле. Смиритесь с этим или покиньте командный пульт!

— Тогда позвольте мне собрать на борту своих людей и сначала отойти.

Мы встретимся, когда эвакуируемся.

— Согласна. Но обращайтесь с этими беженцами вежливо.

— А теперь исчезните с моих экранов! Вы ослепили меня, и это было глупо!

— Вы все прекрасно держите под контролем, Башар. За время этого пробела другой наш корабль принял четырех Футаров. Они пришли просить, чтобы мы доставили их к Поводырям, но я приказала держать их под стражей. Обращайтесь с ними чрезвычайно осторожно.

Проекторы узла снова показывали ход сражения. Тег еще раз дал приказ своим силам собраться. Он был разозлен, и прошли минуты, прежде, чем он восстановил чувство командования. Знала ли Мурбелла, как она подорвала его авторитет? Или следует списать это на счет той важности, которую она придавала беженцам?

Когда ситуация была снова под контролем, он передал пульт в управление адъютанта и, на плечах Стрегги, отправился взглянуть на этих важных беженцев. Что было в них такого жизненно важного, что Мурбелла рискнула вмешаться?

Они были на палубе для бронетранспортеров, закоченевшая группка, которую держали поодаль по приказу осторожного командира.

«Кто знает, что скрывают эти неизвестные??

Рабби, которого можно было узнать, так как он уже говорил с полевым командиром, стоял вместе с женщиной в коричневом облачении рядом со своими людьми. Это был маленький бородатый человечек в белой ермолке. Холодный свет придавал ему древний вид. Женщина прикрывала глаза рукой. Рабби говорил, и его слова становились по мере приближения Тега внятными. Женщина была под атакой многословия.

— Падет тот, кто вознесся в гордыне своей!

Не убирая руки, защищающей глаза, женщина ответила:

— Я не возгордилась от того, что я несущая.

— Не мощью, что может тебе принести это знание?

Прижав колени, Тег приказал Стрегги остановиться в десяти шагах от них. Его командир посмотрел на Тега, но остался на месте, готовый к защите, если окажется, что это диверсия.

«Хороший парень».

Женщина клонила голову все ниже и прижимала руку к глазам, покуда говорила.

— Разве нам не предлагают знания, которые мы могли бы использовать ради святого дела?

— Дочь! — Рабби держался напряженно прямо. — Чему бы мы ни могли научиться ради лучшего служения, это никогда не будет делом великим. Все, что мы зовем знанием, было лишь для того, чтобы окружить все, что смиренное сердце может удержать, все это будет не более, чем единственное зернышко в борозде.

Тег ощущал, что не хочет вмешиваться.

«Ну и древняя же манера разговора». Эта пара забавляла его. Остальные беженцы прислушивались к разговору с восхищенным вниманием. Только полевой командир Тега казался равнодушным, внимательно следя за чужаками и делая временами знаки рукой адъютантам.

Женщина по-прежнему почтительно склоняла голову и прикрывала глаза рукой, но по-прежнему защищалась.

— Даже семя, брошенное в борозду, может породить жизнь.

Губы Рабби мрачно вытянулись тонкой линией, затем:

— Без воды и ухода, иначе говоря, без благословения и слова жизни нет.

Плечи женщины вздрогнули от глубокого вздоха, но она, отвечая, по-прежнему оставалась в странно смиренной позе.

— Рабби, я слушаю и повинуюсь. И все же, я должна почитать это знание, что было мне доверено, потому, что оно содержит те самые наставления, что вы только что провозгласили.

Рабби положил руку на ее плечо.

— Тогда сообщи же их тем, кто ждет их, и да не войдет зло туда, куда ты идешь.

Молчание сказало Тегу, что аргументы иссякли. Он поторопил Стрэгги. Но прежде, чем она двинулась, сзади подошла Мурбелла и кивнула Рабби, не отрывая взгляда от женщины.

— Именем Бене Джессерит и во имя нашего долга перед вами, я приглашаю вас и даю вам убежище, — сказала Мурбелла.

Женщина в коричневом опустила руку, и Тег увидел контактные линзы, поблескивающие в ее ладони. Она подняла голову, и вокруг послышались удивленные вздохи. Глаза женщины были совершенно голубыми от пристрастия к спайсу, но в них была также и внутренняя сила, присущая пережившему Страсти. Мурбелла сразу же определила: «Дикая Преподобная Матерь!» Со времен Фременов Дюны не было известно ни об одной из них. Женщина поклонилась Мурбелле.

— Меня зовут Ребекка. И я полна радости быть вместе с вами. Рабби думает, что я глупая гусыня, но у меня есть золотое яйцо, поскольку я несу Лампады: семь миллионов шесть тысяч двадцать две сотни и четырнадцать Преподобных Матерей, и они по праву ваши.

Глава 40

Ответы суть опасная хватка вселенной. Они могут показаться имеющими смысл, но ничего не объяснить.

Дзенсуннитской Кнут

Когда ожидание обещанного сопровождения затянулось, Одрейд сначала разозлилась, потом развеселилась. Наконец, она начала ходить за роботами вестибюля, мешая их движениям. Большинство из них было небольшого размера и ни один не казался гуманоидным.

«Функционалы. Отличительное клеймо Иксианских рабов. Работа, работа, работа, беспокойный маленький аккомпанемент жизни на Узловой или ее эквиваленте где бы то ни было».

Они были столь на своем месте, что мало кто замечал их. Поскольку они не могли работать, когда им нарочно мешали, они неподвижно застыли, жужжа. «У Достопочтенных Матерей слабое чувство юмора или вообще его нет.?

?Я знаю, Мурбелла. Я знаю. Но получили ли они мое послание??

Дортуйла явно устала. Она уже не боялась и рассматривала эти антики с широкой ухмылкой. Там, казалось, не одобряет этого, но относится к этому терпимо. Суйпол веселилась. Одрейд пришлось удерживать ее от помощи в остановке устройств. ?Пусть неприязнь достанется мне, дитя. Я знаю, что приготовлено мне». Когда она была уверена, что сделала свое дело, Одрейд стала прямо под канделябром.

— Иди ко мне. Там, — сказала она.

Тамалан послушно встала перед Одрейд с внимательным выражением лица. — Заметила ли ты, Там, что современные вестибюли становятся все меньше?

Тамалан окунула вокруг себя взглядом.

— Когда-то вестибюли были большими, — сказала Одрейд. — Чтобы создать престижное чувство пространства для имеющих власть и подавить прочих своей важностью, конечно.

Тамалан уловила дух пьески Одрейд и сказала:

— В те дни ты казался важным, если ты вообще путешествовал.

Одрейд посмотрела на обездвиженных роботов, рассеявшихся по полу вестибюля. Некоторые гудели и дрожали. Остальные спокойно ждали, когда придет кто-нибудь или что-нибудь и возобновит порядок.

Автосекретарь, фаллосообразная трубка из черного плаза с одиноко поблескивающей ком-камерой, выдвинулась из своей клетки и пробралась между остановленными роботами прямо к Одрейд.

— Как сегодня сырь, — произнес тягучий женский голос. — О чём только думает Погода.

Одрейд после этого обратилась к Тамалан:

— Зачем они запрограммировали эти механизмы на подражание дружеским человеческим чувствам?

— Это непристойно, — согласилась Тамалан. Она оттерла автосекретаря и тот вернулся к изучению своих инструкций, но больше не двигался. Внезапно Одрейд осознала, что затронула силу, что развязала Бутлерианский Джихад мотивацию толпы.

«Мое собственное предубеждение!?

Она изучала механизмы, стоящие перед ними. Они ждали указаний или надо прямо обращаться к этим штукам?

Еще четыре робота вошли в вестибюль и Одрейд узнала багаж ее группы, сложенный на них.

«Все наши вещи тщательно просмотрели, я уверена. Ищите если вам угодно. Мы не несем и намека на наши легионы».

Четыре робота быстро проехали в конец комнаты и обнаружили, что их путь перекрыт неподвижными роботами. Багажные роботы остановились и ждали, когда это уникальное состояние дел будет ликвидировано. Одрейд улыбнулась, глядя на них.

— Вот и появились знаки преходящих убежищ наших тайных сущностей.

«Убежище и тайна».

Слова, предназначенные для того, чтобы поддразнить наблюдателей. «Давай, Там! Ты знаешь эту хитрость. Смуты же это ненормальное содержание бессознательности, пусть у них появится чувство уязвленности невозможностью разгадать. Заставь их трястись, как я заставила роботов. Пусть они изведутся. В чем настоящая сила этих бенегессеритских ведьм?» Тамалан уловила намек.

«Укрытия и тайные сущности».

Она объяснила устройству слежения тоном, предназначенным для маленьких детей:

— Что вы забираете, когда покидаете свое гнездо? Не станете же вы упаковывать все? Или вы ограничитесь тем, что необходимо?

«Что сочли бы необходимым наблюдатели? Средства гигиены или одежду, которую стирают или сменную? Оружие? Они искали это в — нашем багаже. Но Преподобные Матери предпочитают не носить видимого оружия».

— Какое безобразное место, — сказала Дортуйла, присоединяясь к Тамалан стоящей перед Одрейд и подыгрывая. — Можно подумать, что все это нарочно.

«Ах, вы грязные соглядатаи. Посмотрите на Дортуйлу. Помните ее? Почему она вернулась, когда должна была знать, что вы можете с ней сделать? Скормить Футарам? Видите, как мало это тревожит ее??

— Это место временного пребывания, Дортуйла, — сказала Одрейд. ·Большинство народа никогда не захотел бы иметь его местом своего назначения. Беспокойство, и некоторые неудобства только напоминают вам об этом.

— Остановка на обочине, и никогда она не станет ничем большим, разве что ее не перестроят полностью, — сказала Дортуйла.

Слышали ли они? Одрейд устремила взгляд, полный крайнего хладнокровия, на выбранную ей камеру.

«Это убожество выдает намерение. Это говорит нам: „Мы снабдим вас кое-чем для желудка, кроватью, местом для освобождения мочевого пузыря и кишечника, местом для проведения маленьких ритуалов ухода, необходимого телу, но вы быстро уйдете, потому что на самом деле нам нужна та энергия, что вы оставляете позади себя“.

Автосекретарь объехал вокруг Тамалан и Дортуйлы, еще раз пытаясь заговорить с Одрейд.

— Вы немедленно отведете нас в наши комнаты! — сказала Одрейд, гневно смотря в глаз циклопа.

— О, боже мой! Мы были невнимательны!

Где они отыскали такой слашавый голос? Отвратительный. Но Одрейд меньше, чем за минуту вышла из вестибюля вслед за роботами, везущими их багаж. Суйпол сразу сзади, вслед за ней Тамалан и Дортуйла.

Одно крыло здания, мимо которого они проходили, выглядело заброшенным. Означало ли это, что движение на Узловой шло к упадку? Ставни вдоль всего коридора были запечатаны. Что-то скрывают? В возникшем из-за этого полумраке она отметила пыль на полу и косяках, и лишь редкие следы механизмов, поддерживающих порядок. Попытка скрыть то, что находится за этими окнами? Вряд ли. Иногда эти окна открывались.

Она заметила схему в том, что поддерживалось очень небольшое движение. Влияние Достопочтенных Матерей. Кто бы осмелился много бродить по окрестностям, когда безопаснее закопаться и молиться, чтобы тебя не заметили опасные мародеры. Подходные тропинки к элитарным частным квартирам должны были поддерживаться в порядке. Только лучших обслуживали лучшим образом.

«Когда появятся беженцы с Гамму, места хватит».

В вестибюле робот передал Суйпол указательный пульсер.

— Чтобы вы потом нашли дорогу. — Круглый голубой шарик с желтой указательной стрелкой, плавающей в нем, чтобы указывать выбранный путь. -Когда прибудете, зазвонит колокольчик.

Колокольчик на пульсере зазвенел.

«Ну, и куда мы пришли??

В другое место, которое их хозяева снабдили «всеми удобствами», по-прежнему делая его отвратительным. Комнаты с мягкими желтыми полами, бледными розовато-лиловыми стенами, белые потолки. Вращающихся стульев не было. Спасибо и за то, что даже их отсутствие говорило скорее об экономии, чем о заботе о пристрастиях гостей. Подобные кресла требовали ухода и дорогостоящего персонала. Она увидела мебель, обитую пермаллоксной тканью. И под тканью она почувствовала пластичную упругость. Все в комнате было разных цветов. Кровать вызывала небольшой шок. Некто принял просьбу о жестком тюфяке слишком буквально. Плоская поверхность черного лака. Никакого белья.

Суйпол, увидев это, начала было протестовать, но Одрейд приказала ей замолчать. Несмотря на средства, Бене Джессерит комфорта иногда пускали побоку. Сначала дело. Это был первый приказ. Если Матери Настоятельнице придется разок послать на жесткой поверхности без белья, это можно пережить во имя долга. Кроме прочего, бенегессеритки умели приспособливаться к таким несущественным помехам. Одрейд закалила себя для неудобств, сознавая, что если она воспротивится, то может столкнуться с другим нарочитым оскорблением.

«Пусть добавят этим себе еще неуместного удовольствия и пусть побеспокоются насчет этого».

Вызов пришел, когда она инспектировала остальные их комнаты, выражая минимальную заботу и открытое веселье. Из потолочных вентиляционных отверстий проговорил назойливый голос, когда Одрейд и ее спутницы вошли в гостиную:

— Вернитесь в вестибюль, где вас ожидают ваши сопровождающие к Великой Достопочтенной Матери.

— Я пойду одна, — сказала Одрай, пресекая возражения.

В хрупком кресле, там, где коридор выходил в вестибюль, ожидала Достопочтенная Мать в зеленом. Лицо ее было похоже на замковую стену камень на камне. Рот словно шлюз, через который она затягивала сквозь прозрачную соломинку какую-то жидкость. По соломинке поднимался пурпурный поток. Жидкость сладко пахла. Глаза словно копья, вставшие щетиной над крепостным валом. Нос — склон, по которому глаза скатываются вниз свою ненависть. Подбородок: слабый. В таком подбородке нет необходимости Задняя мысль. Что-то осталось от старой конструкции. Можно видеть в этом ребенка. И волосы — искусственно окрашенные в темный тусклокоричневый цвет. Неважно. Глаза, нос, рот были более важны.

Женщина медленно поднялась, нагло, подчеркивая, что даже тем, что заметила присутствие Одрейд, она уже оказала ей честь.

— Великая Достопочтенная Мать согласна принять вас.

Низкий, почти мужской голос. Гордыня вознеслась так высоко, что она демонстрировала ее во всем, что бы ни делала. Плотно спрессована с неподвижной предвзятостью. Она знала так много, что была ходячим образом невежества и страхов. Одрейд видела в ней полное проявление беззащитности Достопочтенных Матерей.

После множества поворотов и коридоров, хорошо освещенных и чистых, они пришли в длинную комнату — солнце льется сквозь ряд окон, туманный военный прибор в одном конце, изображения космических и планетарных карт. Центр паутины Королевы Пауков? Одрейд усомнилась. Устройство слишком очевидно. Нечто предназначено не для Рассеяния, но в цели трудно ошибиться. Поля, которыми управляют люди, имеют физические пределы, а колпак для ментального интерфейса не мог ничем иным, хотя он был овальной формы и особого грязно-желтого цвета.

Она окинула комнату взглядом. Бедно обставлена. Несколько супензорных кресел и маленьких столиков, большое пустое пространство, где (предположительно) могли ожидать распоряжений люди. Никакой суматохи. Предположительно, это был оперативный центр.

«И этим пытаться поразить ведьму!?

Окна на длинной стене открывали вымощенный плитами тротуар и сады за ним. И все это было лишь постановкой пьесы!

?Где Королева Пауков? Где она спит? Как выглядит ее логово??

С тротуара через перекрытую аркой дверь вошли две женщины. Обе были в красном со сверкающими на платьях арабесками и изображениями дракона. Ради эффекта усыпанные камнями Су.

Одрейд молчала, проявляя осторожность, покуда не кончилось представление сопровождающей, которая говорила как можно скрупульзно, и затем спешно ушла.

Без подсказок Мурбеллы та высокая, что стояла рядом с Королевой Пауков, была бы принята Одрейд за начальника. Но ей была та, что ниже. Восхитительно.

«Эта не рвется к власти. Она проползает в щели. Однажды ее Сестры встанут перед свершившимся фактом. Она здесь, прочно устроилась посередине. И кто сможет противиться? Спустя десять минут после того, как покинешь ее, трудно будет вспомнить предмет твоих возражений».

Две женщины рассматривали Одрейд с одинаковой настойчивостью.

«Прекрасно. Сейчас это и нужно».

Вид Королевы Пауков был неожиданным. До этого момента бенегессеритки не имели описания ее внешности. Только временные проекции, воображаемые изображения, построенные на основе отдельной отрывочной информации. И вот, наконец, она здесь. Маленькая женщина, как и ожидалось, красное трико под платьем обтягивало слабые мускулы. Лицо — незапоминающийся овал с вкрадчивыми карими глазами, в которых плясали оранжевые искорки.

«Боится и злится на то, что не может найти точной причины своего страха. Единственная ее мишень — я. Что она думает вытянуть из меня?» Адъютантка была другой — с виду куда более опасной. Золотистые волосы завиты с чрезвычайной тщательностью, нос с легкой горбинкой, тонкие губы, высокие скулы туго обтянуты кожей. И злобный взгляд.

Одрейд снова окинула взглядом черты Королевы Пауков: нос, который бы любой с трудом описал через минуту после того, как расстался с ней. «Прямой? Да, что-то в этом роде».

Брови под цвет соломенно-желтых волос. Когда рот открывался, он был видимым розовым пятном, и почти незаметен, когда закрыт. Это было лицо, на котором вряд ли можно было на чем-либо сконцентрировать взгляд, и потому черты его были как бы смазаны.

— Значит, вы возглавляете Орден Бене Джессерит.

Голос соответственно тихий. Странно склоняемый Галакт, но не жаргон, хотя он и чувствовался за ее словами. Лингвистические штучки. Знания Мурбеллы подчеркивали это.

«У них есть нечто, близкое к Гласу. Не совсем то, что вы дали мне, но есть другое, что они могут делать, словесные выверты такого типа». Словесные выверты.

— Как мне следует обращаться к вам? — спросила Одрейд.

— Я слышала, что вы называете меня Королевой Пауков. — Оранжевые точки злобно запрыгали в ее глазах.

— Здесь центр вашей паутины, и принимая во внимание вашу огромную власть, я опасаюсь прибегать к этому имени.

— Так, значит, вот что вы заметили — мою власть.

Чушь!

Первое, что заметила Одрейд на самом деле, был запах этой женщины. Ее прямо-таки выкупали в каких-то мерзких духах.

«Скрывает свои феромоны??

Знает о том, что бенегессеритки могут судить на основе самых малых ощущенных данных? Возможно. Как раз наверное поэтому она и предпочла эти духи. Гнусная стряпня имела что-то вроде подчеркнутого привкуса экзотических цветов. Что-то из родины?

Королева Пауков коснулась рукой своей незапоминаемой щеки.

— Можете называть меня Дама.

Ее спутница возмутилась:

— Это же первый враг на Миллионе Планет!

«Вот как они представляют Древнюю Империю».

Дама поняла руку, приказывая замолчать. Как небрежно и как разоблачающее. Одрейд увидела

яркое напоминание о Беллонде в глазах адъютантки. Оттуда выглядывала бдительная злоба и выискивала место для удара.

— Большинство обязано обращаться ко мне как к Великой Достопочтенной Матери, — сказала Дама, — я оказываю вам честь. — Она указала на перекрытую аркой дверь у себя за спиной. — Мы выйдем наружу, только вдвоем, покуда будем говорить.

Никакого приглашения — это была команда.

Одрейд остановилась у двери, чтобы посмотреть на вывешенную там карту. Белая на черном, маленькие черточки дорожек и неровные контуры с надписями на Галакте. Это были сады за тротуаром, обозначения насаждений. Одрейд наклонилась поближе, чтобы рассмотреть карту, покуда Дама ждала с изумительным терпением. Да, тайные деревья и кустарники, очень немногие со съедобными плодами. Гордыня обладания, и эта карта была предназначена подчеркнуть ее.

Во дворике Одрейд сказала:

— Я обратила внимание на ваши духи.

Дама вернулась мыслями в воспоминания и ее голос, когда она ответила, носил слабые их отзвуки.

«Цветочный идентификатор для нее — купина. Представьте себе! Но она одновременно и грустит и злится, когда думает об этом. И ей любопытно, почему я придаю этому значение».

— Другими словами, кустарник мог бы и не признать меня, — сказала Дама.

«Интересный выбор наклонения глагола».

Галакт с сильным акцентом было не так трудно понять. Она несознательно приоравливалась к слушателю.

«Хороший слух. Ей хватает нескольких секунд, чтобы понаблюдать, послушать и приспособиться говорить так, чтобы ее понимали. Очень старое искусство, которое быстро воспринимают люди».

По мысли Одрейд, это вело происхождение от защитной окраски.

«Не хочет, чтобы ее принимали за чужака».

Приспособляемость, встроенная в гены. Достопочтенные Матери не утратили ее, но в этом была их уязвимость. Непроизвольные оттенки голоса нельзя было скрыть полностью, а они многое открывали.

Несмотря на свое вульгарное тщеславие. Дама была умна и держала себя в руках. Было приятно прийти к такому мнению. Определенная многоречивость не была необходима.

Одрейд остановилась, когда Дама остановилась в конце дворика. Они стояли почти плечом к плечу, и Одрейд, осматривая сад, была поражена его почти бенеджессеритским видом.

— Начинайте вашу игру, — сказала Дама.

— Какую ценность я представляю, как заложница? — спросила Одрейд.

Оранжевая вспышка в глазах!

— Очевидно, вы уже спрашивали себя об этом, — сказала Одрейд.

— Продолжайте. — Оранжевое сияние угасает.

— У Сестер есть трое, способных меня заменить. — Одрейд посмотрела, как могла пронзительно. — Мы можем ослабить друг друга так, что и мы, и вы погибнем. — Мы могли бы раздавить вас, как насекомое!

«Берегись оранжевого?

Одрейд не остановило предупреждение извне.

— Но рука, что раздавит нас, загноится, и когда-нибудь болезнь пожрет вас.

«Не входя в подробности яснее заявить невозможно».

— Невозможно! — Оранжевый взгляд.

— Неужели вы думаете, что мы не знаем, как вас оттеснили сюда враги? «Мой наиболее опасный

гамбит».

Одрейд увидела, что это возымело действие. Мрачный взгляд не был единственным заметным ответом Дамы. Оранжевое угасло, оставив ее глаза странным спокойным несоответствием на пылающем лице.

Одрейд кивнула, словно Дама ответила.

— Мы могли бы оставить вас беззащитными перед теми, кто напал на вас, теми, кто загнал вас в этот мешок.

— Вы думаете, что мы...

— Мы знаем.

«По крайней мере, я знаю».

Знание вызвало одновременно восторг и страх.

«Что может подавить этих женщин??

— Мы просто собираем силы перед тем...

— Перед тем, как вернуться на арену, где вас, несомненно, сокрушат... где вы не сможете рассчитывать на численный перевес.

Голос Дамы снова заговорил на мягком Галакте, который Одрейд понимала с трудом.

— Значит, они были у вас... и сделали свое предложение. Как же глупо вы поступили, доверившись им...

— Я не сказала, что мы поверили.

— Если бы вернулась Логно... — кивок, обозначавший адъютантку в комнате, — и услышала, в каком тоне вы разговариваете со мной, вы умерли бы скорее, чем я успела бы предупредить вас.

— По счастью, здесь нас только двое.

— Не рассчитывайте, что это поможет вам в дальнейшем.

Одрейд бросила через плечо взгляд на здание. Изменения в планировке Гильдии были очевидны: длинный фасад окон, много редкого дерева и украшенных драгоценными камнями плит.

«Богатство».

Она имела дело с таким богатством, которое трудно представить. Любое из желаний Дамы, из того, что могло ей дать подчиненное общество, не могло быть не исполнено. Кроме свободы вернуться в Рассеяние.

Как цепко держалась Дама за фантазии, что ее ссылка может окончиться? И какая сила заставила такую власть так приблизиться к Древней Империи? Почему здесь? Одрейд не осмеливалась спрашивать.

— Мы продолжим в моих апартаментах, — сказала Дама.

«Наконец в логово Королевы Пауков!?

Апартаменты Дамы были частью головоломки. Богато устланные полы. Она сбросила сандалии и пошла босиком ко входу. Одрейд последовала за ней. «Посмотри на ороговевшую плоть ее ступней! Опасное оружие поддерживается в хорошем состоянии».

Не столько мягкий пол, как сама комната озадачивала Одрейд. Одно маленько окно выходило в тщательно подстриженный ботанический сад. Никаких картин на стенах. Никаких украшений. Вентиляционная решетка отбрасывала полосы тени над дверью, в которую они вошли. Еще одна дверь справа. Еще одна вентиляционная труба. Две серые мягкие кушетки. Два маленьких блестящих черных боковых пульта. Еще один пульт побольше, золотого цвета с зеленым мерцающим индикатором контрольного поля. Одрейд определила гладкий прямоугольный контур как встроенный в золотой пульт проектор.

«Ах, это ее рабочая комната. Разве мы будем работать??

Это место для полнейшей сосредоточенности. Приняты все меры, чтобы устраниТЬ помехи. С какими помехами смирилась бы Дама?

«Где же разубранные комнаты? Ей приходится жить так же, как и окружающим. Не всегда можно поставить ментальный барьер, чтобы воспрепятствовать окружающим тебя вещам, создающим разлад в твоей душе. Если ты хочешь настоящего комфорта, твой дом не должен быть построен так, чтобы раздражать тебя, особенно со стороны случайностей. Она опасается случайной уязвимости. Это действительно опасно, но у нее есть власть, чтобы ответить „Да“.

Это была старинная бенеджессеритская проницательность. Ты смотришь на того, кто может сказать «Да». Никогда не возись с той мелкотой, которая может говорить только «нет». Ты ищешь того, кто может дать согласие, заключить контракт, расплатиться за обещанное. Королева Пауков нечасто говорила «да», но она имела для этого власть и знала это.

«Мне следовало бы понять, когда она отвела меня в сторону. Она дала мне первый знак, когда позволила называть себя Дамой. Не была ли я чересчур опрометчива, когда организовала атаку Тега так, что не смогу ее остановить? Слишком поздно для того, чтобы передумывать. Я знала это, когда дала ему волю.

Но какие еще силы мы можем привлечь??

Одрейд зарегистрировала схему превосходства Дамы.

Слова и жесты почти заставили Королеву Пауков сжаться, обратиться к напряженному вслушиванию в собственное сердцебиение.

«Пьеса должна разыгрываться дальше».

Дама что-то делала на зеленом поле в верхней части пульта. Она сконцентрировалась на этом, не обращая внимания на Одрейд, что было одновременно и оскорблением и комплиментом.

«Ты не вмешаешься, ведьма, потому, что это в твоих же интересах, и ты это знаешь. Кроме того, ты не настолько важная птица, чтобы смутить меня».

Дама казалась возбужденной.

«Оказалось ли нападение на Гамму успешным? Начали ли прибывать беженцы??

Оранжевый пылающий взгляд вонзился в Одрейд.

— Ваш пилот только что уничтожил себя и ваш корабль, вместо того, чтобы сдаться нашей инспекции. Что вы привезли?

— Себя.

— Вы передаете сигналы!

— Которые говорят моим спутникам, жива я или нет. Вы уже знали об этом. Некоторые из ваших предков сжигали корабли перед атакой. Чтобы было некуда отступать.

Одрейд говорила с утонченной осторожностью, приспосабливая тон и скорость речи к ответной реакции Дамы.

— Если мне повезет, вы дадите мне транспорт. Моим пилотом был киборг, и шер не мог защитить его от ваших зондов. Его приказ состоял в том, чтобы убить себя, но не попадать в ваши руки.

— Передав нам координаты вашей планеты, — оранжевый блеск в глазах Дамы угас, но она все еще была взволнована. — Я не думала, что ваши люди до такой степени повинуются вам.

«Как же ты удерживаешь их без сексуальных связей, ведьма? Разве ответ не очевиден? У нас нет секретных средств».

«Теперь осторожнее», — предостерегла себя Одрейд. Методический подход, готовый к новым требованиям. Пусть думает, что мы выбрали один метод ответа и привязаны к нему. Как много она может о нас знать? Она не знает, что даже Матерь Настоятельница может быть только куском мяса, приманкой для того, чтобы получить новую информацию. Дает ли это нам превосходство? Если так, то может ли тот, кто лучше обучен, победить того, кто превосходит в скорости и числе??

У Одрейд не было ответа.

Дама села за золотой пульт, оставив Одрейд стоять. Движения выдавали чувство гнезда. Она не часто покидала это место. Здесь был настоящий центр ее паутины.

Здесь было все, что казалось ей необходимым. Она привела Одрейд в эту комнату, потому, что было бы неудобно быть где-либо еще. Ей было не по себе в других помещениях, возможно, она даже

чувствовала себя под угрозой. Дама не стремилась накликать на себя опасность. Однажды она такое сделала, но это было так давно, это осталось где-то позади. Теперь она хотела только сидеть здесь в безопасности, в хорошо организованном коконе, где она могла манипулировать прочими.

Одрейд поняла, что ее наблюдения прекрасно подтверждают выводы Бене Джесссерит. Сестры знали, как использовать свои рычаги.

— Вам нечего больше сказать? — спросила Дама.

«Тяни время».

Одрейд решилась спросить.

— Мне чрезвычайно любопытно, почему вы согласились на эту встречу?

— Почему это вас интересует?

— Это кажется... таким нехарактерным для вас.

— Что характерно для нас, определять нам! — Очень раздражена.

— Но что вас интересует в нас?

— Вы думаете, что вы нам интересны?

— Вероятно, вы даже находите нас замечательными, потому что мы так смотрим на вас.

На лице Дамы промелькнуло выражение удовольствия.

— Я знала, что вы будете восхищены нами.

— Экзоты интересуются экзотами, — сказала Одрейд.

Это вызвало понимающую улыбку на губах Дамы, улыбку того, чья любимая зверюшка умна. Она встала и подошла к окну. Подозвав к себе Одрейд, Дама показала на насаждения деревьев за первыми цветущими кустами и заговорила с мягким акцентом, который так трудно было разобрать.

Что-то коснулось внутреннего звонка тревоги. Одрейд погрузилась в поток подобий, выискивая источник тревоги. Что-то в комнате Королевы Пауков? Мало что из того, что делала Дама, можно было смоделировать с легкостью. Поскольку все это делалось с расчетом на производимый эффект. Тщательно спланировано.

«А действительно ли она Королева Пауков? Или есть некто, более могущественный, и теперь он следит за нами??

Одрейд проработала эту мысль, быстро сортируя факты. Этот процесс давал больше вопросов, чем ответов, ментальная стенография, близкая к мыслительному процессу Ментатов. Выбирать факты по уместности и накладывать на скрытый (но упорядоченный) фон. Порядок большей частью был результатом человеческой деятельности. Хаос существовал в виде сырья, из которого творится порядок. Таков был подход Ментата, не дающий неизменных истин, но являющийся великолепным рычагом для выбора решений: упорядоченное накапливание данных в не-дискретной системе.

Она пришла к Проектированию.

?Они упиваются хаосом! Предпочитают его! Адреналиновые наркоманки!» Итак, Дама была Дамой, Великой Достопочтенной Матерью. Вечной патронессой. Вечной настоятельницей.

«И нет никого, более могучего, кто бы мог наблюдать за нами. Но Дама верит, что это сделка. Можно подумать, что ей не приходилось делать этого раньше. Вот уж точно!?

Дама коснулась незаметной точки под ОКНАМ, и оно мгновенно почернело, выдавая то, что окно было только проекцией. Открылся выход на балкон, выстланный темно-зеленой плиткой. Оттуда виделись насаждения, весьма отличные от тех, что были на изображении окна. Здесь сохранялся хаос, дикость была предоставлена самой себе, что казалось еще более заметным на фоне регулярных садов вдалеке. Ежевика, упавшие деревья, густой кустарник. И за ними отстоящие друг от друга на равном расстоянии ряды того, что с виду казалось овощами с автоматическими сборщиками урожая, сновавшими туда и сюда, оставляя за собой голую землю.

«Воистину, любовь к хаосу!?

Королева Пауков улыбнулась и первой вышла на балкон.

Выходя, Одрейд еще раз остановилась от того, что она увидела. Украшения парапета слева от нее. Подобные живым фигуры, сделанные из почти прозрачного материала, все пушистые и с искривленной поверхностью. Прищурившись, Одрейд рассмотрела фигуру и увидела, что она была предназначена изображать человека. Мужчину или женщину? Плоскости и изгибы колебались от случайного ветра. Тонкие, почти невидимые проволоки (выглядевшие, как шигавир), на которых она висела, выходили из слегка изогнутой трубы, прикрепленной к полупрозрачному холмику. Нижние конечности фигуры почти касались покрытой галькой поверхности поддерживающей основы.

Одрейд, захваченная зреющим, смотрела.

«Почему это напоминает мне „Пустоту“ Шианы??

Когда ветер закачал фигуру, все творение, казалось, заплясало, временами переходя на изящную походку, затем в медленный пируэт и кружилось вокруг вытянутой ноги.

— Это называется «Балетмейстер», — сказала Дама. — При некоторых направлениях ветра он высоко закидывает ноги. Я видела, как он бежал изящно, как марафонец. Иногда бывают безобразные короткие движения, руки дергаются, словно он держит оружие. Прекрасен и безобразен — все одно. Мне кажется, что художник неправильно назвал его. «Тварь Неведомая» — было бы вернее.

«Прекрасен и безобразен — все одно. Тварь Неведомая.?»

Это было ужасно для творения Шианы. Одрейд ощутила холодный всплеск страха.

— Кто создал ее?

— Понятия не имею. Одна из моих предшественниц забрала ее с разрушенной нами планеты. Почему это вас интересует?

«Это вещь дикая, которой никто не может управлять».

Но она сказала:

— Мне кажется, обе мы ищем основу для взаимопонимания, пытаясь найти сходство между нами.

Это вызвало оранжевую вспышку во взгляде.

— Вы можете попытаться понять нас, но у нас нет нужды понимать вас.

— Обе мы из женских обществ. — Опасно принимать нас за ваше ответвление!

«Но по свидетельству Мурбеллы вы этим и являетесь, мы сформировались во время Рассеяния из Говорящих с Рыбами и Преподобных Матерей в экстремальной ситуации».

Совершенно бесхитростно, никого не одурачивая, Одрейд спросила:

— Почему это опасно?

Смех Дамы не был веселым. Мстительным.

Одрейд быстро снова оценила опасность. Здесь требовалось большее, чем бенеджессеритский подход проб и оценок. Эти женщины привыкли в гневе убивать. Рефлекс. Дама сказала многое, говоря со своей адъютанткой. Теперь Дама показала, что есть предел ее терпимости.

«И все-таки, она по-своему пытается заключить сделку. Она демонстрирует свои механические чудеса, свою власть, свое богатство. Никакого предложения союза. Будьте добровольными служителями, ведьмы, нашими рабами, и мы многое простим. Захватить оставшиеся из Миллиона Планет? Больше, чем это, конечно, но число любопытное.?»

После нового предостережения Одрейд изменила подход. Преподобные Матери слишком легко следуют схеме приоравливания.

«Я, конечно, слишком отлична от тебя, но я не уступлю ради согласия». Так не подобало себя вести с Достопочтенными Матерями. Они не согласились бы ни на одно предложение, которое не могли бы держать под полным контролем. Такова была формулировка превосходства Дамы над ее Сестрами, и потому она позволила Одрейд вести себя столь свободно.

Дама снова заговорила в своей имперской манере.

Одрейд слушала. Как странно, что Королева Пауков считает наиболее привлекательной вещью, которую мог бы дать им Бене Джессерит, иммунность против новых болезней.

«Не этим ли загнали их сюда??

Ее искренность была наивной. Никак не выберешь среди этих утомительных периодов времени для того, чтобы увидеть не приобрел ли ты тайных поселенцев в своем организме. Иногда это не тайна. Иногда опасность явная. Но Бене Джессерит может покончить с этим и будет достаточно награжден.

«Как приятно».

По-прежнему каждое слово звучало мстительно. Одрейд поймала себя на мысли: мстительно? Это не передает истинного ощущения. Что-то лежало более глубоко.

«Несознательная зависть к тому, что ты потеряла, когда откололась от нас??

Это была иная схема, и она была стилизована?

Достопочтенные Матери впали в повторяющийся маньеризм.

«А мы расстались с маньеризмом давным-давно».

Это было больше, чем отказ признать происхождение от Бене Джессерит. Это было избавление от мусора.

«Сбрасывай карты, когда утрачиваешь к ним интерес.

Мелкота подберет мусор. Она больше занята тем, что ей еще хочется сожрать, нежели тем, что гадит в своем гнезде».

Порочность Достопочтенных Матерей была куда глубже, чем ожидалось. Куда более смертоносна для них самих и всего, что они контролировали. И они не могли столкнуться с ней, поскольку для них ее не существовало. «Никогда не существовало».

Дама оставалась недоступным парадоксом. В ее мозгу не возникало ни единой мысли о союзе. Она, казалось, подбирается к этому, но лишь для того, чтобы прощупать врага.

«Я была, в конце концов, права, выпустив Тега».

Логно вышла из рабочей комнаты с подносом, на котором стояли два спиральных стакана, почти до краев наполненных золотистой жидкостью. Дама взяла один, понюхала и отпила с выражением удовольствия на лице.

«Что за мстительный блеск в глазах Логно??

— Попробуйте это вино, — сказала Дама, делая знак Одрейд. — Оно с планеты, о которой, я уверена, вы никогда не слышали, но на ней мы сосредоточили необходимые условия для выращивания совершенного золотистого винограда для совершенного золотистого вина.

Одрейд была очарована длинным сосуществованием человечества с их драгоценным древним напитком. Бог Бахус. Ягоды, бродящие прямо на кусту или в родовых погребах.

— Оно не отравлено, — сказала Дама, когда Одрейд замешкалась. -Уверяю вас. Мы убиваем, когда это в наших интересах, но мы не грубы. Мы оставляем наиболее вульгарные пределы для масс. Я не принимаю вас за одну из толпы.

Дама захихикала от собственного остроумия. Нарочитое дружелюбие было почти грубым.

Одрейд взяла предложенный стакан и отпила.

— Такие вещи кто-то изобретает, чтобы доставить нам удовольствие, сказала Дама, не отрывая взгляда от Одрейд.

Одного глотка было достаточно. Одрейд ощутила незнакомое вещество и за несколько биений сердца поняла его назначение.

«Чтобы свести на нет мою шер-защиту против их зондов».

Она приспособила свой метаболизм к тому, чтобы обезвредить вещество, затем объявила о том, что она сделала.

Дама уставилась на Логно.

— Так вот почему ни одна из этих штучек не действует на ведьм! А ты и не подозревала никогда!

— Это одна из иммунных систем, с помощью которых мы боремся с болезнями, — сказала Одрейд.

Дама швырнула стакан на плитки. Некоторое время ей пришлось восстанавливать свою повадку. Логно медленно удалилась, держа поднос почти как щит.

«Значит, Дама не только пробралась к власти. Ее Сестры считают ее смертельно опасной. Таковой следует и мне считать ее».

— Кто-то заплатит за эти усилия впустую, — сказала Дама. Ее улыбка не была приятной.

«Кто-то.

Кто-то сделал вино. Кто-то сделал танцовщую фигуру. Кто-то заплатит. Конкретность никогда не имела значения, только удовольствие от необходимости воздаяния. Раболепство.?

— Не прерывайте моих размышлений, — сказала Дама. Она подошла к парапету и уставилась на Тварь Неведомую, очевидно восстанавливая свое состояние заключения сделки.

Одрейд отдала свое внимание Логно. Что означает эта продолжающаяся бдительность, хищное внимание, сосредоточенное на Dame? Это больше не простой страх. Логно внезапно показалась чрезвычайно опасной.

«Яд!?

Одрейд поняла это также ясно, как если бы адъютантка выкрикнула это. «Не я цель Логно. Пока нет. Она просто воспользовалась возможностью претендовать на власть».

Не было нужны смотреть на Даму. Момент смерти Королевы Пауков отразился на лице Логно. Повернувшись, Одрейд убедилась в этом. Дама лежала кучей под Тварью Неведомой.

— Меня вы будете называть Великой Достопочтенной Матерью, — сказала Логно. — И вы поймете, что должны благодарить меня за это. Она (указывая на груду в углу балкона) намеревалась предать вас и вырезать ваших людей. У меня другие планы. Я не уничтожаю полезное оружие в час нашей острой необходимости в нем.

Глава 41

Сражение? Всегда есть желание жизненного пространства, которое где-нибудь да вызывает сражение.

Башар Тег

Мурбелла наблюдала за сражением за Узловую с бесстрастностью, которая не соответствовала ее чувствам. Она стояла в кругу Поверенных в командном центре своего нуль-корабля, и внимание ее было приковано к проекциям сводок наземных ком-камер.

Вокруг всей Узловой шла схватка — вспышки света наочной стороне, серые взрывы на дневной. Основной удар, направляемый Тегом, приходился на «Цитадель» — огромный курган Гильдии с новой башней близ его окружности. Хотя передачи жизненных сигналов Одрейд резко оборвались, ее ранние донесения подтверждали, что Великая Достопочтенная Мать находится здесь, внутри.

Необходимость следить издали помогала Мурбелле сохранять невозмутимость, но она ощущала возбуждение.

«Интересные времена!?

Этот корабль нес драгоценный груз. Миллионы с Лампад были Объединены и подготовлены к Рассеянию в свите, обычно оставляемой Матери Настоятельнице. Дикая Сестра с ее грузом Памяти здесь была прежде всего. «Золотое Яйцо, вот уж точной.

Мурбелла подумала о тех, кто рисковал жизнью из-за пребывания в этой свите. Готовились к худшему. В добровольцах не было недостатка, и угроза конфликта на Узловой свела к минимуму необходимость в спайсе, чтобы запустить Объединение, снизив опасность. Любой на корабле мог ощущать игру Одрейд — все или ничего. Близкая угроза гибели была осознанной. Необходимо Единение!

Превращение Преподобной Матери в набор Воспоминаний, передававшихся от Сестры к Сестре дорогой ценой более не носило для нее оттенка чуда, но Мурбелле по-прежнему внушала благоговейный страх ответственность. Отвага Ребекки — и Луциллы!.. заслуживала восхищения.

«Миллионы Живой Памяти! И все собрано в том, что Сестры зовут Экстремис Прогрессива, дважды два, затем четырежды четыре и шестнадцатью шестнадцать, покуда каждый не будет обладать ими всеми, и выживший сможет сохранить драгоценное собрание».

То, что они делали в свите Преподобной Матери, имело похожий оттенок. Эта идея больше не страшила Мурбеллу, но все равно она не была обычной. Слова Одрейд успокаивали ее.

«Однажды ты окончательно привыкнешь к узам Иной Памяти, все прочее станет совершенно обычной перспективой, словно ты всегда ее знала». Мурбелла осознала, что Тег был готов умереть, защищая это умножившееся знание, что было Сестринством Бене Джесссерит.

«Могу ли я сделать меньше??

Тег, больше не бывший абсолютной загадкой, оставался объектом почитания. Одрейд Внутри усилило это напоминание о его успехах, затем: «Любопытно, как я справляюсь с этим? Спроси».

Ком-команда ответила:

— Ни слова. Но ее передачи могут быть заблокированы энергетическими экранами.

Они знали, кто в действительности задал этот вопрос. Это было написано на их лицах.

«Она захватила Одрейд!?

Мурбелла снова сосредоточилась на сражении у Цитадели.

Мурбеллу удивила ее собственная реакция. Все окрасилось историческим отвращением к повторяющейся нелепости войны, но все же ее яркий дух кипел в новоприобретенных способностях Бене Джесссерит.

Силы Достопочтенных Матерей здесь, внизу, имели хорошее оружие, отметила она, и теплопоглотители Тега понесли потери, но даже пока она наблюдала, оборонительный периметр сократился. Она могла слышать вой, когда огромный, сконструированный Айдахо разрушитель прошел скачками по проходу между высокими деревьями, сбивая защитников налево и направо.

Иная Память дала ей точное сравнение. Это было, как в цирке. Причаливали корабли, извергая свое

человеческое содержимое.

«В центральный круг! Там Королева Пауков Деяния, никогда прежде не виданные глазами человеческими! ».

От личности Одрейд исходило ощущение веселья. «Как насчет закрытости Сестринства?

Ты погибла здесь, внизу, Дар? Ты должна была. Королева Пауков обвинит тебя и разъярится».

Она увидела, что деревья отбрасывают длинные полуденные тени поперек дефиля атаки Тега. Приглашающий ковер Он приказал своим людям обойти. Не следовать по открытым улицам Искать трудные пути подхода и следовать по ним.

Цитадель лежала в гигантском ботаническом саду. Странные деревья и еще более странные кустарники мешались с обычными растениями, все было рассажено вокруг, словно разбросано танцующим ребенком.

Мурбелла нашла метафору цирка привлекательной. Это давало перспективу всему, что она видела.

В ее голове прозвучало сообщение.

«За ним танцующие животные, защитники Королевы Пауков, обязанные повиноваться. А в первом круге главное событие, за ходом которого наблюдает наш Создатель Колец, Майлз Тег! Его люди совершают невероятные вещи. Вот талантище!?

Все имело привкус постановочных боев в римском цирке. Мурбелла оценила аллюзию. Это сделало наблюдение более богатым.

«Приближаются боевые башни, набитые солдатами. Они ввязываются в бой. Пламя лижет небо. Падают тела».

Но здесь были настоящие тела, настоящая боль, настоящая смерть. Чувства бенегессеритки заставили ее сожалеть о потерях.

«Значит, так мои родители попали под чистку??

Сравнения Иной Памяти ушли. Теперь она видела Узловую так же, как, знала она, видит ее Тег. Кровавая жестокость, знакомая по памяти, и все же в новинку. Она видела, как атакующие наступают, слышала их.

Женский голос:

— Этот куст кричит на меня!

Другой голос, мужской:

— Нигде не говорится о том, где их вывели. Эта липкая дрянь жжет твою кожу.

Мурбелла слышала сражение на дальней стороне Цитадели, но оно становилось неестественно тихим вокруг позиции Тега. Она видела, как его войска летят сквозь тень, устремляясь к башне. Там был Тег на плечах Стрэгги. Он улучил момент посмотреть на фасад, находящийся перед ним, затем чуть не бросился назад. Она выбрала проекцию, что показывала то, на что он смотрел. Движение за окнами.

Где же это чудесное оружие последнего удара, которым, как предполагалось, владеют Достопочтенные Матери?

«Что он сделает сейчас??

Тег потерял свой Командный Кокон из-за лазерного удара извне основного района действий. Кокон лежал на боку позади него, а он сидел, выпрямившись, на плечах Стрэгги среди закрывавших его кустов, некоторые из них еще дымились. Он потерял свой пульт управления вместе с коконом, но серебристая подковка связи на его плечах все еще оставалась, хотя без усилителей пульта она пришла в негодность. Поблизости в страхе прижались к земле специалисты по связи, в панике от того, что потеряли тесную связь с действием.

Сражение позади зданий становилось громче. Он слышал резкие выкрики, высокий свист сжигателей и низкое гудение лазерных пушек, вперемежку с жестким свистом пуль ручного оружия. Где-то в стороне, слева, слышался тяжелый грохот, который он узнал — тяжелые орудия в затруднении. Скребущий звук агонии металла. Энергетическая система была под угрозой. Она тащилась по земле, возможно, создавая кутерьму в садах.

Хэкер, личный адъютант Тега, появился позади Башара, зигзагом пересекая переулок. Стрегги заметила его первой и повернулась без предупреждения, заставив Тега посмотреть на него. Хэкер, смуглый и мускулистый, с нависшими бровями (сейчас мокрыми от пота), остановился прямо перед Тегом и заговорил прежде, чем успел перевести дух:

— Мы заткнули последние дырки, Башар.

Хэкер повысил голос, чтобы перекрыть грохот боя и пронзительное жужжание передатчика за его левым плечом, из которого слышались тихие переговоры, боевые отрывистые приказы.

— Дальний периметр? — потребовал Тег. — Очистим через полчаса, не больше. Вам следует уйти отсюда, Башар. Мать Настоятельница предупреждала нас, чтобы мы оберегали вас от ненужной опасности.

Тег показал на свой бесполезный пульт.

— Почему у меня нет запасного Командного кокона?

— Большой лазер сжег оба запасных одним выстрелом, когда они вышли.

— Вместе?

Хэкер почуял гнев. — Сэр, они были...

— Ни одно важное оборудование нельзя высыпать вместе. Я хочу знать, кто ослушался приказа. — Спокойный голос незрелых голосовых связок был куда более злобен, чем крик.

— Да, Башар. — Четкое подчинение и никакого намека, что это была ошибка самого Хэкера.

«Черт!?

— Как скоро прибудет замена?

— Через пять минут.

— Доставьте резервный кокон скоро, как можете. — Тег коснулся шеи Стрегги коленом.

Прежде чем уйти, Хэкер заговорил.

— Башар, они тоже получили подкрепление. Мне приказали другое.

Тег подавил вздох. Такое случалось в битвах, но он не любил зависеть от примитивных коммуникаторов. — Мы закрепимся здесь. Достань еще переговорных устройств. — У них, по крайней мере, есть диапазон действия.

Хэкер окинул взглядом зелень вокруг них.

— Здесь?

— Мне не нравится вид этих зданий впереди. Эта башня господствует над районом. И у них наверняка есть подземные подходы. Я бы устроил их.

— Здесь ничего...

— План в моей памяти не содержит этой башни. Доставь сюда акустические зонды, чтобы проверить почву. Я хочу, чтобы наш план был приведен в соответствие с моментом с помощью точной информации. Переговорник Хэкера взорвался громким криком:

— Башар! Башар здесь?

Стрегги подошла к Хэкеру, не дожидаясь приказа. Тег взял переговорник, который высвистнул свой код, когда Тег схватил его.

— Башар, беспорядки на Посадочной площадке. Около сотни их попытались взлететь и врезались в экран. Выживших нет.

— Какие-нибудь известия о Матери Настоятельнице или Королеве Пауков? — Отрицательные. Мы не можем сказать. Я имею в виду, это настоящая заваруха. Показать на экране?

— Пошлите мне донесение. И продолжайте искать Одрейд!

— Я говорю вам, что живых не осталось, Башар. — Затем щелканье и другой голос:

— Донесение.

Тег поднял к подбородку голосовой передатчик и пролаял отрывистый приказ:

— Опустите над Цитаделью ударный корабль. Сцену на Посадочной Площадке и прочие их потери передайте открытым кодом. По всем отрядам. Удостоверьтесь, что они могут это видеть. Объявите, что на Посадочной Площадке никто не выжил.

Двойное щелканье приема-связи оборвало переговоры.

Хэкер сказал:

— Вы действительно думаете, что мы можем устрашить их?

— Преподать им урок, — он повторил прощальные слова Одрейд. — Они прискорбно забыли об образовании.

Что случилось с Одрейд? Он был уверен, что она погибла, возможно, при первых же потерях здесь. Она ожидала этого. Погибла, но не потеряна, если Мурбелла сможет обузданить свою порывистость.

Одрейд в этот момент смотрела прямо на Тега из башни. Логно заглушила ее жизненный сигнал передачами противосигнального экрана и перевела ее в башню сразу после прибытия первых беженцев с Гамму. Никто не сомневался в превосходстве Логно. Мертвая Достопочтенная Мать и другая — живая — было лишь знакомым обыкновением.

Ожидая быть убитой в любой момент, Одрейд все же собирала данные, даже вступая в нуль-трубу вместе с охранниками. Труба была сохранившимся со времен Рассеяния сооружением, прозрачным поршнем в прозрачном цилиндре. Они миновали несколько препятствующих стен на этажах. В основном виды жилых районов и эзотерических металлических сооружений, которые, как Одрад догадывалась, имели военное назначение. Пышные свидетельства комфорта и покоя становились все явственно по мере подъема.

«Власть ползет вверх физически и физиологически».

Вот они и наверху. Секция цилиндра открылась наружу, и охранники грубо выпихнули ее на покрытый толстым ковром пол.

«Рабочая комната, которую Дама показала мне внизу, была иной постановкой пьесы».

Одрейд ощутила секретность. Оборудование и обстановка здесь были бы почти неузнаваемыми, не будь их в знаниях Мурбеллы. Значит, прочие центры действия были только для показухи. Потемкинские деревни для Преподобной Матери.

«Логно врала насчет намерений Дамы. Меня должны были отпустить невредимой... поскольку я не несла полезной информации?

Какую еще ложь продемонстрируют ей?

Логно и прочие, кроме одной охранницы, прошли к консоли справа от Одрейд. Повернувшись на одной ноге, Одрейд осмотрелась. Здесь был настоящий центр. Она внимательно рассматривала его. Странное место. Аура санитарии. Обработана химикиями для очистки. Никаких заразных бактерий или вирусов. Никаких чужаков в крови. Все дезинфицировано, словно как на витрине с редкостными яствами. А Дама проявляла интерес к бенеджессеритской иммунности к болезням. Во времена Рассеяния велась бактериологическая война.

«Им только одно от нас нужно!?

И одна-единственная выжившая Преподобная Матерь могла бы удовлетворить их интерес, если бы им удалось вырвать у нее информацию. Полный штат Бене Джессерит должен исследовать нити этой паутины и посмотреть, куда они ведут.

«Если мы победим».

Операционный пульт, на котором сосредоточилась Логно, был меньше, чем витринные. Этот был для работы пальцами. Колпак на низком столике рядом с Логно был небольшим и прозрачным, зонды свисали с него, как нити медузы. «Шагавир для уверенности».

Колпак демонстрировал близкое родство с Т-зондом времен Рассеяния, как и описывали Тег и прочие. Есть ли у этих женщин еще какие-нибудь чудеса технологии? Должны быть.

За спиной Логно мерцала стена, окна слева от нее выходили на балкон, отсюда издалека была видна Узловая и передвижение войск и орудий. Она издали узнала Тега, фигурку на плечах взрослого, но

не подала знака, что видит нечто выдающееся. Она продолжала свое медленное исследование. Дверь в проход с другой нуль-трубой виднелась сразу слева от нее. На полу здесь была более зеленая плитка. Различные функции в одном пространстве. Внезапный взрыв шума прорвался из-за стен. По плитке определенно шагали солдаты. Шелест экзотической ткани, голоса. Она расслышала голоса Достопочтенных Матерей, кому-то ошарашено отвечавших.

«Мы побеждаем?

Шок ожидался, когда непобедимость была сокрушена. Она рассматривала Логно. Погрузится ли она в отчаянье?

«Если так, то я, может, и выживу».

Роль Мурбеллы должна была измениться. Ладно, с этим можно и подождать. Сестер проинструктировали, что надо делать в случае победы. Никто из атакующих не должен был коснуться Достопочтенных Матерей — с целью плотской утехи или еще для чего-либо. Дункан подготовил людей, ясно растолковав им опасность попасться на эротическую наживку.

?Не рискуйте попасть в рабство. Не вызывайте нового антагонизма». Новая Королева Пауков показалась сейчас чем-то более чужим, чем подозревала Одрейд. Логно оставила пульт и шагнула к Одрейд.

— Вы выиграли это сражение. Мы ваши пленники.

В глазах ее не было оранжевого блеска. Одрейд бросила взгляд на женщин, что были ее стражами. Пустые лица, чистые глаза. Значит, так они выражают отчаяние? Это не казалось правильным. Логно и прочие не показали ожидавшегося эмоционального ответа.

«Все под маской??

События прошедших часов должны вызвать у нее эмоциональный кризис. Но Логно не показала никакого признака его. Ни подрагивания нерва или мускула. Возможно, случайное огорчение от того, что все кончено. «Бенегессеритская маска!?

Это должно было быть бессознательным, чем-то автоматическим, включенным осознанием поражения. Значит, они на самом деле поражения не признавали.

«Мы по-прежнему здесь, в них. Тайно... но в них! Неудивительно, что Мурбелла чуть не умерла. Она боролась со своим собственным генетическим прошлым как, с запретом свыше».

— Мои спутницы, — спросила Одрейд. — Три женщины, что приехали со мной. Где они?

— Мертвые. — Голос Логно был столь же мертвым, как и это слово.

Одрейд подавила укол совести за Суйпол. Там и Дортуйла прожили жизни долгие и полезные, но Суйпол... умерла, и никогда не будет в Единении. «Еще один хороший человек погиб. Разве это не горький урок!?

— Я найду виновных, если вы желаете мести, — сказала Логно. «Второй урок».

— Месть для детей и эмоционально заторможенных.

Глаза Логно вновь чуть вспыхнули оранжевым.

Человеческая мания величия принимает разные формы, напомнила себе Одрейд. Остерегаясь того, что это Рассеяние могло породить неожиданное, она вооружилась соответственно защитной отстраненностью, что могло дать ей простор в оценке новых мест, вещей и людей. Она знала, что ей придется расставить многое по разным категориям — то, что может ей послужить или отвести угрозу. Поведение Логно она определила как угрозу.

— Вы не кажетесь взволнованной. Великая Достопочтенная Мать.

— За меня отомстят другие. — Прямо, с чувством самообладания.

Слова казались еще более странными, чем ее спокойствие. Она скрывала все чувства под этим густым покровом, кусочки и отрывки их проявлялись в отрывистых движениях, вызванных наблюдениями Одрейд. Глубокие и сильные, но затаенные. Все было внутри себя, замаскированное таким же образом, как это сделала бы Преподобная Мать. Казалось, у Логно больше не осталось никакой власти, и, тем не менее, она говорила так, словно ничего существенно не изменилось.

«Я ваша пленница, но это ничего не меняет».

Была ли она на самом деле бессильна? Нет! Но это было то впечатление, которое она хотела создать, и стоявшие вокруг нее Достопочтенные Матери отражали то же выражение.

«Видишь нас? Мы бессильны, если исключить верность нам наших Сестер и последователей».

Были ли Достопочтенные Матери так уверены в своих мстительных легионах? Возможно, только если они никогда не испытывали раньше таких поражений. И все же что-то оттеснило их в рамки Древней Империи. Миллиона Планет.

Тег нашел Одрейд и ее пленниц, когда подыскивал место для того, чтобы оценить победу. Сражение всегда требует последующего аналитического рассмотрения, особенно для командующего-Ментата. Это был сравнительный тест, которого это сражение требовало от него более, нежели какое-либо другое из проведенных им. Это столкновение нельзя откладывать в память, покуда он не оценит его и не поделится опытом насколько это возможно с теми, кто зависел от него. Это была неизменная схема, и Тегу было все равно, как в этой схеме будет выглядеть он. Разорви связь взаимного интереса, и ты обречешь себя на поражение.

«Мне нужно тихое местечко для того, чтобы собрать воедино нити этого сражения и сделать предварительное обобщение».

По его оценке, наиболее трудной задачей сражения было вести его так, чтобы не выпускать наружу человеческое озерение. Бенеджессеритское изречение. Сражение должно вести так, чтобы вызвать лучшее в том, кто выжил. Наиболее трудно и иногда полностью невозможно. Это была причина, по которой Тег всегда пытался приблизиться к театру военных действий и исследовать его лично. Если ты не видишь страданий, ты легко можешь причинить еще большие без всякой задней мысли. Такова была схема Достопочтенных Матерей. Но их страдания были причинены дома. Что они могут поделать с этим?

Этот вопрос был у него в голове, когда он и его адъютанты вышли из трубы и увидели Одрейд, стоявшую перед группой Достопочтенных Матерей.

— Это наш командир, Башар Майлз Тег, — сказала, показав, Одрейд. Достопочтенные Матери уставились на Тега.

«Ребенок на плечах взрослого? И это их командир??

— Гхола, — пробормотала Логно.

Одрейд заговорила с Хэкером.

— Уведите этих пленников куда-нибудь, где они могли бы чувствовать себя удобно.

Хэкер не двинулся с места, покуда Тег не кивнул ему, затем вежливо показал пленникам, что они должны пойти впереди него в выложенный плитками угол. Власть Тега не ускользнула от глаз Достопочтенных Матерей, и они гневно взирали на него, подчинившись приглашению Хэкера.

«Мужчина, повелевающий женщинами!?

Тег коснулся коленом шеи Стрэгги, и вместе с Одрейд вышел на балкон. Странно было видеть, как он какое-то мгновение узнавал сцену. Он много сражений видел с высоких точек, большей частью с разведывательного вертолета. Этот же балкон был зафиксирован в пространстве, давая ему ощущение сиюминутности. Они стояли метрах в ста над ботаническими садами, где были самые яростные схватки. Множество тел лежали, распростервшись в последнем отступлении, — куклы, разбросанные уже ушедшими детьми. Он узнавал форму некоторых своих подразделений, ощущая вину.

«Мог ли я сделать что-нибудь, чтобы предотвратить это??

Такое чувство он испытывал много раз и называл его «Командной Виной». Но это зрелище было другим, лишенным той однообразности, что была присуща всем сражениям, оно чем-то раздражало его. Он решил, что это было отчасти из-за ландшафта, места, более пригодного для вечеринок в садах, ныне развороченных по древней жестокой схеме.

Мелкие животные и птицы вернулись украдкой, в тревоге после того, как эти шумные люди перевернули все вверх дном. Маленькие пушистые твари с длинными хвостами фыркали на раненых и спешно удирали на ближайшие деревья без видимой причины. Разноцветные птицы всматривались сквозь заслоняющие вид листья или летали поперек картины — размытые разноцветные полоски, что становились маскировкой, когда они быстро ныряли в листья. Оперенный акцент зрелища, пытающийся восстановить то беспокойство, что наблюдающие люди ошибочно принимали за мир в такого рода постановках. Тег прекрасно это понимал. В его жизни до состояния гхолы, он вырос среди дикой природы. Жизнь на ферме рядом с разве что не дикими

животными. Спокойной жизни там не было.

Из наблюдений он понял, что так тревожило его.

Принимая во внимание факт, что они взяли штурмом хорошо укомплектованное войсками оборонительное укрепление, занятое защитниками с тяжелым вооружением, количество раненых и убитых внизу было чрезвычайно мало. Он ничего не видел такого, что могло бы объяснить это с момента вступления в Цитадель. Где они потеряли равновесие? Их потери в космосе одно, его способность видеть корабли защитников могла исчезнуть снова, и тогда атака обошлась бы куда дороже. Падение защиты Достопочтенных Матерей было резким и необъяснимым.

?Я ошибался, решив, что на них подействует демонстрация их потерь».

Он бросил взгляд на Одрейд.

— Если эта Великая Достопочтенная Мать здесь, то отдала ли она команду прекратить сопротивление?

— Это я беру на себя.

Предостерегающий и типичный ответ бенегессеритки. Она тоже тщательно рассматривала зрелище. Было ли ее принятие обязанностей на себя объяснением внезапности, с которой защитники бросали свое оружие?

?Зачем им это делать?» Чтобы предотвратить большее кровопролитие??

Видя черствость, которую обычно выказывали Достопочтенные Матери, он сомневался в этом. Решение было сделано по причинам, беспокоившим его. «Ловушка??

Сейчас, когда он подумал об этом, в зрелище появилась новая странность. Не было обычных призовов раненых, не было обычной суеты с криками о том, чтобы принесли носилки или медикаменты. Он видел, как Сьюк ходили между телами. Это, по крайней мере, было обычным, но каждая фигура, которую они осматривали, оставалась лежать там, где лежала.

«Все мертвы? Нет раненых??

Он ощутил хватку страха. Страх в сражении дело обычное, но он умел узнавать его. Нечто глубоко неправильное. Шумы, все, что он видел, запахи приобрели новую окраску. Он ощущал себя натянутым до предела, как хищный зверь в джунглях, знающий свою территорию, но сознающий нечто, вторгшееся к нему, которое можно распознать, только став добычей, а не охотником. Он отмечал окружающее на другом уровне сознания, разбираясь также и в себе, выискивая тревожные признаки, что вызвали у него такую реакцию. Стрегги дрожала под ним. Значит, и она чувствовала его утомление.

— Здесь что-то не совсем так, — сказала Одрейд.

Он протянул к ней руку, требуя молчания. Даже в этой башне, окруженной победившими войсками, он чувствовал себя в опасности, которую его возмущенные чувства не могли обнаружить.

«Опасность!?

Он был в этом уверен. Неизвестное выбивало его из колеи. Удержать себя от нервного срыва требовало всего его умения до последней капли.

Он легким толчком заставил Стрегги повернуться, выкрикнул приказ адъютанту, стоявшему в дверях балкона. Адъютант спокойно выслушал и бегом отправился выполнять. Они должны получить сводку о потерях! Сколько раненых относительно убитых? Отчет о захваченном оружии. Срочно!

Когда он вновь вернулся к наблюдениям, он обнаружил еще один тревожный фактор, основную странность, которую пытались донести до него глаза. Очень мало крови на павших в форме Бене Джессерит. Ты ожидаешь, что у павших в бою будут последние свидетельства того, что они просто люди алые потоки крови, темнеющие на воздухе, но всегда оставляющие неизгладимый след в памяти тех, кто это видел. Отсутствие кровавой резни было вещью неизвестной, и в военном деле неизвестное, судя по истории, таило чрезвычайную опасность.

Он тихо сказал Одрейд:

— У них есть оружие, о котором мы не знаем.

Глава 42

Не торопись высказывать свои суждения. Скрытое суждение часто более сильно. Оно может направлять реакции, чей эффект скажется только тогда, когда будет слишком поздно для того, чтобы избежать его.

Совет Бене Джессерит Кандидатам

Шиана учудила червей издали — коричный привкус меланжа, смешанный с твердым кремнем и серой, сохраненная в кристалле преисподня огромных Ракианских пескоедов. Она почувствовала маленьких нападающих только потому, что они были в таком количестве.

«Они так малы».

На Пустынной Вышке было сегодня жарко, и сейчас, далеко за полдень, она была рада искусственно охлажденному помещению. В ее старом жилище было сносное тепловое регулирование, хотя окно, выходящее к западу, оставалось открытым. Шиана подошла к нему и уставилась на пылающий песок.

Память сказала ей, что это преимущество будет вечером — яркий свет звезд в сухом воздухе, слабое свечение песчаных волн, что уходили к мрачно выгнутому горизонту. Она помнила Ракианские луны и тосковала по ним. Только звезд было не достаточно ее Фременским корням.

Она подумала об этом, как об отступлении, о месте и времени, где можно будет поразмышлять о том, что случилось с ее Сестрами.

«Автоклавы, киборги, а теперь еще это».

План Одрейд не казался чудом с тех пор, как они вступили в Единение. Игра? А если он удастся?

«Мы, возможно, узнаем завтра, и чем мы тогда станем??

Пустынная Вышка притягивала ее, больше чем место для рассматривания последствий. Сегодня она бродила под иссушающим солнцем, доказывая себе, что все еще может призывать своим танцем червей, выражая чувства действием.

«Танец Примириения. Язык моего общения с червями».

Она кружилась, словно дервиш, на дюне, покуда голод не прервал ее транса памяти. И маленькие черви — повсюду бдительно, неотрывно смотрели на нее, напоминая огни в тисках кристаллических клыков. «Но почему такие маленькие??

Слова исследователей объясняли это, но не давали удовлетворения.

«Это из-за сырости».

Шиана вспомнила гигантских Шай-хулуд с Дюны, «Стариков Пустыни», достаточно больших для того, чтобы пожрать фабрики спайса, поверхность их колец была жесткой, как пластик. Хозяева в своем собственном владении. Боги и дьяволы песков. Она ощутила электрическое напряжение из окна своего наблюдательного пункта.

?Почему Тиран выбрал симбиотическое существование в виде червя??

Неужели эти маленькие черви несут его бесконечный сон?

Эту пустыню населяла песчаная форель. Если влезть в их шкуру, она сможет последовать путем Тирана.

«Метаморфоза. Разделенный бог».

Она знала этот соблазн.

«Осмелюсь ли я??

Воспоминания о последнем моменте ее невежества нахлынули на нее едва ли восемь месяцев минуло, месяц Игат Дюны.

«Не Ракис. Дюна, как называли ее мои предки».

Нетрудно вспомнить себя, какой она была — тонкое, темнокожее дитя с прядями каштановых волос. Охотница за меланжем (поскольку это было дело детей), бегущая в открытую пустыню вместе с друзьями детства. Как дорого было это воспоминание.

Но у памяти была темная сторона. Внимательно принюхавшись, девочка почуяла резкий запах — скопление пре-спайса!

«Удар!?

Взрыв меланжа выпустил на волю Шайтана. Ни один песчаный червь не мог выдержать удара спайса на своей территории.

«Ты пожрал все, Тиран, все это жалкое скопище лачуг и шалашей, которое мы называли домом, и всех моих друзей и семью. Почему ты пощадил меня??

Какая ярость сотрясала это хрупкое дитя! Все, что она любила, забрал огромный червь, который отверг ее попытки пожертвовать собой в его пламени и отнес ее в руки Ракианских священников, потом Бене Джесссерит.

«Она говорит с червями, и они щадят ее».

— Тех, кто щадит меня, не щажу я, — так она сказала Одрейд.

«И теперь Одрейд знает, что я должна сделать. Ты не можешь подавить дикие инстинкты. Дар. Я осмеливаюсь называть тебя Дар теперь, когда ты во мне».

Никакого ответа.

Была ли жемчужина нового сознания Лето-II в каждом из новых песчаных червей? Ее Фременскис предки настаивали на этом.

Кто-то протянул ей сандвич. Уолли, старшая послушница, ассистент, принимавшая команды на Пустынной Вышке.

«По моему настоянию, когда Одрейд возвысили меня до члена Совета. Но не потому, что Уолли переняла мою невосприимчивость к сексуальным обязательствам Достопочтенной Матери. И не потому, что она чувствует то, что мне нужно. Мы говорим на тайном языке, Уолли и я».

Огромные глаза Уолли больше не были дверями ее души. Они были пленочными барьераами, явно показывавшими, что она знает, как блокировать зондирующие взгляды — легкая голубая пигментация, которая вскоре станет полной голубизной, если она переживет Страсти. Почти альбинос с сомнительной генетической линией для воспроизведения. Кожа Уолли усиливала суждение Шианы — бледная и веснушчатая. Кожа — прозрачный покров. Видна не сама кожа, а то, что под ней — розовая, полная крови плоть, беззащитная перед пустынным солнцем. Только здесь, в тени, могла Уолли выставлять эту чувствительную поверхность под взгляд полных сомнения глаз.

«Почему эта команда нами??

«Потому, что я верю, что она лучше всего сделает то, что должно быть сделано».

Шиана рассеянно ела сандвич, вновь устремив взгляд на пески. Вся планета однажды станет такой. Вторая Дюна? Нет... похожая, но другая. Сколько таких мест мы создали в бесконечной вселенной? Бессмысленный вопрос.

По капризу пустыни вдали возникла маленькая черная точка. Шиана сощурилась. Орнитоптер. Он медленно становился больше, потом меньше. Инспектирует.

«Что же на самом деле мы создали здесь??

Когда она посмотрела на наступающие пески, она ощущала спесь.

«Взгляни на мою работу, жалкий человек, и отчайся».

«Но это сделали мы, мои Сестры, и я».

«Ты??

— Я ощущаю новую сухость в воздухе, — сказала Уолли.

Шиана согласилась. Нет нужды говорить. Она подошла к огромному рабочему столу, покуда еще был свет дня для того, чтобы изучить топографическую карту, разложенную на нем — в нее были воткнуты маленькие флагшки, зеленые ниточки на булавках, как раз такие, как она придумала. Одрейд однажды спросила:

— Неужели это в самом деле лучше проекции?

— Мне нужно прикасаться к ней.

Одрейд приняла это.

Проекции тускнели. Слишком свободные от пыли. Нельзя было провести пальцем по проекции и сказать:

— Мы пойдем сюда.

Палец на проекции был пальцем в пустом воздухе.

«Глаз никогда не достаточно. Тело должно ощущать его мир».

Шиана зафиксировала остроту мужского пота, затхлый запах напряжения. Она подняла голову и увидела темнокожего смуглого молодого человека, стоявшего в дверях в надменной позе, с надменным взглядом.

— О, — сказал он. — Я думал, ты будешь одна, Уолли. Я вернусь попозже.

Один пронзительный взгляд в сторону Шианы, и он ушел.

«Есть много вещей, которые тело должно прочувствовать, чтобы распознать их».

— Шиана, почему вы здесь? — спросила Уолли.

«Ты, которая так была занята в Совете, что ты ищешь? Ты не веришь мне??

— Я пришла подумать о том, что, по мнению Миссионарии, я могу сделать. Они видят оружие — миф о Дюне. Миллионы молений, обращенных ко мне: «Святая, что говорит с Разделенным Богом».

— Миллионы — это не то число, — сказала Уолли.

— Но это мера силы, которую Сестры видят во мне. Те адепты, что считали, что я погибла на Дюне. Я стала «могучим духом, в пантеоне угнетенных».

— Больше, чем миссионер?

— Что может случиться, Уолли, если я появлюсь в этой ожидающей вселенной и рядом со мной будет песчаный червь? Потенциальная сила этого явления наполняет некоторых моих Сестер надеждой и опасениями.

— Опасения я понимаю.

«Воистину. Тот же самый тип религии, что Муаддеб и сын его Тиран вселили в разум ничего не подозревающего человечества».

— Почему же они как раз это и рассматривают? — настаивала Уолли.

— Если я — точка опоры, то какой рычаг получат они, чтобы перевернуть вселенную!

— Но как они могут контролировать такую силу?

— Это проблема. Кое-что настолько врожденно нестабильно. Религии никогда невозможна реально контролировать. Но некоторые Сестры считают, что они смогут направлять религию, созданную вокруг меня.

— А если их цель ничтожна?

— Они говорят, что религии женщин всегда идут глубже.

— Правда? — вопрос задан повышенным тоном.

Шиана могла только кивнуть. Иная Память подтверждала это.

— Почему?

— Потому, что в нас жизнь возобновляет себя.

— И все? — откровенное сомнение.

— Женщины часто несут ауру неудачников. У людей есть некая симпатия к тем, кто на дне. Я женщина, и если Достопочтенные Матери хотят моей смерти, то я буду благословенна.

— Вы говорите так, словно согласны с Миссионарией.

— Когда ты одна из тех, на кого охотятся, ты рассматриваешь любой путь для избежания этого. Меня почитают. Я не могу игнорировать потенциала.

«И опасности. Потому мое имя стало ярким светом во тьме угнетения Достопочтенных Матерей. Как легко этот свет может стать всепожирающим пламенем??

Нет... план, который разработали они с Дунканом был лучше. Побег из Дома Ордена. Это была смертельная ловушка не только для его жителей, но и для мечтаний Бене Джессерит.

— Я до сих пор не понимаю, почему вы здесь. Нам больше нельзя оставаться дичью.

— Нельзя?

— Но почему именно сейчас?

«Яне могу в открытую говорить об этом, иначе наблюдательная комиссия узнает».

— Я очарована червями. Отчасти из-за того, что один из моих предков привел первую волну мигрантов на Дюну.

«Ты помнишь об этом, Уолли. Мы говорили об этом однажды здесь, на песке, где слышали наш разговор только мы двое. И теперь ты знаешь, почему я здесь».

— Я помню, как вы сказали, что он был чистокровный Фремен.

— И Учитель Дзенисуннизма.

«Я поведу мою собственную волну мигрантов, Уолли. Но мне понадобятся черви, которых предоставить мне можешь только ты. И это нужно сделать быстро. Донесения с Узловой торопят. И первые корабли скоро вернутся. Ночью... утром. Я боюсь того, что они принесут».

— И вы по-прежнему заинтересованы в том, чтобы забрать несколько червей в Центральную, где вы сможете изучить их получше?

«О да, Уолли! Ты действительно помнишь».

— Это, наверное, интересно. У меня не много времени для этого, но любое знание, которое мы можем получить, поможет нам.

— Здесь будет слишком сыро, чтобы они вернулись.

— Большой Ангар для нуль-кораблей на Посадочной Площадке можно переделать в пустынную лабораторию. Песок, контроль атмосферы. Там есть все необходимое с тех пор, когда мы доставили сюда первых червей.

Шиана посмотрела в западное окно.

— Закат. Мне хотелось бы снова спуститься и побродить в песках.

«Вернутся ли к вечеру первые корабли??

— Конечно, Преподобная Матерь, — Уолли отошла в сторону, открывая путь к двери.

Уходя, Шиана заговорила:

— Пустынную Вышку давно надо было перенести.

— Мы готовы.

Солнце скатывалось к горизонту, когда Шиана вышла из перекрытой аркой улицы к краю обжитого участка. Она зашагала в залитую светом звезд пустыню. Чувства переполняли ее, словно она снова была ребенком. Ах, запах корицы... Черви близко.

Она остановилась, и, повернув к северу от последнего отблеска солнца, положила раскрытые ладони над и под глазами, по старинной Фременской манере, сужая обзор и убирая свет. Она смотрела из горизонтальной рамки. Что бы ни упало с неба, должно промелькнуть в этой узкой щели.

«Вечером? Они появятся как раз после заката, чтобы оттянуть момент объяснений. Целая ночь для раздумий».

Она ждала с бенегессеритским терпением.

Над северным горизонтом тонкой линией встала арка огня. Еще. Еще. Они вставали справа от Посадочной Площадки.

Шиана ощутила, как быстро заколотилось ее сердце.

«Они пришли??

И что они принесут Сестрам? «Возвращающихся победоносных воинов или беженцев?» Небольшая разница, если знать развитие плана Одрейд.

Она узнает утром.

Шиана опустила руки и обнаружила, что ее трясет. Глубокое дыхание. Литания.

Сейчас она шла по пустыне, походкой, запомнившейся с песков Дюны. Она почти забыла, как волочатся ноги. Словно они несли чрезмерную тяжесть. Редко напрягаемые мускулы снова были вовлечены в игру, но беспорядочная походка, однажды усвоенная, не забывалась никогда.

«Когда-то я и не мечтала, что снова смогу так ходить».

Если наблюдатели уловили эту мысль, они должны поинтересоваться своей Шианой.

Это было крушение самой себя, подумала она. Она вросла в ритм Дома Ордена. Эта планета говорила с ней на тайном уровне. Она ощущала землю, деревья и цветы, все растущее, словно оно было ее частью. И теперь это тревожное движение, нечто на языке другой планеты. Она чувствовала, как пустыня меняется, и это тоже было чужим языком. Пустыня. Не безжизненная, но живущая по закону, совершенно отличному от некогда зеленого Дома Ордена.

«Жизни меньше, но она более напряженная».

Она слышала пустыню: маленькие осыпи, скрипящее цирканье насекомых, темный взмах крыльев охотящейся птицы над головой и еще более быстрое шлепанье по песку — тушканчик, завезенный сюда в надежде, что однажды черви возобновят свое правление.

«Уолли запомнит, что надо прислать флору и фауну с Дюны».

Она остановилась наверху высокого бархана. Перед нею расплывалась по краям тьма и лежал застывший в своем волнении океан, прибой мрака, бившийся о побережье теней этой изменчивой страны.

«Я возьму тебя сюда, когда смогу».

Ночной ветер, летящий от сухой земли к влажным местам, что лежали у нее за спиной, покрыл налетом пыли ее щеки и нос, взметнув кончики ее волос и улетел. Ей стало грустно.

«Что может случиться...?

Это больше не было важным.

«Вот что есть — вот что имеет значение».

Она глубоко вздохнула. Сильнее запахло корицей. Меланж. Поблизости спайс и черви. Черви чуют ее присутствие. Когда же воздух станет настолько сухим, чтобы песчаные черви стали больше и дали тот урожай, который они давали на Дюне?

Планета и пустыня.

Она рассматривала их как две части одной той же саги. Как раз так, как видели их Бене Джессерит и человечество, которому они служили. Равные части. Каждая без порядка приходит в упадок, становясь пустышкой с утраченной целью. Возможно, не лучшая смерть, но беспорядочное движение. Они создали угрозу победы Достопочтенных Мэтров. И направляла их слепая жестокость!

«Слепцы во враждебной вселенной».

И именно поэтому Тиран сохранил Сестер.

«Он знал, что он дал нам только путь без направления. Игра в зайцев и собак, устроенная шутником, что в конце концов ни к чему не приводит.

Хотя поэт в своем праве...?

Она припомнила его «Поэму Памяти» из Дар-эсалата, остаток крушения, который сохранился в Бене Джесссерит.

«И для чего же мы сохраняли его? Чтобы теперь мне этим наполнить мысли? Забыть на миг то, с чем я могу столкнуться завтра??

Дивную ночь поэта

Наполни невинностью звезд.

Шаг лишь до Ориона.

Взгляд его видит все,

В наших генах навек

Застывая клеймом.

Приветствуй же тьму и воззри,

Ослепленный последним закатом -

Вот обнаженная вечность!

Внезапно Шиана почувствовала, что получила шанс стать творцом окончательно, наполнившись до краев и получив чистую поверхность, где она сможет творить по воле своей.

«Неограниченная вселенная!?

Слова Одрад, оставшиеся в памяти после того, как ее впервые показали бенегессериткам для их целей, вновь вернулись к ней.

— Почему мы так смотрим на тебя, Шиана? Это же так просто. Мы узнали в тебе то, что так долго ждали. Ты явилась, и мы увидели, что это свершилось.

«Это»? Как же наивна я была!?

— Что-то новое восходит над горизонтом.

«Моя миграция будет искать новое. Но... я должна найти планету с лунами».

Глава 43

Если смотреть с одной стороны, то вселенная находится в броуновском движении, и ничего нельзя предсказать на элементарном уровне. Муаддеб и сын его Тиран замкнули туманную сферу там, где существует движение.

Повести Гамму

Мурбелла вступила во времена несоответствующего опыта. Сначала это утомляло ее, поскольку она видела свою жизнь множественным зрением. Хаотические события на Узловой вызвали кучу срочно необходимых дел, от которых она не смогла бы отвязаться, даже возвратившись в Дом Ордена.

«Я предупреждала тебя, Дар. Ты не можешь этого отрицать. Я говорила, что они могут превратить победу в поражение. И теперь посмотри на кучу мусора, что ты вывалила мне на колени! Счастье, что мне удалось спасти что было в моих силах».

Этот внутренний протест почти запутал ее в событиях, которые вознесли ее к благоговейной высоте.

«Что еще могла я сделать???

Память показала Стрегги, рухнувшую наземь в бескровной смерти. Эта сцена развернулась в докладах нуль-комнаты как фантастическая драма. Рамка проектора на командном пункте добавила иллюзии впечатления, что это не реальное событие. Актеры встанут и поклонятся. Ком-камеры Тега, автоматически включившиеся, не упустили ничего, покуда кто-то не отключил их.

Ей остались изображения, последний жуткий отблеск — Тег растянулся на полу орлиного гнезда Достопочтенных Матерей.

Заявление Мурбеллы, что она должна высадиться, встретили громкие протесты. Поверенные были тверды как алмаз, покуда она не выяснила детали игры Одрейд и потребовала:

— Вы хотите всеобщей катастрофы?

«Одрейд Внутри победила в этом споре. Но ты ведь с самого начала была готова к этому. Дар, не так ли? Ведь это твой план!?

Поверенные сказали:

— Есть еще Шиана.

Они дали Мурбелле лихтер на одного человека и послали ее на Узловую одну.

Даже когда она послала вперед уведомление, что она — Достопочтенная Мать, на Посадочной Площадке были опасные моменты.

Рота вооруженных Достопочтенных Матерей встретила ее, когда она вышла из лихтера рядом с дымящейся ямой. Дым пахнул экзотическими взрывными веществами.

«Вот где был уничтожен лихтер Матери Настоятельницы».

Ротой предводительствовала старая Достопочтенная Мать. Ее платье было перепачкано, некоторые из орнаментов стерлись и на левом плече платье было порвано. Она была похожа на какую-то засущенную ящерицу, но все еще ядовитую, все еще способную на укус, но гнев высосал большую часть ее силы. Спутанные волосы были похожи на внешнюю кожуру свежевыкопанного имбирного корня. В ней сидел демон. Мурбелла увидела, как он смотрит на нее из мерцающих оранжевым глаз.

Хотя вся рота стояла позади старшей, двое смотрели друг на друга, словно изолированные от прочих у подножия трапа лихтера, как дикие звери, осторожно принюхивающиеся, пытающиеся оценить степень опасности.

Мурбелла внимательно разглядывала старуху. Эта ящерица слегка высывала язык, пробуя воздух, давая выход своим чувствам, но она была основательно ошарашена, чтобы слушать.

— Мое имя Мурбелла. Я была взята в — плен бенегессеритками на Гамму. Я адепт Хорму.

— Почему ты одета в тряпки ведьм? — Старуха и ее Срота стояли, готовые к убийству.

— Я усвоила все, что они преподавали мне и принесла это сокровище моим Сестрам.

Старуха мгновение изучала ее.

— Да, я знаю твой тип. Ты Рок, одна из тех, кого мы выбрали для проекта на Гамму.

Рота позади нее слегка расслабилась.

— Ты не весь путь проделала на этом лихтере, — обвинила старуха.

— Я сбежала с одного из их нуль-кораблей.

— Ты знаешь, где их гнездо?

— Да.

Старческие губы расплылись в широкой ухмылке.

— Хорошо! Ты драгоценная добыча! Как ты сбежала?

— Разве у тебя есть право спрашивать?

Старуха поразмыслила над этим. Мурбелла могла читать мысли на ее лице так, словно она говорила: «Эти, что мы привезли с Рока — они все смертельно опасны. Они могут убивать руками, ногами, любой другой подвижной частью тела. Всем им надо бы навесить знак — Опасны в любом положении».

Мурбелла отошла от лихтера, демонстрируя изящество своей мускулатуры, что было отличительным признаком того, что она есть та, за кого себя выдает.

«Скорость и мускулы. Сестры, остерегайтесь».

Некоторые из солдат роты подались вперед, любопытствуя. Их слова были полны сравнений Достопочтенных Матерей, жадных вопросов. Мурбелле пришлось отвечать.

— Ты много их убила? Где их планета? Она богата? Ты привязала к себе многих мужчин? Тебя обучали на Гамму?

— Я была на Гамму на третьей ступени. Под руководством Хакки.

— Хакка! Я встречалась с ней. Она уже повредила левую ногу, когда ты познакомилась с ней?

«Все еще проверяют».

— Правую ногу. И я была рядом с ней, когда она получила травму.

— О, да, правую, теперь вспоминаю. Как это случилось?

— Пришибла одного невежу во время отступления. В его набедренном кармане был острый нож. Хакка так рассердилась, что убила его.

Смех прошел по роте.

— Мы отправимся к Достопочтенным Матерям, — сказала старуха.

«Итак, я прошла первое испытание».

Тем не менее, Мурбелла чувствовала недосказанности.

«Почему эта адептка Хорму носит одежду врага? И она странно выглядит».

«Лучше встретиться с ними сразу».

— Я восприняла то, чему они меня обучали, и они приняли меня.

— Идиоты! В самом деле?

— Ты сомневаешься в моих словах? — как же легко уклоняться, принимая надменное поведение Достопочтенных Матерей.

Старуха ощетинилась. Она не потеряла надменности, но бросила предостерегающий взгляд на свою роту. Все они мгновение переваривали то, что сказала Мурбелла.

— Ты стала одной из них? — спросил кто-то позади нее.

— А как еще мне удалось бы похитить это знание? Узнайте же! Я была личной ученицей Матери Настоятельницы.

— И она хорошо учила тебя? — Тот же самый вызывающий голос из-за спины.

Мурбелла определила спрашивающую: из среднего эшелона и с амбициями. Жаждет быть замеченной и повышенной в звании.

«Это твой конец, возжаждавшая возвышения. И малая потеря для вселенной».

Бенегессеритский отвлекающий маневр снес, втолкнул пустышку, что была ее врагом, в строй. Единственный удар в стиле Хорму, чтобы они его узнали. Сомневающаяся лежала мертвей на земле.

«Соединение способностей Бене Джессерит и Достопочтенных Матерей создаст опасность, которую вам всем должно понять и завидовать ей».

— Она прекрасно обучила меня, — ответила Мурбелла. — Еще вопросы есть?

— Эххх... — сказала старуха.

— Как тебя зовут? — требовательным тоном спросила Мурбелла.

— Я Старшая Дама, Достопочтенная Мать Хорму. Меня зовут Элпек.

— Благодарю тебя, Элпек. Можешь называть меня Мурбеллой.

— Великая честь для меня, Мурбелла. Воистину, ты принесла нам сокровище.

Мурбелла мгновение изучала ее с осторожностью бенеджессеритки, прежде, чем улыбнуться без юмора.

«Обмен именами! Ты, в алом платье, что означает, что ты одна из сильных из окружения Великой Достопочтенной Матери, знаешь ли ты, кого ты только что приняла в свой круг??

Рота продолжала ошарашенно смотреть на Мурбеллу с опаской. Она видела это своим новым чутьем. Сеть Старой Девы никогда не могла укрепиться в Бене Джессерит, но предпочитала Достопочтенных Матерей. Поток подобий забавлял ее парадом подтверждений. Как слабо меняется власть — правильная школа, правильные друзья, выпуск и переход на первую ступень лестницы все благодаря родственникам и их связям, обоюдной поддержке, что приводила к союзам, включая брачные. Поток рассказал ей, что это вело в яму, кроме тех, кто стоял на лестнице, тех, кто занимал контролирующие ячейки, никогда не позволяя этому тревожить себя.

«Сегодня удовлетворяет сегодня, и так Элпек смотрит на меня. Но она не видит, чем я стала, только то, что я опасна и потенциально полезна». Медленно повернувшись на ноге, Мурбелла осмотрела роту Элпек.

Привязанных мужчин здесь не было. Это была слишком тонкая задача для того, чтобы доверить ее кому бы то ни было, кроме испытанных женщин.

— Теперь вы будете слушать меня, все вы. Если у вас еще осталась какая-то верность своим Сестрам, о которой я буду судить по ее проявлениям, вы будете почтить то, что я принесла. Я принесу этот дар тому, кто заслуживает его.

— Великая Достопочтенная Мать будет довольна, — сказала Элпек.

Но Великая Достопочтенная Мать не показалась довольной, когда ей представили Мурбеллу.

Мурбелла узнала помещение в башне. Сейчас солнце почти село, но тело Стрэгги по-прежнему лежало там, где она упала. Некоторые из специалистов Тэга были убиты, большей частью команды ком-камер, которых было вдвое больше, чем его охранников. ?Нет, мы. Достопочтенные Матери, нелюбим, когда за нами шпионят».

Тег был еще жив, но он был опутан шигавиром и позорно брошен в угол. Но удивительнее всего — Одрейд стояла без наручников рядом с Великой Достопочтенной Матерью. Жест презрения.

Мурбелла ощущала, что она переживала эту сцену много раз последствия Победы Достопочтенных Матерей: кучи тел врагов, брошенных там, где они пали. Нападение Достопочтенных Матерей с их бескровным оружием было быстрым и смертоносным, с типичной жестокостью убийства, когда убийство уже не требуется. Она подавила дрожь от воспоминания о смертельном обороте событий. Предупреждения не было — только войска, падающие широкими рядами — эффект домино, что оставил выживших в состоянии шока. И Великая Достопочтенная Мать явно наслаждалась произведенным эффектом.

Глядя на Мурбеллу, Великая Достопочтенная Мать сказала:

— Так, значит, это и есть тот мешок высокомерия, что ты, как говоришь, обучала по своей системе?

Одрейд чуть не улыбнулась от такого описания.

«Мешок высокомерия??

Бенегессеритка смирилась бы с этим без злобы. Эта красноглазая Великая Достопочтенная Мать в затруднительном положении и не может призвать свое бескровно убивающее оружие. Очень тонкий баланс сил. Оживленный разговор между Достопочтенными Матерями раскрыл их проблему. Все их секретное оружие было истрачено и не могло быть перезаряжено, потому что они кое-что потеряли, отступив сюда.

«Наше оружие последней надежды, и мы истратили его!?

Логно, которая считала себя высшей, стояла теперь на другой арене. И сейчас она только что осознала пугающую легкость, с которой Мурбелла может убить одну из избранных.

Мурбелла окинула окружение Великой Достопочтенной Матери оценивающим взглядом, взвешивая их возможности. Они, конечно, поняли ситуацию. Знакомо. И что они выберут?

«Нейтралитет??

Некоторые казались встревоженными, остальные ждали.

Ждали развязки. Никаких раздумий по поводу того, кто победит, поскольку власть все равно останется в их руках.

Мурбелла позволила своим мускулам принять состояние готовности к сражению, которое она переняла от Дункана и Поверенных. Чувства ее были холодны, словно она стояла на тренировочной площадке, бегло перебирая возможные варианты реакции. Даже когда она отвечала, она знала, что двигается тем путем, для которого Одрейд ее подготовила — ментально, физически и эмоционально.

«Сначала голос. Пусть их проберет холодом изнутри».

— Вижу, ты слишком низко ставишь Бене Джессерит. Те аргументы, которыми ты так гордишься, эти женщины слышали столько раз, что твои слова уже даже не раздражают их.

Это было высказано едким, тщательно контролируемым голосом, тоном, который вызвал оранжевый блеск в глазах Логно, но она оставалась неподвижной.

Мурбелла не оставила ее в покое.

— Ты считаешь себя могучей и умной. Одно порождает другое, да? Идиотизм! Ты законченная лгунья и лжешь самой себе.

Хотя Логно оставалась неподвижной во время этой словесной атаки, стоявшие вокруг нее стали потихоньку отходить, расчищая место, что говорило: «Она в твоей власти».

— Твоя искушенность во лжи не скрывает ее, — сказала Мурбелла. Она окинула уничтожающим взглядом стоящих позади Логно.

— Как и тех, кого я знаю по Иной Памяти, вас ведут к вымиранию. Проблема в том, что вы адски долго умираете. Неизбежно, но тем не менее тягостно. И ты осмеливаешься называть себя Великой Достопочтенной Матерью? — она вновь обратилась к Логно. — Ты по уши в дерьме. У тебя нет изящества.

Это было слишком. Логно бросилась на нее, выбросив вперед левую ногу с ослепляющей скоростью. Мурбелла перехватила ногу, словно сорванный ветром лист и, продолжая ее полет, перевернула Логно, как биту, что кончилось тем, что голова Логно размозжилась о пол. Не останавливаясь, Мурбелла повернулась, чуть не снеся голову левой ногой Достопочтенной Матери, что стояла справа от Логно, правой рукой перебив горлтань той, что стояла от нее слева. Все было кончено за два биения сердца. Исследуя картину без малейшего признака тяжелого дыхания («чтобы показать вам. Сестры, как это было легко»), Мурбелла ощутила потрясение от осознания непоправимого. Одрейд лежала на полу перед Элпек, которая явно без промедления выбрала, на чью сторону встать. Неестественно вывернутая шея и расслабленное тело говорили о том, что она мертва.

— Она пыталась вмешаться, — сказала Элпек.

Убив Преподобную Матерь, Элпек ожидала похвалы от Мурбеллы (Сестра, в конце концов). Но Мурбелла поступила не так, как ожидалось. Она опустилась на колени рядом с Одрейд и приложила свою голову к голове трупа, оставаясь так бесконечно долго.

Оставшиеся в живых Достопочтенные Матери обменялись вопрошающими взглядами, но не осмелились пошевелиться.

«Что это??

Но устрашающие способности Мурбеллы их приковали к месту.

Когда она переняла недавнее прошлое Одрейд, добавив все новое к предварительному Единению, Мурбелла встала.

Элпек увидела смерть в глазах Мурбеллы и отступила на шаг, прежде чем попыталась защититься. Элпек была опасно, но ее было не сравнить с этим демоном в черном облачении. Все было кончено с той же потрясающей внезапностью, что и с Логно и ее адъютантками — удар в гортань. Элпек распростерлась поперек Одрейд.

Мурбелла еще раз посмотрела на выживших, мгновение постояла, глядя на тело Одрейд.

«В конце концов, это сделала я, Дар! И ты!?

Она покачала головой, обдумывая последствия.

«Одрейд мертвa. Да здравствует Мать Настоятельница! Да здравствует Великая Достопочтенная Мать! И да защитят небеса всех нас».

Она занялась тем, что надо было сделать. Эти смерти создали огромный долг. Марбелла глубоко вздохнула. Это был еще один Гордиев узел.

— Освободите Тега, — приказала она. — Быстро, как можете, очистите помещение. И пусть кто-нибудь принесет мне подобающее одеяние!

Приказ отдавала Великая Достопочтенная Мать, но те, кто бросились выполнять, почувствовали в ней Иное.

Та, что принесла ей красное платье, украшенное драконами, почтительно несла его на вытянутых руках. Крупная ширококостная женщина с плоским лицом. Жестокие глаза.

— Дай его мне, — сказала Мурбелла, и когда женщина попыталась воспользоваться преимуществом близости для нападения на нее, Мурбелла сильно ударила ее. — Еще пытаешься?

На этот раз обмана не было.

— Ты первый член моего Совета, — сказала Мурбелла. — Имя?

— Ангелика, Великая Достопочтенная Мать. «Смотри! Я первая назвала тебя твоим настоящим титулом. Награди меня».

— Твоя награда в том, что я повышаю тебя в чине и оставляю в живых.

Ответ настоящей Достопочтенной Матери. Так и воспринят.

Когда Тег, потирая запястья, в которые глубоко врезалась проволока, подошел к ней, некоторые из Достопочтенных Матерей попытались предупредить Мурбеллу:

— Вы знаете, что этот может...

— Теперь он служит мне, — прервала Мурбелла. Затем, насмешливым тоном Одрейд:

— Разве не так, Майлз?

Он печально улыбнулся ей, старик в маске ребенка.

— Интересные времена, Мурбелла.

— Дар любит яблоки, — сказала Мурбелла. — Позаботься об этом.

Он кивнул. Надо ее вернуть в кладбищенский сад. Эти прославленные сады Бене Джесссерит недолго проживут в пустыне. И все же, некоторые традиции стоят того, чтобы им следовать покуда возможно.

Глава 44

Чему учат Божественные Катастрофы? Не унывай. Будь сильным. Будь готов к изменениям, к новому. Собирай опыт многих и суди их по непреклонной сути нашей веры.

Тлейлаксианская Доктрина

Уложившись в рамки первоначальной временной раскладки Тега, Мурбелла собрала свою свиту Достопочтенных Матерей и вернулась в Дом Ордена. Она ожидала определенных проблем, и послания, которые она предварительно отправила, подготовили путь к их решению.

«Я везу Футаров, чтобы привлечь Поводырей. Достопочтенные Матери боятся биологического оружия Рассеяния, которое сделает из них растения. Источником могут быть Поводыри».

«Приготовьтесь содержать Рабби и его спутников в нуль-корабле. Уважайте их скрытность. И уберите с корабля защитные мины!» (Это отправлено с Поверенным — посланником).

Ей не терпелось спросить о своих детях, но это было не по-бенегессеритски. Когда-нибудь... может быть.

Немедленно по возвращении она пригласила к себе Дункану и этим смутила Достопочтенных Матерей. Они были не лучше бенегессериток. «Что такого особенного в одном мужчине??

У него больше не было повода оставаться на корабле, но он отказывался уезжать.

— Мне надо сложить ментальную мозаику — кусочек, который нельзя будет сдвинуть, экстраординарное поведение и добровольное участие в их мечтах. Я должен найти предел испытаниям. Это недостающее звено. Я знаю, как его найти. Понять его язык. Не думай — делай.

Это не имело смысла. Рона всегда подшучивала над ним, когда он менялся. Стабильность в этом новом Дункане она приняла за вызов. По какому праву он принимает самодовольный вид? Нет... не самодовольный. Скорее, смирившийся с решением. Он отказывался поделиться им!

— Я смирился с существующим положением. Тебе надо сделать то же самое.

Ей пришлось согласиться с тем, что это описывает то, что она делает. В первое утро по возвращении она поднялась на рассвете и вошла в рабочую комнату. В красном платье она села в кресло Матери Настоятельницы и позвала Беллонду.

Белл стояла у другой стороны рабочего стола. Она знала. Замысел стал ясен после его исполнения. Одрейд возложила долг также и на нее. Потому молчание. Она оценивала сейчас, как ей его платить.

«Служи этой Матери Настоятельнице, Белл! Вот твоя плата. Никакое откладывание в Архив этих событий не приведет их в нужный вид. Требуется действие».

Наконец Беллонда заговорила:

— Единственный кризис, с которым я могла бы сравнить эти события, так это явление Тирана.

— Попридержи язык, Белл, пока не сможешь сказать ничего полезного! резко ответила Мурбелла.

Беллонда спокойно приняла выходку (некарактерная реакция). — Дар переменила свое мнение. Значит, она этого ожидала? Тон Мурбеллы смягчился.

— Нам придется позже пересмотреть древнюю историю. Это — первая глава.

— Дурные новости. — Это уже прежняя Беллонда.

— Примите первую группу. Будьте осторожны. Это Высший Совет Великой Достопочтенной Матери, — сказала Мурбелла.

Белл ушла выполнять.

«Она знает, что у меня есть все права на это звание. Они все это знают. Нет нужды в голосовании. Нет места для него!?

Теперь пришло время для исторического искусства политики, которое она переняла от Одрейд.

«Во всем ты должна казаться важной. Ни одно малейшее событие не должно исходить от тебя, разве что это не спокойные деяния, именуемые „благостыней“ для тех людей, чью верность можно заслужить».

Любая награда идет от вышестоящего. Не слишком хорошая политика в отношениях с бенегессеритками, но группа, вошедшая в комнату, была знакома с Патронессой Великой Достопочтенной Матерью. Они примут «Новые политические нужды». На время. Это всегда на время, особенно для Достопочтенных Матерей.

Белл и сторожевые псы знали, что ей долгое время придется разбираться с этим. «Даже с возросшими возможностями Бене Джессерит».

Это потребует чрезвычайного внимания от всех их. И прежде всего этот резко отвлекающий невинный взгляд.

«Невинность — это то, что утратили Достопочтенные Матери, и мы должны восстановить ее прежде, чем они смогут слиться с фоном, к которому принадлежим мы».

Беллонда ввела Совет и молча удалилась.

Мурбелла подождала, пока они уселись. Смешанная компания — несколько претенденток на верховную власть. Ангелика так мило улыбается. Некоторые ждут (даже не смея еще надеяться), но собираются со всеми возможными силами.

— Наше Сестринство действовало тупо, — обвинила Мурбелла. Она отметила тех, кто принял это с гневом. — Вы зарезали бы курицу, несущую золотые яйца!

Они не поняли. Она вскрыла суть притчи. Они слушали с должным вниманием, даже когда она добавила:

— Неужели вы не поняли, как отчаянно нам нужна каждая из этих ведьм? Мы превышаем их числом настолько, что каждой из них придется нести невыносимую тяжесть учения!

Они подумали об этом и, хотя это было и горько, им пришлось частично с этим смириться, поскольку так сказала она.

Мурбелла втолковала им:

— Я не только ваша Великая Достопочтенная Мать... Кто-нибудь сомневается в этом?

Никто не сомневался.

— ...но я и Мать Настоятельница Бене Джессерит. Они мало что могут сделать кроме как подтвердить мой сан.

Двою начали было протестовать, но Мурбелла оборвала их:

— Нет! Вы не сможете навязать им свою волю силой. Вам придется перебить их всех. Но мне они подчиняться будут.

Двою продолжали бормотать, и она, прикрикнув на них, заставила замолчать.

— По сравнению со мной, с тем, что я переняла от них, ваш удел быть жалкими ничтожествами! Кто-нибудь из вас готов с этим поспорить?

Никто не вылезался, но в глазах появились оранжевые отблески.

— Вы дети, и не знаете, чем вы можете стать, — сказала она. — Хотите ли вы снова предстать беззащитными перед многоликими? Хотите ли стать растениями?

Это привлекло их любопытство. Они привыкли к такому тону от старших командиров. Теперь их внимание удерживало еще и содержание речи. Так трудно смириться с такой молодой... все же... то, что она сделала... И то, что произошло с Логно и ее адъютантками!

Мурбелла увидела, что они клюнули на наживку.

«Удобрение. Эта группа унесет его с собой. Гибридная сила. Нас удобряли, чтобы мы стали сильнее. И расцвели. И дали семена? Лучше не останавливаться на этом. Достопочтенные Матери не поймут, покуда сами почти не станут Преподобными Матерями. Тогда они с гневом посмотрят на свое прошлое, как и я. Как же мы могли быть столь глупыми??

Она увидела, что в глазах членов совета встает смирение. Что ж, это будет медовый месяц. Достопочтенные Матери будут детишками в магазине подарков. Лишь постепенно будет открываться им неизбежное взросление. Тогда они уже будут в ловушке.

«Как оказалась в ловушке и я. Не спрашивай у оракула, чего ты сможешь достигнуть. Это ловушка.

Бойся настоящего предсказателя судьбы! Хочешь ли прожить в скуче тридцать пять лет??

Одрейд Внутри воспротивилась.

«Хоть немного поверь Тирану. Не может все это быть скучным. Это больше похоже на то, как Навигатор Гильдии прокладывает свой путь в гиперпространстве. Золотой Путь. Атриды платили за то, что остались в живых, Мурбелла.

Мурбелла ощутила тяжесть. Бремя расплаты Тирана опустилось на ее плечи.

«Я не просила его делать это для меня».

Одрейд не могла оставить это.

«Тем не менее он это сделал».

«Прости, Дар. Он заплатил. Теперь мой черед».

?В конце концов, ты для того и стала Преподобной Матерью!» Члены совета забеспокоились под ее взглядом.

Ангелика встала, чтобы говорить от их имени.

— И какого ответа вы просите от нас в отношении этих ведьм? — Она боялась собственной храбрости. Разве сама Великая Достопочтенная Мать не была тоже ведьмой?

Мурбелла мягко ответила:

— Вы будете их терпеть и что бы ни случилось, не допустите грубости в отношении их.

Спокойный тон Мурбеллы придал Ангелике смелости.

— И это решение Великой Достопочтенной Матери...

— Довольно! Я могу размазать тебя по этому полу! Хочешь попробовать? Они не хотели пробовать.

— А что, если я скажу, что это вам, что это говорит Матерь Настоятельница? Вы спросите, есть ли у меня политика для решения нашей проблемы? Я скажу: политика? Ах, да. Я разработала политику для незначительных вещей вроде заражения паразитами. Мелочи требуют политики. Для таких как вы, которые не видят мудрости в моих решениях, мне политика не нужна. Вами я быстро распоряжусь. Умрете прежде, чем поймете, что вы убиты! Это мой ответ грязи. Есть ли еще грязь в этой комнате?

Этот язык они узнали — плеть великой Достопочтенной Матери, дополненная способностью убивать.

— Вы — мой Совет, — сказала Мурбелла. — И я ожидаю от вас разумных решений. По крайней мере, вы можете делать вид, что умны.

Веселая симпатия со стороны Одрейд:

«Если так Достопочтенные Матери отдают и получают приказы, то от Белл это не потребует глубокого анализа».

Мысли Мурбеллы блуждали где-то далеко.

«Я больше не Достопочтенная Мать».

Шаг от одной к другой был столь недавним, что облик Достопочтенной Матери Причинял ей неудобство. Ее привычки были метафорой того, что должно случиться с ее прежними Сестрами. Новая роль, и она не слишком хорошоправлялась с ней. Иная Память вызвала длинную ассоциацию с нею в новом положении. В этом не было мистической трассубстанции, просто новые возможности.

«Просто??

Изменение было глубочайшим. Понял ли это Дункан? Ей было больно от того, что он может никогда не увидеть ее в этой новой личности.

«Это остатки моей любви к нему??

Мурбелла оставила этот вопрос, не желая ответа. Она чувствовала, как ее отталкивает нечто, лежащее глубже, нежели она хотела докапываться.

«Мне придется принимать решения, которых любовь не допустила бы. Решения за Сестер, но не за меня. Вот отчего мне страшно».

Необходимости момента вернули ее к настоящему. Она отослала советниц, обещая им страдания и смерть, если они не научатся самообладанию.

Затем Преподобная Матерь должна была усвоить новую дипломатию: обходиться без кого бы то ни было — даже без каждого.

Со временем это станет проще. Достопочтенные Матери обращаются к пути Бене Джессерит. Однажды Достопочтенных Матерей не станет, останутся только Преподобные Матери с улучшенными рефлексами и повышенным пониманием сексуальности.

Мурбелла почувствовала, что ее преследуют слова, которые она часто слышала, но до настоящего момента не понимала:

?То, что мы делаем для выживания Бене Джессерит, не имеет предела». «Дункан увидит это. Яне могу удержать его от этого. Ментат не станет привязываться к неизменному понятию того, чем я была до Страстей. Он открывает свой разум, как я открываю двери. Он рассмотрит свою сеть. „Что я поймал на этот раз“??

Не так ли случилось с Леди Джессикой? Иная Память вызвала Джессику, вплетенную в уток и основу Единения. Мурбелла слегка распутала сплетения и извлекла древние воспоминания.

«Еретичка Леди Джессика? Должностное преступление??

Джессика погрузилась в любовь так же, как Одрейд погрузилась в море и волны от этого едва не поглотили Сестринство.

Мурбелла ощущала, как это захватывает ее против воли. Боль стискивала ее грудь.

«Дункан! О, Дункан.?

Она уронила голову на руки.

«Дар, помоги мне. Что мне делать??

«Никогда не спрашивай, зачем ты стала Преподобной Матерью».

?Я должна! Эта последовательность явно встает в моей памяти...?

«Это последствия. Думай об этом как о случайности, и эффект отвлечет тебя от всего».

«Тал??

«Проще — ты здесь».

«Но Иная Память уводит все глубже и глубже, и...?

«Представь ее пирамиды замкнутыми».

«Это только слова!?

«Твое тело все еще действует??

«Мне больно, Дар. У тебя больше нет тела, и бесполезно...?

«Мы занимаем разные ячейки. Страдания, которые ощущаю я, не твои. Мои радости — не твои».

?Мне не нужно твое сочувствие! Ох, Дар! Зачем я только родилась!?

«А если ты была рождена для того, чтобы потерять Дункана??

«Дар, пожалуйста!?

«Значит, ты родилась и теперь знаешь, что этого никогда не достаточно. Потому ты стала Достопочтенной Матерью. Что еще ты могла сделать? Все еще не достаточно? теперь ты Преподобная Матерь. Думаешь, теперь достаточно? Этого не будет достаточно никогда, покуда ты жива».

?Ты говоришь мне, что я всегда должна тянуться выше, чем я есть».

«Ха! Ты не делаешь решений на этой основе. Ты что, не слышишь его? Не думай — делай! Разве ты

изберешь легкий путь? Зачем грустить, потому, что встретилась с неизбежным? И если это все, что ты способна увидеть, ограничись улучшением потомства!?

«Чтоб тебя! Почему ты сделала это со мной??

«Сделала что??

«Заставили меня смотреть на себя и моих бывших сестер так!?

«Как??

«Будь ты проклята! Ты знаешь, что я имею в виду!?

«Бывшие Сестры, говоришь??

«О, ты коварна».

«Все Преподобные Матери коварны».

«Ты никогда не прекращаешь учить!?

«Разве я это делаю??

?Как невинна я была! Спроси себя, что ты делаешь на самом деле».

«Ты знаешь это не хуже меня. Мы ждем, когда человечество повзрослеет. Тиран только дал ему время подрасти, но теперь ему нужна забота».

«Да что за дело Тирану до моей боли!?

«Дура! Разве ты потерпела неудачу во время Страстей??

«Ты же знаешь что нет!?

«Тогда перестань спотыкаться на очевидном».

«Ах ты сука!?

?Предпочитаю быть ведьмой. Но и то и другое лучше шлюхи». «Единственное различие между бенегессериткой и Достопочтенной Матерью — место на рыночной площади. Вы вышли замуж за наш Орден».

«Наше Сестринство??

?Вы выводите породу для власти! Как же это отличается от...?

«Неискажай, Мурбелла! Займись выживанием».

«Не говори мне, что у тебя не было власти».

«Временное руководство людьми требуется для выживания».

«Снова выживание!?

«В Сестринстве это способствует выживанию прочих. Как замужняя женщина, что рождает детей».

«Итак, это сводится к воспроизведству.?

«Это твой выбор — семья и все, что объединяет ее. Что способствует жизни и счастью??

Мурбелла разразилась смехом. Она уронила руки и открыла глаза и увидела, что перед ней стоит Беллонда и смотрит на нее.

— Всегда есть соблазн в этом для новой Преподобной Матери, — сказала Беллонда. — Поболтать малость с Иной Памятью. Кто это сейчас? Дар? Мурбелла кивнула.

— Не верь всему, что они говорят тебе. Это знание, и тебе самой судить о них.

«В точности слова Одрейд. Смотри глазами мертвых на сцены давнего прошлого. Зрелище сквозь замочную скважину».

— Ты можешь часами блуждать там, — сказала Беллонда. — Учись сдерживаться. Чувствуй почву. Одна рука — для себя, другая — для корабля. Снова! Прошлое, примененное к настоящему. Сколько богатой делает Иная Память повседневную жизнь!

— Это пройдет, — сказала Беллонда. — Спустя некоторое время это становится привычным.

Она положила отчет перед Мурбеллой.

«Привычным! Одной рукой правь кораблем, другой — собой. Так много сказано этими идиомами».

Мурбелла откинулась в кресле, чтобы просмотреть отчет Беллонды, внезапно представив себя в сюжете идиом Одрейд:

«Королева Пауков в центре моей сети».

Сеть сейчас, может быть, немного протерлась, но она все еще ловит то, что нужно рассмотреть. Дерни за ниточку, и прибежит Беллонда, выжидательно выставив нижнюю челюсть. Ключевые слова были «Архив» и «Анализ».

Посмотрев на Беллонду под этим углом, Мурбелла увидела мудрость в том, как Одрейд использовала ее, ее пороки и силы. Когда Мурбелла окончила изучать отчет, Беллонда все еще стояла перед ней в характерной позе. Мурбелла поняла, что Беллонда рассматривает всякого, кто обращается к ней, как тех, кто не умеет ценить, людей, которые требуют Архивы для пустяков и которых нужно прямо поставить на место. Пустяки: черная кошка Беллонды. Мурбелле это показалось забавным.

Мурбелла скрывала веселье, покуда наслаждалась общением с Беллондой. С ней надо было держаться щепетильно. Ничего не вычитать из силы. Этот отчет был моделью краткости и дальних аргументов. Она отстаивала свою точку зрения мало приукрашивая, вполне достаточно для того, чтобы раскрыть свои собственные заключения.

— Тебе нравится обращаться ко мне? — спросила Беллонда.

«Она куда резче, чем раньше! Обращалась ли я к ней? Не слишком многословно, но она знает, где она нужна. Она говорит, что наше Сестринство должно быть образцом смирения. Матерь Настоятельница может быть чем угодно, смотря что ей нужно, но не остальные Сестры».

Мурбелла коснулась отчета.

— Начальная точка.

— Тогда мы должны начать прежде, чем твои подруги найдут ком-камерный центр. — Беллонда опустилась в кресло со знакомой доверчивостью. — Там погибла, но я могу послать за Шианой.

— Где она?

— На корабле. Исследует червей в Большом Ангаре и говорит, что каждая из нас может научиться контролировать их.

— Ценно, если это верно. Оставь ее. Что со Скитеилом?

— Все еще на корабле. Ваши друзья все еще не нашли его.

— Мы держим его под прикрытием.

— Продолжайте. Он — хорошая монета про запас для торга. И они не мои друзья, Белл. Как Рабби и его люди?

— В порядке, но взволнованы. Они знают, что Достопочтенные Матери здесь.

— Держите их под прикрытием.

— Это жутковато. Голос другой, но я слышу Дар.

— Это эхо в твоей голове.

Беллонда откровенно рассмеялась.

— Теперь то, что ты должна распространить среди Сестер. Мы действуем с чрезвычайной осторожностью, когда представляем перед другими как люди, которыми надо восхищаться и подражать им. «Вы, Достопочтенные Матери, можете не жить так, как мы, но нашу силу вы можете перенять».

— Ах.

— Это приводит к праву собственности. Достопочтенные Матери под властью вещей. «Я хочу это место, эту игрушку, этого человека». Бери, что захочешь. Используй, пока не поломаешь.

- Пока мы идем нашим путем, восхищаясь тем, что мы видим.
- И в этом наш порок. Мы нелегко сдаемся. Бойся любви и чувств! Самообладание имеет свою собственную жадность. «Видишь, что у меня есть? Ты не сможешь этого иметь, пока не пойдешь моим путем!» Никогда не веди себя так с Достопочтенными Матерями.
- Так ты говоришь мне, что мы должны полюбить их?
- Как еще мы заставим их восхищаться нами? В этом была победа Джессики. Когда она отдала любовь, она отдала всю ее. Столькие в душе держат обиду на наши методы, и вдруг всепреодолевающее омование — отдать все. Этому сопротивляться невозможно.
- Мы нелегко идем на такой компромисс.
- Не легче и Достопочтенным Матерям.
- Это путь их бюрократического происхождения!
- И все же их опытная площадка — путь наименьшего сопротивления.
- Ты смущаешь меня. Да... Мурбелла.
- Разве я сказала, что мы должны идти на компромисс? Компромисс ослабит нас, и мы знаем, что существуют проблемы, которых компромисс не разрешит, решения, которые мы должны принять, не взирая на их жестокость. — Претендовать на любовь к ним?
- Это только начало.
- Это будет кровавый союз, это объединение бенегессеритки и Достопочтенной Матери.
- Я предлагаю нам вступить в возможно более емкое Единение. Мы можем потерять людей, пока Достопочтенные Матери обучаются.
- Свадьба на поле брани.

Мурбелла встала, подумав о Дункане в нуль-корабле, вспоминая корабль таким, как она видела его в последний раз. Это было в последний раз, и не скроешь ни от какого чувства. Груда чуждых машин, странно гротескных. Дикий конгломерат выступов и изгибов без определенной цели. Трудно представить такую вещь, поднимающуюся своей собственной силой, какой бы она не была чудовищной, и исчезающей в космосе.

«Исчезающей в космосе!?

Она увидела очертания ментальной мозаики Дункана.

?Кусок, который нельзя будет убрать! Узнать язык... Не думай, делай!» С внезапностью, охватившей ее холодом, она поняла его решение.

Глава 45

Когда ты думаешь взять в свои руки определение своей судьбы, это становится моментом, когда ты можешь быть раздавлен. Допускай возможность неожиданностей. Когда мы творим, всегда действуют и другие силы.

Дарви Одрейд

Двигайтесь с чрезвычайной осторожностью, — предупредила его Шиана. Айдахо не думал, что ему нужны предостережения, но тем не менее учел его.

Наличие в Доме Ордена Достопочтенных Матерей облегчало их задачу. Они заставляли корабельных Поверенных и прочих охранников нервничать. По приказу Мурбеллы ее бывших Сестер держали вне корабля, но все знали, что враг здесь. Сканеры показывали почти бесконечную вереницу лихтеров, высаживающих Достопочтенных Матерей на Посадочную Площадку. Большинство новоприбывших удивлялись чудовищному нуль-кораблю, стоявшему здесь, но ни одна не ослушалась Великой Достопочтенной Матери.

— До тех пор, пока она жива, — бормотал Айдахо, когда Поверенные могли его слышать. — У них традиция убивать своих лидеров, чтобы сменить их. Сколько продержится Мурбелла?

Ком-камеры делали за него его работу. Он знал, что его бормотание разносилось по кораблю.

Шиана пришла в его рабочую комнату вскоре после этого и устроила сцену осуждения.

— Что ты пытаешься сделать, Дункан? Ты беспокоишь людей.

— Пошла к своим червям!

— Дункан!

Мурбелла затеяла опасную игру! Она единственное, что стоит между нами и катастрофой!

Он уже высказал это предостережение Мурбелле.

Это не было новостью для наблюдателей, но повторение вызвало раздражение у каждого, кто это слышал — и у ком-камерных мониторов в Архивах, корабельных охранников, всех. За исключением Достопочтенных Матерей. Мурбелла держала их подальше от Архивов Беллонды.

— Потом будет время, — сказала она.

Шиана сделала намек:

— Дункан, каждая остановка подпитывает наши тревоги или говорит нам, что делать. Ты Ментат. Поработай для нас.

«Ах, Великий Ментат представлен всем на обозрение».

— То, что тебе делать, и так ясно, но это меня не касается. Я не могу оставить Мурбеллу.

«Но меня можно забрать».

Теперь это было делом Шианы. Она оставила его и отправилась, чтобы распространить свой собственный пожар изменений.

«Для примера у нас есть Рассеяние».

Вечером, онанейтрализовала Преподобных Матерей в корабле и сделала им знак рукой, который они могли счесть за следующий шаг. «Они последуют за мной».

Не намереваясь этого делать, Миссионария установила сцену для власти Шианы. Большинство Сестер знали, что в ней скрыта сила. Опасная. Но она была в ней.

Неиспользованная сила была подобна марионетке с видимыми нитями, но никто не дергал за них. Неотразимое влечение:

«Я могла бы заставить их плясать».

Поддержав обман, он вызвал Мурбеллу.

— Когда я тебя увижу?

— Дункан, пожалуйста, — даже на проекции она казалась торопящейся. -Я занята. Ты знаешь, время поджимает. Я появлюсь через несколько дней. Проекция показала Достопочтенных Матерей на заднем плане, мрачно наблюдавших за поведением их лидера. Любая Преподобная Мать могла прочесть то, что было написано на их лицах.

«Неужели Великая Достопочтенная Мать смягчилась? Это значит только то, что там мужчина!?

Когда его оборвали, Айдахо подчеркнул то, что показывал каждый монитор на корабле.

— Она в опасности! Неужели она не сознает этого?

«А теперь, Шиана, пора действовать тебе».

У Шианы был ключ, чтобы восстановить контроль над полетом корабля. Мини уже убрали. Никто не мог разрушить корабль в последний момент сигналом для спрятанных взрывных устройств. Только человеческий груз можно было принимать во внимание, особенно Тега.

«Тег увидит мой выбор. Другие — группа Рабби, Скитейл — получат свой шанс наравне с нами».

Футары в своих безопасных клетках его не волновали. Интересные животные, но в данный момент не имевшие значения. По этому поводу он только мельком подумал о Скиэйале. Маленький Тлейлаксианец оставался под присмотром охранников, которые неустанно следили за ним, несмотря на прочие тревоги.

Он отправился в постель с нервозностью, которой было готовое объяснение для любого сторожевого пса в Архивах.

«Его драгоценная Мурбелла в опасности».

И она была в опасности, только защитить он ее не мог. «Самое мое присутствие сейчас для нее опасно».

Он поднялся на рассвете, вернулся на оружейный завод, демонтирующий военное оборудование. Шиана нашла его и попросила присоединиться к ней в ее охранном отсеке.

Горсточка поверенных приветствовала его. Он не удивился, увидев того, кого они избрали предводителем. Гарими. Он слышал о ее появлении на Согласовании. Подозрительна. Взволнована. Готова начать собственную игру. Это была женщина с мрачным лицом. Говорили, что она редко смеется.

— Мы сбили с толку ком-камеры в этой комнате, — сказала Гарими. — Они показывают, что мы перекусываем и расспрашиваем вас об оружии.

Айдахо ощущал, как свело желудок. Люди Белл быстро распознают подделку. Особенно на проекционную пародию на самого себя.

Гарими ответила на его хмурый взгляд:

— У нас есть союзники в Архивах.

Шиана сказала:

— Мы здесь, чтобы спросить тебя, не хочешь ли ты уйти прежде, чем мы сбежим в этом корабле.

Он искренне удивился.

«Остаться??

Он и не думал об этом. Мурбелла больше не принадлежала ему. Связь порвалась на ней. Она не смирилась с этим. Еще нет. Но впервые ей придется требовать от себя выбор, подвергающий его опасности ради целей Бене Джессерит. Теперь же она просто отстранилась от него больше, чем требовала необходимость.

— Вы идете в Рассеяние? — спросил он, глядя на Гарими.

— Мы спасаем, что можем. Мы голосуем ногами, как это когда-то звали. Мурбелла разрушает Бене Гессерит.

За словами слышался невысказанный аргумент, которому он верил. Несогласие с игрой Одрейд.

Айдахо глубоко вздохнул.

— Я иду с вами.

— Только потом не жалеть! — предупредила Гарими.

— Это глупо! — сказал он, давая выход своему сдерживаемому горю.

Гарими не удивил бы такой ответ от Сестры. Айдахо ошарашил ее, и она несколько минут приходила в себя. Честность покорила ее.

— Конечно, глупо. Извини. Ты уверен, что не хочешь остаться? Мы даем тебе шанс сделать собственный выбор.

«Бенегессеритская изощренность по отношению к тем, кто верно служит им».

— Я иду с вами.

Горе, которое они видели на его лице, не было притворным. Он не скрывал его, когда направился к своему рабочему месту.

«Мое место по праву».

Он не пытался скрывать свои действия, когда задавал АД-контуры для корабля.

«Союзники в Архивах».

Контуры вспыхнули на проекции — цветные ленты с оборванной связью, ведущей в систему полета. Путь в обход разрыва стал видимым только после нескольких мгновений исследования. Наблюдения Ментата были подготовлены для этого.

«Умножение через центр».

Айдахо сел и стал ждать.

Взлет был леденящим моментом пустоты, что резко оборвалась, когда они достаточно далеко отошли от поверхности, чтобы использовать нуль-поля и войти в подпространство.

Айдахо рассматривал проекцию. Вот они: старая чета в их саду! Он видел мерцающую сеть перед ними, мужчина показал на нее, удовлетворенная улыбка расплылась по круглому лицу. Они двигались в прозрачном покое, что открывал позади него контуры корабля. Сеть стала расти — уже не линии, но ленты, толще, чем проекционные контуры.

Губы мужчины задвигались, произнося беззвучные слова:

«Мы ждали тебя».

Руки Айдахо опустились на пульт, пальцы распластались по ком-полю, чтобы захватить необходимые элементы контроля над контуром. Не было времени для утонченности. Грубый разрыв. Он вошел в центр в течение секунды. С этого момента было просто накрывать целые сегменты. Сначала навигация. Он увидел, как сетка начала истончаться, выражение удивления на лице мужчины. Потом нуль-поля. Айдахо почувствовал, как корабль ныряет в подпространство. Сетка наклонилась, растянутая двумя наблюдателями, обрела перспективу и утончилась. Айдахо стер контуры звездной памяти, взяв с особой собственные данные.

Сетка и наблюдатели исчезли.

«Откуда мне было знать, что они будут здесь??

У него не было ответа, кроме определенности, коренившейся в повторяемом видении.

Шиана не смотрела вверх, когда он нашел ее у пульта временного контроля полета в комнате охраны. Она склонилась над пультом, взирая на него в испуге. Проекция над ней показывала, что они вышли из подпространства. Айдахо не узнавал ни одного из видимых очертаний созвездий, но он и ожидал этого.

Шиана повернулась на стуле и посмотрела на возвышавшуюся над ней Гарими.

— Мы потеряли всю базу данных!

Айдахо постучал себя указательным пальцем по лбу.

— Нет, не потеряли.

— Но ведь на восстановление содержания уйдут годы! — возразила Шиана. — Что случилось?

— Мы на неопознаваемом корабле в неопознаваемой вселенной, — сказал Айдахо. — Разве мы не

этого хотели?

Глава 46

Для равновесия тайн нет. Ты уже должен ощущать волны.

Дарви Одрейд

Мурбелле показалось, что прошли века с тех пор, как она узнала о решении Дункана.

«Исчезнуть в космосе! Покинуть меня!?

Неизменное чувство времени Страстей сказало ей, что только несколько секунд прошли с момента осознания его намерения, но она чувствовала, что знала о нем с самого начала.

Его надо остановить!

Она потянулась к своему пульту, когда Центральную начало сотрясать. Вибрация продолжалась нескончаемо долго и медленно угасла.

Беллонда вскочила на ноги.

— Что...

— Нуль-корабль, что был на Площадке, только что взлетел, — сказала Мурбелла.

Беллонда потянулась к пульту, но Мурбелла остановила ее.

— Он улетел.

«Она не должна видеть моих страданий».

— Но кто... — Беллонда замолкла. Она по-своему оценила последовательность событий и увидела тоже, что и Мурбелла.

Мурбелла вздохнула. Она знала все проклятия, что сохранила история, но не хотела произносить ни одного из них.

— Время ленча, я буду есть в своей обеденной комнате с советницами, и я хочу, чтобы ты присутствовала, — сказала Мурбелла. — Скажи, чтобы снова подали тушеные уанские устрицы.

Беллонда воспротивилась было, но все, что она сказала, было:

— Снова?

— Ты не помнишь, что я ела сегодня вечером внизу одна? — Мурбелла снова уселась.

«Обязанности Матери Настоятельницы!?

Нужно было изменить карты и плыть по реками, и приручать Достопочтенных Матерей.

«Некоторые волны бросают тебя, Мурбелла. Но ты поднимаешься на гребне вновь и продвигаешься вместе с ними. Семь раз вниз, восемь — вверх. Ты умеешь балансировать на странных поверхностях».

?Я знаю, Дар. Добровольное участие в осуществлении твоих мечтаний».

Беллонда взирала на нее, покуда Мурбелла не сказала:

— Я приказала моим советницам сидеть на расстоянии от меня за ужином прошлым вечером. Это было странно — два стола во всей обеденной комнате. «Почему я продолжаю эту пустую болтовню? Какие извинения мне нужны для объяснения моего вызывающего поведения??

— Мы удивлялись, почему никому из нас не позволили войти в обеденную комнату, — сказала Беллонда.

— Чтобы спасти ваши жизни! Но вам надо было видеть их любопытство. Я читала по их губам. Ангелика сказала — она ест что-то тушеное. Я слышала, как она обсуждала это с шеф-поваром. Разве не чудесный мир мы приобрели? Мы должны взять образец того, что она заказала.

— Взять образец, — сказала Беллонда. — Вижу. — Затем:

— Знаешь ли, Шиана забрала картину Ван Гога из... вашей спальни.

«Почему это так ранит??

— Я заметила, что она исчезла.

— Сказала, что позаимствует ее для своей спальни на корабле.

Рот Мурбеллы поджался в тонкую линию.

«Будьте вы прокляты! Дункан и Шиана! Тег, Скитейл... все они ушли и нет пути, чтобы последовать за ними. Но у нас все еще есть автоклавы и клетки Айдахо от наших детей. Не то же самое... но близко. Он думает, что сбежал!?

— С тобой все в порядке, Мурбелла? — в голосе Белл звучала забота.

?Ты предупреждала меня о диких вещах, Дар, а я не слушала...?

— После того, как мы поедим, я возьму мой Совет на инспекционную экскурсию по Центральной. Скажи моей послушнице, что я выпью сидра перед возвращением.

Беллонда ушла, ворча. Это было совсем в ее духе.

«Как же ты будешь теперь вести меня, Дар??

«Тебе нужно руководство? Экскурсия с гидом по твоей жизни? И для этого я умерла??

«Но они Ван Гога забрали!?

«Значит, ты это будешь оплакивать??

«Зачем они взяли его, Дар??

Язвительный смех был ответом на это, и Мурбелла была довольна, что больше никто этого не слышит.

«Разве ты не видишь, чего она хотела??

«Схема Миссионарии!?

«О, не только. Это следующая фаза: от Муаддива к Тирану, затем от Преподобных Матерей к нам, затем от нас к Шиане... и что потом? Ты не видишь? Все здесь правильно на грани твоих мыслей. Смирись с этим, словно когда пьешь горькое лекарство».

Мурбелла содрогнулась.

«Видеть? Горькое лекарство грядущего Шианы? Однажды мы думали, что все лекарства должны быть горькими, иначе они не эффективны. В сладком нет целительного свойства».

«Это должно случиться. Дар??

«Некоторые задохнутся от этого лекарства. Но выжившие могут создать интересную схему».

Глава 47

Парные противоположности определяют твои стремления, и ты становишься пленником этих стремлений.

Дзенсуннитский Кнут

Ты нарочно дал им уйти, Дэниэл!

Старая женщина вытерла руки о запачканный перед своего садового фартука. Вокруг стояло летнее утро, распускались цветы птицы, перекликались на соседних деревьях. Небо было подернуто дымкой, горизонт светился желтым.

— Сейчас, Марти, это было не нарочно, — сказал Дэниэл. Он снял свою шляпу с загнутыми полями и потер густые коротко остриженные седые волосы, прежде чем вновь надел шляпу.

— Он удивил меня. Я знал, что он видит нас, но я не подозревал, что он видит сетку.

— А у меня для них была припасена такая милая планетка, — сказала Марти. — Одна из лучших. Настоящий тест для их способностей.

— Нечего об этом горевать, — сказал Дэниэл. — Они сейчас там, где нам до них не достать. Он рассеялся так тонко, хотя я ожидал, что легко засеку их.

— У них тоже есть Тлейлакский мастер, — сказала Марти. — Я видела его, когда они проходили под сеткой. Мне бы так приятно было изучить другого Мастера.

— Не вижу зачем. Чтобы всегда обводили нас вокруг пальца, всегда заставляли нас сбивать их. Я не люблю так угрожать Мастерам, и ты это знаешь! Если бы это были не они...

— Они не боги, Дэниэл.

— Мы тоже.

— Я все же думаю, что ты дал им сбежать. Ты так тревожишься за обрезку своих роз!

— Ни, и что бы ты, в любом случае, сказала Мастеру? — спросил Дэниэл. — Я собиралась пошутить, когда он спросил бы, кто мы такие. Они всегда спрашивают. Я собиралась ответить: «Чего вы ожидали — сам Бог со струящейся бородой!?

Дэниэл захихикал.

— Это было бы забавно. Им так давно пора привыкнуть, что Танцующие Лица могут быть независимы от них.

— Не вижу почему. Это естественные последствия. Они дали нам силу, чтобы воспринять память и опыт других народов. Собирая достаточно их и... — Это те обличья, что мы принимаем, Марти.

— Любые. Мастерам следовало бы знать, что мы достаточно их наберем, чтобы однажды сделать свой собственный выбор насчет нашего будущего.

— А их будущего?

— О, мне придется попросить у них прощения за то, что я поставлю их на место. Ты можешь сделать только это, управляя другими, разве это не так, Дэниэл?

— Когда у тебя на лице такое выражение, Марти, я иду подрезать свои розы. — Он отправился снова к ряду кустов с зелеными листьями и черными цветами размером с его голову.

Марти закричала ему вслед:

— Собери достаточно людей, и у тебя будет большой мяч знания, Дэниэл! Вот что я говорила ему. И этим бенегессериткам в этом корабле! Я сказала им, скольких из них я собрала. Заметно же, как они отчужденно чувствуют себя, когда мы украдкой на них смотрим?

Дэниэл склонился над своими черными розами.

Она смотрела на него, уперев руки в бока.

— Не для Ментатов, — сказал он. — Их двое на этом корабле — оба гхолы. Хочешь поиграть с ними?

— Мастера всегда тоже пытаются их контролировать, — сказала она.

— Этот Мастер собирается получить неприятности, если попытается вмешаться в эту большую неприятность, — сказал Дэниэл, обрезая нижний побег с куста у самого корня. — А мои тревоги приятны.

— То же и с Ментатами! — крикнула Марти. — Я говорила им. Грош им цена за дюжину!

— Грош? Не думаю, что они поняли это, Марти. Это Преподобные Матери да, но не этот здоровенный Ментат. Он не настолько опустел.

— Ты понимаешь, что такое ты упустил, Дэниэл? — требовательно спросила она, подходя к нему. — У этого Мастера в груди нуль-энтропийная трубка. Полная клеток гхол, к тому же!

— Я видел.

— Так вот почему ты их выпустил!

— Я их не выпускал. — Его садовые ножницы пощелкивали. — Гхолы. Они радушно примут его.

1

В индийской мифологии одно из воплощений бога Вишну. В переносном смысле обозначает некую несокрушимую, безликую и беспощадную силу (землетрясение, извержение вулкана и т. д.).

И ты, Брут? (*лат.*) — слова Цезаря, произнесенные им, когда я среди заговорщиков он увидел Брута.

старый режим (*фр.*) — выражение времен Французской революции.